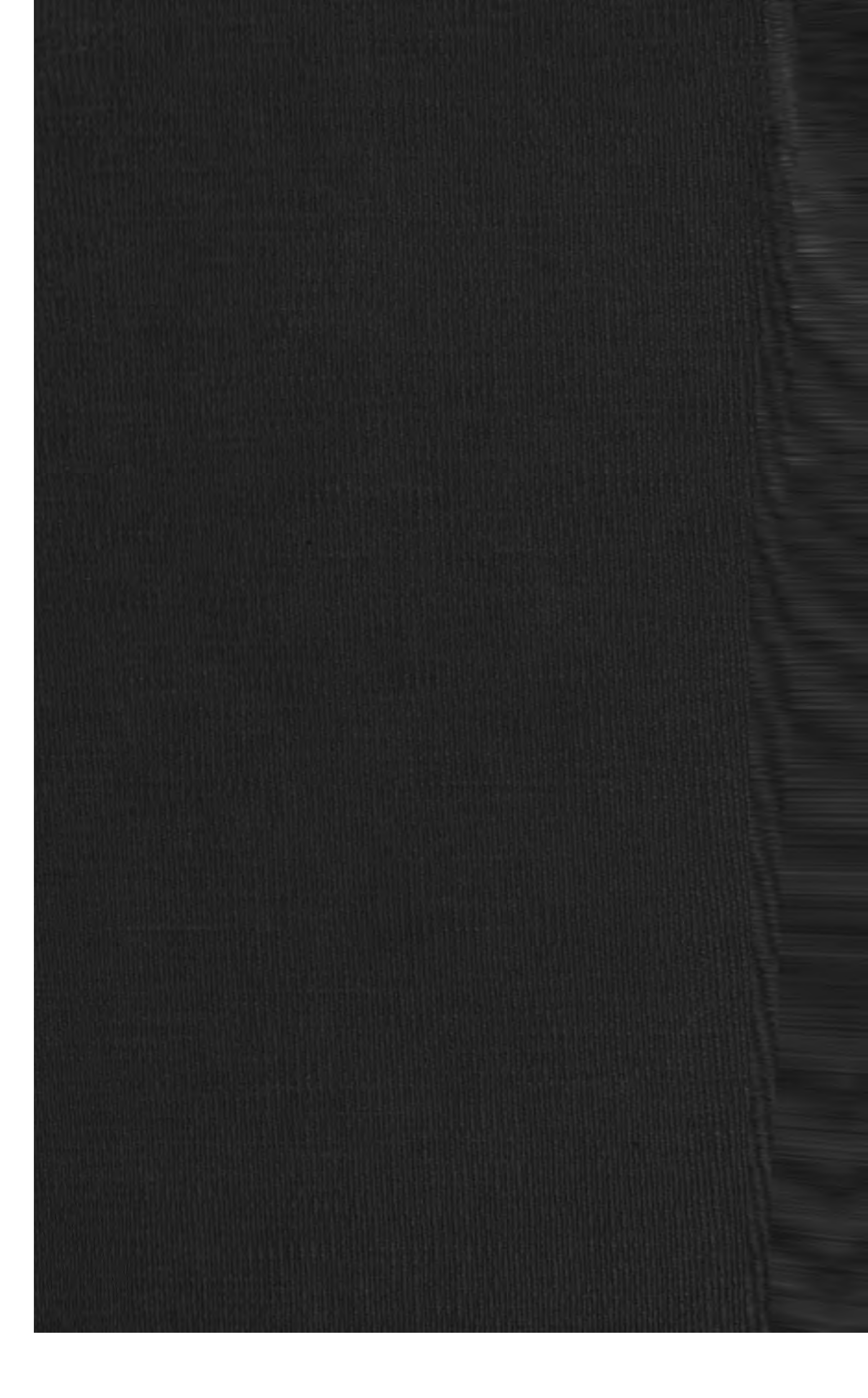

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 2083.

ЯНВАРЬ. 1905.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 1.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ую стр. обложки).

ЯНВАРЬ. 1905.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

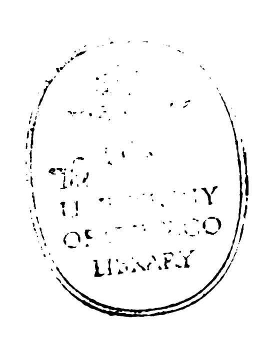
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. 34.
1905.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 января 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО".

(*С.-Петербургъ*—контора редакціи, Баскова ул., 9; *Москва*—отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Обращающіеся за книгами непосредственно въ контору журнала письменно,—пользуются даровой пересылкой, лично—уступкой въ размѣрѣ стоимости пересылки.

Д. Айзманъ. ЧЕРНЫЕ ДНИ. Очерки и разсказы. Изд. 1904 г.—261 стр. Ц. 1 р.

На чужбинѣ.—Рабъ.—Земляки.—Объ одномъ злодѣяніи.—Немножечко въ сторону.—Саванъ.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.

Предисловіе.—Народный читатель.—Лубочная литература.—Практическая дѣятельность интеллигенціи въ дѣлѣ народной литературы.—Печать о народной литературѣ.—Литерат. общества для народа.—Прогрессивная спеціально-крестьянская литература.—„Что читать народу?"—Духовно-нравственная книга.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Расплата.—Ночныя тѣни.—Любочкино горе.—По уставу.

Діонео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Предисловіе.—I. Смѣна теченій.—II. Новый фазисъ. Имперіализмъ. Два промышленныхъ міра. Энциклопедія съ ключемъ. Капище мамоны. Герой биржи.—III. Политическая жизнь и общественные дѣятели. Палата общинъ. Палата лордовъ. Королева Викторія. Выборы.—IV. Литература и печать. Reviews. Левіаѳаны. Народная печать и уличныя газеты. Грэнтъ Алленъ. Оскаръ Уайльдъ и Уотъ Уитманъ.—V. Народъ. Секты. Жизнь бѣдняковъ въ городахъ. Рабочій кварталъ. Уайтчепель. Фрэнки.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Десятое* изд. 1903 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга II. *Шестое* изд.—411 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Даванъ.—Черкесъ.—За иконой.—Ночью.—Тѣни (фантазія).—Судный день (Іомъ Кипуръ). Малорусская сказка.

— ОЧЕРКИ и РАЗКАЗЫ. Книга III. *Третье* изд. 1905 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики".—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Пятое* изд.—379 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Девятое* изд.—200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Третье* изд. 1904 г.—218 стр. Ц. 75 к.

Н. Кудринъ. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Отъ автора.— I. Народъ и его характеръ. Психологія француза. Французское краснорѣчіе. Цезаризмъ и роль личности во Франціи XIX в. Ренегаты и герои убѣжденія.—II. Общественные классы. Французское крестьянство. Несчастный богачъ и счастливые бѣдняки. Безработные. Жизнь и идеалы четвертаго класса во Франціи.—III. Наука, литература и печать. Соціологія человѣка-звѣря. О марксизмѣ вообще, по поводу франц. марксизма въ частности. Натурализмъ на службѣ у утопіи. Французская пресса.—IV. Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ. Современное „чертобѣсіе". Шовинистская и клерикальная реакція. Дѣло Дрейфуса (Торжество военщины. Идейное пробужденіе. Реннскій процессъ и его міровой характеръ). Еврейскій вопросъ и антисемитизмъ во Франціи. Французскій парламентаризмъ и его критики. Эволюція политическихъ партій. Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній буржуазіи и пролетаріата.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ I. *Второе* изд. 1903 г.—311 стр. Ц. 1 р.

Мертвая зыбь.—Лушка.—Горе.—Счастье.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ II. *Второе* изд. 1903 г.—314 стр. Ц. 1 р.

Отдыхъ. — Чудачка. — Бабьи слезы. — Праздники. — Лишняя.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ III. Изд. 1903 г.—316 стр. Ц. 1 р.

Рабъ.—Оборванная переписка. — На мельницѣ. — Облачко. — Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Томъ I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ преддверіи. — Шелаевскій рудникъ. — Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Томъ II. *Второе* изд. 1902 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Post-scriptum (отъ автора).

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р.

Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни. — Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда. — На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г.—406 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Пѣвецъ гуманной красоты (Пушкинъ).—Муза мести и печали (Некрасовъ).—Чудеса „вседневнаго міра" (Фетъ).—На высотѣ (Тютчевъ).—Пѣвецъ „тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ). — Современныя миніатюры (Гг. Минскій, Андреевскій, Фругъ, Льдовъ, Фофановъ, Коринфскій, Чюмина, Облеуховъ, Бальмонтъ, Брюсовъ, Танъ, Соловьевъ, Allegro, Ѳедоровъ, Бунинъ, Лохвицкая, Щепкина-Куперникъ, Галина). О старомъ и новомъ настроеніи.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ. Изд. 1896 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Томъ I. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Томъ II. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ.

7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Томъ III. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его „новая наука“. 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

Томъ IV. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

Томъ V. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ“.

Томъ VI. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ I. Изданіе *второе.* 1905 г. — 504 стр. Ц. 2 р.

Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ“. „Книжный Вѣстникъ“. Братья Курочкины. Ножинъ. Благосвѣтловъ, Писаревъ, Демертъ. Минаевъ. — „Гласный судъ“. „Современ. обозрѣніе“, „Отеч. Записки“. — Некрасовъ. — Романъ „Борьба“ и статья „Что такое прогрессъ“. Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Некрасовъ, какъ человѣкъ. — Фетъ о Салтыковѣ. Изъ переписки и дневника Шелгунова. Шелгуновъ и Позднышевъ. „Исторія новѣйшей русской литературы“ А. М. Скабичевскаго. — П. Д. Боборыкинъ и его отношеніе къ „Отеч. Запискамъ“. — Въ одной изъ толстовскихъ колоній. Изъ прошлаго и настоящаго Л. Н. Толстого. Полемика съ нимъ И. И. Мечникова. — Личныя воспоминанія о гр. Толстомъ. Толстой и г. Мечниковъ, какъ гигіенисты. О естественномъ и неестественномъ. О задачахъ науки. О будущемъ женщинъ и женскаго вопроса. Люди, владѣющіе перомъ и перомъ владѣемые. Двоякаго рода эпигоны. Г. Сементковскій о нашемъ недавнемъ прошломъ. — „Книга о книгахъ“. Воспоминаніе объ одномъ маленькомъ человѣкѣ. Письмо К. Маркса. Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. Ошибки исторической перспективы. „Черезъ сто лѣтъ“ Беллами и „Крушеніе цивилизаціи“ Буажильбера“. — О г. Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства. О мозаичности культуры. Славянофилы, „Моск. Вѣдомости“, „Гражданинъ“ и благонамѣренность. Изъ поѣздки по Волгѣ и изъ исторіи русской цензуры. — Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе 1900 г. — 496 стр. Ц. 2 р.

Оптимистическій и пессимистическій тонъ. Марксъ Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч. Русское отраженіе франц. символизма. О разныхъ типахъ празднословія. Объ исторической критикѣ. Отрывокъ изъ романа „Карьера Оладушкина“. Основы народничества г. Юзова. — Памяти Тургенева. О народничествѣ г. В. В. Братство народовъ. — О молодости. О гг. П. Ковалевскомъ и Сениговѣ.

Смерть Гайдебурова. Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ. Гегелизмъ и гальванизмъ. О діалектическомъ развитіи и тройственныхъ формулахъ прогресса. О разсказахъ гг. Григоровича и Мамина-Сибиряка. О силѣ привычки вообще, у писателей въ частности. О гр. Л. Н. Толстомъ.—Нѣчто о бѣдствіяхъ существенныхъ и красныхъ вымыслахъ. Фламмаріонъ, Мечниковъ и Бертело о грядущихъ судьбахъ человѣчества. Будущія бородатыя женщины г. Брандта. „Выдающаяся женщина“ г. Ардова и Раскольниковъ Достоевскаго.—О „Литературномъ обществѣ“ и нашихъ литературныхъ нравахъ. О системахъ морали. О Максѣ Штирнерѣ и Фр. Ничше.—О г. Струве и его „Критическихъ замѣткахъ“.

— ОТКЛИКИ. Томъ I. Изд. 1904 г.—492 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— ОТКЛИКИ. Томъ II. Изд. 1904 г.—432 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Томъ I. Ц. 1 р. 50 к.

— „ „ Томъ II. Ц. 1 р. 50 к. (Печатает.).

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. В. Пѣшехоновъ. НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Изд. 1904 г.—434 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Крестьянскій вопросъ. — Недодѣланное дѣло. — Изъ хроники голодныхъ лѣтъ. — Современные аргонавты. — Торгово-промышленныя дѣла и дѣятели.—По поводу одного аграрнаго закона.—Централизація экономической власти.—Желѣзныя дороги въ русскомъ государственномъ бюджетѣ. – Неудавшійся праздникъ.—Пора рѣшить. — Уединенная реформа.—Изъ земской жизни: 1) Земцы новой формаціи.—2) Кризисъ въ земской статистикѣ.—Господа ремесленники и ихъ комментаторы.—Самарскій мужикъ въ новомъ освѣщеніи. — Докторъ Штокманъ на русской сценѣ. — Изъ исторіи чести и совѣсти.—Проблемы совѣсти и чести въ ученіи новѣйшихъ метафизиковъ. — Матеріалы для характеристики русской интеллигенціи.

СБОРНИКЪ «РУССКАГО БОГАТСТВА». Часть I. *Беллетристика.* Изд. 1899 г.—206 стр. Ц. 2 р.

Изъ романа „Карьера Оладушкина“. Въ провинціи. *Н. К. Михайловскаго.*—У святыхъ могилокъ. Эскизъ. *Д. Н. Мамина-Сибиряка.*—На службѣ обществу. *Л. Мельшина.*—Современная Миньона. *Н. Сѣверова.*—Бѣлыя крылья. Изъ разсказовъ стараго шахтера. *В. I. Дмитріевой.*—Маруся. Разсказъ. *В. Г. Короленко.* — Стихотворенія. *В. Г.* Послѣдній выборъ. Романъ. *Р. Штратцъ* (съ нѣмецкаго).

— Часть II. *Публицистика.* Изд. 1899 г.—450 стр. Ц. 1 р.

А. С. Пушкинъ. *П. Ф. Гриневича.*—Муки слова. *А. Г. Горнфельда.*—А. С. Пушкинъ и его письма. *Е. А. Ляцкаго.*—Изъ Пушкинской эпохи. *В. А. Мякотина.*—Сербско-болгарскія отношенія по македонскому вопросу. *П. Н. Милюкова.*—Покупательныя силы крестьянства. *А. В. Пѣшехонова.*—О классицизмѣ филологическомъ и идейномъ. *Н. Е. Кудрина.*—Людвигъ Бюхнеръ. *В. В. Лункевича.* — Неудавшійся праздникъ. *А. В. Пѣшехонова.*—Правители и властители современной Европы. *С. Н. Южакова.*

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ I (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ II (1898—1902). *Второе* изд. 1902 г.—295 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. *Второе* изданіе. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Собраніе лучшихъ, оригинальныхъ и переводныхъ, стихотвореній русскихъ поэтовъ XIX вѣка. Съ приложеніемъ образцовъ юмористической поэзіи. Въ книгѣ больше 30.000 стиховъ. Произведеніямъ почти каждаго поэта предпослана краткая характеристика.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1903 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1904 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

ВРАГИ.

Разсказъ.

I.

Въ концѣ февраля шестнадцатилѣтній маляръ Мотька бродилъ по окраинѣ городка, неподалеку отъ лѣсныхъ складовъ, и сумрачно думалъ о томъ, что сегодня надо работу найти во что бы то ни стало.

День былъ тусклый, гнилой и мертвый, и если бы художнику вздумалось изобразить разстилавшійся передъ Мотькой пейзажъ, ему пришлось бы употреблять одни только сѣрые да черные цвѣта. Уродливыя лачужки стояли въ безпорядкѣ, какъ попало, и стѣны ихъ, когда-то выбѣленныя, немногимъ свѣтлѣе были полусгнившихъ, разоренныхъ крышъ. Жалкія строенія эти глядѣли какъ-то особенно хмуро и печально, и, казалось, они въ тупой дремотѣ грезятъ устало объ избавительницѣ-смерти, о порѣ, когда, наконецъ, они рухнутъ, разсыпятся и превратятся въ плотную мусорную кучу. Въ лачугахъ и подлѣ нихъ было тихо и мертво, какъ и на старомъ кладбищѣ, лежавшемъ по ту сторону огромной замерзшей лужи, какъ и въ сумрачномъ полѣ, разстилавшемся позади кладбищенской ограды.

И чѣмъ-то страннымъ и нелѣпымъ казался убѣгавшій вглубь поля строй телеграфныхъ столбовъ: кто въ этомъ несчастномъ, подавленномъ краѣ станетъ пользоваться телеграфомъ? А тамъ, въ тѣхъ сторонахъ, гдѣ людямъ живется свободно и хорошо, кто заинтересуется здѣшней тоской и умираніемъ?..

Мотька безпокойно поглядывалъ впередъ, и тяжелыя думы—о заработкѣ, о хлѣбѣ—ни на минуту не оставляли его.

Отецъ Мотьки, музыкантъ Менахемъ, умеръ осенью, и молодой маляръ былъ теперь единственнымъ кормильцемъ семьи, ея защитой и надеждой. Съ озабоченностью, съ угрюмостью стараго, много испытавшаго человѣка, добывалъ онъ

ей пропитаніе. Заработать что-нибудь малярнымъ дѣломъ въ тяжелую зиму этого памятнаго неурожайнаго года нельзя было,—никто въ городѣ не строился, никакого ремонта не производилось. И другую работу, сколько-нибудь вѣрную и продолжительную, также трудно было найти. Каждый заработокъ, какъ бы малъ онъ ни былъ, по недѣлямъ вы слѣживался десятками нуждавшихся...

Въ эту мрачную зиму нищета въ городѣ была неслыханная, и она возростала съ каждымъ днемъ. Люди съ измученными больными лицами, оборванные, почти босые, осаждали сѣни „богачей", робко плакали и причитали, молили подобострастно и униженно, и иногда, выведенные изъ себя, въ остервенѣніи, разражались истерическими проклятіями и угрозами...

Богачи ходили смущенные, испуганные, теряли голову, не знали, что дѣлать. Больше тысячи бѣдняковъ надо было кормить ежедневно, а средствъ не хватало и для двухъ сотъ.

И Мотькина семья голодала тоже. Но время отъ времени молодой маляръ приносилъ двугривенный или полтинникъ, приносилъ хлѣбъ или кувшинъ молока, и тогда на окружавшихъ его высохшихъ дѣтскихъ личикахъ появлялось выраженіе праздничное, радостное.

— Какъ-нибудь зиму промаемся, а ужъ весной, Богъ дастъ, дѣла пойдутъ лучше,—говорилъ Мотька своей матери Хасѣ. — Начнутся постройки, будетъ работа... Въ клубѣ ремонтъ, въ городской управѣ... Я разсчитываю Розѣ купить на выплату чулочно-вязальную машину... Это дѣло недурное! Бенюмена, пока что, отдамъ въ талмудъ-тору, а для Берчика возьму учителя, въ гимназію готовить...

— Что это ты, Господь съ тобой?—съ тайнымъ умиленіемъ восклицала Хася.

Гимназія для Берчика, шустраго, видимо очень способнаго десятилѣтняго мальчугана, была лучшей мечтой Хаси. И бѣдная женщина сладко замирала, когда, закрывая глаза, рисовала себѣ своего птенца въ синемъ мундирчикѣ... Отчего бы Берчику и не учиться? Онъ хуже другихъ, что ли? Не такъ уменъ, не такъ красивъ, какъ другіе? Одѣть его, какъ слѣдуетъ, обмыть хорошенько, подкормить съ мѣсяцъ, другой,—еще получше другихъ будетъ. Прямо—генеральское дитя!

— Непремѣнно въ гимназію! — задумчиво говорилъ Мотька. Пусть будетъ образованный. Учителя возьму, книги стану покупать, за все буду платить... На части разорвусь, носомъ землю пахать стану, а его въ люди выведу! — воспламеняясь, добавлялъ онъ.

— — — — — —

Увы! свою преданность братишкѣ и готовность разорваться для него на части Motькѣ пришлось доказать еще задолго до пріисканія работы,—и совсѣмъ не покупкой книгъ и не приглашеніемъ учителей...

Берчикъ заболѣлъ скарлатиной: надо было его спасать.

Двѣ недѣли Мотька не смыкалъ глазъ, бѣгая по докторамъ, по „благодѣтелямъ", по благотворительнымъ учрежденіямъ... Откуда-то онъ приносилъ и чай, и ромъ, и лѣкарства, и топливо, и даже ванну гдѣ-то добылъ... На Хасю нашло тупое отчаяніе. Она ни во что не вмѣшивалась, ни въ чемъ не помогала сыну, сидѣла въ холодныхъ сѣняхъ и дико водила глазами. А Мотька дѣйствовалъ такъ дѣловито, такъ энергично и неутомимо, что, не смотря на ужасныя условія, отстоялъ таки умиравшаго брата. И когда впослѣдствіи Хася очнулась нѣсколько и пришла въ себя, она смотрѣла на своего первенца съ тайной робостью, съ безконечнымъ почтеніемъ,—какъ на свышепосланнаго ей хранителя и защитника.

Да и въ собственныхъ своихъ глазахъ Мотька сталъ съ тѣхъ поръ выше и важнѣе. Онъ понялъ еще яснѣе, какъ необходимъ онъ семьѣ...

II.

— Эге, маляръ, это ты?

Мотька вздрогнулъ и обернулся.

Передъ нимъ стоялъ огромнаго роста человѣкъ въ длинной шубѣ и большой бобровой шапкѣ. Это былъ владѣлецъ пивовареннаго завода, чехъ Кубашъ. Въ прошломъ году, весной, Мотька сумѣлъ такъ ему угодить, что получилъ приглашеніе заходить на пивоварню „каждый разъ" и пить пива „сколько угодно". Но потомъ случилось такъ, что Кубашъ заподозрилъ Мотьку въ кражѣ у дворника Анисима трехъ рублей и жестоко его избилъ. И оттого, завидѣвъ теперь обидчика, Мотька затрепеталъ всѣмъ тѣломъ и въ ужасѣ сталъ пятиться назадъ.

— Слушай,—продолжалъ чехъ, стараясь изобразить на своемъ гладкомъ, бритомъ, съ короткими сѣдоватыми бачками лицѣ ласковую улыбку.—Ты, маляръ, тово... Обидѣлъ я тебя, понапрасну обидѣлъ... Деньги-то рыжій Митричъ укралъ, пильщикъ... Потомъ все въ точности раскрылось...

— Ага! — издали вскричалъ Мотька,и глаза его торжествующе засверкали.

— Анисимъ, дуракъ, зналъ, кто укралъ, да молчалъ... выдавать не хотѣлъ... А потомъ... когда... ну, вотъ когда съ

тобой это вышло, пришелъ и разсказалъ... Ну, ты ужъ тово... Ты малляръ хорошій, я знаю. Лѣтомъ буду строить флигель, непремѣнно тебѣ работу дамъ, непремѣнно.

— Я-жъ вамъ божился, что я не воръ!

— Ну, что ужъ... кто тебя зналъ... Дѣло прошлое, не вернешь... Жалѣю, а не вернешь... А теперь тебѣ работы не надо?

Мотька молчалъ и хмуро поглядывалъ на чеха.

— У меня на пивоварнѣ ледники набиваютъ; ступай, если хочешь, на рѣчку ледъ колоть.

Мотька продолжалъ молчать. Брать работу у обидчика было тяжело...

— Сорокъ копѣекъ въ день.

Кубашъ распахнулъ шубу, досталъ большіе стальные часы и, поглядѣвъ на нихъ, добавилъ:

— Теперь двѣнадцатый часъ; ну, это ничего, я тебѣ зачту за день... Работы на недѣлю хватитъ.

Мотька стоялъ въ отдаленіи и нерѣшительно озирался.

— Да ужъ ступай, чего тамъ, — настаивалъ Кубашъ. — Знаешь, въ Лозахъ, позади мостковъ. Тамъ ужъ увидишь: люди работаютъ... Скажешь, я прислалъ... Ступай, ничего...

— Хорошо, я пойду,—хриплымъ голосомъ, черезъ силу, пробормоталъ Мотька.

И, поклонившись Кубашу, онъ скорымъ шагомъ сталъ перерѣзывать поле.

Вѣтеръ дулъ съ юга, сырой и рѣзкій. Морозъ упалъ совсѣмъ, верхушки кочекъ слегка оттаяли, и идти было трудно: нога скользила и то и дѣло попадала въ рытвины. Мотька шагалъ межой и смотрѣлъ впередъ себя, гдѣ, верстахъ въ двухъ, за буроватой полосой сухого и мертваго камыша, прятались кривыя извивы широкой рѣки. По черной и крутой дорогѣ, подлѣ телеграфныхъ столбовъ, медленно тащились нагруженныя льдомъ подводы. Лошади были измученныя, жалкія, и карабкались онѣ съ великимъ трудомъ, вытягивая впередъ свои несчастныя головы, уродливо выгибая спины и выдыхая цѣлыя тучи сѣраго, мутнаго пара. Временами, окончательно выбившись изъ силъ, онѣ останавливались, и тогда извозчики принимались ихъ бить ногами и кнутовищемъ, въ животъ и по головѣ, и оглашали угрюмую пустоту дикимъ и мучительнымъ крикомъ...

— Ничего не подѣлаешь,—думалъ Мотька, приближаясь къ камышамъ.—Надо смириться, работать на Кубаша. Онъ всетаки хорошій человѣкъ. Другой обидитъ и никогда не признается, что сдѣлалъ это понапрасну. Вотъ, напримѣръ, мусю Цыпоркесъ: этотъ еще пожаловался бы въ часть и кричалъ бы по всему городу, что я его обокралъ. А Кубашъ

вотъ сегодня за цѣлый день заплатитъ... сорокъ копѣекъ... Ну, и славу Богу! Работы, говоритъ, на недѣлю будетъ. Что-жъ, это деньги: заплачу за квартиру и еще полъ-мѣшка картошки куплю... Дѣти совсѣмъ изголодались... Таки спасибо Кубашу, ей-Богу, спасибо...

И, насвистывая отъ удовольствія, Мотька сталъ спускаться къ камышамъ.

Рѣка, саженъ полтораста въ ширину, вся сплошь затянута была бѣлесоватой ледяной корой. Только въ самой серединѣ тянулось большое прямоугольное темное пятно. Въ этомъ мѣстѣ ледъ былъ уже сколотъ, и вода, сдавленная съ четырехъ сторонъ, ходила въ полыньѣ мелкой рябью, сумрачная и сердитая. Она упорно билась о свою крѣпкую раму и неустанно рокотала, зловѣще и многозначительно... Ближе къ противоположному берегу, покатому и заросшему чахлымъ лознякомъ, стоялъ рядъ черныхъ, ветхихъ баржъ, а нѣсколько влѣво отъ лозняка тянулись огороды, и среди нихъ острымъ горбомъ чернѣла одинокая землянка. Все въ этомъ мѣстѣ было уныло, бѣдно и пусто, и на много верстъ вокругъ не видно было живого существа. Только посреди рѣки, неподалеку отъ темной проруби, стояли три человѣка и вяло постукивали ломами объ ледъ.

Одного изъ нихъ Мотька узналъ еще издали. Это былъ дворникъ Анисимъ, необыкновенно смирное, безсловесное созданіе,—тотъ самый дворникъ Анисимъ, у котораго украденъ былъ кисетъ съ тремя рублями. Теперь на Анисимѣ были бурыя валенки и облѣзшая баранья шапка съ наушниками. Двухъ товарищей его Мотька тоже, какъ будто, встрѣчалъ. У одного была густая желтая борода и такіе же желтые всклокоченные волосы. Онъ былъ невысокъ ростомъ, но широкъ въ плечахъ, кряжистъ и, видимо, очень силенъ. Но лицо было одутловатое, желто-сѣрое, какъ у человѣка съ очень больной печенью. Одѣтъ онъ былъ въ какую-то женскую клѣтчатую фуфайку, перехваченную въ поясѣ синимъ платкомъ, и въ свѣтло-сѣрый котелокъ съ обломанными полями. Лѣтъ ему можно было дать около сорока. Въ человѣкѣ этомъ Мотька скоро узналъ „рыжаго Митрича“,— того самаго, который укралъ у Анисима деньги, и за проступокъ котораго молодой маляръ такъ жестоко поплатился.

Подлѣ Митрича толокся тщедушный, сѣденькій старичокъ, въ безмѣрно широкомъ, рваномъ армякѣ и въ лаптяхъ.

Ты, Ягоръ, ты Ягоръ, ты Ягорушка,
Золотая, золотая ты головушка...—

весело и быстро пѣлъ онъ, приплясывая и постукивая себя небольшими кулачками по сѣдой головѣ...

— Богъ въ помощь, землячки!—крикнулъ Мотька, приближаясь.

— Здорово!—Егорушка пересталъ плясать и дружелюбно уставился на Мотьку.—Здравствуй, малецъ!.. Прогуляться вышелъ? По бульвару пройтиться?

— Пособлять пришелъ... Меня къ вамъ Кубашъ въ товарищи прислалъ.

— Вотъ лиходѣй!

Егорушка хлопнулъ себя по бедрамъ и радостно взвизгнулъ.

— Въ товарищи? Вотъ это, братуха, въ аккуратъ выходитъ, подъ кадрель... Насъ тутъ всего трое, танцовать-то и неспособно... Бери, братуха, ломъ, да и становись сюды... Митричъ, слыхалъ? — обратился онъ къ желтобородому: — вотъ кумпаньонъ къ намъ пришелъ.

Митричъ медленно отвелъ въ сторону ломъ и сумрачно посмотрѣлъ на Мотьку.

— Канпаньонъ?—тусклымъ, простуженнымъ басомъ прохрипѣлъ онъ.—Какой онъ мнѣ канпаньонъ, иродово сѣмя?

Брови у Егорушки вдругъ вздернулись кверху, глаза расширились и округлились. Съ наивнымъ непониманіемъ оглядѣлъ онъ Митрича, потомъ Мотьку, потомъ снова Митрича...

— Ты чего это такъ? — не то съ любопытствомъ, не то съ безпокойствомъ воскликнулъ онъ.—Ну, чего ты, га? Ну, зачѣмъ?

— А вотъ затѣмъ,—отрубилъ Митричъ.—„Канпаньонъ"!.. Пархъ, а не канпаньонъ.

Въ голосѣ его слышалась глубокая ненависть и презрѣніе, а по выраженію глазъ и по движенію фигуры было видно, что онъ не прочь бы дать новому компаньону по затылку. Мотька растерянно посмотрѣлъ на этого крѣпкаго, сильнаго человѣка—и поспѣшно отошелъ къ Егорушкѣ...

— Экій ты, Митричъ, га! — съ веселой и вмѣстѣ тревожной ласковостью заговорилъ старикъ. — Лиходѣй вѣдь ты, га?.. Ей, право, лиходѣй!.. Ну, чего серчаешь? Чего къ мальчонкѣ присталъ?

— Сволочь онъ!—зарычалъ Митричъ, и глаза его злобно сверкнули подъ нависшими желтыми бровями. — Зачѣмъ сюда прилѣзъ, жидюга проклятый?

— Я къ вамъ не лѣзу... я васъ не трогаю,—заговорилъ изъ-за спины Егорушки Мотька. И голосъ его, вообще тонкій и слабый, звучалъ теперь, какъ у десятилѣтняго мальчика.—Я вамъ не мѣшаю... Меня прислалъ господинъ Кубашъ.

— Ну, вотъ что,—торопливо подхватилъ Егорушка, и маленькое, бурое лицо его озарилось дѣтски-радостной улыб.

кой.—Прислали тебя работать—ты и работай. Работай себѣ, знай, и не разговаривай. Экій ты какой!.. Не понимаешь дѣла... Когда тебя прислали, такъ ты, стало быть, исполняй... А ты разговаривать. Тутъ, братъ, разговору не надо, тутъ сурьезно надо...

Личико Егорушки сдѣлалось вдругъ дѣловитымъ и важнымъ.

— Потому ледъ это... Его колоть надо. Ну и... и все... Ступай, братуха, на тотъ берегъ, къ огороднику, бери ломъ и валяй... Нечего тутъ...

— Ахъ ты, египетскій! — съ сердцемъ проворчалъ Митричъ, принимаясь снова за работу. — Приползъ, нечистая сила! Онъ тебѣ всюду вползетъ!

— Вползетъ, это правильно,—примирительно согласился Егорушка.

— Сейчасъ тутъ рѣка, поле, степь — чисто, свободно... А приперъ вотъ этакій—Симъ, Хамъ и Яфетъ, все сразу и прокоптитъ!

— „Прокоптитъ"!—подхватилъ Егорушка и отъ удовольствія топнулъ лаптемъ. — Это вѣрно, что прокоптитъ. Ей право! Вишь сказалъ! А?! Прокоптитъ! Ахъ, лиходѣй!

— Племя нечистое.

— О? Нечистое?

— Хуже нечистаго: Іуды, кровососы анаѳемскіе...

Егорушка посмотрѣлъ на Мотьку.

— Эхъ, мальчонка,—сочувственно прокряхтѣлъ онъ,—видишь ты! Вотъ дѣла-то... Дѣла-то, говорю, вотъ какія. А ты ступай, пока что, за ломомъ, ступай, братуха, нечего тутъ.

Мотька обвелъ испуганнымъ взглядомъ и своего врага, и своего защитника, и сохранявшаго все время полное безмолвіе Анисима, и потомъ тихонько, осторожно ступая, поплелся по льду на другой берегъ, гдѣ въ круглой землянкѣ хранились нужныя для колки льда принадлежности.

— И чего отъ меня хочетъ этотъ разбойникъ,—думалъ онъ,—что я ему сдѣлалъ? Такая ужъ наша еврейская доля.

И Мотька сталъ думать о томъ, что его преслѣдовали всю жизнь. Вотъ на эту самую рѣку прибѣгалъ онъ купаться въ дѣтствѣ, и русскіе мальчики жестоко били его и не впускали въ воду... Когда онъ, выкупавшись, выходилъ изъ воды, они швыряли въ него пескомъ и грязью, и онъ вынужденъ бывалъ снова лѣзть въ рѣку. Мальчишки швыряли опять и опять, въ теченіе получаса и больше, и онъ весь синѣлъ отъ холода, коченѣлъ и трясся; а мальчишки издѣвались надъ нимъ и хохотали, завязывали въ тугіе „сухари" рукава его рубахи и смачивали ихъ въ рѣкѣ, чтобы сдѣлать еще болѣе труднымъ распутываніе узловъ...

Плавалъ Мотька неумѣло. Онъ безпорядочно и неловко ударялъ по водѣ сжатыми кулаками, и товарищи говорили, что онъ „мѣситъ булки". И этимъ неумѣньемъ его русскіе мальчики тоже пользовались и часто „топили" его, пригибая къ рѣчному дну... Постоянныя преслѣдованія, постоянная мука!.. Когда, четыре мѣсяца назадъ, отца Мотьки на черныхъ носилкахъ несли на кладбище, какой-то извозчикъ кричалъ во всю глотку: „Жидъ сдохъ, Хайка осталась. Ступай, Хайка, въ казарму, солдатъ вкуснѣе жида"... А прохожіе поощрительно смѣялись...

III.

Мотька вернулся къ мѣсту, гдѣ кололи ледъ, и, устроившись подлѣ Егорушки, принялся за работу.

— Гепъ, гепъ, гепъ! — передразнивалъ его Митричъ, суетливо и неуклюже раскачиваясь всѣмъ тѣломъ.—Гепъ... дохлая морда...

— Ты, мальчонка, не такъ,—училъ Мотьку Егорушка:— гляди-ко сюда, сюда гляди! Ты вотъ какъ: прямо ломъ подымай, да внизъ яво и бухай!.. Да ты не спѣши, не спѣши... Гляди-ко суды, вотъ: расссъ!.. расссъ!..

— Ахъ, вей!—кричалъ Митричъ, хватаясь за воображаемые пейсы.—А ловко тебя Кубашъ отколотилъ, да, видно, мало. Небось, опять деньги станешь красть... Жиды на это дѣло мастера здоровые!

При этихъ словахъ, сосредоточенный Анисимъ прервалъ работу и вытаращилъ глаза. Минуты двѣ смотрѣлъ онъ на Митрича пристально, напряженно, словно соображая что-то... Потомъ, не проронивъ ни слова, слегка отвернулся и опять сталъ дѣйствовать ломомъ.

— Кербеле, копекесъ,—продолжалъ Митричъ,—три рубля у человѣка уперъ, а потомъ—„зачиво нападеніе"!..

Мотька молчалъ и дѣлалъ видъ, будто ничего не слышитъ. Егорушка добродушно балагурилъ и всячески старался отвести вниманіе и краснорѣчіе Митрича къ другимъ предметамъ. Дѣлалъ онъ это, однако же, съ большой осторожностью, видимо побаиваясь своего желтобородаго товарища и заискивая въ немъ. Онъ громко смѣялся его остротамъ, иногда и повторялъ ихъ, съ восхищеніемъ, не всегда, впрочемъ, свободнымъ отъ притворства, причмокивалъ губами и притопывалъ лаптемъ.

— Жидовская нацыя — самая подлющая!—докладывалъ Митричъ.

И мысль эту онъ развивалъ подробно и обстоятельно.

Онъ былъ, видно, грамотенъ; тупыя человѣко-ненавистническія фразы изъ уличныхъ газетокъ перемѣшивались съ темнымъ бредомъ невѣжественнаго, одичалаго человѣка, и получалось что-то такое безсмысленно-злобное, гнетущее и тревожное, что наивная душа Егорушки и смущалась, и хмурилась... Егорушка любилъ веселье, любилъ побалагурить, посмѣяться и попѣть, а Митричъ преподносилъ ему мрачныя разсужденія о зловредности и гнусности жидовъ. И Егорушкѣ было неспокойно, тяжело и непріятно, онъ жалѣлъ „страдающаго изъ-за жидовъ“ православнаго человѣка, и ему хотѣлось бы его отъ жидовъ оборонить и за него отомстить. но въ то же время ему какъ-то жаль было и жида, тѣмъ болѣе жаль, что въ длинныхъ разсужденіяхъ Митрича бѣдной головѣ его смутно чуялось что-то нескладное, неправильное и „неподходящее“...

— Э-и-эхъ!—какъ-то неопредѣленно, со странной печалью, кряхтѣлъ онъ, когда Митричъ толковалъ ему объ употребленіи евреями христіанской крови. Онъ косился на Мотьку, бросалъ недовольные, но робкіе взгляды на Митрича и какъ-то особенно гулко и часто стучалъ своимъ ломомъ объ ледъ. Печаль и досада переполняли его сердце...

Но когда Митричъ переходилъ къ передразниванію евреевъ, къ куплетамъ вродѣ

А жа ними вбокъ
Молодой жидокъ,—

онъ вдругъ веселѣлъ и прояснялся. Онъ даже принимался подтягивать Митричу и, бросая время отъ времени дружеское и ободряющее слово безмолвно работавшему Мотькѣ, крякалъ радостно и весело, какъ утка, въ знойный день попавшая въ ручей.

Мотька ни единымъ словомъ не отзывался на всѣ эти глумленія.

Сердце его ныло и дрожало, злоба закипала въ немъ Крѣпко стискивались зубы, и минутами душила потребность броситься на обидчика и избить его... Но Мотька былъ такъ тщедушенъ и слабъ... и съ утра ничего не ѣлъ... и дома его заработка ожидали голодныя дѣти...

— Онъ, кажется, никогда не перестанетъ,—въ тоскѣ говорилъ себѣ Мотька.

А Митричъ, дѣйствительно, не выказывалъ намѣренія перестать.

Пріѣхали извозчики, стали нагружать на телѣги ледъ, и произошелъ короткій перерывъ. Но вотъ телѣги, скрипя и и раскачиваясь, уѣхали, и Митричъ опять принялся за свое... Его, видимо, бѣсило, что Мотька отмалчивается, и онъ ста-

новился все болѣе и болѣе злымъ. Уже онъ не передразнивалъ евреевъ и не пѣлъ обидныхъ куплетовъ, — обидныхъ, но все же, большей частью, добродушныхъ,—а свирѣпо ругался и временами угрожалъ...

— Ну, что дѣлать, что дѣлать?—мысленно стоналъ Мотька.— Когда Богъ уже благословилъ и работа нашлась, такъ вотъ тебѣ, такой извергъ случился... И завтра опять это же самое будетъ, и послѣ завтра то же...

— А чтобъ онъ пропалъ! — отъ всего сердца взмолился онъ.

— Австріякъ, тотъ, братцы мои, самымъ лучшимъ манеромъ съ жидами со своими справился,—объявилъ Митричъ.— Взялъ да всѣхъ на мерзлый островъ въ Ледовитый океанъ и посадилъ.

— Ахъ, лиходѣй! — одобрилъ Егорушка. И, желая перемѣнить тему разговора, политично спросилъ: —А какая у австріяка форма? Амуницыя, значитъ, какая у яво будетъ, амуницыя?

— Не хотимъ, говорятъ, жидовскаго духа — и шабашъ. Ступай на ледяной островъ... Ни солнца тамъ, ни дерева, ни травки, ни огня,—ничего не видать! Ледъ да бѣлые медвѣди. Молись себѣ своему жидовскому Богу!

— Богъ-то одинъ,—задумчиво произнесъ Егорушка.

— Богъ одинъ, да вѣра разная.

Егорушка помолчалъ.

— Ну, а тово... а уѣхать оттеда, съ острова, развѣ нельзя?— заинтересовался вдругъ Анисимъ.

— У-у-уѣхать?.. Хо-хо-хо... Онъ те уѣдетъ!

Выцвѣтшіе глаза Митрича злорадно забѣгали.

— А миноноски на что? Кругъ острова шестнадцать штукъ миноносокъ стоитъ, караулятъ, чуть кто съ мѣста тронулся— сейчасъ стопъ! Тутъ ему и крышка... Половина жидовъ на острову уже передохла... а доктора разсчитали, что черезъ семь годовъ ни слуху, ни духу отъ нихъ не останется.

Вѣтеръ дулъ теперь сильнѣе, мѣнялъ направленіе и становился суше. Онъ обжигалъ Мотькѣ лицо, упорно разворачивалъ полы его куртки и билъ его по тонкимъ, одѣтымъ въ парусиновые штаны, подогнувшимся ногамъ. Даже усиленныя дѣйствія ломомъ не могли побѣдить холода и не въ состояніи были сообщить гибкость коченѣвшему тѣлу. Мотька весь дрожалъ. Жестокія слова Митрича мучили его,—точно въ уши и въ сердце ему заколачивали длинные гвозди... Онъ бросалъ косые взгляды на Митрича, на его толстый, покрытый растрепанными, желтыми волосами затылокъ и крѣпко стискивалъ зубы. Онъ дрожалъ уже не отъ одного

холода: негодованіе и ненависть вызывали въ немъ частое и мучительное трепетаніе.

— И плодущіе же, сволочи!—продолжалъ Митричъ.—Не надо и сусликовъ. Вотъ, примѣрно, этотъ самый пархъ, что сюда приперъ: ты думаешь, онъ у своего батьки одинъ? Чорта съ два! Сходи-ка къ нему домой, — небось, тамъ ихъ дюжина цѣлая. А то и двѣ...

— Это какъ Господь,—сумрачно нахмурившись, пояснилъ Егорушка.—Господу народъ надобенъ...

— „Надобенъ"... Понимаешь ты!.. А вотъ кабы я надъ жидами главный командиръ былъ, выпустилъ бы я такой указъ, чтобы маленькихъ жиденятъ за ноги да объ стѣнку. Хопъ—и нѣту! Хопъ—и нѣту!.. Вотъ и къ этому бы халдею заглянулъ,—счетъ бы имъ тамъ подвелъ правильный...

„Извергъ, катъ!"—тихо шепталъ Мотька. И при этомъ самъ становился злымъ и жестокимъ. Онъ представлялъ себѣ, съ какимъ удовольствіемъ онъ ударилъ бы изо всей силы Митрича по лицу... Разъ ударилъ бы, и два раза, и три раза... Билъ бы, пока не хлынула бы кровь, пока не окоченѣлъ бы этотъ мерзкій и злой языкъ...

И уже не было радости въ его душѣ, не было въ ней и безцѣльной жалобы, а все выше и выше поднималась жажда мести и крѣпла потребность расплаты. Ноздри у Мотьки яростно раздувались, глаза горѣли, и щеки дергались въ мелкой и непрестанной судорогѣ...

Митричъ, сосредоточенно возясь, шагахъ въ сорока, съ огромной льдиной, прервалъ на время свои приставанія къ Моткѣ и всѣ ругательства адресовалъ къ непокорявшейся тяжелой глыбѣ. И Мотькѣ это было непріятно. Теперь ему издѣвательства Митрича были нужны. Они были ему нужны для того, чтобы довершить происходившую въ немъ работу, чтобы довести злобу до ярости, до безумства и швырнуть его—тщедушнаго, голоднаго, измученнаго мальчика—на этого тяжелаго, костистаго и грязнаго здоровяка... Все въ немъ кипѣло и бурлило, хотя и не въ такой еще степени, чтобы расправу начать сейчасъ же. Нужно было новое раздраженіе, неоходима была еще новая, послѣдняя обида, чтобы голосъ разума и подлаго разсчета замеръ окончательно, чтобы сердце загорѣлось со всѣхъ сторонъ.

Митричъ побѣдилъ, наконецъ, свою льдину. Послѣднимъ усиліемъ онъ приподнялъ ея край, подсунулъ подъ него ломъ и выпихнулъ тяжелую глыбу наверхъ.

— Тьфу, бей тебя сила Божія! — проворчалъ онъ, отставивъ прочь ломъ и туже стягивая служившій ему поясомъ синій вязаный платокъ. — Заморился, прямо бѣда!.. А ты, послушай-ка, какъ тебя тамъ, свиное ухо? Дай-ка табачку!..

Въ глазахъ Мотьки молніей сверкнула какая-то дикая улыбка. Ломъ выпалъ изъ его рукъ, весь онъ мгновенно выпрямился.

— Холеру я тебѣ дамъ, прохвостъ!

Слова эти прозвучали рѣзко, отчетливо и звонко,—точно тяжелымъ молотомъ ударили въ тонкую серебряную доску.

Митричъ удивленно поднялъ голову.

— Чего?

— Прохвостъ!.. Мучитель!!.. Извергъ!...—истерически кричалъ Мотька:—За что ты меня мучишь?.. Да я теббя, кровопійцу... уббью!

И, поднявъ кверху длинныя, худыя руки, онъ ринулся впередъ.

На одно мгновеніе, всѣхъ — и Митрича, и Анисима, и Егорушку—охватило полное оцѣпенѣніе.

То, что происходило передъ ними, было такъ странно, такъ неожиданно и невѣроятно, что они не могли вѣрить глазамъ. Ошеломленные, они не проронили ни звука. И тяжелую, сумрачную тишину, царившую надъ скованной рѣкой, надъ мертвымъ слоемъ камышей и надъ пустыннымъ, мерзлымъ берегомъ, раздиралъ лишь пронзительный, дикій вопль Мотьки. Словъ Мотька не произносилъ никакихъ, и то, что вылетало изъ его груди, было лишь безсмысленнымъ, ровнымъ и рѣжущимъ ревомъ раненаго на смерть, уже изнемогающаго, истекающаго кровью, но сильнаго яростью и бѣшенствомъ животнаго. Животное это неслось впередъ, къ тому, кто его ранилъ, неслось затѣмъ, чтобы быть раненымъ вторично, еще ужаснѣе,—но и затѣмъ также, чтобы отомстить и въ послѣднемъ предсмертномъ усиліи уничтожить растерзать убійцу-врага!

— Лиходѣй!.. Ахъ, лиходѣй!.. — завизжалъ вдругъ Егорушка. И, подбѣжавъ къ Митричу, онъ обхватилъ его руками. Широкимъ армякомъ своимъ онъ прикрылъ Митрича всего—и этимъ, повидимому, разсчитывалъ оградить его отъ нападенія Мотьки и предотвратить бѣду.

Однако же, катастрофу предупредилъ не онъ, а Анисимъ.

Безмолвный дворникъ проворно подскочилъ къ Мотькѣ, схватилъ его за шиворотъ, приподнялъ на полъ-аршина надо льдомъ и, не проронивъ ни слова, какъ котенка, понесъ въ сторону.

— Пусти!—захлебываясь, рычалъ Мотька:—Пусти, сволочь!

Онъ бился и извивался всѣмъ тѣломъ и стучалъ кулаками и ногами по Анисиму, куда попало. Но дворникъ держалъ его крѣпко. Онъ какъ-то такъ ловко обнялъ своего плѣнника, что сковалъ ему и руки, и ноги, и тотъ могъ теперь вздрагивать и колыхаться однимъ только туловищемъ.

Оттащивъ Мотьку саженъ на двадцать, онъ опустилъ его на ледъ и, ставъ впереди, какъ пугало на огородѣ, горизонтально раздвинулъ руки.

— Стой тутъ!..—вяло проговорилъ онъ.—Стой... стой, а то буду бить...

Мотька мутными, непонимающими глазами глядѣлъ на Анисима, на стоявшихъ впереди Митрича и Егорушку... Куртка его разстегнулась; лѣвая пола, въ борьбѣ съ Анисимомъ, распоролась до самаго рукава, и вѣтеръ рвалъ ее и трепалъ, какъ флагъ. Анисимъ, продолжая держать правую руку въ горизонтальномъ положенiи, лѣвой добылъ изъ кармана трубку. Устроивъ трубку во рту, онъ опустилъ и другую руку и, орудуя уже обѣими, сталъ застегивать Мотькину куртку. Мотька безучастно смотрѣлъ на дѣйствiя дворника и вертѣлъ головой то вправо, то влѣво. Онъ точно не сознавалъ того, что случилось, и точно искалъ чего-то...

— Скажешь мамкѣ, — бормоталъ Анисимъ, подергивая оторванную полу,—мамка зашьетъ...

И вдругъ Мотька вздрогнулъ, какъ-то странно ахнулъ, и слезы обильно полились по его озябшимъ щекамъ.

А Егорушка, между тѣмъ, схватилъ за обѣ руки Митрича, подпрыгивалъ, семенилъ ногами и, взволнованно заглядывая прiятелю въ лицо, таинственно и внушительно шепталъ:

— Не обижай, не обижай, Митричъ, мальчонку!.. Что будешь дѣлать?.. Жиденокъ онъ, жидъ... а нельзя... нельзя обижать...

Онъ хлопалъ себя руками по бедрамъ, вздрагивалъ плечиками и удивленно озирался.

— Вишь, дѣла какiя, а?.. Вѣдь лиходѣи вы, а? Ей-право, лиходѣи, ей-право... А обижать нельзя... не надо...

Митричъ молчалъ.

Отвернувшись отъ того мѣста, гдѣ находились Анисимъ и Мотька, онъ сурово смотрѣлъ себѣ подъ ноги и дышалъ часто и тяжело. Онъ стоялъ неподвижно, какъ и его воткнутый между двумя льдинами ломъ, и лицо его было желто, а глаза тусклы и прищурены. Что происходило въ этомъ человѣкѣ? Все ли еще сковывало его огромное изумленiе? Или его душило оскорбленное самолюбiе? Или зашевелилась въ немъ совѣсть — онъ сознадъ свою вину, и ему было стыдно этого горестно трепетавшаго надъ мерзлой равниной, безпомощнаго дѣтскаго плача?..

Митричъ молчалъ. Ротъ его перекосился, желтые усы и борода тихо вздрагивали.

И то, что преобладало въ этой темной, огрубѣлой душѣ, вылилось, наконецъ, въ хриплымъ, полномъ желѣзной увѣренности возгласѣ:

— Постой, Іуда! Я еще съ тобою расправлюсь... Не я буду—не утоплю!..

IV.

Минутъ черезъ десять все надъ рѣкой затихло и примолкло, и всѣ четверо опять взялись за работу. Работали хмуро, нехотя, не думая о дѣлѣ. Мысли были о другомъ,— о томъ, что только что произошло, о томъ, чѣмъ случившееся должно завершиться, и настроеніе у всѣхъ было темное, тревожное, выжидающее.

Больной и тусклый день, между тѣмъ, кончался. Холодные, грязно-свинцовые тона сгущались, заполняли унылую глубину и какъ бы надвигали ее на берега. И глубина эта не была плотной и непроницаемой, какъ въ позднія сумерки, а дрожала полупрозрачная и легкая, и напряженный глазъ могъ еще различать въ ней какія-то неясныя очертанія. Неясность и смутность, вмѣстѣ съ царившимъ вокругъ нѣмымъ безмолвіемъ, заключали въ себѣ что-то жуткое, что-то безпокойное и злое, и томило неотступное желаніе, чтобы поскорѣе уже спустилась ночная чернота и похоронила всѣ эти вѣроломныя и мрачныя тѣни.

Митричъ стоялъ спиной къ Motькѣ, тупо глядя на собственный ломъ, и размышлялъ. Онъ далъ торжественное обѣщаніе, взялъ на себя обязательство, а легкое ли дѣло его выполнить? Тоже вѣдь и за жиденка, будь онъ трижды проклятъ, отвѣтъ давать надо...

Митричъ злобно плюнулъ.

— А и конфуза отъ парха принять нельзя тоже, — продолжалъ онъ свои размышленія. — „Кровопійца... я тебя убью...“ ахъ, идолъ!.. Ну, что ты ему скажешь!.. Кабы гдѣ мелкое мѣсто, можно бы его, чорта, столкануть. Пусть свое жидовское пузо пополощетъ... Да вотъ нѣту такого, вездѣ примерзло... А въ полынью бухнуть—глубоко очень, потонетъ. Что тогда будешь дѣлать?..

— Ты Ягоръ, ты Ягоръ, ты Ягорушка, — вполголоса началъ было Егорушка. Но Анисимъ, вынувъ изо рта трубку, молча подержалъ ее въ рукѣ и снова вложилъ межъ зубами. И Егорушка мгновенно прервалъ свое пѣніе, тяжко завздыхалъ и сталъ оттаскивать въ сторону льдины...

А у Мотьки къ этому времени все его возбужденіе прошло. Не было и тѣни безстрашія въ душѣ, не было и намека на отвагу. Онъ чувствовалъ себя въ опасности, чувствовалъ себя пришибленнымъ, несчастнымъ, безпомощнымъ. Что будетъ? Вѣдь этотъ ужасный человѣкъ не проститъ. Вѣдь благополучно дѣло не кончится. Если бы не было такой великой

нужды въ заработкѣ, Мотька бросилъ бы работу и ушелъ. Но теперь какъ же ее бросить? Другой вѣдь не найдется. А тутъ работы на цѣлую недѣлю... И потомъ, вѣдь отъ этого разъяреннаго, жестокаго человѣка, все равно, не спрячешься:не здѣсь—въ другомъ мѣстѣ, а ужъ онъ отомститъ!

Длинный прямоугольникъ, освобожденный отъ ледяной коры, чернѣлъ, какъ огромная могила, и вода въ немъ, встревоженная вѣтромъ, подкатывалась къ самымъ ногамъ Мотьки съ глухимъ, угрожающимъ рокотомъ... И Мотькѣ страшно было смотрѣть на эту живую, грозную черноту, а еще страшнѣе было оглянуться назадъ, гдѣ стоялъ Митричъ. Ему все чудилось, что ужасный человѣкъ этотъ крадется къ нему... Вотъ онъ подошелъ... совсѣмъ близко... Слышно шлепанье его ногъ, слышно звяканье объ ледъ лома... Онъ злобно и сипло рычитъ, бьетъ Мотьку ломомъ прямо по головѣ, и сталкиваетъ въ воду, и топитъ его...

Что будетъ? Что будетъ? Какъ оставаться въ сосѣдствѣ съ этимъ лютымъ человѣкомъ? О, если бы съ нимъ что-нибудь случилось! Если бы онъ вдругъ заболѣлъ... умеръ... Что-жъ, вѣдь бываетъ иногда, что человѣкъ умираетъ вдругъ, сразу... Или если бы его убило... Вотъ, когда нагружали подводу, большая льдина сползла съ самаго верха и ушибла Анисиму ногу. Если бы льдина упала не на Анисима, а на Митрича, и упала бы не на ногу, а на голову, смерть была бы вѣрная... О, если бы его убило...

Мотька въ этотъ день не ѣлъ съ утра; отъ непривычной и непосильной работы ломило ему всѣ кости; холодъ сковывалъ члены. И страданія физическія, соединяясь съ мукой душевной, доводили его до полубезсознательнаго состоянія; въ темномъ, коченѣвшемъ мозгу мысль тускнѣла и замирала, и только временами вспыхивала все одна и та же неизмѣнная мольба: „о, если бы его убило!..“

V.

Ночь приближалась. Пустынная даль исчезала въ тяжеломъ сумракѣ, и уже трудно было отличить, гдѣ кончается ледъ рѣки и начинается берегъ, а черная землянка огородника почти совсѣмъ слилась съ темнымъ фономъ покатыхъ баштановъ. Далеко далеко, у длинныхъ и уже незамѣтныхъ мостковъ, гдѣ зимовалъ потерпѣвшій осенью крушеніе пароходикъ, зажегся фонарь, и отъ этой желтой лучистой точки здѣсь на льду, гдѣ работали иззябшіе, голодные, усталые люди, все вдругъ сдѣлалось еще болѣе тоскливымъ, еще болѣе недружелюбнымъ и несчастнымъ.

— Ребятушки, милые, пора кончать! — закричалъ Егорушка.—Ай не пора? Пора! Ей-право, пора! Тащи струментъ къ огороднику, волоки!..

Ты Ягоръ, ты Ягоръ, ты Ягорушка,
Золотая, золотая ты головушка!—

запѣлъ онъ, вскидывая на плечо ломъ.

— Пойдемъ, братцы, къ огороднику, выпьемъ по косушкѣ, по косушечкѣ, по подружечкѣ... Пойдемъ, лиходѣи, пойдемъ... Эхъ, дѣла! Назябся я, страхъ какъ, вó какъ назябся я, ей-право!..

Мотька стоялъ въ сторонѣ, а вѣтеръ билъ его и рвалъ, и снѣгъ, который началъ идти, садился къ нему на голову и на сгорбленную спину.

Слова Егорушки до него не долетѣли, и онъ не зналъ, что можно уже кончать, что надо отнести инструментъ къ огороднику. Онъ стоялъ, не двигаясь, глядя впередъ и ни о чемъ не думая, въ какомъ-то забытьи...

Очнулся онъ только тогда, когда впереди, шагахъ въ пятидесяти, показалась вдругъ широкая, плотная фигура Митрича.

Желтобородый человѣкъ шелъ прямо на Мотьку, шелъ спокойно, не торопясь, заложивъ одну руку за синій платокъ, а въ другой держа на перевѣсъ тяжелый, длинный ломъ...

— Ой!.. Это онъ ко мнѣ... убивать... топить...—огненными языками промчалось въ мозгу Мотьки. И быстро пролетѣла у него мысль о матери, о дѣтяхъ.

— Люди!.. Анисимъ!.. Егорушка!..

Но вопля его никто не слыхалъ... Ибо вопля никакого и не было: окоченѣвшія уста Мотьки были плотно сомкнуты, а кричало одно только охваченное ужасомъ сердце...

Анисимъ съ Егорушкой, ничего не подозрѣвая, нетороплив шли по берегу, подымаясь къ землянкѣ огородника. И къ той же землянкѣ направлялся Митричъ, но вмѣсто того, чтобы огибать узкую, длинную, примыкавшую къ черной проруби полосу недавно образовавшагося тонкаго и непрочнаго льда, онъ, для сокращенія пути, шелъ прямо черезъ эту полосу... И стоявшему у темной и глубокой проруби на смерть испуганному, оцѣпенѣвшему Мотькѣ показалось, что врагъ его идетъ къ нему...

Мотька весь скрючился, согнулся, лѣвой рукой стянулъ на груди куртку, правую поднялъ вверхъ, какъ бы для защиты.

Прошло мгновеніе, другое...

И вдругъ случилось нѣчто странное, что-то такое, чего Мотька не сумѣлъ сразу понять.

Того, кто на него шелъ, отъ котораго онъ ждалъ муки и смерти,—вдругъ не стало.

Раздался рѣзкій, сухой трескъ, затѣмъ — какое-то странное хлюпанье... и хриплый крикъ, и стонъ, и опять хлюпанье...

И цѣлая вереница необычайныхъ, непонятныхъ и страшныхъ звуковъ забилась и затрепетала надъ безмолвной равниной: взлетали вверхъ фонтаны брызгъ и мелкихъ кусковъ льда, и межъ ними странно и быстро ворочалось что-то широкое, черное...

Поднятая кверху рука Мотьки упала, застывшее лицо дрогнуло.

— Провалился!.. Тонетъ!..

Точно кто-то ударилъ его сзади, по темени и по затылку.

— Тонетъ!.. Спасите!..

И вдругъ Мотька рванулся и побѣжалъ.

Окоченѣлыми, неразгибающимися ногами мчался онъ впередъ, противъ вѣтра, скользя и шатаясь... Вотъ уже несется онъ по длинной полосѣ темнаго, неокрѣпшаго, всего два дня назадъ образовавшагося льда. Ледъ этотъ трещалъ и гнулся, какъ тонкая пароходная сходня, и вода подъ нимъ хлюпала и билась, и мѣстами, сквозь трещины, проступала на верхъ и тихо разливалась широкими, темными пятнами...

— Держись, держись!—какимъ-то страннымъ, не своимъ, а совершенно новымъ, смѣлымъ, звонкимъ голосомъ кричалъ Мотька, напряженно глядя впередъ, на то мѣсто, гдѣ барахтался Митричъ.—Я помогу!.. Держись!..

Но тонкая ледяная скатерть вдругъ злобно заскрежетала подъ нимъ, и лѣвая нога его провалилась. Онъ сильно дернулъ ногой. Сапогъ, задержанный льдомъ, остался въ водѣ, и Мотька, босой, помчался дальше.

А впереди фонтаны брызгъ уже не вздымались, и не летѣли больше кверху обломки льда. Мелькалъ только среди черной воды и сѣрыхъ льдинъ широкій синій поясъ утопавшаго, и чуть свѣтлѣла его крупная, обросшая желтыми волосами голова. Слышно было тяжелое плесканіе, и, не сливаясь съ нимъ, со страшной отчетливостью бился прерывистый, молящій стонъ:—Православные... голубчики... спасите...

— Держись, не бойся! — кричалъ Мотька, подбѣгая къ самому краю льда.—На!.. Хватай... держись крѣпко!..

Онъ быстро сорвалъ съ себя куртку, ухватилъ ее за рукавъ и, взмахнувъ высоко надъ головой, швырнулъ на воду, къ Митричу.

— Хватайся за куртку... я потащу...

Митричъ какъ-то странно закружился и вытянулся. До куртки, мутнымъ, бѣлесоватымъ пятномъ распластавшейся на черной водѣ, оставалось аршина два разстоянія... Ми-

тричъ забарахтался, стараясь подплыть, но силы покидали его: падая, онъ остріемъ лома поранилъ себѣ шею. Теперь кровь обильно лилась изъ раны, окрашивая воду темнымъ багрянцемъ.

— Родненькій... голубчикъ...—прошепталъ Митричъ, узнавая Мотьку:—прости, Христа ради!..

— Держись, хватайся!.. Ну, хватайся же!..

Мотька выдернулъ изъ воды куртку и опять плюхнулъ ее на воду. Теперь она была отъ утопавшаго всего на аршинъ. Митричъ протянулъ къ ней руки, но водой ее относило въ сторону. Тогда Мотька сталъ на колѣни, отвелъ лѣвую руку назадъ и, машинально ища пальцами, за что бы ухватиться, всѣмъ корпусомъ перегнулся къ Митричу и въ третій разъ бросилъ ему куртку. Отъ сильныхъ движеній Мотьки ледъ подъ нимъ поддался и затрещалъ, и на него хлынула вода...

Мотька вскочилъ и сдѣлалъ шагъ назадъ. Но въ эту минуту желтое пятно на водѣ судорожно сверкнуло и погрузилось... И Мотька весь затрепеталъ. Онъ высоко поднялъ обѣ руки и съ размаху бросился въ воду.

Крѣпко и со злобной радостью охватила вода его тощее, хилое тѣло, съ силой ударила по худому лицу. Мотька отвѣтилъ ударами,—яростными, дикими. Онъ билъ воду руками, ногами, дробилъ плававшія по ней сѣрыя льдины и рѣзалъ ее своею узкою грудью. Онъ плавалъ теперь такъ же плохо и неумѣло, какъ и въ дѣтствѣ, когда прибѣгалъ на эту же рѣчку купаться и когда „мѣсилъ булки". Но физическая усталость дѣлала теперь его работу еще болѣе трудной... Онъ билъ воду руками, растрачивая безъ надобности незначительные остатки своихъ небольшихъ силъ, и дѣлалъ какіе-то сложные, удлинявшіе путь зигзаги. Вскорѣ онъ все же добрался до широкаго, черно-багроваго пятна, среди котораго тусклымъ кругомъ свѣтлѣла вновь вынырнувшая голова Митрича.

— Не бойся!.. Не бойся! . Не утонешь...

Мотька протянулъ впередъ лѣвую руку, схватился за синій платокъ, которымъ былъ опоясанъ Митричъ, и, дѣйствуя одной правой рукой и ногами, поплылъ. Багровое пятно около головы Митрича разорвалось и вытянулось въ узкую полосу.

— Доплывемъ... Не бойся!..

Оба подвинулись шага на два. Но синій платокъ на Митричѣ вдругъ развязался, тихо скользнулъ, и Митричъ, отъ потери крови впавшій въ обморочное состояніе, сталъ быстро погружаться. Мотька успѣлъ, однако же, схватить его за фуфайку, и отчаянное барахтанье началось снова...

Брызги подымались бѣлой тучей, падали на Мотьку, на

его лицо, ослѣпляли его, кололи, жгли. Снизу била въ лицо черная вода, и она вливалась въ ротъ, и Мотька захлебывался и давился. Намокшая одежда облѣпляла тѣло, увеличивала его тяжесть и затрудняла движенія. Грузное тѣло Митрича, безмолвное и окаменѣвшее, тянуло назадъ, внизъ... Мотька цѣпко, тонкими пальцами держалъ полу его фуфайки и плылъ. Но плылъ онъ не въ одномъ какомъ-нибудь опредѣленномъ направленіи—къ краю проруби, къ сплошной массѣ крѣпкаго и прочнаго льда,—а кружился и барахтался, какъ попало, и почти не двигался съ мѣста. Силы его падали. Правое плечо стало ломить и жечь, какъ если бы его насквозь проткнули раскаленнымъ желѣзомъ. Мотька дѣйствовалъ теперь почти однѣми только ногами. Но и ноги ослабѣли, и ихъ стала сводить судорога. Онъ не могъ уже бороться, замеръ — и погрузился... Новый послѣдній запасъ силы пролился, однако, въ его мышцы — и онъ выплылъ, извлекая на поверхность и Митрича. Большая трехугольная льдина тихо качалась передъ его лицомъ. Онъ ухватился за ея край и навалился на нее грудью. Нѣсколько мгновеній льдина поддерживала его. Но потомъ стала медленно пригибаться и вдавливаться въ воду. Грудь Мотьки соскользнула, и льдина, освобожденная, отошла въ сторону, приняла опять горизонтальное положеніе и спокойно остановилась. Мотька потянулся къ ней, опять сталъ бить ногами, но въ лѣвомъ колѣнѣ пробѣжала вдругъ невыносимо-острая боль, — точно сразу выдернули изъ него всѣ кости—и нога осталась скрюченной. Глаза Мотьки уже ничего не различали, вода свободно входила къ нему въ ноздри и въ ротъ. Митричъ, какъ гранитная глыба, тянулъ внизъ. И оба они опять погрузились...

Вверху по-прежнему грозно рокотала черно-багровая вода, а большая, сѣрая льдина безучастно дремала въ сторонѣ...

Д. Айзманъ.

„Задача жизни“ у Ибсена.

(Объ Ибсенѣ и о „хмурыхъ людяхъ“ Чехова).

„Жизненная задача“. — Эти два слова формулируютъ суть жизни для избранниковъ художественнаго творчества Ибсена.

Ярлъ Скуле („Претенденты на корону“), провозгласившій себя королемъ Норвегіи XIII столѣтія, предлагаетъ своему другу-соратнику Ятгейру отказаться отъ своего призванія скальда и жить только для его, короля Скуле, жизненной задачи: овладѣть Норвегіей, отнявъ ее изъ рукъ признаннаго уже народомъ законнаго короля Гакона: „Будь мнѣ сыномъ! Ты получишь отъ меня въ наслѣдіе корону Норвегіи, получишь всю страну, если согласишься быть мнѣ сыномъ, жить *ради моей жизненной задачи* и вѣрить въ меня“.

Скальдъ отвѣчаетъ отказомъ. Онъ говоритъ, что не можетъ пожертвовать своими „несложенными еще пѣснями“, которыя для скальда „всегда самыя сладкія“.—Скуле находитъ противорѣчіе между этимъ отказомъ и той готовностью „охотно пасть первымъ“ за мятежнаго короля, которую скальдъ только что обнаружилъ при извѣстіи объ опасности. Скальдъ отвѣчаетъ: „Человѣкъ можетъ *пасть* изъ-за жизненной задачи другого; но, *если онъ остается живъ, онъ долженъ жить ради своей собственной*“.

Смерть скальда въ первомъ же сраженіи разрѣшила по своему вопросъ о „несложившихся пѣсняхъ“, но всетаки отказаться отъ нихъ, этихъ „самыхъ сладкихъ“ пѣсенъ, скальдъ Ибсена не хотѣлъ и не могъ... Жить можно только для своей собственной и при томъ свободно избранной „жизненной задачи“. Это—основной мотивъ въ творчествѣ Ибсена.

Для Шекспира „задача жизни“ составляла только частную тему, разработанную въ „Гамлетѣ“. Для Ибсена это — универсальная тема. Изъ „задачи жизни“ онъ сдѣлалъ солнце, вокругъ котораго, какъ центра психологическаго притяженія, вращается человѣческая жизнь... Только безъ астрономическаго равновѣсія. Его замѣняетъ очень часто тяжелая борьба съ другими властными велѣніями человѣческой души. Должны быть удовлетворены и

совѣсть, которая перестала быть „коренастою", какъ у древнихъ викинговъ, которые грабили, жгли, убивали, а затѣмъ „веселились какъ дѣти"; и чувство справедливости, которое у современнаго культурнаго человѣка можетъ превращаться порой въ „изнурительную лихорадку справедливости", и чувство невольной отвѣтственности за грѣхи предковъ; и, наконецъ, должны быть удовлетворены тѣ темные факторы, которые заложены въ человѣкѣ самой природой и фатально сказываются въ его наслѣдственной организаціи, физической и духовной... Ибсеновское солнце жизни—центръ притяженія, но не центръ равновѣсія. Зачастую около него, для героевъ Ибсена, концентрируются тяжкія муки неустранимаго душевнаго разлада съ самимъ собой.— И всетаки они ищутъ своей „задачи жизни", и, когда она на лицо, находятъ возможнымъ жить.

Иногда они идутъ къ своей задачѣ съ веселой, молодой бодростью, напѣвая, подобно Фальку („Союзъ молодежи"):

Пусть мой челнъ
Станетъ добычей бушующихъ волнъ..
Не дрогну я, любо мнѣ мчаться!

Иногда они вправѣ сказать, подобно нѣмецкому поэту:

Назвавши тягчайшія скорби,
Тебѣ назовутъ и мою...

потому что задача жизни, ради которой они живутъ, подобно Бранду, требуетъ отъ нихъ тяжелыхъ и мучительныхъ жертвъ. Иногда найденная задача жизни осуждаетъ ихъ на непрестанную борьбу съ своей собственной совѣстью, потому что ихъ „задача" требуетъ отъ нихъ, какъ отъ Сольнесса, жертвъ не своимъ только, а и чужимъ счастьемъ... Но всетаки они и при этихъ условіяхъ находятъ возможнымъ жить: лишь бы была для нихъ ясной ихъ „задача жизни"... Кризисъ для героевъ Ибсена начинается только тогда, когда оказывается, что ихъ задача жизни или психологическій самообманъ, или непосильная тяжелая ноша, или, наконецъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, невозможная и неосуществимая идея. Жизнь становится въ этомъ случаѣ ненужною, лишнею, и неудачники Ибсена быстро сводятъ съ нею окончательные разсчеты.

При такихъ условіяхъ естественно, что для героевъ Ибсена ихъ „жизненная задача" является своего рода абсолютомъ, не отчуждаемой и не подлежащей размѣну цѣнностью.

Но понятно и другое. Понятно, что для героевъ Ибсена — въ частности для героевъ современныхъ пьесъ Ибсена—„задача жизни" слишкомъ нерѣдко осложняется элементомъ трагедіи.

II.

Въ судьбѣ Гакона, норвежскаго короля XIII столѣтія, о которомъ упоминалось выше, трагическій элементъ совершенно отсутствуетъ: о немъ не можетъ быть и рѣчи.—Въ исторической дали семи вѣковъ Ибсену посчастливилось найти правдоподобную сказку действительности—человѣка, который совершенно не знаетъ, что значитъ чувствовать себя раздвоеннымъ и у котораго наличность огромной задачи жизни, требующей тяжелыхъ жертвъ, сказывается только въ исключительномъ подъемѣ душевныхъ силъ.

Сущность драмы („Претенденты на корону") такова.—Королевская власть въ рукахъ Гакона, который, однако, владѣетъ ею по волѣ не всей Норвегіи. Власть оспариваютъ у него нѣсколько претендентовъ, которые подвергаютъ сомнѣнію, между прочимъ, королевское происхожденіе Гакона.

Гаконъ—король „будущей" Норвегіи. Въ Норвегіи XIII столѣтія, только что спаянной изъ отдѣльныхъ, чуждыхъ и взаимно-враждебныхъ государствъ, онъ долженъ создать единый *норвежскій народъ*, сплотивъ въ одно цѣлое и „трондцевъ", и ихъ исконныхъ враговъ „викенцевъ".

Гаконъ вѣритъ въ себя и въ то, что за нимъ помощь Божья. Поэтому, чтобы избавить Норвегію отъ страданій междоусобной войны, онъ предоставляетъ вопросъ о коронѣ, которую носитъ, рѣшенію „Божьяго суда" и народнаго голосованія. И то и другое кончается въ его пользу. „Божій судъ" — испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ, которому добровольно подвергается вдова предпослѣдняго короля и мать Гакона,—устанавливаетъ, въ глазахъ народа, королевское происхожденіе Гакона, и народное собраніе вновь признаетъ его королемъ единой Норвегіи.—Счастье продолжаетъ благопріятствовать Гакону, и всѣ его соперники одинъ за другимъ гибнутъ и исчезаютъ, кромѣ одного самаго сильнаго—ярла Скуле, бывшаго опекуна Гакона... Скуле храбръ и даровитъ, властолюбивъ, но честенъ. Скрѣпя сердце, онъ призналъ бы, быть можетъ, власть Гакона, если бы у послѣдняго не было еще одного затаеннаго и умнаго врага. Это — епископъ Николай. Судьба сыграла съ нимъ злую шутку: вложила въ него жажду власти, дала способности государственнаго человѣка и правителя, но не дала способностей солдата. Всѣ сраженія, въ которыхъ онъ принялъ участіе, не оставляли мѣста сомнѣнію, что Николай Арнессонъ (имя епископа) — не воинъ, что онъ — „трусъ". Но — не солдатъ, значитъ — и не король, какъ это ни нелѣпо кажется „трусу", чувствующему себя созданнымъ для роли короля — гражданскаго правителя. Въ результатѣ онъ пре-

вращается въ епископа, который безсильно грезитъ до самой смерти о коронѣ и ненавидитъ Гакона, какъ человѣка, которому *дарована физическая возможность* сдѣлать то, что подсказываетъ внутренній голосъ и призваніе. Но именно поэтому Гаконъ не долженъ имѣть конечнаго успѣха, поскольку это во власти епископа.—Съ этой цѣлью послѣдній внушаетъ Скуле, что судъ Божій ничего не доказалъ въ вопросѣ о происхожденіи Гакона, кромѣ факта добросовѣстнаго убѣжденія со стороны его родной матери, которая могла не подозрѣвать подмѣна ея ребенка, а между тѣмъ этотъ подмѣнъ *возможенъ* и *вѣроятенъ* по условіямъ первыхъ лѣтъ жизни Гакона. Это епископъ *доказываетъ* Скуле за нѣсколько минутъ до своей смерти... Возможенъ, но не несомнѣненъ. Честолюбивый, но честный Скуле не можетъ ни отказаться отъ короны, составляющей его „задачу жизни", ни рѣшиться взять ее силой *по праву*... Наконецъ, рѣшается, но отсутствіе твердой вѣры въ себя и въ свое право приводитъ къ пораженію: онъ никогда не можетъ „сжечь всѣ мосты кромѣ, одного", какъ это дѣлаетъ уравновѣшенный Гаконъ,—не можетъ, въ силу этого, воспользоваться самой благопріятной комбинаціей, когда обстоятельства дѣлаютъ удачу возможной... Душевный разладъ норвежскаго Гамлета—полководца разрѣшается смертью... Не найдя въ себѣ силы жить ради своей „задачи", измученный Скуле рѣшаетъ умереть ради торжества объединительной идеи Гакона, которую онъ самъ признаетъ „истинно-королевскою". „Нельзя жить, повторяетъ онъ слова своего друга-скальда, ради жизненной задачи другого, но можно за нее пасть".

Драма изобилуетъ художественными подробностями. Фигуры „пасынковъ Божьихъ"—Скуле (такъ называетъ его Гаконъ) и епископа—превосходно оттѣняютъ „счастливѣйшаго человѣка"—короля Гакона, которому судьба и природа дали все то, что раздѣлили у пасынковъ. Онъ живетъ въ неизмѣнномъ сіяніи своей истинно-королевской идеи. Онъ нашелъ въ ней одновременно и *жизненный стимулъ*, и *верховный критерій поведенія*. Вопросъ о жертвахъ, разъ рѣчь идетъ объ его „задачѣ", не содержитъ въ себѣ никакихъ мучительныхъ привнесеній ни для Гакона, ни для окружающихъ; даже для тѣхъ, счастьемъ которыхъ ему приходится жертвовать, его поведеніе просто и понятно. Онъ удаляетъ правителемъ на далекую окраину своего ближайшаго друга, отсылаетъ въ почетное изгнаніе свою родную мать, только что выдержавшую „испытаніе желѣзомъ" для подтвержденія его правъ на корону... Потому что, говоритъ онъ, около короля (такого, какъ онъ) не должно быть никого, кто *слишкомъ* ему дорогъ.—Даже та, которую онъ взялъ въ королевы Норвегіи, для него только мудрая совѣтница и дочь побѣжденнаго соперника, которую *нужно* было взять въ жены. Что она любитъ его, что въ ея глазахъ неудачи отца—не неудачи *отца*, а торжество ея *мужа*,—

все это онъ видитъ, но ничего не замѣчаетъ: все это слишкомъ далеко отъ него и скользитъ по душѣ, не оставляя прочнаго слѣда.

По началу пьесы Гаконъ, въ изображеніи Ибсена, настолько жёстокъ и прямолинеенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, что читатель не можетъ освободиться отъ впечатлѣнія, что дѣло здѣсь не только въ сіяющей задачѣ, а и въ изрядной черствости души... Только когда читатель убѣждается, при дальнѣйшемъ ходѣ событій, что Гакону *жаль* своего могучаго и опаснаго соперника, что ему тяжело осудить его на смерть и онъ *колеблется* это сдѣлать, пока тотъ самъ не кладетъ конецъ колебаніямъ, отдавши свирѣпое приказаніе убить сына Гакона—младенца: „убить гдѣ бы онъ ни встрѣтился — убить на тронѣ, убить передъ алтаремъ, убить на груди у матери", только тогда, когда читатель вмѣстѣ съ Гакономъ переживаетъ его радость, что осужденный на смерть Скуле всетаки имѣетъ возможность спастись — эту возможность оставляетъ самъ Гаконъ — образъ Гакона становится человѣчески—привлекательнымъ, и читателю дѣлается яснымъ, что не душевная черствость создаетъ видимую прямолинейность Гакона, а только исключительный характеръ и исключительные размѣры его „жизненной задачи". Онъ прямолинеенъ потому, что убѣжденъ, что онъ „избранникъ Божій"; прямолинеенъ потому, что не знаетъ коллизіи между внутреннимъ призваніемъ и голосомъ совѣсти... Все, что могли ему дать природа и счастье, онъ получилъ. И все, что получилъ, все сосредоточилъ на одномъ помыслѣ... И совѣсть спокойна даже тогда, когда онъ переступаетъ, „во имя Божіе"—на порогѣ церкви—черезъ трупъ Скуле, соперника, жаждавшаго власти не ради Норвегіи, а для самого себя— хотя и по праву.

Какъ видитъ читатель, Ибсену понадобились полу-сказочныя условія, чтобы помирить душевное равновѣсіе и преслѣдованіе напроломъ поставленной себѣ „задачи жизни". Понадобились жизненныя условія Норвегіи XIII-го столѣтія. Но и при этихъ условіяхъ художественная задача Ибсена оказалась, какъ мы видѣли, достаточно трудной и сложной. Чтобы сдѣлать своего однодума-короля психологически возможнымъ и понятнымъ для читателя, Ибсенъ долженъ былъ прибѣгнуть, такъ сказать, къ отрицательной манерѣ письма. Онъ выдвинулъ на первый планъ Скуле и епископа и сравнительно на второмъ планѣ оставилъ центральное по смыслу пьесы лицо—Гакона. Съ особой силой и рѣзкостью подчеркивая душевную драму у „пасынковъ Божьихъ", Ибсенъ заставляетъ читателя руководиться чувствомъ контраста и угадывать то душевное равновѣсіе и покой, которые составляютъ силу и счастье Гакона. Для васъ ясно, что Гаконъ не можетъ быть—по отсутствію причинъ—ни измученнымъ Скуле, ни озлобленнымъ епископомъ. Его портретный контуръ—образъ Гакона

не больше, какъ контуръ — становится для васъ заполненнымъ, значительнымъ и правдивымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ для васъ ощутительно ясно, какъ, въ сущности, онъ мало возможенъ (не „мало вѣроятенъ“) и отъ какой путаницы условій зависитъ то, что называется спокойнымъ человѣческимъ счастьемъ, даже и при наличности „истинно-королевской идеи“.

Аналогичный образъ увѣреннаго обладателя жизненной задачи Ибсенъ создалъ и при современныхъ условіяхъ. Это — Джонъ Габріэль Боркманъ, бывшій директоръ банка, разорившій вкладчиковъ незаконнымъ расходованіемъ средствъ банка, ради торжества своихъ идей „освободить милліоны“ изъ нѣдръ рудниковъ и „облагодѣтельствовать десятки, сотни тысячъ людей“. Судебный приговоръ, осудившій его на пять лѣтъ тюрьмы, не измѣнилъ его глубокаго убѣжденія, что онъ *имѣлъ право* такъ поступить, какъ поступилъ, слушаясь своего „непобѣдимаго призванія“, и онъ все ждетъ, что къ нему вернутся, станутъ „ползать“ передъ нимъ и „умолять“ взять снова банкъ въ свои руки...

Въ изображеніи Ибсена получился, однако, *виновный* банковый дѣлецъ, а не привлекательный Гаконъ въ обстановкѣ XIX столѣтія.—Оно и понятно: чтобы шествіе напроломъ въ преслѣдованіи своего „непобѣдимаго призванія“ не имѣло отталкивающаго характера, нужна „истинно-королевская“ идея,—нужно, чтобы „задача жизни“, подобно задачѣ норвежскаго короля XIII столѣтія, имѣла исключительно высокую *моральную* цѣнность, ясную для непосредственнаго чувства читателя. Иначе читатель будетъ реагировать на причиненіе страданій другому только какъ на неоправдываемый моральнымъ чувствомъ проступокъ.

Съ своимъ Гакономъ Ибсенъ *могъ* обратиться къ *непосредственному* чувству читателя. Освободить родную страну отъ братоубійственныхъ междоусобицъ и создать изъ нея одно общее отечество для вчерашнихъ враговъ—идеи, внутренняя цѣнность которыхъ ясна и безспорна для всякаго, и читатель отвѣчаетъ на художественный образъ опредѣленной, исторически сложившейся эмоціей положительнаго характера... Не то съ Боркманомъ. „Освободить милліоны“, спрятанные въ землѣ въ видѣ рудъ; на освобожденные милліоны понастроить фабрики, которыя будутъ работать „и днемъ, и ночью“; захватить въ свою власть „всѣ копи, водопады, каменоломни, дороги и пароходныя линіи по всему міру“... Все это очень красиво и интересно, какъ техническій замыселъ (конечно, фантастическій), но все это не безспорная „истинно-гражданская“ идея; не та всеобъемлющая идея, которая способна захватить читателя, безъ теоретическихъ разъясненій и умственныхъ усилій; не та ясная, безспорная и чарующая идея, ради которой простительны всякія жертвы. И потому читатель

не въ состояніи отозваться на грезы Боркмана относительно работающихъ днемъ и ночью фабрикъ сочувственной эмоціей радостнаго характера, которая могла бы покрыть собою естественную отрицательную реакцію на тѣ жертвы чужимъ благополучіемъ, которыя разрѣшаетъ себѣ, безъ всякихъ колебаній, Боркманъ... Вѣрно, скорѣе, обратное: непосредственное чувство все, что отзывается такъ называемымъ „дѣломъ", окрашиваетъ, по традиціи, въ невыгодную для „дѣльца" сторону прежде даже, чѣмъ выяснятся соціальныя качества красиво задуманнаго „предпріятія"... Вотъ почему, повинуясь своему непосредственному чувству (а къ нему только и можетъ обращаться художникъ), читатель *не можетъ* разрѣшить Боркману требовать отъ другихъ жертвы, подобно тому, какъ онъ способенъ это сдѣлать относительно Гакона, и для него (читателя) Боркманъ остается только банковымъ дѣльцомъ, виновнымъ въ нарушеніи довѣрія вкладчиковъ, а отнюдь не героемъ своей жизненной задачи, переживающимъ трагическую коллизію между нею и объективными условіями жизни.

III.

Для героевъ современныхъ пьесъ Ибсена жизненная задача, какъ было замѣчено, очень нерѣдко связана съ тяжелой внутренней драмой. Это, однако, не измѣняетъ отношенія къ ней ни Ибсена, ни его героевъ. „Красота и счастье находятся гдѣ-то внѣ жизни", говоритъ въ одномъ мѣстѣ Чеховъ. Ибсенъ коренньмъ образомъ расходится въ этомъ отношеніи съ нашимъ писателемъ. Правда, счастье—хрупкая и рѣдкая вещь: съ этимъ и онъ вполнѣ согласенъ. Но красота — красота не изгнана изъ жизни; она возможна даже въ мелочахъ жизни. Вмѣстѣ съ энергіей жить она создается наличностью „жизненной задачи", хотя бы по размѣрамъ эта задача была очень далекой отъ „истинно-королевской"... Но создается вмѣстѣ съ тѣмъ—зачастую—и внутренняя драма. У современныхъ героевъ Ибсена не только нѣтъ однодумности и внутренняго равновѣсія короля Гакона, но, очевидно, и не можетъ быть. Слишкомъ сложною стала жизнь, а совѣсть, которая еще у Гакона была достаточно „коренастою", стала „слишкомъ мягкою". Современному культурному — въ настоящемъ смыслѣ этого слова — человѣку нужно удовлетворить слишкомъ многимъ требованіямъ, выдвинутымъ эволюціей человѣческаго духа. Вѣдь очень часто удовлетворить *своей* жизненной задачѣ—значитъ растоптать, какъ это дѣлаетъ „во имя Божіе" Гаконъ, жизненную задачу другого, такую же законную, такую же субъективно цѣнную, какъ моя. Въ этомъ отношеніи все преимущество на сторонѣ древнихъ викинговъ: они, какъ простую воду, пили медъ и крѣпкое вино, но и какъ простую воду—

лили человѣческую кровь. Эти представители пережитого прошлаго могли съ легкимъ сердцемъ идти напроломъ, относясь къ окровавленнымъ трупамъ и враговъ, и друзей, какъ къ простой законной подробности жизни.

Но время „коренастой“ совѣсти прошло, и жизнь пошла по другому руслу.

Вся исторія сложилась въ сторону развитія моральнаго чувства, повышенія цѣнности жизни и счастья одного въ глазахъ другого и, слѣдовательно, въ сторону „мягкой“ совѣсти.

Современному герою Ибсена нужно удовлетворить не только голосу призванія и голосу чести, какъ старымъ викингамъ, но и болѣзненному чувству отвѣтственности за себя (Сольнессъ), за своихъ предковъ (Росмеръ) и даже за особо благопріятныя условія, въ которыхъ проходитъ его личная жизнь (Фьельдбо въ „Союзѣ молодежи“).

Каково отношеніе къ этому процессу смягченія „коренастой“ совѣсти со стороны самого Ибсена? Для многихъ онъ пѣвецъ „коренастой“ совѣсти и обличитель „мягкой“: онъ не прочь былъ бы видѣть возрожденіе первой и исчезновеніе—ради счастья личности—второй... Это несомнѣнное недоразумѣніе. Въ пьесахъ Ибсена есть обладатели такой здоровой совѣсти, есть жаждущіе такой здоровой совѣсти, но въ конечномъ результатѣ вопросъ о ней разрѣшается далеко не такъ просто—въ смыслѣ устройства совмѣстнаго существованія на началахъ звѣриныхъ.

Въ этомъ отношеніи представляетъ особый интересъ „Росмергольмъ“. Напомнимъ содержаніе этой драмы.

Росмеръ — потомокъ стариннаго рода; бывшій пасторъ. Его предки—все „корректные и честные люди“—представители такъ называемыхъ патріархальныхъ воззрѣній, считали нужнымъ держать окружающее населеніе въ подчиненіи и моральной приниженности. Подъ вліяніемъ перемѣнившагося міросозерцанія, Росмеръ дѣлаетъ себѣ задачу жизни изъ искупленія исторической вины своихъ предковъ. Всѣмъ своимъ вліяніемъ — и личнымъ, и какъ потомка Росмеровъ—онъ долженъ воспользоваться для духовнаго освобожденія приниженныхъ его предками людей. Въ его мечтахъ они живутъ уже „радостными аристократами духа“ въ противоположность мрачнымъ аристократамъ духа его предкамъ. Этотъ переворотъ въ душѣ консерватора - пастора совершился подъ вліяніемъ одаренной дѣвушки Ревекки Вестъ. Духовная эмансипація населенія—это собственно ея мысль. Она задумала провести ее въ жизнь руками Росмера (это одна изъ обычныхъ формъ, въ которыхъ отливается „задача жизни“ у женщинъ Ибсена) и нашла возможность укрѣпиться въ его домѣ, его семьѣ (Росмеръ женатъ)... Скоро отношенія осложняются страстнымъ чувствомъ Ревекки къ Росмеру. Жена Росмера — хорошій, но консервативный по складу ума человѣкъ — стоитъ, очевидно, на

дорогѣ Ревекки: Ревекки-борца и еще больше Ревекки-женщины.

Въ результатѣ Ревекка, которая сознательно культивируетъ въ себѣ то, что называетъ „безстрашною волей", рѣшаетъ сдѣлать „выборъ между двумя жизнями" (Росмера и его жены) и доводитъ жену Росмера до сознанія, что для мужа она тяжелая помѣха. Какъ преданный и любящій человѣкъ, та находитъ выходъ въ самоубійствѣ.

Дорога къ счастью личному и къ выполненію двойной „задачи психіи" открывается, но вмѣстѣ съ тѣмъ и закрывается. Росмеръ узнаетъ разными путями, что его жена покончила съ собой не въ припадкѣ безумія, какъ онъ полагалъ, а сознательно жертвуя собой; узнаетъ и тѣмъ самымъ теряетъ и вѣру въ свою способность „перерождать" людей, и состояніе „безвинности", въ которомъ онъ находилъ до сихъ поръ необходимую ему бодрость духа... Но это отнюдь не вызываетъ бурнаго протеста со стороны виновницы всего—Ревекки. Она сама уже не прежняя, не „безстрашная". Подъ вліяніемъ совмѣстной жизни съ Росмеромъ, гипнозъ безстрашія утратилъ силу (вмѣстѣ съ чувствомъ бурной страсти). Она невольно поддалась очарованію утонченной душевной организаціи своего друга (онъ остался для нея только другомъ: это высшее, что цѣнитъ въ ихъ отношеніяхъ Росмеръ). Она признается въ своей винѣ относительно его покойной жены и признается, что она не въ силахъ была взять счастье для нихъ обоихъ, которое она такъ „безстрашно" завоевала, потому что у нея исчезла, по ея словамъ, „прежняя, безстрашная воля, которая хотѣла освободиться... у нея теперь нѣтъ больше силы — нѣтъ положительной силы".

Росмеръ. Какъ объясняешь ты, что съ тобой произошло?

Ревекка. Міровоззрѣніе Росмеровъ или, вѣрнѣе, твое міровоззрѣніе—заразило мою волю.

Росмеръ. Заразило?

Ревекка. И сдѣлало ее больной. Поработило ее законамъ, которые прежде не имѣли для меня значенія. Ты и жизнь съ тобой облагородили мою душу.

Нравственный кризисъ, осложненный утратой вѣры въ свѣтившую обоимъ задачу жизни, разрѣшился новымъ двойнымъ самоубійствомъ Ревекки и Росмера.

Такимъ образомъ „хилая" совѣсть въ глазахъ Ревекки является результатомъ привнесенія въ человѣческую жизнь какого-то высшаго начала, которое „заражаетъ" совѣсть, дѣлаетъ ее „больной", но вмѣстѣ съ тѣмъ является чѣмъ-то безспорнымъ и *облагораживающимъ* душу. Перенесеніе морали старыхъ викинговъ въ современную жизнь невозможно не только по объективнымъ, но и по субъективнымъ причинамъ. Хилый совѣстью и обреченный на бездѣйствіе Росмеръ вамъ всетаки — повидимому, и

Ибсену — ближе, чѣмъ даже Гаконъ съ своей коренастой совѣстью и „истинно-королевской идеей“. Быть можетъ, виноватъ въ этомъ присущій современному человѣчеству культъ человѣческаго страданія. Давно уже вся коллективная жизнь живетъ насчетъ страданія *лучшихъ*. Въ концѣ концовъ, это страданіе лучшихъ для разума стало не только прочнымъ залогомъ возможности общаго счастья, но и почти синонимомъ этого счастья. Получилось странное противорѣчіе въ душевномъ укладѣ, въ силу котораго современный человѣкъ, жаждущій покоя и счастья, мало понимаетъ спокойную красоту Венеры или, если угодно, понимаетъ ее съ какимъ-то мучительнымъ чувствомъ укора; но понимаетъ Мадонну, которая знаетъ, что Сынъ ея будетъ распятъ на крестѣ... Этотъ культъ страданія, какъ страданія, отмѣтилъ, кажется, Гейне. По его словамъ, умирающей собакѣ страданія придаютъ сходство съ человѣкомъ.

Но мы отклонились въ сторону. Какъ бы ни объяснять исчезновеніе коренастой совѣсти, фактъ тотъ, что ея у современныхъ людей нѣтъ; она замѣнилась до странности болѣе цѣнною— „хилою“ совѣстью. А эта „хилая“ совѣсть очень часто стоитъ на дорогѣ, когда человѣкъ пытается идти напроломъ къ своей жизненной задачѣ... *). И не только, когда онъ виновенъ — какъ Ревекка и до извѣстной степени Росмеръ — въ *юридическомъ* смыслѣ этого слова, но и тогда, когда никакой вины по существу нѣтъ и человѣкъ только „безъ вины виноватъ“ въ своихъ собственныхъ глазахъ.

IV.

Едва ли не самымъ обездоленнымъ въ этомъ отношеніи является „Строитель Сольнессъ“. У него есть задача жизни, по своимъ размѣрамъ не уступающая задачѣ Гакона.

Символическій „строитель“ въ области человѣческаго духа, онъ въ началѣ своей дѣятельности, по традиціи (онъ — бывшій крестьянинъ), строилъ въ качествѣ высшаго, на что онъ способенъ, церкви и колокольни**). Но церкви и колокольни безсильны дать

---

*) Крупное значеніе вопросовъ о больной совѣсти и чести въ драмахъ Ибсена отмѣтилъ еще покойный Н. К. Михайловскій. Насъ интересуютъ эти элементы только въ отношеніи ихъ къ основной задачѣ — разъясненію вопроса о „жизненной задачѣ“ и ея роли.

**) Въ первый періодъ духовнаго строительства Сольнессъ опирается на базу религіозныхъ вѣрованій (постройка церквей и колоколенъ); во второй—перестраиваетъ жизнь, внося въ нее благополучіе, но не выходя изъ сферы прямыхъ и *конкретныхъ* нуждъ людей (постройка уютныхъ домовъ и очаговъ); въ третій—перестраиваетъ повседневную жизнь, внося въ нее *идеальный* элементъ (постройка домовъ съ башнями); въ четвертый —превращаетъ идеалъ въ самостоятельную цѣль жизни (воздушные замки на камен-

человѣку то, что ему больше всего нужно, — красоту человѣческаго счастья; они только прибѣжища для человѣческаго несчастія. „Строитель" рѣшается измѣнить традиціонному строительству. Отнынѣ онъ будетъ строить только свѣтлыя, уютныя жилища для людей, красивыя и веселыя гнѣзда „для дѣтворы, ихъ матерей и отцовъ". Съ увѣреннымъ вызовомъ „строитель" обращается къ Богу, которому служилъ „съ такимъ честнымъ и теплымъ чувствомъ":—„Слушай, Всемогущій! Съ этихъ поръ и я хочу быть свободнымъ строителемъ. Въ своей области. Какъ Ты въ своей. Я никогда не буду больше строить церквей. Только жилища для людей". И такъ же, какъ раньше, когда онъ строилъ церкви и колокольни, его строительная дѣятельность сопровождается успѣхомъ; дальше больше: его почти „преслѣдуетъ" успѣхъ, какъ другихъ преслѣдуютъ несчастье и горе... Но этотъ неизмѣнный успѣхъ не приноситъ ни покоя, ни счастья. „Строитель" вѣчно помнитъ о тѣхъ жертвахъ, которыя связаны — не для него, къ сожалѣнію—съ перемѣной въ его строительной дѣятельности. Въ однѣхъ жертвахъ онъ не повиненъ, какъ не повиненъ, по существу, въ болѣзни и бездѣтности своей жены. Память, однако, не перестаетъ связывать эти несчастья близкаго человѣка съ его первымъ успѣхомъ. Его женѣ такъ легко и привычно жилось въ старомъ домѣ отцовскихъ воззрѣній. Домъ былъ снаружи похожъ на „большой мрачный и безобразный ящикъ", но внутри было „очень хорошо и уютно".

Сольнессу страстно хотѣлось, чтобы этотъ домъ сгорѣлъ и далъ ему случай построить первый настоящій домъ. И домъ дѣйствительно сгорѣлъ, сгорѣлъ по чистой случайности,—не въ силу его попустительства. На его мѣстѣ Сольнессъ выстроилъ то, что хотѣлъ, и на желанной постройкѣ создалъ себѣ славу лучшаго „строителя". А для его жены послѣдствіемъ пожара была болѣзнь, смерть близнецовъ ея, которыхъ она сама кормила и потеря навсегда надежды быть матерью. Сгорѣло ея міросозерцаніе: сгорѣли „кружева" *) жизни, передававшіяся изъ поколѣнія въ поколѣніе, сгорѣли „куклы" *) ея дѣтскихъ воспоминаній и традиціонныхъ вѣрованій. Алина (жена Сольнесса) признается, что,

---

номъ фундаментѣ). Вліяя на міроразумѣніе окружающихъ и жены, онъ создаетъ въ ихъ душѣ „пожары" и гибель всего, съ чѣмъ они сроднились, чѣмъ жили и были счастливы. Новое міроразумѣніе не даетъ (многимъ) того покоя и счастья, которое давали старыя религіозныя воззрѣнія.—Вотъ общій смыслъ символовъ въ пьесѣ (Какъ извѣстно, Ибсенъ вложилъ въ пьесу много подробностей о себѣ, какъ писателѣ).

Само собой разумѣется, что драма Ибсена имѣетъ характеръ общаго символа, и въ лицѣ Сольнесса мы вправѣ видѣть всякаго новатора, всякаго реформатора, „задача" котораго требуетъ жертвъ во имя идеала.

*) Мы уясняемъ символы. (Въ подлинникѣ—дѣйствительныя „кружева" и „куклы").

когда около нея не было мужа, она никогда не разставалась съ этими старыми „куклами“, и ихъ она оплакиваетъ такъ же неутѣшно, какъ своихъ двухъ малютокъ...

„Пожары“ очень часто предшествуютъ „строительству“ и, нужно думать, „строитель“ видѣлъ не одинъ такой, какой изуродовалъ жизнь его жены. Но тутъ послѣдствія пожара слишкомъ на глазахъ. Слишкомъ близкій человѣкъ (припомните выраженіе Гакона: „около короля не должно быть никого, кто слишкомъ ему дорогъ“) утратилъ навсегда то, чѣмъ живъ самъ Сольнессъ, и жена его за-живо стала „мертвою“, по его выраженію. Когда юная энтузіастка Гильда, во время бесѣды внезапно спрашиваетъ: „Теперь вы думаете о ней“ (объ Алинѣ)? Онъ отвѣчаетъ: „Да. Больше всего объ Алинѣ. Потому что у Алины... у нея тоже было свое жизненное призваніе. *Совершенно такъ же, какъ у меня...* Но ея призваніе *должно* было быть разбито, уничтожено, оттѣснено, для того, чтобы мое повело къ своего рода великой побѣдѣ“, и на недоумѣвающіе вопросы Гильды, „волнуясь и нѣжно“— по авторской ремаркѣ—разъясняетъ сущность „задачи жизни“, какъ она представлялась его женѣ: „Ростить дѣтскія души, Гильда! Воздвигать ихъ такъ, чтобы онѣ могли рости въ уравновѣшенности и благородныхъ, прекрасныхъ формахъ. Чтобы изъ нихъ вышли прямыя взрослыя души. Вотъ къ чему у Алины было призваніе... и все это *пропало безъ употребленія... навѣки...* Точь въ точь какъ пепелъ послѣ пожара“.

Во всемъ этомъ онъ, конечно, не виноватъ, если пользоваться терминологіей юристовъ, но для себя самого онъ виноватъ—виноватъ уже потому, что *хотѣлъ* этого символическаго пожара.

Къ этому присоединяются (у Ибсена драма всегда сложная) еще и сомнѣнія, возникшія у Сольнесса относительно внутренней цѣнности его задачи жизни. — Гаконъ чувствовалъ себя избранникомъ божьимъ; Сольнессъ чувствуетъ себя бунтовщикомъ, взявшимъ на себя всю отвѣтственность за успѣхъ. И вотъ люди, слѣдуя его совѣтамъ, строятъ дома, но не хотятъ имѣть на этихъ домахъ ничего, что уходило бы въ высь къ небу *), подобно старымъ колокольнямъ и церквамъ. Въ концѣ концовъ, оказывается, что, если не давали счастья эти старыя прибѣжища людей, то не больше дали и его символическіе дома безъ башенъ. Онъ чувствуетъ, что все дѣло можно поправить надстройкой этихъ башенъ, но жизненная усталость сказывается и его надорванныхъ силъ уже недостаточно. Съ другой стороны, его „задача жизни“ обошлась ему слишкомъ дорого (по его выраженію), чтобы онъ могъ добровольно уступить ее другому, который оттѣснитъ стараго „строителя“, оставивъ въ его жизни только одну перенесенную муку. Онъ готовъ—на этотъ разъ уже сознательно—растоптать чужое

---

*) Символъ идеальнаго элемента въ повседневной жизни.

призваніе, лишь бы не пріобрѣсти въ лицѣ Рагнара (его помощника) возможнаго замѣстителя — талантливаго замѣстителя — въ „строительствѣ". Противорѣчіе между поведеніемъ, основной идеей его строительства и его „задачей жизни" *) онъ сознаетъ, конечно, когда говоритъ (по ремаркѣ Ибсена, „подавленнымъ голосомъ и съ внутреннимъ волненіемъ"):

„Слушайте внимательно, что я вамъ скажу, Гильда. Все, что мнѣ дано создавать, строить, воздвигать, все прекрасное, уютное, свѣтлое.. возвышенное (ломаетъ руки)... все это я долженъ искупать. Платить за это. Не деньгами, а человѣческимъ счастьемъ. И не только своимъ, но и чужимъ... И каждый Божій день я долженъ видѣть, какъ плата все наново вносится. Все вновь, все вновь.. вѣчно вновь!" Но практическое послѣдствіе этого—только усиленіе душевнаго разлада. Когда при немъ говорятъ объ его счастьѣ, онъ слушаетъ это „съ мрачной улыбкой", по ремаркѣ Ибсена, и разъясняетъ это „счастье" Гильдѣ: „...люди называютъ это счастьемъ! Но я вамъ скажу, какъ ощущается это счастье! *Я ощущаю его, какъ больное мѣсто на груди, лишенной кожи.* И вотъ являются помощники и слуги и снимаютъ куски кожи у другихъ людей, чтобы закрыть мою рану! *Но раны этой не залѣчить.* Никогда... никогда! О, если бы знали, какъ иногда это жжетъ и рѣжетъ!"

Устранить душевный разладъ, парализующій „строительство" Сольнесса беретъ на себя Гильда.—Въ принципѣ она представитель „коренастой" совѣсти, какъ и Ревекка. Если она и заставляетъ Сольнесса сдѣлать все, что хочетъ для себя Рагнаръ, то только потому, что поступить иначе недостойно *ея* строителя; потому что—въ принципѣ—она не хочетъ считаться ни съ чьимъ горемъ, разъ дѣло идетъ о „строителѣ" и его „задачѣ". „У васъ слишкомъ мягкая совѣсть", говоритъ она Сольнессу, „такъ сказать, нѣжная. Не выноситъ ударовъ, не можетъ ни поднять, ни нести ничего тяжелаго". И на вопросъ Сольнесса: „Какою же должна быть совѣсть, если можно спросить?" отвѣчаетъ: „*У васъ* мнѣ бы лучше всего хотѣлось, чтобы совѣсть была... ну... очень крѣпкая".

Она настаиваетъ на томъ, чтобы Сольнессъ закончилъ все, что задумалъ 10 лѣтъ тому назадъ. Онъ долженъ побороть свои сомнѣнія, принижающія его силы, долженъ чувствовать себя, какъ встарь, долженъ подняться на „головокружительную высоту," а затѣмъ онъ долженъ, вмѣстѣ съ нею, приняться за осуществленіе его идеи: за постройку единственнаго, въ чемъ *можетъ* жить человѣческое счастье—„воздушные замки" человѣческихъ идеаловъ „на каменномъ фундаментѣ" **) дѣйствительныхъ нуждъ, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ (въ своемъ прошломъ) не считаясь.

---

*) Неуловимый переходъ между тѣмъ, что называется „проступкомъ" и тѣмъ, что составляетъ „подвигъ", вообще близкая для Ибсена тема.

**) Отнынѣ идеалъ не „пристройка" къ жизни, а самостоятельная цѣль.

Попытку подняться на „головокружительную“ высоту требованій юной дѣвушки ободренный Сольнессъ дѣлаетъ: счастливо поднимается, вѣнчаетъ вѣнкомъ свой символическій домъ съ высокой башней, „уходящей въ небо“, но силъ удержаться у него не хватаетъ; онъ падаетъ и разбивается на смерть.

Н. К. Михайловскій назвалъ Сольнесса „изъѣденнымъ совѣстью человѣкомъ“. Это совершенно точное опредѣленіе его душевнаго состоянія. И причина, какъ мы видимъ, въ томъ, что ему съ самаго начала не свѣтитъ его „истинно-строительская“ идея—такъ же, какъ Гакону свѣтила его „истинно-королевская“, когда онъ посылалъ свою мать въ почетное изгнаніе. Для Гакона его „истинно-королевская“ идея была одновременно и стимуломъ, и верховнымъ оправданіемъ. Не было никакой другой задачи, которая могла бы сравниться съ его задачей и всякая должна была уступить „во имя Божіе“. У Сольнесса такого объективнаго масштаба нѣтъ. Онъ умѣетъ цѣнить задачи только съ объективной точки зрѣнія. „У нея *тоже* было свое жизненное призваніе. *Совершенно такъ же*, какъ и у меня,“ говоритъ онъ о женѣ.—Между тѣмъ задача Сольнесса обладаетъ несомнѣнной объективной цѣнностью. Ею же живетъ Гильда и изъ моральнаго содѣйствія Сольнессу дѣлаетъ свою собственную „задачу жизни“.

Что касается Гильды, въ принципѣ — какъ мы видѣли — она готова ничѣмъ не стѣсняться: дебатируя вопросъ о крѣпкой и нѣжной совѣсти, она говоритъ Сольнессу: „...Да почему мнѣ и не быть хищной птицей! Почему и мнѣ не выходить на добычу? Захватить ту добычу, которая мнѣ нравится? Разъ я могу запустить въ нее свои когти? И удержать ее?“ Но лишь только приходится столкнуться съ живымъ человѣческимъ горемъ, какъ дѣломъ ея рукъ, и она превращается въ „хилаго человѣка“, не чувствуя, напр., въ себѣ способности добить злополучную жену Сольнесса, отнявъ у нея Сольнесса, хотя бы и въ интересахъ будущихъ „воздушныхъ замковъ“... „Я *не могу* поступить нехорошо съ человѣкомъ, котораго я *знаю*“, признается она Сольнессу. „Не могу отнять... чего нибудь“...

Таковы взаимныя отношенія между „задачей жизни“ и совѣстью у современныхъ героевъ Ибсена. Имъ не достаетъ того, что было въ пору полу-звѣриныхъ отношеній между людьми и что безвозвратно исчезло въ силу „облагороженія“ человѣческой природы. Они уже не способны идти напроломъ къ намѣченной цѣли—спокойные, ясные и уравновѣшенные, не смущаясь чужимъ страданіемъ, подобно старымъ викингамъ. Задача жизни можетъ порою превратить ихъ жизнь въ тяжелое испытаніе. Но все же они будутъ жить, будутъ знать, для чего живутъ и для чего страдають,—пока имъ сіяетъ ихъ задача жизни... Пока она сіяетъ, они не „лишніе“ люди. Они только мучащіеся люди.

V.

Мы переходимъ къ анализу душевной драмы у *лишнихъ* людей Ибсена.

„Лишніе“ люди—это, конечно, „не приспособленные“ къ жизни или „не приспособившіеся“. Обыкновенно въ словѣ „лишній“ слышится извѣстный укоръ по отношенію къ тѣмъ, которые *не сумѣли* приспособиться. Объ Ибсенѣ вѣрнѣе было бы сказать обратное.

Какъ психологъ, онъ считаетъ счастье крупнымъ факторомъ не только дѣйствительнаго, но и моральнаго характера: по Ибсену „радость облагораживаетъ“ (Росмеръ), а „горе дѣлаетъ человѣка злымъ и суровымъ“ (Альмерсъ въ „Маленькомъ Эйольфѣ“). Тѣмъ не менѣе авторскія симпатіи его всего меньше принадлежатъ людямъ, которые спокойны и счастливы въ силу присущей имъ нетребовательности, и ни къ кому онъ такъ жестко и пренебрежительно не относится, какъ къ приспособившимся и приспособляющимся—при всякихъ условіяхъ жизни. „Онъ никогда не хочетъ большаго, чѣмъ можетъ“, иронически отзывается объ одномъ изъ своихъ единомышленниковъ неудачникъ Брендель въ „Росмергольмѣ“, и симпатіи Ибсена явно на сторонѣ этого неудачника, въ итогѣ всей своей жизни нашедшаго только „тоску по великому Ничто“, какъ онъ шутитъ на свой счетъ передъ смертью. Въ глазахъ Ибсена люди, которые никогда не хотятъ того, чего не могутъ, никогда, конечно, не могутъ быть безполезными; но за то не въ нихъ и источникъ творческихъ силъ, создающихъ будущее; не въ нихъ *залогъ* этого будущаго и не въ нихъ причина неизбѣжности роста человѣческаго духа и пересозданія жизни на иныхъ началахъ.

Для этого нужны его неуравновѣшенные люди съ безпокойною душой, которые должны неустанно искать и найти... Изъ нихъ вербуются „Строители“, если свою чудотворную жизненную задачу имъ посчастливится найти. Но изъ нихъ же пополняются и ряды лишнихъ людей, если имъ это не удастся... Кто-то сказалъ, что всякій человѣкъ въ чемъ нибудь геніаленъ, только онъ случайно не напалъ на то дѣло, которое обнаружило бы его геніальность.

Героевъ Ибсена то же невѣдѣніе держитъ вдали отъ ихъ „жизненной задачи“, на которую они полностью могли бы отдать свои силы и на которой они могли бы развернуться въ дѣйствительную свою величину. Узелъ ихъ личной драмы всегда въ этомъ удаленіи. У однихъ это удаленіе имѣетъ хроническій характеръ непрерывнаго состоянія; у другихъ результатъ болѣе или менѣе случайной комбинаціи внѣшнихъ условій, разрушившихъ

жизненную „задачу“, которая была или—иногда—казалось, что она была. Психологическая особенность и тѣхъ и другихъ—въ изображеніи Ибсена—это, что они отчетливо сознаютъ свое положеніе и степень его безысходности, отчетливо сознаютъ, чего имъ не хватаетъ и что дѣлаетъ ихъ „лишними“ *въ ихъ собственныхъ глазахъ... Не* въ глазахъ читателя, для котораго они остаются и въ томъ и другомъ случаѣ психологически цѣннымъ матеріаломъ, не реализованнымъ жизнью, какъ она, по тѣмъ или инымъ причинамъ, сложилась. *Для читателя* они не лишніе, а желанные, но *для самихъ себя* они несомнѣнно лишніе: „тринадцатые за столомъ“, по выраженію Грегерса въ „Дикой уткѣ“.

Принять жизнь, какъ простой фактъ существованія въ роли „тринадцатаго“, они не могутъ, даже пытаясь это сдѣлать, какъ пыталась Гедда Габлеръ. Остается выходъ, съ которымъ нельзя примириться, но который логически понятенъ и для нихъ, и для читателя: „добровольно“ уйти и перестать быть „тринадцатымъ“... Такъ они и дѣлаютъ. Такъ развязываютъ свою внутреннюю драму Росмеръ и Брендель въ „Росмергольмѣ“; такъ исправляетъ ошибочное рѣшеніе своей „задачи“ злополучный Грегерсъ въ „Дикой уткѣ“, такъ разрѣшаетъ вопросъ о себѣ блестящая неудачница Гедда Габлеръ.

Эта послѣдняя является типичнымъ лишнимъ человѣкомъ—„хроникомъ“, который всю свою короткую жизнь прожилъ безъ задачи жизни, по личнымъ условіямъ не могъ ея имѣть и напрасно пытался заполнить душевную пустоту эстетическими суррогатами жизненной задачи—внѣшнимъ блескомъ жизни и красотой ея отдѣльныхъ подробностей и мелочей. Жажда настоящаго и крупнаго не покидаетъ ея (по настоящему живетъ она развѣ только нѣсколько часовъ, когда ждетъ духовнаго возрожденія любимаго человѣка) до момента „красиваго“ выстрѣла въ високъ—непремѣнно въ високъ. Подчеркивая эту ультра-эстетичность Гедды вплоть до способа, какимъ надо покончить съ собой, Ибсенъ отнюдь не дѣлаетъ изъ нея прозелитку эстетизма ради самого эстетизма.

Образъ тоскующей и непроизвольно жестокой Гедды Габлеръ далъ бы намъ очень цѣнный матеріалъ для анализа драмы у лишнихъ людей Ибсена, но онъ очень сложенъ и вдобавокъ въ немъ слишкомъ много спорныхъ подробностей (напримѣръ, элементъ несомнѣнной „преступности“ *) въ поведеніи Гедды Габлеръ), которыхъ нельзя устранить въ нѣсколькихъ словахъ, сказанныхъ мимоходомъ. Разсчитывая вернуться къ „Геддѣ Габлеръ“ въ отдѣльномъ очеркѣ, пока ограничимся о ней сказаннымъ и перейдемъ къ другимъ „тринадцатымъ“.

---

*) „Преступность“ въ пьесахъ Ибсена подвергается очень своеобразному толкованію, поскольку рѣчь идетъ о богато одаренныхъ людяхъ.

VI.

Съ фактической стороной душевнаго кризиса у владѣльца Росмергольма мы уже знакомы. Пока драма развернулась передъ нимъ только въ половину и для него остается неизвѣстною роль Ревекки въ самоубійствѣ жены, жить для Росмера тяжело: — потеряно „состояніе радостной безвинности“, которое усиливало его работоспособность, но тяжесть была еще въ мѣру силъ. Умная и любящая Ревекка знаетъ это и неизмѣнно напоминаетъ Росмеру, что у него *есть* для чего жить. „О, не думай ни о чемъ, кромѣ твоей прекрасной задачи“. Она знаетъ, что въ этихъ словахъ онъ найдетъ достаточную точку опоры для жизни, хотя бы и не „радостной“. Но положеніе рѣзко мѣняется, когда Росмеръ узнаетъ изъ устъ самой Ревекки, что самоубійство его жены въ дѣйствительности не самоубійство; что цѣной ея жизни самый близкій ему человѣкъ хотѣлъ обезпечить успѣхъ ихъ общей „задачи жизни“ и ихъ собственное счастье. Тогда кризисъ у Росмера пріобрѣтаетъ рѣшительный характеръ. Росмеръ потерялъ послѣднее, что у него оставалось: вѣру въ свою способность перевоспитывать и передѣлывать людей, т. е. въ свою „задачу жизни“. Если Ревекка, съ которой онъ цѣлые годы прожилъ, дѣля лучшія, завѣтныя мечты, не поддалась вліянію, то какъ онъ можетъ разсчитывать подчинить своему вліянію другихъ—чужихъ ему людей? заставить ихъ силою своего авторитета и моральнаго воздѣйствія *) передѣлать свою жизнь, приниженную мрачными Росмерами, на новыхъ началахъ, достойныхъ человѣка? Онъ перестаетъ вѣрить въ это, и сторонникамъ сохраненія въ неприкосновенности добраго стараго времени, нетрудно вырвать у него согласіе — оставить жизнь въ покоѣ, какъ она есть. Задача его жизни, въ которую онъ вложилъ свое лучшее *я*, больше не существуетъ и *тѣмъ самымъ* для него безповоротно

О жизни покончёнъ вопросъ...

Вотъ діалогъ между нимъ и Ревеккой (Ревекка собирается уѣхать изъ дома Росмера, и онъ считаетъ нужнымъ предупредить ее, что возможныя случайности имъ „уже давно“ предусмотрѣны и Ревекка отъ нихъ въ матеріальномъ отношеніи „обезпечена“. Ревекка возражаетъ, что это лишнее).

Ревекка. Ахъ, Росмеръ, ты проживешь дольше, чѣмъ я.

Росмеръ. Предоставь ужъ мнѣ распорядиться моей жалкой жизнью.

---

*) Какъ мы видѣли, это—одно изъ существенныхъ (по замыслу Ибсена) орудій при осуществленіи задачи Росмера.

Ревекка. Что это значитъ? Не думаешь же ты о томъ...

Росмеръ. Нашла бы ты это страннымъ? Послѣ печальнаго жалкаго пораженія, которое я потерпѣлъ! Я, который хотѣлъ осуществить задачу своей жизни... и вотъ сдѣлался перебѣжчикомъ раньше даже, чѣмъ началась битва!

Ревекка. Возобнови борьбу, Росмеръ! Ты увидишь, что побѣдишь,—если ты попытаешься. Ты облагородишь сотни, тысячи душъ. Только попытайся.

Росмеръ. О, Ревекка! Я не вѣрю уже больше въ задачу моей жизни.

Росмеръ оказался неправъ: въ дѣйствительности Ревекка, какъ мы видѣли, „переродилась" подъ его вліяніемъ, и онъ *могъ* вѣрить въ свою „задачу жизни"... Но ему нужно было *чувствовать* это, нужно было несомнѣнное доказательство, которое было бы сильнѣе совершоннаго Ревеккой преступленія. Такое доказательство Ревекка могла дать только въ моментъ ихъ двойнаго самоубійства.

Въ томъ же „Росмергольмѣ" есть еще неудачникъ — бывшій учитель Росмера, Брендель. Эта вводная фигура, мало обрисованная и недостаточно ясная, повидимому, должна оттѣнить, что въ роковомъ исходѣ душевной драмы Росмера не слѣдуетъ ничего относить насчетъ его темперамента. Хотя Росмеръ, какъ и всѣ его предки, „никогда не смѣется",—а Брендель, наоборотъ, всегда смѣется:—даже свою „тоску по великомъ Ничто" онъ мотивируетъ только въ шуточной формѣ, прося Росмера одолжить ему „парочку отжившихъ идеаловъ", которыхъ ему не достаетъ,— но результатъ утраты „парочки идеаловъ" тотъ же, что и у Росмера.

Впервые съ Бренделемъ мы встрѣчаемся въ домѣ Росмера. По ремаркѣ Ибсена, Брендель одѣтъ, какъ „обыкновенный бродяга".

Какъ всегда, небрежный въ передачѣ конкректныхъ подробностей положенія, Ибсенъ останавливаетъ свое вниманіе только на психологической обрисовкѣ. Въ этомъ отношеніи для читателя выясняется, что Брендель стоитъ на поворотѣ своей жизни: ему кажется (не совсѣмъ такъ или—вѣрнѣе—совсѣмъ не такъ, какъ это кажется Росмеру), что наступило уже „бурное время" и для сѣдого бойца мысли и слова пришла пора настоящаго дѣла... Но практическій дѣятель—тотъ самый Моргенсгордъ (онъ—редакторъ мѣстной газеты), который „никогда не хочетъ большаго, чѣмъ можетъ", скоро вернулъ сѣдого идеалиста на землю, уяснивъ ему малую рыночную цѣну его „отжившихъ идеаловъ" — именно здѣсь, на родинѣ его юношескихъ мечтаній... И Брендель, которому легко было занять у стараго ученика, при первомъ же свиданіи послѣ многолѣтней разлуки, „крахмальную сорочку" и

сюртукъ и „пару порядочныхъ сапогъ“, не хочетъ пережить необходимость занимать „парочку отжившихъ идеаловъ“. Вспоминая по контрасту свое первое появленіе у Росмера съ наружной внѣшностью „обыкновеннаго бродяги“, онъ резюмируетъ разницу между тѣмъ, что было, и тѣмъ, что есть, въ слѣдующихъ словахъ: „Когда я вступилъ въ этотъ залъ послѣдній разъ, я стоялъ передъ тобой (Росмеромъ), какъ достаточный человѣкъ и похлопывалъ себя по карману“... А теперь онъ — „банкротъ“, „голъ, какъ соколъ“ и представляетъ „свергнутаго короля на грудѣ пепла своего сгорѣвшаго дворца“.

Такимъ образомъ и этотъ сѣдой неудачникъ, какъ только сгорѣлъ его дворецъ, не хочетъ больше выносить жизнь, обезцѣненную крушеніемъ его личной „задачи жизни“, и „добровольно“ уходитъ изъ нея, какъ и всѣ неудачники Ибсена.

VII.

Мы остановимся еще на одномъ варіантѣ о лишнемъ человѣкѣ. Это — Грегерсъ въ „Дикой уткѣ“, такъ ненужно изувѣченной символизмомъ. Попутно мы получимъ отвѣтъ на одинъ вопросъ, который самъ собой останавливаетъ читателя *) Ибсена: какъ, въ концѣ концовъ, относится къ *правдѣ* этотъ углубленный въ человѣка писатель, если въ одной своей вещи („Столпы общества“) онъ провозглашаетъ устами Лоны: „*свобода* и *правда* — вотъ столпы общества!“ а въ другой („Дикая утка“) устами скептика врача — совершенно обратное: „стимулирующій принципъ—*ложь* жизни“.

Мы легко убѣдимся, что въ дѣйствительности противорѣчія нѣтъ. Для самого Ибсена и для избранниковъ его творчества *правда*—верховный критерій жизни. Они жаждутъ этой правды — истины и правды-справедливости, почти какъ страстотерпцы. „Врагъ народа“ Штокманъ, не задумываясь, отвѣчаетъ на упрекъ, что своимъ разоблаченіемъ истины онъ можетъ подорвать благосостояніе родного города: „я такъ люблю свой родной городъ, что желалъ бы лучше видѣть его разореннымъ, чѣмъ процвѣтающимъ на почвѣ лжи“. Для Штокмана правда выше всего. Но вѣдь та же самая правда не можетъ позволить Ибсену, какъ психологу, скрыть, что это *не для всѣхъ* такъ, что иногда „правда“ налагаетъ на человѣка такую тяжелую ношу, что при малыхъ душевныхъ силахъ съ ней не справиться: она не подниметъ, а придавитъ.—Такимъ образомъ философія „Дикой утки“ не противорѣчіе съ общей идеей Ибсена о „правдѣ“, а дополненіе. Н. К. Михайловскій отмѣтилъ, какъ особенность писательской

*) У насъ этотъ вопросъ былъ, въ извѣстной мѣрѣ, вопросомъ дня, когда ставилась „Дикая утка“ на сценѣ Московскаго Художественнаго театра.

манеры Ибсена, что онъ часто беретъ „одни и тѣ же движенія человѣческой души (прибавимъ: важнѣйшія), только въ различныхъ комбинаціяхъ“. Для этого онъ прибѣгаетъ къ „симметричнымъ“ положеніямъ, которыя должны подчеркнуть и рѣзче выдвинуть все существенное. Эта „симметричность“ построеній часто вредитъ художественности впечатлѣнія, — когда она рѣзко и неотступно преслѣдуетъ—такъ сказать—читателя (напримѣръ, въ „Сѣверныхъ богатыряхъ“). Для художественнаго разъясненія вопроса о „правдѣ“ въ жизни, Ибсенъ прибѣгнулъ къ тому же пріему „симметричныхъ“ построеній, но обѣ пары симметричныхъ фигуръ: Лоны и Грегерса, Берника и Гіальмара онъ размѣстилъ въ двухъ разныхъ пьесахъ: въ „Столпахъ общества“ и въ „Дикой уткѣ“. Благодаря этому, выиграла художественность впечатлѣнія: аналогія не навязывается, а естественно раскрывается мысли читателя, но за то является возможность просмотрѣть ее, какъ это мы и видѣли на фактѣ мнимыхъ противорѣчій у Ибсена.

И Лона („Столпы общества“) и Грегерсъ („Дикая утка“) задаются одной и той же цѣлью: имъ нужно, чтобы окружающая жизнь была цѣликомъ основана на „правдѣ“. У близкихъ имъ обоимъ лицъ жизнь основана какъ разъ обратно — на кривдѣ. Они и становятся прежде всего объектомъ для ихъ нравственнаго воздѣйствія. Оба добиваются желаннаго устраненія внѣшнихъ проявленій кривды. Но результатъ совершенно различный въ зависимости отъ того, *къ кому* они адресовались со своими требованіями устранить кривду. Лона имѣла дѣло съ человѣкомъ крупнаго масштаба (Берникъ); Грегерсъ имѣлъ дѣло съ жалкимъ человѣкомъ (Гіальмаръ). Поэтому первая, въ концѣ концовъ, произноситъ знаменитую побѣдную фразу: „свобода и правда — вотъ столпы общества!“ а второй долженъ молчать, когда при немъ говорятъ, что скрасить жизнь Гіальмаровъ можетъ только одна „ложь“ (иллюзія).

Такъ какъ драма въ душѣ „лишняго“ человѣка—Грегерса—станетъ рельефнѣе отъ сопоставленія съ торжествующей Лоной, то мы и станемъ разсматривать ихъ параллельно.

VIII.

Богатый судостроитель, дѣлецъ и общественный дѣятель—консулъ Берникъ когда-то былъ на пути къ разоренію. Больше, чѣмъ когда-либо, онъ нуждался въ довѣріи согражданъ, потому что въ переводѣ на языкъ денежныхъ отношеній „довѣріе“ значитъ „кредитъ“: пусть припомнитъ читатель, какъ Гейне-школьникъ изводилъ своего учителя, упорно переводя слово „вѣра“ французскимъ словомъ —„le credit“. И въ это самое время съ Берни-

комъ приключается любовная исторія въ жанрѣ того же Гейне. Если откроется, что герой ея Берникъ, это подорветъ его солидную репутацію въ глазахъ дѣлового и ханжеского общества (Ибсенъ очень нерѣдко изображаетъ въ такихъ краскахъ „культурное“ общество своей родины). Спасаетъ его другъ Іоганнъ, который бремя „скандала“ принимаетъ на себя и на свое имя. Онъ уѣзжаетъ на неопредѣленное время въ Америку вмѣстѣ съ Лоной, бывшей (тайно) невѣстой Берника: послѣдній предпочелъ ей—ради спасенія своей промышленной фирмы, пережившей три столѣтія—нелюбимую дѣвушку, но съ крупнымъ состояніемъ. Отъѣздъ обоихъ освободилъ Берника отъ всякихъ тревогъ и далъ ему возможность встать на ноги. Свѣдѣнія о затрудненныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ старинной фирмы, хотя и сдѣлались достояніемъ молвы, но нашли себѣ легкое объясненіе въ слухѣ, что скрывшійся Іоганнъ обокралъ кассу своего друга. Берникъ слуха не поддерживаетъ, но и не отвергаетъ, пользуясь выгодами такого положенія.

Къ началу пьесы Ибсена, и Лона, и Іоганнъ возвращаются изъ Америки и встрѣчаютъ въ Берникѣ даровитаго дѣльца и уважаемаго общественнаго дѣятеля... Своей Лонѣ Ибсенъ придалъ много чертъ, напоминающихъ ея современницу — русскую нигилистку шестидесятыхъ годовъ. Та же небрежность въ костюмѣ, то же отсутствіе заботы о внѣшней привлекательности, такая же рѣзкость языка вплоть до возраженій: „къ чорту эту глупую исторію“ и та же фанатичная преданность правдѣ. Угловатая рѣзкость въ поведеніи Лоны переплетается у Ибсена въ своеобразное гармоничное цѣлое съ обычными особенностями его женщинъ: съ чувствомъ требовательнаго поклоненія любимому человѣку и высокой оцѣнкой нравственнаго элемента въ любви мужчины и женщины. По пьесѣ оказывается, что за 15 лѣтъ разлуки старая любовь Лоны къ Бернику не „заржавѣла“, говоря словами пословицы. И внѣ родины, и послѣ разрыва онъ остался для нея тѣмъ, чѣмъ былъ—„героемъ ея юности“, заслоненнымъ и затемненнымъ главою „дома Берниковъ“, который долженъ по необходимости ежедневно и ежечасно притворяться, молчать и скрывать *).

Естественно, что „задача жизни“ для нея прежде всего отлилась въ заботу о нравственномъ освобожденіи любимаго человѣка. Еще въ Америкѣ, когда она узнала отъ Іоганна, что Берникъ малодушно согласился взвалить на своего друга послѣдствіи „скандала“, она „поклялась себѣ“ освободить его отъ безчестящихъ воспоминаній. „Я поклялась себѣ,—говоритъ она впослѣдствіи, — герой моей юности долженъ *свободно и правдиво*

*) По пьесѣ Лона права: позорныя для Іоганна обвиненія не забыты, и память о нихъ заботливо культивируется сплетниками мѣстнаго общества.

стоять передъ всѣми"! Ганнибалова клятва не могла, конечно, утратить силу отъ того, что Лона, по своемъ возвращеніи, узнаетъ, что „герой ея юности" ради себя и „дома Берниковъ" 15 лѣтъ не мѣшалъ клеветнической молвѣ называть своего великодушнаго друга *воромъ*. Подъ вліяніемъ общаго положенія вещей, Лона рѣшительно становится на сторону „героя ея юности" въ борьбѣ противъ главы уважаемой торговой фирмы.

„Все твое величіе покоится на зыбкомъ болотѣ—и ты вмѣстѣ съ нимъ",—говоритъ Бернику Лона.—„Я задумала помочь тебѣ пріобрѣсти твердую почву подъ ногами". Она требуетъ отъ Берника, чтобы онъ открыто признался въ своихъ проступкахъ, очистилъ имя Іоганна отъ клеветы и тѣмъ самымъ пріобрѣлъ „твердую почву подъ ногами", т. е. правду. Берникъ отказывается. У него и Лоны разное пониманіе „правды". Для первой сознаніе своей правоты нужно, какъ гарантія внутренней свободы и чувства обезпеченности отъ возможныхъ случайностей; для второго все дѣло разрѣшается тѣмъ, что онъ чувствуетъ за собой *право* на все, чѣмъ онъ фактически пользуется. „Какъ, чтобы я добровольно пожертвовалъ своимъ семейнымъ счастьемъ и своимъ положеніемъ въ обществѣ!" — восклицаетъ онъ. А на вопросъ послѣдней: имѣетъ ли онъ *право* на это счастье, отвѣчаетъ, что *имѣетъ*, такъ какъ „въ теченіи пятнадцати лѣтъ (разлуки) ежедневно зарабатывалъ себѣ частицу этого права правильной жизнью и той пользой, какую приносилъ". Однако, рядъ событій выясняетъ Бернику, какъ онъ не „свободенъ" въ дѣйствительности и до какой степени онъ можетъ пасть *въ своихъ собственныхъ глазахъ* при защитѣ своего „величія"... И когда ему уже ничто, по внѣшности, не угрожало: Лона намѣренно вернула ему всѣ компрометировавшіе его документы, — онъ рѣшается исполнить то, чего требовала Лона. Въ моментъ общественнаго чествованія его, какъ заслуженнаго и безукоризненнаго человѣка, онъ разъясняетъ истинную роль Іоганна въ его жизни и свою вину передъ нимъ... Лона торжествуетъ.

Ея „задача жизни" завершилась успѣхомъ. Ложь изгнана. Герой ея юности стоитъ передъ всѣми „свободно и правдиво".

Мы значительно отклонились въ сторону отъ лишнихъ людей Ибсена и слишкомъ надолго, быть можетъ, вернулись, къ—не „лишнимъ" людямъ. Но мы считаемъ, что пока вопросъ о правдѣ въ міроразумѣніи Ибсена не будетъ достаточно выясненъ, до тѣхъ поръ „Дикая утка" не освободится отъ неясности, а въ такомъ случаѣ драма въ душѣ послѣдняго лишняго человѣка, которымъ мы займемся, не станетъ отчетливой и доступной анализу.

Въ „Дикой уткѣ" Грегерсъ такой же фанатикъ „правды во всемъ", какъ и Лона, но имѣетъ онъ дѣло не съ крупномасштабнымъ Берникомъ, а съ ничтожнымъ говоруномъ Гіальмаромъ. И это одно опредѣляетъ неудачный исходъ задачи жизни Грегерса.

IX.

Фактическая основа драмы въ „Дикой уткѣ“ слѣдующая.

Заводчикъ Верле зналъ, что планъ, по которому его компаньонъ совершаетъ вырубку купленнаго лѣса, невѣренъ, но не мѣшалъ операціи, которая могла быть очень выгодной. Когда, наконецъ, вмѣшался въ дѣло судъ, оказался виновнымъ одинъ только компаньонъ Верле, лейтенантъ Экдаль. Только онъ и пострадалъ, разоренный и обезчещенный приговоромъ суда. Верле оказался совершенно въ сторонѣ отъ рискованной операціи: въ глазахъ общества, даже въ глазахъ семьи обвиненнаго Экдаля, онъ является не виновнымъ, а пострадавшимъ лицомъ: его доброе имя, по чужой винѣ, чуть было не подверглось судебному опороченію. Отношеній къ семьѣ Экдаля Верле не прервалъ, но придалъ отношеніямъ характеръ покровительства. Это дало ему возможность использовать нищету и позоръ Экдалей какъ нельзя удобнѣе, когда обстоятельства сдѣлали для Верле неизбѣжнымъ удаленіе изъ дому его экономки, чтобы „прикрыть грѣхъ“. Въ качествѣ необходимаго мужа онъ намѣтилъ сына своего бывшаго компаньона Гіальмара и безъ труда добился, что послѣдній на Гинѣ (имя экономки) женился, не догадываясь объ ея прошломъ и очень довольный свадебнымъ подаркомъ Верле—денежной помощью на устройство фотографіи. Относя это, также какъ платную переписку, которую контора Верле обезпечила бывшему лейтенанту, за счетъ доброты сердца заводчика, недалекій Гіальмаръ чувствуетъ къ нему искреннюю признательность.

„Счастье“ улыбнулось ему и съ другой стороны. У него есть „прекрасная задача“. Въ дѣйствительности онъ ни на какую задачу жизни не способенъ, но ему создалъ иллюзію такой задачи нѣкто Реллингъ, благожелательный скептикъ и врачъ по профессіи. По его глубокому убѣжденію, чтобы переносить жизнь, ее надо скрасить „ложью“, и въ качествѣ такой лжи онъ внушаетъ Гіальмару вѣру въ его творческія способности, въ будущее изобрѣтеніе въ дѣлѣ фотографіи, которое онъ непремѣнно сдѣлаетъ, вернувъ имъ своей семьѣ прежній почетъ и уваженіе. И Гіальмаръ, простодушный болтунъ, искренно счастливъ настоящимъ человѣческимъ счастьемъ. Онъ говоритъ товарищу своего дѣтства Грегерсу, сыну Верле: „Передо мной днемъ и ночью стоитъ моя задача жизни“.

Грегерсъ—идейный антогонистъ Реллинга. Если для этого между „ложью жизни“ и человѣческими „идеалами“ такая же разница, какъ „между тифомъ и гнилой горячкой“, то для Грегерса, какъ и для Лоны, не понятна самая возможность существованія

безъ „твердой почвы подъ ногами"—правды въ человѣческихъ отношеніяхъ.

„Если бы я могъ выбирать, то я лучше всего хотѣлъ бы быть быстроногой собакой... Да необыкновенно проворной собакой, такой, которая ныряетъ за дикими утками *), когда они идутъ внизъ и зарываются въ траву и тину!.." Это говоритъ о себѣ самъ Грегерсъ, слушая разсказъ бывшаго лейтенанта, страстнаго охотника, о дикихъ уткахъ, которыя, когда ранены, всегда „идутъ ко дну, глубоко, какъ могутъ... зарываются крѣпко въ траву—и во всю эту чертовщину, которая лежитъ *тамъ*, и никогда уже не показываются назадъ".

Такъ же, какъ и для Лоны, для Грегерса характерно *общее* стремленіе быть спасающей „быстроногой собакой". Въ этомъ его *общая* задача жизни, и содержаніе „Дикой утки" только частный случай изъ жизни Грегерса, пріобрѣвшій особое значеніе, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ.

Дѣло въ томъ, что Грегерсъ чувствуетъ себя непоправимо виновнымъ передъ Гіальмаромъ: и за отца, и за себя. Въ свое время онъ „предчувствовалъ" исходъ сотрудничества Верле и Экдаля, но предупредить у него не хватило смѣлости. Когда катастрофа разразилась, Грегерсу остается реагировать на нее только упреками совѣсти. „Тебя я долженъ благодарить за то, что изнываю отъ терзаній нечистой совѣсти", говоритъ онъ своему отцу... И вотъ Грегерсу улыбается возможность загладить, хоть отчасти, и вину отца, и свое малодушіе. Онъ узнаетъ обстоятельства, при которыхъ женился обманутый его отцомъ Гіальмаръ, и приходитъ въ ужасъ за друга своего дѣтства, вѣрнѣе, за тотъ привлекательный образъ, который жилъ въ его виноватой памяти съ тѣхъ поръ, какъ они разстались (16—17 лѣтъ назадъ). Въ сценѣ съ отцомъ, упрекая послѣдняго во всемъ, что тотъ сдѣлалъ, Грегерсъ восклицаетъ: „И онъ (Гіальмаръ) сидитъ теперь съ великой довѣрчивой дѣтской душой, живетъ подъ одной кровлей съ такой женщиной и не знаетъ, что то, что онъ называетъ своей семьей, основано на лжи!.." Не менѣе удручаетъ Грегерса та вялость, съ которой его другъ реагируетъ на удары жизни. И вотъ онъ задумываетъ возродить Гіальмара, какъ это

*) *Значеніе символовъ въ пьесѣ.*—Грегерсъ полагаетъ, что Гіальмаръ является какъ разъ такою дикою уткой, которая пошла ко дну, завязла въ тинѣ (несчастныхъ обстоятельствъ жизни) и рвется изъ нея, но не въ силахъ вырваться безъ чужой помощи (собаки). Грегерсъ и долженъ быть такой „собакой" для всѣхъ гибнущихъ „утокъ". Въ этомъ его задача жизни.—По отношенію къ Гіальмару онъ, однако, впалъ въ ошибку. Гіальмаръ—дикая утка другого типа, давно забывшая, что такое „настоящая дикая жизнь" (на началахъ правды и достоинства), способная жить въ неволѣ, вполнѣ удовлетворяющаяся корзиной, въ которую посажена, и способная даже „жирѣть" на готовыхъ кормахъ. (Такая „дикая утка" фигурируетъ въ пьесѣ Ибсена въ качествѣ „дѣйствующаго лица")... Корень драмы въ этой ошибкѣ Грегерса.

удалось Лонѣ относительно Берника. Никакой внѣшней помѣхи своему намѣренію онъ не видитъ. Жена Гіальмара, какъ убѣдился потомъ Грегерсъ, оказалась простой, но по своему хорошей, любящей женщиной, преданной Гіальмару и стойко выносящей всѣ печали жизни впроголодь. Правда, Грегерсу уже не разъ приходилось убѣждаться, что его „идеальныя требованія", какъ выражается Реллингъ, не встрѣчаютъ сочувствія со стороны придавленныхъ жизнью людей, но ему такъ хочется видѣть себя хоть разъ торжествующимъ въ своей задачѣ жизни и такъ хочется загладить вину, такъ хочется считать Гіальмара способнымъ перенести кризисъ и выйти изъ него съ удесятеренными силами, нужными для перестройки жизни,—что онъ и дѣйствительно видитъ въ Гіальмарѣ то, что хочетъ видѣть: человѣка съ „великою, дѣтской душой", а не празднаго болтуна и никчемнаго человѣка.

Для человѣка, утомленнаго жизнью, какимъ является въ пьесѣ Грегерсъ, созданный имъ самимъ миражъ принялъ формы реальной задачи жизни. Онъ *будетъ* правъ,—жизнь, наконецъ, свела его съ человѣкомъ, которому правда и подвигъ окажутся нужными—больше всего... „Я ужъ постараюсь вытянуть тебя на поверхность,—ободряетъ онъ своего друга,—потому что я тоже нашелъ себѣ задачу жизни".—Вытянуть на поверхность—значитъ пробудить въ немъ дремлющія силы; вызвать въ душѣ спасительный кризисъ. Вызвать—полнымъ раскрытіемъ правды, дать возможность пережить чувство совершоннаго „подвига" и затѣмъ фактически помочь Гіальмару перестроить свою жизнь на хорошихъ, честныхъ началахъ труда и любви къ виноватой... Вотъ „задача", которая на нѣсколько дней освѣтила усталую и сумеречную жизнь Грегерса... „Вѣдь въ мірѣ нѣтъ другого столь же высокаго подвига, какъ простить согрѣшившему и любовью поднять его до себя", неизмѣнно убѣждаетъ Гіальмара Грегерсъ.

Положеніе вещей обострилось еще однимъ контрастомъ... Среди окружающихъ, съ которыми долженъ былъ прожить свою жизнь Грегерсъ, нашелся, наконецъ, одинъ, который по собственному почину, устранилъ „ложь". Это—его собственный отецъ, безчестный, но умный человѣкъ. Ему „правда" оказалась нужною. Онъ овдовѣлъ, освободился отъ Гины и теперь женится на женщинѣ тоже съ „прошлымъ". Чтобы обезпечить себя и свое счастье отъ всякаго страха въ будущемъ, они сразу раскрываютъ свое „прошлое" одинъ относительно другого. И это только укрѣпляетъ ихъ будущій союзъ.

Грегерсъ не можетъ допустить и мысли, что его другъ мелочнѣе и въ духовномъ отношеніи ниже *его отца*. Но онъ *оказался* ниже.

Перерожденіе оказалось миражемъ. И „подвигъ" тоже—со всѣмъ подъемомъ нравственныхъ силъ, на который разсчитывалъ Грегерсъ. Когда прошлое жены открылось, его другъ остановился

мыслью не на искупающихъ вину обстоятельствахъ (т. е. совмѣстной жизни, тяжесть которой лежала на Гинѣ), а *только* на самой винѣ. Униженіе въ прошломъ стало явнымъ, но не смѣнилось—для Гіальмара—надеждой на иное будущее.

Не оказалось ни силъ, ни энергіи, о которыхъ мечталъ Грегерсъ... Итакъ, вмѣсто торжества, новое крушеніе задачи жизни Грегерса... И больная совѣсть не излѣчена, и задача жизни разбита: „Если вы правы, а я ошибаюсь,—говоритъ Грегерсъ Реллингу,—тогда не стоитъ и жить на этомъ свѣтѣ.

Реллингъ. О, жизнь на этомъ свѣтѣ можетъ быть и недурной, если только насъ оставятъ въ покоѣ господа, вторгающіеся къ намъ съ идеальными требованіями.

Грегерсъ (смотритъ передъ собой). Въ такомъ случаѣ я радъ, что мое назначеніе таково, какъ оно есть.

Реллингъ. Смѣю спросить—каково ваше назначеніе.

Грегерсъ (собираясь уходить). Быть 13-мъ за столомъ.

Реллингъ. Чортъ вамъ повѣритъ!..

Но Ибсенъ несомнѣнно „повѣритъ“ своему лишнему человѣку. Повѣритъ, что „тринадцатымъ“ онъ не станетъ жить.

Какъ видитъ читатель, никакого диссонанса въ отношеніи Ибсена къ „правдѣ“ человѣческихъ отношеній нѣтъ. Для его *сильныхъ*, одаренныхъ людей, правда признается высшимъ благомъ и на страницахъ „Дикой утки“, какъ и во всѣхъ произведеніяхъ... И правда, и „задача жизни“.

X.

Но что же представляетъ собою эта всеобъемлющая „задача жизни“ въ толкованіи Ибсена? Каково ея конкретное содержаніе?

Ибсенъ не связываетъ этого содержанія съ какой-нибудь опредѣленной категоріей душевныхъ движеній человѣка. Для него задача жизни такой же „постоянный законъ съ непостояннымъ содержаніемъ“, какъ и вообще всѣ повелительные нравственные законы, направляющіе жизнь человѣчества при перемѣнныхъ условіяхъ времени и мѣста. Содержаніемъ „задачи жизни“ можетъ быть истинно-королевская идея Гакона; можетъ быть освободительное строительство Сольнесса; можетъ быть проповѣдь суроваго, опредѣленнаго, но не спокойнаго душой Бранда. Но содержаніе можетъ не выходить и за предѣлы обыденной жизни. Если у жены Сольнесса, какъ мы видѣли, жизненной задачей было выростить въ своихъ дѣтяхъ „прямыя взрослыя души“, выростить ихъ „въ уравновѣшенности и въ благородныхъ, прекрасныхъ формахъ“, то для Марты *), сестры Бер-

*) „Столпы общества“.

ника, вся жизненная задача исчерпывалась сначала исправленіемъ проступка въ тайнѣ любимаго человѣка: воспитаніемъ брошенной дѣвочки, въ которой она видѣла вмѣстѣ съ молвой— дочь Іоганна отъ „скандальной исторіи, а потомъ, когда эта цѣль была достигнута, вообще въ заботахъ о безпризорныхъ дѣтяхъ. Для Эллиды („Женщина съ моря“) задача еще обыденнѣе: будучи мачихой, замѣнить мать для дѣтей своего мужа.

Но есть одна непреложная особенность въ „задачѣ жизни“ по Ибсену. Она должна быть свободной: свободно избранной—на свою собственную отвѣтственность“. Она должна быть взята на себя совершенно добровольно. Иначе это будетъ уже не „задача жизни“, а урочная работа, опредѣленная тюремнымъ уставомъ. Сообразно съ этимъ, то, что взвалили на плечи человѣка внѣшнія условія и личная ошибка, никогда не можетъ стать задачей жизни, какъ ее понимаетъ Ибсенъ. Но не по *внѣшнимъ* признакамъ этой обузы, а только по *внутреннимъ*—по отсутствію во взятой на себя обузѣ признаковъ нравственной свободы. Тѣ же самыя обязанности, которыя такъ тяготятъ, когда онѣ невольно взяты, могутъ быть легко носимы, когда онѣ взяты вольно. Иллюстраціей этого основного свойства Ибсеновской „задачи жизни“ служитъ „Женщина съ моря“.

Совмѣстная жизнь супруговъ Вангель готова рухнуть: ею тяготится Эллида, вторая жена доктора Вангеля. Не потому, что ее не любятъ въ новой семьѣ или она сама не любитъ мужа и его дѣтей—двухъ дѣвушекъ на возрастѣ... Женщины у Ибсена часто томятся сознаніемъ, что бракъ для нихъ былъ не свободнымъ союзомъ свободныхъ людей, а *самопродажей*, въ качествѣ женщины, за заботы о нихъ мужа. Такое сознаніе тяготитъ и Эллиду, хотя фактической правды въ ея терзаніяхъ нѣтъ... Но самое тяжелое для нея, это—мысль, что она несвободна во всемъ, что она *должна* дѣлать. Такъ какъ „Женщина съ моря“, съ нашей точки зрѣнія, представляетъ особый интересъ, то мы позволимъ себѣ привести цѣликомъ слѣдующій діалогъ между Эллидой и Вангелемъ:

Эллида. Слушай же, Вангель... намъ нельзя долѣе обманывать себя самихъ... и другъ друга.

Вангель. Развѣ мы это дѣлаемъ? Мы обманываемъ себя!

Эллида. Да. Или во всякомъ случаѣ, мы скрываемъ истину. Потому что вѣдь истина... настоящая, прямая истина... состоитъ въ томъ... что ты явился и купилъ меня.

Вангель. Купилъ!.. Ты говоришь... купилъ!

Эллида. Ахъ, вѣдь я была ничѣмъ не лучше тебя. Я согласилась на торгъ. Я продала себя тебѣ.

Вангель (болѣзненно взглянувъ на нее). Эллида... и у тебя хватаетъ сердца называть это такъ?

Эллида. Но развѣ же можно называть это иначе! Ты не могъ

болѣе выносить пустоты въ твоемъ домѣ. Ты сталъ искать себѣ жены.

Вангель. И матери для дѣтей, Эллида!

Эллида. Можетъ быть, и это—между прочимъ. Хотя... ты не зналъ вѣдь, гожусь ли я къ этому. Вѣдь ты только видѣлъ меня... и раза два разговаривалъ со мной. Я стала тебѣ нравиться и...

Вангель. Назови это, какъ думаешь!

Эллида. А я!.. Вѣдь я *была такъ безпомощна и такъ одинока.* Что же тутъ удивительнаго, что я согласилась на сдѣлку, когда ты предложилъ взять на себя заботу обо мнѣ!

Вангель. Увѣряю тебя, дорогая Эллида, что я вовсе не такъ смотрѣлъ на это. Я честно спросилъ тебя, согласна ли ты дѣлить со мною и съ дѣтьми, то немногое, что у меня было.

Эллида. Да, ты правъ. Но я все же не должна была принимать этого! Ни за какія блага въ мірѣ не должна я была принимать этого. Не должна была продавать себя! Лучше самая тяжелая работа... лучше нищета *при свободѣ и по собственному выбору!*

Вангель. Значитъ, тѣ 5—6 лѣтъ, которыя мы провели вмѣстѣ, ничего не стоятъ въ твоихъ глазахъ?

Эллида. О, вовсе нѣтъ, Вангель! Мнѣ было у тебя такъ хорошо, какъ только можно желать. Но я *не свободно* вступила въ твой домъ. Вотъ въ чемъ дѣло!

„Не свободно“ вступила. Въ устахъ Эллиды это значитъ, что между ея душевнымъ строемъ и ея поведеніемъ нѣтъ внутренней свободной и самоопредѣлившейся связи.

Въ одной фантастической сценѣ Перъ Гинтъ оказывается среди троллей, которые его поучаютъ разницѣ между человѣкомъ и троллемъ: для послѣднихъ правило: „будь доволенъ собой“, а для перваго законъ: „будь самимъ собой“. „Быть довольнымъ собой“ значитъ принимать жизнь, какъ она есть. „Быть самимъ собой“ значитъ создавать свою жизнь по собственному „усмотрѣнію“ (слова Росмера).

Душевный разладъ Эллиды и опредѣляется невозможностью, въ силу допущенной ошибки, „быть самой собой“, т. е. вступить въ жизнь, повинуясь только своему собственному внутреннему влеченію. Вся ея жизнь опредѣлилась фактомъ замужества, и она навсегда утратила возможность *выбрать* себѣ „задачу жизни“. Задачу жизни для нея должно замѣнить то, къ чему принудили ее случай и ошибка. Эллида не можетъ освободиться ни отъ чувства тяжелой вины передъ собой, ни отъ чувства какой-то невозвратной потери—потери „несложившихся пѣсенъ“, которыя, по словамъ Ятгейра, всегда бываютъ „самыми сладкими“. То обстоятельство, что ея мужъ, какъ она не сомнѣвается, связанъ съ ней искреннимъ и честнымъ чувствомъ; тотъ фактъ, что отъ нея

ждутъ заботы и ласки дочери этого хорошаго человѣка,—все это только усиливаетъ боль въ душѣ, не заглушая самой тоски по утраченномъ „возможномъ" счастьѣ. „Быть можетъ, *вотъ* гдѣ задача" (фактическое содержаніе задачи),— говоритъ она, когда узнаетъ, съ какой скрытой нѣжностью относится къ ней ея падчерица Гильда (будущая Гильда въ „Строителѣ Сольнессѣ"), но все же не можетъ заглушить щемящее чувство „утраченнаго". „О, не думай,—говоритъ она мужу,—что не бываетъ минутъ, когда я вижу миръ и спасеніе въ томъ, чтобы бѣжать душой къ тебѣ... И бороться со всѣми притягивающими и пугающими меня силами. Но я не могу этого. Нѣтъ,—я не могу."

Власть неизвѣстнаго—того, что могло бы быть, если бы ошибка не лишила свободы—Ибсенъ символизировалъ въ лицѣ „неизвѣстнаго", который является въ пьесѣ—таинственнымъ, неяснымъ, но реальнымъ лицомъ и доводитъ терзанія Эллиды до высшей степени напряженія. Наконецъ, она не въ силахъ бороться съ собой и проситъ Вангеля возвратить ей свободу („Отдай мнѣ назадъ *всю мою* свободу"), чтобы она могла идти, не считаясь больше съ принудительной властью „случайныхъ" обязательствъ. Душевный кризисъ, символизируемый въ появленіи на сценѣ неизвѣстнаго, заставляетъ ее добиваться расторженія тягостной „сдѣлки", *пока еще не поздно*. „Теперь онъ (неизвѣстный—символъ невынужденный жизни) является и предлагаетъ мнѣ... единственный и послѣдній разъ начать жизнь сначала... жить моей собственной *истинной* жизнью... жизнью, которая пугаетъ и влечетъ... и отъ которой я не могу отказаться. *Не могу добровольно*!"

Честный и любящій Вангель считаетъ съ своей стороны преступленіемъ „расторгнуть сдѣлку", обрекши Эллиду всѣмъ случайностямъ неизвѣстнаго. Онъ готовъ прибѣгнуть, хотя бы къ силѣ, лишь бы удержать ее... Все это „ты можешь"... возражаетъ Эллида. „Для этого у тебя есть и власть, и средства!.. Но души моей... всѣхъ моихъ мыслей... всѣхъ моихъ влеченій и стремленій... ты не можешь сдержать! Они будутъ стремиться и мчаться... къ неизвѣстному... которое ты *закрылъ* для меня!"—говоритъ Эллида.

Безысходность положенія становится очевидной и для Вангеля. Души и мыслей, дѣйствительно, нельзя удержать. И какъ врачъ, и какъ любящій человѣкъ, Вангель рѣшается на неизбѣжное...

Съ расторженіемъ Вангелемъ „сдѣлки" въ состояніи Эллиды происходитъ немедленный переломъ въ благопріятную сторону. Кризисъ обострялся увѣренностью, что Вангель не возвратитъ свободу женѣ. Когда Вангель съ тяжелымъ усиліемъ, но все же рѣшается сказать: „И потому... потому я теперь же... уничтожаю сдѣлку... Можешь выбирать свой путь въ полной... полной сво-

бодѣ",—Эллида, по ремаркѣ Ибсена, „съ минуту смотритъ на Вангеля, широко раскрывъ глаза, не произнося ни слова"... Она уже свободна. Ея прежняя жизнь въ семьѣ Вангеля стала объектомъ свободнаго выбора; она больше не фактъ, который нужно принять не споря. Ничто не затемняетъ больше въ сознаніи дѣйствительной цѣнности тѣхъ людей, съ которыми ее связала „ошибка". Оставить ихъ оказывается для Эллиды невозможнымъ, и она остается съ ними, но уже „по собственному выбору и подъ своей отвѣтственностью".

Счастливый Вангель задаетъ ей вопросъ: „А неизвѣстное... не влечетъ тебя болѣе?" Эллида отвѣчаетъ отрицательно: „Не влечетъ и не пугаетъ. Я получила возможность взглянуть на него... пойти къ нему... если бы захотѣла. Теперь я могла *избрать* его. Теперь я могла *отказаться* отъ него". Отвѣчаетъ она отрицательно и на вопросъ, что собственно опредѣляло ея тоскливую неуравновѣшенность. „Не знаю", говоритъ она и утверждаетъ только фактъ, что Вангель примѣнилъ *единственное* средство, которое могло помочь ей: „Да, дорогой мой, вѣрный Вангель, теперь я возвращаюсь къ тебѣ. Теперь я могу сдѣлать это. Теперь я иду къ тебѣ *свободно...* добровольно и подъ своей отвѣтственностью".

„Задача жизни" стоитъ теперь передъ Эллидой во всей очевидности—та самая, которую она раньше не „замѣчала", выражаясь словами Эллиды. Когда Вангель начинаетъ вслухъ мечтать, какъ въ дальнѣйшемъ сложится ихъ совмѣстная жизнь—жизнь *вдвоемъ*, Эллида вноситъ поправку. Вотъ этотъ діалогъ:

Эллида. И для нашихъ дѣтей, Вангель.

Вангель. Нашихъ! *).

Эллида. Тѣхъ, которыя еще не принадлежатъ мнѣ... но которыхъ я *сумѣю* сдѣлать моими".

Докторъ Вангель оказался хорошимъ врачемъ: благодаря его проницательности на свѣтѣ стало одной счастливой жизнью больше, однимъ лишнимъ человѣкомъ—меньше.

Мы остановились на „Женщинѣ съ моря" съ особой подробностью, такъ какъ находимъ въ ней глубокое и тонкое освѣщеніе такой стороны въ человѣкѣ, которая меньше всего бросается въ глаза и которая, быть можетъ, больше всего раскрываетъ, почему счастью ведется счетъ на дни и на часы даже и тѣми, у которыхъ въ жизни есть „счетъ счастья"... Если бы не символизмъ, который мѣшаетъ читателю и заставляетъ видѣть символъ даже тамъ, гдѣ Ибсенъ говоритъ безъ всякихъ иносказаній, и если бы не экскурсіи въ область научной психологіи и міро-

*) Курсивъ Ибсена.

выхъ „тайнъ“,—„Женщина съ моря“ была бы по-истинѣ художественнымъ откровеніемъ *). Не говоря уже о насъ, „русскихъ, создавшихъ крылатыя слова объ „ежовыхъ рукавицахъ“.

Итакъ вотъ-что по Ибсену нужно человѣку, чтобы чувствовать себя человѣкомъ. Нужна задача жизни, центрирующая его душевныя силы. Нужна задача жизни свободно избранная,—избранная подъ своей личной отвѣтственностью. Внѣ этихъ условій жизнь можно только переносить,—кто можетъ переносить.

XI.

Нашей непосредственной задачей было изслѣдованіе одного изъ основныхъ мотивовъ творчества Ибсена.

Но русскому читателю невозможно остановиться на этой чисто литературной сторонѣ вопроса. Передъ нимъ встаетъ естественно, хотя, быть можетъ, неожиданно, нашъ собственный вопросъ о лишнихъ людяхъ. Вездѣ возможны лишніе люди, и Ибсенъ думаетъ, что они никогда не исчезнутъ: объ этомъ позаботится усердный поставщикъ драмъ — жизнь, какъ она сложилась, слѣдуя своимъ противорѣчивымъ законамъ.

Но мы, русскіе — какъ цѣлое, сумѣли сдѣлать „лишнихъ“ людей привычными для глаза и обезпечили себѣ первое мѣсто по проценту „лишнихъ“, какъ обезпечили его по проценту слѣпыхъ и умирающихъ.

Трудно представить себѣ двухъ писателей болѣе разныхъ, чѣмъ Ибсенъ и нашъ Чеховъ. Одинъ говоритъ о родныхъ ему людяхъ и другой тоже говоритъ — съ такой искренностью и такой душевной болью — о близкихъ ему людяхъ! Но одного — внѣ родины слушаютъ, какъ *своего* писателя; другого слушаютъ

*) Чтобы избѣгнуть упрека въ произвольномъ толкованіи роли „Неизвѣстнаго“ въ пьесѣ Ибсена, оговоримся, что есть и иное толкованіе, не совпадающее съ нашимъ. Именно, по Швейцеру, Ибсенъ въ своей драмѣ „рисуетъ присущую человѣку чувственность, заглушающую въ его душѣ голосъ божественныхъ велѣній, въ видѣ своего рода морского чудовища, въ лицѣ чужеземца, вліяніе котораго на героиню драмы тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе ее отдаляетъ отъ него гнетъ обстоятельствъ“. („Скандинавское творчество новѣйшаго времени“; этюдъ, приложенный къ „Исторіи скандинавской литературы“ Горна. Стр. 337). Но это явное недоразумѣніе, такъ какъ *самъ Ибсенъ*, устами Вангеля, даетъ разъясненіе того, что именно онъ символизировалъ въ „Неизвѣстномъ“... Пытаясь разъяснить душевный процессъ у Эллиды, создавшій почву для драмы, Вангель, въ концѣ пьесы, говоритъ Эллидѣ: „твое влеченіе къ нему... къ этому иностранцу... все это было лишь выраженіемъ пробудившагося въ тебѣ и выросшаго *стремленія къ свободѣ. Вотъ и все*“.

Очевидно, что никакой рѣчи о „чувственности“ не можетъ быть. Ибсенъ самъ далъ то толкованіе, которое мы положили въ основу анализа душевной драмы у Эллиды.

съ оттѣнкомъ недоумѣнія (чтобы не сказать больше), какъ слушаютъ доклады путешественниковъ въ географическихъ обществахъ, когда не вполнѣ вѣрятъ точности сдѣланныхъ наблюденій. — У одного чувствуются люди, ведущіе упорную борьбу за свою жизнь; у другого чувствуется только настроеніе неудачной борьбы: чувствуется побѣдительница—жизнь, а сами побѣжденные съ ихъ душевными ранами остаются какъ-то недоступными для точнаго изслѣдованія... Одинъ—по манерѣ скульпторъ въ старомъ стилѣ, хотя и новаторъ по стремленіямъ: его фигуры отчетливы и рѣзки зачастую; у другого—только намеки на рельефъ и контуры расплывчаты, какъ у Родена.—Одинъ стремителенъ въ своемъ творчествѣ: его драмы цѣлый „водоворотъ"; другой ровенъ, какъ русскія степныя рѣки.—Одинъ все передумалъ, другой все перечувствовалъ, но перечувствовалъ въ какихъ-то тискахъ мысли и сердца.

Быть можетъ, впрочемъ, это-то и заставляетъ думать о нихъ вмѣстѣ. По началу контраста. Заставляетъ вслѣдъ за энергичными строителями жизни Ибсена и не менѣе энергичными его „лишними людьми" вспомнить о „хмурыхъ людяхъ" русскихъ „сумерекъ".

„Каждый человѣкъ созданъ для своего дѣла и *цѣль его жизни— это рай его. Онъ неуклонно долженъ къ ней идти, хотя бы между нимъ и ею лежалъ широкій океанъ*" („Брандъ").

Русскихъ людей отъ ихъ задачи жизни, мало-мальски крупной, всегда отдѣлялъ широкій океанъ, въ родѣ того, о которомъ говоритъ Брандъ. Но всегда находились смѣлые люди, которыхъ океанъ не пугалъ; они уходили изъ нормальной жизни, жили напроломъ—подъ своей собственной отвѣтственностью и погибали... Даже среди героевъ Чехова есть „неизвѣстный человѣкъ", которому символъ вѣры Бранда понятенъ.

Но вѣдь это все то, что называется „подвигомъ" и чему нѣтъ мѣста въ обыденной жизни и для силъ средняго человѣка. Что же они должны были дѣлать — средніе люди, если имъ случалось хотѣть больше, чѣмъ они могутъ? Если *имъ* нужно была, какъ Эллидѣ, хотя и маленькая, но свободно избранная, подъ своей отвѣтственностью, задача жизни?..

...Они пополняли ряды „хмурыхъ людей" Чехова... Объ этихъ злополучныхъ людяхъ сложилось представленіе, какъ о „пустозвонныхъ говорунахъ", нытикахъ и „неврастеникахъ", ни къ чему органически не пригодныхъ. Это, однако, справедливо только въ томъ случаѣ, если справедливо и относительно лишнихъ людей Ибсена.

Что нужно хмурымъ людямъ русскаго писателя? — „Я вѣрю, слѣдующимъ поколѣніямъ будетъ легче и виднѣе, къ ихъ услугамъ будетъ нашъ опытъ. Но вѣдь хочется жить независимо отъ будущихъ поколѣній и не только для нихъ. Жизнь дается одинъ разъ, *и хочется прожить ее бодро, осмысленно, красиво. Хочется*

играть видную, самостоятельную, благородную роль, хочется дѣлать исторію, чтобы тѣ же поколѣнія не имѣли права сказать про каждаго изъ насъ: то было ничтожество, или еще хуже того. Я вѣрю въ цѣлесообразность и въ необходимость того, что происходитъ вокругъ, но какое мнѣ дѣло до этой необходимости, зачѣмъ пропадать моему „*я*“?

Подобно Норѣ Ибсена жаждетъ этотъ „неизвѣстный человѣкъ“ чуда, огромнаго чуда: „Что если бы чудомъ настоящее оказалось сномъ, страшнымъ кошмаромъ, и мы проснулись бы обновленные, чистые, сильные, гордые своей правдой?.. Сладкія мечты жгутъ меня и я едва дышу отъ волненія. Мнѣ страстно хочется жить, хочется, чтобы наша жизнь была *свята, высока и торжественна, какъ сводъ небесный*“ („Разсказъ неизвѣстнаго человѣка“). Иногда мечта о невозможномъ чудѣ пріобрѣтаетъ характеръ вѣры въ возможное чудо. „Знаете, я съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждаюсь, что мы живемъ наканунѣ величайшаго торжества, и мнѣ хотѣлось бы дожить, *самому участвовать*“. („Три года“—Ярцевъ). Но участвовать хмурымъ людямъ приходится совсѣмъ въ другомъ, и ихъ тяготитъ ложь и безобразіе жизни—не въ отдѣльныхъ проявленіяхъ, а какъ общій неустранимый признакъ коллективной жизни, въ которой они должны участвовать. „Я человѣкъ отъ природы неглубокій,—говоритъ о себѣ герой разсказа „Страхъ“,—и мало интересуюсь вопросами, какъ загробный міръ, судьбы человѣчества, и вообще рѣдко уношусь въ высь поднебесную. Мнѣ страшна, главнымъ образомъ, обыденщина, отъ которой никто изъ насъ не можетъ спрятаться. Я неспособенъ различить, что въ моихъ поступкахъ правда и что ложь, и они тревожатъ меня, я сознаю, что условія жизни и воспитаніе заключили меня въ тѣсный кругъ лжи, что вся моя жизнь есть не что иное, какъ ежедневная забота о томъ, чтобы обманывать себя и людей и не замѣчать этого, и мнѣ страшно отъ мысли, что я до самой смерти не выберусь изъ этой лжи“. Изъ безобразной, ничѣмъ *неприкрашенной* лжи... У Чехова есть маленькій символическій разсказъ: „Знакъ восклицательный“. Маленькій чиновникъ неожиданно убѣждается, что на свѣтѣ существуетъ восклицательный знакъ; наводитъ у своей жены, которая „недаромъ 7 лѣтъ въ пансіонѣ была“, справку о смыслѣ этихъ невѣдомыхъ знаковъ. Оказывается, что смыслъ грамматическій есть: жена еще не забыла, что „этотъ знакъ ставится при обращеніяхъ, восклицаніяхъ и при выраженіяхъ восторга, негодованія, радости, гнѣва и прочихъ чувствъ“. Открытіе оказалось ошеломляющимъ. „Сорокъ лѣтъ писалъ онъ (чиновникъ) бумаги, написалъ онъ ихъ тысячу, десятки тысячъ, но не помнитъ ни одной строки, которая выражала бы восторгъ, негодованіе или что нибудь въ этомъ родѣ“. И маленькаго чиновника мучаетъ до

галлюцинацій этотъ „восклицательный знакъ, безъ котораго и жизнь, и онъ сдѣлались „пишущей машиной".

Развѣ все это не то же, чего жаждутъ энергичные герои Ибсена?

Въ противность Ибсену, который всегда является въ роли часовщика: разыскивающимъ, какое именно колесико перестало правильно работать въ душѣ его неудачниковъ: чувство „безвинности", чувство „отвѣтственности", чувство „долга", чувство правды, переходящее въ „изнурительную лихорадку справедливости", жажды и внутренней свободы и самоопредѣленія и т. д.,—Чеховъ передаетъ только фактъ и созданное имъ настроеніе, отказываясь отъ анализа, какой именно психологическій факторъ сдѣлалъ его хмурыхъ людей хмурыми, и *что* именно должно измѣниться въ ихъ личной жизни—какое колесико нужно перемѣнить въ ихъ душевномъ строѣ, чтобы они перестали себя чувствовать хмурыми и лишними. Самое большое, что онъ говоритъ о нихъ, это—что они не виноваты, хотя чувствуютъ себя виноватыми, чувствуютъ себя той травой въ „Степи", сожженной солнцемъ, „странную пѣсню" которой слушалъ Егорушка. „Въ своей пѣснѣ она, полумертвая, уже погибшая, безъ словъ, но жалобно и искренно убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну; она увѣряла, что ей страстно хочется жить, что она еще молода и была бы красивой, если бы не зной и не засуха; вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощенія и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя".

Пѣсня травы—пѣсня хмурыхъ людей Чехова. Имъ тоже (сравните „Разсказъ неизвѣстнаго человѣка": почти тождественныя *) выраженія) хочется быть „красивыми", имъ хочется прожить жизнь „бодро, осмысленно, красиво", хочется „дѣлать исторію", но какое-то солнце „выжгло ихъ понапрасну", и имъ, какъ и травѣ, „невыносимо больно, грустно и жалко себя".

Что же выжгла жизнь въ этихъ близкихъ Чехову людяхъ? Отвѣтъ — конечно, не исчерпывающій — мы находимъ у Ибсена. Сравнивая его лишнихъ людей и хмурыхъ людей Чехова, мы убѣждаемся, что наши ненужные люди только варіантъ на общечеловѣческую тему о людяхъ, лишенныхъ задачи жизни,—но варіантъ въ самобытной формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣку для бодрой и сильной жизни нужна, какъ абсолютное условіе, задача жизни свободная, свободно избранная, избранная подъ своей отвѣтственностью,—то, очевидно, что у насъ *не можетъ не быть* лишнихъ людей, не можетъ не быть *массоваго* произ-

*) Мы подчеркиваемъ это совпаденіе, въ виду сдѣланныхъ уже попытокъ истолковать Чехова, какъ художника, для котораго символъ вѣры исчерпывается словами: люди дурны, потому что дурны, и никто въ этомъ не виноватъ, кромѣ нихъ самихъ.

водства лишнихъ людей.—Можетъ ли быть рѣчь о „свободномъ выборѣ“ задачи жизни для тѣхъ, кто хотѣлъ бы—хоть немножко хотѣлъ бы,—чтобы жизнь была „свята, высока и торжественна, какъ сводъ небесный“? Задача жизни свободно избираема только для тѣхъ, кто равнодушенъ къ такимъ вещамъ. Но тогда неудивительно, что мы фабрикуемъ лишнихъ людей сотнями, что русская жизнь создала такого исключительнаго художника, какъ Чеховъ, и обезпечила его художественнымъ матеріаломъ на всю жизнь!

Единственное, что самобытно въ этихъ десяткахъ незамѣтныхъ драмъ, въ нѣсколькихъ словахъ, разсказанныхъ Чеховымъ, это—что хмурые люди не знаютъ, отъ чего они страдаютъ и не могутъ указать „единственнаго средства“, подобно Эллидѣ, которое могло бы имъ помочь.

Представители „умѣренности“ не разъ указывали, что русскіе хмурые люди не „занимаются дѣломъ“;*). Указывали на примѣръ „здоровыхъ людей“ за рубежомъ, которые занимаются тѣми же мелкими дѣлами, которыя невозбранны и для хмурыхъ русскихъ людей; занимаются, потому что они здоровые, а не дряблые... Въ этомъ будто бы вся суть нашей хмурости—въ томъ, что мы не способны *здорово* относиться къ жизни... Вопросъ, однако, въ томъ, что люди, ставимые въ примѣръ „хмурымъ“, все, что дѣлаютъ,—дѣлаютъ свободно, *не подъ давленіемъ*. Надъ ними не виситъ сознаніе подневольнаго выбора, не виситъ „притягивающая“ власть того, что нужно и что невозможно. Что это не наша *самобытная* болѣзнь, *не наслѣдственная* болѣзнь русской души,—порукой въ этомъ *общечеловѣческія* драмы Ибсена. И мы вылѣчимся отъ этой болѣзни такъ же внезапно, какъ вылѣчилась Эллида. И хмурые люди такъ же точно возьмутъ на себя черную работу, которой тяготились, когда она была для нихъ обузой факта... Для этого нужно то „единственное средство“, которое примѣнилъ Вангель: нужно, чтобы свобода нравственнаго выбора и самоопредѣленія перестала быть достояніемъ только тѣхъ героевъ русской жизни, которые осмѣливались уходить въ „широкій океанъ“ и тамъ погибали; она должна стать достояніемъ массовой *нормальной* жизни, въ которой гибнущіе теперь герои займутъ мѣсто „строителей“ домовъ съ башнями, „уходящими въ небо“, и „воздушныхъ замковъ на каменномъ фундаментѣ“, въ которыхъ только и можетъ, по Ибсену, жить „настоящее человѣческое счастье“.

А. Е. Рѣдько.

---

*) Напомнимъ, что Эллида тоже не „занимается дѣломъ“ у Ибсена.

ПРО НОВОЕ *).

Разсказъ.

Изъ дневника стараго нотаріуса.

Да, я хочу писать про скуку, такъ какъ скука была главнымъ настроеніемъ моей жизни, взрослой жизни. Вотъ полгода я сижу прикованный къ креслу, мои ноги не ходятъ и—доктора говорятъ—никогда не будутъ ходить,—я хотѣлъ воспользоваться своимъ большимъ свободнымъ временемъ, чтобы написать, не мудрствуя лукаво, о моей жизни и о той жизни, которая шла рядомъ со мной,—написать про скуку русской жизни, откуда она „пошла и стала есть"...

И вотъ прошло три мѣсяца, и только теперь я рѣшился, наконецъ, писать. Когда я оглянулся назадъ и сталъ подводить итоги, оказалось, что жизни-то и не было. Были дни, были отдѣльные факты, были, такъ сказать, случаи изъ жизни, а жизни не было. Не было жизни, какъ чего-то связнаго, послѣдовательнаго, гдѣ прошлое есть вчерашній день настоящаго, а сегодняшній—завтра будущаго. И не только въ моей личной жизни. Ну что же!—сложилась она не очень складно и связно, быть можетъ, по моей винѣ,—но и въ той жизни, которая шла мимо меня, вообще въ жизни. И что мнѣ писать о себѣ? Довѣренности, запродажныя записи, купчія крѣпости, духовныя завѣщанія, опять довѣренности, опять купчія... Понедѣльникъ, вторникъ, среда, пять лѣтъ, десять лѣтъ, цѣлыхъ тридцать лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ я сѣлъ за столъ нотаріуса, въ тотъ самый день, когда Генрихъ Осиповичъ прибивалъ рядомъ со мной вывѣску надъ своей аптекой... Да, тридцать лѣтъ!.. И выговариваю я это не съ испугомъ, а съ удивленіемъ, недоумѣніемъ: куда они ушли? Мнѣ хочется вспомнить. Довѣренности, крѣпостные акты, ду-

---

*) Было другое заглавіе: „Про скуку". Оно было зачеркнуто и болѣе свѣжими чернилами написано: Про новое.

ховныя завѣщанія, клубъ, имянины, похороны, кто-то приходилъ, кто-то уходилъ. Вѣдь мы же сходились и видѣлись, разговаривали, спорили... А о чемъ мы говорили, про что спорили,—не помню. Я напряженно всматриваюсь въ прошлое, вслушиваюсь въ тѣ забытые голоса и вспоминаю одно—анекдотъ. И когда я вспоминаю кого-нибудь, съ кѣмъ я десять, пятнадцать лѣтъ игралъ въ винтъ, когда вспоминаю тѣхъ людей, съ которыми встрѣчался на имянинахъ и свадьбахъ, я вспоминаю анекдотъ, анекдоты, которые тѣ люди любили разсказывать. Я теперь вижу, что и разговоры наши имѣли форму анекдотовъ,—связные разговоры такъ быстро утомляли насъ,—и если, бывало, вбѣгалъ кто-нибудь съ оживленнымъ лицомъ въ наше скучающее общество, мы всѣ знали, что онъ принесъ новый анекдотъ—и оживлялись, и нетерпѣливо спрашивали:

— Ну что?—И любили мы въ газетахъ „смѣсь“ и „разныя разности“, и мы смѣялись надъ мужиками, когда они отмѣчали періоды своей исторіи:—„это было еще до первой холеры“...—и сами не замѣчая того, такъ же отмѣчали наше лѣтосчисленіе:—„это было еще при полиціймейстерѣ Храповѣ“...

Да, да я теперь вспоминаю—были только анекдоты. И то, что писалось и пропагандировалось въ газетахъ, представляется мнѣ теперь въ формѣ анекдотовъ, жалкихъ, вульгарныхъ анекдотовъ. Помню анекдотъ про несгораемыя крыши для мужицкихъ избъ... Какъ насъ, хмурыхъ людей, оживлялъ принесенный кѣмъ-нибудь новый анекдотъ, такъ, въ это хмурое время, оживились газеты. Изъ газеты въ газету перекатывалась несгораемая крыша, и была въ ней государственная миссія и основывались или предполагалось основать учебныя заведенія для преподаванія несгораемыхъ крышъ... А потомъ, какъ и въ нашемъ обществѣ, анекдотъ сдѣлался старымъ и скучнымъ, появился новый анекдотъ—древонасажденіе. И это уже старый анекдотъ. А потомъ борьба съ дѣтской смертностью... И не то, что не было исторіи, все горѣли крестьянскія крыши и вырубались лѣса и вымирала дѣтская Россія,—это была настоящая, подлинная исторія, совершенно связная и послѣдовательная, но преломлялась она въ зеркалѣ русской жизни только въ формѣ анекдотовъ. И сколько такихъ анекдотовъ можно вспомнить за тридцать лѣтъ моей жизни!

Быть можетъ, тамъ, въ центрахъ, въ то время, какъ я сидѣлъ въ своей конторѣ нотаріуса, шла жизнь, дѣлалась исторія, развивалось дурное или хорошее, но нѣчто связное, послѣдовательное... Быть можетъ... но пока она доходила къ намъ, въ нашъ городъ, она разрывалась по дорогѣ на клочки

и приходила къ намъ въ разорванномъ видѣ только въ формѣ анекдотовъ, помню,—довольно однообразныхъ, однотонныхъ анекдотовъ.

— А вы знаете, онъ укралъ?—привозилъ возвращавшійся изъ Петербурга обыватель новый анекдотъ и говорилъ, кто „онъ" и что укралъ, и сколько...

— Били...—И опять пріѣхавшій обыватель разсказываетъ, гдѣ били, кого били и сколько народу избили.

Иногда анекдотъ выросталъ до скандала кричащаго, жестокаго, и люди какъ будто пробуждались и начинали кричать и шумѣть, но такъ скоро шумъ кончался и скандалъ становился обыкновеннымъ старымъ анекдотомъ. И вотъ, я стараюсь вспомнить эти анекдоты за тридцать лѣтъ и только вспоминаю, что кто-то воровалъ, кого-то били... И, быть можетъ, только одна эта однотонность анекдотовъ и даетъ нѣчто связное и послѣдовательное, какой-то своеобразный видъ исторіи.

Даже литература...

Я кладу перо и думаю, долго, мучительно думаю. Знаютъ ли въ Петербургѣ, какъ любимъ литературу мы, одинокіе люди, въ нашихъ одинокихъ, заброшенныхъ углахъ? Не я одинъ, я знаю,—вездѣ есть такіе любители, и какъ онъ глубоко неправъ, Щедринъ, когда писалъ: „Читатель почитываетъ"... Знаютъ ли они, съ какой жадностью раскрывается только что полученная книжка любимаго журнала? Я нюхаю ее,—да, нюхаю. Я разрѣзываю въ срединѣ книжку и втягиваю въ себя этотъ странный, непровинціальный запахъ, еще не исчезнувшій запахъ типографіи, печатнаго дѣла. И клубъ отмѣняется въ тотъ день, и читается „книга", и мы пріобщаемся къ культурѣ. Да, да, и это совсѣмъ не смѣшно, это такъ и есть, такъ какъ для насъ, провинціальныхъ любителей литературы, она—вся радость русской жизни, вся надежда, въ ней концентрируется, въ ней развивается единственно связное, послѣдовательное теченіе русской жизни,—будущее ея.

И вотъ книжка только что разрѣзаннаго журнала лежитъ на моихъ колѣняхъ, и я все думаю, думаю. Мнѣ тяжело думать одному, и я начинаю спрашивать себя—ужъ было ли то, что было 30 лѣтъ тому назадъ? И я ѣду съ своимъ кресломъ въ столовую, къ моей сестрѣ и говорю ей:

— Ты не помнишь, что они тогда пѣли?

Она все помнитъ, потому что пѣли наши младшіе братья и сестры, которымъ она замѣнила мать, и поднимаетъ очки на лобъ и говоритъ мнѣ:

— Развѣ ты забылъ? — Саша любилъ „Полоса-ль ты,

моя, полоса"...—Суровое лицо моей сестры становится добрѣе, и она говоритъ:

— Ася все пѣла: „Укажи мнѣ такую обитель"...

Значитъ это было, я тоже помню. И мы говоримъ про Сашу, который тогда рѣшилъ, что докторскій дипломъ отдаляетъ отъ народа, а фельдшерскій приближаетъ, и потому съ пятаго курса бросилъ медико-хирургическую академію и поступилъ фельдшеромъ въ глухой уѣздъ на востокѣ Россіи и тамъ долго работалъ, пока не умеръ отъ тифа. И суровое лицо сестры совсѣмъ доброе, и слезы блестятъ на суровомъ лицѣ.

Да, это все было. Я уѣзжаю въ свою комнату и все вспоминаю и Сашу, и Асю, и ту молодежь, которая собиралась у нихъ, у меня же въ домѣ, и тѣ журналы, которые они читали, и тѣ споры, которые велись при мнѣ.

Да, превыше всего община, а въ переднемъ углу мужикъ сидѣлъ. За тѣмъ же столомъ фабричный человѣкъ сидѣлъ, и полна была горница трудящагося люда... И были долгъ, совѣсть, жалѣющая любовь и покаяніе. И перестройка всего міра, чтобы людямъ жилось просторно въ мірѣ, и борьба на всѣ фронты за достиженіе самаго высокаго, самаго полнаго счастья для всѣхъ людей, на всѣ вкусы... А потомъ оказалось, что у насъ, въ Россіи, слишкомъ много большихъ дѣлъ и въ этомъ зло, и нужно забыть про большія дѣла, а дѣлать маленькія и крыть Россію маленькими несгораемыми крышами.

А потомъ стали говорить, что не нужно ничего перестраивать,—все само перестроится, и не нужно биться ни на какіе фронты, а нужно перестраивать только самихъ себя и удаляться отъ зла. А потомъ община оказалась самымъ страшнымъ зломъ, и мужика изъ горницы выгнали, а посадили туда фабричнаго рабочаго, и въ томъ, что писалось, чувствовались и злоба, и презрѣніе, и ненависть къ мужику за то, что онъ мужикъ и не дѣлается фабричнымъ рабочимъ. А потомъ и такъ случилось, что о долгѣ передъ народомъ, о совѣсти и любви стало не совсѣмъ приличнымъ говорить въ передовомъ обществѣ, и слово „жалость" сдѣлалось зазорнымъ словомъ. И все это называлось переоцѣнкой всѣхъ цѣнностей.

Удивительнѣе всего, что все это были люди безродные и, когда имъ говорили, что у нихъ есть отцы и родня, Саши и Аси, они обижались и говорили, что они отказываются отъ всякаго родства, отъ всякаго наслѣдства, и говорили со злобой и негодованіемъ люди внутренней перестройки, „фабричные люди противъ народныхъ людей".

И безродные люди приходили и уходили, и все отказы-

вались отъ наслѣдства, все переоцѣнивали всѣ цѣнности. И забывались тѣ двѣ великія главы новѣйшей русской исторіи, 60-е и 70-е года, и то первое и самое важное, что написано было въ тѣхъ главахъ.

Мы, любители русской литературы, знали и слѣдили за тѣмъ связнымъ и послѣдовательнымъ теченіемъ, которое отправлялось отъ прошлаго и шло въ будущее и неуклонно стремилось къ тому, чтобы не умирали русскія дѣти, какъ мухи, и чтобы всѣмъ было просторно и свѣтло жить въ Россіи. Но такъ часто эта связная и послѣдовательная исторія прерывалась безродными анекдотами.

Случайно, но всетаки мнѣ приходилось встрѣчать за тридцать лѣтъ и въ нашемъ городѣ представителей всѣхъ этихъ анекдотическихъ теченій, и, къ удивленію, всѣ они оказывались незлобными людьми, все это были чудеснѣйшіе, превосходнѣйшіе люди, и, къ удивленію, въ нихъ были всѣ тѣ же цѣнности и долгъ, и совѣсть, и жалость. Только они—русскіе люди, дѣти несвязной русской исторіи, только думали они анекдотами, чувствовали анекдотически. Должно быть, это особенность русской жизни, безродной русской исторіи. Было неизвѣстно, что день грядущій намъ готовитъ, и то, что онъ готовилъ, было неожиданностью для дня настоящаго.

Я вспоминаю: вѣдь было же земство, городское самоуправленіе, вспоминаю судъ, народное образованіе.., Да, именно вспоминаю. Вспоминаю, какъ они явились, какими были, когда были молоды, когда все это—и судъ, и земство, и народное образованіе, все это отливалось въ одну форму и вставало изъ русской жизни цѣльнымъ, одухотвореннымъ, какъ статуя изъ бѣлаго мрамора,—она такъ выпрямила тогда русскихъ людей... Да, вспоминаю—какъ низкіе, грязные негодяи сорокъ лѣтъ ломали руки и тѣло прекрасной статуи, какъ плевали въ бѣломраморное лицо и какъ постепенно та статуя, которая выпрямляла когда-то насъ, обломанная, изуродованная постепенно возвращалась къ той глыбѣ безформеннаго камня, изъ котораго она вышла.

Однажды я испугался, и тогда начался мой ретроспективный взглядъ. То было, когда появилась книга—это недавно было, кажется называлась она „О вредѣ тѣлесныхъ наказаній“. Говорятъ,—я увѣренъ въ этомъ—написали ее, толстую книгу, умные люди, чудеснѣйшіе, превосходнѣйшіе люди съ прекраснѣйшими намѣреніями, а я испугался. И сейчасъ помню, какъ приносили ее мнѣ, и я не могъ развернуть ее. Думалъ, — вдругъ я прочитаю, что тѣлесное наказаніе вредно, что пороть людей противно совѣсти, что порка розгами человѣка по обнаженному тѣлу унижаетъ его

человѣческое достоинство,—вдругъ тамъ окажется статистика, свидѣтельства отъ разума, историческія справки? Такъ и не развернулъ... Вѣдь сорокъ лѣтъ прошло съ той весны, съ того освобожденія, а черезъ сорокъ лѣтъ появилась книга о вредѣ тѣлеснаго наказанія... Да. И вотъ тогда-то мнѣ и стало страшно. Тогда показалось мнѣ, что никакихъ нѣтъ статуй и мрамора, а въ результатѣ сорока лѣтъ опять то же старое, вонючее, растрескавшееся пушкинское корыто, предъ которымъ сидитъ старуха, вызывавшая золотую рыбку, а на днѣ корыта, какъ свидѣтельство о корытѣ, толстая книга о вредѣ тѣлесныхъ наказаній для русскихъ людей.

19... года.

Я возвратился къ старинѣ, къ эпосу. Я читаю Гомера, жизнеописанія Плутарха, полюбилъ и перечитываю библію,—то, что я такъ давно не развертывалъ. Мнѣ нравится то связное и послѣдовательное, не анекдотичное, что есть въ старыхъ сказаніяхъ, гдѣ все такъ ясно, такъ невозмутимо просто, всѣ и все имѣютъ свои опредѣленныя мѣста, нравится эпическій тонъ, съ которымъ разсказывается и жестокое, и трогательное, что происходитъ въ жизни. Міръ ушелъ отъ меня съ своей сутолокой и своими анекдотами, для меня осталось мое кресло и четыре комнаты моего домика на окраинѣ города и окно моей спальни, изъ котораго видна изгородь переулка, и за переулкомъ, такъ близко, домикъ Скрипки, стараго сибирскаго исправника, съ которымъ я когда-то учился въ гимназіи, и люди—немного людей, которые толкутся около меня. И газета не такъ жадно развертывается и не всегда прочитывается. Я возвратился къ эпосу.

Ко мнѣ приходитъ Федоръ, мой дворникъ, самый близкій теперь ко мнѣ человѣкъ,—онъ одѣваетъ меня, раздѣваетъ, поднимаетъ на своихъ сильныхъ рукахъ мое грузное тѣло и, когда онъ въ добромъ расположеніи духа, то вывозитъ меня въ креслѣ въ садикъ—„прогуляться“, какъ выражается онъ. Глазъ у него подбитъ, лѣвая половина лица распухла, онъ говоритъ, что его зовутъ въ полицію.

— Что это такое у васъ?—спрашиваю я про его глазъ.

— То жъ ночью... Парубки пришли изъ-за рѣчки, ну, мы ихъ били.

И на мое недоумѣніе разъясняетъ, что пришли парубки изъ-за рѣчки къ дѣвушкамъ нашей слободки, и потому надо было ихъ бить.

— Тожъ наши дивчата... — убѣжденно говоритъ Федоръ.

Я напоминаю ему, что мѣсяцъ назадъ онъ ночевалъ въ полиціи послѣ того, какъ забрался къ дивчатамъ другой слободки—къ чужимъ дивчатамъ.

Федоръ пріятно улыбается и говоритъ:

— Мы и тогда ихъ били. Воны дурные.

Я смотрю на него и восхищаюсь нетронутымъ эпосомъ, которымъ вѣетъ отъ него, какъ отъ дикаря, который находилъ, что хорошо все то, что онъ взялъ, и дурно то, что у него взяли. На немъ сапоги, мои почти новые охотничьи сапоги, и я говорю:

— Хорошіе у васъ сапоги, Федоръ!

— Эге, сапоги добри...—И любезно показываетъ мнѣ ярко вычищенныя голенища и новыя подметки,—лицо его эпически ясно, и никакъ не укладывается въ моей головѣ слово „воръ". — Если я напоминаю Федору, что далъ ему пять рублей на покупки и что нужно получить съ него два рубля сдачи, онъ любезно шаритъ въ своихъ карманахъ, бѣжитъ въ дворницкую и приноситъ мнѣ два рубля,—если я скоро вспоминаю. Если же проходитъ недѣльная или десятидневная давность, онъ уже считаетъ себя обиженнымъ и возмущается, и я конфужусь за мое требованіе сдачи.

— Вы зачѣмъ взяли доху у Скрипки?—вспоминаю я вчерашній инцидентъ. Вчера былъ сосѣдъ мой Скрипка и жаловался, что у него пропала доха, и нашелъ онъ ее черезъ мѣсяцъ въ моей дворницкой, на кровати Федора, гдѣ она изображала матрацъ. Лицо Федора полно негодованія, онъ сыплетъ яркими колоритными ругательствами по адресу скаженаго Скрипки и объясняетъ, что доха лежала—думаю, съ основанія города единственная въ немъ — на нашемъ дворѣ, у забора, и что онъ пыталъ у разныхъ свѣдущихъ людей, откуда явилась доха, и никакъ не могъ найти хозяина, а потому и спалъ на ней.

— Та нехай винъ тричи подавится!

Негодующій, онъ уходитъ въ полицію судиться по поводу набѣга парубковъ на дивчатъ нашей слободки, которыхъ онъ считаетъ своею собственностью, а я думаю о Федоровой душѣ.

Онъ принципіальный человѣкъ, и у него есть идея. Онъ „позывается" и, кажется, для того и пришолъ въ городъ, чтобы добыть деньги, чтобы было на что позываться. Онъ только недѣлю назадъ возвратился изъ деревни, куда ѣздилъ позываться съ своимъ дядькомъ и предъ отъѣздомъ взялъ зажитые пятьдесятъ рублей, а когда я спросилъ, зачѣмъ ему такъ много денегъ, онъ подробно объяснилъ, что ему будетъ стоить нанять пару воловъ и нагрузить на нихъ свидѣтелей, сколько могутъ поднять волы, и отвезти ихъ въ городъ на судъ и кормить, и поить ихъ. Онъ и раньше бралъ у меня двадцать пять рублей на то же позыванье и теперь опять проигралъ дѣло, такъ какъ дядько нанялъ двѣ

пары воловъ и привезъ на судъ вдвое больше свидѣтелей. И когда я узналъ, что споръ идетъ изъ-за кусочка земли, который стоилъ много-много пятьдесятъ-сто рублей, и начиналъ доказывать Федору, что они съ дядькомъ уже истратили въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ стоитъ спорная земля, онъ упрямо повторялъ:

— Винъ мини голову морочить. Винъ мене не одурить!

Я увѣренъ, что онъ поѣдетъ въ третій, въ четвертый разъ и истратитъ еще пятьдесятъ и сто рублей, такъ какъ онъ принципіальный человѣкъ, и главная его честь заключается въ томъ, чтобы онъ дурилъ другихъ людей и морочилъ имъ голову, а не они ему. Я любуюсь на его могучія руки, лихо закрученные черные усы, его эпически непоколебимую, круглую, какъ арбузъ, голову и съ завистью слушаю, какъ онъ цѣлыя ночи напролетъ гуляетъ съ принадлежащими ему дивчатами тамъ у рѣчки, такъ недалеко отъ моего окна, и съ полнымъ воодушевленіемъ поетъ про Сагайдачнаго-необачнаго:

„Продавъ свою жинку за тютюнъ та люльку, необачный“...

19... года.

Днемъ заходитъ Скрипка,—какъ всегда выпивши, настоящій хитроумный Одиссей, переплывшій тоже много морей. Онъ огромный, съ сѣдыми усами, и на головѣ сѣрый пухъ вмѣсто волосъ. Когда-то мы росли вмѣстѣ,—онъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ нашего же уѣзда,—изъ тѣхъ, кого въ Малороссіи называютъ „панокъ поганенькій“—онъ недолго учился въ гимназіи и больше 30 лѣтъ прослужилъ въ Сибири. Приходитъ, какъ всегда, выпивши, и какъ всегда разсказываетъ одну и ту же безконечную, какъ дорога въ Сибирь, исторію своихъ служебныхъ подвиговъ; разсказываетъ возмутительныя дѣла невозмутимымъ эпическимъ тономъ,—какъ онъ ѣздилъ въ глухія, пограничныя съ тунгусами и якутами волости, какъ собиралъ тамъ дани, какъ міръ выставлялъ ему угощеніе и посылалъ поочереди на ночь дѣвушекъ и женщинъ,—все тотъ же старый русскій анекдотъ,—какъ онъ воровалъ и какъ билъ... И у меня вырывается восклицаніе:

— Какъ же васъ, Сильвестръ Федоровичъ, въ каторгу не послали?

Онъ отвѣчаетъ, какъ Федоръ:

— Эге! Меня не одурять... Ревизоръ пріѣхалъ изъ Питера—такій маленькій.—„Слѣдствіе!“ „Подъ судъ!“ Такій сердитый!

Скрипка смѣется.

— Вся Сибирь знаетъ!—съ гордостью говоритъ онъ,—на пяти подводахъ дѣло везли въ губернію... Разыскивали... Такъ и печатали въ губернскихъ вѣдомостяхъ: „разыскивается коллежскій асессоръ Скрипка...“ Разъ изъ канцеляріи генералъ-губернатора бумага пришла: „по свѣдѣніямъ“ и прочее, „такой-то Скрипка проживаетъ въ городѣ...“ А я въ губернскомъ правленіи въ это время служилъ,—ну, само собой, по вольному найму—черезъ меня бумага шла; я и подмахнулъ: „по справкѣ коллежскаго асессора Скрипки на жительствѣ въ городѣ не оказалось...“

Онъ кашляетъ, огромный животъ дрожитъ отъ смѣха, и лицо наливается кровью.

— Полиціймейстеръ подписываетъ, говоритъ:—„Ты хоть бы самъ-то не писалъ своей рукой,—чего озоруешь? Айда въ Токмаковку!..“ Деревня была, черезъ рѣку,—станъ, значитъ... Ну, сейчасъ въ Токмаковку съ засѣдателемъ на козъ охотиться. А полиціймейстеръ въ станъ бумагу: „по свѣдѣніямъ проживаетъ...“ а засѣдатель:—„по справкѣ на жительствѣ не оказалось...“ Значитъ, опять въ городъ, въ губернское правленіе. Такъ и ѣздилъ черезъ рѣку,—шесть лѣтъ ѣздилъ...—улыбается Скрипка.—А тамъ пожаръ случился въ губернскомъ правленіи,—и пожаръ-то маленькій, снова улыбается Скрипка,—а что было лишнее,—сгорѣло! И дѣло мое кончилось...

И все тутъ связное и послѣдовательное, и такимъ эпосомъ вѣетъ на меня отъ одиссеи Скрипки...

— Чего же вы не остались тамъ, Сильвестръ Федоровичъ?—снова вырывается у меня.—Вотъ вамъ какъ хорошо въ Сибири жилось... И полную пенсію получили... И пріятелей сколько...

Онъ молчитъ, и на лицѣ его недоумѣніе. Онъ долго смотритъ на меня тусклыми оловянными глазами и медленно говоритъ:

— Тамъ птица мовчить. Не спивае...

Онъ все смотритъ на меня, и что-то бродитъ на его обрюзгшемъ лицѣ, и онъ повторяетъ:

— Не спивае...

Онъ ходитъ по комнатѣ большими грузными шагами, отъ которыхъ гнутся половицы пола и медленно выговариваетъ:

— Сижу тамъ и слышу, какъ у насъ... Помните, въ гимназіи учились—вотъ тутъ, за рѣчкой, удодъ кричалъ: „худо тутъ, худо тутъ“, а мы ему, бывало, говорили: „лети дальше...“ А то еще птица кричала,—у насъ на хуторѣ, въ

Гаю, за шинкомъ Берки: „риба-риба,—ракъ-ракъ-ракъ, тирикъ-тирикъ,—дракъ дракъ-дракъ...“ А тамъ мовчить.

И онъ пріѣхалъ послушать, какъ птица поетъ въ Малороссіи,—онъ, у котораго перемерли всѣ родные, и знакомыхъ, кажется, осталось только я, да старикъ Берко.

Вчера вернулась Елена. Она подошла ко мнѣ и сказала:

— Здравствуйте, баринъ!

Я очень радъ.

190.. года.

Я очень радъ. Она удивительная — эта кухарка Елена. Который разъ поступаетъ она къ намъ на службу,—я ужъ не помню. Она является всегда неожиданно и въ своемъ обычномъ полномъ вооруженіи—съ большимъ томомъ жизнеописанія Петра Великаго, съ Наполеономъ и револьверомъ, который она называетъ „пистолетъ“. Зачѣмъ ей нуженъ былъ пистолетъ, я не знаю, но онъ всегда при ней и, ложась спать, она непремѣнно кладетъ его подъ подушку. Елена читаетъ всякія книги, но время отъ времени возвращается къ Петру Великому и Наполеону и, когда начитается ими въ полной мѣрѣ,—идетъ къ сестрѣ и говоритъ ей:

— Вотъ люди были, барыня! Вотъ жили, вотъ дѣла дѣлали! А теперь что?

И глаза блестятъ у ней, и восторгъ и негодованіе слышатся въ голосѣ. Тогда на нѣкоторое время она проявляетъ въ кухнѣ кипучую дѣятельность, у ней несомнѣнный подъемъ духа, и фантазія работаетъ въ повышенномъ темпѣ,—тогда она угощаетъ насъ своими удивительными экзотическими обѣдами.

— Я завтра, барыня, приготовлю греческій обѣдъ.

И она готовитъ греческій обѣдъ, армянскій, еврейскій, французскій. И весь тотъ кулинарный опытъ, который добыла она въ своихъ вѣчныхъ скитаніяхъ, она претворяла своимъ художественнымъ творчествомъ,—сестра называла ее Наполеономъ кухни—и въ городѣ знали, когда у меня служитъ Елена, и напрашивались на обѣдъ. А потомъ ей вдругъ дѣлалось скучно, глаза становились скучные и злые, она начинала придираться къ намъ и, если я плохо ѣлъ за обѣдомъ,—оскорблялась, являлась въ столовую и говорила:

— Если я барину угодить не могу,—разсчитайте меня. Ни у кого на шеѣ висѣть не хочу...

Я долженъ былъ ѣсть, чтобы не оскорблять Елену. Если сестра спрашивала—почему за рыбу заплачено 25 коп., а не

20 за фунтъ,—тогда Елена подходила вплотную и впивалась своими сѣрыми глазами въ лицо сестры и говорила злымъ голосомъ:

— Вы, барыня, скажите просто,—украла я? Да? Воровка? А то 25 копѣекъ!

Въ такихъ случаяхъ сестра, питавшая слабость къ Еленѣ—поднимала по своей привычкѣ очки на лобъ, всматривалась въ злое лицо Елены и, улыбаясь, говорила:

— Опять ноги зудятъ, Елена? Надоѣло,—бѣжать хочется?

Тогда злость сбѣгала съ лица Елены, и она интимно и таинственно сообщала:

— Родные зовутъ, барыня... Все пишутъ, пишутъ—пріѣзжай, Елена—почему не ѣдешь? Я васъ люблю барыня, только никакъ нельзя,—родные, сами знаете!..

И уходила, и приходила всегда таинственно, и неизвѣстно было, куда уходила и откуда приходила. Все ее звали, все гдѣ-то ждали.

— Такъ ужъ, барыня, отъ васъ уходить не хочется, а нельзя...—объясняла она другой разъ.—Братъ женится, въ Сумахъ. Дворянку беретъ — потомственную... 50 десятинъ собственныхъ, хуторъ — все обзаведеніе, домъ въ городѣ двухъэтажный. Ну, и пишетъ братъ,—одна я у него сестра,—чтобы пріѣзжала,—невѣста познакомиться хочетъ...

Какъ-то разъ она выпросила у сестры рекомендательное письмо къ нашимъ роднымъ, жившимъ на Кавказѣ. Мы скоро получили извѣстіе, что Елена за что-то разсердилась и ушла отъ нихъ, и три года не было объ ней никакихъ вѣстей, а потомъ она снова явилась и, какъ всегда, неожиданно.

Все у нея было таинственно, и все на свой ладъ. Она не признавала модъ, управлявшихъ костюмами городскихъ кухарокъ и горничныхъ, и создала свой собственный стиль,—всегда черное платье и, когда шла въ городъ, надѣвала черную мантилью, и черная кружевная косынка окутывала голову и лицо, такъ что видны были только сдвинутыя брови и угрюмо смотрѣвшіе сѣрые глаза. Когда просилась у сестры въ городъ, говорила повелительно:

— Я, можетъ быть, поздно возвращусь, барыня,—ключъ съ собой возьму. Дѣло у меня, ждутъ тамъ...

И она была только смѣшна мнѣ съ своимъ пистолетомъ, съ своимъ увлеченіемъ Петромъ Великимъ и Наполеономъ, съ своей мрачностью и таинственностью. Раньше она не обращала на меня вниманія, а теперь она подошла ко мнѣ и, облокотившись рукой о мое кресло, близко наклонилась и сказала:

— Здравствуйте, баринъ! — глаза ея были влажные и

блаженные и полны жалости; одѣта она была въ голубую кофточку, и вся она была словно омытая и осіянная тихимъ сіяніемъ,—я тутъ только разсмотрѣлъ, какая она тонкая и худенькая и насколько она моложе своихъ 30 лѣтъ, и какое у ней странное, ни на кого не похожее блѣдное лицо съ сѣрыми глазами. И было что-то новое въ ея голосѣ, отъ чего у меня сдѣлалось горячо въ груди, и я сказалъ:

— Здравствуйте, Елена! Я радъ, что вы пріѣхали...

19.... г.

Она была голубая, омытая, озаренная—эта новая Елена. Она носится по квартирѣ, безшумными шагами, кроткая и умиротворенная, и счастливая, блаженная улыбка не сходитъ съ ея лица. Она часто забѣгаетъ ко мнѣ съ какимъ-нибудь вопросомъ.

— Какъ вамъ, баринъ, рыба больше нравится, — можетъ потушить да проложить щавелемъ?.. тотъ соусъ, знаете, въ родѣ, какъ по-гречески? Или лучше, какъ евреи любятъ,— съ фаршемъ?

Сегодня она забѣжала ко мнѣ предъ обѣдомъ, улыбка у ней особенно радостная и блаженная

— Что я вамъ скажу, баринъ! жила я у помѣщиковъ въ Золотоношскомъ уѣздѣ. Случай былъ... Тоже вотъ барынинъ отецъ два года на кровати лежалъ,—и въ кресло посадить нельзя было,—и что бы вы думали?—всталъ и—кабы сама не видѣла, не повѣрила бы—и на токъ, и въ поле... А по лѣстницѣ—двухъэтажный у нихъ домъ—черезъ ступеньку...

Она смѣется, и я все смотрю въ ея лицо и вслушиваюсь въ ея странный смѣхъ, надорванный, дрожащій смѣхъ. Вечеромъ опять пришла съ сложнымъ и необыкновеннымъ меню завтрашняго дня, а я сталъ писать мой дневникъ, и все недоумѣваю, что случилось съ Еленой.

Въ спальнѣ у сестры голоса, и опять этотъ странный, надорванный, волнующій меня смѣхъ...

На слѣдующій день.

Дверь въ спальню была полуоткрыта, я безъ шума подкатилъ свое кресло, и мнѣ видно было: сестра на кровати, въ ночномъ чепчикѣ, а предъ нею Елена, трепещущая и говоритъ, волнуясь, спѣша и смѣясь:

— Барыня милая! Все я время вамъ, всю жизнь врала, всѣхъ обманывала, а больше всего себя обманывала, себѣ врала... Безродная, вѣдь, я, подкидышъ, чужіе люди подобрали меня, какъ щенка выкормили, какъ собаку шпыняли. Въ Сумахъ... помните,—про брата врала въ Сумахъ? Нѣтъ ни

брата у меня, ни сестры, ни матери, и никто не звалъ меня, никто, родной, не ждалъ меня,—все-то сочиняла я, для себя сочиняла. Вѣдь думала, пріѣду въ Сумы, и вдругъ братъ найдется,—все про брата думала—и вѣрите ли, барыня, по улицамъ ходила, гдѣ господа гуляютъ, въ лица глядѣла, думаю, узнаю брата, по лицу узнаю, сердце скажетъ. Не нашла. Смѣяться будете, барыня, — она засмѣялась надорваннымъ, рыдающимъ смѣхомъ,—думала часто: благороднаго я рода, можетъ графская дочь, потеряли, дескать, меня и все ищутъ, все ищутъ... Глупая я, все фантазія, все обмануть себя хотѣла. А жизнь-то скучная... скучно жить на свѣтѣ, барыня!

Елена стояла, какъ всегда, вся подавшись къ сестрѣ, и въ свѣтѣ лампы словно тѣни бродили по ея лицу.

— Честная я была, барыня,—вѣрьте слову! А люди-то не честные и не хотятъ, чтобы промежду нихъ честная жила, и непереносно имъ, чтобы человѣкъ на свой строй, самъ по себѣ, не какъ всѣ жилъ... Въ кухарки, помню, къ старому генералу поступила,—соберутся на базарѣ другія кухарки и начинаютъ:—„Ты какіе счета ставишь? До тебя Марья жила,—лавочку на базарѣ открыла—а послѣ тебя какъ служить?"—Такъ выходило, что противъ своихъ товарокъ не хорошо поступаю... Въ больницу разъ поступила, въ сидѣлки. Такъ полюбилось, кажется, и не ушла бы! И кто труднѣе болѣетъ, тотъ мнѣ и любѣе; вечеръ придетъ, книжки имъ читаю разныя,—всѣ рады. Тоже сидѣлки говорить стали:

— „Ты, говорятъ, намъ жить не даешь! Больные какую манеру завели, чтобы мы по ночамъ не спали, этакъ и служить нельзя!" Прямо говорятъ:—„Ты уходи... какъ ни-какъ изведемъ тебя, подъ статью подведемъ, казенное бѣлье въ сундукъ къ тебѣ подкинемъ".

— Металась я, металась, гдѣ-гдѣ не была—и бураки рыла, и на табачныхъ фабрикахъ работала, на пароходахъ по Черному морю судомойкой ѣздила,—все скучно, барыня, нѣтъ моей душѣ радости! И на мѣста становилась, — стала выбирать, чтобы не къ своимъ, не къ русскимъ поступать,—у кого, у кого не жила!—и у армянъ, и у грековъ, и у французовъ,—все мнѣ хотѣлось узнать, какъ другіе, не наши люди живутъ, какой законъ у нихъ, какая вѣра... У Гольдберговъ, евреевъ, вотъ какъ у васъ же, нѣсколько разъ служила; какъ тамъ любили меня—особенно ребятишки! Вотъ, барыня, гдѣ дѣтей-то любятъ!—То свѣтлыя, то темныя тѣни мѣнялись на лицѣ Елены.—А не хотѣла, какъ другія жить. Интересу не было: деньги, напримѣръ, или, скажемъ, одежа, или, напримѣръ, хвастаются другія: у меня такой, у меня вотъ какой. Скучно мнѣ... И мечту имѣла... Чтобы что-

нибудь почуднѣе, барыня, — засмѣялась она — понеобыкновеннѣе, ни на кого не похоже... Вотъ на Кавказъ, помните, уѣхала, думала ни вѣсть что. Какой со мной случай былъ! Вѣрите ли—глухимъ шопотомъ заговорила она,—отъ вашихъ тогда ушла, — въ аулѣ жила, съ кабардинцемъ съ Сентъ-Магометомъ, все потому, что джигитъ онъ былъ, конь вороной, съ винтовкой за плечами по ночамъ выѣзжалъ, думала—на темное дѣло, на страшное дѣло, голову сложить... Все себя обманывала. А онъ просто баранту коробчилъ.

И опять засіяло лицо ея, и блаженная улыбка задрожала на губахъ, и зазвенѣлъ голосъ. Говоритъ она:

— Барыня! Барыня! Въ Одессѣ... нашли меня братья, изъ грязи подняли, пріютили меня сирую, одинокую, согрѣли мою душу холодную, свѣтомъ просвѣтили заблудшую, грѣшную... Пришла къ нимъ на собраніе, гимны пѣли, словно про меня пѣли:

Малый свѣточъ пусть ясный
Свѣтъ на море жизни льетъ!
Можетъ быть, изъ тьмы опасной
Онъ кого-нибудь спасетъ.

Стою и слушаю, сама не своя, и слезы во мнѣ, а плакать не могу, никогда не плакала. Посмотрю кругомъ: всѣ-то праведные, всѣ-то добрые.—Барыня, милая барыня!—И восторгомъ и невыплаканными слезами звенѣлъ и рыдалъ голосъ:

— Нашла я свой родъ, племя свое! Есть у меня братья родные, сестры милыя! Домой пришла, подъ кровъ родимый.

Я безшумно откатился съ своимъ кресломъ къ себѣ въ спальню.

Да, я проглядѣлъ Елену.

190... г.

— Съ добрымъ утромъ, баринъ!

Она приходитъ всякое утро поздравлять меня, и я люблю слушать, какъ она поздравляетъ. Что-то кроткое, ласковое и радостное наполняетъ домъ, и мнѣ не такъ скучно и одиноко жить. Случается, когда я читаю Гомера и Плутарха,—гимнъ доносится изъ кухни,—любимый гимнъ Елены:

Есть для плачущихъ земли
Мѣсто у Креста!
Братъ мой страждущій, займи
Мѣсто у Креста.

Вѣчная любовь зоветъ
Всѣхъ насъ со Креста,
И для каждаго найдетъ
Мѣсто у Креста...

Тогда я оставляю Гомера и начинаю перелистывать книжку со стихами и гимнами, принесенную мнѣ Еленой, перечитываю наивные, складные и нескладные, но всегда трогательные стихи и съ удивленіемъ встрѣчаю среди новыхъ незнакомыхъ гимновъ—стихи Козлова и Тютчева и старыхъ русскихъ поэтовъ. И начинаю думать не о старомъ эпосѣ, а о новой лирикѣ, идущей въ русскую жизнь...

Въ моемъ домѣ происходятъ удивительныя дѣла. Въ кухнѣ клубъ и всегда люди. Мнѣ видно изъ столовой въ открытую дверь,—тамъ нѣтъ черныхъ и рыжихъ усачей, какіе бывали у Елены раньше, — приходятъ какіе-то новые люди, бородатые, съ медлительными движеніями, съ задумчивыми лицами. Тутъ и кухарки, и прачки, и дивчата изъ нашей слободки, которыя распѣвали съ Федоромъ по ночамъ: „продавъ свою жинку за тютюнъ та люльку", и землекопы, работающіе надъ прокладкой водопроводныхъ трубъ... Разъ видѣлъ лавочника, у котораго нѣсколько лѣтъ покупалъ табакъ, и моего бывшаго посыльнаго изъ конторы, и старшаго садовника изъ городского сада. А вечеромъ тихій говоръ идетъ въ моемъ садикѣ. Иногда зазвонитъ гимнъ въ вечерней тишинѣ, и я слышу, какъ робко и неувѣренно присоединяются одинъ за другимъ мужскіе и женскіе голоса.

На дняхъ у сестры вышло недоразумѣніе съ Еленой. Позвонилъ полковникъ, котораго сестра не любитъ—горничной дома не было.—Сестра приказала Еленѣ сказать, что ея дома нѣтъ, а братъ спитъ.

— Я не могу. Вы же барыня дома, и баринъ книжку читаетъ...—И на великое изумленіе сестры Елена пояснила:

— Мнѣ нельзя неправду говорить...—Но ей очевидно не хотѣлось огорчать барыню, и она предложила:

— Я могу доложить, что вы приказали сказать, что васъ дома нѣтъ, а баринъ книжку читаетъ.

Сестра не признала комбинацію удачной, и ей пришлось принять полковника. Повидимому инцидентъ не испортилъ ихъ отношеній, и разговоры по ночамъ въ спальной все продолжаются.

А Федоръ сумрачный, съ нимъ что-то дѣлается, и усы у него повисли, ходитъ онъ медленно, все въ землю смотритъ и о чемъ-то думаетъ. И не слышу я больше пѣсенъ за рѣчкой, по ночамъ Федоръ дома и большую книгу читаетъ.

19... года.

Все новое кругомъ меня, удивительное. Я начинаю думать, что я проглядѣлъ жизнь, и должно быть нужно было, чтобы у меня отнялись ноги, чтобы я пристальнѣе вглядѣлся въ то, что происходитъ кругомъ меня,—чтобы я разглядѣлъ жизнь. И еще болѣе удивительная вещь,—я начинаю думать, что то время, которое я сижу въ моемъ креслѣ,—въ собенности тѣ два мѣсяца, которые прошли съ пріѣзда Елены—полнѣе, разностороннѣе, богаче впечатлѣніями, чѣмъ многіе годы, которые я ходилъ мимо жизни.

Какъ-то на дняхъ я поздно проснулся, и долго звенѣлъ въ моихъ ушахъ знакомый, давно забытый мотивъ и даже, когда проснулся, я долго лежалъ въ постели и старался вспомнить, гдѣ я слышалъ то, что неслось ко мнѣ изъ дома Скрипки, гдѣ со вчерашняго дня работаютъ маляры.

Я разобралъ наконецъ слова:

Укажи мнѣ такую обитель...

Да, это то самое, что я слышалъ тридцать лѣтъ назадъ, когда у меня гостили Саша и Ася, и я съ удивленіемъ вслушиваюсь: та-же интонація, та-же манера пѣть и такъ-же, какъ тогда, женскій голосъ врывается въ сильные мужскіе голоса. Я сидѣлъ у окна и съ страннымъ, необыкновенно радостнымъ чувствомъ слушалъ то, что неслось изъ оконъ Скрипки. А потомъ пробило двѣнадцать часовъ, и вышли они, маляры, семь человѣкъ и съ ними дѣвушка, я узналъ ее—какъ-то разъ она мыла у насъ полы. Были они въ темныхъ шляпахъ съ широкими полями, въ сѣрыхъ и темныхъ пиджакахъ—и слѣды краски придавали имъ артистическій видъ—и были всѣ они молодые и веселые, какъ тѣ студенты, что собирались тридцать лѣтъ назадъ. И лица такія же—тонкія, худыя, интеллигентныя.

Эти дни я сижу у окна въ своей спальнѣ и слушаю—иногда доносятся цѣлыя фразы,—что дѣлается въ домѣ Скрипки.

— Вы, милостивый государь, мажете, какъ теленокъ хвостомъ...—Здоровенный хохотъ доносится до меня. Я знаю,—это говоритъ старшой, въ этой артели въ семь человѣкъ,—такой же молодой, какъ всѣ остальные, съ темной бородкой эспаньолкой, съ веселыми, насмѣшливыми глазами, въ самой широкополой шляпѣ.

Въ двѣнадцать часовъ „милостивые государи“ уходятъ обѣдать всѣ вмѣстѣ—артисты, джентльмэны съ джентльмэнскими лицами. Въ два часа они собираются на работу и должно быть не всѣ вмѣстѣ живутъ,—не сразу приходятъ. Случается, дожидаются опоздавшихъ, стоятъ въ переулочкѣ

противъ моего окна. И должно быть всегда у нихъ есть новости, — они развертываютъ газеты, кто-нибудь читаетъ вслухъ и, изъ за хмѣля, окутывающаго изгородь, мнѣ видно, какъ развертываются бѣленькіе листочки. Иногда къ изгороди подходятъ Федоръ и Елена, здороваются съ малярами за руку и долго слушаютъ, что написано въ газетахъ, въ бѣленькихъ листочкахъ.

А потомъ маляры уходятъ въ домъ Скрипки, и несутся оттуда въ мое окно старыя, давно неслышанныя пѣсни.

Бываетъ такъ, что въ то же время несутся гимны изъ кухни и слова и мотивъ сливаются, перебиваютъ другъ друга, и странное, никогда не испытанное ощущеніе въ моей душѣ. Иногда у изгороди появляется Скрипка. Онъ въ недоумѣніи и, когда онъ въ недоумѣніи, онъ похожъ на большую ночную птицу, спугнутую ночью, растерянную и безтолково мечущуюся.

— Що се таке воны спиваютъ?

Я смѣюсь и говорю, что это новыя птицы прилетѣли въ Малороссію и поютъ новыя пѣсни. Должно быть, онъ не понимаетъ, онъ трезвъ и потому у него трясется голова — онъ долго слушаетъ и медленно выговариваетъ:

— Не чувъ...

Я тоже не чуялъ.

190... г. Май.

Вотъ и весны давно такъ не чувствовалъ,—тоже, должно быть, некогда было разглядѣть. Хмѣль,—буйный и зеленый. и сухая, темная, шершавая изгородь стоитъ пышная и нѣжно зеленая; подъ окномъ сирень, — вся лиловая, и запахъ ея льется въ мое окно, густой и сладкій, какъ сиропъ. Я начинаю разбираться въ этомъ сложномъ ароматѣ: вотъ сирень, жасминъ, кажется и бѣлая акація... Закаты улыбающіеся, вечера тихіе, томные, ночи кроткія. Люди приходятъ и уходятъ въ тихій вечеръ, въ безмолвный вечеръ, въ потухающій свѣтъ, и голоса ихъ осторожны и тихи, и слова у нихъ кротки и застѣнчивы. Старая яблонь облита бѣло-розовымъ цвѣтомъ, какъ невѣста покрываломъ. Она волнуетъ и умиляетъ меня,—она старая и не цвѣла уже нѣсколько лѣтъ, и мнѣ думается, цвѣтетъ послѣдній разъ, и послѣдній разъ слышу я ея тонкій трогательный ароматъ...

Подъ яблоней столъ, вынесенный изъ кухни, покрытый бѣлой скатертью, маленькая жестяная лампочка привѣшена къ стволу старой яблони, на столѣ большая книга,—старая книга въ толстомъ переплетѣ, а за столомъ Елена въ голубой кофточкѣ съ непокрытыми волосами и Федоръ въ бѣлой

рубашкѣ, въ чистой, недавно вымытой, рубашкѣ. Она читаетъ развернутую толстую книгу—я слышу, какъ тихо шелестятъ листы и радость въ голосѣ Елены—каждое слово толстой книги—счастье для нея,—а онъ сидитъ большой, нескладный, поникшій... И когда она перестала читать, онъ вздохнулъ медленно и глубоко и тихо выговорилъ:

— Трудно мнѣ это, Олена! трудно...

Изъ-за зеленой изгороди слышится веселый голосъ:

— Добрый вечеръ!—въ калитку входитъ тотъ старшой съ эспаньолкой, въ широкополой шляпѣ.

— Добрый вечеръ!.. — говоритъ Елена и освобождаетъ мѣсто на скамейкѣ.

— Садитесь!..

И опять идетъ тихій говоръ. И мнѣ видно, какъ листъ за листомъ тяжело и медленно переворачиваются, большіе листы толстой книги, и быстро переворачиваются звонкіе бѣленькіе листочки въ рукахъ человѣка въ широкополой шляпѣ. Я не слышу словъ, но я вижу, я чувствую,—старая большая книга побѣдила новенькіе бѣленькіе листочки.

— Добрый вечеръ!

— Добрый вечеръ!

Онъ уходитъ, человѣкъ съ темной эспаньолкой, и снова возвращается, стоитъ у стола и, улыбаясь, говоритъ веселымъ, увѣреннымъ голосомъ:

— Къ намъ придете!.. У насъ свѣтлѣе...

Тогда отъ книги поднимается бѣлокурая голова и говоритъ съ ласковой, счастливой улыбкой:

— Мы пришли... Нужно и вамъ придти... Миръ съ вами...

И они остаются опять двое, и радостный голосъ медленно выговариваетъ радостныя слова изъ старой книги. А небо бездонное, широкозвѣздное и безмолвное, и льется волнами густой и сладкій ароматъ, и нѣжные лепестки бѣленькихъ цвѣточковъ падаютъ съ старой яблони на раскрытую старую книгу, на бѣлокурую голову, на поникшаго человѣка. Я вижу, какъ она, голубая и свѣтлая, подъ бѣлой яблоней цѣлуетъ его темнаго и поникшаго и говоритъ:

— Будь ты братомъ мнѣ роднымъ, милымъ братомъ...

И уходитъ. А онъ остается одинъ, большой, сильный и нескладный, и шевелитъ губами, и тяжко вздыхаетъ. Я вижу, какъ онъ трудно, неслушающимися руками разстегиваетъ воротъ своей рубашки, медленно снимаетъ крестъ съ своей шеи, бережно кладетъ его на листы раскрытой книги и прислоняется къ стволу старой яблони, и поднимаетъ къ небу широкооткрытыя, молящіеся глаза. И лепестки бѣленькихъ цвѣточковъ старой яблони, какъ бѣлыя бабочки, медленно и

безшумно падаютъ на листы старой книги, на темноволосую голову, на бѣлое тѣло раскрытой груди.

А молящіеся глаза все смотрятъ въ небо, я слышу глубокій, тяжкій вздохъ, и глухой голосъ говоритъ:

— Трудно мнѣ, Господи! Трудно...

---

190 . . . г. май.

Теперь я часто „гуляю“. Какъ только погода хорошая, Федоръ самъ является ко мнѣ и говоритъ:

— Поѣдемте, баринъ, гулять.

И мы ѣдемъ и, когда переѣзжаемъ порогъ выходной двери, черезъ который раньше такъ бурно перескакивало мое кресло, мы перебираемся мягко и осторожно. И „гуляемъ“ не только въ садикѣ, а выѣзжаемъ за ворота и спускаемся къ рѣчкѣ, и любуемся на зеленый лѣсокъ...

— Правда, Федоръ—какъ-то разъ спрашиваю я его:—вамъ нельзя ужъ пѣсни спивать?

— Ни... Молитвы можно, гимны.

— И табакъ бросили?

— Кинувъ.

— Трудно вамъ, Федоръ?

Онъ нѣкоторое время молчитъ.

— Трудно...—и добавляетъ:—было...

Я оборачиваю назадъ голову и убѣждаюсь, что—было. У него нѣтъ того восторженно счастливаго выраженія Олены, лицо у него задумчивое, но ясное, спокойное. И что-то новое въ немъ, неуловимо новое, нѣтъ той старой лихости, той ежечасной готовности къ бою,—было новое тонкое, интеллигентное.

Нѣтъ моего стараго Федора. Онъ до крайности щепетиленъ въ нашихъ финансовыхъ отношеніяхъ, у него новыя манеры, сдержанныя и корректныя, онъ иначе причесывается, иначе носитъ усы, надѣлъ широкополую шляпу и, когда вынимаетъ меня изъ кресла и кладетъ въ постель, я чувствую, что другія руки берутъ меня,— тѣ же сильныя, но осторожныя и ласковыя. И новый голосъ, сильный баритонъ, поетъ гимны въ моемъ домѣ.

Продолженіе.

Федоръ любитъ, и драма—любовь его. Оксану подобрала Олена, какъ подбираютъ бездомныхъ собакъ, плачущую, въ базарной толпѣ, босоногую, полуголую и привела къ намъ. Былъ у нея мужъ, и была у нея сестра, старшая сестра, овдовѣвшая казачка, и стали они, мужъ и сестра, жить, какъ мужъ

и жена, и ночью выгнали ее, босоногую, полуголую, какъ пришла она къ намъ. И должно быть жизнь испугала ее, и ужасъ жизни все стоялъ въ ея черныхъ, какъ маслины, глазахъ и, когда сестра,—она добрая, но у ней громкій голосъ,—спрашивала Оксану: почему она не вытерла окна, полуребенокъ, полуженщина съ блѣднымъ смуглымъ лицомъ Миньоны прижимала крѣпко свои маленькія руки къ груди и говорила:

— Барыня, не говорите со мной крѣпко, не можу я... Сердце дрожитъ у меня... Я всю ночь буду работать, только не говорите со мной крѣпко.—И испуганные, черные, какъ маслины, глаза полны слезами, и молящій голосъ повторяетъ:

— Не можу я, сердце дрожитъ у меня!..

Такъ скоро запѣла она:

Есть у плачущихъ земли мѣсто у креста...

Не было счастья и радости въ ея голосѣ и, когда она начинала пѣть, сестра приходила ко мнѣ въ спальню, садилась у меня на постель и плакала, и сѣдая голова качалась, и говорила сестра:

— Не могу ее слушать, не могу...

И „плачущая земли"—говорила мнѣ объ Осѣ, такъ рано и такъ далеко погибшей.

Я вижу, какъ неотступно провожаетъ ее глазами Федоръ и, когда она несетъ отъ колодца ведро воды, онъ осторожно беретъ его изъ ея рукъ и бережно несетъ въ кухню, какъ хрустальный сосудъ. А вчера подъ той же отцвѣтшей бѣлой яблоней онъ сказалъ ей тихимъ, глухимъ голосомъ:

— Чего вы журитесь, Оксана?

Она отвѣтила, и испугъ послышался въ ея голосѣ:

— Важко мини... Недужная я.

Ничего не выйдетъ у Федора.

---

19 . . . года.

У насъ новая горничная. Сестра не могла больше слушать, какъ поетъ-плачетъ степная Миньона, и устроила ее няней къ своимъ знакомымъ въ деревню. Новую звать Горпина. Она совсѣмъ удивительная, и я все думаю, откуда приходятъ эти новые люди, которыхъ я не зналъ раньше. Кажется, она малограмотная, книгъ и газетъ не читаетъ, и должно быть въ городѣ нѣтъ у нея родныхъ и знакомыхъ,—никто къ ней не ходитъ, и она ни къ кому. Я смотрю на ея лицо и никакъ не могу рѣшить, очень ли она глупая, или очень умная. Она некрасивая, у ней упрямые малороссійскіе глаза и странно изогнутыя губы, словно она хочетъ расхохотаться и съ трудомъ удерживается.

— Что вы за человѣкъ, Горпина?—какъ-то вырвалось у меня.

— Перевертень...

И не смѣется. И на мои дальнѣйшіе вопросы объясняетъ, что отецъ у нея былъ кацапъ, а мать хорольская и что жили они сначала въ Хоролѣ, а когда мать умерла, перебрались въ Орловскую губернію, и такъ какъ она не можетъ рѣшить—кацапка она или малороссіянка, то и думаетъ, что она „перевертень". Я опять всматриваюсь въ ея лицо и все не могу рѣшить, умная ли она, или глупая.

Сестра скоро прозвала ее нигилисткой за ея полное равнодушіе къ тѣмъ вопросамъ, которые волновали мою кухню, и за ту непоколебимо отрицательную, ко всему отрицательную позицію, которую она заняла среди волнующихся людей. Разъ до меня донеслись отрывки разговора въ кухнѣ. У Горпины, очевидно, сократовская манера ставить вопросы.

— А вы его бачили?—спрашиваетъ она и сама отвѣчаетъ: Ни... И я не бачила.—А вы купуете?—И опять сама отвѣчаетъ:—Купуете.—Продаете?—Продаете... Ну и разговаривать нечего.

Послышались голоса Олены и Федора, горячіе, повышенные голоса, но голоса Горпины больше не было слышно.

Но что-то было въ ней, въ ея манерахъ, въ ея странныхъ вопросахъ. Разъ Олена и Федоръ ушли въ городъ, у насъ были гости, и сестра распорядилась зарѣзать цыплятъ. Горпина рѣшительно отказалась рѣзать и пояснила:

— Живые они, душа у нихъ есть...

— Да вѣдь вы же сами ѣдите цыплятъ?

— Такъ мнѣ что! Они мертвые,—не я ихъ рѣзала. Меня бы вотъ мертвую съѣли, да сколько угодно!

И опять ея странные вопросы:

— А можетъ моя душа раньше въ цыпленкѣ была?

Это было такъ неожиданно, что сестра и про гостей забыла и спрашиваетъ:

— Что такое вы говорите?

— А то и говорю... Вы, барыня, знаете,—гдѣ мы съ вами были, когда не родились?

— Что же по вашему? — недоумѣваетъ сестра,—и у дерева душа есть?

— А вы знаете, что нѣтъ?—опять вопросомъ отвѣчаетъ странная женщина. Такъ и остались цыплята въ тотъ вечеръ не зарѣзанными.

И опять у меня вопросъ: откуда она пришла,—эта нигилистка и отрицательница съ вѣрой въ переселеніе душъ?

Продолженіе.

Откуда она пришла? Откуда оно приходитъ?—Все то оно, новое, удивительное, что вошло въ жизнь нашего города, гдѣ нѣтъ ни „узловъ, ни портовъ, ни фабрикъ ни заводовъ",— ничего подвижного, мѣняющагося, быстро живущаго, гдѣ все та же вѣковѣчная степь, тѣ же волы, та же скифскаго типа упряжка, гдѣ, казалось мнѣ, все такъ же неподвижно, какъ въ глубокихъ геологическихъ пластахъ? Откуда? коечто рисуется мнѣ... Тамъ, на горѣ, высоко и далеко, дождь выпалъ, и вода просочилась въ землю и долго пробиралась въ подземной тьмѣ между геологическими пластами, и вышла далеко - далеко источникомъ живой воды... И другое „оно"... Я знаю, вода идетъ въ землю не только изъ тучи, ее даютъ осѣдающіе на землю гнилые туманы, и изъ вонючихъ клоакъ, вонючая жидкость просачивается тоже въ землю и тоже идетъ неизвѣстными подземными путями и заражаетъ воздухъ далеко отъ мѣста клоакъ. Да, я знаю, откуда пришла пѣсня: „Укажи мнѣ такую обитель"...—Благодаря неотступному наблюденію надъ кухнями, узнаю и многое другое, чего я не зналъ раньше такъ близко, такъ непосредственно реально...

Сегодня утромъ въ кухнѣ Скрипки поднялся шумъ,— обычный тамъ шумъ не галантнаго Опанаса и требующей культурнаго обращенія кухарки. Въ этотъ разъ онъ шелъ въ повышенномъ темпѣ,—по переулку бѣжала съ ревомъ и крикомъ кухарка, съ подбитымъ глазомъ, а за ней Опанасъ съ круглыми и глупыми глазами, какіе дѣлались у него во время гнѣва. Убѣжище кухарка нашла въ нашемъ садикѣ, у моего окна. Оказалось, что она назвала дворника „ферліянецъ". Я достаточно изучилъ преломленіе культурныхъ терминовъ въ народной средѣ и былъ увѣренъ, что она назвала дворника „вольтерьянецъ". Оказалось, дѣло стояло еще сложнѣе. Когда Опанасъ былъ водворенъ Федоромъ въ его мѣстожительство, я сказалъ кухаркѣ:

— Какъ это вы нехорошо ругаетесь, Настасья! Вдругъ ферліянецъ...

— Ферліянецъ и есть...—настойчиво повторяла Настасья, и морда-то у него ферліянская...

— Какая такая ферліянская?

— Какъ же баринъ! Небось читаете газеты? Народъ такой есть,—самый пакостный,—ферліянцы... Вотъ я у ротмистра служила, садовникъ у него былъ, мать-то у него природная ферліянка... тоже видѣла... И на базарѣ сказывали, что про нихъ пишутъ,—все противъ насъ бунтуютъ...

Я стараюсь вспомнить хоть одного „природнаго" фин-

ляндца „съ отцомъ и съ матерью“—въ нашемъ городѣ и не могу вспомнить.

— А просочилось... Пахнетъ.

190... г. іюнь.

Боже мой! Боже мой! Опять „жидъ“, опять погромъ носится въ воздухѣ!.. Я не могу, совсѣмъ не могу переносить этого. Мнѣ нужно бѣжать на улицы, въ дома, къ людямъ, взывать къ нимъ, умолять, а я долженъ сидѣть и ждать, сидѣть и смотрѣть. Все, все, война, грабежъ въ темномъ лѣсу, только не это,—не погромъ, не избіеніе гражданами гражданъ, вчера еще дружившихъ,—только потому, что одни христіане—христіане!—а другіе евреи. У меня еще стоятъ передъ глазами кровавыя пятна отъ того погрома, который я видѣлъ—сколько?—двадцать, двадцать пять лѣтъ назадъ. Четверть вѣка!... Я былъ увѣренъ, что все это прошло, такъ мирно жили бокъ о бокъ портные, переплетчики, слесаря, доктора, купцы,—былъ увѣренъ, что все это забылось, стерлось, устранено изъ жизни, какъ отжившее, чуждое, невозможное. И въ газетахъ, и въ жизни продолжали встрѣчаться антисемиты, но я думалъ, что это не серьезно, что все это мелкіе негодяи, не стоющіе серьезнаго вниманія. Я не вѣрилъ, что найдутся негодяи—уже потому негодяи, что осмѣливаются называться христіанами,—которые отъ словъ перейдутъ къ дѣлу и со столбцовъ газетъ выйдутъ на улицу.

Негодяи... Вотъ я провѣряю себя, стараюсь вспомнить всѣхъ зараженныхъ антисемизмомъ людей, какихъ я встрѣчалъ въ обществѣ, и не могу припомнить, чтобы я встрѣтилъ хоть разъ вполнѣ порядочнаго, добраго и умнаго человѣка антисемита. Все это были или умные негодяи, или добрые дураки,—другихъ не припомню. Были средніе—люди недомыслія, люди съ зарубками, съ шорами, люди„ „умѣющіе считать только до тысячи“. Были и глупые негодяи, и злые дураки, но вполнѣ порядочнаго, умнаго и добраго человѣка между ними не встрѣчалъ. И всѣ они зараженные, вотъ какъ бываетъ чесотка на рукахъ, трахома, дурная болѣзнь, и не всѣ, конечно, виноваты, что заразились.

А *оно* опять идетъ. Я уже читалъ о начавшихся погромахъ и волновался, но всетаки думалъ, что это далеко отъ насъ, вотъ какъ холера, гдѣ-то тамъ, на границѣ, и думалъ, что до насъ не дойдетъ. А оно дошло, оно просочилось.

Первый принесъ вѣсть Опанасъ. Идетъ съ базара и улыбается.

— Жидовъ будутъ бить, баринъ! — здоровается онъ со мной.

— Какъ жидовъ бить? Скоро?

— Тамъ скажутъ...—бросилъ онъ мнѣ и пошелъ дальше.

Пришелъ старикъ Берка, блѣдный, дрожитъ, глаза у него расширены и остановившіеся, какъ у лунатика, и должно быть онъ ничего не видитъ. И дрожитъ его голосъ.

— Вы слышали, господинъ нотаріусъ? Вы знаете? Вы вѣруете въ Бога, господинъ нотаріусъ? Въ вашего Бога?

Онъ изъ тѣхъ же Балокъ, гдѣ я родился, и прожилъ тамъ, какъ и я, свое дѣтство, торговалъ въ отцовскомъ шинкѣ, въ отцовской лавкѣ, и былъ пріятелемъ всѣхъ жителей Балокъ. А потомъ, 20 лѣтъ назадъ, пришла къ нему громада и сказали, что приказано жидовъ бить, а они не хотятъ его бить по дружбѣ, потому что не видали обиды отъ него, и отвезутъ его въ городъ. И нагрузили на мірскія подводы его семью и имущество и, какъ ни протестовалъ онъ, отвезли его въ городъ. А въ городѣ били и, быть можетъ, убили бы, если бы не заступились тѣ же люди изъ Балокъ—они не желали возвращаться изъ города съ пустыми телѣгами. Тогда сошла съ ума его жена и умерла въ сумасшедшемъ домѣ, и сынъ, когда подросъ, не пожелалъ жить въ Россіи, а уѣхалъ въ Америку, и должно быть умеръ тамъ. И мнѣ кажется, что одинокій Берка все забылъ—и жену, и сына и помнитъ только тотъ ужасъ, и должно быть такъ же тогда расширенные глаза были полны ужаса. Кажется, онъ не слышитъ, что я ему говорю, и шепчетъ про себя свои неслышныя слова,—должно быть мольбы къ своему Богу, въ Котораго онъ вѣритъ.

Мимо окна идетъ,—онъ утромъ уходитъ въ городъ—Скрипка, видитъ Берку и заходитъ ко мнѣ.

— Будутъ васъ бить, Берка,—это вѣрно... Завтра будутъ на 15 іюня.

Онъ тоже съ дѣтства знаетъ Берку и расположенно говоритъ ему:

— Ты, Берка, ко мнѣ приходи съ утра... У меня не тронутъ. Я мундиръ надѣну, регаліи...

Онъ веселъ и благодушенъ, и нѣтъ недоумѣнія на лицѣ его. Онъ знаетъ старую исторію Берки, но желаетъ снова слушать и смѣется, гдѣ ему кажется смѣшно въ разсказѣ Берки.

— Такъ и говоритъ громада, — хохочетъ и переспрашиваетъ Скрипка:—казали бить?

— Казали бить...—какъ эхо отвѣчаетъ Берка.

— Да кто казалъ? Они дурные...

Очевидно Берка не знаетъ, кто „казалъ", и, какъ эхо, повторяетъ:

— Казали бить...

— Да, будуть бить, — успокоительно говоритъ Скрипка,— это вѣрно. Ничего не подѣлаешь... Ты приходи...

И не было недоумѣнія въ лицѣ Скрипки, — эпически ясно было его лицо и эпически просты были его слова, какъ „казали бить“,—которыя такъ упорно повторялъ Берко...

А потомъ ночь пришла, — та же сладко-пахнущая, кроткая, бездонно-глубокая, многозвѣздная ночь, которую люди любятъ, ночь, въ которую люди молятся... А въ открытыя окна несся шумъ изъ города, тревожный, настороженный. За воемъ собакъ, за умиравшимъ шумомъ экипажей вставали звуки, пугающіе, смутные, какъ шорохъ ночью въ лѣсу,— словно крадется кто-то жестокій, злобный, ненавидящій...

Въ переулкѣ показались люди. Темныя, безмолвныя тѣни вырывались изъ густой тьмы ночи, смутными силуэтами вставали въ свѣтѣ моего окна и снова погружались въ густую плотную тьму. Одинъ, еще одинъ, трое, опять одинъ, огромный и темный съ медлительными тяжелыми шагами. Все идутъ, какъ много идетъ ихъ туда въ настороженную тьму! Чиркнула спичка, и желтой точкой мелькнула закуренная папироска, кто-то что-то сказалъ, и мнѣ на мгновеніе показалось, что я узналъ голосъ маляра съ эспаньолкой. А потомъ опять стало тихо и безмолвно. Отцвѣли жасминъ и сирень, облетѣли бѣленькіе цвѣточки со старой яблони, и осталась одна акація, и изъ городского сада, съ площадей и бульваровъ, и садовъ несся однотонный, тяжелый и душный запахъ бѣлой акаціи. А съ темнаго неба смотрѣли звѣзды, далекія, чуждыя, безучастныя... Мнѣ показалось,—прошло ужасно долго, когда снова показались люди. Они шли назадъ по моему переулку быстрыми, рѣшительными шагами и слышенъ былъ смутный говоръ въ толпѣ...

На слѣдующій день.

Я почти не спалъ ночью и проснулся поздно. На крыльцѣ своего дома стоялъ Скрипка въ отрепанной тужуркѣ съ погонами, съ разстегнутой волосатой грудью и говорилъ уходившимъ завтракать малярамъ:

— Ну что, хлопцы, скоро будете жидовъ бить?

Они остановились, всѣ семь человѣкъ, и молчали и только одинъ старшій съ темной эспаньолкой сказалъ—и смѣхъ дрожалъ въ его голосѣ:

— Скоро... Тѣхъ, кто будетъ жидовъ бить...

Скрипка долго стоялъ на крыльцѣ, недоумѣлый, съ растопыренными руками и опять былъ похожъ на большую ночную птицу, спугнутую огнемъ... А маляры смѣялись и шли

веселой толпой, съ сдвинутыми на затылокъ черными шляпами.

Пришла Елена съ базара.

— Ну, баринъ, ничего не будетъ...

Она стоитъ передо мной съ той радостной, счастливой улыбкой, которая не сходитъ съ ея лица, и разсказываетъ базарныя новости. Она говоритъ, что подрядчикъ Федоръ Ивановичъ, у котораго больше ста человѣкъ рабочихъ, два дня поилъ ихъ и 1-го іюня обѣщалъ отпустить на два дня, безъ вычета жалованья,—евреевъ бить, и ночью у нихъ сходка была за старымъ кладбищемъ.

— Только маленечко прошиблись...—улыбаясь, говоритъ Елена,—думали: землекопы съ ними заодно будутъ—вотъ что трубы прокладываютъ,—вѣдь ихъ сколько!—а тамъ нашихъ братьевъ много, а наши несогласны.

— И *они*—Елена указала глазами на домъ Скрипки,—этотъ Калюжный тоже сходку собиралъ ночью за нами, за рѣчкой, въ лѣсу,—много народу было,—Федоръ былъ, сказывалъ. Порѣшили,—городъ на участки раздѣлить промежду себя, и къ еврейскимъ домамъ сторожу поставить и—въ случаѣ, будутъ громить—громилъ бить...

Будьте благословенны—старая большая книга и тонкіе, звенящіе листочки, и „братья“, и маляры, и студенты!..

Черезъ полгода.

Шесть мѣсяцевъ я умиралъ. Доктора говорятъ, что мой артритъ распространился на руки и шейные позвонки, что немножко „шалитъ“ сердце, и сидятъ во мнѣ какіе-то цилиндры. Скрюченная рука не держитъ перо, не могъ уже я сидѣть въ креслѣ и не видѣлъ моего окна, изъ котораго открывался такой широкій міръ, и я думалъ, что навсегда закрывается окно моей жизни.. Доктора отдумали и разрѣшили мнѣ еще поглядѣть на Божій міръ, и старый пріятель докторъ Черкесовъ на мой вопросъ отвѣтилъ:

— Въ вашемъ обвинительномъ актѣ, милостивый государь, значится, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ вы разрушите вашъ существующій строй. Имѣются и вещественныя доказательства—цилиндры. Есть остроумные доктора и остроумныя изобрѣтенія человѣческаго разума! И за то спасибо,—я снова могу писать.

Зима. Все бѣлое кругомъ, спокойное и задумчивое. Мягкій бѣлый саванъ покрылъ и жасмины, и акаціи, и старую яблонь. Елена все у насъ и была трогательно ласкова за время болѣзни, но опять суровая морщина легла на лобъ, и сбѣжала

съ губъ блаженная улыбка. Какъ быстро облетаютъ цвѣты, какъ скоро проходятъ медовые мѣсяцы!

Праздникъ кончился, начались будни, и Елена—будничная, озабоченная, нетерпимая. Я слышу гнѣвный голосъ въ кухнѣ, властный, укоряющій. Сестра приходитъ ко мнѣ и, улыбаясь, разсказываетъ, что дивчата нашей слободки совершили великое преступленіе,—была чья-то свадьба, и дивчата спивали свои старыя пѣсни и даже танцовали „метелицу“— и гнѣвная Елена теперь отчитываетъ грѣшныхъ дивчатъ. И второй мѣсяцъ въ нашемъ околодкѣ—драма. Сестра Федора полюбила одного изъ веселыхъ маляровъ и хочетъ непремѣнно выйти за него замужъ. Елена и Федоръ негодуютъ, что она полюбила „чужого“, а сестра Федора плачетъ,—она не хочетъ уходить отъ „своихъ“ и не можетъ уйти отъ возлюбленнаго. Медовый мѣсяцъ кончился, Елена „пришла въ свой домъ“ и отгораживаетъ себя стѣнами отъ чужихъ домовъ и кроетъ его крышей, и укутываетъ его. Она — домостроительница и домоправительница. У насъ образовалось что-то въ родѣ справочной конторы, и сестра моя во главѣ ея. Она пишетъ по просьбѣ Елены безчисленныя письма и въ городъ, и въ уѣздъ, и ѣздитъ хлопотать лично,—все рекомендуетъ тѣхъ, кого нужно устроить Еленѣ,—и садовниковъ, и дворниковъ, и управляющихъ, и кухарокъ. И у Елены становится суровое лицо, когда она узнаетъ, что мѣсто занято другими --случается, знакомыми тѣхъ же маляровъ.

А Федоръ „позывается“. Онъ ушелъ отъ меня—и именно потому, что со мной много было возни, и у него не было времени позываться.

Отношенія у насъ остались прежнія дружескія, и изрѣдка онъ заходитъ ко мнѣ. Лицо Федора вытянулось и обострилось, говоритъ онъ торопливо и напряженно, весь онъ точно собирается бѣжать, и старая вызывающая готовность къ бою на его лицѣ. Онъ позывается не съ дядькомъ,—съ тѣми же малярами, со всѣми, кто пребываетъ въ заблужденіи, участвуетъ во всякихъ собраніяхъ и вездѣ вступаетъ въ пренія. И очевидно много читаетъ,—запасается капиталомъ, чтобы было чѣмъ позываться,—у него появились другія слова и другіе обороты,—обороты литературной рѣчи. Нѣтъ стараго Федора, нѣтъ и недавняго Федора.

Только маляры по прежнему веселы и жизнерадостны и даже, кажется, стали веселѣе, чѣмъ были раньше. У насъ завязалось знакомство и Калюжный, тотъ старшой съ эспаньолкой, бываетъ у меня. Онъ говоритъ, что кругъ знакомыхъ у него сталъ шире и больше друзей, и что имъ вообще веселѣе жить на свѣтѣ. Онъ приходитъ утромъ по воскресеньямъ и копается въ моихъ книгахъ,—въ старыхъ книгахъ,

которыми я зачитывался во времена моей юности. Прошлый разъ онъ пояснилъ мнѣ, что у нихъ былъ споръ и что для рѣшенія спора ему нужно просмотрѣть „Отечественныя Записки" за 70-й годъ. Это трогаетъ меня и волнуетъ. Онъ беретъ у меня новые журналы, артель выписываетъ въ складчину двѣ газеты и толстый журналъ — мой любимый журналъ—имѣетъ два абонемента въ городской библіотекѣ,—но Калюжный говоритъ, что новые журналы доставать трудно—такъ много развелось желающихъ читать новые журналы. И все въ немъ трогаетъ меня и волнуетъ,—и то, что онъ здѣшній—и отецъ его былъ маляръ—окончилъ только городское училище и никуда не выѣзжалъ изъ нашего города—мѣщанскаго города, и что онъ пилъ воду изъ того же источника, изъ котораго пилъ и я, что онъ пришелъ къ тѣмъ же журналамъ и газетамъ и къ тѣмъ же мыслямъ и что вотъ рядомъ со мной проходила невѣдомая мнѣ духовная жизнь, такая чистая и свѣтлая, развертывалась исторія—совершенно связная и послѣдовательная.

И весь онъ—омытый, чистый и радостный, и у меня становится горячо въ груди и свѣтлѣе дѣлается въ комнатѣ, когда онъ уходитъ отъ меня, и я остаюсь одинъ съ своими новыми мыслями, съ новымъ ретроспективнымъ взглядомъ.

Въ послѣднее время онъ приходитъ чаще и разсказываетъ мнѣ разныя исторіи про другіе города,—удивительныя и все радостныя исторіи, которыхъ я не зналъ, и говоритъ онъ такъ увѣренно о будущемъ,—менѣе отдаленномъ будущемъ.

Иногда заходитъ Скрипка,—недоумѣніе сдѣлалось постояннымъ выраженіемъ его лица—и спрашиваетъ:

— Що се таке пишутъ?

Я снова говорю ему, и мнѣ весело говорить, что новыя птицы прилетѣли въ Украйну и поютъ новыя пѣсни. И когда я остаюсь одинъ и читаю новыя газеты и вспоминаю веселыя исторіи, разсказанныя Калюжнымъ, я говорю себѣ: неужели?..

Мой артритъ становится мнѣ легче, и мнѣ веселѣе жить. Я никогда не принадлежалъ къ людямъ, которымъ обидно и непереносно, что послѣ нихъ и безъ нихъ будетъ „равнодушная природа красою вѣчною сіять", всегда казалось мнѣ это плоско и низменно—и трогала, и волновала другая строчка:

„И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть".

Пусть не для меня будетъ менѣе отдаленное будущее, но я безмѣрно счастливъ той молодой жизнью, которая развер-

тывается предо мной. Я безмѣрно счастливъ, яко видѣста очи мои...

— — — — —

19. . . . г. декабрь.

Да, у меня другой ретроспективный взглядъ... Я не понялъ жизни, не такъ истолковалъ ее,—проглядѣлъ жизнь. Вотъ теперь предо мной ярко вспыхнула давняя-давняя картина. Мнѣ было девять-десять лѣтъ, я ѣхалъ степью къ тетѣ Лизѣ. Помню, кругомъ была черная вспаханная земля, ровная, какъ полъ, и синее небо, и не было начала и конца черной землѣ и синему небу. Было пусто и безмолвно. Поднимались суслики изъ своихъ норъ и становились по краямъ дороги и, сложивши лапки, удивленно смотрѣли на меня. Тамъ, изъ-за края земли, гдѣ сходятся черный пологъ и синее небо, и за которымъ уже ничего нѣтъ, кто-то медленно поднимается надъ землей, темный, безмолвный и смотритъ въ черную степь и снова опускается за край земли и снова летаетъ... Все звенѣлъ печальный колокольчикъ, ровной рысью бѣжали лошади, я спалъ и просыпался, — ничто не приходило, ничто не уходило,—синее небо, черная земля, кругомъ все было также пусто и безмолвно, стояли съ сложенными лапками все тѣ же удивленные суслики, все также чье-то темное крыло медленно поднималось тамъ, вдали, надъ землей, словно кто-то хотѣлъ подняться изъ-за края земли, и не было у него силъ, и снова опускался онъ за край земли... А потомъ была усадьба, старая дворянская усадьба и тетя Лиза,—та Лиза изъ дворянскаго гнѣзда—съ клавикордами и романсами. Давно умерла старая усадьба, и казаки Порубаи распахали землю, гдѣ стоялъ Екатерининскій домъ, умерла тетя Лиза, и прахъ ея давно покоится въ стихахъ Пушкина, въ эпопеѣ Тургенева, въ музыкѣ Чайковскаго, а степь все стояла предо мной также эпически безмолвная и недвижная, эпически грустная старая степь. Оттуда приходили люди—это объекты обложенія, объекты попеченія, пресѣченія и... тѣлесныхъ наказаній — Федоры, Горпины и Елены, я жилъ съ ними бокъ о бокъ, я видѣлъ ихъ въ моей кухнѣ, въ дворницкой, но я думалъ, что они все тѣ же эпическіе люди, недвижимые, какъ геологическіе пласты, залегающіе въ степи. Въ мою нотаріальную контору являлись новые люди, осѣдавшіе въ степи,—великороссы, болгаре, нѣмцы; они дѣлили старыя усадьбы, мѣрили и рѣзали степь, а я думалъ, что измѣняется только поверхность, а геологическіе пласты неподвижны. Кругомъ меня билась городская, обывательская, мѣщанская жизнь, и я думалъ, что она такая же мѣщанская, какъ была тридцать лѣтъ на-

задъ, и что все такъ же неподвижны обывательскіе геологическіе пласты. Я думалъ, что русская жизнь анекдотъ,—собраніе анекдотовъ...

Я проглядѣлъ жизнь, я не сумѣлъ разглядѣть, что рядомъ со мной, бокъ о бокъ, шла жизнь связная и послѣдовательная, отправлявшаяся отъ прошлаго къ настоящему и съ такой логической ясностью предопредѣляющая будущее, что за тридцать лѣтъ совершалась исторія, настоящая, огромная исторія, и Елена, и Федоръ, и маляры—новыя главы этой исторіи,—я не разглядѣлъ, что геологическіе пласты сдвинулись.

Вотъ я взглянулъ въ лицо жизни и, оглядываясь на прошлое и на этотъ послѣдній прожитый въ креслѣ годъ жизни, я вижу, что анекдотическая часть русской исторіи кончилась, и началась настоящая исторія, что кончился эпосъ русской жизни и начались другіе роды литературы. Я не знаю, что войдетъ въ жизнь,—лирика, драма, быть можетъ, трагедія, но я безмѣрно счастливъ. Видѣста очи мои.

С. Елпатьевскій.

Сонъ.

Въ небѣ странно-высокомъ, зловѣще нѣмомъ
Гасъ кровавый вечерній закатъ.
Умиралъ я отъ ранъ,—въ гаолянѣ густомъ
Позабытый своими солдатъ.
Какъ ребенокъ, затерянный въ чащѣ лѣсной,
Я кричалъ, я отчаянно звалъ—
И на помощь ни свой не пришелъ, ни чужой,
Гаолянъ только глухо шуршалъ!
Да орелъ цѣлый день надъ горою парилъ,—
Хищный клёкотъ носился кругомъ...
Все на сѣверъ, въ безвѣстную даль уходилъ
Затихающихъ выстрѣловъ громъ.
И скользилъ угасающій взоръ мой, въ тоскѣ,
По мѣнявшимъ нарядъ облакамъ:
Чтó тамъ парусомъ бѣлымъ стоитъ вдалекѣ—
Не села ли родимаго храмъ?

Вонъ старуха съ клюкой... Не моя-ль это мать
„По кусочки“ съ сумой побрела?
Горегорькая! Сына тебѣ не дождать—
Ты на муку его родила!
Злобно лязгають цѣпи... Въ дыму и въ огнѣ,
Будто стая всполошенныхъ птицъ,
Вьется лента вагоновъ,—и въ каждомъ окнѣ
Сколько блѣдныхъ, измученныхъ лицъ!
Безконеченъ вашъ путь, и тяжелъ, и суровъ:
Мертвой степи пустынная гладь,
Выси грозныя горъ, темень дикихъ лѣсовъ...
Васъ въ чужбину везутъ умирать!..

. . . .

Умиралъ я отъ ранъ на чужой сторонѣ...
Такъ хотѣлось мучительно жить,—
О проклятой, безумно-кровавой войнѣ,
Какъ о грёзѣ больной позабыть!

. . . .

Ночь сошла. Или смерть? Сѣть тумановъ сырыхъ
Поползала надъ ущельями горъ;
Въ черномъ небѣ невиданно-яркихъ, большихъ,
Странныхъ звѣздъ засвѣтился узоръ.
И въ зловѣщей тиши, мнѣ казалось, не я—
Кто-то чуждый безсильно стоналъ...
И отъ жалости въ сердцѣ больномъ у меня
Слезъ кипучихъ родникъ клокоталъ!

П. Я.

Литературно-художественная критика Н. К. Михайловскаго.

Черезъ литературно-художественную критику Михайловскаго проходитъ идея въ основѣ своей чрезвычайно простая, которая, однако, получила у него очень оригинальное развитіе. Идея эта обнимаетъ собой, съ одной стороны, отношенія художника къ тому, что онъ изображаетъ, т. е. его способность изображать дѣйствительность правдиво; а съ другой стороны — его способность вліять на насъ, „заражать" насъ своими впечатлѣніями.

Въ самомъ общемъ видѣ идея эта сводится къ тому, что „необходимо извѣстное соотвѣтствіе между наблюдателемъ и наблюдаемымъ явленіемъ". Элементарно это можно себѣ представить, напримѣръ, такъ. Наблюдатель, страдающій дальтонизмомъ, краснаго цвѣта не увидитъ. Глухой можетъ превосходно наблюдать, какъ разѣваются рты и шевелятся языки поющихъ, но пѣсни не услышитъ. Въ этомъ элементарномъ видѣ вполнѣ ясно, что въ подобныхъ условіяхъ наблюдатель получаетъ впечатлѣнія неправильныя. Это впечатлѣнія, извращающія дѣйствительность, и притомъ извращающія въ совершенно опредѣленномъ смыслѣ: они въ сравненіи съ дѣйствительностью упрощены. Они умаляютъ сложность ея состава, представляютъ ее въ поблекломъ и плоскомъ видѣ.

При болѣе сложныхъ обстоятельствахъ это же самое не такъ бросается въ глаза, но тѣмъ не менѣе положеніе остается по существу такое же.

Когда романистъ, какъ это было у натуралистовъ, изображаетъ любовныя отношенія между мужчиной и женщиной въ видѣ чего-то по преимуществу скотскаго, то онъ не имѣетъ права называть свое изображеніе правдой. Это — не правда, говоритъ Михайловскій, а свинство. Это одностороннее, упрощенное и огрубѣлое представленіе о дѣйствительности, а не „правда".

Возможно, однако, задаться вопросомъ, слѣдуетъ ли дѣйствительно считать такое представленіе одностороннимъ? Если Тур-

геневъ (которому одинъ изъ натуралистовъ посвятилъ томъ своихъ твореній съ восклицаніемъ salve, frater!) любилъ изображать женщину въ хорошіе, чистые моменты ея жизни, доводя эту чистоту до особенной возвышенности и благородства, то не имѣетъ ли такое же основаніе Зола изображать въ женщинѣ моменты ея паденія, чисто животной низости и извращеннаго разврата? Вѣдь въ жизни существуютъ какъ чистыя, возвышенныя полосы, такъ и грязныя и низменныя. И какъ тѣ, такъ и другія заслуживаютъ правдиваго изображенія. И то, и другое правда. Даже бываютъ эпохи, когда одно болѣе правда, чѣмъ другое. А во всякомъ случаѣ можно сказать, что и Тургеневъ правъ, и Зола правъ. „Нѣтъ,—говоритъ Михайловскій,—правъ кто-нибудь изъ нихъ". Они оба художники и у обоихъ процессъ творчества въ своихъ главныхъ и общихъ чертахъ одинъ и тотъ же, но только до извѣстной степени. Въ отношеніи Зола къ своей героинѣ Нана не достаетъ элементовъ, которые имѣются у Тургенева по отношенію къ Еленѣ и которые прибавляютъ къ ея образу нѣчто очень цѣнное и существенное. Тургеневъ любитъ Елену, любуется ею и насъ заставляетъ любоваться. А Зола равнодушенъ къ своей Нана и даже возводитъ свое равнодушіе въ принципъ. Онъ „натуралистъ", „химикъ", и поэтому долженъ быть безучастенъ. Конечно, онъ не можетъ любить свою Нана; но онъ могъ бы ее презирать, чувствовать отвращеніе, питать хоть жалость, какъ къ „человѣкообразному всетаки существу, обезчеловѣченному какими-то темными общественными или природными силами". И тогда его собственныя впечатлѣнія отъ Нана обогатились бы добавочными элементами, они „окрасились бы и расцвѣтились комбинаціями чувствъ и впечатлѣній, отсутствіе которыхъ сообщаетъ образамъ его такую угрюмость и холодность". Изображенная такъ безучастно дѣйствительность, въ лицѣ Нана, теряетъ часть своей сложности — совершенно такъ же, какъ если бы картина была изображена художникомъ, который страдаетъ дальтонизмомъ. И при томъ, это очень существенная часть,—это тѣ ея элементы, которые заставляютъ насъ принимать въ человѣкѣ наиболѣе живое участіе—негодованіемъ, жалостью, смѣхомъ, презрѣніемъ и т. п.

Это обѣднѣніе и эта упрощенность дѣйствительности не есть просто извѣстный минусъ. Сокращеніе поля зрѣнія сопровождается тутъ ненормальной гипертрофіей тѣхъ частей дѣйствительности, которыя остались въ полѣ зрѣнія художника. Эти части подчеркиваются и это даетъ извращенное представленіе объ ней: въ цѣломъ оно грубѣе, элементарнѣе, а въ излюбленныхъ художникомъ частяхъ, подвергшихся гипертрофіи, — чрезмѣрно загромождено излишними тонкостями. И то, и другое даетъ представленію о дѣйствительности отпечатокъ грубости, рѣзкости, нарушаетъ нормальную, дѣйствительную мѣру вещей и тѣмъ самымъ

нарушаетъ правдивость изображенія. Это — результатъ того, что Михайловскій любитъ называть „поглощеніемъ тучныхъ коровъ тощими“—сложнаго цѣлаго его частью.

Существуетъ взглядъ, что такое сокращеніе и упрощеніе дѣйствительности необходимо для чистоты эстетическаго впечатлѣнія. Для того, чтобы мы могли, по выраженію Фета, „благоговѣть богомольно передъ святыней красоты“, изъ искусства должны быть устранены всѣ цѣли, которыя способны осложнить наслажденіе красотой, — все, что не относится къ красивымъ формамъ, къ тонкости и изяществу исполненія. Но можетъ ли, при подобныхъ условіяхъ, быть рѣчь о „святынѣ“ искусства, можно ли тутъ говорить о правдѣ художественной?

Въ той степени, въ какой возможно сколько нибудь приблизиться къ такого рода художественнымъ задачамъ, получается вотъ что.

На одной изъ академическихъ выставокъ Михайловскій отмѣчаетъ бронзовую группу подъ названіемъ „Бѣдствіе“ *). На какомъ-то фантастическомъ звѣрѣ, составленномъ на манеръ химеры, только еще посложнѣе, изъ частей разныхъ звѣрей, скачетъ традиціонная смерть, въ видѣ скелета, прикрытаго мантіей, съ традиціонной же косой въ рукахъ; рядомъ бѣжитъ другой, тоже фантастическій составной звѣрь, ростомъ поменьше“. — „Глядя на эту группу,—говоритъ Михайловскій,—поневолѣ думается: не очень-то „бѣдствіе“ страшно! И это объясняется тѣмъ, что олицетворить нынѣ бѣдствіе въ области какой нибудь химерической фантазіи довольно мудрено: у насъ и водосточныя трубы дѣлаются нынѣ, съ цѣлью украшенія, въ видѣ разныхъ страшныхъ составныхъ звѣрей—крылатыхъ змѣй съ пѣтушиными гребнями и т. п.; на каминахъ, этажеркахъ, письменныхъ столахъ стоятъ многоголовые идолы, разжалованные изъ своего божескаго достоинства на степень украшенія и проч. Не страшно это даже для дѣтей. Цѣль якобы страшной драконьей морды, которою оканчивается водосточная труба, совсѣмъ не передача или внушеніе впечатлѣнія ужаса, а просто украшеніе. Таково же и положеніе группы „Бѣдствіе“, которая съ успѣхомъ займетъ мѣсто гдѣ-нибудь въ салонѣ, подъ тропическими растеніями, столь же мало возбуждая представленіе о бѣдствіи, какъ и это тропическое растеніе“.

Художникъ въ этомъ случаѣ задался мыслью „изобразить не ту или другую опредѣленную бѣду, а бѣдствіе вообще, бѣдствіе абстрактное, бѣдствіе an sich. Поэтому онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ квази-миѳологическимъ комбинаціямъ страшныхъ звѣрей и къ традиціонному образу смерти съ косой. Онъ выбиралъ для своего вымысла все, что ему казалось наиболѣе страшнымъ,

*) Лит. восп. II, 327.

наиболѣе приближающимся къ впечатлѣнію бѣдствія. Но изъ набранныхъ имъ элементовъ страшное давно выдохлось. Они были страшны въ своей комбинаціи впечатлѣній, которыя ихъ сопровождали и осложняли когда то въ воображеніи людей. Они были страшны и захватывали всей суммой сопровождавшихъ ихъ чувствъ и страстей. А лишенные всего этого, упрощенные образы—уже больше не захватываютъ и годны только для роли комнатныхъ „украшеній“. Ими „любуются“, не чувствуя въ нихъ ни правдивости сложной дѣйствительности, ни ея способности увлекать и волновать. Сложное впечатлѣніе сократилось и сложное отношеніе къ нему выдохлось, обратившись въ любованіе украшеніемъ. Искусство тутъ есть, но это низшій родъ искусства.

Такое же отношеніе къ себѣ вызвало у Михайловскаго „пано“ художника К. Маковскаго, помѣщенное на одной выставкѣ въ центрѣ его остальныхъ картинъ *). На этомъ пано былъ изображенъ великолѣпный павлинъ съ распущеннымъ радужнымъ хвостомъ. Михайловскому очень понравилась мысль помѣстить это пано въ самомъ центрѣ группы картинъ Маковскаго. Павлиній хвостъ, какъ украшеніе—можетъ служить эмблемой всей художественной дѣятельности Маковскаго. Маковскій рисовалъ ширмы, носилки вродѣ паланкина, расписанныя амурами и букетами. Все это украшенія — простыя безхитростныя украшенія. Но къ искусству, когда оно исполняетъ эту роль, никто не предъявляетъ требованій художественной правды, никто не ожидаетъ, чтобы оно захватывало. Оно обратилось въ невинное украшеніе—украшеніе площади, комнаты, мебели.

Однако, противники всего, что осложняетъ эстетическія впечатлѣнія всякими элементами идейными, нравственными и общественными, поднимаются нѣсколько выше. Искусство, по ихъ мнѣнію, должно быть украшеніемъ, если не прямо площади, комнаты, мебели, то — украшеніемъ жизни. Но осуществленіе этой программы встрѣчаетъ непреодолимыя затрудненія. Какъ украшать жизнь, устранивъ изъ „украшенія“ все, что входитъ въ содержаніе интересовъ жизни, то-есть все, что задѣваетъ за живое, волнуетъ, радуетъ, влечетъ къ себѣ?

Есть, однако, одна область живыхъ интересовъ, для которой въ этомъ отношеніи допускается, какъ замѣчаетъ Михайловскій, „странное исключеніе“. Это — область любви. Когда Маковскій изображаетъ на своихъ картинахъ наядъ, русалокъ, вакханокъ и прочихъ раздѣтыхъ и неодѣтыхъ дамъ, то это, говоритъ Михайловскій, украшеніе уже осложненное, о которомъ можно сказать словами школьника въ „Фаустѣ“: das sieht schon besser aus! man sieht doch wo und wie! „И я васъ спрашиваю—восклицаетъ Михайловскій:—если пьяная нѣга вакханки съ глазами, отуманенными

*) Лит. восп. II 324.

жаждой любви, не выходитъ изъ предѣловъ компетенціи „чистаго“ искусства, то почему, напримѣръ, голодъ нищаго или, съ другой стороны, юношеская жажда подвига, или хоть та же молодая женщина, но не раздѣтая и жаждущая не любви, а, положимъ, знанія, могутъ стать предметомъ только не чистаго „искусства?“

Съ своей точки зрѣнія Михайловскій признаетъ за любовнымъ чувствомъ и тѣми впечатлѣніями красоты, которыя связаны съ нимъ, право на наше вниманіе, — хотя, на его взглядъ, могущество этого чувства какъ въ грубѣйшихъ, такъ и въ тончайшихъ его проявленіяхъ, едва ли достаточно для оправданія того множества произведеній всѣхъ отраслей искусства, которыя ему посвящены. Но, главное, вотъ что. Когда это чувство и связанныя съ нимъ представленія красиваго обращаются въ предметъ „украшенія“ жизни, въ объектъ для любованія, тогда получается очень странный результатъ: изъ состава даннаго чувства (и это относится не только къ нему) исчезаютъ существенныя составныя части, дѣлающія его живымъ цѣлымъ, согрѣтымъ внутренней жизнью. И остается спеціальное—холодное, отчасти „жестокое“—удовольствіе, особенно излюбленное „художественными натурами“ своеобразнаго склада. Это — художественныя натуры, про которыя нельзя сказать, что между ними и тѣмъ, чѣмъ они любуются, есть „соотвѣтствіе“. Напротивъ, соотвѣтствія этого очень мало.

Къ этого рода „художественнымъ“ натурамъ принадлежалъ Неронъ, который въ этомъ смыслѣ былъ чистый художникъ. Разсказываютъ, что, разсматривая тѣло убитой по его приказанію Агриппины, онъ любовался ея красивымъ тѣлосложеніемъ. „Агриппина,—говоритъ Михайловскій,—была, съ его чисто художественной точки зрѣнія, не мать его, не убитая имъ женщина, а только красивое женское тѣло“. Сложное, полное драматическаго содержанія впечатлѣніе въ его художественномъ воображеніи сокращалось до красивыхъ формъ женскаго тѣла. Въ такомъ же родѣ внезапно прославившійся декадентъ Лоранъ Тальядъ видѣлъ въ картинѣ динамитнаго взрыва не смерть, не раны и страданія, не страшную смѣсь жестокости и самопожертвованія, а только красивый жестъ человѣка, бросившаго бомбу. Такого же рода чувства свойственны были Іоанну Грозному. Михайловскій *) приводитъ изъ замѣчательной въ этомъ отношеніи характеристики Іоанна, сдѣланной Константиномъ Аксаковымъ, между прочимъ, слѣдующее: „Іоаннъ IV былъ природа художественная, художественная въ жизни. Образы являлись ему и увлекали его своею внѣшнею красотою; онъ художественно понималъ добро, красоту его, понималъ красоту раскаянія, красоту доблести и, наконецъ, самые ужасы влекли его къ себѣ своею страшною картинностью“.

*) V, 835; VI, 747.

„Онъ любилъ красоту,—говоритъ Михайловскій *),—картинность во всемъ—въ добрѣ и злѣ, не различая добра и зла. Въ его воображеніи постоянно носились разныя картины, которыя онъ стремился немедленно осуществлять. То ему представлялась площадь, полная присланныхъ всей землей представителей, и онъ, царь, стоятъ въ средоточіи этой толпы и въ торжественной обстановкѣ говоритъ рѣчь. То та же площадь рисовалась, уставленная орудіями пытки и казни, и опять же—царь, но гнѣвный и страшный въ своемъ всемогущемъ гнѣвѣ. И ту, и другую картину Грозный торопится осуществить въ жизни. А то ему представляется монастырь, черныя одежды, покаянныя молитвы, земные поклоны, и, увлеченный этою картиной, онъ обращаетъ себя и опричниковъ въ монаховъ".

Такое же отношеніе къ своимъ образамъ, впечатлѣніямъ и представленіямъ бываетъ и у настоящихъ художниковъ слова, живописцевъ и другихъ, если у нихъ ослаблена естественная здоровая связь ощущеній. Примѣромъ можетъ служить картина Новоскольцова, которую Михайловскій подробно разбираетъ **). Картина эта изображаетъ опричниковъ, хозяйничающихъ въ домѣ опальнаго боярина. Въ центрѣ огромнаго холста лежитъ нагая дѣвушка. Это—обезчещенная боярышня. Слѣва сидитъ самъ бояринъ, привязанный къ стулу; немного дальше лежитъ, въ полуоборотъ къ зрителямъ, его жена, тоже связанная. Справа на заднемъ планѣ два опричника: одинъ, сидя, допиваетъ вино, другой куда-то зоветъ или тащитъ его. Михайловскаго „особенно поразили двѣ фигуры въ этой картинѣ: голая дѣвушка и одинъ изъ опричниковъ. Дѣвушка лежитъ въ безчувственномъ состояніи, надъ нею только что совершено гнусное насиліе, но она такъ спокойно и условно красиво лежитъ, такъ полно отсутствіе какихъ бы то ни было знаковъ насилія или сопротивленія на ея красивомъ бѣломъ тѣлѣ, — ни царапинки, ни синячка, — что точь въ точь наяда или русалка г. Маковскаго. А опричникъ, такой красивый и симпатичный молодецъ съ весело сверкающими глазами и зубами, въ такомъ чистенькомъ, новенькомъ съ иголочки щегольскомъ кафтанѣ, безъ капли крови и безъ единой оторванной пуговицы, что хоть сейчасъ его въ маскарадъ отправляй, веселыя любезности дамамъ говорить. Этому соотвѣтствуетъ и чисто, такъ сказать, бутафорскій безпорядокъ обстановки: мебель и утварь разбросаны съ такою аккуратностью, что ни малѣйше не напоминаютъ о разгромѣ, происходившемъ тутъ сію минуту. Все дѣло, очевидно, въ красивомъ голомъ женскомъ тѣлѣ и въ красивомъ нарядномъ молодцѣ". Красотой можно любоваться,—говоритъ Михайловскій,—но когда васъ заставляютъ любоваться кра-

*) VI, 167.
**) Лит. восп. II. 327.

сотой подъ фирмой страшной драмы вторженія злодѣевъ въ мирный домъ, всяческихъ насилій и оскорбленій, совершаемыхъ негодяями надъ беззащитными людьми, то изъ сложной, захватывающей драмы выбрасывается все ея живое содержаніе. Любуясь красотой такого сюжета, художникъ „сдѣлалъ изъ крови и слезъ конфетку“. И въ результатѣ — сложная, содержательная драма, обращенная въ предметъ „украшенія“ или хотя бы „красоты“— не даетъ ни художественной правды, ни силы захвата, на которую она способна.

Вообще, когда художникъ склоненъ относиться къ своимъ образамъ, какъ къ предметамъ одной только красоты, то для Михайловскаго не было сомнѣнія, что это стремленіе къ неосуществимой задачѣ **). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ той степени, въ какой задача эта осуществима, она является покушеніемъ на сложность жизни и на ея цѣльность: въ ней кроется склонность низвести жизнь до уровня комбинацій однихъ низшихъ ощущеній. Низшими же Михайловскій ихъ называетъ не произвольно, не изъ аскетическаго презрѣнія къ физической природѣ человѣка. Они низшія въ томъ смыслѣ, что, предоставленныя самимъ себѣ, сокращаютъ объемъ жизни и ослабляютъ ея цѣльность.

Въ этомъ отношеніи типичное явленіе представляютъ французскіе символисты *). Ихъ признанный теоретикъ, Шарль Морисъ, въ своей книгѣ La litérature de tout à l'heure, говоритъ: „въ глубинѣ души молодыхъ поэтовъ лежитъ жажда *всего* (онъ это слово подчеркиваетъ); эстетическій синтезъ — вотъ чего они ищутъ... Современная литература синтетична; она мечтаетъ *воздѣйствовать на всего человѣка всѣмъ искусствомъ*“ (курсивъ Мориса). Въ этомъ же смыслѣ г. Мережковскій говоритъ о литературѣ символистовъ, что она „расширила художественную впечатлительность“. Но это расширеніе, это стремленіе къ цѣльной гармонической жизни всѣмъ существомъ, всѣми доступными человѣку сторонами жизни—осуществляется у нихъ въ спеціальной и при томъ ограниченной области. Сенъ Поль Ру заявляетъ, что „поэзія, синтезъ различныхъ искусствъ, есть одновременно вкусъ, запахъ, звуки, свѣтъ, форма. Поэтическое произведеніе есть пятигранная призма—sapide—odorante—sonore—visible—tangible. И именно въ этомъ и состоитъ ихъ „синтезъ“, въ этомъ и заключается воздѣйствіе „всего“ искусства на „всего“ человѣка. Для нихъ весь человѣкъ—это существо слышащее, видящее, обоняющее, осязающее и вкушающее; въ соединеніе этихъ пяти чувствъ они хотятъ воплотить безъ остатка всего человѣка. А между тѣмъ

*) Къ этой темѣ Михайловскій возвращался много разъ. См., между прочимъ, Соч. I, 122 и д., 839; II, 529—532, 609—612, 639; V, 530—6; 719—23, 733; VI, 386—7, 452—3; Литер. восп. I, 158, II, 92, 323—330; Отклики II, 302—3.

**) См. Лит. восп. II, гл. 1, 2 и 3.

весь человѣкъ, дѣйствительно весь, — Михайловскій настойчиво это напоминаетъ,—есть существо мыслящее, чувствующее и дѣйствующее. Но символисты всѣмъ своимъ душевнымъ строемъ далеки отъ пониманія этой нормальной комбинаціи элементовъ. Они — продукты совсѣмъ особенной и очень печальной эпохи въ исторіи Франціи. „Безпримѣрныя несчастія, — говоритъ Михайловскій, — одно за другимъ обрушившіяся на эту страну, начиная съ кровавой декабрьской ночи 1851 г., наконецъ, придавили ее. Ея лучшіе, наиболѣе энергическіе слуги цѣлыми горстями выбрасывались за бортъ, то наполеоновскимъ режимомъ, то войной, то внутренними кровавыми расправами. Остальныхъ несчастія ошеломляли до растерянности и безучастія. Цѣль и смыслъ жизни затерялись въ этомъ калейдоскопѣ разгромовъ. На что надѣяться? во что вѣрить? чего желать? къ чему стремиться? Все разбито, раздавлено... „О, поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми костями?“ *) Въ такія эпохи,—говоритъ онъ,—„вслѣдствіе отсутствія равновѣсія, жизнь утрачиваетъ смыслъ, когда цѣлымъ обществомъ овладѣваетъ атмосфера безцѣльности существованія. Для такого удрученнаго положенія нѣтъ надобности, чтобы всѣ и каждый ясно сознавали, въ чемъ состоитъ бѣда; бѣда въ воздухѣ носится, какъ невидимая зараза, и минуетъ лишь тѣхъ, конечно, очень многочисленныхъ, кто живетъ изо дня въ день исключительно животною жизнью. Всѣми же остальными либо неисходная, хотя бы и совершенно безпредметная, тоска овладѣваетъ, либо жажда, хотя бы безсознательная, исхода“ **).

Среди искавшихъ такого исхода была въ семидесятыхъ годахъ кучка молодыхъ поэтовъ, собиравшихся въ кабачкахъ Латинскаго квартала. Дѣти эпохи, въ которой были разбиты всѣ одушевлявшія общество высшія идейныя задачи, они интересовались только художественной и, именно, стихотворной формой. И она должна была дать имъ все—„всего человѣка“. Что же давала она имъ на самомъ дѣлѣ?

Стремленіе найти въ формѣ все, но при томъ помимо содѣйствія идейныхъ элементовъ, наталкивало символистовъ на непреодолимыя затрудненія художественной техники. Это выразилось въ обиліи вычурныхъ, вымученныхъ выраженій, въ сопоставленіяхъ, въ которыхъ чувствуется стремленіе выразить какіе-то образы и настроенія, видимо не поддающіеся выраженію данными пріемами. Вотъ стихотвореніе Метерлинка „Скука“: „Беззаботные павлины, бѣдные павлины улетѣли отъ скуки пробужденія; я вижу бѣлыхъ павлиновъ, сегодняшнихъ павлиновъ, павлиновъ, улетѣвшихъ во время сна, беззаботныхъ павлиновъ, сегодняшнихъ павлиновъ, безпечно долетѣвшихъ до пруда безъ солнца, я слышу бѣлыхъ павлиновъ,

*) VI, 684.
**) Лит. восп. II, 88.

павлиновъ скуки, безпечно ожидающихъ времени безъ солнца". При этомъ, французскій оригиналъ этого стихотворенія отличается обиліемъ носовыхъ звуковъ, сообщающихъ ему еще болѣе скудно-монотонный характеръ. Самъ по себѣ этотъ пріемъ не представляетъ ничего особеннаго. Имъ пользовались всѣ поэты. Но здѣсь, кромѣ звуковыхъ эффектовъ, художникъ видимо тянется возложить на словесную форму какую-то особую задачу. Какія-то сложные и деликатные оттѣнки чувствъ и настроеній онъ старается уловить при помощи болѣе чѣмъ загадочныхъ „сегодняшнихъ павлиновъ", „беззаботныхъ павлиновъ", летающихъ во время сна, и тому подобныхъ безсмысленныхъ сопоставленій. Тутъ явное безсиліе формы совладать съ содержаніемъ настроеній, которыя она должна выразить. И безсиліе это усугубляется пристрастіемъ къ сопоставленіямъ образовъ внѣ всякой логической нити, внѣ реальной связи вещей. Нордау въ своемъ „Вырожденіи" отмѣчаетъ въ этомъ отношеніи болѣзненную настойчивость, съ какой у Метерлинка повторяются, помимо логической связи, нѣкоторые образы: „каналы", „корабли", больницы", „стада", „овцы", „принцессы". Въ общемъ это создаетъ очень узкій кругозоръ. То же самое значеніе имѣетъ отмѣчаемая Михайловскимъ другая любопытная черта стихотвореній Метерлинка — характеристика предметовъ, чувствъ и идей различными цвѣтовыми ощущеніями. У него попадаются: „бѣлая бездѣятельность", „лиловые сны", „голубая скука", „голубыя мечты", „голубые мечи сладострастія въ красномъ тѣлѣ гордости", „фіолетовыя змѣи мечтаній", „красные стебли ненависти среди зеленаго траура любви", „бѣлая молитва", „голубой духъ", „зеленый покой", „голубые бичи воспоминаній", „желтыя стрѣлы сожалѣній", „желтыя собаки моихъ грѣховъ" и т. п. Рядомъ съ этимъ у символистовъ замѣчается пристрастіе къ воплощенію сложныхъ душевныхъ настроеній „музыкой", вообще звуками. Рене Гиль пишетъ: „Для выраженія извѣстнаго состоянія духа нужно заботиться не о точномъ лишь значеніи слова, о чемъ до сихъ поръ только и думали: эти слова должны выражаться съ точки зрѣнія ихъ звучности, такъ, чтобы ихъ цѣлесообразное, разсчитанное сочетаніе давало математическій эквивалентъ того музыкальнаго инструмента, который былъ бы пущенъ въ ходъ въ оркестрѣ для выраженія даннаго состоянія духа". Третій символистъ, Рембо, придаетъ особое значеніе связи между звукомъ и цвѣтомъ. Онъ написалъ сонетъ подъ заглавіемъ Voyelles (гласныя), гдѣ излагается, что звукъ A вызываетъ ощущеніе чернаго цвѣта, E—бѣлаго, I—краснаго, U—зеленаго, O—голубого. И на эту тему у символистовъ было не мало разговоровъ.

Все это, независимо отъ преувеличеній, явленія не безызвѣстныя въ поэзіи вообще. Всѣ мы говоримъ „черная неблагодарность", „розовыя надежды", „зеленая молодость". У гр. Л. Н. Толстого въ „Войнѣ и Мирѣ" Наташа Ростова говоритъ, что Борисъ Дру-

бецкой узкій, сѣрый, свѣтлый, а Безуховъ—синій, темно-синій съ красньімъ и четвероугольный. Некрасовъ говоритъ: „Идетъ, гудетъ зеленый шумъ, зеленый шумъ, весенній шумъ". Но во всѣхъ этихъ случаяхъ подобные оригинальные эпитеты обогащаютъ общее представленіе, прибавляя нѣчто добавочное къ суммѣ прочихъ признаковъ, потому что они связываются логически и реально съ остальными. Некрасовъ даже считаетъ нужнымъ въ приведенномъ случаѣ, во избѣжаніе недоразумѣній, сдѣлать поясненіе—„такъ народъ называетъ пробужденіе природы весной". Символисты же, въ увлеченіи культомъ формы, т.-е. технической стороны искусства, стремятся выдѣлить комбинаціи ощущеній цвѣтныхъ и слуховыхъ изъ всего прочаго—изъ комбинацій реальныхъ, логическихъ, идейныхъ. Вслѣдствіе этого онѣ оказываются въ какой-то духовной пустынѣ. При такихъ условіяхъ дѣйствительность отражается въ ихъ образахъ не въ ея полнотѣ и цѣльности, а въ укороченномъ видѣ и разорванная. Разорвана она потому, что комбинаціи звуковыя или цвѣтныя разрываютъ связь логическую и реальную. Когда у Метерлинка „беззаботные павлины, бѣлые павлины, улетѣли отъ скуки пробужденія", то логическая и реальная связь вещей тутъ порвана. Произошло это очень просто. Метерлинкъ искалъ такихъ звуковъ (даже не словъ) и такого ихъ расположенія въ ритмическихъ строчкахъ чтобъ они внушали читателю настроеніе скуки, и достигъ этого однообразіемъ носовыхъ звуковъ. Стихотвореніе это непереводимо на иностранные языки, потому что въ результатѣ такого перевода останется только безсмыслица содержанія, а комбинація носовыхъ звуковъ, свойственныхъ французскому языку, пропадетъ. Мало того, стихотвореніе это не только непереводимо, но и не нуждается въ переводѣ, потому что и для французовъ входящія въ его составъ слова не имѣютъ самостоятельнаго значенія. „Прудъ безъ солнца" (l'etang sans soleil) и „времена безъ солнца" (les temps sans soleil) не имѣютъ смысла ни по-русски, ни по-французски. Они только звучатъ по-французски совершенно одинаково. Точно также, когда авторъ „слышитъ", какъ чего-то ожидаютъ бѣлые павлины, то въ этомъ нѣтъ смысла. Слышать ожиданіе нельзя; можно видѣть ожидающихъ. Но если сказать je vois, вмѣсто j'entends, то пропадетъ два носовыхъ звука, которые ему нужны. Благодаря этому пріему, съ одной стороны, ограничивается кругъ воздѣйствія стихотворенія на публику: оно говоритъ только французскому уху и имѣетъ, такъ сказать, исключительно мѣстное значеніе. „Если бы великіе поэты такъ писали, говоритъ Михайловскій, то Шекспиръ, Гете, Байронъ и проч. не были бы всемірнымъ достояніемъ". А съ другой стороны, еще вопросъ, дѣйствительно ли оно внушаетъ и французскому уху идею или настроеніе скуки. Врядъ ли возможно достичь полнаго соотвѣтствія съ такой сложной вещью, какъ настроеніе скуки, однимъ

звуками, да еще въ поэзіи, въ которой міръ звуковъ ограниченъ. Это задача, въ концѣ концовъ, того же порядка, какъ изобразить красочную картину, не имѣя въ своемъ распоряженіи всей гаммы красокъ, все равно какъ и страдающему дальтонизмомъ представить себѣ хотя бы радугу. Вообще, комбинаціямъ зрительныхъ впечатлѣній, излюбленнымъ поэтами-символистами, безъ содѣйствія комбинацій идей и чувствъ, доступна только очень ограниченная часть дѣйствительности, или, вѣрнѣе, часть дѣйствительности, искусственно ограниченная въ своемъ объемѣ. Въ примѣненіи къ сколько-нибудь сложнымъ явленіямъ онѣ даютъ образы представляющія дѣйствительность въ обуженномъ и поэтому извращенномъ видѣ. Говоря о цвѣтномъ слухѣ, который такъ интересовалъ символистовъ, Михайловскій замѣчаетъ:

„Цвѣтной слухъ, равно какъ и другія комбинаціи и трансферты нашихъ внѣшнихъ чувствъ, несомнѣнно существуютъ, какъ психо-физіологическій фактъ, и, въ извѣстныхъ предѣлахъ, поэзія всегда пользовалась имъ, какъ дополнительнымъ техническимъ средствомъ. Можно думать о расширеніи этихъ предѣловъ, но никоимъ образомъ нельзя согласиться на пожраніе тучныхъ коровъ тощими, на поглощеніе мысли поэтическаго произведенія звуками, красками, запахами, вкусами. Если же мы присутствуемъ при такомъ поглощеніи въ твореніяхъ символистовъ, то это не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ „расширилась художественная впечатлительность", а потому, что оскудѣла область высшихъ комбинацій—область мысли, чувства, воли. Ощущенія, даваемыя органами зрѣнія, слуха, осязанія, обонянія и вкуса, это вѣдь низшія ступени душевной жизни, находящіяся на границѣ физіологіи и психологіи, и уже одно то характерно, что символисты такъ упорно засиживаются на этихъ низшихъ ступеняхъ".

Въ этомъ отношеніи характерной иллюстраціей служитъ ихъ отношеніе къ общему, свойственному французамъ—какъ въ литературѣ, такъ и въ живописи—культу женскаго тѣла. Михайловскій отмѣчаетъ ту любопытную черту, что нынѣшніе французскіе поэты часто употребляютъ слово „chair" въ тѣхъ случаяхъ, когда старый поэтъ сказалъ бы corps. Даже слова эти, пожалуй, однозначущи, но chair гораздо грубѣе, оно собственно значитъ „мясо"; оно соотвѣтствуетъ не столько зрительному впечатлѣнію формы, сколько впечатлѣніямъ осязательнымъ и обонятельнымъ.

Михайловскій въ данномъ случаѣ смотритъ не съ какой-нибудь спиритуалистической точки зрѣнія, побуждающей относиться съ презрѣніемъ къ низшимъ чувствамъ. Они для него низшіе только до тѣхъ поръ, пока они не разрѣшились въ сколько-нибудь опредѣленныя чувства, настроенія, мысли. Пока этого нѣтъ, они даютъ очень мало связующаго между художникомъ и остальнымъ міромъ. Когда Некрасовъ говоритъ о „зеленомъ шумѣ", то

это понятно вездѣ, гдѣ есть весна и лѣсъ. И при томъ, понятно не только организаціямъ, обладающимъ цвѣтнымъ слухомъ, а всѣмъ, кто способенъ получать ощущенія зеленаго цвѣта и лѣсного шума. А что такое бѣлый павлинъ по прикосновенности къ скукѣ? Это тайна Метерлинка, для котораго, вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ намъ личныхъ, случайныхъ обстоятельствъ, эти два представленія ассоціировались, а намъ, читателямъ, образъ бѣлаго павлина рѣшительно ничего не говоритъ о скукѣ. Точно также для Рене Гиля азбука имѣетъ не тѣ цвѣта, что для Рембо, Метерлинку скука кажется бѣлой, а иному желтой и т. д. Словомъ, кто во что гораздъ.

Мало того, даже въ предѣлахъ одной личности „низшимъ" ощущеніямъ не хватаетъ связующей силы, способной дать душевному строю отпечатокъ цѣльности—цѣльной простоты и ясности. Они по самой природѣ своей слишкомъ отрывочны, чтобы позволить душевнымъ силамъ отдохнуть на нихъ и чтобы дать достаточно матеріала для здоровой—разносторонней и связной душевной работы. Усиленное сосредоточеніе на нихъ, нарушая связность и притупляетъ нервы, и жестоко терзаетъ ихъ, отнимая у ощущеній ихъ непосредственность, правдивость и вообще цѣльность. Въ связи съ этимъ мы видимъ у поэтовъ-символистовъ „утомительную вымученность языка, пріискиваніе рѣдкихъ, старинныхъ или вновь сочиненныхъ выраженій, непонятные обороты рѣчи, эквилибристику версификаціи". Въ „пустынѣ" низшихъ ощущеній душевнымъ силамъ негдѣ разойтись и, внѣ поддержки опредѣленныхъ чувствъ и мыслей, онѣ теряютъ въ правдивости, искренности и непосредственности. Это отражается особенно на ослабленіи чувства мѣры. Недостатокъ же его лишаетъ образы художника какъ отпечатка правдивости, такъ и силы убѣдительности. Чувства мѣры, вообще можно сказать, не хватаетъ художнику во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда большой кругъ жизни онъ мѣритъ маленькимъ аршиномъ элементарныхъ ощущеній и когда элементарнымъ ощущеніямъ не соотвѣтствуетъ достаточно широкій кругъ опредѣленныхъ чувствъ, идей и настроеній. Въ то же положеніе попадаетъ иногда и большой художникъ, когда его идеи, задачи и настроенія, хотя бы случайно или временно, слишкомъ узки по отношенію къ трактуемымъ сюжетамъ.

II.

Изъ художниковъ, у которыхъ недостатокъ чувства мѣры даетъ себя знать, съ особенной силой Михайловскій отмѣтилъ двухъ болѣе крупныхъ—Лѣскова и Григоровича. Остановимся на Лѣсковѣ *).

*) См. Отклики, II, 100—120, также сочин. IV 796 и д.

Лѣскова Михайловскій опредѣляетъ вообще какъ писателя, у котораго „безмѣрность“ составляетъ наиболѣе выдающуюся черту. Михайловскій иллюстрируетъ эту особенность Лѣскова многими примѣрами. У него былъ колоритный и оригинальный языкъ. Но и то, и другое качество были испорчены отсутствіемъ чувства мѣры. Цѣлые разсказы у него сплошь написаны „выдѣланнымъ, искусственнымъ, утрированнымъ простонароднымъ говоромъ“. Вообще, „онъ точно избѣгалъ обыкновенной живой русской рѣчи и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ подмѣнялъ ее или утрированно-простонародною, или смѣсью обыкновеннаго разговорнаго языка съ церковно-славянскимъ“. Съ другой стороны, онъ выработалъ себѣ совсѣмъ особенный, ни на что не похожій языкъ, которымъ тоже злоупотреблялъ сверхъ всякой мѣры. Затѣмъ, у него была страсть ко всевозможнымъ смѣшнымъ словамъ, въ которыхъ онъ былъ мастеромъ, значительно превзошедшимъ Лейкина. И этими смѣшными словами онъ надѣлялъ безъ мѣры массу лицъ, часто не разбирая, соотвѣтствуетъ ли это природѣ даннаго лица, или нѣтъ. У него было неисчерпаемое богатство фабулы. Но „богатство фабулы, замѣчаетъ Михайловскій, требуетъ еще многихъ прибавокъ для того, чтобы получилось истинно-художественное произведеніе, и прежде всего требуетъ отсутствія пестроты или ея незамѣтности“. Но здѣсь ему опять поперекъ дороги его безмѣрность стала, недостатокъ пропорціональности, соотвѣтствія между частями и сконцентрированности. По богатству фабулы самое замѣчательное изъ его произведеній—это „Очарованный странникъ“. „Но въ немъ же, говоритъ Михайловскій, особенно бросается въ глаза отсутствіе какого бы то ни было центра, такъ что и фабулы въ немъ, собственно говоря, нѣтъ, а есть цѣлый рядъ фабулъ, нанизанныхъ, какъ бусы, на нитку; и каждая бусина сама по себѣ и можетъ быть очень удобно вынута и замѣнена другою, а можно и еще сколько угодно бусинъ нанизать на ту же нитку“.

То же отсутствіе чувства мѣры сказывается и въ пристрастіи Лѣскова къ изображенію, съ одной стороны, „праведниковъ“ (онъ ихъ иногда такъ и называетъ), а съ другой—злодѣевъ, превосходящихъ всякое вѣроятіе. „Вообще, заключаетъ Михайловскій, въ какомъ бы направленіи или отношеніи мы ни изслѣдовали этого плодовитаго писателя,—въ отношеніи ли языка, или характера дѣйствующихъ лицъ, или архитектуры фабулы,—мы вездѣ встрѣтимся съ однимъ и тѣмъ же его кореннымъ свойствомъ: безмѣрностью, отсутствіемъ чувства мѣры“ (Отклики II, 120).

И эта безмѣрность связана была у него съ отсутствіемъ элементовъ, способныхъ поднять его образы выше значенія анекдота. Лѣсковъ былъ по преимуществу разсказчикъ анекдотовъ. „Даже его большія произведенія представляютъ собою, собственно го-

воря, цѣпь анекдотовъ, болѣе или менѣе прямолинейную, какъ въ „Очарованномъ странникѣ“, „Запечатлѣнномъ Ангелѣ“, „Полунощникахъ“, „Смѣхѣ и горѣ“, „Печерскихъ антикахъ“, и проч., или же чрезвычайно запутанную, какъ въ „Соборянахъ“, „Захудаломъ родѣ“, „Некуда“, „На ножахъ“. Анекдотъ же, какъ нѣчто отрывочное и случайное, серьезно самостоятельнаго значенія не имѣетъ. Въ лучшемъ случаѣ онъ призванъ не характеризовать извѣстное лицо или положеніе, а лишь дополнять или иллюстрировать характеристику. Въ большинствѣ же случаевъ анекдотъ цѣнится ради его мимолетной занимательности: анекдотъ выслушанъ, произвелъ извѣстное впечатлѣніе, трогательное или комическое, и съ васъ этого довольно, вы не очень задумываетесь надъ тѣмъ, сколько въ немъ были и сколько небылицы“.

Отрывочность „анекдота“ дѣлаетъ изъ каждаго явленія, котораго онъ касается, мелкій фактъ безъ перспективы, отнимаетъ у явленія, входящаго въ составъ сложныхъ совокупностей, окружающую его перспективу вещей. И въ результатѣ—мелочь и мелкое преходящее впечатлѣніе заслоняетъ собой сложное и интересное содержаніе жизни. Пользуясь выраженіемъ одного лица въ одномъ изъ разсказовъ Лѣскова, Михайловскій говоритъ, что девизомъ или художественной программой Лѣскова служитъ формула: „сейчасъ смѣшно и сейчасъ жалобно“. Онъ то смѣшитъ читателя всякими „пупонами“, „инпузоріями“, „монументальными фотографіями“, „блеярдными шарами“ и т. п., то разжалобливаетъ его. Но хотя смѣшное столь же законно въ искусствѣ, какъ и жалобное, законны и смѣшныя слова, но не тогда, когда они заслоняютъ собою и смѣшное, и жалобное въ жизни. Михайловскій приводитъ, между прочимъ, такой примѣръ. Есть разсказъ о томъ, что будто бы на Никейскомъ соборѣ Николай Чудотворецъ, пылая религіознымъ рвеніемъ, ударилъ еретика Арія. Въ разсказѣ „Полунощники“ добродушный, но безпутный купецъ Селезневъ узнаетъ, что никогда этого не было, что Николай Чудотворецъ не только не давалъ пощечины Арію, но и на соборѣ не присутствовалъ. Степеневъ освѣдомляется объ этомъ у „профессора“ и потомъ, пьяный, разсказываетъ: „Представьте, я вчера съ профессоромъ на блеярдѣ игралъ и сдѣлалъ ему постановъ вопроса объ Аріи, а онъ дѣйствительно подтверждаетъ, что наша ученая правду говоритъ—угодника на этомъ соборѣ, дѣйствительно, совсѣмъ не было. Мнѣ это большая непріятность, со мной чрезъ это страшный переломъ религіи долженъ выйти, потому что я этотъ фактъ больше всего обожалъ и такъ этого забыть не могу. А вчера профессору блеярдный шаръ въ лобъ пустилъ; теперь или онъ на меня жалобу подастъ, и я долженъ въ тюрьмѣ сидѣть, или надо ѣхать къ нему прощады просить“.

„Въ такомъ видѣ,—говоритъ Михайловскій,—хотя и подкрашенное блеярдными шарами и прощадами, но всетаки выдѣленное изъ

всей массы инпузорій, пупоновъ, костюмовъ „а-ла морда“ и животовъ „а-ла пузе“—въ такомъ видѣ огорченіе Степенева представляетъ собою благодарнѣйшій мотивъ для настоящаго комизма,—того комизма, къ которому всегда примѣшивается извѣстная доля горечи. Вглядитесь въ самомъ дѣлѣ въ эту достойную всякаго вниманія фигуру. Человѣкъ „больше всего обожалъ тотъ фактъ, что Св. Угодникъ прибилъ еретика, и когда узналъ, что этого факта не было, то почувствовалъ, что съ нимъ „долженъ выйти страшный переломъ религіи“. Какая глубоко комическая и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко жалостная психологія. Разработка ея, замѣчаетъ Михайловскій, могла бы сдѣлать большую честь г. Лѣскову, но онъ предпочелъ, какъ снѣгомъ въ полѣ, засыпать ее пупонами, такъ что изъ подъ нихъ не видны очертанія засыпаннаго“.

И всесторонняя безмѣрность Лѣскова всегда сводилась къ тому, что, такъ или иначе, сложная совокупность явленій заслоняется у него отрывочнымъ, случайнымъ фактомъ, пригоднымъ для анекдота, но непригоднымъ для освѣщенія совокупности и связи вещей; „смѣшное“ и „жалостное“ настроенія, способныя освѣтить жизненныя положенія, заслоняются смѣшными и жалкими словами. Когда связь между вещами мала или ничтожна, охватывая только небольшой ея кругъ, въ такомъ случаѣ мелкое, отрывочное и незначительное поневолѣ выдвигается впередъ. Въ этомъ и выражается всегда всякій недостатокъ чувства мѣры.

III.

Обратимся теперь къ тому, какое освѣщеніе съ этой же точки зрѣнія внесено Михайловскимъ въ пониманіе такихъ крупныхъ писателей-художниковъ, какъ Чеховъ и Тургеневъ.

Нѣкоторые почитатели Чехова утверждали, что Михайловскій неправильно цѣнилъ Чехова, предъявляя ему—этому художнику по преимуществу—требованіе идейности и опредѣленнаго направленія. На самомъ же дѣлѣ для отношенія Михайловскаго къ Чехову характерно одно обстоятельство, рисующее его пріемы вообще, а въ частности—его неспособность, такъ сказать, навязывать писателю что-нибудь чуждое ему, предъявлять ему чуждыя ему требованія отъ себя. Любопытно именно, что требованія опредѣленности направленія, какія Михайловскій предъявлялъ Чехову, онъ бралъ цѣликомъ у него же самого, изъ его собственныхъ произведеній. Онъ ихъ искалъ въ произведеніяхъ молодого художника, любовно останавливаясь на задаткахъ, которые считалъ благопріятными для достиженія полноты художественнаго впечатлѣнія и для того, чтобы талантъ Чехова могъ развернуться во всю мѣру своей силы.

Въ произведеніяхъ Чехова въ первую половину его дѣятельности Михайловскій останавливался съ чувствомъ скорби предъ фактомъ неразборчивой растраты большого таланта. Его удивляло „то безразличіе и безучастіе, съ которымъ Чеховъ направлялъ свой превосходный художественный аппаратъ на ласточку и самоубійцу, на муху и слона, на слезы и на воду". Часть поклонниковъ Чехова видѣла именно въ этомъ новое откровеніе, называя его „реабилитаціей дѣйствительности" и „пантеизмомъ". „Все въ природѣ равноцѣнно,—говорили они,—все одинаково достойно художественнаго воспроизведенія, все можетъ дать одинаковое художественное наслажденіе, а сортировку сюжетовъ съ точки зрѣнія какихъ бы то ни было принциповъ надо бросить, что и дѣлаетъ Чеховъ".

Михайловскій, съ своей стороны, высоко цѣня большой талантъ Чехова, думалъ, что, если бы Чехову удалось измѣнить этому пріему, то „русская литература имѣла бы въ его лицѣ не только большой талантъ, а и большого писателя". И его большой талантъ давно уже подсказывалъ ему это. А именно, когда онъ вложилъ въ „Скучной исторіи" Николаю Степановичу слѣдующія слова: „Каждая мысль и каждое чувство живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей или богомъ живого человѣка; а коли нѣтъ этого, то, значитъ, нѣтъ и ничего".

Въ картинѣ, въ которой все равноцѣнно, не можетъ быть художественной цѣльности, и впечатлѣнія разбрасываются и слабѣютъ. Иллюстрацію того, чего собственно хотѣлъ Михайловскій отъ Чехова, онъ далъ по поводу кое-какихъ картинокъ въ „Мужикахъ". Разбирая эту повѣсть, онъ дѣлаетъ изъ нея большую выписку съ описаніемъ пожара и подчеркиваетъ въ ней слѣдующія фразы... „Старыя бабы стояли съ образами... Вороной жеребецъ, котораго не пускали въ таборъ, такъ какъ онъ лягалъ и ранилъ лошадей, теперь, пущенный на волю, топоча, со ржаньемъ пробѣжалъ по деревнѣ разъ и другой и вдругъ остановился около телѣги и сталъ бить ее задними ногами". Затѣмъ идетъ рядъ образовъ, въ которыхъ Михайловскій подчеркиваетъ фразу—„на лысинѣ его (старика) отсвѣчивалъ огонь".

Картина вышла яркая, но Михайловскій вспоминаетъ по ея поводу картину, бывшую на одной передвижной выставкѣ. На ней изображена была освѣщенная близкимъ пламенемъ пожара часть избы, у дверей которой стоитъ старая баба съ иконой въ рукахъ. „Ничего больше, никакихъ другихъ подробностей. Но въ физіономію бабы,—вспоминаетъ Михайловскій,—художникъ вложилъ столько спокойной увѣренности, что икона оградитъ избу отъ огня, который, однако, вотъ-вотъ отгонитъ бабу, — что передъ вами раскрывается цѣлая сложная сторона мужицкой жизни. Въ

картинѣ Чехова старыя бабы съ образами—мелкая деталь, занимающая ровно столько же мѣста, сколько отраженіе огня на лысинѣ старика. При томъ же записана эта деталь такъ небрежно, что не всякій и пойметъ, въ чемъ тутъ дѣло: можетъ быть бабы просто спасали образа. За то мы узнаемъ не только какъ велъ себя на пожарѣ вороной жеребецъ, но и какой у него вообще дурной характеръ".

При такой „равноцѣнности" впечатлѣній, образы Чехова въ первый періодъ его творчества въ большинствѣ случаевъ производили впечатлѣніе ряда прекрасно ограненныхъ бусъ, механически нанизанныхъ на нитку, а не цѣльнаго самородка. Это произведенія очень талантливаго и наблюдательнаго художника. Но такъ какъ авторъ безпрестанно переноситъ свое художественное вниманіе съ одного предмета на другой, то въ результатѣ получились отрывочныя наблюденія. Они, при всей своей мѣткости, заставили французскаго критика Мельхіора де Вогюе сравнить Чехова съ тѣмъ офицеромъ-любителемъ фотографіи, который въ „Трехъ Сестрахъ" постоянно носитъ съ собой и постоянно пускаетъ въ ходъ аппаратъ для моментальныхъ фотографическихъ снимковъ. Михайловскій отмѣчаетъ въ этомъ отношеніи еще слѣдующее любопытное впечатлѣніе.

„Во всемъ, что я слышалъ и читалъ о „Мужикахъ", — говоритъ онъ, — меня поразило то, что, восхищаясь талантливостью этого произведенія, талантомъ Чехова вообще, никто не попытался вспомнить хоть одно какое-нибудь изъ прежнихъ произведеній Чехова. А вѣдь это такъ естественно, когда рѣчь идетъ о произведеніи талантливаго писателя, имѣющаго болѣе или менѣе долгое литературное прошлое. Читая, напримѣръ, не то что такую грандіозную работу, какъ „Война и миръ", а даже такой незначительный разсказъ, какъ „Хозяинъ и работникъ", вы невольно вспоминаете рядъ образовъ и картинъ изъ другихъ произведеній Толстого, ищете въ нихъ дополненій, разъясненій, параллелей, контрастовъ; вамъ открываются такія или иныя перспективы въ творческій міръ Толстого вообще. Возьмите любого другого беллетриста, привлекающаго къ себѣ вниманіе публики: Тургенева, Салтыкова, Успенскаго, Достоевскаго; вездѣ вы получите то же самое: столь тѣсную связь между если не всѣми, то большинствомъ ихъ произведеній, что даже при желаніи изолировать какое-нибудь одно изъ нихъ, сдѣлать это трудно. Это, напротивъ, очень легко относительно Чехова. Трудно, напротивъ, найти какую-нибудь связь между „Мужиками" и „Ивановымъ", „Степью", „Палатой № 6", „Чернымъ монахомъ", водевилями вродѣ „Медвѣдя", многочисленными мелкими разсказами" (Отклики II, 125-6).

Но въ 1902-мъ году Михайловскій отмѣчаетъ въ этомъ отношеніи крутую перемѣну въ Чеховѣ. „Трудно сказать,—оговари-

вается онъ,—когда эта перемѣна произошла, да она во всякомъ случаѣ не вдругъ совершилась. Но, несомнѣнно, въ его настроеніи произошелъ переломъ или, вѣрнѣе, онъ „нажилъ себѣ опредѣленное настроеніе". И благодаря этому, между ранними и позднѣйшими его произведеніями получилась огромная разница. Это сказалось даже во внѣшней формѣ его произведеній — въ переходѣ отъ маленькихъ картинокъ къ большимъ произведеніямъ. Тутъ сказалась та же потребность обобщить, объединить случайные осколки жизни, которая выразилась у стараго профессора „Скучной исторіи" тоской по „общей идеѣ". Въ то же время у него сложился и извѣстный общій взглядъ на изображаемую имъ дѣйствительность. Попытку сформулировать его Михайловскій дѣлаетъ, видоизмѣняя мысль Вогюе по поводу „Дяди Вани". Вогюэ представляется смыслъ этой комедіи такъ. „Жили были люди мирно, тихо, спокойно, но въ среду ихъ вторгнулись выдающійся умъ въ лицѣ профессора и выдающаяся красота въ лицѣ его жены. Это вторженіе ума и красоты произвело трагическій кавардакъ, благополучно окончившійся, какъ только профессоръ и его жена удалились". Съ этой точки зрѣнія „лучи ума и красоты не освѣщаютъ жизни, по крайней мѣрѣ, русской жизни, а лишь безнужно взбудораживаютъ ее". Признавая все остроуміе этого объясненія, Михайловскій видитъ его ошибку въ томъ, что профессоръ въ „Дядѣ Ванѣ" въ дѣйствительности не лучъ свѣта, не представитель ума, а надутый и самодовольный педантъ. „Но въ мысли Вогюэ,—говоритъ онъ,—есть косвенный намекъ на истину. Съ точки зрѣнія Чехова, въ изображаемой имъ дѣйствительности нѣтъ мѣста героямъ,—ихъ неизбѣжно захлестнетъ грязная волна пошлости. Нужна какая-то рѣзкая перемѣна декорацій, чтобы эти отношенія измѣнились. И Чеховъ провидитъ ее въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ". Это выражено въ заключительныхъ словахъ въ „Дуэли" и съ большею увѣренностью въ словахъ героинь комедій „Дядя Ваня" и „Три сестры".

Благодаря присутствію этой „идеи" и этого общаго настроенія, талантливый разсказчикъ анекдотически интересныхъ картинокъ обратился въ „большого русскаго писателя", у котораго мелкія пошлости и вообще мелочи жизни становятся знаменательнымъ отраженіемъ значительныхъ явленій русской дѣйствительности.

Если мы, однако, примемъ во вниманіе, что Михайловскій, по его собственному свидѣтельству, „всегда любовался талантомъ Чехова", стало-быть, и тогда, когда Чеховъ еще не успѣлъ нажить себѣ опредѣленное настроеніе, то является такой вопросъ: что же означало его огорченіе относительно того, какъ этотъ талантъ примѣнялся? Имѣло ли оно какое-нибудь отношеніе къ художественнымъ достоинствамъ произведеній Чехова? Или же это было просто сожалѣніе о томъ, что такой художественный талантъ не

служитъ идеямъ и интересамъ жизни, которымъ Михайловскій сочувствовалъ и которые его занимали?

Въ отвѣтѣ на эти вопросы заключается основное воззрѣніе Михайловскаго на искусство. Пока большой талантъ Чехова дѣйствовалъ безъ содѣйствія опредѣленныхъ настроеній, онъ схватывалъ въ жизни только случайные осколки, объединялъ ея мелочи въ маленькія отрывочныя картинки. Вѣрнѣе, и тогда у него были опредѣленныя настроенія,—но ихъ хватало только на мелочи. Душевный міръ художника при такихъ условіяхъ соотвѣтствуетъ не дѣйствительности въ ея большомъ объемѣ, а только маленькимъ кругамъ этой дѣйствительности. И поэтому она получается у него какъ бы схваченная фотографическимъ аппаратомъ, улавливающимъ отрывочныя ея части, плохо связанныя другъ съ другомъ. Широкую же связь между этими частями дѣйствительности можетъ дать не безстрастное отраженіе ея, не простое художественное созерцаніе ея, не элементарныя нервныя ощущенія, ею возбуждаемыя, а живое участіе въ ней мыслью и настроеніями. При этомъ художникъ не просто смотритъ и слушаетъ, а реагируетъ на впечатлѣнія высшими проявленіями духовной жизни. И такое отношеніе дѣлаетъ изъ художественнаго созерцанія и воспроизведенія—художественное толкованіе дѣйствительности. Оно представляетъ особую цѣну не только въ виду интересовъ, лежащихъ внѣ задачъ искусства. И въ смыслѣ художественнаго удовлетворенія оно даетъ нѣчто болѣе значительное и болѣе цѣнное во всѣхъ отношеніяхъ. Прекрасную картину и формулировку такого отношенія къ дѣйствительности Михайловскій нашелъ у самого Чехова. Въ „Палатѣ № 6“ докторъ Андрей Ефимычъ уговариваетъ больного: „При всякой обстановкѣ вы можете находить успокоеніе въ самомъ себѣ. Свободное и глубокое мышленіе, которое стремится къ уразумѣнію жизни, и полное презрѣніе къ глупой суетѣ міра,—вотъ два блага, выше которыхъ никогда не зналъ человѣкъ. И вы можете обладать ими, хотя бы вы жили за тремя рѣшетками“. На это сумасшедшій Иванъ Дмитричъ рипостируетъ доктору такъ: „Я знаю только, что Богъ создалъ меня изъ теплой крови и нервовъ, да-съ. А органическая ткань, если она жизнеспособна, должна реагировать на всякое раздраженіе. И я реагирую. На боль я отвѣчаю крикомъ и слезами, на подлость—негодованіемъ, на мерзость — отвращеніемъ. По-моему, это собственно и называется жизнью. Чѣмъ ниже организмъ, тѣмъ онъ менѣе чувствителенъ и тѣмъ слабѣе отвѣчаетъ на раздраженіе, и чѣмъ выше, тѣмъ онъ воспріимчивѣе и энергичнѣе реагируетъ на дѣйствительность“.

Приведя эти слова, Михайловскій восклицаетъ: „А то выдумали на все сущее отвѣчать однимъ художественнымъ созерцаніемъ и воспроизведеніемъ“.

И именно съ этой точки зрѣнія онъ радовался, когда художникъ Чеховъ, не переставая быть художникомъ, реагировалъ

на дѣйствительность не просто созерцаніемъ и воспроизведеніемъ, а и опредѣленнымъ настроеніемъ. Тѣмъ самымъ онъ раздвигалъ кругъ своихъ впечатлѣній, расширялъ ихъ смыслъ и содержаніе, пріобщая ихъ къ болѣе широкому и болѣе человѣчному кругу дѣйствительности. И въ искусствѣ это „называется жизнью", когда художникъ „болѣе воспріимчивъ и энергичнѣе реагируетъ на дѣйствительность". И въ искусствѣ это „называется жизнью", когда маленькое явленіе становится отраженіемъ и представителемъ большихъ совокупностей дѣйствительности. Тогда образъ не только даетъ непосредственное удовольствіе, не только раздражаетъ нервы и взбудораживаетъ душу, но служитъ проводникомъ мыслей и чувствъ.

У художника съ дѣйствительнымъ даромъ проникновенія, даже тогда, когда нѣтъ опредѣленныхъ широкихъ идей и настроеній, есть что-то другое, что по-своему распредѣляетъ, связываетъ и по-своему истолковываетъ явленія. Но до тѣхъ поръ, пока къ этимъ пріемамъ распредѣленія не присоединились опредѣлившіяся мысли и чувства и сложившіяся настроенія, до тѣхъ поръ между наблюдателемъ и наблюдаемымъ не можетъ быть дѣйствительнаго соотвѣтствія. Это все равно, какъ если впечатлительный человѣкъ, но при этомъ нервно развинченный и съ неустойчивымъ душевнымъ строемъ, при видѣ сильныхъ страданій приходитъ въ такое возбужденіе, что начинаетъ подражать страдающему. Тутъ „соотвѣтствіе" хотя и есть, но оно настолько капризно, что мало чего стоитъ. Такъ, напримѣръ, извѣстные случаи, что, при видѣ казни, зритель иногда чувствуетъ потребность подражать преступнику, а иногда—палачу. Здѣсь можно сказать, что соотвѣтствіе между видомъ смертной казни и душевнымъ настроеніемъ зрителя есть:—зритель обнаруживаетъ склонность уподобляться дѣйствительности,—но какой части дѣйствительности? какой ея сторонѣ? какому ея объему?—это ужъ дѣло случая. Если подражаніе палачу есть душевное соотвѣтствіе съ палачомъ, то по отношенію къ преступнику это ужъ не соотвѣтствіе, а отчужденность. Точно такъ же и въ искусствѣ. Когда художникъ реагируетъ на впечатлѣніе дѣйствительности только низшими ощущеніями и неопредѣленнымъ трепетаніемъ нервовъ, тогда въ его „созерцаніи" нѣтъ живого осмысленнаго участія. И этотъ характеръ отношенія передается зрителю и вообще публикѣ. Когда художникъ только зрительный и слушающій аппаратъ, когда онъ только воспринимаетъ впечатлѣнія, то и въ его воспріятіяхъ маленькіе, узенькіе составные уголки жизни способны заслонять собой сложныя и обширныя стороны дѣйствительности, тѣмъ самымъ нарушая правду. Художникъ-наблюдатель при этихъ условіяхъ видитъ тѣ или другія группы фактовъ, но не оцѣниваетъ ихъ значенія въ общей совокупности явленій, потому что не улавливаетъ связи ихъ между собой и съ этой совокупностью. Его впе-

чатлѣнія выходятъ отъ этого элементарнѣе, проще, и если не всегда грубѣе, то болѣе сѣрыми и болѣе плоскими, чѣмъ дѣйствительность. Это тѣмъ больше даетъ себя знать, чѣмъ крупнѣе по своему объему кругъ захватываемыхъ изображеніемъ явленій. Потому что тѣмъ сильнѣе даетъ себя чувствовать безсвязность, чѣмъ больше кругъ явленій, на которыя она распространяется.

Интересно въ этомъ отношеніи впечатлѣніе Михайловскаго по поводу перваго сборника вещей Чехова. Онъ говоритъ, что, читая этотъ сборникъ, намѣренно откладывалъ подъ конецъ самый большой разсказъ „Скучная исторія". И откладывалъ потому, что боялся того непріятнаго впечатлѣнія, которое разсчитывалъ получить. Въ мелкихъ разсказахъ ему бросились въ глаза поэтическія милыя штришки, въ родѣ, напримѣръ, такой картинки: „Два облачка уже отошли отъ луны и стояли поодаль съ такимъ видомъ, какъ будто шептались о чемъ-то такомъ, чего не должна знать луна. Легкій вѣтерокъ пробѣжалъ по степи, неся глухой шумъ ушедшаго поѣзда". Или въ разсказѣ „Почта": „Колокольчикъ что-то прозвякалъ бубенчикамъ, бубенчики ласково отвѣтили ему. Тарантасъ взвизгнулъ, тронулся, колокольчикъ заплакалъ, бубенчики засмѣялись". И такихъ милыхъ штриховъ, — говоритъ Михайловскій, — всегда много разбросано въ разсказахъ Чехова. Все у него живетъ: облака тайкомъ отъ луны шепчутся, колокольчики плачутъ, бубенчики смѣются. Эта своего рода пантеистическая черта очень способствуетъ красотѣ разсказа и свидѣтельствуетъ о поэтическомъ настроеніи автора. Но „этотъ странный переплетъ хорошенькихъ колокольчиковъ съ убійцами (въ разсказѣ „Спать хочется") и людей съ быками,—говоритъ Михайловскій,—не особенно утомляетъ, когда онъ разбитъ на маленькіе, оборванные клочки. А въ „Степи", первой большой вещи Чехова, самая талантливость этого переплета является уже источникомъ непріятнаго утомленія: идешь по этой степи, и, кажется, конца ей нѣтъ". Именно поэтому Михайловскаго пугала „Скучная исторія". Къ счастью, этотъ разсказъ, напротивъ, оказался лучшимъ и значительнѣйшимъ изо всего написаннаго Чеховымъ до того времени. Въ немъ Михайловскій нашелъ вышеприведенную фразу объ отсутствіи „общей идеи", и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи этого разсказа онъ счелъ возможнымъ высказать насчетъ Чехова такое пожеланіе: „Пусть онъ (Чеховъ) будетъ хоть поэтомъ тоски по общей идеѣ и мучительнаго сознанія ея необходимости". „Въ этомъ случаѣ, говоритъ Михайловскій, онъ проживетъ недаромъ и оставитъ свой слѣдъ въ литературѣ. А то, что хорошаго: читатель, подобно Катѣ (въ „Скучной исторіи"), ждетъ отклика на свои боли, а ему говорятъ: „пойдемъ завтракать". Или даже еще того хуже: вонъ быковъ ведутъ, вонъ почта ѣдетъ, колокольчики съ бубенчиками пересмѣиваются, вотъ человѣка задушили, вотъ шампанское пьютъ".

Безысходность какихъ бы то ни было впечатлѣній и ощущеній представлялась Михайловскому чѣмъ-то мучительнымъ вообще. Ощущеніе безысходности естественно тамъ, гдѣ объемъ воспринимаемыхъ впечатлѣній ненормально суженъ и гдѣ односторонне укороченъ нормальный кругъ тѣхъ душевныхъ силъ, которыми личность реагируетъ на внѣшнія впечатлѣнія. Этотъ нормальный кругъ образуется изъ комбинаціи основныхъ элементовъ личности—чувства, мысли и воли (или практической дѣятельности). А когда человѣкъ отвѣчаетъ на впечатлѣнія однимъ созерцаніемъ, одними только чувствами, однимъ мышленіемъ, тогда этого нормальнаго круга нѣтъ И какъ въ жизни, такъ и въ мысли и въ искусствѣ—это положеніе даетъ ощущеніе чего-то мучительно безысходнаго. Борясь противъ этого пріема во всѣхъ сферахъ, въ искусствѣ Михайловскій считалъ, что онъ не даетъ ни художественной правды, т. е. соотвѣтствія съ дѣйствительностью, ни внутренней правдивости, ни силы воздѣйствія, т. е. „соотвѣтствія" съ людьми. И элементы художественнаго воздѣйствія—наблюдательность, впечатлительность, чувство, юморъ, талантъ—только тогда являются источникомъ художественной правды и художественной силы, когда они примыкаютъ къ законченному кругу жизни. Для этого они должны охватить сумму основныхъ элементовъ нормальнаго душевнаго строя—мысль, чувство и волю. А на такую всеохватывающую роль способны только высшія душевныя комбинаціи; только онѣ заключаютъ въ себѣ достаточно связующей силы. Внѣ той связи, которую онѣ даютъ, требованія художественной правды нарушаются. Они искажаются по отношенію къ тому, что заключаетъ въ себѣ жизнь въ ея здоровомъ соотвѣтствіи частей: искажаются во всякомъ случаѣ въ смыслѣ большей обрывочности впечатлѣній и „упрощенности" ихъ. Это выражается то чрезмѣрной блѣдностью и сѣростью образовъ, то ихъ грубостью.

При извѣстныхъ комбинаціяхъ грубость осложняется элементами мучительства жестокости *). Это мучительно жестоко, когда въ дѣйствительной жизни лучи ума и красоты—какъ предположилъ Вогюэ о русской жизни,—только безнужно взбудораживаютъ ее. И когда художникъ такъ поступаетъ съ жизнью, то его образы безцѣльно жестоко терзаютъ нервы и мучатъ душу. Это утомительно и безотрадно, когда жизнь состоитъ изъ скучнаго набора случайныхъ впечатлѣній: она грубѣетъ и тускнѣетъ, когда въ ней нѣтъ широкихъ перспективъ. И то же самое впечатлѣніе производятъ

*) Въ своей характеристикѣ Аракчеева (Соч., III, глава 12-ая) Михайловскій рисуетъ любопытную картину душевнаго строя „упрощеннаго" и—именно вслѣдствіе упрощенности—грубаго и жестокаго. Точно также онъ обращаетъ вниманіе на грубость и жестокость Базарова и аналогичныхъ съ нимъ натуръ Тургенева, въ тѣсной связи съ прозаической скудостью и безцвѣтностью ихъ натуръ. Въ представленіи Михайловскаго скудость душевнаго строя чрезвычайно характерно связывалась съ грубостью, жесткостью и жестокостью. Именно такимъ онъ представлялъ себѣ также всякій аскетизмъ.

образы искусства, когда они выхватывают отдѣльныя явленія, но не даютъ имъ ни ширины, ни глубины перспективы. Ихъ можетъ дать воображеніе художника только тогда, когда онъ участвуетъ въ своихъ образахъ полной, законченной жизнью. Художникъ теряетъ эту способность, когда онъ, по выраженію Михайловскаго,—„такъ себѣ, гуляетъ мимо жизни и, гуляючи, ухватитъ то одно, то другое. Почему именно это, а не то? почему то, а не другое?“ (VI, 777).

IV.

Формы и степень участія художника въ томъ, что онъ изображаетъ, могутъ быть очень разнообразны. И дѣло критики (въ томъ числѣ и публики, способной отдавать себѣ сознательный отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ)—въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разобраться въ этомъ. Дѣло критическаго разбора выяснить, насколько внутренній строй художника позволяетъ ему мысленно принимать участіе въ изображаемой имъ дѣйствительности,—участвовать въ ней полной, законченной жизнью. Задача критики—не простой анализъ, а оцѣнка. Она имѣетъ оцѣнить, въ чемъ выразилось отношеніе художника къ дѣйствительности,—какую онъ создаетъ перспективу жизни, въ которую онъ вставляетъ свои впечатлѣнія, и чего эта перспектива стоитъ. Для сужденія объ этомъ у критика должна быть своя перспектива. У Михайловскаго она сводилась къ мысли о томъ, какимъ образомъ явленія жизни располагаются по отношенію къ личности и ея человѣческому достоинству. Другими словами, она заключалась въ вопросѣ: какъ поставлена личность по отношенію къ тѣмъ стихійнымъ процессамъ, которые стремятся изломать, поработить и изуродовать ее, ослабить ея способность отстаивать себя. Отношеніе художника къ этой перспективѣ было въ глазахъ Михайловскаго тѣмъ пунктомъ, исходя изъ котораго онъ оцѣнивалъ художника въ его цѣломъ. Отсюда онъ заключалъ о его пріемахъ располагать явленія и распредѣлять на нихъ свѣтъ и тѣни.

Въ этомъ отношеніи въ творчествѣ Тургенева онъ подчеркиваетъ, въ качествѣ замѣчательнаго обстоятельства, глубокое различіе въ его отношеніи къ двумъ психологическимъ типамъ. Оно бросаетъ характерный свѣтъ на все содержаніе его творчества.

Одинъ изъ этихъ типовъ—это типъ дѣятельный, рѣшительный, смѣло берущій на себя отвѣтственность (какъ Донъ-Кихотъ); а другой—колеблющійся, рефлектирующій, несмѣющій сдѣлать то, что по совѣсти обязанъ сдѣлать (каковъ Гамлетъ). Первому изъ нихъ Тургеневъ былъ меньше всего родственъ, но люди этого типа занимали его. И поэтому, рисуя ихъ, онъ поневолѣ стра-

жалъ въ рисункѣ свою имъ чуждость. „Конечно,—говоритъ Михайловскій,—онъ былъ слишкомъ уменъ и чутокъ къ художественной правдѣ, чтобы дѣлать изъ этихъ антипатичныхъ ему фигуръ сплошныхъ злодѣевъ, извергов рода человѣческаго или дураковъ, точно такъ же, какъ и любимцевъ своихъ онъ не обращалъ въ рыцарей безъ пятна и порока. Напротивъ, онъ ставилъ иногда ихъ въ унизительнѣйшія положенія, а чужимъ, непріятнымъ людямъ предоставлялъ даже истинный героизмъ. Но истинныя отношенія автора къ своимъ созданіямъ всетаки чувствуются, и не просто чувствуются, а могутъ быть указаны и анализированы" (V, 813—4).

Такъ, напримѣръ, Инсаровъ, обладающій опредѣленной жизненной задачей и вѣрой въ нее—узокъ, сухъ, жестокъ, даже тупъ. Между тѣмъ онъ вовсе не необходимо долженъ быть такимъ. Онъ могъ бы быть „пламеннымъ, экспансивнымъ энтузіастомъ, съ глубокимъ поэтическимъ чутьемъ, съ широкими политическими планами, краснорѣчивымъ ораторомъ, какъ колоколъ, будящимъ своихъ порабощенныхъ единоплеменниковъ и т. п. Но Тургеневъ пожелалъ лишить болгарскаго агитатора всѣхъ яркихъ красокъ, не далъ ему ни одного цвѣтка жизни изъ своего богатаго поэтическаго букета". И Инсаровъ далеко не одинокъ въ этомъ отношеніи. Базаровъ—человѣкъ того же душевнаго типа. Онъ—„человѣкъ, идущій напроломъ, безъ малѣйшихъ сомнѣній и колебаній, смѣло, даже дерзко берущій на себя отвѣтственность за презрѣніе ко многому, по мнѣнію окружающихъ, святому и неприкосновенному". И опять-таки „онъ жестокъ, сухъ, черствъ, узокъ, хотя и уменъ. Онъ лишенъ самомалѣйшей искры поэтическаго чувства. Словомъ, говоритъ Михайловскій, ни одной яркой краски, ни одного жизненнаго цвѣтка въ этой сильной, но скудной и пустынной натурѣ. Онъ вольный или невольный аскетъ". И Михайловскій указываетъ у Тургенева на цѣлый рядъ фигуръ того же типа—Маркелова, Остродумова и прочую „безыменную Русь" въ „Нови", Лучинова въ „Трехъ портретахъ", Лучкова въ „Бреттерѣ" и на другихъ еще. Не въ томъ дѣло, чтобы Тургеневу, какъ человѣку извѣстнаго образа мыслей, были симпатичны однѣ жизненныя цѣли и антипатичны другія. Нѣтъ, ему былъ чуждъ и антипатиченъ самый типъ, самая душевная механика этихъ людей, все равно, какія цѣли они бы ни преслѣдовали. Михайловскому это кажется страннымъ. Ему представлялось, что художнику, какъ художнику, должно бы быть очень соблазнительно расцвѣтить возможно ярко человѣка не колеблющагося, твердаго умомъ, чувствомъ и волей. Эта задача должна бы предоставить писателю цѣлый рядъ совершенно особыхъ художественныхъ эффектовъ. Но Тургеневу точно представлялось, что „вообще, скудость, сухость, обдѣленность дарами природы

необходимые спутники или даже условія непреклонной личной силы".

Еще явственнѣе это становится, если обратить вниманіе, какъ онъ разрабатывалъ противоположный типъ—мягкаго, колеблющагося, не смѣющаго человѣка. Здѣсь у него богатая коллекція—всякіе Гамлеты, лишніе люди и имъ подобные. Этихъ людей, при всѣхъ ихъ слабостяхъ онъ надѣлялъ такимъ поэтическимъ ореоломъ, которымъ вполнѣ искупалъ эти слабости. Рудинъ обладаетъ многими непривлекательными свойствами, но, не смотря на это, что это за блестящій образъ! По поводу его дара слова Михайловскій замѣчаетъ: „если бы этотъ роскошный даръ природы въ другія руки, напримѣръ, Инсарову или Базарову, такъ они не такія дѣла обдѣлали бы. Но нашъ художникъ позаботился, какъ гласитъ нѣмецкое изреченіе, чтобы деревья не доросли до неба. Сильнымъ людямъ онъ не далъ талантовъ и вообще блеску, а слабому далъ и таланты, и поэтическій ореолъ" (V, 818—9).

Смерть Рудина прибавляетъ къ этому ореолу новые лучи, и, кромѣ смерти„—скорбный разсказъ старому пріятелю о томъ, по какимъ онъ дорогамъ мыкался, и какія бываютъ дороги грязныя. Много мягкости душевной и теплоты, говоритъ Михайловскій, внесъ сюда нашъ знаменитый романистъ, и именно по такимъ страницамъ надо цѣнить глубокую гуманность его натуры. Но замѣчательно, что эта душевная теплота проявлялась во всей своей полнотѣ только при обрисовкѣ слабыхъ характеровъ". То же самое и въ изображеніи женщинъ. Здѣсь его больше всего привлекалъ одинъ мотивъ—моментъ возникновенія сердечнаго романа дѣвушки при томъ моментъ, облагороженный совершенно особеннымъ, чисто тургеневскимъ способомъ. У него эта любовь не кладетъ на дѣвушку печати чего-нибудь узко эгоистическаго, какъ это часто бываетъ въ дѣйствительности. Напротивъ, она какъ бы расширяетъ ея душу, открываетъ ей далекія перспективы. „И при этомъ замѣчательно,—говоритъ Михайловскій,—что необходимымъ условіемъ этой влюбленности была неопредѣленная свѣтозарность или свѣтозарная неопредѣленность идеаловъ женщины" (V, 824). Но какъ только женщина выбираетъ опредѣленный путь, такъ она переставала интересовать Тургенева, или становилась ему непріятной, и онъ изображалъ Кукшиныхъ и Машуриныхъ. Въ женщинахъ, не тронутыхъ опредѣленными, ясными идеями, онъ выбиралъ исключительно свѣтлыя и возвышенныя полосы жизни, а у задѣтыхъ чѣмъ нибудь опредѣленнымъ,—напротивъ, исключительно темныя и низменныя. Михайловскій при этомъ не предъявляетъ художнику требованій, которыя не лежатъ въ его натурѣ и во всемъ его строѣ. Тургеневъ, на его взглядъ, „не могъ творить иначе, и его такъ же мало можно судить за это, какъ больного дальтонизмомъ за то, что онъ не умѣетъ различать красный и зеленый цвѣтъ". Но, говоритъ онъ, „отъ него можно было

только требовать, чтобы, сознавъ особенный характеръ своего творчества, онъ не брался за задачи, при выполненіи которыхъ упомянутая ассоціація можетъ привести къ тяжелымъ и непріятнымъ общественнымъ послѣдствіямъ. Все равно, какъ отъ больного дальтонизмомъ можно требовать, чтобы онъ не служилъ на желѣзной дорогѣ, гдѣ смѣшеніе зеленаго и краснаго сигналовъ ведетъ къ погибели многихъ жизней". И въ примѣненіи этого соображенія къ Тургеневу Михайловскій видѣлъ наиболѣе вѣрный путь къ надлежащей оцѣнкѣ его творчества,—тотъ пріемъ, который даетъ возможность поставить совокупность его образовъ въ соотвѣтственную перспективу. Исходя изъ этого и высоко цѣня художественный талантъ Тургенева, Михайловскій считалъ совершенно ошибочнымъ ходячіе взгляды на Тургенева. Его считали, во-первыхъ, ловцомъ моментовъ русскаго общественнаго развитія, изобразителемъ новыхъ людей. А, во-вторыхъ, спеціалистомъ по изображенію русской женщины. На основаніи вышеприведеннаго Михайловскій считалъ и то, и другое совершенно невѣрнымъ. Странно навязывать художнику, какъ бы ни были велики его художественныя силы, изображеніе новыхъ людей и роль ловца момента, когда онъ душевно близокъ типу людей колеблющихся, рефлектирующихъ. Это неправильная оцѣнка его творчества и невѣрное освѣщеніе изображаемой имъ дѣйствительности. Точно также и въ томъ же смыслѣ странно приписывать ему значеніе спеціальнаго изобразителя русской женщины.

Изъ основныхъ элементовъ, составляющихъ полный кругъ жизни личности, — мысли, чувства и воли — послѣдній былъ душевно чуждъ Тургеневу по свойствамъ его природы. Поэтому весь запасъ своего душевнаго участія и всѣ краски своей поэзіи онъ отдавалъ людямъ безвольнымъ, стремленіямъ, неопредѣленно возвышеннымъ. Его идеалы были неопредѣленные, но свѣтлые идеалы свободы и просвѣщенія. Въ этомъ смыслѣ Михайловскій называетъ „несравненный“ талантъ Тургенева (независимо отъ другихъ его свойствъ) музыкальнымъ: „музыка, какъ извѣстно, вызываетъ неопредѣленныя, но хорошія, пріятныя, свѣтлыя волненія“. Тѣ явленія жизни, которыя соотвѣтствовали этому основному свойству таланта Тургенева, нашли въ немъ превосходнаго изобразителя, достойнаго славы не только русской, а и европейской; въ этой области онъ — „краса и гордость русской литературы“. Но то, что лежало внѣ этого круга, было ему далекимъ и чуждымъ.

V.

Для сколько нибудь знакомыхъ съ литературной дѣятельностью Михайловскаго „литературно-художественная критика“—терминъ слишкомъ затертый и безцвѣтный для обозначенія того, что вкладывалъ Михайловскій въ это дѣло. Когда онъ говорилъ, что Тургеневъ, какъ человѣкъ и художникъ, былъ чуждъ „новымъ людямъ“ и потому не могъ ихъ изображать, для Михайловскаго это былъ не просто литературно-художественный фактъ. У него съ этимъ связывалось живое представленіе о новыхъ общественныхъ силахъ, выступившихъ на арену жизни и требовавшихъ вниманія къ себѣ. Въ сферѣ реальной дѣятельности они тоже предъявляли свои особыя требованія—во имя элементарныхъ практическихъ нуждъ и интересовъ, во имя практическихъ общественныхъ задачъ. Но Михайловскому была дорога мысль, что люди, врывавшіеся на арену исторіи съ прозаически скучными требованіями справедливости и участія въ благахъ жизни, были не просто представителями грубой и тупой силы. Ему была дорога мысль, что та сила, которой не было раньше на аренѣ—разночинецъ и народъ — несетъ съ собой свою красоту и свою поэзію. И эта красота и эта поэзія требуютъ вниманія къ себѣ и заслуживаютъ его въ высокой степени, такъ какъ имъ суждено смѣнить собой или, по крайней мѣрѣ, обновить прежнія формы красоты. Онъ не говорилъ, что старыя формы ничего не стоятъ, онъ не говорилъ о разрушеніи старой эстетики. Нѣтъ, старыя формы красоты онъ считалъ заслуживающими полнаго уваженія въ той мѣрѣ, въ какой онѣ опирались на вѣру во что-то высшее, вѣру во всю ту общественную и жизненную обстановку, въ которой возникли и существовали эти формы, и которая ихъ освящала. Шестидесятые и семидесятые года были эпохой, когда вся жизненная обстановка подвергалась существеннымъ кореннымъ измѣненіямъ и когда на смѣну прежнихъ шатающихся вѣрованій появились новыя. Какъ они должны были повліять на представленія о прекрасномъ, этой темѣ Михайловскій посвятилъ нѣкоторую часть своихъ полубеллетристическихъ очерковъ „Въ перемежку“. Въ нихъ онъ, и въ формѣ разсужденій, и въ образахъ предъявилъ русскому читателю тѣ измѣненія, которыя должны бы внести въ формы поэзіи и красоты новыя комбинаціи жизни. Разсказавъ кое-что изъ жизни нѣкоего Бухарцева (въ дѣйствительности онъ назывался Ножинымъ, о чемъ см. Лит. восп. I, 17), Михайловскій говоритъ: „Вы, пожалуй, удивитесь, что ничего не слыхали о такомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Да мало ли вѣдь вы чего не слыхали? Вѣрно только то, что благонамѣренные творцы „новыхъ людей“

прозѣвали много любопытнѣйшихъ типовъ и что, хоть тема эта и надоѣдала порядочно, но вовсе не потому, что она исчерпана. Нетронутой красоты тутъ вдоволь" *).

„Вы, вѣроятно, и о Далматовѣ ничего не слыхали",—прибавляетъ онъ, и затѣмъ приведя краткія свѣдѣнія объ этой замѣчательной личности заключаетъ **):

„Вотъ фигура. Конечно, это еще не фигура, а только остовъ, скелетъ, формулярный списокъ. Пусть художникъ одѣнетъ его плотью, пусть онъ реставрируетъ его жилы и погонитъ по нимъ горячую алую кровь, пусть разгадаетъ его душу и разскажетъ, какъ и что двигало Далматова; пусть художникъ сдѣлаетъ все это—и вы должны будете преклониться предъ красотою этого образа".

Остановившись затѣмъ на вопросѣ, почему беллетристика не умѣетъ изображать положительные типы, Михайловскій приходитъ къ заключенію, что самая распространенная, если не самая важная тому причина заключается въ существованіи шаблоновъ красоты. Эти заѣзженные образцы, „откровенно говоря, надоѣли хуже горькой рѣдьки. Надоѣли даже самимъ писателямъ, которые ихъ эксплоатируютъ. Какъ хотите, говоритъ онъ, а я не могу повѣрить, чтобы Тургеневъ свои „Вешнія воды", напримѣръ, или Левъ Толстой добрыя семь восьмыхъ „Анны Карениной" писалъ съ удовольствіемъ. Скучно имъ было". И, какъ на выходъ изъ этого, Михайловскій указываетъ на необходимость „искать новыхъ образцовъ тамъ, гдѣ ихъ до сихъ поръ совсѣмъ не искали или

*) IV, 272.

**) „Приведемъ ихъ здѣсь вкратцѣ. Далматовъ родился въ 1842 г. въ Пермской губерніи. Служилъ въ военной службѣ, гдѣ отличался гуманностью и добрымъ отношеніемъ къ солдатамъ и заслужилъ ихъ искреннюю любовь, не смотря на то, что былъ строгъ. Онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ подпоручика. Въ 1859 г. онъ получилъ, по духовному завѣщанію матери, 1,000 десятинъ земли съ крестьянами. Не заключая никакихъ условій, онъ далъ крестьянамъ волю и всю землю, не оставивъ себѣ ничего, за что получилъ высочайшую благодарность. Затѣмъ онъ поступилъ въ Петровско-разумовскую академію, служилъ контролеромъ на заводѣ въ сѣверо-западномъ краѣ, служилъ на Маріинской системѣ, былъ на ковровскихъ заводахъ, откуда, услыхавъ, что подготовляется болгарское возстаніе (въ концѣ 60-хъ годовъ), отправился черезъ Одессу въ Болгарію. Въ Одессу онъ уже прибылъ безъ копѣйки. Кое-какъ удалось ему поступить матросомъ на купеческое судно и такимъ образомъ достигнуть цѣли путешествія. Прибывъ на мѣсто, онъ получилъ было командованіе надъ однимъ изъ сформировавшихся отрядовъ; но возстаніе не состоялось, и ему пришлось искать работы. Онъ поступилъ рабочимъ на казенный пулелитейный и патронный заводъ въ Бѣлградѣ, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ. Потомъ вернулся въ Россію, переходилъ въ разныхъ должностяхъ (больше въ качествѣ рабочаго) съ одного мѣста на другое. Попалъ рабочимъ на механическій заводъ, потомъ слесаремъ въ канаточную мастерскую. Здѣсь его застало герцеговинское возстаніе. Онъ немедленно поѣхалъ туда и въ сраженіи подъ Карагуевацомъ, 8 января 1877 года, былъ убитъ.

искали очень мало". Онъ указываетъ на образцы этихъ поисковъ у Щедрина, Златовратскаго и Успенскаго, и, между прочимъ, приводитъ изъ Успенскаго фигуру дѣда Пармена, холока, который ужъ побывалъ и въ острогѣ, и въ Сибири, и еще разъ рѣшилъ: „коли такъ, такъ, стало, Божья воля мнѣ потерпѣть еще на старости лѣтъ!.. Видно ужъ Господь-батюшка, Никола милостивый такъ осудилъ меня вѣнцомъ—иду!"—И старый дѣдъ, съ котомкой за плечами, съ длинной палкой въ сухой рукѣ, неровной поступью худыхъ тонкихъ ногъ, обутыхъ на мірской счетъ въ новые лапти, пошелъ воевать за свое дѣло" *).

Во всѣхъ фигурахъ этого рода главная черта ихъ душевнаго склада и вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ ихъ душевнаго величія — есть простота. „Эта-то простота, говоритъ Михайловскій, и есть, я думаю, камень, на которомъ должно построиться зданіе новой красоты". Въ чемъ же, спрашивается, состоитъ эта простота?

Для Пармена мірское дѣло есть его личное дѣло, срослось съ нимъ; онъ никого не благодѣтельствуетъ, никому не приноситъ жертвы. Если смотрѣть со стороны, то онъ, конечно, совершаетъ подвигъ. Но для него это просто защита своего собственнаго дѣла. То же самое и Бухарцевъ. „Если бы,—говоритъ Михайловскій,— я осмѣлился, въ художественномъ смыслѣ, поднять руку на дорогую мнѣ память Бухарцева, я, конечно, не скрылъ бы истинно героическихъ его чертъ. Но онъ самъ не подозрѣвалъ бы даже этого; онъ дѣлалъ бы свое дѣло". Михайловскій считалъ Бухарцева личностью геніальной, способнымъ, если бы онъ захотѣлъ и если бы онъ не умеръ совсѣмъ въ молодые годы, быть ученою знаменитостью на всю Европу. Но „у самого Бухарцева никогда, ни въ серьезнѣйшихъ интимныхъ разговорахъ, ни среди самой необузданной шутливости, не прорывалось тяготѣнія къ этой перспективѣ... Онъ любилъ свою спеціальность и былъ полонъ жажды знанія вообще, и даже говаривалъ, что охотно поселился бы навсегда на берегу моря или въ тропическихъ лѣсахъ, единственно для того, чтобы отдаться жаждѣ знанія, если бы... если бы не чувствовалъ обязанности, „повинности" жить въ обществѣ и направлять свою эрудицію извѣстнымъ образомъ. Но съ этой обязанностью онъ также сросся, какъ дѣдъ Парменъ охотно лежалъ бы на печи и грѣлъ свои старыя кости, если бы мірское дѣло не было его собственнымъ дѣломъ. Оттого и Бухарцевъ, говоритъ Михайловскій, былъ такъ простъ. Самая его дерзость (рѣчь идетъ объ эпизодѣ на ученомъ диспутѣ, описанномъ раньше) была не что иное, какъ простота. Говоря свою рѣчь на диспутѣ, онъ былъ прекрасенъ именно своей простотой, именно тѣмъ, что онъ дѣлалъ собственное свое дѣло, собственную свою душу

*) IV, 275.

выкладывалъ, предлагая ученому ареопагу связать „генезисъ въ типѣ пальмовидныхъ водорослей" (что-то въ этомъ родѣ составляло тему диссертаціи) съ разрѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ; самъ постоянно работая мыслью въ этомъ направленіи, онъ вовсе не думалъ предлагать или совершать что-нибудь достойное благодарности. Нѣтъ, онъ исполнялъ только свою обязанность и притомъ такую, которая облегчала его личное существованіе" (IV, 276).

Въ томъ же смыслѣ Михайловскій предполагалъ, что художникъ долженъ бы изобразить въ Далматовѣ. Слѣдуя старымъ образцамъ, его бы изобразили героемъ, сознательно приносящимъ жертвы, благодѣтельствующимъ, освобождающимъ и т. п. Но можно бы его изобразить иначе. „Можно представить дѣло такъ, говоритъ Михайловскій (какъ оно навѣрное и было въ дѣйствительности), что онъ никого не благодѣтельствуетъ, никакихъ жертвъ не приноситъ. Пусть воочію развертывается и облекается плотью и кровью весь прекрасный формулярный списокъ Далматова, пусть всѣмъ читателямъ будетъ ясенъ его героизмъ, но пусть самъ онъ дѣлаетъ свое личное дѣло. Повидимому, тутъ всего одну маленькую передвижечку въ старомъ шаблонѣ красоты надо сдѣлать. Но сдѣлайте ее — и васъ обдастъ ароматомъ совершенно новой красоты" (IV, 277).

Михайловскому представлялось, что художникъ долженъ быть особенно чутокъ къ обаянію этой „простоты". Ему должно быть особенно свойственно сочувствовать способности съ непринужденной естественностью переживать, въ видѣ своего собственнаго личнаго дѣла, общіе интересы и задачи.

Въ одной своей старой статьѣ (въ 1874 г. по поводу Щербины) Михайловскій предлагаетъ такое опредѣленіе поэта или художника: это — „человѣкъ, умѣющій говорить и за себя, и за другого". Пройдитесь,—говоритъ онъ,—по заламъ любой художественной выставки, и вы убѣдитесь, что предлагаемая мною простая мѣрка вполнѣ приложима и здѣсь, что здѣсь есть люди, умѣющіе и не умѣющіе говорить красками и образами за другихъ, за молящагося, негодующаго, ненавидящаго, страдающаго, радующагося человѣка. Относительно жанра, исторической живописи, портретовъ — въ этомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣній, но та же мѣрка приложима и къ ландшафтной живописи и къ музыкѣ. Поэзія, и лирика, и эпосъ, и драма, несомнѣнно, вся построена на умѣніи говорить за другихъ. Въ этомъ,—говоритъ Михайловскій,—заключается и неотразимая сила поэзіи въ принципѣ, и ея великое соціальное значеніе" (II, 601).

Съ этой точки зрѣнія неотразимая сила поэзіи и искусства коренится въ способности говорить одновременно и за себя, и за другихъ. Между „другими" и собственной личностью тутъ устанавливается соотвѣтствіе и своеобразное проникновеніе. И

именно поэтому художественному чувству должны быть близки красота и поэзія той душевной простоты, той цѣльной убѣжденности, на которую указывалъ Михайловскій, какъ на характерную особенность большихъ людей шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Сила и красота ихъ духа зависѣла отъ того, что одушевлявшія ихъ нравственныя побужденія были не отвлеченнымъ участіемъ въ общихъ интересахъ и дѣлахъ при помощи идей. Личность у нихъ служила не чему-то внѣ ея лежащему. Она проникалась участіемъ къ этому внѣшнему все равно, какъ къ своему личному, и при томъ всей совокупностью душевнаго строя. Вслѣдствіе этого, душевныя побужденія, которыя при этомъ руководили личностью, были такъ просты, такъ непринужденны, что съ точки зрѣнія Михайловскаго ими можно любоваться не только со стороны ихъ нравственнаго обаянія. Они заслуживаютъ этого со стороны душевной красоты вообще—красоты личнаго достоинства. Если это звучитъ, пожалуй, нѣсколько отвлеченно, то достаточно прочесть литературныя характеристики, посвященныя Михайловскимъ Гаршину, Успенскому и Щедрину, чтобы это впечатлѣніе исчезло.

Имѣя въ виду именно эту его точку зрѣнія, мы говорили выше о томъ, что „литературно-художественная критика“ слишкомъ шаблонное выраженіе для идей Михайловскаго въ этой сферѣ. Его идеи въ этомъ направленіи были настолько широки, что выходили далеко за предѣлы обыденныхъ представленій о „красотѣ“. Однако въ нихъ въ то же время не было ничего, претендующаго на что нибудь исключительное. Михайловскій не „разрушалъ эстетику“; онъ не думалъ отрицать полнаго права художника „воспѣвать звѣздочки и цвѣточки, ландыши и кудри, пурпурный закатъ и столь же пурпурный восходъ“. Пусть художникъ „говоритъ“ за всѣ эти прекрасные предметы и за тѣхъ, кого они радуютъ. Но Михайловскій всѣмъ своимъ существомъ протестовалъ противъ возможности, чтобы человѣкъ способенъ былъ весь уйти въ цвѣточки и звѣздочки. Какъ выражается Михайловскій, ростъ поэта опредѣляется не только его умѣньемъ говорить за другихъ, но и количественнымъ и качественнымъ значеніемъ этихъ другихъ (II, 602). И онъ достигаетъ наивысшаго даже въ смыслѣ красоты, когда говоритъ за красоту душевную,—за требованія человѣческаго достоинства. Дѣло не непремѣнно въ тѣхъ или другихъ частныхъ идеяхъ и убѣжденіяхъ, не въ какихъ-нибудь спеціальныхъ общественныхъ, нравственныхъ, политическихъ задачахъ даннаго историческаго момента, а въ общихъ требованіяхъ человѣческаго достоинства. Когда поэтъ „говоритъ“ именно за нихъ—за эти требованія—онъ говоритъ за такія сферы жизни, которыя охватываютъ собой все остальное, и съ человѣческой точки зрѣнія все остальное подчинено этому верховному мотиву жизни.

Рядъ литературныхъ характеристикъ, которыя Михайловскій посвятилъ такимъ выдающимся писателямъ, какъ Гаршинъ, Щедринъ, Успенскій, Островскій, Ибсенъ, Горькій, иллюстрируетъ эту точку зрѣнія и обнаруживаетъ ту перспективу интересовъ и то обширное содержаніе жизни, которое открываетъ именно это воззрѣніе. Мы остановимся на Гаршинѣ и Успенскомъ.

VI.

Въ своемъ разборѣ произведеній Гаршина Михайловскій поставилъ себѣ цѣлью выяснить, какія полосы жизни его занимали по преимуществу, что онъ въ нихъ выбиралъ для поэтическаго воспроизведенія, а главное—что во всемъ характерѣ творчества Гаршина привлекло къ себѣ усиленный интересъ читателя и сдѣлало его любимцемъ читающей публики.

Въ одномъ изъ разсказовъ Гаршина изъ военной жизни онъ говоритъ отъ имени своего героя, отправившагося на войну: „огромному, невѣдомому тебѣ организму, котораго ты составляешь ничтожную часть, захотѣлось отрѣзать тебя и бросить. И что можешь сдѣлать противъ такого желанія ты... ты палецъ отъ ноги"? (VI, 313). Въ другомъ разсказѣ, тоже изъ военной жизни, эта же идея варьируется такъ: „Насъ влекла невидимая тайная сила: нѣтъ силы большей въ человѣческой жизни. Каждый отдѣльно ушелъ бы домой, но вся масса шла, повинуясь не дисциплинѣ, не сознанію правоты дѣла, не чувству ненависти къ неизвѣстному врагу, не страху наказанія, а тому невидимому и безсознательному, что долго еще будетъ водить человѣчество". Тотъ же мотивъ встрѣчается и въ другихъ его произведеніяхъ.

Эта мысль о безвольномъ орудіи нѣкотораго огромнаго сложнаго и чуждаго цѣлаго преслѣдуетъ Гаршина вездѣ, постоянно являясь источникомъ пессимизма и грусти, проникающихъ всѣ его произведенія. И грусть у него не безпредметная. Это не грусть настроенія; она проникнута опредѣленными запросами и требованіями отъ жизни. Человѣкъ у него страдаетъ особенно отъ того, что онъ одинокъ. По словамъ Михайловскаго, „не вообще страданіями занятъ нашъ авторъ; съ его точки зрѣнія отчего бы и не пострадать, но на людяхъ и съ людьми, а не въ одиночку". А одиноки его люди совсѣмъ по особому. Его „одинокіе люди окружены толпой и всетаки они одиноки, потому что узы, связывающія ихъ съ людьми, насильственны, лживы, и они вполнѣ сознаютъ эту лживость и оттого мучатся. Они ищутъ выхода, то есть такихъ формъ общенія съ людьми, которыя не налагали бы на нихъ ненавистнаго ярма, не дѣлали бы ихъ „пальцами отъ ноги", „клапанами", „безвольными орудіями сложнаго цѣлаго". Есть у Гаршина и такіе, которыхъ это положеніе не

смущаетъ, они къ нему приспособились. Таковъ Дѣдовъ въ „Художникахъ", или инженеръ Кудряшевъ во „Встрѣчѣ". Но другіе понимаютъ и страдаютъ отъ сознанія, въ какую пропасть ихъ влечетъ стихійный процессъ. И они либо „безпомощно бьются въ той клѣткѣ, въ которую они загнаны, безсильно топорщатся, когда огромная машина зубцами и колесами втягиваетъ ихъ въ свою пасть и перемалываетъ". Или—видятъ исходъ и рвутся къ иной жизни.

Въ этой точкѣ зрѣнія, въ качествѣ центра всѣхъ образовъ Гаршина, Михайловскій видѣлъ объясненіе его особой симпатичности и его особаго права на наше вниманіе. „Такъ неотступно преслѣдующій его вопросъ—кто побѣдитъ: человѣческое достоинство или стихійный процессъ, превращающій человѣка въ клапанъ,—это,—говоритъ Михайловскій,—всѣмъ вопросамъ вопросъ. Всѣ наши маленькія житейскія драмы, а, пожалуй, и водевили, всѣ крупнѣйшія историческія событія укладываются въ рамки этого огромнаго и рокового вопроса" (VI, 332).

Можетъ быть, Гаршину эта основная идея не была такъ ясна, какъ ее сформулировалъ Михайловскій. Но этой формулировкой Михайловскій только имѣлъ въ виду помочь молодому писателю и въ то же время помогалъ читателю разобраться въ образахъ художника. Пусть читатель возьметъ на себя трудъ перечитать произведенія Гаршина, имѣя въ виду приведенную перспективу, и онъ ясно убѣдится, какая это широкая перспектива и сколько цѣннаго она даетъ. „Вездѣ или почти вездѣ,—говоритъ Михайловскій,—вы найдете, можетъ быть, не такъ ясно подчеркнутое, но все одно и то же: лучи все той же скорби о томъ спеціальномъ и высшемъ оскорбленіи, которое наносится человѣческому достоинству превращеніемъ человѣка въ тѣ или другіе клапаны, въ „пальцы отъ ноги" (VI, 327).

Это освѣщеніе идеи человѣческаго достоинства открываетъ перспективы на общественную сторону дѣла, — на тотъ общій строй, который обращаетъ личность въ маленькое колесо механизма, который не только вдвигаетъ ее въ огромный чуждый ей потокъ и даетъ ей сосѣда справа и слѣва, но даже навязываетъ ей самыя цѣли жизни. Къ этому примыкаетъ художественно-психологическая сторона дѣла,—то всестороннее оскудѣніе жизни, та обезцвѣченность ея и та разорванность ея, которыя въ этомъ положеніи поражаютъ личность и все ея существованіе.

Самого художника творца этотъ процессъ обращаетъ въ болѣе или менѣе обезличеннаго исполнителя „чужихъ заказовъ", о цѣли и смыслѣ которыхъ ему не полагается заботиться. Ему полагается создавать красивыя комбинаціи красокъ и линій, красиво и интересно выражать мысли и образы, которые должны развлекать и услаждать публику. Онъ только художникъ и больше ничего,—такой же „палецъ отъ ноги", такой же „клапанъ", какъ

и всѣ остальные. Поэтому ему, какъ и всѣмъ прочимъ, полагается участвовать въ общей, совокупной жизни цѣлаго не всей душой безъ остатка, съ сохраненіемъ всего человѣческаго достоинства, а одной только спеціальной стороной безразличнаго, т. е. обезличеннаго художественнаго творчества. Онъ художественное орудіе, инструментъ. Противъ такой роли возмущается въ разсказѣ Гаршина „Художники" живописецъ Рябининъ, чувствующій себя „одинокимъ въ толпѣ" и протестующій противъ жестокаго обязательства вѣчно и неизмѣнно писать ходкія на рынкѣ картины на „невинные сюжеты": „полдни", „закаты", „дѣвочка съ кошкой" и проч. (см. VI, 325 — 6). Въ подобномъ положеніи художникъ, какъ и всегда, „говоритъ за другихъ". Но эти „другіе" отражаются не въ душѣ личности, чувствующей себя человѣкомъ, а въ „пальцѣ отъ ноги", въ „клапанѣ". Они отражаются въ обезличенномъ механизмѣ, отправляющемъ свои маленькія функціи, по-своему, можетъ быть, исправно, но въ цѣломъ не соотвѣтственно дѣйствительному содержанію и объему жизни. Возставая противъ этого отношенія художника къ дѣйствительности съ общественной точки зрѣнія, Гаршинъ въ качествѣ тонкаго и чуткаго художника ощущалъ въ оскорбленіи человѣческаго достоинства также нарушеніе и требованій художественнаго чувства. Онъ чувствовалъ всю недостойность и гибельность положенія художника, находящагося въ положеніи „ничтожной" части невѣдомаго ему огромнаго механизма, отъ котораго онъ всетаки зависитъ. Въ подобномъ положеніи художникъ обреченъ на одно изъ двухъ. Либо на творчество по трафаретамъ; такого рода творчества придерживаются, напримѣръ, живописцы — исполнители „невинныхъ сюжетовъ". На немъ всегда лежитъ отпечатокъ грубости и плоскости, всегда принижающихъ смыслъ и содержаніе жизни. Или же, если такой художникъ творитъ болѣе или менѣе искренно, кругъ его образовъ замыкается въ очень узкіе предѣлы; онъ не выходитъ изъ области тоже „невиннаго" подражанія дѣйствительности въ ея мелочахъ, изъ области забавнаго анекдота и т. п. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ — между художникомъ и дѣйствительностью нѣтъ истиннаго соотвѣтствія, и въ результатѣ нѣтъ истиннаго искусства.

VII.

Относительно манеры Успенскаго писать, Михайловскій говоритъ *): „Едва ли найдется много писателей, которые расходовали бы столько крови сердца, какъ Успенскій. Онъ не пишетъ, но „сочиняетъ", а живетъ съ перомъ въ рукахъ. Читатель

*) См. Соч. V, 77—137.

воочію видить, какъ писатель ищетъ чего-то—сегодня въ русскомъ мужикѣ, завтра въ Венерѣ Милосской, сегодня въ Сербіи, завтра въ Новгородской, въ Самарской губерніи, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Сибири, сегодня въ только что прочитанной книгѣ, завтра въ крестьянской свадьбѣ—ищетъ, надѣется, разочаровывается, опять поднимается, опять ищетъ, тутъ же дѣлясь съ вами тѣми житейскими впечатлѣніями, подъ которыми сложились его образы" (V, 74). И чрезъ всю эту чисто субъективную душевную работу проходитъ одно теченіе, одинъ порывъ—не только субъективный, но и общій по своему направленію. Основной характеръ этого порыва выразился, довольно неожиданно для иного читателя Успенскаго, въ его извѣстныхъ восторженныхъ страницахъ, посвященныхъ не болѣе и не менѣе, какъ статуѣ Венеры Милосской въ Луврѣ. Казалось бы, Успенскій, этотъ народникъ, толковавшій все объ мужикѣ, да о болѣзни совѣсти, и Венера Милосская... Что тутъ общаго? А между тѣмъ, „и тутъ Успенскій остается все тѣмъ же Успенскимъ и ни на волосъ не измѣняетъ своему всегдашнему задушевному". При этомъ оказывается, что Успенскій замѣтилъ у Венеры Милосской „право, сказать совѣстно, почти мужицкіе завитки волосъ по угламъ лба". Въ отличіе отъ другихъ Венеръ, она не есть олицетвореніе „женскихъ прелестей". Напротивъ, художникъ для созданія этой „каменной загадки" бралъ то, что для него было нужно, и въ мужской красотѣ, и въ женской, не думая о полѣ, а, пожалуй, и о возрастѣ". Вообще, для Успенскаго Венера Милосская есть „человѣкъ", идеалъ человѣческой личности въ смыслѣ цѣлостнаго сочетанія отдѣльныхъ человѣческихъ чертъ, разбросанныхъ нынѣ какъ попало и куда попало. Художникъ, создавшій Венеру, хотѣлъ познакомить человѣка „съ ощущеніемъ счастья быть человѣкомъ, показать всѣмъ намъ и обрадовать насъ видимой для всѣхъ возможностью быть прекрасными". При этомъ замѣчательно, что въ памяти Тяпушкина, которому Успенскій приписалъ такое воспоминаніе о Венерѣ Милосской, образъ ея возникъ не сразу. Ему предшествуютъ два какъ бы подготовительныя воспоминанія. Во-первыхъ, ему вспомнилась деревенская баба, которую онъ когда-то видѣлъ во время сѣнокоса. Баба была самая обыкновенная. Но— „вся она, вся ея фигура съ подобранной юбкой, голыми ногами, краснымъ повойникомъ на маковкѣ, съ этими граблями въ рукахъ, которыми она перебрасывала сухое сѣно справа налѣво, была такъ легка, изящна, такъ жила, а не работала, жила въ полной гармоніи съ природой, съ солнцемъ, съ вѣтеркомъ, съ этимъ сѣномъ, со всѣмъ ландшафтомъ, съ которымъ были слиты и ея тѣло, и ея душа (какъ я думалъ), что я долго-долго смотрѣлъ на нее, думалъ и чувствовалъ только одно: „какъ хорошо!"

Затѣмъ, Тяпушкину вспомнилась другая фигура—„фигура дѣвушки строгаго, почти монашескаго типа".

„Глубокая печаль, печаль о не своемъ горѣ, которая была начертана на этомъ лицѣ, на каждомъ ея малѣйшемъ движеніи, была такъ гармонически слита съ ея личною, собственною ея печалью, до такой степени эти двѣ печали, сливаясь, дѣлали ее одну, не давая ни малѣйшей возможности проникнуть въ ея душу, въ ея сердце, въ ея мысль, даже въ сонъ ея чему-нибудь такому, что могло бы не „подойти", нарушить гармонію самопожертвованія, которую она олицетворяла, что, при одномъ взглядѣ на нее, всякое „страданіе" теряло свои пугающія формы, дѣлалось простымъ, легкимъ, успокаивающимъ и вмѣсто словъ „какъ страшно!" заставляло сказать: „какъ хорошо! какъ славно!"

Во всѣхъ этихъ образахъ представленіе о красотѣ является составной частью чего-то болѣе обширнаго—„ощущенія счастья быть человѣкомъ", ощущенія „простоты", „легкости" — вообще какой-то гармонической цѣльности, которая даже на страданія проливаетъ что-то успокаивающее, заставляющее воскликнуть: „какъ хорошо! какъ славно!"

И въ это ощущеніе на первомъ планѣ входитъ гармоническое соотвѣтствіе между личнымъ и прочимъ міромъ—между работницей и природой, солнцемъ, вѣтеркомъ, сѣномъ и прочимъ, между личной печалью и „не своимъ" горемъ. Это соотвѣтствіе такого рода, при которомъ личность участвуетъ въ томъ мірѣ, съ которымъ она соприкасается,—цѣликомъ, всей совокупностью своей личности.

Самъ Успенскій, какъ художникъ, въ этомъ отношеніи представлялъ типичный примѣръ именно такого душевнаго склада. Михайловскій очень тонко характеризуетъ съ этой стороны комизмъ Успенскаго. Не говоря о томъ, что у него нѣтъ безпредметнаго зубоскальства, это,—говоритъ онъ,—и не рѣзкіе удары сатирическаго бича, и не капризныя кокетливо истерическія арабески изъ грусти и веселья, слезъ и смѣха, какія бываютъ у чисто художественныхъ натуръ типа Гейне" (V, 98). Смѣхъ Успенскаго органически просто и естественно сочетается съ глубоко искреннимъ, вдумчивымъ участіемъ къ тому, надъ чѣмъ онъ смѣется. Его смѣхъ постоянно переходитъ въ драму, или въ грустное раздумье. Это постоянный пріемъ его творчества. „Вы видите рядъ комическихъ подробностей пиро- и гидро-техника съ „чревоувѣщаніями", „обезглавленіями головы и прочихъ частей тѣла", „индійскими эскамотированіями" и проч., потомъ другія подобныя смѣшныя мелочи. Но, — говоритъ Михайловскій, — по мѣрѣ того, какъ эти комическія черты скопляются въ достаточномъ количествѣ, вы чувствуете, что вступаете въ кругъ вещей, совсѣмъ не смѣшныхъ и не мелкихъ. Вамъ становится жутко, вы ощущаете въ себѣ какой-то сложный и все болѣе усложняющійся процессъ". И этотъ процессъ вездѣ ведетъ васъ отъ смѣшного къ грустному раздумью, заставляющему васъ съ глубокою пе-

чалью переживать драму и трагедію. Личное предрасположеніе автора схватывать комическія мелочи жизни не замыкается въ себѣ, не отрѣзываетъ художника отъ того, надъ чѣмъ онъ смѣется (у Гейне художникъ-юмористъ постоянно даже на самого себя смотритъ со стороны и, по выраженію Михайловскаго, „кокетливо истерически“ смѣется надъ самимъ собой). Это у Успенскаго чисто субъективная душевная складка—его пріемъ подходить ко всему непремѣнно со стороны смѣшныхъ мелочей. Но, въ комбинаціи съ столь же субъективной склонностью къ грусти, у него неизмѣнно получается нѣчто очень многозначительное въ смыслѣ общей интересности. И тотъ, и другой мотивъ захватывали всю его личность настолько всесторонне и глубоко, что не давали ему отвлечься какъ-нибудь въ сторону, не позволяли увлечься обаяніемъ художественнаго творчества ради комическихъ или драматическихъ коллизій и эффектовъ, которыя сколько-нибудь позволили бы трактовать дѣйствительность со стороны. Успенскому была чужда самая манера любоваться чѣмъ-нибудь безъ полнаго интимнаго участія. Въ этомъ смыслѣ онъ какъ-то, со свойственнымъ ему юморомъ, посмѣивается надъ стихотвореніемъ Лермонтова „Когда волнуется желтѣющая нива“. Ему кажется, что поэтъ является въ немъ „случайнымъ знакомцемъ природы, съ которой у него нѣтъ кровной связи“. „Онъ оскорбленъ той изысканностью, съ которой въ стихотвореніи собраны и размѣщены лучшіе дары природы, и считаетъ себя въ правѣ заподозрить искренность поэта: если бы поэтъ, приходя въ общеніе съ природой, дѣйствительно „въ небесахъ видѣлъ Бога“ и „постигалъ что такое счастье“, то онъ не сталъ бы искать въ природѣ непремѣнно „отборныхъ фруктовъ“ въ родѣ „малиновыхъ сливъ“ и т. п., а удовольствовался бы болѣе простымъ, не сочиненнымъ пейзажемъ. Успенскій противопоставляетъ въ этомъ отношеніи Лермонтову Кольцова, у котораго „и природа, и міросозерцаніе человѣка, стоящаго къ ней лицомъ къ лицу, до поразительной прелести неразрывно слиты въ одно поэтическое цѣлое“. Пейзажъ, самъ по себѣ отдѣльно взятый, какъ бы онъ ни былъ красивъ, не имѣетъ цѣны для Успенскаго; въ него должна быть вложена душа художника, его подлинное „міросозерцаніе“, то, что его дѣйствительно въ данную минуту занимаетъ вообще и въ житейскихъ дѣлахъ въ частности“.

Не понимая иного отношенія художника къ дѣйствительности, Успенскій въ самой дѣйствительности съ особенной, усиленной чуткостью относился ко всему, что нарушаетъ соотвѣтствіе между личностью и остальной жизнью, ко всему, что заставляетъ личность участвовать въ жизни какъ нибудь однобоко. Все, нарушающее гармонію именно этого рода соотвѣтствія, оскорбляло его далеко не съ одной только точки зрѣнія нравственно чуткаго человѣка, болѣющаго нравственными и общественными противорѣчіями жизни. Зрѣлище нарушенной гармоніи обижало его глазъ худож-

ника. Оно обижало въ немъ чувство художника-человѣка, которому тяжело всякое несоотвѣтствіе между личностью и стихійнымъ ходомъ вещей. Такъ, напримѣръ, въ одномъ очеркѣ. Успенскаго поражаетъ общая физіономія современнаго губернскаго города вотъ съ какой стороны: „Нѣчто неуклюжее, разношерстное, какая-то куча, свалка явленій, не имѣющихъ другъ съ другомъ никакой связи и, не смотря на это, дѣлающихъ безплодныя усилія ужиться вмѣстѣ“. Прежде „гармонія была во всемъ полная: тряпье, дикость, невѣжество, хрюканье и прочее—все это было пригнано и прилажено все къ тому же невѣжеству, тряпью, хрюканью и дикости и стало быть не могло не только поражать нашъ глазъ, но даже ни на волосъ не обижало его. Теперь не то. Гармонія подлиннаго тряпья нарушена пришествіемъ рѣшительно несовмѣстныхъ съ нимъ явленій. Изъ превосходнаго вагона желѣзной дороги пассажиръ вылѣзаетъ прямо въ лужу грязи, грязи непроходимой, изъ которой никто не придетъ васъ вынуть, потому что машина прошла въ такомъ мѣстѣ, гдѣ отъ роду не было ни народу, ни дороги“.

Михайловскому кажется особенно примѣчательнымъ, что Успенскій не могъ не видѣть, что „гармонія невѣжества, тряпья и дикости слагается всетаки изъ дикости, тряпья и невѣжества, а слѣдовательно не привлекательна и не желательна“. И всетаки эта гармонія его влекла къ себѣ. Еще рѣзче это выражено въ слѣдующемъ. Въ „Запискахъ маленькаго человѣка“ авторъ, приведя нѣсколько разговоровъ, случайно услышанныхъ имъ на пароходѣ, тоскливо замѣчаетъ: „Все это надоѣло мнѣ до такой степени, что я Богъ знаетъ что-бы далъ въ эту минуту, если бы мнѣ пришлось увидѣть что нибудь настоящее, безъ подкраски и безъ фиглярства—какого нибудь стариннаго станового, вѣрнаго искреннему призванію своему бросаться и обдирать каналій, какого нибудь подлиннаго шарлатана, полагающаго, что съ дураковъ слѣдуетъ хватать рубли за заговоръ отъ червей, словомъ, какое нибудь подлинное невѣжество—лишь бы оно считало себя справедливымъ“.

Этимъ, на первый взглядъ страннымъ разсужденіямъ, особенно для Успенскаго, Михайловскій даетъ объясненіе такое *). У Успенскаго было „условное почтеніе ко всякой гармоніи и безусловное отвращеніе ко всякой расколотости“. „Онъ, говоритъ Михайловскій, постоянно метался по всей Россіи и за-границей съ цѣлью найти отдыхъ глазу отъ терзавшихъ его обнаженные нервы впечатлѣній двоедушія, двоевѣрія, лицемѣрія, сознательной и безсознательной лжи“. Всякая такая расколотость раздражала и возмущала его всегда и во всякомъ случаѣ. А гармонія, даваемая убѣжденностью въ своихъ поступкахъ, соотвѣтствіемъ

*) См. „Рус. Бог.“ 1900, декабрь.

мысли и дѣйствій, каковы бы они ни были, привлекала его, но условно. Относительно самого Михайловскаго характерно то, что при сочувствіи въ данномъ случаѣ Успенскому, его глубоко возмущало восхищеніе, съ которымъ, напримѣръ, Лѣсковъ изображалъ по-своему гармоническую среду рабьихъ чувствъ и основанную на нихъ гармонію отношеній. Подобныя картинки Лѣскова коробили Михайловскаго тѣмъ, что въ нихъ онъ видѣлъ безраздѣльный восторгъ предъ мерзостью, въ которой тонетъ все человѣческое. У Успенскаго же его своеобразное „почтеніе" предъ „подлиннымъ невѣжествомъ" или предъ стариннымъ становымъ было явно условнымъ. Это „почтеніе" заключало въ себѣ зародышъ другого чувства—основаннаго на сознаніи, что, съ измѣненіемъ данныхъ условій, человѣческое достоинство, столь явно попираемое гармоніей невѣжества, произвола и дикости, одержитъ верхъ, лишь бы только не было этой безысходной расколотости, лишь бы избавиться отъ двоедушія и двоевѣрія, отъ которыхъ разлагается все человѣческое. Убѣжденность въ своихъ поступкахъ это только первый шагъ къ тому, чего требуетъ человѣческое достоинство. Но первый шагъ имѣетъ смыслъ только тогда, когда на немъ не останавливаются. Поэтому, когда Успенскій во „Власти земли" восхищался въ мужикѣ той правдой, которою освѣщена въ его жизни самая ничтожнѣйшая жизненная подробность, то Михайловскій спрашиваетъ: „Можетъ ли глазъ, оскорбленный дисгармоническими явленіями и жаждущій видѣть хоть какую нибудь гармонію, успокоиться на этой, какъ говоритъ самъ Успенскій, „зоологической", „лѣсной", „звѣриной" „правдѣ"? Она вѣдь представляетъ полную уравновѣшенность понятій и поступковъ, въ ней нѣтъ мѣста „больной совѣсти" и другимъ болѣзненнымъ продуктамъ нарушенной гармоніи"? — И отвѣчаетъ на это Михайловскій такъ: „Отдохнуть глазъ можетъ, но успокоиться—нѣтъ. Такъ какъ этотъ трудъ весь въ зависимости отъ законовъ природы, то и жизнь мужика гармонична и полна, но безъ всякаго съ его стороны усилія, безъ всякой своей мысли. Вынуть изъ этой гармонической, но подчиняющейся жизни хоть капельку, хоть песчинку, и уже образуется пустота, которую надо замѣнить своей человѣческой волей, своимъ человѣческимъ умомъ, а вѣдь это какъ трудно! какъ мучительно"!

Отсутствіе въ этой гармоніи „своей" мысли, своего личнаго—есть то, чего ей не хватаетъ. По этой же причинѣ и для батраказемледѣльца, который нанятъ за деньги, совершенно такъ же, какъ нанята швея, кормилица, ходатай по дѣламъ и т. п., земледѣльческій трудъ вовсе не такое ужъ гармоническое существованіе. „Всѣ они, говоритъ Михайловскій, живутъ своимъ трудомъ, но всѣ дѣлаютъ чужое, лично имъ не нужное дѣло, въ которое они поэтому не могутъ вложить душу свою, не могутъ связать

съ нимъ свое духовное существованіе въ одно гармоническое цѣлое".

Въ дальнѣйшія детали этой темы намъ здѣсь не мѣсто входить. Но приведеннаго достаточно, чтобы видѣть, что, съ точки зрѣнія Михайловскаго, въ творчествѣ Успенскаго художественныя требованія гармонической цѣльности получаютъ смыслъ только въ качествѣ составной части цѣлаго міросозерцанія. Тутъ цѣлая перспектива жизни, въ которой освѣщаются отношенія человѣческой личности къ тому, что нарушаетъ гармонію ея существованія. Человѣческое достоинство личности требуетъ прежде всего „гармоніи"—устраненія двоедушія, двоевѣрія и всякой вообще расколотости. Но это только первая переходная ступень. На слѣдующей ступени человѣческое достоинство требуетъ, чтобъ гармонія достигалась не цѣною подчиненія личности внѣшнему строю. Оно требуетъ, чтобы соотвѣтствіе между личностью и ея образомъ дѣйствій, между ею и внѣшнимъ строемъ жизни основывалось на участіи ея въ стихійномъ ходѣ вещей силой личнаго сознанія и личной воли. Только участвуя въ жизни такой цѣлостной личностью, человѣкъ достигаетъ высшаго соотвѣтствія съ дѣйствительностью и тѣмъ самымъ высшей гармоніи существованія.

Точно также и въ искусствѣ. Одно дѣло — соотвѣтствіе съ дѣйствительностью, при которомъ художникъ рабски подражаетъ тому или другому уголку этой дѣйствительности или столь же рабски угождаетъ шаблоннымъ вкусамъ грубой толпы. И другое дѣло—то соотвѣтствіе, когда дѣйствительность находитъ откликъ въ душевномъ строѣ художника, который, даже подражая ей, сохраняетъ свою живую личность,—и, по выраженію Чехова, „реагируетъ" на впечатлѣнія: „на боль отвѣчаетъ крикомъ и слезами, на подлость—негодованіемъ, на мерзость—отвращеніемъ". Такой художникъ не только созерцаетъ и наблюдаетъ, а дѣйствительно участвуетъ своей жизнью въ своихъ образахъ, всѣми сторонами своего существа, всей своей душой. Для него гармонія и красота его образовъ основаны на высшемъ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью—на умѣньи принимать въ ней участіе всѣмъ строемъ своей личности. И въ этомъ параллелизмѣ художественныхъ побужденій съ требованіями цѣльной человѣческой личности и ея достоинства заключается объясненіе того, какимъ образомъ художественнымъ впечатлѣніямъ дано открывать такія широкія перспективы на общія задачи жизни.

Успенскій какъ-то выразилъ свои впечатлѣнія отъ Венеры Милосской слѣдующимъ образомъ: „Я стоялъ передъ ней, смотрѣлъ на нее и непрестанно спрашивалъ самого себя: что такое со мной случилось?—Что-то, чего я понять не могъ, дунуло въ глубину моего скомканнаго, искалѣченнаго, измученнаго существа и выпрямило меня, мурашками оживающаго тѣла пробѣжало тамъ,

гдѣ уже, казалось, не было чувствительности, заставило всего „хрустнуть“ именно такъ, какъ человѣкъ растетъ, заставило такъ же бодро проснуться, не ощущая даже признаковъ недавняго сна, и наполнило расширившуюся грудь, весь выросшій организмъ свѣжестью и свѣтомъ“.—Михайловскому то же самое представляется нѣсколько иначе и при томъ точнѣе и опредѣленнѣе.

Въ его глазахъ, художественное впечатлѣніе даетъ ощущеніе цѣльности существованія и опредѣляется тѣмъ, что въ стихійныя комбинаціи вещей вступаетъ наивысшее изо всего, что заключаетъ въ себѣ жизнь—личный элементъ. Вступаютъ требованія человѣческой личности, во всей своей совокупности—со всей присущей ей „многогранностью и многоцвѣтностью“, со всей своей удивительной способностью объединять всѣ элементы дѣйствительности въ одно совокупное цѣлое. Подъ вліяніемъ инстинктивной потребности въ цѣлостномъ существованіи, личность борется противъ стремленія стихійныхъ элементовъ разбить ея существованіе на оторванные другъ отъ друга элементы, на обособленныя частицы жизни, суженной въ своемъ объемѣ, поблеклой въ своей одноцвѣтности. При этомъ въ практической дѣйствительности личности приходится больше всего бороться противъ теченій, обращающихъ ее въ безсознательную и безвольную дробь посторонняго ей цѣлаго. Въ художественной сферѣ на ея долю выпадаетъ борьба противъ впечатлѣній, стремящихся нарушить „многогранность“ и „многоцвѣтность“ жизни, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ всего, что способно низвести ее на степень органа, только созерцающаго и только испытывающаго пріятныя, яркія и сильныя ощущенія. Смѣна ощущеній, освѣжающихъ впечатлительность, красивыя пятна, ритмъ, пестрота и яркость впечатлѣній—все это входитъ въ составъ искусства, но какъ элементъ чего-то болѣе значительнаго и широкаго. Это болѣе значительное есть перспектива совокупности жизненныхъ мотивовъ, доступныхъ человѣку, перспектива всей лѣстницы душевныхъ силъ, присущихъ личности. Здѣсь могутъ быть и пріятныя ощущенія красоты, и не всегда пріятныя ощущенія всякихъ страданій, драматическихъ коллизій и т. п. Но вся сила ихъ въ томъ, что въ данной перспективѣ они открываютъ личности выходъ на всю ширь жизни, доступной человѣку, на все содержаніе человѣческаго существованія въ его цѣломъ.

Въ своемъ разборѣ романовъ Муравлина (кн. Голицына), Михайловскій, отмѣтивъ ихъ жизненность и правдивость, называетъ Муравлина художникомъ погребной психологіи: „Производу погребной,— говоритъ онъ,—отъ погреба, отъ того мрачнаго, запертого, непровѣтриваемаго помѣщенія, куда не проникаютъ ни солнечные лучи, ни струи свѣжаго воздуха, гдѣ полъ, потолокъ, стѣны, углы покрыты плѣсенью и затянуты паутиной, гдѣ во всѣхъ направленіяхъ ползаютъ, добываютъ себѣ пищу, посягаютъ, плодятся и

множатся разныя безобразныя твари съ атрофированными зрительными и дыхательными органами". Въ качествѣ спеціалиста погребной психологіи, авторъ, на взглядъ Михайловскаго, отличается одной слабостью. Она состоитъ „въ томъ страстномъ отношеніи къ своему спеціальному предмету, которое заставляетъ его смотрѣть на весь Божій міръ подъ угломъ зрѣнія своей спеціальности, и въ стремленіи расширить ея компетенцію далеко за законные предѣлы". Въ связи съ этимъ, Михайловскій, въ отвѣтъ на слова нѣкоей Саши (героини романа „Мракъ"): „глупо быть честной одной, среди нечестныхъ людей"—обращается къ ней съ рѣчью, которую кончаетъ такъ: „Пожалуйте на вольный воздухъ себя показать и людей посмотрѣть. Не только свѣта, что въ окошкѣ, есть солнце на небѣ. Заинтересуйтесь хоть чѣмъ-нибудь, кругомъ люди живутъ,—живутъ и думаютъ, и чувствуютъ, и страдаютъ, и умираютъ, и любятъ, и радуются" (VI, 345). И эту же примѣрную тираду, говоритъ онъ, не мѣшало бы принять къ свѣдѣнію и самому автору.

Съ этимъ свѣтлымъ по настроенію и яснымъ по смыслу призывомъ Михайловскій постоянно обращался къ художникамъ.

Это приглашеніе выйти „на вольный воздухъ" и убѣдиться въ томъ, что есть „солнце на небѣ", сводилось къ предложенію взглянуть на дѣйствительность съ такой точки зрѣнія, чтобы человѣкъ въ его цѣломъ и весь Божій міръ не заслонялись отъ взора какой-нибудь спеціальной, узкой полосой дѣйствительности, тѣсно отгороженной отъ остального міра. Онъ считалъ, что искусство тогда только въ самомъ дѣлѣ отражаетъ жизнь и является вѣрнымъ ея представителемъ, когда оно примыкаетъ къ наивозможно широкой совокупности интересовъ жизни. Для этого оно должно говорить и за личность въ ея цѣломъ—во всемъ объемѣ того, что доступно природѣ человѣка,—и за общество въ его цѣломъ, во всей ширинѣ того, что свойственно всѣмъ его классамъ, взятымъ вмѣстѣ. Когда оно этого не дѣлаетъ, оно впадаетъ въ односторонность и мелочность изображенія, въ поверхностность и грубость образовъ.

Иллюстраціей односторонняго отлученія эстетическихъ интересовъ отъ остальныхъ интересовъ жизни можетъ служить дэнди, когда онъ наслаждается видомъ египетскаго саркофага, который онъ ставитъ въ видѣ пресспапье на свой письменный столъ, или дама, которая восхищается французской поддѣлкой подъ турецкую шаль. „Мы смѣемся надъ дикарями,—говоритъ Михайловскій,—которые съ гордостью носятъ европейскій мундиръ на голомъ тѣлѣ или цилиндрическую шляпу при костюмѣ Адама". Но эти европейскія вещи говорятъ дикарямъ о величіи, могуществѣ европейцевъ, о необходимости усвоить себѣ ихъ преимущества и т. п. И мундиръ, и цилиндрическая шляпа для нихъ представляютъ нѣкоторые символы. Мы же окружаемъ себя вещами, имѣющими для

насъ исключительно эстетическое значеніе" (II, 529—30). И въ этихъ случаяхъ наши эстетическіе интересы и искусство, которое стремится имъ служить, запечатлѣны характеромъ поверхностности. При первомъ же соприкосновеніи съ дѣйствительными духовными интересами человѣка, созданія такого искусства получаютъ принадлежащее имъ болѣе чѣмъ скромное мѣсто. Къ этой же категоріи, хотя всетаки не въ такой степени, Михайловскій относитъ и такія разновидности эстетическихъ наслажденій, какъ впечатлѣнія отъ красоты женскаго тѣла, изящнаго или богатаго наряда, а отчасти даже и отъ пейзажа *).

Однако эстетическіе интересы могутъ даже тогда, когда они довольно полно отвѣчаютъ суммѣ интересовъ личности, всетаки быть узкими и не соотвѣтствовать высшимъ требованіямъ эстетическаго вкуса. То, что было такъ широко для древней Греціи, говоритъ Михайловскій по поводу „греческихъ" стихотвореній Щербины, было слишкомъ узко для второй половины XIX вѣка, и талантливый, чуткій человѣкъ не могъ навѣки погрязнуть въ красотахъ древне-греческой поэзіи. И въ поясненіе этого Михайловскій приводитъ слѣдующія соображенія.

„Древній грекъ, художникъ по преимуществу, преклоняясь предъ красотою Фидіева созданія, преклонялся не передъ одной красотой, и дрожала въ немъ не только эстетическая струнка. Онъ преклонялся въ статуѣ, въ картинѣ, въ поэтическомъ произведеніи передъ всѣмъ строемъ античной жизни. Онъ чуялъ въ нихъ и отблескъ своей гражданской и политической свободы, и рабства 4/5 населенія всей Греціи. Да, въ статуѣ Фидія и въ картинѣ Апеллеса отразилось это рабство, ибо оно составляло одно изъ условій ихъ созданія. Отсюда слѣдуетъ, что Фидій и Апеллесъ умѣли говорить за другихъ, но эти другіе составляли лишь одну пятую долю ихъ соотечественниковъ. Мысли, чувства и, главное, интересы только этой дроби формулировали они въ своихъ прекрасныхъ образахъ. Рабъ ихъ не понималъ, не могъ понимать, не хотѣлъ, да и они не хотѣли, чтобы онъ ихъ хоть когда-нибудь понялъ, потому что, пойми онъ ихъ, греческой культурѣ конецъ. Пойми онъ, какое оскорбленіе, какая несправедливость въ нему кроется въ каждомъ изгибѣ тѣла прекрасной статуи,—эту статую постигла бы участь Вандомской колонны. Божественный ликъ Сикстинской Мадонны вонючій и развратный рабъ изрѣжетъ ножомъ,—съ негодованіемъ говоритъ одинъ изъ героевъ „Бѣсовъ" Достоевскаго. „Я понимаю — говоритъ Михайловскій—это негодованіе, но понимаю и раба, хоть, конечно, не этимъ путемъ достигнется его нравственная и физическая чистота.

*) Относительно пейзажа у Михайловскаго былъ, однако, особенный взглядъ. Онъ видѣлъ въ немъ „символъ и одно изъ условій одиночества". См. Соч. VI, 942.

Но всетаки его движенія такъ понятны. Ламартинъ еще въ сороковыхъ, помнится, годахъ предсказывалъ разрушеніе, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, Вандомской колонны. А вѣдь не Богъ знаетъ какой пророкъ былъ. А Прудонъ по этому поводу спокойно замѣтилъ: да, вотъ тоже ваши произведенія будутъ изорваны" (II, 610).

Какъ видитъ читатель, передвиженіе и расширеніе общественнаго круга, въ которомъ отражается творчество художника, является коррективомъ—иногда, можетъ быть, своеобразнымъ по формѣ, но далеко не лишеннымъ значенія, — въ оцѣнкѣ эстетическихъ вкусовъ и тенденцій. Положительное значеніе этого корректива заключается въ расширеніи круга, за который и къ которому говоритъ художникъ. И именно съ этой точки зрѣнія Михайловскаго такъ настойчиво интересовали въ художественномъ творчествѣ мотивы „чести" и „совѣсти", „отвѣтственности" и человѣческаго достоинства. Къ нимъ его влекла не точка зрѣнія моралиста, котораго мало трогаетъ все прочее въ жизни. Имъ руководила точка зрѣнія человѣка, который выше всего цѣнитъ полноту и цѣлостность человѣческаго существованія. А требованія человѣческаго достоинства являются силами, которымъ свойственно раздвигать предѣлы сочувственнаго опыта и тѣмъ самымъ объемъ личнаго существованія. Они дѣлаютъ личную жизнь полнѣе, ярче, богаче, многостороннѣе. Они одновременно и судятъ, и освѣщаютъ личное существованіе при содѣйствіи перспективы общественныхъ интересовъ. И въ этомъ заключается ихъ значеніе для искусства.

Любопытная въ этомъ смыслѣ формула дана Михайловскимъ въ очеркахъ „Въ Перемежку". „Искусство, говоритъ онъ здѣсь, есть своего рода гласный нравственный судъ" (IV 277). Къ этой формулировкѣ въ ея общемъ видѣ онъ вернулся черезъ двадцать лѣтъ, найдя себѣ поддержку у Ибсена. Ибсенъ въ одномъ стихотвореніи говоритъ: „творить—значитъ совершать судъ надъ собой". И объясненіемъ этой мысли является слѣдующее его заявленіе въ рѣчи къ норвежскимъ студентамъ: „частью мое творчество направлялось тѣмъ, что шевелилось во мнѣ лишь минутами и въ лучшіе мои часы, какъ нѣчто великое и прекрасное. Я влагалъ въ свое творчество то, что, такъ сказать, стояло выше моего обыденнаго „я", и я прибѣгалъ къ этому для того, чтобы лучше сохранить его внѣ себя и въ себѣ самомъ. Но въ свое творчество я вкладывалъ и какъ разъ противоположное, то, что при углубленіи въ себя самого представляется намъ отбросами и подонками собственной души. Въ этомъ случаѣ я смотрѣлъ на творчество, какъ на омовеніе, послѣ котораго чувствовалъ себя чище, здоровѣе и свободнѣе". (Отклики, II, 34).

Михайловскій, сопоставляя эти слова Ибсена съ нѣкоторыми фактами русской литературы, съ своей стороны выражаетъ ту же

мысль такъ: „художникъ сознательно или безсознательно отмѣчаетъ высшіе и низшіе моменты своей собственной души, оттѣняя ими обыденную жизнь, отдыхая на высшихъ и казнясь на низшихъ".

Въ этомъ освѣщеніи художественнаго творчества получается интересное переплетеніе нравственныхъ мотивовъ съ художественными, сопоставленіе мотивовъ личной психики на фонѣ требованій и запросовъ общественной жизни. Съ этой точки зрѣнія, въ искусствѣ общія условія жизни освѣщаются и оттѣняются интимными, живыми ощущеніями личности. А личность, въ свою очередь, стремится провѣрить себя общими условіями жизни, подвергаетъ себя ихъ суду. И комбинація этихъ двухъ стремленій обладаетъ способностью дѣлать содержаніе жизни „чище, здоровѣе и свободнѣе".

Именно это ощущеніе въ полной мѣрѣ испытываетъ каждый, кто ближе ознакомится съ совокупностью литературныхъ и художественно-критическихъ работъ Михайловскаго, или хотя бы съ такими крупными критическими статьями, какъ статьи объ Успенскомъ или Щедринѣ. Къ нимъ примыкаютъ въ этомъ отношеніи высоко-интересныя воспоминанія и характеристики, посвященныя такимъ лицамъ, какъ Успенскій же и Салтыковъ, Елисеевъ, Некрасовъ, Шелгуновъ, Ярошенко, Манассеинъ, и другія. Съ ними же близко соприкасается по своему общему смыслу рядъ замѣчательныхъ образовъ въ очеркахъ подъ заглавіемъ „Въ Перемежку". Во всѣхъ этихъ фигурахъ примѣчательно то, что въ нихъ рисуется душевная красота, какъ нѣчто очень высокое, оригинально-личное, и въ то же время — очень простое и естественное, настолько непринужденное, что кажется чѣмъ-то само собой понятнымъ. Это ощущеніе есть то самое впечатлѣніе „простоты" и „легкости", о которомъ, какъ приведено выше, — говорилъ Успенскій. И въ это ощущеніе, въ качествѣ глубоко оригинальной и въ то же время естественной составной части, входитъ гармоническое соотвѣтствіе между личнымъ міромъ и остальной дѣйствительностью, тѣсное переплетеніе и проникновеніе между „своимъ" и „не своимъ".

А. Красносельскій.

Памяти Н. К. Михайловскаго.

I.

Безумная надежда въ грудь стучится,
Что ты опять появишься средь насъ...
Съ тяжелой думою, что ты навѣкъ угасъ,
Не хочетъ сердце помириться!

На мигъ хоть ласковой мечтою
Больное сердце обмануть,
Что ты, измученный борьбою.
Прилегъ на время отдохнуть.

Я напрягаю слухъ болѣзненно и страстно,
Я жду съ мучительной тоской—
Не прозвучитъ ли вдругъ, какъ прежде, смѣло, ясно
Вновь вдохновенный голосъ твой!
Въ святой борьбѣ за счастіе отчизны
Съ могучимъ гнетомъ злобныхъ силъ
Тебя не слышу я, учитель свѣтлый жизни,—
И жду, и жду, родной, чтобъ ты заговорилъ!..

С. Синегубъ.

II.

Мгла и ненастье... Равнина безъ края...
—Пахарь и сѣятель мысли свободной!
Не отдыхая, прошелъ ты свой путь,
Грудью больной на соху налегая.
Отъ каменистой пустыни холодной
Много толчковъ приняла твоя грудь!

Рано ты вышелъ и долгіе годы
Шелъ все впередъ. И давно уже иней
Посеребрилъ твои кудри... И вотъ—
Радостный видъ!—изобильные всходы
Зашелестѣли надъ мертвой пустыней...
Съ свѣтлой улыбкой пошелъ ты впередъ.

Чудилось—близко ужъ. . Прибыло силы...
Съ трепетныхъ устъ „отпущаеши нынѣ“
Было готово сорваться... Увы!
Мигъ—и покрылъ тебя сумракъ могилы...
Поздно! Великая вѣсть благостыни
Не приподыметъ твоей головы!

Вновь небеса потемнѣли надъ нивой,
Туча ее облегла грозовая...
Холодомъ вѣетъ и градомъ грозитъ...
Мрачно и жутко... О, Боже правдивый!
Пусть непогода развѣется злая,
Всходы живые пускай пощадитъ!

А. Гуковскій.

Н. К. Михайловскій, какъ публицистъ-гражданинъ.

Прошелъ уже годъ, какъ смерть сломала перо одного изъ величайшихъ сыновъ пореформенной Россіи. Теперь мы отошли на достаточное разстояніе отъ свѣжей могилы Михайловскаго, чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ значеніе покойнаго и, стало быть, тяжесть потери, понесенной русскою литературою и русскою общественною жизнью. Какъ чувствуется отсутствіе этого удивительно сильнаго писателя, чувствуется особенно въ послѣдніе мѣсяцы, когда нашей печати стало возможнымъ хоть отъ времени до времени издавать, не скажу вполнѣ, но, по крайней мѣрѣ, полу-членораздѣльные звуки. Михайловскому было бы что сказать, а русской публикѣ было бы что послушать. Мысленно представляешь себѣ, какія сверкающія энергіей ума и чувства статьи вылились бы изъ подъ пера Михайловскаго теперь, когда Россія переживаетъ безпримѣрные по историческому значенію дни, напоминающіе крымскую войну и Севастополь, когда „молчаніе твари на всѣхъ языкахъ“ становится невозможнымъ даже въ нашей жалкой подневольной прессѣ...

Чѣмъ больше я вдумываюсь въ личность такъ не ко времени исчезнувшаго писателя, тѣмъ сильнѣе она поражаетъ меня своею многосторонностью и вмѣстѣ единствомъ, дѣлающимъ изъ нея великолѣпный образчикъ человѣка въ лучшемъ смыслѣ этого слова, какъ понималъ его хотя бы великій Шекспиръ:

His life was gentle; and the elements
So mix'd in him, that Nature might stand up,
And say to all the world—This was a man!

Да, „прекрасна была жизнь“ Михайловскаго въ его вѣрномъ и неустанномъ служеніи идеѣ! И „въ немъ элементы были такъ гармонично смѣшаны“, что „природа“, создавшая эту разностороннюю и въ то же время цѣльную личность, „могла бы“ съ гордостью „подняться и сказать всему свѣту: то былъ человѣкъ!“ Этотъ писатель наложилъ яркую печать своей индивидуальности

на всѣ сферы своей литературной дѣятельности: философскую, научную, критическую, публицистическую. И всѣ эти области были у него связаны одною идеею: культомъ человѣческой личности, всесторонне развивающейся внутри солидарнаго общества. Однако само разнообразіе писательской дѣятельности покойнаго заставляетъ меня въ этой статьѣ остановиться лишь на одной изъ такихъ сферъ. Я разсматриваю здѣсь Михайловскаго исключительно какъ „публициста-гражданина", т. е. оцѣниваю его значеніе для общественно-политической жизни страны.

Два соображенія побудили меня взяться за тему статьи. Во-первыхъ, самая важная вещь для общества людей это жить, т. е. вырабатывать возможно совершенныя формы коллективнаго союза между членами, а затѣмъ уже философствовать, заниматься наукой, предаваться эстетическому творчеству, — словомъ, primum vivere, deinde philosophari. Во-вторыхъ, на общественно-политической сторонѣ литературной дѣятельности Н. К. Михайловскаго останавливались, какъ мнѣ кажется, очень мало; а между тѣмъ часто ли встрѣчаются писатели, которыхъ бы болѣе проникало горячее трепетаніе жизни даже въ самыхъ отвлеченныхъ и философскихъ вопросахъ?

Задача моя будетъ выполнена, если читатель, кончивъ эту статью, раздѣлитъ мое чувство идейнаго энтузіазма къ человѣку, который, не выходя изъ предѣловъ литературы, сумѣлъ всю свою жизнь служить высшимъ цѣлямъ своей родной страны и всего человѣчества.

Лично я обязанъ очень многимъ Н. К. Михайловскому: на его сочиненіяхъ я пробуждался къ сознательной жизни; и онъ былъ, на ряду съ Чернышевскимъ, Лавровымъ, Лассалемъ, Марксомъ, однимъ изъ немногихъ „добрыхъ учителей", которые оставили наиболѣе прочный слѣдъ на моемъ міровоззрѣніи въ періодъ его выработки. Немудрено, что и позже, когда подробности этого міровоззрѣнія выяснялись путемъ болѣе обширнаго чтенія и прямого наблюденія надъ жизнью, я много разъ возвращался мыслію къ человѣку, бывшему однимъ изъ моихъ духовныхъ отцовъ. Въ особенности часто меня занималъ при этомъ вопросъ: что было бы съ Михайловскимъ и чѣмъ былъ бы онъ, если бы родился и дѣйствовалъ не въ Россіи, а въ Западной Европѣ? Всегда, конечно, есть много гипотетическаго въ варіаціяхъ на тему:

„Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ Периклесъ"...—

Но одно можно предположить съ значительною вѣроятностью: въ противоположность поговоркѣ о безрыбьѣ и безлюдьѣ, настоящій свой ростъ и освѣщеніе фигура Михайловскаго получила бы лишь при болѣе развитыхъ условіяхъ общественности, лишь тамъ, гдѣ пульсъ коллективной жизни бьется скорѣе и полнѣе, гдѣ больше личностей участвуютъ въ сознательномъ процессѣ

соціальнаго творчества. Человѣкъ, въ которомъ такъ тѣсно и оригинально сплелись интересы отвлеченной мысли и интересы непосредственной жизни, произвелъ бы неизмѣримо большее дѣйствіе на общечеловѣческій прогрессъ, живи онъ среди такой дѣйствительности, которая позволила бы ему вполнѣ удовлетворять двумъ основнымъ потребностямъ своей натуры. Помните могучія и благородныя слова литературной исповѣди, къ которой Михайловскій былъ вынужденъ прибѣгнуть въ отвѣтъ на нападенія одного сердитаго, но слабосильнаго критика:

Разно меня называютъ, но меня самого никогда не интересовало, къ какому я вѣдомству причисленъ. Тѣ небольшія достоинства, которыя признаетъ за мной критикъ, конечно, позволили бы мнѣ... успокоиться на области теоретической мысли. Къ этому, признаться, и тянуло меня часто; потребность теоретическаго творчества требовала себѣ удовлетворенія, и въ результатѣ являлось философское обобщеніе или соціологическая теорема. Но тутъ же, иногда среди самаго процесса этой теоретической работы, привлекала меня къ себѣ своею яркою и шумною пестротой, всею своею плотью и кровью житейская практика сегодняшняго дня, и я бросалъ высоты теоріи, чтобы черезъ нѣсколько времени опять къ нимъ вернуться и опять бросить. Но все это росло изъ одного и того же корня, все это связалось такъ жизненно-тѣсно въ одно, можетъ быть, странное и неуклюжее цѣлое, что вотъ я не могу исполнить желаніе критика: „распредѣлить матеріалъ по предметамъ и исключить все лишнее“.. Отсюда же и вся моя неумѣренность и неаккуратность... *)

Я думаю, трудно срисовать съ самого себя болѣе вѣрный психологическій портретъ. Дѣйствительно, что оскорбляетъ, возмущаетъ, сбиваетъ съ толку умѣренныхъ и аккуратныхъ критиковъ Н. К. Михайловскаго, это сильный, какъ стихія, но и какъ стихія же непокорный потокъ мысли, въ которомъ борются, временно соединяются и снова вступаютъ въ борьбу за преобладаніе два одинаково могучія теченія: ясный океанъ теоретической мысли, заключающій въ своей безбрежной поверхности отраженіе всѣхъ явленій жизни и идеи, и бурливо вливающаяся въ него исполинская рѣка дѣйствительности, которая прорѣзываетъ въ своемъ бѣгѣ все разнообразіе, всю толщу житейскихъ вопросовъ, задачъ и коллизій и катитъ свои волны, замутненныя кровью, грязью, слезами, потомъ живыхъ людей, но и скрашенныя цѣлыми островами, цѣлыми оазисами цвѣтовъ поэзіи и идеала. И вотъ, только что усядется въ бумажномъ корабликѣ умѣренное и аккуратное существо и вооружится различными инструментами для опредѣленія цвѣта воды, глубины, содержанія соли въ океанѣ — вдругъ трахъ! — своевольный потокъ дѣйствительности ворвался, шумя, сверкая и гнѣвно пѣнясь, въ еще столь недавно спокойное море. И — смотришь—къ чорту кораблинкъ, ко дну инструменты, а самъ изслѣдователь барахтается въ

*) См. стр. VI предисловія къ первому тому „Сочиненій“ (изд. „Русскаго Богатства“).

волнахъ, проклиная ихъ капризный, неразмѣренный, — однимъ словомъ, „ненаучный“ бѣгъ...

Впрочемъ, надо разсуждать по человѣчеству: если умѣренные и аккуратные критики грѣшатъ противъ основного требованія литературной оцѣнки, отказываясь прежде всего войти, проникнуть въ характеръ разбираемаго ума, то мы-то, наоборотъ, можемъ понять ихъ затрудненія и даже принять болѣе или менѣе близко къ сердцу ихъ горести, стараясь перенестись въ ихъ душу и понять ихъ психологію. Дѣйствительно, заключивъ себя въ рамки этого узкаго, но строго опредѣленнаго горизонта, мы можемъ признать, что литературная дѣятельность Михайловскаго носила бы болѣе законченный, болѣе стройный характеръ, если бы этотъ авторъ могъ отказаться отъ свойственной ему манеры обрабатывать одновременно, „въ перемежку“ и въ переплетъ, двѣ стороны „правды“, правду-истину и правду-справедливость... *) Да, но какъ „мочь“, когда, по волѣ богини Необходимости, Н. К. Михайловскому суждено было жить и дѣйствовать среди русскихъ общественныхъ условій, которыя фатально способствуютъ развитію у всякаго писателя-человѣка публицистической стороны и примѣшиванію ея къ самымъ, казалось бы, отвлеченнымъ вопросамъ мысли и требованіямъ эстетическаго творчества.

У Анатоля Леруа-Больё, рядомъ со многими поверхностными, плоско-либеральными и неумными замѣчаніями о Россіи, встрѣчаются, однако, вѣрныя мысли, подсказываемыя наблюдателю самымъ контрастомъ русской жизни и западно-европейской. Въ числѣ этихъ замѣчаній находится объясненіе публицистическаго, „политическаго“ элемента, встрѣчаемаго столь часто въ русской беллетристикѣ: по мнѣнію Леруа-Больё иначе и быть не можетъ при нашихъ условіяхъ дѣйствительности, мѣшающихъ писателю проводить свои идеалы непосредственно въ жизнь. Но желаніе видѣть свои стремленія осуществленными въ процессѣ общественнаго творчества есть одно изъ законнѣйшихъ желаній всякаго живого человѣка:

Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно,

и русскій писатель, часто даже безсознательно,—не говоря уже о сознательномъ планѣ,—гораздо охотнѣе, чѣмъ западно-европеецъ, превращаетъ своихъ героевъ и героинь (или, если то мыслитель, свои общія идеи) въ носителей своихъ политическихъ идеаловъ.

*) Я замѣтилъ какъ-то въ одномъ изъ писемъ къ Николаю Константиновичу, что близкое родство истины и справедливости схвачено уже въ античномъ мірѣ Присціаномъ, который прямо говоритъ, что римляне часто употребляютъ justum и verum одно вмѣсто другого, какъ греческіе аттики δίκαιον и ἀληθές. Въ отвѣтѣ мнѣ Михайловскій обѣщалъ коснуться при случаѣ этого любопытнаго, по его мнѣнію, сближенія въ пріемахъ античнаго и русскаго мышленія. Но, если не ошибаюсь, не привелъ въ исполненіе этого намѣренія.

Какъ же могло быть иначе съ Михайловскимъ, у котораго работа мысли направлена по преимуществу въ сторону общественно-философскихъ построеній? Тутъ-то будетъ какъ нельзя болѣе кстати нарисовать гипотетическій образъ нашего автора, родившагося и дѣйствующаго среди западно-европейскихъ условій. Настоящая сознательная жизнь Н. К. Михайловскаго начинается, судя по его литературнымъ воспоминаніямъ, съ первой половины шестидесятыхъ годовъ, къ концу которыхъ онъ вырабатываетъ въ общихъ чертахъ все свое міровоззрѣніе, отличающееся уже въ этотъ моментъ такою опредѣленностью, что дальнѣйшая умственная дѣятельность пойдетъ лишь на выясненіе второстепенныхъ частностей. Но этотъ періодъ характеризуется въ экономической жизни западной Европы небывалымъ расцвѣтомъ капиталистическаго производства, лихорадочной спекуляціей господствующихъ классовъ, которая была прервана лишь на время хлопчатобумажнымъ кризисомъ; а въ политической и идейной, — послѣ реакціи начала 50-хъ годовъ,— отмѣчается выработкой мѣщанскаго міросозерцанія на основѣ успѣховъ естествознанія и перенесенія теоріи борьбы за существованіе изъ міра зоологіи въ міръ соціологіи, равно какъ половинчатой борьбой противъ клерикализма и цезаризма со стороны третьяго сословія, которое боится слишкомъ далеко зайти въ этой либеральной кампаніи, безпокойно вглядываясь въ смѣлые аллюры слѣдующаго за нимъ сословія. Между тѣмъ этотъ послѣдній классъ вноситъ больше сознанія въ свое міровоззрѣніе, заполняя болѣе реальнымъ пониманіемъ экономическихъ и политическихъ условій развитія въ общемъ вѣрныя, но черезчуръ абстрактныя формулы соціализма 40-хъ годовъ; а въ практической жизни впервые создаетъ организацію всемірнаго труда, не обращающаго вниманія на цвѣтъ пограничныхъ столбовъ и языкъ людей...

Какую крупную роль могъ бы сыграть при этихъ условіяхъ молодой Михайловскій, направляя могучій потокъ своей мысли по двумъ сообщающимся, но различнымъ каналамъ, т. е. и работая на поприщѣ абстрактной науки, и цѣлесообразно тратя свой общественный пылъ, свой гражданскій энтузіазмъ на аренѣ политической борьбы! Въ самомъ дѣлѣ, возьмите сферу отвлеченной науки: въ то время, какъ буржуазная интеллигенція,—въ лицѣ г-жъ Ройе, Густавовъ Іегеровъ, Геккелей, Спенсеровъ,—то съ какимъ-то свирѣпымъ кокетствомъ исповѣдуетъ евангеліе зоологической грызни между людьми, то, сыто улыбаясь, развиваетъ теорію объективнаго прогресса на основаніи безконечной „эволюціи“ и „перехода отъ простого къ сложному“, теоретическіе выразители четвертаго сословія разрабатываютъ почти исключительно экономическіе и соціально-политическіе вопросы и за малыми исключеніями неохотно и лишь мимоходомъ ступаютъ на почву естественныхъ наукъ. Но именно здѣсь-то,—здѣсь, говорю я,—Михай-

ловскій поднялъ бы брошенную буржуазіей перчатку мнимой научности и въ рядѣ строго научныхъ, цѣльныхъ, исполненныхъ фактами и оригинальными идеями трудовъ развилъ бы то, что лишь обозначено глубоко прорѣзанными, но прерывающимися контурами въ его этюдахъ „Что такое прогрессъ“, „Теорія Дарвина и общественная наука“, „Борьба за индивидуальность“ и т. д.,—этюдахъ, испещренныхъ всевозможными жизненными отступленіями, экскурсіями, зигзагами нетерпѣливой, столь же теоретизирующей, сколько практически-воинствующей мысли. Такимъ образомъ, уже въ шестидесятыхъ годахъ четвертое сословіе Европы знало бы, что именно строгое естествознаніе осуждаетъ всѣ эти „эволюціи“ и „прогрессы“, увѣковѣчивающіе современное раздѣленіе труда между индивидуумами и классами, низводящіе живого человѣка на степень простой безсмысленной гайки въ сложной машинѣ общественнаго организма. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно знало бы, что выставленная его истолкователемъ объективная формула общественнаго прогресса—цѣлостность личности, орудующей всѣми своими органами, и солидарность общества, сводящаго до минимума раздѣленіе труда между своими членами—есть вмѣстѣ съ тѣмъ субъективная истина даннаго періода, „господствующая идея“ четвертаго сословія, являющагося центромъ и фокусомъ современной жизни. Безсовѣстнымъ дарвинятамъ и „спенсеровымъ дѣтямъ“, кокетничающимъ звѣриной борьбой между людьми и яко бы необходимой кристаллизаціей занятій въ обществѣ, былъ бы зажатъ ротъ соціальныхъ авгуровъ и выщипаны крылья лже-науки именно въ той области, которую они избрали ареной своихъ буржуазныхъ подвиговъ. И центромъ жизненной философіи явилась бы современная человѣческая „индивидуальность“, борющаяся въ союзѣ съ подобными себѣ за идеалы справедливѣйшаго общежитія и знающая, что въ концѣ концовъ ея нормальныя личныя стремленія найдутъ удовлетвореніе на объективной основѣ развитія технологіи, которая именно и дастъ возможность осуществиться „прогрессу“, этому,—согласно формулѣ Михайловскаго,—„постепенному приближенію къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми“. Я, конечно, отказываюсь продолжать въ деталяхъ это гипотетическое построеніе научной дѣятельности Михайловскаго въ Европѣ; не могу, однако, не указать, какимъ цѣннымъ вкладомъ въ общественную психологію была бы хотя теорія „героевъ и толпы“, лишь одинъ обломокъ которой—„подражаніе“—доставилъ такую извѣстность Тарду, какъ соціологу...

Но выработка научныхъ теорій, критически связывающихъ естественныя и общественныя науки, заняла бы лишь одну часть жизни Михайловскаго. Другая—и, вѣроятно, не меньшая—доля его существованія прошла бы въ кипучей политической дѣятельности,

среди разнообразныхъ комбинацій которой онъ могъ бы удовлетворить всевозможнымъ велѣніямъ того демона или, если хотите, того генія общественности, что своимъ властнымъ голосомъ заставлялъ писавшаго въ Россіи Михайловскаго прерывать строго-научную статью или изукрашать ее причудливыми арабесками гнѣва, любви, проклятій, благословеній, трактуя съ тѣмъ же идейнымъ паѳосомъ о малѣйшемъ жизненномъ фактѣ, какъ и о носящемся въ воображеніи мыслителя грандіозномъ научномъ обобщеніи.

Перомъ и словомъ Михайловскій служилъ бы доблестно и неустанно той политической партіи, которую бы онъ сознательно избралъ во имя своего теоретическаго міровоззрѣнія и общественныхъ идеаловъ и въ рядахъ которой онъ занималъ бы исключительное мѣсто. Дѣло шло бы о приложеніи къ практикѣ тѣхъ могучихъ теоретическихъ идей, которыя въ строго научной формѣ мыслитель развилъ бы въ своихъ многочисленныхъ трудахъ, ибо много—увы!—„ненаписанныхъ книгъ“ было бы тогда написано. Дѣло шло бы о томъ, чтобы ежедневно, ежечасно откликаться на запросы дѣйствительности и активно вмѣшиваться въ ея ходъ, защищать друга, нападать на врага, проводить политическую партію цѣлою, невредимою и все усиливающеюся среди подводныхъ камней, враждебныхъ теченій, обманныхъ знаковъ пиратовъ. Тотъ неподражаемый талантъ полемиста, который испытали на своихъ доспѣхахъ, а то и просто бокахъ, безчисленные теоретическіе и жизненные противники Михайловскаго, получилъ бы надлежащее приложеніе и развернулся бы во всей полнотѣ на широкой аренѣ политической дѣятельности, которая только и позволяетъ большому кораблю большое плаваніе. А то извольте воевать съ гг. Бурениными, Марковыми и Аверкіевыми, и при этомъ воевать не въ открытомъ бою, а гдѣ-то въ закоулкѣ, въ глухую осеннюю ночь, когда какой нибудь бдительный стражъ, вмѣсто внѣпартійнаго безпристрастія, самъ отъ времени до времени подаетъ своей алебардой знакъ къ нападенію на васъ же разныхъ „средиземныхъ эскадръ“ и одомашненныхъ жучекъ съ ошейниками или добровольно свирѣпствующихъ псовъ.

И, однако, воздадимъ благодарность богинѣ Необходимости, заставившей Михайловскаго родиться, жить и дѣйствовать не въ западной Европѣ, а въ Россіи: тѣмъ хуже было для него, но тѣмъ лучше для насъ! Пусть тѣсно становилось этому крупному человѣку въ дѣтскихъ латахъ, которыя подавали поводъ умѣреннымъ и аккуратнымъ критикамъ совѣтовать задыхавшемуся порою борцу за правду обрубить все, что не вмѣщалось въ доспѣхахъ ребенка. Намъ долго еще будутъ нужны большіе люди, страдающіе за насъ и поучающіе насъ... Посмотримъ же, чему училъ насъ не гипотическій западно европейскій, а живой русскій Михайловскій въ теченіе чуть не сорока пяти лѣтъ, т. е. трижды того великаго въ жизни человѣка промежутка времени—grande mortalis aevi spa-

tium,—о которомъ говоритъ Тацитъ. Какова была роль Михайловскаго, какъ публициста-гражданина?

Для удобства изложенія я сейчасъ же отвѣчу на этотъ вопросъ, а затѣмъ лишь перейду къ подробностямъ. Н. К. Михайловскій являлся все время чуткимъ выразителемъ и философскимъ обоснователемъ общественныхъ стремленій наиболѣе передовой части русской интеллигенціи, активно вліяющей на ходъ прогресса. При этомъ онъ смотрѣлъ настолько шире и дальше всей этой группы, взятой въ ея цѣломъ, что въ данный моментъ та или другая фракція ея—иногда меньшая, иногда большая—считала своимъ долгомъ быть несогласной съ Михайловскимъ, ополчалась, по недоразумѣнію, противъ мыслителя-публициста и той группы, которую онъ ближе выражалъ; а потомъ, послѣ нѣсколькихъ эпизодовъ этой братоубійственной „вражды войны“, оказывалась присоединившейся къ авангарду прогрессивной арміи, уже подвергающейся новымъ „разногласіямъ“. Я говорю это не съ чужого голоса, а по собственному опыту и личнымъ воспоминаніямъ: и мнѣ казалось, что въ тѣ или другія времена Михайловскій не выражалъ вполнѣ моихъ желаній и идеаловъ; это же, хотя пріурочивая къ инымъ временамъ, скажутъ другіе русскіе люди, принимавшіе живое участіе въ общественной жизни.

Не надо только забывать, что, если мыслитель-публицистъ выражалъ и философски обосновывалъ стремленія людей прогресса, то первоначальный толчокъ къ этой руководительной дѣятельности онъ получалъ именно отъ общаго настроенія слѣдующаго за нимъ авангарда. Н. К. Михайловскій былъ человѣкомъ, какъ и всѣ мы, и какъ таковой не творилъ изъ ничего; но, словно увеличительное стекло, онъ концентрировалъ разсѣянные въ обществѣ лучи сознанія и, словно увеличительное же стекло, зажигалъ... Хотя литература являлась, по русскимъ политическимъ условіямъ, исключительною и любимою цѣлью существованія Михайловскаго, силу и идейный огонь энтузіазма этотъ писатель бралъ у всѣхъ насъ, у меня, у васъ, дорогой читатель и единомышленникъ, у всякаго, кто стремится сознательно участвовать въ исторической жизни страны, а не метаться изъ стороны въ сторону и не вертѣться, какъ флюгеръ, по волѣ капризныхъ вѣтровъ Сѣвера, навѣвающихъ оттепели за мятелями и мятели за оттепелями. Корни литературы Михайловскаго лежатъ въ „жизни“, или, употребляя извѣстную формулу, его „сознаніе“ вытекаетъ изъ нашего „бытія“. Поэтому я попрошу читателя, когда я буду говорить о той или другой полосѣ литературной дѣятельности публициста-гражданина, постоянно держать въ умѣ, передъ своими духовными очами, картину соотвѣтствующаго общественнаго движенія, и не только картину вообще, а и ея детали, въ которыя я, къ сожалѣнію, не

могу входить здѣсь. Пусть читатель и для своего собственнаго поученія обращаетъ вниманіе на эпоху написанія той или другой статьи Михайловскаго и мысленно заглядываетъ при этомъ въ мартирологъ русской общественной жизни. Говорю „мартирологъ“ потому, что человѣческая исторія вообще есть до сихъ поръ повѣсть о страданіяхъ безсмертной Идеи общественной солидарности, ищущей все болѣе и болѣе подходящихъ формъ и носителей для своего окончательнаго выраженія и торжества. А мы, русскіе, не только не составляемъ исключенія изъ этого общаго правила, какъ бы ни лгали на этотъ счетъ наши націоналисты, самобытники и торгаши „потреотическимъ“ дурманомъ, но истязаемъ Идею скорпіонами тамъ, гдѣ другіе истязали ее лишь бичами...

Мы во второй половинѣ 60-хъ годовъ... Тяжелая пора! „Аннибалова клятва“ освобожденія крестьянъ перестала служить объединяющимъ знаменемъ для лучшихъ русскихъ людей, которые всего нѣсколько времени тому назадъ забывали изъ за этого великаго общаго дѣла разъединявшіе ихъ сѣрые, розовые, красные оттѣнки общественно-политическихъ идеаловъ. Рабство пало,— слишкомъ поздно, по мнѣнію однихъ, слишкомъ рано, по мнѣнію другихъ. Связь съ рухнувшимъ крѣпостничествомъ была порвана,—не достаточно рѣзко, по мнѣнію первыхъ, черезчуръ радикально, по мнѣнію вторыхъ. Народная жизнь была переставлена съ фундамента подневольнаго труда на фундаментъ труда свободнаго. Но увы! какъ сильно была сужена при этомъ экономическая поверхность этого фундамента: идеалъ передовыхъ людей—„освобожденіе крестьянъ съ землей“—перешелъ въ дѣйствительность съ такими урѣзками и искаженіями, что сейчасъ же началась борьба между правымъ и лѣвымъ крыльями освободительной арміи за наилучшее устройство жизни освобожденнаго народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ знамена различныхъ фракцій развернулись и стали враждебно другъ противъ друга, а оттѣнки общаго міровоззрѣнія каждой фракціи пріобрѣли болѣе яркій и опредѣленный колоритъ: сѣрые такъ посѣрѣли, что ихъ знамя трудно было отличить отъ грязнаго знамени мракобѣсцевъ и крѣпостниковъ; розовые или перешли въ сѣрые, или приблизились къ краснымъ; красные вызывали своимъ рѣзкимъ цвѣтомъ бѣшенство защитниковъ стараго строя, и изъ устъ тѣхъ борцовъ лѣваго крыла, что были послабѣе, вырывалось нѣчто чрезвычайно похожее на припѣвъ баллады:

Enfants, voici les boenfs qui passent,
Cachez vos rouges tabliers!..

И поколебалось передовое знамя, и было сломано лѣвое крыло... Какъ только еще столь недавно цѣльная оппозиція распа-

лась на враждовавшія части, сторонники павшаго режима подняли голову. Изъ экономически-соціальной посылки раскрѣпощенія народа и превращенія всего населенія въ людей не были сдѣланы обще-политическіе выводы. На новомъ гражданскомъ фундаментѣ стѣны были выведены едва до половины, а отсутствіе крыши, этого „увѣнчанія зданія", дѣлало тѣмъ чувствительнѣе переходы отъ еле-еле пригрѣвающихъ лучей высокаго, далекаго—и, охъ! какого своевольнаго солнца сѣвера къ сѣвернымъ же свирѣпымъ бурямъ и ливнямъ. Къ тому же историческая Немезида снова бросила въ кровавый семейный споръ близкихъ родственниковъ, „кичливаго Ляха" и „вѣрнаго Росса", и дала поводъ общественной реакціи перейти отъ окраинъ къ центру; а вскорѣ пронесся и по всей Россіи мрачный ураганъ взаимнаго недовѣрія, подозрѣній, обвиненій, срывая „невѣрные звуки" даже со струнъ глубоко демократической лиры Некрасова. То было время, когда передовая интеллигенція, лишенная „общенароднаго дѣла", шла въ розсыпь и въ разбросъ, уныло дотягивая оставшуюся ей отъ блестящаго періода дѣятельности Писарева пѣсню о „личномъ совершенствованіи молодыхъ русскихъ людей обоего пола" *), между тѣмъ, какъ самъ вождь „мыслящаго пролетаріата" и „трезвыхъ реалистовъ" уже переживалъ новый нравственный кризисъ и, какъ кажется, задумывался надъ безплодностью проповѣди того, если можно такъ выразиться, буржуазно-индивидуалистическаго радикализма, не имѣющаго широкихъ соціальныхъ цѣлей, который характеризуетъ „писаревщину". Мнѣ, по крайней мѣрѣ, пришлось слышать отъ одного изъ старыхъ знакомыхъ Писарева разсказъ о попыткѣ знаменитаго популяризатора изложить въ полубеллетристической формѣ содержаніе только что вышедшаго въ то время перваго тома „Капитала". И мой собесѣдникъ передавалъ съ волненіемъ чарующее впечатлѣніе, которое производила на него теорія Маркса, неподражаемо переданная Писаревымъ въ „Разговорахъ въ зеленой комнатѣ",—такъ назывался этотъ этюдъ, недоконченный и, повидимому, уничтоженный самимъ авторомъ въ припадкѣ меланхоліи...

Какъ бы то ни было, активная часть интеллигенціи переживала въ то время тяжелые дни, стараясь выработать соотвѣтствующее общественнымъ задачамъ эпохи міровоззрѣніе, которое бы соединяло въ одно цѣлое мысль и жизнь, требованія строгой науки и проснувшуюся снова безмѣрную жажду жить и умереть за нравственно-соціальный идеалъ. Для выполненія этой задачи надо было связать тогдашнюю работу мысли съ лучшими традиціями „Современника", продѣлать операцію возвращенія къ дѣятельности Чернышевскаго и Добролюбова, но на основаніи увеличившейся и расширившейся потребности къ фактическому

*) Я беру нѣкоторыя выраженія у Михайловскаго (т. I, стр. 817—818).

знанію, особенно въ области естественныхъ наукъ, которыя были тогда въ такомъ почетѣ среди „мыслящихъ реалистовъ". Эту задачу блистательно разрѣшилъ Н. К. Михайловскій, явившись въ 1869 г. передъ читателями съ совершенно опредѣленной и оригинальной физіономіей писателя, столь же знакомаго съ выводами естествознанія, сколько и съ результатами современныхъ общественныхъ наукъ, столь же жадно стремившагося къ познанію истины, сколько и къ воплощенію справедливости,—словомъ, удачно сочетавшаго требованія развитія личности и служенія общественной солидарности.

Къ этому-то періоду и можно отнести возникновеніе своеобразной и очень замѣчательной „русской соціологической школы", школы субъективизма, которая начинаетъ возбуждать теперь интересъ и на Западѣ, и къ которой тяготѣютъ — правда, на половину безсознательно—выдающіеся ученые въ родѣ (нынѣ покойнаго) юриста Іеринга и историка Майера. Михайловскій раздѣляетъ заслугу и честь быть творцомъ ея наравнѣ съ другимъ русскимъ мыслителемъ Лавровымъ, авторомъ „Теоріи личности", „Историческихъ писемъ" и „Опыта исторіи мысли". Такъ смотрѣлъ, по крайней мѣрѣ, и самъ этотъ мыслитель, съ которымъ судьба поставила меня въ близкія отношенія, продолжавшіяся болѣе пятнадцати лѣтъ до самой смерти Лаврова, и который неоднократно говорилъ мнѣ, что онъ считаетъ Н. К. Михайловскаго хотя и очень родственнымъ по міровоззрѣнію писателемъ, но формулировавшимъ основанія соціологическаго субъективизма съ другой стороны и совершенно независимо отъ него.

Какъ бы то ни было, міровоззрѣніе Михайловскаго не только разрѣшало въ теоретической области проклятую, мучительную антиномію, надъ которой и у насъ, и на Западѣ „билось въ слезахъ столько головъ", антиномію между категоріей необходимаго и категоріей нравственнаго, между естественнымъ ходомъ вещей и идеаломъ. Оно, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовало и удовлетворяло настроенію и жаждѣ дѣятельности двухъ группъ тогдашней интеллигенціи, составившихъ прогрессивную армію эпохи: „кающихся дворянъ" (великолѣпный терминъ, изобрѣтенный Н. К. Михайловскимъ), вскормленныхъ крѣпостными хлѣбами или остатками проѣдавшихся выкупныхъ свидѣтельствъ; и „разночинцевъ", составлявшихъ переходъ отъ имущихъ, — если не правящихъ — сословій къ великой массѣ трудящихся. До какой степени передовой отрядъ интеллигенціи переживалъ именно такое настроеніе, можно заключить изъ поразительнаго успѣха, который выпалъ приблизительно въ это же время на долю одного небольшого, но замѣчательнаго сочиненія, принадлежащаго перу уже упомянутаго нами родственнаго по духу съ Михайловскимъ автора, а именно—„Историческихъ писемъ", гдѣ говорилось о безконечной „цѣнѣ прогресса", стоившаго столько труда, слезъ и

лишеній массамъ, которыя поддерживаютъ зданіе современной цивилизаціи, и о неоплатномъ долгѣ „критически мыслящей личности“ передъ этими массами, передъ народомъ, которому можно хоть нѣсколько помочь, лишь перерабатывая въ его интересахъ данныя формы „культуры“...

Послѣ двухъ-трехъ лѣтъ броженія, тяжелаго нравственнаго кризиса и строжайшаго пересмотра своего умственнаго и нравственнаго багажа, активная часть интеллигенціи поняла свою историческую роль: къ началу 70-хъ годовъ относится возникновеніе того могучаго движенія, которое лишь во второй половинѣ этого десятилѣтія получитъ названіе „народничества“,—названіе, увы! вскорѣ захватанное столькими нечистыми руками и сдѣлавшееся въ слѣдующемъ десятилѣтіи знаменемъ реакціонной демагогіи, а еще позже, въ устахъ „Неистовыхъ орландовъ“ нашего марксизма 90-хъ годовъ, общей презрительной кличкой для всѣхъ тѣхъ, кто не раздѣлялъ всѣхъ членовъ ихъ символа вѣры. Но начало 70-хъ годовъ было героическимъ періодомъ упомянутаго идейнаго теченія; и кто былъ самомалѣйшей частицей въ его молодыхъ, веселыхъ и брызжущихъ жизнью волнахъ, надъ которыми горѣла яркая радуга идеала, тотъ, навѣрное, скажетъ, что оно являлось наиболѣе реальнымъ и насущнымъ движеніемъ тогдашней русской дѣйствительности. Интересы народа и борьба во имя ихъ съ врагами трудящихся массъ стали общимъ лозунгомъ передовой интеллигенціи. Къ тому времени уже выяснилось, что экономическое положеніе освобожденнаго народа далеко не соотвѣтствуетъ оптимистической картинѣ, которую развертывали передъ своей аудиторіей борзописцы и говоруны умѣренно-либеральнаго лагеря. Надъ сѣрымъ мужицкимъ царствомъ, кромѣ тяготѣвшихъ наслѣдій прошлаго гнета, стали нависать силы новой крѣпи, новой экономической эксплуатаціи. То былъ медовый мѣсяцъ нашего капиталистическаго „первоначальнаго накопленія“, устроенія нашей капиталистической храмины съ верховъ, со средствъ перемѣщенія и обмѣна скудно производимыхъ, а то и просто гипотетическихъ продуктовъ. Проводились желѣзныя дороги, по большей части не тамъ и не такъ, какъ слѣдуетъ, но къ вящшей выгодѣ концессіонеровъ. Устраивались банки и кредитныя общества, и ходко циркулировали дутыя бумаги разныхъ учрежденій, взывавшихъ къ правительству о воспособленіяхъ. Между старымъ и новымъ міромъ народной эксплуатаціи выростала, какъ посредствующее звено, цѣлая туча облѣпившихъ народъ кулаковъ и міроѣдовъ, роль которыхъ заключалась въ накопленіи, путемъ ростовщичества, первыхъ капиталовъ и подготовленіи ихъ къ будущему производству, а пока въ питаніи ими ажіотажа и спекуляціи. То было время, когда даже пресловутые сорокъ-сороковъ славянофильства явственно и оживленно выговаривали: жарь-грабь, жарь-грабь; когда тароватые ораторы во-

пѣвали на нескончаемыхъ обѣдахъ доблести Поляковыхъ и Губониныхъ; когда сіяніе „мѣднаго таза либерализма“ (выраженіе Михайловскаго) лишь отражало сіяніе серебрянаго цѣлковика; когда негодующая муза Некрасова иронически взывала къ художнику:

> Будешь въ славѣ равенъ Фидію,
> Антокольскій! изваяй
> „Гарантію“ и „Субсидію“...

Передъ мыслящею частію русскаго общества возставалъ грозный вопросъ: должна ли Россія среди этого опьяненія буржуазнымъ либерализмомъ упустить единственный въ своемъ родѣ моментъ для того, чтобы рѣшительно сойти съ торнаго пути капиталистической эксплуатаціи, на которомъ она стояла уже одной ногой, и вступить на трудную, но все еще исторически возможную для нея дорогу народнаго производства? И, въ дополненіе къ этому „матеріальному“ вопросу, возникалъ вопросъ „идеологическій“: какую цѣну въ этотъ моментъ для насъ могли имѣть требованія свободы и гражданственности, которыя столь часто повертывались на капиталистическомъ Западѣ противъ трудящагося большинства и на пользу привилегированныхъ классовъ?

Я не берусь здѣсь за разсмотрѣніе того, въ какой степени заднимъ числомъ и на разстояніи тридцати лѣтъ можно отыскать изъяны въ этихъ вопросахъ. Такъ во всякомъ случаѣ они формулировались въ сознаніи тогдашнихъ дѣятелей прогресса, дѣлая величайшую честь самостоятельности, — не употребляю пошлаго слова „самобытности“, — ихъ мышленія и энергіи ихъ практической дѣятельности.

А теперь разверните статьи Михайловскаго, относящіяся къ началу 70-хъ годовъ, и вы увидите, что онъ являлся именно выразителемъ и обоснователемъ историческихъ идеаловъ тогдашней интеллигенціи; но опять таки съ нѣкоторыми поправками и ограниченіями, указывающими на то, что лично онъ смотрѣлъ шире и дальше, хотя, подъ давленіемъ общаго энтузіазма прогрессивнаго авангарда, и не считалъ удобнымъ, что называется, бить всегда по забралу своихъ же единомышленниковъ, уже завязавшихъ на всемъ фронтѣ борьбу во имя интересовъ народа.

Въ виду того, что изъ лагеря русскихъ марксистовъ раздавались нѣсколько лѣтъ тому назадъ упреки по адресу Михайловскаго, какъ фантазера-идеалиста, не понимающаго значенія матеріальныхъ потребностей, я начну съ слѣдующей цитаты, въ которой мыслитель-публицистъ не только борется противъ близорукихъ идеалистовъ, но даетъ одновременно, можно сказать, философію и поэзію матеріальныхъ потребностей, дѣлая ихъ отправнымъ пунктомъ для крупнаго общественнаго переустройства. Итакъ, слушайте, читатель (дѣло идетъ о Ренанѣ и его русскомъ сумбурномъ комментаторѣ, Н. Страховѣ):

Ренанъ самъ не знаетъ, съ чѣмъ онъ борется. Въ числѣ атрибутовъ политическаго матеріализма онъ желаетъ видѣть стремленіе надѣлять всѣхъ и каждаго матеріальнымъ благосостояніемъ. Онъ полагаетъ, и г. Страховъ съ нимъ соглашается, что здѣсь играетъ главную роль *зависть*. Не говоря уже о томъ, что всѣ желающіе равномѣрнаго распредѣленія матеріальнаго благосостоянія желаютъ и равномѣрнаго распредѣленія духовныхъ благъ и наслажденій; не говоря о томъ, что странно называть завистью желаніе снабдить сосѣда тѣмъ, чего у него нѣтъ; не говоря обо всемъ этомъ, — развѣ желаніе надѣлить всѣхъ и каждаго матеріальнымъ благосостояніемъ не способно составить идеалъ, вызвать высокія чувства, великія мысли? Развѣ, наконецъ, мы не видимъ этого и въ дѣйствительности, хотя бы и въ слабомъ размѣрѣ? *).

Мало того, неоднократно Михайловскій развиваетъ и ту мысль, что извѣстная форма удовлетворенія матеріальныхъ потребностей, опредѣляющая общественное положеніе человѣка, его принадлежность къ той или другой соціальной группѣ, классу, сословію, отражается на его воззрѣніяхъ, его умѣ, его характерѣ. А вѣдь это, согласитесь сами, та самая идея, которую — съ каррикатурными нерѣдко преувеличеніями — развиваютъ сторонники экономическаго матеріализма. Опять таки, послушайте:

...Если для изслѣдователя есть хотя бы малѣйшая выгода въ существованіи того или другого факта, то пріемы естествознанія (замѣтьте, читатель, даже естествознанія, а что ужъ говорить объ общественныхъ наукахъ! Н. К.) всегда готовы къ его услугамъ. Нѣтъ даже надобности, чтобы выгода эта преслѣдовалась совершенно сознательно. Общественное положеніе человѣка всегда подсказываетъ ему рѣшеніе, выгодное если не прямо для него лично, то для той соціальной группы, которой онъ состоитъ членомъ **).

Или еще вотъ:

...Когда извѣстная доктрина, извѣстный строй мысли преломляются въ *общественной средѣ* извѣстнымъ образомъ, то это фактъ соціологическій... Возьмемъ, напр., Геккеля или Спенсера. Это ученѣйшіе люди, вдобавокъ люди, которые въ частностяхъ не прочь щегольнуть демократизмомъ. Но они отстаиваютъ презрѣнную и при томъ ошибочную соціальную доктрину, и ученость ихъ въ этомъ направленіи служитъ только ко вреду общества. Почему они это дѣлаютъ? Потому, что ихъ положеніе въ обществѣ и ихъ обычныя занятія не даютъ имъ нужнаго въ такомъ дѣлѣ нравственнаго чутья. Чѣмъ ученѣе они, тѣмъ хуже, разъ остальныя условія остаются нетронутыми ***).

Совѣтую также читателю просмотрѣть поистинѣ замѣчательную и по мысли, и по разнообразію содержанія, и по формѣ статью Михайловскаго, появившуюся въ февралѣ 1874 г. и заключающую въ себѣ, между прочимъ, соціальное объясненіе типовъ людей сороковыхъ годовъ и пришедшаго затѣмъ въ литературу разночинца ****).

---

*) Соч., т. I, стр. 731—732 (статья напечатана въ сентябрѣ 1872 г.).
**) Ibid., стр. 796 (изъ статьи, появившейся въ декабрѣ 1872 г.).
***) Ibid., стр. 805.
****) Т. II, особенно стр. 628—639 (нѣсколько раньше на стр. 617 авторъ

Вообще же можно сказать, что большинство текущихъ статей нашего публициста-гражданина въ этотъ періодъ посвящено самому жгучему вопросу тогдашней дѣйствительности, вопросу экономическому. Не разъ и не два, но постоянно, но придираясь къ каждому предлогу, но прибѣгая къ общественно-научной полемикѣ, къ беллетрической критикѣ, Михайловскій развиваетъ и положительно и отрицательно „идею труда“. Вооруженный этимъ критеріемъ, онъ безстрашно обнажаетъ противорѣчивый характеръ цивилизаціи, неустанно указываетъ на противоположность „націи“ и „народа“, богатства первой и нищеты второго, пронзая острой иглой критики гордо надутые пустотой пузыри грошоваго либерализма и стяжательнаго славянофильства, пѣвшихъ гимны „національному преуспѣянію отечества“. Неоднократно же онъ ставитъ въ различныхъ — одна другой рельефнѣе, одна другой ярче — формахъ проклятый вопросъ о возможности для Россіи сознательно выбирать между двумя путями прогресса, капиталистическимъ и народнымъ. Помните, читатель, хотя бы объясненіе безсилія тогдашней либеральной печати изъ самаго характера ея идеаловъ:

Колесо національнаго богатства только-что начинаетъ вертѣться въ Россіи и при томъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Во-первыхъ, огромная часть производительныхъ силъ страны находится въ рукахъ народа, т. е. трудящихся классовъ. Значитъ, для созданія національнаго богатства по программѣ отечественной журналистики надо отодрать громаду народа отъ земли и орудій производства. Во-вторыхъ, отодраніе это надо производить сознательно, потому что прислушиваемся же мы къ тому, что дѣлается и дѣлалось въ Европѣ; знаемъ же мы, что національное богатство есть нищета народа. Въ третьихъ, отодраніе это должно быть произведено въ пользу лицъ и интересовъ еще не существующихъ, а только имѣющихъ образоваться самымъ процессомъ отодранія. Сознательное, но безцѣльное преступленіе — вотъ что приходится дѣлать современной журналистикѣ при нынѣшнемъ ея направленіи. Что можетъ быть ужаснѣе такой задачи, такого положенія? И мудрено ли, что эти люди ходятъ и пишутъ, какъ тѣни, что грозный приговоръ потомства, подсказываемый имъ по временамъ совѣстью, связываетъ имъ языкъ и руки, отгоняетъ образы отъ воображенія, мысли отъ разума *).

Но интересно, что, если не прямо, то косвенно, а порою и довольно опредѣленно, Н. К. Михайловскій вводилъ уже въ это время элементъ „политики“ въ наше міровоззрѣніе, черезчуръ исключительно пропитанное вѣрой въ народную „экономику“,

---

говоритъ о коренной причинѣ перемѣны мнѣній людьми: „подобнаго коренного факта, коренной причины я всегда склоненъ искать въ соціальныхъ отношеніяхъ“. Я умышленно оставляю здѣсь въ сторонѣ научные этюды Михайловскаго въ родѣ „Что такое прогрессъ“, гдѣ настойчиво проводится мысль, что форма общественныхъ отношеній и, прежде всего, лежащая въ основѣ ихъ такая или иная форма коопераціи членовъ общества опредѣляютъ характеръ міровоззрѣнія данной эпохи. О Михайловскомъ, какъ о соціологѣ, надо говорить особо и вплотную.

*) Т. I, стр. 837 (изъ статьи отъ января 1873 г.).

естественная игра которой въ нѣдрахъ трудящихся массъ, благодаря—самое бóльшее — уясняющему или подталкивающему процессу съ нашей стороны, должна была, по нашему имѣнію, вывести Россію на путь западнаго народнаго производства. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, рисуя двѣ перспективы историческихъ возможностей, раскрывавшихся въ то время передъ Россіей, авторъ говоритъ о „преніяхъ“, о борьбѣ между „двумя діаметрально противоположными политическими программами“ *). Въ другомъ мѣстѣ онъ ставитъ передъ „публицистами“, т. е., значитъ, вообще передъ людьми, желающими сознательно участвовать въ исторической жизни страны, требованіе цѣлесообразно организованной дѣятельности въ пользу народа, дѣятельности, которая не ограничивается одной вѣрой въ народную экономику, но пытается создать благопріятное послѣдней теченіе въ сферѣ государственной политики:

...Представимъ себѣ, что публицисты наши завтра измѣнятъ свою точку зрѣнія и объявятъ себя служителями непосредственно народа, только народа. Представимъ себѣ, что они не только не провоцируютъ учрежденія акціонерныхъ компаній, развитія отечественной промышленности, кредита и пр., но постоянно обращаютъ вниманіе общества на оборотную сторону этихъ явленій. Представимъ себѣ далѣе, что публицисты вырабатываютъ широкую систему спеціально-народнаго кредита; что вмѣсто всевозможныхъ субсидій, гарантій и привилегій частнымъ предпринимателямъ и обществамъ они требуютъ государственной помощи для сохраненія въ народѣ имѣющихся уже у него орудій производства и пріобрѣтенія новыхъ; что нормальнымъ сочетаніемъ экономическихъ силъ они признаютъ не акціонерныя компаніи, а производительныя артели; что успѣховъ земледѣлія они не отдѣляютъ отъ условій благопріятнаго положенія земледѣльца, свободы труда—отъ самостоятельности рабочаго и проч., и проч. Что будетъ, если всѣ эти домогательства публицистовъ осуществятся или приблизятся къ осуществленію? **).

Авторъ отвѣчаетъ въ томъ смыслѣ, что тогда, молъ, будутъ развиваться и производство, и потребленіе, но не въ ущербъ, а благодаря благосостоянію народа. И, однако, въ данномъ случаѣ интересенъ не самъ этотъ отвѣтъ, а тотъ фактъ, что публицистъ-гражданинъ видѣлъ въ „государственной помощи“, въ организованной дѣятельности на пользу народа надлежащій путь для осуществленія народныхъ идеаловъ въ то время, какъ мы во имя этихъ идеаловъ были, если можно такъ выразиться, рѣшительными „аполитиками“. Я не хочу, впрочемъ, перелицовывать Михайловскаго начала 70-хъ годовъ въ прямолинейнаго выразителя взглядовъ, къ которымъ лучшая часть русской интеллигенціи придетъ лишь въ самомъ концѣ десятилѣтія. Онъ былъ бы не человѣкомъ, а ангеломъ или звѣремъ, — простите подвернувшееся мнѣ подъ перо выраженіе Паскаля,—если бы не раздѣлялъ тогда хотя отчасти нашихъ молодыхъ народническихъ иллюзій. Наобо-

*) Т. I, стр. 807 (статья отъ декабря 1872 г.).
**) Ibid., стр. 834 (январь 1873 г.).

ротъ, оцѣнивая съ точки зрѣнія „идеи труда“ различныя драгоцѣнныя вещи въ родѣ науки, свободы, Михайловскій, подобно всѣмъ намъ, опасался, какъ бы достиженіе этихъ благъ цивилизаціи лишь привилегированными классами и даже пропитанной любовью къ народу интеллигенціей не усилило классового характера цивилизаціи, не увеличило разстоянія между нами и трудящимися массами, не легло лишнимъ гнетомъ на плечи мужика. Яркая фраза „пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же“,—фраза, которою въ началѣ 80-хъ годовъ Михайловскій характеризуетъ крайнее настроеніе интеллигенціи 70-хъ годовъ и надъ которой начнутъ точить зубы разные пошляки,—эта фраза въ той или иной формѣ являлась однимъ изъ опредѣляющихъ элементовъ нашей дѣятельности въ то, казалось бы, и недавнее, и далекое время. Но у самого истолкователя нашихъ думъ и стремленій колючесть этой фразы, жгучесть этого жертвеннаго настроенія завертывалась въ ограниченія, условія и смягченія, которыя рѣшительно дѣлаютъ честь политическому чутью писавшаго. Я позволю себѣ процитировать одно изъ наиболѣе характерныхъ мѣстъ его полемики противъ Достоевскаго по поводу „Бѣсовъ“ и „Дневника писателя“:

...Мы поняли, что сознаніе общечеловѣческой правды и общечеловѣческихъ идеаловъ далось намъ только благодаря вѣковымъ страданіямъ народа. Мы не виноваты въ этихъ страданіяхъ, не виноваты и въ томъ, что воспитались на ихъ счетъ, какъ не виноватъ яркій и ароматный цвѣтокъ въ томъ, что онъ поглощаетъ лучшіе соки растенія. Но, принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго, какъ нѣчто фатальное, мы не хотимъ ея въ будущемъ... Мы пришли къ мысли, что мы—должники народа. Можетъ быть, такого параграфа и нѣтъ въ народной правдѣ, даже навѣрное нѣтъ, но мы его ставимъ во главу угла нашей жизни и дѣятельности, хоть, можетъ быть, не всегда сознательно. Мы можемъ спорить о размѣрахъ долга, о способахъ его погашенія, но долгъ лежитъ на нашей совѣсти, и мы его отдать желаемъ. Вы смѣетесь надъ нелѣпымъ Шигалевымъ и несчастнымъ Виргинскимъ за ихъ мысли о предпочтительности соціальныхъ реформъ передъ политическими. Это характерная для насъ мысль, и знаете ли, что она значитъ? Для „общечеловѣка“, для citoyen'а, для человѣка, вкусившаго плодовъ общечеловѣческаго древа познанія добра и зла, не можетъ быть ничего соблазнительнѣе свободы политической, свободы совѣсти, слова устнаго и печатнаго, свободы обмѣна мыслей (политическихъ сходокъ) и проч. И мы желаемъ этого, конечно. Но если всѣ связанныя съ этою свободой права должны только протянуть для насъ роль яркаго и ароматнаго цвѣтка, — мы не хотимъ этихъ правъ и этой свободы! Да будутъ они прокляты, если они не только не дадутъ намъ возможности разсчитаться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ! А, г. Достоевскій, вы сами citoyen, вы знаете, что свобода вещь хорошая, очень хорошая, что соблазнительно даже мечтать объ ней, соблазнительно желать ея во что бы то ни стало для нея самой и для себя самого. Вы, значитъ, знаете, что гнать отъ себя эти мечты, воздерживаться отъ прямыхъ и, слѣдовательно, болѣе или менѣе легкихъ шаговъ къ ней—есть нѣкоторый подвигъ искупительнаго страданія... *).

Итакъ, наше презрѣніе къ общественной „политикѣ“ во имя

*) Т. I, стр. 868—869 (статья отъ февраля 1873 г.).

народной „экономики“ смягчается у Н. К. Михайловскаго всякій разъ ограниченіемъ, выясненіемъ задачъ момента, вздохомъ искренняго сожалѣнія. Станетъ ли онъ опредѣлять условія, способствующія у насъ развитію стремленій къ рѣшенію „соціальнаго вопроса“, и въ числѣ ихъ онъ не забудетъ указать на то обстоятельство, что

широкая и заманчивая область собственно политическихъ, конституціонныхъ вопросовъ, поглощающая столько литературныхъ силъ въ Европѣ, для насъ заперта на замокъ, ключъ отъ котораго заброшенъ чуть не за тридевять земель, въ тридесятое царство *).

Придется ли ему констатировать, что

самая видная сторона нынѣшней общественной жизни есть несомнѣнно экономическая. Сюда устремлены всѣ помышленія и аппетиты. Поэтому отношеніе литературы къ экономическимъ вопросамъ уже опредѣляетъ до извѣстной степени общую физіономію литературы **),

онъ тутъ же ставитъ зависимость преобладающей „струны“ въ литературѣ „отъ разныхъ обстоятельствъ, опредѣляемыхъ самой жизнью“, и не исключаетъ изъ своего разсужденія той гипотезы, что

такою струною въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ могутъ стать политическіе вопросы ***).

Противопоставитъ ли онъ, по поводу извѣстной иронической параллели Успенскаго (въ „Больной совѣсти“) между западомъ и Россіей, наши „зародышевыя“, безсознательныя добродѣтели яркимъ общественнымъ проявленіямъ добра и зла въ Европѣ, нашу бюрократическую цензуру плутократической европейской, нашего солдатика Кудиныча, который машинально перебилъ на своемъ вѣку много народу, лично очень ему симпатичнаго, версальскому судьѣ, который сознательно пригибаетъ право, чтобы раздавить своего общественнаго врага, коммунара, — и это противопоставленіе нисколько не мѣшаетъ ясной логикѣ и общественному чутью публициста-гражданина вскрыть недоразумѣніе и предостеречь читателя противъ идеализаціи домашнихъ незлобивыхъ, но и невѣжественныхъ потомокъ:

Дѣло въ томъ, что и Прудонъ, и Вильмесанъ, и фигурирующіе въ „Запискахъ“ Успенскаго версальскій неправедный судія и свирѣпый берлинскій побѣдитель,—всѣ эти люди живутъ по совѣсти и шибко живутъ: каково бы ни было дѣло, которому они отдались, но они ему отдались цѣликомъ, совѣстью не болѣютъ, ненавидятъ сильно и сильно любятъ, смѣло заявляютъ, чего они хотятъ, и дѣлаютъ только то, во что вѣрятъ, что хотятъ дѣлать. Въ Европѣ дѣйствуютъ и величіе и подлость, и скромность и наглость, и само-

*) Ibid., стр. 753 (октябрь 1872 г.).
**) Ibid., стр. 838 (январь 1873 г.),
***) Ibid., нѣсколько выше.

отверженіе и эгоизмъ, и продажность и неподкупность, но каждый шагъ тамъ во всякомъ случаѣ сознателенъ. А у насъ?.. Хорошо, конечно, что Кудинычъ добрый, и не хорошо, что версальскій несправедливый судья—злой. Но хорошо ли, что Кудинычъ перебилъ ни въ чемъ неповиннаго, съ его, Кудиныча, точки зрѣнія, черкеса? И такъ ли ужъ дурно то, что версальскій судія бьетъ коммунара, который есть въ его глазахъ дикій звѣрь и врагъ человѣческаго рода? Вообще, что лучше, или пожалуй, что хуже,—врага-ли человѣческаго рода бить, или чудеснѣйшаго человѣка, какого другого не сыщешь? *).

Вдумайтесь въ эти разсужденія, въ эту полушутливую, полутрагическую дилемму, и вы подивитесь той смѣлости, съ какою Михайловскій сводилъ на очную ставку западную классовую цивилизацію и нашу зародышевую, и чуть-чуть не отдавалъ преимущества первой, отдавалъ, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ свѣта, опредѣленности и познанія добра и зла, въ то самое время, какъ большинство изъ насъ, въ пику буржуазности запада, черезчуръ подслащивало и подкрашивало соціальную сторону народныхъ русскихъ инстинктовъ.

Но особенно въ срединѣ 70-хъ годовъ Н. К. Михайловскій сослужилъ замѣчательную службу общественному движенію, взявъ надлежащую среднюю ноту между двумя враждебными теченіями, выработавшимися среди народничества. Собственно говоря, эти два теченія существовали и въ періодъ первоначальнаго молодого энтузіазма, направленнаго въ сторону народа; но на этомъ идейномъ пиру ихъ разница не особенно замѣчалась и по большей части могла объясняться различіемъ въ темпераментахъ. А когда за пиромъ наступило похмѣлье, пора подведенія итоговъ, подсчитыванія успѣховъ и неудачъ, — словомъ, критическій періодъ, слѣдующій, какъ полагается по штату, за органическимъ,— о, тогда большія или меньшія различія въ тактикѣ и самая психологія темпераментовъ вылились въ два особыя міровоззрѣнія, объединенныя между собою лишь не изсякавшею струею любви къ народу. Одна часть активной интеллигенціи дѣйствовала во имя „интересовъ“ народа, но къ значительной части его „мнѣній“ *)—можетъ быть, за исключеніемъ нѣкоторыхъ экономическихъ традицій, какъ-то общины, артели и т. п.—относилась отрицательно. Она старалась распространять свои, основанные на „знаніи“, идеалы среди трудящихся массъ и постепенно замѣнить ими мнѣнія этой среды. Катясь по наклонной плоскости постепеновскаго распространенія этихъ идеаловъ, она скоро изъ группы общественныхъ дѣятелей превратилась въ группу, такъ сказать, соціальныхъ педагоговъ; перестала удовлетворять жаждѣ дѣятельности наиболѣе живыхъ сторонниковъ, оскудѣла, изсякла

*). Т. I, стр. 895—897, passim (мартъ 1873 г.).

*) Терминологія эпохи, слѣдъ которой остался въ тоглашней печати, и которая встрѣчается и въ сочиненіяхъ Михайловскаго.

и выродилась въ неподвижное доктринерство, съ которымъ долженъ былъ, наконецъ, порвать какъ разъ одинъ изъ главнѣйшихъ иниціаторовъ этого направленія.

Другая часть активной интеллигенціи ставила своей программой дѣятельность не только во имя „интересовъ“, но и во имя „мнѣній“ народа, беря и тѣ, и другія исходной точкой своего участія въ общественномъ прогрессѣ. Но такъ какъ значительная доля мнѣній, воззрѣній, стремленій народа поражала ее своею неосмысленностью, а порою чудовищностью, то эта горячая и нетерпѣливая интеллигенція принуждена была, для поддержанія своего энтузіазма къ народу въ его цѣломъ, усиленно предаваться процессу идеализаціи народнаго міровоззрѣнія, стараясь, насколько возможно, приблизить его по содержанію и по цвѣту къ своимъ сознательнымъ идеаламъ. Не умышленно, конечно, производилась эта операція растягиванія, расширенія или, наоборотъ, обрубанія и вообще подкрашиванія. Но въ результатѣ пылкая интеллигенція добилась таки совпаденія — въ своей, разумѣется, горячей головѣ и нетерпѣливомъ сердцѣ — своихъ собственныхъ идеаловъ съ мнѣніями народа, и не только въ сферѣ экономической, но и въ сферахъ философской, общественной и т. п. И чего-чего только мы не идеализировали въ то время: деревенскіе сходы, на которыхъ, молъ, нѣтъ ни подавляющаго большинства, ни подавляемаго меньшинства, а царитъ трогательное единодушіе, до котораго, какъ до звѣзды небесной, далеко всякимъ буржуазнымъ парламентаризмамъ; вольные казацкіе круги, которые въ нашемъ воображеніи охватывали истинно-демократическіе принципы прошедшаго, настоящаго и будущаго и затыкали за поясъ даже „анархію“ Прудона; русскій расколъ, приверженцевъ котораго мы цѣликомъ перекрашивали въ нашихъ братьевъ по раціонализму и свободной критикѣ, насчитывая 13 милліоновъ — такъ и говорилось: три-на-дцать милліоновъ!— независимыхъ мыслителей; „трудовое начало“, которое, молъ, проникаетъ всю психологію народа. Словомъ, всѣ явленія народной жизни были для насъ предметомъ упоительной фантасмагоріи, заволакивавшей своимъ радужнымъ туманомъ различія между нашими идеалами и народными идолами. Для насъ народъ былъ настоящимъ геніемъ по части соціальнаго творчества; а извѣстно, что

Геній, не учась,
Ученъ, коль придетъ въ восхищенье!..

Не учить, значитъ, должны мы были народъ, а приводить его въ состояніе „восхищенія“, за которымъ должно было естественно послѣдовать и дѣйствіе. И тутъ былъ единственный пунктъ, гдѣ грубая и жесткая дѣйствительность разрывала нашу золотую фантасмагорію и заставляла насъ дѣлать уступки реальному міру. Народъ не приходилъ въ состояніе восхищенія: ему

недоставало, — думали мы,—для этого именно лишь иниціативы, „активности“. Мы должны были, значитъ, развить въ немъ это чувство активности, помогая ему постоянно „упражняться“ въ немъ, создавая предлоги для такого упражненія и вызывая въ немъ сознаніе постоянно ростущей собственной силы. И мы торжественно ссылались на такую-то страницу сочиненій Спенсера, страницу, на которой находили слѣдующую не особенно мудреную мысль: „мускулъ отъ упражненія дѣлается сильнѣе, и въ мышечномъ ощущеніи элементъ усталости играетъ все меньшую и меньшую роль“, или что-то въ родѣ этого. Народъ, привыкшій упражнять свою психологію по Спенсеру, сдѣлается, наконецъ, активнымъ дѣятелемъ прогресса и разомъ, однимъ могучимъ напоромъ на несправедливый строй, осуществитъ то „обобществленіе труда“, которое на западѣ будетъ вызвано лишь діалектическимъ процессомъ капитализма,—и опять цитата изъ заграничной книги, на сей разъ „Капитала“ Маркса...

Пусть читатель не подумаетъ, что я умышленно занимаюсь каррикатурами на прошлое и предаюсь осмѣянію такъ называемыхъ „увлеченій молодости“. Во-первыхъ, съ этимъ прошлымъ я связанъ кровными узами глубокой и непоколебимой вѣры въ торжество общечеловѣческой солидарности, и сомнѣнію для меня могутъ подлежать лишь пріемы, лишь тактика дѣятельности, ведущей къ этому торжеству. Во-вторыхъ, не злорадный смѣхъ вызываютъ во мнѣ эти „увлеченія“, а — немножко стыдно признаться — неудержимо набѣгающія слезы идейнаго энтузіазма, когда я вспоминаю, какое мужественное сердце билось въ юношеской, почти дѣтской груди моихъ сверстниковъ. Какъ бы то ни было, наши „ученыя“ цитаты въ спорахъ о программѣ были, можно сказать, единственною умственною роскошью, которую мы позволяли себѣ въ дѣятельности во имя „интересовъ“ и „мнѣній“ народа. Въ пику группѣ, названной мною соціальными педагогами, мы очень недовѣрчиво относились къ „наукѣ“ и главную роль въ общественномъ прогрессѣ приписывали не „уму“, а „чувству“ активности. Педантичное и бездаланное эхо этого настроенія,—этой—какъ бы сказать?—соціологической вѣры, читатель можетъ найти въ тогдашнихъ статьяхъ (въ „Недѣлѣ“) Юзова-Каблица, который, благодаря своему преклонному — какъ казалось намъ тогда—возрасту (ему было, кажется, въ то время лѣтъ около 35) и терпѣливому, чисто начетчицкому корпѣнію надъ русскими переводами Спенсера, Милля, Бэна, а также трудолюбивому выписыванію цитатъ изъ отечественныхъ сочиненій по расколу, народнымъ движеніемъ и т. п., игралъ среди насъ роль авторитетнаго старшаго брата, совѣтника, руководителя, а главное, печатнаго выразителя нашихъ воззрѣній.

И вотъ между этими-то двумя группами передовой интеллигенціи — сторонниками пропаганды знаній и развивателями чув-

ства активности—и сталъ во второй половинѣ 70-хъ годовъ Михайловскій, сталъ, вооруженный настоящею „наукою" и въ то же время понимающій общественное значеніе „чувства", и попытался примирить односторонности обоихъ направленій, призывая обѣ группы къ болѣе трезвому истолкованію тогдашнихъ задачъ. Въ какой степени была важна эта полоса литературной дѣятельности Михайловскаго, видно изъ самой судьбы, постигшей не малую долю приверженцевъ того и другого прогрессивнаго міровоззрѣнія. Большинство руководителей первой группы—за исключеніемъ наиболѣе сильнаго теоретика ея—превратилось въ скоромъ времени въ самыхъ заурядныхъ небокоптителей и въ погонѣ за общественнымъ положеніемъ и „жирными кусками" побросали свой прежній умственный и нравственный багажъ. Да и въ средѣ сторонниковъ „активности" неудачи въ области упражненія чувства вызывали порою очень сильное разочарованіе, особенно у слабыхъ душой. Я помню, какъ, послѣ одной такой очень ужъ наглядной и обидной неудачи, одинъ изъ наиболѣе пылкихъ партизановъ „чувства"—изящная, артистическая, но кисельная натура—изобразилъ свое настроеніе въ красивомъ, но крайне уныломъ и по существу фальшивомъ стихотвореніи:

Были дни у насъ шумные, бурные,
Звуки чудные всюду неслись,—
Колыхаясь, знамена мишурныя
Надъ ребячьей толпою взвились...
И иного не слышалось голоса,
И другихъ не кричалося словъ:
„Въ Днѣпръ Перуна, Стрибога и Волоса,
Въ воду старыхъ отжившихъ боговъ!..
. . . .
Но на мѣсто разбитаго идола
Не пришелъ воскрешающій Богъ...

Съ другой стороны, я попрошу читателя припомнить, что тотъ самый Юзовъ-Каблицъ, который во второй половинѣ 70-хъ годовъ вырабатывалъ свое мозаичное, но очень бунтарское соціологическое міровоззрѣніе, скоро передвинулся съ своей идеализаціей народа такъ далеко вправо, что въ 80-хъ годахъ, самъ того не замѣчая, очутился среди народничествующей демагогіи. Вотъ какіе подводные камни лежали, и не особенно глубоко, въ руслѣ того теченія, которое сливало въ одно „интересы" и „мнѣнія" народа, и во имя яко бы безошибочнаго соціальнаго инстинкта, во имя „упражненія чувства", пренебрегало „умомъ" и „критическою мыслію".

Въ русской печати едва-ли не первымъ явственнымъ выраженіемъ идеализаціи народа, выраженіемъ, которое было бы несправедливо смѣшивать съ простымъ славянофильствомъ,—явилась въ то время „Недѣля" и именно въ статьяхъ П. Ч. во второй половинѣ 1875 г. Самъ П. Ч.,—тогда, если не ошибаюсь, очень

почтенный земецъ изъ молодыхъ, — былъ чуждъ воинственныхъ элементовъ міровоззрѣнія той интеллигенціи, которая шла въ сторону упражненія чувства и уже стала вырабатывать въ эту пору соотвѣтствующую доктрину. Но съ П. Ч. упомянутую интеллигенцію сближали принятіе къ свѣдѣнію и исполненію не только интересовъ, но и мнѣній народа и рѣшительное предпочтеніе деревни городу. И, однако, именно противъ этой огульной идеализаціи, горѣвшей яркимъ пламенемъ въ душѣ наиболѣе передовой интеллигенціи того времени, не побоялся вовстать Михайловскій, обращаясь черезъ голову П. Ч. къ молодой, энергичной и страстной, но увлеченной на скользкій путь аудиторіи. Вспомните горячія строки, съ которыми къ намъ обращался публицистъ-гражданинъ и которыя въ извѣстной части авангарда движенія вызывали временно не только разочарованіе въ любимомъ писателѣ, но прямой гнѣвъ, чуть не идейную ненависть къ предостерегавшему:

Можетъ быть, г. П. Ч., основательно изучивъ „русскую жизнь со всѣми ея бытовыми особенностями", убѣдился, что она не выражаетъ ничего иного, какъ принципъ солидарности и нравственной связи? Въ такомъ случаѣ ему жить просто, и я ему глубоко завидую, какъ вообще ученымъ людямъ. Я — профанъ и тутъ. У меня на столѣ стоитъ бюстъ Бѣлинскаго, который мнѣ очень дорогъ, вотъ шкафъ съ книгами, за которыми я провелъ много ночей. Если въ мою комнату вломится русская жизнь со всѣми ея бытовыми особенностями и разобьетъ бюстъ Бѣлинскаго и сожжетъ мои книги, я не покорюсь и людямъ деревни; я буду драться, если у меня, разумѣется, не будутъ связаны руки. И если бы даже меня осѣнилъ духъ величайшей кротости и самоотверженія, я все таки сказалъ бы, по малой мѣрѣ: прости имъ Боже истины и справедливости, они не знаютъ, что творятъ! Я всетаки, значитъ, протестовалъ бы. Я и самъ сумѣю разбить бюстъ Бѣлинскаго и сжечь книги, если когда-нибудь дойду до мысли, что ихъ надо бить и жечь, но, пока они мнѣ дороги, я ни для кого ими не поступлюсь. И не только не поступлюсь, а всю душу свою положу на то, чтобы дорогое для меня стало и другимъ дорого, вопреки, если случится, ихъ бытовымъ особенностямъ *).

Припомните также ту многозначительную программу, которую Михайловскій противопоставлялъ нашему крайнему народничеству:

Безспорно, что у мужика есть чему поучиться, но есть и намъ что ему передать. И только изъ взаимодѣйствія его и нашего и можетъ возникнуть вожделѣнный новый періодъ русской исторіи. Голосъ деревни слишкомъ часто противорѣчитъ ея собственнымъ интересамъ, и задача состоитъ въ томъ, чтобы искренно и честно, признавъ интересы народа своею цѣлью, сохранить въ деревнѣ, какъ она есть, только то, что дѣйствительно этимъ интересамъ соотвѣтствуетъ. Дѣло идетъ объ обмѣнѣ между нами и народомъ, обмѣнѣ честномъ, безъ шулерства и заднихъ мыслей, въ результатѣ котораго получается равенство обмѣненныхъ цѣнностей. О, если-бы я могъ утонуть, расплыться въ этой сѣрой, грубой массѣ народа, утонуть безповоротно, но сохранивъ тотъ свѣточъ истины и идеала, какой мнѣ удалось добыть насчетъ того же

*) Т. III, стр. 692 („Записки профана". декабрь, 1875 г.).

народа! О, если бы и вы всѣ, читатели, пришли къ такому же рѣшенію, особенно у кого свѣточъ горитъ ярче моего и вообще свѣтло и безъ копоти.. Какая бы это вышла иллюминація и какой великій историческій праздникъ она отмѣтила бы собою! Нѣтъ равнаго ему въ исторіи *)...

Минуя рядъ статей, въ которыхъ въ теченіе цѣлаго 1876 г. Михайловскій боролся съ идеализаціей деревни и „провинціи", нравственнаго элемента и соціальнаго „чувства", доставшагося якобы на долю чуть не одного только мужика, я перехожу къ той группѣ статей 1877—1878 гг., которая была направлена противъ односторонности міровоззрѣнія, основаннаго исключительно на упражненіи активности и которая возбудила опять таки рѣзкое неудовольствіе, какъ среди крайнихъ выразителей этого теченія, такъ и среди умиравшей уже фракціи соціальныхъ педагоговъ, — тамъ и здѣсь по совершенно противоположнымъ, конечно, причинамъ. Скромное и слегка маниловствующее „чувство" П. Ч. превратилось въ бунтарское „чувство" Юзова и противопоставило себя „уму" не только какъ тактическій пріемъ, но и какъ исключительный источникъ общественнаго міровоззрѣнія. И вотъ, когда Михайловскій рѣшилъ поднять противъ этой односторонности знамя цѣльнаго двуединаго человѣка, вооруженнаго нравственнымъ стремленіемъ къ добру, но и критической оцѣнкой этого добра, съ крайнихъ крыльевъ передовой интеллигенціи на него посыпались упреки противоположнаго характера: сторонники активности негодовали за то, что онъ недостаточно сокрушилъ „умъ" во славу „чувства"; соціальные педагоги укоряли, наоборотъ, мыслителя за то, что онъ призналъ правомѣрность чувства на ряду съ умомъ.

Я разумѣю, во-первыхъ, его страстно читавшіяся „Письма о правдѣ и неправдѣ", гдѣ онъ призывалъ насъ къ одновременному служенію правдѣ-истинѣ и правдѣ-справедливости, и гдѣ онъ выставилъ верховнымъ критеріемъ идейной жизни и дѣятельности очень важный для того историческаго момента принципъ „личности". Помните его очень смѣлыя по тому времени строки, въ которыхъ онъ, вмѣсто того, чтобы строить себѣ народническаго идола изъ общины,—а вѣдь его въ 90-хъ годахъ упрекали въ этомъ марксисты, вылупившіеся изъ запамятовавшихъ народниковъ,—вмѣсто того, говорю я, чтобы растекаться вмѣстѣ съ нами въ безусловномъ умиленіи передъ общиной, онъ развивалъ слѣдующую мысль:

Сторонники общины, по крайней мѣрѣ благоразумные, не дѣлали себѣ, однако, изъ нея фетиша, передъ которымъ надо лбы разбивать. Они не говорили, что община дорога, потому что она—община. Они видѣли въ ней лишь надежное убѣжище для крестьянской личности отъ грядущихъ бѣдъ капиталистическаго порядка. Правда была на ихъ сторонѣ, потому что съ

*) Т. III, стр. 707.

распущеніемъ общины, если не явится какой нибудь противовѣсъ со стороны, у насъ долженъ повториться процессъ европейскаго экономическаго развитія *).

Но въ особенности я обращу вниманіе читателя на полемику Н. К. Михайловскаго противъ уже упомянутыхъ крайностей направленія сторонниковъ активности и въ частности противъ статей Юзова „Умъ и чувство, какъ факторы прогресса" и т. п. Теперь весь этотъ споръ можетъ показаться академическимъ; но тогда Юзовъ выговаривалъ суконнымъ языкомъ лишь то, что кипѣло и бурлило въ нашемъ молодомъ сердцѣ, во имя чего мы хотѣли жить и ради чего готовы были сложить голову. Какое намъ дѣло было до того, что нашъ адвокатъ не блисталъ талантомъ и завертывалъ въ безконечныя, до комичности точныя цитаты наше міровоззрѣніе, разъ онъ провозглашалъ главный членъ нашего тогдашняго символа вѣры, неизмѣримое преимущество „дѣла" и „примѣра" надъ „словами" и „книжкой"! „Не распространеніе идей о независимости, а только поступки, внушаемые чувствомъ независимости, развиваютъ и усиливаютъ это чувство"— выговаривалъ суконный языкъ Юзова; и мы готовы были прижать къ сердцу нашего истолкователя, который проводитъ въ печати наше практическое міровоззрѣніе. Можете себѣ представить, какимъ негодованіемъ пылали наши сердца на любимаго—да, всетаки на любимаго писателя (о, тайна юношескаго энтузіазма, сотканнаго изъ противорѣчій!), на писателя, говорю я, который обливалъ насъ ушатомъ холодной воды и обидно-презрительно отзывался объ упражненіяхъ Юзова, стараясь въ то же время присоединить къ нашимъ парусамъ „чувства" и необходимый грузъ „ума":

Читатель можетъ сказать, что статья „Умъ и чувство, какъ факторы прогресса" совсѣмъ не требовала столь длиннаго объ ней разговора. Это отчасти—правда, но только отчасти. Не въ самой статьѣ тутъ дѣло, а въ читателяхъ, въ тѣхъ особенностяхъ нашего темперамента, о которыхъ рѣчь шла выше. Если авторъ перегибаетъ лукъ въ извѣстную сторону, то читатели, при извѣстныхъ условіяхъ, перегибаютъ его еще сильнѣе. Хорошій поступокъ прекрасенъ и желателенъ, хорошее чувство тоже прекрасно и желательно, но предавать изъ-за этого всесожженію мысль, знаніе, логику, „голову", „книжку"—отнюдь не приходится. Это совсѣмъ не такіе предметы, которые не могутъ ужиться рядомъ. Тяжба между умомъ и чувствомъ безобразна и не имѣетъ рѣшительно никакого raison d'être **).

Я лишь мимоходомъ упомяну, что конецъ этой статьи былъ посвященъ защитѣ Иванова (Успенскаго), который усмотрѣлъ изъяны въ нашемъ идолѣ-мужикѣ, при чемъ Н. К. Михайловскій доказывалъ, что тутъ дѣло не въ самомъ „мужикѣ", а въ „пагубныхъ условіяхъ"... Это я къ слову и въ назиданіе читателямъ,

*) Т. IV, стр, 452 (январь 1878 г.).
**) Т. IV, стр. 545—546 (апрѣль 1878 г.).

которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ могли присутствовать п перелицовываніи нашего автора противниками въ типичнаго якобы народника.

И снова, скрипя и лязгая, развертывается желѣзная цѣпь исторической необходимости. И новыя звенья ея проходятъ передъ глазами, приковывая вниманіе и сердце участниковъ въ русскомъ прогрессѣ. На рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ, въ это и трагически-печальное, и хорошее время, все общество какъ будто просыпается, и было отчего: герцеговинское возстаніе, а затѣмъ освободительная война, стоившая столькихъ жертвъ, приведенная къ болѣе или менѣе благополучному концу лишь цѣною очень значительныхъ усилій и оставившая по себѣ глубокое недовольство въ обществѣ; безстыдная эпопея хищенія, продѣланная нашими рыцарями первоначальнаго накопленія и тепличнаго производства, такъ сказать, въ самомъ пылу борьбы, по пятамъ, а то и внутри арміи, служившей экспериментомъ для грандіозныхъ продѣлокъ подрядчиковъ, поставщиковъ, интендантовъ, желѣзнодорожниковъ; явные признаки истощенія платежныхъ силъ народа, въ особенности въ связи съ введеніемъ новыхъ, вызванныхъ войною налоговъ; рядъ политическихъ процессовъ,—все это создавало нервную, насыщенную электричествомъ атмосферу, въ которой барометръ общественной жизни, отражая вліяніе надвигавшихся и удалявшихся грозъ, неистово прыгалъ, то внизъ, то вверхъ, и разные авгуры въ бюрократіи, обществѣ и печати старались тщетно предугадать завтрашнюю погоду...

Всѣхъ чутче отражала на себѣ, по обыкновенію, задачи современности передовая интеллигенція, которая принуждена была подъ давленіемъ обстоятельствъ значительно видоизмѣнить и расширить свое міровоззрѣніе. Ея идеализація народа сильно поколебалась. Присматриваясь къ деревенской дѣйствительности, она видѣла, что усердно насаждавшійся послѣ крестьянской реформы капитализмъ уже дѣлалъ свое дѣло. Перелистывая наивныя и горячія статьи этой эпохи, читатель встрѣтитъ въ иныхъ изъ нихъ довольно интересную амальгаму народничества и марксизма, — констатированіе разложенія общины и одновременное приглашеніе бороться „противъ капитализма“ во имя интересовъ народа, опираясь отчасти и на зарождающагося пролетарія. Такова одна изъ статей исчезнувшаго съ тѣхъ поръ изъ литературы сотрудника „Дѣла“, Н. Русанова, писавшаго „противъ экономическаго оптимизма“ г. В. В. и обронившаго фразу насчетъ того, что если не всякой общинѣ, то русской придется, вѣроятно, „пойти на выучку къ капитализму“, — фразу, которая 15 лѣтъ спустя подхвачена марксистами и выставлена уже чуть не какъ лозунгъ партійной дѣятельности.

Съ другой стороны, наиболѣе активная часть интеллигенціи,

сознательно обрекавшая себя въ теченіе 70-хъ годовъ на жертву народной „экономики", не могла, наконецъ, не убѣдиться, что даже во имя этой экономики она должна была внести въ свою программу и одновременное преслѣдованіе задачъ гражданственности или, выражаясь возвышенно, „политики", какъ общественныхъ условій или какъ общей арены, въ широкихъ барьерахъ которой могли бы заявлять о своей правомѣрности не только земельные идеалы народа, но и всяческія проявленія народной души, энергіи, чувства, народной воли... Въ самомъ дѣлѣ, мы всѣ готовы были и въ эту пору раствориться въ народѣ съ „свѣточемъ истины и идеала" въ рукахъ; но что было дѣлать, когда бури и ливни гасили этотъ свѣточъ. Поневолѣ вопросъ становился не только народнымъ, а и общественнымъ, можно сказать, общечеловѣческимъ вопросомъ русскихъ людей. Центръ тяжести переносился изъ деревни въ городъ; и авангарду интеллигенціи приходилось брать на себя не только роль искренняго защитника народа, но и ускорителя, упредителя естественнаго развитія русской цивилизаціи. Снова, со времени отмѣны крѣпостного права, передъ всѣми хорошими русскими людьми ставился общенародный великій вопросъ, на почвѣ котораго могли въ данный моментъ сойтись люди различныхъ направленій, за исключеніемъ, конечно, прямыхъ наслѣдниковъ крѣпостническаго міровоззрѣнія. И въ первыхъ рядахъ новой освободительной арміи естественно должна была очутиться та часть интеллигенціи, которая всегда отличалась способностью приносить историческія жертвы и которая цѣлое десятилѣтіе подавляла свои естественныя стремленія къ широкой гражданственности во имя сѣраго, трудомъ и лишеніями жившаго, но кровно дорогого ей народа... Какимъ блестящимъ выраженіемъ и объясненіемъ перелома въ нашемъ міровоззрѣніи были огнемъ писанныя въ то время статьи Н К. Михайловскаго! Перечитайте хоть нѣкоторые отрывки ихъ: неизмѣримо лучше, чѣмъ могу это сдѣлать я, они передаютъ и обосновываютъ новую историческую программу, выводя ее изъ недостатковъ прошлой:

Скептически настроенные по отношенію къ принципу свободы, мы готовы были не домогаться никакихъ правъ для себя...„Пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же" — вотъ какъ, примѣрно, можно выразить это настроеніе въ его крайнемъ проявленіи. И все это ради одной возможности, въ которую мы всю душу клали; именно возможности непосредственнаго перехода къ лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадію европейскаго развитія, стадію буржуазнаго государства. Мы вѣрили, что Россія можетъ проложить себѣ новый историческій путь... Предполагалось, что нѣкоторые элементы наличныхъ порядковъ, сильные либо властью, либо своею многочисленностью, возьмутъ на себя починъ проложенія этого пути. Это была возможность. Теоретическою возможностью она остается въ нашихъ глазахъ и до сихъ поръ. Но она убываетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Практика урѣзываетъ ее безпощадно, сообразно чему наша программа осложняется, оставаясь при той же конечной цѣли, но вырабатывая новыя средства... Та теоретическая возможность, въ кото-

рую мы всю душу свою клали, только на этихъ элементахъ... и могла быть построена... Но если между этими элементами протискивается всемогущій братскій союзъ мѣстнаго кулака съ мѣстнымъ администраторомъ, то наша теоретическая возможность обращается въ простую иллюзію, а вмѣстѣ съ тѣмъ отреченіе отъ элементарныхъ параграфовъ естественнаго права теряетъ всякій смыслъ. Очевидно, никому отъ этого отреченія ни тепло, ни холодно, кромѣ отрекающихся, которымъ холодно, и всемогущаго братскаго союза, которому тепло. Да, ему тепло, и въ этомъ корень вещей. Оказывается, что если европейскія учрежденія не гарантируютъ народу его куска хлѣба, и есть тамъ „милліоны голодныхъ ртовъ отверженныхъ пролатеріевъ" (выраженіе Достоевскаго, съ которымъ здѣсь, между прочимъ, полемизируетъ Михайловскій, Н. К.), рядомъ съ тысячами жирныхъ буржуа, то наши наличные порядки фактически тоже ничего не гарантируютъ, кромѣ акридъ и дикаго меду для желающихъ и не желающихъ ими питаться. Грубѣе, разумѣется, у насъ все это выходитъ, наглѣе, безформеннѣе, но, спрашивается, какого добраго почина не задавитъ всемогущій братскій союзъ, пока мы только себя въ себѣ искать будемъ? Пусть-ка г. Достоевскій попробуетъ, ну хоть въ сельскіе учителя поступить, да тамъ поговорить, напр., о томъ, что, дескать, „не можетъ одна малая часть человѣчества владѣть всѣмъ человѣчествомъ, какъ рабомъ". Пусть попробуетъ въ этомъ направленіи поработать на родной нивѣ, а мы посмотримъ, въ какомъ видѣ онъ оттуда выскочитъ. Вотъ о себѣ, въ себѣ, надъ собой, это точно что вездѣ и всегда можно, на виду у всякаго союза, потому что это союзу на руку... Въ отношеніи аппетита, наглости и фактическаго могущества, нашъ союзъ никакимъ европейскимъ буржуа не уступитъ. И какъ же, значитъ, запоздалъ г. Достоевскій и комп. съ своимъ хихиканьемъ надъ западомъ! Вотъ, если бы онъ протестовалъ тогда, когда нашъ союзъ только еще слагался — то другое дѣло, а онъ хладнокровно присутствовалъ при снятіи головы и теперь плачетъ по волосамъ... Ахъ, господа, дѣло, въ сущности, очень просто. Если мы, въ самомъ дѣлѣ, находимся наканунѣ новой эры, то нуженъ прежде всего свѣтъ, а свѣтъ есть безусловная свобода мысли и слова, а безусловная свобода мысли и слова невозможна безъ личной неприкосновенности, а личная неприкосновенность требуетъ гарантій. Какія это будутъ гарантіи — европейскія, африканскія, „что Литва, что Русь ли"—не все ли равно, лишь бы онѣ были гарантіями? Надо только помнить, что новая эра очень скоро обветшаетъ, если народу отъ нея не будетъ ни тепло, ни холодно *).

Такъ само историческое развитіе Россіи сближало разорванныя половины одного великаго цѣлаго, „экономику" и „политику", соединявшіяся въ живое и могучее тѣло общественнаго прогресса. И въ печати роль главнаго объединителя родственныхъ, но враждовавшихъ стремленій принадлежала Н. К. Михайловскому...

Событіе 1-го марта 1881 г. легло трагической гранью между начавшимся было здоровымъ общерусскимъ движеніемъ и рефлективными, чаще всего понятными, а въ лучшемъ случаѣ односторонними попытками двухъ послѣдующихъ десятилѣтій. Прежде всего надъ страной пронесся ураганъ общественной реакціи: общество и печать, потерявъ въ моментъ бури и компасъ, и грузъ

*) Т. IV, стр. 952, 957—958, passim („Литературныя замѣтки" отъ сентября 1880 г.).

общерусскаго дѣла, и чувство самообладанія, побросавъ въ одинъ мѣшокъ и больныя, и здоровыя головы, самообвиняли, самозаушали, самоуничтожали себя, приготовляя для самихъ же себя власяницу и неудобоносимыя вериги. Въ ночи, наступившей за потерей яснаго сознанія въ обществѣ, царили безраздѣльно фантасмагоріи, ходили призраки болѣзненнаго воображенія и чудовищныя созданія страха и ненависти. А скоро, на почвѣ, подготовленной галлюцинаціями, появились и настоящіе выходцы съ того свѣта. Тѣ самые злые колдуны и вампиры, которыхъ само общество всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ похоронило, казалось, безвозвратно, выходили изъ своихъ гробовъ, съ необсохшей еще исторической кровью на губахъ и требовали свѣжей горячей крови и новыхъ жизней. Проснулись въ развалинахъ дореформенныхъ хороминъ сычи и нетопыри, тяжело ширяя крыльями. Пришелъ и пресловутый страшный „Вій“ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (этимъ выраженіемъ Михайловскій заклеймилъ Каткова), пришелъ и показалъ своимъ желѣзнымъ пальцемъ на всю Россію. И произошло то, что читаешь съ замирающимъ сердцемъ у Гоголя. Мы такъ и не дождались освободительнаго пѣнія пѣтуха...

Въ эту-то тяжелую ночь Н. К. Михайловскій стоялъ, какъ отважный левъ, на „славномъ посту“ цивилизаціи, защищая грудью общество и нашу печать противъ шакаловъ, псовъ и ядовитыхъ змѣй,—стоялъ, презирая и волчьи пасти, и обезьяньи гримасы, и ослиныя копыта. Нельзя читать безъ волненія эти то негодующія, то саркастическія, то исполненныя глубокой печали статьи, въ которыхъ свѣтлая мысль и гражданское мужество философа-публициста боролись противъ хаотическаго смѣшенія понятій и возмутительнѣйшей исторической подтасовки, продѣлываемой общественными шулерами на спинѣ народа, но яко бы во имя интересовъ его. То была, дѣйствительно, пора разцвѣта народничествующей демагогіи, которая, каррикатурно исказивъ наслѣдіе 70-хъ годовъ, „высаживала днище“ у цивилизаціи во имя будто бы истинныхъ идеаловъ мужика. Я напомню лишь ожесточенную полемику, завязавшуюся въ литературѣ по поводу опредѣленія слова „интеллигенція“ и имѣвшую, вопреки своему на первый взглядъ схоластическому характеру, глубоко жизненный, историческій и, если хотите, трагическій смыслъ. Шулерамъ-демагогамъ надо было, дѣйствительно, во что бы то ни стало, выдать передовую часть интеллигенціи за злѣйшаго врага русскаго народа и, раздавивъ ее во имя этого народа, расправиться затѣмъ съ послѣднимъ уже по своему, не смущаясь отнынѣ предостереженіями и негодующими криками авангарда прогрессивной арміи.

Споръ о значеніи слова „интеллигенція“ былъ, такимъ образомъ, въ сущности, отраженіемъ въ литературѣ жизненной борьбы между истинными друзьями народа и рядившимися въ маску народолюбія господами его и эксплуататорами. Слишкомъ извѣстны

перипетіи этой полемики и слишкомъ памятна роль въ ней Михайловскаго, чтобы я могъ подробно остановиться на этомъ эпизодѣ литературной дѣятельности нашего автора. Я напомню лишь кой-какія мысли одной изъ самыхъ многозначительныхъ статей его:

...Мы можемъ съ чистою совѣстью сказать: мы—интеллигенція, потому что мы многое знаемъ, обо многомъ размышляли, по профессіи занимаемся наукой, искусствомъ, публицистикой: слѣпымъ историческимъ процессомъ мы оторваны отъ народа, мы—чужіе ему, какъ и всѣ такъ называемые цивилизованные люди, но мы не враги его, ибо сердце и разумъ нашъ съ нимъ... Русской интеллигенціи стыдно и должно быть стыдно идти нога въ ногу съ буржуазіей, потому что ей, этой интеллигенціи, извѣстно то, что не было въ свое время извѣстно европейской... Мы не можемъ призвать къ себѣ буржуазію не то что съ энтузіазмомъ, а даже просто безъ угрызеній совѣсти, ибо знаемъ, что торжество ея равносильно отобранію у народа его хозяйственной самостоятельности... Въ противность той дружбѣ интересовъ, какая существовала одно время въ Европѣ между интеллигенціей и буржуазіей, наша интеллигенція съ буржуазіей дружить не можетъ. Но можетъ ли въ свою очередь *наша* буржуазія дружить съ интеллигенціей? Тоже нѣтъ. Интеллигенціи, по самой ея сущности, нужна свобода мысли и слова... А между тѣмъ буржуазіи нашей совершенно не нужны ни эти прекрасныя вещи, ни сопредѣльныя съ ними... Нашъ капитализмъ въ настоящую минуту нуждается не въ свободѣ, а напротивъ, въ привилегіи, покровительствѣ, регламентаціи, правительственныхъ гарантіяхъ, субсидіяхъ. А, не нуждаясь въ свободѣ вообще, онъ всего менѣе нуждается въ свободѣ мысли и слова *).

Возвращаясь еще разъ къ жгучему вопросу тогдашней дѣйствительности, Н. К. Михайловскій ставитъ такъ дилемму внутренней „политики“:

Русская интеллигенція и русская буржуазія не одно и то же и до извѣстной степени даже враждебны и должны быть враждебны другъ другу; предоставьте русской интеллигенціи свободу слова и мысли—и, можетъ быть, русская буржуазія не съѣстъ русскаго народа; наложите на уста интеллигенціи печать молчанія—и народъ будетъ навѣрное съѣденъ **)...

Читатель схватитъ сейчасъ же центръ аргументаціи этихъ по необходимости отрывочныхъ мыслей, заключенныхъ въ отрывочныхъ цитатахъ, если не упуститъ изъ вниманія, что, въ сущности, подъ интеллигенціей здѣсь разумѣется не группа ученыхъ мандариновъ, измѣряющихъ свою умственность количествомъ полученныхъ дипломовъ, и даже не просто такъ называемые культурные люди, могущіе членораздѣльно выражать аппетиты различныхъ привилегированныхъ классовъ, но то, все ростущее по мѣрѣ прогресса, ядро служителей убѣжденія, значеніе котораго постоянно увеличивается среди современнаго общества. Въ тотъ моментъ, когда Михайловскій писалъ упомянутыя строки, этимъ ядромъ являлся авангардъ русской прогрессивной арміи, прочие

*) Т. V, стр. 538—544, passim („Записки современника“ отъ декабря 1881 г.).

**) Ibid., стр. 566 (январь 1882 г.).

объединившій въ своемъ міровоззрѣніи народную „экономику" и общерусскую „политику"...

И потянулись надъ русскимъ обществомъ сѣрые, нескончаемые дни прозябанія, дни

Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви...

Приходилось вооружиться героизмомъ терпѣнія и, когда болотные огоньки мнимо-народной политики завели пятившуюся назадъ страну въ трясину возобновлявшагося крѣпостничества, вести скучную, но необходимую борьбу за каждый маленькій клочекъ остававшейся еще подъ ногами твердой почвы, отстаивать по самомалѣйшему поводу интересы мысли и развитія, снова и снова возвращаться къ запамятованнымъ рѣшеніямъ общественныхъ задачъ, снова и снова повторять „забытыя слова". Такова была въ 80-хъ годахъ роль Н. К. Михайловскаго, которому пришлось перемѣнить тяжелую палицу на простую азбучную указку и повторять зады короткопамятнымъ ученикамъ. Послѣ одной изъ попытокъ практическаго напоминанія „забытыхъ словъ"—на этотъ разъ „совѣсти" и „чести",—публицистъ-гражданинъ превращается въ „Посторонняго", письма котораго свидѣтельствуютъ, не смотря на забавно контрастирующій съ ними характеръ литературнаго псевдонима, о живѣйшемъ, о кровномъ интересѣ писавшаго ко всѣмъ задачамъ тогдашней современности.

Обычная чуткость и обычная дальновидность Михайловскаго ставятъ порою и на этотъ разъ его взгляды не то что въ прямое противорѣчіе, а въ самостоятельную позицію по отношенію къ господствующимъ воззрѣніямъ передовой интеллигенціи. Я разумѣю хотя бы очень интересную оцѣнку Михайловскимъ выводовъ, заключенныхъ въ извѣстной книгѣ г. В. В. Большинство изъ насъ слишкомъ безусловно принимало всѣ заключенія этого умнаго, но односторонняго писателя. Дѣйствительно, автору „Судебъ капитализма въ Россіи" принадлежитъ честь чуть ли не наиболѣе самостоятельной попытки рѣшить вопросъ объ экономической будущности Россіи, исходя изъ анализа экономическихъ же условій ея. Но ироніи исторіи было угодно, чтобы въ тотъ самый моментъ, когда его взгляды пользовались среди насъ наибольшею популярностью, факты и цифры, заключенные въ его книгѣ и послѣдующихъ статьяхъ и по необходимости передававшіе положеніе вещей, бывшее нѣсколько лѣтъ назадъ, стали отставать отъ дѣйствительности, которая именно въ эту пору начала обнаруживать, наконецъ, могущественное вліяніе „политики" на „экономику". Субсидіи и гарантіи произвели, наконецъ, свое дѣйствіе; и тепличное растеніе капитализма, поливаемое въ оградѣ покровитель-

ственныхъ тарифовъ золотымъ дождемъ всяческихъ воспособленій, отнынѣ могло быть пересажено на болѣе или менѣе вольный воздухъ, подъ болѣе или менѣе открытое небо и здѣсь расцвѣсти и войти въ силу, хотя бы лишь въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности.

Какъ бы то ни было, забывая именно тѣсное взаимодѣйствіе между политикой и экономикой и могущественное вліяніе первой на вторую въ эту эпоху, мы черезчуръ вѣрили въ невозможность развитія русскаго капитализма. Но посмотрите, какія ограниченія уже въ первой половинѣ 80-хъ годовъ вносилъ Михайловскій въ эту абсолютную теорію и съ какимъ мастерствомъ онъ изъ самыхъ выводовъ г. В. В. извлекалъ дополняющія ихъ возраженія. Я не могу, къ сожалѣнію, входить въ подробности и отсылаю читателя къ самой статьѣ Михайловскаго, изъ которой я позволю себѣ сдѣлать лишь слѣдующія, по необходимости отрывочныя выдержки:

...Вотъ, значитъ, въ чемъ дѣло. У насъ, значитъ, возможно въ обширныхъ размѣрахъ и уже практикуется: во-первыхъ, отлученіе производителей отъ силъ природы и орудій производства, каковое отлученіе есть неизбѣжный спутникъ и даже фундаментъ капиталистическаго строя; возможно то, что сейчасъ казалось невозможнымъ законченныя формы капитализма; только онѣ безсильны охватить все производство страны. Этого онѣ не могутъ. Ну, а въ Европѣ могутъ? До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, тоже не могли... Для истиннаго пониманія его (г. В. В.) оригинальнаго тезиса о невозможности у насъ капиталистическаго строя, въ противоположность Европѣ, гдѣ онъ имѣетъ свои raisons d'être; для правильнаго пониманія этого тезиса надо имѣть съ виду, что капиталистическій строй въ Европѣ не такъ ужъ господствуетъ, а у насъ не такъ ужъ отсутствуетъ, чтобы даже для отдаленнаго будущаго можно было противополагать наши экономическіе порядки европейскимъ. Безъ сомнѣнія, нашъ капитализмъ находится еще въ зачаточномъ состояніи, и въ данный историческій моментъ мы можемъ съ сравнительно большимъ удобствомъ выбирать характеры своей экономической политики. Но положеніе о невозможности, химеричности нашего капитализма надо понимать съ тѣми ограниченіями, которыя я сейчасъ заимствовалъ у самого г. В. В.: эта невозможность далеко не абсолютная, и, можетъ быть, даже не совсѣмъ правильно называть ее невозможностью *).

Послѣдующіе годы показали проницательность и дальновидность этихъ дополняющихъ и ограничивающихъ возраженій: именно въ то самое время, какъ шулера народничествующей демагогіи старались отводить глаза публики криками и изліяніями нѣжныхъ чувствъ къ народу, къ нему, доброму, вѣрному, любимому и въ свою очередь „любящему“, на подобіе карасей, быть подаваемымъ на столъ господамъ подъ соусомъ изъ сметаны,—именно въ это самое время практиковалась система самаго послѣдовательнаго водворенія капитализма. Интересы фабрикантовъ и заводчиковъ становились центромъ національнаго производства. Все выше и выше подни-

*) Т. V, стр. 781—782 (іюль 1883 г.).

мались стѣны охранительныхъ, „раціональныхъ"—о, иронія названія!—тарифовъ. Изъ „зачаточнаго состоянія" капиталъ быстро переходилъ въ состояніе жизнеспособнаго, жаднаго, прожорливаго чудовища, которое и здѣсь, и тамъ впустило свои цѣпкіе присоски въ тѣло труда и принялось его „организовать" по-своему, вознаграждая интенсивностью выкачиванія прибавочной стоимости спорадичность этого процесса.

Но эти годы „здравой, бодрой и истинно-русской" политики... капиталистовъ были вмѣстѣ съ тѣмъ—и отчасти по тому самому—годами отсутствія всякой настоящей политики, если разумѣть подъ этимъ словомъ то, что разумѣлъ подъ нимъ старикъ Аристотель, а именно—общеніе людей, имѣющее цѣлью удовлетвореніе коллективной потребности „жить и хорошо жить" (τὸ ζῆν καὶ τὸ εὖ ζῆν). Общественная реакція, обнаруживая поразительную слабость положительной мысли, занималась жалкимъ подогрѣваніемъ остатковъ и отбросовъ крѣпостнической кухни. Съ количественнымъ, а главное качественнымъ ослабленіемъ переводой интеллигенціи, мѣсто здоровыхъ соціальныхъ стремленій заняли болѣзненные личные идеалы не связанныхъ ничѣмъ между собою людей, уныло или комично-самоувѣренно бредшихъ куда попало. Ренегаты, измѣнившіе своему прошлому ради пироговъ, спокойной жизни и дѣтишекъ, нуждавшихся въ молочишкѣ, не ограничивались ролью Ивановъ, не помнящихъ родства, но еще требовали себѣ почета, уваженія и прочихъ „вещественныхъ знаковъ невещественныхъ отношеній", требовали какъ разъ за это самое запамятованіе и за каждый плевокъ въ своихъ бывшихъ, живыхъ и мертвыхъ товарищей. Порядочные слабые люди и просто непорядочная шушера занялись различными операціями „надъ собой, о себѣ, въ себѣ", какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Михайловскій охарактеризовалъ дѣятельность Достоевскаго. Г. Минскій хоронилъ „при свѣтѣ совѣсти" свой недавно еще свѣжій, гуманный и симпатичный талантъ и, въ потугахъ полуторавершковаго титанизма, гримасничалъ и мэонилъ Богъ знаетъ что. Г. Волынскій, стоя передъ зеркаломъ своего самомнѣнія, усердно трепанировалъ собственную голову и безъ всякой жалости—къ читателямъ—„обнажалъ" тамъ „новыя мозговыя линіи" и „новыя душевныя складки". Гг. Дистерло и Единицы—мели Емеля, твоя „Недѣля"—взяли на себя подрядъ поставлять „новыя слова". Добросовѣстные, но измельчавшіе, выродившіеся „народники" 80-хъ годовъ приставали къ Михайловскому съ микроскопическими недоумѣніями и вопросиками, какъ же, наконецъ, имъ быть „съ интересами" и „мнѣніями" народа. Гг. Ясинскіе, не довольствуясь своими беллетристическими лаврами, въ значительной мѣрѣ подтибренными у французскихъ натуралистовъ, закладывали основаніе той претенціозной эстетической галиматьѣ, которая должна была расцвѣсти и принести свой плодъ въ 90-хъ годахъ...

И соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей,—

ну, соловей, не соловей, а цѣлый хоръ поэтиковъ и виршеплетовъ, пѣвшихъ, впрочемъ, хуже не только Щербины, но и обыкновеннаго соловья...

И на всю эту пустопорожнюю, самоувѣренную, лишенную настоящихъ идей и просто здраваго смысла дребедень долженъ былъ критически откликаться Н. К. Михайловскій, пытаясь сохранить душу живу у своихъ читателей и довести ихъ людьми среди тяжелаго путешествія сквозь бурю и мракъ реакціонной ночи въ направленіи къ солнцу общечеловѣческаго идеала. И если невольная гордость охватываетъ душу единомышленниковъ Михайловскаго, когда они оглядываются на героическую кампанію, веденную имъ противъ могущественныхъ и безстыдныхъ враговъ съ конца 60-хъ и до половины 80-хъ годовъ, то горячая идейная любовь къ публицисту-гражданину загорается въ сердцѣ этихъ людей, когда они ясно отдаютъ себѣ отчетъ, какую бездну терпѣнія и самоотверженной преданности правдѣ обнаружилъ Михайловскій во второй, трижды ненавистной половинѣ 80-хъ годовъ, когда крупная идейная борьба должна была по необходимости размѣняться на рядъ безконечныхъ мелкихъ стычекъ, съ безчисленными мелкими, зачастую даже не вѣдающими что творятъ противниками.

Вотъ, ужъ можно сказать, было время, когда другой, даже менѣе крупный, но болѣе эгоистичный, чѣмъ Михайловскій, писатель ушелъ бы въ область чисто теоретическаго мышленія и внѣшней чисто литературной обработки своего міровоззрѣнія. Заманчива была эта задача и легокъ былъ этотъ трудъ: роль мыслителя ограничивалась лишь чисто формальнымъ сведеніемъ воедино его столь цѣльнаго и такъ давно выработаннаго въ общихъ чертахъ міросозерцанія. Въ эту никчемную пору Н. К. Михайловскій могъ бы, несомнѣнно, „заново написать книгу“, о которой онъ говоритъ въ уже цитированномъ мною отвѣтѣ сердитому, но слабосильному критику; и лично его научная репутація ужасно выиграла бы. Говорю это, обращая вниманіе читателей на то обстоятельство, что очень многіе изъ насъ до сихъ поръ черезчуръ увлекаются внѣшнимъ, порою лишь голо формальнымъ и педантическимъ распредѣленіемъ элементовъ данной системы по томамъ, книгамъ, главамъ, параграфамъ, подпараграфамъ и разсыпающимся въ пыль микроскопическимъ рубрикамъ. Однако, и на этотъ разъ, Михайловскій устоялъ передъ эгоистическимъ искушеніемъ составить себѣ репутацію записного ученаго у многочисленныхъ, если не читателей, то писателей объемистыхъ и симметрично расчлененныхъ трудовъ. Дѣло въ томъ, что въ это время дѣйствительность подтверждала все болѣе и болѣе опасеніе, выраженное Михайловскимъ еще въ самомъ началѣ обще-

ственной реакціи: „вша заѣстъ“ русскую жизнь. Вотъ противъ этой-то „вши“, этихъ-то „безконечно-малыхъ“, но опасныхъ своею многочисленностью враговъ общественнаго организма и направилъ свою уничтожающую и оздоровляющую дѣятельность Михайловскій. И эту печально-героическую, но необходимую роль надо не упускать ни на мигъ изъ вниманія, когда подводишь итоги этой полосѣ жизни писателя.

Лишь одинъ разъ за это время судьба ставитъ публициста-гражданина лицомъ къ лицу съ достойнымъ его противникомъ: я разумѣю блистательную аттаку Михайловскаго противъ Л. Н. Толстого, который, благодаря самой силѣ, искренности и энергіи своей выходящей изъ ряду личности, явился выразителемъ, а въ значительной мѣрѣ и созидателемъ одной изъ опаснѣйшихъ формъ общественной реакціи. Смѣлость отрицательной критики Толстого, его оригинальный „аполитизмъ“, который заставляетъ иныхъ непроницательныхъ анархистовъ на Западѣ считать его своимъ, его могучее стремленіе связать въ одно цѣлое сферу своей мысли и сферу своей личной жизни, слово и дѣло, ученіе и примѣръ,— все это мѣшало усталой, разочарованной, обезсиленной русской интеллигенціи понять противообщественный характеръ проповѣди новаго апостола. Въ сущности, еще разъ дѣло общерусскаго и, если хотите, въ извѣстномъ смыслѣ общечеловѣческаго прогресса тормазилось перенесеніемъ центра тяжести съ соціальной почвы преобразованія условій на узко-индивидуальную почву личнаго усовершенствованія. Личность снова стала занимать непомѣрно большое мѣсто въ міровоззрѣніи интеллигенціи,—не та живая, активная, глубоко общественная личность, о которой говорилъ намъ Н. К. Михайловскій въ концѣ 70-хъ годовъ и которая потому только и „разсѣивала вокругъ себя лучи Правды“ *), что предварительно концентрировала въ себѣ лучшія стремленія всего общества; но та пассивная, созерцательная, копающаяся въ себѣ, разсматривающая въ микроскопъ свои грѣхи и грѣшки личность, которая, словно паукъ, тянула изъ себя нескончаемую моральную нить-канитель и думала на этой тонкой-претонкой нити вытащить погрязшій въ сквернѣ міръ...

Снова операція „надъ собой, въ себѣ, о себѣ“ замѣняла воздѣйствіе на внѣшнюю среду. Возрождалась новая писаревщина съ узко-личными задачами индивидуума и ближайшихъ единомышленниковъ-сектантовъ, и писаревщина съ тѣмъ усугубленіемъ, что мѣсто черезчуръ наивнаго восхищенія „наукою“ заняло еще болѣе наивное отрицаніе науки, а „борьба противъ авторитетовъ“ смѣнилась „непротивленіемъ злу“. Ахъ, это непротивленіе! Какою горькою ироніею надъ русскою жизнью была проповѣдь его, когда и безъ того тогдашняя интеллигенція не могла даже отвѣчать

*) Т. IV, стр. 460 (январь 1878 г.).

простыми рефлексами на дальнѣйшіе удары судьбы! Какой манной небесной и лѣкарствомъ противъ внутренняго стыда была толстовщина для тѣхъ людей, у которыхъ „совѣсть" такъ же не знала, куда дѣлась ея сестра—„честь", какъ Каинъ игнорировалъ судьбу брата Авеля! А вѣдь это были еще лучшіе люди! Что же сказать о большинствѣ другихъ?..

Въ это то тяжелое время философія и поэзія борьбы нашли яркое выраженіе въ пламенныхъ статьяхъ Михайловскаго противъ Толстого. Никому, какъ выражался самъ публицистъ-гражданинъ, никому онъ не уступалъ въ уваженіи къ талантамъ, къ геніальности Толстого. Онъ давно изучалъ эту могучую индивидуальность и внимательно слѣдилъ за различными переливами ея. Онъ защищалъ, между прочимъ, автора оригинальныхъ статей о народной педагогикѣ еще въ рединѣ 70-хъ годовъ противъ воинственнаго грома и блеска „мѣднаго таза либерализма". Онъ цѣнилъ въ немъ перваго, „великаго художника земли русской" (выраженіе Тургенева). Но уже тогда онъ ясно видѣлъ и отмѣтилъ одновременное существованіе у Толстого „десницы" и „шуйцы", смѣлаго, безстрашнаго полета мысли, глядящей орлинымъ окомъ прямо на солнце Правды, и вдругъ наступающаго затѣмъ робкаго переминанья на мѣстѣ, чуть не ползанья передъ обычными формами культуры, и т. п. А когда эта „шуйца" указала русскому обществу на фальшивый путь безплоднаго морализированія и стала заводить интеллигенцію все дальше и дальше въ пески и болота, Михайловскій всталъ во весь ростъ на защиту лучшихъ идеаловъ и здоровыхъ традицій, и изъ подъ пера его вылились, какъ лава, горячія строки. Помните эту глубоко правдивую и вмѣстѣ негодующую оцѣнку психологіи Толстого:

Онъ такъ занятъ происходящимъ въ немъ самомъ душевнымъ процессомъ, такъ прислушивается къ шуму въ своихъ собственныхъ ушахъ, что внѣшніе предметы теряютъ для него свое самостоятельное, живое значеніе... Завидна участь гр. Толстого. Завидны это спокойствіе сердца, приставшаго къ странѣ, гдѣ рѣки въ кисельныхъ берегахъ молокомъ текутъ; эта чистота совѣсти передъ любовной и радостной дѣятельностью; эта ясность разума, который говоритъ: я все понялъ! Да, это завидно. Но мы, мятущіеся, мы, ищущіе, мы, не сумѣвшіе выскочить изъ водоворота жизни ни на кисельный берегъ молочной рѣки, ни на облака, вѣнчающія вершины Олимпа, мы не вѣримъ гр. Толстому! Онъ, конечно, говоритъ правду: онъ спокоенъ, счастливъ, онъ достигъ того душевнаго состоянія, которое даже не всѣмъ угодникамъ усвоиваютъ житія святыхъ. Но это только потому, что графъ прислушивается къ шуму въ собственныхъ ушахъ. Отверзи онъ ихъ на минуту для воспріятія живыхъ внѣшнихъ впечатлѣній, и онъ долженъ ужаснуться того страннаго, противорѣчиваго положенія, въ которомъ онъ находится *).

Или хотя бы эта великолѣпная отповѣдь, брошенная въ лицо теоріи „непротивленія злу":

*) Т. VI, стр. 369—370 (изъ „Дневника читателя" отъ мая 1886 г.).

...Какая, однако, все это удивительная путаница! Какое возмутительное презрѣніе къ жизни, къ самымъ элементарнымъ и неизбѣжнымъ движеніямъ человѣческой души! Какое холодное, резонерское отношеніе къ людскимъ чувствамъ и поступкамъ! И этому съ сочувствіемъ внимаютъ, говорятъ, молодые люди, у которыхъ естественно „кровь кипитъ" и „силъ избытокъ"... Я не понимаю этого. Это какое-то колоссальное недоразумѣніе, возможное только въ такія мрачныя, тусклыя времена, какія переживаемъ мы. Пусть ломятся къ вамъ въ домъ, пусть бьютъ отцовъ и дѣтей вашихъ,—такъ надо, убійцы спасаютъ вашихъ близкихъ и кровныхъ отъ вящшихъ грѣховъ; но горе вамъ, если вы сами пальцемъ коснетесь убійцъ! Увы, гр. Толстой является въ этомъ случаѣ даже не учителемъ, онъ съ улицы поднялъ свое поученіе, ибо вся улица поступаетъ именно такъ, какъ желательно гр. Толстому. Но зачѣмъ же онъ иронизируетъ надъ „философіей духа", „по которой выходило, что все, что существуетъ, то разумно, что нѣтъ ни зла, ни добра, и что бороться со зломъ человѣку не нужно". Зачѣмъ издѣвается онъ надъ Спенсеромъ, который, въ другихъ только терминахъ, тоже требуетъ невмѣшательства и непротивленія злу и въ „Соціальной статикѣ" рекомендуетъ отнюдь не критиковать божій міръ „съ точки зрѣнія своего кусочка мозга", ибо, дескать, вы думаете поправить зло, а выходитъ еще хуже *).

И, можно сказать, Михайловскій ни на минуту не перестаетъ слѣдить за литературно-общественной дѣятельностью Толстого, зорко вглядываясь въ малѣйшія перипетіи ея, съ радостью останавливаясь на здоровыхъ проявленіяхъ художественнаго творчества этого геніальнаго писателя, со скорбью констатируя противо-общественные подвиги его „шуйцы", предостерегая читателей не увлекаться силою и переливами этой обаятельной, но порою увы! столь опасной для слабыхъ людей личности. Въ отрезвленіи русскаго общества отъ наркотическаго дѣйствія толстовщины одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ принадлежитъ Михайловскому, который и въ 90-ые годы переноситъ свою проницательную и нелицепріятную критику Толстого, прибѣгая къ собственнымъ „литературнымъ воспоминаніямъ", объясняющимъ нѣкоторыя стороны толстовскаго міровоззрѣнія, или же стараясь внести свѣтъ мысли и сознанія въ „современную смуту". Я отсылаю читателя къ статьямъ, появившимся, въ числѣ прочихъ, въ двухъ томахъ „Литературныхъ воспоминаній и современной смуты".

Придвигаясь къ изображенію литературной дѣятельности Михайловскаго за послѣднее десятилѣтіе, я испытываю немалое затрудненіе: мы всѣ еще стоимъ въ потокѣ движущейся, дѣлающейся исторіи; у насъ нѣтъ еще окончательно пройденнаго твердаго пункта, стоя на которомъ, мы могли бы съ достаточнымъ для общаго взгляда удаленіемъ окинуть историческую перспективу послѣднихъ лѣтъ. Какъ же оцѣнить руководящую дѣятельность человѣка, который плылъ вмѣстѣ съ нами въ общемъ историческомъ потокѣ и старался пока лишь оріентировать наше движеніе въ наиболѣе благопріятномъ для прогресса направленіи? Заднимъ числомъ оглядываясь уже на пройденный, отмѣченный неизгла-

---

*) Ibid., стр. 398 (статья отъ іюня 1886 г.).

димыми вѣхами путь, мы могли съ достаточной точностью опредѣлить, взвѣсить общественныя заслуги Михайловскаго въ концѣ 60-хъ годовъ, въ 70-хъ, на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ, въ теченіе 80-хъ, въ первой половинѣ 90-хъ. Но что касается дальнѣйшаго времени, то можно ли съ такою же опредѣленностью установить роль публициста-гражданина за послѣднее десятилѣтіе исторической жизни, когда мы лишь наканунѣ подведенія крупнѣйшихъ общественно-политическихъ итоговъ ея?

Я попытаюсь, однако, указать на двѣ три черты въ литературной дѣятельности Михайловскаго за этотъ періодъ времени, черты, которыя свидѣтельствуютъ, что и тогда, какъ раньше, общественная роль этого писателя состоитъ въ обосновании и выясненіи стремленій лучшей части интеллигенціи. Такъ, рядомъ съ борьбою противъ толстовщины, противъ нанесеннаго изъ Западной Европы пустопорожняго декадентства и ничшеанства, противъ россійскаго не то изувѣрства, не то религіознаго паясничества гг. Розановыхъ и комп., противъ узкаго народничества г. В. В. и Юзова (совсѣмъ присмирѣвшаго въ послѣдніе годы своей жизни), Михайловскій велъ борьбу противъ односторонностей русскаго марксизма. И по всѣмъ этимъ пунктамъ, насколько настоящее позволяетъ судить о будущемъ, публицистъ-гражданинъ съ честью и успѣхомъ отстоялъ интересы нормальнаго общественнаго развитія.

Толстовщина отмираетъ, если не совсѣмъ умерла, и наиболѣе энергичные ученики Толстого самою логикою дѣйствительности толкаются съ пути непротивленія злу на путь противленія. Кому не извѣстны громкіе примѣры этого душевнаго превращенія именно въ самые послѣдніе годы? Ребяческая золотуха декадентства, обезобразившая одно время своею сыпью часть молодежи и перезрѣлыхъ юношей лѣтъ этакъ сорока пяти съ хвостикомъ, шелушится и исчезаетъ: гг. декадентовъ и ничшеанцевъ, по собственному ихъ признанію, теперь человѣкъ семь въ pendant къ семи мудрецамъ Греціи; и что бы они тамъ ни бальмонствовали, этого достаточно для образованія общества взаимнаго обожанія, но черезчуръ мало для общественно-литературнаго теченія. Религіозное паясничество школы г. Розанова, хотя и выражаетъ претензію держаться на неистребимомъ будто бы порывѣ духа купаться въ глубокомъ океанѣ замоскворѣцкой лампадки, на самомъ-то дѣлѣ держится на регламентахъ управы благочинія и исчезнетъ безповоротно, какъ только скромная „вѣтка Палестины“ перестанетъ играть передъ „символомъ святымъ“ обидную для самихъ искренно вѣрующихъ роль властной лозы. Кстати сказать, самъ основатель школы теперь, нѣкогда „отказавшійся отъ наслѣдства 70-хъ годовъ“, отказался въ значительной степени и отъ наслѣдства катковцевъ, возбуждая даже въ нихъ обычную страсть къ доносительству—на сей разъ на новаго „еретика“.

Такъ что розановщина или умираетъ и окончательно умретъ, или превратится въ нѣчто, совсѣмъ непохожее на взгляды г. Розанова первой половины 90 хъ годовъ. Преувеличенія узкаго народничества тоже, кажется, навсегда отходятъ въ область исторіи; и вдунуть духъ жизни и активности въ эту полинялую и выдохшуюся формулу не способенъ, не смотря на свой оригинальный умъ, и самъ г. В. В., единственно крупный человѣкъ этого направленія, при томъ, повидимому, начинающій уходить все дальше отъ злополучныхъ идей „Нашихъ направленій".

Что касается до марксизма, то онъ заслуживаетъ, чтобы на немъ остановиться нѣсколько дольше, и заслуживаетъ именно потому, что, не смотря на свои преувеличенія, явился единственнымъ здоровымъ общественнымъ теченіемъ среди перечисленныхъ нами выше элементовъ „современной смуты".

Приступая къ изображенію роли Михайловскаго въ борьбѣ съ тѣмъ направленіемъ, которое рѣзко прокинулось на русской почвѣ въ срединѣ 90-хъ годовъ подъ общимъ наименованіемъ „марксизма", я долженъ сдѣлать надъ собою нѣкоторое усиліе, чтобы отнестись къ этой задачѣ, если не съ невозможнымъ для живого человѣка безпристрастіемъ, то, по крайней мѣрѣ, съ достаточной объективностью. Въ борьбѣ съ „русскими учениками" Михайловскому принадлежало одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ; но въ ней, этой борьбѣ, участвовали люди гораздо меньшаго значенія, зачастую простые рядовые той арміи, духовнымъ вождемъ которой былъ Михайловскій. Самъ пишущій эти строки счелъ нужнымъ, въ предѣлахъ своихъ силъ и пониманія, представить нѣсколько критическихъ замѣчаній на произведшую въ самой срединѣ 90-хъ годовъ большую сенсацію книгу г. Бельтова (см. мой этюдъ „На высотахъ объективной истины", въ майской книжкѣ „Русскаго Богатства" за 1895 г.). А двумя годами позже, въ самомъ концѣ 1897 г., авторъ же настоящей статьи повторилъ критическую попытку коснуться марксизма вообще, придравшись къ нѣкоторымъ литературнымъ явленіямъ французскаго марксизма. Эта моя статья предназначалась также для „Русскаго Богатства". И такъ какъ къ тому времени „Новое Слово" было закрыто, то Михайловскій направилъ мое письмо изъ Франціи: „О марксизмѣ вообще по поводу французскаго марксизма въ частности") въ корректурѣ г. Струве съ предложеніемъ отвѣтить на него на столбцахъ же „Русскаго Богатства".

Не могу ясно представить себѣ, по какимъ мотивамъ г. Струве,— какъ мнѣ писалъ о томъ Михайловскій, — отказался отъ этого предложенія, дававшаго ему возможность противоставить моему тезису свой антитезисъ въ органѣ честнаго идейнаго противника, который для этого спеціальнаго вопроса открывалъ ему двери своего дома, въ то время, какъ капризный Аллахъ разрушалъ

до основанія идейный очагъ г. Струве и его единомышленниковъ...

Я упомянулъ объ этомъ эпизодѣ изъ исторіи нашей идейной борьбы, во-первыхъ, потому, что онъ рисуетъ намъ Михайловскаго послѣдовательнымъ защитникомъ свободы печати, который не на словахъ только, а на дѣлѣ вѣритъ въ великое значеніе откровенной борьбы мнѣній и, не смотря на цѣльность своего міровоззрѣнія, соглашается въ извѣстныхъ случаяхъ сдѣлать изъ своего органа свободную трибуну, лишь бы не была удушена грубой силой мысль противника. Во-вторыхъ, я счелъ нужнымъ совершить это небольшое отступленіе въ сферу личныхъ воспоминаній вовсе не затѣмъ, чтобы занимать своей персоной публику, когда дѣло идетъ о такомъ первоклассномъ писателѣ, какимъ былъ Михайловскій, но съ цѣлью напомнить читателю, что оговорки, которыя мнѣ придется сдѣлать сейчасъ по поводу полемики Михайловскаго противъ русскихъ марксистовъ, цѣликомъ касаются и всѣхъ насъ, его учениковъ или его идейныхъ товарищей. Пишущій эти строки, напримѣръ, желая указать на нѣкоторые пробѣлы или даже, пожалуй, на нѣкоторыя чисто тактическія ошибки, допущенныя Михайловскимъ въ его борьбѣ съ отечественнымъ марксизмомъ, не только не думаетъ выгораживать себя самого отъ критики, основанной на такихъ соображеніяхъ, но готовъ признать себя сугубо виноватымъ въ этой ошибочной тактикѣ по отношенію къ противникамъ. Только откровеннымъ признаніемъ нѣкоторыхъ тактическихъ заблужденій въ прошломъ,—читатель сейчасъ увидитъ, какихъ — авторъ предлагаемаго этюда можетъ найти въ себѣ достаточно свободы мысли, чтобы оцѣнить ту сторону литературной дѣятельности знаменитаго писателя публициста, о которой теперь пойдетъ рѣчь и большая часть которой выражается въ статьяхъ, перепечатанныхъ, вмѣстѣ съ другими этюдами 1895—1898 г., въ двухъ томахъ недавно вышедшихъ „Откликовъ".

Общая ошибка Михайловскаго и его идейныхъ друзей и учениковъ заключалась, по моему личному глубокому убѣжденію, въ томъ, что наше направленіе недостаточно серьезно отнеслось къ марксизму, какъ къ новой соціологической гипотезѣ; и, раздраженное доходящими до странностей преувеличеніями „русскихъ учениковъ", вступило въ борьбу почти исключительно съ этими странностями, ведшими въ общественно-политическомъ отношеніи, дѣйствительно, къ заключеніямъ, отъ которыхъ должны были рано или поздно отшатнуться наиболѣе здоровые элементы марксизма. Этотъ процессъ очищенія марксистскаго міровоззрѣнія отъ шлаковъ и изгари, внесенныхъ въ него большинствомъ совершенно несамостоятельныхъ учениковъ, еще далеко не кончился. Но онъ уже во второй половинѣ 90-хъ годовъ произвелъ ту расслойку струй внутри этого идейнаго теченія, которая превратила лагерь марк-

систовъ въ раздираемый несогласіями лагерь короля Аграманта. И какую искреннюю жалость приходится испытывать заднимъ числомъ, что неподражаемый философъ - публицистъ, который въ лицѣ Михайловскаго господствовалъ въ русской литературѣ не одинъ десятокъ лѣтъ, не пожелалъ сыграть въ разрѣшеніи идейнаго кризиса послѣдняго времени всей приличествующей ему роли! О марксизмѣ и противъ марксизма этотъ умнѣйшій человѣкъ пореформенной Россіи писалъ или слишкомъ много, или слишкомъ мало. Слишкомъ много, если вспомнить тѣ полемическія статьи, въ которыхъ онъ безжалостно высмѣивалъ явныя несообразности и преувеличенія „русскихъ учениковъ“, ибо однѣ странности идейнаго увлеченія взаимно покрывались и нейтрализовались другими странностями, выходившими изъ того же лагеря, и драгоцѣнный полемическій талантъ тратился нерѣдко по мелочамъ. Слишкомъ мало, если сообразить, что Михайловскій ни разу не пожелалъ вплотную приложить свою рѣдкую силу критическаго анализа къ здоровому ядру марксовскаго ученія, ибо тогда оказалось бы, что суть этой доктрины не такъ далека, какъ то могло представляться въ пылу полемики, отъ центральнаго пункта соціологическаго міросозерцанія автора „Что такое прогрессъ“ и „Борьба за индивидуальность“.

Въ самомъ дѣлѣ, если въ чемъ нужно искать основного ядра ученія Маркса, такъ это въ преобладающемъ значеніи развитія производительныхъ силъ общества, т. е. соціальной технологіи, для психической эволюціи людей, т. е. ихъ коллективной психологіи, на которой опираются или, лучше сказать, частными выраженіями которой являются соціально-экономическія, правовыя, политическія, религіозныя, философскія, эстетическія представленія членовъ даннаго общежитія. Но спрашивается, такъ ли далеко отъ этого основного пункта марксизма отстоятъ существенныя идеи того мыслителя, который,—какъ въ порывѣ временной справедливости признавали иногда сами „русскіе ученики“,—объяснялъ характеръ міровоззрѣнія даннаго общества характеромъ господствующей въ немъ формы „коопераціи“; который центральнымъ элементомъ человѣческой личности считаетъ „трудъ“ и который, въ частности, устанавливаетъ зависимость между субъективными взглядами извѣстнаго человѣка и его „принадлежностью къ соціальной группѣ“?

Кстати сказать, этотъ вопросъ такъ сильно тревожилъ меня, что совсѣмъ незадолго до смерти Михайловскаго я обратился къ нему за разъясненіемъ, не считаетъ ли онъ возможнымъ установить свою, столь всѣмъ извѣстную, но вызвавшую столько недоразумѣній и неумныхъ возраженій „формулу прогресса“ на основѣ ученія о значеніи постоянно развивающейся человѣческой технологіи. Ибо, продолжалъ я, лишь высоко развитый машинный способъ производства переложитъ бремя раздѣленія труда съ че-

ловѣка на искусственные органы его, „проектирующіеся во внѣшнемъ мірѣ“, т. е. на орудія и инструменты труда, и дастъ возможность человѣку синтетически работать, переходя при помощи усовершенствованныхъ машинъ ко всевозможнымъ занятіямъ и оставаясь цѣльнымъ существомъ, упражняющимъ наибольшее число своихъ физическихъ и умственныхъ способностей. Тогда какъ общество, взятое въ его цѣломъ, будетъ наиболѣе однородно, такъ какъ будетъ слагаться изъ индивидуумовъ, отличающихся общимъ гармоничнымъ развитіемъ мускульной и нервно-мозговой системы. Въ отвѣтъ я получилъ письмо отъ Михайловскаго,—увы! послѣднее, которое было мнѣ написано имъ,—и въ немъ заключались, между прочимъ, слѣдующія многозначительныя строки: „вполнѣ согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ. Обѣими руками подписываюсь подъ вашимъ истолкованіемъ“. На это письмо я смотрю, какъ на завѣщаніе Михайловскаго, какъ на задачу, которую мнѣ указывалъ славный русскій мыслитель. И такому сближенію точки зрѣнія Михайловскаго и центральнаго пункта марксистской доктрины будутъ отчасти посвящены уже довольно давно задуманные мною „Соціологическіе очерки“. Но я счелъ долгомъ еще ранѣе выполненія своего плана упомянуть объ этомъ письмѣ. Ибо оно показывало, что, примись Михайловскій за обстоятельную критику ученія Маркса, отвлекись онъ отъ полемики съ „русскими учениками“, или удѣли онъ ей въ вопросѣ лишь совершенно подчиненное значеніе, и сама мощь его ума была бы порукой, что онъ окажетъ существенную помощь нашей интеллигенціи въ выработкѣ міровоззрѣнія, вышелушивъ здоровое зерно изъ хаотической оболочки русскаго марксизма и устранивъ тѣмъ самымъ самую возможность возникновенія тѣхъ странностей, которыя пропагандировались адептами доктрины на русской почвѣ въ пору наибольшаго увлеченія ею...

Сдѣлавъ эту оговорку, касающуюся Михайловскаго скорѣе, какъ философа и соціолога, я перехожу къ его гражданско-публицистической дѣятельности въ эпоху не-критическаго господства марксизма въ Россіи. Разъ мы допустили, что, въ силу тѣхъ или иныхъ условій момента, напр., излишняго догматизма и запальчивой односторонности „учениковъ“, Михайловскій уклонился отъ оцѣнки по существу самой доктрины и вступилъ въ борьбу съ ея русскими проповѣдниками и комментаторами, то придется признать, что эту задачу онъ выполнилъ съ своею обычною силою и успѣшностью. Перечитайте, дѣйствительно, статьи Михайловскаго, направленныя противъ нашего марксизма, и вы убѣдитесь, что въ нихъ отмѣчены тѣ самыя больныя мѣста этого направленія, отъ которыхъ оно все болѣе и болѣе отдѣлывается,—но далеко еще не окончательно отдѣлалось,—путемъ разслойки, внутренняго броженія, а нѣкоторые говорятъ, прямого „разложенія“. „Разложеніе марксизма“—таково, дѣйствительно, названіе одной

изъ статей послѣдней книжки „Новаго пути“, выходящаго подъ новой редакціей, въ которой играютъ выдающуюся роль такіе ex-эпигоны марксизма, какъ гг. Булгаковъ, Бердяевъ и К°...

Такъ Михайловскій полемизировалъ противъ ненаучнаго объясненія всѣхъ жизненныхъ явленій „экономическимъ факторомъ“, въ особенности если разумѣть подъ послѣднимъ такъ называемый вопросъ желудка. И уже тогда же изъ среды русскихъ учениковъ раздались рѣзкія обличенія этой теоріи „факторовъ“, и была сдѣлана попытка разсматривать общественный организмъ, какъ цѣлое, но, къ сожалѣнію, попытка на словахъ. Ибо возстававшіе противъ выдѣленія „факторовъ“, послѣ нѣсколькихъ словесныхъ кунстштюковъ, успокаивались все на той же экономикѣ, только растворяя всѣ общественныя явленія въ ея „діалектическомъ“ потокѣ. А нынѣ не только русскіе, но и заграничные марксисты различными оговорками, допущеніями и истолкованіями такъ распространили первоначальный смыслъ ученія, что эта доктрина поистинѣ превратилась въ теорію „всего во всемъ“.

Эти столкновенія между „экономическимъ матеріализмомъ“ и „діалектическимъ матеріализмомъ“ вызываютъ въ памяти другую антимарксистскую кампанію Михайловскаго, а именно по поводу развитія всѣхъ явленій жизни и мысли гегельянскимъ методомъ противорѣчій.

Михайловскій съ блистательнымъ остроуміемъ показалъ, что пресловутое діалектическое развитіе есть лишь пустая формула, façon de parler, пріемъ изложенія; и что оно, какъ объективный законъ дѣйствительности, не существуетъ, а какъ чисто логическій способъ мышленія вовсе не связано необходимо съ теоріей Маркса. Современное состояніе марксизма показываетъ, въ какой степени это было вѣрно. И, не говоря уже о нашихъ прямыхъ нео-метафизикахъ, вылупившихся изъ русскаго марксизма, даже „правовѣрные“ ученики прицѣпливаются нынѣ ко всевозможнымъ философскимъ системамъ, и въ частности „эмпиріо-критицизмъ“ Авенаріуса начинаетъ, повидимому, брать рѣшительный перевѣсъ надъ гегельянской діалектикой, хотя и „переставленной съ ногъ на голову“.

Но насъ ждутъ такіе вопросы, гдѣ общее міровоззрѣніе тѣсно связывается съ жгучими злобами дня, и гдѣ Михайловскій своей полемикой противъ странностей русскаго марксизма сыгралъ въ высокой степени оздоровляющую роль. Вы помните, съ какой помпой марксисты 90-хъ годовъ провозглашали незыблемость положенія „политика слѣдуетъ за экономикой“, „намъ всего важнѣе объективное, фатальное, стихійное развитіе массъ“; съ какой рѣзкостью они возставали противъ значенія „личности“ и организаціи личностей; какъ высокомѣрно они третировали „сознаніе“, третировали „интеллигенцію“, заколачивая ее, словно тяжко преступнаго каторжника, въ кандалы язвительныхъ кавычекъ. По всѣмъ этимъ

вопросамъ Михайловскій велъ безпощадную полемику противъ „русскихъ учениковъ“. И онъ могъ еще при жизни наблюдать, съ какой энергіей наиболѣе активные марксисты стали отказываться отъ прежнихъ странностей, въ особенности, когда они увидѣли воочію, къ чему ведутъ на практикѣ эти мнимыя „новыя слова“, и когда передъ ними сталъ дѣйствительно грозный вопросъ „что дѣлать“?

„Экономизмъ“ въ связи съ постепеновской „теоріей стадій“ подверглись жесточайшему нападенію активныхъ марксистовъ, которые объявились теперь ревностными политиками. Въ „приниженіи иниціативы и энергіи сознательныхъ дѣятелей“ было усмотрѣно не практическое заключеніе изъ прежней претенціозной фразы „въ соціологіи личность ничто“, но—„клевета на марксизмъ“, злостная каррикатура, сочиненная на марксистовъ „народниками“. Организація личностей, и не просто организація, а „могучая, концентрирующая въ своихъ рукахъ всѣ нити дѣятельности“ организація ставилась нынѣ основной жизненной задачей активныхъ личностей. Реабилитирована была и закованная дотолѣ въ кандалы кавычекъ интеллигенція, которая была не только освобождена отъ такого duri carceris, не только освобождена отъ суда и слѣдствія, но и признана невинною въ взводившихся на нее „субъективныхъ“ преступленіяхъ, мало того, возстановлена въ своихъ прежнихъ правахъ и даже удостоилась настоящаго тріумфа. Ибо, при пособіи кстати вспомянутыхъ разсужденій Каутскаго насчетъ того, что „соціалистическое сознаніе есть нѣчто извнѣ внесенное въ классовую борьбу пролетаріата, а не нѣчто первоначально изъ нея выросшее“; и что это нѣчто есть результатъ „науки“, которая „возникла въ головахъ отдѣльныхъ членовъ буржуазной интеллигенціи“, а только затѣмъ уже могла быть „сообщена выдающимся по умственному развитію пролетаріямъ“,—при пособіи, говорю, такихъ „ортодоксальныхъ“ мыслей Каутскаго, на русскую интеллигенцію была возложена миссія совлечь трудящіяся массы съ пути стихійной экономической борьбы на путь сознательной политической дѣятельности. Правда, противъ этихъ ортодоксальныхъ марксистовъ выступили еще болѣе ортодоксальные марксисты; и въ результатѣ борьбы этихъ друго-вражескихъ элементовъ, носящихъ почти клиническія названія „твердыхъ“ и „мягкихъ“, обнаружилась снова нѣкоторая реакція противъ „организаціи“ въ пользу „стихійности“ и противъ „интеллигенціи“ въ пользу „массъ“. Но можно надѣяться, что односторонности и преувеличенія русскаго марксизма 90-хъ годовъ, противъ которыхъ была направлена полемика Михайловскаго, въ общемъ перешли въ область исторіи, и что здоровая общественная дѣятельность произведетъ тотъ необходимый синтезъ активныхъ фракцій не только правовѣрно-марсистскаго, но и соціально-дѣйственнаго направленія,

который составлялъ идеалъ великаго публициста-гражданина во все время его литературной дѣятельности.

Надъ свѣжей могилой Михайловскаго раздалось годъ тому назадъ изъ рядовъ марксистовъ нѣсколько искреннихъ оцѣнокъ крупнѣйшаго писателя. И партійная страсть все меньше и меньше рѣшается отрицать общественную роль славнаго борца за идею.

Въ одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ моментовъ реакціи, наканунѣ общественнаго пробужденія на рубежѣ XX-го столѣтія, у Михайловскаго вырвалось въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ горькое восклицаніе: старое старится, молодое не растетъ! Съ тѣхъ поръ дѣло пошло иначе. И, доживи великій русскій человѣкъ до нашего времени, онъ увидѣлъ бы, какъ гніетъ и рушится все старое, и какъ молодая жизнь бьетъ повсюду неудержимымъ ключемъ. Михайловскій, какъ Моисей, умеръ у порога обѣтованной земли. Вдохновленные благороднымъ образомъ нашего вождя, мы вступаемъ въ нее, не боясь предстоящихъ битвъ съ филистимлянами и твердо вѣруя, что побѣда наша... Слава же тому, кто сорокъ лѣтъ велъ русскую общественность по пустынѣ и не зналъ ни колебаній, ни отступленій отъ свѣтившаго ему идеала. Слава—и вѣчная память въ сердцахъ всѣхъ истинно свободныхъ людей...

Н. Е. Кудринъ.

АЛИКАЕВЪ КАМЕНЬ.

Разсказъ.

—

I.

Солнце садилось за горы. Послѣдніе багряные лучи его медленно угасали на крестѣ виднѣвшейся изъ-за лѣса колокольни. Надъ прудомъ поднимался тонкій и прозрачный, какъ дымка, туманъ. Лучи потемнѣли. Сосновый боръ, не задолго передъ тѣмъ сверкавшій яркими красками, потухъ, потускнѣлъ, сталъ какъ будто меньше и ниже, казался нахмуреннымъ и печальнымъ.

Павелъ Петровичъ Агатовъ, отставной заводскій лѣсничій и мѣстный историкъ, собиратель старинныхъ грамотъ и рукописей, сидѣлъ за письменнымъ столомъ на своей „заимкѣ" и черезъ раскрытое окно наблюдалъ, какъ постепенно мѣнялись краски въ саду, и все тускнѣло кругомъ. Съ дальняго конца сада доносились веселые дѣтскіе голоса. Со двора слышалось мелодическое треньканье балалайки. Изъ-за цвѣточной клумбы виднѣлась красивая русая головка,—это взрослая племянница Павла Петровича, Катя, дочь его покойной сестры, лежа въ травѣ, читала книгу.

Агатовъ только-что окончилъ докладную записку о нуждахъ уральской горной промышленности, составленную имъ по порученію управляющаго Бардымскими заводами Конюхова, и, чрезвычайно довольный своей работой, улыбался и весело потиралъ руки.

„Тонко подведено", размышлялъ онъ, вглядываясь въ порозовѣвшее небо: „стройно, логично,—комаръ носа не подточитъ... Историческое освѣщеніе даетъ широту, перспективу... И анекдотцы-то кстати пришлись... Концы съ концами сведены, одно само собой вытекаетъ изъ другого... И тонъ благородный... главное, благородный тонъ... Да-съ, старикъ Агатовъ еще постоитъ за себя, не совсѣмъ еще вышелъ въ тиражъ погашенія... Въ немъ заискиваютъ, да-съ... самъ

управляющій пріѣзжалъ—это что нибудь значитъ!.. Самолично просилъ, даже выражалъ комплименты: „у васъ, говоритъ, имя, опытность, знаніе мѣстныхъ условій и литературный навыкъ"... Вотъ какъ!.. а то фу-ты, ну-ты! полное невниманіе, точно передъ пустымъ мѣстомъ... мертвый, де, отжившій человѣкъ... Ха, ха! а на повѣрку выходитъ, что еще живъ курилка... Да-съ!"...

— Катя!—закричалъ онъ въ окно:—Конецъ и Богу слава! Поставилъ послѣднюю точку.

Катя подняла голову, обнаруживъ тонкое, красивое лицо съ большими черными глазами.

— Не хочешь ли, прочту, а?

— Нѣтъ,—отвѣчала Катя, съ дѣтской суровостью сдвигая брови:—я не одобряю вашихъ намѣреній, поэтому и слушать не хочу.

— Ну, ну!.. еще бы!.. Вѣдь вы—народники, или какъ васъ тамъ... Матушка моя! я самъ за народъ, только съ другой точки зрѣнія... Вы-то ужъ Богъ знаетъ куда заноситесь... неосуществимо-съ.

— То есть, кто мы?

— Ну, вообще, современная молодежь... народники тамъ и прочее...

— Вы ошибаетесь, дядя: мы не народники.

— Господь васъ разберетъ!.. Если хочешь, душа моя, я тоже народникъ и даже сортомъ повыше... Изъ народа вышелъ, изъ крѣпостныхъ! и знаю, что ему нужно... А нужна ему прежде всего хорошая палка, ежевыя рукавицы... вотъ!.. Повѣрь, что онъ самъ это отлично понимаетъ,—поговори-ка съ нимъ!.. и жаждетъ палки, которую отъ него отняли, жаждетъ!.. Такъ то, мать, моя.

— Перестаньте, дядя!.. Хоть вы и шутите, а всетаки непріятно... А ужъ эта записка ваша... я не знаю... не могу понять, не могу вообразить...

— Чего, собственно, душа моя?

— Какъ могли вы на себя такое порученіе, и при томъ добровольно, изъ любви къ искусству!.. Эдакую... извините... я не знаю... эдакую подлость!..

— Милая моя, я старый человѣкъ.

— Что жъ, дядя... я серьезно говорю. Сочинить завѣдомо фальшивую, облыжную записку! И для кого? Для заводовладѣльцевъ! Для чего? Чтобъ обездолить и безъ того обездоленныхъ! Чтобъ выудить изъ казны въ пользу хищничества еще нѣсколько милліоновъ подачекъ!.. И вѣдь все это изъ народныхъ средствъ—не забывайте!..

— Вздоръ, вздоръ!.. вздоръ городишь!.. Экъ тебя подмываетъ!..

— Нѣтъ, не вздоръ. И безъ тебя все къ ихъ услугамъ, сверху до низу... А кто мужикамъ записку напишетъ? Ахъ, дядя, дядя! вотъ если бы ты помогъ мужикамъ!..

— Матушка моя! я старый служака, я тридцать пять лѣтъ его сіятельству прослужилъ, понимаешь ты это или нѣтъ? Отъ него жить пошелъ,—какъ же мнѣ идти противъ его сіятельства?.. Вздоръ, вздоръ!.. да и вообще вздоръ!.. Ты не понимаешь главнаго, не понимаешь того, что заводы и населеніе—одна душа и одно тѣло, что они связаны общими интересами... Да-съ, вотъ чего ты не хочешь понять, потому что у васъ умъ за разумъ зашелъ... Вы смотрите на журавля въ небѣ и не видите синицы въ рукахъ, а журавль-то еще Богъ его знаетъ... въ облакахъ онъ, душа моя, въ облакахъ... въ томъ-то и дѣло-съ...

— Это какая же синица?

— А такая! И диви бы только вы, лоботрясы, но вѣдь и мастеровые такое-же дурачье!.. Подкапываются подъ заводы, рубятъ тотъ сукъ, на которомъ сами сидятъ! Что можетъ быть глупѣе этого?.. Хоть лобъ разбей — не понимаю!.. И ничему не вѣрятъ! ничего не хотятъ знать!..

— Еще бы, когда ихъ цѣлые десятки лѣтъ обманывали!.. Они не вѣрятъ, потому что вы все лжете...

— Экъ тебя разбираетъ!.. Перекрестись, мать моя... о чемъ ты?..

— Да, лжете направо и налѣво... И вы, дядя, лгали и лжете... да, вы, вы... развѣ это неправда?

— Нѣтъ-съ, неправда. Комбинировать факты, давать имъ то или иное освѣщеніе—развѣ это ложь?

— Но для чего? Чтобы скрыть истину, запрятать ее подальше, напустить туману, ввести въ заблужденіе?

— Мать моя! что есть истина? какая? гдѣ она? для кого? для чего?... Хе, хе!.. мы знаемъ только человѣческія заблужденія и чловѣческіе аппетиты... Истина! она всегда имѣетъ двѣ стороны...

— Если такъ, то о чемъ же намъ говорить? Не о чемъ.

— А я и не навязываюсь, душа моя, какъ тебѣ угодно... Мнѣ, видишь ли, не въ чемъ оправдываться...

— Однако, вы сами начали разговоръ.

— Я предложилъ только прочесть записку — больше ничего.

— А я отвѣтила, что не желаю.

Катя сердито уткнулась въ книгу. Агатовъ, слегка надувшись, умолкъ, собралъ свои бумаги, исписанныя мелкимъ бисернымъ почеркомъ, и вышелъ на терассу.

— Къ намъ кто-то ѣдетъ,—сказалъ онъ, увидѣвъ скачущаго по дорогѣ всадника.

— Гдѣ?—спросила Катя, отрываясь отъ книги.

— Посмотри.

Катя, поднявшись на ципочки, заглянула черезъ плетень.

— Это Петя,—сказала она равнодушно.

— О?.. въ самомъ дѣлѣ?—обрадовался Павелъ Петровичъ и, въ знакъ привѣтствія, махнулъ платкомъ.

Петя, шестнадцатилѣтній мальчикъ, поднявъ высоко надъ головой свою гимназическую фуражку, сломя голову проскакалъ мимо изгороди. Черезъ минуту онъ былъ въ саду.

— Катя, собирайся!—еще издали закричалъ онъ:—скорѣе!

— Куда? въ чемъ дѣло?—остановилъ его Павелъ Петровичъ.—Чаю не хочешь ли?

— Ахъ, какой чай! что вы, дядя!.. Катя, пожалуйста, поскорѣе!..

— Да что скорѣе-то? Скажи, сдѣлай милость.

— Ахъ, дядя, вы, ей-Богу, всегда... Во-первыхъ, Катя пусть собирается... Во-вторыхъ, ѣдемъ на Аликаевъ—вотъ и все!.. Но только, пожалуйста, тамъ ждутъ... поѣхали прямой дорогой...

— Кто? когда? зачѣмъ? Не захлебывайся, объясни толкомъ.

— Чего-жъ еще объяснять? Вѣдь я же сказалъ: на Аликаевъ камень... Ахъ, Господи! но вѣдь тамъ ждутъ! и самое интересное мы пропустимъ... Вотъ вы, дядя, всегда, ей-Богу..

Павелъ Петровичъ захохоталъ.

— Ладно,—сказалъ онъ,—я буду допрашивать тебя по пунктамъ. Ты говоришь—на Аликаевъ камень, зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ?.. Странное дѣло!.. такъ просто... странное дѣло!..

— Ну, однако?

— Да что, ей-Богу... ну, для прогулки... для развлеченія...

— Такъ-съ. Съ кѣмъ?

— Со мной.

— Съ тобой? Но какого чорта вы тамъ будете дѣлать ночью-то?

— Ну, ей-Богу!.. да вѣдь я же говорилъ, что тамъ ждутъ.. Цѣлое общество: папа, мама, Анна Ивановна, Софья Петровна... Надя, Митя... Иванъ Петровичъ... человѣкъ тридцать... Тамъ и ночуемъ... огни зажжемъ... пушку увезли... пѣсни будемъ пѣть... Мнѣ еще утромъ велѣли съѣздить за Катей, да я опоздалъ...

— Ну, глупости и больше ничего!

— Что глупости?

— А то, что, на ночь глядя, ѣхать за десять верстъ... лѣсъ, глушь... Работнику недосугъ, а ты дороги не знаешь.

— Я не знаю? Отлично знаю: ѣхать прямо, потомъ направо, потомъ...

— Ну, ладно. Катю я не отпускаю—поѣзжай одинъ.

Петя вытаращилъ глаза и, заикаясь, съ запальчивостью заговорилъ:

— Ну, это ерунда, это глупости!.. Вы всегда такъ, вы просто деспотъ, эгоистъ... и, наконецъ, тамъ ждутъ... и, наконецъ, это я не знаю что... Это, наконецъ, ерунда...

— Чудакъ! да ты спроси Катю, поѣдетъ ли она... къ обманщикамъ и эксплуататорамъ народа...

— Не все обманщики,—улыбнувшись, отвѣчала Катя:—кажется, тамъ будутъ и честные люди...

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, Иванъ Петровичъ Свѣтлицынъ, Николай Кленовской и многіе другіе.

— Не знаю-съ... можетъ быть... Можетъ быть, пока они и честные люди... до поры до времени.... Впрочемъ, твое дѣло.

Петя захлопалъ въ ладоши.

— Браво!—закричалъ онъ:—значитъ, рѣшено и подписано! Ну, Катя, живо!.. Ай-да дядя!.. Вотъ это хорошо!..

Но Павелъ Петровичъ недовольно нахмурился.

— И всетаки тамъ будетъ заводская челядь,—сказалъ онъ,—имѣй это въ виду.

— Ахъ, да!—вскричалъ Петя, — забылъ сказать: вѣдь тамъ будетъ еще этотъ... какъ его?.. Ну, этотъ извѣстный геологъ или химикъ... чортъ его знаетъ!.. Генералъ... бывшій профессоръ Полянскій... онъ съ управляющимъ пріѣдетъ...

— Какъ? Развѣ онъ уже здѣсь?—воскликнулъ Павелъ Петровичъ.

Онъ весь всполошился и сталъ разспрашивать Петю: когда, съ кѣмъ и на долго ли пріѣхалъ генералъ Полянскій. Петя ничего не зналъ и давалъ самые безтолковые отвѣты.

— Но, по крайней мѣрѣ, кто эту прогулку устраиваетъ? Кто именно?

— Какъ кто?.. Всѣ... мало ли... я не знаю...

— Но кто тебя послалъ?

— Ахъ, ей-Богу!.. Ну, мама... ну, Иванъ Ивановичъ...

— Почему же такъ поздно?

— Господи! да вѣдь я же говорю, что опоздалъ... и, вообще, вышла тутъ ерунда...

— А про меня тебѣ ничего не говорили?

— Ничего.

— Не упоминали о запискѣ?

— О какой запискѣ?

— Ну, вообще...
— Нѣтъ, не упоминали.
Павелъ Петровичъ пожалъ плечами.
— Ну, Господь съ тобой! Катя, вели заложить Голубчика. Да вотъ что: скажи Конюхову, что записка готова, остается только переписать. Я думаю, въ день, самое большее—въ два ее перепишутъ.

II.

Петя энергически воспротивился, чтобы съ ними ѣхалъ работникъ Андрюшка. Онъ божился, что знаетъ дорогу, какъ свои пять пальцевъ, что до Аликаева камня не десять, а всего восемь верстъ, и что они доѣдутъ отлично. Павелъ Петровичъ не возражалъ. Когда лошадь была готова, Катя помѣстилась въ телѣжкѣ, а Петя взобрался на козлы. Павелъ Петровичъ, держась за желѣзную скобку облучка, озабоченно давалъ послѣднія наставленія, которыя Петя легкомысленно прерывалъ нетерпѣливыми восклицаніями:
— Вотъ странно!.. будто я не знаю!.. Ну, дядя, чего еще разговаривать!..
Наконецъ, телѣжка бойко покатилась по дорогѣ, оставляя за собой тяжелое облако пыли.
— Подъ гору осторожнѣе!—кричалъ вдогонку Павелъ Петровичъ.
— Ладно, ладно!—отвѣчалъ Петя, ухарски задравъ фуражку на затылокъ и какъ бы говоря: „разговаривай теперь!“
— Охъ, ужъ это мнѣ старичье!—продолжалъ онъ, обращаясь къ Катѣ:—чудаки, право! Дядюшка еще туда-сюда, а вотъ моя почтенная мамаша...
— Ну, Петя!—укоризненно остановила его Катя.
— Да что, право... точно Богъ знаетъ что!.. ей-Богу!..
Миновавъ поле, они спустились въ оврагъ, пересѣкли выкошенную лощину и вступили въ лѣсъ, гдѣ охватило ихъ теплой, пахучей сыростью. Сумерки быстро сгущались. Въ лѣсу было уже почти темно. Телѣжка неровно катилась по извилистой, узкой дорогѣ, натыкаясь на кочки и пни. Вѣтви деревьевъ сходились надъ ними, образуя темный узорчатый сводъ, и сквозь просвѣтъ его виднѣлось блѣдно-голубое небо съ слабо мерцавшими рѣдкими звѣздами. Катя смотрѣла то на небо, пронизанное отблескомъ потухавшей зари, то въ сумракъ лѣса. Въ лѣсу все было загадочно и странно, а небо казалось веселымъ, понятнымъ и знакомымъ.

— Ну, ну, милая!—покрикивалъ Петя на лошадь.

— Да ты, Петя, въ самомъ дѣлѣ, знаешь ли дорогу?

— Ну, вотъ! отлично знаю. Сначала Крутой логъ, потомъ Майданова гора, потомъ повернуть направо. Я знаю.

— Но здѣсь ты никогда не бывалъ? Да? Правда?

— Положимъ. Да это глупости! Крутой логъ, повернуть направо—вотъ и все.

Лошадь пугливо фыркала, натыкаясь на вѣтви. Дорога круто пошла подъ гору. Впереди показалась мутная бѣлесоватая полоса.

— Это вода?—спросила Катя.

— Нѣтъ, это туманъ. Это и есть Крутой логъ... а тамъ и Майданова гора.

— Какъ славно!—сказала Катя.

— То-то и есть!—хвастливо возразилъ Петя.—Я говорилъ, что будетъ хорошо.

— А если разбойники нападутъ?

— Ахъ, вотъ бы отлично! Задалъ бы я имъ жару!..

— Ну, ужъ...

— Ты что думаешь? У меня съ собой револьверъ. Вотъ онъ. Ты не думай.

Невидимая дорога шла все подъ гору. Бѣлая полоса растянулась и ушла вправо. Впереди виднѣлись какія-то неясныя, расплывающіяся, сѣрыя и темныя пятна, тучи, деревья или горы—нельзя было понять.

„Гдѣ мы ѣдемъ?“ думала Катя: „можетъ быть, здѣсь никто никогда не бывалъ, и мы сейчасъ увидимъ что-нибудь необыкновенное“. У Пети было совсѣмъ другое направленіе мыслей. Онъ прежде всего полагалъ, что ему рѣшительно все извѣстно. „Крутой логъ проѣхали“, размышлялъ онъ, „сейчасъ должна быть Майданова гора, потомъ повернуть направо, а тамъ и Аликаевъ камень“.

— Ахъ... зарница!—сказала Катя.

— Гроза,—поправилъ Петя.—Зарница та же гроза, только отдаленная,—такъ въ физикѣ сказано.

— А Матрена говоритъ, что это калина зрѣетъ.

— Ну, что Матрена!.. Смотри, вонъ Майданова гора, видишь?

— Да это туча.

— Нѣтъ, это Майданова гора... Ахъ, мѣсяцъ! Посмотри, посмотри!

— Гдѣ? гдѣ?..

— Вонъ... ну, теперь ужъ не видно... красный, красный... Вонъ, вонъ, смотри...

Изъ-за темной массы показался мѣсяцъ, огромный, багровый, безъ блеска и безъ лучей. Онъ висѣлъ въ крас-

новато-буромъ туманѣ, гдѣ-то значительно ниже горизонта. Это казалось очень страннымъ.

— Посмотри, онъ точно въ водѣ плаваетъ... какъ низко!..

— Мы на горѣ, оттого такъ,—пояснилъ Петя.—Ну, дорогу мы теперь найдемъ!

Катя съ тревожнымъ любопытствомъ глядѣла на странную луну, и ей казалось, что она вспоминаетъ какую-то давно позабытую волшебную сказку.

— А я сегодня въ Верхній заводъ ѣздилъ,—сказалъ Петя съ выраженіемъ хвастливой таинственности.

— Зачѣмъ?

— Такъ. Къ рабочему одному. Отъ студента Кленовского съ запиской.

— И Кленовской, конечно, не велѣлъ тебѣ говорить объ этомъ?

— Да, не велѣлъ.

— Зачѣмъ же ты говоришь?

— Ну!.. тебѣ-то чего же!.. вотъ еще!

— И мнѣ не нужно было говорить... вообще не нужно болтать.

— Вотъ! развѣ я не знаю!.. Рабочаго зовутъ Иваномъ Костаревымъ. Онъ очень образованный, ей-Богу, хотя весь въ сажѣ и лицо испеклось отъ огня... И не молодой ужъ, лѣтъ подъ сорокъ... Знаешь, они что-то затѣваютъ, но Костаревъ говоритъ, что все это чепуха... Не съ того конца, говоритъ...

— То есть, что именно?

— Я не знаю. Все, говоритъ, уповаютъ на милость... остатки, говоритъ, рабскаго состоянія...

— Это онъ тебѣ говорилъ?

— Нѣтъ, не мнѣ, а тутъ другому какому-то. Я слышалъ ихъ разговоръ.

— Однако ты, Петрушка, болтливъ, какъ баба.

— Странное дѣло! но вѣдь это я тебѣ... Я понимаю, что дѣло секретное.

Гора кончилась, телѣжка плавно покатилась по ровному дну ложбины. Бѣлая полоса исчезла. Мѣсяцъ спрятался. Опять обступилъ ихъ со всѣхъ сторонъ лѣсъ, высокій, темный, загадочный... Опять ни впереди, ни по сторонамъ ничего нельзя было понять въ живомъ колеблющемся мракѣ, и только вверху, высоко-высоко, съ темно-синяго неба любовно и кротко сіяли звѣзды.

— Здѣсь все горы кругомъ—страсть! Дикое мѣсто,—сказалъ Петя.

— Ты поворотъ не прозѣвай.

— Я и то смотрю, да плохо видно. Должно быть, поворотъ еще впереди.

Выѣхали на какую-то прогалину, окруженную темными массами, непохожими ни на деревья, ни на кусты. Снова показалась луна, все такая же красная, но уже значительно выше.

— Тпру!..—крикнулъ Петя, внезапно сдерживая лошадь.

— Что случилось?

— Въ гору пошло: неладно ѣдемъ.

Соскочивъ съ облучка, онъ сталъ шарить руками по землѣ.

— Дороги нѣту... цѣликомъ ѣдемъ... вотъ оказія!..—говорилъ онъ и вдругъ замолкъ. Его поразила странная, необычайная тишина. Было такъ тихо, что слышалось біеніе пульса и, казалось, воздухъ съ жадностью ловилъ малѣйшій звукъ. Все кругомъ было странно и необыкновенно: и пестрая, переливающаяся, точно живая темнота, и чуткій воздухъ, влажный и ароматный, и дыханіе лошади, и небо со звѣздами, и трепетное біеніе сердца, и тотъ загадочный, едва уловимый шорохъ, какой бываетъ слышенъ въ лѣсу въ тихія іюльскія ночи... Вдругъ оба вздрогнули отъ внезапнаго испуга.

— О-го-го-го-ооо!.. — дико и страшно нарушилъ тишину чей-то нечеловѣческій голосъ. О-го!.. о-го!.. у-у-у!.. — гулко пошло по лѣсу, замирая и снова откликаясь уже откуда-то изъ необъятной дали.

— Что это? — нѣсколько мгновеній спустя, послѣ страшной паузы, прошепталъ Петя, чувствуя, что именно теперь настало время проявить все свое мужество.

— Не знаю, — вся похолодѣвъ, такимъ же трепещущимъ шепотомъ отвѣчала Катя.

— Это птица такая есть...

— Не знаю, только это не человѣкъ.

Черезъ минуту другой голосъ и уже съ другой стороны снова прервалъ воцарившееся безмолвіе, и опять ему отвѣтило эхо и разнесло по всѣмъ концамъ лѣса: у!.. у.. у-у-у!..

— Это люди, конечно, люди...

— Да, кажется...

Потомъ первый голосъ крикнулъ что-то протяжно, ему отвѣтилъ второй, но уже не такъ громко, послѣ чего въ лѣсу послышался гулъ обыкновеннаго разговора.

III.

Успокоившись, Петя и Катя сѣли въ телѣжку и поѣхали наугадъ. Отъѣхавъ съ полверсты, они увидѣли въ сторонѣ огонекъ.

— Надо спросить дорогу,—сказала Катя.

— А если разбойники?

— Ну, какіе здѣсь разбойники!

— А вотъ посмотримъ! — отвѣчалъ Петя и побѣжалъ на огонь.

Пробѣжавъ подъ-гору шаговъ сто, онъ замѣтилъ, что разстояніе, какъ будто, не уменьшается. Онъ оглянулся назадъ. Позади былъ одинъ мракъ: ни телѣжки, ни Кати не было видно. Онъ побѣжалъ еще прытче, попалъ въ лужу и промочилъ ноги. Луна скрылась, вскорѣ и огонекъ исчезъ. Спотыкаясь, Петя все бѣжалъ по одному направленію и, наконецъ, поднявшись на какой-то бугоръ, вдругъ очутился у костра, вокругъ котораго сидѣли и лежали люди. Кто-то съ сальной свѣчкой въ рукахъ громко читалъ. Остальные внимательно слушали.

„Это разбойники“, — подумалъ Петя и ощупалъ въ карманѣ револьверъ. Приблизившись къ костру, онъ теаральнымъ жестомъ приподнялъ фуражку и сдѣлалъ общій поклонъ.

— Здравствуйте, добрые люди!—сказалъ онъ, едва переводя духъ отъ волненія и усталости.

Двое или трое испуганно вскочили; другіе, оставшись лежать и сидѣть на землѣ, оглянулись на него сурово и подозрительно.

— Постой-ка-сь, что это?.. Подожди! — обращаясь къ чтецу, тревожно проговорилъ черный мужикъ въ красной рубахѣ, атаманъ, какъ подумалъ Петя. — Откудова эдакой взялся?..

Снова вѣжливо приподнявъ фуражку и отставивъ одну ногу назадъ, какъ это дѣлаютъ пѣвцы на сценѣ, когда имъ приходитъ время пѣть, Петя объяснилъ, что онъ путешественникъ, съ товарищами (это слово онъ подчеркнулъ), сбился съ дороги и принужденъ обратиться къ великодушію добрыхъ людей, которые, конечно, не откажутъ указать ему путь.

— Да ты откудова? — спросилъ его тотъ же черный мужикъ.

— Изъ завода.

— А куда тебѣ надо?

— На Аликаевъ камень.

— Зачѣмъ?

— Такъ... нужно...

— Для разгулки, стало быть? Съ господами?

— Да...

— Крюку дали... верстъ пять.

— Да вы не Петръ ли Миколаичъ будете? Чего-то, гляжу я, ровно вы? — спросилъ молодой бѣлокурый парень, въ которомъ Петя тотчасъ же узналъ знакомаго Николку - охотника.

Петя хотѣлъ было спросить его, зачѣмъ онъ ушелъ въ разбойники, но изъ деликатности удержался. Николка, между тѣмъ, дружески тряхнулъ ему руку и вызвался быть провожатымъ. Онъ объяснилъ, что они стерегутъ лошадей, и Петя, въ самомъ дѣлѣ, увидѣлъ выступавшіе изъ мрака лошадиные головы и хвосты.

— А кто тутъ кричалъ давеча?

— Это наши въ лѣсу ходили.

Между тѣмъ, чтецъ, вскочивъ на ноги, хлопнулъ Петю по плечу.

— Петрушка!—закричалъ онъ:—Сбившійся съ дороги путешественникъ! Ты зачѣмъ здѣсь?

— Господи!.. это вы?..—съ изумленіемъ отвѣчалъ Петя:— какъ вы это?.. зачѣмъ?

— По кляузнымъ дѣламъ, въ родѣ подпольнаго адвоката. А ты заблудился, бѣдняга?

— Да, темно... сбились съ дороги.

— Ты туда, на пикникъ, что ли?

— Да, да.

— Подожди, и я съ тобой, только вотъ съ кліентами раздѣлаюсь. Ну-съ, господа, прошу вниманія: будемъ продолжать,—сказалъ Кленовской мужикамъ, которые все еще косо и недружелюбно посматривали на Петю.

— Вотъ что... послушай-ко сь... не погодить ли, Миколай Миколаичъ?..—послышались нерѣшительные голоса.

— Чего погодить? Зачѣмъ?

— До предбудущаго времени... переждать малость...

— Да вы его, что ли, боитесь? Петьки-то?.. Ха,ха!.. О, вы сермяжные конспираторы! Собирающіеся ниспровергнуть существующій строй!.. Чудаки! да вѣдь вы только прошеніе подаете, самое простое прошеніе,—къ чему же вся эта таинственность?

— Эхъ, Миколай Миколаичъ!.. какъ ты, ей Богу... самъ хорошо понимаешь... говорили мы тебѣ... Дѣло требуетъ аккурату...

— Ну, ладно. Петьки, во всякомъ случаѣ, стѣсняться

нечего: не выдастъ Петька! Обо всемъ, что ты здѣсь видишь и слышишь, никому ни гугу!.. Ну, слушайте!..

Кленовской сталъ читать.

— Ну, что-же? Ладно, что ли? Правильно?—спросилъ онъ, окончивъ чтеніе.

— Все правильно... какъ есть... — заговорили мужики: — Спасибо! Господь тебя не оставитъ... Ужъ ежели и это не въ силу закона, то ужъ и не знаемъ...

— Хорошо. Подписывайтесь.

Первымъ подошелъ высокій, худой мастеровой въ пиджакѣ, тотъ самый Иванъ Костаревъ, которому Петя отвозилъ записку. Примостившись у доски, положенной на землю, онъ бойко подмахнулъ свою фамилію и передалъ перо сосѣду. Тотъ недовѣрчиво осмотрѣлъ перо, вздохнулъ, перекрестился, сказалъ: „въ добрый часъ!.. благослови, Царица Небесная!“ потомъ легъ животомъ на землю и медленно сталъ выводить безобразныя каракули, напрасно стараясь удержать судорожныя движенія руки. За нимъ, такъ же крестясь, серьезно и степенно, по очереди, стали одинъ за другимъ подходить остальные. Среди ночной тишины слышались только сокрушенные вздохи и пыхтѣнье подписывавшихся.

— Итакъ, значитъ, сегодня, на Аликаевомъ камнѣ,—нарушая напряженное безмолвіе, заговорилъ Кленовской: — черезъ депутацію и при самой торжественной обстановкѣ... Вотъ-то, я думаю, удивится ученый генералъ!.. Ну, не чудаки ли вы? Не проще ли было придти на квартиру, по-человѣчески поговорить и по-человѣчески передать прошеніе?

— Не допустятъ насъ... Господи Боже мой! развѣ мы не знаемъ!.. Обыщутъ, просьбу отберутъ, въ чижовку посадятъ... Это бы наплевать, да просьба пропадетъ безъ послѣдствія... Только бы въ руки ему передать, а тамъ ужъ... чего-жъ... наше дѣло правое!..

— Пошлите почтой.

— Ну! почтой!.. знаемъ мы... Сколько разовъ по почтѣ-то посылали, все безъ послѣдствія... Не доходитъ!.. Писали, писали, а все либо становой, либо писарь постановляютъ рѣшеніе: безъ послѣдствія и все тутъ!.. Извѣстно, у нихъ и на почтѣ свои люди... рука руку моетъ...

— Дайте мнѣ, я передамъ.

— Нѣтъ ужъ, зачѣмъ же... не ладно... надо намъ поговорить съ имъ... не повѣритъ еще тебѣ... молоденекъ ты...

— Гмъ!... А по почтѣ не дойдетъ?

— Не дойдетъ. Пробовали.

— Все это, други мои, чепуха! Неправдоподобно!... А просто на просто просьбы ваши оставляются безъ вниманія. И я вамъ объяснялъ—почему.. И теперь ничего не выйдетъ,

ужъ это какъ Богъ святъ. Законъ на вашей сторонѣ, да что толку! Не въ законѣ сила... Вы должны, наконецъ, понять, что вамъ надѣяться не на кого... только на себя надѣйтесь... Ну, да объ этомъ уже было говорено двадцать разъ... Вы представляете себѣ какого-то сказочнаго генерала, отца-благодѣтеля, который, какъ только узнаетъ правду, сейчасъ же пожалѣетъ васъ, осчастливитъ, облагодѣтельствуетъ... Такихъ генераловъ, други мои, не бываетъ, не было никогда и не будетъ, а если и случился бы такой, такъ ничего онъ не сдѣлаетъ, потому что много другихъ, и все генералы... Во всякомъ случаѣ, желаю успѣха. До свиданія!... Петька, идемъ.

— Гдѣ у васъ лошадь?—спросилъ Николай, когда они втроемъ, оставивъ за собой освѣщенное огнемъ пространство, вошли въ темноту.

Петя крикнулъ:—Катя, а у!

— Здѣсь!—отвѣтилъ звонкій дѣвичій голосъ изъ непроглядной тьмы.

— Вонъ гдѣ,— сказалъ Петя.

Спотыкаясь о неровности почвы, они торопливо побѣжали на голосъ.

— Кто это?—вдругъ остановившись, испуганно закричалъ Петя.

— Гдѣ? Кого ты увидалъ?..—спросилъ Кленовской.

— Вонъ тамъ... кто-то загородилъ мнѣ дорогу... Человѣкъ какой-то, ей-Богу... Я видѣлъ, какъ онъ бросился туда, въ кусты...

— Погодите... я сейчасъ...—произнесъ Николай и исчезъ въ темнотѣ.

Петя и Кленовской слышали нѣкоторое время его торопливо удаляющіеся шаги, потомъ все смолкло. Кругомъ была тьма, только костеръ ярко горѣлъ позади; передъ нимъ, заслоняя его, безпокойно бѣгали тѣни.

— Нѣту!—сказалъ внезапно вынырнувшій изъ темноты Николай:—притаился гдѣ-то подлецъ. Всѣ кусты обшарилъ.

— Кто-жъ это, ты думаешь?

— Кто? Извѣстно кто.

— Да тебѣ, можетъ быть, Петька, показалось?

— Нѣтъ, нѣтъ, я видѣлъ фигуру человѣка... она юркнула туда... ей Богу...

— Ну, наплевать!.. Кто бы ни былъ... эка важность, наплевать!

Вскорѣ Николка сидѣлъ на козлахъ рядомъ съ Петей, а Кленовской въ телѣжкѣ съ Катей. Кленовской оживленно разсказывалъ Катѣ о предпріятіи мужиковъ.

— Ну, Петръ Миколаичъ,—говорилъ, между тѣмъ, Никол-

ка,—важно ѣхать теперь: мотри, мѣсяцъ изъ-за горы лѣзетъ.

Минутъ пять спустя, когда выѣхали на дорогу, онъ вдругъ придержалъ лошадь.

— Поѣзжайте одни,—сказалъ онъ, понижая голосъ:—дорога прямая, а я побѣгу... надо нашимъ сказать...

— Что сказать?.. О чемъ?

— Глянь-ко-сь вонъ туды... кто-то за нами на вершной слѣдитъ... урядникъ, либо не знаю кто... вонъ за кустомъ притаился...

Однако ни Петя, ни Кленовской не могли ничего разсмотрѣть... Вдругъ свистящій ударъ нагайки прорѣзалъ воздухъ, и кто то поскакалъ подъ гору вправо отъ дороги... На мигъ что-то металлическое сверкнуло при лунѣ; дробный топотъ копытъ отдался въ горахъ и замолкъ... Снова все стало тихо. Николка, соскочивъ съ козелъ, скрылся.

— Фу ты!.. неужели, въ самомъ дѣлѣ, полиція?—проговорилъ Кленовской:—чего ей надо?

Петя и Катя молчали. Лошадь сама тронулась и лѣниво поплелась въ гору.

— Однако, что же это?..—продолжалъ Кленовской:—неужели ужъ до такой степени?.. Неужели жалобы нельзя написать безъ выслѣживанія?..

— У нихъ своя сыскная полиція, а кромѣ того, и такая всегда къ услугамъ,—сказала Катя.

— Ахъ, чортъ возьми!.. Напугаютъ мужиковъ... Но, въ концѣ концовъ, что же они могутъ сдѣлать? Чего они хотятъ? Чего имъ надо?..

— Можно всего ожидать...

— Ну, чортъ ихъ бей!.. Увидимъ, узнаемъ.

Вдругъ опять послышался конскій топотъ. Всѣ насторожились. Кто-то скакалъ имъ навстрѣчу. Темный силуэтъ всадника промелькнулъ черезъ мертвенно-освѣщенную луной поляну и скрылся въ тѣни.

— Петруха, это ты?—раздался вслѣдъ затѣмъ изъ темноты чей-то густой, очень пріятный голосъ.

— Я, я!—отвѣчалъ Петя и прибавилъ, обращаясь къ Катѣ:—это Иванъ Петровичъ Свѣтлицынъ.

— Ага!—проворчалъ Кленовской,—господинъ химикъ и лаборантъ... маркизъ Поза, Донъ-Жуанъ... Знаете что,—обратился онъ къ Катѣ:—вы не очень-то довѣряйтесь этому франту...

— Почему это?

Въ голосѣ Кати слышалось негодованіе.

— Да ужъ такъ... нестоющій человѣкъ!..

— Кленовской! стыдитесь!..

— А что?

— Вы попробуйте сказать ему это въ глаза.

— Говорилъ ужъ...

— И что же?

— Да ничего... соглашается...

— Вы заблуждаетесь, Кленовской... онъ хорошій, хотя, можетъ быть, и безхарактерный человѣкъ...

— Положимъ, я хватилъ черезъ край, но всетаки онъ ненадежный... не твердъ въ упованіяхъ и, притомъ, въ плѣну у царицы Тамары.

— Здравствуйте! Гдѣ вы пропадали?—выдвигаясь изъ тѣни, заговорилъ всадникъ.

— Это вы, Иванъ Петровичъ?

— Я. Живы ли?

— Какъ видите.

— Слава Богу!.. Тамъ изъ-за васъ переполохъ. Меня командировали учинить розыскъ. Что случилось?

— Заблудились.

Иванъ Петровичъ засмѣялся.

— Я такъ и зналъ,—продолжалъ онъ,—а все Петька... Мы ужъ давно тамъ. И ученый генералъ пожаловалъ. Сидитъ, какъ сычъ, молчитъ, а наши вкругъ него увиваются... Посмотрите, какая ночь!..

— Да, да... собственно, мы чудо какъ прокатились.

— А это кто съ вами? Кленовской ты?..

— Собственной персоной.

— Ты-то какъ здѣсь? Я думалъ, ты давно уже тамъ, на камнѣ.

— Буду и тамъ.

— Гдѣ-жъ ты былъ?

— На митингѣ. Петицію мужики подаютъ. Но ты уже, конечно, знаешь объ этомъ.

Свѣтлицинъ нѣкоторое время, молча, ѣхалъ рядомъ съ телѣжкой.

— Знаю, — наконецъ, промолвилъ онъ: — слышалъ отъ Конюхова.

— Ага! ему, стало быть, уже извѣстно?

— Извѣстно.

— Какимъ образомъ?

— Не знаю.

— Что же, именно, извѣстно?

— Да, кажется, все извѣстно.

— Такъ-съ.

Сквозь чащу сосенъ и елей замелькали огни; высоко, точно повиснувъ въ воздухѣ, показался ярко горѣвшій костеръ;

послышался издалека серебристый женскій смѣхъ и веселый говоръ, потомъ вдругъ грянула пѣсня.

— Наши поютъ!—закричалъ Петя и, приподнявшись на козлахъ, погналъ лошадь. Вскрикивая и дрожа отъ нетерпѣнія, онъ оглядывался назадъ и, захлебываясь, говорилъ:

— Ну, ребята, славно прокатились!.. ей-Богу!... отлично!.. Эхъ, катай-валяй, Ивановна!.. А вѣдь молодцы мы, ей-Богу, право!

Пѣсня звучала очень стройно, но Петѣ было досадно, что тамъ поютъ безъ него, и онъ все продолжалъ нахлестывать лошадь.

— Петька! тише! голову сломишь, сумасшедшій!—кричалъ ему Кленовской. Но Петя не слушалъ и гналъ, какъ на пожаръ.

Вдругъ надъ вершинами темныхъ елей показался Аликаевъ камень, дикая скала, у подножія которой съ мелодическимъ журчаньемъ несется по камнямъ горная рѣчка Саранка. Весь облитый луннымъ свѣтомъ, онъ казался призрачнымъ воздушнымъ замкомъ на черномъ фонѣ хвойнаго лѣса. На вершинѣ его и ниже, на одномъ изъ уступовъ, горѣли костры, и оттуда-то неслась пѣсня.

Петя круто сдержалъ лошадь передъ темными высокими воротами, за которыми виднѣлись страннаго вида постройки съ остроконечными крышами. Ворота отворились, и они въѣхали во дворъ, усыпанный мелкимъ пескомъ и обсаженный кругомъ кустами акаціи. Здѣсь стояли экипажи и лошади, ходили какіе-то люди.

— Возьмите лошадей,—распорядился Свѣтлицынъ, послѣ чего всѣ трое вышли за ворота.

Петя совсѣмъ потерялъ голову и метался, какъ угорѣлый. Когда пѣсня смолкла, онъ, приставивъ руку ко рту, закричалъ, что было силы:

— Эй, вы!.. господа!.. ого-го!..

Вверху на камнѣ заговорили:—Вѣдь это Петя?.. Онъ, онъ...—и чей-то зычный голосъ крикнулъ: „ты Петя?“ такъ, что эхо въ горахъ повторило разъ пять: Петя... Петя... ты Петя...

Петя звонко отвѣтилъ:—Я!—и эхо также отвѣтило: я, я, я!.. Вверху раздались аплодисменты и крики „браво, браво!“.. Въ горахъ также зааплодировали и закричали: браво, браво!..

— Идемъ!—сказалъ Свѣтлицынъ, и они пошли сначала лощиной въ тѣни кустовъ, потомъ круто въ гору по узкой каменистой тропинкѣ.

IV.

На широкомъ уступѣ скалы, подъ соснами, лѣпившимися въ разсѣлинахъ камней, была раскинута большая пестрая палатка съ флагами и разноцвѣтными фонариками. Подъ ея полотнянымъ сводомъ и кругомъ разставлены были столы съ самоварами, винами и закусками, разбросаны попоны и ковры. Здѣсь размѣщалась исключительно солидная часть общества. Молодежь, какъ стадо дикихъ козъ, ползала по камнямъ, оглашая воздухъ веселымъ шумомъ свѣжихъ, молодыхъ голосовъ.

Въ центрѣ палатки, окруженный плотнымъ кольцомъ нарядныхъ дамъ и почетнѣйшихъ лицъ, потурецки подобравъ подъ себя ноги, сидѣлъ генералъ Полянскій. Его обрюзгшее бритое лицо съ потухшими глазами, легкій клѣтчатый пиджачекъ и пестрая шапочка на головѣ дѣлали его похожимъ на стараго, но еще молодящагося актера. Онъ разсѣянно слушалъ управляющаго заводами Конюхова и смотрѣлъ внизъ, въ просвѣтъ палатки, гдѣ сквозь лилово-голубую мглу виднѣлось дно освѣщенной луною долины и наполовину серебряная, наполовину темная извилина рѣки. Хотя онъ путешествовалъ инкогнито, въ качествѣ простого туриста, но было извѣстно, что ему поручено выяснить на мѣстѣ кой-какія важныя обстоятельства, собрать свѣдѣнія, въ чемъ-то лично убѣдиться и представить свои соображенія. Населеніе вездѣ ожидало его съ нетерпѣніемъ и возлагало на него несбыточныя надежды. Поэтому по всѣмъ заводскимъ округамъ даны были въ отношеніи его указанія и соотвѣтствующія инструкціи. Утомленный суетливо проведеннымъ днемъ и, вообще, своимъ путешествіемъ по Уралу, Полянскій былъ весьма недоволенъ настоящей прогулкой по дикимъ мѣстамъ къ дикому мѣсту, отъ которой онъ не имѣлъ мужества отказаться. Его очень тяготили почести, которыя ему оказывались. Вездѣ, куда онъ ни пріѣзжалъ, ему устраивались неоффиціальныя, но весьма торжественныя встрѣчи, съ рѣчами, съ хлѣбомъ-солью, съ воскуреніемъ фиміама его ученой и административной дѣятельности, въ его распоряженіе отводились княжескіе аппартаменты съ многочисленной прислугой, высылались навстрѣчу рессорные экипажи, давались въ честь его обѣды, балы, вечера, устраивались экскурсіи и увеселительныя прогулки. Онъ жилъ, какъ въ чаду, не имѣя времени ни для отдыха, ни для работы, и не разъ бранилъ въ душѣ чрезмѣрность русскаго гостепріимства.

— — —

— У насъ, ваше превосходительство, край патріархальный,—говорилъ Конюховъ, и его длинная, сухая фигура съ деревяннымъ неподвижнымъ лицомъ и солдатскими усами изображала собой окоченѣвшую почтительность.—Пресловутая конкурренція, эксплуатація труда и тому подобное—для насъ пустыя слова. У насъ нѣтъ ни эксплуатаціи, ни конкурренціи, а есть вотъ что. Выростаетъ дѣтина въ сажень ростомъ, и сейчасъ же подавай ему работу: онъ лѣзетъ за ней, какъ въ собственный свой карманъ,—давай! И даютъ. Если нѣту,—придумывай! И придумываютъ. Всѣ отношенія, такимъ образомъ, построены на филантропическихъ началахъ. На первый взглядъ это кажется невѣроятнымъ, а между тѣмъ это фактъ!.. Осмѣлюсь спросить, какое у вашего превосходительства сложилось представленіе?

Генералъ тускло посмотрѣлъ на собесѣдника сквозь золотыя очки и ничего не отвѣтилъ.

— При томъ же, конкурренцію у насъ немыслимо допустить,—продолжалъ Конюховъ,—потому что, помилуйте! тогда мастеровые очутились бы въ безвыходнѣйшемъ положеніи, могу васъ увѣрить! То есть, если на заграничный образецъ... и могло бы выйти Богъ знаетъ что... У насъ же, благодаря патріархальности, слава Богу, все спокойно... Посмотрите, рабочіе ѣдятъ пшеничный хлѣбъ, молоко, мясо; у всѣхъ по праздникамъ пироги, у каждаго парня непремѣнно гармоника... всѣмъ назначается безобидная божеская плата... Однимъ словомъ, могу засвидѣтельствовать, что, благодаря непрестаннымъ попеченіямъ владѣльца, населеніе ни въ чемъ не терпитъ нужды... Напримѣръ, такой фактъ...

Остальные гости погружены были въ благоговѣйное безмолвіе и, почтительно слушая разговоръ, не спускали глазъ съ генерала. Одинъ только главный лѣсничій, сѣдовласый старикъ, похожій на Дарвина, Николай Ипполитовичъ Кленовской, человѣкъ честолюбивый и злобный, котораго боялись всѣ за доносы и интриги, позволялъ себѣ изрѣдка односложныя реплики.

Дамы, окоченѣвшія отъ скуки, тоскливо переглядывались и украдкой шептались, неодобрительно посматривая на хозяйку, Анну Ивановну Конюхову, которая, по ихъ мнѣнію, приняла съ генераломъ слишкомъ непринужденный тонъ. Анна Ивановна, молодая, красивая брюнетка, съ черными ласкающими глазами, стройная и граціозная, не смотря на свою полноту, въ противоположность супругу, отличалась необыкновенной подвижностью, рязвязными манерами и неистощимымъ весельемъ.

— Фактъ тотъ,—засмѣявшись и перебивая мужа, заговорила она,—что его превосходительству смертельно надоѣли

твои факты: все факты да факты—безъ конца... Надо же, наконецъ, отдохнуть и поговорить о чемъ нибудь человѣческомъ... Ваше превосходительство, какъ вамъ нравятся наши сѣверные пейзажи? Не правда ли, дико, сурово, но не лишено своеобразной прелести?

— О, да! — благодарно улыбаясь, отвѣтилъ генералъ:— чудныя мѣста!.. Да вотъ хоть бы это, гдѣ мы теперь... я все смотрю внизъ, въ долину—какая прелесть!.. Извините, я позабылъ, какъ называется этотъ утесъ?

— Аликаевъ камень.

— Да, да... Почему онъ такъ называется?

— Былъ атаманъ разбойниковъ Аликай, по его имени названъ этотъ камень. О немъ существуютъ въ народѣ сказанія и легенды. Говорятъ, напримѣръ, что онъ влюбился въ жену тогдашняго управляющаго и похитилъ ее.

— А! это весьма интересно,—промолвилъ генералъ.

— Говорятъ еще, что здѣсь гдѣ-то зарытъ кладъ, десять боченковъ съ золотомъ,—вступился Конюховъ, — только онъ никому не дается: слова не знаютъ. То свѣча горитъ, то казакъ стоитъ съ ружьемъ на часахъ, то черная собачка бѣгаетъ, а подойдутъ ближе—ничѣмъ-ничего! Станутъ рыть—плита, подъ плитой десять боченковъ; какъ жаръ, горитъ золото, а взять его нельзя: чуть притронутся—оно въ землю уходитъ.

— Очень любопытно.

— Такъ и до сихъ поръ кладъ лежитъ. Тамъ внизу, у рѣчки все изрыто, роются, говорятъ, еще и теперь, но пока безуспѣшно.

— А какія же существуютъ сказанія?

— Если вамъ не будетъ скучно, я могу кое-что разсказать.

— Пожалуйста, будьте добры.

Конюховъ, усердно занимавшійся археологіей, раскопками кургановъ и чудскихъ городищъ, разборкою заводскихъ архивовъ, кромѣ того, собиралъ сказки и народныя пѣсни и очень гордился этими своими занятіями. Какъ самоучка, непричастный къ школьной наукѣ и вышедшій въ люди изъ конторскихъ писцовъ, онъ любилъ щегольнуть при случаѣ своими занятіями и знакомствомъ съ исторіей мѣстнаго края.

— Сказаніе состоитъ, собственно, въ слѣдующемъ, — началъ Конюховъ.

Въ это время, цѣпляясь за камни, со смѣхомъ и шумомъ, спустились на площадку Свѣтлицынъ, Петя, Катя и студентъ Кленовской. Приблизившись, они примолкли и, чтобъ не мѣшать разговору, тихонько сѣли въ сторонкѣ позади

Анны Ивановны. Слѣдомъ за ними спустились еще двѣ дѣвицы и другой студентъ и также скромно усѣлись въ сторонкѣ.

Анна Ивановна жестами пригласила ихъ пересѣсть поближе и распорядилась дать имъ чаю.

V.

— Сказаніе заключается въ слѣдующемъ, — повторилъ Конюховъ, строго посмотрѣвъ на молодежь. — Впрочемъ, прежде надо сказать нѣсколько словъ о фактической или, вѣрнѣе, исторической его подкладкѣ. Во-первыхъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что Аликай лицо вовсе не миѳическое, а дѣйствительное. Во-вторыхъ, и жилъ-то онъ не такъ давно, не болѣе шестидесяти лѣтъ назадъ, слѣдовательно, старики должны его помнить. Въ то время заводами управлялъ знаменитый на Уралѣ Спиридонъ Карповичъ Золинъ изъ вольноотпущенныхъ, человѣкъ огромнаго ума, непреклонной воли и необычайной энергіи, прославившійся небывалой даже для тогдашняго времени жестокостью въ обращеніи съ рабочимъ людомъ. Это былъ звѣрь въ полномъ смыслѣ слова, не знавшій ни жалости, ни пощады. Онъ на смерть засѣкалъ людей, бросалъ ослушниковъ въ доменныя печи, сгонялъ за сотни верстъ приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ, и тѣ гибли въ рудникахъ и куреняхъ отъ голода, лишеній и непосильной работы. За то въ нѣсколько лѣтъ онъ увеличилъ выдѣлку желѣза вдвое, а добычу золота въ пять разъ. Въ 1824 году Уралъ посѣтилъ императоръ Александръ Благословенный. Двое мастеровыхъ возымѣли неслыханную дерзость подать жалобу государю, но Золинъ приказалъ разстрѣлять ихъ. Мастеровыхъ казнили на площади въ присутствіи горнаго исправника и взвода казаковъ. Это была настоящая публичная казнь со всѣми аттрибутами тогдашнихъ казней: былъ священникъ съ крестомъ, эшафотъ, позорная колесница, палачъ въ красной рубахѣ. Разумѣется, послѣ этого уже никто не дерзалъ помышлять о жалобахъ. Золина представили государю въ качествѣ выдающагося дѣятеля горнопромышленности, и онъ очаровалъ его умомъ, краснорѣчіемъ, смѣлостью и благородствомъ сужденій. Государь совѣтовался съ нимъ о приведеніи казенныхъ заводовъ въ такое же цвѣтущее состояніе, какъ Бардымскіе, и говорилъ потомъ, что часовая бесѣда съ Золинымъ была поучительнѣе для него, чѣмъ все путешествіе по Уралу. Золинъ былъ обласканъ, осыпанъ милостями и щедро награжденъ. Однако, вскорѣ случилось одно обстоятельство, которое повлекло за собой неожиданныя послѣд-

ствія. Штейгеръ Волковъ случайно проговорился объ разстрѣляніи мастеровыхъ чиновнику, командированному изъ Петербурга. Объ этомъ было сказано къ слову, вскользь, между прочимъ, но чиновникъ заинтересовался, навелъ справки и обо всемъ написалъ въ Петербургъ. Сообщеніе это произвело большое впечатлѣніе, и для раскрытія зло дѣяній Золина командированъ былъ флигель-адъютантъ графъ Костровъ. То, что обнаружилось на мѣстѣ, превзошло всякое вѣроятіе. Графъ Костровъ пришелъ въ ужасъ и круто принялся за дѣло. Сгоряча онъ приказалъ арестовать Золина и самъ началъ слѣдствіе. Однако, очень скоро дѣло застряло въ трясинѣ канцелярской волокиты. Мѣстное чиновничество, начиная съ губернатора и главнаго начальника Уральскихъ заводовъ, оказывало графу открытое противодѣйствіе: его распоряженія не исполнялись, выкрадывались изъ-подъ печатей бумаги и компрометирующіе документы, исчезали вещественныя доказательства, перехватывались переписки; самый арестъ Золина существовалъ только на бумагѣ: въ дѣйствительности, Золинъ проживалъ въ своемъ городскомъ палаццо, принималъ гостей, задавалъ пиры, отдавалъ распоряженія и даже ѣздилъ на заводы. Графъ горячился, терялъ голову, выходилъ изъ себя, писалъ донесенія въ Петербургъ. На него, въ свою очередь, сыпались жалобы отъ главнаго начальника, съ предупрежденіемъ, что легкомысленное поведеніе графа можетъ поднять весь Уралъ. Разумѣется, не дремали и вліятельные покровители Золина. Кончилось тѣмъ, что графа отозвали въ Петербургъ, и дѣло пошло обычнымъ приказнымъ порядкомъ. Въ разслѣдованіи Кострова усмотрѣны были какія-то упущенія, началась нескончаемая переписка по поводу разныхъ второстепенныхъ обстоятельствъ, арестъ Золина былъ признанъ преждевременнымъ, а вслѣдъ затѣмъ и самое дѣло, наполовину утерянное, за недостаткомъ уликъ было прекращено. Золинъ снова воцарился на заводахъ. Тогда началась расправа съ недовольными. Десятки людей были засѣчены до смерти, многихъ сдали въ солдаты, другихъ сослали въ Сибирь. Каждый изъ уцѣлѣвшихъ дрожалъ за свою судьбу. Въ это-то время и выступаетъ на сцену Аликай.

— Отсюда, стало быть, начинается уже легенда?

— Да... или, вѣрнѣе, изустная исторія... Аликай считался въ народѣ колдуномъ, про него говорили, что онъ „знаетъ"; лѣтъ десять онъ находился въ бѣгахъ и въ послѣдній разъ пришелъ откуда-то съ Волги. По разсказамъ, появленіе его было очень эффектно. Онъ пришелъ утромъ въ праздникъ, когда наказывали конокрада Степана Баталова. Въ красной кумачной рубахѣ, въ плисовыхъ шароварахъ, въ шляпѣ съ

алою лентой, здоровый, бравый, саженнаго роста, черный, какъ жукъ, вышелъ онъ на средину площади передъ народомъ и весело, соколомъ, осмотрѣлся кругомъ. Его узнали, и гулъ радостнаго изумленія прокатился въ толпѣ. Исправникъ приказалъ взять его, но никто не тронулся съ мѣста: всѣ, даже казаки, стояли въ оцѣпенѣніи, какъ очарованные. Аликай, растолкавъ людей, стоявшихъ въ строю съ шпицрутенами, вошелъ въ зеленую улицу, отвязалъ Баталова отъ крестовины и голаго безъ рубахи повелъ за собой въ толпу. Народъ молча улицей разступился передъ нимъ. Едва онъ исчезъ, произошла невообразимая суматоха. Обыскали весь заводъ, но Аликай, какъ въ воду канулъ. Впрочемъ, черезъ недѣлю его вмѣстѣ съ Баталовымъ накрыли въ кабакѣ, заковали въ цѣпи и посадили въ конторскій казематъ. На другой день утромъ нашли въ казематѣ только брошенные въ уголъ кандалы, кисетъ съ табакомъ да вывороченную изъ окна рѣшетку,—заключенные исчезли. Говорятъ, Аликаю понравилась эта скала, и онъ здѣсь поселился. Къ нему собралось десятка два головорѣзовъ, и они устроили настоящую молодецкую заставу, откуда держали въ повиновеніи всю округу. Случалось, что разбойниковъ ловили, но благодаря „знанію“ Аликая, ихъ не держали никакіе затворы Разсказываютъ, что однажды Аликая посадили въ каменный мѣшокъ. Онъ ослабѣлъ и попросилъ напиться. Ему дали ковшъ съ водой. Аликай перекрестился, нырнулъ въ воду и вынырнулъ уже версты на три ниже завода изъ рѣчки Саранки и скрылся въ горахъ. Другой разъ онъ начерталъ мѣломъ на полу лодку: откуда ни возьмись весла, разбойники сѣли, запѣли пѣсню и уплыли. По требованію Золина противъ Аликая было выслано войско. Солдаты три дня плутали въ лѣсу, ночью ихъ напугалъ лѣшій, и когда они, наконецъ, добрались до камня, тамъ никого не оказалось. Золинъ, не боявшійся ни Бога, ни людей, но страшившійся чорта, рѣшительно спасовалъ передъ Аликаемъ. Онъ присмирѣлъ, окружилъ себя стражей, никуда не показывался. Населеніе въ первый разъ вздохнуло свободно. Аликай открыто появлялся въ народѣ, гарцевалъ передъ господскимъ домомъ, переругивался съ казаками. Дѣло дошло до того, что ему приносились жалобы, онъ вмѣшивался въ распоряженія конторы, диктовалъ условія, наказывалъ ослушниковъ. Въ одно прекрасное утро исчезла у Золина молодая жена, которую онъ вывезъ откуда-то издалека. Она жила затворницей, какъ птица въ клѣткѣ, не видя людей. Рѣшили, что она утопилась, и долго искали ее въ пруду, но Аликай прислалъ сказать, что она жива и находится въ сохранномъ мѣстѣ. Тутъ Золинъ еще разъ проявилъ свою страшную

энергію: сбилъ до тысячи человѣкъ народу и устроилъ на Аликая облаву. Десять дней люди не выходили изъ лѣсу, голодали, не спали ночей: самъ Золинъ похудѣлъ, одичалъ, волосы его побѣлѣли. Обыскали всѣ окрестности, но Аликая не нашли. Когда вернулись домой, оказалось, что управительскій домъ сгорѣлъ до тла. Тогда Золинъ, въ припадкѣ бѣшенства, поджегъ фабрику, магазины и контору. Огонь перебросило на обывательскіе дома, и къ вечеру отъ селенія осталось только черное дымящееся поле. Золинъ скрылся и больше никогда уже не возвращался въ заводы. Разсказываютъ, что онъ поселился въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ и умеръ въ 1843 году.

— А что же Аликай?

— Онъ тоже прожилъ недолго. По разсказамъ, значительную часть своихъ сокровищъ онъ роздалъ народу. Но вскорѣ и его постигла Божья кара: захворала и умерла его любовница, жена Золина. Схоронивъ ее подъ камнемъ, Аликай посѣдѣлъ въ одну ночь и цѣлыя сутки лежалъ на ея могилѣ, какъ мертвый, потомъ распустилъ шайку, щедро надѣлилъ ее деньгами, остальное зарылъ, затѣмъ поднялся на вершину, бросился внизъ и разбился о камни.

— Гмъ!.. да, были нравы!—сказалъ генералъ и поднялся съ мѣста.

— Да, было да прошло... и слава Богу!..

VI.

Слегка прихрамывая на лѣвую ногу, генералъ вышелъ изъ палатки. За нимъ потянулось все общество.

— Какая прелесть!—сказалъ онъ, осматриваясь кругомъ.

— Да, да!.. прелестно!..

Дамы кокетливо взвизгивали, заглядывая въ пропасть, на днѣ которой бѣлѣли крупные и мелкіе камни, и чернѣла узкая излучина рѣки.

— Ухъ, костей не соберешь!.. Ринуться съ такой высоты—это ужасно!..

— А ночь-то, ночь!.. Ваше превосходительство, посмотрите, отъ росы лугъ кажется бѣлымъ...

— А слышите, какъ журчитъ рѣка... она точно лепечетъ о чемъ-то...

Горѣвшій неподалеку костеръ то вспыхивалъ яркимъ пламенемъ, освѣщая колеблющимся свѣтомъ деревья и камни, то разливая вокругъ себя ровный, багрово-зловѣщій свѣтъ. Около него копошились подростки и прислуга, приготовлявшая ужинъ. На вышкѣ скалы опять хоромъ запѣли пѣсню,

отъ которой все ожило и мерцавшая въ лунномъ сіяніи даль получила какой-то загадочный смыслъ.

— Очень, очень мило,—говорилъ генералъ. — Это молодежь поетъ? Очень, очень мило!..

— У насъ по лѣтамъ иногда составляется большой хоръ... Сегодня еще не всѣ.

Конюховъ, заложивъ за спину руки, длинный и прямой, какъ палка, стоялъ почти у самаго обрыва и смотрѣлъ въ даль своими безцвѣтными оловянными глазами.

— Дядя просилъ передать вамъ, — обратилась къ нему Катя,—что записка готова, остается только переписать.

Конюховъ, не мѣняя позы и все смотря куда-то въ даль, слегка качнулъ головой въ знакъ того, что онъ слышитъ. Это была его обычная манера обращенія въ разговорѣ съ людьми низшаго ранга.

— Завтра или послѣ завтра перепишутъ, — прибавила Катя.

— Надо прежде прочесть, что онъ тамъ написалъ,—процѣдилъ Конюховъ сквозь зубы.

— Но дядя хочетъ подать записку отъ себя.

Конюховъ удивленно приподнялъ брови, помолчалъ и, наконецъ, все смотря куда-то въ даль, произнесъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ:

— Старикъ съ ума спятилъ. Записка должна быть подана отъ меня. Передайте ему это.

— Пожалуйста, потрудитесь передать ему сами,—сказала Катя сердито и отошла.

Конюховъ, не сдѣлавъ никакого движенія, продолжалъ стоять все въ той же позѣ.

Кто-то нашелъ большую, засохшую на корню пихту съ красной хвоей и поджегъ ее. Ослѣпительно-бѣлое пламя вихремъ взвилось кверху и съ шумомъ обняло дерево, освѣтивъ все далеко кругомъ. Небо вдругъ стало темнымъ, луна поблѣднѣла. Неожиданно и странно измѣнилась вся картина, обнаруживъ невидимыя до тѣхъ поръ подробности: сидящую въ травѣ собаку, бѣлые камни въ ложбинѣ, громаднаго роста сосну по другую сторону рва... Катя замѣтила внизу, по ту сторону ущелья, недалеко отъ тропинки, какихъ-то людей полувоеннаго покроя и между ними въ бѣломъ кителѣ офицера. Очевидно ихъ испугалъ внезапный свѣтъ: они безпокойно задвигались и стали прятаться въ низкорослые кусты можжевельника... Пока пламя съ ревомъ пожирало сухую хвою, молодежь въ восторгѣ кричала и хлопала въ ладоши, подростки визжали, прыгали и кружились вокругъ огня. Но хвоя быстро сгорѣла, свѣтъ погасъ, и только раскаленные сучья слабо свѣтились, жалобно потрескивая, отламываясь и

падая внизъ. Кругомъ опять все потемнѣло, небо стало голубымъ, и на немъ съ прежнею яркостью свѣтила луна.

Конюховъ предложилъ подняться на самую вершину камня, откуда открывался видъ во всѣ четыре стороны. Генералъ выразилъ согласіе и, хромая, но стараясь ступать твердо, пошелъ рядомъ съ нимъ. Общество зашевелилось, всѣ стали осторожно подниматься вверхъ по тропинкѣ, по осыпающимся мелкимъ камнямъ, между уродливыми глыбами скалъ, освѣщенныхъ луной.

— Подождите! — шепнула Свѣтлицыну Анна Ивановна, тихонько касаясь его руки и вглядываясь въ его лицо, покрытое черной тѣнью:—намъ надо поговорить.

Свѣтлицынъ, нахмурившись, замедлилъ шаги и пошелъ вслѣдъ за нею. Нѣсколько минутъ они шли молча, прислушиваясь къ удаляющимся голосамъ гостей. Когда голоса смолкли, Анна Ивановна остановилась, прячась въ тѣни.

— Ты сердишься? да? — сказала она, привлекая его къ себѣ.

Свѣтлицынъ молчалъ.

— Ты сердишься и нарочно ухаживаешь за Катей, чтобъ позлить меня? да? Но я никогда не повѣрю, чтобъ тебѣ могла нравиться эта ходячая пропись.

— Почему же?

— Фи!.. что въ ней?..

— Она мила, умна, образованна, красива...

— Она невоспитанна, груба... ведетъ себя, какъ семинаристъ въ юбкѣ... Но не въ этомъ дѣло... На что ты сердишься?

— Могу тебя увѣрить, нисколько.

— Развѣ я не вижу!.. Надо тебѣ сказать, что уже всѣ замѣчаютъ и говорятъ про насъ Богъ знаетъ что...

— Гмъ!.. и тебя это безпокоитъ?

— Еще бы!... Ты странный человѣкъ! Я не понимаю, чего ты отъ меня хочешь?

— Ничего... ровно ничего.

— Нельзя же компрометировать себя...

— Конечно!

— Съ тобой невозможно говорить!.. Мы слишкомъ у всѣхъ на виду, и простая осторожность требуетъ, чтобъ свиданія наши были какъ можно рѣже. Ты долженъ это признать.

— Охотно признаю.

— Перестань!... не злись!.. въ чемъ же ты меня обвиняешь?

— Ни въ чемъ... я вполнѣ съ тобой согласенъ...

— Говори тише... вездѣ народъ... Тогда въ чемъ же дѣло?

— Не знаю... кажется, ни въ чемъ.

— Это несносно!... пожалуйста, не ломайся!.. Ты ревновалъ меня къ этому уроду—вотъ въ чемъ дѣло!.. Не отпирайся, не отпирайся!.. къ этому разслабленному баричу...

— Это къ которому же?

— Ахъ, отстань!... ты отлично знаешь, о комъ я говорю... Но долженъ же ты понять, что это нужно было для дѣла... Мой Петръ Саввичъ такой опѣхтюй, а тутъ нужна дипломатія... Нужный человѣкъ... какъ же иначе?... Онъ личный секретарь князя...

Свѣтлицынъ засмѣялся.

— Чему ты?—удивилась Анна Ивановна.

— Меня забавляетъ твоя наивность... какъ все это просто: нужный человѣкъ!..

— Пожалуйста, не продолжай: я напередъ знаю, что ты скажешь... Но только это глупости... вѣдь не влюбилась же я въ этого идіота!.. Поухаживалъ да уѣхалъ... экая важность!.. За то теперь наше положеніе такъ прочно, какъ никогда... Милый мой! ты самыхъ простыхъ вещей не понимаешь, а умный человѣкъ... Всѣ такъ дѣлаютъ... чего тутъ особеннаго?... Надо умѣть жить... Ну, не сердись же, милый...

— Ей-богу, я нисколько не сержусь.

— Нѣтъ, нѣтъ! ты злишься, развѣ я не вижу?..

Она стала ласкаться къ нему, но онъ вяло и неохотно принималъ ея ласки.

— О чемъ ты думаешь, милый?

— Ни о чемъ... никакихъ думъ въ головѣ... скоро совсѣмъ оглупѣю... ей-Богу... Скука, все надоѣло... Я серьезно подумываю бѣжать отъ васъ.

— Какъ?—удивилась Анна Ивановна:—бѣжать? зачѣмъ?.. что значитъ бѣжать?

— Такъ... уѣхать.

— Куда?

— Куда глаза глядятъ.

— Какія глупости!

— Не вѣкъ же мнѣ здѣсь оставаться... надо жить, работать, учиться, пробивать дорогу... Я еще молодъ, вся жизнь впереди, а оставаться здѣсь—значитъ заплеснѣвѣть, обрости мохомъ...

Анна Ивановна вдругъ замолчала.

— Скучно, здѣсь,—продолжалъ Свѣтлицынъ,—и, знаешь, противно... Удивляюсь, какъ здѣсь съ ума не сходятъ... пьяницъ много, а сумасшедшихъ нѣтъ... удивительно!.. Не жизнь

у васъ, а тюрьма... и нравы каторжные... Воздуху нѣтъ, дышать нечѣмъ...

— Ты меня не любишь — вотъ что! — прошептала Анна Ивановна.—Ты разлюбилъ меня?

— Не знаю... не въ этомъ дѣло.

— Нѣтъ, въ этомъ, въ этомъ!.. Я не вѣрю тебѣ... ни одному твоему слову!.. Чѣмъ здѣсь нехорошо? Чего еще надо?.. Ты можешь сдѣлать карьеру... Скука... но вездѣ скука... Можетъ быть, гдѣ-нибудь въ Парижѣ... но и тамъ скучаютъ... И что это за вздоръ: воздуха нѣтъ? Какого воздуха?.. Нѣтъ, нѣтъ! никуда ты не поѣдешь!.. Куда? Зачѣмъ?.. Какъ это глупо!.. И не отпущу я тебя, такъ и знай!

— Будто? но къ чему тебѣ меня удерживать?.. Мѣсто мое недолго останется пустымъ, я и теперь тебѣ почти не нуженъ.

— Нѣтъ, нуженъ, нуженъ...

Свѣтлицынъ пожалъ плечами. Анна Ивановна неожиданно заплакала.

— Я безъ тебя жить не могу...

— Какой вздоръ!.. перестань, что за новости!..

— Нѣтъ, не вздоръ... не вздоръ!.. Милый!.. прости меня... Ну, я виновата... ну, я винюсь передъ тобой... чего же еще!.. Ахъ, эти идутъ сюда, противные!.. Отойди отъ меня... шляются, шляются—нѣтъ ни минуты покоя!.. Но видѣться намъ необходимо сегодня же...

— А гдѣ-жъ его превосходительство? — пыхтя, какъ паровикъ, кричалъ поднимавшійся въ гору заводскій лѣкарь Ожеговъ. За нимъ тяжело тащился земскій врачъ Веретенниковъ. Оба были уже на второмъ взводѣ.

— Эки чортовы горы!—пробасилъ Веретенниковъ и плюхнулся на землю въ совершенномъ изнеможеніи. — Уфъ!.. больше не могу!.. ноги подкашиваются... сердце стучитъ, какъ молотъ... А гдѣ же генералъ и прочіе?

— Впереди. Мы идемъ на вершину камня.

— Добре, добре!.. А мы съ Иваномъ Осипычемъ кладъ искали... чортъ знаетъ! И вѣдь не нашли!.. И свѣчку видѣли, и солдата на часахъ, а клада нѣтъ, какъ нѣтъ!.. Отложили до другого раза.

— Да, не везетъ намъ,—вздохнувъ, подтвердилъ Ожеговъ и сѣлъ рядомъ съ Веретенниковымъ.—Ну, и хорошо же, чортъ побери!..

— Вы не пойдете дальше?—спросила Анна Ивановна.

— Нѣтъ, куда тутъ!.. Сердца у насъ съ Иваномъ Осипычемъ не въ порядкѣ...

— Ну, тогда до свиданія. Идемте, Иванъ Петровичъ.

— Опять воркуютъ голубки, — сказалъ Ожеговъ, когда Свѣтлицынъ и Анна Ивановна скрылись.

— Да... лафа этому парню... какъ сыръ въ маслѣ катается... даже зависть беретъ... Пріѣхалъ на практику, да вотъ и застрялъ... второй годъ околачивается... и вѣдь мѣсто хорошее, подлецъ, занимаетъ... Рожа смазливая и ловкачъ!.. Что значатъ бабы-то, а?

— Да, братъ, бабы—онѣ того... имѣютъ свое значеніе... А барынька объяденье!.. ай люли!.. и умна же... проведетъ и выведетъ... А тотъ пентюхъ ничего не видитъ... А впрочемъ, чортъ его разберетъ!.. Ты не смотри, что онъ истуканъ... тонкая штука!..

— Ну, гдѣ тамъ!.. просто оселъ!.. Ну-ка, не осталось ли еще пороху въ пороховницѣ?

— Есть!

— Давай!.. Выпить на чистомъ воздухѣ да при эдакой декораціи — это, братъ, я тебѣ скажу, цѣлая поэма... Ишь луна-то, чортъ ее побери! хоть письма пиши... Небось, оттуда стянулъ?

— Само собой. Какъ ушли, я сейчасъ цапъ! чорта ли на нихъ смотрѣть! Не ихнія, заводскія денежки плачутъ... На генерала три тысячи ассигновано... Хо, хо!.. По крайней мѣрѣ, на свободѣ съ пріятелемъ выпить... чорта ли!.. При публикѣ-то оно не того... важничаютъ... терпѣть не могу!.. И генералъ этотъ... чучело гороховое...

— Шутъ съ нимъ! ему важничать можно: генералъ да еще съ особыми полномочіями...

— Изобиходятъ его въ лучшемъ видѣ!

— Конечно!.. вокругъ пальца обернутъ... Ну-ка, еще по единой... Эка благодать-то, а?.. Посмотри вонъ тамъ... фу-ты, какая роскошь!..

— Да, братъ... и погода кстати пришлась... для генерала-то... еще одно пріятное впечатлѣніе...

— Хе, хе!.. а и вѣрно... Сегодня утромъ его въ больницу ко мнѣ привозили... для пріятнаго-то впечатлѣнія... Хо, хо!..

— Ну, и что же?

— Ничего. Бутафорія у насъ чудесная: блескъ, чистота, паркетъ, простыни, орѣховая мебель... Умилился: „превосходно, говоритъ, — но почему же, такъ мало больныхъ?“ Время, говорю, такое, ваше превосходительство...

— Значитъ, больные-то всетаки были?

— А какъ же! нарочно для этого случая приспособили... долго ли!.. живымъ манеромъ... „Какой, говоритъ, у нихъ здоровый видъ!“ Выздоравливающіе, говорю, ваше превосходительство. А у нихъ и дощечка и скорбный листъ—все какъ слѣдуетъ!..

— Молодцы! умѣете товаръ лицомъ показать...

— Мы мастера на это... Ну-ка, остатки сладки, допивай, а пустую бутылку къ чорту! что въ ней въ пустой-то?.. терпѣть не могу!..

Описавъ въ воздухѣ полукругъ, бутылка съ жалобнымъ звономъ покатилась внизъ. Пріятели долго прислушивались къ ея паденію.

— Ну, а воинство это зачѣмъ?—помолчавъ, спросилъ Веретенниковъ.

— Какое воинство?

— Какъ же!.. Развѣ ты не замѣтилъ?..

— Не знаю... должно быть, на всякій случай... мало ли... кляузный у насъ народъ, озорной... Генерала охраняютъ... а впрочемъ, не знаю... дѣло не наше...

— А не пойти ли намъ къ студентамъ? Пѣсни больно хорошо поютъ, шельмецы.

— Что же, къ студентамъ, такъ къ студентамъ. Пѣсенки-то они воспѣваютъ, да и еще кой-чѣмъ занимаются... да-съ... извѣстно объ этомъ, извѣстно-съ...

А. Погорѣловъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ТЕРЗАНІЯ СОВѢСТИ.

Августа Стриндберга.

Переводъ S. W.

Это было черезъ двѣ недѣли послѣ Седана, то есть въ половинѣ сентября 1870 года. Геологъ прусскаго геологическаго бюро, въ то время лейтенантъ запаса фонъ-Блейхроденъ, сидѣлъ безъ сюртука за письменнымъ столомъ въ клубномъ казино, помѣщавшемся въ лучшей гостиницѣ маленькой деревушки Марлоттъ.

Свой военный мундиръ съ жесткимъ воротникомъ онъ сбросилъ на спинку стула, гдѣ тотъ и висѣлъ теперь, вялый, безжизненный, точно трупъ, судорожно обхвативъ своими пустыми рукавами ножки стула, какъ будто защищаясь отъ нападенія. У таліи виднѣлся слѣдъ, натертый портупеей, лѣвая пола лоснилась отъ ноженъ, а спина была запылена, какъ столбовая дорога. По вечерамъ господинъ лейтенантъ-геологъ по каймѣ своихъ изношенныхъ брюкъ съ успѣхомъ могъ бы изучать третичныя отложенія почвы, а по слѣдамъ, оставленнымъ на полу грязными сапогами ординарца, рѣшить,—прошли ли они эоценовую или пліоценовую формацію.

По существу фонъ-Блейхроденъ былъ болѣе геологъ, чѣмъ военный; въ данную же минуту онъ просто писалъ письма.

Сдвинувъ на лобъ очки, онъ остановился съ перомъ въ рукѣ и смотрѣлъ въ окно. Передъ нимъ разстилался садъ во всемъ своемъ осеннемъ великолѣпіи: вѣтви яблонь и сливъ клонились до земли подъ бременемъ роскошныхъ плодовъ; оранжевыя тыквы грѣлись на солнцѣ рядомъ съ колючими сѣровато-зелеными артишоками; огненно-красные томаты, обвиваясь вокругъ своихъ подпорокъ, подползали къ бѣлоснѣжнымъ головкамъ цвѣтной капусты; подсолнечники, величиной съ тарелку, поворачивали свои диски къ востоку, откуда солнце появлялось въ долинѣ. Маленькіе лѣса георгинъ бѣлыхъ, какъ только что выбѣленное полотно, пурпу-

ровыхъ, какъ кровь, грязновато-красныхъ, какъ свѣжее мясо, ярко-желтыхъ, пестрыхъ, пятнистыхъ — представляли цѣлую симфонію красокъ. За георгинами шла аллея, усыпанная пескомъ и охраняемая двумя рядами гигантскихъ левкоевъ; блѣдно сиреневые, ослѣпительные, голубовато-бѣлые, золотисто-палевые, — они уходили далеко въ перспективу, замыкавшуюся темной зеленью виноградниковъ, съ цѣлымъ лѣсомъ подпорокъ и наполовину скрытыми въ листвѣ, краснѣвшими гроздьями. А тамъ вдали бѣлесоватые стебли не сжатыхъ хлѣбовъ, съ налитыми колосьями, печально склонившимися къ землѣ, съ растрескавшейся кожицей, при каждомъ порывѣ вѣтра возвращавшіе кормилицѣ—землѣ то, что получили отъ нея; зрѣлая нива,—точно переполненная грудь матери, которую дитя перестало сосать. А въ глубинѣ, на заднемъ планѣ темнѣли верхушки дубовъ и буковые своды лѣса Фонтенебло, очертанія котораго вырисовывались тончайшими фестонами, точно старыя брабантскія кружева; косые лучи заходящаго солнца золотыми нитями пробивались сквозь ихъ узоръ. Нѣсколько пчелъ вились вокругъ цвѣтовъ; красношейка щебетала на яблонѣ; рѣзкій запахъ левкоевъ доносился порывами, точно изъ внезапно открываемой двери парфюмернаго магазина.

Лейтенантъ сидѣлъ, задумавшись, съ перомъ въ рукѣ, очарованный прелестью картины:—„Какая чудная страна“,—думалъ онъ, и мысль его невольно переносилась къ пескамъ его родины, съ ея чахлыми, низкими соснами, простиравшими къ небу свои корявыя вѣтви, какъ бы умоляя пески не затопить ихъ.

Чудная картина, обрамленная окномъ, время отъ времени, съ равномѣрностью маятника, затѣнялась ружьемъ часового, блестящій штыкъ котораго пересѣкалъ ее посрединѣ; солдатъ дѣлалъ поворотъ у большой груши, усѣянной прекрасными „наполеонами“. Лейтенантъ подумалъ было предложить часовому перемѣнить мѣсто, но не рѣшился. — Чтобы не видѣть сверкающаго штыка, онъ отвелъ глаза влѣво, въ сторону двора. Тамъ желтѣла стѣна кухни безъ оконъ, увитая старой узловатой виноградной лозой, которая была привязана къ ней, точно скелетъ какого нибудь млекопитающагося въ музеѣ; лишенная листьевъ и гроздьевъ, она была мертва и, точно къ кресту крѣпко пригвожденная къ подгнившимъ шпалерамъ, стояла, вытянувъ свои длинныя жесткія руки, какъ бы пытаясь схватить въ свои призрачныя объятія часового, когда тотъ дѣлалъ поворотъ недалеко отъ нея.

Лейтенантъ отвернулся, и взоръ его упалъ на письменный столъ. На немъ лежало недописанное письмо къ его молодой женѣ, съ которой онъ обвѣнчался четыре мѣсяца

назадъ, за два мѣсяца до начала войны... Рядомъ съ французской картой генеральнаго штаба лежали: „Философія безсознательнаго", Гартмана и „Парерга и Паралипомена", Шопенгауера.

Лейтенантъ порывисто всталъ изъ-за стола и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Это былъ залъ, служившій мѣстомъ сборищъ художниковъ, въ настоящее время обратившихся въ бѣгство. Стѣны были украшены ихъ произведеніями,—воспоминаніями о чудныхъ дняхъ, проведенныхъ въ прекрасномъ гостепріимномъ уголкѣ, столь великодушно открывшемъ чужестранцамъ свои художественныя школы и выставки. Здѣсь были другъ подлѣ друга танцующія испанки, римскіе монахи, морскіе берега Нормандіи и Бретани, голландскія вѣтряныя мельницы, норвежскія рыбачьи деревушки и швейцарскіе Альпы. Въ углу зала пріютился орѣховый мольбертъ и, казалось, старался укрыться въ тѣнь отъ угрожавшихъ ему штыковъ. Надъ нимъ висѣла палитра, съ пятнами полузасохшихъ красокъ, имѣвшая видъ бычачьей печени въ окнѣ мясной лавки. Огненно-красные береты, любимый головной уборъ художниковъ, выцвѣтшіе отъ пота, дождя и солнца, висѣли на вѣшалкѣ.

Лейтенантъ чувствовалъ себя здѣсь неловко, какъ будто онъ забрался въ чужую квартиру и каждую минуту ждалъ возвращенія изумленнаго хозяина. Онъ скоро прекратилъ свою прогулку и сѣлъ доканчивать письмо. Первыя страницы были готовы. Онѣ заключали сердечныя изліянія горя, печаль о разлукѣ и нѣжныя заботы; недавно онъ получилъ извѣстіе, подтвердившее его радостныя надежды стать отцомъ.

Онъ снова взялся за перо, скорѣе изъ желанія просто поговорить съ женой, чѣмъ сообщить ей что-нибудь опредѣленное или спросить у нея о чемъ-нибудь. Онъ писалъ:

„Такъ, напримѣръ, когда однажды, послѣ четырнадцатичасоваго перехода безъ пищи и питья, я подошелъ со своею ротой къ лѣсу, гдѣ мы наткнулись на покинутую повозку съ провіантомъ, — знаешь ли ты, что произошло тогда? Изголодавшіеся до послѣднихъ предѣловъ люди пришли въ неистовство и, какъ волки, набросились на пищу, а такъ какъ ея едва могло хватить на двадцать пять человѣкъ, то у нихъ дошло до рукопашной. Моей команды никто не слушалъ, а когда фельдфебель съ саблей въ рукахъ наступалъ на нихъ,—они ружейными прикладами сшибали его съ ногъ. Шестнадцать человѣкъ раненыхъ и полумертвыхъ осталось на мѣстѣ. Тѣ же, кому досталась пища, ѣли такъ жадно, что падали на землю, гдѣ тотчасъ засыпали. Это были люди, шедшіе противъ людей, дикіе звѣри, дравшіеся изъ-за пищи.

„Или въ другой разъ: получили мы приказъ немедленно устроить палисадъ.

„Въ безлѣсной странѣ мы не располагали ничѣмъ, кромѣ виноградныхъ лозъ и ихъ подпорокъ. Возмутительная картина! Въ одинъ часъ были опустошены всѣ виноградники; чтобы связать фашины, вырывались лозы съ листьями и гроздьями, совсѣмъ мокрыя отъ раздавленнаго, полуспѣлаго винограда. Говорятъ, это были сорокалѣтніе виноградники. А мы въ одинъ часъ уничтожили результаты сорокалѣтнихъ трудовъ! И это для того, чтобы, находясь въ безопасности, стрѣлять въ тѣхъ, кто развелъ эти виноградники!..

„А когда мы перестрѣливались на не скошенномъ пшеничномъ полѣ,—зерна сыпались къ нашимъ ногамъ, а колосья приминались къ землѣ, чтобы сгнить при первомъ дождѣ.. Какъ по твоему, моя дорогая,—можно ли послѣ такихъ поступковъ уснуть спокойно? Между тѣмъ, вѣдь я только исполнялъ свой долгъ. А вѣдь есть люди, которые осмѣливаются утверждать, что лучшей подушкой служитъ сознаніе исполненнаго долга?!..

„Но мнѣ предстоитъ нѣчто лучшее! Ты, можетъ быть, слыхала, что французскій народъ для усиленія своей арміи поднялся массами и образовалъ вольные отряды, которые подъ именемъ „вольныхъ стрѣлковъ“ стараются охранять свои дома и поля. Прусское правительство не захотѣло признать ихъ солдатами и угрожало при встрѣчѣ разстрѣливать ихъ, какъ шпіоновъ и измѣнниковъ! Оно основывается на томъ, что войну ведутъ государства, а не индивидуумы. Но развѣ солдаты не индивидуумы? И развѣ эти стрѣлки не солдаты? У нихъ сѣрая форма, какъ у стрѣлковъ, а вѣдь солдатомъ дѣлаетъ мундиръ. „Но они не состоятъ въ спискахъ арміи“—возражаютъ на это! Да, они не состоятъ въ спискахъ арміи, потому что у правительства не было времени записать ихъ. Трехъ такихъ стрѣлковъ я держу сейчасъ подъ арестомъ въ сосѣднемъ билліардномъ залѣ и каждую минуту ожидаю изъ главнаго штаба рѣшенія ихъ судьбы!..“

На этомъ лейтенантъ прервалъ свое письмо и позвонилъ къ ординарцу, находившемуся на посту въ трактирѣ. Черезъ минуту ординарецъ предсталъ предъ лейтенантомъ.

— Что плѣнные?—спросилъ фонъ-Блейхроденъ.

— Ничего, господинъ лейтенантъ; они играютъ на билліардѣ и въ самомъ хорошемъ расположеніи духа.

— Дайте имъ нѣсколько бутылокъ бѣлаго вина, только самого легкаго! Все въ порядкѣ?

— Все, господинъ лейтенантъ. Не будетъ ли приказаній?

Фонъ-Блейхроденъ продолжалъ письмо:

„Что за странный народъ эти французы! Три стрѣлка, о

которыхъ я упоминалъ и которые, вѣроятно (говорю вѣроятно, потому что еще надѣюсь на лучшій исходъ), черезъ нѣсколько дней будутъ приговорены къ смерти,—спокойно играютъ на билліардѣ въ сосѣдней комнатѣ, и я слышу удары ихъ кіевъ о шары. Какое веселое презрѣніе къ жизни! Но вѣдь въ сущности это прекрасно—умѣть такъ умирать! Или, быть можетъ, это доказываетъ только, что жизнь имѣетъ слишкомъ мало цѣны, если такъ легко разстаться съ ней.

„Я думаю, что если бы не было такихъ дорогихъ узъ, какъ у меня, заставляющихъ дорожить существованіемъ... Но ты, конечно, поймешь меня и вѣришь, что я считаю себя связаннымъ... Впрочемъ, я самъ не понимаю, что пишу, — я уже много ночей не спалъ, и голова у меня..."

Кто-то постучалъ въ дверь. На отвѣтъ лейтенанта „войдите", дверь отворилась, и вошелъ деревенскій священникъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти съ печальнымъ и привлекательнымъ, но въ высшей степени рѣшительнымъ лицомъ.

— Господинъ лейтенантъ,—началъ онъ,—я пришелъ просить разрѣшенія поговорить съ плѣнными.

Лейтенантъ всталъ и, приглашая священника занять мѣсто на диванѣ, надѣлъ свой военный мундиръ. Но когда онъ застегнулъ свой узкій сюртукъ, и шею его сжалъ, какъ въ тискахъ, тугой воротникъ, онъ почувствовалъ, что всѣ его благородные порывы стѣснены, и кровь въ своихъ таинственныхъ путяхъ къ сердцу остановилась.

Прислонившисъ къ столу и положивъ руку на Шопенгауера, онъ сказалъ:

— Къ вашимъ услугамъ, господинъ кюрэ, но я не думаю, чтобы плѣнные удѣлили вамъ много вниманія: они очень заняты своей партіей.

— Я думаю, господинъ лейтенантъ, что я лучше васъ знаю свою паству! Одинъ только вопросъ: намѣрены ли вы разстрѣлять этихъ юношей?

— Разумѣется!—отвѣтилъ фонъ-Блейхроденъ, совершенно входя въ свою роль. — Вѣдь войну ведутъ государства, господинъ кюрэ, а не отдѣльныя личности.

— Извините, господинъ лейтенантъ, стало быть, вы и ваши солдаты не отдѣльныя личности?

— Извините, господинъ кюрэ, въ настоящую минуту — нѣтъ!

Онъ положилъ письмо къ своей женѣ подъ бюваръ и продолжалъ:

— Въ настоящую минуту я только представитель союзныхъ государствъ Германіи.

— Вѣроятно, господинъ лейтенантъ, ваша милостивая ко

ролева, да хранитъ ее Господь вовѣки, тоже была представительницей союзныхъ государствъ Германіи, когда обратилась къ нѣмецкимъ женщинамъ съ воззваніемъ оказывать помощь раненымъ? И я знаю тысячи французскихъ отдѣльныхъ личностей, благословляющихъ ее, въ то время, какъ французская нація проклинаетъ ея націю. Господинъ лейтенантъ, во имя Христа (при этихъ словахъ священникъ всталъ, схватилъ руки врага и продолжалъ со слезами въ голосѣ): представьте это дѣло на ея усмотрѣніе!

Лейтенантъ былъ смущенъ, но вскорѣ оправился и сказалъ:

— У насъ женщины еще не вмѣшиваются въ политику.

— Жаль,—отвѣтилъ священникъ, выпрямляясь.

Лейтенантъ, казалось, прислушивался къ чему-то за окномъ и потому не обратилъ вниманія на отвѣтъ священника. Онъ былъ взволнованъ и блѣденъ, и даже тугой воротникъ не могъ болѣе вызвать прилива крови.

— Садитесь, пожалуйста, господинъ кюрэ, — говорилъ онъ машинально.—Вы можете, если вамъ угодно, говорить съ плѣнными; но посидите, пожалуйста, еще одну минуту!— Онъ снова прислушался: теперь уже отчетливо раздавались удары копытъ лошади, приближавшейся рысью.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходите еще, господинъ кюрэ, — говорилъ онъ, задыхаясь. Священникъ стоялъ. Лейтенантъ высунулся, насколько могъ, въ окно. Топотъ копытъ все приближался, замедляясь, переходя въ шагъ и, наконецъ, прекратился. Звяканье сабли и шпоръ, стукъ шаговъ — и фонъ-Блейхроденъ держитъ въ рукахъ пакетъ. Онъ вскрылъ его и прочелъ бумагу.

— Который часъ? — проговорилъ онъ, спрашивая самого себя.—Шесть! Итакъ, черезъ два часа, господинъ кюрэ, плѣнные будутъ разстрѣляны безъ суда и слѣдствія.

— Это невозможно, господинъ лейтенантъ, такъ не отправляютъ людей на тотъ свѣтъ!

— Такъ или не такъ,—приказъ гласитъ: все должно быть покончено до вечерней молитвы, если я не хочу, чтобы меня сочли за соучастника вольныхъ стрѣлковъ. Я уже получилъ строгій выговоръ за то, что не исполнилъ приказа еще 31 августа. Господинъ кюрэ, идите, объявите имъ... избавьте меня отъ непріятности...

— Вамъ непріятно сообщить имъ законный приговоръ?

— Но вѣдь я тоже человѣкъ, господинъ кюрэ! Вы не вѣрите?

Онъ сорвалъ съ себя сюртукъ, чтобы свободнѣе дышать, и быстро зашагалъ по комнатѣ.

— Почему не можемъ мы всегда оставаться людьми? От-

чего мы должны быть двойственными? О! Господинъ пасторъ, пойдите и объявите имъ! Семейные они люди? Есть у нихъ жены, дѣти? Быть можетъ, родители?..

— Всѣ трое холосты,—отвѣтилъ священникъ.—Но, по крайней мѣрѣ, эту ночь вы можете имъ подарить?!

— Невозможно! приказъ гласитъ: до вечера, а на разсвѣтѣ мы должны выступить. Идите къ нимъ, господинъ кюрэ, идите!

— Я пойду! Но не забудьте, господинъ лейтенантъ, что вы безъ сюртука, не вздумайте выйти: васъ можетъ постичь участь тѣхъ троихъ, потому что вѣдь только мундиръ дѣлаетъ солдатомъ.

Священникъ вышелъ.

Фонъ Блейхроденъ въ возбужденномъ состояніи дописывалъ послѣднія строки письма.

Затѣмъ, запечатавъ его, онъ позвонилъ вѣстового.

— Отправьте это письмо,—сказалъ онъ вошедшему, — и пошлите ко мнѣ фельдфебеля.

Фельдфебель вошелъ.

— Трижды три—двадцать девять, нѣтъ, трижды семь...— Фельдфебель, возьмите трижды... возьмите двадцать семь человѣкъ и черезъ часъ разстрѣляйте плѣнныхъ. Вотъ приказъ!

— Разстрѣлять?..—нерѣшительно переспросилъ фельдфебель.

— Да, разстрѣлять! Выберите людей похуже, уже бывшихъ въ огнѣ. Понимаете? Напримѣръ № 86 Бесселя, № 19... и потише! Кромѣ того, немедленно снарядите мнѣ отрядъ въ шестнадцать человѣкъ. Самыхъ лучшихъ ребятъ! Мы отправимся на рекогносцировку въ Фонтенебло, и къ нашему возвращенію все должно быть кончено. Вы поняли?

— Шестнадцать человѣкъ для господина лейтенанта, двадцать семь—для плѣнныхъ. Счастливо оставаться, господинъ лейтенантъ!

Онъ вышелъ.

Лейтенантъ тщательно застегнулъ сюртукъ, надѣлъ портупею, сунулъ въ карманъ револьверъ. Затѣмъ зажегъ сигару, но рѣшительно не въ силахъ былъ курить: онъ задыхался, ему не хватало воздуха.

Онъ тщательно вытеръ пыль съ письменнаго стола, обмахнулъ носовымъ платкомъ большія ножницы и спичечницу; положилъ параллельно линейку и ручку, подъ прямымъ угломъ къ бювару. Потомъ сталъ приводить въ порядокъ мебель. Покончивъ съ этимъ, онъ вынулъ гребенку, щетку и причесалъ передъ зеркаломъ волосы. Онъ снялъ со стѣны палитру, изслѣдовалъ краски; разсматривалъ красныя шапки

и попробовалъ поставить поустойчивѣе двуногій мольбертъ. Къ тому времени, когда на дворѣ послышалось бряцанье ружей, въ комнатѣ не оставалось ни одного предмета, который не побывалъ бы въ рукахъ лейтенанта. Затѣмъ онъ вышелъ. Онъ скомандовалъ: „Налѣво-кругомъ“ — и направился изъ деревни... Онъ точно бѣжалъ отъ настигавшаго его непріятеля, и отрядъ съ трудомъ поспѣвалъ за нимъ. Выйдя въ поле, онъ приказалъ своимъ людямъ идти гуськомъ другъ за другомъ, чтобы не топтать травы. Онъ не поворачивался, но шедшій позади его могъ видѣть, какъ судорожно съеживалось сукно на спинѣ его сюртука, какъ онъ вздрагивалъ, точно ожидая удара сзади.

На опушкѣ лѣса онъ скомандовалъ: стой! — и приказалъ солдатамъ не шумѣть и отдохнуть, пока онъ пройдетъ въ лѣсъ.

Оставшись наединѣ и убѣдившись, что его никто не видитъ, онъ перевелъ духъ и повернулся къ лѣсной чащѣ, сквозь которую узкія тропинки вели къ „Волчьему ущелью“. Низкая лѣсная поросль и кусты были уже окутаны мракомъ, а вверху, надъ макушками дубовъ и буковъ, еще сіяло яркое солнце. Фонъ-Блейхродену казалось, что онъ лежитъ на мрачномъ днѣ озера и сквозь зелень воды видитъ дневной свѣтъ, до котораго ему ужъ не добраться никогда. Величественный чудный лѣсъ, дѣйствовавшій прежде такъ цѣлительно на его больную душу, былъ сегодня не гармониченъ, непріятенъ, холоденъ.

Жизнь представлялась теперь фонъ-Блейхродену такой жестокой, противорѣчивой, полной двойственности, безрадостной даже въ безсознательной природѣ. Даже здѣсь, среди растеній, велась та же страшная борьба за существованіе, хотя и безкровная, но не менѣе жестокая, чѣмъ въ одушевленномъ мірѣ. Онъ видѣлъ, какъ маленькіе буки разростались въ рощицы, чтобы убить нѣжную поросль дубка, которая теперь ничѣмъ инымъ, кромѣ поросли, не можетъ быть. Изъ тысячи буковъ едва одному удастся пробраться къ свѣту и, благодаря этому, превратиться въ великана, чтобы въ свою очередь отнимать жизнь у другихъ. А безпощадный дубъ, протягивавшій свои узловатыя грубыя руки, какъ бы желая захватить все солнце для себя одного, — изобрѣлъ еще подземную борьбу. Онъ разсылалъ свои длинные корни по всѣмъ направленіямъ, подрывалъ землю, поглощая всѣ питательныя вещества и, если ему не удавалось уничтожить своего противника лишеніемъ свѣта,— онъ умерщвлялъ его голодной смертью. Дубъ убилъ уже сосновый лѣсъ; за то букъ являлся мстителемъ, дѣйствовавшимъ медленно, но вѣрно: его ядовитые соки убивали все тамъ, гдѣ онъ царилъ.

Онъ изобрѣлъ непреодолимый способъ отравленія: никакая трава не могла рости въ его тѣни, земля вокругъ него была мрачна, какъ могила, и потому будущее принадлежало ему.

Фонъ-Блейхроденъ шелъ все дальше и дальше. Безсознательно сбивалъ онъ саблей молодую поросль вокругъ себя, не думая о томъ, какъ много юныхъ надеждъ разбивалъ онъ, сколько обезглавленныхъ калѣкъ оставлялъ за собой. Едва ли онъ даже способенъ былъ о чемъ-нибудь думать: такъ глубоко потрясена была вся его душа. Мысли его, пытавшіяся сосредоточиться, прерывались, расплывались.

Воспоминанія, надежды, злоба, различныя смутныя чувства и единственное яркое — ненависть къ предразсудкамъ, которые необъяснимымъ путемъ управляютъ міромъ, — расплавлялись въ его мозгу, объятомъ внутреннимъ огнемъ.

Вдругъ лейтенантъ вздрогнулъ и остановился: отъ деревни Марлоттъ долеталъ шумъ, разносившійся по полямъ и усиливавшійся въ подземныхъ ходахъ Волчьей долины. Это былъ барабанъ! Сначала продолжительная дробь: трррррррррромъ! И затѣмъ ударъ за ударомъ, тяжелые, глухіе, разъ-два,—какъ будто заколачивали крышу гроба. — Трррро-трррромъ. Тромтррромъ! Онъ вынулъ часы. Три четверти восьмого... Черезъ четверть часа все будетъ кончено. Онъ подумалъ было вернуться и увидѣть все своими глазами. Но вѣдь онъ убѣжалъ! Ни за что на свѣтѣ онъ не могъ бы видѣть это. Онъ взлѣзъ на дерево.

Онъ увидалъ деревню, такую привѣтливую съ ея маленькими садиками и съ колокольней, возвышавшейся надъ крышами домовъ. Больше онъ ничего не видѣлъ. Онъ держалъ въ рукахъ часы и слѣдилъ за секундной стрѣлкой. Пикъ, пикъ пикъ, пикъ! Она бѣгала вокругъ циферблата такъ быстро, быстро. Длинная минутная стрѣлка, пока маленькая описывала кругъ, дѣлала только толчекъ, а часовая казалась совсѣмъ неподвижной.

Было безъ пяти минутъ восемь. Фонъ-Блейхроденъ крѣпко ухватился за обнаженный черный сукъ бука. Часы дрожали у него въ рукахъ, пульсъ громко стучалъ, отдаваясь въ ушахъ, и онъ чувствовалъ жаръ у корней волосъ. — Кррахъ! — раздалось вдругъ, точно треснула доска, и надъ деревней, поверхъ черныхъ шиферныхъ крышъ и бѣлой яблони, поднялся синеватый дымокъ, прозрачный, какъ весеннее облачко, а надъ нимъ взвилось кольцо, два кольца, много колецъ, какъ будто стрѣляли въ голубей, а не въ стѣну.

— Они не такъ жестоки, какъ я думалъ,—подумалъ онъ, спускаясь съ дерева и нѣсколько успокоившись послѣ того, какъ все уже было кончено. Теперь раздался звонъ малень-

каго деревенскаго колокола, заупокойный звонъ за души умершихъ, которые исполнили свой долгъ, а не за живыхъ, исполняющихъ его.

Солнце сѣло, и блѣдный мѣсяцъ, стоявшій въ небѣ, начиналъ уже краснѣть, становясь все ярче и ярче, когда лейтенантъ со своимъ отрядомъ зашагалъ къ Монкуру, преслѣдуемый звономъ маленькаго колокола. Солдаты вышли на немурское шоссе, и эта дорога, съ двумя рядами тополей, казалась нарочно устроенной для похода. Они продолжали свой путь, пока не спустилась густая тьма, а въ небѣ ярко не заблестѣлъ мѣсяцъ. Въ послѣдней шеренгѣ начали уже перешептываться, тихонько совѣщаясь, не попросить ли унтеръ-офицера намекнуть лейтенанту, что мѣстность не безопасна и что необходимо вернуться на квартиры, чтобы успѣть завтра съ разсвѣтомъ выступить,—какъ вдругъ фонъ-Блейхроденъ совершенно неожиданно скомандовалъ остановиться. Расположились на возвышенности, съ которой можно было видѣть Марлоттъ. Лейтенантъ остановился, какъ вкопанный, точно охотничья собака, наткнувшаяся на стаю куропатокъ. Снова раздался барабанный бой. Затѣмъ въ Монкурѣ пробило девять часовъ; потомъ часы пробили въ Грецѣ, Бурѣ, въ Немурѣ; всѣ маленькіе колокола звонили къ вечернѣ, одинъ звонче другого, но всѣхъ ихъ заглушалъ колоколъ Марлотта, какъ бы крича: помогите! помогите! помогите! Блейхроденъ не могъ помочь. Теперь раздавался гулъ вдоль земли, какъ будто выходя изъ ея нѣдръ: это была ночная перестрѣлка въ главной квартирѣ близъ Шалона.

А сквозь легкій вечерній туманъ, разстилавшійся, точно вата, вдоль маленькой рѣчки, прорывался лунный свѣтъ и, освѣщая рѣчку, бѣгущую изъ темнаго лѣса Фонтенебло, который возвышался подобно вулкану, дѣлалъ ее похожей на потокъ лавы.

Вечеръ томительно жаркій, но лица людей такъ блѣдны, что летучія мыши, снующія вокругъ, задѣваютъ ихъ, какъ онѣ обыкновенно дѣлаютъ при видѣ чего-нибудь бѣлаго.. Всѣ знали, о чемъ думаетъ лейтенантъ, но они никогда не видали его такимъ страннымъ и боялись, что не все обстоитъ благополучно съ этой безцѣльной рекогносцировкой на большой дорогѣ.

Наконецъ, унтеръ-офицеръ рѣшился подойти къ лейтенанту и отрапортовать, что уже пробили зорю; Блейхроденъ покорно выслушалъ донесеніе, какъ принимаютъ приказы, и скомандовалъ возвращеніе.

Когда, часъ спустя, они вошли въ первую улицу деревни Марлоттъ, унтеръ-офицеръ замѣтилъ, что правая нога лей-

тенанта не сгибается въ колѣнѣ, и онъ идетъ не ровно, точно слѣпой.

На площади люди были распущены по домамъ безъ молитвы, и лейтенантъ исчезъ.

Ему не хотѣлось сейчасъ же идти къ себѣ. Что-то влекло его, куда?—онъ самъ не зналъ... Онъ ходилъ кругомъ, какъ ищейка, съ широкораскрытыми глазами и раздутыми ноздрями. Онъ осматривалъ стѣны и слышалъ хорошо знакомый ему запахъ.

Но онъ ничего не видѣлъ и не встрѣтилъ никого. Онъ хотѣлъ и вмѣстѣ боялся увидѣть, гдѣ *это* произошло.

Наконецъ, онъ почувствовалъ усталость и направился къ себѣ. На дворѣ онъ остановился, затѣмъ обошелъ вокругъ кухни. Тамъ онъ наткнулся на фельдфебеля и, при видѣ его, до того испугался, что долженъ былъ ухватиться за стѣну. Фельдфебель тоже былъ испуганъ, но скоро оправился и сказалъ:

— Я искалъ господина лейтенанта, чтобы доложить...

— Хорошо, хорошо! Все въ порядкѣ?.. Отправляйтесь къ себѣ и ложитесь спать!—отвѣтилъ фонъ-Блейхроденъ, боясь услышать подробности.

— Все въ порядкѣ, господинъ лейтенантъ, но...

— Хорошо! Ступайте, ступайте, ступайте!..—онъ говорилъ такъ торопливо, что фельдфебель не имѣлъ возможности вставить слово: каждый разъ, какъ онъ раскрывалъ ротъ,— цѣлый потокъ рѣчей лейтенанта выливался на него. Въ концѣ концевъ фельдфебелю это надоѣло, и онъ пошелъ къ себѣ.

Фонъ-Блейхроденъ перевелъ духъ, и ему стало весело, какъ мальчишкѣ, который избѣжалъ наказанія... Теперь онъ былъ въ саду. Мѣсяцъ ярко освѣщалъ желтую кухонную стѣну, и виноградная лоза вытягивала свою изсохшую костлявую руку. Но что это? Часа два тому назадъ она была совсѣмъ мертва, лишена листьевъ; торчалъ одинъ только сѣрый остовъ, изгибавшійся въ конвульсіяхъ, а теперь на ней висѣли чудныя красныя гроздья и стволъ позеленѣлъ? Онъ подошелъ поближе, чтобы убѣдиться, та ли это лоза. Подходя къ стѣнѣ, онъ ступилъ во что-то мягкое и узналъ удушливый, противный запахъ, напоминавшій мясную лавку. Теперь онъ увидѣлъ, что это та самая виноградная вѣтвь, но только штукатурка на стѣнѣ надъ ней пробита и обрызгана кровью. Такъ это было здѣсь! Здѣсь произошло *это*!..

Онъ сейчасъ же ушелъ. Войдя въ сѣни, онъ споткнулся: что-то скользкое пристало къ его ногамъ. Онъ снялъ въ сѣняхъ сапоги и выбросилъ ихъ на дворъ. Затѣмъ онъ отправился въ свою комнату, гдѣ на столѣ былъ приготовленъ

ему ужинъ. Онъ чувствовалъ страшный голодъ, но не могъ ѣсть: онъ стоялъ и пристально смотрѣлъ на накрытый столъ. Все было такъ аппетитно приготовлено: комъ масла такой нѣжный, бѣлый, съ красной редиской, воткнутой посрединѣ; ослѣпительной бѣлизны скатерть, красная мѣтка которой,—онъ это замѣтилъ,—не соотвѣтствовала именамъ его и его жены; круглый козій сыръ такъ заманчиво красовался на темныхъ виноградныхъ листьяхъ, какъ будто рукой, приготовлявшей все это, водилъ не одинъ только страхъ; прекрасный бѣлый хлѣбъ, красное вино въ граненомъ графинѣ, тонкіе ломтики розоватаго мяса,—все, казалось, было разставлено дружеской, заботливой рукой. Но фонъ-Блейхроденъ не рѣшался прикоснуться къ пищѣ.

Вдругъ онъ схватилъ колокольчикъ и позвонилъ. Тотчасъ же вошла хозяйка и молча остановилась у двери. Она смотрѣла себѣ подъ ноги и ждала приказаній. Лейтенантъ не зналъ, что ему надо было, и не помнилъ, зачѣмъ онъ позвонилъ. Но нужно было что-нибудь сказать.

— Вы сердитесь на меня?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сударь,—спокойно отвѣтила женщина.—Вамъ что-нибудь угодно?—И она снова смотрѣла себѣ подъ ноги.

Лейтенантъ посмотрѣлъ внизъ, желая узнать, что привлекаетъ ея вниманіе, и замѣтилъ, что онъ стоитъ въ однихъноскахъ, а полъ испещренъ пятнами, красными пятнами съ отпечаткомъ пальцевъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ носки были прорваны, отъ продолжительной ходьбы въ теченіе дня.

— Дайте мнѣ вашу руку, добрая женщина,—сказалъ онъ, протягивая ей свою.

— Нѣтъ!—отвѣтила она, смотря ему прямо въ глаза, и вышла.

Послѣ этого оскорбленія къ лейтенанту, казалось, вернулось мужество; онъ взялъ стулъ, рѣшившись приняться за ѣду. Онъ придвинулъ къ себѣ блюдо съ мясомъ, но отъ одного его запаха—ему стало тошно. Онъ всталъ, открылъ окно и выбросилъ на дворъ все блюдо. Дрожь охватила всѣ его члены, и онъ чувствовалъ себя совершенно больнымъ. Глаза его были такъ чувствительны: свѣтъ безпокоилъ ихъ, и яркіе цвѣта раздражали. Онъ выбросилъ графины съ виномъ, вынулъ красную редиску изъ масла; красные береты художниковъ, палитры, рѣшительно все красное полетѣло за окно. Затѣмъ онъ легъ на кровать. Глаза его, не смотря на усталость, не смыкались Такъ пролежалъ онъ нѣкоторое время, пока не послышались чьи-то голоса въ трактирѣ. Онъ не хотѣлъ вслушиваться, но слухъ его невольно улавливалъ разговоръ двухъ унтеръ-офицеровъ за пивомъ.

Они говорили:

— Два, что пониже, были молодцы, а длинный—слабъ.

— Нельзя еще сказать, что онъ слабъ потому только, что онъ свалился, какъ снопъ; вѣдь онъ же просилъ привязать его къ шпалерамъ, такъ какъ ему хотѣлось умереть стоя,—говорилъ онъ.

— Но другіе стояли же, чортъ побери, скрестивъ на груди руки, точно съ нихъ портретъ писали!

— Да, но когда священникъ вошелъ къ нимъ въ билліардную и объявилъ, что все кончено,—всѣ трое такъ и упали среди комнаты; такъ фельдфебель говорилъ... Но они не проронили слезы и не заикнулись о помилованіи!

—Да, молодцы были... Твое здоровье!

Блейхроденъ зарылъ голову въ подушки и заткнулъ уши простыней. Но тотчасъ же онъ снова всталъ. Какая-то сила влекла его къ двери, за которой сидѣли собесѣдники. Онъ хотѣлъ слышать дальше, но теперь люди говорили тихо. Онъ прокрался впередъ и, упершись спиною въ правый уголъ, приложилъ ухо къ замочной скважинѣ и слушалъ.

— А смотрѣлъ ты на нашихъ ребятъ. Лица у нихъ стали сѣрыя, вотъ какъ пепелъ въ моей трубкѣ? Многіе стрѣляли на воздухъ. Но, нечего ужъ говорить: тѣ всетаки получили, что имъ слѣдовало. Теперь они вѣсятъ на нѣсколько фунтовъ больше прежняго! Право, мы, точно по дроздамъ, стрѣляли въ нихъ.

— Видѣлъ ты этихъ птичекъ съ красными шейками? Когда раздавался выстрѣлъ, ихъ шейки мелькали, какъ пламя, когда снимаютъ со свѣчки, и онѣ катались по грядамъ гороха, хлопая крыльями и вытаращивъ глаза! А потомъ эти старухи! О!.. Но... но ничего не подѣлаешь — война! Твое здоровье!

Этого было достаточно. Мозгъ, переполненный кровью, усиленно работалъ, и фонъ-Блейхроденъ не могъ уснуть. Онъ вышелъ въ столовую и попросилъ солдатъ уйти. Затѣмъ онъ раздѣлся, окунулъ голову въ умывальный тазъ, взялъ Шопенгауэра, легъ и началъ читать. Съ лихорадочно бьющимся пульсомъ читалъ онъ: „рожденіе и смерть одинаково принадлежатъ жизни и сохраняютъ равновѣсіе, какъ взаимный договоръ, или какъ противоположные полюсы всей совокупности жизненныхъ явленій. Мудрѣйшая изъ миѳологій—индійская, выражаетъ это тѣмъ, что именно богу, символизирующему разрушеніе, смерть, — именно Шивѣ, вмѣстѣ съ ожерельемъ изъ мертвыхъ головъ, даетъ, какъ атрибутъ, эмблему творческой силы. Смерть, это—мучительное распутываніе узла, завязаннаго при зачатіи въ наслажденіи; она—насильственное разрушеніе коренной ошибки нашего существованія; она—освобожденіе отъ иллюзіи“.

Онъ выронилъ книгу, услышавъ вдругъ, что кто-то кричитъ и бьется въ его постели.

Кто это лежитъ на кровати? Онъ увидѣлъ фигуру, у которой животъ былъ сведенъ судорогой и грудная клѣтка сжата вчетверо; странный глухой голосъ раздавался изъ подъ простыни.

Но вѣдь это было его тѣло. Развѣ онъ раздвоился, что онъ видитъ и слышитъ себя самого, какъ постороннее лицо? Крикъ продолжался.

Дверь отворилась, и вошла женщина, вѣроятно, постучавшись предварительно.

— Что прикажете, господинъ лейтенантъ?—спросила она съ горящими глазами и особенной усмѣшкой на губахъ.

— Я?—отвѣтилъ больной,—ничего! Но *онъ*, кажется, очень боленъ, и ему нуженъ докторъ.

— Здѣсь нѣтъ доктора, но господинъ кюрэ помогаетъ намъ въ случаѣ надобности,—отвѣтила женщина, переставъ улыбаться.

— Въ такомъ случаѣ пошлите за нимъ,—сказалъ лейтенантъ,—хотя *онъ* не любитъ поповъ.

— Но когда онъ боленъ — онъ ихъ любитъ! — сказала женщина и скрылась.

Священникъ вошелъ и, подойдя къ постели, взялъ руку больного.

— Какъ вы думаете, что съ нимъ?—спросилъ больной.— Чѣмъ онъ боленъ?

— Мученіями совѣсти, — былъ короткій отвѣтъ священника.

Блейхроденъ вскочилъ.

— Мученіями совѣсти, оттого что онъ исполнилъ свой долгъ?!

— Да,—сказалъ священникъ, обвязывая мокрымъ полотенцемъ голову больного.—Выслушайте меня, если вы еще въ состояніи это сдѣлать. Вы приговорены. Васъ ждетъ жребій, болѣе ужасный, чѣмъ тотъ, который выпалъ на долю тѣхъ троихъ! Слушайте хорошенько! Мнѣ знакомы эти симптомы: вы на границѣ безумія. Попытайтесь продумать эту мысль до конца! Вдумайтесь пристально, и вы почувствуете, какъ мозгъ вашъ проясняется, приходитъ въ порядокъ Смотрите мнѣ прямо въ лицо и слѣдите, если можете, за моими словами. Вы раздвоились! Вы разсматриваете часть себя, какъ другое, или третье лицо! Какимъ образомъ пришли вы къ этому? Видите ли, это *общественная ложь раздваиваетъ насъ*. Когда вы сегодня писали къ вашей женѣ, вы были одинъ человѣкъ, настоящій, простой, добрый, а когда говорили со мной—вы были совсѣмъ другой! Какъ актеръ утрачиваетъ

свою индивидуальность и становится конгломератомъ ролей,—такъ общественный человѣкъ представляетъ собою, по меньшей мѣрѣ, два лица. И пока душа не разорвется отъ какого-нибудь внутренняго потрясенія, возбужденія, — обѣ природы живутъ въ человѣкѣ бокъ о бокъ... Я вижу на полу книгу, которая мнѣ тоже знакома. Это былъ глубокій мыслитель, быть можетъ, самый глубокій, какой былъ на свѣтѣ. Онъ постигъ зло и ничтожество земной жизни, какъ будто бы самъ Богъ вразумилъ его, но это не помѣшало ему стать двойственнымъ, потому что жизнь, рожденіе, привычки, человѣческія слабости — влекутъ назадъ. Вы видите — я читалъ и другія книги, кромѣ моего требника. И я говорю, какъ врачъ, а не какъ священникъ, потому что мы оба—слѣдите за мной хорошенько—понимаемъ другъ друга! Вы думаете, я не чувствую проклятія двойственной жизни, которую я веду? Правда, меня не обуреваютъ сомнѣнія въ религіозныхъ вопросахъ, потому что религія вошла въ плоть и кровь мою. Но, милостивый государь, я знаю, что, говоря такъ, я говорю не во имя Божье. Ложью заражаемся мы еще въ утробѣ матери, впитываемъ ее съ материнскимъ молокомъ, и кто при современныхъ условіяхъ захочетъ сказать правду, всю правду. тотъ... да... да... Въ состояніи вы слѣдить за мной?

Больной жадно вслушивался и, въ продолженіе всей рѣчи священника, не спускалъ съ него глазъ.

— Теперь перейдемъ въ вамъ,—продолжалъ кюрэ,—есть на свѣтѣ маленькій предатель съ факеломъ въ рукахъ, амуръ съ корзиной розъ, сѣющій ложь жизни; это ангелъ лжи и имя его—Красота. Язычники въ Греціи почитали его, цари всѣхъ временъ и народовъ поклонялись ему, потому что онъ ослѣпляетъ людей, не позволяя видѣть вещи въ настоящемъ ихъ видѣ. Онъ проходитъ черезъ всю жизнь и обманываетъ,—обманываетъ безъ конца.

Зачѣмъ вы, воины, одѣваетесь въ красивыя одежды съ позолотой, въ яркіе цвѣта? Для чего дѣлаете вы свое страшное дѣло подъ музыку и съ развѣвающимися знаменами? Не для того ли, чтобы скрыть то, что остается позади васъ? Если бы вы любили истину, вы бы носили бѣлыя блузы, какъ мясники, для того, чтобы кровавыя пятна были замѣтнѣе; вы бы ходили съ топорами и ножами, какъ рабочіе на бойняхъ, съ ножами, липкими отъ жира, съ которыхъ каплетъ кровь. Вмѣсто оркестра музыки, вы гнали бы передъ собой толпу воющихъ людей, обезумѣвшихъ отъ одного вида поля сраженія; вмѣсто знаменъ, вы носили бы саваны, возили бы за собой обозы гробовъ!..

Больной, корчась въ напряженіи, судорожно складывалъ руки, грызъ пальцы. Лицо священника приняло грозный

видъ; суровый, неподвижный, исполненный ненависти, онъ продолжалъ:

— По натурѣ, ты человѣкъ добрый, и я не хочу покарать въ тебѣ злого, нѣтъ,—я наказываю тебя, какъ „представителя", какъ ты себя назвалъ, и да послужитъ твое наказаніе предостереженіемъ другимъ! Хочешь ли ты взглянуть на эти трупы? Хочешь?

— Нѣтъ! ради Бога, не надо! — закричалъ больной, у котораго выступилъ холодный потъ, и взмокшая рубашка пристала къ плечамъ.

— Твой испугъ доказываетъ, что ты человѣкъ и трусливъ, какъ ему подобаетъ.

Точно отъ удара бича, вскочилъ больной, обливаясь потомъ; но лицо его было спокойно, грудь дышала ровно, и холоднымъ увѣреннымъ голосомъ совсѣмъ здороваго человѣка онъ сказалъ:

— Уходи вонъ отсюда, проклятый попъ, не то ты доведешь меня до какой-нибудь глупости!

— Но я ужъ не приду, если ты меня снова призовешь,— отвѣтилъ тотъ. — Подумай объ этомъ! Когда сонъ покинетъ тебя, подумай о томъ, что это не моя вина, а скорѣе вина тѣхъ троихъ, что лежатъ въ билліардной на столѣ...

И онъ растворилъ дверь въ билліардный залъ, откуда въ комнату больного ворвался запахъ карболовой кислоты.

— Нюхай, нюхай! Это пахнетъ не пороховымъ дымомъ, это не то, что телеграфировать домой о подобномъ случаѣ: „Слава Богу,—большая побѣда: трое убитыхъ и одинъ сумасшедшій". Это не то, что сочинять привѣтственные стихи, усыпать улицы цвѣтами, проливать слезы въ церкви. Это — кровопролитіе, убійство, слышишь ты, палачъ!

Блейхроденъ вскочилъ съ постели и бросился въ окно, гдѣ былъ подхваченъ людьми; онъ пытался кусать ихъ, но былъ связанъ и отправленъ въ походный лазаретъ главной квартиры, а оттуда—въ виду выяснившагося остраго помѣшательства — препровожденъ въ больницу.

Было солнечное утро въ концѣ февраля 1871 г. На крутой холмъ въ окрестностяхъ Лозанны медленно поднималась молодая женщина объ руку съ мужчиной среднихъ лѣтъ.

Она была въ послѣднемъ періодѣ беременности и тяжело опиралась на руку своего спутника.

Лицо молодой женщины было мертвенно блѣдно, она была въ черномъ. Господинъ, шедшій рядомъ съ ней, но былъ въ траурѣ, изъ чего прохожіе заключали, что онъ не мужъ ея.

Онъ имѣлъ печальный видъ; отъ времени до времени онъ наклонялся къ маленькой женщинѣ, произносилъ нѣсколько словъ и снова возвращался къ занимавшимъ его мыслямъ. Достигнувъ площади, у старой таможни, передъ гостиницей они остановились.

— Еще одинъ подъемъ?—спросила женщина.

— Да, сестра, — отвѣтилъ онъ. — Отдохнемъ здѣсь немного.

И они сѣли на скамьѣ передъ гостиницей. У нея замирало сердце; она дышала съ трудомъ.

— Бѣдный мой,—сказала она, —я вижу, тебя тянетъ домой, къ своимъ.

— Ради Бога, сестра, не говори объ этомъ!—отвѣтилъ онъ.—Правда, душою я порой далеко отсюда, и присутствіе мое было бы полезно дома во время посѣва, но вѣдь ты же моя сестра, нельзя отречься отъ своей плоти и крови.

— Охъ, — продолжала г-жа Блейхроденъ, хоть бы принесли ему пользу здѣшній воздухъ и лѣченіе. Какъ ты думаешь, онъ выздоровѣетъ?

— Навѣрное, — отвѣтилъ братъ, отворачивая лицо, чтобы не выдать своихъ сомнѣній.

— Какую ужасную зиму пережила я во Франкфуртѣ. Какіе жестокіе удары посылаетъ иногда судьба! Я думаю, мнѣ легче было бы примириться съ его смертью, чѣмъ съ этимъ погребеньемъ заживо.

— Но вѣдь есть еще надежда,—сказалъ братъ безнадежнымъ тономъ.

И снова мысли его перенеслись къ его дѣтямъ и полямъ. Но тотчасъ же онъ устыдился своего эгоизма и разсердился на свою неспособность всецѣло отдаться чужому горю.

Въ эту минуту съ высоты донесся рѣзкій продолжительный крикъ, похожій на свистъ локомотива; за первымъ крикомъ послѣдовалъ второй.

— Неужели это поѣздъ здѣсь, на такой высотѣ? — спросила г-жа Блейхроденъ.

— Должно быть, — отвѣтилъ братъ, тревожно прислушиваясь.

Крикъ повторился. Теперь, казалось, что это вопль утопающаго.

— Вернемся домой, — сказалъ Шанцъ, страшно поблѣднѣвъ.—Сегодня ты не въ состояніи подняться выше, а завтра мы будемъ догадливѣй и возьмемъ экипажъ.

Но она, во что бы то ни стало, хотѣла идти дальше.

Въ зеленой изгороди боярышника прыгали черные дрозды съ желтыми клювами; по стѣнамъ, обвитымъ плющемъ, бѣгали взапуски сѣрыя ящерицы, скрываясь въ трещинахъ.

Весна была въ полномъ разгарѣ, и по краямъ дороги цвѣли примулы. Но все это не привлекало вниманіе страдальцевъ, шедшихъ на Голгофу. Когда они поднялись еще въ гору,— таинственные крики возобновились.

Охваченная внезапнымъ подозрѣніемъ, г-жа Блейхроденъ повернулась къ брату и, своимъ помутившимся взоромъ, взглянула ему прямо въ глаза, какъ бы ища въ нихъ подтвержденія своихъ догадокъ. Затѣмъ, не произнося ни слова, она упала на дорогу, поднявъ цѣлое облако желтой пыли.

Прежде чѣмъ братъ успѣлъ опомниться, какой-то услужливый путникъ бросился за экипажемъ, и когда молодая женщина была перенесена въ него, — въ нѣдрахъ ея тѣла началась та мучительная работа, которая предшествуетъ появленію на свѣтъ новаго человѣка.

А наверху, въ больничной комнатѣ съ видомъ на Женевское озеро сидѣлъ фонъ-Блейхроденъ. Стѣны комнаты были обиты войлокомъ и окрашены въ блѣдно-голубой цвѣтъ; сквозь окраску просвѣчивали легкіе контуры пейзажа. Потолокъ былъ разрисованъ на подобіе шпалеръ, обвитыхъ виноградомъ; полъ покрытъ ковромъ поверхъ толстаго слоя соломы. Мягко обитая мебель скрывала углы и края дерева.

Изнутри нельзя было догадаться, гдѣ скрыта дверь, и этимъ отвлекались мысли больного о заключеніи, являющіяся самыми опасными при возбужденномъ состояніи духа.

Окна были снабжены рѣшеткой, сдѣланной въ видѣ цвѣтовъ и листьевъ, изъ-за которыхъ сама рѣшетка не была видна.

Форма помѣшательства фонъ-Блейхродена извѣстна подъ именемъ терзаній совѣсти. Онъ убилъ одного виноградаря при какихъ-то таинственныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ никакъ не могъ рѣшиться сознаться, по той простой причинѣ, что онъ ихъ не помнилъ. Теперь онъ сидѣлъ въ заключеніи и ждалъ исполненія приговора, такъ какъ былъ присужденъ къ смертной казни.

Но у него бывали свѣтлые промежутки.

Тогда онъ развѣшивалъ по стѣнѣ большіе листы бумаги и исписывалъ ихъ силлогизмами. Онъ вспоминалъ иногда о приказѣ разстрѣлять вольныхъ стрѣлковъ, но то обстоятельство, что онъ былъ женатъ, совершенно изгладилось изъ его памяти. Свою жену, навѣщавшую его, онъ принималъ за ученика, которому давалъ уроки логики.

Онъ ставилъ первую посылку: вольные стрѣлки — предатели, и приказъ гласилъ—разстрѣлять ихъ.

Однажды жена его имѣла неосторожность поколебать его увѣренность въ правильности этой посылки; тогда онъ со-

рвалъ со стѣнъ всѣ заключенія и заявилъ, что употребитъ двадцать лѣтъ на то, чтобы доказать ихъ вѣрность. Кромѣ того, у него были грандіозные проекты осчастливить все человѣчество.

— Отчего происходитъ наша смерть здѣсь, на землѣ? — задавалъ онъ вопросъ. — Для чего король управляетъ, священникъ проповѣдуетъ, поэтъ творитъ, художникъ рисуетъ? Для того, чтобы доставить организму азотъ. Азотъ, это—разумъ, и народы, употреблявшіе въ пищу мясо, — разумнѣе употреблявшихъ углеводы. Въ настоящее время начинаетъ ощущаться недостатокъ въ азотѣ, и отсюда возникаютъ войны, стачки, государственные перевороты. Необходимо отыскать новый источникъ азота. Блейхроденъ нашелъ его, и теперь всѣ люди будутъ равны. Свобода, равенство и братство станутъ, наконецъ, дѣйствительностью. Въ этомъ проблема будущаго, съ разрѣшеніемъ которой земледѣліе и скотоводство окажутся излишними, и на землѣ воцарится золотой вѣкъ.

Но затѣмъ имъ снова овладѣвала мысль о совершенномъ убійствѣ, и онъ становился глубоко несчастнымъ.

Въ то самое февральское утро, когда г-жа Блейхроденъ, направлявшаяся въ лѣчебницу, вынуждена была вернуться домой, — мужъ ея сидѣлъ въ своей комнатѣ и смотрѣлъ въ окно. — Сначала онъ разсматривалъ потолокъ и пейзажъ на стѣнахъ, затѣмъ пересѣлъ къ свѣту на удобный стулъ, откуда видна была широко даль, разстилавшаяся передъ нимъ.

Сегодня онъ былъ спокоенъ: наканунѣ вечеромъ онъ принялъ холодную ванну и хорошо спалъ ночь... Онъ не могъ дать себѣ отчетъ въ томъ, гдѣ онъ находится. Въ окно видны были совсѣмъ зеленые кусты, олеандры, усѣянные бутонами, лавровыя деревья съ ихъ блестящими листьями, буксусы, тѣнистый вязъ, весь обвитый плющемъ, скрывавшимъ его голыя вѣтви и придававшимъ ему видъ дерева, покрытаго зеленой листвой. По лужайкѣ, усѣянной желтыми примулами, шелъ человѣкъ, косившій траву, а маленькая дѣвочка сгребала ее въ кучи. Фонъ-Блейхроденъ взялъ календарь и прочелъ: февраль.

— Въ февралѣ сгребаютъ сѣно. Гдѣ я?

Взоръ его устремился вдаль, за садъ, и онъ увидѣлъ глубокую долину, постепенно спускавшуюся къ зеленымъ лугамъ; тамъ и сямъ мелькали разбросанныя маленькія деревушки, церкви, свѣтло-зеленыя плакучія ивы. — „Февраль!“ подумалъ онъ снова.

А тамъ, гдѣ кончались луга, — разстилалось спокойное, голубое, какъ воздухъ, озеро, по ту сторону его темнѣла земля съ возвышавшеюся грядою горъ. Надъ горной цѣпью

лежало что-то похожее на зубчатыя облака, легкія, пушистыя, нѣжныя, съ чуть замѣтными тѣнями на зубцахъ.

Блейхроденъ терялся въ догадкахъ о томъ, куда онъ попалъ; но здѣсь было такъ чудно хорошо, какъ не могло быть на землѣ. Не умеръ ли онъ и не перенесся ли въ другой міръ? Но только это не была Европа. Должно быть, онъ умеръ! Онъ погрузился въ тихія мечты, пытаясь вникнуть въ свое новое положеніе, и вдругъ почувствовалъ необыкновенный приливъ радости, а въ головѣ его пронеслось какое-то освѣжающее ощущеніе, точно мозговыя извилины, перепутанныя раньше, начали расправляться, приходить въ порядокъ. Ему стало безконечно весело, а въ груди зазвучала ликующая пѣсня; но онъ никогда въ жизни не пѣлъ, и потому это были крики, крики восторга, тѣ самые крики, которые, разносясь въ окно, привели его жену въ отчаяніе.

Просидѣвъ такъ еще съ часъ, онъ вспомнилъ вдругъ старинную картину, видѣнную имъ въ какомъ то кегельбанѣ, въ окрестностяхъ Берлина; она представляла швейцарскій пейзажъ, и теперь онъ понялъ, что онъ — въ Швейцаріи, а остроконечныя облака—Альпы.

Дѣлая второй обходъ, докторъ нашелъ фонъ-Блейродена спокойно сидѣвшимъ передъ окномъ и напѣвавшимъ про себя; не было никакой возможности оторвать его отъ чудной картины.

Но онъ былъ совершенно спокоенъ и ясно сознавалъ свое положеніе.

— Докторъ, — сказалъ онъ, указывая на желѣзную рѣшетку въ окнѣ,—зачѣмъ вы портите такой чудный видъ, закрывая его желѣзомъ? Не позволите ли вы мнѣ сегодня выйти на воздухъ? я думаю, это было бы мнѣ полезно, и я обѣщаю не убѣжать!

Докторъ взялъ его руку, чтобы незамѣтно изслѣдовать пульсъ.

— Пульсъ у меня всего 70, дорогой докторъ, — сказалъ, улыбаясь, паціентъ,—и эту ночь я спалъ спокойно. Вамъ нечего бояться.

— Меня очень радуетъ, —сказалъ докторъ,—что повидимому лѣченіе имѣетъ на васъ хорошее дѣйствіе. Вы можете выйти.

— Знаете, докторъ, — оживленно заговорилъ больной, — мнѣ кажется, что я умеръ и снова ожилъ на другой планетѣ: до того здѣсь хорошо. Никогда я не представлялъ себѣ, что земля такъ прекрасна!

— Да, земля еще прекрасна тамъ, гдѣ ея не коснулась культура; а здѣсь природа такъ могущественна, что справилась со всѣми попытками человѣка.

— — — — — —

— Вы послѣдователь Руссо, докторъ? — замѣтилъ паціентъ.

— Руссо былъ женевецъ, господинъ лейтенантъ! Тамъ, на берегу озера, въ глубокомъ заливѣ, который вы видите прямо противъ этого вяза, тамъ онъ родился, тамъ страдалъ, тамъ были сожжены его «Emile» и «Contrat social», это евангеліе природы; а тамъ, влѣво, у подножія Валлисскихъ Альпъ, гдѣ лежитъ маленькій Кларанъ, тамъ написалъ онъ книгу любви, «La nouvelle Heloise». Озеро, что вы видите внизу,— Женевское озеро!

— Женевское озеро!—повторилъ фонъ-Блейхроденъ.

— Въ этой тихой долинѣ,—продолжалъ докторъ,—гдѣ живутъ мирные люди, искали душевнаго исцѣленія и покоя всѣ потерпѣвшіе жизненное крушеніе. Взгляните туда, направо, на эту узкую полоску земли съ башней и тополями: это Ферней. Туда бѣжалъ Вольтеръ, осмѣявъ Парижъ, тамъ обработывалъ онъ землю и выстроилъ храмъ въ честь верховнаго существа. А дальше—Коппэ. Тамъ жила госпожа Сталь, злѣйшій врагъ Наполеона, предателя народа, та самая госпожа Сталь, которая имѣла мужество учить французовъ, своихъ соотечественниковъ, что нѣмецкая нація вовсе не жестокій врагъ Франціи, потому что націи вообще не питаютъ ненависти другъ къ другу.

Сюда,—посмотрите теперь влѣво,—сюда, на это озеро бѣжалъ измученный Байронъ, точно титанъ, вырвавшійся изъ сѣтей реакціоннаго времени, въ которыя оно хотѣло поймать его могучій духъ, и здѣсь, въ своемъ „Шильонскомъ узникѣ“, вылилъ онъ всю свою ненависть къ тираніи. У подножія высокаго Граммона противъ рыбачьей деревушки Сенъ-Жэнгольфъ онъ чуть не утонулъ однажды... Здѣсь искали убѣжища всѣ, кто не въ силахъ былъ выносить воздухъ плѣна, подобно холерѣ, носившагося надъ Европой послѣ посягательства священнаго союза на права человѣчества. Здѣсь, тысячу футовъ ниже, слагалъ Мендельсонъ свои грустныя мечтательныя пѣсни; здѣсь Гуно написалъ своего Фауста. Здѣсь, въ безднахъ Савойскихъ Альпъ онъ черпалъ вдохновеніе для „Вальпургіевой ночи“. Отсюда Викторъ Гюго громилъ декабрьскихъ предателей своими обличительными стихами. И здѣсь же, по удивительной ироніи судьбы, внизу, въ маленькомъ скромномъ Веве, куда не проникаетъ сѣверный вѣтеръ, здѣсь вашъ государь искалъ забвенія отъ ужасовъ Садовы и Кенигреца... Сюда укрылся русскій Горчаковъ, почувствовавъ, что почва стала колебаться подъ его ногами. Здѣсь Джонъ Рэссель смывалъ съ себя всѣ политическія прегрѣшенія и вдыхалъ чистый воздухъ. Здѣсь Тьеръ пытался привести въ порядокъ свои спутанныя постоянными политиче-

скими бурями, не рѣдко противорѣчивыя, но, на мой взглядъ, благородныя мысли. А тамъ внизу, въ Женевѣ, господинъ лейтенантъ! Тамъ нѣтъ короля съ пышной свитой, но тамъ впервые зародилась мысль, великая, какъ христіанство, апостолы которой тоже носятъ крестъ, красный крестъ на бѣломъ полѣ, и симъ знаменіемъ, я убѣжденъ, она побѣдитъ грядущее!

Паціентъ, спокойно слушавшій эту необычную рѣчь, свойственную скорѣе священнику, чѣмъ врачу,—чувствовалъ себя неловко.

— Вы—мечтатель, докторъ,—сказалъ онъ.

— И вы будете имъ, проживъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ,—отвѣтилъ докторъ.

— Значитъ, вы вѣрите въ лѣченіе? — спросилъ паціентъ нѣсколько менѣе скептично.

— Я вѣрю въ безконечную силу природы, способную излѣчить болѣзнь культуры,—отвѣтилъ онъ.

— Чувствуете ли вы себя достаточно сильнымъ, чтобы услышать пріятную вѣсть? — продолжалъ онъ, пристально вглядываясь въ больного.

— Совершенно, докторъ!

— Миръ заключенъ!

— Боже... какое счастье!—произнесъ паціентъ.

— Да, конечно,—сказалъ докторъ.—Однако не задавайте вопросовъ; на сегодня довольно. Теперь вы можете выйти. Будьте готовы къ тому, что выздоровленіе ваше не пойдетъ такъ неуклонно впередъ, какъ вы ожидаете. Возможенъ рецидивъ. Воспоминаніе—нашъ злѣйшій врагъ...

Докторъ взялъ больного подъ руку и повелъ въ садъ... Тутъ не было ни рѣшетокъ, ни стѣнъ; только зеленая аллея приводила гуляющаго черезъ лабиринтъ въ то же мѣсто, откуда онъ вышелъ; позади аллеи лежали рвы, черезъ которые нельзя было перешагнуть.

Лейтенантъ молчалъ, вслушиваясь въ странную музыку своихъ нервовъ. Всѣ стороны его души точно зазвучали снова, и онъ ощутилъ покой, котораго не испытывалъ давно.

Они находились теперь передъ небольшимъ сводчатымъ зданіемъ, сквозь которое проходили паціенты въ сопровожденіи служителей.

— Куда идутъ эти люди?—спросилъ больной.

— Ступайте за ними, увидите.

И, подозвавъ одного изъ служителей, докторъ сказалъ ему:

— Спуститесь въ отель «Faucon» къ госпожѣ Блейхроденъ, кланяйтесь ей и скажите, что мужъ ея на пути къ выздоровленію, но... онъ еще не спрашивалъ о ней... Когда онъ спроситъ,—онъ будетъ спасенъ.

Блейхроденъ вошелъ въ большую залу, не походившую ни на одну изъ видѣнныхъ имъ до сихъ поръ. Это не была ни церковь, ни школа, ни залъ засѣданій, ни театръ, но все это отчасти совмѣщалось въ ней. Въ глубинѣ ея были хоры, освѣщаемыя тремя окнами изъ разноцвѣтныхъ стеколъ; нѣжныя сочетанія ихъ цвѣтовъ очевидно были подобраны большимъ художникомъ; свѣтъ преломлялся въ нихъ гармоническимъ аккордомъ. Это производило на больныхъ такое же впечатлѣніе, какъ единичный аккордъ, которымъ Гайднъ разрѣшаетъ тьму хаоса, когда Господь въ „Сотвореніи міра" повелѣваетъ хаотическимъ силамъ природы придти въ порядокъ, восклицая: „да будетъ свѣтъ"! и въ отвѣтъ ему раздаются хоры херувимовъ и серафимовъ.

Колонны вокругъ хоръ не имѣли никакого опредѣленнаго стиля; темный мягкій мохъ обвивалъ ихъ до самаго потолка. Нижнія панели стѣнъ украшены были ельникомъ, а большіе простѣнки—вѣтвями вѣчно зеленыхъ лавровъ, плюща, омелы! Они представляли собой орнаментъ безъ всякаго стиля: порою они какъ будто начинали принимать форму буквъ, но затѣмъ расплывались въ мягкихъ очертаніяхъ фантастическихъ растеній. Надъ окнами висѣли большіе вѣнки, какъ на праздникѣ весны...

Блейхроденъ оглядѣлся кругомъ; паціенты сидѣли на скамьяхъ въ нѣмомъ изумленіи. Онъ занялъ мѣсто на одной скамьѣ и услышалъ вздохъ.

Рядомъ съ собой онъ увидѣлъ человѣка лѣтъ сорока, который плакалъ, прикрывъ лицо руками. У него былъ носъ съ горбиной, усы и остроконечная бородка, а профиль его напоминалъ изображенія, видѣнныя Блейхроденомъ на французскихъ монетахъ.

Повидимому, это былъ французъ. Итакъ, имъ суждено было встрѣтиться здѣсь; здѣсь сидѣлъ врагъ подлѣ врага, оплакивая что-то. Но что же именно? Исполненіе долга передъ отечествомъ?

Блейхроденъ почувствовалъ волненіе, когда вдругъ послышалась тихая музыка: органъ игралъ хоралъ.

Больному казалось, что онъ слышитъ слова, полныя утѣшенія и надежды... Но вотъ, на хоры взошелъ человѣкъ. Это не былъ священникъ: на немъ былъ сѣрый сюртукъ и синій галстухъ. Книги у него тоже не было. Онъ говорилъ.

Онъ говорилъ кротко и просто, какъ говорятъ среди друзей; онъ говорилъ о простомъ ученіи Христа, о любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ, о терпѣніи, миролюбіи и прощеніи врагамъ; онъ говорилъ о томъ, что Христосъ во всемъ человѣчествѣ видѣлъ одинъ народъ, но злая природа человѣка противится этой великой идеѣ, и люди группиру-

ются въ націи, секты, школы; но онъ высказывалъ также твердую увѣренность въ томъ, что принципы христіанства скоро осуществятся на землѣ. И, проговоривъ съ четверть часа, онъ снова сошелъ съ хоръ...

Блейхроденъ точно очнулся отъ сна.

Такъ онъ былъ въ церкви! Онъ, которому скучны были всякіе споры о вѣроисповѣданіяхъ, онъ, — въ теченіе пятнадцати лѣтъ не посѣщавшій ни одной церковной службы... И именно здѣсь, въ домѣ умалишенныхъ, онъ долженъ былъ найти осуществленіе свободной церкви. Здѣсь сидѣли рядомъ католики, православные, лютеране, кальвинисты, цвингліисты, англичане — и возносили свои общія молитвы общему Богу.

Какая безпощадная критика способствовала возникновенію этого общаго молитвеннаго зала, объединившаго всѣ секты, и примирила многочисленныя религіи, враждовавшія, уничтожавшія и осмѣивавшія другъ друга?..

Чтобы отогнать волнующія мысли, Блейхроденъ сталъ разглядывать залъ. Долго блуждавшій взоръ его остановился на стѣнѣ противъ хоръ. На ней висѣлъ огромный вѣнокъ, внутри котораго изъ вѣтвей ельника было изображено одно только слово.

Онъ прочелъ французское слово: „Noël“ и повторилъ про себя: „Рождество“.

Какой поэтъ создалъ эту комнату? Какой глубокій знатокъ человѣческой души сумѣлъ пробудить здѣсь самое прекрасное, самое чистое воспоминаніе, воспоминаніе о дѣтствѣ, далекомъ отъ всякихъ религіозныхъ споровъ и суетныхъ грезъ, омрачающихъ въ чистыхъ душахъ чувство справедливости... Это—какъ будто мелодія, пробивающаяся сквозь звѣриный вой жизни, сквозь крики борьбы изъ-за куска хлѣба или, еще чаще, изъ-за почестей!

Размышляя объ этомъ, онъ задалъ себѣ вопросъ: какимъ образомъ человѣкъ, родясь невиннымъ и кроткимъ, становится постепенно звѣремъ?..

И не представляетъ ли весь міръ дома умалишенныхъ, въ которомъ мѣсто, гдѣ онъ сейчасъ находится,— самое разумное?

И онъ снова смотрѣлъ на это единственное во всей церкви начертанное слово, разбирая его по буквамъ; а въ тайникахъ его воспоминанія, какъ на пластинкѣ проявляемаго негатива, вырисовывались картины прошлаго. Онъ увидѣлъ послѣдній рождественскій сочельникъ. Послѣдній? Тогда онъ былъ во Франкфуртѣ. Значитъ, предпослѣдній. Это былъ первый вечеръ, проведенный имъ у невѣсты, такъ какъ наканунѣ онъ былъ помолвленъ. Онъ видитъ домъ стараго па-

стора, своего тестя; низкую залу съ бѣлымъ буфетомъ и фортепьяно, чижа въ клѣткѣ, бальзамины на окнахъ, шкафъ съ серебряной чашей, коллекцію пѣнковыхъ трубокъ. А вотъ и она, дочь пастора, убирающая елку золотыми орѣхами и яблоками.

Дочь пастора!... Мгновенно, точно молнія, пронзила мракъ, но только чудная, безопасная молнія, лѣтняя зарница, которой любуются съ веранды, не боясь ея удара. Онъ былъ помолвленъ, женатъ! у него была жена, способная снова привязать его къ жизни, которую онъ презиралъ и ненавидѣлъ. Но гдѣ же она? Онъ долженъ видѣть ее сейчасъ же, немедленно! Онъ долженъ летѣть къ ней,—иначе онъ умретъ отъ нетерпѣнія.

Онъ поспѣшно вышелъ и тотчасъ же столкнулся съ докторомъ. Блейхроденъ схватилъ его за плечи, посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и спросилъ прерывающимся голосомъ:

— Гдѣ моя жена? Ведите меня къ ней! Сейчасъ же! Гдѣ она?

— Она и ваша дочь,—спокойно отвѣтилъ докторъ,—ожидаютъ васъ внизу, въ улицѣ Бургъ.

— Моя дочь? У меня есть дочь?—вымолвилъ паціентъ, разражаясь рыданіями.

— Вы очень чувствительны, господинъ фонъ-Блейхроденъ,—сказалъ съ улыбкой докторъ.—Пойдемте со мной, одѣньтесь. Черезъ полчаса вы будете среди своихъ и снова станете самимъ собой!

И они скрылись въ большомъ подъѣздѣ.

. . .

Фонъ-Блейхроденъ представлялъ собою совсѣмъ современный типъ. Правнукъ французской революціи, внукъ священной лиги, сынъ 1830 года, онъ потерпѣлъ крушеніе, разбившись о скалы революціи и реакціи.

Когда, къ двадцати годамъ, онъ началъ жить сознательною жизнью, съ глазъ его упала повязка, и онъ увидѣлъ, какими сѣтями лжи былъ онъ опутанъ, начиная съ протестантства и кончая прусскимъ династическимъ фетишизмомъ. Ему представилось, что онъ очнулся отъ долгаго сна, или, что онъ, единственный здравый человѣкъ, былъ заключенъ въ домъ умалишенныхъ. А когда онъ убѣдился, что въ стѣнѣ, окружающей его, нѣтъ ни одной бреши, сквозь которую онъ могъ бы выйти, не наткнувшись на угрожающій штыкъ или дуло оружія,—имъ овладѣло отчаяніе. Онъ пересталъ вѣрить во чтобы то ни было, даже въ спасеніе и отдался во власть пессимизма, чтобы, по крайней мѣрѣ, заглушить боль, если ужъ нельзя было найти исцѣленія.

Шопенгауэръ сталъ его другомъ, а впослѣдствіи онъ нашелъ его и въ Гартманѣ, этомъ суровѣйшемъ изъ всѣхъ провозвѣстниковъ правды.

Но общество призывало его и требовало избранія какой-нибудь дѣятельности. Фонъ-Блейхроденъ отдался наукѣ и выбралъ изъ нихъ ту, которая наименѣе соприкасалась съ современностью—геологію или, скорѣе, отрасль ея, занимающуюся изученіемъ жизни животныхъ и растеній исчезнувшаго міра—палеонтологію. Когда онъ задавалъ себѣ вопросъ, какая отъ этого могла быть польза для человѣчества?—то могъ только отвѣтить: польза для меня—средство заглушить... Онъ не могъ читать газеты, не чувствуя, какъ въ немъ, подобно грозному безумію, поднимается фанатизмъ, и потому онъ старательно отдалялъ отъ себя все, что могло напомнить современность и современниковъ. Онъ начиналъ надѣяться, что въ этомъ покоѣ, купленномъ такою дорогой цѣною, сможетъ прожить до конца своихъ дней, не утративъ разсудка.

Затѣмъ онъ женился. Онъ не могъ противостоять непреодолимому закону природы—сохраненію вида. Въ женѣ своей онъ надѣялся вновь пріобрѣсть ту задушевность, отъ которой ему удалось освободить себя, и жена стала его прежнимъ, многостороннимъ *я*, которому онъ могъ радоваться, не разставаясь съ своимъ одиночествомъ. Въ ней нашелъ онъ свое дополненіе и началъ уже успокаиваться; но онъ сознавалъ также, что вся его жизнь была теперь построена на двухъ основахъ, изъ которыхъ одною была жена; упади этотъ краеугольный камень,—и самъ онъ, со всѣмъ своимъ зданіемъ, неминуемо рушится. Оторванный отъ нея черезъ два мѣсяца послѣ женитьбы,—онъ ужъ не былъ болѣе самимъ собой. Ему точно не доставало глазъ, руки, языка, и потому-то онъ при первомъ ударѣ такъ легко поддался ему и раздвоился.

Съ появленіемъ дочери, казалось, поднялось что-то новое въ томъ, что Блейхроденъ называлъ природной душой, въ отличіе отъ общественной, образующейся путемъ воспитанія. Онъ сознавалъ теперь свою связь съ семьей, чувствовалъ, что онъ не умреть съ прекращеніемъ жизни, но душа его будетъ продолжать свое существованіе въ его ребенкѣ. Однимъ словомъ, онъ почувствовалъ, что душа его безсмертна, даже если тѣло погибнетъ. Онъ сознавалъ свою обязанность жить и надѣяться, хотя порою имъ овладѣвало отчаяніе, когда онъ слышалъ своихъ соотечественниковъ, въ понятномъ опьяненіи побѣдой, описывающихъ счастливый исходъ войны. Они видѣли поле сраженія только изъ кареты, въ подзорную трубу...

Пессимизмъ, не допускавшій развитія изъ дурного начала, новаго болѣе совершеннаго міра, началъ представляться ему несостоятельнымъ, и онъ сталъ оптимистомъ изъ чувства долга. Но вернуться на родину онъ все же не рѣшался, изъ опасенія снова впасть въ уныніе. Онъ подалъ въ отставку и, реализовавъ свой небольшой капиталъ, поселился въ Швейцаріи.

Былъ чудный теплый осенній вечеръ въ Веве 1872 года. Обѣденный колоколъ въ маленькомъ пенсіонѣ „Le cédre" пробилъ семь часовъ, сзывая къ обѣду.

За табльдотомъ собрались пенсіонеры, знакомые другъ съ другомъ и близко сошедшіеся, какъ обыкновенно бываетъ, когда люди находятся на нейтральной почвѣ.

Сосѣдями фонъ-Блейхродена и его жены были: печальный французъ, котораго мы видѣли въ церкви, одинъ англичанинъ, двое русскихъ, нѣмецъ съ женой, испанское семейство и двѣ тирольки.—Разговоръ шелъ по обыкновенію спокойно, миролюбиво, тепло, порою игриво, затрогивая самые жгучіе вопросы.

— Я никогда не представлялъ себѣ, что природа можетъ быть такъ прекрасна, какъ здѣсь,—сказалъ фонъ-Блейхроденъ, любуясь видомъ сквозь открытую дверь веранды.

— Природа всегда была прекрасна,—сказалъ нѣмецъ,—но я думаю, что глаза наши были слѣпы.

— Правда,—подтвердилъ англичанинъ,—но всетаки здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

— Слыхали вы, господа, что случилось съ варварами, кажется, съ аллеманнами или венграми, когда они пришли на гору Данъ-де-Жаманъ и увидѣли съ нея Женевское озеро? Они подумали, что небо упало на землю, и въ испугѣ разбѣжались. Объ этомъ, навѣрное, упоминается въ путеводителѣ...

— Я думаю,—замѣтилъ одинъ изъ русскихъ,—что чистый, свободный отъ всякой лжи, воздухъ, вдыхаемый нами здѣсь,—является причиной того, что мы находимъ все прекраснымъ; та же самая прекрасная природа оказываетъ благотворное дѣйствіе на нашу мысль, отвращая ее отъ предразсудковъ. Подождите, когда исчезнутъ наслѣдники священной лиги, тогда и трава зазеленѣетъ на ясномъ солнышкѣ.

— Вы правы,—сказалъ фонъ-Блейхроденъ,—но нѣтъ необходимости обезглавливать деревья. Есть другіе болѣе человѣческіе способы борьбы. Путь законной реформы. Не правда ли, господинъ англичанинъ?

— Совершенно вѣрно!—отвѣтилъ англичанинъ.

— Но войны, войны прекратятся ли онѣ когда-нибудь?—воскликнулъ испанецъ.

— Когда женщина получитъ право голоса, армія будетъ распущена, — сказалъ фонъ-Блейхроденъ. — Неправда ли, жена?

Госпожа Блейхроденъ одобрительно кивнула головой.

— Потому что,—продолжалъ Блейхроденъ,—какая мать захочетъ послать своего сына, сестра своего брата, жена мужа на поле битвы? А когда никто не станетъ подстрекать людей другъ противъ друга—исчезнетъ такъ называемая рассовая ненависть. Человѣкъ добръ, но люди злы, думалъ нашъ другъ Жанъ-Жакъ,—и онъ былъ правъ.

Почему здѣсь, въ этой прекрасной странѣ люди такъ миролюбивы? Почему они имѣютъ болѣе довольный видъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Они не чувствуютъ надъ собой власти учителя точно школьники. У нихъ нѣтъ ни королевской свиты, ни военныхъ смотровъ, ни парадныхъ представленій, гдѣ бы слабому человѣку являлся соблазнъ предпочесть блескъ справедливости. Швейцарія представляетъ собой миніатюрную модель, по которой Европа современемъ построитъ свое будущее.

— Вы оптимистъ, милостивый государь, — сказалъ испанецъ.—Неужели вы полагаете, что то, что годится для маленькой страны, какъ Швейцарія, съ тремя милліонами жителей и только тремя языками,—пригодно такъ же и для всей громадной Европы?

Разговоръ закипѣлъ. Говорили о Швейцаріи, объ Америкѣ, о будущемъ Европы и человѣчества. Англичанинъ наполнилъ стаканъ и собирался произнести тостъ, когда вошла прислуживавшая дѣвушка и подала ему телеграмму.

Разговоръ на минуту прервался; англичанинъ съ видимымъ волненіемъ читалъ телеграмму... Между тѣмъ надвигались сумерки. Блейхроденъ тихо сидѣлъ, погрузившись въ созерцаніе чуднаго ландшафта.

Вершины Граммона и сосѣднихъ горъ были залиты пурпуромъ заходящаго солнца, бросавшаго розоватый отблескъ на виноградники и каштановыя рощи Савойскаго берега; Альпы блестѣли въ сыромъ вечернемъ воздухѣ и казались сотканными изъ той же воздушной ткани, какъ свѣтъ и тѣни. Онѣ стояли, подобно гигантскимъ безплотнымъ существамъ, мрачныя сзади, грозныя и пасмурныя въ разсѣлинахъ, а съ передней стороны, обращенной къ солнцу,—свѣтлыя, улыбающіяся, веселыя.

Темно-синее вечернее небо вдругъ прорѣзала яркая по-

лоса свѣта, и надъ низкимъ Савойскимъ берегомъ взвилась огромная ракета; она поднялась высоко, высоко, казалось, коснулась самого Данъ д'Ошъ, остановилась и заколебалась, точно въ послѣдній разъ окидывая взглядомъ прекрасную землю, прежде чѣмъ разсыпаться; это продолжалось нѣсколько секундъ, затѣмъ она начала спускаться, но, не пройдя и нѣсколькихъ метровъ, лопнула съ грохотомъ, достигшимъ Веве, и вдругъ, точно большое четырехугольное облако,— развернулся бѣлый флагъ, а вслѣдъ затѣмъ послышался новый выстрѣлъ, и на бѣломъ фонѣ вырисовался красный крестъ.

Сидѣвшіе за столомъ вскочили и поспѣшили на веранду.

— Что это такое? — воскликнулъ встревоженный фонъ-Блейхроденъ. Никто не хотѣлъ или не могъ отвѣтить, потому что въ эту минуту взвился цѣлый рой ракетъ, точно изъ кратера вулкана, и по небу разсыпался огненный букетъ, отразившійся въ необъятномъ зеркалѣ спокойнаго Женевскаго озера.

— Лэди и джентльмены!—возвысилъ голосъ англичанинъ, въ то время, какъ лакей ставилъ на столъ подносъ съ бокалами шампанскаго.

— Лэди и джентльмены!—повторилъ онъ,—это означаетъ, какъ я узналъ изъ полученной телеграммы, что первый международный третейскій судъ въ Женевѣ окончилъ свои занятія; это значитъ, что война между двумя народами предотвращена, что сто тысячъ американцевъ и столько же англичанъ должны благодарить этотъ день за то, что они остались въ живыхъ. Алабамскій вопросъ разрѣшенъ не въ пользу американцевъ или англичанъ,—а въ пользу справедливости и будущаго. Думаете ли вы всетаки, господинъ испанецъ, что войны неизбѣжны? Я, какъ англичанинъ, сегодня долженъ бы быть огорченъ, но я горжусь своей родиной (положимъ, англичане, какъ вамъ извѣстно, всегда гордятся ею), а сегодня я имѣю на это право, потому что Англія — первая европейская держава, обратившаяся къ суду честныхъ людей, а не къ желѣзу и крови! И я желаю вамъ всѣмъ такихъ же пораженій, какое мы понесли сегодня, потому что они научатъ насъ побѣждать...

Блейхроденъ остался въ Швейцаріи. Онъ не могъ оторваться отъ этой дивной природы,— перенесшей его въ иной міръ, безконечно прекраснѣе того, который онъ покинулъ.

Порою снова овладѣвали имъ припадки терзаній совѣсти, но докторъ приписывалъ это исключительно нервности, присущей въ наше время большинству культурныхъ людей.

Блейхроденъ рѣшилъ выяснить свои мысли о вопросахъ совѣсти въ небольшой статьѣ, которую намѣренъ былъ опуб-

ликовать. Его конспектъ, прочтенный раньше въ кругу друзей, заключалъ въ себѣ довольно интересныя вещи. Со свойственнымъ нѣмцу глубокомысліемъ, онъ проникъ въ сущность вещей и пришелъ къ заключенію, что существуютъ два рода совѣсти: 1) природная и 2) искусственная. Перваго рода совѣсть, полагалъ онъ — есть прирожденное чувство справедливости. И оно-то было у него удручено приказомъ разстрѣлять вольныхъ стрѣлковъ. Только разсматривая себя, какъ жертву высшей власти, — онъ могъ освободиться отъ терзавшихъ его угрызеній.

Искусственная совѣсть въ свою очередь состоитъ изъ a) силы привычки и b) требованія высшей власти. Сила привычки настолько еще тяготѣла надъ Блейхроденомъ, что нерѣдко, въ особенности въ часы предобѣденной прогулки, ему представлялось, что онъ манкируетъ службой, и онъ становился угрюмымъ, недовольнымъ собою, испытывалъ чувства школьника, пропускающаго уроки. Ему надо было употребить невѣроятныя усилія, чтобы оправдать свою совѣсть тѣмъ, что онъ получилъ законную отставку.

По прошествіи двухъ съ половиною лѣтъ, проведенныхъ Блейхроденомъ въ Швейцаріи, онъ получилъ однажды приказъ вернуться на родину, ввиду носившихся слуховъ о войнѣ. На этотъ разъ дѣло касалось отношеній Пруссіи къ Россіи, той самой Россіи, которая три года тому назадъ оказала пруссакамъ „моральную“ поддержку противъ Франціи. Блейхроденъ не считалъ добросовѣстнымъ идти противъ друзей, понимая хорошо, что обѣ націи ничего не имѣютъ другъ противъ друга.

Зная по опыту, что совѣсть женщины ближе къ законамъ природы, онъ обратился къ своей женѣ за совѣтомъ, какъ поступить ему въ виду подобной дилеммы. Послѣ минутнаго размышленія жена его отвѣтила:

— Быть нѣмцемъ — больше, чѣмъ быть пруссакомъ; потому-то и образовался нѣмецкій союзъ; но быть европейцемъ—больше, чѣмъ быть нѣмцемъ. Быть же человѣкомъ—еще больше, чѣмъ быть европейцемъ. Ты не можешь перемѣнить своей національности, потому что всѣ „націи“—враги и нельзя переходить на сторону враговъ, если ты не монархъ, какъ Бернадоттъ, или генералъ фельдмаршалъ, какъ графъ Мольтке. Слѣдовательно, тебѣ остается только одно—нейтрализоваться. Сдѣлаемся швейцарцами! Швейцарія не имѣетъ національности!

Блейхродену вопросъ показался такъ правильно и просто разрѣшеннымъ, что онъ немедленно сталъ собирать свѣдѣнія, какимъ образомъ онъ могъ „нейтрализоваться“.

По справкамъ оказалось, что, проживя здѣсь два года, онъ этимъ уже исполнилъ всѣ условія для того, чтобы стать швейцарскимъ „гражданиномъ“: въ этой странѣ нѣтъ „подданныхъ“.

Въ настоящее время Блейхроденъ „нейтрализовался“, и хотя въ общемъ онъ счастливъ — все же порою ему приходится вести войну со своей „искусственной“ совѣстью.

* * *

Уйти... Отъ сѣрыхъ стѣнъ, гдѣ тусклый небосклонъ
Ложится крышею замкнувшейся темницы,
Гдѣ спятъ во мглѣ дома, какъ темныя гробницы,
Какимъ-то тягостнымъ и безконечнымъ сномъ!
Гдѣ чудится душѣ—жизнь не проснется вновь
Въ затишьи мертвенномъ, безъ солнца и свободы,
Какъ будто каменные своды
Убили счастье и любовь!
Уйти... Туда уйти, гдѣ травы на зарѣ
Разсвѣту молятся блестящими слезами,
Гдѣ смотрятъ вдаль цвѣты лазурными глазами,
Гдѣ темный хвойный лѣсъ сбѣгаетъ по горѣ...
И кажется—онъ весь однимъ желаньемъ полнъ,
Спускаясь внизъ къ рѣкѣ задумчивой и чистой—
Коснуться вѣткою смолистой
Ея играющихъ посеребренныхъ волнъ...

Г. Галина.

На старой дорогѣ.

Веселыя нивы по холмамъ зеленѣли,
И березы кивали вѣтвями густыми;
А теперь только темныя сосны да ели,
Да блѣдное небо съ облаками сѣдыми.
Тамъ, за лѣсомъ, еще куковала кукушка
И дергачъ свою пѣсню тянулъ монотонно,
Но едва миновала лѣсная опушка—
Стало въ чащѣ деревьевъ безмолвно и сонно.
Уныло заглянетъ съ неба мѣсяцъ двурогій
И увидитъ опять сонъ давно позабытый:
Рядъ столбовъ верстовыхъ на пустынной дорогѣ
И чахлый малинникъ у канавы размытой.
Ждешь, въ тревогѣ щемящей, послѣдняго крика,
Унесеннаго эхомъ въ пустыню далеко,
И усталому взору все кажется дико,
Какъ-то жутко-безцѣльно и странно-жестоко...

В. Башкинъ.

«ТРУЖЕННИКИ».

Романъ *Александра Килланда.*

Переводъ **К. И. Саблиной.**

I.

На юго-западѣ и вдали надъ фіордомъ стояло ясное, голубое небо. Яркіе солнечные лучи играли на поверхности воды, въ легкой зыби, и длинными полосами ложились въ мѣстахъ, гдѣ господствовало полное затишье.

Опредѣленнаго направленія вѣтра не было. Порою онъ вѣялъ съ юга, порою, словно горячее дыханіе, лѣниво проносился изъ долинъ Христіаніи надъ городомъ, прямо на главный островъ и тамъ замиралъ отъ невыносимой жары.

На востокѣ виднѣлась грозовая туча: каждый день послѣ полудня она появлялась, чтобы къ вечеру снова скрыться.

„Что бы ей ужъ разразиться!“ говорили люди; а она все лишь показывалась изо дня въ день, въ продолженіе цѣлаго августа мѣсяца.

Солнце пекло, вѣтеръ дулъ то оттуда, то отсюда, не уменьшая жары, но производя только колебаніе воздуха; непогода висѣла, такъ сказать, надъ природой, заставляя послѣднюю томиться въ трепетномъ ожиданіи,—но оставалась пока пустой угрозой.

Всѣ широкія улицы, ведущія къ югу и къ юго-западу, залиты были солнечнымъ свѣтомъ. Тѣнь подползала совсѣмъ вплотную къ стѣнамъ домовъ и легла тонкой, узенькой полоской, такъ что на нее нельзя было и наступить.

Въ улицѣ Карла-Іоганна до полудня было терпимо: по ней можно было дойти, безъ риску повредить себѣ, до того помѣщенія, гдѣ собирался стортингъ; но надъ „Eidsvoldsplatz“ и повыше противъ дворца солнце сосредоточило свои лучшія силы. Молодыя деревья, съ покрытой сѣрою пылью листвой, поникли своими вершинами и вѣтвями; тополя стояли, вытянувшись во весь ростъ, и словно косились на

свою тѣнь. Люди же шмыгали отъ куста къ кусту, точно птицы; а птицы, со своей стороны, бросили пѣть, забрались въ самую чащу вѣтвей и хлопали глазами на солнце, или же купались въ пыли и засохшихъ цвѣточныхъ клумбахъ.

Нѣсколько злополучныхъ пѣшеходовъ пыхтѣли, взбираясь на Дворцовую гору, съ раскрытыми зонтиками и шляпами въ рукахъ, а ихъ носовые платки уподобились мокрымъ тряпкамъ. У университета стояла группа тощихъ студентовъ, изнемогавшихъ отъ жары и латыни. Внизъ по Университетской улицѣ пронесся неожиданно порывъ вѣтра, взвилъ облако пыли и разсѣялъ его по площади; вода отъ поливки улицъ слоемъ сѣрыхъ жемчужинъ ложилась на горячую пыль.

Глазамъ становилось больно при взглядѣ на залитый солнцемъ дворецъ, съ его спущенными занавѣсками. Передъ нимъ красовался Карлъ-Іоганнъ на бронзовомъ конѣ. Онъ держалъ шляпу въ рукѣ,—какъ бы для того, чтобы обмахиваться ею ради прохлады.

Но надъ городомъ воздухъ висѣлъ неподвижно и рябилъ въ глазахъ, точно надъ пожарищемъ. Дымъ изъ трубъ спускался въ видѣ коричневаго облака, а на востокѣ снова начали сгущаться грозовыя тучи, на подобіе сплошныхъ, золотистыхъ круговъ, напоминавшихъ дымъ изъ тяжелыхъ орудій.

Большіе, солидные, разсчитанные на сибирскую зиму, дома, накалились не хуже печей. Въ узенькихъ дворикахъ, гдѣ, чтобы увидать небо, надо было лечь на спину,—жара стояла невообразимая. Оттуда проникла она черезъ черные ходы и кухонныя окна, выползала по ступенькамъ и встрѣчалась съ солнцемъ, которое уже поспѣвало со стороны улицы сквозь раскаленныя стѣны и многочисленныя окошки. Нигдѣ не находилось прохладнаго мѣстечка, если не считать ледниковъ. Продолжительная жара такъ плотно засѣла въ стѣнахъ, что даже ночи были невыносимы. Воздухъ стоялъ удушливый, и все, что до того обладало лишь наклонностью дурно пахнуть, теперь воспользовалось случаемъ и издавало положительное зловоніе. Во всемъ городѣ не было ни глотка чистаго воздуха.

— Чѣмъ сѣвернѣе заберешься, тѣмъ хуже жара!—сказалъ канцеляристъ Мортенсенъ и разстегнулъ воротникъ; онъ сидѣлъ безъ сюртука и въ жилеткѣ на распашку.

Молодой секретарь Хіортъ, который помѣщался тутъ же и клеилъ бумажныя папки на случай какой-либо надобности въ министерствѣ, обернулся съ кислой миной. Мортенсенъ дѣйствительно представлялъ изъ себя довольно некрасивое зрѣлище, обливаясь потомъ въ своей рубашкѣ изъ суро-

ваго полотна. Но секретарь Хіортъ ничего не сказалъ: онъ былъ новичекъ въ министерствѣ, а Мортенсенъ умѣлъ импонировать товарищамъ.

Всѣ окна въ большомъ министерскомъ зданіи были открыты настежь, равно какъ и двери между комнатами и въ корридоры. Канцеляристы дѣлали другъ другу визиты и жаловались на жару—они всегда имѣли нѣсколько „дѣлъ“ въ рукахъ, на случай „нежелательной встрѣчи“. Секретари, еще не привыкшіе къ „работѣ“, томились у столовъ, видомъ своимъ напоминая увядающія „рыцарскія шпоры“; порой они спохватывались и принимались съ напускнымъ усердіемъ рыться въ бумагахъ.

Кстати, бумаги тамъ было вездѣ много. Она переполняла полки и большими кипами лежала у чиновниковъ и передъ ними, и сбоку.

Здѣсь была и сѣрая, и желтая, и бѣлая, и оберточная, и почтовая, и пропускная, и гербовая бумага; бумага новая и совсѣмъ старая, съ ветхими краями. Она была разбросана вокругъ отдѣльными листами, въ оберткахъ, или въ пакетахъ, перевязанныхъ бичевочкой—на полу, на стульяхъ, на столахъ. Бумага буквально наводняла комнату, такъ что несчастные, которымъ суждено было вращаться среди нея, должны были инстинктивно опасаться, какъ бы не утонуть въ этомъ морѣ бумаги, если не сумѣешь спастись вплавь.

Въ комнатѣ рядомъ съ Мортенсеномъ сидѣлъ канцеляристъ Эрсетъ, маленькій подвижной человѣчекъ, съ черной бородой. Онъ вбѣжалъ съ газетнымъ листомъ въ рукѣ:

— Читали вы, Мортенсенъ? Вѣдь это перешло всякія границы! Прочтите-ка статейку по поводу избирательнаго права для рабочихъ! И подобную статью написали, отпечатали и открыто распространяютъ! Нѣтъ! Ихъ всѣхъ повѣсить мало!!

Мортенсенъ равнодушно взглянулъ на листокъ.

— Я читалъ ее еще сегодня утромъ. Глупость. Старо.

— Глупость, Мортенсенъ? Хуже того. Она призываетъ къ безпорядкамъ! Къ возмущенію! Опасная вещь, лживая! Подумать только,—Эрсетъ иронически захохоталъ:—что они всюду шныряютъ, дѣлаютъ глазки всякой сволочи, заигрываютъ и братаются съ рабочими, держатъ рѣчи по поводу этого честнаго рабочаго класса, какъ будто поденщики трудятся, а всѣ мы, остальные, такъ себѣ... только... только...

— Дневные грабители!—пояснилъ Мортенсенъ.

— Вотъ именно!—продолжалъ Эрсетъ.—А мнѣ хотѣлось бы знать, кто больше работаетъ: каменотесъ или одинъ изъ насъ?

Между тѣмъ въ комнату проскользнулъ маленькій сѣдой человѣкъ. Никто никогда не зналъ, откуда онъ появится.

Подъ его рукой двери безшумно распахивались, и онъ имѣлъ обыкновеніе ходить въ валенкахъ.

— Эге! Мо!—обратился къ нему Мортенсенъ, недовѣрчиво мигая глазами:—ушелъ онъ?

— Господинъ министръ на минуту выѣхалъ съ негоціантомъ Фалькъ Ольсеномъ, — откликнулся Мо и снова выскользнулъ изъ комнаты.

Эрсетъ давно уже водворился на свое мѣсто, въ сосѣдней комнатѣ. Канцеляристы и докладчики съ большимъ рвеніемъ нагнулись надъ своими дѣловыми бумагами, пока маленькій человѣчекъ проходилъ мимо.

Эо былъ министерскій курьеръ, по имени Андерсъ Мо. Онъ носилъ длиннополый коричневый сюртукъ, стоячій воротничекъ и бѣлый галстухъ, подпиравшій ему подбородокъ. Костюмъ придавалъ ему значительный видъ, — обликъ квакера. Блѣдное лицо было кротко и привѣтливо, бѣлоснѣжные волосы такъ низко спускались на шею, что изящно вились по воротнику сюртука. Когда благообразный курьеръ безшумно скрылся въ сосѣдней комнатѣ, Мортенсенъ заговорилъ, понижая голосъ:

— Эй, Эрсетъ! Не можемъ ли мы улетучиться по примѣру начальства и отвѣдать свѣжаго пивка, а?

— Хорошо бы!—неожиданно отозвался секретарь Хіортъ и уронилъ ножницы на полъ. Мортенсенъ хладнокровно поглядѣлъ на молодого человѣка; но вдругъ въ умѣ его блеснула идея: Хіортъ былъ сынъ уѣзднаго судьи съ запада, имѣлъ очень хорошія связи и, вѣроятно, въ деньгахъ не стѣснялся. Поэтому онъ отвѣчалъ ему дружелюбно:

— Молодо—зелено! А надежды большія подаетъ.

Секретарь намека не понялъ, но зналъ, что въ министерствѣ принято считать Мортенсена остроумнымъ, а потому на всякій случай осклабился и заявилъ:

— Чего мнѣ больше всего недостаетъ, съ тѣхъ поръ какъ я служу въ министерствѣ, такъ это завтраковъ въ Грандъ-Отелѣ! Въ эти часы тамъ подаютъ чудесныя бараньи котлеты, жареныя на рашперѣ, и свѣжій салатъ съ огурцами! Ахъ!!

Изъ комнаты Эрсета послышалось неопредѣленное хрюканье, а Мортенсенъ заявилъ:

— Салата изъ огурцовъ я никогда не ѣмъ за завтракомъ, отъ него дѣлается отрыжка. А вотъ голландскій бифштексъ съ жареннымъ картофелемъ, рюмка водки, да кружка пива,— самый настоящій завтракъ!

— Все это вы можете получить въ Грандъ-Отелѣ!..

— Да? Я не думалъ, что тамъ такъ хорошо кормятъ, — вставилъ Мортенсенъ.

— Увѣряю васъ! Если вы сдѣлаете мнѣ честь позавтракать со мною, то я ручаюсь вамъ...

Опять изъ сосѣдней комнаты послышался какой-то звукъ, и Мортенсенъ отвѣтилъ:

— Большое спасибо. Но мы вотъ намѣревались съ Эрсетомъ...

— Если вы полагаете,—смущенно предложилъ секретарь Хіортъ:—что господинъ Эрсетъ также окажетъ мнѣ честь...

— Онъ чертовски гордъ... Но я попробую уломать его...—отвѣчалъ Мортенсенъ, подтянулъ брюки и прошелъ въ сосѣднюю комнату.

Тамъ, рядомъ съ Эрсетомъ, сидѣлъ пожилой господинъ нагнувшись надъ своей конторкой. Его-то и окликнулъ Эрсетъ, когда пошептался съ Мортенсеномъ.

— Ганзенъ! Мнѣ надо бы на короткое время отлучиться передъ завтракомъ. Если Мо спроситъ, скажите ему, голубчикъ, что меня вытребовали на конференцію въ ревизіонную камеру. Слышите, папаша Ганзенъ?

Тотъ кивнулъ головой.

— Старъ сталъ! —понизивъ голосъ, замѣтилъ Мортенсенъ:—пора ему была отступиться отъ газеты!

Мортенсенъ говорилъ о „Другѣ народа", изъ редакціи котораго „старому Ганзену"—какъ его прозвали,—пришлось удалиться, такъ какъ направленіе, которое онъ давалъ газетѣ, показалось его начальству опаснымъ. Теперь редакторомъ былъ Мортенсенъ.

Когда Эрсетъ уже готовился идти, Мортенсенъ напомнилъ, что имъ неудобно удалиться раньше, чѣмъ они убѣдятся, что начальникъ бюро самъ отправился завтракать. Но тутъ какъ разъ дверь внутренняго помѣщенія распахнулась, и директоръ департамента, Дельфинъ, вышелъ и сталъ спускаться съ лѣстницы.

Мортенсенъ вернулся на свое мѣсто и шепнулъ Хіорту: „я уломалъ его!" А затѣмъ, напѣвая пѣсенку, началъ одѣваться.

Немногіе дерзали вести себя такъ непринужденно въ министерствѣ, какъ канцеляристъ Мортенсенъ. Но когда узнали, что онъ дружитъ со всемогущимъ Андерсомъ, какъ прозвали Мо, то стали поговаривать, что министръ Беннехенъ пользуется „Другомъ народа" для своихъ цѣлей.

Поэтому положеніе Мортенсена въ министерствѣ было гораздо выше его чина, и совсѣмъ начало уже позабываться то обстоятельство, что онъ, въ качествѣ провинціальнаго адвоката, былъ замѣшанъ въ какой-то мошеннической продѣлкѣ на одной спичечной фабрикѣ.

Когда Мортенсенъ застегнулъ сюртукъ поверхъ своей су-

ровой рубашки, всѣ трое взяли шляпы и собирались выйти; но въ дверяхъ Мортенсенъ обернулся и воскликнулъ:

— Боги мои, онъ не прихватилъ никакихъ бумагъ! Молодо — зелено, собирается выйти на улицу безо всякихъ бумагъ!

— Что?—спросилъ Хіортъ, готовый расхохотаться, какъ только онъ пойметъ соль остроты Мортенсена.

— Развѣ вы не замѣчаете?—обратился къ нему Эрсетъ, и тутъ только Хіортъ обратилъ вниманіе, что у каждаго изъ двухъ торчатъ подъ мышкой бумаги.

— А!.. Да... Но что же мнѣ взять? — недоумѣвалъ онъ, глядя на кипу своихъ дѣловыхъ бумагъ.

— Заступница, святая Магдалина!—возопилъ Мортенсенъ, устремляя взоръ въ потолокъ: — онъ спрашиваетъ, что ему взять! Какъ будто не всякая тетрадь бумаги годится, чтобы имѣть ее при себѣ на улицѣ!

Наконецъ Хіортъ догадался, въ чемъ дѣло, приготовилъ себѣ пакетъ, какъ у другихъ—и всѣ трое тихонько спустились съ лѣстницы.

Въ воротахъ съ ними столкнулся, бѣжавшій навстрѣчу, долговязый малый, въ костюмѣ рабочаго.

— Ахъ, господинъ редакторъ, а я было къ вамъ!—обратился онъ къ Мортенсену, утирая потъ съ лица холщевымъ передникомъ:—намъ необходимъ портретъ генерала Робертса.

— Помѣстите Гладстона съ окладистой бородой,—не задумываясь, распорядился редакторъ.

— Но вѣдь у Гладстона огромная лысина!.. — возразилъ рѣзчикъ по дереву.

— Надѣньте ему шляпу Стэнли, — спокойно приказалъ Мортенсенъ.

Рабочій побѣжалъ обратно черезъ улицу, а Хіортъ въ изумленіи покатился со смѣху.

— Прекрасно вышли изъ затрудненія, господинъ редакторъ! — сказалъ онъ и даже осмѣлился фамильярно потрепать Мортенсена по плечу (не даромъ же онъ собирался угощать пріятелей)!—Но имѣете ли вы понятіе о наружности генерала Робертса.

— Ни малѣйшаго! — былъ хладнокровный отвѣтъ Мортенсена.

— Но представьте себѣ, что у генерала вовсе нѣтъ бороды, или, напримѣръ, только усы, какъ у меня?

— Ну, значитъ, генералъ обрился послѣ интервью съ нами, очень просто!

— Господа, теперь намъ надо раздѣлиться на двѣ партіи,—сказалъ Эрсетъ:—вы, Мортенсенъ, идите на ту сторону...

Въ этотъ моментъ Мортенсенъ испустилъ энергичное ру-

гательство: навстрѣчу имъ шелъ начальникъ ихъ, Дельфинъ, элегантный и спокойный, со свойственной ему ядовитой усмѣшечкой на губахъ.

— Теперь надо ждать передряги!—пробурчалъ Эрсетъ.

Докладчикъ Хіортъ затрессся отъ испуга. Всѣ трое поклонились, видимо смущенные. Георгъ Дельфинъ небрежно кивнулъ головой и, повидимому, намѣревался пройти мимо; но вдругъ остановился передъ Мортенсеномъ и изысканно вѣжливо спросилъ:

— Господинъ Мортенсенъ, не найдется ли у васъ спичекъ?

Мортенсенъ засуетился, отыскивая спички, а директоръ департамента, съ невозможнымъ спокойствіемъ, закуривъ свою сигару, поблагодарилъ и пошелъ дальше.

— На этотъ разъ мы дешево отдѣлались! — наивно воскликнулъ Хіортъ.

— Ну, это еще неизвѣстно! — возразилъ Эрсетъ, злобно косясь на Мортенсена.

— Проклятый болтунъ!—выругался редакторъ.

— У Фалькъ-Ольсеновъ въ воскресенье говорили, что его вскорѣ сдѣлаютъ камергеромъ! — сообщилъ Хіортъ, довольный, что ему удалось таки упомянуть про свои аристократическія знакомства.

Но распространиться насчетъ важной новости ему не пришлось; собесѣдники разстались по совѣту Эрсета, чтобы вновь соединиться въ Грандъ-Отелѣ.

Солнце пекло. По узкой тѣневой полоскѣ, ложившейся теперь вдоль тротуара, шла густая масса народу; нашимъ тремъ чиновникамъ пришлось волей-неволей идти по самому припеку; встрѣчные знакомые, не останавливаясь, привѣтствовали ихъ. Всѣ видѣли, что они торопятся, а пакеты подъ мышками усиливали впечатлѣніе дѣловитости.

Между тѣмъ въ комнатахъ министерства жара становилась все удушливѣе. Надъ бумагами сиротливо дремалъ старый Ганзенъ.

II.

Въ уѣздномъ судѣ чинили судъ и расправу. На краю Почтамской улицы, у дворовъ тѣснились расправленныя телѣги, омнибусы и другіе экипажи всевозможныхъ родовъ; передъ самымъ подъѣздомъ зданія суда стояла большая коляска, въ которой пріѣхали уѣздный и окружной судьи, городской голова. Вокругъ экипажа столпились мальчишки и глазѣли, тѣснясь другъ за другомъ и засунувъ руки въ карманы. Взрослые разсѣялись вдоль улицы и подъ окнами суда. Женщинъ не было видно. Взрослые меньше зѣвали по сторонамъ,

но руки также засунули въ карманы. Собрались кучки тамъ и сямъ, шла болтовня; ходившіе вдоль домовъ попарно тоже работали языками. Встрѣчались и тревожныя, напряженныя лица,—то были люди, прибывшіе издалека узнать о своихъ „дѣлахъ".

Между послѣдними находился маленькій, худенькій человѣчекъ, судя по его виду, пріѣзжій изъ глубины страны. Онъ ѣхалъ всю ночь, чтобы поспѣть къ засѣданію; лошадиный барышникъ обманулъ его съ буланой кобылой. Дѣло было давно; болѣе года тому назадъ онъ побывалъ въ городѣ у адвоката Бойезена, просилъ его ходатайства; много свѣтлыхъ шиллинговъ утекло на повѣстки и на всякій вздоръ,—а тѣмъ временемъ барышникъ вмѣстѣ съ буланкой исчезли невѣдомо куда. Но на сегодняшній день адвокатъ обѣщалъ ему „рѣшеніе дѣла". И потерпѣвшій ждалъ, что барышника заставятъ вернуть ему буланую кобылу и уплатить судебныя издержки.

Только бы ему поймать адвоката Бойезена. Цѣлое утро караулитъ онъ у зданія суда, а адвоката все нѣтъ, какъ нѣтъ.

Люди входили и выходили; кому надо было поговорить съ старшиной, кому — заплатить подати, кому — навести справки у окружного судьи. Приближался полдень. Ожидающій людъ принялся закусывать стоя, доставъ привезенную съ собою ѣду; иные усѣлись рядами на краю шоссейной канавы. Временами въ дверяхъ суда показывался одинъ изъ писцовъ и выкликалъ чье-нибудь имя; присутствующіе оборачивались и повторяли имя, пока нужный субъектъ не отыскивался гдѣ-нибудь и не начиналъ медленно идти на призывъ; тогда писецъ нетерпѣливо покрикивалъ, рекомендуя „пошевеливаться", а вѣтеръ игралъ его завитыми волосами и обдувалъ ему лицо.

На большомъ камнѣ, у забора сидѣлъ человѣкъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ. Онъ снялъ шляпу и задумчиво уставился глазами вдаль, на море. То былъ коренастый, высокій мужчина, слегка сгорбившійся отъ тяжелыхъ деревенскихъ работъ и пребыванія въ низкой избѣ. У него было строгое лицо съ рѣзкими чертами и рыжая, густая, кудрявая растительность на головѣ и лицѣ. Онъ смахивалъ на лѣсное страшилище, но глаза у него были ясные, правдивые, голубые, какъ у ребенка.

Отъ одной изъ ближайшихъ группъ отдѣлился другой мужчина, подошелъ къ забору и поздоровался.

— Здравствуй, Ньэдель!

Ньэдель полуобернулся и отвѣтилъ на привѣтствіе.

— Хорошо, что я здѣсь сегодня тебя засталъ! — произнесъ первый:—мы можемъ потолковать съ тобой о нашемъ

дѣлѣ и услышимъ, что добрые люди на этотъ счетъ думаютъ.

— Мнѣ до другихъ дѣла нѣтъ, Серенъ,—отвѣчалъ Ньэдель:—да если-бъ и ты оставлялъ ихъ въ покоѣ, то мнѣ не пришлось бы сегодня торчать передъ судомъ, всѣмъ на посмѣшище.

— Мы должны быть готовы, что то, въ чемъ мы согрѣшили втайнѣ, сдѣлается явнымъ, разъ въ мірѣ возбуждается соблазнъ...

— Какой тамъ соблазнъ! Когда каждый знаетъ только самого себя, рѣчи не можетъ быть о соблазнѣ!

— Соблазнъ всегда будетъ... Но горе тому человѣку...

Ньэдель вытянулся во весь ростъ и отрывисто оборвалъ рѣчь словами:

— Что ты хотѣлъ мнѣ сказать о нашемъ дѣлѣ?

Серенъ Беревигъ былъ высокій сутуловатый мужчина, съ прямыми, желтыми, какъ солома, волосами и бѣлыми рѣсницами. Разговаривая, онъ глядѣлъ искоса и исподлобья, а также имѣлъ привычку потирать руки.

— Ты роешь большую канаву внизъ, къ самому морю, Ньэдель?

— Совершенно вѣрно.

— И ты доведешь ее до самаго тростника?

— Я иду вдоль границы своего поля.

— Такъ.. - поддакнулъ Серенъ и покосился черезъ дорогу:—но вѣдь тебѣ придется не по вкусу, если другіе станутъ вторгаться въ твою землю?

— Пусть только попробуютъ!

— Но послушай, Ньэдель! Какъ же мнѣ иначе добраться до берега, если ты проведешь свою канаву? Подумалъ ты объ этомъ?

— Тебѣ туда вовсе не къ чему и добираться, Серенъ. Тамъ тебѣ дѣлать нечего.

— Гм! гм! — захихикалъ Серенъ: — больно скоръ ты на языкъ, Ньэдель!

— Какъ бы скоро я ни говорилъ, я всегда могу дать отчетъ въ своихъ словахъ.

— Ты, пожалуй, скажешь, что я не добывалъ оттуда тростника, съ тѣхъ поръ какъ владѣю Беревигсъ-гофомъ?

— Добывать-то ты не добывалъ, Серенъ,—отвѣчалъ Ньэдель, послѣ нѣкотораго размышленія.—Думается мнѣ, ты дѣлалъ и многое другое, чего не слѣдовало бы дѣлать.

— Ты, можетъ быть, воображаешь, что это хорошо загораживать старыя, утвержденныя дороги? — съ разстановкой спросилъ Серенъ:—какъ ты полагаешь, Ньэдель?

— У меня есть купчая крѣпость въ полномъ порядкѣ. Я

купилъ церковную землю и плачу подати епископу Христіанзанда. Но въ бумагѣ ни слова не сказано о томъ, чтобы обитатели Беревига имѣли право ходить по моему полю, а потому я полагаю, что могу рыть канавы, гдѣ мнѣ вздумается.

Съ этими словами Ньэдель началъ подвигаться къ домамъ.

— Но тростникъ, тростникъ... — ввернулъ Серенъ Беревигъ и еще сильнѣе потеръ руки.

— Руда находится въ горахъ, тростникъ въ водѣ. Если у тебя нѣтъ горъ, нѣтъ у тебя и руды. Не имѣя берега, нельзя разсчитывать на тростникъ. Ты бы долженъ это понять, Серенъ,—ты такой умный человѣкъ, говорятъ.

— Но... но... — не унимался тотъ:—надо Божьи дары дѣлить между собою, Ньэдель... Всѣ мы братья...

— Твоимъ братомъ я не желалъ бы быть, Серенъ, ни за двѣсти возовъ тростника! — отрѣзалъ Ньэдель и посмотрѣлъ на собесѣдника сверху внизъ.

— Такъ, такъ...—смиренно поддакнулъ Серенъ.—А насчетъ дороги мы потягаемся... Я переговорю съ адвокатомъ Тофте, какъ только онъ придетъ.

— Попробуй только, Серенъ!! Купчая-то вѣдь у меня! Я...— Ньэдель не докончилъ и отошелъ прочь.

Посреди улицы собралась кучка народу вокругъ подъѣхавшей телѣжки. Изъ нея вылѣзъ маленькій, толстенькій человѣчекъ съ краснымъ лицомъ, сѣдой бородой, и въ мѣховой шапкѣ.

— Не знаетъ ли кто-нибудь изъ васъ,—обратился онъ къ окружающимъ зѣвакамъ:—какому негодяю принадлежитъ клочекъ земли, черезъ которую идетъ дорога отъ Беревигсгринда до Свартемоора? Мнѣ бы хотѣлось съ этимъ владѣльцемъ обмѣняться парой теплыхъ словъ!

Никто этого не зналъ, но одинъ изъ стариковъ подтвердилъ:

— Да, господинъ староста правъ,—на всемъ берегу нѣтъ хуже дороги.

— Это не дорога, а болото, трясина! Да еще съ огромными камнями. Посмотрите, на что мы похожи!—онъ указалъ на себя, на лошадь и на телѣжку: всѣ были забрызганы грязью.

— Пожаловаться бы вамъ въ судъ!—посовѣтовалъ кто-то.

— Понятно, если бы это только принесло какую-нибудь пользу! — сказалъ лоцманскій староста и почесалъ голову подъ мѣховой шапкой.

Въ тотъ же мигъ онъ увидалъ Ньэделя Фатнемо, который приближался. Староста поманилъ его.

Одинъ изъ лоцмановъ принялъ его лошадь. Староста подошелъ къ Ньэделю и шепнулъ ему:

— Она уже на пароходѣ.

— Заручилась ли хорошимъ мѣстомъ?—спросилъ Ньэдель.

— Отличнымъ, старина! Все равно что на американскомъ пароходѣ. Ѣдетъ во второмъ классѣ. Завтра вечеромъ будетъ въ Христіаніи.

— Ужасно жаль, что она пріѣдетъ въ сумерки! Только бы нашла Андерса!

— Да, я долженъ тебѣ сказать, Ньэдель, что я послалъ твоему брату телеграмму, отъ твоего имени. Онъ встрѣтитъ Христину на пристани.

— И какъ ты обо всемъ заботишься!—обрадовался Ньэдель:

— Это тебѣ дорого стоило?

— Одну крону, ни болѣе, ни менѣе.

— Дешевле нельзя было?

— Нельзя, старина. Такса!

— Понятно... И то хорошо, что все устроилось!—замѣтилъ Ньэдель и началъ отыскивать крону.—Большое спасибо!

— Ну, что за благодарность! Ты былъ уже на судѣ, Ньэдель?

— Нѣтъ. Говорятъ, что до полудня больше не будетъ разбираться дѣлъ.

— Поѣлъ чего-нибудь?

— Нѣтъ. Дома некому было позаботиться о моемъ завтракѣ,—коротко пояснилъ Ньэдель.

— Гм... И то правда!—пробормоталъ смотритель.—Пойдемъ-ка къ лоцману Тобіасу, да закусимъ чего-нибудь.

Толпа разступилась; лоцманскому старостѣ всѣ кланялись, а спутника его, шедшаго позади, даже не замѣчали.

Собирался дождь. Песчаныя мели на морѣ казались совершенно темными, а вода—сѣрой, съ бѣлой пѣной на поверхности. Поднялся свѣжій юго-западный вѣтеръ, и прибой ударялся о большіе, круглые камни, оставляя за собой длинныя, скользкія полосы на берегу—то наступая, то отступая, образуя небольшой валъ у самыхъ дворовъ, плотно жавшихся другъ къ другу на набережной.

Между домами тянулись узкіе, грязные проходы, засоренные навозомъ и всякимъ мусоромъ: вилами, ржавыми сошниками, сломанными колесами, обломками корабельныхъ снастей, накоплявшихся годами, по мѣрѣ того, какъ море выбрасывало ихъ на берегъ. Передъ жилыми помѣщеніями попадались иногда и расчищенныя мѣстечки, гдѣ, во время скопленія народа, люди присаживались на ступенькахъ или на камняхъ у стѣнъ.

Хотя стоялъ свѣтлый день въ самой серединѣ лѣта, но на всемъ лежалъ какой-то сѣрый, мрачный колоритъ. Небо низко нависло со своими сѣрыми облаками, да и море отливало чѣмъ-то сѣрымъ. Также и коричневые дома, которые

въ солнечный день радуютъ глазъ своими бѣлыми окнами, занавѣсками и цвѣточными горшками, при теперешнемъ освѣщеніи казались темными и унылыми. Даже бѣлый домъ старшины казался печальнымъ и неприглядны̆мъ.

Густая толпа простолюдиновъ вполнѣ подходила къ окружающей обстановкѣ. Всѣ эти толстыя, темно-синія жилетки, шерстяныя рубашки и шерстяные же галстухи только усиливали лежавшій на всемъ отпечатокъ унылости. Въ группахъ не замѣчалось жизни; одинъ скользилъ туда, другой сюда; здоровались, глядя по сторонамъ и бормоча неясныя привѣтствія; толстыя, влажныя руки нехотя протягивались, прикасались одна къ другой, безъ дружескаго пожатія; при этомъ пальцы не сгибались, что считалось особенно учтивымъ. Ни возгласа, ни громкаго слова, уже не говоря о смѣхѣ. И надъ всѣмъ этимъ господствовалъ запахъ овечьей шерсти, окрашенной въ цвѣтъ, который почему-то называется „горшковымъ“.

Ровно въ часъ закрылось утреннее засѣданіе, и, пока въ помѣщеніи суда приготовляли все къ завтраку, чиновники и адвокаты прогуливались по улицѣ взадъ и впередъ, курили, болтали.

Нѣкоторые изъ простолюдиновъ, у которыхъ хватило храбрости, крѣпко уцѣпились за своихъ ходатаевъ,—но хмурый, сосредоточенный крестьянинъ изъ Хальде такъ и не могъ найти своего.

Уѣздный начальникъ Хіортъ, отличавшійся большою снисходительностью, ходилъ среди народа, примѣчая, кто ему кланяется. Когда ему казалось, что онъ видитъ знакомое лицо, онъ останавливался и говорилъ два-три фамильярныхъ слова; руки, впрочемъ, онъ держалъ за спиною, подъ фалдами сюртука, чтобы никому не вздумалось пожать ихъ.

Старшина и его сынъ какъ разъ вели черезъ дворъ арестанта; для безопасности на него надѣли кандалы: деревенская тюрьма не надежна, да и сторожамъ такъ спокойнѣе.

— Кто-нибудь изъ присутствующихъ знаетъ этого человѣка?—спросилъ уѣздный начальникъ.

— Да, господинъ начальникъ, онъ изъ Кридсвдига,—отвѣчалъ смотритель, который въ эту минуту вышелъ изъ дома.

— Здравствуйте, господинъ лоцманскій староста Зеегусъ! — произнесъ уѣздный начальникъ и снисходительно протянулъ два пальца правой руки.—Итакъ, вы знаете преступника? Воръ, должно быть?

— Да, бѣдняга! Онъ взломалъ замокъ у деревенской лавочки и стащилъ мѣшокъ муки, да кружку патоки.

— Эти учащенные случаи воровства,—строго замѣтилъ уѣздный начальникъ Хіортъ, обводя глазами присутствую-

щихъ:—вызываютъ опасенія. Они, повидимому, стоятъ въ тѣсной связи съ другими пагубными вѣяніями, которыя, къ сожалѣнію, за послѣднее время усиленно распространяются въ народѣ. Находится ли виновный въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ? Большая у него семья? Много дѣтей?

— Много, и все малыши, какъ кругляшки на сковородѣ, господинъ начальникъ!—отвѣчалъ смотритель.

— Кругляшки?—переспросилъ начальникъ, съ недоумѣніемъ, поднявъ брови.

Адвокатъ Тофте, неизмѣнно торчавшій подъ рукой у начальства, горя желаніемъ быть ему полезнымъ, вкрадчиво хихикнулъ и пояснилъ:

— Извините, господинъ начальникъ,—это означаетъ, такъ сказать, ломтики картофеля!

— А, картофельные ломтики!—снисходительно пробормоталъ начальникъ и пошелъ дальше.

Окружающіе переглянулись, нѣкоторые осклабились; но всѣ вообще изумлялись, что лоцманскій староста такъ независимо говоритъ съ высшими; онъ сразу очутился, такъ сказать, на особомъ положеніи.

Луритцъ Больдеманъ Зеегусъ былъ сынъ мелкаго таможеннаго чиновника въ Флеккефіордѣ, изрядно любившаго выпить. Въ юности онъ былъ морякомъ, но съ годами купилъ часть Кридсвиггофа, построилъ себѣ домъ, откуда могъ любоваться моремъ и видѣть, что на немъ дѣлается; такимъ образомъ, онъ сдѣлался лоцманскимъ старостой.

Зеегусу могло быть около шестидесяти лѣтъ. Онъ былъ холостъ, не то морякъ, не то мужикъ. У начальства онъ былъ не на особенно хорошемъ счету. Уѣздный судья Хіортъ считалъ его даже почти опаснымъ, такъ какъ онъ, не смотря на свое полуоффиціальное положеніе, мало отличался отъ крестьянъ, отчего легко могло пострадать узаконенное вѣками уваженіе крестьянъ къ чиновникамъ.

Между тѣмъ Зеегусъ дѣлалъ свое дѣло и пользовался среди крестьянъ популярностью, такъ что добиться его смѣщенія разсчитывать было трудно. Онъ самъ и не подозрѣвалъ, что возбуждаетъ подозрѣнія въ неблагонадежности; свободный тонъ онъ усвоилъ себѣ на морѣ и, когда уѣздный судья удостоилъ его двумя пальцами и холоднымъ взглядомъ, онъ, въ своей наивной почтительности, подумалъ, что господинъ Хіортъ чертовски благовоспитанный человѣкъ.

Ближайшій сосѣдъ смотрителя былъ Ньэдель Фатнемо. Онъ, собственно говоря, былъ пришлецъ на берегу, такъ какъ родомъ былъ изъ горной мызы, далеко въ глубинѣ страны. Но, послѣ того, какъ мыза много лѣтъ кряду страдала отъ обваловъ, однажды весной скатилась каменная лавина, ко-

торая такъ основательно смела человѣческую работу, что Ньэдель въ одной рубашкѣ остался на верху скалы, а дома со всѣмъ содержимымъ рухнули. Между развалинами, на другое утро, отыскали трупы его жены и двоихъ дѣтей; одна старшая дочь какимъ-то чудомъ была еще жива.

Тогда Ньэдель рѣшился отказаться отъ родовой мызы Фатнемо.

Онъ продалъ все, что уцѣлѣло послѣ обвала, и переселился на морской берегъ. Онъ не перемѣнилъ прозвища, сообразно съ новымъ владѣніемъ, какъ принято; онъ пріобрѣлъ часть той же мызы, что купилъ Зеегусъ незадолго до него.

Кридсвигъ было большое выморочное имѣніе, принадлежавшее епископству Христіаніи. Ньэдель вынесъ изъ своего пребыванія въ горахъ склонность къ одиночеству, а потому выбралъ себѣ самое низмѣнное мѣстечко совсѣмъ у берега, съ песчаной пустынной площадью.

Много лѣтъ прожилъ онъ съ дочкой Христиной и работницей, обрабатывая свою полосу земли и кое-что откладывая про черный день. Единственно съ кѣмъ онъ знался, такъ это со старшиной Зеегусомъ, а этотъ послѣдній искренно привязался къ добродушному великану и его красивой дочкѣ.

Вообще же Ньэделя сосѣди не долюбливали, какъ чужого; находили что-то отталкивающее въ высокомъ, коренастомъ мужикѣ, съ шапкой рыжихъ лохматыхъ волосъ. Когда онъ стоялъ или копался на своемъ болотистомъ полѣ, онъ смахивалъ на великана, вылѣзшаго изъ земли. Его взъерошенная, обнаженная голова всегда опускалась на грудь, когда кто нибудь проѣзжалъ мимо; а чужестранцы непремѣнно спрашивали сторожа, что это за великанъ. Но Ньэдель за работой не обращалъ ни на что вниманія; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые словно ведутъ борьбу со своей работой. Стиснувъ зубы, наморщивъ брови, ворочалъ онъ лопатой или желѣзнымъ ломомъ, и тащилъ, и рвалъ, и топталъ, такъ что земля только стонала; когда же какой-нибудь камень оказывалъ ему сопротивленіе, онъ бросался на него, собравъ всѣ свои исполинскія силы, и расправлялся съ нимъ, рыча, какъ разсвирѣпѣвшій медвѣдь. Когда наступало время ѣды, или становилось слишкомъ темно, онъ вылѣзалъ изъ канавы и чистилъ свои деревянные башмаки, затѣмъ ставилъ желѣзный ломъ на мѣсто и провѣрялъ результатъ своихъ трудовъ. Если ему казалось, что работа шла успѣшно, онъ запускалъ пальцы себѣ въ волосы, такъ что они становились дыбомъ, и посмѣивался себѣ въ носъ.

Въ избѣ, среди женщинъ, онъ бывалъ тихъ, какъ ягненокъ, низко нагибался и двигался съ большою осторож-

ностью, какъ будто боялся поднять крышу головою, если расправить свои могучіе члены.

Пока судейскій персоналъ завтракалъ, пошелъ дождь. Облака опустились еще ниже, и дождикъ моросилъ мелкій и частый, какъ и всегда, когда онъ намѣревается зарядить надолго.

Многіе изъ пріѣхавшихъ простолюдиновъ попрятались по домамъ и сараямъ, но большинство осталось на улицѣ, не взирая на дождь. Они нагибались и уклонялись то въ одну сторону, то въ другую, такъ что струйки воды текли съ полей ихъ шляпъ; но въ общемъ они такъ привыкли къ неудобствамъ и сырости, что не особенно смущались тѣмъ, что промокли до костей. Они даже не высказывали нетерпѣнія: всѣмъ было извѣстно, что судейскій завтракъ требуетъ продолжительнаго времени.

III.

Въ верхнемъ концѣ стола сидѣлъ уѣздный начальникъ; по правую руку отъ него—судья; по лѣвую—голова; дальше слѣдовали по старшинству адвокаты, уполномоченные, по чину своихъ довѣрителей; писцы въ томъ же порядкѣ мѣстничества и, въ заключеніе, двое крестьянъ, мѣщанскій староста и другіе приглашенные. Староста сидѣлъ въ нижнемъ концѣ стола.

— Замѣтно, что у г. старосты городская кухарка,—замѣтилъ старый адвокатъ Карсъ и причмокнулъ губами.— Прошли тѣ времена, когда мы осуждены бывали поглощать ушатъ шведскаго супа съ корицей и патокой.

Онъ сказалъ это вполголоса головѣ: подавали первое блюдо—рыбный пуддингъ съ вареными морскими раками. Разговаривалъ больше всѣхъ уѣздный судья. Красное вино было слишкомъ кисло, но очень крѣпко, кромѣ того, поданы были водка и пиво, такъ что настроеніе вскорѣ повысилось.

Уѣздный начальникъ умѣлъ дать тонъ общей бесѣдѣ, и начало завтрака прошло торжественно.

Сосѣди переговаривались полушопотомъ; на обращеніе судьи отвѣчали, но съ вопросами и замѣчаніями къ нему никто не лѣзъ. Онъ же старался быть со всѣми привѣтливымъ, въ особенности дружелюбно заговаривалъ съ крестьянами. Ему ужасно хотѣлось казаться ласковымъ и популярнымъ.

За жаркимъ онъ по обыкновенію провозгласилъ тостъ за здоровье его величества, затѣмъ, какъ водится, сказалъ коротенькій спичъ. Сегодня онъ обратился къ помощнику окруж-

ного судьи, кандидату Альфреду Беннехену, который вскорѣ долженъ былъ ихъ покинуть.

— Такъ какъ вы, господинъ кандидатъ Беннехенъ,—такъ началъ онъ свою рѣчь,—покидаете дѣятельность, которой вы посвятили часть лучшихъ годовъ вашей юности, и переходите къ инымъ трудамъ,—быть можетъ, болѣе отвѣтственнымъ, болѣе тяжкимъ, болѣе возвышеннымъ,—то позвольте намъ пожелать вамъ всего хорошаго и поблагодарить васъ за то время, которое вы провели въ совмѣстной работѣ съ нами. Но, хотя мы и будемъ раздѣлены пространствомъ, мы все же останемся собратьями по труду. Надѣюсь, вы не сочтете за нескромность, если я сообщу собранію, что вы намѣреваетесь перейти въ министерство,—по всей вѣроятности, въ министерство вашего батюшки?

Альфредъ Беннехенъ вѣжливо поклонился.

— Итакъ, я говорилъ, — продолжалъ уѣздный начальникъ: — что мы остаемся собратьями по труду. Развѣ бюрократія, это—не великое, общее дѣло всей страны? Развѣ дѣятельность нашихъ чиновниковъ не охватываетъ народъ неразрывнымъ кольцомъ? Такъ какъ вы, выражаясь образно, мѣняете ваше мѣсто въ общей цѣпи, позвольте попросить васъ передать вашему достоуважаемому батюшкѣ наше нижайшее почтеніе съ просьбою всеподданнѣйше доложить его величеству, что мы трудимся... въ этомъ вся суть, господа... что мы трудимся среди народа, какъ вѣрноподданные его величества. А вамъ, господинъ кандидатъ, намъ остается пожелать, чтобы вы, имѣя передъ глазами доблестный примѣръ вашего батюшки, достигли самаго виднаго положенія и, опять таки какъ вашъ батюшка, сдѣлались бы гордостью и украшеніемъ вашей родины! Господинъ кандидатъ Беннехенъ! Господь да пребываетъ съ вами!

— Надъ этой рѣчью онъ изрядно попотѣлъ, увѣряю васъ!—шепнулъ адвокатъ Карсъ сосѣду по лѣвую руку, такъ какъ спичи уѣзднаго судьи не блистали краснорѣчіемъ.

Окружной судья тоже произнесъ коротенькое слово, обращаясь полушутливо къ своему помощнику. Альфредъ Беннехенъ въ свою очередь отвѣтилъ, такъ что вообще за завтракомъ въ этотъ день говорено было не мало. Какъ разъ, когда шумъ оживленныхъ голосовъ достигъ крайнихъ предѣловъ, волостной писарь подавился кускомъ жаркого. Бѣднякъ совсѣмъ было задохнулся, и дѣло, казалось, готово было принять трагическій оборотъ, но сосѣдъ писца такъ усердно колотилъ его по хребту, что кусокъ, попавшій не въ то горло, наконецъ, выскочилъ изо рта и вылетѣлъ на середину стола.

Уѣздный начальникъ закрылся салфеткой; старшина нѣ-

сколько разъ извинился за своего писца; только адвокатъ Карсъ, внимательно разсмотрѣвъ кусокъ мяса, началъ клясться, что онъ вѣситъ не менѣе четверти фунта.

Этотъ инцидентъ совершенно испортилъ настроеніе духа уѣзднаго начальника.

Младшіе адвокаты начали смѣяться и переговариваться черезъ столъ; оживленіе начало брать верхъ надъ почтительностью. Самъ уѣздный начальникъ былъ такъ напуганъ непріятнымъ случаемъ, что вскакивалъ съ мѣста и хватался за очки, стоило только кому-нибудь кашлянуть; что же касается до злополучнаго писаря, то судья убѣдительно, хотя и въ предѣлахъ деликатности, просилъ его не торопиться и разрѣзать кусочки жаркого помельче.

— Много дѣлъ осталось еще на сегодня?—спросилъ уѣздный начальникъ судью, убѣдясь, что ему больше не завладѣть разговоромъ.

— Право, не знаю,—простодушно отвѣтилъ вопрошаемый и поставилъ свой стаканъ:—Скажите, Беннехенъ, много еще дѣлъ на очереди?

— О, да, достаточно! Между прочимъ, имѣется крайне интересный случай.—Помощникъ нагнулся къ окружному судьѣ и заговорилъ съ нимъ, понизивъ голосъ.

— Въ чемъ же дѣло?—полюбопытствовалъ уѣздный начальникъ.

— Процессъ о незаконномъ сожительствѣ, господинъ начальникъ, ни болѣе, ни менѣе!—отвѣчалъ окружной судья, подмигивая маленькими свѣтло-сѣрыми глазками. Самъ онъ былъ низенькій, толстенькій человѣчекъ, съ румяными щеками и въ парикѣ.

— Не можетъ ли господинъ окружной судья сегодня провести это дѣло?—спросилъ помощникъ.—Тогда оно быстрѣе двинется впередъ. Да, кромѣ того, никто не умѣетъ такъ обращаться съ подобными процессами, какъ вы.

— Ахъ, да! По крайней мѣрѣ, забавно будетъ! Мы посмѣемся!—неосмотрительно воскликнулъ старшина.

Уѣздный начальникъ громко откашлялся, погладилъ свои густыя, сѣдыя бакенбарды и надѣлъ золотыя очки. Ничего лишняго нельзя было сказать въ присутствіи крестьянъ. По этому случаю онъ выпилъ стаканъ вина съ мѣщанскимъ старостой.

Пока въ одномъ концѣ стола велся горячій споръ между двумя адвокатами, въ другомъ продолжался разговоръ полушопотомъ.

— Обвиняемые—молодые люди?—спрашивалъ окружной судья.

— Нѣтъ, этого нельзя сказать: онъ — довольно пожилой вдовецъ, она—служанка. Но, видите-ли, дочь...

— Ахъ, вы хотите сказать, въ качествѣ свидѣтельницы...

— Что касается служанки,—вмѣшался адвокатъ Тофте,— то она съ ребенкомъ, насколько я слышалъ, уже съ мѣсяцъ тому назадъ уѣхала въ Америку.

— Да, свидѣтельскій допросъ, это — самая интересная часть процесса! — сказалъ адвокатъ Карсъ и засмѣялся: — я знаю Христину Фатнемо, это одна изъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ въ околоткѣ

— Если это фактъ, что процессъ пойдетъ скорѣе, при веденіи его самимъ окружнымъ судьею... — началъ было уѣздный начальникъ и остановился, какъ будто не слыхалъ послѣднихъ словъ.

— Разумѣется, я съ удовольствіемъ это сдѣлаю, если вы прикажете .—откликнулся окружной судья.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы меня не такъ поняли! Я только хотѣлъ сказать, что въ такую скверную погоду будетъ лучше, если мы поскорѣе вернемся въ городъ...

Окружной судья подмигнулъ своими маленькими глазками, и было рѣшено, что послѣ завтрака чинить правосудіе будетъ онъ. Тогда уѣздный начальникъ чокнулся съ нимъ.

Послѣ гречневой каши поданъ былъ хересъ, вслѣдствіе чего на большинствѣ физіономій заиграло нѣчто въ родѣ вечерней зари. Адвокатъ Карсъ нашелъ, что послѣ злополучнаго приключенія съ кускомъ жаркого, со стороны писца головы было просто безразсудно запихать въ себя три тарелки каши. До конца завтрака всѣ громко смѣялись, болтали и пили, кромѣ двухъ крестьянъ, которые молча ѣли и сдержанно прихлебывали вино.

Но когда шумъ достигъ своего апогея, уѣздный начальникъ постучалъ въ стаканъ и всталъ изъ за стола.

По раскраснѣвшимся физіономіямъ, показавшимся теперь въ окнахъ и дверяхъ, народъ могъ догадаться, что завтракъ конченъ; наружу нельзя было выйти изъ за проклятой погоды.

Послѣ кофе комната снова превратилась въ залу суда, и окружной судья очень торжественно приступилъ къ разбирательству. Сидя на предсѣдательскомъ мѣстѣ, онъ имѣлъ внушительный видъ. Было несомнѣнное достоинство въ очертаніяхъ его красивой головы въ бѣлоснѣжномъ парикѣ, въ проницательныхъ сѣрыхъ глазахъ, которые пронизывали насквозь и подсудимыхъ, и свидѣтелей. Онъ славился своими мѣткими приговорами, но главная сила его заключалась въ остроумныхъ допросахъ Никто не умѣлъ такъ, какъ онъ, вовлекать въ противорѣчія, жонглировать словами, разбрасывать ихъ въ безпорядкѣ и затѣмъ такъ подбирать, что не успѣвалъ человѣкъ опомниться, какъ неожиданно для себя

дѣлалъ нѣчто въ родѣ полупризнанія; такими пріемами судьѣ удавалось, по его собственному выраженію, „вывинчивать изъ людей истину“.

Сегодня дѣло пошло необычайно быстро, но все же велось съ достоинствомъ.

Много гражданскихъ дѣлъ было прекращено; всѣ адвокаты понимали, что слѣдуетъ скорѣе перейти къ „cause célèbre“, т. е. къ процессу о незаконномъ сожительствѣ; и насколько всѣ были заинтересованы предстоящими свидѣтельскими показаніями, можно было заключить изъ легкаго подталкиванія локтями и многозначительныхъ взглядовъ. По этому случаю прочія дѣла разбирались поверхностно, а больше предлагались изъ за всякихъ пустяковъ отсрочки, при чемъ противная сторона соглашалась безпрекословно. Только тупоумный стряпчій Крузе не желалъ ничего понимать и спокойно продолжалъ требовать занесенія въ протоколъ безконечныхъ подробностей. Адвокатъ Карсъ дергалъ его за фалды, Альфредъ Беннехенъ, который велъ протоколъ, дѣлалъ многозначительныя гримасы, а окружной судья сердился и нетерпѣливо ерзалъ на стулѣ.

Наконецъ, съ Крузе покончили, и на очереди очутился процессъ о незаконномъ сожительствѣ.

Теперь двери въ сѣни и во дворъ были открыты, и толпа сплотилась на улицѣ,—даже отчасти протискалась въ помѣщеніе суда.

Какъ только промокшая публика попала въ тепло, отъ овечьей шерсти повалилъ паръ; воздухъ сгустился и принялъ голубоватый оттѣнокъ; капли заструились по оконнымъ стекламъ. Снаружи, въ проходѣ, въ самой густой толпѣ стоялъ хмурый, молчаливый кресгьянинъ; онъ былъ такъ малъ ростомъ, что не могъ ничего видѣть, но напряженно вслушивался въ каждое слово, ровно ничего не понимая.

Какъ только судья выслушалъ имена и фамиліи обвиняемыхъ, то спросилъ:

— Ньэдель?—Эго что за варварское имя?

— Эго все равно, что Нильсъ,—пояснилъ вѣчно готовый услужить Тофте: — въ горахъ, въ Хальденгофѣ, вмѣсто Нильсъ, говорятъ Ньэдель.

— А, вотъ что! Но мы здѣсь не въ Хальде, а потому будемъ говорить Нильсъ; фамилія?

— Фатнемо.

— Фатнемо?—нетерпѣливо переспросилъ окружной судья.

— Въ дѣлѣ упоминается фамилія Фандмо, — снова вмѣшался Тофте.

— Понятно!.. Что это значитъ? Итакъ, попросту, онъ—

Нильсъ Фандмо. Мѣстное нарѣчіе не полагается вводить въ протоколы! Это сепартизмъ!—При этихъ словахъ, судья строгимъ взоромъ окинулъ толпу и угломъ глазъ взглянулъ на уѣзднаго начальника, который одобрительно кивнулъ ему головой.

Ньэделя подвели къ столу; онъ стоялъ, сгорбившись и опустивъ свою взъерошенную голову внизъ, время отъ времени вытирая себѣ лобъ рукавомъ куртки; ему было душно, и губы его подергивались.

Окружной судья смѣрилъ его глазами съ головы до ногъ и, вѣрный своей методѣ, началъ быстро и во все горло кричать:

— Такъ это ты, старикъ, живешь по-свински? Со служанкой своей путаешься, а? Это ты служишь соблазномъ въ приходѣ? Кто доноситъ на него?

— Помощникъ пастора, Серенъ Беревигъ.

— Слышишь, помощникъ пастора!.. И тебѣ не стыдно? А дѣвушку съ ребенкомъ ты ухитрился сплавить въ Америку, а? Ты видишь, намъ извѣстны всѣ твои пакости! Ты, можетъ статься, думалъ вывернуться? Нѣтъ, старикъ, шалишь! Или ты совсѣмъ отопрешься въ этомъ свинствѣ, чего добраго? Что?

Ньэдель съ трудомъ могъ открыть ротъ, но когда это ему удалось, сказалъ:

— Я ни въ чемъ не отпираюсь.

Этого окружной судья никакъ не ожидалъ: онъ привыкъ ко всякаго рода запирательствамъ и увергкамъ.

— Вотъ это хорошо, старикъ!—сказалъ судья:—хотя ничему не поможетъ, разумѣется. Дѣло надо основательно разслѣдовать и выяснить, при помощи свидѣтелей. Гдѣ твоя дочь?

— Она уѣхала.

— Уѣхала? И эта тоже? Куда?—вскричалъ судья и широко раскрылъ глаза. У секретаря вывалилось изъ рукъ перо, а адвокаты насторожили уши, какъ охотничьи собаки; даже уѣздный начальникъ, который сидѣлъ за печкой на диванѣ и представлялся, будто читаетъ, отвелъ глаза отъ уложенія о наказаніяхъ.

— Въ Христіанію. Она вчера выѣхала изъ дому,—пояснилъ Ньэдель.

— Это... Гм...—окружной судья почти никогда не ругался въ засѣданіяхъ, но въ запальчивости привсталъ со стула, и отъ злости кровь бросилась ему въ голову. Онъ выбранилъ Ньэделя, насколько это было совмѣстимо съ достоинствомъ судьи, и посулилъ ему такой строгій приговоръ, какой только будетъ въ состояніи придумать.

Ньэдель, при явномъ неодобреніи судебнаго персонала, удалился.

Толпа разступилась передъ нимъ, какъ передъ зачумленнымъ, въ то время какъ онъ неторопливо покидалъ помѣщеніе суда и вышелъ вонъ.

Разочарованіе было полное. Оживленное настроеніе поддерживалось за завтракомъ, благодаря ожиданію лакомаго куска, а теперь всѣ надежды рухнули. Въ душной полутемной комнатѣ стало вдругъ до невѣроятности не уютно, полъ сдѣлался скользкимъ отъ грязныхъ сапогъ, а дождь такъ и хлесталъ въ окна.

Уѣздный начальникъ посмотрѣлъ на часы, всталъ и ушелъ съ однимъ изъ писцовъ въ свою комнату. Слышно было, какъ они тамъ шумѣли и двигали сундукъ.

Окружной судья пришелъ въ неописуемую ярость и давалъ это чувствовать и другу, и недругу. Остальныя дѣла онъ началъ вершить съ головокружительной быстротою, и горе тому, кто пытался задержать его. Вынувъ часы изъ жилетнаго кармана, онъ положилъ ихъ передъ собой на столъ. Только неисправимый адвокатъ Крузе и тутъ продолжалъ диктовать свои протоколы.

Окружной судья зашевелился на стулѣ.

— Я принужденъ замѣтить господину адвокату Крузе, что занесеніе въ протоколъ имѣетъ извѣстные предѣлы.

Крузе спокойно вынулъ часы.

— Я не превысилъ положеннаго срока.

— Это весьма вѣроятно; но люди стараются оказывать извѣстное уваженіе приличіямъ.

— Прежде всего я долженъ заботиться о выгодахъ моихъ кліентовъ!—отпарировалъ Крузе и опять началъ требовать занесеній въ протоколъ.

— Слѣдующее дѣло!—крикнулъ, наконецъ, судья, когда Крузе угомонился.

Изъ прохода протискался хмурый крестьянинъ малаго роста: выкликали его дѣло,—имена показались ему знакомыми.

— Ну-съ,—сердито вскричалъ судья:—кто ходатай по этому дѣлу?

— Адвокатъ Бойезенъ,—былъ отвѣтъ.

— Но Бойезенъ отсутствуетъ... кто его замѣняетъ? Ну-съ!

Карсъ проворно подошелъ къ столу; онъ только что разговаривалъ съ товарищемъ у окна.

— Въ чемъ состоитъ дѣло, Крузе?—шепотомъ освѣдомился онъ.

— Надо сначала заглянуть въ списки!—вслухъ отвѣтилъ Крузе.

— Болванъ!—проворчалъ Карсъ и затѣмъ почтительно обратился къ судьѣ и просилъ занести въ протоколъ, что за истца ходатайствуетъ Бойезенъ, и черезъ посредство Карса проситъ отсрочки до слѣдующаго засѣданія.

— Отсрочки?—удивленно протянулъ судья.

— Для допроса новаго свидѣтеля...—продолжалъ Карсъ.

— Гдѣ живетъ этотъ новый свидѣтель?—злобно освѣдомился судья; онъ прекрасно зналъ, что адвокатъ не имѣетъ о дѣлѣ ни малѣйшаго понятія.

— Въ Нэльдалѣ!—невозмутимо отвѣчалъ Карсъ, сохраняя серьезную физіономію. Звучный голосъ и жесты, полные чувства собственнаго достоинства, чрезвычайно подходили къ торжественному судоговоренію.

Судья глазами одобрилъ ловкаго адвоката, и двое изъ писцовъ подмигнули, но Карсъ, стоя лицомъ къ публикѣ, остался невозмутимымъ и, когда просьба его была уважена (Тофте, повѣренный барышника съ буланой кобылой, не нашелся что возразить),—удалился съ глубокимъ поклономъ что всегда производитъ хорошее впечатлѣніе.

— Слѣдующее дѣло!—крикнулъ судья.

— Больше дѣлъ не имѣется.

— Слава Тебѣ, Господи!—судья спряталъ часы въ карманъ.—Спросите у уѣзднаго начальника, нельзя ли намъ велѣть запрягать?

Судебныя разбирательства были окончены. Засѣдатели, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившіе за ходомъ дѣлъ, подписали протоколъ, и раньше чѣмъ сѣрая публика толкомъ поняла, въ чемъ дѣло, весь судебный персоналъ снялся съ мѣста, адвокаты разсѣялись во всѣ стороны, а писцы набросились на большія книги протоколовъ, чтобы уложить ихъ.

Хмурый, молчаливый крестьянинъ вмѣстѣ съ волной народа вышелъ во дворъ; онъ ничего не понималъ, пока не нашелся человѣкъ, который ему объяснилъ, что дѣло отложено.

— Отложено?—пробормоталъ онъ, все еще недоумѣвая. Онъ ощупью, въ темнотѣ, тискался между телѣжекъ, пока не нашелъ свою, заползъ въ нее и, громыхая, отправился восвояси.

Большая коляска стояла передъ крыльцомъ суда. Большинство адвокатовъ уже разсѣлось по своимъ экипажамъ, длинной вереницей стоявшимъ за коляской; только Тофте расхаживалъ еще, прощаясь и со смѣхомъ перекидываясь шуточками со своими знакомыми изъ крестьянъ.

Карсъ, у котораго была бойкая лошадь, сидѣлъ и ругался втихомолку, такъ какъ дѣло стало за уѣзднымъ началь-

никомъ. Уѣхать впередъ онъ не дерзалъ: судья этого не долюбливалъ.

Между тѣмъ, послѣдній преспокойно стоялъ въ комнатѣ и болталъ съ женою старосты, наблюдая черезъ окно за шедшими во дворѣ приготовленіями къ отъѣзду. Онъ всегда оказывался первымъ, когда все было готово, но любилъ заставлять себя ждать.

Наконецъ, онъ сѣлъ, коляска тронулась, и маленькіе экипажи послѣдовали за ней.

— Ахъ, да,—сказалъ уѣздный начальникъ, умащиваясь поудобнѣе на заднемъ сидѣньи:—я часто думаю, когда вижу, вотъ какъ сегодня, огромное сборище народа, такое почтительное передъ начальствомъ... Эти современные бунтовщики могутъ кричать, сколько имъ угодно, но имъ никогда не удастся подорвать традиціонное уваженіе къ властямъ! Народъ нашъ слишкомъ религіозенъ, слишкомъ преданъ...

— И слишкомъ тупоуменъ,—дополнилъ окружной судья.

— Да, вы, можетъ быть, правы,—согласился тотъ и откинулся на спинку коляски, чтобы слегка вздремнуть, если это удастся.

Толпа осталась позади, не получивъ отвѣта на большинство вопросовъ. Отъѣздъ состоялся такъ поспѣшно, и всѣ важные господа были такъ угрюмы, что сѣрые просители даже не рискнули къ нимъ обратиться за разъясненіями. Тѣмъ не менѣе, не слышно было ни одного недовольнаго слова, только кое-гдѣ раздавался подъ сурдинку невеселый смѣхъ, да кое-кто покачивалъ головой. И хотя никто ничего не говорилъ, но, быть можетъ, для душевнаго спокойствія уѣзднаго начальника, было лучше, что онъ не могъ знать ихъ мыслей.

Наступилъ вечеръ,—сырой, дождливый вечеръ. Узенькая полоска на западномъ горизонтѣ заалѣла. Передъ крыльцомъ стариннаго дома стояли кухарка и другая прислуга, съ раскраснѣвшимися и усталыми лицами отъ недавнихъ торжественныхъ приготовленій: они дышали свѣжимъ воздухомъ и смотрѣли вслѣдъ удалявшимся экипажамъ.

Народъ разошелся во всѣ стороны, по дорожкамъ и полевымъ тропинкамъ; поодиночкѣ и попарно плелись крестьяне къ своимъ дворамъ, засунувъ руки въ карманы, промокшіе и усталые.

Лоцманскій старшина направился по большой дорогѣ къ дому; онъ ѣхалъ на быстрой лошади и многихъ обгонялъ. Такъ нагналъ онъ Ньэделя, шедшаго пѣшкомъ.

— Садись-ка, подвезу, Ньэдель!

Ньэдель повиновался, и они поѣхали дальше. Нѣсколько минутъ спустя нагнали они телѣжку, тащившуюся шагомъ.

— Эй! Посторонись!—крикнулъ Зеегусъ.

Громоздкая телѣжка неуклюже свернула съ дороги, и смотритель поѣхалъ впереди.

Въ отставшей телѣжкѣ сидѣлъ хмурый, молчаливый мужиченко; онъ не спѣшилъ, и предстоящій длинный путь очевидно не радовалъ его. Старая рыжая кобыла шла или скорѣе пошатывалась въ оглобляхъ; она отъ старости совершенно выцвѣла и обросла длинной, бурой шерстью, на подобіе козы. Глядя на нее, крестьянинъ невольно вспомнилъ о буланкѣ,—и при этой мысли ему жутко стало возвращаться домой. Ни жена, ни дѣти не сомнѣвались, что онъ приведетъ сегодня буланку. Старшій мальчикъ даже предусмотрительно снабдилъ его недоуздкомъ, чтобы удобнѣе вести ее...

Онъ зналъ, что семья съ чердака глядитъ на дорогу, поджидая его возвращенія; конечно, издали видно будетъ, что буланки нѣтъ. Но тогда всѣ вообразятъ, что карманы главы семейства набиты ассигнаціями и шиллингами.

Онъ заглянулъ на дно телѣжки: тамъ лежалъ недоуздокъ. Какъ объяснить домашнимъ, что дѣло отложено? Старая рыжая кобыла смахивала на мокрую кошку... И онъ вспомнилъ, какая нѣжная шерстка была у буланки, какія у нея были гладкія и круглыя бедра...

IV.

Подъѣхавъ ко двору Ньэделя, лоцманскій старшина взошелъ вмѣстѣ съ нимъ. Домъ былъ пустъ и дверь открыта; по хижинѣ бѣгала кошка и мяукала. Ньэдель, не говоря ни слова, пошарилъ по полкамъ и нашелъ чего поѣсть. Зеегусъ посидѣлъ немного, наблюдая за высокой, неповоротливой фигурой, которая двигалась по комнатѣ, безпомощно занимаясь непривычными мелочами.

— Послушай, Ньэдель,—сказалъ онъ, наконецъ:—я думаю, что ты наймешь себѣ новую служанку?

— Нѣтъ, нѣтъ!—крикнулъ Ньэдель и такъ топнулъ ногой, что полъ задрожалъ.

— Ну, ну, смотри, не сожри меня отъ ярости!—отмахнулся Зеегусъ.

Закусывая, Ньэдель попросилъ Зеегуса написать письмо Христинѣ. Но такъ какъ въ домѣ ничего не было, чѣмъ и на чемъ писать, рѣшено было, что Зеегусъ напишетъ дома у себя и затѣмъ прочитаетъ письмо Ньэделю.

— Но объ чемъ же ей писать?

— Только не о сегодняшнемъ днѣ,—сказалъ Ньэдель.

— Нѣтъ, нѣтъ. Можно бы и сейчасъ, но...

— Пиши, чтобъ она на меня не сердилась, обо мнѣ не беэпокоилась. Мнѣ хорошо. Очень хорошо. Такъ напиши. Ни въ чемъ недостатка я не чувствую...

— Самъ справишься со всѣмъ и по ней не скучаешь?..

— Ахъ, да, дай Богъ памяти: что я за нее боюсь, вотъ что напиши! — продолжалъ Ньэдель, раскачивая туловище свое взадъ и впередъ.

— Но вѣдь это огорчитъ ее, что ты за нее боишься?

— Правда твоя... Такъ лучше объ этомъ вовсе не упоминай!..—поспѣшно согласился Ньэдель.—Напиши... Да ты самъ лучше знаешь, что писать, на то ты и въ школу ходилъ. Однимъ словомъ, пиши такъ, чтобы не огорчить и не разстроить Христину. Мнѣ все равно...

— Не лучше ли написать также и твоему брату?

— Это вѣрно, старшина. Соблаговоли черкнуть Андерсу, чтобы онъ приголубилъ ее. Если желаетъ, можетъ и деньжонокъ получить за это.

— Разумѣется, пожелаетъ.

— Андерсъ не промахъ малый!—подтвердилъ Ньэдель.—Онъ еще ребенкомъ попалъ въ чужіе люди. И мать тоже говаривала: „ты у меня, Ньэдель, большой дуракъ, а Андерсъ хитеръ, какъ лисичка!“.

— Но почему же не ему досталась мыза, разъ онъ старшій?

— Онъ самъ пожелалъ уступить ее мнѣ.

— Твой братецъ хорошо зналъ, что дѣлалъ, когда награждалъ тебя этой подлой мызой, а себѣ взялъ капиталъ!—сказалъ смотритель.

— Не надо осуждать Андерса,—возразилъ Ньэдель:—онъ очень способный малый. Я отлично помню, какъ мы съ нимъ собирали тамъ, наверху, въ Хальде, степныя травы для матушки. Андерсъ ужасно проворно набиралъ цѣлый коробъ!

— Но тащилъ этотъ коробъ домой—ты.

— Ну, да, разумѣется, я! Я былъ посильнѣе брата.

— Чѣмъ онъ теперь служитъ, этотъ, вашъ Андерсъ?—спросилъ смотритель.

— Онъ занимаетъ какое-то важное мѣсто. Но я не могу сказать какое.—И Ньэдель началъ рыться въ ящикѣ стола что-бы отыскать старое письмо своего брата

Кто-то тихонько приподнялъ щеколду у кухонной двери, и слышно было, какъ кто то ощупью пробирался черезъ кухню. Благодаря скверной погодѣ, было уже совершенно темно, и только вдали, на сѣверо-западѣ, оставалась узкая свѣтлая полоса, которая немного освѣщала комнату.

Но когда вошелъ Серенъ Беревигъ, Ньэдель задвинулъ ящикъ и сурово спросилъ:

— Ты, должно быть, пришелъ поглядѣть, очистился ли домъ отъ соблазна? Пошарь-ка въ кровати, не осталось ли его тамъ сколько-нибудь!

— Надо жить по правдѣ!—кротко изрекъ Серенъ:—Я хотѣлъ отъ чистаго сердца уговорить тебя, Ньэдель...

— Чего тебѣ отъ меня надо?—перебилъ послѣдній.

Серенъ не рѣшился утверждать, что пришелъ исключительно для увѣщаній,—хотя онъ и числился помощникомъ пастора; онъ предпочелъ на этотъ разъ, вопреки своему обыкновенію, приступить прямо къ цѣли.

— Я поговорилъ немножко съ адвокатомъ Тофте...—началъ онъ.

— Насчетъ дороги къ берегу?

— Да, мы немножко потолковали и объ этомъ. Онъ находитъ, адвокатъ-то, весьма глупымъ, что я лишенъ возможности извлекать пользу изъ прибрежья... Это могло бы... Это могло бы...

— Возбудить соблазнъ, можетъ быть? — иронически подсказалъ смотритель. Онъ стоялъ въ углу у печки и чистилъ свою трубку.

— Нѣтъ, лоцманскій старшина, не то. Онъ нашелъ, что изъ-за канавы можно потягаться.

— У меня есть купчая крѣпость, и она въ порядкѣ,—стоялъ на своемъ Ньэдель.

— Да, да, я знаю, что есть.—Серенъ пошелъ къ двери.—Вотъ и все. Я только хотѣлъ зайти предупредить тебя, что мы собираемся начать...

— Начать?—переспросилъ Зеегусъ.

— Ну, да. Предъявить искъ!

— Процессъ!—вскричалъ Зеегусъ и подошелъ ближе.—Объ этомъ стоитъ подумать, Ньэдель! Я знаю людей, которые изъ за тяжбъ лишались всего имѣнія. Не мало хорошихъ людей адвокатъ Тофте вогналъ въ гробъ!

— Тебѣ бы не слѣдовало такъ отзываться о твоихъ ближнихъ, Зеегусъ! Впрочемъ, адвокатъ полагаетъ, что процессъ продлится долго и потребуетъ много денегъ.

— Ну, будь что будетъ, а я канаву рою! — объявилъ Ньэдель.

— Вотъ ужъ этого тебѣ не придется дѣлать, Ньэдель! Начальство тоже побывало и запретило копать.

— Запретило?

— Да! Тебѣ придется подождать, пока тяжба не кончится въ твою пользу,—пояснилъ Серенъ.

Ньэдель сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, зацѣпилъ за стулъ и растерянно поглядѣлъ на Зеегуса. Но въ концѣ концовъ онъ вернулся къ своему главному доводу:

— У меня есть купчая крѣпость отъ епископа изъ Христіанзанда! — сказалъ онъ рѣшительно и ударилъ одной ладонью по другой.

— Ты могъ бы спросить у епископа, что онъ скажетъ насчетъ побережья съ тростникомъ! — ласково посовѣтовалъ Сёренъ и покосился на Ньэделя.

— Да, это правильно, Серенъ, — согласился лоцманскій старшина: — это не трудно сдѣлать!

— Быть можетъ, обратиться къ самому королю было бы еще правильнѣе! — тихонько произнесъ Серенъ, глядя въ окно.

— Положимъ, король повыше епископа! — возразилъ Ньэдель: — но только отвѣтитъ ли онъ на вопросъ?

— Вотъ если мы предоставимъ дѣло на разсмотрѣніе министерства...

— Кого? — переспросилъ Ньэдель.

— Министерства! — не безъ важности повторилъ Серенъ.

— Зеегусъ, — сказалъ Ньэдель: — тамъ служитъ Андерсъ, теперь я припоминаю. Я только запамятовалъ самое слово. Но развѣ оттуда можно добраться до короля?

— Да, — пояснилъ Зеегусъ: — оттуда прямая дорога къ королю.

Ньэдель призадумался. Это предложеніе улыбалось ему больше, чѣмъ тяжба. Кромѣ того, Андерсъ можетъ заняться этимъ дѣломъ. Хорошо бы разомъ положить конецъ всякимъ пререканіямъ: вѣдь, кажется, сомнѣнія не можетъ быть, что законъ будетъ на сторонѣ Ньэделя!

Серенъ сначала сдѣлалъ видъ, что ему ужасно хочется судиться; но затѣмъ какъ будто изъ любезности далъ убѣдить себя. Мало того, онъ взялъ на себя хлопоты по доставкѣ прошенія и обѣщалъ позаботиться объ отмѣнѣ запрещенія.

— Но ты долженъ заплатить адвокату Тофте, Ньэдель!

— Ты затѣялъ тяжбу, Серенъ, а не я!

— Да, но вѣдь канаву-то копаешь ты!

Лоцманскій старшина убѣдилъ ихъ придти къ полюбовному соглашенію и заплатить издержки пополамъ. Съ тѣмъ Серенъ и ушелъ.

Было уже поздно, и Зеегусъ торопился домой.

Проводивъ его, Ньэдель пошелъ въ хлѣвъ. Коровы, шесть штукъ, безпокойно ревѣли: онѣ не получили корму и не были выдоены. Кое какъ Ньэдель раздѣлался съ этой работой, хотя взялся за нее довольно неловко. Животныя не знали его; кромѣ того, самъ онъ былъ такого огромнаго роста, а руки имѣлъ неуклюжія и жесткія; коровы ногами опрокидывали ведро или взбалтывали молоко. Ньэдель ворчалъ и усми-

рялъ ихъ, какъ умѣлъ,—но когда онъ кончилъ, наступила уже ночь.

Наконецъ, на волѣ онъ опять выпрямился (въ хлѣву пришлось все время сидѣть на корточкахъ) и поглядѣлъ вдаль, на море. Воздухъ прояснился; онъ могъ даже разглядѣть свою канаву, въ видѣ темной полосы среди песка. Онъ радовался, что можетъ теперь съ чистой совѣстью снова приняться за канаву. Отвѣтъ отъ короля, разумѣется, не заставитъ себя долго ждать, разъ у берега такъ и снуютъ взадъ и впередъ многочисленные пароходы; что же касается до его правоты, то въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Онъ даже отчасти заранѣе наслаждался разочарованіемъ Серена Беревига и подсчитывалъ, сколько можетъ пройти дней до полученія отвѣта.

Ньэдель розлилъ молоко по горшкамъ, при чемъ пролилъ половину кругомъ.

Потомъ онъ пошелъ наверхъ, сунулъ голову въ комнату Христины и оглядѣлся въ полумракѣ, вдыхая привычный запахъ. Затѣмъ заперъ дверь и сунулъ ключъ въ карманъ. Когда онъ спускался по лѣстницѣ, которая звучно скрипѣла въ опустѣломъ домѣ, онъ случайно припомнилъ слова Серена Беревига, что правые всегда получаютъ удовлетвореніе.

Долго лежалъ онъ и не могъ уснуть. Его головѣ пришлось сегодня слишкомъ много трудиться, а тѣлу слишкомъ мало. Онъ скучалъ по благотворной работѣ для рукъ и ногъ, потягиваясь въ кровати; и вотъ, поневолѣ, онъ началъ припоминать всю слышанную имъ за день болтовню...

Ньэдель, который прежде могъ храпѣть на пари въ самую страшную бурю, съ досадой слышалъ теперь, какъ мяукала кошка, бродившая то по кухнѣ, то у дверей Христины. И это мѣшало ему спать...

V.

Когда большая рѣка наталкивается на выдающійся мысъ, вода огибаетъ выступъ, но дѣлаетъ позади изгибъ и наполняетъ заливъ предъ мысомъ небольшимъ водоворотомъ.

Если кусочекъ дерева несется внизъ вдоль берега рѣки и его затянетъ въ это кольцо, то онъ сначала кругообразно вертится въ заливѣ, затѣмъ доплываетъ до самаго выступа, а потомъ сильное теченіе гонитъ его обратно, и онъ опять кружится до безконечности.

Такое кругообразное вращеніе называется водоворотомъ.

Безчисленные водовороты, которые жизнь образуетъ въ своемъ теченіи, бываютъ иногда такъ малы, что въ нихъ хва-

таетъ мѣста кружиться только для одного человѣка; временами же они такъ велики, что даютъ помѣщеніе цѣлымъ семействамъ или даже цѣлымъ партіямъ. Да, въ исторіи бывали примѣры такихъ водоворотовъ, которые захватывали и заставляли кружиться цѣлый народъ; потокъ времени гналъ ихъ, но не уносилъ съ собою.

Такъ же и общественная жизнь страны имѣетъ свои водовороты, и въ Норвегіи примѣромъ могутъ служить министерства. Безчисленныя массы медленно вращающихся бумагъ, какъ водоворотъ, кружатся вокругъ глубокой, вѣчно пустой воронки, которая между тѣмъ все поглощаетъ, заставляетъ вертѣться,—а затѣмъ все исчезаетъ и пропадаетъ безъ слѣда.

Каммергеръ Дельфинъ отложилъ перо, налилъ себѣ стаканъ и выпилъ его, кивнувъ самому себѣ въ зеркало. То было уже позднею ночью; онъ сидѣлъ въ бѣломъ галстухѣ и низко вырѣзанномъ жилетѣ; фракъ онъ скинулъ, такъ какъ ему было жарко.

Георгъ Дельфинъ вернулся съ бала и теперь наслаждался дома сигарой въ своей изящной холостой квартирѣ въ Вергеландштрассе. У него была привычка поздно ложиться— въ особенности по возвращеніи изъ гостей, — и если онъ не игралъ на фортепіано, то что-нибудь писалъ.

На утро онъ тогда чувствовалъ себя плохо и употреблялъ много воды какъ внутрь, такъ и снаружи. Когда же онъ затѣмъ выходилъ въ комнату, гдѣ мадамъ Бэррезенъ, его экономка, уже приготовила завтракъ,—онъ былъ по обыкновенію изященъ и свѣжъ, какъ юноша. Положимъ, ему не было еще и сорока лѣтъ,—но временами онъ казался старше, въ особенности, когда началъ терять свои красивые, кудрявые волосы.

Позавтракавъ и прочитавъ газету, директоръ департамента обыкновенно вставалъ и шелъ въ министерство. Но сначала онъ просматривалъ все то, что написалъ ночью. Часто это кончалось тѣмъ, что онъ разрывалъ все написанное на мелкіе клочки и кидалъ въ печку, къ большому неудовольствію аккуратной мадамъ Бэррезенъ.

Стояло тихое, прекрасное, осеннее утро. Дворцовый паркъ красовался во всемъ своемъ блескѣ; желтая и красная листва красовалась въ перемежку съ зеленой. Легкая изморозь предыдущей ночи лежала на травѣ лишь въ видѣ блестящей росы. На зеркальной поверхности пруда облетѣвшіе листья и лебединыя перья напоминали флотилію, ожидающую попутнаго вѣтра. Воздухъ былъ такъ живителенъ, что люди останавливались и вдыхали его полной грудью. Заслоняя глаза отъ солнца, они испытывали тоскливое чувство, когда че-

резъ фіордъ и низкія вершины горъ глядѣли на югъ, откуда солнце, сквозь бѣлую завѣсу тумана, разсыпало свои лучи.

Стоило каммергеру показаться на улицѣ, какъ отовсюду сыпались привѣтствія, потому что весь свѣтъ былъ ему знакомъ. Но и въ оцѣнкѣ привѣтствій у него была большая опытность.

По лошадямъ онъ узнавалъ, кто сидитъ въ экипажѣ, и сообразно съ этимъ кланялся; онъ ни разу не прозѣвалъ пожилой дамы или молодой женщины, сидѣвшей у себя дома и желавшей отвѣтить на поклонъ изъ окна; въ тоже время онъ не упускалъ изъ виду обоихъ сторонъ тротуара и подмѣчалъ, не снимаетъ ли ему кто-нибудь шляпы на углу улицы; ему даже хватало еще времени привѣтствовать проѣзжающихъ мимо, по особой дорожкѣ, всадниковъ.

Благодаря всему этому, онъ занялъ среди столичнаго общества выдающееся положеніе, хотя его, можетъ быть, больше боялись, чѣмъ любили, такъ какъ онъ обладалъ острымъ языкомъ и рѣшительно все зналъ.

Передъ однимъ магазиномъ на Кенигштрассе стоялъ одноконный экипажъ министра Беннехена; Георгъ Дельфинъ только что хотѣлъ что-то спросить у кучера, какъ изъ лавки вышла фрейлейнъ Гильда Беннехенъ.

— Ахъ, милѣйшій господинъ каммергеръ,—сказала она:— поѣдемте со мною домой. Мама послала меня подобрать отдѣлку къ платью, а я навѣрно выбрала что-нибудь не подходящее. Но если вы будете при этомъ присутствовать, она не рѣшится бранить меня.

— Мнѣ очень грустно, фрейлейнъ, но я какъ разъ направляюсь въ министерство. Что скажетъ вашъ уважаемый батюшка, если я опоздаю?

— Ахъ, какіе пустяки! Развѣ я повѣрю, что вы боитесь папы? Ѣдемте!—она указала ему мѣсто рядомъ съ собою, и онъ сѣлъ.

Молодой человѣкъ, переходившій въ это время улицу, подъ руку съ дамой, сказалъ ей:

— Я не удивляюсь, что каммергеръ Дельфинъ не сразу рѣшился ѣхать съ фрейлейнъ Беннехенъ...

— Чего же тутъ удивительнаго, Боже мой! Она такъ страшна!

— Ужасные волосы, отвратительный цвѣтъ лица, громадный ростъ, крошечный носъ, отсутствіе фигуры... Единственно что у нея недурно, такъ это глаза.

— Вы находите, что у нея недурны глаза?—воскликнула дама и подняла глаза къ небу.

— Конечно, имъ далеко до другихъ глазокъ, которые, я знаю...—галантно пояснилъ молодой человѣкъ:—но все же

это единственное, чѣмъ можетъ похвастаться фрейлейнъ Беннехенъ.

— Да, да. У нея глупые, сонливые, собачьи глаза.

— Она и на самомъ дѣлѣ должно быть глупа?

— Какъ гусь! Это всѣмъ извѣстно.

Между тѣмъ, Дельфинъ вернулся съ фрейлейнъ Беннехенъ по той же дорогѣ, по которой пришелъ: министръ жилъ на улицѣ Христіана Августа. Въ прихожей встрѣтили они высокую молодую дѣвушку, которая привѣтствовала дочь министра.

— Кто это?—спросилъ каммергеръ.

— Племянница Мо, по имени Христина. Неправда ли, хорошенькая?

— По моему черезчуръ велика, — отвѣчалъ онъ.

— Альфредъ находитъ ее красавицей. Онъ зналъ ее тамъ, гдѣ служилъ раньше.

Квартира министра Беннехена была поставлена на аристократическую ногу: все било на то, чтобы импонировать. Двери стояли настежь черезъ цѣлую амфиладу большихъ комнатъ, которыя заканчивались будуаромъ супруги министра, съ пушистыми коврами и тяжелыми портьерами.

Супруга министра Беннехена встрѣтила каммергера съ неподдѣльной радостью: она цѣнила его посѣщенія. Гильда, съ облегченнымъ сердцемъ, убѣдилась, что сдѣлала геніальный маневръ, пригласивъ съ собою каммергера.

На фрау Беннехенъ была свѣтло-сѣрая утренняя блуза, а на головѣ маленькій кружевной чепчикъ. Не смотря на свои пятьдесятъ пять лѣтъ, это была красивая женщина, съ умными, холодными глазами. Въ молодости она считалась красавицей и навсегда сохранила замѣтное пристрастіе къ изящнымъ мужчинамъ.

Въ обществѣ она оживлялась, хотя чисто внѣшнимъ оживленіемъ, и была непринужденно величественна. Смѣхъ ея заражалъ присутствующихъ веселостью, но былъ бы еще прелестнѣе, если бы она не опасалась за свои вставные передніе зубы.

Въ гостиной также находился младшій сынъ министра, Альфредъ, который только что вернулся въ столицу, въ сопровожденіи своего пріятеля, Хіорта.

Секретарь Хіортъ прижался скромно въ уголокъ, — чтобы директоръ департамента не примѣтилъ его здѣсь, въ часъ службы, — но Дельфинъ привѣтливо кивнулъ ему головой.

— Сейчасъ господинъ каммергеръ выскажетъ намъ свое мнѣніе, по поводу одного дѣла!—начала фрау Беннехенъ.— Бѣдному Альфреду такъ не повезло, а папа не желаетъ при-

нять его подъ свое крылышко. Альфредъ говоритъ, что было бы честно и „по-европейски“ (его собственное выраженіе), если бы отецъ помогъ ему двинуться по службѣ. Но вѣдь вамъ извѣстно, какъ щепетиленъ на этотъ счетъ Даніэль! Онъ не хочетъ дать оппозиціи ни малѣйшаго повода къ недовольству или нареканіямъ. А поэтому...

— А по этому онъ хочетъ меня, бѣднаго, насильно водворить въ контрольную палату, — перебилъ ее Альфредъ: — гдѣ я не знаю ни души! А я было радовался, что буду служить вмѣстѣ съ Хіортомъ! Кстати, куда же дѣвался Хіортъ?

Послѣдній, при этихъ словахъ, выступилъ изъ-за пальмы и, въ смущеніи, принялся крутить свой бѣлокурый усъ.

— Это положительно преступленіе относительно Альфреда,—продолжала фрау Беннехенъ:—Даніэль всегда былъ съ нимъ очень суровъ.

Но тутъ ей попала въ руки покупка Гильды, и вскорѣ большой столъ былъ заваленъ матеріями и отдѣлками. Камергеръ дѣятельно помогалъ хозяйкѣ, и Гильда отдѣлалась благополучно, безъ всякой головомойки.

Молодые пріятели остались вдвоемъ у окна.

— Видалъ ли ты когда нибудь такое дурацкое счастье, Хіортъ? Она здѣсь живетъ, въ этомъ домѣ! Она родственница Мо! Дяди Мо!..

— Всемогущаго Андерса,—добавилъ Хіортъ.

— У васъ такъ его прозвали?—Очень мѣтко.

— Видишь-ли ты, всемогущій Андерсъ—братъ ея отца,—старой свиньи, попавшей подъ судъ за блудное сожительство. Видѣлъ-ли ты ее? Я тебя познакомлю...

— Ты зналъ ее ближе, когда она жила у себя дома?

— О да, въ достаточной степени близко! — Подмигнулъ Альфредъ.

— Ого! Ей предстоитъ участь ея отца!

— То есть?—спросилъ Альфредъ.

— Блудное сожительство...—шепнулъ Хіортъ.

Намекъ показался обоимъ до того остроумнымъ, что они принуждены были выйти черезъ столовую на лѣстницу, чтобы нахохотаться вволю.

Когда директоръ департамента вошелъ въ свой кабинетъ, было около часу. На его столѣ лежала груда новыхъ дѣлъ. Мо какъ разъ стоялъ тамъ и перелистывалъ документы въ желтой обложкѣ.

— Что тамъ такое, Мо?

— Да вотъ прошеніе! Тяжба изъ-за полоски морскаго берега, въ Вестландѣ. Внѣ порядка инстанцій...

Андерсъ Мо усвоилъ себѣ не мало юридическихъ терми-

новъ и познаній, и въ сферѣ судебныхъ разбирательствъ чувствовалъ себя свободно.

Но начальникъ бюро его не слушалъ, а занялся двумя, лежавшими тутъ же, письмами.

— Снесите всю кучу Мортенсену и попросите его просмотрѣть, разсортировать...—сказалъ онъ нетерпѣливо.

Но когда Андерсъ Мо подошелъ къ Мортенсену, то этотъ послѣдній оказался еще болѣе занятымъ, чѣмъ директоръ департамента: онъ тайкомъ писалъ передовую статью для своей газеты.

— Суньте все это пока въ „хаосъ“!—приказалъ Андерсу редакторъ, не поднимая головы.

„*Хаосомъ*“ называлась самая нижняя полка, у самаго пола, находившаяся подъ спеціальнымъ вѣдѣніемъ Мортенсена.

Андерсъ Мо взялъ кипу дѣлъ и повернулъ ихъ такъ, чтобы документы въ желтой обложкѣ оказались въ самомъ низу; даже желтый край онъ загнулъ внутрь, чтобы его отнюдь не было видно; затѣмъ засунулъ всю кипу поглубже въ „хаосъ“, гдѣ уже и безъ того накопилось не мало дѣлъ.

Андерсъ Мо, который свою фамилію Фатнемо сократилъ просто въ Мо, зналъ министра Беннехена еще въ то время, когда тотъ былъ асессоромъ.

Мо, въ тѣ времена, занимался небезвыгодной мелочной торговлей, какъ разъ рядомъ съ домомъ асессора Беннехена. Начавъ съ нѣсколькихъ мелкихъ услугъ семейству асессора, Андерсъ постепенно такъ вошелъ въ милость, что въ концѣ концовъ сдѣлался Беннехену и его женѣ необходимымъ.

Когда асессоръ сдѣлался министромъ, онъ произвелъ Мо въ министерскіе курьеры. Это мѣсто пришлось по немъ, какъ будто было для него создано. Онъ всюду, сверху до низу, проскальзывалъ, словно кошка. Вскорѣ ему довѣрили всѣ закулисные тайники и закоулки,—всѣ министерскія интриги оказались у него въ рукахъ. Вліяніе, которое онъ имѣлъ на самого министра, было просто непостижимо, — и служебный персоналъ дружно рѣшилъ, что онъ самый могущественный человѣкъ въ министерствѣ.

Андерсъ Мо жилъ внизу, въ швейцарской большого дома самого министра. Хотя это было почти подвальное помѣщеніе, но стоило спуститься двѣ—три ступеньки внизъ отъ вестибюля, и комнаты оказывались свѣтлыми и уютными, а сквозь сдѣланныя въ стѣнѣ, высоко отъ пола, окна, врывались цѣлые потоки солнечнаго свѣта.

Съ тѣхъ поръ, какъ явилась Христина, средняя комната была обращена въ спальню для нея. Изъ этого вышло то, что дядѣ Андерсу для того, чтобы попасть въ свою комнату,

приходилось идти черезъ ея помѣщеніе. Понятно, это удобства не представляло, но неприличія въ этомъ никто не находилъ.

Что касается до Христины,—то дядя Андерсъ былъ съ нею такъ привѣтливъ, а большой, красивый городъ заключалъ въ себѣ столько любопытнаго и интереснаго, что она живо поборола тоску по родинѣ. Кромѣ того, она была рада, что находится между чужими людьми, которые ничего не знаютъ о позорѣ, навлеченномъ отцомъ на себя и на нее.

Такіе важные господа, какъ министры, кивали ей головой, когда встрѣчали ее въ воротахъ. Фрейлейнъ Гильда даже раза два остановилась и поговорила съ нею. Чтобы вообще знатная дама разговаривала съ ней, простой деревенской дѣвушкой,— казалось Христинѣ бо́льшимъ, чѣмъ она могла ожидать. На любезности же кандидата она, напротивъ, считала приличнымъ не обращать вниманія. Во-первыхъ, она была увѣрена, что Альфреду извѣстенъ *позоръ* ея отца; кромѣ того, фамильярный тонъ молодого барина, когда онъ останавливался возлѣ нея подъ воротами или даже спускался въ комнаты, пугалъ ее. Докторъ, старшій сынъ министра, нравился ей гораздо больше,—но съ тѣмъ ей пришлось говорить всего два раза.

Христина уже двѣ недѣли жила въ городѣ, когда получила изъ дому письмо:

„Милая Христина! Кошка, все время послѣ твоего отъѣзда, тоскуетъ, и отецъ твой тоже. Только онъ это выражаетъ по-своему, а именно: роетъ, откидываетъ лопатой, и гремитъ, и стучитъ, такъ что теперь по его полямъ ѣздить можно лишь съ опасностью для жизни: столько камней, торфа и навоза летаетъ въ воздухѣ; также и улица превратилась въ капканъ для людей и скота. Владѣлецъ этой части улицы такъ и не нашелся до сихъ поръ: староста указалъ сборщику податей на меня, а сборщикъ, въ свой чередъ, указалъ на меня надсмотрщику за улицами, капитану по чину. Ну, ты можешь себѣ представить, какъ все это вышло полезно. Однако, твой отецъ устроился лучше, чѣмъ я ожидалъ,—онъ четырехъ коровъ продалъ (и хорошо сдѣлалъ, такъ какъ въ хлѣву и въ молочной былъ безпорядокъ, какъ въ Содомѣ и Гоморѣ, потому что коровы все лягались); но черная корова и та, что куплена у пастора, усмирились и ведутъ себя хорошо и даютъ хорошее молоко. По-моему, онъ даетъ имъ много корму, но онъ меня не слушаетъ и злится. Былъ у насъ вихрь. А на морѣ стоятъ и дождь, и непогода. Я прочелъ въ газетахъ, что черезъ Атлантическій океанъ и каналъ пронесся ужасный циклонъ, и что большое судно изъ Христіаніи, которое шло изъ Квебека или изъ Нью-Іорка.

потеряло весь такелажъ. Такъ ты объ этомъ разузнай и подробно мнѣ опиши. Твой отецъ тебѣ кланяется, равно какъ и нижеподписавшійся.

Съ отмѣннымъ почтеніемъ
Лаурицъ Больдеманъ Зеегусъ".

VI.

Осенью, когда всѣ съѣхались съ дачъ въ городъ, Велькъ-Ольсены задали большой балъ. Негоціантъ придавалъ этому празднеству огромное значеніе: помимо молодыхъ людей, которые „должны были посвятить свои силы ѣдѣ", онъ пригласилъ и нѣсколькихъ почетныхъ лицъ столицы.

Когда всѣ молодые люди были приглашены, негоціантъ подумалъ, что можно простереть приглашенія немного подальше, въ особенности повыше, — что ему удавалось на маленькихъ вечерахъ и обѣдахъ.

Негоціантъ Фалькъ-Ольсенъ былъ еще почти новичкомъ въ столицѣ; такъ скромно начатая имъ торговля „строевымъ и столярнымъ лѣсомъ" мало по малу приняла весьма внушительные и солидные размѣры; онъ началъ теперь изо всѣхъ силъ стремиться попасть въ высшій свѣтъ.

Въ этомъ отношеніи разсчитывалъ онъ на министра Беннехена. Знакомство вело начало со временъ „асессорства" министра и, казалось, съ годами становилось все интимнѣе. Дамы высшаго свѣта нѣсколько этому удивлялись, такъ какъ Беннехены слыли за страшныхъ гордецовъ. Мужчины объясняли это дѣловыми связями: негоціантъ Фалькъ-Ольсенъ давалъ министру взаймы, и нѣкоторые потихоньку даже поговаривали, что онъ иногда выручалъ Беннехена изъ денежныхъ затрудненій. Въ общемъ надъ тщеславнымъ торговцемъ подтрунивали, потому что его богатство, нажитое личнымъ трудомъ, казалось большинству чѣмъ-то низкимъ, презрѣннымъ; многіе находили роскошь, которою онъ окружилъ себя, неприличной. Георгъ Дельфинъ имѣлъ обыкновеніе говорить:

— Ужасно неудобно! Разговариваешь съ господиномъ негоціантомъ Фалькомъ, а оказывается, просто на просто съ дровяникомъ Ольсеномъ!

Фрау Фалькъ-Ольсенъ не раздѣляла пристрастія мужа къ высшему свѣту; она предпочитала маленькіе дамскіе кружки и „чашки чая". Ея происхожденіе и прошлое покрыты были мракомъ неизвѣстности, хотя (такъ, по крайней, мѣрѣ говорилъ камергеръ) ея родословное дерево было первымъ, которое срубилъ оптовый торговецъ лѣсомъ, когда началъ идти въ гору.

Тѣмъ не менѣе, она терпѣливо и съ тактомъ слѣдовала за мужемъ во всѣхъ его повышеніяхъ, и теперь занимала мѣсто въ элегантной обстановкѣ, не внося особенно рѣзкаго диссонанса.

Дельфинъ имѣлъ привычку втихомолку называть ее „мамъ Ольсенъ"; кромѣ того, остроуміе его изощрялось при описаніи „танцовальныхъ развлеченій въ залѣ Ольсенъ"; но тѣ, кто зналъ эту женщину, единодушно соглашались, что ея доброе, отзывчивое сердце съ избыткомъ искупаетъ маленькія шероховатости въ ущербъ хорошему тону.

Въ довершеніе всего она была красива, что тоже не вредитъ, и имѣла очень привлекательную фигуру, когда, въ дорогомъ, свѣтло-сѣромъ, муаровомъ платьѣ, прошлась по заламъ, дѣлая еще кое-какія распоряженія до прибытія гостей.

Негоціантъ тоже входилъ и выходилъ изъ комнатъ, но былъ въ безпокойномъ и нервномъ состояніи, бранилъ слугъ и посматривалъ на часы.

— Что съ тобой сегодня, муженекъ?—спросила фрау Фалькъ-Ольсенъ:—ты такъ волнуешься, точно ждешь самого короля!..

— Болтай больше, старая!.. Смотри лучше за собой!— перебилъ ее мужъ.

Тѣмъ не менѣе, немного погодя, онъ подошелъ къ ней самъ и, смущеннымъ тономъ, которому старался придать равнодушный оттѣнокъ, сказалъ:

— Сегодня, передъ обѣдомъ, я пригласилъ консула Линда.

— Съ ума ты спятилъ!

— Ну, ну! Развѣ я не такой же человѣкъ, какъ консулъ Линдъ? Кромѣ того, все вышло такъ кстати: встрѣтились мы въ банкѣ...

— Пригласилъ ты также и его дамъ?

— Нѣтъ...—запнулся коммерсантъ.

— Тогда и не жди его. Онъ не будетъ. Ты сдѣлалъ неловкость, Оле Іоганнъ!

— Гм...—пробормоталъ оптовый торговецъ. Онъ давно призналъ, что въ такого рода дѣлахъ жена его оказывалась всегда правой.

Тѣмъ временемъ вошла ихъ старшая дочь, и негоціантъ началъ испускать вопли негодованія; но жена его остановила и сказала:

— Луиза, дитя мое, что это ты такъ странно одѣлась?

Родители принялись осматривать дѣвушку со всѣхъ сторонъ.

На фрейлейнъ Луизѣ было черное шерстяное платье съ высокимъ воротомъ и бѣлымъ крахмальнымъ воротничкомъ; бѣлокурые волосы закручены были на затылкѣ узломъ; большія, неуклюжія, бумажныя перчатки на рукахъ дополняли ея бальный туалетъ.

Сначала она попробовала съ твердостью выдержать осмотръ родителей, но вдругъ не выдержала и залилась слезами.

— Это Гансъ... Это Гансъ сказалъ... велѣлъ... запретилъ иначе являться на балъ!..—бормотала она, рыдая.

— Гансъ!—закричалъ гнѣвно коммерсантъ:—онъ скоро поперекъ горла мнѣ станетъ, этотъ Гансъ! Если онъ не перестанетъ мучить тебя, то, право, тебѣ слѣдуетъ отказать ему!

— Тише, тише, Оле Іоганнъ! Не выходи изъ себя. Дай мнѣ переговорить съ Луизой. Я слышу, что кто-то уже возится въ передней...

Хозяинъ поспѣшно прошелъ по комнатамъ, чтобы встрѣтить первыхъ гостей, между тѣмъ какъ его жена и дочь ушли наверхъ, чтобы заняться туалетомъ.

Первыми явились двое долговязыхъ молодыхъ людей. Въ смущеніи они прятались другъ за друга, пока, наконецъ, не нашли себѣ пристанища въ углу самой отдаленной комнаты, гдѣ и начали идіотски фыркать, не то другъ надъ другомъ, не то безъ всякой причины.

Начинали подъѣзжать экипажи; гости собирались; хозяинъ встрѣчалъ ихъ въ первой комнатѣ. Фрау Фалькъ-Ольсенъ заняла мѣсто въ комнатѣ передъ дамской гостиной.

Младшая дочь Софи и камеристка занялись Луизой и, немного спустя, обѣ сестры вышли вмѣстѣ.

Фрейлейнъ Софи была красивая дѣвушка и любимица отца, у котораго составился планъ выдать ее замужъ въ высшій свѣтъ; онъ неутомимо выискивалъ ей жениховъ. Софи, полушутя, относилась къ этимъ затѣямъ; но когда однажды отецъ предложилъ ей камергера Дельфина, она задумалась и сказала, что подумаетъ, прежде чѣмъ отвѣтить.

Въ этотъ вечеръ на ней было бѣлое платье съ шелковымъ корсажемъ и массой бантиковъ. Дѣвушка была прелестна, когда шепотомъ объясняла матери, сколько хлопотъ претерпѣла съ Луизой.

Луиза же имѣла видъ овцы, ведомой на закланіе. На нее надѣли бѣлое платье и приличныя перчатки; камеристка, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, воткнула ей въ волосы вѣтку ландышей. Тревожнымъ взглядомъ оглядѣла она всѣ углы, разыскивая Ганса, но такъ какъ его нигдѣ не было видно, то она приняла сперва одно, а затѣмъ и другое при-

глашеніе на танцы,—что ей тоже строго запрещалось. Кончилось тѣмъ, что какъ-то незамѣтно для самой себя, она очутилась среди своихъ подругъ и пріятельницъ, и болтала, и смѣялась; протянувъ одному господину свою карточку для записи танцевъ, она крайне удивилась, когда оказалось, что ни одного свободнаго танца у нея не осталось. Ея любимая подруга, Каролина Гіельмъ, увѣряла ее, что никогда еще не видала ее такой интересной; но совѣсть жестоко ее мучила.

Комнаты начали наполняться. Посреди большой залы стояли молодыя дѣвицы и представлялись, будто чрезвычайно оживленно бесѣдуютъ; на самомъ же дѣлѣ весь разговоръ состоялъ изъ восклицаній и пустыхъ, перекрестныхъ вопросовъ, прерываемыхъ дѣланымъ, нервнымъ смѣхомъ; каждая изъ дѣвицъ поглощена была важнымъ и единственно интереснымъ для нея вопросомъ: какъ бы поскорѣе найти кавалеровъ на всѣ танцы.

Мужчины толпились въ дверяхъ, совершая временами набѣги, съ дѣловитымъ видомъ пересѣкали комнаты, раскланивались, приглашали дамъ на танцы, бѣгали взадъ и впередъ, путались въ длинныхъ шлейфахъ и теряли свои карандаши.

Оба друга, — секретарь Хіортъ и кандидатъ Альфредъ Беннехенъ—ухаживали взапуски за фрейлейнъ Софи Фалькъ-Ольсенъ. У нея оказался свободнымъ только одинъ танецъ, и она отдала его Беннехену. Хіортъ изобразилъ на лицѣ отчаяніе и поспѣшилъ пригласить Гильду Беннехенъ, стоявшую поблизости.

У этой послѣдней оставалось еще много свободныхъ танцевъ; хотя она, какъ дочь министра, и была гарантирована отъ черезчуръ частаго сидѣнія на родительской скамейкѣ, но никто не торопился приглашать ее, и никто не скрывалъ, что танцуетъ съ ней по обязанности.

Камергеръ Дельфинъ, котораго Фалькъ-Ольсенъ черезъ Беннехена, привлекъ въ свой кружокъ, танцовалъ вообще рѣдко. Онъ любилъ говорить, что слишкомъ старъ; если же рѣшался иногда, то выбиралъ солидныхъ дамъ.

Теперь, увидавъ недовольную гримасу Хіорта, который пригласилъ Гильду Беннехенъ, онъ вдругъ прошелъ залу и попросилъ дочь министра удѣлить ему какой-нибудь танецъ.

Она вся вспыхнула и недовѣрчиво вскинула на него глаза: онъ способенъ посмѣяться надъ ней! Между тѣмъ, онъ уже взялъ ея карточку и выпросилъ у нея французскую кадриль, послѣ ужина. Отказать было неудобно, хотя и хотѣлось такъ сдѣлать.

Инцидентъ привлекъ вниманіе всей залы. Дамы начали перешептываться, усмѣхаться.

Гильда Беннехенъ почувствовала себя несчастной и, въ своемъ смущеніи, сдѣлалась еще уродливѣе обыкновеннаго. Она пріютилась подъ защиту Луизы, которая, въ припадкѣ раскаянія, жаловалась на свою долю Каролинѣ Гіельмъ.

Двое кавалеровъ, подмѣтившихъ, что камергеръ пригласилъ фрейлейнъ Беннехенъ, нашли это чертовски остроумной шуткой и поспѣшили послѣдовать его примѣру. Противъ обыкновенія у Гильды мигомъ заполнилась вся танцовальная карта; даже самые фешенебельные кавалеры туда попали.

Балъ открылся, какъ водится, полонезомъ, при чемъ въ первой парѣ пошли хозяинъ и жена министра; самъ министръ еще не пожаловалъ.

— Даніель за послѣднее время страшно заваленъ работой,—извинилась за него жена.

Не появлялся также и консулъ Линдъ, такъ что Фалькъ-Ольсенъ былъ не совсѣмъ удовлетворенъ. Но во время полонеза хорошее расположеніе духа почти вернулось къ нему: танецъ удался блистательно.

Камергеръ могъ изощрять свой острый языкъ, какъ хотѣлъ, но лучшаго помѣщенія для танцевъ, чѣмъ „залъ Ольсенъ“, пожалуй, не нашлось бы во всемъ городѣ. И въ то время, какъ длинная вереница нарядныхъ дамъ и кавалеровъ двигалась по залѣ подъ звуки великолѣпной музыки, глаза хозяина блестѣли гордостью.

Среди многочисленныхъ гостей были мужчины въ мундирахъ и орденахъ, коммерсанты, банкиры, профессора, камергеры, иностранные консулы, — цѣлая плеяда громкихъ, знатныхъ титуловъ, которыми хозяинъ положительно наслаждался, мѣрно шествуя съ женой министра и занимая ее разговоромъ.

— Какъ прелестна сегодня ваша Софи! — сказала она любезно.

— Я счастливъ, что слышу это отъ васъ... Хотя, по правдѣ говоря, я и самъ это нахожу. Въ Софи есть что-то благородное!

— Именно это я и хотѣла сказать!—поддакнула фрау Беннехенъ, въ душѣ издѣваясь надъ нимъ.

На грѣхъ, негоціанту вздумалось въ свою очередь отвѣтить комплиментомъ, и онъ восторженно отозвался о Гильдѣ Беннехенъ, которая шла въ хвостѣ полонеза съ какимъ-то замухрышкой младшимъ учителемъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ.

— Ахъ, полноте, пожалуйста!—перебила его фрау Бенне-

хенъ, принужденно смѣясь:—нашей Гильдѣ, къ сожалѣнію, нечего мечтать о красотѣ!

— Помилуйте, сударыня, напротивъ... — запинаясь, произнесъ злополучный хозяинъ.

— Вы черезчуръ любезны! — оборвала его дама и снова принужденно засмѣялась.

Хозяинъ понялъ, что сдѣлалъ безтактность.

Но вотъ показался Альфредъ Беннехенъ, и несчастный нашелъ возможность загладить свой промахъ, на всѣ лады восхваляя молодого человѣка. Онъ имѣлъ счастье убѣдиться, что фрау Беннехенъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ слушаетъ его комплименты, слѣдя за младшимъ сыномъ глазами.

Первый вальсъ прошелъ натянуто и вяло, хотя музыка была прекрасна, и великолѣпная бѣлая съ золотомъ зала сіяла своими тремя громадными люстрами и простѣночными лампочками. Вдоль одной стѣны ютились маленькія ниши и укромные уголки, гдѣ царилъ полусвѣтъ и гдѣ, по словамъ фрау Беннехенъ, ноги могли отдыхать, а сердца другъ другу вѣсть подавать.

Альфредъ танцовалъ съ видомъ каменщика, зарабатывающаго свое ежедневное пропитаніе тяжелой работой. Такъ же и господинъ секретарь Хіортъ. Въ общемъ кавалеры казались угрюмыми, только нѣсколько пожилыхъ, женатыхъ мужчинъ, танцовавшихъ съ самыми юными дѣвицами, повидимому, веселились отъ всей души.

Послѣ каждаго танца кавалеры кидались въ заднія комнаты, гдѣ находились къ ихъ услугамъ пуншъ и вина. Когда начинался слѣдующій танецъ, они сердито откладывали въ сторону свои сигары и наливали себѣ большіе стаканы пунша съ сельтерской водой, или коньяку съ водой, какъ будто готовились выйти на сильный, ночной морозъ. Затѣмъ они, еле волоча ноги, отправлялись въ залъ, внося туда съ собою легкій запахъ табаку и вина.

Балъ шелъ своимъ чередомъ, хотя и нѣсколько принужденно, какъ и всегда въ началѣ.

— Вы еще не разошлись... поддать пару слѣдуетъ!—ворчалъ хозяинъ съ видомъ знатока, приказывая разносить больше пуншу по разнымъ комнатамъ.

Альфредъ Беннехенъ былъ взволнованъ и велъ себя загадочно. На вопросъ, съ кѣмъ онъ танцуетъ слѣдующій танецъ, онъ отвѣчалъ уклончиво. Его пріятель, Хіортъ, все же подмѣтилъ, что на нѣкоторые танцы онъ никого не приглашалъ, точно кого-то поджидалъ.

Свирѣпый Гансъ, наконецъ, явился. Луиза, во время танцевъ, мелькомъ его видѣла. На блѣдномъ лицѣ его она

прочла свой приговоръ и чувствовала себя уничтоженной. Но юный кандидатъ Смитъ, съ которымъ она какъ разъ танцовала, разсказывалъ такія интересныя приключенія изъ своего путешествія пѣшкомъ на Іотунгеймъ, что она поминутно забывала свое удрученіе... И пока она не отыскала глазами своего жениха, совѣсть ея (такъ выразился бы самъ Гансъ) „дремала въ грѣховной увѣренности въ своей безопасности“.

Но, когда танецъ кончился, она разыскала Каролину Гіельмъ, приходившуюся ея жениху родственницей, и стала умолять ее, именемъ ихъ дружбы, подойти къ Гансу и разъяснить ему, что ее принудили нарядиться, а также спросить, неужели онъ сердится на нее...

Эту деликатную миссію Каролина взяла на себя съ большою готовностью, такъ какъ вовсе не боялась кузена Ганса. Она нашла его въ библіотекѣ, перебирающимъ книги на полкѣ.

— Добрый вечеръ, Гансъ! Я принесла тебѣ привѣтъ отъ Луизы! Она спрашиваетъ, не протанцуешь ли ты съ нею?— сказала Каролина, присаживаясь, сдѣлавъ предварительно реверансъ.

Гансъ сначала пристально поглядѣлъ на нее маленькими, свѣтло-голубыми глазками, но, видя, что это не произвело на дѣвушку ни малѣйшаго впечатлѣнія, онъ спросилъ:

— Луиза дѣйствительно просила тебя это сказать?

— Ну, да. Почему же ты сомнѣваешься? Ты, можетъ быть, думаешь, что танцовать грѣшно? Клянусь тебѣ, что соборный священникъ сказалъ намъ при конфирмаціи: „танцуйте, не смущаясь, лишь бы сердце ваше было чисто“. Ну, а у тебя вѣдь оно чисто, кузенъ Гансъ, не такъ-ли?

— Что съ тобой разговаривать, Каролина! Ты дитя суеты!

— Фу, Гансъ! какъ можешь ты такъ говорить! — обидѣлась Каролина:—понять не могу, какъ могъ ты понравиться такому милому созданію, какъ Луиза! Я бы не вышла за тебя, ни за что на свѣтѣ!

— Я постараюсь освободить Луизу изъ этого грѣховнаго дома.

— Фу, Гансъ, какой ты, право, оселъ!—проговорила неисправимая Каролина и ушла въ залу.

Наконецъ, явился министръ Беннехенъ, — высокій, красивый мужчина, гладко выбритый и румяный. Хозяинъ встрѣтилъ его въ прихожей и началъ съ нимъ носиться. Хотя они и были настолько хороши между собою, что зачастую съ глазу на глазъ негоціантъ обращался съ нимъ запросто, — но на балу, въ полномъ блескѣ своихъ орденовъ и дипломатической важности, министръ внушалъ къ себѣ почтеніе.

Кромѣ того, въ этотъ вечеръ, министръ былъ самымъ важнымъ гостемъ, настоящимъ свѣтиломъ пиршества, и маленькій, юркій Фалькъ-Ольсенъ буквально сіялъ, сопровождая именитаго гостя по заламъ.

Хозяйка дома сердечно привѣтствовала министра; затѣмъ онъ нѣкоторое время оставался среди пожилыхъ дамъ и былъ любезенъ. Послѣ того, во время перерыва между танцами, онъ прошелся по залѣ, поздоровался съ дочерьми хозяина и ушелъ въ кабинетъ Ольсена, гдѣ собрались избранные изъ выдающихся гостей.

Появленіе министра придало балу извѣстный колоритъ. До тѣхъ поръ гости Фалькъ-Ольсеновъ чувствовали себя такъ, точно у нихъ *„не хватало головы“*, — какъ выразился Дельфинъ; хозяинъ и хозяйки такъ мало значили для нихъ, что терялись въ общей кутерьмѣ; о нихъ почти не думали.

Но теперь, въ лицѣ министра, балъ получилъ извѣстную точку опоры: въ качествѣ интимнаго друга дома, онъ представлялъ изъ себя, такъ сказать, гарантію, какъ бы объявлялъ вполнѣ законными вновь испеченные блескъ и роскошь обстановки. Каждый изъ гостей почувствовалъ себя успокоеннымъ, что онъ дѣйствительно находится въ порядочномъ обществѣ и можетъ веселиться безо всякихъ угрызеній совѣсти.

Теперь только танцы повелись съ увлеченіемъ. Присяжные танцоры посмѣивались, усердно работая, а хозяинъ потиралъ руки и забылъ думать о консулѣ Линдѣ.

Какъ только Альфредъ увидѣлъ, что входитъ его отецъ, онъ проскользнулъ въ прихожую, надѣлъ пальто и ушелъ.

VII.

Христина сидѣла дома въ теплой комнатѣ и писала письмо своему отцу или, вѣрнѣе, лоцманскому старшинѣ, такъ какъ Ньэдель не умѣлъ читать писаное.

Дядя Андерсъ проводилъ министра до кареты и ушелъ, какъ и всегда по вечерамъ: у него было такъ много дѣла.

Дѣвушка сидѣла у стола и, задумавшись, пристально глядѣла на лампу, соображая, что бы еще написать, какъ вдругъ въ дверь постучались, и въ комнату вошелъ докторъ Беннехенъ.

— Извините! Мой отецъ поѣхалъ на балъ?—освѣдомился онъ.

— Да, сію минуту,—отвѣтила Христина.

— Жалко! Я было хотѣлъ ѣхать съ нимъ.

Милѣйшій докторъ совралъ: онъ стоялъ на углу улицы, ожидая, пока карета не отъѣдетъ.

Но, хотя онъ очутился у цѣли намѣченной интрижки, однако, не зналъ съ чего начать; вѣроятно, такъ и ушелъ бы, не сказавъ больше ни слова, если бы Христина не промолвила:

— Быть можетъ, карета вернется.

— Да, можетъ статься... Даже навѣрное!.. — обрадовался докторъ.

Оба представились, будто этому вѣрятъ, хотя прекрасно знали, что карета наемная; у министра былъ только одноконный фаэтонъ.

— Не желаете-ли пока присѣсть, подождать?—предложила Христина. Дядя Андерсъ уже настолько отшлифовалъ ее, что она говорила всѣмъ „вы“.

Докторъ поблагодарилъ и затворилъ за собою дверь.

Іоганнъ Беннехенъ напоминалъ отца, но въ немъ положительно не было ничего внушительнаго. Наоборотъ, онъ именно казался такимъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ, то есть, славнымъ, недалекимъ и весьма добродушнымъ малымъ; кромѣ того, онъ прихрамывалъ на лѣвую ногу.

Докторъ началъ болтать съ молодой дѣвушкой, стоя между дверью и столомъ. Онъ привыкъ къ обращенію со всякаго рода людьми, такъ что Христина хорошо его понимала. Между ними скоро завязался оживленный разговоръ о ея родинѣ, начались сравненія между деревней и городомъ и т. п.

Каждый разъ, что онъ говорилъ что-либо смѣшное, она наклоняла голову и смѣялась, при чемъ свѣтъ отъ лампы падалъ на ея роскошные, рыжеватые, вьющіеся волосы, унаслѣдованные ею отъ отца. Повидимому, онъ ей передалъ и свое богатырское сложеніе: плечи ея были широки, грудь высока и могуча, а когда она стояла, выпрямившись во весь ростъ, то была не ниже большинства мужчинъ.

На улицѣ стоялъ вѣтряный, холодный осенній вечеръ. Но въ комнатѣ были разостланы ковры, и въ печкѣ трещалъ привѣтливый огонекъ; все было такъ уютно и чисто.

У доктора подъ пальто былъ вечерній туалетъ. Онъ распахнулся и, въ концѣ концовъ, сѣлъ почти у самаго стола, прислонясь къ стѣнѣ.

Каждый разъ, заслышавъ стукъ колесъ, они говорили: „вотъ карета“! А когда экипажъ проѣзжалъ мимо, прибавляли: „нѣтъ, это не она“.

Вдругъ постучались, дверь отворилась, и Альфредъ, приплясывая, появился въ комнатѣ, восклицая:

— Добрый вечеръ!

Но когда онъ увидѣлъ брата, то сначала сильно смутился, а потомъ злобно разсмѣялся.

— Ай, ай! Tête à tête! Ужъ не больна ли фрейлейнъ Христина?

Христина, принявшая это за шутку, хотѣла было отвѣчать, но положительно испугалась, увидавъ мрачное лицо доктора.

— Я жду карету. Думалъ, вотъ-вотъ она вернется,—сказалъ онъ рѣзко.

— Предлогъ безподобенъ! Любовь дѣлаетъ человѣка изобрѣтательнымъ!—вскричалъ Альфредъ и закатилъ глаза.— Да? Ты ждешь карету? Какъ искусно придумано!

— Прошу не дѣлать такихъ намековъ, Альфредъ.

— Скажите, пожалуйста, онъ меня проситъ! Это не возбраняется: проси! Можетъ быть, и ты мнѣ разрѣшишь попросить тебя дать мнѣ болѣе правдоподобное объясненіе твоего присутствія здѣсь, въ такой часъ?

— А какое тебѣ дѣло до этого?

— Вотъ какъ! Слогъ дѣлается много проще. Я спрашиваю не ради себя. Я не нуждаюсь въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ (дѣло для меня и такъ ясно... яснѣе яснаго...)—онъ поочередно смотрѣлъ на присутствующихъ,—но, я знаю, мамѣ было бы интересно знать, почему ея первенецъ караулитъ домъ, когда всѣ прочіе отсутствуютъ.

— Я ничего не караулю! Берегись, Альфредъ!—вскричалъ Іоганнъ и сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Не станемъ же мы марать эту хижину нашей братской кровью!—сказалъ Альфредъ, злобно скаля зубы и ретируясь за стулъ.

Христина подошла было къ доктору и хотѣла что-то сказать. Онъ-же, весь блѣдный, обратился къ ней со словами:

— Не сердитесь! Прошу у васъ извиненія,—я не виноватъ въ этой выходкѣ. Покойной ночи! Пойдемъ, Альфредъ, намъ пора уходить.

— Намъ?—дерзко переспросилъ Альфредъ и сдѣлалъ видъ, будто хочетъ положить шляпу.

Но докторъ такъ крѣпко ухватилъ его за плечи, что возражать было уже нечего, и не успѣлъ Альфредъ опомниться, какъ очутился внѣ подвальнаго этажа на улицѣ.

Христина стояла и слушала, какъ братья прошли мимо ея оконъ. До нея долетѣло одно слово,—и она страшно поблѣднѣла, а на лѣвомъ вискѣ ея показалось красное пятно; то былъ шрамъ отъ ушиба, полученнаго въ ту ночь, когда лавина убила ея мать и сестеръ.

Братья шли, переругиваясь, до угла улицы, гдѣ разстались, не простившись другъ съ другомъ. Теперь Іоганну уже не хотѣлось идти на балъ, и онъ отправился на свою квартиру: онъ жилъ отдѣльно отъ родителей, такъ какъ

жена министра не желала встрѣчаться на лѣстницѣ съ его паціентами изъ простонародья.

Какъ разъ садились за столъ, когда Альфредъ вернулся на балъ.

— Гдѣ ты пропадалъ?—освѣдомился Хіортъ.

Альфредъ таинственно подмигнулъ,—въ отвѣтъ на что пріятель надавалъ ему толчковъ въ бокъ, сопровождаемыхъ различными шутливыми бранными прозвищами. Затѣмъ они протѣснились къ винному буфету, такъ какъ Хіортъ утверждалъ, будто Альфредъ очень нуждается въ подкрѣпленіи.

Накрыто было въ маленькой залѣ и въ прилегающихъ комнатахъ; сначала занялись ѣдою болѣе солидные мужчины и дамы, затѣмъ танцующія дамы разрѣшили кавалерамъ услужить имъ, но не успѣли онѣ и наполовину утолить свой аппетитъ, какъ любезные молодые люди, сообразуясь съ собственнымъ разсчетомъ, уже начали толпиться у столовъ, какъ густой рой мухъ, перелетая отъ одного стола къ другому, набрасываясь на блюда и тарелки, нюхая, роясь, жуя, хлебая, поглощая,—все это молча, подъ стукъ ножей и вилокъ, дѣйствуя, точно одна сложная машина для уничтоженія съѣстныхъ припасовъ, пущенная въ ходъ.

Юный застѣнчивый студентъ Ганзенъ раздобылъ бутылку хересу; мигомъ протянулись къ нему руки со стаканами,— и простодушный студентъ все наливалъ да наливалъ, пока бутылка не опустѣла,—такъ что его собственный стаканъ остался пустымъ.

Надъ этимъ отъ души похохотали, но не долго: времени терять было некогда.

Фаршированная телячья голова, пирожки въ пикантномъ соусѣ, рыбныя клецки, черепаха, паштеты, сальме изъ дичи съ жаренымъ молодымъ картофелемъ, — все исчезало, какъ по волшебству. Кузенъ Гансъ помѣстился у мясного пуддинга со спаржей и не трогался съ мѣста, не обращая вниманія на толчки въ спину. Рядомъ съ нимъ стоялъ кандидатъ Смитъ, съ аппетитомъ, который онъ, вѣроятно, принесъ съ собой изъ Іотунгейма: онъ ѣлъ мясной рулетъ чайной ложкой и поклялся, что не пойдетъ за вилкой, пока не уничтожитъ послѣдній шампиньонъ соуса.

Хіортъ и Беннехенъ устроились похитрѣе: они заняли постъ у дверей, откуда слуги приносили кушанья, и отважно накидывались на появлявшіяся блюда; съ добычей шли они въ курительную комнату, гдѣ и поѣдали свои порціи, а такъ же роспили пару бутылокъ, спрятанныхъ ими за портьеру

Важные гости нашли себѣ мѣсто въ „собственномъ кабинетѣ“ хозяина, гдѣ имъ и прислуживали отдѣльно. Тамъ, между дамами, проявлялъ свою дѣятельность Дельфинъ; а въ

залѣ прохаживалась парочка молодыхъ дѣвицъ, которыя одинаково презирали и ѣду, и тѣхъ, кто ѣлъ.

Мало по малу дамы покончили съ ужиномъ, и рой черныхъ мухъ заработалъ щупальцами на дамскихъ столахъ, въ маленькомъ залѣ, гдѣ еще двѣ запоздавшія пожилыя дамы разнюхивали, не осталось ли головокъ спаржи или бѣленкихъ кусочковъ цыпленка.

Хозяйка, хотя и знала, что всего было вдоволь, но испытывала тревогу, при видѣ неугомоннаго роя,—и одинъ изъ молодыхъ людей, стоявшій недалеко отъ нея, услыхалъ, какъ она сказала:

— Боже мой! Можно подумать, что вся ѣда проваливается въ бездонную кадку!

Фрау Фалькъ-Ольсенъ употребляла иногда вульгарныя выраженія, въ особенности, когда бывала взволнована. Это былъ родъ лингвистическаго рецидива.

Изъ кабинета хозяина слышались шумъ и говоръ, каждый разъ, какъ лакей пріотворялъ дверь. Хіортъ и Беннехенъ, ужинавшіе въ сосѣдней комнатѣ, схватывали на лету отрывки разговоровъ; повидимому, тамъ шелъ споръ о политикѣ.

— Фалькъ-Ольсенъ всетаки скотъ, какъ его ни обтесывай!—рѣшилъ Беннехенъ между двумя глотками:—совсѣмъ не умѣетъ пригласить кого слѣдуетъ!

— Что ты?—возразилъ Хіортъ:—да сегодня у него весь свѣтъ!

— Болванъ! Простофиля! Въ этомъ-то и есть его ошибка, что онъ сплошь приглашаетъ всякую шушеру! Ты можешь сообразить, какъ непріятно моему отцу сталкиваться со всякими крикунами, которые здѣсь собираются!

— Объ этомъ я, дѣйствительно, не подумалъ!—глубокомысленно произнесъ Хіортъ.

— Третьяго дня я слышалъ, какъ отецъ сказалъ Фалькъ-Ольсену: „если вы не хотите принимать извѣстную партію, то...“

— То что?—съ любопытствомъ спросилъ Хіортъ и нагнулся поближе.

— И болванъ же ты, Іона! Онъ ничего больше не сказалъ. Твое дѣло понять, что это значитъ.

— Ну, да! Разумѣется! Гм... Конечно, чортъ возьми! Такъ министръ и сказалъ?—Хіортъ многозначительно усмѣхнулся и лукаво подмигнулъ пріятелю.

Послѣ ужина оркестръ заигралъ кадриль изъ „Маленькаго герцога“.

Танецъ этотъ прошелъ чрезвычайно оживленно: сходство съ каменщиками испарилось.

Веселая музыка волновала танцующимъ кровь, и безъ того игравшую отъ вина и ѣды. Кандидатъ Смитъ напѣвалъ по-французски припѣвъ изъ оперетки: онъ слышалъ его отъ одного знакомаго, пріѣхавшаго изъ Парижа.

Каролина Гіельмъ, его дама, пристала къ нему не на шутку, желая узнать, что такое онъ поетъ. Но онъ стоялъ на томъ, что припѣвъ не поддается переводу... Каролина-же задорно увѣряла его, что она не изъ очень щепетильныхъ и многое можетъ выслушать. Кончилось тѣмъ, что онъ все продолжалъ напѣвать, до тѣхъ поръ, пока она не объявила ему, что и такъ все поняла.

Французскую кадриль Дельфинъ долженъ былъ танцовать съ Гильдой Беннехенъ; онъ почти уже позабылъ, изъ какихъ разсчетовъ пригласилъ ее, и поэтому въ первой фигурѣ относился къ ней нѣсколько небрежно, болтая больше съ фрау Гіельмъ, сидѣвшей въ дверяхъ, позади танцующихъ паръ. Гильда Беннехенъ тотчасъ же это замѣтила, и ей стало до боли обидно. Цѣлый вечеръ она ждала этого танца, не то съ радостью, не то со страхомъ.

У нихъ въ домѣ камергеръ бывалъ съ нею всегда привѣтливъ, съ оттѣнкомъ снисхожденія, какъ къ ребенку; но вѣдь онъ зналъ ее еще дѣвочкой, до ея конфирмаціи. Часто она думала, какъ было бы весело танцовать съ нимъ. И вотъ теперь разочаровалась. Приходили ей въ голову всѣ колкія словечки подругъ,—и она пришла къ заключенію, что лучше бы онъ ея не приглашалъ.

Во время третьей фигуры онъ, однако, задалъ ей нѣсколько вопросовъ; отвѣчая, она смотрѣла на него въ упоръ, и глаза ея привлекли его вниманіе. „Вотъ такъ глаза!" — подумалъ онъ.

Послѣ этого открытія, онъ сталъ разговаривать съ ней оживленнѣе, чтобъ она почаще глядѣла на него вверхъ. Взглядъ карихъ глазъ былъ простодушенъ и ясенъ, и каждый разъ, какъ Дельфинъ говорилъ что-нибудь забавное или остроумное, некрасивое лицо оживлялось и становилось привлекательнымъ.

Когда танецъ кончился, онъ сказалъ:

— Неужели все, милѣйшая фрейлейнъ?.. А мнѣ кажется, мы протанцовали не больше четырехъ фигуръ!

Она подозрительно посмотрѣла на него и затѣмъ со смѣхомъ отвѣчала:

— Это потому, что первыя двѣ фигуры вы протанцовали съ фрау Гіельмъ.

Георгъ Дельфинъ умѣлъ оцѣнить мѣткій отвѣтъ. Онъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на дѣвушку, — но тутъ подоспѣла

другая пара и заговорила съ ними; подошли еще, и образовалась около нихъ группа.

Всетаки камергеръ, покидая свою даму, выпросилъ у нея первую кадриль послѣ ужина на время всѣхъ предстоящихъ въ этомъ сезонѣ баловъ.

Теперь балъ шелъ на всѣхъ парахъ. Танцы велись съ такимъ увлеченіемъ и веселостью, что никто бы не повѣрилъ, что это тѣ-же „каменщики" перваго вальса. Воодушевленіе достигло высшихъ предѣловъ, когда вскорѣ послѣ полуночи были поданы дессертъ и шампанское.

При этомъ случаѣ министръ всегда держалъ хозяевамъ рѣчь, — краткую дипломатическую рѣчь, безъ всякаго цвѣтистаго набора словъ. Такія умѣренныя рѣчи министръ говорилъ охотно, соразмѣряя подъ тонъ умѣренности и жесты, и улыбки.

Къ дамамъ обратился юный поэтъ, издавшій недавно томъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Пылающія строки". Тостъ былъ тоже въ стихахъ и удостоился большого одобренія, хотя дамы и нашли, что онъ слишкомъ наводитъ грусть.

Но тутъ неожиданно, къ ужасу своихъ друзей, выступилъ бѣлокурый кандидатъ Смитъ съ блестящимъ описаніемъ Іотунгейма. Навѣки осталось невыясненнымъ, что подвинуло его на этотъ шагъ—вино или любовь,—но одно достовѣрно, что самая рѣчь могла дать поводъ для самыхъ разнообразныхъ догадокъ, такъ какъ въ то время, какъ слушатели находились высоко—высоко въ горахъ (ораторъ даже не поскупился на вычисленіе сотенъ футовъ)—между безднами и глетчерами,—вдругъ упомянуто было про чудные глаза и фигуру эльфа... Нѣкоторые впослѣдствіи утверждали, что намекъ былъ на Каролину Гіельмъ.

Какъ бы то не было, рѣчь длилась бы, вѣроятно, безъ конца (подобно тому, какъ въ сказкѣ говорится, что если она не кончена, то продолжается и до сегодняшняго дня),—если-бъ долговязый, робкій студентъ, Ганзенъ, не взвился внезапно со стула, какъ блѣдная ракета, и не воскликнулъ во всеуслышаніе:

— Да здравствуетъ Іотунгеймъ!

Среди разразившагося хохота тостъ былъ сочтенъ окончившимся, къ великой досадѣ оратора.

Но у студента Ганзена возбужденіе приняло опасное направленіе: когда онъ завладѣлъ бутылкой портвейна, то рѣшилъ, что его ужъ больше не проведутъ, и, усѣвшись за столъ, уставленный цвѣтами, опрокидывалъ въ себя стаканъ за стаканомъ. Но портвейнъ оказался еще злонравнѣе студента Ганзена, который, неумѣренно задравъ голову, запа-

Галлерея современныхъ французскихъ знаменитостей.

Жюль Гэдъ.

Одинъ изъ американскихъ техническихъ журналовъ, говоря о быстротѣ, съ какой современная крупная промышленность преобразуетъ сырой матеріалъ, доставляемый природой, въ окончательно отдѣланный фабрикатъ, не безъ гордости сообщалъ своимъ читателямъ, что технологія нашихъ дней вмѣшивается даже въ естественные процессы и крайне ускоряетъ ихъ. Такъ, напр.,— продолжалъ все тотъ же журналъ, — въ то время, какъ раньше надо было высушивать и дубить мѣсяцами, чуть не годами сырыя кожи прежде, чѣмъ употребить ихъ какъ сапожный товаръ, теперь, благодаря научному примѣненію химическихъ процессовъ, теплоты и электричества, все это требуетъ едва нѣсколькихъ дней. И, можетъ быть, тотъ самый быкъ, который недѣлю тому назадъ носился по необозримымъ пампасамъ Ла-Платы, уже попираетъ, въ видѣ подошвы сапога, асфальтовый тротуаръ какого-нибудь громаднаго города. Пламенный пѣвецъ успѣховъ современной технологіи усматривалъ лишь одну темную точку на свѣтломъ фонѣ индустріальнаго волшебства нашихъ дней: необыкновенно интенсивный процессъ искусственной обработки разрушаетъ органическія клѣтки кожи; а потому теперешняя „электризованная" подошва изнашивается гораздо быстрѣе, чѣмъ честная патріархальная подошва прежнихъ дней, которая высыхала и дубилась постепенно, согласно законамъ естества. И задача современной технологіи,—заключалъ авторъ исполненной промышленнаго энтузіазма статьи, — состоитъ въ томъ, чтобы устранить этотъ послѣдній недостатокъ чисто технической операціи, пасующей передъ естественнымъ процессомъ по части прочности своихъ продуктовъ...

Эта статья вспоминается мнѣ всякій разъ, когда приходится думать о психологіи различныхъ типовъ политическихъ дѣятелей. Прошу читателя не особенно скандализироваться той ассоціаціей идей, которая соединяетъ у меня представленіе о такой низмен-

ной вещи, какъ подошва, съ представленіемъ о столь важномъ и въ своемъ родѣ единственномъ продуктѣ, какимъ является человѣкъ, и при томъ человѣкъ, болѣе или менѣе сознательно участвующій въ исторической жизни своей страны.

...Si parva licet componere magnis, „если позволено сравнивать малое съ великимъ“, по выраженію старика Виргилія, то моя ассоціація идей не покажется столь чудовищной, какъ можно подумать съ перваго взгляда: стоитъ только указать на пунктъ сравненія. Я полагаю именно, что прочность убѣжденій и стойкость поведенія политическихъ дѣятелей зависитъ въ сильной степени, помимо ихъ природнаго характера, еще и отъ того, насколько рано они восприняли основы своего міровоззрѣнія и насколько они сумѣли, съ самаго же начала, окружить себя обстановкой, гармонирующей съ ихъ общими идеями. Какъ „электризованная“ кожа быстро оказывается годной для употребленія лишь насчетъ своей прочности, такъ и человѣкъ, сравнительно поздно и сразу ставшій на новую точку зрѣнія, обнаруживаетъ извѣстные изъяны въ своей духовной физіономіи, не смотря на блескъ и красоту своихъ первыхъ дѣйствій на пути въ Дамаскъ. Съ другой стороны, какъ естественные процессы, опредѣляющіе постепенныя измѣненія въ сыромъ матеріалѣ, придаютъ ему, въ концѣ концовъ, особую прочность, такъ и ранняя и неуклонная выработка общаго міровоззрѣнія среди подходящихъ условій кладетъ на человѣка, прошедшаго черезъ такую умственную и нравственную школу, отпечатокъ рѣдкой цѣльности и стойкости. Не нужно лишь, дѣлая это сравненіе, придавать чрезмѣрное значеніе второстепеннымъ взглядамъ, но слѣдуетъ оставаться въ предѣлахъ центральнаго идейнаго пункта: рѣчь идетъ не о всегда возможныхъ измѣненіяхъ частныхъ сторонъ общаго міросозерцанія, но о сути его. И съ этой болѣе широкой точки зрѣнія справедливость сдѣланнаго мною умышленно грубаго уподобленія должна быть признана всякимъ мало-мальски внимательнымъ наблюдателемъ человѣческой души.

Въ прошломъ своемъ этюдѣ, разбирая эффектную и сложную личность Жорэса, я указалъ, какъ сравнительно поздно и гораздо болѣе быстро, чѣмъ то кажется самому главѣ парламентарныхъ соціалистовъ, онъ подвергся воздѣйствію „электризаціи“ соціалистическаго міровоззрѣнія. И какъ, кромѣ того, находясь въ неблагопріятной личной обстановкѣ, и подъ давленіемъ запутанныхъ политическихъ обстоятельствъ, онъ, нѣсколько лѣтъ спустя, совершилъ движеніе назадъ, правда, не дойдя до своего начальнаго буржуазно-демократическаго міросозерцанія, но остановившись на полпути: строго эволюціонномъ соціализмѣ и „сотрудничествѣ классовъ“. На сей разъ я постараюсь изобразить личность и дѣятельность Гэда, съ самаго пробужденія къ сознательной жизни постоянно находившагося въ предѣлахъ одного общаго

міровоззрѣнія, которое можно характеризовать какъ активное трудовое міровоззрѣніе и которое придаетъ цѣльность его политической дѣятельности, — былъ ли онъ (при самомъ началѣ ея) анархистомъ, или (во все послѣдующее время) марксистомъ. Психологическое различіе этихъ двухъ типовъ мнѣ представляется, такимъ образомъ, прежде всего различіемъ между рано начавшимся, глубокимъ и безпрестаннымъ проникновеніемъ Гэда извѣстными, рѣзко опредѣленными, взглядами и между сравнительно позднимъ и быстрымъ воздѣйствіемъ на Жорэса нѣсколько смутнаго, но могучаго идеала новой жизни, охватившаго временно все существо его огнемъ философскаго и эстетически-нравственнаго энтузіазма, но впослѣдствіи ущербленнаго мѣстами вторженіемъ прежнихъ идейныхъ элементовъ буржуазной среды и воспитанія.

Было бы лишнимъ объяснять подробно, почему у насъ почти нѣтъ данныхъ о чисто личной жизни Гэда. Его біографія до такой степени тѣсно переплетается на каждомъ шагу съ исторіей партіи, получившей отъ него свое имя, что личное существованіе этого фанатика идеи отходитъ совершенно на задній планъ. Вы можете найти нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія біографическаго характера въ безчисленныхъ статьяхъ о немъ друзей и враговъ. Но этотъ разбросанный матеріалъ затерянъ въ литературѣ, исключительно посвященной Гэду, какъ политическому дѣятелю. Съ другой стороны, у этого высокомѣрнаго и авторитарнаго человѣка партіи всегда было развито чувство деликатности и такта, препятствовавшее ему посвящать публику въ подробности личной жизни, которую съ такимъ самодовольствомъ выставляютъ на восхищеніе своихъ поклонниковъ типичныя „знаменитости“ буржуазнаго лагеря. Гэдъ, видимо, хочетъ остаться для публики исключительно представителемъ извѣстнаго теоретическаго и практическаго направленія: такимъ должны обрисовать его, главнымъ образомъ, и мы, касаясь нѣкоторыхъ личныхъ сторонъ его существованія лишь постольку, поскольку это абсолютно необходимо въ біографическомъ этюдѣ.

Жюль Гэдъ родился 11-го ноября 1845 г. въ Парижѣ. Ему, такимъ образомъ, совсѣмъ недавно пошелъ 60-й годъ. Замѣтимъ, что имя, подъ которымъ онъ пріобрѣлъ широкую извѣстность, не есть собственно его легальное имя. Онъ записанъ въ меріи при рожденіи какъ Матьё-Жюль Базиль: Базиль — фамилія его отца. Но у французовъ сильно распространенъ обычай выступать въ общественной жизни подъ полу-псевдонимами и псевдонимами. И въ ранней молодости будущій агитаторъ началъ называть себя Жюлемъ Гэдомъ: Гэдъ была дѣвичья фамилія его матери. Если правильно замѣчаніе людей, изучавшихъ коллективную психологію, что для успѣха на общественномъ поприщѣ важно

даже имя дѣятеля, то Жюль Гэдъ очень удачно выбралъ свое: эти два короткія и жесткія слова, какъ ударъ хлыста, останавливали на себѣ вниманіе толпы и какъ нельзя болѣе подходили къ рѣзкой, угловатой, энергичной фигурѣ человѣка, которому суждено было стать главою партіи.

Отецъ Гэда былъ учителемъ въ небольшомъ пансіонѣ и самъ занимался воспитаніемъ сына, съ юныхъ лѣтъ обнаружившаго блестящія способности и необыкновенную живость темперамента. Занятія отца съ молодымъ Гэдомъ шли, дѣйствительно, такъ успѣшно, что мальчикъ въ 16 лѣтъ уже выдержалъ экзаменъ на баккалавра (нашъ аттестатъ зрѣлости). Отцомъ были заложены въ немъ начала непримиримаго республиканства. А крайне стѣсненныя матеріальныя условія семьи съ самой ранней молодости бросили его въ ряды трудящагося человѣчества, заставивъ его зарабатывать, тотчасъ же по окончаніи гимназическаго курса, кусокъ насущнаго хлѣба. Подобно Рошфору, подобно многимъ другимъ французскимъ знаменитостямъ, онъ нѣкоторое время занималъ мѣсто мелкаго служащаго въ городской администраціи. Но его скоро потянуло къ общественной дѣятельности, и 20-лѣтнимъ юношей онъ берется за перо журналиста, чтобы съ своею обычною страстностью и рѣзкостью вести кампанію противъ Второй имперіи.

Режимъ декабрьской ночи со средины 60-хъ годовъ сталъ клониться къ упадку. Въ воздухѣ слегка запахло весной „либеральной имперіи"; и появились уже кой-какія ласточки, предвѣщавшія ее, въ родѣ сулившаго реформы декрета 19-го января 1867 г. Рабочіе все меньше и меньше поддавались на удочку экономическихъ благодѣяній, которыя, согласно оффиціальнымъ бардамъ имперіи, должны будутъ пролиться на пролетаріатъ изъ цезаристскаго рога изобилія, какъ только трудящіяся массы станутъ заниматься исключительно улучшеніемъ своего матеріальнаго быта подъ эгидой мудраго и добраго монарха и повернутся спиной къ политическимъ агитаторамъ. Французскіе члены интернаціонала, служа въ теченіе трехъ лѣтъ предметомъ заигрыванія со стороны правительства Наполеона III, рѣшительно отказались отъ всякаго императорскаго покровительства, за что рыцари декабрьской ночи возбудили противъ нихъ преслѣдованіе какъ разъ въ любимомъ ими, для совершенія преступленій противъ свободы, мѣсяцѣ декабрѣ (1867 г.) *). Съ другой стороны, общественная реакція уступила мѣсто живому свободолюбивому движенію, придавая тѣмъ болѣе ненавистный характеръ продолжавшейся уже чисто правительственной реакціи. Студенчество въ частности перестало культивировать изящный индифферентизмъ.

*) См. интересную въ общемъ книгу Вейля: Georges Weill, *Histoire du mouvement social en France* (1852—1902); Парижъ, 1905 г., стр. 109 и слѣд.

увлекаться искусствомъ для искусства и соединять безъидейное времяпрепровожденіе золотой молодежи съ самымъ низменнымъ молчалинствомъ. Къ нему уже было бы анахронизмомъ обращаться съ пламенными упреками, которые бросалъ по праву въ лицо студенчеству конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ молодой безвременно умершій студентъ же Жакъ Ришаръ, обнаружившій выдающійся поэтическій талантъ какъ разъ въ своей негодующей „Одѣ къ молодежи":

По закону смѣны поколѣній, дэнди-индифферентисты и поклонники шумной и развратной имперіи уступили во второй половинѣ 60-хъ годовъ мѣсто той идейной и пылкой молодежи, въ которой борцы 1830 и 1848 гг. могли бы дѣйствительно привѣтствовать своихъ дѣтей. Стали раздаваться все чаще и чаще, не смотря на правительственный запретъ, и звуки марсельезы. Между умственными и физическими работниками начали создаваться узы взаимной симпатіи и солидарности. Въ этой-то наэлектризованной приближавшимися бурями атмосферѣ конца имперіи и пробуждался къ сознательной жизни молодой Гэдъ, впитывая въ себя основные элементы того міровоззрѣнія, которому въ общихъ чертахъ онъ останется вѣренъ въ теченіе всей своей жизни, не смотря на измѣненія въ нѣкоторыхъ—если и важныхъ, то все же второстепенныхъ взглядахъ. Гэдъ дебютировалъ, какъ литераторъ, лѣтомъ (22-го іюня) 1868 г. въ «Le Courrier français», газетѣ, издававшейся Верморелемъ и старавшейся подчеркивать вопросы труда и соціализма предпочтительно передъ чисто политическими вопросами, возбуждая недовѣріе въ чисто буржуазной оппозиціи. Кстати сказать, его сотоварищемъ въ этомъ органѣ былъ Ивъ-Гюйо, будущій ренегатъ не только соціализма, но и радикализма, будущій министръ общественныхъ работъ въ кабинетахъ Тирара и Фрейсинэ, ожесточенный врагъ коллективизма и т. п. Такихъ первоначальныхъ товарищей придется, впрочемъ, много растерять Гэду по дорогѣ своего идеала, въ особенности, когда сложится окончательно его міровоззрѣніе.

Въ 1870—1871 гг. мы видимъ Гэда въ Монпелье редакторомъ газеты „Les Droits de l'Homme", въ которой участвовали, кромѣ того, Баллю, впослѣдствіи радикальный депутатъ Ліона, Фабрегэттъ, ставшій первымъ предсѣдателемъ апелляціоннаго суда въ Тулузѣ, и Жираръ, получившій позже профессорскую каѳедру на юридическомъ факультетѣ университета города Монпелье. Только что названный Ивъ-Гюйо былъ парижскимъ корреспондентомъ газеты. Всѣ эти сотрудники (кромѣ Жирара, писавшаго подъ псевдонимомъ Жербье) скоро разошлись съ Гэдомъ изъ за революціоннаго характера его статей. По поводу объявленія войны Германіи Гэдъ, дѣйствительно, написалъ страстную статью, приглашая своихъ соотечественниковъ не отвлекаться отъ борьбы съ правительствомъ внѣшней диверсіей, а низвергнуть имперію.

За это онъ былъ приговоренъ судомъ къ 6-мѣсячному заключенію. Замѣна бонапартистскаго режима третьей республикой открыла Гэду двери тюрьмы до окончанія срока. Но жаркая защита имъ парижской коммуны и попытка втянуть населеніе юга въ борьбу противъ версальскаго правительства во имя коммунальной автономіи вызвали серьезныя репрессаліи центральной власти. И за тѣ самыя статьи, которыя послужили Баллю предлогомъ выйти изъ редакціи «Les Droits de l'Homme», Гэдъ былъ осужденъ на 5 лѣтъ тюрьмы.

Онъ рѣшается пробыть весь этотъ срокъ за границей, чтобы получить такимъ образомъ возможность потомъ свободно вернуться во Францію (согласно юридической давности за преступленія этого рода). И вотъ въ 1871 г. Гэдъ появляется въ Швейцаріи, поселяется въ Женевѣ и уходитъ съ головой въ политическую агитацію. Съ одной стороны, онъ печатаетъ искусно составленную „Кровавую книгу деревенщицкой юстиціи, или документы по исторіи республики безъ республиканцевъ" (*Le livre rouge de la justice rurale. Documents pour servir à l'histoire d'une République sans républicains*), сборникъ цитатъ, извлеченныхъ исключительно изъ реакціонныхъ французскихъ и иностранныхъ газетъ, и, однако, ярко рисующихъ жестокость подавленія, пущеннаго въ ходъ „деревенщицкимъ" національнымъ собраніемъ. Съ другой стороны, онъ вступаетъ членомъ въ интернаціоналъ и основываетъ одну секцію, примыкающую къ этому обществу. То была эпоха, когда доживавшій свой вѣкъ старый интернаціоналъ раздирался ожесточенной борьбой между бакунистами, стоявшими за автономію и федерацію секцій, и между марксистами, защищавшими начало дисциплины и централизаціи. Гэдъ не сталъ собственно ни на ту, ни на другую сторону, хотя его симпатіи шли въ это время, несомнѣнно, къ анархическому идеалу организаціи. Такъ, въ ноябрѣ 1871 г. онъ участвовалъ въ качествѣ делегата отъ своей секціи на конгрессѣ въ Сонвиллье (Sonvillier—небольшой центръ часового производства въ Бернскомъ кантонѣ), былъ однимъ изъ двухъ секретарей этого конгресса, на которомъ было рѣшено основать такъ называемую юрскую федерацію, и подписалъ, вмѣстѣ съ другими делегатами, „Циркуляръ ко всѣмъ федераціямъ Международнаго Общества рабочихъ", циркуляръ, заканчивавшійся слѣдующими словами:

„Интернаціоналъ, этотъ зародышъ будущаго человѣческаго общежитія, уже отнынѣ долженъ служить вѣрнымъ отраженіемъ нашихъ принциповъ свободы и федераціи и выбросить изъ своихъ нѣдръ всякій принципъ тяготѣнія къ авторитету и диктатурѣ" *).

Съ другой стороны, Гэдъ вмѣстѣ со своею секціей высказался

*) Цитировано въ полемической анархистской брошюрѣ: Emile Pouget, *Variations Guesdistes recueillies et annotées*; Парижъ (1897 г.), стр. 7.

за верховную власть интернаціонала, представляемаго общимъ конгрессомъ, т. е., значитъ, допустилъ начало управленія большинствомъ, и лишь упрекалъ генеральный совѣтъ интернаціонала въ томъ, что онъ мѣшаетъ рабочимъ

организоваться въ каждой странѣ свободно и по собственной инициативѣ (spontanément), согласно ихъ особенностямъ характера и свойственнымъ имъ привычкамъ *).

Нѣсколько лѣтъ спустя, по возвращеніи во Францію, Гэдъ останется по прежнему апостоломъ активнаго міровоззрѣнія труда. Но ироніи судьбы угодно будетъ, оставивъ ему эту революціонность взглядовъ, превратить его къ тому времени въ пламеннаго проповѣдника идей, значительно приближавшихся къ марксистскимъ, а вскорѣ заставить его сойтись съ самимъ Марксомъ, его зятемъ Лангаргомъ, — словомъ, его бывшими врагами и стать однимъ изъ самыхъ главныхъ, если не самымъ главнымъ проповѣдникомъ французскаго марксизма. Какъ совершился въ Гэдѣ этотъ переворотъ? На этотъ счетъ были высказаны два мнѣнія. Одно изъ нихъ утверждаетъ, что Гэдъ лишь по возвращеніи во Францію сталъ марксистомъ подъ вліяніемъ начавшихъ къ тому времени распространяться здѣсь идей автора „Капитала". Другое,—мнѣніе его ближайшихъ учениковъ и поклонниковъ,—это, что Гэдъ ко второй половинѣ 70-хъ годовъ уже самъ додумался до теоріи „историческаго матеріализма", и что изученіе Маркса было въ большинствѣ случаевъ для него лишь подсобнымъ орудіемъ выработки въ деталяхъ уже вполнѣ сложившагося въ общихъ чертахъ міросозерцанія. Насколько мнѣ приходилось слышать отъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ идейной эволюціей Гэда, истина лежитъ, какъ то часто бываетъ, посрединѣ между двумя только что упомянутыми мнѣніями, хотя ближе къ послѣднему, которое нуждается лишь въ извѣстной поправкѣ, чтобы совсѣмъ совпасть съ дѣйствительнымъ ходомъ умственнаго процесса, приведшаго Гэда къ марксизму.

Прежде всего придется сказать, что въ міровоззрѣніи не только Гэда, но и значительнаго числа федералистически настроенныхъ членовъ интернаціонала мысль о преобладающемъ значеніи экономическихъ отношеній въ общественной структурѣ пользовалась большой популярностью. Напомню лишь мотивировку тре-

---

*) См. письмо Гэда отъ 22-го сентября 1872 г. въ извѣстной брошюрѣ Генеральнаго совѣта: *L'alliance de la démocratie socialiste et l'Association internationale des Travailleurs*; Лондонъ—Габмургъ, 1873, стр. 50.—Брошюра эта, третирующая Гэда чуть не какъ шпіона Версальскаго правительства (стр. 51), инспирирована Марксомъ и написана Полемъ Лафаргомъ на основаніи документовъ, собранныхъ отчасти (для Россіи и Швейцаріи) Николаемъ Утинымъ.

бованій, служащую введеніемъ къ уставу самаго общества (основаннаго 28-го сентября 1864 г.).

Принимая во вниманіе:

Что освобожденіе рабочаго класса должно быть завоевано самимъ рабочимъ классомъ.

Что борьба за освобожденіе рабочаго класса не есть борьба за классовыя привелегіи и монополіи, но за равныя права и обязанности и за уничтоженіе всякаго классоваго господства.

Что экономическое порабощеніе рабочаго собственникомъ орудій труда, т. е. самыхъ источниковъ жизни, лежитъ въ основаніи всѣхъ формъ гнета,—общественной нищеты, умственнаго прозябанія и политической зависимости.

Что экономическое освобожденіе рабочаго класса является поэтому великой цѣлью, которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено, какъ средство, и т. д. *).

Съ этой мотивировкой, хотя и носившей сильный отпечатокъ взглядовъ Маркса,—который, какъ извѣстно, былъ самымъ главнымъ изъ основателей интернаціонала,—съ этой мотивировкой были согласны почти всѣ члены общества, не исключая и анархистовъ. У послѣднихъ формулировка экономическаго освобожденія, какъ цѣли, и политическаго движенія, какъ подчиненнаго средства, вела даже къ роковому недоразумѣнію: они совсѣмъ отрицали всякую собственно такъ называемую политическую дѣятельность, если только не разумѣть подъ нею фантастическаго требованія немедленно же разрушить государство. Но, повторяемъ, центральная роль отношеній производства въ человѣческомъ обществѣ признавалась въ это время значительнымъ большинствомъ соціалистовъ. Сами послѣдователи Прудона, слѣдуя своему учителю, считали необходимымъ условіемъ водворенія „анархіи“ „раствореніе правительства въ экономическомъ организмѣ“ **),—процессъ, который, несомнѣнно, предполагаетъ признаніе экономики основнымъ общественнымъ факторомъ.

Съ другой стороны, прудонизмъ не былъ такъ далекъ и отъ теоріи борьбы классовъ, составляющей суть ученія Маркса, какъ это, напр., зачастую приходится слышать отъ крайнихъ марксистовъ, не дающихъ себѣ порою даже труда освѣжить въ памяти сочиненія Прудона. Читайте хотя бы его посмертный трудъ о „политической правоспособности рабочихъ классовъ“, гдѣ авторъ, оцѣнивая знаменитый въ свое время „Манифестъ шестидесяти“ парижскихъ рабочихъ, вполнѣ одобряетъ ихъ тактику выступать на выборахъ отдѣльнымъ классомъ и, по обыкновенію

*) Цитирую по подробному нѣмецкому тексту, приводимому въ статьѣ „Internationale Arbeiter—Association“ словаря: Carl Stegmann und C. Hugo, *Handbuch des Socialismus*; Цюрихъ, 1897, стр. 341.

**) Весь седьмой этюдъ, напр., въ прудоновской „общей идеѣ о революціи въ XIX-мъ вѣкѣ“ занятъ доказательствомъ этой мысли. См. P. J. Proudhon, *Idée générale de la Révolution au XIX-e siècle*: Paris, 1851, стр. 277—333.

страстно и энергично, доказываетъ дѣленіе современнаго общества на два класса. Зло иронизируя надъ затасканной либеральными буржуа фразой „съ 1789 г. у насъ нѣтъ больше классовъ", Прудонъ бросаетъ имъ въ лицо рядъ негодующихъ вопросовъ:

Какъ! значитъ, неправда, что, не смотря на революцію 1789 г. или скорѣе благодаря самому факту этой революціи, французское общество, прежде состоявшее изъ трехъ кастъ, оказалось, послѣ ночи 4 августа, раздѣленнымъ на два класса, одинъ изъ которыхъ живетъ исключительно своимъ трудомъ... а другой живетъ иною вещью, чѣмъ трудъ, даже когда и работаетъ, живетъ доходомъ отъ своей собственности и капиталовъ, арендами, пенсіями, вспособленіями, акціями, окладами, почестями и прибылями? Неправда, что съ точки зрѣнія этого распредѣленія капиталовъ, работъ, привилегій и продуктовъ, среди насъ существуютъ, какъ и прежде, но уже совсѣмъ въ другомъ масштабѣ, двѣ категоріи гражданъ, называющіяся въ просторѣчіи *буржуазіей и чернью, капитализмомъ и наемнымъ трудомъ?* Неправда, что эти двѣ категоріи людей, нѣкогда соединенныя и почти слитыя феодальными узами патроната, въ настоящее время раздѣлены глубокою пропастью и не имѣютъ другихъ отношеній между собою, кромѣ тѣхъ, которыя опредѣляются... статьями гражданскаго кодекса, касающимися *договора о наймѣ труда?* Но, вѣдь вся наша политика, вся наша общественная экономія, наша промышленная организація, наша современная исторія, наконецъ, сама литература покоятся на этомъ неизбѣжномъ различіи, отрицать которое въ состояніи лишь недобросовѣстность и глупое лицемѣріе *).

Не забудемъ, что Прудонъ очень ясно говоритъ вмѣстѣ съ тѣмъ о „сознаніи", о „кооперативномъ сознаніи", которое долженъ выработать и уже вырабатываетъ рабочій классъ, отграничивая себя отъ буржуазіи и противополагаясь ей. Такимъ образомъ, и значеніе экономики, и значеніе классовой борьбы были далеко не чужды, вслѣдъ за Прудономъ, пониманію федералистически и даже прямо анархически настроенныхъ членовъ интернаціонала, въ рядахъ которыхъ Гэдъ игралъ, какъ мы видѣли, немаловажную роль. Для дальнѣйшей эволюціи его взглядовъ въ направленіи къ марксизму нужно было углубленіе и заостреніе двухъ упомянутыхъ элементовъ его міровоззрѣнія. Гэду надо было именно обнажить эти оба главные корня, которыми держалось оно, освободить ихъ отъ прикрывавшей ихъ у Прудона и учениковъ послѣдняго сильной идеалистической растительности, высоко поднимавшейся надъ „экономическимъ организмомъ" въ видѣ понятій о „правѣ", „справедливости" и т. п. нравственныхъ категорій, возбуждавшихъ по большой части желчный смѣхъ Маркса. Гэду приходилось придать классовой борьбѣ пролетаріата противъ буржуазіи (какъ и вообще классовой борьбѣ въ исторіи человѣчества) значеніе основной пружины общественной эволюціи, подчеркивая при томъ исключительную важность экономическаго содержанія этой борьбы. Гэду, наконецъ, надо было

*) P. J. Proudhon, *De la capacité politique des classes ouvrières:* Парижъ, 1865, 2-е изд., стр. 62—63.

порвать съ „мутуалистскими“ предразсудками Прудона, который думалъ рѣшить великій вопросъ современности частными экономическими „договорами“ (contrats) между производителями. Ему надо было, вмѣсто этого, выдвинуть въ видѣ рѣшенія широкую политическую борьбу угнетенныхъ классовъ противъ угнетающихъ, борьбу, ведущую, въ концѣ концовъ, къ захвату политической же власти пролетаріатомъ.

Здѣсь я оставляю въ сторонѣ вопросъ, насколько удачно міровоззрѣніе Маркса отвѣчаетъ на всѣ теоретическія и практическія задачи нашего времени. Объ этомъ я разсчитываю поговорить съ читателемъ въ спеціальныхъ статьяхъ *). На сей же разъ я стараюсь уяснить эволюцію Гэда. И съ этой частной точки зрѣнія мнѣ приходится констатировать, что процессъ упрощенія и обнаженія основныхъ факторовъ общества, въ духѣ теорій Маркса, былъ, повидимому, продѣланъ Гэдомъ до нѣкоторой степени самостоятельно. Ближайшіе ученики и послѣдователи Гэда не разъ говорили, что къ тому времени, когда появилось въ свѣтъ французское, просмотрѣнное и дополненное самимъ Марксомъ изданіе перваго тома „Капитала“ (оно выходило сначала выпусками и было пущено книгой въ концѣ апрѣля 1875 г.), Гэдъ настолько уже близко подошелъ самъ собою въ общихъ чертахъ къ теоріи „историческаго матеріализма“, что чуть не на каждой страницѣ изучаемаго имъ труда восклицалъ: „я думалъ почти такъ же!..“ Съ другой стороны, дальнѣйшее уясненіе новой доктрины и приложеніе ея къ деталямъ произошли, какъ кажется, для Гэда лишь нѣсколькими годами позже и подъ вліяніемъ личнаго знакомства съ Марксомъ и его зятемъ Полемъ Лафаргомъ. Лица, близко изучавшія идейную эволюцію Гэда, отмѣчали въ его статьяхъ и рѣчахъ еще довольно долго нѣкоторыя отступленія отъ взглядовъ Маркса. Такъ, Гэдъ сравнительно поздно сохранялъ еще вѣру въ „желѣзный законъ“ Лассаля. Такъ сравнительно поздно онъ относился еще крайне отрицательно къ кооперативному движенію рабочихъ, въ которомъ самъ Марксъ не видѣлъ, конечно, рѣшенія соціальнаго вопроса, но которое онъ считалъ тѣмъ не менѣе естественнымъ продуктомъ жизни пролетаріата на извѣстной ступени его развитія и подготовительной стадіей для вовлеченія рабочихъ въ сознательную классовую борьбу на политической почвѣ.

Можно было бы, пожалуй, указать еще на одну особенность марксизма Гэда: французскій агитаторъ любитъ давать такую заостренную формулировку взглядамъ своего учителя, что они принимаютъ у него порою видъ крикливаго парадокса. Не Гэдъ ли провозгласилъ, что французская рабочая партія есть исключи-

---

*) Я надѣюсь въ будущемъ году дать нѣсколько „Соціологическихъ очерковъ“, посвященныхъ отчасти этому вопросу.

тельно „партія брюха" (le parti du ventre) и что она даже именно и „гордится" этимъ? *) Не Гэдъ ли свелъ всю исторію человѣчества на question du ventre et du sous-ventre? Но для справедливой оцѣнки главы французскаго марксизма не надо забывать,—говорятъ намъ наиболѣе выдающіеся и самостоятельные ученики Гэда,—что парадоксальность этихъ формулъ есть въ значительной степени умышленная; что это—тотъ пистолетный выстрѣлъ, который вы дѣлаете на воздухъ, чтобы привлечь вниманіе черезчуръ равнодушныхъ прохожихъ. А въ такомъ положеніи именно я находилась въ началѣ своего существованія партія, вскорѣ получившая названіе „гэдистовъ". Другой вопросъ, не находились ли между послѣдователями Гэда люди, которые принимали въ серьезъ боевой кличъ за цѣлое міровоззрѣніе и, дѣйствительно, укладывали все разнообразіе человѣческой психологіи въ брюшную полость. Марксъ любилъ говорить: „ну, ужъ я-то не марксистъ". Прудонъ, когда ему разсказывали о нѣкоторыхъ подвигахъ его черезчуръ прямолинейныхъ учениковъ, восклицалъ: „прудонисты, это—дураки" (les proudhonistes, ce sont des imbéciles!). Позволительно думать, что такія же восклицанія долженъ порою подавлять Гэдъ, который, какъ увѣряютъ его близкіе друзья, умѣетъ различать между соціологическимъ міросозерцаніемъ и политическимъ, по необходимости краткимъ и рѣзкимъ лозунгомъ...

Во всякомъ случаѣ возвращеніе Гэда во Францію, въ августѣ 1876 г., дало выдающагося во всѣхъ отношеніяхъ главу небольшой пока группѣ лицъ, которыя въ то время работали надъ созданіемъ партіи, получившей скоро названіе „коллективистовъ", а затѣмъ, послѣ внутреннихъ распрей, расколовъ и выдѣленій, кличку „гэдистовъ". Какъ ни тѣсно, впрочемъ, связана политическая карьера Гэда съ исторіей этой партіи, въ настоящемъ этюдѣ намъ приходится касаться гораздо больше того, что относится къ самому Гэду, чѣмъ того, что входитъ въ эволюцію партіи, которая была уже, кромѣ того, изображена мною **). Въ то время, какъ французскіе рабочіе, послѣ страшнаго кровопусканія коммуны, становились на путь профессіональнаго и чисто мирнаго движенія (такъ называемаго „барберэттизма", по имени Барберэ, работавшаго надъ возсозданіемъ синдикатовъ), Гэдъ сейчасъ же по прибытіи во Францію обращается къ родственнымъ ему по революціонному духу студентамъ политическаго кружка, собиравшагося въ кафе Суффло на Сэнъ-Мишельскомъ бульварѣ и включавшаго въ себѣ лишь очень небольшое число сознательныхъ пролетаріевъ. Между этими членами кружка наиболѣе выдавался

*) *Le Citoyen de Paris* (газета); № отъ 22 іюля 1881 г.

**) См. мою книгу „Очерки современной Франціи"; С.-Петербургъ, 1904. 2-е изд., стр. 226 и слѣд. и стр. 575 и слѣд.

Габріэль Девилль (теперешній министерскій соціалистъ и другъ Жорэса). Съ нимъ и съ Полемъ Лафаргомъ, находившимся пока въ изгнаніи въ Лондонѣ, Гэдъ и долженъ былъ образовать вскорѣ „гэдистскую троицу“, какъ называли ихъ враги, или „трехъ мушкетеровъ коллективизма“, какъ любовно величали ихъ первые адепты партіи.

Капризу судьбы угодно было познакомить Гэда съ кружкомъ Суффло при посредствѣ уже знакомаго читателю Ива Гюйо, введшаго, кромѣ того, Гэда въ редакцію газеты „Les Droits de l'Homme“, которая напоминала своимъ названіемъ прежній органъ Гэда и издавалась на деньги знаменитаго шоколадчика, филантропа и радикала, Эмиля Менье. Статьи Гэда, выговорившаго себѣ „независимость“, носили рѣзко соціалистическій и революціонный характеръ и скоро создали ему извѣстность среди малочисленныхъ въ то время крайнихъ элементовъ, между которыми Гэдъ началъ энергичную устную пропаганду и которые онъ скоро преобразовалъ въ ядро будущей партіи. Въ этой пропагандѣ ему помогалъ иностранецъ, а именно одинъ нѣмецъ, который прекрасно зналъ сочиненія Маркса и Лассаля и имя котораго до сихъ поръ не принято разглашать въ революціонныхъ и соціалистическихъ кругахъ Франціи. По запрещеніи „Les Droits de l'Homme“, Гэдъ перешелъ вмѣстѣ съ секретаремъ редакціи, Сигизмундомъ Лакруа, въ вновь основанную газету „Le Radical“, которая была въ свою очередь закрыта реакціоннымъ министерствомъ Фурту, выросшимъ изъ макъ-магоновскаго coup d'Etat 16 мая 1877 г. и не стѣснявшимся законами о печати. Тогда Гэдъ, при сотрудничествѣ Девилля, Эмиля Массара (теперешняго націоналиста и редактора шовинистской „La Patrie“), Жербье (Жирара) и еще одного-двухъ лицъ, рѣшилъ издавать свою, чисто соціалистическую газету „L'Egalité“. Она ставила себѣ задачу быть теоретическимъ и практическимъ органомъ „коллективизма“. Такъ стали къ этому времени называть свое міровоззрѣніе ученики Маркса во Франціи, заимствуя этотъ терминъ у анархистовъ, чтобы замѣнить имъ прежнее названіе „коммунизма“. Тогда какъ анархисты стали предпочитать этотъ послѣдній терминъ для обозначенія своего ученія, оставляя имя „коллективистовъ“ авторитарнымъ коммунистамъ. Впрочемъ, въ это время анархистовъ-коммунистовъ и коллективистовъ сближало еще ихъ революціонное настроеніе; и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обѣ эти фракціи будутъ бороться вмѣстѣ противъ умѣренныхъ синдикалистовъ и защитниковъ частной собственности (мелкой), основанной на трудѣ *).

*) Вотъ что разсказываетъ, напр., объ этой эпохѣ одинъ изъ самыхъ видныхъ впослѣдствіи теоретиковъ анархизма: „Здѣсь (въ Парижѣ) начиналось возрожденіе рабочаго движенія, послѣ суроваго подавленія коммуны. Съ итальянцемъ Костой и немногими друзьями-анархистами, которые у

Какъ-бы то ни было, послѣ различныхъ препятствій, недостатка средствъ и т. п., — первый номеръ еженедѣльной газеты Гэда появился 18 ноября 1877 г. въ городѣ Мо (Meaux), въ 45 километрахъ отъ Парижа: печатать внѣ столицы приходилось потому, что, по тогдашнимъ законамъ, отъ издателей періодическихъ органовъ требовался залогъ, равнявшійся 12.000 фр. въ Парижѣ и 4.000 фр. въ провинціи. Въ этомъ первомъ номерѣ „L'Egalite" Гэдъ съ товарищами гордо развертывалъ знамя французскаго коллективизма, сближая его съ общимъ направленіемъ наиболѣе передовой соціалистической мысли.

Однако, первоначально идеи коллективизма или „научнаго соціализма", которыя носили слишкомъ абстрактный и математическій характеръ для французской публики, привыкшей къ своему идеалистическому соціализму, распространялись, да и то довольно туго, лишь среди интеллигенціи. Рабочіе по прежнему тянули къ профессіональной и мирной организаціи. И принципіальное отрицаніе частной собственности,—какъ-то еще было замѣтно во времена интернаціонала,—не находило пока значительнаго числа приверженцевъ среди французскаго пролетаріата. Къ половинѣ 1878 г. Гэду удалось, однако, привлечь на свою сторону шесть рабочихъ корпорацій Парижа: механиковъ, столяровъ, портныхъ, сыромятниковъ, слесарей и приказчиковъ (employés de commerce), равно какъ потребительное товарищество L'Egalitaire (корпораціи столяровъ, портныхъ и приказчиковъ были съ тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 10 лѣтъ, приблизительно до половины 80-хъ годовъ, наиболѣе передовыми элементами революціонно настроенныхъ массъ *).

Первый большой успѣхъ на долю Гэда выпалъ по поводу запрещенія рабочаго конгресса правительствомъ во время всемірной парижской выставки 1878 г. Дѣло было такъ. Два первые рабочіе конгресса Франціи, парижскій (1876 г.) и ліонскій (1878 г.), исходили отъ упомянутыхъ уже выше мирныхъ синдикалистовъ. Но второй изъ этихъ конгрессовъ, продолжавшійся отъ 28-го января по 8-е февраля 1878 г., поручилъ парижскимъ синдикальнымъ палатамъ устроить въ виду открывавшейся выставки интернаціональный рабочій конгрессъ. Этотъ конгрессъ былъ уже объявленъ въ газетахъ и назначенъ на начало сентября, какъ вдругъ коммиссія, которой было поручено организовать его, получила неожиданно (31-го іюля) отъ полицейской

насъ были между парижскими рабочими, а также съ Жюлемъ Гэдомъ и его коллегами, не представлявшими еще въ то время строгихъ соціалъ-демократовъ, мы основали (started) первыя соціалистическія группы" (P. Kropotkine *Memoirs of a Revolutionist*; Лондонъ, 1899, т. II, стр. 214).

*) Ср. Mermeix, *La France socialiste. Notes d'histoire contemporaine*; Парижъ, 1886, стр. 91 и прим. 1.

префектуры извѣщеніе, что конгрессъ запрещенъ: такъ „республика безъ республиканцевъ“ въ лицѣ кабинета Дюфора понимала свободу мирныхъ синдикалистовъ четвертаго сословія. Коммиссія покорно прекратила свою дѣятельность. Но тогда выступили на сцену пламенный Гэдъ и его товарищи. Они подняли брошенную правительствомъ перчатку и заявили, что теперь уже они, коллективисты, позаботятся объ устройствѣ конгресса, который они и назначили на 5-е сентября въ частномъ помѣщеніи маляра позитивиста, носившаго довольно курьезное имя Финанса. Конгрессисты нашли двери помѣщенія охраняемыми полиціей, вступили въ столкновеніе съ ней, были арестованы и преданы суду.

Этого только и надо было Гэду. Передъ трибуналомъ 10-ой палаты онъ произнесъ защитительную рѣчь отъ всѣхъ обвиняемыхъ. И эта рѣчь, „представлявшая собою чудо искусства и сверкавшая ослѣпительной ироніей“, — по выраженію одного крайне не любящаго Гэда буржуазнаго автора,—„нашла такой гигантскій откликъ, какого, конечно, не имѣлъ бы самый блестящій конгрессъ“ *). Вотъ какъ резюмируетъ эту рѣчь на основаніи брошюры партіи добросовѣстный историкъ соціальнаго движенія во Франціи, уже цитированный выше Жоржъ Вейль:

Правительство ясно показало, что между буржуа и пролетаріями нѣтъ равенства; запретили единственно лишь рабочій конгрессъ, тогда какъ „всѣ разновидности капиталистической Франціи“ могли свободно собираться на своихъ международныхъ конгрессахъ. Итакъ, мы установили уже одинъ безспорный пунктъ: „мы знаемъ теперь, что равенство, не говорю уже экономическое, не говорю уже политическое, но просто таки гражданское, которое буржуазія не переставала выдавать намъ за самое драгоцѣнное завоеваніе своего 89-года, не переступаетъ границъ имущаго и правящаго класса“. Очевидно, правительству хотѣлось нанести ударъ революціонному соціализму: посмотримъ же, чего онъ требуетъ. Онъ хочетъ рабочаго 89-го года: все, что третье сословіе говорило въ XVIII-мъ столѣтіи, то четвертое сословіе можетъ сказать теперь; нынѣ, какъ и тогда, существуютъ привилегіи между личностями, классами, профессіями. Соціалистовъ обвиняютъ въ томъ, что они подрываютъ семью, собственность, религію. Наоборотъ, они хотятъ освободить семью отъ гнета: не они запираютъ женщину и ребенка на фабрикахъ, не противъ нихъ пришлось издать законъ 1874-го года (ораторъ имѣетъ въ виду „законъ о работахъ на фабрикахъ дѣтей и несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ“ отъ 19-го мая 1874 г. Н. К.). Они хотятъ уничтожить собственность, распространяя ее на всѣхъ, какъ въ 1848 г. была уничтожена привилегированная подача голосовъ, какъ въ 1872 г. на всѣхъ была распространена воинская повинность. Что касается до религіи, то соціалисты, дѣйствительно, отбрасываютъ ее и провозглашаютъ атеизмъ **).

Организаторы конгресса были присуждены къ тюремному заключенію. Но защитительная рѣчь Гэда, превратившаяся въ обви-

*) Léon de Seilhac, *L'évolution du parti syndical en France*; Парижъ, 1899, стр. 11.

**) Georges Weill, l. c., стр. 216—217.

нительный актъ противъ „современнаго феодальнаго общества“, читалась въ парижскихъ мастерскихъ. Имя и программа коллективизма впервые становились теперь извѣстными широкимъ кругамъ рабочихъ. Активное соціалистическое міровоззрѣніе изъ чисто интеллигентныхъ сферъ проникало въ пролетаріатъ и здѣсь мало по малу побѣждало мутуалистскіе и кооперативные предразсудки, внушавшіе рабочимъ мысль о возможности рѣшить соціальный вопросъ чисто профессіональнымъ путемъ, помимо политической борьбы. Отнынѣ Гэдъ, воздерживавшійся до сихъ поръ отъ широкой агитаціи въ рабочихъ массахъ, считаетъ пролетаріатъ достаточно заинтересованнымъ въ новой доктринѣ, чтобы вплотную приняться за распространеніе въ немъ своихъ взглядовъ. Собранія, публичныя лекціи, брошюры слѣдуютъ одна за другой. Гэдъ берется за всевозможныя орудія агитаціи и не пренебрегаетъ никакимъ. Къ этому времени относится характерный эпитетъ, „Deus ex machina рабочаго движенія“, который счелъ нужнымъ приставить къ имени Гэда одинъ католическій сборникъ.

Уже въ это время Гэдъ высказываетъ тотъ взглядъ на отношеніе рабочаго класса къ республиканской формѣ правленія, который будетъ руководить имъ въ теченіе всей его послѣдующей дѣятельности,—если исключить, конечно, черезчуръ далеко идущее заостреніе его въ моменты борьбы Гэда противъ жорэсистовъ. А именно въ брошюрѣ „Республика и стачки“ онъ показываетъ, что республиканскій строй является необходимымъ введеніемъ къ соціальной революціи; но что онъ еще вовсе не влечетъ за собою экономическаго улучшенія массъ. И въ доказательство Гэдъ приводитъ посылку войскъ противъ стачечниковъ:

Откроетъ ли, наконецъ, глаза французскій пролетаріатъ, — патетически спрашиваетъ Гэдъ,—и пойметъ ли онъ, что долженъ разсчитывать только на себя? Начнетъ ли онъ, въ концѣ концовъ, организоваться соотвѣтственно этому въ особую партію (en parti distinct) на почвѣ республики,—это само собою понятно,—но вдали отъ республиканцевъ правящаго класса и противъ нихъ?“ *).

Въ той же брошюрѣ Гэдъ дѣлаетъ крайне рѣзкую критику всеобщей подачи голосовъ, по крайней мѣрѣ, какъ она практиковалась рабочимъ классомъ въ то время:

Какими бы выборными властелинами ни являлись рабочіе, они могли путемъ всеобщей подачи голосовъ освободить страну отъ врага, возстановить финансы, кредитъ, границы и т. д. Но они же были безсильны не только укоротить хотя бы на одинъ часъ ту каторжную работу, на которую ихъ осуждаетъ наслѣдственная экспропріація, лишившая ихъ всякаго капитала; безсильны не только увеличить на самую малость отмѣренную имъ въ формѣ заработной платы часть въ общемъ богатствѣ страны, котораго они и лишь они одни являются ежегодными производителями или воспроизводителями; но безсильны удержать, сохранить скудныя средства съ существованію, прі-

---

*) Jules Guesde, *La République et les grèves*; 1878 (цитировано у Вейля, стр. 221—222).

обрѣтенныя раньше. Какое надо другое болѣе разительное доказательство безплодности, съ рабочей точки зрѣнія, той всеобщей подачи голосовъ, отъ которой большинство пролетаріевъ, еще одураченныхъ—увы!—радикальными софизмами, продолжаетъ упорно ждать своего постепеннаго и мирнаго освобожденія *).

Это какъ бы принципіальное отрицаніе всеобщей подачи голосовъ смягчается, впрочемъ, въ другой брошюрѣ Гэда изъ той же эпохи „Коллективизмъ и революція". Ибо, провозгласивъ въ ней необходимость отдать силу на служеніе праву, Гэдъ продолжаетъ: „что касается до этой силы, то возможно,—хотя ничто не позволяетъ на это надѣяться,—что то будетъ избирательный бюллетень, какъ возможно, что то будетъ ружье" **).

Отношеніе къ всеобщей подачѣ голосовъ и вообще „легальности" будетъ, впрочемъ, тѣмъ пунктомъ практическихъ взглядовъ Гэда, въ которомъ его враги и критики найдутъ наибольшее число „варіацій"; и ниже мы коснемся этихъ колебаній у человѣка, поражающаго въ общемъ своею послѣдовательностью и прямолинейностью. Во всякомъ случаѣ на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ у Гэда преобладало рѣзко отрицательное отношеніе къ всеобщему вотуму. И его прежніе союзники-анархисты, ставшіе впослѣдствіи его неумолимыми врагами, злорадно цитируютъ его статьи, относящіяся къ тому времени и отмѣченныя почти анархическимъ пренебреженіемъ къ всеобщей подачѣ голосовъ. Вотъ, напр., что писалъ пламенный проповѣдникъ коллективизма въ своей газетѣ „L'Egalité" по поводу открытія на Пэръ-Лашезскомъ кладбищѣ памятника Ледрю-Роллэну, главному „организатору" всеобщей подачи голосовъ во Франціи:

... Результатъ этого распространенія вотума на всѣхъ, не сопровождавшагося распространеніемъ на всѣхъ собственности, равнялся нулю,—да иначе и быть не могло.

Подъ предлогомъ, что избирательный бюллетень удовлетворялъ и долженъ былъ удовлетворять всему, ружье, право на ружье, было вычеркнуто изъ народнаго арсенала орудій; но какое же улучшеніе извлекла изъ этого бюллетеня трудящаяся масса за тридцать лѣтъ пользованія имъ?

Никакого!..

... Всеобщая подача голосовъ, которая имѣетъ свое законное мѣсто въ обществѣ, основанномъ на строгомъ равенствѣ,— хотя тамъ, гдѣ наука станетъ достояніемъ всѣхъ, скорѣе сама эта наука, чѣмъ простое число голосовъ, будетъ предписывать законы ***), всеобщая подача голосовъ отнюдь не является средствомъ осуществить это общество, которое возникнетъ лишь изъ борьбы.

---

*) Цитировано Пуже (*Variations guesdistes*, стр. 17).

**) *Collectivisme et revolition*; 1897 (цитировано у Вейля, стр. 222).

***) Кстати, какъ близко эта мысль Гэда подходитъ къ взгляду столь нелюбимаго марксистами Огюста Конта, въ 1822 г. писавшаго въ своей „Системѣ положительной политики": „Въ астрономіи, въ физикѣ, въ химіи, даже въ физіологіи нѣтъ свободы мнѣнія, такъ какъ всякій счелъ бы нелѣпымъ не довѣрять принципамъ, установленнымъ въ этихъ наукахъ компетентными людьми. Если дѣло иначе обстоитъ въ политикѣ, то лишь потому, что старые

И представляя всеобщую подачу голосовъ именно такимъ средствомъ для обездоленныхъ въ современномъ строѣ, заставляя ихъ принимать ее за якорь спасенія, Ледрю-Роллэнъ причинилъ, можетъ быть, этимъ больше зла рабочему классу, чѣмъ даже тѣмъ кровопусканіемъ, которое онъ продѣлывалъ въ іюньскіе дни при помощи пушекъ надъ самыми доблестными членами класса *).

За то мысль Гэда уже съ этихъ поръ сохраняла основныя черты того міровоззрѣнія, которое связано съ именемъ „коллективизма" и суть котораго заключается въ указаніи на невозможность существенно улучшить современный строй отдѣльными мѣрами, не касаясь самыхъ основъ его. Такъ, въ своей брошюрѣ о „Законѣ заработной платы и его послѣдствіяхъ" Гэдъ (правда, очень преувеличивая абсолютное значеніе „желѣзнаго закона") доказываетъ, что такъ какъ при настоящемъ режимѣ всякое повышеніе заработной платы влечетъ за собою, въ концѣ концовъ, повышеніе цѣны продуктовъ, а чисто бюджетныя реформы вызываютъ ростъ налоговъ, то никакое частное улучшеніе строя, основаннаго на наемномъ трудѣ, не можетъ имѣть серьезнаго значенія **). А въ своемъ „Опытѣ соціалистическаго катехизиса" Гэдъ пытается обосновать ученіе коллективизма на психологическомъ анализѣ потребностей и способностей человѣка ***).

Окончательную формулировку взглядовъ Гэда надо, впрочемъ, искать не въ этихъ первыхъ его коллективистическихъ брошюрахъ, которыя составляютъ библіографическую рѣдкость и не были переизданы,—фактъ, показывающій, что самъ авторъ не придавалъ имъ впослѣдствіи особой важности. Гэдъ становится вполнѣ на почву марксизма лишь съ того момента, когда въ промежуткѣ между марсельскимъ (20 — 31-го октября 1879 г.) и гаврскимъ (16—22-го ноября 1880 г.) рабочими конгрессами, знаменующими побѣду активнаго политическаго соціализма надъ кооперативнымъ и синдикальнымъ реформизмомъ, онъ вырабатываетъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми близкими товарищами, „программу рабочей партіи". Планъ этой программы служилъ раньше предметомъ оживленной переписки между Гэдомъ и Полемъ Лафаргомъ, тогда жившимъ еще въ Лондонѣ, Полемъ Бруссомъ (прежнимъ товарищемъ Гэда по анархизму), къ тому времени переселившимся изъ Швейцаріи также въ Лондонъ, Бенуа Малономъ, остававшимся въ Швейцаріи и т. д. Для окончательной редакціи программы

принципы рухнули, новые еще не создались, и въ этотъ промежутокъ нѣтъ, собственно говоря, установившихся принциповъ". Цитировано самимъ Контомъ въ его „Курсѣ положительной философіи" (Auguste Comte, *Cours de philosophie positive*; Парижъ, 1869, 3-е изд., т. IV, прим. къ стр. 44—45.

*) *L'Egalité*, № 14 (отъ 2-го марта 1878).— Цитировано у Пуже, l. c., стр. 9—13, passim.

**) *La loi des salaires et ses conséquences*; написано въ 1878 г. и вышло въ свѣтъ въ 1881 г. (см. Вейль, стр. 222).

***) *Essai de catéchisme socialiste*, 1878 (Ibid.).

Гэдъ пріѣхалъ въ маѣ мѣсяцѣ 1880 г. въ Лондонъ; и здѣсь этотъ историческій документъ былъ составленъ коллективнымъ трудомъ пяти человѣкъ: Маркса, Энгельса, Лафарга, Ломбара и Гэда.

Отнынѣ, на почвѣ этой программы, Гэдъ ведетъ еще болѣе энергичную и поистинѣ неустанную пропаганду, въ которой ему особенно помогаютъ Габріэль Девилль и возвратившійся во Францію по амнистіи 10-го іюля 1880 г. Поль Лафаргъ, ставшій главнымъ теоретикомъ французскаго марксизма въ то время, какъ Гэдъ является практическимъ вождемъ и душою партіи. Гэдъ далъ обѣщаніе „заставить французскихъ соціалистовъ проглотить ученіе Маркса по рукоятку“ и ревностно старался исполнить это обѣщаніе. Успѣхъ и неудачи агитаціи, равнодушіе и энтузіазмъ пропагандируемыхъ массъ, поддержка друзей и жестокія нападенія враговъ,—словомъ, ни Канны, ни Капуя не въ состояніи побѣдить упругость этого стального темперамента борца. За гаврскимъ конгрессомъ, гдѣ программа „рабочей партіи“ одержала побѣду надъ профессіональными требованіями синдикалистовъ, слѣдуетъ реймскій конгрессъ (30-го октября — 6-го ноября 1881 г.), на которомъ, наоборотъ, берутъ верхъ недавно примкнувшіе къ Гэду, но теперь ведущіе ожесточенную борьбу противъ его „диктатуры“ умѣренные элементы партіи подъ предводительствомъ Брусса и Молона. И Гэдъ оказывается въ незначительномъ меньшинствѣ, пока на слѣдующемъ, сэнтъ-этьеннскомъ, конгрессѣ (25 — 30-го сентября 1882 г.) не происходитъ, наконецъ, формальнаго раскола партій на „бруссистовъ“ и „гэдистовъ“, при чемъ цѣлыхъ 82 делегата, принадлежащихъ къ первой фракціи, остаются продолжать засѣданія, тогда какъ Гэдъ съ 23 вѣрными товарищами уходитъ и организуетъ сейчасъ же свой конгрессъ, засѣдавшій въ сосѣднемъ Роаннѣ съ 26-го сентября по 1-е октября. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гэдъ ведетъ все болѣе и болѣе ожесточенную войну съ анархистами, которые шли еще вмѣстѣ съ коллективистами противъ сторонниковъ мирнаго синдикальнаго движенія на гаврскомъ конгрессѣ, а теперь разорвали съ своими прежними союзниками, упрекая ихъ въ измѣнѣ и переходѣ въ лагерь „государственниковъ“. Наконецъ, Гэдъ открылъ настоящую кампанію противъ радикаловъ и энергично совѣтовалъ пролетаріямъ отмежевать себя на политической почвѣ отъ буржуазной демократіи. Полемизируя съ радикальной партіей то въ снова появляющейся послѣ двукратнаго исчезновенія газетѣ „L'Egalité“, то въ газетѣ „Le Citoyen“, то на публичныхъ собраніяхъ, Гэдъ неумолимо изобличаетъ пустоту и внутреннія противорѣчія соціальной части программы радикаловъ. Онъ заявляетъ, что даже „оппортунистскій гамбеттизмъ“, въ лицѣ депутата Мартэна Надо, съ его проектами рабочаго законодательства, идетъ дальше навстрѣчу пролетаріату, чѣмъ радикальная крайняя лѣвая. И противъ тогдашняго вожака последней, Клемансо, Гэдъ ведетъ особенно энергичную кампанію,

вызывая его на публичное состязаніе по вопросу о соціализмѣ, на что вождь радикаловъ, находившійся тогда въ апогеѣ своей популярности и крайне любимый своими избирателями, — лавочниками, ремесленниками и полусознательными рабочими, —счелъ нужнымъ отвѣтить высокомѣрнымъ молчаніемъ. Политическіе дѣятели тогдашней Франціи, вплоть до самыхъ крупныхъ и проницательныхъ, и не подозрѣвали, какъ видите, какую роль въ борьбѣ партій будетъ скоро играть соціализмъ.

Приблизительно въ эту пору, а именно позднею осенью 1882 г., я впервые услышалъ Гэда на публичномъ собраніи, гдѣ онъ какъ разъ полемизировалъ съ радикальными ораторами второстепенной, впрочемъ, величины, и полемизировалъ крайне удачно. А вскорѣ, слѣдующею весною, я встрѣтился съ нимъ уже какъ съ частнымъ лицомъ у Поля Лафарга, куда я пришелъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ П. Л. Лаврова, чтобы получить нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о только что умершемъ (14-го марта 1883) Марксѣ, о которомъ я написалъ для „Дѣла“ статью, погибшую, подобно нѣсколькимъ другимъ, подъ ударами бдительной цензуры. Два мѣсяца спустя, мнѣ опять пришлось видѣть Гэда, и опять вмѣстѣ съ Лафаргомъ, но на сей разъ уже на казенной квартирѣ, въ нынѣ исчезнувшей „Святой Пелагеѣ“ (Sainte Pelagie), — тюрьмѣ, гдѣ „Восточный павильонъ“, получившій съ давнихъ поръ громкое названіе „Павильона Принцевъ“, служилъ мѣстомъ заключенія для лицъ, осужденныхъ за проступки „политическаго“ характера на срокъ не больше одного года. Дѣйствительно, незадолго передъ этимъ (25-го апрѣля 1883 г.) присяжные засѣдатели департамента Аллье признали Гэда и Лафарга виновными въ „непосредственномъ подстрекательствѣ рабочихъ къ совершенію революціи“, и окружный судъ приговорилъ ихъ къ шестимѣсячному заключенію. То былъ чисто тенденціозный процессъ, на которомъ жюри, состоявшее изъ запуганныхъ и заговоренныхъ прокуроромъ мирныхъ буржуа, сочло нужнымъ проявить строгость какъ разъ по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которыя говорили, что ихъ такъ же мало можно считать за подстрекателей къ „совершенію революціи“,—вытекавшей, молъ, изъ самаго развитія капиталистическаго общества,—какъ буревѣстниковъ, предвѣщающихъ грозу, за „подстрекателей природы къ совершенію бури“.

Осужденные за такія „преступленія“ пользуются, однако, во Франціи привилегированнымъ тюремнымъ режимомъ; и съ утра до вечера посѣтители толпились въ довольно большихъ комнатахъ, которыя гостепріимная администрація предоставила въ „Павильонѣ Принцевъ“ Гэду и Лафаргу. Здѣсь опять я видѣлъ Гэда не на трибунѣ, а въ частномъ разговорѣ, который главнымъ образомъ касался тогдашняго экономическаго и политическаго положенія

Россіи. Я сопровождалъ при этомъ посѣщеніи узниковъ уже упомянутаго мною П. Л. Лаврова, бывшаго хорошимъ знакомымъ Гэда, а особенно Лафарга. И намъ съ авторомъ „Исторіи мысли" пришлось перевести вслухъ двумъ заключеннымъ довольно большіе куски изъ только что появившейся тогда, кажется, въ „Дѣлѣ" рецензіи на помѣщенную передъ тѣмъ въ „Отечественныхъ запискахъ" статью Лафарга о хлѣбной торговлѣ въ Соединенныхъ Штатахъ (я забылъ точное заглавіе этого этюда). Отсюда собесѣдникамъ было вполнѣ естественно перейти на сравненіе между русскими и американскими условіями. Меня поразило въ Гэдѣ умѣнье необыкновенно ясно, хотя и черезчуръ однобоко, ставить вопросы и блестяще развивать свою точку зрѣнія, не забывая въ то же время нападать на оппонента. Знаніями, особенно по вопросу, выходившему изъ обычнаго круга его идей, онъ, видимо, очень уступалъ Лафаргу. Но было крайне интересно наблюдать со стороны, съ какимъ мастерствомъ онъ пользовался тѣми ограниченными свѣдѣніями, которыми онъ располагалъ въ данномъ случаѣ. А ловкость, съ какой онъ билъ противнику челомъ да его же добромъ,—добромъ, пріобрѣтеннымъ, можетъ быть, всего за секунду при самомъ спорѣ,—вызывала у самихъ оппонентовъ невольную улыбку, порою же искренній смѣхъ...

Но я предпочитаю дать прежде всего двѣ-три характеристики Гэда, принадлежащія различнымъ и разносмотрящимъ на вещи людямъ; и уже потомъ нарисовать самому физіономію этого выдающагося вожака партіи, который окончательно установилъ свое міровоззрѣніе въ первой половинѣ 80-хъ годовъ и впослѣдствіи врядъ ли измѣнялъ его даже въ деталяхъ,—за исключеніемъ столь обычнаго всѣмъ людямъ перегибанія палки въ другую сторону подъ вліяніемъ борьбы съ противниками. Портреты Гэда, съ которыми сейчасъ познакомится читатель, относятся именно къ этой первой половинѣ 80-хъ годовъ, когда Гэдъ, можетъ быть, всего рельефнѣе развивалъ и безъ того яркія особенности своего темперамента. Глава рабочей партіи поражаетъ до сихъ поръ своею жизненностью. Но наиболѣе полный расцвѣтъ его индивидуальности, какъ мнѣ кажется, падаетъ именно на 80-ые годы, когда Гэдъ, въ возрастѣ 35 — 45 лѣтъ, извлекалъ поразительное количество „полезной работы", какъ говорится въ механикѣ, изъ своей замѣчательно упругой физіологической машины.

Вотъ, прежде всего, въ общемъ очень симпатично нарисованный портретъ Гэда, принадлежащій перу одного изъ посѣтителей его агитаціонныхъ публичныхъ лекцій и относящійся 1880 г.:

Гэдъ носитъ длинные темнорусые волосы, длинную бороду того же цвѣта, что придаетъ ему видъ нѣмецкаго студента (я бы поставилъ скорѣе: русскаго. Н. К.); эта физіономія дополняется пэнснэ, которое Гэдъ надѣваетъ на носъ, когда говоритъ... Его ясный и металлическій голосъ звучитъ какъ боевая труба, его краснорѣчіе увлекаетъ васъ; говоря, онъ жестикулируетъ и

наклоняется надъ трибуной, словно желая замагнитизировать свою аудиторію; его рѣчь отличается ясностью, научнымъ складомъ, поэтическимъ и образнымъ языкомъ *).

Вотъ, съ другой стороны, короткая, но восторженная характеристика Гэда, сдѣланная въ одномъ изъ писемъ (отъ 18-го апрѣля 1881 г.) Лафарга, бывшаго тогда особенно близкимъ къ неутомимому политическому борцу:

Вы думали, что наша партія есть уже реальность и обладаетъ сполна всѣми органами, руками и ногами, брюхомъ и головой: на самомъ дѣлѣ у нея есть лишь одна глотка, но за то такая, что стоитъ четырехъ... Я не знаю никого во Франціи, кто равнялся бы Гэду. Больше, чѣмъ Лассаль, онъ—человѣкъ, способный *создать* партію. По уму онъ выше его; и если онъ ниже его по эрудиціи, то, какъ агитаторъ, онъ равенъ ему, а съ точки зрѣнія характера, между ними не можетъ быть и сравненія ни въ личномъ, ни въ общественномъ смыслѣ. Лассаль былъ глубоко испорченный человѣкъ (pourri) **).

Вотъ еще подробный портретъ Гэда въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ, портретъ, не безъ таланта, но и не безъ злости къ оригиналу, набросанный буржуазнымъ репортеромъ, кувыркавшимся изъ стороны въ сторону среди различныхъ партій Франціи:

Это человѣкъ, производящій впечатлѣніе. Его личность не грѣшитъ банальностью. Онъ не внушаетъ симпатіи. На него смотришь съ любопытствомъ, почти съ изумленіемъ. Онъ высокаго роста и чудовищно худъ. Его лицо отличается болѣзненною бѣлизною, которая выдѣляется еще больше, благодаря обрамляющимъ его очень чернымъ волосамъ и бородѣ. Жюль Гэдъ носитъ длинные волосы, это — мода въ его партіи: такая прическа еще увеличиваетъ странный характеръ его физіономіи.

Его глаза живо блестятъ за стеклами пэнснэ, въ глубинѣ рѣзко очерченныхъ надбровныхъ дугъ. Когда Гэдъ говоритъ, и говоритъ даже о безразличныхъ вещахъ, въ движеніяхъ его губъ сквозитъ бѣшенство. Его ротъ исполненъ ярости. И ходитъ-то онъ прямо, какъ палка, порывисто двигая руками и ногами.

Надо видѣть Гэда на трибунѣ. Порою его рѣчь черезчуръ быстра, но сколько страсти онъ влагаетъ въ нее! Очень ясный и издалека слышный голосъ странно скрипитъ. Звукъ его не выходитъ изъ глубины груди и лишенъ низкихъ нотъ; онъ идетъ изъ головы, онъ высокъ и пронзителенъ. И вотъ этотъ-то ораторъ, несмотря на такіе физическіе недостатки, внушаетъ почтеніе своей аудиторіи, онъ цѣликомъ овладѣваетъ ею. Онъ никогда не обращается къ добрымъ чувствамъ собранія. Онъ не трогаетъ. Онъ—строгій діалектикъ, свирѣпый оскорбитель, язвительный человѣкъ, обладающій горькой ироніей. Въ рѣчи Гэда встрѣчаешь поразительные образы, слышишь крики настоящаго пароксизма страсти. Когда послушаешь, какъ Гэдъ обвиняетъ современное общество, то можно прямо подумать, что онъ защищаетъ свое личное дѣло, что, можетъ быть, сегодня же утромъ общество совершило по отношенію къ нему какое-то ужасное преступленіе. Это—человѣкъ ненависти; онъ является какъ бы воплощеніемъ всѣхъ фурій соціальнаго памятозлобія

*) Limusin, въ іюльской книжкѣ журнала „La Revue du mouvement social" за 1880 г. (цитировано у Вейля, стр. 212).

**) Цитировано у Сейльяка, *Les Congrès* etc, стр. 103.

и соціальной зависти. И всѣ онѣ сразу ревутъ въ немъ. Трудно было бы найти актера, который больше Гэда вошелъ бы въ шкуру представляемаго имъ персонажа.

Мы не хотимъ сказать этимъ сравненіемъ, что Жюль Гэдъ играетъ комедію, что онъ самъ не убѣжденъ. Нѣтъ, припадки его гнѣва ничуть не фальшивы. Онъ ненавидитъ искренно и „отъ всего сердца". Его натура—натура апостола. Онъ проповѣдуетъ вполнѣ искренно. Онъ вѣритъ. Его гордость не позволяетъ ему сомнѣваться въ себѣ.

Доктрину, которой онъ поучаетъ, онъ считаетъ своей собственной. Марксъ формулировалъ ее до него. Но онъ не зналъ еще трудовъ Маркса... а большинство идей, изложенныхъ тамъ, уже было выработано имъ самимъ. Онѣ возникли въ его умѣ „путемъ историческаго изученія трансформаціи обществъ и путемъ наблюденія фактовъ современнаго общества". Жюль Гэдъ долженъ, въ своемъ горделивомъ сознаніи, считать научный соціализмъ своимъ дѣтищемъ. Пусть другіе формулировали это ученіе до него: онъ не зналъ ихъ опредѣленій. Этотъ соціализмъ былъ порожденъ ими; но онъ былъ порожденъ и имъ. И вотъ эту-то свою собственную теорію, эту дочь своего мозга, которую онъ знаетъ лучше, чѣмъ кто бы то ни было во Франціи, по отношенію къ которой онъ является самымъ извѣстнымъ, самымъ авторитетнымъ популяризаторомъ въ нашей странѣ,—эту теорію онъ защищаетъ, этой теоріи онъ поучаетъ со страстностью, не заключающей въ себѣ ничего дѣланнаго. Онъ защищаетъ ее перомъ, какъ и словомъ.

Жюль Гэдъ писатель походитъ на Жюля Гэда оратора. Онъ старается быть очень яснымъ; онъ часто этого и достигаетъ, хотя порою его стиль загроможденъ схоластическими терминами. Но онъ дышетъ могучей рѣзкостью; но онъ часто выковываетъ новыя выраженія, которыя полны энергіи; но онъ владѣетъ ироніею, которая поистинѣ жжетъ. Въ спорѣ онъ обнаруживаетъ великолѣпную философскую недобросовѣстность. Онъ не отвѣчаетъ на возраженія. Онъ идетъ цѣликомъ впередъ, по прямой линіи дедукцій, выводимыхъ имъ изъ основного принципа. Онъ и не долженъ искать того, чтобы убѣдить спорящаго съ нимъ, ибо, внѣ всякаго сомнѣнія, онъ думаетъ, что, подобно ему, всякій непоколебимо останется при своемъ мнѣніи (chacun a son siège fait). Онъ волнуется, дѣйствуетъ, говоритъ, пишетъ для индифферентныхъ пока людей, для публики, „для галлереи". Онъ твердо знаетъ, что прозелиты вербуются лишь между профанами, что сторонниковъ пріобрѣтаешь себѣ только среди индифферентныхъ пока людей, и что настоящихъ противниковъ не обратишь въ свою вѣру.

Всѣ эти качества и недостатки образуютъ, вмѣстѣ взятые, человѣка, отличающагося странной оригинальностью. Подобно всѣмъ тѣмъ, кто обнаруживаетъ оригинальныя особенности, Гэдъ обладаетъ способностью привлекать людей *).

Наконецъ, вотъ въ заключеніе „моментальная фотографія", снятая извѣстнымъ репортеромъ Гюрэ съ Гэда 90-хъ годовъ, когда глава рабочей партіи вошелъ въ палату депутатовъ и насчитывалъ уже 50 лѣтъ отъ роду и четверть вѣка политической борьбы:

...На Орлеанской улицѣ (avenue d'Orléans), въ верхней части монружскаго квартала, маленькая квартира на четвертомъ этажѣ; въ комнаткѣ, служащей вмѣстѣ и спальней, и рабочимъ кабинетомъ, желѣзная кровать, покрытая газетами, брошюрами, документами, умывальный тазъ, величиной съ

*) Menneix, *La France socialiste* etc., стр. 60—64.

большую чашку, полки съ нагроможденными какъ попало книгами, узкая конторка, заваленная бумагами, кресло и два стула.

Глава марксистской партіи наружностью напоминаетъ Додэ, но Додэ, сбросившаго съ себя обычное обаяніе; голова учителя музыки, бѣгающаго по урокамъ фортепьянной игры; черные, очень длинные волосы; борода библейскаго пророка, которую хотѣлось бы видѣть совершенно бѣлой. Пэнснэ на длинномъ носу, со шнуркомъ, который все цѣпляется за бороду.

Онъ самъ открылъ мнѣ дверь. Какъ только я назвалъ себя, онъ сейчасъ же вскричалъ, пропуская меня въ комнату:

— А, а! такъ это вы, м. г., вы открыли всемірную выставку буржуазной глупости (Гюрэ „интервьюровалъ" предъ тѣмъ много выдающихся лицъ изъ буржуазнаго лагеря по „соціальному вопросу" и печаталъ ихъ отвѣты,— порою не безъ протеста съ ихъ стороны,—въ „Фигаро". Н. К.).

Я защищаюсь, какъ могу, находя, можетъ быть, лишнимъ спорить о другой формулировкѣ, резюмирующей смыслъ первой части моей работы.

Мы сѣли....

Гэдъ во время разговора нѣсколько разъ поднимался съ своего кресла и дѣлалъ два шага, которые ему только и позволяла сдѣлать его крошечная комната. Онъ улыбался на мои возраженія и отвѣчалъ съ тою удивительною легкостью слова, съ тою ясностью, съ тою математическою точностью, которыя составляютъ все его краснорѣчіе...

...Гэдъ вскочилъ однимъ прыжкомъ съ кресла, пружины котораго затрещали, и, поправляя сбившееся пенснэ, воскликнулъ и т. д. *).

Я позволю теперь собрать въ одно, пересмотрѣть, взаимно провѣрить, ретушировать эти различные портреты Гэда, дополняя ихъ собственными наблюденіями и соображеніями, которыя касаются этого очень выдающагося человѣка и какъ общественнаго дѣятеля, и какъ частное лицо, оставляя, разумѣется, въ сторонѣ все то, что могло бы носить характеръ вторженія въ интимную жизнь.

Что поражаетъ особенно во внѣшнемъ видѣ Гэда тѣхъ, кому приходилось видѣть его въ теченіе болѣе двухъ десятковъ лѣтъ и часто съ значительными промежутками, такъ это его способность мало измѣняться и сохранять ту самую столь типичную и популярную въ извѣстныхъ сферахъ физіономію, съ какой онъ появился передъ публикой, когда впервые остановилъ на себѣ вниманіе друзей и враговъ. Это все та же высокая, сухая фигура, съ длинными руками и ногами, которыя сгибаются немного по-деревянному, словно на слегка заржавѣвшихъ шарнирахъ и угловатости которыхъ плохо скрываются небрежно одѣтымъ, то черезчуръ мѣшковатымъ, то слишкомъ обтянутымъ костюмомъ. Это все тотъ же правильный, обыкновенно блѣдный, въ минуты волненія слегка разгорающійся овалъ лица съ рѣзко очерченными правильными чертами, съ эффектной рамкой черныхъ, лишь въ послѣднее время начавшихъ слегка сѣдѣть волосъ на головѣ и бородѣ. Это все тотъ же живой, блестящій взоръ слегка выпук-

*) Jules Huret, *Enquête sur la question sociale en Europe*; Парижъ, 1897 г., стр. 348, 357—358 и 359.

лыхъ близорукихъ глазъ, которые издали и за стеклами пэнснэ кажутся очень темными, а вблизи неожиданно поражаютъ васъ своимъ глубокимъ синимъ оттѣнкомъ. Это все то же слегка меланхолическое, но прежде всего саркастическое выраженіе лица, искривляющееся гримасой презрѣнія и ненависти при столкновеніи съ врагами. Это все тотъ же рѣзкій, высокій, скрипучій голосъ, переходящій мѣстами въ визгъ, почти свистъ и начинающій странно гнусавить, когда политическая страсть бросаетъ непрерывающимся градомъ колючія, ядовитыя слова въ лицо противника. Это всё тѣ же монотонные жесты фанатичнаго оратора, для котораго мысль—все, а внѣшнія украшенія ея, музыка рѣчи и болѣе или менѣе театральныя позы, ничто. Гэдъ ходитъ по трибунѣ быстрыми, угловатыми движеніями ногъ; и такія же быстрыя и угловатыя движенія рукъ, сводящіяся къ двумъ-тремъ обычнымъ тикамъ, подкрѣпляютъ или, лучше сказать, механически сопровождаютъ его аргументацію. То онъ, словно „продольный пильщикъ",—какъ вырвалось однажды у меня при бѣглой характеристикѣ Гэда *)—поднимаетъ и опускаетъ свои руки. То онъ сгибается надъ самымъ обрывомъ трибуны, вытягиваетъ обѣ руки къ публикѣ, быстро-быстро шевелитъ длинными, тонкими пальцами, словно посылая электрическія искры своей нервной энергіи въ толпу слушателей, чтобы передать имъ свою мысль, свою страсть, свое убѣжденіе. То онъ слегка выпрямляется, поправляетъ свое старое, стальное, скачущее на носу пэнснэ, временно какъ бы успокаивается и, сгибая указательный и большой палецъ правой руки въ кольцо, начинаетъ методически отчеканивать свои аргументы, съ тѣмъ, чтобы черезъ минуту уже снова начать ходить по трибунѣ, сгибаться надъ ней и продѣлывать свои магнетическіе „пассы" надъ аудиторіей.

Эта общая неизмѣняемость внѣшней фигуры и манеръ Гэда на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, при подвижности и измѣнчивости его физіономіи и торопливости его жестовъ, въ каждый данный моментъ показываетъ рѣдкую силу и упругость нервной системы въ этомъ сравнительно слабомъ организмѣ. Гэдъ,—да проститъ мнѣ читатель это вульгарное, но очень мѣткое русское выраженіе,—„ѣдетъ не на лошади, а на кнутѣ". Нужно, дѣйствительно, ожесточенно подхлестывать себя идеей, чтобы быть въ состояніи продѣлывать въ теченіе стольких лѣтъ и такія порою удивительныя „кампаніи" агитатора, какія приходилось вести издавна чахоточному Гэду. Друзья его, смѣясь, говорили неоднократно, что лучшее средство вывести его изъ состоянія лихорадочнаго недомоганія, это—бросить его въ политическую агитацію. И, дѣйствительно, Гэдъ зачастую чувствовалъ себя лучше послѣ

*) „Очерки современной Франціи". стр. 35.

безсонныхъ ночей въ вагонѣ, — онъ ѣздитъ въ третьемъ классѣ за исключеніемъ того времени, когда былъ депутатомъ, имѣющимъ право даровою проѣзда (собственно при извѣстномъ вычетѣ изъ жалованья) въ первомъ классѣ,—чувствовалъ, говорю, лучше послѣ ночи, проведенной на жесткой скамьѣ безъ сна, послѣ продолжительныхъ митинговъ въ низкопробныхъ концертныхъ залахъ грязныхъ рабочихъ центровъ сѣвера, послѣ бурныхъ засѣданій палаты, смѣнявшихся для него участіемъ въ совѣщаніяхъ партійной организаціи. Можно даже сказать, что именно эта неустанная дѣятельность заглушаетъ у него ощущеніе постоянно грызущей его болѣзни и сознаніе, можетъ быть, очень скораго и очень быстраго конца.

Упомяну кстати, что, когда друзья устроили лѣтъ десять—двѣнадцать тому назадъ поѣздку Гэда на югъ для поправки его крайне разстроеннаго здоровья, изъ подъ пера агитатора, перенесеннаго въ необычную обстановку жизни въ одномъ изъ людныхъ курортовъ на лазурномъ побережьѣ Средиземнаго моря, вылилось удачное стихотвореніе: „Къ смерти", отчасти въ духѣ Лукреція, отчасти подъ вліяніемъ собственнаго болѣзненнаго ощущенія импровизированнаго поэта. Читатель сильно бы, впрочемъ, ошибся, если бы подумалъ, что упомянутые стихи исполнены нытья. Нѣтъ, смыслъ обращенія къ „смерти" заключается въ матеріалистическомъ признаніи творческой роли великаго обмѣна веществъ, который кладетъ конецъ существованію однѣхъ жизней, чтобы на ихъ развалинахъ и изъ ихъ разсыпающагося матеріала создавать новыя. Авторъ лишь проводитъ разницу между двумя видами смерти: онъ обращается съ негодующими словами къ той смерти, которая поражаетъ молодое существо въ цвѣтѣ силъ, надеждъ и невыполненныхъ плановъ; и онъ призываетъ ту смерть, которая обрываетъ уже наполовину истлѣвшую нить жизни человѣка, много работавшаго, сильно уставшаго въ процессѣ труда и борьбы и неспособнаго больше участвовать въ коллективной дѣятельности общества. Самъ Гэдъ въ этомъ стихотвореніи какъ бы вдвигаетъ себя въ ряды усталыхъ борцовъ, которымъ пора уступить мѣсто свѣжимъ солдатамъ идеи...

Послѣдующая дѣятельность Гэда-агитатора показываетъ, какъ ошибочно было внутреннее ощущеніе Гэда-поэта. Но мы упомянули объ этомъ стихотвореніи отчасти и потому, что оно показываетъ ту сторону личности вожака рабочей партіи, которую немногіе подозрѣваютъ и которая, затушевываясь другими особенностями Гэда, можетъ быть, однако, подмѣчена внимательными наблюдателями ораторскихъ и писательскихъ пріемовъ его. А именно Гэдъ—артистъ, какъ ни страннымъ можетъ показаться такое мнѣніе тѣмъ, кого вводитъ въ заблужденіе преобладающій діалектическій и отвлеченный характеръ рѣчей и статей Гэда. Прежде всего надо замѣтить, что ни тѣ, ни другія не лишены яркихъ и

образныхъ выраженій. Но идейный аскетъ французскаго марксизма, видимо, лишь отъ времени до времени позволяетъ себѣ вставить цвѣтокъ метафоры въ строгую и тугую—тугую ткань своей аргументаціи. На меня его рѣчи и статьи производятъ даже такое впечатлѣніе, какъ если бы онъ старался сдерживать естественное стремленіе къ образному, повидимому, легко дающемуся ему языку. Потому что, когда діалектическая страсть или политическая злоба достигаютъ у Гэда пароксизма, и онъ забываетъ о своей нелюбви къ „фразѣ" и „сентиментальности", — непріятно поражающихъ его у большинства прежнихъ французскихъ соціалистовъ,— съ его языка или изъ подъ его пера срываются рельефныя и сильныя метафоры, производящія впечатлѣніе прежде всего своего точностью и, если можно такъ выразиться, плотностью. Это не тѣ обширныя, яркія фрески и декораціи, проникнутыя широкимъ и поэтическимъ вдохновеніемъ, какія мы находимъ въ краснорѣчіи Жорэса; не тѣ могучіе, хотя порою гипертрофированные и не всегда согласованные въ подробностяхъ образы, которые катитъ въ своемъ ритмическомъ теченіи ровно волнующійся періодъ этого оратора. Метафоры Гэда это словно вычеканенные на рукояткѣ шпаги рукою средневѣковаго мастера небольшіе, но крайне выразительные рисунки, блещущіе не красками, а энергіею своихъ контуровъ, рѣзкостью своихъ выпуклостей и вогнутостей. Такія образныя фразы Гэда выливаются по большей части въ формулы, которыя могутъ не нравиться вамъ, могутъ порою приводить васъ въ прямое негодованіе, но которымъ вы не въ состояніи отказать въ силѣ и опредѣленности. Правда, эти формулы превращаются иной разъ въ односторонній парадоксъ, но тѣмъ сильнѣе въ этомъ видѣ онѣ запечатлѣваются въ умѣ друзей и враговъ—гэдовскаго міровоззрѣнія. Не Гэдомъ ли была произнесена фраза: „я принадлежу рабочей партіи не только вплоть до тюрьмы, но вплоть до тюремной стѣны, у которой разстрѣливаютъ инсургентовъ"? Не онъ ли воскликнулъ въ порывѣ пессимизма, обращеннаго къ парламентарной дѣятельности: „предоставимъ геморроидамъ господъ буржуа скамьи палаты депутатовъ"? Не Гэдъ ли бросилъ во время дѣла Дрейфуса жесткую, нетактичную, но энергичную формулу дѣйствій, или лучше бездѣйствія рабочей партіи: „пролетаріатъ не имѣетъ права разсѣивать свое состраданіе на отдѣльныхъ личностяхъ"? А что сказать относительно этой мысли, достойной фигурировать въ собраніи свирѣпыхъ каламбуровъ Шамфора: „буржуазія—поклонница философіи Декарта: я ворую, слѣдовательно, я существую какъ классъ"? или еще вотъ этой: „что такое сбереженіе для рабочихъ? Паекъ въ осажденномъ городѣ, съ тѣмъ, чтобы получить кусокъ хлѣба къ старости, когда выпадутъ всѣ зубы"? Или слѣдующее обращеніе къ рабочимъ понять отношеніе къ нимъ капиталистовъ: „вы и они равны и квиты: они васъ обворовываютъ,

а вы ихъ обмилліониваете (emmillionnez)". И такихъ колючихъ фразъ, формулъ, трагическихъ каламбуровъ, своеобразныхъ выраженій вы найдете у Гэда, сколько угодно. Не надо только забывать, что этотъ образный характеръ краснорѣчія и писаній Гэда въ сильной степени маскируется общимъ сухимъ и абстрактнымъ пріемомъ аргументаціи, которая вращается обыкновенно въ сферѣ соціальныхъ отвлеченій и допускаетъ лишь умѣренное употребленіе конкретныхъ примѣровъ и метафорическихъ сравненій. Ниже мы приведемъ одинъ-два отрывка изъ рѣчей и статей Гэда, чтобы читатель составилъ себѣ понятіе о манерѣ этого оратора и писателя, отличающагося и въ томъ, и въ другомъ отношеніи, а особенно на трибунѣ рѣдкимъ даромъ слова, удивительной находчивостью полемиста и непоколебимой увѣренностью въ истинности своего ученія.

Каковъ интеллектуальный типъ Гэда и калибръ его ума? Если припомнить, что было раньше сказано нами объ эволюціи Гэда въ сторону марксизма, особенно въ томъ освѣщеніи, какое давалось этому процессу ближайшими друзьями вождя рабочей партіи, то ему можно приписать извѣстную самостоятельность мысли. Во всякомъ случаѣ не надо преувеличивать размѣровъ этой оригинальности. Не надо хотя бы уже потому, что трудно опредѣлить, въ какой степени самъ Гэдъ пришелъ уже до чтенія Маркса къ теоріи „научнаго соціализма", и не вліяли ли на него элементы марксизма, носившіеся въ то время повсюду въ воздухѣ, совпадавшіе отчасти съ нѣкоторыми частями и міровоззрѣнія прудонистовъ и, можетъ быть, оказавшіе на Гэда свое дѣйствіе изъ вторыхъ рукъ, при посредствѣ его знакомыхъ, уже изучавшихъ „Манифестъ коммунистической партіи" и „Капиталъ".

Если нельзя точно установить размѣры самостоятельной мысли Гэда при первой выработкѣ имъ міровоззрѣнія, подходящаго къ марксизму, то можно во всякомъ случаѣ видѣть, что при столкновеніи съ самой теоріей Маркса лицомъ къ лицу, facies ad faciem Гэдъ не обнаружилъ замѣтной оригинальности. Онъ оказался очень выдающимся, очень вѣрнымъ, черезчуръ вѣрнымъ ученикомъ своего учителя, но и только. Видимо, его даже интересовало не столько углубленіе въ самую теорію Маркса, сколько ея приложеніе къ задачамъ политической борьбы. И въ этомъ отношеніи, даже принимая во вниманіе сдѣланныя нами въ началѣ этой статьи оговорки, мы должны признать, что Гэдъ не углублялъ, а упрощалъ, не столько развивалъ, сколько заострялъ принятое имъ міровоззрѣніе. Но при этомъ неоригинальномъ процессѣ мысли, Гэдъ обнаружилъ, однако, рѣдкія качества французскаго типичнаго ума: его „абстрактный" характеръ, позволяющій съ энергичной и естественной граціей дѣлать рядъ выводовъ изъ общихъ формулъ, и его смѣлую ясность, не останавливающуюся

ни передъ какимъ заключеніемъ, а, наоборотъ, придающую ему наиболѣе понятную и упрощенную форму. Съ этой точки зрѣнія было бы, кстати сказать, интересно прослѣдить, какая разница замѣчается въ различныхъ національныхъ формулировкахъ марксистской доктрины, напр., хотя бы между нѣмецкими, французскими и англійскими учениками Маркса. Я оставляю, однако, этотъ вопросъ въ сторонѣ, ограничиваясь лишь замѣчаніемъ, что французъ Гэдъ такъ же отнесся къ ассимилированному имъ марксизму, какъ онъ отнесся бы, въ качествѣ француза, къ другому міровоззрѣнію, на которомъ бы остановился. Онъ взялъ изъ него рядъ общихъ положеній и съ французской энергіей и талантомъ, усиленными не совсѣмъ французской настойчивостью, популяризировалъ ихъ въ безчисленномъ рядѣ частныхъ приложеній, проявляя извѣстную оригинальность въ промежуточныхъ звеньяхъ дедукціи. Цѣпь этой дедукціи онъ прикрѣплялъ къ теоріи „научнаго соціализма“, и оттуда неустанно протягивалъ къ любому, соціальному и политическому явленію, пытаясь дѣлать его плѣнникомъ - рабомъ и послушнымъ служителемъ своей доктрины.

Такимъ абстрактнымъ, яснымъ, строго-логическимъ и дедуктивнымъ умомъ мнѣ представляется умъ Гэда. Его гибкость, обнаруживающаяся въ извѣстныхъ границахъ излюбленнаго міровоззрѣнія, не соединяется, однако, какъ мнѣ кажется, ни съ широтою, ни съ „открытостью“, разумѣя подъ этимъ способность войти хотя бы временно въ чужой міръ идей не съ цѣлью полемики, а въ интересахъ знанія. Словно монада Лейбница для другихъ монадъ, міровоззрѣніе Гэда остается непроницаемымъ для другихъ міровоззрѣній и изнутри во внѣ, и извнѣ во внутрь. Глава французскаго марксизма слѣпъ и глухъ на возраженія, которыя могутъ дѣлаться ему противниками: онъ игнорируетъ ихъ, или блестяще полемизируетъ съ ними, въ сущности - то проходя мимо ихъ. Но Гэдъ закрываетъ глаза и уши и тогда, когда дѣло идетъ о проникновеніи въ другое міровоззрѣніе: оно интересуетъ его совсѣмъ не тѣмъ, что въ немъ можетъ заключаться, а лишь какъ внѣшнее препятствіе, которое должно цѣликомъ сбросить съ дороги и которое онъ, дѣйствительно, зачастую сбрасываетъ съ удивительною энергіею и безжалостностью убѣжденія.

Этимъ отчасти объясняется и нежеланіе Гэда обременять свой живой и сильный умъ лишней эрудиціей. Онъ въ извѣстномъ смыслѣ тотъ интеллектуальный типъ, о которомъ Ѳома Аквинатъ выразился: „боюсь человѣка, прочитавшаго въ теченіе всей своей жизни лишь одну книгу“ (timeo hominem unius libri). Марксъ и нѣсколько книгъ экономистовъ и соціалистовъ составляютъ основаніе научнаго багажа Гэда. Но врядъ ли кто во Франціи знаетъ такъ, какъ Гэдъ, ту великую „книгу жизни“, которая представляетъ собою политическую и соціальную исторію Франціи, по

крайней мѣрѣ за 40 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ Гэдъ сталъ жить, сознательно участвуя въ судьбахъ родины. События, политическіе дѣятели, скандальная хроника буржуазіи и мартирологъ трудящихся массъ, борьба партій и фракцій внутри партій,—все это является для Гэда не чисто печатнымъ матеріаломъ, какъ для большинства его современниковъ, живущихъ интеллектуальною жизнью, а близкимъ, кровнымъ, глубоко реальнымъ драматическимъ представленіемъ, въ которомъ онъ зачастую игралъ роль актера и почти всегда роль внимательнаго и страстнаго зрителя. Его феноменальная и замѣчательно живая и точная память хранитъ слѣды безчисленныхъ впечатлѣній. И имена Бланки, Гамбетты, Бакунина, Маркса, Энгельса, Буланже, Рошфора, Кассаньяка, Дерулэда, Жюля Ферри, Клемансо, Берисо, Вилліама Морриса, Дрюмона, Цанарделли, Либкнехта, г-жи Андрэ Лео, Кропоткина, Малато, Льва Мечникова, и сотенъ другихъ великихъ и малыхъ дѣятелей, равно какъ названія такихъ крупныхъ событій и явленій, каковы франко-прусская война, коммуна, coup d'Etat 16-го мая, буланжизмъ, первый парижскій международный конгрессъ, Панама, дѣло Дрейфуса вызываютъ въ немъ опредѣленныя ассоціаціи идей, чувствованій, борьбы, энтузіазма, ненависти, презрѣнія. Вотъ съ этимъ человѣкомъ онъ шелъ рука объ руку противъ имперіи; съ нимъ же онъ ожесточенно боролся во времена буланжизма; съ тѣмъ онъ былъ на ножахъ въ 80-хъ годахъ, и стоялъ въ однихъ рядахъ десять лѣтъ спустя; еще другой былъ его любимымъ ученикомъ, а нынѣ продалъ свой талантъ и идейный жаръ имущимъ и правящимъ классамъ. Передъ его глазами проносятся сцены шумныхъ республиканскихъ собраній конца имперіи, публичныхъ митинговъ начала 80-хъ годовъ, когда анархисты стульями забрасывали ораторовъ коллективизма на трибунѣ; революціоннаго броженія толпы на улицахъ послѣ отставки Грэви; восторженнаго пріема ораторовъ рабочей партіи, пробуждавшимися къ сознательной жизни рудокопами сѣвернаго департамента и ихъ женами и дочерьми съ букетами въ рукахъ; враждебнаго засѣданія палаты депутатовъ, криками прерывавшихъ страстную рѣчь Гэда; трагическихъ столкновеній между братьями - врагами соціалистической партіи,—и еще многихъ, многихъ событій...

Во всѣхъ этихъ крупныхъ и мелкихъ, общественныхъ и личныхъ коллизіяхъ, Гэдъ не только увѣренно оріентируется самъ, но и даетъ инициативный толчекъ единомышленникамъ, снабжаетъ ихъ теоретическими аргументами и практическими лозунгами,—и все это при небольшомъ запасѣ хорошо прочитанныхъ и продуманныхъ книгъ, и все это помимо научной эрудиціи и изученія вопроса по „источникамъ“. Здѣсь будетъ у мѣста, однако, сдѣлать важную поправку: человѣкъ жизни и борьбы, несмотря на отвлеченный характеръ своего мышленія, укладывающагося въ ясныя и зачастую однобокія формулы, Гэдъ образцовый, прямо

несравненный, чтецъ газетнаго матеріала и политическихъ брошюръ на злобы дня. Его пріятели не разъ говорили, что нельзя представить себѣ болѣе оригинальнаго, почти геніальнаго чтенія газетъ, чѣмъ какое практикуется Гэдомъ. Онъ очень внимательно изо дня въ день, цѣлыми годами читаетъ нѣсколько серьезныхъ, хорошо редактируемыхъ, главнымъ образомъ буржуазныхъ, газетъ и быстро просматриваетъ передовыя статьи въ другихъ органахъ періодической прессы. Его ясный умъ, его рѣдкая память, его умѣнье связывать конкретные факты съ основами своего міровоззрѣнія снабжаютъ его ежедневно въ концѣ такого чтенія богатымъ, хорошо подобраннымъ и хорошо уложившимся въ головѣ текущимъ матеріаломъ. Текущая жизнь, разсматриваемая сквозь призму ежедневной печати, является для него какъ бы необходимымъ дополненіемъ къ той „книгѣ жизни", столько страницъ которой связаны у него съ личными опытами и ассоціаціями идей и аффектовъ. И въ тотъ моментъ, когда какая-нибудь злоба дня сильно тревожитъ общественное мнѣніе, вы можете быть увѣрены, что, при помощи ежедневной прессы и текущихъ брошюръ, Гэдъ ознакомленъ съ этимъ вопросомъ гораздо лучше, чѣмъ громадное большинство интеллигентныхъ людей, изучающихъ его по громоздкимъ трудамъ. Что касается до всего прочаго аппарата эрудиціи, Гэдъ рѣшительно отстраняетъ его; и, не крича громогласно о своемъ равнодушіи къ чистой наукѣ, не рекомендуя даже за образецъ своимъ ученикамъ такого отношенія къ человѣческой мысли, самъ Гэдъ довольствуется чтеніемъ газетъ—и самого же Гэда, т. е. упорнымъ служеніемъ своему міровоззрѣнію. Лишь изрѣдка онъ отдыхаетъ на чтеніи беллетристики, предпочитая въ такомъ случаѣ „романы приключеній", какъ называютъ ихъ французы, психологическимъ и идейнымъ романамъ: подобно своему учителю Марксу, онъ любитъ перечитывать автора „Трехъ мушкетеровъ" и „Графа Монтекристо".

Вдумываясь, однако, въ поражающую васъ съ перваго взгляда односторонность ума Гэда, вы поневолѣ задаетесь вопросомъ, точно ли это есть его интеллектуальное качество, и не является ли это скорѣе результатомъ сознательной дисциплины, налагаемой на этотъ умъ характеромъ Гэда. Я думаю, дѣйствительно, что ключъ къ духовной физіономіи надо искать прежде всего въ сферѣ его чувства и воли. У Гэда—натура страстнаго фанатика, натура глубоко вѣрующаго человѣка. Ясный и абстрактный характеръ его мышленія обманываетъ поверхностнаго наблюдателя, который видитъ въ Гэдѣ одну сухую разсудочность. На самомъ дѣлѣ, Гэдъ—типъ идейнаго энтузіаста par excellence: страстная борьба за убѣжденія составляетъ суть его природы. Отсюда его нетерпимость: „великій инквизиторъ коллективизма", „Торквемада въ пэнснэ", „тиранъ", „Далай-Лама",—всѣ эти названія, дававшіяся ему столько разъ его врагами, выражаютъ именно это фа-

натичное отношеніе Гэда къ тому, что онъ считаетъ истиной. Идейный фанатизмъ принимаетъ особенно рѣзкія формы у Гэда еще потому, что онъ представляетъ собою личность съ сильно развитыми, не скажу эгоистическими, но индивидуалистическими инстинктами. Проповѣдникъ строя, основаннаго на гармоніи, онъ въ то же время типичный сынъ современнаго общества, основаннаго на борьбѣ и вырабатывающаго у всѣхъ насъ органы нападенія и защиты. У Гэда эти органы развиты въ высокой степени; только вмѣсто того, чтобы упражнять ихъ въ борьбѣ за матеріальное существованіе, онъ пускаетъ ихъ въ ходъ при отстаиваніи своихъ убѣжденій, т. е. на почвѣ, гдѣ его сильно проківдывающійся индивидуализмъ сливается съ общественной страстью. Гэдъ высокомѣренъ, Гэдъ властолюбивъ, Гэдъ ревниво оберегаетъ свой авторитетъ главы партіи; борьба противъ него является въ его глазахъ „грѣхомъ противъ Духа Свята". Истина и *онъ*,— это тѣлесная оболочка истины,—сливаются для него самого въ одно цѣлое. Но было бы интересно прослѣдить, не является ли такая психологія общей психологіей вожаковъ партій въ современномъ обществѣ, при чемъ разница замѣчается лишь въ степени напряженности, съ какой проявляется этотъ личный элементъ. Интересно было бы также анализировать то вліяніе, которое ученики оказываютъ на своего признаннаго учителя и которое заставляетъ послѣдняго принимать, если можно такъ выразиться, обязательную интеллектуальную позу и застывать въ іератическомъ выраженіи незыблемости и непогрѣшимости.

Какъ бы то ни было, на службу идейнаго фанатизма Гэдъ отдалъ свою рѣдкую энергію, поражающую у француза не только своею напряженностью, но постоянствомъ: Гэдъ пылаетъ, но далеко не тѣмъ скоро потухающимъ соломеннымъ огнемъ, который воспламеняетъ его соотечественниковъ въ экстренныя минуты и вскорѣ оставляетъ по себѣ лишь кучу пепла. Жаръ Гэда, это—продолжительное пламя горна, дѣйствующее даже на туго плавкія вещества. На службу же идеѣ Гэдъ отдалъ свою личную карьеру и внѣшніе матеріальные успѣхи, имѣющіе такое значеніе для средняго француза. Въ то время, какъ большинство прежнихъ друзей и знакомыхъ Жюля Гэда изъ буржуазіи, всѣ эти Ивы Гюйо, Массары и прочіе „ex-непримиримые" враги современнаго общества пристроились или къ буржуазному правительству, или къ буржуазной оппозиціи и достигли обезпеченности и мѣщанскаго благополучія, Гэдъ остался прежнимъ Гэдомъ. У него была на рукахъ семья (Гэдъ женился еще въ 70-хъ годахъ), и ему приходилось зарабатывать для своихъ кусокъ хлѣба не легкимъ трудомъ. Но никогда Гэдъ не поступился ни на іоту своими убѣжденіями въ интересахъ личнаго или семейнаго процвѣтанія. Его слово, его перо служили прежде всего „дѣлу", т. е. партіи, душою которой онъ былъ и отчасти остается и те-

перь, ибо пока не видишь молодыхъ, могущихъ замѣнить его. А когда обстоятельства складывались такъ, что приходилось выбирать между личными выгодами и идеей, онъ безъ всякаго колебанія жертвовалъ своими интересами. Бывали,—и нерѣдко,—такіе періоды въ жизни Гэда, когда его мебель описывалась домохозяиномъ за невзносъ квартирной платы, и когда у главы партіи не было нѣсколькихъ су въ карманѣ, чтобы возвратиться ночью на конкѣ съ публичнаго собранія въ рабочемъ предмѣстьѣ. И, однако, Гэдъ тщательно и цѣлыми годами скрывалъ эти стороны своего личнаго существованія, порою отъ близкихъ друзей, пока, наконецъ, мало-по-малу не стала извѣстна имъ, а черезъ нихъ и публикѣ, жизнь этого солдата идеи, чей фанатизмъ и чья колючая, высокомѣрная, властолюбивая индивидуальность возбуждали ненависть въ противникахъ, но создавали „великому инквизитору коллективизма“ и прочныя симпатіи среди единомышленниковъ

Нарисовавъ этотъ портретъ Гэда, остающійся почти неизмѣннымъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ глава французскаго марксизма окончательно опредѣлился въ политическомъ и общественномъ смыслѣ, т. е. съ начала 80-хъ годовъ, мнѣ остается только дополнить его нѣсколькими фактами послѣдующей біографіи Гэда, возвращаясь къ тому моменту, когда мы оставили его. При этомъ, какъ я уже сказалъ раньше, я буду говорить по возможности о немъ самомъ, а не о партіи, исторія которой не можетъ собственно найти мѣста здѣсь.

Мы остановились на томъ времени, когда Гэдъ откололся отъ умѣреннаго большинства рабочей партіи, которой онъ наклеилъ ярлыкъ „поссибилистовъ“. По обыкновенію неудача не обезкураживаетъ его, какъ успѣхъ придаетъ лишь больше энергіи его дѣятельности. И онъ съ жаромъ бросается въ агитацію рука объ руку съ Лафаргомъ и Девиллемъ, перенося центръ тяжести изъ Парижа, гдѣ преобладали поссибилисты, въ провинцію, гдѣ почва была еще не почата. Къ этому времени относятся первыя гэдистскія организаціи рабочихъ въ центрѣ и на сѣверѣ. Мы уже видѣли, что во время одной изъ такихъ агитаціонныхъ поѣздокъ въ центральную Францію, Гэдъ и Лафаргъ подвергаются судебному преслѣдованію и приговорены къ 6-ти мѣсячному тюремному заключенію, которое и отбываютъ въ Sainte Pélagie. Пользуясь этимъ вынужденнымъ досугомъ, Гэдъ составляетъ съ Лафаргомъ комментаріи къ программѣ рабочей партіи (выше мы цитировали эту работу) и уже одинъ переиздаетъ отдѣльной брошюрой свои статьи противъ Поля Леруа Болье, появившіяся въ „L'Egalité“ 1881—1882. Характеръ этихъ рѣзкихъ, но остроумныхъ „уроковъ профессору“, пущенныхъ въ отдѣльномъ изданіи подъ заглавіемъ „Коллективизмъ въ Collége de France“ (гдѣ

читалъ политическую экономію Леруа Больё), ярко выступаетъ уже въ слѣдующихъ строкахъ введенія:

Если я переиздаю свои статьи теперь, пользуясь досужимъ временемъ, которымъ наградилъ меня окружной судъ, то дѣлаю это, — надо ли, впрочемъ говорить о томъ?—не съ тѣмъ, чтобы еще разъ справить тріумфъ надъ забытымъ противникомъ, но единственно съ цѣлью установить тотъ фактъ, что противъ нашихъ коллективистическихъ и коммунистическихъ выводовъ легче найти судей и тюремщиковъ, чѣмъ аргументы *).

Въ этой брошюрѣ, которая даже буржуазными врагами считается удачнымъ полемическимъ памфлетомъ, резюмирующимъ на нѣсколькихъ страничкахъ возраженія противъ громоздкой критики Леруа-Больё, Гэдъ разбираетъ, насколько несовмѣстимъ,— какъ то думаетъ этотъ экономистъ. — коллективизмъ съ „справедливостью", съ „полезностью", со „свободою" и съ „семьею". Авторъ-полемистъ стоитъ все время на точкѣ зрѣнія необходимаго развитія человѣчества и такъ, напр., заканчиваетъ отдѣлъ о семьѣ и самую брошюру:

Свобода и достоинство отношеній между полами, освобожденными отъ экономической и меркантильной стороны; равное мускульное и мозговое развитіе ребенка, всѣхъ дѣтей; широкое и независимое потребленіе,—всѣ эти *desiderata* будутъ осуществлены для всѣхъ мужчинъ и для всѣхъ женщинъ великой человѣческой семьей, которую образуетъ собой общество, примирившееся съ самимъ собой внутри общей собственности и общаго труда. Но эти же требованія совершенно недоступны для того маленькаго общежитія, какимъ является индивидуальная семья.

И не то, чтобы мы,—повторяемъ еще разъ,—должны были поднять нашъ ломъ на это многовѣковое убѣжище нашего рода. Но какъ человѣческій зародышъ, дошедшій до извѣстной степени развитія, отрывается отъ заключающихъ его нѣдръ организма, ставшихъ недостаточными, такъ подобный же разрывъ совершится между развитымъ человѣчествомъ и нѣдрами семьи, не могущей заключать его болѣе въ себѣ, не удушая **).

Очень интересны и характерны для литературныхъ пріемовъ Гэда возбуждавшія въ свое время большой шумъ статьи, которыя онъ печаталъ въ срединѣ 80-хъ годовъ въ газетѣ „Le Cri du Peuple" покойнаго Валлэса и издалъ, вмѣстѣ съ кой какими другими статьями, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ подъ заглавіемъ „Соціализмъ со дня на день". Это рядъ короткихъ и энергичныхъ передовицъ, носящихъ — то забавныя, то свирѣпыя заглавія „Богиня рента", „Да здравствуетъ голодъ!" „Обворованные воры", „Счастливаго пути, господа акціонеры!" „Славно ревешь, оселъ!" и т. д. и отзывающихся съ опредѣленной точки зрѣнія на всѣ вопросы дня. Я сдѣлаю выдержку изъ статьи „Богиня рента", чтобы дать читателю понятіе о манерѣ Гэда-писателя:

... Государственный долгъ — или рента—есть, дѣйствительно, идеалъ класса, который намѣренъ все потреблять, ничего не производя, потому что—

*) Jules Guesde, *Le Collectivisme au Collège de France*; 1883, стр. 1 (цитирую по парижскому изданію 1900 г.).

**) Ibid., стр. 27.

согласно очень вѣрному замѣчанію Карла Маркса—„онъ даетъ непроизводительнымъ деньгамъ значеніе воспроизводящейся цѣнности, не обрекая ихъ, сверхъ того, на рискъ и замѣшательство, нераздѣльные отъ ихъ промышленнаго употребленія или даже частнаго ростовщичества".

Для рантье нѣтъ ни града, ни филоксеры, ни кризиса, ни войны. Его доходъ—и поэтому-то, безъ сомнѣнія, коммиссія по пересмотру налоговъ вычеркнетъ его изъ списка облагаемыхъ доходовъ—паритъ выше всякихъ промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ пертурбацій, которыя не могутъ ни на іоту коснуться его.

Къ своему политическому Седану Франція можетъ прибавить Седанъ экономическій—а рентѣ какое дѣло! Франція могла бы даже исчезнуть совсѣмъ какъ государство — рента не пострадала бы отъ этой національной смерти. Государство-хищникъ—или палачъ—не преминуло бы, какъ это было при хищническомъ присоединеніи Эльзаса-Лотарингіи, взять на себя уплату по процентамъ французскаго государственнаго долга.

Въ недосягаемой сферѣ своихъ купоновъ, рантье царитъ, дѣйствительно, какъ Богъ—единый, истинный Богъ. По крайней мѣрѣ, до того дня, когда—новый тиранъ-пролетаріатъ, бросая свои легіоны на легіоны, возьметъ приступомъ капитальстическое небо и покончитъ со всѣми религіями—включая и въ особенности религію ренты *).

Я прошу читателя обратить вниманіе на характерную черту этого стиля, выражающуюся даже въ своеобразной системѣ препинанія. Фраза Гэда течетъ быстро и ровно, но онъ часто прерываетъ ее короткими вводными предложеніями и словами и всегда заключаетъ ихъ въ два тире — —. Эти тире, которыми испещрены статьи Гэда, останавливаютъ на себѣ взоръ читателя и напоминаютъ ядовитыя паузы въ рѣчахъ Гэда: — — разъ! два! — — разъ! два! словно ударъ кинжала въ противника, и снова неустанная борьба съ нимъ вплотную...

Вѣрный своей тактикѣ неумолимаго отдѣленія пролетаріата отъ буржуазіи, Гэдъ (какъ и Лафаргъ) во время буланжистскаго кризиса ни за что не хотѣлъ вступить даже во временную коалицію съ демократической буржуазіей для защиты республики отъ цезаризма, — какъ то было сдѣлано поссибилистами. Въ союзѣ съ бланкистами, группировавшимися вокругъ Вальяна (часть бланкистовъ перешла, какъ извѣстно, съ „генераломъ" Эдомъ на сторону Буланже), рабочая партія выпустила въ самый разгаръ выборной агитаціи, а именно въ августѣ 1889 г., манифестъ „къ избирателямъ", въ составленіи котораго одну изъ самыхъ дѣятельныхъ ролей игралъ, конечно, Гэдъ.

Въ этомъ манифестѣ, сильно отражающемъ взгляды Гэда (и Лафарга) и лишь отчасти подправленномъ воззрѣніями болѣе чуткаго въ политическомъ смыслѣ Вальяна, надо различать два элемента. Съ одной стороны, это, конечно, желаніе сохранить въ чистотѣ формулу классовой борьбы пролетаріата противъ всей

*) Jules Guesde, *Le Socialisme au jour le jour*; Парижъ, 1899, стр. 11—12.

буржуазіи. Но, съ другой, это скрытое и тѣмъ не менѣе очень реальное опасеніе пойти прямо въ разрѣзъ съ политическимъ настроеніемъ увлеченныхъ буланжизмомъ массъ. Замѣтьте, дѣло шло въ данный моментъ не о какомъ-либо союзѣ, а о временной коалиціи съ буржуазными республиканцами съ опредѣленной цѣлью воспрепятствовать цезаристскому coup d' Etat. Насколько же было тактично одной половиной фразы призывать массы „сохранить во что бы то ни стало республику“, а другой половиной бросать безразлично всѣ фракціи буржуазіи въ одинъ ящикъ съ нечистотами и приглашать „избирателей“ бороться одинаково какъ противъ буланжистовъ, такъ и противъ ихъ противниковъ? Прибавлю, что, говоря о манифестѣ, мы касаемся эпохи,—а именно лѣта и осени 1889 г.,—когда націоналистическое движеніе уже видимо остановилось на одномъ уровнѣ передъ тѣмъ, какъ идти на убыль. Но въ теченіе предшествующихъ лѣтъ и особенно 1888 г., когда буланжизмъ обнаруживалъ поразительную способность распространенія, Гэдъ съ товарищами уклонялся отъ прямой борьбы съ Буланже и, развивая свое обычное соціалистическое міровоззрѣніе, странно умалчивалъ о злобѣ дня, раздиравшей на враждебныя партіи всю Францію. Была ли, однако, эта тактика прямой политической трусостью? Но Геда отнюдь нельзя упрекать въ отсутствіи рѣшительности. Разгадка такой двусмысленной политики заключалась, наоборотъ, въ томъ, что абстрактная прямолинейность его міровоззрѣнія всегда поддерживала въ немъ иллюзію, будто достаточно развивать въ „четвертомъ сословіи“ классовое сознаніе противоположности его экономическихъ интересовъ — интересамъ имущихъ и правящихъ, чтобы сами трудящіяся массы выводили затѣмъ уже отсюда всѣ необходимыя политическія и моральныя послѣдствія. Конечно, въ концѣ концовъ рабочій классъ и долженъ будетъ сдѣлать эти выводы. Но весь вопросъ въ томъ, когда? А между тѣмъ такіе политическіе кризисы, какъ буланжизмъ, требуютъ немедленно политическаго же отвѣта отъ массъ, ибо при неблагопріятномъ исходѣ могутъ разрушить самую почву для открытой борьбы классовъ, замѣнивъ свободныя учрежденія цезаристскими. „Пускай народъ увлекается буланжизмомъ,—такъ можно формулировать тогдашнее настроеніе Гэда, — не будемъ прямо идти противъ этой политической нелѣпости; будемъ, наоборотъ, насыщать его идеями коллективизма и рано или поздно онъ самъ пойметъ пустоту своего мишурнаго идола и тогда самъ завоюетъ себѣ лучшее будущее путемъ сознательной борьбы со всѣмъ современнымъ строемъ“. А въ результатѣ то странное, половинчатое поведеніе Гэда въ эпоху буланжизма, когда лишь союзъ съ бланкистами Вальяна вывелъ французскихъ марксистовъ изъ состоянія политическаго безразличія среди бурь, поднятыхъ „синдикатомъ недовольныхъ“, которые группировались съ разными цѣлями вокругъ „браваго

генерала". Хорошо, что буланжистское движенiе кончилось разгромомъ нацiоналистовъ: иначе „рабочая партiя" несла бы тяжелую историческую отвѣтственность за это невмѣшательство въ борьбу между цезаризмомъ и демократiей. Такимъ образомъ, партiйный страхъ передъ „избирателями" не столько въ смыслѣ непосредственнаго результата выборовъ, сколько въ смыслѣ дальнѣйшей судьбы коллективистической пропаганды въ массахъ смутили смѣлое сердце Гэда на рубежѣ 80-хъ и 90-хъ годовъ.

Я теперь перехожу къ такой полосѣ въ жизни Гэда, когда его увлеченiе результатами этой пропаганды заставило, наоборотъ, его временно стать эволюцiонистомъ и даже измѣнить временно же взгляды на всеобщую подачу голосовъ. Я оставляю въ сторонѣ тѣ колебанiя Гэда въ отношенiи къ этому принципу въ началѣ его дѣятельности, какъ главы партiи. Анархисты, съ одной стороны, поссибилисты—съ другой не разъ забавлялись, отмѣчая хотя бы тотъ фактъ, что тотъ самый Гэдъ, который „предоставлялъ выборныя мѣста геморроидамъ буржуа", на выборахъ 1881 г. ставилъ свою кандидатуру въ Рубэ, и при томъ ставилъ ее, не смотря на формальное обѣщанiе не дѣлать этого, подписанное имъ вмѣстѣ съ другими сотрудниками лiонской газеты „L' Emancipation sociale". На это можно было бы отвѣтить, что дѣло шло о частной попыткѣ „превратить всеобщую подачу голосовъ изъ орудiя дураченья въ орудiе освобожденiя пролетарiата", согласно самой программѣ рабочей партiи, составленной при участiи Маркса (см. выше)...

Нѣтъ, мы возьмемъ взгляды Гэда въ перiодъ его почти пятилѣтняго пребыванiя въ палатѣ депутатовъ 1893—1898 г., куда онъ вошелъ вмѣстѣ съ другими почти пятидесятью соцiалистами разныхъ фракцiй. Этотъ успѣхъ соцiализма на законодательныхъ выборахъ (20-го августа—3-го сентября 1893 г.) вмѣстѣ съ одновременнымъ почти захватомъ коллективистами муниципальныхъ совѣтовъ такихъ большихъ городовъ, какъ Лилль, Рубэ, Марсель, долженъ былъ, конечно, придать ярко оптимистическую окраску взглядамъ Гэда. Онъ даже предложилъ друзьямъ принять участiе въ сенатскихъ выборахъ, дотолѣ возбуждавшихъ презрительную усмѣшку крайнихъ партiй, и обѣщалъ—не сбывшееся—торжество соцiалистовъ и въ этой кампанiи. Одинъ изъ историковъ рабочаго движенiя во Францiи такъ изображаетъ тогдашнее настроенiе Гэда:

Гэдъ былъ въ особенности упоенъ побѣдой; онъ уже вѣрилъ, что находится наканунѣ торжества; приведенный въ состоянiе экзальтацiи испытанными имъ преслѣдованiями, лихорадочною работою всей своей жизни, цѣликомъ отданной на пропаганду и, кромѣ того, истощенный болѣзнью и нетерпѣливо ожидавшiй момента увидѣть великiя дѣла, которыя подготовлялись въ

исторіи, онъ страдалъ недостаткомъ, общимъ всѣмъ апостоламъ, а именно: онъ постоянно надѣялся на окончательный кризисъ. Онъ вѣчно ждалъ революціи. Въ теченіе двадцати лѣтъ онъ вѣрилъ, что она придетъ въ дыму баррикадъ и среди грохота динамитныхъ взрывовъ; теперь, послѣ избирательныхъ успѣховъ 1893 г., онъ вообразилъ, что ее могло бы начать большинство въ стѣнахъ парламента. Онъ разсуждалъ логично и просто: „въ предшествующей палатѣ насъ не было и дюжины. Теперь насъ цѣлыхъ сорокъ. Пусть только поддержится эта прогрессія, и въ 1897 г. мы будемъ въ числѣ ста шестидесяти *).

Оставляя въ сторонѣ слегка ироническое отношеніе автора этой характеристики къ Гэду, мы можемъ сказать, что въ общемъ розовое настроеніе главы рабочей партіи въ серединѣ 90-хъ годовъ передано у Галэви близко къ дѣйствительности. „Право на ружье" отступало теперь въ представленіи Гэда передъ избирательнымъ бюллетенемъ. Онъ неоднократно развивалъ предъ враждебно настроенной оппортунистской палатой ту мысль, что рабочій классъ, опираясь на всеобщую подачу голосовъ и совершенно легальнымъ путемъ, осуществитъ великій общественный переворотъ. Онъ подчеркивалъ перспективу этого эволюціоннаго рѣшенія грандіознаго соціальнаго вопроса. Въ рѣчи, произнесенной 22-го ноября 1895 г., Гэдъ торжественно заявлялъ:

Нѣтъ, не при помощи налога, какова бы ни была его форма, пролетаріатъ завладѣетъ зданіемъ капитализма, которое рушится теперь со всѣхъ сторонъ; тотъ ключъ отъ него, который васъ умоляли не давать намъ, въ нашихъ рукахъ, и издавна въ нихъ. Его намъ вручили наши парижскіе братья, тѣ, что въ 1848 г. вырвали, цѣною революціи, всеобщую подачу голосовъ у цензовой буржуазіи. Они дали намъ его, и мы сохранимъ его, и мы не позволимъ ни прямо, ни косвенно снова отобрать его. Да! при помощи политическихъ правъ обездоленныхъ, при помощи политическихъ правъ пролетаріата, по мѣрѣ того, какъ онъ выучится пользоваться имъ, мы проникнемъ во внутрь правительства вашего стараго сгнившаго общества, и скоро мы будемъ въ состояніи во имя закона, который сегодня диктуете вы, а который завтра продиктуемъ мы, преобразовать режимъ анархіи, давящій на всѣхъ и несущій необезпеченность всѣмъ, и замѣнить его режимомъ всеобщаго счастія и всеобщей свободы.

Вотъ нашъ ключъ, и мы не требуемъ другого (*рукоплесканія на крайней лѣвой*).

Я очень хорошо понимаю, что шествіе впередъ пролетаріата, который знаетъ, какой методъ дѣйствія употреблять и какой цѣли достигать, ужасаетъ тѣхъ, — что отчаянно цѣпляются за погибающій строй; я очень хорошо понимаю, что многіе изъ нихъ предпочли бы, чтобы рабочій классъ бросился въ прямую борьбу, какъ бросался нѣкогда во дни инсуррекціи, повертывавшейся противъ него. Такъ нѣтъ-же! довольно кровопусканій! Рабочіе слишкомъ часто сражались и погибали за другихъ, за реформы, проносившіяся надъ ихъ головами. Отнынѣ ихъ кровь принадлежитъ ихъ же классу, принадлежитъ всему человѣчеству, и мы скупимся и мы должны скупиться на эту кровь. Нѣтъ! вы не заставите насъ пасть подъ ружейными выстрѣлами, какъ въ Фурми, не заставите насъ слѣпо разбиться о буржуазное государство,

*) Daniel Halévy, *Essais sur le mouvement ouvrier en France*; Парижъ, 1901, стр. 223.

которое во всѣхъ своихъ частяхъ организовано такъ, чтобы раздавить безоружный народъ. Мы не атакуемъ его прямымъ насиліемъ и съ фронта, мы не выйдемъ изъ легальности. Васъ убьетъ сама эта ваша легальность: ея намъ достаточно въ борьбѣ противъ васъ (*рукоплесканія на крайней лѣвой* *).

Три года спустя Гэдъ снова перешелъ на старую точку зрѣнія, которая, впрочемъ, въ сущности не покидала его совсѣмъ и тогда, когда онъ былъ увѣренъ въ быстромъ распространеніи коллективизма среди массъ. Его не оставляла и тогда мысль о томъ, что „буржуазное государство" не дастъ трудящимся массамъ возможности восторжествовать легально. Онъ и тогда ставилъ дилемму (на засѣданіи 20-го ноября 1894 г.) буржуазному большинству, поддерживавшему республиканскій по имени, но реакціонный по духу кабинетъ Шарля Дюпюи:

...Всѣ революціи были навязаны и вынуждены, всѣ онѣ дѣло партій, стоящихъ у власти.

Являетесь-ли вы одною изъ этихъ партій, которыя желаютъ ускорить революцію, заставить насъ произвести ее?

Въ этомъ пунктѣ мы къ вашимъ услугамъ... Мы хоть сейчасъ готовы написать: „здѣсь покоится прахъ" на развалинахъ современнаго порядка или безпорядка; перо и бумага на готовѣ у насъ.

Но если, наоборотъ, вы хотите быть просто-на-просто республиканскимъ правительствомъ, хотя и не раздѣляющимъ нашей точки зрѣнія, но понимающимъ, что у насъ все же есть общая почва, почва уже совершенныхъ реформъ, почва уже провозглашенныхъ правъ, наконецъ, почва свободы, которая существуетъ и должна существовать для всѣхъ, тогда мы могли бы направиться эволюціоннымъ путемъ (évolutivement) къ исходу изъ пустыни и къ мирному вступленію въ обѣтованную землю. Но въ вашихъ рукахъ находятся и война, и миръ. Скажите же, что вы за миръ или скажите, что вы за войну! (*рукоплесканія на различныхъ скамьяхъ крайней лѣвой*) *).

Съ новою энергіею Гэдъ сталъ на прежнюю точку зрѣнія, отметая самую возможность дилеммы и провозглашая рѣзкія формулы 80-хъ годовъ, въ моментъ великаго кризиса, который въ дѣлѣ Дрейфуса разорвалъ Францію на двѣ части, какъ десять лѣтъ назадъ ее разорвалъ на двѣ части кризисъ буланжизма. У всѣхъ на памяти разнообразныя перипетіи этого міроваго дѣла, произведшаго самую удивительную перетасовку партій; и я упомяну лишь нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся Гэда. Въ статьѣ о Жорэсѣ я указалъ читателю, что въ началѣ агитаціи Гэдъ былъ рѣшительно за вмѣшательство соціалистовъ въ борьбу между реакціей и демократіей. Изъ его устъ вырвалась даже въ то время яркая фраза, дѣлающая честь этому властному, но отнюдь не мелко самолюбивому человѣку: „за то я васъ и люблю такъ, Жорэсъ, что у васъ за словомъ слѣдуетъ дѣло". Она была произне-

*) Напечатано въ двухтомномъ сборникѣ парламентарныхъ рѣчей Гэда: Jules Guesde, *Quatre ans de lutte de classe à la Chambre*; Парижъ 1901, т. I, стр. 216—218.

**) Ibid., стр. 127—128.

бѣна Гэдомъ въ тотъ моментъ, когда, по совѣту его, Жорэсъ интерпеллировалъ министерство Мелина по поводу махинацій генеральнаго штаба. Увы! нѣсколько мѣсяцевъ спустя, послѣ выборовъ 8-го и 22-го мая 1898 г., на которыхъ соціализмъ не сдѣлалъ почти никакихъ успѣховъ и потерялъ двухъ такихъ вожаковъ, какъ Жорэсъ и Гэдъ, а антисемитская и націоналистская демагогія одержала нѣсколько частныхъ побѣдъ, — послѣ этихъ, говорю, выборовъ Гэдъ рѣшительно сталъ поперекъ агитаціи соціалистовъ, и подъ его преобладающимъ вліяніемъ былъ составленъ манифестъ „рабочей партіи" по дѣлу Дрейфуса, напоминающій или, лучше сказать, крайне усугубляющій тактическую ошибку гэдистовъ во время буланжизма. Въ то время, какъ вся страна была охвачена ожесточенной борьбой между общественнымъ прогрессомъ и общественной реакціей, національный совѣтъ рабочей партіи обращался съ слѣдующимъ воззваніемъ къ „Рабочимъ Франціи":

...Пролетаріямъ нечего дѣлать въ этой битвѣ, которая отнюдь не ихъ и въ которой сталкиваются между собой Буадэффры и Трарьё, Кавеньяки и Ивы Гюйо, Пельё и Галлиффэ. Ихъ дѣло лишь извнѣ отмѣчать удары и повертывать противъ общественнаго порядка—или безпорядка—скандалы военной Панамы, прибавляющіеся къ скандаламъ финансовой Панамы...

...Въ новомъ кризисѣ, который испытываютъ правящіе классы, намъ нечего быть ни эстергазистами, ни дрейфусистами, но мы должны остаться партіей класса, который знаетъ и ведетъ лишь классовую борьбу за освобожденіе труда и человѣчества...

...Рабочіе Франціи, соціалисты, къ орудіямъ же, только къ вашимъ орудіямъ и—пли на все, что не вашъ классъ и не ваше дѣло! *).

Этотъ языкъ военныхъ бюллетеней и приказовъ плохо скрывалъ ту партійную робость, которая снова, какъ десять лѣтъ тому назадъ, овладѣла сердцемъ лично неустрашимаго Гэда. Послѣ временнаго увлеченія успѣхами соціализма въ массахъ и надеждой на быстрое проникновеніе всеобщей подачи голосовъ идеалами рабочей партіи, Гэдъ испытывалъ сильное разочарованіе. Масса, всколыхнутая демагогами шовинизма, не обнаруживала на выборахъ 1898 г. желанія идти съ такой же возрастающей охотой за коллективистами, съ какой двинулись за ними ея непочатые слои въ 1893 г. Очевидно, наступала остановка въ симпатіяхъ трудящагося населенія къ соціалистамъ. И Гэдъ снова сталъ на свою прежнюю точку зрѣнія: будемъ пропагандировать коллективизмъ, и прочая приложатся намъ съ теченіемъ времени; нечего рисковать изъ за какого-то дѣла Дрейфуса организаціей пролетаріата.

Къ сожалѣнію, эти расчеты оказались невѣрными, и невѣрными потому, что если коллективизмъ не хотѣлъ заняться дѣломъ Дрейфуса, то дѣло Дрейфуса занималось коллективизмомъ. Я хочу этимъ сказать, что скоро во Франціи вся политическая жизнь

*) Манифестъ отъ 24-го іюля 1898 г. въ сборникѣ *Onze ans d'histoire socialiste*, стр. 74—76, passim.

стала вертѣться вокругъ этого явленія, становившагося не только національнымъ, но и интернаціональнымъ. Кто не высказывался такъ или иначе за него, тотъ обрекалъ себя на политическое бездѣйствіе, —состояніе, грозящее самыми серьезными неудобствами всякой живой партіи. Мнѣ нечего напоминать еще разъ о томъ, какъ крупнѣйшая тактическая ошибка Гэда, — къ которой присоединился на сей разъ и Вальянъ, но не ослабляя ее своимъ политическимъ чутьемъ, какъ во времена буланжизма, а еще отягощая,—подготовила почву для тактической же ошибки Жорэса, который, оставаясь въ дѣлѣ Дрейфуса безъ поддержки гэдистовъ и бланкистовъ, пошелъ для союза въ сторону буржуазіи и кончилъ теоріей „сотрудничества классовъ". Отнынѣ дружная работа такихъ выдающихся представителей соціализма, какъ Жорэсъ и Гэдъ, смѣнилась страстной борьбой между ними и ихъ направленіями. Совмѣстная дѣятельность всѣхъ соціалистическихъ фракцій противъ буржуазіи въ періодъ 1893—1898 гг. уступила мѣсто междуусобной войнѣ среди соціалистовъ. И лишь въ послѣднее время, цѣною всяческихъ усилій и апелляціи къ интернаціональному соціализму, оба лагеря братьевъ-враговъ пытаются заключить миръ и устранить этимъ мирнымъ договоромъ вредную трату парализующихся борьбою силъ. Надо-ли говорить, что во время этой борьбы уже старѣющійся, уже надломанный обычною болѣзнью Гэдъ всетаки сохранилъ темпераментъ фанатическаго солдата идеи? Еще совсѣмъ недавно, во время знаменитой дуэли на Амстердамскомъ конгрессѣ съ могучимъ противникомъ, онъ производилъ своей страстной, почти истерической импровизаціей-рѣчью противъ Жорэса впечатлѣніе человѣка, для котораго общественная дѣятельность и личное существованіе слились въ одно неразрывное цѣлое...

Было бы, конечно, возможно, анализируя рѣчи Гэда за послѣдніе годы, показать теоретическія и практическія противорѣчія между этой полосой его жизни и непосредственно ей предшествовавшей. Было бы возможно подчеркнуть такія преувеличенія и заостренія его взглядовъ, которыя возбуждаютъ недоразумѣнія даже среди людей, въ общемъ стоящихъ на его точкѣ зрѣнія,—напр., его неловкія фразы, касающіяся буржуазной республики, какъ наиболѣе безжалостной формы классоваго господства. Но все это, съ одной стороны, объясняется психологическимъ закономъ реакціи противъ утвержденій противника, рисующаго, наоборотъ, въ черезчуръ идиллическомъ освѣщеніи буржуазную республику. Съ другой, эти промахи, ошибки и увлеченія не могутъ закрывать отъ взглядовъ безпристрастнаго наблюдателя своеобразную мощь фигуры Гэда, которую можно не любить, позволительно ненавидѣть, но нельзя не уважать. Этотъ теоретическій матеріалистъ обладаетъ душой пламеннаго идеалиста.

Н. Е. Кудринъ.

Изъ Англіи.

I.

„Англійское земледѣліе погибаетъ!“ Такъ констатируютъ одинаково и фритрэдеры, и протекціонисты. „Земледѣліе въ Англіи убито конкурренціей иностранцевъ“—продолжаютъ протекціонисты. Съ каждымъ годомъ потребленіе англійской пшеницы уменьшается, а ввозъ хлѣба изъ-за границы увеличивается. Приведу здѣсь таблицу, показывающую потребленіе въ Англіи пшеницы мѣстной и привозной за пятьдесятъ лѣтъ. Цифры показаны въ тысячахъ бушелей.

Годы.	Потребленіе мѣстной пшеницы.	Потребленіе привозной пшеницы.	Всего.
1853	81774 тысячи буш.	50706 тысячъ буш	132480
1854	94812 „ „	36364 „ „	131176
1855	122679 „ „	25944 „ „	148623
1856	103637 „ „	42258 „ „	145895
1857	113607 „ „	32701 „ „	146308
1858	128548 „ „	44226 „ „	172774
1859	114069 „ „	40870 „ „	154939
1860	91908 „ „	60696 „ „	152604
1861	81341 „ „	69209 „ „	150550
1862	95824 „ „	95108 „ „	190932
1863	115661 „ „	58638 „ „	174299
1864	132680 „ „	54724 „ „	187407
1865	117577 „ „	49148 „ „	166725
1866	97942 „ „	55981 „ „	153923
1867	79068 „ „	73522 „ „	152590
1868	88420 „ „	68363 „ „	156783
1869	118259 „ „	84217 „ „	202476
1870	99833 „ „	67131 „ „	166964
1871	90495 „ „	81752 „ „	172247
1872	83332 „ „	89588 „ „	172920
1873	79291 „ „	95912 „ „	175203
1874	84198 „ „	92055 „ „	176253
1875	94858 „ „	112572 „ „	207430
1876	72313 „ „	96862 „ „	169175
1877	74257 „ „	118644 „ „	192901
1878	84850 „ „	111708 „ „	196558
1879	75910 „ „	137944 „ „	213854
1880	48610 „ „	128475 „ „	177085
1881	66417 „ „	134486 „ „	200903
1882	67663 „ „	151236 „ „	218899
1883	73663 „ „	160595 „ „	234258
1884	72012 „ „	124920 „ „	196932
1885	74950 „ „	154183 „ „	229133
1886	68200 „ „	124197 „ „	192397
1887	61777 „ „	149395 „ „	211172
1888	69416 „ „	149504 „ „	218920
1889	68730 „ „	146238 „ „	214968
1890	69734 „ „	152758 „ „	222492
1891	69596 „ „	165744 „ „	235340
1892	64567 „ „	176421 „ „	240988
1893	52436 „ „	173319 „ „	225755

Годы.	Потребленіе мѣстной пшеницы.	Потребленіе привозной пшеницы.	Всего.
1894	49441 тысячи буш.	179362 тысячъ буш.	228803
1895	48952 „ „	194061 „ „	248013
1896	40057 „ „	184417 „ „	224474
1897	51852 „ „	164643 „ „	216495
1898	56319 „ „	174371 „ „	230690
1899	66289 „ „	181313 „ „	247602
1900	56772 „ „	182547 „ „	239319
1901	47873 „ „	187243 „ „	235116
1902	49519 „ „	200986 „ „	250505
1903	48826 „ „	217535 „ „	266361 *)

Протекціонисты мирятся еще съ тѣмъ, что часть привознаго хлѣба идетъ изъ британскихъ колоній; но ввозъ изъ-за границы кажется имъ чуть ли не личнымъ оскорбленіемъ. Слѣдующая таблица показываетъ, откуда идетъ хлѣбъ, привозимый въ Англію.

Годы.	Изъ Соедин. Штатовъ. Тоннъ.	Изъ Аргентины. Тоннъ.	Изъ Россіи. Тоннъ.	Изъ Австро-Венгріи. Тоннъ.	Изъ остальныхъ государствъ. Тоннъ.	Изъ британскихъ колон. Тоннъ.
1899	3011000	576000	126000	72000	108000	1032000
1900	2871000	938000	225000	81000	212000	606000
1901	3343000	415000	129000	56000	135000	975000
1902	3248000	227000	331000	48000	270000	1272000
1903	2337000	712000	864000	57000	289000	1578000 **)

Такимъ образомъ, колоніи доставляютъ только около 25% хлѣба, потребляемаго въ Англіи. Иностранныя государства отправляютъ въ Англію въ три раза больше пшеницы, чѣмъ колоніи. И эта цифра растетъ съ каждымъ годомъ. Съ каждымъ годомъ цѣны на пшеницу падаютъ. Въ 1830 г. четверть пшеницы (Quarter, т. е. мѣра въ 480 англійскихъ фунтовъ или 13 пудовъ) стоила въ Англіи 64 ш. 3 пенса, въ 1840 г.—66 ш. 4 пенса, въ 1850 г., послѣ отмѣны хлѣбныхъ налоговъ, — 40 ш. 3 пенса, въ 1903 г.—26 ш. 9 пенсовъ.

Въ Англіи акръ пшеницы обходится фермеру въ 7 — 8 фунтовъ, въ Америкѣ 1 ф.—4 ф. 4 ш. ***). Такимъ образомъ, повидимому, теряется совершенно надежда на возрожденіе земледѣлія въ Англіи.

Рядомъ съ этими фактами нужно сопоставить цыфры, показывающія, сколько людей занято земледѣльческимъ трудомъ въ Англіи. По свѣдѣніямъ, добытымъ всеобщими переписями, такихъ людей въ Англіи и въ Уэльсѣ было:

*) „Daily Mail". Year Book, 1905, p. 278. См. также „Whitaker's Almanach", 1905, p.p. 338—349.

**) По отчетамъ „London Gazette" за 1904 г. См. также „D. M." Year Book, 1905, p. 284.

***) Report issuedby the Foreign Office.

Въ 1851	1904687
„ 1861	1803049
„ 1871	1423854
„ 1881	1199827
„ 1891	1099572
„ 1901	988340

Другими словами, переписи констатируютъ все болѣе и болѣе усиливающееся бѣгство населенія изъ деревень въ города. Въ деревняхъ остаются только старики, калѣки и слабоумные, у которыхъ нѣтъ никакой надежды на успѣхъ въ городѣ. По отчетамъ, публикуемымъ Board of Trade, видно, что за послѣднія двадцать лѣтъ чаще всего банкротятся фермеры. Земли переходятъ отъ арендаторовъ фермеровъ къ лэндлордамъ, и нивы обращаются въ пастбища, Въ 1866 г. въ Англіи было 11.148,814 акровъ постоянныхъ пастбищъ, а въ 1903 г. — 16.934,495 *). Увеличеніе это — на счетъ нивъ. Въ 1866 г. подъ пшеницей было 3.350,394 акра, а въ 1903 г.—1.497,257 акровъ. Англійскій фермеръ не можетъ держаться больше, не смотря на интенсивность культуры. Средній урожай пшеницы съ акра земли составляетъ:

Во Франціи	20	бушелей
Въ Германіи	18	„
„ Россіи	12	„
„ Австріи	16	„
„ Венгріи	12	„
„ Италіи	12	„
„ Швеціи	20	„
„ Норвегіи	25	„
„ Даніи	25	„
„ Голландіи	23	„
„ Бельгіи	24	„
„ Соедин. Штат.	24	„
„ Австраліи	10	„
„ Англіи	33	бушеля **).

Какъ относятся къ этимъ фактамъ протекціонисты и фритрэдеры, напрягшіе теперь въ борьбѣ всѣ усилія?

II.

Протекціонисты утверждаютъ, что виновникомъ гибели англійскаго земледѣлія является свободная торговля.

„Въ теченіе шестидесяти лѣтъ мы держимся экономической системы, которая была принята нашими дѣдами и отцами, когда условія въ Англіи были совершенно иныя,—говоритъ вождь протекціонистовъ.—Мы дозволяемъ теперь иностранцамъ привозить къ намъ все, что они производятъ (хотя то же самое мы и сами могли бы производить) и не беремъ съ нихъ ни фартинга по-

*) Agriculture and Tariff Reform, 1904, p. 29.

**) Ib., p. 31-32.

шлинъ. Наши конкуренты ничего не расходуютъ на поддержаніе порядка, который приноситъ имъ такія громадныя выгоды. И въ то же самое время иностранные народы, широко пользующіеся нашей щедростью и великодушіемъ, не впускаютъ безпошлинно къ себѣ ничего изъ того, что мы производимъ. Если наши торговцы пріѣзжаютъ со своими товарами къ нѣмцамъ или къ французамъ, то должны платить пошлины, т. е. обязаны на свой счетъ поддерживать государственный порядокъ" *). Свободная торговля убила земледѣліе, какъ убиваетъ британскую фабричную промышленность,—говорятъ протекціонисты. Правда, вредное вліяніе системы долго не сказывалось, наоборотъ даже, повидимому, Англія благоденствовала. Но все это, по мнѣнію протекціонистовъ, объясняется слѣдующимъ. Въ продолженіе тридцати лѣтъ послѣ введенія свободной торговли земледѣліе за границей не дѣлало никакого прогресса. Поля на „дикомъ западѣ" въ Америкѣ не были еще вспаханы. Ввозъ хлѣба въ Англію изъ-за границы не былъ еще особенно великъ. Иностранцы тогда не имѣли ни достаточнаго капитала, ни искусныхъ работниковъ, ни хорошихъ машинъ,—говоритъ Чэмберленъ.—Но теперь все измѣнилось. Иностранцы добыли деньги, нашли ловкихъ работниковъ и научились дѣлать отличныя машины. Сперва они снабдили собственные внутренніе рынки всѣмъ необходимымъ, а потомъ стали присылать свои фабрикаты къ намъ, въ Англію, причиняя этимъ громадные убытки британскимъ производителямъ и работникамъ". Больше всѣхъ отъ свободной торговли пострадали англійскіе фермеры и сельскіе работники.

Факты не совсѣмъ подтверждаютъ положенія, высказанныя Чэмберленомъ. Во-первыхъ, никогда сельскіе работники въ Англіи не переживали такихъ отчаянныхъ моментовъ, какъ въ началѣ XIX вѣка, въ эпоху расцвѣта протекціонизма. Тогда сельскій работникъ былъ совершенно безправнымъ существомъ, зависѣвшимъ всецѣло отъ фермера, сквайра и попа. Работникъ питался чернымъ хлѣбомъ и картофелемъ, жилъ вмѣстѣ со свиньями. Мясо онъ видѣлъ у себя на столѣ разъ въ недѣлю, чай считалъ роскошью. Теперь въ Англіи черный хлѣбъ неизвѣстенъ, мясо составляетъ значительную часть питанія. Семья сельскаго работника потребляетъ теперь, въ общемъ, 7,2 анг. ф. (т. е. около 8 русскихъ ф.) мяса въ недѣлю. У городскихъ рабочихъ потребленіе мяса больше на 2,1 ф. въ недѣлю. Чай, сахаръ, сыръ, масло и варенье тоже фигурируютъ ежедневно на столѣ „ходжа" (сельскаго работника). Живетъ онъ теперь въ коттэджахъ въ 3 комнаты, одѣвается тепло и чисто. Дѣти его ходятъ въ школу, потому что власть сквайра и попа исчезла. Если „ходжъ" бѣжитъ теперь изъ деревни въ городъ, то не потому, что въ деревнѣ

*) Speech delivered by Chamberlain, Welbeck, on August 4-th, 1904.

теперь хуже, чѣмъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, а потому, что въ городѣ большіе заработки и бо́льшая независимость, чѣмъ въ деревнѣ. „Ходжъ“ получаетъ теперь меньше, чѣмъ его товарищи въ городѣ, но онъ получаетъ больше, чѣмъ сельскіе работники въ странахъ, гдѣ существуетъ протекціонизмъ. Слѣдующая таблица показываетъ заработную плату въ деревнѣ:

Годы	въ Англіи	во Франціи	въ Германіи	въ С. Штат. *).
1850	9 ш. 6 п. въ нед.	9 ш. — въ нед.	8 ш. 6 п. въ нед.	- 16 ш. въ нед.
1870	15 „ — „	12 „ 6 п. „	10 „ 6 „ „	1 ф. - „
1880	17 „ 6 „ „	14 „ — „	12 „ 6 „ „	1 „ 5 „ „

Съ тѣхъ поръ заработная плата сельскихъ работниковъ почти фиксирована. Англійскій „ходжъ“ получаетъ абсолютно больше, чѣмъ нѣмецкій или французскій сельскій работникъ. Кромѣ того, его заработная плата, по причинѣ свободной торговли, имѣетъ большую покупательную способность: въ Англіи хлѣбъ, мясо, чай, сахаръ, платье—дешевле, чѣмъ на континентѣ.

Итакъ, положенія, высказываемыя протекціонистами, не подтверждаются фактами. Возвратимся, однако, къ тому толкованію, которое даетъ Чэмберлэнъ фактамъ, приведеннымъ въ началѣ письма.

„За послѣднія тридцать лѣтъ площадь, занятая пашнями всякаго рода, уменьшилась на три милліона акровъ. Пастбища увеличиваются насчетъ нивъ. Все это, прежде всего, имѣетъ громадное значеніе для сельскаго работника, потому что означаетъ уменьшеніе спроса на его трудъ. Живой инвентарь уменьшился за 30 лѣтъ на два милліона головъ. Капиталъ фермеровъ, по разсчетамъ сэра Роберта Гиффена, уменьшился на 200 мил. ф. ст. Каковъ выводъ изъ всего этого? А тотъ, что въ деревнѣ теперь меньше работы. За 30 лѣтъ число „рукъ“ въ деревнѣ уменьшилось на 600.000... Не было еще пророка столь несчастливаго въ своихъ предсказаніяхъ, какъ Кобдэнъ,—продолжаетъ Чэмберлэнъ въ другомъ мѣстѣ.—Кобдэнъ предвѣщалъ, что отмѣна хлѣбныхъ налоговъ увеличитъ спросъ на трудъ сельскихъ работниковъ. Сбылись ли предсказанія? Половина всѣхъ сельскихъ рабочихъ теперь безъ работы. Кобдэнъ увѣрялъ, что свободная торговля не обратитъ въ пастбище ни одного акра нивы и не уменьшитъ производительность полей даже на бушель. Между тѣмъ, Англія производитъ теперь на шестьдесятъ милліоновъ бушелей меньше, чѣмъ раньше. Кобдэнъ утверждалъ, что доходы фермера не пострадаютъ, и что онъ всегда получитъ хорошую цѣну за свою пшеницу. Кобдэнъ не предвидѣлъ, что цѣнность ея будетъ ниже 45 шил. за четверть. Онъ предсказывалъ, что высокій фрахтъ, достигающій 10 ш. 6 п. за четверть, образуетъ своего рода существенный протекціонизмъ для защиты на англій-

*) Agriculture and Tariff Reform, 1904, p. 45.

скихъ рынкахъ туземнаго хлѣба отъ заграничнаго. Между тѣмъ, съ развитіемъ пароходства доставка четверти хлѣба изъ Аргентины или Соединенныхъ Штатовъ стоитъ не полгинеи, а только нѣсколько пенсовъ. Пшеница стоитъ теперь 26 шил. за четверть. При такихъ цѣнахъ не выгодно сѣять ее" *).

Талантливый ораторъ, который такъ часто и такъ радикально мѣнялъ свои убѣжденія и постоянно дѣлалъ предсказанія, которыя всегда оправдывались... наоборотъ, — очень строгъ къ Кобдэну. Чтобы нанести фритрэдерству рѣшительный ударъ, ораторъ упрекаетъ знаменитаго борца пятидесятыхъ годовъ тѣмъ, чего тотъ никогда не говорилъ.

Кобдэнъ не дѣлалъ предсказаній, которыя ему теперь навязываются протекціонистами. Свободная торговля была принята потому, что ее считали крайне выгодной для британскихъ интересовъ, а не потому, что Кобдэнъ обѣщалъ что нибудь или предсказывалъ... Ни въ одной изъ рѣчей Кобдэна во время борьбы противъ хлѣбныхъ налоговъ нѣтъ ни одного предсказанія, что сдѣлаютъ другія государства, когда Англія введетъ свободную торговлю. Никогда ни Кобдэнъ, ни Пиль не утверждали во время борьбы, что и другія страны послѣдуютъ примѣру Великобританіи. Правда, въ упоеніи успѣхомъ, въ 1846 г., когда министерство обѣщало отмѣнить хлѣбные налоги, Кобдэнъ замѣтилъ вскользь, что фритрэдерство увлечетъ и другія страны. Но это еще не означаетъ, какъ говорятъ теперь протекціонисты, что *вся борьба* противъ хлѣбныхъ налоговъ основывалась Кобдэномъ на одномъ аргументѣ: на обѣщаніи, что и другія государства, по примѣру Англіи, отмѣнятъ таможенныя пошлины" **).

Теперь протекціонисты стараются убѣдить сельскихъ работниковъ, что они прямо заинтересованы въ возвращеніи къ протекціонизму. Сквайры и попы, которые когда-то такъ донимали „ходжа", воспылали вдругъ необыкновенной нѣжностью и заботливостью къ нему. „Свободную торговлю вводили, не справляясь съ мнѣніемъ и интересами сельскихъ работниковъ, которые тогда не имѣли права голоса. . Теперь все измѣнилось: сельскій работникъ можетъ подавать свой голосъ на выборахъ". Ораторъ убѣждаетъ „ходжа" стоять за налогъ на хлѣбъ. Протекціонизмъ означаетъ повышеніе цѣнъ на пшеницу. Это обстоятельство поведетъ къ тому, что фермеры снова найдутъ выгоднымъ для себя пахать и сѣять. А въ такомъ случаѣ будетъ большой спросъ на сельскихъ работниковъ. Разъ будетъ спросъ, то повысится и заработная плата. Выводъ: 1) англійское земледѣліе можетъ быть спасено пошлинами на хлѣбъ, 2) если „ходжъ" желаетъ повышенія заработной платы, мы должны голосовать на выборахъ за доро-

*) *Welbeck speech*, см. *Times*, August 5-th, 1904.

**) Facts versus Fiction, изданія Кобдэновскаго клуба. 1904, p. 15—16.

гой хлѣбъ. „Что лучше,—спрашиваютъ протекціонисты,— имѣть ли дешевый хлѣбъ и пустой карманъ, или дорогой хлѣбъ и *много* денегъ въ кошелькѣ, чтобы купить все“?

Исторія Англіи въ началѣ и серединѣ XIX вѣка не свидѣтельствуетъ, однако, о томъ, что дорогой хлѣбъ сопровождается полнымъ кошелькомъ у работниковъ. Вотъ, напр., только что вышедшая книга, составленная изъ воспоминаній старыхъ работниковъ о временахъ протекціонизма. „Соль тогда стоила двадцать одинъ шиллингъ за бушель,—пишетъ восьмидесяти-четырехлѣтній сельскій работникъ Чарльзъ Робинсонъ.—Когда у насъ убивали свинью, то полтуши нужно было отдать за соль, чтобы заготовить впрокъ другую половину... Хлѣбъ тогда стоилъ 1 ш. 3 пенса за ковригу въ четыре фунта. За унцъ чая платили $6^{1}/_{2}$ пенсовъ, а за фунтъ сахара—восемь пенсовъ. Да еще то былъ тростниковый сахаръ, мокрый до того, что ковыряли мы его ложечкой“. Теперь фунтъ сахара стоитъ $2^{1}/_{2}$ пенса, фунтъ чая—1 шил. и пр. Другой старый работникъ Джозефъ Баддингтонъ вспоминаетъ: „Въ шестнадцать лѣтъ я получалъ 2 ш. 6 п. въ недѣлю (1 рубль 20 коп.). Потомъ ушелъ въ другую деревню, за 2 ф. 10 шил. въ годъ. Въ девятнадцать лѣтъ я получалъ въ годъ 4 фунта 15 шил. Въ двадцать четыре года фермеръ предложилъ мнѣ 6 ш. 6 п. въ недѣлю. Въ то время это считалось отличнымъ заработкомъ. Слышалъ я, сквайръ говорилъ недавно, что шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ на 6 ш. 6 п. можно было купить столько же, сколько теперь на 23 шил. Въ 1845 г. четырехфунтовая коврига стоила 1 ш. 4 пенса, скверный сахаръ 9 пенсовъ, коринка—6 пенсовъ. А въ 1899 г., до бурской войны, за хлѣбъ мы платили 3 пенса, за сахаръ 2 п., за коринку для пуддинга—2 п. Такъ что теперь на шесть шиллинговъ можно накупить то, за что мой отецъ платилъ 1 ф. 3 ш. Но въ то время мы, сельскіе работники, мало могли привередничать насчетъ ѣды. Питались мы рѣпой, ячменными лепешками да клецками изъ отрубей. Хорошій бѣлый хлѣбъ, какой ѣдимъ теперь, тогда считался роскошью, какъ ростбифъ. Многіе работники тогда и не знали, что такое свѣжее мясо. Они только изрѣдка ѣли копченое сало да солонину“. Работникъ Барнардъ вспоминаетъ: „ѣли мы тогда черный хлѣбъ, да еще такой скверный, что онъ никогда не выпекался, садился въ печи и выходилъ лепешками. Надрѣзанный хлѣбъ черезъ день покрывался плѣсенью, и запахъ отъ него шелъ тяжелый“.

„Хлѣбъ и соль стоили дорого,—пишетъ старикъ Геффель,—вѣроятно, потому, что безъ нихъ работникъ не могъ обойтись. Деревенская лавочка торговала плохо, да и то больше на книжку, потому денегъ у насъ было мало. Богатѣлъ только сквайръ. Въ нашей деревнѣ мясникъ убивалъ только одну корову въ недѣлю, причемъ продавалъ полтуши, а другую часть отвозилъ въ городъ. Теперь жителей въ деревнѣ гораздо меньше, а между тѣмъ мяс-

никъ рѣжетъ въ недѣлю двухъ коровъ, да, кромѣ того, еще свиней и овецъ".„—Въ то время „ходжу" жилось такъ плохо,—вспоминаетъ старикъ Джэкобсъ, — что только и слышно было про бунты въ деревняхъ, про поджоги стоговъ и фермъ, про смертныя казни и про ссылки въ Австралію. Помню я, предсѣдатель суда въ Винчестерѣ обратился къ присяжнымъ и просилъ ихъ судить построже, потому что „сельскіе работники всѣ до одного воры и разбойники". Судья этотъ потомъ взывалъ къ помѣщикамъ, убѣждая ихъ соединиться противъ „чумы", т. е. насъ. На фермѣ, гдѣ я работалъ, каждый день говорили, что того или другого товарища увезли въ тюрьму". Не многимъ лучше была тогда доля „ходжа", который уходилъ изъ деревни на фабрику въ городъ. „Моя старшая сестра уходила на ткацкую фабрику очень рано,—вспоминаетъ Джорджъ Олдфилдъ.—Какъ только мнѣ исполнилось девять лѣтъ, опредѣлили на фабрику и меня. Всю жизнь буду я помнить про то время! Вставали мы въ пять часовъ утра и шли на фабрику. Въ восемь дѣлался перерывъ на полчаса, затѣмъ другой такой же—въ 12 часовъ. Потомъ работали до четырехъ и послѣ короткаго перерыва въ нѣсколько минутъ—до $8^1/_2$ ч. Такимъ образомъ мы, девятилѣтнія дѣти, работали $12^1/_2$ часовъ въ сутки за 4 шил. въ недѣлю. На человѣка въ семьѣ приходилось, въ общемъ, по 1 ш. 2 п. въ недѣлю... Спали тогда по нѣскольку человѣкъ въ одной постели" *). Нашего крестьянина или фабричнаго это, конечно, поразить не можетъ. Джорджъ Олдфилдъ съ ужасомъ, напр., отмѣчаетъ, что въ семьѣ одно одѣяло приходилось на два человѣка. Такой фактъ можетъ поразить англійскаго работника, привыкшаго къ удобной постели и къ постельному бѣлью, но не крестьянина, спящаго на полу, безъ простыней, и покрывающагося не одѣялами, а верхнимъ платьемъ. Но нужно стать при оцѣнкѣ этихъ фактовъ на англійскую точку зрѣнія. Слѣдуетъ знать, что Джорджъ Олдфилдъ описываетъ условія жизни ткачей въ Ланкаширѣ. Какъ измѣнились тамъ эти условія за 70 лѣтъ! Теперь семья ланкаширскихъ ткачей зарабатываетъ отъ 3—10 фунтовъ въ недѣлю. Живутъ тамъ работники въ удобныхъ коттэджахъ, въ 4—5 комнатъ. Въ домахъ можно найти піанино, мягкую мебель, ковры, маленькія библіотечки. Протекціонистамъ тамъ трудно убѣдить работниковъ, что свободная торговля—гибельна для нихъ.

*) The Hungry Forties. London. 1904, p.p. 18—274 (изданіе T. Ficher Unwin).

III.

Посмотримъ, что отвѣчаютъ фритрэдеры протекціонистамъ, когда послѣдніе констатируютъ плачевное положеніе земледѣлія въ Англіи.

„Совершенно нелѣпо говорить о гибели земледѣлія, — заявляетъ Кобдэновскій клубъ. — Въ англійской деревнѣ мы различаемъ три элемента: землевладѣльца, арендатора-фермера и сельскаго работника. Землевладѣлецъ (the sleeping partner, по терминологіи Кобдэновскаго клуба) и фермеръ дѣйствительно сильно пострадали въ послѣднія двадцать пять лѣтъ вслѣдствіе паденія цѣнъ на сельскіе продукты. Рента значительно понизилась, хотя, главнымъ образомъ, въ земледѣльческихъ округахъ Англіи, а не тамъ, гдѣ лежатъ пастбища. Нужно помнить однако, что рента сильно повысилась въ 1855—1875 г.г. Врядъ ли гдѣ-нибудь въ Англіи арендная плата на землю пала ниже, чѣмъ была пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Прибыль фермеровъ тоже сильно понизилась въ послѣдніе годы. Значительная часть нивъ обращена въ пастбища. Все это такъ. За то третій элементъ деревни, сельскіе работники особенно выиграли отъ замѣны протекціонизма фритрэдерствомъ. Не только повысилась заработная плата, но понизилась, параллельно съ этимъ, стоимость платья и пищи. Не подлежитъ сомнѣнію, что благосостояніе сельскихъ работниковъ теперь на 50 проц. лучше, чѣмъ 25 лѣтъ тому назадъ, и на 100 проц. лучше, чѣмъ въ 1846 г.

Вѣрно, что число сельскихъ работниковъ уменьшилось. Часто утверждалось, что „ходжа“ гонитъ изъ деревни отсутствіе заработка и затруднительное положеніе фермеровъ. Но въ дѣйствительности мы видимъ нѣчто другое,—продолжаетъ Кобдэновскій клубъ *). Сельскіе работники уходятъ въ городъ потому, что разсчитываютъ на болѣе высокіе заработки на фабрикѣ, на желѣзной дорогѣ, въ полиціи и пр. Исходъ изъ деревни, начавшійся въ періодъ между 1870 и 1880 гг., прежде чѣмъ пали цѣны на хлѣбъ, вызвалъ повышеніе заработной платы на фермахъ. Это обстоятельство усилило затруднительное положеніе фермеровъ. Стоимость производства возросла. Фермеры принуждены были возможно больше экономничать и сокращать число работниковъ. Превращеніе пашенъ въ пастбища въ значительной степени объясняется повышеніемъ стоимости труда и пониженіемъ производительности земли. Но уменьшеніе числа сельскихъ работниковъ нельзя объяснить только сокращеніемъ площади пахотной земли. Значительная экономія въ живомъ трудѣ была вы-

*) *Cobden Club's Reply.* Ruined and threatened trades. 1904, p.p. 58—62.

гадана на фермахъ всякаго рода путемъ введенія сельскохозяйственныхъ машинъ. Побужденіемъ къ соблюденію экономіи явилось повышеніе заработной платы и исходъ изъ деревни въ городъ.

Процессъ превращенія пашенъ въ пастбища сократилъ, конечно, производительность земли. Но очень легко преувеличить вліяніе процесса,—объясняютъ экономисты Кобденовскаго клуба. Мѣрой пониженія является разница между производительностью земли подъ плугомъ и когда она обращена въ лугъ. Нужно помнить, что $^3/_7$ площади Англіи всегда были пастбищемъ. Въ 1871—75 гг. площадь пастбищъ измѣрялась 10.460,000 акровъ, а пашенъ 13 460,000 акровъ. Съ тѣхъ поръ пашни уменьшились на 2.500.000 акровъ. Пятая часть обрабатываемой земли превращена была въ луга. Площадь, занятая раньше пастбищемъ, увеличилась, такимъ образомъ, на 25 проц. Потеря страны отъ этого процесса, — говорятъ кобдэнисты, — измѣряется разницей между цѣнностью продуктовъ, доставляемыхъ этой землей раньше и теперь. При нынѣшнихъ цѣнахъ разница эта не больше, чѣмъ 3—4 ф. ст. на акръ. Хотя потеря эта на первый взглядъ кажется значительной, но она уравновѣшивается громадной выгодой, извлекаемой всѣмъ населеніемъ Англіи изъ паденія цѣнъ на пищевые продукты всякаго рода. Выиграли также фабриканты, имѣющіе теперь возможность покупать дешево сырые продукты для обработки.

Выгода, получаемая страной отъ свободной торговли, на много милліоновъ превышаетъ потери вслѣдствіе уменьшенія производительности земли.

Въ настоящее время вліяніе ренты и рабочаго рынка создало извѣстную систему равновѣсія въ земледѣльческихъ округахъ Англіи. Всюду есть желающіе арендовать фермы. Въ нѣкоторыхъ графствахъ является даже больше желающихъ, чѣмъ свободныхъ фермъ. Это показываетъ, что есть еще способные къ земледѣльческому труду люди, увѣренные, что можно съ выгодой вложить свой капиталъ и трудъ въ деревнѣ. Земля въ Англіи обрабатывается еще. Число лошадей, коровъ и мелкаго скота значительно увеличилось. Я приведу здѣсь нѣсколько цыфръ, показывающихъ живой инвентарь въ Англіи и Ирландіи. Цыфры взяты изъ статьи проф. Джэмса Лонга, помѣщенной въ годичномъ обзорѣ *Manchester Guardian*.

ВЪ АНГЛІИ:

	1904.	1903.
Лошадей	1,560,236	1,537,154
Круп. рог. скота	6,860,352	6,704,618
Овецъ	25,207,174	25,639,797
Свиней	2,861,644	2,686,561

ВЪ ИРЛАНДІИ:

Лошадей	608,811 .	595,746
Муловъ	29,941 .	29,795
Ословъ	244,167 .	243,241
Круп. рог. скота .	4,677,132 .	4,664,112
Овецъ	3,827,884 .	3,944,604
Свиней	1,315,523 .	1,383,516
Козъ	290,318 .	299,120 *)

Въ послѣдніе годы значительно увеличиваются огородничество и садоводство. При наличности этихъ условій,—продолжаютъ кобденисты,—хотя можно пожалѣть нѣкоторыхъ фермеровъ, потерпѣвшихъ убытки вслѣдствіе паденія цѣнъ,—приходится только порадоваться улучшенію положенія сельскихъ работниковъ. Совершенно непонятно, какъ можно говорить, будто вообще землеземледѣліе въ Англіи убито.

Совершенно вѣрно,—говорятъ фритрэдеры,—что Кобдэнъ не думалъ, что интересы фермеровъ пострадаютъ отъ введенія свободной торговли. Предположенія его подтвердились въ теченіе тринадцати лѣтъ. Послѣ отмѣны хлѣбныхъ налоговъ цѣнность земли увеличилась параллельно съ возрастаніемъ благосостоянія населенія. Такъ продолжалось до 1878 г., когда цѣны начали падать; процессъ этотъ наблюдается до настоящаго времени. Не одна только Англія страдаетъ теперь отъ земледѣльческаго кризиса. Чувствуется онъ также въ Германіи, Франціи и, въ особенности, въ восточныхъ штатахъ Сѣверной Америки.

Если бы Кобдэнъ предвидѣлъ паденіе цѣнъ на хлѣбъ и пониженіе ренты, взгляды его на свободную торговлю, навѣрное, не измѣнились бы. Онъ часто повторялъ, что высокая рента является главной причиной земледѣльческихъ кризисовъ и отнюдь не можетъ служить показателемъ благосостоянія. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ заявилъ, что понизилъ ренту въ своей вотчинѣ въ Сусексѣ и убѣдилъ помѣщиковъ послѣдовать его примѣру. Если бы Кобдэнъ могъ предвидѣть, что случится черезъ тридцать лѣтъ послѣ отмѣны хлѣбныхъ налоговъ,—продолжаютъ фритрэдеры,—онъ еще съ большею настойчивостью сталъ бы проповѣдывать необходимость земельныхъ реформъ, которыя настоятельно рекомендовалъ тогда. Преобразованія эти должны были ввести въ Англіи мелкое землевладѣніе. Въ такомъ случаѣ, исходъ изъ деревень не принялъ бы массоваго характера, какъ теперь. Во всякомъ случаѣ, — заканчиваютъ кобдэнисты, — система свободной торговли существуетъ въ Англіи шестьдесятъ лѣтъ. Населеніе привыкло имѣть дешевую пищу и платье по недорогой цѣнѣ. Было бы чистымъ безуміемъ мѣнять все это теперь. Искусственное повышеніе цѣнъ неминуемо поведетъ за собою пониженіе заработной платы и ухудшеніе положенія рабочаго класса.

*) „The Year's Agriculture". *The Manchester Guardian*, Saturday, December 31, 1904, p. 43.

Быть можетъ, читатели вспомнятъ любопытное, колоссальное изслѣдованіе Райдера Хаггарда „Rural England", о которомъ я писалъ въ *Русскомъ Богатствѣ* въ 1902 г. *). Авторъ—протекціонистъ. Онъ думаетъ, что налоги на хлѣбъ помогли бы фермерамъ стать на ноги, но, въ то же время, полагаетъ, что это средство непримѣнимо. „Ходжъ"—смиренъ, но есть одно, что заставило бы его начать бунтовать. И это — дорогой хлѣбъ. Возвращеніе къ протекціонизму создало бы въ Англіи аграрную революцію,—по мнѣнію Райдера Хаггарда. Тѣ явленія, о которыхъ вспоминаетъ одинъ изъ авторовъ цитированной выше книги *The Hungry Forties*, — не только вполнѣ возможны при возвращеніи къ дорогому хлѣбу, но примутъ вѣроятно болѣе организованный и болѣе грозный характеръ.

IV.

Итакъ, серьезные изслѣдователи полагаютъ, что налогъ на хлѣбъ непрактичное средство для возрожденія англійскаго земледѣлія. Протекціонисты предлагаютъ налогъ въ 2—5 шиллинговъ на четверть *иностранной* пшеницы. Врядъ ли англійскіе фермеры выиграли бы что нибудь отъ этого. Ихъ конкурентами на англійскомъ рынкѣ явились бы немедленно канадскіе и австралійскіе фермеры. Теперь, когда они встрѣчаются съ конкурентами изъ Соедин. Штатовъ, Россіи и Аргентины, они посылаютъ шесть милліоновъ четвертей пшеницы. Когда же конкуренты будутъ устранены пошлиной (колоніальные продукты будутъ избавлены отъ нея), Канада и Австралія заполнятъ своею пшеницей англійскій рынокъ. Англійскіе фермеры будутъ сметены.

Конечно, имъ все равно, кто вытѣснитъ ихъ: колоніальные ли конкуренты, или иностранцы. Налогъ на хлѣбъ принесъ бы выгоду только Канадѣ и Австраліи, но не спасъ бы англійскихъ фермеровъ.

Посмотримъ на другіе проекты, предлагаемые для спасенія англійскаго земледѣлія. Многіе изъ нихъ сводятся къ замѣнѣ нынѣшней системы землевладѣнія другой и къ введенію класса мелкихъ фермеровъ-собственниковъ **). Начнемъ съ проектовъ протекціонистовъ.

Въ 1896 г. министерство Розбери назначило коммиссію для изслѣдованія причинъ паденія земледѣлія въ Англіи. Коммиссія собрала богатый матеріалъ и намѣтила рядъ реформъ, изъ которыхъ осуществлена только очень незначительная часть. Къ сожалѣнію, совершенно вѣрно, — читаемъ мы въ оффиціальномъ отчетѣ, — что со времени послѣдняго изслѣдованія положеніе

*) См. очеркъ „Земля" въ моей книгѣ „Англійскіе этюды".

**) См. тамъ же.

земледѣлія ухудшилось. Фермеры переживаютъ очень тяжелый кризисъ. Они понесли значительныя потери въ капиталѣ и получаютъ очень небольшіе доходы; правильнѣе было бы сказать,— никакихъ доходовъ. Большая часть фермеровъ разорена, остальные еле-еле сводятъ концы съ концами. Количество сельскихъ работниковъ уменьшается, не смотря на то, что населеніе Англіи быстро возрастаетъ. Тамъ, гдѣ фермеры держатся еще, обусловливается это слѣдующими причинами: уменьшеніемъ ренты, экономіей въ работѣ, паденіемъ цѣнъ на удобренія и на привозный кормъ для скота, а также на всѣ продукты, не производимые на фермѣ. Чтобы снять и вести ферму, требуется теперь меньше капитала, чѣмъ въ былое время высокихъ цѣнъ и значительной ренты. Земельная реформа, проведенная парламентомъ въ 1896 г. (Agricultural Rating Act, о которомъ см. упомянутый очеркъ „Земля"), принесла нѣкоторое облегченіе фермерамъ, но многое еще остается сдѣлать. Образованіе должно быть такъ же общедоступно для сельскаго населенія, какъ и для городского. Фермерамъ необходимо соединиться въ союзы съ цѣлью улучшить качество молочныхъ продуктовъ и чтобы возможно скорѣе и дешевле доставлять эти продукты на рынокъ. Кооперація необходима также для пріобрѣтенія сообща лучшаго удобренія, корма для скота и сѣмянъ. Пониженіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ на сельскіе продукты явится значительнымъ облегченіемъ для земледѣлія *). Мы пришли также къ заключенію, что большую пользу принесъ бы законъ, который обезпечилъ бы

*) Нѣсколько фактовъ выяснятъ значеніе этихъ словъ. Перевозка грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ въ Англіи обходится дороже, чѣмъ гдѣ бы то ни было на континентѣ. Доставить тонну угля за сто миль по желѣзной дорогѣ стоитъ въ Америкѣ 1 ш. 8 п., въ Бельгіи — 2 ш. 10 п., въ Германіи— 3 ш. 8 п., Въ Англіи — 7 ш. 6 пенсовъ. Доставить тонну яблокъ изъ Фолькстона въ Лондонъ (сто верстъ съ лишнимъ) стоитъ 1 ф. 14 ш. 1 п.

изъ Калифорніи въ Лондонъ . . . 15 ш. 8 п.

2) Перевозка тонны говядины:
изъ Ливерпуля въ Лондонъ . . . 2 ф. — ш. — п.
„ Аргентины „ „ . . . . — 11 „ 5 „

3) Доставка тонны яицъ:
изъ Голуэй (въ Ирландіи) въ Лондонъ . 4 ф. 14 ш. — п.
„ Даніи въ Лондонъ . . . . 1 „ 4 „ — „
„ Россіи въ „ . . . . 1 „ 2 „ — „
„ Нормандіи въ Лондонъ . . . . — „ 16 „ 8 „

4) Доставка тонны сливъ, яблокъ или грушъ:
изъ Куинборо въ Лондонъ (65 верстъ) . 1 ф. 5 ш. — п.
„ Флешинга (въ Голландіи) . . . . — „ 12 „ 6 „

5) Доставка тонны желѣзныхъ издѣлій:
изъ Бирмингама въ Лондонъ . . — ф. 10 ш. 9 п.
„ Германіи . . . . — „ 4 „ 9 „

(См. книгу *George J. Wardle*, „Nationalization of Railways", 1904, p. p. 28 и дальше).

права арендатора: фермеръ долженъ получить полное вознагражденіе за сдѣланныя имъ улучшенія. Такой законъ поощрялъ бы фермеровъ вкладывать капиталъ въ арендуемые ими участки.

„Мы полагаемъ,—продолжаетъ коммиссія,—что при соотвѣтствующихъ реформахъ земледѣліе можетъ держаться въ Англіи, не смотря на низкія цѣны. Оно въ состояніи приносить прибыль фермерамъ, хотя, быть можетъ, не такую высокую, какъ раньше.. Въ нѣкоторыхъ графствахъ, гдѣ почва и положеніе не благопріятны, земледѣліе такъ сильно пострадало, что надежды на возрожденіе его крайне слабы. Если доходы фермера зависятъ только отъ урожая пшеницы, цѣны на которую сильно упали, и если, къ тому же, онъ не можетъ сократить свои расходы по найму рабочихъ,—то, очевидно, долженъ наступить моментъ, когда арендаторъ не будетъ въ состояніи платить ренту и обрабатывать землю. Этотъ именно моментъ наступилъ уже въ юго-восточной части Эссекса. То же случилось бы и во многихъ другихъ мѣстахъ, если бы земледѣльцы и арендаторы не предприняли большихъ жертвъ для предотвращенія катастрофы. Когда средства у этихъ фермеровъ истощатся, то, если пшеница не повысится въ цѣнѣ, большая площадь пахатной земли превратится въ грубыя пастбища, представляющія очень малую цѣнность... Положеніе земледѣлія не можетъ быть улучшено дальнѣйшимъ пониженіемъ ренты, все равно, добровольнымъ или принудительнымъ. Измѣненіе арендныхъ условій тоже не принесетъ радикальнаго облегченія. Въ нѣкоторыхъ графствахъ рента уже такъ низка, что ея не хватаетъ на поддержаніе усадьбы, службъ и дренажа. Дальнѣйшее пониженіе арендной платы было бы прямо не выгодно для фермера. Не подлежитъ сомнѣнію, что во многихъ мѣстахъ мелкіе фермеры могли бы отлично продержаться; но въ тѣхъ графствахъ, гдѣ земледѣліе теперь совершенно убито, по нашему мнѣнію, и мелкіе фермеры ничего не сдѣлали бы. Землевладѣльцы отнюдь не налагаютъ тягостныхъ условій на мелкихъ фермеровъ и не желаютъ ихъ терять *). Законодательство, которое повело бы за собою сокращеніе доходовъ лэндлорда, было бы скорѣе не выгодно для арендатора... Тяжелое положеніе земледѣлія обусловливается, главнымъ образомъ, паденіемъ цѣнъ, которое, въ свою очередь, вызвано соперничествомъ иностранцевъ. Такъ какъ условія эти продолжаютъ существовать, то слѣдуетъ ожидать дальнѣйшаго превращенія пашенъ въ пастбища“. Среди подписавшихъ протоколъ мы видимъ имена извѣстнаго статистика сэра Роберта Гиффена, Уолтера Лонга, Чэплина и др.

Коммиссія рекомендовала однако нѣкоторыя мѣры: поправки въ актѣ относительно аренды земли, особое министерство земле-

*) Всѣ факты, добытые Лигой для національзаціи земли, противорѣчатъ этому утвержденію. Землевладѣльцы, наоборотъ, крайне неохотно сдаютъ мелкіе участки и ставятъ при этомъ зачастую невозможныя условія.

дѣлія, улучшеніе школы въ деревнѣ, дешевый и легкій кредитъ для фермеровъ и т. д.

Въ концѣ 1904 г. появился проектъ „Can we grow wheat profitably“ (Можемъ ли мы съ выгодой для себя сѣять пшеницу?), написанный извѣстнымъ въ Англіи хозяиномъ-практикомъ Картью (I. K. Carthew), откровеннымъ защитникомъ налога на хлѣбъ. Авторъ констатируетъ вначалѣ извѣстные уже намъ факты относительно паденія земледѣлія въ Англіи. „Въ то время, какъ производство главнаго продукта питанія сократилось въ такой устрашающей степени,—говоритъ авторъ,—населеніе Великобританіи увеличилось на 10 милл., т. е. на 30 проц. На вопросъ: „чѣмъ объясняется паденіе англійскаго земледѣлія?“ — отвѣтить очень легко: пониженіе цѣнъ на хлѣбъ обусловливается развитіемъ земледѣлія въ сѣверной и южной Америкѣ, въ Австраліи и въ Индіи, а также болѣе легкимъ и быстрымъ сообщеніемъ. И хотя населеніе на земномъ шарѣ увеличивается съ каждымъ годомъ, производительность земли въ различныхъ странахъ возрастаетъ еще быстрѣе. Мы имѣемъ тутъ законъ Мальтуса, но только *на выворотъ*.

„Не нужно удивляться,—продолжаетъ авторъ,—почему англійская пшеница цѣнится на 4—5 шил. дешевле иностранной. Первая содержитъ въ себѣ болѣе влаги, чѣмъ вторая. Мука изъ англійской пшеницы вбираетъ менѣе влаги, даетъ меньшій припекъ, чѣмъ привезенная съ континента, поэтому не такъ выгодна для булочниковъ. Англійская мука содержитъ также меньше клейковины. Хлѣбъ изъ нея хотя вкусенъ и душистъ, выходитъ размѣромъ меньше и не такъ пріятенъ для глаза, какъ хлѣбъ, выпеченный изъ привозной муки“.

Увеличеніе площади пастбищъ идетъ на счетъ сокращенія пашенъ. Фермеры говорятъ, что „трава вытѣсняетъ пшеницу“ (grassed out), выгоняя въ то же время работниковъ изъ деревень. Съ опустѣніемъ деревни,—продолжаетъ Картью,—въ ней становится также меньше работы для слесаря, кузнеца, плотника, каменщика, шорника, колесника и пр. Меньше кліентовъ имѣютъ также булочникъ, мясникъ, продавецъ бакалеи, портной, сапожникъ и др. *). Можетъ ли быть улучшено положеніе деревни?—спрашиваетъ авторъ: существуютъ ли какія нибудь средства, примѣненіе которыхъ вызвало бы обратную тягу изъ города въ деревню? Да,—отвѣчаетъ Картью,—средство есть, хотя нѣсколько дорогое, но за то основательное. Необходимо путемъ высокихъ налоговъ на хлѣбъ такъ искусственно повысить цѣны на пшеницу, чтобы фермерамъ было выгодно культивировать ее. Про-

*) Упомянутая уже книга *The Hungry Forties* констатируетъ обратные факты. Несмотря на тягу въ городъ, деревенскіе лавочники, булочники и мясники, вслѣдствіе улучшенія положенія „ходжа“, торгуютъ теперь бойчѣе, чѣмъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

текціонисты робко говорятъ о налогахъ въ 2 — 4 шил. на четверть. Картью категорически заявляетъ, что такой ничтожный налогъ не дастъ никакихъ результатовъ. „Четыре шиллинга на четверть,—говоритъ авторъ,—составитъ только шесть пенсовъ на бушель. Это подниметъ цѣны на пшеницу *всего только* на 10—15 проц. Каждый фермеръ скажетъ, что это мало. Налогъ въ четыре шиллинга дастъ только фермерамъ возможность дышать свободнѣе, но отнюдь не расширить запашки. Безъ этого же не будетъ ни большаго спроса на трудъ сельскихъ работниковъ, ни необходимости увеличить живой инвентарь. Не вполнѣ достаточенъ также налогъ въ 8 шиллинговъ на четверть, хотя это увеличило бы производительность земли на 50 проц. Чтобы англійское земледѣліе прочно стало на ноги, — продолжаетъ Картью,—необходимо, чтобы цѣны на пшеницу поднялись до 40 шиллинговъ за четверть. Другими словами, необходимъ налогъ на хлѣбъ въ размѣрѣ двѣнадцати шиллинговъ на четверть. Осуществленіе такой „реформы“ привлекло бы обратно изъ городовъ въ деревню, по разсчету Картью, 350.000 сельскихъ работниковъ, ремесленниковъ и лавочниковъ съ семьями, т. е. около 1.750.000 человѣкъ. Въ городахъ тогда стало бы легче жить, оживились бы многія отрасли промышленности. Правда, такой налогъ обошелся бы потребителямъ въ 18 мил. ф. ст., но за то земледѣліе въ Англіи расцвѣло бы“ *).

Подобныя экономическія фантазіи, не смотря на заманчивость ихъ для нѣкоторыхъ, — имѣютъ одно неудобство: онѣ не выдерживаютъ даже самой снисходительной критики. Въ самомъ дѣлѣ: „оживленіе деревни“, т. е. обогащеніе фермеровъ основывается на откровенномъ грабежѣ всего населенія. Такъ какъ англійскіе работники имѣютъ теперь право голоса и отлично понимаютъ, что такое дорогой хлѣбъ, — то министерство, которое дерзнуло бы выставить на выборахъ программой такую безумную реформу, какая желательна Картью, было бы политически похоронено навсегда. Если бы торійское министерство вздумало ввести такой налогъ, не обратившись предварительно къ странѣ за полномочіями,—оно создало бы рядъ мятежей, какъ въ Бирмингемѣ въ тридцатыхъ годахъ. Налогъ на хлѣбъ убилъ бы много отраслей промышленности, пользующихся мукой, крупой или крахмаломъ, какъ сырымъ продуктомъ. Нагляднымъ примѣромъ является налогъ на сахаръ. Англія присоединилась къ брюссельской конференціи, потому что торійское министерство желало помочь вэстъ-индскимъ сахарозаводчикамъ. Предполагалось, что продуктъ въ Англіи не увеличится отъ маленькаго налога. Въ дѣйствительности оказалось, что сахаръ поднялся на 80 проц. Это обстоятельство отразилось на цѣломъ рядѣ фаб-

*) „Can we grow wheath profitably?“, p.p. 2—28.

рикъ, пользующихся сахаромъ, какъ сырымъ продуктомъ (шоколадныя фабрики, конфектныя, бисквитныя и пр.; заводы, приготовляющія машины и жестянки для упомянутыхъ фабрикъ). Повышеніе цѣнъ на сахаръ вызвало рядъ банкротствъ фабрикантовъ. Десятки тысячъ работниковъ очутились на улицѣ; теперь судьба ихъ—сильно безпокоитъ многихъ въ Англіи.

Проектъ Картью неосуществимъ также вслѣдствіе конкуренціи Канады и Австралазіи. Картью — имперіалистъ, т. е. стоитъ за сліяніе метрополіи съ колоніями въ одинъ экономическій микрокосмосъ. Метрополія должна перерабатывать сырье, доставляемое колоніями, а колонисты явятся покупателями этихъ фабрикатовъ. Чтобы самоуправляющіяся колоніи присоединились къ имперскому цолльферейну, необходимо сдѣлать имъ уступки. Канадскіе и австралійскіе фермеры, конечно, не должны будутъ платить пошлинъ, когда пришлютъ свой хлѣбъ въ Англію. А если такъ, то у англійскихъ фермеровъ явятся страшные конкуренты, которые въ одинъ годъ захватятъ весь внутренній рынокъ. Канадскимъ фермерамъ выгодно теперь культивировать пшеницу, доставлять ее въ Англію и продавать по 26—28 шил. за четверть. Можно представить себѣ, какимъ поощреніемъ для Канады явился бы законъ, въ силу котораго цѣны на пшеницу поднялись бы въ Англіи до 40 шил. Всѣ пустующія еще земли въ Ассинибойѣ и Манитобѣ были бы быстро вспаханы. И въ настоящее время „ходжъ", любящій землю, переселяется въ Канаду, куда его привлекаютъ высокая заработная плата (25 долларовъ въ мѣсяцъ) и даровая раздача земельныхъ участковъ въ 60 акровъ. Если бы хлѣбные налоги въ Англіи прошли, канадское правительство предложило бы „ходжу" еще болѣе выгодныя условія. Началась бы усиленная тяга не изъ города въ деревню, а изъ города и деревни за океанъ, въ Канаду. Черезъ два года дѣвственныя преріи колосились бы богатою жатвой, а въ октябрѣ—колоссальные пароходы, нагруженные пшеницей, потянулись бы на востокъ, въ Глазго и въ Ливерпуль. Что станетъ тогда съ англійскими фермерами?

V.

Другой характеръ носитъ проектъ, предложенный проф. Фэйрфэксомъ Колмели—„To Replace the Old Order" *). Авторъ начинаетъ съ категорическаго заявленія, что „система лэндлордизма отжила совершенно свой вѣкъ". „Всѣ партіи согласны, что опустѣніе деревни представляетъ серьезную опасность для Англіи, — говоритъ онъ дальше... — Чѣмъ привлекательнѣе им

*) „The independent Review", December, 1904.

сдѣлаемъ города, тѣмъ болѣе будутъ пустѣть деревни. Съ другой стороны, если условія въ деревнѣ улучшатся, то тяга pro tanto остановится... Разумные люди всѣхъ партій, съ другой стороны, понимаютъ, что протекціонизмъ не можетъ возродить земледѣлія въ Англіи и не въ силахъ сдѣлать его экономическимъ базисомъ Англіи, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Подобное возрожденіе было бы возможно только при искусственномъ повышеніи цѣнъ на хлѣбъ, что принесло бы съ собою хроническій голодъ массъ и промышленную катастрофу въ городахъ... Силой вещей мы доведены до слѣдующаго: или намъ надлежитъ послѣдовать примѣру фритрэдерской Даніи и протекціонистской Фландріи, т. е. замѣнить наши большія фермы—молочными фермами и огородами, основанными на принципахъ мелкаго хозяйства и коопераціи, или оставить все по старому, что поведетъ къ полному опустѣнію деревни".

За послѣдніе годы методъ доставки пищевыхъ продуктовъ въ Англіи совершенно измѣнился, методы земледѣльческіе измѣнились очень мало, и земельная система не измѣнилась совершенно. Система, составлявшая когда-то нашу гордость, — говоритъ *Independent Review*,—теперь превратилась для насъ въ каторгу. Въ области земледѣлія Англіи необходима теперь большая эластичность и большее разнообразіе: нужны разнообразіе въ размѣрахъ фермъ и эластичность въ методахъ агрикультуры. Необходимо также перенесеніе нѣкоторыхъ отраслей промышленности изъ городовъ въ деревни. Настоятельно необходима независимость. Наиболѣе талантливые и энергичные люди ищутъ независимости въ городѣ, потому что не желаютъ оставаться въ деревнѣ, гдѣ морально чувствуется еще вліяніе старинной феодальной системы. Необходимо создать независимое положеніе мелкихъ фермеровъ. Старинныя градаціи на сквайровъ, крупныхъ фермеровъ и зависимыхъ сельскихъ работниковъ—теперь совершенно отжили свой вѣкъ. Система эта въ значительной степени способствовала гибели англійской деревни, такъ какъ вызвала тягу въ городъ... До послѣдняго времени консервативные сквайры не допускали мелкихъ фермеровъ въ свои вотчины. Ренту гораздо легче собирать, когда земля сдана десятку крупныхъ арендаторовъ, чѣмъ когда она разбита на множество мелкихъ участковъ. Государство, по мнѣнію *Independent Review*, должно теперь вмѣшаться и оказать давленіе на помѣщиковъ.

Дважды въ исторіи Англіи государство вмѣшивалось и измѣняло систему землевладѣнія. Въ первый разъ это случилось, когда монастырскія земли, подъ предлогомъ общественной пользы, передали лэндлордамъ; во второй разъ,—когда помѣщикамъ отдали общинныя земли, опять подъ тѣмъ же самымъ предлогомъ. Въ пользу помѣщиковъ, на которыхъ желала опереться королевская власть, ограбили аббатства и общины. Теперь общество,—продол-

жаетъ *Independent Review*, имѣетъ право требовать во имя народнаго блага, чтобы лэндлорды возвратили землю. Если это еще не сдѣлано въ Англіи; если въ городахъ мы видимъ землю, не обложенную налогомъ, то только потому, что лэндлорды все еще имѣютъ преобладающее вліяніе въ парламентѣ *). Дальше журналъ приводитъ не новые мотивы, почему общество вправѣ націонализировать землю. „Собственность земельная отличается отъ всѣхъ другихъ формъ собственности". Во-первыхъ, исторически полная собственность на землю—сравнительно недавняго происхожденія. Эта форма совершенно неизвѣстна въ древней Англіи. Средніе вѣка не знали абсолютной земельной собственности. Тогда признавались только извѣстныя права, строго ограниченныя постановленіями общинъ. Во-вторыхъ, земля абсолютно необходима для всѣхъ другихъ предпріятій, и имѣется она только въ опредѣленномъ количествѣ. „Можно изготовить еще машины, но нельзя изготовить еще землю. Можно выписать изъ Канады хлѣбъ, но нельзя сдѣлать то же самое относительно земли. Англія имѣетъ мало земли, а потому пользоваться ею должны всѣ. Если же вся земля будетъ принадлежать только немногимъ владѣльцамъ, облеченнымъ правомъ не допускать на нее фабрикантовъ, мелкихъ фермеровъ или просто отдыхающихъ людей, то раса неизбѣжно выродится физически и морально. Она неминуемо подпадетъ подъ иго сперва монополистовъ, а потомъ — непріятеля. Все дѣло только во времени" **)

Но какимъ образомъ нанести ударъ монополистамъ, въ рукахъ которыхъ теперь вся земля? Какъ заселить деревню независимыми мелкими фермерами? Профессоръ Фэйрфэксъ Колмели намѣчаетъ аграрную программу для радикальнаго министерства. Въ первую голову идетъ вознагражденіе фермеровъ за всѣ сдѣланныя ими улучшенія на своихъ участкахъ (Tenant Right). „Законодателямъ надлежитъ не только ввести мелкое землевладѣніе и поощрить огородничество, но необходимо также содѣйствовать введенію болѣе прогрессивныхъ пріемовъ на большихъ фермахъ. Большія фермы должны быть раздѣлены на мелкіе участки, но tenant rigth побудитъ всѣхъ фермеровъ дѣлать всевозможныя улучшенія. По дѣйствующему нынѣ закону (Agricultural Holdings Act) вознагражденіе, получаемое фермерами за улучшенія, — до смѣшного недостаточно. Для выясненія, какое вознагражденіе имѣетъ право получить отъ лэндлорда фермеръ, слѣдуетъ ввести особые третейскіе суды, но главнымъ образомъ аграрная реформа радикальнаго министерства должна заключаться въ введеніи мелкихъ хозяйствъ. „Намъ необходима,—говоритъ *Independent Review*,—раса мелкихъ фермеровъ, объединенныхъ въ

*) *Independent Review*, December, 1904, p. p. 320—324.
**) *Ibid.*, p. 324.

кооперативные союзы, снабжающихъ городъ фруктами, овощами и молочными продуктами". Эти мелкіе фермы будутъ существовать рядомъ съ большими фермами. Такимъ образомъ, отчасти разрѣшится вопросъ о сельскихъ работникахъ въ крупныхъ хозяйствахъ: дѣти мелкихъ фермеровъ будутъ искать подобныя занятія по близости. Реформа должна дать всѣмъ сельскимъ работникамъ возможность имѣть клочекъ земли возлѣ своего коттеджа, послѣдствіемъ чего явится большая экономическая независимость „ходжа". Онъ не такъ уже будетъ находиться во власти своего хозяина. Только сознаніе своей независимости и надежда на лучшее будущее могутъ удержать „ходжа" отъ переселенія въ городъ.

Въ послѣдніе годы были сдѣланы очень удачныя попытки ввести въ Англіи подобныя мелкія хозяйства *). Чтобы процессъ шелъ быстрѣе,—говоритъ Фэйрфэксъ Колмели,—необходимо дать городскимъ и сельскимъ совѣтамъ право принудительнаго отчужденія земли. Въ послѣднее время не разъ бывало, что помѣщики наотрѣзъ отказывали совѣтамъ графства, желавшимъ купить землю для мелкихъ хозяйствъ. Въ настоящее время сквайръ имѣетъ еще слишкомъ много вліянія въ сельскихъ совѣтахъ. Когда избиратели—сельскіе работники—пріобрѣтутъ независимость, сельскіе совѣты станутъ болѣе демократичны. Городскіе и сельскіе совѣты должны скупить землю и сдавать ее *въ аренду* мелкими участками. Полное право на землю не желательно, такъ какъ это возродитъ только лэндлордизмъ. Теперь помѣщики не хотятъ сдавать землю небольшими участками. Когда же городскіе и сельскіе совѣты получатъ право принудительнаго отчужденія и когда, такимъ образомъ, лэндлордамъ будетъ грозить опасность совершенно разстаться съ своими вотчинами, — они охотнѣе будутъ вступать въ договоры съ мелкими фермерами. Цѣль аграрной реформы, такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ будетъ достигнута.

Реформа должна коснуться также жилищъ въ деревнѣ. Иные лэндлорды выстроили для сельскихъ работниковъ хорошіе коттэджи и поддерживаютъ ихъ въ порядкѣ. Другіе помѣщики не дѣлаютъ этого — по нежеланію или по отсутствію средствъ. Въ такомъ случаѣ о коттэджахъ для сельскихъ работниковъ должны заботиться сельскіе и графскіе совѣты.

Дальнѣйшимъ пунктомъ новой аграрной программы является демократическое министерство земледѣлія, которое должно служить „мозгомъ обновленной земледѣльческой Англіи". Демократическое министерство имѣло бы въ своемъ распоряженіи для соціальныхъ опытовъ богатый матеріалъ: обширныя коронныя земли.

*) „The Villages of the Future", p. 398 и дальше. Особенно удачны опыты въ Ланкаширѣ. Въ очеркѣ „Земля" („Английскіе силуэты", стр. 346—377) читатель найдетъ подробности.

Мелкіе фермеры, чтобы удержаться, должны заключать между собою союзы и артели. Безъ коопераціи система мелкихъ хозяйствъ не дастъ никакихъ результатовъ. Союзы эти необходимы, чтобы сообща покупать машины, затѣмъ—для кредита и для успѣшной доставки продуктовъ на рынокъ. Мелкій фермеръ иногда затрачиваетъ на то, чтобы продать на рынокъ овцу, столько же времени, сколько крупный фермеръ — для продажи цѣлаго стада. Уходитъ время, которое можетъ быть затрачено производительно въ полѣ или въ огородѣ. Путемъ участія въ кооперативномъ союзѣ мелкій фермеръ сбережетъ время, обезпечитъ себѣ выгодный рынокъ и удобную доставку туда своихъ продуктовъ. Принципъ взаимопомощи долженъ быть широко примѣненъ въ мелкихъ хозяйствахъ. Коопераціи будутъ дѣйствовать воспитательнымъ образомъ на мелкихъ фермеровъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда выростетъ въ деревнѣ новая раса, привыкшая къ независимости и къ взаимной помощи, будетъ умѣстно сдѣлать слѣдующій шагъ: ввести въ деревнѣ кооперативное владѣніе землей *). Въ настоящее время въ Великобританіи существуетъ цѣлый рядъ кооперативныхъ фермъ. Мы имѣемъ простые союзы мелкихъ фермеровъ для совмѣстной продажи продуктовъ. Успѣшнѣе всего такіе союзы идутъ въ Ирландіи. Кооперативный принципъ на молочныхъ фермахъ примѣненъ тамъ былъ впервые въ 1889 г. Въ 1890 г. тамъ было только одно кооперативное общество мелкихъ фермеровъ, въ 1891—17, а къ концу 1900 г.—412. Въ августѣ 1901 г. всѣхъ обществъ было уже 470. Они объединяли 54000 мелкихъ фермеровъ. Въ 1900 г. ирландскія кооперативныя молочныя отправили въ Англію масла на 700.000 ф. ст. „Ростъ этихъ коопераціи объясняется тѣмъ, что сообща можно завести лучшія машины для приготовленія масла. Продуктъ, доставляемый кооперативными ирландскими молочными, такъ хорошъ, что на него громадный спросъ, вслѣдствіе чего участники союза получаютъ отличные барыши" **).

Затѣмъ мы имѣемъ также кооперативныя земледѣльческія фермы, принадлежащія громаднымъ потребительнымъ обществамъ. Наиболѣе замѣчательны въ этомъ отношеніи двѣ фермы: Кэтерингская и Вуличская, близъ Лондона. Когда то я подробно описалъ ихъ въ *Русскомъ Богатствѣ*. Я указалъ тогда, почему отдѣльныя земледѣльческія коопераціи въ Англіи терпѣли долго неудачу и почему Кэтерингская ферма, имѣющая обезпеченный рынокъ, такъ прочно стала на ноги. Всѣ успѣшныя англійскія кооперативныя фермы имѣютъ, приблизительно, такое происхожденіе. Возникаетъ потребительное общество. Разростаясь, оно становится производительно-потребительнымъ. Для удовлетворенія сочленовъ

---

*) Indep. R. XII, 1904, p. 332.

**) Encyclopedia Britannica, „The New volumes", v. XXVII, p. 230.

является болѣе выгоднымъ самому обществу заняться изготовленіемъ платья, башмаковъ, печеніемъ хлѣба и пр. Въ концѣ-концовъ, когда значительная часть населенія города принимаетъ участіе въ кооперативномъ движеніи, возникаютъ кооперативныя фермы. Такъ было въ Кэтерингѣ, который на $^{9}/_{10}$—кооперативный городъ. Кооператоры имѣютъ мастерскія, въ которыхъ работниками и директорами являются сочлены, лавки, цѣлыя улицы коттэджей, наконецъ, громадную ферму. Мы видимъ тамъ вольный союзъ двухъ колоніальныхъ коопераций, послѣдствіемъ чего явился еще болѣе обширный обезпеченный рынокъ. Въ Кэтерингѣ частные предприниматели вступали года три тому назадъ въ бой съ коопераціями, для разгрома которыхъ лавочники и лэндлорды составили лигу. Многіе фабриканты присоединились къ лигѣ и разсчитали работниковъ, состоявшихъ членами хотя бы потребительнаго общества. Домовладѣльцы отказывали кооператорамъ отъ квартиръ. „Лига" обратилась за средствами къ лавочникамъ всей Англіи; но на помощь къ кооператорамъ явились остальныя англійскія коопераціи и щедро поддержали деньгами. Разсчитанные рабочіе стали членами производительнаго общества. Для лицъ, которымъ лэндлорды отказали въ квартирѣ, кооперація выстроила цѣлую улицу (Liberty Street, т. е. улицу Свободы). Въ концѣ-концовъ, кооперація побѣдила. Такимъ образомъ, земельная реформа, которую рекомендуетъ *Independent Review*, въ общемъ, испытанное уже въ Англіи средство, которое дало очень хорошіе результаты.

Всѣ намѣченные пункты аграрной програмы не могутъ встрѣтить сильнаго сопротивленія въ парламентѣ. Нельзя сказать этого о проектѣ обложенія налогомъ необработанной земли, который предлагаетъ Фэйрфэксъ Колмели. Противъ такого налога возстанетъ вся палата лордовъ. Между тѣмъ, какъ доказываетъ авторъ, такой налогъ абсолютно необходимъ, если имѣть въ виду широкую аграрную реформу. „Незаработанное приращеніе" (the Unearned increment) составляетъ колоссальную сумму. Въ одномъ Лондонѣ за 30 лѣтъ оно достигло 77 милліоновъ рублей. „Лэндлорды не работаютъ, не рискуютъ и не экономизируютъ: они богатѣютъ во снѣ. Исходя изъ принципа соціальной справедливости,—нужно придти къ заключенію, что лэндлорды не имѣютъ никакого права на „незаработанное приращеніе" *). Англійскіе экономисты не перестаютъ доказывать, что налогъ на землю всегда существовалъ, покуда лэндлорды не захватили въ свои руки парламенты. Въ своей книгѣ „Шесть вѣковъ труда и заработной платы" Торольдъ Роджерсъ показываетъ, какимъ образомъ съ теченіемъ времени лэндлорды свалили всѣ государствен-

*) *J. S. Mill*, „Principles of Political Economy". Book v., Chapter II, § 5 (стр. 492 изданія 1865 г.).

ные расходы съ себя на плечи коммонеровъ, хотя получили землю именно на условіяхъ — покрывать государственные расходы. Такимъ образомъ, введеніе земельнаго налога было бы только напоминаніемъ о неисполненномъ обязательствѣ.

„До тѣхъ поръ, покуда необработанная земля не будетъ обложена прогрессивнымъ налогомъ,—говоритъ проф. Фэйрфэксъ Колмели,—лэндлордъ явится всегда врагомъ мелкаго фермера". Теперь сквайры находятъ болѣе выгоднымъ для себя прогонять фермеровъ съ земли и превращать пашни и луга въ верещаки. „На этихъ верещакахъ разводятъ куропатокъ. Поля потомъ сдаются для охоты англійскимъ и американскимъ милліонерамъ. Налогъ на необработанныя земли покончитъ со всѣмъ этимъ.

„Наступившій вѣкъ ознаменуется колоссальной борьбой между интересами общества и отдѣльныхъ монополистовъ,—говоритъ *Independent Review*.—Одна и та же борьба происходитъ теперь въ Европѣ и въ Америкѣ. Англичане, вмѣсто того, чтобы монтировать противъ себя новыхъ монополистовъ путемъ возвращенія къ покровительственнымъ тарифамъ, должны разгромить монополію лэндлордовъ, которая является первопричиной опустѣнія деревни и возможнаго вырожденія расы... Улучшеніе матеріальнаго положенія „ходжа" и развитіе его путемъ новыхъ демократическихъ школъ—пробудитъ дремлющее самосознаніе его. Покуда „ходжъ" не можетъ еще оправиться отъ вѣкового господства надъ нимъ сквайра и попа. Но пусть онъ почувствуетъ свою независимость, и тогда новая жизнь начнется въ опустѣвшей деревнѣ" *).

Я приводилъ только аграрныя программы практиковъ, т. е. проекты такихъ реформъ, которыя, по мнѣнію составителей, могутъ быть предложены парламенту и приняты въ любой моментъ. Наряду съ этимъ существуютъ въ Англіи проекты радикальные, основанные на полномъ уничтоженіи личнаго права на владѣніе землей. Такіе проэкты тщательно выработаны двумя лигами національзаціи земли: Фабіанскимъ обществомъ и вождемъ независимой рабочей партіи—Кейръ Гарди. Объ этихъ проектахъ—въ другой разъ.

Діонео.

*) *Ind.* R. XII, 904, p. 334.

Внѣ закона.

Къ исторіи цензуры въ Россіи.

I.

Русскій писатель „средней руки“ Цименъ Коршуновъ, изображенный Щедринымъ въ разсказѣ „Похороны“, предлагалъ для памятника на своей могилѣ слѣдующую эпитафію: „Литература освѣтила ему жизнь, но она же напоила ядомъ его сердце“. Обстоятельства дѣйствительно сложились такъ, что для честнаго русскаго писателя, не отдѣляющаго собственныхъ интересовъ отъ интересовъ литературы, страстно любящаго ее и въ ней ищущаго свѣточа жизни—та же страстно любимая литература служитъ неизсякаемымъ источникомъ терзаній и не устаетъ на каждомъ шагу отравлять своему поклоннику жизнь, часто обращая ее въ какое то сплошное мученіе. Весьма характернымъ симптомомъ такого взаимоотношенія литературы и работниковъ пера съ внѣшней стороны является то обстоятельство, что „Уставъ о цензурѣ и печати“, опредѣляющій положеніе русской литературы и русскаго писателя, въ „Сводѣ Законовъ“ помѣщается посрединѣ между „Уставомъ о паспортахъ и бѣглыхъ“, съ одной стороны, и „Уставомъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“ съ другой, при чемъ дальше слѣдуютъ не менѣе знаменательные уставы—„о содержащихся подъ стражей“ и „о ссыльныхъ“ (т. XIV). Это близкое и столь выразительное сосѣдство и на положеніе литературы налагаетъ какъ бы свой особый отпечатокъ и служитъ провиденціальнымъ указаніемъ судьбы русскаго писателя, переходящаго въ порядкѣ постепенности всѣ этапы недовѣрія и подозрительности и зачастую оканчивающаго свою тернистую дѣятельность подъ попечительнымъ дѣйствіемъ послѣдняго изъ помѣщенныхъ въ XIV томѣ „Свода“ уставовъ.

Тяжелая доля русскаго писателя—его необезпеченность, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, зависимость отъ крайне измѣнчивыхъ внѣшнихъ вѣяній, даже случайныхъ настроеній, и необходимость къ нимъ приспособляться, прибѣгая къ рабьему эзоповскому языку въ вопросахъ, составляющихъ часто суть жизни—всѣмъ достаточно хорошо извѣстна. Это положеніе—въ нѣкоторомъ родѣ напоминающее пребываніе на вулканѣ, въ каждый данный моментъ готовомъ къ изверженію и грозящемъ гибелью и полнымъ уничтоженіемъ результатовъ тревожной и мучительной работы. Извѣстны всѣмъ также и тѣ послѣдствія, которыя вытекаютъ для русской литературы изъ такого положенія работни-

ковъ пера: случайный выборъ темъ, недоговоренность и вообще неувѣренность тона, оторванность отъ жизни и ея насущнѣйшихъ запросовъ и т. п.

Повторяю, все это является общеизвѣстнымъ фактомъ и, конечно, не удивитъ никого. Но, быть можетъ, весьма многіе изъ читателей придутъ въ крайнее изумленіе, если имъ сказать, что существуетъ у насъ категорія писателей въ полномъ смыслѣ слова отверженныхъ, которые могли бы позавидовать даже положенію на кратерѣ грозящаго изверженіемъ вулкана, — а между тѣмъ такая категорія дѣйствительно существуетъ, однимъ уже фактомъ своего существованія представляя великолѣпную иллюстрацію къ положенію русской печати вообще. Писатели, имѣющіе несчастіе принадлежать къ упомянутой категоріи, не обладаютъ даже той слабой возможностью высказываться на эзоповскомъ языкѣ, какой не лишены русскіе писатели; имъ пресѣчены всѣ пути воздѣйствія на общество, у нихъ чуть ли не въ буквальномъ смыслѣ „урѣзанъ языкъ", и потому даже горемычная доля русскаго писателя для нихъ представляется завиднымъ положеніемъ, достиженіе котораго означало бы полный переворотъ всѣхъ установившихся въ области ихъ дѣятельности отношеній. Продолжая наше сравненіе, можно сказать, что писатели этой категоріи не чувствуютъ у себя подъ ногами уже рѣшительно никакой почвы, имѣя пребываніе чуть ли не въ воздухѣ. Нужно замѣтить при этомъ, что рѣчь идетъ о литературныхъ представителяхъ не какого-нибудь мелкаго инородческаго племени, осужденнаго, какъ любятъ выражаться иные публицисты, неумолимымъ ходомъ исторіи на вымираніе и исчезновеніе. Это представители многомилліоннаго народа, составляющаго въ общей жизни Россіи весьма крупное слагаемое и имѣющаго всѣ основанія надѣяться на развитіе въ будущемъ. Впрочемъ, выраженіе „литературные представители многомилліоннаго народа" звучитъ горькой ироніей по отношенію къ людямъ, способнымъ завидовать даже судьбѣ тѣхъ писателей, сердца которыхъ литература держитъ въ состояніи хроническаго отравленія. Трудно и вообразить, до какой степени отчаянія нужно дойти, чтобы рѣшиться на это.

Читатель, знающій въ чемъ дѣло, уже, конечно, догадался о какой литературѣ и какихъ писателяхъ идетъ рѣчь, а читателю, продолжающему изумляться и недоумѣвать, я сейчасъ скажу, что намѣренъ говорить объ украинской литературѣ и ея представителяхъ—украинскихъ писателяхъ. Въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, русская пресса почти не касается украинскаго вопроса; очень рѣдко также удѣляетъ она милостыню своего вниманія и украинской литературѣ. „При современномъ состояніи русской словесности,—писалъ нѣкогда проф. А. А. Котляревскій,—когда каждый вопросъ ея находитъ даровитыхъ и надежныхъ истолкователей, опытный глазъ не можетъ не примѣтить страннаго на стра-

ницахъ ея пробѣла: до сихъ поръ не воздано должное младшей сестрѣ и спутницѣ русской литературы—словесности малороссійской или украинской; изслѣдователи ставили въ тѣни всѣ ея явленія или вовсе не упоминали о нихъ, считая ихъ незначительными случайностями" *). Пробѣлъ, казавшійся извѣстному слависту страннымъ еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, не устраненъ и въ настоящее время, и украинскій вопросъ и теперь находится все въ томъ же положеніи. До сихъ поръ не только „не воздано должное" украинской литературѣ, но даже вопросъ о ней сравнительно рѣдко возбуждается на страницахъ русской періодической печати, подвергаясь лишь систематическому извращенію и травлѣ въ реакціонной части прессы. Тѣ же немногочисленныя замѣтки, которыя отъ времени до времени появляются и въ прогрессивныхъ органахъ, носятъ чисто случайный, отрывочный характеръ, не давая сколько-нибудь полнаго и цѣльнаго представленія о предметѣ. Чѣмъ же объясняется такое дѣйствительно странное явленіе? Почему литература тридцатимилліоннаго народа **), уже сто лѣтъ тому назадъ написавшая на своемъ знамени требованія прогрессивнаго демократизма, достигшая, по свидѣтельству компетентныхъ лицъ, значительныхъ успѣховъ, исчисляющая свои періодическія изданія за границей десятками, обладающая тамъ же солидными научными органами, знакомство съ которыми считается обязательнымъ для ученыхъ изслѣдователей русской исторіи и жизни,—почему эта литература остается неизвѣстной и незамѣтной въ Россіи, гдѣ живетъ главная часть украинскаго народа? Отчего не только такъ называемая широкая публика, но зачастую даже лица, берущіяся ее просвѣщать въ этомъ отношеніи, или совершенно ничего объ украинскомъ вопросѣ не знаютъ, или почерпаютъ свои свѣдѣнія изъ источниковъ крайне сомнительной достовѣрности—въ родѣ реакціонныхъ изданій, пользующихся у насъ, какъ извѣстно, монополіей обсужденія славянскихъ отношеній? Отвѣтъ на поставленные вопросы можетъ быть данъ изложеніемъ судебъ украинской литературы и отношеній къ ней со стороны русскаго общества и правительственныхъ сферъ.

Странная вообще судьба постигла украинскую литературу. Въ началѣ своего существованія, въ теченіе первой половины прошлаго столѣтія, она раздѣляла общую долю русской литературы и, подвергаясь одинаковымъ бичамъ и скорпіонамъ, почти не вызывала спеціальныхъ мѣропріятій. Переживъ періодъ мрачной реакціи 40-хъ и 50-хъ годовъ, она въ началѣ 60-хъ стояла уже на разсвѣтѣ новой жизни; вдали заманчиво рисовались перспек-

*) А. А. Котляревскій. Сочиненія, т. I, стр. 13.

**) Проф. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб. 1904, стр. 2. Авторъ насчитываетъ всего 34 милліона украинцевъ, занимающихъ площадь въ 750 тысячъ кв. километровъ.

тивы плодотворной дѣятельности на пользу родного народа. Но вдругъ — какое-то чисто сказочное превращеніе, необъяснимая метаморфоза, цѣлая сѣть недоразумѣній, заподозриваній и прямыхъ доносовъ со стороны спеціалистовъ этого дѣла, затѣмъ взрывъ вулкана, одинъ, другой—и все, казалось, погребено было подъ развалинами... Проходятъ, однако, десятки лѣтъ, развалины понемногу начинаютъ оживляться, покрываться зеленью, но изъ подъ нея всетаки уродливо торчатъ безобразные контуры обломковъ, части которыхъ ежеминутно обрушиваются и при своемъ паденіи уничтожаютъ зеленѣющую жизнь. Представьте положеніе работниковъ, которымъ поручено воздѣлать и привести въ культурное состояніе эти развалины, и вы поймете положеніе украинскаго писателя, поставленнаго не только внѣ закона, но даже внѣ „временныхъ правилъ о печати..."

II.

Появленіе украинскихъ писателей на горизонтѣ русской литературы было встрѣчено представителями послѣдней двоякимъ образомъ. Въ то время, какъ на страницахъ „Вѣстника Европы", редакціи Каченовскаго, украинскія произведенія Артемовскаго-Гулака, Боровиковскаго и др. мирно уживались рядомъ съ произведеніями своихъ русскихъ товарищей и встрѣчались съ сочувственными заявленіями самой редакціи,—въ другой части представителей русской литературы замѣтно было недоумѣніе, временами сопровождаемое невинными насмѣшками, но иногда переходившее и въ прямо таки враждебное отношеніе. Весьма любопытно, что къ этой части, кромѣ людей неглубокой проницательности—въ родѣ Сенковскаго, принадлежали и нѣкоторые лучшіе представители современнаго русскаго общества. Устами Бѣлинскаго оно произнесло суровый приговоръ надъ украинской литературой, находя ее не только излишнимъ, ненужнымъ, но и прямо таки вреднымъ явленіемъ. „Хороша литература, которая только и дышетъ, что простоватостью крестьянскаго языка и дубоватостью крестьянскаго ума!" *)—вотъ резюме взглядовъ Бѣлинскаго по данному вопросу, выраженное собственными словами знаменитаго критика.

Причины такого отношенія къ украинской литературѣ представителей русской интеллигенціи отчасти видны изъ сочиненій Бѣлинскаго, отчасти могутъ быть выведены изъ общей позиціи, занятой въ то время нѣкоторыми изъ видныхъ украинскихъ писателей. Многіе тогда, какъ и Бѣлинскій, были ошибочно убѣждены, что на языкѣ простонародья нельзя выразить тѣхъ понятій, которыя господствовали въ кругу просвѣщеннаго общества и

*) Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго, Спб. 1896, т. II, стр. 906.

распространеніе которыхъ въ ихъ чистомъ и цѣльномъ видѣ являлось единственно желательнымъ. Съ этой точки зрѣнія украинская литература, нисходящая до народа языкомъ, тѣмъ самымъ неминуемо должна была понижать и свое идейное содержаніе, непозволительно вульгаризировать его, къ „простоватости" изложенія присоединяя и „дубоватость" идей. Съ другой стороны, существовали опасенія, что появленіе особой литературы для украинскаго народа способно подѣйствовать раздражающимъ образомъ на тѣ сферы, которыя пресловутое „единство" выставляли, какъ оффиціальный догматъ государственной жизни Россіи, и вызвать этимъ экстренныя мѣропріятія противъ литературы вообще. Въ настоящее время, полагаю, нѣтъ надобности говорить о томъ, насколько украинскіе писатели оказались повинными въ пониженіи идейнаго уровня литературы. Вся исторія украинской литературы отмѣчена одной красною нитью—демократическимъ направленіемъ, сочувствіемъ къ „униженнымъ и оскорбленнымъ" и вѣрностью великимъ идеаламъ гуманности. Еще болѣе очевиднымъ является непричастность украинскихъ писателей къ появленію экстренныхъ мѣропріятій, которыя всею своею тяжестью упали именно на нихъ. Поэтому, оставляя безъ вниманія два первыхъ пункта обвиненій, перехожу прямо къ третьей причинѣ, вызвавшей враждебное отношеніе къ украинской литературѣ со стороны передовой русской интеллигенціи. Этой причиной, въ которой дѣйствительно нѣкоторая доля вины лежитъ и на украинцахъ, могла быть извѣстная близость нѣкоторыхъ изъ нихъ къ элементамъ, представляемымъ тогда въ русской общественности различными „Маяками" и „Москвитянинами". Основываясь больше на личныхъ дружескихъ отношеніяхъ между Погодинымъ и Шевыревымъ, съ одной стороны, и Максимовичемъ или Квиткой съ другой—эта близость служила тѣмъ не менѣе плохой рекомендаціей въ глазахъ русскихъ прогрессистовъ, такъ какъ порождала подозрѣнія и въ духовной, идейной близости и налагала на украинское движеніе реакціонную окраску. Русскіе прогрессисты того времени, замѣчая эту внѣшнюю близость, считали все украинское движеніе реакціоннымъ, а потому не заслуживающимъ ни симпатіи, ни сочувствія, ни тѣмъ болѣе поддержки. Союзъ съ какимъ-нибудь Бурачкомъ (редакторъ „Маяка") былъ въ самомъ дѣлѣ компрометирующимъ, но теперь съ полною достовѣрностью можно сказать, что онъ покоился всецѣло на недоразумѣніи, на взаимномъ заблужденіи относительно истинной духовной физіономіи каждаго изъ союзниковъ. Вѣдь стоитъ только сравнить уставъ извѣстнаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства съ пропитанными духомъ оффиціальной народности и московской исключительности заявленіями представителей славянофильства, чтобы ясно видѣть, какая глубокая, въ сущности, пропасть раздѣляла союзниковъ. Идеаломъ украинцевъ была вольная семья славянскихъ народностей, свободная федера-

ція славянскихъ государствъ, основанная на самой широкой автономіи отдѣльныхъ народовъ; догматомъ славянофиловъ—сліяніе „славянскихъ ручьевъ“ въ „русскомъ морѣ“, подчиненіе, ассимиляція. Сближающимъ обстоятельствомъ было лишь общее направленіе ихъ дѣятельности—интересъ къ славянству, но дороги не только не совпадали, но были прямо противоположны. Пока это не выяснилось, пока славянофилы въ своихъ симпатіяхъ къ славянскимъ народностямъ не обнаружили рѣзко-московской окраски и не исключили изъ числа достойныхъ своего сочувствія украинской народности, до тѣхъ поръ этотъ, основанный на чисто внѣшнемъ обстоятельствѣ и на идейномъ недоразумѣніи, союзъ могъ существовать. Но иллюзія идейной близости развѣялась, какъ дымъ, какъ только союзники лучше узнали другъ друга и недоразумѣніе разъяснилось. А произошло это очень скоро. Уже въ 50-хъ годахъ молодые украинцы рѣшительно отказываются отъ участія въ Аксаковскомъ „Парусѣ“ и устами Кулиша такъ мотивируютъ свой разрывъ съ недавними союзниками: „Парусъ“ у своему универсалі перелічив усі народности, тільки забув про нашу, бо ми, бач, дуже однакові, близькіі родичі: як наш батько горів, такъ іх грівся! Не годиться мені давати своі вірші під „Парус“ і того ради, що його надуває чоловік, котрий вступився за князя любителя хлости“ *). Эти характерныя слова Кулиша ясно указываютъ на причины разрыва: во-первыхъ, славянофилами обнаружена была уже московская исключительность, не признававшая за украинцами права на національное существованіе, и во вторыхъ, оскорблено въ послѣднихъ нравственное чувство солидарностью Аксакова съ какимъ то любителемъ тѣлесныхъ наказаній. Роли теперь радикально мѣняются: недавніе союзники, т. е. люди, тяготѣвшіе къ разнаго рода „Маякамъ“, превращаются въ злѣйшихъ враговъ, а подозрительно и враждебно настроенные прежде прогрессисты, убѣдившись, что украинцы вовсе не реакціонеры и что союзъ ихъ съ противоположными общественными элементами былъ однимъ лишь недоразумѣніемъ, начинаютъ относиться къ украинскому движенію съ сочувствіемъ. Добролюбовъ, Чернышевскій, Тургеневъ и др. какъ въ личныхъ, такъ и въ литературныхъ отношеніяхъ къ украинцамъ стоятъ уже на совершенно иной почвѣ, чѣмъ Бѣлинскій.

Эпоха великихъ реформъ, обновившая русское общество и возбудившая сильный подъемъ общественныхъ силъ, не прошла безслѣдно и для украинцевъ. Событія предыдущаго періода—раз-

*) Чалый—Жизнь и произведенія Т. Шевченка, Кіевъ, 1882, стр, 136 Переводъ: „Парусъ“ въ своей программѣ перечислилъ всѣ народности, забытой оказалась только наша, потому что, видите ли, мы слишкомъ близкіе родственники: по пословицѣ—„як наш батько горів, так іх грівся“! Не пристало мнѣ давать свои стихи подъ „Парусъ“ еще и по той причинѣ, что его надуваетъ человѣкъ, защищавшій князя, любителя розги“.

громъ Кирилло-Мееодіевскаго братства, арестъ и ссылка Шевченка, Кулиша и другихъ руководителей молодого движенія—отозвались на дѣлѣ весьма плачевно; послѣдствіемъ ихъ былъ первый десятилѣтній антрактъ въ исторіи украинскаго движенія. Періодъ съ 1847 по 1856 г. былъ самымъ безплоднымъ временемъ,—впрочемъ, не для однихъ только украинцевъ. Но 60-е годы принесли облегченіе и для нихъ. Впервые выступаютъ они, какъ партія, имѣющая свою программу и свой органъ печати, какимъ была „Основа"; новая струя обозначается и въ литературѣ, освѣживъ послѣднюю произведеніями, получившими общее признаніе со стороны русскаго общества, на что указываетъ хотя бы фактъ перевода украинскихъ разсказовъ Марка Вовчка на русскій языкъ Тургеневымъ, или восторженный отзывъ о нихъ Добролюбова. Подъ вліяніемъ освободительныхъ и просвѣтительныхъ идей того времени, украинцы особенное вниманіе обратили на просвѣщеніе народа, дѣйствуя рука объ руку, въ одномъ направленіи съ лучшими представителями русскаго общества *). На Украинѣ, въ Кіевѣ, Полтавѣ и другихъ городахъ, открываются первыя въ Россіи воскресныя школы, въ которыхъ преподаваніе велось на родномъ языкѣ; издаются народныя украинскія книги, составляются учебники и т. п. Даже правительство въ то время признавало необходимымъ обращаться къ украинскому народу съ законодательными актами на его родномъ языкѣ. Положеніе 19 февраля было переведено, „съ Высочайшаго соизволенія", Кулишемъ на украинскій языкъ и уже начато печатаніемъ; къ прискорбію, это огромнаго практическаго и принципіальнаго значенія дѣло не было доведено до благополучнаго конца, благодаря какимъ-то недоразумѣніямъ между переводчикомъ и правительст-

*) Въ 1862 г. С.-Петербургскій Комитетъ грамотности возбуждалъ ходатайство о введеніи преподаванія въ народныхъ школахъ на Украинѣ—на украинскомъ же языкѣ. Тотъ же комитетъ издалъ „Списокъ русскихъ и *малороссійскихъ* книгъ, одобренныхъ для народныхъ учителей и школъ и для народнаго чтенія" (1862), и въ этомъ спискѣ число рекомендуемыхъ украинскихъ книгъ равнялось числу русскихъ; впрочемъ, изъ 5-го изданія „Списка", вышедшаго въ 1867 г., когда направленіе Комитета и по данному вопросу, и вообще измѣнилось, украинскія книги уже исключены (эти свѣдѣнія заимствую изъ крайне рѣдкой книги г. Протопопова „Исторія С.-Петербургскаго Комитета грамотности", Спб., 1898, стр. 79—84, 276—283). Съ другой стороны и въ отношеніяхъ къ различнаго рода явленіямъ литературы и жизни также замѣчается солидарность между русскими и украинскими дѣятелями. Припомнимъ одинъ характерный эпизодъ. Когда въ 1858 г. по поводу юдофобскихъ выходокъ петербургской „Иллюстраціи" русскіе писатели выступили съ коллективнымъ протестомъ противъ недостойной печатнаго слова травли евреевъ, то этотъ протестъ былъ поддержанъ и украинскими писателями, напечатавшими въ либеральномъ тогда „Русскомъ Вѣстникѣ" соотвѣтственное заявленіе и съ своей стороны. Протестъ подписанъ Костомаровымъ, Кулишемъ, Маркомъ Вовчкомъ, Номисомъ и Шевченкомъ.

венной коммиссіей, и отъ украинскаго перевода положенія уцѣлѣли только корректурные листы.

Но медовому мѣсяцу украинскаго движенія въ Россіи суждено было имѣть весьма кратковременное существованіе. Уже въ 1862 г. прекращается „Основа", — исторія ея еще не написана, но есть основанія думать, что на прекращеніе ея имѣли вліяніе и общія неблагопріятныя вѣянія, присутствіе которыхъ уже тогда смутно чувствовалось въ воздухѣ; въ 1863 г. запрещена газета „Черниговскій Листокъ", приближающаяся по своему направленію и программѣ къ „Основѣ", при чемъ редакторъ „Ч. Листка", извѣстный украинскій поэтъ Глѣбовъ, высланъ административнымъ порядкомъ изъ Чернигова. Воскресныя школы начинаютъ быстро таять, возбудивъ подозрѣнія въ неблагонадежности; изданіе на украинскомъ языкѣ учебниковъ и другихъ книгъ для народнаго чтенія затрудняется; многіе украинцы (Чубинскій, Конисскій, Стронинъ и др.) подвергаются ссылкѣ. Не доставало еще вначалѣ только ярлыка, который бы можно было наклеить на украинское движеніе; не было еще слова, которымъ бы формулировались скрытыя пока подозрѣнія и обвиненія, но скоро и это настоящее слово было найдено—„сепаратизмъ", „польская интрига". Всемогущій тогда Катковъ, онъ же и изобрѣтатель магическихъ словъ, облачается въ тогу спасителя находящагося въ опасности отечества и грознаго изобличителя „коварной іезуитской интриги", считая необходимымъ принести даже публичное покаяніе въ томъ, что самъ въ нѣкоторомъ родѣ содѣйствовалъ ей „послабленіемъ" *). Съ этого именно момента вокругъ украинскаго движенія и начинаетъ накопляться и наростать мало по малу та куча недоразумѣній, та путаница понятій, которая остается нераспутанной и до настоящаго времени. Плодомъ этой путаницы и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма характернымъ образцомъ ея является слѣдующее отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ, извѣстнаго Валуева, которое, въ виду его общественнаго интереса, приводимъ цѣликомъ.

„По Высочайшему повелѣнію. Секретно. Отъ министра внутреннихъ дѣлъ министру народнаго просвѣщенія. 18 іюля 1863 г., № 364.

„Давно уже идутъ споры въ нашей печати о возможности существованія самостоятельной малороссійской литературы. Поводомъ къ этимъ спорамъ служили произведенія нѣкоторыхъ писателей, отличавшихся болѣе или менѣе замѣчательнымъ талантомъ или своею оригинальностью. Въ послѣднее время вопросъ о малороссійской литературѣ получилъ иной характеръ, вслѣдствіе обстоятельствъ чисто политическихъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ интересамъ собственно литературнымъ. Прежнія про-

*) Мих. Лемке—Эпоха цензурныхъ реформъ 1859 — 1865 годовъ. Спб., 1904. Стр. 301.

изведенія на малороссійскомъ языкѣ имѣли въ виду лишь образованные классы южной Россіи, нынѣ же приверженцы малороссійской народности обратили свои виды на массу непросвѣщенную, и тѣ изъ нихъ, которые стремятся къ осуществленію своихъ политическихъ замысловъ, принялись, подъ предлогомъ распространенія грамотности и просвѣщенія, за изданіе книгъ для первоначальнаго чтенія, букварей, грамматикъ, географій и т. п. Въ числѣ подобныхъ дѣятелей находилось множество лицъ, о преступныхъ дѣйствіяхъ которыхъ производилось слѣдственное дѣло въ особой коммиссіи.

„Въ С.-Петербургѣ даже собираются пожертвованія для изданія дешевыхъ книгъ на южно-русскомъ нарѣчіи. Многія изъ этихъ книгъ поступили уже на разсмотрѣніе въ с.-петербургскій цензурный комитетъ. Не малое число такихъ же книгъ представляется и въ кіевскій цензурный комитетъ. Сей послѣдній въ особенности затрудняется пропускомъ упомянутыхъ изданій, имѣя въ виду слѣдующія обстоятельства: обученіе во всѣхъ безъ изъятія училищахъ производится на обще-русскомъ языкѣ и употребленіе въ училищахъ малороссійскаго языка нигдѣ не допущено; самый вопросъ о пользѣ и возможности употребленія въ школахъ этого нарѣчія не только не рѣшенъ, но даже возбужденіе этого вопроса принято большинствомъ малороссіянъ съ негодованіемъ, часто высказывающимся въ печати. Они весьма основательно доказываютъ, что никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ, и что нарѣчіе ихъ, употребляемое простонародіемъ, есть тотъ же русскій языкъ, только испорченный вліяніемъ на него Польши; что обще-русскій языкъ также понятенъ для малороссовъ, какъ и для великороссіянъ, и даже гораздо понятнѣе, чѣмъ теперь сочиняемый для нихъ нѣкоторыми малороссами, въ особенности поляками, такъ называемый, украинскій языкъ. Лицъ того кружка, который усиливается доказывать противное, большинство самыхъ малороссовъ упрекаетъ въ сепаратистскихъ замыслахъ, враждебныхъ къ Россіи и гибельныхъ для Малороссіи.

„Явленіе это тѣмъ болѣе прискорбно и заслуживаетъ вниманія, что оно совпадаетъ съ политическими замыслами поляковъ и едва ли не имъ обязано своимъ происхожденіемъ, судя по рукописямъ, поступавшимъ въ цензуру, и по тому, что большая часть малороссійскихъ сочиненій дѣйствительно поступаетъ отъ поляковъ. Наконецъ, и кіевскій генералъ-губернаторъ находитъ опаснымъ и вреднымъ выпускъ въ свѣтъ разсматриваемаго нынѣ духовною цензурою перевода на малороссійскій языкъ Новаго Завѣта.

„Принимая во вниманіе, съ одной стороны, настоящее тревожное положеніе общества, волнуемаго политическими событіями, а съ другой стороны имѣя въ виду, что вопросъ объ обученіи гра-

мотности на мѣстныхъ нарѣчіяхъ не получилъ еще окончательнаго разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ, впредь до соглашенія съ министромъ народнаго просвѣщенія, оберъ-прокуроромъ св. синода и шефомъ жандармовъ относительно печатанія книгъ на малороссійскомъ языкѣ, сдѣлать по цензурному вѣдомству распоряженіе, чтобы къ печати дозволялись только такія произведенія на этомъ языкѣ, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы; пропускомъ же книгъ на малороссійскомъ языкѣ какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа, пріостановиться. О распоряженіи этомъ было повергаемо на высочайшее государя императора воззрѣніе и его величеству благоугодно было удостоить оное монаршаго одобренія.

„Сообщая вашему превосходительству о вышеизложенномъ, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, м. г., почтить меня заключеніемъ о пользѣ и необходимости дозволенія къ печатанію книгъ на малороссійскомъ нарѣчіи, предназначенныхъ для обученія простонародья.

„Къ сему неизлишнимъ считаю присовокупить, что по вопросу этому, подлежащему обсужденію въ установленномъ порядкѣ, я нынѣ же вошелъ въ сношеніе съ генералъ-адъютантомъ княземъ Долгоруковымъ и оберъ-прокуроромъ св. синода.

„Не лишнимъ считаю присовокупить, что кіевскій цензурный комитетъ вошелъ ко мнѣ съ представленіемъ, въ которомъ указываетъ на необходимость принятія мѣръ противъ систематическаго наплыва изданій на малороссійскомъ нарѣчіи“ *).

Приведеннымъ распоряженіемъ, за которымъ ясно видна грозная фигура Каткова, вопросъ объ украинскомъ движеніи переносился исключительно на политическую почву. Для большаго впечатлѣнія, но совсѣмъ не кстати, къ нему пристегнута была и пресловутая „польская интрига“,—говорю „не кстати“ потому, что именно польскіе землевладѣльцы на Украинѣ особенно были встревожены новымъ движеніемъ, проницательно усматривая въ немъ „гайдамаччину“, и даже посылали кому слѣдуетъ доносы на „хлопомановъ“ **). Точно такимъ же образомъ, т. е. однимъ взмахомъ канцелярскаго пера разрѣшенъ былъ и научный вопросъ о происхожденіи

*) Цитирую по книгѣ г. Лемке „Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ“, стр. 302—304. Послѣдній абзацъ приписанъ собственноручно Валуевымъ послѣ подписи.

**) Въ 1861 г., напр., послѣдовалъ цѣлый рядъ доносовъ и жалобъ польскихъ помѣщиковъ на украинскихъ писателей; были даже предложенія срыть могилу Шевченка подъ Каневомъ, а тѣло его перенести въ другое мѣсто (см. статью г. Билыка „Тревога надъ свѣжей могилой Шевченка“ въ „Кіевской Старинѣ“, 1886 г., апрѣль). Любопытно, что польскіе Катковы въ Галичинѣ приписываютъ возникновеніе украинскаго національнаго движенія „*московской* интригѣ“ и „*московскимъ* рублямъ“!...

и развитія „такъ называемой“ украинской рѣчи, „сочиняемой въ особенности поляками“... Но не смотря на свою ясную до очевидности внутреннюю несостоятельность, распоряженіе Валуева осталось на долго руководящимъ актомъ въ отношеніяхъ правящихъ сферъ къ украинской литературѣ. Не помогло даже и то обстоятельство, что противъ запретительныхъ мѣръ высказался тогдашній руководитель министерства народнаго просвѣщенія Головнинъ, стоя исключительно на основѣ педагогическихъ и практическихъ соображеній. „*Сущность сочиненія, мысли, изложенныя въ ономъ*,—писалъ Головнинъ въ своей отвѣтной запискѣ, — и вообще *ученіе, которое оно распространяетъ*, а отнюдь не *языкъ* или *нарѣчіе*, на которомъ написано, составляютъ основаніе къ запрещенію или дозволенію той или другой книги, и стараніе литераторовъ обработать грамматически каждый языкъ или нарѣчіе и для сего писать на немъ и печатать — весьма полезно въ видахъ народнаго просвѣщенія и заслуживаетъ полнаго уваженія. Посему министерство народнаго просвѣщенія обязано поощрять и содѣйствовать подобному старанію“. Повторивъ снова мысль о томъ, что запрещать книги можно лишь за мысли, но не за языкъ и совершенно основательно посовѣтовавъ жаловавшемуся на наплывъ украинскихъ сочиненій кіевскому цензурному комитету просить... объ усиленіи личнаго состава цензоровъ, Головнинъ заключаетъ свое мнѣніе такъ: „требованіе же комитета, чтобы приняты были мѣры противъ систематическаго наплыва изданій на малороссійскомъ языкѣ, я нахожу совершенно неосновательнымъ *).

Тѣмъ не менѣе „совершенно неосновательное“ требованіе было исполнено и это отразилось самымъ плачевнымъ образомъ на молодомъ, еще не успѣвшемъ окрѣпнуть движеніи. Первымъ послѣдствіемъ распоряженія Валуева было воспрещеніе всѣхъ произведеній на украинскомъ языкѣ, не относившихся „къ области изящной литературы“, какъ, напр., готовые учебники по математикѣ, географіи, физикѣ, космографіи и другія научно-популярныя сочиненія. Къ издателямъ и авторамъ ихъ, „разсудку вопреки, на перекоръ стихіямъ“, предъявлено было обвиненіе, что они заботятся о букваряхъ, граматкахъ и географіяхъ лишь для видимости, „подъ предлогомъ распространенія грамотности и просвѣщенія“, а на самомъ дѣлѣ этими невинными заглавіями прикрываютъ самыя злокозненныя цѣли, подготовляя въ грамматической формѣ грозныя средства для потрясенія основъ государственности... Неудивительно, что, благодаря такой проницательности, сумѣвшей усмотрѣть интригу въ букварѣ и математикѣ, число украинскихъ книгъ послѣ 1863 года сразу па-

*) М. Лемке, Эпоха цензурныхъ реформъ, стр. 305. Курсивы принадлежатъ подлиннику.

даетъ до смѣшной по своей ничтожности цифры, при чемъ были годы, какъ, напр., 1866, когда не появилось ни одной украинской книжки *). „Фактически, — говоритъ г. Лемке въ своей книгѣ,— предѣлы, предоставленные Валуевымъ малорусской литературѣ, такъ сузились, что положительно не оставалось мѣста здоровой народной книгѣ" **). Особенно замѣчательна судьба перевода на украинскій языкъ Новаго Завѣта, о которомъ упоминается и въ отношеніи Валуева. Разсматривавшая переводъ духовная коммиссія аттестовала его, какъ „вѣрный подлиннику и выполненный хорошо"; академики Востоковъ и Срезневскій въ своемъ отзывѣ, Академіи наукъ писали, между прочимъ: „Евангеліе, переведенное на малороссійское нарѣчіе Морачевскимъ, есть въ высшей степени трудъ замѣчательный и полезный. Малороссійское нарѣчіе въ немъ, можно сказать, блистательно выдерживаетъ испытаніе этого рода и уничтожаетъ всякое сомнѣніе, многими питаемое, въ возможности выразить возвышенныя чувства сердца. Нѣтъ сомнѣнія, что переводъ Евангелія Морачевскаго долженъ сдѣлать эпоху въ литературномъ образованіи малороссійскаго нарѣчія" *). Наконецъ, и министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ съ своей стороны, объяснивъ приведенный въ отношеніи Валуева отрицательный отзывъ кіевскаго генералъ-губернатора „какою-то неопытною канцелярскою ошибкою", высказывается за разрѣшеніе перевода: „Духовное вѣдомство имѣетъ священную обязанность распространять Новый Завѣтъ между всѣми разноплеменными жителями имперіи на всѣхъ языкахъ, и истиннымъ праздникомъ нашей церкви былъ бы тотъ день, когда мы могли бы сказать, что въ каждомъ домѣ, избѣ, хатѣ и юртѣ находится экземпляръ Евангелія на языкѣ, понятномъ обитателямъ. Министерство народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, всемѣрно старается о распространеніи въ своихъ училищахъ, и черезъ нихъ въ народѣ, книгъ духовнаго содержанія, печатаетъ ихъ въ числѣ десятковъ тысячъ экземпляровъ, и въ ряду этихъ книгъ Новый Завѣтъ на мѣстномъ нарѣчіи долженъ бы занимать первое мѣсто. Посему малороссійскій переводъ Евангелія, исправленный духовною цензурою, составитъ одно изъ прекраснѣйшихъ дѣлъ, которыми ознаменовано нынѣшнее царствованіе, и министерство народнаго просвѣщенія должно желать этому дѣлу скорѣйшаго и полнаго успѣха" ****). Къ этимъ отзывамъ остается лишь добавить, что аттестованный учеными

*) См. Комарова М. „Бiблiографичний покажчик нової української лiтератури" при альманахѣ „Рада" (Кіевъ, 1883), стр. 469, и Протопопова „Исторія С.-Петербургскаго Комитета грамотности", стр. 282.

**) Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ, стр. 306.

***) Огоновскій проф. Исторія литературы рускои, Львовъ, 1889, ч. II, отд. I, стр. 136.

****) Лемке Эпоха цензурныхъ реформъ, стр. 305—306.

академиками, какъ эпохальный, а кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, какъ „опасный и вредный“ — переводъ Морачевскаго до сихъ поръ остается въ рукописи. Мало того, съ 60-хъ годовъ и до послѣдняго времени неоднократно толкались въ двери подлежащихъ вѣдомствъ и другіе переводчики Св. Писанія на украинскій языкъ (Кулишъ, г.г. Лободовскій и Пулюй), но двери эти продолжаютъ оставаться наглухо закрытыми. Такимъ образомъ, при существованіи переводовъ Евангелія на языкахъ всѣхъ народовъ Россіи, распространеніе его на одномъ лишь украинскомъ и въ XX столѣтіи по прежнему считается кому-то опаснымъ и для кого-то вреднымъ, а „одно изъ прекраснѣйшихъ дѣлъ“, по выраженію Головнина, все еще ожидаетъ своего разрѣшенія...

III.

Исключительныя обстоятельства того тревожнаго времени и самый характеръ украинскаго національнаго движенія, находившагося тогда въ первыхъ фазахъ своего развитія, много способствовали тому, что валуевское распоряженіе сопровождалось видимымъ „успѣхомъ“. Не забудемъ, что, съ одной стороны, то былъ моментъ начала глухой реакціи, на время потерявшей было свою силу, но теперь вновь подвимавшей голову,—моментъ, когда съ освободительными и просвѣтительными теченіями весьма удобно было вести борьбу, особенно, если прикрыть ихъ покрываломъ „сепаратизма“, „польской интриги“ или чего-нибудь другого въ томъ же родѣ. Лучшая часть русскаго общества направляла всѣ свои усилія противъ надвигавшейся реакціи; силы шли на эту борьбу и потому фактъ запрещенія какихъ-то тамъ учебниковъ, не смотря на всю его вопіющую несправедливость, казался слишкомъ мелкимъ, имѣющимъ исключительно мѣстное значеніе, не заслуживающимъ серьезнаго вниманія. Съ другой стороны, часть общества, непосредственно заинтересованная въ данномъ вопросѣ и отдававшая себѣ ясный отчетъ во всѣхъ послѣдствіяхъ такой его постановки, была слишкомъ бѣдна количественно, чтобы противопоставить запрещенію широко организованную положительную дѣятельность, даже въ дозволенныхъ предѣлахъ. Собственно говоря, въ началѣ 60-хъ годовъ украинской интеллигенціи еще не существовало; были отдѣльные интеллигенты или, въ лучшемъ случаѣ, небольшіе кружки лицъ, уяснившихъ себѣ все значеніе украинскаго національнаго движенія, но они были безсильны создать широкое общественное мнѣніе по данному вопросу, такъ какъ въ массѣ общество всетаки оставалось довольно равнодушнымъ къ нему и слабо реагировало на совершившійся фактъ. Указанными условіями и объясняется то обстоятельство, что ограничительное распоряженіе 1863 года оставило такой

глубокій слѣдъ въ исторіи украинской общественности, породивъ ту пустую дыру, которая можетъ быть названа вторымъ антрактомъ въ развитіи украинскаго движенія.

Антрактъ продолжался до начала 70-хъ годовъ, которое ознаменовалось постепеннымъ усиленіемъ украинскаго движенія, при чемъ центръ его изъ Петербурга, какъ было въ 60 хъ годахъ, переносится на Украину, преимущественно въ Кіевъ. Валуевское распоряженіе, отнявъ средства работать надъ просвѣщеніемъ народа, оставило всетаки нѣкоторую возможность вообще научной работы, которая, не задаваясь непосредственными практическими цѣлями, подводила бы итоги предыдущимъ изысканіямъ въ области украинскаго вопроса и искала бы новыхъ данныхъ для его обоснованія и справедливаго практическаго разрѣшенія. Въ этомъ смыслѣ 70-е годы представляютъ весьма важный моментъ въ исторіи украинскаго движенія. Въ 1872 г. состоялось въ Кіевѣ открытіе Юго-западнаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества, кратковременное существованіе котораго ознаменовалось напряженной и весьма плодотворной дѣятельностью по всестороннему изученію края, населеннаго украинскимъ народомъ. Немного раньше (1869—1870 г.г.) была совершена знаменитая этнографическая экспедиція Чубинскаго, по отзыву историка, составившая „одно изъ замѣчательнѣйшихъ предпріятій, какія только были сдѣланы въ нашей этнографіи“ *). Въ Кіевѣ сосредоточивается рядъ научныхъ силъ, какъ проф. В. Б. Антоновичъ, Драгомановъ, П. И. Житецкій, Кистяковскій, К. И. Михальчукъ, А. А. Русовъ, Чубинскій и мн. др., соединившихъ крупныя ученыя заслуги и широту воззрѣній съ весьма опредѣленнымъ направленіемъ въ области украинскаго національнаго движенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и на арену художественнаго творчества выступаютъ лица, опять таки пріобрѣвшія повсемѣстную почетную извѣстность своими крупными дарованіями; изъ нихъ назовемъ И. С. Левицкаго, Н. В. Лисенка, Панаса Мырного и недавно скончавшагося Старицкаго. Въ области собственно художественнаго творчества эти дѣятели раздвигаютъ и расширяютъ рамки украинской литературы, возвышая ее со степени исключительно простонародной литературы до высшихъ проявленій художественнаго творчества, но свято сохраняя духъ прогрессивнаго демократизма, завѣщанный украинской литературѣ Шевченкомъ. Жизнь расширила даже рамки въ той спеціальной области, которой коснулось ограничительное распоряженіе 1863 г.: популярныя произведенія историческаго, юридическаго и естественно-научнаго содержанія, предназначенныя для народнаго чтенія, просачиваются сквозь щели Валуевскаго распоряженія и выходятъ въ Кіевѣ въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ раньше въ Пе-

*) Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Спб. 1891. Т. III, стр. 349.

тербургѣ. Казалось, что за фактической отмѣной ограниченій украинскій вопросъ будетъ разрѣшенъ дружными усиліями украинскихъ ученыхъ, художниковъ и популяризаторовъ въ единственно возможномъ и желательномъ направленіи; казалось, что плодотворность украинскаго національнаго движенія въ области изученія и удовлетворенія народныхъ нуждъ уже практическимъ путемъ выяснена и доказана, а вмѣстѣ съ тѣмъ устранена и возможность примѣненія какихъ бы то ни было ограничительныхъ мѣропріятій въ будущемъ. Но надъ головами участниковъ движенія уже скоплялись грозныя тучи, не замедлившія разразиться новымъ ударомъ. Оживленіе украинскаго движенія, хотя бы въ формѣ научной и литературной дѣятельности, вызвало оживленіе и среди другихъ общественныхъ элементовъ, которые характеризуясь своею внутреннею импотенціею, обладаютъ за то громадною внѣшнею силою при отсутствіи правильно обезпеченныхъ формъ общественной жизни и правового порядка. Не чувствуя себя въ силахъ бороться съ ненавистными теченіями открыто, или понеся въ открытой борьбѣ пораженіе, эти элементы всегда прибѣгаютъ, въ качествѣ подсобныхъ способовъ, къ помощи постороннихъ вѣдомствъ, пользуясь доношеніями, инсинуаціями, закулисными вліяніями, нашептываніемъ, кому слѣдуетъ, о неблагонадежности и тому подобными средствами. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Змѣиный шипъ по поводу „украинофильской пропаганды" все усиливался, сосредоточиваясь, по обыкновенію, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" и нѣкоторыхъ спеціальныхъ органахъ, въ родѣ курьезной памяти „Вѣстника Юго-Западной и Западной Россіи" Говорскаго, пока въ 1876 году не увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Въ этомъ году „временно" былъ закрытъ Юго западный отдѣлъ р. имп. географическаго общества, уже не возобновившійся, не смотря на многократныя по этому поводу ходатайства; особенно энергичныя лица, прикосновенныя къ отдѣлу, были взяты на замѣчаніе, или принуждены даже совсѣмъ оставить Кіевъ (Чубинскій, напр., долженъ былъ переселиться въ Петербургъ, Драгомановъ—уѣхать за границу). Одновременно произведено было и увѣнчаніе зданія въ намѣченномъ направленіи, воплотившееся въ форму слѣдующаго краткаго, но многозначительнаго документа, пользующагося весьма большой популярностью за границей *), но мало извѣстнаго въ Россіи.

---

*) Недавно онъ возбудилъ, напр., оживленныя пренія въ французскомъ парламентѣ по запросу одного изъ депутатовъ. Въ Вѣнѣ съ прошлаго года издается на нѣмецкомъ языкѣ спеціальный журналъ „Ruthenische Revue", поставившій своей задачей ознакомленіе западно-европейской публики съ украинскимъ движеніемъ и вызвавшій большой интересъ среди европейскихъ ученыхъ, писателей и политиковъ. Интересная анкета по поводу ограничительнаго распоряженія 1876 г., предпринятая редакціей „Ruthenische Revue", дала уже цѣлый рядъ опубликованныхъ въ названномъ журналѣ,

„Государь Императоръ 30 минувшаго мая высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Не допускать ввоза въ предѣлы имперіи безъ особаго разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ на малороссійскомъ нарѣчіи.

2. Печатаніе и изданіе въ имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ же нарѣчіи воспретить, за исключеніемъ лишь:

а) историческихъ документовъ и памятниковъ и

б) произведеній изящной словесности,

но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ; въ произведеніяхъ же изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія и чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи въ главномъ управленіи по дѣламъ печати,—и

3) Воспретить различныя сценическія представленія и чтенія на малорусскомъ языкѣ, а также печатаніе на таковомъ же текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ“ *).

Читатель навѣрное помнитъ Щедринскую шуточную „коммиссію объ искорененіи“, которая, съ Божіей помощью искоренивъ „и то, что служитъ начальству огорченіемъ, и то, что приноситъ ему утѣшеніе“, пришла, въ концѣ концовъ, къ заключенію, что ничто не будетъ надлежащимъ образомъ искоренено, покуда не будетъ искоренена... литература“ („Круглый годъ“). Конечно, говоря вообще, такое заключеніе въ своемъ буквальномъ видѣ есть преувеличеніе, геніальная каррикатура. Но то, что для литературы вообще могло осуществиться лишь въ геніальной фантазіи сатирика, то для украинской литературы совершилось въ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, что иное представляетъ собою распоряженіе 1876 года, какъ не попытку полнаго, совершеннаго искорененія украинской литературы, какъ не осужденіе ея на смертную казнь? Поставить литературѣ подобныя рамки—значитъ лишить ее всякаго смысла и значенія, свести къ нулю ея вліяніе, такъ какъ съ прекращеніемъ тѣснаго взаимодѣйствія между литературой и жизнью будутъ обрѣзаны соединяющія ихъ нити, по которымъ совершается обмѣнъ живительныхъ соковъ, питающихъ и поддерживающихъ литературу. Развѣ можетъ существовать — разумѣется, существо-

---

отвѣтовъ, среди которыхъ имѣются цѣнныя мнѣнія Момзена, Бьерне-Стерна-Бьернсона, Чэмберлена (историка), проф. Броунинга, Леруа-Болье и многихъ другихъ извѣстныхъ дѣятелей.

*) Грушевскій, проф. Очеркъ исторіи украинскаго народа, стр. 354.

вать плодотворно, а не влачить лишь жалкое существованіе—литература, осужденная питаться, выражаясь изысканнымъ терминомъ приведеннаго распоряженія, одними произведеніями „изящной словесности“, но лишенная уже права, напр., касаться этихъ произведеній въ критическихъ статьяхъ, такъ какъ послѣднія мудрено, конечно, подвести подъ рубрику „изящной словесности“? Ограничить литературу предѣлами „изящной словесности“—все равно, что предоставить человѣку питаться исключительно пирожными, бланманже и прочими дессертными деликатессами, отнявъ у него кусокъ обыкновеннаго питательнаго хлѣба. Съ изданіемъ подобныхъ ограниченій уже само собою устраняется примѣненіе крайнихъ мѣръ—въ родѣ тѣхъ, какія предлагалъ одинъ изъ членовъ Щедринской коммиссіи: „одну часть произведеній литературы сжечь рукою палача, а другую потопить въ рѣкѣ, литераторовъ же водворить въ уѣздный городъ Мезень“ („Круглый годъ“),—такъ какъ ни сожигать, ни топить, ни водворять уже будетъ, по всей вѣроятности, нечего и некого. Въ дѣятельности почти каждаго изъ украинскихъ писателей мы найдемъ перерывы, свидѣтельствующіе о томъ, что никакая человѣческая энергія не въ состояніи выдержать того положенія, въ которое поставило украинскую литературу распоряженіе 1876 г. Чтобы не быть голословнымъ, я приведу лишь одинъ примѣръ, заимствованный изъ автобіографіи небезызвѣстнаго украинскаго поэта Щоголева. Упомянувъ о мытарствахъ, испытанныхъ имъ на зарѣ своей литературной дѣятельности и заставившихъ его „сломать“ свое перо, Щоголевъ затѣмъ продолжаетъ: „Старшіе изъ моихъ дѣтей—дочь и сынъ высокаго художественнаго закала и глубокой души—живя лѣтомъ на дачахъ среди простонародья, знали разговорный малорусскій языкъ и стали просить меня *писать для нихъ. Я и писалъ имъ до 1878 года*“. Затѣмъ было не до того: дочь и сынъ Щоголева почти одновременно умираютъ послѣ продолжительной болѣзни, и поэтъ замѣчаетъ: „*писать было не для кого*, и я опять ничего не написалъ въ теченіе почти 4-хъ лѣтъ“ и т. д. *). Приведенная нами „интимная исповѣдь“ незауряднаго поэта съ виду весьма спокойна, но я не знаю словъ съ болѣе страшнымъ для писателя значеніемъ, какъ эти спокойныя, скупыя на подробности замѣчанія. *Писать исключительно для своихъ дѣтей и, когда этихъ единственныхъ читателей не стало, поставить крестъ надъ своею литературною дѣятельностью*—это ли не ужасъ, это ли не трагизмъ для писателя? Не кажется ли, что это лишь сонъ, невозможный ни въ какой дѣйствительности? Но, къ сожалѣнію, подобные случаи не были сномъ и даже не совсѣмъ исключительнымъ явленіемъ; и у сошедшихъ со сцены, и у нынѣ дѣйствующихъ еще украинскихъ писателей найдется много произве-

*) „Кіевская Старина“, 1904 г., кн. X, отд. II, стр. 9.

деній, написанныхъ „для себя“ и по написаніи запрятанныхъ въ ящикъ письменнаго стола, съ слабой надеждой, что они черезъ десятокъ—другой лѣтъ дойдутъ таки до читателя *). Словомъ, самая пылкая фантазія не могла бы придумать большаго, чѣмъ то, что совершается въ дѣйствительности, благодаря распоряженію 1876 г. Факты гоненій на украинскую рѣчь, практикуемыхъ въ особенно широкихъ размѣрахъ нашими школами различныхъ вѣдомствъ, родовъ, видовъ и типовъ, являются настолько обычными, что перестали уже обращать на себя вниманіе, какъ вполнѣ нормальное явленіе. Опять приведу лишь одинъ примѣръ, относящійся ко времени всеобщей переписи 1897 г. Большое сомнѣніе въ переписныхъ листкахъ возбудила тогда графа о родномъ языкѣ и заполнялась она по тому же методу, по какому сочиняетъ статистику волостной писарь въ извѣстной драмѣ г. Карпенка Караго „Бурлака“. Въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Кіевѣ ученики начали было записывать роднымъ языкомъ украинскій, но бдительное начальство быстро положило конецъ такому неумѣстному обнаруженію своей національности. На возраженія учениковъ, что они говорятъ по-украински, съ дѣтства слышатъ эту рѣчь, впитали ее съ молокомъ матери и потому считаютъ ее для себя родной — послѣдовалъ характерный отвѣтъ: „вы воспитываетесь въ русскомъ учебномъ заведеніи и потому роднымъ языкомъ вашимъ *долженъ быть* русскій“. На ряду съ этимъ, нѣсколькимъ болгарамъ и сербамъ, хотя они воспитывались въ томъ же русскомъ заведеніи, разрѣшено было заполнить графу о родномъ языкѣ сообразно ихъ желанію. Благодаря такой бдительности начальства, понятія не имѣвшаго о цѣляхъ переписи, часто получалось нѣчто въ высокой степени уродливое, когда, напр., изъ двухъ родныхъ братьевъ одинъ записывалъ роднымъ языкомъ украинскій, а другой „долженъ былъ“ записать русскій. Зная практику, можно съ увѣренностью сказать, что приведенный случай принудительнаго заполненія графы о родномъ языкѣ былъ на Украинѣ не исключительнымъ, а типическимъ и что дѣло всецѣло зависѣло отъ личныхъ вкусовъ и взглядовъ лица, завѣдывавшаго даннымъ переписнымъ участкомъ. Но возвращаюсь къ прерванному изложенію дальнѣйшихъ судебъ украинской литературы.

*) Напечатанная въ *1903* г. „Кіевской Стариной“ повѣсть г.г. Мирного и Билыка „Пропаща сыла“ написана, какъ видно изъ редакціонной помѣтки, еще въ *1875* г.; другая повѣсть тѣхъ же авторовъ „За водою“, написанная въ *1883* г., до сихъ поръ не могла быть напечатанной; замѣчательное произведеніе Свидницкаго „Люборацьки“, появившееся въ Кіевѣ въ *1901* г., закончено авторомъ въ *1862* г. и т. д., и т. д. Подробный мартирологъ погибшихъ писателей и ихъ произведеній занялъ бы слишкомъ много мѣста.

IV.

Единственной формой, какую оставило украинской литературѣ распоряженіе 1876 года, и до сихъ поръ остается беллетристическая. Въ этой формѣ должно высказываться все, что занимаетъ, интересуетъ и волнуетъ украинскаго писателя. Не говоря уже о томъ, насколько вообще является узкой въ данномъ случаѣ всякая напередъ опредѣленная, строго указанная форма, было бы большимъ заблужденіемъ полагать, что, по крайней мѣрѣ, беллетристика пользуется относительной свободой и получаетъ право болѣе или менѣе безпрепятственнаго обращенія въ публикѣ. Выше указаны были случаи, изъ которыхъ видно, что даже беллетристическимъ произведеніямъ приходится десятками лѣтъ вылеживаться подъ спудомъ, выжидая благопріятнаго момента, когда, наконецъ, станетъ возможнымъ ихъ появленіе въ печати. Вообще же говоря, при примѣненіи распоряженія 1876 г. на практикѣ, сейчасъ же обозначились двѣ прямо противоположныя тенденціи. Съ одной стороны—цензурное вѣдомство пользовалось распространительнымъ толкованіемъ министерскаго распоряженія, не допуская къ печати книгъ, имъ не воспрещенныхъ, и руководствуясь исключительно личнымъ усмотрѣніемъ; съ другой—жизнь постоянно, хотя и съ трудомъ, съ замѣтными скачками и неровностями, раздвигала указанныя рамки и принуждала цензурное вѣдомство нарушать распоряженіе, допуская различныя исключенія и изъятія. Въ результатѣ, въ отношеніяхъ цензурнаго вѣдомства къ украинскимъ произведеніямъ воцарился полный хаосъ, при которомъ ясное понятіе о правахъ и обязанностяхъ замѣняется ничѣмъ не сдерживаемымъ проявленіемъ личныхъ взглядовъ, вкусовъ и настроеній чиновъ цензурнаго вѣдомства. Сегодня разрѣшается популярная брошюра, воспрещенная по смыслу распоряженія абсолютно,—завтра же зачеркивается невинный разсказъ, подъ который, какъ говорится, иглы не подточишь и который, къ довершенію всего, уже раньше былъ разрѣшаемъ къ печати; сегодня заграничныя изданія пропускаются въ сотняхъ экземпляровъ, а завтра—старательно вычеркивается даже въ научныхъ статьяхъ и указателяхъ всякая ссылка на заграничныя изданія, а галицкихъ русиновъ запрещается именовать иначе, какъ русскими. Что можно, чего нельзя—угадать нѣтъ никакой возможности. Этотъ хаосъ понятій, сопровождающій борьбу между жизнью и буквой распоряженія 1876 г., лучше всякой критики обнаруживаетъ истинную его цѣну; о томъ же свидѣтельствуютъ и положительныя пріобрѣтенія, сдѣланныя украинскимъ движеніемъ прямо вопреки ограниченіямъ.

Первая и наиболѣе основательная брешь была пробита въ

послѣднемъ (третьемъ) пунктѣ знаменитаго распоряженія 1876 г. воспрещавшемъ, какъ извѣстно, „различныя сценическія представленія и чтенія на малорусскомъ языкѣ, а также печатаніе на таковомъ же текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ". Чѣмъ было вызвано послѣднее запрещеніе, за что постигла такая печальная участь тексты къ нотамъ—рѣшительно непонятно, тѣмъ не менѣе на первыхъ порахъ запрещеніе примѣнялось неукоснительно и приводило къ любопытнѣйшимъ результатамъ. Въ Кіевѣ, напр., для того, чтобы напасть на афишу публичнаго концерта украинскія пѣсни должны были быть переведенными на... французскій языкъ, и пѣвецъ народную пѣсню „дощик, дощик капае дрібненький" исполнялъ въ такомъ видѣ:

La pluie, la pluie,
Qui tombe doucement...
Je pensais, je pensais,—
C'est un Zaporogue, maman!

Воображаю положеніе пѣвца и слушателей, когда имъ преподнесли съ эстрады всѣмъ извѣстную пѣсенку въ семъ одѣяніи странномъ! И дѣйствительно, по свидѣтельству очевидца, „поднялся сначала неимовѣрный хохотъ, а затѣмъ бурный протестъ и требованіе народнаго текста" *), послѣ чего, разумѣется, сдѣлалось невозможнымъ исполненіе украинскихъ пѣсенъ даже и въ французскомъ переводѣ. Этотъ, что называется, пересолъ былъ ужъ слишкомъ очевиденъ, и потому невѣдомо за что пострадавшіе тексты къ нотамъ первыми возстановлены въ своемъ несомнѣнномъ правѣ—скромно занимать подобающее мѣсто подъ нотными знаками.

Точно такъ же отмѣнено жизнью и запрещеніе украинскаго театра, хотя подлежащія вѣдомства уступили не безъ колебаній и нѣкоторой борьбы. Разрѣшая украинскіе спектакли, на первыхъ порахъ ставили conditio sine qua non, чтобы въ одинъ вечеръ исполнялось столько же актовъ и на русскомъ языкѣ, сколько ихъ было на украинскомъ. Если шла, скажемъ, пятиактная украинская пьеса, то въ противовѣсъ ей, для обеззараживанія, такъ сказать, украинскіе артисты должны были ставить и пятиактную русскую. Предстояла крайне трудная дилемма: или совершенно отказаться отъ постановки украинскихъ пьесъ, или затягивать спектакли до разсвѣта, чего, очевидно, никакіе актеры и никакая публика не могла бы выдержать. Выходъ изъ такого затруднительнаго положенія былъ найденъ нѣсколько неожиданный, но тѣмъ не менѣе дѣйствительный. Были придуманы особыя русскія „пьесы", каждый актъ которыхъ продолжался минутъ пять,—буква распоряженія этимъ удовлетворилась. Затѣмъ пошли еще

*) М. Старицкій „Къ біографіи Н. В. Лисенка", Кіевская Старина, 1903 г. декабрь, стр. 470.

уступки, и въ настоящее время къ украинскимъ спектаклямъ предъявляется лишь одно требованіе — ставить съ украинской пьесой русскій водевиль; вотъ почему этотъ неизбѣжный придатокъ, извѣстный въ широкой публикѣ подъ спеціальнымъ именемъ „Отче-нашà“, украшаетъ афишу каждаго украинскаго спектакля, часто лишь на афишѣ и оставаясь. Сказанное относится исключительно къ постановкѣ уже разрѣшенныхъ пьесъ, а отнюдь не къ самому разрѣшенію, которое продолжаетъ носить всѣ черты случайности и самаго придирчиваго чтенія между строками...

Этимъ пока и исчерпываются всѣ наиболѣе существенныя уступки въ отношеніи украинской литературы. Въ остальномъ дѣло ограничилось лишь тѣмъ, что иногда—очень рѣдко—допускаются къ печати научно-популярныя произведенія для народа, больше прикладного характера и особенно подъ беллетристическимъ соусомъ (огородничество, наприм., въ беллетристической формѣ!). Кромѣ того, подлежащія вѣдомства смотрѣли иногда сквозь пальцы на ввозъ украинскихъ изданій изъ-за границы, усиливая въ другое время свою бдительность до такой степени, что всякая книжка, хотя бы къ политикѣ и никакого отношенія не имѣющая, хотя бы и съ специфическимъ запахомъ „Московскихъ Вѣдомостей“, останавливалась предъ предѣломъ, его же не прейдеши.

Но если цензурное вѣдомство оказывалось крайне тугимъ на уступки и соглашалось на нихъ весьма неохотно, лишь послѣ долгой борьбы съ требованіями жизни, то въ противоположномъ направленіи, въ сторону еще бóльшихъ ограниченій, оно обнаружило весьма замѣтную податливость. Благодаря этому, распространительное толкованіе распоряженія 1876 г. въ еще болѣе ограничительномъ смыслѣ, всегда находило самое широкое примѣненіе и самую искреннюю готовность. Прежде всего, по буквальному его смыслу переводы на украинскій языкъ беллетристическихъ произведеній *не воспрещены*; между тѣмъ практика почти не знаетъ разрѣшенія переводовъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ, неизвѣстныхъ цензурирующему лицу произведеній, которыя помѣчены неопредѣленнымъ словомъ „переспів“, съ умолчаніемъ при этомъ имени настоящаго автора. Различными украинскими переводчиками въ разное время представлялись въ цензуру переводы произведеній Шекспира, Шиллера, Гете и другихъ классиковъ, и все это признано было вреднымъ и не подлежащимъ разрѣшенію къ печати. Еще недавно изъ III-го тома сочиненій г. Панаса Мырного вырѣзанъ переводъ „Короля Лира“; переводъ „Тартюфа“ также безслѣдно исчезъ изъ собранія произведеній г. Самійленка, равно какъ и переводъ „Слова о полку Игоревѣ“ г. Мырного, кстати сказать—существующій въ нѣсколькихъ изданіяхъ другихъ украинскихъ переводчиковъ. Переводъ извѣстнаго фран-

цузскаго разсказа „Послѣдніе дни Іуды“ первоначально былъ запрещенъ, какъ любезно объяснилъ цензоръ, на томъ основаніи, что „содержитъ въ себѣ догматическія (!) неточности“, и прошелъ лишь значительно позже, безъ обозначенія имени автора, въ III-мъ томѣ сочиненій Конисскаго (переводчика), между тѣмъ какъ появленіе его въ русскомъ переводѣ на страницахъ журнала для юношества („Міръ Божій“), повидимому, ничьихъ ревнивыхъ подозрѣній не возбудило. Сборники переводовъ на украинскій языкъ произведеній Пушкина и Гоголя не прошли даже во время юбилейныхъ торжествъ, посвященныхъ памяти этихъ писателей, когда на разные лады цитировалось и комментировалось извѣстное изреченіе Пушкина: „и назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ“ (очевидно, поэтъ не догадался прибавить: кромѣ украинскаго). Число подобныхъ примѣровъ можно бы увеличить почти до безконечности, но и приведенные достаточно ярко характеризуютъ тотъ порядокъ вещей, при которомъ Шекспиръ, Шиллеръ, Пушкинъ и Гоголь оказались въ числѣ абсолютно неразрѣшаемыхъ авторовъ.

Такое же вполнѣ безпощадное отношеніе замѣчается и въ другой области, опять таки распоряженіемъ 1876 г. не затронутой,—въ области дѣтской литературы. По поводу одного сборника разсказовъ для дѣтей, цензоръ далъ слѣдующій характерный отзывъ: „сборникъ, очевидно, предназначается для дѣтскаго чтенія, но дѣти должны учиться по-русски“,—и этого оказалось достаточнымъ, незыблемое основаніе для запрещенія найдено. Принципъ: „дѣти должны учиться по русски“ примѣняется до того неукоснительно, что всѣ представлявшіяся въ цензуру хрестоматіи (напр. „Читанка“, „Перший снопок“, „Од льоду до льоду“, „Веселка“ и др.) и даже отдѣльныя стихотворенія и разсказы, разъ предполагалась пригодность ихъ для дѣтскаго чтенія, безусловно воспрещаются. Благодаря лишь особому ходатайству, и то въ видѣ исключенія, разрѣшено было въ 1895 г. новое изданіе весьма популярныхъ „Байок Глібова“, при чемъ исключено всетаки 19 басенъ и между исключенными находились: „Лебедь, Щука і Рак“, „Дві бочки“, „Зозуля і Півень“, „Гава і Лисиця“, „Осел і Соловей“, „Лисиця і Виноград“ и др., знакомство съ которыми по Крылову обязательно для каждаго школьника. Мы не говоримъ уже о школѣ, положеніе которой въ данномъ отношеніи представляется вполнѣ безнадежнымъ, но даже дома украинскія дѣти лишены возможности читать книги, по своему языку наиболѣе приспособленныя къ ихъ пониманію. „Дѣти должны учиться по русски“—этотъ принципъ какимъ-то проклятіемъ тяготѣетъ надъ отверженными дѣтьми, принужденными жертвовать своимъ развитіемъ и облегченіемъ учебной страды въ честь „невѣдомаго бога“ административной подозрительности. Съ какими трудностями приходится бороться въ дѣлѣ воспитанія украин-

скихъ дѣтей сообразно съ основнымъ требованіемъ всякой разумной педагогіи, показываетъ слѣдующій фактъ. Одно весьма извѣстное въ украинской литературѣ лицо для своей дочери должно было составлять спеціальные учебники, переписывая ихъ печатными буквами. Я видѣлъ эти печатанныя отъ руки книжки. Своимъ невиннымъ видомъ онѣ представляютъ въ сущности такой страшный обвинительный актъ противъ настоящей системы, краснорѣчивѣе котораго трудно что-нибудь и представить. Думаю, что въ свое время эти дѣтскія книжицы, существующія въ единственномъ экземплярѣ, займутъ въ какомъ-нибудь музеѣ весьма видное мѣсто, какъ печальный памятникъ системы, по непонятнымъ соображеніямъ лишающей „единаго отъ малыхъ сихъ" наиболѣе нормальнаго средства развитія и утоленія духовной жажды...

Исключивъ, такимъ образомъ, изъ области дозволеннаго для украинской литературы („произведенія изящной словесности") переводы художественныхъ произведеній, а также всю беллетристику для дѣтскаго возраста, получимъ, что отмежеванныя ей рамки вмѣщаютъ лишь оригинальную беллетристику общаго характера. Но практика, руководящаяся исключительно личнымъ усмотрѣніемъ, на каждомъ шагу сокращаетъ и суживаетъ и безъ того тѣсныя рамки. Беллетристическія произведенія самаго невиннаго характера, вдобавокъ часто уже печатавшіяся раньше съ разрѣшенія той же цензуры, вдругъ оказываются запрещенными при попыткахъ вновь переиздать ихъ. Ни въ какомъ случаѣ невозможно заранѣе опредѣлить, каковы требованія цензуры, чтобы по крайней мѣрѣ избѣгать того, что можетъ вызвать запрещеніе... Не останавливаясь на частныхъ случаяхъ непонятныхъ запрещеній, такъ какъ это отняло бы слишкомъ много времени и мѣста, попытаюсь опредѣлить лишь общія тенденціи, какими руководствуются лица цензурнаго вѣдомства въ отношеніи украинской литературы, насколько, конечно, эти общія тенденціи могутъ быть уловлены по тѣмъ въ высшей степени капризнымъ слѣдамъ, какіе носятъ побывавшія въ цензурѣ рукописи. Безусловно воспрещаются даже легкія намеки на отношенія общественнаго характера, особенно, если данное произведеніе изображаетъ интеллигентную среду, или касается—horribile dictu—отношеній между интеллигенціей и народомъ. До самаго послѣдняго времени такія произведенія или запрещались цѣликомъ, или же вычеркивались слова „пан", „піп" н т. п. О какихъ-либо несправедливостяхъ, притѣсненіяхъ и обидахъ даже совершенно частныхъ лицъ, но на общественной подкладкѣ, объ антагонизмѣ классовъ или иныхъ общественныхъ группъ невозможно говорить даже въ самыхъ мягкихъ и умѣренныхъ выраженіяхъ; тѣмъ болѣе относится къ заповѣдной области всякое обсужденіе національнаго вопроса. Лицамъ цензурнаго вѣдомства, повидимому, представляется, что украинскій языкъ имѣетъ особенноеум, е

лишь одному присущее свойство—напитывать горючимъ матеріаломъ и взрывчатыми веществами самые невинные предметы, разъ на этомъ языкѣ касаются общественныхъ отношеній. Изъ одного, напр., разсказа выброшена цензоромъ невинная жанровая картинка, юмористически изображающая разногласіе священника съ прихожанами по поводу платы за требы,—то, что въ подобныхъ разсказахъ, напр., г. Потапенка встрѣчается на каждомъ шагу. Сатира, бичующая отрицательныя стороны самихъ же украинцевъ, не имѣетъ вовсе права на существованіе, и потому собраніе произведеній извѣстнаго украинскаго поэта-сатирика г. Самійленка возвратилось изъ цензуры въ неузнаваемомъ видѣ. Вездѣ придирчивый глазъ видитъ какіе-то намеки, символы и аллегоріи, доходя въ этомъ отношеніи до геркулесовыхъ столповъ подозрительности, до того, что уничтожаются описанія... весны, такъ какъ и въ нихъ, въ этихъ описаніяхъ, усматривается, вѣроятно, опасная аллегорія. Въ виду указанной наклонности къ всему примѣнять символистическое толкованіе, даже извѣстная 22 статья „устава о цензурѣ и печати" *) звучитъ горькой ироніей и обидной насмѣшкой по отношенію къ украинскимъ произведеніямъ, въ которыхъ сплошь и рядомъ подвергаются гоненію слова, слова, слова. Одно время, напр., въ сильномъ подозрѣніи почему-то находилось и потому особому гоненію подвергалось слово „козакъ" и я лично помню такіе, напр., случаи изъ этой эпохи козакогонительства. При описаніи одного изъ дѣйствующихъ лицъ авторъ разсказа употребилъ фразу: „у його були довгі вуса,—такі вуса я бачив на малюнках у запорожських козаків",—эта фраза о длинныхъ запорожскихъ усахъ оказалась зачеркнутой; въ другомъ мѣстѣ уничтожено буквально слѣдующее: „я пішов у хату й почав читати „Сагайдачного" (заглавіе извѣстнаго романа г. Мордовцева). Часто это изумительное гоненіе на отдѣльныя слова основывается, повидимому, лишь на томъ, что значеніе даннаго слова смутно представляется цензурирующимъ лицомъ. Такъ, напр., въ стихотвореніи Шевченка „До Основяненка" во всѣхъ изданіяхъ „Кобзаря" есть между прочимъ четверостишіе:

Чи так, батьку отамане?
Чи правду співаю?
Ех, як би то! Та що й казать,—
Кебети не маю.

Отсутствуютъ подчеркнутыя строки лишь въ кіевскомъ сборникѣ „Викъ" (изд. 1902 г.), потому что оказалась зачеркнутой

*) „Цензоры долженствуютъ главнѣйше обращать вниманіе свое на духъ и направленіе книгъ, не останавливаясь на частныхъ неисправностяхъ, требующихъ только небольшой перемѣны, и на словахъ или отдѣльныхъ выраженіяхъ, когда самая мысль не предосудительна и не противна правиламъ Устава".

злосчастная „кебета“, въ переводѣ на русскій языкъ буквально означающая „талантъ“, „способность“. Очевидно, цензору, на этотъ разъ читавшему „Викъ“, данное слово напомнило что-нибудь иное, менѣе невинное, или и совсѣмъ ничего не напомнило, и онъ, изгоняя неизвѣстное слово, руководствовался исключительно излишней осторожностью: а вдругъ эта неизвѣстная „кебета“ означаетъ что-нибудь опасное, въ родѣ того „жупела“ и „металла“, которыхъ такъ боялась купчиха Островскаго?.. Просматривая записную книжку кіевскаго украинскаго книгоиздательства „Викъ“, въ которую для памяти заносились всѣ представляемыя въ цензуру рукописи, я почерпнулъ оттуда весьма поучительныя цифры. За періодъ съ 1895 по 1903 годы книгоиздательствомъ представлено въ цензуру 230 отдѣльныхъ названій рукописей; изъ нихъ появилось въ печати лишь 80, т. е., около $^1/_3$ всего количества. Остальныя или цѣликомъ запрещены, или подверглись такой мучительной операціи съ обильнымъ кровоизліяніемъ, что выпускъ ихъ въ свѣтъ въ разрѣшенномъ видѣ являлся абсурдомъ. Чтобы уяснить себѣ въ достаточной степени значеніе приведенныхъ цифръ, необходимо еще принять во вниманіе и то, что издатели были, разумѣется, освѣдомлены о цензурныхъ порядкахъ и потому сами прилагали старанія къ тому, чтобы рукописи имѣли по возможности благонадежный видъ. И всетаки въ окончательномъ результатѣ ихъ старанія оказались чѣмъ-то въ родѣ попытокъ наполненія бездонной бочки Данаидъ: $^2/_3$ представленнаго матеріала исчезло безслѣдно. Подлинно—удобнѣе верблюду сквозь игольныя уши пройти и даже богатому въ царствіе Божіе внити, нежели украинской книгѣ благополучно миновать всѣ лежащія на ея пути преграды! Иныхъ результатовъ, разумѣется, и не могло быть, если встрѣчаются непреодолимыя препятствія къ упоминанію о такихъ невинныхъ предметахъ, какъ усы, хотя бы и длинные, хотя бы и запорожскіе, или если воспрещается приводить заглавіе романа, напечатаннаго, конечно, съ надлежащаго разрѣшенія. Если Бѣлинскому не было пропущено какое-то пустячное выраженіе на счетъ „шапки-мурмолки“, то онъ всетаки могъ утѣшать себя тѣмъ, что прошли его статьи о Пушкинѣ; на долю же украинскаго писателя не остается такого утѣшенія, ибо если изъ рукописей безвозвратно исчезаютъ „довгі вуса“ и тому подобные пустяки, то и статьи, напр., о Котляревскомъ заранѣе слѣдовало считать какъ бы несуществующими даже въ сборникѣ, посвященномъ памяти этого писателя. Въ самомъ дѣлѣ, въ сборникѣ „На вичну память Котляревському“, вышедшемъ недавно въ Кіевѣ, о виновникѣ торжества напоминаютъ лишь три стихотворенія да библіографическій указатель его произведеній, сиротливо ютящійся среди беллетристики; нѣсколько статей о Котляревскомъ, помѣщенныхъ первоначально въ сборникѣ, исчезли въ напрасныхъ

попыткахъ проскользнуть сквозь игольныя уши... Дальше этого, дальше знаменитыхъ „длинныхъ усовъ“, въ данномъ направленіи идти уже, конечно, некуда; большаго не смогла бы сдѣлать и Щедринская коммиссія, предлагавшая, какъ извѣстно, „одну часть произведеній литературы сжечь рукою палача, а другую потопить въ рѣкѣ, литераторовъ же водворить въ уѣздный городъ Мезень“. Остается, быть можетъ, сдѣлать только послѣдній шагъ и, объявивъ государственнымъ преступленіемъ произнесеніе всякаго украинскаго слова, упрятать въ ту же Мезень и тридцать милліоновъ народа, говорящаго этимъ столь опаснымъ по самому существу своему языкомъ, хотя и несущаго при этомъ всѣ возложенныя на него повинности. Впрочемъ, даже такимъ проектомъ поголовнаго переселенія украинцевъ никого не удивишь: документально установлено, напр., что онъ совершенно серьезно обсуждался одно время, по крайней мѣрѣ, относительно украинскаго духовенства, и въ половинѣ 60-хъ гг. шла дѣятельная переписка между различными вѣдомствами по этому поводу. Предполагалось украинское духовенство переселить въ великорусскія губерніи, замѣнивъ его лицами великорусскаго происхожденія. Всякая фантазія меркнетъ предъ этимъ маленькимъ эпизодомъ изъ настоящей дѣйствительности!..

V.

Но и сказаннымъ до сихъ поръ дѣло ограниченія украинской литературы еще не вполнѣ исчерпывается. Среди послѣдствій постановленія 1876 г. первое мѣсто по своей тяжести занимаетъ полное воспрещеніе какихъ бы то ни было періодическихъ органовъ и изданій на украинскомъ языкѣ. Я просилъ бы своихъ русскихъ товарищей отрѣшиться на моментъ отъ дѣйствительности и представить примѣрно такую картину: на всей необъятной шири Россіи, отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды, исчезли вдругъ изъ обращенія не только басни Крылова, сочиненія Пушкина и Гоголя, Шекспира и Шиллера, но и всѣ русскія газеты, всѣ журналы, всѣ періодическія изданія... не стало даже „Московскихъ Вѣдомостей“, а изъ „подозрительнаго бельэтажа“, что на Страстномъ, раздаются лишь разухабистые мотивы подъ аккомпаниментъ балалайки. Думаю, что какъ бы ни напрягали свое воображеніе русскіе писатели и читатели, набросанной сейчасъ картины они представить себѣ просто не въ состояніи. Непремѣнно цѣльность и выдержанность картины будетъ нарушена тѣмъ, что въ какомъ-нибудь уголкѣ, хотя бы онъ назывался и Страстнымъ бульваромъ, выткнется газетный листъ, хотя бы и испещренный хорошо извѣстнымъ постнымъ шрифтомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и украшенный соотвѣтствующимъ шрифту заглавіемъ. Безъ пері-

одическихъ изданій, безъ газетъ мы не въ состояніи представить себѣ сколько-нибудь культурнаго общества; даже россійскій обыватель, систематически устраивающій травли на корреспондента и собственноручно его избивающій, продолжаетъ всетаки почитывать свою газету; даже Сквозникъ-Дмухановскій, мечущій громы въ „щелкоперовъ" и „бумагомаракъ", заглядываетъ, по крайней мѣрѣ, въ полицейскія извѣстія; даже Щедринскіе генералы, очутившись внезапно на совершенно необитаемомъ островѣ, услаждали свой досугъ чтеніемъ „Московскихъ Вѣдомостей", откуда и почерпали весьма назидательныя кулинарныя свѣдѣнія, въ родѣ: „взявъ живого налима, предварительно его высѣчь; когда же отъ огорченія печень его увеличится"... и т. д. Словомъ, исчезновеніе періодической печати въ представленіи русскаго, да и всякаго иного, писателя и читателя было бы равносильнымъ, примѣрно, тому, что время вдругъ прекратило свое теченіе, т. е., совершенно невозможнымъ. Но для украинцевъ невозможное оказывается не только возможнымъ, но и составляетъ вполнѣ обыкновенное явленіе. Ни одного періодическаго органа, не смотря на всѣ просьбы и ходатайства, до сихъ поръ не удалось получить; мало того—не разрѣшаются даже слабые намеки на періодическія изданія. Мнѣ опять припоминается случай изъ своей личной практики. Задумавъ издать серію произведеній украинскихъ писателей, я предполагалъ дать ей общее заглавіе „Українська Библіотека", но на разрѣшенныхъ цензурою выпускахъ этой серіи упомянутое общее заглавіе оказалось вычеркнутымъ. Полагая, что такая участь постигла заглавіе изъ-за подвергающагося временами гоненію слова „українська", я уполномочилъ своего знакомаго ходатайствовать о разрѣшеніи замѣнить запрещенное заглавіе другимъ—„Наша Библіотека"; на это послѣдовалъ характерный отвѣтъ: „почему же *наша*? лишь бы не *ваша*?" сопровождаемый также отказомъ. Такъ какъ мы всетаки не догадывались и просили разрѣшенія назвать серію хотя бы просто „Библіотекой", то намъ весьма не двумысленнымъ образомъ дано было понять, что всякое общее заглавіе напоминаетъ о періодическомъ изданіи, а потому... выводъ предполагался яснымъ самъ собою. Въ прошломъ извѣстенъ цѣлый рядъ ходатайствъ о разрѣшеніи періодическихъ органовъ на украинскомъ языкѣ, но въ украинскихъ лѣтописяхъ сохранились лишь имена этихъ неродившихся существъ. Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ толковъ о „веснѣ", надежды опять возродились и вновь разными лицами и изъ различныхъ городовъ представлено около десятка подобныхъ же ходатайствъ. Въ газетахъ сообщалось уже, что нѣкоторыя изъ нихъ постигла прежняя участь, т. е., они признаны не подлежащими удовлетворенію; отклонено и ходатайство пишущаго эти строки о разрѣшеніи издавать въ Кіевѣ газету и журналъ „Вік". Къ сожалѣнію, главное управленіе по дѣламъ печати при отказахъ не

считаетъ нужнымъ сообщать объ основаніяхъ, по которымъ данное ходатайство постигаетъ та или иная участь; поэтому мы лишены возможности узнать, что послужило причиной отказа въ каждомъ данномъ случаѣ—личная ли непригодность лица, возбуждавшаго ходатайство, или же продолжающееся принципіально-отрицательное отношеніе къ вопросу о существованіи украинской періодической печати. Послѣднее въ эпоху провозглашеннаго „довѣрія“ къ обществу въ особенности было бы непослѣдовательнымъ и необъяснимымъ, тѣмъ болѣе что такой образъ дѣйствій не находитъ себѣ оправданія даже въ распоряженіи 1876 г. Въ самомъ дѣлѣ, это распоряженіе о періодическихъ органахъ на украинскомъ языкѣ совершенно умалчиваетъ и толковать такое умолчаніе въ отрицательномъ смыслѣ является такимъ же произвольнымъ дѣйствіемъ, какъ воспрещеніе переводовъ и дѣтской литературы. Распоряженіе 1876 г. само по себѣ уже составляетъ изъятіе изъ общаго правила и потому примѣненіе его должно ограничиваться лишь точно указанными случаями, не подвергаясь распространительному толкованію. Такимъ образомъ, если даже стоять на точкѣ зрѣнія упомянутаго распоряженія, нѣтъ основаній для воспрещенія періодическихъ изданій на украинскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ рамкахъ „изящной словесности“; мы не говоримъ уже объ иной точкѣ зрѣнія, предъявляемой самой элементарной справедливостью и логикой дѣйствительной жизни...

Но какъ бы то ни было, періодическихъ органовъ на украинскомъ языкѣ, газетъ и журналовъ, въ Россіи нѣтъ; украинскій народъ и въ этомъ отношеніи имѣетъ privillegium odiosum предъ всѣми прочими обитателями Россіи, такъ какъ съ разрѣшеніемъ періодическихъ изданій литовцамъ *) онъ остался въ настоящее

*) Въ 1863 г. издано было запрещеніе, отмѣненное лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, употреблять въ произведеніяхъ литовской письменности латинскій алфавитъ и правописаніе, замѣнивъ ихъ русскими (Подробнѣе объ этомъ см. въ статьѣ г. Ирпенскаго „Литовскій алфавитъ и малорусская литература“, Южныя Записки, 1904 г. № 35). Любопытно, что даже Н. Милютинъ ожидалъ отъ этой мѣры „плодотворныхъ политическихъ результатовъ“ (см. „Изъ записокъ Никотина“ въ „Русской Старинѣ“ 1903 г. кн. III, стр. 501), но дѣйствительность доказала противное. Считаемъ нелишнимъ здѣсь отмѣтить, что подобное же запрещеніе научнымъ путемъ выработаннаго правописанія тяготѣетъ и надъ украинской литературой: на разрѣшенныхъ рукописяхъ часто красуется надпись: „печатать разрѣшается подъ условіемъ соблюденія правилъ правописанія русскаго языка“, кстати сказать, не передающаго особенностей украинской фонетики и потому вносящаго массу путаницы въ украинскую книгу. Прибавлю къ этому, что Академія наукъ находитъ возможнымъ употреблять въ своихъ изданіяхъ только запрещенное для частныхъ лицъ украинское правописаніе, очевидно по научнымъ соображеніямъ. Въ силу указаннаго запрещенія для ученыхъ людей создалась въ своемъ родѣ монополія—правильно писать по-украински, что недоступно обыкновеннымъ смертнымъ...

время единственнымъ, лишеннымъ права имѣть свою прессу. Если русскому писателю и читателю трудно представить себѣ такое положеніе, въ нѣкоторомъ родѣ напоминающее знаменитое древнеримское aqua et igni interdictio, то послѣдствія его, я думаю, представятся легче. Вполнѣ понятно, что литература, при отсутствіи постоянныхъ органовъ печати, развиваться правильно не можетъ, такъ какъ она окажется лишенной тѣхъ средствъ, которыя соединяютъ ее постоянными, неразрывными нитями съ публикой, съ читателями. Книга, если бы даже ей не ставилось никакихъ преградъ—не то, что журналъ, она не можетъ вполнѣ замѣнить журнала; книга ожидаетъ, пока читатель придетъ къ ней, тогда какъ журналъ, газета сами идутъ къ читателю, находятъ его и постоянными ударами въ одну точку, постояннымъ дѣйствіемъ въ одномъ направленіи служатъ лучшимъ средствомъ распространенія извѣстныхъ идей. Беря въ руки данный журналъ или газету, мы всегда знаемъ приблизительно, что̀ мы тамъ встрѣтимъ, и въ нихъ ищемъ отвѣта на тѣ вопросы, какіе предъявляетъ къ намъ современность. Какъ средство общенія писателя съ читателемъ, литературы съ жизнью, періодическая печать играетъ огромную, незамѣнимую роль. Безъ періодической печати становится совершенно невозможнымъ это живое взаимодѣйствіе литературы и жизни, это тѣсное общеніе писателя съ читателемъ, которое необходимо, какъ вода для рыбы, какъ кислородъ для дыханія — для развитія литературы. Нѣтъ взаимодѣйствія, нѣтъ общенія — нѣтъ и развитія: литература и жизнь будутъ идти не совпадающими путями, а брести порознь, не оказывая другъ на друга замѣтнаго вліянія или низводя его до minimum'a,—при чемъ болѣе страдательной стороной окажется, разумѣется, литература, лишенная питательныхъ соковъ. Народъ, не имѣющій своей печати, несомнѣнно проигрываетъ въ культурномъ отношеніи, отстаетъ въ своемъ развитіи, такъ какъ онъ лишенъ могучаго средства распространенія знаній и вообще культурнаго воздѣйствія... Но, возразятъ, нѣтъ украинской печати — это, можетъ быть, и очень прискорбно, однако есть печать русская, которая вполнѣ замѣняетъ ее и восполняетъ, возстановляя взаимодѣйствіе между культурными теченіями и жизнью. Я не думаю, конечно, отрицать огромнаго значенія русской печати между прочимъ и для украинскаго народа; тѣмъ не менѣе полагаю, что она не можетъ выполнить того, что ей не подъ силу, не можетъ замѣнить вполнѣ печати на языкѣ родномъ для народа, такъ какъ не только по языку, но отчасти и по интересамъ есть и будетъ всегда въ значительной степени чужой ему. Я особенно радъ, что въ подтвержденіе этого положенія могу сослаться на замѣчательныя слова писателя, который долгое время стоялъ „на славномъ посту“ русской литературы и котораго, поэтому, никто не заподозритъ въ умаленіи ея значенія. „Передо мной,—пишетъ

въ одномъ мѣстѣ „Записокъ профана“ незабвенный Н. К. Михайловскій,—лежитъ номеръ сербскаго журнала, на заглавномъ листѣ котораго напечатано: „Отацбина. Кньижевность, наука, друштвени живот. Свеска за іул. 1875“. Очень вѣроятно, что народъ сербскій этой Отацбины не читаетъ, но, можетъ быть, по крайней мѣрѣ, иногда является въ ней нѣчто и для „свинопаса“ понятное. Замѣните отацбину отечествомъ и этотъ смѣшной на русское ухо дружественный животъ — общественной жизнью, и вы положите непреодолимую преграду для распространенія знаній и просто грамотности въ народѣ. Наука, искусство, просвѣщеніе, цивилизація будутъ идти сами по себѣ, народъ—самъ по себѣ, не оплодотворяя другъ друга“ *). На Украинѣ этотъ экспериментъ сдѣланъ: соотвѣтственные народные термины замѣнены „отечествомъ“, „общественной жизнью“ и послѣдствія получились именно тѣ, о которыхъ говоритъ Н. К. Михайловскій: наука, искусство, просвѣщеніе, цивилизація идутъ сами по себѣ, народъ—самъ по себѣ, не оплодотворяя другъ друга. По наблюденіямъ другого русскаго писателя, Станюковича, украинцы „культурнѣе великороссовъ: нравы у нихъ мягче, отношенія къ женщинѣ лучше, но за то по развитію, такъ сказать, по умственности, куда ниже великороссовъ. Грамотныхъ я встрѣчалъ очень мало, а весь кругозоръ ихъ недалекъ отъ кругозора дикихъ“ **). Конечно, такія послѣдствія вызваны не однимъ только отсутствіемъ печати на родномъ языкѣ. Тутъ дѣйствовали соединенными силами многія условія, среди которыхъ и отсутствіе печати, и школа съ ея „обрусеніемъ“ и другими чуждыми началъ здравой педагогіи тенденціями, и кое-что иное вносило по каплѣ своего меда. Но обсужденіе всѣхъ этихъ условій выходитъ изъ предѣловъ моей задачи, и я говорю пока только о печати.

VI.

Таково положеніе, которое создали для украинской литературы распоряженія 1876 г. Неудивительно, поэтому, что и послѣдствія его также носятъ характеръ исключительности, отразившись на состояніи литературы и положеніи ея работниковъ самымъ плачевнымъ образомъ. Они вызвали среди писателей и читателей всеобщую растерянность, пріостановку въ работѣ и отчаяніе въ будущности своего дѣла, такъ какъ не оставляли, повидимому, никакого выхода и осуждали все движеніе на вѣрную, хотя и медленную, смерть. Выше я приводилъ свидѣтельство одного изъ украинскихъ писателей, что „писать было

*) Н. К. Михайловскій. Сочиненія, Спб., 1897, т. III, стр. 886.

**) Станюковичъ. Картинки современныхъ нравовъ. „Русская Мысль“, 1896, январь, 208.

не для кого", и могъ бы назвать еще десятки именъ писателей, въ дѣятельности которыхъ 1876 годъ положилъ болѣе или менѣе продолжительный перерывъ. На Украинѣ опять воцарился новый антрактъ, повидимому—послѣдвій, въ теченіе котораго украинская литература должна была, послѣ нѣкоторой агоніи, прекратить свое существованіе.

Но... опять приходитъ на память одинъ эпизодъ изъ дѣятельности Щедринской коммиссіи по искорененію литературы. Когда коммиссія пришла къ извѣстному читателямъ заключенію о необходимости совершеннаго упраздненія литературы, сатирикъ произнесъ блестящую защитительную рѣчь, звучащую вмѣстѣ съ тѣмъ обвиненіемъ и вызовомъ по адресу людей, рѣшившихся на такое безразсудное дѣло; привести эту рѣчь будетъ весьма умѣстнымъ и въ настоящемъ случаѣ. „Милостивые государи! — сказалъ защитникъ, — вамъ, конечно, небезызвѣстно выраженіе scripta manent. Я же подъ личною за сіе отвѣтственностью присовокупляю: semper manent, in secula seculorum! Да, господа, литература не умретъ! не умретъ во вѣки вѣковъ! А посему, какъ бы намъ съ нашей коммиссіей не осрамиться. Все, что мы видимъ вокругъ насъ, все въ свое время обратится частью въ развалины, частью въ навозъ — одна литература вѣчно останется цѣлою и непоколебленною. Одна литература изъята отъ законовъ тлѣнія, она одна не признаетъ смерти. Не смотря ни на что, она вѣчно будетъ жить и въ памятникахъ прошлаго, и въ памятникахъ настоящаго, и въ памятникахъ будущаго. Не найдется такого момента въ исторіи человѣчества, про который можно было бы съ увѣренностью сказать: вотъ моментъ, когда литература была упразднена. Не было такихъ моментовъ, нѣтъ и не будетъ" („Круглый годъ"). Не былъ такимъ моментомъ для украинской литературы и 1876 г. и „не смотря ни на что"—она осталась жить, своею испытанною жизнеспособностью представляя прекрасную иллюстрацію къ приведеннымъ словамъ сатирика и лучшее ихъ фактическое подтвержденіе. Ужъ кажется, приняты были всѣ мѣры къ ея прекращенію, ужъ кажется, и примѣнялись онѣ безъ послабленія, сжимая временами тиски до полнаго ихъ соприкосновенія — а она, эта сжимаемая литература, не только не умерла, но возрождаясь каждый разъ, подобно фениксу изъ пепла, даже прогрессировала и развивалась, дѣлая свое дѣло, хотя, конечно, не въ томъ объемѣ и не съ тѣми результатами, какіе были бы возможны и желательны. Проходили годы и десятилѣтія, въ теченіе которыхъ процессъ агоніи долженъ былъ, повидимому, закончиться естественнымъ концомъ, а между тѣмъ мы съ изумленіемъ замѣчаемъ, что ничего подобнаго не случилось и литература продолжаетъ жить и послѣ нанесеннаго ей, казалось, смертельнаго удара. На защиту ея встала сама жизнь, которая въ свое время и вызвала ее изъ небытія, и она съ честью

вышла изъ безпримѣрно тяжелаго испытанія и съ надеждой смотритъ въ будущее. Капля по каплѣ долбитъ эта осужденная на смерть литература камень препятствій, капля по каплѣ просачивается во всѣ пòры народнаго организма, подготовляя и обезпечивая ему національное возрожденіе въ будущемъ. Слова сатирика: „какъ бы намъ съ нашей коммиссіей не осрамиться"— оказались пророческими. Этому были, разумѣется, вполнѣ опредѣленныя причины.

Распоряженія 1876 г., сравнительно съ предшествовавшимъ ему Валуевскимъ распоряженіемъ 1863 г., относятся къ украинской литературѣ съ неизмѣримо большею прямолинейностью и суровостью. Тогда какъ тамъ замѣчаются всетаки нѣкоторыя колебанія и нерѣшительность, да и самыя мѣропріятія предлагаются лишь въ видѣ временной мѣры („пріостановиться"), — здѣсь мы имѣемъ дѣло съ типической повелительной формой, не обнаруживающей уже ни сомнѣній, ни колебаній („воспретить"...). Тѣмъ не менѣе, — я это рѣшительно утверждаю, — послѣднее по времени и болѣе суровое по существу распоряженіе оказалось, въ сущности, еще менѣе дѣйствительнымъ, нежели предыдущее. Дѣло въ томъ, что распоряженіе 1876 г. упало уже на иную почву, встрѣтило нѣсколько подготовленныя силы и потому первоначальная растерянность недолго продолжалась. Дѣйствительность показала, что строгое и неуклонное, вполнѣ послѣдовательное проведеніе принципа полнаго упраздненія литературы на практикѣ немыслимо. Извѣстно вѣдь, что всякое естественное теченіе, встрѣчая преграды и препятствія на прямомъ пути, направляется въ обходъ, по линіи наименьшаго сопротивленія, ищетъ выходовъ и мало по малу ихъ находитъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Уже нѣсколько лѣтъ спустя по изданіи распоряженія 1876 г., жизнь отмѣнила нѣкоторые его пункты, стоявшіе въ наибольшемъ противорѣчіи съ ея требованіями, а въ періодъ 1881—83 гг. сдѣлала даже нѣкоторый запасъ литературныхъ произведеній, какъ бы предчувствуя, что наступающее за симъ время окажется въ полномъ смыслѣ „временемъ лютымъ", когда уже не будетъ возможности что-нибудь дѣлать. Такое время дѣйствительно наступило и до конца 90-хъ годовъ стоялъ самый глухой періодъ, когда вся литературная продукція украинской печати въ Россіи выражалась цифрой въ нѣсколько десятковъ тощенькихъ брошюрокъ, не дававшихъ ровно никакого представленія ни о литературныхъ силахъ, ни о дѣйствительномъ ростѣ украинской литературы, ни о направленіяхъ среди украинскихъ писателей. Съ ужасомъ и недоумѣніемъ когда-нибудь впослѣдствіи, когда получатъ извѣстность всѣ факты изъ этого недавняго прошлаго, остановится историкъ украинской общественности предъ этимъ мрачнымъ періодомъ. Но тишь, да гладь, да Божья благодать существовали только наружно; въ дѣйствительности же дви-

женіе обнаружилось тамъ, гдѣ лишь смутно подозрѣвали его возможность авторы распоряженія 1876 г. Выходъ былъ найденъ: украинскіе писатели, силою вещей поставленные внѣ закона, сдѣлали еще шагъ впередъ въ томъ же направленіи, по которому толкало ихъ упомянутое распоряженіе, и совсѣмъ ушли изъ-подъ его дѣйствія, перенесши свою дѣятельность въ родную Галичину.

Этотъ край, заселенный въ значительной части также украинскимъ народомъ, до половины 70-хъ годовъ мало привлекалъ къ себѣ россійскихъ украинцевъ, и потому сношенія съ нимъ до этого времени ограничивались лишь отдѣльными личностями какъ съ той, такъ и другой стороны. Клерикально-бюрократически-буржуазное направленіе, господствовавшее тогда среди галицкой интеллигенціи, ея отсталость во всѣхъ отношеніяхъ и реакціонно-обскурантное отношеніе къ народу представлялись украинцамъ до такой степени непривлекательными, что они ограничивались лишь общими выраженіями симпатіи къ своимъ закордоннымъ братьямъ, благо при этомъ была хоть какая-нибудь возможность работать дома. Но вотъ эта возможность исчезла, и съ этого времени Галичина привлекаетъ общее вниманіе среди украинцевъ: центромъ украинскаго движенія становится Львовъ — здѣсь сосредоточиваются всѣ литературныя силы съ обѣихъ сторонъ Збруча, здѣсь вырабатываются литературныя и иныя традиціи, которыя будутъ сохранены до того, надѣемся, недалекаго времени, когда и въ Россіи сдѣлается возможнымъ украинское печатное слово и свободное обнаруженіе національнаго движенія. Галичина и въ настоящемъ сыграла, по выраженію проф. Грушевскаго, роль резервуара для украинской народности, — ту роль, какая принадлежала ей на зарѣ исторіи, когда этотъ край давалъ пріютъ украинскому населенію, отступавшему подъ натискомъ тюркскихъ кочевниковъ на западъ.

Съ перенесеніемъ дѣятельности украинцевъ въ Галичину и подъ сильнымъ ихъ вліяніемъ, возникаетъ и тамъ національно-демократическое движеніе, неразрывно связанное съ именами Драгоманова, Конисскаго и Франка; это движеніе постепенно усиливается и въ настоящее время охватываетъ большую часть мѣстной интеллигенціи. Появляются научныя, литературныя и др. общества *) и органы печати, питающіеся притокомъ какъ мѣстныхъ силъ, такъ и приливающихъ изъ россійской Украины; во всѣхъ сферахъ культурной жизни ведется дѣятельная работа, свидѣтельствующая о жизнеспособности осужденнаго у насъ на смерть направленія. Я не имѣю въ настоящее время возможности

*) Самое видное мѣсто между обществами безспорно занимаетъ извѣстное Львовское „Наукове Товариство імени Шевченка"; на русскомъ языкѣ наиболѣе полный обзоръ его дѣятельности сдѣланъ проф. Грушевскимъ въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія" за 1904 г. кн. III, стр. 117 — 148.

останавливаться на всѣхъ проявленіяхъ указаннаго движенія въ Галичинѣ и подчеркиваю лишь одну его черту: получая постоянное питаніе изъ русской Украины, Галичина въ свою очередь оказываетъ громадную поддержку и украинцамъ, такъ какъ даетъ возможность найти здѣсь точку приложенія для своихъ силъ, выброшенныхъ за бортъ на родинѣ.

Но если для поддержки существованія литературы исходъ украинцевъ изъ Россіи имѣетъ громадное значеніе, то для развитія какъ литературы вообще, въ ея цѣломъ, такъ и отдѣльныхъ писателей,—указанное обстоятельство должно считаться не весьма благопріятнымъ. Каждый писатель имѣетъ въ виду извѣстную аудиторію, извѣстный кругъ читателей, къ которымъ онъ обращается со своимъ словомъ; чтобы вліять на эту аудиторію, онъ долженъ избирать, во-первыхъ, интересные для нея предметы и выработать, во-вторыхъ, опредѣленные пріемы, чтобы читатели понимали его, что называется, съ полуслова. Только при этихъ условіяхъ возможна тѣсная связь между писателемъ и читателемъ, обезпечивающая первому болѣе или менѣе глубокое вліяніе на свою аудиторію. Если мы вспомнимъ теперь первый пунктъ распоряженія 1876 г., запрещающій ввозъ въ Россію всѣхъ изданныхъ за границей украинскихъ книгъ, то поймемъ, что именно та аудиторія, на которую ближайшимъ образомъ только и можетъ разсчитывать украинскій писатель и запросы которой ему извѣстны лучше — для него почти не существуетъ; его произведеніямъ суждено обращаться преимущественно среди читателей, выросшихъ въ иной политической и общественной атмосферѣ и потому предъявляющихъ иные запросы къ литературѣ и живущихъ часто обособленными интересами. Разумѣется, при подобныхъ условіяхъ меньше шансовъ на то, что и литература вообще, и отдѣльные писатели въ частности вполнѣ используютъ все свое дарованіе и вліяніе. Многія произведенія, попадая на не совсѣмъ подходящую почву, останутся не вполнѣ понятыми; другія, имѣющія по преимуществу мѣстный интересъ, и совсѣмъ не могутъ появиться; многое должно облекаться въ слишкомъ академическія, далекія отъ жизни формы, избѣгая по возможности конкретныхъ случаевъ, заимствованныхъ изъ мало извѣстной большинству читателей обстановки. Въ результатѣ — нѣкоторыя отрасли литературы, напр., публицистика, не могутъ совершенно развиваться, другія — значительно проигрываютъ и также задерживаются въ своемъ развитіи, а отдѣльные писатели принуждены избѣгать весьма, можетъ быть, для нихъ въ данный моментъ интересныхъ темъ, или придавать имъ не вполнѣ подходящую форму. Эти фатальныя условія—источникъ задержки въ развитіи литературы и гибели, въ цѣломъ или въ части, отдѣльныхъ талантовъ. Легко вообразить, что сталось бы съ самымъ сильнымъ талантомъ при подобныхъ обезпложивающихъ, такъ сказать, усло-

віяхъ. Въ этомъ отношеніи даже положеніе русскаго писателя,—того самого писателя, которому литература напоила сердце ядомъ,—представляетъ громадную разницу. Русскій писатель все-таки можетъ въ большинствѣ случаевъ высказать, хотя бы и эзоповскимъ языкомъ, то, что онъ находитъ нужнымъ и полезнымъ въ данное время,—для украинскаго же эта возможность относится всецѣло къ области сладкихъ, но безплодныхъ мечтаній; русскій писатель имѣетъ свою аудиторію, своихъ читателей, которые иногда съ нетерпѣніемъ ожидаютъ всякаго новаго произведенія любимаго писателя,—для украинскаго же составъ читателей замыкается тѣснымъ кругомъ членовъ собственной семьи (припомните Щоголева!) или же въ лучшемъ случаѣ расплывается до полной потери всякихъ опредѣленныхъ очертаній. А вѣдь писатель не для собственнаго только самоуслажденія „пописываетъ"; онъ имѣетъ жгучую потребность въ томъ, чтобы выстраданныя имъ произведенія читались, и его слово попадало на надлежащую почву. При отсутствіи же этихъ условій, украинскому писателю предстоитъ грозная альтернатива: или уйти съ родного поля и стать работникомъ на сосѣднемъ, или же совершенно забросить перо, истощивъ силы въ безплодныхъ попыткахъ борьбы противъ неумолимаго рожна. И сколько ихъ, этихъ жертвъ своего тяжелаго положенія, имена ихъ же Ты, Господи, самъ вѣси, насчитываетъ украинская литература за все время своего горемычнаго существованія! Сколько погибло талантливыхъ силъ, замолкавшихъ на время особенно обострявшихся цензурныхъ гоненій, или же и совсѣмъ сломившихъ свое перо!.. Разумѣется, болѣе энергичныя натуры выдерживаютъ всѣ испытанія и терпѣливо продолжаютъ идти своимъ тернистымъ путемъ, но во что имъ это обходится и какими жертвами, въ видѣ ненужной потери и растраты силъ, для литературы это сопровождается—легко понять, припомнивъ все до сихъ поръ мною сказанное. Существуетъ, кромѣ того, разница и въ чисто матеріальномъ отношеніи. Русскій писатель, благодаря тому, что трудъ его оплачивается, можетъ быть только писателемъ, всѣ свои силы и время посвящая одной литературѣ,—украинскій же прежде всего долженъ быть учителемъ, врачемъ, чиновникомъ, корректоромъ и т. д., и только остатокъ своихъ силъ и времени можетъ отдавать литературѣ. Исключительное положеніе послѣдней создало такой порядокъ, что литературный трудъ не оплачивается совершенно и ничего, кромѣ непріятностей, треволненій и огорченій, не даетъ украинскому писателю, лишенному, къ сожалѣнію, завидной доли древнихъ—питаться амброзіею и нектаромъ... Я не говорю уже о разницѣ въ душевномъ настроеніи, съ одной стороны—человѣка, сознающаго себя полезнымъ работникомъ, и съ другой—употребляющаго бездну хлопотъ, времени и энергіи на то, чтобы наполнять бездонную бочку цензурныхъ Данаидъ. Вѣдь это одно въ состояніи

остановить всякое развитіе. Говорятъ часто, что украинская литература не даритъ своихъ почитателей замѣчательными произведеніями, — допустимъ, что это такъ, хотя такое мнѣніе и не вполнѣ справедливо. Но я просилъ бы указать литературу, которая при подобныхъ условіяхъ была бы въ состояніи давать замѣчательныя произведенія. Я думаю, что отнюдь не этому слѣдуетъ удивляться, а скорѣе тому, что находятся еще люди, прилагающіе свои силы къ разработкѣ запретной области. Вѣдь если русскому писателю литература и напоила сердце ядомъ, то не забудемъ, что она же всетаки и освѣтила ему жизнь, тогда какъ на долю украинскаго, кромѣ безпримѣснаго яда, не осталось ровно ничего, и тѣмъ большаго удивленія заслуживаютъ эти попытки вырваться изъ сплошь отравленной атмосферы и создать хотя бы проблески свѣта среди непроглядной тьмы...

VII.

Въ заключеніе нельзя не обратиться къ вопросамъ: кому нужно, для кого можетъ быть выгодно и полезно это исключительное положеніе, созданное для украинской литературы? Кто собственно заинтересованъ въ томъ, чтобы украинскій народъ былъ лишенъ самаго элементарнаго человѣческаго права — говорить о себѣ и для себя на своемъ родномъ языкѣ? Разсматривая эти вполнѣ умѣстные, въ виду ихъ важнаго значенія, вопросы, мы, къ глубокому своему изумленію, не можемъ на нихъ отвѣтить положительно.

Говорятъ, напр., что денаціонализація не-государственныхъ народностей полезна государственной, — въ данномъ случаѣ великорусскому народу, въ интересахъ котораго будто бы и совершается приведеніе къ одному знаменателю всѣхъ этихъ финновъ, латышей, литовцевъ, поляковъ, украинцевъ, грузинъ, армянъ и проч., и проч., и проч. Но въ чемъ выражается эта польза, — будетъ ли обитатель, скажемъ, Тульской губерніи, чувствовать себя счастливѣе и меньше ощущать тяготы своего настоящаго существованія, если, допустимъ, кіевляне, полтавцы, тифлисцы или варшавяне станутъ изъясняться точно такъ же, какъ и этотъ тульскій обыватель? Очевидно, послѣднему это обстоятельство не можетъ доставить ровно никакого реальнаго счастья, кромѣ, можетъ быть, чисто платоническаго удовольствія, что вотъ, молъ, наша взяла. Но, можетъ быть, это нужно для всего великорусскаго народа, взятаго въ его цѣломъ? Опять таки народъ этотъ имѣетъ столько реальныхъ нуждъ, столько жгучимъ насущныхъ потребностей, которыя настоятельно ждутъ удовлетворенія, что ему, право, некогда и думать о какой-то своей руссификаторской якобы миссіи, навязываемой ему обитателями всевозможныхъ „подозритель-

ныхъ бельэтажей". Ссылка на народъ является въ данномъ случаѣ напрасной клеветой на него.

Говорятъ еще, что литературное раздѣленіе можетъ вредно отозваться на развитіи русской литературы, уменьшивъ число ея работниковъ и потребителей. Подобное мнѣніе, конечно, справедливо въ буквальномъ смыслѣ, потому что, если бы Гоголь писалъ по-украински, то русская литература лишилась бы одного изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ дѣятелей, и если бы украинскіе читатели имѣли свою печать, то число потребителей русской несомнѣнно бы нѣсколько понизилось. Тѣмъ не менѣе, я полагаю, что это съ виду справедливое мнѣніе отзывается весьма вульгарнымъ пониманіемъ задачъ литературной дѣятельности и также содержитъ клевету — на этотъ разъ уже на русскую литературу, которая, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, съ негодованіемъ отвергаетъ унизительную роль чужеяднаго растенія. Русская литература имѣетъ достаточно своихъ собственныхъ силъ и слишкомъ широкое поле дѣятельности, чтобы предъявлять претензіи на захватъ чужихъ владѣній. Да и эти „чужія владѣнія" не были бы, конечно, ограждены китайской стѣной, и лучшія произведенія русской литературы всегда вызывали бы такой же живой интересъ среди украинскихъ читателей, какой вызываютъ и теперь. Пониженіе сказалось бы, такимъ образомъ, только въ отношеніи посредственныхъ и плохихъ произведеній, а объ этомъ едва ли стоитъ особенно жалѣть, такъ какъ не на нихъ клиномъ сошлась русская литература и не въ ихъ распространеніи она заинтересована. Но если бы въ количественномъ отношеніи русская литература даже и проиграла отъ уменьшенія работниковъ и потребителей, то въ качественномъ она несомнѣнно бы выиграла при свободномъ обмѣнѣ достоянія различныхъ литературъ и утилизаціи всѣхъ тѣхъ силъ, которыя въ настоящее время погибаютъ неиспользованными. Да, наконецъ, литература менѣе всего нуждается въ томъ, чтобы привлекать къ ней кого бы то ни было за шиворотъ: есть у нея свои собственныя средства распространенія, которыя гораздо сильнѣе подневольнаго привлеченія.

Говорятъ, далѣе, что ограничительныя мѣры предпринимаются въ интересахъ самихъ же украинцевъ, чтобы отвлечь ихъ отъ пустой, вредной и не имѣющей будущности затѣи, предохранить ихъ силы отъ напрасной траты и направить эти силы на общую работу. Къ этому мнѣнію весьма часто примыкаютъ тѣ „очень совѣстливые и честные", по словамъ одного изъ одесскихъ публицистовъ, люди, которые „совершенно замалчиваютъ эти (національные) вопросы, лелѣя въ душѣ идеалъ единства, подавленія одной націей другихъ, надѣясь, что эту не особенно пріятную работу совершатъ иные не совсѣмъ чистые люди, и что послѣ ихъ необходимой, но грязной работы, возможно будетъ приступить, на-

конецъ, къ осуществленію идеала человѣческой справедливости" *). Отождествленіе Молоха съ приносимой ему жертвой, какъ въ данномъ случаѣ, кромѣ нѣкоторой чисто-логической несообразности, никакой клеветы, конечно, не составляетъ, но оно содержитъ нѣчто худшее: кощунственное оправданіе всякаго насилія какимъ-нибудь болѣе или менѣе свѣтлымъ идеаломъ. Въ подобныхъ оправданіяхъ во время óно почерпала основанія для своей дѣятельности инквизиція, сквозь пламя священныхъ костровъ проводившая заблудшихъ къ вѣчному спасенію; на нихъ же строили свою противообщественную работу іезуиты, возведшіе въ догматъ извѣстный принципъ: „цѣль оправдываетъ средства", и соперничать съ этими кровавыми дѣятелями исторіи „очень совѣстливымъ и честнымъ" людямъ совершенно не къ лицу. Оправданіе страданій интересомъ самихъ же страдальцевъ или это, въ своемъ родѣ, reservatio mentalis, молчаливое одобреніе по адресу „не совсѣмъ чистыхъ" исполнителей „необходимой, но грязной работы" съ затаенною мыслью воспользоваться ея плодами для свѣтлыхъ идеаловъ справедливости въ будущемъ — въ нравственномъ отношеніи хуже открытаго насилія. Но оно, кромѣ того, столь же несостоятельно на практикѣ. Имѣетъ ли будущность украинская литература, или же она представляетъ пустую и праздную затѣю—этотъ вопросъ для насъ уже рѣшенъ жизнью, такъ что всякая насильственная задержка въ ея развитіи представляется намъ прямымъ ущербомъ для интересовъ украинскаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего человѣчества. Но даже съ точки зрѣнія сомнѣвающихся слѣдуетъ предоставить ей полную свободу, такъ какъ только этимъ путемъ скорѣе и рѣшительнѣе будетъ обнаружена ея несостоятельность, тогда какъ при господствѣ ограниченій и полумѣръ данный вопросъ долго еще не получитъ точнаго рѣшенія, и существованіе, допустимъ, „больного человѣка" затянется несомнѣнно на болѣе продолжительное время, чѣмъ при полной свободѣ. Что касается безполезной якобы траты силъ, то я позволю себѣ только одинъ вопросъ: развѣ этой траты теперь не совершается? Развѣ то, о чемъ у насъ все время шла рѣчь, не является одной огромной, сплошной тратой народныхъ силъ, осужденныхъ на вынужденное бездѣйствіе, на искусственное безплодіе? Предупрежденіе проблематической траты силъ путемъ дѣйствительной траты ихъ—это ли разумное рѣшеніе вопроса и не напоминаетъ ли оно поступка того мудреца, который позволилъ улетѣть изъ рукъ синицѣ въ чаяніи благъ отъ свободно парящаго въ небѣ журавля?...

Чаще всего, однако, ограниченія, направленныя противъ отдѣльныхъ національностей, оправдываютъ государственными инте-

*) Изгоевъ — „Хроника внутренней жизни", Южныя Записки, 1904 г., № 40, стр. 29.

ресами: цѣлостью, могуществомъ, безопасностью и тому подобными, дѣйствительно, важными нуждами государства. Переходя къ этому наиболѣе щекотливому обоснованію запретительныхъ мѣропріятій, я прежде всего спросилъ бы, въ чемъ заключаются положительные интересы государства въ отношеніи своихъ гражданъ? Конечно, въ томъ, чтобы эти граждане или обыватели—какъ кому угодно — исправно платили подати, проливали, гдѣ потребуется, свою кровь и вообще исполняли всѣ предписанныя закономъ государственныя повинности; въ этомъ, и только въ этомъ, и заключаются дѣйствительныя, реальныя требованія государства къ своимъ гражданамъ. Мѣшаетъ ли отдѣльность языка и развитіе собственной литературы какой-нибудь народности болѣе или менѣе исправно уплачивать причитающіяся съ нея подати, проливать кровь и т. п.? Нѣтъ, не мѣшаетъ, что, между прочимъ, достаточно убѣдительно доказывается и настоящими событіями на востокѣ, гдѣ всѣ народности несутъ одинаково тяжелыя жертвы. Въ этомъ и вся суть государственныхъ задачъ и интересовъ, такъ какъ сказкамъ о сепаратизмѣ не вѣрятъ, должно быть, даже и тѣ, кто временами къ нимъ прибѣгаетъ съ цѣлью попугать, кого слѣдуетъ, финляндской, польской, украинофильской или еще тамъ какой интригой. Вѣдь отъ добра добра не ищутъ, это—общее правило и всѣмъ людямъ одинаково свойственная черта. Наоборотъ, не менѣе общимъ правиломъ можно считать и обратное положеніе, а именно, что неосновательныя стѣсненія естественныхъ влеченій въ состояніи лишь вызвать поиски того добра, въ которомъ данному лицу отказано: сепаратизмъ питается лишь стѣсненіями, является послѣдствіемъ ихъ, а отнюдь не причиной. Въ неоднократно цитированной мною запискѣ министра Головнина, бывшаго свидѣтелемъ примѣненія ограничительныхъ мѣръ въ 40-хъ годахъ къ Финляндіи, содержится очень любопытное на этотъ счетъ замѣчаніе. „Я былъ тогда, — пишетъ министръ, — свидѣтелемъ негодованія, которое возбудила эта мѣра въ лицахъ, самыхъ преданныхъ правительству, которыя оплакивали оную, какъ политическую ошибку. Враги правительства радовались этому распоряженію, ибо оно приносило большой вредъ самому правительству“ *). Нечего и говорить, что одинаковыя причины всегда и вездѣ производятъ одни и тѣ же послѣдствія.

Но гдѣ же еще можетъ быть искомый Молохъ, которому вѣдь жертвы всетаки приносятся? Неужели только въ жалкомъ и пустомъ тщеславіи по поводу того, что количество говорящихъ русскимъ языкомъ увеличилось на десятокъ, сотню или даже тысячу человѣкъ? Если это такъ, то стóитъ ли ради такихъ пустяч-

*) Лемке М.— Эпоха цензурныхъ реформъ, стр. 306.

ныхъ результатовъ практиковать массу стѣсненій и лишать многомилліонное населеніе свободнаго обнаруженія своихъ силъ? Едва ли эта малоцѣнная овчинка стóитъ выдѣлки, не говоря уже о томъ, что плохую услугу оказываютъ русскому языку его неумѣренные поборники, дѣйствуя насиліемъ, и, конечно, великій, по выраженію Тургенева, русскій языкъ въ подобныхъ услугахъ никогда не нуждался и не нуждается.

Итакъ, хотя загадочная картинка съ надписью „гдѣ Молохъ?“ нами въ концѣ концовъ и разгадана, но самого Молоха, при всей реальности приносимыхъ ему жертвъ, въ наличности не оказывается, въ какомъ-нибудь реальномъ воплощеніи онъ не существуетъ, — это не болѣе, какъ фантомъ, созданный разстроеннымъ воображеніемъ нѣкоторыхъ потомковъ Аракчеева. Украинскій народъ сталъ жертвой прискорбной ошибки, фатальнаго недоразумѣнія, которыя длятся, однако, слишкомъ долго, уже въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ поглощая въ значительной степени духовныя силы страны и вызывая все новыя и новыя осложненія. Запретительныя мѣры по отношенію къ украинской литературѣ, какъ и множество другихъ, всецѣло относятся къ числу такихъ, „которыя не принося никакой существенной пользы тѣмъ, ради которыхъ это дѣлается, вмѣстѣ съ тѣмъ наносятъ огромныя лишенія людямъ, къ которымъ онѣ примѣняются“ („Русскія Вѣдомости“, 1904 г., № 271), по глубоко справедливому замѣчанію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, кн. Святополкъ-Мирскаго. Но не принося никому никакой пользы, подобныя мѣры наносятъ неисчислимый вредъ и при томъ не только тѣмъ, къ кому онѣ примѣняются, но и тѣмъ, ради кого это дѣлается, подобно тому какъ рабство въ одинаковой степени развращаетъ и раба, и господина. Добро бы еще, если бы эти никому ненужныя и для всѣхъ вредныя ограничительныя и запретительныя мѣры оказывались въ самомъ дѣлѣ дѣйствительными, а то вѣдь и въ этомъ отношеніи онѣ доказали уже полное свое безсиліе и вовсе не привели къ искорененію украинской литературы. Выводъ отсюда можетъ быть только одинъ: отмѣна исключительнаго положенія, созданнаго распоряженіемъ 1876 г. для украинской литературы, какъ и вообще всѣхъ подобныхъ мѣръ, представляется прямо необходимой въ общихъ интересахъ. Существуетъ въ нѣкоторыхъ сферахъ предразсудокъ, что считаться въ такихъ случаяхъ съ необходимостью и сознавать свои ошибки—значитъ ронять свой престижъ, обнаруживать слабость власти, и этотъ предразсудокъ часто стоитъ на дорогѣ къ хорошимъ цѣлямъ. Нечего и говорить, насколько онъ не основателенъ: сознанная ошибка уже перестаетъ быть ошибкой, такъ какъ за сознаніемъ слѣдуютъ мѣры къ исправленію и устраненію ея печальныхъ послѣдствій. Вѣдь не надо забывать, что scripta manent, semper manent, in secula seculorum, и что на основаніи этихъ не подверженныхъ тлѣнію и уничто-

женію scripta исторія — рано ли, поздно ли—но непремѣнно вынесетъ свой нелицепріятный приговоръ...

Сергѣй Ефремовъ

Брандмейстеръ Осиповъ.

Красавецъ мужчина въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ—ему всего 42 года. Владѣлецъ капитальнаго трехъэтажнаго дома въ Житомирѣ. Привлеченъ къ суду „по соучастію въ поджогахъ съ корыстными цѣлями"—за плату въ нѣсколько сотъ рублей. Когда онъ говоритъ свое „послѣднее слово" присяжнымъ засѣдателямъ, публика замѣтно взволнована. Многіе плачутъ. Но улики несомнѣнны, и судъ выносетъ приговоръ: трехгодичная каторга.

Въ отзывахъ печати, далеко не дружелюбно настроенной къ подсудимому, весьма ясно сквозила сочувственная нотка: Приговоръ мягокъ, преступленія оцѣнены гораздо ниже ихъ дѣйствительной стоимости. Но осужденнаго—жаль. Это несомнѣнно талантливый человѣкъ, прекрасный работникъ, огневая натура. И лишь невыносимыя, проклятыя условія жизни развратили его, сдѣлали преступникомъ и привели къ фатальному концу.

Кто осужденный? Судя по газетнымъ сообщеніямъ, его отецъ въ раннемъ дѣтствѣ былъ отнятъ у семьи „мѣрами полиціи", и на этомъ основаніи крещенъ и названъ „кантонистомъ". По имени воспріемника, ему дали фамилію: „Осиповъ". Сынъ этого Осипова, Иларіонъ, мальчикомъ попалъ въ Кіевъ. Повидимому, у него не было ни родныхъ, ни пристанища, ни, разумѣется, хлѣба. Здѣсь, въ 1880 г., его впервые судили за кражу пальто. Судъ призналъ воровство доказаннымъ. И, такимъ образомъ, 18-лѣтній Иларіонъ Осиповъ, сынъ кантониста по происхожденію и мѣщанинъ по паспорту, превратился въ „извѣстнаго полиціи вора".

Кличка: „извѣстный воръ", т. е. записанный въ участковыхъ книгахъ, весьма часто употребляется полицейскими протоколами. И весьма немногіе знаютъ, въ какія исключительныя, интимныя отношенія къ полиціи ставитъ она человѣка, особенно, если этотъ человѣкъ обладаетъ нѣкоторымъ умомъ и острою наблюдательностью. Съ одной стороны, попавшій въ списки воровъ, хотя-бы изъ-за нужды и голода, всецѣло зависитъ отъ полиціи: она вольна допустить его къ честному труду, но вольна и не допускать. Съ другой — прежде чѣмъ сдѣлаться „воромъ", человѣкъ такъ или иначе соприкасался съ „преступной средой", знаетъ ее и можетъ, въ случаѣ надобности, сдѣлать полезныя для сыска указанія.

Въ рефератахъ о гомельскомъ процессѣ упоминался, между прочимъ, нѣкій свидѣтель Мурашко. Собственно въ „погромное дѣло“ онъ не внесъ ничего, особо примѣчательнаго. Но въ показаніяхъ его есть характерная подробность. Онъ, видите ли, „недавно находился подъ судомъ за кражу“, а затѣмъ „по порученію полиціи ходилъ опознавать евреевъ, которые производили „русскій погромъ“, т. е. совершалъ одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ предварительнаго слѣдствія.

Такого же рода свидѣтель выступалъ въ декабрѣ 1904 г. по дѣлу нѣкоего Кривуши. Фамилія этого свидѣтеля — Голлендеръ. Въ 1897 г, если вѣрить его собственнымъ словамъ, онъ отсиживалъ свой срокъ въ тюрьмѣ, а раньше былъ сыщикомъ. Въ настоящее же время онъ—„агентъ кіевскаго сыскного отдѣленія“.

Забѣгая значительно впередъ, приведу аналогичный случай изъ житомирскаго процесса.

Въ Житомирѣ Осиповъ „завѣдывалъ“, между прочимъ „сыскными агентами“. Въ числѣ сыщиковъ былъ какой-то Рейхисъ, „отъявленный воръ и мошенникъ“, „принесшій населенію, какъ выразился Осиповъ, много пользы“. Объ этомъ Рейхисѣ свидѣтель Константиновъ, помощникъ пристава 1 части, показалъ слѣдующее:

— Онъ былъ заподозрѣнъ въ кражѣ и арестованъ. Но вскорѣ я освободилъ его по просьбѣ Осипова. Въ тотъ же день Осиповъ позвалъ меня къ себѣ въ гости. Не зная расположенія комнатъ, я попалъ не въ общую гостиную, а въ какую-то другую комнату. И вдругъ вижу Рейхиса, голаго, растрепаннаго... Я шарахнулся въ сторону и поспѣшилъ выйти. Навстрѣчу шелъ Осиповъ. Онъ сказалъ мнѣ, что пригласилъ Рейхиса для полученія разныхъ свѣдѣній...

Нѣтъ резона удивляться легкости, съ какою совершается переходъ отъ званія: „извѣстный полиціи воръ“ къ должности: „агентъ сыскного отдѣленія“. Рейхисы, по нѣкоторымъ соображеніямъ, незамѣнимы. Имъ нечего терять, они готовы идти, куда угодно, и ни къ чему не обязываютъ, ибо ихъ чрезвычайно удобно возвращать въ „первобытное состояніе“, т. е. въ тюрьму. И только свойственная Осипову осторожность побудила его примѣнить къ новому подчиненному крайнюю мѣру пресѣченія — раздѣть до гола.

Въ началѣ своей карьеры Осиповъ также побывалъ въ шкурѣ Рейхиса. Наказаніе за кражу почему-то миновало его, и почти тотчасъ послѣ суда онъ оказывается писцомъ въ канцеляріи кіевскаго предводителя дворянства. Это—первая загадка въ исторіи Осипова: какъ извѣстно, на службу въ предводительскія канцеляріи люди принимаются лишь послѣ очень тщательныхъ справокъ о прошломъ, а справки даетъ прежде всего полиція... Такихъ загадокъ мы потомъ встрѣтимъ не мало.

Въ качествѣ писца, Осиповъ дѣлаетъ рядъ подлоговъ на почтовыхъ денежныхъ повѣсткахъ. Установлено, что по 6 повѣсткамъ съ подложными подписями ему удалось получить деньги. И въ 1881 г., все еще несовершеннолѣтній, Иларіонъ Осиповъ вновь „предстаетъ предъ зерцаломъ суда“ и приговаривается къ 8-мѣсячному тюремному заключенію. На этотъ разъ, если не ошибаюсь, онъ наказаніе отбылъ.

Затѣмъ мы видимъ Осипова на разныхъ поприщахъ: онъ то числится на службѣ въ кіевской бойнѣ, то состоитъ подъ судомъ за клевету, но связей своихъ съ полицейскими сферами не теряетъ, и, нѣсколько лѣтъ спустя, ему удается получить крупное повышеніе по службѣ: его назначаютъ урядникомъ въ Уманскій уѣздъ. Конечно, въ его служебный формуляръ не вносится ни судимость за кражу, ни тюрьма за подлоги. Въ виду заслугъ, извѣстныхъ, разумѣется, не намъ, а начальству, „все прежнее“ было, такъ сказать, предано забвенію.

II.

Есть остроумная народная басенка, какъ одинъ котъ задумалъ въ монахи поступить.

— Котъ Василій,—спрашивала мышь изъ норки,—ты постригся?

— Постригся, Евлампьюшка, постригся...

— И посхимился?

— И посхимился...

Мышь обрадовалась и выбѣжала изъ норы. Котъ ее сцапалъ.

— Схимникъ Василій,—пищала мышь,—вспомни: тяжкій грѣхъ тебѣ скоромиться...

— Я и не скоромлюсь, — отвѣтилъ котъ. — Я разслѣдую, не ѣла ли ты хозяйскаго сала.

Въ этомъ отвѣтѣ кота, который, не взирая на иноческій санъ, мышку во здравіе скушалъ, весьма тонко подмѣчена бытовая черта, уцѣлѣвшая отъ временъ стародавнихъ по нынѣшній день. Ради иллюстраціи рѣшаюсь еще разъ уклониться въ сторону и напомнить негромкое, но заслуживающее вниманія „судебное дѣло“. Разсматривалось оно 31 октября 1903 г. въ екатеринославскомъ уѣздномъ съѣздѣ.

Мѣщанинъ Стародубцевъ заочно назвалъ полицейскаго пристава с. Запорожья-Каменскаго г. Сытина „хабарникомъ“. Приставъ возбудилъ дѣло по обвиненію въ клеветѣ. Пропутешествовавъ по разнымъ инстанціямъ, дѣло попало въ съѣздъ. Свидѣтели Стародубцева съ рѣдкимъ единодушіемъ показывали, что г. Сытинъ беретъ взятки.

— Когда не было денегъ, — говорилъ, напримѣръ, торговецъ Пастуховъ,—я давалъ Сытину вещами. Такъ: два покрывала, а

черезъ полгода два ковра, черезъ годъ еще два ковра, штуку клеёнки и 8 аршинъ сѣраго кастора на шинель, черный сатинъ на мундиръ и 18 аршинъ шелковаго муару, рыбу изъ Москвы, да еще двѣ ковровыя дорожки,—etc.

Съѣздъ выслушалъ показанія, однако нашелъ, что для него, какъ „судебно-административнаго учрежденія", „голословныя показанія свидѣтелей" убѣдительной силы не имѣютъ. По мнѣнію съѣзда, занесенному въ приговоръ, „доказать лихоимство пристава Сытина Стародубцевъ могъ лишь представленіемъ такого судебнаго приговора, коимъ бы Сытинъ былъ признанъ виновнымъ въ лихоимствѣ, или опредѣленіе начальства по сему предмету".

На этомъ основаніи Стародубцевъ былъ признанъ виновнымъ въ клеветѣ (по 136 ст. уст. о наказ.) и приговоренъ къ высшей мѣрѣ наказанія, т. е. къ трехмѣсячному аресту.

Для человѣка, который не принадлежитъ къ сословію котовъ, живущихъ среди мышей, такое рѣшеніе непонятно. Онъ, пожалуй, изумится даже:

— Зачѣмъ въ такомъ случаѣ съѣздъ затруднялъ себя допросомъ свидѣтелей?

Между тѣмъ, мотивы съѣзда, при всей ихъ юридической необоснованности, не лишены своеобразной логики. Представьте, что приставъ Сытинъ далъ тому же, къ примѣру, Пастухову „въ морду". Это дѣйствіе можетъ быть разсматриваемо или какъ „драка", или какъ общерусская форма внушенія. Пастуховъ, которому больно, естественно склоненъ считать полученную имъ плюху дракой. Но, разумѣется, „судебно-административное учрежденіе" совершенно не можетъ согласиться съ потерпѣвшимъ, ибо установить субъективные признаки, какими различается драка отъ внушенія полномочно лишь начальство Сытина, а не какой-то Пастуховъ, лицо, безусловно, частное.

Точно такъ же и относительно „муаровъ", „сатиновъ", „ковровыхъ дорожекъ" и пр. предметовъ. Безспорно, они могутъ быть взяткой. Но могутъ быть и общепринятой въ Россіи данью почтенія и преданности полицейскому начальству. Обыватель, по невѣжеству своему, пожалуй, скажетъ: „взятка". Но не можетъ же съѣздъ, самъ себя называющій „судебно-административнымъ учрежденіемъ", руководиться самозванной „квалификаціей" какого-нибудь Пастухова или Стародубцева. Различіе между взяткой и данью преданности весьма тонко. Уловить его можетъ лишь начальство, а въ случаяхъ, когда и начальство сомнѣвается, судебная палата.

Эти взгляды „судебно-административныхъ учрежденій" Осиповъ постигъ въ совершенствѣ и слѣдовалъ имъ безукоризненно. Приступая къ исполненію обязанностей урядника, онъ былъ уже окончательно сложившимся человѣкомъ. Его „лексиконъ" состоялъ наполовину изъ словъ, отъ которыхъ, какъ кто-то фигурально

выразился, стыдливо разбѣгались даже собаки. Но Осиповъ употреблялъ эти слова лишь при объясненіяхъ съ „мужичьемъ", дабы укоренить въ простонародьѣ уваженіе къ власти. Съ „людьми почище" онъ и разговаривалъ деликатнѣе. Поэтому его считали не „сквернословцемъ", но человѣкомъ, который умѣетъ энергически объясняться съ обывателями.

Осиповъ не стѣснялся дать „въ морду". У него даже оказалась своеобразная страсть допрашивать арестованныхъ и „особенно сѣчь". „Не одна нагайка—передаютъ „Одес. Нов."—была имъ истрепана о голыя спины подозрѣваемыхъ". Его еще въ чинѣ урядника постигло „несчастіе", какъ выразилась та же одесская газета: „онъ кого-то побилъ, а тотъ взялъ и умеръ отъ побоевъ". Однако, Осиповъ не преступалъ тѣхъ крайнихъ предѣловъ, за которыми урядницкая расправа начинаетъ приводить въ содроганіе самыхъ закоренѣлыхъ „администраторовъ". Поэтому трупъ убитаго былъ просто преданъ землѣ, какъ жертва роковой случайности, въ которой никто не виноватъ. Гдѣ пьютъ, тамъ и льютъ; гдѣ внушаютъ, тамъ и до смерти забиваютъ. Противъ этого естественнаго закона вещей ничего не подѣлаешь.

У Осипова сложилась привычка жить широко, съ такимъ комфортомъ, на какой не хватало не только скромнаго жалованья урядника, но и обычной дани обывательскаго почтенія. Словомъ, это былъ такой же урядникъ, какъ и многіе другіе, выдѣлявшійся изъ толпы лишь своею энергіею, распорядительностью, расторопностью, да широтою натуры. Казалось, судьба готовила ему рядъ дальнѣйшихъ повышеній по службѣ и въ заключеніе мирную смерть въ должности исправника или полиціймейстера. Но, на бѣду Осипова въ югозападномъ краѣ сохранились еще, кромѣ „судебно-административныхъ учрежденій", учрежденія просто судебныя.

Случилось такъ, что Осипову подъ руку попали деньги, которыя надо было передать какому-то крестьянину Славиковскому. Осиповъ поступилъ съ ними достаточно ловко, чтобъ дѣло не напоминало откровенную кражу. Но всетаки получилась „незаконная выемка". „Выемка", сверхъ чаянія, огласилась, попала въ судъ. А судебныя власти, вмѣсто того, чтобъ прекратить эту „непріятность", дали ей законный ходъ.

Видимо, возмущенный постороннимъ вмѣшательствомъ, и желая поддержать престижъ администраціи, бывшій кіевскій губернаторъ Томара немедленно далъ Осипову повышеніе по службѣ, т. е. назначилъ „и. д. помощника полицейскаго пристава города Умани". Губернаторское заступничество настолько окрылило Осипова, что онъ, въ порывѣ усердія, ужъ слишкомъ неосторожно и бурно подвергъ аресту, между прочимъ, мѣщанина Хайкельсона и попалъ подъ судъ по новому „дѣлу о заключеніи подъ стражу безъ всякихъ достойныхъ уваженія причинъ".

Со стороны судебныхъ властей это вышло еще „нетактичнѣе“: изъ-за какого-то „жида“ подрывалось уваженіе къ правительственному чиновнику. Г. Томара выступилъ вторично и направилъ Осипова съ лестнымъ рекомендательнымъ письмомъ къ волынскому губернатору Трепову. Блестящая аттестація заранѣе обезпечивала радушный пріемъ, и, такимъ образомъ, Осиповъ получилъ новое повышеніе — сдѣлался помощникомъ полицейскаго пристава губернскаго города Житомира.

Здѣсь онъ довольно быстро завязалъ сердечно-дружескія отношенія съ полиціймейстеромъ Насвѣтовымъ. И, какъ игрокъ, которому вскружило голову слѣпое счастье, сталъ играть „во всю“, не стѣсняясь.

Но сначала нѣсколько словъ о Насвѣтовѣ.

III.

По словамъ „Кіевской Газеты“ *), Насвѣтовъ началъ полицейскую службу въ Житомирѣ человѣкомъ весьма скромныхъ достатковъ. Черезъ 15 лѣтъ, въ 1903 г., онъ былъ отстраненъ отъ должности, по распоряженію генералъ-губернатора.

Мнѣ лично, при разговорѣ съ житомирцами, приходилось слышать сравненія между Насвѣтовымъ и бывшимъ радомскимъ полиціймейстеромъ Кириченкомъ, который въ свое время сумѣлъ совмѣстить званіе „начальника полиціи“ съ обязанностями атамана организованной шайки воровъ и въ концѣ концовъ ухитрился таки попасть подъ судъ по обвиненію въ 670 преступленіяхъ.

Думаю, однако, что эти сравненія не выдерживаютъ критики. Начать съ того, что служба Насвѣтова протекала безъ трагическихъ эффектовъ; и оставилъ онъ ее довольно мирно, собственникомъ нѣсколькихъ крупныхъ имѣній, общую стоимость которыхъ сотрудникъ „Южн. Зап.“ опредѣляетъ до 1.000.000 руб. Правда, противъ Насвѣтова, когда онъ былъ полиціймейстеромъ, возбуждались судебныя дѣла „о незаконномъ пріобрѣтеніи имѣній“. Но это не помѣшало ему утвердиться въ правахъ собственности. Приказъ же объ увольненіи его „Кіев. Газета“ ставила въ причинную связь съ „недостачей довольно порядочной суммы денегъ“, по поводу которыхъ прислана была въ Житомиръ изъ Кіева „особая ревизіонная коммиссія“. Куда недостающее дѣлось, пополнено ли, и кѣмъ—это неизвѣстно. Однако Насвѣтовъ безпрепятственно живетъ на покоѣ, мирно пожиная плоды трудовъ своихъ. Значитъ, и съ этой стороны между нимъ и Кириченкомъ очень мало общаго.

Онъ быстро оцѣнилъ способности Осипова и посовѣтовалъ

*) № 232, 1903 г.

ему оставить гласное прохожденіе полицейской службы и сдѣлаться брандмейстеромъ. Совѣтъ этотъ обнаруживаетъ въ Насвѣтовѣ и осторожность, и житейскую сообразительность. Положеніе полицейскаго чиновника, состоящаго подъ судомъ, въ достаточной мѣрѣ шатко. Какъ бы медленно ни шло предварительное слѣдствіе, и какъ бы ни снисходительны были судьи, все же рано или поздно рѣшеніе должно состояться. При самомъ счастливомъ исходѣ дѣло закончится приговоромъ объ отстраненіи отъ должности. И тогда что? Гораздо благоразумнѣе воспользоваться тактикой генерала Дитятина: когда ему на маневрахъ поручили провезти обозъ незамѣтно для „непріятеля", онъ блестяще выполнилъ задачу... за три дня до начала маневровъ.

Въ этомъ смыслѣ должность брандмейстера — сущій кладъ. Съ одной стороны, она якобы полицейская, а съ другой—якобы не полицейская. Такъ что, если судъ будетъ настаивать: „отрѣшите такого-то полицейскаго чиновника", имѣется полное основаніе отвѣтить:

— Такой-то чиновникъ отрѣшенъ за 3 года до приговора и нынѣ состоитъ брандмейстеромъ.

Впослѣдствіи такъ оно и случилось. Осиповъ, какъ умный человѣкъ, понялъ Насвѣтова и принялъ его предложеніе. Но, разумѣется, его чисто полицейская служба не прекратилась:

— Ко мнѣ,—съ гордостью говорилъ онъ на судѣ, — обращалась и полиція, обращалось и жандармское управленіе, обращался и бывшій прокуроръ. Я по ночамъ не спалъ, велъ политическіе розыски.

Кромѣ завѣдыванія сыскнымъ отдѣломъ и посильныхъ трудовъ по охранному отдѣленію, Осиповъ былъ произведенъ въ базарные старосты и въ старосты извозчиковъ, состоялъ кассиромъ по благотворительному сбору съ театральныхъ билетовъ. Исполнялъ и экстренныя порученія: „за дешевую цѣну покупалъ дичь для важныхъ обѣдовъ", отыскивалъ „спеціалистовъ по стрижкѣ болонокъ", продавалъ лоттерейные билеты (однажды въ два дня выручилъ 500 р.) и вообще оказывалъ помощь благотворительнымъ дамамъ, побуждалъ населеніе къ „торжественнымъ встрѣчамъ высокопоставленныхъ лицъ" *)... Занимался и другими дѣлами, но о нихъ рѣчь впереди.

Какія узы соединяли Насвѣтова съ Осиповымъ, въ подробностяхъ уяснить трудно. „Южн. Зап." глухо упоминаютъ, что „лихорадочная полицейско-коммерческая дѣятельность (Насвѣтова) захватила и Осипова". Т. е., надо догадываться, Осиповъ помогалъ своему начальнику заниматься „скупкою и перепродажею имѣній". Какъ ни облегчены административныя спекуляціи исключительными законами о земельной собственности въ юго-

*) „Южн. Зап.".

западномъ краѣ, какъ ни быстро наиболѣе проворные администраторы становятся здѣсь собственниками обширныхъ помѣстій, но, конечно, расторопный помощникъ, вродѣ Осипова, не можетъ быть лишнимъ. Къ сожалѣнію, печатью слишкомъ мало выяснено, какую именно помощь оказывалъ Осиповъ своему начальнику въ этомъ дѣлѣ.

Нѣсколько опредѣленнѣе указанія „Кіев. Газ.“. Распоряжаясь городскимъ пожарнымъ фуражемъ, Осиповъ „выращивалъ насвѣтовскихъ свиней“ и лошадей. Въ городской пожарной кузницѣ Насвѣтову дѣлались и ремонтировались, по распоряженію Осипова, фаэтоны, брички, бѣгунки... Изъ числа пожарныхъ служителей Осиповъ снабжалъ Насвѣтова поваромъ, кучеромъ, мамкой (?) и нянькой (?), которымъ платилъ жалованье городъ. Но эти услуги— несомнѣнно, мелочь: Насвѣтовъ могъ имѣть ихъ и отъ всякаго другого брандмейстера.

Къ разряду такихъ же мелочей надо отнести „исторію“, разсказанную „Одес. Нов.“. Но она гораздо характернѣе и заслуживаетъ, чтобы на ней остановиться подробно.

IV.

Обнаружился „какой-то недостатокъ какихъ-то общественныхъ денегъ“. „Недостатокъ“ былъ безспоренъ, и канцелярія лишь никакъ не могли сосчитать, сколько именно не хватаетъ. То выходило больше, то меньше. И чѣмъ усерднѣе работали писцы, тѣмъ неопредѣленнѣе становилась сумма.

Не умѣю объяснить, произошло ли это отъ оплошности цензоровъ, или по другой причинѣ, но въ газетахъ появились „намеки“. Возникла „опасность огласки“. Подсчетомъ недостающихъ денегъ надо было торопиться. Нѣкоторымъ лицамъ, а въ томъ числѣ и Насвѣтову, грозила непріятность.

И вотъ тутъ Осипову пришла въ голову блестящая, хотя и не новая мысль. Ее когда-то использовалъ, между прочимъ, попечитель казанскаго учебнаго округа Магницкій. Какъ извѣстно, онъ объявлялъ себя спасателемъ отечества отъ вольномыслія и, ради торжества православія и самодержавія, требовалъ „публично разрушить“ ввѣренный его попеченію казанскій университетъ. И лишь впослѣдствіи, когда Магницкій запутался въ престолонаслѣдственныхъ осложненіяхъ 1825 г., открылось, что спасатель отечества есть мелкій плутъ. Крики о вольнодумствѣ помогали ему незамѣтнѣе красть казенныя деньги.

Магницкій былъ уволенъ высочайшимъ приказомъ безъ прошенія и давнымъ-давно почіетъ въ гробу. Но методъ его живъ и весьма остроумно использованъ Осиповымъ.

Въ минуту, когда дѣло о недостачѣ общественныхъ денегъ

приняло наиболѣе острыя формы, у Осипова вдругъ оказался на лицо оркестръ *балалаечниковъ*: понимаете—„національный великорусскій инструментъ“. Музыканты, правда, изъ пожарныхъ, но одѣты „въ національные великорусскіе костюмы“: на каждомъ—плисовые штаны, кумачевая рубаха и шапка временъ тишайшаго царя Алексѣя Михайловича. Ну, словомъ, „маскарадъ“ почти такой же, какъ и въ капеллѣ „знаменитаго русскаго баяна“ г. Агренева-Славянскаго. Начальству, разумѣется, не надо было объяснять, что осиповскіе балалаечники представляютъ „серьезный обрусительный факторъ для пограничной волынской окраины“. И этотъ „факторъ“ созданъ находчивымъ брандмейстеромъ прямо таки изъ ничего — засчетъ какихъ-то „остатковъ общественныхъ суммъ“, тѣхъ самыхъ, о которыхъ шла безплодная переписка въ канцеляріяхъ.

Сразу стало ясно, что житомирское „дѣло о недостаткахъ“ совершенно аналогично пошехонскому недоразумѣнію по поводу пропавшихъ рукавицъ, которыя за поясомъ. Конечно, оно тотчасъ прекратилось. Осиповъ за его „чисто-русскую иниціативу“ получилъ благодарность, а балалаечники стали предметомъ особыхъ заботъ начальства. Оркестръ, со своимъ основателемъ во главѣ, назначался въ командировки, уѣзжалъ на гастроли въ Бердичевъ. Доктринеры скажутъ, что должность брандмейстера обязывала Осипова безвыѣздно жить въ Житомирѣ, но вѣдь надо же понимать, что, когда предъ нами „широкая и плодотворная задача обрусенія края“, тогда... etc.

Надо ли говорить, что житомирскіе граждане получили наибольшую порцію обрусительной музыки? Оркестръ сдѣлался необходимой принадлежностью „лѣтняго сада“. И начальство, нужно полагать, искренно радовалось, видя, какое высоко-художественное наслажденіе испытываетъ публика по случаю „Камаринскаго мужика“, „Барыни“ и другихъ истинно-русскихъ мотивовъ, исполняемыхъ на истинно русскомъ инструментѣ: „апплодировать—поясняютъ „Одес. Нов.“—было почти обязанностью“.

Балалаечникамъ платилось по 10—15 рублей за вечеръ изъ средствъ „городского общественнаго управленія“. Оно и послѣдовательно: разъ такое высоко патріотическое предпріятіе возникло на общественныя деньги, поддерживать его надо тоже за счетъ общественный. Для сбора добровольныхъ пожертвованій на оркестръ выставлена была даже кружка. Впрочемъ, изъ нея однажды Осиповъ удосужился вытащить деньги. Куда онѣ дѣлись—неизвѣстно... Во всякомъ случаѣ исторія о балалаечникахъ свидѣтельствуетъ, до какой степени брандмейстеръ былъ разносторонне-полезный Насвѣтову человѣкъ.

V.

Съ своей стороны, и Насвѣтовъ оказывалъ подчиненному многочисленныя услуги. Сначала скажу нѣсколько словъ о „мелочахъ“.

Какъ я уже упоминалъ, на Осипова было возложено „взимать благотворительный сборъ съ театральныхъ билетовъ“, этимъ онъ воспользовался для разныхъ коммерческихъ дѣлишекъ подъ предлогомъ служенія „богинѣ Мельпоменѣ“. Онъ участвовалъ даже въ качествѣ пайщика въ постройкѣ одного изъ частныхъ театровъ. По случаю пріѣзда Шаляпина, самолично сѣлъ въ кассу продавать билеты. „Публика ломилась въ театръ. За билеты платили втрое больше“, и всетаки сборъ оказался неполнымъ — „недоставало нѣсколькихъ сотъ рублей“ *). Осипову высказали по этому поводу удивленіе.

— Возмутительный городъ!—согласился онъ.—Помилуйте: Шаляпинъ не взялъ полнаго сбора! Только въ Житомирѣ можетъ это случиться...

Въ этомъ остроумномъ отвѣтѣ вопросъ о недостачѣ денегъ въ кассѣ, разумѣется, потонулъ.

Самое взиманіе благотворительнаго сбора дало богатую пищу для анекдотовъ. Между прочимъ, въ моментъ ареста у Осипова, въ печкѣ нашли много пепла отъ свѣже сожженной бумаги. На вопросъ прокурора, откуда этотъ пепелъ, Осиповъ объяснилъ суду:

— Я завѣдывалъ контролемъ билетныхъ корешковъ въ городскомъ театрѣ и въ театрѣ „Аркадія“. Послѣ каждаго спектакля я отбиралъ корешки и передавалъ ихъ полиціймейстеру, который просматривалъ ихъ и возвращалъ мнѣ, а я сжигалъ ихъ.

Ну, а разъ Насвѣтовъ котролировалъ Осипова, безъ анекдотовъ обойтись трудно.

За услуги по выкормкѣ свиней и лошадей, полиціймейстеръ не требовалъ, чтобы пожарные находились при обозѣ. Наоборотъ, онъ самъ откомандировалъ ихъ „на разнаго рода работы по благоустройству“ Народнаго сада, Житняго базара и др. мѣстъ. Деньги за эти работы получалъ, конечно, Осиповъ, а пожарнымъ за сверхъ-урочныя обязанности милостиво выдавалось „на чай“. Когда Насвѣтову жаловались на такія дѣла, онъ „только улыбался добродушно *), словно говоря:

— Какіе пустяки!

Къ разряду „пустяковъ“ относится и то, что житомирскіе „базарные торговцы и торговки до сихъ поръ вспоминаютъ съ ужа-

*) „Одес. Нов.“.

**) „Кіевск. Газ.“.

сомъ“ поставленнаго надъ ними полиціей старосту Осипова. „Пустяки“ и не меньшій ужасъ извозчиковъ, которыхъ Осиповъ, по долгу биржевого старосты, избивалъ немилосердно.

Но вотъ не „пустяки“, даже съ полицейской точки зрѣнія: Житомиръ нѣсколько лѣтъ назадъ былъ посѣщенъ великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Посѣтитель осмотрѣлъ, въ числѣ другихъ учрежденій, пожарную команду и пожертвовалъ въ ея пользу 60 рублей. Деньги вручены были Осипову и по этой причинѣ дѣлись неизвѣстно куда. Пожарные пожаловались. Сумма, правда, небольшая, ни въ какое сравненіе съ доходами отъ концерта Шаляпина и другихъ побочныхъ статей идти не можетъ, но источникъ ея обязывалъ полицію „выполнить патріотическій долгъ“ и „принять строжайшія мѣры“.

Насвѣтовъ, „выполняя патріотическій долгъ“, всѣ зависящія отъ него средства употребилъ, чтобы дѣло о великокняжескихъ деньгахъ не попало въ судъ. Имъ, наряду съ прочими жалобами на Осипова, занялась какая-то „особая коммиссія житомирскаго губернскаго правленія“. Въ день разбора, 12 февраля 1902 г., полиціймейстеръ „выступилъ въ качествѣ свидѣтеля“ и „самоотверженно стоялъ за своего подчиненнаго“ *). Роль защитника и свидѣтеля ему блестяще удалась, и сейчасъ мы увидимъ, до какой степени благопріятенъ для Осипова былъ приговоръ „особой коммиссіи“.

Спустя 3 мѣсяца послѣ ея засѣданія, состоялся приговоръ судебной палаты по одному изъ до житомирскихъ дѣлъ. Осиповъ былъ приговоренъ къ отрѣшенію отъ должности, опредѣленіе палаты вошло въ законную силу и было сообщено житомирскому начальству. Начальство „приняло къ свѣдѣнію“ и только. Тогда прокуроръ сталъ требовать исполненія приговора, но, по словамъ свидѣтеля Яновицкаго, нынѣшняго житомирскаго полиціймейстера, „исполненіе долго тормозилось... Объ этомъ хлопотали Насвѣтовъ и губернаторъ“. Наконецъ, вмѣшался старшій предсѣдатель судебной палаты, и пришлось „отрѣшить“, но, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же г. Яновицкій, „по ходатайству губернатора“, Осиповъ былъ немедленно принятъ на службу „по вольному найму“. Онъ остался по прежнему брандмейстеромъ, лекокмейстеромъ, балалайместеромъ, базармейстеромъ и проч., и проч., и проч. Администрація исполнила приговоръ въ точности, но на бумагѣ.

А пока шла переписка между палатой и полиціей, возникло новое „дѣло“—опять по жалобѣ пожарныхъ. Собственно, пожарные многократно пытались жаловаться и въ большинствѣ случаевъ „по поводу мордобитія“. Объ этомъ сообщалось Осипову, Осиповъ немедленно урезонивалъ смутьяна, т. е. прогонялъ со

*) „Кіев. Газ.“, № 232, 1903 г.

службы и не платилъ жалованья, чѣмъ, обыкновенно, жалобы и ограничивались. Но на этотъ разъ указывались неурядицы по хозяйственной части. Городская управа рѣшилась „разслѣдовать“ и открыла слѣдующее.

Городъ выдавалъ содержаніе 57 пожарнымъ служителямъ. Въ натурѣ ихъ оказалось 45, включая и тѣхъ, которые приставлены были исключительно для домашнихъ услугъ полиціймейстеру Насвѣтову. Такъ какъ каждому пожарному полагалось въ мѣсяцъ жалованья 12 р., то „безгрѣшный доходъ“ брандмейстера составлялъ ежемѣсячно 144 р., а въ годъ до 1.800 р. Но не всѣ получали полное жаловнаье. Большинству Осиповъ платилъ 7, 8, 9 иногда 11 руб.

„Овесъ покупался щедро, но пожарныя лошади имѣли такое же представленіе о немъ, какъ слѣпой о солнцѣ“ *). За то свиной заводъ Насвѣтова откармливался очень жирно.

Лошадей на бумагѣ покупали каждый годъ. Въ дѣйствительности, всѣ лошади оказались старыя. Въ пожарной кузницѣ изготовлялись экипажи не только Насвѣтову, но и Осипову и др. лицамъ. За чей счетъ покупался матеріалъ для этихъ экипажей,—„выяснить не удалось“. Всѣ извозчичьи лошади, по распоряженію Осипова, подковывались въ той же пожарной кузницѣ. Это должно бы давать доходъ, но таковаго не было.

Не лишена интереса подробность, о которой говорилъ на судѣ, какъ свидѣтель, поставщикъ фуража для пожарныхъ лошадей г. Перминовъ:

— Я,—показывалъ онъ,—обнаружилъ подлогъ со стороны Осипова. Онъ написалъ подложную квитанцію, что я ему долженъ 952 руб. Я привлекъ его къ отвѣтственности..

Но чѣмъ кончилось это дѣло, г. Перминову не удалось узнать. Оно „не найдено“, хотя, по удостовѣренію суда, „слушалось въ административномъ засѣданіи и было прекращено“. Докладъ о результатахъ разслѣдованія былъ составленъ и „положенъ подъ сукно“. Въ печати о немъ не могло появиться свѣдѣній, потому что Осиповъ былъ „persona gratissima для мѣстной газеты“, какъ выразились „Южн. Записки“. Городской голова и гласные какъ бы не рѣшались касаться столь деликатнаго дѣла. Причины понять не трудно. Во-первыхъ, это было бы безполезно: если старшій предсѣдатель судебной палаты не добился исполненія приговора, то что-же могло сдѣлать „городское общественное управленіе“? А во-вторыхъ, „трогать“ Осипова было вообще не безопасно.

Мы подходимъ къ наиболѣе характерному штриху осиповской эпопеи—къ дѣятельности „по раскрытію преступленій уголовныхъ и политическихъ“.

*) „Одес. Нов.“

VI.

Какъ приводились Осиповымъ житомирскіе жители къ отбыванію политической повинности, не выяснено ни судомъ, ни газетами. Судомъ потому, что Осиповъ былъ обвиняемъ лишь въ поджогахъ, которые, по административной терминологіи, не имѣютъ отношенія къ „охраненію государственной безопасности и общественнаго спокойствія“. Въ печати же лишь проскользнули глухіе намеки, что кулаки брандмейстера не слишкомъ различали разницу между „мордой“ политической и „мордой“ уголовной.

Правда, въ Житомирѣ и даже въ Кіевѣ ходитъ много легендъ. Разсказываютъ, напр., что одного жандармскаго офицера Осиповъ, искореняя, по его порученію, крамолу, сумѣлъ лишить разныхъ мелкихъ золотыхъ и серебряныхъ вещей,—въ общей сложности рублей на 300, при чемъ, по одной версіи, кражу совершилъ самъ Осиповъ, а по другой—его агенты. Но, конечно, на достовѣрность изустныхъ преданій положиться трудно. Основательнѣе предположить, что въ анекдотахъ, передаваемыхъ „на ушко“, дѣйствительность сильно прикрашена, если не извращена.

Гораздо болѣе извѣстно, какъ Осиповъ „раскрывалъ уголовныя преступленія“. На этой сторонѣ суду поневолѣ пришлось остановиться, такъ какъ Осиповъ, въ качествѣ брандмейстера и по соглашенію съ домовладѣльцами, бралъ на себя лишь общую организацію поджоговъ, поджигали же, по его указаніямъ, полицейскіе сыщики и шпіоны.

Одного сыщика я уже упоминалъ. Это—Рейхисъ, арестованный по подозрѣнію въ кражѣ и освобожденный отъ суда и наказанія лишь потому, что его услуги понадобились Осипову. По словамъ прокурора, этотъ Рейхисъ „даже весьма похожъ“ на одного изъ поджигателей.

Другого, Мармерштейна, Осиповъ на судѣ характеризировалъ такими словами:

— Отъявленный воръ и мошенникъ, босякъ, шарлатанъ и сутенеръ... Не составлять протокола о немъ за поджогъ я, дѣйствительно, просилъ, потому что Мармерштейнъ обѣщалъ отслужить...

Мармерштейнъ отзывался объ Осиповѣ по существу такъ же, но въ выраженіяхъ, гораздо болѣе почтительныхъ. Однажды онъ у свидѣтеля Бебчука занялъ рубль, но на слѣдующій день возвратилъ деньги и сказалъ:

— Больше я уже не буду нуждаться. Я буду богатымъ: я буду агентомъ Осипова.

— Я,—разсказывалъ г. Бебчукъ на судѣ,—сталъ убѣждать его

не связываться съ Осиповымъ: попадешь на каторгу, а онъ будетъ въ сторонѣ.

— Осиповъ?!—отвѣтилъ Мармерштейнъ.—Осиповъ сила! Осиповъ все можетъ!..

Слѣдователю же онъ говорилъ, что Осиповъ, поручая поджигать дома, совѣтовалъ „побольше вытягивать денегъ..." Послѣднее приказаніе Мармерштейнъ выполнялъ въ точности и даже обворовывалъ домовладѣльцевъ прежде, чѣмъ учинить поджогъ.

Были еще названы на судѣ сыщики Гендлеръ и Шендеръ. Но о нихъ извѣстно лишь, что Осиповъ пытался давать имъ изъ тюрьмы письменныя инструкціи, какъ и о чемъ надо показывать на предварительномъ слѣдствіи.

Но, разумѣется, у завѣдывающаго сыскнымъ отдѣломъ было не только четыре помощника. Достаточно упомянуть свидѣтельское показаніе тюремнаго надзирателя Садовскаго:

— Арестанты жаловались, что Осиповъ забиралъ себѣ львиную долю, а имъ не давалъ почти ничего.

Понятнѣе говоря, — назначеніе житомирскихъ агентовъ было не только въ томъ, чтобы поджигать. Вообще сыскная дѣятельность Осипова напоминаетъ исторію о двухъ братьяхъ-цыганахъ: одномъ — благочестивомъ, а другомъ — бродягѣ. Братья были смертельными врагами. Бродяга шатался неизвѣстно гдѣ, а благочестивый усердно молился Богу и обладалъ чудеснымъ даромъ—безошибочно указывать, гдѣ спрятана уворованная лошадь или украденное изъ клѣти добро... Агенты Осипова крали. Они же и находили похищенное. Это на житомирскомъ языкѣ называлось: „раскрывать преступленія".

Частью уворованное находилось—и за это Осиповъ получалъ отъ начальства признательность; частью исчезало... за то Осиповъ, нисколько не стѣсняясь, торговалъ сапогами, самоварами, перстнями, простыми и драгоцѣнными камнями и другими вещами, „происхожденія неизвѣстнаго", но по цѣнѣ дешевой.

Отнюдь не слѣдуетъ предполагать, будто въ Житомирѣ только и воровъ было, что сыщики Осипова. Находились, конечно, предприниматели - одиночки, не принадлежавшіе къ организаціи. Такихъ конкуррентовъ Осиповъ любилъ ловить и въ особенности—допрашивать. Нѣтъ надобности подробно говорить о выбитыхъ при этомъ зубахъ, изуродованныхъ членахъ и пролитой крови... Словомъ, тюрьма была полна обиженными или при допросѣ, или при дѣлежѣ добычи. И Осипова, когда ему пришла пора самому „сѣсть въ зàмокъ", понадобилось прятать: арестанты съ полною откровенностью заявляли, что они желаютъ убить „лиходѣя" и въ цѣляхъ добраться до него устроили даже „два серьезныхъ бунта". Самъ Осиповъ умолялъ присяжныхъ помиловать его, потому что обвиненіе будетъ равносильно смертному приговору:

— Вѣдь арестанты меня убьютъ,—говорилъ онъ.

Характеръ сыскныхъ дѣлъ Осипова не былъ тайной и для внѣтюремныхъ жителей Житомира. Это видно уже изъ показанія г. Бебчука, который предупреждалъ Мармерштейна, что знакомство съ Осиповымъ закончится каторгой. Другой свидѣтель, г. Перминовъ объяснилъ суду:

— Я часто видалъ Осипова среди своры жуликовъ и зналъ, что онъ коноводъ всѣхъ мошенниковъ.

А товары, которые продавалъ Осиповъ, покупали всѣ.

— Я самъ одинъ разъ купилъ, — признался нынѣшній полиціймейстеръ Яновицкій. — И Насвѣтовъ покупалъ. И полковникъ Аршеневскій „примѣрялъ въ театрѣ кольцо“, которое продавалъ брандмейстеръ.

Секретарю городской полиціи, г. Златковскому, Осиповъ „раза два показывалъ“ свои товары, а Насвѣтовъ, покупавшій эти товары, даже „упрекалъ Осипова и предлагалъ ему лучше заниматься своимъ дѣломъ, чтобы про него *не распространяли разныхъ темныхъ слуховъ*“. Значитъ, „слухи“ доходили и до полиціймейстера... почему онъ не пожелалъ разслѣдовать ихъ — это загадка. На судѣ прокуроръ предложилъ г. Яновицкому вопросъ:

— И вы находили нормальнымъ, что Осиповъ торговалъ?

— Да, находилъ, — отвѣтилъ г. Яновицкій: — Осиповъ былъ очень дѣятеленъ, времени было много, и онъ наполнялъ досуги...

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ: полиціймейстеръ предлагалъ „заниматься своимъ дѣломъ“, котораго, кстати, у Осипова было слишкомъ много, а помощникъ полиціймейстера „находилъ“, что Осипову надо хоть чѣмъ-нибудь „наполнить досуги“... Противорѣчіе, однако, легко объяснить.

Нельзя сомнѣваться, что Осиповъ занимался сыскомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и самъ онъ, и обвинительный актъ, и „частныя лица“, и полицейскіе чины. Такъ, секретарю полиціи Златковскому извѣстно, что „большая часть раскрытій преступленій сдѣлана Осиповымъ“, что Насвѣтовъ зналъ сыскныхъ агентовъ, что Осипову было „поручено заниматься сыскомъ“, такъ какъ „онъ слылъ энергичнымъ человѣкомъ“. Приставу 1 части Куярову тоже „извѣстно“, что „Осипову Насвѣтовъ поручалъ раскрытіе преступленій“. „Извѣстно“ это и помощнику пристава Константинову и т. д. Тѣмъ не менѣе, нынѣшній полиціймейстеръ Яновицкій оффиціально удостовѣрилъ,—и это письменное удостовѣреніе было оглашено судомъ послѣ совершенно ясныхъ свидѣтельскихъ показаній — что, во-первыхъ, сыскного отдѣленія въ Житомирѣ не существуетъ, а во-вторыхъ, „содѣйствовалъ ли Осиповъ раскрытію преступленій и сдѣлалъ ли онъ какія-нибудь раскрытія,—полицейскому управленію неизвѣстно“...

Секретъ въ томъ, что сыскной отдѣлъ въ Житомирѣ суще-

ствуетъ „негласно". Это бываетъ: недавно „Приднѣпр. Край" обнаружилъ въ Бердянскѣ такое же негласное „отдѣленіе по раскрытію преступниковъ". О немъ „оффиціально" сдѣлалось извѣстно, лишь когда бывшій главный сыщикъ изнасиловалъ въ участкѣ дѣвушку и, не смотря на всѣ принятыя начальствомъ мѣры, попалъ подъ судъ. Но въ Житомирѣ ни Осиповъ, ни его агенты въ качествѣ сыщиковъ къ суду не привлекались. Значитъ, „негласное" не могло сдѣлаться „гласнымъ", и потому полицейское управленіе, нисколько не насилуя своей канцелярской совѣсти, сумѣло удостовѣрить, что ему „ничего неизвѣстно".

Въ рѣчи прокурора, напечатанной „Волынью", это удостовѣреніе совершенно игнорировано, какъ черезчуръ ужъ „оффиціальное". Но г. Яновицкій игнорировать не могъ. Памятуя о своей оффиціальной бумагѣ, онъ поневолѣ забылъ объ исполненіи брандмейстеромъ Осиповымъ такихъ обязанностей, которыя даже отдаленнаго касательства къ пожарному дѣлу не имѣютъ.

Нужно, однако, замѣтить, что „удостовѣреніе", состряпанное житомирскою полиціей, есть существенно необходимый для нея актъ. Вѣдь если бы она признала сыскное отдѣленіе, то рядъ обнаруженныхъ на судѣ фактовъ обязывалъ администрацію возбудить новыя дѣла, а это могло привести лишь къ новымъ непріятностямъ и осложненіямъ. Значитъ, долгъ службы понуждалъ прибѣгнуть къ такому же тактическому пріему, какой примѣненъ былъ къ послужному списку Осипова: въ этомъ документѣ оказался записаннымъ лишь приговоръ судебной палаты, и ни однимъ словомъ не упоминались подлоги и кражи. Причину понять легко: правда, подлогъ и кража признана судомъ, но они должны быть „оффиціально неизвѣстны", потому что иначе самое нахожденіе Осипова на гласной полицейской службѣ противорѣчило бы канцелярской этикѣ.

VII.

— Бывало, увижу Осипова возлѣ какого-нибудь дома,—показывалъ свидѣтель Перминовъ,—и ужъ знаю, что завтра здѣсь будетъ пожаръ. Объ этомъ, кромѣ меня, зналъ помощникъ брандмейстера Шпаковскій. Я говорилъ члену городской управы и гласнымъ: „вотъ они, наши защитники, каковы"!... Я говорилъ Осипову: „смотрите, попадетесь". А онъ мнѣ предлагалъ: „сожгите, говоритъ, свои домики"...

Эта общая характеристика интересно дополнена показаніями свидѣтелей-пожарныхъ:

„Осиповъ часто приказывалъ разрушать постройки во время тушенія пожаровъ. Иногда такія разрушенія производилъ уже по прекращеніи пожара". Былъ и такой случай: „когда горѣлъ

смоляной заводъ, еврей за угломъ далъ брандмейстеру деньги, и тогда воротили пожарныхъ и стали ломать". „Иногда онъ прекращалъ поливку горѣвшаго зданія, какъ бы съ цѣлью дать ему сильнѣе разгорѣться. А иногда, оставляя въ покоѣ горѣвшее зданіе, приказывалъ поливать сосѣднія постройки". „Часто ломали мебель, картины, зеркала, выбрасывали ихъ изъ оконъ, когда въ комнатѣ не было и слѣда огня". Осиповъ съ большимъ раздраженіемъ говорилъ: „эти сукины сыны, охотники, не дадутъ никогда сгорѣть дому".

Подъ „охотниками" разумѣются дружинники вольно-пожарнаго общества.

„Однажды, когда обозъ мчался на пожаръ, гдѣ впослѣдствіи обнаружены были явные признаки умышленнаго поджога, Осиповъ вдругъ остановилъ всѣхъ и нѣсколько минутъ бранилъ пожарныхъ за то, что они допустили охотника сѣсть на линейку, хотя это всегда разрѣшалось и разрѣшается вольнопожарнымъ". „Бывали случаи, что на пожарахъ заставали бензинъ, керосинъ и послѣ этого горѣвшее зданіе ломали"...

Всего пожаровъ, на которыхъ Осиповъ дѣйствовалъ загадочно, прокуроромъ насчитано 11. Это на основаніи судебнаго слѣдствія; повидимому, полиція знаетъ ихъ больше. Слѣды поджоговъ, болѣе или менѣе явныхъ, обнаруживались весьма нерѣдко. Полицейскіе чины приступали къ разслѣдованію, возгорались дѣла, такъ сказать, и затѣмъ почему-то „гасли", исчезая невѣдомо куда.

На пожарахъ часто присутствовалъ Насвѣтовъ и самъ губернаторъ. Осиповъ всячески старался доказать, что горѣвшіе дома ломались „по приказанію начальства". Относительно губернатора это ему мало удалось, но и прокуроръ согласился, что „въ одномъ случаѣ" поломка производилась, дѣйствительно, по приказанію полиціймейстера. Даже до крайности осторожному г. Яновицкому „одинъ разъ показалось, что напрасно разрушали стѣну".

Только „показалось"!.. „Оффиціально" же ничего не было извѣстно, и Осиповъ, пожалуй, до сихъ поръ служилъ бы по вольному найму, если бы не досадное, но совершенно случайное обстоятельство.

Житомирскій житель и отставной подполковникъ Абрамовичъ выстроилъ себѣ домъ. Подрядчикъ не сумѣлъ потрафить на его вкусъ. Абрамовичъ былъ очень недоволенъ постройкой; собирался продать ее, но покупателей не находилось. Какъ-то на вокзалѣ онъ, встрѣтившись съ Осиповымъ, замѣтилъ:

— Вотъ хорошіе дома горятъ, а моя дрянь не горитъ.

— А вы хотите, чтобъ вашъ домъ сгорѣлъ? — спросилъ Осиповъ.

— Отчего-жъ не хотѣть!—отвѣтилъ Абрамовичъ, но тутъ ему

надо было садиться въ вагонъ. И на этомъ разговоръ прекратился.

Затѣмъ Абрамовичъ съѣздилъ, куда требовалось. Вернулся въ Житомиръ и, спустя нѣкоторое время, снова встрѣтился съ Осиповымъ. Теперь брандмейстеръ заговорилъ первымъ:

— Наступила зима,—сказалъ онъ,—самое удобное время. Пора бы и приступить...

Абрамовичъ, если вѣрить ему, долго не соглашался, но Осиповъ сумѣлъ убѣдить его, что отъ поджога никто, кромѣ страхового общества, не пострадаетъ,—это, во-первыхъ. А во-вторыхъ, отъ Абрамовича ничего не требуется, кромѣ согласія: подожгутъ другіе. За всю „работу" брандмейстеръ назначилъ 25 рублей поджигателю и 500 руб. себѣ. Абрамовичъ торговался и, наконецъ, порѣшили на слѣдующемъ: 200 р. въ моментъ заключенія договора авансомъ, а 300 р. по полученіи страховой преміи.

Тогда Абрамовичъ повысилъ страховку съ 5000 до 8000 руб., и, дѣйствительно, отъ него „ничего больше не потребовалось". Только разъ въ присутствіи Осипова ему послышался въ сосѣдней комнатѣ шорохъ. Онъ хотѣлъ было посмотрѣть, что тамъ такое, но Осиповъ его остановилъ:

— Тамъ приготовляютъ,—объяснилъ онъ.

Въ заранѣе назначенный срокъ, ночью 16 февраля 1903 г. произошелъ пожаръ. Онъ оказался не изъ удачныхъ и былъ скоро потушенъ. Обнаружились явные слѣды поджога, полиція начала „дѣло", но оно, по обыкновенію, „умерло". Абрамовичъ безпрепятственно получилъ „премію", соразмѣрно убыткамъ,— 3500 р., однако жаловался и помощнику брандмейстера („жуликъ вашъ Осиповъ"), и самому брандмейстеру.

— Паршиво,—соболѣзновалъ Осиповъ.—Вижу, что паршиво... Ну, ничего. Мы это поправимъ. Изъ Вильны выпишемъ поджигателя: артистъ своего дѣла!..

Неожиданно Абрамовичъ получилъ предложеніе „сочинить" второй поджогъ—отъ „помощника агента второго россійскаго страхового общества Азріеля Гроссмана". Старикъ, больной и не совсѣмъ нормальный психически, Абрамовичъ передалъ объ этомъ брандмейстеру. Осиповъ ничего не имѣлъ „противъ такой комбинаціи":

— Хорошо, дѣйствуйте, а я помогу. Послѣ вы мнѣ заплатите рублей 100—150.

Не лишено интереса, что между нѣкоторыми страховыми агентами и Осиповымъ, повидимому, существовали довольно дружественныя отношенія: агенты Плотницкій и Меерсонъ „представляли его даже къ наградамъ за успѣшное тушеніе пожаровъ". А по словамъ „Одес. Нов.", однажды Осиповъ, встрѣтивъ въ театрѣ сотрудника „Волыни", сказалъ ему:

— Знаете, мнѣ предлагаютъ агентуру по страхованію отъ

огня. Вотъ, если бъ мы съ вами вмѣстѣ стали работать, такъ сказать—печать и брандмейстеръ!.. Вѣдь кучу денегъ нагребли бы.

Абрамовичъ принялъ предложеніе Гросмана, и тотъ прислалъ къ нему въ качествѣ поджигателя... сыщика Мармерштейна. Мармерштейнъ выманивалъ у „кліента" деньги, потомъ просто обиралъ его. Въ концѣ концовъ Абрамовича совершенно сбили съ толку, и онъ, не шутя, сталъ подозрѣвать, что всѣ эти Мармерштейны, Гросманы, Осиповы — не что иное, какъ „шайка соціалистовъ". Послѣднему слову отставной подполковникъ русской службы, повидимому, такъ же придавалъ сугубо страшный смыслъ, какъ гомельскій исправникъ слову: „демократы".

„Отправляю заказнымъ, — между прочимъ, писалъ Абрамовичъ своей „незаконной" женѣ Еленѣ Трояновской,—а то перехватятъ письмо, если они, дѣйствительно, „соціалисты".

Однако, „приготовленія" были закончены. Абрамовичу доложили, что „все готово", и онъ уѣхалъ на время въ Бердичевъ.

Въ его отсутствіе, часовъ около 11 вечера 5 іюня домъ подожгли. Но... тутъ и произошло то непредвидѣнное обстоятельство, которое погубило Осипова: надо же было случиться, что едва начавшійся въ комнатахъ запертаго и пустого дома пожаръ привлекъ вниманіе вышедшаго въ это время изъ своей квартиры полицейскаго чиновника Куркушевскаго.

Куркушевскій обнаружилъ должную распорядительность: немедленно послалъ за пожарными, выломалъ двери и вбѣжалъ внутрь. Всюду было разбросано сѣно и спички, слышался сильный запахъ керосина. Огонь только что разгорался, и его удалось тотчасъ затушить „домашними средствами". Куркушевскій сталъ „обезпечивать доказательства поджога", какъ вдругъ вспыхнулъ чердакъ сразу въ двухъ мѣстахъ. Какъ разъ въ эту минуту прибыли пожарные. Брандмейстеру оставалось лишь немедленно прекратить огонь и „констатировать", что и на чердакѣ кто-то сдѣлалъ обширныя приготовленія къ поджогу.

Возникло, такимъ образомъ, новое дѣло. Вполнѣ вѣроятно, что оно такъ же прекратилось бы, какъ и прежнія; по крайней мѣрѣ, Насвѣтовъ не очень интересовался имъ и лишь упрекнулъ дружески Осипова:

— Въ результатѣ вашей безтактности (!) является много недовольства.

Досадно было, что мѣстная газета неудавшійся пожаръ описала правильно, но и это бы не бѣда. Бѣда въ томъ, что Абрамовичъ и его жена оказались совершенно неподготовленными къ поджигательскимъ операціямъ. Газетное сообщеніе такъ подѣйствовало на Елену Трояновскую, что она явилась къ судебному слѣдователю и разсказала, по какой причинѣ возникъ первый пожаръ 16 февраля, и по какой — второй. Такъ же поступилъ и

мужъ: онъ немедленно вернулся въ Житомиръ и прямо съ вокзала поѣхалъ къ слѣдователю „съ повинною“, т. е. подтвердилъ и дополнилъ еще неизвѣстное ему показаніе Трояновской... „Шило“ получилось такое, котораго ни въ какомъ „мѣшкѣ“ не спрячешь.

Осторожнѣе другихъ поступилъ Азріель Гросманъ. Пронюхавъ, что „кліентъ опростоволосился“, онъ благоразумно ретировался въ Кишиневъ. Трояновская не замедлила сообщить объ этомъ слѣдователю, тѣмъ не менѣе Гросманъ „скрылся и не разысканъ“. Гдѣ онъ находится—„неизвѣстно“ даже полиціи, и дѣло объ его участіи въ поджогахъ „выдѣлено въ особое производство“.

Но Осиповъ продолжалъ гордо разъѣзжать по городу. Кажется, онъ еще вѣрилъ въ свою „звѣзду“, и какъ знать, быть можетъ, у него на это имѣлись основанія. Въ сущности переговоры о поджогѣ велись очень тонко: они были извѣстны лишь Абрамовичу, но Абрамовичъ — обвиняемый, ему надо выгораживать себя. Могла знать кое-что Трояновская, но она тоже заинтересованное лицо: „сожительница обвиняемаго“. Много зналъ Гросманъ, но онъ „скрылся“. Зналъ Мармерштейнъ и прочіе агенты, но за ихъ скромность можно было ручаться, да и самъ Мармерштейнъ не тревожился и такъ же спокойно обиталъ въ Житомирѣ, какъ и его патронъ. Наконецъ, у Осипова были другія средства устранить свидѣтелей, если бы таковые нашлись. Средства эти оказались дѣйствительными даже тогда, когда Осиповъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Въ чемъ они заключались—скоро увидимъ.

Впрочемъ, на всякій случай, онъ приказалъ Мармерштейну: „Немедленно сообщи мнѣ, если тебя арестуютъ“, и тѣмъ пока ограничился. Удара ждать было неоткуда. Не могъ же Осиповъ предполагать, что онъ, скромный брандмейстеръ, который служитъ „по вольному найму“, будетъ устраненъ отъ должности телеграфнымъ приказомъ самого генералъ-губернатора. Ибо гдѣ видано, чтобы брандмейстеры назначались или увольнялись по распоряженію высшей въ краѣ власти. А если это и случается, то въ общеизвѣстномъ и разъ навсегда опредѣленномъ порядкѣ: генералъ-губернаторъ запроситъ губернатора, губернаторъ-полиціймейстера... Пока этихъ предварительныхъ сношеній не было, значитъ—особо безпокоиться не о чемъ.

Увы! произошло именно полное нарушеніе „разъ навсегда установленнаго порядка“. Совершенно неожиданно, черезъ двѣ недѣли послѣ второго пожара въ домѣ Абрамовича, послѣдовалъ изъ Кіева приказъ отъ устраненіи Осипова, потомъ Насвѣтова. Осиповъ и Мармерштейнъ были заключены подъ стражу,—и мы вступаемъ въ окончательную и сплошную полосу загадокъ.

VIII.

Начать хотя бы съ Мармерштейна. Онъ, повторяю, былъ арестованъ, исправно содержался въ мѣстахъ предварительнаго заключенія, но на судъ полиція не могла его доставить: оказалось, „скрылся и не разысканъ“. Куда, какъ, почему,—„оффиціально неизвѣстно“: обвинительная власть узнала объ исчезновеніи Мармерштейна уже въ судебномъ засѣданіи. Какъ водится, она неукоснительно приняла мѣры, т. е. ходатайствовала, чтобы дѣло о скрывшемся было „выдѣлено въ особое производство“. Конечно, ея ходатайство уважено, дѣло будетъ разсмотрѣно ad calendas graecas: когда Мармерштейнъ отыщется...

Другой сыщикъ, Рейхисъ, также „скрылся и не разысканъ“. Итого исчезнувшихъ—трое, включая сюда и Гросмана. Все, какъ на подборъ, — лица, состоявшія въ интимныхъ отношеніяхъ съ полиціей и, несомнѣнно, имѣвшія что разсказать суду.

Много имѣлъ разсказать суду и помощникъ брандмейстера Шпаковскій. Его оглашенныя на судѣ показанія слѣдователю „Волынь“ резонно назвала тяжкимъ обвинительнымъ актомъ противъ Осипова, но къ разбору Шпаковскій явиться не могъ, по той вполнѣ законной причинѣ, что онъ былъ отравленъ и умеръ. Какъ это случилось, пробовалъ объяснить свидѣтель Перминовъ.

— Я не могу, не могу!—говорилъ онъ, волнуясь и размахивая руками.—Шпаковскій убитъ, отравленъ... Въ саду „Аркадія“ какой-то жуликъ подошелъ къ буфету...

„Тутъ Перминовъ былъ остановленъ предсѣдателемъ, который предложилъ не касаться этого вопроса“ *).

Справедливость требуетъ добавить, что, какова бы ни была смерть Шпаковскаго, она произошла мѣсяцевъ шесть спустя послѣ ареста Осипова. Осиповъ въ это время находился въ тюрьмѣ.

Кое-что можно бы узнать отъ Насвѣтова. Но за день до разбора дѣла въ „Волыни“ появилась замѣтка: „Главный свидѣтель, игравшій въ созданіи тайнъ города Житомира первенствующую роль, вѣроятно, не явится“.

Замѣтка оказалась пророческой: Насвѣтовъ, дѣйствительно, не явился. Судъ его оштрафовалъ на 25 руб., что, впрочемъ, для „владѣльца почти милліоннаго состоянія“ не такъ ужъ больно. Неявка важныхъ свидѣтелей, обыкновенно, служитъ поводомъ отложить дѣло. Между прочимъ, по этой причинѣ тянется нѣсколько лѣтъ и никакъ не можетъ разрѣшиться процессъ бывшаго помощника черкасскаго исправника Солчинскаго, обвиняемаго сразу по 6 статьямъ улож. о наказ. Освѣдомленные люди боятся,

*) „Волынь“.

что Солчинскій и умреть, не дождавшись разбора. Но ему легко ждать: онъ на свободѣ. Осиповъ же безвыходно, съ 23 іюля 1903 г. по 29 октября 1904 г., сидѣлъ въ тюрьмѣ, и съ неудавшагося судебнаго засѣданія могъ быть отправленъ только въ тюрьму. Поэтому трудно допустить, чтобы Насвѣтовъ подвергся штрафу въ интересахъ своего бывшаго подчиненнаго. А почему онъ предпочелъ не явиться, это—повторяю, загадка.

Свидѣтельница Елена Трояновская объясняла, по какой причинѣ она не рѣшалась заблаговременно сообщить начальству о предполагавшихся поджогахъ:

— Я боялась Гросмана и Осипова, такъ какъ меня, навѣрное, убили бы.

Къ разбору дѣла она вовсе было не явилась. Судъ распорядился „доставить ее приводомъ". Доставили, но свидѣтельница на всѣ вопросы отвѣчала двумя словами:

— Ничего не помню...

Стали читать ея показанія на предварительномъ слѣдствіи. Она выслушала.

— Вы припоминаете?—спросилъ предсѣдатель.—Все ли такъ было?

— Кажется,—начала было Трояновская, но тотчасъ же поправилась:—не знаю, не помню...

Наконецъ, ее спрашиваютъ:

— Вы ничего не помните... А скажите, не было ли въ послѣдніе дни такого случая: не приходилъ ли къ вамъ кто нибудь и не уговаривалъ ли измѣнить показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи?..

— Нѣтъ.

— Не было?

— То есть, да... уговаривалъ...

— Что же онъ вамъ говорилъ?

— Не помню...

Вмѣшивается предсѣдатель:

— Кто просилъ васъ измѣнить показанія?

Трояновская молчитъ.

— Кто просилъ васъ не показывать?

— Нѣтъ... никто... не просилъ...

— Да вы первый пожаръ помните?

— Я ужъ говорила, что ничего не помню...

Чувствуется чья-то незримая рука, которая частью парализовала, частью затруднила роль суда. Кому-то, очевидно, кое-что извѣстно объ этихъ внѣсудебныхъ вліяніяхъ... Но что именно? Судебное слѣдствіе опредѣленнаго отвѣта не даетъ. Остаются легенды, но онѣ ужъ слишкомъ во вкусѣ „тайнъ мадридскаго двора". Упомяну лишь одну, для примѣра. За часъ до ареста Осипова

отравилась его жена — говорятъ, стрихниномъ. Что побудило ее на этотъ шагъ, Богъ вѣсть, но легенда добавляетъ:

— Не отравилась, но ей дали стрихнинъ, потому что много знала...

Это чудовищно, нелѣпо, отлично подтверждаетъ старую истину, что чѣмъ безмолвнѣе типографскіе станки, тѣмъ безпощаднѣе работаютъ языки...

Въ тюрьмѣ Осиповъ устроился не совсѣмъ плохо. Сначала его поселили даже въ собственномъ кабинетѣ смотрителя, и притомъ довольно комфортабельно. Потребовалось особое вмѣшательство прокурора, чтобы „съ мѣщаниномъ Осиповымъ" поступлено было, какъ „съ обыкновеннымъ арестантомъ", но и послѣ этого онъ имѣлъ возможность посылать свидѣтелямъ письменныя инструкціи. Явилось какое-то таинственное „лицо", которое „пожелало взять Осипова на поруки съ обезпеченіемъ въ 25.000 р.". Устанавливались и давали себя чувствовать связи между Осиповымъ и его внѣтюремными друзьями. Въ Житомирѣ не разъ возникали слухи, что „брандмейстеръ выпущенъ", „брандмейстеръ на свободѣ"...

Но, быть можетъ, ни на чемъ съ такою очевидностью не сказалась тяжесть внѣсудебныхъ вліяній, какъ на результатахъ предварительнаго слѣдствія. Первоначально, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, дѣло задумывалось, сравнительно, широко: возникало обвиненіе „въ соучастіи въ поджогахъ и укрывательствѣ краденаго" *). Былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ Осипова. „Обнаружились въ значительномъ количествѣ какіе-то футляры отъ колецъ, браслетовъ, цѣпочекъ"... А послѣ 15-мѣсячной слѣдственной работы получилось всего лишь „обвиненіе въ склоненіи другихъ лицъ учинить поджоги дома Абрамовича".

Но, конечно, даже обвинительный актъ не могъ выдѣлить одно событіе изъ общей массы служебныхъ подвиговъ Осипова: слѣдователю поневолѣ пришлось упомянуть и о другихъ поджогахъ, и о томъ, что дѣла о нихъ не начинались или прекращались, и что Мармерштейнъ, будучи сыщикомъ, былъ и поджигатель, и совершалъ кражи и пр. Еще меньше могло выдѣлить единичный фактъ гласное и состязательное судебное слѣдствіе. Чтобъ доказать участіе Осипова въ двухъ лишь поджогахъ, понадобилось коснуться картины житомирскихъ пожаровъ вообще, упомянуть, что „подсудимый" за 4 года службы на скромное жалованье брандмейстера сумѣлъ построить трехъэтажный домъ; потребовалось характеризовать и сыщиковъ, и отношенія между Осиповымъ и начальствомъ...

— Оставленіе Осипова на свободѣ,—говорилъ, напр., прокуроръ,—представляетъ серьезную опасность для общества, такъ

*) См., напр., „Нов. Время" 24 іюля 1903 г.

какъ надѣяться на защиту со стороны высшаго административнаго начальства общество не имѣетъ никакихъ основаній. Осиповъ обладаетъ способностью гипнотизировать начальство, которое вообще не замѣчаетъ его неправильныхъ дѣйствій...

— Но вѣдь меня,—возразилъ, на это Осиповъ,—не обвиняютъ во многихъ преступленіяхъ, меня обвиняютъ лишь въ одномъ дѣлѣ...

Какой выводъ отсюда сдѣлало житомирское общественное мнѣніе? Единственно возможный: спустя нѣсколько дней послѣ приговора суда, въ „Волыни" появилась слѣдующая замѣтка:

„7 ноября вечеромъ по городу распространились слухи, что Осиповъ выпущенъ изъ тюрьмы и находится въ пивной Каца по Кіевской улицѣ. Прохожіе робко посматривали въ дверь это пивной, но войти туда не рѣшались. Слухъ о томъ, что Осипова въ концѣ концовъ освободятъ, очень прочно держится въ народѣ"..

Другими словами, обыватель убѣжденъ, что и на этотъ разъ „административное начальство" поступитъ вопреки приговору суда. Въ переводѣ на парламентскій языкъ это означаетъ:

— Хоть Осиповъ и осужденъ, но „чиновныя власти" въ Житомирѣ отнюдь не стали пользоваться большимъ довѣріемъ населенія.

Впрочемъ, такъ разсуждаютъ не въ одномъ Житомирѣ. Извѣстный кронштадтскій полиціймейстеръ Шафровъ тоже осужденъ. Однако, потребовалось увѣрять Россію, что онъ на службѣ по вѣдомству Краснаго Креста не состоитъ...

А. Петрищевъ.

Случайныя замѣтки.

Новая «Ковалевщина» въ Костромѣ. Понятное возбужденіе, вызванное въ русскомъ обществѣ „дѣломъ" закаспійскаго генерала, далеко еще не улеглось, какъ уже несутся новыя извѣстія о подвигѣ того же характера, пожалуй, еще болѣе яркомъ. На этотъ разъ мѣстомъ дѣйствія являются уже не „чудные уголки" подвѣдомственной генералу Усаковскому окраинной области, а центръ Россіи, гор. Кострома. Вотъ что пишутъ по этому поводу въ мѣстной подцензурной газетѣ „Костромской Листокъ" *):

„Жизнь нашего города въ послѣдніе дни преподноситъ неожиданные сюрпризы, которые и безъ того уже запуганнаго и загнаннаго обывателя въ конецъ ошеломляютъ и

*) Заимствуемъ изъ „Южнаго Обозрѣнія" отъ 15 дек.

вызываютъ вполнѣ справедливыя нареканія и сѣтованія. „Сюрпризы“, прежде не выходившіе изъ стѣнъ ресторановъ и гостиницъ, завоевываютъ себѣ мѣсто въ общественныхъ собраніяхъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ, какъ, напр., театръ, почта и т. п. Мы сообщали уже о происшествіи въ „Московской“ гостиницѣ. Вслѣдъ за этимъ мы получили письмо о подобномъ же случаѣ въ мѣстномъ почтовомъ отдѣленіи и, наконецъ, къ крайнему нашему сожалѣнію, должны отмѣтить возмутительный фактъ, имѣвшій мѣсто 5 декабря въ городскомъ театрѣ, глубоко взволновавшій все общество. Суть дѣла въ слѣдующемъ. Въ одномъ изъ антрактовъ въ городскомъ театрѣ по адресу прогуливавшейся съ юношей молодой дѣвушки однимъ изъ присутствовавшихъ была допущена какая-то пошлость. Вспыхнувшій отъ нанесеннаго дѣвушкѣ оскорбленія, юноша потребовалъ отъ оскорбителя извиненій, но, встрѣтивъ вмѣсто этого издѣвательство, глумленіе и попытку быть выдраннымъ за уши, далъ нахалу пощечину.

„Послѣ этого разыгралась безобразная сцена, когда чрезъ фойе и на лѣстницѣ театра бѣжалъ за юношей съ обнаженнымъ оружіемъ получившій пощечину; послѣднему, однако, не удалось догнать юношу, скрывшагося домой. Фактъ этотъ вызвалъ глубокое волненіе среди присутствующихъ въ театрѣ, при чемъ *нѣкоторые рѣшительно заявляли, что безъ оружія въ карманѣ теперь нельзя никуда показаться*“.

Такимъ образомъ, здѣсь рѣчь идетъ уже не о единичномъ насиліи: тутъ уже терроризированъ цѣлый городъ. Продолженіе этой изумительной исторіи, однако, еще поразительнѣе. Въ той же газетѣ напечатано извѣстіе о томъ, что, послѣ происшествія въ театрѣ, къ одному изъ представителей мѣстнаго общества, подъ предлогомъ дѣловыхъ объясненій, явились въ квартиру четыре офицера и нанесли ему грубое оскорбленіе. „Случай этотъ,— прибавляетъ газета, — стоящій въ связи съ цѣлымъ рядомъ прямыхъ безчинствъ, имѣвшихъ мѣсто за послѣднее время, какъ въ отношеніи беззащитныхъ стариковъ, такъ и дѣвушекъ изъ почтенныхъ семействъ, глубоко взволновалъ и возмутилъ мѣстное общество“. Другія газеты даютъ болѣе точныя указанія и комментаріи. Оказывается, что „четыре героя“, такъ храбро расправляющіеся со стариками, явились къ отцу того самаго юноши, который заступился за дѣвушку въ театрѣ, съ чудовищнымъ требованіемъ: „прислать сына въ офицерское собраніе для порки (!!) или—драться на дуэли“.

Итакъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ однимъ закаспійскимъ генераломъ, а съ цѣлой группой военныхъ, съ цѣлымъ „офицерскимъ собраніемъ“ (неужели это правда?). Если вскрыть взгляды

которые сказались въ этомъ почти невѣроятномъ инцидентѣ, то получится слѣдующій своеобразный кодексъ поведенія:

1) Всякій офицеръ имѣетъ невозбранное право отпускать по адресу любой дѣвушки разныя „пошлости“ и оскорбительныя замѣчанія, при чемъ никто изъ близкихъ не въ правѣ заступиться за оскорбленную.

2) Если же кто-нибудь за нее заступится, то г. костромской офицеръ имѣетъ право надрать ему уши, а заступникъ не въ правѣ прибѣгнуть къ самооборонѣ физическими средствами.

3) Если онъ всетаки прибѣгнетъ къ самооборонѣ, и отпускающій пошлости офицеръ потерпитъ при этомъ уронъ, то послѣдній долженъ обнажить оружіе и убить противника.

4) Если и это не удалось, то уже офицерское собраніе (!) беретъ дѣло въ свои руки, и его посланцы избиваютъ беззащитныхъ стариковъ родственниковъ...

Этотъ силлогизмъ кажется намъ до того поразительнымъ, что мы ждали опроверженія; мы ждали, что въ газетахъ появится разъясненіе въ томъ смыслѣ, что хоть офицерское собраніе тутъ ни при чемъ. Вѣдь единственно разумный и единственно достойный выходъ для людей, понимающихъ, что значитъ слово *честь*,— состоялъ лишь въ немедленномъ очищеніи своей среды отъ проявленій хулиганства. Все послѣдующее въ этомъ безобразномъ происшествіи явилось естественнымъ послѣдствіемъ непристойнаго поведенія офицера, оскорбившаго дѣвушку. Въ этомъ и только въ этомъ, на взглядъ всякаго не ослѣпленнаго человѣка, могло состоять истинное оскорбленіе „корпораціи“. Честь корпораціи не въ кулакѣ и не въ полосѣ желѣза. Эта честь въ томъ, чтобы никто не могъ обвинить члена корпораціи въ безчестномъ поведеніи, роняющемъ достоинство всякаго порядочнаго человѣка. Разъ это можно сказать о данномъ членѣ корпораціи,—она уже оскорблена именно своимъ товарищемъ. И неужели общество офицеровъ въ Костромѣ держится иного взгляда? Неужели оно полагаетъ, что позоръ непристойнаго поведенія искупается успѣшной дракой, а возстановленіе чести корпораціи достигается тѣмъ, что вся она выражаетъ солидарность съ виновникомъ пошлаго скандала и требуетъ у отца выдачи сына на позоръ и истязаніе въ своемъ „собраніи“.

Недавно въ „Руси“ было напечатано письмо генерала Кирѣева по поводу Ковалевскаго дѣла. „Онъ — не нашъ,— пишетъ ген. Кирѣевъ въ этомъ письмѣ, — разъ навсегда—не нашъ!“ *). Хотѣлось бы думать, что этотъ голосъ не останется одинокимъ, что и въ военной средѣ есть умы, не ослѣпленные столь чудовищно извращенными понятіями о сословной чести, и есть сердца,

*) „Русь“. Заимствуемъ изъ „Ниж. Листка“, отъ 21 дек. 1904 г.

способныя биться негодованіемъ на подвиги Ковалевыхъ закаспійскихъ и Ковалевыхъ костромскихъ...

У насъ теперь много говорятъ, много пишутъ, много надѣются и много благодарятъ за обѣщаніе возстановленія „полной силы закона", для всѣхъ доступнаго и для всѣхъ равнаго... Мы ждемъ съ величайшимъ интересомъ, въ какой формѣ и скоро ли почувствуютъ на себѣ эту „силу закона" тѣ господа, которые полагаютъ, что оружіе дано имъ для того, чтобы безнаказанно оскорблять русскихъ дѣвушекъ и избивать въ „отечествѣ" беззащитныхъ стариковъ. Вѣдь иначе — это уже полное разложеніе элементарныхъ гражданскихъ понятій, своего рода — „военная анархія". **Вл. Кор.**

В. И. Ковалевскій и семейное начало въ дворянскомъ банкѣ.

Имя В. И. Ковалевскаго, бывшаго товарища министра финансовъ, въ послѣднее время довольно часто мелькаетъ въ ежедневной прессѣ, въ связи съ разными мотивами болѣе или менѣе „судебно-юридическаго" свойства. Въ самое послѣднее время, уже въ концѣ декабря, одна изъ саратовскихъ газетъ огласила прошеніе г-на Ковалевскаго, перепечатанное затѣмъ чуть не всѣми русскими газетами. Въ этомъ прошеніи рѣчь идетъ объ „уничтоженіи дара". Вскорѣ послѣ появленія этихъ интересныхъ газетныхъ извѣстій, В. И. Ковалевскій обратился въ „Биржевыя Вѣдомости" съ письмомъ, въ которомъ говоритъ, между прочимъ,—что его „семейныя отношенія, казалось бы, не могутъ быть предметомъ общественнаго интереса" и что „опубликованіе прошенія, до разсмотрѣнія его на судѣ, представляется совершенно необычнымъ".

Намъ кажется, что въ этомъ упрекѣ по адресу печати г-нъ Ковалевскій далеко не вполнѣ правъ. Разумѣется, до семейныхъ отношеній, чьихъ бы то ни было, печати, вообще говоря, дѣла мало, но... судебныя дѣла, хотя бы и на семейной подкладкѣ, по общему правилу становятся достояніемъ гласности. Что касается до „преждевременности" опубликованія, то и это давно уже стало обычаемъ, и не совсѣмъ понятно, что В. И. Ковалевскій видитъ въ этомъ предосудительнаго. Всякая исковая просьба, подаваемая въ современный судъ, тѣмъ самымъ направляется къ оглашенію, такъ какъ не всегда же двери нашего суда закрываются передъ гласностью. Такимъ образомъ, оглашеніе исковаго прошенія до суда не представляетъ, въ сущности, ничего необычнаго, ничего такого, что подающій прошеніе могъ бы считать для себя непредвидѣнной непріятностью или нарушеніемъ своего права.

Разумѣется, сущность дѣла, заинтересовавшаго всю русскую печать, совсѣмъ не въ семейныхъ отношеніяхъ, и мы возьмемъ изъ него лишь тѣ черты, въ которыхъ эти отношенія неразрывно

переплелись съ общественной дѣятельностью бывшаго крупнаго администратора. А именно:

Въ августѣ 1898 года В. И. Ковалевскій пріобрѣлъ крупное имѣніе, при чемъ, изъ какихъ то видовъ, довольно распространенныхъ въ бюрократической средѣ, въ которые мы, однако, входить не намѣрены, — имѣніе было пріобрѣтено на имя брата жены г на Ковалевскаго, И. Н. Лихутина. Послѣдній, со стороны своей „общественной дѣятельности", представляетъ фигуру тоже довольно яркую, а отчасти даже нѣсколько пеструю. Когда то, еще въ 70-хъ годахъ онъ судился по нечаевскому процессу, но съ тѣхъ поръ искупилъ сторицею „заблужденіе молодости" полезной дѣятельностью по „финансовой части". Дѣятельность эта, хотя и не оффиціальная, была извѣстна многимъ и значительно способствовала процвѣтанію отечественной промышленности въ разныхъ ея отрасляхъ. Теперь онъ явился номинальнымъ владѣльцемъ огромнаго имѣнія („Полоцкое"), которое, какъ объясняетъ г. Ковалевскій, было куплено имъ (Ковалевскимъ) за 685 тыс. рублей, „скопленныхъ отчасти на долгой государственной службѣ, отчасти же благодаря его кредиту"... „При покупкѣ имѣнія на немъ, кромѣ долга нижегородско-самарскому банку, образовался еще долгъ срочный, до 1 февраля 1899 года". Долгъ этотъ былъ погашенъ, благодаря ссудѣ въ 160 тыс. рублей, которыми г. Ковалевскаго любезно снабдилъ извѣстный нефтепромышленникъ Нобель. Этотъ долгъ, при всей любезной готовности подвѣдомственнаго министерству финансовъ Нобеля, разумѣется, не могъ не стѣснять г-на товарища министра финансовъ. И вотъ, „чтобы отдать долгъ и поставить имѣніе въ лучшія финансовыя условія (желаніе тоже вполнѣ понятное), я началъ,—говоритъ В. И. Ковалевскій,—хлопотать о скорѣйшей выдачѣ ссуды подъ имѣніе изъ дворянскаго банка". Тутъ, конечно, есть маленькая неточность: собственно „началъ хлопотать", по крайней мѣрѣ формально, г-нъ Лихутинъ, такъ какъ для банка, какъ и вообще „для свѣта", юридическимъ владѣльцемъ имѣнія былъ только г-нъ Лихутинъ. Къ сожалѣнію, г-ну Лихутину, не смотря на его финансовыя способности, ссуда была разрѣшена только въ суммѣ 377,100 рублей. Этого было достаточно для уплаты щекотливаго долга Нобелю, но мало „для улучшенія финансовыхъ условій имѣнія". Тогда, — лаконически поясняетъ г-нъ Ковалевскій,— „въ моихъ интересахъ и благодаря моимъ заслугамъ на государственной службѣ" ссуда повышена до 633 тысячъ. Кромѣ того, въ виду тѣхъ же заслугъ В. И. Ковалевскаго или, какъ говоритъ онъ самъ въ исковомъ прошеніи, „опять по указаннымъ выше причинамъ — совершеніе и утвержденіе купчей крѣпости (И. Н. Лихутинымъ, замѣтьте!) совершено было безъ взысканія въ казну крѣпостной пошлины"... Этотъ фазисъ — самый, разумѣется, любопытный въ дѣлѣ, и тутъ-то становится особенно ясно

насколько г. Ковалевскій не правъ, полагая, что его „семейныя отношенія“ ни въ какой мѣрѣ не интересны и не прикосновенны для общественной любознательности. Но вѣдь они такъ тѣсно переплелись съ мотивами банковыми, что... очевидно, подлежали точной банковской расцѣнкѣ, и г-нъ Лихутинъ, юридическій владѣлецъ, получаетъ двойную ссуду, благодаря заслугамъ... В. И. Ковалевскаго! Если судъ сумѣетъ вскрыть ту оффиціальную форму, въ которой „заслуги В. И. Ковалевскаго“ явились въ правленіе банка въ качествѣ ходатаевъ для увеличенія ссуды И. Н. Лихутину, то, несомнѣнно, мы получимъ любопытную страничку изъ области не только патріархальныхъ семейныхъ отношеній, но также... патріархально-банковскаго уваженія къ семейнымъ узамъ высокопоставленныхъ лицъ.

Таково это небольшое дѣло, всплывшее на свѣтъ Божій во всей своей наивной непосредственности. Тѣмъ, что г. Ковалевскій съ такой подкупающей откровенностью рисуетъ передъ нами его характерныя особенности, мы опять обязаны чисто семейнымъ обстоятельствамъ. Финансовыя способности г-на Лихутина проявились на этотъ разъ въ нежелательномъ для В. И. Ковалевскаго направленіи. Тогда онъ „перевелъ имѣніе на жену“, а теперь пытается уничтожить судомъ этотъ „даръ“, вслѣдствіе неблагодарности его получившей...

Въ своемъ письмѣ въ „Биржевыя Вѣдомости“ г. Ковалевскій старается ослабить впечатлѣніе имъ же нарисованной картины. По его словамъ,—увеличеніе ссуды и сбавка крѣпостныхъ пошлинъ не представляютъ ничего особеннаго и необычнаго. „Газетами,—пишетъ онъ, — была подчеркнута выдача мнѣ ссуды подъ залогъ имѣнія въ значительно увеличенномъ размѣрѣ по всеподданнѣйшему докладу. Всеподданнѣйшій докладъ относился лишь къ повышенію ссуды на 15% (75% вмѣсто 60 проц. съ оцѣнки)“. Тутъ, однако, является нѣкоторое недоумѣніе. Если И. Н. Лихутину ссуда разрѣшена была только въ 377.100 р., а затѣмъ она была „въ интересахъ и за заслуги В. И. Ковалевскаго“ повышена до 633.600 р., то, по простому ариѳметическому разсчету, повышеніе это составляетъ не 15, а цѣлыхъ 69 процентовъ. Мы, разумѣется, не думаемъ, что В. И. Ковалевскій, опытный финансовый администраторъ, можетъ такъ грубо ошибаться въ разсчетѣ. Вѣрнѣе, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ результатами того парадоксальнаго положенія, въ которомъ г-нъ Ковалевскій очутился передъ задачей суда—съ одной стороны, и передъ лицомъ гласности—съ другой. Для суда нужно доказать фактическую принадлежность имѣнія самому просителю. И тутъ выступаютъ, какъ доказательство, его личныя заслуги, повысившія ссуду до размѣровъ, совершенно не доступныхъ для обыкновеннаго смертнаго И. Н. Лихутина. А передъ лицомъ гласности — вліяніе тѣхъ-же

заслугъ сокращается до размѣровъ, пожалуй, уже возможныхъ и для обыкновеннаго смертнаго.

Какъ бы то ни было, исковое прошеніе г-на Ковалевскаго вскрываетъ передъ нами любопытную черту нашей „финансовой внутренней политики". Мы узнаемъ, что одной изъ задачъ дворянскаго банка является также „вознагражденіе заслугъ" высокостоящихъ въ финансовой администраціи лицъ, и что въ своей дѣятельности это учрежденіе снисходитъ до котировки родственныхъ отношеній фактическихъ закладчиковъ имѣній...

Было бы несправедливо „бросать за всю эту аферу упрекъ по адресу одного г-на Ковалевскаго", — говоритъ одна изъ столичныхъ газетъ („Наша Жизнь"). Это совершенно вѣрно. Уже та безоглядная откровенность, съ какой г-нъ Ковалевскій разсказалъ самъ финансовыя подробности этой операціи,—показываетъ, что въ той средѣ, которая для г-на Ковалевскаго является привычной, подобныя дѣла не считаются чѣмъ-то экстраординарнымъ. Все это, очевидно, „въ порядкѣ вещей", и становится нѣсколько щекотливымъ лишь съ той минуты, какъ подвергается широкой огласкѣ.

О. Б. А.

Продолженіе дѣла ген. Ковалева и д-ра Забусова. Тѣ изъ нашихъ читателей, которые обратили вниманіе на замѣтку объ этомъ дѣлѣ въ предыдущей книжкѣ „Русск. Богатства", помнятъ, вѣроятно, и великолѣпный совѣтъ ген. Усаковскаго, начальника Закаспійской области: знакомиться съ „положеніемъ края" по газетамъ, издающимся въ этой благословенной области. Совѣтъ превосходный! Если бы слѣдовать ему съ надлежащею строгостью, то русская печать и русское общество даже не подозрѣвали бы о „случаѣ" съ ген. Ковалевымъ и докторомъ Забусовымъ: обѣ газеты, издаваемыя въ подвѣдомственной ген. Усаковскому области, — надо думать, случайно и безъ всякихъ воздѣйствій—даже не заикнулись о дикомъ поступкѣ ген. Ковалева и о происходившемъ въ Тифлисѣ судѣ надъ этимъ генераломъ!

Очень можетъ быть, что и самъ генералъ Ковалевъ, приступая къ своей знаменитой отнынѣ кампаніи противъ безоружнаго доктора, находился подъ вліяніемъ той же аберраціи: ему могло казаться, что и вся Россія есть безгласная пустыня, въ которой его молодецкая команда, а за ней свистъ розогъ и вопли беззащитной жертвы прозвучатъ безъ всякаго отголоска. Если это такъ,—то, по крайней мѣрѣ, на сей разъ разсчетъ оказался ошибоченъ: имя генерала Ковалева пріобрѣло широкую извѣстность не только за предѣлами благодатной „подвѣдомственной области", но и за предѣлами Россіи. Отнынѣ это имя навѣки внесено въ бытовую исторію нашего отечества.

А пока можно сказать безъ преувеличеній, что все русское образованное общество слѣдитъ за ковалевскимъ дѣломъ съ не-

остывающимъ интересомъ. Въ газ. „Русь“ появилась, между прочимъ, горячая статья С. Елпатьевскаго („Мы требуемъ суда“), резюмирующая общее настроеніе не однихъ врачей, но всѣхъ, кому дороги интересы человѣческаго достоинства и правосудія... Въ послѣдніе дни стало извѣстно, что судъ все-таки будетъ. По жалобѣ потерпѣвшаго и его повѣреннаго д-ру Забусову возстановленъ срокъ для подачѣ жалобы, и дѣло будетъ вновь разсмотрѣно въ главномъ военномъ судѣ. Когда это произойдетъ, мы, разумѣется, вернемся еще къ этому дѣлу, съ его загадочной дикостью. А пока—всѣхъ интересуетъ вопросъ: какъ могло случиться, что потерпѣвшій не былъ вызванъ въ тифлисскій судъ ни какъ истецъ, ни какъ свидѣтель?

На это отчасти отвѣчаетъ главный прокуроръ военнаго суда ген.-лейт. Н. Н. Масловъ. Въ разговорѣ съ сотрудникомъ газ. „Русь“ онъ объяснилъ обстоятельство, вызвавшее такое волненіе во всемъ русскомъ обществѣ,—простой ошибкой мелкаго чиновника главнаго военнаго суда („и, какъ на грѣхъ, чиновника самаго аккуратнаго и добросовѣстнаго“), который, получивъ исковое прошеніе повѣреннаго д-ра Забусова,—завелъ объ немъ отдѣльное дѣлопроизводство (!!), вмѣсто того, чтобы ввести его въ производившееся уже дѣло. По поводу этой роковой „ошибки“ газеты вспомнили традиціоннаго стрѣлочника, единственнаго виновника всякихъ „крушеній“ (въ данномъ случаѣ настоящаго „крушенія правосудія“). Во всякомъ случаѣ, это объясненіе оставляетъ мѣсто для нѣкоторыхъ вопросовъ: какъ же могли не замѣтить судьи и военный прокуроръ, во время самаго производства, этого отсутствія потерпѣвшаго, который вѣдь является и важнѣйшимъ изъ свидѣтелей? Какъ они не замѣтили того обстоятельства, что въ дѣлѣ остались только г. Ковалевъ и его подчиненные, сами въ значительной степени виновные въ происшедшемъ?

Этотъ вопросъ сотрудникъ „Руси“ предложилъ тоже генералу Маслову. „Видите ли,—отвѣтилъ послѣдній,—г. Забусовъ, разсказавъ подробно объ обстоятельствахъ дѣла, ничего не могъ выяснить о причинахъ и мотивахъ преступленія. Генералъ же Ковалевъ не только не отрицалъ факта своего преступленія, но и въ изложеніи подробностей его совершенно совпадалъ съ показаніемъ потерпѣвшаго. Слѣдовательно, вызовъ послѣдняго на судъ явился бы, какъ я понимаю мотивы мѣстной военно-судебной администраціи, только лишнимъ мученіемъ для него, заставляя его еще разъ переносить публично испытанныя терзанія, не принося никакой пользы процессу“ *)...

Ген. Масловъ оговорился въ началѣ своей бесѣды съ сотрудникомъ „Руси“, что онъ еще недостаточно освѣдомленъ относительно всѣхъ подробностей тифлисскаго суда, и намъ кажется,

*) „Русь“, 19 дек. 1904 г., № 348.

что въ его объясненіи „мотивовъ военно-судебной администраціи“ есть дѣйствительно мѣсто для значительныхъ недоумѣній. Во-первыхъ, далеко нельзя сказать, чтобы „признанія“ ген. Ковалева совпадали съ показаніями потерпѣвшаго: послѣдній рѣшительно настаивалъ на жестокомъ истязаніи, что ген. Ковалевъ и его подчиненные столь же рѣшительно отвергали. Судъ согласился съ показаніями виновныхъ. Но вѣдь еще вопросъ, – получился ли бы тотъ же результатъ, если бы на судѣ были не только истязатели, но и жертва истязанія и ея свидѣтели... Напрасны также были опасенія суда – причинить вызовомъ д-ра Забусова „излишнія мученія“ потерпѣвшему. Явка въ качествѣ свидѣтеля изъ другого судебнаго округа, какъ извѣстно, необязательна, и, значитъ, д-ръ Забусовъ могъ самъ уклониться отъ „излишняго мученія“, если бы нашелъ это нужнымъ. Какъ бы то ни было, является несомнѣннымъ, что докторъ Забусовъ, въ своихъ столкновеніяхъ съ военной средой, пострадалъ дважды: одинъ разъ отъ безпримѣрной жестокости ген. Ковалева, въ другой—отъ не менѣе безпримѣрной деликатности военнаго суда...

Нужно ли прибавлять, что правосудію не нужно ни того, ни другого, а нужно одно „нелицепріятіе“, и что все русское общество съ нетерпѣніемъ ждетъ разрѣшенія вопроса: возможно ли „возстановленіе силы закона“ въ сословно-военномъ судѣ хотя бы въ столь вопіющемъ случаѣ? **О. Б. А.**

Гомельская судебная драма. Недавно въ газетѣ „Новое Время“ (№ 10830) появилось извѣстіе слѣдующаго содержанія: „Въ субботу, 20 ноября, во всей Россіи судебное вѣдомство, да и все русское общество... чествовало 40-лѣтіе судебной реформы. Было по этому случаю отслужено молебствіе въ залѣ засѣданій разбирающаго гомельское дѣло особаго присутствія кіевской палаты. На молебствіе ни одинъ изъ указанной (ранѣе) группы участвующихъ адвокатовъ не явился. Тотчасъ по окончаніи молебна и открытіи засѣданія они всѣ появились и заняли свои мѣста. Среди участниковъ этой неприличной школьнической демонстраціи находился и г. Зарудный, сынъ Сергѣя Ивановича Зарудного, одного изъ славнѣйшихъ дѣятелей судебной реформы, непосредственнаго участника въ составленіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года“...

Оказалось, что сообщеніе корреспондента „Новаго Времени“, какъ это, впрочемъ, обычно для корреспондентовъ этой газеты „изъ черты осѣдлости“, — мягко выражаясь, — страдаетъ неточностью: Александръ Сергѣевичъ Зарудный въ это самое время лежалъ тяжко больной въ Полтавѣ. Значитъ, корреспондентъ юдофобской газеты видѣть г. Зарунаго въ судѣ не могъ, не могъ и констатировать его участіе въ „демонстраціи“. Онъ писалъ это a priori. Иначе сказать: корреспондентъ зналъ впередъ,

что, если бы А. С. Зарудный, „сынъ одного изъ славнѣйшихъ дѣятелей судебной реформы", былъ въ то время въ Гомелѣ, то и онъ отдѣлился бы отъ гомельской магистратуры въ праздновапіи годовщины.

Недавно г. Танъ, извѣстный писатель, посѣтилъ Гомель и далъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" отчетъ о своихъ впечатлѣніяхъ. „Когда,—пишетъ онъ, — съ моего корреспондентскаго стула, съ лѣвой стороны у окна, поближе къ судейской эстрадѣ, я разсматриваю группу подсудимыхъ, расположенную прямо противъ меня, я вижу ее раздѣленной на двѣ отличныя другъ отъ друга части.

„Части эти—ариѳметически равны. Быть можетъ, ближе къ истинѣ будетъ сказать, что онѣ уравнены для сохраненія ариѳметическаго безпристрастія.

„Нѣсколько человѣкъ посудимыхъ выдѣлены изъ дѣла и временно отпущены судомъ. Теперь и русскихъ, и евреевъ на скамьѣ подсудимыхъ одинаково по 35 человѣкъ. Принципъ ариѳметическаго равенства проводится судомъ и въ другихъ случаяхъ. Напримѣръ, въ послѣдній день засѣданія 11 „наиболѣе важныхъ" обвиняемыхъ, содержавшихся до того подъ стражей въ теченіе 15-ти мѣсяцевъ, наконецъ, отпущены на временную свободу. Двое русскихъ и въ pendant къ нимъ двое евреевъ освобождены безъ поручительства. Остальные семеро, всѣ евреи, должны были представить по 1,000 рублей залога. Впрочемъ, справедливость требуетъ прибавить, что изъ подсудимыхъ, освобожденныхъ по окончаніи предварительнаго слѣдствія, русскіе должны были представить имущественное поручительство въ 100, 200 р., а евреи—наличный залогъ въ 1,000 р. каждый.

„Евреи-подсудимые сидятъ на лѣвой сторонѣ. Они меньше ростомъ и худощавѣе, „умѣреннаго тѣлосложенія и умѣреннаго питанія", какъ сказано въ протоколахъ медицинскаго осмотра. Среди нихъ много черноволосыхъ, хотя попадаются также русыя и совсѣмъ бѣлокурыя головы. Значительное большинство совсѣмъ молодые юноши, почти подростки, 22-хъ, 18-ти, даже 16-ти лѣтъ. У нихъ безбородыя лица, блѣдныя, истощенныя наслѣдственнымъ недоѣданіемъ и заключеніемъ въ тюрьмѣ, но глаза ихъ глядятъ открыто и какъ-то особенно независимо. Все это—подмастерья ремесленныхъ мастерскихъ города Гомеля, столяры, кожевники, портные, нѣсколько приказчиковъ, два-три учащихся. Они обвиняются въ томъ, что, выражаясь словами обвинительнаго акта, „приняли участіе въ публичномъ скопищѣ, соединенными силами учинившемъ насилія надъ разными лицами христіанскаго населенія", прибавлю, въ то время, когда лица христіанскаго населенія занимались разгромомъ еврейскихъ жилищъ и избіеніемъ ихъ обитателей. Эти тщедушные

подростки представляютъ предъ лицомъ суда ту самую „Гомельскую самооборону", которой приписано столько смѣлыхъ, почти сверхъестественныхъ дѣйствій. Въ ночь съ 1-го на 2-е сентября, непосредственно вслѣдъ за погромомъ, русское населеніе предмѣстій Гомеля, выдѣлившее большинство громилъ, именно отъ нея ожидало ночнаго нападенія и мести. Желѣзнодорожными жандармами былъ принесенъ слухъ, будто въ Лубенскомъ лѣсу, въ 3 верстахъ отъ города, скрыто 7 тысячъ евреевъ демократовъ. Послана была полурота солдатъ, которая сначала встрѣтила толпу громилъ, направлявшихся къ городу, и пропустила ихъ съ миромъ, а потомъ нашла 3—4-хъ евреевъ, скрывавшихся въ болотѣ изъ боязни погрома"...

Такимъ образомъ, въ Гомелѣ создалось странное положеніе: евреи трепетали передъ христіанами, христіане боялись евреевъ. Изъ города были разосланы гонцы въ ближайшія деревни съ извѣстіями о томъ, что евреи собираются бить христіанъ, и деревни двинулись на городъ, въ то самое время, когда евреи на чердакахъ и подвалахъ дрожали за свою жизнь...

Теперь и тѣ, и другіе сидятъ на скамьяхъ въ одной и той же залѣ суда.

„Русскіе подсудимые сидятъ на правой сторонѣ. Они крѣпче тѣломъ, выше ростомъ, свѣтлѣе волосомъ. Большей частью это—тоже молодежь, спокойнаго и безобиднаго вида, хотя два-три лица выдѣляются низкимъ лбомъ и непріятнымъ выраженіемъ. Все это—огородники, каменщики, желѣзнодорожные рабочіе. Есть нѣсколько лохматыхъ, растерзанныхъ фигуръ, два золотаря, одинъ босякъ. Это—грабители и мародеры, которые пришли на погромъ, привлеченные легкой неожиданной наживой. Отношенія между обѣими группами подсудимыхъ вполнѣ дружелюбныя. Въ первые мѣсяцы предварительнаго слѣдствія, когда большинство было заключено въ тюрьмѣ, они были помѣщены въ отдѣльныя камеры, но въ концѣ-концовъ соединились и перемѣшались. Я видѣлъ на судѣ во время перерывовъ, какъ подсудимые, Іосель Хайкинъ и Андрей Яцкевичъ, стояли, обнявшись, въ углу залы и о чемъ то горячо бесѣдовали. У дешеваго буфета въ передней комнатѣ русскій и еврей торопливо пили чай изъ одного стакана, передавая его другъ другу. Необходимость проводить въ судѣ цѣлые недѣли и мѣсяцы лишала ихъ возможности заработать себѣ пропитаніе, и они должны были составлять въ складчину пятачекъ, чтобы заплатить за стаканъ чая. Общая нужда объединила ихъ и, кромѣ того, въ тюрьмѣ и во время суда они имѣли возможность ближе узнать другъ друга"...

Суду предстояла благородная и высокая роль довершить это объединеніе, распространить его далеко за предѣлы судебной залы.... Этого можно было достигнуть, во-первыхъ—выясненіемъ, широкимъ и безпристрастнымъ, тѣхъ предшествовавшихъ условій, которыя поставили въ Гомелѣ одну часть населенія противъ другой и заставили тѣхъ самыхъ людей, которые теперь мирно уживаются въ тюремныхъ камерахъ,—кинуться другъ на друга, какъ звѣри... Судьба подсудимыхъ евреевъ и русскихъ одинаково требовала выясненія этихъ условій и роли тѣхъ „истинныхъ виновниковъ, которые по словамъ и тѣхъ и другихъ,—отсутствуютъ на скамьѣ подсудимыхъ, и только нѣкоторые изъ нихъ являются въ судебную залу въ качествѣ свидѣтелей и потомъ снова уходятъ на свободу"...*) Этого именно добивалась „группа защитниковъ" и въ томъ числѣ А. С. Зарудный, сынъ одного изъ славнѣйшихъ дѣятелей судебной реформы. Этого, безъ сомнѣнія, добивались бы теперь и сами „славнѣйшіе дѣятели", имена которыхъ всуе поминаются юдофобской печатью и юдофобствующими дѣятелями суда 40 лѣтъ спустя.

Но гомельскій судъ, со своимъ предсѣдателемъ, г-мъ Котляревскимъ, посмотрѣлъ на дѣло иначе. Вмѣсто того, чтобы безпристрастно добиваться истины, показывая, что для правосудія „нѣсть еллинъ ни іудей", г-нъ предсѣдатель, гласно, публично, при открытыхъ дверяхъ, употребляетъ всѣ усилія для того, чтобы „не допустить" освѣщенія дѣла со всѣхъ сторонъ и чтобы „нѣкоторыя лица", которыхъ не угодно было затронуть составителю обвинительнаго акта,—остались внѣ предѣловъ судебнаго освѣщенія. Намъ еще придется, вѣроятно, вернуться къ этому знаменитому отнынѣ процессу, и мы не будемъ предвосхищать наиболѣе яркія черты этой „дѣятельности" г-на предсѣдателя. Здѣсь мы отмѣтимъ только одинъ эпизодъ, закончившійся уходомъ группы защитниковъ.

Давалъ показанія свидѣтель Андрей Шустовъ. Это русскій, политическій заключенный; онъ не громила и не потерпѣвшій отъ погрома, значитъ, „настоящій" свидѣтель. Какъ извѣстно, и по судебнымъ обычаямъ, и даже по закону первая часть судебнаго допроса формулируется въ общей формѣ: что вамъ извѣстно по настоящему дѣлу? Свидѣтель говоритъ, что знаетъ, и только когда онъ кончитъ или явно не умѣетъ разсказать связно,—начинается допросъ судомъ и сторонами. На этотъ разъ, однако, едва г. Шустовъ началъ разсказъ съ 29 августа, какъ г-нъ предсѣдатель потребовалъ, чтобы свидѣтель перешелъ прямо къ 1 сентября. Повидимому, связный разсказъ о томъ, что происходило 29 августа, совсѣмъ не входилъ въ разсчеты гомельскаго суда и могъ повредить той „истинѣ", которую судъ рѣшилъ во что бы

*) Тан. Р. Вѣд.

то ни стало вынести изъ дѣла. И вотъ г-нъ предсѣдатель не только запретилъ (въ прямое нарушеніе ст. 718 уст. уг. судопр.) свидѣтелю говорить, что ему извѣстно по дѣлу „съ 29 августа“, но... это почти невѣроятно, но это такъ—выслалъ свидѣтеля изъ залы засѣданій, какъ будто зала этихъ засѣданій была не судъ, а какая-то казарма, въ которой, какъ главная цѣль, преслѣдовалась стилистическая стройность изложенія и дисциплина свидѣтелей...

Но и этого еще оказалось мало. Когда защитникъ Соколовъ сталъ возражать противъ этого распоряженія, при чемъ, какъ показалось г-ну предсѣдателю, сдѣлалъ это слишкомъ повышеннымъ голосомъ, то г. Котляревскій... выслалъ также и защитника...

Послѣ этого товарищи оскорбленнаго Соколова попросили перерыва, и затѣмъ между ними и г-мъ предсѣдателемъ произошелъ слѣдующій діалогъ:

Защ. Винаверъ.—Господинъ предсѣдатель. Я хочу сдѣлать заявленіе отъ имени защиты и гражданскихъ истцовъ. Два слишкомъ мѣсяца мы сидимъ здѣсь, стремясь всѣми силами пролить свѣтъ на сложное и тяжелое дѣло, — отыскать правду.

Предсѣдатель.—Виноватъ, г. повѣренный. Прошу васъ изложить сущность вашего заявленія, вашу петицію.

Винаверъ.—Моя петиція такъ тѣсно связана съ тѣмъ, что я хочу сказать, что я не могу отдѣлить ее; нельзя меня обязать сказать въ одной фразѣ то, что я могу сказать только въ пяти фразахъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ мы стараемся исполнить нашу обязанность—освѣтить дѣло... На нашихъ подзащитныхъ взведено чудовищное обвиненіе, и мы хотѣли доказать, что обвинительный актъ...

Предсѣдатель.—Виноватъ, я не могу допустить критики обвинительнаго акта до преній.

Винаверъ.—Все то время, которое мы провели здѣсь, мы ни разу не обнаруживали неуваженія къ принципамъ суда, мы слишкомъ глубоко вѣримъ въ эти принципы, въ могучую силу закона въ нашемъ стремленіи найти правду. Мы встрѣчали массу стѣсненій, мы пережили незаконныя стѣсненія нашихъ правъ, памятуя, что не въ однѣхъ стѣнахъ этого зала заключено правосудіе Россіи, что существуетъ еще судъ, которому принадлежитъ послѣднее слово въ этомъ дѣлѣ. Но мы натолкнулись на такія стѣсненія, которыя посягаютъ на нашу честь и достоинство. Въ лицѣ присяжнаго повѣреннаго Соколова намъ нанесено оскорбленіе...

Предсѣдатель.—Господинъ повѣренный, я прошу васъ не критиковать состоявшееся постановленіе, такъ какъ,

въ противномъ случаѣ, мнѣ придется напомнить вамъ о мѣрахъ, которыя я вынужденъ буду принять.

Винаверъ.—Вамъ не придется принимать противъ меня мѣры, такъ какъ мы покинемъ залъ. Я утверждаю, что распоряженіемъ вашимъ оскорблено наше человѣческое достоинство, такъ какъ каждый изъ насъ въ положеніи Соколова поступилъ бы такимъ же образомъ. Мы считаемъ невозможнымъ при такихъ условіяхъ продолжать защиту, мы испытываемъ огромную тяжесть отъ необходимости послѣ двухъ мѣсяцевъ труда покинуть дѣло, мы сознаемъ отвѣтственность предъ нашими подзащитными, которыхъ оставляемъ теперь безпомощными. Но есть моменты, когда чувство оскорбленнаго человѣческаго достоинства оказывается сильнѣе даже сознанія отвѣтственности. Мы не можемъ продолжать,—уходимъ. Мы увѣрены, что никто насъ не осудитъ и прежде всего не осудитъ насъ наша совѣсть,—мы уходимъ съ чистой совѣстью изъ той залы, въ которой столько настрадались.

Винаверъ безсильно опускается на мѣсто. Публика потрясена.

За Винаверомъ дѣлаетъ заявленіе *Сліозбергъ* (представитель гражданскаго иска).

„Мы несли всѣ мучительныя трудности, сопряженныя съ участіемъ въ настоящемъ дѣлѣ, не для взысканія денегъ, не для отягченія участи подсудимыхъ христіанъ — мы ихъ считаемъ несчастными,—а для раскрытія истины, въ этомъ мы усматривали священную нашу задачу. Въ томъ же заключается не менѣе святая задача защитниковъ подсудимыхъ-евреевъ. Удаленіе товарища Соколова, съ полнымъ достоинствомъ выполнявшаго эту задачу, мы позволяемъ себѣ считать незаслуженною карою, а опасеніе возможнаго примѣненія ея къ намъ, при такихъ же условіяхъ, лишаетъ насъ увѣренности въ дальнѣйшемъ. Уходя, позволяемъ себѣ высказать увѣренность, что никто, не исключая особаго присутствія, не скажетъ, что мы не стремились раскрыть всю истину, пролить полный свѣтъ на дѣло.

Къ заявленіямъ этимъ присоединяются *Красильщиковъ* и *Марголинъ*. *Куперникъ*, со слезами въ голосѣ, говоритъ:

— Съ грустью и огорченіемъ присоединяюсь я къ сдѣланнымъ заявленіямъ, но прежде, чѣмъ вмѣстѣ со своими товарищами оставить дѣло, надъ которымъ всѣ мы такъ много трудились и страдали, оставить подсудимыхъ безъ защиты, лично отъ себя, какъ старшій среди моихъ товарищей, пережившій всѣ перипетіи въ исторіи суда, я сдѣлаю послѣднюю попытку спасти дорогое намъ дѣло. Я прошу палату подвергнуть пересмотру мѣру, принятую про-

тивъ товарища Соколова. Тогда и защита найдетъ возможнымъ довести до конца свою работу: быть можетъ, мои младшіе товарищи со мной не согласятся, но я считаю долгомъ стараго человѣка и адвоката сдѣлать все, что въ моихъ силахъ, чтобы самому исполнить долгъ и дать возможность другимъ его исполнить. Безъ Соколова мы продолжать дѣла не можемъ. Соколовъ поступилъ совершенно корректно. Тутъ простое недоразумѣніе. Верните Соколова, и тогда всѣ мы будемъ продолжать наше дѣло.

— Мы терпѣли личныя оскорбленія, — говоритъ *Ратнеръ*,—доколѣ было возможно, но сегодня мы столкнулись съ обстоятельствомъ, изъ котораго не видимъ обычнаго законнаго выхода. Въ лицѣ товарища Соколова мы всѣ чувствуемъ себя, какъ люди и адвокаты, тяжко оскорбленными и вынуждены оставить залъ засѣданія...

— Съ точки зрѣнія профессіональной этики, — прибавляетъ *Ганерманъ*, — адвокатъ не можетъ ставить себя въ положеніе, при которомъ къ нему примѣнялись бы мѣры, свидѣтельствующія о его неприличномъ поведеніи на судѣ. Оставаясь въ предѣлахъ корректнаго исполненія своихъ обязанностей, нашъ товарищъ подвергся оскорбительному взысканію... Каждый изъ насъ столь же незаслуженно можетъ оказаться въ томъ же положеніи.

„Палата удаляется на совѣщаніе, и черезъ часъ выноситъ опредѣленіе, коимъ оставляетъ въ силѣ удаленіе Соколова.

„Защитники евреевъ уходятъ. Публика поднимается и, апплодируя, уходитъ вслѣдъ за защитой. Среди подсудимыхъ движеніе. Предсѣдатель дѣлаетъ распоряженіе удалить всю публику"...

А. С. Заруднаго въ это время все еще не было въ Гомелѣ. Но, безъ сомнѣнія, корреспондентъ „Новаго Времени" могъ бы съ полнымъ основаніемъ и a priori присоединить къ удалившимся его имя, такъ же, какъ и имя его славнаго отца... Полагаемъ, что величавыя тѣни творцовъ судебной реформы, если бы они присутствовали въ этой залѣ, удалились бы изъ нея вмѣстѣ съ „группой адвокатовъ", такъ какъ, несомнѣнно, что въ ней вѣялъ не духъ судебныхъ уставовъ...

Вл. Кор.

Новыя книги.

„Война и душа народа“. Стихотворенія **П. В. Борисенка.** Выпускъ I-ый. Москва. 1904 г.

Сборникъ г. Борисенка состоитъ всего только изъ семи стихотвореній. Чтобы воспѣть „войну“ и одновременно разъяснить „душу народа“, это очень немного, конечно. Но за то этого оказалось вполнѣ достаточно, чтобы въ стихотвореніяхъ г. Борисенка опредѣлились и типовыя черты нашихъ пѣвцовъ войны, и индивидуальныя особенности г. Борисенка, какъ одного изъ такихъ пѣвцовъ. Типовыя черты, это — полное пренебреженіе живыми нуждами воспѣваемаго народа, разъ рѣчь идетъ о войнѣ. Нельзя сказать, чтобы г. Борисенко совсѣмъ забылъ о нихъ:

Неправда, горе, нищета
Кругомъ...

говорится въ одномъ изъ его стихотвореній. Но все это сразу исчезаетъ изъ памяти автора, когда ему приходится „воспѣть“ войну.—Не оказывается ни горя, ни нищеты, ни неправды „кругомъ“; оказывается одинъ только „избытокъ силъ“. Русскій народъ представляется поэтическому взору автора чѣмъ-то въ родѣ застоявшагося породистаго рысака, котораго можно спасти только своевременной „тратою“ силъ:

Апатія и лѣнь подняли вѣжды,
Мы бури ждемъ въ восторженной надеждѣ:
Избытокъ силъ насъ истомилъ давно...

Для одного изъ своихъ стихотвореній г. Борисенко взялъ своеобразный эпиграфъ: „Истина только одна; правда все то, что согласно съ дѣйствительностью“. Относительно г. Борисенка правильнѣе было бы сказать, что истина все то, что согласно съ даннымъ стихотвореніемъ.

Но это типовыя черты апологетовъ войны вообще: тамъ, гдѣ начинается рѣчь о войнѣ, кончается нормальная логика сужденій и начинается „поэтическое“ вдохновеніе:

Проснешься ты, по волѣ Провидѣнья,
Во всей красѣ твоихъ народныхъ силъ,
Святая Русь, на кличъ войны *завѣтной!*
Уже звучитъ „ура“ грозой отвѣтной
Изъ края въ край...

„Уже звучитъ: ура“—г. Борисенку больше ничего не нужно, чтобы предчувствовать побѣду.

Личныя особенности г. Борисенка, какъ пѣвца, пребывающаго мысленно „въ станѣ русскихъ воиновъ“, слѣдующія. Еще недавно онъ былъ, по его собственному признанію, „безгласнымъ трупомъ“. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, онъ написалъ стихотвореніе на гибель „Петропавловска“, въ которомъ нѣтъ ничего, кромѣ риторики; это сообщаетъ ему оригинальность даже въ ряду остальныхъ баяновъ настоящей войны. Въ третьихъ, г. Борисенко живетъ въ Москвѣ, въ домѣ, около котораго происходитъ „остановка трамвая“, о чемъ г. Борисенко сдѣлалъ соотвѣтствующую ремарку на обложкѣ своего сборника, въ интересахъ своихъ будущихъ посѣтителей.

Н. Н. Вильде. Катастрофа и др. Москва. 1904.

Въ разсказѣ „Романъ Софьи Михайловны“ героиня нѣсколько разъ слышитъ, какъ „бродячіе неаполитанцы“ поютъ „Addio, bello Napoli“. Авторъ, очевидно, не дослышалъ: Napoli—женскаго рода, и въ популярной пѣснѣ поютъ: „addio, la bella Napoli“. Разсказъ „Вьюга“ начинается словами: „Это называется матъ, сударь мой!—сказалъ Максимъ Аркадьичъ, взявъ конемъ короля у Ивана Дмитрича“. Авторъ, очевидно. не знаетъ, что короля въ шахматахъ не берутъ: „on ne prend le roi, même aux échecs“... Въ разсказахъ „Padrona“ и „Романъ Софьи Михайловны“ дѣйствуютъ два старыхъ итальянскихъ графа; живутъ они въ разныхъ мѣстахъ, одинъ имѣетъ домикъ на курортѣ, другой въ глухомъ городкѣ; оба бѣдны, но одинъ побѣднѣе. Одна черточка удивляетъ своимъ случайнымъ сходствомъ: оба графа почему-то ходятъ въ голубой венгеркѣ. Вѣроятно, авторъ случайно видѣлъ какого-то итальянскаго графа въ голубой венгеркѣ—и ужъ не утерпѣлъ, обобщилъ венгерку и обоихъ графовъ нарядилъ въ нее.

Это микроскопическія мелочи, но онѣ характерны; онѣ выдаютъ одну господствующую черту разсказовъ г. Вильде; эта черта — сочинительство. По первому впечатлѣнію, эти разсказы живы. литературны, занимательны. Читаешь—и все время хочется знать: что будетъ дальше. Для газетнаго фельетона лучшаго не выдумаешь: немножко приключеній, немножко психологіи, немножко романтики, немножко сентиментальности—и газетный читатель съ удовольствіемъ отдыхаетъ на этомъ беллетристическомъ интермеццо отъ тягостныхъ впечатлѣній верхней половины газетнаго листа. Но когда эти самые разсказы собраны въ книжку, и ихъ перечитываешь одинъ за другимъ, ихъ интересъ падаетъ. Ихъ психологія банальна и условна, ихъ сентиментальность отдаетъ прозой, ихъ выдумка сшита бѣлыми нитками и выдаетъ себя. Разсказъ „Вьюга“: въ бурную зимнюю ночь, когда въ старомъ помѣщичьемъ домѣ два избитыхъ жизнью пріятеля, хозяинъ и докторъ, отпѣваютъ въ дружескомъ разговорѣ свое прошлое и настоящее, къ нимъ стучится съ просьбой пустить переждать

вьюгу изящная молодая женщина. И хозяинъ — „старый Донъ-Жуанъ“, оставшись вдвоемъ съ своей неожиданной гостьей, вдругъ разсказываетъ ей печальную исторію своей единственной любви, изъ которой видно, что онъ совсѣмъ не Донъ-Жуанъ, а, наоборотъ—неудачникъ, любившій только разъ въ жизни и покинутый въ этой любви. Разсказъ „Padrona“: красивая хозяйка трактирчика въ маленькомъ итальянскомъ городкѣ сдѣлалась предметомъ исканій двухъ друзей-офицеровъ; всѣ страдали бы, но ловкая padrona удовлетворяетъ обоихъ, пока ея любовныя комбинаціи не открылись, и друзья не уступили свои мѣста новой парѣ поручиковъ. Разсказъ „Катастрофа“: во время свадебной поѣздки молодыхъ супруговъ на пароходѣ пожаръ, во время котораго героиню спасаетъ—не влюбленный мужъ, совмѣстившій съ животной любовью животное себялюбіе, но случайный знакомый морской докторъ. Послѣ этого она разошлась съ мужемъ и лишь ради ребенка остается его номинальной женой; докторъ влюбился въ нее, въ доктора влюбилась ея сестра. И когда она, уставъ отъ одиночества, тоже чувствуетъ отвѣтное влеченіе къ доктору, оказывается, что онъ умеръ. И такъ далѣе. Возможно все это? — да, конечно: чего на свѣтѣ не бываетъ. Но дѣло вѣдь не въ этой абстрактной возможности, при которой всетаки нѣтъ убѣдительности, нѣтъ впечатлѣнія жизни. Авторъ бойкій и неглупый разсказчикъ, но чтобы быть художникомъ, ему недостаетъ главнаго: онъ ни на мгновеніе не внушаетъ вѣры въ то, что разсказываетъ о дѣйствительномъ, о быломъ. Преобладающимъ остается впечатлѣніе: да, это живо разсказано, но это не пережито, этого не было, это выдумано.

Генрикъ Ибсенъ. Полное собраніе сочиненій. Переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Изд. С. Скирмунта. Москва. 1904. Томы III и VII.

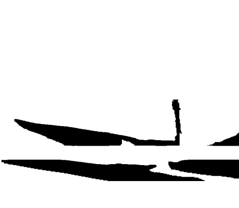
Новое изданіе Ибсена, предпринятое г. Скирмунтомъ, выходитъ въ переводѣ гг. Ганзенъ. Каждая пьеса сопровождается отдѣльной сводно-критической статьей и литературными комментаріями. Это составляетъ особую цѣнность новаго изданія Ибсена.— Русскіе читатели всѣ, конечно, знаютъ по наслышкѣ о знаменитомъ норвежскомъ писателѣ, но въ дѣйствительности знакомыхъ съ нимъ далеко не такъ много. Это отчасти понятно.

Помимо нерѣдкихъ экскурсій въ область таинственнаго и неяснаго, существенной помѣхой для читателя Ибсена является недостаточное разграниченіе реальнаго и символическаго элементовъ въ его пьесахъ. Оговоримся, что мы отнюдь не противъ всякаго символизма въ принципѣ, хотя и считаемъ, что *при одинаковыхъ условіяхъ* реализмъ и конкретное изображеніе цѣннѣе символическаго уже въ силу простой экономіи въ трудѣ, который нужно затратить для уразумѣнія писателя. При господствѣ символовъ всякое произведеніе представляетъ въ большей или мень-

шей степени алгебраическую задачу, которую надо не только разрѣшить, но и предварительно—разгадать необходимый путь рѣшенія. Съ этой точки зрѣнія символизмъ намъ представляется излишнимъ въ случаяхъ, когда его можно избѣжать,—какъ, напр., въ „Дикой уткѣ", безъ всякаго ущерба для цѣнности драмы... Но за то, конечно, символическое произведеніе, какъ всякая абстракція и всякое отвлеченіе, рѣшаетъ не частный случай въ частныхъ условіяхъ, а выясняетъ цѣлую категорію однородныхъ явленій внѣ условій частнаго характера. Таково, напр., освѣщеніе вопроса о всякой реформаторской дѣятельности, которое дано Ибсеномъ въ „Строителѣ Сольнесѣ"... Наконецъ, въ „Женщинѣ съ моря" введеніемъ фигуры „Неизвѣстнаго", символизирующаго въ жизни человѣка роль того, что кажется безвозвратно утраченнымъ и невозможнымъ, Ибсенъ сумѣлъ придать живую конкретность соотвѣтственнымъ душевнымъ движеніямъ,—далъ читателю возможность вложить свою руку въ душевныя раны Эллиды. И потому, какъ ни колетъ глазъ фигура „Неизвѣстнаго" (особенно—на сценѣ), мы всетаки должны признать ее художественно-законной и необходимой, пока кто-нибудь другой не сумѣетъ нарисовать душевную драму „Женщины съ моря" съ такой же яркостью, какъ это сдѣлалъ Ибсенъ, но оставаясь въ рамкахъ чистаго реализма.

Недостатокъ Ибсена, какъ было уже замѣчено, въ недостаточно рѣзкомъ разграниченіи области реальнаго и символическаго въ его пьесахъ: читатель не всегда знаетъ, съ чѣмъ онъ имѣетъ дѣло въ данный моментъ—съ символомъ или съ реальнымъ фактомъ („Строитель Сольнесъ"). Иногда цѣлыя фигуры оставляютъ читателя въ такомъ недоумѣніи; такова, напр., фигура старухи-крысоловки въ „Маленькомъ Эйольфѣ", заманивающей ребенка-калѣку въ море. Читатель до самаго конца не знаетъ, имѣетъ ли онъ дѣло съ реальнымъ явленіемъ (гипнозъ), или съ символизаціей (влеченіе къ невозможному).

Все это очень усложняетъ положеніе читателя,—особенно, русскаго, привыкшаго къ кристальной ясности у крупныхъ художниковъ нашего слова. Но читатель вполнѣ вознаграждается за всѣ трудности, которыя онъ преодолѣлъ при чтеніи Ибсена. Не только художественной красотою отдѣльныхъ подробностей и цѣлыхъ пьесъ, въ родѣ „Бранда", но и общей всему творчеству Ибсена глубиной содержанія. Въ рѣчи, сказанной имъ норвежскимъ студентамъ, Ибсенъ замѣтилъ, что на поэтахъ лежитъ „та же обязанность", какъ и на всѣхъ: „уяснить себѣ и другимъ случайные и вѣчные вопросы", характеризующіе переживаемое время... Это и составляетъ „задачу жизни" Ибсена. Всю жизнь онъ занятъ то постановкой вопросовъ, то рѣшеніемъ ихъ: гдѣ же источникъ необходимой человѣку „гармоніи между собой и міромъ" и въ частности—съ окружающей его коллективною жизнью?... Роясь полвѣка въ человѣческой душѣ, онъ ищетъ все одного и того же:

чего не хватаетъ современному человѣку, чтобы не чувствовать себя искалѣченнымъ; что мѣшаетъ ему „стать самимъ собой“; что мѣшаетъ мечтѣ Бранда:

...изъ обрывковъ душъ,
Обломковъ жалкихъ духа—возсоздать
Вновь нѣчто цѣльное...

чтобы Творецъ „могъ узнать“ въ современномъ человѣкѣ „вѣнецъ своего творенія“. — Въ этомъ стремленіи къ цѣльности и гармоніи съ самимъ собой и міромъ—высшее человѣческое благо, но на пути его — и огромная сложность современной жизни, и неустранимыя противорѣчія въ велѣніяхъ собственной души *).

Новый переводъ Ибсена, два тома котораго лежатъ передъ нами, долженъ, несомнѣнно, расширить кругъ читателей, обязанныхъ Ибсену художественнымъ и интеллектуальнымъ— если такъ можно выразиться—наслажденіемъ... Сводно-критическія статьи и литературные комментаріи, о которыхъ выше упоминалось, предпосланная переводчиками каждой отдѣльной пьесѣ, помогутъ читателю безъ особаго труда разобраться, что важно въ данной пьесѣ и мимо чего можно пройти, какъ мимо досадной помѣхи,— сосредоточившись лишь на томъ, что по справедливости сдѣлало Ибсена „властителемъ думъ“, — міровымъ соперникомъ нашего Л. Н. Толстого. Нельзя не пожалѣть, между прочимъ, что гг. переводчики для своихъ литературныхъ сводокъ не воспользовались ничѣмъ, что появлялось объ Ибсенѣ на русскомъ языкѣ: для русскихъ читателей это представляло бы не только существенный интересъ, но и существенную выгоду, позволяя обратиться при желаніи къ первоисточнику.

„Брандъ“ и „Комедія любви“, которыя въ прежнемъ изданіи Юровскаго были даны въ прозаическомъ переводѣ, нынѣ переведены гг. Ганзенъ въ стихотворной формѣ; обѣ пьесы выиграли, не смотря на нѣкоторую тяжеловатость стиха... Впрочемъ, къ спеціальной оцѣнкѣ перевода гг. Ганзенъ мы еще вернемся, по мѣрѣ выхода слѣдующихъ томовъ „полнаго собранія сочиненій Ибсена“.

К. Скальковскій. За годъ. Спб. 1905 г.

Всякій разъ, послѣ появленія новой статьи г. Скальковскаго, страницы газеты, которую онъ украшаетъ своими произведеніями, въ теченіе нѣсколькихъ дней пестрятъ опроверженіями, поправками, возраженіями. Иногда съ нимъ спорятъ — есть еще такіе, которые берутъ его въ серьезъ,—но чаще его просто поправляютъ: онъ пишетъ воспоминанія, и его подержанная память измѣняетъ ему; не можетъ же онъ знать, какая изъ выдумокъ, имъ

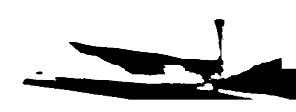
*) Подробнѣе объ этомъ—см. статью: „Задача жизни у Ибсена“, помѣщенную въ этой же книгѣ „Русскаго Богатства“.

сообщаемыхъ, будетъ опровергнута — надо ужъ писать все, тамъ разберутъ... И онъ пишетъ, печатаетъ и даже собираетъ свои статьи въ книги, потому—сообщилъ онъ недавно,—что газетная бумага недостаточно прочна; а онъ разсчитываетъ пройти въ потомство.

Пусть проходитъ. Давая новымъ гласнымъ шутовскія характеристики, онъ находитъ возможнымъ опредѣлить К. К. Арсеньева слѣдующимъ образомъ: „Почетный академикъ, котораго твореній никто, однако, не видалъ даже на полкахъ книжныхъ магазиновъ“. Охотно вѣримъ, что г. Скальковскому незнакома литературная дѣятельность К. К. Арсеньева: его невѣжество равно его развязности. Охотно вѣримъ, что его книги расходятся быстрѣе, чѣмъ книги К. К. Арсеньева: это мѣра нашей культурности. Но представимъ себѣ, что произведенія г. Скальковскаго, предусмотрительно перенесенныя авторомъ на прочную бумагу, въ самомъ дѣлѣ, пройдутъ вѣковъ завистливую даль и попадутъ въ руки далекому потомку: какое представленіе онъ вынесетъ объ авторѣ? Книга называется „За годъ“ — и въ ней собраны статьи за тотъ страшный годъ, когда родина автора переживала одну изъ тягостнѣйшихъ эпохъ своей исторіи, когда кровь его согражданъ лилась рѣками. Что интересовало въ это время автора, на что онъ находилъ возможнымъ обращать свое просвѣщенное вниманіе?

„Какая прелесть — восклицаетъ онъ о г-жѣ Преображенской—ея новыя варіаціи въ „Пахитѣ“ по выразительности, граціи и законченности... Конецъ варіаціи изображаетъ родъ маленькаго чрезвычайно граціознаго канканчика на носкахъ. Говорятъ, что балерина сочинила его сама, видѣвъ ранѣе во снѣ! Шаловливые, однако, сны у г-жи Преображенской“. Они, конечно, не болѣе шаловливы, чѣмъ порханія нашего популярнаго „homme d'état de chez Maxime“, какъ великолѣпно прозвалъ его остроумный фельетонистъ. Кому, какъ не ему, судить о граціозности канканчиковъ. Но надо бы избрать для этого болѣе подходящій моментъ. Иначе можно превзойти Гримо-де-ла-Реньера, который—по словамъ г. Скальковскаго — описывая французскую революцію, говоритъ о террорѣ: „грустное время, когда на рынкѣ нельзя было найти ни одного порядочнаго тюрбо“.

Конечно, фигура г. Скальковскаго сложилась достаточно давно, чтобы русскій читатель могъ въ ней найти какую-либо новую черточку. Но всетаки—какая устойчивость духовныхъ интересовъ. Вотъ поистинѣ сохранившійся старецъ. На склонѣ лѣтъ онъ, какъ и слѣдуетъ, охотно, хотя не всегда кстати, обращается къ воспоминаніямъ. Остановившись въ Вѣнѣ „не для одного созерцанія роскошныхъ формъ, которыя, страннымъ образомъ, сочетаются у вѣнокъ съ тонкими и изящными attaches“, онъ вспоминаетъ, что жилъ здѣсь во время всемірной выставки съ по-

койнымъ Н. К. Михайловскимъ. Что значитъ „жилъ съ Н. К. Михайловскимъ"—въ одномъ городѣ или въ одномъ отелѣ — не видно. Во всякомъ случаѣ въ эти памятные г. Скальковскому дни Н. К. Михайловскій, очевидно, имѣлъ случай хорошо изучить своего знакомаго: не прошло и года, какъ онъ въ „Литературныхъ замѣткахъ" 1874 г. остановился съ должнымъ вниманіемъ на обликѣ г. Скальковскаго. Онъ отмѣчалъ его „Путевыя впечатлѣнія", гдѣ „въ каждой страницѣ звучитъ до комизма назойливая нота: о, я бѣдовый, я фолишонъ! я знаю цѣну „нервическаго дрожанія бедеръ", знаю, что значитъ пропорціональность частей женскаго тѣла и т. д.". Онъ спрашивалъ: „почему г. Скальковскій, не довольствуясь своей міровой славой въ качествѣ автора „Суэзскаго канала", также стремится казаться фолишономъ? Откуда это возрожденіе старыхъ грѣховъ съ приправою серьезности и дѣловитости? Думаю, что соотвѣтственный соціально-психологическій анализъ далъ бы въ результатѣ: отсутствіе всякаго присутствія". Какъ видитъ читатель, такъ было тридцать лѣтъ назадъ, такъ оно и теперь. До сихъ поръ впечатлѣнія, выносимыя изъ всякаго произведенія г. Скальковскаго, въ конечномъ итогѣ укладываются въ заключительное восклицаніе Н. К. Михайловскаго: „Читатель, я хотѣлъ васъ свести въ балаганъ. Но мы попали въ своего рода собачью пещеру, въ которой долго оставаться нельзя,—задохнешься".

Бруно Эмиль Кенигъ. Черные кабинеты въ Западной Европѣ. Пер. съ нѣм. Я. М. Шабазъ. Изд. М. Н. Прокоповича. Москва. 1905.

Исторія есть великая утѣшительница. Какъ извѣстно, не такъ давно московскій почтамтъ, уличенный въ массовомъ уничтоженіи частныхъ писемъ, выяснилъ, что проходящія чрезъ него письма читаются не всѣ, а только подозрительныя. Если мы обратимся къ исторіи, то увидимъ, что это большой успѣхъ: въ восьмидесятыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія предшественникъ нынѣшняго московскаго почтъ-директора Пестель въ донесеніи генералъ-губернатору говорилъ: „совершенно удостовѣрить могу, что ничего замѣчанія достойнаго чрезъ ввѣренный моей дирекціи почтамтъ безъ уваженія пройти не можетъ". Въ этомъ достойномъ безсмертія афоризмѣ лучше всего, конечно, случайное словечко „уваженіе". Оно даетъ намъ возможность, пользуясь словаремъ московскаго почтъ-директора, сказать, что и нынѣ частная корреспонденція пользуется надлежащимъ „уваженіемъ".

Исторію этого „уваженія" европейскихъ правительствъ къ тайнѣ довѣряемыхъ имъ писемъ попытался изобразить нѣмецкій почтовый чиновникъ Кенигъ. Его книга знакома нашимъ читателямъ; вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ ея второго изданія на страницахъ нашего журнала („Русское Богатство" 1892 г., августъ) было

дано ея изложеніе, сжатое, но въ извѣстной части болѣе полное, чѣмъ то, что теперь представлено русской читающей публикѣ въ качествѣ перевода. Эти пробѣлы перевода, необъясненные и необъяснимые, тѣмъ болѣе удивительны, что въ пропущенныхъ главахъ заключается если не самая забавная, то несомнѣнно самая поучительная часть книги Кенига, менѣе анекдотическая и болѣе близкая къ современности. Дѣло въ томъ, что создать настоящую исторію изъ тѣхъ обрывковъ разнородныхъ и полудостовѣрныхъ свѣдѣній, которыми располагалъ авторъ, ему не удалось. Но на ряду съ разрозненными разсказами о почтовыхъ застѣнкахъ добраго стараго времени, о техникѣ тайнаго распечатыванія чужихъ писемъ и пріемахъ почтоваго шпіонства, на ряду съ анекдотами о прежнихъ европейскихъ Шпекиныхъ—подчасъ весьма высокопоставленныхъ—авторъ привелъ также сухо-дѣловые, но весьма любопытные стенографическіе отчеты о преніяхъ по интересующему насъ предмету въ германскомъ рейхстагѣ начала семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Именно этихъ главъ—ими занята значительная часть подлинника—мы не находимъ въ русскомъ переводѣ. Между тѣмъ, если книга Кенига издана у насъ не для сообщенія случайныхъ свѣдѣній, а съ воспитательными цѣлями, то именно въ этихъ пропущенныхъ главахъ сосредоточены наиболѣе вѣскіе удары противъ почтоваго шпіонства. Какъ было сказано, эти пренія въ молодомъ германскомъ рейхстагѣ показали съ полной очевидностью, какъ различны воззрѣнія на реальныя—не абстрактно теоретическія—права личности у обывателя, съ трудомъ добивающагося осуществленія правъ, въ теоріи давно безспорныхъ, и у представителей власти, даже изъ весьма либеральныхъ. Но эти пренія показали также, какіе успѣхи достигнуты въ охранѣ этихъ правъ, какъ высоко стоитъ идея неприкосновенности частнаго письма въ правосознаніи современнаго культурнаго человѣка, какъ энергично вступаются за охрану этого права личности даже представители тѣхъ партій, въ политикѣ которыхъ когда-то почтовое шпіонство занимало видное мѣсто.

Указаніемъ на этотъ досадный пробѣлъ мы не хотимъ сказать, что все остальное въ книгѣ Кенига лишено интереса. Наоборотъ, даже ея анекдоты поучительны. Но поучительнѣе ея историческихъ предположеній и курьезовъ—духъ, ее проникающій. Припомнимъ, что Кенигъ—только простой, слегка будирующій и незначительный нѣмецкій почтовый чиновникъ. И однако—какъ глубоко проникнута его нехитрая книжка сознаніемъ своихъ правъ, самоуваженіемъ, убѣжденіемъ, что посягательство на малѣйшее проявленіе моей личности есть посягательство на самую личность. Вотъ лучшій плодъ той культуры, блага которой такъ энергично отстаивали великіе предшественники маленькаго Кенига.

Надо, однако, напомнить о томъ его союзникѣ, который явился,—правда, подъ вліяніемъ той же культуры, но со стороны. „То чего не могли достигнуть ни юристы, ни различныя конституціи,—разсказываетъ авторъ,—было достигнуто, благодаря огромному почтовому обмѣну, разросшемуся въ милліоны разъ; именно это обстоятельство и ограничило дѣятельность „черныхъ кабинетовъ“.

Такимъ образомъ, если „уваженіе“ московскаго почтамта перешло отъ всей корреспонденціи, проходящей чрезъ это полезное учрежденіе, къ письмамъ немногихъ избранниковъ, то въ этомъ тоже виноватъ обыватель,—но ужъ виноватъ не своимъ качествомъ, а только количествомъ. Правда, мы не такъ безпокоимъ начальство, какъ нѣкоторые варвары; у насъ въ 1897 году число почтовыхъ отправленій дошло всего до пяти на человѣка (въ Японіи—12, въ 1903 году—17); но всетаки вѣдь и у насъ за годъ проходитъ черезъ почту до трехъ четвертей милліарда почтовыхъ отправленій: какъ справиться съ этой необъятной массой неуловимыхъ письменныхъ разговоровъ, изъ коихъ въ каждомъ, быть можетъ, таится злоумышленіе...

Главные дѣятели и предшественники судебной реформы. Подъ редакціей К. К. Арсеньева. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1904 г.

По условіямъ нынѣшняго момента нашей общественной жизни, въ дни воспоминанія о минувшемъ сорокалѣтіи судебной реформы общее вниманіе было менѣе всего сосредоточено на заслуженныхъ дѣятеляхъ этого великаго законодательнаго акта. Думали и говорили не столько о прошломъ, сколько о будущемъ. Если и вспоминали прошлое, то останавливались не на первыхъ свѣтлыхъ его страницахъ, а на печальной исторіи послѣдней четверти вѣка, преобразовавшей реформу, чтобы поставить на ея мѣсто судебный строй, недалекій отъ дореформеннаго. Незачѣмъ жалѣть объ этомъ мимолетномъ невниманіи къ дѣятелямъ прошлаго; оно есть лучшій даръ вниманія къ дѣлу ихъ жизни; мы забыли на время о нихъ, потому что слишкомъ поглощены были борьбой за живое осуществленіе ихъ завѣтовъ. Но въ этой борьбѣ память о нихъ есть лучшее знамя,—и оттого нельзя безъ глубокаго сочувствія отмѣтить красивое и содержательное изданіе, только что вышедшее въ свѣтъ подъ редакціей и съ предисловіемъ К. К. Арсеньева. Книга даетъ тринадцать отдѣльныхъ очерковъ, посвященныхъ характеристикѣ какъ непосредственныхъ участниковъ судебной реформы, авторовъ этого законодательнаго акта и практическихъ работниковъ, наполнившихъ живымъ содержаніемъ его прогрессивныя нормы, такъ и писателей, обличеніями „неправды черной“ подготовившихъ въ общественномъ сознаніи мысль о неизбѣжности преобразованія.

Съ фигурами шести ближайшихъ дѣятелей реформы—Заруднаго, Ровинскаго, Стояновскаго, Буцковскаго, Замятнина, Ковалевскаго—познакомилъ читателей А. Ѳ. Кони, всегда заботившійся объ увѣковѣченіи и популяризаціи этихъ именъ въ нашемъ „лѣнивомъ и не любопытномъ“ обществѣ. Н. В. Давыдовъ въ очеркѣ, посвященномъ императору Александру II, какъ участнику въ судебной реформѣ, указываетъ на уваженіе самого инціатора этого замѣчательнаго законодательнаго акта къ его основнымъ началамъ. Онъ напоминаетъ разсказъ одного изъ первыхъ дѣятелей новаго суда П. Н. Обнинскаго о томъ, какъ въ 1876 году во время слѣдствія по знаменитому Струсберговскому дѣлу, наслѣдникомъ было доложено государю относившееся къ этому процессу ходатайство, а государь отвѣтилъ: „это дѣло суда и не намъ съ тобой въ него вмѣшиваться“. Къ сожалѣнію, въ статьѣ о защитникѣ не разсказана съ должной подробностью исторія отставки этого перваго министра юстиціи при реформированномъ судѣ... Этотъ судъ былъ въ слишкомъ живомъ противорѣчіи съ общей обстановкой, чтобы произвести коренное преобразованіе въ правосознаніи и остаться неприкосновеннымъ. Но свидѣтелями глубокаго переворота, вызваннаго имъ въ рядѣ правовыхъ отношеній, могутъ служить произведенія писателей, характеристикѣ которыхъ посвящены четыре заключительные очерка: Капниста, Гоголя, Ив. Аксакова, Салтыкова. Кратко, но содержательно и выразительно предисловіе редактора, по убѣжденію котораго, „привести къ желанной цѣли новый пересмотръ судебныхъ уставовъ можетъ только при обстановкѣ, напоминающей время ихъ составленія—только какъ часть цѣлаго цикла преобразованій, продолжающихъ и завершающихъ великія реформы императора Александра II“.

Д-ръ Хмѣлевскій.—Патологическій элементъ въ личности и творчествѣ Фридриха Ничше. Кіевъ, 1904.

Вѣроятно, нѣтъ другого современнаго писателя, который представлялъ бы такой интересъ для психіатра, какъ Фридрихъ Ничше. И это прежде всего потому, что патологическій элементъ личности Ничше развился не послѣ того, когда основные пункты его міровоззрѣнія были уже выработаны (какъ это случилось, напримѣръ, съ Огюстомъ Контомъ), а, наоборотъ, вполнѣ современъ выработкѣ этого міровоззрѣнія, ибо почти вся литературная дѣятельность Ничше совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда онъ несомнѣнно былъ боленъ. Поэтому для психологовъ и психіатровъ возникаетъ трудная, но интересная задача: анализировать ученіе Ничше и опредѣлить, какіе элементы являются въ данномъ случаѣ интегральною частью его особаго, оригинальнаго міровоззрѣнія, особой исключительной точки зрѣнія, съ которой Ничше разсматриваетъ міровыя явленія, и какіе элементы являются слу-

чайными, наносными продуктами болѣзненнаго состоянія мыслителя. Такъ, напримѣръ, такой популярный и характерный пунктъ ученія Ницше, какъ концепція „сверхъ-человѣка“, вполнѣ гармонируя со всѣмъ остальнымъ ученіемъ Ницше, въ то же время, несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ и элементы, объясняемые лишь маніакальнымъ возбужденіемъ философа.

Къ сожалѣнію, однако, психіатрія въ настоящее время еще не достигла такого совершенства, при которомъ она могла бы съ полнымъ успѣхомъ выполнить подобную тонкую работу. А сверхъ того, случай Ницше представляетъ еще нѣсколько особенныхъ затрудненій. Во первыхъ, нельзя съ точностью сказать, былъ ли Ницше по своей организаціи „дегенерантомъ высшаго порядка“; во-вторыхъ, не вполнѣ можно опредѣлить значеніе тѣхъ болѣзненныхъ явленій (какъ, напр., продолжительныхъ и тяжелыхъ мигреней), которыя наблюдались у Ницше до возникновенія его главной болѣзни; наконецъ, въ-третьихъ, самая та болѣзнь, которая довела Ницше до слабоумія и смерти, т. е. прогрессивный параличъ представляетъ въ клиническомъ отношеніи много неясностей. Существуетъ даже мнѣніе, что самое теченіе этой болѣзни въ послѣднее время начало видоизмѣняться. „Прогрессивный параличъ, говоритъ нашъ авторъ (стр. 33), какъ болѣзнь, повидимому, въ послѣднее время подвергся эволюціи. Классическая картина прогрессивнаго паралича съ маніакальнымъ состояніемъ, съ нелѣпымъ бредомъ величія, частыми перемѣнами настроенія— встрѣчаются все рѣже и рѣже“. А случай Ницше былъ, къ тому же, случаемъ *атипическаго* прогрессивнаго паралича: онъ представлялъ много своеобразностей. Даже самая продолжительность его болѣзни, равная, по Мебіусу, 19 годамъ, является необычной, ибо средняя продолжительность прогрессивнаго паралича равна 3—4 годамъ.

Такимъ образомъ, предъ нашимъ авторомъ была весьма трудная задача. Какъ онъ съ нею справился? Нашъ авторъ, вполнѣ компетентный врачъ, далъ толковую исторію болѣзни Ницше. Но вѣдь задача была не клиническая: предстояло дать не исторію болѣзни Ницше, а анализъ его произведеній, т. е. нужно было открыть, какіе элементы ученія Ницше (и насколько) являются продуктомъ его болѣзненнаго состоянія. Для этого нужно было такое глубокое проникновеніе въ творчество Ницше, котораго нашъ авторъ не обнаружилъ. Онъ ограничился нѣсколькими мелкими замѣчаніями въ родѣ, напримѣръ, того, что, отмѣтивши фактъ злоупотребленія Ницше хлораломъ, прибавилъ: „Возможно, что „чувство ненависти“ (къ людямъ), о которомъ говоритъ Ницше, относится къ индивидуальному дѣйствію хлорала“ (стр. 22). Затѣмъ авторъ, анализируя труды Ницше, приходитъ, напр., къ тому выводу, что книга „Такъ говоритъ Заратустра“ написана „въ

состоянiи манiакальной экзальтацiи“ (стр. 26), а книга „Къ генеалогiи морали“ написана „въ перiодъ ремиссiя“ (стр. 28).

Мы не ставимъ въ упрекъ автору, что онъ не сдѣлалъ того, чего онъ, очевидно, и не могъ сдѣлать, что онъ не далъ глубокаго анализа творчества Ничше. Мы имѣли въ виду лишь одно— указать читателямъ „Р. Б.“, что они могутъ найти въ брошюрѣ д-ра Хмѣлевскаго: они могутъ найти тамъ лишь толковое изложенiе исторiи болѣзни Ничше и освѣщенiе не столько *нѣкоторыхъ* идей философа, сколько его манеры излагать эти идеи, ничего больше они тамъ не найдутъ.

Гаральдъ Геффдингъ. Философскiя проблемы. Пер. съ нѣмецкаго. Г. А. Котляра. М. 1904.

Новое сочиненiе извѣстнаго датскаго философа должно быть причислено къ типу тѣхъ „введенiй въ философiю“, которыя въ послѣднее время стали особенно часто появляться.

Авторъ дѣлаетъ общiй обзоръ поля философскаго изслѣдованiя. Онъ признаетъ существованiе четырехъ основныхъ философскихъ проблемъ: „1) проблема природы явленiй сознанiя (психологическая проблема); 2) проблема правильности познанiя (логическая проблема); 3) проблема природы бытiя (космологическая проблема), и 4) проблема оцѣнки (этически-религiозная проблема)“. Затѣмъ авторъ задаетъ вопросъ: „можно ли эти четыре проблемы свести къ одной основной проблемѣ“, и отвѣчаетъ: „что это возможно, доказываетъ, мнѣ кажется, то значенiе, которое имѣетъ при обсужденiи каждой изъ нихъ вопросъ объ отношенiи между непрерывностью и прерывностью явленiй. Въ этомъ отношенiи выражается глубочайшiй интересъ, какъ личности, такъ и науки. Какъ въ той, такъ и въ другой области наиболѣе характернымъ является... стремленiе къ связи и единству, а съ этой точки зрѣнiя все прерывное являтся препятствiемъ, устранить которое необходимо. Съ другой же стороны, именно прерывность (различiе времени, степени, мѣста, качества, индивидуальности) есть то, что и въ области науки и въ области личной жизни вноситъ новое содержанiе, освобождаетъ скрытыя силы и ставитъ великiя задачи» (стр. 5).

Характерною особенностью разсматриваемаго нами изслѣдованiя является то обстоятельство, что авторъ не стремится дать намъ цѣльную, гладкую, законченную систему. Онъ говоритъ: „Идеалъ былъ бы достигнутъ, если бы удалось доказать полную гармонiю всего нашего опыта, непрерывное цѣлое, около котораго объединились бы, согласно собственнымъ своимъ законамъ, всѣ спецiальныя эмпирическiя области. Но... такое законченное мiровоззрѣнiе невозможно и въ извѣстномъ смыслѣ содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчiе. Ни одна изъ спецiальныхъ эмпи-

рическихъ областей не есть нѣчто законченное; непрерывно возникаютъ какъ новый опытъ, такъ и новыя загадки; наше стремящееся къ обобщеніямъ мышленіе каждый разъ наталкивается на новыя задачи. Такъ какъ наше познаніе совершается всегда черезъ сопоставленіе и сравненіе, то всякій цѣльный образъ, чтобы стать предметомъ законченнаго познанія, долженъ былъ бы быть сопоставленъ съ чѣмъ-нибудь отличнымъ отъ него: только тогда онъ могъ бы достичь полной опредѣленности; но если бы было что-либо, отъ него отличное, то онъ не былъ бы *цѣльнымъ* образомъ" (стр. 68—9).

Поэтому, при изслѣдованіи всѣхъ своихъ проблемъ, авторъ наталкивается на антиноміи, „ирраціональное отношеніе", которое и считается имъ символическимъ выраженіемъ дѣйствительности. Онъ говоритъ: „Тотъ фактъ, что познаніе не можетъ быть законченнымъ, можетъ стоять въ связи съ тѣмъ, что бытіе само не закончено, не готово, а такъ же находится въ состояніи непрерывнаго возникновенія, какъ отдѣльная личность и познаніе. Оно, быть можетъ, скрываетъ въ себѣ также одновременныя дисгармоніи, которыя и дѣлаютъ невозможнымъ для него образовать гармоническое цѣлое" (стр. 69).

Вопросъ о классификаціи всегда имѣетъ двойственное значеніе. Если классификацію разсматривать просто, какъ лишь методологическій пріемъ, тогда она имѣетъ второстепенное значеніе, и каждый изслѣдователь можетъ создавать классификаціи ad hoc, сообразуясь съ удобствомъ изслѣдованія. Но если придавать классификаціи болѣе строгое значеніе, если разсматривать ее, какъ орудіе познанія сущности классифицируемыхъ явленій, тогда о свободѣ созданія системы классификаціи не можетъ быть и рѣчи. Придавая классификаціи это послѣднее, болѣе строгое значеніе мы думаемъ, что сдѣланное нашимъ авторомъ распредѣленіе проблемъ не вполнѣ удачно. Существуютъ лишь двѣ основныя проблемы: проблема бытія и проблема познанія. Выставлять въ первую линію проблему сознанія значитъ дѣлать нѣкоторый предварительный заемъ изъ обѣихъ этихъ основныхъ проблемъ. Выставлять же въ первую линію проблему оцѣнки нельзя потому, что предварительно надлежитъ рѣшить вопросъ о томъ, что такое тѣ нормы, на основаніи которыхъ мы дѣлаемъ оцѣнку. Извѣстно, что однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ современной философіи является вопросъ объ отношеніи между „существующимъ" и „должнымъ": вопросъ объ автономіи нормъ. Кто не признаетъ за нормами того исключительнаго значенія, которое придаютъ имъ, напримѣръ, кантіанцы, тотъ и будетъ разсматривать проблему оцѣнки, какъ вторичную проблему. Но, во всякомъ случаѣ, каково бы ни было мнѣніе изслѣдователя, очевидно, что поднимать вопросъ объ автономіи нормъ можно лишь послѣ уясненія вопросовъ о бытіи и познаніи.

Какъ мы видимъ, нашъ авторъ устанавливаетъ единство четырехъ проблемъ, вводя вопросъ объ отношенiи между непрерывностью и прерывностью. Этимъ онъ косвенно даетъ перевѣсъ проблемы познанiя надъ проблемой бытiя. Конечно, начинать нужно съ проблемы познанiя уже потому одному, что философiя есть видъ познанiя; однако, если не смотрѣть на вопросъ о познанiи, какъ на самодовлѣющiй, замкнутый въ себѣ вопросъ, то сейчасъ же возникаетъ вопросъ о познанiи, какъ одномъ изъ проявленiй бытiя, и, такимъ образомъ, вопросъ о бытiи выступаетъ на первый планъ. Тутъ снова становится яснымъ неудобство выдѣленiя вопроса о сознанiи, какъ основного, независимаго вопроса.

Климатологiя въ связи съ климатотерапiей и гигiеной. А. Класовскаго, заслуженнаго профессора Новороссiйскаго университета. Одесса 1904.

Брошюра нашего извѣстнаго метеоролога, проф. Класовскаго, затрагиваетъ весьма интересный и мало изученный вопросъ. Человѣческiй организмъ погруженъ въ среду атмосферныхъ явленiй, явленiй свѣтовыхъ, тепловыхъ, электрическихъ, явленiй измѣнчивой влажности воздуха и его давленiя. Всѣ эти явленiя, несомнѣнно, играютъ весьма значительную роль въ вопросѣ о нормальномъ отправленiи нашего организма, но, къ сожалѣнiю, мы должны признать, что въ настоящее время медицина еще очень мало можетъ пользоваться указанiями метеорологiи.

Иногда мы даже не знаемъ, въ чемъ, собственно, слѣдуетъ искать причину извѣстныхъ гигiеническихъ явленiй. Такъ, напр., южный берегъ Крыма извѣстенъ своимъ цѣлебнымъ влiянiемъ на рахитъ (англiйская болѣзнь): онъ и излѣчиваетъ, и предупреждаетъ рахитъ. Казалось бы, это легко объяснить свѣтомъ и тепломъ, присущими климату южнаго берега. Однако, дѣло объясняется не такъ просто. „Если-бы, говоритъ докторъ Бѣлокуръ, одной инсоляцiи было достаточно для уничтоженiя рахита, то въ Бухарѣ мы бы никогда не наблюдали этой болѣзни. Между тѣмъ, съ достовѣрностью извѣстно, что рахитъ въ Бухарѣ распространенъ эпидемически“ (цитата по Класовскому, стр. 5).

Дѣлались попытки опредѣлить связь между колебанiями климатическихъ условiй данной мѣстности и развитiемъ въ ней болѣзней. Но, конечно, это слишкомъ сложный вопросъ, чтобы рѣшить его единичными наблюденiями. Докторъ Ассманнъ сдѣлалъ болѣе широкую попытку: онъ пытался „прослѣдить ходъ распространенiя инфлюэнцы 1899-го года и господствовавшихъ, въ соотвѣтствующiй перiодъ, метеорологическихъ условiй“ (стр. 7).

Однако, для достиженiя прочныхъ результатовъ нужна совмѣстная работа очень многихъ лицъ. Поэтому большое значенiе можетъ имѣть приложенный къ брошюрѣ проф. Класовскаго

„проектъ програмы климатическихъ изслѣдованій для цѣлей климатологіи и бальнеологіи".

Пользуясь указаніями такого компетентнаго человѣка, какъ проф. Класовскій, множество образованныхъ лицъ можетъ заняться собираніемъ данныхъ, которыя, послѣ соотвѣтствующей обработки, могутъ послужить основой для прочныхъ выводовъ.

С. А. Котляревскій. Ламеннэ и новѣйшій католицизмъ. М. 1904.

Книга г. Котляревскаго представляетъ не только историко-литературный, но и большой современный интересъ. Возрожденіе воинствующаго католицизма въ XIX в., его почти сказочный расцвѣтъ въ эпоху, когда именно, казалось бы, его пѣснь окончательно спѣта, — фактъ не только высоко интересный по своей исторической загадочности, но и огромнаго политическаго значенія,—фактъ, съ каковымъ тѣсно связаны будущія судьбы Европы. Достаточно вспомнить современную протестантскую Германію, гдѣ, не смотря на свое численное меньшинство, католики представляютъ самую сильную партію въ рейхстагѣ; Бельгію, гдѣ всѣ усилія прогрессивныхъ партій разбиваются о могучую коалицію католиковъ, фактически управляющихъ страной и упорно отказывающихъ народу въ самой насущной избирательной реформѣ; наконецъ, Францію, которая на нашихъ глазахъ едва спаслась отъ всеобщаго заговора католическаго status in statu и вынуждена была прибѣгнуть къ мѣрамъ, скорѣе напоминающимъ политику конвента, чѣмъ увѣренной въ своей мощи республики...

Двѣ основныя черты особенно характерны для новѣйшаго католицизма. Первая — безповоротное торжество самаго крайняго ультрамонтанства, которое, воскресивъ теократическіе идеалы средневѣковья, поставивъ папство въ положеніе единаго и непогрѣшимаго повелителя церкви и уничтоживъ послѣдніе слѣды церковной самостоятельности отдѣльныхъ странъ, придало необыкновенную силу и единство и безъ того уже достаточно совершенной организаціи универсальной церкви. Другая—примиреніе и тактическій союзъ со свободой и новыми политическими учрежденіями Западной Европы. Римская церковь жаждала воспитывать юношество, захватить въ свои руки печать, организацію массъ, наконецъ, управленіе обществомъ: все это могла дать свобода, надлежащимъ образомъ использованная. Такимъ-то образомъ во многихъ католическихъ странахъ рядомъ съ лозунгомъ „католицизмъ" на ультрамонтанскомъ флагѣ явилось и священное слово „свобода". Въ настоящую минуту, когда мы пишемъ эти строки, католическая Бельгія шумно ликуетъ по поводу 25-ти лѣтія провозглашенія свободы преподаванія, а во Франціи клерикалы во имя свободы протестуютъ противъ закрытія конгрегацій... И, дѣйстви-

тельно, свободѣ, какъ солнцу, которое одинако свѣтитъ надъ праведными и грѣшными, католицизмъ въ XIX в. больше всего обязанъ своими грандіозными завоеваніями. Правда, при первомъ удобномъ случаѣ клерикалы готовы продать свободу первому, кто обѣщаетъ больше выгодъ, какъ это случилось съ католической партіей въ Франціи въ президентство Бонапарта, или воспользоваться ею для разрушенія того самаго строя, которому они всѣмъ обязаны, какъ это мы видимъ въ современной Франціи, но какъ тактическимъ оружіемъ, когда это нужно, ихъ церковь умѣетъ пользоваться свободой съ необыкновеннымъ совершенствомъ.

Каждое новое крупное теченіе обыкновенно имѣетъ своего пророка-энтузіаста, съ именемъ котораго оно связано, какъ бы далеко оно впослѣдствіи ни уклонилось отъ первоначальныхъ идей своего вдохновителя... По странной ироніи исторіи, пророкомъ новаго курса католицизма въ XIX в. суждено было стать никому иному, какъ Ламеннэ. Этотъ человѣкъ, который въ зрѣломъ возрастѣ пришелъ къ убѣжденію, что католицизмъ коренньмъ образомъ противорѣчитъ идеаламъ человѣчества, что католицизмъ и свобода непримиримы, авторъ Paroles d'un croyant, потрясавшій Европу своей пламенной проповѣдью свободы и соціальной справедливости,—этотъ человѣкъ былъ провозвѣстникомъ тѣхъ самыхъ принциповъ, которые легли въ основаніе догмы и политики обновленнаго католицизма. Это онъ со свойственнымъ ему одному пламеннымъ краснорѣчіемъ и прямолинейной логикой воскресилъ идеалы Григорія VII, провозгласилъ католицизмъ единой истиной рода человѣческаго и папу его непогрѣшимымъ главой, которому одному принадлежитъ верховное управленіе міромъ. Это онъ, послѣ недолгаго увлеченія идеей абсолютной католической монархіи, руководимой церковью, имѣлъ мужество перейти на другую сторону и на знамени церкви рядомъ со словомъ „католицизмъ“ поставить слово „свобода“,—лозунгъ, который въ періодъ его принадлежности къ церкви лежалъ въ основаніи всей его публицистической и общественной дѣятельности. Подъ этимъ лозунгомъ онъ объединилъ фалангу даровитыхъ и энергичныхъ людей, создавшихъ могущественную клерикальную партію, которая шагъ за шагомъ отвоевала для церкви школу, конгрегацію, политическую силу,—все, о чемъ могло только мечтать ультрамонтанство.

Но самъ Ламеннэ палъ жертвой своего мятежнаго энтузіазма. Католицизмъ, прибѣгая подъ сѣнь свободы, признавалъ право на нее исключительной своей монополіей. Ламеннэ требовалъ ее для всѣхъ, для всѣхъ мнѣній, для всѣхъ вѣрованій. Церковь отвергла его, но сумѣла по своему использовать его великій публицистическій талантъ. Его апологія католицизма — до сихъ поръ краеугольный камень ея догмы. Его лозунгъ „свобода“ — главнѣйшій тактическій пріемъ, ея могущественное оружіе тамъ, гдѣ она гонима или борется за преобладаніе. Его призывъ къ активной со-

ціальной дѣятельности вывелъ ее на путь организаціи массъ подъ флагомъ католическаго соціализма...

Личность Ламеннэ поэтому тѣснѣйшимъ образомъ связана съ судьбой новѣйшаго католицизма. Съ этой точки зрѣнія авторъ разбираемой монографіи трактуетъ своего героя.

„Жизнь Ламеннэ для него прежде всего важна, какъ страница изъ исторіи великой религіозной и общественной организаціи —католической церкви... Она интересна для него прежде всего тѣмъ, что пережитый имъ индивидуальный процессъ отражаетъ эволюцію новѣйшаго католицизма и освѣщаетъ загадочное на первый взглядъ противорѣчіе —торжество въ церкви теократіи и борьба за свободу, консервативный обликъ и движеніе въ сторону соціалистическихъ программъ и идеаловъ".

Уже за одинъ выборъ темы подобнаго рода можно быть благодарнымъ г. Котляревскому. Ни личность Ламеннэ, ни эволюція католической церкви въ XIX ст. не были у насъ предметомъ изслѣдованія, хотя на европейскихъ языкахъ имѣется не мало превосходныхъ монографій объ этихъ предметахъ. Нужно отдать справедливость автору: онъ внесъ въ свой трудъ и много эрудиціи, и научную добросовѣстность, и любовь къ своей темѣ, и, наконецъ, сумѣлъ сдѣлать свою книгу интересной для широкаго круга читателей. Въ предѣлахъ его спеціальной задачи, г. Котляревскому удалось не только дать достаточно детальную и широко освѣщенную на фонѣ эпохи біографію и характеристику литературной и общественной карьеры Ламеннэ, но и въ значительной мѣрѣ выяснить эволюцію современнаго католицизма, пониманіе которой столь важно именно въ настоящее время. За всѣмъ тѣмъ во многихъ отношеніяхъ разсматриваемый трудъ автора одинаково не удовлетворитъ ни спеціалиста, ни обыкновеннаго читателя. Прежде всего по отношенію къ Ламеннэ. Въ такой сложной личности, какъ этотъ послѣдній, нельзя отдѣлять мыслителя и дѣятеля отъ его оригинальной психической индивидуальности, являющейся главнымъ ключемъ къ пониманію его духовнаго облика и эволюціи. Мы не говоримъ тутъ спеціально о такъ называемой душевной драмѣ Ламеннэ,—хотя и ее обходить въ большой монографіи объ отдѣльномъ писателѣ не совсѣмъ бы слѣдовало,—а о тѣхъ коренныхъ особенностяхъ его душевнаго склада, которыя создали то, что насъ больше всего поражаетъ въ этой яркой, столь сложной и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣльной фигурѣ великаго энтузіаста. Революціонный темпераментъ Ламеннэ, одинаково остававшагося вѣрнымъ себѣ и тогда, когда онъ пламенно отстаивалъ божественный авторитетъ папы, и когда онъ столь же пламенно отрекся отъ него во имя разума и соціальной справедливости, остался совершенно внѣ анализа автора. Онъ считаетъ психическую загадку Ламеннэ вполнѣ рѣшенной уже Сентъ-Бевомъ, видѣвшимъ сущность психологіи его въ „единствѣ воли и разума, запечатлѣннаго вѣрой". Къ этой ничего не объясняющей формулѣ авторъ считаетъ

только необходимымъ подыскать „историческую“ основу, которую онъ счастливо находитъ, если отбросить риторику его фразы, не больше и не меньше, какъ... въ католицизмѣ. Но католицизмъ и даже „единство воли и разума, запечатлѣннаго вѣрой“ были не у одного только Ламеннэ, они были и у Монталамбера, и у Лаламордера, да и у цѣлой массы католическихъ единомышленниковъ Ламеннэ. Въ чемъ же тогда психическая индивидуальность именно этого послѣдняго, толкнувшая его одного по совершенно особому пути? Въ одномъ только мѣстѣ авторъ пытается самостоятельно искать психическую основу эволюціи Ламеннэ и находитъ ее въ томъ, что сначала наивный, мало знакомый съ дѣйствительностью романтикъ католицизма, Ламеннэ, въ концѣ концовъ, постепенно позналъ глубокую пропасть, отдѣляющую идеалы церкви отъ печальной дѣйствительности, и прозрѣлъ; остальное, молъ, все понятно. Но если дѣло такъ просто, почему опять таки прозрѣлъ только Ламеннэ, а не Монталамберъ, Лакордеръ и мн. другіе люди тоже недюжинные, видѣвшіе и знавшіе то же, что и Ламеннэ, и, однако, въ рѣшительный моментъ предавшіе своего учителя при всемъ ихъ „единствѣ разума и воли“.

Что касается другого героя книги, коллективнаго католицизма, то г. Котляревскій противъ него погрѣшилъ еще болѣе. Эволюція католицизма въ XIX в. стоитъ у него какъ бы совершенно изолированной отъ прошлыхъ судебъ римской церкви. Совершенно справедливо указавъ на тѣсную связь между эволюціей церкви и соціальнымъ и умственнымъ переворотомъ, произведеннымъ французской революціей, авторъ совершенно упустилъ изъ виду еще болѣе тѣсную связь современнаго католицизма съ той великой реакціей, которую испытала церковь послѣ другой великой революціи, чисто духовной, революціи—реформаціи. Развѣ энтузіазмъ ультрамонтанства, эта удивительная политика приспособленія къ внѣшнимъ условіямъ дѣятельности, эта страстная борьба за овладѣніе умами путемъ школы, печати, конгрегацій, комплотовъ и интригъ и, наконецъ, это упорное стремленіе къ политическому господству,—развѣ всѣ эти черты не прямое продолженіе политики, усвоенной римской церковью послѣ реформаціи?

Если бы авторъ вспомнилъ объ этомъ, онъ, быть можетъ, совершенно иначе взглянулъ бы на эволюцію новѣйшаго католицизма. Онъ понялъ бы, во 1-хъ, что вся практика „новаго“ курса церкви съ его либерализмомъ и соціализмомъ сводится къ старой испытанной методѣ приспособленія въ борьбѣ за самосохраненіе и ни къ чему болѣе, и, во 2-хъ, — и это самое важное, — что за нынѣшнимъ духовнымъ подъемомъ церкви можетъ послѣдовать такая же, если не болѣе сильная волна мертваго упадка, какая постигла ее въ XVIII в., потому что и раціонализмъ, или тотъ „псевдо-позитивизмъ“, надъ которымъ иронизируетъ авторъ, еще

не совсѣмъ приказалъ долго жить и можетъ еще современемъ сказать кое-что въ свое оправданіе. Не лишнее было бы такъ же хоть мимоходомъ остановиться на „динамикѣ“ либерально-соціальныхъ тенденцій римской церкви, самое поучительное проявленіе которой такъ легко было прослѣдить на исторіи послѣднихъ десятилѣтій во Франціи, Бельгіи и Германіи: для пониманія проблемъ католицизма это очень важно.

Правильному воззрѣнію автора на роль и будущее католицизма мѣшаетъ какой-то странный не то „идеализмъ“ sui generis, не то романтизмъ, лишающій его въ рѣшительную минуту необходимаго мужества и сводящаго его съ пути ученаго на тропу риторизма и безнадежныхъ противорѣчій.

Онъ считаетъ, напримѣръ, католицизмъ по самой природѣ своей *неизмѣннымъ*; онъ полагаетъ, что „идея прогресса для него недопустима“ и что въ этомъ заключается „величайшій антагонизмъ между нимъ и современнымъ обществомъ“, а вслѣдъ за этими категорическими утвержденіями онъ цитируетъ прогрессивную программу американскихъ католиковъ, которая кореннымъ образомъ противорѣчитъ догмату „неизмѣнности“. Г. Котляревскій выходъ изъ этого противорѣчія находитъ въ томъ, что это уже „почти“ не католицизмъ, а американизмъ, какъ будто дѣло въ названіи, а не въ самомъ фактѣ возможности глубокихъ измѣненій въ основѣ католицизма.

Вынужденный признать, что развитіе свободы кореннымъ образомъ неблагопріятно для католицизма, авторъ грустно задумывается надъ старой дилеммой между вырожденіемъ католическихъ народовъ и гибелью католицизма и въ видѣ исхода изъ нея, спрашиваетъ: „возможно ли для католицизма порвать окончательно съ прошлымъ, сохранивъ лишь вѣчный религіозный порывъ (?), увидѣть въ свободѣ не средство, а цѣль“ и т. д. Подобный вопросъ показываетъ, что такую возможность авторъ допускаетъ. Какъ же примирить это съ его же утвержденіемъ о „вѣчной неизмѣнности“?

Еще болѣе странно отношеніе автора къ вопросу о католическомъ соціализмѣ. Ставя вопросъ о томъ, являются ли соціальные эксперименты католической церкви ея заслугой, или лишь результатомъ простой необходимости, авторъ сначала не считаетъ для себя возможнымъ дать категорическій отвѣтъ. Но это не мѣшаетъ ему сейчасъ же, вслѣдъ за этимъ дать такой глубокомысленный и ясный отвѣтъ: съ одной стороны, соціальная политика являлась необходимостью для церкви, но съ другой — „по пути соціальнаго благосостоянія цѣли католической церкви на нѣкоторомъ протяженіи—короткомъ или далекомъ это другой вопросъ—шли параллельно интересамъ трудящихся массъ“ (довольно ясно и опредѣленно?). Впрочемъ, черезъ нѣсколько строкъ авторъ поправляется и выражается съ большей опредѣленностью: „осущест-

вленіе духовнаго правленія католической церкви заключало бы въ себѣ и измѣненіе самыхъ тяжелыхъ соціальныхъ условій современной жизни, правда, съ потерей того, что западно-европейскія общества считаютъ своими неотчужденными культурными благами“.

Интересно, на чемъ основываетъ ученый авторъ это утвержденіе? Не на примѣрѣ ли папской области, миссіонерскихъ колоній въ Парагваѣ или на исторіи Испаніи?

Два слова еще по поводу предисловія, по меньшей мѣрѣ, претенціознаго. Въ одномъ мѣстѣ авторъ съ апломбомъ третируетъ философскія попытки выясненія вопроса объ отношеніи личности къ обществу. Въ другомъ тонко инсинуируетъ по адресу покойныхъ экономическихъ матеріалистовъ. Въ-третьемъ, онъ гордо отрекается отъ „мнимопозитивистовъ, для которыхъ религіозная жизнь общества является предметомъ, недостойнымъ вниманія, и торжественно заявляетъ, что онъ, авторъ, не отказывается отъ мыслей и чаяній о будущей (?) религіозной жизни Россіи...“ Между тѣмъ, не смотря на всѣ претензіи автора, его собственный трудъ, ни въ методологическомъ, ни въ идейномъ отношеніи не представляетъ собою ничего оригинальнаго.

Основная его идея—вліяніе Ламеннэ на новый курсъ католицизма—впервые высказанная Ренаномъ, давно уже стала общимъ мѣстомъ...

Сборникъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ въ школѣ и дома. — Труды коммиссіи по устройству чтеній для учащихся педагогическаго общества, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1904.

Домашнее и школьное чтеніе учащихся, какъ извѣстно, подвержено очень строгому контролю. Главная задача контроля состоитъ въ томъ, чтобы черезъ книгу въ среду учащихся не проникло „вредное направленіе“. Что такое „вредное направленіе“, опредѣлить не совсѣмъ легко. Вреднымъ признается, напр., употребленіе учащимися тетрадокъ съ изображеніемъ Льва Толстого. Вреднымъ признано съ прошлаго года пользованіе Евангеліемъ въ церковно-приходскихъ школахъ, и, вмѣсто него, тамъ читаютъ псалтырь. Вреднымъ оказывается и изображеніе казни Пугачева на свѣтовыхъ картинахъ. Вообще, „вреднаго“ въ книгахъ и въ картинахъ такъ много, что единственнымъ вполнѣ надежнымъ средствомъ противъ этого зла было бы примѣненіе давно рекомендованной Фамусовымъ мѣры: „забрать всѣ книги бы, да сжечь“, прибавивъ къ нимъ заодно ужъ всякія прозрачныя и непрозрачныя картины. Но сей идеалъ недостижимъ. „Сжечь гимназію и упразднить науки“, какъ то сдѣлалъ во время оно глуповскій градоначальникъ Архистратигъ Стратилатовичъ Перехватъ-Залихватскій, въ наше время уже нельзя, и поневолѣ приходится прибѣгать къ полумѣрамъ: изъять изъ школы Евангеліе, запретить

обществу грамотности издать для народа „Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ“, которую, однако, не воспрещено издавать всякому желающему, отбирать отъ подписчиковъ по деревнямъ газету („Вятскую“), въ которой цензоръ не все дозволяетъ перепечатывать даже изъ „Правительственнаго Вѣстника“, не дать хода учрежденію просвѣтительнаго общества, проектъ устава котораго подписанъ извѣстнѣйшими академиками, сенаторами, писателями и т. д., и т. д. Вообще средствъ для постепеннаго „упраздненія наукъ“ болѣе, чѣмъ много. Въ числѣ ихъ не послѣднее мѣсто, если не по эффектности, то по вѣрности дѣйствія, занимаетъ ограниченіе чтенія учащихся спеціальнымъ каталогомъ разрѣшенныхъ для такого чтенія книгъ. Не входя въ оцѣнку достоинствъ этого каталога, можно сказать одно, что цѣли своей онъ достигаетъ отлично: учащіеся не пользуются школьными библіотеками, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ само школьное начальство. Само собой разумѣется, что такой фактъ меньше всего говоритъ о томъ, чтобы у учащихся совсѣмъ не было потребности въ чтеніи. Потребность эта существуетъ, убить ее нельзя никакими циркулярами, но потребность эта не удовлетворяется той наличностью книгъ, которыя рекомендуются пресловутыми каталогами.

Лежащій передъ нами „Сборникъ“ педагогическаго Общества, имѣетъ, видимо, цѣлью дать въ руки учащимся въ средней школѣ такую книгу, которая, удовлетворяя ихъ любознанательности и способствуя обогащенію ихъ знаній, не могла бы въ то-же время возбудить по отношенію къ себѣ подозрѣнія о „вредномъ направленіи“. Если такое предположеніе вѣрно, то цѣль эта „Сборникомъ“ вполнѣ достигается. Содержаніе сборника очень разнообразно. Здѣсь помѣщены біографіи и характеристики Глинки (Грузинскій), Жуковскаго (Бѣльскій), Рембранда (Романовъ), первопечатника Ивана Өедорова (Кизеветтеръ), нѣмецкихъ гуманистовъ и обскурантовъ XVI вѣка (Моравскій), статьи о землетрясеніяхъ (Павловъ), о горѣніи (Реформатскій) и о растеніяхъ скалъ и песковъ (Барковъ). Какъ видно изъ этого перечня, статьи, помѣщенныя въ „Сборникѣ“, касаются преимущественно такихъ темъ, о которыхъ въ нашей средней школѣ (въ гимназіяхъ въ особенности) учащимся приходится слышать очень мало, межъ тѣмъ какъ знакомство съ ними является почти обязательнымъ для всякаго образованнаго человѣка. Самое изложеніе статей вполнѣ доступно для пониманія учащихся, читаются онѣ легко, а масса умѣло подобранныхъ и довольно хорошо исполненныхъ иллюстрацій значительно способствуетъ оживленію текста. При самомъ придирчивомъ отношеніи трудно найти въ какой-либо статьѣ какой-нибудь элементъ „вреднаго направленія, почему надо надѣяться, что ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія не закроетъ передъ этой книгой дверей своего „дозволительнаго“ каталога. Ручаться, однако, за это нельзя...

Извѣстны примѣры, когда и дозволенныя и одобренныя книги впослѣдствіи признавались подлежащими исключенію. Такъ, напр., сказка въ стихахъ Можаровскаго „Лиса Патрикѣевна“ цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ допускалась къ чтенію не только „про себя“, но даже вслухъ, была одобрена въ четырехъ изданіяхъ, а какъ вышло пятое изданіе, напечатанное безъ перемѣнъ съ предыдущихъ, тутъ и случился съ ней грѣхъ: открыли въ ней, наконецъ, „вредное направленіе“ и велѣли изъять изъ всѣхъ городскихъ и сельскихъ училищъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Вл. Гиляровскій. Забытая тетрадь. Изд. 3-е. М. 1901. Ц. 1 р.

Стихотворенія ***Е. К. Кристи.*** Одесса. 1905 г. Ц. 1 р.

Зеленый сборникъ стиховъ и прозы. Книгоизд. „Щелканово“. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

А. Ѳ. Радченко. На распутьи. Стихотворенія. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Полное собраніе сочиненій ***С. Г. Фруга.*** Т. III—VI. Изд. журн. „Еврейская жизнь“. Спб. 1904.

А. Крандіевская. То было раннею весной. Изд. С. Скирмунта. М. 1905. Ц. 1 р.

Ея же. Ничтожные. Изд. С. Скирмунта. М. Ц. 1 р.

Ганя Хмуровъ. Романъ. ***Г. Т. Мурова.*** Томскъ. 1904.

Муравей. Повѣсть. Т. II. Казань. 1903. Ц. 1 р.

Н. Н. Вильде. Катастрофа. Романъ. М. 1904. Ц. 1 р.

В. Сѣрошевскій. Собраніе сочиненій. Т. I. Изд. 2-е Глаголева. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Станиславъ Пшибышевскій. Сыны земли. Ром. въ 3-хъ частяхъ. Единственный, разрѣшенный авторомъ переводъ Е. Троповскаго. Книгоизд. „Скорпіонъ“. М. 1905. Ц. 50 к.

Генрикъ Ибсенъ. Полное собр. сочиненій. Переводъ А. и П. Ганзенъ. Т. III. Изд. С. Скирмунта. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Торъ Гедбергъ. Гергардъ Гримъ. Драматич. поэма. Перев. А. Ганзенъ. Изд. С. Скирмунта. М. 1905. Ц. 50 к.

Гольгеръ Драхманъ. Тысяча одна ночь. Драма-сказка. Перев. А. Ганзенъ. Изд. С. Скирмунта. М. 1905. Ц. 50 к.

А. И. Фаресовъ. Въ одиночномъ заключеніи. Изд. 3-е. Спб. 1905. Ц. 1 р.

К. Н. Боженко. На войну. Изд. „Донской Рѣчи“. 1904. Ц. 5 к.

Э. Золя. Штурмъ мельницы. Изд. Л. А. Мукосѣева. Н.-Новгородъ. 1904. Ц. 10 к.

Н. Бернардъ. За маму, за папу. Спб. 1903. Ц. 30 к.

I. Единорогъ. Дьячки Софоній и Сасоній. М. 1905. Ц. 25 к.

Евгенія де-Турже-Туржанская. Сапожникъ. Очеркъ. М. 1905. Ц. 7 к.

Изданія Н. Глаголева: ***Вацлавъ Сѣрошевскій.*** Кули. Ц. 8 к. — ***Его же.*** Боксеръ. Ц. 4 к. — ***Его же.*** Чукчи. Ц. 7 к.—***Танъ.*** Землепроходъ. Ц. 8 к. Спб. 1904.

Н. Бернардъ. Разсказы и воспоминанія. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Елизавета Дьяконова. Дневникъ русской женщины. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Дневникъ ***Елизаветы Дьяконовой*** на высшихъ женскихъ курсахъ. М. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

А. М. Ѳедоровъ. На востокѣ. Очерки. Спб. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

Черезъ Алай и Памиръ. Очерки пу-

тешествій. ***Б. Тагѣева-Рустамъ-Бекъ***. Изд. „Дѣтскаго Чтенія". М. 1905. Ц. 15 к.

Арнольдъ Аріель. Долой женщинъ (Записки моего друга). М. 1905. Ц. 1 р.

Сборникъ „Родника". Въ пользу сиротъ воиновъ, павшихъ въ русско-япон. войнѣ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

А. К. Бороздинъ. Литературныя характеристики XIX в. Т. II. Вып. I. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

І. Шерръ. Иллюстрированная всеобщая исторія литературы. Пер. подъ ред. П. Вейнберга. Изд. С. Скирмунта. М. 1905. Т. I—II. Ц. 6 р.

В. О. Саводникъ. Къ вопросу о Пушкинскомъ словарѣ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Баронъ ***Н. В. Дризенъ***. Матеріалы къ исторіи русскаго театра. Изд. Бахрушина. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Бѣловерскій. Записки учителя. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1905. Ц. 75 к.

А. П. Фаресовъ. Очерки умственныхъ и политическихъ движеній въ Россіи. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Ал. Шумахеръ. Императоръ Александръ II. Историческій очеркъ. Изд. 4-е. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ). Т. Н. Грановскій и его время. Историч. очеркъ. Изд. 2-е. Книгоизд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 1 р. 60 к.

Южная Русь. Очерки, изслѣдованія и замѣтки. ***Александры Ефименко*** Т. I. Спб. Ц. 2 р.

Е Щепкина. Чтенія по русской исторіи въ XVIII в. Вып. I. Государственный строй. Спб. 1905. Ц. 1 р. 20 к.

Очерки по исторіи Германіи въ XIX в. Т. I. Происхожденіе современной Германіи. Пер. съ нѣмецкаго ***В. Бабарова*** и ***И. Степанова***. Изд. С. Скирмунта. М. 1905. Ц. 2 р.

Иллюстриров. библіотека „Нивы":

Всеобщая исторія. Соч. проф. ***О. Іегера*** въ 4-хъ томахъ. Спб. 1905. Вып. I. Ц. 1 р.

Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ. Статьи ***Вл. Розенберга*** и ***В. Якушкина***. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1905. Ц. 1 р.

А. А. Пановъ Сахалинъ, какъ колонія. Очерки колонизаціи и современнаго положенія Сахалина. М. 1905. Ц. 1 р.

Книгоиздательство Т-ва «Просвѣщеніе»: Жизнь природы. Картины физическихъ и химическихъ явленій. Соч. д-ра ***Вильгельма Мейера***. Пер. съ нѣмецкаго А. Р. Кулишера, подъ ред. проф. Н. А. Гезехуса. Вып. 1-4. Спб. Ц. 50 к. за выпускъ. ***Его же***. Земля и жизнь. Сравнительное землевѣдѣніе. Соч. проф. ***Ф. Ратцеля***. Т. I. Вып. 11—13. Спб. 1905. Ц. 50 к. за выпускъ.

Изданія подвижного музея учебныхъ пособій: ***А. Бремъ***. Тундра, ея растительный и животный міръ. Пер. съ нѣмецкаго Е. Елачича. Спб. 1905 г. Ц. 15 к. ***Е.***

Елачичъ. Какъ животныя защищаются отъ своихъ враговъ. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Ив. Вл. Богословскій. Вопросы жизни. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

А. Пороховщиковъ. Міровая задача нашихъ дней. Спб. 1904. Ц. 10 к.

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Лейбницъ, его жизнь, сочиненія и ученіе. Пер. съ нѣмецкаго Н. Н. Полилова. Изд. ***Д. Е. Жуковскаго***. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Образовательная библіотека. — ***Гаральдъ Геффдингъ***. Философскія проблемы. Переводъ съ нѣмецкаго Ѳ. Капелюша. Издательство О. Н. Поповой. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Проблемы женщины. ***Георга Гродденъ***. Пер. В. Л-ва, Спб.

Карлъ Родбертусъ Ягецовъ. Сочиненія. Вып. I. Къ освѣщенію соціальнаго вопроса. Пер. съ нѣмецкаго пр. М. Н. Соболева. Изд. Н. Глаголева. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Вернеръ Зомбартъ. Современный капитализмъ. II т. Пер. съ нѣмецкаго. Изд. Д. С. Горшкова. М. 1905. Ц. 2 р.

С. М. Житковъ. Формула денежнаго обращенія. Спб. 1905.

Образовательная библіотека. ***П. Лафаргъ***. Американскіе тресты. Пер. И. М. Биллика. Книгоизд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Ог. де-Виннъ. Среди фламандскихъ рабочихъ. Пер. съ французскаго З. Кочетковой. Изд. ред. „Образованіе". Спб. 1904. Ц. 50 к.

І. Долгихъ. Экономическое значеніе и будущее мелкаго хозяйства. Рига. 1905. Ц. 1 р. 50 к.—***Его же***. Работа коровъ въ ея историч. развитіи и экономическомъ значеніи. Рига. 1904. Ц. 1 р.

К. П. Янковскій. Правила и порядки государств. сберегательныхъ кассъ. Варшава. 1905. Ц. 50 к.

Промышленность. Пер. съ нѣмец-

каго Е. Н. Каменецкой. Изд. 2-е. М. И. Водовозовой. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Г. И. Ланинъ. Хозяйственно-экономическіе очерки и наблюденія. Вып. I и II. Астрахань. 1904. Ц. по 75 к.

Н. Н. Авиновъ. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. „Изд. „Саратовской Земской недѣли". 1904. Ц. 50 к.

Денежный отчетъ комитета по оказанію помощи пострадавшему отъ безпорядковъ еврейскому населенію г. Кишинева. Кишиневъ, 1904.

Промышленность и техника. Книгоиздат. Т-ва „Просвѣщеніе". Т. VIII. Спб. Ц. вып. 50 к.

Е. И. Аренсъ. Русскій флотъ. Историч. очеркъ. Спб. 1904. Ц. 20 к.

Баронъ Ф. М. Коссинскій. Состояніе русскаго флота въ 1904 г. Спб. 1904. Ц. 10 к.

Къ вопросу организаціи корпуса флотскихъ офицеровъ. Севастополь. 1904.

Подводныя лодки, ихъ устройство и исторія. Состав. ***Н. И. Адамовичъ.*** Изд. Базлова. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к.

Конкретная метода преподаванія нумераціи на ариѳметической машинкѣ. ***І. З. Араратянъ.*** Баку 1903. Ц. 15 к.

Педагогическій ручной трудъ. Составилъ ***Н. К. Карелль.*** Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

В. О. Крижъ. Первая грамота. Изд. И. Ѳ. Жиркова. М. 1905. Ц. 30 к.

Е. А. Чебышева - Дмитріева. Вопросы начальной школы и педагогическіе очерки. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Труды подкоммиссіи по вопросу о введенія преподаванія статистики въ курсъ среднихъ учебн. заведеній. Спб. 1904. Ц. 30 к.

Педагогическая мысль. Изданіе коллегіи Павла Галагана. Подъ ред. проф. Сикорскаго и пр.-доц. Гливенко. Вып. II. Кіевъ. 1904. Ц. 1 р.

А. Е. Флеровъ. Указатель книгъ для дѣтскаго чтенія. Изд. кн. маг. К. И. Тихомирова. М. Ц. 1 р. 50 к.

В. Корнаковъ. Краткій практическій курсъ геометрическаго черченія и землемѣрія. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

Начала геометріи. Сост. ***Дм. Ройтманъ.*** Спб. 1905. Ц. 40 к.

В. О. Крижъ. О классномъ чтеніи въ сельской школѣ. Изд. И. Ѳ. Жиркова. М. 1904. Ц. 10 к.

К. А. Литвиненко. Систематическій сводъ правилъ русскаго правописанія. М. 1904. Ц. 60 к.

І. З. Араратянъ. Для учителей и родителей конкретная метода преподаванія курса ариѳметики. Баку. 1904. Ц. 40 к.

Н. Н. Авиновъ. Опытъ программы систематическаго чтенія. М. 1905. Ц. 20 к.

Т. Лубенецъ. Программы предметовъ, преподаваемыхъ въ одноклассныхъ и двухклассныхъ народныхъ училищахъ. Кіевъ. 1905. Ц. 25 к.

И. И. Мещерскій. Какъ устраивать сады при народныхъ школахъ. Изд. 6-е. Спб. 1904. Ц. 30 к.

Курсъ гигіены для среднихъ учебныхъ заведеній. Составили врачи ***А. А. Черевкова*** и ***В. Д. Черевковъ.*** Спб. 1905. Ц. 1 р.

Современная клиника. Д-ръ ***Д. М. Успенскій.*** Т. III. Основы органотерапіи. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Популярная гигіена зубовъ. ***Г. И. Чилинкинъ.*** М. 1904. Ц. 60 к.

Отчеты санитарныхъ врачей С.-Петербургскаго Губерн. Земства за 1903 г. Спб. 1904.

Г. П. Задера. Медицинскіе дѣятели въ произведеніяхъ А. П. Чехова. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 50 к.

А. И. Ефимовъ. Сифилисъ въ русской деревнѣ. Казань. 1902.

Руфь Брэ. Право на материнство. Пер. съ нѣм. Н. Коршъ. М. 1905. Ц. 40 к.

Водолѣченіе. Составилъ ***М. Копытчукъ.*** Полтава. 1904. Ц. 10 к.

Отчетъ о дѣятельности педагогическаго общества. Годъ VI. М. 1904.

Нашата конституція. Общедоступно изтълкузана отъ Ив. Сг. Визиревъ. Пловдивъ. 1904. Ц. 1.30 л.

Dott. Giovanni Bergamasco. Biologia delle mesembryanthemaceae. Napoli. 1904.

Хроника внутренней жизни.

9 января въ Петербургѣ.

I.

Бываютъ дни и бываютъ событія, въ которыхъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается значеніе самыхъ глубокихъ сторонъ данной исторической минуты. Разгадать ихъ,—значитъ найти вѣрное направленіе для самыхъ, быть можетъ, опредѣляющихъ шаговъ ближайшаго будущаго. Не разгадать, отвѣтить слишкомъ спѣшно и неправильно,—значитъ дать ошибочный отвѣтъ на роковую загадку сфинкса. А вѣдь такой отвѣтъ, если вѣрить мудрости древнихъ,—значитъ возможность гибели.

Таково, по нашему глубокому убѣжденію, значеніе январьскихъ событій въ Петербургѣ.

22 января мы узнали изъ газетъ, что кн. Святополкъ-Мирскій оставилъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Газеты всѣхъ оттѣнковъ провожаютъ его болѣе или менѣе сочувственными напутствіями. Русскій человѣкъ со вздохомъ вспоминаетъ первые дни „эпохи довѣрія"... И кажется, что это было уже такъ давно... Тогда же телеграфъ разнесъ по всей Россіи извѣстіе о томъ, что Н. В. Муравьевъ оставляетъ постъ министра юстиціи. Никакихъ словъ довѣрія русское общество отъ Н. В. Муравьева никогда не слыхало, и никакихъ вздоховъ за нимъ на новое мѣсто служенія, въ далекій Римъ, вѣроятно, не понесется... Но все же и эта перемѣна въ другое время вызвала бы много волненія и поставила бы много вопросовъ... Куда должна направиться наша юстиція, исходившая 40 лѣтъ назадъ отъ идеи законности, для всѣхъ обязательной и для всѣхъ равной, и теперь, послѣ сорокалѣтняго странствованія въ пустыняхъ бюрократическихъ извращеній, вынужденная начать „новый исходъ" изъ гомельскихъ и кишиневскихъ сессій, изъ закрытыхъ помѣщеній павловскихъ и иныхъ сектантскихъ дѣлъ—по направленію... опять все къ тому же желанному равенству всѣхъ и „къ охраненію силы закона"... Наконецъ, въ газетахъ появляются отчеты о засѣданіяхъ и намѣреніяхъ комитета министровъ по осуществленію идей, изложенныхъ въ указѣ 12 декабря... Правда, языкъ этихъ сообщеній далеко нельзя назвать удобопонятнымъ, а его опредѣленія легко уловимыми.. Но все же въ другое время они вызвали бы самые оживленные комментаріи, среди которыхъ, по старой привычкѣ россійской прессы и общества „къ надеждамъ славы и добра",—было бы очень много ѳиміамовъ и восторговъ...

Теперь все это проходитъ какъ-то незамѣтно и глухо, безъ привычныхъ отголосковъ... Ни отставка кн. Св.-Мирскаго, завершающая программу „довѣрія“, не вызываетъ естественныхъ огорченій, ни отъѣздъ Н. В. Муравьева, ни даже гласныя сообщенія комитета министровъ—не окрыляютъ надеждъ... И это потому, что это вдругъ стало въ глазахъ общества незначительнымъ и неважнымъ...

Въ одномъ разсказѣ нашего геніальнаго писателя, Л. Н. Толстого, („Казаки“) есть образъ, очень идущій къ нашему теперешнему настроенію. Герой его ѣдетъ степными дорогами на почтовыхъ по направленію къ Кавказу. Гдѣ-то вдали его ждутъ кавказскія горы, о которыхъ онъ, житель равнинъ, слышалъ такъ много шаблонныхъ отзывовъ, что ему, скептику, начинаетъ казаться, что никакихъ, въ сущности, горъ, способныхъ вызывать такія впечатлѣнія, совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ... Всюду та же ровная степь, томительная и скучная, съ однообразнымъ и бѣднымъ просторомъ и съ туманною мглою... А если появятся неровности, то... только для подтвержденія старой истины, что ничего въ сущности рѣзко отступающаго отъ этой плоской равнины и быть не можетъ...

Читатель помнитъ, навѣрное, то ощущеніе рѣзкаго нервнаго подъема, можно сказать, пожалуй—удара по нервамъ, который пришлось пережить толстовскому герою, когда, проснувшись на утро, онъ увидѣлъ, что дорога его, еще бѣгущая по степи, уже упирается вдали въ необычно изломанныя очертанія горныхъ громадъ... И дальше все время его впечатлѣнія уже разстилаются у ихъ подножія. Онъ продолжаетъ вспоминать свое прошлое, столицу, знакомыхъ, а въ душѣ все стоитъ одинъ припѣвъ... „А горы!“... Читатель помнитъ, вѣроятно, и впечатлѣніе этого припѣва, шероховатаго, рѣзкаго, не укладывающагося ни въ какой ритмъ остальныхъ ощущеній, которымъ Толстой выразилъ смущенное состояніе духа своего равниннаго жителя... „А горы!“.

Передо мной все время, всѣ эти дни и въ ту минуту, когда я пишу эти строки,—стоитъ неотвязно этотъ образъ геніальнаго художника... И мнѣ кажется, что теперь всѣ впечатлѣнія отъ нашего „общественнаго дня“ такъ же разстилаются у подножія чего-то необычнаго, большого, мрачнаго, встающаго туманной громадой угрюмыхъ диссонансовъ надъ равнинами нашей жизни... И надъ всѣмъ, — надъ отставками и перемѣнами министровъ, надъ извѣстіями съ театра войны, надъ „предначертаніями“ комитета министровъ высится этотъ угрюмый фонъ, залегая въ душѣ неотвязнымъ припѣвомъ... „А девятое января 1905 года“...

Да, это девятое января поднялось надъ однообразіемъ нашей „равнинной исторіи“, надъ ея буераками и оврагами, надъ холмиками „довѣрья“ и извилинами бюрократической реакціи—какъ первый крутой изломъ нашего горизонта, за которымъ, быть мо-

жетъ, въ загадочномъ туманѣ уже рисуются другіе—и выше, и обрывистѣе, и круче...

И невольно взглядъ приковывается къ этому явленію съ естественнымъ желаніемъ—разглядѣть, опредѣлить очертанія, найти перевалы и дороги...

II.

Но разглядѣть нелегко...

Такъ ужъ сложились традиціи и привычки нашей жизни, что, какъ только въ ней появляется что-нибудь значительное, что-нибудь съ необычайнымъ и, быть можетъ, угрожающимъ значеніемъ,—то первымъ и самымъ насущнымъ лозунгомъ дня провозглашается молчаніе, вмѣсто свободнаго обсужденія, освѣщенія и критики. Теперь мы всѣ уже видимъ и даже въ „предначертаніяхъ“ комитета министровъ встрѣчаемъ авторитетное признаніе,—что „осуществленіе полной силы закона“, *для всѣхъ равнаго*, есть насущнѣйшая потребность страны, и его отсутствіе является одной изъ причинъ нашихъ теперешнихъ бѣдствій. Но когда, въ видѣ института земскихъ начальниковъ, въ нашу злополучную жизнь вводилось начало прямо противоположное, начало яко бы отеческой власти одного сословія надъ другимъ, лишившее многомилліонное крестьянское населеніе всякихъ гарантій правосудія,—то первое, что было признано необходимымъ,—это ограниченіе права печати обсуждать и подвергать критикѣ новое учрежденіе... И такъ во всемъ,—начиная съ частнаго злоупотребленія того или другого высокопоставленнаго лица до общаго явленія, какъ „усиленная охрана“, отмѣняющая даже наличную силу существовавшихъ еще признаковъ законности.

Тоже и по отношенію къ „рабочему вопросу“, который вообще признавался выдумкой либеральной печати, пока онъ не всталъ передъ обществомъ во всемъ своемъ великомъ и трудномъ значеніи. То же, въ частности, и по отношенію къ событіямъ 9 января.

Прошло около двухъ недѣль, и мы не имѣемъ еще ни полной картины рокового событія, ни его размѣровъ. Пока у насъ есть лишь оффиціальное сообщеніе первыхъ дней, — уже по своей спѣшности страдающее неполнотой, односторонностью и, конечно, неизбѣжнымъ пристрастіемъ,—и нѣсколько отрывочныхъ дополненій того же происхожденія... Однако, при всѣхъ этихъ свойствахъ, даже и этихъ оффиціально-сухихъ сообщеній достаточно, чтобы рисуемое ими событіе поднялось мрачною тѣнью надъ всѣми другими злобами нашего и безъ того далеко не безъоблачнаго дня...

Изъ этого сообщенія мы узнаемъ прежде всего, что „въ Петербургѣ, въ началѣ 1904 года, по ходатайству нѣсколькихъ ра-

бочихъ фабрикъ и заводовъ былъ утвержденъ уставъ „С.-Петербургскаго Общества фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ“, имѣвшаго цѣлью удовлетвореніе ихъ духовныхъ и умственныхъ интересовъ и *отвлеченіе рабочихъ отъ преступной пропаганды*“.

Въ послѣдней фразѣ курсивъ принадлежитъ намъ, и мы позволимъ себѣ остановиться на ея значеніи. Итакъ, фабричное общество было основано, кромѣ обычныхъ органическихъ потребностей рабочей среды,—еще съ спеціально-политической цѣлью; другими словами, органическія потребности рабочей среды и естественное стремленіе къ ихъ удовлетворенію,—отдавались подъ особое воздѣйствіе бюрократически-полицейскаго начала и должны были служить также и полицейскимъ цѣлямъ. Этотъ опытъ уже не первый: изъ многихъ другихъ правительственныхъ сообщеній, появлявшихся въ разное время, мы знаемъ о такой же попыткѣ въ Москвѣ и другихъ городахъ. Особенно ярко послѣдствія такого сочетанія проявились, какъ всѣмъ извѣстно, два года назадъ въ Одессѣ, и въ газетахъ, среди арестованныхъ за „безпорядки“ лицъ, значились имена людей, до тѣхъ поръ несомнѣнно пользовавшихся поощреніемъ и покровительствомъ оффиціальныхъ сферъ. Въ этомъ, очевидно, есть нѣчто знаменательное, на что въ то время не было обращено достаточнаго вниманія. Пресса пыталась отмѣтить эту черту и ея значеніе, чреватое многими неожиданностями для обѣихъ сторонъ, но, разумѣется, не она виновата въ скудости и неполнотѣ этого освѣщенія...

Теперь эту любопытную черту мы встрѣчаемъ въ самомъ началѣ оффиціальнаго сообщенія. При этомъ мы вспоминаемъ невольно, какъ еще недавно „Московскія Вѣдомости“, а за ними „Свѣтъ“ и „Гражданинъ“ радостно оповѣщали о возникновеніи благонамѣренныхъ рабочихъ организацій, иниціаторы которыхъ встрѣчали радушный пріемъ въ тѣхъ самыхъ сферахъ, которыя незадолго отрицали самое существованіе рабочаго вопроса и возлагали всѣ упованія на добровольное патріархально-отеческое попеченіе гг. фабрикантовъ. Мы помнимъ также, что одинъ изъ московскихъ рабочихъ представителей этого столь своеобразно начинавшагося „истинно-русскаго“ рабочаго движенія—окрылился до такой степени, что со столбцовъ газеты извѣстнаго „московскаго патріота“ г-на Грингмунта сталъ преподавать заблудшему въ либерализмѣ русскому обществу уроки благонамѣренности и патріотизма.

Но рабочая среда—не кружокъ этихъ „иниціаторовъ“, которые по недоразумѣнію говорили отъ ея имени и давали радужныя обѣщанія, и „рабочій вопросъ“—не мелкая служебная подробность той или другой полицейской политики. Для рабочей среды, въ первыя минуты, быть можетъ, искренно увлеченной заманчивыми перспективами, это—не игра и не праздничная феерія, а самый насущный жизненный вопросъ, къ рѣшенію котораго она стремится съ суровой правдивостью и понятнымъ нетерпѣніемъ. И

вотъ, всякій разъ, когда дѣло отъ эффектныхъ демонстрацій и гарунъ-аль-рашидовскихъ частностей переходитъ къ общимъ наболѣвшимъ вопросамъ рабочей жизни,—тотчасъ же вскрывается внутренній разладъ не естественнаго союза: рабочая масса требуетъ исполненія обѣщаній и замѣтнаго *реальнаго* измѣненія условій своего существованія. Въ этомъ ея главная и единственная цѣль. Но цѣль „союзной“ администраціи совсѣмъ другая. Центръ тяжести „общаго дѣла“ она видитъ лишь въ эффектныхъ оказательствахъ массовой покорности и довѣрчиваго „упованія“... И когда эти оказательства даны, если можно даже съ примѣсью нѣкоторыхъ угрозъ по адресу „либеральной части общества“,—то административный союзникъ склоненъ считать свою задачу исполненной... Бѣда лишь въ томъ, что въ его распоряженіи нѣтъ второй формулы, которая могла бы уничтожить разъ вызванныя надежды... И очень скоро феерія переходитъ въ трагедію, и, вмѣсто громовъ бутафорскихъ, надъ сценой начинають раздаваться раскаты настоящей грозы...

III.

Обращаемся къ дальнѣйшему изложенію событій.

Итакъ, одною изъ цѣлей общества являлась „борьба съ крамолой“. Повидимому, дѣло начиналось при хорошихъ предзнаменованіяхъ, такъ какъ во главѣ новой организаціи стало духовное лицо, священникъ о. Георгій Гапонъ съ самыми лучшими рекомендаціями.

Мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на этой замѣчательной личности, которая теперь выставляется одними, какъ настоящее исчадіе ада, въ другихъ, быть можетъ, вызываетъ мистическое удивленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что и то, и другое далеко отъ истины. Священникъ Гапонъ является лишь однимъ изъ тѣхъ „провиденціальныхъ людей“, которые порой въ бурные періоды какъ-то вдругъ обнаруживаются на поверхности общественной жизни. Все ихъ значеніе въ томъ, что и ихъ личныя добродѣтели, и ихъ недостатки, вообще всѣ стороны ихъ личности совпадаютъ по тону съ господствующимъ настроеніемъ среды, усиливая это настроеніе, какъ резонаторы усиливаютъ звуки...

Газеты даютъ о немъ слѣдующія свѣдѣнія. Уроженецъ Полтавской губерніи, мѣстечка Бѣлики, Кобелякскаго уѣзда, о. Георгій Гапонъ родился въ простой семьѣ украинскаго казака. Поступивъ въ полтавскую семинарію, окончилъ въ ней курсъ не безъ нѣкоторыхъ отклоненій. Страстная, импульсивная натура и склонность къ шероховатой несдержанной правдивости создавали ему много затрудненій, и онъ былъ исключенъ. Но затѣмъ, повидимому, онъ пережилъ столь же порывистые приступы смире-

нія, которые привлекли къ нему благосклонное покровительство покойнаго полтавскаго епископа Илларіона. Онъ былъ опять принятъ въ семинарію, гдѣ, благодаря незауряднымъ способностямъ, блестяще окончилъ курсъ. Вѣроятно, въ періодъ увольненія, Георгій Гапонъ для заработка участвовалъ въ статистическихъ работахъ земскаго бюро, но это было недолго и, кажется, прочной связи съ такъ называемой „интеллигентной средой“ у этого своеобразнаго человѣка не завязалось. Затѣмъ, благодаря протекціи епископа Иларіона, по окончаніи семинаріи и послѣ женитьбы, о. Гапонъ получилъ мѣсто въ кладбищенской церкви. Смерть любимой жены вызвала новый поворотъ въ его жизни. Онъ рѣшилъ сначала поступить въ монахи, но потомъ опредѣлился въ духовную академію.

Здѣсь, въ столицѣ, онъ опять обратилъ на себя вниманіе въ высшихъ духовныхъ сферахъ, получилъ мѣсто священника въ пересыльной тюрьмѣ и, наконецъ, былъ избранъ и утвержденъ предсѣдателемъ новаго общества рабочихъ, съ его двойственной задачей и со всѣми вскрывшимися впослѣдствіи противорѣчіями разнородныхъ стремленій его „учредителей“...

Нѣтъ ничего легче, какъ окрашивать человѣка какимъ-нибудь однимъ, простымъ и слишкомъ опредѣленнымъ цвѣтомъ, и мы слишкомъ часто прибѣгаемъ къ такимъ одноцвѣтнымъ квалификаціямъ, какъ „злодѣй, лицемѣръ и крамольникъ“. Но, какъ на примѣрѣ внѣшней войны, мы видимъ, что апріорныя патріотическія квалификаціи противника оказались совершенно негодными къ употребленію и къ руководству, такъ и въ осложненіяхъ внутреннихъ полезнѣе искать истину, чѣмъ успокаиваться на лубочныхъ шаблонахъ. Несомнѣнно, что фигура священника Гапона, метавшагося въ страстныхъ порывахъ между семинарскими мятежами и покаяніями, изъ статистики переходившая къ алтарю и отъ алтаря на площадь,—представляетъ психологію необыкновенно сложную и не укладывающуюся въ простыя клички.

И именно двойственный характеръ того „рабочаго движенія“, о которомъ мы говорили выше, является наиболѣе подходящей атмосферой для расцвѣта подобныхъ натуръ: здѣсь является просторъ одновременно и для гуманныхъ стремленій, удовлетворяющихъ порывамъ неуравновѣшанной филантропіи бывшаго семинарскаго строптивца, и для его смиренія, ведущаго „къ благополучію массъ“ путями, предначертанными свѣтскимъ начальствомъ съ благословенія начальства духовнаго. Повидимому, здѣсь находятъ примиреніе всѣ стороны неустойчивой натуры, и вдобавокъ она начинаетъ еще дышать атмосферой какихъ-то таинственныхъ стремленій того великаго цѣлаго, которое носитъ названіе человѣческой толпы и живетъ особенною коллективною жизнью.

Нѣтъ необходимости непремѣнно отрицать искренность первоначальныхъ намѣреній, чтобы понять конечныя противорѣчія,

залогъ которыхъ лежалъ уже въ нѣдрахъ самой организаціи... Эти противорѣчія всплыли, и бурная натура довершила остальное. Св. Гапонъ сталъ отголоскомъ широкаго массового движенія, увлекающій массу и самъ ею увлеченный...

IV.

„По мѣрѣ своего распространенія,—говоритъ далѣе оффиціальное сообщеніе,—на всѣ фабричные раіоны Петербурга,—общество стало заниматься обсужденіемъ существовавшаго на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ отношенія между рабочими и хозяевами, а затѣмъ, въ декабрѣ минувшаго года, побудило рабочихъ Путиловскаго завода вмѣшаться въ вопросъ объ увольненіи съ завода четверыхъ рабочихъ...“ Изъ этого краткаго изложенія мы не можемъ, разумѣется, судить о всей дѣятельности общества и о томъ предварительномъ броженіи въ его средѣ, которое привело къ началу стачекъ. Мы видимъ только, что общество рабочихъ приступаетъ къ обсужденію вопросовъ рабочей жизни, то есть именно тѣхъ вопросовъ, для которыхъ оно и основано. Долгая, трудная и обширная практика такихъ обществъ за границей показываетъ, съ какими сложными запутанностями приходится имѣть дѣло рабочимъ организаціямъ и какія учрежденія способны поставить эти вопросы на нейтральную почву, на которой ведется подсчетъ взаимно перепутавшихся интересовъ. При этомъ бываютъ случаи, когда уступаютъ рабочіе, и бываетъ, наоборотъ, что уступаютъ фабриканты. И въ процессѣ этой закономѣрной борьбы въ разныхъ областяхъ жизни, медленно и трудно, но все же рабочій вопросъ подвигается къ рѣшенію, и страсти до извѣстной степени разряжаются нормально. Роль государства, помимо, конечно, общей политики, въ случаяхъ этихъ частныхъ столкновеній противоположныхъ интересовъ, сводится на то, чтобы дать имъ закономѣрныя формы и поддерживать процессъ въ извѣстномъ, законномъ, такъ сказать, руслѣ... Наша практика, по общимъ причинамъ и по общимъ свойствамъ нашего уклада,—особенно бѣдна такими формами, которыя создавали бы нейтральную почву для разумныхъ соглашеній подъ авторитетной эгидой прочной законности, обязательная сила которой простиралась бы одинаково надъ данными общественными группами. По самымъ свойствамъ нашей жизни, массы, во-первыхъ, слишкомъ ясно чувствуютъ, что „сила закона“ фактически и на всякомъ шагу давитъ на чашки вѣсовъ въ пользу ихъ болѣе сильныхъ противниковъ. А съ другой стороны, практика новѣйшей „рабочей политики“, получившей начало въ зубатовскихъ организаціяхъ Москвы, слишкомъ неосторожно и легкомысленно обнадеживала массы, что въ одинъ прекрасный день безконтрольное и несвязанное законами административное

усмотрѣніе можетъ перейти на ихъ сторону, и тогда внезапными благодѣтельными приказами начальства соціальный вопросъ, такъ трудно поддающійся даже усовершенствованнымъ формамъ европейскаго строя, — будетъ разрѣшенъ легко, просто, внезапно и безповоротно нашей „патріархальной“ бюрократіей... Но, разумѣется, съ другой стороны, и фабрикантамъ, въ совершенномъ согласіи съ существующимъ значительно обветшалымъ законодательствомъ,—даются обѣщанія, что интересы „священной собственности“ и капитала останутся неприкосновенны и получатъ твердую, строгую и полную охрану...

И вотъ, надъ взволнованной и безъ того поверхностью русской жизни вздымаются эти волны противоположныхъ надеждъ и противоположныхъ стремленій... И въ то время, какъ и тѣ, и другія одинаково ждутъ своего *полнаго* разрѣшенія отъ всесильной бюрократіи,—послѣдняя видитъ, что единственная ея собственная цѣль, которую одну только она ищетъ въ этомъ столкновеніи огромныхъ и все болѣе обостряющихся интересовъ,—то есть массовыя оказательства благонамѣренной покорности и упованія, что эта цѣль безнадежно исчезаетъ... И надъ ареной недавняго единенія водворяется не феерія, а трагедія...

IV.

„Требованія рабочихъ,—говоритъ оффиціальное сообщеніе,—постепенно возрастали...“. Правда, это возрастаніе было все еще довольно скромно: помимо требованія о возвращеніи ихъ товарищей, они предъявили еще требованія объ измѣненіи порядка назначенія расцѣнки работъ и увольненія рабочихъ. „Мѣры увѣщанія со стороны фабричной инспекціи оказались безуспѣшными, и къ стачкѣ, подъ вліяніемъ агитаціи, присоединились поголовно рабочіе нѣкоторыхъ другихъ заводовъ Петербурга; затѣмъ стачка стала быстро распространяться, охвативъ почти всѣ фабрично заводскія предпріятія столицы, при чемъ, по мѣрѣ распространенія стачки, возрастали и требованія рабочихъ“...

Все это совершенно понятно и, можно сказать, даже совершенно обычно въ такомъ явленіи, какъ рабочая стачка, которая всегда предъявляетъ требованія сокращенія рабочаго дня и регулированія расцѣнокъ... Нѣтъ на свѣтѣ ни одного рабочаго общества, открываемаго хотя бы и на законнѣйшихъ основаніяхъ, которое не ставило бы себѣ этихъ цѣлей. Между тѣмъ, уже въ этомъ изложеніи оффиціальнаго документа читатель чувствуетъ, что настроеніе его какъ бы уже измѣнилось и, разъ выступили тѣ или другія „требованія рабочихъ“, то все остальное уже разсматривается, какъ преступленіе. Здѣсь сказалось опять гибельно, къ сожалѣнію, привычное у насъ настроеніе. Мы готовы плато-

нически примириться со всѣмъ, что составляетъ принадлежность развитой гражданственной жизни. Свобода печати?.. у насъ есть много приверженцевъ свободы печати даже въ высшихъ сферахъ, и князь Мещерскій приводилъ недавно восторженные отзывы объ этомъ прекрасномъ предметѣ нѣсколькихъ покойныхъ министровъ. Мы не сомнѣваемся, что эти отзывы были совершенно искренни, но опасаемся, что „освобожденная печать“ рисовалась при этомъ въ умахъ говорившихъ въ видѣ кроткой овечки, которая, уже изъ благодарности за свое освобожденіе отъ цѣпей, будетъ слѣдовать за освободителями на шелковой ленточкѣ и по временамъ кротко и благодарно лизать освободившую ихъ руку, издавая лишь ласкающее слухъ мелодическое блеяніе...

Разумѣется, безжалостная дѣйствительность всегда разрушаетъ эти прекраснодушныя мечтанія. Печать, только почувствовавъ первые признаки облегченнаго режима, по самому *органическому* свойству гласности — немедленно стремится стать *независимымъ* факторомъ общественной жизни, и нерѣдко благодушному освободителю ея приходится встрѣтить первому все неудобство рѣзкаго, хотя и оздоровляющаго вѣянія... И совершенно такъ же широкая рабочая организація, кѣмъ бы и съ какими бы цѣлями она ни была основана,—немедленно и неизбѣжно становится орудіемъ для выраженія *настоящихъ жизненныхъ* нуждъ среды и считается только съ ними; а если отъ нея ждали другого и если ей самой подавались надежды, не вытекавшія изъ жизненныхъ соотношеній и свойствъ дѣйствующихъ въ обществѣ силъ, то совершенно понятно, что для обѣихъ сторонъ наступаетъ разочарованіе. Администрація не находитъ покорной массы, готовой покорно ограничиться однимъ упованіемъ на свѣтлое будущее, рабочая масса страстно требуетъ дѣйствительнаго удовлетворенія своихъ наболѣвшихъ требованій...

На этой почвѣ двухъ разностороннихъ разочарованій и разыгрываются дальнѣйшія событія. „Требованія рабочихъ, — говоритъ правительственное сообщеніе,—въ письменномъ изложеніи, составленномъ въ большинствѣ случаевъ Гапономъ, были распространяемы среди рабочихъ. Первоначально они касались мѣстныхъ для отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ вопросовъ, затѣмъ перешли къ вопросамъ общимъ: о 8-часовомъ рабочемъ днѣ, объ участіи рабочихъ организацій въ разрѣшеніи спора между рабочими и хозяевами. Хозяева охваченныхъ стачкой промышленныхъ заведеній, собравшись на совѣщаніе, признали, что удовлетвореніе нѣкоторыхъ домогательствъ рабочихъ должно повлечь за собой полное паденіе русской промышленности“ (!), другія требованія могли бы быть удовлетворены только при помощи законодательства, которое распространило бы ихъ на всѣ конкуррирующія отрасли производства равномѣрно, наконецъ, третьи „могли бы быть частью удовлетворены въ мѣрѣ посильной для

каждаго отдѣльнаго предпріятія", но фабриканты отказались „вести объ нихъ переговоры съ организаціей стачечниковъ во всей совокупности".

Сначала стачка не сопровождалась нарушеніемъ порядка. Но затѣмъ, по словамъ оффиціальнаго сообщенія, „къ агитаціи, которое вело Общество фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, присоединились подстрекательства подпольныхъ революціонныхъ кружковъ, а съ 8 января и само вышеупомянутое общество, со священникомъ Гапономъ во главѣ, перешло къ пропагандѣ явно революціонной. Въ этотъ день священникомъ Гапономъ была составлена и распространена петиція отъ рабочихъ на Высочайшее имя, въ которой уже, на ряду съ пожеланіемъ объ измѣненіи условій труда, *были изложены дерзкія требованія политическаго свойства*".

Такъ, самымъ ходомъ вещей, назрѣвали элементы петербургскихъ событій. Весь экспериментъ логически былъ законченъ. На сцену выступили „факты". Когда-нибудь, быть можетъ даже въ скоромъ времени,—исторія дастъ намъ трагическія черты того настроенія, въ которомъ находился Петербургъ наканунѣ 9-го января, когда всѣмъ было извѣстно, что массы рабочихъ готовятся назавтра представить свою петицію... Къ явленіямъ подобнаго рода уже давно привычны общества, живущія развитою гражданскою жизнью, и тамъ есть формы, въ которыя могло бы отлиться это петиціонное движеніе, безъ экстреннаго нарушенія порядка и безъ трагическихъ событій. Но наша жизнь, только мечтающая о „единеніи власти съ народомъ" и о формахъ этого единенія, была застигнута врасплохъ огромнымъ, небывалымъ движеніемъ, охватившимъ сотни тысячъ рабочаго населенія... И весь взволнованный предстоящей драмой Петербургъ сознавалъ, что наша суровая „практика" не выдвинетъ ничего, кромѣ привычныхъ „воздѣйствій"...

Дальше мы будемъ точно слѣдовать оффиціальному изложенію событія, въ надеждѣ, что и оно дастъ читателю, особенно русскому читателю, привычному къ условностямъ оффиціальнаго стиля,—достаточно яркую картину петербургской трагедіи.

„Фанатическая пропаганда,—говоритъ все то же правительственное сообщеніе, — которую въ забвеніи святости своего сана велъ священникъ Гапонъ, и преступная агитація злоумышленныхъ лицъ возбудили рабочихъ настолько, что они 9-го января огромными толпами стали направляться къ центру города. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между ними и войсками вслѣдствіе упорнаго сопротивленія толпы подчиниться требованію разойтись, а иногда даже нападенія на войска, произошли кровопролитныя столкновенія. Войска вынуждены были произвести залпы: на Шлиссельбургскомъ трактѣ, у Нарвскихъ воротъ, у Троицкаго моста, по 4-й линіи, на Маломъ проспектѣ Васильев-

скаго острова, у Александровскаго сада, на углу Невскаго проспекта, на улицѣ Гоголя, у Полицейскаго моста и на Казанской площади. На 4-й линіи Васильевскаго острова толпа устроила изъ проволокъ и досокъ три баррикады, прикрѣпила красный флагъ; изъ оконъ сосѣднихъ домовъ въ войска были брошены камни и произведены выстрѣлы; у городовыхъ толпа отнимала шашки и вооружалась ими, разграбила оружейную фабрику Шаффа, похитивъ около 100 стальныхъ клинковъ, которые, однако, были большею частью отобраны. Въ 1-мъ и во 2-мъ участкахъ Васильевской части толпой были порваны телефонные провода, опрокинуты телефонные столбы; на зданіе 2-го полицейскаго участка Васильевской части произведено нападеніе, и помѣщеніе участка разбито. Вечеромъ на Большомъ и Маломъ проспектахъ Петербургской стороны разграблено 5 лавокъ. Общее количество потерпѣвшихъ отъ выстрѣловъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ больницами и пріемными покоями, къ 8-ми часамъ вечера, составляетъ убитыхъ 76 человѣкъ, въ томъ числѣ околоточный надзиратель, раненыхъ 233 человѣка, въ томъ числѣ тяжело раненъ помощникъ пристава и легко ранены рядовой жандармскаго дивизіона и городовой. На 10-е января къ охранѣ города приняты мѣры, которыя были приняты 9-го числа"...

V.

Такъ заканчивается это первоначальное сообщеніе о событіи, еще небываломъ въ новѣйшей русской исторія по характеру и по размѣрамъ. Всякій, для кого названія петербургскихъ площадей и улицъ не простой отвлеченный терминъ, представитъ себѣ это кольцо, въ которое стягивались огромныя и безоружныя рабочія массы, направлявшіяся отъ окраинъ къ центру. Не трудно также представить въ воображеніи это море людей, двигавшихся нерѣдко съ женщинами и дѣтьми... Мѣстами впереди несли иконы и хоругви. И въ заключеніе по всему этому кольцу въ разныхъ мѣстахъ вспыхнули огни ружейныхъ залповъ, и мостовая обагрилась родною кровью...

Мы не станемъ воспроизводить подробностей ужасающей картины. Она, можетъ быть, скоро будетъ возстановлена „нелицепріятной исторіей"... Не станемъ также устанавливать ея истинные размѣры. Для этого нѣтъ еще полныхъ свѣдѣній, хотя въ оффиціальныхъ „Вѣдомостяхъ С.-Петербургскаго Градоначальства" уже появились именные списки убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, тоже еще не полные, но уже значительно превысившіе первоначальныя цифры... *). Все это можетъ расширить размѣры, но не

*) См. „Новое Вр." отъ 22 января. По иностраннымъ свѣдѣніямъ, даже съ соотвѣтствующими поправками, число убитыхъ простирается отъ 500 до 1000 человѣкъ.

измѣнить характеръ самой картины... По весьма понятнымъ причинамъ мы воздерживаемся также отъ оцѣнки всего происшедшаго...

Бѣдствіе огромное, тяжкое, непоправимое. Мрачнымъ призракомъ, грознымъ предзнаменованіемъ оно стало на рубежѣ, который долженъ былъ обозначить переломъ застоявшейся русской жизни, начало ея новой эры... Такъ мало прожито съ тѣхъ поръ, когда начались много обѣщавшіе разговоры о единеніи и довѣріи, и такъ много пережито до этихъ выстрѣловъ и кавалерійскихъ атакъ на улицахъ столицы...

Вся русская жизнь представляется намъ какъ бы остановившейся въ раздумьи и ужасѣ, точно сказочный богатырь, передъ которымъ на распутьи всталъ внезапно грозный призракъ. Куда идти дальше?.. И идти ли?.. И можно ли вѣрить въ будущее и можно ли повторять недавнія еще радостныя формулы?..

Неужели все это можетъ стать опять вопросомъ?

Трагедія нашей жизни за послѣднія десятилѣтія состоитъ въ безсиліи всѣхъ попытокъ разорвать волшебный кругъ бюрократической реакціи. Когда въ устающемъ обществѣ водворяется наружное спокойствіе, то его безнадежное молчаніе принимается за признакъ благоденствія и довольства. И тогда мы слышимъ, что никакія реформы не нужны, потому что все обстоитъ благополучно... И даже именно потому все благополучно, что никакихъ „реформъ“ на горизонтѣ не видно. А когда же наружное благополучіе переходитъ въ признаки недовольства и тревоги, то первыя же попытки реформъ немедленно прекращаются, потому что онѣ признаются несвоевременными. Не нужно—потому, что еще все спокойно... Нельзя, потому что уже начинается броженіе,—такова философія нашей новѣйшей исторіи, такова альфа и омега бюрократическаго творчества...

А между тѣмъ — жизнь не ждетъ... Въ ея глубинахъ назрѣваютъ не находящія исхода потребности... Давно уже изъ боязни живой работы у насъ прекращены не только попытки аграрныхъ реформъ, но даже статистика, — необходимая подготовительная стадія всякой серьезной работы. Мы то слышали убаюкивающія сказки о „патріархальности“ русскаго капитализма, устраняющаго необходимость коренныхъ реформъ фабричнаго законодательства, то видѣли попытки запречь молодое рабочее движеніе въ полицейскую колесницу. И все время мы встрѣчали боязнь передъ развивающимся сознаніемъ народныхъ массъ и передъ естественнымъ ихъ стремленіемъ къ организаціи для правомѣрнаго отстаиванія своихъ интересовъ... Между тѣмъ какъ это ростущее сознаніе является лучшимъ залогомъ спокойнаго общественнаго развитія и общественнаго здоровья, если только отнестись къ нему правдиво и искренно...

И вотъ, наша жизнь стала похожа на гигантскій котелъ, въ

которомъ закипаетъ сдавленная живая сила, требующая законнаго исхода. Но—лишь только мы пытаемся открыть предохранительный клапанъ, какъ рѣзкій шумъ вырывающагося пара пугаетъ нашихъ машинистовъ, они торопятся опять закрыть и даже замазать всѣ щели... И когда послѣ этого наступаетъ тишина, лишь изрѣдка нарушаемая глухими внутренними толчками, то это принимается за признаки благополучія и безопасности...

И вотъ... еще одинъ опытъ... И неужели клапаны опять будутъ закрыты?

Жизнь не ждетъ. Передъ русскимъ обществомъ и передъ русскимъ народомъ все явственнѣе встаетъ загадка его существованія, и возврата уже нѣтъ и быть не можетъ.

Это ясно, и что касается русскаго общества, то оно сознало это безповоротно!

Вл. Короленко.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На сооруженіе памятника на могилѣ **Николая Константиновича Михайловскаго** поступило:

От Л. М. Рейнгольдъ, изъ С.-Петербурга—3 р.

Итого . . . 3 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 2.665 р. 04 к.

На стипендію имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ NN—1 р., отъ друга и товарища Д. И. Мочальскаго, изъ Москвы—10 р.

Итого . . . 11 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 884 р. 65 к.

Въ капиталъ имени **Николая Константиновича Михайловскаго** при „Литературномъ Фондѣ":

Отъ Тараниковой, изъ Одессы—3 р.

Итого . . . 3 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 193 р. 48 к.

На устройство народной школы имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ „Упрямца“, изъ Екатеринослава—2 р., отъ А. Митяншевой, изъ Шадринска—5 р., отъ Е. Долинской, изъ Нальчика—1 р., отъ политическихъ администр.-ссыльныхъ Евгенія и Екатерины Поповыхъ, изъ Среднеколымска—6 р. 50 к., отъ политическаго администр.-ссыльнаго Игоря Будиловича, изъ Среднеколымска—1 р., отъ политическаго администр.-ссыльнаго Вартана Гарагулянца, изъ Среднеколымска—50 к., отъ Г. А. Ротинянца, изъ Тифлиса—2 р., отъ А. М. Сухомлиной, изъ Одессы—3 р.

Итого . . . 21 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 262 р. — к.

На изданіе сборника, посвященнаго памяти **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ В. Буйницкаго, изъ Екатеринбурга—1 р. 50 к., отъ доктора М. А. Щеглова, изъ Тулы—2 руб., отъ А. С. Типольтъ, изъ Тулы—1 р., NN, изъ Тулы—2 р.

Итого . . . 6 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими 10 р. — к.

На изданіе *безплатнаго* сборника для публичныхъ библіотекъ и народныхъ школъ, посвященнаго „вѣчной памяти великаго заступника народнаго **Николая Константиновича Михайловскаго**“:

Отъ І. И. Годлевскаго, изъ Челябинска—1 р., А. М. Сухомлиной, изъ Одессы—3 р.

Итого . . . 4 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 5 р. — к.

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ.:

Отъ Г. А. Ротинянца, изъ Тифлиса—2 р.

Итого . . . 2 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 3.554 р. 76 к. *)

*) Изъ этой суммы 3.509 р. 26 к. 20 февраля 1904 г. за № 6201 переведены черезъ Государственный Банкъ въ Новгородскую губернскую земскую управу.

На сооруженіе **памятника на могилѣ Гл. И. Успенскаго:**

От А. Томской, изъ С.-Петербурга—5 р., отъ В. Я. Е. изъ С.-Петербурга—10 р.

Итого . . . 15 р. — к.

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность части усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти Н. А. Некрасова:

Отъ священника І. Егорова, изъ Обдорска—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 413 р. 35 к.

На изданіе сборника въ память 25-лѣтія со дня смерти „великаго пѣвца народа-раба“, **Н. А. Некрасова:**

Отъ І. И. Годлевскаго, изъ Челябинска—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

На учрежденіе высшей народной школы имени гр. **Л. Н. Толстого:**

Отъ К. В. Овчинникова, изъ Тифлиса—1 р., отъ г. Бушуева, изъ Усть-Гарышской прист.—1 р. 50 к.

Итого . . . 2 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими 160 р. — к.

Редакторъ-Издатель: **Вл. Г. Короленко.**

Дозв. ценз. Спб., 28 января 1905 г. Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская, 34.

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 2083.

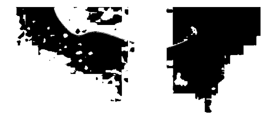
ФЕВРАЛЬ. 1905.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 2.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ую стр. обложки).

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Неисповѣдимому Промыслу Божію благоугодно было посѣтить Отечество наше тяжкими испытаніями:

Кровопролитная война на Дальнемъ Востокѣ за честь и достоинство Россіи и за господство на водахъ Тихаго океана, столь существенно необходимое для упроченія въ долготу вѣковъ мирнаго преуспѣянія не только нашего, но и иныхъ христіанскихъ народовъ,—потребовала отъ народа Русскаго значительнаго напряженія его силъ и поглотила многія дорогія, родныя сердцу Нашему жертвы.

Въ то время, когда доблестнѣйшіе сыны Россіи, съ беззавѣтною храбростію сражаясь, самоотверженно полагаютъ жизнь свою за вѣру, Царя и Отечество,—въ самомъ Отечествѣ нашемъ поднялася смута на радость врагамъ нашимъ и къ великой сердечной Нашей скорби.

Ослѣпленные гордынею злоумышленные вожди мятежнаго движенія дерзновенно посягаютъ на освященные Православною Церковью и утвержденные законами основные устои Государства Россійскаго, полагая, разорвавъ естественную связь съ прошлымъ, разрушить существующій государственный строй и, вмѣсто онаго, учредить новое управленіе страною на началахъ, Отечеству Нашему несвойственныхъ.

Злодѣйское покушеніе на жизнь Великаго Князя, горячо любившаго Первопрестольную Столицу и безвременно погибшаго лютою смертію среди священныхъ памятниковъ Московскаго Кремля, глубоко оскорбляетъ народное чувство каждаго, кому дороги честь русскаго имени и добрая слава нашей Родины.

Со смиренiемъ принимая всѣ сiи, ниспосланныя Правосудiемъ Божiемъ испытанiя, Мы почерпаемъ силы и утѣшенiе въ твердомъ уповани на милосердiе Господа, отъ вѣка Державѣ Российской являемое, и въ извѣстной Намъ исконной преданности Престолу вѣрнаго народа Нашего.

Молитвами Святой Православной Церкви, подъ стягомъ Самодержавной Царской Власти и въ неразрывномъ единенiи съ Нею, Земля Русская не разъ переживала великiя войны и смуты, всегда выходя изъ бѣдъ и затрудненiй съ новою силою несокрушимою.

Но внутреннiя нестроенiя послѣдняго времени и шатанiя мысли, способствовавшiя распространенiю крамолы и безпорядковъ, обязываютъ Насъ напомнить Правительственнымъ Учрежденiямъ и Властямъ всѣхъ вѣдомствъ и степеней долгъ службы и велѣнiя присяги и призвать къ усугубленiю бдительности по охранѣ закона, порядка и безопасности, въ строгомъ сознанiи нравственной и служебной отвѣтственности передъ Престоломъ и Отечествомъ.

Непрестанно помышляя о благѣ народномъ и твердо вѣруя, что Господь Богъ, испытавъ Наше терпѣнiе, благословитъ оружiе Наше успѣхомъ, Мы призываемъ благомыслящихъ людей всѣхъ сословiй и состоянiй, каждаго въ своемъ званiи и на своемъ мѣстѣ, соединиться въ дружномъ содѣйствiи Намъ словомъ и дѣломъ во святомъ и великомъ подвигѣ одолѣнiя упорнаго врага внѣшняго, въ искорененiи въ Землѣ нашей крамолы и въ разумномъ противодѣйствiи смутѣ внутренней, памятуя, что лишь при спокойномъ и бодромъ состоянiи духа всего населенiя страны возможно достигнуть успѣшнаго осуществленiя предначертанiй Нашихъ, направленныхъ къ обновленiю духовной жизни народа, упроченiю его благосостоянiя и усовершенствованiю государственнаго порядка.

Да станутъ же крѣпко вокругъ Престола Нашего всѣ Русскiе люди, вѣрные завѣтамъ родной старины, радѣя честно и совѣстливо о всякомъ Государевомъ дѣлѣ въ единомыслiи съ Нами.

И да подастъ Господь въ Державѣ Россiйской: Пастырямъ—святыню, Правителямъ—судъ и правду, народу—миръ и тишину, законамъ—силу и вѣрѣ — преуспѣянiе, къ вящшему укрѣпленiю истиннаго Самодержавiя на благо всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ.

Данъ въ Царскомъ Селѣ въ 18-й день февраля въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованiя же Нашего въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ".

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ,

данный Правительствующему Сенату.

1905 года, февраля 18-го. „Въ неустанномъ попеченіи объ усовершенствованіи государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія Имперіи Россійской признали Мы за благо облегчить всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, радѣющимъ объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ, возможность непосредственно быть Нами услышаннымъ.

Въ виду сего повелѣваемъ:

Возложить на состоящій подъ предсѣдательствомъ Нашимъ Совѣтъ Министровъ, сверхъ дѣлъ, ему нынѣ подвѣдомственныхъ, разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ на Имя Наше отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія".

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащее по сему предмету распоряженіе.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Александръ Григорьевичъ.

Вѣрныя исконному обычаю народа русскаго—нести къ Престолу изъявленія чувствъ своихъ во дни радостей и печалей, переживаемыхъ Отечествомъ, — дворянскія и земскія собранія, купеческія, городскія и крестьянскія общества, со всѣхъ концовъ Земли Русской, принесли Мнѣ многочисленныя поздравленія, по случаю радостнаго событія рожденія Наслѣдника Цесаревича, съ выраженіемъ готовности пожертвовать своимъ достояніемъ дѣлу успѣшнаго завершенія войны и посвятить всѣ свои силы для содѣйствія Мнѣ въ усовершенствованіи Государственнаго порядка.

Отъ Имени Ея Величества и Моего поручаю вамъ передать привѣтственно обратившимся ко Мнѣ собраніямъ и обществамъ сердечную Нашу благодарность за выраженіе ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, которыя въ трудное переживаемое Нами время были Намъ тѣмъ болѣе отрадны, что высказанная въ тѣхъ обращеніяхъ готовность, по зову Моему, придти содѣйствовать успѣшному осуществленію возвѣщенныхъ Мною преобразованій, всецѣло отвѣчаетъ душевному Моему желанію: совмѣстною работою Правительства и зрѣлыхъ силъ общественныхъ достигнуть осуществленія Моихъ предначертаній, ко благу народа направленныхъ.

Преемственно продолжая Царственное дѣло Вѣнценосныхъ Предковъ Моихъ—собираніе и устроеніе Земли Русской, Я вознамѣрился отнынѣ, съ Божіею помощью, привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній.

Соображая особыя условія обширнаго Отечества Нашего, разноплеменность состава его населенія и слабое въ нѣкоторыхъ его частяхъ развитіе гражданственности, Государи Россійскіе въ мудрости Своей всегда даровали необходимыя, въ зависимости отъ назрѣвшихъ потребностей, преобразованія, лишь въ порядкѣ извѣстной послѣдовательности и съ осмотрительностью, обезпечивающею неразрывность крѣпкой исторической связи съ прошлымъ, какъ залога прочности и устойчивости сихъ преобразованій въ будущемъ.

И нынѣ, предпринимая сіе преобразованіе, увѣренный, что знаніе мѣстныхъ потребностей, жизненный опытъ и разумное откровенное слово лучшихъ выборныхъ людей обезпечитъ плодотворность законодательныхъ работъ на истинную пользу народа, Я, вмѣстѣ съ тѣмъ, предвижу всю сложность и трудность проведенія сего преобразованія въ жизнь при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи.

А посему, хорошо зная многолѣтнюю административную вашу опытность и цѣня спокойную увѣренность характера вашего, Я признаю за благо учредить подъ вашимъ предсѣдательствованіемъ Особое Совѣщаніе для обсужденія путей осуществленія сей Моей воли.

Да благословитъ Господь сіе благое начинаніе Мое и да поможетъ вамъ исполнить оное успѣшно на благо Богомъ ввѣреннаго Мнѣ народа.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„*НИКОЛАЙ*“.

18-го февраля 1905 г.
Гор. Царское Село.

ФЕВРАЛЬ. 1905.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. 34.
1905.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 февраля 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1903 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1904 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

НА ВОЙНѢ.

I.

...Мы, „летучій" отрядъ Краснаго Креста, занимали тогда крайнюю фанзу деревеньки С. Впрочемъ, эта деревенька, состоявшая изъ какихъ-нибудь пятнадцати-двадцати утонувшихъ въ зелени фанзъ, называлась городомъ,—должно быть, потому, что въ самой большой фанзѣ, съ нѣсколькими наложенными одна на другую изящно выгнутыми крышами, жило какое-то китайское начальство, круглое, заплывшее жиромъ, потное и пыхтящее. Въ предыдущія стоянки въ С. я видѣлъ нѣсколько разъ это начальство: его проносили въ паланкинѣ четверо полуголыхъ, съ темными, блестящими на солнцѣ тѣлами, китайцевъ. Тощіе, сухіе, съ длинными, тонкими, точно безъ мускуловъ, руками, они бодро и торопливо шагали, покачивая паланкиномъ, а начальство полулежало въ немъ, закрывъ узкіе глазки, изнемогая отъ жары и томно, еле-еле помахивая вѣеромъ. Мнѣ казалось, что настроеніе этого толстаго китайца должно быть очень постояннымъ и несложнымъ: жарко, тяжело, сонливо... Какъ онъ могъ о чемъ-нибудь думать, даже о самомъ несложномъ? У него могли быть только ощущенія, а не мысли... А между тѣмъ, мнѣ много разсказывали объ его невѣроятной, утонченной жестокости и удивительной изобрѣтательности, проявляемой въ пыткахъ, которыми онъ обставлялъ каждое свое слѣдствіе, каждый допросъ. Округъ у него былъ большой, и судить ему приходилось много... Когда выяснилось, что скоро возлѣ деревеньки можетъ разыграться сраженіе, онъ струсилъ, и тѣ же четверо тощихъ китайцевъ утащили его куда-то въ горы.

А когда сраженіе, дѣйствительно, разыгралось, вслѣдъ за нимъ разбѣжались и прочіе жители С., простые смертные, и во всемъ „городѣ" осталось только три китайца, и въ ихъ числѣ хозяинъ нашей фанзы—Липинлинъ.

Въ городѣ и кругомъ него, во всемъ этомъ округѣ, былъ голодъ. Когда, два мѣсяца назадъ, сюда пришли русскіе,

населеніе округа сразу увеличилось почти въ пять разъ. Русскіе привезли съ собой очень мало пищи,—они разсчитывали найти ее на мѣстѣ, у китайцевъ, и не могли связывать себя тяжелымъ и большимъ обозомъ. Они отбирали у китайцевъ скотъ, кукурузу, муку,—все, что годилось въ пищу,—и скромные запасы, разсчитанные въ обрѣзъ до будущаго урожая, истощились очень скоро. Въ послѣднее время казаки должны были ѣздить на фуражировки за 25—30, даже болѣе верстъ, но и оттуда они часто возвращались съ пустыми руками... Вездѣ кругомъ все было съѣдено, уничтожены даже всходы на изящныхъ, великолѣпно обработанныхъ китайскихъ поляхъ,—нужно же было чѣмъ-нибудь кормить и лошадей. И въ будущемъ китайцамъ грозилъ еще болѣе страшный голодъ... Правда, имъ платили русскими кредитками, но зачѣмъ онѣ были нужны теперь, въ это страшное военное время, когда и на настоящія, китайскія деньги нельзя ничего достать?..

Мы пять разъ уѣзжали изъ „города", слѣдуя за дивизіей, къ которой были прикомандированы, и пять разъ въ него возвращались. И съ каждымъ новымъ нашимъ пріѣздомъ картина китайскаго разоренія становилась все страшнѣе и страшнѣе... Когда мы сюда пріѣхали въ первый разъ, маленькій городъ, весь въ садахъ, цвѣтущихъ и благоухающихъ, окруженный зеленѣющими пашнями, былъ полонъ мирной и веселой жизни, а въ послѣдній пріѣздъ мы нашли его опустѣвшимъ, безлюднымъ... Поля кругомъ были обезображены, затоптаны, а въ бумажныя окна пустыхъ фанзъ сквозь оборванную, висѣвшую клочьями, бумагу смотрѣло непоправимое разореніе: все тамъ, внутри, было переломано, разбросано, разбито... Единственный китаецъ, котораго мы нашли на улицѣ, грязный, худой, какъ скелетъ, съ растрепавшейся косой, накрытый какой-то грязной рогожей, встрѣтилъ насъ угрюмымъ, ничего не выражавшимъ взглядомъ своихъ безцвѣтныхъ, потухшихъ глазъ...

Когда мы подъѣхали къ „своей" фанзѣ, насъ не встрѣтилъ Липинлинъ, ея хозяинъ, какъ онъ дѣлалъ это раньше. Онъ появился на дворѣ часа черезъ два, когда мы сидѣли за обѣдомъ. Не поздоровавшись (а раньше это онъ продѣлывалъ очень любезно), онъ остановился около нашего стола.

— Цуба! — крикнулъ на него обѣдавшій съ нами офицеръ.—Не могу я выносить китайской вони... Тошнитъ, ей-Богу... Чортъ ихъ знаетъ, чѣмъ отъ нихъ пахнетъ... Цуба, тебѣ говорятъ... Пошелъ, пошелъ...

Липинлинъ, отъ котораго, какъ и отъ всѣхъ китайцевъ, дѣйствительно, пахло очень скверно, сдѣлалъ шагъ ко мнѣ и положилъ мнѣ на плечо руку.

— Капитанъ... кушъ-кушъ...—пробормоталъ онъ.

Я посмотрѣлъ на него: онъ голоденъ... Эта странная гримаса на темномъ, изрытомъ оспой лицѣ, это дрожаніе руки, лежащей на моемъ плечѣ, этотъ слабый, прерывающійся голосъ... Онъ вдругъ повалился на землю и обнялъ дрожащимъ, порывистымъ движеніемъ мои ноги:

— Капитанъ, капитанъ... Кушъ-кушъ...

Я съ трудомъ разжалъ его руки, поднялъ его.

— На, на... вотъ...

Липинлинъ схватилъ тарелку и ушелъ въ фанзу.

— Не люблю,—сказалъ офицеръ.—Сволочь—народъ... Онъ тутъ тебѣ: капитанъ, капитанъ!.. У ногъ ползаетъ... а встрѣться-ка съ ними, съ двумя-тремя одинъ въ лѣсу... ого!.. Ужасно двуличный народъ... На дняхъ нашли двухъ казаковъ—смотрѣть страшно, до чего изуродованы. Нынче меньше десяти человѣкъ и не посылай на фуражировки. И то опасно... И потомъ—всѣ они поголовно японскіе шпіоны.

Липинлинъ вернулся очень скоро, черезъ одну-двѣ минуты, и уже съ пустой тарелкой. Онъ поставилъ ее передо мной, потрепалъ меня по плечу, пробормоталъ что-то, должно быть благодарность, и показалъ мнѣ большой палецъ,—этимъ жестомъ китайцы выражаютъ свое уваженіе, почтеніе, благодарность... Потомъ отошелъ въ сторону и сталъ о чемъ-то разсказывать. Разсказывалъ онъ торопливо, взволнованно,—и я съ трудомъ улавливалъ по извѣстнымъ мнѣ словамъ смыслъ его разсказа. Онъ говорилъ, что кругомъ всѣ голодаютъ, что у него есть старый-престарый, весь бѣлый отецъ. Онъ еле ходитъ, ничего уже не видитъ и теперь все плачетъ,—онъ уже третій день ничего не ѣлъ,—и все проситъ Липинлина принести ему ѣсть. Онъ не понимаетъ, что Липинлину негдѣ добыть ему пищи... Голодна и жена Липинлина, и дѣти. У него ихъ пятеро, и всѣ они маленькія, и тоже все плачутъ... Старшему двѣнадцать лѣтъ—Липинлинъ показалъ рукой, какого онъ роста, —другой поменьше—вотъ такой, третій... Когда онъ дошелъ до третьяго, онъ не могъ говорить дальше: лицо его сморщилось, ротъ скривился, глаза какъ-то странно заблестѣли, потомъ точно подернулись туманомъ,—и по темнымъ, грязнымъ щекамъ покатились одна за другой свѣтлыя и чистыя, какъ капельки росы, слезы... Мы молчали.

— Смотрите, смотрите,—вдругъ прервалъ молчаніе офицеръ.—Смотрите, какой онъ сальный: слезы не пристаютъ къ щекамъ, а такъ и катятся шариками... Вѣдь правда?.. Видите?

Липинлинъ хотѣлъ говорить дальше, зашевелилъ искривленными губами, но не могъ сказать ни слова. Стоялъ онъ совершенно неподвижно,—только быстро-быстро шевелилъ

пальцами... А слезы все катились и катились, капая съ его лица на землю...

— Ничего, братъ-„желтая опасность“, ничего не подѣлаешь,—опять заговорилъ офицеръ.— На то война... Намъ тоже не сладко... Чортъ тебя тянулъ жить здѣсь... Жилъ бы гдѣ-нибудь около Пекина—и разлюли бы малина...

Я далъ Липинлину хлѣба и мяса, чтобы онъ унесъ ихъ своимъ китайчатамъ и бѣлому отцу.

— Слушайте, Григорій Петровичъ,—строго сказалъ мнѣ на это начальникъ нашего отряда, докторъ Эрдманъ.—Мы не имѣемъ права раздавать припасы голоднымъ китайцамъ. Вы читали нашу инструкцію?.. Тамъ все сказано отлично, какія ваши обязанности... И поэтому, выдавать еще этому китайцу наши запасы я вамъ не позволю..

Докторъ Эрдманъ не допускалъ ни малѣйшихъ уклоненій отъ инструкціи, и въ слѣдующіе дни я, чтобы накормить голодныхъ Липинлиновыхъ китайчатъ, кралъ изъ нашихъ запасовъ... Что же мнѣ было дѣлать? Иначе я не могъ рѣшить дилеммы: или я буду воровать, или китайчата умрутъ съ голоду...

Липинлинъ цѣлыми днями, когда былъ дома, ходилъ за мной. Сначала это меня очень утомляло, но потомъ я пересталъ его замѣчать. Когда я случайно взглядывалъ на него, онъ говорилъ:

— Капитанъ—шанго... Татады капитанъ...

Это значило: «капитанъ-хорошій... Большой капитанъ»...

И показывалъ мнѣ большой палецъ. Былъ у него и другой жестъ для изъявленія своего уваженія: онъ прижималъ къ ладони три среднихъ пальца, оставивъ большой и мизинецъ, и приставлялъ мизинецъ къ своей груди, такъ что большой палецъ оказывался обращеннымъ къ собесѣднику. Это значило: ты—большой палецъ, а я—маленькій-маленькій, самый маленькій...

II.

Въ тотъ вечеръ, съ котораго я хочу начать свой разсказъ, я, по обыкновенію, сидѣлъ за воротами нашей фанзы. Она стояла на самомъ берегу шумливой, весело прыгающей по камнямъ рѣчки съ чистой, прозрачной, холодной водой; за рѣчкой было поле, по которому теперь бродило нѣсколько казачьихъ лошадей, дощипывавшихъ уцѣлѣвшіе отъ прошлыхъ потравъ стебли гаоляна и кукурузы; за полемъ бѣжала другая рѣчка, а за нею крутымъ обрывомъ поднималась высокая, вся покрытая кудрявыми деревьями, гора или сопка, какъ здѣсь называли такія отдѣльно стоящія горы. Недѣлю

тому назадъ на этой «сопкѣ», прячась въ ея кудрявыхъ деревьяхъ, стояли японскія пушки и стрѣляли по отступавшимъ въ долинѣ русскимъ...

Направо отъ кудрявой сопки уходила въ даль долина между двумя высокими зелеными хребтами. Хребты шли параллельно другъ другу, и долина открывала далекую манящую и возбуждающую мечту перспективу. Туда, на востокъ, по этой долинѣ убѣгала веселая рѣчка; къ ней въ полуверстѣ отъ города приставала другая, ея сестра,—и дальше онѣ бѣжали вмѣстѣ, тѣсно обнявшись, безъ умолку о чемъ-то болтая и весело скача по каменистому руслу. Куда онѣ спѣшили, болтуньи, такъ весело, такъ торопливо?..

А съ другой стороны сопки, на западѣ поднималась другая гора, большая, длинная и высокая, но съ пологими скатами. Ея склонъ, обращенный къ городу, не былъ покрытъ деревьями, и на этой полянѣ стояла кумирня, раскрашенная въ яркіе цвѣта, съ высоко поднимающимися волнистыми крышами. За ней раскинулась по склону небольшая роща изъ китайскихъ сосенъ съ кривыми, невысокими стволами и плоскими верхушками, совсѣмъ въ китайскомъ стилѣ, а передъ нею, передъ входомъ въ ея дворъ, какъ разъ противъ воротъ, стояла маленькая, не больше этихъ воротъ, квадратная стѣна. Какъ мнѣ объяснилъ Липинлинъ, стѣна эта предназначалась для того, чтобы злой духъ, если бы ему вздумалось залетѣть въ кумирню, расшибъ объ нее себѣ лобъ... А добрые духи и люди могли, конечно, благополучно обойти ее...

Милыя, наивныя дѣти! У нихъ отъ людей нѣтъ никакихъ замковъ, никакихъ запоровъ, а отъ злыхъ духовъ ихъ кумирни великолѣпно ограждаются этими глупыми, смѣшными маленькими стѣнами на сажень отъ входа...

Липинлинъ стоялъ передо мной и разсказывалъ о сраженіи, въ центрѣ котораго ему пришлось быть. Онъ тогда сидѣлъ въ своей фанзѣ, а снаряды и пули летали надъ нею... Было очень страшно, но онъ, Липинлинъ, большой охотникъ до сильныхъ сценъ и не изъ трусовъ. Японцевъ онъ очень уважалъ: они, передъ кѣмъ русскіе отступаютъ и у кого есть такія громкія и страшныя пушки, казались ему большой, неодолимой, удивительной силой. А онъ страстно любилъ силу, любилъ богатырей: всѣ стѣны его фанзы заклеены лубочными изображеніями легендарныхъ героевъ и ихъ жестокихъ подвиговъ... Къ тому же японцы были силой злой только по отношенію къ своимъ врагамъ, русскимъ, а съ китайцами обращались хорошо: не тронули ихъ фанзъ и даже накормили оставшихся въ городѣ голодныхъ, въ томъ числѣ и его, Липинлина. Русскихъ плѣнныхъ они, къ его крайнему удивленію, не убили, а перевязали имъ

раны, дали ѣсть... Словомъ, они были совсѣмъ богатыри.—сильные, непобѣдимые, но добродушные и щедрые...

Вотъ на этой горѣ, на самой вершинѣ они поставили тогда свое знамя и много-много пушекъ. Сначала они стрѣляли изъ ружей: тррр... тррр... а потомъ вдругъ какъ ударятъ: пакъ! Липинлинъ даже присѣлъ... Затѣмъ онъ слышалъ, какъ пролетѣлъ надъ городомъ снарядъ жжж... и разорвался гдѣ-то въ сторонѣ русскихъ—и по лѣсу раздалось: хоа... Еще и еще: пакъ! пакъ! А у русскихъ были только ружья, и они отвѣчали слабо и безпомощно: пака-пака, пака-пака... Право, это было даже смѣшно: пака-пака... А японцы пакъ! пакъ!.. жжж... хоа!..

Липинлинъ изображалъ все это въ лицахъ, съ большимъ жаромъ. Конечно, русскіе валились безъ числа и скоро побѣжали, согнувшись, высоко прыгая и размахивая руками,—именно такъ, какъ велъ себя на его лубочныхъ картинкахъ побѣжденный богатырями непріятель... А японцы вслѣдъ имъ: пакъ! пакъ!..

Я его не слушалъ,—онъ уже не въ первый разъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ событіи, о которомъ, вѣроятно, будетъ разсказывать до конца своей жизни.. Онъ видѣлъ, что я не слушаю, но успокоился только, когда дошелъ до конца,—и сѣлъ рядомъ со мной.

— Капитанъ-шанго... Татады капитанъ...—похлопалъ онъ меня по плечу.

Я поднялъ глаза: у него было довольное, оживленное лицо. Сегодня онъ былъ сытъ, унесъ и семьѣ пищи, — и какое ему было сейчасъ дѣло до темной и страшной силы, которая привела сюда, въ эти трущобы, для взаимнаго истребленія два народа и которая такъ тяжело легла и на его, Липинлина, родной край?.. Онъ видѣлъ одинъ эпизодъ борьбы этихъ народовъ и несказанно доволенъ тѣмъ, что видѣлъ...

— А какъ твои дѣти?—спросилъ я его.—Вѣдь мы скоро отсюда уйдемъ. Что ты съ ними будешь дѣлать?..

Липинлинъ схватилъ меня за руку и задумался.

— Вотъ мое поле,—сказалъ онъ.—Видишь, какое оно? А у меня отецъ, жена и пять маленькихъ дѣтей. Они и сейчасъ плачутъ, — имъ страшно въ горахъ, въ лѣсу... Ужъ очень они маленькіе: одинъ вотъ такой, другой поменьше, третій...

— Ахъ, не плачь ты... не плачь...

Онъ сидѣлъ, согнувшись, положивъ руки на колѣни. Его плечи вздрагивали, и изъ глазъ одна за другой падали на его колѣни, на руки прозрачныя слезинки... Я не зналъ, что мнѣ дѣлать, и мнѣ было стыдно за мой глупый вопросъ,

за то, что я такъ некстати разбередилъ затихшую на время боль его раны...

III.

На дворѣ послышались голоса, движеніе. То, должно быть, проснулся Иванъ Петровичъ, студентъ, завѣдывавшій нашимъ хозяйствомъ, санитарами, лошадьми,—вообще всей обстановкой. Онъ, обыкновенно, утромъ отдавалъ приказанія на весь день, днемъ спалъ, а вечеромъ провѣрялъ свое хозяйство. Ночью же онъ уходилъ куда-нибудь въ компанію офицеровъ играть въ карты. Мы жили тогда въ С. только частью отряда: старшій врачъ Эрдманъ и двое студентовъ, я—медикъ и Иванъ Петровичъ—юристъ. Было еще при насъ пять санитаровъ.

Иванъ Петровичъ кого-то распекалъ нуднымъ, временами плачущимъ голосомъ. Я былъ радъ его голосу: я былъ теперь не одинъ съ глазу на глазъ съ Липинлиновымъ горемъ... Что они тамъ говорятъ?

— Слушайте, Семеновъ, такъ нельзя...—слышу я ноющій голосъ Ивана Петровича.—Сколько разъ я вамъ говорилъ... Вамъ колъ на головѣ теши, вы и то... не того... Это вѣдь ужъ чортъ знаетъ, что такое...

Санитаръ Семеновъ, вѣроятно, смотритъ на него спокойными, ожидающими глазами, которые мнѣ всегда казались наглыми, и думаетъ: „Ну, ну, наддай еще, паддай"... Иванъ Петровичъ въ волненіи умолкаетъ.

— Чего еще? У меня порядокъ, — недоумѣвающе и тоже нуднымъ голосомъ спрашиваетъ Семеновъ.

— Вамъ что ни говори, какъ къ стѣнѣ горохъ... У васъ все: ладно, сойдетъ... Все у васъ кое-какъ, лишь бы сошло..

— Не знаю, чего...

— Бьюсь, бьюсь, ничего не могу съ вами подѣлать.. Одно осталось: плюнуть на все и уйти. Чортъ съ вами со всѣми... Это ваши лошади?

— Мои.

— Посмотрите на нихъ...

— Ну?

— Ну... Сколько разъ я вамъ говорилъ: не смѣть оставлять уздъ на лошадяхъ!.. Какъ къ стѣнѣ горохъ... Ну, и вотъ: еще одну узду изорвали...

— Такая ужъ скверная лошаденка,—недовольнымъ тономъ говоритъ Семеновъ.—Вы же сами мнѣ ее назначили...

Это окончательно выводитъ Ивана Петровича изъ терпѣнія.

— Кужеевъ! Кужеевъ!—кричитъ онъ.—Его опять нѣтъ?

Сколько разъ я говорилъ, не уходить безъ спросу... Какъ къ стѣнкѣ горохъ... Удивительный народъ!

— Здѣсь я...—откликается изъ фанзы Кужеевъ, санитаръ, которому у насъ присвоено наименованіе старшаго.

— Семенова поставить сегодня на дежурство... внѣ очереди... Съ вами иначе ничего не сдѣлаешь, добромъ. А вы, Кужеевъ, чего не смотрите? У васъ опять безобразіе... Это ваше дѣло,—смотрѣть, чтобы былъ порядокъ... Вы у меня слетите со старшаго...

— Слетишь, слетишь... Который разъ слышу... Не птица, слава тебѣ Господи!—ворчитъ Кужеевъ вполголоса, какъ будто про себя, но съ очевиднымъ разсчетомъ быть услышаннымъ.

Я жду взрыва негодованія, отчаяннаго крика Ивана Петровича, но онъ обезсилѣвшимъ, упавшимъ голосомъ говоритъ только:

— Хуже всякой птицы... Поставить чайники!

Потомъ пауза.

— Ну, кому говорятъ?.. Вѣдь вамъ говорятъ?.. Вѣдь русскимъ языкомъ: поставить чайники... Ну, и дѣлайте... Да живѣе, чортъ васъ... опять васъ десять лѣтъ ждать...

Онъ выходитъ ко мнѣ на улицу. Заспанное, недовольное съ кислой гримасой лицо, неряшливый, растрепанный костюмъ.

— Доброе утро,—привѣтствую я его.

Онъ тяжело опускается на бревно рядомъ со мной. Онъ былъ постоянно чѣмъ-нибудь недоволенъ, постоянно раздражался и не могъ спокойно говорить съ санитарами. Было ему 23—24 года.

— Не могу больше... Это какая-то тина: съ каждымъ днемъ опускаешься все больше и больше... Вьючка, развьючка, хозяйство, сволочь-санитары... Понимаете, я чувствую, что глупѣю. Чѣмъ дальше, тѣмъ глупѣе, глупѣе, гаже, гаже, гаже...

Я уже давно привыкъ слышать отъ него эти жалобы на отупѣніе.

— Вы знаете, зачѣмъ я сюда поѣхалъ?—вдругъ спросилъ онъ.

— Ну?

— Понимаете, мнѣ некуда было дѣваться. Тоже постоянно было вотъ такое скверное, раздраженное, тупое состояніе. Никакой, понимаете, дороги, никакой цѣли... Куда идти?.. Ни серьезной привязанности, ни любимаго дѣла... Ну, вообще—неврастенія. Въ концѣ концовъ дошелъ до дѣла,—ни чорта за душой нѣтъ... Просто—отчаяніе, помойная яма... А тутъ вдругъ война. Ну и уцѣпился,—вотъ, молъ, тамъ въ

серьезныхъ положеніяхъ будетъ форменное испытаніе. Тамъ, молъ, ужъ я опредѣлюсь. Тамъ и характеръ, и серьезныя положенія, и отъ неврастеніи вылѣчусь. И жизнь оцѣнишь, когда она на волоскѣ будетъ висѣть. И пріѣду оттуда съ здоровой усталостью, окрѣпнувъ, съ опредѣлившейся цѣлью... Нарочно хлопоталъ, чтобы попасть въ летучій отрядъ—туда, гдѣ посерьезнѣе... Ну, и вотъ,—поѣхалъ, и опять тина... Понимаете, глупѣю и глупѣю... Э, чортъ... А уѣхать отсюда? Куда?.. Были у меня тамъ привязанности, изъ женскаго пола, конечно, и тогда я ихъ мало цѣнилъ, а теперь... грошъ имъ цѣна... Липинлинка, давай умываться... Лянсуй, тунды? *).

Липинлинъ, теперь какъ будто успокоившійся, быстро вскочилъ, побѣжалъ на дворъ и принесъ оттуда свой ковшъ, сдѣланный изъ высохшей тыквы, полотенце и мыло. Потомъ онъ бѣгомъ сбѣжалъ къ рѣчкѣ, пополоскалъ тамъ ковшикъ, зачерпнулъ воды и поднесъ Ивану Петровичу.

— Докторъ идетъ,—сказалъ тотъ, засучивая рукава.

Дѣйствительно, по дорогѣ, которая вела на казачій бивакъ, шелъ Эрдманъ. Онъ весело помахивалъ тросточкой и еще издали крикнулъ намъ:

— Большая новость!..

Раньше, если мы съ нимъ долго, нѣсколько часовъ, не видѣлись, его первыми словами при встрѣчѣ было: „Прекрасный вечеръ... Хорошо, если завтра тоже будетъ хорошая погода“... или: „Дождикъ... И это ужъ который день“...

— Могу васъ поздравлять: завтра походъ,—сказалъ онъ, подойдя ближе.—Самое большое дѣло: всѣ казаки, полкъ пѣхоты, двѣнадцать орудій... Мы наступаемъ, и будетъ орудейное дѣло. Самое большое дѣло: такого дѣла мы еще не видали... Ходя, ходя!—ткнулъ онъ палкой въ подававшаго Ивану Петровичу мыться Липинлина.—Ходя! Завтра: пакъ хоа!.. пакъ-хоа!..

Липинлинъ искоса посмотрѣлъ на него и хотѣлъ что-то сказать, но Иванъ Петровичъ крикнулъ:

— Куда льешь? Смотри глазами, а не...

Докторъ Эрдманъ давно ждалъ „орудейнаго“ дѣла и былъ, повидимому, очень доволенъ, что завтра увидитъ это зрѣлище.

— Будутъ три генерала,—добавилъ онъ еще.—И будетъ: пакъ-хоа!.. Ха-ха-ха... Ахъ, да, совсѣмъ забылъ: надо, чтобы было все въ порядкѣ сегодня же, а вы, Григорій Петровичъ, сходите въ штабъ и узнайте, за какой колонной мы идемъ и какъ тамъ вообще... Тремя колоннами наступаютъ, съ трехъ

---

*) Воды—понимаешь?

сторонъ. Какъ это русскіе стихи: „Завтра будетъ буря, будемъ спорить“?

Но, не дождавшись отвѣта, онъ весело повернулся на одной ногѣ и пошелъ на дворъ, запѣвъ: „Торреадоръ... торреадоръ“...

— Густавъ Эдуардовичъ!—побѣжалъ за нимъ Иванъ Петровичъ, на ходу вытирая лицо.—У насъ форменный бунтъ... Эта сволочь ничего не хочетъ признавать, и я больше физически не могу...

— Надо пробовать химически... Химически, понимаете?.. Химически...

Если докторъ Эрдманъ покушался острить, это значило, что у него великолѣпное, радужное настроеніе...

IV.

Штабъ помѣщался въ богатой, брошенной хозяевами фанзѣ, въ верстѣ отъ „города“, и чтобы попасть въ него, мнѣ нужно было пройти по казачьему биваку, расположенному на кукурузныхъ поляхъ по обѣ стороны большой дороги.

Многолюдный бивакъ всегда, даже ночью, издавалъ какой-то странный, неопредѣленный шумъ. Раннимъ утромъ, когда казаки были всѣ вмѣстѣ, этотъ шумъ былъ похожъ на шумъ водопада, покрываемый отдѣльными, не сливающимися голосами; днемъ, когда часть населенія бивака отправлялась на фуражировку и часть—пасти лошадей на сосѣднихъ поляхъ, были слышны только эти отдѣльные голоса, а теперь, вечеромъ, бивакъ шумѣлъ мягко и заглушенно, точно рой пчелъ въ глубинѣ улья...

Казаки кучками сидѣли и лежали возлѣ костровъ, варили себѣ ужинъ и, вѣроятно, говорили о своихъ далекихъ станицахъ, о деревенскихъ нуждахъ... А объ этихъ вещахъ не говорятъ громко въ сторонѣ чужедальней...

Кое-гдѣ по биваку стояли неподвижныя, точно статуи, казачьи фигуры,—то были поставленные въ наказаніе „подъ ружье“. Они не смѣли шевелиться, говорить, переложить ружье съ уставшаго плеча на другое — до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ срокъ наказанія и не придетъ „разводящій“...

Всякій разъ, какъ мы получали извѣщеніе о походѣ на завтра, мною овладѣвало какое-то странно-жуткое, тяжелое безпокойство. Это извѣщеніе переводилось мною такъ: завтра опять нѣсколько человѣкъ будутъ „исключены изъ списковъ“... И эта близость неизбѣжной, неотвратимой гибели нѣсколькихъ человѣкъ, варящихъ себѣ сейчасъ кашу гдѣ-то

возлѣ меня и болтающихъ о житейскихъ дѣлишкахъ, была непонятной, необъяснимой, и потому страшной.

И, когда я смотрѣлъ на дымящійся десятками костровъ мирный бивакъ, мнѣ казалось, что я чувствую холодную близость нависшей надъ нами смерти. Я съ тревожнымъ, назойливымъ любопытствомъ, котораго ничѣмъ не могъ заглушить, всматривался въ лица сидящихъ ближе ко мнѣ казаковъ: не онъ ли? не онъ ли?.. Казалось, что если бъ я могъ сейчасъ узнать, кто именно завтра погибнетъ, я-бъ успокоился и не боялся...

До войны они жили въ своихъ станицахъ, лѣтомъ — пахали, сѣяли, молебствовали объ урожаѣ, жаловались, что земля отощала, что изъ году въ годъ житье становится хуже и хуже, что въ старину было не то; зимой — тащились за безконечными обозами, мерзли отъ морозовъ, подобныхъ которымъ не помнили ихъ старожилы... И такъ годы за годами уходили незамѣтно, медленно—и въ то же время быстро. И жизнь проходила, однообразная, наполняемая заботой, чтобъ было тепло и сытно, и чувствомъ благосостоянія, когда было тепло и сытно... Къ чему? зачѣмъ?.. Когда началась война, ихъ оторвали отъ не допаханныхъ десятинъ, отъ ихъ семей и погнали въ далекій, чужой, съ страннымъ населеніемъ край — умирать и убивать...

Сегодня смерть уже нависла надъ ними еще страшнѣе, еще злораднѣе, чѣмъ когда-либо прежде, и намѣчала свои жертвы, а они, какъ всегда, спокойно, я могъ бы сказать — беззаботно, болтали, варили кашу, курили, а черезъ часъ, какъ всегда, спокойно и крѣпко заснутъ. А завтра—нехотя встанутъ, ежась отъ утренняго холодка и зѣвая, осѣдлають своихъ исхудавшихъ печальныхъ „коней“ и съ обычнымъ будничнымъ выраженіемъ лицъ поѣдутъ „трое въ рядъ“...

... Меня обогнали два казака. Они гнали нѣсколько лошадей, должно быть, съ водопоя. Одинъ изъ нихъ говорилъ другому:

— Ныньче, паря, прогонъ гонять — одинъ разворъ... Я одну зиму гонялъ. Пріѣдетъ какой-нибудь: „запрягай живѣе, вези, я—членъ“. Ну, членъ, такъ членъ... Бумагу вѣдь не спросишь: спроси—такъ и въ рыло получишь...

А другой отвѣтилъ:

— И очень даже просто.

— А провезешь,—выходитъ не членъ, а шантрапà... Такъ зря коней и прогоняешь...

V.

При повороте дороги, совсѣмъ уже близко отъ штаба, стояли батареи—горная и полевая. Горныя пушки, неуклюжія, на высокихъ колесахъ и съ короткими тѣлами, выстроившись въ рядъ, угрюмо уткнулись носами въ землю, а полевыя, изящныя и стройныя, вызывающе и самоувѣренно смотрѣли вверхъ и впередъ—въ долину, уходящую въ синеватую, туманную даль. Возлѣ нихъ шагалъ часовой—маленькій, весь заросшій курчавыми рыжими волосами, курносый казакъ съ обнаженной шашкой, которая казалась длиннѣе его самого. Онъ посмотрѣлъ на меня и такъ крѣпко зѣвнулъ, что я не могъ удержаться—и тоже зѣвнулъ.

За батареями были коновязи для батарейныхъ лошадей, которыя сейчасъ щипали листья съ нарѣзанныхъ имъ сучьевъ, а немного сбоку отъ нихъ—офицерская палатка. Возлѣ нея стоялъ и мылся знакомый мнѣ артиллеристъ-офицеръ Еремичъ. Это былъ невысокій, плотный, бѣлобрысый человѣкъ съ сіяющими всегда маленькими глазками, съ удивительнымъ характеромъ: всегда веселый, говорливый, отъ утомительныхъ походовъ ставшій какъ будто еще веселѣе, еще плотнѣе и румянѣе...

— Съ кисточкой!—крикнулъ онъ мнѣ.—Видали, сколько воинства пригнали? Милліонъ, даже еще меньше. Куда вы?

— Къ генералу, въ штабъ.

— Къ генералиссимусу? Передайте ему отъ меня тысячу безешекъ... Даже меньше...

Онъ стоялъ, нагнувшись, растопыривъ намыленныя руки, и хохоталъ.

— Да постойте вы... Вѣдь вы, поди, насчетъ фуража? „Тебѣ бы пищи все"... Завтра битва народовъ, а ему—фуражъ. Это про васъ у Пушкина сказано: „Ночной горшокъ тебѣ дороже"...

Онъ опять захохоталъ и, сквозь смѣхъ и слезы, добавилъ:

— „Ты пищу въ немъ себѣ варишь!" Ой, не могу, ой!..

Онъ еще что-то крикнулъ мнѣ въ догонку, но я уже не могъ разобрать его словъ.

У дверей фанзы, въ которой помѣщался штабъ, стоялъ, вытянувшись, часовой, тоже съ шашкой на-голо.

— Кто-нибудь есть?—спросилъ я его.

Онъ строго посмотрѣлъ на меня и отвѣтилъ:

— Такъ что я на посту и не могу сказать ни одного слова...

Я вошелъ въ комнату, изображавшую что-то въ родѣ пе-

редней. Въ ней на канахъ лежали на животахъ двое офицеровъ, головами другъ къ другу, и играли въ шахматы, передвигая миніатюрныя фигурки на такой же миніатюрной „походной“ доскѣ.

Они поздоровались со мной и опять уставились на доску...

. . . .

Изъ темъ для разговоровъ въ лагерѣ любимыми были ордена „съ мечами и бантомъ“, женщины и всевозможные, давно уже знакомые, истрепанные каламбуры о войнѣ, которые всѣ почему-то приписывались Драгомирову, и въ которыхъ русскіе зло и безпощадно издѣвались надъ собой же...

— Какъ бы мнѣ увидѣть генерала или начальника штаба?—спросилъ я.

— Они всѣ за фанзой, китайцевъ судятъ... Вы можете пройти сквозь фанзу. Вотъ такъ—прямо, прямо...

Я прошелъ черезъ двѣ комнаты и вышелъ на мощеный дворъ, по срединѣ котораго росъ цвѣтущій розовый кустъ. Ворота были открыты, и сквозь нихъ я увидѣлъ небольшую толпу военныхъ съ начальникомъ во главѣ. Онъ энергично махалъ хлыстомъ и что-то говорилъ,—и голосъ у него былъ скрипучій и рѣзкій, похожій на крикъ коростеля, что и дало поводъ нашимъ санитарамъ, шутя, называть его „генералъ Дергачевъ“... Онъ былъ высокаго роста, плотный, съ рѣзко обозначившимся подъ сѣро-желтой рубахой брюшкомъ. А надъ брюшкомъ рѣзкими контурами выдѣлялось четыреугольное возвышеніе,—это отъ бумажника съ деньгами, который онъ всегда носилъ на груди, и отъ иконы... Русскія, грубыя черты лица: густыя брови, безцвѣтные глаза, толстый носъ шишкой, бритый колючій подбородокъ и лихо торчащіе въ сторону густые усы. Словомъ, видъ у него былъ геройскій.

Рядомъ стоялъ начальникъ штаба, маленькій, съ птичьимъ лицомъ и острыми глазками полковникъ, — и за ними толпа офицеровъ.

Передъ генераломъ стояли трое китайцевъ, оборванныхъ и грязныхъ. У всѣхъ были связаны руки, черныя косы тоже были связаны—всѣ три въ одинъ узелъ. Изъ этихъ трехъ фигуръ, жалкихъ, выражавшихъ своими позами крайній страхъ и казавшихся передъ дороднымъ генераломъ пигмеями, я запомнилъ только одну. Это былъ старикъ, согнувшійся, съ воспаленными слезящимися глазами, съ длинными, рѣдкими, точно выщипанными, бѣлыми усами, падавшими ему на открытую желтую грудь, и бородкой, рѣдкой, длинной и узкой, похожей на третій усъ. Онъ болталъ головой и заливался неслышнымъ старческимъ смѣхомъ. Отъ этого глаза его слезились еще больше, и онъ поминутно под-

нималъ связанныя руки и вытиралъ рукавомъ сначала глаза, потомъ носъ.

— Двое — этотъ и этотъ—бросились бѣжать, — докладывалъ стоявшій на вытяжку передъ генераломъ казакъ,—насилу догнали... А старикъ прикинулся вродѣ какъ дурачокъ и не побѣжалъ...

Одинъ изъ китайцевъ заговорилъ что-то быстро-быстро, прерывистымъ голосомъ запыхавшагося человѣка.

—Что онъ?—спросилъ генералъ.

—Такъ что шли, говоритъ, къ своимъ, а японцевъ, говоритъ, совсѣмъ, будто бы, и не знаютъ,—перевелъ казакъ.— Такъ что вретъ, ваше превосходительство... — Казакъ сдѣлалъ подъ козырекъ.

— Чортъ ихъ разберетъ,—сказалъ генералъ и, махнувъ хлыстомъ, направился во дворъ.—А, молодой докторъ!—увидѣлъ онъ меня.—Здравія желаю...

Онъ фамильярно взялъ меня подъ руку и повелъ въ фанзу.

— Чѣмъ могу служить?

Я спросилъ, за какой частью нужно будетъ завтра идти нашему отряду.

— Да, да, завтра экспедиція. Я рѣшилъ развлечь немного казаковъ. А то застоялись... Отдыхаемъ такъ долго, что даже устали...

Я повторилъ свой вопросъ.

— Мнѣ дали въ подкрѣпленіе пѣхоту, и завтра мы покажемъ .. Моимъ казакамъ это ничего, одинъ на троихъ...— Онъ рѣзкимъ движеніемъ руки поправилъ свои геройскіе усы.—Вашъ отрядъ пойдетъ за колонной генерала Ермолаева, за артиллеріей. Выступаемъ рано: ровно въ четыре утра... Я увѣренъ, что мы застанемъ непріятеля спящимъ. — Онъ посмотрѣлъ кругомъ на офицеровъ.

— Ваше превосходительство, — спросилъ, воспользовавшись паузой, начальникъ штаба.—Что-же съ китайцами?

— Гм... Чортъ ихъ знаетъ, кто они — шпіоны или не шпіоны... А впрочемъ, все равно: всѣ китайцы шпіонятъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Сегодня, наканунѣ большого дѣла, я въ хорошемъ настроеніи,—всыпать имъ для острастки по сотнѣ... И дать киселя на всѣ четыре...

— Всѣмъ по сту?

— Конечно.

— Какъ! И старику?—вмѣшался я.—Онъ не выдержитъ...

Генералъ, двинувъ бровями, посмотрѣлъ на меня сверху внизъ и сказалъ:

— Рекомендую завтра больше забрать марли. Завтра и намъ, и вамъ—всѣмъ будетъ работа.

Я понялъ, что старика не спасти теперь никакими средствами, никакими мольбами...

Я легонько освободился отъ генеральской руки и поклонился.

— Благодарю васъ. Честь имѣю кланяться...

Онъ задержалъ мою руку въ своей, шероховатой и жесткой, и отвелъ меня въ сторону.

— Между нами...—сказалъ онъ тихо.—Возьмите казака и пришлите мнѣ такой — знаете? — вашъ пакетикъ... ну, для перевязки. Пожалуйста... Такъ, знаете, на всякій случай при себѣ имѣть...

— Я пришлю съ санитаромъ.

— Но только—между нами... И, пожалуйста—будто это не то... не марля тамъ, а такъ что-нибудь... Понимаете?

— Хорошо...

Генералъ пожалъ мнѣ руку и опять заговорилъ громко, прежнимъ тономъ:

— Такъ передайте вашему главному доктору, чтобы бралъ побольше перевязокъ... Всего наилучшаго!

Я вышелъ опять на дворъ и на поле. Меня неудержимо, почти противъ воли, тянуло посмотрѣть на расправу съ китайцами. Мнѣ было стыдно своего любопытства, но я оправдывалъ себя тѣмъ, что, можетъ быть, избитымъ китайцамъ понадобится моя помощь...

Солнце уже закатилось, и на закатѣ стояли красныя облака, бросавшія красный отблескъ и на землю.

VI.

. . . .

VII.

Когда я возвращался бивакомъ домой, начинались уже сумерки. Горы кругомъ потемнѣли и рѣзче выдѣлялись на небосклонѣ, и небо походило теперь на огромную, опрокинутую надъ землей чашку съ неровно отбитыми краями.

Огни бивачныхъ костровъ были ярче, чѣмъ прежде. Стали замѣтны огоньки и на склонѣ горы съ кумирней, — тамъ былъ бивакъ пришедшей вчера и сегодня пѣхоты.

Гдѣ-то въ концѣ бивака прозвучала чисто и отчетливо труба, продѣлала нѣсколько протяжныхъ и, какъ-будто, печальныхъ нотъ и кончила нотой высокой и замирающей. Ей отвѣтила другая труба въ другомъ концѣ бивака, затѣмъ еще и еще. А когда замерли ихъ звуки, въ разныхъ мѣстахъ раздались такія же протяжныя слова команды, кончавшіяся рѣзкимъ и отрывистымъ восклицаніемъ.

Бивакъ зашевелился. Казаки поднялись и стали соби-

раться кучками. И вдругъ гдѣ-то возлѣ меня хоръ грубыхъ низкихъ голосовъ нестройно запѣлъ:

— Отче нашъ...

Запѣли и въ другихъ мѣстахъ. Каждая кучка почему-то пѣла отдѣльно, — и получался хаосъ звуковъ, въ которомъ нельзя было разобрать ни словъ, ни мотива... Каждая кучка старалась перекричать сосѣдей, и оттого звуки становились еще грубѣе, безпорядочнѣе, безтолковѣе.

— И Твоя сохраняя кресто-о-омъ Твоимъ жительство,— кончила пѣнье ближайшая кучка.—Твоимъ жительство...—кончили сосѣди, и мало-по-малу пѣнье затихло.

Казаки заговорили, задвигались, стали укладываться спать, тутъ-же возлѣ костровъ, гдѣ сидѣли..

Темнота все сгущалась, и, пока я шелъ черезъ бивакъ, стало замѣтно темнѣе. Здѣсь день уступалъ мѣсто ночи почти безъ борьбы, и черная ночь надвигалась быстро, безъ тѣхъ длинныхъ спокойныхъ сумерекъ, что такъ хороши „у насъ", въ Россіи...

VIII.

Каждый вечеръ у насъ бывали гости — кто-нибудь изъ офицеровъ. Чаще всѣхъ приходилъ нѣкій эсаулъ Зудилинъ, толстый и высокій господинъ, бывшій до войны исправникомъ гдѣ-то въ сибирскомъ уѣздномъ городкѣ. Былъ онъ балагуръ, охотникъ до пикантныхъ анекдотовъ и, конечно, пьяница. Лицо у него было широкое, полное, но не обрюзгшее. Низкій лобъ, глаза съ красными бѣлками, толстый горбатый кирпичнаго цвѣта носъ, верхняя губа, двоившаяся, когда онъ смѣялся, и коротко остриженная сѣдѣющая жесткая борода... Офицеры его сотни называли его „папкой".

Былъ онъ и на этотъ разъ. Онъ сидѣлъ за столомъ на ящикѣ, опираясь одной рукой на шашку съ орденскимъ темлякомъ, поставленную между колѣнами. Всѣ офицеры, имѣющіе этотъ орденскій темлякъ на шашкѣ, всегда держатъ ее такъ... Свободной рукой онъ наливалъ въ серебряный стаканчикъ горячаго чаю до половины, а докторъ Эрдманъ, сидѣвшій напротивъ, доливалъ его до верху спиртомъ изъ нашей аптечной бутылки.

Было и еще двое гостей, сидѣвшихъ тутъ же, возлѣ стола, на капахъ. Это были: военный докторъ Пархоменко, молодой, лѣтъ подъ тридцать человѣкъ, съ безцвѣтной физіономіей и глазами, закрытыми пенснэ, и единственный симпатичный мнѣ во всемъ отрядѣ молодой офицеръ Унтербергъ. У него было красивое, тонкое, породистое лицо, великолѣпные сѣрые съ какой-то глубокой, чуть замѣтной

грустью глаза и тонкія изящныя губы. Онъ загорѣлъ и недавно обрился, и его лицо приняло отъ этого еще болѣе строгое и благородное выраженіе. Онъ былъ изъ петербургскихъ добровольцевъ.

— Вѣчно онъ грустный, — сказалъ, указывая на меня, Пархоменко, когда я вошелъ въ фанзу.—Вѣчно у него томный, мечтательный видъ, томные глаза... Ей Богу, у него невѣста есть! Постойте, постойте, — притянулъ онъ меня къ себѣ за руку. — А подъ глазами-то круги... Э, коллега?.. Вамъ вредно такъ мечтать о невѣстѣ.

— Дайте мнѣ его сюда!—закричалъ Зудилинъ. — Дайте, я облобызаю его томные глазки!.. Ужъ какъ я люблю этого вашего студента, докторъ, сказать не могу! Онъ меня отъ смерти спасъ.

Недѣли двѣ назадъ мнѣ пришлось провожать небольшой транспортъ раненыхъ. Въ прикрытіе была дана сотня Зудилина. День тогда былъ холодный и дождливый, — и промокшій Зудилинъ выпилъ у меня весь мой спиртъ. Это, повидимому, и спасло его отъ смерти и было потомъ для него очень пріятнымъ воспоминаніемъ.

Разговоръ, прерванный моимъ приходомъ, скоро возобновился. Зудилинъ, поминутно опоражнивая свой стаканчикъ, обязательно доливаемый докторомъ Эрдманомъ, говорилъ:

— Съ казаками въ этихъ мѣстахъ нельзя воевать. Что мы сдѣлаемъ въ горахъ?.. Конечно, мы съ лошадьми въ балкахъ, а япошки налегкѣ на сопкахъ. Поди, возьми... Я говорю: дайте намъ ровное мѣсто, и мы покажемъ... А вотъ теперь еще лѣсъ одѣлся, ни черта не видно. Вы понимаете, я усталъ... Что, у меня нервы изъ веревокъ, что ли? Меня вотъ ужъ пять мѣсяцевъ треплютъ, скоро полгода, то взадъ, то впередъ, и все въ соприкосновеніи съ япошками, — нервы натянуты, какъ барабанъ... Обидно, чортъ возьми: полгода впереди, и что за это? Мы работаемъ, а награды—штабнымъ... Извините меня,—онъ рѣзко повернулся къ Унтербергу,—вы тоже штабный, но—простите, я всѣмъ правду-матку рѣжу... Главнокомандующему скажу въ глаза... Прямой человѣкъ, простите...

— Ничего,—сказалъ Унтербергъ.

— Мнѣ, впрочемъ, ничего не надо: старъ я, чтобы за орденами бѣгать, генераламъ... лизать. У меня теперь одна мечта: дай Богъ, чтобы ранили легко... Тогда хоть мѣсяцъ-другой отдохну. Да ужъ за рану-то — шалишь, должны навѣсить. Понимаете—должны!..

Зудилинъ замѣтно пьянѣлъ, а Эрдманъ все подливалъ и подливалъ ему въ стаканчикъ.

Разговоръ перешелъ на женщинъ, — и участіе въ немъ приняли всѣ, даже Унтербергъ; лежавшій до сихъ поръ неподвижно на канахъ Иванъ Петровичъ подошелъ и сѣлъ. Вообще нигдѣ такъ много, такъ охотно и съ такимъ цинизмомъ не говорятъ о женщинѣ, какъ на войнѣ... Зудилинъ сталъ разсказывать о своихъ похожденіяхъ въ китайскую кампанію, затѣмъ перешли къ сквернымъ анекдотамъ. Докторъ Эрдманъ разошелся и ни къ селу, ни къ городу разсказалъ единственный извѣстный ему анекдотъ — объ евреяхъ.

IX.

Я вышелъ на дворъ.

Была ночь, безлунная, темная, съ высокимъ, чернымъ небомъ и крупными дрожащими звѣздами. Здѣсь онѣ дрожали сильнѣе и безпокойнѣе, чѣмъ въ Россіи, да и вся ночь была полна звуковъ, тревоги. Кругомъ кричали лягушки, и ихъ кваканье, высокое и звонкое, сливалось въ непрерывный звонъ, сухой, возбуждающій, раздражающій. Точно звенѣла сама земля — поля, луга, горы... А на сосѣдней кудрявой горкѣ, контуры которой можно было теперь различить только по отсутствію звѣздъ въ той части неба, кричали глухо и низко какія-то ночныя птицы.

— Безпокойный здѣсь клеймàтъ, — вспомнились мнѣ слова одного изъ нашихъ санитаровъ.

Да, здѣсь природа не знаетъ покоя: днемъ она изнемогаетъ подъ жгучими лучами солнца, а ночью живетъ какой-то странной жизнью, таинственной, торопливой и нервной... Днемъ въ лѣсахъ и поляхъ не слышно и не видно ни животныхъ, ни птицъ, ни насѣкомыхъ, а ночью все это просыпается, звенитъ, кричитъ... Но видны только одни свѣтящіеся червяки и жуки, низко-низко, надъ самой землей, летающіе и передвигающіеся съ своими зелеными фонариками. И ихъ многочисленные огоньки движутся тоже нервно и торопливо...

Дворъ освѣщался краснымъ заревомъ отъ костра, горѣвшаго за невысокой каменной стѣной въ Липинлиновомъ огородѣ. Тамъ жили „на вольномъ воздухѣ“ наши санитары, тамъ же стояли наши лошади и были сложены вьюки съ нашимъ имуществомъ.

Я вспомнилъ о просьбѣ генерала и пошелъ на огородъ достать изъ вьюка перевязочный пакетикъ.

Санитары еще не спали, они сидѣли у веселаго костра и „вечеровали“.

— Ордынскія здѣсь мѣста, — говорилъ старикъ Карны-

шевъ. — Дикія... Лѣтось умирать совсѣмъ собрался, а вотъ привелъ Богъ и эдакія мѣста посмотрѣть... Давеча генерала Дергачева встрѣтилъ. „Ты, говоритъ, старичина, пошто сюда залѣзъ?“ „Такъ и такъ, говорю, ваше превосходительство... Потому русскій человѣкъ, и за мать Расею... Радъ стараться, говорю, ваше превосходительство...“

Санитаръ Лазаревъ, здоровый, рослый парень съ вѣчно улыбающимся глупымъ лицомъ, взялъ горящую головню и пошелъ мнѣ посвѣтить.

— Устрою Григорію Петровичу электричество, — сказалъ онъ и засмѣялся.

Остальные о чемъ-то тихо заговорили.

— Григорій Петровичъ... — сказалъ кто-то, когда я нашелъ, что было нужно.

— Ну?

Санитары замялись, переглянулись и опустили глаза.

— У насъ къ вамъ просьба, — сказалъ, наконецъ, Семеновъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Ужъ очень намъ обидно: отъ Ивана Петровича житья нѣтъ. Просто бѣда... Вы, говоритъ, дѣлать ничего не хотите. Тутъ всякая охота пропадетъ.

— Оскорбитель!—сказалъ Карнышевъ.—Кажное утро: „эй, жентельмены, выползай!“ Что мы, змѣи?

— Ѣздишь, ѣздишь, — продолжалъ Семеновъ, — не досыпаешь, не доѣдаешь, и тебя же всячески срамятъ... Опять же насчетъ пищи: мы не на такую пищу шли. Этой пищи мы не желаемъ, пожалуйте намъ суточныя...

— Ну, господа, насчетъ пищи вы напрасно,—сказалъ я.— Иной здѣсь не достанешь, сами знаете...

Я не любилъ нашихъ санитаровъ: мнѣ казалось, что они были лѣнивы, нѣкоторые—нечисты на руку, и пріѣхали сюда больше всего за крестами или избѣгая опасности попасть на войну солдатомъ...

— Съ пищей, Господь съ ней, наплевать... Награды за свои труды не видимъ. Можетъ, которые и ѣхали, чтобы отличіе имѣть, а за всѣ наши труды и страсти—окромя оскорбленіевъ ничего...

— Эй, джентльмэны! — раздался со двора раздражительный крикъ Ивана Петровича. — Кой чортъ сегодня фанзу убиралъ? Опять мою фуражку чортъ знаетъ куда... Семеновъ! Семеновъ!

— Ну, пошла машина въ ходъ, — махнулъ рукой Семеновъ.—Иду.

Я посмотрѣлъ на санитаровъ: кого послать съ пакетомъ? Конечно, Руденку, — онъ вѣчно спитъ и никогда ничего не

дѣлаетъ... Онъ былъ непригоденъ ни къ чему, и его единственной обязанностью было — возить въ походахъ нашъ флагъ.

— Руденко, вы снесете этотъ пакетъ въ штабъ, генералу.

— Опять Руденко,—заворчалъ онъ.—Знамя вези—Руденко, чайники ставь—Руденко, за лошадями смотри—Руденко.. Все—Руденко!

X.

Когда я вернулся въ фанзу, гости собирались уходить, Зудилинъ, замѣтно охмѣлѣвшій, стоя, говорилъ:

— Понимаете, пріѣзжаю, мнѣ это сейчасъ къ моимъ услугамъ „проѣзжающую комнату", самоваръ, всякую штуку... Ложусь спать... Частный, понимаете, проѣзжій... И слышу—оретъ за перегородкой мальчишка, вотъ такой, отъ земли не видно. О чемъ-то все проситъ, а хозяинъ, отецъ, унимаетъ и не можетъ унять. Я прислушался: чего, молъ, малышу надо? А онъ: „Тятька, зарѣжь проѣзжающаго... Тятька, зарѣжь проѣзжающаго..." Вотъ какой народъ... Честное слово—правда. И рѣжутъ тамъ проѣзжающихъ на совѣсть. И я съ такимъ народомъ справляюсь. У меня всѣ они вотъ гдѣ, у меня все тихо, смирно, благородно...

Онъ еще разсказалъ нѣсколько удивительныхъ эпизодовъ изъ жизни своего уѣзда, — ему всегда было очень трудно кончить разговоръ. Наконецъ, стали прощаться. Я пошелъ провожать Унтерберга и доктора. Зудилинъ отправился съ Иваномъ Петровичемъ, и мы, чтобы не идти съ ними, сѣли на бревно возлѣ воротъ нашей фанзы. Докторъ Эрдманъ остался дома.

— Какія странныя здѣсь ночи, — сказалъ Унтербергъ. — Ужъ очень этотъ звонъ раздражаетъ... Хоть бы онъ то усиливался, то ослабѣвалъ, а то, смотрите, какой постоянный... Не выношу... спать не могу.

— Неврастенія у васъ, — зѣвая, отозвался Пархоменко.— Къ концу войны всѣ психопатами сдѣлаются. Даже раньше.

— Я ужъ и сейчасъ психопатъ. Представьте, разбилъ сегодня зеркало и никакъ не могу забыть объ этомъ: скверная примѣта. Точно мѣщанка... И никогда цѣны орденамъ никакой не давалъ, а сегодня, какъ объявили походъ, какъ-то сразу сжалось сердце: завтра—или убьютъ, или орденъ... И представьте себѣ: даже размечтался о томъ, какъ пріѣду въ Петербургъ, къ своимъ—и вся грудь въ орденахъ. Удивительно здѣсь мельчаешь...

— Да, ордена, ордена...—сказалъ Пархоменко:—Могу раз-

сказать на тему объ орденахъ странный, но поучительный фактъ. Съ точки зрѣнія психологіи... Когда я ѣздилъ въ В., я какъ разъ попалъ туда къ сраженію. Попалъ совершенно случайно, въ сраженіи участвовать не могъ, а посмотрѣть мнѣ очень хотѣлось... Ну-съ, я и пристроился къ летучему отряду Краснаго Креста. Ну, поѣхали за дивизіей. Получаемъ приказаніе: пока остановиться. Когда выяснится расположеніе войскъ, намъ укажутъ, гдѣ нуженъ перевязочный пунктъ... Остановились, слѣзли съ лошадей, сѣли на землю. Компанія довольно большая: врачи, студенты и еще одинъ полковникъ, военный инженеръ, тоже простой зритель. Господинъ чистоплотности и порядочности рѣдкой—должно быть, аристократъ. Ну, сидимъ, тары-бары, разные товары, ждемъ... А впереди — ужъ грандіознѣйшій бой: трескотня изъ пушекъ, всякая штука... И вдругъ этотъ паршивѣйшій свистъ и — въ какихъ-нибудь двухъ шагахъ отъ меня, почти въ центрѣ нашей кучки, падаетъ граната. Чортъ его знаетъ, сама смерть прилетѣла... Понимаете, въ двухъ шагахъ? Потомъ, какъ, бывало, ляжешь спать, закроешь глаза и видишь ее, какъ живую: лежитъ острымъ носомъ кверху... брр.. Ну, какъ дураки, выпучили на нее глаза, сидимъ и ждемъ. Какое-то оцѣпенѣніе... Должно быть, такъ птичка смотритъ на приближающуюся змѣиную морду и улетѣть не можетъ, оцѣпенѣла... И вдругъ полковникъ поднимается тихо-тихо, потомъ на ципочкахъ, балансируя руками, точно боясь спугнуть, подходитъ къ гранатѣ, тихонько беретъ ее и такъ-же тихо, на ципочкахъ несетъ прочь... Отошелъ довольно далеко и положилъ въ канавку. Потомъ—бѣгомъ къ намъ. Блѣдный самъ, какъ бумага, губы трясутся... Подошелъ, улыбнулся кривой улыбкой и сказалъ: „Тяжелая“ — и прибавилъ отвратительнѣйшее солдатское трехъэтажное ругательство. А потомъ, черезъ полминуты, когда чуточку успокоился: „Напишите, говоритъ, свидѣтельство, что я спасъ жизнь... Я получу орденъ... Сейчасъ-же напишите“. Ну, конечно, сейчасъ же достали изъ вьюка бумагу, чернилъ, настрочили... Вотъ какая исторія... Ну, какъ тутъ свяжешь одно съ другимъ?.. До войны я больше уважалъ человѣка... Когда убили Нѣмакина, мнѣ въ тотъ же день случилось встрѣтиться съ его закадычнымъ другомъ—Кремлевымъ. Знаете?.. Такъ, представьте себѣ, Кремлевъ совсѣмъ именинникомъ глядѣлъ. Оказывается, были въ бою вмѣстѣ, рядомъ. Разорвалась шрапнель, Нѣмакинъ—наповалъ, а Кремлевъ былъ тоже осыпанъ пулями и уцѣлѣлъ чуть не чудомъ. Разсказываетъ и смѣется, довольный-предовольный: „Вотъ везетъ, а?“ А о смерти друга отозвался такъ: „Что же будете дѣлать? На то война. Конечно, жалко“... Да-съ, вотъ какая исто-

рія съ географіей... А-ахъ, спать пора, — опять зѣвнулъ онъ. — Поздно, а выспаться надо: завтра, поди, цари природы на совѣсть перекусаютъ другъ дружку, такъ дѣла будетъ вагонъ...

Онъ всталъ.

— Вы какъ, тоже пойдете?—спросилъ онъ Унтерберга.

— Нѣтъ, я еще посижу. Все равно не уснуть.

— Ну такъ до завтра. Пріятныхъ сновидѣній...

Онъ ушелъ.—его фигура быстро смѣшалась съ темнотой ночи. Мы нѣсколько минутъ сидѣли молча.

— Когда я сюда ѣхалъ, я совсѣмъ иначе воображалъ войну, — заговорилъ Унтербергъ. — Война — что-то сильное, страшное, полное героизма, требующее напряженія всѣхъ силъ, что-то такое, гдѣ мѣсто только героямъ... И вдругъ... все оказывается такимъ мелкимъ, такимъ ничтожнымъ. Здѣсь сама смерть—смерть!—и та низведена въ разрядъ самыхъ ординарныхъ, самыхъ пошлыхъ явленій... До того все удивительно и странно, что я даже разобраться, какъ слѣдуетъ, во всемъ этомъ не могу...

Онъ замолчалъ, и опять мы нѣсколько минутъ просидѣли молча.

— Можетъ, вамъ спать хочется?—спросилъ онъ.—Мнѣ не хочется уходить, быть одному. Меня это паршивое зеркало очень разстроило, и мнѣ страшно... Я когда-то стрѣлялся на дуэли, такъ вотъ передъ дуэлью, наканунѣ, у меня было такое же чувство... Жизнь и мелка, и пошла, и безсмысленна— и все таки страшно: а вдругъ убьютъ?..

Мимо насъ прошли три темныхъ фигуры, — должно быть, офицеры. Двое запѣли фальшивыми голосами:

— Тише, тише... Всѣ заботы прочь.
Въ эту ночь...
Завтра. мо-ожетъ, въ эту по-ору
Насъ на буркахъ понесутъ
И собравшись...

А третій ихъ перебилъ:

— Пѣвцы... Фигнеръ въ Москвѣ поетъ... вотъ поетъ! Чертямъ тошно...

XI

Утро было великолѣпно.

Удивительно прозрачный и легкій воздухъ; весело играющая на солнцѣ болтливая рѣченка; кудрявая сопка—такая веселая, такая по праздничному нарядная; ярко освѣщенная солнцемъ изящная пестрая кумирня; высокое блѣдно-голубое

нѣжное небо и лучистое, ослѣпительное солнце, не жгучее, не палящее, а только ласкающее своими тепловатыми лучами,—все это походило на то, какъ будто сегодня природа собралась праздновать большой и рѣдкій праздникъ.

Когда я вышелъ на рѣчку мыться, докторъ Эрдманъ былъ уже тамъ. Онъ безъ рубахи стоялъ на берегу, а санитаръ лилъ изъ ведра воду ему на голову, шею, плечи. Докторъ теръ себѣ лицо и шею, вздрагивалъ отъ холодной воды и крякалъ.

— Прекрасное утро!—крикнулъ онъ мнѣ.—Хорошая стоитъ погода.

— А воздухъ, воздухъ... Летать хочется, — заговорилъ онъ, кончивъ мыться и вытираясь.—Посмотрите, какіе у меня стали мускулы...—Онъ согнулъ правую руку и лѣвой ударилъ по вздувшимся мускуламъ.—О!.. Есть большая польза отъ такой жизни... Я очень доволенъ.

Когда я кончилъ омовеніе, на дворѣ у насъ была возня,—санитары складывали вещи, сѣдлали и вьючили лошадей. Какъ всегда, это дѣлалось безпорядочно, безтолково, и Иванъ Петровичъ, вѣроятно, уже въ десятый разъ кричалъ, что онъ больше не въ состояніи, и что ему остается одно—плюнуть. Отъ этого дѣло шло еще хуже. Докторъ Эрдманъ стоялъ у дверей фанзы, спокойно созерцалъ суматоху и, держа въ рукахъ часы, говорилъ:

— Поскорѣе, поскорѣе... Осталось 15 минутъ... 12 минутъ... Скорѣе, скорѣе!

Наконецъ, все было кончено—съ опозданіемъ на двѣ минуты. Санитары сѣли на своихъ лошадей, держа за поводья вьючныхъ муловъ, толстый Руденко отвязалъ отъ столба воротъ флагъ или наше „знамя“, какъ онъ его называлъ, и прикрѣпилъ его къ своему сѣдлу. Докторъ Эрдманъ влѣзъ на лошадь, долго ерзалъ на сѣдлѣ, чтобы сѣсть возможно удобнѣе, и, наконецъ, скомандовалъ:

— Маршъ!

Лишинлинъ подвелъ мнѣ мою лошадь. Она легонько заржала,—я понялъ ее и досталъ изъ кармана кусокъ хлѣба. Она протянула мягкія, теплыя губы и, касаясь ими моихъ пальцевъ, тихонько вытянула у меня хлѣбъ и стала его жевать, гремя удилами и роняя крошки на землю.

Какъ всегда, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ фанзы случилось крушеніе: одинъ вьюкъ сползъ подъ брюхо мула. Остановились; „машина“ Ивана Петровича опять „пошла въ ходъ“.. Докторъ сказалъ, теперь уже неспокойно:

— Если мы опоздаемъ, я буду взыскивать... Такъ нельзя... У васъ, Иванъ Петровичъ, нѣтъ системы.

Поправили вьюкъ, двинулись дальше—къ сборному мѣсту.

Впереди ѣхалъ докторъ, за нимъ Руденко везъ „знамя", затѣмъ ѣхали трое санитаровъ, и каждый изъ нихъ тащилъ за собой въ поводу по навьюченному мулу. За послѣднимъ муломъ ѣхалъ Иванъ Петровичъ, и кортежъ замыкался двумя казаками, данными намъ генераломъ для охраны.

Старикъ Карнышевъ и еще двое казаковъ остались дома смотрѣть за оставшимися лошадьми и прочимъ добромъ.

Я обыкновенно ѣхалъ съ казаками,—одинъ изъ нихъ, Кутенковъ, былъ въ походахъ моимъ любимѣйшимъ собесѣдникомъ. Это былъ простодушный парень, лѣтъ 30, съ жидкой водянистаго цвѣта растительностью, съ маленькимъ вздернутымъ носомъ и великолѣпными синими, цвѣта незабудокъ, глазами. Онъ былъ очень неглупъ: если нужно было дать какое-нибудь отвѣтственное, болѣе или менѣе сложное порученіе, давали ему, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ простодушенъ и наивенъ, какъ ребенокъ, и на немъ рѣзче другихъ отражалось развращающее вліяніе обстановки, въ которую онъ по волѣ своей судьбы попалъ. Я помню, съ какимъ сожалѣніемъ онъ въ началѣ кампаніи указывалъ мнѣ, какъ казачьи отряды располагались бивакомъ на свѣжихъ посѣвахъ.

— Эхъ, каково это хозяйскому сердцу... Чай, плачетъ хозяинъ...—сказалъ онъ. До войны онъ, какъ и всѣ казаки, былъ земледѣльцемъ.

А потомъ, мѣсяца черезъ два, онъ со смѣхомъ разсказывалъ, какъ ему на фуражировкѣ пришлось воевать съ бабами, защищавшими свои курятники, и какъ онъ въ отместку за ихъ вооруженное сопротивленіе опрокинулъ въ одномъ огородѣ всѣ бывшіе тамъ ульи.

— Меду было—страсть. Такъ и потекъ... — разсказывалъ онъ и смѣялся.—А пчела у нихъ смирная, въ хозяина пошла: не кусается.

— А какъ ты думаешь: каково это было хозяйскому сердцу?—спросилъ я.

— Ну, ужъ и побаловаться нельзя... Все равно разорили бы, не я, такъ другой.

XII.

Мы не опоздали: хотя на сборномъ мѣстѣ собралось почти все войско, генерала еще не было. Казаки расположились группами, по сотнямъ, и надъ каждой такой группой возвышался флажокъ, значекъ сотни. Было тихо, и эта тишина нарушалась только рѣзкой командой офицеровъ вновь подъѣзжающихъ сотенъ да ржаніемъ лошадей. Вытянутыми желтыми четыреугольниками подходили роты пѣхоты.

Покинутый казачій бивакъ съ его разбросанными и растоптанными кострами походилъ теперь на огромное, черное, дымящееся пожарище. Теперь по нему бродили оборванныя и грязныя фигуры китайцевъ, осматривавшихъ землю: не забыто ли что нибудь? Они являлись, голодные, грязные, пугливые, похожіе на шакаловъ, всякій разъ, какъ русскіе уходили съ бивака, и тщательно подбирали тамъ объѣдки, брошенное тряпье,—все, что могло имѣть для нихъ хоть какуюнибудь цѣнность. Говорили, что они разрывали свѣжія русскія могилы, которыхъ теперь такъ много возлѣ мѣстъ стоянокъ и по дорогамъ, и раздѣвали трупы до гола...

Мы остановились возлѣ горной батареи, за которой намъ было приказано идти. Короткія пушки на высокихъ колесахъ, выстроившись въ рядъ, по прежнему угрюмо смотрѣли въ землю. Возлѣ нихъ протянулось нѣсколько рядовъ высокихъ и крѣпкихъ лошадей, навьюченныхъ изящными снарядными ящиками, весело блестѣвшими теперь на солнцѣ.

Офицеры молчаливой кучкой стояли передъ батареей, смотрѣли на дорогу, на казаковъ, курили и перебрасывались отрывистыми короткими вопросами и отвѣтами.

— Ивановъ опять вчера выигралъ?

— Опять...

— Везетъ чорту...

— Везетъ...

Одинъ Еремичъ, какъ всегда, былъ въ отличнѣйшемъ настроеніи. Его самого не было видно, и лишь откуда-то изъ-за лошадей доносился его веселый громкій голосъ и смѣхъ.

— Ей-Богу, не вру,—хохоталъ онъ.—Не фактъ, а истинное происшествіе...

Черезъ минуту онъ вышелъ къ своимъ товарищамъ и спросилъ звонко и весело:

— Скоро, что ли, полетимъ?

И самъ себѣ отвѣтилъ, измѣнивъ голосъ:

— Съ самыхъ вечеренъ надуваютъ, надуть, говорятъ, никакъ невозможно...

Наконецъ, показался генералъ. Онъ крупнымъ галопомъ скакалъ во главѣ своего штаба. Его мощная фигура на громадной лошади рѣзко отдѣлялась отъ скакавшихъ вслѣдъ за нимъ штабныхъ. За нимъ ѣхалъ маленькій начальникъ штаба, толстый, высоко подпрыгивавшій въ сѣдлѣ дивизіонный докторъ, и затѣмъ—человѣкъ десять офицеровъ.

Генералъ, не сдерживая лошади, поскакалъ по дорогѣ, посрединѣ собравшихся сотенъ.

— Здорово, батарейцы!—крикнулъ онъ своимъ скрипучимъ и отчетливымъ голосомъ, проѣзжая мимо батареи. Батарейцы нестройно отвѣтили ему отрывистыми криками.

Онъ, здороваясь, промчался по всему полю, потомъ назадъ и остановился въ серединѣ. И сейчасъ же звонкій мѣдный голосъ рожка весело зазвенѣлъ надъ равниной. Ему отвѣтили другіе рожки, такъ же звонко и весело.

— Офицерамъ собраться, офицерамъ собраться, офице-е-рамъ...—отчетливо выговаривали они.

Вокругъ генерала, слѣзшаго съ лошади, быстро собралась большая толпа офицеровъ, — они прибѣжали бѣгомъ, поддерживая свои шашки,— и до насъ долетѣли рѣзкіе и отрывистые, похожіе на команду, звуки его рѣчи. Что онъ говорилъ, я разобрать не могъ.

— Ну, глотка, — сказалъ сзади меня кто-то изъ санитаровъ.—Труба, а не глотка.

— А пьетъ, говорятъ, какъ!.. Одно слово—начальникъ!—отвѣтилъ ему другой.

Генералъ говорилъ недолго — какихъ-нибудь двѣ-три минуты. Затѣмъ офицеры разошлись, генералъ сѣлъ на лошадь и подъѣхалъ къ стоявшей возлѣ насъ сотнѣ. Офицеры и казаки сдѣлали подъ козырекъ и впились глазами въ красный генеральскій носъ.

— Братцы!—крикнулъ генералъ.

Казаки вздрогнули.

— Братцы! Ваша сотня пойдетъ впередъ маленькими отрядами. Ваша задача—выслѣдить, гдѣ начинается противникъ. Вы завяжете съ нимъ перестрѣлку — и будете держаться до тѣхъ поръ, пока не подойдетъ авангардъ... Это—почетное и большое порученіе... У меня чтобы не разговаривать!—повысилъ онъ голосъ.—Да не лѣзть по лѣсу, какъ медвѣдь!.. Слушать не однимъ ухомъ, а... тысячу однимъ! Смотрѣть не въ оба глаза, а... мм... въ двѣсти два глаза!.. Слышишь? (Голосъ генерала все возвышался и возвышался).

Казаки по прежнему стояли неподвижно, точно изваянія, держа руки подъ козырекъ, съ каменными неподвижными лицами, съ неподвижными, ничего не выражающими глазами...

— Съ Богомъ!—уже значительно тише сказалъ генералъ.

И сейчасъ же откуда-то хриплый и густой, точно дьяконскій, басъ скомандовалъ:

— Са-а-а-дись!

Казаки, какъ автоматы, всѣ въ одинъ и тотъ же моментъ прыгнули на лошадей.

— Справа по три... — прогудѣлъ басъ. — Ша-а-агомъ маршъ!..

Генералъ посмотрѣлъ вслѣдъ вытянувшейся по дорогѣ сотнѣ, дернулъ лошадь и вдругъ случайно замѣтилъ скрывавшуюся раньше за сотней запряженную двуколку. Жалкая

облѣзлая лошаденка щипала торчавшія изъ земли какіе-то стебли, а возница, маленькій казакъ въ китайской ушастой шапочкѣ вмѣсто фуражки и въ синей китайской же рубахѣ, мирно клевалъ носомъ на своемъ сидѣньи. Генералъ неожиданно подлетѣлъ къ нему:

— Ты зачѣмъ сюда залѣзъ?

Ударъ нагайкой обрушился на плечи возницы.

— Ты не знаешь, гдѣ твое мѣсто?

Новый ударъ...

— Маррршъ отсюда!..

Казакъ подъ градомъ ударовъ заерзалъ на своемъ мѣстѣ задвигалъ локтями, дергая лошадь. Лошаденка сначала повернула голову, посмотрѣла на него и только тогда лѣниво тронулась съ мѣста. Проѣхавъ нѣсколько шаговъ, возница вытащилъ изъ двуколки свой кнутъ и, приподнявшись, сталъ съ остервенѣніемъ хлестать лошадь... Она рванула, и двуколка запрыгала по неровному полю.

Но отъѣхала она недалеко: когда казакъ увидѣлъ, что генералъ ускакалъ, онъ повернулъ лошадь и упрямо остановился на прежнемъ мѣстѣ.

— Что, паря, ладно наложено? — крикнулъ ему Кутенковъ.—По первое число хватитъ?..

— Ты чему радъ? Ну, и наложено, ну?—отвѣтилъ тотъ.— Не баба какая нибудь,—самъ генералъ, слава Богу...

Скоро команда „садись!“ зазвучала и въ другихъ мѣстахъ, и сотни одна за другой прыгали на лошадей и двигались въ путь — вдоль по ложбинѣ. Это уходила первая колонна, „главныя силы“. Загромыхала гдѣ-то полевая батарея, а за ней зашевелились и сѣро-желтые четыреугольники ощетинившейся штыками пѣхоты.

Когда ушла пѣхота, двинулись сотни и „нашей“ колонны. Онѣ проходили мимо насъ. Странный видъ представляло это войско: тощія, заморенныя, какъ-то неестественно-бедро шагавшія лошаденки, оборванные, частью въ своихъ собственныхъ, форменныхъ, частью въ китайскихъ костюмахъ бородатые, солидные казаки, будничное, спокойное выраженіе ихъ лицъ,—все это походило на то, будто они ѣхали на какую-то обычную крестьянскую работу... Офицеры, проѣзжая мимо насъ, сегодня особенно любезно раскланивались... Я ясно видѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ, ѣхавшій задумчиво и случайно взглянувшій въ нашу сторону, вздрогнулъ,—должно быть, при видѣ нашего флага, на которомъ былъ нарисованъ краснымъ по бѣлому, точно кровью на бѣльѣ, крестъ...

Двинулась горная батарея. Пушки загромыхали, заковыляли на высокихъ колесахъ, по прежнему глядя въ землю точно отыскивая что-то на дорогѣ.

— Мальбругъ въ походъ собрался,—громко запѣлъ Еремичъ.—Семь дней животъ болѣлъ...

За батареей тронулись и мы. Докторъ Эрдманъ скомандовалъ, подражая офицерамъ: „Са-а-адись!" и потомъ: „Шагомъ маршъ!"

Григорій Бѣлорѣцкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

* * *

Всѣ слова любви мнѣ кажутся блѣднѣе
Моего безмолвья и моей печали,
Никогда бы звуки не могли нѣжнѣе
То сказать, что слезы, молча, разсказали!

Нѣтъ! не могутъ ласки и огонь признанья
Дать земному чувству искру неземного,
Если не коснется властно и сурово
Сердца мечъ тяжелый—острый мечъ страданья!

Г. Галина.

Что такое воля?

I. Вообще о волѣ.

Богата и разнообразна душевная жизнь человѣка. Воспріятія, сужденія, эмоціи, желанія, рѣшенія и другіе психическіе процессы текутъ неудержимымъ потокомъ, безпрестанно смѣняя другъ друга. Чтобы облегчить себѣ изученіе всей этой массы психическихъ явленій, психологи дѣлятъ всѣ душевные процессы на три группы: мысль, чувство и волю. И это дѣленіе имѣетъ свое оправданіе: явленія одной группы болѣе сходны между собой, чѣмъ съ явленіями другихъ группъ. Но теперь подымается вопросъ: отъ чего зависитъ эта большая близость между процессами одной и той же группы? Не присущъ ли каждой группѣ какой либо особый специфическій элементъ? Относительно сферы мысли среди психологовъ уже давно установилось убѣжденіе, что всѣ психофизіологическіе процессы этой группы при психологическомъ анализѣ оказываются болѣе или менѣе сложными комплексами психофизіологическихъ процессовъ *), ощущеній **) и

---

*) Терминъ „психофизіологическій процессъ" означаетъ, что психическому процессу есть соотносительный физіологическій. Эти соотносительные процессы называются коррелятами. Каждый психофизіологическій процессъ имѣетъ два коррелята, психическій и физіологическій. Соотношеніе между коррелятами надо понимать, какъ одновременность, но не какъ причинную зависимость. Когда мы знаемъ, что два процесса всегда протекаютъ одновременно, то изъ этого только мы не можемъ заключать о причинной зависимости одного отъ другого; для такого заключенія требуются еще другія данныя. Такихъ данныхъ мы не имѣемъ для психическихъ и физіологическихъ соотносительныхъ процессовъ.

**) Ощущеніями называются самые простые психофизіологическіе процессы, до которыхъ достигъ въ настоящее время психологическій анализъ. Когда раздраженія изъ внѣшняго міра по центростремительнымъ нервамъ доходятъ до соотвѣтствующихъ центровъ мозга, то вызываютъ въ нихъ процессы дезинтеграціи вещества опредѣленной интенсивности и продолжительности; этимъ процессамъ психически соотносительны ощущенія. Между физіологами идутъ ожесточенные споры о томъ, въ какихъ центрахъ мозга слѣдуетъ локализировать физіологическіе корреляты ощущеній; громадное преобладаніе имѣетъ мнѣніе, что ихъ нужно помѣщать въ клѣткахъ мозговой коры.

образовъ *), соединенныхъ между собою по законамъ ассоціаціи **). Въ области чувства все больше и больше пріобрѣтаетъ себѣ сторонниковъ теорія C. Lange и W. James'a ***), сводящая всѣ эмо-

*) Образами называются копіи ощущеній. Если я гляжу на бѣлую поверхность, то имѣю ощущеніе бѣлаго цвѣта; если же, закрывъ глаза, буду вспоминать эту бѣлую поверхность, то имѣю образъ бѣлаго цвѣта. Физіологическіе корреляты образовъ — процессы дезинтеграціи вещества тѣхъ же центровъ мозговой коры, въ которыхъ локализируются процессы, соотносительные ощущеніямъ. Но дезинтеграція, соотносительная образамъ, гораздо слабѣе дезинтеграціи, соотносительной ощущеніямъ, и получается не отъ внѣшнихъ раздраженій по центростремительнымъ нервамъ, а отъ другихъ клѣтокъ коры по ассоціаціоннымъ волокнамъ.

**) Психофизіологическіе процессы соединяются между собой по законамъ ассоціаціи. Психологи различно формулируютъ эти законы. Обыкновенно признаютъ два главныхъ закона ассоціаціи: по смежности и по сходству. Ассоціація по смежности состоитъ въ томъ, что психическіе процессы, испытанные одновременно или въ близкой послѣдовательности, пріобрѣтаютъ такую связь между собою, что если въ сознаніи имѣется одинъ (или его копія—воспоминаніе) или нѣсколько изъ нихъ (или ихъ копіи—воспоминанія), то онъ или они стремятся вызвать въ сознаніи и копіи—воспоминанія остальныхъ. Ассоціація же по сходству заключается въ томъ, что психическіе процессы, сходные между собою, стремятся вызывать въ сознаніи другъ друга. Параллельно этому при ассоціаціи по смежности физіологическіе корреляты, процессы дезинтеграціи нервныхъ центровъ, протекавшіе одновременно или въ близкой послѣдовательности, получаютъ между собою такую связь, что, когда имѣется дезинтеграція одного или нѣсколькихъ изъ этихъ центровъ, она стремится вызвать дезинтеграцію остальныхъ. А при ассоціаціи по сходству въ физіологическомъ коррелятѣ какого нибудь сложнаго психофизіологическаго процесса одна часть коррелята (обыкновенно весьма небольшая), дезинтеграція нѣкоторыхъ клѣтокъ, продолжается дольше дезинтеграціи другихъ центровъ, вызываетъ дезинтеграцію такихъ клѣтокъ, которыя не участвовали въ предыдущемъ сложномъ психофизіологическомъ процессѣ и протекая одновременно съ этой новой дезинтеграціей, становится частью новаго сложнаго психофизіологическаго процесса; такимъ образомъ получаются два послѣдовательныхъ сложныхъ психофизіологическихъ процесса, одна часть которыхъ общая: этимъ и сходны процессы. Но какъ дезинтеграція однихъ центровъ можетъ вызывать дезинтеграцію другихъ? Посредствомъ моллекулярныхъ измѣненій въ нервныхъ волокнахъ, измѣненій, не имѣющихъ психическихъ коррелятовъ. Нервныя волокна ассоціаціонной системы или ассоціаціонныя соединяютъ между собою центры мозговой коры; волокна проекціонной системы—двухъ сортовъ: нервы центростремительные передаютъ раздраженія отъ своихъ периферическихъ окончаній клѣткамъ мозговой коры, а нервы центробѣжные несутъ возбужденія изъ центровъ коры къ мускуламъ. Процессы дезинтеграціи центровъ коры, вызывая молекулярныя измѣненія въ ассоціаціонныхъ волокнахъ, соединяющихъ эти клѣтки съ другими, передаютъ возбужденіе другимъ центрамъ: въ послѣднихъ тоже происходитъ дезинтеграція. Черезъ проекціонную систему дезинтеграція однихъ центровъ вызываетъ дезинтеграцію другихъ иначе. Такъ какъ въ этой статьѣ описываются процессы, при которыхъ ассоціація идетъ преимущественно этимъ путемъ, то читатель уяснитъ его себѣ изъ дальнѣйшаго изложенія.

***) C. Lange и W. James независимо другъ отъ друга и почти одновременно создали весьма сходныя между собою теоріи эмоцій, различныя въ деталяхъ. Психологи часто игнорируютъ эти отличительныя черты и говорятъ о теоріи Lange-James'a, означая такимъ наименованіемъ только общую часть обоихъ воззрѣній.

ціи на ощущенія (преимущественно отъ внутренностей), связанныя ассоціаціей. Терминомъ „воля“ пользуются для опредѣленія такихъ психофизіологическихъ процессовъ, какъ желанія, борьба мотивовъ, рѣшенія, поступки, акты вниманія. Изученіе воли сводится къ разрѣшенію вопросовъ: что есть то общее, характерное въ указанныхъ психофизіологическихъ процессахъ, благодаря чему ихъ выдѣляютъ въ особую группу. Есть ли это общее, характерное какой либо специфическій элементъ? Если же таковаго нѣтъ, и волевые процессы — сложные продукты ассоціаціоннаго соединенія ощущеній и образовъ, то каковы особыя отличительныя черты этого соединенія, служащія причиною характерныхъ свойствъ волевыхъ процессовъ?

Многіе психологи полагаютъ, что волевые акты — результатъ дѣйствія особаго принципа, не поддающагося никакому изученію и ближайшему опредѣленію и не имѣющаго физіологическаго коррелята. Образцомъ подобныхъ воззрѣній можетъ служить взглядъ на волю James'a, того ученаго, который такъ энергично и успѣшно изгоняетъ специфическій элементъ изъ эмоцій. Этотъ психологъ говоритъ, что когда въ душѣ человѣка какое либо нравственное желаніе борется съ сильнымъ естественнымъ влеченіемъ и побѣждаетъ его, то это происходитъ благодаря тому, что на помощь нравственному желанію, которое почти всегда бываетъ слабѣе естественнаго влеченія, приходитъ нѣкая особая психическая сила. Эта психическая сила, не имѣющая физіологическаго коррелята, представляетъ такой plus, который, будучи прибавленъ къ силѣ нравственнаго желанія, вызываетъ соотвѣтствующій поступокъ. Безъ этого специфическаго элемента волевой актъ совершился бы въ сторону естественнаго влеченія по пути наименьшаго сопротивленія; эта же особая психическая сила заставляетъ процессы протекать по пути наибольшаго сопротивленія.

Wundt считаетъ волю за первичную, не разложимую дѣятельность духа, не поддающуюся изученію, которая непосредственно вліяетъ на представленія, дѣлая ихъ интенсивнѣе. Wundt называетъ ее апперцепціей; онъ не считаетъ возможнымъ объяснить многіе сложные психическіе процессы ассоціаціей и полагаетъ, что они образуются апперцепціей изъ тѣхъ психическихъ процессовъ, которые всплываютъ въ сознаніи по законамъ ассоціаціи. Такимъ образомъ ассоціація доставляетъ матеріалъ, обрабатываетъ же его апперцепція. Wundt полагаетъ, что дѣятельность апперцепціи имѣетъ параллельные физіологическіе процессы, которые онъ локализируетъ въ лобныхъ доляхъ мозга. Эта гипотеза апперцепціи сложна и запутана; Münsterberg и Ziehen обстоятельно разъяснили ея полную безполезность: всѣ сложные психическіе процессы могутъ быть гораздо проще и лучше объяснены законами ассоціаціи.

Но есть ли необходимость принимать специфическій элементъ

для объясненія волевыхъ процессовъ? Münsterberg давно уже пришелъ къ убѣжденію, что всѣ они, не заключая въ себѣ никакихъ специфическихъ элементовъ, представляютъ особенную группировку ощущеній и образовъ. Дѣйствительно, если волевые психическіе процессы подвергнуть строгому и подробному психологическому анализу, то окажется, что все содержаніе ихъ составляется изъ воспріятій, представленій, сужденій, сложныхъ ощущеній чувственности, эмоцій, то есть психофизіологическихъ процессовъ мысли и чувства, связанныхъ особенной формой ассоціаціи. А такъ какъ процессы мысли и чувства представляютъ комплексы ощущеній и образовъ, соединенныхъ по законамъ ассоціаціи, то, слѣдовательно, психологическій анализъ волевыхъ процессовъ не открываетъ ничего, кромѣ ощущеній, образовъ и ассоціаціонныхъ связей. Чтобы убѣдить въ этомъ читателя, мнѣ нѣтъ надобности анализировать волевые процессы съ этою спеціальною цѣлью; я въ этой статьѣ много разъ буду подробно описывать и разбирать различные волевые акты, и тогда читателю выяснится справедливость вышесказаннаго. Итакъ, нѣтъ необходимости принимать въ волевыхъ процессахъ существованіе специфическаго элемента, и если психологи часто такъ дѣлаютъ, то это, вѣроятно, происходитъ оттого, что они не приступаютъ къ изученію психическихъ фактовъ безъ предвзятыхъ мнѣній, а вносятъ въ свою работу уже ранѣе сложившіяся философскія воззрѣнія.

Если волевые процессы ни что иное, какъ психофизіологическіе процессы мысли и чувства, связанные особенной формой ассоціаціи, то, очевидно, весь вопросъ о волѣ сводится къ тому: что это за особая форма ассоціаціоннаго соединенія, какія ея характеристическія черты, при какихъ условіяхъ она развивается? Münsterberg, видящій въ волевыхъ актахъ особенную группировку ощущеній и образовъ, много потрудился надъ вопросомъ, въ чемъ суть этой группировки. Отличительной чертой ея онъ считаетъ тотъ фактъ, что въ волевыхъ актахъ какому либо психическому процессу предшествуетъ другой психическій процессъ такого сорта, что въ немъ послѣдующій уже содержится какимъ нибудь образомъ, въ какой нибудь формѣ. Münsterberg даетъ такой примѣръ: „я вспоминаю какое нибудь слово; при этомъ вижу въ воспоминаніи мѣсто, гдѣ я прочелъ это слово, вспоминаю моментъ, когда его слышалъ, также хорошо знаю значеніе слова, самого же слова нѣтъ въ сознаніи; наконецъ, оно всплываетъ: можно ли спорить противъ того, что это слово по своему содержанію уже вполнѣ было дано въ рядѣ тѣхъ отношеній, которыя я вспоминалъ? Конечно, оно было представлено въ моемъ сознаніи совершенно другими свойствами, было дано въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ вещамъ, между тѣмъ какъ потомъ обозначилось своими собственными признаками, но по внутреннему значенію

оба состоянія сознанія согласовались между собой" *). Такимъ образомъ, предшествовавшій воспоминанію слова моментъ уже заключалъ въ своихъ психическихъ процессахъ нѣкоторое знаніе этого слова, предвосхищалъ его. Такое предвосхищеніе психическихъ процессовъ послѣдующаго момента психическими процессами момента **), предшествующаго вмѣстѣ съ сознаніемъ напряженія отъ мышцъ органовъ чувствъ, головы, даже туловища и конечностей, Münsterberg считаетъ типической формой волевого процесса въ области мышленія. Въ сферѣ внѣшней дѣятельности онъ находитъ то же самое: произвольному сокращенію мышцъ предшествуетъ „чувство иннерваціи", а это послѣднее, по его мнѣнію,—ни что иное, какъ образы тѣхъ ощущеній, которыя получаются отъ сокращеній мышцъ и перемѣнъ въ окружающихъ частяхъ, этими сокращеніями производимыхъ. Такимъ образомъ, здѣсь воспріятію движенія предшествуетъ представленіе этого движенію, т. е. предшествующій психическій процессъ предвосхищаетъ послѣдующій. Когда черезъ мышечную дѣятельность человѣкъ достигаетъ какого либо дальнѣйшаго эффекта, то и тутъ передъ началомъ своей мускульной работы онъ имѣетъ представленіе этого эффекта.

Черта, указанная Münsterberg'омъ, очень важна: она встрѣчается чрезвычайно часто и особенно характеризуетъ волевые акты, совершаемые съ сознаніемъ большого усилія. Но Münsterberg придалъ ей исключительную важность: существуетъ много волевыхъ актовъ, не представляющихъ отдѣльныхъ моментовъ, изъ которыхъ предыдущій предвосхищалъ бы психическіе процессы послѣдующаго. Напримѣръ, какое либо ощущеніе, появившись въ сознаніи безъ предшествовавшаго ему соотвѣтственнаго образа, пребываетъ достаточно долго, вытѣсняя другія, это— волевой процессъ. Münsterberg признаетъ такіе факты, но дѣлаетъ натяжку, чтобы и ихъ подвести подъ свою типическую форму. Онъ дѣлитъ пребываніе такого ощущенія или воспріятія въ сознаніи на моменты и находитъ, что за исключеніемъ перваго момента, которому нѣтъ предвосхищающаго предшественника, всѣ остальные подходятъ подъ его теорію, потому что имѣютъ предвосхищающаго предшественника—предыдущій, искусственно отдѣленный, моментъ непрерывнаго ощущенія или воспріятія.

Типическая форма волевыхъ актовъ Münsterberg'а имѣетъ и другой недостатокъ, обратный: подъ нее могутъ быть подводимы такіе процессы, которые нельзя причислить къ волевымъ. Самъ Münsterberg впалъ въ такую ошибку и именно въ вышеприве-

*) H. Münsterberg. Die Willenshandlung. 1888. S. 67, 68.

**) Слово „моментъ" здѣсь означаетъ періодъ времени, безразлично — какой продолжительности, необязательно—очень краткой.

денномъ примѣрѣ вспоминанія слова. Я и цитировалъ это мѣсто для того, чтобы указать эту ошибку. Дѣйствительно, въ этомъ примѣрѣ имѣется все, чего требуетъ типическая форма волевыхъ актовъ Münsterberg'а: здѣсь легко различимы моменты предшествующій и послѣдующій; психическіе процессы предшествующаго момента дѣйствительно предвосхищаютъ психическій процессъ послѣдующаго; сознается также напряженіе отъ сокращенія мускуловъ головы. А между тѣмъ все это не представляетъ чистаго волевого акта—здѣсь смѣшаны процессы воли и мысли: пребываніе въ сознаніи психическихъ процессовъ предшествующаго момента и ощущенія, вызываемыя сокращеніями мускуловъ головы, составляютъ рядъ волевыхъ актовъ, связанныхъ процессами мысли, а появленіе въ сознаніи психическаго процесса момента послѣдующаго составляетъ новый процессъ мысли. Разъяснить это читателю теперь же я не могу, потому что долженъ сначала изложить свои взгляды на волевые процессы, но когда въ главѣ четвертой буду говорить объ отношеніяхъ волевыхъ актовъ къ процессамъ мысли, то вернусь къ ошибкѣ Münsterberg'а и вполнѣ ее выясню.

Изучая волевые процессы, Münsterberg указалъ много важныхъ чертъ ихъ, но ему не удалось правильно разцѣнить ихъ значеніе и взаимныя отношенія; многіе факты остались отдѣльно стоящими. А между тѣмъ разнообразіе и запутанность явленій въ сферѣ воли, быть можетъ, не такъ непреодолимы, какъ кажется. Въ сознаніи человѣка находится множество волевыхъ процессовъ всѣхъ степеней развитія: въ то время, какъ одни изъ нихъ на столько развились, что совершаются полусознательно и весьма легко и быстро, другіе только начинаютъ развиваться и протекаютъ съ большимъ напряженіемъ, а между этими крайними точками можно наблюдать множество промежуточныхъ степеней развитія. Поэтому психологу предстоитъ задача—тщательно изслѣдовать волевые акты всѣхъ степеней развитія, чтобы отдѣлить основное, характерное отъ второстепеннаго; установивъ и объяснивъ основную форму волевого процесса, онъ долженъ указать, какъ изъ нея получаются всевозможныя разновидности волевыхъ актовъ. Но гдѣ слѣдуетъ искать основную форму волевого процесса?

Существуетъ ненормальное состояніе нервной системы, называемое каталепсіей. Человѣкъ, находящійся въ этомъ состояніи, не разговариваетъ, не отвѣчаетъ на вопросы и поражаетъ наблюдателя своей неподвижностью, пребывая въ томъ положеніи, въ какомъ застала его каталепсія. Въ нормальномъ состояніи человѣкъ не можетъ пробыть даже малое время безъ того, чтобы какія либо движенія, хотя бы весьма легкія, малозамѣтныя, какъ, напримѣръ, губъ или вѣкъ, не обнаруживали происходящихъ въ немъ душевныхъ процессовъ; при каталепсіи всѣ эти движенія

вполнѣ отсутствуютъ, остаются только движенія жизни органической, напримѣръ, пульсаціи, дыхательныя колебанія груди, такъ что получается картина полнаго отсутствія сознанія. Кромѣ того, при каталепсіи замѣчаются весьма интересныя явленія. Если взять руку такого неподвижнаго субъекта и придать ей какое-либо, хотя бы самое неудобное положеніе, она не оказываетъ ни малѣйшаго сопротивленія, легко принимаетъ всякое приданное ей положеніе и сохраняетъ его по удаленіи руки экспериментатора чрезвычайно долгое время безъ дрожаній, при чемъ не происходитъ никакихъ измѣненій дыхательнаго ритма. Наконецъ, вслѣдствіе нервномышечнаго истощенія отъ утомленія рука медленно опускается, повинуясь дѣйствію тяжести. Если экспериментаторъ, взявъ руку каталептическаго субъекта, произведетъ ею два или три раза какое-либо движеніе и потомъ отпуститъ ее среди этого движенія, рука не остановится и не упадетъ, а будетъ также продолжать движеніе, какъ въ предыдущемъ опытѣ продолжала хранить данное ей положеніе. Pierre Janet *) объясняетъ эти интересныя явленія слѣдующимъ образомъ. Въ сознаніи нормальнаго человѣка ощущенія и образы находятся въ связи между собою, взаимно вліяя другъ на друга; эту связь и взаимную зависимость Janet называетъ синтезомъ психическихъ процессовъ. При нѣкоторыхъ условіяхъ образуются ненормальныя состоянія сознанія, при которыхъ синтезъ или взаимная зависимость психическихъ процессовъ разрушается, и они становятся изолированными. Каталепсія есть такое ненормальное состояніе сознанія съ разрушительнымъ синтезомъ: психическіе процессы протекаютъ въ немъ изолированно. Поэтому Janet не допускаетъ, что интересныя явленія при каталепсіи, явленія сохраненія приданнаго рукѣ положенія и сохраненія начатаго ею пассивно движенія протекаютъ безсознательно. Онъ, напротивъ, утверждаетъ, что въ моментъ установки положенія или начала движенія руки, въ сознаніи каталептическаго субъекта возникаетъ ощущеніе (или правильнѣе: ощущенія) положенія или движенія руки. Такъ какъ при каталепсіи синтезъ психическихъ процессовъ разрушенъ то эти ощущенія остаются въ сознаніи изолированными и не встрѣчаютъ себѣ противодѣйствія со стороны другихъ психическихъ процессовъ; они продолжаютъ пребывать въ сознаніи, потому что продолжаются непрерывно вызывающія ихъ мускульныя сокращенія. Но отчего не прекращаются эти мышечныя сокращенія? Janet видитъ единственный ихъ источникъ въ этихъ изолированныхъ ощущеніяхъ. Итакъ, выходитъ, что отъ мышечныхъ сокращеній получаются ощущенія, которыя вызываютъ именно эти сокращенія и этимъ поддерживаютъ непрерывно свое и ихъ существованіе.

*) Pierre Janet. L'automatisme psychologique. 3-me éd. Paris. 1899.

Таково объясненіе Pierre'a Janet. Я не буду разбирать, насколько оно идетъ къ дѣлу относительно симптома каталепсіи: о каталепсіи я заговорилъ только для того, чтобы привести это объясненіе Pierre'a Janet; объясненіе же это я привожу потому, что въ немъ скрыта мысль, чрезвычайно важная для изученія волевыхъ процессовъ. Эта мысль: между психическими процессами и мышечными сокращеніями возможно такое взаимоотношеніе, результатомъ котораго является болѣе продолжительное пребываніе въ сознаніи этихъ психическихъ процессовъ. Я нахожу, что если мы обоснуемъ, дополнимъ, распространимъ эту мысль, то найдемъ основную, характерную черту волевыхъ актовъ, установимъ основную форму волевого процесса, а это приведетъ насъ къ разъясненію всѣхъ явленій въ сферѣ воли.

Итакъ, дѣло идетъ о взаимоотношеніи психофизіологическаго процесса и мускульной дѣятельности. Но психофизіологическій процессъ не прямо дѣйствуетъ на мускулы. Физіологическій коррелятъ психофизіологическаго процесса, дезинтеграція опредѣленныхъ клѣтокъ мозговой коры, передаетъ свое возбужденіе по ассоціаціоннымъ волокнамъ въ опредѣленные двигательные центры мозговой коры, дезинтеграція которыхъ не имѣетъ психическаго коррелята *); отсюда возбужденіе идетъ по двигательныхъ нервамъ къ мускуламъ; сокращенія послѣднихъ и вызванныя ими измѣненія въ положеніи суставовъ, мышечныхъ сухожилій, связокъ, окружающей кожи служатъ источникомъ раздраженія распредѣленныхъ въ этихъ мѣстахъ окончаній чувствительныхъ нервовъ: по этимъ нервамъ раздраженія идутъ въ головной мозгъ и достигаютъ центровъ коры—тѣхъ же, съ которыхъ начался процессъ. Психофизіологическій процессъ, послужившій точкой исхода для всего этого движенія физіологическихъ измѣненій, оказался и конечнымъ пунктомъ ихъ. Я считаю удобнымъ психофизіологическій процессъ, точку исхода, назвать волевымъ стимуломъ, а весь рядъ процессовъ, вызванныхъ этимъ стимуломъ—круговой реакціей на волевой стимулъ. Терминъ—круговая реакція означаетъ, что процессъ сначала удаляется отъ точки исхода, достигаетъ крайняго удаленія, а потомъ приближается къ ней по другому пути, подобно тому, какъ слѣдуя по окружности круга, мы сначала удаляемся отъ точки исхода, а потомъ приближаемся къ ней съ другой стороны. Теперь—насчетъ точки исхода, волевого стимула. Круговая реакція—замкнутый рядъ измѣненій; поэтому читатель можетъ спросить, по какой причинѣ я за точку исхода, за волевой стимулъ принимаю непремѣнно психофизіологическій процессъ, а не какой нибудь другой, напримѣръ, не первоначальное раздраженіе чувствительныхъ нервовъ? вѣдь и въ случаяхъ каталептическаго сохраненія положенія или движенія руки психофизіоло-

*) Объ этомъ смотри главу вторую.

гическій процессъ является результатомъ возбужденія периферическихъ окончаній чувствительныхъ нервовъ. Дѣйствительно, психофизіологическій процессъ всегда возбуждается или съ периферіи, отъ раздраженія чувствительныхъ нервовъ или черезъ ассоціаціонныя волокна съ другихъ центровъ коры; но раздраженіе периферическихъ окончаній чувствительныхъ нервовъ и теченіе его по этимъ нервамъ до центровъ психофизіологическаго процесса не всегда входятъ въ составъ круговой реакціи, не всегда составляютъ отрѣзокъ пути ея: весьма часто они, возбудивъ психофизіологическій процессъ, отъ котораго идетъ круговая реакція, сами остаются внѣ ея; при возбужденіи же психофизіологическаго процесса круговой реакціи съ другихъ центровъ коры, дезинтеграція въ этихъ центрахъ и измѣненія въ ассоціаціонныхъ волокнахъ, связывающихъ эти центры съ центрами психофизіологическаго процесса, отъ котораго идетъ круговая реакція, никогда не составляютъ части пути ея.

Разсмотримъ соотвѣтствующіе примѣры.

Сначала — возбужденіе психофизіологическаго процесса, отъ котораго идетъ круговая реакція, съ периферіи, отъ раздраженія чувствительныхъ нервовъ. Врачъ говоритъ больному: „нужно широко раскрыть ротъ"; звуки словъ раздражаютъ периферическія окончанія слуховыхъ нервовъ паціента; раздраженія по этимъ нервамъ доходятъ до коры, вызываютъ психофизіологическій процессъ—сужденіе „нужно широко раскрыть ротъ", выраженное не словами — слуховыми образами, а словами—слуховыми ощущеніями; этотъ психофизіологическій процессъ—сужденіе „нужно широко раскрыть ротъ"—возбуждаетъ соотвѣтствующіе двигательные центры коры, они посылаютъ импульсъ къ мускуламъ: больной разѣваетъ ротъ, какъ требуется. Круговая реакція совершилась: сужденіе „нужно широко раскрыть ротъ" смѣнилось воспріятіемъ широко раскрытаго рта. А первоначальное раздраженіе слуховыхъ нервовъ больного словами врача и теченіе этого раздраженія по этимъ нервамъ до коры—вошло ли все это въ составъ пути круговой реакціи? Конечно—нѣтъ. Результатомъ мышечной дѣятельности больного при круговой реакціи явились такія раздраженія чувствительныхъ нервовъ, которыя, достигнувъ коры, вызвали психофизіологическій процессъ воспріятія широко разинутаго рта; но эта мышечная дѣятельность не дала своимъ результатомъ такого раздраженія периферическихъ окончаній слуховыхъ нервовъ, которое они получили первоначально отъ звуковъ словъ врача. Конечно, больной и при раскрытомъ ртѣ можетъ помнить слова врача, но это будутъ слова—слуховые образы, воспринимать же эти слова, имѣть въ сознаніи слуховыя ощущенія ихъ онъ не будетъ. Но и воспоминаніе словъ, слуховые образы ихъ, совсѣмъ не результатъ мускульной дѣятельности при круговой реакціи; они — процессъ мысли, совершенно не обязатель-

ный спутникъ круговой реакціи. Итакъ, путь круговой реакціи не вернулся къ пункту—раздраженію слуховыхъ нервовъ, и весь процессъ передачи раздраженія по слуховымъ нервамъ до коры не составляетъ части круговой реакціи, а остается внѣ ея.

Теперь—возбужденіе психофизіологическаго процесса, отъ котораго идетъ круговая реакція, черезъ ассоціаціонныя волокна съ другихъ центровъ мозговой коры. Я сижу за письменнымъ столомъ; сбоку отъ меня, на стѣнѣ, виситъ картина, видъ одного города. Вчера мой пріятель А. сообщилъ мнѣ объ этомъ городѣ довольно интересное свѣдѣніе. Я вспоминаю теперь А., вспоминаю вчерашній разговоръ. Эти воспоминанія могутъ черезъ ассоціаціи вызвать психофизіологическій процессъ „взглянуть на картину". (Эта мысль можетъ промелькнуть въ сознаніи весьма быстро, отрывочно). Я соотвѣтственнымъ образомъ поворачиваю голову, направляю въ опредѣленную сторону глаза и смотрю на картину. Физіологическій коррелятъ представленія моего пріятеля А. и сужденій, выражающихъ свѣдѣніе о городѣ, дезинтеграція опредѣленныхъ центровъ мозговой коры, вызвалъ черезъ ассоціаціонныя волокна физіологическій коррелятъ психофизіологическаго процесса „взглянуть на картину", дезинтеграцію другихъ центровъ коры; этотъ психофизіологическій процессъ „взглянуть на картину" возбудилъ черезъ ассоціаціонныя волокна опредѣленные двигательные центры; послѣдніе послали импульсъ къ мускуламъ, круговая реакція совершилась: мысль „взглянуть на картину" смѣнилась воспріятіемъ картины. И здѣсь круговая реакція не вернулась къ начальному пункту—представленію моего пріятеля и его сужденіямъ; конечно, разсматривая картину, я могу вспоминать обо всемъ этомъ, но это воспоминаніе не будетъ результатомъ мускульной дѣятельности круговой реакціи; это—процессъ мысли, который можетъ сопровождать ее, но это совсѣмъ не обязательно. И здѣсь психофизіологическіе процессы представленія моего пріятеля и сужденій его и теченіе посланнаго ими возбужденія по ассоціаціоннымъ волокнамъ къ центрамъ психофизіологическаго процесса „взглянуть на картину"—все это осталось внѣ круговой реакціи, не составило отрѣзка пути ея.

Итакъ, понятно, почему эти процессы, предшествующіе психофизіологическому, отъ котораго идетъ круговая реакція, нельзя считать за исходную точку ея: исходный пунктъ долженъ быть и конечнымъ, а круговая реакція не всегда возвращается къ этимъ процессамъ. Но если бы даже она и всегда къ нимъ возвращалась, всетаки ихъ не слѣдуетъ принимать за исходный пунктъ ея: эти процессы чисто физіологическіе, а за исходную точку круговой реакціи, за волевой стимулъ, должно считать процессъ психофизіологическій на слѣдующемъ основаніи. Мы изучаемъ психологію воли; всѣ волевые акты—процессы психофизіологическіе; наша задача—изслѣдовать ихъ взаимоотношенія. Кру-

говая реакція служитъ ключомъ для рѣшенія этой задачи; она помогаетъ намъ понять основной фактъ волевыхъ актовъ. Этотъ основной фактъ состоитъ въ томъ, что извѣстные психофизіологическіе процессы, возникнувъ, влекутъ за собою особеннаго рода результаты. Подымается вопросъ: чѣмъ обусловлена связь этихъ психофизіологическихъ процессовъ съ таковыми результатами? Чисто физіологическія измѣненія, не имѣющія психическихъ коррелятовъ, измѣненія, входящія въ составъ круговой реакціи, и являются этимъ связующимъ звеномъ между психофизіологическимъ процессомъ и особаго рода результатами его. Чисто физіологическія измѣненія круговой реакціи даютъ намъ возможность научно объяснить связь между психофизіологическимъ процессомъ и особаго рода результатами его — въ этомъ все ихъ значеніе для психологіи воли; сами же они, какъ процессы чисто физіологическіе, имѣютъ для психолога интересъ второстепенный. Психофизіологическій же процессъ и особаго рода результаты его—прямые объекты изученія для работающихъ надъ психологіей воли, представляютъ собою факты первостепеннаго значенія. Теперь понятно, что при изученіи психологіи воли не безразлично, какой пунктъ круговой реакціи будетъ принятъ за точку исхода. Мы за таковую должны принять психофизіологическій процессъ для того, чтобы всѣ наши объясненія волевыхъ актовъ могли быть связаны въ ясную, стройную систему, могли составить такую удобную схему, которая помогла бы каждому оріентироваться среди множества явленій воли. Итакъ, я считаю необходимымъ за исходную точку круговой реакціи, за волевой стимулъ, всегда принимать процессъ психофизіологическій: тогда концомъ круговой реакціи явятся тѣ особаго рода результаты, постоянное слѣдованіе которыхъ за психофизіологическимъ процессомъ — волевымъ стимуломъ, составляетъ основной фактъ волевыхъ актовъ; всѣ процессы между этими крайними пунктами представляютъ путь круговой реакціи.

Каковы эти особаго рода результаты, которыхъ достигаетъ волевой стимулъ черезъ круговую реакцію? Это—или самосохраненіе волевого стимула, или самоусиленіе его. Самосохраненіе волевого стимула состоитъ въ слѣдующемъ: психофизіологическій процессъ вызываетъ круговую реакцію, но раздраженія чувствующихъ нервовъ мускульными сокращеніями и перемѣнами, отъ нихъ происшедшими, таковы, что, достигнувъ соотвѣтствующихъ центровъ мозговой коры, не производятъ никакихъ измѣненій въ дезинтеграціи, а только поддерживаютъ ее въ прежней силѣ, сообщая ей свое возбужденіе. Изъ примѣра каталептическаго сохраненія положенія или движеній руки читатель можетъ видѣть, что слѣдуетъ понимать подъ самосохраненіемъ волевого стимула: ощущенія положенія и движеній руки продолжаютъ пребывать въ сознаніи. Разумѣется, такое самосохраненіе не безконечно—

нервномышечное истощеніе полагаетъ ему предѣлъ; но обыкновенно дѣло не доходитъ до этого: самосохраненіе стимула прекращается отъ противодѣйствія какого либо другого психофизіологическаго процесса. Самоусиленіе волевого стимула состоитъ въ слѣдующемъ: психофизіологическій процессъ, комплексъ образовъ, вызываетъ круговую реакцію; результатомъ ея является замѣна нѣкоторыхъ образовъ психофизіологическаго процесса соотвѣтствующими ощущеніями. Напримѣръ, представленіе смѣняется соотвѣтственнымъ воспріятіемъ. Я хочу поднять мою вытянутую правую руку до высоты плеча и дѣлаю это—представленіе акта смѣнилось воспріятіемъ его. Въ представленіи — одни только образы, въ воспріятіи—большая или меньшая часть ихъ замѣнена ощущеніями. Но ощущеніе и образъ его—одинъ и тотъ же психофизіологическій процессъ только разной интенсивности: ощущенія гораздо интенсивнѣе образовъ. Поэтому если въ волевомъ стимулѣ—комплексѣ образовъ—нѣкоторые изъ нихъ замѣнятся ощущеніями, то вполнѣ справедливо считать волевой стимулъ усиленнымъ.

Итакъ, подъ волевымъ стимуломъ я понимаю всякій психофизіологическій процессъ, который вызываетъ круговую реакцію. Подъ круговой реакціей я понимаю физіологическій процессъ, вызванный физіологическимъ коррелятомъ волевого стимула, протекающій отъ точки исхода до двигательныхъ центровъ коры по ассоціаціоннымъ волокнамъ, отсюда по двигательнымъ нервамъ до мускуловъ, состоящій въ опредѣленныхъ сокращеніяхъ опредѣленныхъ мышцъ и въ перемѣнахъ, этими сокращеніями производимыхъ, далѣе, состоящій въ раздраженіи этими сокращеніями и перемѣнами чувствительныхъ нервовъ, протекающій по этимъ нервамъ до мозга, возвращающійся въ тѣ же центры коры, съ которыхъ начался, и дающій въ результатѣ сохраненіе или усиленіе волевого стимула. Этотъ фактъ круговой реакціи—характерная черта всякаго волевого процесса. Изучая волевые акты съ этой точки зрѣнія, я нашелъ слѣдующее: во всѣхъ волевыхъ процессахъ, какъ бы сложны они ни были, можно анализомъ отыскать круговыя реакціи; всѣ процессы, входящіе въ составъ круговой реакціи, ихъ связи и взаимныя отношенія могутъ быть объяснены законами ассоціаціи и уже имѣющимися свѣдѣніями по физіологіи этихъ процессовъ—не требуется никакихъ новыхъ, спеціальныхъ предположеній; въ основѣ волевыхъ актовъ, протекающихъ съ сознаніемъ большого усилія, лежатъ факты противодѣйствія волевыхъ стимуловъ другъ другу; для объясненія противодѣйствія волевыхъ стимуловъ также не нужно дѣлать новыхъ, спеціальныхъ предположеній.

Принимая круговую реакцію за главную характерную черту волевыхъ процессовъ, я достигъ возможности выработать общій взглядъ на волевые акты, вносящій единство въ эту сферу разнообразныхъ явленій и выясняющій взаимныя отношенія и развитія

ихъ. Этотъ взглядъ — гипотеза, потому что въ нашихъ свѣдѣніяхъ объ ассоціаціи и о физіологическихъ процессахъ въ мозгѣ много гипотетическаго, неяснаго, недостаточно установленнаго; но этотъ взглядъ не требуетъ никакихъ новыхъ допущеній для объединенія и объясненія всѣхъ явленій воли и ихъ взаимоотношенія: онъ все объясняетъ законами ассоціаціи и болѣе установленными данными относительно мозговыхъ процессовъ. Изложенію его и посвящена настоящая статья.

Гипотеза—такое же важное и могучее орудіе научнаго метода, какъ наблюденіе и экспериментъ, а судьба ея другая. Наблюденіе и экспериментъ давно уже оцѣнены по достоинству; значеніе гипотезы и теперь еще остается неяснымъ, даже для самихъ ученыхъ. То смотрятъ на нее, какъ на послѣднюю пристань, куда долженъ прибыть мыслитель въ виду невозможности полнаго знанія; то считаютъ ее за складочное мѣсто всякаго незнанія, куда слѣдуетъ скорѣе убирать все трудное для изслѣдованія. Быть можетъ, менѣе всего видятъ въ ней то, чѣмъ она должна быть въ дѣйствительности: великое средство утилизировать съ наименьшей тратой силы научной мысли. Лучшіе плоды приносятъ наблюденіе и экспериментъ тогда, когда они хорошо направлены; а какъ узнать направленіе? Его должны указать свѣдѣнія, уже имѣющіяся по данному вопросу и въ соприкасающихся съ нимъ областяхъ, но всѣ эти свѣдѣнія должны быть объединены въ общій взглядъ безъ натяжекъ, помощью установленныхъ наукой принциповъ. Такой общій взглядъ и будетъ правильная гипотеза; слабые, сомнительные пункты его и укажутъ направленіе изысканій. При созданіи гипотезы работаетъ воображеніе; но работать воображеніемъ не значитъ принимать первое, что придетъ въ голову, или соединять элементы, не допускающіе такого соединенія. Работа воображенія въ области науки должна строго регулироваться научными принципами. Часто бываетъ весьма полезно сближать такія явленія, которыя мысль еще не сопоставляла, освѣщать вопросъ съ той стороны, съ которой на него еще не смотрѣли; но все это нужно дѣлать, постоянно провѣряя, нѣтъ ли скрытаго противорѣчія тѣмъ путямъ, по которымъ развивается наука. Удовлетворяютъ ли этимъ требованіямъ вышеприведенныя гипотезы James'а и Wundt'а? Куда направить изслѣдованія, если воля есть недоступный изученію plus, направляющій процессы по пути наибольшаго сопротивленія, какъ то думаетъ James? Какая польза для изысканій отъ теоріи апперцепціи Wundt'а, безъ которой всѣ явленія можно объяснить легче, какъ то указали Münsterberg и Ziehen. Быть можетъ, выгоднѣе оставить факты разрозненными, чѣмъ объединять ихъ цѣлою системой туманныхъ гипотезъ? Мнѣ кажется, что для изученія психологіи воли гораздо выгоднѣе разсматривать взаимоотношенія фактовъ этой области изслѣдованія съ той точки зрѣнія, которую я здѣсь излагаю.

II. Круговая реакція на волевой стимулъ.

Теперь намъ слѣдуетъ подробно изучить процессы, составляющіе путь круговой реакціи. Удобнѣе всего это сдѣлать на примѣрахъ. Разсмотримъ какой нибудь простой волевой актъ и убѣдимся, что онъ — круговая реакція, и что процессы ея могутъ быть объяснены законами ассоціаціи.

Примѣръ первый (Самоусиленіе волевого стимула). Я прошу субъекта поднять правую руку до высоты плеча. Онъ исполняетъ требуемое. Пусть въ моментъ дѣйствія голова субъекта будетъ повернута вправо для того, чтобы онъ могъ видѣть свою правую руку. Что происходитъ во время выполненія акта?

Слова моей просьбы вызываютъ въ сознаніи субъекта полное представленіе требуемаго акта *). Въ моей просьбѣ заключено названіе акта—„поднять правую руку до высоты плеча". Психофизіологическій процессъ названія вызываетъ черезъ ассоціацію психофизіологическій процессъ полнаго представленія требуемаго акта: физіологическій коррелятъ процесса названія, дезинтеграція опредѣленныхъ чувствительныхъ центровъ мозговой коры, посылаетъ свои возбужденія по ассоціаціоннымъ волокнамъ въ центры психофизіологическаго процесса представленія требуемаго акта; въ этихъ послѣднихъ центрахъ возникаетъ дезинтеграція, психическимъ коррелятомъ которой явится полное представленіе этого дѣйствія. Что будетъ сознавать субъектъ въ этомъ представленіи? Вообще въ представленіяхъ актовъ сознаются образы тѣхъ ощущеній, которыя испытываются при самомъ выполненіи дѣйствія. Что испытываетъ человѣкъ, поднимая правую руку до высоты плеча? Онъ получаетъ три группы ощущеній: 1) ощущенія отъ суставовъ, связокъ, сухожилій, мускуловъ, различнымъ образомъ растянутой кожи—ощущенія мѣстныхъ измѣненій, произведенныхъ сокращеніями мышцъ; 2) осязательныя ощущенія отъ давленія на руку и тренія по ней рукава; 3) зрительныя ощущенія вслѣдствіе раздраженія сѣтчатокъ глазъ вибраціями свѣтового эѳира, идущими отъ руки. Ощущенія отъ суставовъ, связокъ, сухожилій, мускуловъ, различнымъ образомъ растянутой кожи — ощущенія мѣстныхъ ближайшихъ эффектовъ, произведенныхъ мышечной дѣятельностью. Ощущенія же осязательныя отъ прикосновенія къ рукаву и ощущенія зрительныя—ощущенія отдаленныхъ, косвенныхъ эффектовъ мышечной дѣятельности. Что я раздраженіе сѣт-

*) Это—рѣдкій случай. Чаще бываетъ, что въ сознаніи всплываетъ весьма неполное представленіе требуемаго акта, а еще чаще это представленіе совсѣмъ не является въ сознаніи. Объ этихъ случаяхъ я буду говорить ниже, въ этой же главѣ. Теперь же беру случай рѣдкій, но самый простой для объясненія.

чатокъ глазъ называю отдаленнымъ эффектомъ мускульныхъ сокращеній — вполнѣ понятно: здѣсь отъ мышечной дѣятельности получилось раздраженіе отдаленной отъ нея области. А прикосновеніе къ рукаву? И оно—отдаленный эффектъ? Вѣдь здѣсь раздражена кожа самого дѣйствующаго органа? И прикосновеніе къ рукаву—отдаленный, косвенный эффектъ: оно обусловлено не одною только мышечною дѣятельностью, но и присутствіемъ посторонняго фактора — тяжести рукава. Рука напираетъ на рукавъ, онъ сопротивляется; чѣмъ рукавъ тяжелѣе, тѣмъ и эффектъ больше. Ближайшіе, мѣстные эффекты являются результатомъ однихъ только мышечныхъ сокращеній; отдаленные, косвенные обусловлены, кромѣ мускульной дѣятельности, и другими факторами. Всякое дѣйствіе даетъ мѣстные эффекты, но не всякое — отдаленные. Если въ нашемъ примѣрѣ субъектъ будетъ поднимать обнаженную руку и не видя ея, онъ получитъ одни только мѣстные эффекты. Ощущенія, испытываемыя при выполненіи акта, сливаются ассоціаціей въ одно цѣлое—воспріятіе акта. Представленіе акта—воспоминаніе его; въ немъ, вмѣсто ощущеній, имѣются соотвѣтственные образы. Въ представленіи „поднять правую руку до высоты плеча" имѣются три группы образовъ: образы ощущеній мѣстныхъ измѣненій, образы осязательные отъ прикосновенія рукава и образы зрительные. Всѣ они крѣпкою ассоціаціонною связью слиты въ одинъ комплексъ.

Вернемся къ нашему примѣру. Отъ возбужденій психофизіологическаго процесса названія возникаетъ психофизіологическій процессъ полнаго представленія требуемаго акта; въ сознаніи всплываютъ всѣ три группы образовъ, крѣпко связанныхъ въ одно цѣлое ассоціаціей. Физіологическій коррелятъ этого представленія — процессы дезинтеграціи опредѣленныхъ чувствительныхъ центровъ, соединенные въ одно цѣлое молекулярными измѣненіями въ связывающихъ эти центры волокнахъ. Этотъ физіологическій коррелятъ вызоветъ по ассоціаціоннымъ волокнамъ дезинтеграцію соотвѣтствующихъ двигательныхъ центровъ коры, дезинтеграцію, которой нѣтъ психическаго коррелята. Изъ двигательныхъ центровъ процессъ пойдетъ по двигательнымъ нервамъ къ мускуламъ. Мышцы сократятся и своими сокращеніями поднимутъ правую руку до высоты плеча. При этомъ перемѣнится положеніе и взаимное давленіе поверхностей суставовъ, опредѣленнымъ образомъ растянутся связки, примутъ извѣстное положеніе сухожилія, такъ или иначе натянется или сожмется покрывающая эти части кожа. Разсѣянныя въ этихъ мѣстахъ периферическія окончанія чувствительныхъ нервовъ получатъ раздраженія отъ этихъ измѣненій. Кромѣ того, отъ давленія на руку и тренія по ней рукава раздражатся периферическія окончанія чувствительныхъ нервовъ кожи; и еще — рядъ свѣтовыхъ вибрацій дойдетъ отъ руки до сѣтчатокъ глазъ и раздражитъ перифе-

рическія окончанія зрительныхъ нервовъ. Получатся три группы раздраженій: 1) раздраженія отъ мѣстныхъ измѣненій, 2) раздраженія отъ давленія и тренія рукава и 3) раздраженія свѣтовыя. Всѣ эти группы раздраженій по соотвѣтственнымъ чувствительнымъ нервамъ потекутъ въ мозгъ и достигнутъ мозговой коры, каждая группа — тѣхъ именно центровъ, въ которыхъ локализуются процессы соотвѣтствующихъ образовъ. Достигнувъ центровъ, раздраженія усилятъ протекающую тамъ дезинтеграцію со степени дезинтеграціи, соотносительной образамъ, до степени дезинтеграціи, соотносительной ощущеніямъ. Образы мѣстныхъ измѣненій, осязательные отъ давленія рукава, зрительные смѣнятся соотвѣтственными ощущеніями, слѣдовательно, усилятся; все же представленіе требуемаго акта замѣнится соотвѣтственнымъ воспріятіемъ, то есть усилится. Итакъ, волевой стимулъ— представленіе требуемаго акта — помощью круговой реакціи самоусилился, замѣнился воспріятіемъ выполненія его. Такъ какъ психическіе процессы соотносительны только процессамъ дезинтеграціи нервныхъ центровъ опредѣленныхъ степеней интенсивности и продолжительности и стоящимъ въ опредѣленномъ отношеніи къ одновременнымъ процессамъ дезинтеграціи другихъ центровъ, то психическіе корреляты будутъ только у нервныхъ процессовъ волевого стимула до и послѣ круговой реакціи, весь же путь круговой реакціи — процессы по ассоціаціоннымъ волокнамъ, въ двигательныхъ центрахъ коры, по двигательнымъ нервамъ, въ мускулахъ и окружающихъ частяхъ, въ чувствительныхъ нервахъ — весь этотъ путь не будетъ имѣть психическихъ процессовъ. Поэтому съ психической стороны — представленіе требуемаго акта прямо замѣнится воспріятіемъ выполненія его.

Замѣтимъ, что въ путь круговой реакціи вошли процессы чисто физическіе—вибраціи свѣтового эѳира. Физическіе процессы постоянно составляютъ отрѣзокъ пути тѣхъ круговыхъ реакцій, въ которыхъ имѣются раздраженія свѣтовыя, звуковыя, запахами, перемѣнами температуры; но это обстоятельство для насъ не имѣетъ важнаго значенія, потому что всѣ процессы круговой реакціи служатъ только условіями для самоусиленія или самосохраненія психофизіологическаго процесса волевого стимула. Этотъ же результатъ достигается точно также и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ пути круговой реакціи физическіе процессы входятъ наравнѣ съ физіологическими.

Примѣръ второй (Самосохраненіе волевого стимула). Когда субъектъ держитъ такимъ образомъ поднятую правую руку, я говорю ему, чтобы онъ не опускалъ ее, а держалъ въ этомъ положеніи. Онъ исполняетъ требуемое. Пусть голова субъекта все время будетъ повернута вправо, чтобы онъ могъ видѣть свою правую руку. Что произойдетъ въ этомъ случаѣ?

Если бы я ничего не сказалъ субъекту, то онъ опустилъ бы свою руку. Опустилъ бы потому, что сознавалъ бы утомительность, неловкость, неудобство такого положенія и тó, что оно не нужно болѣе. Это болѣе или менѣе ясно формулированное „не нужно болѣе...“—волевой стимулъ къ опущенію руки. Оно послало бы импульсы къ мышцамъ-антагонистамъ принятаго положенія, и рука опустилась бы. Когда же субъектъ воспринялъ мои слова о томъ, чтобы не опускать руки, а держать ее, сужденія, формулированныя ими, устранили дѣйствіе психофизіологическаго процесса „не нужно болѣе...“, воспрепятствовали его импульсамъ. Но разъ устраненъ психофизіологическій процессъ, противоборствующій круговой реакціи, она должна продолжаться. Такъ и выходитъ на дѣлѣ. Въ моментъ моей рѣчи о томъ, что не слѣдуетъ опускать руку, субъектъ уже имѣетъ воспріятіе опредѣленнаго положенія ея. Въ этомъ воспріятіи онъ сознаетъ ощущенія трехъ группъ: 1) ощущенія мѣстнаго эффекта напряженія и извѣстнаго положенія руки; 2) ощущенія осязательныя отъ давленія рукава; 3) ощущенія зрительныя—видъ опредѣленнаго положенія руки. Всѣ эти ощущенія связаны ассоціаціонной связью въ одно цѣлое—воспріятіе положенія руки. Физіологическій коррелятъ этого воспріятія—процессы дезинтеграціи опредѣленныхъ чувствительныхъ центровъ,—тѣхъ же, въ которыхъ въ предыдущемъ примѣрѣ локализовались процессы дезинтеграціи образовъ; только теперь процессы дезинтеграціи этихъ центровъ сильнѣе степени, соотносительной ощущеніямъ. Процессы дезинтеграціи всѣхъ этихъ центровъ соединены въ одно цѣлое молекулярными измѣненіями въ связывающихъ эти центры волокнахъ. Этотъ физіологическій коррелятъ вызоветъ по ассоціаціоннымъ волокнамъ дезинтеграцію соотвѣтствующихъ двигательныхъ центровъ коры, дезинтеграцію, которой нѣтъ психическаго коррелята. Изъ двигательныхъ центровъ процессъ пойдетъ по двигательнымъ нервамъ къ мускуламъ и удержитъ ихъ въ ихъ положеніи. Отъ такого удержаннаго положенія получатся три группы раздраженій: 1) отъ мѣстнаго эффекта; 2) отъ давленія рукава и 3) свѣтовыя. Всѣ эти группы раздраженій по чувствительнымъ нервамъ потекутъ въ мозгъ и достигнутъ центровъ коры, каждая группа—тѣхъ именно центровъ, въ которыхъ локализуются процессы дезинтеграціи соотвѣтственныхъ ощущеній. Достигнувъ этихъ центровъ, раздраженія поддержатъ протекающую тамъ дезинтеграцію на степени интенсивности, соотносительной ощущеніямъ. Такъ какъ на всемъ пути круговой реакціи психическіе корреляты существуютъ только у нервныхъ процессовъ волевого стимула до и послѣ реакціи, то воспріятіе опредѣленнаго положенія руки переходитъ въ такое же воспріятіе опредѣленнаго положенія ея, то есть непрерывно продолжается: волевой стимулъ самосохраняется. Между психоифзіологическимъ процессомъ до круговой реакціи и таковымъ

же послѣ нея—нѣтъ перерыва, они сливаются въ одинъ непрерывный процессъ самосохраняющагося волевого стимула. Перерыва нѣтъ потому, что процессы круговой реакціи пролетаютъ такъ быстро, что возбужденіе, приносимое концомъ ея, застаетъ дезинтеграцію волевого стимула продолжающеюся и само поддерживаетъ ее. Если нѣтъ противоборствующихъ психофизіологическихъ процессовъ, круговая реакція самосохраненія волевого стимула можетъ продолжаться довольно долго. Процессъ круговой реакціи отъ волевого стимула до него же составляетъ одинъ оборотъ круговой реакціи; при самосохраненіи волевого стимула такихъ оборотовъ будетъ очень много, если оно продолжается долго. При круговой же реакціи самоусиленія волевого стимула (какъ въ примѣрѣ 1-мъ) всегда имѣется только одинъ оборотъ, что и понятно: въ концѣ его образы психофизіологическаго процесса волевого стимула замѣняются соотвѣтствующими ощущеніями.

Если бы я сразу сказалъ субъекту, чтобы онъ поднялъ правую руку до высоты плеча и продолжалъ держать ее въ этомъ положеніи, онъ такъ бы и сдѣлалъ. Круговая реакція самоусиленія волевого стимула перешла бы непосредственно въ круговую реакцію самосохраненія его; волевой стимулъ самоусилился бы и усиленный самосохранялся. Такіе непосредственные переходы круговыхъ реакцій самоусиленія волевого стимула въ круговыя реакціи самосохраненія его, усиленнаго, встрѣчаются весьма часто.

Вотъ примѣры. Теперь мы должны отвѣтить на вопросы, которые подымаются насчетъ процессовъ пути круговой реакціи.

Въ примѣрѣ 1-мъ названіе требуемаго акта, заключенное въ словахъ моей просьбы, воспринятыхъ субъектомъ, вызываетъ черезъ ассоціацію представленіе этого дѣйствія. Что психофизіологическій процессъ названія вызываетъ черезъ ассоціацію психофизіологическій процессъ соотвѣтственнаго представленія, вполнѣ понятно. Психофизіологическіе процессы названій соединены чрезвычайно крѣпкою ассоціаціонною связью съ тѣми психофизіологическими процессами, въ которыхъ сознается означаемое ими. Благодаря крѣпости этой связи, удержанное въ сознаніи названіе легко и быстро вызываетъ означаемое имъ. И обратно: когда мы испытываемъ или вспоминаемъ означаемое имъ, легко всплываетъ въ сознаніи и соотвѣтствующее названіе. Функція названія въ томъ и состоитъ, чтобы вызывать въ сознаніи означаемое имъ. Для этой цѣли люди искусственными пріемами и выработываютъ столь крѣпкую ассоціаціонную связь между тѣмъ, что они испытываютъ, и опредѣленными словами. Слова иностраннаго языка не названія для того, кто не знаетъ этого языка. Когда же человѣкъ выучится этому языку, эти слова станутъ для него названіями. Многимъ кажется, что между названіями и тѣмъ, что они означаютъ, есть какая-то таинственная связь. Кажется, будто названіе похоже на то, что оно означаетъ. Всякій легко замѣ-

титъ, какъ трудно и неловко называть книгу вилкой, ходьбу—пѣніемъ. Все это—результатъ чрезвычайно крѣпкой ассоціаціонной связи между психофизіологическими процессами названія и означаемаго имъ.

Далѣе подымается вопросъ, какое я имѣю основаніе утверждать, что физіологическіе корреляты представленія (въ примѣрѣ 1-мъ) и воспріятія (въ примѣрѣ 2-мъ) акта посылаютъ свои возбужденія въ тѣ именно двигательные центры, импульсами которыхъ мышцы выполняютъ надлежащее дѣйствіе (въ примѣрѣ 1 мъ), поддерживаютъ опредѣленное положеніе (въ примѣрѣ 2-мъ). Утверждая это, я утверждаю, что именно представленіе (въ примѣрѣ 1-мъ) и воспріятіе (въ примѣрѣ 2-мъ) акта обусловили соотвѣтственную мышечную дѣятельность. Но вѣдь въ сознаніи субъекта находятся одновременно другіе процессы: онъ сознаетъ смыслъ словъ моей просьбы, сознаетъ, что ему „слѣдуетъ", что онъ „долженъ" ее выполнить. Почему я утверждаю, что не эти психическіе процессы, а именно само представленіе (въ примѣрѣ 1-мъ) и воспріятіе (въ примѣрѣ 2-мъ) акта обусловливаютъ надлежащую мышечную дѣятельность? А просто потому, что всѣ эти психическіе процессы совсѣмъ не необходимы для мышечной дѣятельности: она могла бы произойти и безъ нихъ, благодаря присутствію въ сознаніи воспріятія или представленія акта. Такіе психическіе процессы помогаютъ представленію или воспріятію акта въ столкновеніи и борьбѣ съ противодѣйствующими процессами. Противодѣйствующіе психическіе процессы—тѣ, которые стремятся вызвать мышечную дѣятельность, несовмѣстимую съ мускульной работой даннаго психическаго процесса, несовмѣстимую изъ за антагонизма мышцъ. Напримѣръ, психическій процессъ, требующій держать правую руку опущенной, пребывая въ сознаніи одновременно съ представленіемъ поднятія этой руки, будетъ противодѣйствовать этому представленію. Въ такихъ случаяхъ столкновенія и борьбы разные вспомогательные психическіе процессы, стоящіе на сторонѣ одного изъ борцовъ, помогаютъ ему вытѣснять изъ сознанія соперника. О столкновеніи противодѣйствующихъ психофизіологическихъ процессовъ я буду говорить въ 5-ой главѣ; въ настоящихъ же примѣрахъ (1-мъ и 2-мъ) я принимаю сознаніе субъекта свободнымъ отъ процессовъ, противоборствующихъ представленію и воспріятію акта. Что представленію и воспріятію акта для выполненія мышечной дѣятельности совсѣмъ не нужны вспомогательные психическіе процессы, если только въ сознаніи нѣтъ противодѣйствующаго процесса,—легко доказать.

Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ (1 мъ и 2-мъ) требованіе, заключенное во вспомогательныхъ психическихъ процессахъ, стоитъ на сторонѣ представленія, воспріятія акта и уже совсѣмъ не противорѣчитъ имъ. „Вамъ слѣдуетъ поднять руку", „вамъ слѣдуетъ держать ее". Но можно сдѣлать опытъ противоположный: можно

соединить представленіе съ обратнымъ, противорѣчащимъ требованіемъ. Я могу сказать субъекту: „Держите правую руку сжатою въ кулакъ и какъ можно ярче представляйте себѣ, что вы ее раскрываете, широко растопыриваете ея пальцы; представляйте себѣ какъ можно ярче не зрительные образы этого дѣйствія, а образы тѣхъ мышечныхъ, кожныхъ, суставныхъ и прочихъ ощущеній, которыя испытываются при такомъ актѣ“. Если субъектъ способенъ тонко подмѣчать свои ощущенія, то онъ скажетъ мнѣ слѣдующее: „какъ только я начинаю представлять себѣ раскрытіе руки, широкое растопыриваніе пальцевъ, тотчасъ замѣчаю, что кулакъ стремится раскрыться, и я начинаю его сильнѣе сжимать. Чѣмъ ярче я представляю себѣ разжатіе кулака, тѣмъ значительнѣе становится стремленіе руки къ раскрытію, и мнѣ приходится сжимать ее сильнѣе и сильнѣе“. Что это значитъ?

Это значитъ именно то, что представленіе раскрытія руки стремится осуществиться и посылаетъ импульсы къ мышцамъ, раскрывающимъ руку, растопыривающимъ пальцы; чтобы удержать эти мышцы отъ выполненія ихъ работы, антагонисты ихъ, мускулы, сжимающіе руку въ кулакъ, сокращаются сильнѣе, и субъектъ замѣчаетъ ихъ напряженіе. Для насъ важно то́, что здѣсь вспомогательный психическій процессъ стоитъ на сторонѣ воспріятія сжатаго кулака; человѣкъ сознаетъ, что онъ „долженъ“ держать руку сжатою въ кулакъ; представленію раскрытія руки нѣтъ союзника-требованія: такой союзникъ на другой сторонѣ. И что же? Представленіе всетаки оказываетъ свое дѣйствіе: не имѣя возможности осуществиться изъ за противодѣйствія мышцъ-антагонистовъ, оно производитъ начальныя сокращенія надлежащихъ мышцъ. А намъ только и нужно знать то, что представленіе, безо всякихъ вспомогательныхъ психическихъ процессовъ, можетъ посылать импульсы къ соотвѣтствующимъ мышцамъ.

По моей теоріи круговыхъ реакцій на волевой стимулъ эти явленія объясняются такъ. Кулакъ уже сжатъ; совершается круговая реакція воспріятія сжатаго кулака—это воспріятіе самосохраняется. Этому самосохраненію помогаетъ и сужденіе „должно держать руку сжатою въ кулакъ“; оно помогаетъ воспріятію противостоять противоборствующему процессу—представленію раскрытія руки. Но это представленіе раскрытія руки посылаетъ импульсы къ надлежащимъ двигательнымъ центрамъ и стремится замѣниться соотвѣтствующимъ воспріятіемъ. Двѣ противоборствующія стороны: на одной два дѣятеля—воспріятіе сжатаго кулака и сужденіе „должно держать руку сжатою въ кулакъ“—стремятся поддержать уже происходящую круговую реакцію самосохраненія волевого стимула, воспріятія сжатаго кулака; на другой сторонѣ представленіе раскрытія руки стремится прекратить ту круговую реакцію и исполнить свою,—самоусиленія. Будучи слабѣе противной стороны, представленіе раскрытія руки не можетъ совершить

свою круговую реакцію, но всетаки даетъ начальныя сокращенія надлежащихъ мышцъ.

„Чтеніе мыслей" тоже доказываетъ, что представленія актовъ вызываютъ прямо соотвѣтственныя движенія. Человѣкъ долженъ думать о какомъ нибудь актѣ и удерживаться отъ выполненія его; тѣмъ не менѣе другой субъектъ воспринимаетъ еле замѣтныя движенія перваго и по нимъ догадывается о задуманномъ актѣ.

Фактъ, что представленіе акта вызываетъ соотвѣтствующія движенія, извѣстенъ давно. Carpenter назвалъ это явленіе идеодвигательною дѣятельностью (ideo-motor action), но онъ считалъ его чѣмъ-то исключительнымъ, а между тѣмъ это—основной фактъ волевыхъ процессовъ. Но этотъ фактъ признанъ далеко не всѣми. Многіе думаютъ, что между представленіемъ и мускульной дѣятельностью, ведущей къ осуществленію его, помѣщается какой-то специфическій элементъ воли, нѣкое fiat. Между тѣмъ самонаблюденіе не обнаруживаетъ никакого специфическаго элемента; оно дозволяетъ намъ признать единственное fiat, состоящее въ отсутствіи противодѣйствующихъ психофизіологическихъ процессовъ, которые препятствовали бы данному представленію осуществиться, вызывая дѣятельность мускуловъ-антагонистовъ. Эти противоборствующіе психическіе процессы нерѣдко бываютъ едва-едва сознаваемыми и ускользаютъ отъ недостаточно тонкаго самонаблюденія. Вотъ почему фактъ непосредственнаго возбужденія мышечной дѣятельности соотвѣтственнымъ представленіемъ не бросается въ глаза своею обыденностью.

Итакъ, представленіе акта можетъ непосредственно, безо всякихъ вспомогательныхъ психическихъ процессовъ, вызывать соотвѣтствующую мышечную дѣятельность; слѣдовательно, физіологическій коррелятъ его посылаетъ свои возбужденія въ тѣ двигательные центры, импульсами которыхъ выполняется эта мускульная дѣятельность.

Воспріятіе—психофизіологическій процессъ, вполнѣ соотвѣтствующій представленію, только интенсивнѣе его: въ воспріятіи нѣкоторые или всѣ образы представленія замѣнены ощущеніями. Если слабѣйшій психофизіологическій процессъ, представленіе акта вызываетъ непосредственно надлежащую мышечную дѣятельность, тѣмъ болѣе это можетъ сдѣлать процессъ сильнѣйшій—воспріятіе акта; слѣдовательно, физіологическій коррелятъ послѣдняго посылаетъ свои возбужденія въ тѣ именно двигательные центры, импульсами которыхъ выполняется надлежащая мускульная работа.

Самонаблюденіе устанавливаетъ прочно, что психофизіологическіе процессы могутъ вызывать мускульную дѣятельность, помощью которой самоусиливаются или самосохраняются: физіологическіе корреляты этихъ процессовъ передаютъ черезъ ассоціаціонныя волокна возбужденіе тѣмъ именно двигательнымъ цент-

разъ коры, которые производятъ сокращенія мышцъ, ведущія къ этимъ результатамъ самоусиленія или самосохраненія исходнаго процесса. Но разъ факты установлены, они требуютъ объясненія. Должны ли психофизіологическіе процессы непремѣнно передавать свои возбужденія, и, если должны, то почему передаютъ по направленію къ опредѣленнымъ двигательнымъ центрамъ, а не по какому нибудь иному? Современная физіологія представляетъ намъ нервную систему, какъ чрезвычайно сложный аппаратъ, который раздраженія, принятыя изъ внѣшняго міра, опять выводитъ во внѣшній міръ въ видѣ различныхъ реакцій. Раздраженія съ периферіи бѣгутъ по центростремительнымъ нервамъ, достигаютъ центральной системы, проходятъ здѣсь болѣе или менѣе длинный, болѣе или менѣе сложный путь и удаляются по центробѣжнымъ нервамъ. По этой концепціи процессъ не можетъ остановиться или исчезнуть въ какомъ нибудь пунктѣ нервной системы: войдя, онъ долженъ выйти. Всякій психофизіологическій процессъ есть бо̀льшая или меньшая часть этого движенія раздраженій отъ входа къ выходу. Возбужденъ ли этотъ процессъ прямо раздраженіями съ центростремительныхъ нервовъ или косвенно черезъ другой, предшествующій, психофизіологическій процессъ,— во всякомъ случаѣ онъ не можетъ быть пунктомъ остановки или исчезновенія всего этого движенія: онъ долженъ передать возбужденіе дальше. Но отъ клѣтокъ психофизіологическаго процесса—волевого стимула идутъ ассоціаціонныя волокна по всѣмъ направленіямъ; чѣмъ же обусловлено то, что онъ посылаетъ свое возбужденіе именно къ опредѣленнымъ двигательнымъ центрамъ? Законами ассоціаціи.

Теперь я долженъ объяснить, какъ соотвѣтственно законамъ ассоціаціи образуется ассоціаціонная связь между опредѣленными психофизіологическими процессами и дезинтеграціей опредѣленныхъ двигательныхъ центровъ. Но предварительно я долженъ сказать нѣсколько словъ по вопросу, имѣетъ ли дезинтеграція двигательныхъ центровъ психическій коррелятъ.

Многіе психологи вѣрятъ въ особое „чувство иннерваціи“, въ особыя ощущенія напряженія, которыя не приносятся съ периферіи отъ сокращающихся уже мышцъ, а возникаютъ въ тотъ моментъ, когда центры посылаютъ импульсы по двигательнымъ нервамъ въ мышцы. Это—„чувство иннерваціи“ въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его Wundt и его сторонники; не слѣдуетъ смѣшивать его съ „чувствомъ иннерваціи“ въ смыслѣ Münsterberg'a. Послѣдній подъ этимъ терминомъ понимаетъ образы тѣхъ ощущеній, которыя получаются отъ сокращеній мышцъ и перемѣнъ въ окружающихъ частяхъ, этими сокращеніями производимыхъ. Это „чувство иннерваціи“ Münsterberg'a представляетъ психическій коррелятъ дезинтеграціи опредѣленныхъ чувствительныхъ центровъ. Но если бы существовало „чувство иннерваціи“

въ смыслѣ Wund'a, то его можно было бы понимать какъ психическій коррелятъ дезинтеграціи двигательныхъ центровъ. Вопросъ о существованіи такого специфическаго чувства вызвалъ ожесточенные споры за и противъ этихъ особыхъ ощущеній. Я не имѣю здѣсь возможности обсуждать эти споры; скажу только, что всѣ доводы, приводимые Wund'омъ и его сторонниками въ пользу существованія этого особаго чувства, объясняются противниками его гораздо лучше и проще безъ принятія этихъ специфическихъ ощущеній. James и Münsterberg прекрасно разъяснили, что это особое „чувство иннерваціи"—совсѣмъ безполезная и даже вредная гипотеза, которая только запутываетъ факты, доступные лучшему объясненію. Я вполнѣ присоединяюсь къ этому мнѣнію противниковъ Wund'a и существованіе такого особаго „чувства иннерваціи" признать не могу. Такимъ образомъ, приходится принять, что дезинтеграція двигательныхъ центровъ протекаетъ безъ психическаго коррелята.

Вернемся къ нашему вопросу: какъ объяснить по законамъ ассоціаціи образованіе ассоціаціонной связи между клѣтками опредѣленныхъ психофизіологическихъ процессовъ и опредѣленными двигательными центрами? Во всякомъ волевомъ стимулѣ мы сознаемъ эффекты той мускульной дѣятельности, которую вызываетъ этотъ волевой стимулъ. Отсюда вполнѣ понятно, что связь волевого стимула съ процессами круговой реакціи—фактъ вторичный: чтобы получился эффектъ мышечной дѣятельности, она должна произойти раньше; если теперь этотъ эффектъ или копія его вызываютъ эту дѣятельность, то не могло быть такъ съ самаго начала—было время, когда эта мышечная дѣятельность происходила не отъ волевого стимула, а по другимъ причинамъ производила свои эффекты; и уже потомъ образовалась такая связь, что эти эффекты или копіи ихъ стали возбудителями этой мышечной дѣятельности. Дѣйствительно, такъ и происходитъ на дѣлѣ: мы можемъ на каждомъ шагу наблюдать образованіе этихъ вторичныхъ связей. Возьмемъ для примѣра маленькаго ребенка. Въ его мозгъ масса идетъ раздраженій отъ периферическихъ окончаній чувствительныхъ нервовъ. Эти раздраженія, дойдя до коры, вызываютъ эмоціональныя мускульныя сокращенія; вотъ эта-то эмоціональная мышечная дѣятельность и будетъ ассоціаціей связана со своими эффектами во вторичные продукты: волевой стимулъ и круговую реакцію. Какъ же это происходитъ?

Я уже упоминалъ выше, что ассоціація по смежности состоитъ въ томъ, что психическіе процессы, испытанные одновременно или въ близкой послѣдовательности, пріобрѣтаютъ такую связь между собою, что если въ сознаніи имѣется одинъ (или его копія—воспоминаніе) или нѣсколько изъ нихъ (или ихъ копіи—воспоминанія), то онъ или они стремятся вызвать въ сознаніи и копіи—воспоминанія остальныхъ. Параллельно этому при ассоціаціи по смежности фи-

зіологическіе корреляты, процессы дезинтеграціи нервныхъ центровъ, протекавшіе одновременно или въ близкой послѣдовательности, получаютъ между собою такую связь, что, когда имѣется дезинтеграція одного или нѣсколькихъ изъ этихъ центровъ, она стремится вызвать дезинтеграцію остальныхъ. Вызываютъ же процессы дезинтеграціи однихъ центровъ дезинтеграцію другихъ посредствомъ молекулярныхъ измѣненій въ нервныхъ волокнахъ, измѣненій, не имѣющихъ психическихъ коррелятовъ. При этомъ предполагается, что чѣмъ чаще протекаютъ эти молекулярныя измѣненія, тѣмъ путь ихъ по волокнамъ дѣлается легче, волокна становятся проходимѣе, а ассоціаціонная связь между соединенными этими волокнами центрами—крѣпче.

Но прежде, чѣмъ прилагать этотъ законъ ассоціаціи къ нашему случаю, я долженъ устранить одно, могущее возникнуть у читателя, сомнѣніе. Ассоціація объясняетъ соединенія психофизіологическихъ процессовъ, то есть такихъ физіологическихъ, у которыхъ имѣются психическіе корреляты. Между тѣмъ я принимаю дезинтеграцію двигательныхъ центровъ, не сопровождаемую соотносительнымъ процессомъ сознанія. Поэтому, можемъ ли мы въ нашемъ случаѣ пользоваться закономъ ассоціаціи? На этотъ счетъ мы должны руководствоваться слѣдующими соображеніями. Законы ассоціаціи представляютъ грубое, не разработанное обобщеніе фактовъ взаимоотношеній психическихъ процессовъ; такъ какъ психическимъ процессамъ соотносительны физіологическіе, процессы дезинтеграціи нервныхъ центровъ, то это обобщеніе касается и послѣднихъ процессовъ. Для физіологическаго же объясненія взаимоотношеній процессовъ дезинтеграціи центровъ составлены предположенія о молекулярныхъ измѣненіяхъ въ связующихъ клѣтки волокнахъ, о бо́льшей проходимости этихъ путей вслѣдствіе частоты молекулярныхъ измѣненій. Вся эта гипотеза ассоціаціонныхъ связей, не смотря на свою грубость и неразработанность, приноситъ очень большую пользу для объясненія взаимныхъ отношеній психофизіологическихъ процессовъ. Но психофизіологическіе процессы не слѣдуетъ понимать такъ, что если протекаетъ дезинтеграція центровъ, то обязательно сопровождается процессами сознанія. Это бываетъ далеко не всегда. Будетъ ли дезинтеграція сопровождаться процессами сознанія или нѣтъ, зависитъ также отъ того, каковы одновременно протекающіе другіе психофизіологическіе процессы. Будутъ эти другіе процессы извѣстной степени трудности прохожденія, „тренія“, дезинтеграція будетъ сопровождаться процессами яркаго сознанія; будутъ эти другіе процессы другой степени „тренія“, дезинтеграція будетъ сопровождаться не яркимъ сознаніемъ, полусознаніемъ; будутъ эти другіе процессы еще иной степени „тренія“, дезинтеграція совсѣмъ не будетъ сопровождаться сознаніемъ, физіологическіе процессы протекутъ безсознательно. Какія условія

теченія молекулярныхъ процессовъ слѣдуетъ понимать подъ трудностью прохожденія, „треніемъ“,—мы не знаемъ. Вообще вопросъ о сознательныхъ и безсознательныхъ процессахъ—вопросъ чрезвычайно сложный, глубокій, утонченный, и я теперь не имѣю возможности углубляться въ него. Но для насъ въ настоящую минуту важно одно: такъ какъ сопровождаемость дезинтеграціи болѣе или менѣе ярко сознаваемымъ психическимъ коррелятомъ обусловлена одновременнымъ теченіемъ другихъ психофизіологическихъ процессовъ, то физіологическіе процессы въ нервныхъ центрахъ или протекаютъ въ сопровожденіи яркаго сознанія, или неяркаго, или безсознательно; но какъ бы они ни протекали, всегда даютъ одни и тѣ же результаты, слѣдствія; такое различное теченіе этихъ процессовъ, но съ одинаковыми результатами, слѣдствіями, даетъ психологамъ возможность смотрѣть на объясненіе связей физіологическихъ центральныхъ процессовъ ассоціаціей, какъ на справедливое безотносительно къ тому, сопровождается ли дезинтеграція центровъ процессами сознанія, или нѣтъ. Мы не имѣемъ надобности предполагать различные пути для физіологическихъ центральныхъ процессовъ, смотря по тому, протекаютъ ли они въ сопровожденіи процессовъ яркаго сознанія, неяркаго или безсознательно. Напротивъ предположеніе, что во всѣхъ этихъ случаяхъ пути физіологическихъ центральныхъ процессовъ одни и тѣ же, постоянно оправдывается фактами взаимоотношенія другихъ психофизіологическихъ процессовъ къ тѣмъ, о которыхъ идетъ вопросъ. Итакъ хотя гипотеза ассоціаціонныхъ связей между процессами дезинтеграціи центровъ составлена для конечной цѣли—объясненія взаимоотношеній психическихъ процессовъ, она постоянно оправдывается при объясненіи взаимоотношеній процессовъ дезинтеграціи, не сопровождаемыхъ сознаніемъ; а поэтому мы можемъ пользоваться ею и въ нашемъ случаѣ, при объясненіи связи психофизіологическихъ процессовъ — волевыхъ стимуловъ съ процессами дезинтеграціи опредѣленныхъ двигательныхъ центровъ, хотя дезинтеграція двигательныхъ центровъ и не сопровождается процессами сознанія.

Вернемся къ нашему примѣру. Маленькій ребенокъ получаетъ изъ внѣшняго міра раздраженія и отвѣчаетъ на нихъ эмоціональными движеніями. Положимъ, онъ опредѣленнымъ образомъ вытянулъ руку. Что происходитъ въ этомъ случаѣ? Раздраженія изъ внѣшняго міра дошли по чувствительнымъ нервамъ до мозга, вызвали въ корѣ соотвѣтствующій психофизіологическій процессъ, который передалъ возбужденіе двигательнымъ центрамъ; въ послѣднихъ произошла дезинтеграція, которая черезъ двигательные нервы произвела сокращеніе мускуловъ руки. Такъ произошло эмоціональное движеніе; о движеніяхъ этого сорта теперь разсуждать не мѣсто; а для насъ важно то, что за ними слѣдуетъ.

Отъ сокращенія мышцъ явятся измѣненія въ положеніи суставовъ, сухожилій, связокъ, прилегающей кожи. Периферическія окончанія чувствительныхъ нервовъ, какъ въ самихъ сокращающихся мышцахъ, такъ и въ другихъ частяхъ, подвергшихся перемѣнамъ отъ этихъ сокращеній, неминуемо раздражатся; раздраженія дойдутъ до мозга, до опредѣленныхъ центровъ коры и вызовутъ здѣсь дезинтеграцію. Эта дезинтеграція будетъ стоять въ ближайшей послѣдовательности къ предыдущей дезинтеграціи опредѣленныхъ двигательныхъ центровъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ три дезинтеграціи, слѣдующія другъ за другомъ: дезинтеграцію психофизіологическаго процесса, вызваннаго раздраженіями изъ внѣшняго міра, дезинтеграцію двигательныхъ центровъ и дезинтеграцію чувствительныхъ центровъ, получившуюся отъ раздраженій, произведенныхъ мышечными сокращеніями и мѣстными перемѣнами. Эта послѣдняя, третья дезинтеграція, должна куда нибудь послать свои возбужденія. Весь вопросъ: куда? по какимъ ассоціаціоннымъ волокнамъ? Физіологическое же объясненіе ассоціаціи процессовъ дезинтеграціи центровъ говоритъ намъ, что въ ассоціаціонныхъ волокнахъ, соединяющихъ клѣтки процессовъ дезинтеграціи, или одновременныхъ или близко слѣдующихъ другъ за другомъ, происходятъ молекулярныя измѣненія, благодаря которымъ эти волокна становятся „проходимыми“, а между клѣтками образуется ассоціаціонная связь. Эти молекулярныя измѣненія волоконъ—результатъ того, что дезинтеграціи одновременныя посылаютъ свои возбужденія навстрѣчу другъ другу по ассоціаціоннымъ волокнамъ, соединяющимъ ихъ центры, а при послѣдовательныхъ, дезинтеграція послѣдующая посылаетъ возбужденіе по волокнамъ, соединяющимъ ея центры съ центрами предшествующей. Въ чемъ заключаются эти молекулярныя измѣненія волоконъ, какъ они происходятъ, что такое „проходимость путей“—всего этого ясно и опредѣленно мы не знаемъ. James дѣлаетъ предположенія о движеніи этихъ молекулярныхъ измѣненій въ волокнахъ, Спенсеръ даетъ соображенія для уясненія того, какъ слѣдуетъ понимать „проходимость путей“,—но все это очень неясно и едва ли помогаетъ нашему незнанію. Но для насъ важно, что по закону ассоціаціи третья дезинтеграція нашего примѣра, дезинтеграція чувствительныхъ центровъ, вызванная раздраженіями отъ сокращеній мышцъ и мѣстныхъ измѣненій, должна передать свое возбужденіе по направленію дезинтеграціи—ближайшей предшественницы, то есть въ двигательные центры. А разъ началась дезинтеграція двигательныхъ центровъ, она опять вызоветъ мышечныя сокращенія и мѣстныя измѣненія, которыя раздражатъ чувствительные нервы, а эти раздраженія опять вернутся въ чувствительные центры коры,—однимъ словомъ, произойдетъ круговая реакція самосохраненія психофизіологическаго процесса воспріятія мышечныхъ сокращеній руки.

Итакъ, законъ ассоціаціи требуетъ, чтобы эмоціональное движеніе превратилось въ движеніе круговой реакціи и продолжалось безпрерывно до нервномышечнаго истощенія. Такъ бы и было, еслибы не являлось каждую минуту множество другихъ раздраженій, которыя легко могутъ возбуждать сокращенія мышцъ—антагонистовъ начатаго кругового движенія и такимъ образомъ прекратить его. Если же по возможности устранить отъ ребенка другія раздраженія, легко можно услѣдить, что разъ начатыя движенія стремятся продолжаться: такъ, онъ иногда долго повторяетъ какой нибудь слогъ или просто звукъ. При каждомъ повтореніи какого нибудь положенія члена, какого либо движенія, это стремленіе продолжаться будетъ усиливаться, потому что ассоціаціонныя волокна между чувствительными и двигательными центрами коры будутъ дѣлаться все „проходимѣе"; ассоціаціонная связь этихъ центровъ будетъ становиться все крѣпче. Понятно теперь и то, что если въ сознаніи ребенка послѣ совершенія этихъ круговыхъ процессовъ всплыветъ воспоминаніе, представленіе какого либо движенія, физіологическій коррелятъ его имѣетъ стремленіе направлять свое возбужденіе по ассоціаціоннымъ волокнамъ къ соотвѣтствующимъ двигательнымъ центрамъ. Теперь это представленіе движенія стремится къ осуществленію; оно—волевой стимулъ; если нѣтъ препятствій со стороны другихъ психофизіологическихъ процессовъ, круговая реакція совершится, волевой стимулъ самоусилится; нѣтъ препятствій—самоусиленный будетъ самосохраняться.

Въ примѣрахъ 1-мъ и 2-мъ мы имѣемъ три эффекта круговой реакціи: одинъ ближайшій, прямой—раздраженіе отъ мѣстныхъ измѣненій, вызванныхъ мышечными сокращеніями, и два отдаленныхъ, косвенныхъ—раздраженіе отъ давленія рукава и раздраженіе сѣтчатокъ глазъ. Читатель легко замѣтитъ, что круговой путь ближайшаго эффекта вполнѣ совпадаетъ съ сейчасъ приведеннымъ примѣромъ пути кругового процесса у маленькаго ребенка: дезинтеграція центровъ психофизіологическаго процесса мѣстнаго эффекта при развитіи своей ассоціаціонной связи съ соотвѣтственными двигательными центрами имѣла своей ближайшей предшественницей дезинтеграцію этихъ послѣднихъ. Теперь слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что и процессы дезинтеграціи центровъ отдаленныхъ эффектовъ при развитіи ихъ ассоціаціонной связи съ тѣми же двигательными центрами тоже имѣли дезинтеграцію послѣднихъ своей ближайшей предшественницей; однимъ словомъ, между процессами дезинтеграціи отдаленныхъ эффектовъ и дезинтеграціей двигательныхъ центровъ должна образоваться ассоціаціонная связь на основаніи того же закона ассоціаціи, какъ и между дезинтеграціей этихъ послѣднихъ центровъ и психофизіологическимъ процессомъ мѣстнаго эффекта. Кромѣ того, между возникающими одновременно психофизіологическими процессами

мѣстныхъ и отдаленныхъ эффектовъ должна тоже по закону ассоціаціи образоваться ассоціаціонная связь. Физіологическое объясненіе ассоціаціи процессовъ дезинтеграціи говоритъ намъ, что одновременные процессы дезинтеграціи вызываютъ молекулярныя измѣненія въ ассоціаціонныхъ волокнахъ, соединяющихъ центры этихъ процессовъ; пути, такимъ образомъ, становятся проходимѣе, между центрами устанавливается ассоціаціонная связь. Поэтому, если возникнетъ психофизіологическій процессъ отдаленнаго эффекта круговой реакціи, физіологическій коррелятъ его пошлетъ свои возбужденія какъ къ соотвѣтствующимъ двигательнымъ центрамъ, такъ и къ центрамъ психофизіологическаго процесса ближайшаго эффекта. И въ нашихъ примѣрахъ (1-мъ и 2-мъ) психофизіологическіе процессы, въ которыхъ сознаются два отдаленныхъ эффекта и одинъ мѣстный, связаны между собою ассоціаціонною связью; между физіологическими коррелятами ихъ по связующимъ ассоціаціоннымъ волокнамъ протекаютъ молекулярныя измѣненія. Получается одно цѣлое—психофизіологическій процессъ, въ которомъ сознаются всѣ эффекты мышечной дѣятельности—весь актъ. Когда всѣ или нѣкоторыя части этого психофизіологическаго процесса—ощущенія, мы называемъ его воспріятіемъ акта; когда же всѣ его части—образы, онъ называется представленіемъ акта. Всѣ центры физіологическаго коррелята, воспріятія или представленія акта, посылаютъ свои возбужденія въ соотвѣтственные двигательные центры и въ то же время—побочныя другъ къ другу; этими побочными возбужденіями процессы дезинтеграціи центровъ и связаны въ одно цѣлое—физіологическій коррелятъ воспріятія или представленія акта. Мало того: и весь этотъ физіологическій коррелятъ, какъ одно цѣлое, посылаетъ побочные импульсы для соединенія съ другими психофизіологическими процессами. Безъ такихъ побочныхъ импульсовъ волевые стимулы были бы вполнѣ изолированы отъ другихъ психофизіологическихъ процессовъ; такой изолированности мы не наблюдаемъ. Напротивъ, въ четвертой главѣ мы увидимъ, что вся наша дѣятельность состоитъ изъ комплексовъ волевыхъ стимуловъ и круговыхъ реакцій; образуются же такіе комплексы, благодаря этимъ побочнымъ возбужденіямъ волевыхъ стимуловъ. Въ той же главѣ мы узнаемъ фактъ, доказывающій существованіе у волевыхъ стимуловъ побочныхъ возбужденій.

Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ 1-мъ и 2-мъ физіологическій коррелятъ волевого стимула до и послѣ круговой реакціи сопровождался психическимъ во всѣхъ своихъ частяхъ,—мы имѣли полное представленіе и полное воспріятіе акта. Такъ бываетъ далеко не всегда; нерѣдко только часть физіологическаго коррелята сопровождается психическимъ; при томъ преимущественно та, въ которой сознаются отдаленные эффекты; часто

весь физіологическій коррелятъ волевого стимула совсѣмъ сопровождается психическимъ. Получаются слѣдующія явленія:

Психофизіологическій процессъ названія требуемаго акта, заключенный въ словахъ моей просьбы, вызываетъ черезъ ассоціацію физіологическій коррелятъ представленія этого дѣйствія такъ же, какъ и въ примѣрѣ 1-мъ, только теперь не весь этотъ физіологическій коррелятъ, а одна часть его, напримѣръ, дезинтеграція центровъ зрительныхъ образовъ, сопровождается психическимъ: у субъекта въ сознаніи всплываютъ одни только зрительные образы поднимаемой правой руки. Другія же части физіологическаго коррелята представленія требуемаго акта не сопровождаются психическимъ. Всѣ части физіологическаго коррелята, какъ сопровождаемыя сознаніемъ, такъ и нѣтъ, посылаютъ свои возбужденія въ соотвѣтственные двигательные центры, то есть дѣло идетъ такъ же, какъ и въ примѣрѣ 1-мъ. Круговая реакція самоусиленія волевого стимула совершается; въ ея результатѣ получается физіологическій коррелятъ воспріятія требуемаго акта, сопровождаемый психическимъ или во всѣхъ своихъ частяхъ, или только въ нѣкоторыхъ. Субъектъ будетъ сознавать или всѣ ощущенія выполненнаго акта, или только нѣкоторыя,—чаще зрительныя или зрительныя plus осязательныя (отъ давленія рукава), рѣже всего одни только мѣстныя.

Или дѣло можетъ идти такъ. Физіологическій коррелятъ представленія требуемаго акта, вызванный черезъ ассоціацію названіемъ, заключеннымъ въ словахъ моей просьбы, совсѣмъ не будетъ сопровождаться психическимъ коррелятомъ: въ сознаніи субъекта не всплываетъ даже и отрывочное представленіе требуемаго акта. Тѣмъ не менѣе всѣ части физіологическаго коррелята представленія этого дѣйствія, хотя и не сопровождаемыя сознаніемъ, пошлютъ свои возбужденія въ соотвѣтственные двигательные центры, то есть дѣло идетъ такъ же, какъ и въ примѣрѣ 1-мъ. Круговая реакція самоусиленія волевого стимула совершается; результатъ ея—физіологическій коррелятъ воспріятія требуемаго акта, или совсѣмъ не сопровождаемый психическимъ, или сопровождаемый имъ только въ нѣкоторыхъ частяхъ, чаще всего въ дезинтеграціи центровъ отдаленныхъ эффектовъ, или сопровождаемый психическимъ во всѣхъ частяхъ. Субъектъ или не будетъ сознавать выполненный актъ, или будетъ сознавать только зрительныя, или зрительныя plus осязательныя (отъ давленія рукава), рѣже—всѣ ощущенія его.

Такія же явленія наблюдаются и при самосохраненіи волевого стимула. Физіологическій коррелятъ воспріятія выполняемаго акта или сопровождается психическимъ только въ нѣкоторыхъ частяхъ, преимущественно въ дезинтеграціи центровъ отдаленныхъ эффектовъ, или совсѣмъ имъ не сопровождается. Субъектъ въ нашемъ примѣрѣ будетъ сознавать или одни только зрительныя ощущенія

поднятой правой руки, или зрительныя plus осязательныя (отъ давленія рукава) или совсѣмъ не будетъ сознавать, что держитъ правую руку поднятою. Тѣмъ не менѣе всѣ части физіологическаго коррелята воспріятія выполняемаго акта, сопровождаемыя или нѣтъ сознаніемъ, посылаютъ свои возбужденія въ соотвѣтственные двигательные центры, то есть дѣло идетъ такъ же, какъ и въ примѣрѣ 2-мъ. Круговая реакція самосохраненія волевого стимула совершается; результатъ ея—поддержаніе физіологическаго коррелята воспріятія выполняемаго акта въ томъ же состояніи, въ какомъ онъ находился до оборота круговой реакціи. Если физіологическій коррелятъ волевого стимула, благодаря оборотамъ круговой реакціи самосохраненія, пребываетъ въ одномъ и томъ же состояніи, нельзя того же сказать о психическомъ. Правда, этотъ послѣдній часто сопровождаетъ въ теченіе всѣхъ оборотовъ реакціи самосохраненія тѣ именно части физіологическаго коррелята волевого стимула, которымъ онъ сопутствовалъ до начала круговой реакціи, или совершенно не сопровождаетъ физіологическій коррелятъ,—опять таки какъ это было и до реакціи. Въ такихъ случаяхъ субъектъ нашего примѣра, держа правую руку поднятою, все время будетъ сознавать или одни только зрительныя ощущенія ея, или зрительныя plus осязательныя (отъ давленія рукава), или совсѣмъ не будетъ сознавать, что держитъ правую руку поднятою. Но нерѣдко во время оборотовъ круговой реакціи самосохраненія волевого стимула психическій коррелятъ начинаетъ сопровождать тѣ части физіологическаго, которымъ онъ въ началѣ не сопутствовалъ, или покидаетъ тѣ, которыя онъ раньше сопровождалъ. Въ этихъ случаяхъ субъектъ нашего примѣра вдругъ начинаетъ, кромѣ зрительныхъ ощущеній поднятой правой руки или зрительныхъ plus осязательныхъ, сознавать и мѣстныя, или же, наоборотъ, перестаетъ совершенно сознавать, что онъ держитъ правую руку поднятою; обратно: не сознавая раньше, что держитъ руку поднятой, субъектъ вдругъ, во время самого акта начинаетъ сознавать или одни только зрительныя, или зрительныя plus осязательныя, или всѣ ощущенія поднятой руки.

Для насъ важно то, что для объясненія этихъ явленій не требуется предполагать какихъ либо уклоненій въ пути процессовъ круговой реакціи: всѣ эти факты легко могутъ быть объяснены тѣмъ, что сопровождаемость процесса дезинтеграціи центровъ психическимъ коррелятомъ зависитъ не только отъ самихъ условій теченія этой дезинтеграціи, но и отъ отношенія этихъ условій къ условіямъ теченія другихъ одновременныхъ процессовъ дезинтеграціи. Психофизіологическіе процессы ежеминутно смѣняютъ другъ друга; одновременно съ волевымъ стимуломъ могутъ возникнуть или такіе процессы, благодаря условіямъ дезинтеграціи которыхъ, весь его физіологическій коррелятъ со-

провождается психическимъ, или такіе, дезинтеграція которыхъ дозволяетъ только нѣкоторымъ частямъ его физіологическаго коррелята сопутствоваться сознаніемъ, или, наконецъ такіе, условіями дезинтеграціи которыхъ весь физіологическій коррелятъ волевого стимула лишается соотносительнаго психическаго процесса. Если же волевой стимулъ долго самосохраняется многими оборотами круговой реакціи, то во время его самосохраненія протечетъ нѣсколько психофизіологическихъ процессовъ, одни изъ нихъ дозволятъ всѣмъ частямъ его физіологическаго коррелята сопутствоваться сознаніемъ, другіе—только нѣкоторымъ, а иные совсѣмъ лишатъ его психическаго соотносительнаго процесса.

Мы на каждомъ шагу выполняемъ акты безсознательно, — явно, что психическій коррелятъ волевого стимула не необходимъ для того, чтобы вызывать надлежащую мускульную дѣятельность.

Выше, въ первой главѣ, я объяснялъ, что подъ волевымъ стимуломъ понимаю психофизіологическій процессъ, вызывающій круговую реакцію, помощью которой онъ самоусиливается или самосохраняется; но психофизіологическій процессъ имѣетъ корреляты—психическій и физіологическій; теперь же я описываю самоусиленіе и самосохраненіе волевого стимула, не имѣющаго психическаго коррелята; нѣтъ ли здѣсь противорѣчія? Противорѣчія нѣтъ потому, что подъ психофизіологическимъ процессомъ не слѣдуетъ понимать такой физіологическій, коррелятъ котораго обязательно всегда долженъ сопровождаться психическимъ. Это невозможно потому, что сопровождаемость процесса дезинтеграціи центровъ сознаніемъ зависитъ не отъ однихъ только условій этой дезинтеграціи, но и отъ отношенія этихъ условій къ условіямъ теченія другихъ одновременныхъ процессовъ дезинтеграціи. Поэтому подъ психофизіологическимъ процессомъ слѣдуетъ понимать такой процессъ дезинтеграціи центровъ, который можетъ сопровождаться психическимъ коррелятомъ и сопровождается имъ при соотвѣтствующихъ условіяхъ.

Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ (1-мъ и 2-мъ) я описалъ представленіе и воспріятіе акта, какъ волевые стимулы, которые путемъ круговыхъ реакцій: одинъ—самоусиливается, другой—самосохраняется. Говоря точнѣе, волевыми стимулами являются физіологическіе корреляты этихъ процессовъ, такъ какъ они могутъ осуществить круговыя реакціи, и не сопровождаясь сознаніемъ. Представленіе и воспріятіе акта—такіе психофизіологическіе процессы, въ которыхъ сознаются эффекты его. Понимать подъ волевымъ стимуломъ представленіе или воспріятіе акта или ихъ физіологическіе корреляты значитъ понимать волевой стимулъ точно, узко.

Но мы можемъ понимать его шире. Я уже говорилъ выше о

чрезвычайно крѣпкой ассоціаціонной связи между психофизіологическими процессами названія и того, что оно означаетъ. Психофизіологическіе процессы названія и означаемаго имъ слиты ассоціаціей въ одинъ комплексъ. Мы можемъ этотъ комплексъ — представленіе или воспріятіе акта plus соотвѣтственное названіе—считать волевымъ стимуломъ; при этомъ мы должны имѣть въ виду, что круговую реакцію вызываетъ именно физіологическій коррелятъ представленія или воспріятія, будетъ ли онъ сопровождаться психическимъ или нѣтъ—безразлично.

Комплексъ — представленіе или воспріятіе акта plus названіе — можетъ самъ войти, какъ составная часть, въ комплексъ еще большій—сужденіе. Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ (1-мъ и 2-мъ) я отвлекся отъ этой стороны дѣла, потому что нужно было сначала описать круговыя реакціи при самомъ строгомъ, точномъ пониманіи волевого стимула. У субъекта, вслѣдствіе моей просьбы, можетъ возникнуть болѣе или менѣе отрывочное сужденіе „слѣдуетъ поднять правую руку“. Не требуется, чтобы оно выразилось въ полной мысленной фразѣ. Вообще фразы, предложенія, не слѣдуетъ смѣшивать съ сужденіями. Есть люди, у которыхъ сужденіе выражается, напримѣръ, такъ: „я... того... ничего... хорошо...“. За этой безсмысленной фразой можетъ скрываться весьма сложное психическое содержаніе, вполнѣ ясное для самого субъекта. Все это сужденіе „слѣдуетъ поднять правую руку“—сложный психофизіологическій процессъ. Физіологическій коррелятъ его—масса центровъ, подвергающихся дезинтеграціи и связанныхъ въ одно цѣлое молекулярными измѣненіями въ соединяющихъ ихъ волокнахъ. Главная часть этого физіологическаго коррелята—физіологическій коррелятъ представленія акта — можетъ и не сопровождаться психическимъ соотносительнымъ процессомъ. Тѣмъ не менѣе именно она пошлетъ импульсы въ надлежащіе двигательные центры, вызоветъ круговую реакцію и замѣнится физіологическимъ коррелятомъ соотвѣтственнаго воспріятія, то есть самоусилится. Одновременно съ самоусиленіемъ главной части физіологическаго коррелята измѣнится и весь психофизіологическій процессъ: сужденіе получится другое. Субъектъ выразитъ его мысленной фразой: „я поднялъ правую руку“. Главная составная часть новаго сложнаго психофизіологическаго процесса, сужденія „я поднялъ правую руку“—физіологическій коррелятъ воспріятія выполненія акта — интенсивнѣе главной части прежняго сужденія „слѣдуетъ поднять правую руку“ — физіологическаго коррелята представленія этого дѣйствія. Остальныя части новаго психофизіологическаго процесса, сужденія „я поднялъ правую руку“, мы не имѣемъ основанія считать интенсивнѣе остальныхъ частей прежняго сужденія „слѣдуетъ поднять правую руку“. Въ сужденіи „слѣдуетъ поднять правую руку“ сознается намѣреніе, а въ сужденіи „я поднялъ правую руку“

сознается выполненіе этого намѣренія. Замѣну сознанія намѣренія сознаніемъ осуществленія его мы можемъ считать самоусиленіемъ волевого стимула-сужденія.

При самосохраненіи волевого стимула-сужденія дѣло идетъ такъ. Возьмемъ нашъ примѣръ: субъектъ держитъ правую руку поднятой; свое психическое состояніе онъ могъ бы выразить такъ: „слѣдуетъ продолжать держать руку поднятой". Въ этомъ сужденіи одновременно сознается и выполненіе акта, и намѣреніе продолжать это выполненіе. Главная часть физіологическаго коррелята сужденія, физіологическій коррелятъ воспріятія выполняемаго акта, посылаетъ импульсы въ двигательные центры, вызываетъ круговую реакцію и оборотами ея поддерживается въ своемъ состояніи безъ измѣненія. Всѣ остальныя части физіологическаго коррелята сужденія остаются тоже безъ измѣненія. Параллельно этому не замѣчается перемѣнъ и съ психической стороны. Волевой стимулъ-сужденіе самосохраняется.

Волевой стимулъ долженъ быть точкой исхода и возвращенія процесса круговой реакціи. Такъ и происходитъ, когда волевымъ стимуломъ является представленіе или воспріятіе акта. Когда же дѣйствіе вызываетъ волевой стимулъ комплексъ—воспріятіе или представленіе акта plus названіе его или волевой стимулъ цѣлое сужденіе, мы всетаки можемъ сказать, что точка исхода круговой реакціи есть и точка ея возвращенія. Только въ этихъ случаяхъ подъ точкой исхода и возвращенія слѣдуетъ понимать не одни и тѣ же центры, а весь психофизіологическій процессъ или даже комплексъ ихъ, функціонирующій какъ одно цѣлое.

Въ дальнѣйшихъ главахъ мнѣ придется для удобства изложенія означать терминомъ волевой стимулъ не только представленіе или воспріятіе акта, но и комплекса — этотъ процессъ plus соотвѣтствующее названіе или цѣлое сужденіе. Путаницы отъ этого не произойдетъ никакой, если только читатель будетъ помнить одно: волевой стимулъ-комплексъ—представленіе или воспріятіе акта plus названіе его—или волевой стимулъ-сужденіе выполняютъ соотвѣтственную мышечную дѣятельность, благодаря одной части своего физіологическаго коррелята, именно благодаря физіологическому коррелятy психофизіологическаго процесса эффектовъ даннаго дѣйствія, будетъ сопровождаться этотъ физіологическій коррелятъ психическимъ или нѣтъ—безразлично.

Быть можетъ, читатель давно уже удивляется, почему я не называю волевой стимулъ желаніемъ, а результаты круговой реакціи исполненіемъ желанія. Но дѣло въ томъ, что хотя каждое желаніе—волевой стимулъ, обратно не такъ: мы не можемъ каждый волевой стимулъ назвать желаніемъ. Мы тогда называемъ волевой стимулъ желаніемъ, когда сознаемъ его ясно и въ связи съ другими психическими процессами, тѣсно съ нимъ ассоціиро-

ваннными, особенно же съ тѣми, которые мы называемъ нашимъ „я“. Подробнѣе скажу объ этомъ въ четвертой главѣ.

Таковы пути круговой реакціи. Я описывалъ ихъ схематически: я говорилъ о движеніи раздраженій по чувствительнымъ нервамъ отъ периферическихъ окончаній ихъ до коры, о теченіи импульсовъ изъ коры по двигательнымъ нервамъ до мускуловъ,—точно этотъ путь нигдѣ не прерывался, а между тѣмъ на дѣлѣ такой непрерывности нѣтъ: путь прерывается отдѣлами сѣраго вещества мозга. Я ничего не говорилъ о томъ, что нервныя клѣтки съ отростками составляютъ отдѣльныя самостоятельныя единицы—невроны. Ни о чемъ этомъ я не говорилъ потому, что намъ нужна только схема. Наши знанія процессовъ въ мозгу, анатомическихъ и физіологическихъ отношеній его элементовъ, такъ недостаточны, что намъ пришлось бы слишкомъ много фантазировать, если бы мы не рѣшили ограничиться схемой. Но для нашей цѣли, для составленія общаго взгляда на взаимную зависимость процессовъ, составляющихъ волевые акты, вполнѣ достаточно схематическаго изображенія дѣятельности элементовъ мозга.

Но если круговая реакція—естественный результатъ законовъ ассоціаціи, то, значитъ, стоитъ только нѣсколько разъ продѣлать какое нибудь дѣйствіе, какъ представленіе его уже станетъ волевымъ стимуломъ, который, возникнувъ въ сознаніи, будетъ стремиться къ самоусиленію? Значитъ, каждое дѣйствіе, разъ начато, каждое положеніе членовъ, разъ оно принято, стремятся продолжаться? Значитъ, волевыхъ стимуловъ очень много? Дѣйствительно, такъ и есть на дѣлѣ, только мы не привыкли замѣчать это. Мы слишкомъ много обращаемъ вниманія на тѣ сложные психическіе процессы, когда переходъ отъ желанія къ выполненію труденъ, гдѣ играетъ большую роль борьба мотивовъ, гдѣ мы ясно сознаемъ свои усилія; эти процессы мы обыкновенно и понимаемъ подъ терминомъ воля. Но эти процессы ничто иное, какъ столкновеніе волевыхъ стимуловъ, противоборствующихъ другъ другу. Это столкновеніе, борьба волевыхъ стимуловъ и происходитъ отъ того, что ихъ много. Мы каждую минуту совершаемъ нѣсколько круговыхъ реакцій. Если онѣ не противоположны другъ другу, если въ нихъ участвуютъ мышцы не антагонисты другъ другу, борьбы волевыхъ стимуловъ нѣтъ, нѣтъ усилій. Если же два волевыхъ стимула стремятся возбудить сокращенія мышцъ-антагонистовъ, происходятъ тѣ сложные процессы, которые всегда привлекали вниманіе людей и съ которыхъ обыкновенно хотѣли начать объясненіе волевыхъ актовъ. Но съ этихъ процессовъ нельзя начинать объясненіе явленій воли: они не основные факты. Начиная же изученіе волевыхъ актовъ съ волевыхъ стимуловъ и круговыхъ реакцій, мы становимся на вѣрный путь, потому что отъ явленій простыхъ переходимъ къ сложнымъ. Человѣкъ стоитъ въ нерѣшимости; въ немъ происхо-

дитъ борьба; онъ думаетъ, рѣшиться ли ему на извѣстный поступокъ или нѣтъ. Спросите его, и онъ вамъ опишетъ, какъ въ немъ протекаютъ и борются мысли, какія онъ дѣлаетъ усилія; онъ узнаетъ, что ищетъ рѣшенія, что въ немъ происходятъ процессы воли. Но онъ, навѣрное, не скажетъ ничего о томъ, что онъ стоитъ и чѣмъ обусловлено то, что онъ стоитъ. А обусловлено тѣмъ, что круговая реакція самосохраненія волевого стимула—весьма неяснаго, даже едва-едва сознаваемаго воспріятія мышечныхъ напряженій и другихъ мѣстныхъ измѣненій отъ стоянія — продолжается; а продолжается реакція потому, что не явился еще противоборствующій психофизіологическій процессъ. Готовящійся къ экзамену читаетъ книгу и упорно борется съ желаніемъ бросить ее и пойти въ гости. Онъ очень ясно замѣчаетъ эту борьбу, причисляетъ ее къ волевымъ процессамъ и совершенно не замѣчаетъ своихъ волевыхъ актовъ, производимыхъ безъ усилій—того, что онъ перевертываетъ страницы, держитъ книгу въ рукѣ. Книга не падаетъ потому, что продолжается круговая реакція самосохраненія волевого стимула — воспріятія тѣхъ ощущеній, которыя получаются отъ держанія книги. Когда глаза читаютъ послѣднюю строку, является едва-едва сознаваемый волевой стимулъ перевернуть страницу и выполняется, то есть самоусиливается путемъ круговой реакціи. Ежеминутно въ насъ возникаютъ волевые стимулы и выполняютъ свои круговыя реакціи, ежеминутно протекаетъ какая нибудь реакція самосохраненія, а мы этого и не замѣчаемъ. Конечно, часто возникшіе волевые стимулы не производятъ своихъ круговыхъ реакцій, съ другой стороны, каждую минуту прекращаются какія нибудь реакціи самосохраненія, но это происходитъ отъ того, что волевые стимулы противодѣйствуютъ другъ другу. Волевые стимулы—разной силы, съ различной энергіей посылаютъ они импульсы къ соотвѣтствующимъ мышцамъ. Если сильнѣйшій волевой стимулъ совершаетъ свою реакцію самосохраненія и въ это время возникаетъ другой, слабѣе, этотъ послѣдній не можетъ выполнить своей круговой реакціи, остается безъ результата. Съ другой стороны, если во время круговой реакціи самосохраненія какого либо волевого стимула является другой, сильнѣе, онъ прекращаетъ совершающуюся реакцію и начинаетъ свою. О столкновеніи и борьбѣ волевыхъ стимуловъ я буду говорить въ пятой главѣ.

Круговая реакція на волевой стимулъ дѣлаетъ намъ вполнѣ понятной ту черту волевыхъ актовъ, которой Münsterberg придаетъ исключительное значеніе, — именно предвосхищеніе содержанія психическихъ процессовъ послѣдующаго момента психическими процессами момента предыдущаго. Волевой стимулъ — представленіе самоусиливается путемъ круговой реакціи, замѣняется соотвѣтствующимъ воспріятіемъ. Представленіе — копія воспріятія и, какъ таковая, конечно, предвосхищаетъ послѣднее.

Круговая же реакція самосохраненія волевого стимула дѣлаетъ понятными факты, для объясненія которыхъ Münsterberg прибѣгалъ къ натяжкѣ. Ощущеніе или воспріятіе, появившись въ сознаніи безъ предшествовавшаго ему соотвѣтственнаго образа или представленія, пребываетъ достаточно долго; оно держится въ сознаніи путемъ волевой дѣятельности субъекта. Все это происходитъ потому, что это ощущеніе или воспріятіе, возникнувъ отъ раздраженій чувствительныхъ нервовъ, является волевымъ стимуломъ и сейчасъ же начинаетъ круговую реакцію самосохраненія. Наконецъ, круговая реакція на волевой стимулъ дѣлаетъ намъ понятной ошибку Münsterberg'а: не каждое предвосхищеніе содержанія психическихъ процессовъ послѣдующаго момента психическими процессами момента предыдущаго является результатомъ волевой дѣятельности, а только такое, при которомъ психическіе процессы послѣдующаго момента—эффектъ мускульной дѣятельности круговой реакціи. Объ этомъ подробнѣе — въ четвертой главѣ.

Но мы не всегда желаемъ чего нибудь достигнуть или что нибудь сохранить, мы часто желаемъ отъ чего либо избавиться, что либо удалить. Объ этомъ подробнѣе скажу въ четвертой главѣ, теперь же долженъ указать на то, что намъ для объясненія фактовъ удаленія чего либо не нужно предполагать какихъ либо специфическихъ процессовъ. Каждая круговая реакція, которою самоусиливается какой либо волевой стимулъ, удаляетъ изъ сознанія какой нибудь психофизіологическій процессъ. Возьмемъ нашъ простѣйшій примѣръ поднятія субъектомъ правой руки. Когда рука у человѣка опущена, онъ имѣетъ въ сознаніи ощущенія отъ этого ея положенія. Вотъ онъ ее поднимаетъ — появляются новыя ощущенія—поднятія руки, а тѣ, прежнія, исчезаютъ. Обратно: держа руку поднятою, человѣкъ испытываетъ ощущенія отъ этого ея положенія. Опускаетъ — эти ощущенія исчезаютъ, уступая мѣсто ощущеніямъ отъ положенія опущенной руки. Волевой стимулъ поднятія руки своей круговой реакціей самоусиленія устраняетъ изъ сознанія ощущенія отъ опущенной руки. Волевой же стимулъ опущенія руки своей круговой реакціей самоусиленія устраняетъ изъ сознанія ощущенія отъ поднятой руки. Теперь понятно, что если какой либо психофизіологическій процессъ подлежитъ удаленію, это легко можетъ совершиться, стоитъ только возникнуть въ сознаніи такому волевому стимулу, круговая реакція самоусиленія котораго даетъ своимъ косвеннымъ результатомъ устраненіе того процесса. Но чтобы появился въ сознаніи такой волевой стимулъ не случайно, должна образоваться между нимъ и подлежащимъ устраненію психофизіологическимъ процессомъ ассоціаціонная связь, благодаря которой этотъ процессъ самъ и вызываетъ удаляющій волевой стимулъ. Въ четвертой

главѣ я укажу, какъ образуется такая ассоціаціонная связь, теперь же намъ важно только знать, что и удаленіе чего либо изъ сознанія можетъ быть объяснено помощью волевыхъ стимуловъ и круговыхъ реакцій.

М. Колоколовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Къ солнцу.

Пока я живъ—не отступлю!..
Пускай чернѣетъ ночь угрюмо,—
Въ душѣ цвѣтетъ о солнцѣ дума,
Свободу я, какъ жизнь, люблю.

Я не хочу за гранью скалъ,
Въ заливѣ, бурямъ недоступномъ,
Забыться мирно сномъ преступнымъ...
Неси впередъ, могучій валъ!

Н. Шрейтеръ.

АЛИКАЕВЪ КАМЕНЬ.

Разсказъ.

VII.

Объ ужинѣ рѣшено было извѣстить гостей пушечнымъ выстрѣломъ. Мѣдная пушка, странной формы, съ раструбомъ, стояла заряженная нaготовѣ. Около нея, весь въ поту, суетился кучеръ Антонъ. Ему подали сигналъ къ выстрѣлу.

— Ну, братцы!—закричалъ онъ, вытаскивая изъ костра раскаленный прутъ:—конченное дѣло! шабашъ!..

Публика съ крикомъ брызнула въ разныя стороны и съ замираніемъ сердца, щуря глаза, стала ждать выстрѣла. Порохъ вспыхнулъ, раздался выстрѣлъ. Звукъ его, жидкій и слабый, не оправдалъ общихъ ожиданій; всѣ разочарованно смотрѣли на бѣлый дымокъ, расползавшійся въ воздухѣ надъ обрывомъ. Вдругъ съ неожиданной силой выстрѣлъ отгрянулъ въ горахъ, и вся окрестность всполошилась отъ грома перекрестной пальбы. Казалось, сотни бомбъ летѣли въ воздухѣ съ невѣроятною силой, ударялись въ горы, отскакивали, разрывались на части и снова летѣли... Отголоски уходили все дальше, замирали, дѣлались едва слышными, сливаясь въ странную гармонію, замолкали и снова неожиданно откликались уже откуда-то изъ страшной дали, пока не замолкли совсѣмъ. Ошеломленная публика молчала, все еще ожидая чего-то.

— Фу-ты!—воскликнулъ Ожеговъ:—чудеса въ рѣшетѣ!.. Вотъ оказія-то!..

Публика стала шумно выражать свой восторгъ. Архипу приказали снова зарядить пушку, но въ суетѣ потерялся порохъ, и его никакъ не могли найти. На выстрѣлъ со всѣхъ сторонъ начали стекаться проголодавшіеся гости.

Когда прогремѣлъ пушечный выстрѣлъ, Свѣтлицынъ и Катя одни сидѣли на краю обрыва.

— Все такъ, Екатерина Павловна,—говорилъ Свѣтлицынъ,

и слова его звучали для Кати, какъ музыка:—это ясно, какъ день... Но къ чему всетаки этотъ суровый аскетизмъ? Зачѣмъ жертвы? Зачѣмъ это оскопленіе души? Неужели, кромѣ долга, нѣтъ никакихъ другихъ радостей? И почему эти радости запретны? Зачѣмъ добровольное отреченіе отъ самого себя?.. Этого я не понимаю. Всѣ люди имѣютъ право на жизнь, полную и всестороннюю... Имѣемъ его и мы... Посмотрите, какъ хорошо кругомъ, какъ хороша природа, какъ хороша наша молодость!.. Неужели все это не говоритъ вамъ ни о чемъ, кромѣ мести и печали?..

— Во-первыхъ,—отвѣчала Катя,—бываютъ времена, когда всесторонняя жизнь немыслима, а радости жизни почти преступны... Во-вторыхъ, печаль, негодованіе, ненависть, борьба—развѣ это не жизнь?.. Они способны также захватить всего человѣка...

— Положимъ... но я только противъ такой исключительности...

— Исключительность опредѣляется моментомъ, въ который мы живемъ...

— И это, можетъ быть, вѣрно... Вы мудры, какъ змій, и премудрость ваша подавляетъ меня... Въ самомъ дѣлѣ, передъ вами я точно школьникъ... Положимъ, надо еще доказать, что именно таковъ настоящій моментъ, а доказать это нельзя... положимъ, это чувствуется... И всетаки я хотѣлъ бы оправдаться... Пусть я рабъ, лукавый и лѣнивый, но вѣдь не всѣ же таланты зарыты въ землю, еще все впереди, и ничего не потеряно. Вы находите, что у меня знаній мало—пріобрѣту! Курса не окончилъ—окончу! Не сдѣлалъ ничего въ извѣстномъ направленіи—сдѣлаю!.. Я не согласенъ съ вами, будто я исключительно занимался зарываніемъ талантовъ... Я разбрасывался, это—правда, но, кажется, и это на пользу... Я не отвращалъ лица своего отъ жизни, и это дало мнѣ опытность, которая пригодится...

— Нѣтъ, Иванъ Петровичъ,—мягко возразила Катя:—не отрицайте, что вы дѣйствительно ничего не дѣлали и ничему не научились... Вы даже не познакомились съ народомъ, а это непростительно... Что же касается опытности, то что она вамъ дала?.. Я не знаю, о какой опытности вы говорите... Я знаю только, что вы опустились, выучились пить и убивать время... Вы даже книги разучились читать...

— Ахъ, Боже мой! но вѣдь не въ книгахъ же заключена вся премудрость!.. Но хорошо, пусть такъ... пусть все, что было, однѣ ошибки, промахи, глупость, дурость... оно и вѣрно... Но вѣдь не пропащій же я, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ!..

— Кто говоритъ объ этомъ!..

— Ахъ, Екатерина Павловна!—вдругъ страстно заговорилъ онъ, приподнимаясь:—все еще впереди, вся жизнь! И какъ это хорошо!.. Если бъ знали вы, какъ я люблю ваши суровые глаза и власть ихъ надъ собою!.. Хотите, я сброшусь внизъ, туда... скажите только слово!.. ей-богу!.. съ наслажденіемъ. съ восторгомъ!..

— Къ чему же это?—улыбаясь, съ загорѣвшимися глазами, спросила Катя.

— Такъ... не знаю... чтобъ доказать свою преданность и любовь... Но вамъ это непонятно: вы холодны, какъ льдинка. и разсудительны, какъ сама старость.

— Этого я, дѣйствительно, не понимаю.

— То-то и есть. Вы не понимаете, что за одинъ мигъ. за одинъ порывъ можно отдать душу и Богу, и чорту... Вотъ чего вы не понимаете...

— Нѣтъ, можетъ быть, и понимаю... но лучше этого не понимать!—тихо замѣтила Катя и тотчасъ же перемѣнила разговоръ.

— Дайте слово, что вы къ осени будете въ Петербургѣ?—сказала она:—Вамъ необходимо пожить тамъ, необходимо...

— А, вы не вѣрите мнѣ?

— Нѣтъ, вѣрю, вѣрю... но всетаки...

— Весьма охотно. Обѣщаю и клянусь. Клянусь я первымъ днемъ творенья и такъ далѣе.

— Спасибо!—сказала Катя и поднялась.

— Куда жъ вы?—спросилъ Свѣтлицынъ.

— Пора. Пушка прогремѣла, всѣ спѣшатъ къ ужину...

Свѣтлицынъ неохотно всталъ и пошелъ съ ней рядомъ

Коперникъ цѣлый вѣкъ трудился,

запѣлъ онъ чистымъ, пріятнымъ баритономъ.

— У васъ и голосъ прекрасный,—сказала Катя:—сколько у васъ талантовъ!

— Мнѣ серьезно совѣтовали поступить въ консерваторію... Но въ томъ-то и бѣда, что много талантовъ, и ни одного настоящаго...

Въ сторонѣ отъ палатки горячо спорили о чемъ-то студенты. Въ спорѣ принимали участіе Ожеговъ, Веретенниковъ и два молодыхъ инженера. Но больше всѣхъ горячился Кленовской. Его рѣзкій голосъ покрывалъ другіе.

— Это идіотство!—кричалъ онъ:—это непониманіе элементарнѣйшихъ пріемовъ тактики!..

— Баринъ! А, баринъ!.. васъ спрашиваютъ...—уже нѣсколько разъ говорилъ ему какой-то мужикъ, притрогиваясь къ его плечу.

Наконецъ, Кленовской съ досадой обернулся и увидѣлъ

конюха. Тотъ стоялъ передъ нимъ, испуганный и блѣдный, съ растерянными, виновато бѣгавшими глазами.

— Чего тебѣ?

— Спрашиваютъ васъ... тамъ... папенька, что ли... не знаю...

— Кто?

— Такъ что тятенька вашъ, стало быть... требуютъ васъ... туда-съ...

— Куда?.. Зачѣмъ?.. Какой тятенька?.. Тятенька—вонъ онъ стоитъ... что ты врешь?..

— Не знаю-съ... позови, говорятъ... васъ спрашиваютъ...

— Ну, ладно, отстань!.. Ну-тя къ чорту!.. Это идіотство игнорировать требованія самого народа! — возвращаясь къ спору, опять закричалъ Кленовской: — Въ этомъ вся суть, вся сила, почва и опора!.. Какая глупость!..

— Баринъ!—не отставалъ конюхъ,—сдѣлайте милость, пожалуйста... будьте настолько добры... надо-съ... пожалуйте, баринъ!—уже настойчиво, почти грубо заговорилъ онъ.

— Фу ты—чортъ!.. Вотъ привязался!.. Чего тебѣ? Отстань, сдѣлай милость!..

— Баринъ, никакъ невозможно... пожалуйте, какъ хотите...

— Ахъ!.. ну, хорошо... Я сейчасъ, господа... куда?..

— За мной пожалуйте...

— Куда ты меня ведешь? Къ кому? — спрашивалъ Кленовской, спускаясь внизъ по тропинкѣ.

— Вонъ туды-съ... сію секунду-съ...

Сойдя съ горы, Кленовской замѣтилъ поджидавшаго ихъ человѣка въ военной формѣ. „Какимъ образомъ здѣсь офицеръ?“ мелькнуло у него въ головѣ: „Откуда? зачѣмъ?“

— Вы г. Кленовской?—вѣжливо прикоснувшись къ фуражкѣ, обратился къ нему военный.

— Да. Что вамъ угодно?

— Николай Николаевичъ?

— Да.

— Весьма радъ, давно желалъ познакомиться,—задушевно и чрезвычайно просто сказалъ офицеръ и назвалъ свою должность и фамилію.

„Вотъ такъ клюква! что это значитъ?“ подумалъ Кленовской, чувствуя непріятныя мурашки по всему тѣлу.

— Не безпокойте себя,—продолжалъ успокоительно офицеръ:—не тревожьтесь.

— Я не безпокоюсь, но въ чемъ дѣло?

— Не угодно ли слѣдовать за мной?

— Куда?

— О, пока весьма недалеко. Нѣсколько шаговъ.

— Но что это значитъ? Зачѣмъ? Пока вы не объясните, я не тронусь съ мѣста.

— Очень жаль. Но къ чему такое недовѣріе? Даю вамъ слово, что это необходимо.

— Я не пойду... Зачѣмъ? Кто вы такой? Что вамъ надо?..

— Маталасовъ!—позвалъ кого-то офицеръ, и тотчасъ же изъ кустовъ выступили три темныя фигуры и молча обступили Кленовского сзади и съ боковъ. Кленовской постоялъ съ минуту въ нерѣшительности, пробормоталъ ругательство и, не сопротивляясь болѣе, пошелъ съ ними.

— Пожалуйста, будьте спокойны,—все такъ же вѣжливо и ласково говорилъ офицеръ:—дѣло обыкновенное-съ... съ молодыми людьми очень часто случается...

Черезъ минуту они скрылись въ тѣни кустовъ. Вскорѣ колокольчики залились веселымъ малиновымъ звономъ и смолкли въ лѣсу.

Въ тотъ же вечеръ столь же таинственно исчезли съ пикника еще два студента и одинъ гимназистъ, но отсутствія ихъ никто не замѣтилъ. Веселье шло своимъ чередомъ. Была уже полночь. Луна стояла высоко. Костеръ догоралъ. У большинства мужчинъ головы кружились отъ вина. Языки развязались; теперь уже всѣ чувствовали себя совершенно непринужденно. Подали шампанское, стали провозглашать тосты за науку, за генерала, за Россію, за процвѣтаніе края, за уральскую горную промышленность... Кто-то изъ молодыхъ инженеровъ предложилъ тостъ за народъ, и онъ былъ встрѣченъ дружными аплодисментами и криками ура.

VIII.

Къ Конюхову среди шума нѣсколько разъ прокрадывался какой-то рыжій, невзрачный молодой человѣкъ въ коротенькомъ сюртучкѣ и таинственно докладывалъ ему о чемъ-то. Конюховъ говорилъ съ нимъ вполголоса, по обыкновенію отвернувшись въ сторону, что-то приказывалъ, и молодой человѣкъ также незамѣтно исчезалъ.

— Ну?—спрашивала Анна Ивановна, озабоченная встревоженнымъ видомъ мужа.

— Прозѣвали!—отвѣчалъ онъ, хмуря брови: — Захватили народищу тьму, а депутацію проморгали... Ищутъ теперь, дурачье, по всему лѣсу... ослы!..

— Какая досада!..

— Забрали сейчасъ однихъ болвановъ, да не тѣхъ... Жалоба должна быть у Барсукова, а его-то и нѣтъ... Подлецы!.. распугали народъ, шуму надѣлали... кособокіе!.. Вообще выходитъ безобразіе!..

— Ну, ничего... не волнуйся... Богъ дастъ, все устроится...

— И это называется: негласно... тьфу!.. вотъ наши дурацкіе порядки!.. До генерала дойдетъ—сущій скандалъ!..

— Этого не можетъ быть!.. А если бы и такъ, то что-жъ? Мы тутъ не при чемъ... мало ли производится дознаній и прочее... Наше дѣло сторона...

Снова откуда-то вынырнулъ рыжій молодой человѣкъ и, почтительно переждавъ разговоръ, подошелъ къ Конюхову.

— Осипъ Павловичъ васъ просятъ,—доложилъ онъ:—туды-съ...

— Хорошо,—сказалъ Конюховъ и пошелъ за нимъ.

Въ укромномъ мѣстечкѣ ихъ поджидалъ Осипъ Павловичъ, тучный, упитанный человѣкъ, съ бритой головой и краснымъ лицомъ, затянутый въ мундиръ.

— Здравія желаю!—проговорилъ онъ хриплой октавой.—Многая лѣта!..

— Здравствуйте. Ну, что?

— Слава Богу... Готово-съ.

— А бумага?

— Готово-съ.

— Дайте-ка мнѣ.

— Невозможно. Она тамъ... будетъ пріобщена къ дѣлу.

— Но мнѣ нужно непремѣнно. Что тамъ написано? Кто писалъ?

— Писали г. Кленовской.

— Какъ?!.

— Студентъ-съ, а не господинъ лѣсничій, конечно-съ...

— Ага!.. Вотъ мерзавецъ!.. Я такъ и зналъ...

— Уже и они... ау!.. До свиданія!..

— Когда? Что вы толкуете! Я сейчасъ его видѣлъ...

— Никакъ нѣтъ-съ... ау-съ!.. изъяты изъ обращенія...

— Туда и дорога!... А жалоба мнѣ нужна...

— Да вы не безпокойтесь, Петръ Саввичъ: она пріобщится къ дѣлу и дальше никуда не пойдетъ, а другой, надѣюсь, не напишутъ... Нѣтъ, ужъ теперь погодятъ... Если угодно, я копію сниму.

— Пожалуйста.

— Съ полнымъ удовольствіемъ. Имѣю честь кланяться. Многая лѣта!..

Конюховъ вернулся къ обществу, все такой же деревянный, окаменѣвшій, но проницательная Анна Ивановна замѣтила, что настроеніе его измѣнилось.

— Ну, что?—спросила она шепотомъ.

— Все хорошо. Накрыли.

— Видишь, я говорила. Слава Богу.

Молодежь, между тѣмъ, снова образовала хоръ. Мало по малу къ нимъ присоединились и старшіе. Ожеговъ, по-му-

жицки схватившись за голову, пѣлъ съ большимъ чувствомъ. Пѣлъ Веретенниковъ, пѣли инженеры, и пѣсня всѣхъ хватала за сердце, будя золотыя воспоминанія о минувшей студенческой жизни. Даже Конюховъ, вытянувшись, какъ жердь, подтягивалъ козлинымъ теноркомъ:

„Волга! Волга! весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля“...

Когда запѣли „Забытую полосу“ и дошли до куплета: „и шагаетъ онъ въ синюю даль“... то всѣмъ до слезъ стало жаль неизвѣстнаго пахаря, идущаго по владимiркѣ „за широкій, за вольный размахъ“ и вспоминающаго свою заброшенную полоску.

Голосъ Свѣтлицына покрывалъ весь хоръ.

— Какой чудный бархатный басъ!—замѣтилъ генералъ.— Не споетъ ли молодой человѣкъ что-нибудь одинъ?

Тотчасъ же всѣ приступили къ Свѣтлицыну съ тою же просьбой. Онъ согласился и, поднявшись на небольшой камень, какъ на эстраду, шутливо раскланялся съ публикой. У ногъ его, точно алмазная пыль, свѣтилась роса, покрывавшая бугры сѣдого мха, а внизу, въ глубинѣ пропасти, сквозь синеватую мглу темнѣла рѣка и серебрился кустарникъ, отбрасывая отъ себя короткія черныя тѣни. „Надо что-нибудь мощное, смѣлое“, подумалъ онъ и запѣлъ „Утесъ“.

— „Е-есть на Волгѣ уте-съ“...—началъ онъ и заробѣлъ, чувствуя, что голосъ его, не имѣя опоры, безсильно расползается въ пространствѣ. Онъ пробовалъ звуки, и, когда пробудилось дремавшее въ горахъ эхо и запѣло вмѣстѣ съ нимъ, голосъ его окрѣпъ и зазвучалъ увѣренно и могуче.

Ему много и дружно апплодировали и требовали повторенія, но онъ отказался и сошелъ внизъ. Потомъ еще пѣли „Проведемте, друзья...“ „Впередъ безъ страха и сомнѣнья“ и другія пѣсни. Генералъ находился въ самомъ благодушномъ настроеніи.

— Меня въ особенности трогаетъ, господа, ваше дружное, согласное общество,—говорилъ онъ:—вы, какъ-будто, одна семья, связанная кровными узами. Это такъ рѣдко, и потому такъ пріятно. Я вижу здѣсь не начальниковъ, не подчиненныхъ, а добрыхъ товарищей одного большого, общаго и полезнаго дѣла. Это хорошее товарищеское отношеніе, говорятъ, распространяется и на младшихъ сотрудниковъ вашихъ—на рабочихъ, и я этому охотно вѣрю, потому что, вообще, допускаю такую возможность... Я вѣрю въ дружескій союзъ тружениковъ, ибо въ единеніи сила... Я поднимаю свой бокалъ,

господа, за единеніе, за силу союза и его благіе результаты...

— Ура-а!—дикимъ голосомъ закричалъ Ожеговъ и полѣзъ къ генералу цѣловаться.

— Урра!.. Урра-а!.. — дружно подхватили восторженные голоса.

— Ахъ, ваше превосходительство!.. Какъ вы хорошо сказали! какъ выразили... Мы, въ самомъ дѣлѣ, какъ одна семья... кровная задушевная семья!..—захлебываясь, говорилъ Ожеговъ:—ей-Богу!.. Мастеровые—наша семья... Живемъ, слава тебѣ Господи... ладно живемъ... Нашъ меньшій братъ—товарищъ, сотрудникъ—совершенно вѣрно...

— Могу засвидѣтельствовать, что для населенія дѣлается все возможное,—также очень растроганный, сказалъ Конюховъ:—князь не щадитъ средствъ... Придите на помощь, дайте намъ желѣзную дорогу, и тогда мы оживемъ...

— Дорогу вамъ дадутъ... безъ сомнѣнія...—говорилъ размякшій генералъ.—Даю вамъ слово...

— Однако, это черезчуръ! — пробормоталъ Свѣтлицынъ, и глаза его задорно сверкнули.

— У насъ, дѣйствительно, дружная семья,—громко обратился онъ къ генералу.—Въ доказательство позвольте привести одинъ маленькій эпизодъ. Въ прошломъ году врачъ Дратвинъ далъ неудобное на судѣ показаніе...

— Ну, понесъ! — перебилъ его Ожеговъ: — вотъ ужъ некстати!.. Нашелъ о чемъ говорить!

Конюховъ съ тяжелымъ изумленіемъ остановилъ на Свѣтлицынѣ свои оловянные глаза. На лицѣ Анны Ивановны изобразился испугъ. Гости безпокойно зашевелились.

— Въ качествѣ эксперта онъ утверждалъ, что рѣчка Бардымка, изъ которой пьетъ воду населеніе Верхняго завода, систематически отравляется отбросами газовыхъ печей. Вода была, какъ сусло, но онъ не захотѣлъ признать ее чистой и прозрачной, какъ кристаллъ. На него ополчилась дружная семья, и онъ въ двадцать четыре часа былъ уволенъ.

— Околесная!.. Все извращено!..—кричалъ Ожеговъ.—Ты съ ума сошелъ, что ли?.. Идіотъ!..

— Это неправда! — произнесъ поблѣднѣвшій отъ гнѣва Конюховъ:—Дратвинъ былъ уволенъ, но по другой причинѣ. Я сошлюсь на всѣхъ присутствующихъ.

— Неправда!.. Конечно, неправда!.. — заговорили хоромъ крайне взволнованные гости.

— Неправда?.. Вы это утверждаете?—звонкимъ голосомъ переспросилъ Свѣтлицынъ, чувствуя, что онъ стремительно летитъ куда-то въ пропасть.—Ахъ, господа, господа! но вѣдь это только ничтожнѣйшая частица правды, которую еще ни-

кто не раскрылъ... Если разсказать все, что здѣсь творится...

— Довольно!.. Будетъ!..—какъ изступленный, насѣдалъ на него Ожеговъ. — Что ты мелешь!.. Собачій чортъ!.. Все ты врешь... довольно, я тебѣ говорю!..

— Довольно! довольно!.. Это неприлично, наконецъ!...—угрожающе подхватилъ хоръ.

Свѣтлицынъ засмѣялся и махнулъ рукой.

— И, въ самомъ дѣлѣ, довольно, — сказалъ онъ съ неожиданнымъ добродушіемъ.—Господа, я пасую... Гдѣ-жъ мнѣ устоять противъ такого дружнаго натиска!.. Не скажу больше ни слова... но предлагаю всетаки выпить за правду... За все пили, за правду не пили... Итакъ, господа, за правду!..

— Ого!.. давно бы такъ!.. Это дѣло... пить, такъ пить...—мгновенно мѣняя тонъ, отвѣчалъ Ожеговъ: — А то понесъ околесную... охальникъ!.. Пей, другъ, за правду, ничего сколько влѣзетъ!.. И мы выпьемъ: это не вредитъ... Пей да поменьше ври! Держи языкъ за зубами! Кто противъ правды? Никто, мы всѣ за нее горой... А то, братъ, аллилуія на постномъ маслѣ... ни болѣе, ни менѣе...

Скандалъ былъ, однако, настолько великъ, что всѣ чувствовали себя, словно ошпаренными. Въ разныхъ концахъ начались притворно непринужденные разговоры, кто-то предложилъ снова составить хоръ, но, разумѣется, предложеніе не было поддержано. Изумленный, сбитый съ толку и всѣми оставленный, генералъ растерянно мигалъ глазами. Анна Ивановна, блѣдная, но улыбающаяся, старалась успокоить мужа. Она говорила ему что-то очень быстро, стараясь какъ можно больше наговорить словъ.

— Прогнать его, какъ подлеца, какъ сукина сына!—кричалъ Конюховъ.

— Да, конечно... но теперь ты долженъ успокоиться.. Разумѣется, мы его сплавимъ, но пока не нужно подавать вида... Въ сущности, ничего особеннаго... Генералъ занятъ и не обратитъ вниманія... Уволили докторишку... какая важность!... Возьми себя въ руки... не показывай вида... молчи... угощай виномъ...

— Мерзавецъ!.. Неблагодарный скотъ!..—прошипѣлъ Конюховъ и съ окаменѣвшимъ видомъ вернулся къ гостямъ.

Между тѣмъ, Ожеговъ, уцѣпившись за Свѣтлицына, говорилъ ему:

— Въ сущности, я понимаю... вѣрьте чести!.. И если-бъ не мое положеніе, я бы... охъ! я бы раздѣлалъ ихъ подъ орѣхъ!.. Однимъ словомъ, на меня вы можете положиться...

— Ну васъ! пустите!—отводя его руку, наконецъ, огрыз-

нулся Свѣтлицынъ, который послѣ своей выходки начиналъ чувствовать себя очень скверно.

— Иванъ Петровичъ! — громко позвала его Анна Ивановна: — Подите сюда, я вамъ уши нарву!.. Ну, идите же, идите!.. И вамъ не стыдно, а?.. Ты съ ума сошелъ!—заговорила она быстрымъ шепотомъ, увлекая его въ сторону.—Какая злая и низкая месть!.. Какъ подло! какъ подло!..

— Съ послѣднимъ я, пожалуй, согласенъ,—насильственно улыбаясь, отвѣтилъ Свѣтлицынъ.

— Противный злюка!.. какъ не стыдно!.. Ты нисколько не жалѣешь меня!.. Какой срамъ! какой скандалъ! какая гадость!.. Тебя презирать, тебя ненавидѣть надо... Но вотъ что: ты знаешь старую дачу у рѣки?... Это съ полверсты отсюда. Приходи туда, когда все угомонится... Чтобъ ты зналъ, я выстрѣлю изъ револьвера... на это никто не обратитъ вниманія... Я буду тамъ... У, противный!.. Что-жъ ты молчишь?.. И еще вотъ что: ты долженъ извиниться... непремѣнно, непремѣнно!.. Ты всѣхъ разстроилъ, оскорбилъ...

— Ну, ужъ нѣтъ!..

— Непремѣнно, непремѣнно!.. Это необходимо... Ты мнѣ многимъ обязанъ, и ты долженъ, долженъ...

— Отвяжись, пожалуйста!.. Я сказалъ правду. Можетъ быть, не нужно было говорить, но разъ сказано, я не возьму своихъ словъ обратно.

— Ты негодяй послѣ этого... Неблагодарный, скверный мальчишка!...

И Анна Ивановна, разсердившись, ушла.

— Ваше превосходительство,—черезъ минуту говорила она генералу:—Свѣтлицынъ очень просилъ меня извиниться передъ вами... самъ онъ стѣсняется... Онъ очень сожалѣетъ, что погорячился... Дратвинъ—его другъ, и это вполнѣ естественно...

— Ничего-съ, ничего-съ,—сдержанно отвѣчалъ генералъ, скрывая зѣвоту.—Всѣ мы были молоды...

— Если вашему превосходительству угодно, то постель готова,—сказала Анна Ивановна, замѣтивъ усталый видъ генерала:—Скажите, и васъ проводятъ.

— Да, пожалуй, пора ужъ.

Обрадовавшись предлогу удалиться, онъ тотчасъ же простился съ хозяйкой, пожелавъ ей спокойной ночи. Генерала пошелъ провожать самъ Конюховъ.

IX.

Вскорѣ между гостями распространился темный слухъ о закулисныхъ событіяхъ этой ночи. Начались таинственные разговоры, разспросы, шушуканье... Говорили, понижая голосъ, подъ величайшимъ секретомъ, какъ будто дѣло касалось тайны, которую всѣ обязаны были свято хранить. Многіе съ сожалѣніемъ смотрѣли на старика Кленовскаго, который, ничего не подозрѣвая, собирался ѣхать домой и искалъ сына.

— Николку своего потерялъ,—говорилъ онъ, улыбаясь:— не знаете ли, гдѣ онъ?

Кто зналъ объ участи Николки, тѣ виновато косили глаза, молчали или отзывались незнаніемъ, другіе говорили:

— Сейчасъ здѣсь былъ... Мы только-что его видѣли...

Мало по малу въ сердце старика заползла тревога: онъ не могъ не замѣтить уклончивыхъ отвѣтовъ и страннаго поведенія своихъ знакомыхъ. Не найдя сына на камнѣ, онъ спустился внизъ, сталъ разспрашивать конюховъ и прислугу. Тѣ также прятали глаза, давали странные, уклончивые отвѣты. Наконецъ, дачный сторожъ, хромой и безрукій старикъ, рѣшился сказать ему правду.

— Увезли твоего соколика,—прошамкалъ онъ беззубымъ ртомъ:—посадили въ темную повозку и укатили... Пропала удалая головушка!...

У Кленовского подкосились ноги, онъ сѣлъ на лавочку подлѣ сторожа и странно засопѣлъ носомъ. Тотъ говорилъ ему еще какія-то жалостливыя слова, но онъ ихъ не слышалъ. Такъ пробылъ онъ минутъ пять, потомъ всталъ, спокойно и обстоятельно разспросилъ подробности и пошелъ къ Конюхову.

Конюховъ, безъ пиджака, въ ночной рубашкѣ, сидя на кровати, стаскивалъ съ себя сапоги. Увидѣвъ лѣсничаго, онъ вопросительно устремилъ на него свои холодные стальные глаза.

— Вы? Какимъ образомъ?—удивленно спросилъ онъ:—Что вамъ угодно?

— Гдѣ мой сынъ?

Конюховъ сдѣлалъ жестъ недоумѣнія и приподнялъ брови.

— Вашъ сынъ?—переспросилъ онъ.—Какъ я могу знать? Я очень мало интересуюсь вашимъ сыномъ.

— Гдѣ мой сынъ?—настойчиво повторилъ Кленовской:— Куда вы его дѣли?

Конюховъ, не торопясь, надѣлъ на себя только что снятые сапоги и выпрямился во весь ростъ.

— Вы изволите шутить, многоуважаемый Николай Саввичъ? Что значитъ вашъ вопросъ?.. Мнѣ до вашего сына, какъ до прошлогодняго снѣга.

Кленовской издалъ звукъ, похожій на стонъ, сѣлъ на кушетку и, согнувшись, опустилъ голову.

— Мнѣ сказали,—съ усиліемъ произнесъ онъ,—что сынъ мой взятъ...

— А! вотъ что... Можетъ быть, знаете, за что?

— Нѣтъ... я объ этомъ пришелъ спросить у васъ.

Конюховъ засмѣялся, и смѣхъ его холодной сталью отозвался въ сердцѣ Кленовского.

— А мнѣ какъ знать!—сказалъ онъ:—Не я слѣжу за поведеніемъ вашего сына. Такъ допрыгался молодецъ! Этого нужно было ожидать.

— Оставимъ это... будемъ говорить на чистоту. Что сдѣлалъ мой сынъ? Вы это знаете.

— Гмъ!.. что сдѣлалъ вашъ сынъ?.. Во-первыхъ, связался съ извѣстными смутьянами, въ родѣ Безмѣнова, Васьки Киселева и другихъ... Онъ велъ среди нихъ агитацію противъ заводской администраціи... Во-вторыхъ, участвовалъ въ незаконныхъ сходбищахъ какого-то, повидимому, тайнаго общества... читалъ книги, брошюры... произносилъ рѣчи... Въ-третьихъ, составилъ коллективную жалобу на манеръ петиціи... Въ ней онъ не пощадилъ ни князя, ни меня, ни васъ...

Кленовской опустилъ голову.

— Вы понимаете, что жалѣть его не приходится... Онъ самъ не пожалѣлъ даже родного отца... Можетъ быть, и еще что-нибудь найдется—я не знаю, тамъ разберутъ.

— Онъ у меня одинъ,—послѣ долгаго молчанія горько промолвилъ Кленовской: — одинъ!.. У меня нѣтъ никого больше... Вы должны мнѣ его вернуть...

Конюховъ пожалъ плечами.

— Но при чемъ тутъ я?

— Вы должны это сдѣлать... Это въ вашихъ рукахъ...

— Другъ мой! такія дѣла вѣдаетъ государственная власть, а не частныя лица...

— Полноте!.. Не морочьте меня... не прячьтесь въ кусты... Къ чему?.. Вѣдь я-то ужъ знаю!.. Государственная власть!.. Господи Боже мой! при чемъ тутъ государственная власть! Какое ей дѣло до нашихъ продѣлокъ, до нашихъ злоупотребленій? Развѣ она призвана охранять ихъ? Развѣ для того она существуетъ?.. Тайныя общества... незаконныя сборища... все страшныя слова, а существо-то? Вѣдь оно касается только насъ. Разумѣется, можно состряпать политическое дѣло изъ

чего угодно, и не разъ стряпались такія дѣла по вашему мановенію, потому что тѣ скоты, въ угоду вамъ, готовы на все. Но вѣдь существо-то, существо-то!.. Развѣ есть въ немъ хоть капля политики?.. Ваше это дѣло, оно все въ вашихъ рукахъ... Вы сына моего захотѣли погубить!.. Неужели вы думаете, что я оставлю это безъ протеста?.. Я пойду на все, я не допущу, я не позволю вамъ это сдѣлать...

— Вы чудакъ!.. Допустимъ даже, что инициатива была моя, ну, а дальше-то? Дальше все идетъ своимъ чередомъ: машина пущена въ ходъ, ея не остановишь.

— Полноте, не морочьте меня... Мнѣ ли не знать этихъ дѣлъ!.. Достаточно одного вашего слова... О, я знаю, зачѣмъ вамъ понадобился мой Николка: вы мѣтились въ меня и выбрали самое больное мѣсто!.. Стрѣла угодила въ цѣль, но вѣдь я-то еще живъ... Я буду требовать, просить... приму всѣ мѣры... Не лучше ли намъ покончить добромъ?..

— Не просите и не требуйте: безполезно! Дѣло приняло слишкомъ серьезный оборотъ.

— Я не вѣрю этому... Поговоримъ спокойно... Мы старые враги... Да, уже много лѣтъ... мы не упускали случая вредить другъ другу... И вотъ вы меня, наконецъ, сковырнули, ударили въ самое сердце... Признаю себя побѣжденнымъ и сдаюсь... сдаюсь на вашу милость... Отнынѣ я рабъ вашъ, вашъ слуга... я на колѣняхъ умоляю васъ... я, вашъ недругъ, старикъ, смиренно умоляю: пощадите!..

— Перестаньте! не ломайте комедіи!..

— Не губите!.. Вѣдь онъ для меня все!.. Одинъ онъ у меня, одинъ...

Кленовской упалъ на колѣни.

— Я униженно прошу васъ: отдайте мнѣ сына!.. Отдайте, отдайте!..

— Нѣтъ!—съ внезапной злобой отвѣчалъ Конюховъ:—Я палецъ о палецъ не ударю для этого молодца, этого змѣеныша!.. Никогда!..

Кленовской вскочилъ, какъ ужаленный. На блѣдномъ лицѣ его, точно два угля, горѣли черные глаза съ расширенными зрачками. Онъ весь трясся отъ оскорбленія, ненависти и злобы.

— А! такъ вотъ какъ!.. Хорошо... хорошо... — бормоталъ онъ, заикаясь и глотая слова.—Но вотъ что я тебѣ скажу, подлая предательская душа! Мы оба съ тобой пропадемъ.. оба!.. Мнѣ нечего терять... пропадай все!.. Мы враги, но помни, что мы и сообщники! Вмѣстѣ грѣшили, вмѣстѣ грабили, обманывали и губили народъ!.. Вспомни-ка все то... ага!... Такъ вотъ знай же, подлецъ, что я самъ на себя донесу!.. Самъ напишу тотъ доносъ, котораго ты такъ боишься... опишу все!.

И не этому сопляку, Полянскому, а повыше... доберусь до корня, пойду на проломъ!.. Раскрою всѣ карты!.. Пусть узнаютъ!.. Пусть узнаютъ все, всю уголовщину!.. вотъ!.. знай это!.. Іуда, дьяволъ, аспидъ, искаріотъ!..

И онъ, всхлипывая истерическимъ смѣхомъ, направился къ двери.

— Постойте!—остановилъ его Конюховъ:—Вы съ ума сошли... Постойте, говорятъ вамъ.

Онъ схватилъ его за плечо.

— Вотъ тебѣ... вотъ!.. Знай это!.. Пусти, не тронь меня, дьяволъ!..—бормоталъ, какъ помѣшанный, Кленовской, стараясь вырваться изъ рукъ Конюхова.

Конюховъ насильно усадилъ его въ кресло.

— Успокойтесь,—сказалъ онъ:—поговоримъ толкомъ.

Но Кленовской вскочилъ и закричалъ:

— А помнишь Ивана Патрина, Степана Брюхова, Семена Пвойлова, Митьку Бобина... гдѣ они?.. Помнишь Колю Снигирева?.. Прелестный мальчикъ, какъ херувимъ... гдѣ онъ?.. Мы всѣхъ упечатали... сгубили, стерли съ лица земли... И много, много... счету нѣтъ... Помнишь фельдшерицу Степанову?. А учителя Коршунова?.. Гдѣ они?.. Мы злодѣи, самъ дьяволъ сидитъ въ насъ... давно сатанѣ служимъ... Мы боимся свѣта, какъ огня, и возлюбили только тьму и подлость... только въ нее вѣруемъ... и всего боимся... книжки боимся, грамотности боимся... Читальню открыли, и мы ужъ трепещемъ!.. Библіотека была нашъ врагъ, мы ее искоренили!.. Мы офеней и книгоношъ ловили, какъ преступниковъ... Мы насаждали низость и пьянство... Мы пугали всѣхъ и сами всего пугались...

— Успокойтесь же, наконецъ... Фу, ты Господи - Боже мой!..

— А помните старшину Волокитина?.. Писаря Петрова?., Гдѣ они?.. А Өедоръ Копыловъ? Начитанный, богобоязненный мужикъ... вѣдь мы и его упечатали!.. И вотъ дѣти, собственныя дѣти поднимаются на насъ!..

— Ну, будетъ, будетъ!.. Довольно, наконецъ!.. Причитаете, какъ баба...

— Николка! Николка!.. Веселый, непокорный, отважный мальчишка... дуралей!..

Кленовской вдругъ зарыдалъ и, всхлипывая, опустилъ голову на руки, опершись локтями въ колѣни.

— Фу, ты!.. Выпейте хоть воды, что ли... Что мнѣ съ вами дѣлать! Успокойтесь... даю вамъ слово, что Николка вашъ будетъ цѣлъ и невредимъ...

— Да... а помните наивнаго, добродушнаго инженерика Павлова?.. Какъ мы его-то слопали?.. Какую механику под-

вели?.. а?.. И все это для охраны нашего грабежа... нашей системы... Какое безуміе!.. Да и нужды-то никакой не было, а такъ ужъ... искореняли мы все живое... А если есть загробная жизнь, а? Что тогда?.. Ну-ка?.. Приходило это вамъ въ голову?..

— Я уже обѣщалъ вамъ... чего же еще?.. Довольно! Достаточно я наслушался вашихъ причитаній... Идите спать.

— А другіе мальчики?.. Не одинъ Николка, вѣдь и другіе...

— Ну, ужъ другихъ мальчиковъ вы оставьте въ покоѣ... не ваше дѣло... Довольно, идите спать... вдоволь наговорились... Идите, идите...

— Хорошо... я пойду... я, пожалуй, пойду...

Кленовской съ усиліемъ поднялся, утеръ глаза, разгладилъ растрепанную бороду и, шатаясь, вышелъ изъ комнаты.

X.

Нѣкоторые изъ гостей остались ночевать на камнѣ подъ открытымъ небомъ. Сюда принесены были тюфяки, кошмы, одѣяла, простыни и подушки. Когда дамы удалились на покой, Ожеговъ, Веретенниковъ и молодые инженеры усѣлись въ кружокъ, и началась попойка. Они пили и спорили, кричали, ссорились, мирились, пѣли пѣсни, разсказывали анекдоты, цѣловались, объяснялись другъ другу въ любви, говорили трогательныя слова, смѣялись и плакали.

Свѣтлицынъ, не принимавшій участія въ попойкѣ, долго сидѣлъ одинъ, прислушиваясь къ галдѣнью пирующихъ, потомъ легъ и сталъ смотрѣть въ блѣдно-зеленое небо. Неподалеку отъ него уже храпѣло нѣсколько человѣкъ, укрывшись одѣялами. Разсѣянныя и смутныя мысли осаждали его. Онъ представлялъ себя то уральскимъ магнатомъ, предъ которымъ все раболѣпствовало и преклонялось, то министромъ, водворяющимъ другой порядокъ вещей, то героемъ, умирающимъ за свободу родины, то писателемъ, то великимъ пѣвцомъ... И всѣ его славословили, имя его гремѣло... Услужливое воображеніе рисовало картину за картиной. „Какая чепуха!“ наконецъ, сказалъ онъ и завернулся въ сырое отъ росы одѣяло. Слабый звукъ отдаленнаго выстрѣла, какъ ударъ бича, раздался внизу и, откликнувшись въ горахъ, мелкой дробью промчался въ долинѣ. Свѣтлицынъ прислушался и снова легъ. „Пали себѣ, сколько угодно!“ сказалъ онъ съ досадой и перевернулся на другой бокъ, собираясь заснуть.

Въ большомъ домѣ дамы долго и шумно размѣщались

на ночлегъ, во второмъ часу ночи оттуда еще слышались взвизги, смѣхъ и перекрестная болтовня. Пожилыя дамы уже лежали въ постеляхъ, раздѣтыя, и ворчали на молодыхъ, которыя сновали по комнатамъ взадъ и впередъ или съ неистовымъ хохотомъ бѣгали по террасѣ и корридорамъ, гоняясь другъ за другомъ.

Катя и еще двѣ дѣвицы „попроще“ устроились на верандѣ. Катя напрасно старалась заснуть. Нервы были взвинчены, тревожныя думы одолѣвали ее. Широкій просторъ, смотрѣвшій въ окна, раздражалъ и точно манилъ къ себѣ, суля что-то несбыточно-прекрасное. Пока въ домѣ продолжалась возня, Катя смирно лежала, стараясь заснуть, потомъ тихонько, чтобъ не разбудить спящихъ, отворила дверь и сѣла на ступени веранды, глядя на темные кусты и поднимавшійся надъ рѣкою туманъ. Прямо въ лицо ей глядѣла луна, черныя тѣни тянулись навстрѣчу. Долина, вся серебряная, сверкающая, уходила въ даль, теряясь у горизонта. На камнѣ все еще не спали, и оттуда доносилось нестройное пѣніе. Отъ ступеней шла бѣлѣвшая при лунѣ тропинка, и Катя пошла по ней. Миновавъ аллею и перешагнувъ черезъ упавшую изгородь, она пошла по мокрому скошенному лугу и остановилась у берега.

Внизу говорливо плескалась рѣка, дремалъ серебряный отъ росы кустарникъ. Все было тихо. Ночь, казалось, спала съ открытыми глазами и дышала ровнымъ, спокойнымъ дыханіемъ. Короткій, отрывистый выстрѣлъ прервалъ тишину, и звукъ его понесся по рѣкѣ, разбудивъ дремавшіе берега. Катя вздрогнула и оглянулась... Боже мой, какъ хорошо кругомъ!... Убѣгавшій вдаль отъ высокихъ прибрежныхъ скалъ широкій просторъ, казалось, говорилъ ей о чемъ-то, и она силилась разгадать значеніе его безмолвной рѣчи... Повидимому, онъ говорилъ о необъятной широтѣ жизни, о таинственныхъ возможностяхъ будущаго, о неустанной борьбѣ и о вѣчномъ покоѣ, о близкомъ торжествѣ всемірной гармоніи... Передъ ея взоромъ раскрывались вдохновенныя перспективы... Мгновеніями ее охватывало странное восторженное желаніе потонуть въ этомъ хаосѣ и воскреснуть для какой-то новой жизни...

Луна отошла вправо, склоняясь къ закату, тѣни стали длиннѣе и передвинулись влѣво... Опять одинокій выстрѣлъ промчался по долинѣ и разсыпался дробью въ горахъ... И снова тишина охватила собою все... Прислушиваясь къ ней, точно стараясь разгадать таинственный смыслъ безмолвія, Катя машинально побрела вдоль берега... Вскорѣ надъ нею сомкнулись вершины вѣтвистыхъ осокорей, и она очутилась въ глубокой тѣни. Впереди виднѣлась освѣщенная луною

поляна; Катя рѣшила дойти до нея и вернуться. Поляна оказалась пологимъ бугромъ съ выступающими на немъ острыми бѣлыми камнями. Въ сторонѣ отъ него внизу, у самой рѣки, виднѣлся старый домъ, весь черный отъ покрывавшей его тѣни. Надъ его крышей висѣла уже начинавшая желтѣть луна. Окна безъ стеколъ глядѣли угрюмо, точно пустыя впадины черепа. Катя посидѣла на камнѣ, потомъ стала осторожно спускаться подъ гору и вдругъ остановилась: въ домѣ ей послышался тихій говоръ. Вслѣдъ затѣмъ бѣлая фигура показалась въ дверяхъ и, оглянувшись, быстро сбѣжала по ступенькамъ на тропинку. Выбравшись изъ тѣни, она начала проворно подниматься въ гору. „Анна Ивановна!“ съ удивленіемъ прошептала Катя и невольно отступила въ кусты. Анна Ивановна, вся бѣлая отъ луны, поднялась на площадку и стала поджидать кого-то. Вскорѣ изъ тѣхъ же дверей вышелъ Свѣтлицынъ и, также осмотрѣвшись кругомъ, пошелъ по тропинкѣ. Катя видѣла, какъ Анна Ивановна, обхвативъ его шею руками, прильнула къ нему.

— Ты мой...—говорила она страннымъ, новымъ, незнакомымъ ей голосомъ: — Мой, мой!.. и никуда ты не поѣдешь... и никому я тебя не отдамъ...

Потомъ они скрылись за деревьями.

У Кати перестало биться сердце. Она долго стояла, пораженная изумленіемъ, потомъ тихо вышла на освѣщенную поляну и медленными шагами поплелась обратно по той же дорогѣ. Ей казалось, что все въ ней замолкло и омертвѣло. Ночь потеряла свою красоту, кругомъ стало сумрачно и пусто. Въ лунномъ свѣтѣ заключалось что-то мертвенно-скорбное; даль уже не манила къ себѣ и казалась безжизненной и пустынной; тѣни пугали своей темнотой. Какая-то ночная птица пролетѣла надъ рѣкой, и крикъ ея, рѣзкій и непріятный, какъ холодная сталь, отдался въ горахъ. Катя не помнила, какъ она добралась до постели, но крикъ этотъ, рѣжущій и зловѣщій, навсегда запечатлѣлся въ ея памяти. Вся разбитая, она упала головой на подушку и тотчасъ же заснула, точно погрузилась на дно глубокой рѣки.

Утромъ ее разбудило солнце. Она проснулась съ смутнымъ сознаніемъ какой-то бѣды, случившейся наканунѣ, и долго не могла понять, отчего у нея тяжелый камень лежитъ на сердцѣ, но вдругъ вспомнила и поспѣшно стала одѣваться.

Было еще очень рано. Обильная роса покрывала траву и кусты. Надъ рѣкой разстилался густой, бѣлый, какъ вата, туманъ, изъ котораго, точно затопленныя наводненіемъ башни, поднимались прибрежныя скалы. Въ домѣ все еще было по-

гружено въ глубокій сонъ. Безъ мыслей въ головѣ, повинуясь одному неудержимому желанію бѣжать отсюда, какъ можно скорѣе, Катя пошла черезъ садъ по мокрой травѣ и, встрѣтивъ конюха, попросила его запречь лошадь.

Голодная лошадь, которую никто не позаботился накормить, съ большимъ рвеніемъ побѣжала домой. Катя не видѣла ни великолѣпнаго лѣса съ ярко зелеными просвѣтами, ни прозрачно-голубыхъ тѣней, которыя лежали въ колеяхъ дороги, тянулись отъ деревьевъ и наполняли глубокіе овраги, ни золотисто-зеленыхъ вершинъ, уходившихъ въ синеву неба, ни внезапно открывавшихся далей, подернутыхъ прозрачно-серебристой мглой. Она вся была погружена въ свою душевную смуту. Все происшедшее казалось ей такимъ чудовищнымъ и безсмысленно жестокимъ, что она гнала отъ себя мысли, какъ тяжелый кошмаръ...

XI.

На другой день на заимку Агатова пріѣхалъ Свѣтлицынъ. Онъ почему-то не сразу вошелъ въ домъ и долго говорилъ на дворѣ съ кучеромъ Тимофеемъ.

— Дома ли баринъ?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Дома, дома. Вотъ онъ идетъ.

Павелъ Петровичъ очень обрадовался гостю.

— Вотъ кто!.. Иванъ Петровичъ!.. Очень радъ, очень радъ,—заговорилъ онъ. — А что на свѣтѣ-то дѣлается, а?.. Вѣдь это ужасъ!.. жить нельзя!.. А Катя васъ ждетъ... Она у себя, идите къ ней... Что-то она нездорова или хандритъ...

Свѣтлицынъ побѣжалъ въ домъ. Катя, очень блѣдная, встала ему навстрѣчу и, молча, подала руку.

— Ну, что?—спросила она:—Что еще новаго произошло? Разскажите.

Свѣтлицынъ сталъ разсказывать. Новаго, дѣйствительно, было много. Пострадало до шестидесяти человѣкъ, и все бѣднота... Нѣкоторые изъ эпизодовъ были очень комичны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ужасны.

— Что же теперь дѣлать?—спросила Катя.—Не мѣшало бы сообщить генералу Полянскому, который, кажется, одинъ ничего не знаетъ: онъ долженъ вступиться, если онъ человѣкъ порядочный.

— Да, да... Это мысль!..

— Поѣзжайте къ нему, поѣзжайте сейчасъ же... пожалуйста...

Катя говорила нервно, точно сквозь слезы. Никогда Свѣтлицынъ не видалъ ея такой и смотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ...

— Что же... пожалуй... Я вечеромъ его увижу и разскажу...

— Нѣтъ, не откладывайте... Поѣзжайте сію же минуту... Я очень прошу васъ объ этомъ...

— Хорошо, хорошо... Но вотъ что, моя дорогая...

Катя вся вздрогнула, выпрямилась и еще больше поблѣднѣла.

— Не говорите такъ... нѣтъ, нѣтъ, не нужно!—съ болѣзненнымъ усиліемъ произнесла она.

— Почему?.. Что съ вами?..

— Ничего... Я случайно видѣла васъ вчера съ Анной Ивановной... Не будемте говорить объ этомъ...

У Свѣтлицына потемнѣло въ глазахъ, и, чувствуя, что онъ весь холодѣетъ, и полъ колеблется у него подъ ногами, онъ схватился за спинку стула. „Боже, какой ужасъ!“ подумалъ онъ, видя передъ собой, какъ во снѣ, блѣдную, болѣзненную улыбку Кати... Онъ сдѣлалъ движеніе, хотѣлъ что-то сказать, но Катя съ испугомъ замахала руками.

— Молчите, не говорите... Не нужно, не нужно ничего... Это все кончено... Поѣзжайте къ генералу...

— Выслушайте меня...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Не сейчасъ!.. Ради Бога! — закричала она, и чувствовалось, что еще минута, и съ нею начнется припадокъ.—Ради Бога, поѣзжайте сейчасъ... поѣзжайте... уходите!..

Свѣтлицынъ, будучи не въ силахъ сразу уйти, посмотрѣлъ въ окно, за которымъ взъерошенные кусты черемухи бились, какъ въ лихорадкѣ, постоялъ съ минуту въ нерѣшительности и, наконецъ, вышелъ. На дворѣ крутилась пыль, забирая съ собой солому и пухъ, гдѣ-то истерически кричали куры, скрипѣлъ колодезный журавль, шумѣли деревья въ саду... Свѣтлицынъ посмотрѣлъ передъ собой разсѣянными глазами и вдругъ рѣшительно зашагалъ подъ навѣсъ, гдѣ стояла его лошадь. Вскочивъ въ сѣдло и не простившись съ Павломъ Петровичемъ, который говорилъ ему что-то, онъ бѣшено погналъ по дорогѣ въ гору.

Прискакавъ въ заводъ и бросивъ лошадь, онъ побѣжалъ въ господскій домъ на половину генерала.

— Дома?—спросилъ онъ у сидѣвшаго въ передней лакея.

— Дома-съ. Изъ музея сейчасъ вернулись, завтракать собираются.

Свѣтлицынъ взбѣжалъ на лѣстницу и безъ доклада вошелъ въ кабинетъ.

— Извините, — обратился онъ къ изумленному его внезапнымъ появленіемъ генералу: — мнѣ нужно по очень важному дѣлу...

— Чѣмъ могу служить? Присядьте,—отвѣчалъ Полянскій съ холодной учтивостью.

Свѣтлицынъ сѣлъ и тотчасъ же возбужденно и торопливо заговорилъ. Генералъ съ тѣмъ же холоднымъ изумленіемъ на лицѣ усѣлся противъ него и сталъ слушать. Однако, послѣ первыхъ же фразъ, онъ обнаружилъ явные признаки испуга и тревоги: онъ густо, пятнами покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ и, судорожно передернувъ плечомъ, дрожащей рукой потянулся за папиросой. Только подъ конецъ, очевидно придя къ какому-то рѣшенію, онъ овладѣлъ собой; глаза его прояснились, на лицѣ заиграла снисходительная улыбка.

— Да, да, — сказалъ онъ, когда Свѣтлицынъ умолкъ: — Все это очень странно... и очень характерно... Но зачѣмъ вы это мнѣ разсказали?

— Чтобъ вы прекратили это беззаконіе...

— Прекрасно... но какимъ образомъ?.. Къ несчастію, я не имѣю ни малѣйшаго права... Я совершенно безсиленъ... Да и такъ ли оно, какъ вы разсказываете? Т. е. я хочу сказать, можемъ ли мы положительно утверждать это? Дыма безъ огня не бываетъ, стало быть, что-нибудь было еще... А этого вполнѣ достаточно... безусловно-съ...

— Вамъ стоило бы сказать только слово... хоть тому же Конюхову...

— Гмъ!.. но при чемъ тутъ Конюховъ? То есть, опять таки съ формальной стороны... И по какому поводу я могъ бы заговорить съ нимъ объ этомъ?.. Согласитесь, что это было бы и неловко, и неудобно...

— Да вы попробуйте только, намекните, этого достаточно...

— Допустимъ... Но вѣдь если Конюховъ не совсѣмъ младенецъ, онъ постарается отстранить всякое участіе свое въ этой исторіи... Да и вообще, этотъ анекдотъ настолько щекотливъ и касается такихъ струнъ, что не лучше ли оставить его въ покоѣ?.. При томъ же вѣдь и не потерпятъ нашего вмѣшательства... Я же, повѣрьте мнѣ, здѣсь только частный человѣкъ—не болѣе, и никакой власти не имѣю... Извините, я тороплюсь, — прибавилъ генералъ, поднимаясь съ мѣста.

Свѣтлицынъ всталъ.

— Простите за безпокойство, — сказалъ онъ, — но я считалъ нужнымъ поставить васъ въ извѣстность... Я сказалъ, а остальное уже дѣло вашей совѣсти...

Генералъ слегка поблѣднѣлъ, однако любезно проводилъ посѣтителя до дверей.

Возвращаясь отъ генерала, Свѣтлицынъ неожиданно столк-

нулся съ студентомъ Кленовскимъ, который шелъ по улицѣ, веселый и оживленный.

— Ты?.. Какимъ образомъ?—удивился Свѣтлицынъ.

— Какъ видишь! Свободенъ, какъ вѣтеръ... Ерунда... Я и тогда говорилъ, что ерунда... Одна ночь въ клоповникѣ—это не важность!.. Прелюбопытная, однако, исторія въ общемъ.

— А тѣ? Остальные?..

— Остальные пока еще не того... Но, разумѣется, скоро и они тоже... вообще чепуха!.. Въ сущности, преглупѣйшая вещь... Отецъ съ перепугу чуть съ ума не сошелъ... и, вообще, кажется, натворилъ ерунды... А, знаешь, жалобу-то вѣдь отобрали... ха, ха!.. Комики! будто нельзя написать другую!.. Съ отцомъ у меня что-то неладно... ужъ больно присмирѣлъ... велитъ мнѣ ѣхать къ теткѣ въ Саратовъ, но, пока каша не расхлебается, не поѣду...

Свѣтлицыну показалось, что Кленовской, какъ будто, смущенъ чѣмъ-то и чрезмѣрной развязностью старается скрыть свое смущеніе.

— Ты куда же теперь?—спросилъ онъ.

— Къ Оборинымъ: они, говорятъ, совсѣмъ пріуныли... Успокоить насчетъ этой чепухи... Потомъ къ Хомяковымъ... Да и мужиковъ надо ободрить: носы повѣсили... Вообще, чортъ знаетъ!..

Проходя мимо фабричнаго двора, Свѣтлицынъ услышалъ оттуда необычайный говоръ множества голосовъ. Онъ остановился и увидѣлъ передъ главнымъ корпусомъ толпу человѣкъ до пятисотъ. Толпа была безъ шапокъ, но волновалась и шумѣла. У растворенныхъ настежь воротъ стояла пролетка управляющаго. Кто-то въ сюртукѣ, безъ шляпы, стремительно выскочивъ изъ воротъ и промелькнувъ передъ самымъ носомъ Свѣтлицына, скрылся на противоположной сторонѣ улицы въ дверяхъ управленія.

Свѣтлицынъ хотѣлъ войти, но его сердито остановилъ совершенно неизвѣстный ему старикъ съ револьверомъ на шнуркѣ и въ военныхъ сапогахъ со шпорами. Сторожъ нагло, безъ малѣйшей почтительности, съ угрожающимъ видомъ наступалъ на него, преграждая дорогу.

— Куда лѣзешь!—закричалъ онъ грубо.

— Что такое?.. Пусти!

— Не приказано пущать!

— Ты ослѣпъ, любезный! Я заводскій служащій и могу входить на фабрику, когда мнѣ угодно.

— Говорятъ тебѣ, не приказано!.. Чего разговариваешь!..

Свѣтлицынъ двинулся, чтобы пройти, но сторожъ съ свирѣпой рѣшительностью схватился за револьверъ.

— Ты съ ума сошелъ... подлецъ!—закричалъ Свѣтлицынъ

и, оттолкнувъ его, вошелъ въ ворота. Раздался выстрѣлъ. Сторожъ выстрѣлилъ въ упоръ, но промахнулся: пуля шлепнулась въ каменную стѣну.

Свѣтлицынъ вдругъ пришелъ въ страшную ярость и бросился на сторожа. Въ одинъ мигъ онъ подмялъ его подъ себя и сталъ наносить ему удары. Сторожъ пыхтѣлъ и вращалъ налившимися кровью глазами, стараясь сбросить съ себя Свѣтлицына, но тотъ со всего размаха ударилъ его по головѣ, отнялъ револьверъ и, ругаясь, поднялся на ноги.

Вдругъ толпа во дворѣ заревѣла, зашевелилась, раздались свистки, и Конюховъ, безъ фуражки, съ распластаннымъ воротомъ, вышвырнутый изъ толпы, блѣдный, какъ смерть, спотыкаясь и нелѣпо перебирая сгибавшимися въ колѣняхъ ногами, побѣжалъ къ воротамъ. За нимъ, преслѣдуемые свистками и хохотомъ, бѣжали управитель и два молодыхъ инженера. Конюховъ бросился къ экипажу, но споткнулся и упалъ, растянувшись поперекъ тротуара. Волосы его были растрепаны, на щекѣ виднѣлась кровавая полоса.

— Изъ брандспойта ихъ!—завопилъ онъ срывающимся голосомъ, очутившись въ пролеткѣ: — Изъ пожарной кишки жары!.. Пшелъ!..

На него навалились управитель и инженеры. Пролетка рванулась и понеслась. Управитель, не успѣвшій сѣсть, упалъ и, не подбирая фуражки, слетѣвшей съ головы, побѣжалъ за пролеткой, мчавшейся уже далеко впереди.

Толпа затихла и стала расходиться. Вдругъ ударили въ нее водой въ три струи изъ большой пожарной помпы... Нѣсколько человѣкъ попадало на землю... Толпа снова заревѣла, раздались крики, потомъ хохотъ, и рабочіе, нажимая другъ на друга, со смѣхомъ устремились къ воротамъ.

Свѣтлицынъ пытался разспросить проходившихъ мимо рабочихъ, но они взволнованно отвѣчали короткими, отрывистыми фразами, изъ которыхъ ничего нельзя было понять, и спѣшили дальше. Наконецъ, ему удалось остановить знакомаго мастера и заговорить съ нимъ.

— Разбойничаютъ, чего больше!.. — кричалъ мастеръ, и его красное, какъ кирпичъ, обожженное огнемъ лицо все прыгало и дергалось отъ нервнаго возбужденія, а руки нелѣпо жестикулировали.—„Въ гробъ вколочу!..“ эка!.. И безъ того въ гробу живемъ... давно всѣ померли... „Въ тюрьмѣ сгною!.. въ каторгѣ не бывали!..“ нѣтъ, бывали!.. И въ тюрьмѣ сиживали!.. Будетъ!.. достаточно!.. довольно надъ нашимъ братомъ издѣваться!.. Заперли робятъ въ каменны палаты... за что?.. Ну-ка, а?.. Ироды!.. Христопродавцы!..

— Что вамъ говорилъ управляющій? Изъ-за чего шумъ вышелъ?

— Изъ-за чего?.. Просто сказать, изъ-за бабъ... Прибѣжали бабы, зачали ревѣть, причитать, голосомъ выть... Ну, извѣстно, бабы!.. Зачали, подлыя, собачиться: изъ-за васъ, говорятъ, изъ-за каторжныхъ страждемъ... Какъ такъ? Что такое?.. Стали мы разспрашивать... А оказывается, вотъ что!.. Второй день, говорятъ, мужья дома не бывали, а слухъ идетъ нехорошій. Побросали мы работу, давай слѣдство производить: какъ? что? почему? въ какой силѣ?.. Инженеришки забѣгали, туда-сюда, зачали материться, на работу гнать... Мы говоримъ: своихъ у насъ недостача, гдѣ такіе-то?.. У-у! свѣты мои, что началось!.. Бунтъ! говорятъ... Прилетѣлъ управитель... опосля того самъ управляющій... „Какъ вы смѣете касаться!..“ началъ насъ съ большой матери... думалъ—испужаемся... А мы оборотъ сдѣлали: гдѣ, молъ, такіе-то? Въ какой силѣ закона? Покажи горный уставъ!.. Ну, ужъ тутъ онъ... охъ, братецъ ты мой!.. ужъ тутъ онъ весь позеленѣлъ! Оралъ-оралъ, матерился-матерился, ногами топалъ!.. Посля того давай насъ каторгой пугать... А мы все свое: подавай намъ такихъ-то!.. Высыпали на дворъ изо всѣхъ корпусовъ... Бунтъ, распублику сдѣлали... Ванька Патринъ, злющій парень, съ управляющимъ зубъ за зубъ... Тотъ его въ рыло, а онъ его: не трожь!.. Ну, зачали и мы наступать... Онъ туда-сюда... „Въ острогѣ сгною!!.“ „Гнои! и безъ того гноишь!..“ Ну, тутъ которые, дѣйствительно, дали ему раза два... Завизжалъ поросенкомъ... Въ волость теперь идемъ... Пусть начальство разсудитъ... Приговоръ даемъ—выпустить... Выручать надо, потому изъ-за насъ страждутъ... Господи Боже мой!.. Жизнь анафемская!.. Бѣжать надо... некогда растобарывать-то...

Разставшись съ мастеромъ, Свѣтлицынъ зашелъ въ управленіе. Тамъ была всеобщая суматоха. Въ передней сидѣли стражники и курили махорку. Въ канцеляріи, отпыхиваясь, слонялся изъ угла въ уголъ толстый, съ опухшимъ отъ пьянства лицомъ, становой приставъ.

— Ивану Петровичу многая лѣта!—пробасилъ онъ, здороваясь.—Слышали? А?.. Чортъ возьми! ну-ка, чѣмъ это пахнетъ!.. Ужъ я ли ихъ, подлецовъ, не жучилъ!.. А?.. Вотъ подите! не понимаютъ!..

Управляющій вмѣстѣ съ другими заводскими заправилами, запершись въ кабинетѣ, держали военный совѣтъ. Оттуда то и дѣло выбѣгалъ потерявшій голову дѣлопроизводитель, торопливо рылся въ законахъ и снова исчезалъ, нагруженный книгами. Трещали звонки телефоновъ, спѣшно вызывались изъ сосѣднихъ заводовъ наличныя силы лѣсной стражи, летѣли телеграммы въ губернію... Конторскіе писцы и другая мелкая сошка безъ пути толклись въ коридорахъ, испуганные и вмѣстѣ съ тѣмъ злорадствующіе. Низменный,

животный страхъ объединялъ всѣ сердца. Самые добродушные, кроткіе люди высказывались за безпримѣрную жестокость расправы. Не было такой кары, которая могла бы ихъ удовлетворить вполнѣ.

— Распустили вожжи... волю дали... испотачили... мало имъ шкуръ-то спустили—еще захотѣлось... окаяннымъ... къ разстрѣлу бы ихъ подлецовъ!..— то и дѣло слышалось въ разговорахъ.

— А что, собственно, случилось? — спрашивали вновь прибывшіе.

Но никто рѣшительно ничего не зналъ. Слово „бунтъ", однако, было у всѣхъ на устахъ.

— Что?.. Бунтъ — больше ничего... Управляющій вашъ безъ фуражки прискакалъ—чего еще!.. Въ эдакомъ видѣ!.. Оплеуху, говорятъ, ему, подлые, закатили... до чего осмѣлились!.. Да имъ что!.. Извѣстно, каторжники, отпѣтые! Имъ что тюрьма, что Сибирь—все едино! Они рады тюрьмѣ то: на казенномъ хлѣбѣ... Что тюрьма! въ землю бы закопать подлецовъ!.. Нѣтъ, вонъ прежде, какъ живьемъ въ доменныя печи бросали, тогда не бунтовали небось!.. Тогда шелковые были... Картечью! Вотъ весь съ ними разговоръ... Да, когда не понимаютъ!..

Черезъ контору, озабоченный и блѣдный, важно прошелъ старикъ Кленовской, за которомъ только что посылали. Передъ нимъ почтительно разступились и смотрѣли на него съ надеждой: „этотъ придумаетъ"...

На каланчѣ ударили въ колоколъ, которымъ, по старинному заводскому обычаю, собирали людей на сходки. Этотъ звонъ, столь привычный и обыкновенный въ обыденное время, теперь звучалъ тревожно, какъ набатъ, и наводилъ ужасъ. „Начинается!" думалъ каждый, прислушиваясь къ тонкому звуку мѣднаго пятипудоваго колокола.

Генералъ Полянскій, о которомъ всѣ позабыли, на своей половинѣ поспѣшно укладывалъ чемоданы...

Къ вечеру передъ волостью собралась тысячная толпа соединеннаго схода, подъ предсѣдательствомъ волостного старшины. Вмѣсто сбѣжавшаго писаря на возвышеніи передъ крыльцомъ сидѣлъ у стола грамотей изъ рабочихъ. Сходъ безъ преній постановилъ ходатайствовать объ освобожденіи заключенныхъ и теперь же послать депутацію къ генералу. Объ этомъ составленъ былъ краткій приговоръ, прочитанный во всеуслышаніе волостнымъ старшиной, послѣ чего началась длинная процедура рукоприкладства. Избранные въ депутацію, два старика изъ мелкихъ торговцевъ и рабочій изъ Верхняго завода, Иванъ Костаревъ, уже собирались было двинуться въ путь подъ прикрытіемъ трехъ сельскихъ старостъ

и нѣсколькихъ десятскихъ, какъ вдругъ въ дальнемъ концѣ толпы что-то тревожно закричали. Оглянувшись, депутація увидѣла мчавшагося черезъ плотину генерала, за которымъ верхами скакали становой и нѣсколько стражниковъ. Сотни голосовъ отчаянно возопили: „стой!.. стой!..“ Генералъ испугался, и видно было, какъ онъ безпокойно заметался въ экипажѣ; ямщикъ ударилъ по всѣмъ по тремъ, и тройка, вскачь поднявшись въ гору, скрылась изъ вида. Толпа ахнула отъ разочарованія, которое черезъ минуту разрѣшилось громкимъ хохотомъ. Послышались шуточки, ругательства, насмѣшливыя замѣчанія, и рукоприкладство спокойно продолжалось до поздней ночи.

Подписавъ приговоръ, сходъ разошелся по домамъ. На другой день мастеровые въ обычное время вышли на работу.

Однако, исторія этимъ не кончилась. Вскорѣ началось такъ называемое „усмиреніе“. Черезъ два дня съ музыкой и пѣснями вступило въ заводъ побѣдоносное русское воинство, а еще черезъ день прибылъ губернаторъ съ многочисленной свитой. Передъ крыльцомъ управленія собрали народъ. Губернаторъ, въ блестящемъ мундирѣ, увѣшанный орденами, въ сопровожденіи чиновниковъ и заводской челяди, торжественно вышелъ на крыльцо. Безмолвная, нѣмая толпа поспѣшно обнажила головы. Только десятка два молодыхъ парней имѣли мужество остаться въ картузахъ, — ихъ тотчасъ отмѣтила полиція.

— На колѣни!—скомандовалъ губернаторъ.

Но вся толпа, угрюмо понуривъ головы, осталась на ногахъ.

Настроеніе толпы, очевидно, было „мятежное“, и черезъ полчаса на площади свистѣли розги: передъ развернутымъ фронтомъ наказывали „зачинщиковъ“...

А черезъ полгода былъ судъ...

XII.

Десять лѣтъ спустя Аликаевъ камень, весь желто-розовый въ лучахъ заходившаго солнца, такъ же гордо возвышался надъ долиной. За то кругомъ все измѣнилось. Вмѣсто вѣкового лѣса, торчали черные пни; между ними, какъ щетина, пробивалась молодая поросль густого осинника. По всей долинѣ виднѣлись обнаженныя глинистыя пространства, и тянулась песчаная насыпь вновь строющейся желѣзной дороги.

Была ранняя весна. Листва только что распускалась, ярко-

зеленая трава покрывала луга. Но на камнѣ все еще было мертво; сухой прошлогоднiй бурьянъ скупо торчалъ изъ разсѣлинъ. На камнѣ сидѣли двое: Петя, теперь уже Петръ Алексѣевичъ, молодой инженеръ, и Иванъ Петровичъ Свѣтлицинъ. Оба молча смотрѣли, какъ багровое солнце садилось за далекiя горы.

Петя, съ усами и бородой, въ очкахъ, имѣлъ видъ солиднаго, знающаго себѣ цѣну человѣка. Онъ курилъ и довольно равнодушно смотрѣлъ на заходившее солнце.

Свѣтлицынъ сильно поизносился и постарѣлъ. На вискахъ уже пробивалась сѣдина, около глазъ пестрѣли морщинки, онъ сгорбился, раздался въ ширь, утративъ былую стройность; движенiя отяжелѣли; на шеѣ видны были некрасивыя жирныя складки, на лицѣ читалось утомленiе. Подперевъ рукой подбородокъ и тоскливо прищурившись, онъ смотрѣлъ внизъ. Смутныя воспоминанiя шевелились въ немъ.

— Прежде отсюда славный былъ видъ,—промолвилъ онъ:— помните? А нынче все стало мелко, буднично, обыкновенно...

— Да, да,—разсѣянно отвѣчалъ Петя. — Впрочемъ, и теперь ничего. Только лѣсъ вырубили, а остальное все то же. Помните, какъ мы здѣсь веселились?

— Да, но кончился пиръ нашъ бѣдою.

— Разгромъ былъ основательный, что говорить!.. И послѣ того сколько было недоразумѣнiй, а дѣло и теперь все въ томъ же положенiи.

— И сколько народу погибло!,. Гдѣ-то теперь они?..

— По разнымъ концамъ вселенной... Многiе умерли... Я помню, вы пѣли тогда. Неужели у васъ совсѣмъ пропалъ голосъ?

— Да, ничего не осталось.

— Жаль: хорошiй былъ голосъ!

— Мало ли чего не было! Было да прошло!

Свѣтлицынъ засмѣялся. И смѣхъ у него былъ тоже не прежнiй: неискреннiй, привычный и невеселый.

Они помолчали.

— А что Катя... Екатерина Павловна?—спросилъ Свѣтлицынъ.

— Померла... Развѣ вы не слыхали?.. Въ ссылкѣ... Два года тому назадъ... Я думалъ, вы знаете.

Свѣтлицынъ ничего не отвѣтилъ, только потупился.

— А помните Кленовского?.. Онъ товарищемъ прокурора въ Казани... спецiализировался по политическимъ дѣламъ... Скоро, говорятъ, прокуроромъ будетъ...

— Да, люди мѣняются,—глухо промолвилъ Свѣтлицынъ.

Петя зѣвнулъ и посмотрѣлъ на часы.

— Ну, мнѣ пора,—сказалъ онъ, вставая.

— Идите... Я еще останусь... давно не бывалъ здѣсь...

Когда Петя ушелъ, Свѣтлицынъ долго сидѣлъ въ угрюмой задумчивости, потомъ всталъ и пошелъ искать то мѣсто, гдѣ они когда-то сидѣли и говорили съ Катей въ голубую лунную ночь. Найдя его, онъ упалъ на землю и приникъ головой къ холоднымъ камнямъ. Ликующая, лучезарная молодость, со всѣмъ ароматомъ свѣжихъ силъ, съ живымъ откликомъ на все живое, съ живой вѣрой въ прекрасное будущее, вдругъ встала передъ нимъ съ такой яркостью, съ такой поэзіей прошлаго, что грудь его, казалось, разорвется отъ рыданій. Она была опять тутъ, съ нимъ, и молодыя иллюзіи снова жили, снова были такъ властны, что онъ не вѣрилъ промелькнувшимъ годамъ, и они казались ему тяжелымъ кошмарнымъ сномъ.

Онъ плакалъ долго и горько, вспоминая о томъ времени, когда сердце его, не скованное старческимъ равнодушіемъ, трепетало радостью, гнѣвомъ и любовью и порывалось впередъ, и о своей безплодно заглохшей жалости къ людямъ, и объ исчезнувшей юности, и о Катѣ, и о своей мимолетной любви къ ней, и о напрасно растраченныхъ силахъ, и о своей увядающей жизни...

Солнце закатилось, запылала багровая заря. Въ долинѣ потемнѣло, какъ на днѣ глубокаго колодца; оттуда потянуло сыростью и туманомъ. Утомленный, Свѣтлицынъ сѣлъ на камень и сталъ утирать платкомъ мокрое отъ слезъ лицо.

„Катя, Катя!..“ твердилъ онъ, и это имя будило въ немъ все, что было лучшаго въ его жизни, и сама Катя, отошедшая въ вѣчность, представлялась ему мечтой, видѣніемъ, вся юная, какъ сама юность, полная сверкающей жизни и поэзіи...

Наступила ночь; сѣрый мракъ окуталъ горы, на западѣ чуть брезжилась узкая полоса умиравшей зари, а Свѣтлицынъ все не могъ оторваться отъ мѣста, исполненнаго для него столь горестныхъ и вмѣстѣ сладкихъ воспоминаній. Его пугала пустота, которая наступитъ для него, когда онъ покинетъ это мѣсто, и то равнодушіе, которое снова охватитъ его мертвымъ кольцомъ.

Наконецъ, потухъ и послѣдній отблескъ зари; долина вся скрылась въ сѣрой мглѣ, только ближайшіе камни зловѣще бѣлѣлись во мракѣ. Спотыкаясь среди темноты, Свѣтлицынъ ощупью сталъ спускаться внизъ по крутой каменистой тропинкѣ.

А. Погорѣловъ.

Соціологическіе очерки.

I.

Когда говоришь о ядрѣ марксовскаго ученія, то приходится снова и снова возвращаться къ очень извѣстному мѣсту изъ предисловія къ „Критикѣ политической экономіи“, — мѣсту, послужившему отправной точкой для всевозможныхъ комментаріевъ, зачастую расходящихся отсюда, особенно въ послѣднее время, въ разные концы горизонта. Я цитирую наиболѣе яркія мѣста этого предисловія:

Въ общественномъ производствѣ своей жизни люди вступаютъ въ опредѣленныя, необходимыя, независящія отъ ихъ воли отношенія, отношенія производства, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ отношеній производства образуетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя общественныя формы сознанія. Способъ производства матеріальной жизни обусловливаетъ соціальный, политическій и духовный процессъ жизни вообще. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, но, наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе. На извѣстной ступени развитія матеріальныя производительныя силы обществъ попадаютъ въ противорѣчіе съ существующими отношеніями производства или, — что есть лишь юридическое выраженіе этого,—съ отношеніями собственности, внутри которыхъ онѣ доселѣ двигались. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія превращаются въ ихъ оковы. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономическаго основанія рушится болѣе или менѣе медленно или скоро и вся громадная надстройка. При разсмотрѣніи такихъ переворотовъ должно постоянно различать между матеріальнымъ, подлежащимъ точному естественно-научному (naturwissenschaftlich) констатированію переворотомъ въ экономическихъ условіяхъ производства и юридическими, политическими, религіозными, художественными, или философскими, — короче сказать, идеологическими формами, въ которыхъ люди начинаютъ сознавать этотъ конфликтъ и ведутъ борьбу. Какъ объ индивидуумѣ нельзя судить по тому, что онъ воображаетъ о себѣ, такъ нельзя и о такихъ эпохахъ переворота судить на основаніи ихъ сознанія, но должно, наоборотъ, само это сознаніе объяснять изъ противорѣчій матеріальной жизни, изъ существующаго конфликта между общественными производительными силами и отношеніями производства *).

*) Karl Marx, *Zur Kritik der politischen Oeconomie*; Берлинъ, 1859, стр. IV и слѣд.

Это мѣсто, какъ извѣстно, вызвало наибольшее число толкованій и наичаще вдохновляло учениковъ Маркса, создавъ цѣлую литературу предмета, такъ что невольно вспоминается эпиграмма Шиллера насчетъ „Канта и его излагателей“:

> Wie doch ein einziger Reicher so viele Bettler in Nahrung
> Setzt! wenn die Könige baun, haben die Kärrnèr zu thun..

Да, и въ данномъ случаѣ „какое, однако, множество нищихъ пропитываетъ одинъ богачъ. Когда строятся короли, возчикамъ не мало таки ратоты“. Примѣшаемся и мы къ этой толпѣ комментаторовъ съ цѣлью оттѣнить главнѣйшій пунктъ міросозерцанія Маркса, а именно элементъ технологіи, пытаясь вмѣстѣ съ тѣмъ устранить нѣкоторыя обычныя недоразумѣнія, связанныя съ объясненіями цитированнаго нами мѣста со стороны приверженцевъ доктрины. Извѣстно, дѣйствительно, что именно это мѣсто подало поводъ къ заимствованной изъ архитектуры метафорѣ, изображающей общественный строй въ видѣ зданія съ нѣсколькими этажами, при чемъ фундаментомъ является „экономическая структура общества“, какъ тотъ „реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка“. Между тѣмъ въ предисловіи Маркса можно найти очень яркое указаніе, что самъ этотъ „реальный базисъ“ общества покоится на еще болѣе основномъ, если можно такъ выразиться, подземномъ фундаментѣ, контурамъ котораго должна слѣдовать и собственно такъ называемая „экономическая структура“ подъ опасеніемъ оказаться выстроенной въ свою очередь на пескѣ, подобно другимъ абстракціямъ идеологической мысли.

Въ самомъ дѣлѣ, Марксъ указываетъ на „необходимыя отношенія производства“, въ которыя люди вступаютъ въ „общественномъ производствѣ своей жизни“. Но въ чемъ ихъ необходимость? Въ томъ, что „они соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ“. Здѣсь, значитъ, въ этихъ матеріальныхъ элементахъ производства и заключается наиболѣе глубоко лежащій и наиболѣе „реальный базисъ“ всего общественнаго строя. И эту мысль Марксъ ясно, хотя и кратко, выражаетъ, не только говоря о статической сторонѣ общественнаго строя, т. е. о его характерѣ въ каждый данный моментъ, но и указывая на динамическій общественный процессъ, т. е. опредѣляя тѣ пружины, которыя движутъ развитіемъ общества и которыя опредѣляютъ тѣ перевороты, что названы Марксомъ „соціальной революціей“. Въ самомъ дѣлѣ, согласно ему, движущія силы общественнаго измѣненія состоятъ въ „противорѣчіи“, въ которое „попадаютъ съ существующими отношеніями производства матеріальныя производительныя силы общества“.

Такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ какой послѣдовательности по степени своей важности распола-

гаются одинъ за другимъ, возвышаются одинъ на другомъ различные этажи нашей надстройки *), мы должны прежде всего уяснить себѣ значеніе „матеріальныхъ производительныхъ силъ общества“ въ процессѣ его эволюціи. Несомнѣнно, что всякое общежитіе нуждается для своего существованія въ „общественномъ производствѣ своей жизни“: это первое и необходимое условіе возможности всякаго дальнѣйшаго соціальнаго процесса. Удовлетвореніе различныхъ жизненныхъ потребностей есть суть того великаго обмѣна матеріи между человѣкомъ и внѣшнимъ міромъ, внѣ котораго немыслима жизнь человѣка, начиная съ его перваго крика при появленіи на свѣтъ и кончая его послѣднимъ предсмертнымъ вздохомъ.

Говоря такъ, мы даже не предрѣшаемъ вопроса о сравнительной настоятельности различныхъ человѣческихъ потребностей, какъ это черезчуръ часто дѣлалъ и продолжаетъ дѣлать вульгарный марксизмъ, приписывая всегда исключительное значеніе матеріальнымъ потребностямъ и, прежде всего, „вопросу желудка“. Конечно, если мы возьмемъ органическій міръ на его низшей ступени, то вся дѣятельность простѣйшихъ существъ сводится къ процессамъ питанія и процессамъ размноженія. Да и эти послѣдніе процессы могутъ, по мнѣнію многихъ очень выдающихся біологовъ, въ родѣ Жэддса, Томпсона, Клевенжера, Геккеля, разсматриваться какъ результатъ видоизмѣненія первыхъ процессовъ, какъ частный случай питанія, при сильномъ перевѣсѣ органическаго плюса надъ минусомъ **). Но какъ только появляется въ извѣстномъ фазисѣ органической жизни нервная система, получающая особое развитіе у человѣка, такъ сейчасъ же начинаются тѣ, если можно такъ выразиться, психологическіе сюрпризы, которые поражаютъ насъ особенно въ сферѣ сравнительной іерархіи потребностей. Такъ, напр., мы съ удивленіемъ замѣчаемъ, что при извѣстныхъ условіяхъ потребность въ украшеніи ведетъ за собою потребность въ одеждѣ, а не наоборотъ; или что экстазы игры и коллективной пляски, или же религіозныя суевѣрія заставляютъ первобытныхъ людей временно отодвигать на задній планъ наиболѣе могучія побужденія голода.

У самого Маркса находятся слѣдующія короткія, но очень замѣчательныя строки, гдѣ черезчуръ одностороннее понятіе объ

*) Нѣкоторые изъ второстепенныхъ марксистовъ съ трудолюбіемъ, достойнымъ лучшей участи, стараются громоздить эти этажи въ строго опредѣленномъ порядкѣ, словно и въ самомъ дѣлѣ у нихъ имѣется точный планъ общественной структуры. Такъ, итальянскій соціологъ Астураро, авторъ „Историческаго матеріализма и общей соціологіи“, размѣщаетъ „надстройки“ въ слѣдующемъ порядкѣ: „экономія; семья и родство; право; война; политика; мораль; религія; искусство; наука (A. Asturaro, *Il materialismo storico e la Sociologia generale*; Генуя, 1904, стр. 27).

**) См. Ch. Féré, *L'Instinct sexuel. Evolution et dissolution*; Парижъ, 2-е изд., 1902, стр. 5.

экономическихъ потребностяхъ, какъ основныхъ потребностяхъ человѣка, опредѣляющихъ производство, замѣняется болѣе широкимъ понятіемъ о человѣческихъ потребностяхъ вообще, понятіемъ, не предрѣшающимъ сравнительной настоятельности собственно матеріальныхъ и идеальныхъ импульсовъ. А именно въ самомъ началѣ своего „Капитала", говоря о „богатствѣ" капиталистическихъ обществъ, состоящемъ изъ „товаровъ", Марксъ—такъ опредѣляетъ товаръ:

Товаръ есть прежде всего внѣшній предметъ, вещь, которая своими свойствами удовлетворяетъ человѣческимъ потребностямъ какого бы то ни было рода. Природа этихъ потребностей, напр., проистекаютъ ли онѣ изъ желудка или изъ воображенія, ничуть не измѣняетъ дѣла. *).

И Марксъ приводитъ по этому поводу въ примѣчаніи слѣдующее типичное мѣсто изъ Николая Барбона, англійскаго экономиста XVII-го вѣка.

Желаніе предполагаетъ потребность; оно есть аппетитъ ума (it is the appetite of the mind) и столь же естественно для него, какъ голодъ для тѣла... Громадное большинство вещей получаетъ свою цѣнность, благодаря тому, что удовлетворяетъ потребностямъ ума. **).

Такимъ образомъ, центръ тяжести міровоззрѣнія, развитаго въ цитированномъ нами предисловіи, лежитъ гораздо менѣе въ опредѣленіи, если можно такъ выразиться, удѣльнаго вѣса различныхъ потребностей, чѣмъ въ констатированіи всей важности того „общественнаго производства жизни", которое имѣетъ цѣлью удовлетвореніе всевозможныхъ человѣческихъ потребностей, независимо отъ того, въ какомъ порядкѣ ихъ можно размѣстить по степени ихъ настоятельности. Но что должно считать существеннымъ элементомъ упомянутаго „общественнаго производства"? Очевидно, опять таки „матеріальныя производительныя силы", при посредствѣ которыхъ происходитъ общественный процессъ обмѣна матеріи между природой и человѣкомъ, процессъ, именуемый „трудомъ" и предполагающій извѣстную сознательность своихъ операцій, равно какъ нуждающійся въ извѣстныхъ орудіяхъ. Недаромъ Марксъ съ похвалой цитируетъ опредѣленіе, данное Франклиномъ: „человѣкъ есть животное, приготовляющее орудія" (man is a tool making animal). Въ развитіи „матеріальныхъ производительныхъ силъ", т. е. въ человѣческой технологіи, и заключается, согласно духу теоріи марксизма, первѣйшая и основная причина эволюціи человѣческаго общества. Пусть читатель припомнитъ по этому поводу еще слѣдущее въ высокой степени любопытное замѣчаніе Маркса въ „Капиталѣ":

---

*) Karl Marx, *Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie*; т. I, изд. 3-е, Гамбургъ, 1883, стр. 1.

**) Ibid, прим. 2.

Дарвинъ возбудилъ интересъ къ исторіи естественной технологіи, т. е. образованію растительныхъ и животныхъ органовъ, какъ орудій производства для жизни растеній и животныхъ. Не заслуживаетъ ли одинаковаго вниманія исторія выработки производительныхъ органовъ общественнаго человѣка, матеріальнаго базиса всякой особой общественной организаціи? И не легче ли было бы написать таковую, ибо, какъ говоритъ Вико, человѣческая исторія тѣмъ и отличается отъ естественной исторіи, что одну мы сами сдѣлали, а другой не сдѣлали? Технологія раскрываетъ активное отношеніе человѣка къ природѣ, непосредственный процессъ производства его жизни, а тѣмъ самымъ его общественныхъ жизненныхъ отношеній и соотвѣтствующихъ имъ умственныхъ представленій *).

II.

Мы дали, какъ намъ кажется, читателю достаточное число цитатъ изъ Маркса, заключающихъ, по нашему мнѣнію, суть взглядовъ этого мыслителя на преобладающее значеніе технологіи для процесса развитія человѣческихъ обществъ. Отправляясь отъ этого центральнаго пункта марксизма, мы попробуемъ показать правдоподобность этой гипотезы на основаніи нѣкоторыхъ соображеній, подсказываемыхъ данными изъ антропологіи и этнографіи, т. е. изъ той области, на которую, какъ это ни странно, черезчуръ мало вниманія обращали ученики Маркса (за исключеніемъ развѣ покойнаго Зибера, Гроссэ, отчасти Лафарга). Ибо они предпочитали рѣшать вопросъ или общими апріорными соображеніями вплоть до признанія универсальнаго значенія за гегелевскимъ методомъ противорѣчій, или же разсмотрѣніемъ очень позднихъ и очень сложныхъ состояній обществъ, служащихъ предметомъ политическихъ, юридическихъ, экономическихъ наукъ.

Вопросъ объ эволюціи человѣчества ставится, дѣйствительно, такъ. Если вы не вѣрите въ существованіе какого-нибудь предвзятаго сознательнаго плана, обнаруживающагося въ развитіи обществъ, въ родѣ хотя бы той „вѣчной идеальной исторіи", которую, согласно Вико, продѣлываютъ всѣ націи, снова и снова возвращаясь, по волѣ божественнаго провидѣнія, къ уже пройденнымъ въ извѣстномъ порядкѣ цикламъ—corsi и ricorsi—развитія **),—если, говорю, вы не стоите на такой телеологической точкѣ зрѣнія, то ваша задача состоитъ въ томъ, чтобы указать на причины человѣческой эволюціи, заключающіяся въ самомъ общежитіи. Несомнѣнно, что всѣ человѣческія учрежденія, совокупность которыхъ образуетъ данный общественный строй, держатся на психологіи людей, составляющихъ общество. Обществен-

*) *Das Kapital*, т. I, прим. къ стр. 374—375.

**) См., напр., пятую книгу „Основаній новой науки" Вико, носящую типичное заглавіе „О повторномъ теченіи человѣческихъ дѣлъ" (Vico, *Principi di Scienza nuova*; Неаполь, 1811, т. III, стр. 127 и слѣд.).

ныя отношенія людей немыслимы внѣ этой психологіи. И я думаю, никто изъ разсудительныхъ марксистовъ, говоря, напр., объ отношеніяхъ производства, не думаетъ, что эти отношенія могутъ быть чѣмъ либо инымъ, кромѣ извѣстныхъ ассоціацій чувствованій, навыковъ и идей, происходящихъ въ душѣ людей, выступающихъ въ роли производителя и потребителя, хозяина и рабочаго, конкуррента или кооператора и т. п. Эволюціей людской психологіи надо объяснять и эволюцію человѣческаго общества.

Но почему измѣняется людская психологія? Потому что человѣкъ живетъ въ извѣстной обстановкѣ, какъ природной, такъ и общественной и, реагируя на нее, подвергается въ свою очередь ея воздѣйствію. Внѣ человѣка, съ одной стороны, и внѣшней среды въ широкомъ смыслѣ—съ другой, нѣтъ никакихъ другихъ элементовъ рѣшенія вопроса объ эволюціи психологіи; изъ этихъ двухъ членовъ уравненія вы не выйдете. Разумѣется, человѣкъ не сразу сталъ даже такимъ, какимъ мы можемъ его представить себѣ на самой низкой ступени развитія. Поэтому намъ еще придется отодвинуться назадъ и логически взять за отправную точку изслѣдованія нѣкоторыя основныя свойства органической матеріи, образующей человѣка, напр., животную клѣточку съ ея рефлексами и соединеніе такихъ клѣточекъ въ нѣчто цѣлое, благодаря выработкѣ нервныхъ центровъ. Такъ, мыслящій французскій соціологъ, Летурно, если и не отличающійся особою оригинальностью мысли, то умѣло группирующій факты съ точки зрѣнія трансформизма, очень удачно говоритъ въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ сочиненій по эволюціи человѣческихъ учрежденій:

„Нервная клѣточка, одаренная сознаніемъ, мозговая клѣточка есть записывающій аппаратъ par exellence. Ощущенія и впечатлѣнія, которыя она получаетъ, происходятъ не иначе, какъ оставляя за собой психическія струи, отпечатки, обладающіе способностью оживанія (empreintes reviviscentes), которые, при единственномъ условіи возобновленія достаточное число разъ,— число, измѣняющееся сообразно качествамъ нервныхъ центровъ,—въ концѣ концовъ порождаютъ самопроизвольные импульсы, наслѣдственныя тенденціи. Этотъ фактъ столь же вѣренъ для человѣка, какъ и для высшихъ животныхъ; но въ человѣческомъ мозгу нѣкоторыя изъ этихъ тенденцій возбуждаютъ, подъ вліяніемъ общественной жизни, спеціальные пріемы ощущенія, а, стало быть, и мысли. Таковъ очень простой raison d'étre того, что метафизики назвали и называютъ врожденными идеями *).

Авторъ касается здѣсь въ частности вопроса о врожденныхъ идеяхъ; но общій смыслъ его аргументаціи можетъ быть вполнѣ приложенъ къ человѣческой эволюціи въ цѣломъ, которая насъ теперь занимаетъ. Координація нервныхъ рефлексовъ и извѣстныхъ пріемовъ ощущенія и мышленія, — вотъ что лежитъ въ

*) См. Letourneau, *L'évolution juridique dans les diverses races humaines*. Парижъ, 1891, стр. 2.

основаніи общественнаго процесса жизни людей. А такъ какъ нервныя клѣточки реагируютъ на окружающую среду; такъ какъ формы чувствъ и мыслей нашихъ приспособляются къ внѣшнему міру, т. е. къ неорганической и органической матеріи вплоть до ея высшихъ формъ, каковы подобныя же намъ человѣческія существа,—то мы должны хорошенько присмотрѣться къ внѣшнему міру и отличить въ немъ различныя составныя части, различно же вліяющія на насъ. Анализируя окружающую обстановку, мы можемъ сейчасъ же разбить ее путемъ отвлеченія на два отдѣла: сравнительно очень медленно измѣняющуюся космическую и вообще физическую среду и обладающую способностью гораздо болѣе быстраго измѣненія искусственную среду, подъ которой, собственно, приходится разумѣть какъ созидаемую человѣкомъ технику, такъ и само человѣческое общество, т. е. совокупность отношеній между людьми, опирающихся на чувствованія и мысли тѣхъ живыхъ личностей, изъ которыхъ слагается общежитіе. Но эта совокупность чувствованій и мыслей должна быть въ свою очередь сведена въ процессѣ своего происхожденія на начальное взаимодѣйствіе между первобытнымъ приматомъ, обладающимъ самой зачаточной психологіей, и между окружавшей его средой. Такимъ образомъ, намъ приходится въ концѣ концовъ противоставлять человѣку, съ одной стороны, природную среду, съ другой—лишь ту часть искусственной среды, которая охватываетъ міръ техническихъ приспособленій, являющійся по отношенію къ людямъ внѣшнимъ міромъ, но составляющій спеціальную область этого міра, вызванную къ жизни самимъ человѣкомъ.

Если теперь мы обратимъ вниманіе на особенности того и другого великаго отдѣла внѣшней среды, то разница въ ихъ вліяніи на человѣка сейчасъ же бросается въ глаза. Сравнительно неподвижная природная обстановка должна опредѣлять въ неизмѣримо большей степени статику, чѣмъ динамику общественнаго процесса. Гораздо болѣе быстро измѣняющаяся искусственная среда должна преимущественно обусловливать динамику. А мы какъ разъ и ищемъ этой динамики, ищемъ движущей пружины исторіи. Въ измѣненіи искусственной среды, обусловливающей измѣненія людской психологіи, и долженъ лежать наиболѣе удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ о причинахъ общественной эволюціи.

Остановимся нѣсколько на сравненіи вліянія двухъ видовъ среды. Бросьте самый бѣглый взглядъ на міръ тѣхъ растеній и животныхъ, которыя не попали подъ дѣйствіе человѣка и остаются подъ исключительнымъ вліяніемъ природной обстановки. Будемъ ли мы вмѣстѣ съ Дарвиномъ стоять на точкѣ зрѣнія постепеннаго измѣненія видовъ путемъ естественнаго подбора и наслѣдованія незначительныхъ отклоненій отдѣльными особями; возвратимся ли мы съ американцемъ Копомъ (Cope) скорѣе къ Ламарку съ его

гипотезой болѣе быстраго воздѣйствія среды на организмъ, измѣняющійся въ теченіе своей жизни подъ вліяніемъ измѣнившихся *потребностей*, въ свою очередь ведущихъ къ измѣненію *привычекъ*, которыя преобразуютъ затѣмъ и самые *органы*,—медленность біологической эволюціи по истинѣ должна поражать всякаго безпристрастнаго наблюдателя. Надо радикальное измѣненіе человѣкомъ природной обстановки, чтобы животный или растительный видъ испыталъ значительную пертурбацію. При томъ эта пертурбація касается сначала лишь нѣкоторыхъ привычекъ, не производя непосредственнаго измѣненія въ организмѣ. Такъ, новозеландскій насѣкомоядный попугай *кеа* превратился съ развитіемъ овцеводства въ настоящую хищную птицу, терзающую барановъ; но его могучій клювъ, очевидно, уже заранѣе годился для такой хирургической операціи, какъ разрываніе живого тѣла *).

Я, конечно, оставляю въ сторонѣ теорію современныхъ критиковъ Дарвина, въ родѣ де-Фриса, которая является попыткой вернуться отчасти къ прежней теоріи катастрофъ и быстрыхъ и чуть не безпричинныхъ біологическихъ превращеній. Мимоходомъ будь сказано, за нее ухватились люди, стоящіе за консервативное міровоззрѣніе вообще, думая этимъ отомстить заднимъ числомъ нанесшему такой ударъ библейскимъ традиціямъ Дарвину. Но это показываетъ только непониманіе этихъ защитниковъ архаическаго склада мысли. Имъ въ сущности было бы выгоднѣе стоять на точкѣ зрѣнія „природы, не дѣлающей скачковъ", что именно и лежитъ въ основаніи теоріи Дарвина, подчеркивающей медленность и постепенность измѣненій. Но если де-Фрисъ съ удовольствіемъ распространяется о чередованіи періодовъ неподвижности видовъ и такъ называемыхъ имъ „мутаціонныхъ періодовъ", когда виды обнаруживаютъ, наоборотъ, тенденцію къ ряду скачковъ и къ быстрому измѣненію, то подумайте, во что превращается новая теорія, приложенная къ соціологіи. Вѣдь она ведетъ прямо къ установленію „органическихъ" и „критическихъ" эпохъ въ исторіи, къ взгляду на необходимость чередованья мирныхъ культурныхъ періодовъ и бурныхъ революціонныхъ взрывовъ. Чего же еще требовать? Satis superque!—какъ говаривалъ Плиній...

Вернемся, однако, къ вліянію природной обстановки,—на этотъ разъ уже на людей. Мы знаемъ, первобытныя расы человѣка отличаются крайне медленнымъ темпомъ эволюціи, и именно потому, что находятся главнымъ образомъ подъ давленіемъ физической чрезвычайно медленно измѣняющейся среды, къ которой они приспособились и самая неподвижность которой отни-

---

*) См. интересныя подробности объ этой эволюціи въ нравахъ кеа: W. S. Green, *Eine Reise in die Neu-Seelandischen Alpen*; Petermann's Geogr. Mittheil (Гота), 1882, стр. 384.

маетъ у нихъ стимулы для дальнѣйшаго измѣненія. Объ этомъ намъ говорятъ палеонтологическія изслѣдованія, позволяющія отмѣчать удивительное сродство примитивныхъ орудій и примитивныхъ способовъ питанія (напр., цѣлыхъ горъ исчезнувшихъ раковинъ, нагроможденныхъ въ такъ называемыхъ kjoekkenmöddings) на протяженіи громадныхъ періодовъ времени. Объ этомъ говорятъ прямыя наблюденія путешественниковъ послѣднихъ столѣтій надъ дикими племенами, для которыхъ промежутокъ въ два—три вѣка не приноситъ никакихъ измѣненій въ техникѣ (напомню, напр., челноки обитателей Огненной земли, глиняную посуду у калифорнійскихъ сэрисовъ, о которыхъ см. ниже, и т. п.).

А вѣдь тутъ мы имѣемъ еще дѣло не съ совершенно первобытными племенами (такихъ, конечно, нынѣ и нѣтъ); и при томъ всѣ они въ настоящее время подвергаются воздѣйствію,—иногда слишкомъ быстрому или развращающему,—цивилизованныхъ народовъ. Какъ же медленъ долженъ былъ быть процессъ ихъ эволюціи, когда они были предоставлены самимъ себѣ и лишь постепенно выдѣлялись въ борьбѣ за существованіе изъ зоологическаго міра! Какой, поэтому, необозримый рядъ вѣковъ долженъ былъ протечь, пока нѣкоторыя племена переходили отъ охотничьяго (или рыболовнаго) быта къ пастушескому, или отъ этого къ земледѣльческому, и т. п. Вспомните Спенсера, говорящаго во введеніи къ эволюціи „промышленныхъ учрежденій“:

Промышленный прогрессъ обнаруживаетъ не только сложное ускореніе, вытекающее изъ увеличенія производительныхъ силъ (operative forces), но онъ обнаруживаетъ еще далѣе идущее ускореніе, вытекающее изъ уменьшенія препятствій. Въ то время, какъ сила прогрессивныхъ вліяній возрастаетъ въ удвоенной пропорціи, сила враждебныхъ вліяній падаетъ также въ удвоенной пропорціи; и отсюда тотъ фактъ, что въ началѣ требовалось цѣлое тысячелѣтіе, чтобы достигнуть той степени усовершенствованія, какая теперь достигается въ одинъ годъ *).

Въ послѣднее время, правда, дѣлались попытки приписать природной средѣ и нѣкоторымъ біологическимъ свойствамъ самого человѣка такую же способность вліять на соціальную динамику, какъ и болѣе измѣнчивому элементу технологіи. Говорятъ, напр., что свойство человѣка размножаться, пока не встрѣтится препятствіе въ средствахъ существованія, есть такой же факторъ эволюціи, какъ и орудія производства, при помощи которыхъ добываются эти средства; и что даже сама техника вырабатывается въ данномъ случаѣ, благодаря давленію потребностей со стороны умножившагося населенія. Но вопросъ не въ томъ, что побуждаетъ человѣка работать надъ техникой. Несомнѣнно, что, не будь у человѣка потребностей, онъ не искалъ бы средствъ къ

*) Herbert Spencer, *The principles of Sociology*; Лондонъ, 1896, т. III, стр. 321—322.

ихъ удовлетворенію. За то можно сказать одно: пока размноженіе остается только біологическимъ фактомъ, ростущая группа людей будетъ приспособляться къ окружающей обстановкѣ на манеръ растительныхъ или животныхъ видовъ, калѣчась, атрофируясь, эмигрируя или же, наоборотъ, оттѣсняя другіе виды, но во всякомъ случаѣ крайне медленно совершая свою психологическую эволюцію и крайне медленно измѣняя свои формы общежитія. Только когда размноженіе заставитъ упомянутую человѣческую группу обратиться впервые къ техническимъ пріемамъ или замѣнить старинныя орудія новыми, только тогда между человѣкомъ и природой станетъ или усилится тотъ посредствующій элементъ искусственной среды, который дастъ толчокъ болѣе быстрому духовному развитію людей и, стало быть, эволюціи общественныхъ формъ.

Говорятъ также, что и природная среда можетъ быть столь же динамическимъ, измѣняющимъ факторомъ, какъ и техника, ибо, напр., нѣкоторыя естественныя условія, — скажемъ обиліе рудъ въ данной странѣ,—могутъ практически оказать свое дѣйствіе лишь въ извѣстный моментъ, когда индустріальная эволюція позволитъ эксплуатацію этихъ богатствъ. Но неужели дѣлающіе такое возраженіе не видятъ, что они направляютъ оружіе своей критики противъ самихъ же себя, такъ какъ они констатируютъ, что при извѣстныхъ условіяхъ природная среда лишь тогда начинаетъ обнаруживать какое бы то ни было вліяніе на человѣка, когда прогрессъ техники далъ ему возможность пользоваться лежавшими до тѣхъ поръ подъ спудомъ даровыми силами природы?

Можетъ быть, лучше всего можно видѣть крайнюю медленность эволюціи человѣческихъ группъ, находящихся подъ преобладающимъ вліяніемъ природной среды, если мы возьмемъ какой-нибудь хорошо изученный конкретный примѣръ очень низко стоящаго въ культурномъ отношеніи племени и посмотримъ на наиболѣе яркія особенности его физическаго и духовнаго склада. Въ виду того, что современные этнологи все чаще и чаще жалуются на крайнюю рѣдкость такихъ сравнительно первобытныхъ племенъ, я считаю драгоцѣннымъ вкладомъ въ науку замѣчательно любопытную монографію, посвященную индійцамъ-сэрисамъ (Seri) этнографомъ Макъ-Джи и напечатанную въ одномъ изъ отчетовъ знаменитаго „бюро американской этнологіи" *). Читатель увидитъ, въ какой степени поучительно самое бѣглое знакомство съ этимъ племенемъ, выдающіяся черты котораго я отмѣчу здѣсь по возможности сжато на основаніи обстоятельной работы американскаго ученаго.

*) См. W. J. Mc. Gee, *The Seri indians*; въ „Seventeenth Annual Report of the Bureau of American Ethnology", Вашингтонъ, 1898, стр. 9—298.

III.

Племя сэрисовъ занимаетъ въ сѣверо-западной части Мексики, въ штатѣ Соноро, особую территорію, съ незапамятныхъ временъ извѣстную подъ названіемъ „страны Сэри“ и состоящую изъ большого острова Тибурона, который лежитъ въ Калифорнійскомъ заливѣ, равно какъ изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ островковъ и прилежащей части континента на восточномъ берегу упомянутаго залива. Центръ этой территоріи можетъ быть опредѣленъ пересѣченіемъ 29° сѣверной широты и 112° западной долготы по гринвичскому меридіану. Племя индійцевъ-сэрисовъ, съ которымъ европейцы впервые столкнулись болѣе трехъ съ половиною столѣтій, занимаетъ, какъ было уже упомянуто мимоходомъ выше, одну изъ самыхъ низкихъ ступеней на лѣстницѣ культурнаго развитія и въ этомъ отношеніи является, по мнѣнію американскихъ авторитетовъ, чуть ли не единственнымъ оставшимся теперь на почвѣ Новаго Свѣта почти первобытнымъ народомъ.

Крайняя примитивность техники, крайняя простота общественной организаціи придаютъ этому племени характеръ почти зоологическаго вида, который съ давнихъ поръ приспособился къ условіямъ природной обстановки. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, когда его могутъ наблюдать цивилизованные путешественники, въ этомъ любопытномъ народцѣ не замѣтно почти никакихъ измѣненій культурныхъ привычекъ. Онъ по прежнему отказывается отъ заимствованій въ сферѣ техники, если не считать начавшагося употребленія желѣза, находимаго въ обломкахъ потерпѣвшихъ крушеніе кораблей и утилизируемаго теперь для оконечниковъ стрѣлъ. Ихъ очень оригинальная, — тонкая и емкая,—посуда изъ глины обнаруживаетъ удивительное сходство техническихъ пріемовъ на разстояніи громадныхъ промежутковъ времени: черепки сосудовъ, которые приходится отнести по мѣсту ихъ нахожденія къ очень древнимъ образчикамъ гончарнаго искусства, совершенно тожественны съ употребляемой нынѣ посудой. Наконецъ, сэрисы принадлежатъ къ числу племенъ, чувствующихъ непреодолимое отвращеніе къ чужимъ, даже сосѣднимъ этническимъ группамъ и съ чисто зоологическою исключительностью не желаютъ примѣшивать постороннюю кровь къ своей „чистой“ крови. До сихъ поръ, повидимому, нѣтъ примѣровъ скрещиванія сэрисовъ съ другими народами: они признаютъ бракъ лишь внутри своего племени, хотя и между различными кланами. Этимъ объясняется, между прочимъ, ихъ вымираніе: число ихъ съ нѣсколькихъ тысячъ упало въ послѣднее время до 350 человѣкъ, въ особенности вслѣдствіе свирѣпыхъ войнъ съ чужеплеменниками; но они ни въ какомъ случаѣ не хотятъ пополнять этой

убыли ни смѣшанными браками, ни столь принятымъ среди дикихъ племенъ усыновленіемъ постороннихъ.

Сказаннаго достаточно, чтобы читатель видѣлъ, въ какой степени интересно изслѣдованіе этого единственнаго въ своемъ родѣ народа, являющагося прекраснымъ образчикомъ этнической группы, на которую вліяетъ преимущественно природная мало измѣняющаяся среда и которая обнаруживаетъ, по словамъ Макъ-Джи, „замѣчательное приспособленіе къ особенностямъ обстановки,—приспособленіе такого поразительно тонкаго характера (of such delicacy), что оно предполагаетъ взаимодѣйствіе въ теченіе многихъ и многихъ поколѣній“ *). Само собою понятно, что это чисто физическое приспособленіе племени къ природной средѣ при очень слабомъ сравнительно развитіи искусственной среды придаетъ животный отпечатокъ этой человѣческой группѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ почти къ нулю техническую и культурную эволюцію. На сэрисахъ можно видѣть, въ какой степени человѣческій организмъ, пришедшій въ устойчивое равновѣсіе съ естественными условіями, уже самою способностью своею справляться съ жизненными задачами самосохраненія, парализуетъ развитіе техники и тѣмъ самымъ ослабляетъ общественный прогрессъ. Чѣмъ болѣе человѣческое тѣло представляетъ собою машину, цѣлесообразно совершающую при данныхъ условіяхъ работу поддержанія жизни, тѣмъ менѣе ощущается въ такомъ случаѣ потребность въ техническихъ орудіяхъ, приспособленіяхъ и механизмахъ, имѣющихъ задачею облегчить упомянутую работу. А организмъ сэрисовъ является такой совершенной машиной, что не принадлежи ихъ описаніе перу совершенно серьезнаго ученаго, его можно было бы принять нѣкоторыми сторонами за положительную мистификацію. Взглянемъ на нѣкоторыя физіологическія особенности племени, развившіяся, очевидно, подъ давленіемъ спеціальныхъ природныхъ условій.

Страна сэрисовъ имѣетъ характеръ степного предгорія, которое постепенно скатывается къ Калифорнійскому заливу и, отличаясь жаркимъ и очень сухимъ климатомъ, заключаетъ въ себѣ крайне мало прѣсной воды. Вслѣдствіе этого, ея флора состоитъ главнымъ образомъ изъ спорадически разсѣянныхъ кактусовыхъ рощъ, дающихъ жесткіе, но довольно съѣдобные плоды (*tuna*), а фауна представлена на морѣ многочисленными рыбами, черепахами и моллюсками, на сушѣ же сравнительно рѣдкими и очень трудно ловимыми или убиваемыми животными: несущимися, какъ вѣтеръ, антилопами, пугливыми зайцами и кроликами, свирѣпыми свиньями (*пекари*), кровожадными ягуарами, туземными собаками (*койотъ*) и завезенными бѣлой расой полудикими лошадьми. Такимъ образомъ страна въ общемъ далеко не богата

*) Mc Gee, стр. 163.

ресурсами, ибо побережье, гдѣ близость моря обезпечивала бы пропитаніе, совершенно лишено прѣсной воды; внутренность же, гдѣ такой воды нѣсколько больше, отличается сравнительной скудостью растительнаго и животнаго міровъ. А, главное, небольшія рѣчки и источники прѣсной воды, составляющей такой предметъ необходимости въ этомъ жаркомъ и сухомъ климатѣ, даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ, столь значительно отдалены другъ отъ друга, что нужно пройти не одинъ десятокъ верстъ прежде, чѣмъ достигнешь какого-либо водоема, заключающаго при томъ жидкость очень сомнительнаго достоинства.

Въ соотвѣтствіи съ этими климатическими условіями, представляющими усугубленіе общихъ климатическихъ условій этой части американскаго континента, и сэрисы своими физіологическими особенностями подчеркиваютъ общій антропологическій типъ обитателей этой полосы. Это очень высокая (1 метръ 83 центиметра въ среднемъ для мужчинъ, 1 метръ 73 центиметра для женщинъ), замѣчательно статная раса, съ необыкновенно развитой грудной клѣткой, прекрасными легкими и сердцемъ, великолѣпной, напоминающей античныя статуи мускулатурой торса, верхнихъ и нижнихъ оконечностей, но съ черезчуръ большими кистями рукъ и ступнями ногъ, съ хорошо сформированной головой, роскошною черною, почти не сѣдѣющею шевелюрою, сильно, но не безобразно развитыми челюстями, заключающими необыкновенно крѣпкіе и крупные зубы. Путешественники, присматривавшіеся къ сэрисамъ, не могутъ безъ восторга говорить о зоологическомъ типѣ расы, которая, по словамъ Макъ-Джи, напоминаетъ великолѣпное животное, нѣчто въ родѣ тигра или чистокровнаго скакуна.

Необходимость дѣлать большіе переходы отъ одного источника къ другому, нося въ промежуткѣ достаточный запасъ воды съ собою, выработала изъ сэрисовъ неумолимыхъ пѣшеходовъ и замѣчательно выносливыхъ носильщиковъ тяжестей. Частое упражненіе въ преслѣдованіи быстроногихъ животныхъ превратило этихъ индѣйцевъ въ поразительныхъ бѣгуновъ, подвиги которыхъ удивляютъ даже ихъ дикихъ сосѣдей, отличающихся скоростью передвиженія. Очень невѣрные шансы добыванія пищи и питья развили у нихъ способность переходить безъ вреда для организма отъ невѣроятнаго обжорства къ продолжительному голоданію и отъ крайней лѣни и неподвижности, длящейся цѣлыми днями, къ необыкновенно энергической дѣятельности въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, иногда даже дня—двухъ, пока того требуетъ уловъ добычи. Страшная сила рукъ, ногъ, зубовъ и вообще всего организма, упражняемаго надъ „производствомъ общественной жизни“ въ теченіе длиннаго ряда поколѣній при посредствѣ лишь очень незначительнаго числа и при томъ самыхъ первобытныхъ орудій, является въ свою очередь

препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія техники и перемѣщаетъ центръ тяжести производительной дѣятельности этой расы съ искусственныхъ приспособленій процесса труда на органы самого тѣла. Племя сэрисовъ изъ всѣхъ знакомыхъ намъ до сихъ поръ народовъ наиболѣе отклоняется отъ характеристики „человѣкъ есть животное, изготовляющее орудія"; и въ немъ антропологическія черты наичаще замѣщаются чертами зоологическими. Нѣсколько конкретныхъ фактовъ дадутъ понятіе читателю о самыхъ выдающихся особенностяхъ сэрисовъ.

Посмотримъ на быстроту ихъ движеній. Я оставляю въ сторонѣ анатомическую характеристику ихъ походки и бѣга, даваемую Макъ-Джи, какъ носящую черезчуръ спеціальный характеръ. Но вотъ результаты. На глазахъ у обитателей мѣстной европейской гасіенды одна уже пожилая женщина племени отправляется въ сумерки съ больнымъ годовалымъ ребенкомъ къ доктору, который жилъ на разстояніи 45 англійскихъ миль, т. е. 72 километровъ (почти 70 верстъ), и на зарѣ слѣдующаго же дня уже приходитъ на визитъ, принося вмѣстѣ съ тѣмъ врачу въ подарокъ зайца, котораго она успѣла загнать и поймать (sic!) во время печальнаго путешествія. Но этотъ скороходный подвигъ, который кажется намъ почти сказочнымъ, ничто въ сравненіи съ подвигами „воиновъ" и „бѣгуновъ" племени. Малолѣтнія дѣти уже успѣваютъ догонять кроликовъ. Подростки, презирая такую легкую добычу, ловятъ зайцевъ, образуя группу въ 4—5 человѣкъ, которая, на половину играя, на половину охотясь, загоняетъ до изнеможенія животное. Взрослые члены племени составляютъ такія же группы для охоты за антилопами, которыхъ они окружаютъ съ разныхъ концовъ и по большей части захватываютъ въ своемъ неумолимомъ бѣгѣ живьемъ. Одинъ изъ знаменитыхъ „бѣгуновъ" племени, временно работавшій на мѣстной гасіендѣ, получилъ отъ хозяина разрѣшеніе поохотиться, но подъ условіемъ доставить дичь на ферму. И что же? Для описанія слѣдующей невѣроятной сцены я уступаю перо самому Макъ-Джи:

Два часа спустя показался въ виду охотникъ, преслѣдовавшій взрослаго самца-антилопу. Приближаясь къ *ранчо* (фермѣ), испуганное животное бросалось то туда, то сюда, описывая длинные круги и дѣлая дикія усилія избѣжать человѣческое жилище. Но охотникъ не отставалъ отъ него, перебѣгая его на каждомъ поворотѣ и постепенно гоня его ближе и ближе, пока, наконецъ, внезапно перемѣнивъ направленіе, онъ не получилъ возможности разомъ ринуться на животное. Онъ схватилъ его, взбросилъ къ себѣ на плечи и вбѣжалъ на ферму съ животнымъ, которое барахталось и брыкалось своими страшно разбитыми копытами *).

Какой охотникъ на лошади могъ бы совершить этотъ подвигъ, достойный быстроногаго Ахилла или, лучше сказать, какого-то

*) Mc Gee, стр. 151.

миѳическаго существа, сочетающаго бѣгъ чистокровной лошади и прыжки ягуара. Кстати сказать, сэрисы никогда не употребляютъ лошадей для ѣзды, да и какой конь былъ бы въ состояніи выдержать невѣроятную работу, которую даютъ своимъ мускуламъ, когда то нужно, эти люди, принадлежащіе къ великолѣпной породѣ хищныхъ звѣрей. Лошади, разводимыя на границѣ страны бѣлыми, служатъ лишь лакомымъ кускомъ для сэрисовъ, которые успѣваютъ догонять самыхъ быстрыхъ скакуновъ на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ, хватаютъ ихъ „мертвой хваткой", воспроизводящей, по словамъ Макъ-Джи, движенія ягуара,—одной рукой за ноздри, другой за холку,—и могучимъ движеніемъ въ сторону бросаютъ лошадь на землю, ломая (sic!) ей шею. Затѣмъ начинается пиръ, въ которомъ зоологическія черты сэрисовъ проявляются особенно рѣзко, такъ какъ пальцы рукъ и зубы играютъ при этомъ самую выдающуюся роль...

Дѣйствительно, за исключеніемъ челноковъ, стрѣлъ и лука, гарпуновъ, уже упомянутой глиняной посуды, сэрисы обладаютъ еще лишь однимъ, очень характернымъ для нихъ орудіемъ, которой называется на ихъ языкѣ—*ахстъ* или *хупфъ* и представляетъ ничто иное какъ природный, почти не подвергшійся никакой обработкѣ голышъ большихъ или меньшихъ размѣровъ (отъ 2 до 15 килограммовъ вѣсомъ). Онъ употребляется ими для размягченія твердыхъ покрововъ животнаго, дробленія крупныхъ костей, разбиванія черепашьихъ щитовъ и т. п. Но у сэрисовъ вовсе нѣтъ—вещь, единственная въ своемъ родѣ,—рѣжущаго инструмента, который соотвѣтствовалъ бы тому, что у цивилизованныхъ народовъ называется ножомъ. Порою они берутъ обломокъ палки, зубъ животнаго, острую раковину, чтобъ разрѣзать что-нибудь очень упругое. Но этимъ случайнымъ вспомогательнымъ инструментамъ они видимо придаютъ мало значенія и почти такъ же легко бросаютъ ихъ, какъ и взяли. Самымъ же обычнымъ и дѣйствительнымъ орудіемъ для всѣхъ операцій разрѣзанія и разрыванія служатъ сэрисамъ ихъ могучіе пальцы, снабженные необыкновенно крѣпкими ногтями, и ихъ желѣзныя челюсти съ несокрушимыми зубами. Этихъ зоологическихъ орудій имъ достаточно, чтобы разрывать на части еще трепещущее тѣло только что сваленнаго животнаго, вырывать цѣлые куски изъ брошенной на землю лошади или серны, отдѣлять мясо отъ костей, раскусывать самыя твердыя сухожилія. Начинаешь понимать отвѣтъ, даваемый ими изслѣдователямъ ихъ быта, которые спрашиваютъ ихъ, почему у нихъ нѣтъ въ употребленіи ножей: „когда мы голодны, у насъ нѣтъ времени искать чего-нибудь, кромѣ рукъ и зубовъ". Словомъ, Макъ-Джи категорически заявляетъ, что у сэрисовъ совсѣмъ нѣтъ „чувства ножа" (knifesense), т. е. повсемѣстно распространенной вплоть до самыхъ первобытныхъ племенъ потребности имѣть что-либо рѣжущее. Любо-

пытно, что вся операція, которую они продѣлываютъ надъ своимъ любимымъ орудіемъ, *ахстомъ* или *хупфомъ*, состоитъ лишь въ стираніи черезчуръ острыхъ угловъ голыша, а вовсе не въ искусственномъ заостреніи уже существующихъ реберъ. Наоборотъ, какъ только находящійся въ употребленіи камень раскалывается, образуя острый уголъ, такъ сейчасъ же сэрисы бросаютъ его, какъ негодный.

Прибавьте къ этому, что хотя сэрисы и знаютъ употребленіе огня, но зачастую предпочитаютъ ѣсть пищу сырой или же подвергаютъ ее самой поверхностной операціи обжариванія. Прибавьте, наконецъ, необыкновенную жесткость ихъ кожи, особенно въ тѣхъ мѣстахъ тѣла, которымъ особенно часто приходится прикасаться къ твердой поверхности почвы или къ страшнымъ колючкамъ большихъ кактусовъ, — жесткость, достигающую невѣроятныхъ размѣровъ и позволяющую имъ не особенно заботиться объ охранѣ тѣла одеждою. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Макъ-Джи, у сэрисовъ не только руки покрыты крайне грубою, словно состоящею изъ одного сплошного мозоля кожею, придающею неуклюжій видъ всему органу, но и на ногахъ

покровы ступней, щиколокъ и нижнихъ частей голеней невѣроятно тверды, жестки, напоминая болѣе ноги лошади или верблюда, чѣмъ обыкновенный человѣческій типъ оконечностей; ихъ изумительное предохраняющее дѣйствіе подтверждается уже тою непринужденностью, съ какой сэрисы продираются среди такихъ колючихъ кактусовыхъ чащъ, которыя останавливаютъ лошадей и собакъ, или бѣгутъ по кучамъ столь острыхъ камней, что ихъ избѣгаютъ даже легко ступающіе туземные койоты *).

Пусть читатель объединитъ въ своемъ воображеніи эти характеристическія особенности изучаемаго нами племени, пусть онъ постарается яснѣе представить себѣ бытъ этихъ полузвѣрей, полулюдей. Нѣтъ сомнѣнія, что предъ нимъ развернется яркая картина человѣческой группы, которая напоминаетъ, а порою и превосходитъ нѣкоторыми свойствами организма, своихъ зоологическихъ родичей и которая отдѣлена отъ нихъ пока еще сравнительно невысокой стѣной техники. Подавляющее господство природной среды и слабое до сихъ поръ вліяніе искусственной среды — таковы условія, въ рамкахъ которыхъ должна совершаться культурная эволюція сэрисовъ. И кто можетъ усомниться въ медленности этой эволюціи въ такой обстановкѣ?...

Нѣкоторыя дальнѣйшія черты дополняютъ примитивность сэрисовъ. Изслѣдователи ихъ быта поражаются необыкновенною — и абсолютною, и относительною — скудостью украшеній въ этомъ племени, которое крайне отстало, какъ мы видѣли, во всѣхъ сферахъ первобытной индустріи, но непропорціонально отстало въ сферѣ „эстетической промышленности“. И въ этой области

*) Mac Gee, стр. 138—139.

примитивнаго искусства для искусства сэрисы рисуются намъ крайними утилитаристами. Раскрашиваніе кожи, столь обычное у первобытныхъ племенъ, практикуется у нихъ лишь между женщинами. Оно въ общемъ довольно скудно и носитъ ярко выраженный тотемическій характеръ, указывая на принадлежность носительницъ этихъ украшеній къ племени, а среди него къ извѣстному классу по матери (сэрисы находятся въ періодѣ материнскихъ отношеній родства). Изъ прочихъ украшеній можно развѣ указать на ожерелья изъ раковинъ и плодовъ, пояса изъ человѣческихъ волосъ и змѣиной кожи. Ихъ замѣчательно удобная въ практическомъ отношеніи глиняная посуда лишена почти всякихъ рисунковъ, тогда какъ эти орнаментальныя черты характеризуютъ утварь и орудія самыхъ первобытныхъ народовъ.

Мало того, даже тотъ стимулъ культуры, который въ видѣ различныхъ игръ и упражненій соприкасается съ эстетической дѣятельностью „искусства для искусства“ и которому вслѣдъ за философами XVIII вѣка Огюстъ Контъ даетъ названіе ощущенія *скуки* *), а нашъ философъ и соціологъ П. Л. Лавровъ „потребности въ нервномъ возбужденіи“, — даже этотъ стимулъ почти отсутствуетъ у сэрисовъ. Естественное стремленіе организма упражнять мускульно-нервную систему сведено у нихъ до минимума. Когда сэрисъ не вынужденъ позывами сильнѣйшаго голода пускаться на добычу, развивая поистинѣ гигантскую дѣятельность, онъ лежитъ неподвижно, пережевывая полусгнившіе остатки пищи или даже — отвратительная деталь!—прибѣгая къ скатофагіи (я принужденъ поневолѣ употребить этотъ терминъ, напоминая читателю о словѣ σκατοφάγος греческихъ комедій). Если дѣти рѣзвятся еще съ болѣе или менѣе безкорыстною цѣлью, т. е. не ставя непремѣнно предметомъ своей игры затравливаніе кроликовъ и зайцевъ, то взрослый сэрисъ знаетъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишь два состоянія: или хищническую дѣятельность, превосходящую дѣятельность его четвероногаго и неудачнаго соперника ягуара; или же поразительную неподвижность, напоминающую оцѣпенѣніе удава послѣ принятія пищи.

Согласно съ этимъ зоологическимъ складомъ жизни, душевный міръ сэрисовъ отличается своею простотою, и общественныя учрежденія, держащіяся на этой первобытной психологіи, тоже отличаются высоко примитивнымъ характеромъ. Краеугольнымъ кам-

*) Auguste Comte, *Cours de philosophie positive*. Парижъ; 1869, 3-е изд., т. IV, стр. 449. Контъ приписываетъ уясненіе значенія этого элемента философу Жоржу Леруа, но на самомъ дѣлѣ роль „скуки“ въ развитіи цивилизаціи была впервые замѣчательно изображена Гельвеціемъ, который посвятилъ этому вопросу цѣлую главу своего знаменитаго трактата объ умѣ. См. *De l'Esprit*, кн. III, гл. V въ „Oeuvres complettes (sic!) d'Helvetius“. Парижъ, изд. 1793, (Garnery), т. III, стр. 76—89.

немъ соціальной организаціи сэрисовъ является материнскій родъ, или кланъ, происходящій, по мнѣнію членовъ племени, отъ какого-либо божественнаго животнаго предка, но исключительно по женской линіи. Въ языкѣ сэрисовъ нѣтъ даже, собственно говоря, слова „отецъ“; или, точнѣе сказать, для обозначенія этого понятія употребляется слово „мать“, но въ его усѣченной или, если хотите, уничижительной формѣ. Законодательная и судебная власти принадлежатъ матронамъ клана; мужчины же представляютъ собою исполнительную власть, которая вмѣшивается въ отношенія между членами рода лишь тогда, когда авторитетъ матерей не былъ достаточно признанъ. И въ такомъ случаѣ элементъ принужденія исходитъ отнюдь не отъ мужа матроны, а отъ ея братьевъ по старшинству, ибо мужъ играетъ крайне скромную роль въ управленіи семьей: онъ, такъ сказать, живетъ на хлѣбахъ изъ милости у своей жены и ея родственниковъ по женской линіи, занимаетъ послѣднее мѣсто у очага, какъ настоящій пришелецъ, хотя и обязанный работать на кланъ подруги своей дикой жизни. Съ другой стороны, его авторитетъ признается только въ семьѣ его сестры, гдѣ въ свою очередь онъ совершенно оттираетъ на задній планъ мужа этой сестры.

Бракъ между молодыми людьми обсуждается между матронами (разныхъ) клановъ, къ которымъ принадлежатъ женихъ и невѣста. Въ теченіе года мужъ и жена живутъ въ пробномъ или фиктивномъ бракѣ. Мужъ въ продолженіе этого времени долженъ усиленнымъ трудомъ на кланъ жены показать, что онъ въ состояніи пропитывать избранницу своего сердца, и вмѣстѣ съ тѣмъ строгимъ воздержаніемъ отъ супружескихъ отношеній (хотя онъ спитъ постоянно вмѣстѣ съ женой) выдержать своего рода экзаменъ нравственной твердости и самообладанія. Жена, наоборотъ, круглый годъ пользуется исключительнымъ почетомъ: ее задабриваютъ и члены ея рода, располагающаго, благодаря ей, трудомъ претендента на ея сердце; вмѣстѣ съ тѣмъ, „въ числѣ прочихъ привиллегій“, — какъ сдержанно, но многозначительно замѣчаетъ американскій ученый, — она пользуется „привилегіей принимать самые интимные знаки вниманія отъ товарищей жениха по клану“ *). Лишь по истеченіи года „пробная“ жена становится дѣйствительной женой своего мужа, и для нея начинается прозаическое существованіе матроны, озабоченной управленіемъ дома въ то время, какъ ея мужъ войдетъ правильнымъ, но третьестепеннымъ членомъ въ семью.

Что касается собственно политической власти, то она опять таки носитъ совершенно первобытный характеръ и напоминаетъ своей неопредѣленностью и непрочностью изучающему ея этнологу положеніе „быковъ-вожаковъ“ въ „автономно-бро-

*) Mc Gee, стр. 281.

дящихъ стадахъ равнинъ Соноры". Власть вождей опредѣляется ихъ временными личными достоинствами въ связи съ колдовской репутаціей матронъ изъ клана; поэтому и предводители клановъ, и сами кланы возвышаются и падаютъ, смотря по удачѣ ихъ предпріятій и по волѣ капризовъ судьбы.

Наконецъ, религіозныя представленія сэрисовъ образуютъ систему смутныхъ фетишистическихъ идей, при чемъ въ пантеонѣ племени преобладаютъ страшныя божества-звѣри, нуждающіяся въ извѣстныхъ операціяхъ умилостивленія, которыя, по мнѣнію сэрисовъ, должны выполняться опять таки по преимуществу женщинами. И, въ довершеніе, даже похоронные обряды племени относятся главнымъ образомъ къ женщинамъ-матронамъ, согласно афоризму сэрисовъ: „въ женщинѣ настоящій родъ", тогда какъ съ обыкновенными членами племени, особенно рядовыми мужчинами, сэрисы такъ мало церемонятся, что бросаютъ зачастую трупы на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, не заботясь о прикрытіи ихъ и лишь стараясь уйти поскорѣе изъ пугающаго ихъ сосѣдства мертвецовъ.

Таковы нѣкоторыя наиболѣе рельефныя, какъ физическія, такъ и духовныя, черты племени, стоящаго на очень низкой ступени развитія. Всматриваясь въ эти черты, отмѣчая необыкновенную приспособленность организма сэрисовъ къ окружающей обстановкѣ, препятствующей прогрессу техники и въ свою очередь обусловливаемой слабостью техники, мы должны снова и снова ставить себѣ вопросъ: что же можетъ вывести людей, занимающихъ такое низкое положеніе въ культурѣ, изъ того неподвижнаго состоянія, въ которомъ они находятся, изъ той мертвой точки, на которой сталъ ихъ пришедшій въ гармонію съ природной средой организмъ? Нѣтъ сомнѣнія, что это своебразное petitio prin ipii должно разрѣшиться на практикѣ вторженіемъ между человѣкомъ и природой того элемента „искусственной среды", который представляется техникой и который, не смотря на крайне медленныя первоначальныя измѣненія и наростанія, все же является единственной силой, способной разбить заколдованный кругъ біологическаго приспособленія человѣка къ обстановкѣ и усилить соціальную динамику на счетъ соціальной статики.

IV.

Когда намъ приходится выставлять гипотезу о постоянномъ и потому статическомъ дѣйствіи природной среды, но о перемѣнномъ и потому динамическомъ дѣйствіи среды искусственной, то читатель, конечно, понимаетъ, что мы могли лишь путемъ абстракціи построить тотъ періодъ человѣческой исторіи, когда нашъ отдаленный предокъ велъ борьбу за существованіе, помимо

всякихъ орудій, только при помощи органовъ своего тѣла. Какъ бы далеко мы ни отодвигались назадъ по лѣстницѣ человѣческой культуры, мы встрѣчаемся съ извѣстной, хотя бы самой грубой техникой. Такъ, само изображеніе быта сэрисовъ, повидимому, занимающихъ исключительно низкое положеніе въ ряду различныхъ племенъ, должно было всетаки показать читателю, что среди самыхъ первобытныхъ народовъ, доступныхъ въ наше время наблюденію, существуютъ, однако, начатки технологіи. Сэрисы интересны въ томъ отношеніи, что на ихъ примѣрѣ мы видимъ, какъ сравнительно неподвижно человѣческое общество, обладающее скудными средствами производства. Но и они не составляютъ исключенія изъ того общаго правила, что homo sapiens, какъ это было извѣстно уже въ глубокой древности, является вооруженнымъ извѣстной техникой.

И, однако, если вліяніе природной среды на людей уже останавливало на себѣ вниманіе античныхъ писателей,—между прочимъ, Геродота въ „Исторіяхъ" *), Платона въ „Тимеѣ" и „Государствѣ" **), но особенно Гиппократа въ трактатѣ „О воздухѣ, водѣ и мѣстностяхъ" ***) и Аристотеля въ „Политикѣ" и „Проблемахъ" ****),—то дѣйствіе „искусственной среды" ускользало почти совершенно отъ проницательнаго взгляда даже крупнѣйшихъ греческихъ мыслителей или, лучше сказать, сливалось для нихъ съ понятіемъ „учрежденій" или „законовъ" (διὰ τοὺς νόμους, хотя бы у того же Гиппократа при объясненіи мужественнаго и свободолюбиваго характера европейцевъ, въ особенности грековъ, и рабской подчиненности королямъ азіатовъ). Надо было, очевидно, сильное развитіе техники съ ея чудесами въ позапрошломъ и прошломъ вѣкахъ, чтобы вопросъ объ орудіяхъ производства, т. е. пріемахъ наиболѣе могущественнаго воздѣйствія на природу и на самого человѣка, обрисовался съ надлежащею ясностью. Дѣйствительно, опять таки еще у грековъ вопросъ о значеніи человѣческой руки, создающей орудія, сильно тревожилъ, какъ увидимъ ниже, сознаніе философовъ, но, къ сожалѣнію, растворялся въ вопросѣ о цѣлесообразности человѣческой организаціи для предназначенной людямъ карьеры. А въ продолжительную ночь средневѣковья, когда фантастическія задачи оттѣснили на задній планъ въ умѣ человѣчества реальныя задачи мысли, проблема зависимости между характеромъ и учрежденіями людей, съ одной стороны, и естественными условіями—съ другой, совершенно затонула въ массѣ нелѣпыхъ схоластическихъ преній о вопросахъ въ родѣ того, въ какое время года былъ созданъ рай. Лишь

*) Herodot. Histor., III, 106 и IX, 122.
**) Platon. Timaeus, 24 C;—De republ., IV, 435, E.
***) Hippocr. De aëre, aquis, locis, въ особенности гл. 12—16.
****) Aristot. Politic., VII, 5—7 (ed. Bekkeri, стр. 1326. в—1327. в);—Problem. XIV, 9, 15, 16 (Bekk. стр. 909. в—910. а. в.).

съ наступленіемъ эпохи просвѣщенія, а въ особенности съ конца XVIII-го вѣка, стремленіе объяснять особенности человѣческаго общества реальными, но не мистическими условіями его существованія проявилось съ достаточной опредѣленностью и энергіей. Однако, во всю вторую половину XVIII-го вѣка и въ первую половину XIX-го изслѣдователи не идутъ внутри этой области дальше разсмотрѣнія дѣйствій природной обстановки, — климата, горъ, моря,—на людей и присоединяютъ къ этому указаніе на нѣкоторыя естественныя свойства человѣка, позволяющія ему создавать строй жизни, отличающій его отъ животныхъ. Я упомяну лишь о двухъ—трехъ первыхъ пришедшихъ мнѣ на мысль авторахъ, какъ выражающихъ это направленіе.

Монтескье въ своемъ „Духѣ законовъ" неоднократно указываетъ (совершенно въ духѣ Гиппократа) на связь между характеромъ страны и умственнымъ складомъ ея жителей, а одна изъ книгъ (14-я) его трактата цѣликомъ посвящена этому вопросу, какъ ясно говоритъ уже само знаменательное заглавіе упомянутой книги: „Законы въ ихъ отношеніи къ природѣ климата" *).

Съ своей стороны Адамъ Фергюссонъ, авторъ „Опыта исторіи гражданскаго общества", трактуетъ въ спеціальной главѣ „о вліяніяхъ климата и географическаго положенія"; но при этомъ, кстати сказать, такъ мало обращаетъ вниманія на динамическое значеніе техники, что въ одной изъ слѣдующихъ главъ, говорящей „объ исторіи искусствъ" (въ широкомъ смыслѣ этого слова: и какъ техническихъ, и какъ изящныхъ), выражается о техникѣ человѣка, почти какъ о чемъ-то всегда существовавшемъ: „мы уже замѣтили, что искусство прирождено (natural) человѣку; и что ловкость, пріобрѣтаемая имъ послѣ многихъ вѣковъ упражненія, представляетъ лишь усовершенствованіе таланта, которымъ онъ обладалъ съ самаго начала" **).

Гегель въ своей „Философіи исторіи", переходя къ изображенію того процесса, при помощи котораго „духъ" воплощается въ „особомъ принципѣ" каждаго народа, указываетъ на „природныя различія", дающія особую „географическую основу" національнаго развитія, и ставитъ задачу изслѣдователя-философа слѣдующимъ образомъ:

При этомъ дѣло для насъ идетъ не о томъ, чтобы изучить почву, лишь какъ внѣшнее помѣщеніе (als äusseres Local), но чтобы изучить ее, какъ природный типъ мѣстности, который точно совпадаетъ съ типомъ и характеромъ народа, являющагося сыномъ такой почвы. Этотъ характеръ и представляетъ

---

*) Montesquieu, *L' Esprit des Lois* кн. XIV, стр. 314—325 въ „Oeuvres complètes" гашеттовскаго изданія, т. I, Парижъ, 1892.

**) Adam Ferguson, *An Essay on the history of civil Society*; Дублинъ, 1767, стр. 251.

собой тотъ родъ и способъ, какимъ народы выступаютъ въ міровой исторіи и занимаютъ въ ней мѣсто и положеніе *).

Мы видимъ такимъ образомъ, что всѣ эти различные и очень крупные мыслители не переступаютъ той точки зрѣнія, которая устанавливаетъ зависимость между человѣческимъ обществомъ и природной средой, т. е., какъ не разъ уже замѣчалось нами, наиболѣе постоянной и наименѣе измѣняющейся частью внѣшняго міра, игнорируя вліяніе гораздо болѣе подвижной и прогрессирующей части этого міра, которая представлена технологіей. Любопытно, что даже великіе французскіе матеріалисты конца XVIII-го вѣка, переносившіе механическое міровоззрѣніе на человѣка и въ лицѣ Ла-Меттри употреблявшіе многозначительный терминъ „человѣкъ-машина", невольно, казалось бы, заставлявшій думать о технологіи, — даже эти мыслители, говоримъ мы, проходили мимо важнаго вопроса о вліяніи орудій труда на цивилизацію. Ближе всѣхъ прошелъ и, можно сказать, коснулся этой задачи на моментъ, но сейчасъ же покинувъ ее, не оцѣненный до сихъ поръ по достоинству Гельвецій, который поднялъ вопросъ о томъ, что было бы съ человѣкомъ, если бы „природа, вмѣсто рукъ и гибкихъ пальцевъ, приставила къ нашимъ запястьямъ въ видѣ оконечностей (eût terminé nos poignets) лошадиную ногу". Авторъ „Трактата объ умѣ" не сомнѣвался, что въ этомъ случаѣ „люди, лишенные искусствъ, жилищъ, защиты противъ животныхъ, цѣликомъ поглощенные заботою о снабженіи себя пропитаніемъ и объ избѣжаніи дикихъ звѣрей, бродили бы еще въ лѣсахъ, какъ перебѣгающія съ мѣста на мѣсто стада". А въ примѣчаніи къ этой мысли продолжаетъ:

Всѣ лапы животныхъ оканчиваются или роговымъ копытомъ, какъ у быка и оленя; или ногтями, какъ у собаки и волка; или когтями, какъ у льва и кошки. Но эта разница въ устройствѣ нашихъ рукъ и лапъ животныхъ не только лишаетъ ихъ, какъ говоритъ Бюффонъ, почти совершенно чувствъ осязанія, но, кромѣ того, и необходимой ловкости, чтобы управлять какимъ бы то ни было орудіемъ или сдѣлать какое бы то ни было изъ открытій, предполагающихъ употребленіе рукъ **).

Это, если не ошибаюсь, наиболѣе яркое выраженіе мысли о вліяніи искусственной среды на человѣка во всемъ XVIII-мъ вѣкѣ; но смотрите, какъ случайно оно и какъ быстро обрывается, не ведя къ дальнѣйшимъ логическимъ выводамъ.

Переходъ къ пониманію важности искусственной среды былъ, какъ кажется, сдѣланъ впервые (если исключить самого Маркса, почти сразу поставившаго вопросъ на надлежащую высоту) мало

*) G. W. F. Hegel, *Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte*; 9-й томъ полнаго второго изданія „Werke", Берлинъ, 1840, стр. 99.

**) Helvetius, *Traité de l'Esprit*, кн. I, гл. 1 и прим. 1-ое, т. I, стр. 229—230 изд. 1793 г.

извѣстнымъ, но замѣчательнымъ мыслителемъ Эрнстомъ Каппомъ *). Ученикъ Риттера въ географiи, Гегеля въ философiи, Каппъ въ 1845 г. выпустилъ въ свѣтъ сочиненiе, носившее длинное заглавiе: „Философское или сравнительное всеобщее землевѣдѣнiе, какъ научное изображенiе отношенiй земли и человѣческой жизни въ ихъ внутренней связи" **).

Въ этой мыслебудящей книгѣ Каппъ, комбинируя телеологическую точку зрѣнiя Риттера (въ особенности въ его ученiи о предустановленной гармонiи географическихъ формъ) и идею развитiя Гегеля, если и не пришелъ прямо къ разсмотрѣнiю влiянiя технологiи на человѣческую культуру, то, можно сказать, сталъ на порогѣ этого воззрѣнiя. А именно онъ своеобразно изложилъ дѣйствiе природной среды не столько со статической, сколько съ динамической точки зрѣнiя. Вмѣсто того, чтобы объяснять, какъ то дѣлалось, различiя племенныхъ особенностей различiями климатическихъ и прочихъ естественныхъ условiй въ *данный моментъ*, онъ попробовалъ ролью одного изъ этихъ условiй объяснить *историческую эволюцiю* человѣчества,—правда, въ его различныхъ этническихъ группахъ.

Такимъ условiемъ для Каппа явилась вода въ ея различныхъ все болѣе и болѣе обширныхъ географическихъ формахъ, которыя, утилизируясь различными народами (это въ духѣ Гегеля), служатъ, молъ, матерiальною подкладкою историческаго развитiя человѣчества, разсматриваемаго въ его цѣломъ. Или, какъ говоритъ нашъ гегельянецъ, играя отчасти, по обычаю школы, этимологическими и логическими сцѣпленiями словъ:

Дѣленiе политической географiи... покоится на всемiрно-историческомъ движенiи (Zug). Но это движенiе предполагаетъ нѣчто движущее (Ziehendes), предполагаетъ физическую силу, живительный основной элементъ, а именно воду, которая въ своей разъединенности, въ видѣ рѣчныхъ бассейновъ, обусловливала первые государственные организмы Востока; въ своей особенности, въ видѣ Средиземнаго моря и его береговъ, опредѣляла греческую жизнь и концентрацiю римской мiровой имперiи; и, наконецъ, въ видѣ обтекающаго землю и принимающаго въ себя всѣ воды океана, повсюду осуществляетъ задачу германскаго духа, этого фермента распространенiя универсальныхъ интересовъ ***).

Надо, впрочемъ, не ограничиться этимъ общимъ введенiемъ

*) Его игнорируютъ, повидимому, всѣ справочные словари и „энциклопедiи". См. короткую бiографiю этого ученаго, умершаго въ 1896 г. на 88-мъ году жизни въ вѣнской „Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik", 1897, годъ XX, № 1, стр. 40—43.

**) Ernst Kapp, *Philosophische oder vergleichende allgemeine Erdkunde als wissenschaftliche Darstellung der Erdverhältnisse und des Menschenlebens nach deren innerem Zusammenhang*; Брауншвейгъ, 1845. — Вышла вторымъ изданiемъ 23 года спустя подъ болѣе простымъ названiемъ: „Сравнительное всеобщее землевѣдѣнiе въ научномъ изложенiи" (*Vergleichende allgemeine Erdkunde in wissenschaftlicher Darstellung*; Брауншвейгъ, 1868).

***) *Vergleichende allgemeine Erdkunde*, стр. 28 второго изд.

а читать мастерское изложеніе различныхъ экономическихъ и культурныхъ особенностей, основанныхъ на характерѣ различныхъ же формъ водной стихіи, чтобы видѣть, какъ близко Каппъ подошелъ къ вопросу объ искусственной средѣ, ставя ея эволюцію въ связь съ природной средой. Просмотрите въ отдѣлѣ о „Потамическомъ (рѣчномъ) или восточномъ мірѣ“ главы, трактующія о гигантской внутренней канализаціи Китая и выростающихъ на его равнинахъ культурныхъ и соціально-политическихъ продуктахъ, начиная отъ риса и овощей и кончая трезвой религіей и патріархальнымъ государствомъ (стр. 97—107). Обратитесь къ главамъ о городскихъ центрахъ Месопотаміи (127—132), объ Египтѣ и его питателѣ Нилѣ, правильность наводненій котораго, рано усчитывавшаяся жрецами, повела къ могуществу правящихъ кастъ (стр. 158), и т. д. Или остановитесь въ отдѣлѣ о „Талассическомъ (морскомъ) и классическомъ мірѣ“, на характеристикѣ Средиземнаго моря, какъ основанія римской всемірной для того времени культуры (стр. 237). Или, наконецъ, послѣ обзора „океаническаго міра“, бросьте заключительный взглядъ на тѣ страницы, гдѣ авторъ переходитъ къ „культурной географіи“ и, не смотря на свой гегельянскій идеализмъ, рельефно обрисовываетъ важность преобразованія матеріи человѣкомъ для человѣческаго же развитія:

> Матеріалъ, на которомъ развивается духъ, самъ развивается въ цѣлый міръ, носящій на себѣ человѣческій отпечатокъ... Культурная географія изучаетъ формы человѣческаго общества, вытекающія изъ взаимнаго воздѣйствія культурнаго человѣка и культурной земли и заключаетъ возрожденіемъ природнаго элемента, выражающагося въ самомъ интимномъ соединеніи природы и духа подъ формою труда, возведшаго себя до чистаго искусства *).

Когда останавливаешься на капповскомъ троякомъ періодѣ вліянія земныхъ водъ на человѣческую культуру и на деталяхъ, подтверждающихъ у автора эту мысль, то начинаешь понимать, почему нѣмцы (въ родѣ Кирхгоффа) обвиняли въ плагіатѣ нашего географа, Л. И. Мечникова, который въ своей книгѣ „Цивилизація и великія историческія рѣки“ формулируетъ, какъ онъ выражается, „законъ трехъ средъ: рѣчной, средиземной и океанической“. Однако русскій ученый и не выдаетъ этого закона за свое изобрѣтеніе, а прямо говоритъ, что вдохновился аналогичными выраженіями нѣмца Беттигера, и лишь развиваетъ эту мысль. Но присматриваясь къ цитатѣ Беттигера, приведенной Мечниковымъ **), ясно видишь, что именно Беттигеръ, писавшій въ 1859 г., взялъ не только терминологію Каппа, но даже нѣ-

---

*) Ibid., стр. 678—679, passim.

**) Léon Metchnikoff, *La civilisation et les grands fleuves historiques;* Парижъ, 1889, стр. 156—157 и прим.

сколько буквальныхъ фразъ послѣдняго, напр., характеристику цитированнаго нами „движенія“ и „движущаго“.

Мы видимъ, какъ еще въ 1845 г. Каппъ близко подходилъ къ мысли о зависимости человѣческой эволюціи отъ искусственной среды. Можно даже сказать, что въ это время онъ шелъ приблизительно по тому же пути, по которому быстро двигались въ развитіи своего ученія Марксъ и Энгельсъ, чьи взгляды тогда складывались въ окончательную систему. За то вскорѣ Марксъ уже вполнѣ отчетливо формулировалъ свою теорію „матеріальныхъ производительныхъ силъ“, тогда какъ Каппъ надолго застываетъ. Лишь проживъ около 20 лѣтъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, куда онъ удалился послѣ нѣмецкой революціи 1848 г. и гдѣ ему пришлось быть и фермеромъ, и техникомъ, Каппъ возвратился къ идеѣ своей молодости, но уже во вполнѣ опредѣленной формѣ значенія технологіи. И любопытно, что эту плодотворную мысль онъ развиваетъ независимо отъ Маркса и словно какъ если бы послѣдній не существовалъ. Въ своихъ „Основныхъ чертахъ философіи техники“, вышедшихъ въ 1877 г., Каппъ усердно цитируетъ и Гейгера, и Каспари, и Рёло, но ни словомъ не обмолвился о Марксѣ. А между тѣмъ „Философія техники“ Каппа носила подзаглавіе „Къ исторіи возникновенія культуры съ новой точки зрѣнія *). И человѣку, претендующему на новизну взглядовъ въ этой области, надо было бы, казалось, знать мыслителя, который сдѣлалъ такъ много именно по интересующему Каппа вопросу.

Впрочемъ, исторія развитія наукъ представляетъ не мало примѣровъ такого взаимнаго,—очевидно, не умышленнаго, но, во всякомъ случаѣ, печальнаго игнорированія родственныхъ умовъ и направленій. Ибо если Каппъ не зналъ, повидимому, Маркса, то вся марксистская школа до сихъ поръ, если не ошибаюсь, остается въ полномъ невѣдѣніи относительно Каппа. Но перейдемъ къ его „Философіи техники“.

Старый гегельянецъ остался гегельянцемъ; но идея развитія принимаетъ у него,—отчасти какъ у Маркса, хотя и много слабѣе, чѣмъ у послѣдняго,—не чисто умозрительный, а жизненный характеръ. Задачей „Философіи техники“ является, по мнѣнію Каппа, „представить возникновеніе и совершенствованіе искусственныхъ созданій (Artefacte), проистекающихъ изъ руки человѣка, какъ первое условіе его доразвитія до самосознанія“ (стр. V). И характеръ книги Каппа достаточно обнаруживается изъ эпиграфа, которымъ ей служитъ фраза извѣстнаго физика Эдмунда Рейтлингера: „Вся человѣческая исторія, если точно

*) Полное заглавіе подлинника таково: *Grundlinien einer Philosophie der Technik. Zur Enstehungsgeschichte der Kultur aus neuen Gesichtspunkten*; Брауншвейгъ, 1877.

изучить ее, разрѣшается въ исторію изобрѣтенія все лучшихъ и лучшихъ орудій".

Что касается до основной идеи и, можно сказать, резюме цѣлаго сочиненія, то она ярко выражена самимъ авторомъ въ слѣдующей страницѣ:

Разъ, благодаря исходящимъ изъ природнаго внѣшняго міра раздраженіямъ и импульсамъ (Anstösse), которые перерабатываются дальше у человѣка въ ощущенія и представленія, образуется внутренній міръ сознанія и духовной жизни вообще, то возникаетъ вопросъ, почему же не происходитъ приблизительно сходнаго съ этимъ развитія въ царствѣ животныхъ, которыя одарены столь же тонкими чувствами, стоятъ съ открытыми глазами передъ тѣмъ же самымъ внѣшнимъ міромъ и, не смотря на это, коснѣютъ по отношенію къ нему въ неизмѣнной тупости.

Вопросъ разрѣшается точнымъ опредѣленіемъ всего того, что должно считаться внѣшнимъ міромъ. Обыкновенно подъ послѣднимъ разумѣютъ единственно вещи, окружающія человѣка и созданныя природою. Но развѣ, рядомъ съ этимъ природнымъ міромъ и превосходя его, не развертывается другой міръ, а именно совокупность возникшихъ изъ мозга и руки человѣка техническихъ приспособленій?..

И этотъ внѣшній міръ и есть тотъ, въ которомъ человѣкъ создалъ продолженіе самого себя во внѣ, и безъ котораго для него было бы немыслимо ни пониманіе и эксплуатація природы, ни заключеніе о своемъ собственномъ существѣ. Человѣкъ завладѣлъ этимъ міромъ по мѣрѣ того, какъ онъ, начинаясь съ перваго грубаго орудія, сдѣланнаго въ подражаніе естественному органу тѣла, завершается нынѣ въ богатствѣ самыхъ сложныхъ машинъ. Этотъ міръ является человѣку, какъ вышедшій изъ него самого міръ, какъ нѣчто внѣшнее, что раньше было его внутреннимъ. Въ этомъ отношеніи человѣкъ отличаетъ его отъ остального внѣшняго міра, отъ теллурической и космической природы, ибо существованіе одной послѣдней въ лучшемъ случаѣ не можетъ быть для живого существа ничѣмъ инымъ, какъ лишь простымъ условіемъ животной жизни.

Но природа, соединяясь въ формѣ сырого матеріала съ творческимъ импульсомъ человѣка, испытываетъ облагороживаніе, благодаря которому, превращаясь въ созданіе искусства, она представляетъ тотъ другой внѣшній міръ, который, въ видѣ царства техническихъ приспособленій, рядомъ и въ противоположность съ произведеніями природы, поддерживаетъ все сильнѣе и сильнѣе культурный процессъ въ его чередованіи между дѣятельностью созиданія и тѣмъ, что получается въ результатѣ этого созиданія. И между всѣми произведеніями руки человѣческой высоко поднимается машина *).

Какъ же вырабатывается этотъ спеціальный міръ техники, составляющій, говоря вообще, особенность человѣка? На основаніи главнѣйшихъ орудій и механическихъ приспособленій, Каппъ приходитъ къ заключенію, что этотъ созданный человѣкомъ особый міръ былъ вызванъ къ жизни подражаніемъ и „проекціей" органовъ человѣческаго тѣла во внѣшнемъ мірѣ. При чемъ созидателемъ его явился инстинктивный, лишь съ теченіемъ времени ставшій сознательнымъ импульсъ человѣка, преобразовавшій природную среду при помощи опять таки органовъ тѣла, и въ особенности изумительно тонкаго естественнаго механизма руки.

*) *Grundlinien* etc., стр. 168—170, passim.

Молотокъ, ножъ, лопата, сверло, щипцы, гвоздь воспроизводятъ кисть, пальцы и руку съ ея сочлененіями, зубы и т. п. Но „проектируя“ самихъ себя во внѣшній міръ, продолжая свои природныя свойства, создавая орудія труда, органы человѣческаго тѣла подвергались сильному измѣненію по мѣрѣ того, какъ сваливали самую тяжелую работу съ себя на техническія приспособленія, получали большую тонкость, опредѣленность и своимъ совокупнымъ преобразованіемъ измѣняли и весь организмъ человѣка, его нервную систему, его мозгъ.

Здѣсь надо искать причинъ относительно быстраго прогресса человѣка, порабощающаго природу при помощи „искусственной среды“, сравнительно съ самыми первобытными племенами, на крайне медленную эволюцію которыхъ могла оказывать дѣйствіе лишь почти неподвижная природная среда. Тѣ рефлексы, ощущенія, способы чувствованій и мышленія, о которыхъ мы нѣсколькими страницами выше слышали отъ Летурно, только тогда могли вступать въ болѣе разнообразныя и вмѣстѣ частыя комбинаціи, когда человѣческій организмъ сталъ „проектировать“ свои составныя части, свои члены во внѣшній міръ въ видѣ всевозможныхъ орудій. И насколько же долженъ былъ измѣниться внутренній міръ человѣка, матеріальной основой котораго является координація нервныхъ и мозговыхъ клѣтокъ, получающихъ впечатлѣнія изъ внѣшняго міра и переносящихъ дѣйствія во внѣшній міръ. Тотъ, кому знакомъ въ общихъ чертахъ механизмъ нервно-мозговыхъ центровъ, гдѣ центростремительныя движенія преобразуются въ центробѣжныя, легко пойметъ важность взаимодѣйствія между искусственной средой и человѣкомъ. Сѣрое корковое вещество мозга только тогда могло создать почву для безкорыстныхъ, если можно такъ выразиться, процессовъ высшей иннерваціи,—научной мысли, поэтическаго творчества, аффектовъ солидарности,—когда его общеніе съ внѣшнимъ міромъ при помощи разнообразной клавіатуры техническихъ орудій создало цѣлую сѣть перекрещивающихся нервныхъ координацій для того виртуоза, который называется человѣческой душой. Объ этомъ, впрочемъ, подробнѣе ниже.

Возвращаясь къ Каппу, мы должны отмѣтить, что философъ представляетъ себѣ первобытнаго человѣка безъ орудій техники очень сильнымъ и кровожаднымъ животнымъ, которое должно было отстаивать себя въ борьбѣ за существованіе отъ своихъ зоологическихъ родичей мощными природными свойствами самого тѣла.

Безъ сомнѣнія, онъ былъ одаренъ силою и быстротою гориллы. Онъ обладалъ,—независимо, само собою разумѣется, отъ выученныхъ искусственныхъ пріемовъ,—всѣмъ, что только разсказываетъ исторія о колоссальной силѣ отдѣльныхъ людей и что мы ежедневно видимъ въ циркѣ и внѣ цирка. Спорадическія проявленія силы нашихъ атлетовъ и геркулесовъ были у пер-

вобытнаго человѣка само собою подразумѣвающимися природными способностями и принадлежали, какъ таковыя, общей совокупности людей. Пока человѣкъ противостоялъ безъ оружія кусающимъ звѣрямъ, онъ долженъ былъ быть равенъ имъ по силѣ челюстей и ногтей, по крѣпости кулака и руки, точно такъ же, какъ по обезьяньей быстротѣ. Сила и ловкость, которая ударомъ кулака сбиваетъ быка на землю, ломаетъ руками желѣзо, поднимаетъ зубами центнеры тяжести, раскачиваетъ себя на трапеціяхъ и танцуетъ на канатѣ надъ пропастью, это сила и ловкость, мысленно соединенная въ одномъ человѣкѣ, позволяетъ намъ догадываться о физическихъ способностяхъ, которыя давали возможность первобытнымъ людямъ выдерживать въ буквальномъ смыслѣ борьбу на жизнь и смерть съ враждебной природой и ея гигантскими звѣрями" *).

Лишь съ изобрѣтеніемъ орудій человѣкъ могъ, не подвергаясь опасности истребленія, утратить часть этой силы и ловкости или преобразовать ее въ иныя формы дѣятельности:

„Животная сторона его исчезала по мѣрѣ того, какъ духовная складывалась въ гармонично-человѣческомъ образѣ. Ранящія и умерщвляющія свойства тѣлеснаго строенія были постепенно перенесены на внѣшній человѣку міръ, а именно на оружіе. Челюсть перешла въ область голосовыхъ органовъ; заканчивавшіяся когтями оконечности руки, которая раньше употреблялась и какъ нога, превратились въ ногтевой покровъ исполняющихъ работу пальцевъ, въ то время какъ само грубо сложенное тѣло, вначалѣ исключительно вылѣпленное для звѣринаго образа жизни, подверглось, параллельно съ пріобрѣтеннымъ вертикальнымъ положеніемъ, смягчающей выработкѣ потребностей общественной жизни" **).

Что же перевело человѣка изъ состоянія дикаго звѣря въ состояніе прогрессирующаго существа, переходя черезъ промежуточные фазисы развитія, о которыхъ намъ даютъ нѣкоторое понятіе современные сэрисы?

Чтó,—какъ не давленіе потребностей и вытекавшее отсюда инстинктивное нащупываніе человѣкомъ болѣе легкихъ или болѣе сильныхъ пріемовъ порабощенія природы? Ибо, замѣтьте, какъ ни великолѣпны въ зоологическомъ смыслѣ хотя бы сэрисы, вся ихъ сила и вся ихъ ловкость не обезпечиваютъ имъ сноснаго существованія; и даже прежде, чѣмъ цивилизація коснулась ихъ, они находятся въ процессѣ неумолимаго вымиранія. Какое же гигантское расточеніе существованій должно было происходить въ природѣ, когда первобытный человѣкъ былъ повсюду поставленъ лицомъ къ лицу къ природной средѣ; и когда „искусственная среда“ не вдвинулась между нимъ и природой и не облегчила ему условій существованія, защитивъ своего создателя отъ обнаженнаго, если можно такъ выразиться, прикосновенія къ жестокой мачихѣ-природѣ. А она не могла не быть въ это время такой мачихой даже при самыхъ благопріятныхъ

*) Ibid., стр. 35—36. Я позволю себѣ здѣсь замѣтить читателю, до какой степени изученіе быта сэрисовъ (см. выше) дѣлаетъ правдоподобной гипотезу Каппа.

**) Ibid , стр. 36.

обстоятельствахъ, напр., въ томъ случаѣ, если роскошью и богатствомъ своихъ формъ она подавляла двуногаго звѣря и дѣлала изъ него одинъ изъ безчисленныхъ біологическихъ организмовъ, раздѣлявшихъ всѣ условія борьбы за существованіе. Что же сказать о тѣхъ областяхъ земли, гдѣ даже низшіе организмы въ родѣ мховъ прячутся въ расщелины, чтобы избѣжать суроваго дыханія природы?.

Я уже раньше сказалъ, что еще античный міръ смутно угадывалъ великое значеніе технологіи для человѣческой эволюціи, но, къ сожалѣнію, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей закрывалъ путь къ плодотворному изслѣдованію вопроса, отдѣлываясь отъ изученія явленій понятіемъ цѣлесообразности. Дѣйствительно, технологія была главнымъ образомъ дѣломъ человѣческой руки (что, конечно, нисколько не исключаетъ общаго тяготѣнія всего организма человѣческаго нащупывать пути своего воздѣйствія на природу). И вопросъ о значеніи руки въ цивилизаціи волновалъ лучшіе умы древности.

Послушайте Аристотеля:

Анаксагоръ говоритъ, что человѣкъ потому самое умнѣйшее изъ животныхъ, что у него есть руки; но логика требуетъ сказать (εὔλογον ἐν), что онъ и руки-то получилъ потому, что является самымъ умнѣйшимъ. Ибо руки есть орудіе (ὄργανον прежде всего значитъ по-гречески „орудіе", а затѣмъ уже „органъ", „членъ тѣла" и т. д. Н. К.). Природа же, словно разумный человѣкъ, надѣляетъ каждаго тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ пользоваться. Скорѣе подобаетъ дать флейту тому, кто уже флейтистъ, чѣмъ дать искусство игры тому, у кого есть только флейта. Природа добавляетъ меньшее къ большему и болѣе могущественному, но отнюдь не большее и не болѣе благородное къ меньшему. А если такъ лучше, и если природа дѣлаетъ лучшее изъ того, что существуетъ, то не потому человѣкъ умнѣйшее животное, что у него есть руки, а потому у него и руки-то есть, что онъ умнѣйшее животное. Ибо тотъ, кто всѣхъ умнѣе, наилучше пользуется наибольшимъ числомъ орудій; рука же, какъ кажется, представляетъ собой не одно орудіе, а сразу многія. Она есть какъ бы орудіе орудій. Природа дала руку, какъ вещь, полезную для наибольшаго числа орудій, тому, кто способенъ къ наибольшему числу ремеслъ. Тѣ же, кто говоритъ, что человѣкъ не лучшее, а худшее изъ животныхъ (ибо онъ, молъ, и босъ и нагъ, и лишенъ оружія силы), говорятъ не вѣрно. Ибо всѣ другія животныя обладаютъ лишь одной какой защитой, и имъ невозможно обмѣнить ее на другую, но каждое должно, такъ сказать, спать, не скидая обуви, и дѣлать все прочее въ томъ же родѣ, и никогда не можетъ снять своихъ доспѣховъ съ тѣла, ни перемѣнить оружіе, какое досталось. Человѣку же возможно имѣть многіе виды защиты, возможно всѣ ихъ перемѣнять и брать оружіе, какое онъ хочетъ и гдѣ хочетъ. Ибо рука есть и коготь, и копыто, и рогъ, и копье, и мечъ, и любое другое оружіе и орудіе. И всѣмъ этимъ оно бываетъ потому, что все можетъ брать и всѣмъ двигать *).

Тонкость этого анализа поистинѣ замѣчательна; и лишь постоянная склонность Аристотеля къ философіи цѣлей помѣшала

---

*) Arist. De part. anim., IV, 10, ed. Bekkeri, стр. 687, a, b.

ему открыть значеніе человѣческой руки и человѣческой же технологіи для эволюціи общества. Намъ нечего останавливаться на этомъ наивномъ антропоморфизмѣ логика, который слѣпой природѣ подсовываетъ понятіе о томъ, что „меньше“ и что „больше“, что болѣе и что менѣе „благородно“ или „могущественно“, и на основаніи этой силлогистической операціи думаетъ рѣшить великій вопросъ о цѣлесообразности человѣческаго организма. Интересенъ, однако, образъ, которымъ великій энциклопедистъ древности поясняетъ свой взглядъ: флейтистъ, играющій на флейтѣ. Интересенъ потому, что въ сущности представляетъ постановку вопроса о взаимодѣйствіи человѣка и „искусственной среды“. Природныя ли свойства человѣка создали технологію, или технологія сдѣлала человѣка тѣмъ, что онъ есть? Потому-ли, въ самомъ дѣлѣ, „флейтистъ“ пріобрѣлъ „флейту“, что въ его организаціи была заложена способность стать флейтистомъ, или потому онъ сталъ и „флейтистомъ“ то, что пріобрѣлъ „флейту“?

На этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта, если стоять на точкѣ зрѣнія неизмѣнныхъ формъ и явленій. Но этотъ отвѣтъ имѣется, если стать на точку зрѣнія трансформизма и безпрерывнаго взаимодѣйствія ихъ. Только когда вы бросите и флейтиста, и флейту въ вѣчный потокъ преобразованія, вы найдете рѣшеніе; но это рѣшеніе состоитъ въ томъ, что ни первобытный флейтистъ не умѣлъ играть въ началѣ процесса, ни первобытная флейта не была извѣстнымъ намъ теперь уже усовершенствованнымъ инструментомъ игры. Взаимодѣйствіе человѣка (или того существа, изъ котораго выработался человѣкъ) и природной среды выражалось сначала лишь въ очень грубой формѣ. Человѣкъ кое-какъ приспособлялся къ внѣшнимъ условіямъ, а иначе погибалъ и, вѣроятно, снова спускался въ ряды своихъ зоологическихъ родственниковъ. Природа въ свою очередь или очень мало подвергалась измѣненію отъ человѣка, или же подвергалась ему лишь въ формѣ разрушительныхъ процессовъ (лѣсъ безжалостно сжигался, дичь истреблялась, и т. д.). Лишь когда человѣкъ сталъ проектировать свои органы во внѣшній міръ въ видѣ орудій, это взаимодѣйствіе приняло болѣе энергичный характеръ. Природа, доставляя человѣку матеріалъ его орудій, стала обнаруживать большую пластичность подъ напоромъ какъ разъ этихъ самыхъ орудій. Человѣкъ, производя массу все болѣе разнообразныхъ и сложныхъ операцій, сталъ способенъ къ координаціи ощущеній, чувствъ и мышленія болѣе высшаго порядка.

Какъ совершался процессъ воздѣйствія человѣка на окружающую среду при помощи техники? Въ теченіе долгаго ряда вѣковъ, повидимому, столь же инстинктивно и мало сознательно, какъ и процессъ выработки языка. И замѣчательно, что наиболѣе серьезные мыслители, занимавшіеся этимъ вопросомъ, указываютъ и въ этомъ отношеніи на аналогію между созданіемъ техническаго

орудія производства и созданіемъ психологическаго орудія общенія, какимъ является языкъ.

Мало оцѣненный до сихъ поръ по достоинству, Л. Гейгеръ вскрываетъ, напр., въ своихъ филологическихъ изысканіяхъ тотъ законъ языка, что всѣ техническія операціи выражаются словами (корнями), которыя означали первоначально чисто животныя органическія дѣйствія, и что въ свою очередь отъ этихъ операцій ведутъ свое начало названія разныхъ исполняющихъ ихъ орудій. Отсюда получается выводъ, что, нащупывая пріемы своего воздѣйствія на внѣшній міръ, человѣкъ являлся прежде всего звѣремъ, который инстинктивно шелъ въ сторону меньшаго сопротивленія и хватался за то, что попадалось „подъ руку" (это почти буквально), чтобы сдѣлать изъ него орудіе, но отнюдь не задавался сознательною цѣлью придумыванія техническихъ приспособленій. Или, какъ говоритъ Гейгеръ въ своей замѣчательной работѣ о „Происхожденіи и развитіи человѣческаго языка и разума":

Орудіе было названо по своей спеціальной дѣятельности, но лишь поскольку эта послѣдняя совершалась до и безъ него. Отсюда становится вѣроятнымъ, что дѣйствія человѣка, выполняющіяся посредствомъ орудій, представляютъ лишь развитіе непосредственныхъ дѣйствій, т. е. что орудіе было первоначально не придумано, но случайно найдено въ какомъ-нибудь природномъ предметѣ, наталкивающемъ на посредствующее приложеніе; и что внезапное превращеніе, напр., процесса рванья въ процессъ рѣзанья никогда не имѣло мѣста, но происходило лишь постепенно, при чемъ вспомогательное орудіе пріобрѣтало все болѣе и болѣе самостоятельности, какъ это дѣлается съ нимъ еще теперь, уже болѣе не покидая человѣческой руки, и, наконецъ, начинало работать само по себѣ, какъ машина. И этотъ столь же постепенный, сколько совершенный переходъ человѣческой дѣятельности, опирающейся на неодушевленное орудіе, въ чисто животную дѣятельность, если мы прослѣживаемъ этотъ процессъ, возвращаясь назадъ, обнаруживается неоспоримо въ тысячахъ случаевъ, доставляемыхъ языкомъ *).

Это безсознательное, зоологическое, такъ сказать, происхожденіе техники не мѣшаетъ, однако, тому же мыслящему изслѣдователю придавать ей громадное значеніе въ развитіи цивилизаціи. Въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенной на международномъ археологическомъ и историческомъ конгрессѣ въ Боннѣ въ 1868 г. (и напечатанной вмѣстѣ съ другими рѣчами въ сборникѣ „Къ исторіи развитія человѣчества"), Гейгеръ выразилъ эту мысль въ очень яркой формѣ:

Употребленіе орудій, которыя человѣкъ самъ изготовилъ, представляетъ собою гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ что-либо другое, наглядный и отличительный признакъ человѣческаго образа жизни. На этомъ основаніи вопросъ о возникновеніи орудія является предметомъ величайшей важности для первобытной исторіи человѣка... Я нисколько не сомнѣваюсь, что должно было

*) L. Geiger, *Ursprung und Entwickelung der menschlichen Sprache und Vernunft*; Штутгартъ, 1872, 2-ой (посмертный) томъ, стр. 48.

существовать такое время, когда человѣкъ не обладалъ ни утварью, ни орудіями, но вполнѣ довольствовался своими естественными органами; что затѣмъ послѣдовало время, когда онъ былъ уже въ состояніи распознавать похожие на эти органы случайно найденные природные предметы, употреблять ихъ, расширять при помощи ихъ силу своихъ естественныхъ органовъ, увеличивать эту силу, вооружать ее и, напр., пользоваться пустой чашей плода, какъ суррогатомъ сложенной въ ямку руки, которая была первымъ сосудомъ. Лишь когда употребленіе этихъ случайно попадавшихся человѣку орудій стало обычнымъ, возникла путемъ подражанія творческая дѣятельность... Человѣкъ становился тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ болѣе возростала его способность пользоваться вещами. И благодаря чему возростала эта способность? Ни по какой иной причинѣ, какъ потому, что возросла *способность примѣчать вещи*, способность, представляющая собою столь важную вещь, каковъ самъ *разумъ* *).

Какъ разъ въ связи съ послѣднимъ важнымъ соображеніемъ Гейгера я позволю себѣ, наконецъ, привести слова спинозиста и шопенгауэріанца Людвига Нуарэ, который, идя по стопамъ Гейгера и Каппа и, какъ они, игнорируя Маркса, писалъ въ своей отчасти метафизической, но интересной работѣ объ „Орудіи и его значеніи для исторіи развитія человѣчества“:

Мысли человѣка столь же мало вытекали,—какъ люди воображали долгое время, когда приписывали человѣческому разуму мистическую, необъяснимую дальше ничѣмъ и не выводимую больше ни изъ чего способность абстракціи,—столь же мало вытекали изъ простыхъ абстрактныхъ понятій, какъ конструирующая дѣятельность руки мало работала сначала на основаніи геометрическихъ фигуръ. Скорѣе, наоборотъ, и рука, и мышленіе связывались непосредственно съ человѣческими потребностями; и созданія руки, которыя были вмѣстѣ съ тѣмъ мыслями, возникали еще исключительно ради служенія этимъ потребностямъ. Они представляли собой поэтому нѣчто въ высокой степени конкретное,—эти древнѣйшіе предметы человѣческой дѣятельности и человѣческаго мышленія; но по мѣрѣ того, какъ расширялась ихъ сфера, возростало и увеличивалось разнообразіе упражненій и способностей руки, и такимъ образомъ вырабатывался постепенно въ разумѣ, привыкавшемъ сравнивать одну вещь съ другой, тотъ таинственный, до сихъ поръ еще невыясненный даръ абстракціи **).

V.

Какъ мы должны представлять себѣ механизмъ вліянія техническихъ приспособленій на психологію человѣка, эволюція которой должна лежать въ основѣ прогресса общественныхъ учрежденій? Благодаря чему увеличивается тотъ „даръ абстракціи“, о которомъ мы только что слышали отъ Нуарэ, та сила отвлеченія, которая начинается съ сравненія инстинктивныхъ движеній органовъ тѣла—и въ особенности руки,—и которая прежде

---

*) *Zur Entwickelungsgeschichte der Menschheit*; Штутгартъ, 1871, стр. 41—44, passim.

**) Ludwig Noiré, *Das Werkzeug und Seine Bedeutung für die Entwickelungsgeschichte der Menschheit*; Майнцъ, 1880, стр. 94.

всего служитъ примитивнымъ человѣческимъ потребностямъ, чтобы затѣмъ дойти до всеобъемлющихъ процессовъ научной и эстетической мысли? Если мы не хотимъ стоять на метафизической точкѣ зрѣнія, то намъ прежде всего предстоитъ поставить этотъ вопросъ на біологическую почву, т. е. посмотрѣть, чѣмъ, главнымъ образомъ, отличается въ органическомъ отношеніи человѣкъ отъ тѣхъ зоологическихъ предковъ, которые при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ дали начало „царю творенія“. Такъ какъ, къ сожалѣнію, наукѣ до сихъ поръ не удалось открыть нашего ближайшаго родоначальника, то намъ приходится обратиться къ сравненію современнаго человѣка съ современными же человѣкообразными обезьянами, въ которыхъ, однако, надо видѣть не зоологическихъ отцовъ нашихъ, какъ желательно утверждать любителямъ распространенной пародіи на дарвинизмъ, но нашихъ захудалыхъ „лѣсныхъ кузеновъ“, т. е. младшую вѣтвь той славной семьи приматовъ, чья старшая вѣтвь съ бою взяла у природы право называться человѣкомъ.

Главнѣйшая разница между человѣкомъ и антропоидами заключается въ количествѣ и гораздо болѣе сложной структурѣ мозга. Въ то время, какъ у громадныхъ человѣкоподобныхъ обезьянъ (гориллы, шимпанзэ и орангъ-утанга) мозгъ вѣситъ въ среднемъ лишь 360 граммовъ, у европейца его вѣсъ достигаетъ 1360 граммовъ *). Вмѣстѣ съ тѣмъ извилины сѣраго корковаго вещества, опредѣляющія сложность психическихъ процессовъ, у человѣка выражены несравненно рѣзче. Если упомянутое сѣрое вещество составляетъ отъ 37% до 38% общаго вѣса всего мозга, то двѣ трети этого вещества служатъ центрами чувствительности и движенія, но послѣдняя треть, отличающаяся исключительно богатыми извилинами,—въ особенности у выдающихся личностей,— предназначена, повидимому, связывать различные мозговые центры между собою и создавать въ насъ сознаніе этой связи. Отсюда названіе „центровъ ассоціаціи“, данное этой долѣ сѣраго корковаго вещества извѣстнымъ нѣмецкимъ физіологомъ Флессигомъ, много работавшимъ надъ соотношеніями между мозгомъ и такъ называемой душой и надъ локализаціей умственныхъ процессовъ. Но эта сложность мозговой структуры, сильно обнаруживающаяся у человѣка и гораздо слабѣе выраженная у антропоидовъ, должна быть мысленно увеличена еще въ нѣсколько разъ, если справедлива все болѣе и болѣе становящаяся правдоподобною гипотеза извѣстнаго испанскаго гистолога Рамона-и-

*) См. интересную и содержательную въ своемъ сравнительно небольшомъ объемѣ антропо-этнологическую книгу, которой я пользуюсь отчасти въ этой главѣ: J. Deniker, *The Races of man. An outline of anthropology and ethnography*; Лондонъ, 1900, стр. 17—18 и слѣд. (составляетъ 37-ой томъ научной англійской библіотеки, носящей общее заглавіе „The Contemporary Science Series“).

Кахала (Ramon y Cajal), утверждающаго, что пирамидальныя сѣрыя клѣтки, образующія, вмѣстѣ съ своими различными отростками и продолженіями, то, что называется *нейрономъ*, не спаяны постоянно между собою, но могутъ при помощи этихъ щупальцевъ вступать въ различныя взаимныя соприкосновенія. Отсюда можно представить себѣ все безконечное разнообразіе комбинацій, которыя составляются путемъ такого или иного временнаго соединенія всевозможныхъ „центровъ ассоціаціи".

Другою существенною разницею между человѣкомъ и антропоидами, тѣсно связанною, по воззрѣніямъ современной антропологіи, съ только что указанною, является вертикальное положеніе человѣка, въ свою очередь находящееся въ тѣсной связи съ біологическимъ раздѣленіемъ труда между верхними и нижними оконечностями. I. Ранкэ выставилъ даже гипотезу, что именно могучее развитіе мозга, повлекшее за собой не менѣе интенсивное развитіе черепа на счетъ челюстей, крайне облегчило условія равновѣсія головы у примата. Оно дало возможность звѣрю, вырабатывавшемуся въ человѣка, все легче и легче принимать вертикальное положеніе, не требовавшее для поддерживанія головы почти никакихъ мускульныхъ усилій, тогда какъ необыкновенно тяжелая передняя часть морды и не менѣе громоздскія массы челюстныхъ мускуловъ антропоидовъ нуждаются въ очень сильной мускулатурѣ шеи, удерживающей голову отъ паденія впередъ.

Съ другой стороны, человѣко-образныя обезьяны, даже наиболѣе прямо державшіяся при ходьбѣ,—напр., гиббонъ,—являются въ гораздо большей степени четверорукими, чѣмъ двуногими существами. Ихъ естественный способъ передвиженія, это—лазанье по деревьямъ, при чемъ онѣ обнаруживаютъ очень большое искусство. Между тѣмъ по землѣ, вслѣдствіе длинноты пальцевъ ихъ нижнихъ оконечностей, онѣ ступаютъ неуклюже „или внѣшними краями подошвъ, или же, какъ орангъ-утангъ и шимпанзэ, тыльною поверхностью согнутыхъ пальцевъ" *), опираясь такимъ же способомъ при своемъ сильно наклонномъ положеніи на согнутые пальцы верхнихъ оконечностей. Именно эта длина пальцевъ и противополагающійся большой палецъ, какъ на верхнихъ, такъ и на нижнихъ оконечностяхъ, и служатъ причиною того, что антропоиды, обладая четырьмя руками, лишены въ сущности ногъ, какъ спеціальныхъ органовъ передвиженія. А именно на эти послѣдніе перешелъ у людей трудъ стоянья, ходьбы, бѣганья, пляски и т. п. операцій, и такимъ образомъ получилась возможность верхнимъ оконечностямъ стать спеціальными органами производства и созиданія орудій.

---

*) Oscar Peschel, *Völkerkunde*; Лейпцигъ, 1881, 5-е изд. (пересмотрѣнное Alfred Kirchhoff'омъ), стр. 11.

Какъ же,—повторимъ теперь,—можно представить себѣ, на основаніи вышеуказанныхъ различій между человѣкомъ и антропоидами, механизмъ вліянія техники на приматовъ, становившихся, благодаря ей, все болѣе и болѣе людьми. Укажемъ на нѣсколько гипотетическихъ, но наиболѣе вѣроятныхъ моментовъ этой трансформаціи. Теперь у антропологовъ все болѣе и болѣе получаетъ право гражданства предположеніе, что первобытный человѣкъ изъ существа, лазающаго по деревьямъ, сталъ прежде всего существомъ, живущимъ въ пещерахъ и расширяющимъ и приспособляющимъ для житья природные гроты или же вырывающимъ въ землѣ искусственныя убѣжища. Въ процессѣ этого рытья, которое въ первое время могло быть и прогрызываніемъ сквозь твердую поверхность почвы, жесткую траву, корни деревьевъ,—причемъ страшные зубы примата (вспомните нашихъ знакомцевъ сэрисовъ, не нуждающихся въ ножахъ) находили дѣятельную помощь въ гибкихъ и сильныхъ оконечностяхъ,—въ процессѣ, говоримъ, этого рытья верхнія оконечности по самому положенію своему играли большую роль и, стало быть, должны были пріобрѣтать все большую и большую ловкость движеній, тогда какъ нижнія оконечности являлись по преимуществу органами стоянья, опоры, упиранья и теряли гибкость и цѣпкость, характеризовавшую ихъ въ „древесный періодъ“ жизни человѣчества. Такъ вырабатывалась первая грубая дифференціація между тѣмъ, что должно было стать впослѣдствіи руками, и тѣмъ, что превратилось въ ноги.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нашимъ предкамъ-троглодитамъ могъ въ томъ же самомъ процессѣ рытья попасться „подъ руку“ — не только въ фигуральномъ, а и въ буквальномъ смыслѣ—какой нибудь камень, твердый корень или сукъ, который они могли тутъ же пустить въ ходъ для дальнѣйшаго разрыванья и немедленно почувствовать значительное облегченіе операціи. Камень съ болѣе или менѣе острыми краями могъ дать начало различнымъ скребущимъ, скоблящимъ, буравящимъ, перетирающимъ и въ концѣ концовъ рѣжущимъ инструментамъ, которымъ поверхностные изслѣдователи древней цивилизаціи любятъ давать современныя названія „заступовъ“, „долотъ“, „ножей“, но для которыхъ серьезные пале-этнологи сохраняютъ названія, идущія отъ первобытныхъ еще не достаточно дифференцированныхъ операцій, выполнявшихся при помощи ихъ *). Точно такъ же сукъ или корень могъ преобразоваться въ заостренную большую и тяжелую палку, которая служитъ первобытнымъ плугомъ у многихъ ди-

*) По такому принципу составлена номенклатура и написанъ каталогъ замѣчательнаго „музея древностей“ въ Сэнъ-Жермэнъ-анъ-Лэ (St.-Germain-en-Laye, въ 20 верстахъ отъ Парижа), — музея, возбуждающаго раціональностью коллекцій зависть крупнѣйшихъ нѣмецкихъ ученыхъ.

кихъ земледѣльческихъ племенъ, напр., у папуасовъ Новой Гвинеи, и т. п.

Отнынѣ рука могла терять свои черезчуръ грубыя свойства звѣриной лапы (см. выше Каппа), сваливая наиболѣе тяжелыя операціи на свое каменное или деревянное продолженіе во внѣшнемъ мірѣ, становящееся орудіемъ труда, и вырабатывая въ себѣ постоянно все болѣе и болѣе тонкія чувства осязанія и координаціи движеній, какія поражаютъ насъ уже въ рукѣ обыкновеннаго гравера, но получаютъ характеръ положительнаго нервно-мускульнаго волшебства въ рукѣ скрипача Паганини или живописца Мейссонье. Здѣсь, однако, мы касаемся какъ разъ того пункта, гдѣ грубыя, въ началѣ почти инстинктивныя операціи человѣческой руки, работающей при помощи неуклюжихъ первобытныхъ орудій, переходятъ во все болѣе и болѣе усложняющіеся душевные процессы, которые составляютъ почву для выработки психологіи цивилизованнаго человѣка съ его необыкновенно разнообразнымъ внутреннимъ міромъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ни одно движеніе мускуловъ, вызываемое извѣстнымъ нервнымъ процессомъ, не можетъ быть выполнено, не оставивъ извѣстнаго отпечатка въ нервныхъ центрахъ, будетъ ли оно сознаваемо нами или останется въ области безсознательной „органической памяти". Повтореніе же ряда такихъ движеній будетъ, несомнѣнно, вызывать образованіе опредѣленнаго психическаго русла, по которому съ большею легкостью будутъ течь процессы иннерваціи. Въ концѣ концовъ этимъ путемъ должны будутъ выработаться въ центральномъ нервномъ органѣ человѣка, какимъ является мозгъ, не только строго локализированные центры чувствительности и движенія, но и тѣ опредѣленные, хотя и безконечно многочисленные способы взаимнаго касанія и, если можно такъ выразиться, притягиванія и отталкиванія щупальцевъ нейроновъ, которые выразятся въ образованіи флессинговскихъ „центровъ ассоціацій".

Представьте теперь ясно сравнительную элементарность органическихъ движеній животнаго или человѣка безъ орудій, и посмотрите, какимъ обогащеніемъ для этихъ движеній явятся первыя, хотя бы простѣйшія, полуинстинктивныя операціи человѣка, выполняемыя имъ при посредствѣ самыхъ грубыхъ, почти случайныхъ инструментовъ труда. Какъ только приматъ началъ вліять на внѣшній міръ не прямо, лишь при посредствѣ своихъ органовъ тѣла, которые онъ не можетъ „скинуть съ себя", согласно удачному выраженію Аристотеля, но косвенно, вдвигая между внѣшней обстановкой и самимъ собой первые, вмѣстѣ и столь громоздкіе, и столь слабые, элементы „искусственной среды", способность абстракціи сдѣлала громадный шагъ впередъ. Между практической посылкой, какую представляетъ собой человѣческая потребность, и практическимъ заключеніемъ, выражающимся въ

удовлетворенія этой потребности, былъ отыскиваемъ и послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ попытокъ найденъ „средній терминъ", среднее предложеніе грознаго жизненнаго силлогизма, отъ удачной постройки котораго зависѣло счастіе, а зачастую и самое существованіе человѣка. Подумайте, какую силу мысли долженъ былъ обнаружить рядъ поколѣній, выработавшій пріемы для добыванія огня треніемъ, или лукъ и стрѣлы, или знаменитый въ исторіи культуры топоръ, передъ механическимъ значеніемъ котораго преклоняются всѣ мыслящіе историки-технологи, и Каппъ, и Рёло, и Нуарэ. Какая могучая способность къ абстракціи обнаружилась въ мозгу тѣхъ дикарей, которые успѣли охватить однимъ обобщающимъ процессомъ мысли столь непостижимую въ сущности для первобытнаго человѣка послѣдовательность явленій, какъ бросаніе въ землю зерна, подвергающагося гніенію, и возвращеніе землей посѣяннаго, но уже въ гораздо большихъ размѣрахъ. Недаромъ греческій міръ,—эта весна человѣческой цивилизаціи,—создаетъ цѣлый граціозный миѳъ, чтобы объяснить таинство прозябанія, тотъ миѳъ, который Шиллеръ не менѣе граціозно воспроизводитъ въ „Жалобѣ Цереры"...

Конечно, мы не должны преувеличивать сознательность первыхъ пріемовъ техники. Но воздавъ должное и случайности, и смутному инстинкту, мы все же находимся лицомъ къ лицу съ цѣлымъ новымъ міромъ психическихъ процессовъ, которые сопровождаютъ начинающееся порабощеніе человѣкомъ природы при помощи орудій. Эти процессы вызываютъ въ немъ сначала способность утилитарнаго вниманія, имѣющаго въ виду опредѣленную практическую цѣль, а затѣмъ создаютъ почву и для послѣдующаго безкорыстнаго вниманія, которое проявится впослѣдствіи и въ самоотверженномъ изысканіи ученаго, и въ великой грезѣ артиста, и въ альтруистическомъ подвигѣ героевъ общественной солидарности. Все, что увеличивало количество мозга и сложность связи между его клѣточками, все, что намѣчало новые пути иннерваціи и усиливало старые, все это закладывало прочное основаніе дальнѣйшей эволюціи человѣческой психологіи. И въ этомъ случаѣ чисто зоологическія операціи, совершавшіяся человѣкомъ при посредствѣ органовъ тѣла, по самому однообразію и простотѣ своей не могли выдерживать сравненія съ техническими операціями, которыя приматъ сталъ выполнять при помощи внѣшнихъ искусственныхъ органовъ тѣла, представляющихъ орудія труда.

Цѣлесообразныя движенія рукъ, оставлявшія слѣдъ въ формѣ извѣстныхъ сочетаній между нейронами, производили, согласно мнѣнію новѣйшей психологической школы, даже большее дѣйствіе на мозгъ, чѣмъ движенія органовъ рѣчи, выражавшіяся въ языкѣ. Въ современной наукѣ все болѣе и болѣе обнаруживается реакція противъ прежнихъ взглядовъ, которые приписывали пре-

увеличенное значеніе человѣческой рѣчи и пріурочивали и, можно сказать, даже отожествляли образованіе словъ и образованіе понятій, эволюцію языка и эволюцію ума. Если раньше предполагалось, что выработка абстрактныхъ понятій есть результатъ исключительно рѣчи, результатъ умственной операціи надъ *словами*, то новѣйшая психологія ищетъ эту выработку,—разумѣется, въ первые фазисы человѣческой исторіи,—преимущественно въ чувственномъ отвлеченіи различныхъ сторонъ *вещей* путемъ отдѣленія одного реальнаго свойства ихъ отъ другого, путемъ сравненія однѣхъ вещей съ другими, путемъ наблюденія взаимныхъ отношеній между ними. А всѣ эти процессы должны были совершаться тѣмъ съ большею энергіею, чѣмъ болѣе разнообразную и вмѣстѣ точную поддержку давали нашимъ различнымъ чувствамъ сознательныя операціи манипулирующихъ рукъ, которыя въ процессѣ труда принуждены были именно поставлять различныя вещи во всевозможныя отношенія между собою и даже создавать новые предметы. И современная психологія развертываетъ параллельно съ рядомъ все усложняющихся свободно движущихся въ разныхъ плоскостяхъ верхнихъ (болѣе близкихъ къ органамъ внѣшнихъ чувствъ) оконечностей у собаки, медвѣдя, обезьяны, человѣка, рядъ все усиливающихся способностей вниманія при касаніи и ощупываніи вещей и способностей абстракціи ихъ различныхъ свойствъ. Такъ постепенно создавался рядъ навыковъ и координацій нервно-мускульной системы; такъ увеличивались въ числѣ и возрастали въ сложности центры чувствительности, движенія и ассоціаціи, замѣчаемые или предполагаемые въ мозгу; такъ, словомъ, создавалась біологическая почва для человѣческой психологіи. И я позволю себѣ привести слѣдующія одну—двѣ замѣчательныя страницы изъ послѣдняго сочиненія о „Логикѣ чувствъ“ столь мыслящаго и мало склоннаго къ метафизикѣ психолога, какимъ является Т. Рибо,—страницы, которыя ярко и энергично изображаютъ эволюцію самаго высшаго продукта человѣческаго духовнаго міра, а именно логической мысли, и убѣдительно доказываютъ причинную зависимость ея развитія отъ развитія техники, направленной, однако, сначала на удовлетвореніе непосредственныхъ потребностей людей:

Много было писано и высказано гипотезъ объ умственной организаціи первобытнаго человѣка. Ни общепринятыя теоріи, ни критика и сомнѣнія, высказывающіяся по этому поводу, не имѣютъ большого значенія для разсматриваемаго нами вопроса. Ибо, помимо гипотетическаго построенія человѣка, принадлежащаго къ доисторическому періоду, у насъ есть современные дикари, разсматриваемые,—вѣрно или невѣрно, это другое дѣло,—какъ эквивалентъ этого доисторическаго человѣка. Относительно такихъ дикарей мы обладаемъ многочисленными, разнообразными и положительными свѣдѣніями. Что вытекаетъ изъ нихъ, такъ это очень низкій уровень логическихъ способностей дикарей: неспособность къ абстракціи, крайняя трудность связывать идеи согласно ихъ объективнымъ отношеніямъ, и т. п. Но дикарь способенъ къ

практическому разсужденію, построенному при помощи воспріятій и образовъ,— тѣхъ *среднихъ предложеній*, которыя ведутъ къ *заключенію*... Эти попытки выводовъ (inférence) коренятся въ жизненной необходимости. Онѣ отвѣчаютъ на вопросы, которые дикарь ставитъ себѣ въ виду естественныхъ и сверхъестественныхъ агентовъ. Его разсужденіе, какъ и всякое другое, состоитъ въ томъ, чтобы найти посредствующіе элементы, которые ведутъ къ окончательной цѣли. Чтобы убѣдиться въ этомъ, пусть читатель припомнитъ въ общихъ чертахъ пріемы, которые первобытный человѣкъ скомбинировалъ въ виду своихъ потребностей: пищи (охота, рыбная ловля), защиты отъ непогоды (одежда жилище), нападенія на животныхъ и себѣ подобныхъ, а также и отраженія ихъ (оружіе, которое станетъ впослѣдствіи орудіями) и т. д... Во всѣхъ такихъ случаяхъ онъ воображаетъ, онъ изобрѣтаетъ, но изобрѣтаетъ не свободно: трудъ воображенія не является чистой фантазіей; онъ обусловленъ цѣлью. Рядъ воспріятій и образовъ, изъ которыхъ слагается постройка его лука, его сѣти изъ древесной коры или его обрядовъ, являются для нецивилизованнаго человѣка средними предложеніями того конкретнаго разсужденія, состоящаго изъ дѣйствій, окончательнымъ заключеніемъ котораго будетъ успѣхъ или неудача...

Такимъ образомъ устанавливается различіе между достовѣрными и недостовѣрными случаями. Въ теченіе этого періода логической эволюціи, опытъ служитъ единственнымъ средствомъ контроля, критеріемъ...

...Чистая логика... прогрессировала pari passu (одинаковымъ шагомъ) съ прогрессомъ техники. Было бы легко дать доказательства этого, опираясь на историческіе документы. Техника есть мать раціональной логики: изобрѣтеніе инструментовъ, орудій, плавки металловъ, мореплаванія, астрономіи, землемѣрства и т. п., въ силу самой практической необходимости, управлявшей этимъ процессомъ, пріучило человѣческій умъ къ дисциплинѣ при разсужденіи. Не будемъ забывать, однако, что это произошло не сразу, и что раціональное заключеніе (inférence) не возникло внезапно чистымъ отъ всякой аффективной примѣси. Чтобы достигнуть своей цѣли,—будетъ ли то устройство западни для дичи, или тактическій пріемъ для побѣды надъ непріятелемъ, излѣченіе болѣзни или одна изъ многочисленныхъ оставшихся намъ неизвѣстными функцій,—первобытный человѣкъ долженъ былъ изобрѣтать посредствующія звенья разсужденія. Между этими средствами, добытыми интуиціей, пробой, случаемъ, одни оказывались дѣйствительными, другія вредными, третьи безразличными; и если опытъ выдвинулъ тѣ изъ нихъ, которыя ведутъ къ цѣли, и тѣ, которыя удаляютъ отъ нея, то онъ умалчиваетъ относительно третьей группы. Несомнѣнно, что первобытные пріемы разсужденія, увѣнчавшіеся успѣхомъ въ силу ихъ *раціональности*, т. е. вслѣдствіе ихъ приспособленности къ дѣйствительной природѣ вещей, не были чисто раціональными, но заключали въ себѣ смѣсь и элементовъ эмоціи и воображенія, считавшихся, однако, равноцѣнными съ ними: все это составляло въ то время одну глыбу. Извѣстно, въ какой степени первобытная техника проникнута іератическимъ характеромъ. Столь обыденныя съ нашей точки зрѣнія операціи, какъ изготовленіе инструмента или постройка хижины, требуютъ для нецивилизованнаго человѣка сверхъестественнаго вмѣшательства, молитвъ, жертвоприношеній, заклинаній, различныхъ обрядовъ, магическихъ формулъ. Сообразно его способу мышленія все это необходимые посредники для достиженія цѣли. Это—доля логики чувствъ, а другая доля остается еще на половину вкрапленной въ этотъ конгломератъ. Лишь путемъ долгой культуры безразличіе и тщетность этихъ средствъ выясняется вполнѣ, и эмансипація раціональной логики окончательно завершается *).

Мы видимъ, такимъ образомъ, какова была роль практическихъ

*) Th. Ribot, *La logique des sentiments*; Парижъ, 1905, стр. 25—28, passim.

необходимостей жизни и удовлетворяющей ихъ техники въ томъ долгомъ процессѣ человѣческой эволюціи, который создалъ современную логику и положилъ основаніе работѣ абстрактной мысли и вообще сложнымъ психическимъ процессамъ цивилизованнаго человѣка.

Мнѣ остается въ заключеніе этой первой статьи лишь вкратцѣ формулировать выводы, къ которымъ я считаю себя въ правѣ придти на основаніи матеріала, разсмотрѣннаго здѣсь вмѣстѣ съ читателемъ.

1) Главнѣйшій пунктъ ученія Маркса заключается въ указаніи основного значенія матеріальныхъ производительныхъ силъ для общественной эволюціи.

2) Это значеніе состоитъ въ томъ, что на измѣненіе человѣческой психологіи вліяетъ измѣняющійся же элементъ „искусственной среды", т. е. техники.

3) Разъ образовалось извѣстное равновѣсіе между организмомъ первобытныхъ жителей и окружающей ихъ природной средой (см. сэрисовъ), то лишь медленное наростаніе техническихъ пріемовъ, хотя и парализуемыхъ самимъ этимъ біологическимъ приспособленіемъ, въ состояніи вывести общество изъ неподвижности.

4) Понятіе о вліяніи искусственной среды затушевывалось понятіемъ о вліяніи среды вообще и сдѣлало большой шагъ впередъ въ связи съ опредѣленіемъ роли руки, какъ „орудія орудій".

5) Техника провела рѣзкую границу между человѣкомъ и его ближайшими зоологическими родичами и явилась наиболѣе вѣроятною причиною усложненія психической организаціи человѣка.

Н. Е. Кудринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛЮДОѢДЫ.

Разсказъ.

Ольга Игнатьевна, старшая надзирательница Z-скаго женскаго сиротскаго пріюта, только что собралась побаловаться кофейкомъ и уже поставила кофейникъ на спиртовку, какъ вдругъ въ дверь ея комнаты торопливо постучались, и вслѣдъ затѣмъ на порогѣ показалась дежурная дѣвочка съ встревоженнымъ лицомъ.

— Ольга Игнатьевна!—запыхавшись, сказала она.—Тамъ васъ какая-то дама спрашиваетъ... важная такая... вся въ кружевахъ!..

Ольга Игнатьевна всплеснула руками и засуетилась.

— Ахъ, батюшки мои, да кто же это? Ужъ не губернаторша ли?

— Нѣтъ, не губернаторша, губернаторшу-то я видѣла, а это какая-то совсѣмъ незнакомая.

— Ну, такъ предводительша новая... Вотъ нанесло-то не во время. Господи, ничего у насъ не прибрано, вездѣ безпорядокъ... Ты поди, пригласи ее въ пріемную покуда, а я сейчасъ выйду. Слышишь, въ пріемную?..

Дѣвочка скрылась, а Ольга Игнатьевна потушила спиртовку, пригладила передъ зеркаломъ свои и безъ того прилизанные волосы, оправила воротничокъ и, придавъ своему лицу почтительно-сладкое выраженіе, скользящей походкой поплыла въ пріемную.

Навстрѣчу ей поднялась высокая, пышно одѣтая дама и съ любезною улыбкой закивала роскошными страусовыми перьями своей модной шляпы. „Нѣтъ, это не предводительша“... подумала Ольга Игнатьевна, опытнымъ взглядомъ окидывая костюмъ и наружность посѣтительницы. „Предводительша — не предводительша, ну, а всетаки, должно быть, настоящая барыня, небось, одна накидка рублей 50 заплачена“... И, дѣйствительно, незнакомка производила впечат-

лѣніе „настоящей барыни“. Все въ ней, начиная съ дорогихъ кружевъ на платьѣ и кончая маленькими ручками, затянутыми въ лайковыя перчатки,—все было въ высшей степени элегантно, изящно и носило отпечатокъ самой утонченной культурности. Не смотря на лучистыя морщинки около глазъ и нѣкоторую поблеклость кожи, она была еще очень моложава и недурна собой, а всѣ ея манеры, улыбка, интонація голоса, были проникнуты тою снисходительною благожелательностью, которую люди высшей расы любятъ иногда изливать на маленькихъ людишекъ, стоящихъ въ самомъ низу общественной лѣстницы. Ольга Игнатьевна даже немножко оробѣла и на любезный поклонъ пышной дамы отвѣтила заискивающимъ присѣданіемъ.

— Извините, пожалуйста...—пробормотала она смущенно.— Не имѣю чести знать, кто вы такія... чѣмъ могу служить?

— Моя фамилія Тулупьева!— очень охотно и все съ тою же снисходительною благожелательностью сказала дама, немножко картавя.—Мой мужъ служилъ по выборамъ въ Бабьегонскѣ... у насъ тамъ имѣніе. Небольшое, конечно... остатки прежняго величія!...— прибавила она съ кроткою улыбкой и тихонько вздохнула. — Знаете, теперь такъ трудно жить помѣщикамъ... всѣ разоряются, разоряются просто ужасно.

— Да, да!—поддакнула Ольга Игнатьевна и тоже сочувственно вздохнула, хотя никакого имѣнья у нея никогда не было, и весь свой вѣкъ она прослужила по чужимъ людямъ.

— Мой мужъ былъ очень благородный человѣкъ и никогда не занимался этими житейскими мелочами, — продолжала дама. — Служить предводителемъ, — это, знаете, очень разорительно. Балы, обѣды, пріемы!.. Когда я овдовѣла — пришлось очень, очень сократиться. У меня двое дѣтей, надо позаботиться объ ихъ воспитаніи, объ ихъ будущемъ. Сынъ въ гимназіи, дочь учится дома, на все нужны средства, средства... поневолѣ приходится экономить!

„Ну, матушка, на твой-то вѣкъ хватитъ!“ — подумала Ольга Игнатьевна, исподтишка жадно разсматривая дорогія кружева и сверкающую брилліантовую брошь m-me Тулупьевой.

— А я, знаете, такая безумная мать!—воскликнула m-me Тулупьева, и засмѣялась. — Я для нихъ не жалѣю ничего... они у меня такіе милые, такіе славные!..

— Это очень пріятно, — вставила Ольга Игнатьевна и снова испустила сочувственный вздохъ.

— О, конечно! Но воспитаніе... это такъ трудно, такъ трудно! Знаете, есть матери, которыя относятся къ этому легко, но я не могу, совершенно не могу! Меня все волнуетъ,

все мучитъ, — ихъ здоровье, ихъ нравственность, ихъ занятія... Дѣвочка—еще не такъ, это легко, но мальчикъ...

Она вдругъ остановилась и мило всплеснула своими ручками.

— Ахъ, Боже мой, что же я дѣлаю? Болтаю, болтаю, — и забыла, что вы, можетъ быть, заняты! Простите ради Бога... я ужасно безумная мать... дѣти — это моя idée fixe! Я могу быть нестерпима, когда заговорю о нихъ.

— Что вы... мнѣ очень даже пріятно! — поспѣшила опровергнуть Ольга Игнатьевна.

— Вы очень снисходительны,—съ очаровательной улыбкой сказала m-me Тулупьева.—Но видите ли, я къ вамъ по дѣлу. Мнѣ нужна прислуга. У меня есть женщина, очень преданная, давно служитъ, почти членъ семейства... но, знаете, она уже стара, и ей очень трудно справляться въ домѣ одной. Я бы хотѣла взять ей въ помощь молоденькую, опрятную, здоровую дѣвушку, но вѣдь такую на улицѣ не найдешь, неправда ли? Тутъ есть контора для прислугъ... но, признаюсь вамъ, я такъ боюсь этихъ конторъ... Богъ знаетъ, кого порекомендуютъ... какую-нибудь пьяницу, развратную, а у меня дочь! На дняхъ у меня была m-me Мольская... вы знаете m-me Мольскую? Она у васъ тутъ, кажется, попечительницей, или что-то въ этомъ родѣ...

— Лизавета Григорьевна?.. Какъ же, какъ же... онѣ у насъ очень даже часто бываютъ! — сказала Ольга Игнатьевна, и лицо ея приняло еще болѣе подобострастное выраженіе.

— Ну, вотъ... она мнѣ даже свою карточку дала (M-me Тулупьева порылась въ изящномъ плюшевомъ мѣшечкѣ и протянула Ольгѣ Игнатьевнѣ крошечную карточку съ золотымъ обрѣзомъ). Прелестная женщина... и такъ добра, такъ добра, это даже рѣдко можно встрѣтить въ наше время. Истинная христіанка!

„Христіанка... а дѣвчонокъ по щекамъ лупитъ, какъ извозчикъ!“ — подумала Ольга Игнатьевна, но вслухъ этого не сказала, и только состроила притворно-умильную улыбку въ знакъ своего согласія.

— Ну, вотъ она мнѣ и посовѣтовала обратиться сюда. Если, говоритъ, вы хотите имѣть порядочную, честную и хорошо воспитанную дѣвушку, обратитесь въ нашъ пріютъ. Воспитывать хорошую прислугу, это—наша спеціальность! Ну, разумѣется, я обрадовалась... это для меня такая находка, такая находка!...

— Дѣйствительно, у насъ дѣвушки очень хорошія,—подтвердила съ гордостью Ольга Игнатьевна.—Это ужъ правду можно сказать, прелестнаго воспитанія дѣвицы! Шьютъ, вяжутъ, вышиваютъ что угодно, готовить тоже умѣютъ на по-

варской манеръ, — есть даже такія, которыя рисуютъ, цвѣты дѣлаютъ. Въ хорошихъ домахъ нашими пріютскими дѣвушками очень дорожатъ!

— Ну, еще бы! Это такое благодѣяніе для насъ... вы знаете, какъ трудно теперь найти хорошую прислугу. Стало быть, я могу разсчитывать?..

— Ужъ не знаю, какъ вамъ сказать, мадамъ... Я могу вамъ порекомендовать двухъ, но одна изъ нихъ, пожалуй, ужъ очень молода. Боюсь, что вамъ эта не подойдетъ... 16 лѣтъ, еще вѣтеръ въ головѣ ходитъ.

— Ахъ, Боже мой, тѣмъ лучше, я именно хочу молоденькую! Моя Зинаида такая ворчунья стала, — пріятно отдохнуть отъ ея вѣчнаго брюзжанья. Такъ пріятно видѣть въ домѣ свѣженькое, улыбающееся личико... Но, можетъ быть, вы будете такъ добры показать мнѣ этихъ дѣвочекъ?

— Съ удовольствіемъ,—сказала Ольга Игнатьевна и позвонила въ колокольчикъ, стоявшій на столѣ.

На звонокъ явилась дежурная дѣвочка.

— Поди, позови сюда Пашеньку и Стешу,—приказала ей Ольга Игнатьевна. — Онѣ, должно быть, въ рукодѣльной, — скажи, чтобы поскорѣй прибѣжали.

II.

Въ пріемную вошли двѣ дѣвушки въ одинаковыхъ сѣрыхъ платьяхъ и бѣлыхъ фартукахъ и, скромно поклонившись, остановились у дверей.

— Поближе, поближе подойдите! — приказала имъ Ольга Игнатьевна.— Ну, вотъ, рекомендую: это Пашенька, а это — Стеша; какая понравится, ту и выбирайте!

M-me Тулупьева, дружелюбно улыбаясь, смотрѣла на обѣихъ дѣвушекъ. Одна изъ нихъ, высокая, худощавая брюнетка, съ блѣднымъ, красивымъ лицомъ и темными тѣнями подъ глазами, стояла понуро, вертя въ рукахъ кончикъ своего фартука, и въ ея взглядѣ, исподлобья, было что-то недоброе, затаенное и строптивое. Это и была Пашенька. Она не понравилась m-me Тулупьевой и на ея дружелюбную улыбку отвѣтила такимъ огонькомъ въ своихъ загадочныхъ глазахъ, что очаровательная дама немножко покраснѣла и поспѣшила перевести взглядъ на Стешу. Это была совсѣмъ въ другомъ родѣ и пришлась ей больше по душѣ, хотя была далеко не такъ красива и изящна, какъ Пашенька. Низенькая, курбатенькая, какъ молодой грибокъ-подосиновикъ, она цвѣла необыкновенной свѣжестью и простодушіемъ, но не красотой. Круглыя, толстыя щеки ея рдѣли густымъ грубо-

ватымъ румянцемъ; большіе, сѣрые глаза, почти безъ бровей, смотрѣли, по-дѣтски, весело и открыто; въ широкихъ ноздряхъ вздернутаго носа, въ ямочкахъ щекъ, въ толстыхъ красныхъ губахъ дрожалъ еле сдерживаемый смѣхъ, и, казалось, что она вотъ вотъ прорвется и захохочетъ на всю комнату. Гладко прилизанные, свѣтло-желтые волосы придавали ея лицу еще болѣе комическое выраженіе, и вся она была удивительно похожа на тѣхъ неуклюжихъ, большеголовыхъ, круглоглазыхъ куколъ, наивно нелѣпая улыбка которыхъ способна разсмѣшить самаго серьезнаго человѣка.

— Васъ, кажется, Стешей зовутъ? — ласково спросила m-me Тулупьева, намѣренно не обращая никакого вниманія на Пашеньку.

— Стешей... — отвѣчала дѣвушка, косясь на подругу, и не утерпѣла—фыркнула.

Ольга Игнатьевна сдѣлала ей сердитые глаза и укоризненно покачала головой, но m-me Тулупьева мило улыбнулась.

— У васъ, Стеша, должно быть веселый характеръ, — сказала она добродушно.—Это хорошо, я очень люблю веселыхъ. Хотите пойти ко мнѣ въ услуженіе?

При этихъ словахъ Стеша взволновалась, въ глазахъ ея блеснулъ испугъ, и она торопливо начала крутить кончикъ своего фартука.

— Не знаю... какъ Ольга Игнатьевна...—прошептала она.

— Ну вотъ еще, чего тутъ „Ольга Игнатьевна“? — заворчала надзирательница. — Тебя спрашиваютъ, а не меня, хочешь или не хочешь служить? А по моему, выходитъ хорошее мѣсто—и поступай, матушка, съ Богомъ! Мѣста то нынче на дорогѣ не валяются.

— У меня вамъ хорошо будетъ, Стеша, — продолжала m-me Тулупьева.—Я добрая, и дочка моя, Тотоша, прелестный ребенокъ. Обижать васъ не будемъ. Работы у насъ немного: комнаты убрать, ну, столъ накрыть, чайную посуду перемыть, Тотошу иногда проводить на прогулку. Жалованья 6 рублей... къ праздникамъ, конечно, подарки.

Перспектива новой, самостоятельной жизни, не похожей на приходскую, возбудила въ Стешиной душѣ какія-то смутныя, но пріятныя ощущенія, и испугъ въ ея глазахъ снова смѣнился улыбкой.

— Что-жъ, я ничего... я съ радостью!—пробормотала она.

— Ну, вотъ и прекрасно!—обрадовалась m-me Тулупьева.— Я очень рада. Приготовьтесь, возьмите ваши бумаги или какъ это?.. паспортъ?.. — и сегодня вечеркомъ переѣзжайте ко мнѣ. Адресъ свой я оставлю вашей начальницѣ. Такъ до свиданья, милая...

Дѣвушки вышли, а m-me Тулупьева продолжала, обращаясь къ Ольгѣ Игнатьевнѣ:

— Кажется, она славная, эта дѣвочка! Она мнѣ очень понравилась. Такое доброе, открытое лицо. И здоровая, должно быть!

— Господи, да ужъ мы за этимъ вотъ какъ слѣдимъ!— воскликнула Ольга Игнатьевна. — Съ чего имъ больными быть? Пища, помѣщеніе, уходъ—все самое лучшее! Только напрасно, мадамъ, Пашеньку не взяли,—она половчѣе и поразвитѣе будетъ, а Стеша еще молода, глупа...

— О, нѣтъ, это ничего! Она очень мила... А та, другая, скажу вамъ откровенно, мнѣ кажется, съ душкомъ... я такихъ боюсь. Мнѣ нужно попроще, знаете... я сама простая и люблю простыхъ, а эти развитыя, съ претензіями разными... Богъ съ ними!

— Ну, какъ угодно, это ужъ воля ваша. А намъ все равно,—согласилась Ольга Игнатьевна.

Когда дѣвушки вернулись въ рукодѣльную, тамъ уже всѣмъ было извѣстно, зачѣмъ пріѣзжала нарядная барыня, и пріютянки шумной гурьбой обступили Пашеньку и Стешу. Узнавъ, что Стеша поступила на мѣсто и сегодня уѣзжаетъ изъ пріюта, дѣвочки принялись ее цѣловать и тормошить.

— Счастливая ты! — восклицали онѣ съ завистью. — На своей волѣ будешь жить! Когда бы ужъ и намъ отсюда вырваться? Каждый день одно и то же... все по звонку, точно въ казармѣ... даже гулять водятъ, какъ солдатъ на ученье... разъ-два, разъ-два! Житье тебѣ, Стеша! Небось, рада?

— Да я и сама еще не знаю... — простодушно говорила Стеша.—Какъ будто и рада... а какъ будто и скучно чего-й-то. Васъ всѣхъ жалко... и пріютъ жалко.

— Вотъ ужъ нашла чего жалѣть!—хохотали подруги.— Пустыхъ щей да каши, да вотъ этого подрясника? Выдумала тоже! На мѣстѣ будешь служить, по крайней мѣрѣ, хоть платье-то какое хочешь надѣнешь! А здѣсь ходи цѣлый вѣкъ въ сѣрой хламидѣ, точно арестантка... опротивѣло до смерти!

Одна Пашенька не раздѣляла общихъ восторговъ, и, когда возбужденіе, вызванное событіемъ, немножко улеглось, она сказала Стешѣ:

— А мнѣ эта твоя мадамъ не понравилась. Змѣюка, должно быть, порядочная, даромъ что такъ вся и разстилается. „Я добрая!“ говоритъ. Знаемъ мы этихъ добрыхъ-то... на языкѣ медъ, а на сердцѣ ледъ! Всѣ онѣ добрые, а поживи съ ними, онѣ тебѣ всѣ жилы вытянутъ, да еще въ рожу вмѣсто благодарности наплюютъ.

— Съ чего?—возразила Стеша, обидѣвшись.—Я стараться

буду, стало быть, и плевать не за что. А ты все это отъ зависти говоришь, что не тебя наняли... Завидущая ты, Паша!

— Есть чему завидовать!—спокойно отвѣчала Пашенька.— Намъ, матушка моя, всѣмъ одна дорога—барскіе помои выносить, превозноситься нечего! А ты мнѣ хочешь — вѣрь, хочешь —не вѣрь, всетаки я тебѣ скажу: ты тамъ не очень слюни-то распускай, ходи, да оглядывайся. Больно ужъ ты проста, Стеша: тебя погладятъ, а ты сейчасъ и на заднія лапки... очень нужно! Ну, ужъ этого отъ меня никто не дождется!

— А какъ же, по твоему, надо?—спросила Стеша съ любопытствомъ.

— Да такъ, по моему: тебя погладятъ, а ты огрызнись,— небось, въ другой разъ не тронутъ. На все, матушка, надо характеръ имѣть.

Стеша засмѣялась и безпечно махнула рукой.

— Ну, Паша, ты ужъ скажешь! Какой тамъ еще характеръ? Небось, и безъ характера какъ-нибудь проживу...

III.

Въ этотъ же вечеръ Стеша, немножко заплаканная, но въ то же время улыбающаяся, со всѣми своими скудными пожитками переѣхала къ m-me Тулупьевой, и для нея началась новая жизнь.

M-me Тулупьева нанимала, на Дворянской улицѣ, довольно большую и удобную квартиру и, не смотря на „остатки прежняго величія“, вела домъ на широкую ногу. Она держала кучера, лошадей и приличный экипажъ; кушанья готовилъ поваръ, вывезенный изъ деревни, порядочный запивоха, какъ всѣ повара, но всетаки настоящій поваръ; жена его служила за прачку, и, кромѣ того, еще для разныхъ мелкихъ услугъ и посылокъ, на кухнѣ болталась дѣвчонка лѣтъ 12, безродная сиротка, которую m-me Тулупьева, по добротѣ сердечной, пріютила, кормила и одѣвала. Но самымъ главнымъ лицомъ въ домѣ была Зинаида, отъ своихъ дворовыхъ предковъ унаслѣдовавшая чисто собачью привязанность къ господамъ и до того сжившаяся со всѣмъ тулупьевскимъ, что совершенно не отдѣляла своихъ интересовъ отъ господскихъ. Преданность ея тулупьевскому дому простиралась до того, что она даже пренебрегла замужествомъ и осталась въ дѣвицахъ, не смотря на то, что въ молодости была, говорятъ, недурна собою и имѣла множество поклонниковъ. Въ настоящее время это была уже почтенная особа,

лѣтъ 55, высокая, сухопарая, съ окаменѣлымъ лицомъ, цвѣта высохшаго лимона, съ тусклыми, холодными, сѣрыми глазами и черными, необыкновенно густыми бровями, которыя во время разговора непріятно шевелились, точно огромныя, мохнатыя гусеницы. Не смотря на свою худобу, Зинаида отличалась желѣзнымъ здоровьемъ и, кромѣ зубной боли, никогда ничѣмъ не хворала. Съ самаго ранняго утра и до поздней ночи она неутомимо рыскала по всему дому, отвѣшивала, считала, выдавала, и ни одна ниточка барскаго добра, ни одна пылинка не ускользала отъ ея бдительнаго взора. За это свойство ее прозвали на кухнѣ „скрозьземельной“, а поваръ, подвыпивши, часто увѣрялъ, что Зинаида—вѣдьма, и что онъ даже собственными глазами видѣлъ у нея хвостъ, который она, будто бы, носитъ въ особомъ чехлѣ на манеръ дождевого зонтика. Но Зинаиду это нисколько не смущало, и она, какъ старый вѣрный песъ, неусыпно стерегла хозяйскій домъ, не поддаваясь ни на ласки, ни на угрозы. Многіе не вѣрили въ ея честность и были убѣждены, что Зинаида припрятала таки кое-что на черный день въ свой громадный, расписанный глазастыми розанами, сундукъ, стоявшій у нея подъ кроватью, но едва ли это была правда, да Зинаидѣ и не зачѣмъ было копить. Вина она не пила, гулять никуда не ходила, наряжаться не любила и круглый годъ одѣвалась въ одно неизмѣнное черное платье, изъ дешевенькаго люстрина, съ бѣлымъ плоенымъ фартукомъ, а на голову повязывала „фаншончикъ“ изъ порыжѣвшихъ кружевъ, который, по словамъ повара, былъ похожъ на совиное гнѣздо. Единственной ея слабостью было чистить зубы нюхательнымъ табакомъ, да и это удовольствіе она позволяла себѣ только разъ въ недѣлю, по субботамъ. Почему-то операція эта производилась ею въ глубокой тайнѣ и полномъ одиночествѣ: приступая къ ней, Зинаида тщательно запиралась на ключъ въ своей комнатѣ, потомъ доставала изъ завѣтнаго сундука жестяную коробочку съ табакомъ, крѣпко втирала его себѣ въ десна и зубы и, покончивъ съ этимъ дѣломъ, въ изнеможеніи опускалась на кроватъ. Сухое лицо ея вдругъ смягчалось; въ глазахъ появлялся теплый блескъ; на губахъ выступала улыбка блаженства... Такъ продолжалось съ полчаса, иногда съ часъ; потомъ Зинаида встряхивалась, прятала табакъ обратно въ сундукъ, оправляла передъ зеркаломъ платье и фаншончикъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, съ прежнимъ окаменѣлымъ лицомъ выходила изъ комнаты.

Зинаида первая встрѣтила Стешу въ домѣ Тулупьевыхъ. Приняла она ее довольно непривѣтливо, но когда оробѣвшая дѣвушка въ отвѣтъ на ея тускло-враждебный взглядъ улыб-

нулась своею кукольно-нелѣпою улыбкой, что-то въ родѣ смѣха пробѣжало по лицу Зинаиды и смягчило ея зачерствѣвшія черты.

— Вотъ еще... какая!.. Ну, ужъ и выбрали...—пробормотала она себѣ подъ носъ и, взявъ изъ рукъ Стеши ея вещи, повела новую горничную въ ея будущее помѣщеніе.

— Ну, что, какъ тебѣ понравилась Стеша?—спросила m-me Тулупьева Зинаиду, которая убирала ей на ночь волосы.

При этомъ вопросѣ лицо Зинаиды снова озарилось неопредѣленною усмѣшкой, которая промелькнула, какъ молнія, и исчезла такъ же быстро, какъ и появилась, смѣнившись обычною каменною неподвижностью.

— Да что-жъ... ничего!—отрывисто и сухо проговорила Зинаида.—Молода больно... глупа! За ней за самой еще глядѣть надо. И все смѣется, чего ей ни скажи.

— Что-жъ, это и хорошо. Веселый характеръ. А что глуповата и некрасива, такъ это даже... и лучше! — сказала m-me Тулупьева и улыбнулась.

Зинаида поймала въ зеркалѣ эту улыбку и еще больше закаменѣла.

— Ну, а если вамъ хорошо, такъ и мнѣ хорошо... прислуга ваша и воля ваша!—холодно замѣтила она и, пожелавъ барынѣ спокойной ночи, вышла.

IV.

Послѣ казарменной обстановки пріюта, голыхъ и холодныхъ стѣнъ дортуаровъ, длинныхъ корридоровъ съ замазанными бѣлой краской окнами, квартира m-me Тулупьевой показалась Стешѣ ослѣпительно-роскошной. Она не могла вдоволь на все налюбоваться и, убирая по утрамъ комнаты, съ восхищеніемъ разсматривала каждую бездѣлушку на этажеркахъ, картины на стѣнахъ, щупала портьеры, плюшевую мебель, ковры, нюхала цвѣты и смѣялась отъ удовольствія. Особенно ей нравились высокія зеркала, въ которыхъ она могла видѣть себя во весь ростъ, и часто, со щеткой въ одной рукѣ и вѣничкомъ въ другой, Стеша останавливалась передъ ними, строила себѣ смѣшныя гримасы, присѣдала, принимала то величественныя, то забавныя позы и заливалась беззвучнымъ смѣхомъ. Однажды десятилѣтняя дочка m-me Тулупьевой, Тотоша, подсмотрѣла за ней въ дверную щелку и побѣжала къ матери.

— Мамочка, какая Стеша смѣшная!—воскликнула она со смѣхомъ.—Стоитъ въ гостинной передъ зеркаломъ, важни-

чаетъ и сама съ собой хохочетъ! Точно она никогда не видала зеркала.

— Что же тутъ удивительнаго, Тотоша, можетъ быть, и не видала. Она дѣвушка простая, жила въ пріютѣ, а какія же тамъ зеркала?

— Нѣтъ, мамочка, я думаю, она глупенькая. Знаешь, она похожа на нашу рыжую телушку-красавку, которая въ деревнѣ. Помнишь, какъ она, бывало, прыгаетъ, скачетъ, а потомъ остановится, поглядитъ на всѣхъ и засмѣется!

— Ну вотъ, Тотоша, выдумала! Телушка развѣ смѣется?

— Право, мамочка, смѣется, я видѣла! Это вы не понимаете, а они всѣ умѣютъ смѣяться, и лошади, и коровы, и всѣ! И красавка смѣется... а сама такая неуклюжая, смѣшная! Право, мамочка, Стеша настоящая красавка, ты посмотри хорошенько!

Наблюдательная Тотоша говорила правду: дѣйствительно, Стеша напоминала молодое, жизнерадостное и здоровое животное, которое съ довѣріемъ смотритъ на весь Божій міръ и еще не ждетъ отъ него ничего, кромъ безконечныхъ удовольствій. Когда Тотоша въ первый разъ взяла ее съ собою кататься, Стеша совершенно обезумѣла отъ восторга. Она визжала, подскакивала на мягкихъ подушкахъ фаэтона и корчила такія забавныя гримасы, что Тотоша умирала со смѣху и, возвратившись, объявила матери, что давно уже ей не было такъ весело. M-me Тулупьева отнеслась къ этому довольно снисходительно, но въ тотъ же день Стешѣ было сдѣлано Зинаидой негласное внушеніе, и въ слѣдующее катанье она вела себя уже гораздо степеннѣе, какъ и подобаетъ горничной изъ хорошаго дома.

Однако, не смотря на строгую Зинаидину муштровку, въ Стешѣ нѣтъ-нѣтъ да и прорывалась дикая, телячья веселость, увлекавшая собою и разсудительную Тотошу. Случалось это обыкновенно въ отсутствіе m-me Тулупьевой; какъ только двери за нею затворялись, и экипажъ отъѣзжалъ отъ подъѣзда, Стеша тихонько прокрадывалась въ Тотошину комнату и знаками вызывала дѣвочку въ залу. Здѣсь онѣ наглухо запирали всѣ двери, спускали для чего-то сторы на окнахъ, и начиналась безумно-веселая игра. Играли въ прятки, въ пятнашки, въ какіе то „тынчики-бынчики", наконецъ, просто въ перегонки, при чемъ Стеша топала, какъ жеребенокъ, цѣплялась за мебель и иногда со всего размаху падала на полъ. Стулья съ громомъ летѣли кверху ногами, дребезжали хрустальныя подвѣски на висячихъ лампахъ, полъ трясся и ходилъ ходуномъ. Забывъ всякую осторожность, дѣвочки хохотали, какъ сумасшедшія, а Зина-

ида, встревоженная шумомъ и возней, давно уже стояла у запертыхъ дверей и стучалась.

— Стешка, это ты тутъ, разбойница, каверзничаешь?— слышался ея скрипучій голосъ.—Отвори сейчасъ, что это за моду выдумала запираться?

— Батюшки мои, барышня, вѣдь это Зинаида!—шептала Стеша, еле переведя духъ отъ усталости.—И какъ это она услыхала, скрозьземельная? Ну, теперь достанется намъ на орѣхи!..

Она проворно отпирала крючокъ, и обѣ, красныя, запыхавшіяся, растрепанныя, выходили изъ залы передъ грозныя Зинаидины очи.

— У, безстыдница эдакая!—ворчала Зинаида на Стешу.— Растрепала космы-то, погляди въ зеркало, на что похожа? Дылда здоровенная, а разыгралась, какъ маленькая... Вотъ я барынѣ пожалуюсь.

— Да мы, Зинаида Петровна, только немножечко!—съ притворнымъ смиреніемъ оправдывалась Стеша, едва удерживаясь отъ смѣха... Но, переглянувшись съ Тотошей, она не могла больше бороться съ душившею ее веселостью, и обѣ дѣвочки, какъ разыгравшіеся котята, прыскали въ разныя стороны и снова начинали хохотать.

Неподвижныя черты Зинаиды вздрагивали, какъ бы отражая въ себѣ этотъ заразительно-веселый смѣхъ, и, махнувъ рукой, она молча уходила. И ни разу m-me Тулупьева не слышала отъ нея ни одной жалобы на Стешины проказы.

Эту новую Зинаидину слабость скоро подмѣтили въ кухнѣ, и на Стешинъ счетъ была выдумана цѣлая легенда. Говорили, что Стеша незаконная дочь Зинаиды, прижитая ею съ какимъ-то бѣглымъ солдатомъ, а поваръ прибавлялъ къ этому, что теперь ужъ въ домѣ Тулупьевыхъ никому житья не будетъ.

— То была одна вѣдьма, а то цѣлыхъ двѣ!—ворчалъ поваръ, косясь на Стешу, забѣгавшую иногда въ кухню по порученію Зинаиды.—Теперь ужъ не въ два глаза, а въ четыре будутъ усчитывать. Что-жъ, и усчитывайте, сдѣлайте такое ваше одолженіе, очень даже пріятно! Вотъ я въ пирожки пять яицъ вбилъ, извольте доложить Зинаидѣ Петровнѣ, а ежели отъ меня водкой пахнетъ, то это я на свои выпилъ и ничего, кромѣ удовольствія, не чувствую. Можете сообщить объ этомъ въ высшій департаментъ!

Стеша фыркала и убѣгала, а поваръ бросалъ ей вслѣдъ полный ненависти взглядъ и, высморкавшись отъ избытка чувствъ въ фартукъ, снова принимался мѣсить тѣсто для пирожковъ.

— Скажите, пожалуйста, еще фырчитъ!—продолжалъ онъ

свои изліянія.—Ахъ ты, ступа! Настоящая ступа! Теперь нашей вѣдьмѣ только бы помело въ руки, а то ступа есть, садись на нее верхомъ, да и кати прямо на Лысую гору Давно ужъ ее тамъ дожидаются...

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней Стешу отпустили въ гости въ пріютъ, и, гордая своимъ новымъ шерстянымъ платьемъ, она, захлебываясь, разсказывала подругамъ:

— Вотъ жизнь-то, вотъ жизнь-то мнѣ, дѣвушки! Сама барыня ни во что не входитъ, только ей подай да прими, больше ничего, а экономка хоть и сердитая, ну, а всетаки не очень притѣсняетъ,—только одинъ разъ по затылку и дала, когда я хрустальную вазу разбила,—даже барынѣ не пожаловалась! А ужъ барышня—чистый ангелочекъ, добрая-раздобрая! Мы съ ней каждый день послѣ обѣда кататься ѣздимъ. По утрамъ она учится, двѣ учительницы къ ней по перемѣнкамъ ходятъ. Вотъ онѣ намучаютъ, намучаютъ ее ученьемъ-то своимъ, послѣ она и бѣжитъ ко мнѣ... „Ну-ка, Стеша, скажи мнѣ что-нибудь веселое, я устала, посмѣяться хочу!“ Я засмѣюсь, и она засмѣется. Мамаша-то этого не любитъ, сейчасъ по-французски ей выговоръ; ну, за то, когда ея нѣтъ дома, тутъ ужъ мы досыта хохочемъ, даже скулы заболятъ, особенно у меня. Барышня даже удивляется: „отчего это ты, Стеша, никогда смѣяться не устаешь?“ А я ей говорю: „такая ужъ я отъ роду, что весь свой вѣкъ хохотать буду!“ А она меня обниметъ и поцѣлуетъ...

Подруги ахали, удивлялись и завидовали,—одна Пашенька слушала молча, и на ея хорошенькомъ личикѣ выражалось насмѣшливое недовѣріе.

V.

Какъ ни была Стеша легкомысленна, она скоро поняла, что вся жизнь Тулупьевскаго дома вертѣлась вокругъ одного лица—старшаго сына m-me Тулупьевой, Вадички. Вадичка занималъ самую удобную комнату; на кухнѣ готовились любимыя Вадичкины кушанья; для Вадички ни въ чемъ не было отказу,— однимъ словомъ, это былъ всеобщій любимецъ и божокъ, и въ домѣ съ утра до вечера только и слышалось на разные лады: „Вадичка... Вадичка... Вадичка“...—„У Вадички голова болитъ—нельзя шумѣть!“—„Вадичка занимается,—не ходите мимо его комнаты!“—„Къ Вадичкѣ товарищи въ гости пришли,—надо подать къ чаю абрикосоваго варенья“... И даже своенравная Зинаида не смѣла противорѣчить, когда Вадичка требовалъ у нея что-нибудь. При такомъ порядкѣ вещей изъ Вадички непре-

мѣнно долженъ былъ бы выйти домашній деспотъ и тиранъ, но, къ удивленію, ничего подобнаго не случилось, и Вадичка выросъ хотя немножко избалованнымъ, но вполнѣ благовоспитаннымъ юношей. Впрочемъ, съ нѣкоторыхъ поръ материнское око m-me Тулупьевой подмѣтило въ немъ нѣчто новое, и это новое сдѣлалось предметомъ ея особенныхъ волненій и тревогъ. Началось это съ того времени, какъ Вадичкѣ сравнялось 17 лѣтъ, и онъ благополучно перешелъ въ VI классъ гимназіи. До VI класса Вадичка былъ себѣ мальчикъ, какъ мальчикъ: зачитывался Майнъ-Ридомъ и Жюль Верномъ, воображалъ себя капитаномъ Немо, потомъ увлекался химіей и чуть было не надѣлалъ пожара, добывая гремучій газъ; терпѣть не могъ гостей, особенно женщинъ, и каждый разъ, какъ у m-me Тулупьевой собирались ея знакомые, онъ запирался на ключъ въ своей комнатѣ, и никакими сластями его нельзя было оттуда выманить. M-me Тулупьевой даже немножко непріятно было, что ея сынъ растетъ такимъ дикаремъ; она желала дать своимъ дѣтямъ вполнѣ свѣтское воспитаніе, и Вадичкино поведеніе ее огорчало.

— Ахъ, эти гимназіи!—жаловалась она своимъ знакомымъ дамамъ.—Ужасно онѣ портятъ нашихъ дѣтей... Помилуйте, вѣдь Богъ знаетъ съ кѣмъ приходится имъ, бѣдняжкамъ, сидѣть на одной скамейкѣ! Теперь каждый сапожникъ, каждый кучеръ можетъ учить своихъ дѣтей въ гимназіи... Можете себѣ представить, какіе нравы, какія манеры прививаютъ эти господа нашимъ дѣтямъ? Но что дѣлать, mesdames, оскудѣніе, оскудѣніе... Приходится примириться! Еще дѣвочка можетъ ограничиться домашнимъ воспитаніемъ,— ей не нужно этого ужаснаго аттестата зрѣлости,—но мальчикъ... что такое мальчикъ безъ образовательнаго ценза? Теперь вездѣ нуженъ цензъ, цензъ и цензъ... просто въ отчаяніе можно придти. Положительно, мы переживаемъ апокалипсическія времена!..

А въ то время, какъ M-me Тулупьева переживала „апокалипсическія времена“, съ Вадичкой произошла неожиданная перемѣна, которая заставила m-me Тулупьеву сильно призадуматься. Во-первыхъ, перейдя въ VI классъ, Вадичка вдругъ потребовалъ, чтобы ему сшили мундиръ на бѣлой шелковой подкладкѣ, и сталъ очень заниматься своей наружностью. У него появились духи, перчатки, какой-то „усатинъ“, который онъ тщательно втиралъ въ верхнюю губу, и m-me Тулупьева въ одинъ роковой день, дѣйствительно, должна была убѣдиться, что у „мальчика“ уже показались довольно замѣтные усы. Во-вторыхъ, Вадичка пересталъ вести затворническую жизнь, по вечерамъ часто куда-то

исчезалъ, не спрашиваясь у матери, возвращался поздно, а на ея тревожные разспросы бурчалъ что-то непонятное и спѣшилъ запереться въ своей комнатѣ. Наконецъ, m-me Тулупьева, возвращаясь однажды изъ гостей, съ ужасомъ увидѣла, что Вадичка шелъ по улицѣ съ какой-то прехорошенькой гимназисткой, и эта „мерзавка" (m-me Тулупьева именно такъ и подумала: „мерзавка") страшно съ нимъ кокетничала, неестественно смѣялась и строила ему самые неприличные „глазки". Сердце перевернулось у бѣдной m-me Тулупьевой, и съ этого дня она учредила за Вадичкой строжайшій тайный надзоръ. Какъ только онъ уходилъ въ гимназію, она проникала въ его комнату, рылась въ столѣ, пересматривала книжки и вся замирала, если ей попадалось въ руки что-нибудь подозрительное. Увы!.. подозрительнаго было много!.. Жюль Вернъ, Майнъ-Ридъ, химія, колбы, реторты,—все это куда-то исчезло или валялось по угламъ, покрытое пылью, а вмѣсто того m-me Тулупьева наткнулась на цѣлую коллекцію открытокъ съ красавицами въ костюмахъ и безъ костюма, подъ подушкой же обнаружила томикъ Мопассана, страницы котораго были всѣ исчерчены восклицательными знаками, выражавшими, вѣроятно, восхищеніе и одобреніе читателя. „Боже мой, откуда это у него? Откуда?" думала она, съ отвращеніемъ, кончиками пальцевъ, перелистывая книжку и альбомъ красавицъ, которыя, какъ ей казалось, смотрѣли на нее дерзко и насмѣшливо. „Такой мальчикъ... еще дитя—и уже гадости на умѣ! Удивительно... непостижимо... и въ кого это онъ вышелъ? Откуда въ немъ такая преждевременная испорченность?.."

Но, какъ мудрая мать, m-me Тулупьева ни слова не сказала сыну о своихъ изысканіяхъ въ его комнатѣ и ограничилась только тѣмъ, что какъ-то послѣ обѣда, воспользовавшись отсутствіемъ Тотоши, завела съ Вадичкой дружескую бесѣду о разныхъ соблазнахъ, которымъ подвергается неопытная молодежь, и объ ужасныхъ послѣдствіяхъ юношескихъ увлеченій. Говорила она очень долго, очень красноречиво и убѣдительно, но, къ ея огорченію, на Вадичку это не произвело никакого впечатлѣнія. Онъ, видимо, скучалъ нестерпимо, морщился, зѣвалъ, безпрестанно вынималъ часы и, наконецъ, не скрывая своего нетерпѣнія, заявилъ, что ему „ужасно нужно" торопиться на какую-то репетицію... M-me Тулупьевой показалось даже, что, уходя, онъ скорчилъ насмѣшливую гримасу, какъ будто хотѣлъ сказать: „охъ, ужъ и надоѣла ты мнѣ, матушка, своими рацеями!" Какая у Вадички была репетиція — этого m-me Тулупьева никогда не узнала, но за то, производя на слѣдующій день обыскъ въ Вадичкиной комнатѣ, она узнала, что накануне въ мѣст-

номъ театрѣ шла „Игрушечка“, о чемъ свидѣтельствовала изящная розовая афиша, найденная въ карманѣ Вадичкиныхъ брюкъ. Вадичка бывалъ въ опереткѣ!.. Отъ такого открытія m-me Тулупьеву бросило въ ознобъ, и съ этого дня жизнь ея, по ея собственнымъ словамъ, превратилась въ „милліонъ терзаній“. Безпрестанно ей мерещились разные ужасы: когда Вадичка поздно возвращался домой, она дожидалась его, чтобы удостовѣриться, не пахнетъ ли отъ него виномъ; если онъ жаловался на нездоровье или на лицѣ у него показывался подозрительный прыщъ,—она думала, вся холодѣя: „Боже мой, не заразился ли онъ?“ Всѣ женщины не старше 50 лѣтъ, даже и знакомыя, представлялись ей „мерзавками“, потому что всѣ онѣ, какъ ей казалось, смотрѣли на Вадичку скверными глазами и наводили бѣднаго мальчика на гадкія мысли. M-me Тулупьева не знала, что дѣлать, и совершенно растерялась.

— Ахъ, ma chère, я несчастная мать!—жаловалась она своей родственницѣ, извѣстной подъ именемъ „тети Лиды“, — кажется, единственной женщинѣ, сохранившей до сихъ поръ ея полное довѣріе.—Ты представить себѣ не можешь, какъ это трудно—воспитывать дѣтей, особенно мальчиковъ! Вадичка просто въ отчаяніе меня приводитъ. Если бы отецъ былъ живъ,—это совсѣмъ другое дѣло: онъ могъ бы съ нимъ поговорить, какъ мужчина, предупредить, ну, однимъ словомъ, ты понимаешь... Но я?.. Что могу я? Я могу только дрожать за него,—и дрожу, дрожу...

Тетя Лида, старая дѣва 60 лѣтъ, съ драгунскими усами и трясущейся головой, глубокомысленно жевала губами и произносила басомъ:

— Ma chère, я бы на твоемъ мѣстѣ его высѣкла.

— Но, тетя Лида... какъ же это такъ? Вѣдь ему 17 лѣтъ!

— А хоть бы 20! Ты черезчуръ снисходительна, ma chère. Въ наше время ихъ всегда сѣкли, и прекрасно было. Повѣрь мнѣ, послѣ этого никакіе амуры въ голову не полѣзутъ.

Но m-me Тулупьева, не смотря на все свое уваженіе къ тетѣ Лидѣ, подумала, что она, кажется, начинаетъ выживать немножко изъ ума, и не рѣшилась прибѣгнуть къ такой радикальной мѣрѣ. Она продолжала дрожать за Вадичку... и вдругъ ее осѣнило! Въ своемъ отчаяніи, она совершенно позабыла о старинномъ другѣ своего семейства, докторѣ Цыковѣ, который пользовался большимъ уваженіемъ ея покойнаго мужа и съ незапамятныхъ временъ былъ всегда ихъ домовымъ врачемъ. Теперь онъ уже совсѣмъ одряхлѣлъ, оставилъ практику и жилъ на покоѣ, но, по старой памяти,

m-me Тулупьева неизмѣнно обращалась къ нему, когда въ домѣ кто-нибудь заболѣвалъ, и хотя докторъ Цыковъ не признавалъ ни бактерій, ни сыворотки, ни прочей, какъ онъ говорилъ, новомодной ерунды, она вѣрила въ него, какъ въ Бога.

Вспомнивъ объ этомъ превосходномъ докторѣ и преданномъ другѣ, m-me Тулупьева съ надеждой устремилась къ нему и застала его за раскладываніемъ какого-то головоломнаго пасьянса, который сходился очень рѣдко и поэтому имѣлъ большое вліяніе на докторское расположеніе духа. На этотъ разъ дѣла, повидимому, шли недурно, потому что докторъ Цыковъ былъ въ духѣ и на весь домъ распѣвалъ:

Тамъ, за далью непог-годы,
Есть блаженная стр-рана!..

— Ахъ, докторъ,—воскликнула m-me Тулупьева.—Я къ вамъ, какъ къ священнику... помогите! Вы—единственный, который можетъ мнѣ помочь, я такъ въ этомъ увѣрена, такъ увѣрена!..

Толстый, обрюзглый, весь насквозь пропахшій нюхательнымъ табакомъ, докторъ поднялъ очки на лобъ и тускло посмотрѣлъ на m-me Тулупьеву.

— Что тамъ у васъ такое?—проворчалъ онъ безъ всякаго удивленія.—Прене вотръ плясъ и того... какъ оно... разсказывайте.

M-me Тулупьева сѣла, а докторъ снова углубился въ пасьянсъ, мурлыча себѣ подъ носъ: „разскажите вы ей, цвѣты мои“...

— Докторъ, передъ вами несчастная, безумная мать,—начала m-me Тулупьева, молитвенно складывая свои изящныя ручки:—Меня ужасно безпокоитъ Вадичка!

— Ага, Вадичка? Ну-ну... Что онъ тамъ такое надѣлалъ?...

Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ, наконецъ...

— Именно гибнетъ, докторъ! Но, докторъ, я буду съ вами совершенно откровенна... Я вамъ разскажу все, все, какъ на духу...

И m-me Тулупьева излила предъ докторомъ всѣ свои страхи и опасенія, начиная съ странной перемѣны въ поведеніи Вадички и кончая альбомомъ красавицъ и розовой афишкой. Но, къ огорченію ея, докторъ не выказалъ особеннаго сочувствія и, обдумывая, куда бы ему положить трефоваго короля, разсѣянно бормоталъ:

— Вотъ такъ исторія, а?.. Мальчикъ въ оперетку хо-

дитъ... дѣло извѣстное! Молодость, молодость, милая барынька, ничего не подѣлаешь... лови-лови часы любви... Ахъ, канаалья эдакій, а?

— Но, докторъ, вѣдь это Богъ знаетъ къ чему можетъ повести...—стонала m-me Тулупьева.—Вѣдь онъ можетъ заболѣть... ахъ, я даже подумать боюсь! И откуда это въ немъ, не понимаю... Я такъ ихъ берегла, такъ заботилась объ ихъ нравственности... И въ кого онъ такой, положительно теряюсь!

Докторъ посмотрѣлъ на m-me Тулупьеву и засмѣялся, обнаживъ большіе черные зубы.

— Ну, какъ это въ кого, барынька, а?—проворчалъ онъ, игриво хлопая ее по колѣнку своей жирной рукой съ грязными ногтями.—Папаша-то его... тоже вѣдь ой-ой какой былъ по амурной части... ха-ха-ха... забыли? Дока... Гусаръ! Э, барынька вы моя, все это въ порядкѣ вещей...

Гордись гусаръ, но помни вѣчно,
Что все на свѣтѣ скоротечно...

M-me Тулупьева немножко смутилась, но сейчасъ же оправилась и снова молитвенно сложила руки.

— Нѣтъ, докторъ, вы не шутите... это очень серьезно! Конечно, мой покойный мужъ... но вѣдь это было такъ давно... и, при томъ, тогда были совсѣмъ другія времена... Все это было гораздо-гораздо проще! А теперь... Подумайте, докторъ, вѣдь онъ можетъ заразиться! Мой Вадичка... мой чистый, невинный мальчикъ... Это ужасно! Вспомните, сколько слезъ я пролила надъ его кроваткой, когда онъ былъ маленькимъ и хворалъ... Сколько безсонныхъ ночей! И вдругъ теперь его потерять... я съума сойду! Докторъ, посовѣтуйте что-нибудь...

Докторъ помолчалъ, потомъ досталъ изъ кармана табакерку, зарядилъ свой носъ, похожій на огромную испанскую луковицу, и, фамильярно подмигнувъ m-me Тулупьевой, прохрипѣлъ:

— Наймите молоденькую горничную...

VI.

Вадичка былъ въ томъ несчастномъ возрастѣ, когда даже красивые дурнѣютъ и всей своей нескладной фигурой напоминаютъ молодого щенка, не умѣющаго какъ слѣдуетъ распоряжаться собственными членами. Ноги и руки у него были непомѣрно длинны, и онъ не зналъ, куда съ ними дѣваться; сидя, онъ сутулился и смѣшно втягивалъ голову

въ плечи, а на ходу какъ-то странно цѣплялся нога за ногу, отчего брюки у него всегда были протерты на щиколодкахъ. Зинаида часто съ грустью смотрѣла ему вслѣдъ и, вздыхая, говорила:

— И въ кого уродился такой нескладеха?.. Отецъ-то красавецъ былъ, глядѣть радостно, а сынокъ не въ него вышелъ,—неключимый какой-то: должно быть, въ маменькину роденьку отрыгнулся, не въ Тулупьевскую...

Въ своей приверженности ко всему Тулупьевскому Зинаида преувеличивала, потому что Вадичка обѣщалъ въ будущемъ повторить своего папашу, о чемъ свидѣтельствовалъ портретъ покойнаго Тулупьева, висѣвшій въ гостинной. По крайней мѣрѣ, у Вадички были такіе же выпуклые глаза, какъ у отца, такія же толстыя губы, и глубокіе зализы на вискахъ, и упрямое, немножко тупое выраженіе лица, только въ сынѣ все это было не такъ рѣзко, не такъ опредѣленно и смягчалось молодостью. Но то, что связано у человѣка съ лучшей порою его жизни, всегда кажется ему окрашеннымъ въ розовый цвѣтъ; поэтому и отецъ-Тулупьевъ остался въ памяти Зинаиды необыкновеннымъ, сказочнымъ красавцемъ, какихъ теперь уже не бываетъ и даже не можетъ быть. Міръ старѣетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, и въ 60 лѣтъ кажется, что и цвѣты не такъ душисты, и соловьи поютъ хуже, и зима холоднѣе, и люди мельче... Но Стешѣ было только 16 лѣтъ, и все въ мірѣ казалось ей прекраснымъ,—даже долговязый и неуклюжій Вадичка. Это былъ единственный молодой человѣкъ, котораго она близко видѣла въ своей жизни, и съ безсознательнымъ кокетствомъ Стеша старалась обратить на себя его благосклонное вниманіе. Она особенно тщательно начала прихорашиваться и прилизывать свои косички, каждый день прицѣпляла къ платью какую-нибудь немудрящую ленточку или кружевцо, а за столомъ, когда подавала Вадичкѣ блюдо съ кушаньемъ, вся краснѣла, и круглое лицо ея необыкновенно глупѣло. Вадичка ей нравился, и все въ немъ приводило ее въ восхищеніе: и его преднамѣренно грубоватый тонъ, и мундиръ на бѣлой подкладкѣ, и то, что отъ него пахнетъ духами, и его манера носить шинель въ накидку и фуражку на затылокъ. Ежедневно около 3-хъ часовъ она подстерегала Вадичку въ передней у окна и, завидѣвъ на улицѣ его длинную фигуру, стремглавъ бросалась къ зеркалу, наскоро поправляла волосы и съ поглупѣвшимъ лицомъ отпирала дверной крюкъ. Вадичка входилъ, небрежно бросалъ ей на руки свою шинель и, даже не взглянувъ на нее, удалялся къ себѣ, фальшиво напѣвая:

Вечеркомъ гулять ходила
Дочь султана молодая...

— Это что еще за ископаемое появилось у насъ въ домѣ?—спросилъ онъ разъ m-me Тулупьеву съ насмѣшливо-пренебрежительной улыбкой, которую онъ усвоилъ себѣ по отношенію къ домашнимъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сдѣлался „молодымъ человѣкомъ“.

— Какое же ископаемое, Вадичка?—кротко отвѣчала m-me Тулупьева.—Это новая горничная.

— Ну ужъ, убили бобра! Глупа, какъ оловянная тарелка, и къ тому же еще морденція сверхъестественная. Не ахтительный вкусъ у васъ, мамаша!

„Какой жаргонъ! Какія выраженія!“ думала бѣдная m-me Тулупьева, глядя въ прыщеватое лицо сына и не узнавая въ немъ того розоваго, хорошенькаго мальчика съ бѣлокурыми локонами, какимъ такъ еще недавно былъ Вадичка. „И какъ онъ подурнѣлъ... какой у него цвѣтъ лица... и взглядъ совершенно, какъ у взрослаго... ужасно! Неужели онъ уже *все, все* знаетъ?..“

Отъ этой мысли у нея холодѣли пальцы на рукахъ, и, краснѣя, она потупляла глаза передъ черезчуръ смѣлымъ взглядомъ сына, а онъ, беззпечно посвистывая и цѣпляя нога за ногу, уходилъ изъ гостиной.

Вскорѣ, однако, Вадичка измѣнилъ свое презрительное отношеніе къ „морденціи“, и произошло это въ одинъ пасмурный ноябрьскій день, который Стеша долго считала самымъ счастливымъ въ своей жизни. Былъ какой-то праздникъ; m-me Тулупьева уѣхала къ тетѣ Лидѣ, у которой случилась „нервная атака“, и въ ея отсутствіе, какъ всегда, дѣвочки подняли въ залѣ веселую бѣготню. Вадичка сидѣлъ въ своей комнатѣ и „со смертью въ душѣ“, какъ говорили у нихъ въ гимназіи, зубрилъ Овидіевы метаморфозы. Дѣла у него шли дьявольски скверно: безчисленное множество разъ онъ повторялъ одну и ту же строку, безсмысленно уставивъ глаза въ окно, но въ голову лѣзли самыя неподходящія мысли, по стеклу струились мутные потоки воды, изъ залы доносился закатистый смѣхъ Стеши... и звучные стихи Овидія казались глупѣйшимъ наборомъ словъ, въ которыхъ не было ни складу, ни ладу.

In nova fert animus mutatas diicere formas...

Ожесточенно скандировалъ Вадичка и вдругъ останавливался.

— Фертъ, фертъ... какой чортъ-фертъ? Откуда онъ тутъ взялся? Можетъ быть, и не фертъ совсѣмъ...

Цѣлый каскадъ брызгъ разсыпался по стеклу; въ залѣ что-то тяжело упало, и взрывъ хохота ударился въ Вадичкину дверь.

— Фу ты... вотъ развозились эти бабы... заниматься не даютъ! Вось-нось... Ничего не понимаю, окончательно сбили съ толку своимъ дурацкимъ пискомъ... Надо пойти разогнать...

И съ рѣшительнымъ видомъ Вадичка отправился въ залу.

То, что онъ тамъ увидѣлъ, было гораздо интереснѣе Овидіевыхъ метаморфозъ и заставило его позабыть о первоначальной причинѣ своего прихода. Дѣвочки играли въ жмурки, и Стеша съ завязанными глазами ловила Тотошу. Неуклюже переступая ногами и широко раскинувъ руки, она бросалась изъ стороны въ сторону, натыкаясь на стѣны, на стулья, присѣдала на полъ и была такъ забавна во всѣхъ своихъ движеніяхъ, что Тотоша умирала со смѣху. Вотъ уже четверть часа, какъ она ловила Тотошу и никакъ не могла поймать, хотя Тотоша дергала ее за платье, прыгала у нея передъ носомъ и кричала: „ку-ку“! Наконецъ, она устала и остановилась перевести духъ.

— Ну ужъ, барышня, какая вы прыткая!—сказала она.— Я ужъ уморилась съ вами, совсѣмъ вы меня заводили. Постойте немножко, я отдохну...

И она тяжело дышала всей грудью, высоко поднявъ надъ головою руки и поправляя на затылкѣ узелъ платка, отчего всѣ ея круглыя формы выпукло обозначились подъ платьемъ. Вадичка смотрѣлъ на нее, сощуривъ глаза, и по лицу его бродила странная улыбка. Вдругъ Тотоша замѣтила его и вскрикнула.

— Тсс...—погрозилъ ей пальцемъ Вадичка.

Стеша насторожилась, раздувая ноздри, какъ звѣрекъ, почуявшій опасность, и ринулась впередъ; Вадичка выскочилъ ей навстрѣчу, и Стеша обхватила его обѣими руками.

— Поймала, поймала!—закричала она, сдергивая съ себя платокъ. Но увидѣла Вадичку, ахнула и, закрывъ лицо руками, сѣла на полъ.

Тотоша прыгала и пищала отъ удовольствія; Вадичка самодовольно хохоталъ.

— Что, попалась? Ну, давай сюда платокъ, и маршъ по угламъ,—сейчасъ всѣхъ васъ переловлю.

Стеша пріоткрыла лицо и вся пунцовая передала Вадичкѣ платокъ. Онъ завязалъ себѣ глаза и громко хлопнулъ въ ладоши.

— Ну, разъ-два-три... живѣе, бѣгите!

Дѣвочки побѣжали въ разныя стороны, но Вадичка выждалъ минуту и направился туда, гдѣ шуршало Стешино платье. Стеша, неестественно смѣясь, метнулась отъ него,—

Вадичка послѣдовалъ за ней. Напрасно Тотоша кричала „ку-ку",—Вадичка ее не слышалъ и бѣшено преслѣдовалъ шуршащее платье. Это была уже не игра, а какая-то травля, и Тотоша начала протестовать.

— Вадя, Вадя, такъ нельзя?—заявила она съ обидой.— Надо честно играть, а ты, должно быть, подсматриваешь Стеша, давай ему платокъ потуже завяжемъ!

Разгоряченный Вадичка остановился и, пока ему перевязывали платокъ, ворчалъ:

— Вотъ глупости!.. Стану я подсматривать. Я не виноватъ, что она точно гремучая змѣя...

Но какъ только Тотоша скомандовала ему: „лови"!—онъ снова устремился за Стешей и скоро ее поймалъ. Тяжело дыша и оскаливъ зубы, онъ одной рукой крѣпко притиснулъ ее къ себѣ, а другою снималъ съ себя повязку; Стеша не сопротивлялась, хотя ей было страшно неудобно стоять, и металлическая пуговица куртки больно впилась ей въ щеку. Потомъ они оба взглянули другъ другу въ глаза и, какъ будто увидавъ тамъ что-то стыдное, оба сразу потупились, и Вадичка грубо оттолкнулъ отъ себя Стешу.

— Ну, будетъ!—сказалъ онъ дѣловымъ тономъ.—Связался я съ вами и дѣло забылъ. Вы не очень тутъ шумите, мнѣ заниматься нужно.

И скандируя на ходу Овидіевъ стихъ, онъ вышелъ. Тотошѣ почему-то очень не понравилось его поведеніе и вся разыгравшаяся сейчасъ сцена; она крѣпко захлопнула за нимъ дверь и, нахмурившись, сказала Стешѣ:

— Противный Вадька, всегда все испортитъ! Никогда больше не будемъ съ нимъ играть, правда, Стеша? Ну, а теперь давай опять бѣгать...

Но Стеша вдругъ сдѣлалась необыкновенно разсѣянна, и игра продолжалась уже безъ всякаго увлеченія. По временамъ, вмѣсто того, чтобы ловить Тотошу, Стеша останавливалась, нюхала свои руки, и глупо-счастливая улыбка расползалась по ея лицу. Отъ рукъ пахло Вадичикиными духами, и этотъ тонкій запахъ кружилъ Стешину голову.

VII.

4 декабря, въ Варваринъ день m-me Тулупьева была именинница. Именины ея всегда справлялись очень торжественно, и съ самаго ранняго утра у подъѣзда непрерывно дребезжалъ звонокъ, приносились поздравительныя телеграммы и карточки, присылались въ круглыхъ коробкахъ символическіе торты въ видѣ, напримѣръ, шоколаднаго мѣшка, на

которомъ бѣлою глазурью было выведено: 200000!—а нѣкоторые поклонники m-me Тулупьевой преподносили роскошные букеты живыхъ цвѣтовъ и корзины дорогихъ фруктовъ. Все это было очень весело и интересно и долго спустя послѣ именинъ служило предметомъ оживленныхъ разговоровъ. Угадывали, кто прислалъ то или это, перечитывали поздравительныя письма, умилялись, что такой-то или такая-то не забыли столь торжественнаго для m-me Тулупьевой дня, и съ ядовитымъ смиреніемъ вздыхали, если кто-нибудь забылъ и ничего не прислалъ. Но эти итоги подводились уже потомъ; въ день же именинъ ничто не омрачало яснаго, безоблачнаго настроенія, царившаго въ домѣ. М-me Тулупьева, пріодѣтая, ласковая и благожелательная болѣе обыкновеннаго, сидѣла въ гостинной, окруженная букетами и телеграммами, и, какъ царица, принимала поздравленія. Въ кухнѣ готовился великолѣпный пирогъ и какой-то необыкновенно художественный пломбиръ, а такъ какъ собственный поваръ почему-то всегда въ этотъ день оказывался мертвецки-пьянымъ, то приглашали повара изъ общественнаго собранія, и этотъ господинъ невыносимо помыкалъ всей прислугой, зная, что ему ничего за это не будетъ. Онъ кричалъ и топалъ ногами на Зинаиду, гонялъ дѣвчонку Настю изъ одного мѣста въ другое, брюзжалъ, выливалъ сливки въ помойное ведро и посылалъ за другими и нагонялъ на всѣхъ такую панику, что, со стороны глядя, можно было подумать, что въ этомъ домѣ произошла какая-нибудь катастрофа. Дѣвочка Настя ходила съ распухшими отъ слезъ глазами; Зинаида еще больше худѣла и мысленно желала себѣ мирной и непостыдной кончины, и даже невозмутимый кучеръ Андрей, котораго заставляли сбивать сливки, въ душѣ проклиналъ день своего рожденія и находилъ, что гораздо лучше имѣть дѣло съ тройкою бѣшеныхъ лошадей, чѣмъ съ однимъ поваромъ изъ общественнаго собранія. Но къ 5 часамъ,—время, назначенное для параднаго обѣда,— все какъ-то улаживалось, столъ былъ накрытъ, и m-me Тулупьева, ничего не подозрѣвая о кухонныхъ драмахъ, самодовольно осматривала сервировку и находила, что у нея все comme il faut — не хуже губернаторши.

Дребезжалъ звонокъ, и приглашенные къ обѣду гости начинали собираться. Первою всегда являлась тетя Лида въ своемъ неизмѣнномъ бархатномъ коричневомъ платьѣ, съ золотою цѣпью черезъ шею и въ накладкѣ, прикрывавшей ея рѣдѣющіе волосы, которые она втихомолку подкрашивала. Тетя Лида шумно входила въ гостинную, звонко чмокала именинницу и преподносила ей какой-нибудь сюрпризъ собственнаго рукодѣлья—гаруснаго пѣтуха на чайникъ, футляръ

для зубныхъ щетокъ или что нибудь въ этомъ родѣ. Тотошу она внимательно осматривала въ лорнетъ и говорила на своемъ устарѣломъ французскомъ языкѣ: „mais vous êtes belle, ma chère, comme jour!“ а Вадичкѣ почему-то игриво грозила пальцемъ и съ возгласомъ: „mauvais!“ давала поцѣловать свою ручку, что онъ исполнялъ съ худо скрытою гримасой. Затѣмъ она тяжело погружалась въ кресло и начинала безконечный разговоръ о своихъ мигреняхъ и „нервныхъ атакахъ“ и объ ужасной современной прислугѣ, которая, по мнѣнію тети-Лиды, была до мозга костей пропитана „духомъ революціи“.

Затѣмъ пріѣзжалъ кузенъ m-me Тулупьевой, Сержъ Усмаревъ, и, бережно передвигая свои подагрическія ноги, подходилъ къ ручкѣ дорогой именинницы. Когда-то онъ слылъ красавцемъ и бонъ-виваномъ, но теперь обрюзгъ, заплылъ желтымъ жиромъ и съ трудомъ носилъ по свѣту свое рыхлое, изнѣженное, ни на что ненужное старое тѣло. Въ молодости онъ много кутилъ и прожилъ два состоянія, а теперь вѣчно стоналъ и охалъ, всего боялся, пилъ одну кипяченую воду и сдѣлался вегетаріанцемъ. Уже на склонѣ своихъ дней почти нищій, онъ вдругъ женился на богатой вдовѣ, которой понадобилось прикрыть его громкимъ именемъ кое-какіе грѣшки, и снова занялъ въ обществѣ подобающее ему положеніе. Онъ былъ городскимъ и земскимъ гласнымъ, раза два въ годъ давалъ въ роскошномъ домѣ своей жены торжественные обѣды, на которыхъ присутствовалъ губернаторъ, числился почетнымъ членомъ разныхъ благотворительныхъ обществъ и учрежденій, но все это уже не доставляло ему никакого удовольствія, напротивъ, даже тяготило. Вкусъ къ благамъ жизни былъ утраченъ, и ничего, кромѣ болѣзненнаго отвращенія и скуки, не выражалось на лицѣ Усмарева, когда онъ, тяжело опираясь на палку съ золоченнымъ набалдашникомъ, появлялся на пріемахъ, балахъ, концертахъ, на выборахъ дворянскаго собранія. Ко всему этому въ послѣдніе годы присоединилась еще какая-то странная мнительность: онъ страшно боялся раззоренія и во всѣхъ своихъ родственникахъ и знакомыхъ подозрѣвалъ тайное намѣреніе его обобрать. Когда его жена, весьма жизнерадостная и любящая пожить брюнетка, затѣвала какое-нибудь soirée, или заказывала себѣ новое платье, или обдумывала планъ поѣздки за границу, Усмаревъ впадалъ въ мрачное уныніе, ложился у себя въ кабинетѣ на диванъ, отворачивался къ стѣнѣ и цѣлые дни плакалъ, шепча: „Мы раззорены! Мы раззорены“!

— Но, Сержъ,—пробовала его успокоить m-me Усмарева,— гдѣ же мы раззорены? У насъ два прекрасныхъ дома, чудное

незаложенное имѣніе, рудники, бумагъ на 200,000, текущій счетъ въ банкѣ, а ты говоришь про раззоренье! Если бы мы проживали вдвое больше, чѣмъ проживаемъ теперь, и то намъ хватитъ на двѣ жизни, а вѣдь мы съ тобою не начинаемъ жить, а уже кончаемъ!

— Ахъ, Marie, что ты говоришь? — слезливымъ тономъ возражалъ Сержъ.—Ты ничего не понимаешь, а я знаю, что такое раззоренье, и все предвижу... Мы въ одинъ день можемъ потерять все, все...

И, отвернувшись къ стѣнѣ, онъ снова начиналъ вздыхать и стонать, точно вѣщая Кассандра, предчувствующая паденіе Трои.

Совершая по предписанію врача свой ежедневный моціонъ, Усмаревъ подозрительно косился по сторонамъ и тщательно избѣгалъ всякихъ встрѣчъ съ знакомыми, а особенно изъ тѣхъ, которые могли попросить взаймы „до вторника". Если кто-нибудь, завидѣвъ издали его шаркающую, разслабленную фигуру, снималъ шляпу и любезно улыбался, Сержъ дѣлалъ видъ, что погруженъ въ глубокую задумчивость, и переходилъ на другую сторону. „Что, братъ,—злорадно думалъ онъ,—ошибся въ разсчетахъ? Я вѣдь знаю, что у васъ у всѣхъ на умѣ только *ампоше*, больше ничего"... Но пуще всего онъ боялся дамъ-благотворительницъ, которыхъ называлъ „саранчей", и когда какой-нибудь изъ нихъ удавалось выманить у него три—четыре рубля, онъ дѣлался боленъ самымъ настоящимъ образомъ. Нужно было видѣть, какъ этотъ человѣкъ, который когда-то давалъ лихачамъ на чай по сотенной бумажкѣ и дарилъ французскимъ актрисамъ тысячные брилліанты, какъ онъ теперь открывалъ свой кошелекъ, чтобы вынуть два рубля въ пользу пріюта для сиротъ. Руки у него тряслись; на лбу выступалъ холодный потъ, нижняя губа отвисала, точно у покойника... жалко и отвратительно было смотрѣть... А потомъ онъ весь раскисалъ и вздыхалъ, и плакалъ: „ахъ, мы раззорены!"

Въ противоположность супругу m-me Усмарева была очень щедра и потихоньку отъ него жертвовала крупныя суммы и на сиротъ, и на подкидышей, и на Красный Крестъ, и въ пользу голодающихъ. Поэтому губернскія дамы были къ ней очень благосклонны и охотно принимали ее въ своемъ кругу, не смотря на нѣсколько сомнительное происхожденіе и немножко вульгарныя манеры.

— M-me Усмарева?—говорили онѣ.—Ахъ, она очень мила! Правда, parvenue... но у нея такое доброе сердце.

Она пріѣхала немножко позже своего супруга въ какомъ-то необыкновенномъ платьѣ, одна половина котораго была черная, а другая фіолетовая, и сразу наполнила весь домъ

шелестомъ шелковыхъ юбокъ, запахомъ крѣпчайшихъ духовъ, громкимъ смѣхомъ и громкими возгласами. М-me Тулупьева, получившая отъ нея самый цѣнный подарокъ, встрѣтила ее нѣжными упреками въ расточительности, а тетя Лида, критически посмотрѣвъ на нее въ лорнетъ, и ей тоже сказала: „Vous êtes belle, comme jour"!—На что m-me Усмарева отвѣчала зычнымъ хохотомъ, показывая великолѣпные вставные зубы. Между тѣмъ, гостинная все наполнялась и наполнялась. Появились какіе-то облѣзлые молодые люди въ высочайшихъ воротничкахъ и символическихъ галстухахъ; пріѣхала съ двумя задерганными и забитыми дочерьми извѣстная филантропка, m-me Мольская, элегантная дама въ стилѣ modérne, тонкая, какъ оса, и такая же злая; пріѣхалъ д-ръ Цыковъ и многіе другіе; наконецъ, когда стрѣлка часовъ уже подвигалась къ пяти, въ передней послышался еще одинъ запоздалый звонокъ, и всѣ, съ улыбкой переглянувшись, въ одно слово сказали: „мироточивый Іосафъ"! Это былъ нѣкто Салтановъ, во времена оны извѣстный помѣщикъ и очень вліятельный человѣкъ, а теперь совершенно обнищавшій и опустившійся до потери человѣческаго образа старикъ. Насмѣшливая молодежь прозвала его „мироточивымъ" за его необыкновенную неопрятность, которою онъ превосходилъ даже доктора Цыкова; но хотя онъ переживалъ самую послѣднюю стадію физическаго и матеріальнаго упадка, безъ него почему-то не обходилось ни одно торжественное событіе въ дворянскомъ гнѣздѣ, а въ табельные дни онъ даже появлялся на губернаторскихъ пріемахъ въ невѣроятно затасканномъ мундирѣ и треуголкѣ, напоминавшей старую растоптанную калошу. Бѣдности своей и униженія онъ какъ-то не сознавалъ и, при всякомъ случаѣ, горделиво заявлялъ, что онъ не кто-нибудь, а „Салтановъ"!—но это нисколько не мѣшало ему клянчить у всѣхъ „хоть рубликъ до завтра" и, разумѣется, никогда не отдавать занятыхъ денегъ. Сплетникъ онъ былъ страшный, и никто никогда не слышалъ, чтобы онъ о комъ-нибудь говорилъ хорошо: всѣ у него были дураки, подлецы, идіоты, прелюбодѣи и любостяжатели. Особенно почему-то онъ ненавидѣлъ учащуюся молодежь и часто говорилъ, что если бы ему дали волю, онъ сжегъ бы всѣ университеты и гимназіи, а студентовъ и „студентэссъ" сослалъ на Сахалинъ. И хотя надъ нимъ подсмѣивались, но въ душѣ многіе съ этимъ соглашались и говорили: „а знаете, у Іосафа сохранились очень трезвые взгляды... Жаль, что онъ такъ опустился, очень жаль... Такіе люди нужны въ Россіи!"

VIII.

Задыхаясь и сопя, Іосафъ не вошелъ, а ввалился въ гостинную и захрипѣлъ какимъ-то нутрянымъ, клокочущимъ басомъ:

— А ну, давайте сюда именинницу... гдѣ она? Поздравляю, поздравляю... Очень радъ и счастливъ, что дожилъ до этого дня... Пирогъ будетъ? Божественно! Люблю именины и пироги... но терпѣть не могу долговъ и старыхъ дѣвъ!

— Quel goujat! — пробасила тетя Лида, пожимая плечами.

— А, тетенька Лида?—обратился къ ней Салтановъ.—Вы еще живы и все еще—тетенька-Лида? Время-то, время-то какъ бѣжитъ, а? Давно ли мы съ вами танцовали котильонъ у покойнаго князя Булатова, а теперь уже и добрѣйшій князь давно помре, да и мы съ вами скоро того... Вашу ручку, милѣйшая!

Тетя Лида страшно боялась смерти и даже избѣгала произносить это гадкое слово, замѣняя его французскимъ выраженіемъ „le noir trajet“. Отъ словъ Іосафа у нея еще больше затряслась голова, и она почувствовала приступъ мигрени.

— Oh, vous êtes insupportable! — пробормотала она, но ручку поцѣловать всетаки дала.

Поздоровавшись со всѣми и каждому сказавъ какую-нибудь замаскированную непріятность, мироточивый Іосафъ грузно усѣлся, посмотрѣлъ на всѣхъ своими хитрыми, заплывшими глазами и началъ:

— Ну-съ... могу сообщить вамъ пріятную новость. Знаете баронессу фонъ-Муффель? Завтра ее будутъ судить у городского судьи.

Послышались возгласы ужаса и негодованія.

— Какъ? Что такое? Баронесса Муффель у городского судьи? C'est impossible!

— Какой тамъ „импоссибль“, сущая правда. Я только что отъ нея: завтра въ 10 часовъ утра пожалуйте въ камеру городского судьи второго участка на разбирательство дѣла.

— Pauvre baronne! Но въ чемъ дѣло? Какое-нибудь недоразумѣніе?

— Самое маленькое. Съ горничной. Вѣдь всѣ горничныя нынче нигильянки. Egalité, fraternité и прочее все очень хорошо понимаютъ. Ну, вѣроятно, надерзила или что-нибудь въ этомъ родѣ, ну, баронесса вышла изъ себя и... вы понимаете?—докончилъ Іосафъ, подчеркивая свои слова соотвѣтствующимъ жестомъ.

— Un soufflet?—воскликнула тетя Лида.

— Именно-съ! По вашему — суфле, а по-россійскимъ законамъ — оскорбленіе дѣйствіемъ, и вотъ наша очаровательная баронесса за сіе противозаконное дѣяніе должна возсѣсть на скамью подсудимыхъ.

Послѣдовалъ новый взрывъ негодующихъ возгласовъ.

— Какой ужасъ! C'est inouï! Баронесса... такая милая, такая прелестная!.. Что же теперь съ ней будетъ?

— А горничная-то, говорятъ, адвоката наняла, тоже изъ нигильянтовъ,—продолжалъ Іосафъ. — Посадятъ нашу баронессу въ чижовку и фини!

— Quel mot—„чижовка"!—простонала тетя Лида.—Но баронесса этого не перенесетъ... она такая нервная! Нѣтъ, вы подумайте, гдѣ же послѣ этого справедливость? Вѣдь эдакъ каждый изъ насъ можетъ очутиться на скамьѣ подсудимыхъ...

— Предъ судилищемъ Миноса
Собралися для допроса
Тѣни блѣдныя звѣрей!—

Ни съ того, ни съ сего продекламировалъ вдругъ Цыковъ.

Тетя Лида посмотрѣла на него неодобрительно и продолжала:

— Я всегда, всегда говорила, что *это* начинается! Помилуйте, теперь *имъ* слова нельзя сказать безъ того, чтобы въ отвѣтъ не получить дерзость! И какъ *они* смотрятъ, какіе у *нихъ* глаза!.. Въ своемъ домѣ я боюсь приказывать, боюсь распоряжаться... imaginez-vous! Скоро мы сами должны будемъ мыть полы, чистить кастрюли и... Dieu sait quoi! Я давно, давно это предвидѣла...

— А кстати...—обратилась m-me Мольская къ хозяйкѣ.— Что ваша новая горничная? Я встрѣтила ее въ передней... Вы довольны?

— Ахъ, merçi, очень! Я такъ благодарна за вашъ совѣтъ. Она очень мила... кроткій характеръ, послушна, безъ причудъ. Тотоша ее любитъ.

— Я очень рада. Ахъ, вы представить не можете, какъ ихъ трудно воспитывать! Вѣдь онѣ являются къ намъ Богъ знаетъ откуда, — грязныя, испорченныя, какой языкъ, какія манеры, ну, вы понимаете... прямо съ улицы — что можетъ быть хорошаго? А посмотрите черезъ мѣсяцъ, черезъ два— неузнаваемы! Вымоютъ ихъ, вычистятъ, бѣленькіе фартучки, косички заплетены... прелесть, какія мордашки! Но сколько трудовъ, сколько трудовъ, если бы вы знали!

— Святое дѣло! — произнесла m-me Тулупьева и вздох-

нула, съ безпокойствомъ поглядывая на дверь въ столовую. „И чего это тамъ Зинаида копается“? думала она, однимъ ухомъ прислушиваясь къ тому, что говоритъ m-me Мольская, а другимъ стараясь уловить звуки, исходившіе изъ столовой. „5 часовъ, пора уже подавать... не вышло ли тамъ у нихъ что-нибудь съ пирогомъ“?

— Ну, разумѣется, есть и неисправимыя,—журчала между тѣмъ m-me Мольская.—У насъ очень строгій надзоръ, очень строгій, и, вообразите, всетаки какъ-то проникаютъ разныя идеи. Нахватается дѣвочка всякихъ глупостей и, смотришь, уже носъ кверху! „Я не раба, я хочу быть человѣкомъ, свобода, самостоятельность, то, се“... и пойдетъ, и пойдетъ.. Ахъ, Боже мой, милая моя, да вѣдь тебя изъ грязи вытащили, ты должна это помнить, должна благодарить, что тебя выучили, одѣли, обули, дали ремесло... Какое тамъ, она и слушать не хочетъ! Въ прошломъ году принуждены были двухъ отправить... весь пріютъ взбунтовали.—Ну, и что же онѣ выиграли? Одна, говорятъ, за учителя сельскаго замужъ вышла и бѣдствуетъ, а другая...

Она нагнулась къ уху m-me Тулупьевой и что-то шепнула.

— Ужасно! — воскликнула m-me Тулупьева и опять бросила тоскливый взглядъ въ сторону столовой.

— Я вамъ говорю, что все къ этому идетъ! — зловѣще пророчествовала тетя Лида.—Вы увидите, mesdames, это будетъ comme le Jugement Dernier... первые будутъ послѣдними, а послѣдніе—первыми,—такъ, кажется, говорится?

— Да, насчетъ „суфле“ тамъ ужъ не разойдешься!—меланхолически прибавилъ мироточивый Іосафъ.—Ni-ni, c'est fini! Ну, а здѣсь, пока что, еще не возбраняется. Про городскихъ я не говорю, — тутъ народъ прожженый, того и гляди, наскочишь на статью закона, какъ наша очаровательная баронесса, но деревня въ этомъ отношеніи еще чиста и неприкосновенна. Слава Богу, посѣкаемъ по малости, и очень мило выходитъ... Мужичекъ нашъ розгу любитъ!

— А я слышалъ, — выскочилъ вдругъ одинъ изъ облѣзлыхъ молодыхъ людей,—я слышалъ, что скоро тѣлесное наказаніе совсѣмъ отмѣнятъ!

Мироточивый Іосафъ всѣмъ корпусомъ повернулся къ облѣзлому молодому человѣку и устремилъ на него свой мутный, слезящійся взоръ.

— Что-съ?—спросилъ онъ, какъ будто не разслышавъ.

Облѣзлый молодой человѣкъ посмотрѣлъ направо, посмотрѣлъ налѣво, ища сочувствія, но нигдѣ его не нашелъ и повторилъ уже не такъ смѣло:

— Да вотъ, я говорю, тѣлесное наказаніе скоро отмѣнятъ...

— Отмѣнять?—прохрипѣлъ Іосафъ.

— Отмѣнять...

— Никогда не отмѣнять!—отрѣзалъ Іосафъ и отвернулся, оставивъ молодого человѣка въ полномъ смятеніи.

Кто-то вздохнулъ съ облегченіемъ и благодарностью; кто-то сдержанно хихикнулъ, и въ гостиной вдругъ воцарилась тишина...

— Становой родился! — съострилъ Цыковъ и громко захохоталъ.

VIII.

А въ то время, какъ гостинная вела разговоры объ испорченности низшаго сословія и благодѣтельномъ вліяніи розги, въ столовой шла мирная суета, и Зинаида совершенно сбилась съ ногъ, чтобы устроить все какъ слѣдуетъ, „потулупьевски“. Съ самаго утра она еще ничего не пила и не ѣла, и отъ голода, отъ усталости, отъ удручающихъ кухонныхъ впечатлѣній была въ самомъ свирѣпомъ настроеніи. Такъ какъ Стеша была ея ближайшей помощницей въ сервировкѣ именинного стола, то на ея голову и обрушилась, главнымъ образомъ, вся злость, накопившаяся въ душѣ Зинаиды не только за этотъ многознаменательный день, но и за всю ея тусклую безрадостную жизнь. Она шипѣла на Стешу, вырывала у нея изъ рукъ салфетки и посуду, гоняла ее то туда, то сюда и раза три даже пребольно щелкнула по затылку. Въ другое время Стеша, пожалуй, и всплакнула бы отъ такой несправедливости, но сегодня міръ казался ей болѣе прекраснымъ, чѣмъ когда-либо, и отъ этого Зинаидины подзатыльники не произвели на нее никакого впечатлѣнія. Стоитъ обращать вниманіе на такіе пустяки, когда вся душа прыгаетъ отъ радости! А Стешѣ и было отчего радоваться сегодня. Во-первыхъ, она обновила подаренное ей барыней голубенькое альпаковое платье съ бѣлымъ гофрированнымъ фартучкомъ и, поглядѣвшись въ зеркало, нашла, что оно къ ней очень идетъ; во вторыхъ, пробѣгая черезъ переднюю, встрѣтилась съ Вадичкой, который благосклонно ущипнулъ ее за щеку, назвалъ „морданчикомъ“ и затѣмъ попросилъ тайкомъ отъ „старой грызлы“, т. е. отъ Зинаиды, принести ему въ комнату пару бутылокъ вина изъ буфета.

— Ко мнѣ вечеромъ товарищи придутъ,—добавилъ онъ дѣловымъ тономъ.—Ну, вотъ мы и выпьемъ за мамашино здоровье! Такъ достанешь?

— Достану,—весело отвѣчала Стеша, и, дѣйствительно, въ эту минуту ей казалось, что для Вадички она можетъ достать рѣшительно все на свѣтѣ.

Раскраснѣвшаяся, съ сіяющимъ лицомъ, она вернулась въ столовую и, расправляя на столѣ бѣлоснѣжную скатерть, пахнувшую геліотропомъ, не могла удержаться отъ радостной улыбки. Довѣріе, оказанное ей Вадичкой, наполняло ея душу гордостью и счастьемъ, а сознаніе своей молодости и привлекательности пробудило въ ней необыкновенную смѣлость и развязность. Не стѣсняясь присутствіемъ Зинаиды, она нѣсколько разъ подбѣгала къ зеркалу и охорашивалась, а когда Зинаида ворчливо приказывала ей сбѣгать въ кухню или что-нибудь принести, Стеша неслась вприпрыжку исполнять порученіе и поднимала вокругъ себя такой вѣтеръ, что у Зинаиды даже въ ушахъ пыло.

— Чего скачешь-то, чего скачешь, кобыла ногайская? — шипѣла она.— Опрокинь вотъ у меня что-нибудь, я тебѣ косы-то натреплю! у, дуботолка толстопятая!

Стеша смотрѣла на нее и улыбалась. Но эта сіяющая улыбка, открывавшая два ряда крѣпкихъ молодыхъ зубовъ, эти забавныя ямочки на круглыхъ розовыхъ щекахъ не смягчали Зинаидина сердца, какъ бывало прежде, а напротивъ, будили въ немъ глухое раздраженіе, похожее на зависть. „Ишь, ощерилась,—думаешь, хороша?“ злобно шептала она, и ей хотѣлось вцѣпиться Стешѣ въ косы, исцарапать ей розовыя щеки, больно прибить ее, такъ чтобы она заплакала, чтобы исказилось и обезобразилось это жизнерадостное кукольное личико.

Иногда въ дверяхъ появлялся Вадичка и за спиною Зинаиды дѣлалъ Стешѣ уморительныя гримасы, спрашивая ее жестами, исполнила ли она его порученіе. Стеша отвѣчала ему такою же мимикой, что все будетъ исполнено по его желанію, какъ только „старая грызла“ уйдетъ, и Вадичка скрывался, пославъ ей воздушный поцѣлуй. Эти поцѣлуи, видимые только ей одной, эта общая тайна, связывавшая ихъ съ Вадичкой, заставляли еще ярче горѣть Стешины щеки, и, глядя на Стешу, Зинаида никакъ не могла понять, отчего это она вдругъ похорошѣла сегодня.

Наконецъ, все было готово, и Зинаида, сдѣлавъ торжественное лицо, отворила дверь въ гостинную и объявила, что кушать подано. M-me Тулупьева съ облегченіемъ вздохнула и пригласила гостей къ столу. Публика оживилась: зашуршали шелковыя юбки дамъ; зашаркали подошвы мужскихъ сапогъ по навощенному паркету; черезчуръ нагрѣтый воздухъ гостинной всколыхнулся, и къ запаху духовъ присоединился запахъ горячаго пирога, величественно занимавшаго первое мѣсто на столѣ. Мироточивый Іосафъ, тяжело дыша, протискался впередъ и алчными глазами осмотрѣлъ закуски. Теперь ему очень рѣдко приходилось вкусно поѣсть.

и онъ почувствовалъ острое удовольствіе при видѣ свѣжей икры, великолѣпной разварной стерляди, разныхъ пикантныхъ маринадовъ и прочихъ закусочныхъ деликатесовъ, которыхъ давно уже не видалъ. Нижняя губа его отвисла, тусклые глаза увлажились слезой. Кое-какъ заткнувъ за грязный воротъ сорочки бѣлоснѣжную салфетку, онъ намѣтилъ на столѣ графинчикъ съ водкой и, подтянувъ его къ себѣ дрожащею рукой, обратился къ сосѣдямъ:

— Выпьемъ, а? За здоровье дорогой именинницы?

Съ одной стороны у него сидѣлъ Сержъ Усмаревъ, съ другой—одинъ изъ облѣзлыхъ молодыхъ людей. Сержъ, при словахъ Іосафа, поспѣшно отодвинулъ свою рюмку и, накрывъ ее рукой, сказалъ тономъ, не допускающимъ возраженія:

— Я не пью.

— Хо-хо-хо!.. Давно ли? Ну, а вы?

— О, я съ наслажденіемъ!—воскликнулъ облѣзлый молодой человѣкъ, подставляя свою рюмку.

— Вотъ это я понимаю! — одобрилъ Іосафъ. — Не пить водки,—да послѣ этого и жить не стоитъ! Докторъ, вы что на это скажете?

— „Вино, веселье и любовь—вотъ жизни наслажденье"— продекламировалъ Цыковъ, сосредоточенно глядя въ свою рюмку.

— Вѣрно! Итакъ, за здоровье именинницы!—прохрипѣлъ Іосафъ и полѣзъ чокаться къ протянутымъ ему рюмкамъ.

М-me Тулупьева мило улыбалась и благодарила, но взоръ ея выражалъ тревогу и, подозвавъ къ себѣ Вадичку, она шепотомъ поручила ему слѣдить за Іосафомъ, чтобы онъ не выпилъ лишняго и чего-нибудь не разбилъ и не испортилъ.

— Отчего вы не пьете?—приставалъ, между тѣмъ, Іосафъ къ Сержу.

— Не могу,—сухо отвѣчалъ Усмаревъ.

— Странно. Всѣ могутъ, а вы не можете. Толстовецъ вы, что ли?

— Не понимаю, при чемъ тутъ толстовецъ.

— Да какъ же, нынче толстовцы въ модѣ. Табаку не курятъ, вина не пьютъ, мяса не ѣдятъ и къ Толстому на поклоненіе въ Ясную Поляну ѣздятъ. Вы не ѣздили?

— Я ничего общаго съ Толстымъ не имѣю.

— То-то. Богоотступникъ и анархистъ; его бы давно въ Соловецкій монастырь сослать слѣдовало, а сочиненія его — всѣ сжечь на кострѣ.

— А вы читали его сочиненія?—спросилъ облѣзлый молодой человѣкъ.

— Не читалъ и читать не хочу. За преступленіе считаю! Я—русскій дворянинъ!

— Да вѣдь и Толстой дворянинъ.

— Толстой—измѣнникъ! Да вы что,—сами, что ли, толстовецъ?

— Нѣтъ, я не толстовецъ.

— Такъ чего же вы Толстого защищаете?

— Я вовсе не защищаю. Я только говорю, что Толстой, какъ геніальный писатель...

— Что-съ?.. — Іосафъ пересталъ ѣсть и посмотрѣлъ на молодого человѣка. — Это вы давеча про тѣлесное наказаніе изволили говорить?—спросилъ онъ строго.

— Я...—отвѣчалъ молодой человѣкъ, натянуто улыбаясь.

— Такъ-съ... А гдѣ вы изволите служить, молодой человѣкъ?—еще строже сказалъ Іосафъ.

Молодой человѣкъ струсилъ и поблѣднѣлъ. Къ счастью, въ это время Стеша подала Іосафу тарелку съ дымящимся пирогомъ, и старикъ, позабывъ о Толстомъ, съ жадностью накинулся на пирогъ.

— Мамочки мои, не пирогъ, а масло!.. — бормоталъ онъ, сладострастно чавкая губами и роняя жирныя крошки на свою неопрятную бороду.

— Proprement dite, я не люблю Іосафа, — тряся головой, говорила тетя Лида m-me Маевской. — Mais à la fin des fins, онъ уменъ. Этотъ Толстой, эта современная литература... c'est terriblement! Я боюсь выйти на улицу... il me semble, какая-то зараза носится въ воздухѣ. Вы знаете, гдѣ я живу? Тамъ есть какой-то заводъ... кажется, дѣлаютъ желѣзо или чугунъ,—не знаю. И вотъ, когда ихъ распускаютъ домой,—я трепещу! Я запираюсь въ спальнѣ, спускаю сторы и молюсь, чтобы *это* скорѣе кончилось. Quel tapage, quel vacarme épouvantable, cela me tient au coeur! Я хочу перемѣнить квартиру.

— Но что же дѣлаетъ полиція?

— Ахъ, полиція!.. Они всѣ заодно. Я никому не вѣрю. Я уже не говорю обо всѣхъ этихъ мастеровыхъ, но народъ, нашъ простой, милый народъ,—какъ онъ измѣнился! Лѣтомъ я гостила въ деревнѣ у своей кузины, — vous savez, m-me Сухарева... Прелестная женщина, ангелъ доброты, и, вообразите, каждый вечеръ подъ окнами настоящій кабакъ! Свистятъ, хохочутъ, мяукаютъ... en un mot, c'est une aubade!..

— Неужели?—съ негодованіемъ воскликнула m-me Маевская и сдѣлала страшные глаза одной изъ своихъ дочерей, которая въ эту минуту надъ чѣмъ-то громко разсмѣялась.

Бѣдная дѣвочка вся съежилась, а тетя Лида продолжала:

— Ma foi! Будто бы ихъ кормятъ дурнымъ хлѣбомъ...

можно этому повѣрить? Воображаю, что они тамъ ѣдятъ у себя дома,—и вдругъ такая наглость! Я была возмущена jusqu'au bout des doigts... я прямо сказала m-me Сухаревой: пошли за становымъ! il faut les museler. Но она ни за что! Они всѣ тамъ напуганы; каждый день кто-нибудь горитъ. По вечерамъ мы боялись выходить на балконъ: тамъ зарево, здѣсь зарево...

— Какой ужасъ!—простонала m-me Мольская.

— Это у нихъ называется „красный пѣтухъ“ — c'est une sorte de vengeance. Кузина и говоритъ мнѣ: „ты видишь, ma chère, что же я могу? Нужно терпѣть“. И вотъ однажды сидимъ мы на балконѣ за чаемъ,—вдругъ цѣлая толпа...

— Ай!—вскрикнула m-me Мольская.

— ...Цѣлая толпа! — повторила тетя Лида, очень довольная эффектомъ своего разсказа, который она наполовину выдумала. — Впереди — un veritable Стенька Разинъ, какъ ихъ рисуютъ на картинкахъ. Très colossal barbe rausse, глаза мечутъ искры... Imaginez vous, наше положеніе! И всѣ стоятъ въ шапкахъ. Это они жаловаться пришли. Но я ничего не помню... мнѣ сдѣлалось дурно, и на другой день я оттуда уѣхала. Ахъ, они насъ ненавидятъ! Вы посмотрите, какіе у нихъ у всѣхъ глаза? Quelque chose diabolique!.. Я вамъ говорю, что-то ужасное идетъ. Эти безпорядки, эти демонстраціи, эта распущенность...

— За дѣтей страшно...—сказала m-me Маевская и снова бросила грозный взглядъ на дочерей.

Тетя Лида тоже посмотрѣла на вытянувшихся въ струнку дѣвочекъ, у которыхъ на блѣдныхъ личикахъ застыло выраженіе вѣчнаго испуга, и произнесла успокоительно:

— Ну, вамъ за своихъ бояться нечего. Онѣ у васъ такія прелестныя, такія выдержанныя... вы ихъ прекрасно ведете. Но у другихъ — это ужасъ, что дѣлается! Идутъ на курсы, бѣгаютъ со студентами по улицамъ, какіе-то рефераты читаютъ... Начитаются, а потомъ выходятъ на площади, ложатся — и ихъ сѣкутъ... Ces horreurs font dresser les cheveux! И вѣдь это не горничныя какія-нибудь, не поповны деревенскія, а дѣвушки изъ общества... Вы знаете дочь m-me Клушиной? Съ жандармами привезли изъ Петербурга. А дочь m-me Брянцевой? Педалируетъ... на велосипедѣ! Остается надѣть les inexprimables и...

Взрывъ хохота на другомъ концѣ стола, гдѣ сидѣлъ Іосафъ, не далъ докончить тетѣ-Лидѣ своихъ предположеній о томъ, что оставалось еще сдѣлать дочери m-me Брянцевой; кстати подали сочный, тающій во рту ростбифъ, и вниманіе дамъ на время отвлеклось отъ ужасовъ современности къ впечатлѣніямъ болѣе пріятнымъ. Лица гостей раскраснѣлись; вино

развязало всѣмъ языки; въ столовой сдѣлалось жарко и шумно. Іосафъ былъ душою общества; онъ уже сильно опьянѣлъ и разсказывалъ такія исторіи, что облѣзлые молодые люди умирали со смѣха. Вадичка, оберегая Іосафа отъ разныхъ непредвидѣнныхъ случайностей, самъ подъ шумокъ выпилъ нѣсколько рюмокъ вина, и потускнѣвшій, тяжелый взглядъ его всюду двигался за Стешей, разносившей кушанья. Стеша чувствовала на себѣ этотъ взглядъ и старалась не смотрѣть на Вадичку, но иногда ихъ глаза встрѣчались, и что-то горячее, хмѣльное ударяло ей въ голову, а сердце начинало биться и трепетать, точно отъ угара.

— Что ты шатаешься, какъ пьяная? — ворчала на нее Зинаида, когда она выходила въ буфетную за новымъ блюдомъ.—Вотъ разгрохай у меня посуду, я тебѣ наклочу косу-то! Сервизъ-то полтораста рублей заплаченъ; ты вся и съ потрохами своими того не стоишь.

— Охъ, батюшки! — шептала Стеша, вытирая съ лица потъ.—Голова кружится... дайте, Зинаида Петровна, водицы!

Она жадно пила холодную воду и, принявъ отъ Зинаиды новое блюдо, опять уходила въ столовую, а Зинаида въ изнеможеніи опускалась на сундукъ и бормотала:

— Закружишься тутъ... съ утра не ѣмши. Безъ вина пьянъ будешь! Охъ, что-то старѣть я стала. Бывало, и не такіе обѣды выстаивала, а теперь нѣтъ, не могу, руки, ноги не дѣйствуютъ, того и гляди, кого-нибудь соусомъ обольешь или блюдомъ по головѣ зацѣпишь. Спасибо, хоть дѣвочка-то попалась понятливая, отдохнуть можно...

Но, вспомнивъ вдругъ, что Стеша по неопытности можетъ также сдѣлать какой-нибудь непростительный промахъ, Зинаида въ ужасѣ вскакивала, бѣжала къ дверямъ и не отходила съ своего поста до тѣхъ поръ, пока Стеша не возвращалась съ пустымъ блюдомъ.

Обѣдъ закончился знаменитымъ пломбиромъ и шампанскимъ, послѣ чего всѣ снова перешли въ гостинную, гдѣ были приготовлены кофе, дессертъ и фрукты. Отъ ѣды, вина, запаха духовъ и цвѣтовъ всѣ опьянѣли, и даже блѣдныя щечки дѣвицъ Маевскихъ порозовѣли, а въ глазкахъ у нихъ затеплились какіе-то слабые огоньки. Попросивъ позволенія у мамаши, онѣ съ Тотошей побѣжали къ ней въ комнату и по дорогѣ налетѣли на Стешу, которая тащила въ буфетную цѣлую груду грязныхъ тарелокъ.

— Вотъ наша новая горничная!—отрекомендовала ее Тотоша своимъ подругамъ. — Она ужасно смѣшная, постоянно смѣется! Какія гримасы она умѣетъ дѣлать, умереть можно! Стеша, ну-ка сдѣлай „му-му“!

Сдѣлать „му-му“ называлось у нихъ вытаращить глаза,

оттопырить нижнюю губу и при этомъ жалобно всхлипывать. У Стеши это выходило до такой степени комично, что Тотоша буквально каталась по полу отъ смѣха, и когда она бывала не въ духѣ, или капризничала, или у нея болѣлъ животикъ, стоило только Стешѣ сдѣлать „му-му“ — и всѣ Тотошины капризы точно рукой снимало.—Но на этотъ разъ Стеша почему-то заупрямилась.

— Погодите, барышня,—сказала она, проходя мимо.—Вотъ тарелки поставлю, сейчасъ некогда.

— Ну, какая!—недовольно воскликнула Тотоша.—Милочка, Стеша, сдѣлай!

Изъ столовой выглянула Зинаида.

— Что это вы, барышня, пристали?—сварливо закричала она.—Вы бы спросили Стешу-то, ѣла ли она чего-нибудь нынче, а не то что съ глупостями приставать! Покушали себѣ и идите съ Богомъ. Стеша, чего стала? Иди, прибирай, не разорваться мнѣ тутъ безъ тебя...

Тотоша присмирѣла и надула губки. „У, противная“...— прошептала она, но, взглянувъ вдругъ на Стешу, радостно всплеснула руками и воскликнула:

— Стеша, да какая ты нынче хорошенькая! Я тебя такую никогда не видала... отчего это?

И, бросившись къ ней на шею, она звучно ее расцѣловала.

— Богъ знаетъ, что, барышня, какая я хорошенькая!—возразила Стеша.—Идите скорѣй отсюда, а то услышитъ,—задастъ... страсть, нынче сердитая!..

Дѣвочки убѣжали, а Стеша торопливо поглядѣлась въ зеркало, щелкнула себя по носу и, прошептавъ: „морданчикъ!“—радостно засмѣялась.

IV.

Стемнѣло, и въ гостиной зажгли лампы, но гости все еще не расходились, разнѣженные и утомленные вкусной ѣдой, пріятнымъ бездѣльемъ, пріятными разговорами. Никому не хотѣлось первому покидать мягкія кресла, прощаться, идти на улицу и потомъ домой, въ будничную обстановку, къ будничнымъ дѣламъ. Легкая болтовня, пропитанная тонкимъ ядомъ сплетни, не умолкала; общество разбилось на двѣ группы. Среди дамъ ораторствовала тетя Лида, которая все и обо всѣхъ знала, не смотря на то, что безвыходно сидѣла дома; центромъ мужской группы былъ мироточивый Іосафъ. Послѣ обильной ѣды и выпивки онъ немного раскисъ и, сложивъ руки на животѣ, тяжко сопѣлъ,

но облѣзлые молодые люди не давали ему покою и наперерывъ изощряли надъ нимъ свое остроуміе. Особенно отличался тотъ, котораго за обѣдомъ Іосафъ заподозрилъ въ толстовствѣ.

— Іосафъ Николаевичъ, отчего же вы теперь не носите своего ордена?—приставалъ онъ къ старику.—Вѣдь вы знаете, господа, у него орденъ есть! Ему персидскій шахъ подарилъ... Какъ онъ называется?.. Луны и Солнца, что ли?

— Врешь,—промычалъ Іосафъ,—онъ теперь уже всѣхъ называлъ на „ты".—Не луны и Солнца, а Льва и Солнца!

— Разскажите, за что вы его получили?—продолжалъ молодой человѣкъ, подмигивая товарищамъ.—Пожалуйста, разскажите, а? Это интересно!

— Отстань...

— Экій вы какой! Ну, я разскажу. Вы знаете, господа, за что ему персидскій шахъ орденъ далъ?

— Нѣтъ, не знаемъ. Что такое?

— О, это цѣлая исторія! Вѣдь вы знаете, что Іосафъ Николаевичъ состоитъ почетнымъ членомъ нашего археологическаго музея? Какъ же! Онъ туда зубъ пожертвовалъ!

— Какой зубъ?

— А чортъ его знаетъ,—говорятъ, крокодиловый...

— Врешь, мамонтовый!—поправилъ Іосафъ.

— Ну, мамонтовый, что ли! Это когда еще у Іосафа Николаевича имѣніе съ аукціона не продали. Мужики пахали и нашли зубъ, а Іосафъ Николаевичъ взялъ его, да въ музей. Онъ и сейчасъ тамъ: зубъ не зубъ, а Богъ его знаетъ что... по моему, просто гнилое бревно.

— Не ври, настоящій зубъ!

— Ну, настоящій! Экій вы какой, Іосафъ Николаевичъ, сами не разсказываете и мнѣ не даете. Ну, вотъ, отнесли этотъ зубъ въ музей, а Іосафа Николаевича почетнымъ членомъ за это выбрали. Вдругъ пріѣзжаетъ персидскій шахъ,—надо ему всѣ достопримѣчательности показать. Сводили его на каланчу,—городъ а воль-дуазо посмотрѣть, потомъ въ оперетку...

— Въ оперетку не водили...—невозмутимо возразилъ Іосафъ.

— Какъ не водили? Вы же сами разсказывали? Водили и въ оперетку, и въ торговыя бани, и въ коммерческую гостиницу, да вдругъ и вспомнили: а музей-то? Іосафъ Николаевичъ, какъ почетный членъ, все показывалъ и объяснялъ. Такую тоску на шаха нагналъ, что у него колики сдѣлались. Вотъ тутъ Іосафъ Николаевичъ и оказалъ ему услугу...

— Какую услугу?

— Ну, извѣстно какую...—Молодой человѣкъ покосился на дамъ и шепнулъ что-то своимъ сосѣдямъ; всѣ громко расхохотались.—А на другой день ему орденъ пожаловали... Такъ и сказано: за особую услугу!

— Да ужъ тамъ за что бы ни дали, да вотъ дали. Тебѣ, небось, не дадутъ.

Въ эту минуту изъ уголка, гдѣ сидѣлъ докторъ Цыковъ, послышался легкій храпъ. Молодые люди посмотрѣли на доктора и засмѣялись.

— Спокойной ночи!

Но докторъ уже проснулся и сейчасъ же продекламировалъ:

Сплю, но сердце мое чуткое не спи-итъ!
Подъ окошкомъ голосъ милаго звучи-итъ...

— И откуда у васъ, докторъ, стихи берутся?—смѣясь, сказалъ облѣзлый молодой человѣкъ.—Прямо, такъ изъ васъ и лѣзетъ поэзія.

— „Стихи—моя стихія!"—пробурчалъ Цыковъ.—Люблю стихи, хоть больше и чужіе...

— А сами не пробовали сочинять?

— Какъ же, и самъ сочинялъ. Давно еще, въ молодости. Да бросилъ.

— Почему?

— Карьеру они мни испортили.

— Докторъ, разскажите!

Цыковъ вынулъ изъ кармана громадный ситцевый платокъ, высморкался и сказалъ:

— Да разсказывать-то нечего. Глупая исторія вышла. Студентомъ нанялся я репетировать одного графчика. Обалдуй былъ страшный, но сестричка у него очень того... хорошенькая была. Я сдуру въ нее и вляпался. Хожу, гляжу, таю, млѣю,—не замѣчаетъ графиня, да и на тебѣ! Вотъ я и вздумалъ ей стихами свои чувства выразить. Всю ночь мучился, цѣлый пузырь чернилъ извелъ, дюжину перьевъ испортилъ, наконецъ, разрѣшился отъ бремени стихами. Переписалъ чистенько на бумажечку съ голубкомъ, на послѣдній полтинникъ завился, и преподнесъ графинѣ свое произведеніе.

— Ну, ну, и что же?

— Ну, и выставили. На другой же день вышелъ лакашъ и говоритъ: „не приказано принимать"! Такая гадость... даже вспомнить тошно.

— Да какіе же это стихи были? Прочтите, докторъ!

Докторъ сдѣлалъ серьезное лицо и продекламировалъ съ мрачнымъ паѳосомъ:

Смѣло пью я изъ графина,
Но, какъ огня, боюсь графинь.
О, прелестная графиня,
Отчего вы не графинъ!..

Молодые люди привѣтствовали докторское стихотвореніе хохотомъ, а самъ докторъ опять высморкался и меланхолически замѣтилъ:

— Не понимаю, отчего ей не понравилось. Съ чувствомъ было написано...

— Съ душой. Не оцѣнила!

— Да, это стихи!—сказалъ облѣзлый молодой человѣкъ, вытирая выступившія на глазахъ слезы.—Ну, и комикъ же вы, докторъ!

— Кстати про стихи,—вмѣшался другой облѣзлый молодой человѣкъ, служившій въ канцеляріи губернатора.—Слыхали, господа, какой у насъ скандалъ недавно вышелъ?

— Нѣтъ, не слыхали.

— Что вы? Объ этомъ весь городъ говоритъ!—Молодой человѣкъ понизилъ голосъ и, оглядѣвшись, продолжалъ:—Нашему-то... тоже недавно стихи прислали. Пасквильная исторія!

— Не можетъ быть!

— Фактъ! Это все отголоски того дѣла... помните, въ Сарафановкѣ? Ну, гдѣ мужиковъ-то усмиряли... Нашъ-то тамъ погорячился немножко и неосторожно кому-то зубы вышибъ. Такъ вотъ ему и прислали посылку. Коробочка эдакая изящная, вродѣ Абрикосовскихъ бомбоньерокъ, а тамъ лежитъ зубъ и стишки:

О, ты, могучій дубъ,
Прими сей зубъ,
Во славу родины круши и бей,
И не робѣй!..

Забылъ дальше, но все въ этомъ родѣ. Однимъ словомъ, пасквиль!

— Ну, ужъ это дерзость!—хоромъ воскликнули молодые люди.—Что-жъ, разсердился?

— Да ужъ было... Громъ и молнія и всяческое землетрясеніе!

— А съ зубомъ какъ поступили?—спросилъ облѣзлый молодой человѣкъ.—Его бы тоже въ музей рядомъ съ мамонтовымъ... для назиданія потомства! Можетъ, тоже орденъ дадутъ...

— Шшъ!—зашикали на него.—Хорошо, что Іосафъ спитъ,

а то было бы вамъ за вольнодумство. Услышить, сейчасъ донесетъ!

Но Іосафъ уже услышалъ. Онъ открылъ мутные, заплывшіе глаза, посмотрѣлъ кругомъ и, еще не очнувшись хорошенько, прохрипѣлъ:

— Пер-репор-роть!.. Всѣхъ перепороть!..

— Кого, Іосафъ Николаевичъ?—смѣясь, спросилъ его облѣзлый молодой человѣкъ.

— Всѣхъ... всю Россію... А университеты въ Сибирь сослать!..

Общій смѣхъ привелъ его въ себя. Сердито ворча что-то себѣ подъ носъ, онъ поднялся съ кресла и пошелъ прощаться. Гости, какъ будто, только этого и ждали и всѣ разомъ стали собираться домой.

— Куда же вы?—нѣжно говорила m-me Тулупьева:—Еще рано.

— Нѣтъ, пора, пора...—ворчалъ Іосафъ, цѣлуя ея руку.— Попили-поѣли, пора и честь знать. Ну ты, прощай, вегетаріанецъ!—обратился онъ къ Усмареву.—Плохо, братъ, твое дѣло, когда уже желудокъ не дѣйствуетъ! А взаймы мнѣ не дашь?

Усмаревъ испуганно схватился за карманъ. Іосафъ захохоталъ.

— Не бойся, не ограблю! Мнѣ вѣдь немного... много-то ты все равно не дашь!

Усмаревъ порылся въ карманѣ и вынулъ серебряный рубль. Старикъ небрежно сунулъ его въ карманъ и, даже не поблагодаривъ, направился въ переднюю. Вслѣдъ за нимъ къ Усмареву съ милой улыбкой подошла m-me Мольская.

— А я къ вамъ съ просьбой, Сергѣй Владиміровичъ!..

Бѣдный Сержъ снова схватился за карманъ.

— У насъ на дняхъ будетъ лотерея-аллегри!—продолжала m-me Мольская.—За входъ 1 рубль... Надѣюсь, вы не забудете моихъ бѣдныхъ?

— Я очень радъ...—пробормоталъ Усмаревъ и съ болѣзненной улыбкой вынулъ бумажникъ.

— Ахъ, кстати!—воскликнула m-me Мольская, перехвативая по дорогѣ молодого человѣка, служившаго въ канцеляріи губернатора.— M-sieur Кабаргинъ, вы мнѣ будете очень нужны! Завтра у меня соберутся дѣлать мѣшечки для конфетти и приготовлять билеты,—помогите намъ?

— Съ удовольствіемъ! Съ наслажденіемъ!—расшаркался m-r Кабаргинъ и, отойдя въ сторону, свирѣпо прошепталъ:— Ахъ, чортъ бы тебя побралъ!

— Что, попался?—шепнулъ ему облѣзлый молодой че-

ловѣкъ, смѣясь и дѣлая руками такое движеніе, какъ будто бы скатывалъ въ трубочку билеты.—Растирэ, растирэ?

— Нѣтъ, братъ, я удирэ, удирэ!..—отвѣчалъ ему м-г Кабаргинъ и юркнулъ въ переднюю.

— Это ужасно!—хныкалъ Сержъ, надѣвая шубу, которую держала передъ нимъ Стеша.—Грабежъ, настоящій грабежъ... никуда показаться нельзя,—сейчасъ же хватаютъ за горло и требуютъ денегъ. 10 рублей на какихъ-то бѣдныхъ и одинъ рубль Іосафу—и того 11 рублей... Разоренье! Полное разоренье!..

— Ну, Сержъ, assez! — нетерпѣливо крикнула ему жена, давно уже закутанная въ великолѣпную плюшевую ротонду на песцахъ.

Сержъ горько вздохнулъ и, припадая на ногу, послѣдовалъ за супругой. Когда дверь за ними захлопнулась, и передняя опустѣла, на порогѣ своей комнаты показался Вадичка и поманилъ Стешу.

— Ну что, достала?—спросилъ онъ шепотомъ.

— Достала...—также шепотомъ отвѣчала Стеша.—У васъ въ комнатѣ, за этажеркой... три бутылки!

— Молодчина! — воскликнулъ Вадичка и, на лету чмокнувъ Стешу въ губы, возвратился въ свою комнату, откуда сейчасъ же послышались радостные возгласы и взрывъ смѣха.

Въ гостиной, въ качествѣ особенно близкихъ друзей дома, остались только тетя Лида и Цыковъ. Тетя Лида немедленно по уходѣ гостей занялась строжайшей критикой и каждому воздала по дѣламъ его. Іосафъ, по ея мнѣнію, былъ „vieux saligaud", котораго скоро нельзя будетъ пускать въ порядочный домъ, потому что il sent très mal, а m-me Мольскую она назвала противною ханжой—la fausse devote. на чужія деньги покупающею себѣ вѣчное блаженство. Досталось и Сержу, и его женѣ, и облѣзлымъ молодымъ людямъ, которые не умѣютъ себя держать и хохочутъ на весь домъ, comme les poulains dans écurie.

— Ну, ужъ и язычекъ у васъ! — посмѣиваясь, говорилъ Цыковъ.—Какъ бритва... такъ и рѣжетъ, такъ и рѣжетъ!

— Я люблю правду!—съ гордостью отвѣчала тетя Лида.

Въ дверяхъ появилась Зинаида съ испуганнымъ лицомъ.

— Сударыня! — обратилась она къ m-me Тулупьевой.—Пожалуйте сюда..

— Что такое? — лѣниво произнесла m-me Тулупьева и вышла въ столовую. — Отчего до сихъ поръ не даютъ самовара? Вѣчно у насъ безпорядокъ!

— Сударыня, тамъ несчастье случилось,—зашептала Зинаида.—Настенька что-то захворала...

— Ахъ, Боже мой, что же ты не скажешь? Давно?

— Да нѣтъ, я только сейчасъ увидала. Утромъ она ничего была, а теперь лежитъ, горитъ вся, Богъ знаетъ, что бормочетъ. Я испугалась...

M-me Тулупьева обезпокоилась.

— Какъ это непріятно... Ужъ не заразы ли? Хорошо, что докторъ не уѣхалъ... Докторъ, пожалуйста!—обратилась она къ Цыкову, входя въ гостинную.—Тамъ у насъ дѣвочка-прислуга заболѣла,—будьте добры, посмотрите ее!

— А гдѣ она у васъ?—спросилъ Цыковъ, неохотно поднимаясь съ кресла.

— Тамъ, въ кухнѣ. Зинаида, проводи доктора.

Зинаида пропустила доктора впередъ, и они чернымъ ходомъ спустились въ кухню. Въ кухнѣ было жарко и сильно накурено махоркой; за столомъ кучеръ съ поваромъ изъ общественнаго собранія играли въ карты и азартно спорили; съ печи слышался чей-то здоровенный храпъ. Коптящая стѣнная ламночка скудно освѣщала низкій, нависшій потолокъ, пятна сырости по угламъ, груды немытой посуды на шкафчикѣ, раскраснѣвшіяся лица игроковъ, которые въ пылу игры даже и не замѣтили вошедшихъ.

— А я подъ тебя хлапомъ!—восклицалъ кучеръ.

— А я хлапа кралей,—отвѣчалъ поваръ.

— А я кралю по мордамъ!

— А я хлапа по усамъ!..

— Ну, гдѣ же у васъ больная-то? — спросилъ Цыковъ, морщась отъ махорки.

— Пожалуйте сюда...—пригласила Зинаида.

За печкой, въ чуланчикѣ, загроможденномъ разнымъ кухоннымъ хламомъ, на голомъ ларѣ лежала Настя. Она часто и горячо дышала и по временамъ болѣзненно вскрикивала, отгоняя отъ себя что-то рукой. Цыковъ пощупалъ ея пылающую голову, постучалъ въ животъ и задумчиво пробормоталъ:

Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое...

— Ну что, докторъ, какъ? — спросила m-me Тулупьева, когда Цыковъ вернулся.

— Гм... да неутѣшительно!—пробормоталъ онъ.

— Ахъ, докторъ, ради Бога скажите, что дѣлать? — воскликнула встревоженная m-me Тулупьева.—Я такъ боюсь за дѣтей... Это что-нибудь заразительное?

— Гм... да, пожалуй, что и заразительное. Брюшной тифъ.

— Брюшной тифъ!.. — прошептала тетя Лида, и въ ея

воображеніи сейчасъ же нарисовалась узенькая, тѣсная дорожка — le noir trajet,— которую она всегда представляла себѣ, когда думала о смерти.

Въ домѣ поднялась суматоха. Докторъ написалъ записку главному больничному врачу, и Зинаида, укутавъ Настю своимъ большимъ платкомъ, повезла ее въ больницу. Испуганная m-me Тулупьева ходила по всѣмъ комнатамъ съ пульверизаторомъ и вездѣ брызгала растворомъ эвкалиптоваго масла. Тетя Лида сидѣла съ помертвѣвшимъ лицомъ и боялась пошевелиться: ей казалось, что тифозныя бациллы такъ и носятся цѣлыми тучами вокругъ нея, и она уже чувствовала какой-то подозрительный ознобъ въ ногахъ. Одинъ докторъ оставался невозмутимымъ и, скептически посмѣиваясь, смотрѣлъ, какъ m-me Тулупьева воевала съ заразой.

— Такъ ее, такъ ее, шельму! — бормоталъ онъ. — Вотъ здѣсь-то посыпьте хорошенько... Здѣсь, я вижу, здоровеннѣйшая бацилла сидитъ...

И, обратившись къ тетѣ Лидѣ, онъ юмористически прибавилъ:

— Вѣдь выдумаютъ же люди такую чепуху, а? Я вотъ 30 лѣтъ въ одномъ сюртукѣ хожу, лѣчилъ въ немъ и тифъ, и скарлатину, и дифтеритъ, и чахотку, а самъ сроду никогда не хворалъ!

Тетя Лида боязливо покосилась на сюртукъ доктора и встала.

— Ну, ma chère, прощай!—сказала она m-me Тулупьевой.— Вели, мой другъ, лошадку подать,—я поѣду.

— Тетя Лида, а чай?

Но тетѣ Лидѣ было не до чаю. „Покорно благодарю, матушка!"—подумала она, торопливо кутаясь въ огромное боа временъ Наполеона III и Евгеніи Монтихо. „Брюшной тифъ — c'est affreux; я вовсе не желаю laisser mes grègues!"

Вслѣдъ за нею скоро удалился и докторъ Цыковъ. Оставшись одна, m-me Тулупьева вдругъ почувствовала себя несчастной, всѣми покинутой и больной. Въ домѣ было какъ-то пусто и страшно; Тотоша уже спала; Зинаида все не возвращалась. Чаю никто не пилъ, и никѣмъ нетронутый самоваръ тоскливо пищалъ въ столовой. Только изъ комнаты Вадички доносились веселые голоса и пѣніе. Это даже немножко обидѣло m-me Тулупьеву: Вадичка, Настя, тетя Лида, всѣ люди казались ей неблагодарными эгоистами, которые только и думаютъ о томъ, чтобы сдѣлать ей непріятность. Она ушла къ себѣ, раздѣлась, легла въ постель и немножко всплакнула. Потомъ, сама не зная какъ, задремала. Разбудила ее Зинаида, которая на цыпочкахъ вошла въ спальню.

— Ну что, Зинаида?—спросила m-me Тулупьева.

— Ничего, приняли. Сначала не хотѣли, говорятъ, мѣстовъ нѣтъ; за главнымъ докторомъ посылали. Ну, онъ прочиталъ вашу записку и велѣлъ положить.

— Ахъ, Зинаида, это меня такъ разстроило! Боюсь, какъ бы дѣти не заболѣли,—тифъ заразительный! И гдѣ это она его схватила? По улицѣ, должно быть, бѣгала?

— Да какъ же не бѣгать, конечно, бѣгала. Всѣ нынче съ ногъ сбились; одной посуды сколько перемыть пришлось. Замыкали дѣвчонку: то туда, то сюда сбѣгай, а она все раздежкой, да раздежкой. Долго ли эдакъ захворать?

По голосу Зинаиды m-me Тулупьева догадалась, что старуха не въ духѣ, и замолчала. А Зинаида долго еще возилась и, какъ домовой, шныряла по всей квартирѣ, звякая ключами и наводя вездѣ нарушенный порядокъ. Когда всѣ лампы были потушены, шкафы заперты, Зинаида почувствовала, что ноги окончательно отказываются ей служить, и разбудила крѣпко спавшую Стешу.

— Ну-ка ты, сударыня, еще успѣешь наспаться-то!—сказала она.—Устала я до смерти, мочи моей нѣтъ, пойду, лягу, а ты посиди. Когда барчуки уйдутъ, двери за ними запрешь!

— Развѣ еще не ушли?—спросила Стеша, сладко зѣвая и потягиваясь спросонокъ.

— Полуношничаютъ, имъ только дѣловъ-то. Ну, иди, да смотри, не забудь лампу въ передней потушить.

Стеша тихонько прокралась въ переднюю, сѣла у дверей и стала ждать. Спать ей уже не хотѣлось, и она съ любопытствомъ прислушивалась къ голосамъ, доносившимся до нея изъ Вадичкиной комнаты. Тамъ, должно быть, было весело; кто-то напѣвалъ игривую пѣсенку; иногда всѣ разомъ начинали смѣяться. Стеша различала Вадичкинъ голосъ, и это доставляло ей удовольствіе. Она вспоминала, какъ онъ сегодня ее поцѣловалъ, и сердце ея сладко замирало. „Миленькій, хорошенькій!“ шептала она. И вдругъ ей представлялось, что они съ Вадичкой гуляютъ въ саду, музыка играетъ, и ей такъ хорошо, такъ хорошо, что даже умереть хочется отъ радости. А музыка все играетъ; у Вадички губы такія мягкія, такія горячія, и онъ ее крѣпко крѣпко цѣлуетъ. „Миленькій, хорошенькій!“—шепчетъ Стеша.

Дверь Вадичкиной комнаты шумно растворилась, Стеша вскочила. Садъ исчезъ; музыка замолчала. Гимназисты, толкаясь и смѣясь, разбирали калоши, надѣвали пальто. У всѣхъ были раскраснѣвшіяся лица; языки немного заплетались. Въ числѣ трехъ бутылокъ, спрятанныхъ Стешей за этажеркой, попалась одна съ коньякомъ, и отъ этого молодые люди были особенно веселы.

— Кассаньякъ, говорятъ, пьетъ коньякъ, говорятъ!—громко продекламировалъ одинъ изъ нихъ, и всѣ захохотали.

— Тише!—остановилъ ихъ Вадичка, заглядывая въ темную гостинную.—У насъ, кажется, всѣ уже алле-дормиръ Что, мамахенъ спитъ?—спросилъ онъ Стешу.

— Давно ужъ!

— Дѣло въ Испаніи!—сказалъ опять первый гимназистъ.— Завтра грекъ спроситъ, а я ни въ зубъ!

— Плюнь на грека! — посовѣтовалъ кто-то. — Все равно, больше единицы не получишь!

— А Прюдомъ, говорятъ, тянетъ ромъ, говорятъ! — продолжалъ веселый гимназистъ, и всѣ стали спускаться съ лѣстницы. Внизу кто-то зацѣпился за ступеньку и съ шумомъ упалъ; послышался смѣхъ и шутки.—„Палъ Пріамовъ градъ священный, грудой пепла сталъ Пергамъ"! — торжественно воскликнулъ веселый гимназистъ. Затѣмъ все затихло. Стеша заперла за ними дверь и вернулась въ переднюю. Вадичка все еще стоялъ у дверей своей комнаты и чего-то ждалъ.

— Тушить лампу-то?—спросила Стеша.

Вадичка молчалъ, но не уходилъ. Отъ этого молчанія Стешѣ вдругъ стало неловко и страшно; она сама не знала, чего боялась, но было что-то пугающее и въ тишинѣ спящаго дома, и въ яркомъ свѣтѣ лампы, и въ томъ, что они съ Вадичкой были одни среди этой мертвой тишины и яркаго, ненужнаго свѣта. Она поспѣшно взобралась на стулъ и потушила лампу.

— Послушай...—прошепталъ Вадичка...

Стеша слѣзла со стула и остановилась.

— Поди сюда... — продолжалъ Вадичка отрывисто и грубо.

— Зачѣмъ?—бояаливо спросила Стеша, косясь на дверь въ гостинную, откуда смотрѣла на нее подстерегающая, жуткая тишина.

Вмѣсто отвѣта, Вадичка нерѣшительно шагнулъ къ Стешѣ и схватилъ ее за плечи. Стеша вскрикнула и рванулась.

— Ой, пустите, пустите... миленькій, хорошенькій... Я боюсь!

Но Вадичка молчалъ и толкалъ ее въ свою комнату. И, когда дверь за ними затворилась, Стешѣ показалось, что она падаетъ... падаетъ въ темную, бездонную пропасть.

В. І. Дмитріева.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЕВРЕЙСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Переводъ съ „жаргона“ *Р. Менделевича.*

I.

Почта.

Эскизъ А. Рейзина.

Собственно говоря, „почта“ въ этомъ маленькомъ мѣстечкѣ могла обойтись вовсе безъ почтальона,—окладъ, получаемый имъ, пригодился бы лучше для найма большой избы подъ почтовую контору. Дѣло въ томъ, что обыватели мѣстечка, которые „вели корреспонденцію“, никогда не могли дождаться, пока имъ принесутъ письма домой, и каждое утро, какъ только въ мѣстечко приходила почта, въ конторѣ уже толпилось нѣсколько десятковъ евреевъ, женщинъ и даже дѣтей. И всѣ съ большимъ нетерпѣніемъ ждали, пока распакуютъ завѣтный мѣшокъ съ письмами.

Хана, молодая женщина, съ блѣднымъ, будто испуганнымъ лицомъ, приходила еще за полчаса до прихода почта. Она все боялась, какъ бы не опоздать, и не пришлось ждать до двухъ часовъ, когда почтальонъ Степка разноситъ обывателямъ письма.

Но, кромѣ боязни опоздать, ей очень нравилось получать письма „у всѣхъ на глазахъ“,—пусть всѣ услышатъ, какъ почтальонъ выкрикиваетъ ея имя: „Хана Авенчикъ!“ И пусть не думаютъ, что ея мужъ тамъ, въ Америкѣ, нашелъ себѣ нѣмку, а ее, Хану, совсѣмъ позабылъ и забросилъ.

Что жъ? Вѣдь она уже когда-то получила отъ него два письма,—одно съ деньгами, а другое... другое „съ хорошими словами“... Ничего! Ей и еще письмо придетъ, и ея враги „лопнутъ отъ зависти“...

Но, какъ нарочно, Степка не хочетъ отдавать писемъ, и каждый день, съ разбитымъ сердцемъ и потухшей надеждой, она уходитъ изъ почтовой конторы.

— Боже мой!—думаетъ она, чувствуя, какъ ея сердце обливается кровью,—Боже мой!.. Такъ много сегодня писемъ пришло, можетъ, больше сорока, и неужели тамъ для меня письма не лежало?..

И ей кажется, что этотъ Степка — большой негодяй: онъ нарочно выбросилъ ея письмо гдѣ нибудь въ полѣ, когда ѣхалъ со станціи. Развѣ ему это не все равно?

Часто, когда она спрашиваетъ его:

— Есть письмо?

Онъ отвѣчаетъ съ улыбочкой:

— Пишется!

И эта улыбка ей, Ханѣ, очень не нравится. Не говоря уже о томъ, что окружающая публика разражается хохотомъ, и она чувствуетъ, что сгораетъ со стыда,—въ ней еще сильнѣе разростается страхъ, что Степка не хочетъ отдать письмо.

И всетаки она каждый день ходитъ въ контору, и еще не потеряла надежды.

Правда, не легко ей это достается... Каждый разъ, входя въ контору, она испытываетъ глубокія муки. Остальныя женщины, имѣющія мужей въ Америкѣ, смотрятъ на нее съ презрѣніемъ, какъ бы говоря: „тоже американка!“ Но не идти она не можетъ: не хватаетъ силы ждать до двухъ часовъ.

Вотъ Степка выкрикнулъ:

— Роза Рубенчикъ!

У Ханы обрывается что-то въ сердцѣ, ей послышалось, что это выкрикнули: „Хана Авенчикъ!“

— Я здѣсь!—вскрикиваетъ она, какъ сумасшедшая.

Публика хохочетъ, Степка улыбается и говоритъ:

— Не тебѣ, голубушка! Тебѣ еще пишется!..

И онъ отдаетъ письмо Розѣ Рубенчикъ,—молодой бабочкѣ съ румяными щеками, которой мужъ каждую недѣлю присылаетъ изъ Америки письмо, и каждый мѣсяцъ — денежное.

Въ такія минуты Хана чувствуетъ себя совсѣмъ одурманенной и смотритъ безумными глазами на Розу, которая тутъ же вскрываетъ конвертъ и начинаетъ пробѣгать письмо. Хана впряетъ въ исписанный листъ свои глаза, какъ голодный ребенокъ на кусокъ вкуснаго пирога, но Роза съ презрѣніемъ отодвигается отъ нее и загораживаетъ письмо. Тогда Хана ищетъ какую-нибудь потайную дверь, въ которую могла бы выйти незамѣченною. Но, вмѣсто этого, заискивающе спрашиваетъ у Розы:

— Что вамъ пишетъ вашъ?

Та не удостаиваетъ ея отвѣтомъ и продолжаетъ читать. А у Ханы сердце опять обливается кровью...

И все же она ходитъ каждый день въ почтовую контору. Каждый день!..

II.

Въ закладѣ.

А. Рейзина.

Начало весны. Солнце щедро разсыпаетъ золотые лучи надъ высокими крышами, извозчиками и трамваями. Оно одинаково ласкаетъ теплыми лучами и румяныя, и блѣдныя лица.

Клингеръ, еврейскій учитель, 25-ти лѣтній высокій брюнетъ, уже сбросилъ разорванное ватное пальто, купленное за 3 рубля четыре года тому назадъ, когда онъ только что пріѣхалъ въ Варшаву. Онъ старательно, до блеска, вычистилъ штиблеты съ двумя заплатами. Собственноручно пришилъ двѣ пуговицы къ старому сюртучишку, причесалъ длинные давно не чесанные волосы и вышелъ изъ своей каморки на свѣтлый Божій міръ.

— Чудный день!.. — подумалъ онъ и зашагалъ бодрѣе, какъ будто могъ продать кому-нибудь эти солнечные лучи, которые лились на него, и получить за нихъ хоть немного мелочи на завтракъ...

А завтракъ ему сейчасъ былъ бы очень кстати: уже полдень. Кому Богъ помогаетъ, тотъ ужъ, небось, второй разъ закусывалъ...

Но Клингеръ такъ былъ радъ сіяющему солнцу, теплу и чистому воздуху, что забылъ или заставилъ себя забыть такую прозу жизни, какъ завтракъ.

— Свѣтъ, свѣтъ!..—говорилъ онъ вслухъ:—свѣтъ!..

И вспомнивъ, что Гете, умирая, произнесъ такія же слова, Клингеръ почувствовалъ себя еще бодрѣе отъ сознанія, что и у него, и у Гете—одни и тѣ же желанія...

Правда, онъ не былъ такимъ поэтомъ, какъ Гете, хотя стишки и пописывалъ. И если бы редакторы не были такъ безчувственны,—онъ, Клингеръ, имѣлъ бы теперь имя. Всю зиму у него было много свободнаго времени, и онъ писалъ, писалъ, но... его не печатали...

Разумѣется, погруженный въ такія мысли, онъ совершенно забылъ о завтракѣ. И въ головѣ стало складываться весеннее стихотвореніе. Онъ уже нашелъ цѣлый рядъ риѳмованныхъ словъ: „весна—отъ сна", „лучи—горячи". Но тутъ, какъ разъ, ему пришлось проходить мимо знакомой кофейной, гдѣ собирается весь ихъ „кружокъ", когда въ карманѣ есть лишній гривенникъ. Риѳмы, какъ птички, выпорхнули

изъ его головы, а вмѣсто нихъ въ голову влетѣла новая мысль и зашептала соблазнительно:

— Здѣсь ты можешь выпить стаканъ чаю и съѣсть пару пирожковъ!..

— Гм!.. Это было бы не вредно! — повторилъ вмѣстѣ со своею мыслью Клингеръ. И, остановившись у окна кофейной, задумался. Ему было о чемъ подумать. Какъ зайти, если въ карманѣ нѣтъ ни гроша, и какъ, съ другой стороны, не зайти, имѣя такой дьявольскій аппетитъ?..

И онъ вспоминаетъ, что здѣсь, въ кофейной, нерѣдко можно встрѣтить знакомаго, который дастъ нѣсколько мелочи безъ векселя или заемнаго письма,—просто такъ, „на честное слово", что, собственно, мало отличается отъ подаянія...

Слово „подаяніе" заставляетъ его отойти на нѣсколько шаговъ отъ кофейной, и онъ старается убѣдить себя, что въ такой чудный день человѣкъ долженъ быть выше такой прозы, какъ ѣда,—не надо быть простымъ животнымъ!..

„Стаканъ чаю и нѣсколько сухарей",—неотвязно мозжитъ въ головѣ. Уже, не разсуждая, онъ входитъ въ кофейную.

Кофейня—изъ двухъ маленькихъ комнатъ. Вокругъ мраморныхъ столиковъ сидятъ посѣтители. Ѣдятъ, пьютъ, читаютъ газеты.

Клингеръ присаживается къ свободному столику, вперивъ взоры въ посѣтителей, и ищетъ знакомаго лица. Но лица все чужія, эгоистическія, холодныя...

— Несимпатичный народъ!—думаетъ учитель и съ завистливымъ чувствомъ смотритъ на одного, который ѣстъ съ нескрываемымъ аппетитомъ, уставивъ глаза въ стаканъ съ молокомъ, которымъ онъ запиваетъ проглоченные куски хлѣба.

— Какъ жаденъ человѣкъ!—думаетъ Клингеръ и хочетъ подняться, чтобы уйти, но ему дѣлается стыдно уйти такъ, ничего не потребовавъ. У кассы сидитъ хозяйка, и онъ знаетъ, что она его у самаго порога остановитъ:

— Вы ничего не спросили?

Онъ сидитъ и смотритъ на хозяйку. Она внимательно озираетъ гостей, и Клингеру почему-то вспоминается его мать. Она также, бывало, наблюдала за мужиками, когда они въ ярмарочный день заходили погрѣться въ корчму.

— Всѣ воры и грабители!—рѣшаетъ онъ, чувствуя подступающій гнѣвъ:—каждый дрожитъ за свою шкуру, каждый боится, чтобы его не обокрали... Всѣ стерегутъ другъ друга... Воры!..—кричитъ онъ мысленно, и его блѣдное лицо кривится въ улыбку.

— Желаете чего-нибудь?—прерываетъ нить его мыслей

становившаяся около столика дѣвушка въ бѣломъ фартукѣ и съ пустыми стаканами въ рукахъ.

Клингера охватываетъ страхъ, и, самъ не понимая кáкъ, онъ выговариваетъ:

— Стаканъ молока!

— Съ булочками?—спрашиваетъ дѣвушка.

— Съ булочками! — выпаливаетъ онъ, и чувствуетъ, что сердце вотъ-вотъ разорвется отъ ужаса.

— Что же теперь дѣлать? Чѣмъ я заплачу? — вертится у него въ головѣ. Его лихорадитъ, глаза дико глядятъ на всѣхъ, какъ будто онъ сейчасъ только совершилъ убійство и боится, чтобы этого не узнали.

Дѣвушка подаетъ на его столъ стаканъ молока и нѣсколько булочекъ и отходитъ къ другому столу.

— Впрочемъ, что же?—утѣшаетъ онъ себя,—надо ѣсть!.. Можетъ быть, сейчасъ зайдетъ знакомый... Чортъ ихъ не возьметъ!

Онъ принимается за завтракъ и все смотритъ на входную дверь, которая ежеминутно открывается, впуская посѣтителей. Все незнакомыя физіономіи!..

Въ сердцѣ страхъ все наростаетъ... На позоръ онъ попалъ сюда!.. Какъ онъ теперь выберется отсюда? Кусокъ становится поперекъ горла и давитъ его...

Послѣ завтрака дѣлается еще страшнѣй. Дверь хлопаетъ, и, какъ нарочно, ни одного знакомаго. Какъ будто перемерли всѣ! Просто глаза устаютъ смотрѣть на дверь... Всѣ эти входящіе незнакомцы просто ему ненавистны... Какъ спокойно они присаживаются къ столикамъ, какъ спокойно расплачиваются! Счастливые... безстыжіе люди!

Чтобы продлить время, онъ берется за чтеніе газеты. Онъ начинаетъ съ телеграммъ и узнаетъ, что изъ Салоникъ сообщаютъ: трехъ болгаръ, которые послали австрійскому консулу угрожающее письмо,—арестовали.

— Попадетъ имъ теперь!—думаетъ онъ, и ему представляются эти три болгарина, высокіе, смуглые, съ кинжалами въ рукахъ.

Но тутъ же буквы начинаютъ передъ нимъ прыгать, голова кружится, въ груди жжетъ, и такъ мучительно хочется, такъ тянетъ на воздухъ. Отсюда такъ ясно видна улица, освѣщенная весеннимъ солнцемъ. Люди идутъ и ѣдутъ,— хорошо теперь прогуляться! Вѣдь онъ сытъ!

Онъ чувствуетъ себя въ положеніи человѣка, который арестовалъ самого себя. Сколько еще времени придется просидѣть въ этомъ острогѣ?

Онъ обливается потомъ, глаза чуть не вылѣзаютъ изъ

орбитъ. Онъ испуганно смотритъ на хозяйку, которая изъ-за кассы слѣдитъ за посѣтителями.

— Ишь, чертовка, какъ стережетъ! — думаетъ онъ, и не можетъ отвести отъ нея глазъ.

И вдругъ ихъ взгляды встрѣчаются. Клингеру кажется, она догадывается, что ему нечѣмъ заплатить, и онъ опять испуганно смотритъ на входную дверь.

Три часа... Никто изъ знакомыхъ не зашелъ!..

Клингеръ глядитъ въ окно, выходящее на дворъ,—на дверь ему ужъ противно смотрѣть. Солнце сіяетъ такъ ярко, такъ тепло и спокойно, какъ будто съ нимъ, съ Клингеромъ, ничего особеннаго не случилось. И гнѣвъ въ его душѣ смѣняется грустью. Какъ долго онъ ждалъ этого солнечнаго дня! До сихъ поръ было такъ темно, сыро и холодно...

И когда онъ, наконецъ, дождался желаннаго дня,—онъ принужденъ сидѣть въ четырехъ стѣнахъ, въ духотѣ, „заложенный" за нѣсколько копѣекъ, и ждать, пока придетъ такой же бѣднякъ и „выкупитъ" его изъ неволи... Глаза учителя заволакиваются слезами, и онъ думаетъ:

— Жизнь коротка, ясныхъ дней такъ мало, и даже это немногое отнимаютъ у насъ!.. За что?.. За что?..

И ему хочется подойти къ хозяйкѣ, которая сидитъ у кассы, и сказать ей:

— Извините, я забылъ дома деньги, когда зашелъ сюда. Я вамъ ужо занесу...

Кажется, очень просто? И онъ будетъ свободенъ и очутится на этой шумной улицѣ, гдѣ такъ тепло и хорошо.

Но, при взглядѣ на хозяйку, онъ почему-то не можетъ подняться съ мѣста.

— Нѣтъ, я лучше подожду... Вѣдь и завтра будетъ солнечный день!—рѣшаетъ онъ.

Но вѣдь нельзя же такъ долго сидѣть! Ему кажется, что прислужница смотритъ на него подозрительно. Когда она, шурша юбками, проходитъ мимо,— онъ ждетъ, что она вотъ-вотъ скажетъ:

— Вы очень долго сидите, здѣсь и такъ тѣсно!.. Платите и уходите!

Ему разъ пришлось наблюдать такую именно сцену. Правда, случилось это со старымъ, бѣднымъ евреемъ, который просидѣлъ здѣсь цѣлый зимній день. Но его, Клингера, не тронутъ: они видятъ же, что онъ не какой-нибудь. Стыдно вотъ, это правда!

И онъ, мѣняя мѣсто, переходитъ въ другую комнату. Но тамъ ему долго сидѣть нельзя: оттуда не видно входной двери. Кто-нибудь можетъ войти, выпить стаканъ чаю и уйти. А онъ останется здѣсь, не „выкупленный".

Онъ снова переходитъ, поэтому, въ первую комнату, рѣшаясь спокойно ждать прихода кого-нибудь изъ знакомыхъ. А чтобы время не тянулось такъ мучительно-медленно, онъ прочтетъ вотъ эту газету съ начала до конца.

Но буквы опять прыгаютъ передъ глазами, и слова быстро вылетаютъ изъ головы, какъ будто имъ тѣсно въ этой кофейной.

Онъ перестаетъ читать, и... ощущаетъ голодъ.

Но—странно! Это ощущеніе радуетъ его. Онъ думаетъ:

— Если ужъ закладывать себя, то хоть подороже!

И когда мимо проходитъ дѣвушка, онъ бросаетъ ей храбро:

— Дайте мнѣ стаканъ чаю и два бутерброда!

И пугается собственныхъ словъ: онъ снова сдѣлалъ непоправимую ошибку... Если даже появится знакомый, который захочетъ его „выкупить“, то вѣдь сумма окажется чрезчуръ крупной!

Выпивъ чай и съѣвъ бутерброды, онъ чувствуетъ себя совсѣмъ пришибленнымъ и еще съ большимъ страхомъ поглядываетъ на дверь.

Но знакомыхъ нѣтъ, какъ нѣтъ... А эти входящіе чужіе люди могли бы и совсѣмъ не приходить: что они Клингеру?..

— Скверно!—бормочетъ онъ:—проклятый день!.. Сегодня никто не придетъ!..

Терпѣніе истощается, онъ не въ силахъ здѣсь больше сидѣть... Ему тѣсно... Хочется щипаться, кусаться, драться... И зачѣмъ онъ только сюда зашелъ? Правда, онъ былъ бы голоденъ, но за то—свободенъ.

Онъ начинаетъ строить планы. Какъ бы выйти изъ этого сквернаго положенія, какъ спастись?

Планы—все дикіе, онъ ихъ никогда не выполнитъ, но.. мозгъ работаетъ. Вотъ является мысль выпрыгнуть въ открытое окно... А когда мимо проходитъ дѣвушка,—ему хочется вскочить и сказать ей:

— Послушай, если ты мнѣ сейчасъ одолжишь 20 копѣекъ, я женюсь на тебѣ... Вѣдь тебѣ хочется выйти замужъ? Ты ужъ поблекла отъ постояннаго труда, кто тебя возьметъ?

А дверь продолжаетъ хлопать, и никто изъ знакомыхъ не является.

— Боже мой! чуть не плачетъ онъ,—вѣдь одинъ день „жизни“ стоитъ милліоновъ!.. О, выпустите меня!..

Только въ семь часовъ вечера явился, наконецъ, знакомый, который согласился „выкупить“ Клингера.

И когда бѣдняга учитель очутился на свободѣ, на улицѣ уже было опять хмуро. Небо задернулось тучами, и накрапывалъ дождь...

III.

Іомъ-Кипуръ.

Разсказъ И. Гейдо.

Кто можетъ пересчитать горькія слезы, которыя пролила Хая съ того времени, какъ ея мужъ Самуилъ уѣхалъ въ Америку? Правда, онъ не уѣхалъ безъ ея согласія. Наоборотъ, она сама подговаривала его къ этому далекому путешествію. Почему ему, въ самомъ дѣлѣ, не поѣхать? Дѣтей у нихъ не было, и если въ молодые годы не постараться сдѣлать какую-нибудь „карьеру",—то что же послѣ будетъ? И она была совершенно спокойна, доказывая мужу, что пока ея приданое еще цѣло, — есть возможность предпринять путешествіе. Правда, ей не очень-то было легко отпускать мужа въ первый же годъ послѣ свадьбы. Но она сознавала, что останься мужъ дома,—толку все равно никакого не выйдетъ. Что здѣсь можетъ дать портняжество? А тамъ, въ Америкѣ, говорятъ, портные всетаки находятъ свое счастье.

Разлуку съ мужемъ въ первое время она переносила сравнительно легко. Его частыя письма доставляли ей наслажденіе, а когда ее иногда охватывала тяжелая тоска,— что не удивительно въ положеніи молодой женщины послѣ перваго года замужества, — она садилась писать ему длинныя письма, въ которыхъ раскрывала все свое сердце, и опять нетерпѣливо ждала, пока придутъ хорошія вѣсти.

Но когда прошло порядочно времени, и письма его становились все суше и рѣже, — у Хаи что-то оборвалось въ сердцѣ. Правда, мужъ оправдывался тѣмъ, что онъ очень „бизи",—но кто же можетъ знать, что это незнакомое слово означаетъ? На ея несчастье, у нея были сосѣдки съ длинными языками, которыя слово „бизи" переводили не очень-то пріятно... По ихъ толкованію чуть ли не выходило, что Самуилъ тамъ, въ Америкѣ, обзавелся уже „нѣмкой", и Хая останется теперь вѣчной „соломенной вдовой".

Хая никогда бы про „своего" ничего подобнаго не подумала, но кто знаетъ, что изъ него эта далекая Америка сдѣлала? Что онъ уже не тотъ теперь, какимъ былъ раньше, можно видѣть по фотографической карточкѣ, которую онъ выслалъ. Онъ уже потерялъ все свое „Божеское подобіе", борода обрита, и одѣтъ онъ, какъ баринъ. И къ чему же ему нужна теперь такая жена, какъ Хая? Правда, ея отецъ былъ уважаемымъ въ городѣ „меламедомъ", который занимался съ дѣтьми всѣхъ городскихъ богачей, и котораго ува-

жалъ самъ раввинъ, и такое ужъ ея счастье, что она должна была выйти замужъ за простого портного. Но все вѣдь это имѣетъ смыслъ здѣсь, гдѣ всѣ знаютъ и ее, и его. А тамъ, въ чужой странѣ, — кто знаетъ? Можетъ, нѣмка ему дороже дочери уважаемаго отца?

И такія мысли все чаще и чаще начали заползать ей въ голову... Она стала прислушиваться къ тому, о чемъ шепчутся сосѣдки,—и толька одна подушка-„думка“ могла бы разсказать, сколько слезъ пролила Хая въ долгія зимнія ночи и въ короткія, лѣтнія...

Черныя, безотрадныя думы изглодали ея сердце, и самой мучительной была та дума, которая шептала ей, что она останется вѣчной „соломенной вдовой“. Чѣмъ больше она объ этомъ размышляла, тѣмъ сильнѣй привязывалась къ мужу, и тѣмъ тяжелѣе было ей переносить разлуку.

И вотъ получилось, наконецъ, столь жадно и долго жданное письмо, въ которомъ Самуилъ писалъ, что пришелъ къ рѣшенію выслать женѣ „корабельный билетъ“.

Слишкомъ ли она быстро читала письмо, или смутили ее набѣжавшія сосѣдки своими аханьями и оханьями, только въ первый моментъ ей показалось, что приложенная при письмѣ разноцвѣтная бумажка,—не что иное, какъ „увольнительное свидѣтельство“: Самуилъ, по еврейскому обычаю, даетъ ей разводъ! Тогда ей вдругъ сдѣлалось жарко въ головѣ, подогнулись ноги, и она, въ обморокѣ, грохнулась объ полъ.

Среди женщинъ поднялся шумъ и суматоха. Однѣ кричали, что Хаѣ нужно „приплюснуть носъ“, другія совѣтовали распустить шнурки, третьи торопили насчетъ воды. Всѣ рекомендованныя мѣры были приняты, и Хая, наконецъ, очнулась и открыла глаза.

Ошибка сейчасъ же выяснилась. Въ письмѣ не только ничего не упоминалось о разводѣ, но оно, письмо это, было даже очень тепло написано. Самуилъ писалъ, что соскучился по женѣ, просилъ ее „не дѣлать большихъ сборовъ“ и, какъ можно скорѣй, отправляться въ путь. Разумѣется, вмѣстѣ съ „корабельнымъ билетомъ“ были присланы и деньги.

Сейчасъ же, послѣ полученія письма, Хая стала приготовляться въ длинную дорогу.

Прощаніе съ дорогимъ, любимымъ мѣстечкомъ, гдѣ она оставляла могилы предковъ, гдѣ провела столько счастливыхъ и тяжелыхъ дней, — вызвало слезы изъ ея глазъ. Но грустное чувство вскорѣ стушевалось передъ болѣе сильнымъ—чувствомъ страха. Предстоящія долгія скитанія по

чужимъ странамъ, и по морю, о которыхъ ей разсказывали столько ужаснаго,—нагнали на нее ужасъ.

И, будто нарочно, путешествіе началось, какъ говорится „не въ добрый часъ": начались мытарства сейчасъ же, какъ только миновали границу. Въ Эйдкуненѣ эмигрантку задержалъ на вокзалѣ жандармъ, что-то долго кричавшій на нее сердитымъ голосомъ. Она не поняла его свистящей рѣчи, но одно ей было ясно: ее грозятъ отослать на родину. По счастью, нашелся добрый человѣкъ, который заговорилъ съ ней на родномъ языкѣ и разъяснилъ, что она не должна здѣсь говорить, что пробирается въ Америку. Жандармъ что-то еще много и долго говорилъ, добрый человѣкъ что-то съ воодушевленіемъ объяснялъ ему жестами,—и вотъ ее отпустили.

Но однимъ Эйдкуненомъ мытарства не ограничились. Въ Берлинѣ повторилась та же исторія. Опять мѣдныя пуговицы, злыя физіономіи, свистящая рѣчь, внезапная остановка на вокзалѣ... За что, почему? И опять ей разрѣшили ѣхать дальше... чтобы въ Гамбургѣ повторить то же самое, но только съ той разницей, что тутъ Хаю, вмѣстѣ съ остальной партіей, заперли въ какое-то мрачное зданіе и почти недѣлю морили голодомъ.

Почему съ ней такъ жестоко обращались, она не могла понять, хотя слышала, что это—вслѣдствіе какой-то болѣзни, которая теперь валитъ людей на ея родинѣ. „На чужбинѣ,—думала бѣдная женщина, — съ человѣкомъ могутъ дѣлать, что угодно". И потомъ еще рѣшила, что въ ея мытарствахъ много виноватъ двухтысячелѣтній еврейскій „голусъ" (порабощеніе).

Но самыя большія сердечныя волненія Хая испытала, когда уже благополучно прибыла въ „страну золота". Она телеграфировала мужу о своемъ пріѣздѣ, какъ онъ ей велѣлъ въ послѣднемъ письмѣ. Но когда Самуилъ явился, она могла говорить съ нимъ только черезъ рѣшотку, какъ будто была (спаси, Господи!) арестанткой. За рѣшоткой ее продержали цѣлыя сутки, пока, наконецъ, отпустили.

Въ Нью-Іоркѣ начались новыя разочарованія и новыя огорченія. Уже при первомъ свиданіи съ мужемъ на его новой родинѣ, она узнала, что должна будетъ немедленно разстаться съ парикомъ.—Здѣсь,—сказалъ Самуилъ,—въ парикѣ нельзя показаться на улицу: найдется нахалъ, который можетъ запустить камнемъ въ голову...—Она понимала только одно: надо слушаться, а не разсуждать! Она здѣсь уже не можетъ имѣть ни собственнаго мнѣнія, ни собственнаго желанія. Здѣсь каждый можетъ ей приказывать,—она должна быть послушна, какъ ребенокъ.

Но въ глубинѣ души она была очень безпокойна. Тамъ

наросталъ нѣмой протестъ противъ всѣхъ несправедливостей, которыя за послѣднее время на нее обрушились: противъ прусскихъ жандармовъ, американцевъ, которые могутъ бросить женщинѣ въ голову камень, и даже противъ нравоученій, которыми сталъ ее здѣсь угощать мужъ. И нѣмой протестъ поднимался со дна души все упорнѣе и упорнѣе. Она видѣла, какъ мужъ рано утромъ, не умывшись и не помолившись, какъ всякій добрый еврей, Богу, — убѣгаетъ на свою фабрику. Въ субботу онъ тоже уходитъ на работу и куритъ въ этотъ день, какъ и въ остальные дни недѣли. Она смотрѣла и не отдавала себѣ отчета: что такое происходитъ у ней передъ глазами? И—о, ужасъ!—стала замѣчать, что даже и она сама дѣлаетъ такія вещи, которыхъ никогда не позволила бы себѣ въ своемъ родномъ мѣстечкѣ. Она отвыкала отъ обычаевъ и обрядовъ своей религіи. Она, напримѣръ, сама ходила закупать не „кошерное“ мясо. И когда? Какъ разъ, въ мѣсяцѣ Элулѣ, когда всѣ истекаютъ въ слезахъ покаянія, и рыба трепещется въ водѣ!..

Наступилъ и Іомъ-Кипуръ (день отпущенія), а въ домѣ у нихъ не похоже на праздникъ. Ни Хая, ни Самуилъ въ синагогу не пошли. Правда, она говорила мужу, что ни на что не посмотритъ—пойдетъ. Но когда онъ увѣрилъ ее, что въ синагогѣ надо платить за мѣсто, какъ въ театрѣ,—а иначе ее не впустятъ, — это отбило у нея охоту...

День выдался хмурый и грустный. Съ утра у Самуила собрались гости и — вмѣсто того, чтобы изливать душу передъ Богомъ въ синагогѣ, плакать и поститься до вечерней звѣзды, — смѣялись, шутили, выпивали и, наконецъ, стали приставать къ хозяйкѣ, которая начала поститься еще со вчерашняго вечера, чтобы она съ ними закусила. И она, хорошо зная, что сегодня — Іомъ Кипуръ, и всѣ муки ада уготованы тому грѣшнику, который нарушитъ святость этого великаго дня, почему-то устыдилась собравшагося общества, протянула трепещущую руку, взяла съ тарелки одну виноградинку и положила въ ротъ...

— Браво, браво!—закричали гости, а Самуилъ былъ отъ восхищенія на седьмомъ небѣ.

Гости разошлись, и Хая осталась одна, въ четырехъ стѣнахъ. Весь тотъ чадъ, который накопился у нея въ головѣ за время путешествія и пребыванія въ Америкѣ, — моментально испарился, и разумъ сразу просвѣтлѣлъ. Съ глазъ, какъ будто, упала пелена, она очнулась отъ сна и увидала дѣйствительность.

Сегодня Іомъ-Кипуръ!

За минуту передъ этимъ она тоже отлично знала какой день сегодня, хорошо понимала, какой грѣхъ совершаетъ, но тогда она не могла отдать себѣ вѣрнаго отчета въ своихъ поступкахъ. Теперь же глаза ея вдругъ какъ будто раскрылись, и она ясно увидала, куда зашла..

Сегодня—Іомъ-Кипуръ!

Іомъ-Кипуръ!.. Лежитъ раскрытой передъ Господомъ Богомъ Книга Памяти. Все небесное воинство стоитъ вокругъ престола Предвѣчнаго, и трепещетъ, и содрогается... Шестикрылые серафимы и херувимы дрожатъ отъ ужаса... Кому жизнь и кому смерть? Теперь, теперь происходитъ великій Господень судъ, и въ эту именно минуту пишутъ ея билетикъ!.. Черный или бѣлый?.. Жизнь или смерть?..

Сегодня—Іомъ-Кипуръ!.. Стоятъ всѣ евреи въ переполненныхъ синагогахъ, съ распухшими отъ слезъ глазами, съ охрипшими отъ криковъ голосами. Всѣ въ бѣлыхъ балахонахъ, похожіе на мертвецовъ... Всѣ—въ чулкахъ, безъ обуви, какъ сироты. И... вспомнилось ей, что ея покойный отецъ,—миръ его душѣ!—носилъ въ этотъ день бѣлую, шитую серебромъ, ермолку. Она, въ ужасѣ, выглянула почему-то въ окно. Небо было хмуро. Какъ дикія птицы, носились клочья темныхъ, разорванныхъ облаковъ. Кто это стоитъ тамъ, въ углу, весь въ бѣломъ, и машетъ ей рукой?..

Она боится повернуть голову въ ту сторону. Съ замирающимъ сердцемъ ждетъ она, чтобы „онъ“ уже подошелъ къ ней и положилъ всему конецъ. Кто это еще выглядываетъ изъ-за перегородки и замахивается на нее кулакомъ? Она сидитъ, какъ изваянная изъ камня, боится пошевельнуться. Крикнуть бы, да нѣтъ силъ, какъ будто кто зажалъ ротъ. Она сидитъ и едва въ силахъ перевести дыханіе. Вотъ, кто-то стучитъ... Скрипнула дверь... Кто-то подходитъ...

— Ты что здѣсь сидишь? —ясно слышитъ она, но этотъ голосъ кажется ей чужимъ, какъ будто страшный великанъ стоитъ надъ ней, упираясь головой въ потолокъ. Она не поворачиваетъ головы и сидитъ, пагнувшись, чувствуя, какъ кровь изъ всѣхъ венъ стремится къ сердцу...

По счастью, въ эту минуту вбѣжала какая-то сосѣдка— и видѣніе исчезло.

Но какъ только ночью Хая легла въ постель, кошмаръ вернулся. Вдругъ она слышитъ, что кто-то движется у двери. Она поворачиваетъ голову, и кровь опять застываетъ у ней въ жилахъ. Она видитъ, какъ въ отверстіе двери просунулась сначала голова, потомъ рука, другая, потомъ цѣлое туловище,—и вотъ передъ ней стоитъ покойный отецъ. Онъ въ томъ же бѣломъ саванѣ, въ какомъ его похоронили, но на саванѣ кое-гдѣ виднѣются темныя пятна. На головѣ у

него — горсточка земли, волоса стоятъ дыбомъ, а глаза. страшные глаза мертвеца, устремлены на нее. Минуту онъ стоитъ неподвижно, не сводя съ Хаи глазъ, потомъ медленно начинаетъ поводить правой рукой по савану, указывая на одно пятно, на другое, на третье. И въ глубинѣ его глазъ зажигаются искры гнѣва. Но она не слышитъ ни слова, и сердце у нея уже давно перестало биться. Она лежитъ неподвижная, не спуская глазъ съ отца. Ей хотѣлось бы глядѣть въ сторону, но глаза притягиваются, какъ магнитомъ, къ этому лицу.

Вдругъ лицо у покойника мѣняется, становясь такимъ, какъ бывало въ хедерѣ, когда онъ производилъ по четвергамъ „экзекуцію" надъ учениками. И онъ кричитъ ей хриплымъ голосомъ:

— На, полюбуйся на свою работу, посмотри на это пятно,— ты мнѣ его сегодня сдѣлала! Зачѣмъ ты потревожила мои старыя кости въ могилѣ? За что ты такъ меня опозорила?. Вездѣ будутъ указывать на мой запятнанный саванъ; „хорошее дитя онъ оставилъ на томъ свѣтѣ"! Хорошо это, дочь моя?..

Отцовская рѣчь вывела Хаю изъ полу-безсознательнаго состоянія. Она хотѣла зарыдать, упасть отцу въ ноги, молить его о прощеніи. Но, увы! ротъ не раскрывался, слеза не выжималась изъ глазъ.

— Этому, моя дорогая дочь, я тебя училъ, для этого я тебя воспиталъ, мое утѣшеніе, чтобы послѣ моей смерти ты очернила мою память! А что ты еще натворишь, если проживешь долго?..

Съ этими словами, онъ подходитъ къ ней совсѣмъ близко, вытягиваетъ худую, жилистую руку, охватываетъ ее холодными, длинными пальцами за шею и начинаетъ душить... Она хочетъ крикнуть, но не можетъ. Она дѣлаетъ послѣднія, отчаянныя усилія, чтобы вырваться, и... обливаясь холоднымъ потомъ, просыпается. Она садится на кровати, сплевываетъ три раза и зоветъ:

— Самуилъ!

Тихо.

— Самуилъ, Самуилъ!

— А?

— Самуилъ!

— Ну, что тебѣ?

— Самуилъ, ты спишь?

— Что тебѣ надо?—отвѣчаетъ заспанный голосъ.

— Самуилъ, вставай!

— А что такое?

— Я боюсь!.. Мнѣ страшно!..

— Чего-жъ тебѣ страшно, дурочка?

Она ему разсказала свой сонъ. Самуилъ немножко струхнулъ: всетаки—ночь, темно, тихо, какъ на кладбищѣ... Но такъ какъ, въ концѣ концовъ, душили не его, то онъ скоро успокоился, сказалъ женѣ нѣсколько утѣшительныхъ словъ, перевернулся на другой бокъ и захрапѣлъ. И Хая опять осталась одна, въ темнотѣ. Каждый ничтожный шорохъ вызывалъ въ ней дрожь ужаса, ей все казалось, что кто-то стоитъ у ней надъ самой головой.

Только подъ утро забылась она глубокимъ, спокойнымъ сномъ.

IV.

Тора.

Разсказъ I. Динезона.

Добрую Двойру Господь благословилъ не мужемъ, а золотомъ,—онъ буквально ее на рукахъ носилъ. И въ то же время Богъ наказалъ ее,—да не случится этого ни съ одной матерью!—муками изъ-за дѣтей... За что? За чьи грѣхи? Это извѣстно одному только Богу. Ни она, Двойра, ни цѣлый свѣтъ не знали, за что она, бѣдная, такъ наказана Его святой волей?

Четверо чудныхъ, прелестныхъ дѣтей умерли у нея въ нѣсколько лѣтъ, но она все еще находила въ себѣ силы для терпѣнія. Она имѣла еще восьмилѣтняго мальчика, красиваго, какъ лѣтній день, умнаго и добраго, радость для Бога и людей.

— Боже милосердный!—молилась Двойра три раза въ день,—Боже всемогущій!.. Пять драгоцѣнныхъ камней носила я въ своей коронѣ, и четыре изъ нихъ Ты, одинъ за другимъ, вынулъ изъ нея... Пять лучезарныхъ звѣздъ свѣтили мнѣ въ небѣ, и Ты четыре изъ нихъ загасилъ. Не наказывай же меня больше, оставь хоть одинъ алмазъ въ коронѣ моей, одну звѣзду на моемъ небѣ. Дозволь, Господи, мнѣ этому ребенку матерью быть!..

Но и этой мольбы Богъ не услышалъ. И когда уже отецъ пріобрѣлъ для сына „тефилинъ“, который надѣвается съ тринадцати лѣтъ, а счастливая мать приготовляла все для торжественной трапезы,—Боренька заболѣлъ. Заболѣлъ, кажется, легко, но не успѣли оглянуться, какъ въ три четыре дня наступила развязка, и Бореньку вынесли изъ дома...

Послѣднее несчастье окончательно сломило Двойру, и

долго, долго ходила она, какъ каменная, не имѣя даже слезъ для своего горя.

— Пять могилъ ношу я въ сердцѣ своемъ!..—бывало, говоритъ она.—Я—живое кладбище!..

И жизнь, и свѣтъ ей опротивѣли, и она хотѣла только одного: скорѣй умереть. Только тамъ, гдѣ лежатъ эти пятеро, сможетъ она найти успокоеніе...

Много слезъ пролилъ и несчастный отецъ, но еще больше онъ страдалъ, видя нѣмую скорбь жены.

— Никто моей Двойры не знаетъ,—говорилъ онъ,—никто не можетъ понять ея чистой души!

И онъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы хоть чѣмъ-нибудь утѣшить убитую горемъ мать, разсѣять ея печаль. Стараясь пробудить въ ней интересъ къ чему-нибудь, онъ сталъ ей указывать нуждающихся въ помощи людей и уговаривалъ что-нибудь дѣлать для нихъ.

И Двойра слушалась мужа. Но чужое горе и чужія страданія только дѣлали ея собственныя страданія болѣе чувствительными.

Однажды она, совсѣмъ спокойная, подошла къ мужу, положила ему руку на плечо и тихо сказала:

— Правда ли, Соломонъ, что Господь далъ народу израильскому святую тору въ день праздника „Севуотъ"?

— Правда, правда, моя дорогая!

— А четырнадцать лѣтъ тому назадъ, въ этотъ самый день, родился нашъ Боря,—выговорила она сдавленнымъ голосомъ.

И ея прекрасные глаза наполнились слезами, которыя сейчасъ же, какъ-будто, высохли.

Но мужъ видѣлъ, какихъ усилій стоило ей сдержать эти, рвущіяся изъ глубины души, слезы. Онъ усадилъ ее на диванъ, приласкалъ и тихо вышелъ изъ комнаты, оставивъ одну. „Пусть выплачется, — подумалъ онъ, — ей отъ этого станетъ легче"!

Въ этотъ день она не говорила больше съ мужемъ.

На другой день она опять подошла къ нему. На этотъ разъ она была совсѣмъ спокойна, и лицо у нея какъ-будто нѣсколько просвѣтлѣло.

— Соломонъ,—спокойно, но твердо сказала она:—Соломонъ, знаешь, что я хочу?..

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ похоронили Бореньку, онъ ни разу не слыхалъ отъ жены фразы: „я хочу". Казалось, что со смертью послѣдняго ребенка, у нея больше не осталось никакихъ желаній. И вдругъ она говоритъ: „я хочу!", и голосъ ея звучитъ такъ спокойно и увѣренно...

— Чего-жъ ты хочешь?—и съ радостью, и съ тайнымъ страхомъ спросилъ онъ.

— Я хочу заказать написать тору, Соломонъ! — ясно и твердо выговорила она.

— Прекрасно, моя дорогая! Я съ радостью готовъ исполнить твое желаніе.

— Подожди,—остановила она его,—я хочу, чтобы мы заплатили поровну за писаніе свитковъ, не больше и не меньше. Я продамъ свой жемчугъ, который мнѣ остался отъ матери, и заплачу половину. Слышишь, Соломонъ?

— Можешь своего жемчуга не продавать,—сказалъ онъ ей ласково:—что же намъ съ тобой дѣлить? Я—твой, и все, что у меня есть—твое!

— Я вѣрю тебѣ, дорогой мой,—горячо возразила Двойра,—но на тору я должна дать свою половину, понимаешь, свою, собственную, изъ того, что я имѣю своего отъ моихъ родителей, отъ той поры, когда я еще не была твоей. Я хочу, чтобы эта тора была наша, понимаешь, *наша*, поровну... И на этомъ, и на томъ свѣтѣ наша, какъ были нашими дѣти, когда они жили, и какъ они и теперь наши тамъ, въ мѣстѣ вѣчнаго упокоенія... Такъ ты согласенъ, Соломонъ?

— Согласенъ, всѣмъ сердцемъ и всей душой согласенъ!

— Такъ пусть же Богъ будетъ свидѣтелемъ! — сказала она, поднимая глаза къ небу.

— Да, пусть Онъ будетъ свидѣтелемъ! — повторилъ за нею Соломонъ.

— Больше мнѣ отъ тебя ничего не надо! — сказала Двойра и хотѣла уйти, но мужъ остановилъ ее:

— Послушай, зачѣмъ же тебѣ продавать ожерелье другому? Продай лучше мнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Соломонъ, дай мнѣ выполнить мое желаніе, сдѣлать такъ, какъ я порѣшила! — твердо выговорила она.

— Но, пойми же, это ожерелье для меня дороже, чѣмъ для кого-нибудь другого. Оно мнѣ дорого потому, что ты получила его отъ своей святой матери,—упокой, Господи, ея душу,—потому, что ты носила его на своей шеѣ, моя дорогая!..

— Нѣтъ, Соломонъ, не причиняй мнѣ своими словами боли въ сердцѣ... Это было моимъ первымъ желаніемъ, и я не могу отъ него отказаться...

Послѣ этого разговора, они оба пошли къ писцу и заказали ему написать тору. И, ровно черезъ годъ, своими руками они поставили святую тору въ кивотъ, придя въ синагогу.

И съ тѣхъ поръ Двойра сдѣлалась спокойна, и иногда

даже улыбка стала появляться на ея блѣдномъ лицѣ. И Соломонъ благодарилъ Бога за спасительную мысль, которую Онъ вложилъ въ душу его безутѣшной жены.

Въ первое время Двойра смотрѣла на свою тору съ любовью и благоговѣніемъ, какъ и подобаетъ относиться къ такой святой реликвіи. Но мало по малу она начала чувствовать къ торѣ только любовь,—любовь матери къ единственному ребенку. Эта любовь все росла, ширилась, и, наконецъ, ей стало казаться, что это—дѣйствительно, ея дитя, дорогое дитя, которое она выносила подъ своимъ сердцемъ, въ страданіяхъ родила и въ безконечной любви выростила...

Каждую субботу, каждый праздникъ, когда Двойра видѣла сквозь узенькое окно женскаго отдѣленія синагоги, какъ вынимаютъ изъ кивота ея тору,—ей казалось, что тора смотритъ на нее, говоритъ съ ней, и она узнаетъ Боренькинъ голосъ: „мама, дорогая, свѣтлая мама!..“

— Мой Боря, дорогое, неоцѣненное дитя мое!—шепчутъ, бывало, въ отвѣтъ ея губы.

А когда тору развертывали на особомъ возвышеніи,—ей казалось, что это не тотъ высокій, бородатый еврей читаетъ по ней вслухъ, а самъ Боря произноситъ слова священнаго писанія, и всѣ любуются ея сыномъ, обнимаютъ и цѣлуютъ его. И какъ хочется ей сойти внизъ, припасть къ торѣ, къ своему дитяти, и обнимать, и цѣловать, и обливать его слезами!..

Недѣля начала ей казаться слишкомъ длинной, сердце тосковало по ребенкѣ. Она начала забѣгать въ синагогу по буднямъ, когда тамъ никого нѣтъ. Подойдетъ къ кивоту, откроетъ его, обнимаетъ и цѣлуетъ свою дорогую тору, изливаетъ передъ своимъ ребенкомъ всю печаль наболѣвшаго материнскаго сердца.

И сторожъ никогда ей не мѣшалъ, она же никогда не забывала, уходя изъ синагоги, опустить въ его руку милостыню. Съ теченіемъ времени, она стала приносить своему „ребенку“ подарки: шелковыя и бархатныя, золотомъ шитыя „рубашечки“, позументные кушачки. Потомъ перезнакомилась съ его „товарищами“,—съ остальными свитками, которые стояли въ томъ же святомъ кивотѣ. И когда разъ увидала, что нѣкоторые свитки въ старыхъ, вытершихся „рубашечкахъ“, — сердце ея сжалось острою болью...

— Кто знаетъ? — шептала она самой себѣ:—кто знаетъ? Можетъ быть, это—сиротки бѣдныя, безъ отца, безъ матери... Некому о нихъ позаботиться!.. Но они же товарищи моему

дорогому ребенку, — какъ же я могу спокойно на ихъ бѣдность смотрѣть?

И съ тѣхъ поръ, принося украшенія для своей торы, она украшала и другія. „Пусть не стыдно имъ будетъ передъ моимъ сыномъ“,—думала она, и сердце въ ней сладко билось...

Ночью, во снѣ, она часто бесѣдовала съ торой. — Боренькина чистая душа перешла въ меня! — сказала ей разъ тора:—ты—моя дорогая, любимая мама!.. Я слышу все, что ты говоришь мнѣ, и прошу Бога за тебя и за папу.

— А гдѣ твои братья и сестрицы, дитя мое? Мои маленькія птички, которыя такъ рано отъ меня улетѣли? Гдѣ они?

— Тамъ, въ небѣ, у престола Всевышняго, прекрасными ангелочками стали они! Я тоже сдѣлаюсь ангеломъ, но раньше я долженъ выучить всю тору!

Больше Двойра не помнитъ, о чемъ Боренькина душа съ ней говорила.

Когда она разсказала свой сонъ мужу, онъ выслушалъ ее спокойно и ничего удивительнаго въ ея разсказѣ не нашелъ. Но когда она часто начала разсказывать ему такіе сны, онъ обезпокоился: не снится ли его женѣ то, что она представляетъ себѣ днемъ, на яву?..

— Прошу тебя, Двойра, — сказалъ онъ ей разъ, выслушавъ ея обычный разсказъ,—не разсказывай никому своихъ сновъ. Разумѣется, я хорошо тебя понимаю, но чужіе не станутъ вѣрить.

И Двойра, слушаясь мужа, никому не открывала своей тайны, никому не повѣряла того, что для нея самой было такъ ясно, такъ понятно...

Сторожъ въ синагогѣ, по-прежнему, удивлялся частымъ визитамъ Двойры:

— Какъ съ ребенкомъ, съ торой разговариваетъ!.. Женщина всегда остается женщиной: любитъ поговорить!..

Годъ шелъ за годомъ, и Соломонъ, раньше немало безпокоившійся страннымъ состояніемъ своей жены, понемножку съ нимъ свыкся. Собственно, ни въ чемъ другомъ она не казалась странною, — ни въ хозяйственныхъ заботахъ, ни въ разговорѣ съ людьми. И онъ былъ очень радъ, что она нашла, наконецъ, утѣшеніе въ благочестивыхъ мысляхъ, что не плачетъ больше.

— Что земля прикрыла, то должно быть позабыто! — говорили женщины, видя иногда, какъ Двойра является посаженною матерью на бѣдной свадьбѣ. — Такъ ужъ, знать, Господь устроилъ, чтобы все позабывалось.

Но вотъ, откуда-то стала надвигаться зловѣщая, черная туча и скоро заволокла еврейское небо и въ даль, и въ ширь... Слѣва и справа стали слышаться зловѣщіе удары грома... Иногда далеко, иногда близко... Въ еврейскихъ городахъ стали поститься, въ синагогахъ собирались и распѣвали псалмы. И вотъ, разъ, когда горѣлъ ясный, безоблачный день надъ тѣмъ городомъ, гдѣ жили, со дня ихъ рожденья, Соломонъ и Двойра,—въ окно ихъ дома неожиданно влетѣлъ камень, за нимъ другой и третій... И не успѣли испуганные люди спросить другъ друга: „что случилось?“ — какъ уже цѣлый градъ камней вышибалъ еврейскія окна и рамы, и улицы города покрыли, какъ снѣгъ, выпущенныя изъ перинъ и подушекъ перья...

Два дня и двѣ ночи свирѣпствовалъ штормъ, разметавшій, какъ щепки, еврейскіе домишки и все, что въ нихъ находилось. Два дня и двѣ ночи Соломонъ и Двойра вмѣстѣ, съ перепуганными, дрожащими сосѣдями, валялись гдѣ-то, въ темномъ и сыромъ подвалѣ, ежеминутно прощаясь съ жизнью. На третій день гроза утихла, и когда Соломонъ вылѣзъ изъ подвала,—онъ понялъ, что сталъ теперь такъ бѣденъ, какъ будто никогда и не былъ зажиточнымъ обывателемъ. Да и онъ ли одинъ?..

Картина разрушенія кругомъ была такъ ужасна, сердце такъ изранено и надорвано, что слезы бѣжали ручьемъ,—за себя ли, за другихъ ли?.. Двойра стала утѣшать мужа:

— Не плачь!.. Богъ одной рукой наказываетъ, другой утѣшаетъ... Онъ у насъ отнялъ то, что дороже богатства, и потомъ вернулъ намъ назадъ. Прославляй и благодари Его за то, что у насъ есть еще утѣшеніе и отрада въ Боренькиной душѣ, въ его святой торѣ. Я спрошу его, и онъ мнѣ ночью, во снѣ, скажетъ: за что? Онъ скажетъ намъ, что станется съ нами и со всѣмъ его бѣднымъ народомъ!

И когда кругомъ сдѣлалось тихо, и Соломонъ куда-то ушелъ изъ дому, она накинула на голову остатокъ разорваннаго платка и побѣжала въ синагогу, туда, гдѣ ея дитя, ея тора, — выплакать передъ ней свое наболѣвшее сердце. Но когда она очутилась у старой синагоги и взглянула на нее,—всѣ ужасы прошедшихъ двухъ дней и ночей поблѣднѣли передъ открывшейся здѣсь картиной. Стекла выбиты, окна, двери и даже крыша сорваны... Охваченная страхомъ, она, однако, не подумала, что могло что-нибудь ужасное случиться и съ ея дорогой торой...

Кто осмѣлится поднять руку, кто можетъ быть такъ грѣшенъ, чтобы дотронуться до святой торы?.. Нѣтъ, нѣтъ... Ея тора цѣла, а если ея ужъ нѣтъ, если нѣтъ, такъ, значитъ... она унеслась на небо!

— Гдѣ моя тора, мое дитя, чистая душа моего сына?— крикнула Двойра не своимъ голосомъ, увидавъ сторожа синагоги, съ перевязанной, разбитой головой.

— Пойдемте, я вамъ покажу, госпожа,—кряхтя, отвѣтилъ тотъ и ввелъ ее въ разрушенную комнатку, рядомъ съ разрушенной синагогой.

Здѣсь, возлѣ поломаннаго кивота, лежала гора обрывковъ отъ свитковъ торы, загрязненныхъ, растоптанныхъ... Тутъ же стояло нѣсколько сѣдобородыхъ евреевъ, рыдавшихъ, какъ сироты надъ трупомъ матери.

Двойра стояла, не понимая еще, что это за разорванные куски пергамента, и о чемъ такъ неутѣшно рыдаютъ эти старики.

А сторожъ, наклонившись, рылся въ грудѣ обрывковъ. Вынувъ что-то безформенное, жалкое, онъ поднесъ его къ лицу Двойры и сказалъ:

— Посмотрите, что они сдѣлали съ вашей дорогой торой! Я узнаю ее по пергаменту и по красивому письму. Она была лучшей въ нашемъ городѣ!..

Двойра вырвала изъ его рукъ остатокъ пергамента, безсмысленно посмотрѣла кругомъ и дико захохотала... И всѣмъ стало ясно, что въ мозгу ея царитъ такой же хаосъ разрушенія, какъ и на улицахъ несчастнаго родного города...

Какъ вымираетъ родина.

Картины изъ восточно-прусской жизни.

Фрица Сковронека. Переводъ съ нѣмецкаго **В. Л.**

I. Исторія одной семьи.

Обезсиленный, безпомощный сидѣлъ Лудвигъ Сойка на узенькой скамейкѣ передъ кирпичной печью. Лихорадка, которая вотъ уже четыре недѣли трясетъ его день за днемъ, сегодня исчезла. Но онъ еще такъ слабъ, что долженъ былъ поминутно хвататься за стѣны, пробираясь отъ кровати къ печкѣ. Съ большимъ трудомъ удалось ему развести на очагѣ огонь и поставить горшокъ съ картофелемъ. Теперь онъ медленно вытаскивалъ изъ пучка хвороста, лежавшаго передъ нимъ, по одной вѣткѣ и ломалъ ихъ на колѣнѣ. Картофель, вѣроятно, уже готовъ, но у него не хватитъ силъ, чтобы снять горшокъ съ огня. Отъ времени до времени онъ прерывалъ свою работу и прислушивался. Мимо хижины проѣхали сани. Какъ печально звенитъ маленькій колокольчикъ!..

Это проѣхалъ мелкій торговецъ Янкель. Онъ окончилъ свой объѣздъ и теперь возвращается изъ города, гдѣ онъ по обыкновенію перепродалъ свой запасъ тряпокъ, костей и шкуръ болѣе богатому торговцу Цохеру.

„Тяжелый хлѣбъ, что и говорить", бормоталъ Лудвигъ Сойка про себя, „но все же этотъ человѣкъ въ состояніи прокормить свою жену и восемь человѣкъ дѣтей. А я?!... Я не могъ бы теперь найти работы, даже если-бъ былъ здоровъ... Господи, картофель уже давно готовъ. Куда только эти мальчики пропали?".

Онъ съ трудомъ поднялся, сдвинулъ крышку съ горшка немного въ сторону и потыкалъ картофель заостренной палочкой. „Совсѣмъ мягкій, совсѣмъ мягкій!.. а я не могу слить воду".

Въ отчаяніи онъ опять опустился на скамью и началъ прислушиваться. Наконецъ то!... Изъ сѣней донесся топотъ проворныхъ ногъ, вслѣдъ затѣмъ открылась дверь, и въ комнату ворвались два мальчика съ истощенными худенькими личиками. Ихъ обыкновенно блѣдныя щечки теперь были подрумянены морозомъ.

— Отецъ, насъ накрылъ лѣсничій.

— Еще этого не доставало!—вздохнулъ отецъ.

— Нѣтъ, отецъ, не безпокойся, онъ насъ не записалъ, онъ намъ только пригрозилъ палкой. Потомъ, когда онъ увидѣлъ, что у насъ въ саняхъ нѣтъ полѣньевъ, онъ спросилъ, боленъ ли ты еще.

— Чѣмъ онъ можетъ мнѣ помочь,—пробормоталъ Лудвигъ Сойка. — Снимите же картофель съ огня: онъ ужъ разваривается!

Янекъ, старшій, ловкій двѣнадцатилѣтній мальчикъ, поднялъ горшокъ, отлилъ кипящую воду и выбросилъ въ миску дымящійся картофель. Затѣмъ мальчики взяли отца подъ руки и повели къ столу. Въ нѣсколько секундъ они очистили и положили предъ отцомъ съ дюжину картофелинъ; затѣмъ придвинули къ нему деревянную тарелку, на которой еще оставалась щепотка соли; сами они съ аппетитомъ съѣли незатѣйливый ужинъ и безъ соли.

Черезъ полчаса мальчики уже лежали на служившей имъ кроватью широкой лавкѣ, зарывшись въ солому, и взапуски храпѣли.

Лудвигъ Сойка опять сидѣлъ на скамейкѣ передъ печью и думалъ.

Какъ плохо ему жилось въ эту зиму!.. Такого плохого урожая картофеля онъ не запомнитъ: съ мѣрки сѣмянъ собирали не больше четырехъ мѣрокъ!

И чортъ его дернулъ отказаться отъ предложенныхъ Войтекомъ трехъ мѣрокъ! Но старый скряга требовалъ за каждую мѣрку двухъ дней мужской работы во время сбора ржи и двухъ дней женской работы во время сѣнокоса...

На одну недѣлю еще хватитъ картофеля, а потомъ что? Жена одна не такъ-то много можетъ заработать... Сегодня еще выдался счастливый день: племянница Маль, которая служитъ въ городѣ, передала, чтобы жена пришла стирать. Можетъ быть, было бы лучше, если-бъ они всей семьей переселились въ городъ... Возможно, что и онъ могъ бы тамъ что-нибудь заработать на зиму... Лѣтомъ другое дѣло—тогда крестьяне платятъ уже цѣлую марку въ день, даютъ завтракъ и ужинъ, а зимой!.. Въ прежнія времена онъ всю зиму молотилъ и получалъ за это одиннадцатую мѣрку, а теперь... Не успѣетъ

рожь попасть въ амбаръ, какъ ее уже обмолотили машиной и отвозятъ въ городъ.

Огонь въ очагѣ догоралъ, только двѣ вѣтки продолжали еще свѣтиться, но вскорѣ и онѣ скрылись подъ золою.

Больной этого не замѣтилъ. Онъ безпомощно опустилъ голову и безсмысленно уставился въ свѣтлыя пятна, которыя луна черезъ заиндивѣвшее окно отбрасывало на полъ. Неожиданно открылась наружная дверь, чья-то рука нѣсколько времени ощупью искала ручку внутренней двери; наконецъ, на порогѣ появилась маленькая кругленькая женщина.

— Вотъ тебѣ разъ! совершенно темно? Сойка, вы лежите въ кровати?

Больной со стономъ поднялся.—Я сижу здѣсь на скамейкѣ, золотая госпожа. Я, должно быть, уснулъ, такъ какъ не замѣтилъ, что огонь потухъ.

Онъ вынулъ изъ печурки нѣсколько сухихъ сосновыхъ щепокъ и вновь развелъ огонь.

— Гдѣ ваша жена?

— Въ городѣ, госпожа. Она стираетъ у хозяевъ нашей племянницы Маль.

— Почему вы не въ постели, Сойка?

— Благодѣтельница наша! Мнѣ сегодня къ вечеру стало немного легче, и я вылѣзъ изъ кровати...

— Глупости! Кто боленъ, тотъ долженъ лежать въ постели. Вотъ,—она поставила на столъ судокъ,—вотъ немного ѣды для васъ... Но все это вы должны съѣсть сами. А вотъ,— она протянула ему маленькую бутылочку съ водкой и бумажку съ порошкомъ.—Это вы должны принять и лечь въ кровать, тогда придетъ домой ваша жена... Вамъ необходимо еще разъ хорошенько пропотѣть. Завтра я приду опять посмотрѣть. Спокойной ночи.

Больной быстро поднялся и сталъ ловить ея рукавъ.

— Добрая барыня, благодарю васъ много тысячъ разъ!

— Не за что! Спокойной ночи.

Больной, держась руками за стѣну, проползъ къ столу и жадно припалъ губами къ бутылочкѣ. Какъ огнемъ, жгла ему горло водка. Передъ вторымъ глоткомъ онъ высыпалъ себѣ порошокъ въ ротъ и сполоснулъ его остатками водки.

Огонь давно потухъ, когда Трина Сойка пришла домой. Она стала раздувать золу на очагѣ, но не могла выдуть ни одной искры. Въ печкѣ еще было немного жару, она его раздула и зажгла лучину. Удивительно, больной, который обыкновенно просыпался при малѣйшемъ шорохѣ, не шевельнулся. Она со страхомъ нагнулась надъ нимъ... Онъ глубоко и спокойно дышалъ, на его лбу стояли крупныя, прозрач-

ныя капли пота. Она быстро повернулась къ столу, взяла бутылку и понюхала. Водка? Откуда это водка, и судокъ, съ двумя отдѣленіями, полный ѣды? Это могла принести только лѣсничиха. Трина приподняла крышку и освѣтила лучиной внутренность судка. Ея глубоко впавшіе усталые глаза оживились. Мясной супъ съ рисомъ и съ большимъ кускомъ мяса въ одномъ отдѣленіи, а въ другомъ отдѣленіи вареная рыба! У нея слюнки потекли, она взяла ложку и попробовала пищу, боязливо оглядываясь на спящаго мужа. Ей казалось, что она совершаетъ большой грѣхъ, но какъ давно она уже не имѣла во рту такой хорошей пищи!.. Только еще пару ложекъ. И развѣ ей не надо подкрѣпиться? Только и ѣшь, что картофель: къ завтраку картофель, къ обѣду картофель, а къ ужину опять картофель. И это продолжается уже нѣсколько недѣль. Она еле волочитъ ноги. Дорога въ городъ уже утромъ была для нея очень мучительна, а вечеромъ, на обратномъ пути, она совершенно выбилась изъ силъ, едва передвигала ноги по глубокому снѣгу. Съ ужасомъ подумала она о предстоящей ей опять завтра утромъ дорогѣ... Но она заработала за день марку! Пустяки! За два дня ея кости еще не разсыпятся. Только бы и ей не слечь. Да, человѣкъ долженъ ѣсть больше и не только одинъ картофель!.. Она начала распаковывать свою корзинку; вынула нѣсколько кусковъ хлѣба съ масломъ, которыхъ она изъ экономіи не доѣла за завтракомъ и ужиномъ, и кусокъ мяса, припрятанный отъ обѣда.

— Маль всетаки доброе созданіе,—бормотала Трина Сойка про себя,—дала въ займы марку съ тѣмъ, чтобы я ей вернула, когда получу за работу. Благодаря ей, удалось сегодня кое что купить: соли, селедки и четвертушку копченаго сала. Господи, какъ все теперь дорого!

Она бережно вынула изъ корзинки бутылку и подержала ее противъ пылающаго на очагѣ огня. Спиртъ на видъ не хуже обыкновеннаго—такой же прозрачный. И какъ только продавцы умудряются придавать ему такой противный вкусъ? Да это пустяки, за то онъ дешевъ, и, если онъ будетъ цѣлую ночь настаиваться на полыни, его можно будетъ пить.

Она вынула изъ столоваго ящика цѣлый пакетъ сушеныхъ листьевъ, положила ихъ въ горшокъ и полила ихъ принесеннымъ спиртомъ. Затѣмъ еще подбросила въ огонь нѣсколько вѣтокъ, сбросила съ себя юбку и кофту и влѣзла въ постель, состоявшую изъ толстаго слоя измятой и вытершейся соломы и стараго одѣяла, которое, вѣроятно, не мало времени послужило въ конюшнѣ попоной для лошадей,

раньше чѣмъ поднялось до званія одѣяла для Трины Сойки.

Огонь на очагѣ потухъ, и только отъ времени до времени запоздавшая искорка одиноко промелькнетъ въ золѣ. Блѣдный лунный свѣтъ, проникающій сквозь оконныя стекла въ комнату, своимъ нѣжнымъ сіяніемъ нѣсколько скрашиваетъ убѣжище нищеты.

II.

Было не болѣе четырехъ часовъ утра, когда Трина проснулась. Всѣ кости у нея болѣли, голова трещала. И мужъ около нея зашевелился и зѣвнулъ. Онъ сталъ вздрагивать.

— Я весь мокрый: лѣсничиха дала мнѣ порошокъ, прекрасное потогонное. А что, есть у тебя еще чистая рубаха?

Жена медленно поднялась. — Рубаха? Да... но она не стирана.

— Ничего, дай только поскорѣй, я дрожу всѣмъ тѣломъ.

Жена со стономъ вылѣзла изъ постели, выгребла изъ печи жаръ, зажгла огонь на очагѣ и стала помогать мужу переодѣваться.

— Знаешь, Трина, — началъ онъ, — я себя сегодня такъ хорошо чувствую. Могъ бы сегодня ужъ выйти.

— Не говори, пожалуйста, глупостей! Да и что ты будешь дѣлать на улицѣ? У крестьянъ все равно теперь работы не найдешь, а лѣсничій давно уже покончилъ молотьбу.

— Можетъ быть, я попробовалъ бы удить. Не засохли ли у насъ червячки?

На скамейкѣ что-то зашевелилось. Янекъ поднялся и сталъ протирать глаза: — Нѣтъ, отецъ, каждые три дня я поливалъ ящикъ теплой водой... Они подъ соломой лежатъ кучками.. Соломонъ вчера былъ на озерѣ, — прибавилъ мальчикъ.

— Добылъ что-нибудь?

— Восемь или девять судаковъ... Еще два-три дня, говоритъ онъ, и появятся также лещи. Но его чуть не поймалъ надсмотрщикъ. Этотъ теперь постоянно ходитъ съ собакой у камышей и слѣдитъ, не удитъ ли тамъ кто-нибудь.

— Погоди еще выходить, — ноги твои еще слишкомъ слабы, чтобы убѣгать, когда приближается надсмотрщикъ. Ты раньше долженъ окрѣпнуть немного. Сегодня я принесу муки и завтра сварю ржаную кашу съ саломъ.—Трина сняла

съ огня горшокъ, перелила горячій мясной супъ въ судокъ и подала его мужу.

— Это, должно быть, принесла лѣсничиха?

— Да. Она сегодня опять придетъ.

— Въ такомъ случаѣ рыба останется для тебя къ обѣду, а мальчики получатъ каждый по селедкѣ. А вотъ здѣсь тебѣ настойка, да не пей слишкомъ много. Хлѣбомъ подѣлитесь уже какъ-нибудь; сегодня вечеромъ принесу побольше.

Время тянулось медленно. Уже къ завтраку Лудвигъ Сойка съѣлъ всю рыбу; къ обѣду ему дѣти приготовили селедку. Но онъ всетаки не чувствовалъ себя сытымъ. Дѣтямъ, когда они послѣ обѣда, какъ всегда, отправились съ салазками въ лѣсъ, онъ далъ одинъ кусокъ хлѣба, а другой съѣлъ самъ, затѣмъ выпилъ полный стаканъ спирту. Темнозеленая жидкость была отвратительна на вкусъ, но распространила по всему тѣлу пріятную теплоту.

Еще только одинъ стаканчикъ. Одинъ съ ногъ не свалитъ!

Онъ опять сталъ блуждать по комнатѣ. Теперь онъ себя чувствуетъ лучше. И какъ на душѣ стало легко! Можетъ быть, завтра утромъ онъ уже сможетъ пойти удить. Онъ взялся въ третій разъ за бутылку. Едва онъ успѣлъ опорожнить рюмку, какъ открылась наружная дверь. Онъ торопливо сунулъ бутылку подъ столъ и повернулся: на порогѣ стояла лѣсничиха.

— Ну что, какъ вы сегодня себя чувствуете? О, да отъ васъ на всю комнату несетъ водкой!

Лудвигъ Сойка смущенно улыбался:

— Трина вчера принесла полъ-литра дешеваго спирта, „майскаго напитка“, какъ у насъ говорятъ, и я сегодня выпилъ стаканчика два.

Лѣсничиха подошла къ столу, взяла стаканъ и поднесла къ носу.

— Тьфу, какъ воняетъ! Неужели вы всегда напиваетесь этой дрянью?

— Что дѣлать, благодѣтельница? Пить вѣдь человѣкъ долженъ, иначе у него силъ не будетъ, а чистый спиртъ слишкомъ дорогъ.

— Да, рюмка хорошей водки иногда полезна. Но отъ этого яда человѣкъ можетъ только заболѣть.

— Что вы, благодѣтельница! Въ такомъ случаѣ всѣ бѣдные люди должны были бы давно заболѣть.

Лѣсничиха энергично покачала головой:

— Вѣдь вы еще не знаете, не свалило ли васъ съ ногъ

это дьявольское питье. Одно я вамъ скажу: вы отъ меня не получите ни одной ложки ѣды, если будете продолжать напиваться этимъ ядомъ. Гдѣ бутылка?

— Добрѣйшая барыня, я уже все выпилъ.

— Не лгите, Сойка! Давайте сейчасъ же бутылку!

Сойка сталъ озабоченно оглядываться кругомъ:

— Господи, Боже мой! вѣдь я только что ее отставилъ! Но я такъ забывчивъ, благодѣтельница, такъ забывчивъ, что не могу вспомнить, куда я ее дѣлъ.

— Хорошо, Сойка! Значитъ, вы желаете лучше пить этотъ ядъ, чѣмъ получать хорошую пищу? Ну, скорѣе, мнѣ некогда съ вами долго разговаривать.

Лудвигъ опять началъ оглядывать комнату, словно ища чего-нибудь, и вдругъ ударилъ себя по лбу:

— Не сердитесь, благодѣтельница наша, я ее поставилъ подъ столъ, теперь, наконецъ, вспомнилъ.

Онъ досталъ бутылку и подалъ ее лѣсничихѣ съ такимъ унылымъ видомъ, что она расхохоталась.

— Ну, поѣшьте и полѣзайте въ кровать, это самое лучшее для васъ.

Она подошла къ тому грубому издѣлію изъ досокъ и бревенъ, которое она только что назвала „кроватью“:

— Положимъ, лежать на этой постели тоже сомнительное удовольствіе. Пришлите-ка ко мнѣ мальчиковъ: я имъ дамъ свѣжей соломы. Да, вотъ еще: у меня есть на чердакѣ старая полная постель для прислуги — можете и ее получить.— Оставьте!—отстранила она Сойку, цѣловавшаго ея рукавъ,— нельзя сказать, чтобы и та постель была особенно хороша, но все лучше, чѣмъ ничего. Лѣтомъ ваша жена можетъ за это денекъ отработать на сѣнокосѣ. Бутылку я возьму и вылью, пришлю вамъ, вмѣсто этой дряни, хорошей водки.— Она замахала рукой на обильныя слова благодарности Сойки и быстро вышла.

Поздно вечеромъ возвратилась Трина домой. Видъ ея былъ ужасенъ: на лбу у нея стояли крупныя капли пота; глубоко впавшіе глаза глядѣли тускло, какъ у мертвеца. Не зажигая огня, она бросилась на кровать. Она чувствовала подъ собою чистую постель, но не имѣла силъ удивляться или даже спросить, откуда все это. На слѣдующій день она не встала. Она всю ночь бредила и стонала отъ боли. Совершенно растерявшійся Сойка утромъ послалъ Янека къ лѣсничихѣ: мать, молъ, больна и всю ночь болтала всякія глупости. Черезъ четверть часа пришла всегда готовая помочь лѣсничиха. Когда она увидѣла, въ какомъ положеніи больная, она послала мальчика къ своимъ домашнимъ при-

двѣ грубыхъ простыни и кусокъ толстаго сукна, а сама энергично принялась раздѣвать Трину. Когда мальчикъ принесъ все нужное, лѣсничиха завернула больную въ мокрую простыню, сѣла у кровати и вынула изъ кармана книжку. Сойка сложилъ руки и подалъ знакъ мальчикамъ сдѣлать то же самое: онъ думалъ, что лѣсничиха собирается прочесть молитву...

Прождавъ напрасно нѣкоторое время, онъ съ безсмысленнымъ выраженіемъ лица доплелся до скамейки у печки. Ему было такъ тяжело, что онъ не могъ удержаться отъ слезъ: онѣ медленно одна за другой катились изъ глазъ по носу...

Лѣсничиха отвела глаза отъ книги.

— Ну, ну, Сойка, не унывайте такъ! Лихорадку мы скоро побѣдимъ... Нужно надѣяться, что ничего худшаго здѣсь нѣтъ.

— Благодѣтельница наша, вы такъ добры. Чѣмъ могъ бы я, несчастный, одинъ помочь больной женѣ?

— Мой чередъ, Сойка! Трина въ теченіе трехъ недѣль, ночь за ночью, дежурила у моей постели, когда я такъ тяжело заболѣла воспаленіемъ легкихъ, а мою бѣдную маленькую Берту она все время не спускала съ рукъ, когда та заболѣла. Только благодаря ей, маленькое созданіе выжило тогда. Этого я Тринѣ никогда не забуду.

— Господи! если-бъ только и она не заболѣла воспаленіемъ легкихъ!

Лѣсничиха повернулась къ больной, которая вытащила худую руку изъ-подъ одѣяла и тихо гладила ею свою сидѣлку.

— Славу Богу, Трина, лихорадка прошла; теперь скажи, что у тебя болитъ?

— Болей у меня никакихъ нѣтъ,—шептала больная слабымъ голосомъ,—мнѣ только такъ тяжело въ груди, охъ! я совершенно не могу дышать!

Въ обѣдъ лѣсничиха ушла. Больная лежала неподвижно на кровати. Одни глаза ея безпокойно оглядывали комнату. Лудвигъ Сойка сидѣлъ, погруженный въ грустное раздумье, на скамейкѣ у печки до тѣхъ поръ, пока прислуга отъ лѣсничаго не принесла обѣда.

— Приказали передать вамъ, что вечеромъ моя хозяйка придетъ сюда съ докторомъ.

Въ сумеркахъ Трина подозвала своего мужа къ кровати

— Лудвигъ, докторъ можетъ не приходить... онъ не можетъ мнѣ помочь... Я это очень хорошо чувствую... Я знаю, что со мной... Моя сестра тоже умерла отъ этой болѣзни

также и Мина Паллута... Не плачь, Лудвигъ! Это не поможетъ. Мальчики уже довольно большіе, и ты ихъ отдашь въ пастухи къ крестьянамъ... Тебѣ тогда будетъ лучше, чѣмъ со мною. Можетъ быть, тебя возьметъ лѣсничій...

Она отвернулась къ стѣнѣ. Мужъ положилъ свою голову на край кровати и горько зарыдалъ...

Вечеромъ пришла лѣсничиха съ врачемъ. Служанка принесла чистую лампочку, зажгла ее и поставила на столъ.

Врачъ началъ изслѣдовать больную. Онъ выстукивалъ верхнюю часть ея тѣла; оно было такое худое, ссохшееся, что лѣсничиха отвернулась, чтобы незамѣтно вытереть слезы, которыя она не могла удержать. Нѣсколько разъ врачъ кивнулъ ей головой, какъ бы подтверждая, что положеніе больной безнадежно, затѣмъ осторожно опустилъ больную на подушки и спряталъ свои инструменты...

— Я пропишу вамъ кое-что, Трина, въ домѣ лѣсничаго... Вамъ это ничего не будетъ стоить,—продолжалъ онъ успокоительнымъ тономъ, замѣтивъ тревожное движеніе больной.

Больная слегка покачала головой и едва внятнымъ шепотомъ произнесла:

— Не трудитесь, господинъ докторъ, для меня еще лѣкарство не выросло... Это та болѣзнь, отъ которой мы, бѣдняки, умираемъ...

Врачъ бросилъ еще нѣсколько успокоительныхъ фразъ и повернулся, чтобы уходить. У дверей онъ остановился и коротко сказалъ:

— Больная вѣрно поняла свое положеніе. Едва ли еще рѣчь можетъ идти о недѣляхъ.

— Я не могу этому повѣрить, господинъ докторъ,—сказала лѣсничиха, — вѣдь она день за днемъ работала; еще вчера и третьяго дня она стирала бѣлье въ городѣ.

— Вы правы, трудно повѣрить, что человѣкъ въ такомъ состояніи можетъ исполнять такую тяжелую работу; но эти два дня и путь въ городъ ее доканали.

— Что же вы хотите ей прописывать?

— Что-нибудь для облегченія кашля. Легкую пищу...

— Это ужъ моя забота, докторъ.

III.

Въ маленькой закоптѣлой комнатѣ „на чистой половинѣ“, смежной съ большой „черной“ комнатой корчмы, сидѣла деревенская знать: учитель, лѣсничій и, въ качествѣ почте-

ныхъ гостей, староста рыбныхъ промысловъ и приказчикъ главнаго арендатора озеръ, „инспектора", какъ ихъ называли мѣстные жители. Тутъ же было и нѣсколько русскихъ евреевъ, которые, благодаря долгому пребыванію въ Пруссіи, тѣсно сжились съ населеніемъ.

По вынесенному изъ Россіи обычаю, евреи сидѣли вокругъ кипящаго самовара и успѣли уже выпить безчисленное количество стакановъ чаю. Остальные налегали на грогъ, который они сами готовили: ромъ и сахаръ стояли на столѣ.

На „черной половинѣ" корчмы сидѣли рыбаки, работавшіе на неводахъ. Они жили по ту сторону Смирдинга и предпочитали, по дальности разстоянія, оставаться ночевать въ корчмѣ.

На „чистой половинѣ" шла игра — „по маленькой", конечно. Въ концѣ концовъ лѣсничій, рослый и сильный мужчина съ сѣдыми усами и бородой, отодвинулъ карты.

— Ну, господа, довольно... Вотъ мой выигрышъ, возьмемъ за эти деньги по стаканчику и поговоримъ о дѣлахъ. Каковъ сегодня былъ уловъ, Мейеръ?

— Не важный, господинъ лѣсничій, въ четырехъ тоняхъ не было даже и десяти тоннъ.

— Я думаю, у острова въ этомъ году будетъ масса лещей... Какъ ты думаешь, Яновскій?

Староста энергично подтвердилъ.

— Я сегодня накрылъ одного молодца у проруби; онъ уже вытащилъ нѣсколько крупныхъ лещей.

— Кто это?

— Кому же и быть, кромѣ твоего дровосѣка Михальскаго?

— Ты его, конечно, записалъ, вмѣсто того, чтобы ему накласть въ горбъ; а когда онъ будетъ мнѣ необходимъ при работахъ, ему какъ разъ придется отсиживать въ тюрьмѣ.

— Будь покоенъ, на этотъ разъ я поступилъ по твоему рецепту. Но какой это имѣетъ смыслъ? Завтра же этотъ негодяй опять спрячется гдѣ-нибудь въ камышахъ и будетъ удить.

— А развѣ можно его осуждать за это? Вѣдь и ему иной разъ хочется пожрать чего-нибудь, кромѣ ржаной каши и картофеля съ солью. Что вы платите теперь рабочимъ, Мейеръ?

— Что мы можемъ платить, господинъ лѣсничій? Послѣ каждаго улова нѣсколько штукъ рыбы и отъ времени до времени полъ чарки водки.

— Только страхъ передъ голодной смертью можетъ заставить рабочаго за такое вознагражденіе цѣлый день тянуть

голыми руками мокрый канатъ. Если, когда онъ удитъ рыбу, повезетъ ему, онъ за одинъ часъ можетъ запастись пищей на цѣлую недѣлю. Бѣда съ этими людьми: кто только въ состояніи сколотить денегъ на дорогу, бѣжитъ въ Вестфалію!

— Это—плоды пагубнаго броженія, которое красные вызвали въ народѣ. У насъ въ деревнѣ уже есть двое такихъ молодцовъ,—бросилъ елейнымъ голосомъ сельскій учитель.

— Не зуди, грошевый философъ,—грубо перебилъ лѣсничій.—Эту мудрость тебѣ вдолбилъ окружной начальникъ. Этотъ видитъ „краснаго“ въ каждомъ, кто не срываетъ передъ нимъ за десять шаговъ шапки.

— Въ такомъ случаѣ, и ты красный.

— Очень можетъ быть, школьный философъ: вѣдь зеленый и красный очень подходящіе другъ къ другу цвѣта. Но на будущее время воздержись отъ такихъ шутокъ. То, что я говорю, можетъ подписать всякій порядочный человѣкъ.

— Вѣдь ты еще ничего не сказалъ.

— Въ такомъ случаѣ, слушай: по моему мнѣнію, съ родины людей гонитъ сдача озеръ на откупъ. Какъ ты думаешь, Яновскій? Вѣдь лѣтъ за пятьдесятъ назадъ и ты можешь заглянуть. Правъ я?

— Да, да, въ прежнія времена было лучше; тогда всякій могъ удить, сколько его душѣ было угодно.

— Вотъ видишь, — обратился лѣсничій къ учителю. — Если-бъ правительство за небольшую плату разрѣшало всякому удить, ни одинъ человѣкъ не покинулъ бы родины.

— Но почему же люди выселяются изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ озеръ нѣтъ?—спросилъ учитель.

— Я тебѣ вотъ что скажу,—отвѣтилъ староста. — Этихъ гонитъ машина.

— Правда, Яновскій, — сказалъ убѣдительнымъ тономъ лѣсничій.—Конечно, помѣщики говорятъ, что они должны были завести машины потому, что имъ людей не хватало. На самомъ дѣлѣ произошло какъ разъ обратное. Прежде въ Зелиггенѣ, у Нейрейтера, когда наставало время посѣвовъ, работу могли найти десять человѣкъ и получали хорошую плату, потому что для сѣянія требуется большое искусство: сѣмена различныхъ хлѣбовъ надо различно разбрасывать. Теперь разъѣзжаетъ одинъ батракъ съ механикомъ для посѣва. А молотьба! Снопы складываются въ молотилку, и хлѣбъ выбрасывается машиной уже разсортированнымъ на два—три сорта. Крестьяне теперь уже дѣлаютъ то же. При помощи конной машины они въ одну недѣлю готовы съ молотьбой ржи, которая прежде доставляла людямъ работу на всю зиму. Понялъ ли ты, наконецъ, наставникъ?

— Но теперь вѣдь есть другія заработки.

— Гдѣ?

Учитель сдѣлалъ глупое лицо и ничего не отвѣтилъ.

— Говори же, мудрая голова, — приставалъ лѣсничій. — Не въ городѣ ли? Такъ я осмѣлюсь спросить, у кого? У меня тоже работы не будетъ до весны. Раньше я всегда съ трудомъ доставалъ рабочихъ, такъ какъ они молотили у крестьянъ. Теперь, какъ только собранъ картофель, всѣ, кто только не уходитъ въ Вестфалію, устремляются ко мнѣ въ лѣсъ. Раньше я имѣлъ двухъ человѣкъ и съ ними бился надъ корчеваніемъ до весны. Теперь я уже въ февралѣ готовъ. А съ февраля и мои люди начинаютъ съ голоду сосать лапу.

Онъ взялъ кучку монетъ, лежавшихъ передъ нимъ на столѣ.

— Знаете, мы лучше на эти деньги не станемъ пить; у меня пропалъ аппетитъ. Прибавьте и вы, господа, по нѣскольку монетъ: я дѣлаю сборъ.

— Для чего?

— Одинъ изъ моихъ дровосѣковъ, Лудвигъ Сойка, лежитъ уже четыре недѣли больной; сегодня слегла и жена его и, по мнѣнію моей старухи, уже не встанетъ болѣе.

Надсмотрщики вытащили свои кошельки и положили нѣсколько монетъ, учитель и староста рыбныхъ промысловъ дали каждый по маркѣ. Лѣсничій сосчиталъ деньги:

— Ну, вотъ, здѣсь теперь четыре марки и тридцать пфениговъ; на это можно просуществовать недѣли двѣ, и если у кого-нибудь изъ васъ, надсмотрщиковъ, окажется лишній судокъ рыбы...

— Господинъ лѣсничій! еврей тоже человѣкъ Пусть же бѣднякъ посылаетъ завтра и послѣзавтра на тоню: пока я на этой сторонѣ, всегда найдется немного лишней рыбы.

Лѣсничій поднялся и крѣпко пожалъ руку маленькому съ большой рыжей бородой Мейеру:

— Мейеръ, вы—христіанинъ, хотя и еврей.

— Что значитъ христіанинъ и что значитъ еврей? Когда я могу помочь человѣку, я просто себѣ человѣкъ.

IV.

Лудвигъ Сойка оправился. Онъ все еще казался очень слабымъ, но началъ ходить съ мальчиками въ лѣсъ. Жена по прежнему лежала на кровати, блѣдная и безмолвная. Старуха, посланная лѣсничихой, сидѣла у постели больной, по

давала ей то лѣкарство, то глотокъ воды и держала ея голову, когда отъ сильныхъ приступовъ кашля у больной прерывалось дыханіе. Разъ утромъ Сойка поднялся съ постели, когда еще было темно, и разбудилъ мальчиковъ. Онъ наканунѣ сварилъ полный горшокъ картофеля и теперь наполнилъ имъ сумку. Пока отецъ укладывалъ картофель, Янекъ спустился въ погребъ, принесъ дождевыхъ червей и, завернувъ ихъ въ тряпку, засунулъ за пазуху. Не разбирая дороги, они кое-какъ пробрались по берегу озера до густыхъ камышей въ Зелиггенской бухтѣ. Напрягая всѣ силы, Лудвигъ принялся долбить толстый ледъ. Когда онъ выбился изъ силъ, его замѣнилъ Янекъ. Не легкая вещь — дѣйствовать инструментомъ, имѣющимъ три фута длины и оканчивающимся заостреннымъ желѣзнымъ наконечникомъ. Наконецъ, двухфутовый ледъ былъ продолбленъ. Сойка насадилъ на крючекъ червяка и опустилъ удочку въ воду. Едва крючекъ достигъ дна, удочку начало судорожно дергать. Одинъ толчекъ, одно сильное движеніе вверхъ, и огромный лещъ, едва пролѣзшій черезъ воронкообразное отверстіе, очутился на льду. У Сойки руки дрожали, когда онъ сдвигалъ остатки червяка, чтобы скрыть острый конецъ крючка. Скоро на льду очутилась вторая, третья рыба... Сойка тихимъ свистомъ сталъ звать мальчиковъ. Наконецъ, они явились.

— Ты, Фрицъ, отнеси рыбу туда, въ частые кусты, что растутъ на берегу; но осмотрись раньше, чѣмъ выйдешь изъ камышей. А ты, Янекъ, сядь на обрубокъ за кустомъ и смотри на обѣ стороны, не покажется ли Яновскій. Если ты его увидишь, свисни.

Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Онъ посмотрѣлъ внизъ въ воду: темныя спинки скучившихся лещей представляли почти сплошную стѣну. Удочка съ маленькимъ кусочкомъ червяка едва нашла мѣсто. Тотчасъ же нѣсколько выдвинулась одна изъ рыбъ и проглотила крючекъ, въ слѣдующее мгновеніе она была вытянута вверхъ и заполнила собою всю прорубь. По двѣ, по три рыбы сразу таскалъ мальчикъ въ сохранное мѣсто. Но одинъ разъ, едва онъ исчезъ въ камышахъ, залаяла собака, и раньше, чѣмъ увлекшійся рыбакъ успѣлъ вскочить на ноги, передъ нимъ стоялъ староста.

— Ахъ, это ты, Сойка? Имѣешь ли ты отъ арендатора свидѣтельство на право удить?

— Нѣтъ, господинъ, я ужу такъ, немножко. Только пару рыбокъ хотѣлъ бы поймать, чтобы поѣсть, милый господинъ староста, но ничего нельзя выудить.

Старикъ посмотрѣлъ на стоявшаго передъ нимъ блѣднаго, со впавшими щеками и дрожавшими колѣнями человѣка.

— Ты ничего еще не наловилъ?

— Нѣтъ, господинъ, староста, ни одного хвостика.

— Ну, въ такомъ случаѣ опусти-ка удочку, быть можетъ при мнѣ тебѣ будетъ больше счастья.—Онъ нагнулся надъ прорубью.

— Эхъ, ты, безтолковый, глубже держи, передъ самой мордой, тутъ вѣдь лещи стѣной стоятъ. Такъ вотъ, видишь? Ну, еще одного, затѣмъ идемъ вмѣстѣ домой. За двѣ рыбы я готовъ отвѣчать—ужъ такъ и быть—передъ Богомъ и арендаторомъ Подбѣльскимъ; онъ добрый человѣкъ: самъ живетъ и другимъ жить даетъ. Но, если я тебя завтра накрою, придется мнѣ тебя записать, такъ какъ лѣкарство лѣсничаго къ тебѣ примѣнить невозможно.

Между тѣмъ, Лудвигъ Сойка, вытащивъ вторую рыбу, тотчасъ же погрузилъ еще разъ удочку; въ слѣдующее мгновеніе онъ вытащилъ еще одного леща.

— Ну, не жадничай. Довольно. Эту рыбу ты отнесешь Мейеру; онъ промышляетъ тамъ за мысомъ, при поворотѣ въ деревню. Но, если ты этой рыбы не отдашь, я тебя запишу. А удочку я у тебя долженъ отобрать.

Онъ съ трудомъ разорвалъ лесу и сломалъ удилище.

— Не забудь, что я сказалъ.

Сойка медленно ползъ вверхъ по берегу озера, бросая отъ времени до времени быстрые взгляды назадъ, пока сани старосты совершенно ни скрылись. Тогда Сойка во весь опоръ побѣжалъ обратно къ берегу, отрѣзалъ себѣ новую вѣтку толщиной въ палецъ и изъ кармана вытащилъ новую лесу.

— Видно, панъ Яновскій не знаетъ, что всякій рыбакъ имѣетъ при себѣ больше, чѣмъ одну лесу про запасъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Сойка уже опять сидѣлъ у своей проруби и удилъ. Около него уже образовалась цѣлая гора рыбы, но ни одинъ изъ мальчиковъ не являлся.

Когда стало темнѣть, онъ всталъ, нанизалъ всю рыбу на талину и очень довольный отправился домой. По дорогѣ онъ вспомнилъ, что весь день ничего не ѣлъ... Онъ вынулъ изъ сумки двѣ картофелины и попробовалъ пальцами на ходу ихъ чистить; но это ему не удавалось, такъ какъ каждая картофелина превратилась въ маленькій кусочекъ льда.

Радостный, онъ подходилъ къ деревнѣ. Онъ хоть и не зналъ въ точности, сколько наловилъ рыбы, но штукъ 80—90 навѣрное есть.

— Вотъ Трина будетъ радоваться!—бормоталъ онъ про

себя.—Мелкую рыбу сегодня ночью зажаримъ. А крупную отвезу въ городъ. Порицеръ у меня заберетъ.

Еще издали Сойку поразилъ яркій свѣтъ въ окнахъ его хижины. Когда онъ подошелъ поближе, ему послышалось какъ будто пѣніе; его охватилъ безотчетный страхъ. Непомня себя, онъ рванулъ дверь. На столѣ въ подсвѣчникахъ горѣло нѣсколько свѣчей; на кровати лежала со сложенными накрестъ на груди руками его жена, тихая и блѣдная. Въ комнатѣ было нѣсколько женщинъ. Мальчики сидѣли на скамейкѣ и тихо плакали.

Сойка, молча, снялъ шапку и подошелъ къ кровати. Здѣсь лежитъ она, та, которая столько лѣтъ такъ мужественно шла съ нимъ по трудному жизненному пути... Работа, вѣчная работа, горе и заботы. Иногда только, когда онъ приходилъ домой навеселѣ, она на него нападала. Но объ этомъ онъ теперь не вспоминалъ: онъ помнилъ только хорошія минуты, прожитыя съ нею.

Надъ его ухомъ неожиданно раздался крикливый голосъ сосѣдки Прухниной:

— Пришелъ, наконецъ, лѣнтяй, теперь, когда жена уже мертва... она только изъ-за тебя умерла. Не могъ ты дома сидѣть, нѣтъ, тебѣ нужно было уходить удить, когда она такъ больна!

Въ Сойкѣ закипѣла злость:

— Я—лѣнтяй? Я долженъ былъ пойти удить, когда она такъ больна, а я ничего не могу заработать.

— Только отъ одного страха она умерла,—шипѣла женщина,—и ты въ этомъ виноватъ. Идемъ всѣ, пусть онъ...

— Да идите, не то я самъ вамъ покажу, какъ открывается дверь.

Онъ остался одинъ у кровати. Не много мыслей у него было въ головѣ, и тѣ приходили очень медленно и съ трудомъ. Сначала похороны, а тамъ продажа вещей. За два мѣсяца нужно заплатить за квартиру. Затѣмъ нужно пристроить мальчиковъ у крестьянъ. Янека возьметъ Приступлле, онъ еще прошлымъ лѣтомъ хотѣлъ взять мальчика. Фрица возьметъ Вробель; но мальчикъ долженъ наняться на три—четыре года, иначе онъ не будетъ получать одежды. А затѣмъ? Пойти ли ему въ батраки или въ пастухи, какъ этого желала покойная? Однако онъ вѣдь еще не такъ старъ... Вотъ если-бъ въ Вестфалію пробраться!... Сойка оглянулся; Янекъ спалъ, опустивъ голову на столъ, Фрицъ свернулся въ углу на скамейкѣ. Отецъ тихо прикоснулся къ старшему мальчику,—тотъ быстро поднялъ голову.

— Янекъ, какъ это случилось съ матерью?

— Я не виноватъ, отецъ. Я увидѣлъ Фрица, бѣгущимъ черезъ поле, и сейчасъ же подумалъ, что, вѣроятно, пришелъ Яновскій... Я побѣжалъ за Фрицомъ, но не могъ его догнать до самаго дома. И когда я открылъ дверь, Фрицъ уже былъ въ комнатѣ, кричалъ и плакалъ: „Яновскій накрылъ отца и колотитъ его палкой“.

— Ну, а мать?

— Мать? Она быстро поднялась въ кровати, вскрикнула разъ, опять упала на подушки, и кровь у нея полилась изо рта. Старуха Присна хотѣла вытереть кровь, но тутъ мать вытянулась...

Онъ подождалъ, пока дѣти уснули, затѣмъ влѣзъ въ кровать къ своей мертвой женѣ и тихо легъ рядомъ съ нею.

Толстыя свѣчи уже догорали, когда онъ поднялся. Онъ отыскалъ мѣшокъ, взялъ ручныя санки и направился къ берегу. Въ обѣдъ онъ вернулся. На санкахъ онъ тащилъ простой, желтый гробъ.

Сойка похоронилъ свою жену со всѣми почестями. Отъ общины онъ не взялъ ни одного пфенинга. Онъ пошелъ къ Вробелю и Приступлѣ и пристроилъ своихъ дѣтей. А затѣмъ позвалъ къ себѣ Янкеля и долго съ нимъ торговался, пока—одну вещь за другой — не продалъ всего своего убогаго хозяйства. Потомъ онъ пошелъ проститься къ лѣсничему.

— Итакъ, Лудвигъ, ты хочешь уйти, не хочешь оставаться? Подумай еще хорошенько, я тебя готовъ сейчасъ взять.

— Господинъ лѣсничій, когда жена моя еще жила, здѣсь не было для меня работы. Если бъ мы этого хотѣли, мы могли бы еще раньше разойтись и наняться: я въ батраки, а она въ служанки, какъ до свадьбы. Нѣтъ, господинъ лѣсничій, если ужъ такъ случилось, то я, по крайней мѣрѣ теперь, хочу жить по человѣчески. Если бъ я три года тому назадъ былъ благоразумнѣе, мы бы уже теперь чего-нибудь добились въ Вестфаліи, и моя жена была бы теперь еще жива.

Онъ схватилъ руку лѣсничихи и, цѣлуя ее, сказалъ:

— Золотая, добрая наша благодѣтельница, небо васъ вознаградитъ за все то, что вы сдѣлали для Трины и для меня. Если бъ вы еще хотѣли иной разъ бросить взглядъ на моихъ бѣдныхъ мальчиковъ и написать мнѣ о нихъ. Я оттуда немедленно вышлю вамъ свой адресъ.

У стараго, сѣдого лѣсничаго навернулись слезы на глазахъ.

— Будь спокоенъ, Лудвигъ, за твоими мальчиками я буду наблюдать. А ты, старый Лудвигъ, когда соберешь немного денегъ, вѣдь тоже вернешься?

— Господинъ лѣсничій, не обижайтесь на то, что я скажу. Для служащихъ и всѣхъ, кто имѣетъ немножко денегъ, здѣсь жизнь хорошая, но для насъ бѣдняковъ нѣтъ. Когда придетъ мой чередъ умирать, я, если успѣю, вернусь: никто вѣдь не хочетъ лежать въ могилѣ на чужбинѣ.

Лудвигъ Сойка быстро повернулся и вышелъ..

2. Исторія одной общины.

I.

Холодный, темный вечеръ. Суровый юго-восточный вѣтеръ, къ ночи выросшій въ бурю, гонитъ по широко открытому морю громадныя водяныя волны, выбрасываетъ ихъ далеко на отлогій берегъ, гдѣ онѣ съ громомъ и оглушительнымъ воемъ разбиваются въ дребезги; огромные хлопья пѣны, оторванные отъ гребней валовъ, кружатся въ воздухѣ, проносятся надъ широкой песчаной отмелью къ темнымъ елямъ, тяжелыя вѣтви которыхъ съ жалобнымъ стономъ безпомощно бьются подъ напоромъ вѣтра.

Изрѣдка сквозь разорвавшіяся темныя облака показывается одинокая звѣзда, какъ бы для того, чтобы на мгновеніе съ любопытствомъ посмотрѣть на неистовства природы. Но тотчасъ же мощный ударъ вѣтра вновь сгоняетъ облака, покрывая небо сплошной, черной тучей.

По безлюдной дорогѣ, съ трудомъ преодолѣвая порывы вѣтра, медленно движется человѣкъ высокаго роста. Отъ времени до времени онъ останавливается, чтобы перевести духъ, подъ защитой ивы, вѣтви которой развѣваются отъ вѣтра, какъ волосы на головѣ.

— Да защититъ Господь всѣхъ, кто эту ночь проводитъ на морѣ!—шепчетъ онъ... Въ прежнія времена въ шумѣ осенней бури людямъ чудилось неистовство языческихъ боговъ или гнѣвъ „дикаго охотника“, и они въ ужасѣ прятались въ своихъ хижинахъ. Теперь никто въ это не вѣритъ. Удивительно, что хоть немногіе еще сохранили вѣру въ Бога. Да и этимъ Богъ представляется страшилищемъ, предъ которымъ ихъ грѣхи заставляютъ ихъ чувствовать страхъ. Каждаго человѣка они готовы въ разговорѣ назвать „благодѣтелемъ“, только Всемогущаго нѣтъ. И было бы

трудно доказать этимъ бѣднымъ, измученнымъ людямъ, что и на нихъ распространяется Его милосердіе.

Точно въ молитвѣ, путникъ поднялъ глаза къ небу, откуда сквозь разорванныя тучи опять выглянули нѣсколько звѣздочекъ. Онъ сжалъ въ своей рукѣ еще крѣпче палку и вновь двинулся на встрѣчу бурѣ. Передъ нимъ, какъ гора, раскинулся огромный помѣщичій домъ, соединенный высокой каменной оградой съ массивными навѣсами, амбарами и конюшнями. За этими зданіями, у дороги, росли стройные, высокіе тополи, которые гнулись отъ вѣтра, словно прутья. Ближе къ лѣсу, точно куча лепешекъ, тѣсно жались другъ къ дружкѣ низенькія хижины для батраковъ. Вѣтеръ бѣшенно трепалъ покрытыя мхомъ соломенныя крыши убогихъ хижинъ, выхватывая изъ поврежденныхъ мѣстъ и унося высоко вверхъ цѣлые пучки перегнившей соломы.

Въ нѣкоторыхъ хижинахъ сквозь закоптѣлыя стекла мерцали слабенькіе огоньки. Медленно перешелъ путникъ улицу и постучался у перваго совершенно неосвѣщеннаго домика. Прошло довольно много времени раньше, чѣмъ открылось слуховое оконце надъ входной дверью, и высунулась сѣдая голова старухи:

— Кто здѣсь?—спросила она, но тотчасъ же узнала стучавшагося гостя.

— Ахъ, Господи! господинъ проповѣдникъ въ такую погоду.

— Вы меня не ждали?

— И да, и нѣтъ, господинъ проповѣдникъ.

— Что это значитъ? Вѣдь мы сегодня хотѣли совершить богослуженіе?

— Я знаю, господинъ проповѣдникъ, но говорятъ, будто господинъ окружный начальникъ запретилъ это собраніе.

— Не могу ли я видѣть кого-нибудь изъ мужчинъ?

Старуха наклонилась впередъ, словно боясь, что ея слова могутъ быть кѣмъ-нибудь подслушаны.

— Я думаю, господинъ проповѣдникъ, что они всѣ сидятъ у Чеха.

Съ краткимъ „спокойной ночи“ путникъ пошелъ дальше. У послѣдней хижины стояло двое мужчинъ. Они молча поздоровались съ пришедшемъ и повели его черезъ темныя съ каменнымъ поломъ сѣни въ низкую, маленькую комнату, откуда его обдало спертымъ, вонючимъ воздухомъ. На столѣ, покрытомъ чистой, свѣтлой клеенкой, стояла маленькая керосиновая лампочка безъ абажура и безъ стекла. Пламя безпокойно мерцало и коптило низкій потолокъ, бѣлая краска котораго уже давно исчезла подъ сажей и грязью.

У самаго входа налѣво находился открытый кухонный очагъ, а подлѣ него огромная, занимавшая половину стѣны, кирпичная печь. Въ огромной, невѣроятной вышины кровати, занимавшей противоположную стѣну, лежала молодая женщина.

Со стономъ повернула она къ вошедшимъ голову, повязанную цвѣтнымъ платкомъ. Тотъ, котораго раньше старуха назвала господиномъ проповѣдникомъ, отступилъ назадъ и распахнулъ за собою дверь.

— Вѣдь у васъ задохнуться можно; въ такомъ воздухѣ вы всѣ можете заболѣть. Впускайте, по крайней мѣрѣ, свѣжій воздухъ черезъ дверь. Чѣмъ больна ваша жена, Чехъ?

Мужъ снялъ шапку и сталъ почесывать затылокъ.

— Чѣмъ она больна, господинъ проповѣдникъ? Головная боль... лихорадка... и грудь у нея болитъ... Она, вѣроятно, простудилась во время мытья овецъ. Три дня провозиться въ холодной, какъ ледъ, водѣ! Этого ни одна лошадь не выдержитъ. А моя жена не изъ очень сильныхъ.

Пасторъ подвинулъ стулъ къ кровати и вытащилъ изъ-подъ своего широкаго пальто цѣлую пригоршню маленькихъ пузырьковъ. Онъ заботливо отсчиталъ бѣлыя зернышки, раньше чѣмъ опустить ихъ въ глиняную кружку съ водою, стоявшую на столѣ. Затѣмъ онъ поднялся и протянулъ руку къ низкому потолку, за поперечными балками котораго висѣли ярко разрисованныя тарелки и глиняныя миски. Узкія щели между потолкомъ и балками служили хозяевамъ хижины мѣстомъ для храненія всевозможныхъ предметовъ. Здѣсь торчали деревяныя или жестяныя ложки, бритвы, щетки, молотки, щипцы, гусинное крыло, коса и тысяча другихъ предметовъ, безъ которыхъ не обходится ни одно, даже самое маленькое, крестьянское хозяйство.

Пришедшій взялъ деревяную ложку и размѣшалъ воду въ кружкѣ.

— Это отъ лихорадки и головной боли. Больная должна каждыя четверть часа выпивать по глотку. Но прежде заварите бузину и дайте ей выпить: пусть пропотѣетъ.

— Нельзя, господинъ проповѣдникъ... Намъ запрещено сегодня разводить огонь, мы и поужинали только кусочкомъ сухого хлѣба. Оба надсмотрщика ходятъ изъ дома въ домъ и приказываютъ тушить даже лампы...

— Ну, а какъ обстоитъ дѣло съ нашимъ богослуженіемъ?

Теперь откашлялся второй рабочій, коренастый, съ изрытымъ оспой лицомъ, крестьянинъ.

— Я вчера былъ съ заявленіемъ у господина окружного

начальника. Онъ взялъ у меня изъ рукъ бумагу, изорвалъ ее въ клочки и швырнулъ. Когда я повернулся и пошелъ къ дверямъ, онъ мнѣ крикнулъ въ догонку: „я этого собранія не разрѣшаю".

— Ты что-нибудь отвѣтилъ?

— Боже сохрани, господинъ проповѣдникъ, я бы этимъ надѣлалъ не мало бѣдъ! Господинъ окружной начальникъ и такъ былъ достаточно взбѣшенъ. Онъ бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ и кричалъ: „Проповѣдямъ долженъ быть положенъ конецъ! Я сытъ по горло этой исторіей! Праведными хотите быть?.. Смутьяны вы всѣ, и попъ вашъ — худшій изъ всѣхъ. Онъ васъ всѣхъ сдѣлалъ бунтовщиками".

Проповѣдникъ слушалъ съ наружнымъ спокойствіемъ: ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ, хотя въ немъ все клокотало, и руки невольно сжимались въ кулаки. Крестьяне нѣсколько мгновеній помолчали, выжидая, не послѣдуетъ ли какого-нибудь отвѣта отъ проповѣдника.—Войтекъ, говорившій послѣднимъ опять началъ:

— Вы, вѣроятно, еще не знаете, господинъ Іорданъ, изъ-за чего такъ сердится нашъ господинъ. Мы всѣ заявили, что съ Мартынова дня мы больше не служимъ, хотимъ всѣ уйти.

Быстрымъ движеніемъ старикъ, котораго крестьяне называли проповѣдникомъ, поднялся съ мѣста. Съ нѣмымъ вопросомъ онъ смотрѣлъ то на одного, то на другого.

— И объ этомъ я узнаю только сегодня? Вѣроятно, съ тѣхъ поръ, какъ вы заявили о своемъ отказѣ отъ службы, прошли уже недѣли?

Крестьяне отвѣтили молчаливымъ кивкомъ.

— Я бы никогда не повѣрилъ, что вы въ такомъ важномъ дѣлѣ будете скрываться отъ меня. Обыкновенно вы бѣгали ко мнѣ за совѣтомъ по поводу всякаго пустяка... Но что я говорю! Вы именно въ этомъ дѣлѣ не хотите моихъ совѣтовъ... Вы, какъ будто, даже боитесь, что я стану вамъ ихъ навязывать. Можете быть спокойны: послѣ того, что я сегодня узналъ о васъ, мнѣ это и въ голову не придетъ. Вы находили меня достаточно полезнымъ, чтобы руководить вашими богослуженіями и читать проповѣди, но рѣшеніе по самому важному для васъ вопросу вы принимаете тайкомъ отъ меня. Я не хочу вамъ дѣлать никакихъ упрековъ... мнѣ только очень больно, что вы ко мнѣ не питаете ни малѣйшаго довѣрія.

Крестьяне стояли, потупившись, какъ школьники, застигнутые учителемъ при шалости. Да они ничего не могли бы и возразить. Они, дѣйствительно, всю эту исторію тщательно

скрывали и были убѣждены, что у нихъ достаточно основаній для этого: когда они раньше обращались къ своему проповѣднику съ жалобами на свою нужду и бѣдствія, онъ ограничивался тѣмъ, что утѣшалъ ихъ и убѣждалъ не терять мужества: должны придти и придутъ лучшія времена. Объ этомъ дѣлѣ они ему ничего не сказали изъ опасенія, что онъ ихъ станетъ удерживать. Но они совершенно не ожидали, чтобы ихъ переселеніе такъ сильно огорчило старика.

Въ сильномъ возбужденіи онъ быстро шагалъ взадъ и впередъ по узкому пространству между дверью и столомъ и, видимо, всѣми силами старался побѣдить свое волненіе.

Наконецъ, онъ остановился передъ крестьянами.

— Вы и не подозрѣваете, что вы сдѣлали со мною. Когда, по вашимъ просьбамъ, я пришелъ къ вамъ, я зналъ, что вы не пьяницы, живете трезво и богобоязненно. Поэтому я терпѣливо переносилъ всѣ нападки, которымъ подвергался изъ-за васъ. А ихъ было больше, чѣмъ вы думаете. Я надѣялся васъ направлять и вести до тѣхъ поръ, пока ваше прилежаніе не побѣдитъ упорства вашего господина. Должно было придти время и пришло бы, когда всякій долженъ былъ бы сказать, что такихъ хорошихъ и преданныхъ рабочихъ, какъ макошенскіе, мы бы тоже хотѣли имѣть. Тогда всѣ окрестные помѣщики дрались бы изъ-за васъ и, если-бъ вашъ господинъ не былъ ослѣпленъ, — онъ все бы сдѣлалъ, чтобы васъ удержать. Но что теперь скажутъ люди! Ваша набожность—ложь и обманъ! Вѣдь вы уже слышали отъ вашего господина, что вы всѣ бунтовщики. Развѣ онъ не правъ? Тайно вы сговорились и своимъ отказомъ отъ службы ставите своего помѣщика въ самое безвыходное положеніе. Гдѣ ему взять столько хорошихъ семействъ, сколько ему нужно, если вы всѣ уйдете?

Войтекъ во время этой нравоучительной проповѣди раза два покачалъ головой.

— Не обижайтесь, господинъ проповѣдникъ, что мы на этотъ счетъ иначе думаемъ. Если-бъ нашъ господинъ хотѣлъ съ нами добромъ сойтись, онъ бы давно отказалъ молодому надсмотрщику, котораго мы не въ состояніи больше выносить, который слишкомъ изнуряетъ насъ работой. Мы его объ этомъ мирно просили —онъ ничего не сдѣлалъ. Онъ отлично зналъ, что мы недовольны машинной молотьбой и условіями рыбной ловли. И, только когда мы отказались отъ службы, онъ намъ обѣщалъ маленькую прибавку. Нѣтъ, господинъ проповѣдникъ, мы обо всемъ основательно говорили и не разъ, а ежедневно съ утра до вечера... Но не

изъ-за этого мы уходимъ. Вы сами сказали, что мы преданные и трезвые рабочіе. Почему же господинъ окружной начальникъ не позволяетъ намъ совершать богослуженіе, какъ мы хотимъ? Развѣ лучше сидѣть намъ въ трактирахъ, напиваться, въ кровь разбивать другъ другу головы, какъ это дѣлаютъ рабочіе въ другихъ имѣніяхъ? Не обижайтесь, господинъ проповѣдникъ, но мы слишкомъ тупы, чтобы понимать это.

Войтекъ замолчалъ и вытеръ рукой лобъ, покрытый крупными прозрачными каплями пота. Такой длинной рѣчи онъ во всю свою жизнь еще не произносилъ.

Старикъ спокойно слушалъ его и только изрѣдка сочувственно кивалъ головой. Да и что могъ онъ возразить этимъ людямъ? Въ глубинѣ души онъ долженъ былъ согласиться, что они правы: они были прилежными, преданными рабочими, безропотно служившими своему господину. Старикъ хорошо зналъ, чѣмъ они вызвали недовольство.

Уже нѣсколько лѣтъ, какъ край охватило какое-то странное движеніе. Никто не могъ съ увѣренностью сказать, когда и какъ оно началось; но оно ощущалось всѣми, распространялось все шире и шире. Крестьяне перестали ходить въ церковь, начали собираться въ своихъ крестьянскихъ избахъ, чтобы сообща пѣть духовныя пѣсни и молиться. То тамъ, то здѣсь начали появляться проповѣдники, въ большинствѣ случаевъ ремесленники или простые рабочіе, бравшіе на себя смѣлость толковать и разъяснять другимъ библію. Въ мѣстахъ, гдѣ появляются такіе проповѣдники, люди толпами отпадаютъ отъ церкви и основываютъ новыя самостоятельныя общины.

Онъ хорошо зналъ, почему этому движенію старались всѣми средствами препятствовать: опасались, что „громадскіе“, какъ называли этихъ вѣрующихъ, не остановятся на пѣніи и молитвахъ, что они—быть можетъ, сами этого не желая—дойдутъ до того, что начнутъ задумываться вообще надъ своимъ положеніемъ. И развѣ онъ не видитъ теперь лучшаго доказательства этому? Развѣ, не благодаря совмѣстному богослуженію, члены общины научились смотрѣть на себя, какъ на одно цѣлое? Развѣ при этомъ у нихъ не явилось сознаніе, что, выступая сплоченной массой, они представляютъ извѣстную силу? На его глазахъ движеніе уже достигло того момента, котораго такъ боялись тамъ, „наверху“.

Всѣ эти мысли пронеслись въ его головѣ во время рѣчи Войтека. Долженъ ли онъ имъ сказать все, что онъ знаетъ? Долженъ ли онъ имъ открыть глаза, растолковать, почему имъ запретили совершать совмѣстное богослуженіе внѣ церкви? Но тогда онъ окончательно подорветъ авторитетъ власти, и безъ того не разъ уже подвергавшійся опасности, когда крестьянамъ приходилось съ ропотомъ возвращаться домой съ запрещенныхъ собраній.

Грусть охватила старика. Долгіе годы онъ самъ скитался бездомнымъ бродягой; но, когда его голова покрылась сѣдиной, его съ неодолимой силой потянуло къ роднымъ мѣстамъ. Теперь на его глазахъ полтора десятка семействъ готовы, не останавливаясь передъ тяжелыми жертвами, оторваться отъ родныхъ мѣстъ, чтобы на далекой чужбинѣ искать лучшей доли, чѣмъ та, которая имъ досталась на родинѣ.

И это страшное рѣшеніе они приняли, не посовѣтовавшись даже съ нимъ.

— Отправляйтесь съ Богомъ, дѣти! Скажите и остальнымъ, что я вамъ всѣмъ желаю много счастья. Да будетъ благословенъ вашъ путь! Да не пожалѣете вы никогда о принятомъ рѣшеніи.

Онъ направился къ дверямъ, но у порога еще разъ остановился.

— Я бы очень хотѣлъ сказать вамъ всѣмъ вмѣстѣ еще прощальное слово.

Войтекъ вскочилъ съ мѣста.

— Господинъ проповѣдникъ, такъ вы не уйдете отъ насъ.. Мы всѣ васъ ждемъ... въ торфяномъ амбарѣ въ лѣсу... Тамъ насъ никто искать не будетъ, господинъ проповѣдникъ.

Старикъ покачалъ головой.

— Такъ вотъ вы чѣмъ кончили! вотъ какъ вы повинуетесь власти! Тайкомъ, въ глухую ночь, вы хотите совершать богослуженіе, и хотите, чтобы я вамъ въ этомъ помогъ?! Нѣтъ, дѣти, этого не требуйте отъ меня!

Съ широко раскрытыми, удивленными глазами больная женщина въ кровати прислушивалась къ разговору мужчинъ. Теперь она со стономъ поднялась и произнесла дрожащимъ голосомъ:

— Господинъ проповѣдникъ, въ библіи сказано, что служеніе Богу выше служенія господину, что должно повиноваться прежде Богу, а ужъ потомъ людямъ. Если люди намъ запрещаютъ совершать богослуженіе, они поступаютъ противъ Божьяго завѣта, и мы не обязаны имъ повиноваться.

Ея голосъ звучалъ сурово, и въ немъ слышалась горечь.

— Ступайте спокойно домой, господинъ проповѣдникъ!..

Мы прежде молились Богу безъ васъ, можемъ и сегодня это сдѣлать.

Женщина со стономъ бросилась на подушки и повернулась къ стѣнѣ. Мужчины стояли молча.

Входная дверь съ шумомъ распахнулась. Порывъ вѣтра съ воемъ пронесся черезъ сѣни и съ шумомъ опять захлопнулъ ее. Стуча ногами такъ, что шпоры гремѣли при каждомъ шагѣ, мимо Іордана черезъ сѣни прошелъ въ комнату молодой человѣкъ.

Онъ окинулъ присутствующихъ насмѣшливымъ взглядомъ.

— Вы, видно, устроили здѣсь маленькое религіозное собраніе. Развѣ вы, Іорданъ, не знаете, что господинъ окружной начальникъ запретилъ вамъ переступать порогъ крестьянскихъ жилищъ?

Онъ повелительно указалъ лѣвой рукой на дверь, а правой, щелкая хлыстомъ, ударилъ по лоснящимся голенищамъ высокихъ сапогъ. Однимъ прыжкомъ Чехъ очутился около молодого человѣка и схватилъ его за руку.

— Господинъ надсмотрщикъ, пока я хозяинъ въ этихъ четырехъ стѣнахъ, никто не смѣетъ указывать моимъ гостямъ на дверь, даже нашъ господинъ.

Сильнымъ толчкомъ надсмотрщикъ высвободилъ свою руку и поднялъ хлыстъ.

— Какъ вы смѣете, вы...

Старикъ быстрымъ движеніемъ схватилъ его руку и согнулъ ее.

— Молодой человѣкъ, не забывайтесь, иначе оборона можетъ имѣть для васъ нѣсколько непріятный характеръ. Передъ вами не рабы, а свободные люди, которые имѣютъ такія же права, какъ и вы. А изъ-за меня вамъ волноваться нечего, я намѣревался уходить. Спокойной ночи, Войтекъ, спокойной ночи, Чехъ! Кто желаетъ еще спросить у меня совѣта, можетъ придти ко мнѣ въ городъ. Спокойной ночи!

Онъ медленно вышелъ.

Нѣсколько мгновеній молодой человѣкъ съ нерѣшительнымъ видомъ постоялъ у дверей, затѣмъ опять угрожающе поднялъ руку и вышелъ. Крестьяне громко кричали ему вслѣдъ. Онъ не понялъ словъ, такъ какъ не зналъ языка этихъ людей, но не сомнѣвался въ томъ, что они выкрикиваютъ угрозы и проклятія.

Медленно двигался старикъ, борясь съ вѣтромъ. Было ли это результатомъ усталости или волненія, но его колѣни дрожали, голова пылала, какъ въ лихорадочномъ жару. Шапку онъ держалъ въ рукахъ, длинные, сѣдые волосы ме-

тались по вѣтру, хлестали по лицу. Волны моря оглушительно грохотали вблизи, забрасывая его шипящей пѣной, но старикъ ничего не замѣчалъ и почти падалъ отъ изнеможенія. Уже дорога изъ города его достаточно измучила, а четверть часа, проведенныхъ въ домѣ крестьянъ, меньше всего можно было назвать отдыхомъ. Тяжело дыша, онъ остановился подъ ивой, которая могла доставить нѣкоторую защиту отъ вѣтра. Передохнуть бы хоть одну минуту: ноги совершенно отказываются служить. Онъ медленно опустился на мокрую землю, вытянулъ ноги и прислонился къ дереву.

Вокругъ темная ночь. На разстояніи трехъ шаговъ уже ничего не видно. Глаза старика закрыты, но онъ отчетливо видитъ передъ собой низенькую, закоптѣлую комнатку и двухъ человѣкъ, стоящихъ, какъ кающіеся грѣшники, съ поникшими головами. Онъ видитъ также больную женщину, приподнявшуюся на своей постели, чтобы ему, у кого она не разъ съ благодарностью и со смиреніемъ цѣловала руку, указать на дверь со словами: „служеніе Богу выше служенія господину“! Ему кажется, что и волны, съ грохотомъ падающія на берегъ, выкрикиваютъ тѣ же слова: „служеніе Богу выше служенія господину“!..

Его лобъ горѣлъ, какъ въ огнѣ. Хорошо ли онъ поступилъ? Люди, среди которыхъ онъ больше полугода проповѣдывалъ, покидаютъ его, какъ и свою родину. Но они у него просили послѣдняго слова утѣшенія и ободренія. Въ бурю и непогоду они тайкомъ собрались въ уединенный торфяной амбаръ, чтобы его тамъ дождаться, не смотря на запрещеніе господина.

Запрещеніе господина!..

Горечь охватила все его существо. Вѣдь онъ выказалъ пристрастіе—сталъ на сторону тѣхъ, кто въ безумномъ ослѣпленіи, изъ мелочнаго страха, угрожалъ кнутомъ вымаливавшимъ смиренно свое неотъемлемое право... Да, право совершать богослуженіе согласно своимъ религіознымъ убѣжденіямъ неотъемлемо, священно...

Теперь они, вѣроятно, уже собрались всѣ въ уединенномъ амбарѣ и напрасно ждутъ его, который долженъ былъ бы имъ дать послѣднее благословеніе на дорогу. Они всѣ стоятъ передъ его глазами... Женщины плачутъ, мужчины стоятъ безмолвно съ нѣмымъ укоромъ на озабоченныхъ лицахъ...

Старикъ быстро поднялся. Вмѣстѣ съ рѣшеніемъ, которое у него сразу возникло, вернулись спокойствіе и силы. Онъ вѣдь знаетъ приблизительно, гдѣ находится амбаръ; во время своихъ дальнихъ прогулокъ ему не разъ приходилось про-

ходить мимо. Недалеко отъ деревни дорога поворачиваетъ къ лѣсу.

Рѣшительнымъ шагомъ онъ отправляется обратно по той же дорогѣ, по которой пришелъ. Вотъ и поворотъ къ лѣсу. По обѣимъ сторонамъ дороги шелестятъ ели. Его нога скользитъ по мокрой отъ дождя землѣ. Между верхушками деревьевъ едва замѣтно мелькаетъ темное небо, которое указываетъ ему дорогу. Съ трудомъ, ощупью онъ подвигается впередъ, шагъ за шагомъ. Отъ времени до времени онъ останавливается, чтобы перевести духъ. Имъ овладѣло настроеніе, какого онъ давно уже не переживалъ, настроеніе, вызывавшее у него воспоминанія о лучшихъ временахъ его молодости. Съ какими надеждами и упованіями онъ юношей вступилъ на церковную каѳедру!.. Онъ долженъ и будетъ имѣть успѣхъ въ томъ, въ чемъ никто еще не имѣлъ успѣха. Онъ поведетъ за собою всѣхъ не только равнодушныхъ, но и закоснѣлыхъ. Онъ не сомнѣвается, что это ему удастся.

И какое жалкое крушеніе онъ потерпѣлъ! Лучшіе изъ его общины смотрѣли на него съ изумленіемъ и только покачивали головами, равнодушные его осмѣивали, когда онъ хотѣлъ ихъ разбудить, а худшіе повернули оружіе и нападали на него до тѣхъ поръ, пока не лишили его должности и сана.

И развѣ судьба не возвратила ему теперь съ лихвой того, что она нѣкогда у него отобрала? Правда, за нимъ пошла лишь горсточка людей, и не богатые крестьяне или помѣщики, а бѣднѣйшіе изъ бѣдныхъ—поденщики и батраки. Но эти простые, невѣжественные люди собственными силами побѣдили въ себѣ демона, котораго онъ самъ въ юности, напрягая всѣ свои молодыя силы, не могъ побороть. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что они ангелы. Но каждый помѣщикъ долженъ считать себя счастливымъ, найдя такихъ трезвыхъ, преданныхъ и терпѣливыхъ работниковъ. Этихъ людей оставить на произволъ судьбы?!... Кровь бросилась ему въ голову, точно молотками застучало въ вискахъ... Безъ сомнѣнія, онъ поступалъ хорошо, совѣтуя имъ въ началѣ терпѣніе и миролюбіе. Анализируя свое поведеніе, онъ ясно понимаетъ, что не могъ поступать иначе. Когда онъ былъ молодъ, старые устои жизни держались еще прочно. Помѣщикъ на своей землѣ былъ маленькимъ самодержцемъ. Молча и терпѣливо несли батраки свой тяжелый жребій; самое несправедливое и жестокое обращеніе вызывало у нихъ лишь тихую жалобу. Роптать они не умѣли. Совершенно иной духъ царитъ теперь среди людей; они не только ропщутъ, нѣтъ—они начинаютъ защищаться отъ того, что имъ

кажется несправедливымъ. Но напрасно они надѣялись, что человѣкъ, который возвѣщалъ и толковалъ имъ слово Божіе, станетъ на ихъ сторону, будетъ утѣшать и поддерживать ихъ въ тяжелой борьбѣ. Онъ проповѣдывалъ имъ по воскресеньямъ, того или иного старался утѣшить и иногда имѣлъ успѣхъ. Но къ ихъ внутренней жизни, къ тому, что больше всего волновало и мучило ихъ, онъ относился совершенно безучастно. Вотъ почему тяжелое рѣшеніе переселиться они приняли безъ него, даже не посовѣтовавшись съ нимъ.

Онъ хорошо зналъ, что ихъ рѣшеніе созрѣло въ значительной степени подъ вліяніемъ досады изъ-за запрещенія совершать богослуженіе. Но рѣшающимъ мотивомъ было не это: его слѣдуетъ искать въ общемъ недовольствѣ положеніемъ.

И развѣ они не правы, когда хотятъ сбросить съ себя тяжелое ярмо, уйти туда, гдѣ ихъ рабочая сила будетъ выше оцѣниваться, гдѣ для нихъ возможно болѣе человѣческое существованіе?

Нѣтъ, только онъ, одинъ онъ малодушно отступилъ, трусливо отказался отъ того, чего они въ правѣ были ожидать въ виду его умственнаго превосходства—отъ роли ихъ вождя, Злость противъ самого себя охватила его: онъ трусливо прятался, прикрывался мертвой догмой, пока больная женщина не крикнула ему: „служеніе Богу выше служенія господину".

Не смотря на темноту, онъ пошелъ быстрѣе впередъ: онъ *долженъ* застать ихъ еще всѣхъ вмѣстѣ.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что ноги его вязнутъ, какъ будто спутанныя густой травой. Еще шагъ—и земля исчезла зъ-подъ ногъ: онъ полетѣлъ в низъ, тщетно ища, за что бы ухватиться. Въ одно мгновеніе онъ оказался по колѣни въ холодной, какъ ледъ, водѣ, ноги вязли въ липкой тинѣ. Съ невѣроятными усиліями ему удалось, однако, повернуться и ползкомъ выбраться изъ болота. „Впередъ!.. Скорѣе, скорѣе!.. Только бы пробраться къ амбару раньше, чѣмъ они разойдутся".

Наконецъ, темный еловый лѣсъ кончился. Вотъ широкій торфяникъ. Еще сотня шаговъ, и передъ нимъ неосвѣщенное зданіе, какъ колосъ, возвышающееся въ темнотѣ. Но не замѣтно ни малѣйшаго движенія, не слышно ни малѣйшаго звука.

„Неужели уже разошлись?!.." Онъ стучитъ кулаками въ стѣну, его голосъ побѣждаетъ бурю: „Неужели здѣсь нѣтъ никого? Это я—вашъ старый Іорданъ!.."

II.

Крестьяне оставались добрыми прихожанами все время, пока живъ былъ старый священникъ. Онъ говорилъ ихъ языкомъ, такъ какъ самъ былъ сыномъ крестьянина и выросъ среди тѣхъ, кому впослѣдствіи возвѣщалъ слово Божіе. Съ радостью спѣшили прихожане по воскресеньямъ утромъ въ церковь, являлись за нѣсколько часовъ до начала богослуженія, чтобы занять мѣста. Въ ожиданіи, они тихо пѣли одну за другой прекрасныя духовныя пѣсни о посѣвѣ или о жатвѣ, смотря по времени года. И часто старый священникъ съ серебристыми локонами, ниспадавшими на широкія плечи, тихо выходилъ изъ ризницы и подпѣвалъ хору прихожанъ, пока колокола не начинали звонить, призывая священника возложить на себя облаченіе для службы предъ алтаремъ.

Всякій, у кого случалось горе или несчастье, приходилъ къ священнику искать утѣшенія и просить совѣта. Онъ никогда не спрашивалъ у рабочаго, приходившаго просить о крещеніи ребенка, если ли у него деньги, чтобы уплатить слѣдуемое за требу. Какъ часто отъ отказывался отъ грошей, приносимыхъ женщинами, когда онѣ, медленно развязывая платокъ и отсчитывая деньги, клали ихъ на столъ!.. И какъ все круто перемѣнилось! Теперь запрещено пѣть въ церкви до начала богослуженія: „пѣсни крестьянъ-батраковъ не достаточно духовны",—говоритъ молодой ксендзъ. А изъ слѣдуемаго за требы онъ никому не уступитъ ни пфенига. Но что хуже всего, — онъ говоритъ ломанымъ мазурскимъ языкомъ, такъ какъ знаетъ его только по книжкамъ. Во время польскаго богослуженія церковь все рѣже и рѣже посѣщалась, пока, наконецъ, совершенно не опустѣла, такъ какъ крестьяне стали ходить на нѣмецкое богослуженіе, считая это болѣе приличнымъ.

Года два они оставались, какъ овцы, безъ пастыря, и ходили въ церковь только по большимъ праздникамъ. Къ Мартынову дню переселился въ имѣніе новый кузнецъ. Онъ пришелъ изъ Ортельбургскаго округа, гдѣ болѣе набожные крестьяне уже давно сходились для богослуженія. И на новомъ мѣстѣ кузнецъ каждое воскресенье у себя на дому молился и пѣлъ псалмы и духовныя пѣсни вмѣстѣ со своей женой и дѣтьми. Въ будни, въ свободные вечерніе часы онъ вслухъ читалъ своимъ домашнимъ Новый Завѣтъ. Вскорѣ

къ кузнецу примкнуло все рабочее населеніе имѣнія. Первыми пришли женщины. Мужчины нѣкоторое время упорствовали, такъ какъ раньше слыхали, что, кто хочетъ примкнуть къ сектѣ, долженъ дать зарокъ, что никогда не будетъ употреблять спиртныхъ напитковъ. Но, въ концѣ концовъ, и они сдались, и одинъ за другимъ начали появляться въ хижинѣ кузнеца. Въ одно воскресенье всѣ крестьяне-рабочіе въ сопровожденіи своихъ женъ отправились въ церковь. Послѣ литургіи каждый положилъ на алтарь мелкую монету и, опустившись на колѣни, шепотомъ далъ за себя и товарищей обѣтъ не употреблять спиртныхъ напитковъ. Послѣ этого женщины положили передъ алтаремъ по три поклона, мужчины шепотомъ прочитали „Отче нашъ“, пожали другъ другу руки и тихо удалились изъ церкви.

Когда молодой священникъ вышелъ черезъ Царскія врата, чтобы произнести проповѣдь, и замѣтилъ, что „громадскіе“ пришли въ церковь только за тѣмъ, чтобы дать свой обѣтъ, онъ разозлился и съ каѳедры разразился рѣзкими нападками на крестьянъ изъ имѣнія. Нѣсколько мѣсяцевъ они прожили тихо и незамѣтно. Случалось, что кто-нибудь напивался; но остальные не бранили провинившагося, сознавая, какъ трудно въ ихъ положеніи безъ водки. Какъ пчелиный рой ищетъ матки, они искали человѣка, который могъ бы имъ толковать писаніе, увѣщевать и утѣшать ихъ. Однажды кузнецъ написалъ своему другу въ Ортельбургъ, и въ ближайшее воскресенье пріѣхалъ проповѣдникъ. Все послѣобѣденное время ему пришлось говорить то въ одной, то въ другой хижинѣ, такъ какъ и изъ деревни пришло много людей, мужчинъ и женщинъ, и всѣ не могли собраться сразу, за недостаткомъ мѣста въ маленькихъ хижинахъ.

Когда проповѣдникъ уѣхалъ, крестьяне были очень огорчены, такъ какъ онъ не могъ обѣщать, что скоро опять ихъ посѣтитъ: онъ былъ только бѣдный портной и не могъ каждый разъ тратить трехъ дней, которые требовались на поѣздку туда и обратно. Черезъ нѣкоторое время онъ написалъ имъ, что въ Николейкенѣ есть человѣкъ, старый Іорданъ, который умѣетъ хорошо проповѣдывать, когда хочетъ.

Сначала крестьяне отнеслись недовѣрчиво къ старику, такъ какъ онъ въ деревнѣ считался чудакомъ и служилъ предметомъ для насмѣшекъ. Никто не зналъ достовѣрно, кто онъ такой. Но всякій, у кого останавливались часы или ломался ружейный замокъ, отправлялся къ старому Іордану. Старикъ умѣлъ все, даже расколотыя фаянсовыя вещи онъ склеивалъ такъ, что онѣ казались новыми, и никто не могъ

найти мѣста, гдѣ раньше была трещина. Для заболѣвшихъ домашнихъ животныхъ онъ приготовлялъ прекрасныя мази и микстуры. Людей онъ лѣчилъ бѣлыми пилюлями, которыя хранилъ въ стклянкахъ.

Когда тоска по хорошей проповѣди у всѣхъ стала невыносимой, трое изъ крестьянъ — Чехъ, Іеремія и Скорупа — рѣшились, наконецъ, пойти къ старику Іордану. Онъ жилъ совершенно одинъ въ большой избѣ, выходившей окнами и дверью во дворъ. И какъ странно была обставлена его единственная комната! Вдоль стѣнъ стояли различныя машины и среди нихъ одна, при помощи которой можно было даже рѣзать и буравить желѣзо. Съ потолка спускались кольца и клѣтки; въ нихъ птицы съ разноцвѣтными перьями наполняли хижину невѣроятнымъ шумомъ и пискомъ. Посрединѣ комнаты помѣщалась небольшая наковальня. На ней сидѣлъ воронъ, который при входѣ крестьянъ широко разинулъ клювъ и прокричалъ человѣческимъ голосомъ: „Доброе утро! Чего вамъ надо?“ У всѣхъ троихъ, какъ они потомъ разсказывали, кровь застыла въ жилахъ: хозяинъ этого жилища, вѣроятно, не простой человѣкъ... Онъ, можетъ быть, даже великій волшебникъ, потомокъ Циганиса.

Но едва старикъ повернулся отъ столярнаго верстака, за которымъ онъ работалъ, и взглянулъ на нихъ своими добрыми, большими голубыми глазами, крестьяне тотчасъ же почувствовали къ нему довѣріе; да онъ и выглядѣлъ почти такъ, какъ ихъ покойный старый священникъ Ничишка: рослый и сильный, съ гладко выбритымъ лицомъ и длинными бѣлыми волосами.

Онъ зналъ, зачѣмъ къ нему пришли крестьяне: проповѣдникъ изъ Ортельсбурга писалъ ему. Но ему не хотѣлось брать на себя такую обязанность.

— Дѣти, — сказалъ онъ, — вы не знаете, что значитъ исполнить ваше желаніе. Я, конечно, могъ бы проповѣдывать вамъ, такъ какъ я получилъ образованіе и званіе священника и не разъ читалъ проповѣди съ церковной каѳедры. Но то, что я проповѣдывалъ, не понравилось господамъ, имѣющимъ силу и власть, и мнѣ очень скоро пришлось уложить пожитки. Послѣ этого я долгіе годы странствовалъ по бѣлому свѣту и изучилъ не мало народовъ и странъ. Нигдѣ я не видѣлъ, чтобы тѣ, которые много говорили о своей праведности, на дѣлѣ оказывались лучше другихъ. Обо многомъ я думаю не такъ, какъ вы и большинство здѣшнихъ жителей. Объ этомъ я долженъ васъ заранѣе предупредить. Люди знаютъ, что я не бѣгу за толпой, въ угоду сильнымъ не называю сегодня бѣлымъ того, что вчера называлъ чернымъ.

Я никому еще не говорилъ того, что говорю вамъ теперь. Но многіе относятся ко мнѣ подозрительно и за моей спиной говорятъ: „это замаскированный красный или іезуитъ, который тайкомъ хочетъ взбунтовать народъ“. Это они говорили пять лѣтъ тому назадъ, когда я, состарившійся и измученный безконечными странствованіями, вернулся на родину; это они твердятъ еще и теперь. Что же они скажутъ, если я еще начну проповѣдывать среди васъ? — „Смотрите, развѣ мы не были правы? Онъ тайкомъ бунтовалъ батраковъ и рабочихъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не отпали отъ церкви“. Для меня это не важно, но вы можете пострадать. До сихъ поръ вашъ помѣщикъ, въ то же время и окружной начальникъ, не обращалъ вниманія на ваше богослуженіе и пѣніе... Это можетъ перемѣниться, и вы отъ этого только потеряете. Теперь идите домой и поговорите обстоятельно обо всемъ, что я вамъ сказалъ. Если вы и послѣ этого будете настаивать на своемъ, то я, пожалуй, не стану отказываться болѣе.

Вечеромъ того же дня собрались всѣ — мужчины и женщины. Крестьянинъ-собственникъ Ласкъ, который тоже принадлежалъ къ ихъ кружку, для этого вечера очистилъ свою большую комнату. Посѣтившіе Іордана передали все, что онъ имъ сказалъ слово въ слово; если одинъ изъ троихъ что-нибудь пропускалъ, остальные дополняли его разсказъ. Многіе изъ собравшихся были опечалены, такъ какъ должны были признать, что старикъ говорилъ правду. Женщинамъ же очень понравилось, что онъ учился „божественному“.

Первой говорила Яроцкая:

— Старикъ съ сѣдыми волосами, стоящій одной ногой въ могилѣ, не станетъ намъ проповѣдывать ложное ученіе.

— Что въ сущности можетъ намъ сдѣлать господинъ окружной начальникъ? - спросила другая женщина Виллуда.— Развѣ только запретить одно-другое собраніе, ничего больше. Но и это мы не должны позволить... Мужчины только не должны быть трусами. Если три-четыре семейства пригрозятъ уйти, господинъ немного поумѣритъ свою спѣсь.

Мужчины недовѣрчиво качали головами:

— Не тѣ теперь времена, — заговорилъ маленькій Корписъ.—Слишкомъ много поляковъ, ищущихъ работы, приходитъ теперь изъ-за границы. Владѣлецъ имѣнія, можетъ быть, даже будетъ очень радъ, если нѣсколько семействъ выселится отсюда: пришлымъ рабочимъ онъ можетъ давать содержаніе въ теченіе однихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, а къ зимѣ, когда работы мало, ихъ можно выпроводить обратно черезъ границу.

Но Виллуда не уступала.

— Если мы всѣ сразу выселимся,—кричала она,—господинъ останется на мели. Мнѣ уже много разъ приходило въ голову, не лучше ли намъ все бросить и отправиться въ ту страну... за Берлинъ... въ... какъ называется страна, гдѣ добываютъ изъ земли уголь?

— Вестфалія,—подсказали мужчины.

— Вотъ видите,—продолжала она,—вы уже тоже знаете объ этомъ. А хуже, чѣмъ здѣсь, намъ нигдѣ не будетъ.

Съ этимъ немедленно согласились всѣ женщины, а за ними и мужчины.

На слѣдующій день Чехъ отправился въ городъ къ старому Іордану и сказалъ ему, что крестьяне просятъ его сдѣлаться ихъ проповѣдникомъ, и что они будутъ относиться къ нему съ должнымъ уваженіемъ. Много платить наличными они не могутъ, такъ какъ они всѣ очень бѣдны. Но женщины по очереди будутъ ему приносить въ базарные дни то курицу, то масла, то яицъ, то рыбы или картофеля, смотря потому, что у нихъ въ данную минуту окажется на лицо. А къ рождественнымъ праздникамъ они ежегодно будутъ доставлять ему новую подушку въ пять фунтовъ вѣсомъ.—Такъ они рѣшили между собою.

Старикъ отрицательно качалъ головой, выслушивая эти обѣщанія. Чехъ испугался, думая, что онъ слишкомъ мало предлагаетъ, и на собственный страхъ и рискъ обѣщалъ еще три жирныхъ гуся. Больше онъ предложить не можетъ, такъ какъ о гусяхъ было только вскользь упомянуто, но никто на себя этой обязанности не взялъ. Іорданъ и на это отрицательно покачалъ головой.

— Какіе вы, однако, глупые люди: вы даете большія обѣщанія раньше, чѣмъ знаете, требую ли я вообще отъ васъ чего-нибудь.

Отъ удивленія физіономія Чеха, вѣроятно, приняла очень глупое выраженіе, потому что старикъ невольно улыбнулся.

— Я имѣю больше, чѣмъ мнѣ нужно, чтобы прожить; но если-бъ этого и не было, я бы всетаки не бралъ у васъ ни одного пфенига: что я дѣлаю для васъ, я дѣлаю во имя Божіе, и пусть никто не имѣетъ права сказать потомъ, что я при этомъ добивался корыстныхъ цѣлей. У меня есть еще и другое основаніе отказываться отъ платы: вы просите меня только проповѣдывать; я же хотѣлъ дать вамъ больше—стать вашимъ другомъ и совѣтникомъ во всѣхъ случаяхъ жизни. Въ этомъ вы нуждаетесь больше, чѣмъ въ проповѣдяхъ. Вы всѣ—большія дѣти, которымъ уходъ болѣе необходимъ, чѣмъ проповѣдь. Понравится ли вамъ это, я не знаю, такъ какъ

мало еще знакомъ съ вами. Но я быстро сумѣю оцѣнить ваше отношеніе. Не понравлюсь вамъ, мы тихо и мирно разойдемся.

Въ ближайшее воскресенье онъ пришелъ, чтобы произнести, какъ онъ самъ выразился, свою вступительную проповѣдь. Весело убирали женщины передъ богослуженіемъ просторную комнату въ домикѣ Ласка. Стѣны были украшены зелеными березовыми вѣтками, полъ устланъ свѣже нарубленной еловой и лиственной хвоей. Около окна у узкой стѣны помѣщался алтарь—маленькій столикъ, покрытый бѣлой скатертью, спускавшейся до пола. Молодыя дѣвушки сплели для алтаря вѣнокъ изъ папортника и всевозможныхъ цвѣтовъ, какіе только можно было найти въ это время года. Были приготовлены и двѣ восковыя свѣчи, купленныя въ складчину и привезенныя до обѣда изъ города двумя женщинами. Но свѣчи, очень толстыя, не входили ни въ одинъ подсвѣчникъ, и никто не зналъ, какъ ихъ приспособить, пока не пришелъ теплежникъ Галль. Онъ взялъ два большихъ кома размѣшанной глины и вставилъ въ нихъ свѣчи, а дѣвушки украсили ихъ толстыми вѣнками такъ, что незамѣтно было, изъ чего сдѣланы подсвѣчники. Между восковыми свѣчами лежала древняя Библія. Она была въ три раза больше и толще, чѣмъ всякая другая книга, и съ незапамятныхъ временъ переходила отъ одного поколѣнія Ласковъ къ другому. На пустомъ листѣ въ концѣ книги было написано, что „Самуилъ Адамъ Ласкъ въ 1590 году въ имѣніи Малесцевенъ, гдѣ была устроена первая типографія восточной Пруссіи, купилъ эту Библію за 100 польскихъ гульденовъ и двухъ трехлѣтнихъ быковъ, чтобы его дѣти и дѣти его дѣтей прилежно изучали ее и были въ состояніи жить по заповѣдямъ священнаго писанія“. Подъ этой надписью Самуилъ Адамъ Ласкъ вносилъ имена и дни рожденія своихъ дѣтей и внуковъ, а слѣдующія поколѣнія вклеивали новые листы бумаги и слѣдовали примѣру своего предка. Такимъ образомъ, у бѣднаго мазурскаго крестьянина оказалась родословная книга, какъ у какого-нибудь графа или князя.

Тотчасъ послѣ обѣда, когда женщины управились съ своимъ хозяйствомъ, всѣ собрались и пѣли духовныя пѣсни, какъ они дѣлали прежде въ церкви передъ богослуженіемъ. Когда они кончали одну пѣсню, старый Галль вставалъ и запѣвалъ новую. Ровно въ четыре часа, согласно обѣщанію, явился Іорданъ. На немъ былъ длинный черный сюртукъ, а шея была повязана бѣлымъ платкомъ, концы котораго ниспадали на его грудь, какъ воротнички у пастора.

Когда онъ вошелъ, женщины встали и поклонились ему,

продолжая пѣть, а старый Галль въ это время подошелъ къ алтарю и зажегъ восковыя свѣчи.

У дверей толпились молодыя дѣвушки и парни изъ имѣнія. Пришли изъ любопытства и многіе пожилые самостоятельные крестьяне, не принадлежавшіе къ особенно благочестивымъ. Сѣни были биткомъ набиты народомъ. Въ концѣ богослуженія, когда Іорданъ уже читалъ проповѣдь, пришелъ и окружной начальникъ и слушалъ у дверей.

Это было въ четвертое воскресенье послѣ Троицы. Когда присутствующіе пропѣли послѣдній стихъ, Іорданъ всталъ передъ алтаремъ, открылъ Евангеліе и прочелъ громко на этотъ день установленную отъ Луки 36 гл.: „не судите, да не судимы будете; не проклинайте, да не проклинаемы будете; прощайте, и вы будете прощены. Почему ты видишь сучекъ въ глазу своего ближняго и не замѣчаешь бревна въ своемъ глазу“?

Прочитавъ текстъ, Іорданъ сдѣлалъ маленькую паузу, чтобы дать время прихожанамъ разсѣсться по мѣстамъ, и затѣмъ началъ свою проповѣдь. Какъ плавно лилась его рѣчь! Батраки изъ имѣнія, которые еще во время послѣдней пѣсни громко разговаривали между собой, вдругъ притихли и сняли шапки; многія изъ женщинъ начали тихо плакать,—имъ казалось, что передъ ними говоритъ ихъ старый пасторъ Ничишка.

Въ рѣчи не было ни одного слова, которое не подходило бы къ нимъ; онъ толковалъ о томъ, какъ странствовать по узкой дорожкѣ, ведущей къ жизни. Они должны повиноваться властямъ, такъ какъ власть поставлена Богомъ; въ работѣ они должны быть преданы и добросовѣстны, какъ если бы имѣніе господина было бы ихъ собственнымъ—тогда милость Божья распространится на обѣ стороны. Многія слова были, повидимому, назначены и для помѣщика, который стоялъ у дверей, — въ особенности начало рѣчи,—на что всѣ обратили вниманіе. Онъ сказалъ: „наша сегодняшняя глава начинается словами: „не судите, да не судимы будете; не проклинайте, да не проклинаемы будете“. Это значитъ—вы не должны роптать на своего господина и кормильца, говоря, что онъ несправедливо поступаетъ съ вами, ибо въ такомъ случаѣ вы не замѣчаете бревна въ своемъ глазу. Вы должны молить своего господина, чтобы онъ надъ вами смилостивился, какъ царь, смилостивившійся надъ рабомъ лукавымъ...“

Съ того воскресенья уже прошло много недѣль; проповѣдь такъ тронула собравшихся, что женщины хотѣли цѣловать руку у проповѣдника, но онъ этого не допустилъ. Сна-

чала они были въ большой тревогѣ, заботясь о томъ, какъ на это посмотритъ господинъ окружной начальникъ. Лиза Галль, которая служила въ имѣніи и прислуживала у господъ за столомъ, слышала, что господинъ сказалъ своей женѣ: „Іорданъ дуракъ, но честолюбивъ, и было бы лучше положить конецъ его проповѣдямъ въ самомъ началѣ, раньше, чѣмъ онъ успѣетъ надѣлать бѣдъ“. Но жена сказала, что если онъ ничего больше не дѣлаетъ, какъ проповѣдуетъ людямъ, то можно спокойно ему это позволить. То же сказалъ старый надсмотрщикъ, служившій въ имѣніи уже двадцать лѣтъ.

Только господинъ фонъ-Кеглеръ былъ согласенъ съ владѣльцемъ имѣнія. Это былъ очень молодой человѣкъ, который пріѣхалъ изъ окрестностей Берлина, чтобы поучиться у опытнаго помѣщика веденію хозяйства. Онъ отъ владѣльца имѣнія жалованья не получалъ, а платилъ еще за свое содержаніе.

Фонъ-Кеглеръ сказалъ:—Что старый дуракъ проповѣдуетъ людямъ публично, мы, конечно, можемъ контролировать; но что онъ имъ нашептываетъ наединѣ, этого мы знать не можемъ.

До сбора хлѣба крестьяне каждое воскресенье слушали проповѣди. Затѣмъ наступило горячее страдное время, когда у крестьянъ и по воскресеньямъ не оставалось свободной минуты: имъ цѣлые дни приходилось косить и свозить снопы. Такъ прошелъ весь іюль. Къ началу августа работы поубавилось, и на второе воскресенье этого мѣсяца крестьяне пригласили Іордана возобновить богослужебныя собранія. Всѣ радовались предстоящему торжеству, женщины не жалѣли силъ, стараясь придать хижинѣ Ласка возможно болѣе праздничный видъ.

Но въ воскресенье утромъ владѣлецъ имѣнія велѣлъ позвать къ себѣ Чеха и Галля и сообщилъ имъ, что получилось предписаніе ландрата разсматривать ихъ сборища, какъ публичныя собранія, о которыхъ власти должны быть извѣщены за 24 часа до ихъ открытія. Такъ какъ о предстоящемъ въ тотъ день собраніи не было заявлено своевременно, онъ, какъ окружной начальникъ, это собраніе запрещаетъ.

Крайне опечаленные, крестьяне все послѣобѣденное время провели вмѣстѣ, распѣвая свои духовныя пѣсни. Но среди пѣсни вдругъ появился господинъ фонъ-Кеглеръ въ сопровожденіи полицейскаго сторожа и приказалъ замолчать: они должны немедленно разойтись по домамъ, такъ какъ это собраніе запрещено и должно быть распущено.

Если бы не алтарь въ комнатѣ, кто знаетъ, что сдѣлали

бы крестьяне: они всѣ терпѣть не могли молодого надсмотрщика. Онъ ничего еще не понималъ въ хозяйствѣ, отдавалъ нелѣпыя распоряженія, заставлялъ крестьянъ дѣлать самыя ненужныя вещи. Когда являлся старый надсмотрщикъ, онъ бранилъ рабочихъ за то, что они исполняли безтолковыя распоряженія Кеглера. Владѣльцу имѣнія онъ, однако, ничего не говорилъ о томъ, что творитъ молодой человѣкъ.

Однажды молодой надсмотрщикъ во время работы въ полѣ оскорбилъ рабочаго Войтека, который уже больше десяти лѣтъ работалъ въ имѣніи и за свою добросовѣстность и хорошую работу самимъ помѣщикомъ былъ назначенъ въ старшіе. Когда Войтекъ вмѣстѣ съ другими рабочими проводилъ канаву для стока воды, точь-въ-точь такъ, какъ семь лѣтъ тому назадъ для этого же поля велѣлъ дѣлать самъ помѣщикъ, пришелъ молодой надсмотрщикъ и приказалъ дѣлать это совершенно иначе. Войтекъ сталъ возражать, и фонъ-Кеглеръ схватилъ его за грудь и замахнулся палкой. Другой крестьянинъ, Іеронимъ, успѣлъ подскочить и схватить фонъ-Кеглера за руку. Изъ-за этого они помѣщику еще не стали жаловаться. Но когда Луиза Галль сказала отцу, что молодой человѣкъ ей проходу не даетъ, Войтекъ и Галль пошли къ помѣщику. Послѣдній имъ обѣщалъ наединѣ усовѣстить фонъ-Кеглера.

Положеніе рабочихъ, однако, не улучшилось, а скорѣе даже ухудшилось: молодой надсмотрщикъ послѣ жалобы крестьянъ старался вредить имъ, гдѣ только могъ. При раздачѣ продовольствія онъ заставлялъ ихъ ждать долго своего прихода и каждую мѣрку такъ сравнивалъ, словно отмѣривалъ для продажи.

Когда фонъ-Кеглеръ объявилъ собраніе распущеннымъ, крестьяне разошлись по домамъ огорченные и раздраженные; женщины плакали, а мужчины роптали, такъ какъ всѣ находили очень несправедливымъ, что имъ запретили даже пѣніе.

Но это еще не все: проповѣдникъ, по обыкновенію, къ четыремъ часамъ пришелъ изъ города. У воротъ помѣщичьяго дома стоялъ господинъ фонъ-Кеглеръ. Онъ остановилъ проповѣдника и сказалъ, что помѣщикъ запрещаетъ ему переступать порогъ рабочихъ хижинъ. Когда старикъ, ни слова не возразивъ, хотѣлъ продолжать свой путь, надсмотрщикъ грубо схватилъ его за руку и приказалъ немедленно повернуть обратно.

Въ отвѣтъ на это проповѣдникъ только разсмѣялся и сказалъ:

— Молодой человѣкъ, вы, кажется, не имѣете представле-

нія о нашихъ законахъ. Здѣсь, на большой дорогѣ, мнѣ никто не можетъ запретить ходить, куда я хочу; вашъ господинъ ошибся, давая такому опромечтивому человѣку, какъ вы, такія порученія. Отпустите мою руку, я хочу идти своей дорогой.

Тому, что случилось дальше, рабочіе, которые издали наблюдали эту сцену, еще долго потомъ радовались: молодой человѣкъ въ бѣшенствѣ схватилъ проповѣдника за рукавъ. Тутъ старикъ пустилъ свою правую руку въ ходъ, и, прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ оглянуться, господинъ фонъ-Кеглеръ лежалъ на колѣняхъ передъ Іорданомъ. Подняться онъ не могъ, такъ какъ Іорданъ держалъ его руку, словно въ тискахъ. И ему пришлось оставаться на колѣняхъ все время, пока старикъ читалъ ему надлежащую назидательную проповѣдь.

Съ тѣхъ поръ проповѣдникъ сталъ пользоваться еще большимъ уваженіемъ крестьянъ, чѣмъ до этой исторіи; надсмотрщикъ былъ сильный мужчина, а между тѣмъ онъ долженъ былъ стоять на колѣняхъ передъ старикомъ, какъ маленькій школьникъ передъ своимъ учителемъ. Это вызвало много толковъ въ деревнѣ и на помѣщичьемъ дворѣ, а мальчишки съ тѣхъ поръ стали дразнить господина фонъ-Кеглера ругательнымъ мазурскимъ словомъ, которое примѣняется къ людямъ, вѣчно ползающимъ на колѣняхъ.

Съ этого дня крестьяне начали проявлять крайнее недовольство. Вечеромъ нѣсколько рабочихъ отправились къ Ласку, гдѣ былъ Іорданъ, и долго съ нимъ разговаривали. Они возражали проповѣднику, когда тотъ увѣщевалъ ихъ вооружиться терпѣніемъ; но втайнѣ они рѣшили другое: еще послѣ обѣда они сговорились къ Мартынову дню всѣмъ сразу отказаться отъ службы. Что они потомъ предпримутъ, еще не было рѣшено. Нѣкоторые хотѣли поступить на службу къ сосѣднему помѣщику, который уже давно нуждался вт нѣсколькихъ рабочихъ семьяхъ; большинство не хотѣло переселяться въ Вестфалію. Въ одномъ они были всѣ согласны: къ Мартынову дню они должны всѣ отказаться отъ службы.

И они исполнили свое рѣшеніе. Перваго сентября они, одинъ за другимъ, явились къ помѣщику въ контору съ заявленіемъ, что отказываются отъ службы.

Первому рабочему господинъ только сказалъ: „хорошо, какъ хотите—мнѣ не придется васъ кормить въ продолженіе всей зимы“. Но, когда явился пятый, шестой, седьмой и восьмой,—помѣщикъ пришелъ въ бѣшенство и сталъ кричать: „Это вліяніе стараго дурака!“ Однако на слѣдующій

день онъ позвалъ къ себѣ одного, другого и третьяго, каждому обѣщалъ прибавку жалованья и продовольствія, если они останутся. Но рабочіе не дали опредѣленнаго отвѣта, и онъ послалъ за старикомъ Галлемъ.

— Галль,—сказалъ онъ,—вѣдь ты здѣсь въ этомъ помѣстьи выросъ. А теперь на старости лѣтъ хочешь переселиться отсюда? Твои родители и дѣды похоронены на здѣшнемъ кладбищѣ, а ты хочешь свои старыя кости тащить по бѣлому свѣту. Этого я отъ тебя не ожидалъ. Обременялъ ли я тебя когда либо работой? или былъ несправедливъ къ тебѣ, что ты теперь слѣдуешь совѣтамъ стараго дурака, который васъ бунтуетъ противъ меня?

У каретника сначала показались слезы на глазахъ: ничто не привязываетъ человѣка къ себѣ такъ, какъ могилы отцовъ и дѣтей. Но когда помѣщикъ такъ дурно заговорилъ объ ихъ проповѣдникѣ, который постоянно увѣщевалъ ихъ терпѣть, Галль отрицательно покачалъ головой и возразилъ:

— Господинъ, одинъ Богъ знаетъ, какъ мнѣ тяжело уходить съ родины, гдѣ я выросъ; но мы не можемъ иначе. Мы спокойные люди, не пьемъ уже годы спиртныхъ напитковъ, и каждое утро трезвыми приходимъ на работу. Мы бы не стали уходить отсюда даже и изъ-за господина фонъ-Кеглера, если бы могли спокойно совершать наше богослуженіе. Отъ пѣнія и молитвъ ни одинъ человѣкъ еще не дѣлался дурнымъ. Не принимайте, баринъ, моихъ словъ въ обиду, но то, что вы сказали о нашемъ проповѣдникѣ, несправедливо. Онъ никогда ни слова не говорилъ намъ противъ господъ, а, напротивъ, всегда насъ увѣщевалъ просить добромъ, миромъ.

Когда каретникъ кончилъ, наступило молчаніе. Помѣщикъ долго ходилъ въ раздумьи по комнатѣ, наконецъ, остановился передъ каретникомъ и, положивъ ему руку на плечо, сказалъ:

— Ты никогда меня еще не обманывалъ, старикъ, поэтому я тебѣ долженъ вѣрить. Но эти собранія!... Если-бъ вы хоть выбрали въ проповѣдники кого-нибудь другого, а не этого стараго Іордана... Вы, быть можетъ, не знаете, какое у него прошлое. Въ молодости онъ дѣйствительно былъ священникомъ, но началъ въ своихъ проповѣдяхъ говорить всевозможный вздоръ о равенствѣ, человѣческихъ правахъ и такъ далѣе.

— Намъ онъ никогда ни слова не сказалъ объ этомъ.

— Возможно, что онъ уже гдѣ-нибудь обломалъ себѣ рога. Но нельзя же такому человѣку позволить проповѣды-

вать. И кто знаетъ, что онъ,—можетъ быть, незамѣтно для насъ самихъ—вбилъ вамъ въ головы! Мнѣ передавали, что во время проповѣди онъ никогда не говоритъ о Богѣ. Если ты правъ, то мнѣ передавали не вѣрно. Но это нисколько не мѣняетъ дѣла: начальство считаетъ его очень подозрительнымъ человѣкомъ. Вы знаете, что я не самый высшій начальникъ: я получаю свои инструкціи отъ ландрата, а послѣдній отъ правительства. По мнѣ, если Іорданъ дѣйствительно такой, какъ ты говоришь, вы можете спокойно продолжать слушать его проповѣди. Но, если у него есть какіе-нибудь тайные планы, то... коса найдетъ на камень.

Помѣщикъ задумчиво зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Затѣмъ произнесъ:

— Теперь, Галль, выслушай внимательно, что я скажу. Я постараюсь дать возможность Іордану еще разъ—другой произнести свои проповѣди. За это, конечно, я немедленно получу головомойку отъ начальства; но я донесу, что старикъ не оказываетъ на васъ дурнаго вліянія, что переселиться вы хотите только изъ-за того, что господинъ фонъ-Кеглеръ не умѣетъ съ вами ладить. Если вы этимъ удовлетворитесь, я васъ всѣхъ оставлю у себя, хотя, откровенно говоря, я былъ бы доволенъ, если-бъ мнѣ зимой пришлось прокармливать на два-на три семейства меньше. На лѣто я могу достать, какъ вы всѣ знаете, сколько угодно польскихъ рабочихъ. Хочешь ли все это передать остальнымъ?

— Да, господинъ, я все передамъ имъ слово въ слово. Объ одномъ только я осмѣлюсь еще спросить: если господинъ ландратъ не позволитъ Іордану проповѣдывать, что тогда?

— Господи, не можете же вы и это поставить мнѣ въ вину!

— Нѣтъ, господинъ, этого мы не сдѣлаемъ. Мы, однако, всѣ думаемъ, что намъ не разрѣшатъ богослужебныхъ собраній, хотя бы мы и выбрали другого проповѣдника, а съ этимъ мы не можемъ мириться. Мы платимъ наши налоги, исполняемъ нашу работу и въ правѣ требовать, чтобы намъ не мѣшали служить Богу такъ, какъ мы находимъ лучшимъ. Вотъ почему мы всѣ того мнѣнія, что намъ лучше уйти сейчасъ, чѣмъ потомъ, когда труднѣе будетъ найти работу.

Послѣ этого разговора Іорданъ безпрепятственно произносилъ свои проповѣди нѣсколько воскресеній подъ рядъ. Не смотря на такую милость, женщины о соглашеніи съ помѣщикомъ и слушать не хотѣли. Онѣ твердили, что это придумано только для того, чтобы заставить ихъ остаться. И онѣ были правы: въ одно изъ воскресеній въ половинѣ

октября помѣщикъ созвалъ всѣхъ крестьянъ къ себѣ въ контору и спросилъ ихъ, хотятъ ли они оставаться. Онъ готовъ давать имъ на одну мѣрку ржи, на двѣ сажени земли для посѣва картофеля и на три талера больше, чѣмъ они получали до сихъ поръ. Никто изъ крестьянъ не хотѣлъ сказать ни да, ни нѣтъ. Они попросили времени для размышленія, чтобы поговорить съ женами. Вечеромъ во всѣхъ хижинахъ шла жестокая война: женщины яростно нападали на мужчинъ за то, что тѣ ни слова не сказали помѣщику о проповѣдникѣ.

Когда на слѣдующее утро помѣщикъ снова позвалъ къ себѣ крестьянъ; вмѣстѣ съ ними отправилось и нѣсколько женщинъ. Яроцкая взяла на себя поставить вопросъ о проповѣдникѣ. Но она ошиблась въ разсчетѣ: помѣщикъ безъ дальнихъ разговоровъ велѣлъ ей замолчать, едва она раскрыла ротъ, и выпроводилъ всѣхъ женщинъ изъ комнаты. Когда о томъ же попробовалъ заикнуться Галль, помѣщикъ пришелъ въ ярость и прогналъ также мужчинъ, не переговоривши съ ними. Дѣлалъ попытки вступить въ переговоры съ крестьянами и старый надсмотрщикъ Клуге, но и онъ ничего не добился. Крестьяне твердили одно: „если въ новомъ контрактѣ будетъ сказано, что мы имѣемъ право выселиться, какъ только будетъ запрещено хоть одно изъ нашихъ собраній, мы останемся. Если господинъ не согласится включить этотъ пунктъ въ контрактъ, мы уходимъ".

III.

Въ слѣдующее воскресенье во всей деревнѣ царило какое-то таинственное суетливое движеніе. Женщины перебѣгали изъ одной хижины въ другую и въ чемъ-то горячо убѣждали мужчинъ. Онѣ хотѣли, во что бы то ни стало, устроить собраніе, которое помѣщикъ на этотъ день запретилъ. Имъ хотѣлось, чтобы община еще хоть одинъ разъ собралась для общаго богослуженія раньше, чѣмъ разбредется.

Но гдѣ собраться?

Въ деревнѣ нельзя. Подъ открытымъ небомъ?—Погода отвратительна... Наконецъ, Виллуда набрела на счастливую мысль: можно собраться въ торфяномъ сараѣ.

Непосредственно за еловымъ лѣсомъ начинается огромное болото, которое тянется на десятки верстъ, вплоть до русской границы. Лѣтомъ, когда съ неба улыбается солнце, и душистые цвѣты дикаго розмарина колышатся вѣтромъ, болото прекрасно.

Но когда осенній дождь размягчаетъ черную почву въ липкую грязь, или буря, завывая, треплетъ сухіе кусты,— тогда и звѣрь, и охотникъ обходятъ эту негостепріимную мѣстность.

Не далеко отъ лѣса находится сарай, куда складывается для защиты отъ дождя высушенный торфъ. Здѣсь онъ остается до тѣхъ поръ, пока помѣщичьи возы не заберутъ его.

Камышевая крыша, растерзанная вѣтромъ, держится на не обтесанныхъ бревнахъ. Пауки безпрепятственно ткутъ между бревнами свою паутину, которая отъ черной торфяной пыли превращается въ темную вуаль.

Здѣсь-то крестьяне хотѣли совершить свое тайное бого служеніе; здѣсь они считали себя въ полной безопасности.

Передъ наступленіемъ сумерекъ, Виллуда, въ сопровожденіи двухъ мужчинъ, окольными путями пробралась къ сараю. Дверь была заперта, но это ихъ не смущало: они въ задней стѣнѣ высвободили двѣ доски, такъ что, раздвигая ихъ, можно было свободно проходить. Въ одномъ углу лежала еще куча торфа, въ другомъ были нагромождены доски, по которымъ лѣтомъ рабочіе на торфяникѣ двигали тяжелыя тачки. Въ одинъ часъ это неприглядное помѣщеніе совершенно преобразилось. Полъ, на которомъ лошади и возы оставили свои слѣды, былъ чисто выметенъ; изъ досокъ соорудили скамьи, разставленныя правильными рядами. Стѣны были убраны еловыми вѣтвями. У узкой стѣны помѣщался алтарь,—доска на двухъ деревянныхъ обрубкахъ—покрытый бѣлымъ полотномъ. Особенно усердно возились мужчины со стѣной за алтаремъ, стараясь закрыть вѣтвями всѣ щели и такимъ образомъ предупредить сквозной вѣтеръ.

Подъ защитой темной ночи пробрались туда и остальные крестьяне—въ одиночку или парами, чтобы не возбудить подозрѣнія. На послѣднее общее богослуженіе сошлись всѣ; только нѣсколькимъ старухамъ пришлось по необходимости остаться дома: не на кого было покинуть ребятишекъ-внуковъ.

Продолжавшій дуть порывами вѣтеръ то стихалъ, то съ удвоенной силой принимался трепать и рвать досчатыя стѣны сарая; моментами глухой гулъ отъ вѣтра напоминалъ низкіе аккорды органа, но звуки быстро росли и переходили въ бѣшеный вой и ревъ. Крестьянамъ приходилось въ школѣ слышать, что первые христіане собирались въ заброшенныхъ языческихъ храмахъ и могильныхъ склепахъ, чтобы тайкомъ молиться Богу. Теперь имъ казалось, что они сами превратились въ этихъ гонимыхъ первыхъ христіанъ. Еще днемъ на сходство съ первыми христіанами указала Виллуда: у нея

было достаточно свободнаго времени, чтобы заглядывать въ книги, которыя Лиза Галль тайкомъ таскала для нея изъ господскаго шкафа.

Тѣсно прижавшись другъ къ другу, они сидѣли на низкихъ досчатыхъ скамьяхъ; точь-въ-точь, какъ къ заутренѣ, которую служилъ въ школѣ учитель по книгѣ въ первый день Рождества, каждый изъ нихъ принесъ съ собою по свѣчѣ. Но слабый свѣтъ терялся въ широкомъ темномъ пространствѣ. Если-бъ кто-нибудь заглянулъ въ сарай черезъ крышу, ему бы показалось, что внизу расположились массами лѣсные свѣтляки.

Крестьяне пѣли усердно, но въ полголоса, какъ бы боясь быть услышанными. Мужчины, которые обыкновенно такъ весело вторили женщинамъ, сегодня тихо напѣвали мелодію октавой ниже, чѣмъ женщины. Какъ мрачная гора, надъ всѣми нависло предчувствіе нужды, горя, несчастья. Кто знаетъ, что имъ предстоитъ тамъ на далекой чужбинѣ! Что работа тамъ тяжелѣе, чѣмъ здѣсь на родинѣ, они знали; но не это ихъ пугало. Ихъ только ужасали глубокія ямы въ землѣ, откуда выкапывался уголь: иногда земля, какъ они слышали, обрушивалась надъ рабочими и хоронила ихъ сотнями сразу. Страхъ передъ этимъ охватилъ мужчинъ. Усерднѣе, чѣмъ когда-либо, они во время паузъ между пѣснями открывали послѣднія страницы молитвенниковъ, гдѣ были молитвы, спасающія отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ, и тихо шептали слова утѣшенія.

Паузы между пѣснями дѣлались продолжительнѣе, такъ какъ собравшіеся уже устали, а между тѣмъ Войтекъ и Чехъ, которые должны были привести проповѣдника, все еще не приходили. Крестьяне шепотомъ высказывали разныя предположенія: быть можетъ, погода была слишкомъ дурна для старика Іордана; быть можетъ, онъ боленъ, или его что нибудь вообще задержало...

Свѣчи, которыя они съ собой принесли, догорали, и одна за другой тухли. Только съ алтаря еще мерцалъ слабый огонекъ лампочки въ фонарѣ, который принесъ съ собою одинъ изъ крестьянъ.

Около часу они еще сидѣли, молча, другъ подлѣ друга, пока, наконецъ, старый Галль всталъ и запѣлъ еще одну пѣсню. Всѣ подпѣвали, но медленно, тягуче, словно имъ не хватало воздуха. При послѣднемъ стихѣ прибавилось два сильныхъ голоса: пришли, наконецъ, Войтекъ и Чехъ. Только когда замеръ послѣдній звукъ, они выступили впередъ, одни безъ проповѣдника. Со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы. Каретнику съ трудомъ удалось водворить тишину и дать воз-

можность Войтеку говорить. Въ нѣсколькихъ словахъ Войтекъ разсказалъ, что случилось: какъ проповѣдникъ отказался придти на запрещенное собраніе и какъ больная жена Чеха ему крикнула вслѣдъ: „служеніе Богу выше служенія господину".

На нѣсколько секундъ всѣ онѣмѣли отъ неожиданности и досады. Они не ожидали, что старикъ уйдетъ отъ нихъ, не сказавъ имъ ни слова утѣшенія, ни наставленія на дорогу. Затѣмъ, словно преодолѣвъ искусственную преграду, полился цѣлый потокъ обвиненій и проклятій противъ старика, передъ которымъ они до сихъ поръ благоговѣли, которому они должны были быть благодарны не только за проповѣди, но и за совѣты и помощь. Все хорошее, сдѣланное для нихъ Іорданомъ, какъ будто исчезло изъ памяти крестьянъ. Только старый Галль стоялъ нѣкоторое время въ сторонѣ, молча. Затѣмъ онъ всталъ на переднюю скамью и громко потребовалъ, чтобы его спокойно выслушали. Тѣнь отъ старика при тускло мерцавшемъ сзади фонарѣ приняла фантастически колосальные размѣры. Въ голосѣ Галля слышались и гнѣвъ, и скорбь:

— Не стыдно ли вамъ? Проклятіями и неистовствомъ вы заключаете свое богослуженіе. Этого ли заслужилъ отъ васъ нашъ старый проповѣдникъ? Въ бурю и дождь онъ прошелъ такой далекій путь, чтобы попасть къ вамъ, и ему даже въ голову не приходила мысль о вознагражденіи; за все время онъ не принялъ отъ насъ ни одной полушки, ни одного грошеваго подарка. Вамъ же онъ всѣмъ помогалъ, нерѣдко и деньгами, которыхъ онъ никогда не получалъ обратно...

— Галль правъ, — вскричалъ Войтекъ при этихъ словахъ.

Каретникъ продолжалъ съ возроставшимъ жаромъ:

— И въ чемъ вы можете упрекнуть его? Развѣ онъ не убѣждалъ васъ постоянно повиноваться власти? Неужели ему самому слѣдуетъ поступать не такъ, какъ совѣтывалъ намъ! Мы сами должны были бы понять, что онъ сегодня не придетъ. Кто изъ васъ сохранилъ въ себѣ хоть каплю чести, тотъ долженъ завтра же, или въ одинъ изъ ближайшихъ дней пойти въ городъ и просить у старика прощеніе за все, что говорилъ здѣсь противъ него. А теперь, чтобы укрѣпить намъ духъ, споемте на прощаніе пѣсню кающагося грѣшника.

Галль запѣлъ громкимъ голосомъ пѣсню покаянія. Къ нему тотчасъ же присоединились женщины, а за ними и мужчины.

— Раньше, чѣмъ разойдемся, прочтемъ еще разъ „Отче нашъ“.

Толпа въ темнотѣ медленно двинулась впередъ. Передніе ощупью отыскивали руками то мѣсто, гдѣ были вынуты доски, когда вдругъ снаружи кто-то началъ громко стучать кулаками въ стѣну сарая. Всѣ остановились, какъ парализованные; наступила мертвая тишина. Это могъ быть только молодой надсмотрщикъ; онъ, безъ сомнѣнія, вывѣдалъ о тайномъ собраніи у кого-нибудь изъ оставшихся дома старухъ.

Стукъ возобновился.

— Я здѣсь, я—вашъ старый Іорданъ, — донеслось снаружи.

Неожиданный испугъ смѣнился еще болѣе неожиданнымъ бурнымъ восторгомъ. Женщины смѣялись и рыдали въ одно и то же время... Всѣ окружили проповѣдника, цѣловали его руки, сюртукъ, рукава...

У взволнованнаго и растроганнаго старика выступили слезы на глаза: такого порыва радости онъ не ожидалъ отъ этихъ людей. Теперь только онъ понялъ, что они давно уже ждали отъ него еще кое-чего другого, кромѣ проповѣдей, что въ это мгновеніе у нихъ воскресла надежда. Онъ добился, наконецъ, того, чего такъ тщетно добивался въ молодости—любви и довѣрія цѣлой общины.

Долго онъ не могъ освободить своихъ рукъ: мужчины ловили ихъ для пожатія, женщины покрывали ихъ поцѣлуями.

Онъ стоялъ передъ алтаремъ, выпрямившись во весь ростъ. Буря улеглась. Послѣ наводившаго ужасъ бушеванія наступила торжественная тишина. На алтарѣ горѣли восковыя свѣчи и бросали красноватый отблескъ на его сѣдые волосы, окружая его голову словно сіяніемъ.

И онъ началъ свою проповѣдь. Нѣтъ, онъ не проповѣдывалъ, а говорилъ о томъ, чѣмъ была переполнена его душа. Его рѣчь звучала сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Они хотѣли его оставить, но онъ ихъ оставлять не хочетъ; онъ пойдетъ за ними, куда они хотятъ, если только они довѣрятся его руководству. Теперь только онъ знаетъ, какую пользу принесли ему его долгія странствованія: всѣ свои знанія, весь пріобрѣтенный опытъ онъ отдастъ на служеніе имъ.

У крестьянъ захватило дыханіе отъ восторга, когда онъ развернулъ передъ ними рисовавшуюся ему картину будущаго: они всѣ вмѣстѣ, свободные и независимые; каждый хозяйничаетъ на собственномъ участкѣ земли; они всѣ вмѣстѣ начинаютъ строить собственную церковь...

Они не знали, чего имъ больше хочется, собственной земли или собственной церкви. Они даже не спрашивали, куда ихъ хочетъ вести старикъ. Они тѣснѣе столпились вокругъ него, протягивая, какъ въ молитвѣ, руки, и снова поклялись не покидать другъ друга въ минуту нужды или опасности — каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго.

Нѣсколько дней вся деревня была охвачена движеніемъ.

Мигомъ разнеслась по всему округу вѣсть, что сектанты изъ Макошена съ своимъ проповѣдникомъ переселяются не въ Вестфалію,—о нѣтъ, гораздо дальше, черезъ океанъ, въ Америку, въ страну, названія которой никто еще не слыхалъ.

Со всѣхъ сторонъ приходили готовые переселиться крестьяне узнавать, могутъ ли они присоединиться къ партіи. Но Іорданъ всѣмъ отказывалъ: они составляютъ маленькое общество, въ которомъ члены знаютъ недостатки и достоинства другъ друга. Онъ не агентъ по переселенческимъ дѣламъ, а только вождь маленькой общины, собравшейся вокругъ него.

На слѣдующій же день послѣ тайнаго собранія, Іорданъ отправился къ амтсъ-Форштееру, чтобы получить для всѣхъ бумаги.

Взволнованный помѣщикъ осыпалъ его упреками и, наконецъ, отказался выдать документы: пусть крестьяне сами придутъ за бумагами. Старикъ на это только покачалъ головой. Какъ мелоченъ долженъ быть этотъ человѣкъ, отказывающійся сдѣлать то, что само собою разумѣется,—только для того, чтобы еще хоть одинъ разъ дать почувствовать свою силу. По пословицѣ—какъ панъ, такъ и хамъ—молодой надсмотрщикъ до послѣдней минуты мучилъ рабочихъ, гдѣ и чѣмъ только могъ. Десять разъ на день крестьяне сжимали кулаки; но удерживались отъ оскорбленія дерзкаго мальчишки, такъ какъ оскорбившіе, безъ сомнѣнія, были бы задержаны на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, пока разбиралось бы дѣло.

Въ ясное зимнее утро переселенцы пѣшкомъ отправились въ путь. Одна только телѣга съ ихъ багажомъ слѣдовала за ними. Всѣмъ было тяжело разставаться съ своимъ старымъ хламомъ, составлявшимъ до тѣхъ поръ ихъ имущество. Но въ этомъ пунктѣ Іорданъ былъ непоколебимъ: только платье и постель были взяты съ собою, все остальное было продано.

Со всѣхъ окрестныхъ деревень, какъ хищныя птицы, слетѣлись старьевщики. Сколько ни торговались переселенцы, многіе едва выручили за свои вещи на билеты до Бремена.

Но отсутствіе денегъ ихъ мало безпокоило.

На горѣ, гдѣ дорога поворачиваетъ въ городъ, они остановились. У ихъ ногъ лежало помѣстье и деревня, въ которыхъ большинство родилось и выросло. Широкое озеро въ блескѣ зимняго солнца было неподвижно, какъ расплавленный свинецъ. За темнымъ еловымъ лѣсомъ тянулось безконечное болото до покрытыхъ снѣгомъ горъ по ту сторону границы.

У всѣхъ были слезы на глазахъ. Взволнованными голосами они пропѣли прощальную пѣснь. Затѣмъ они повернулись и бодро двинулись впередъ, навстрѣчу будущему, которое имъ рисовалось въ чарующе-заманчивыхъ краскахъ.

Харьковскій университетъ въ пятидесятыхъ годахъ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

17-го января нынѣшняго года исполнилось столѣтіе со дня основанія харьковскаго университета, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ минетъ пятьдесятъ одинъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ изъ стѣнъ этого заведенія. И въ моей памяти развертывается картина моего пребыванія въ этихъ стѣнахъ—картина мрачная, печальная и вмѣстѣ съ тѣмъ дающая очень вѣскій матеріалъ для исторіи и характеристики русскихъ университетовъ въ ту пору...

Я перешелъ въ харьковскій университетъ изъ Ришельевскаго лицея (въ Одессѣ), гдѣ пробылъ два съ половиною года студентомъ юридическаго факультета—тоже весьма любопытныя, хотя больше комическаго характера, страницы моей жизни. Пріѣхалъ я въ Харьковъ въ концѣ ноября 1849, т. е. когда уже почти оканчивалось первое полугодіе. По университетскимъ правиламъ такое позднее поступленіе не допускалось, но, благодаря ходатайству нѣсколькихъ вліятельныхъ лицъ, меня приняли, съ тѣмъ, однако, чтобы я остался на первомъ курсѣ два, вѣрнѣе, полтора года. Я согласился, и съ января 1850 г. уже числился студентомъ историко-филологическаго факультета.

Попечительство учебнаго округа совмѣщалось въ эти годы съ харьковскимъ генералъ-губернаторствомъ; представителемъ того и другого являлся бывшій петербургскій оберъ-полиціймейстеръ С. А. Кокошкинъ, стяжавшій себѣ полицейскую славу уже въ этомъ послѣднемъ званіи и достойно поддерживавшій ее, какъ генералъ-губернаторъ и особенно какъ попечитель округа. Помню мое первое впечатлѣніе отъ лицезрѣнія этого сановника, давшее мнѣ понятіе о знакомствѣ его съ университетскимъ устройствомъ и вообще о солидности его образованности. Захотѣлось ему произвести „инспекторскій смотръ“ студентамъ. Въ актовой залѣ разставили насъ по факультетамъ. Инспекторъ, полковникъ Строевъ—человѣкъ добрый, но до комизма ограниченный, тщательно осмотрѣлъ насъ и остался доволенъ нашимъ внѣшнимъ

видомъ: мундиры (въ формѣ фраковъ), шпаги, треугольныя шляпы (составлявшія часть студенческой формы)—все оказалось въ должномъ порядкѣ; не менѣе тщательно были осмотрѣны инспекторомъ всѣ крючки и пуговицы на нашихъ одѣяніяхъ; замѣченные маленькіе изъяны въ этой области были тутъ же наскоро исправлены, и, окончивши эту операцію, милый полковникъ обратился къ намъ съ краткою, но энергическою рѣчью.

— Господа,—сказалъ онъ,—когда пожалуетъ его высокопревосходительство г. попечитель и, какъ я позволяю себѣ предполагать, обратится къ вамъ съ милостивыми словами: „Здравствуйте, господа!"—я приглашаю васъ воскликнуть громко, радостно и стройно: „Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство!" Прошу васъ произвести репетицію этого возгласа теперь, дабы я могъ судить объ удовлетворительности или неудовлетворительности его. Итакъ, господа...

„Субординація" въ ту пору была такъ велика—по крайней мѣрѣ въ большинствѣ студентовъ, что крикъ „здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство!" вылетѣлъ изъ горла собравшейся тутъ молодежи если не „радостно" и тѣмъ менѣе „стройно", какъ того желалъ заботливый инспекторъ, то всетаки почти безъ колебанія, а ужъ и безъ тѣни протеста—подавно. Стрѣевъ съ нѣкоторымъ сокрушеніемъ покачалъ головою.

— Недурно, господа,—какъ-то меланхолически произнесъ онъ,—но далеко не то, чего мы желали бы... Не слышно въ вашихъ голосахъ того, что́ свидѣтельствуетъ о воинской, такъ сказать, отвагѣ, о любви и преданности къ пекущемуся о васъ начальству... Но дѣлать нечего; надѣюсь, что выраженное *такимъ* образомъ привѣтствіе ваше не встрѣтитъ порицанія со стороны его высокопревосходительства.

Но вотъ и попечитель. Его фигура, выраженіе лица, манера держаться, все то, что́ опредѣляется нѣмецкими словами „äussere Erscheinung"—не заключали въ себѣ ничего, способнаго авторитетно подѣйствовать даже на ту часть молодежи (а она, повторяю, была довольно многочисленна), для которой „начальство" имѣло подавляющее своею силою и властью значеніе. Кокошкинъ былъ въ этомъ отношеніи просто дюжинный генералъ, безъ генеральскаго—особенно въ николаевское время—величія, высокаго роста, но довольно мизерный въ совокупности всѣхъ частей своей фигуры, съ глазами, въ которые всякій могъ смотрѣть равнодушно, безъ страха и уваженія, если не тревожился мыслью, что передъ нимъ стоитъ могущественный сатрапъ, отъ произвола котораго безусловно зависѣла судьба людей, ввѣренныхъ его „попеченію" и „руководительству".

— Здравствуйте, господа!—какъ-то небрежно прошамкалъ онъ, и къ ужасу нашего полковника, неотступно и благоговѣйно слѣдившаго за нимъ своими инспекторскими глазами, слегка поморщился, услышавъ наше не совсѣмъ „стройное" и совсѣмъ не „радостное"

привѣтствіе. Но никакого замѣчанія на этотъ счетъ онъ не сдѣлалъ, точно такъ же, какъ не вызвалъ съ его стороны никакого порицанія или одобренія произведенный имъ довольно основательно осмотръ нашихъ „амуницій“; очевидно, въ нихъ не оказалось ничего осебенно вопіющаго. Только у двухъ—трехъ студентовъ обдернулъ онъ мундиры, пробормотавъ: „нескладно сшито“,— и затѣмъ, обозрѣвъ порядокъ, въ которомъ мы были размѣщены въ залѣ, обратился къ сопровождавшему его ректору съ вопросомъ:

— Какъ вы ихъ разставили здѣсь?

— По факультетамъ, ваше в—прво,—отвѣчалъ ректоръ.

— Не одобряю; сообразнѣе съ цѣлью моего посѣщенія было бы разставить ихъ по аудиторіямъ.

Даже Строева подернуло на мгновеніе отъ этого мудренаго замѣчанія; ректоръ, конечно, предпочелъ ничего не возразить или отвѣтить, а образованный попечитель, спустя нѣсколько минутъ, спросилъ все того же ректора:

— Скажите, какой профессоръ читаетъ у васъ лекціи дисциплины?

— Такой каѳедры нѣтъ въ университетѣ, — отвѣчалъ совершенно уже смутившійся ректоръ.

— Напрасно и очень жаль! — съ генеральски-полицейскою авторитетностью замѣтилъ главный начальникъ края и учебнаго округа:—очень жаль, потому что дисциплина должна составлять основу всякаго обученія. Прошу васъ,—закончилъ генералъ эту рѣчь обращеніемъ уже къ намъ:—никогда не забывать, что дисциплина—главное дѣло.

И съ легкимъ, покровительственнымъ поклономъ, генералъ удалился...

Но чтó значило впечатлѣніе, произведенное этимъ смотромъ, въ сравненіи съ тѣмъ, которое оставило въ насъ на всю жизнь послѣдовавшеее скоро за тѣмъ посѣщеніе университета императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Это было весною 1850 года.

Въ ожиданіи императора, объявившаго, что онъ пріѣдетъ въ университетъ послѣ смотра гарнизону, насъ выстроили въ актовой залѣ. Вдоль одной боковой стѣны размѣстился медицинскій факультетъ, по стѣнѣ противоположной стали юристы и естественники, по средней стѣнѣ, какъ разъ противъ входныхъ дверей, вытянулся нашъ факультетъ, историко-филологическій, самый немногочисленный. Позади насъ помѣщалась высокая и широкая каѳедра, съ которой читались рѣчи на торжественныхъ собраніяхъ. Въ числѣ моихъ товарищей находился студентъ Сибилевъ, плотный и высокій юноша, съ волосами почти огненнаго цвѣта, имѣвшими видъ жесткой щетины, и огромными, тоже щетинистыми бакенбардами; носить на лицѣ это украшеніе не воспрещалось.

Тревожно ожидали мы появленія государя. Но вотъ настала торжественная минута. Николай Павловичъ быстрыми шагами вошелъ въ залу въ сопровожденіи попечителя и свиты, на нѣсколько секундъ остановился посрединѣ и затѣмъ такъ же быстро направился прямо къ намъ, злосчастнымъ историко-филологамъ. Тутъ онъ ткнулъ пальцемъ въ сторону студента Сибилева и, повернувшись къ Кокошкину, гнѣвно крикнулъ:

— Что это за фигура?

Растерялся ли нашъ попечитель отъ гнѣвнаго окрика, или не понялъ вопроса, но онъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Каѳедра, ваше императорское величество!

Николай Павловичъ страшно вспыхнулъ.

— Не о ней я спрашиваю,—закричалъ онъ такимъ голосомъ, что всѣ, собравшіеся въ залѣ, буквально помертвѣли,—а объ этомъ уродѣ... (Послѣдовало прямое указаніе на Сибилева). Сейчасъ же остричь и обрить!

И изъ устъ государя неудержимымъ потокомъ полились, обращенныя къ Кокошкину, грозныя рѣчи, среди которыхъ прозвучала, какъ повелѣніе, фраза:

— Выгони всѣхъ, пусть останется хоть одинъ, но чтобъ былъ похожъ на человѣка!

Пятьдесятъ пять лѣтъ прошло съ этихъ минутъ, а въ моей памяти онѣ стоятъ, точно вчерашнія; какъ живая, возвышается передъ моими глазами колоссальная, красивая фигура Николая, съ его глазами, изъ которыхъ буквально сыпались искры, съ легкой пѣной на краю губъ, съ громовымъ и при этомъ музыкально звучнымъ голосомъ... Уже при входѣ его въ залу намъ бросилось въ глаза нахмуренное выраженіе его лица; какъ оказалось потомъ, онъ пріѣхалъ въ университетъ уже разсерженный безпорядкомъ, въ которомъ ему представилось на смотру войско. Послѣ инцидента съ Сибилевскими бакенбардами, это скопленіе тучъ на лицѣ государя разразилось страшною грозой... Вызывавшееся этою сценою въ насъ чувство было не чувство обыкновеннаго — хотя и сильнаго, но всетаки обыкновеннаго — страха, какое испытываетъ человѣкъ, когда дрожитъ за свою личную безопасность; ничего похожаго на *такую* боязнь мы не ощущали, какъ не подымалось также въ нашихъ сердцахъ ни негодованіе, ни возмущеніе, ни что-либо подобное, — и только послѣ того, какъ грозный посѣтитель удалился, и мы нѣсколько очнулись, пришли въ себя, это гипнотическое состояніе смѣнилось другимъ, уже сознательнымъ и, надѣюсь, всякому понятнымъ...

Николай Павловичъ уѣхалъ — и въ университетѣ началась „чистка“.

Слова государя: „выгони всѣхъ, пусть останется хоть одинъ, но чтобъ былъ похожъ на человѣка!“ — эти слова Кокош-

кинъ счелъ необходимымъ выполнить съ буквальной точностью. Чуть не двѣ трети студентовъ были уволены изъ университета, парикмахеръ и цирюльникъ были заняты съ утра до вечера бритьемъ и стрижкою „помилованныхъ", инспекторъ Строевъ былъ посаженъ на гауптвахту (по приказанію государя) и смѣненъ, а на мѣсто его поставленъ полковникъ Эйлеръ, до того времени, какъ намъ говорили, служившій гдѣ-то брандъ-маіоромъ. Этому крутому и жестокому человѣку, взглянувшему на дѣло съ грубо солдатской точки зрѣнія, усердно помогалъ въ операціяхъ надъ студенческой братіей субъ-инспекторъ Засядко, котораго студенты давно уже прозвали „гіеной" изъ-за его хищнаго, всегда исподлобья, взгляда, какой-то воровски крадущейся походки, всѣхъ пріемовъ опытнаго и осторожнаго шпіона. Студенты постоянно трунили надъ нимъ, хотя и боялись его доносовъ, на которые онъ былъ мастеръ. Помню, между прочимъ, маленькія сценки, происходившія послѣ того, какъ нашъ попечитель прислалъ въ университетъ знаменитое распоряженіе: „слѣдить (т. е. университетскому начальству) за тѣмъ, чтобы въ умахъ студентовъ не оставалось впечатлѣнія отъ лекцій профессора Мицкевича" (брата знаменитаго поэта), читавшаго въ Харьковѣ римское право. Въ первые дни послѣ этого распоряженія прогулка Засядки по корридорамъ, въ промежуткахъ между лекціями, сдѣлалась особенно учащенною и внимательною. А студенты подходили къ нему, приближали лбы къ его глазамъ и говорили: „Дементій Ивановичъ, можетъ быть, вы хотите взглянуть въ наши мозги для осмотра впечатлѣній отъ лекцій Мицкевича?" — „Шутите, шутите, господа, — невозмутимо и со своей гаденькой улыбочкой отвѣчала наша „гіена",—для меня и ваши мозги открыты..."

Такъ вотъ эта парочка — Эйлеръ и Засядко — съ образцовой быстротой приводили въ исполненіе велѣнія попечителя, и ихъ дѣйствія послужили мнѣ—уже тогда упражнявшемуся въ стихотворствѣ—поводомъ къ пародіи на оду Державина „На смерть князя Мещерскаго". Нѣсколько стиховъ изъ нихъ уцѣлѣли въ моей памяти:

Глаголъ временъ, металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ. *)
Вотъ колокольчикъ слышенъ; онъ
Студентовъ къ лекцьямъ приближаетъ,
Студентъ въ швейцарскую войдетъ—
Инспекторъ Эйлеръ тамъ скрежещетъ,
Какъ молньей, желтой каской блещетъ
И дни его, какъ злакъ, сѣчетъ.
Никто *отъ роковыхъ когтей,*
Никой студентъ не убѣгаетъ,
Хоть будь уменъ, хоть дуралей,
Онъ всѣхъ въ дежурную сзываетъ;
Онъ никому ни другъ, ни братъ;
Какъ льются франта комплименты,
Такъ въ карцеръ падаютъ студенты—
Разитъ ихъ доблестный солдатъ.

*) Курсивомъ—стихи Державина.

. . . . . .
Великолѣпный брандъ-маіоръ,
Во что ты, Эйлеръ, обратился?
Оставилъ свой пожарный дворъ
И въ міръ науки устремился.
Здѣсь перстъ твоя, а сердца нѣтъ.
Но гдѣ-жъ оно? Увы! не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
„Погибъ нашъ университетъ!"

. . . . . .
И Эйлеръ тамъ на всѣхъ глядитъ:
И на юристовъ-богачей
Въ воротникахъ своихъ бобровыхъ,
И на серьезныхъ лѣкарей,
И на словесниковъ здоровыхъ,—
На сюртуки, и на власы,
И на мундирныя подкладки,
Доносы слушаетъ Засядки
И крутитъ рыжіе усы...

Гнѣвъ Николая Павловича обрушился не только на университетъ. Отсюда онъ пріѣхалъ въ гимназію и прошелъ прямо въ лазаретъ. Лежавшіе тамъ гимназисты, въ ту минуту, какъ коляска государя подъѣзжала къ заведенію, повскочили со своихъ кроватей и кинулись къ выходившимъ на улицу окнамъ; но немедленно, по приказанію находившагося тутъ же доктора, устремились обратно на свои ложа, при чемъ въ переполохѣ многіе перепутали кровати, легли не на свои мѣста. Государь подошелъ къ первой кровати, надъ которою. на прикрѣпленной къ желѣзной палкѣ дощечкѣ, значилось названіе болѣзни паціента: „перемежающаяся лихорадка", „febris intermittens".

— Ты чѣмъ боленъ?—спросилъ онъ мальчика.

— У меня воспаленіе легкихъ,—отвѣчалъ тотъ.

Николай Павловичъ кинулъ взглядъ на дощечку съ надписью и перешелъ къ слѣдующей кровати, съ надписью „воспаленіе легкихъ".

— А у тебя что?

— Лихорадка.

Послѣ нѣсколькихъ такихъ же вопросовъ и такихъ же отвѣтовъ, августѣйшій посѣтитель повернулся къ сопровождавшему его доктору.

— Это что у тебя за порядки?—гнѣвно крикнулъ онъ.

— Это,—отвѣчалъ врачъ,—они отъ радостнаго волненія въ ожиданіи лицезрѣнія вашего императорскаго величества перепутали свои кровати...

— Посадить его на гауптвахту!—еще гнѣвнѣе крикнулъ Николай Кокошкину и уѣхалъ, не захотѣвъ даже взглянуть на собравшихся въ актовомъ залѣ гимназистовъ.

Этотъ докторъ, Иванъ Николаевичъ Рейпольскій, былъ очень курьезная личность. Круглый годъ, и лѣто и зиму, даже въ самые крутые морозы, онъ ходилъ по улицамъ въ одномъ вицъ-

мундирѣ, безъ перчатокъ, въ ватномъ картузѣ съ огромнымъ козырькомъ, и только въ очень сырую погоду облекался въ широчайшую и длиннѣйшую шинель темно-коричневаго цвѣта, съ множествомъ воротниковъ. Считался онъ человѣкомъ довольно ученымъ, благодаря своему учебнику естественной исторіи; но какой успѣхъ эта книга имѣла въ публикѣ, можно судить по тому, что онъ свою „Естественную Исторію" называлъ своимъ единственнымъ „недвижимымъ имуществомъ", ибо она, по его словамъ, недвижимо лежала вся, за исключеніемъ двухъ-трехъ экземпляровъ, на чердакѣ его квартиры, въ теченіе многихъ лѣтъ со дня ея выхода изъ печати. Всѣ рѣшительно иностранныя слова онъ безпощадно изгонялъ изъ своей рѣчи, и у меня записанъ рапортъ, поданный имъ однажды инспектору университета: „Господину надзирателю училища всѣхъ училищъ (университета). Имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего высокоблагородія, что учащійся (студентъ) врачебной способности перваго побѣга (медицинскаго факультета перваго курса) Степанъ Ардаліоновъ заболѣлъ лихорадкой, вслѣдствіе чего не можетъ являться на свои занятія". Его „мокроступы", вмѣсто „калошъ", вошли въ поговорку; было много и другихъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ въ такомъ же родѣ. При этомъ Иванъ Николаевичъ обладалъ недюжиннымъ остроуміемъ. Когда послѣ семидневнаго сидѣнія на гауптвахтѣ онъ пришелъ по какому-то дѣлу въ университетскую „дежурную", гіена Засядко встрѣтилъ его ядовитой улыбочкой и вопросомъ:

— Что, Иванъ Николаевичъ, посидѣли въ клѣткѣ?

— Посидѣлъ, — отвѣчалъ старикъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, — и вотъ что я вамъ скажу, достопочтенный Дементій Ивановичъ: львы и прочія благородныя животныя обыкновенно сидятъ въ клѣткахъ, ослы же и свиньи—никогда. Мое почтеніе!

Годъ спустя послѣ этихъ событій Николай Павловичъ снова пріѣзжалъ въ Харьковъ. Задолго до того, какъ стало извѣстно о его предстоящемъ посѣщеніи, наше начальство принялось съ величайшимъ рвеніемъ за чистку и полировку студентовъ, т. е. ихъ внѣшняго вида, за приведеніе ихъ въ образъ „человѣковъ". Чтеніе лекцій, какъ дѣло второстепенное, было отодвинуто на задній планъ; за то осмотры наружности, костюмовъ и т. п. заняли первенствующее мѣсто въ университетской жизни. Каждаго студента—буквально каждаго—по одиночкѣ водили въ дежурную, гдѣ инспекторъ подвергалъ строжайшей ревизіи волосы, сурово уничтожая, приказаніемъ остричься и побриться, всякую, казавшуюся ему непомѣрною, противозаконною длину ихъ и все, являвшееся хоть малѣйшимъ намекомъ на усы или бакенбарды; такая же ревизія производилась надъ мундирами, шпагами, треугольными шляпами; многимъ приходилось являться на это освидѣтельствованіе по нѣскольку разъ, пока, наконецъ, инспекторъ не признавалъ возможнымъ поставить осматриваемому „удовлетворительный баллъ". Живо помню терзанія, которыя долго выно-

рилъ мой мундиръ — собственно его фалды, признававшіяся то слишкомъ длинными, то опять—послѣ усѣченія ихъ — слишкомъ укороченными, и т. п. Когда окончились эти одиночные осмотры, начались смотры общіе, производившіеся послѣдовательно инспекторомъ, помощникомъ попечителя (кн. Цертелевымъ) и, наконецъ, самимъ Кокошкинымъ. Насъ учили стоять на вытяжку, „съ молодецки военнымъ видомъ“, какъ выражался инспекторъ, проходить церемоніальнымъ маршемъ, кричать „здравія желаемъ“, при чемъ каждый изъ производившихъ смотръ „модулировалъ“ этотъ возгласъ по своему, совершенно сбивая насъ съ толку — на какомъ же слогѣ надо повышать голосъ, на какомъ дѣлать особенно сильное удареніе, и т. п., и т. п.

Но, увы! — все это рвеніе нашего начальства осталось безплоднымъ. Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Харьковъ и—не захотѣлъ посѣтить университетъ.

— Я знаю, — сказалъ онъ Кокошкину — что теперь ты ихъ остригъ и обрилъ, какъ слѣдуетъ...

Черезъ нѣсколько времени послѣ обрушившейся на университетъ грозы, началось успокоеніе. Почти всѣ уволенные студенты были—вѣроятно, по распоряженію изъ Петербурга—снова приняты, и университетская жизнь потянулась своей обычной колеей.

Печальная и грязная колея, по которой тащили насъ, студентовъ, не только наши начальники-полицейскіе, но и профессора, по крайней мѣрѣ значительная часть ихъ!

Взяточничество практиковалось этими учеными мужами самымъ патріархальнымъ образомъ и въ грандіозныхъ размѣрахъ. Наиболѣе распространеннымъ видомъ этихъ поборовъ было содержаніе „пансіонеровъ“. Наши руководители въ области науки давали у себя пріютъ, за весьма почтенную плату, сыновьямъ богатыхъ помѣщиковъ, и каждый изъ этихъ милыхъ юношей могъ быть твердо увѣренъ, что, хоть ни разу за всѣ четыре года не загляни онъ въ университетъ, его, благодаря круговой порукѣ между содержателями „пансіоновъ“, будутъ безпрепятственно переводить изъ курса въ курсъ, а если онъ обнаружитъ хоть чуточку знаній, то будутъ охотно удостоивать степени кандидата. Но этою „благовидною“ формою взяточничества дѣло не ограничивалось: не державшіе пансіонеровъ профессора прибѣгали къ болѣе элементарнымъ способамъ набивки своихъ кармановъ. Профессоръ латинской словесности бралъ съ поступавшихъ въ университетъ (тогда существовали вступительные экзамены) и переходившихъ изъ курса въ курсъ не только звонкою монетой и бумажками, но не брезгалъ и серебряными ложками; профессоръ богословія принималъ даже росписки слѣдующаго содержанія: „Симъ обязуюсь, въ случаѣ, если на экзаменѣ изъ богословія получу удовлетворительный баллъ, уплатить г. профессору такую-то сумму“; лектору нѣмецкаго языка въ лексиконъ, лежавшій у

него на столѣ, экзаменующійся, которому этотъ лексиконъ вручался „для справокъ", вкладывалъ ассигнацію болѣе или менѣе крупнаго достоинства...

Нравственнымъ правиламъ ученыхъ мужей соотвѣтствовали ихъ преподавательскія познанія и способности. Исторію русской литературы въ тотъ годъ, когда я поступилъ въ университетъ, дочитывалъ, предъ окончаніемъ своей службы, проф. Якимовъ, переводчикъ „Короля Лира". Помню его заключительную лекцію: она была посвящена Карамзину, и закончилъ онъ ее словами: „Познакомивъ васъ подробно съ симъ знаменитымъ писателемъ, патріотомъ и государственнымъ человѣкомъ, считаю излишнимъ идти въ моемъ изложеніи далѣе, ибо то, что́ появлялось въ русской литературѣ послѣ Карамзина, не заслуживаетъ серьезнаго научнаго изученія; нѣкоторое исключеніе составляетъ Пушкинъ, но и онъ принадлежитъ болѣе къ области легкой словесности для препровожденія времени, чѣмъ къ области науки". Помню также его возраженія на магистерскомъ диспутѣ М. И. Сухомлинова, диссертація котораго была посвящена „Русалкѣ" Пушкина: къ числу недостатковъ этого произведенія, яко бы не указанныхъ диспутантомъ, Якимовъ присоединялъ умолчаніе Пушкина о томъ, что́ происходило между княземъ и русалкой послѣ того, какъ эта послѣдняя увлекла его на морское дно... Одновременно съ Якимовымъ и еще нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его ухода читалъ намъ русскую литературу (преимущественно народную словесность) Амвросій Метлинскій, пользовавшійся довольно громкою извѣстностью между малороссами, какъ знатокъ ихъ литературы. Это былъ очень добродушный и очень скучный преподаватель, до слезъ умилявшійся при чтеніи и объясненіи украинскихъ пѣсенъ (на которыя онъ особенно напиралъ), и когда я вспоминаю его лекціи, то въ моихъ ушахъ звучитъ тургеневское „Грае, грае, воропае..."

О всеобщей исторіи литературы у насъ не было и помину; эта каѳедра въ ту пору не существовала. Всеобщую исторію читалъ Рославскій-Петровскій. Не знаю почему, его считали человѣкомъ ученымъ; знаю только, что онъ изъ года въ годъ читалъ буквально одно и то же и заставлялъ студентовъ буквально „зубрить" его лекціи, написанныя необычайно витіеватымъ слогомъ, не отступая отъ нихъ ни на одну букву. На одномъ изъ экзаменовъ мнѣ попался билетъ о пуническихъ войнахъ; у Рославскаго-Петровскаго изложеніе ихъ начиналось словами: „если справедливо, что одно завоеваніе влечетъ за собою другое, то ни римляне, оставшись побѣдителями, ни карѳагеняне, оставшись побѣжденными" и т. д. Я, не знавшій еще зубрильныхъ требованій профессора, началъ такъ: „Пуническихъ войнъ, происходившихъ между римлянами и карѳагенянами, было три..." — „Если справедливо,—забормоталъ экзаменаторъ,—вотъ именно (слова, которыя онъ безпрырывно вставлялъ въ свою рѣчь), что одно за-

воеванiе...“ Не смутившись этою перебивкой моего отвѣта я продолжалъ:—„Первая пуническая война продолжалась отъ...“— „Если, вотъ именно, справедливо, что одно завоеванiе...“—уже довольно сердито снова перебилъ меня профессоръ, и когда я, опять не обративъ вниманiя на эти слова, продолжалъ „своими словами“, онъ уже совсѣмъ гнѣвно крикнулъ: „Если справедливо, что, вотъ именно, одно завоеванiе влечетъ за собою другое...“ Тутъ только я понялъ, чего онъ хочетъ, вспомнилъ его записки и въ тонъ ему заговорилъ: „то ни римляне, оставшись побѣдителями, ни карфагеняне, оставшись побѣжденными...“ И затѣмъ продолжалъ, стараясь, насколько позволяла моя память, держаться по возможности профессорскаго текста. Экзаменаторъ немного успокоился, но всетаки поставить мнѣ больше тройки не нашелъ возможнымъ.

Русскую исторiю преподавалъ Зернинъ, человѣкъ такого маленькаго роста и съ такимъ дѣтскимъ лицомъ, что когда онъ однажды пошелъ со своей женой (совершенно похожей на него наружностью) нанимать квартиру, то хозяинъ сказалъ этой супружеской четѣ: „пусть пожалуютъ ваши родители, мы съ ними сговоримся“. Но это была личность вполнѣ честная и добросовѣстная, рѣзко выдѣлявшаяся изъ среды своихъ коллегъ; читалъ онъ ясно и толково, хотя собственнаго своего вносилъ въ лекцiи очень мало, а иногда цѣлыя эпохи исторiи читалъ прямо по печатному (чужому) изъ книги, которую приносилъ съ собой.

Философiю „упразднили“ изъ всѣхъ университетовъ какъ разъ предъ моимъ поступленiемъ въ студенты, замѣнивъ ее логикой и чѣмъ-то въ родѣ психологiи и поручивъ преподаванiе ихъ профессору богословiя. До того времени этотъ предметъ читалъ профессоръ Протопоповъ, человѣкъ до тупости ограниченный, примѣнявшiй на практикѣ свое философское мiросозерцанiе оказыванiемъ самаго широкаго гостепрiимства „пансiонерамъ“. Протопопова, какъ профессора философiи, я уже не имѣлъ счастiя слушать; но разсказы о немъ сохранялись въ памяти студентовъ и переходили изъ устъ въ уста; особенно славилось его опредѣленiе логики, занимавшее перiодъ въ полторы страницы и до такой степени нелѣпо туманное, что повторить его можно было не иначе, какъ выдолбивши наизусть, потому что понять смыслъ этой чепухи было невозможно... Когда каѳедра философiи перешла въ вѣдѣнiе священника (того самаго, который принималъ росписки), Протопопову поручили чтенiе политической экономiи. Въ наше время она входила въ кругъ предметовъ историко-филологическаго факультета, но Протопоповъ не имѣлъ объ этой наукѣ ни малѣйшаго понятiя, чтó не помѣшало ему, нимало же не сумняся, взяться за преподаванiе. Составленныя имъ по двумъ-тремъ популярнымъ иностраннымъ сочиненiямъ записки представляли собой верхъ совершенства, конечно, въ отрицательномъ смыслѣ; достаточно напримѣръ сказать, что цѣлая большая глава была посвящена

краснорѣчивому описанію лондонскихъ прачешныхъ, и, читая ее, профессоръ прибавлялъ разныя пикантныя подробности о прачкахъ, соблазнительной бѣлизнѣ ихъ локтей и т. п. Предметъ, который онъ читалъ, былъ такъ основательно знакомъ ему, что на экзаменахъ онъ держалъ передъ собой свои записки и, слушая отвѣтъ, слѣдилъ за нимъ по тетрадкѣ, водя пальцемъ по строкамъ. Вспоминаю забавный эпизодъ, имѣвшій мѣсто на моемъ экзаменѣ. Я вполнѣ хорошо приготовился и не зналъ только одного вопроса—о поземельной рентѣ Рикардо; не зналъ преимущественно потому, что въ запискахъ Протопопова этотъ вопросъ былъ изложенъ невѣроятно безтолково. Но какъ это часто случается,—мнѣ попался именно этотъ билетъ. Передъ другимъ экзаменаторомъ я бы отказался отвѣчать; но тутъ—„смѣлымъ Богъ владѣетъ“, подумалъ я, и съ необыкновенной быстротой, безъ малѣйшей запинки, началъ высыпать въ ужасающемъ безпорядкѣ, до нелѣпости сумбурно, все то немногое, что́ осталось у меня въ головѣ изъ знаменитыхъ записокъ, прибавляя кое-что и изъ другихъ вопросовъ. Мой экзаменаторъ забѣгалъ пальцемъ по строкамъ своей тетрадки, но услѣдить за мной было невозможно: я несся, какъ дикая лошадь. Послѣ такой скачки въ теченіе десятка минутъ я остановился и перевелъ духъ; а Протопоповъ, давъ покой своему пальцу, произнесъ: „Превосходно; видно, что вы занимались очень основательно“. И мнѣ было поставлено 5.

Весьма увеселительны для насъ были лекціи римской словесности, читавшіяся Лукьяновичемъ, тѣмъ самымъ, который составлялъ себѣ серебряные столовые приборы изъ студенческихъ приношеній. Это былъ толстенькій человѣкъ съ маленькими плотоядными глазками на кругломъ, румяномъ и жирно-масляномъ лицѣ—масляномъ, какъ блины и пироги, которые онъ поѣдалъ въ невѣроятномъ количествѣ, о чемъ часто заявлялъ намъ на лекціи съ большимъ наслажденіемъ и кулинарными комментаріями. Этого рода комментаріевъ мы наслушивались у него въ гораздо большемъ количествѣ и въ гораздо болѣе основательной формѣ, чѣмъ тѣхъ, которыми онъ снабжалъ латинскихъ классиковъ. Ознакомленіе насъ съ этими писателями состояло у милаго Лукьяновича изъ біографіи поэта, соединенной съ его характеристикой, и затѣмъ—изъ чтенія его произведеній. Въ біографіи указывались годъ и мѣсто рожденія и смерти и кое-какіе фактики, а характеристика большею частью ограничивалась словами: „это былъ, пожалуйте (слово, прибавлявшееся имъ чуть не къ каждой фразѣ), очень хорошій писатель“, при чемъ къ такому мѣткому опредѣленію присоединялись иногда и подробности иного свойства; напримѣръ, Горацій характеризовался, какъ поэтъ, „любившій выпить, вкусно покушать и приволокнуться за женщинами“,—„а эти качества—замѣчалъ профессоръ, обжорливо и похотливо

ухмыляясь—и намъ съ вами, пожалуйте, очень по вкусу"... Разбиралъ произведенія онъ тоже вполнѣ научно; читалась напримѣръ ода Горація „Eheu, fugaces, Posthume, labuntur anni".

— А какъ ваше мнѣніе, пожалуйте,—спрашивалъ профессоръ, обращаясь къ своимъ слушателямъ,—почему Горацій употребилъ здѣсь слово fugaces?

— Вѣроятно, потому,—отвѣчали ему,—что здѣсь рѣчь идетъ о „протекающихъ" (fugaces) годахъ.

— Вотъ и не угадили, пожалуйте.

И профессоръ хитро улыбался, видя послѣ этого на нашихъ лицахъ недоумѣніе.

— Недогадливые вы, господа,—наконецъ, объяснялъ онъ послѣ паузы:—а дѣло очень просто: потому, пожалуйте, употребилъ это слово, что захотѣлось ему употребить его.

И онъ заливался своимъ громкимъ, дурацкимъ смѣхомъ.

Отъ балаганныхъ лекцій Лукьяновича отдыхали мы на лекціяхъ другого классика, Валицкаго, читавшаго греческую словесность. Солидныхъ научныхъ познаній не вынесли мы и изъ его лекцій, поверхностныхъ, гораздо болѣе гимназическихъ, чѣмъ университетскихъ, но онѣ доставляли намъ наслажденіе эстетическое. Валицкій (полякъ) обладалъ тонкимъ поэтическимъ чутьемъ, талантливо раскрывалъ передъ слушателями художественныя красоты греческихъ поэтовъ, и такъ какъ онъ при этомъ былъ превосходный декламаторъ, то на ту часть молодежи, которая обладала художественною воспріимчивостью, его чтеніе Гомера, Софокла, Эврипида производило сильное впечатлѣніе. Я лично многимъ обязанъ Валицкому въ этомъ отношеніи.

Заходилъ я иногда на лекціи профессоровъ и другихъ факультетовъ,—преимущественно юридическаго, какъ наиболѣе доступнаго по своимъ предметамъ. Вѣрнѣе, впрочемъ, сказать—не „заходилъ", а „зашелъ", потому что, побывавъ разъ-другой у большинства профессоровъ-юристовъ, тотчасъ терялъ всякую охоту поучаться ихъ мудростью. Гражданское право читалъ Куницынъ, пользовавшійся въ свое время довольно громкой извѣстностью, но въ харьковскій университетъ перешедшій, кажется, уже на склонѣ дней своихъ и нагонявшій своими сухими, безжизненными чтеніями небычайную скуку; въ кругъ его дѣятельности входило и держаніе „пансіонеровъ". Каѳедру римскаго права занималъ Мицкевичъ, братъ знаменитаго поэта, тотъ самый, лекціи котораго вызвали вышеупомянутый знаменитый циркуляръ Кокошкина. Чѣмъ было обусловлено это распоряженіе—это оставалось тайною для всѣхъ слушателей Мицкевича, не находившихъ въ его лекціяхъ ничего „подозрительнаго" даже въ то время; а что касается до личности самого профессора, то врядъ ли попечитель усмотрѣлъ бы въ немъ „неблагонадежнаго" человѣка, если бы зналъ, что когда я однажды подошелъ къ нему и выразилъ восхищеніе стихами его брата, автора „Дзядовъ" и „Крым-

его сонетовъ", онъ сурово отвѣчалъ мнѣ: „вы ошибаетесь, это не мой братъ, у меня нѣтъ никакого брата"... Съ наукою финансоваго права знакомилъ студентовъ Клобуцкій, очень тупой человѣкъ, читавшій по тетрадкѣ, текстъ которой не измѣнялся въ продолженіе многихъ лѣтъ, и ежегодно открывавшій свой курсъ словами, тоже вписанными въ ту же тетрадку: „Съ трепетомъ и надеждою вхожу я, милостивые государи, на эту каѳедру: съ трепетомъ потому, что на меня возложена трудная задача уясненія вамъ основныхъ началъ такой сложной науки, какъ финансовое право; съ надеждой потому, что разсчитываю на ваше вниманіе и вашу благосклонность..." Содержательны и интересны были лекціи профессора уголовнаго права, Палюмбецкаго, который одно время стоялъ и во главѣ университета, въ качествѣ ректора, и котораго студенты очень любили и уважали и какъ преподавателя, и какъ человѣка.

Въ этомъ сборищѣ бездарностей и помышлявшихъ только о своихъ личныхъ выгодахъ людей были, конечно, профессора и знающіе, и талантливые, и честные, но они какъ-то терялись, стушевывались въ общей, пропитанной всяческими, очень ужъ не ароматическими испареніями атмосферѣ; ни въ одномъ изъ нихъ не было инціативнаго духа, стремленія къ активной борьбѣ съ окружающею тьмою и духотою; они работали въ тиши своихъ кабинетовъ, читали лекціи—и только; общенія со студентами никакого, или очень мало. Въ послѣдній (если не ошибаюсь) годъ моего пребыванія въ университетѣ появился на каѳедрѣ государственнаго права молодой, незадолго передъ тѣмъ оставившій студенческую скамью, Дмитрій Ивановичъ Каченовскій; его талантливость, серьезныя познанія, горячая отзывчивость на общественные вопросы, блестящее изложеніе предмета—все сразу высоко подняло его надъ общимъ профессорскимъ уровнемъ, чуткая молодежь сгруппировалась вокругъ него, какъ вокругъ свѣтлаго центра, послышалось въ затхломъ воздухѣ аудиторіи новое слово, повѣяло невѣдомою до тѣхъ поръ свѣжестью. Но настоящее оздоровленіе началось со вступленія въ профессорскую среду Костыря, взявшаго на себя лекціи эстетики и русскаго языка. Не знаю, извѣстно ли кому-нибудь изъ теперешнихъ филологовъ его сочиненіе „Предметъ, методъ и цѣль филологическаго изученія русскаго языка"—сочиненіе очень большого объема, въ двухъ томахъ, но весьма туманное, какъ туманны и черезчуръ философски замысловаты были лекціи Костыря по русскому языку; за то чтенія по эстетикѣ, благодаря ихъ содержательности, обусловленной большой начитанностью профессора, широтѣ его взглядовъ и смѣлости обобщеній, значительности ораторскаго таланта и совершенной новизнѣ для насъ этого предмета, собирали въ аудиторію Костыря такое число студентовъ, какое видѣла въ себѣ только аудиторія Каченовскаго, и слушались съ жадностью, глубоко запечатлѣвались въ умахъ и сердцахъ студентовъ. Но не въ этой преподавательской работѣ заключалось главное значеніе

появленія Костыря въ харьковскомъ университетѣ. Студенты нашли въ немъ руководителя не только въ области науки, но и въ жизни; онъ сдѣлался ихъ старшимъ товарищемъ, совѣтникомъ, помощникомъ въ матеріальныхъ нуждахъ, и тѣ вечера, которые многіе изъ насъ проводили въ его квартирѣ, были истинными духовными праздниками. Еще важнѣе было выступленіе Костыря, какъ безстрашнаго и энергическаго протестанта противъ тѣхъ безобразій, которыя онъ встрѣтилъ въ университетской жизни. Въ совѣтѣ профессоровъ впервые раздался голосъ, смѣло и отнюдь не иносказательно обличавшій взяточничество въ его различныхъ формахъ, мертвенное отношеніе къ наукѣ, взглядъ на студентовъ или какъ на мальчиковъ, общеніе съ которыми унижаетъ профессора, или какъ на источникъ дохода... Къ Костырю примкнуло нѣсколько старыхъ профессоровъ, примкнули особенно молодыя силы, появившіяся почти одновременно съ нимъ на профессорскихъ каѳедрахъ; таковы были братья Лавровскіе, прямо со скамьи петербургскаго педагогическаго института перешедшіе адъюнктами въ Харьковъ. Одинъ изъ нихъ, Петръ, извѣстный впослѣдствіи славистъ, стяжавшій себѣ тоже впослѣдствіи весьма плачевную извѣстность, какъ ректоръ варшавскаго университета и попечитель оренбургскаго учебнаго округа, читалъ намъ славянскіе языки и литературы, и читалъ живо, иногда даже увлекательно; другой, Николай, потомъ оставившій профессорскую карьеру для административной дѣятельности, занималъ каѳедру исторіи русской литературы, но его лекціи, правда, содержательныя и обнаруживавшія основательное знакомство съ предметомъ, были довольно „казеннаго“ свойства, не заключали въ себѣ ничего, чтó могло бы расшевелить духовный міръ слушателей, возбудить въ нихъ живой интересъ, любовь къ отчественной литературѣ.

Началась борьба — не съ полицейскимъ режимомъ, тяготѣвшимъ надъ университетомъ, ибо такая борьба была бы въ ту пору совершенно безплодной,—а съ тѣмъ зломъ, устраненіе котораго зависѣло исключительно отъ университетской коллегіи. Я окончилъ курсъ почти въ началѣ этой борьбы, вышелъ съ надеждою на побѣду новыхъ дѣятелей, но и съ горькимъ въ душѣ осадкомъ отъ всего, что мнѣ и моимъ единомышленникамъ-товарищамъ пришлось пережить за четыре года пребыванія въ стѣнахъ нашей alma mater...

О тогдашнемъ студенчествѣ, его міровоззрѣніи въ научномъ и общественномъ отношеніи, его стремленіяхъ—когда-нибудь въ другой разъ. Теперь замѣчу только одно: между студенчествомъ тогдашнимъ (по крайней мѣрѣ, харьковскимъ) и теперешнимъ—громадная, неизмѣримая разница, и то, чѣмъ полны умы и души нынѣшняго молодого поколѣнія, было въ то время достояніемъ только очень небольшого кружка и не приходило даже въ голову огромному большинству, конечно, не по его винѣ...

Петръ Вейнбергъ

галъ по паркету, намѣреваясь посреди кадрили пригласить себѣ даму. По счастью, къ нему подоспѣлъ одинъ изъ пріятелей и потащилъ его за руку прочь, говоря:

— Что ты, Ганзенъ! — вѣдь ты пьянъ, какъ стелька, чудакъ!

Это безжалостное воззваніе произвело на Ганзена такое удручающее впечатлѣніе, что онъ моментально отъ гордаго настроенія перешелъ къ глубочайшему отчаянію.

Въ такомъ состояніи онъ и доканалъ рѣчь кандидата Смита.

Котильонъ былъ головокружительный. Нѣсколько паръ неистово носилось по большой залѣ въ бѣшеномъ галопѣ.

Невозможный Гансъ всю ночь гипнотизировалъ свою невѣсту уничтожающимъ, неподвижнымъ взглядомъ и, когда, наконецъ, Луиза, подталкиваемая Каролиной, направилась къ нему черезъ залу, чтобы поговорить съ нимъ, онъ повернулся къ ней спиной и ушелъ домой.

— Да не безпокойся ты о немъ,—утѣшала ее Каролина: — онъ право же пренесносный!..

Сначала Луиза не на шутку огорчилась, но когда къ ней подошелъ ея кавалеръ, она шепнула подругѣ:

— Мнѣ ужасно весело!.. Завтра пусть выбранятъ меня, такъ и быть!—и, уронивъ эти легкомысленныя слова, она унеслась въ оживленномъ танцѣ.

Пробило четыре часа. Маменьки густой толпой тѣснились въ прихожей и смежныхъ комнатахъ, еле держась но ногахъ отъ усталости, и снисходительно поджидали своихъ дочекъ, которыя хотѣли еще сдѣлать по залѣ туръ—другой на прощанье. Отцы, въ пальто и съ сигарами въ зубахъ, обступили столъ съ тодди.

А въ залѣ все еще танцовали, какъ будто отъ этого зависѣла самая жизнь танцоровъ. Пары, какъ бѣсноватыя, кружились въ насыщенномъ пылью воздухѣ; догоравшія свѣчи мигали и чадили. Кругомъ, подъ диванами и стульями, виднѣлись обрывки отъ шлейфовъ, валялись увядшіе букеты, танцовальныя карточки и пропитанные потомъ носовые платки; въ душной атмосферѣ комнатъ стоялъ смѣшанный запахъ человѣческаго тѣла, пыли и прогорклой помады. Танцоры такъ и летали: волосы у нихъ нависли на глаза, галстухи сбились на бокъ, а дамы, на подобіе длинныхъ полотнищъ тюля и тарлатана, висѣли у нихъ на плечѣ, опутывая ноги своихъ кавалеровъ шлейфами.

Одна Софи Фалькъ-Ольсенъ сохранила болѣе или менѣе приличный видъ. Ея нарядъ, прическа и перчатки не слишкомъ пострадали и остались достаточно свѣжими, точно въ

началѣ бала; а безразлично-учтивая улыбка не сходила съ ея лица во весь вечеръ. Тѣмъ не менѣе баломъ она была недовольна. Дельфинъ не ухаживалъ за ней; Альфредъ Беннехенъ былъ невыносимъ, Іона Хіортъ противенъ.

Наконецъ, покончили съ повторными пожеланіями другъ другу „покойной ночи", и послѣднія кареты отъѣхали отъ подъѣзда. Негоціантъ Фалькъ-Ольсенъ закурилъ свѣжую сигару и потянулся въ креслѣ. Хозяйка сняла корсетъ и набросилась на остатки дессерта, увѣряя, что голодна, какъ волкъ.

Софи, не спѣша, методически раздѣлась и ворчала на Луизу, всхлипывавшую во снѣ.

Наверху, въ комнатѣ Хіорта, оба пріятеля еще около часу сидѣли надъ бутылкой пунша. Они были въ торжественномъ, умиленномъ настроеніи и со слезами давали другъ другу обѣтъ вѣчной дружбы; даже ихъ общая любовь къ Софи Фалькъ-Ольсенъ не въ состояніи будетъ разъединить ихъ!.. Потомъ стали толковать о крещеніи дѣтей, что вызвало оживленный споръ, пока они не разстались лишь подъ утро.

VIII.

Въ одинъ изъ послѣднихъ ноябрьскихъ дней, плотно закутавъ отъ вѣтра шею, лоцманскій старшина Зеегусъ спускался съ холмовъ по направленію къ юго-западу и на ходу мурлыкалъ свою любимую пѣсенку.

Отъ Андерса получено было письмо,—а Зеегусъ зналъ, съ какимъ нетерпѣніемъ поджидаетъ Ньэдель извѣстій о своемъ дѣлѣ.

Внизу, среди полей, засѣянныхъ льномъ, виднѣлась низенькая усадьба Ньэделя, а дальше, межъ кустовъ, чернѣла наполовину прорытая канава. Какъ разъ въ это время проѣхали телѣги съ тростникомъ. „Ого!—подумалъ Зеегусъ:—этотъ Серенъ Беревигъ недаромъ посовѣтовалъ Ньэделю обратиться къ королю!"

Вѣтеръ несся по низменному берегу съ юго-запада. То былъ тяжелый, осенній, бурный вѣтеръ, и, послѣ полудня, быстро стемнѣло. Прежде, чѣмъ спуститься съ послѣдняго холма, Зеегусъ остановился и опытнымъ глазомъ моряка окинулъ море. На югѣ песчаная полоса замыкалась нѣсколькими горами, торчавшими среди выступовъ земли, о которые разбивались морскія волны. Порой брызги летѣли очень высоко, образуя на секунду бѣлый, пѣнистый столбъ на голубовато-сѣромъ фонѣ, затѣмъ разсыпались внизу на прибрежные камни.

Къ сѣверу виднѣлись пѣнистыя полосы прибоя, дѣлавшія крутой изгибъ въ десять саженъ ширины. Дальше на сѣверѣ можно было различить мерцаніе уже зажженныхъ огней маяка въ Братфольдѣ.

На морѣ ни одного паруса. Облака скоплялись и, не мѣняя направленія, образовывали темно-сѣрыя полосы; рѣзкій, упорный вѣтеръ не прекращался. Съ моря доносился немолчный гулъ, то выше, то ниже, прерываемый изрѣдка глухимъ раскатомъ, на подобіе пушечнаго выстрѣла. Вѣтеръ бушевалъ и свистѣлъ между телеграфными проволоками на дорогѣ; морскія птицы, распустивъ крылья, боролись съ бурею.

Зеегусъ спустился отъ Беревигсгринда до Свартемофа,— но уже пѣсенки своей не напѣвалъ; еще немного — и онъ началъ бы ругаться себѣ подъ носъ.

Большіе круглые камни лежали посреди улицы; дождевая вода, сбѣжавшаяся съ холмовъ, струилась вокругъ нихъ, образуя желоба.

„Не лучше ли было бы написать Андерсу? Онъ такъ чертовски уменъ!..“ — ворчалъ Зеегусъ, приходя постепенно въ скверное настроеніе, точно за этой непроходимой улицей его ждала могила.

Ньэдель сидѣлъ верхомъ на большомъ камнѣ посреди поля; онъ наносилъ сильные, равномѣрные удары по долоту, которое обернулъ шерстяной тряпкой и держалъ въ лѣвой рукѣ. Отъ времени до времени онъ вынималъ долото и капалъ въ отверстіе воду, выжимая губку, лежавшую въ жестянкѣ; жестянку эту онъ нашелъ въ кустахъ, послѣ пикника горожанъ.

Было вѣтрено, его рыжіе кудрявые волосы развѣвались во всѣ стороны, напоминая множество штопоровъ; онъ такъ поглощенъ былъ своей работой, что смотритель подошелъ къ нему вплотную, раньше чѣмъ Ньэдель его замѣтилъ.

— Здравствуй, Зеегусъ! — проговорилъ онъ, вытащилъ долото и хотѣлъ было смѣрить ямку, но, узнавъ о письмѣ Андерса, все бросилъ и вскочилъ на ноги.

Они вошли въ домъ и зажгли огонь. Въ комнатѣ было неуютно: постель не убрана, полъ грязенъ. Ньэдель сѣлъ противъ старшины и уставился на него, нетерпѣливо двигая руками. Онъ сильно похудѣлъ за это время.

Конечно, Зеегусъ могъ бы поменьше томить его; но вѣдь прочесть письмо не шутка! Надо предварительно протереть очки, затѣмъ хорошенько разглядѣть конвертъ, аккуратно вскрыть его...

То былъ большого формата конвертъ изъ сѣрой бумаг запечатанный казенной печатью.

„Высокопочтенному господину лоцманскому старшинѣ, Лаурицу Больдеману Зеегусу!“

— Ахъ, чортъ возьми!—крякнулъ Зеегусъ.

„Удостовѣряю въ сей бумагѣ полученіе обоихъ вашихъ документовъ отъ 1 сентября и отъ 20 октября текущаго года. Такъ какъ вы, повидимому, до нѣкоторой степени уполномочены моимъ братомъ, обращаюсь къ вамъ съ просьбою изложить вышеупомянутому брату содержаніе нижеслѣдующаго. Изъ вышеупомянутаго письма отъ 20 октября вытекаетъ, будто братъ мой питаетъ неосновательную надежду, что его тяжбѣ съ владѣльцемъ мызы Сереномъ Беревигомъ касательно права на берегъ съ тростникомъ уже данъ надлежащій ходъ. Въ сущности же дѣло обстоитъ не такъ. По порядку дѣлопроизводства мы еще не могли коснуться упомянутаго процесса...“

Зеегусъ остановился.

— Прочти-ка еще разъ!—попросилъ Ньэдель.

Просьба его была исполнена.

Ньэдель покачалъ головой, потомъ вдругъ всталъ и такъ ударилъ своимъ тяжелымъ кулакомъ по столу, что футляръ отъ очковъ старшины взлетѣлъ на воздухъ.

— Ну, ну, Ньэдель, дочитаемъ сначала письмо до конца. Можетъ быть, самое хорошее-то въ концѣ!

„Въ особенности прошу я господина лоцманскаго старшину внушить моему брату, что такая крупная тяжба, какъ вышеизложенная, не можетъ быть значительно ускорена въ своемъ теченіи безъ личныхъ хлопотъ и разныхъ издержекъ. Я долженъ замѣтить, чтобы онъ принялъ къ свѣдѣнію, что немедленная присылка суммы въ 200 кронъ будетъ имѣть существенное значеніе въ смыслѣ ускоренія хода упомянутой тяжбы. Также симъ письмомъ я объявляю себя готовымъ взять на себя распредѣленіе суммы безъ усиленныхъ издержекъ для тяжущихся“.

— Понялъ, а?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Зеегусъ, перечелъ еще разъ и затѣмъ воскликнулъ:—понялъ! понялъ! Смазать ихъ надо!..

— Это что значитъ?

— Мнѣ это понятно! — весело пояснилъ смотритель. — Когда я еще плавалъ на „Надеждѣ Семьи“ консула Гармана изъ Сандсгарда, консулъ говаривалъ мнѣ, отправляя меня весною съ сельдями въ Остзейскій край: слушай, Зеегусъ! пріѣдешь въ Ригу,—всѣхъ смазывай! И таможенныхъ чиновниковъ, и сторожей, и всю компанію, по возможности. Нечего жаться, когда раскошеливаться все равно придется, — говорилъ консулъ. И вѣрь мнѣ, не одинъ рубль перешелъ изъ моего кармана въ чужой, и не одна бутылочка была роспита. Вѣрно, и твой братъ намекаетъ на нѣчто подобное.

— Ты думаешь, король беретъ плату?

— Король?—повторилъ Зеегусъ и снисходительно засмѣялся:—нѣтъ, старина! Шиллинги таютъ раньше, чѣмъ доберутся такъ высоко. Всегда найдутся франты въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, которые не брезгуютъ ими... А потомъ уже франты пойдутъ къ королю и справятся относительно твоего берега, съ его промысломъ... Я знавалъ въ Петербургѣ такого молодца. Онъ ѣздилъ на парѣ, со звономъ серебряной упряжи; а между тѣмъ у него не было копѣйки за душой. Взятками жилъ. Коммиссіонеръ нашего маклера сказывалъ мнѣ.

— Да, вѣрно такъ и ведется!—убѣжденно сказалъ Ньэдель.

— Во всякомъ случаѣ, ему нужно 50 талеровъ за труды, ему самому.

— Ахъ, откуда ты берешь, что братъ Андерсъ хочетъ брать съ меня деньги?—обидѣлся Ньэдель.

Смотритель сталъ читать дальше.

„Объ обѣщанномъ же неоднократно вознагражденіи за содержаніе моей милой племянницы въ моемъ домѣ не можетъ быть и рѣчи съ моей стороны."

— Ага, что я говорилъ?—гордо вставилъ Ньэдель.

„Одного желаю: чтобы пребываніе ея подъ моей скромной кровлей принесло ей счастіе и пользу. Молодую голову легко сбить съ толку, ахъ, какъ легко! Суета мірская! Слишкомъ мало вниманія обращаютъ на совѣты и увѣщанія старшихъ. Много зла подстерегаетъ неопытную дѣвушку въ большомъ городѣ. А потому мы должны искренно желать и молиться, чтобы наша дорогая Христина заткнула уши для голоса лести и соблазна, и слушалась бы совѣтовъ опытныхъ людей.

Да, хорошо, если бы всѣ мы слушались только голоса истины, пока не ушло время.

Съ отмѣннымъ почтеніемъ

Андерсъ Мо."

— Да, ужъ этотъ Андерсъ! Этотъ Андерсъ!—въ восхищеніи повторялъ Ньэдель.— Недаромъ матушка наша говорила: ты, Ньэдель, болванъ, а...

— Хотѣлъ бы я знать, на что онъ намекаетъ!—задумчиво пробормоталъ старшина:—похоже на то, будто кто-то тамъ за Христиной увивается, зарится на нее.

— Съ ума ты сошелъ! Что же намъ тогда дѣлать?

— Надо писать ей, чтобы остерегалась...

— Да съ Андерсомъ поговорила бы!.. Напиши ей, старшина, чтобы она во всемъ слушалась Андерса.

Зеегусъ тотчасъ же взялъ бумагу, перо и чернила, которыми Ньэдель успѣлъ уже запастись, и написалъ:

„Милая Христина!“

И задумался.

— Что же ты, старшина, застрялъ?

— Сейчасъ, сейчасъ!—съ достоинствомъ отвѣчалъ тотъ и написалъ:

„Съ молодостью случается то же, что съ большимъ датскимъ быкомъ въ Сандсгардѣ. Но, по совѣсти говоря, мнѣ не слѣдуетъ разсказывать тебѣ исторію объ этомъ быкѣ, потому что у нея худой конецъ. Но, по этому случаю, проситъ тебя твой отецъ, чтобы ты какъ есть во всемъ придерживалась дяди Андерса. Для молодежи много на свѣтѣ соблазна. Вотъ, напримѣръ, Амалія, моя сестра, — она уже двадцать лѣтъ какъ умерла, и говорила, что это самый прекрасный день въ ея жизни. Умерла она какъ разъ 1 февраля, въ томъ году, когда молнія ударила въ хлѣвъ старосты,—а все черезъ искушенія любви; онъ, къ слову сказать, былъ долговязый малый, съ лицомъ, какъ у паточнаго пряника, онъ и по сейчасъ живетъ тамъ въ городѣ; но я не хочу называть имени; впрочемъ, онъ не знаетъ, куда глаза дѣвать, когда мы встрѣчаемся, и представляется, будто вовсе меня не видитъ. Такъ случалось со многими честными дѣвушками. По этому самому проситъ тебя отецъ во всемъ какъ есть обращаться къ дядѣ Андерсу и съ полной откровенностью.

На морѣ всякій день буря, парусныя суда не ходятъ. Оно и лучше, такъ какъ ночи стоятъ темныя, и луны нѣту. Пароходы же, удивляюсь я, въ усъ себѣ не дуютъ, вѣрно потому что желѣзные; читалъ же я въ газетахъ, что на судахъ теперь все должно быть желѣзное—и мачты, и снасти; только по моему это чертовски похоже на враки.

Твой отецъ, съ позволенія сказать, здоровъ.

Очень тебѣ преданный

Лаурицъ Зеегусъ“.

„Приписка. Скажи дядѣ, что деньги, о которыхъ онъ пишетъ, будутъ ему присланы, какъ только отецъ твой наскребетъ ихъ; но спроси, нельзя-ли поторговаться и устроить все немножко подешевле. Времена то ужъ больно плохи. А также попроси дядю Андерса замолвить словечко кому надо, чтобы распекли старостъ, подрядчиковъ, по части мощенія улицъ и т. п. У насъ внизу, въ Свартеморѣ, чистое свинство. Ты это знаешь и можешь засвидѣтельствовать, а теперь стало еще хуже, чѣмъ прежде“.

Когда почтальонъ принесъ это письмо, Христина какъ разъ стояла въ передникѣ и чистила кухонную дверь пескомъ; хотя они и держали служанку, но молодая дѣвушка не любила сидѣть, сложа руки.

Почтальонъ принесъ также письма и газеты для Беннехеновъ, которыя обыкновенно оставались у швейцара.

Въ эту минуту Альфредъ Беннехенъ спускался внизъ, отправляясь въ бюро; увидавъ почту на столѣ въ швейцарской (двери стояли настежь, какъ и всегда въ день уборки),— онъ воспользовался благопріятнымъ случаемъ.

Христина спокойно осталась на мѣстѣ, хотя и видѣла, кто вошелъ. Она выжала мокрую тряпку въ ушатъ и погрузила сильныя, бѣлыя руки свои въ грязную, мутную воду. Затѣмъ расправила тряпку, обваляла ее снова въ пескѣ и принялась тереть дверь, словно поклялась содрать съ нея всю краску.

— Здравствуйте, фрейлейнъ Христина!—весело крикнулъ Альфредъ, вбѣгая въ комнату, но когда увидѣлъ, какъ мало впечатлѣнія произвело его появленіе здѣсь, то смутился и продолжалъ уже сдержанно: — позвольте просмотрѣть корреспонденцію, можетъ быть, найдется письмо отъ моей возлюбленной.

Но и этотъ зарядъ пропалъ, повидимому, даромъ. Невыносимый скрипъ песку рѣзалъ ему уши; ему претило также, что она чувствуетъ себя прекрасно въ такомъ нарядѣ и за такимъ занятіемъ и ни мало не стѣсняется.

Двое мужчинъ прошли по улицѣ мимо окна; Альфредъ выглянулъ.

— Такъ и есть, это вашъ дядя!—объявилъ онъ молодой дѣвушкѣ: — а съ нимъ... понятно Іоганнъ. Онъ шелъ сюда... Кажется, мой братецъ чаще посѣщаетъ подвалъ, чѣмъ бельэтажъ... А?

Но обернувшись, Альфредъ убѣдился, что Христина поспѣшно схватила ушатъ, скрылась съ нимъ въ кухню и заперла за собою дверь. Онъ злобно отбросилъ газету и вышелъ на лѣстницу; здѣсь встрѣтилъ его Мо, съ почтительной фамильярностью отвѣсившій ему поклонъ.

Дядя Андерсъ разобралъ почту, отдѣляя письма, которыя намѣревался снести министру въ департаментъ. Когда ему попалось письмо лоцманскаго старшины къ Христинѣ, онъ позвалъ племянницу.

— Христина, — сказалъ онъ серьезно:—мнѣ надо поговорить съ тобой объ одномъ дѣлѣ. Сыновья министра что-то зачастили сюда къ тебѣ...

— Дверь была открыта, кандидатъ и спустился...

— Я не столько говорю объ Альфредѣ, сколько о докторѣ...

— Того здѣсь не было,—поспѣшила отвѣтить Христина.

— Нѣтъ, но я замѣтилъ, что и онъ собирался спуститься. Видишь ли, милая Христина,—продолжалъ Андерсъ, ласково положивъ руку ей на плечо (она была ростомъ немного выше его): — жизнь въ большомъ городѣ полна соблазновъ

для молодой дѣвушки. Кромѣ того, всегда помни, что я всѣмъ обязанъ Беннехенамъ, и мнѣ было бы крайне непріятно, если-бъ они между собою поссорились изъ-за меня или изъ за моихъ... Можетъ быть, пока тебѣ это непонятно, но прошу тебя быть осмотрительной. Держись тѣхъ, кто желаетъ тебѣ добра.

Онъ потрепалъ ее по щекѣ и ушелъ съ корреспонденціей.

Да, пока все это было ей непонятно, или не совсѣмъ понятно. Она понимала, что дядя находитъ, будто молодые люди заходятъ въ швейцарскую изъ-за нея. Но почему это можетъ не понравиться министру и породить ссоры—она не понимала.

Христина была здоровая, разсудительная, деревенская дѣвушка и прекрасно понимала разницу между сыномъ министра и крестьянкой.

Однако она встревожилась, когда и лоцманскій старшина въ своемъ письмѣ выступилъ съ тѣми-же предупрежденіями и намеками. Но что же ей дѣлать? Кандидата она и такъ по возможности отталкиваетъ, но серьезному, милому доктору не сказать же напрямикъ, чтобъ онъ пересталъ заходить или показывался рѣже... Онъ и такъ заходитъ не слишкомъ часто... Она мысленно подсчитала: вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ не разговаривала съ нимъ!

Дядя Андерсъ такой удивительный: его никакъ не раскусишь! Онъ всегда привѣтливъ; а всетаки она его почему-то побаивается.

Часто по вечерамъ (онъ всегда поздно возвращается домой), мимоходомъ, остановится онъ у кровати племянницы, присядетъ на краешекъ и поболтаетъ о томъ, о семъ. Но она не всегда понимаетъ, что онъ хочетъ сказать... Можетъ быть, она спать хочетъ въ то время, или дядя говоритъ не отчетливо... Но, при пожеланіи ей покойной ночи, онъ всегда ласково гладитъ ее.

А доктору Беннехену не везло,—положительно не везло, когда онъ собирался повидаться съ Христиной. Намѣревался-то онъ, положимъ, каждый день, но опасался встрѣчъ съ Альфредомъ; такъ же и съ Андерсомъ Мо предпочиталъ не встрѣчаться; въ общемъ-же, во время этихъ предпріятій, совѣсть у него была не чиста, какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ намѣревался сдѣлать нѣчто дурное.

Поэтому кончалось обыкновенно тѣмъ, что онъ проходилъ мимо, поглядывая въ окно швейцарской, или же поднимался наверхъ навѣстить свою мать, въ смутной надеждѣ, не попадется ли ему Христина въ дверяхъ, на лѣстницѣ или въ иномъ мѣстѣ.

Онъ былъ по уши влюбленъ въ нее, и самъ зналъ это.

Однако онъ этому не радовался, какъ обыкновенно ра-

дуются люди, когда пылкое увлеченіе жаркой струей пробѣгаетъ у нихъ по жиламъ.

Во-первыхъ, онъ не зналъ, какое производитъ впечатлѣніе на Христину.

Онъ полагалъ, что такая здоровая и прекрасно-сложенная дѣвушка должна чувствовать отвращеніе къ калѣкѣ, въ родѣ него (докторъ былъ убѣжденъ, что хромаетъ гораздо больше, чѣмъ то было въ дѣйствительности).

Кромѣ того, онъ еще ревновалъ ее къ Альфреду,—ревновалъ тайно, безмолвно, но безумно. Братъ этотъ не впервые становился ему поперекъ дороги. Тому оказывали предпочтеніе, того лелѣяли со всѣхъ сторонъ; за его грѣхи Іоганну не разъ приходилось платиться.

Въ заключеніе, Іоганнъ Беннехенъ питалъ тайное, грустное недовѣріе къ самому себѣ и къ способности создать себѣ счастье. Онъ всегда былъ неудачникомъ — и всѣ это ему подтверждали.

Благодаря всему этому, онъ уцѣпился за свою любовь, какъ иной привязывается къ больному ребенку. Онъ окружилъ все свое существованіе этой могучей страстью, не думая о препятствіяхъ; носилъ любовь свою глубоко въ сердцѣ, испытывая тихую, свѣтлую радость, хотя и не предвидя въ дальнѣйшемъ ничего хорошаго.

Онъ и правъ былъ, что не предвидѣлъ; въ самомъ лучшемъ случаѣ, т. е. если Христина отвѣтитъ на его чувство взаимностью, — какъ взглянетъ на дѣло супруга министра? И даже, если предположить, что ему удастся побороть оппозицію матери,—хватитъ ли у него храбрости придти къ отцу и заявить ему, что онъ вознамѣрился жениться на крестьянской дѣвушкѣ?

Отецъ, величественный, важный, внушительный, былъ въ глазахъ Іоганна Беннехена олицетвореніемъ всего изящнаго, возвышеннаго, честнаго.

Когда оппозиціонные листки набрасывались на правительство, Іоганнъ оставался при собственномъ, молчаливомъ мнѣніи объ отцѣ. Могло случиться, что выискивались люди, желавшіе критиковать; но, чтобы взвести какое-нибудь обвиненіе на министра Беннехена,—этого Іоганнъ положительно и въ мысляхъ не допускалъ.

Въ то время, какъ мать нѣжными попеченіями окружала хорошенькаго Альфреда, оставляя въ тѣни обоихъ неудачниковъ (такъ называла она Гильду и Іоганна),—отецъ ко всѣмъ дѣтямъ относился одинаково, и даже иногда выражалъ нѣкоторый протестъ женѣ, когда она черезчуръ баловала Альфреда. Этого одного ужъ было для Іоганна достаточно и, чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ уваженіе къ

отцу все возрастало, пока не дошло, наконецъ, почти до поклоненія.

И теперь предстояло какъ разъ столкнуться съ основнымъ принципомъ этого отца, т. е. съ его пристрастіемъ ко всему приличному, корректному, изящному—и заставить его согласиться на унизительный, съ его точки зрѣнія, нелѣпый союзъ сына съ здоровенной, рыжей, деревенской дѣвушкой!

Іоганнъ спрашивалъ себя, какъ отнесется къ этому министръ, когда слухъ дойдетъ до него?.. Позволятъ ли ему, послѣ бурныхъ препирательствъ, взять мѣсто военнаго врача въ захолустномъ округѣ?.. Но каждый разъ, доходя въ своихъ мысляхъ до этого пункта, докторъ испытывалъ какъ бы облегченіе, когда говорилъ самому себѣ: „Ну, ну, не стоитъ объ этомъ и раздумывать! Она мною вовсе не интересуется!“

IX.

Послѣ того, какъ Мортенсенъ принялъ на себя редакторство газеты: „Другъ народа“,—листокъ былъ переименованъ въ „Истиннаго друга народа“,—и, вмѣсто прежняго нищенскаго съ виду изданія временъ стараго Ганзена, появились красивая бумага и новый шрифтъ. Иллюстраціи нѣкоторое время оставались въ томъ же скромномъ положеніи, изображая изъ себя черныя кляксы съ бѣлыми пятнами. Но однажды редакторъ сообщилъ своимъ подписчикамъ, что со слѣдующей четверти года иллюстраціи будутъ совершенно прекращены. Тогда, понятно, листокъ много потерялъ въ глазахъ мелкаго люда; тѣмъ не менѣе Мортенсенъ былъ доволенъ. „Истинный другъ народа“ вскорѣ нашелъ своихъ читателей, а что касается міра финансовъ, то, повидимому, даже превзошелъ всѣ ожиданія.

Когда Мортенсенъ приносилъ по утрамъ газету въ министерство, то всѣ чиновники, отъ мала до велика, ее читали, „если время позволяло.“

Докладчикъ Хіортъ только что покончилъ съ чтеніемъ передовой статьи, въ которой указывалась невозможность опредѣлить въ настоящее время, кого или что слѣдуетъ подразумѣвать подъ именемъ „народа“ (первымъ дѣломъ слѣдовало бы именовать такъ должностныхъ лицъ), какъ въ одну изъ переднихъ комнатъ вошелъ негоціантъ Фалькъ-Ольсенъ и спросилъ министра.

Одинъ изъ чиновниковъ повелъ его въ кабинетъ министра, а кружокъ слушателей, собравшихся вокругъ „Истиннаго друга народа“, разсѣялся во всѣ стороны; каждый вернулся на свое мѣсто и углубился въ кипы бумагъ.

Только старый Ганзенъ не пошевелился. Онъ всегда представлялся, будто не слышитъ чтенія, хотя это, впрочемъ, мало ему помогало: когда попадалось что-либо завѣдомо могущее его разстроить или разсердить, ему кричали новость въ ухо.

Старый Ганзенъ служилъ для всѣхъ молодыхъ чиновниковъ живымъ примѣромъ того, къ чему ведутъ уклончивыя мнѣнія. Вотъ онъ сидитъ теперь лицомъ къ стѣнѣ, копаясь во всякой ненужной работѣ, и будетъ такъ сидѣть, пока его не уложатъ въ гробъ; а то и такая штука можетъ случиться, что его прогонятъ въ концѣ концовъ со службы. Вѣдь онъ даже попивать сталъ! По крайней мѣрѣ, такъ болтали въ послѣднее время.

Когда министръ увидалъ входящаго пріятеля своего, оптоваго торговца, то подумалъ, что предстоятъ разговоры о дѣлахъ; а подобные разговоры въ достаточной степени бываютъ мучительны. Поэтому онъ тотчасъ же весело освѣдомился, не зашелъ ли Фалькъ-Ольсенъ звать его на охоту, благо день выдался ясный, тихій, солнечный, хотя и слегка морозный.

Но коммерсантъ сухимъ, дѣловымъ тономъ началъ толковать о плохихъ временахъ, о многочисленныхъ потеряхъ и о полномъ отсутствіи денежнаго равновѣсія въ дѣлахъ.

— Да, да!—перебилъ его министръ, расхаживая взадъ и впередъ по кабинету и разставивъ пальцы такъ, что они соприкасались кончиками другъ съ другомъ:—промышленность и торговля временно падаютъ, этого отрицать нельзя, но мы надѣемся...

— Ахъ, все равно! Лучше долго не будетъ! Я постичь не могу, что въ этой странѣ служитъ камнемъ преткновенія! Одно время все идетъ блестящимъ образомъ; затѣмъ вдругъ застой, полный упадокъ! Стопъ машина, — ни взадъ, ни впередъ. Всѣ предпріятія лопаются, ничто не удается. Взгляните, напримѣръ, на этотъ банкъ, основаніе котораго ознаменовалось моремъ шампанскаго: за весь прошлый годъ,— да и за этотъ,—ни одна душа въ него не заглядывала!

При этихъ словахъ министръ испустилъ вздохъ облегченія. Онъ побаивался, что Фалькъ-Ольсенъ начнетъ распространяться о трудностяхъ пускать капиталы въ оборотъ или о чемъ-нибудь въ родѣ того,—что означало его дурное расположеніе духа. Но банкъ—тема безобидная, и министръ отвѣчалъ шуткой:

— Тутъ ужъ я, какъ членъ наблюдательнаго комитета, право, долженъ протестовать противъ вашего нападенія Въ общемъ, изъ законнаго годового отчета...

— Плевать мнѣ на годовой отчетъ! — мрачно отрѣзалъ Фалькъ-Ольсенъ: — чего легче, какъ составить блестящій

годовой отчетъ? Это въ наши дни умѣетъ сдѣлать каждый оселъ. Но правленіе ровно ничего не понимаетъ въ торговыхъ дѣлахъ. Чего путнаго ждать отъ всѣхъ этихъ ученыхъ юристовъ, которые на практикѣ не вели ни одного дѣла? Всѣ эти министры, адвокаты, асессоры, ничего ровно не смыслящіе... Нѣтъ, надо быть справедливымъ—эти господа ровнешенько ничего въ дѣлахъ не смыслятъ.

Наконецъ-то, смекнулъ министръ, о какомъ „дѣлѣ“ хлопочетъ гость; онъ соединилъ пальцы и сказалъ:

— Въ этомъ смыслѣ вы въ значительной степени правы, милый другъ, — въ значительной степени, но...

Онъ умолкъ и потянулъ пріятеля за лѣвый бортъ сюртука; затѣмъ продолжалъ:

— Это удивительно (удивительно и, съ другой стороны, достойно сожалѣнія), что такой человѣкъ, какъ вы, совершенно лишенъ честолюбія!

— То есть?—переспросилъ коммерсантъ и подозрительно покосился на него.

— Вамъ никогда не случалось думать, что вы, при вашемъ вліяніи, или при томъ вліяніи, которое могли бы имѣть, напримѣръ, на банкъ, — черезчуръ мало имъ пользуетесь? Когда престарѣлый государственный совѣтникъ Фальбе уйдетъ изъ правленія, — а это, вѣроятно, случится на слѣдующемъ общемъ собраніи — то мѣсто директора было бы какъ разъ по васъ!

— Да я только этого и хочу!—попался на удочку Фалькъ-Ольсенъ.

— Къ сожалѣнію, это невозможно, совершенно невозможно, милый другъ!—сказалъ министръ, снова принимаясь ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Такъ, такъ! А смѣю спросить, почему?

— Потому что, вѣроятно, консулъ Линдъ пожелаетъ занять свободное мѣсто директора.

— Пожелаетъ? Скажите, пожалуйста, пожелаетъ!—воскликнулъ Фалькъ-Ольсенъ и принужденно засмѣялся. — Интересно бы знать, почему все должно быть къ услугамъ этого господина? Немногимъ онъ богаче меня!

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ! Но онъ человѣкъ надежный.

— Что хочетъ сказать этимъ господинъ министръ? Быть можетъ, я ненадеженъ?

— Потише, потише, милый другъ! — смѣясь, произнесъ министръ и усадилъ его на стулъ.—Я только прошу разрѣшенія пояснить мое мнѣніе маленькимъ примѣромъ. Мѣсяца два тому назадъ вы давали балъ, — блестящее празднество, могу смѣло сказать; все было на мѣстѣ, чисто, корректно, полно достоинства,—въ двухъ словахъ: вполнѣ comme il faut.

А между тѣмъ... Позвольте напомнить вамъ маленькій инцидентикъ...

Министръ въ данный моментъ чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ. Маленькіе таинственные переговоры, съ глазу на глазъ, при закрытыхъ дверяхъ, были его излюбленнымъ времяпрепровожденіемъ. Рѣчь его принимала конфиденціальный, довѣрчивый тонъ, какъ будто онъ ежесекундно раскрывалъ собесѣднику самые тайные изгибы своего сердца, то, чего онъ никому до сихъ поръ не повѣрялъ и предпочелъ бы навсегда затаить въ своей душѣ; вся бесѣда велась въ такомъ духѣ, что люди уходили отъ него съ убѣжденіемъ, будто пользуются полнымъ и ни съ кѣмъ не раздѣленнымъ довѣріемъ министра Беннехена и держатъ всѣ государственныя тайны въ своемъ кулакѣ... И министръ отъ этого только выигривалъ; какъ тонкій дипломатъ, онъ умѣлъ быть привѣтливымъ и безусловно сдержаннымъ.

Онъ придвинулся вплотную къ Фалькъ-Ольсену, повернулся къ нему своимъ красивымъ, открытымъ лицомъ и продолжалъ:

— Можетъ показаться страннымъ, что гость критикуетъ поступки хозяина, но вѣдь мы знаемъ другъ друга не со вчерашняго дня, и разъ уже заговорили объ этомъ, разрѣшите мнѣ высказать удивленіе по поводу нѣкоторыхъ вашихъ приглашеній.

— А? Я не понимаю васъ...

— Вотъ видите ли, милый другъ, сцена, о которой я хочу вамъ напомнить, произошла за ужиномъ (къ слову сказать, ужинъ былъ великолѣпенъ!), у васъ въ кабинетѣ. Вы, разумѣется, помните, что завязался споръ политическаго характера...

— Да, но знаете ли, господинъ министръ, въ наши дни это случается положительно вездѣ. Назовите мнѣ хоть одно общество, гдѣ бы ни говорили о политикѣ.

— Совершенно вѣрно, но въ этомъ-то вся и суть!—вскричалъ министръ: — о политикѣ *говорятъ* вездѣ,—я съ вами безусловно согласенъ, безусловно. Но обратите хорошенько вниманіе на то обстоятельство (министръ сопровождалъ каждое слово легкимъ похлопываньемъ по колѣнкѣ своего собесѣдника): когда начинаютъ *спорить* о политикѣ, это явное доказательство, что общество плохо подобрано! Въ этомъ-то вся и разница!

— Но вѣдь за ужиномъ у меня въ кабинетѣ были только значительныя лица. Я какъ разъ въ тотъ день пригласилъ многихъ выдающихся людей, которыхъ раньше не имѣлъ удовольствія видѣть у себя...

— Совершенно вѣрно! Оттуда вся и бѣда. У васъ собра-

лись люди всѣхъ оттѣнковъ (министръ понизилъ голосъ), кончая самыми красными, — а поэтому говорились весьма неудобныя вещи... Весьма неудобныя, долженъ я вамъ сказать. Не для меня,—поймите это! О себѣ я, въ данномъ случаѣ, отнюдь не безпокоюсь, тѣмъ болѣе, что говорились общія мѣста, и преимущественно молодыми людьми. Но что касается васъ, милый другъ, я нахожу...

— Ба,—перебилъ Фалькъ-Ольсенъ и всталъ:—мнѣ, чортъ побери, какое дѣло? Я человѣкъ вполнѣ независимый, я self made man и никогда никого ни о чемъ не прошу.

— Видите! Выходитъ какъ разъ, что я правъ: вы совсѣмъ не честолюбивы. И это, по моему, очень грустно, очень грустно.

Министръ зашагалъ взадъ и впередъ, приговаривая: очень грустно.

— Ну, ну! не честолюбивъ!—повторилъ Фалькъ-Ольсенъ, начиная сердиться:—напротивъ, я честолюбивъ, и настолько, что желаю имѣть вліяніе, которое мнѣ подобаетъ. Но съ политикой я не хочу связываться, это я говорилъ вамъ сотни разъ. Я не принадлежу ни къ какой партіи, я стою между или, скорѣе, надъ ними!

Онъ смаковалъ горделивое заключеніе своей рѣчи, но министръ пожалъ плечами и сказалъ:

— Вы прекрасно выразились. И правильно,—но лишь въ извѣстныхъ случаяхъ. Тѣмъ не менѣе, милый другъ, здѣсь, съ глазу на глазъ, согласитесь со мной, что это не болѣе, какъ громкая фраза и, если говорить откровенно, чистѣйшій абсурдъ. Нѣтъ, старая поговорка гораздо справедливѣе: скажи, съ кѣмъ ты водишь знакомство, я скажу, кто ты таковъ.

— Ну-съ, а кого же, по вашему, мнѣ не слѣдовало пригласить?—освѣдомился коммерсантъ, уже болѣе смиреннымъ тономъ.

— Ахъ, милѣйшій другъ, неужели вы полагаете, что я могу входить въ такія подробности? Я говорилъ вообще: общество было черезчуръ смѣшанное. Многіе, безъ ущерба, могли бы отсутствовать, а съ другой стороны, не хватало то одного, то другого, съ кѣмъ бы я охотно повидался. Позвольте, между послѣдними, назвать редактора Мортенсена; это человѣкъ, безъ сомнѣнія...

— Это субъектъ со спичечной фабрики? Нѣтъ ужъ, знаете, это того...

— Скажу вамъ по секрету,—шепнулъ министръ:—это человѣкъ съ будущимъ, каково бы ни было его прошлое. Обратили ли вы вниманіе на его газету? Вамъ я скажу вотъ что: газета пріобрѣтетъ значеніе, и очень большое значеніе!

Тѣмъ временемъ вошелъ Мо съ кипою бумагъ.

Фалькъ-Ольсенъ былъ вовсе не доволенъ своей аудіенціей. Вмѣсто того, чтобы пристать къ министру съ ножомъ къ горлу, онъ неожиданно далъ вовлечь себя въ препирательство, гдѣ, по обыкновенію, и потерпѣлъ пораженіе.

Но все же ему не хотѣлось уйти, не выложивъ своего старшаго козыря; а потому онъ сказалъ:

— Я только хотѣлъ заявить вамъ, что безусловно разсчитываю на вашъ голосъ.

Министръ, при этихъ словахъ, почувствовалъ себя совсѣмъ больнымъ.

Его гость глядѣлъ на него такими глазами, какъ и всегда при разговорахъ о „большихъ, выданныхъ впередъ суммахъ“ и тому подобныхъ непріятныхъ вещахъ. Тѣмъ не менѣе онъ развязно и дружески протянулъ пріятелю руку, прощаясь съ нимъ въ дверяхъ.

— Прекрасно, милый другъ! Поживемъ—увидимъ! Въ общемъ, я думаю, мы современемъ во всемъ столкуемся!

Коммерсантъ проворчалъ что-то непонятное, а министръ затворилъ за нимъ дверь, прекрасно сознавая, что въ слѣдующій разъ ему не удастся такъ вывернуться.

Затѣмъ онъ обратился къ Мо, взялъ бумаги и равнодушно положилъ ихъ на столъ.

— Счета у васъ?

Мо выдвинулъ семь или восемь счетовъ на первый планъ.

— Это черезчуръ много, безумно много! Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи!—сердито воскликнулъ министръ:—вы скажете госпожѣ Глункэ, что ей не полагается удовлетворять всѣ свои капризы! Надо знать предѣлъ...

— Слушаю съ, господинъ министръ!—почтительно откликнулся Мо:—я говорю то же самое, но Малла Бимбамъ утверждаетъ...

— Кто?—строго переспросилъ министръ.

— Виноватъ, я хотѣлъ сказать фрау Глункэ. Она утверждаетъ, что въ наши времена, у такихъ господъ... всегда такъ...

— Гм...—отрывисто промычалъ министръ и открылъ маленькій ящичекъ въ столѣ.

Пока онъ считалъ деньги, Мо задалъ вопросъ:

— Знаетъ ли господинъ министръ, съ кѣмъ вошелъ въ сношенія начальникъ бюро, Дельфинъ?

— Ну?

— Съ старымъ Ганзеномъ.

— Со старымъ Ганзеномъ?.. изъ министерства?

— Такъ точно. Третьяго дня начальникъ бюро просидѣлъ у Ганзена цѣлый вечеръ и, уходя, далъ *ей* сорокъ кронъ. Это я достовѣрно знаю!—добавилъ курьеръ.

— Ненадежный народъ, куда ни оглянись! —пробормоталъ министръ, отсчитывая курьеру кредитныя бумажки.—Ахъ, кстати! Благо мнѣ пришло въ голову! У васъ живетъ дочь вашей сестры, Мо?

— Моего брата, господинъ министръ.

— Ну да. Я желаю, чтобы вы ее отослали. А теперь можете подождать за дверью, пока я васъ не позову.

Министръ усѣлся поудобнѣе, но Мо не уходилъ.

— Въ чемъ еще дѣло, Мо?

— Мнѣ не хочется отсылать племянницу,—почтительно заявилъ Мо.

— Я дамъ ей денегъ на дорогу,—сказалъ министръ и взялся за ключи, висѣвшіе еще въ ящикѣ стола.

— Я хочу оставить ее у себя,—сухо возразилъ Мо.

Министръ круто повернулся.

— Почему?

— Потому... да потому, что мнѣ такъ хочется!—не выходя изъ границъ почтительности, отвѣтилъ Мо.

— Не будемъ тратить лишнихъ словъ, Мо! Жена моя говоритъ, что ваша племянница кружитъ голову моему сыну, и я обѣщалъ удалить ее.

— Простите, господинъ министръ, но всетаки я попрошу у васъ позволенія оставить ее при мнѣ!—настойчиво заключилъ Мо и скрылся за дверью.

Министръ посидѣлъ нѣсколько минутъ въ задумчивости. Очевидно, Мо заупрямился не на шутку; обычный примиритель всѣхъ затрудненій, денежный ящикъ, не возымѣлъ въ данномъ случаѣ никакого дѣйствія. Хуже всего было то, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, министру предстоитъ теперь сцена съ женой!

Маленькій, робкій секретарь экспедиціи послужилъ первымъ козломъ отпущенія; даже начальникъ бюро, Дельфинъ, не отдѣлался совершенно безнаказанно; слухъ, что министръ не въ духѣ, распространился по всему зданію. Шепотъ, бѣготня и тревожныя совѣщанія переходили отъ стола къ столу; потрясающія сообщенія объ отставкахъ и пониженіяхъ по службѣ перебѣгали отъ чернильницы къ чернильницѣ, и каждый мысленно подсчитывалъ табличку своихъ грѣховъ.

Только всемогущій Андерсъ по прежнему скользилъ повсюду въ своихъ валенкахъ, посмѣиваясь, и всѣ чиновники поднимали головы отъ работъ, когда онъ, таинственный и сдержанный, прошмыгивалъ мимо, съ бѣлыми прядями волосъ, лежавшими на воротникѣ мундира.

Министръ не ошибся. Какъ только жена его увидѣла, она тотчасъ же освѣдомилась:

— Устроилъ ты дѣло?

Изо всѣхъ людей только съ женой онъ не осмѣливался говорить дипломатическимъ тономъ подавляющаго превосходства. Поэтому и теперь онъ предпочелъ отвѣтить, слегка отвернувшись:

— Нѣтъ. Говоря по правдѣ, я не совсѣмъ еще устроилъ, но...

— Что же мѣшаетъ?

— Мо не хочетъ. Желаетъ оставить ее у себя.

— Мо! Вѣчно Мо!—сердито крикнула фрау Беннехенъ.— Если этотъ Мо чего-нибудь не захочетъ, ты остановишься и упрешься, какъ быкъ. Просто начинаю думать, что ты отъ него находишься въ какой-нибудь зависимости и не смѣешь ему противорѣчить!

— Ха, ха, ха, бѣдняга Мо!—расхохотался министръ, но смѣхъ его звучалъ не особенно искренно и, разговаривая, онъ разсѣянно глядѣлъ въ окно.—Ты отлично понимаешь, душа моя, что для меня важнѣе всего твое желаніе. Если ты дѣйствительно этого хочешь, то препятствій быть не можетъ. Я могу приказать Мо..

— А тебѣ не кажется, что пора пустить въ ходъ твою власть, пока она еще у тебя отчасти осталась? Ты не знаешь, какія глупости продѣлываетъ Іоганнъ? Альфредъ разсказываетъ массу случаевъ...

— Извини, но, насколько я могъ замѣтить, Альфредъ такъ же часто посѣщаетъ швейцарскую, какъ и Іоганнъ.

— Ахъ, не въ томъ дѣло! Альфредъ благоразуменъ, онъ свѣтскій человѣкъ. Когда подобный ему юноша пріударяетъ за простолюдинкой, опасаться за него нечего. Мы знаемъ, что можетъ выйти изъ этого. Но Іоганнъ... Обрати на него вниманіе! Ты никогда не присматривался къ его опаснымъ взглядамъ... Онъ такъ глупъ... между нами будь сказано! Засядетъ у него что-нибудь въ головѣ,—конецъ, ничѣмъ не выбьешь,—онъ способенъ продѣлывать невѣроятныя вещи. Право, я не удивлюсь, если въ одинъ прекрасный день онъ явится къ намъ и объявитъ, что желаетъ жениться на этой дѣвкѣ!

— Ну, милая Аделаида, чего только ты не выдумаешь! Понятно, этого допустить нельзя! Никоимъ образомъ нельзя! Невозможно!

— Я много кое-чего видѣла въ этомъ родѣ! — отвѣчала Фрау Беннехенъ: Люди до тѣхъ поръ твердятъ *нельзя*, да *невозможно*, пока не стрясется бѣда, и по уши не увязнешь въ грязную исторію. Нѣтъ, въ такого рода дѣлахъ надо во время браться за умъ. Пусть убирается отсюда эта отвратительная, рыжая шельма! Подумай только, Даніель, какое извращеніе вкуса!..

— Но вѣдь и Альфредъ...

— Дался тебѣ Альфредъ! Альфредъ никогда не причинялъ намъ хлопотъ. Онъ по натурѣ эстетикъ, художникъ, какъ и многіе въ нашей семьѣ. Сочетаніе красныхъ волосъ съ бѣлой кожей поразило его. Кромѣ того, вѣдь не повѣрю же я, чтобы ты въ былые годы былъ святымъ, старикъ!

Этотъ доводъ служилъ тяжелымъ орудіемъ женѣ министра, которымъ она наносила рѣшительный ударъ, кончавшій споры.

Тутъ какъ разъ подали обѣдъ.

— Гдѣ Альфредъ? — спросилъ министръ, увидавъ въ столовой одну экономку.

— Бѣдняжка! Онъ сегодня не можетъ съ нами обѣдать!— пояснила фрау Беннехенъ:—до завтрака онъ былъ наверху и сказалъ, что прямо изъ бюро пройдетъ къ Эриксену. Знаешь, къ его другу, кандидату Эриксену, который боленъ...

Министръ подумалъ, что болѣзнь кандидата Эриксена черезчуръ затянулась.

— Но Гильда? Гдѣ барышня? — обратилась хозяйка къ экономкѣ.

— Барышня сейчасъ придутъ, — отвѣчала та:—онѣ велѣли горничной сказать имъ, когда подадутъ кушанье. Онѣ внизу, въ швейцарской.

— Слышишь, Даніель?—шепнула фрау Беннехенъ:—эта дальновидная особа подъѣзжаетъ уже къ сестрѣ.

Придя къ столу, Гильда хотѣла было распространиться о своей новой пріятельницѣ, Христинѣ, но мать сурово оборвала ее, да и въ отцѣ она не нашла поддержки, почему и замолчала.

Всѣ сидѣли за столомъ въ сердитомъ и непривѣтливомъ настроеніи

X.

Лоцманскій старшина всю зиму писалъ за Ньэделя письма,—сперва Христинѣ, а затѣмъ Андерсу, о дѣлѣ, которое никакъ не приходило къ концу. Въ головѣ Зеегуса начинало зарождаться легкое сомнѣніе по поводу этого дяди Андерса; очевидно деньги, которыя безпрестанно требовались, шли не на дѣло. Но меньше всего понравилось ему то, что написалъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ Андерсъ про Христину.

Однако пользы онъ не могъ бы принести никакой, если-бъ выразилъ свое рѣзкое мнѣніе объ этомъ братѣ: Ньэдель только бы разозлился. И Зеегусу пришлось не только отсылать

накопленныя Ньэделемъ сбереженія, но когда они изсякли, достать ему денегъ взаймы.

Ньэдель словно помѣшался на своемъ „дѣлѣ“,—больше ни о чемъ не думалъ и каждый день ждалъ посланнаго отъ короля со словами: „Ньэдель правъ“.

Также принужденъ былъ старшина давать Христинѣ совѣты и дѣлать предостереженія, въ которыхъ, по словамъ дяди Андерса, она сильно нуждалась. Ньэдель требовалъ, чтобы все ей писалось такъ, какъ требовалъ Андерсъ, все знающій и все понимающій. Благодаря всему этому, Христина становилась втупикъ при полученіи писемъ Зеегуса. У нея сложилось смутное представленіе, что дома не все обстоитъ благополучно, что въ письмахъ о чемъ-то не договариваютъ, хотя и утверждаютъ, что все слава Богу. Но еще удивительнѣе и непонятнѣе были намеки на нее самое. И вотъ, въ одинъ февральскій день сидѣла она, перечитывая письмо смотрителя, и ломала голову надъ слѣдующими строками:

„Я много жилъ на свѣтѣ, много видѣлъ горя и заботъ, происходившихъ отъ любви и обмана, когда въ дѣло бывали замѣшаны большіе господа: на нихъ дѣвушкамъ нельзя полагаться. Ты должна молить Бога, чтобы сердце твое, помимо пустыхъ увлеченій, отдалось разсудительному человѣку: не велика важность, если онъ немного старъ,—это не имѣетъ значенія, когда попривыкнешь. Самое важное—хорошая жизнь съ достаткомъ, да ручательство за постоянство“.

Христина все еще сидѣла съ письмомъ въ рукѣ, когда увидѣла, что фрейлейнъ Гильда идетъ по улицѣ мимо оконъ и направляется въ домъ.

У Гильды вошло въ привычку заходить въ швейцарскую, прежде чѣмъ подняться къ себѣ; Христина встала и открыла дверь.

Но на этотъ разъ Гильда намѣревалась было пройти мимо; однако, осмотрѣвшись по сторонамъ, она всетаки шмыгнула въ квартиру Мо и поспѣшно закрыла за собой дверь.

Христина въ недоумѣніи глядѣла на нее.

— Ты никому не говори, что я заходила сюда, Христина. Мама строго запретила мнѣ...

— Почему?—удивилась Христина.

— Этого я не могу сказать,—отвѣчала Гильда, глядя въ сторону:—только я увѣрена, что мама говоритъ неправду.

— Что же она тебѣ говоритъ? — серьезно спросила Христина.

— Ахъ, Христина, не спрашивай!—умоляюще произнесла Гильда и хотѣла уйти.

— Но я желаю знать!—вскричала Христина и схватила Гильду за руку.

— Она говоритъ, что мы слишкомъ часто заходимъ сюда...

— Кто?

— Я и... и...

— Кто же еще?

— И мальчики, въ особенности Іоганнъ. Такъ говоритъ мама. Но я этому не вѣрю. Только я боюсь мамы...

Христина выпустила ея руку. Въ эту минуту вошелъ Андерсъ, и Гильда ушла, сконфуженная и смущенная тѣмъ, что надѣлала. А Христина стояла блѣдная, скрестивъ руки; она начинала понимать. Такъ вотъ въ чемъ ее обвиняютъ! Въ томъ, что она заманиваетъ сыновей министра! Худшаго позора она не могла и придумать. Завлекать и ловить мужчинъ (въ особенности Іоганна, сказала фрейлейнъ, доктора)— вотъ ея цѣль, по мнѣнію окружающихъ!

— Я хочу уѣхать домой, дядя Андерсъ.

— Только докажешь этимъ, что люди были правы!—спокойно отвѣтилъ онъ.

— Такъ ты тоже знаешь? Но что собственно я сдѣлала?

— Слава Богу, ты ничего не сдѣлала, милая Христина, и тебѣ нечего бояться. Я о тебѣ позабочусь, такъ я и сказалъ министру.

— Министру? Онъ тоже знаетъ? Я хочу домой... Пусти меня домой, дядя!—молила дѣвушка.

— Какъ бы дома не подумали, что случилось что-нибудь непріятное!—сказалъ дядя Андерсъ.

— Такъ вотъ причина... — задумчиво проговорила Христина, вспоминая намеки старшины въ письмѣ и чувствуя себя совсѣмъ безпомощной.—Но что же мнѣ теперь дѣлать?— въ отчаяніи ломала она руки.

— Не бойся, Христина! Я сумѣю отстоять тебя передъ министромъ и его женой. А если тебя кто-нибудь оскорбитъ или сдѣлаетъ тебѣ непріятность,—только скажи мнѣ!

При этихъ словахъ дядя выпрямился и дружески пожалъ ей руку. Это ее успокоило. Хорошо имѣть такого дядю! На него можно положиться. Всѣхъ остальныхъ надо бояться и держаться отъ нихъ подальше.

Она взяла письмо Зеегуса и сѣла писать ему отвѣтъ. Сохрани Богъ, чтобы дома подозрѣвали что-либо худое!

„Милые отецъ и лоцманскій старшина!

Мысленно я почти всегда съ вами. Но всетаки, благодаря Бога, мнѣ и здѣсь хорошо. Я здорова и тѣломъ, и душой. Первымъ долгомъ скажу, со словъ дяди Андерса, что *дѣло* теперь пойдетъ лучше. На этихъ дняхъ онъ напишетъ самъ и говоритъ, что ему пришлось много повозиться ради отца, и что нужно выслать еще денегъ, если желательно, чтобы *дѣло* пошло хорошо. Но всѣ говорятъ, что дядя Андерсъ са-

мый толковый человѣкъ во всемъ министерствѣ. Со мною онъ очень ласковъ, и мнѣ живется у него очень хорошо.—Здѣсь нѣтъ никакого моря, — только желтая, вонючая вода,—не то что у насъ тамъ. Но кораблей множество. А также громадныхъ каменныхъ и деревянныхъ домовъ; они страшно высоки, я такихъ прежде не видывала. А теперь пора кончить. Посылаю привѣтъ моему милому отцу и лоцманскому старшинѣ.

Преданная дочь Христина".

Къ вечернему чаю къ Гильдѣ Беннехенъ пришли двѣ пріятельницы, хотя ей было совсѣмъ не до гостей. Повидавшись съ Христиной, она чувствовала себя и разстроенной, и разсерженной: она до того боялась матери, что буквально дрожала передъ ней отъ страха, хотя, казалось бы, вышла уже изъ дѣтскихъ лѣтъ.

Съ малолѣтства привыкла она слышать, что она „неудачница", привыкла понимать, что огорченіе матери по поводу некрасивой наружности единственной дочери—скорѣе упрекъ, чѣмъ сожалѣніе,—и въ этомъ фрау Беннехенъ была главнымъ образомъ сама виновата.

Жена министра, сама красивая женщина, придавала огромное значеніе внѣшности и постоянно позволяла себѣ вслухъ выражать негодованіе по поводу того, что именно ее Богъ наказалъ, заставивъ произвести на свѣтъ такую дочь. Во время дѣтства Гильды, нерѣдко случалось, что мать, нарядивъ ее, какъ куколку, подъ конецъ приказывала все снять съ нея и со слезами говорила: „къ чему все это? Ты родилась и останешься неудачницей, вѣчной, непоправимой неудачницей!" Эти выходки и слезы матери оставляли глубокій слѣдъ въ душѣ впечатлительной дѣвочки, и все, что могло бы съ годами расцвѣсти и развиться въ ней, притуплялось робостью. Такимъ образомъ, ставъ взрослой дѣвушкой, Гильда, въ присутствіи матери, до того робѣла, что боялась шевельнуться, если фрау Беннехенъ находилась по близости.

Фрейлейнъ Гильдѣ было двадцать три года. Въ родительскомъ домѣ она не смѣла ни во что вмѣшиваться и ни къ чему приступаться,—на то держали экономку; въ обществѣ, благодаря своему безобразію, она не играла никакой роли, ее только терпѣли, дѣлая нерѣдко мишенью ехидныхъ намековъ и безжалостныхъ остротъ, щедро расточаемыхъ обыкновенно по адресу забитыхъ дурнушекъ, сидящихъ по угламъ.

Въ сущности единственнымъ свѣтлымъ лучомъ ея былъ братъ Іоганнъ; оба „неудачника" инстиктивно держались другъ друга.

Однажды она получила разрѣшеніе поступить на педаго-

гическіе курсы; министръ находилъ, что слѣдуетъ „до извѣстной степени“ поддерживать женское образованіе. Когда она, благодаря усидчивости и прилежанію (такъ какъ особенно даровитой она тоже не была), пріобрѣла внушительное количество познаній, ей не позволили держать экзаменъ: это сочли для нея неприличнымъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Гильда Беннехенъ не была ни счастлива, ни несчастна. Правильнѣе будетъ сказать, что жизнь ея была безцвѣтна, даже безцвѣтнѣе, чѣмъ вообще жизнь свѣтской дѣвушки. Относительно ея наружности, мнѣнія почти не раздѣлялись, слѣдовательно,— она была лишена чувства легкомысленнаго торжества надъ соперницами, а съ другой стороны— и мелкихъ пораженій,—обычныхъ спутниковъ юности. Она разъ навсегда потерпѣла полное фіаско, а именно—родилась съ такой наружностью, и общество, къ которому она принадлежала, не могло предложить ей никакихъ иныхъ шансовъ.

Поэтому-то сближеніе съ Дельфиномъ за послѣднюю зиму и произвело на нее такое сильное впечатлѣніе. Послѣ описаннаго бала, молодой человѣкъ па всѣхъ вечерахъ танцовалъ съ ней французскую кадриль послѣ ужина, и мало по малу они подружились.

Всѣ сверстницы Гильды принялись взапуски дразнить ее камергеромъ. Это вошло у нихъ въ привычку. Такъ и сегодня, когда дамы размѣстились за чайнымъ столомъ, Софи Фалькъ-Ольсенъ завела разговоръ на ту же тему.

— Какъ было дѣло съ помолвкой камергера? Тебѣ, Гильда, навѣрно извѣстны всѣ подробности этой исторіи?

— Мнѣ! Откуда мнѣ знать?—покраснѣла Гильда.

— Боже мой, да вѣдь ты единственная изъ молодыхъ дѣвушекъ, которая наслаждается преимуществомъ танцовать съ нимъ!

— Ты, пожалуйста, не думай, что я ему навязываюсь! Я каждый разъ говорю ему, чтобъ онъ не стѣснялся,—не танцовалъ, если не хочется!—оправдывалась Гильда.

— Ахъ, я его прекрасно понимаю: онъ рѣшилъ, разъ начавъ, выдержать до конца! А впрочемъ, — добавила Софи ехидно:—въ первый разъ онъ, очевидно, пошутилъ. Кажется, вѣдь это было, насколько припомню, осенью, у насъ на балу?..

— Я могу разсказать о помолвкѣ Дельфина! — вмѣшалась Каролина Гіельмъ, которая сидѣла на диванѣ, выслушивая секреты Луизы:—Онъ былъ обрученъ съ маминой кузиной, но, недѣлю спустя, ея родня заставила ее отказаться отъ жениха. Теперь она замужемъ за однимъ шведскимъ помѣщикомъ.

— Это мы знаемъ давно!—авторитетно перебила ее Софи:— Но почему заставили ее отказаться отъ Дельфина?

Софи раздражительно интересовалась всѣмъ, что касалось камергера.

— Ты, можетъ быть, думаешь, что я *этого* не знаю?— возразила Каролина:—Такъ случилось потому, что всплыла наружу старая исторія Дельфина съ замужней женищной,— тамъ, въ Вестландѣ, гдѣ онъ служилъ повѣреннымъ. Я даже могу тебѣ сказать ея имя, если ты желаешь знать: то была сестра кандидата Хіорта! Вотъ тебѣ и *почему*.

— Хіорта? Великолѣпно!—воскликнула Софи, забывая напускной тонъ превосходства.—Тогда онъ у меня въ рукахъ. Я могу вывѣдать всю подноготную!

— Развѣ исторія была такого скверна го свойства?—робко спросила Гильда.

— Сквернѣйшаго!—съ увѣренностью отрѣзала Каролина.

— Глупости,—разсердилась Софи:—навѣрно, не хуже большинства продѣлокъ мужчинъ въ этомъ духѣ. Смѣшно вѣрить, что наши кавалеры образцы нравственности. Да и нежелательно, чтобы они такими были.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—испуганно спросила Луиза.

— Ну ты, съ твоимъ добродѣтельнымъ Гансомъ! Я хочу сказать именно то, что говорю: неопытные, приличные, нравственные мужчины,—самые скучные, тошные, противные изъ всѣхъ, какихъ я знаю.

Возникъ споръ. Языки усердно болтали, когда жена министра появилась изъ-за портьеры и сказала:

— Здравствуйте, дѣти мои! Болтаете исправно? Гильда, обрати вниманіе: ты слишкомъ далеко отставляешь чашку. А вотъ два молодыхъ человѣка, которые просятъ у васъ по чашкѣ чая.

Секретарь Хіортъ и Альфредъ Беннехенъ выступили при этихъ словахъ изъ-за спины жены министра. Эти два образцовыхъ друга заключили клятвенный договоръ—завоевывать свою возлюбленную на равныхъ правахъ. Поэтому, когда Софи бывала въ гостяхъ у Гильды, Альфредъ приводилъ къ сестрѣ и Хіорта.

Между тѣмъ стемнѣло. Фрау Беннехенъ велѣла зажечь лампы въ большой залѣ, и свѣтъ проникалъ изъ за приподнятой портьеры въ комнату, гдѣ тараторила и смѣялась молодежь.

Альфредъ тотчасъ же завладѣлъ разговоромъ; Софи смѣялась и кокетничала съ нимъ.

Іона Хіортъ, напротивъ, избралъ совсѣмъ иной методъ ухаживанья. Онъ усѣлся въ уголъ, молчаливый и угрюмый, и глазами, устремленными на Софи, старался выразить: „Ты вѣроломная змѣя!.. Но я всетаки тебя люблю!..“

Разговоръ велся оживленно, хотя ни на чемъ опредѣленномъ не останавливались,—смѣялись, язвили, дразнили другъ друга, подпускали шпильки, говорили любезности.

Пришелъ докторъ Беннехенъ, но, услышавъ изъ комнаты смѣхъ, хотѣлъ было снова уйти.

— Войди же, Іоганнъ! Выпей чашку горячаго чая! —окликнула его Гильда.

Іоганнъ вошелъ, поклонился обществу, но взявъ свою чашку, ушель въ залу. Онъ былъ не въ духѣ, такъ какъ встрѣтилъ внизу Христину, которая прошла мимо и притворилась, что не замѣтила его.

— Мой ученый братъ по многимъ причинамъ поднялся сегодня по лѣстницѣ!—воскликнулъ Альфредъ.

— Что это значитъ? — спросила Софи, по тону угадывая, что слова имѣютъ двойной смыслъ.

— Я долженъ вамъ сказать, что мой братъ вообще не долюбливаетъ высокихъ лѣстницъ! Онъ предпочитаетъ застревать въ первомъ этажѣ или еще ниже!..

— Плохо, если докторъ боится лѣстницъ!—простодушно сказала одна изъ дамъ, для которой была непонятна скрытая игра словъ.

— Ахъ, вообще не судите слишкомъ строго симпатіи и антипатіи моего брата: у него во всѣхъ отношеніяхъ дикій вкусъ! Извѣстно ли вамъ, напримѣръ, mesdames, каковъ у моего брата идеалъ женщины?

— Нѣтъ! Разскажите! Разскажите!—послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Альфредъ!—крикнулъ докторъ.

— Во-первыхъ, три съ половиной аршина ростомъ, безъ выступовъ...

Дамы засмѣялись и захлопали въ ладоши, но Гильда поняла намекъ.

— Альфредъ,—попросила она вполголоса:—брось!

Но онъ не унимался.

— Затѣмъ: огненно-рыжіе волосы, курчавые, какъ заплетенная лошадиная грива... Чтобъ была хамской крови и разила конюшней...

— Альфредъ! Альфредъ! — полушутливо, полусерьезно, воскликнула мать изъ сосѣдней залы.

— Ахъ, я поняла: это Христина! — сказала Софи: — большущая Христіана изъ швейцарской внизу! Вѣрно вѣдь?

Докторъ съ такой силой поставилъ свою чашку, что она зазвенѣла.

— Я не выдаю сердечныхъ тайнъ моего брата!—отозвался на вопросъ Альфредъ.

— Скажите, Гильда подружилась съ этой Христиной?— нагнувшись къ Альфреду, тихо спросила Софи.

Опьяненный своимъ успѣхомъ, Альфредъ продолжалъ:

— Да. Это цѣлый романъ, увѣряю васъ. Влюбленный благороднаго происхожденія; предметъ его мечтаній—простая, но добродѣтельная крестьянка; сестра—наперсница сердечныхъ тайнъ!

— Альфредъ!—гнѣвно крикнулъ Іоганнъ, такъ что всѣ вздрогнули.

— Іоганнъ, что съ тобой?—вмѣшалась фрау Беннехенъ:— ты просто самъ себя выдаешь! Кромѣ того, я хотѣла просить тебя...

— Матушка, я ему раньше говорилъ, что больше терпѣть не стану!—сказалъ докторъ, топая ногой.

— Мама, которой это ногой, длинной или короткой?—закричалъ Альфредъ.

Іоганнъ сдѣлалъ шагъ къ двери, но мать удержала его.

— Іоганнъ, ты сегодня вѣрно нездоровъ? Фи, постыдись! Не понимаешь шутокъ! Если ты хочешь вносить съ собою раздоръ, лучше бы не приходилъ. До тебя все здѣсь шло мирно!

Іоганнъ тотчасъ же ушелъ. Но общее настроеніе было испорчено. Дамы попарно начали перешептываться, и даже Альфредъ не могъ развеселить ихъ.

Вечеромъ, передъ тѣмъ какъ ложиться спать, фрау Беннехенъ разсказала мужу о столкновеніи между братьями, при чемъ изобразила сцену болѣе бурной, вообще сгустила краски, обвиняя во всемъ Іоганна.

— И теперь ты еще не находишь, что пора отдѣлаться отъ этой дѣвушки?—спросила она въ заключеніе.

-- Признаюсь: дѣло заставляетъ меня призадуматься,— сознался министръ.—Но если ужъ оно зашло такъ далеко, то едва ли ея отъѣздъ поможетъ! Такая натура, какъ у Іоганна, отъ препятствій только пуще воспламеняется. Боюсь, онъ ее найдетъ опять, и тогда можетъ случиться что-нибудь еще худшее!

— Вотъ видишь, я давно говорила тебѣ то же самое!— упрекнула фрау Беннехенъ:—но ты не принимаешь моихъ совѣтовъ! Ты всегда долженъ...

— Тише, тише, милая Аделаида! Если ужъ нельзя будетъ отправить ее, то... то...

Наступила дипломатическая пауза.

— Ну, что же „то“?

— То мы отошлемъ его.

Министръ былъ мастеръ на такого рода маленькіе сюрпризы.

Жена поглядѣла на него.

— Знаешь, Даніель, это вовсе не такъ глупо!..

— То-то, душа моя, не спѣши, говорю я тебѣ всегда! Найдется исходъ, повѣрь. Ты знаешь, какъ Іоганну въ прошломъ году хотѣлось попасть въ Вѣну?.. Теперь пусть ѣдетъ!

— И подольше тамъ поживетъ!

— Не меньше года... для пользы дѣла.

— Для пользы дѣла! Остроумно!..—развеселилась фрау Беннехенъ: у нея словно камень свалился съ сердца.

Но, прежде чѣмъ лечь спать, министръ долженъ былъ дать женѣ обѣщаніе, что тотчасъ по отъѣздѣ Іоганна онъ заставитъ Мо отослать Христину, чтобы она оказалась совершен но вытѣсненной и позабытой къ возвращенію Іоганна изъ за границы.

XI.

Въ апрѣлѣ доктору Беннехену предстояло уѣхать. Когда отецъ объявилъ ему, что теперь онъ можетъ получить разрѣшеніе на отъѣздъ, онъ такъ обрадовался, что въ первую минуту почти забылъ о предстоящей разлукѣ съ Христиной.

Еще меньше пришло простодушному доктору въ голову поразмыслить о данномъ ему разрѣшеніи попутешествовать, о чемъ ему сообщили, какъ о великой милости.

Когда Іоганнъ сдалъ свой экзаменъ, ему и тогда еще очень хотѣлось совершить путешествіе, провести годъ за границей.

Но отецъ нашелъ, что это будетъ стоить слишкомъ дорого, а мать прямо выразилась, что Іоганнъ еле-еле выдержалъ экзаменъ, какимъ-то фуксомъ, и ужъ мечтаетъ сорить деньгами на путешествіе.

Іоганнъ покорился и пересталъ думать о загряницѣ. Теперь, получивъ разрѣшеніе, онъ обрадовался и испытывалъ лишь чувство благодарности; ему, добряку, и на умъ не приходило, что въ сущности онъ самъ себѣ господинъ и могъ бы ѣхать на свой счетъ... Но, чѣмъ ближе надвигался день отъѣзда, тѣмъ безпокойнѣе становился онъ. У него накопилось такъ много, что сказать Христинѣ, что онъ рѣшился объясниться съ нею. Прежде всего онъ долженъ довести до ея свѣдѣнія, какъ высоко цѣнитъ ее, а затѣмъ попросить (этого онъ непремѣнно желалъ!), чтобы она иногда вспоминала о немъ, когда онъ будетъ въ отсутствіи.

Положительно, это хорошая идея: подъ этими словами многое можно подразумѣвать! И докторъ принялся мысленно упражняться, составляя и измѣняя фразы: „если-бъ вы

пожелали...“ или: „если-бъ вы были такъ любезны...“ или: „если-бъ я только могъ надѣяться, что вы согласитесь быть столь любезной, и будете хоть немножко думать обо мнѣ...“ Ужъ не набраться ли храбрости, да не брякнуть ли, вмѣсто „немножко“,—побольше“ или „почаще“?

Да, еще необходимо предостеречь ее относительно Альфреда. Пуще всего доктора безпокоило, что она останется одна съ Альфредомъ. Онъ зналъ ловкость и смѣлость брата, даже удивлялся ему, и воображалъ какъ легко неопытной молодой дѣвушкѣ, въ родѣ Христины, увлечься обаяніемъ изящнаго, ловкаго, ласковаго Донъ-Жуана. А Альфреду довѣрять нельзя, это Іоганнъ отлично зналъ, и потому считалъ своей прямой обязанностью предупредить Христину. Но какъ трудно найти удобный случай! Сколько разъ, въ послѣдніе дни передъ отъѣздомъ, проходилъ онъ мимо ея оконъ, или дверей швейцарской, не осмѣливаясь спуститься на двѣ ступеньки внизъ. Два раза онъ даже встрѣтился съ ней, но тутъ сердце его забилось такъ сильно, что онъ радешенекъ былъ, когда она прошла мимо. Да, по правдѣ говоря, и видъ у нея былъ не таковъ, чтобы ободрить его. Такъ шло до самаго дня отъѣзда. Но онъ оттянулъ еще день. Прощаясь наверху со своими родными, онъ показался всѣмъ до того смущеннымъ и растеряннымъ, что возбудилъ насмѣшки; одна Гильда искренно поплакала и обѣщалась часто писать ему.

Когда онъ спускался по двумъ ступенькамъ къ дверямъ швейцарской, все вокругъ него завертѣлось, и онъ, шатаясь, съ шумомъ ввалился въ комнату. По счастью, тамъ никого не было, но Христина тотчасъ же вышла изъ кухни посмотрѣть, въ чемъ дѣло.

— Это... только я...—смущенно пояснилъ докторъ:—я немножко споткнулся... Я... я... сегодня уѣзжаю..

Да, Христина знала уже это.

— Я зашелъ... хотѣлъ пожелать вамъ всего хорошаго.

Христина вытерла правую руку о передникъ.

— Я.. я... хотѣлъ васъ попросить...

Всѣ безчисленные варіанты знаменитой фразы такъ быстро пронеслись у него въ головѣ, что ему не удалось поймать ни одного изъ нихъ. Христина не могла удержаться отъ улыбки.

Это его ободрило.

— Я, видите ли, хотѣлъ васъ просить... очень просить... чтобы вы хоть немножко обо мнѣ думали, когда меня не будетъ!..

Тутъ онъ весь побагровѣлъ. Хорошо бы повторить фразу еще разъ, чтобы сразу выговорить ее... Но не будетъ ли это

пошло? Христина тоже покраснѣла и опустила глаза; но губы ея улыбались.

Тогда докторъ призвалъ на помощь всю свою храбрость.

— А еще я хотѣлъ сказать вамъ, чтобы вы остерегались Альфреда!..

Но лучше бы этого Іоганнъ не говорилъ. Не успѣли слова слетѣть съ его языка, какъ Христина гордо выпрямилась, сдѣлала шагъ впередъ и воскликнула:

— Что вы хотите этимъ сказать?

Докторъ взглянулъ на нее, отступилъ назадъ и, заикаясь, произнесъ:

— Извините... Я только думалъ... полагалъ...

— Я сама сумѣю о себѣ позаботиться—отрѣзала молодая дѣвушка.

— Да, да... Я знаю... Я вовсе не въ этомъ смыслѣ говорилъ... Ну, всего хорошаго!..

Іоганнъ Беннехевъ шумно поднялся вверхъ по ступенькамъ.

Когда онъ ушелъ, Христина бросилась на кровать и залилась горючими слезами: какъ могъ онъ такъ худо о ней думать!

Въ мозгу же бѣднаго доктора все пошло вверхъ дномъ: завертѣлись тысячи безпорядочныхъ мыслей. Въ концѣ концовъ онъ безповоротно рѣшилъ, что она любитъ Альфреда.

Носильщикъ, взявшій его ручной багажъ, ни за что ни про что получилъ выговоръ. Явились двое пріятелей пожелать доктору счастливаго пути; онъ съ ними выпилъ, говорилъ безсвязно, поминутно переводя глаза съ одного на другого, какъ бы желая что-то сказать, но въ результатѣ не сказалъ ничего, а они посмѣялись надъ нимъ и порѣшили, что у него пароксизмъ острой путевой лихорадки. Такъ онъ и уѣхалъ.

Двѣ недѣли спустя, министръ уступилъ настояніямъ безмолвнаго укора, который каждый день читалъ въ глазахъ жены, и однажды, передъ завтракомъ, оставшись въ бюро съ глазу на глазъ съ Мо, сказалъ ему:

— Вашей племянницѣ всетаки слѣдовало-бы уѣхать.

— Мнѣ очень жаль, господинъ министръ, но...

— Послушайте, Мо, зачѣмъ вы такъ настойчиво хотите удержать ее здѣсь?

— Видите ли, господинъ министръ, одиночество слишкомъ тяготитъ меня.

Министра словно озарило. Онъ съ любопытствомъ поглядѣлъ на маленькаго, улыбающагося человѣчка и нехотя произнесъ:

— Ну, полноте, Мо! Что вы замышляете? Въ ваши годы... И къ тому же...

— Что къ тому-же? — спросилъ Мо и исподлобья посмотрѣлъ на министра.

— Ну, это довольно непріятное воспоминаніе... Но разъ вы сами меня спрашиваете... вѣдь вы были... гм... два раза... больны... серьезно больны, Мо!

— Всего одинъ разъ! Во второй разъ у меня была рожа на лицѣ!

— Прекрасно! Я не желаю вмѣшиваться въ ваши дѣла, но мнѣ кажется, вы могли бы отослать дѣвушку, разъ я прошу!

— Пусть господинъ министръ ни на мгновенье не сомнѣвается въ моей преданности и безусловномъ послушаніи! — отозвался Мо и низко поклонился. — Но, я полагаю, господинъ министръ самъ знаетъ, какъ сильны такія чувства у мужчинъ, и какъ...

Министръ перебилъ его нетерпѣливымъ жестомъ; онъ ходилъ взадъ и впередъ, но не соединялъ концы пальцевъ; когда онъ сердился и не былъ дипломатомъ, то засовывалъ руки въ карманъ и гремѣлъ ключами. Теперь министръ думалъ о всѣхъ тѣхъ непріятностяхъ, которыя ему придется вынести дома, если Христина не уѣдетъ... По сравненію съ женой, вся оппозиціонная печать, въ полномъ своемъ составѣ, казалась ему ни по чемъ. Самымъ страшнымъ врагомъ, противникомъ министра была безспорно фрау Беннехенъ, когда она объявляла мужу войну. Тогда начинались непріятельскія развѣдки, подкопы, шпіонства и набѣги; многое могло обнаружиться, что тщательно скрывалось министромъ въ мирное время!

Пока онъ ходилъ взадъ и впередъ, Мо методически приводилъ въ порядокъ печку и нисколько не торопился.

Министръ время отъ времени пытливо поглядывалъ на него; резюмируя всѣ обстоятельства непріятной исторіи, онъ приходилъ къ заключенію, что женитьба Мо на племянницѣ является всетаки лучшимъ исходомъ.

Это, безъ сомнѣнія, успокоило бы и удовлетворило его жену (а это главное!); а въ дальнѣйшемъ Мо еще болѣе будетъ обязанъ министру. Кромѣ того, какое ему, министру, въ сущности дѣло, вполнѣ ли здоровъ пожилой женихъ Христины, или нѣтъ?.. Ему-то что, если Мо пожелалъ вступить въ законный бракъ? Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, запретить ему это!

Но почему же министръ шагалъ взадъ и впередъ по кабинету и злился?

Въ концѣ концовъ онъ по привычкѣ соединилъ пальцы и обычнымъ дѣловымъ тономъ спросилъ:

— А вы говорили уже съ племянницей по поводу... этого брака?

— Нѣтъ, прямо не говорилъ еще. Я не хотѣлъ дѣйствовать рѣшительно, не получивъ сперва согласія господина министра.

— Согласія? Моего согласія? Что это значитъ, Мо? Это ваше личное дѣло, до котораго я не касаюсь.

— Тѣмъ не менѣе я никогда не позволилъ бы себѣ сдѣлать такой шагъ, предварительно не...

— Прекрасно, прекрасно!—сердито перебилъ его министръ: —если вы увѣрены, что дѣвушка согласна, то...

— Тысячу разъ благодарю васъ, господинъ министръ!—воскликнулъ Мо и имѣлъ поползновеніе схватить руку патрона: — Я не сомнѣваюсь, что теперь, когда я заручился согласіемъ господина министра...

— Я больше не желаю слышать ни слова объ этомъ, поняли, Мо?—гнѣвно крикнулъ министръ.

Мо съ улыбкой поклонился и вышелъ.

У министра въ головѣ стоялъ сумбуръ, и онъ, чтобы отдохнуть отъ „непріятной исторіи", — занялся текущими дѣлами.

Вечеромъ онъ сказалъ женѣ:

— Милая Аделаида, къ сожалѣнію, я долженъ тебѣ сказать, что Мо твердъ въ своемъ рѣшеніи...

— Знаешь, Даніель, — нервно перебила она: — я начинаю серьезно подозрѣвать, что ты, такъ или иначе, находишься въ зависимости отъ этого человѣка!

— Не волнуйся, Аделаида, успокойся!—произнесъ министръ, слегка поднимая вверхъ свою выхоленную руку: — она... Я хочу сказать, что эту дѣвушку можно сдѣлать совершенно безвредной, не отсылая ее.

— Это какъ, смѣю спросить?

— Выдать ее, напримѣръ, замужъ...

— Здѣсь, въ домѣ?

— Ну, конечно, Аделаида! За дядю ея...

— За Андерса Мо? Обвѣнчать молодую дѣвушку съ этимъ старымъ пугаломъ?

— Что же изъ этого? — сказалъ министръ, развязывая передъ зеркаломъ свой галстухъ. — Въ сущности это насъ вовсе не касается.

— Положимъ, что такъ,—согласилась жена:—но .. но какой отвратительный этотъ Мо! Кромѣ того, вѣдь ты, помнится, мнѣ разсказывалъ, что онъ былъ боленъ...

— Оффиціально ничего этого неизвѣстно. Да и, по правдѣ говоря, если бы передъ каждымъ бракосочетаніемъ наводить справки...

— Что правда, то правда, Даніель! Всѣ вы, мужчины, хороши! Ты, впрочемъ, правъ: все это насъ нисколько не касается.

— Вотъ именно, милая Аделаида! Мы должны быть въ сторонѣ.

Подумавъ немного, фрау Беннехенъ тоже пришла къ заключенію, что это наилучшій исходъ.

— Это тебѣ пришла въ голову подобная идея, Даніель?— лукаво спросила она.

— Нѣтъ, этого я утверждать не стану.

-- Ты вѣдь у меня хитрая штучка! — сказала жена. — Поди-ка сюда, Даніель...

Наконецъ, и Христина поняла, въ чемъ дѣло. Дядя Андерсъ, послѣ всякихъ подходовъ и предисловій, сказалъ ей, что министръ желаетъ убѣдиться въ неправильности всѣхъ слуховъ, которые про нее ходили.

Бракъ съ дядей Андерсомъ былъ, по ея понятіямъ, въ высшей степени хорошей партіей. Среда, къ которой она принадлежала, пріучила ее съ уваженіемъ относиться къ благоразумнымъ бракамъ „по разсчету"; а когда, въ довершеніе всего, и отецъ ея ясно выразилъ свое одобреніе, препятствій больше не оказалось.

Обязательствъ у нея не было никакихъ: до сихъ поръ ни одному мужчинѣ она не подавала надеждъ. Вотъ почему ее такъ и оскорбляло подозрѣніе и обвиненіе въ чемъ либо подобномъ.

Въ особенности распалялся ея гнѣвъ, когда она думала о докторѣ. Но гнѣвъ этотъ составлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ея мученіе.

Однако, хотя ей не приходилось хоронить какую бы то ни было любовь въ сердцѣ, она проплакала всю ночь напролетъ послѣ того, какъ дядя Андерсъ категорически спросилъ ее, хочетъ ли она сдѣлаться его женой. Наплакавшись вволю, она стала холодной и разсудительной; ее радовала мысль, что теперь она покажетъ—главнымъ образомъ доктору, — какъ всѣ были несправедливы къ ней.

На утро она дала свое согласіе дядѣ Андерсу.

XII.

На берегу Нила сидѣли вереницы птицъ и жарились на сверкающемъ солнцѣ. Онѣ охорашивались и чистили перышки, взмахивали крыльями, чтобы испытать силу полета, и

лѣниво клевали то червей, то жуковъ, которыми кишѣла прибрежная болотистая почва.

Пищи имъ было вдоволь; погода стояла жаркая и тихая; а имъ хотѣлось сѣрыхъ дней, дождя, свѣжаго вѣтра.

Безчисленныя стаи дикихъ гусей плавали на свободныхъ мѣстахъ между камышами. Цапли и аисты виднѣлись то тутъ, то тамъ; съежившись, стояли они на одной ногѣ, опустивъ клювъ. Повидимому, они страшно скучали.

Разнообразнѣйшія породы куликовъ, водяныхъ птицъ пиголицы, турухтаны, пестрые гуси, водяныя курочки, перепела, ласточки, простые скворцы—всѣ скучали такъ, что у нихъ отъ скуки чуть не обсыпались перья.

Ибисъ гнѣвался на пеструю собравшуюся сюда сволочь и до того унизился, что выражалъ свое негодованіе простякамъ-фламинго, хотя вообще презиралъ ихъ. Крокодилъ хлопалъ слезливыми, свѣтло-зелеными глазами и порою щелкалъ челюстями по направленію къ жирному гусю; поднимался крикъ и карканье, внизъ и вверхъ по рѣкѣ, и мало по малу весь этотъ гвалтъ замиралъ далеко вдали.

Снова наступала тишина среди залитаго солнцемъ ландшафта, и лѣнивыя стаи птицъ опять сидѣли и ждали чего-то.

Но вотъ маленькая сѣрая птичка стрѣлою взвилась высоко въ воздухъ, съ минуту замерла неподвижно, затѣмъ быстро-быстро затрепетала крылышками, защебетала, потомъ снова канула внизъ и скрылась въ травѣ.

Всѣ остальныя птицы вытянули шеи вверхъ и слушали. Вдругъ поднялся неистовый гомонъ и чириканье; пернатое общество зашевелилось и задвигалось. Молодыя, взъерошенныя пиголицы выпархивали, описывали въ воздухѣ круги, чтобы доказать свое умѣнье летать.

Но журавли, народъ разумный, созвали общее собраніе, чтобы обсудить предложеніе жаворонка пуститься въ путь. Они тотчасъ же поняли по голосу жаворонка, какую мысль онъ выразилъ, хотя пѣсня еще не наладилась у него въ горлышкѣ, и онъ только издалъ двѣ-три пробныхъ нотки. Посреди совѣщанія журавлей послышался страшный шумъ, и въ воздухѣ потемнѣло, словно отъ тучи.

То были дикіе гуси, снявшіеся съ якоря. Они разбились на огромныя партіи, потолпились немного въ воздухѣ, затѣмъ выстроились длинными треугольниками и полетѣли на сѣверъ. Крикъ ихъ замолкъ вдали.

Поднялись и скворцы черными тучами и тоже исчезли въ томъ же направленіи; ихъ примѣру послѣдовали пиголицы. Аисты взвились парами и тоже скрылись изъ глазъ

Профили.

(*Письмо изъ Англіи*)

I.

Одно изъ самыхъ дикихъ и бѣдныхъ мѣстъ въ Лондонѣ, конечно, приходъ Спасителя въ Соутуоркѣ, на южномъ берегу Темзы. Поѣздъ, въ которомъ туристъ пріѣзжаетъ изъ Дувра, мчится по крышамъ этой части города. Путешественникъ видитъ только густую щетку красныхъ, круглыхъ трубъ, которыя Гейне сравнивалъ когда-то съ вырванными съ корнями зубами. Если то понедѣльникъ, то въ глаза бросаются еще разноцвѣтныя лохмотья, вывѣшенные для просушки на крышахъ и на дворикахъ. Саутуоркъ—историческое мѣсто бѣдности. Другіе кварталы Лондона, какъ, напр., Бетнанъ Гринъ, когда то знали лучшіе дни или, какъ Паркъ-Лэйнъ, имѣли темное прошлое и только теперь стали садкомъ милліонеровъ. Соутуоркъ же—*всегда* былъ бѣднымъ и дикимъ кварталомъ. Во времена Елизаветы, т. е. четыре вѣка тому назадъ, репутація квартала была такая же, какъ и теперь. Измѣнилась немного только обстановка. Когда-то, напр., мостъ Чернецовъ, ведущій съ сѣвернаго берега на южный, былъ уставленъ кольями съ воткнутыми на нихъ головами и руками преступниковъ и повстанцевъ. На южномъ концѣ моста стояла когда-то висѣлица, на которой качался всегда засмоленный трупъ человѣка, казненнаго за участіе въ стачкахъ или въ тайныхъ рабочихъ союзахъ. Тутъ же красовалась громадная неуклюжая машина ducking stool, въ видѣ колодезнаго журавля. Къ плечу рычага, висѣвшему надъ рѣкой, прикрѣпленъ былъ стулъ. Къ нему привязывали обвѣшивавшихъ булочниковъ и, къ общей потѣхѣ публики, троекратно окунали въ рѣку. Все это, конечно, давнымъ давно отошло въ область преданій. Въ XVI вѣкѣ, на южномъ берегу, у моста, стояло еще высокое, круглое зданіе, безъ крыши, знаменитый театръ *Глобусъ*, куда собирались лондонцы посмотрѣть трагедію Марло и Шекспира или комедію ученаго Бенъ Джонеса. Съ не меньшимъ удовольствіемъ ѣздили сюда, чтобы посмотрѣть на медвѣжью травлю или на хорошую драку.

Затѣмъ *Глобусъ* исчезъ безъ слѣда, а на его мѣстѣ возникло зданіе, котораго тоже уже нѣтъ, но которое оставило сильный слѣдъ въ англійской литературѣ. Здѣсь стояла историческая и мрачная домовая тюрьма *Маршалси*, описанная Смолетомъ, а, въ особенности, Диккенсомъ (*Давидъ Копперфильдъ*, *Крошка Доритъ*).

Теперь Соутуоркъ представляетъ длинный лабиринтъ переулковъ и улочекъ, за которые только въ послѣднее время принялся лондонскій муниципалитетъ, прорубившій въ трущобахъ громадную, широкую улицу. Наиболѣе старые и наиболѣе мрачные дома остались возлѣ рѣки, гдѣ она образуетъ громадную загогулину. Тутъ ютится голь перекатная, которая ползетъ ежедневно въ городъ на заработки. У нея нѣтъ денегъ на проѣздъ, поэтому она не оставляетъ сырыхъ, мрачныхъ, полуразвалившихся домовъ, откуда ближе къ центру. Порядочно зарабатывающіе работники давно уже переселились въ новые кварталы, на окраины города, гдѣ муниципалитетъ выстроилъ удобные, красивые коттеджи и связалъ ихъ съ центромъ сѣтью дешевыхъ трамваевъ. Голыдьба, не имѣющая ни профессіи, ни правильнаго заработка, можетъ разсчитывать только на свои ноги, поэтому тѣснится ближе къ рѣкѣ.

Въ Соутуоркѣ, въ темномъ тупикѣ, носящемъ совершенно не заслуженное названіе — *Солнечный Парадъ*, родился нынѣшній кандидатъ въ парламентъ отъ трэдъ-юніонистовъ—Ричардъ Кэлли, по просту—Дикъ. Отецъ его—Рыжій Дэнъ былъ костеръ-монгеръ, т. е. продавалъ съ лотковъ цвѣтки, улитокъ, устрицъ. Ученые люди говорятъ, что костеръ-монгеры въ Соутуоркѣ—потомки цыганъ, которые поселились здѣсь въ XII или въ XIII вѣкахъ. Какъ доказательства, приводятся нѣкоторыя слова, затѣмъ обычаи костеръ-монгеровъ, ихъ пристрастіе къ яркимъ цвѣтамъ. Ссылаются также на черепа, которые, будто бы, не такіе, какъ у остальныхъ англичанъ, хотя въ Соутуоркѣ не меньше бѣлокурыхъ, рыжихъ, курносыхъ людей, чѣмъ въ любомъ другомъ кварталѣ. Среди костеръ-монгеровъ многіе занимаются этой профессіей наслѣдственно, въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній, насколько сохранились, конечно, о томъ семейныя преданія. Но между костеръ-монгерами также не мало пришлаго, посторонняго люда. Продавать съ лотка цвѣты или улитки—дѣло настолько не хитрое, что за него берутся и разорившіеся лавочники, и пропившіеся актеры, и адвокаты, которыхъ за преступленіе изгнали изъ корпораціи (это называется to be struck off the rolls). Занятіе костеръ-монгера—предпослѣдняя ступень общественной лѣстницы. Ниже идутъ доки, а дальше—трясина преступленія и нищенства. Ежедневно, когда большой колоколъ на парламентской башнѣ бьетъ четыре, шестьдесятъ тысячъ костеръ-монгеровъ просыпаются въ Соутуоркѣ и Ламбетѣ и задаются вопросомъ, какъ достать не

обѣдъ? Рыжій Дэнъ, отецъ Дика, былъ наслѣдственный костеръ. Жена его умерла давно. Отцу помогала взрослая дочь Нани. Къ семьѣ принадлежалъ также оселъ Нэди, за помѣщеніе котораго приходилось платить по шиллингу въ недѣлю. То былъ испытанный, вѣрный другъ, много разъ выручавшій семью. Въ четыре часа утра Рыжій Дэнъ запрягалъ Нэди въ двухколесную телѣжку, затѣмъ вмѣстѣ съ Нани отправлялся въ Ковенгарденскій рынокъ, гдѣ закупалъ на весь оборотный капиталъ яблоки, капусту, рѣпу, морковь, цвѣты или улитокъ. Потомъ всѣ возвращались въ южный Лондонъ, къ большому кабаку *Слонъ и Замокъ*. Здѣсь Рыжій Дэнъ становился въ рядъ съ другими костерами. По субботамъ здѣсь происходилъ и происходитъ генеральный бой съ судьбой. Если погода сравнительно хороша, покупатели, только что получившіе разсчетъ, толкутся возлѣ лотковъ, ѣдятъ устрицы, покупаютъ зелень и цвѣты. Къ двѣнадцати часамъ ночи у костера тогда очищается оборотный капиталъ и излишекъ на пріобрѣтеніе австралійской баранины. Если погода плоха, покупатели жалѣютъ платье и сидятъ дома. Нѣжный товаръ, какъ цвѣты, не можетъ лежать до понедѣльника, и тогда костеръ-монгеры переживаютъ страшный кризисъ. И если бы не удивительная взаимопомощь, то послѣ каждаго большого чернаго тумана сотни костеровъ погибали бы отъ голода. Во время кризиса на помощь являются другіе костеры. Они даютъ товарищу, кто пучекъ цвѣтовъ, кто вилокъ капусты, кто связку моркови. Такимъ образомъ, лавка пополняется. Первыя воспоминанія Дика связаны съ такимъ промышленнымъ кризисомъ. Отецъ помѣстилъ весь свой капиталъ, около 7 шиллинговъ, въ нарцисахъ. Но въ субботу началась мятель. Мокрый Нэди терпѣливо стоялъ, повѣсивъ уши. Онъ привыкъ ко всему. Рыжій Дэнъ съ отчаяньемъ видѣлъ, какъ гибли его бѣлые цвѣты подъ снѣгомъ. Въ двѣнадцать часовъ ночи Рыжій Дэнъ повезъ весь товаръ домой. Къ понедѣльнику нарцисы погибли. То было отчаянное время. Рыжій Дэнъ, Нани, Дикъ и Нэди голодали въ воскресенье, голодали въ понедѣльникъ и во вторникъ. Мятель доконала всѣхъ костеровъ. Въ среду Рыжій Дэнъ встрѣтилъ свою сестру Марджери, которая была за толстымъ, здоровымъ, грубымъ и тяжелымъ на руку копачемъ Биллемъ. Копачъ давно уже былъ въ неладахъ съ Рыжимъ Дэномъ и запретилъ женѣ видѣться съ братомъ. Костеръ разсказалъ сестрѣ про свое горе. Та денегъ не имѣла, но предложила заложить до субботы праздничное платье мужа, безъ вѣдома его, конечно. Рыжій Дэнъ получилъ семь шиллиговъ и купилъ товаръ.

Муза! ты воспѣла многихъ негодяевъ. Воспой, какъ Рыжій Дэнъ метался въ субботу по Лондону, въ поискахъ за деньгами, чтобы выкупить платье и спасти свою сестру Марджери отъ тяжелыхъ кулаковъ копача Билля. Но поэтъ побрезгуетъ, вѣроятно,

такимъ сюжетомъ. Тоска и отчаяніе Рыжаго Дэна — слишкомъ прозаичная тема. Въ шесть часовъ вечера у костера не хватало еще полкроны. Нани и отецъ раздѣлились, чтобы скорѣе собрать деньги. Въ 10 часовъ вечера не хватало еще сикстема. Въ 11 часовъ вечера всѣ семь шиллинговъ были собраны. Такъ какъ Нани не являлась, то Рыжій Дэнъ бросилъ на улицѣ тележку и Нэди, рискуя потерять осла, затѣмъ рысью помчался къ закладчику, лавка котораго по субботамъ запирается въ полночь. Платье было выкуплено и возвращено Марджери. Копачъ сидѣлъ въ это время въ кабакѣ, такъ что ничего не узналъ. Таково было первое воспоминаніе Дэна.

Лучше было лѣтомъ. Такъ какъ погода тогда болѣе постоянна, то промышленные кризисы отодвигаются на время. Затѣмъ лѣтомъ бывали дополнительные заработки. Къ двумъ—тремъ часамъ Нэди чистили, надѣвали на него сѣдло, затѣмъ Рыжій Дэнъ останавливался съ осломъ возлѣ какой-нибудь школы. Дѣти за пенни могли тогда прокатиться на ослѣ, при чемъ костеръ съ гикомъ бѣжалъ позади. Дальше лѣтомъ было хорошо потому, что къ концу его весь Соутуоркъ уѣзжалъ въ Кентъ на хмѣльники. Тамъ устраивался гигантскій цыганскій таборъ. Хмѣль собираютъ большіе и малые, семидесятилѣтнія старухи и десятилѣтнія дѣти. Для всѣхъ есть работа. А по воскресеньямъ, когда работы нѣтъ, hop-pickers, т. е. сборщики хмѣля, устраиваютъ игры: бѣгутъ въ перегонку съ десяткомъ пустыхъ корзинъ на головѣ, сбиваютъ кеглями съ тычковъ кокосовые орѣхи и пр. Во время сбора хмѣля населеніе Соутуорка живетъ среди природы.

II.

Дику было шесть лѣтъ, когда на ихъ домъ обрушился цѣлый рядъ несчастій. Началось это глубокой осенью. Когда Рыжій Дэнъ предъ разсвѣтомъ вошелъ разъ въ стойло, чтобы вывести Нэди, онъ лежалъ, вытянувъ ноги, какъ палки. Онъ околѣлъ. Несчастье было такъ велико, что Рыжій Дэнъ въ первый разъ послѣ смерти жены напился, подрался съ *бобби* и былъ арестованъ. Магистратъ велѣлъ ему уплатить 2 ф. штрафа, а такъ какъ денегъ не было, то костера направили на двѣ недѣли въ тюрьму. Сосѣди помогли въ эти дни Нани и маленькому Дику перебиться. Рыжій Дэнъ вышелъ изъ тюрьмы жалкій, пришибленный, хворый. Онъ понесъ продавать нѣсколько вязанокъ съ папоротниками, проходилъ цѣлый день подъ проливнымъ дождемъ и возвратился мокрый, дрожащій, больной. Къ утру у костера начался жаръ и бредъ. Рыжій Дэнъ вспоминалъ свою „мисусъ“, т. е. умершую жену и принимался пѣть:

„Come along, my Anny,
Fetch all your money;
Put on your sunday cloth
Come along with me".

(Пойдемъ гулять, Энни. Забирай съ собой весь заработокъ, надѣнь воскресное платье и пойдемъ гулять со мною). То была та самая пѣсенка, которую Рыжій Дэнъ, двадцать два года тому назадъ, тогда молодой парень, пѣлъ своей будущей женѣ, съ которой познакомился на сборѣ хмѣля. Пѣснь чередовалась вопросами о цѣнахъ на апельсины и морковь. Потомъ слѣдовали слезы и воспоминанія: „бѣдныя козлятки"! Костеръ думалъ о дѣтяхъ. Вѣрный Нэди тоже фигурировалъ въ бреду. Еще черезъ два дня Рыжаго Дэна не стало.

Сосѣдки съ Солнечнаго Парада обмыли высохшее тѣло Рыжаго Дэна и увели съ собой маленькаго Дика. Во всемъ домѣ нашлось деньгами пять пенсовъ и одинъ фартингъ. Между тѣмъ, по старинному обычаю, костеръ-монгеры считаютъ, что умершіе товарищи ихъ должны имѣть „респектабельные похороны". Я, право, не знаю, почему съ необычайною помпой заявляется міру о томъ, что сошелъ со сцены бѣднякъ, который при жизни, такъ сказать, все время жался къ заборамъ. Фактъ тотъ, что лондонская бѣднота тратитъ на похороны всѣ деньги, полученныя отъ дружественныхъ или страховыхъ обществъ. Рыжій Дэнъ не былъ членомъ дружественнаго общества, поэтому похоронить костера было не на что. Но все мужское населеніе Солнечнаго Парада и сосѣдняго переулка собралось въ кабакѣ *Зеленой Коровы.* На столъ поставили большую тарелку, затѣмъ каждый, полагавшій, что можетъ доставить компаніи удовольствіе своимъ голосомъ, поднимался и просилъ „нѣсколько секундъ" у выбраннаго предсѣдателя. Когда предсѣдатель кивалъ головой и говорилъ: „go on" (т. е. валяй!), костеръ начиналъ пѣть сентиментальную балладу или полемическую пѣсню. Затѣмъ каждый клалъ на тарелку, сколько могъ и во сколько оцѣнивалъ искусство пѣвца. На языкѣ костеровъ такой концертъ называется „brick". Когда большая часть компаніи успѣла уже пропѣть по два раза, открылись двери кабака и вошелъ дюжій, толстый, налитый кровью и пивомъ копачъ Билль, мужъ Марджери. Онъ пришелъ прямо съ работы, судя по запачканнымъ глиной полосатымъ плисовымъ штанамъ, подвязаннымъ подъ колѣнями ремешками. Билль, путаясь и не находя соотвѣтствующихъ словъ, заявилъ компаніи, что хотя онъ и сварливый порой, но совсѣмъ не такой пропащій человѣкъ, какъ его считаютъ. Онъ, Билль, выпиваетъ иногда и дерется; но когда провозишься всю недѣлю въ мокрой глинѣ, когда продрогнешь весь, — только развѣ святые, что нарисованы на окнахъ въ церквахъ, не напьются и не подерутся между собою. Билль заявилъ, что ему жалко Рыжаго Дэна. Еще болѣе жалко,

что они были въ неладахъ. У него, копача, сердце тамъ, гдѣ у всѣхъ людей.

Билль, привыкшій всегда изъясняться только короткимъ ругательствомъ *bloody*, вспотѣлъ даже, когда произнесъ такую длинную рѣчь. Чувства было еще на одну рѣчь, но словъ уже не хватило. Толстый Билль крякнулъ и положилъ на тарелку большую серебрянную монету, крону, которую все время зажималъ въ кулакѣ. Предсѣдатель предложилъ джентльмэнамъ прокричать трижды ура въ честь копача Билля.

Денегъ собрали столько, что устроили Рыжему Дэну похороны на удивленіе. Дроги, запряженныя четверкой, факельщики въ черныхъ сюртукахъ и въ взъерошенныхъ цилиндрахъ, шесть каретъ съ темнымъ населеніемъ Солнечнаго Парада,—словомъ, все было „high respectable“. Нани, сестрѣ Дика, было тогда девятнадцать лѣтъ. На кладбищѣ, когда сосѣди нагнулись надъ раскрытой могилой, чтобы посмотрѣть, глубоко ли опустили Рыжаго Дэна, дѣвушка вдругъ зарыдала громко, затѣмъ схватила маленькаго Дика за руку.

— Слушай, dady!—крикнула она.—Можешь лежать спокойно! Я, Анна Джэйнъ Кэлли, дамъ себя ободрать, какъ кролика, но буду матерью для козленочка и не отдамъ его въ рабочій домъ! Онъ будетъ хорошимъ человѣкомъ. Я, Анна Джэйнъ, клянусь тебѣ въ этомъ, dady!

Нани сдержала свое слово, какъ умѣла. Она бросила торговлю цвѣтами и поступила на фабрику пикулей и консервовъ. Двѣнадцать шиллинговъ въ недѣлю очень небольшія деньги для двоихъ; но Дикъ уходилъ въ школу накормленный, въ починенномъ платьѣ. Въ школѣ мальчикъ былъ лучшимъ ученикомъ, въ двѣнадцать лѣтъ онъ кончилъ ее съ отличіемъ.

Теперь у Нани былъ помощникъ. Впрочемъ, шиллингъ или два въ недѣлю Дикъ сталъ зарабатывать съ девяти лѣтъ продажей газетъ. Мальчику нравилось мчаться по улицамъ съ пачкой только что отпечатанныхъ газетъ подъ мышкой, съ громаднымъ кричащимъ плакатомъ въ рукѣ и вопить, приложивъ свободную ладонь въ видѣ рупора: „спешолъ!“ (Special)! „Пайпà“ (Paper)!

Дикъ зналъ, съ какими вѣстями нужно бѣжать въ какой кварталъ. Когда въ газетѣ, напр., говорится про скандальный бракоразводный процессъ,—нужно мчаться въ богатыя улицы. Тамъ любятъ такой матеріалъ. И чѣмъ больше въ газетѣ скандальныхъ разоблаченій и показаній подсматривавшихъ горничныхъ, частныхъ сыщиковъ да служекъ темныхъ меблировокъ—тѣмъ болѣе обезпечена розница въ богатомъ кварталѣ. Если въ вечерней газетѣ пишется про „ужасную трагедію“, т. е. про убійство, то больше всего номеровъ продается въ дикихъ и бѣдныхъ кварталахъ. Маленькіе лондонскіе газетчики—глубокіе психологи. Просмотрѣвъ

наскоро столбецъ послѣднихъ новостей, мальчишки точно знаютъ, въ какую улицу выгоднѣе всего мчаться въ данный моментъ.

Съ тринадцати лѣтъ Дикъ поступилъ на ту же фабрику, гдѣ работала Нани. Теперь имъ вдвоемъ стало уже гораздо легче жить. Потомъ, когда Дикъ началъ зарабатывать все больше и больше, онъ сталъ даже убѣждать Нани, чтобы она совсѣмъ оставила фабрику; но дѣвушка не соглашалась. Въ девятнадцать лѣтъ Дикъ получалъ тридцать шиллинговъ въ недѣлю. Съ пятнадцатью, зарабатываемыми сестрой, это составляло столько, что можно было жить при условіяхъ, которыя показались бы королевскими бѣдному Рыжему Дэну. Братъ и сестра снимали три удобныя комнаты, хорошо питались, хорошо одѣвались, по субботамъ отправлялись вдвоемъ въ мюзикъ-холлъ. Они давно завели книжку въ сберегательной кассѣ, которую правильно навѣщали по субботамъ. Какъ тысячи другихъ молодыхъ англійскихъ работниковъ, Дикъ былъ членомъ спортативнаго клуба и аккуратно посѣщалъ dancing-academy, по просту, танцклассы. Дикъ отправлялся туда вмѣстѣ съ сестрой.

Умъ молодого работника спалъ еще. Чувствовалось только зоологическое довольство при сравненіи сытаго, теплаго настоящаго съ голоднымъ и холоднымъ прошлымъ. Дикъ дожидался только, когда выйдутъ годы и можно будетъ поступить въ трэдъ-юніонъ.

Но вотъ мысль молодого человѣка пробудилась подъ вліяніемъ случайнаго толчка. Она стала работать и повела Дика совершенно по иному пути. И теперь, черезъ семь лѣтъ, всѣ знакомые молодого человѣка, какъ и Нани, знаютъ, что близко то время, когда работники окажутъ Кэлли высокую честь и пошлютъ его своимъ представителемъ въ парламентъ. Произошло пробужденіе такъ. Семь лѣтъ тому назадъ, въ воскресенье, въ іюлѣ, Дикъ, завивъ хохолокъ по модѣ молодыхъ работниковъ, надѣвъ свое лучшее, тщательно выглаженное платье и воткнувъ розу въ петличку, отправился гулять въ Гайдъ-паркъ. Онъ привыкъ встрѣчать подъ деревьями, близъ мраморной арки, десятки религіозныхъ ораторовъ, къ которымъ относился, какъ къ чему-то забавному. Но сегодня Кэлли обратилъ вниманіе на оратора, который не вопилъ на различные лады слово „Lord“ (Господь). То былъ коренастый человѣкъ, повидимому, работникъ, безъ сюртука, съ фуляромъ на шеѣ, вмѣсто воротничковъ (Было очень жарко). Ораторъ взобрался на перевернутый ящикъ. Рядомъ стояли товарищи человѣка безъ сюртука, повидимому, тоже работники. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ громадное красное знамя. Все это очень заинтересовало Дика, и онъ подошелъ, чтобы послушать, о чемъ говоритъ человѣкъ безъ сюртука.

III.

— Тутъ, въ предѣлахъ этого парка, — говорилъ ораторъ съ высоты своего ящика, — вы можете слышать ораторовъ, доказывающихъ не особенно новое положеніе о пользѣ трезвости и о вредѣ пьянства. Вамъ скажутъ, что семья англійскихъ работниковъ пропиваетъ въ годъ 18 фунтовъ 15 ш. 4 пенса. Всѣ эти факты вѣрны; но совершенно не вѣрны выводы, дѣлаемые изъ нихъ ораторами.

Лэди и джентльмэны! Есть много людей, полагающихъ, что всѣ англійскіе работники станутъ счастливы и зажиточны, если запишутся въ общество трезвости, будутъ жить болѣе бережливо, сберегать каждый пенни, станутъ трудиться усерднѣе и если они перестанутъ рано вступать въ браки и обзаводиться большою семьей. Эти самые господа, конечно, утверждаютъ, что бѣдность и страданія обусловливаются пьянствомъ, неосторожными браками и отсутствіемъ бережливости. Я знаю, что многіе изъ васъ тоже думаютъ такъ, хотя положеніе это совершенно невѣрно. Если бы каждый работникъ или фабричный завтра же, не за страхъ, а за совѣсть, отказался совершенно отъ крѣпкихъ напитковъ; или же массы до гроба остались бы одинокими, работали бы, какъ черные невольники, по двѣнадцати часовъ въ день, питались бы только овсянкой и откладывали бы каждый фартингъ,—то черезъ двадцать лѣтъ положеніе ихъ было бы еще хуже, чѣмъ теперь. Трезвость, бережливость, трудолюбіе, самоотреченіе, благоразуміе, — все это хорошія свойства. Но если бы *всѣ* работники обладали этими свойствами, то обогащались бы только лѣнивые и порочные. Трудолюбивые же и добродѣтельные были бы доведены до степени рабства.

Трезвость вамъ не поможетъ выпутаться изъ нищеты. Не помогутъ также ни трудолюбіе, ни скопидомство, ни обученіе мастерству, ни поздніе браки, ни искусственное сокращеніе числа дѣтей. Всѣ эти средства не дѣйствительны...

Все это я вамъ постараюсь сейчасъ доказать. Начну съ заявленія, которое недавно сдѣлалъ одинъ коммонеръ-тори. По словамъ газетъ, онъ сказалъ, что теперь ничто не препятствуетъ любому чистильщику улицъ стать въ концѣ лордъ-канцлеромъ.

Повидимому, это не имѣетъ ничего общаго съ теоріями относительно бережливости, трезвости и благоразумныхъ браковъ; но вы скоро увидите внутреннюю связь. Ошибочное положеніе, высказанное коммонеромъ-тори, заключаетъ въ себѣ два утвержденія. Съ одной стороны, по мнѣнію коммонера, каждый изъ васъ можетъ преуспѣть въ жизни, если только пожелаетъ. Съ другой стороны, кто ничего не добился въ жизни, — долженъ

винить лишь одного себя. Ошибочное положеніе это возникло изъ путаницы въ понятіяхъ. Извѣстно, что у насъ человѣкъ можетъ подняться изъ самаго бѣднаго класса до высшихъ ступеней общественной лѣстницы. И вотъ является поспѣшный выводъ, что такъ какъ *одинъ* человѣкъ можетъ сдѣлать это, то, слѣдовательно, и всѣмъ это возможно. Не особенно глубокіе люди знаютъ, что если *одинъ* человѣкъ работаетъ, не покладая рукъ, копитъ деньгу, не пьетъ и живетъ одиноко,—онъ соберетъ больше денегъ, чѣмъ тотъ, кто пьетъ, мотаетъ и имѣетъ большую семью. И вотъ они строятъ заключеніе: такъ какъ *одинъ* человѣкъ преуспѣлъ по причинѣ бережливости, трудолюбія, трезвости и холостой жизни, то и *всѣ* разбогатѣютъ отъ того же самаго. Я докажу вамъ, что такой выводъ не вѣренъ. Постараюсь также показать, *почему* заключеніе ошибочно.

Ораторъ остановился. Въ толпѣ раздались аплодисменты.

— Слушайте, слушайте! — послышалось тамъ.

— Go on! (Ну-ка продолжай!) — крикнулъ веселый, румяный землекопъ, повидимому, успѣвшій уже освѣжиться тремя или четырьмя стаканами пива. Ораторъ, между тѣмъ, вытащилъ изъ черного клеенчатаго сака книжку.

— Джентельмэны, — началъ онъ, — я хочу вамъ прочитать одинъ эпизодъ изъ разсказа *Bob's Fiesy*, написаннаго редакторомъ *Клэріонъ* Робертомъ Блэтчфордомъ.

Раздались аплодисменты. Робертъ Блэтчфордъ — любимое и популярное имя.

— Въ разсказѣ,—продолжалъ ораторъ,—выводится мальчикъ Бобъ, котораго сильно занимаетъ вопросъ, почему это на свѣтѣ существуютъ бѣдняки. Отецъ мальчика, который вышелъ изъ бѣдняковъ и теперь мэръ родного города,—объяснилъ сыну, что неимущіе страдаютъ по собственной винѣ. Въ разговоръ вмѣшивается священникъ, который поясняетъ мысль мэра.

— Полно, полно,—началъ священникъ,—вы, мой мальчикъ, еще слишкомъ малы, чтобы понять такіе вопросы. Впрочемъ, постораюсь растолковать вамъ. Вотъ вашъ батюшка, напр. Онъ теперь богатъ, именитъ, въ почетѣ. Родной городъ выбралъ его своимъ мэромъ. Какъ же онъ достигъ такого положенія?

Мистеръ Топинройдъ (отецъ мальчика) самодовольно улыбнулся и налилъ себѣ другой стаканъ вина. Жена его одобрительно кивнула головой на слова священника.

— Вашъ батюшка,—продолжалъ клерджимэнъ,—сталъ тѣмъ, что теперь, при посредствѣ трудолюбія, бережливости и таланта.

— А если другой кто-нибудь,—вставилъ Бобъ,—будетъ такъ же способенъ, трудолюбивъ и бережливъ, какъ папа, успѣетъ ли онъ точно также въ жизни?

— Разумѣется!—отвѣтилъ Топинройдъ.

— Значитъ, всѣ бѣдные люди не такіе способные, какъ папа?

— Прискорбно, но это такъ, — со вздохомъ сокрушенія сказалъ священникъ.

— А если бы они были такіе, какъ папа, они добились бы того же, что и онъ?

— Конечно! дуракъ ты этакій!—вмѣшалась мать.

Бобъ покачалъ головой и улыбнулся. „Какъ смѣшно!“ началъ онъ.

— Чтó смѣшно?—сурово замѣтилъ отецъ.

— Вотъ смѣшно было бы, если бы всѣ въ нашемъ городѣ стали бы вдругъ трудолюбивы, способны и бережливы!

— Смѣшно?—воскликнулъ священникъ.

— Смѣшно?—повторилъ за нимъ Топинройдъ.

— Что ты хотѣлъ сказать, мой милый? — кротко спросилъ мистеръ Топинройдъ.

— Если бы всѣ жители нашего Лумборо были бы такъ же способны и добродѣтельны, какъ папа, то у насъ было бы пятьдесятъ тысячъ богатыхъ фабрикантовъ, которые всѣ были бы мэрами того же самаго города!

Мистеръ Топниройдъ свирѣпо взглянулъ на сына, нагнулся впередъ и далъ ему затрещину.

— Пошелъ вонъ спать, обезьяна ты этакая!—крикнулъ онъ.

Ораторъ спряталъ книгу. Въ толпѣ раздался хохотъ. Румяный землекопъ еще веселѣе крикнулъ:

— Go on!

— Поняли вы основную мысль разсказа Блэтчфорда?—продолжалъ ораторъ.—Бѣдняки не могутъ быть *всѣ* мэрами, канцлерами и милліонерами, такъ какъ людей много, а высокихъ постовъ мало. Но за то *всѣ* бѣдняки могутъ быть ослами. И они будутъ ослами, если станутъ вѣрить такой ерундѣ, какую порѣтъ имъ коммонеръ-тори.

Когда двадцать человѣкъ пойдутъ въ перегонку, вы можете сказать: „любой изъ нихъ можетъ выиграть призъ“; но вы знаете при этомъ хорошо, что опередить всѣхъ можетъ только одинъ. Девятнадцать человѣкъ должны проиграть. То же самое можно сказать относительно трезвости, трудолюбія и бережливости. Изъ десяти тысячъ механиковъ, напр., одинъ болѣе трудолюбивъ, ловокъ и искусенъ, чѣмъ другіе, поэтому, онъ найдетъ работу тамъ, гдѣ другіе не найдутъ. Но *почему?* Потому что онъ больше стоитъ, какъ работникъ. Но развѣ вы не видите, что если бы всѣ были такъ же искусны, какъ онъ, нашъ механикъ не цѣнился бы уже больше, чѣмъ остальные? Раскиньте умомъ и вы поймете слѣдующее. Сказать милліону работниковъ, что они получатъ больше работы и лучшую плату, если всѣ станутъ способны, трезвы и трудолюбивы,—такъ же глупо, какъ увѣрять двадцать людей, идущихъ въ перегонку, что они всѣ выиграютъ призъ, если поста-

раются. Если бы всѣ двадцать были одинаково проворны, то состязанье ничѣмъ бы не кончилось.

Предположимъ, что въ большой залѣ, набитой народомъ, съ однимъ выходомъ, случился пожаръ. Наступила паника. Всѣ бросились къ дверямъ. Инымъ удалось выбраться, другіе задавлены на смерть, кто выбрался искалѣченнымъ. Многіе погибли въ пламени. Скажите же мнѣ теперь, кто изъ толпы имѣетъ больше всего шансовъ спастись? Прежде всего, конечно, тѣ, которые ближе къ дверямъ, скорѣе спасутся, чѣмъ находящіеся въ глубинѣ залы. Сильные имѣютъ больше шансовъ, чѣмъ слабые, мужчины—больше, чѣмъ женщины. Дѣти имѣютъ очень мало шансовъ выбраться изъ залы. Не правда ли? Теперь, скажите мнѣ еще одно, кто скорѣе выберется: эгоистъ ли, который пробивается кулаками къ выходу, топчетъ ногами трупы женщинъ и дѣтей, да разсчитываетъ только на свою силу, или мужественный и великодушный, помогающій женщинамъ и дѣтямъ, не желающій топтать раненыхъ? Само собою разумѣется, что благородный и великодушный человѣкъ почти не имѣетъ шансовъ на спасеніе, тогда какъ эгоистъ и грубое животное, вѣроятно, доберется до выхода. Слушайте дальше. Одинъ человѣкъ выбрался изъ объятой пламенемъ залы. Случилось это потому, что кулаки у него крѣпки, и онъ не щадилъ дѣтей. Быть можетъ, человѣкъ спасся потому, что вышелъ слѣпой случай. Какъ бы тамъ ни было, человѣкъ спасся. И вотъ онъ стоитъ на улицѣ и кричитъ тѣмъ, которые мечутся въ объятомъ пламенемъ зданіи:

— Если вы страдаете, постарайтесь помочь себѣ. Почему вы не выскакиваете изъ огня? *Я* вѣдь выбрался! Вы можете спастись, если *попробуете. Нѣтъ причинъ, которыя препятствовали бы любому изъ васъ выбраться!*

Если кто-нибудь говорилъ такъ въ вашемъ присутствіи, сочли ли бы вы его добрымъ человѣкомъ и джентльмэномъ? Конечно, нѣтъ. Чѣмъ же тотъ коммонеръ-тори, о которомъ была раньше рѣчь, лучше нашего гипотетическаго грубаго животнаго? Если преуспѣвшій въ жизни говоритъ, какъ коммонеръ-тори, онъ наноситъ тяжелое оскорбленіе всѣмъ неудачникамъ, многіе изъ которыхъ, навѣрное, лучше его самого. Лэди и джентльмэны, паника, охватившая всѣхъ въ горящемъ зданіи—вѣрная картина современной жизни. Общество представляетъ собою большую толпу, стремящуюся выбраться чрезъ единственный узкій выходъ. Тѣмъ, которые выбрались, рукоплещутъ. Ихъ осыпаютъ наградами. Никто не спрашиваетъ, *какъ* они выбрались.

Та партія, къ которой я принадлежу, говоритъ, что необходимо больше дверей и совсѣмъ не нужна давка...

Не вѣрьте доктринѣ, въ силу которой богатые и бѣдные, преуспѣвшіе и неудачники получаютъ лишь по заслугамъ. Будь это такъ, то доходъ каждаго находился бы въ прямой пропорціи съ

его способностями и душевными качествами. Тогда нужно было бы предположить, что машинистъ, получающій тридцать шиллинговъ въ недѣлю, вдвое талантливѣе чернорабочаго, имѣющаго только двадцать шиллинговъ, а мелочной лавочникъ, получающій 200 ф. въ годъ—лучшій человѣкъ, чѣмъ машинистъ. Выходило бы, что негоціантъ, зарабатывающій 2.000 ф. въ годъ, въ десять разъ лучше мелочного лавочника. Что же касается милліонера, то онъ долженъ былъ бы быть слишкомъ добродѣтельнымъ и благороднымъ геніемъ для нашего грѣшнаго міра. Но развѣ вы не знаете, что существуютъ глупые пьяницы машинисты и умные, трезвые чернорабочіе? Мы всѣ знаемъ, что и среди богатыхъ людей имѣются дураки и мошенники. Рядомъ со мной, вонъ подъ тѣмъ деревомъ, заливается джентльмэнъ. Онъ комментируетъ библію. Возьму и я примѣръ оттуда. Лэди и джентльмэны, вспомните исторію Якова и Исава. Младшій братъ выманилъ у старшаго его первородство за чечевичную похлебку и разбогатѣлъ. Исавъ же обѣднѣлъ. Развѣ каждый изъ нихъ получилъ по заслугамъ? Неужели Яковъ былъ лучше Исава? Христосъ жилъ бѣднякомъ, бездомнымъ странникомъ и умеръ на крестѣ. Джей Гульдъ скопилъ милліоны и умеръ богатѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Неужели каждый изъ нихъ получилъ по заслугамъ?

Раздались громкіе аплодисменты и крики: — слушайте, слушайте! Румяный, веселый землекопъ предложилъ крикнуть троекратное *ура* въ честь оратора. На Дика Кэлли рѣчь особенно сильно подѣйствовала. Предъ нимъ открылся цѣлый новый міръ. Онъ увидалъ предъ собою рядъ вопросовъ, надъ которыми никогда не задумывался. Когда ораторъ кончилъ и слѣзъ съ своего ящика, Дикъ подошелъ къ нему и спросилъ, гдѣ можно познакомиться болѣе подробно съ тѣмъ, о чемъ говорилось только что. Ораторъ вытащилъ изъ сумки цѣлую пачку книжекъ. Тутъ были пенсовые трактаты фабіанскаго общества: „Почему люди бѣдны?“, „Факты, констатируемые экономистами и статистиками“, „Восьмичасовой рабочій день“, „Національзація земли“ и пр. Затѣмъ знаменитая книжка Роберта Блэтчфорда „Веселая Англія“, памфлетъ того же автора „Британія для британцевъ“ и изданія газеты *Клэріонъ*: „Коллективизмъ“, „Программа Независимой Рабочей Партіи и безработные“, „Предстоящая борьба съ голодомъ“ и пр. За шиллингъ Дикъ пріобрѣлъ маленькую библіотечку. До того времени Дикъ никогда не интересовался экономическими вопросами. Теперь они всецѣло захватили его. Дикъ быстро поглотилъ пріобрѣтенную литературу.

Пробудившаяся мысль требовала отвѣтовъ. Возникали обобщенія, для подтвержденія которыхъ нужны были факты. Дикъ каждый разъ останавливался предъ темнымъ пространствомъ, и онъ понялъ, что очень мало знаетъ. И вотъ мюзикъ-холлъ и

„Dancing Academy“ потеряли для него всякую прелесть. Онъ записался на лекціи въ сосѣднемъ „Политехникумѣ“ и сталъ брать книги изъ безплатной библіотеки. Теперь Дикъ носилъ въ сберегательную кассу гораздо меньше, чѣмъ прежде. Не потому, что заработокъ уменьшился, а потому, что лишнія деньги молодой человѣкъ тратилъ на книги. Англичане не только упорны, но и систематичны въ работѣ. Дикъ началъ почти съ азовъ, руководствуясь „Народными учебниками“, изданными Касселемъ. Черезъ годъ самодѣльныя полки въ комнатѣ Дика были заняты рядомъ классическихъ трудовъ. О внимательномъ изученіи ихъ свидѣтельствовалъ рядъ выписокъ въ видѣ слѣдующихъ: „Адамъ Смитъ неопровержимо доказалъ, что трудъ есть единственный источникъ богатства; поэтому трудомъ и только трудомъ обусловливается владѣніе человѣкомъ какой бы ни было мѣновой цѣнности“. (Mc Culloch's „Principles of Political Economy“, part II, sec. I). „Никакая цѣнность не можетъ быть произведена безъ труда“ (Proff Henry Fawcett. „Manual of Political Economy“ p. 13). „Монополія во всѣхъ формахъ ея это — налогъ на производителей для поддержанія лѣнивыхъ или даже грабителей“ (*J. S. Mill* „Political Economy“, p. 129).

Теперь Дикъ могъ бы привести сколько угодно иллюстрацій, взятыхъ изъ воспоминаній дѣтства, изъ газетъ и книгъ, изъ повседневныхъ наблюденій на фабрикѣ. Въ Англіи, если кто додумается до того, что считаетъ истиной, — то не можетъ сидѣть спокойно. Ему необходимо повѣдать истину другимъ, „fellow-citisens“, т. е. товарищамъ-согражданамъ. Истина, по мнѣнію англичанъ, хороша только тогда, когда можно подѣлиться ею съ тѣми, которые ее еще не познали. Затѣмъ, такой обмѣнъ необходимъ потому, что люди при этомъ могутъ возражать, дѣлать замѣчанія, которыя самому не приходили въ голову. Такимъ образомъ, положеніе подвергается всесторонней критикѣ и додумавшійся до него можетъ самъ убѣдиться въ томъ, является ли онъ обладателемъ истины или только заблужденія. И вотъ Дикъ по воскресеньямъ сталъ уходить часа на два на форумъ, чтобы подъ деревомъ конституціи подѣлиться съ согражданами тѣми мыслями, до которыхъ додумался. Лондонскій форумъ и дерево конституціи — школа краснорѣчія для многихъ начинающихъ политическихъ и религіозныхъ дѣятелей. Здѣсь учатся на принципѣ уважать чужое мнѣніе, быстро находить возраженіе и тому, какъ познать психологію многочисленныхъ слушателей, которыхъ нужно заинтересовать и увлечь. Традиціонная торжественная декламація коммонеровъ и знаменитыхъ англійскихъ церковныхъ ораторовъ, въ сущности, зародилась на открытомъ форумѣ. Дикъ вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность. Его стали приглашать различные рабочіе клубы высказаться по тому или другому вопросу дня. И въ одномъ изъ такихъ клубовъ Сѣвернаго Лондона я впервые услыхалъ Дика Кэлли

четыре года тому назадъ въ самомъ разгарѣ южно-африканской войны.

IV.

То было тяжелое время. Воинственный имперіализмъ захватилъ всѣ классы. Онъ усердно пропагандировался съ церковныхъ каѳедръ, въ парламентѣ, въ университетахъ, въ газетахъ, со сцены. Почти во всѣхъ театрахъ слышались тогда слова гордаго гимна, обращеннаго къ Британіи:

„The nations not so blest as thee,
Must in their turns to tyrants fall
While thou shalt flourish great and free,
The dread and en vy of them all.
Rule, Britannia, rule the waves,
Britans never will be slaves".

(„Другіе народы, не столь благославенные, какъ ты, должны подпасть подъ иго тирановъ; но ты будешь процвѣтать, великая и свободная, на страхъ и зависть всѣмъ. Владѣй, Британія, морями. Британцы никогда не будутъ рабами"). Но гордый припѣвъ понимался въ томъ смыслѣ, что всѣ слабые народы должны стать рабами Британіи. Воинственный имперіализмъ находилъ неожиданныхъ защитниковъ: фабіанцевъ, Роберта Блэтчфорда изъ *Клэріона* и др. Многіе принципіальные противники имперіализма молчали, не рѣшаясь плыть противъ теченія и жертвовать популярностью. Но нашлось также не мало смѣлыхъ людей, которые устраивали митинги и обличали войну. Такіе митинги становились иногда полями сраженія не съ полиціей (она не имѣетъ права входить въ помѣщеніе, гдѣ происходитъ митингъ), а съ имперіалистами. Часто обличавшимъ войну приходилось забаррикадироваться, потому что воинственные имперіалисты пытались взять залъ штурмомъ.

Дикъ Кэлли выступилъ рѣзкимъ обличителемъ не только южно-африканской войны, но и милитаризма вообще. На митингѣ, на которомъ я впервые услыхалъ Дика, молодой ораторъ доказывалъ слушателямъ, что война ничего, кромѣ несчастій и страданій, не принесетъ англійскимъ рабочимъ. Онъ выяснялъ причины милитаризма вообще, выставляя на видъ, что послѣдній отнюдь не обусловливается накопленіемъ вражды одного европейскаго народа къ другому. По мѣрѣ роста цивилизаціи все больше и больше исчезаетъ опасность (если она существовала когда-нибудь), что одинъ *народъ* вторгнется въ чужую страну прямо изъ слѣпой ненависти къ другому *народу*.

— Ужъ не любовь ли къ миру побуждаетъ державы все больше и больше вооружаться? — продолжалъ Дикъ. — Не для того ли онѣ такъ страшно увеличиваютъ военные расходы и

контингентъ войскъ, чтобы доказать миролюбивость своихъ намѣреній? Сторонники милитаризма говорятъ вѣдь: „если хочешь мира, готовься къ войнѣ“. Лэди и джентльмэны, вотъ что пишетъ по этому поводу голландецъ Домела-Ньювенгейсъ: „По нелѣпости своей положеніе — *Si vis pacem para bellum* — можно развѣ сравнить съ такого рода разговоромъ между двумя сосѣдями:

— Какъ я радъ, — говоритъ первый сосѣдъ, — что мы съ тобой живемъ въ мирѣ. А потому я купилъ себѣ палку, посмотри-ка!

Второй сосѣдъ разсматриваетъ палку и отвѣчаетъ:

— Да, славная дубина! Недурно можетъ размозжить комунибудь черепъ! А хорошо, что мы съ тобою такъ согласно живемъ! Пойду и я, куплю себѣ такую же палку, хотя, по правдѣ сказать, деньги мнѣ нужны въ хозяйствѣ.

Спустя нѣкоторое время, первый сосѣдъ снова начинаетъ разговоръ:

— Я сбылъ съ рукъ свою палку одному менѣе цивилизованному человѣку, чѣмъ мы, потому что, въ сущности, убить человѣка дубиной—это слишкомъ грубо. Вмѣсто нея, я купилъ саблю: съ ней легче обращаться, да она и красивѣе. Какъ я радъ, что живу въ мирѣ и согласіи со всѣми сосѣдями!

Второй сосѣдъ разсматриваетъ саблю и говоритъ:

— Да, хорошо, что мы христіане! Вѣдь христіанство, это — религія мира... А потому будетъ гораздо приличнѣе, если я тоже пріобрѣту саблю: дубина, это, въ концѣ концовъ,—оружіе, пожалуй, слишкомъ языческое.

Проходитъ еще нѣкоторое время.

— Эй, сосѣдъ, поди-ка сюда! — зоветъ первый. — Посмотри, какое у меня ружье? Оно гораздо лучше сабли; но въ виду прекрасныхъ отношеній, я оставляю у себя и то, и другое — и саблю, и ружье.

Второй сосѣдъ разсматриваетъ ружье и говоритъ:

— Куплю и я себѣ ружье! — Придя домой онъ обращается къ женѣ:

- Дай мнѣ денегъ на ружье.

— Да ты съ ума сошелъ?—отвѣчаетъ жена,—ружье! У меня не на что купить дѣтямъ одежду.

— Займи гдѣ-нибудь.

— У меня нѣтъ ничего, чтобы я могла заложить.

— Ну, ничего: дѣти выростутъ и заплатятъ долгъ, а на уплату процентовъ будутъ отдавать часть того, что заработаютъ.

— Мы хотимъ ѣсть! — кричатъ дѣти.

— Молчите!—отвѣчаетъ имъ отецъ!—Терпѣть не могу недовольныхъ! Я стою за свободу и позволяю вамъ быть голодными, сколько вамъ угодно, лишь бы только вы не выражали недо-

вольства. — Мать и дѣти начинаютъ плакать и, ради любви къ миру, съ ними расправляются кулаками. А затѣмъ сосѣди продолжаютъ состязаться между собою въ вооруженіи. Чтобы обезпечить миръ, въ каждой семьѣ вооружаютъ нѣсколько человѣкъ изъ дѣтей, которыя занимаются тѣмъ, что бьютъ остальныхъ или разстрѣливаютъ ихъ, если, подъ вліяніемъ голода, они дойдутъ до возстанія противъ отцовской власти. И такую несчастную жизнь ведутъ всѣ семьи.

Постоянно покупается новое оружіе, и для этого всегда находятся деньги, въ то время какъ голоднымъ отказываютъ въ кускѣ хлѣба. При этомъ каждый годъ сосѣди сходятся вмѣстѣ и увѣряютъ другъ друга, что между ними царитъ полное согласіе, и что никакое нарушеніе мирныхъ отношеній невозможно.

Что бы сказали люди,—продолжаетъ Домела-Ньювенгейсъ, — если бы въ самомъ дѣлѣ нашлись такіе сосѣди? Ихъ бы, навѣрное, посадили въ сумасшедшій домъ, или въ тюрьму - за дурное обращеніе со своими дѣтьми. А между тѣмъ державы по отношенію другъ къ другу поступаютъ рѣшительно такъ же.—Затѣмъ Дикъ сталъ излагать причины африканской войны.

Въ залѣ раздались кое-гдѣ восклицанія: „Умалитель Англіи!.. Про-буръ!“

Но все это потонуло въ аплодисментахъ.

— Джентльмэны! — сказалъ Дикъ, когда аплодисменты и крики прекратились.—Всякій свободный отъ рожденія британецъ имѣетъ право на то, чтобы его выслушали. Здѣсь, въ этой залѣ, есть, повидимому, защитники войны. Если они работники, мнѣ хотѣлось бы выслушать ихъ.

— Я—за войну! — началъ въ глубинѣ залы необыкновенно высокій, тощій человѣкъ, съ котелкомъ на заостренной головѣ.— Я — такой же работникъ, какъ и вы. Если хотите, то приведу вамъ мои доводы. Война открываетъ намъ новые рынки, что расширяетъ производство. А если фабрики сильно работаютъ, то будетъ повышенный спросъ и на наши руки. Когда же работники нужны, то ужъ всѣмъ извѣстно, что заработная плата повышается. Значитъ, война намъ на пользу. Это вообще о войнѣ. Что же касается буровъ, то я опять за войну съ ними. Англія дастъ имъ хорошую конституцію. Когда двѣ республики будутъ наши, англійскіе работники будутъ работать тамъ. И если при бурахъ бѣлый работникъ получалъ фунтъ въ день, то при англичанахъ, вѣроятно, будетъ имѣть двадцать пять шиллинговъ. Попы существуютъ, чтобы читать проповѣди, купцы—чтобы торговать, доктора—чтобы лѣчить, актеры — чтобы кувыркаться и показывать смѣшныя штуки въ мюзикъ-холлахъ, а солдаты на то и существуютъ, чтобы воевать. За то имъ и деньги даютъ. Все.

Высокій работникъ приподнялъ свой котелокъ, побѣдно

осмотрѣлъ залъ, затѣмъ усѣлся. Раздался хохотъ, послышались шутки и ироническія замѣчанія; но кое гдѣ хлопали.

Дикъ сталъ возражать по пунктамъ.—Я желалъ бы ошибиться, но, увы!—къ несчастью, этого не будетъ!—закончилъ онъ.—Черезъ два года, безъ сомнѣнія, война кончится. Она принесетъ намъ всѣмъ, работникамъ, не хлѣбъ, а безработицу и голодовку. Боюсь, что тогда ораторъ, только что возражавшій мнѣ, будетъ участвовать въ какой-нибудь процессіи безработныхъ. Какъ васъ зовутъ, товарищъ?

— Альфредъ Уотсонъ,—послышалось въ глубинѣ залы.

— Ну, такъ вотъ что, товарищъ, запомните на всякій случай мой адресъ. Мы съ вами встрѣтимся тогда на одной платформѣ.

V.

Дикъ Кэлли оказался пророкомъ. Война кончилась, оставивъ громадный долгъ и страшную путаницу въ южной Африкѣ. Въ Англіи, вмѣсто расцвѣта въ дѣлахъ, наступилъ кризисъ. Фабрики закрылись. Тысячи работниковъ остались безъ хлѣба. И когда наступила зима, на улицахъ показались процессіи безработныхъ. Имперіалисты, восхвалявшіе прежде благодѣтельное вліяніе войны, толковали теперь массамъ, что безработица обусловливается двумя причинами: свободной торговлей и наплывомъ въ Англію переселенцевъ-иностранцевъ, отбивающихъ у коренного населенія хлѣбъ. Дикъ Кэлли теперь работалъ очень сильно. Не проходило дня, чтобы онъ не выступалъ на одномъ или даже на двухъ митингахъ. Онъ доказывалъ, что національный доходъ Соединеннаго королевства увеличивается ежегодно на 32 милл. фунт. стерлинговъ, а ежегодный приростъ населенія—400 тысячъ человѣкъ. При населеніи въ 42 милліона, государственный доходъ королевства достигаетъ теперь 1,800 милл. фун. стерлинговъ. И если при наличности такихъ условій существуютъ безработные, то факта нельзя объяснить національнымъ обѣдненіемъ. Не можетъ быть также, чтобы явленіе обусловливалось свободной торговлей, какъ говорятъ сторонники покровительственныхъ тарифовъ и налоговъ на хлѣбъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ при системѣ протекціонизма тоже существуютъ безработные. Въ послѣднее время только и слышно оттуда, что о разсчетахъ и о сокращеніи заработной платы на 5—50%. О континентѣ нечего уже и говорить. Если бы благосостояніе работниковъ находилось въ прямой зависимости отъ покровительственныхъ тарифовъ, какъ утверждаютъ протекціонисты, то въ Германіи или во Франціи положеніе труда должно было бы быть лучше, чѣмъ въ Англіи. Между тѣмъ мы наблюдаемъ какъ разъ

обратное явленіе. Говорятъ также, причиной безработицы являются переселенцы. Протекціонисты твердятъ: „Наши способные работники мрутъ отъ голода, а между тѣмъ съ каждымъ кораблемъ прибываютъ къ намъ съ континента *полчища* пауперовъ и преступниковъ, вытѣсняющихъ англичанъ изъ квартиръ и отнимающихъ заработокъ. Радикалы готовы поддержать билль, въ силу котораго уголовные преступники и страдающіе заразительными болѣзнями не могли бы высаживаться на англійскій берегъ. Но безработица обусловливается,—утверждаютъ протекціонисты,—не больными и не преступниками, а неимущими работниками-переселенцами. Они сбиваютъ заработную плату, потому что потребности ихъ, какъ некультурныхъ людей,—ничтожны. Мало еще отогнать уголовныхъ преступниковъ и больныхъ отъ береговъ Англіи. Необходимъ законъ, который запрещалъ бы неимущимъ переселенцамъ-работникамъ, вытѣсняемымъ съ родины суровыми преслѣдованіями, пріѣзжать къ намъ. Эти переселенцы, вслѣдствіе своей забитости и готовности работать за какую угодно плату, становятся жертвами „выжимальщиковъ пота".

— Что можно отвѣтить на все это? — говорилъ Дикъ Кэлли своей аудиторіи.

— Мы, англійскіе работники, не вѣримъ, чтобы безработица обусловливалась переселенцами-иностранцами. Въ Англіи меньше иностранцевъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было: ихъ всего у насъ семь на тысячу, тогда какъ въ Германіи—11 на тысячу, въ Бельгіи—30, а въ Соединенныхъ Штатахъ—150 на тысячу коренного населенія. По народной переписи во всемъ Соединенномъ королевствѣ всего только 150 тысячъ иностранцевъ. Сюда входятъ не только неимущіе работники, но также негоціанты, фабриканты, путешественники, люди либеральныхъ профессій, посланники, консулы и проч. Нелѣпо говорить также, что „англичане поддерживаютъ иностранцевъ", потому что значительная часть послѣднихъ платитъ городскіе и государственные налоги, хотя не пользуется избирательными правами. Налоги, уплачиваемые состоятельными иностранцами, неизмѣримо выше той суммы, которая идетъ на содержаніе неимущихъ или преступныхъ переселенцевъ въ рабочихъ домахъ и въ тюрьмахъ. Въ началѣ и въ серединѣ XIX вѣка иностранцевъ въ Англіи было еще меньше, чѣмъ теперь, между тѣмъ англійскіе работники не только не благоденствовали, но вели отчаянное существованіе. Нѣтъ,—продолжалъ Кэлли,—британскихъ работниковъ дурачатъ, когда пытаются теперь увѣрить ихъ, что причиной всѣхъ бѣдъ—иностранцы и свободная торговля. Всѣ толки протекціонистовъ лишь затемняютъ основной пунктъ. Въ хорошіе года трудъ работниковъ быстро создаетъ общественныя и частныя богатства; между тѣмъ въ плохіе годы государство не желаетъ употребить часть накопленныхъ богатствъ, чтобы помочь работникамъ пере-

ждать мертвый сезонъ, не прибѣгая къ унижающей благотворительности. И если періоды чрезмѣрной работы и полной безработицы должны чередоваться, то здравый смыслъ подсказываетъ, чтобы въ хорошіе годы накоплялся извѣстный запасъ для плохихъ временъ. Справедливость требуетъ, чтобы часть національныхъ доходовъ шла на борьбу съ соціальнымъ бѣдствіемъ — съ безработицей. Агитація въ пользу протекціонизма и билля противъ иностранцевъ только отвлекаетъ вниманіе всего населенія отъ дѣйствительной причины зла. Безработица обусловливается существующими монополіями и тѣмъ бременемъ, которымъ являются непроизводительные классы для производительныхъ. Необходима такая организація промышленности, при которой не было бы чередующихся періодовъ чрезмѣрной работы и полной безработицы.

Такъ объяснялъ Кэлли. И не только онъ одинъ, но и сотни другихъ ораторовъ. Безработные, между тѣмъ, устраивали манифестаціи на улицахъ, чтобы обратить вниманіе страны на свое положеніе. Манифестаціи эти иногда состояли изъ трехъ—четырехъ десятковъ работниковъ съ однимъ только знаменемъ. Иногда въ демонстраціи участвовали сотни и даже тысячи. Въ такомъ случаѣ манифестанты носили нѣсколько знаменъ, затѣмъ — хоругви трэдъ-юніоновъ и дружественныхъ обществъ. Бывали процессіи съ музыкой. Бывало и такъ, что манифестанты пѣли. Въ такомъ случаѣ пѣли или старыя пѣсни, сложенныя предками въ „голодные годы", когда за стачки ссылали въ Австралію и даже казнили, или новыя, какъ „Безъ хозяина", „Ночь темна, не страшно: близится разсвѣтъ". Пѣли также печальную балладу про трехъ рыбаковъ, выѣхавшихъ въ море, не смотря на непогоду. Цѣлую ночь просидѣли въ маякѣ три женщины, подправляя огонь въ лампѣ и прислушиваясь къ завыванію бури. На утро волны прилива выбросили на сверкающій песокъ три тѣла. И когда наступилъ отливъ, три женщины плакали надъ этими тѣлами и ломали въ отчаяніи руки. Припѣвъ баллады еще печальнѣе, чѣмъ сама она:

„For men must work, and women must weep,
And there's little to earn, and many to keep".

(Удѣлъ мужчинъ работать, а женщинъ — плакать; заработокъ малъ, а содержать на него нужно большую семью).

Въ серединѣ зимы безработные рѣшили устроить въ ближайшее воскресеніе громадную демонстрацію, и тутъ случилось обстоятельство, которое въ продолженіе трехъ дней занимало весь Лондонъ. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, планъ демонстраціи былъ самымъ тщательнымъ образомъ выработанъ организаціоннымъ комитетомъ. Отдѣльные отряды въ 100—500 человѣкъ должны были тронуться со своими знаменами въ опредѣленный

часъ изъ различныхъ кварталовъ гигантской столицы, пройти по извѣстнымъ улицамъ и затѣмъ собраться къ двумъ часамъ на форумѣ, въ Гайдъ-паркѣ. Дѣйствительно, такъ и было. Но отрядъ въ 200 человѣкъ, который долженъ былъ выйти изъ Соутуорка, пересѣчь мостъ и пройти мимо собора св. Павла, пришелъ на форумъ очень поздно, въ страшномъ безпорядкѣ, безъ вождя— Ричарда Кэлли. И лондонскій форумъ загудѣлъ, какъ гигантскій улей, когда узналъ, что Дика забрали. Еще черезъ часъ мальчишки-газетчики выкликали всюду: „Мятежъ у собора. Схватка съ безработными. Полиція пустила въ ходъ дубинки. Арестованные вожди". Происшествіе было до такой степени важно, что отпечатали спеціальныя телеграммы, хотя по воскресеньямъ англійскія газеты не выходятъ.

Что же случилось у собора? Отрядъ безработныхъ, во главѣ котораго находился Ричардъ Кэлли, въ полномъ порядкѣ перешелъ мостъ, вступилъ въ сонное Сити и обогнулъ громадный соборъ, стѣны котораго почернѣли не отъ времени, а отъ густыхъ тумановъ, насыщенныхъ углемъ. Прямо предъ главнымъ входомъ, спиной къ собору и лицомъ къ Газетной улицѣ, стоитъ мраморная статуя королевы Анны, „Anny Brandy", какъ прозвали ее подданные при жизни за пристрастіе къ бутылкѣ. Народное двустишіе попрекаетъ королеву за то, что она „повернулась задомъ къ церкви, а лицомъ—къ кабаку". Тамъ, куда смотритъ *Anny Brandy*, находится и теперь еще историческій кабакъ „Прекрасной дикарки", упоминаемый у Фильдинга, Смоллета и Диккенса.

Два работника, таскавшіе громадную хоругвь съ надписью: „Мы отдаемъ силу нашихъ мышцъ; давайте намъ хлѣба"—поравнялись съ *Anny Brandy*. Въ церкви скоро начиналась служба. Разодѣтые, сытые, гладкіе господа въ лоснящихся цилиндрахъ, съ громадными золотообрѣзанными молитвенниками въ рукахъ да дамы въ шуршащихъ шелковыхъ платьяхъ поднимались по лѣстницѣ. Контигентъ молящихся въ англійскихъ церквахъ—только средніе классы (главнымъ образомъ, ниже-средніе). Работниковъ и „чернаго люда" совсѣмъ не видно. Въ Англіи церковь — одинъ изъ аттрибутовъ „респектабельности". Молящіеся шли въ церковь съ наиболѣе приличествующимъ случаю выраженіемъ на лицахъ. Но, при видѣ безработныхъ, умиленное и благолѣпное выраженіе замѣнялось другимъ: чувствомъ оскорбленія, какъ будто молящіеся увидали что-то непристойное, шокирующее. Господа въ цилиндрахъ сердито косились. Дамы въ шуршащихъ платьяхъ поджимали губы. Замѣтивъ это, безработные запѣли „The Starving Poor of Old England", гдѣ говорится про лицемѣровъ. Кто то изъ безработныхъ поднесъ клерджимэну, особенно косившемуся на процессію, ящикъ, предлагая бросить туда пенсъ.

— Лѣнтяи!—крикнулъ клерджимэнъ.

— Кто насъ попрекаетъ въ лѣни!—воскликнулъ Дикъ.—То-

варищи, знаете ли, кто этотъ священникъ? Это—достопочтенный Сомервиль, авторъ книжки „Впечатлѣнія миссіонера на Крайнемъ Востокѣ“. Въ книжкѣ своей онъ восхваляетъ систему рабства въ Южной Африкѣ. И этотъ человѣкъ, выплясывающій на заднихъ лапкахъ предъ африканскими магнатами, попрекаетъ насъ нежеланіемъ работать!

Толстый клерджимэнъ поспѣшно удалился въ церковь.

— Вотъ что надѣлали aliens! (иностранцы) — послышались негодующіе голоса изъ толпы господъ въ цилиндрахъ.

— Aliens!—воскликнулъ вдругъ бѣшено одинъ изъ работниковъ, необыкновенно высокій, поджарый парень, въ котелкѣ на конической головѣ (то былъ никто иной, какъ Альфредъ Уотсонъ, защитникъ имперіализма). — Если бы двѣсти лѣтъ тому назадъ существовалъ законъ противъ aliens, то и гановерская династія не пріѣхала бы къ намъ.

— Идемъ, Алфи!—потянулъ его за руку Дикъ.

— Нѣтъ, я не пойду!—вопилъ Алфи (т. е. Альфредъ).—Я долженъ сказать имъ, что если такъ будутъ обращаться съ нами, работники заговорятъ по иному: пулями и кинжалами. Да!

Къ собору спѣшили, что было силъ, нѣсколько десятковъ *бобби*.

— Проходите! Проходите!—крикнулъ полицейскій инспекторъ. Но Алфи пришелъ въ бѣшенство, жестикулировалъ и кричалъ что-то. Жестикулировали и кричали многіе работники и господа въ цилиндрахъ. И тутъ случилось, что осталось не выясненнымъ у магистрата: разъяренные ли работники первые ударили „бобби“, или „бобби“ потеряли обычное спокойствіе, но завязалась драка. Англійская полиція не вооружена, но у „бобби“ въ заднемъ карманѣ хранится коротенькая дубинка, которую полицейскій имѣетъ право вытаскивать только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Теперь дубинки не только были вытащены, но даже пущены въ ходъ. Въ свою очередь, работники отвѣтили палками и кулаками. Дамы убѣжали, разнося вѣсть, что предъ соборомъ произошелъ мятежъ. Но и въ рядахъ работниковъ, и среди „бобби“ обычное англійское спокойствіе взяло верхъ. Черезъ нѣсколько минутъ драка кончилась. Работники ушли на форумъ, оставивъ въ рукахъ бобби двухъ плѣнниковъ: Дика и Алфи.

На другой день утреннія газеты только и говорили, что про вчерашній „мятежъ“. Мелкая пресса поражала полетомъ своей фантазіи. По „Daily Mail“ выходило, что Ричардъ Кэлли—страшный анархистъ, образовавшій спеціальный отрядъ отчаянныхъ людей, чтобы напасть на соборъ св. Павла, перерѣзать молящихся и ограбить золотые сосуды. „Daily Express“ сообщалъ, что въ субботу произошло большое засѣданіе анархистовъ въ подвалѣ. Всѣ „поклялись на кинжалѣ“ осуществить планъ вождя, т. е. ограбить соборъ. Но на тайное засѣданіе попалъ, „пере-

одѣвшись анархистомъ", детективъ (сыщикъ) Пинкертонъ. Такимъ образомъ, все стало извѣстно, и „анархисты въ воскресенье, когда они явились къ собору, — попали въ засаду". Спокойная пресса требовала выяснить, какъ это случилось, что полиція пустила въ ходъ дубинки.

Въ одиннадцать часовъ дня, въ понедѣльникъ, арестованные предстали предъ магистратомъ, и „дѣло о мятежѣ" приняло размѣры простой взаимной драки. Дика магистратъ отпустилъ немедленно. Товарищу же его задалъ нѣсколько вопросовъ.

— Вы говорили о томъ, что работники пустятъ въ ходъ оружіе?—спросилъ магистратъ.

— Да!—отвѣтилъ Алфи.

— Вы были пьяны?

— Нѣтъ.

— А въ сумасшедшемъ домѣ лѣчились когда-нибудь?

— Нѣтъ.

— Ну, если вы не пьяны и не больны, то какъ же вы не знаете, что право сходокъ и слова никто не можетъ нарушить въ Англіи. Ступайте. Вы свободны, если дадите обѣщаніе вести себя тихо, т. е. не драться въ теченіе шести мѣсяцевъ.

Такъ кончилось дѣло о мятежѣ предъ соборомъ. Магистратъ сдѣлалъ суровое внушеніе полиціи за то, что она вытащила дубинки, хотя въ нихъ не было надобности. Съ этого дня имя Ричарда Кэлли пріобрѣло широкую популярность далеко за предѣлами рабочихъ кружковъ.

VI.

Дикъ Кэлли теперь кандидатъ въ парламентъ. Кандидатуру его выставилъ *Labour Representation Committee*, который заботится о томъ, чтобы англійскіе работники имѣли послѣ общихъ выборовъ собственную партію въ парламентѣ. Теперь Дикъ все свое свободное время посвящаетъ агитаціи среди своихъ избирателей въ Южномъ Лондонѣ.

Въ высшей степени любопытно и поучительно сравнить то, что говорили народные трибуны англійскимъ работникамъ сто лѣтъ тому назадъ и теперь. Анализъ этихъ рѣчей покажетъ, какъ много добыто массами за это время. Возьму знаменитый въ свое время памфлетъ Вильяма Коббэта — „Письмо къ англійскимъ, ирландскимъ, шотландскимъ и уэльскимъ поденщикамъ и работникамъ" *).

„Друзья товарищи! — писалъ Питеръ Дикобразъ (литературный псевдонимъ Коббэта).—Что бы тамъ ни утверждали богатые

*) Letter to the Journeymen and Labourers of England, Wales, Scotland, and Ireland, by Peter Porcupine. London, 1816.

и ученые люди, а дѣйствительная сила и богатство каждой страны всегда зависѣли и будутъ зависѣть *только* отъ труда народа. Этой же причиной обусловливается богатство и могущество Англіи, населеніе которой сравнительно не велико, климатъ не благопріятенъ, а почва скудна. Только народный трудъ сдѣлалъ эту страну самой промышленной въ мірѣ. Изящныя платья, великолѣпныя обстановки, красивыя зданія, прекрасные каналы и дороги, скаковыя лошади, кареты, гордые корабли, заваленные товарами склады—все это, какъ и многое другое, говоритъ про удивительное богатство и удачливость страны. Но все это имѣетъ первопричиной *только трудъ*. Безъ поденщика и безъ работника ничего этого не было бы. Безъ труда ихъ мышцъ Англія была бы пустыней, на которую не польстился бы самый жадный завоеватель. Трудъ работниковъ обогащаетъ страну. Тотъ же классъ людей защищаетъ ее отъ непріятельскаго вторженія и поддерживаетъ ея военную славу. Полководцевъ и адмираловъ награждали титулами и большими деньгами. Не стану теперь обсуждать, до какой степени справедливо раздавались награды,—скажу только что побѣды одерживали *вы*, ваши отцы, братья и сыновья. Только при *вашемъ* содѣйствіи, полководцы могли одержать тѣ побѣды, за которыя получили такія щедрыя награды. Безъ васъ, полководцы были бы безпомощны, какъ грудные младенцы. Теперь, когда вы знаете собственную цѣну,—съ какимъ негодованіемъ должны вы слышать, какъ васъ обзываютъ „чернью", „тупой сволочью", „грязными свиньями" и „мужичьемъ"?„

„Питеръ Дикобразъ" дальше выясняетъ въ своемъ памфлетѣ причины бѣдности „Правительство взвалило на ваши плечи громадные налоги, потому что ему нужны деньги на содержаніе арміи и на жалованье бюрократамъ". Правда, продажные люди, нанятые правительствомъ, доказываютъ работникамъ, что они не платятъ налоговъ, то есть прямыхъ обложеній. „Васъ увѣряютъ,—продолжаетъ *Дикобразъ*,—что налоги въ сущности платятъ лэндлордъ, фермеръ и торговецъ, а не вы, поденщики и работники. Но я думаю, вы сейчасъ поймете обманъ". Коббэтъ выясняетъ значеніе косвенныхъ налоговъ и говоритъ о томъ, какъ тяжело отзываются они на народномъ бюджетѣ. Въ то время четверть пшеницы стоила 126 шил. 6 пенсовъ (теперь 26 шиллинговъ). Четырехфунтовая коврига чернаго хлѣба обходилась работнику въ 1 ш. 5 пенсовъ, тогда какъ теперь такой же бѣлый хлѣбъ стоитъ только 5 пенсовъ 1 фартингъ. Во времена Коббэта какао, чай, сахаръ и кофе—составляли предметъ роскоши для работника, вслѣдствіе высокихъ цѣнъ, обусловленныхъ пошлинами. Теперь рабочая семья, состоящая изъ четырехъ человѣкъ, потребляетъ въ годъ 24,1 ф. чая, 4,8 ф. какао и 318,4 ф. сахара *). Въ попу-

*) Цифры взяты изъ „Red Book", 1905 p. 277.

лярной экономической литературѣ памфлетъ *Питера Дикобраза*— одно изъ самыхъ и блестящихъ разъясненій значенія прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Авторъ дальше показываетъ, что косвенные налоги очень не выгодны и для фабриканта.

Такъ проповѣдывалъ Уильямъ Коббэтъ почти сто лѣтъ тому назадъ. Памфлетъ показался тогда страшно смѣлымъ. Автора арестовали, присудили къ двухлѣтнему тюремному заключенію и къ тяжелому штрафу въ тысячу фунтовъ; но какъ только Коббэтъ вышелъ изъ тюрьмы, онъ опять написалъ памфлетъ, еще болѣе рѣзкій. *Дикобразъ* попалъ бы снова въ тюрьму, если бы не бѣжалъ въ Америку, откуда возвратился потомъ съ прахомъ другого смѣлаго борца—Пэна.

Посмотримъ теперь, что проповѣдуютъ „поденщикамъ и работникамъ" преемники Питера Дикобраза.

Вотъ выдержки изъ обширнаго избирательнаго манифеста Ричарда Кэлли. „Личный интересъ всегда являлся самымъ сильнымъ побудителемъ человѣческой природы. Кто желаетъ улучшить свое положеніе, долженъ самъ позаботиться объ этомъ. Работники, если вы желаете имѣть болѣе высокую заработную плату, короткій рабочій день и лучшія условія жизни,—вы должны поддерживать всѣми силами армію труда.

„Первой линіей укрѣпленій у арміи труда являются трэдъ-юніоны, второй линіей—муниципалитеты, третьей — парламентъ.

„Если работники желаютъ улучшить условія своей жизни, то они должны возможно больше использовать трэдъ-юніоны, муниципалитеты и парламентъ, при помощи которыхъ можно сдѣлать страшно много. Работники, въ вашемъ распоряженіи широкое право голосованія. Если вы захотите только, то можете собрать колоссальный боевой фондъ. Чтобы имѣть деньги на выборную агитацію и на поддержаніе интересовъ рабочаго класса, вамъ отнюдь не нужно вступать въ обязательства по отношенію къ другимъ партіямъ. Если каждый изъ четырехъ милліоновъ работниковъ будетъ вносить еженедѣльно по одному пенни, то это составитъ въ годъ 866 тысячъ ф. ст. Вамъ постоянно говорятъ, что у работниковъ нѣтъ средствъ, чтобы покрывать избирательные расходы своихъ кандидатовъ и нѣтъ возможности платить своимъ представителямъ въ парламентѣ. Если четыре милліона работниковъ обяжутся вносить по пенни въ недѣлю, то денегъ будетъ сколько угодно. Расходы по выборамъ 200 кандидатовъ составятъ сто тысячъ фунтовъ ст., потому что каждые выборы обойдутся въ 500 ф. ст. Этимъ рабочимъ представителямъ нужно будетъ платить въ парламентѣ по двѣсти ф. въ годъ, что составитъ сорокъ тысячъ ф. ст., всего, значитъ, 140 тысячъ ф. ст. Остается еще 726 тысячъ ф. ст. Работники могутъ послать двѣ тысячи своихъ представителей въ муниципальные совѣты и въ попечительные совѣты о бѣдныхъ (Boards of Guardians). Избира-

тельные расходы каждаго кандидата составятъ 50 ф., всего—сто тысячъ ф. ст. Остаются въ распоряженіи партіи 626 тысячъ ф. ст. Работники имѣютъ мало друзей среди газетъ. Во время стачекъ или большихъ промышленныхъ кризисовъ почти вся печать относится враждебно къ работникамъ. Четыре милліона работниковъ, если захотятъ, могутъ основать свои собственныя ежедневныя и еженедѣльныя газеты, каждая изъ которыхъ потребуетъ 50 тысячъ ф. ст. Можно было бы издавать одну ежедневную и одну еженедѣльную газету по пенни за номеръ или утреннюю и вечернюю газеты по полпенни.

„Такія газеты имѣли бы обезпеченный кругъ читателей. Можно было бы ихъ сдѣлать очень содержательными. Три газеты обошлись бы въ 150 тысячъ ф. ст. Черезъ годъ изданія стали бы уже окупаться. Такимъ образомъ, если бы четыре милліона работниковъ вносили въ недѣлю даже не по пенни, а по полпенни (2 коп.), они могли бы имѣть 200 коммонеровъ въ парламентѣ, 2000 членовъ въ муниципалитетахъ и три газеты. Внося по пенни, работники будутъ имѣть еще балансъ въ 476 тысячъ ф. ст. Такимъ образомъ, совершенно нелѣпо говорить, что у работниковъ нѣтъ средствъ имѣть свою парламентскую партію. Быть можетъ, мнѣ скажутъ, что нельзя набрать четыре милліона работниковъ, которые платили бы по пенни; но тогда совсѣмъ не трудно навербовать милліонъ трэдъ-юніонистовъ, которые вносили бы по два пенса въ недѣлю. Нужно представить только себѣ, какое громадное значеніе пріобрѣтетъ рабочій классъ, если интересы его будутъ отстаивать двѣсти коммонеровъ, 2000 муниципальныхъ совѣтниковъ и три газеты. Впечатлѣніе скажется, прежде всего, въ томъ, что въ трэдъ-юніоны запишутся многіе, не принадлежащіе къ нимъ. Пенни кажется такой жалкой монетой, что даже чернорабочій, не задумываясь, тратитъ ее. Между тѣмъ сто тысячъ пенсовъ составляетъ уже четыре тысячи фунтовъ ст. Если милліонъ работниковъ будутъ вносить по пенни въ недѣлю, то это составитъ въ годъ 210 тысячъ ф. ст.

„Блетчфортъ съ тремя товарищами стали издавать *Клэріонъ*, имѣя только 400 ф. ст. Газету не поддерживали ни богатые друзья, ни трэдъ-юніоны. Она совсѣмъ не помѣщала общихъ новостей. Тѣмъ не менѣе, газета быстро стала на ноги и выходитъ вотъ уже больше десяти лѣтъ. Почему же, въ такомъ случаѣ, трэдъ-юніонисты допускаютъ, чтобы ихъ нужды представлялись въ невѣрномъ и пристрастномъ освѣщеніи капиталистическими газетами, когда работники могутъ имѣть свою собственную прессу? Предположимъ, что большая ежедневная газета, отстаивающая интересы трэдъ-юніоновъ, обойдется въ сто тысячъ ф. ст. Знаете ли вы, во сколько это обойдется двумъ милліонамъ трэдъ-юніонистовъ, если предположить, что газета въ первый годъ потеряетъ сто тысячъ ф. ст.? Въ полпенни въ не-

дѣлю въ первый годъ и фартингъ въ недѣлю—во второй. Но я глубоко убѣжденъ, что трэдъ-юніоны могутъ приступить къ изданію ежедневной газеты съ 50.000 ф. ст., и что черезъ шесть мѣсяцевъ она начнетъ приносить доходъ. Теперь скажу вамъ еще нѣсколько словъ о „трехъ линіяхъ укрѣпленій“. У васъ есть трэдъ-юніонисты, сдѣлана также попытка, правда, слабая объединить эти союзы въ одну федерацію. Прежде всего, нужно стараться сдѣлать это объединеніе крѣпче. Я уже выяснилъ, какъ велики будутъ результаты, если два милліона тредъ-юніонистовъ, входящихъ въ федерацію, согласятся вносить по пенни въ недѣлю.

„Что касается второй линіи укрѣпленій, т. е. муниципалитетовъ, то, въ сущности, она имѣетъ для васъ даже еще большее значеніе, чѣмъ парламентъ. Возьму одинъ примѣръ. Въ Манчестрѣ газовые заводы принадлежатъ городу, въ Ливерпулѣ—частной компаніи. Въ Манчестрѣ 1000 куб. ф. газа дешевле на шиллингъ, чѣмъ въ Ливерпулѣ. Рабочая семья сжигаетъ въ своемъ котеджѣ 16 тысячъ куб. ф. газа въ годъ. Такимъ образомъ, въ Манчестрѣ она сберегаетъ 16 шиллинговъ въ годъ или около четырехъ пенсовъ въ недѣлю. Городской трамвай въ Глазго везетъ работника за полпенни, частный трамвай въ Лондонѣ беретъ пенни. Въ Глазго, такимъ образомъ, работникъ сберегаетъ на переѣздахъ 25 шиллинговъ въ годъ. Сто тысячъ работниковъ въ городѣ, такимъ образомъ, отдаютъ компаніи ни за что 125 тысячъ ф. ст. въ годъ. Практично ли это? То же самое можно сказать о желѣзныхъ дорогахъ, омнибусахъ, угольныхъ складахъ, водопроводахъ, жилищахъ, лавкахъ, булочныхъ, молочныхъ, бойняхъ, огородахъ и пр. За все вы платите теперь частнымъ компаніямъ гораздо больше, чѣмъ если бы васъ снабжали всѣмъ муниципалитеты. Если вы пошлете своихъ представителей въ городскіе совѣты, то можете добиться муниципализаціи газа, воды, лавокъ, омнибусовъ, булочныхъ, жилищъ, мастерскихъ и пр. Жизнь тогда вамъ будетъ стоить неизмѣримо дешевле *).

„Въ вашихъ интересахъ имѣть скорѣе въ парламентѣ собственную партію. Вамъ не для чего поддерживать тори или либераловъ. Одинъ изъ коммонеровъ сказалъ недавно, что онъ затрудняется найти разницу между современными консерваторами и либералами. Не пытайтесь и вы открыть эту разницу, а пошлите собственныхъ представителей въ палату общинъ. Заботьтесь сами объ интересахъ своего класса. Вы меня спросите, что будутъ дѣлать двѣсти представителей въ парламентѣ? Все, что въ инте-

*) По вычисленіямъ, Лондонъ переплачиваетъ въ годъ лишнихъ водопроводнымъ компаніямъ 1.700.000 ф. ст., газовымъ компаніямъ 4.700.000 ф. ст., владѣльцамъ трамваевъ—220.000 ф. ст. и лэндлордамъ въ видѣ „незаработаннаго приращенія“—16 милліоновъ ф. ст. (см. Figures for Londoners. Fabian Tracts, № 10).

ресахъ рабочаго класса. Вотъ та программа, которую я буду отстаивать, если вы меня выберете однимъ изъ вашихъ представителей. Отмѣна всякихъ пошлинъ и налоговъ на кофе, чай, сахаръ и табакъ. — Увеличеніе подоходнаго налога и введеніе прогрессивнаго налога на землю. — Право муниципалитетовъ принудительно отчуждать землю для жилищъ, мастерскихъ, фермъ и садовъ. — Націонализація желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ и шахтъ.—Широкая реформа народнаго образованія съ цѣлью сдѣлать всѣ учебныя заведенія доступными для массъ. — Государственный пенсіонъ для престарѣлыхъ работниковъ.—Восьмичасовой рабочій день и minimum заработной платы во всѣхъ правительственныхъ и муниципальныхъ мастерскихъ. — Государственная страховка жизни.—Націонализація банковъ.—Введеніе принципа: „каждый избиратель имѣетъ только одинъ голосъ".—Гражданская армія для защиты страны отъ вторженія.—Уничтоженіе рабочихъ домовъ.—Широкія реформы по вопросу о жилищахъ для массъ. — Назначеніе парламентской коммиссіи для разслѣдованія вопроса о привозѣ пищевыхъ продуктовъ съ цѣлью возрожденія земледѣлія въ Англіи.

„Я не предъявляю теперь большихъ требованій къ рабочему классу, потому что знаю, его очень мало и очень плохо учили. Я не считаю трэдъ-юніонистовъ ни ангелами, ни воплощеніемъ всѣхъ добродѣтелей; но знаю, что они—смышленный и настойчивый народъ, любящій факты и недовѣрчиво относящійся къ теоріямъ".

Дикъ—далеко не самый крупный представитель новой партіи, которая появится послѣ ближайшихъ выборовъ въ парламентѣ. Онъ стушевывается рядомъ съ такими борцами, какъ, напр., Джонъ Бернсъ. Въ концѣ концовъ, всякое движеніе, когда оно становится широкимъ, нуждается одинаково какъ въ талантливыхъ вождяхъ съ ярко выраженной индивидуальностью, такъ и въ рядовыхъ среднихъ людяхъ, къ которымъ принадлежитъ Ричардъ Кэлли.

Діонео.

Исторія одного хищенія.

Въ декабрской книжкѣ „Русскаго Богатства" за 1904 г. напечатана моя статья „Холера и гласность". Въ предисловіи къ этой статьѣ, между прочимъ, сказано:

„Думается мнѣ, что объ эпидеміяхъ начала 90-хъ годовъ возможно говорить съ маленькой долей самой скромной свободы. Если это

и не „дѣла давно минувшихъ дней“, то все же это покрыто болѣе, чѣмъ земской давностью. Игравшій видную роль въ борьбѣ съ эпидеміями 1892—1894 гг., нижегородскій губернаторъ Н. М. Барановъ давно уже скончался. Сошли со сцены и многіе другіе изъ упоминаемыхъ мною дѣятелей. Чего же еще ждать? Итакъ, по всѣмъ видимостямъ, мой матеріалъ достигъ уже той зрѣлости, которая дѣлаетъ его подходящимъ для „Русской Старины“...

Эти слова вполнѣ могутъ служить предисловіемъ и къ настоящей „Исторіи“. Хищеніе имѣло мѣсто тоже лѣтъ пятнадцать тому назадъ; большинство упоминаемыхъ лицъ тоже давно уже преданы землѣ. Конечно, эти обстоятельства лишаютъ мою „Исторію“ интереса злободневности; вина, однако, тутъ не моя: совсѣмъ готовый очеркъ пролежалъ въ моемъ столѣ много лѣтъ безъ надежды на благополучное путешествіе въ типографію... Но въ защиту моего права на читательское вниманіе я долженъ сказать, что наша жизнь далеко не летитъ впередъ съ быстротою „мчащейся тройки“, и то, что было типично полтора десятка лѣтъ тому назадъ, увы! весьма характерно и для нашихъ дней.

Въ началѣ 1890 г. въ Н.-Новгородѣ губернаторомъ былъ Н. М. Барановъ, губернскимъ предводителемъ дворянства—И. С. Зыбинъ, директорами Нижегородскаго Александровскаго дворянскаго банка—гг. Панютинъ, Демидовъ и Аверкіевъ, а нижегородскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ нижегородской уѣздной земской управы—дѣйствит. ст. сов. М. П. Андреевъ. Въ слѣдующемъ 1891 г. возникло громкое дѣло о хищеніяхъ въ Нижегородскомъ Александровскомъ дворянскомъ банкѣ, которое завершилось привлеченіемъ къ суду всѣхъ директоровъ, а также и губернскаго предводителя Зыбина, но къ началу 1890 года объ этомъ дѣлѣ еще не было рѣчи, и по губерніи носились только слухи, что „въ денежномъ смыслѣ у М. П. Андреева не все благополучно“.

Молва указывала и вполнѣ опредѣленные факты. Говорили, что М. П. Андреевъ растратилъ, какъ предсѣдатель уѣздной земской управы, 5 тыс. рублей, полученныхъ на постройку сельскохозяйственной школы, и 8 тыс. рублей страховыхъ денегъ, взятыхъ имъ для выдачи погорѣльцамъ деревни Выползовой. Кромѣ того, говорили, что М. П. Андреевъ „хапнулъ“, какъ уѣздный предводитель, тысячъ тридцать изъ дворянской опеки. Слухи день ото дня подтверждались все новыми и новыми фактами: школа не строилась, дворянинъ Каратаевъ—собственникъ похищенныхъ изъ опеки денегъ—сталъ жаловаться формально, а обнищавшіе погорѣльцы „обивали пороги“ всякихъ нижегородскихъ властей. Для М. П. Андреева подошелъ критическій мо-

ментъ: онъ заметался въ поискахъ, гдѣ бы въ частныхъ рукахъ „перехватить" тысячъ сорокъ, но „частныя руки" оказались очень осторожными и въ ссудѣ отказали. Дамокловъ мечъ въ видѣ суда, срама и тюрьмы спускался все ниже и ниже... М. П. Андреевъ обратился за помощью къ своимъ друзьямъ—губернскому предводителю Зыбину и къ директорамъ Александровскаго банка Панютину, Демидову и Аверкіеву. Друзья съ сочувствіемъ выслушали повѣсть о хищеніи и немедленно рѣшили „спасти" „несчастнаго", но не своимъ собственнымъ карманомъ, а за счетъ кассы Александровскаго банка...

Конечно, у читателя здѣсь можетъ возникнуть самый простой и естественный вопросъ: съ какой стати губернскій предводитель и директора банка согласились укрыть хищеніе цѣною личнаго, рискованнаго злоупотребленія?

Чтобы объяснить эту странность, нужно сказать, что и въ банкѣ въ это время хищенія процвѣтали. Губернскій предводитель Зыбинъ и директора Панютинъ, Демидовъ и Аверкіевъ безъ всякой церемоніи запускали руки въ кассу и за это вскорѣ очутились подъ судомъ. Но въ моментъ обращенія Андреева къ друзьямъ банковское воровство еще было шито-крыто, однако не для всѣхъ и, между прочимъ, не для М. П. Андреева. Какъ нижегородскій уѣздный предводитель, онъ часто заступалъ мѣсто губернскаго предводителя, засѣдалъ въ совѣтѣ банка и зналъ все, что тамъ творится. Поэтому обращеніе М. П. Андреева къ „друзьямъ" имѣло такой смыслъ:

— Господа, и я учинилъ хищеніе... Помогите мнѣ изъ банковской кассы... Вѣдь я знаю, какъ вы въ ней хозяйничаете...

Такому просителю не отказываютъ, и вотъ 28 февраля 1890 г. губернскій предводитель Зыбинъ и директора банка выдали изъ кассы М. П. Андрееву 42.908 р. 86 к., а въ видѣ оправдательнаго документа къ бумагамъ банка подшили росписку М. П. Андреева, въ которой онъ безъ обиняковъ написалъ, что растратилъ 5 тыс. р. школьныхъ денегъ, 8.126 р. 70 к. страховыхъ и 29.782 р. 16 к. изъ суммъ опеки и что на покрытіе этихъ хищеній получилъ изъ банка 42.908 р. 86 к.

Это изумительная росписка была найдена въ бумагахъ банка, когда началось слѣдствіе о расхищеніи банковской кассы. На первый взглядъ можетъ показаться, что М. П. Андреевъ чѣмъ-чѣмъ, а аккуратностью отличается: хищенія подсчиталъ съ точностью до копѣекъ. Однако слѣдствіе разрушило и эту иллюзію. Во первыхъ, оказалось, что изъ банка было вынуто для М. П. Андреева не 42.908 р. 86 к., а 42.935 р. 60 к., то есть на 26 р. 74 к. больше. Во-вторыхъ, 20 марта 1890 г. „друзья" изъ кассы банка еще дали М. П. Андрееву 953 р. 54 к. Эти двѣ суммы взялъ для передачи губернскій предводитель Зыбинъ, но дополнительной росписки отъ М. П. Андреева уже не представилъ...

Все же я до извѣстной степени склоненъ думать, что всѣ 43.889 р. 14 к. полностью дошли до М. П. Андреева, и г. Зыбинъ ничего не забылъ изъ нихъ въ своемъ карманѣ.

Укрывъ за счетъ банковской кассы хищеніе, гг. Зыбинъ, Панютинъ, Демидовъ, Аверкіевъ и М. П. Андреевъ временно успокоились. Но затишье продолжалось недолго: началось слѣдствіе о хищеніяхъ въ банкѣ, все выплыло наружу, и нижегородское дворянское собраніе 14 декабря 1890 г. большинствомъ 140 голосовъ противъ 30 признало поведеніе М. П. Андреева явно безчестнымъ и постановило лишить его права участія въ сословныхъ дѣлахъ.

Разслѣдованіе банковскихъ хищеній имѣло тяжелыя послѣдствія для обвиняемыхъ. Губернскій предводитель Зыбинъ и двое изъ директоровъ подъ тяжестью позора скончались, и на скамью подсудимыхъ сѣлъ лишь послѣдній изъ директоровъ—Аверкіевъ, обвинявшійся во взятіи двойной ссуды подъ одно и тоже свое имѣніе... Такъ печально закончили свою карьеру люди, много лѣтъ стоявшіе во главѣ „сливокъ“ нижегородскаго общества. Эти люди верховодили въ мѣстномъ дворянскомъ собраніи и въ мѣстномъ земствѣ, гдѣ они представляли изъ себя вмѣстѣ съ М. П. Андреевымъ ядро „консервативной“ партіи.

Названіе партіи заключено мною въ кавычки потому, что именно къ этому случаю относятся остроумныя слова, приведенныя В. Г. Короленко въ его книгѣ „Въ голодный годъ“ *).

— Бросьте вы, батюшка, эти термины: оппозиція, партія, консерваторы, либералы...—сказалъ В. Г. Короленко одинъ его нижегородскій собесѣдникъ.—Смотрите проще: одни у насъ производятъ хищенія и желаютъ сохранить эту возможность. Вотъ вамъ нашъ консерватизмъ. А мы и желали бы прекратить, да не можемъ. Вотъ и либеральная оппозиція.

Наблюдая финальный актъ нижегородской эпопеи банковскаго хищенія, многіе, однако, были удивлены, что среди лицъ, совершившихъ преступленіе и претерпѣвшихъ наказаніе, нѣтъ заслужившаго ту же участь М. П. Андреева. Какъ ухитрился этотъ господинъ выскочить почти сухимъ изъ воды, отдѣлавшись только моральнымъ порицаніемъ дворянскаго собранія? Этотъ вопросъ возмущалъ чувство справедливости многихъ нижегородцевъ, а въ томъ числѣ и мое. И вотъ я рѣшился добиться отвѣта порядкомъ формальнымъ. 5-го апрѣля 1893 г. я послалъ изъ Н.-Новгорода жалобу на М. П. Андреева оберъ-прокурору I-го департамента правительствующаго сената. Мнѣ не стоило никакого особеннаго труда подкрѣпить свое обвиненіе неопровержимыми уликами: я приложилъ копію съ „росписки“ М. П. Андреева, отчетъ банка, гдѣ значились деньги, выданныя на покрытіе хищенія, я прило-

*) „Въ голодный годъ“. Изданіе 3-е, стр. 41.

жилъ печатное постановленіе дворянскаго собранія объ исключеніи М. П. Андреева изъ сословія и еще нѣсколько номеровъ газетъ, гдѣ были напечатаны обличительныя замѣтки. Свое право на жалобу я основалъ на моей принадлежности къ нижегородскимъ дворянамъ, а слѣдовательно, и къ потерпѣвшимъ отъ выдачи изъ сословнаго банка 43.889 р. 14 коп.

Не прошло и мѣсяца, какъ я получилъ отъ оберъ-прокурора слѣдующій отвѣтъ за № 714 отъ 26 апрѣля 1893 г.:

„Объявляется дворянину Сергѣю Протопопову, что жалоба его предложена на разсмотрѣніе правительствующаго сената вмѣстѣ съ упоминаемыми въ оной приложеніями".

Я, конечно, не дѣлалъ изъ своей жалобы и изъ оберъ-прокурорскаго отвѣта никакой тайны, и вѣсть быстро распространилась. Нижегородцы — противники хищеній съ нетерпѣніемъ ожидали начала разслѣдованій, но за недѣлями бѣжали недѣли, за мѣсяцами мѣсяцы, а новыхъ извѣстій не приходило.

Надо замѣтить, что возмущеніе благомыслящей части нижегородскаго общества поддерживалось тѣмъ, что ни самъ М. П. Андреевъ, ни его сынъ не выказывали ни малѣйшей склонности къ погашенію „долга" банку хотя бы маленькими частями. Между тѣмъ въ дворянскомъ собраніи 1890 г. губернскій предводитель торжественно объявилъ, что „позаимствованіе" непремѣнно будетъ погашаться, и, конечно, со стороны гг. Андреевыхъ по меньшей мѣрѣ можно было ожидать усилій въ этомъ смыслѣ. Но миновали три года и намѣреніе стало явно забываться.

Наступилъ ноябрь 1893 г. Я служилъ въ это время судебнымъ слѣдователемъ г. Н.-Новгорода и вотъ 29-го числа получилъ частную записку отъ мѣстнаго прокурора суда, Н. К. Безе, съ приглашеніемъ „зайти къ нему на домъ, чтобы переговорить по одному важному дѣлу".

Я немедленно отправился и засталъ Н. К. Безе озабоченнымъ и смущеннымъ. Нужно сказать, что онъ зналъ всѣ детали дѣла и моей жалобы и вполнѣ мнѣ сочувствовалъ.

— Непріятныя извѣстія, Сергѣй Дмитріевичъ...—сказалъ мнѣ, здороваясь, Безе.—Я получилъ бумагу отъ министра юстиціи... Между нами, я вамъ ее покажу... Вотъ она.

Бумага Н. А. Манассеина гласила слѣдующее.

„Объявить и. д. судебнаго слѣдователя Протопопову: 1) что дѣло о злоупотребленіяхъ М. П. Андреева было въ свое время доложено государю императору и тогда уже состоялось высочайшее повелѣніе, не требующее разслѣдованія этого дѣла. 2) Что въ виду этого поступокъ Протопопова, обжаловавшаго дѣянія Андреева, является поступкомъ, противнымъ видамъ правительства. 3) Что вслѣдствіе всего вышеизложеннаго Протопопову предлагается, во избѣжаніе послѣдствій за поступокъ, не согласный съ видами правительства, немедленно обратиться въ сенатъ съ просьбой о

возвращеніи предложенной оберъ-прокуроромъ жалобы на Андреева".

— Что же это значитъ?—спросилъ я.

Н. К. Безе пожалъ плечами и, подумавъ, отвѣтилъ:

— Очевидно, пущены въ ходъ вліянія, чтобы дѣло затормозить... Видите ли: когда хищенія Андреева обнаружились, банковскія злоупотребленія еще не были открыты, и вся эта компанія еще надѣялась избѣгнуть отвѣтственности. Имъ важно было спасти Андреева, чтобы разслѣдованіе его хищеній не повело къ раскрытію хищеній изъ банка. Вотъ тогда губернскій предводитель Зыбинъ и губернаторъ Барановъ поскакали въ Петербургъ и тамъ стали хлопотать. Я слышалъ, что Зыбину очень помогъ Барановъ, дочь котораго, какъ вы знаете, замужемъ за сыномъ Зыбина. Однимъ словомъ, свои люди... Они представили въ Петербургѣ дѣло Андреева въ такомъ видѣ, что будто все нижегородское дворянство проситъ это дѣло притушить во избѣжаніе огласки и позора для сословія.

— Да вѣдь это неправда: дворянское собраніе 140 голосами противъ 30 гласно и публично изгнало Андреева за хищенія изъ своей среды и попросило губернское правленіе начать дѣло.

— Конечно, это такъ, но Зыбинъ и Н. М. Барановъ представили дѣло въ Петербургѣ, какъ имъ было нужно.

— Что же вы посовѣтуете мнѣ теперь дѣлать?

— Давайте все дѣлать, что возможно, чтобы обнаружить правду и вывести мошенниковъ на свѣжую воду. Поѣзжайте въ Петербургъ, повидайте побольше народа, твердо стойте на своемъ и не уступайте ни мало... Въ бумагѣ есть угрозы... но врядъ ли ихъ рѣшатся осуществить: слишкомъ нелѣпо карать жалобщика и выгораживать растратчика... А мнѣ напишите письмо, которое я могъ бы послать въ отвѣтъ министру юстиціи.

Общими стараніями мы написали слѣдующее письмо:

„Глубокоуважаемый
Николай Карловичъ.

„Въ виду разговора, который вы имѣли со мной, я еще разъ тщательно обдумалъ все дѣло, касающееся поданной мною жалобы на М. П. Андреева и пришелъ къ тому заключенію, что, если дѣйствительно есть высочайшее повелѣніе, то роль моя въ настоящемъ случаѣ совершенно окончена, такъ какъ я не допускаю и мысли, чтобы для осуществленія высочайшей воли нужны были тѣ или иные шаги съ моей стороны.

„Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы еще разъ сказать вамъ, что, обращаясь съ жалобой на М. П. Андреева, я исключительно руководствовался сознаніемъ своего долга и точно слѣдовалъ указаніямъ высочайшаго манифеста отъ 29-го апрѣля 1881 г., повелѣвшаго стремиться... „къ истребленію неправды и

хищеній, къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіяхъ учрежденій".

„Примите увѣреніе въ искренней преданности вашего покорнаго слуги.

С. Протопоповъ".

Н. К. Безе приложилъ мое письмо къ своему отвѣту и все это отправилъ министру юстиціи П. А. Манассеину, а я, заручившись отпускомъ, поѣхалъ въ столицу поддерживать свое дѣло.

Невеселыя мысли роились въ моей головѣ, пока я сидѣлъ въ вагонѣ. Манифестъ приглашаетъ истреблять неправду и хищенія, а оказывается, что на практикѣ это называютъ „поступкомъ, не соотвѣтствующимъ видамъ правительства..." Андреевъ, прикарманившій 44 тыс. руб., и его укрыватели гуляютъ съ высоко поднятыми головами, а надо мной виситъ угроза „послѣдствіями..." Почему мнѣ должно быть извѣстно высочайшее повелѣніе, неизвѣстное оберъ-прокурору?..

Н. К. Безе посовѣтовалъ мнѣ, до представленія Н. А. Манассеину, побывать у Н. В. Муравьева, бывшаго тогда государственнымъ секретаремъ, а В. Г. Короленко совѣтовалъ зайти къ члену совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, А. И. Деспотъ-Зеновичу, къ которому далъ мнѣ слѣдующее письмо.

„Милостивый Государь,

Александръ Ивановичъ.

„Хотя мнѣ отчасти и приходитъ въ голову, не злоупотребляю ли я вашей добротой и своимъ почти мимолетнымъ знакомствомъ съ вами, рѣшаясь безпокоить васъ изложеніемъ нижеслѣдующаго дѣла, но въ концѣ концовъ я отлагаю эти сомнѣнія въ сторону.— Даже и мимолетное знакомство было для меня достаточно, чтобы убѣдиться, что для васъ слова — „законъ" и „правда" — не простые звуки, а такія понятія, которыя должны объединять всѣхъ честныхъ людей въ общемъ преклоненіи. Это побуждаетъ меня обратиться къ вамъ съ изложеніемъ одного нашего мѣстнаго нижегородскаго эпизода, въ которомъ эти два слова играютъ, правда, весьма печальную роль.

„Нѣсколько лѣтъ назадъ, отчасти благодаря печати, раскрыты были возмутительнѣйшія хищенія нѣкоего г. Андреева, бывшаго предводителя дворянства и предсѣдателя нижегородской уѣздной земской управы. Хищенія эти производились много лѣтъ совершенно открыто, и, только когда въ печати вещи названы были ихъ собственными именами, г. Андреевъ удалился отъ должности. Растраты его были совершенно незаконно покрыты, чтобы только замять дѣло, изъ дворянскаго банка. Зачѣмъ это было сдѣлано, стало ясно, когда та же печать, а затѣмъ и прокурорскій надзоръ раскрыли цѣлый рядъ вопіющихъ хищеній и воровства въ самомъ банкѣ. До чего доходила эта оргія, видно изъ того, что

губернскій предводитель И. С. Зыбинъ закладывалъ уже погашенные банкомъ вкладные билеты въ свою пользу. Совершенно понятно, что за Андреева, знавшаго все это, поторопились заплатить его растраты, отнеся ихъ такимъ образомъ на счетъ нижегородскаго дворянства. Банкъ, втянутый въ эти операціи, когда все это сдѣлалось извѣстно, рухнулъ. Дѣло о Зыбинѣ въ сенатѣ; одинъ изъ директоровъ умеръ въ тюрьмѣ; другой подъ судомъ. Остался сухъ и чистъ одинъ Андреевъ, который, правда, исключенъ на три года изъ нижегородскаго дворянства, но за то получилъ хорошее мѣсто на казенной желѣзной дорогѣ. Это бы, конечно, Богъ съ нимъ. Дѣло, однако, въ томъ, что Андреевское наслѣдство осталось во всѣхъ развращенныхъ имъ учрежденіяхъ. Въ книгахъ земской управы оказались вырванные листы, подлоги, подчистки. Кромѣ опекунскихъ, оказались раскраденными училищныя, страховыя и библіотечныя деньги, а до какой наглости доходилъ этотъ господинъ, видно изъ того, что нѣкоего Бутурлина онъ сдѣлалъ умершимъ только для того, чтобы заживо получить его имущество въ опеку и растратить. И все это оглашено, и все напечатано, и все говорилось въ публичныхъ засѣданіяхъ... Дворянское собраніе рѣшило передать все дѣло въ губернское правленіе для возбужденія преслѣдованія. Губернское присутствіе положило дѣло подъ сукно. Земское собраніе тоже постановило предать Андреева суду—губернаторъ опротестовалъ это постановленіе. И каждый новый годъ приноситъ новое открытіе, а всетаки правосудіе постигнуто какимъ-то безсиліемъ, и приверженцы г. Андреева только смѣются. Вотъ что приходится констатировать мнѣ, наблюдателю и бытописателю мѣстной жизни. Какія изъ этого послѣдствія—очевидно. Недавно уличенъ въ воровствѣ городской голова Губинъ, и дума назвала это не воровствомъ, а позаимствованіемъ. И всюду въ разговорахъ слышишь ссылки на Андреева. Очевидно, это становится обычнымъ явленіемъ, и у всѣхъ, пытающихся бороться съ хищеніями—опускаются руки.—Все это, однако, еще не то, о чемъ я хочу вамъ сообщить, и, конечно, я бы изъ за этого хроническаго зла не потревожилъ васъ. Но теперь наша нижегородская болѣзнь приняла острую форму. Послѣ того, какъ послѣднія попытки общественныхъ собраній кончились неудачей, рѣчь уже идетъ о томъ, чтобы г. Андрееву вернуть его нижегородскія права, и въ то же время возникаетъ новое дѣло. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, судебный слѣдователь С. Д. Протопоповъ, сообщилъ мнѣ, что онъ, какъ дворянинъ, тоже обложенный платежемъ на незаконное покрытіе воровства, по совѣсти не можетъ этого допустить и подаетъ частную жалобу въ сенатъ. Признаюсь, я отговаривалъ его отъ этого шага, предвидя для него разныя непріятности и находя, что такая частная жалоба не имѣетъ особаго значенія въ общественномъ дѣлѣ. На это, однако, г. Протопоповъ отвѣтилъ мнѣ

соображеніемъ, передъ которымъ мои возраженія замолкли. Онъ— судебный слѣдователь: ему приходится привлекать обвиняемыхъ въ кражѣ иногда нѣсколькихъ рублей; онъ нерѣдко сажаетъ въ тюрьму изъ за хищеній, далеко неравныхъ наглому грабительству г. Андреева. „Итакъ, говорилъ мнѣ Протопоповъ,—могу ли я по совѣсти оставаться судебнымъ слѣдователемъ, если, какъ честный человѣкъ и гражданинъ, я не только не противодѣйствую, но принимаю участіе въ сокрытіи крупнаго воровства, чтобы оно могло остаться безнаказаннымъ". Онъ находитъ, что ему повелѣваетъ такъ поступить совѣсть и законъ; я не нашелъ возраженій.

„Что же оказывается? Изъ сената г. Протопоповъ получилъ извѣщеніе, что его жалобѣ данъ ходъ, а чрезъ свое непосредственное начальство (прокуроръ окр. суда) приказаніе отъ министра юстиціи—взять жалобу обратно. При этомъ непрямомъ, впрочемъ, приказѣ сообщается, что такой поступокъ коллежск. секретаря Протопопова „не согласенъ съ видами правительства". Представьте себѣ, что происходитъ теперь у насъ въ провинціальномъ обществѣ, узнающемъ, что раскрытіе явнаго воровства, оглашенное, сопровождаемое *печатными* документами, не согласно съ видами правительства, и что за него даже угрожаютъ какія-то послѣдствія, не тому, кто воровалъ, а тому, кто приноситъ на воровство открытую, законную, доказательную жалобу. Послѣдствія понятны: теперь уже идетъ агитація въ пользу принятія Андреева и исключенія изъ дворянства его обличителя. Нужно замѣтить, что уже давно среди нижегородскаго общества пущенъ слухъ, что будто гдѣ-то есть высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы Андреева не тревожить. Разумѣется, нельзя вѣрить этому слуху, такъ какъ нигдѣ напечатано оно не было; — это во-первыхъ. Во-вторыхъ, законы, повелѣвающіе бороться съ воровствомъ и подлогами, тоже—верховная воля, и невозможно, чтобы въ верховной волѣ по этому предмету было какое-либо противорѣчіе. Въ-третьихъ, нынѣ царствующій государь ясно, особеннымъ манифестомъ, призывалъ всѣхъ къ борьбѣ съ хищеніями. Что же изъ всего этого несомнѣнно и чему мы должны слѣдовать? Вопросъ, не допускающій сомнѣній и колебаній. Несомнѣнно, что не покрытіе воровства, а борьба съ нимъ должна быть согласна съ верховною волею. Неужели факты докажутъ нижегородскому обществу какъ разъ противное? Между тѣмъ, глухой слухъ, бродящій въ обществѣ, будто есть такое повелѣніе, слухъ, исходящій изъ сферъ очень компетентныхъ, но, къ сожалѣнію, заинтересованныхъ въ дѣлѣ, терроризируетъ въ общественныхъ собраніяхъ всѣхъ друзей закона, строгой отчетности и порядка, давая силу противоположнымъ элементамъ. Теперь обѣ эти стороны смотрятъ съ глубокимъ интересомъ на коллежскаго секретаря Протопопова, который ѣдетъ въ Петербургъ оправдываться въ томъ, что смѣлъ повиноваться призыву со-

чести и закона, что повѣрилъ въ силу опубликованной ко всеобщему свѣдѣнію верховной воли. Само собою понятно, что отступить теперь для него равносильно безчестію, равносильно признанію, что правда не за нимъ, равносильно, по моему, измѣнѣ самому закону и правдѣ, наконецъ, даже и тому правительству, которому онъ приносилъ присягу.

„Между тѣмъ здѣсь уже впередъ предсказываютъ ему неудачу и пораженіе. Уже впередъ распущены слухи, кажется, не лишенные основанія, что Протопоповъ уже зачисленъ въ неблагонадежные, и что это для него добромъ не кончится. Къ великому моему прискорбію, мое имя, вѣроятно, играетъ тоже здѣсь нѣкоторую роль, и друзья г. Андреева, безъ сомнѣнія, уже воспользовались моимъ знакомствомъ, какъ фактомъ, говорящимъ въ пользу вора и противъ его обличителя. Что-жъ, я лично очень радъ былъ бы понести обвиненіе въ томъ, что я хочу вѣрить въ силу закона и не мирюсь съ публичной безнаказанностью воровства. Но я знаю также, что, къ сожалѣнію, очень часто нѣкоторыя предубѣжденія закрываютъ существо дѣла, и мнѣ очень жаль, что косвенно я даю (или вѣрнѣе, мое злополучное имя даетъ) оружіе противъ г. Протопопова. Мнѣ было бы самому очень лестно думать, что въ такомъ дѣлѣ мое скромное мнѣніе могло бы побудить честнаго человѣка сдѣлать честное дѣло. Но, повторяю, въ данномъ случаѣ, не могу по совѣсти приписать себѣ эту честь.

„Теперь прошу васъ, многоуважаемый Александръ Ивановичъ, простить мнѣ необычайные размѣры этого письма и больше ни о чемъ не прошу. Въ интересахъ законности и правды нужно, чтобы по возможности больше честныхъ людей знали объ этомъ дѣлѣ, и затѣмъ уже каждый человѣкъ, надъ которымъ эти великія слова имѣютъ свою власть, сдѣлаетъ то, что ему укажетъ его совѣсть. Если бы я могъ, я напечаталъ бы все, что здѣсь написано. Къ сожалѣнію, не имѣю надежды, чтобы какой-либо органъ рѣшился все это принять на свои столбцы, хотя я ручаюсь за правильность здѣсь каждой буквы и за все готовъ принять отвѣтственность передъ кѣмъ угодно. Надѣюсь и даже увѣренъ, что вы не посѣтуете на меня за то, что я вамъ изложилъ все это и что къ вамъ же прошу зайти съ этимъ письмомъ коллежскаго секретаря Протопопова, обвиняемаго въ попыткѣ раскрыть вопіющія хищенія, доведя ихъ до свѣдѣнія высшаго правительства.

„Примите и проч. Владиміръ Короленко".

Въ первыхъ числахъ декабря 1893 г. я пріѣхалъ въ Петербургъ и началъ свои „хожденія" по дѣлу. Ежедневно я заносилъ въ свой дневникъ всѣ интересные разговоры и впечатлѣнія. Вотъ точныя выписки.

7-го декабря. Въ десять часовъ утра я спросилъ швейцара въ министерствѣ юстиціи, когда можно увидѣть вице-директора Николая Ѳедоровича Люце. Къ нему посовѣтовалъ мнѣ обратиться нижегородскій прокуроръ Безе, чтобы, до представленія Н. А. Манассеину, узнать положеніе вещей и приготовиться къ отвѣтамъ. Швейцаръ, этотъ вѣчный юрисконсультъ всѣхъ, рѣдко бывающихъ въ храмахъ бюрократіи, за скромное вознагражденіе посовѣтовалъ мнѣ придти къ 2 часамъ. Такъ я и сдѣлалъ.

Н. Ѳ. Люце принялъ меня въ маленькой продолговатой комнаткѣ въ одно окно. У стола, заваленнаго бумагами, я очутился на стулѣ лицомъ къ свѣту, а вице-директоръ расположился въ креслѣ къ окну спиной. Всѣ выгоды освѣщенія оказались, такимъ образомъ, не на моей сторонѣ. Но что подѣлаешь.

Н. Ѳ. Люце уже зналъ и требованіе министра, и мой отвѣтъ.

— Если бы было категорическое высочайшее повелѣніе о прекращеніи дѣла Андреева,—сказалъ я, — то оберъ-прокуроръ не предложилъ бы его сенату.

— Оберъ-прокуроръ не зналъ, что дѣло прекращено.

— А если оно прекращено, то пусть сенатъ самъ и напишетъ резолюцію въ этомъ смыслѣ. Къ чему мнѣ просить о возвращеніи жалобы?

— Министра юстиціи безпокоитъ то обстоятельство, что жалоба подана судебнымъ слѣдователемъ. Это ведетъ къ разговорамъ о „судебной республикѣ".

— Неосновательные разговоры,—отвѣтилъ я,—и не слѣдуетъ на нихъ обращать вниманіе. Слѣдователя нельзя винить за незнаніе высочайшаго повелѣнія, неизвѣстнаго даже оберъ-прокурору. Къ тому же всѣ мы должны руководствоваться манифестомъ 29-го апрѣля 1881 г., призывающимъ къ борьбѣ съ неправдами и хищеніями, и мнѣ мало вѣрится, чтобы существовало въ дѣйствительности категорическое высочайшее повелѣніе о прекращеніи дѣла Андреева.

— Государь императоръ воленъ издавать указы и манифесты, а также онъ воленъ регулировать жизнь и сепаратными повелѣніями, которыя, относясь къ отдѣльнымъ фактамъ, не опубликовываются.

— Но какъ же могу я руководствоваться тѣмъ, что мнѣ неизвѣстно?

— Вамъ теперь говорятъ, что такое повелѣніе существуетъ, и вы обязаны слушаться.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, дословно и точно содержаніе этого повелѣнія, чтобы я могъ судить, воспрещаетъ оно обвинять Андреева или нѣтъ.

— Вы должны вѣрить министру!.. Разъ онъ объявляетъ вамъ, что такое повелѣніе есть, значитъ, оно есть и именно такое, какъ говоритъ министръ.

— Но изъ этого слѣдуетъ, что толкованіе министра какъ-будто бы можетъ превышать ясный смыслъ опубликованнаго манифеста...

— Вы какъ будто не вѣрите министру!.. Какъ же вы можете не вѣрить министру?!..

Эти слова вице-директоръ произнесъ съ оттѣнкомъ изумленія и даже ужаса. Я счелъ удобнымъ свернуть разговоръ на другую дорогу и спросилъ:

— Почему сенату необходима моя просьба о возвращеніи жалобы, если есть высочайшее повелѣніе о прекращеніи дѣла?

— Сенату ваша просьба не нужна, а нужна она министру юстиціи, чтобы не было нареканій министерства внутреннихъ дѣлъ на судебное вѣдомство, чтобы не говорили, что чиновники министерства юстиціи не подчиняются высочайшимъ повелѣніямъ... Для пользы нашего вѣдомства я совѣтую вамъ послушаться министра.

— Не лучше ли мнѣ для „пользы судебнаго вѣдомства“ подать въ отставку?

— Если бы министръ этого хотѣлъ, онъ уволилъ бы васъ безъ вашего прошенія... Очень совѣтую вамъ подать немедленно въ сенатъ прошеніе о возвращеніи вамъ жалобы. Въ Нижнемъ-Новгородѣ никто объ этомъ и не узнаетъ... Министръ юстиціи покажетъ ваше прошеніе только министру внутреннихъ дѣлъ, и все на этомъ кончится. Очень вамъ совѣтую.

— Нѣтъ,—сказалъ я не безъ волненія,—я просьбы въ сенатъ не подамъ и не думаю, чтобы я повредилъ этимъ дѣлу русскаго правосудія... Когда представиться мнѣ министру?

— Ну, какъ знаете... Представиться министру вы можете въ пятницу въ часъ дня. Вѣроятно, ему угодно будетъ принять васъ.

Мы холодно пожали другъ другу руки, и я ушелъ. По дорогѣ отъ Н. Ѳ. Люце я завернулъ къ А. И. Деспотъ-Зеновичу въ его квартиру въ домѣ Поклевскаго, по Фонтанкѣ. А. И. Деспотъ-Зеновича я не засталъ и оставилъ ему свою карточку, письмо отъ В. Г. Короленко и копію моей жалобы на Андреева.

На другой день въ 11 часовъ утра я опять позвонилъ къ А. И. Деспотъ-Зеновичу. Старикъ принялъ меня очень ласково. Худой, высокій, съ большими ушами и усами, прихрамывающій, но оживленный, онъ произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе. Усадивъ меня рядомъ съ собой, противъ топящагося камина. А. И. Деспотъ-Зеновичъ сказалъ:

— Прочиталъ все, что вы мнѣ оставили, и успѣлъ даже вчера вечеромъ кое-кого повидать... Вы были въ министерствѣ юстиціи?

— Былъ и разговаривалъ съ вице-директоромъ Н. Ѳ. Люце, но Н. А. Манассеину еще не представлялся. Вице-директоръ мнѣ

сказалъ, что своей жалобой на Андреева я причиняю большой вредъ судебному вѣдомству.

— Это вздоръ... совершенный вздоръ! Какой вредъ?.. А знаете: вѣдь высочайшее-то повелѣніе есть... Но только вовсе не такое, какъ они говорятъ. Сюда, въ Петербургъ, пріѣзжали вашъ губернскій предводитель Зыбинъ и вашъ губернаторъ Барановъ. Они увѣрили нашего министра Дурново, будто бы все нижегородское дворянство проситъ пощадить сословіе и не судить Андреева. Дурново повѣрилъ и доложилъ государю.

— Что же отвѣтилъ государь?

— Вотъ въ этомъ-то и вся суть. Плеве мнѣ сказалъ, что изъ довольно неопредѣленныхъ словъ Дурново онъ не вывелъ заключенія о прекращеніи дѣла разъ навсегда.

— Почему же министръ юстиціи такъ настойчиво требуетъ, чтобы я взялъ свою жалобу обратно изъ сената?

— Въ томъ-то и затрудненіе, что высочайшее повелѣніе не воспрещаетъ категорически производства дѣла Андреева. Манассеину и хочется вывести сенатъ изъ щекотливаго положенія. Дѣло Андреева многимъ непріятно, а сенату прекратить его не удобно.

— Какъ же вы думаете слѣдуетъ поступить?

— Я совѣтую вамъ,—сказалъ энергично Деспотъ-Зеновичъ,— лучше выйти въ отставку, чѣмъ брать свою жалобу назадъ. Всѣ честные люди вамъ будутъ сочувствовать... Интересно не столько добиться наказанія Андреева, какъ поддержать принципы, попранные всей этой исторіей. Не уступайте! Будьте вѣжливы, но тверды. Ни въ какомъ случаѣ не уступайте. Сегодня вечеромъ я покажу письмо В. Г. Короленко Плеве: это умный человѣкъ, а вѣдь у другихъ въ головѣ толкучій рынокъ.

— Я жалобы назадъ не возьму.

— Это правильно. Все дѣло подстроено вашимъ губернаторомъ, Барановымъ... Я его знаю... но теперь мы рѣдко видимся: онъ на меня золъ за то, что я былъ противъ него за дранье на ярмаркѣ. Онъ любитъ произволъ. Недавно сюда пріѣзжалъ орловскій губернаторъ Неклюдовъ, бывшій въ Нижнемъ при Барановѣ вице-губернаторомъ. Онъ тоже поретъ и ссылается на Баранова. Я возстаю и наживаю себѣ враговъ. Но мнѣ, старику, все равно...

Деспотъ-Зеновичъ вздохнулъ и задумался. Потомъ ласково прибавилъ:

— Если вамъ необходима служба, я выхлопочу вамъ мѣсто земскаго начальника.

Я съ благодарностью отказался и вскорѣ ушелъ.

Отъ Деспотъ-Зеновича я отправился къ Петру Петровичу Семенову, который былъ другомъ моего дяди. До 8-ой линіи Ва-

сильевскаго острова было не близко, и я услышалъ отъ человѣка, отворившаго мнѣ дверь:

— Петръ Петровичъ дома, но собираются завтракать... А все-таки они васъ примутъ.

П. П. Семеновъ встрѣтилъ меня не только любезно, но даже радушно. Онъ усадилъ меня въ кабинетѣ, гдѣ всѣ стѣны были увѣшаны картинами знаменитыхъ художниковъ. Я извинился и настойчиво попросилъ не откладывать завтрака.

Изложить мое дѣло оказалось задачей не совсѣмъ легкой: исторія разрослась длинная и нужно было передать и слова Н. Ѳ. Люце, и Деспотъ-Зеновича. Петръ Петровичъ часто меня перебивалъ и самъ разсказывалъ разнаго рода эпизоды, ясно убѣждавшіе, что дѣлъ подобныхъ моему на Руси великое множество. Въ концѣ концовъ я услышалъ самый категорическій совѣтъ:

— Конечно, дѣлайте то, чего желаетъ министръ. Развѣ мыслимо не слушаться министра?..

— Въ Петербургѣ введены въ заблужденіе,—сказалъ я.—Здѣсь думаютъ, что все нижегородское дворянство за Андреева, а въ дѣйствительности громадное большинство дворянства желаетъ, чтобы дѣло Андреева попало въ судъ.

— Вы хотите сказать, что вашъ губернаторъ Барановъ представилъ здѣсь все это дѣло въ ложномъ освѣщеніи?.. Вполнѣ вѣрю... вполнѣ допускаю... Это бываетъ и даже очень часто... Но увѣряю васъ, что за это вашему губернатору ровно ничего не будетъ. Повѣрьте мнѣ, я вѣдь давно служу, губернатору нужно весьма много натворить, чтобы попасть подъ отвѣтственность.

— Однако,—возразилъ я,—андреевская исторія именно и есть такое выдающееся по важности дѣло. Нужно добиться, чтобы здѣсь знали правду, а не „ложное освѣщеніе".

— Эхъ, другъ мой,—сказалъ П. П. Семеновъ,—совѣтую вамъ сдѣлать, какъ говоритъ министръ... Онъ ужъ знаетъ...

Мы разстались такъ же дружелюбно, какъ встрѣтились.

Слѣдующій мой визитъ былъ въ сенатъ. Здѣсь въ первомъ департаментѣ я обратился къ секретарю—г. Повало-Швыковскому, франтоватому молодому человѣку, съ прямымъ проборомъ и съ усами, закрученными въ остріе.

— Ваша жалоба на Андреева,—сказалъ онъ,—лежитъ безъ движенія. Министръ юстиціи сказалъ, что вы подаете просьбу о возвращеніи вамъ вашей бумаги.

— Нѣтъ, я это дѣлать не намѣренъ. А скажите мнѣ, пожалуйста, есть высочайшее повелѣніе, запрещающее трогать Андреева?

— Нѣтъ... такого повелѣнія нѣтъ... Но подождите, я схожу къ оберъ-прокурору.

Чрезъ нѣсколько минутъ секретарь возвратился и объявилъ мнѣ, что оберъ-прокуроръ занятъ и принять меня не можетъ, что онъ дѣло объ Андреевѣ временно пріостановилъ впредь до

моей просьбы о возвращеніи жалобы. Сдѣлано это по указанію министра.

На другой день въ 10 ч. утра я былъ въ пріемной Н. В. Муравьева, занимавшаго тогда постъ государственнаго секретаря. Кромѣ меня, здѣсь ждали дама въ трaурѣ, бурый господинъ съ большимъ портфелемъ, старикъ со звѣздой и еще нѣсколько человѣкъ.

Н. В. Муравьеву я представлялся года три тому назадъ въ Москвѣ, гдѣ онъ тогда служилъ прокуроромъ судебной палаты. Не смотря на этотъ порядочный промежутокъ времени, Н. В. Муравьевъ меня узналъ:

— Вы судебный слѣдователь изъ Н.-Новгорода?—Сперва были въ уѣздѣ? Съ моей легкой руки... Помню, помню...

Это начало меня ободрило, и я сталъ излагать свое дѣло.

— Всю эту исторію объ Андреевѣ я отлично знаю,—сказалъ Н. В. Муравьевъ.—Я за ней слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ. Изъ одного ордера министра юстиціи мнѣ извѣстно, что въ 1890 г. объ Андреевѣ было доложено государю. Но это не мѣшаетъ преслѣдовать Андреева, особенно за растраты по опекѣ надъ Бутурлинымъ и надъ капиталомъ Каратаева, такъ какъ это преступленіе было обнаружено лишь въ 1891 г., то есть *послѣ* доклада государю. Понятно, что повелѣніе, въ чемъ бы оно ни выражалось, не относится къ тому, что раскрыто послѣ. Распространительное толкованіе здѣсь было бы явной натяжкой.

— Н. А. Манассеинъ требуетъ, чтобы я взялъ назадъ свою жалобу, и угрожаетъ мнѣ „послѣдствіями“ въ случаѣ ослушанія.

— Это безобразіе!.. Явное безобразіе!.. Удивляюсь, чего только церемонятся съ такой дрянью, какъ этотъ Андреевъ... Уже десять разъ его можно бы посадить въ острогъ... Я совѣтую вамъ идти къ министру, но отнюдь съ нимъ не спорьте: все выслушивайте молча. Не понимаю: къ чему министру вашъ отказъ?.. Да, завтра вамъ предстоятъ пренепріятныя минуты... Я знаю Манассеина... Но терпите. Если же онъ будетъ непремѣнно требовать и настаивать, чтобы вы взяли свою жалобу назадъ, совѣтую вамъ это сдѣлать... А службы не бросайте: такіе люди, какъ вы, нужны судебному вѣдомству. Искренно желаю вамъ успѣха.

Это свиданіе въ значительной степени подкрѣпило мою самоувѣренность. Вѣдь вотъ и сановникъ, отлично знающій все дѣло, смотритъ на него почти такъ же, какъ и я...

Пріемная министра юстиціи Н. А. Манассеина къ назначенному часу вся наполнилась разнообразными людьми. Дамы, фраки, мундиры, ленты, звѣзды, ордена... Секретарь Малама беззвучными шагами лавировалъ между пришедшими, записывалъ имена и размѣщалъ людей въ извѣстномъ порядкѣ.

Начался пріемъ министра. Сперва въ кабинетъ вводили военныхъ генераловъ, потомъ генераловъ штатскихъ. Затѣмъ намъ—

остальной „меньшей братіи“, сказали, что въ кабинетъ насъ не поведутъ, а что министръ выйдетъ и учинитъ намъ, такъ сказать, „всенародную исповѣдь“. Такъ оно и случилось. Вскорѣ распахнулась дверь, и Н. А. Манассеинъ явился въ пріемную въ сопровожденіи двухъ расторопнѣйшихъ чиновниковъ.

Я внимательно сталъ слѣдить за министромъ, котораго видѣлъ въ первый разъ. Худощавый, высокаго роста, съ острымъ носомъ и острой бородкой, съ глубокими морщинами вдоль щекъ и съ холодными глазами, онъ производилъ впечатлѣніе воплощенной бюрократической сухости, и я сразу понялъ, что предсказаніе И. В. Муравьева о предстоящихъ мнѣ „пренепріятныхъ минутахъ“—истина...

Н. А. Манассеинъ быстро обошелъ пріемную...

— Подайте прошеніе... Это до меня не относится... ничего не могу сдѣлать...—этими и подобными фразами заканчивались короткіе разговоры.

Настала и моя очередь. Я отрекомендовался.

— Исправляющій должность судебнаго слѣдователя 4-го участка г. Н.-Новгорода.

— Я знаю, зачѣмъ вы пріѣхали,—сказалъ министръ.—Я особо съ вами поговорю.

Когда пріемъ кончился, секретарь провелъ меня какими-то запутанными ходами въ квартиру Н. А Манассеина и предложилъ мнѣ ждать въ маленькой гостиной. Здѣсь сидѣли уже въ ожиданіи три господина въ лентахъ и при звѣздахъ. Секретарь положилъ на столъ клочекъ бумаги съ нашими фамиліями. Я посмотрѣлъ на бумажку и прочиталъ: Носовъ, Врасскій, Грассъ, Протопоповъ. Въ этомъ порядкѣ мы и должны были входить въ кабинетъ министра.

Мои случайные компаніоны держали себя довольно свободно, хотя и разговаривали въ полъ, а то и въ четверть голоса. Послѣдовательно отворялась дверь кабинета, и въ ней появлялась высокая фигура Н. А. Манассеина. Послѣ Грасса вошелъ въ кабинетъ я.

— Пожалуйте сюда,—сказалъ министръ, чуть-чуть пожавъ мнѣ руку.

Манассеинъ занялъ кресло у громаднаго письменнаго стола и жестомъ посадилъ меня на стулъ противъ себя по другую сторону стола.

— Вы сюда пріѣхали по поводу своей жалобы на Андреева?

Я отвѣтилъ утвердительно.

— Министерство внутреннихъ дѣлъ обращаетъ мое вниманіе на то, что жалоба подана никѣмъ инымъ, какъ судебнымъ слѣдователемъ. Не говорятъ про васъ „дворянинъ“ или „горный инженеръ“, а подчеркиваютъ „судебный слѣдователь“... Ваша жалоба не только вредна для судебнаго вѣдомства, она можетъ

весьма дурно отразиться и на вашей личной судьбѣ. Министерство внутреннихъ дѣлъ вамъ этого никогда не проститъ!.. Объ васъ могутъ доложить государю, и ваша судьба будетъ зависѣть отъ того, въ какой моментъ попадетъ докладъ... Васъ можно обвинить въ противодѣйствіи высочайшему повелѣнію, а за это въ лучшемъ случаѣ ссылка...

— Какъ же это, ваше высокопревосходительство, не Андреева, а меня?..

— Да, васъ! Объ Андреевѣ разговоръ конченъ. Какъ вы посмѣли поднимать дѣло, прекращенное по высочайшему повелѣнію?

— Я ничего не зналъ о высочайшемъ повелѣніи. О немъ, очевидно, ничего не зналъ и оберъ-прокуроръ. И теперь я ничего опредѣленнаго не знаю о повелѣніи.

— Я вамъ теперь объ этомъ объявляю... Обратитесь немедленно въ сенатъ съ просьбой о прекращеніи дѣла и о возвращеніи вамъ вашей жалобы... Все равно дѣло это не пойдетъ... все равно вашу жалобу выкинутъ...

— Пусть выкидываютъ,—отвѣтилъ я, чувствуя, что сердце мое бьется все болѣе и болѣе усиленно.—Если въ сенатѣ есть высочайшее повелѣніе, то пусть сенатъ имъ и руководствуется.

— Ну, какъ хотите, — сказалъ Манассеинъ, раздраженно вставая.—Я умываю руки... и за послѣдствія вашего упрямства не отвѣчаю.

На прощаніе онъ всетаки подалъ мнѣ руку и я ушелъ.

Въ Петербургѣ мнѣ ничего больше не оставалось дѣлать. Послѣ „пренепріятныхъ минутъ“ у Манассеина я рѣшилъ подать въ отставку изъ слѣдователей, но тутъ я услышалъ, что Манассеинъ самъ уходитъ, и что его замѣнитъ Н. В. Муравьевъ. Съ этими слухами я вернулся въ Н.-Новгородъ, гдѣ прокуроръ Н. К. Безе очень меня поддержалъ.

— Не уходите,—настаивалъ онъ,—вотъ замѣнитъ Манассеина Н. В. Муравьевъ, и наше дѣло выгоритъ.

1-ое января 1894 г. принесло ожидаемое назначеніе. Сторонники Андреева пріуныли и каждый день ожидали отъ новаго министра какого-нибудь рѣшительнаго шага. Однако 20-го января опять таки Н. К. Безе пригласилъ меня къ себѣ и уже совсѣмъ минорно сказалъ:

— Вотъ бумага отъ Н. В. Муравьева... И онъ проситъ васъ взять вашу жалобу изъ сената обратно... Онъ пишетъ, что судебное вѣдомство находится въ критическомъ положеніи, что его норовятъ весьма сжать и что изъ вашей жалобы дѣлаютъ одинъ изъ аргументовъ нападенія...

Я подалъ въ отставку и въ февралѣ сдалъ дѣла.

Не желая, однако, бросать процесса противъ Андреева на произволъ судьбы, я опять поѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь обратился за совѣтомъ къ К. К. Арсеньеву. Онъ далъ мнѣ реко-

мендательное письмо къ извѣстному присяжному повѣренному Е. И. Утину, который съ полной охотой и даромъ взялся вести мое дѣло. Слѣдующія письма Утина обрисовываютъ его попытки.

„Многоуважаемый Сергѣй Дмитріевичъ. Если я не отвѣчалъ вамъ цѣлыхъ двѣ недѣли на ваше письмо, то только потому, что мнѣ предварительно хотѣлось переговорить съ оберъ-прокуроромъ I-го департамента, чтобы узнать, какое направленіе будетъ дано дѣлу. До 7-го числа не было присутствія, все было закрыто, а тутъ стало извѣстно о назначеніи Бутовскаго товарищемъ министра, и его трудно было поймать. Мнѣ всетаки удалось захватить его въ сенатѣ наканунѣ оставленія имъ поста оберъ-прокурора и переговорить съ нимъ довольно основательно. Онъ сказалъ мнѣ, что *дастъ дѣлу ходъ*. Такъ какъ, обѣщая двинуть дѣло, онъ уже зналъ о своемъ назначеніи товарищемъ министра, то я думаю, что онъ говорилъ именемъ своего преемника, тѣмъ болѣе, что въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ оберъ-прокуроръ несомнѣнно сообразуется съ желаніями министерства юстиціи. Теперь придется выждать назначенія новаго оберъ-прокурора, и тогда я отправлюсь къ нему и о результатѣ немедленно сообщу вамъ. Кто замѣнитъ Бутовскаго—еще неизвѣстно, но когда и состоится назначеніе, нужно будетъ немного подождать, чтобы новый оберъ-прокуроръ вошелъ въ курсъ дѣлъ. Могу васъ увѣрить только въ одномъ: все, что будетъ зависѣть отъ меня, все будетъ сдѣлано.

„Примите и пр.

16 янв. 1894. Евг. Утинъ“.

С. Петербургъ.

„Многоуважаемый Сергѣй Дмитріевичъ. Ваше письмо я получилъ своевременно, но не отвѣчалъ, выжидая вступленія въ должность новаго оберъ-прокурора. Онъ вступилъ въ должность только на дняхъ, и вчера я былъ у него. Оказалось, что онъ ничего еще не знаетъ о нашемъ дѣлѣ. Въ главныхъ чертахъ я ему все разсказалъ, и онъ записалъ. Чрезъ нѣсколько дней я опять къ нему пойду и результатъ тотчасъ сообщу вамъ.

„Знаете: быть можетъ, всего лучше было бы вамъ опять сюда пріѣхать и еще разъ лично повидаться съ Н. В. Муравьевымъ, тѣмъ болѣе, что вы сами же бесѣдовали съ нимъ уже ранѣе объ этомъ дѣлѣ. Если вамъ затруднительно пріѣхать хотя въ Петербургъ, то, если хотите, я могу къ нему сходить самъ.

„Примите и пр. Евг. Утинъ“.

7 апр. 1894.

С.-Петербургъ.

Въ началѣ лѣта 1894 г. Е. И. Утинъ скончался. Мое дѣло любезно согласился вести В. Д. Спасовичъ. Вотъ его письма:

„Милостивый Государь, Сергѣй Дмитріевичъ.

„Ваше дѣло такого рода, что оно почти не допускаетъ представительства. Оно требуетъ только негласнаго правозаступничества и всякая формальная довѣренность по этому дѣлу безполезна, тѣмъ болѣе, что въ I-мъ департаментѣ нельзя и защищать дѣла устно. День и часъ для этого дѣла еще не пробили, и сообщеніе ему толчка зависитъ только отъ сильныхъ міра сего, которые сейчасъ всѣ почти въ разъѣздѣ.

„Министръ юстиціи отсутствуетъ. Оберъ - прокуроръ, Игнатій Платоновичъ Закревскій, вернется не ранѣе начала октября. Мнѣ бы крайне пріятно было сообщить вамъ какое-нибудь опредѣленное извѣстіе про настоящій моментъ, но нечего сообщать.

„Къ Закревскому я зайду и напишу вамъ, что узнаю. Вамъ во всякомъ случаѣ надо ввооружиться терпѣніемъ и ждать, не установятся ли случайно условія, при которыхъ наступательныя движенія будутъ возможны.

„Съ глубокимъ уваженіемъ остаюсь В. Спасовичъ".

27 сент. 1894.

С.-Петербургъ.

„Милостивый Государь, Сергѣй Дмитріевичъ.

„Еще часъ не пробилъ, но вѣроятно скоро наступитъ. Я не рѣшаюсь еще идти къ Закревскому и бесѣдовать съ нимъ о вашемъ дѣлѣ: у всѣхъ сановниковъ не то въ головахъ, ожидаются новыя вѣянія *), перемѣны, которыя непремѣнно будутъ, повліяютъ, конечно, и на ваше дѣло. Имѣйте терпѣніе до похоронъ, послѣ того обѣщаю вамъ дѣйствовать.

Уважающій васъ В. Спасовичъ".

26 окт. 1894 г.

С.-Петербургъ.

„Милостивый Государь, Сергѣй Дмитріевичъ.

„Вчера, 19-го ноября, мнѣ удалось имѣть обстоятельную бесѣду объ Андреевѣ и о вашемъ дѣлѣ съ оберъ - прокуроромъ I-го департамента. Результатъ разговора нашимъ видамъ не соотвѣтствуетъ. Мнѣ было сказано, что это дѣло старое, что вы лично въ немъ не заинтересованы и что съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вѣдомство юстиціи изъ за этого дѣла не намѣрено входить въ столкновеніе. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ сообщено, что послѣ очень долгихъ колебаній и нерѣшительности министра юстиціи—какъ поступить, министръ юстиціи согласился съ мнѣніемъ моего собесѣдника на предложеніе дѣла I-му департаменту сената для дачи ему дальнѣйшаго хода въ порядкѣ, предусмотрѣнномъ для преступленій по должности. Дѣло теперь поручено спеціально товарищу оберъ-прокурора Тимофеевскому. Отъ

---

*) Письмо написано чрезъ 6 дней послѣ смерти Александра III-го.

Андреева затребовано по вашей жалобѣ объясненіе. Таковы свѣдѣнія, мнѣ сообщенныя, и показываютъ они, что этого дѣла никто не будетъ торопить, что имъ не интересуются и что оно такъ и заглохнетъ. Активно вліять на это дѣло нѣтъ никакой возможности.

Съ глубокимъ уваженіемъ В. Спасовичъ".

20 ноября 1894.

С.-Петербургъ.

„Милостивый Государь, Сергѣй Дмитріевичъ.

„Ваше дѣло, хотя и весьма медленно, но двигается. Однако, ему нельзя пока еще предвѣщать какого-либо успѣха. Вы знаете, вѣроятно, что оно запнулось на рапортѣ сенату нижегородскаго губернатора Баранова отъ 8-го октября 1893 г. за № 5033, въ которомъ губернаторъ доноситъ, что по обнаруженіи растратъ, сдѣланныхъ Андреевымъ въ 1890 г., онъ, губернаторъ, доложилъ о томъ конфиденціально министру внутреннихъ дѣлъ, представляя на благоусмотрѣніе высшаго правительства, какъ и его, губернатора, по сему дѣлу дѣйствія, такъ и объ обстоятельствахъ, до которыхъ относится жалоба Протопопова, „вообще несогласная съ истиной"... Таковъ смыслъ рапорта губернатора Баранова. Въ сенатѣ по этому поводу состоялось слѣдующее опредѣленіе: „*Приказали*: выслушавъ обстоятельства дѣла и признавая необходимымъ по содержанію рапорта нижегородскаго губернатора имѣть подлежащія свѣдѣнія отъ министра внутреннихъ дѣлъ, правительствующій сенатъ опредѣляетъ о представленіи таковыхъ министру внутреннихъ дѣлъ предписать указомъ".

„Резолюція состоялась въ декабрѣ, но указъ посланъ только на-дняхъ. Поставляю васъ въ извѣстность объ этой бумажной перепискѣ и пользуюсь случаемъ выразить вамъ мое полное уваженіе. В. Спасовичъ".

9 февр. 1895 г.

С.-Петербургъ.

На этомъ и кончилась моя переписка да и всѣ мои хлопоты по дѣлу Андреева. Feci quod potui, faciant meliora potentes.

Курьезнымъ мнѣ показался отзывъ оберъ-прокурора, что дѣло объ Андреевѣ „старое"... Было время, когда оно было „молодымъ", но и тогда всѣ попытки двинуть его встрѣчали только тормазы и угрозы.

Въ заключеніе моей „Исторіи одного хищенія" я могу сказать, какъ и полагается для конца всякаго нравственнаго разсказа, что добродѣтель въ лицѣ М. П. Андреева восторжествовала: онъ вскорѣ получилъ при казенной желѣзной дорогѣ мѣсто торговаго агента съ 5.000 р. годового содержанія. Обращается ли онъ съ новыми ввѣренными ему по службѣ суммами такъ же,

какъ обращался съ опекунскими, школьными и страховыми — я не знаю, но за то я скоро понялъ, какое важное значеніе имѣетъ призывъ „къ истребленію неправды и хищеній".

С. Протопоповъ.

М. Горькій о виноватыхъ и Л. Андреевъ о неповинныхъ.

(„Дачники" и „Красный смѣхъ").

I.

Первое появленіе „Дачниковъ" на сценѣ театра В. Ф. Коммисаржевской сопровождалось, какъ извѣстно, явно враждебнымъ отношеніемъ извѣстной доли зрителей къ одному изъ излюбленнѣйшихъ русскихъ писателей. Было бы безцѣльнымъ и произвольнымъ относить это враждебное художнику настроеніе исключительное за счетъ категоріи зрителей-„дачниковъ" въ родѣ Басова и комп. Намъ кажется, что разъяснить возможность этого недоразумѣнія—это было несомнѣнное недоразумѣніе — значитъ въ то же время и разобраться въ литературныхъ особенностяхъ пьесы и опредѣлить мѣсто „Дачниковъ" въ ряду другихъ произведеній М. Горькаго. Поэтому мы и остановимся на психологической возможности этого недоразумѣнія...

Писатель, избравшій своимъ оружіемъ сарказмъ и иронію, прежде всего долженъ считаться съ чисто-техническими затрудненія, возникающими для зрителя или читателя: опредѣлить противъ кого обвинитель-художникъ требуетъ отъ зрителя-читателя суроваго приговора? Противъ цѣлой ли общественной категоріи, обветшавшей въ своемъ укладѣ жизни, или противъ отдѣльныхъ отщепенцевъ изъ этой категоріи, въ цѣломъ сохранившей свою жизненность и потому въ художественномъ оправданіи не нуждающейся?... Относительно публициста и научнаго изслѣдователя такія сомнѣнія не возможны. Въ ихъ изслѣдованіяхъ вопросъ ставится ясно и опредѣленно и по суммѣ обнимаемыхъ изслѣдованіемъ явленій читатель знаетъ, къ чему, именно, авторъ привлекъ его вниманіе. Не то—съ художникомъ. Поставитъ ли онъ своей цѣлью характеристику части или цѣлаго, онъ одинаково долженъ взять нѣсколько психологическихъ *единицъ*, на нихъ развить свою драму, свою повѣсть, свое художественное обли-

ченіе и исключительно на нихъ долженъ опредѣлить и формулировать свое отношеніе къ затронутому общему вопросу.

Ясно поэтому, что, если художникъ-обличитель не приметъ особыхъ мѣръ, даже непредубѣжденный читатель не будетъ въ состояніи разобраться, въ качествѣ кого привлечены художникомъ отрицательные персонажи: въ качествѣ представителей своей личной вины передъ совѣстью и передъ жизнью, или въ качествѣ представителей общей массовой вины, отданныхъ на судъ читателя по старинному правилу: черезъ десятаго, сотаго?.. Въ такомъ, именно, положеніи находились зрители „Дачниковъ": кто эти „дачники"—типичные представители общей массы русской интеллигенціи, только что выдвинутый событіями на роль созидательныхъ элементовъ въ странѣ, или это, на самомъ дѣлѣ, только „дачники" изъ этой интеллигенціи?

Относительно „Дачниковъ" вопросительное отношеніе было тѣмъ законнѣе, что суровое и пренебрежительное отношеніе автора къ интеллигенціи, какъ цѣлому, характеризовало всю его литературную дѣятельность вплоть до „Мѣщанъ". Правда, еще задолго до появленія „Дачниковъ" ходили опредѣленные слухи, что М. Горькій въ новой пьесѣ измѣняетъ свое общее отношеніе къ той общественной категоріи, которую онъ обозначалъ въ „Коноваловѣ" словомъ „интеллигентъ", поставленнымъ въ презрительныя кавычки. Но эти слухи, естественно, не выходили изъ ограниченнаго круга лицъ, особенно интересующихся М. Горькимъ, и такъ называемой большой публикѣ, собиравшейся на первыя представленія „Дачниковъ", приходилось реагировать на то, что они видѣли и слышали, руководясь исключительно своими собственными впечатлѣніями, окрашенными давнимъ предубѣжденіемъ относительно М. Горькаго, какъ „врага" русской интеллигенціи, безъ вины въ всемъ виноватой.

„Нужно родиться въ культурномъ обществѣ для того, чтобы найти въ себѣ терпѣніе всю жизнь жить среди него и ни разу не пожелать уйти куда-нибудь изъ сферы всѣхъ этихъ тяжелыхъ условностей, узаконенныхъ обычаемъ маленькихъ ядовитыхъ лжей, изъ сферы болѣзненныхъ самолюбій, идейнаго сектантства, всяческой неискренности,—однимъ словомъ, изъ всей этой охлаждающей чувство и развращающей умъ суеты суетъ. Я родился и воспитывался внѣ этого общества и по сей пріятной для меня причинѣ не могу принимать его культуру большими дозами безъ того, чтобы, спустя нѣкоторое время, у меня не явилась настоятельная необходимость выйти изъ ея рамокъ и освѣжиться нѣсколько отъ чрезмѣрной сложной сложности и болѣзненной утонченности этого быта... Въ деревнѣ почти *такъ же невыносимо тошно и грустно, какъ и среди интеллигенціи.* Всего лучше отправиться въ трущобы городовъ, гдѣ, хотя все и грязно, но все такъ просто и искренно („Коноваловъ").

Этихъ ѣдкихъ словъ зритель-читатель, конечно, не могъ забыть, и они не могли не создавать въ немъ извѣстной предвзятости настроенія, которая дѣлала обязательными тѣ спеціальныя мѣры, о которыхъ упоминалось выше... Но можно ли утверждать относительно „Дачниковъ", что эти спеціальныя мѣры были приняты, и авторъ рѣзко ограничилъ тотъ кругъ русской интеллигенціи, къ которому адресовалъ своихъ „Дачниковъ"? Можно ли утверждать, что даже *предубѣжденный* зритель долженъ былъ найти безспорныя указанія, которыя дали бы ему возможность оріентироваться въ своихъ впечатлѣніяхъ отъ пьесы и разрушили бы его предвзятое отношеніе къ ней? На эти вопросы приходится отвѣтить отрицательно.—Нельзя, конечно, поставить въ упрекъ автору „Дачниковъ", что онъ не прибѣгнулъ къ не художественнымъ явнымъ подчеркиваніямъ, которыя заставили бы забыть въ немъ разсказчика о Коноваловѣ (хотя такого рода подчеркиванія—въ интересахъ опредѣленности—при неизбѣжности допускаютъ такіе мастера, какъ Ибсенъ), но къ выгодѣ для пьесы слѣдовало желать, чтобы въ ней были менѣе случайно разграничены козлища отъ агнцевъ. Вѣдь въ „Дачникахъ" всѣ привлекательные (мы не будемъ называть ихъ „положительными") персонажи—или женщины, жизнь которыхъ изуродована мужьями-„дачниками", или люди, свободные отъ привилегій такъ называемаго „законченнаго образованія", каковы Власъ и Двоеточіе! Мы лично не сомнѣваемся, что негодующій авторъ „Дачниковъ" имѣлъ въ виду исключительно „дачниковъ", которые ищутъ въ жизни только мѣста на солнышкѣ, когда бываетъ холодно, и мѣста въ прохладной тѣни, когда погода мѣняется. Но на зрителя, да еще предубѣжденнаго, такая исключительная подобранность привлекательныхъ персонажей могла производить отрицательное впечатлѣніе. И это впечатлѣніе должно было находить себѣ поддержку въ такихъ, напр., мелочахъ, какъ бесѣда сторожей Кропилкина и Пустобайки о дачникахъ текущаго лѣта:

Кропилкинъ. Все новые, молъ. Не тѣ, что въ прошломъ году жили...

Пустобайка (вынимая трубку). Все одно. Такіе же.

Кропилкинъ (вздыхаетъ). Оно конечно... всѣ господа... эхе-хе!

Пустобайка. Дачники—всѣ одинаковые. За пять годовъ я ихъ видалъ безъ счету. Они для меня —въ родѣ какъ въ ненастье пузыри на лужѣ... вскочитъ и лопнетъ... вскочитъ и лопнетъ... Такъ-то...

Но если всѣ дачники, которыхъ Пустобайка видѣлъ „безъ счета",—всѣ „одинаковые", то что же это значитъ? Вѣдь не на подборъ же пріѣзжаютъ въ эту дачную мѣстность „дѣти прачекъ, кухарокъ и рабочихъ", выбившіеся съ помощью „грамматики" на сравнительные верхи жизни, всѣ—превратившіеся въ моральныхъ „дачниковъ" и всѣ—уродующіе нравственно своихъ женъ?...

Это, конечно, мелкая техническая погрѣшность, но очень досадная, когда рѣчь идетъ о пьесѣ, способной затронуть такой острый вопросъ, какъ отношеніе М. Горькаго къ интеллигенціи вообще.

Общая причина всѣхъ погрѣшностей въ „Дачникахъ", на нашъ взглядъ. въ томъ, что за авторомъ „Дачниковъ" слишкомъ чувствуется М. Горькій — давній истецъ за своихъ Коноваловыхъ, „озорниковъ" и озлобленныхъ буяновъ въ родѣ сапожника Орлова. Говоря словами Марьи Львовны, авторъ не хочетъ и не можетъ „не видѣть пропасти между нами—на высотѣ—и родными нашими—тамъ, внизу, откуда они смотрятъ на насъ, какъ на враговъ, живущихъ ихъ трудомъ". Относительно этихъ людей несомнѣнно вѣренъ афоризмъ вѣчно декламирующей Калеріи о томъ, что солнце восходитъ и заходитъ, а въ душѣ людей всегда сумерки. Трудно даже предвидѣть, когда эти сумерки и потемки смѣнятся чѣмъ-либо другимъ... И „Дачники", конечно, не пьеса въ художественномъ значеніи этого слова, а только средство протестовать противъ безконечныхъ сумерекъ,—средство, которое авторъ считалъ наиболѣе дѣйствительнымъ, чтобы ударить въ лицо виноватымъ въ попустительствѣ своими ѣдкими словами и желчными характеристиками. Въ этихъ ѣдкихъ словахъ и характеристикахъ, а не въ психологическихъ построеніяхъ заключается суть всей пьесы.

Благодаря этому, единственно цѣльнымъ, яснымъ и значительнымъ въ „сценахъ" является настроеніе автора „Дачниковъ". Подъ его вліяніемъ читатель находится на протяженіи всей пьесы, и оно безспорно является главнымъ „дѣйствующимъ лицомъ". Въ „Дачникахъ" оно такъ же давитъ „все остальное", т. е. всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, какъ въ пьесахъ, написанныхъ спеціально для какой-нибудь роли, герой или героиня давятъ всѣ остальные персонажи, сосредоточивая на себѣ всѣ заботы о тщательной художественной обработкѣ и освобождая автора отъ подобной же обязанности по отношенію къ вспомогательнымъ образамъ. Это относится одинаково и къ „положительнымъ", и къ отрицательнымъ типамъ—словеснымъ характеристикамъ—въ „Дачникахъ". И тѣ, и другіе ему нужны только для того, чтобы сдѣлать яркимъ свой призывъ и контрастъ между тѣмъ, что есть, и что должно быть. То, что онъ рисуетъ, не нуждается въ смягченіи красокъ, которое такъ характерно въ подобныхъ случаяхъ у Чехова... Не трудно видѣть, на кого прежде всего должно было обрушиться негодующее чувство художника: на тѣхъ, кто самъ былъ „внизу", по счастливой случайности выбрался на „высоту" и немедленно забылъ о тѣхъ, которые остаются по прежнему „внизу",—но уже „врагами". И онъ обрушивается—въ точномъ значеніи этого слова. Онъ точно боится пропустить что нибудь, въ чемъ могутъ быть виновны эти люди, и нанизываетъ одинъ сарказмъ на другой, не замѣчая, что преувеличить обвиненіе не всегда въ

интересахъ самого обвинителя—даже и не въ области искусства. Нѣтъ сомнѣнія, напр., что и выходцы изъ народа бываютъ повинны въ элементарныхъ беззаконіяхъ и нечестности. Бываютъ,—слѣдовательно, они должны быть такими въ „Дачникахъ". И авторъ дѣлаетъ своихъ отрицательныхъ героевъ: одного — сомнительнымъ картежникомъ; другого — инженеромъ, который находится съ подрядчиками въ такихъ отношеніяхъ, что его постройки рушатся и давятъ рабочихъ; третьяго — писателемъ, который не прочь присвоить чужое имущество; четвертаго — адвокатомъ съ сомнительными дѣлами *). Естественно, что тѣмъ самымъ авторъ вышелъ за предѣлы своей задачи: изобразить интеллигентныхъ выходцевъ-„дачниковъ" изъ народа. Ибо какое отношеніе — не только вообще къ интеллигенціи, но и къ какой бы то ни было группѣ ея—имѣютъ эти выведенные имъ приличные „нигилисты собственности" и отрицатели всего, что плохо укрыто и защищено уложеніемъ о наказаніяхъ? Ясно, что это не средніе типы, характерные для русской жизни, а только отдѣльные объекты для законныхъ жалобъ въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ и прокурору мѣстнаго суда, не имѣющіе законнаго отношенія къ вопросу о моральныхъ „дачникахъ" въ жизни... Вопросъ, выдвинутый авторомъ, не разъяснился, а, наоборотъ, стушевался. Ибо было бы великимъ счастьемъ для нашей родины, если бы всѣ дачники исчерпывались категоріей лицъ, на которыхъ можно жаловаться по принадлежности. Но, конечно, вопросъ о „дачникахъ" гораздо сложнѣе, и М. Горькій, какъ художникъ, прошелъ мимо него, оставивъ читателя во власти только своего собственнаго негодующаго чувства...

Пусть, однако, авторъ „Дачниковъ" правъ въ своемъ суровомъ отношеніи къ отрицательнымъ героямъ. Пусть эти люди, дѣйствительно, виноваты и дѣйствительно не заслуживаютъ чеховскаго снисхожденія въ художественномъ толкованіи и изображеніи. Все равно—читателю и зрителю нужно понимать, что сдѣлало „дачниками" этихъ бывшихъ дѣтей рабочихъ, бывшихъ Николокъ и Мишекъ? Авторъ не захотѣлъ снять съ нихъ ни на іоту тяжесть отвѣтственности за тѣхъ, кого они оставили внизу „во тьмѣ и грязи", и оставилъ вопросъ не освѣщеннымъ. Правда, инженеръ Сусловъ объясняетъ, что онъ достаточно наголодался въ юности, и хочетъ (онъ говоритъ: „мы") „поѣсть и отдохнуть" въ зрѣломъ возрастѣ. Но это скорѣе выходка съ его стороны противъ надоѣдливыхъ обличеній Марьи Львовны, чѣмъ *исчерпывающее* объясненіе. Если все дѣло въ томъ, что

Маленькіе нудные людишки

. . . .

*) Кромѣ этихъ лицъ, въ пьесѣ еще только два: Рюминъ и докторъ Дудаковъ. Но эти двое, если и могутъ быть отнесены къ категоріи „дачниковъ" только тѣхъ, что живутъ „на дачѣ" зимою, дрожа отъ холода.

Все хотятъ дешевенькаго счастья,
Сытости, удобствъ и тишины...

то не съ чего имъ быть „нудными“ и не съ чего имъ „ныть“. А если они „ноютъ“, даже стрѣляются (правда, въ плечо); если къ нимъ можно адресовать *непонятные по пьесѣ* упреки въ томъ, что они „ряженые“, что они—„нищіе чувствомъ“, что у нихъ „развратъ мысли“; если къ нимъ можно взывать, что работать „для расширенія жизни“ нужно „не изъ милости“, а „для самихъ себя“,—то ясно, что художникъ прошелъ мимо какой то внутренней драмы, ограничивъ свою роль—ролью суроваго обвинителя, во что бы то ни стало, въ интересахъ тѣхъ, кто слишкомъ ему дорогъ... Какъ, конечно, и читателю.

Извѣстный коррективъ къ неопредѣленнымъ впечатлѣніямъ отъ отрицательныхъ типовъ зритель-читатель могъ бы найти въ положительныхъ типахъ, которые рельефно показали бы ему, что цѣнно въ людяхъ для автора-обвинителя. Но онъ такъ же пристрастенъ къ нимъ, какъ и къ отрицательнымъ. Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ, это—единственная оцѣнка, которая можетъ быть дана и Власу, и Варварѣ Михайловнѣ, и Двоеточію... Они близки художнику и зрителю ровно постольку, поскольку говорятъ отъ лица художественнаго толкователя „бывшихъ людей“ и всѣхъ, кому жизнь угрожаетъ этой ролью... Такъ же, какъ и при обрисовкѣ отрицательныхъ персонажей, авторъ „Дачниковъ“ въ интересахъ своего „главнаго дѣйствующаго лица“ недостаточно рѣзко очертилъ своихъ избранниковъ, допустивъ въ ихъ характеристикахъ болѣе или менѣе существенныя противорѣчія... Напримѣръ, Власъ. Онъ не хочетъ добиваться „положенія“ въ жизни, но за нѣсколько цѣлковыхъ корпитъ надъ „кляузами“, принимаетъ участіе въ нечистоплотныхъ дѣлахъ своего патрона-родственника и держитъ въ невѣдѣніи свою сестру, Варвару Михайловну, что-то отсутствіе красоты въ ея жизни, на которое она жалуется, составляетъ полъ-горя сравнительно съ тѣмъ, что она живетъ на средства, добытыя нечистымъ путемъ... Власу не хватаетъ вѣры въ силы сдѣлать что-нибудь нужное, но въ нѣсколько дней, подъ вліяніемъ Марьи Львовны, онъ не только вѣритъ въ себя, но и способенъ воздѣйствовать на Двоеточіе, который не знаетъ, куда ему дѣвать милліонъ, сколоченный трудами праведными, безъ ущерба для душевной мягкости и привлекательности: въ результатѣ Двоеточіе, который бранится „Спиновой-тонконогой“, ѣдетъ строить, съ помощью Власа, двѣ гимназіи—для формированія новыхъ „дачниковъ“?.. Варвара Михайловна сама себя аттестуетъ, какъ человѣка, который не знаетъ ничего и ничего не умѣетъ; она, дѣйствительно, не въ состояніи даже сохранить своего мужа, слабохарактернаго человѣка, отъ нравственнаго паденія,—какъ на это разсчитывали близкіе имъ обоимъ люди; но обвиняетъ она во всемъ окружающихъ. Она

упрекаетъ всѣхъ въ нытьѣ и сама ноетъ и жалуется на протяженіи всей пьесы, доходя до истерическихъ проклятій, заявленій, что она „ненавидитъ всѣхъ... неизсякаемой ненавистью“, и угрозъ, что дальше она будетъ „что то дѣлать“ — „противъ нихъ“... Какимъ-то страннымъ образомъ она не знаетъ, что ея любимый писатель давно уже выдохся и потерялъ, по его собственному признанію, чуткаго „новаго читателя“, къ которымъ, естественно, должна принадлежать и Варвара Михайловна. Отсюда странность, что она такъ ждетъ его: „какъ весну“, какъ чудотворное сошествіе Святого Духа на изуродованную жизнь, и оказывается пораженною, что, вмѣсто этого, видитъ передъ собой только Шаликова да еще—эту подробность отмѣчаетъ авторъ — съ лысиной на головѣ!.. Но все это близкія автору лица, которымъ онъ ввѣрилъ свой протестъ противъ отсутствія правды и чести въ жизни Басовыхъ и комп., и нереальность ихъ такъ же понятна, какъ тотъ фактъ, что Чацкій, которому „горе отъ ума“, по словамъ Пушкина, вовсе не уменъ, — но за то Грибоѣдовъ „очень уменъ“.

Въ результатѣ часть зрителей, которая была увѣрена въ томъ, что авторъ имѣетъ въ виду „дачниковъ“, шла въ унисонъ съ настроеніемъ автора и горячо привѣтствовала его. Другая часть осталась во власти своего предубѣжденія противъ прежняго Горькаго; чувствовала надъ собой негодованіе автора; не разбиралась, въ чемъ заключается положительный характеръ героевъ, съ одной стороны, а съ другой стороны, не находила опредѣленныхъ, типичныхъ чертъ у отрицательныхъ персонажей: „дачники“ могли законно находить, что въ пьесѣ въ качествѣ „дачниковъ“ представлены объекты уголовной репрессіи, а не-„дачники“ не чувствовали себя надежно-исключенными изъ пьесы, не чувствовали себя изъятыми отъ сарказмовъ и ироніи М. Горькаго.

Но то, чего не сдѣлалъ авторъ „Дачниковъ“, за него сдѣлала жизнь, рѣзко опредѣливъ его отношеніе къ русской интеллигенціи и опредѣленно связавъ его имя съ именами представителей этой интеллигенціи, напрасно пытавшихся заслонить своимъ вмѣшательствомъ русскую жизнь отъ напраснаго мученичества... Это было, конечно, не первою попыткой, сдѣланной за послѣднія 50 лѣтъ; новая попытка не принесла практическихъ результатовъ, какъ не принесли ихъ прежнія попытки, такъ сурово оцѣненныя въ первыхъ произведеніямъ М. Горькаго... Но вѣдь, скажемъ словами Ибсена:

Простится то тебѣ, чего не *сможешь*,
Чего жъ не *захотѣлъ* ты—никогда..

Это, конечно, дѣйствительная точка зрѣнія автора „Дачниковъ“, освобожденныхъ отъ погрѣшностей и элемента случайныхъ привнесеній въ пьесу. Иначе авторъ не говорилъ бы, ко-

нечно, о „проклятомъ одиночествѣ“ русской интеллигенціи устами своей скучной Марьи Львовны.

II.

Ты предала ихъ, мать! Въ глухой
степи—одни,
Безъ хлѣба, безъ глотка воды гнилой,
Изранены врагами...
. . . .
Плачь и молись, отчизна мать!
В. Гаршинъ.

Если М. Горькій избралъ своей темой вопросъ о виноватыхъ передъ жизнью, то у Л. Андреева—тема какъ-разъ обратная: его герои—тѣ, передъ которыми сама жизнь виновата, которые не были въ состояніи ни устранить, ни даже противодѣйствовать „ужасу и безумію“, тяготѣющимъ надъ ихъ родиной, и которые тѣмъ не менѣе несутъ всѣ послѣдствія „ужаса и безумія“, какъ будто бы они были „виноватыми“, или вѣрнѣе, больше, чѣмъ если бы они были виноватыми.

Меньше всего мы хотѣли бы смягчить впечатлѣніе отъ разсказа г. Андреева, остановившись прежде всего на художественныхъ недостаткахъ „Краснаго смѣха“. И если мы это сдѣлаемъ, то только потому, что разсказъ г. Андреева, по нашему мнѣнію, слишкомъ говоритъ за себя, чтобы нуждаться въ защитѣ умалчиванія о недостаткахъ, а, съ другой стороны, мы полагаемъ, что принятая въ разсказѣ группировка содержанія мѣшаетъ — судимъ по опыту — читателю разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, оставляя его нѣсколько ошеломленнымъ быстрой смѣной картинъ „ужаса и безумія“. Читатель слишкомъ много видитъ сразу и при томъ видитъ неподготовленный, наскоро и мелькомъ, точно на бѣгу осматриваетъ спеціально подобранную картинную галлерею. Разобраться въ этомъ обиліи крупныхъ, но калейдоскопическихъ впечатлѣній, значитъ центрировать свое вниманіе и дать себѣ возможность видѣть отдѣльно и по частямъ. Въ разсказѣ г. Андреева такихъ „частей“ достаточно; изъ нихъ каждая была бы въ состояніи составить тему для удручающаго повѣствованія о томъ безуміи и ужасѣ, которые называются войной.

Но еще болѣе, чѣмъ сложность содержанія и быстрая смѣна отдѣльныхъ моментовъ разсказа, ослабляетъ *неосвѣдомленность* читателя, сознательно допущенная авторомъ... Вѣдь не всѣ же сходятъ съ ума на войнѣ и не всѣ кончаютъ самоубійствомъ, не будучи въ состояніи ни понять законности войны, ни переносить свое участіе въ ней? Отчего же въ разсказѣ всѣ, о комъ говорится, кончаютъ или тѣмъ, или другимъ?

Дѣло въ томъ, что весь разсказъ о войнѣ, отъ перваго до

послѣдняго слова, ведется, хотя и отъ имени участника въ войнѣ, литератора по профессіи, но все *записано* не имъ, а его братомъ. Въ этомъ отношеніи художественный замыселъ „Краснаго смѣха" представляется намъ удачнымъ. Все записано уже послѣ возвращенія съ войны литератора, оплатившаго свое участіе въ ней сначала потерей обѣихъ ногъ, а потомъ безуміемъ и смертью. Въ періодъ между возвращеніемъ и потерей душевнаго равновѣсія, измученный человѣкъ передавалъ свои впечатлѣнія брату, и тотъ заносилъ ихъ (потомъ), какъ могъ точно, на бумагу. За нѣкоторыя картины онъ ручается, что онѣ записаны имъ почти дословно. „*Все, что я здѣсь записалъ о войнѣ*, говоритъ онъ, взято мною со словъ покойнаго брата *), часто очень сбивчивыхъ и безсвязныхъ; только нѣкоторыя отдѣльныя картины такъ неизгладимо и глубоко вожглись въ его мозгъ, что я могъ привести ихъ почти дословно, какъ онъ разсказывалъ".

Но естественно, что измученный человѣкъ разсказывалъ только о томъ, что его измучило и что поразило его своимъ безуміемъ и ужасомъ. И всѣ мелкія детали, всѣ подробности обихода, — все, что было безразлично, конечно, исчезло въ его характеристикѣ войны... Передъ читателемъ не документальное, исчерпывающее описаніе войны, а только „ужасъ и безуміе" ея, которые живы въ душѣ пережившаго ихъ и изувѣченнаго ими человѣка. — Всѣ преувеличенія, если они есть, и всѣ отклоненія отъ „протокола", если они допущены,—при этихъ условіяхъ пріобрѣтаютъ характеръ абсолютной правды — внутренней, субъективной правды . Не всѣ сходятъ съ ума; не всѣ, конечно, стрѣляются отъ „ужаса и безумія" войны. Это удѣлъ болѣе тонкой и впечатлительной душевной организаціи у тѣхъ „сотенъ", о которыхъ упоминается въ разсказѣ. Болѣе здоровые (какъ часто это слово звучитъ душевной жесткостью!) вынесутъ... Вынесутъ. Но „ужасъ и безуміе" и они должны были чувствовать. „Сотни„ только яркій показатель въ крайней степени того, что *всѣ* должны были переживать, не могли не переживать...

Къ сожалѣнію, объ истинномъ характерѣ этихъ отрывочныхъ описаній войны, которую „нельзя понять", читатель узнаетъ слишкомъ поздно—во 2-ой части разсказа. Кромѣ того, соотвѣтствующее указаніе дано авторомъ настолько вскользь, послѣ такой напряженности событій въ 1-ой части, что даже внимательные читатели проходили мимо указанія, относясь къ „Красному смѣху" не какъ къ тяжелой личной драмѣ, а какъ къ *дневнику*—описанію (въ первой части) войны въ ея подробностяхъ, требуя отъ разсказа-дневника технической точности, „документальной" правды и *ров-*

*) Это указаніе не должно относиться, повидимому, ко всѣмъ „отрывкамъ" первой части. Нѣкоторые изъ нихъ (напр., восьмой и девятый) имѣютъ слишкомъ явный характеръ записей самого писателя.

наго психологическаго освѣщенія обстоятельствъ войны... Но именно этого разсказъ, какъ мы видѣли, не долженъ давать. Его задача — только собрать въ фокусѣ „ужасъ и безуміе“ того, что есть и чего, однако, „нельзя понять“.

Центръ тяжести въ первой части „Краснаго смѣха“, это—тѣ отдѣльныя картины, за почти-дословную передачу которыхъ ручается записавшій... Какъ мы упоминали, каждый изъ нихъ могъ бы служить темой для отдѣльнаго разсказа, и каждый былъ бы достаточно содержателенъ, т. е. тяжелъ.

Таковъ, напримѣръ, разсказъ о нѣсколькихъ измученныхъ физически и нравственно людяхъ, которые должны и хотятъ ѣхать на помощь еще болѣе измученнымъ и изувѣченнымъ людямъ—раненымъ, оставленнымъ „своими“ среди ночи и труповъ. Разсказчикъ послѣ пяти безсонныхъ ночей заснулъ, и его будитъ—умоляетъ встать докторъ, который тоже „не помнитъ, когда спалъ“... Раненыхъ возили цѣлый день, но доктору не даетъ покоя мысль, что они *еще* есть. Онъ досталъ паровозъ и вагоны, но у него нѣтъ людей, чтобы ему помочь. Онъ умоляетъ офицера-разсказчика встать, потому что „всѣ спятъ (послѣ 10-дневнаго сраженія), всѣ отказываются“, и онъ самъ боится заснуть, если это еще долго протянется... Офицеръ встаетъ, и они ѣдутъ, потомъ идутъ по полотну желѣзной дороги, сталкивая съ полотна трупы, которые мѣшаютъ имъ идти, и дѣйствительно находятъ забытыхъ раненыхъ. Сначала одного, который заставилъ ихъ почувствовать ужасъ. У него видны были „одни только глаза—такъ велики показались они, когда на лицо его палъ свѣтъ фонаря. Онъ пересталъ стонать и только поочередно переводилъ глаза на каждаго изъ насъ и на наши фонари, и въ его взглядѣ была безумная радость оттого, что онъ видитъ людей и огни — и безумный страхъ, что сейчасъ все это исчезнетъ, какъ видѣніе. Быть можетъ, ему уже не разъ грезились наклонившіеся люди съ фонарями и исчезали въ кровавомъ и смутномъ кошмарѣ“.

Но раненыхъ оказалось больше, чѣмъ ожидали, и потомъ они уже не ужасали. „Все чаще они стали попадаться на полотнѣ и около него, и все поле, залитое неподвижнымъ краснымъ отсвѣтомъ пожаровъ, закопошилось, точно живое, загорѣлось громкими криками, воплями и стонами...

...Одни были безгласны и послушны, другіе стонали, выли, ругались и ненавидѣли насъ, спасавшихъ ихъ, такъ страстно, какъ будто мы создали и эту кровавую равнодушную ночь, и одиночество ихъ среди ночи и труповъ, и эти страшныя раны“.

У людей, пришедшихъ спасать, „отъ насохшей крови руки одѣлись точно въ черныя перчатки, и съ трудомъ сгибались пальцы“. Вагоны оказались переполнены—больше брать некуда. Остальныхъ *нужно бросить,* не вѣря себѣ, что найдутся силы пріѣхать вновь... Чувство физической безпомощности, унизитель-

наго безсилія и ужаса настолько подавляетъ всѣхъ пришедшихъ на помощь, что, когда раздается выстрѣлъ, которымъ покончилъ съ собой одинъ изъ студентовъ-санитаровъ, это кажется всѣмъ совершенно естественнымъ и законнымъ выходомъ и никого не удивляетъ... Такъ же, какъ не удивляетъ, что солдаты-помощники, какъ только набили вагоны найденными „потерями въ людяхъ“, тутъ же, среди стоновъ и труповъ, заснули...

Въ этомъ эпизодѣ, разсказанномъ г Андреевымъ на девяти страницахъ, онъ отмѣтилъ много характерныхъ и сильныхъ подробностей, но разсказалъ ихъ слишкомъ мелькомъ, позволивъ мысли читателя скользнуть по этимъ подробностямъ и тѣмъ самымъ ослабивъ значеніе ихъ для его мысли и чувства.

То же самое—относительно разсказа врача, ампутировавшаго разсказчику ноги, о непріятельскихъ душевно-больныхъ солдатахъ, отбившихся отъ своихъ, одичало бродящихъ и по временамъ попадающихъ въ нашъ лагерь.

— „Слушайте,—сказалъ докторъ, глядя въ сторону.—Вчера я видѣлъ: къ намъ пришелъ сумасшедшій солдатъ. Онъ былъ раздѣтъ почти до гола, избитъ, исцарапанъ и голоденъ, какъ животное; онъ весь заросъ волосами, какъ заросли и мы всѣ, и былъ похожъ на дикаря, на первобытнаго человѣка, на обезьяну. Онъ размахивалъ руками, кривлялся, пѣлъ и кричалъ, и лѣзъ драться. Его накормили и выгнали назадъ въ поле. *Куда же ихъ дѣвать?* Дни и ночи оборванными, зловѣщими призраками бродятъ они по холмамъ, взадъ и впередъ и во всѣхъ направленіяхъ, безъ дороги, безъ цѣли, безъ пристанища... Чѣмъ они питаются? Вѣроятно, ничѣмъ, а быть можетъ трупами, вмѣстѣ со звѣрями, вмѣстѣ съ этими толстыми отъѣвшимися одичалыми собаками, которыя цѣлыя ночи дерутся на холмахъ и визжатъ. Въ нихъ стрѣляютъ иногда по ошибкѣ, иногда нарочно, выведенные изъ терпѣнія ихъ безтолковымъ, пугающимъ крикомъ... Они умираютъ сотнями въ пропастяхъ, въ волчьихъ ямахъ, приготовленныхъ для здоровыхъ и умныхъ, на остаткахъ колючей проволоки и кольевъ“.

И, какъ врачъ и какъ человѣкъ, и въ силу профессіональнаго чувства долга и въ силу велѣній совѣсти, разсказчикъ чувствуетъ себя *обязаннымъ* отнестись къ этимъ несчастнымъ „врагамъ“, какъ врачъ. Но что же онъ *можетъ* для нихъ сдѣлать, когда у него и для своихъ больныхъ нѣтъ мѣста? Что онъ можетъ сдѣлать, какъ ни *прогнать* ихъ, хотя всего нѣсколько мѣсяцевъ онъ не сдѣлалъ бы этого даже относительно собаки! Что страннаго въ томъ, что и этотъ человѣкъ, измученный своимъ позоромъ человѣка и врача, кончаетъ безуміемъ?

Такихъ драмъ человѣческаго безсилія въ разсказѣ г. Андреева много. Приходится пожалѣть, съ художественной точки зрѣнія, что ихъ такъ много (авторъ преувеличилъ, на нашъ взглядъ,

значеніе *количества* эпизодовъ для должной характеристики ужасовъ войны) и всѣ они разсказаны вскользь, и потому каждый изъ нихъ теряетъ дѣйствительное свое значеніе. Теряетъ, впрочемъ, не только отъ мимолетной — если можно такъ выразиться — передачи ихъ, но и отъ того, что авторъ не бережетъ своего творческаго вниманія и съ одинаковой отчетливостью выписываетъ и фонъ своихъ мрачныхъ картинъ, и то, что должно быть на первомъ планѣ ихъ. Съ одинаковой подробностью и въ тождественныхъ выраженіяхъ онъ разсказываетъ и о томъ, какъ стонутъ раненые, и о томъ, какъ „звукъ (трубы) метался, прыгалъ, бѣжалъ въ сторону отъ другихъ, одинокій, дрожащій отъ *ужаса, безумія*“, и о томъ, какъ у душевно-больного дрожатъ пальцы руки: „каждый палецъ въ ней трясся въ такомъ безнадежномъ живомъ, *безумномъ ужасѣ*... они отдѣлились... они ожили, они стали ушами и глазами, эти *безумно* трепещущіе пальцы“.. Когда художникъ говоритъ о природѣ и людяхъ въ одинаковыхъ выраженіяхъ и когда у него одинаково „стонутъ“ люди, „стонутъ“ звуки, „стонетъ“ воздухъ (напоминая трещаніе кузнечиковъ на лѣтнемъ лугу), „стонетъ“ ночь „каждой частицей своего существа“,—получается, быть можетъ, общій мрачный колоритъ, котораго хочетъ авторъ, но за то теряетъ въ силѣ то, что относится къ самимъ *людямъ*. Ихъ „ужасъ“ тонетъ въ однотонныхъ описаніяхъ природы. Въ результатѣ у читателя создается настроеніе какого-то мрачнаго безразличія, которое, конечно, было не въ намѣреніяхъ автора, поставившаго себѣ цѣлью сказать „новое“ о старомъ человѣческомъ безуміи войны... Эти особенности письма имѣли бы значеніе и при детальной психологической разработкѣ отдѣльныхъ эпизодовъ „Краснаго смѣха“. При сжатости же содержанія непропорціональность въ тонѣ по отношенію къ главному и къ ассесуарамъ должна, конечно, имѣть еще болѣе существенное значеніе.. Нельзя не чувствовать также расхолаживающаго вліянія фразъ, обычныхъ для творчества г. Андреева, въ родѣ слѣдующей фразы: „страхъ (въ сраженіи) минутами смѣнялся дикимъ восторгомъ—восторгомъ страха“. Общность между этими двумя душевными состояніями, быть можетъ, и существуетъ, но она не очевидна сама по себѣ, какъ это должно имѣть мѣсто относительно психологическихъ терминовъ, съ которыми оперируетъ художникъ-психологъ. Эти сближенія только останавливаютъ вниманіе читателя, но ничего не даютъ.

Отъ этихъ расхолаживающихъ подробностей свободенъ только разсказъ — лучшій въ „Красномъ смѣхѣ“ — о возвращеніи домой офицера и писателя, послѣ того, какъ у него ампутировали обѣ ноги. — Это произошло совсѣмъ просто и непонятно. Какъ и все. Люди съ красными околышами сперва видѣли на приближающихся людяхъ тоже красные околыши, т. е признали ихъ своими. Но когда они стали стрѣлять, люди съ красными околы-

шами такъ же точно ясно увидѣли передъ собой людей съ желтыми околышами, т. е. враговъ. Оказалось, однако, что передъ ними всетаки были люди съ красными околышами, т. е. произошла „ошибка". Ошибка стоила сотенъ убитыхъ и раненыхъ, а разсказчику стоила обѣихъ ногъ, которыя были перебиты „своими", и ихъ пришлось ампутировать... Когда онъ лежалъ въ госпиталѣ, его удивляло, что его и его товарищей, изуродованныхъ людьми съ красными околышами, почему-то меньше жалѣютъ, чѣмъ тѣхъ, которыхъ изуродовали люди съ желтыми околышами. Но потомъ это все сгладилось, какъ сгладилось и впечатлѣніе ужаса человѣка, который превратился въ жалкій обрубокъ туловища съ измученнымъ и старымъ лицомъ. Онъ старается „привыкнуть" къ этому и старается находить, что потеря ногъ не такое ужъ страшное горе: вѣдь онъ — писатель, а не почтальонъ, которому *нужны* ноги... И когда онъ вернулся домой, въ свою семью, которую оставилъ молодымъ, здоровымъ и красивымъ, онъ по-дѣтски радуется и близости любящихъ людей, и сосѣдству „настоящаго самовара, изъ котораго паръ валитъ, какъ изъ паровоза", и голубымъ обоямъ своего кабинета, которые остались не перемѣненными. Онъ старается усилить радость своего возвращенія, заставляя всѣхъ размѣститься по комнатамъ такъ, какъ онъ представлялъ это себѣ во время сраженій; чувствуетъ радость, что пережитое имъ на самомъ дѣлѣ уже пережито, и приходитъ въ раздраженіе, когда сталкивается съ чѣмъ-то другимъ въ настроеніи окружающихъ.

Автору удалось въ немногихъ словахъ передать этотъ удручающій контрастъ между радужнымъ настроеніемъ изувѣченнаго человѣка, вернувшагося „домой", и душевнымъ настроеніемъ окружающихъ, для которыхъ радужное настроеніе искалѣченнаго мужа, сына и брата только усугубляетъ душевную муку... Все передано просто и, все безыскусственно, и все тяжело волнуетъ читателя и при чтеніи, и при перечитываніи. Лучшую заключительную сцену мы позволимъ себѣ привести цѣликомъ. „Они разстроили меня, эти недовольные люди, но радость снова вернулась ко мнѣ, когда мнѣ стали приготовлять постель; настоящую постель, на красивой кровати, которую я купилъ передъ свадьбой, четыре года тому назадъ. Постлали чистую простыню, потомъ взбили подушки, завернули одѣяло,—а я смотрѣлъ на эту торжественную церемонію, и въ глазахъ у меня стояли слезы отъ смѣха.

— А теперь раздѣнь-ка меня и положи,—сказалъ я женѣ.— Какъ хорошо!

— Сейчасъ, милый.

— Поскорѣй!

— Сейчасъ, милый.

— Да что же ты?

— Сейчасъ, милый.

Она стояла за моей спиной, у туалета, и я тщетно поворачивалъ голову, чтобы увидѣть ее. И вдругъ она закричала, какъ кричатъ только на войнѣ:

— Что же это!

И бросилась ко мнѣ, обняла, упала около меня, пряча голову у отрѣзанныхъ ногъ, съ ужасомъ отстраняясь отъ нихъ и снова припадая, цѣлуя эти обрѣзки и плача:

— Какой ты былъ! Вѣдь тебѣ только тридцать лѣтъ. Молодой, красивый былъ. Что же это! Какъ жестоки люди. Зачѣмъ это? Кому это нужно было? Ты, мой кроткій, мой жалкій, мой милый, милый...

И тутъ на крикъ прибѣжали всѣ они, и мать, и сестра, и нянька, и всѣ они плакали, говорили что-то, валялись у моихъ ногъ, и такъ плакали. А на порогѣ стоялъ братъ, блѣдный, совсѣмъ бѣлый, съ трясущейся челюстью и визгливо кричалъ:

— Я тутъ съ вами съ ума сойду. Съ ума сойду!

А мать ползала у кресла и уже не кричала, а хрипѣла только и билась головой о колеса. И чистенькая, со взбитыми подушками, съ завернутымъ одѣяломъ, стояла кровать, та самая, которую я купилъ четыре года назадъ — передъ свадьбой".

Не правда-ли, читателю приходится пожалѣть, что въ „Красномъ смѣхѣ“ слишкомъ ненадолго почувствовался авторъ „Жили-были“ и слишкомъ ненадолго заслонилъ собою въ авторѣ „Краснаго смѣха“ художника-колориста, который черезчуръ озабоченно подбираетъ густыя краски, нужныя ему для мрачнаго тона картинъ „безумія и ужаса“, хотя бы это достигалось цѣной простоты и искренности автора „Жили-были“ и цѣной пониженія вниманія къ *людямъ,* страдающимъ отъ этого безумія и этого ужаса...

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ, главнымъ образомъ, по поводу 2-ой части. Калѣка-писатель, кромѣ увѣчья, привезъ съ собой начало душевной болѣзни, которая, къ его счастью, какъ выражается братъ, кончилась смертью.. Вся 2-я часть посвящена душевной драмѣ этого брата,—не участника въ войнѣ, а зрителя и слушателя... Въ качествѣ человѣка, котораго „съ дѣтства учили не мучить животныхъ и быть жалостливымъ“, онъ не въ состояніи ни почувствовать законность войны, отнявшей у него любимаго брата, ни понять ея логики. „Я не могу привыкнуть къ самому факту войны“, говоритъ онъ. „Мой умъ отказывается понять и объяснить то, что въ основѣ своей безумно. Милліонъ людей, собравшись въ одно мѣсто и стараясь придать правильность своимъ дѣйствіямъ, убиваютъ другъ друга, и всѣмъ одинаково больно и всѣ одинаково несчастны,—что же это такое, вѣдь это сумасшествіе“...

Онъ не сомнѣвается, что его душевная надтреснутость грозитъ ему сумасшествіемъ, но въ концѣ концовъ это перестаетъ пугать его. „Потеря разсудка мнѣ кажется почетной, какъ гибель часового

на своемъ посту",—котораго нельзя сохранить... Ему начинаетъ казаться, что по существу всѣ люди—убійцы и только притворяются людьми, когда „сыты". И онъ ждетъ, что катастрофа не ограничится театромъ войны и разольется дальше. Дѣйствительность какъ будто отвѣчаетъ настроенію больной мысли. Происходятъ погромы, происходятъ побоища и съ одного изъ нихъ (люди, наиболѣе страдающіе отъ „ужасовъ" войны, разогнали участниковъ демонстраціи противъ войны) онъ самъ убѣгаетъ съ головой, разбитой полѣномъ. Душевный разладъ переходитъ въ душевную болѣзнь. Больному кажется, что „красный смѣхъ" *пришелъ* съ войны: онъ видитъ его у себя за окномъ...

Почему авторъ озаглавилъ свой разсказъ: „Красный смѣхъ"? Конечно, происхожденіе сочетанія двухъ словъ: „красный" и „смѣхъ" понятно. Война смѣется надъ людьми съ ихъ грезами о всеобщемъ счастьѣ и „вѣчными идеалами? Но война—значитъ, кровь, и этотъ смѣхъ кажется кровавымъ. Тѣмъ не менѣе, въ своемъ сочетаніи эти два слова не даютъ ничего страшнаго и пугающаго. Наоборотъ, еще теряютъ отъ естественной ассоціаціи относительно набившихъ оскомину „фіолетовыхъ звуковъ" и проч.. Зачѣмъ понадобилось это заглавіе, когда въ распоряженіи автора были тѣ два слова, которыми онъ начинаетъ свой разсказъ: „безуміе и ужасъ"? Вѣдь эти два слова и глубже, и характернѣе передаютъ и содержаніе разсказа, и всѣ его выводы!.. Жаль только, что авторъ, благодаря обилію психіатрическаго элемента и отмѣченнымъ особенностямъ своей манеры, какъ художника, ослабилъ то чувство, которое *могъ* вызвать по особенностямъ своего дарованія и которое всего ярче характеризуется словами разсказчика о войнѣ: „То, что я видѣлъ, казалось дикимъ вымысломъ, тяжелымъ бредомъ обезумѣвшей земли"...

А. Е. Рѣдько.

Новыя книги.

Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича. Съ 10 отдѣльными рисунками акад. Бурова. Москва. 1904. (Изд. маг. „Книжное дѣло").

Съ именемъ Л. Н. Толстого русскій читатель встрѣчается только въ отчетахъ посѣтителей „Ясной Поляны" да въ рецензіяхъ о выходѣ новыхъ изданій въ родѣ „Смерти Ивана Ильича". Для родины Л. Н. давно перестаіъ быть писателемъ, участвующимъ въ литературной жизни, и самъ превратился въ своеобразную поэму человѣческаго духа, оригинальную и самобытную, несвободную отъ неясностей и погрѣшностей, но увлекающую своей вну-

тренней силой и красотой содержанія. Фабула этой живой поэмы отличается, какъ извѣстно, болѣе сложной литературной „выдумкой", чѣмъ фабула многихъ „сочиненныхъ" вещей. Писатель, для изученія котораго „злобная" къ Россіи Англія создаетъ спеціальное общество и спеціальный журналъ, но котораго соотечественники должны разсматривать, какъ писателя, который давно ужъ, „ничего не пишетъ"... Писатель, которому при жизни предполагаетъ воздвигнуть памятникъ чужая страна,—но который въ своей странѣ неуловимой чертой отдѣленъ отъ сферы примѣненія устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. Писатель, завоевавшій симпатіи и уваженіе къ русскому народу за рубежомъ Россіи, отрицается рѣшительно и безповоротно какъ разъ тѣми, на устахъ которыхъ вѣчно слова: „слава" и „престижъ" Россіи. Писатель, который несомнѣнно самобытенъ, но который совершенно несовмѣстимъ съ „самобытнымъ" укладомъ жизни родной страны. Писатель, который не признаетъ никакихъ шаблоновъ жизни культурнаго міра, и который устраненъ отъ нормальнаго общенія съ окружающей жизнью отсутствіемъ въ ней именно этихъ отрицаемыхъ шаблоновъ. Среди всѣхъ противорѣчій онъ продолжаетъ жить своей особой жизнью, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не считаясь, кромѣ внутренняго голоса „своего" Бога. Время отъ времени героическая поэма русскихъ сумерекъ пополняется новымъ фрагментомъ; этотъ фрагментъ становится достояніемъ чужихъ литературъ, а для русскаго читателя „великій писатель земли русской" по прежнему „ничего не пишетъ"...

„Выдумки"—въ литературномъ смыслѣ—въ этой дѣйствительности несомнѣнно больше, чѣмъ въ „Смерти Ивана Ильича", о которой мы должны были дать рецензію

Августъ Стриндбергъ. Отецъ. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Перев. съ шведскаго А. и П. Ганзенъ. Изд. С. Скирмунта. Москва. 1904.

Въ драмѣ „Отецъ" читатель встрѣтится съ той же повышенной отзывчивостью и съ той же приподнятостью настроенія художника, которыя характеризуютъ и разсказъ „Угрызенія совѣсти", помѣщенный въ январской книжкѣ „Р. Б.". — О Стриндбергѣ говорятъ, что онъ чувствуетъ „за десятерыхъ". Эта гиперболическая характеристика опредѣляетъ одновременно и достоинства выдающагося шведскаго писателя, и его нерѣдкій и существенный недостатокъ: отсутствіе чувства мѣры. Порою читатель не можетъ не чувствовать надъ собой обаянія выдающейся личности художника и готовъ отдаться во власть его тонкой наблюдательности, но тутъ же наталкивается на такое отсутствіе чувства мѣры, которое разрушаетъ связь настроенія между нимъ и писателемъ. Эти преувеличенія очень нерѣдки (разсказъ „Угрызенія совѣсти" отъ

нихъ свободенъ) у Стриндберга. Они значительно портятъ, напр., впечатлѣніе отъ его сильной, содержательной, но несдержанной драмы „Отецъ“.

По манерѣ—реалистъ, по міроразумѣнію — демократъ и противникъ существующаго уклада жизни, Стриндбергъ не признаетъ себя обязаннымъ считаться ни съ чѣмъ, кромѣ истины—того, что онъ самъ считаетъ истиной, и рѣзко отдѣляется отъ общаго тона демократіи непримиримо враждебнымъ отношеніемъ къ женщинѣ, не только къ *современной* женщинѣ, но и къ женщинѣ *вообще*. Для него женщина—смертельный врагъ по природѣ вещей, и въ этомъ отношеніи никакая женская „эмансипація“ ничему не поможетъ. Это и составляетъ тему „Отца“.

Само собой разумѣется, что литературный интересъ драмы опредѣляется не самымъ женоненавистничествомъ автора. Драма написана сильно и очень несдержанно, но художникъ оказался слишкомъ правдивъ, чтобы допустить явное или неявное извращеніе или искаженіе психологическихъ фактовъ, на которыхъ построена драма. Наоборотъ, онъ поражаетъ мѣстами своей тонкой наблюдательностью и даетъ цѣнныя данныя для анализа того несомнѣннаго факта, что современная женщина очень нерѣдко тяготится своей жизненной ролью *женщины*—въ антропологическомъ, а не въ гражданскомъ отношеніи. Стриндбергъ только *переоцѣнилъ* анализируемое имъ явленіе, придавъ ему слишкомъ космическій, а не историческій характеръ. — Главное дѣйствующее лицо въ пьесѣ—ротмистръ и вмѣстѣ съ тѣмъ ученый астро-физикъ—человѣкъ одинокій въ своей семьѣ. Его жена—его злѣйшій врагъ, его дочь—дѣвушка въ возрастѣ конфирмаціи — ближе стоитъ къ матери, чѣмъ къ отцу. Взаимная вражда супруговъ обостряется, когда на сценѣ появляется вопросъ о дальнѣйшемъ воспитаніи дочери. Отецъ — невѣрующій философъ и хочетъ воспитать дочь сообразно со своими воззрѣніями, непремѣнно удаливъ ее изъ дому изъ подъ вліянія консервативно-религіозной матери. Естественно, что эта послѣдняя не можетъ подчиниться рѣшенію „отца“. Но на сторонѣ послѣдняго законъ и власть, и онъ не задумывается воспользоваться ими въ свою пользу. Женщинѣ-матери остается искать какихъ-либо спеціальныхъ средствъ, находящихся въ ея распоряженіи. Она и находитъ ихъ въ ложномъ заявленіи мужу, что *ея* дочь—не *его* дочь. Невѣрующій ротмистръ очень болѣзненно относится къ вопросу о кровномъ родствѣ съ своимъ ребенкомъ: для него это — единственное возможное для человѣка безсмертіе, потерять и это безсмертіе для него значитъ быть уничтоженнымъ, какъ человѣкъ, который для чего-то жилъ и боролся... Помимо ложнаго признанія мужу, Лаура (жена ротмистра) пользуется необычнымъ (для окружающихъ) образомъ жизни, который ведетъ ея мужъ—философъ и ротмистръ, чтобы возбудить подозрѣніе въ его душевной ненормальности и добиться

учрежденія надъ нимъ опеки, лишающей его правъ отца надъ дочерью... Это ей удается, и ротмистръ не выдерживаетъ и на самомъ дѣлѣ сходитъ съ ума и умираетъ. Лаура восклицаетъ въ моментъ смерти: „*мое* дитя"!

Что же создало эту свирѣпую вражду? „Ты не хотѣла этого, и я не хотѣлъ, а всетаки она (взаимная жизнь) стала такой", говоритъ передъ смертью ротмистръ. Для Лауры загадки въ этомъ нѣтъ. Она знаетъ, *когда* она стала врагомъ своему мужу... Когда она (черезъ два года послѣ свадьбы) стала *женщиной* и, какъ она выражается, превратилась изъ „матери" для любимаго человѣка въ „любовницу". Въ этомъ было какое-то невыносимое противорѣчіе. По словамъ Лауры, женщина въ бракѣ, по-скольку это слово имѣетъ матеріальный смыслъ, всегда—побѣжденная сторона, выражаясь грубо—всегда немножко *вещь*. И за это униженіе она потребовала компенсаціи въ формѣ явнаго главенства въ семьѣ, въ формѣ явнаго подчиненія мужа ея волѣ. Такъ оно и было сначала. Но затѣмъ, когда „гипнозъ" брака прошелъ, ротмистръ попытался вернуть „свою поруганную честь"—свое мужское достоинство. Въ результатѣ та смертельная вражда супруговъ, которая создала фабулу драмы.

Стриндбергу это явленіе кажется фатальнымъ. Онъ влагаетъ въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ слѣдующія слова, адресованныя пастору: „Вы вѣдь вѣрите, что правитъ судьбами людей Богъ, такъ и потолкуйте съ нимъ по этому поводу". Намъ кажется это преувеличеніемъ уже въ виду того, что въ самой пьесѣ содержатся указанія на такіе психологическіе моменты, которые способны разъяснить чувство „униженія" Лауры. Ротмистръ въ бурной тирадѣ перечисляетъ всѣхъ своихъ враговъ-женщинъ и въ числѣ ихъ вспоминаетъ „первую женщину, которую онъ обнялъ" и которая подарила ему „10 лѣтъ болѣзни" *). Не мудрено, что его жена почувствовала себя униженною, когда оказалась *замѣстительницей* этой женщины. Конечно, она могла бы чувствовать себя униженной и безъ этой подробности въ личной жизни *мужа*. Для этого вполнѣ достаточно факта существованія въ жизни такихъ предшественницъ брачныхъ отношеній: наличность самаго соціанальнаго факта создаетъ тяжелую ассоціацію чувства для женщины... И если можно мечтать объ освобожденіи—въ будущемъ—жизни отъ полового разврата, какъ законнаго явленія, то тѣмъ самымъ можно, вопреки Стриндбергу, мечтать и объ освобожденіи жизни отъ драмъ въ родѣ „Отца". Иначе нужно было бы допустить, что жизнь въ ея здоровыхъ основаніяхъ способна создавать въ людяхъ эмоціи, которыя дѣлаютъ невозмож-

*) Эта подробность очень рельефно оттѣняетъ вышеотмѣченное у Стриндберга отсутствіе чувства мѣры.

нымъ самый фактъ жизни. Съ эволюціонной точки зрѣнія, это—явная логическая несообразность.

Еще одно спеціально-литературное замѣчаніе. Въ отзывахъ объ „Отцѣ“, кажется, не были отмѣчены заимствованія въ „Отцѣ“ у Шекспира и у Ибсена. У перваго взята почти безъ измѣненія (изъ „Венеціанскаго купца“) тирада ротмистра: „Развѣ у мужчинъ нѣтъ рукъ“? и пр. (стр. 41), а у второго замыселъ сцены съ обманнымъ надѣваніемъ на душевно-больного ротмистра горячечной рубашки. Эта сцена очень напоминаетъ смерть Азы въ „Перъ-Гинтѣ“, но напоминаетъ очень невыгодно для Стриндберга,—по недостатку сердечности.

Н. Н. Карповъ. Чеховъ и его творчество. Этюдъ. Изд. автора. Спб 1904.

Анализа творчества Чехова въ „этюдѣ“ г. Карпова читатель не найдетъ. Весь этюдъ составленъ изъ простыхъ выписокъ изъ Чехова, пріукрашенныхъ „отъ себя“ фразами въ родѣ: „Застонали громкіе аккорды скорбей и печалей“, да изъ фехтовальныхъ выпадовъ въ сторону русскихъ критиковъ, которые „терзали“ Чехова. Исключеніе составляло... „Новое Время“ въ лицѣ гг. Суворина и Буренина. Первый далъ Чехову дебютъ въ своей газетѣ, выдѣлилъ его изъ литературной братіи и открылъ широкую дорогу, распознавъ выдающійся талантъ. „Чеховымъ Россія обязана Суворину“,—повторяетъ г. Карповъ слова В. Дорошевича... Что же касается г. Буренина,—онъ „первый замолвилъ“ („если не ошибаюсь“,—говоритъ г. Карповъ) настоящее слово о размѣрахъ Чехова, какъ писателя. Послѣ этого „слова“ и „г. Михайловскій, на ряду съ прочими критиками, измѣнилъ свои сужденія“, и г. Скабичевскій... нашелъ у Чехова идеалы... Разъясненіе заслугъ „Новаго Времени“ въ созданіи Чехова составляетъ главную „заслугу“ самого г. Карпова. Жаль только, что онъ не отмѣтилъ черной неблагодарности покойнаго писателя, устранившагося навсегда отъ сотрудничества въ литературномъ органѣ, создавшемъ его репутацію, да кстати не пополнилъ своей справки указаніемъ, за что именно тотъ же г. Дорошевичъ именовалъ г. Буренина „старымъ палачемъ“, умѣло выбиравшимъ у Чехова наиболѣе больное мѣсто? Быть можетъ, при наличности этихъ дополненій этюдъ г. Карпова оказался бы меньшимъ панегирикомъ въ честь гг. Суворина и Буренина.

За то по отношенію къ „остальной“ русской критикѣ г. Карповъ очень строгъ. Чехову, по его словамъ, досталась еще не худшая доля: его только „терзали“. А бываютъ „случаи похуже, когда начинаетъ заявлять о себѣ *„ругательная“* (курсивъ автора) критика, когда надъ авторомъ издѣваются и глумятся, изобрѣтая сомнительнаго качества остроты, отдающія ароматомъ дворницкой...

Любопытно, считаетъ ли г. Карповъ свою „критику критиковъ“ „ругательной“?

Если мы остановимся еще на этюдѣ г. Карпова, то отнюдь не въ силу его литературныхъ достоинствъ, а лишь по отношенію къ личности Чехова. Итакъ, по мнѣнію г. Карпова критика „терзала Чехова“.

Но чѣмъ же она „терзала“ одного изъ самыхъ любимыхъ русскихъ писателей? Оказывается—тѣмъ, что пробовала подвести его, какъ художника, подъ такія категоріи, которыя „взяты на прокатъ изъ научной терминологіи“, другими словами—пробовала установить общую точку зрѣнія Чехова на жизнь, которую онъ возсоздавалъ въ теченіе четверти вѣка. Есть люди, для которыхъ всякая „общая точка зрѣнія“ нѣчто ненавистное по самой природѣ—въ родѣ векселя, по которому нужно платить, когда... не хочется. Авторъ этюда о творчествѣ Чехова принадлежитъ къ этой категоріи. Его поистинѣ возмущаетъ цѣлая „фаланга“ „измовъ“, которую „большая критика“ наклеивала на творчество Чехова: объективизмъ, пессимистическій идеализмъ, оптимистическій пантеизмъ и пр., и пр. По г. Карпову это должно было „терзать“ Чехова, такъ какъ онъ не принадлежалъ къ писателямъ, „мертвящимъ чистое искусство“, а „держался особнякомъ, поступалъ такъ, какъ подсказывала совѣсть, художественное чутье“. Г. Карповъ, повидимому, не подозрѣваетъ, что для писателя, котораго онъ взялся защищать отъ критиковъ, существовалъ такой вопросъ, какъ вопросъ о *правѣ* писателя писать, — что „право писать“ (подлинное выраженіе Чехова) для Чехова не было естественнымъ правомъ, которое дается наличностью таланта, а было правомъ, которое нужно пріобрѣсти сознаніемъ, что писателю *есть* что сказать—нужное и необходимое для жизни. Укажемъ хотя бы на разсказъ „Хорошіе люди“, проникнутый сплошь отрицательнымъ, даже жесткимъ, отношеніемъ къ герою разсказа — критику-фельетонисту, сполна выполняющему „настоящіе“ завѣты г. Карпова для критики: поддерживать дарованіе въ писателяхъ, оставляя въ сторонѣ всякіе „измы“... Но, конечно, можно указать и на другіе разсказы, свидѣтельствующіе, какъ иногда мучительно давался самому Чехову вопросъ объ его, А. П. Чехова, правѣ писать...

Такимъ образомъ, г. Карповъ напрасно взялъ подъ свою защиту Чехова. Требуя отъ писателя доказательства „права писать“, Чеховъ не могъ, конечно, отрицать право критики искать у него самого всевозможные „измы“. Другой вопросъ, почему этихъ „измовъ“ оказалась цѣлая „фаланга“. Но этого вопроса г. Карповъ, конечно, не только не разрѣшилъ, но и не затронулъ.

А. Тепловъ. „Въ погонѣ за Горькимъ“. („Вверхъ дномъ“). Комедія въ 3 дѣйств. Тверь. 1904.

Г. Тепловъ—„надсмѣшникъ“ и очень зло, какъ онъ полагаетъ, „надсмѣялся“ и надъ М. Горькимъ съ его босяками, и надъ тѣми русскими дамами (?), для которыхъ М. Горькій „божество“ и которыя, восхищаясь, забываютъ даже о необходимости выражаться вразумительно, если не литературно: „Вѣдь это геній... ему нѣтъ обыкновенной (?) цѣны“—восклицаетъ одна изъ нихъ, съ непонятнаго разрѣшенія автора, „литературнымъ отцомъ-крестнымъ“ котораго былъ, какъ оказывается, покойный Шеллеръ (Указаніе принадлежитъ самому автору).

Такъ какъ „погоня за Горькимъ“ г. Теплова тоже не имѣетъ „обыкновенной цѣны“, то мы попытаемся передать вкратцѣ суть „погони“. Г. Теплову нужно доказать, что и М. Горькій, и русское общество напрасно стараются разглядѣть душу живу въ тѣхъ, кто „на днѣ“ этого общества, такъ какъ всѣ они „полусгнившіе нравственные уроды, въ которыхъ заглохла искра Божія“, по хорошему выраженію положительнаго персонажа — студента Молотова, корректнаго и благороднаго, какъ гвардейскій офицеръ. Эту истину и должны доказать пять бродягъ и три неимовѣрно глупыхъ дамы, изъ которыхъ одна „въ погонѣ за Горькимъ“ и его типами идетъ въ сопровожденіи горничной въ босяцкую харчевню, проводитъ тамъ время въ обществѣ „пяти“ и въ концѣ концовъ зоветъ ихъ къ себѣ въ гости. Босяки, конечно, приходятъ, знакомятся съ остальными глупыми дамами, времени даромъ не теряютъ: угощаются портвейнами, ликерами, ругаются неприличными словами, крадутъ въ передней шубу, прячутъ по карманамъ серебряныя вещи, которыя плохо лежатъ, а въ промежутки очаровываютъ дамъ до того, что онѣ (замужнія) готовы слѣдовать за ними, отдавая предпочтеніе тому изъ нихъ, кто „болѣе дикъ и подходитъ къ животному“ (подлинное выраженіе!), а дочь смѣлой хозяйки, невѣста корректнаго студента, не прочь ему отказать, чтобы выйти замужъ за наиболѣе интереснаго изъ босяковъ: „по крайней мѣрѣ, оригинально и ново“—мотивируетъ она свой порывъ. Мать, однако, убѣждаетъ дѣвушку, что ей это нельзя себѣ пока позволить: нужно еще „себя пристроить“. Дѣвушка сдается и говоритъ: „Хорошо, я выйду замужъ за Молотова (студента), но любовника заведу изъ той среды... четвертаго сословія“. Кончается все дѣло тѣмъ, что самый интересный изъ босяковъ (босякъ-интеллигентъ), интриговавшій дамъ знакомствомъ съ „Максюткой“, съ которымъ онъ даже „на одной рогожѣ спалъ“, воруетъ изъ письменнаго стола 8000 рублей... Теорема доказана: босяковъ въ гости къ себѣ нельзя приглашать. Это г. Теплову удалось доказать блестяще. Не удалось ему доказать только, какой литературный смыслъ имѣетъ его будто бы

„комедія“. Читаешь ее и не знаешь, серьезно человѣкъ говоритъ или буффонитъ. Оказывается: совершенно серьезно.

Неужели есть публика, на которую можетъ разсчитывать г. Тепловъ? Хотя намъ лично и приходилось встрѣчать корректныхъ людей, которые съ гордостью заявляли, что они освобождаютъ себя отъ труда читать М. Горькаго, но книжка г. Теплова слишкомъ... не остроумна даже и для этой категоріи читателей. Посвятивъ ее памяти покойнаго Шеллера, г. Тепловъ жестоко наказалъ его за неосмотрительность въ выборѣ литературныхъ крестниковъ.

И. И. Гливенко. Типы героевъ въ литературѣ въ ихъ отношеніи къ дѣйствительности. Историко-литературная гипотеза. Кіевъ. 1904.

Г. Гливенко ставитъ вопросъ: какіе политическіе и общественно-психологическіе факторы приводятъ къ торжеству реалистическаго направленія въ литературѣ и какіе, наоборотъ, дѣлаютъ торжество его невозможнымъ? На основаніи общихъ фактовъ всемірной исторіи и всемірной литературы авторъ приходитъ къ заключенію, что реалистическая литература и изображеніе жизни, какъ она есть, господствовали въ періоды общественной бодрости, когда читатели чувствовали себя удовлетворенными окружающей жизнью и находили въ ней источникъ тѣхъ творческихъ силъ, которыя могли привести дѣйствительность въ соотвѣтствіе съ нравственными требованіями. Наоборотъ, „чѣмъ слабѣе, безпомощнѣе, ничтожнѣе чувствуетъ себя отдѣльный человѣкъ, сословіе, общество, нація, или человѣчество, наконецъ,—тѣмъ дальше отъ себя они будутъ искать своихъ героевъ, тѣмъ менѣе реалистична будетъ ихъ литература“.

Свое заключеніе г. Гливенко излагаетъ пока въ видѣ общей гипотезы. Было бы интересно видѣть ее провѣренной и развитой въ научную теорію на фактахъ, напримѣръ, нашей русской литературы, включая и современную „разобщенность литературы и жизни“. Если бы „гипотеза“ г. Гливенко оправдалась,—она поставила бы современные споры объ „истинномъ“ направленіи искусства на вполнѣ реальную почву, вполнѣ уяснивъ, съ одной стороны, психологическую законность въ прошломъ, а съ другой—малыя надежды на будущее (ближайшее) того направленія въ нашей художественной литературѣ, которое гордится своимъ освобожденіемъ отъ связи съ обыденной жизнью, въ которой, по словамъ одного изъ представителей освободившейся литературы, „все тѣмъ ничтожнѣе, чѣмъ оно кажется важнѣе“.

Баронъ Н. В. Дризенъ. Матеріалы къ исторіи русскаго театра. Изд. А. А. Бахрушина. Москва, 1905.

Авторъ интересовался исторіей театра, но — такова судьба русской общественности — далъ нѣсколько любопытныхъ страничекъ изъ исторіи русской бюрократіи, точнѣе — изъ исторіи борьбы нашихъ общественныхъ начинаній съ препятствіями, которыя неизмѣнно создавала для нихъ канцелярія. Содержаніе книги, которая обѣщаетъ дать только матеріалы, но даетъ иногда и выводы, неравномѣрно и не представляетъ ничего законченнаго; въ ней и очерки по исторіи любительскаго театра, и попытка систематизировать матеріалы по исторіи драматической цензуры, и отдѣльные біографическіе очерки, и мелкія справки, и, наконецъ, статья о народномъ театрѣ. Во всемъ этомъ есть много случайнаго, и не только въ матеріалахъ, но и въ самыхъ темахъ. Напримѣръ, „Очерки любительскаго театра": какой, собственно, смыслъ выдѣлять разнообразныя попытки русскихъ театральныхъ любителей въ особую историческую группу; вѣдь у нихъ не было никакой спеціальной преемственности, никакой особой нити развитія. Каждый, увлекшись театромъ, начиналъ съ начала, дѣлалъ по-своему и, если чему-нибудь учился, то не у предшествовавшихъ ему любителей, а у профессіональныхъ актеровъ. Естественнымъ слѣдствіемъ этого искусственнаго распредѣленія матеріала и явилось то, что выводы автора изъ его исторіи любительскаго театра касаются не развитія русскаго сценическаго искусства и даже не исторіи русской драмы, а исключительно общественной стороны дѣла — распространенія просвѣщенія и т. п. Но для этихъ выводовъ есть иные, болѣе полные и рѣшающіе матеріалы. Въ статьѣ о театральной цензурѣ авторъ, вѣроятно, за недостаткомъ данныхъ — говоритъ о ней очень мало, сообщая при этомъ много свѣдѣній о цензурныхъ злоключеніяхъ драматическихъ произведеній. Но вѣдь цензура театральная есть нѣчто иное: она касается не напечатанія, а сценическаго исполненія. И здѣсь, такимъ образомъ, не было основанія сосредоточиваться спеціально на цензурѣ драмы.

Но раціональны или нѣтъ исходныя соображенія автора, онъ собралъ интересныя данныя. Печальное впечатлѣніе производятъ эти разсказы о двухвѣковой судьбѣ русскаго театра. Извнѣ это вереница курьезовъ и анекдотовъ, изнутри — рядъ трагедій. Типичная исторія государственныхъ попытокъ придушить мысль. На каждой страницѣ книги бар. Дризена, вплоть до нашего времени, наталкиваешься на какой-либо невѣроятный эпизодъ, возбуждающій иногда смѣхъ, а чаще другія чувства. Въ началѣ этой исторіи—посланіе князя Долгорукаго, который въ 1780 году, „простирая свое примѣчаніе на театральныя позорища и наблюдая, чтобы каковыя-либо вредныя и соблазнительныя сочиненія на здѣшнемъ публичномъ театрѣ играны не были", поручаетъ въ

Москвѣ театральную цензуру университету. Въ концѣ — просто трагическое письмо покойнаго автора „Свадьбы Кречинскаго“ Сухово-Кобылина: „Управленіе печатью извѣстило меня о жестокосердомъ veto министра внутреннихъ дѣлъ относительно моей пьесы „Расплюевскіе веселые дни“. Какая волокита: прожить 75 лѣтъ на свѣтѣ и не успѣть провести трети пьесъ на сцену! Какой ужасъ: надѣть пожизненный намордникъ на человѣка, которому дана способность говорить! И за что? За то, что его сатира на порокъ произведетъ не смѣхъ, а содроганіе, когда смѣхъ надъ порокомъ есть низшая потенція, а содроганіе—высшая потенція нравственности. Какая нѣжность полиціи; какой чиновничій сентиментализмъ, или лучше: какое варварство въ желтыхъ перчаткахъ, замѣть же, противъ пьесъ параллельно со всѣми доселевыми правительственными реформами! Не имѣю ли я права въ концѣ моей жизни и въ глуши такой ночи закричать, какъ цезарь Августъ: „Варъ, Варъ, отдай мнѣ мои годы, молодость и невозвратно погибшую силу“! Кто можетъ утверждать, что я, намордника не сущу, не написалъ бы пять, шесть и десять пьесъ и доставилъ бы себѣ честь, дирекціи—деньги, родинѣ—развлеченіе, а можетъ быть, урокъ? Вѣдь „Дѣло“, пролежавшее съ намордникомъ въ объятіяхъ цензуры 20 лѣтъ, не производило ни шуму, ни революціи, именно потому, что оно не революціонно“...

А между этими двумя пограничными фактами, сообщенными бар. Дризеномъ—доносъ Брюса на „Сорену“ Николева, исторія съ „Вадимомъ“ Княжнина, мимолетная ссылка Капниста за „Ябеду“, подпольное распространеніе „Горя отъ ума“ и такъ далѣе—вплоть до гибели Полевого, которая, однако, показываетъ, что правительство не всегда преслѣдовало русскую драму, но иногда и охраняло ее... Впрочемъ, исторія съ „Сореной“ окончилась безъ торжества для доносчика; Брюсъ обращалъ вниманіе Екатерины на слѣдующіе стихи:

Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,
Который заключенъ въ одной монаршей волѣ!
Льзя ли ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолѣ?..
Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца,
Въ монархѣ не всегда находимъ мы отца!..

Отвѣтомъ было разрѣшеніе „Сорены“ и письмо доносчику „Удивляюсь, графъ Яковъ Александровичъ, что вы остановили представленіе трагедіи, какъ видно, принятой съ удовольствіемъ всею публикой. Смыслъ такихъ стиховъ, которые вы замѣтили, никакого не имѣетъ отношенія къ вашей государынѣ. Авторъ возстаетъ противъ самовластія тирановъ, а Екатерину вы называете матерью“. Позже Екатерина II не дѣлала этихъ тонкихъ различеній.

Надо, однако, имѣть въ виду, что цензурными непріятностями

не исчерпывались обиды, наносимыя русской драмѣ покровительствующей рукой государства. Чего, напримѣръ, стоила монополія казенныхъ театровъ въ столицахъ! Она отмѣнена лишь въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ Александромъ III, а между тѣмъ самая мысль о ней настолько дика, что, пожалуй, теперь ужъ весьма немногимъ извѣстно, что до тѣхъ поръ всякое частное зрѣлище, спектакль такъ же, какъ концертъ, составляли исключительную монополію вѣдомства императорскаго двора, которое безконтрольно распоряжалось ею, разрѣшало и запрещало, налагало обязательные въ пользу казны сборы съ каждаго спектакля и т. п. Запрещенія вообще занимаютъ громадное мѣсто въ матеріалахъ, собранныхъ бар. Дризеномъ. Запрещаютъ самыя разнообразныя зрѣлища и по самымъ разнообразнымъ мотивамъ. Запрещаютъ наѣздницѣ Лорѣ Басанъ давать въ циркѣ „разговорныя пьесы", запрещаютъ французу Ле-Мальту кончать въ его дѣтскомъ театрѣ представленія позже восьми часовъ, запрещаютъ трагической актрисѣ Жоржъ дать представленіе въ Москвѣ по той причинѣ, что тамошняя французская казенная труппа и такъ не имѣетъ успѣха; писателю князю В. Ѳ. Одоевскому послѣ убѣдительной просьбы разрѣшаютъ благотворительный балъ-маскарадъ лишь въ послѣдній разъ, „съ тѣмъ, чтобы никакое общество не осмѣливалось впредь входить съ просьбой о маскарадахъ" и съ уплатой въ кассу театральной дирекціи тысячи рублей; запрещаютъ „повивальной бабкѣ Елизаветѣ Николаевой" открыть танцъ-классъ, не смотря на то, что на прошеніи ея имѣется карандашная резолюція: „бабка молода и недурна; заведеніе ея, полагаю, увеличитъ ея практику"; запрещаютъ великопостныя зрѣлища не только въ театрахъ, но даже въ частныхъ домахъ: и московскій главнокомандующій вынужденъ въ 1811 году завѣрять министра, что „ни въ одномъ партикулярномъ домѣ театральнаго представленія не было, а въ ожиданіи мясоѣда, нѣкоторые изъ благородныхъ дѣлали одни только приготовленія пьесъ для праздника безъ всякаго, впрочемъ, собранія публики", а актриса Жоржъ „декламировала въ частномъ домѣ безъ всякихъ костюмовъ въ простой одеждѣ, одна безъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, къ пьесѣ принадлежащихъ". Но по высочайшему повелѣнію и эти частные вечера запрещены.

Однимъ словомъ, исторія искусства свелась къ исторіи запрещеній. Возможна, конечно, иная исторія, и русскій театръ дождется ея.

Ѳ. Зѣлинскій. Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. Спб. 1905.

Содомъ погибъ потому, что въ немъ не оказалось и десяти праведниковъ. Быть можетъ, и русскій классицизмъ оказался бы болѣе жизнеспособнымъ, если бы онъ имѣлъ достаточное коли-

чество такихъ поборниковъ, какъ проф. Зѣлинскій. Настоящій „праведникъ классицизма“, онъ теоретически и практически реабилитируетъ въ нашемъ обществѣ культурное значеніе античности, надолго дискредитированное нашей тупой и мертвящей средней школой. „Съ тѣхъ самыхъ поръ—говорится въ предисловіи—какъ мои занятія античнымъ міромъ приняли сознательный и самостоятельный характеръ, онъ былъ для меня не тихимъ и отвлекающимъ отъ современной жизни музеемъ, а живою частью новѣйшей культуры; я видѣлъ преимущественное значеніе античности въ томъ, что она была родоначальницей тѣхъ идей, которыми мы и нынѣ живемъ“. Прослѣдить развитіе этихъ идей въ ихъ совокупности отъ ихъ зарожденія въ античномъ мірѣ до настоящаго времени—таковъ обширный замыселъ автора; часть его осуществлена въ лежащемъ предъ нами сборникѣ; часть нашла выраженіе въ другихъ сочиненіяхъ проф. Зѣлинскаго. Быть можетъ, увлеченный значительностью своихъ открытій въ древнемъ мірѣ, онъ слишкомъ многое отдаетъ античности, перенося на нее заслуги дальнѣйшаго развитія. Но онъ всегда правъ, когда находитъ зародышъ этого развитія въ классической древности.

Разнообразіе и противорѣчивость идей, которыми пестритъ современность, не мѣшаетъ ему свести ихъ къ первоисточнику. „Что касается античности—замѣчаетъ онъ—то я не знаю такой пары антитезъ, которая бы не находила въ ней своего полнаго и общего синтеза“. И авторъ съ удовольствіемъ указываетъ, что „отцы обѣихъ главныхъ идей, которыми живетъ наше общество, были непосредственными учениками античности“. Эти идеи — соціализмъ и индивидуализмъ, ихъ отцы—Лассаль и Ничше. Лассаль началъ свою научную и писательскую карьеру диссертаціей о Гераклитѣ Темномъ, Ничше былъ профессоромъ классической филологіи. „И подобно тому, какъ Ничше въ своихъ базельскихъ лекціяхъ мѣриломъ умственной зрѣлости человѣка объявлялъ его отношеніе къ античности,—точно такъ же и Лассаль оплотомъ противъ манчестерской теоріи буржуазнаго либерализма признавалъ изученіе античности, или, какъ онъ выражался (въ его странѣ это можно дѣлать безбоязненно), классическое образованіе“.

Не мудрено, что при томъ богатствѣ содержанія, которое авторъ умѣетъ найти въ античности, темы статей, вошедшихъ въ его сборникъ, такъ же разнообразны, какъ оригинальны. Здѣсь и справки о недавно обрѣтенныхъ наукою новыхъ памятникахъ древней литературы: о воскресшихъ поэтахъ, объ александрійскихъ черепкахъ и римскихъ тессерахъ; здѣсь рядъ сообщеній о повѣрьяхъ древняго міра и ихъ связи съ повѣрьями современности; здѣсь и критическіе очерки: о женскихъ образахъ древней трагедіи, объ отраженіяхъ античнаго міра у русскаго поэта; здѣсь и поучительная характеристика парламентаризма въ римской республикѣ, и опытъ новой родословной комедіи. Все

это популярно и научно въ лучшемъ смыслѣ слова, все не только даетъ знаніе, но и заставляетъ думать.

С. К. Буличъ. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Т. I. Съ прилож. **„Введеніе въ изученіе языка“ Б. Дельбрюка.** Спб. Изд. С. К. Булича и Л. Ф. Пантелѣева. 1904.

Проф. С. К. Буличъ предполагалъ дополнить историческое „Введеніе въ изученіе языка“ Дельбрюка краткимъ очеркомъ исторіи языкознанія въ Россіи. Но очеркъ его разросся въ обширное изслѣдованіе, далеко не законченное въ лежащемъ предъ нами увѣсистомъ томѣ, и книгѣ Дельбрюка пришлось стать вступленіемъ къ этой спеціальной работѣ. Съ нѣкоторой точки зрѣнія объ этомъ соединеніи можно пожалѣть: классическій трудъ Дельбрюка разсчитанъ на широкое распространеніе; почтенная работа проф. Булича можетъ привлечь только вниманіе спеціалиста. Книга, объединяющая ихъ, заключаетъ полтораста страницъ перевода и болѣе тысячи страницъ оригинальнаго сочиненія; это естественно подняло ея цѣну,—и эта дороговизна станетъ рѣшительнымъ препятствіемъ распространенію общедоступнаго труда Дельбрюка, назначеніе котораго—быть въ рукахъ учащейся молодежи и иныхъ искателей знанія.

Въ качествѣ пропедевтическаго труда, вводящаго начинающаго въ филологическую науку, мы, правду сказать, предпочли бы другое какое либо сочиненіе по общему языкознанію, болѣе общаго характера, болѣе психологическое, менѣе terre à terre. Превосходный по доступности и простотѣ изложенія, трудъ Дельбрюка представляетъ собою по премуществу исторію изученія языка; отмѣчая главные моменты развитія методовъ изслѣдованія, онъ послѣдовательно подводитъ читателя къ современности, оріентируетъ его въ прошломъ и даетъ возможность съ нѣкоторой самостоятельностью приступить къ знакомству съ данными языкознанія.

Изученіе звуковъ интересуетъ его болѣе, чѣмъ изученіе значеній; физіологическая сторона—болѣе, чѣмъ философская; ничего нельзя возразить противъ этого: это точка зрѣнія его школы. Но для перваго знакомства съ наукой, для внушенія интереса къ ней, для раскрытія ея широкихъ горизонтовъ у насъ была бы желательнѣе другая книга; мы назвали бы даже не Пауле, который такъ труденъ для усвоенія, а Габеленца или —скорѣе всего — Лацаруса, который лучше, чѣмъ кто либо, можетъ показать ту необъятность духовныхъ интересовъ, которая связана для мыслящаго человѣка съ философскимъ языкознаніемъ. Наоборотъ, для тѣхъ, которые посвятили себя лингвистикѣ, Дельбрюкъ, быть можетъ, полезнѣе.

Историческій обзоръ филологическихъ занятій въ Россіи, пред-

принятый проф. Буличемъ, пока заканчивается—и то не вполнѣ—первой четвертью прошлаго вѣка. Все это по преимуществу подражательныя и несовершенныя попытки, дѣтскій лепетъ зарождающейся науки. Болѣе интереснымъ моментамъ ея исторіи будутъ посвящены дальнѣйшія части обширнаго сочиненія проф. Булича. Вѣроятно, въ этихъ частяхъ мы найдемъ и выводы, къ которымъ придетъ ученый изслѣдователь, обозрѣвъ и обобщивъ богатые и разнообразные матеріалы, собранные въ его книгѣ.

О свободѣ воли. Двѣнадцать лекцій **Вильгельма Виндельбанда.** Авторизированный переводъ съ нѣмецкаго М. М. Рубинштейна подъ редакціей В. М. Невѣжиной. М. 1905.

Вопросъ о свободѣ воли принадлежитъ къ числу самыхъ знаменитыхъ, самыхъ волнующихъ философскихъ вопросовъ. Съ самаго момента возникновенія этого вопроса интересъ къ нему всегда былъ распространенъ далеко за предѣлами не только кружка спеціалистовъ философовъ, но даже за предѣлами и той, сравнительно, большой группы людей, которые вообще интересуются философскими вопросами. Разногласіе въ вопросѣ о свободѣ воли было причиною образованія религіозныхъ сектъ и даже причиною общественныхъ волненій.

Уже одно это несомнѣнно указываетъ на то, что вопросъ о свободѣ воли не есть чисто теоретическій вопросъ, но что къ нему примѣшаны и жгучіе практическіе интересы. И дѣйствительно, въ то время, какъ теоретическая трудность вопроса о свободѣ воли основана какъ на томъ, что при рѣшеніи его приходится касаться основныхъ философскихъ вопросовъ, такъ и на томъ, что здѣсь, подъ видомъ одного вопроса, въ сущности, соединено нѣсколько вопросовъ,—волнующій характеръ этого вопроса обусловленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что признаніе свободы воли считалось необходимымъ условіемъ отвѣтственности человѣка за свои дѣянія, его вмѣняемости, его наказуемости.

Изслѣдованіе Виндельбанда даетъ весьма ясное опредѣленіе сущности этого „проклятаго вопроса". Прежде всего авторъ указываетъ на то обстоятельство, что вопросъ о свободѣ воли, въ сущности, состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ вопросовъ, а именно: изъ вопросовъ о „свободѣ дѣйствія", „свободѣ выбора" и „свободѣ хотѣнія". Самымъ яснымъ является первый вопросъ: вопросъ о свободѣ дѣйствія; въ данномъ случаѣ мы свободны, если наше рѣшеніе можетъ перейти въ дѣйствіе. Но для того, чтобы это „рѣшеніе" было свободно, нужно, чтобы нашъ выборъ между различными мотивами былъ свободенъ. Тутъ центральный пунктъ вопроса о детерминизмѣ и индетерминизмѣ. Детерминистъ говоритъ, что рѣшеніе опредѣляется борьбою мотивовъ, и что человѣкъ каждый разъ поступаетъ такъ, какъ того

требуетъ сильнѣйшій изъ мотивовъ; индетерминисты, наоборотъ, утверждаютъ, что наша „воля" можетъ склонить вѣсы и въ пользу болѣе слабаго мотива. Виндельбандъ является безусловнымъ детерминистомъ и отмѣчаетъ „забавное заблужденіе" индетерминистовъ, которые подъ именемъ „воли" просто вводятъ новый мотивъ. Но теперь, такъ какъ мотивы это—наши хотѣнія, то сейчасъ же возникаетъ вопросъ о томъ, насколько мы свободны хотѣть или не хотѣть. Здѣсь мы выходимъ изъ области психологіи и входимъ въ область метафизики: ставится вопросъ о метафизической свободѣ, свободѣ отъ причинности. Послѣдовательный кантіанецъ, Виндельбандъ и здѣсь, послѣ блестящаго анализа вопроса о свободѣ хотѣнія, приходитъ къ строго детерминистическимъ выводамъ: законъ причинности царитъ во всемъ мірѣ явленій.

Но, какъ извѣстно, рѣшеніе Канта не столь просто. Установивши незыблемое господство закона причинности въ мірѣ явленій, Кантъ перенесъ „свободу" въ міръ сущностей: человѣкъ свободенъ потому, что сверхъ своего эмпирически даннаго характера имѣетъ еще и „интеллигибельный характеръ".

До сихъ поръ подъ блестящимъ анализомъ Виндельбанда, конечно, подписался бы всякій научно-мыслящій философъ. Начиная же съ этого момента, логическія противорѣчія кантизма даютъ себя знать все больше и больше. Относительно этой новой книги Виндельбанда мы можемъ повторить то, что сказали (см. „Р. Б." 1904 г. № 11) относительно его „Прелюдій": ясное и стройное ученіе Виндельбанда дозволяетъ вдумчивому читателю яснѣе увидѣть недостатки кантизма, чѣмъ это онъ могъ бы увидѣть при чтеніи спутаннаго и неяснаго Канта. Такъ, для людей, которые не чувствуютъ себя совершенно свободными въ труднѣйшихъ философскихъ вопросахъ, будетъ весьма полезно узнать, какъ Виндельбандъ наноситъ ударъ той части ученія Канта объ интеллигибельномъ характерѣ, которая, съ перваго взгляда, могла казаться наиболѣе полезною для спасенія свободы. А именно, ученіе Канта объ интеллигибельномъ характерѣ не вездѣ выдержано послѣдовательно: Кантъ не всегда удерживается на теоретико-познавательной точки зрѣнія и иногда бываетъ склоненъ приписать интеллигибельному характеру метафизическое значеніе субстанціи, которая *производитъ* явленія. Виндельбандъ вполнѣ послѣдовательно отвергаетъ эту точку зрѣнія уже потому одному, что такимъ образомъ въ міръ сущностей вносятся и причинныя, и временныя отношенія, которыя, по Канту же, имѣютъ мѣсто лишь въ мірѣ явленій. Виндельбандъ остается на строго теоретико-познавательной точки зрѣнія. Онъ говоритъ (стр. 160): „Мы, вмѣстѣ съ Кантомъ, разсматриваемъ природу, т. е. сумму причинной закономѣрности фактовъ, какъ явленіе, т. е. какъ опредѣленную цѣлями познанія и ихъ синтетическимъ единствомъ систему и, такимъ образомъ, только какъ *одинъ изъ способовъ представленія*,

имѣющихъ свое основаніе и право своего всеобщаго значенія въ потребностяхъ разума".

Такимъ образомъ, окончательный отвѣтъ Виндельбанда, отвѣтъ вполнѣ послѣдовательнаго кантіанца, заключается въ томъ, что существуютъ два совершенно различныхъ способа отношенія ко вселенной, которая открывается намъ или путемъ нашего логическаго мышленія на основаніи закона причинности, или путемъ нравственнаго сужденія. „Ни одинъ изъ обоихъ родовъ явленій... не имѣетъ права принижать другой до степени фикціи" (стр. 160).

Это — вполнѣ послѣдовательно проведенный кантизмъ, но именно въ силу его послѣдовательности и становится особенно яснымъ больной пунктъ этого ученія. Вѣдь объ обоихъ мірахъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, наши кантіанцы говорятъ однимъ и тѣмъ же человѣческимъ языкомъ, въ однѣхъ и тѣхъ же „причинно-обусловленныхъ" книгахъ. И если вполнѣ понятно, что мы о мірѣ „причинности" читаемъ въ причинно-обусловенныхъ книгахъ, то, съ другой стороны, намъ совершенно непонятно, какъ это причинно-обусловленнымъ языкомъ и въ причинно-обусловленныхъ книгахъ можно говорить о мірѣ, существующемъ внѣ пространства, времени и причины.

Послѣдняя лекція посвящена вопросу объ отвѣтственности. Здѣсь опять приходится отмѣтить двойственность послѣдовательнаго кантизма. Съ одной стороны, Виндельбандъ прекрасно возражаетъ тѣмъ, которые утверждаютъ, будто детерминизмъ исключаетъ отвѣтственность. Онъ говоритъ: „люди тщетно думаютъ освободиться отъ отвѣтственности, указывая на то, что они таковы, каковы есть, что они „не сами себя сдѣлали". Положимъ, намъ говорятъ: „чего же вы отъ меня хотите? Въ силу необходимости, надъ которой никто изъ насъ не властенъ, я таковъ, каковъ есть, и долженъ такъ поступать",—что отвѣтили бы мы ему? Мы сказали-бы ему: „хорошо, но въ силу той же необходимости мы таковы, что не терпимъ этого и сдѣлаемъ съ своей стороны все, чтобы ты сталъ другимъ. Мы возбудимъ въ тебѣ новые мотивы, чтобы по возможности согласовать твои волевыя рѣшенія съ тѣми требованіями, безъ которыхъ мы всѣ считаемъ для себя невозможнымъ жить" (стр. 171).

Такова одна сторона ученія Виндельбанда объ отвѣтственности. Но, съ другой стороны, онъ утверждаетъ, что здѣсь лишь „детерминизмъ противопоставляется детерминизму", а для рѣшенія о *правѣ* возмездія нужно обратиться къ вопросу объ интеллигибельной свободѣ, нужно доказать, что преступникъ нарушилъ интеллигибельную норму.

Здѣсь Виндельбандъ нечаянно самъ себѣ наноситъ ударъ. Онъ иронизируетъ надъ тѣми, которые стремятся „подвести всѣ наказанія подъ одно понятіе, начиная съ полицейскаго наказанія за несоотвѣтствующую регламенту сорную кадку и до искупленія

убійства и государственной измѣны включительно" (стр. 172). Намъ кажется, что эту иронію легко обратить противъ кантіанцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что безчисленные преступленія и проступки, начиная съ устройства „несоотвѣтствующей регламенту сорной кадки" и кончая убійствомъ и государственной измѣной — легко распредѣлить въ такой рядъ поступковъ, изъ которыхъ каждый послѣдующій будетъ важнѣе предыдущаго на самую ничтожную долю. А если это такъ, тогда передъ кантіанцами возникаетъ весьма непріятная дилемма: они должны или указать намъ тотъ моментъ, съ котораго поступокъ начинаетъ нарушать интеллигибельную норму (въ то время какъ поступокъ, крайне мало отличающійся отъ этого послѣдняго, еще не является нарушеніемъ нормы),—или же они должны признать, что и устройство несоотвѣтствующей регламенту сорной кадки также подлежитъ осужденію, вслѣдствіе того, что оно нарушаетъ интеллигибельную норму сорной кадки.

О сновидѣніяхъ д-ра Сигм. Фрейдъ, приватъ-доцента вѣнскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго А. Л. Спб. 1904.

Любопытная брошюра д-ра Фрейда является попыткой установить законосообразность въ странномъ и причудливомъ теченіи нашихъ сновидѣній. Авторъ хочетъ уяснить себѣ не только вопросъ о томъ, почему намъ снится то-то и то-то, но также и каждую деталь сновидѣнія, т. е. опредѣлить, почему основная тема сновидѣнія принимаетъ свои, порой весьма причудливыя формы. Бываютъ, впрочемъ, вовсе не причудливыя сновидѣнія; это—дѣтскія сновидѣнія, когда ребенокъ просто видитъ во снѣ исполненіе своего вчерашняго желанія; авторъ приводитъ такой примѣръ: ночью ребенку снится, что онъ ѣстъ вишни, потому что днемъ ему хотѣлось поѣсть этихъ вишенъ. Такія простыя сновидѣнія авторъ считаетъ удѣломъ исключительно дѣтей: у нормальныхъ взрослыхъ людей сновидѣнія всегда болѣе запутаны. Но всетаки и сновидѣнія взрослыхъ людей тоже являются выполненіемъ ихъ желаній, но только это бываютъ *„замаскированныя выполненія подавленныхъ желаній"* (стр. 41). Въ этомъ объясненіи мы должны отмѣтить два пункта: во-первыхъ, авторъ утверждаетъ, что объектомъ сновидѣній являются *„подавленныя"* желанія; во вторыхъ, онъ отмѣчаетъ то обстоятельство, что эти подавленныя желанія возникаютъ въ „замаскированномъ" видѣ. Впрочемъ, авторъ признаетъ и существованіе не замаскированныхъ сновидѣній у взрослыхъ; сновидѣнія этой сравнительно рѣдкой категоріи „неизмѣнно сопровождаются страхомъ, заставляющимъ человѣка проснуться. Чувство страха играетъ здѣсь ту же роль, которая въ другихъ случаяхъ выпадаетъ на долю искаженія сна" (стр. 41).

Но большинство сновъ является именно искаженіемъ подавленныхъ желаній. „Въ душевной жизни человѣка (говоритъ авторъ, стр. 43—4) существуютъ двѣ инстанціи, завѣдующія образованіемъ мыслей; первая изъ нихъ имѣетъ то преимущество, что продукты ея дѣятельности непосредственно проникаютъ въ наше сознаніе, тогда какъ дѣятельность второй инстанціи протекаетъ всецѣло въ безсознательной сферѣ и становится намъ извѣстной только при посредствѣ первой инстанціи. На границѣ между обѣими инстанціями, при переходѣ отъ первой ко второй, находится своего рода цензура, пропускающая только то, что ей нравится, и задерживающая все остальное. И вотъ, все то, чего цензура не допустила, находится, согласно нашей терминологіи, въ состояніи подавленія. Подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, однимъ изъ которыхъ является состояніе сна, отношеніе между обѣими инстанціями измѣняется такимъ образомъ, что процессъ подавленія происходитъ съ гораздо меньшей силой. Цензура во снѣ дѣлается слабѣе; благодаря этому, многое, что было раньше подавлено, находитъ себѣ дорогу въ сознаніе. Но такъ какъ цензура только ослабѣваетъ и никогда вполнѣ не уничтожается, то различныя подавленныя состоянія могутъ проникнуть въ сознаніе только въ измѣненномъ и смягченномъ видѣ. Содержаніе сознанія получается въ этомъ случаѣ путемъ компромисса между стремленіемъ одной инстанціи и требованіями другой".

Главное содержаніе брошюры д-ра Фрейда заключается въ анализѣ сновидѣній для выясненія видовъ и способовъ „замаскированія" желаній. Этотъ анализъ по самому существу дѣла не могъ дать вполнѣ твердыхъ результатовъ; къ тому же нашъ авторъ постоянно дѣлаетъ весьма рискованныя предположенія. Мѣсто не позволяетъ намъ привести наиболѣе подробные и, слѣдовательно, наиболѣе рискованные анализы; приведемъ, въ качествѣ примѣра, слѣдующій наиболѣе короткій анализъ. Въ одномъ изъ сновидѣній автора дѣло идетъ о впрыскиваніи *пропилена*. „Подробный анализъ приводитъ меня прежде всего къ одному незначительному происшествію, въ которомъ извѣстную роль игралъ *амиленъ*; происшествіе это и послужило возбудителемъ сновидѣнія. Тѣмъ не менѣе, причина, почему амиленъ былъ замѣненъ пропиленомъ, все еще остается для меня неясной. Продолжая анализъ, я убѣждаюсь въ томъ, что съ этимъ же сновидѣніемъ связано воспоминаніе о первомъ посѣщеніи Мюнхена, гдѣ меня особенно поразили *пропилеи*... *Пропиленъ* явился, такъ сказать, посредствующимъ звеномъ между *амиленомъ* и *пропилеями*" (стр. 25). Очевидно, на такое объясненіе можно отвѣтить: „можетъ быть, такъ, а можетъ быть, и не такъ". Но это еще наименѣе рискованный анализъ: стремленіе отыскать „подавленныя желанія" часто заводитъ автора слишкомъ далеко; напр., дамѣ снится, что ея знакомой предлагали мѣсто въ театрѣ за

1 флоринъ 50 крейц. Авторъ связываетъ этотъ сонъ съ тѣмъ событіемъ, что одной родственницѣ этой дамы мужъ подарилъ 150 флориновъ; а такъ какъ 150 флорин. ровно въ 100 разъ больше, чѣмъ 1 флор. 50 крейц., то авторъ открываетъ тайную мысль дамы, что она могла бы найти себѣ мужа въ сто разъ лучшаго, чѣмъ ея дѣйствительный мужъ.

Признавая вполнѣ могущественное вліяніе несознанныхъ идей и желаній на сновидѣнія, мы всетаки думаемъ, что авторъ не достаточно оцѣнилъ какъ вліяніе ясно сознанныхъ желаній и идей, такъ и вліяніе чисто физическихъ условій циркуляціи крови и раздраженія извѣстныхъ участковъ мозга и, наконецъ, ослабленія апперцепціи, которое выражается не только „ослабленіемъ цензуры" въ смыслѣ пропуска „нежелательныхъ" идей, но еще и господствомъ случайныхъ ассоціацій; между тѣмъ какъ въ своихъ подробныхъ анализахъ нашъ авторъ стремится объяснить и привести въ связь всякую мелочь.

К. Кр—инъ. Взаимопомощь среди животныхъ и людей. Переводъ съ англійскаго А. А. Николаева. Спб., 1904 г.

Законъ выживанія приспособленнѣйшихъ сталъ въ настоящее время аксіомою въ біологіи. И изслѣдователи соціальныхъ явленій, какъ извѣстно, широко пользуются этимъ закономъ для своихъ цѣлей. Но, естественно, возникаетъ вопросъ о томъ, кого слѣдуетъ считать приспособленнѣйшимъ. Такъ какъ ученіе о выживаніи приспособленнѣйшихъ возникло одновременно и въ связи съ ученіемъ о борьбѣ за существованіе, а въ этой борьбѣ за существованіе самой очевидной стороной является непосредственное боевое столкновеніе индивидовъ и ихъ конкурренція, то, естественно, наибольше вниманія обыкновенно удѣлялось приспособленію индивидуально-сильнѣйшихъ.

Нашъ авторъ рѣшилъ изучить другую сторону вопроса... Онъ рѣшилъ показать, что наилучшее приспособленіе возникаетъ не путемъ конструкціи и борьбы, а путемъ объединенія во взаимопомогающія группы.

Первая глава посвящена изученію взаимопомощи среди животныхъ. На многочисленныхъ примѣрахъ общественной жизни животныхъ авторъ поясняетъ свою мысль о приспособленіи путемъ взаимопомощи. „Организуй взаимопомощь! это самое вѣрное средство для того, чтобы каждому въ отдѣльности и всѣмъ вмѣстѣ обезпечить наибольшую безопасность, дать наибольшія гарантіи для существованія и прогресса физическаго, умственнаго и моральнаго". „Вотъ чему, по словамъ автора (стр. 30), учитъ насъ природа, и вотъ чему подчиняются всѣ тѣ животныя, которыя достигли соотвѣтственно наивысшаго положенія въ своихъ соотвѣтственныхъ классахъ".

Затѣмъ авторъ переходитъ къ изученію взаимопомощи среди людей. Здѣсь авторъ всюду находитъ тенденцію объединяться въ группы, связанныя взаимопомощью: кланы у дикарей, деревенская община на болѣе высокой ступени развитія, союзъ деревенскихъ общинъ, въ качествѣ дальнѣйшаго шага, затѣмъ города съ ихъ гильдейскими союзами — все это разсматривается нашимъ авторомъ съ точки зрѣнія приспособленія путемъ взаимопомощи.

Затѣмъ авторъ даетъ довольно эффектную картину того, какъ новѣйшее централизованное государство, разрушивши всѣ болѣе мелкіе союзы, дало перевѣсъ эгоистическому индивидуализму.

„Поглощеніе государствомъ, говоритъ онъ на стр. 160, всѣхъ соціальныхъ функцій по необходимости благопріятствовало необузданному, узкопонимаемому индивидуализму. По мѣрѣ того, какъ обязанности къ государству возрастали численно, граждане явно освобождались отъ своихъ обязанностей по отношенію другъ къ другу. Въ гильдіи — въ средніе вѣка каждый человѣкъ принадлежалъ къ какой-нибудь гильдіи или братству — два „брата“ были обязаны ухаживать за больнымъ братомъ; въ настоящее время достаточно дать сосѣду адресъ ближайшаго госпиталя для бѣдныхъ... Въ то время, какъ въ дикихъ странахъ, у готтентотовъ, считалось бы неприличнымъ приняться за пищу, не сдѣлавъ троекратнаго громогласнаго приглашенія другимъ принять участіе въ трапезѣ, у насъ едва ли найдутся охотники подѣлиться пищей съ кѣмъ бы то ни было; все, къ чему въ настоящее время обязанъ почтенный гражданинъ,—это заплатить налогъ для бѣдныхъ и затѣмъ предоставить имъ умирать голодной смертью. Въ результатѣ теорія, гласящая, что люди могутъ и должны добиваться своего счастья, не обращая вниманія на нужды другихъ, — торжествуетъ теперь повсюду: въ законѣ, религіи, наукѣ“.

Не смотря, однако, на такое распыленіе людей подъ вліяніемъ всемогущаго государства, способность къ взаимопомощи не была окончательно убита. И послѣднія страницы своего литературнаго труда нашъ авторъ посвящаетъ тому, что можно назвать возрожденіемъ взаимопомощи.

В. К. Дмитріевъ. Экономическіе очерки (Серія первая: Опытъ органическаго синтеза трудовой теоріи цѣнности и теоріи предѣльной полезности). Очеркъ I-й: Теорія цѣнности Рикардо. Очеркъ II-й: Теорія конкурренціи Ог. Курно, великаго „забытаго“ экономиста. Очеркъ III-й: Теорія предѣльной полезности. Заключеніе. Москва, 1904 г.

Посвященные основнымъ вопросамъ экономической теоріи, очерки г. Дмитріева, несомнѣнно, привлекли бы къ себѣ вниманіе спеціалистовъ своей свѣжестью и строгостью мысли, если бы вышли въ свѣтъ на англійскомъ или нѣмецкомъ языкѣ. Но въ Россіи

какъ показываетъ печальный опытъ перваго изъ этихъ очерковъ, опубликованнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ и прошедшаго, не смотря на скудость нашей экономической литературы оригинальными теоретическими изслѣдованіями, почти не замѣченнымъ, произведеніе г. Дмитріева рискуетъ остаться навѣки погребеннымъ въ книжныхъ складахъ, въ виду особенности изложенія автора, придерживающагося мало у насъ популярнаго языка математическихъ формулъ. Между тѣмъ было бы крайне прискорбно, если бы это обстоятельство, дѣйствительно, помѣшало ознакомленію лицъ, интересующихся экономической теоріей, съ своеобразными построеніями г. Дмитріева, тѣмъ болѣе, что объемъ математическихъ знаній, потребныхъ для того, чтобы слѣдить за изложеніемъ, весьма незначителенъ: нѣкотораго навыка въ обращеніи съ алгебраическими формулами и общаго представленія о функціи и дифференціалѣ вполнѣ для этихъ цѣлей достаточно.

Въ первомъ очеркѣ авторъ сперва выступаетъ на защиту теоріи издержекъ производства противъ ходячихъ возраженій и убѣдительно обнаруживаетъ неосновательность упрековъ, дѣлаемыхъ нерѣдко Смиту и Рикардо, первому въ томъ, что, исключая капиталъ изъ издержекъ производства, онъ забываетъ показать, какъ въ современныхъ условіяхъ обойтись при производствѣ капитала однѣми затратами труда безъ содѣйствія иныхъ капиталовъ, Рикардо же въ томъ, что онъ опредѣляетъ цѣну товаровъ изъ товарныхъ же цѣнъ, остающихся въ свою очередь неопредѣленными: подобныя нападки покоятся всецѣло на неспособности представить себѣ отчетливо число искомыхъ величинъ и число уравненій, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи для опредѣленія ихъ. Анализъ этой контроверзы попутно приводитъ къ весьма своеобразному освѣщенію вопроса о связи уровня прибыли при капиталистическомъ строѣ съ высотой издержекъ производства продуктовъ потребленія рабочихъ. Переходя затѣмъ къ разбору теоріи Рикардо, г. Дмитріевъ безъ труда показываетъ, что даже для благъ не рѣдкихъ и не монопольныхъ уровень цѣнъ оказывается независящимъ отъ субъективныхъ условій спроса лишь въ томъ случаѣ, если всѣ доли каждаго изъ обмѣниваемыхъ продуктовъ производятся съ одинаковыми издержками. Напротивъ, если издержки, потребныя для производства единицы товара, измѣняются въ зависимости отъ количества, которое должно быть произведено, то уровень цѣнъ (или мѣновая пропорція, какъ авторъ, слѣдуя Джевонсу, считаетъ правильнѣе выражаться) будетъ приходить въ движеніе при всякомъ измѣненіи спроса, хотя бы объективныя техническія условія производства оставались безъ перемѣнъ. Независимость же мѣновой пропорціи отъ спроса, въ случаѣ неизмѣнныхъ издержекъ производства, можетъ быть выведена, какъ логическое слѣдствіе, изъ субъективной теоріи цѣнности—результатъ, къ которому нѣсколько инымъ путемъ пришелъ въ своемъ изящномъ

изслѣдованіи о теоріи цѣнности Маркса г. С. Франкъ, разматривавшій всѣ блага—въ терминахъ австрійской школы—какъ productionsverwandt по труду (г. Франкъ даетъ, однако, менѣе общій выводъ этого положенія и не вполнѣ отчетливо указываетъ тѣ ограничительныя условія, внѣ которыхъ выводъ теряетъ силу).

Второй очеркъ г. Дмитріева, посвященный теоріи конкурренціи, представляется наиболѣе оргинальнымъ изъ трехъ, но, съ другой стороны, развиваемыя въ немъ соображенія далеко не такъ безспорны какъ тѣ, съ которыми знакомятъ остальные два. Г. Дмитріевъ беретъ за исходную точку своихъ разсужденій анализъ взглядовъ Курно и, указывая на произвольность допущенія, что количество товара, реализуемое предпріятіемъ въ каждую данную единицу времени, въ точности равняется количеству, производимому предпріятіемъ въ ту же единицу времени, приходитъ къ заключенію, что при неограниченномъ соперничествѣ, въ силу необходимости покрыть издержки производства нереализуемыхъ излишковъ, цѣна должна устанавливаться на уровнѣ высшемъ, нежели технически необходимыя издержки производства. Это положеніе приводитъ къ двумъ важнымъ слѣдствіямъ: условія спроса начинаютъ отражаться на цѣнахъ и въ томъ случаѣ, для котораго казалось возможнымъ опредѣлять цѣну одними объективными заданіями техники; режимъ монополіи, оставаясь сопряженнымъ для потребителей съ значительными переплатами, такъ какъ уровень цѣнъ при монополіи вообще устанавливается выше, чѣмъ при свободной конкурренціи, для народнаго хозяйства въ его цѣломъ оказывается небезвыгоднымъ, такъ какъ при немъ отпадаютъ непроизводительныя затраты на производство нереализуемыхъ избытковъ. Какъ дальнѣйшее слѣдствіе развитой авторомъ теоріи конкурренціи, намѣчается любопытная теорія періодическихъ колебаній въ ходѣ экономической жизни, т. е. хозяйственныхъ кризисовъ.

Третья часть экономическихъ очерковъ даетъ изобилующую тонкими теоретическими замѣчаніями исторію развитія теоріи предѣльной полезности, начиная съ Галіани, котораго г. Дмитріевъ съ полнымъ правомъ выдвигаетъ на весьма видное мѣсто.

Работа г. Дмитріева не свободна, конечно, отъ недочетовъ. Она неряшливо напечатана, что особенно не идетъ къ книгѣ, въ которой встрѣчаются математическія формулы; для многихъ читателей пользованіе очерками будетъ затруднено манерой автора приводить въ текстѣ книги безъ перевода длинныя выписки на англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и даже итальянскомъ языкахъ. Хотя эти опущенія и не затрогиваютъ существеннымъ образомъ тѣхъ цѣнныхъ и новыхъ построеній, которыя предлагаетъ въ своей работѣ г. Дмитріевъ, но, къ сожалѣнію, можно опасаться, что они помѣшаютъ экономическимъ очеркамъ завоевать себѣ то мѣсто въ нашей литературѣ, на которое даетъ имъ право оригинальность и глубина ихъ содержанія. Болѣе серьезнымъ недо-

статкомъ является полное невниманіе къ новѣйшей математической литературѣ вопроса: Эджевортъ, Маршалъ и вся современная англо-американская математическая школа г. Дмитріеву, повидимому, неизвѣстна; будь онъ лучше знакомъ съ этимъ направленіемъ, онъ врядъ ли рѣшился бы причислить Курно къ „забытымъ“ экономистамъ.

В. Дорошевичъ. Востокъ и война. Съ рисунками въ текстѣ. Москва 1905. Изд. Т-ва И. Д. Сытина.

Въ февралѣ 1904 года г. Дорошевичъ отправился на Востокъ, побывалъ въ Малой Азіи, Египтѣ, на Цейлонѣ и въ Индіи. Вездѣ, гдѣ ему ни пришлось быть, всѣ интересы и разговоры сосредоточивались на начавшейся тогда русско-японской войнѣ. Въ живой передачѣ случайныхъ встрѣчъ, разговоровъ и впечатлѣній г. Дорошевичъ изображаетъ передъ читателемъ, какъ относился тогда „Востокъ“ къ возгорѣвшейся борьбѣ между двумя націями. Въ случаяхъ надобности, чтобы не стѣснять своихъ собесѣдниковъ русскимъ происхожденіемъ, авторъ выдавалъ себя за „нѣмца изъ восточныхъ провинцій Пруссіи, ѣздящаго по торговымъ дѣламъ по Востоку“, чему помогала и его похожая на польскую фамилія. Общее мнѣніе „Востока“ было не въ пользу русскихъ... Успѣхи японцевъ вызывали непритворную радость и у турокъ, и у грековъ, и въ Египтѣ, и въ Индіи, и на Цейлонѣ. Одинъ только Портъ-Саидъ оказался „на нашей сторонѣ“. Но и здѣсь только своего рода faute de mieux. Портъ-Саидъ („населенъ жуликами: все, что есть худшаго въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, назначаетъ себѣ здѣсь rendez-vous“) ведетъ обширную торговлю всякими дозволенными и недозволенными къ обращенію товарами, кишитъ всякаго рода притонами и терпитъ въ своей торгово-промышленной дѣятельности большія стѣсненія со стороны англичанъ. И портъ-саидцы пользуются единственнымъ способомъ выразить свою ненависть къ англичанамъ—быть за Россію.

Что же заставляетъ и турокъ, и грековъ, и феллаховъ, и индійцевъ всѣхъ вѣроисповѣданій относиться къ Россіи съ такой враждебностью? На вопросъ этотъ не легко отвѣтить въ короткихъ словахъ. Не даетъ на него опредѣленнаго отвѣта и самъ г. Дорошевичъ. Ну, турки, такъ сказать, наши исконные враги. Ни съ кѣмъ мы такъ часто не воевали, какъ съ турками, турки были нами побѣждены въ послѣдней войнѣ, и если кто имѣетъ основаніе радоваться нашимъ неудачамъ въ войнѣ съ японцами, такъ это, конечно, турки. Но почему этому же радуется и все громадное населеніе въ Индіи? Г. Дорошевичъ объясняетъ это такъ. Мусульманская часть населенія Индіи радуется нашимъ неудачамъ изъ-за симпатіи къ радующимся единовѣрнымъ туркамъ, а индусы, исповѣдующіе браманизмъ, симпатизируютъ япон-

цамъ тоже на религіозной почвѣ, но уже непосредственно, такъ какъ для этихъ индусовъ „буддистъ гораздо ближе, чѣмъ христіанинъ". Но почему же тогда единовѣрные намъ греки не распространяютъ на насъ религіозныхъ симпатій, а, наоборотъ, относятся ко всѣмъ нашимъ бѣдамъ съ нескрываемымъ злорадствомъ?

Очевидно, что отвѣтъ на этотъ вопросъ нужно искать въ соображеніяхъ совершенно иного порядка, нежели приведенныя выше. Не вызвала къ себѣ симпатій русско-японская война не только на Востокѣ, но и на Западѣ. Въ печать мало проникаетъ извѣстій объ этомъ, но читатели помнятъ, можетъ быть, рѣчь Бебеля, сказанную имъ въ маѣ 1904 года въ рейхстагѣ по поводу извѣстной депеши Вильгельма II, въ которой была фраза: Russlands Trauer ist Deutschlands Trauer. Сожалѣніе къ жертвамъ войны, говорилъ Бебель, вполнѣ естественно для каждаго культурнаго человѣка, но совершенно невѣрно утверждать, что нѣмцы вообще раздѣляютъ скорби и радости Россіи. Наоборотъ, общественное и народное мнѣніе Германіи—на сторонѣ японцевъ. Если прибавить, что и Германію въ той же рѣчи Бебель называлъ страной милитаризма и реакціи, страной казармъ и властныхъ пріемовъ обузданія, и говорилъ, что такая страна не можетъ пользоваться симпатіями вполнѣ культурныхъ націй, тогда станетъ понятно, почему тѣ же культурныя націи къ Россіи-то ужъ никакъ не могутъ питать какихъ-либо симпатій.

А. Е. Флеровъ. Указатель книгъ для дѣтскаго чтенія (въ возрастѣ 7—14 лѣтъ). Изд. книжн. маг. К. И. Тихомирова. Москва. 1905.

Объемистый трудъ г. Флерова имѣетъ нѣсколько подзаголовковъ, долженствующихъ объяснить его назначеніе и содержаніе. Это „опытъ критическаго обзора дѣтскихъ книгъ и систематическаго расположенія ихъ концентрами, примѣнительно къ расположенію учебнаго матеріала, проходимаго на урокахъ объяснительнаго чтенія въ начальной школѣ. Руководство для родителей, воспитателей, учителей и учительницъ начальныхъ школъ и городскихъ училищъ, и для общественныхъ учрежденій, вѣдающихъ дѣло народнаго образованія". Въ предисловіи составитель очень энергично—и, намъ думается, безъ особой нужды — доказываетъ необходимость руководящаго указателя книгъ для дѣтскаго чтенія. Въ „руководящей замѣткѣ" онъ выясняетъ свою систему. Онъ располагаетъ свой матеріалъ для внѣкласснаго чтенія въ зависимости отъ расположенія учебнаго матеріала, проходимаго въ начальной школѣ; въ этой системѣ онъ предлагаетъ четыре отдѣла или „концентра": человѣкъ среди людей (въ его отношеніяхъ къ людямъ и къ себѣ), человѣкъ среди природы и людей (естествовѣдѣніе), исторія, географія. Распредѣляя книги

по отдѣламъ, авторъ считается съ возрастными группами: указатель „концентровъ“ отмѣчаетъ также, для какого возраста пригодна данная книга. О значеніи этой систематизаціи возможны споры. Намъ думается, что воспитателю нужно имѣть представленіе о литературѣ, въ которой онъ производитъ выборъ, а распредѣлять избранный матеріалъ будетъ всякій по своему, въ зависимости отъ индивидуальныхъ условій преподаванія. Для такого общаго представленія книга г. Флерова сообщаетъ цѣнныя данныя, правда, взятыя почти сплошь изъ вторыхъ рукъ, но необходимыя для всякаго, кому приходится руководить дѣтскимъ чтеніемъ: въ ней перепечатано болѣе восьмисотъ отзывовъ о дѣтскихъ книгахъ изъ лучшихъ педагогическихъ журналовъ и спеціальныхъ указателей. Здѣсь разсказано содержаніе произведеній и дана ихъ общая оцѣнка: эта сторона даетъ работѣ г. Флерова рѣшительное преимущество предъ имѣвшимъ заслуженный успѣхъ указателемъ А. И. Лебедева. Къ сожалѣнію, назвать эту „критическую хрестоматію“ полной нельзя ни въ коемъ случаѣ. Составитель жалуется на недостатокъ соотвѣтствующихъ подготовительныхъ работъ, указателей и т. п. Но первая попытка сличить его трудъ съ существующими и названными имъ указателями показываетъ, что онъ воспользовался здѣсь далеко не всѣмъ, чѣмъ могъ и долженъ былъ воспользоваться. Онъ обходитъ необъяснимымъ молчаніемъ много извѣстныхъ и популярныхъ книгъ. Мы не имѣемъ здѣсь мѣста для заполненія его пропусковъ, но для примѣра можемъ указать, что изъ книги г. Флерова читатель не сможетъ узнать ничего о такихъ произведеніяхъ, какъ „Дневникъ школьника“ Амичиса, „1000 лье подъ водой“ Ж. Верна, „Приключенія Финна“ М. Твэна и т. д. Изъ нѣсколькихъ переводовъ указанъ одинъ—и не сказано, почему. Въ той самой „Народной литературѣ“ кіевскаго общества грамотности, изъ которой онъ, между прочимъ, черпалъ отзывы, составитель могъ бы найти множество указаній, почему-то имъ опущенныхъ. Самъ онъ говоритъ, что незнакомство съ дѣтской литературой ставитъ учащихъ въ затруднительное положеніе и до нѣкоторой степени понижаетъ ихъ авторитетъ въ глазахъ населенія, когда къ нимъ, какъ къ компетентнымъ и авторитетнымъ лицамъ, обращаются за отзывомъ о книгахъ,—и онъ полагаетъ, что его сборникъ поможетъ въ такихъ случаяхъ учащимъ. Но что же будетъ, если учителя спросятъ о такихъ старыхъ и извѣстныхъ дѣтскихъ книгахъ, какъ „Таинственный островъ“ Жюля Верна или „Сказки“ Перро или Асбьерсена, или захотятъ узнать, какое лучшее изъ изданій сказокъ Андерсена и Гримма,—и учитель, обратившись за справкой къ указателю г. Флерова, не найдетъ въ немъ ничего подходящаго.

Не удовлетворившись своими двумя предисловіями, составитель предпослалъ своему сборнику еще заимствованную изъ ука-

зателя петербургскаго родительскаго кружка статью „О самостоятельномъ чтеніи“, которой г. Флеровъ „многимъ обязанъ въ выработкѣ взгляда на книгу для дѣтскаго чтенія“. Мы въ этой статьѣ нашли отчасти безсодержательныя банальности въ родѣ того, что дѣтская книга должна постоянно имѣть предъ собою три великія цѣли: истину, добро и красоту,—отчасти же утвержденія, нуждающіяся въ провѣркѣ и въ доводахъ, которыхъ въ статьѣ нѣтъ. Кореннымъ ея заблужденіемъ намъ представляется глубокая вѣра въ прямое и рѣшительное воздѣйствіе моральныхъ элементовъ дѣтской литературы. „Если, съ одной стороны, они (беллетристическія произведенія) могутъ на ряду съ другими воспитательными вліяніями поселить въ душѣ читателя любовь къ человѣчеству и къ истинѣ, чувство долга и справедливости, могутъ заложить въ молодомъ существѣ прочный фундаментъ для развитія безупречно нравственнаго человѣка, то, съ другой стороны, они же могутъ привести его къ безнравственности въ моральномъ отношеніи“. Ахъ, какъ легко было бы воспитывать людей, если бы эта классически законченная тирада не была пустой фразой, если бы книга была въ самомъ дѣлѣ такъ всесильна! Книга можетъ расширить горизонты мысли—и этого довольно. Вліяніе ея на волю, на мораль такъ мало поддается раціональному учету, что нравственное ея вліяніе лучше оставить въ покоѣ: можно ошибиться, и очень грубо.

Сборники избранныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ поэтовъ. „Трудовой крестьянскій годъ“.—„Несчастные“.—„Сказки и легенды“.— „Крестьянскія дѣти“.— „Женская доля“. Изданія вятскаго книгоиздательскаго товарищества.

Передъ нами рядъ небольшихъ, просто, но опрятно изданныхъ сборниковъ стихотвореній, предназначенныхъ для распространенія въ народной,—главнымъ образомъ, въ крестьянской средѣ. Явленіе очень знаменательное. Прежніе пѣсенники, бывшіе долгое время единственно доступными для деревенскаго читателя, составлявшіеся кое-какъ, на скорую руку, для коммерціи, приказчиками разныхъ Титъ Титычей, постепенно уступаютъ мѣсто новымъ изданіямъ, преслѣдующимъ культурныя цѣли. Книга вытѣсняетъ неряшливую рыночную макулатуру. Вятское книгоиздательство, на ряду со многими другими, пошло на встрѣчу назрѣвшей потребности широкихъ массъ читателей изъ народа, отнеслось къ ихъ запросамъ вдумчиво и серьезно, и въ своихъ сборникахъ, вмѣсто обычныхъ пѣсенъ „Ясный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣкою“, „Черноусый волокита встрѣтилъ швейку на углу“, „Зачѣмъ ты, безумная, губишь...“ и т. п., даетъ лучшія, по мнѣнію составителей, произведенія Гете, Гейне, Пушкина, Лермонтова, Некрасова и другихъ отечественныхъ и иностранныхъ писателей. И по настоя-

щее время въ нѣкоторыхъ кругахъ уцѣлѣло горестное недоразумѣніе, что сонники и пѣсенники болѣе по вкусу „не отесанной“ деревнѣ, чѣмъ творенія образцовыхъ поэтовъ. Рѣшительнымъ отвѣтомъ на подобнаго сорта увѣренія можетъ служить успѣхъ недавно появившихся сборниковъ, въ родѣ сборника „Пѣсни труда“, изданнаго „Донской Рѣчью“ и разошедшагося въ очень большомъ количествѣ.

Народныя изданія—трудное дѣло. Необходимо уважать читателя изъ народа, чтобы успѣшно выполнить принятую на себя задачу. Благотворительнаго сердобольства здѣсь далеко не достаточно. Отсюда понятно, какія строгія требованія должны предъявляться къ такъ называемымъ „народнымъ“ книгамъ. Сборники вятскаго товарищества составлены въ общемъ добросовѣстно, но приходится отмѣтить кое-какіе промахи,—прежде всего странное несоотвѣтствіе между талантомъ писателя и количествомъ взятыхъ отъ него произведеній. Стихотворенія Кольцова, этого пѣвца крестьянской жизни, совсѣмъ теряются въ массѣ стихотвореній Дрожжина, часто представляющихъ собою слабое подражаніе тому же Кольцову. Досадно видѣть въ одной и той же книжкѣ „Пѣсню Пахаря“ Кольцова и „Пѣсню Пахаря“ Дрожжина — неумѣлую поддѣлку первой. Не нашли мы также многихъ вещей, найти которыя намъ хотѣлось невольно. Ничѣмъ не объяснимо, напримѣръ, отсутствіе въ сборникѣ „Трудовой крестьянскій годъ“, прекраснаго „Сѣнокоса“—Майкова, стихотворенія, вошедшаго во всѣ хрестоматіи. Такихъ оплошностей не должно бы быть, а ихъ, къ сожалѣнію, не мало.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются***. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

А. С. Пушкинъ. Сочиненія и письма. Подъ ред. О. Морозова. Т. VI. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. Спб. 1905.

Полное собраніе сочиненій ***М. Ю. Лермонтова***. Подъ ред. Арс. И. Введенскаго. Т. 1-й и 2-й. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. Спб. 1905. Ц. 75 к. (за каждый томъ).

Константинъ Дьяконовъ. Разсказъ. Екатеринославъ. 1904. Ц. 1 р.

Александръ Яблоновскій. Приключенія уличнаго адвоката. Одесса. 1905. Ц. 20 к.

Карменъ. На днѣ Одессы. Одесса. 1904. Ц. 1 р.

А. Е. Заринъ. Семья. Сборникъ разсказовъ. Спб. Ц. 1 р. — Даръ сатаны. Сборникъ повѣстей и разсказовъ. Спб. Ц. 1 р.

В. В. Умановъ-Каплуновскій. Фарисеи. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Алексѣй Плещеевъ. Упитанные и опившіеся. Очеркъ. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Вячеславъ Лисенко. Честь. Разсказъ. Кіевъ. 1904.

Александра Костомарова. Двѣ лиліи. Очарованный лѣсъ. Мертвыя горки. Наводненіе 12 ноября 1903 года. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Анна Сансагонская. Разсказы. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Вацлавъ Сѣрошевскій. Предѣлъ скорби. Китайскіе разсказы. Хайлакъ. 2-е дополн. изд. Глаголева. Спб. Ц. 1 р.

Вацлавъ Сѣрошевскій. Дальній Востокъ. 2-е дополн. изд. Глаголева. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Вѣстовой (И. С. П—въ). Струна сердца. Стихотворенія. Спб. 1905. Ц. 80 к.

Сюльчинъ. Люди и жизнь. Разсказы. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Сельма Лагефлеръ. Въ Іерусалимъ. Романъ. Перев. съ шведскаго ***М. П. Благовѣщенской.*** Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Феликсъ Наборъ. Крестовый походъ дѣтей. Разсказъ изъ временъ XIII в. Переводъ съ нѣмецкаго М. А. Шишмаревой. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Владиміръ Беренштамъ За право. Изд. „Библіотеки для всѣхъ". Спб. 1905. Ц. 75 к.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Л. Н. Толстой, какъ художникъ. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 1 р. 30 к.

Ю. Айхенвальдъ. Чеховъ. Основные моменты его произведеній. М. 1905.

Н. В. Быковъ. Чеховъ въ ряду русскихъ классиковъ. Екатеринославъ. 1904.

Гербертъ Спенсеръ. Автобіографія. Сокращенное изложеніе А. Д. Коротнева. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Анри Лиштанберже. Рихардъ Вагнеръ, какъ поэтъ и мыслитель. Пер. съ франц. С. Соловьева. М. 1905. Ц. 2 р.

Перро. Марія Башкирцева. М. 1905. Ц. 25 к.

Орисэнъ Светъ-Марденъ. Строители судьбы. Изд. Поповой. Спб. 1905. Ц. 1 р. 30 к.

Гаральдъ Гефдингъ. Философскія проблемы. Переводъ съ нѣмецк. Рафаила Соловьева. М. 1905. Ц. 60 к.

Г. Еллинекъ. Декларація правъ человѣка и гражданина (Библіотека для самообразованія. IV). М. 1905. Ц. 40 к.

А. М. Гнѣвушевъ. Политико-экономическіе взгляды Гр. Н. С. Мордвинова. Кіевъ. 1904.

П. П. Мигулинъ. Война и наши финансы. Харьковъ. 1905.

В. В. Святловскій. Жилищный вопросъ съ экономической точки зрѣнія. Вып. II. Спб. 1904.

А. А. Кауфманъ. По новымъ мѣстамъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Очерки изъ настоящаго и прошлаго Японіи. Составила. ***Т. Богдановичъ.*** Спб. 1905.

А. С. Пругавинъ. Расколъ и сектантство въ русской народной жизни. М. 1905.

Дѣло отставного профессора Казанскаго университета А. Н. Хорватъ. Съ предисловіемъ ***А. Н. Хорватъ.*** М. 1904.

А. Классовскій. Матеріалы къ вопросу о постановкѣ средняго образованія въ Россіи. Одесса. 1904.

А. Классовскій. Каѳедра географіи и ея представители въ русскихъ университетахъ. I. Новороссійскій университетъ. Одесса. 1905.

В. Селенкинъ. Средняя школа въ борьбѣ съ проступками учениковъ. М. 1905.

Школьныя библіотеки для дѣтей до 15-ти-лѣтняго возраста. Каталогъ составленъ кружкомъ учительницъ. Спб. 1905. Ц. 40 к.

О безплатныхъ народныхъ библіотекахъ и читальняхъ. Изд. П. Д. Путилиной. М. 1905.

В. Давыденко. Церковно-приходская школа. Харьковъ. 1903. Ц. 2 р.

Изданія ***„Посредника".*** CXXIII. Свѣтъ на пути. Перев. съ англ. ***Е. П.***— Ученіе о кормѣ. Составлено ***Е. П.*** М. 1905. Ц. 30 к. — CXXV. ***Франкъ Гердъ.*** Вопль дѣтей. Пер. съ англ. М. Языковой. М. 1905. Ц. 25 к. — CXXVII. ***Баронъ М. А. Таубе.*** Христіанство и международный миръ. М. 1905. Ц. 25 к.—***А. Судержицкій.*** Съ духоборомъ въ Америку. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.

Изданія ***„Посредника".***—№ 378. Недруги. Разсказъ. ***С. Т. Семенова.*** М. 1905. Ц. 1 к.—№ 498. ***И. Нажившинъ.*** I. Въ неволѣ. II. Сосѣди. Ц. 1 к.—№ 519. ***Е. Килина-Дьяконова.*** Царство фараоновъ.—№ 523. Затосковалъ. Разсказъ. ***Е. Н. Любича.*** Ц. 2½ к.—№ 527. ***Е. Горбунова.*** Человѣкъ или три испытанія. Ц. 2½ к.—№ 530. Брюханы. Разсказъ ***С. Т. Семенова.*** Ц. 2½ к. — М. 1905.

Библіотека ***И. Горбунова-Посадова.*** Сократъ и его время. Истори-

ческій очеркъ. ***В. Сиповскаго***. Ц. 40 к.—Дождевая волшебница и другія сказки ***А. Барыковой***, ***Брута***, ***Вильденбруха***, ***Шторма*** и др.— Родная деревня. Стихотворенія ***С. Д. Дрожжина***. Ц. 1 р. 20 к. — Что случилось въ лѣсу и другіе разсказы. ***А. Кедровой***. Ц. 60 к.—Бѣлый невольникъ. Разсказъ ***А. Хирьянова***. Ц. 15 к.—Въ царствѣ птицъ. Разсказы ***В. Лонга***. Ц. 25 к.—Рождественская звѣзда. Сборникъ разсказовъ и сказаній. Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 10 к. М. 1905.

„Деревенское хозяйство и деревенская жизнь". Подъ редакц. ***И. Горбунова-Посадова***. Книжка 35-я. — Сельскій скотолѣчебникъ. Составилъ А. ***Архангельскій***. Ц. 20 к. — Книжка 37-я. О правильномъ уходѣ за жеребятами и лошадьми. Составилъ ***Л. Штейертъ***. Ц. 40 к. М. 1905.

Русскій сельскій календарь на 1905 г. ***И. Горбунова-Посадова***. Годъ XII. М. 1904.

Политика.

Русскія дѣла. — Рабочее движеніе. — Война. — Слухи о мирѣ. — Мадьярскіе выборы.

I.

По прежнему, въ 1905 году, какъ и въ 1904, русскія дѣла, внутреннія и внѣшнія, являются центромъ политическаго интереса и политической исторіи всего міра. На рубежѣ новаго года паденіе Портъ-Артура поглотило общее вниманіе и заслонило собою даже такія событія, какъ паденіе министерства Комба, сраженія въ будапештской палатѣ, торговые договоры Германіи. Однако, и само паденіе Портъ-Артура было скоро заслонено событіями 9 и 10 января въ С.-Петербургѣ.

Если прибавить къ этому, что въ правительственныхъ сферахъ продолжается обсужденіе реформъ, возвѣщенныхъ указомъ 12-го декабря 1904 г., 18 февраля обнародованы новые важные акты, въ обществѣ продолжается движеніе въ пользу общей реформы, и среди рабочихъ крупнѣйшихъ центровъ броженіе отнюдь не улеглось и послѣ памятныхъ дней 9 и 10 января,—то станетъ совершенно понятно это напряженное, сосредоточенное вниманіе всего человѣчества къ событіямъ, развивающимся въ Россіи.

Рабочее движеніе, развивавшееся въ теченіе всего XIX столѣтія въ передовыхъ странахъ Западной Европы, къ концу минувшаго вѣка захватило собою и Россію, но особенно ярко выразилось оно уже въ XX столѣтіи, достигнувъ наивысшаго напряженія этой зимой (1904—1905 гг.). Послѣ всеобщей стачки въ Петербургѣ въ январѣ, стачки на фабрикахъ и заводахъ не прекращаются, охватывая все болѣе широкое пространство, распространяясь на желѣзныя дороги и на такія профессіи, которыя обыкновенно стоятъ внѣ рабочаго движенія. Положеніе несомнѣнно острое, и образованіе спеціальной государственной коммиссіи под

предсѣдательствомъ члена государ. совѣта Шидловскаго показываетъ, что и въ правительственныхъ сферахъ именно такъ понимаютъ дѣло. Въ виду такого положенія дѣлъ, министръ финансовъ созвалъ 24 января совѣщаніе изъ представителей главныхъ фабрично-заводскихъ фирмъ и предпріятій. 27 января совѣщаніе было повторено, на немъ выработана записка о положеніи рабочаго вопроса въ Россіи и 31 янв. 1905 г. представлена министру финансовъ. Она обнародована въ газетахъ („Русь", № 32, 8 февр. 1905 г.). Нѣкоторыя части этой записки глубоко поучительны (хотя другія части составлены очень односторонне, въ интересахъ предпринимателей). Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе заключеніе записки:

„Все вышеизложенное приводитъ насъ, фабрикантовъ и заводчиковъ, къ тому заключенію, что ни какія-либо уступки рабочимъ по частнымъ вопросамъ, ни пересмотръ фабричнаго законодательства не могутъ вселить полнаго успокоенія въ тревожное состояніе рабочихъ. Средствомъ же безспорно дѣйствительнымъ къ умиротворенію рабочаго движенія въ будущемъ или, по крайней мѣрѣ, къ устраненію въ немъ той жгучести, которая теперь въ немъ наблюдается, являются, по мнѣнію собранія, болѣе глубокія реформы обще-государственнаго характера".

Эти строки, понятыя въ должныхъ предѣлахъ, сама истина. Конечно, рабочее движеніе создано тѣми же причинами, какъ и на Западѣ, а эти причины не устранятъ и „глубокія реформы общегосударственнаго характера", но такія реформы, безъ всякаго сомнѣнія, поведутъ „къ устраненію въ немъ (рабочемъ движеніи) той жгучести, которая въ немъ теперь наблюдается". Мы сказали бы даже больше, эти реформы только и дозволятъ вывести рабочій вопросъ изъ состоянія хаоса на путь, хотя и тяжелый, но правильной эволюціи, наблюдаемой въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ Западной Европы.

Есть, однако, и существенныя различія между постановкою рабочаго вопроса въ Англіи, Франціи, или Германіи, съ одной стороны, а съ другой—въ Россіи и другихъ экономически отсталыхъ странахъ. Цитированная записка даетъ цѣнные и авторитетные матеріалы для освѣщенія этой любопытной стороны рабочаго вопроса. Приводимъ соотвѣтственную цитату (въ которой заводчики и фабриканты стараются оцѣнить причины рабочаго движенія въ Россіи и его обостренія въ настоящее время):

„Во всякой промышленной странѣ положеніе рабочаго класса находится въ полномъ соотвѣтствіи съ состояніемъ промышленности и общаго уровня культуры; желѣзный законъ спроса и предложенія и неотвратимыя условія конкурренціи не позволяютъ поставить промышленныхъ рабочихъ въ искусственныя тепличныя условія. Министерство финансовъ освѣдомлено, что русская промышленность, къ сожалѣнію, не отличается той мощью, кото-

рая позволяла бы безнаказанно обременять ее несоотвѣтствующими требованіями. Промышленное оживленіе конца прошлаго десятилѣтія быстро смѣнилось общимъ кризисомъ и угнетеннымъ состояніемъ, съ полной очевидностью выяснившими, что промышленность не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ народъ бѣдствуетъ, что здоровый ростъ промышленности зависитъ прежде всего и главнѣе всего отъ покупательной способности населенія.

Поощряемая казенными заказами и приливомъ иностранныхъ капиталовъ, металлическая промышленность быстро пришла къ выводу, что будущее и даже настоящее зависитъ отъ потребленія желѣза населеніемъ; созванный министерствомъ финансовъ спеціальный съѣздъ о мѣрахъ къ усиленію потребленія желѣза населеніемъ хорошо выяснилъ, что такое потребленіе предполагаетъ непремѣннымъ условіемъ поднятіе народнаго благосостоянія, распространеніе образованія, развитіе промысловъ, коренное измѣненіе условій жизни сельскаго населенія, нынѣ приниженнаго, хозяйственно истощеннаго, бѣднаго. Петербургскіе фабриканты неоднократно также дѣлали представленія министру финансовъ о тяжеломъ состояніи другой важной отрасли промышленности, а именно хлопчато-бумажнаго производства, указывая на то, что покупательная способность населенія видимо истощена, и вынужденное (пошлиною на хлопокъ) высокое состояніе цѣнъ на хлопчато-бумажныя издѣлія встрѣчается съ крайнимъ ослабленіемъ спроса. Петербургскія мануфактуры работаютъ послѣдніе годы съ ничтожною прибылью и даже въ убытокъ; три изъ нихъ въ самое послѣднее время погибли. Металлическая промышленность въ среднемъ удовлетворяется 2—3 проц. на капиталъ, и только нѣкоторые заводы, благодаря вызваннымъ войною казеннымъ заказамъ, обнаруживаютъ временное благополучіе. Подобный же упадокъ замѣчается и по другимъ группамъ производствъ. Промышленность не можетъ работать въ убытокъ и не можетъ руководиться мотивами благотворительности; состояніе ея тяжелое, и она даетъ рабочему то, что можетъ дать. Съ развитіемъ народнаго образованія, съ увеличеніемъ и упроченіемъ благосостоянія населенія, съ ростомъ его потребностей поднимется и улучшится естественнымъ путемъ матеріальное положеніе рабочаго класса, а до тѣхъ поръ рѣчь можетъ идти лишь объ улучшеніи такихъ условій жизни рабочаго, которыя при всей ихъ важности почти не будутъ отражаться на его матеріальномъ благополучіи".

Факты изложены „запискою" съ точки зрѣнія фабрикантовъ и заводчиковъ, но сдѣланное въ „запискѣ" освѣщеніе ни для кого не обязательно, а факты, приводимые въ цитатѣ, остаются—фактами, уясняющими особенность нашего рабочаго вопроса. Прежде всего, изъ самаго изложенія явствуетъ, что русская промышленность опирается и можетъ опираться лишь на внутренній рынокъ. Компетентные люди только о немъ и говорятъ, предоставляя

нашимъ самороднымъ націоналистамъ распространяться въ пуст(порожнихъ разсужденіяхъ о рынкахъ внѣшнихъ, этихъ россій скихъ Индостановъ и Левантовъ in spe. Западно-европейская про мышленность ихъ имѣетъ, эти Индостаны и Леванты, и на завое ваніи и укрѣпленіи за собою этихъ „рынковъ“ и основываетъ свое благосостояніе. Наша же промышленность въ серьезном положеніи современнаго момента и не упоминаетъ объ иностран ныхъ рынкахъ. Ихъ значеніе для русской промышленности прям(ничтожно. Лучшіе русскіе экономисты давно это утверждаютъ но не всегда слышны бываютъ голоса лучшихъ знатоковъ, а по тому умолчаніе о внѣшнихъ рынкахъ практиками промышленнаг(дѣла имѣетъ свое большое значеніе. Серьезные люди наук и практики сходятся, такимъ образомъ, въ томъ, что русска промышленность и ея процвѣтаніе и развитіе зависятъ отъ со стоянія внутренняго рынка, его спроса и его покупательной силы

Однако, вспомнимъ, какъ дѣло капиталистической эволюціи шло на Западѣ. „Не дологъ и не новъ разсказъ“: распростране ніе машиннаго производства и удешевленіе его продуктовъ подор вало кустарные промыслы; исчезновеніе кустарныхъ промысловъ нарушило бюджетъ сельскаго земледѣльческаго населенія, и часть этого населенія должна была бросить села въ поискахъ за работою; она нашла эту работу на фабрикахъ, не смотря на упадокъ покупательной силы внутренняго рынка вслѣдствіе упадка благосостоянія сельскаго населенія; *это было возможно, потому что были найдены рынки внѣшніе.* Англійская промышленность и теперь самая могущественная въ мірѣ, и благосостояніе британскаго населенія (слѣдовательно, и его покупательная сила на рынкѣ) наивысшее въ Европѣ, но отнимите у этой промышленности ея внѣшніе рынки, и она будетъ раззорена. Мы не говоримъ, что нельзя строить процвѣтаніе промышленности на одномъ внутреннемъ рынкѣ, но эволюція промышленная должна быть иная. Она должна идти за ростомъ потребленія и къ мѣрѣ этого роста или сокращенія приспособлять производство. Поэтому всякое искусственное ускореніе промышленнаго развитія, вызываемое возвышенными таможенными пошлинами и прямымъ покровительствомъ правительства, ставитъ къ концѣ концовъ промышленность въ ложное и критическое положеніе. Для того, чтобы насытить имѣющійся въ распоряженіи промышленности рынокъ, надо, положимъ, около милліона рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, а искусственными мѣрами привлекли ихъ полтора милліона. Въ результатѣ, продукты некуда дѣть, а рабочимъ не хватаетъ на содержаніе. Между тѣмъ, въ теченіе полувѣка именно это и про дѣлывалось. Капитализмъ насаждался всѣми мѣрами, а земледѣльческое населеніе переселялось въ городъ. Процессъ происходилъ быстрѣе, чѣмъ то допускала естественная эволюція.

Приведенная выше цитата изъ „записки“ вскрываетъ еще

одно важное противорѣчіе въ нашей экономической эволюціи послѣдняго полустолѣтія. „Записка“ утверждаетъ, что промышленность можетъ процвѣтать только при подъемѣ благосостоянія народной сельской массы. Это неоспоримо, потому что именно эта сельская масса и является главнымъ потребителемъ промышленности. Однако, съ другой стороны, сама промышленность, *если она капиталистическая*, развивается, лишь убивая кустарные промыслы, т. е. подрывая благосостояніе той же сельской массы. Выйти съ честью изъ этого глубокаго соціальнаго противорѣчія и является одною изъ труднѣйшихъ, но и одною изъ благороднѣйшихъ проблемъ обновленной Россіи. Само собою разумѣется, что безъ этого обновленія, подобная сложная и отвѣтственная проблема не можетъ быть даже поставлена передъ рутинною канцеляріей входящихъ и исходящихъ номеровъ.

II.

Наша война на Дальнемъ Востокѣ продолжала интересовать весь міръ. За границей интересовались ею даже больше, пожалуй, чѣмъ у насъ, гдѣ трагическое развитіе внутренней исторіи до извѣстной степени заслоняло собою не менѣе важное для насъ и для всего міра развитіе событій кровавой и раззорительной борьбы, происходящей на сопкахъ Манчжуріи и на равнинахъ Великаго Океана.

Паденіе Портъ-Артура, сраженіе при Сандепу, движеніе русскаго флота и приготовленія флота японскаго составляли средоточіе общаго вниманія, особенно же паденіе Портъ-Артура.

1 января по нов. ст. (20 декабря) Портъ-Артуръ капитулировалъ, японцамъ были переданы форты, личный составъ гарнизона (въ томъ числѣ больные и раненые), оружіе, снаряды, интендантскіе склады и все казенное имущество. Флотъ былъ затопленъ, но около десятка портовыхъ судовъ сданы японцамъ. Нѣсколько дней продолжалась передача японцамъ этихъ трофеевъ.

Отчего палъ Портъ Артуръ? Этотъ вопросъ остается покуда не выясненнымъ. Первыя свѣдѣнія изъ русскихъ, японскихъ и китайскихъ источниковъ единодушно утверждали, что эта могущественная крѣпость капитулировала, а огромный флотъ, стоимостью до ста милліоновъ рублей, уничтоженъ, только послѣ того, какъ всѣ средства обороны были истощены и дальнѣйшее сопротивленіе стало немыслимо. Эти свѣдѣнія возлагали отвѣтственность за эту крупнѣйшую неудачу Россіи во время настоящей войны на тѣхъ, кто не озаботился своевременно достаточнымъ снабженіемъ крѣпости боевыми и продовольственными припасами. Не мудрено поэтому, если въ русской печати раздались

громкіе голоса именно въ этомъ направленіи. Законъ требуетъ суда надъ комендантомъ, сдавшимъ крѣпость. Судъ этотъ предстоитъ неизбѣжно. Естественно, являлось желаніе, чтобы судъ былъ расширенъ и захватилъ бы въ свое разбирательство и всѣхъ другихъ, кои могутъ оказаться виновниками паденія этого важнаго оплота въ кровавомъ столкновеніи 1904—1905 гг. Для примѣра приведемъ отзывъ „Новаго Времени" (отъ 23 декабря 1904 г.).

„Вмѣстѣ съ генераломъ Стесселемъ, вмѣстѣ съ остальными защитниками Портъ-Артура вся Россія горячо желаетъ этого суда. Только одинъ судъ можетъ привести къ тому, что, кромѣ ст. 64 положенія объ управленіи крѣпостями, найдутся, быть можетъ, и другія статьи, по которымъ полагается привлекать къ суду и тѣхъ, кто строитъ и не достраиваетъ крѣпостей, портовъ и доковъ, кто строитъ крѣпости, но не вооружаетъ ихъ, кто назначаетъ въ крѣпости защитниковъ, но не обезпечиваетъ ихъ для исполненія ихъ долга ни достаточнымъ числомъ орудій, ни достаточнымъ числомъ снарядовъ. „Люди стали тѣнями", но и эти тѣни на 200 выстрѣловъ могли отвѣчать непріятелю лишь однимъ выстрѣломъ! Можетъ быть, найдутся статьи въ положеніи объ управленіи крѣпостями, которыя объяснятъ, что крѣпости должны всегда быть снабжены достаточнымъ запасомъ провіанта, одежды, медикаментовъ, наконецъ, достаточнымъ для раіона крѣпостныхъ сооруженій числомъ защитниковъ. Только одинъ судъ надъ защитниками Портъ-Артура можетъ выяснить истинныя причины того рокового явленія, что на разстояніи полувѣка Россіи пришлось повторить въ Портъ-Артурѣ второй Севастополь, съ тою разницей, что 50 лѣтъ назадъ въ жертву былъ принесенъ въ Севастополѣ парусный устарѣлый флотъ, а въ Портъ-Артурѣ потоплена и взорвана эскадра, насчитывавшая въ своихъ рядахъ 6 броненосцевъ новѣйшаго типа, на нѣкоторыхъ изъ которыхъ съ завистью смотрѣли въ иностранныхъ флотахъ. Только одинъ судъ можетъ показать, во что обошелся Россіи пагубный, роковой законъ о морскомъ цензѣ. Нѣтъ, пусть будетъ судъ, но не обращенный въ пустую формальность, а судъ строгій, правый и милостивый. Такой судъ только истинныхъ виновниковъ бѣдствія и позора, разразившагося надъ Россіей, можетъ повергнуть въ тревогу. Защитники Портъ-Артура не боятся строгаго суда; всѣ русскіе люди его желаютъ, потому что только такой судъ поможетъ Россіи освободиться отъ тайныхъ темныхъ враговъ, болѣе опасныхъ, чѣмъ всякіе явные".

И нѣсколько далѣе въ той же газетѣ (того же 23 дек. 1904 г., въ день полученія телеграммы о паденіи Артура) по поводу того же суда:

„Да будетъ судъ, но судъ исторіи, жестокій судъ, и не надъ ними, страдальцами за русскую землю, за русскую честь, а надъ

тѣми, кто ничего не дѣлалъ, когда долженъ былъ дѣлать, надъ тѣми, кто, поставивъ ихъ лицомъ къ врагу, не далъ имъ достаточныхъ средствъ для отпора этого врага“.

Первое время послѣ паденія крѣпости такъ думали и за границей, и въ Россіи, восхищаясь мужествомъ гарнизона, высоко цѣня заслуги ген. Стесселя и слагая отвѣтственность исключительно на непредусмотрительность тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ. Затѣмъ, однако, въ этомъ согласномъ хорѣ почувствовался диссонансъ, и обвиненія противъ ген. Стесселя все росли и все ростутъ. Мы не будемъ цитировать иностранныхъ источниковъ, а приведемъ лишь данныя, уже опубликованныя въ русскихъ газетахъ. Такъ, „Россійское агентство“ сообщаетъ изъ Харбина (телеграмма должна была пройти военную цензуру штаба главнокомандующаго).

„Харбинъ, 11-го февраля. (Соб. корр.). Прибывшіе изъ Портъ-Артура сообщаютъ, что *сдача крѣпости для всѣхъ была неожиданностью. На военномъ совѣтѣ 19 голосовъ было противъ сдачи и 4—за сдачу.* Генералъ Смирновъ отказался присутствовать на совѣтѣ и пошелъ въ плѣнъ. Душой обороны были Смирновъ и Кондратенко, котораго жители и солдаты боготворили—его смерть ускорила сдачу крѣпости. Во все время осады всѣ мирные жители несли различную службу. Бѣдныя женщины и дѣти питались лишь съ помощью личныхъ знакомыхъ и страдали отъ голода. За послѣднее время тяжело больнымъ выдавали по полъ-галеты и горячую пищу. *Японцамъ сдали много консервовъ, галетъ, крупчатки, продуктовъ и. снарядовъ, которыхъ хватило-бы на два, на три страшныхъ штурма.* Бѣднымъ частнымъ жителямъ при отъѣздѣ изъ Портъ-Артура никто помощи не оказывалъ. Въ Дальній мирные жители отправлены были въ не отапливаемыхъ вагонахъ и на товарныхъ, открытыхъ платформахъ. Въ дорогѣ замерзли двое дѣтей, многіе обморожены. Въ Дальнемъ ихъ помѣстили въ не достроенномъ зданіи женской гимназіи съ временными плохими печами. Всѣ угорѣли, одна женщина умерла отъ угара. Подъ конвоемъ всѣхъ посадили на японскій пароходъ „Сингамару“ въ трюмъ и отправили въ Чифу, гдѣ стояли цѣлыя сутки на рейдѣ. Гражданскій коммиссаръ Портъ-Артура Вершининъ далъ въ Чифу парадный прощальный обѣдъ купечеству. При выѣздѣ изъ Портъ-Артура жители сами оказывали другъ другу помощь. Ночь на 19 декабря была самая страшная: взрывали суда, изъ которыхъ цѣлыхъ нѣтъ. Во время штурмовъ женщины и дѣти прятались въ водосточной трубѣ, около Маріинской общины. 75-ти миллиметровые снаряды летали безпрерывно. Много большихъ снарядовъ не разрывалось. Ужасъ осады и страданія не поддаются описанію. Егермейстеръ Балашовъ—герой, сильно заботился о раненыхъ и объяснялся съ японцами. Занятіемъ Высокой горы, которая три раза переходила изъ рукъ

въ руки, дана была японцамъ возможность точно и правильно обстрѣливать городъ. Разрушены Саперная и Стрѣлковая улицы и близь лежащій русско-китайскій банкъ, много большихъ домовъ въ Новомъ городѣ и церковь. Не пострадали: Китайскій Новый городъ, реальное училище, Перепелиная и Золотая горы и много частныхъ домовъ въ Новомъ городѣ. По Ляотешану не стрѣляли. Узнавъ о сдачѣ крѣпости, въ городѣ былъ произведенъ грабежъ; японцы-солдаты и офицеры,—войдя въ городъ, съ большой вѣжливостью, какъ бы въ подарокъ, забирали повсюду нравившіяся имъ вещи. Японскія войска вошли торжественно, съ музыкой. Одѣтый блестяще, генералъ Ноги посѣтилъ 10-ый госпиталь и осматривалъ аптеку и больныхъ. По входѣ японцы ввели въ Портъ-Артурѣ свои административныя управленія. Вновь организованная японская полиція энергично возстановила образцовый порядокъ. Русско-китайскій банкъ сдалъ японцамъ наличную кассу въ суммѣ одного рубля 80 копѣекъ. За время осады мирныхъ жителей убито: мужчинъ около 200, женщинъ 10, дѣтей 3. Японцы разрѣшили не плѣннымъ увозить все свое имущество".

Мы нарочно привели телеграмму цѣликомъ, потому что именно эта безсвязность и это смѣшеніе хронологіи, дѣянія японцевъ съ дѣяніями ген.-адъютанта Стесселя придаетъ сообщенію характеръ искренности и правдивости. Итакъ, снарядовъ было достаточно для отбитія двухъ или трехъ штурмовъ; много было и продовольствія; большинство членовъ военнаго совѣта было противъ сдачи, въ томъ числѣ комендантъ крѣпости ген. Смирновъ. Ген.-ад. Стессель сдалъ крѣпость подъ своею личною отвѣтственностью, и разныя газетныя сообщенія со словъ прибывшихъ въ Россію артурцевъ рисуютъ дѣло еще серьезнѣе, чѣмъ эта Харбинская телеграмма.

Естественно, измѣнился и тонъ прессы. Выше мы цитировали отзывъ подъ впечатлѣніемъ первыхъ извѣстій. Приведемъ отзывъ послѣ этихъ печальныхъ разоблаченій. Цитируемъ „Русь" (№ 28, 4 февр. 1905).

„Противъ сдачи были, насъ увѣряютъ, голоса всѣхъ противъ трехъ и голоса предсѣдателя совѣта. И мы не понимаемъ, не можемъ понять, какъ могло достаться японцамъ „больше того, что слѣдовало оставить", въ чемъ насъ увѣряютъ телеграммы изъ Чифу, несомнѣнно исходящія отъ портъ-артурцевъ, добравшихся туда. А именно, крѣпостное интендантство сдало, по словамъ этихъ телеграммъ, хлѣбныхъ запасовъ и мясного довольствія, включая конину, въ количествѣ, достаточномъ для гарнизона на два мѣсяца, кромѣ розданнаго войсковымъ частямъ продовольствія на два же мѣсяца, кромѣ провизіи въ госпиталяхъ, кромѣ выданныхъ въ послѣдній моментъ на каждую роту по сто пудовъ бѣлой муки. Сдано 115 тысячъ тоннъ угля; 32 тыс. пудовъ су-

харей бѣлыхъ, 8 тыс. черныхъ; 8 тыс. пудовъ крупчатки, 17 тыс. пудовъ муки ржаной; 2800 пуд. сахара; около мѣсячнаго запаса масла, солонины, консервовъ. Сданы,—телеграфировали изъ Чифу,—огромные запасы кожи, сапогъ, холста, сукна, мануфактурныхъ товаровъ. Наконецъ, было еще около десяти тысячъ бойцовъ, совершенно здоровыхъ, и тысячъ двѣнадцать такихъ, которые хотя и были больны или ранены, но черезъ недѣлю послѣ сдачи крѣпости могли уже отправиться въ Японію... Слухи о тифѣ и цынгѣ среди гарнизона назывались преувеличенными. Словомъ, не обрисовывалась картина роковой неизбѣжности, которая безусловно покрывала бы рѣшеніе, стоившее столько мукъ душевныхъ и доблестному гарнизону Портъ-Артура, и всей Россіи".

Далѣе тамъ же читаемъ:

„Исторія иногда повторяется, хотя въ частяхъ...

Въ 1856 г. въ Гельсингфорсѣ судили военнымъ судомъ ген. Бодиско, сдавшаго въ 1854 г. Аландскіе острова, себя и гарнизонъ англо-французскимъ войскамъ. Донося, что непріятель намѣренъ бомбардировать и штурмовать Бомарзундъ, ген. Бодиско извѣщалъ, что рѣшился всѣ строенія въ крѣпости и на форштадтѣ сжечь, а самому умереть, но не сдаться. Это рѣшеніе вызвало отмѣтку Императора Николая I: „молодецъ". Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько дней ген. Бодиско былъ въ плѣну, хотя въ боевыхъ снарядахъ и продовольственныхъ припасахъ осажденные недостатка не имѣли. Но ген. Бодиско послѣ пятидневнаго бомбардированія призналъ дальнѣйшее сопротивленіе тщетнымъ, созвалъ военный совѣтъ, который съ нимъ согласился сдаться.

Слѣдственная коммиссія нашла, что участь, постигшая Аландскія укрѣпленія, была неизбѣжна, такъ какъ укрѣпленія эти были только частью окончены и составляли „крайне незначительную совокупную оборону". Число непріятельскаго дессанта въ шесть разъ превышало гарнизонъ, а по всему этому ген. Бодиско и гарнизонъ Бомарзунда были освобождены отъ всякой отвѣтственности.

На такое сужденіе подѣйствовало, впрочемъ, едва ли не главнымъ образомъ то соображеніе, что сдача Бомарзунда ничего не измѣняла въ общемъ теченіи войны 1854 г. Къ капитуляціи ген. Бодиско была мало примѣнима ст. 84 общ. инстр. комендантамъ крѣпостей, въ которой сказано: „Комендантъ, которому ввѣрена крѣпость, долженъ помнить, что онъ поставленъ охранителемъ одного изъ оплотовъ Имперіи, и что сдача онаго, днемъ ранѣе или позже учиненная, можетъ не только для цѣлой арміи, но и для всего государства важнѣйшія имѣть послѣдствія".

Днемъ позже, днемъ раньше сдать Бомарзундъ было безразлично. Но для Портъ-Артура каждый день стоилъ выигрыша у

Шахэ, и недаромъ 12 января, черезъ три недѣли по сдачѣ Артура, войска ген. Ноги участвовали въ бою за Сандепу.

Русское общество, измученное за время героической обороны Портъ-Артура, стоитъ теперь передъ тягчайшимъ недоумѣніемъ. Всѣ недоумѣнія могъ бы разсѣять гласный военный судъ, но возможнымъ ли будетъ онъ признанъ? Рѣшимся ли мы съ полнымъ мужествомъ обнаружить всю совокупность причинъ, приведшихъ къ этому тяжкому національному пораженію, будетъ ли теперь только судъ современниковъ, или судъ исторіи,—мы, конечно, не знаемъ... Отъ суда исторіи уйти нельзя. Но такъ хотѣлось бы успокоенія, такъ хотѣлось бы всей правды".

„Вся правда" нужна уже потому, чтобы исторія не повторялась.

Каковы бы ни были причины паденія Портъ-Артура, непредусмотрительность властей Дальняго Востока, или слабость ген.-ад. Стесселя, крѣпость сдалась, флотъ погибъ, и эти два факта имѣютъ огромное значеніе. Армія Ноги присоединилась къ арміи Оямы, а эскадра вице-адм. Рождественскаго ждетъ подкрѣпленій, чтобы продолжать путь.

Но есть и оборотная сторона медали. Послѣ паденія Портъ-Артура русской арміи и русскому флоту уже не предстоитъ повелительная задача выручить гарнизонъ и деблокировать крѣпость, и ихъ дѣйствія могутъ быть свободнѣе. Политическое значеніе сдачи Портъ-Артура тоже огромно. Для Японіи овладѣніе этою крѣпостью было вопросомъ національной чести. Для русскихъ отказаться отъ нея, пока она защищается, было затруднительно. Съ этой точки зрѣнія паденіе Портъ-Артура можетъ увеличить шансы мира.

III.

Послѣ Портъ-Артура, сраженіе при Сандепу, данное второю арміей ген. Гриппенберга, сильно волновало общественное вниманіе. Наступленіе было неудачно, и тяжелыя потери были напрасны. Ген. Гриппенбергъ утверждаетъ, что виною тому—распоряженія главнокомандующаго ген.-ад. Куропаткина, котораго приказаніе отступить лишило русскихъ побѣды. Ген. Гриппенбергъ изложилъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Руси" ходъ и исходъ четырехдневнаго боя. Приводимъ существенныя мѣста изъ этого изложенія. Рѣшительно отрицая, чтобы его наступленіе 12 — 15 января было усиленною рекогносцировкою или демонстраціей, ген. Гриппенбергъ продолжаетъ:

„Наоборотъ, то было полное наступленіе цѣлой арміи съ опредѣленнымъ указаніемъ на желательную цѣль. Планъ наступленія былъ разработанъ штабомъ главнокомандующаго, указаны были возможные и желательные пути для достиженія намѣчен-

ныхъ пунктовъ нашего движенія. Я долженъ былъ наступать на Хейгоутау, Сандепу. Мое наступленіе имѣло цѣлью взять эти укрѣпленныя деревни и утвердиться на этихъ позиціяхъ. Третья армія и, по возможности, первая должны были поддерживать меня демонстраціей, развивая сильнѣйшій огонь по всему фронту".

Ходъ сраженія и его исходъ ген. Гриппенбергъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ:

„При такомъ положеніи дѣла главнокомандующій нашелъ возможнымъ отдать въ мое распоряженіе всего только 63 батальона. Въ его резервѣ въ тѣ дни оставалось 60 батальоновъ. Съ этими силами я долженъ былъ взять всѣ укрѣпленныя японскія позиціи и отразить атаки японскихъ силъ.

Въ ночь на 12-е первый сибирскій корпусъ ночной атакой взялъ деревню Хуантолоза. Въ этомъ дѣлѣ, благодаря неожиданности и стремительности нападенія, мы потеряли очень мало. 12-го мы съ боя взяли Хейгоутау. 13-го я отрядилъ одну бригаду 1 корпуса на Сандепу. Послѣ полудня этого же числа мы атаковали деревню Безымянную. На поддержку наступающей бригады на Сандепу, атакованной японцами, я послалъ вторую стрѣлковую, а потомъ и пятую бригады. Къ вечеру я отдалъ приказъ по войскамъ во что бы то ни стало удерживаться на занятыхъ позиціяхъ. Такой же приказъ я отдалъ и 14 и 15 января. И долженъ сознаться, что я съ восторгомъ вспоминаю о моихъ войскахъ, въ особенности о первомъ сибирскомъ корпусѣ. Войска, ворвавшись 13 января въ Сандепу, убѣдились, что редюитъ въ ней построенъ фундаментально и вооруженъ пулеметами и скорострѣльной артиллеріей, и потому взять его безъ мортиръ и поршневыхъ орудій, которыхъ у нихъ не было, не представлялось возможности.

Атаки непріятельскихъ позицій, въ общемъ очень сильныхъ, велись нами настолько успѣшно, что онѣ однѣ за другими переходили въ наши руки. Мы терпѣли, правда, большія потери, но онѣ окупались достигнутымъ успѣхомъ. На войнѣ нѣтъ успѣха безъ потерь. Но на потери не слѣдуетъ рѣшаться безъ очень большой вѣроятности на успѣхъ.

Между тѣмъ, вѣсть о нашемъ наступленіи вызвала переполохъ въ японской арміи. Къ мѣсту боя стали подходить все новыя силы. Къ началу третьяго дня боя силы японцевъ въ $1^1/_2$ раза превышали наши. Врагъ повелъ упорныя атаки, быстро слѣдовавшія одна за другой. Съ каждымъ разомъ японцы, подкрѣпляемые новыми резервами, становились настойчивѣе, сильнѣе.

14 января всѣ бѣшеныя атаки японцевъ были блестяще нами отражены. Мы не уступили ни одной пяди земли. Японцы несли тяжкія потери. Имѣя противъ себя превосходныя силы, я отправилъ къ главнокомандующему просьбу подкрѣпить меня. Для

оцѣнки событій слѣдуетъ имѣть въ виду, что весь этотъ день мы почти безъ перерыва вели бой.

Къ этому времени къ японцамъ прибыли новыя подкрѣпленія, уже изъ арміи Куроки. Противъ насъ дѣйствовали такимъ образомъ значительная часть армій Нодзу, Оку, часть войскъ Куроки и войска Ноги изъ-подъ Портъ-Артура. Я снова послалъ къ главнокомандующему просьбу прислать подкрѣпленія.

Вмѣсто этого, около 4 часовъ дня, я получилъ отъ главнокомандующаго телеграмму быть готовымъ двинуться на помощь 3-ей арміи.

Вы спрашиваете меня, могъ ли бы я удержаться и долѣе на занятыхъ позиціяхъ, не получая подкрѣпленій отъ главнокомандующаго? Увѣренъ, что могъ бы. И вотъ почему. Всѣ наши потери мы понесли во время боя. Получивъ отъ ген. Куропаткина приказъ объ отступленіи, мы ушли, не торопясь; во время отступленія мы не потеряли ни одного человѣка. Японцы не могли преслѣдовать насъ, вслѣдствіе потерь, понесенныхъ ими, которыя, очевидно, были такъ велики, что исключали всякую мысль о возможности преслѣдованія. При всей своей осторожности, японцы не упустили бы случая воспользоваться нашей слабостью. Повторяю, я убѣжденъ, что мы могли бы противостоять японцамъ и дольше, даже не получая подкрѣпленія отъ главнокомандующаго.

Нашъ центръ былъ достаточно силенъ для отраженія нападенія японскихъ силъ. Фронтъ сильно укрѣпленъ и искусственными сооруженіями, и тяжелой артиллеріей. Безуспѣшность атакъ въ лобъ лучше всего сказалась подъ Ляояномъ, когда, собственно, арміи Оку и Нодзу были нами разбиты. Если на нынѣшней позиціи нѣтъ такихъ долговременныхъ фортовъ, какъ подъ Ляояномъ, за то есть осадныя орудія, которыхъ прежде совсѣмъ не было, и значительно больше войскъ, чѣмъ тогда. Да и, наконецъ, я убѣжденъ, что японцы, отрядивъ на лѣвый свой флангъ стотысячную армію, не могли рисковать атакой на нашъ фронтъ, не зная исхода боя на крайнемъ лѣвомъ флангѣ.

Между тѣмъ, японцы продолжали свои атаки на вторую армію. Съ 10 до 12 часовъ ночи 15 января они произвели четыре послѣдовательныя атаки, стремительныя, ужасныя по своей стойкости и упорству. Мы блестяще отразили и эти съ огромнымъ для японцевъ урономъ. Мы были увѣрены въ побѣдѣ, въ побѣдѣ полной. Дорога между Сандепу и Лидіятуномъ была открыта. Представлялась возможность зайти японцамъ въ тылъ. И японцы были бы окружены, тѣмъ болѣе, что въ тылу у нихъ находилась наша кавалерія. Кольцо сомкнулось бы и...

А вмѣсто этого... отступленіе... Одновременно мы получили приказъ отъ ген. Куропаткина удалить изъ Чжантаня всѣ наши учрежденія (интендантскія, медицинскія и др.). А ночью получился и приказъ намъ всѣмъ отступить. Мнѣ было стыдно пере-

давать его войскамъ, которыя положительно были выше всякихъ похвалъ.

Мнѣ было безконечно тяжело передавать войскамъ этотъ приказъ, тѣмъ болѣе, что эти четыре дня были для насъ очень тяжелы. Ночью морозъ доходилъ до 15 град. Днемъ—до 6°.

Моя увѣренность, что японцы не станутъ атаковывать нашъ центръ, подтвердилась. Оказалось даже больше: они и демонстраціи не дѣлали. На ихъ фронтѣ по прежнему все было спокойно. Они не начинали никакихъ нападеній. Куропаткинъ былъ, очевидно, введенъ въ ошибку сообщеніями китайцевъ о готовящемся будто бы на центръ нападеніи. Но китайцамъ вѣрить нельзя: они служатъ намъ, но съ равной охотой и японцамъ.

Я не считалъ возможнымъ оставаться далѣе во главѣ второй арміи, такъ какъ въ принципѣ не согласенъ со взглядомъ главнокомандующаго.

При поддержкѣ съ его стороны, даже незначительной, мы могли бы одержать полную побѣду надъ врагомъ.

Я рѣшительно отрицаю предположенія нѣкоторыхъ газетъ о томъ, что въ данномъ случаѣ у меня есть какіе-то личные счеты съ главнокомандующимъ. Это безусловная неправда. До послѣдняго дня мы были съ нимъ въ лучшихъ отношеніяхъ. Не забудьте, что мы съ нимъ старые товарищи по оружію: вѣдь мы вмѣстѣ служили въ Туркестанѣ. Съ моей стороны не было также нарушенія дисциплины, такъ какъ отъѣздъ мой съ театра войны состоялся съ высочайшаго разрѣшенія...

Я забылъ сказать вамъ, что, вернувшись съ войсками на позицію, я получилъ отъ ген. Куропаткина телеграмму: помогите мнѣ выяснить, гдѣ находятся главныя силы японцевъ". („Русь" № 31, 7 февр. 1905 г.).

Это изложеніе, сдѣланное однимъ изъ старшихъ чиновъ арміи, производитъ тягостное впечатлѣніе. Резюме этого впечатлѣнія даетъ военный обозрѣватель той же газеты въ слѣдующихъ словахъ:

„Итакъ, анализъ событій, въ ихъ новомъ освѣщеніи, создавая впечатлѣніе отъ боевъ у Сандепу и нашихъ громадныхъ жертвъ лишь тяжелѣе, чѣмъ прежнее, не даетъ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ—кто же виновенъ, или, по крайней мѣрѣ, почему же опять повторяется то, что было, зачѣмъ же опять отступленіе и эти жертвы? Нельзя раздѣлять разныхъ слуховъ и догадокъ о болѣзни нашего главнокомандующаго, о нарушеніи дисциплины однимъ изъ высшихъ генераловъ и о какихъ-то элементарныхъ промахахъ, но и эти слухи сами по себѣ цѣнны: они отголоски наболѣвшей тревоги русскаго сердца, они выходъ, вымученное облегченіе для подавленнаго національнаго самолюбія.

Будемъ надѣяться, что, разъ одинъ изъ главныхъ участниковъ дѣла 12—16 января нашелъ возможнымъ освѣтить обстановку,

то и другой участникъ такъ же найдетъ удобнымъ, да, пожалуй, и необходимымъ, познакомить родину со своимъ угломъ зрѣнія.

На фронтѣ армій вновь стало тихо".

Только совпаденіе этой битвы съ январьскими днями въ Петербургѣ и ихъ отголосками въ Москвѣ и провинціи нѣсколько заслонили собою эти поразительныя извѣстія. Отъ главнокомандующаго еще не получено никакого разъясненія.

Не порадовали русское общество и заключенія международной слѣдственной коммиссіи о Гулльскомъ инцидентѣ. Агентская телеграмма такъ излагаетъ рѣшеніе международнаго трибунала:

„Парижъ, 12-го (25-го) февраля. Докладъ международной слѣдственной коммиссіи по поводу гулльскаго инцидента прочитанъ сегодня послѣ полудня. Въ немъ приведенъ аналитическій обзоръ всѣхъ фактовъ, находящихся въ причинной связи съ инцидентомъ, при чемъ всюду указана преобладающая точка зрѣнія коммиссіи по поводу того или другого важнаго пункта доклада. Такимъ образомъ, причины и послѣдствія инцидента, а также вопросъ объ отвѣтственности за него получили надлежащее освѣщеніе.

Докладъ констатируетъ запозданіе „Камчатки", вслѣдствіе аваріи машинъ, и указываетъ на то, что случайное промедленіе могло быть причиной послѣдующихъ событій. Командиръ „Камчатки" вечеромъ, 8-го октября, предупредилъ адмирала Рожественскаго, что слѣдуетъ ожидать минной атаки со всѣхъ сторонъ. Адмиралъ въ виду этого отдалъ приказъ въ 1 часъ удвоить мѣры предосторожности и ждать атаки. По поводу этого приказа большинство членовъ коммиссіи признало, что въ военное время и въ особенности при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ приходилось дѣйствовать адмиралу Рожественскому, онъ не заключалъ въ себѣ ничего ненормальнаго. Адмиралъ не могъ провѣрить точность полученныхъ свѣдѣній, и этимъ соображеніемъ можетъ быть оправданъ отданный имъ приказъ.

Послѣ изложенія фактовъ, сопровождавшихъ столкновеніе эскадры съ рыболовными судами, докладъ отмѣчаетъ, что по показаніямъ всѣхъ британскихъ свидѣтелей всѣ рыболовныя суда имѣли условные огни и занимались рыбной ловлею согласно обычнымъ правиламъ.

Докладъ объясняетъ, что зеленая ракета, вызвавшая тревогу на броненосцѣ „Князь Суворовъ", была сигналомъ для рыболовныхъ судовъ. Съ броненосца было тогда замѣчено судно, показавшееся подозрительнымъ, такъ какъ оно шло безъ огней. Когда подозрительное судно было освѣщено прожекторомъ, то моряки съ броненосца рѣшили, что это миноносецъ, идущій на всѣхъ парахъ. Адмиралъ Рожественскій приказалъ открыть огонь по неизвѣстному судну. *Большинство членовъ коммиссіи по этому поводу высказало мнѣніе, что отвѣтственность за поступокъ и послѣдствія канонады лежитъ на адмиралѣ Рожественскомъ.*

Какъ только съ „Князя Суворова" было замѣчено рыболовное судно, адмиралъ Рожественскій тотчасъ же далъ сигналъ не стрѣлять по рыбакамъ. Въ то же время съ лѣваго борта броненосца „Князь Суворовъ" былъ открытъ огонь по другому судну, которое показалось подозрительнымъ. Такимъ образомъ, выстрѣлы производились съ двухъ сторонъ, при чемъ съ адмиральскаго судна указывалось направленіе прицѣла посредствомъ прожекторовъ. При этомъ ошибиться было трудно, такъ какъ каждое судно пользовалось, кромѣ того, собственнымъ прожекторомъ, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ. Стрѣльба, продолжавшаяся 10 или 12 минутъ, произвела большое опустошеніе среди рыболовныхъ судовъ. Съ другой стороны, однако, нѣсколько снарядовъ попали на крейсеръ „Аврору".

Большинство членовъ коммиссіи константировали, что нѣтъ достаточно основаній съ точностью опредѣлить, въ какую именно цѣль были направлены снаряды, но *они единодушно признаютъ, что суда рыболовной флотиліи не обнаруживали никакого враждебнаго дѣйствія, большинство же членовъ коммиссіи высказали мнѣніе, что ни среди рыболовныхъ судовъ, ни вообще въ этомъ мѣстѣ, не было ни одной миноноски. Въ виду этого открытіе огня адмираломъ Рожественскимъ не оправдывалось обстоятельствами.*

Русскій коммиссаръ, не раздѣляя вполнѣ этого мнѣнія, выразилъ убѣжденіе, что именно приближеніе къ эскадрѣ подозрительныхъ судовъ съ враждебною цѣлью вызвало стрѣльбу. Тотъ фактъ, что нѣкоторые снаряды попали въ „Аврору", могъ вызвать предположенія, что этотъ, именно, крейсеръ вызвалъ канонаду и привлекъ на себя выстрѣлы. Въ связи съ этимъ коммисары констатируютъ, что у нихъ нѣтъ достаточно серьезныхъ данныхъ, которыя позволили бы судить о причинахъ, послужившихъ къ продолженію стрѣльбы съ лѣваго борта.

Продолжительность стрѣльбы съ праваго борта, даже принимая во вниманіе русскую версію, большинству членовъ коммиссіи казалась болѣе значительною, чѣмъ это вызывалось необходимостью, но это же большинство считало недостаточными тѣ свѣдѣнія, которыя позволили бы судить о продолжительности стрѣльбы съ лѣваго борта.

Во всякомъ случаѣ члены коммиссіи единодушно признаютъ, что адмиралъ Рожественскій сдѣлалъ лично все отъ него зависящее, чтобы отъ начала и до конца стрѣльбы предотвратить выстрѣлы по рыболовнымъ судамъ, относительно которыхъ существовали сомнѣнія. Члены коммиссіи единодушно признаютъ также, что послѣ тѣхъ обстоятельствъ, которыя предшествовали и вызвали инцидентъ, адмиралъ Рожественскій не былъ достаточно освѣдомленъ о томъ опасномъ положеніи, въ которомъ остались рыболовныя суда, въ силу чего и рѣшилъ продолжать путь."

Этотъ докладъ международной слѣдственной коммиссіи вызвалъ въ Англіи чувство полнаго удовлетворенія, и сами англичане признаютъ, что ими достигнуто все, чего они желали достичь.

Война приноситъ до сихъ поръ одно тяжелое разочарованіе за другимъ. Не мудрено, если нація тѣмъ съ большею вѣрою возлагаетъ всѣ свои надежды на обновленіе нашего быта, задуманное въ 1904 году. Не мудрено также, что и миръ становится все болѣе желательнымъ...

IV.

Слухи о мирѣ и его возможныхъ условіяхъ становятся все упорнѣе и шире, не смотря на повторяющіяся авторитетныя опроверженія. Оффиціальныхъ шаговъ еще не сдѣлано, но общественная мысль всего міра работаетъ въ этомъ направленіи, подготовляя назрѣвающія событія.

Агентство Рейтера сообщило, будто бы изъ достовѣрнаго источника, что Россія готова согласиться на такія мирныя условія: 1) Японіи предоставляется протекторатъ надъ Кореей; 2) Портъ-Артуръ и Ляодунъ уступаются Японіи; 3) Владивостокъ объявляется открытымъ портомъ; 4) Манчжурія возвращается Китаю; 5) вопросъ о военной контрибуціи остается пока открытымъ.

Такова будто бы программа Россіи. Конечно, это газетная утка, а можетъ быть, пробный шаръ извѣстной части англійскаго мнѣнія, которая подсказываетъ и пропагандируетъ эту схему. Несомнѣнно, что владѣя еще пятью шестыми Манчжуріи и не будучи еще атакована во Владивостокѣ, Россія не можетъ сама предлагать такія условія, да еще полусоглашаться на контрибуцію. Если бы всѣ слухи о мирѣ были такъ же достовѣрны, то пришлось бы считать это всеобщее ожиданіе скораго мира на Дальнемъ Востокѣ имѣющимъ очень мало основаній.

Въ „Новостяхъ“ мы нашли слѣдующій сводъ послѣднихъ слуховъ о мирѣ:

„Daily Mail“ увѣряетъ, будто ей изъ достовѣрнаго источника извѣстно, что японцы намѣрены поставить Россіи слѣдующія условія мира: возвращеніе всей Манчжуріи Китаю подъ условіемъ, что Китай дастъ ей хорошее правительство и откроетъ ее для иностранной торговли; японскій гарнизонъ въ Портъ-Артурѣ; признаніе японскаго протектора надъ Кореей; выдача Японіи задержанныхъ въ нейтральныхъ портахъ русскихъ военныхъ судовъ: „Цесаревича“, „Аскольда“, пяти или шести миноносокъ въ Кіао-Чао и другихъ въ Шанхаѣ, а также крейсеровъ „Діана“ и „Сайгонъ“ (?); уплата военныхъ издержекъ Японіи; занятіе японцами Владивостока впредь до полной уплаты въ два срока военной контрибуціи, а также возвращеніе Японіи Сахалина.

По другимъ источникамъ, Японія потребуетъ уступки Портъ-Артура и Ляодунскаго полуострова, признанія Владивостока нейтральной гаванью съ открытой дверью для иностранной торговли, нейтральнаго международнаго контроля надъ восточной китайской дорогой и возвращенія Манчжуріи до Харбина Китаю, какъ составной части китайской имперіи.

По словамъ „Daily Chronicle", „императоръ Францъ-Іосифъ не скрываетъ своего мнѣнія, что Россіи слѣдуетъ заключить миръ".

Эти источники, снова англійскіе, приписываютъ Японіи намѣреніе потребовать отъ Россіи именно тѣ условія, которыя выше агентство Рейтера (англійское же) приписывало Россіи. Очевидно, такія условія желательны въ Англіи. Если бы въ самомъ дѣлѣ Японія имѣла такія намѣренія, то ихъ поставить можно было бы не раньше, какъ послѣ пораженія арміи ген.-ад. Куропаткина и эскадры вице-адм. Рождественскаго. Японія ихъ и не ставитъ оффиціально, но весьма возможно, что она черезъ своихъ друзей подготовляетъ общественное мнѣніе нейтральныхъ націй къ такому исходу. Въ этомъ отношеніи очень характерно слѣдующее сообщеніе изъ Америки.

„Вашингтонъ, 10-го (23-го) февраля. Появившійся въ нью-іоркской печати слухъ, что Японія будто бы заявила Россіи о своемъ желаніи заключить миръ, очевидно, основанъ на неточныхъ свѣдѣніяхъ о сообщеніи, сдѣланномъ японскимъ посланникомъ президенту Рузвельту. Посланникъ сообщилъ лишь тѣ условія, на какихъ Японія согласилась бы въ данный моментъ заключить миръ, не прося о томъ, чтобы они были переданы Россіи.

Корреспондентъ газеты „Morning Post" говоритъ, что онъ уполномоченъ заявить, что никакіе переговоры не были начаты Японіей по этому предмету въ настоящее время, ни оффиціальнымъ, ни частнымъ путемъ. Тѣмъ не менѣе, Японія готова принять во вниманіе предложенія, если они будутъ сдѣланы Россіей съ искренними намѣреніями и будутъ пріемлемаго для Японіи свойства".

Такимъ образомъ, можно думать, что вышеизложенныя условія составляютъ desiderata японцевъ. Это запросъ, съ котораго будетъ значительная сбавка.

Нельзя говорить о контрибуціи, когда противникъ не раздавленъ. Таково же требованіе нейтрализаціи Владивостока, сдачи русскихъ военныхъ судовъ, очищенія *всей* Манчжуріи (т. е. и желѣзнодорожной линіи). Все это, конечно, запросъ, не больше... Но протекторатъ надъ Кореей, уступка Квантунской области и очищеніе значительной части Манчжуріи являются условіями, уже отвѣчающими достигнутымъ японцами успѣхамъ. Если этихъ условій не давать, то надо быть готовыми къ продолжительной войнѣ. Такъ, повидимому, и думаютъ въ русскомъ министерствѣ

иностранныхъ дѣлъ. Сотрудникъ „Новостей“ посѣтилъ это министерство съ цѣлью освѣдомиться о видахъ на миръ. Тамъ ему отвѣтили („Новости“, № 36, 12 февр.):

„Ничего подобнаго не знаемъ. Съ увѣренностью можемъ сказать,—что Россія вопроса о мирѣ не возбуждала, что предложеній о посредничествѣ ни съ какой стороны и ни отъ кого не поступало. Мы съ увѣренностью думаемъ, что до мира, до конца войны еще далеко... Для Японіи, конечно, теперь лучшій моментъ начать переговоры о мирѣ. Ея успѣхи даютъ ей основаніе думать, что теперь настало время, когда она можетъ предъявить выгодныя для нея требованія, мы же думаемъ, что до этого момента еще далеко.. Но во всякомъ случаѣ, и со стороны Японіи никакихъ шаговъ не было сдѣлано оффиціально. Мы знаемъ, тамъ сильно агитируютъ за миръ, тамъ вѣрятъ въ возможность „предъявленія требованій“, но возможность этого еще призрачна, и мы вѣримъ въ то, что положеніе измѣнится... О мирѣ нѣтъ разговоровъ, и во всякомъ случаѣ у насъ въ министерствѣ ничего по этому поводу не знаютъ и къ намъ никакихъ соотвѣтствующихъ „предложеній“ не поступало, точно такъ же, какъ и отъ насъ ничего подобнаго не исходило. Говоримъ вамъ это съ увѣренностью, зная положеніе дѣлъ...“

Слѣдуетъ принять во вниманіе еще слѣдующую телеграмму „Петербургскаго агентства“:

„Вашингтонъ, 11-го (24-го) февраля. По словамъ русскаго посла графа Кассини, онъ получилъ изъ высшихъ оффиціальныхъ сферъ въ С.-Петербургѣ категорическое извѣщеніе, что война будетъ вестись съ усиленною энергіею и что на генерала Куропаткина возлагаютъ большія надежды въ связи съ открытіемъ весенней кампаніи, въ виду того, что онъ къ этому времени получитъ подкрѣпленіе. Графъ Кассини приписываетъ слухи о мирѣ желанію Японіи улучшить биржи для помѣщенія новаго займа“.

Отъ всѣхъ этихъ данныхъ получается впечатлѣніе, довольно опредѣленное. Если Японія желаетъ въ самомъ дѣлѣ завладѣть Сахалиномъ, нейтрализовать Владивостокъ, получить сохранившіяся русскія суда, вытѣснить русскихъ изъ всей Манчжуріи и взыскать контрибуцію, то война еще продолжится на годъ, а быть можетъ, и больше... Если, съ другой стороны, Россія намѣрена отвоевать потерянное и вытѣснить Японію изъ Кореи, то равнымъ образомъ нельзя предвидѣть скораго конца войны. Если же обѣ стороны проявятъ умѣренность и выставятъ условія, взаимно не обидныя, то почва для мира кажется нѣсколько подготовленною... Есть полное основаніе утверждать, что на полное пораженіе противника обѣ стороны могутъ разсчитывать, во-первыхъ, не навѣрное, а во-вторыхъ, только послѣ огромныхъ новыхъ жертвъ деньгами и людьми.

V.

Въ то время, какъ въ Россіи и на ея границахъ рѣшаются міровые вопросы, остальныя нейтральныя націи продолжаютъ свои національныя исторіи, и значительныя историческія событія совершаются здѣсь и тамъ по лицу земного шара. 26—30 (13—17) янв. такое важное историческое событіе совершилось въ Венгріи, гдѣ въ эти дни происходили общіе законодательные выборы въ будапештскій парламентъ, распущенный 2 янв. (20 дек.) указомъ императора-короля Франца-Іосифа, согласно съ представленіемъ венгерскаго министра-президента Стефана Тиссы.

Прошлый парламентъ, распущенный 2 января, состоялъ (не считая 40 депутатовъ отъ хорватскаго сейма) изъ 223 либераловъ (сторонниковъ министерства) и 198 представителей различныхъ оппозиціонныхъ партій. Эти партіи въ Венгріи очень разнообразны. Главныя изъ нихъ: партія независимости или кошутіанцы, домогающаяся лишь персональной уніи съ Австріей; національная (вождь графъ Аппоньи), по своей программѣ занимающая середину между кошутіанцами и либералами, сторонниками дуализма; демократическая или республиканская; католическая, румынская, словацкая и т. д. Эта-то разношерстная оппозиція и составляла меньшинство, которое пробовало бороться съ либералами, господствовавшими въ венгерскомъ парламентѣ, начиная съ 1867 года, когда послѣ восемнадцатилѣтняго перерыва возобновилась парламентская жизнь въ Венгріи. Хотя перевѣсъ двадцати четырехъ голосовъ и не очень большой, но разъединеніе оппозиціи дѣлало положеніе либеральныхъ министерствъ довольно прочнымъ. Къ тому же сорокъ хорватовъ обыкновенно голосовали съ министерствомъ или воздерживались отъ голосованія. Тѣмъ не менѣе, недовольство дуалистической системой росло въ Венгріи, и оппозиціонныя партіи находили поддержку въ общественномъ мнѣніи. Либералы, однако, господствовали. Имъ или, по крайней мѣрѣ, значительной ихъ части съ самимъ премьеромъ во главѣ, было мало этого, и они захотѣли принудить оппозицію къ молчанію, введя новый парламентскій уставъ, давшій огромныя права предсѣдателю собранія и дозволявшій прекращеніе преній по волѣ большинства. Это объединило оппозицію и создало ту обструкцію меньшинства, которая въ ноябрѣ 1904 года привела къ самымъ дикимъ сценамъ въ палатѣ, разгрому обстановки, дракамъ и т. п. Когда же часть либераловъ, около тридцати депутатовъ съ Юліемъ Андраши во главѣ, отпала отъ министерства, ему ничего не оставалось, какъ распустить непослушную палату.

Мы уже упомянули, что такъ называемые „либералы“ господ-

ствовали въ будапештскомъ парламентѣ безъ перерыва съ 1867 по 1905 гг., въ теченіе тридцати восьми лѣтъ, никогда не уступая большинства оппозиціоннымъ партіямъ. Либералами эта партія называлась потому, что сначала она боролась противъ абсолютизма въ эпоху его господства (1849—1867), а потомъ короткое время проводила антиклерикальные законы. Вообще же эта партія буржуазно помѣщичья, съ одной стороны, и мадьяро-націоналистская—съ другой. Она упорно отказывала во всеобщемъ избирательномъ правѣ; рѣшительно держалась дуализма, который ей обезпечивалъ господство надъ славянами и румынами и открывалъ продуктамъ помѣщичьяго хозяйства сбытъ на рынки торгово-промышленной Цислейтаніи; занималась самой беззастѣнчивой мадьяризаціей славянъ и румыновъ.

Чтобы вполнѣ уяснить себѣ составъ „либеральной" венгерской партіи, надо вспомнить исторію Венгріи, внутреннее развитіе которой было очень сходно съ внутреннимъ развитіемъ сосѣдней Польши временъ польской независимости. Властные магнаты, полноправная шляхта, свободная, съ голосомъ на выборахъ, угнетенный безправный народъ и, наконецъ, тоже безправная инородческая буржуазія (большею частью еврейская, отчасти, нѣмецкая),—таковъ былъ общественный строй Рѣчи Посполитой. Нѣсколько блѣднѣе, но того же типа былъ и общественный строй Венгріи: магнаты были не столь могущественны; окружавшее ихъ мелкое дворянство не столь своевольно; власть королевская сильнѣе; грозное сосѣдство имперіи османлисовъ не допускало такого раздолья панскому самодурству. Тѣмъ не менѣе, историческій типъ былъ тотъ же. Нація состояла изъ магнатовъ и группировавшагося вокругъ нихъ мелкаго дворянства. Даровавъ равноправность вѣроисповѣданіямъ, Венгрія ввела въ составъ націи инородческую буржуазію, которая очень скоро приняла мадьярскій языкъ и проникласъ мадьярскимъ патріотизмомъ. Эта-то нація и столкнулась въ 1848—1849 гг. съ деспотизмомъ Габсбурговъ и, разбитая, была подавлена австрійской бюрократіей съ 1849 до 1867 гг., когда побитая Австрія начала искать сближенія съ мадьярами. Въ 1867 г. это сближеніе состоялось, и между вѣнскимъ правительствомъ и венгерскимъ сеймомъ заключенъ былъ на десять лѣтъ аусглейхъ, нѣсколько разъ потомъ возобновленый. „Венгерская нація" въ томъ видѣ и составѣ, какъ выше очерчено, была аусглейхомъ вполнѣ удовлетворена, но составъ этотъ постепенно мѣнялся. Выросло раньше отсутствовавшее рабочее сословіе; просвѣтилась и проникласъ народнымъ самосознаніемъ и крестьянская масса; сложилась въ самостоятельную силу и мыслящая интеллигенція; пробудились и подавленныя народности (кромѣ хорватовъ, особенно трансильванскіе румыны). Избирательное право оставалось не преобразованнымъ, но давле-

ніе общественнаго мнѣнія отразилось и на настроеніи избирательнаго корпуса.

Подавляющее либеральное большинство постепенно уменьшалось, и въ 1905 году оно, какъ выше указано, упало до 24 голосовъ. Отпаденіе тридцати андрашистовъ и банфіанцевъ оставило министерство Стефана Тиссы даже въ меньшинствѣ. Распуская палату и аппелируя къ избирательному корпусу, Тисса разсчитывалъ, что обструкція, остановившая дѣятельность сейма, заслужитъ порицаніе со стороны избирательнаго корпуса. Онъ въ разсчетѣ ошибся. Вотъ результаты голосованія 26—29 янв.

Либераловъ минист.	151	
„ диссид. (андраш.) .	27	
„ банфіанцевъ. . . .	13	= 191
Кошутіанцевъ		159
Республиканцевъ		24
Мелкихъ національностей . . .		9
Дикихъ (внѣ партій)		10
Перебаллотировокъ		22
Итого		415

Кромѣ того, сорокъ хорватовъ назначитъ загребскій сеймъ.

Либералы, даже всѣхъ трехъ фракцій вмѣстѣ взятые, не составляютъ большинства. Однако, андрашисты и банфіанцы предпочитаютъ, повидимому, союзъ съ кошутіанцами, съ которыми (послѣ перебаллотировки, давшей кошутіанцамъ еще одиннадцать мѣстъ) они составятъ довольно замѣтное большинство. Образовать, однако, коалиціонное министерство до сихъ поръ не удалось, благодаря несогласію короля на программу кошутіанцевъ. Положеніе становится критическимъ, и теперь еще не выяснился исходъ кризиса. Пораженіе венгерскихъ либераловъ составляетъ во всякомъ случаѣ крупное историческое событіе и можетъ отразиться и внѣ предѣловъ Венгріи.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Рабочее движеніе послѣ 9 января.—Постановленія дворянскихъ и земскихъ собраній нынѣшней сессіи.—Отношеніе промышленныхъ круговъ Москвы и Петербурга къ рабочему движенію.—Волненія учащейся молодежи и положеніе русской интиллигенціи.—По поводу разговоровъ о представительствѣ.— II. Убійство в. кн. Сергѣя Александровича.—Высочайшій манифестъ отъ 4 февраля 1905 г.—III. Административныя мѣры по дѣламъ печати.—*Post-scriptum* По поводу статьи Н. Е. Кудрина о Н. К. Михайловскомъ.

I.

Прошло уже нѣсколько недѣль со времени жестокой трагедіи, разыгравшейся на улицахъ Петербурга, а роковые вопросы, выдвинутые этой трагедіей на первый планъ русской жизни, все еще остаются въ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи. И тѣмъ не менѣе эти нѣсколько недѣль далеко не прошли безслѣдно для русскаго общественнаго движенія. Многое неясное успѣло за это время окончательно выясниться, многія явленія общественной жизни получили на фонѣ совершившихся событій болѣе рѣзкія и отчетливыя очертанія...

Прежде всего событія послѣднихъ недѣль какъ нельзя болѣе наглядно вскрыли всю призрачность сохраняющейся еще въ нѣкоторыхъ кругахъ надежды на то, что всѣ выдвигаемыя жизнью требованія не нуждаются въ принципіальномъ разрѣшеніи и могутъ быть попросту отстранены одною голой силой. Ружейными залпами, конечно, не трудно было очистить петербургскія улицы отъ безоружныхъ массъ рабочаго люда. Но громъ этихъ залповъ не смогъ остановить рабочее движеніе. Не остановилъ онъ даже и стачки петербургскихъ рабочихъ. Для того, чтобы прервать послѣднюю, какъ фабрикантамъ, такъ и властямъ, пришлось, помимо употребленія военной силы, прибѣгнуть и къ совершенно иного рода мѣрамъ, самая возможность которыхъ раньше отвергалась. На многихъ фабрикахъ и заводахъ Петербурга во второй половинѣ января предпринимателями были сдѣланы нѣкоторыя уступки рабочимъ на почвѣ ихъ экономическихъ требованій. Съ другой стороны, 29 января была учреждена, по высочайшему повелѣнію, особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта и сенатора Шидловскаго, „для безотлагательнаго выясненія причинъ недовольства рабочихъ въ г. С.-Петербургѣ и его пригородахъ и изысканія мѣръ къ устраненію таковыхъ въ будущемъ“, при чемъ въ эту коммиссію, согласно тексту создавшаго ее повелѣнія, должны войти, кромѣ представителей отъ различныхъ оффиціальныхъ вѣдомствъ, еще „представители промышленниковъ, по ихъ выбору, и рабочихъ, по избра-

нію самихъ рабочихъ". При всемъ томъ на нѣсколькихъ крупныхъ заводахъ работы остаются еще невозобновленными, да и успокоеніе главной массы петербургскихъ рабочихъ далеко не представляется особенно прочнымъ.

Не водворивъ спокойствія въ Петербургѣ, кровавыя событія 9 января вмѣстѣ съ тѣмъ вызвали грозную вспышку рабочаго движенія во всей почти странѣ. Въ Москвѣ уже 10 января началась забастовка на машиностроительныхъ заводахъ Бромлей и Вейхельтъ, причемъ рабочіе ушли съ заводовъ, не предъявивъ никакихъ требованій и заявивъ, что они бросаютъ работы изъ сочувствія къ своимъ петербургскимъ товарищамъ. На другой же день забастовка охватила почти весь Замоскворѣцкій фабричный раіонъ; забастовало до 30 машиностроительныхъ, литейныхъ, ткацкихъ и разныхъ другихъ заводовъ и фабрикъ. Въ слѣдующіе два дня остановилось еще нѣсколько заводовъ и фабрикъ въ разныхъ частяхъ города и нѣсколько типографій, такъ что 13 и 14 января не выходили изъ газетъ „Р. Вѣдомости", „Новости Дня", „Р. Слово", „Р. Правда", „Моск. Вѣстникъ" и „Телефонъ Новаго Времени". 14 января забастовала крупнѣйшая изъ московскихъ фабрикъ—Прохоровская Трехгорная мануфактура, насчитывающая 5.800 рабочихъ; въ этотъ и въ предыдущій день остановилось также нѣсколько табачныхъ фабрикъ, вагоностроительный заводъ въ Мытищахъ и нѣсколько желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Всего, по приблизительному подсчету, въ Москвѣ за эти дни участвовало въ забастовкѣ около 40.000 рабочихъ и около 118 фабрикъ, заводовъ и разнаго рода промышленныхъ заведеній. Съ постепеннымъ развитіемъ забастовки московскіе рабочіе начали выставлять и свои спеціальныя требованія экономическаго характера, но послѣ 14 января забастовка стала быстро ослабѣвать. Въ общемъ дни забастовки прошли въ Москвѣ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, совершенно спокойно, массы забастовавшихъ рабочихъ не выходили изъ своихъ раіоновъ и держали себя въ высшей степени спокойно, избѣгая всякихъ столкновеній съ полиціей и войсками, которыя въ свою очередь не доходили до крайностей въ своемъ стремленіи водворить порядокъ *).

Иной исходъ получили отголоски петербургскихъ событій въ прибалтійскихъ губерніяхъ, въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ. Въ Ригѣ, по словамъ напечатаннаго въ „Прибалтійскомъ Краѣ" оффиціальнаго сообщенія, уже вечеромъ 10 января произошло „нарушеніе тишины" въ собраніи русскаго литературнаго кружка и были разбросаны прокламаціи по улицѣ 12 января на многихъ фабрикахъ и заводахъ Риги съ утра прекратились работы и „необозримая толпа собралась на Ильгецемской рыночной площади". „Здѣсь—по словамъ упомянутаго сообще-

*) „Новости Дня", 15 января 1905 г.

нія—одинъ изъ рабочихъ вскарабкался на будку и прочелъ прокламацію преступнаго содержанія о послѣднихъ событіяхъ въ Петербургѣ, послѣ чего собравшаяся толпа хлынула на цементный заводъ, куда одновременно прибыли двѣ роты 116-го Малоярославскаго пѣхотнаго полка. Здѣсь удалось арестовать шесть человѣкъ, особенно разжигавшихъ рабочихъ. Толпа направилась дальше къ остальнымъ заводамъ 2-го и 1-го участка Митавской части, гдѣ повсюду прекращались работы. Одновременно началась также забастовка почти на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ въ городѣ и на форштадтахъ, въ томъ числѣ на большихъ заводахъ „Фениксъ", „Проводникъ" и Русско-балтійскій вагонный заводъ. Толпы рабочихъ продолжали ходить по Александровской и другимъ улицамъ, но были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсѣяны войсками и полиціей. Насилій и безчинствъ рабочіе нигдѣ не производили, за исключеніемъ редакцій газетъ „Baltijas Wehstnesis" и „Прибалтійскій Край", гдѣ были выбиты стекла. Съ наступленіемъ ночи все успокоилось. Изъ демонстрантовъ было задержано около 100 человѣкъ, изъ каковаго числа 44 были заключены подъ стражу, а остальные за неимѣніемъ доказательствъ отпущены". „13-го января—по словамъ того же сообщенія—демонстранты являлись на фабрики и мастерскія въ разныхъ мѣстахъ города, гдѣ работы еще не были прекращены, и увлекали за собой рабочихъ. Въ демонстративныхъ шествіяхъ принимали участіе также студенты и женщины. Изъ демонстрантовъ были задержаны 121 человѣкъ. Во многихъ мѣстахъ манифестанты были разсѣяны полиціей и войсками. Около 2 часовъ дня громадная толпа народа направилась во внутреннюю часть города и принуждала прекратить работы во всѣхъ типографіяхъ, вслѣдствіе чего газеты не выходили нѣсколько дней. У желѣзнодорожнаго моста толпѣ загородила путь полурота учебнаго унтеръ-офицерскаго батальона". Вслѣдъ затѣмъ съ другой стороны подошла другая полурота солдатъ и по манифестантамъ открытъ былъ перекрестный огонь, „послѣ чего толпа вскорѣ разсѣялась", а „на плацу остались 22 убитыхъ, между ними двѣ женщины, и 60 раненыхъ". Отъ этого огня пострадали, впрочемъ, не одни только манифестанты. „Помощникъ пристава Биленъ—говоритъ оффиціальное сообщеніе—былъ смертельно раненъ и въ городской больницѣ вскорѣ скончался. Изъ солдатъ было ранено 8 человѣкъ, 5 были отправлены въ городскую больницу, гдѣ одинъ умеръ. Изъ демонстрантовъ умерли въ больницѣ 12 человѣкъ".

„13-го января,—продолжаетъ сообщеніе—около 3 часовъ пополудни, огромная толпа собралась на Елизаветинской улицѣ, но была разсѣяна полиціей и войсками. Толпа стрѣляла въ солдатъ, но не причинила имъ никакого вреда. Въ тотъ же день на Александровской улицѣ собралось нѣкоторое количество студентовъ

и дамъ, вѣроятно ученицъ, кричавшихъ: „долой войну!" Въ тотъ же день вечеромъ студенты предложили дирекціи русскаго театра и нѣмецкаго городского театра прекратить представленія въ виду печальныхъ событій въ городѣ, и представленія были прекращены. Движеніе электрическихъ трамваевъ было прекращено съ 14-го января, когда забастовали машинисты; многіе вагоны были поломаны. Въ учебныхъ заведеніяхъ занятія были пріостановлены до 18-го января. Утромъ 14 января прибыла изъ Ковна сотня казаковъ. Въ политехническомъ институтѣ состоялась сходка студентовъ. Изъ одного изъ оконъ былъ вывѣшенъ черный траурный флагъ съ надписью: „Слава павшимъ; проклятіе убійцамъ!" Передъ институтомъ стояла многочисленная публика, но спокойствіе нигдѣ не нарушалось. По окончаніи сходки институтъ былъ закрытъ по распоряженію попечителя учебнаго округа на неопредѣленное время... 15 января состоялось погребеніе павшаго студента Печуркина. Гробъ несли студенты и рабочіе къ сопровожденіи многотысячной толпы народа. Передъ гробомъ студенты несли вѣнки отъ товарищей, рабочихъ и частныхъ лицъ съ красными и другого цвѣта лентами, на которыхъ были надписи: „Павшему въ борьбѣ за свободу товарищу", „Жертвѣ произвола", „Смерть, проклятіе и месть палачамъ!" Здѣсь и тамъ раздавали прокламаціи на голубой бумагѣ, въ которыхъ населеніе приглашалось выйти на улицу. Было также замѣчено, что дамы вытаскивали прокламаціи изъ своихъ муфтъ и раздавали прохожимъ. Передъ кладбищемъ толпа возросла до нѣсколькихъ тысячъ. По окончаніи погребенія неизвѣстный человѣкъ произнесъ слова: „Вѣчная память павшему за свободу", послѣ чего надписи на лентахъ были прочитаны на русскомъ, латышскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. На обратномъ пути часть запѣла „Дубинушку", другіе раздавали прокламаціи, задерживали извозчиковъ, гасили фонари; однако демонстранты были тотчасъ же разсѣяны прибывшими казаками и войсками. 16 января спокойствіе нигдѣ не нарушалось" *). Другихъ оффиціальныхъ сообщеній о событіяхъ въ Ригѣ не появлялось, но еще въ самыхъ послѣднихъ числахъ января „Рижскій Вѣстникъ" писалъ: „въ Ригѣ рабочіе еще не окончательно успокоились; еще на дняхъ рабочіе нѣкоторыхъ фабрикъ въ Задвиньи снова прекратили работу; фабрики охраняются солдатами" **).

Приблизительно таковъ же былъ ходъ забастовки въ Ревелѣ и Либавѣ, гдѣ стачки рабочихъ также начались 12 и 13 января, подъ непосредственнымъ вліяніемъ извѣстій о петербургскихъ событіяхъ. Въ Ревелѣ сами рабочіе первоначально прилагали дѣятельныя усилія къ поддержанію порядка въ городѣ, но и это

*) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ", 21 янв. 1905 г.

**) Цитирую по „Кіевск. Откликамъ". 3 февр. 1905 г.

не облегчило имъ соглашенія съ предпринимателями и властями и не предупредило столкновеній съ войскомъ, жертвами которыхъ явилось нѣсколько десятковъ убитыхъ и раненыхъ рабочихъ. Въ Либавѣ при общей забастовкѣ всѣхъ фабрикъ и мастерскихъ рабочіе также держали себя спокойно и только въ одномъ случаѣ выстрѣлами изъ толпы рабочихъ былъ смертельно раненъ жандармъ. Тѣмъ не менѣе сюда было вызвано изъ Митавы, Вильны и Маріамполя большое количество войскъ, съ прибытіемъ которыхъ городъ былъ раздѣленъ на раіоны между отдѣльными отрядами войска. Одновременно съ этимъ губернаторъ обратился къ рабочимъ съ воззваніемъ, приглашая ихъ возвратиться къ работѣ и обѣщая, что ихъ желанія будутъ удовлетворены, если они окажутся исполнимыми. 16 января появилось дополнительное воззваніе губернатора, въ которомъ онъ увѣдомлялъ рабочихъ, что въ случаѣ неисполненія его требованій онъ прикажетъ войскамъ прибѣгать къ силѣ оружія. Въ тотъ же день „войскамъ удалось окружить группу рабочихъ въ 700 человѣкъ и арестовать главнѣйшихъ зачинщиковъ". Но стачка въ Либавѣ прекратилась еще далеко не сразу, тѣмъ болѣе, что всѣ главнѣйшія требованія рабочихъ остались неудовлетворенными *). Сравнительно спокойнѣе прошла забастовка въ Митавѣ, продолжавшаяся всего нѣсколько дней.

Немного позже забастовка охватила и города Царства Польскаго. Въ Варшавѣ уже 14 января началась массовая стачка рабочихъ, сопровождавшаяся уличными демонстраціями. Противъ демонстрантовъ были немедленно выдвинуты войска и въ теченіе трехъ дней на улицахъ Варшавы гремѣли ружейные залпы и производились конныя атаки. За эти дни, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, войсками было убито до 60 человѣкъ и ранено около 70; по частнымъ свѣдѣніямъ, число жертвъ достигаетъ гораздо болѣе крупной цифры. Внѣшній порядокъ на улицахъ былъ возстановленъ этими мѣрами, но стачка рабочихъ продолжалась съ еще большей энергіей и получила дальнѣйшее распространеніе, перейдя въ губерніи Варшавскую, Петроковскую, Калишскую, Радомскую и Люблинскую. Въ Лодзи уже къ 15 января забастовало до 100.000 рабочихъ, присоединившихся къ пожеланіямъ, высказаннымъ петербургскими рабочими, и съ своей стороны выставившихъ требованія 8-часового рабочаго дня, минимума платы въ 1 р. 60 к., охраны женскаго и дѣтскаго труда и т. д. Такой же грандіозный характеръ приняла забастовка рабочихъ въ Сосновицахъ и въ Радомѣ. Въ этихъ городахъ, какъ и въ Лодзи, вызванныя войска стрѣляли въ собиравшіяся на улицахъ толпы рабочихъ. 19 января варшавскимъ генералъ-губернаторомъ было

*) „Рижск. Вѣд." и „Либавскій Вѣстникъ". Цитирую по „Кіевск. Откликамъ", 23 января, и „Моск. Вѣдом.", 28 января 1905 г.

издано для городовъ Варшавы и Лодзи и Варшавской и Петроковской губерній обязательное постановленіе о воспрещеніи всякаго рода сходбищъ и сборищъ, а также объ ограниченіяхъ храненія, ношенія, покупки и продажи огнестрѣльнаго оружія. Сверхъ того, согласно этому постановленію, „за собранія въ частныхъ домахъ, отвѣтственности, кромѣ участниковъ схода, подвергаются и домовладѣльцы, управляющіе и квартирохозяева по принадлежности. Во время появленія группъ манифестантовъ и вообще буйствующей толпы всѣ балконы, окна и калитки въ воротахъ домовъ, расположенныхъ по пути слѣдованія, должны быть немедленно закрываемы. Если при этомъ изъ окна, балкона, подворотни или съ крыши будетъ произведенъ выстрѣлъ, брошенъ камень, выкинуто преступное воззваніе и т. п., то, независимо отъ привлеченія къ отвѣтственности виновныхъ, взысканіямъ по правиламъ этого постановленія, соотвѣтственно установленнымъ разслѣдованіемъ даннымъ, будутъ подвергнуты домовладѣльцы, квартирохозяева и управляющіе домами. За нарушеніе этого постановленія налагается въ административномъ порядкѣ арестъ до 3-хъ мѣсяцевъ или штрафъ до 500 р.“ Еще ранѣе, именно 17 января, варшавскій генералъ-губернаторъ, съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ, объявилъ города Варшаву и Лодзь и губерніи Варшавскую и Петроковскую въ положеніи усиленной охраны. Вслѣдъ затѣмъ 22 января то же положеніе было распространено на губерніи Калишскую, Сѣдлецкую и Радомскую, а 15 февраля—на губерніи Люблинскую, Сувалкскую, Плоцкую, Ломжинскую и Кѣлецкую Всѣ эти крайнія мѣры не прекратили, однако же, забастовки и не остановили рабочаго движенія въ польскихъ городахъ.

Въ губерніяхъ западнаго края сравнительно незначительная забастовка была въ Вильнѣ, болѣе крупныя—въ Ковнѣ, Шавляхъ, Бѣлостокѣ, Минскѣ, Бобруйскѣ, Гомелѣ, Горкахъ и Смоленскѣ, при чемъ большая часть этихъ забастовокъ, продолжавшихся по нѣсколько дней, окончилась нѣкоторыми уступками рабочимъ со стороны предпринимателей. И здѣсь, однако, забастовка не обошлась безъ человѣческихъ жертвъ, хотя число ихъ было не особенно велико. Именно въ Могилевской губерніи, въ городахъ Гомелѣ и Горкахъ, полиція стрѣляла въ толпы забастовщиковъ, при чемъ нѣсколько человѣкъ изъ послѣднихъ было убито и нѣсколько ранено.

Съ 12 января забастовка вспыхнула и въ Кіевѣ, но здѣсь она охватила очень небольшое количество заводовъ и продолжалась очень не долго, совершенно затихнувъ уже черезъ три дня. Приблизительно такой же характеръ имѣла забастовка въ Житомірѣ, гдѣ два дня не работали типографіи, и въ Ровнѣ. Иной видъ получили событія въ Екатеринославѣ. Здѣсь движеніе въ пользу стачки началось 17-го января, а 20-го имъ былъ охваченъ уже весь екатеринославскій заводскій раіонъ и число стачечниковъ

достигло 12.500 человѣкъ. Въ забастовкѣ приняли участіе, кромѣ заводскихъ рабочихъ, рабочіе типографій, служащіе въ казенныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и вагоновожатые и кондуктора электрическаго трамвая; немного позже къ стачкѣ примкнули провизоры, фармацевты и ученики всѣхъ мѣстныхъ аптекъ. Забастовка продолжалась въ Екатеринославѣ около недѣли, и лишь съ 24-го января жизнь города стала вновь входить въ обычную колею, хотя удовлетворена была лишь часть выставленныхъ стачечниками требованій.

Въ концѣ января забастовка проникла и въ иваново-вознесенскій фабричный раіонъ. Въ с. Кохмѣ забастовало нѣсколько тысячъ рабочихъ, выставившихъ требованія 8-часоваго рабочаго дня, повышенія расцѣнокъ на 20 процентовъ и отмѣны штрафовъ и платы за квартиры въ фабричныхъ казармахъ. На фабрикѣ Ясюнинскихъ, самой крупной изъ забастовавшихъ, насчитывающей у себя до 3.000 рабочихъ, рабочимъ былъ объявленъ разсчетъ. Одновременно съ этимъ въ Кохму прибыли изъ Костромы двѣ роты солдатъ. Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ забастовало 300 литейщиковъ въ нѣсколькихъ заведеніяхъ. Забастовщики пошли было по фабрикамъ, намѣреваясь вызвать всеобщую стачку, но казаки разсѣяли толпу, при чемъ многіе рабочіе пострадали; черезъ два дня литейщики стали на работу. Въ Ковровѣ до 1500 рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ предъявили требованія 8-часового рабочаго дня, нормировки сверхурочныхъ работъ, увеличенія платы ученикамъ и увольненія одного мастера. Администрація немедленно обѣщала удовлетворить всѣ эти требованія, и работы въ мастерскихъ не прекращались. 18 января въ Ковровъ прибыли изъ Владиміра четыре роты и оцѣпили фабрику Треумова. Въ Орѣховѣ забастовала крупная фабрика Викулы Морозова, и туда былъ сперва отправленъ изъ Владиміра одинъ батальонъ, а затѣмъ вызвано еще подкрѣпленіе *).

Въ то же самое время забастовка охватила и нѣкоторые крупные города Поволжья. Въ Самарѣ 18 января забастовали рабочіе типографій, не предъявивъ никакихъ требованій и заявивъ, что бросаютъ работу изъ сочувствія къ своимъ петербургскимъ товарищамъ. На другой день къ стачечникамъ примкнули рабочіе нѣкоторыхъ мелкихъ заводовъ и мастерскихъ, рабочіе мукомольныхъ мельницъ и булочники. Въ такомъ видѣ забастовка продолжалась здѣсь до 22 января, при чемъ по временамъ къ ней присоединялись и рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Одновременно съ этимъ въ Саратовѣ бастовали рабочіе нѣкоторыхъ заводовъ и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, а въ Казани съ 22 января прекратилась работа на нѣсколькихъ крупныхъ заводахъ. Для Саратова, кстати сказать, 5 декабря прошлаго года истекъ

*) „Р. Слово". Цитирую по „К. Откликамъ", 3-го февраля 1905 г.

срокъ установленнаго здѣсь положенія объ усиленной охранѣ и это положеніе не было своевременно возобновлено комитетомъ министровъ. Но еще до начала стачки въ саратовскихъ газетахъ было напечатано слѣдующее объявленіе мѣстнаго губернатора: „За министра внутреннихъ дѣлъ, товарищъ министра, завѣдующій полиціею, телеграммою отъ 10 сего января сообщаетъ, что 31 минувшаго декабря послѣдовало высочайшее повелѣніе предоставить саратовскому губернатору, впредь до пересмотра исключительныхъ законоположеній, но не далѣе 1 декабря 1905 года, право: а) издавать для Саратова и всей Саратовской губерніи обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушенія общественнаго порядка и государственной безопасности; б) устанавливать за нарушенія таковыхъ обязательныхъ постановленій взысканія, не превышающія трехмѣсячнаго ареста или денежнаго штрафа въ 500 р., и в) разрѣшать въ административномъ порядкѣ дѣла о нарушеніяхъ, изданныхъ согласно пункту *а* обязательныхъ постановленій. На этомъ основаніи мною признано необходимымъ возобновить дѣйствіе обязательнаго постановленія, изданнаго для Саратовской губерніи 19 апрѣля 1903 года. Это обязательное постановленіе слѣдующее: 1) воспрещаются повсемѣстно въ предѣлахъ Саратовской губерніи всякаго рода сборища и собранія, недозволенныя установленнымъ порядкомъ, независимо отъ ихъ цѣли и мѣста; 2) собравшіеся обязаны по первому требованію полиціи разойтись; 3) всякія вмѣшательства въ дѣйствія чиновъ полиціи при исполненіи ими обязанностей по службѣ безусловно не допускаются; 4) виновные въ нарушеніи настоящаго постановленія подвергаются въ административномъ порядкѣ аресту до 3 мѣсяцевъ или денежному взысканію до 500 р.“ Повидимому, однако, эта мѣра не оказала замѣтнаго вліянія на ходъ стачки въ Саратовѣ. Забастовка рабочихъ проникла и на Кавказъ, принявъ особенно крупные размѣры въ Тифлисѣ и Батумѣ.

Наконецъ, за послѣднія недѣли забастовка съ разнаго рода промышленныхъ заведеній перешла и на желѣзныя дороги. Прежде всего прекратилось движеніе на нѣкоторыхъ линіяхъ Привислинскихъ дорогъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ началѣ февраля, забастовали служащіе Московско-Виндаво-Рыбинской и Московско-Казанской дорогъ. Въ послѣдніе дни прекращено товарное движеніе по Казанской желѣзной дорогѣ и по участкамъ Двинскъ-Рига, Рига-Муравьево, Рига-Туккумъ, Рига-Больдерая и Рига-Мюльграбенъ; прекращено также движеніе изъ Варшавы на Ковель и Млаву. На Привислинскихъ, Тираспольской и Московско-Кіевско-Воронежской желѣзныхъ дорогахъ прекратилось какъ товарное, такъ и пассажирское движеніе, и, судя по газетнымъ извѣстіямъ, подобная же забастовка день ото дня грозитъ вспыхнуть еще на нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ, такъ что въ предвидѣ-

ніи этого рѣшено ввести на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ положеніе о мобилизаціи, дающее возможность карать желѣзнодорожныхъ служащихъ за самовольное оставленіе службы тюремнымъ заключеніемъ.

Всѣ приведенныя свѣдѣнія о ходѣ забастовки далеко не отличаются, конечно, желательною полнотою и отчетливостью. Но даже и по этимъ неполнымъ и отрывочнымъ свѣдѣніямъ не трудно составить себѣ ясное представленіе о грандіозныхъ размѣрахъ рабочаго движенія, которое широко разлилось почти по всей странѣ послѣ январьскихъ событій въ Петербургѣ. Противъ этого движенія употреблялась военная сила, ради его подавленія рядъ мѣстностей былъ объявленъ на положеніи усиленной охраны, а мѣстами, какъ это было сдѣлано въ Петербургѣ, создавались и новые административные органы, снабженные экстренными полномочіями „въ видахъ охраненія государственнаго порядка и общественной безопасности". Но всѣ эти репрессивныя мѣры плохо достигали преслѣдовавшейся ими цѣли, и даже тамъ, гдѣ путемъ ихъ удавалось возстановить внѣшній порядокъ, послѣдній являлся крайне шаткимъ и ненадежнымъ. Поэтому къ мѣрамъ репрессіи уже очень скоро присоединились попытки успокоенія рабочаго движенія путемъ частныхъ уступковъ, дѣлаемыхъ отдѣльнымъ группамъ рабочихъ на почвѣ ихъ экономическихъ требованій. Но и этотъ путь въ свою очередь едва ли можетъ привести къ сколько-нибудь серьезнымъ результатамъ. Значительная часть рабочаго класса, какъ показали событія послѣднихъ недѣль, успѣла уже выработать сознаніе общности своихъ интересовъ и проникнуться убѣжденіемъ въ томъ, что правильное отстаиваніе этихъ интересовъ возможно только при существованіи прочной организаціи рабочихъ, стоящей на твердо опредѣленной правовой почвѣ. Но было бы крайне трудно представить себѣ такое положеніе дѣлъ, при которомъ подобная почва могла бы существовать въ государствѣ лишь для одного рабочаго класса, тогда какъ всѣ другіе классы оставались бы лишенными возможности пользоваться ею. При наличности такихъ условій, очевидно, вообще нельзя ограничиваться какими-либо полумѣрами, ведущими въ ту или другую сторону. Надо выбрать какую-нибудь одну опредѣленную дорогу и идти по ней до конца. Сознаніе необходимости такого выбора проникло, кажется, во всѣ слои русскаго общества. Нѣтъ недостатка за послѣднее время и въ указаніяхъ самыхъ дорогъ, ведущихъ въ будущее. Подобныя указанія даются съ самыхъ различныхъ сторонъ и разобраться въ этихъ указаніяхъ тѣмъ интереснѣе, что ими въ значительной мѣрѣ опредѣляются позиціи, занятыя различными общественными классами въ переживаемый страною критическій моментъ.

Единственнымъ сословіемъ, которому законъ предоставляетъ въ Россіи право говорить передъ лицомъ власти объ общегосударственныхъ нуждахъ, является дворянство, но оно не часто пользовалось этимъ правомъ въ интересахъ страны. „Мы говорили иногда,—замѣтилъ по этому поводу малоярославецкій предводитель дворянства В. П. Обнинскій въ своей рѣчи къ калужскому дворянскому собранію,—но говорили лишь слова привѣта и благодарности. Слова эти могутъ быть искренни, почтительны и они облекались иногда въ красивую форму, но отличительная черта всѣхъ такихъ словъ та, что они легко говорятся, легко выслушиваются и, вслѣдствіе повсемѣстнаго однообразія, легко утрачиваютъ всякое значеніе. Да, мы молчали. А вѣдь намъ дана была завидная прерогатива непосредственнаго обращенія къ престолу. И, если мы, видя, что творится кругомъ, сознавая, что условія жизни нашей дѣлаются невыносимыми, что отечество стоитъ на краю гибели, не говорили объ этомъ, то не вправѣ ли и укорять насъ за это? Такъ не пропустимъ же теперь этого момента. Мы должны сказать правду,—сказать словами прямыми и честными, какъ сама истина. Мы должны сказать правду. Только исполнивъ этотъ долгъ свой, мы съ достоинствомъ сойдемъ съ пьедестала, на который вознесла насъ не по заслугамъ императрица Екатерина, и только тогда можемъ мы съ честью сложить наши преимущества передъ вскормившимъ и вспоившимъ насъ народомъ“ *).

Калужское дворянское собраніе послѣдовало за этимъ призывомъ и большинствомъ 122 голосовъ противъ 55 приняло всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ указало на необходимость для страны коренныхъ реформъ и выразило надежду на „призывъ къ постоянному участію въ государственной работѣ выборныхъ представителей народа“ **). Не менѣе опредѣленно высказалось и костромское дворянское собраніе. „Дворянство — говорится въ адресѣ этого собранія—приноситъ всеподданнѣйшую благодарность за повелѣнія, изложенныя въ указѣ 12 декабря... Терпимость въ отношеніи другихъ народностей и ихъ вѣры; дарованіе земству самостоятельности со снятіемъ административной опеки; отвѣтственность должностныхъ лицъ за всякое произвольное дѣйствіе; ограниченіе печатнаго слова лишь закономъ,—это великія начала для удовлетворенія и развитія духовныхъ силъ страны“. Но, продолжаетъ адресъ, „въ законѣ ясно и теперь начертано, что всѣ равны передъ нимъ, что всякое лицо отвѣтствуетъ за его нарушеніе, что всѣ русскіе подданные и ихъ вѣроисповѣданія одинаково уважаются, и, однако-же, именно лица, облеченныя особымъ довѣріемъ, стражи закона, не смотря на царскіе запреты, дѣй-

*) „Нижегор. Листокъ“, 8 февр. 1905 г.
**) „Право“, № 4.

ствіями своими указываютъ, что они выше закона. Въ видѣ этого въ цѣляхъ государственнаго спокойствія и удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ нашего мѣстнаго дворянства, которыя въ то же время являются и общенародными, считаемъ долгомъ высказать глубокую увѣренность въ томъ, что лишь непосредственное общеніе самодержавнаго государя съ свободно избранными представителями населенія можетъ успокоить умы, придать непоколебимость проведенію въ жизнь законовъ и обезпечить неуклонное исполненіе предначертанныхъ въ указѣ 12 декабря преобразованій" *). Въ свою очередь и бессарабское дворянское собраніе нашло нужнымъ въ единогласно принятомъ имъ адресѣ указать на необходимость призвать „свободно избранныхъ представителей дворянства и всей земли русской сказать свое правдивое слово" **).

Такого рода откликовъ на текущія событія въ губернскихъ дворянскихъ собраніяхъ этого года было, впрочемъ, очень не много. Значительная часть дворянскихъ собраній, по привычкѣ ли говорить такія слова, которыя, хотя и не имѣютъ большого значенія, но „легко выслушиваются", или же по другимъ причинамъ, предпочла и на этотъ разъ ограничиться крайне неопредѣленными отзывами о нуждахъ государства и если даже поминала о необходимости установить непосредственное общеніе между народомъ и властью, то лишь въ качествѣ средства справиться съ „внутренними врагами" и укрѣпить существующій порядокъ. Нѣкоторыя же изъ дворянскихъ собраній не остановились и на этомъ и какъ нельзя болѣе рѣшительно высказались противъ всякаго рода реформаторскихъ попытокъ. Такъ, курское дворянство, по словамъ его адреса, „малое числомъ, бѣдное имуществомъ, но великое духомъ", настаивало на необходимости сохранить въ русской жизни и въ будущемъ „старыя сословія" и сочло нужнымъ выразить свое огорченіе по тому поводу, что въ указѣ 12 декабря не было „слова призыва, слова довѣрія дворянскому сословію" ***). Не менѣе категорично отрицается возможность какихъ-либо реформъ русской государственной жизни и въ адресѣ, принятомъ большинствомъ московскаго дворянскаго собранія и принадлежащемъ перу г. Самарина, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ прославившагося своимъ доносомъ на В. Е. Якушкина. „Война,—говорится въ этомъ адресѣ,—война трудная, еще небывалая по своему упорству, приковала къ себѣ всѣ силы государства. Желаннаго исхода ея еще не видно. А между тѣмъ внутренняя смута расшатываетъ общество и волнуетъ народъ". „Въ столь тяжелую пору", по словамъ адреса, нельзя ни „малодушно помышлять о немедленномъ прекращеніи войны, возможномъ лишь цѣною тяжелыхъ утратъ и политиче-

*) „Кіевск. Отклики", 22 янв. 1905 г.
**) „Кіевск. Отклики", 18 янв. 1905 г.
***) „Нижегор. Листокъ, 26 янв. 1905 г.

скаго униженія Россіи", ни „думать о какомъ-либо коренномъ преобразованіи государственнаго строя". Впрочемъ, большинство московскаго собранія было настроено такъ рѣшительно, что признало невозможнымъ въ настоящее время думать не только о какихъ-либо коренныхъ преобразованіяхъ государственнаго строя, но даже объ уничтоженіи спеціальной цензуры надъ отчетами о засѣданіяхъ собранія, а московскій губернскій предводитель кн. П. Н. Трубецкой, съ одобренія того же большинства, держалъ себя по отношенію къ присутствовавшимъ представителямъ московскихъ газетъ настолько корректно, что почти всѣ эти представители, за исключеніемъ лишь сотрудниковъ „Моск. Вѣдомостей" и „Моск. Листка", предпочли покинуть залъ дворянскаго собранія и отказаться отъ всякихъ отчетовъ о засѣданіяхъ послѣдняго. Само собою разумѣется, что людямъ, не успѣвшимъ еще выяснить себѣ вопросъ о томъ, вредна или полезна можетъ быть спеціальная цензура газетныхъ отчетовъ объ общественныхъ собраніяхъ, всякаго рода коренныя преобразованія существующихъ порядковъ должны были представиться совершенно несвоевременными. Правда, на ряду съ разсуждавшимъ такимъ образомъ большинствомъ, въ московскомъ дворянскомъ собраніи образовалась и довольно серьезная по своей численности группа меньшинства, но значительная часть этой послѣдней по своему настроенію недалеко отошла отъ того большинства, которому она себя противопоставила. Подъ цитированнымъ выше адресомъ подписалось 219 московскихъ дворянъ. Меньшинство же московскаго собранія, въ составѣ 153 человѣкъ, одобрило другую редакцію адреса, въ которой высказывалась надежда на то, что власть въ тотъ моментъ, когда сама признаетъ это нужнымъ, призоветъ „избранныхъ отъ народа людей къ участію въ государственной работѣ". Болѣе опредѣленныя указанія были сдѣланы уже только въ особыхъ мнѣніяхъ, поданныхъ отдѣльными дворянами. Нѣкоторыя изъ этихъ особыхъ мнѣній являются довольно любопытными и на нихъ стоитъ остановиться.

„Мы всѣ — говорится въ одномъ изъ такихъ мнѣній, поданномъ 96-ю дворянами, — одинаково сознаемъ все значеніе настоящей войны, всѣ жаждемъ почетнаго и прочнаго мира и съ негодованіемъ отвергаемъ мысль о національномъ униженіи. Мы всѣ одинаково удручены смутой, волнующей общество въ грозный часъ испытанія народнаго. Но насъ страшитъ не революціонное движеніе, которое само по себѣ, при нормальныхъ условіяхъ народно-государственной жизни, было бы совершенно безсильнымъ; насъ страшитъ общее стихійно возростающее неудовольствіе, которое вызывается неудовлетвореніемъ насущной государственной, общественной и народной нужды. И мы не смѣшиваемъ смуты съ назрѣвшимъ общественнымъ сознаніемъ этой нужды. Но изъ всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Россію, мы видимъ един-

ственный прямой выходъ въ организованномъ и постоянномъ единенiи верховной власти съ народомъ, единенiи, которое при современныхъ условiяхъ государственной жизни, можетъ быть осуществлено на дѣлѣ лишь при посредствѣ свободно избранныхъ представителей земли... Казалось бы, пороки бюрократическаго строя раскрылись передъ всей Россiей, обличены высочайшимъ указомъ 12 декабря, обнаружены передъ всѣми. Всѣмъ стало ясно, что бюрократическiй строй, парализующiй русское общество и русскiй народъ и разобщающiй его съ монархомъ, составляетъ не силу, а слабость Россiи. А между тѣмъ въ адресѣ, принятомъ большинствомъ московскаго дворянскаго собранiя, не указано никакого пути для измѣненiя этого строя; своимъ умолчанiемъ, мало того, прямымъ заявленiемъ о томъ, что въ настоящую пору не время и думать о коренной реформѣ, оно освящаетъ этотъ строй и мирится съ нимъ въ ту самую минуту, когда онъ оказывается всего болѣе пагубнымъ... Въ виду этого мы полагаемъ, что адресъ, принятый дворянскимъ собранiемъ, не принесетъ ожидаемой пользы, невѣрно освѣщая правительству современное положенiе и призывая его на гибельный путь реакцiи и репрессiи, которая неизбѣжно должна наступить, если мысль о чаемой реформѣ будетъ признана несвоевременной". Въ дополненiе къ этому мнѣнiю группы 96 дворянъ однимъ изъ подписавшихъ его лицъ, кн. С. И. Шаховскимъ, было внесено въ собранiе еще отдѣльное особое мнѣнiе. Въ немъ кн. Шаховской указываетъ, что въ жизни русскаго народа отсутствуютъ такiя условiя, при которыхъ онъ могъ бы высказать свои желанiя. „Административно-бюрократическiй строй разобщилъ народъ съ властью, заглушилъ голосъ страны и употребляетъ громадныя силы и средства народа на борьбу съ нимъ, порождая недовольство и сѣя смуту. Пусть минуетъ военная гроза, пусть уляжется смута, тогда Россiя найдетъ пути для надежнаго устроенiя своей внутренней жизни,—говорится въ адресѣ „большинства". Но вѣдь это мечты. Вѣдь административно-бюрократическiй режимъ привелъ насъ и къ смутамъ, и къ военной грозѣ... А мы продолжаемъ думать, что гроза пройдетъ сама собою. Портъ-Артуръ такъ же ясно, какъ и Севастополь, показалъ, что Россiи нужны новыя условiя для жизни. Необходимо призвать къ государственной работѣ неиспользованныя силы народа. Только онъ, этотъ народъ, можетъ указать средства, чтобы улеглась военная гроза; и смута разсѣется, такъ какъ этимъ именемъ у насъ называется всякое проявленiе той свободы, которая должна быть краеугольнымъ камнемъ всякаго современнаго государства. Чтобы для Россiи кончились тягостные дни, которые она теперь переживаетъ, необходимо немедленно созвать свободно избранныхъ представителей народа, которымъ и предоставить высказаться о ближайшихъ и насущнѣйшихъ нуждахъ страны. Но чтобы представители народа дѣй-

ствительно были избраны свободно, необходимо гарантировать всему русскому народу неприкосновенность личности и частнаго жилища, отвѣтственность всѣхъ и каждаго лишь передъ закономъ, равнымъ для всѣхъ гражданъ. Для беспрепятственнаго выраженія мнѣній страны необходимо обезпечить свободу совѣсти и вѣроисповѣданія, свободу слова и печати и свободу собраній и союзовъ. Никто безъ подлежащаго суда не можетъ быть подвергнутъ ни наказанію, ни ограниченію своихъ правъ. Права всѣхъ гражданъ Россіи должны быть равны. Народные представители должны быть избраны путемъ всеобщаго равнаго, прямого и тайнаго голосованія". Любопытно отмѣтить, наконецъ, что и самъ губернскій предводитель московскаго дворянства, кн. П. Н. Трубецкой, въ поданномъ имъ особомъ мнѣніи, также счелъ нужнымъ протестовать противъ выраженной въ адресѣ большинства мысли о несвоевременности думать объ единеніи народа съ властью, хотя тутъ же оговорился, что такое единеніе должно имѣть своей конечной цѣлью „не коренное какое-либо измѣненіе государственнаго строя, а лишь вѣрное осуществленіе лучшихъ идеаловъ русскаго народа" *).

Какъ бы то ни было, большинство русскаго дворянства и въ виду всѣхъ событій послѣдняго времени не измѣнило своему обычному консервативному настроенію и только нѣкоторыя дворянскія собранія и отдѣльныя группы и лица изъ среды дворянскаго сословія, съумѣвшія сойти съ почвы узко-сословныхъ интересовъ, громко высказались за неотложность коренныхъ реформъ русской государственной жизни. Иное настроеніе проявилось въ земскихъ губернскихъ собраніяхъ нынѣшней сессіи. Правда, и отъ нѣкоторыхъ земскихъ собраній поступили по адресу власти такія заявленія, авторы которыхъ стремились исключительно засвидѣтельствовать свою готовность бороться съ „внутренними врагами". Въ такомъ духѣ, напримѣръ, были составлены адреса отъ курскаго, симбирскаго, петрозаводскаго и еще нѣкоторыхъ губернскихъ земскихъ собраній. Но въ общемъ такого рода заявленія сгруппировали вокругъ себя лишь меньшинство земскихъ дѣятелей, тогда какъ большая часть открывшихся до сихъ поръ губернскихъ земскихъ собраній выступила съ заявленіями совершенно другого содержанія, болѣе или менѣе строго согласованнаго съ резолюціями ноябрьскаго земскаго съѣзда.

Однимъ изъ первыхъ высказалось въ этомъ смыслѣ екатеринославское земское собраніе, помѣстившее въ своемъ адресѣ ходатайство о томъ, чтобы высочайше повелѣно было, „въ укрѣпленіе незыблемости всѣхъ провозглашенныхъ указомъ 12 декабря свѣтлыхъ началъ, призвать свободно избранныхъ представителей земли для постояннаго участія ихъ въ разработкѣ законополо-

*) „Право", № 4; „Н. Время", 16 февр.; „Наши Дни", 30 янв. 1904 г.

женій, долженствующихъ утвердить эти великія начала, и въ разсмотрѣніи всѣхъ вообще законовъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ". Нижегородское земское собраніе въ особомъ обращеніи на имя министра внутреннихъ дѣлъ также заявило, что оно „считаетъ своей гражданской обязанностью ходатайствовать, дабы повелѣно было созвать на творческую работу, столь необходимую для внутренняго замиренія государства, свободно избранныхъ представителей народа". Съ еще большею опредѣленностью высказалось въ своемъ адресѣ таврическое губернское земство. „Указъ, данный въ 12 й день декабря, — говорится въ этомъ адресѣ — окрылилъ русскій народъ надеждой на близость желаемаго внутренняго мира, всегда и всюду покоящагося на охраненіи полной силы закона, на равноправности всѣхъ гражданъ, на свободѣ совѣсти и вѣроисповѣданій, свободѣ слова и печати, союзовъ и собраній". Адресъ заключался выраженіемъ вѣры въ то, что „въ единеніи государственной власти съ народомъ лежитъ залогъ могучаго роста просвѣщенныхъ и производительныхъ силъ нашей родины" и что путемъ „призыва представителей народа къ законодательству и къ составленію государственной росписи" изъ Россіи будетъ создана „мощная держава, несокрушимая извнѣ и процвѣтающая внутри при свѣтѣ права и правды" *). Такого же рода заявленія были сдѣланы костромскимъ, воронежскимъ, полтавскимъ и саратовскимъ земствомъ, при чемъ въ послѣднемъ текстъ подобнаго заявленія былъ принятъ въ коммиссіи при участіи всѣхъ гласныхъ губернскаго собранія, но не могъ быть оглашенъ въ самомъ собраніи въ силу энергическаго противодѣйствія со стороны мѣстной администраціи; въ виду этого саратовское собраніе постановило прервать свои засѣданія, препроводивъ журналы ихъ къ министру внутреннихъ дѣлъ **). Усиліями губернской администраціи были созданы препятствія для обнаруженія мнѣній и еще нѣкоторыхъ земствъ, но эти усилія только подчеркнули тотъ фактъ, что значительная часть губернскихъ земскихъ собраній вполнѣ сознаетъ свою солидарность съ резолюціями ноябрьскаго съѣзда земскихъ дѣятелей и усматриваетъ единственный выходъ изъ разнообразныхъ затрудненій, переживаемыхъ страною, въ созданіи свободныхъ учрежденій, обезпечивающихъ народу возможность распоряжаться своею судьбой.

Всѣ упомянутыя выше заявленія земскихъ собраній состоялись еще до событій 9 января. Эти послѣднія событія въ свою очередь вызвали нѣсколько откликовъ изъ земской среды. 10-го января открылись засѣданія новгородскаго губернскаго земскаго собранія и немедленно послѣ его открытія нѣсколько гласныхъ обратились къ предсѣдателю съ просьбою принять мѣры къ по-

*) „К. Отклики", 15 янв. 1905 г.; „Право", № 4.
**) „Нижегор. Листокъ", 18 янв. 1905 г.

лученію точныхъ свѣдѣній о трагическихъ происшествіяхъ 9-го января въ Петербургѣ, а, когда эта просьба была рѣшительно отклонена предсѣдателемъ, собраніе, не находя въ себѣ достаточно спокойствія для продолженія обычныхъ своихъ занятій, единогласно постановило временно прервать послѣднія *). Въ вологодское земское собраніе, открывшееся 20 января, 16-ю гласными было внесено заявленіе о томъ, что они „до глубины души потрясены послѣдними горестными событіями, являющимися результатомъ безправія и полнаго господства административнаго произвола“, и, „не находя возможности съ надлежащимъ спокойствіемъ и вниманіемъ обсуждать текущія дѣла, просятъ отсрочить настоящее очередное собраніе до тѣхъ поръ, пока правительство не выйдетъ на встрѣчу законнымъ желаніямъ общества и тѣмъ не внесетъ въ страну умиротвореніе“. Собраніе большинствомъ 33 голосовъ противъ двухъ присоединилось къ этому заявленію и постановило отсрочить свою сессію до второй половины мая **). Прервали свои занятія и нѣкоторыя другія земскія собранія, а въ нѣсколькихъ губерніяхъ, уроженцы которыхъ бываютъ на заработкахъ въ Петербургѣ, земскими собраніями были сдѣланы постановленія объ ассигновкѣ денежныхъ средствъ на пособіе семействамъ рабочихъ, убитыхъ и раненыхъ 9 января на улицахъ столицы.

События 9 января со всѣми ихъ послѣдствіями вызвали нѣсколько откликовъ и изъ среды представителей промышленнаго капитала. Сравнительно небольшое еще количество такихъ откликовъ не позволяетъ пока признать ихъ за окончательное мнѣніе названной среды, но они во всякомъ случаѣ являются крайне характерными симптомами, которые нельзя обойти молчаніемъ при попыткѣ опредѣлить существующее соотношеніе реальныхъ общественныхъ силъ, борющихся за то или иное направленіе русской жизни. До сихъ поръ по вопросу о желательномъ характерѣ послѣдней высказались промышленные круги лишь Москвы и Петербурга. Московскій биржевой комитетъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній примкнулъ къ мнѣнію большинства московскаго дворянства о несвоевременности коренныхъ преобразованій русской государственной жизни. Но наряду съ этимъ въ промышленныхъ кругахъ Москвы высказывается и другое мнѣніе. Въ газетахъ оглашена записка, выработанная группой крупнѣйшихъ фабрикантовъ и заводчиковъ Москвы и московскаго раіона. По словамъ авторовъ этой записки, „русская промышленность тяжело страдаетъ отъ недостатка современнаго государственнаго строя, въ которомъ народъ лишенъ всякой возможности открыто высказываться, докладывать о своихъ потребностяхъ, обсуждать назрѣвшіе вопросы.

*) „Нижегор. Листокъ“, 20 янв. 1905 г.
**) „Наши Дни“, 26 янв. 1905 г.

Отсутствіе въ странѣ прочнаго закона, опека бюрократіи, распространенная на всѣ области русской жизни, выработка въ мертвыхъ канцеляріяхъ, далекихъ отъ всего того, что происходитъ въ не останавливающемся теченіи бурнаго потока текущихъ жизненныхъ явленій, нормъ и правилъ на всѣ случаи многосложныхъ народныхъ потребностей задерживаютъ развитіе хозяйственной жизни въ странѣ. Отсталостью, какъ прямымъ слѣдствіемъ непрочнаго правового порядка, поколеблено положеніе Россіи на міровомъ рынкѣ и отодвинута ея роль, какъ страны промышленной, на второстепенный планъ. Бѣдность крестьянской массы, ея обособленность, ея невѣжество, примитивные способы обработки земли, отсутствіе у народа потребностей на многочисленные продукты обработывающей промышленности обрекаютъ послѣднюю на неподвижность, инертность и постоянное перепроизводство съ его обычными спутниками—періодическими кризисами". Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ указываютъ авторы записки, и „настоящія рабочія волненія, хотя они и построены на экономической почвѣ, въ то же время являются крупнымъ политическимъ движеніемъ, связаннымъ съ общимъ настроеніемъ" страны. Объяснять эти волненія воздѣйствіемъ со стороны нѣтъ никакой возможности, и выводъ изъ нихъ можетъ быть только одинъ: „рабочіе, какъ и все русское общество, настолько уже политически созрѣли, что имъ, какъ и всему русскому обществу, въ интересахъ промышленнаго роста имперіи, должны быть дарованы политическія права и свободныя учрежденія". Сообразно этому составители записки считаютъ нужнымъ „заявить, что настроеніе народныхъ массъ въ странѣ является грознымъ предостереженіемъ существующему режиму, что никакими репрессіями не остановить движенія, имѣющаго глубокіе корни въ народѣ и съ каждымъ днемъ дающаго все новые и новые ростки, что преуспѣяніе въ Россіи промышленности, побѣда ея на міровомъ рынкѣ, установленіе нормальныхъ отношеній между рабочими и промышленниками и улучшеніе быта рабочихъ возможны лишь при соблюденіи элементарныхъ условій правового государства", заключающихся въ равноправности всѣхъ и каждаго передъ прочнымъ закономъ, въ полной неприкосновенности личности и жилища, въ свободѣ сходокъ, собраній и союзовъ, свободѣ найма и договора на условіяхъ закона, въ свободѣ слова и печати и въ участіи представителей всѣхъ классовъ населенія, въ томъ числѣ рабочихъ и промышленниковъ, въ выработкѣ законодательства и обсужденіи бюджета *).

Въ свою очередь петербургскіе заводчики и фабриканты, въ лицѣ представителей 80 крупныхъ промышленныхъ фирмъ, обратились 31 января съ особой докладной запиской къ министру финансовъ. Въ этой запискѣ представители петербургской промы-

*) „Право", № 4.

шленности прежде всего стремятся оправдать себя отъ упрека въ томъ, что они „не желаютъ понять нуждъ и интересовъ рабочаго класса и ожидаютъ лишь уступокъ рабочихъ и мѣръ со стороны правительства“. По мнѣнію авторовъ записки, фабриканты и заводчики уже сдѣлали рабочимъ всѣ возможныя уступки и не могутъ сдѣлать бо́льшихъ въ виду тяжелаго положенія русской промышленности. „Съ развитіемъ народнаго образованія, съ увеличеніемъ и упроченіемъ благосостоянія населенія, съ ростомъ его потребностей поднимется и улучшится естественнымъ путемъ матеріальное положеніе рабочаго класса, а до тѣхъ поръ рѣчь можетъ идти лишь объ улучшеніи такихъ условій жизни рабочаго, которыя при всей ихъ важности почти не будутъ отражаться на его матеріальномъ благополучіи“. Но и помимо этого, по словамъ авторовъ записки, „даже отъ полнаго удовлетворенія всѣхъ требованій рабочихъ прочнаго успокоенія все же ожидать нельзя, такъ какъ рабочее движеніе не возникло изъ общаго сознанія рабочихъ объ экономическихъ невзгодахъ, а возбуждено и поддерживается изъ окружающей среды. Изолировать рабочихъ нельзя и успокоить рабочихъ уступками также нельзя, пока окружающая среда находится въ броженіи. Правительство освѣдомлено о широко разлитомъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества недовольствѣ: печать, общественныя организаціи, земское и городское самоуправленія, высшія учебныя заведенія, и не только въ лицѣ учащейся молодежи, но и въ лицѣ профессоровъ, всѣ слои общества обнаруживаютъ признаки общаго страданія, страдаютъ центральные органы, страдаетъ весь организмъ, и это даетъ основаніе заключить о серьезныхъ общихъ глубокихъ причинахъ страданія“. Съ нескрываемымъ огорченіемъ петербургскіе заводчики замѣчаютъ, что „къ стачкамъ и грубымъ демонстраціямъ прислушиваются внимательнѣе, чѣмъ къ заявленіямъ корректнымъ“, и заканчиваютъ свою записку заключеніемъ, что „ни какія-либо уступки рабочимъ по частнымъ вопросамъ, ни пересмотръ фабричнаго законодательства не могутъ вселить полнаго успокоенія въ тревожное состояніе рабочихъ. Средствомъ же, безспорно дѣйствительнымъ къ умиротворенію рабочаго движенія въ будущемъ или, по крайней мѣрѣ, къ устраненію въ немъ той жгучести, которая теперь въ немъ наблюдается, являются — по словамъ авторовъ записки — болѣе глубокія реформы общегосударственнаго характера“ *). Такимъ образомъ петербургскіе промышленники, подобно той части московскихъ, мнѣніе которой выражено въ цитированной выше запискѣ, по существу присоединяются къ тѣмъ пожеланіямъ рабочаго класса, какія касаются правового положенія страны, но удовлетвореніе заявленныхъ ра-

*) „Русь“, 8 февр. 1905 г.

бочими экономическихъ требованій отодвигаютъ въ болѣе или менѣе отдаленное будущее.

Какъ бы мы ни смотрѣли на эту послѣднюю сторону заявленій промышленниковъ, необходимо во всякомъ случаѣ признать, что они вполнѣ правы, устанавливая тѣсную принципіальную связь между рабочимъ движеніемъ и броженіемъ, происходящимъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Въ качествѣ одного изъ симптомовъ такого броженія записка петербургскихъ заводчиковъ указываетъ на волненія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такія волненія дѣйствительно приняли чрезвычайно широкіе размѣры. Послѣ рождественскихъ каникулъ всѣ почти высшія учебныя заведенія имперіи открылись лишь для того, чтобы немедленно же закрыться. Подавляющее большинство учащихся въ этихъ заведеніяхъ, взволнованное событіями 9 января, признало невозможнымъ продолжать свои занятія при существующихъ условіяхъ, и такимъ образомъ создалась небывалая еще по своей грандіозности забастовка учащейся молодежи. Въ меньшихъ размѣрахъ подобныя забастовки происходили уже у насъ въ недавніе годы и обыкновенно подавлялись путемъ репрессалій при болѣе или менѣе дѣятельномъ участіи учебнаго персонала. Но въ настоящій моментъ такое средство едва ли можетъ быть примѣнено съ разсчетомъ на успѣхъ, такъ какъ текущія событія не остались безъ вліянія и на преподавательскій составъ высшихъ учебныхъ заведеній. Значительная часть профессоровъ и преподавателей этихъ заведеній примкнула къ рѣшенію студенчества не продолжать учебныхъ занятій въ настоящемъ году, другіе профессора, не присоединившіеся къ этому рѣшенію, заявили, однако, что они не считаютъ возможнымъ продолженіе своей преподавательской дѣятельности въ томъ случаѣ, если по отношенію къ студентамъ будутъ пущены въ ходъ репрессаліи, и лишь сравнительно немногочисленная часть профессорства по прежнему готова любыми средствами содѣйствовать водворенію тишины и порядка въ жизни высшихъ учебныхъ заведеній.

Событія 9 января вызвали рядъ откликовъ и со стороны другихъ группъ русской интеллигенціи. Уже въ концѣ прошлаго года въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ Россіи разнообразными общественными собраніями сдѣланы были заявленія о невозможности существующихъ порядковъ русской жизни и о настоятельной необходимости коренныхъ преобразованій, которыя внесли бы въ бытъ страны начала законности и свободы. Трагическія событія минувшаго января, явившіяся краснорѣчивымъ подтвержденіемъ справедливости этихъ заявленій, вмѣстѣ съ тѣмъ вынудили высказать тѣ же мнѣнія въ еще болѣе рѣзкой и рѣшительной формѣ, и опубликованныя за послѣднія недѣли въ газетахъ заявленія адвокатовъ, инженеровъ, врачей, профессоровъ, преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній и писателей ясно засви-

дѣтельствовали, что передовыя группы русской интеллигенціи не отдѣляютъ себя отъ народныхъ массъ и, не придавая серьезнаго значенія никакимъ частнымъ мѣрамъ, не видятъ другого выхода изъ переживаемыхъ страной затрудненій, кромѣ созданія въ ней новыхъ порядковъ государственной жизни путемъ привлеченія свободно избранныхъ представителей всего народа къ осуществленію законодательной власти и контролю надъ дѣйствіями администраціи.

Такимъ образомъ въ общественномъ сознаніи вполнѣ ясно опредѣлилась возможность только двухъ путей для перехода отъ неопредѣленнаго настоящаго къ сколько-нибудь прочному будущему. Однимъ изъ этихъ путей, за который, помимо представителей бюрократіи, высказываются главнымъ образомъ большинство дворянства и часть промышленниковъ, является энергичное поддержаніе существующаго порядка, неизбѣжно связанное съ широкимъ примѣненіемъ репрессивныхъ мѣръ. Но путь репрессіи за послѣдніе годы пройденъ въ сущности уже до конца, до того пункта, за которымъ усиленіе репрессіи ведетъ только къ увеличенію упругости тѣхъ силъ, противъ какихъ она направлена. Неудивительно поэтому, что сами защитники такого пути не особенно вѣрятъ въ его успѣшность и не проявляютъ большой послѣдовательности въ пользованіи имъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ сторонятся и отъ той дороги, на которую, какъ на единственно возможную, указываютъ и организаціи рабочихъ, и часть представителей промышленнаго капитала, и большинство существующихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, и разнообразныя группы внѣ-классовой интеллигенціи. Впрочемъ, за послѣднія недѣли подъ вліяніемъ быстро развертывающихся событій мысль о необходимости прибѣгнуть къ содѣйствію общественныхъ силъ и считаться въ высказываемыми обществомъ мнѣніями проникаетъ и въ такія сферы, гдѣ еще недавно она являлась совершенно невозможной. Любопытнымъ признакомъ этого можетъ, между прочимъ, служить только что напечатанная въ „Словѣ“ статья епископа нарвскаго Антонина. „Положимъ,—говоритъ авторъ этой статьи, объясняя явленія „смуты“,—извнѣ дѣйствуетъ враждебное или коварное внушеніе. Но почему же оно находитъ столь воспріимчивую среду? Почему настроеніе благоразумія подавлено и безмолвствуетъ? Почему туманъ возбужденія съ легкостью вѣтра перегоняется изъ одного края нашего отечества въ другой? Плачевна и опасна та система, когда чередуются только усмотрѣніе, одобреніе, послушаніе и молчаніе; они создаютъ иллюзіи и ослѣпленіе. Власти нужно друзей побольше изъ такихъ, кто имѣлъ бы твердость духа, любя ее, не всегда нравиться ей. И, если бы этому нравственному мужеству, облеченному въ одежды вдохновенной смѣлости и представительства, былъ доступъ въ казенныя палаты, мы навѣрное не слышали бы без-

порядочныхъ криковъ на улицахъ и революціонныхъ протестовъ на перекресткахъ. Страну, разочарованную въ своей безопасности и пораженную въ своей довѣрчивости, охватила боязнь за самосохранность и повергло въ тревогу смущеніе: истина вещей не опаздываетъ ли при своемъ движеніи кверху? Души многихъ стали на границѣ отчаянія. Пусть же снопами падаютъ внизъ мягкіе лучи вѣдѣнія на темное тѣло жизни, возводя и подымая къ себѣ изъ нѣдръ ея вопли разносторонней правды. Пусть обѣщаніе г. Шидловскаго рабочимъ, что „за откровенность въ дѣловыхъ сужденіяхъ никто не будетъ преслѣдуемъ", дастъ энергію всякой общественной работѣ. Нуженъ дренажъ настроенію и мысли. Нужно уважать и прощать лицъ, но должна быть возможность оцѣнки ихъ дѣйствій. Тогда исчезнутъ смуты забастовокъ, тревоги столкновеній, кровавые ужасы побоищъ". Такого рода рѣчи въ средѣ нашего духовенства являются несомнѣнною новостью, но въ настоящее время ихъ произноситъ не одинъ только епископъ Антонинъ.

Не менѣе любопытнымъ знаменіемъ времени является и то обстоятельство, что сотрудники „Новаго Времени"—этого неизмѣннаго органа петербургской бюрократіи — за послѣднія недѣли ведутъ усердные разговоры о пользѣ представительства и о возможности прибѣгнуть къ нему для устроенія разстроившейся русской жизни. Не нужно забывать, однако, что представительство бываетъ различнымъ. „Новому Времени" больше всего улыбается представительство по назначенію или, по крайней мѣрѣ, представительство отъ существующихъ сословныхъ группъ въ формѣ „земскаго собора", въ которомъ засѣдало бы „сто дворянъ, сто духовныхъ, сто купцовъ и сто крестьянъ". О представительствѣ по назначенію, конечно, не стоитъ и говорить, такъ какъ слишкомъ ясно, что оно явилось бы пустой формой, лишенной всякаго живого содержанія и неспособной даже никого ввести въ заблужденіе. Но въ свою очередь едва-ли заслуживаетъ большого вниманія и идея созыва представителей отъ сословныхъ группъ, на которыя раздѣлено русское общество, или даже отъ существующихъ общественныхъ организацій, въ лицѣ дворянскихъ и земскихъ собраній, городскихъ думъ и купеческихъ обществъ. Выше мы видѣли уже, какъ отнеслась значительная часть этихъ организацій къ событіямъ послѣдняго времени, и достаточно припомнить это отношеніе, чтобы убѣдиться, что представители названныхъ организацій не могутъ взять на себя грандіозную задачу—выразить главные интересы народныхъ массъ и выработать такія формы жизни, въ которыхъ всѣ эти интересы могли бы найти себѣ правильное удовлетвореніе. Въ виду этого обращеніе къ народному представительству получило бы настоящій свой смыслъ и принесло бы странѣ великіе результаты только въ одномъ случаѣ,—если бы оно было организовано согласно ци-

тированному выше мнѣнію князя С. И. Шаховского и сопровождалось дарованіемъ дѣйствительной свободы и равноправности всему населенію.

Во всякомъ случаѣ время не ждетъ,—и пора выбирать опредѣленную дорогу.

II.

Въ петербургскихъ газетахъ 6 февраля появилась слѣдующая телеграмма: „Сегодня въ Москвѣ, въ третьемъ часу дня при проѣздѣ в. кн. Сергѣя Александровича изъ Кремля въ генералъ-губернаторскій домъ, около Никольскихъ воротъ въ карету Его Императорскаго Высочества была брошена бомба. Карета раздроблена, Его Высочество убитъ“. По дальнѣйшимъ извѣстіямъ, человѣкъ, бросившій бомбу, былъ немедленно задержанъ, но отказался назвать себя, заявивъ только, что принадлежитъ къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

4 февраля состоялся слѣдующій высочайшій манифестъ:

„Божіей милостью Мы, Николай Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая и прочая“. Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

„Провидѣнію угодно было поразить Насъ тяжелою скорбью. Любезный дядя Нашъ Великій Князь Сергій Александровичъ скончался въ Москвѣ въ четвертый день сего февраля на 48 году отъ рожденія, погибнувъ отъ дерзновенной руки убійцъ, посягнувшихъ на дорогую для Насъ жизнь его. Оплакивая въ немъ дядю и друга, коего вся жизнь, всѣ труды и попеченія были безпрерывно посвящаемы на службу Намъ и отечеству, Мы твердо увѣрены, что всѣ Наши вѣрные подданные примутъ живѣйшее участіе въ печали, постигшей Императорскій Домъ Нашъ, и соединятъ теплыя молитвы свои съ Нашими объ упокоеніи въ царствѣ праведныхъ души усопшаго Великаго Князя“.

III.

За послѣдній мѣсяцъ состоялись слѣдующія административныя распоряженія по дѣламъ печати:

1) 14-го января 1905 г.: „на основаніи статьи 178 устава о цензурѣ и печати, т. XIV св. зак., изд. 1890 года, министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу отдѣльныхъ номеровъ газеты „Русскія Вѣдомости“;

2) 14-го января 1905 г.: „на основаніи статьи 155 устава о цензурѣ и печати, св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить печатаніе частныхъ объявленій въ газетѣ „Саратовскій Дневникъ“ на три мѣсяца“;

3) 16-го января 1905 г.: „въ виду продолжающагося вреднаго направленія газеты „Наша Жизнь", выразившагося, между прочимъ, въ передовой статьѣ № 61 отъ 16 сего января, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи статьи 144 устава о цензурѣ и печати, опредѣлилъ: объявить газетѣ „Наша Жизнь" второе предостереженіе въ лицѣ редактора и издателя ея, дѣйствительнаго стат. совѣт. Л. Ходскаго и редактора коллежскаго асессора А. Котельникова";

4) 30-го января 1905 г.: „въ виду продолжающагося вреднаго направленія газеты „Наши Дни", выразившагося, между прочимъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ „Замѣтки журналиста", въ № 25, отъ 22-го сего января, и въ статьѣ „О нашей распущенности", № 33, отъ 30-го января, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ. св. зак. т. XIV (изд. 1900 г.), опредѣлилъ: объявить газетѣ „Наши Дни" второе предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора ея, отставного маіора Петра Невѣжина";

5) 5-го февраля 1905 г.: „въ виду непрекращающагося вреднаго направленія газеты „Наши Дни", выразившагося, между прочимъ, въ статьяхъ: передовой въ № 35, „Къ толкамъ о земскомъ соборѣ" въ № 37 и въ фельетонѣ „Народъ и народное представительство" въ № 39 этой газеты, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, опредѣлилъ: объявить газетѣ „Наши Дни" третье предостереженіе въ лицѣ издателя ея, потомственнаго почетнаго гражданина Сегѣя Юрицина, и редактора, отставного маіора Петра Невѣжина, съ пріостановленіемъ изданія на три мѣсяца";

6) 5-го февраля 1905 г.: „въ виду непрекращающагося вреднаго направленія газеты „Наша Жизнь", выразившагося, между прочимъ, въ передовыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ №№ 71, 76 и 80 этой газеты, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 года, и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, опредѣлилъ: объявить газетѣ „Наша Жизнь" третье предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора ея, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Леонида Ходскаго, и редактора, коллежскаго асессора Артемія Котельникова, съ пріостановленіемъ изданія на три мѣсяца";

и 7) 11-го февраля 1905 г. „на основаніи ст. 178 устава о цензурѣ и печати, т. XIV св. зак., изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу отдѣльныхъ номеровъ газеты „Русь".

В. Мякотинъ.

Post-scriptum. Въ заключеніе своей „хроники" я долженъ сказать нѣсколько словъ не только отъ себя, но и отъ лица ближайшихъ моихъ товарищей по журналу,—по поводу одного мѣста напечатанной въ январьской книжкѣ „Русскаго Богатства" статьи Н. Е. Кудрина „Н. К. Михайловскій, какъ публицистъ-гражданинъ".

Говоря о послѣднихъ годахъ литературной дѣятельности Н. К. Михайловскаго и о той позиціи, какая была занята имъ по отношенію къ русскому „марксизму", Н. Е. Кудринъ полагаетъ, что Михайловскимъ были допущены въ эту пору „нѣкоторыя тактическія заблужденія". „Общая ошибка Михайловскаго и его идейныхъ друзей и учениковъ — продолжаетъ нашъ уважаемый товарищъ—заключалась, по моему личному глубокому убѣжденію, въ томъ, что наше направленіе недостаточно серьезно отнеслось къ марксизму, какъ къ новой соціологической гипотезѣ, и, раздраженное доходящими до странностей преувеличеніями „русскихъ учениковъ", вступило въ борьбу почти исключительно съ этими странностями, ведшими въ общественно-политическомъ отношеніи, дѣйствительно, къ заключеніямъ, отъ которыхъ должны были рано или поздно отшатнуться наиболѣе здоровые элементы марксизма". Самъ Михайловскій „о марксизмѣ и противъ марксизма писалъ или слишкомъ много, или слишкомъ мало. Слишкомъ много, если вспомнить тѣ полемическія статьи, въ которыхъ онъ безжалостно высмѣивалъ явныя несообразности и преувеличенія „русскихъ учениковъ", ибо однѣ странности идейнаго увлеченія взаимно покрывались и нейтрализовались другими странностями, выходившими изъ того же лагеря, и драгоцѣнный полемическій талантъ тратился нерѣдко по мелочамъ. Слишкомъ мало, если сообразить, что Михайловскій ни разу не пожелалъ вплотную приложить свою рѣдкую силу критическаго анализа къ здоровому ядру марксовскаго ученія, ибо тогда оказалось бы, что суть этой доктрины не такъ далека, какъ то могло представляться въ пылу полемики, отъ центральнаго пункта соціологическаго міросозерцанія автора „Что такое прогрессъ" и „Борьба за индивидуальность".

Н. Е. Кудринъ самъ оговаривается, что приведенныя строки выражаютъ лишь его „личное убѣжденіе". Съ своей стороны мы должны къ этому прибавить, что мы не раздѣляемъ такого убѣжденія. Подобно Н. Е. Кудрину, мы считаемъ, что доктрина Маркса и ученіе Михайловскаго, не вполнѣ совпадая одна съ другимъ и не покрывая другъ друга, не представляютъ и глубокаго принципіальнаго противорѣчія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не думаемъ, что полемика противъ „русскихъ учениковъ" могла и должна была быть замѣнена со стороны Михайловскаго критикою доктрины Маркса, и по-прежнему не усматриваемъ въ этой полемикѣ тактическаго заблужденія. Свое отношеніе къ док-

тринѣ Маркса Михайловскій опредѣлилъ задолго до появленія въ 90-хъ годахъ русскихъ „марксистовъ“ и въ спорѣ съ послѣдними онъ для выясненія истинной своей точки зрѣнія могъ ссылаться, какъ и ссылался въ дѣйствительности, на прежнія свои статьи. Съ этой стороны для недоразумѣній не было мѣста и, конечно, не вина Михайловскаго была въ томъ, что его противники не считались или не хотѣли считаться съ дѣйствительными его взглядами. Но въ спорѣ двухъ направленій русской мысли, представлявшемъ собою центральный пунктъ нашего общественнаго движенія во второй половинѣ 90-хъ годовъ, главное мѣсто принадлежало не доктринѣ Маркса самой по себѣ, а тѣмъ выводамъ, которые дѣлались изъ этой доктрины русскими „марксистами“ и которые пріобрѣтали особенную важность въ условіяхъ русской дѣйствительности. Съ этой точки зрѣнія полемика Михайловскаго съ „марксистами“ имѣла совершенно самостоятельное значеніе. Онъ велъ указанную полемику съ нѣкоторой неохотой, не столько нападая самъ, сколько отвѣчая — и то далеко не всегда—на обращенныя противъ него нападенія, но, если эти отвѣты бывали подчасъ „безжалостны“, то это достигалось, главнымъ образомъ благодаря заключавшейся въ ней принципіальной критикѣ идейной позиціи противника. И никто иной, какъ именно Михайловскій, вполнѣ раскрылъ истинное значеніе тѣхъ „странностей“ русскаго марксизма, которыя первыми его провозвѣстниками провозглашались за несокрушимыя истины и которыя, не встрѣтивъ себѣ надлежащаго отпора, едва ли бы такъ скоро потеряли подъ собою почву, какъ это случилось на дѣлѣ. Впрочемъ, въ оцѣнкѣ послѣдствій полемики Михайловскаго съ марксистами уже кончается то наше разногласіе съ Н. Е. Кудринымъ, которое представлялось необходимымъ оговорить во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній.

В. М.

Случайныя замѣтки.

Нѣсколько словъ о клеветническомъ патріотизмѣ. — Есть разные роды „любви къ отечеству и народной гордости“. Одинъ изъ нихъ относится къ родинѣ, во всей цѣлостности этого понятія,—къ ея страдальческому прошлому и настоящему, къ ея надеждамъ на будущее, къ ея усиліямъ и борьбѣ для достиженія этого будущаго, къ проявленіямъ ея генія въ области мысли и духа...

Но есть и другой „патріотизмъ“, очень ходкій, для котораго понятіе о „родинѣ“ воплощается исключительно въ показной, оффи-

ціальной сторонѣ ея жизни, въ парадномъ оказательствѣ ея военнаго и дипломатическаго „могущества“. Для этого „патріотизма“ русскій народъ и русское общество — понятія, не существующія или во всякомъ случаѣ только „служебныя“. Всѣ его симпатіи и все преклоненіе отданы цѣликомъ и исключительно только „государству“, представленіе о которомъ вдобавокъ суживается до даннаго состава наличнаго чиновничества.

Наше время съ его треволненьями, безпокойными, волнующими, но и многое опредѣляющими, выдвинуло и противопоставило другъ другу эти два типически различныхъ патріотизма. И въ этомъ, быть можетъ, одна изъ наиболѣе характерныхъ чертъ нашего времени...

Во второй половинѣ 80-хъ годовъ, когда франко-русскій аліансъ праздновалъ свой медовый мѣсяцъ, пишущему эти строки былъ присланъ номеръ одного франко-русскаго иллюстрированнаго журнальчика, въ которомъ, на ряду съ извѣстіями о все болѣе скрѣпляющейся „сердечной взаимности“, была напечатана „повѣсть изъ русской жизни“. Герой ея, бывшій студентъ и нигилистъ, впослѣдствіи офицеръ, женатый на дочери „патріота-полковника“, высказываетъ много превратныхъ мыслей о существующемъ строѣ. Но въ сущности онъ добрый малый, съ „истинно-русской“ душой, способный къ раскаянію. И вотъ, въ подходящій моментъ, раненый въ голову во время русско-турецкой войны, онъ испытываетъ „внезапное просвѣтленіе“. Лежа на полѣ битвы и глядя на небо, „онъ понялъ, что свободныя формы пригодны лишь для болѣе просвѣщенныхъ народовъ, каковы, напримѣръ, французы. Русскій же народъ, невѣжественный дикарь и полудитя“... и т. д. И навѣрное французскій наглецъ, написавшій эту дрянную франко-русскую повѣстушку, былъ увѣренъ, что онъ очень льститъ русскому патріотизму, увѣряя, что нашъ народъ— дикарь, которому нужны „низшія формы“ гражданской и политической жизни. И, конечно, онъ имѣлъ къ тому основаніе, такъ какъ всякій наглецъ этого типа всегда находитъ у насъ самыхъ патентованныхъ „истинно-ррусскихъ патріотовъ“, которые готовы аплодировать его наглостямъ, а порой... онъ можетъ даже питать болѣе или менѣе основательныя надежды и на субсидію...

Нѣсколько лѣтъ назадъ мы отмѣчали въ „Русскомъ Богатствѣ“ *) пріѣздъ въ Петербургъ нѣкоего французскаго націоналиста Шерадама, котораго только что возникшее тогда „Русское собраніе“ встрѣчало съ необыкновенной помпой, а его органы—„Новое Время“ и „Свѣтъ“—выставляли чуть не всесвѣтной знаменитостью, хотя ни до этого эпизода, ни послѣ никто, кажется, не слышалъ этого прославленнаго имени. И тотчасъ же, разумѣется, какъ въ грибоѣдовское время,—

*) См. „Русск. Бог.“ Май, 1901 (Хроника).

Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча...

Его торжественно чествовали въ „Русскомъ собраніи", гдѣ онъ произносилъ величавыя одобренія, каждое его слово подхватывалось и комментировалось въ „Новомъ Времени" и „Свѣтѣ", а онъ, въ свою очередь, извѣщалъ своихъ націоналистскихъ друзей въ Парижѣ, что во главѣ россійскаго прогресса стоятъ два знаменитыхъ писателя: А. С. Суворинъ и Виссаріонъ Комаровъ. И нашимъ „истинно-русскимъ" патріотамъ казалось, повидимому, нимало не смѣшнымъ и не обиднымъ, что какой-то парижскій блягеръ величаво и снисходительно благословляетъ „лигу русскаго отечества", образовавшуюся „по примѣру лиги отечества французскаго"...

„Французикъ изъ Бордо" наболталъ и уѣхалъ, а еще черезъ нѣкоторое время націоналистскія газеты, опять, конечно, съ должнымъ паѳосомъ, сообщили о новомъ шутовствѣ этого же рода. „Идея" состояла въ томъ, чтобы кельты и латино-романцы подали руку славянамъ, на страхъ англо-саксамъ коварнаго Альбіона и нѣмцамъ всего континента. Все это, разумѣется, необычайно глупо съ точки зрѣнія серьезной политики. Но у серьезной политики есть свои задворки, на которыхъ толкутся разные международные проходимцы, создающіе самые фантастическіе проекты, не очень даже глупые, если посмотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія „субсидіи"...

Такъ именно, гдѣ то на задворкахъ политики, возникло нѣкое латино-славянское агентство, которое въ Россіи нашло достойнаго представителя въ лицѣ отставного подполковника Артура Ивановича Черепъ-Спиридовича (о коемъ читатель найдетъ ниже нѣсколько журнально-архивныхъ справокъ).

И вотъ, въ трудные январьскіе дни, которые надолго останутся памятны русскому народу, это агентство, составившееся изъ трехъ международныхъ проходимцевъ, выступило со своими дружескими услугами на пользу нашего россійскаго „патріотизма". 12 января,—читаемъ мы въ „Русск. Вѣдомостяхъ" (№ 13),—на многихъ московскихъ улицахъ была вывѣшена слѣдующая телеграмма „отъ Латинскаго агентства" изъ Парижа (отъ 11 января): „Лондонскій корреспондентъ (?) сообщаетъ о безпорядкахъ на морскихъ заводахъ (?) Петербурга, Либавы, Севастополя, угольныхъ копяхъ Вестфаліи (!), организованныхъ англо-японскими провокаторами съ цѣлью пріостановить отправку эскадръ балтійской и черноморской. Огромныя суммы истрачены англичинами на провокацію въ Россіи. Объясните русскому народу истину... Японцы въ Парижѣ хвастаются устройствомъ безпорядковъ"... Въ другой телеграммѣ (попавшей по очевидному недоразумѣнію въ „Р. Инвалидъ"), обозначалась даже цифра: Японія,

заметьте: „близкая къ банкротству“) ассигновала на производство безпорядковъ въ Россіи 18 милліоновъ іенъ.

„Телеграмма эта,—писали по этому поводу въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“,—возбудила всеобщее удивленіе. До сихъ поръ вывѣшивались на улицахъ только такія оффиціальныя телеграммы, которыя содержали въ себѣ сообщенія начальствующихъ лицъ, съ указаніемъ, къ кому онѣ посланы, приведенная же телеграмма неизвѣстно кому адресована, да и обозначеніе „отъ Латинскаго агентства въ Парижѣ“ ничего не объясняетъ. Мы знаемъ у насъ *Россійское* и *С.-Петербургское телеграфное* агентство, а что такое *Латинское агентство?* По наведеннымъ нами справкамъ, „Латинское агентство“ только-что основано въ Парижѣ подъ покровительствомъ „Кельто-славянской лиги“... Иниціаторомъ этой лиги и агентства состоитъ, повидимому, г. Черепъ-Спиридовичъ, небезызвѣстный въ Москвѣ въ качествѣ предсѣдателя Московскаго Славянскаго общества. Этой-же „лигой“ основана газета „La France extérieure“, обѣщающая быть чѣмъ то въ родѣ франко-русскихъ „Московскихъ Вѣдомостей“...

За очень рѣдкими и при томъ самыми низменными исключеніями („Русскій Листокъ“, газетка г-на Шарапова „Русское Дѣло“ и т. п.), вся русская печать безъ различія направленій отнеслась съ единодушнымъ осужденіемъ къ этой попыткѣ замѣшать „измѣну“ въ тяжелыя и безъ того внутреннія условія современной русской жизни. „Совершенно непонятно,—писали, напр., въ „Русской Правдѣ“ —кому потребовалось путать въ обычныя рабочія движенія интриги иностранцевъ. Такое ихъ объясненіе не имѣетъ за себя даже остроумія, такъ какъ очевидно, что и въ Японіи не могли себѣ представить такихъ побѣдъ надъ внутренней жизнью Россіи... Нельзя, хотя-бы и подъ предлогомъ патріотизма, вводить въ заблужденіе объ истинномъ смыслѣ событій“ *). Такъ-же отозвалось націоналистское „Слово“, и даже „Новое Время“ спрашивало съ негодованіемъ, „кому понадобилась такая не латинская и не славянская выдумка“ **).

Князь Мещерскій тоже объявилъ слухъ нелѣпостью, а „Биржевыя Вѣдомости“ выразились еще сильнѣе: „объ этой клеветѣ на совѣсть русскаго народа,—пишетъ газета,—нельзя говорить иначе, какъ съ глубокимъ негодованіемъ, и виновники ея, рано или поздно, будутъ пригвождены къ позорному столбу“ ***).

Намъ незачѣмъ подниматься дальше по лѣстницѣ русской прессы, чтобы цитировать многочисленные отзывы столичной и провинціальной печати съ опредѣленно-прогрессивнымъ направленіемъ, такъ какъ ея отношеніе къ псевдо-патріотической

*) Р. Правда. Цитату беремъ изъ „Руси“, отъ 15 января 1905 г.

**) „Нов. Вр.“ 19 янв.

***) Цитируемъ по „Нижегор. Листку“ 21 янв. № 20.

„уткѣ“ г-на Спиридовича и безъ того совершенно понятно. Гораздо интереснѣе опроверженіе, исходящее изъ оффиціальныхъ сферъ.

Если дѣйствительно затѣя кельто-романо-славянскихъ агентовъ, по недоразумѣнію, пользовалась съ чьей-нибудь стороны покровительствомъ, то данный случай долженъ показать, какъ опасно такое покровительство международнымъ проходимцамъ. Уже 18 января въ газетахъ появилось извѣстіе, что „объявленія, напечатанныя въ Москвѣ, въ канцеляріи градоначальника, въ которыхъ сказано, что англо-японская лига управляетъ движеніемъ и что англичане распредѣлили большія суммы между забастовщиками“—вызвали протестъ англійскаго посла въ Петербургѣ. „Посолъ потребовалъ произвести слѣдствіе, и русское правительство дало увѣреніе, что оно позаботится о томъ, чтобы ничего подобнаго болѣе не повторялось“ *), а въ телеграммѣ „Новаго Времени“ изъ Лондона сообщалось, что на англійское правительство и общество произвело успокоивающее впечатлѣніе заявленіе высшихъ военныхъ сферъ о готовности „опровергнуть нелѣпые слухи“ (къ сожалѣнію, легкомысленно повторенные и въ „Р. Инвалидѣ“). Сотрудникъ „Руси“ бесѣдовалъ съ секретаремъ великобританскаго посольства и узналъ, что посолъ имѣлъ по этому предмету объясненіе съ министромъ иностранныхъ дѣлъ гр. Ламсдорфомъ. „Министръ увѣрилъ посла, что вышло недоразумѣніе, и обѣщалъ опровергнуть это сообщеніе“ **). Одинъ изъ сотрудниковъ „Русскаго Слова“ имѣлъ случай говорить о томъ-же съ нашимъ министромъ путей сообщенія, кн. Хилковымъ.—„Мнѣ кажется,—сказалъ князь,—что здѣсь нѣтъ правды: извѣстіе сообщено однимъ заграничнымъ агентствомъ, *которое и раньше передавало необычайно сенсаціонныя извѣстія*“ ***).

Такимъ образомъ и подавляющее большинство русской печати, начиная отъ „Гражданина“ и кончая „Нашими днями“, и все мыслящее русское общество и серьезные политическіе органы правительства высказались съ одинаковой опредѣленностью о шутовской телеграммѣ дряннаго и двусмысленнаго „агентства“ и, казалось бы, кельто-латино-славянской уткѣ оставалось только сложить крылья. Но... говорятъ, что клевета и сильна именно тѣмъ, что отъ нея всегда что-нибудь остается... Такъ, и эта „клевета на совѣсть русскаго народа“, въ массовое движеніе котораго пожелали примѣшать элементъ продажности и измѣны (считая, вѣроятно, что это будетъ болѣе лестно для русскаго „патріотизма“) — не смолкла, а стала искать пріюта въ наиболѣе темныхъ углахъ нашей жизни. Остались и теперь газетки, въ родѣ „Русскаго Листка“ г-на Казецкаго (если не ошибаюсь, этотъ

---

*) „Русскія Вѣд.“ № 16. Цитата изъ Berlin. Tageblatt.
**) Цитирую изъ „Русск. Вѣд.“ № 17.
***) „Русское Слово“. Цит. по „Нижегор. Листку“, № 18.

органъ одинъ изъ первыхъ напечаталъ „сообщеніе"), „Русскаго Дѣла" г-на Шарапова и др., — для которыхъ „любовь къ отечеству и народная гордость" кажется совершенно совмѣстимой съ утвержденіемъ, что сотни тысячъ русскихъ людей приведены въ движеніе японскими деньгами...

Впрочемъ, тема слишкомъ ужъ благодарная, чтобы скоро выпустить ее изъ рукъ. Чрезвычайно любопытно, съ какимъ сожалѣніемъ и какъ нерѣшительно разстаются съ нею наши „націоналисты" даже болѣе крупнаго полета. Такъ, г-жа Ольга Новикова въ „Новомъ Времени" напечатала письмо, въ которомъ излагаетъ весь инцидентъ въ обычномъ нововременскомъ тонѣ, то осуждая „легковѣріе русскихъ властей", то пытаясь доказать, что оно имѣетъ основаніе. По словамъ г-жи Новиковой, первоисточникомъ латино-славянской утки явилось легковѣсное „Агентство извѣстій" (News agency), которое „очень часто передаетъ небылицы". То обстоятельство, что „русскія власти повѣрили этому слуху и вывѣсили объявленія", даетъ англичанамъ поводъ, по словамъ г-жи Новиковой, „посмѣиваться надъ нашей близорукой наивностію". Но затѣмъ г-жа Новикова начинаетъ „обработывать" извѣстіе по своему. По ея словамъ въ дипломатическихъ сферахъ инцидентъ разыгрался слѣдующимъ образомъ:

„При видѣ вышеупомянутыхъ объявленій британскій консулъ въ Москвѣ пришелъ въ негодованіе. „Какъ могли допустить такой позоръ со стороны англійской націи?"—восклицалъ (!) онъ. Онъ послалъ жалобу англійскому послу въ Петербургѣ. Sir Charles Hardinge возмутился не менѣе консула и протестовалъ противъ такого, по его словамъ, пасквиля на честь Великобританіи и обратился уже оффиціально къ русскому министру иностранныхъ дѣлъ гр. Ламсдорфу. По этому поводу вздорныхъ словъ (?) было сказано не мало. Благородный британецъ увѣрялъ, что *никогда, никогда ни одинъ* (курсивы наши) *англичанинъ не могъ забыть закона нейтралитета* и тѣмъ менѣе собирать деньги для русскихъ бунтовщиковъ, которые пренебрегли своимъ долгомъ передъ русскимъ правительствомъ".

„Графъ Ламсдорфъ, — увѣряетъ г-жа Новикова дальше, — не счелъ возможнымъ усомниться въ правдивости представителя Великобританіи, но онъ пошелъ далѣе: глубоко сожалѣя, что русскіе чиновники могли повѣрить ложнымъ телеграммамъ, онъ немедленно снесся съ кѣмъ должно объ уничтоженіи объявленія на московскихъ улицахъ; объ этомъ было заявлено во всѣхъ англійскихъ газетахъ, какъ о новой побѣдѣ англійской дипломатіи". Мало того, когда такая же телеграмма была вывѣшена въ Либавѣ, то произошло новое объясненіе, и гр. Ламсдорфъ „выразилъ свое сожалѣніе о бестактности бѣднаго русскаго чиновника" *).

*) „Нов. Вр." № 10386, 3 февр. 1905 г.

Г-жа Новикова очень недовольна графомъ Ламсдорфомъ. „Излишняя уступчивость“ нашей дипломатіи — обычный и даже сильно заѣзженный конекъ нашего вульгарнаго „патріотизма“, и дѣйствительно гр. Ламсдорфъ въ изображеніи г-жи Новиковой является слишкомъ ужъ ненаходчивымъ и легковѣрнымъ. Можно ли считать чѣмъ-нибудь, кромѣ явнаго вздора, утвержденіе „благороднаго британца“, будто *никогда ни одинъ* англичанинъ не могъ забыть *закона нейтралитета*“... Въ отвѣтъ гр. Ламсдорфъ могъ легко указать на десятки англійскихъ судовъ, перевозившихъ военную контрабанду. Но нашъ дипломатъ отказался отъ столь легкой побѣды во славу нашего отечества, и теперь дождался того, что г-жа Ольга Новикова заднимъ числомъ подсказываетъ ему побѣдоносные отвѣты. Все дѣло только въ томъ, что въ вольной передачѣ нововременской сотрудницы весь дипломатическій разговоръ превращенъ въ какой-то балаганный фарсъ, въ которомъ британецъ лубочно-коваренъ и лживъ, а русскій такъ же лубочно-простоватъ и уступчивъ. Г-жа Новикова, живя въ Лондонѣ, знаетъ, что именно „восклицалъ“ въ Москвѣ консулъ и „сколько вздора“ было высказано въ Петербургѣ. Но если бы, вмѣсто этихъ полубеллетристическихъ фантазій очень дурного тона, она привела намъ точныя выдержки объ этомъ предметѣ изъ серьезной англійской печати, то мы узнали бы, конечно, что рѣчь между англійскимъ посланникомъ и русскимъ министромъ не шла и не могла идти о какомъ-то „одномъ англичанинѣ“, или о рабочихъ кружкахъ, выражающихъ симпатіи русскимъ забастовщикамъ.. Рѣчь шла о фантастическомъ крупномъ „англо-японскомъ“ предпріятіи, располагавшемъ будто бы 18 милліонами и успѣвшемъ организовать огромныя стачки не только въ Россіи, но и въ Вестфаліи. Есть ли какія-нибудь доказательства существованія такого широкаго заговора — только объ этомъ могли идти серьезные разговоры, и если бы г-жа Новикова не подмѣнила этого яснаго и простого предмета какими-то глупыми „восклицаніями“ въ Москвѣ и фантастическимъ „вздоромъ“ въ Петербургѣ, то, конечно, ни „британецъ“ не оказался бы такъ балаганно нахаленъ, ни русскій такъ невѣроятно простъ и уступчивъ. Но тогда, конечно, потеряли бы смыслъ и побѣдоносныя указанія г-жи Новиковой на то, что въ Англіи есть рабочія и иныя общества, сочувствующія движенію рабочихъ въ Россіи и даже объявившія о сборѣ для поддержки стачечниковъ. Да, они есть, и при томъ не въ одной коварной Англіи, но и въ „дружеской“ Франціи и во всей Европѣ. Все это факты совершенно обычные. Сама г-жа Новикова говоритъ, что денегъ собрано мало, а главное — все это явилось *послѣдствіемъ* петербургскихъ событій, а не ихъ *причиной*... Это, конечно, элементарно ясно. Но г-жа Новикова упоминаетъ еще о сенсаціонномъ вымыслѣ какой-то англійской газетки, будто Горькій уже повѣшенъ, и послѣ этого счи-

таетъ уже рѣшительно доказаннымъ, что „у насъ кто-то одурачень" (разумѣй—злополучная наша дипломатія) и что, въ сущности, „русскій чиновникъ" имѣлъ право повѣрить кельто-латино-славянскому извѣстію „о присылкѣ англійскихъ денегъ для поддержанія смутъ въ Россіи"...

Мы нарочно остановились съ такой подробностью на „патріотической" статьѣ г-жи Новиковой. Г-жа Новикова является не просто корреспонденткой „Новаго Времени", но, какъ это мы еще не такъ давно читали въ газетахъ, „салонъ" ея въ Лондонѣ представляетъ нѣчто въ родѣ своеобразнаго дипломатическаго центра. А „Новое время", какъ извѣстно, газета „ультра-патріотическая", хотя и смѣшиваетъ иногда отечество съ полицейскимъ участкомъ. Въ статьѣ г-жи Новиковой превосходно выступаетъ и этотъ вульгарный „патріотизмъ", и эта мелкотравчатая дипломатія. И то, и другое совершенный сколокъ съ патріотизма и дипломатіи англійской „желтой прессы" и лондонскихъ мюзикъ-холловъ. Достоинство нашего „внѣшняго представительства" г-жа Новикова готова видѣть въ томъ, чтобы оффиціальная Россія на каждый сенсаціонный слухъ мелкихъ газетокъ, въ родѣ слуха о повѣшеніи Горькаго, отвѣчала съ наивозможной „твердостью" такими же сенсаціонными и не провѣренными слухами въ *оффиціальной редакціи*... Легко представить себѣ, во что обратилось бы достоинство любой страны, если бы ея дипломатія послѣдовала подобнымъ „патріотическимъ" совѣтамъ и „твердо" встала на одну доску съ „политикой" мелкихъ газетокъ. Намъ кажется, однако, что это „прилично" развѣ дипломатамъ „Новаго Времени". Для дипломатіи же великой страны это было бы уже не смѣшною пошлостью, а прямымъ преступленіемъ...

Да, трудно нашимъ „націоналистамъ" научиться отдѣлять вопросы дѣйствительнаго патріотизма отъ иныхъ его казенныхъ проявленій. Очевидно, уже то обстоятельство, что въ двухъ мѣстахъ (Москвѣ и Либавѣ) кельто-латинская утка удостоилась казеннаго штемпеля мѣстныхъ „губернскихъ типографій"—дѣлаетъ ее въ глазахъ г-жи Новиковой до извѣстной степени „патріотической" птицей... И г-жа Новикова то порицаетъ ее, какъ вылетѣвшую изъ весьма двусмысленнаго источника, то гладитъ по головкѣ... Несомнѣнно, однако, что теперь, когда даже органы нашего правительства объявили (пока, къ сожалѣнію, только за границей), что позорный слухъ совершенно лживъ,—дальнѣйшее повтореніе его „для внутренняго обращенія" должно считаться завѣдомо недобросовѣстной ложью...

Россія вступаетъ, и даже вступила уже въ періодъ серьезной и трудной внутренней работы. Ей предстоитъ запущенный во время долгой реакціи подсчетъ разросшихся и чрезвычайно усложненныхъ интересовъ, требующихъ новыхъ формъ для общаго удовлетворенія и успокоенія. На это положеніе нужно смотрѣть.

трезво, прямо и честно. Оно и безъ того очень трудно. Взаимныя отношенія разныхъ слоевъ русскаго народа и безъ того сложны, обострены, сдавлены въ старыхъ формахъ. Позоръ же всѣмъ, кто стремится затемнить ихъ, обострить и запутать еще больше, кидая среди общаго волненія лживыя обвиненія въ подкупности и „измѣнѣ"...

Вл. Кор.

Артуръ Ивановичъ Черепъ-Спиридовичъ (Справка изъ журнальнаго архива). Въ нашемъ журнальномъ архивѣ есть нѣсколько газетныхъ „фрагментовъ", рисующихъ эту своеобразную фигуру, съ такой ошеломляющей внезапностью выскочившую на поверхность кратковременной, но за то всероссійской и даже всеевропейской извѣстности. Конечно, это только отрывки. И, если бы мы могли предвидѣть, что этому „отставному подполковнику" суждена такая громкая извѣстность и что ему дано будетъ въ теченіе трехъ дней вѣщать московскому народу со всѣхъ фонарныхъ столбовъ и со всѣхъ свободныхъ мѣстъ на стѣнахъ и заборахъ бѣлокаменной,—то, конечно, мы бы своевременно озаботились большей полнотой этихъ справокъ. Думаемъ, однако, что и нижеслѣдующаго для отставного полковника Артура Ивановича Черепъ-Спиридовича совершенно достаточно...

Самое, такъ сказать, древнее извѣстіе, какимъ мы располагаемъ объ его общественной дѣятельности,—относится къ 1902 году. Это—выдержка изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" *). Изъ нея мы узнаемъ, во-первыхъ, что г. Черепъ-Спиридовичъ—предсѣдатель Московскаго славянскаго общества, въ коемъ слыветъ „вторымъ Аксаковымъ",—а во-вторыхъ, что далеко не всѣ члены общества своимъ „Аксаковымъ" довольны. „Группа членовъ Славянскаго общества, — пишетъ авторъ цитируемой замѣтки,—просила меня указать въ печати на *излишне-суетливую* дѣятельность предсѣдателя, занимающаго своею личностью слишкомъ много мѣста, какъ въ отчетахъ общества, такъ и на его собраніяхъ". Дѣйствительно, продолжаетъ авторъ, „въ газетахъ то и дѣло появлялись замѣтки, въ которыхъ воспѣвались неутомимость и энергія предсѣдателя общества. Большая часть этихъ замѣтокъ совершенно не согласовалась съ истиной, что, въ концѣ концовъ, повело за собой протестъ совѣта общества" (!).

Правда, „протестъ совѣта общества" рисуется тоже чертами довольно своеобразными: „воспользовавшись отсутствіемъ г-на Черепъ-Спиридовича (вотъ какіе храбрые люди!), часть членовъ совѣта обратилась съ сообщеніемъ въ газеты, въ которомъ они разоблачали „всю смѣхотворную хлопотливость г-на Черепъ-Спиридовича въ качествѣ предсѣдателя общества", и просили не

*) Отъ 26 авг. 1902 г.

вѣрить никакимъ сообщеніямъ, не скрѣпленнымъ подписью секретаря.

Къ величайшему сожалѣнію, въ нашемъ архивѣ нѣтъ этого замѣчательнаго документа, но намъ извѣстно изъ той же замѣтки, что это не единственный случай, когда часть членовъ совѣта пыталась жаловаться на своего предсѣдателя. Авторъ увѣряетъ, что и его лично просили „разоблачить излишнюю суетливость" Артура Ивановича, но, когда онъ исполнилъ просьбу, то... *тѣже лица* составили опроверженіе (такъ какъ, вѣроятно, къ тому времени предсѣдатель уже вернулся). Вообще отъ Аксакова до Черепъ-Спиридовича эволюція Славянскаго общества очень значительная, и дѣятельность его въ этотъ періодъ напоминаетъ что-то въ родѣ шумнаго фарса, происходящаго передъ изумленной публикой, но—за спущенной занавѣской. Порой господа „члены совѣта" выскакиваютъ къ рампѣ, горько жалуются на „смѣхотворную хлопотливость" предсѣдателя, просятъ помочь имъ поднять занавѣсъ. Но когда кто нибудь пытается исполнить ихъ просьбу и поднять хоть уголъ занавѣски, то „тѣ же лица" кидаются по мѣстамъ, какъ школьники, и вмѣсто обличеній подносятъ „суетливому" предсѣдателю благодарности и восхваленія. Одинъ разъ къ рампѣ выскочило цѣлое тріо: Г. Черепъ-Спиридовичъ обвинилъ своего противника секретаря Филиппова въ растратѣ 200 рублей, которые онъ долженъ былъ переслать г-ну Корженевскому „командированному въ Прагу на торжество въ честь Іоанна Гусса". Г-нъ Филипповъ перенесъ это обвиненіе на приверженца г-на Черепъ-Спиридовича, Эверобаха. Тотъ возвратилъ его г-ну Филиппову. Дѣло поступило къ судьѣ, но было отложено „для вызова свидѣтелей". Мы не знаемъ, кончилось ли оно, или всѣ трое опять скрылись за занавѣску,—такъ какъ въ нашемъ распоряженіи есть лишь небольшая газетная замѣтка по этому предмету, съ недоумѣвающимъ заглавіемъ „Кто растратилъ?" *).

Газеты націоналистскаго лагеря очень мало способствовали разъясненію смѣхотворной кутерьмы, происходившей на аренѣ Славянскаго общества, превращеннаго подъ руководствомъ А. И. Черепъ-Спиридовича въ настоящій скоморошескій балаганъ. „Новое Время" и „Спб. Вѣдомости" то осуждали г-на Черепъ-Спиридовича, то брали его подъ свою защиту. Такъ, г. А. Ст—нъ въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ" сначала высмѣялъ хлопотливаго предсѣдателя, а затѣмъ далъ ему милостивую индульгенцію, и объявилъ, что „весь походъ приводитъ къ повороту симпатій въ сторону предсѣдателя" **).

Въ виду этого „разнорѣчія въ показаніяхъ" мы вынуждены обратиться къ источникамъ болѣе прямымъ. Въ нашемъ распо-

*) „Южное Обозр.", 22 февр. 1904 г., № 2417.
**) „Спб. Вѣд.", 24 окт. 1903 г.

ряженіи есть еще выдержки изъ оффиціальнаго отчета Славянскаго общества за 1902 годъ, приводимыя однимъ изъ членовъ общества въ тѣхъ-же „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", гдѣ работалъ тогда и снисходительный г-нъ А. Ст—нъ *). Правда, членъ общества очень нелестно характеризуетъ этотъ отчетъ, въ которомъ, по его словамъ, „безбожно искажалась истина въ сторону восхваленія дѣятельности предсѣдателя", но... это значитъ, что и мы, если рискуемъ ошибиться, то также въ сторону восхваленія. А этого мы, въ видахъ безпристрастія, избѣгать не станемъ.

Отчетъ этотъ состоитъ изъ 157 страницъ и въ немъ „имя г-на Черепъ-Спиридовича упомянуто 127 разъ съ какимъ-то благоговѣйнымъ трепетомъ **)... „Господинъ предсѣдатель изволилъ (!) выяснить значеніе кружковъ"... „Совѣтъ, выслушавъ горячія рѣчи предсѣдателя"... „Рѣчь нашего уважаемаго предсѣдателя была прерываема горячими аплодисментами"... „Дѣятельность славянскаго общества стала цѣлесообразной и плодотворной съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ его сталъ убѣжденный славянолюбъ, образованный, молодой (здѣсь авторъ цитируемой нами замѣтки ставитъ знакъ вопроса. Очевидно, вопросъ о „молодости" почтеннаго подполковника въ отставкѣ долженъ считаться спорнымъ), полный кипучей энергіи А. И. Черепъ-Спиридовичъ. Что симпатичнѣе всего въ духѣ его дѣятельности, это—твердое, непоколебимое никакими инсинуаціями, раздуваемыми заграничною печатью (вѣроятно, англо-японская интрига?) стремленье — примирить братьевъ 130-милліонной семьи. Онъ одинаково безпристрастно стремится примирить болгаръ съ сербами, поляковъ съ русскими, чеховъ съ поляками, сербовъ съ хорватами"... Съ этой грандіозной цѣлью, какъ гласитъ намъ отчетъ, почтенный предсѣдатель, во-первыхъ: „замалчиваетъ наружно (sic) всѣ печальныя столкновенія между славянами" и, во-вторыхъ, „зорко слѣдитъ за малѣйшимъ проявленіемъ симпатій къ одному (?!) изъ славянъ", стараясь тотчасъ же наградить такой порывъ орденомъ или дипломомъ. „Такъ, напримѣръ, избранъ былъ Лубэ почетнымъ членомъ въ Парижѣ (стр. 59—60 отчета)".

Разумѣется, столь блестящая дѣятельность на пользу „130-милліонной (?) семьи" не могла не вызвать черной зависти и нападокъ, но по этому поводу на стр. 83 отчета приводятся слѣдующія основательныя соображенія: „Если на солнцѣ нѣтъ пятенъ (къ сожалѣнію, есть), то смотрящіе на него умышленно коптятъ стекло, чтобы не ослѣпнуть: такъ и толпа не можетъ выносить величіе носителей идеи, не обрызгавъ ихъ грязью зависти и насмѣшекъ, чтобы не придти въ отчаяніе отъ сознанія собственнаго ничтожества".

*) „Петерб. Вѣд.", 2 сент. 1903 г., № 239.

**) По счету автора замѣтки въ „Русск. Вѣдомостяхъ" даже 150 разъ.

Прошу читателей повѣрить, что я ничего не прибавляю отъ себя, а только добросовѣстно привожу выдержки изъ отчета, помѣщенныя съ соотвѣтствующими ссылками въ газетахъ *). Все это такъ и напечатано въ дѣловыхъ отчетахъ „Славянскаго общества“, того самаго, которое оглашалось когда-то рѣчами Аксаковыхъ и въ которомъ теперь гремятъ Черепъ-Спиридовичи. Что касается до объективныхъ проявленій дѣятельности самого общества и до тѣхъ могучихъ средствъ, которыми эти результаты достигаются, то по этому предмету мы располагаемъ слѣдующими данными: во-первыхъ, г. Черепъ-Спиридовичъ сдѣлалъ выговоръ хорватамъ за избіеніе сербовъ (стр. 93 отчета); во вторыхъ, одобрилъ адмирала Тыртова за требованіе по морскому вѣдомству, чтобы корабли снабжались исключительно русскими предметами (95). Въ-третьихъ, въ отчетѣ описаны устроенныя г. Черепъ-Спиридовичемъ торжества по поводу 25-лѣтія освободительной войны При этомъ, согласно отчету, „пѣлись кантаты, совершались шествія по московскимъ улицамъ съ хоругвями и вѣнками, среди шпалеръ учащихся, въ присутствіи духовенства, властей, депутацій, заграничныхъ гостей, съ рѣчами г. гор. головы кн. Голицына, генерала Богдановича и самого г. Черепъ-Спиридовича“ (36—39). Самая замѣчательная черта этого въ высшей степени поэтическаго описанія состоитъ въ томъ, что... *описаннаго событія совершенно не было въ дѣйствительности*, такъ какъ самое празднованіе не было разрѣшено администраціей!

Однако, торжествомъ и даже такъ сказать апогеемъ вліянія славянскаго общества на ходъ историческихъ событій слѣдуетъ считать сношенія г-на Черепъ-Спиридовича съ папскимъ правительствомъ вообще и въ частности его переписку съ кардиналомъ Рамполлой. Происхожденіе этого дипломатическаго конфликта относится къ тому времени, когда, въ виду непріятностей съ французской республикой, папское правительство предположило передать покровительство надъ восточными католиками императору Вильгельму. Г. Черепъ-Спиридовичъ возсталъ всѣми силами души противъ этого намѣренія и тотчасъ же написалъ кардиналу Рамполла письмо, въ которомъ „яко бы отъ группы католиковъ предостерегалъ святой престолъ отъ столь гибельнаго шага, угрожая въ противномъ случаѣ *перейти... въ православіе*“!.. Кардиналъ Рамполла, повидимому, человѣкъ, любящій хорошую шутку или сочную глупость, и потому, рискуя даже потерять цѣлое стадо овечекъ изъ Славянскаго общества,—не воздержался отъ искушенія передать дипломатическую ноту Артура Ивановича въ газеты. И нота пошла гулять по Европѣ, всюду вызывая самый веселый хохотъ. Дѣло въ томъ, что свое обращеніе къ святому престолу

*) Кромѣ указанныхъ уже источниковъ, см. также „Русскія Вѣдомости“ 7 янв. 1904 г., № 7.

г. Черепъ-Спиридовичъ послалъ *на оффиціальномъ бланкѣ Славянскаго общества*, и такимъ образомъ Московское (!) славянское общество предстало передъ Европой въ качествѣ „группы католиковъ, готовой не сегодня, такъ завтра измѣнить вѣрѣ своихъ отцовъ и перейти въ православіе въ зависимости отъ того или иного шага кардинала Рамполлы" *)... Положительно есть еще веселые мотивы и въ нашей хмурой русской жизни!...

Въ замѣткѣ „Русскихъ Вѣдомостей" приводятся нѣкоторыя данныя о бюджетѣ славянскаго общества за отчетный годъ и и объ его расходахъ. Бюджетъ этотъ, съ которымъ г-ну Черепу-Спиридовичу приходится выполнять грандіозныя задачи примиренія 130-милліонной семьи, достигаетъ 11 тысячъ рублей. Изъ нихъ 1,487 рублей было издержано на выдачу пособій нуждающимся славянамъ, да послано въ славянскія страны съ благотворительными цѣлями 1,600 рублей. Итого 2,987 рублей. „Куда же пошли остальныя деньги?"—спрашиваетъ авторъ замѣтки въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ". Оказывается, что самую крупную статью расходовъ (4,350 рублей) составило изготовленіе футляровъ и дипломовъ почетнымъ членамъ. Эти футляры и дипломы были поднесены сербскому королю (Александру) и болгарскому князю, въ результатѣ чего явились многочисленные ордена, которыми были осчастливлены гг. члены совѣта общества. Такъ, „согласно представленію предсѣдателя общества", кн. Фердинандъ пожаловалъ болгарскіе ордена за гражданскія заслуги со звѣздой: почетнымъ членамъ общества д. ст. сов. В. А. Грингмуту и предсѣдателю А. И. Черепъ-Спиридовичу, а ордена другихъ степеней—гг. Спасокукоцкому, Баеву, Голофтѣеву и др.,—всего 17 орденовъ...

На этомъ мы можемъ покончить съ г. Черепъ-Спиридовичемъ, какъ предсѣдателемъ Славянскаго общества... Избавится ли когда-нибудь это общество отъ клейма балаганнаго скоморошества и позора, которое наложено на него смѣхотворною суетливостью отставного подполковника, — этотъ вопросъ мало интересуетъ и насъ, да, вѣроятно, и самого Артура Ивановича, который, повидимому, имѣлъ очень большія основанія оставить Москву и перенести свою славную дѣятельность за рубежъ дорогого отечества...

Мы не знаемъ, какое вліяніе оказалъ на этотъ переѣздъ небольшой фактъ, недавно оглашенный „Русскимъ Словомъ", но самъ по себѣ фактъ всетаки интересенъ и характеренъ для того шарлатанствующаго „патріотизма", который объединяетъ на почвѣ общаго „кавалерства" знаменитыхъ россійскихъ патріотовъ Артура Ивановича Черепъ-Спиридовича и В. А. Грингмута (Карла Амалію, какъ почему-то называютъ его газеты). Въ Москвѣ скоропостижно скончалась купчиха Л. В. Соловьева, смерть которой въ свое время „надѣлала шума въ Москвѣ". Она была очень богата и

*) „Спб. Вѣдомости", 26 авг. 1903 г. № 232.

по духовному завѣщанію распредѣлила свое состояніе слѣдующимъ образомъ: 20,000 рублей на похороны и поминовеніе души, по 5,000 рублей родственникамъ, 60,000 на благотворительныя учрежденія и 200,000 на сооруженіе храма. Оказалось, однако, что послѣ ея смерти, дома денегъ почти не найдено, а вмѣсто нихъ найдены три интересныхъ документа, подписанныхъ „предсѣдателемъ Славянскаго общества, сербскимъ консуломъ и извѣстнымъ дѣятелемъ „Латинскаго агентства", изъ коихъ видно, что этотъ патріотъ въ разное время взялъ у купчихи всѣ цѣнныя бумаги на сумму свыше полумилліона рублей, замѣнивъ ихъ довольно двусмысленными росписками... „Возвращено ли что-нибудь г. Черепъ-Спиридовичемъ изъ взятаго у г-жи Л. В. Соловьевой всего ея состоянія? Имѣется ли какая-нибудь возможность привести въ исполненіе добрыя дѣла, на которыя предназначала свои деньги покойная?"—спрашиваетъ авторъ замѣтки и пока оставляетъ эти вопросы безъ отвѣта *). Быть можетъ, кто-нибудь попроситъ отвѣтить на нихъ самого г-на Черепъ-Спиридовича, такъ какъ, надо думать, въ этомъ вопросѣ онъ обладаетъ свѣдѣніями болѣе точными, чѣмъ о таинственныхъ англо-японскихъ милліонахъ.

А пока—газеты сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія о новой дѣятельности г. Черепъ-Спиридовича уже за рубежомъ, въ „Латинскомъ агентствѣ". По свѣдѣніямъ, собраннымъ французскими газетами, агентство это помѣщается въ Парижѣ, на улицѣ Дюфо, въ д. № 16, пользуясь помѣщеніемъ кельто-славянской лиги. Во главѣ его стоитъ г. Спиридовичъ. Онъ выдаетъ себя за князя, именуетъ себя „prince Spiridovich", не имѣя никакого права на этотъ титулъ. Въ составъ агентства входятъ: де-Борегаръ, комивояжеръ одной французской фирмы винъ; г. Буэ — французскій журналистъ неизвѣстно какой газеты, и, наконецъ, Ракени—корреспондентъ итальянской газеты. Съ Борегаромъ г. Спиридовичъ встрѣтился въ Москвѣ. Онъ „плѣнился дешевымъ виномъ Борегара, а Борегаръ соблазнился дешевой политикой Спиридовича". Они и рѣшили открыть въ Парижѣ свое агентство. „Явившись въ Парижъ, г. Спиридовичъ выдалъ себя за частнаго агента министра фонъ-Плеве (!) и заявилъ, что основываетъ лигу по совѣту послѣдняго и при поддержкѣ многихъ русскихъ сановниковъ. Русскую публику онъ старался одурачить увѣреніями, что его лига пользуется огромнымъ вліяніемъ во Франціи и къ ея составу принадлежатъ выдающіеся дѣятели (Борегаръ!). А парижанамъ импонировалъ званіемъ предсѣдателя Славянскаго общества и выдавалъ себя за представителя могущественной организаціи, существующей въ Россіи. На различныхъ банкетахъ въ Парижѣ онъ появлялся одѣтымъ въ какую-то полувоенную форму съ мас-

*) Цит. изъ „Руси", 5 февр. 1905, № 29.

сою серебряныхъ звѣздъ на груди. Онъ блестѣлъ этими звѣздами, какъ хорошо убранная елка" *).

Французскія газеты раскопали и самую исторію сенсаціонной телеграммы, сдѣлавшей имя г. Спиридовича европейски-извѣстнымъ. „Послѣднія событія въ Петербургѣ показались г. Спиридовичу блестящимъ моментомъ для того, чтобы выдвинуться. На конференціи трехъ представителей агентства было рѣшено, что наиболѣе сенсаціонной исторіей, которая будетъ благопріятно принята извѣстными кругами въ Россіи,—явится сообщеніе объ организаціи безпорядковъ на японское и англійское золото. Буэ составилъ телеграмму. Она была сначала послана въ Лондонъ. Оттуда попала опять въ агентство и уже Черепъ-Спиридовичъ отправилъ ее въ Россію". Интересно, что, по увѣренію англійскихъ газетъ, депеша эта сначала не была пропущена у насъ цензурой. „И, однако, это не помѣшало телеграммѣ оказаться расклеенной въ нѣкоторыхъ городахъ", такъ какъ она, очевидно, выдержала цензуру мѣстныхъ администрацій.

Полагаемъ, этихъ краткихъ справокъ изъ журнальнаго архива совершенно достаточно. Теперь читатель видитъ, кто такой Артуръ Ивановичъ Черепъ-Спиридовичъ, предсѣдатель Славянскаго общества, сербскій консулъ, создатель Латинскаго агентства и авторъ англо-японскихъ милліоновъ, „открывающій глаза русскому народу!" **О. Б. А.**

Откровенныя изліянія кн. Мещерскаго. — Повидимому, съ кн. Мещерскимъ происходитъ какой-то своеобразный душевный процессъ, внушающій, пожалуй, нѣкоторыя опасенія. Въ романѣ Зола „Радости жизни" описано нѣчто въ этомъ родѣ: больная старая дама говоритъ безъ удержу и при томъ безъ всякаго стыда, называя вещи своими именами и удивляя слушателей неожиданными признаніями. Безмѣрной болтливостью почтенный князь, положимъ, страдаетъ давно, и это, пожалуй, самая выдающаяся черта его литературной физіономіи. Однако, до сихъ поръ князь старался всетаки соблюдать аппарансы и нерѣдко украшалъ свои статьи словами „литературная порядочность", „служеніе консервативнымъ идеямъ", порой даже изъ подъ пера сіятельнаго публициста ложились на бумагу слова: „истина", „свобода", „независимость убѣжденій".

Теперь, повидимому, эта „сдержанность" оставила князя, и его словоизліянія пріобрѣтаютъ характеръ почти небывалый въ русской печати. Что у насъ были и есть рептиліи, готовые писать „что угодно" по приказу свыше,—это, конечно, истина столь же печальная, сколько и общеизвѣстная. Но мы не помнимъ еще случая, чтобы кто нибудь изъ русскихъ писателей вышелъ, такъ

*) Цит. изъ „Нижегор. Листка", № 26—27 января.

сказать, на улицу и заявилъ всенародно, что онъ отдавалъ свое перо въ полное распоряженіе „начальства“, безъ всякаго соображенія съ своими убѣжденіями, и даже вопреки этимъ убѣжденіямъ.

Князю Мещерскому принадлежитъ честь перваго еще, кажется, заявленія въ этомъ родѣ. Въ одномъ изъ своихъ январьскихъ дневниковъ онъ разсказываетъ, не обинуясь, исторію нѣкоторыхъ статей своихъ о „земскомъ соборѣ“. Это было въ 1881 году. Князь

„поѣхалъ вечеромъ навѣстить министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Н. П. Игнатьева. Онъ жилъ на дачѣ, на Аптекарскомъ островѣ. Какъ всегда,—пишетъ кн. Мещерскій,—я засталъ въ гостиной любезной хозяйки нѣсколько гостей. Послѣ чая гр. Игнатьевъ взялъ меня подъ руку и повелъ въ садъ. Тутъ онъ мнѣ сообщилъ нѣчто совсѣмъ неожиданное. Это неожиданное было имъ высказанное мнѣ желаніе, чтобы я въ слѣдующемъ № „Гражданина“ помѣстилъ статью о земскомъ соборѣ. Я совсѣмъ опѣшилъ.

— О земскомъ соборѣ?—повторилъ я.

— Да, да о земскомъ соборѣ, который, вѣроятно, состоится если не въ настоящемъ, то въ будущемъ году.

— Но вѣдь намъ нельзя писать ни о какомъ соборѣ.

— Я знаю. Но если я вамъ говорю, это значитъ, что писать можно... Я имѣю уполномочіе свыше вамъ высказывать это желаніе.

— Но о какомъ же соборѣ идетъ рѣчь?

— О земскомъ соборѣ вообще... пока детали еще не опредѣлены... Я только желалъ бы, чтобы вы пустили мысль о соборѣ, не входя ни въ какія подробности...

„Впервые, — продолжаетъ князь свои интересныя признанія,—мнѣ пришлось писать что то серьезное, во-первыхъ, для меня совсѣмъ неясное, во-вторыхъ, мнѣ совсѣмъ не симпатичное и, въ третьихъ —*съ моимъ политическимъ міровоззрѣніемъ совсѣмъ не согласное.* Мысль складывалась какъ-то несвязно, а душевное состояніе было тяжело, потому что я никакъ не могъ себѣ уяснить, какимъ образомъ писать о соборѣ приходится (?!) во исполненіе желанія, исходившаго свыше. *Однако—написалъ и пустилъ въ печать* (курсивы наши).

„Однако, написалъ и пустилъ въ печать...“ Классическая фраза по непосредственной и, такъ сказать, непокрытой откровенности! Дальше исторія разыгрывается, конечно, въ томъ же стилѣ. „Князь „написалъ“ по внушенію одного высокопоставленнаго лица, а другому, не менѣе высокопоставленному, написанное не понравилось. Въ тотъ же день, когда вышелъ номеръ „Гражданина“ со статьей о земскомъ соборѣ, — „въ 11 часу утра, — получаю записку отъ К. П. Побѣдоносцева, краткую, но

зато убійственную, со словами: „Что вы, съ ума, что ли, сошли, съ вашей статьей о соборѣ!“ — Князь тотчасъ же, разумѣется, „полетѣлъ“ къ разгнѣванному К. П. Побѣдоносцеву „и разсказалъ, въ чемъ была *тайна* (!) статьи“. На это злополучный „писатель“ получилъ категорическое завѣреніе, что ни о какомъ соборѣ на верхахъ не помышляютъ.

„Положеніе мое,—заключаетъ князь,—было глупѣйшее“, но намъ кажется, что тутъ шло бы другое, болѣе яркое слово. Глупость, говорятъ, отъ Бога, и за нее не полагается нравственной отвѣтственности, какъ за литературную безсовѣстность, когда перомъ писателя руководитъ не убѣжденіе, а лишь низменная угодливость передъ „верхами“.

Да, любопытныя признанія срываются порой у князя Мещерскаго, но еще, быть можетъ, любопытнѣе то обстоятельство, что, одновременно съ этими признаніями, почтенный князь нимало не стѣсняется выступать въ качествѣ цензора литературныхъ нравовъ и громить „продажность печати“ въ городскихъ дѣлахъ. При этомъ князь съ какими-то странными и довольно двусмысленными ужимками ссылается на г. Снѣссарева, сотрудника „Новаго Времени“ по городскимъ дѣламъ, которому, по словамъ князя, должно быть кое что извѣстно по части шантажа и подкуповъ. Г. Снѣссаревъ отвѣчаетъ, надо отдать ему справедливость,—безъ всякихъ двусмысленностей и вполнѣ категорично.

> „Въ послѣднемъ № „Гражданина“, — пишетъ онъ въ „Нов. Времени“ (2 февраля) — князь Мещерскій проситъ меня поддержать его мнѣніе о взяточничествѣ и шантажахъ, царствующихъ въ газетномъ мірѣ. Исполняю эту просьбу.
>
> „Полтора года назадъ одна „невеличка, но честна“ компанія предлагала мнѣ защищать введеніе въ Петербургѣ канализаціи по проекту Брянскаго завода. Мнѣ тогда сообщили, какъ фактъ, что *„Гражданинъ“ уже подкупленъ для этой цѣли.* Я, къ сожалѣнію, не знаю, кто именно изъ „Гражданина“ взялъ взятку. Можетъ быть, знаете вы, князя В. П. Мещерскій?
>
> „Можетъ быть, вы знаете также шантажную исторію съ выдачей субсидіи тому же Брянскому заводу? Конечно, вы ее знаете лучше меня, кн. В. П. Мещерскій, и я право не понимаю, зачѣмъ вы упомянули мою фамилію, когда вашъ авторитетъ въ этихъ дѣлахъ такъ же незыблемъ, какъ и въ клеветнической морали. Н. Снѣссаревъ“.

Вотъ что называется „маленькимъ обмѣномъ любезностей...“ Въ либеральной части печати существуетъ „доктринерскій предразсудокъ“, что, когда дѣло доходитъ до столь категорическихъ заявленій, когда вопросъ идетъ уже не о томъ, взялъ ли кто

изъ сотрудниковъ даннаго изданія, а лишь о томъ, *кто именно* взялъ, съ яснымъ при томъ намекомъ на самого редактора,—то для полнаго выясненія истины остается только обращеніе къ суду... Но въ печати „не доктринерской“ — такіе предразсудки отсутствуютъ: поговорили и разойдутся. И невыясненность этого „личнаго вопроса“ не помѣшаетъ, вѣроятно, князю Мещерскому принимать участіе въ коммиссіи, которая имѣетъ осчастливить русскую печать. Князь, очевидно, внесетъ въ нее свою специфическую компетентность по вопросамъ, которые онъ поставилъ столь неосторожно на экспертизу г. Снѣссарева... А если душевный процессъ, о которомъ сказано выше, у кн. Мещерскаго подвинется еще нѣсколько впередъ, то мы дождемся, пожалуй, еще новыхъ „откровенностей“. Когда нибудь онъ просто напишетъ: „Когда мнѣ пришлось, совершенно вопреки своему убѣжденію, написать о пользѣ канализаціи по проекту Брянскаго завода...“ Или: ... „Когда въ интересахъ уволеннаго за злоупотребленія бывшаго министра Кривошеина, я отстаивалъ въ печати вредныя для казны начинанія этого государственнаго мужа...“

А вѣдь отъ теперешнихъ „признаній“ до этихъ—только небольшой и совсѣмъ уже незатруднительный шагъ...

P. S. Два номера „Гражданина“ вышли послѣ того, какъ была написана эта замѣтка. Князь хранитъ величавое молчаніе... **О. Б. А.**

Благословенный уголокъ. Есть еще счастливые уголки въ Россіи. Всюду смятеніе, всюду тревога и безпокойство, но въ Воронежѣ тишь и гладь. Это какой то мирный оазисъ, который остается только оберегать отъ тревожныхъ „слуховъ“ извнѣ для того, чтобы населеніе пребывало въ самомъ невинно-идиллическомъ настроеніи. Мѣстное начальство прилагаетъ всѣ заботы къ тому, чтобы эта кристальная невозмутимость обывательской жизни не могла быть нарушена ни малѣйшимъ тревожнымъ „вѣяніемъ“. Въ этихъ видахъ, какъ сообщаетъ воронежскій корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“, — въ мѣстномъ оффиціальномъ органѣ (Губ. Вѣдомости) въ телеграммахъ „Россійскаго“ и „Петербургскаго“ телеграфныхъ агентствъ вычеркиваются *всѣ* сообщенія, касающіяся послѣднихъ событій въ Петербургѣ, Москвѣ, Ковнѣ и Вильнѣ. *Не печатаются даже оффиціальныя сообщенія,* относящіяся къ нимъ *)..

Даже оффиціальныя сообщенія! Вотъ что называется рѣшительнымъ образомъ дѣйствій! Конечно, правительственныя сообщенія потому такъ и называются, что пишутся правительствомъ и имъ же публикуются ко *всеобщему* свѣдѣнію. Значитъ, отчасти

*) Цит. изъ „Южн. Обозр.“, 20 янв.

они назначаются также и для воронежцевъ... Но, очевидно, мѣстная „администрація“ лучше знаетъ, что нужно воронежцамъ. И потому.. когда „12 января губернской типографіей были выпущены телеграммы съ короткимъ сообщеніемъ о событіяхъ въ Петербургѣ, а также *указъ о полномочіи петербургскому генералъ-губернатору*, то черезъ короткое время губернаторомъ было сдѣлано распоряженіе объ отобраніи и уничтоженіи этого выпуска. Полиція, исполняя этотъ приказъ, ходила по городу, *срывала телеграммы* (съ оффиціальнымъ „указомъ“) *и отбирала ихъ у разносчиковъ и у публики*“... Счастливый въ самомъ дѣлѣ уголокъ: очевидно, послѣдніе остатки крамолы пріютились лишь въ губернской типографіи, какъ въ послѣднемъ убѣжищѣ. По выбытіи ихъ оттуда воронежцы будутъ чувствовать себя гдѣ-то въ Аркадіи, куда изъ остальной грѣшной Россіи не долетятъ даже отголоски. Странно только, что тотъ же корреспондентъ прибавляетъ, будто „частная ежедневная газета „Воронежскій Телеграфъ“ *выпускаетъ всѣ эти сообщенія безпрепятственно*“. Не можетъ быть! Очевидно, корреспондентъ ошибается. Вѣдь это вышло бы, что оффиціальнымъ указамъ центральнаго правительства объявлена демонстративная война именно на оффиціальной воронежской почвѣ. „Указы“ г-на воронежскаго губернатора, изгоняющіе изъ предѣловъ воронежскихъ губернскихъ изданій таковые же указы центральнаго правительства! Явленіе не совсѣмъ обычное...

Впрочемъ... можетъ быть, это слѣдуетъ понимать и такъ: редакторъ частнаго органа, человѣкъ не чиновный, печатаетъ что хочетъ. Не велика важность! Но глава воронежской администраціи, повидимому, не желаетъ принимать на себя нравственную отвѣтственность за опубликованіе указовъ петербургскаго правительства и не позволяетъ, поэтому, прикрывать ихъ въ глазахъ воронежскаго населенія авторитетомъ „губернской типографіи“. Возможно. Но, какъ бы то ни было, однако, этотъ рѣшительный образъ дѣйствій выдвигаетъ передъ коммиссіей о нуждахъ печати еще одинъ вопросъ: какъ обезпечить въ Воронежской губерніи „свободу печати“ для... правительственныхъ сообщеній.

В. К.

„Охраненіе силы закона“ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ.

Я. Г. Безруковъ, сотрудникъ многихъ провинціальныхъ газетъ, постоянно путешествующій по Россіи и исколесившій ее изъ конца въ конецъ, осенью 1899 года попалъ въ село Поташинское, Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи. Здѣсь волостнымъ писаремъ оказался его старинный знакомый, бывшій сослуживецъ и, кажется, товарищъ по училищу, нѣкто г. Фроловъ, у котораго онъ и поселился, рѣшивъ прожить въ селѣ Поташинскомъ нѣсколько дней. Писарь, какъ всѣ волостные писаря, былъ заваленъ работой, тѣмъ болѣе, что ему приходилось работать

еще и на земскаго начальника. Гость, который самъ когда то отбывалъ писарскую каторгу, рѣшился помочь хозяину, и вотъ что изъ этого вышло. Но пусть объ этомъ разскажетъ самъ г. Безруковъ. Въ декабрѣ онъ подалъ жалобу пермскому губернатору, кромѣ того, еще прокурору пермскаго окружнаго суда и министру внутреннихъ дѣлъ. Что писалъ онъ прокурору и министру—я не знаю, а губернатору писалъ онъ слѣдующее:

„Земскій начальникъ 3 участка Красноуфимскаго уѣзда, Августинъ Ефимовъ Умецкій, 14 ноября 1899 года подвергъ меня совершенно незаконному лишенію свободы, арестовавъ и подъ конвоемъ препроводивъ изъ села Поташинскаго въ уѣздный городъ за 84 версты, въ арестное помѣщеніе при красноуфимскомъ полицейскомъ управленіи, гдѣ я и пробылъ въ качествѣ арестанта 7 сутокъ. Произошло это при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Я передаю происшедшее лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, упуская подробности, которыя по своей варварской грубости выше всякаго описанія. Я жилъ въ с. Поташинскомъ, какъ частный человѣкъ, и, между прочимъ, помогалъ поташинскому волостному писарю г. Фролову въ перепискѣ бумагъ, веденіи книгъ и проч. Мнѣ извѣстно было, что земскій начальникъ Умецкій пользуется безплатнымъ трудомъ мѣстнаго писаря и дѣлопроизводителя волостного суда, но я никакъ не предполагалъ, что онъ пожелаетъ и меня обратить въ своего безплатнаго работника. Однако, это вскорѣ случилось. Я получилъ приказаніе явиться къ нему въ канцелярію для переписки бумагъ. Я отказался. Тогда мнѣ было объявлено, что для занятій въ канцелярію начальника меня приведутъ съ десятскими и сотскими подъ конвоемъ. Чтобъ не подвергаться насилію, я пошелъ, но, придя въ канцелярію, я подвергся здѣсь со стороны Умецкаго оскорбленію и самому грубому издѣвательству. На меня кричали, меня ругали мужикомъ и вахлакомъ, меня корили тѣмъ, что я мѣщанинъ, и потому будто бы не имѣю никакихъ правъ, меня собирались чему-то научить и что-то мнѣ показать. Въ теченіе получаса я принужденъ былъ созерцать передъ собою изступленное отъ бѣшенства лицо и налитые кровью глаза, выслушивать крики и угрозы безъ всякаго повода къ тому съ моей стороны. Когда мнѣ удалось среди этихъ воплей вставить нѣсколько словъ о вѣжливости, это вывело земскаго начальника уже изъ всякихъ границъ... Я былъ арестованъ и подъ полицейскимъ конвоемъ препровожденъ въ красноуфимское полицейское управленіе, гдѣ и пробылъ, какъ сказано выше, подъ арестомъ 7 дней. Свидѣтелями происшедшаго, которые должны подтвердить все вышеизложенное, были слѣдующія лица: Алексѣй Соколовъ (письмоводитель земскаго начальника), Василій Фроловъ (волостной писарь), крестьянинъ Гордѣевъ (ученикъ письмоводителя при канцеляріи) и крестьянинъ села Березовскаго Ив. Пр. Чусовъ. Претерпѣвъ такое совершенно невозможное въ культур-

номъ обществѣ издѣвательство со стороны земскаго начальника Умецкаго, съ которымъ я не имѣлъ и не желалъ имѣть никакихъ отношеній, которому я ни въ чемъ подчиненъ не былъ и, какъ не принадлежащій къ сельскому сословію, не подлежалъ и не могъ подлежать его административному воздѣйствію, я униженъ и оскорбленъ до глубины души и не допускаю мысли, чтобы такія надругательства надъ человѣкомъ, какія я испыталъ на себѣ, могли оставаться безнаказанными. Я обращаюсь къ защитѣ вашего превосходительства и ходатайствую о привлеченіи Умецкаго къ отвѣтственности за незаконное лишеніе меня свободы, за превышеніе власти и за вымогательство съ меня дарового въ его пользу труда".

„Не допускаю мысли, чтобъ такія надругательства надъ человѣкомъ могли остаться безнаказанными", писалъ г. Безруковъ, но едва ли онъ самъ вѣрилъ тому, что писалъ: ему, видавшему всякіе виды, лучше, чѣмъ кому-либо другому, было извѣстно, что и не такія вещи остаются безнаказанными. Результатъ жалобы можно было заранѣе предвидѣть. Произошло то, что должно было произойти: начальство приняло всѣ мѣры, чтобы оградить г. Умецкаго отъ непріятностей. Вѣрнѣе, оно не принимало никакихъ особенныхъ мѣръ, а пустило въ ходъ свою машину, испытанную и хорошо приспособленную для сокрытія и защиты всякаго рода беззаконій и злоупотребленій. Губернаторъ передалъ жалобу въ губернское присутствіе. Губернское присутствіе потребовало отъ земскаго начальника Умецкаго объясненій. Тотъ, не торопясь, написалъ объясненіе. Оно настолько характерно, что я привожу его полностью. Вотъ что писалъ Умецкій въ губернское присутствіе 29 февраля 1900 года:

„Согласно предложенія отъ 5 января за № 22, съ представленіемъ прошенія мѣщанина Безрукова, имѣю честь довести до свѣдѣнія губенскаго присутствія, что въ поташинское волостное правленіе былъ принятъ на службу (?) помощникомъ волостного писаря оный Безруковъ, съ согласія лишь волостного писаря Фролова. Между прочимъ, до моего свѣдѣнія дошло, что Безруковъ былъ замѣченъ въ политической неблагонадежности, каковое положеніе вещей заставило меня сдѣлать замѣчаніе волостному писарю и въ то же время было сказано волостному писарю, чтобы онъ выслалъ немедленно Безрукова ко мнѣ въ камеру для объясненій, но, несмотря на переданное мое распоряженіе Безрукову, Безруковъ въ тотъ день не явился, а предпочелъ, какъ объяснено мнѣ было, отправиться въ гости, при чемъ и на второй день не явился, до того времени, пока за нимъ не было послано, послѣ чего явился въ камеру и на первый вопросъ мой, отчего онъ не явился до сихъ поръ въ камеру, тогда какъ получилъ распоряженіе объ этомъ черезъ писаря Фролова, Безруковъ, не имѣя никакого основанія, началъ дѣлать замѣчанія,

чтобы съ нимъ обращаться вѣжливо, повторяя это нѣсколько разъ, а когда ему было объявлено, что за таковое неумѣстное его замѣчаніе въ присутственномъ мѣстѣ и въ присутствіи сторонних лицъ, онъ будетъ арестованъ, то Безруковъ, не выслушавъ даже окончательнаго объясненія ему о его неумѣстности возраженій, началъ въ возвышенномъ и раздражительномъ тонѣ уже какъ бы требовать, чтобы земскій начальникъ написалъ постановленіе объ его арестѣ. Послѣ чего, дѣйствительно, было написано постановленіе объ арестѣ Безрукова и объ удаленіи его отъ занимаемой должности. Что же касается заявленія Безрукова о томъ, что земскій начальникъ требовалъ его, Безрукова, для безмезднаго труда или вообще какого-либо труда, какъ и то обстоятельство, что земскій начальникъ „неистовствовалъ" при объясненіи съ Безруковымъ, не можетъ при обсужденіи дѣла имѣть какого либо мѣста и представляетъ плодъ досужей фантазіи Безрукова, какъ и вообще вся грубая и циничная жалоба Безрукова, какъ человѣка политически неблагонадежнаго. Надѣюсь, достаточно будетъ для меня того оправданія, если губернское присутствіе обратитъ вниманіе на подпись тѣхъ свидѣтелей, которые были при написаніи постановленія и въ моментъ объясненія съ Безруковымъ и, подписавъ постановленіе, оговорили, что наложенное въ постановленіи подтверждаемъ. Въ отношеніи же политической неблагонадежности Безрукова дѣло находится въ полицейскомъ управленіи".

Здѣсь необходимо отмѣтить слѣдующія обстоятельства: 1) г. Безруковъ именуется сельскимъ писаремъ, которымъ на самомъ дѣлѣ онъ никогда не былъ, 2) онъ объявляется политически неблагонадежнымъ („замѣченъ въ политической неблагонадежности"), 3) онъ арестуется по двумъ причинамъ: во первыхъ, за разговоры о вѣжливомъ обращеніи въ присутственномъ мѣстѣ, во вторыхъ, потому, что онъ будто бы самъ потребовалъ написать постановленіе объ его арестѣ, и земскій начальникъ арестовалъ его, снисходя къ его требованію.

Пермское губернское присутствіе вполнѣ удовлетворилось объясненіемъ г. Умецкаго. Но къ этому времени послѣдовалъ запросъ изъ министерства по жалобѣ того же г. Безрукова, и губернское присутствіе поставлено было въ необходимость произвести по этому дѣлу дознаніе черезъ предсѣдателя красноуфимскаго уѣзднаго съѣзда г. Свиридова. Произведя дознаніе, г. Свиридовъ сообщилъ, что жалоба Безрукова не подтвердилась, о чемъ и было объявлено Безрукову губернскимъ присутствіемъ черезъ красноуфимское уѣздное полицейское управленіе бумагою отъ 23 марта 1901 года, за № 2069.

Жаловаться больше было некуда, и г. Безруковъ рѣшилъ прибѣгнуть къ суду общественнаго мнѣнія—къ печати, но ни одна газета не рѣшилась напечатать его заявленіе.

Между тѣмъ г. Умецкій продолжалъ царствовать, наводя ужасъ на все населеніе своего участка. Въ какомъ положеніи находилось это населеніе, можно видѣть изъ докладной записки, поданной пермскому губернатору, 20 октября 1900 года, крестьяниномъ села Поташинскаго, Я. Г. Домрачеевымъ. Вотъ ея содержаніе.

„Въ 18 число сентября мѣсяца сего 1900 года, г. земскій начальникъ 3 участка, Красноуфимскаго уѣзда, Умецкій, вытребовавъ меня въ свою камеру въ судебный день, началъ съ азартомъ кричать на меня, говоря: „какъ ты смѣлъ писать на меня просьбы!“, при чемъ грозилъ сослать меня въ Сибирь, называя меня въ то же время подлецомъ, мошенникомъ, хамомъ, разстройщикомъ народа, крокодиломъ и другими неприличными словами, отбиралъ отъ меня подписку, чтобъ я не писалъ на него болѣе прошеній, которую письмоводитель переписывалъ до трехъ разъ. Было приказано письмоводителю написать постановленіе объ арестѣ меня на трои сутки, и написаніе его было остановлено по просьбѣ моей прощенія, которое просить мнѣ приказалъ самъ же г. земскій начальникъ. Затѣмъ мнѣ было приказано глядѣть на икону и, крестясь, повторять за г. земскимъ начальникомъ слѣдующія слова: „ваше высокоблагородіе! даю вамъ честное и благородное обѣщаніе, что на васъ не буду болѣе писать прошеній“, что я, боясь аресту, повторилъ за нимъ три раза съ изображеніемъ на себѣ крестнаго знаменія. Все сказанное продолжалось болѣе трехъ часовъ при строгомъ требованіи отъ меня стоять чинно, почему я по старости лѣтъ насилу выстоялъ, а еще болѣе отъ нанесенныхъ мнѣ обидъ. Справедливость сказаннаго могутъ удостовѣрить однообщественники мои, Григорій и Антонъ Филипповы Мезенцевы, Иванъ Егоровъ Пономаревъ и другіе. По увольненіи меня въ это число домой мнѣ опять было приказано явиться въ камеру 19-го числа въ 10 часовъ утра, каковое приказаніе я исполнилъ. По приходѣ моемъ, г. земскій начальникъ началъ производить оффиціальное дознаніе съ записаніемъ въ протоколъ моихъ отвѣтовъ, при чемъ я былъ спрошенъ о томъ, я ли писалъ прошеніе и для чего писалъ его, а по полученіи утвердительнаго отвѣта о написаніи прошенія мной изъ-за того, что я обиженъ г. земскимъ начальникомъ, я былъ спрошенъ о томъ, обязаны или нѣтъ крестьяне убирать снѣгъ съ дороги и отъ квартиры г. земскаго начальника, на что я отвѣтилъ: „кажется, съ дороги обязаны, а отъ квартиры г. земскаго начальника не обязаны“, на каковой отвѣтъ г. земскій начальникъ съ азартомъ закричалъ на меня, говоря: „какъ ты смѣлъ лгать мнѣ, прослужа 9 лѣтъ волостнымъ старшиной, и не знаешь, кто обязанъ убирать снѣгъ съ дороги и площадей!“ На что я отвѣтилъ повтореніемъ вышесказаннаго отвѣта, т. е., что съ дороги крестьяне обязаны убирать снѣгъ, а отъ квартиры

земскаго начальника не обязаны, на каковой отвѣтъ г. земскій начальникъ, разсердившись, приказалъ тотчасъ же написать постановленіе о подвергнутіи меня аресту на трои сутки, что и было исполнено. Во время письма постановленія, г. земскій начальникъ спросилъ нашего волостного старшину Булатова о моемъ поведеніи, который, по сущей справедливости, одобрилъ меня, за что г. земскій начальникъ дерзко закричалъ на старшину, говоря: „какъ онъ можетъ быть хорошимъ человѣкомъ, коль скоро пишетъ просьбы на земскаго начальника"! Г. земскій начальникъ разсердился на меня, что я подалъ вашему превосходительству просьбу на него о томъ, что земскій начальникъ насильно заставляетъ крестьянъ огораживать его посѣвы, возить навозъ и снѣгъ отъ квартиры своей, и выдержалъ меня подъ арестомъ трои сутки, стараясь мѣрами строгости запретить мнѣ писать про него сущую справедливость, такъ какъ все сказанное въ вышеизложенной просьбѣ совершенно справедливо, и можетъ быть удостовѣрено цѣлыми сходами. Наряды крестьянъ на свои работы г. земскій начальникъ дѣлаетъ нерѣдко"... Дальше идетъ очень длинное (на цѣломъ листѣ) перечисленіе всякихъ работъ и разнаго рода поборовъ, вымогаемыхъ отъ крестьянъ земскимъ начальникомъ подъ страхомъ все того же ареста („если пойдете на помочь, то васъ не посадятъ подъ арестъ, а если не пойдете, то посадятъ завтра же", говорятъ мужикамъ десятскіе отъ имени земскаго начальника). Отъ этой барщины не избавлены ни волостные старшины, ни сельскіе старосты, не говоря уже о сотскихъ, десятскихъ и другой мелочи. Пожарныя лошади употребляются исключительно для надобностей земскаго начальника; дровами онъ пользуется изъ волостного правленія; разъѣзжаетъ по участку на волостныхъ лошадяхъ; если же беретъ лошадей у крестьянъ, то денегъ не платитъ. „Мнѣ раза два довелось возить въ городъ горничную г. земскаго начальника", пишетъ Домрачеевъ: „въ первый разъ по найму отъ меня возилъ одноообщественникъ мой, Степанъ Изгагинъ, который въ городѣ вынужденъ былъ жить болѣе трехъ сутокъ, дожидаясь горничную, такъ какъ она изъ города ѣздила еще далѣе, а во второй разъ ѣздилъ, кажется, только что за собакой. Возилъ ее работникъ мой, и на моихъ лошадяхъ, крестьянинъ села Сухановскаго, Григорій Исаковъ Татауровъ. Кромѣ сего, по моему же найму возилъ крестьянинъ села Поташки Ив. Ив. Медвѣдевъ волостного писаря Фролова не по дѣламъ службы, а болѣе за жалованьемъ г. земскаго начальника. За все сказанное мною отъ г. земскаго начальника никакого вознагражденія не получено, а стараешься исполнить всякое приказаніе ради того, чтобы за неисполненіе не подвергнуться какой-либо опалѣ въ родѣ ареста или штрафа, что случается переносить совершенно ни за что"...

Въ заключеніе г. Домрачеевъ просилъ губернатора „черезъ кого слѣдуетъ произвести дознаніе на мѣстѣ".

Производилось ли дознаніе, я не знаю; можетъ быть, и производилось, но во всякомъ случаѣ ничего непріятнаго для г. Умецкаго не послѣдовало: онъ продолжалъ царствовать на всей своей волѣ. Послѣдствія были, но не для земскаго начальника Умецкаго, а для жалобщика Домрачеева, которому въ буквальномъ смыслѣ слова не стало житья: онъ почти не выходилъ изъ-подъ ареста, проводя остатокъ дней своихъ въ чижевкѣ, и, говорятъ, въ концѣ-концовъ бѣжалъ въ лѣса, гдѣ жилъ, какъ звѣрь, спасаясь отъ преслѣдованій народнаго радѣтеля. **А. П—въ.**

Скромный юбилей. Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (19 января, № 17) отмѣчено недавно исполнившееся 65-лѣтіе Петра Ивановича Добротворскаго, беллетриста и, главное, провинціальнаго публициста, оказавшаго въ свое время большое вліяніе на раскрытіе знаменитой россійской Панамы съ башкирскими землями. Съ 65-лѣтіемъ почтеннаго писателя совпало 25-лѣтіе со времени уничтоженія въ Оренбургскомъ краѣ генералъ-губернаторства, на почвѣ котораго такъ пышно расцвѣло земельное хищеніе въ благословенной Башкиріи. Благодаря статьямъ П. И. Добротворскаго, были назначены двѣ сенаторскія ревизіи—кн. Шаховскаго и Ковалевскаго. „Первая изъ нихъ, — говоритъ авторъ замѣтки,—не имѣла успѣха, такъ какъ была парализована вмѣшательствомъ генер.-губернатора Крыжановскаго, явившагося въ послѣднюю минуту на выручку уфимскаго губернатора С. П. Ушакова. За то вторая ревизія закончилась полнымъ разгромомъ оренбургско-уфимскаго хищническаго гнѣзда"...

Многимъ, конечно, еще памятны перипетіи этой хищнической исторіи, разоблаченіе которой затронуло очень широкіе бюрократическіе круги. Конечно, хищничество и послѣ этого не прекратилось, такъ какъ общіе наши порядки быстро затягиваютъ слѣды разоблаченій и общественной борьбы съ ними. Обличительная литература нашего времени далеко не всесильна въ этой борьбѣ, и средства одной только (да и то убогой) нашей гласности — ничтожны безъ кореннаго измѣненія тѣхъ условій, которыя способствуютъ буйному произростанію темныхъ дѣлъ и хищеній. Но если надежды русскаго общества оправдаются, то въ близкомъ будущемъ намъ предстоитъ, безъ сомнѣнія, пережить вспышку „обличительной горячки" посильнѣе той, какую видѣло уже пореформенное русское общество въ 60-хъ годахъ. Теперь, послѣ реформы, которая должна отмѣтить первые годы XX-го столѣтія, — обличительная литература, безъ сомнѣнія, охватитъ наше отечество съ еще большею силой, и надо надѣяться, что въ этомъ очистительномъ огнѣ исчезнетъ много сорныхъ травъ, заглушающихъ теперь здоровые всходы русской жизни. Но, если это и

такъ,—съ тѣмъ большею благодарностью мы должны привѣтствовать мужественныхъ работниковъ печати, которые поднимали свой живой голосъ въ глухую пору торжества реакціи и бюрократическаго своеволія и въ самыхъ глухихъ углахъ нашего отечества.

В. К.

I.

Николай Александровичъ Карышевъ.

Памяти умолкшаго товарища.

Утромъ 7 февраля краткая телеграмма изъ Москвы въ редакцію *Русскаго Богатства* принесла печальную вѣсть о внезапной скоропостижной кончинѣ одного изъ старѣйшихъ и ближайшихъ сотрудниковъ нашего журнала, профессора Николая Александровича Карышева, крупнаго русскаго экономиста, убѣжденнаго заслуженнаго писателя и выдающагося земскаго дѣятеля.

Н. А. давно страдалъ тяжелымъ недугомъ, такъ называемою „большою истеріей", которая періодически обострялась до опаснаго и тревожнаго состоянія. Между этими кризисами, продолжавшимися иногда нѣсколько мѣсяцевъ, а порою и больше года, были продолжительные промежутки совершеннаго здоровья, обыкновенно нѣсколько лѣтъ. Этими свѣтлыми періодами и пользовался нашъ дорогой товарищъ для своихъ крупныхъ и цѣнныхъ трудовъ. Въ одно изъ послѣднихъ моихъ свиданій съ покойнымъ другомъ онъ съ грустью замѣтилъ, что періоды недуга удлиняются, а періоды здороваго состоянія укорачиваются. Особенно тяжелый кризисъ пришлось пережить нашему ученому въ зиму съ 1903 на 1904 гг. Весною, когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, чтобы принять участіе въ товарищескихъ совѣщаніяхъ по дѣламъ осиротѣвшаго съ кончиною Н. К. Михайловскаго *Русскаго Богатства*, онъ очень плохо выглядѣлъ и самъ мало надѣялся на хорошее будущее для себя, хотя мнѣ лично казалось, что въ это майское свиданіе наше онъ выглядѣлъ нѣсколько лучше, чѣмъ въ мартѣ, когда онъ тоже на нѣсколько дней пріѣзжалъ въ Петербургъ. Мои впечатлѣнія меня не обманули, и прошедшее лѣто видѣло быстрое и серьезное улучшеніе. Уже въ іюлѣ нашъ покойный товарищъ чувствовалъ себя настолько лучше, что приступилъ къ обширной, много обѣщавшей работѣ о современной постановкѣ аграрнаго вопроса въ экономической наукѣ. Въ ноябрѣ по земскимъ дѣламъ Н. А. пріѣзжалъ въ Петербургъ и всѣхъ друзей и товарищей обрадовалъ своимъ видомъ. Онъ еще не былъ совершенно здоровъ, но кризисъ миновалъ, и свѣтлый періодъ вступалъ въ свои права. Онъ разсчитывалъ еще поработать нѣсколько лѣтъ, „а слѣдующаго приступа болѣзни, конечно, уже не переживу",—замѣтилъ онъ мнѣ, изложивъ свои планы на ближайшее будущее. На этотъ разъ и его надежды, и мои впечатлѣнія оказались обманчивыми... Карышевъ род. въ 1855, такъ что въ этомъ году ему исполнилось бы пятьдесятъ

лѣтъ. Для ученаго, писателя и дѣятеля это небольшіе годы, и родина въ правѣ была еще ждать многаго отъ своего уже много сдѣлавшаго замѣчательнаго сына.

Проходя университетскій курсъ и дѣлая первые самостоятельные шаги въ семидесятыхъ годахъ XIX вѣка, Карышевъ глубоко проникся идеями шестидесятыхъ годовъ, какъ онѣ окончательно сложились и систематизировались именно въ семидесятые годы. Идеи Чернышевскаго, Михайловскаго и Маркса и ихъ многообразное приложеніе къ народнымъ вопросамъ русской жизни составляли содержаніе міровоззрѣнія семидесятыхъ годовъ. Тѣ же идеи и тѣ-же предметы вниманія составили на всю жизнь и содержаніе міросозерцанія Карышева. Послѣдовательный строй идей, выросшій и сложившійся изъ взаимодѣйствія и взаимовліянія идей Чернышевскаго, Михайловскаго и Маркса, — это одна сторона научной и литературной дѣятельности Карышева, самостоятельно переработавшаго воззрѣнія этихъ великихъ учителей нашей мысли и создавшаго свою стройную экономическую философію. Какъ экономистъ, онъ былъ строгій послѣдователь ученія Маркса и былъ въ числѣ лучшихъ его популяризаторовъ въ Россіи, но, просвѣтленный широкими философскими перспективами, открытыми въ произведеніяхъ Чернышевскаго и особенно Михайловскаго, онъ сумѣлъ согласовать съ ними доктрину Маркса, не превратился въ „марксиста" и примкнулъ къ свѣтлымъ идеаламъ народничества въ лучшихъ его выразителяхъ. Это прогрессивное и оплодотворенное научною доктриною и философскою мыслью „народничество" и было второю стороною научной и литературной дѣятельности Карышева.

Первая (теоретическая) сторона его ученой дѣятельности наиболѣе полно вылилась въ замѣчательной работѣ: „Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ" (1897). Очень интересны такъ же его „Экономическія бесѣды" (первое изданіе въ 1888 и потомъ еще нѣсколько), небольшая книга, сжато, стройно и общедоступно излагающая основы экономической науки. „Экономическія бесѣды" принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ этого рода не въ одной русской литературѣ. Если бы такая работа, замѣчательная столько же по строгой научности, сколько по выдающейся популярности, появилась на одномъ изъ западноевропейскихъ языковъ, она, навѣрное, заслужила бы переводъ на многіе языки. Самъ покойный товарищъ нашъ смотрѣлъ на эти свои теоретическія работы, какъ на подготовительныя, собираясь издать полный курсъ политической экономіи. Его лекціи представляли готовый богатый матеріалъ. Больше своихъ теоретическихъ опытовъ Карышевъ цѣнилъ свои изслѣдованія нашей экономической дѣйствительности, направленныя къ выясненію и выработкѣ научно-народнической программы. Сюда относятся: замѣчательная работа „Внѣнадѣльныя крестьянскія аренды" и цѣлая серія статей въ „Русскомъ Богатствѣ" подъ общимъ заглавіемъ „Народно-хозяйственные наброски". Послѣдователь ученія Маркса признававшій *естественность* капиталистической эволюціи, Карышевъ до конца жизни сохранилъ твердое убѣжденіе и благородную вѣру въ *возможность*, а слѣдовательно, и нравственную необходимость сознательно сойти съ этого естественнаго, не

тореснаго пути. Эту народническую программу экономической политики нашъ ученый и защищалъ въ своихъ работахъ. Задуманный имъ трудъ объ аграрномъ вопросѣ и былъ тѣмъ особенно интересенъ, что въ немъ долженъ былъ, повидимому, сказаться синтезъ научно-теоретическихъ и научно-народническихъ работъ автора.

Мы здѣсь, конечно, не собираемся давать подробную библіографію трудовъ почившаго писателя, но напомнимъ читателямъ еще объ его „Земскихъ ходатайствахъ", цѣлой серіи статей въ „Рус. Бог.", освѣтившихъ и земскія начинанія, и бюрократическіе запреты, и представившихъ высоко поучительную страницу изъ русской исторіи. Читатели, конечно, не забыли и послѣдней статьи Карышева, появившейся въ нашемъ журналѣ „Памяти Н. К. Михайловскаго". Тепло и умно написанная, она въ немногихъ словахъ давала многое.

Только что упомянутая статья „Земскія ходатайства" связываетъ Карышева-писателя съ Карышевымъ-дѣятелемъ. Будучи землевладѣльцемъ Екатеринославской губерніи, онъ былъ гласнымъ александровскаго уѣзднаго и екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія и до упраздненія института мировыхъ судей почетнымъ мировымъ судьей.

Въ качествѣ земскаго дѣятеля, онъ много поработалъ на пользу народнаго образованія, самъ основалъ образцовое ремесленное, а затѣмъ и земледѣльческое училище, принималъ дѣятельное участіе въ общеземской организаціи и земскомъ съѣздѣ 1904 г. Въ январѣ 1903 г. Карышевъ былъ выбранъ предводителемъ дворянства Александровскаго уѣзда. Вмѣстѣ съ предстоящимъ ростомъ земскаго значенія ему открывалось широкое поле для плодотворной дѣятельности. Убѣжденный сторонникъ обновленія русской жизни на обще-европейскихъ началахъ, Карышевъ не забылъ и тѣхъ идеаловъ, что завѣщали ему его великіе учители и что укрѣпили и развили его научныя работы. Соціально-экономическіе вопросы не отходили у него на задній планъ и не заслонялись никакими злобами дня, какъ онъ ни былъ самъ преданъ этимъ злобамъ дня. Его стройная и многосторонняя программа земской дѣятельности сослужила бы еще немаловажную службу родному народу. Судьба судила иначе. Благородный дѣятель и крупный ученый умолкъ навѣки.

Честное и свѣдущее перо сломано, но благородные идеалы, цѣнные труды и честное имя надолго переживутъ наше поколѣніе и еще не мало послужатъ добру и правдѣ.

С. Южаковъ.

II.

С. Н. Флоровскій.

Еще одна горькая утрата... Въ ночь съ 3 на 4 февраля скоропостижно скончался въ Ярославлѣ, отъ кровоизліянія въ мозгъ, врачъ Сергѣй Николаевичъ Флоровскій, сотрудникъ „Русскаго

Богатства", „Русскихъ Вѣдомостей", „Сѣвернаго Края", „Степного Края" и еще нѣкоторыхъ лучшихъ провинціальныхъ изданій. Въ „Р. Б." были помѣщены, между прочимъ, его статьи: „Очеркъ колонизаціоннаго движенія въ Акмолинскую область" (1894) и „Къ хроникѣ переселенческаго движенія въ Сибирь за послѣдніе годы" (1901).

Если не громкое литературное имя, то наслѣдіе несравненно болѣе цѣнное оставилъ послѣ себя покойный—память прекраснаго человѣка, въ которомъ самая широкая терпимость къ людямъ удивительно сочеталась съ рѣдкой личной чистотою, съ непоколебимой душевной твердостью и вѣрностью лучшимъ стремленіямъ общества. Личная жизнь Флоровскаго, всѣ его духовные интересы были самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ радостями и горестями родины, и почти вся его недолгая жизненная карьера (онъ умеръ 45 лѣтъ отъ роду) прошла въ безпрерывныхъ невольныхъ скитаніяхъ по Россіи и Сибири...

Кто зналъ этого чуднаго, обаятельно-искренняго и скромнаго человѣка, тотъ никогда не забудетъ его тихой, застѣнчивой улыбки, его добраго, свѣтившагося глубокимъ убѣжденіемъ взгляда, его рано засеребрившейся головы...

Миръ праху твоему, дорогой товарищъ и незабвенный другъ!

П. Якубовичъ.

Письмо въ редакцію.

Въ № 7 газеты „Право" помѣщено слѣдующее „письмо въ редакцію":

„Въ № 6 газеты „Право" напечатана записка, представленная отъ имени четырнадцати редакцій предсѣдателю совѣщанія, образованнаго для пересмотра законовъ о печати.

„Въ этой запискѣ сказано, между прочимъ слѣдующее: „Участіе представителей русской литературы въ работахъ совѣщанія при наличности тѣхъ предѣловъ, которые этой работѣ поставлены, и той программы, которую оно призвано осуществлять, можетъ быть примирено съ достоинствомъ русскаго писателя только при томъ условіи, если участіе это ограничится категорическимъ заявленіемъ о несовмѣстимости существующаго строя съ истинною свободой печатнаго слова и о полной безплодности всякихъ попытокъ обойти эту несовмѣстимость".

„Убѣжденіе свое въ непрочности и недостаточности отдѣльныхъ реформъ, не сопровождаемыхъ кореннымъ измѣненіемъ государственнаго строя, мы выразили съ достаточною ясностью не только въ печати, но и подписавъ: одинъ изъ насъ — резолюціи ноябрьскаго земскаго съѣзда, другой — извѣстную записку профессоровъ и бывшихъ профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній.

„Повторять еще разъ, при самомъ вступленіи нашемъ въ совѣщаніе, сдѣланное такимъ образомъ заявленіе мы считали не-

нужнымъ. Ограничивать имъ нашу дѣятельность въ совѣщаніи было бы нецѣлесообразно. Пересмотръ законовъ о печати такъ важенъ самъ по себѣ, что уклоненіе отъ участія въ немъ, пока мы, какъ члены совѣщанія, пользуемся полной свободой слова и не видимъ передъ собой ни заранѣе установленныхъ предѣловъ, ни обязательной программы, было бы въ нашихъ глазахъ нарушеніемъ долга, лежащаго на насъ передъ русскою литературой.

„Что можетъ и что не можетъ быть „примирено съ достоинствомъ писателя",—объ этомъ каждый долженъ судить самостоятельно, по своему крайнему разумѣнію. Попытки стѣснить свободу мнѣній, откуда бы онѣ не исходили, меньше всего соотвѣтствуютъ значенію переживаемаго нами момента.

К. Арсеньевъ, М. Стасюлевичъ".

Приведенное письмо по своему тону и содержанію является довольно страннымъ документомъ. Прежде всего нѣсколько странною представляется уже та личная постановка, которую авторы письма сочли нужнымъ придать своему протесту противъ записки 14 редакцій. Гг. Арсеньевъ и Стасюлевичъ, повидимому, исходятъ изъ того предположенія, что названная записка всецѣло направлена по ихъ адресу. Въ дѣйствительности это, конечно, не болѣе, какъ недоразумѣніе. Лица, подписавшія записку 14 редакцій, имѣли въ виду выразить въ ней свой общій взглядъ на ту позицію, какую могутъ и должны занять представители независимой русской литературы въ виду работъ коммиссіи для пересмотра законовъ о печати, и если однимъ изъ послѣдствій опубликованія этой записки явилось размежеваніе воззрѣній примкнувшихъ къ ней лицъ отъ взглядовъ гг. Арсеньева и Стасюлевича, то это былъ во всякомъ случаѣ лишь побочный результатъ упомянутаго шага.

Но сдѣланная оговорка далеко не устраняетъ еще всѣхъ недоумѣній, связанныхъ съ письмомъ гг. Арсеньева и Стасюлевича. Названное письмо вызываетъ цѣлый рядъ вопросовъ и на нѣкоторыхъ изъ нихъ не мѣшаетъ остановиться.

Авторы письма указываютъ, что они однажды уже подписали заявленіе о „непрочности и недостаточности отдѣльныхъ реформъ, не сопровождаемыхъ кореннымъ измѣненіемъ государственнаго строя", и повторять такое заявленіе „считали ненужнымъ". Значитъ ли это, что, по мнѣнію гг. Арсеньева и Стасюлевича, разъ подписавъ принципіальное заявленіе, можно затѣмъ не считать себя обязаннымъ сообразоваться съ нимъ въ своихъ дѣйствіяхъ? Повидимому,—да. „Пересмотръ законовъ о печати—говорятъ авторы письма—такъ важенъ", что съ ихъ стороны уклониться отъ участія въ немъ было бы нарушеніемъ долга передъ русской литературой, тѣмъ болѣе, что они пользуются въ совѣщаніи полной свободой слова и не видятъ передъ собой ни заранѣе установленныхъ предѣловъ, ни обязательной программы. Предѣлы работъ особаго совѣщанія для пересмотра законовъ о печати, какъ указывалось и въ запискѣ 14 редакцій, опредѣлены указомъ 12 декабря, предрѣшившимъ „устраненіе изъ дѣйствующихъ пра-

вилъ о печати излишнихъ стѣсненій“, и журналомъ комитета министровъ, признавшаго, что изъ дѣйствующихъ правилъ о печати, должны быть устранены тѣ стѣсненія, которыя являются ненужными „съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ“, и указавшаго на необходимость правительственнаго надзора за печатью. Такимъ образомъ „не видѣть“ этихъ предѣловъ довольно трудно. Что касается „свободы слова“, которою пользуются гг. Арсеньевъ и Стасюлевичъ, то не надо забывать, что эта свобода соединяется въ работахъ особаго совѣщанія съ отсутствіемъ гласности, которая, казалось бы, могла быть здѣсь не менѣе важна, чѣмъ свобода слова отдѣльныхъ членовъ совѣщанія. И во всякомъ случаѣ рѣчь идетъ не о тѣхъ или иныхъ правахъ гг. Арсеньева и Стасюлевича въ особомъ совѣщаніи, а о томъ значеніи, какое можетъ имѣть ихъ участіе въ подготовкѣ „отдѣльныхъ реформъ“, „недостаточность“ которыхъ они ранѣе признавали въ подписанныхъ ими заявленіяхъ. Несомнѣнно, пересмотръ законовъ о печати „важенъ самъ по себѣ“, но вѣдь точно такъ же былъ бы важенъ самъ по себѣ и пересмотръ законовъ о земствѣ, а между тѣмъ не трудно представить себѣ такія условія, при которыхъ большинство земскихъ дѣятелей, подписывавшихъ вмѣстѣ съ г. Арсеньевымъ резолюціи ноябрьскаго съѣзда, отказалось бы отъ чести быть приглашенными въ бюрократическую коммиссію, занятую подобнымъ пересмотромъ. Для гг. Арсеньева и Стасюлевича такихъ условій, повидимому, не существуетъ, если не считать предоставленія членамъ коммиссіи свободы слова. Это, конечно, ихъ дѣло, но, ставя вопросъ такимъ образомъ, нѣсколько странно было напоминать о подписи принципіальныхъ заявленій.

Не менѣе странною представляется и жалоба авторовъ письма на „попытки стѣснить свободу мнѣній“. Несомнѣнно, каждый долженъ судить самостоятельно о томъ, что можетъ и не можетъ быть примирено съ достоинствомъ писателя. Часть русскихъ писателей, мнѣнія которой нашли себѣ выраженіе въ запискѣ 14 редакцій, полагаетъ, между прочимъ, что съ такимъ достоинствомъ не можетъ быть примирена готовность представлять литературу по назначенію. Гг. Стасюлевичъ, Пихно, Суворинъ и кн. Мещерскій убѣждены въ противномъ и дѣйствуютъ согласно своему убѣжденію. Это ихъ право, но почему же иначе думающіе люди не могутъ высказать своего мнѣнія? Если же всякая попытка той или иной группы людей высказать свой взглядъ является вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію гг. Арсеньева и Стасюлевича, и попыткою стѣснить свободу мнѣній, то на какихъ же основаніяхъ сами названныя лица участвовали въ подобныхъ попыткахъ, подписывая заявленія земской и профессорской группъ? Выяснить всѣ эти противорѣчія было бы далеко не лишнимъ. Въ настоящій моментъ менѣе, чѣмъ когда-либо, удобно идти одновременно по двумъ различнымъ дорогамъ и больше, чѣмъ когда-либо, нужны не только опредѣленность взглядовъ, но и послѣдовательность дѣйствій.

В. Мякотинъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На сооруженіе памятника на могилѣ **Николая Константиновича Михайловскаго** поступило:

Отъ И. С. Абрамова, изъ С.-Петербурга—3 р.

Итого . . . 3 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 2.668 р. 04 к.

На стипендію имени **Николая Константиновича Михайловскаго**:

Отъ В. Г. Б., изъ Витебска—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 885 р. 65 к.

Въ капиталъ имени **Николая Константиновича Михайловскаго** при „Литературномъ Фондѣ":

Отъ подписчика—1 р. 50 к.; I. Хрущика, изъ Бобруйска—50 к.

Итого . . . 2 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 195 р. 48 к.

На устройство народной школы имени **Николая Константиновича Михайловскаго**:

Отъ И. С. У—ва, изъ Куанчендзы—5 р., N., изъ Островца—5 р.

Итого . . . 10 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 272 р. — к.

На изданіе сборника, посвященнаго памяти **Николая Константиновича Михайловскаго**:

Отъ В. Буйницкаго, изъ Екатеринбурга—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 11 р. — к.

На библіотеку имени **Николая Константиновича Михайловскаго**:

Отъ И. С. У—ва, изъ Куанчендзы—5 р.

Итого . . . 5 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 61 р. 50 к.

На изданіе сборника въ память 25-лѣтія со дня смерти „великаго пѣвца народа-раба", **Н. А. Некрасова:**

От̄ъ I. И. Годлевскаго, изъ Челябинска (черезъ „Русскія Вѣдомости")—8 р. 70 к.

Итого . . . 8 р. 70 к.

А всего съ прежде поступившими 9 р. 70 к.

На учрежденіе высшей народной школы имени гр. **Л. Н. Толстого:**

Отъ врача запаса Ю. Шиманскаго, изъ Иркутска—3 р., сестры милосердія Е. Гарченко, изъ Иркутстка—50 к.

Итого . . . 3 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими 167 р. — к.

На образованіе стипендіи имени **Вл. Г. Короленко:**

Отъ друга и товарища Д. И. Лючальскаго—10 р.

Итого . . . 10 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 117 р. 50 к.

На развитіе библіотеки имени **Вл. Г. Короленко** въ г. Лукояновѣ, Нижегородской губ.

Отъ И. С. У—ва, изъ Куанчендзы—2 р.

Итого . . 2 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 1382 р. — к. *)

Въ пользу семей рабочихъ, убитыхъ и раненыхъ въ Петербургѣ 9 января:

Отъ М. А. Рожнова, изъ ст. Починокъ — 15 р., С. Б. Померанца, изъ Киліи—2 р., отъ участниковъ банкета (770 чел.), изъ Ташкента—415 р. 40 к., отъ новороссійскихъ жителей (черезъ ред. „Черноморскаго Побережья") — 118 р. 38 к.; 13 чел., изъ Одессы (черезъ М. М. Рафаловича) — 11 р.; жителей г. Сочи (черезъ ред. „Черноморскаго Побережья") — 31 р., М. Подсосcва—50 р.; разныхъ лицъ чрезъ земскаго врача Москалева, изъ Бугульмы—62 р.; изъ Берлина черезъ М. А. Рейснера—165 р.

Итого . . . 869 р. 78 к.

*) Изъ этой суммы 1.275 р. отправлены 20 февраля 1904 г. председателю общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губ., А. И. Ланину.

Редакторъ-Издатель: *Вл. Г. Короленко.*

Дозв. ценз. Спб., 23 февраля 1905 г. Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская, 34.

Адресъ редакціи и конторы: Басковa ул., 9. Телефонъ № 2083.

МАРТЪ. 1905.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 3.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ую стр. обложки).

МАРТЪ. 1905.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. 34.
1905

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 марта 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

Н. Кудринъ. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Отъ автора. — I. Народъ и его характеръ. Психологія француза. Французское краснорѣчіе. Цезаризмъ и роль личности во Франціи XIX в. Ренегаты и герои убѣжденія. — II. Общественные классы. Французское крестьянство. Несчастный богачъ и счастливые бѣдняки. Безработные. Жизнь и идеалы четвертаго класса во Франціи. — III. Наука, литература и печать. Соціологія человѣка-звѣря. О марксизмѣ вообще, по поводу франц. марксизма въ частности. Натурализмъ на службѣ у утопіи. Французская пресса.—IV. Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ. Современное „чертобѣсіе". Шовинистская и клерикальная реакція. Дѣло Дрейфуса (Торжество военщины. Идейное пробужденіе. Реннскій процессъ и его міровой характеръ). Еврейскій вопросъ и антисемитизмъ во Франціи. Французскій парламентаризмъ и его критики. Эволюція политическихъ партій. Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній буржуазіи и пролетаріата.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ I. *Второе* изд. 1903 г.—311 стр. Ц. 1 р.

Мертвая зыбь.—Лушка.—Горе.—Счастье.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ II. *Второе* изд. 1903 г.—314 стр. Ц. 1 р.

Отдыхъ. — Чудачка. — Бабьи слезы. — Праздники. — Лишняя.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ III. Изд. 1903 г.—316 стр. Ц. 1 р.

Рабъ.—Оборванная переписка. — На мельницѣ. — Облачко. — Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Томъ I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ преддверіи. — Шелаевскій рудникъ. — Ферганскій орленокъ.— Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Томъ II. *Второе* изд. 1902 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.— Post-scriptum (отъ автора).

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р.

Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни. — Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда. — На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г.—406 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Пѣвецъ гуманной красоты (Пушкинъ).—Муза мести и печали (Некрасовъ).—Чудеса „вседневнаго міра" (Фетъ).—На высотѣ (Тютчевъ).— Пѣвецъ „тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ). — Современныя миніатюры (Гг. Минскій, Андреевскій, Фругъ, Льдовъ, Фофановъ, Коринфскій, Чюмина, Облеуховъ, Бальмонтъ, Брюсовъ, Танъ, Соловьевъ, Allegro, Ѳедоровъ, Бунинъ, Лохвицкая, Щепкина-Куперникъ, Галина). О старомъ и новомъ настроеніи.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ. Изд. 1896 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Томъ I. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Томъ II. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ.

7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Томъ III. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его „новая наука". 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

Томъ IV. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

Томъ V. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ".

Томъ VI. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ I. Изданіе *второе*. 1905 г. — 504 стр. Ц. 2 р.

Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". Братья Курочкины, Ножинъ, Благосвѣтловъ, Писаревъ, Демертъ, Минаевъ. — „Гласный судъ", „Современ. обозрѣніе", „Отеч. Записки". — Некрасовъ.—Романъ „Борьба" и статья „Что такое прогрессъ". Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Некрасовъ, какъ человѣкъ.— Фетъ о Салтыковѣ. Изъ переписки и дневника Шелгунова. Шелгуновъ и Поздньшевъ. „Исторія новѣйшей русской литературы" А. М. Скабичевскаго. — П. Д. Боборыкинъ и его отношеніе къ „Отеч. Запискамъ". — Въ одной изъ толстовскихъ колоній. Изъ прошлаго и настоящаго Л. Н. Толстого. Полемика съ нимъ И. И. Мечникова.—Личныя воспоминанія о гр. Толстомъ. Толстой и г. Мечниковъ, какъ гигіенисты. О естественномъ и неестественномъ. О задачахъ науки. О будущемъ женщинъ и женскаго вопроса. Люди, владѣющіе перомъ и перомъ владѣемые. Двоякаго рода эпигоны. Г. Сементковскій о нашемъ недавнемъ прошломъ.—„Книга о книгахъ". Воспоминаніе объ одномъ маленькомъ человѣкѣ. Письмо К. Маркса. Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. Ошибки исторической перспективы. „Черезъ сто лѣтъ" Беллами и „Крушеніе цивилизаціи" Буажильбера".—О г. Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства. О мозаичности культуры. Славянофилы, „Моск. Вѣдомости", „Гражданинъ" и благонамѣренность. Изъ поѣздки по Волгѣ и изъ исторіи русской цензуры.— Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р.

Оптимистическій и пессимистическій тонъ. Марксъ Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч. Русское отраженіе франц. символизма. О разныхъ типахъ празднословія. Объ исторической критикѣ. Отрывокъ изъ романа „Карьера Оладушкина". Основы народничества г. Юзова. — Памяти Тургенева. О народничествѣ г. В. В. Братство народовъ.—О молодости. О гг. П. Ковалевскомъ и Сениговѣ.

Смерть Гайдебурова. Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ. Гегелизмъ и гальванизмъ. О діалектическомъ развитіи и тройственныхъ формулахъ прогресса. О разсказахъ гг. Григоровича и Мамина-Сибиряка. О силѣ привычки вообще, у писателей въ частности. О гр. Л. Н. Толстомъ.—Нѣчто о бѣдствіяхъ существенныхъ и красныхъ вымыслахъ. Фламмаріонъ, Мечниковъ и Бертело о грядущихъ судьбахъ человѣчества. Будущія бородатыя женщины г. Брандта. „Выдающаяся женщина" г. Ардова и Раскольниковъ Достоевскаго.—О „Литературномъ обществѣ" и нашихъ литературныхъ нравахъ. О системахъ морали. О Максѣ Штирнерѣ и Фр. Ничше.—О г. Струве и его „Критическихъ замѣткахъ".

— ОТКЛИКИ. Томъ I. Изд. 1904 г.—492 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— ОТКЛИКИ. Томъ II. Изд. 1904 г.—432 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Томъ I. Ц. 1 р. 50 к.

— „ „ Томъ II. Ц. 1 р. 50 к. (Печатает.).

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

С. Подъячевъ. МЫТАРСТВА.—Т. I. Ц. 75 к.

— СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Т. II. (Печатается).

А. В. Пѣшехоновъ. НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Изд. 1904 г.—434 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Крестьянскій вопросъ. — Недодѣланное дѣло. — Изъ хроники голодныхъ лѣтъ. — Современные аргонавты. — Торгово-промышленныя дѣла и дѣятели.—По поводу одного аграрнаго закона.—Централизація экономической власти.—Желѣзныя дороги въ русскомъ государственномъ бюджетѣ.—Неудавшійся праздникъ.—Пора рѣшить. — Уединенная реформа.—Изъ земской жизни: 1) Земцы новой формаціи.—2) Кризисъ въ земской статистикѣ.—Господа ремесленники и ихъ комментаторы.—Самарскій мужикъ въ новомъ освѣщеніи. — Докторъ Штокманъ на русской сценѣ. — Изъ исторіи чести и совѣсти.—Проблемы совѣсти и чести въ ученіи новѣйшихъ метафизиковъ. — Матеріалы для характеристики русской интеллигенціи.

СБОРНИКЪ «РУССКАГО БОГАТСТВА». Часть I. *Беллетристика.* Изд. 1899 г.—206 стр. Ц. 2 р.

Изъ романа „Карьера Оладушкина". Въ провинціи. *Н. К. Михайловскаго.*—У святыхъ могилокъ. Эскизъ. *Д. Н. Мамина-Сибиряка.*—На службѣ обществу. *Л. Мельшина.*—Современная Миньона. *Н. Сѣверова.*—Бѣлыя крылья. Изъ разсказовъ стараго шахтера. *В. І. Дмитріевой.*—Маруся. Разсказъ. *В. Г. Короленко.* — Стихотворенія. *В. Г.* Послѣдній выборъ. Романъ. *Р. Штратца* (съ нѣмецкаго).

— Часть II. *Публицистика.* Изд. 1899 г.—450 стр. Ц. 1 р.

А. С. Пушкинъ. *П. Ф. Гриневича.*—Муки слова. *А. Г. Горнфельда.*—А. С. Пушкинъ и его письма. *Е. А. Ляцкаго.*—Изъ Пушкинской эпохи. *В. А. Мякотина.*—Сербско-болгарскія отношенія по македонскому вопросу. *П. Н. Милюкова.*—Покупательныя силы крестьянства. *А. В. Пѣшехонова.*—О классицизмѣ филологическомъ и идейномъ. *Н. Е. Кудрина.*—Людвигъ Бюхнеръ. *В. В. Лункевича.* — Неудавшійся праздникъ. *А. В. Пѣшехонова.*—Правители и властители современной Европы. *С. Н. Южакова.*

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ I (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ II (1898—1902). *Второе* изд. 1902 г.—295 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. *Второе* изданіе. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Собраніе лучшихъ, оригинальныхъ и переводныхъ, стихотвореній русскихъ поэтовъ XIX вѣка. Съ приложеніемъ образцовъ юмористической поэзіи. Въ книгѣ больше 30.000 стиховъ. Произведеніямъ почти каждаго поэта предпослана краткая характеристика.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1903 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1904 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

НА ВОЙНѢ.

XIII.

Дорога, по которой двинулась наша колонна, проходила черезъ „городъ", потомъ черезъ обѣ рѣчки и уходила въ узкую ложбину между кудрявой „сопкой" и длинной горой съ кумирней. Она должна была вывести, по предположеніямъ генерала, во флангъ и даже въ тылъ японцевъ, и задачей боковой колонны было — сдѣлать неожиданный „ударъ во флангъ", когда сраженіе на фронтѣ уже разгорится. Предполагалось, что японцы не могли ждать появленія русскихъ, да еще съ артиллеріей, по этой дорогѣ, такъ какъ она вела черезъ непроходимый, почти „суворовскій" перевалъ.

Солнце, замѣтно поднявшееся, начинало уже печь, но узкая ложбина, заросшая громадными, старыми, незнакомыми мнѣ деревьями, сохраняла еще утреннюю свѣжесть. Въ ней было темно и сыро.

— Страсть люблю ходить въ походъ,—сказалъ Кутенковъ, не обращаясь ни къ кому.—А сидѣть на бивакѣ не люблю... Смотри ты, какая любоха!..

Ложбина мало по малу развертывалась все шире и шире, и мы выѣхали въ большую безлѣсную, всю покрытую обезображенными, вытоптанными пашнями долину. Въ серединѣ ея стояло нѣсколько фанзъ, окруженныхъ высокими вѣтвистыми деревьями.

На одной изъ пашенъ я замѣтилъ странную группу. Старикъ-китаецъ держалъ короткія оглобли плуга, точно онъ былъ запряженъ въ него; съ одной стороны старика за оглоблю держались двое маленькихъ, лѣтъ 10—12, китайчатъ, съ другой — китаянка. У плуга стоялъ еще одинъ китаецъ. Всѣ они, закрывая ладонями глаза отъ солнца, смотрѣли на проходившій мимо отрядъ. Что они тутъ дѣлали? Неужели пахали?

— А вѣдь они пашутъ, — сказалъ Кутенковъ. — Пра, па-

шутъ... У нихъ клеймать баской,—може, чего и успѣетъ вырости... Я уже не первый разъ вижу.

Китаецъ у плуга что-то крикнулъ, старикъ дернулъ за оглобли, мальчишки, согнувшись, помогли ему, но плугъ не тронулся съ мѣста. Тогда китаецъ приподнялъ его и опять крикнулъ—тàкъ, какъ китайцы-погонщики кричатъ на своихъ муловъ:

— Іó, іó, іó...

Опять всѣ согнулись и потянули за оглобли; плугъ двинулся впередъ, а шедшій за нимъ китаецъ, налегая, мало по малу погружалъ его въ землю.

— Іо, іо, іо...

Но, должно быть, онъ опять слишкомъ глубоко зацѣпилъ плугомъ,—процессія остановилась. Тогда онъ вытащилъ изъ-за пояса длинный и гибкій хлыстъ и замахалъ имъ въ воздухѣ, задѣвая концомъ мальчишекъ, старика, женщину.

— Іо, іо, іо...

Тѣ рванулись, плугъ двинулся впередъ...

— Ишь какъ родителя-то, ровно мула!.. Ну, народъ... А вѣдь вспашутъ.

Засмѣялись и санитары. Только другой казакъ угрюмо и мрачно сказалъ:

— Теперя во всей округѣ скотины ни званія... Помирать народу приходитъ...

Мы отъѣхали уже далеко, а сзади все еще доносилось:

— Іо, іо, іо...

— Чудной народъ!..—говорилъ Кутенковъ. — Я видалъ, какъ имъ головы рубятъ... Ровно пѣтухамъ, ей-Богу... Фунфузовъ казнятъ. Ну, конечно, сначала это судятъ ихъ, чего-то читаютъ, по-ихнему, въ трубы трубятъ (трубы—во!..), потомъ вродѣ какъ въ тарелки бьютъ, а ужъ потомъ ведутъ казнить. Ну, ужъ сразу видно, куда привели: палачъ это ихній съ саблей стоитъ, всякая тебѣ тутъ штука, народъ, а они—ни, не боятся. Которые даже смѣются. Вò черти, а?.. Ну, выведутъ на середину, поставятъ на колѣни, рядомъ. Подходитъ палачъ, размахнется это и первому, что есть мочи—цопъ! Нá прочь... Ловкачи они, палачи-то... А другіе ждутъ очереди и смотрятъ. И если палачъ хорошо голову отмахнулъ, башками качаютъ: шанго, молъ, больно шанго... Ни, не боятся...

— А сабли у нихъ какія?—спросилъ Семеновъ.—Которыми головы-то рубятъ?..

— Здоровенныя... Вродѣ какъ у старинныхъ народовъ.. Тяжелыя, страсть,—насилу подымешь!

— Ну, эдакой-то не мудрено сразу отмахнуть... Нѣтъ, ты топоромъ бы попробовалъ...

Когда я былъ въ Харбинѣ, мнѣ случайно пришлось присутствовать при казни хунхузовъ. Видѣлъ я, впрочемъ, только первую картину этого „представленія". Дѣйствительно, большая и тѣсная толпа собравшихся посмотрѣть китайцевъ и русскихъ вела себя точно въ ожиданіи выхода артистовъ въ циркѣ: болтали, что-то ѣли, щелкали орѣхами, смѣялись, толкались, выражали свое нетерпѣніе... И этотъ веселый, разноголосый гамъ сразу притихъ, когда на крыльцѣ появились судьи въ широкихъ, красныхъ хламидахъ. За ними шли шесть осужденныхъ... То есть, не шли, а прыгали—высоко, съ какой-то странной легкостью и живостью: у нихъ на ногахъ были колодки, и они могли подвигаться впередъ только прыжками. Они вытянули отъ напряженія шеи, казавшіяся ненормально длинными, съ каждымъ прыжкомъ высоко взмахивали руками и, дѣйствительно, походили на ощипанныхъ пѣтуховъ со связанными ногами.. Народъ опять загалдѣлъ, двинулся было всей толпой впередъ, но полицейскіе, толстые, въ красныхъ одѣяніяхъ, осадили его назадъ, яростно лупя по головамъ и плечамъ переднихъ толстыми бамбуковыми палками... А осужденные все прыгали, пока не добрались до высокой колесницы, въ которой ихъ должны были везти на казнь.

— Чудной народъ!—продолжалъ Кутенковъ.—Хотя бы эти опять фунфузы. На казни смерти — не боятся, а въ сраженіи первые трусы. Чуть что—и драть. Ружья бросаютъ, всякую штуку — прямо безъ памяти бѣгутъ... Чего-то ихъ еще не слыхать, а вотъ погоди, черезъ мѣсяцъ-другой, ихъ будетъ сила. Голодъ вѣдь... Жрать нечего, земли нѣтъ — и идутъ въ фунфузы. Не издыхать же... Нашъ Липинлинка тоже въ фунфузы пойдетъ, когда его китайчата сдохнутъ.

— Это вѣрно,—согласился угрюмый казакъ.—Съ голоду они въ фунфузы идутъ... Земли бы имъ побольше, да никто бы ихъ не трогалъ...

XIV.

Извилистая дорога шла то по густому лѣсу, то между пашенъ, то по берегу горнаго шумливаго ручья въ узкомъ ущельи, то поднималась на пригоркѣ, то огибала высокій скалистый кряжъ. И неизмѣнно на каждомъ, хотя бы и самомъ маленькомъ, перевалѣ мы находили маленькую часовенку, стоявшую подъ тѣнью громаднаго дряхлаго дерева. Часовенки эти походили на игрушечные домики: на высокомъ каменномъ фундаментѣ помѣщалась каменная же будка, въ аршинъ вышины и ширины, съ изящной выгнутой

и украшенной по коньку драконами крышей. Въ часовенкѣ стояли изображенія святыхъ, удивительно похожія на русскія иконы. Тѣ же доски, тѣ же краски, тѣ же позы, тотъ же вѣнчикъ вокругъ головы, изображающій сіяніе, тѣ же надписи по обѣ стороны лица... Отличіе заключалось только въ физіономіяхъ святыхъ, съ косыми глазами и длинными усами, да въ костюмахъ. Если по бокамъ главной фигуры были изображены еще второстепенныя, ихъ позы, сжатыя на груди руки ладонями вмѣстѣ и лица, обращенныя къ главному божеству, еще болѣе подчеркивали сходство. Казалось, что художники, рисовавшіе русскія иконы и эти, прошли одну и ту же школу и потомъ рисовали, одни въ Россіи, другіе въ Китаѣ, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ, къ мѣстнымъ требованіямъ... Передъ иконами стояли огарки красныхъ свѣчей и маленькія чашечки съ пепломъ, оставшимся послѣ куреній. Если часовенки находились возлѣ деревень, то на одномъ изъ сучьевъ дерева висѣлъ колоколъ,—самый обыкновенный русскій колоколъ, только съ китайскими надписями...

„Ордынскія“ мѣста кругомъ были восхитительны. Тутъ были широкія, привольныя долины съ неизбѣжной веселой рѣчкой по серединѣ; узкія и темныя, оглашаемыя шумомъ потоковъ, ущелья; горы, красивыя, темно-зеленыя, всевозможныхъ формъ и размѣровъ; громадные гребни съ голыми вершинами, высокіе, величественные, но не подавляющіе, не подчеркивающіе мысли о твоемъ человѣческомъ ничтожествѣ... И въ самыхъ уютныхъ уголкахъ виднѣлись соломенныя крыши одинокихъ фанзъ,—и, должно быть, что за идиллическая жизнь текла въ этихъ уютно спрятавшихся въ тѣни громадныхъ деревьевъ домикахъ! При каждой фанзѣ обязательно былъ небольшой, артистически воздѣланный огородъ съ кустами цвѣтущихъ розъ и піоновъ, маленькое полосатое поле цвѣтущаго же мака, пестрѣвшаго теперь бѣлыми и розовыми головками, и кругомъ—поля гаоляна, кукурузы. И все это такъ изящно, такъ домовито, такъ уютно.

Но теперь намъ попадались только опустѣвшія, брошенныя фанзы... И вообще все кругомъ было мертво: въ лѣсу, въ поляхъ не видно было ни одного животнаго, не слышно пѣнія птицъ, даже жужжанья насѣкомыхъ. Самъ лѣсъ — и тотъ стоялъ точно заколдованный, не шумя, не шелестя своими листьями... И было странно слышать впереди глухое погромыхиванье пушекъ, стукъ копытъ о каменистую дорогу и отрывочные разговоры сосѣдей... На небѣ, высокомъ и блѣдномъ, не было ни облачка, и солнце, неподвижное и жгучее, палило и горы, и лѣсъ, и фанзы...

Только изрѣдка намъ попадались какія-то великолѣпныя

бѣлоснѣжныя птицы, неподвижно стоявшія въ травѣ или на вершинѣ дерева, иногда очень близко отъ дороги. Онѣ походили на нашихъ цапель, но были больше и гораздо красивѣе и изящнѣе ихъ. Онѣ не боялись людей,—должно быть, китайцы за ихъ красоту считали ихъ священными и не трогали. Если кто-нибудь изъ казаковъ, желая испугать птицу, громко кричалъ, она медленно поворачивала на шумъ голову на длинной изящной шеѣ, смотрѣла нѣсколько мгновеній въ его сторону—и успокаивалась. А если кто-нибудь хотѣлъ поймать ее и подходилъ къ ней, она подпускала врага очень близко и только въ послѣдній моментъ медленно и мягко взмахивала огромными бѣлоснѣжными крыльями и поднималась. Отлетѣвъ нѣсколько саженъ, она испускала рѣзкій и громкій крикъ—и гдѣ-нибудь въ сторонѣ ей отзывался другой крикъ, такой же рѣзкій. Я не могъ разобрать, кто это ей отвѣчалъ,—эхо или другая птица.

Было жарко... Надъ высокими хребтами воздухъ дрожалъ и струился.

XV.

Доѣхали до перевала. Онъ оказался, дѣйствительно, очень крутымъ и высокимъ. Съ уханьемъ, съ крикомъ втащили на него пушки и съ такимъ же уханьемъ спустились на другую сторону. И только что спустились съ перевала, неожиданно выѣхали на большую дорогу, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда по ней двигались „главныя силы"... Планъ напасть на японцевъ неожиданно съ двухъ сторонъ сразу отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть.

Я немного отсталъ почему-то отъ своего отряда. Мимо меня проходила пѣхота. Впереди ѣхалъ пѣхотный генералъ, удивительно изящный и стройный, еще молодой и красивый господинъ. Онъ былъ одѣтъ въ изящный китель съ высокимъ воротникомъ, изъ-за котораго виднѣлся бѣлый, тоже высокій воротничекъ. Сѣдло у него было тоже изящное и красивое, а лошадь высокая и стройная... Все это было теперь покрыто пылью, но она не вредила картинѣ, а лишь придавала ей оттѣнокъ какой-то особой, походной щеголеватости. Генералъ говорилъ что-то сердито и громко ѣхавшему рядомъ съ нимъ офицеру.

— Люди не собаки,—донеслись до меня фразы его сердитой рѣчи, когда онъ поравнялся со мной. — Людямъ нуженъ отдыхъ. Нельзя гнать ихъ цѣлый день съ четырехъ утра по этому солнцу, по этой пыли безъ отдыха... Пока дойдемъ до японцевъ, куда они будутъ годны? Да они всѣ

попадаютъ отъ солнечнаго удара... Это не кавалерія, извините, пожалуйста!

За генераломъ ѣхалъ какой-то офицеръ и клевалъ носомъ, а за нимъ шли, рота за ротой, усталые солдаты.

Они шли въ облакѣ желтой мелкой пыли, поднятой съ дороги тысячами копытъ и ногъ и неподвижно повисшей въ мертвомъ воздухѣ. Она набивалась въ носъ, въ глаза, въ уши, хрустѣла на зубахъ, грязнымъ слоемъ приставала къ потнымъ лицамъ.

Они шли, нагнувшись впередъ, разстроивъ ряды, и во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ была видна усталость и жажда... Шли они уже цѣлыхъ десять часовъ, глотая пыль, подъ жаркими лучами жестокаго солнца... И ихъ грязныя лица, утомленныя, безъ мысли въ потускнѣвшихъ глазахъ, были удивительно похожи одно на другое... Нѣкоторые изъ нихъ какъ-то машинально поднимали головы и равнодушно и тупо смотрѣли на меня... Думали ли они о чемъ-нибудь въ это время?..

Вдругъ гдѣ-то сбоку раздался далекій и странный звукъ,—точно кто-то быстро, однимъ усиліемъ разорвалъ кусокъ твердой ткани. Въ отвѣтъ этому звуку, на противоположной горѣ, въ лѣсу что-то прошумѣло неясно, неопредѣленно, — такъ шумитъ внезапно вспорхнувшая съ деревьевъ стая птицъ.

Это залпъ... Началось...

Солдаты оживились. Въ ихъ толпѣ пробѣжалъ короткій разговоръ, быстро смѣнившійся напряженной тишиной ожиданія... Кое-кто перекрестился, кое-кто поправилъ фуражку. Всѣ выпрямились, зашагали бодрѣе; разстроенные ряды какъ-то сами собой, незамѣтно и быстро, пришли въ порядокъ. И солдатскія лица теперь не были уже такъ похожи другъ на друга...

Раздался другой звукъ, похожій на первый, но громче и длиннѣе, и эхо въ горѣ прошумѣло яснѣе, тревожнѣе.

— Наши...—сказалъ кто-то изъ солдатъ.

Потомъ стало слышно отрывистое далекое щелканье, похожее, пожалуй, на щелканье бича. Каждое такое щелканье обязательно состояло изъ двухъ звуковъ: тк... тк... и второй звукъ былъ тономъ ниже перваго. Звуки эти то учащались, сливаясь въ непрерывную трескотню, то рѣдѣли, исчезали совсѣмъ—съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько секундъ разгорѣться снова...

Я дернулъ лошадь,—нужно было догонять свой отрядъ. Я обогналъ бодро теперь шагавшія роты, обогналъ дремлющаго офицера, который все еще продолжалъ дремать, изящнаго генерала. Онъ теперь ѣхалъ молча, нервно кусая какую-то былинку.

XVI.

Нашъ отрядъ глядѣлъ тоже бодрѣе и веселѣе, чѣмъ прежде. Толстый Руденко сидѣлъ еще важнѣе, еще осанистѣе, докторъ Эрдманъ поминутно поворачивалъ голову и смотрѣлъ на санитаровъ,—все ли въ порядкѣ.

— Ловко садятъ!—говорилъ Кутенковъ.—Это—японцы, это наши... Жарятъ, какъ слѣдуетъ... Опять японцы...

— Нѣтъ, вотъ подъ Синкайлиномъ жарили. это вотъ такъ!—возразилъ Семеновъ—Тамъ сразу, со всѣхъ сторонъ... Тамъ веселѣй было.

Они были простыми зрителями предстоящаго боя и оцѣнивали его только со стороны большей или меньшей занимательности зрѣлища...

— Ровно жидъ мѣха выколачиваетъ!—захохоталъ вдругъ Лазаревъ.—Такъ-такъ-такъ, такъ-такъ-такъ...

Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ слышнѣе и слышнѣе, громче и громче становились звуки перестрѣлки. Лѣсъ на противоположной горѣ шумѣлъ, не переставая,— этотъ необыкновенный шумъ то ослабѣвалъ, то усиливался, но уже не исчезалъ... Теперь до мѣста, гдѣ стрѣляли ближайшіе къ намъ русскіе стрѣлки, оставалось не болѣе версты.

Иваномъ Петровичемъ, ѣхавшимъ впереди меня, овладѣвало какое-то все усиливавшееся безпокойство: онъ ерзалъ на сѣдлѣ, то выпрямлялся, то опускался, поминутно смотрѣлъ въ ту сторону, откуда слышались выстрѣлы, дергалъ плечами, и когда раздавались залпы громче и сильнѣе, онъ весь съеживался и начиналъ дергать поводья.

— Куда-жъ это мы ѣдемъ?—вдругъ обернулся онъ ко мнѣ. Лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго и выражало волненіе.

— То есть?—переспросилъ я.

— Мы ужъ въ линіи огня,—смотрите, совсѣмъ рядомъ палятъ... Остановиться пора... Мы въ самой серединѣ,—вы думаете, разбирать будутъ, красный флагъ или не красный?..

Онъ опять задергалъ поводьями и подъѣхалъ къ доктору.

— Куда мы ѣдемъ? Совсѣмъ рядомъ стрѣляютъ... Остановиться надо, и перевязочный пунктъ... А то въ самой серединѣ ѣдемъ... Вонъ фанза—очень удобно, и прикрытіе...

Докторъ Эрдманъ спокойно, даже торжественно отвѣтилъ:

— Это не ваше дѣло указать, гдѣ пунктъ... Ѣздите, пожалуйста, на свое мѣсто. .

— Да нельзя же лѣзть впередъ, въ серединѣ войска... Простите, пожалуйста, но это—глупо. Да!..

Иванъ Петровичъ круто повернулъ лошадь.

— Прошу не грубіянить!—крикнулъ докторъ.—Вы сами глупъ... Я—начальникъ!

Стрѣляли теперь только залпами, но часто, залпъ за залпомъ. Направо отъ насъ, въ какихъ-нибудь ста саженяхъ, стояла невысокая горка съ почти отвѣснымъ обращеннымъ къ намъ склономъ,—русскіе стрѣлки, очевидно, находились или на ней, или за ней.

Наконецъ, батарея остановилась и потомъ, круто повернувъ направо, направились къ отвѣсной горкѣ. Докторъ Эрдманъ скомандовалъ:

— Направо!—и поѣхалъ за батареей.

— Ну, вотъ... претъ на рожонъ, чортъ его дери совсѣмъ!—съ отчаяніемъ въ голосѣ сказалъ Иванъ Петровичъ.

Но подъ горкой было, должно быть, болѣе безопасное и защищенное отъ случайныхъ пуль мѣсто,—тамъ стояли „коноводы" съ лошадьми и тамъ же находился докторъ Пархоменко съ своимъ фельдшеромъ. Батарея остановилась, казаки и офицеры расположились на травѣ. Еремичъ легъ на спину, раскинувъ руки.

— Жарко, чертямъ тошно!—крикнулъ онъ намъ, когда мы подъѣхали.—Это паршивое солнце точно нанялось—жарить на совѣсть... И удивляюсь: что за охота сражаться въ этакую жару?

Мы остановились возлѣ Пархоменко. Онъ сидѣлъ на камнѣ и глодалъ куриную ногу. Фельдшеръ, толстый, благообразный господинъ, видимо изъ запасныхъ, сидѣлъ возлѣ небольшого костра, надъ которымъ висѣлъ походный казацкій котелокъ. Обстановка была самая мирная. А за горкой, совсѣмъ близко, трещала перестрѣлка.

— Милости прошу къ нашему шалашу,—сказалъ, не переставая жевать, Пархоменко.—Пока дѣловъ нѣтъ, подзакусить да чайку испить не вредно...

— Раненые есть?—спросилъ я.

— Пока нѣтъ. Чортъ ихъ знаетъ, трещатъ, трещатъ—и никакого проку. Я сначала къ перестрѣлкамъ съ уваженіемъ относился: страсть, молъ, какая... А теперь—самое пустое дѣло. Точно они нарочно въ воздухъ жарятъ. Помните самое первое дѣло? Ужъ тамъ ли не палили,—битыхъ три часа, да еще какъ!.. А въ результатѣ—двое раненыхъ, да и то легко. Прямо удивительно... Впрочемъ, вонъ, кажется, несутъ...

Дѣйствительно, по дорогѣ двигалась странная группа. Четверо солдатъ, согнувшись, несли что-то слишкомъ короткое и широкое для носилокъ съ раненымъ.

— Руденко, помахайте имъ флагомъ,—крикнулъ я.

Носильщики замѣтили нашъ флагъ и направились къ намъ. Когда они подошли, одинъ спросилъ:

— Куда складать-то?

На двухъ ружьяхъ была растянута солдатская шинель, и на ней сидѣлъ, скорчившись, раненый. Голова его была запрокинута назадъ, шея и голая грудь покрыты свѣжей, ярко-алой кровью, ноги волочились по землѣ... Одна рука какъ-то странно торчала кверху, другая была подъ спиной...

Раненаго положили на траву. Онъ былъ безъ чувствъ— и только хрипѣлъ. Дышалъ тяжело и странно: его запачканная кровью худая грудь маленькими толчками поднималась кверху, затѣмъ останавливалась и такими же толчками опускалась. И тогда возлѣ его рта показывалась алая пѣна съ розоватымъ оттѣнкомъ... Лицо было совсѣмъ мертваго, синеватаго цвѣта. Шея была обмотана насквозь промокшей тряпкой, и на ней сидѣла толстая, большая черная муха...

Я взялъ его холодную, почти безжизненную, тяжелую руку. Обычныхъ ударовъ пульса уже не было, было только легкое дрожаніе, еле уловимое колебаніе кровяного потока...

Докторъ Эрдманъ развязалъ шею.

— Какъ его зовутъ?—спросилъ онъ между дѣломъ у носильщиковъ.

Тѣ отвѣтили.

— Иванъ Петровичъ... пишите, пожалуйста: рядовой... рана шеи... сквозная... входъ—на палецъ выше грудины... Записали? Выходъ... Семеновъ! Лазаревъ! Помогайте поднимать... Выходъ... на два пальца отъ позвоночника влѣво... на уровнѣ...

Докторъ Пархоменко стоялъ тутъ же и все еще жевалъ свою курицу, спокойно созерцая больного.

— Плохо дѣло,—констатировалъ онъ.—Не стоитъ перевязывать...

— Пробиты большіе сосуды... трахея...—продолжалъ диктовать Эрдманъ.—Лазаревъ, ваты... спирту... компрессъ...

Онъ энергично сталъ вытирать раненому шею, грудь... Она по прежнему съ хрипѣніемъ и клокотаніемъ поднималась и опускалась толчками,—и больной лежалъ, ничего не чувствуя, ничего не сознавая...

— Намъ что, идтить, что-ли ча?—спросили носильщики.

— Погоди маленько,—унесете къ обозу, въ дивизіонный лазаретъ,—отвѣтилъ Пархоменко.

Когда раненаго перевязали, его опять положили на шинель, прикрѣпленную къ ружьямъ. Солдаты подняли его, и онъ принялъ прежнее положеніе...

— Да не идите въ ногу,—напутствовалъ ихъ Пархо-

менко.—Эхъ, надо бы чѣмъ-нибудь отъ солнышка закрыть... Только нечѣмъ. Вотъ развѣ платкомъ..—Онъ вытащилъ изъ кармана платокъ.—Ну-ка, санитаръ, бѣги, прикрой...

Потомъ явилось еще трое раненыхъ съ легкими ранами—въ руку или ногу. Раны были маленькія и сухія,—и докторъ Эрдманъ вслухъ констатировалъ „гуманность“ японскихъ пуль, что онъ дѣлалъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

XVII.

Между тѣмъ, звуки перестрѣлки ослабѣвали,—выстрѣлы стали рѣже, тише и дальше. И всѣ они были теперь одинаковой силы,—было ясно, что стрѣляла одна сторона, должно быть, русскіе. Они прекратились, наконецъ, совсѣмъ, потомъ прогремѣлъ и раздался шумомъ гдѣ-то въ лѣсу длинный русскій залпъ,—и все стихло.

Къ батареѣ подскакалъ генеральскій адъютантъ. Его лошадь галопомъ неслась по неровному полю и вдругъ, возлѣ самой батареи, споткнулась. Короткій и толстый адъютантъ слетѣлъ на землю, но моментально вскочилъ, даже подпрыгнулъ, какъ мячикъ, и крикнулъ осипшимъ отъ жары и пыли голосомъ:

— Начальникъ отряда приказалъ...

Потомъ схватился рукой за колѣно и, хромая, пошелъ къ начальнику батареи.

— Ушибся, чортъ васъ дери-и... Японскую заставу сбили... Да, генералъ приказалъ двумъ орудіямъ выѣхать на позицію, вотъ на эту сопку, и открыть огонь по отступающей колоннѣ... Да скорѣе, а то уйдутъ...

— Сотникъ Еремичъ! Пожалуйте...

Еремичъ вскочилъ, какъ угорѣлый, и закричалъ:

— Третье орудіе! Четвертое орудіе! Къ конямъ!.. Живо!.. Подай коня!.. Живо!.. За мной! Рысью!.. Докторчикъ, айда японца жарить!—крикнулъ онъ, проѣзжая мимо меня.

Мимо насъ пронеслись два орудія: сначала нѣсколько паръ лошадей, потомъ короткія и черныя, торопливо ковыляющія на высокихъ колесахъ, пушки... Я вскочилъ на лошадь и поѣхалъ за толпой батарейцевъ.

Въѣздъ на „сопку“ былъ крутой, неровный и покрытый мелкимъ кустарникомъ. Еремичъ выходилъ изъ себя и кричалъ во всю глотку, понукая людей и лошадей:

— Ну, ну, ребятишки, наддай, наддай... Ну, ну!.. Ходу, ходу!..

Ребятишки били лошадей и тоже орали. Лошади напрягали всѣ свои силы: крѣпко упираясь ногами, склонивъ го-

ловы почти до земли, вытянувшись всѣмъ подавшимся впередъ туловищемъ, онѣ тянули кверху угрюмо погромыхивавшія и позвякивавшія пушки, казавшіяся такими легкими. Люди усердствовали не менѣе лошадей: хриплыя, рѣзкія понуканія, крѣпкія слова, жестокіе удары плетей...

Наконецъ, выѣхали на вершину. Еремичъ спрыгнулъ съ лошади.

— Ставь сюда!.. Сюда, сюда, чортъ!.. Третье орудіе! Четвертое орудіе!.. Отводи лошадей.

Потомъ онъ торопливыми, неловкими движеніями досталъ бинокль и сталъ смотрѣть на уходящую вдаль долину.

— Ага, вонъ они, голубчики... Никита Иванычъ, видишь?

Никита Иванычъ, пожилой, благообразный, солидный казакъ съ посѣдѣвшей длинной и густой бородой, тоже смотрѣлъ на долину, приложивъ ко лбу руку въ видѣ козырька.

— Однако,—отвѣтилъ онъ,—почитай, двѣ версты. Трубку надо восемь.

— Ну, Никита Иванычъ, наводи... Живѣй, живѣй!—заволновался опять Еремичъ. Онъ былъ крайне возбужденъ: глаза его блестѣли, казались теперь черными, на лицѣ были капли пота, фуражка была сдвинута на затылокъ и надо лбомъ висѣли курчавые, мокрые, слипшіеся волосы. Никита Иванычъ, напротивъ, былъ очень спокоенъ: онъ, не торопясь, нагнулся къ одной пушкѣ и долго-долго двигалъ ею, поднималъ, опускалъ, потомъ подошелъ къ другой.

— Да скорѣй ты, Никита Иванычъ,—нервничалъ Еремичъ.—Чортъ тебя знаетъ, ворожишь, ворожишь...

— Поспѣшишь—людей насмѣшишь,—спокойно отвѣтилъ Никита Иванычъ, потомъ опять посмотрѣлъ, приложивъ руку ко лбу, въ долину и, наконецъ, сказалъ:—Ребята, подавай ядрышки... Трубка восемь.

Нѣсколько казаковъ бросились къ стоявшей тутъ же, въ двухъ-трехъ шагахъ, лошади, навьюченной зарядными ящиками. Еремичъ ринулся за ними, понукая и ругаясь, даже ударилъ одного по шеѣ... Ремни ящиковъ оказались запутанными, дѣло не клеилось...

— Повѣсить васъ мало, мерзавцевъ!—вопилъ Еремичъ.

Наконецъ, одинъ ящикъ распутали,—онъ неожиданно раскрылся и изъ него посыпались на траву мѣдные маленькіе снаряды. Нѣкоторые изъ нихъ покатились подъ гору.

— Потомъ подберешь, черти!.. Подавай скорѣй!..

Никита Иванычъ съ прежней неторопливостью поворожилъ надъ снарядами, всунулъ ихъ въ пушки и, опять посмотрѣвъ на равнину, немного ихъ передвинулъ. Еремичъ въ волненіи суетился около старика.

— Ну? Ну?.. Готово? Готово?.. Всѣ на мѣстахъ?.. Погоди, я самъ...

Онъ наклонился быстро къ одной пушкѣ, потомъ къ другой, потомъ отскочилъ и крикнулъ не своимъ голосомъ:

— Ж-жарь!.. Третье орудіе! Четвертое орудіе!..

„Ахъ... ахъ...“—неожиданно тихо и глухо ахнули пушки, и вслѣдъ затѣмъ я услышалъ рѣзкій, короткій, быстро ослабѣвшій свистъ. Пушки отскочили назадъ, и надъ ними встало легкое, чуть замѣтное облако прозрачнаго пара.

Еремичъ съ биноклемъ, Никита Иванычъ съ рукой въ видѣ козырька, я, казаки,—всѣ молча устремились взорами въ долину... Откуда-то прилетѣло эхо, гораздо болѣе звучное и длинное, чѣмъ самъ выстрѣлъ... Я безъ бинокля видѣлъ только одну пустую, покрытую легкой дымкой знойнаго дня долину. Вдругъ въ самомъ концѣ ея, на фонѣ темной горы, появились одно за другимъ два бѣлыхъ круглыхъ облачка...

— Попало,—спокойно сказалъ Никита Иванычъ.

— Попали!—закричалъ Еремичъ въ восторгѣ.—Ребята, ура! Ура-а!..

И съ нестройнымъ крикомъ казаковъ смѣшался гулъ, прилетѣвшій съ мѣста разрыва снарядовъ и усиленный многоголосымъ эхо...

Снова стали наводить орудіе и заряжать. Еремичъ суетился еще больше прежняго. Онъ охрипъ, съ его головы свалилась фуражка, и онъ не замѣчалъ этого.

— Уходятъ! Уходятъ!—волновался онъ.—Ей-Богу, уходятъ... Живѣй вы, чортъ васъ...

XVIII.

Когда я спустился внизъ, къ своимъ, я увидѣлъ Унтерберга, которому Эрдманъ перевязывалъ руку немного выше локтя. Унтербергъ былъ блѣденъ, взволнованъ и казался похудѣвшимъ со вчерашняго вечера: глаза, окруженные темными кругами, сидѣли глубже, и черты лица были рѣзче. Оказалось, раненъ онъ былъ очень легко, — пуля задѣла только кожу на рукѣ.

— Везетъ вамъ, везетъ, везетъ...—говорилъ Эрдманъ, накладывая на руку слои бинта.

На верху опять, въ послѣдній разъ, ахнули пушки Еремича; здѣсь, внизу, звукъ казался почему-то громче, раскатистѣе, внушительнѣе. Унтербергъ отъ неожиданности вздрогнулъ.

— Нервничаю, какъ баба,—сказалъ онъ слабымъ, дрожащимъ голосомъ.—Самому смѣшно... Григорій Петровичъ, нѣтъ ли у васъ коньяку?

Я налилъ ему изъ фляги коньяку. Онъ взялъ дрожащей рукой стаканчикъ и, роняя капли, выпилъ.

— Никогда такъ не трусилъ, какъ сегодня... То есть не то, чтобы трусость, а нервозность какая-то...

Когда Эрдманъ кончилъ перевязку, онъ опустился на траву.

— Все проклятыя примѣты,—криво улыбнулся онъ мнѣ.— Какъ баба...

Между тѣмъ, съ горки, въ самомъ крутомъ ея мѣстѣ, спускались одинъ за другимъ казаки, очевидно, выбирая кратчайшее разстояніе. Это были стрѣлки, участвовавшіе въ перестрѣлкѣ и теперь возвращавшіеся къ своимъ лошадямъ. Спустившись, каждый изъ нихъ прежде всего жадно припадалъ къ бѣжавшему тутъ ручейку и пилъ долго, долго... Потомъ они молча шли къ своимъ лошадямъ и разбирали ихъ. Только изрѣдка кто-нибудь кричалъ злымъ и хриплымъ голосомъ:

— Чьего коня берешь, разява?.. Разуй глаза!

Или:

— Ну, ты, падаль... Убери ногу!.. Ногу, говорятъ...

— Что, братцы, много японца перебили?—спросилъ ихъ батарейный офицеръ.

— Хто е знаетъ,—отвѣтили ему.—Палитъ, палитъ, а откуда палитъ, не разберешь. Такъ на махъ и стрѣляли... Ежели бы видно было, оно бы, конечно... Да, должно, все-жъ таки положили и ихъ: зря бы апонецъ не отступилъ.

Все это разсказывалось спокойно, нехотя, только потому, что офицеру нельзя не отвѣтить...

По дорогѣ показались оставшіяся позади резервныя роты. Онѣ шли впередъ,—очевидно, было рѣшено дальнѣйшее наступленіе. Шли онѣ теперь уже окончательно безъ всякаго порядка, толпами.

Докторъ Эрдманъ рѣшилъ тоже двинуться дальше. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ наступленіемъ: во всю нашу походную жизнь мы въ первый разъ видѣли, что отступили японцы, и потомъ—если-бъ остались на мѣстѣ, дѣло ограничилось бы только происшедшей перестрѣлкой, и грандіознаго „орудейнаго“ дѣла докторъ не увидалъ бы сегодня.

— Къ конямъ!—скомандовалъ онъ.—Ѣдемъ впередъ.

Иванъ Петровичъ злыми глазами посмотрѣлъ на него, пожалъ плечами и пошелъ къ своей лошади.

— Я съ вами,—поднялся вдругъ Унтербергъ. Онъ теперь казался болѣе спокойнымъ.

— Какъ съ нами?—удивился Эрдманъ.—Вамъ надо туда, въ дивизіонный лазаретъ. Вы—раненый.

— Какой я раненый... Безбородовъ, коня!.. Если бъ я уѣхалъ, это значило бы, что я просто радъ предлогу. Что, у меня самолюбія нѣтъ?

Онъ рѣшительно прыгнулъ на лошадь и твердо сѣлъ.

— Все равно...

Мы выѣхали на дорогу и двинулись впередъ. По полю, недалеко отъ насъ, шла толпа пѣхотныхъ офицеровъ, ушедшихъ отъ своихъ ротъ; кое-гдѣ кучками спокойно ѣхали тоже впередъ казаки, черезъ рѣку переѣзжала полевая батарея. Повидимому, опасности теперь не было никакой, и возобновленія сраженія не ждали,—иначе все двигалось бы впередъ съ большимъ порядкомъ.

Унтербергъ ѣхалъ рядомъ со мной. Сначала онъ молчалъ, сосредоточенно и угрюмо, потомъ вдругъ улыбнулся и сказалъ:

— Собственно говоря, мнѣ ужасно давеча хотѣлось уѣхать назадъ... Прямо—тянуло... Чортъ его, вѣдь это—форменная трусость, а?.. Но я не боюсь... Должно быть, кромѣ обыкновенной трусости, когда боятся, есть еще другая трусость—чисто физическая.

Общій видъ спокойнаго движенія солдатъ и казаковъ и увѣренность, точно носившаяся въ воздухѣ, что больше дѣла не будетъ, оказывали вліяніе и на него. Имъ теперь овладѣло спокойное, добродушное чувство, появляющееся тогда, когда проходитъ серьезная опасность. Послѣ сраженія офицеры, принимавшіе въ немъ участіе, кажутся всегда такими милыми, добродушными, разговорчивыми. И всегда въ такихъ случаяхъ они очень любятъ разсказывать о прошедшей опасности, о своихъ ощущеніяхъ, о томъ, какъ свистѣли пули, — точно смакуютъ мысль, что все это уже прошло...

Унтербергъ закурилъ папиросу.

— Серьезно: чисто физическая... Ого, теперь я знаю, что бываютъ такія положенія, когда голова теряетъ всякую власть надъ тѣломъ. Ваши ноги, руки, всѣ мускулы работаютъ тогда, совсѣмъ не сообразуясь съ приказаніями ума... Вы понимаете, что если свиститъ пуля, она уже не опасна, но всетаки наклоняете голову. Вамъ нужно выйти изъ-за дерева, потому что вы прекрасно сознаете, что оно васъ не защититъ, напрягаете всю свою волю,—и не можете двинуть ногой... Вы понимаете, что вы уже попали въ безопасное мѣсто, но вы не можете остановиться, ваши ноги опять не слушаются васъ. Вы, можетъ, не боитесь уже нисколько, а всетаки бѣжите... Боюсь не „я“, не мое психическое „я“,

а боится все мое тѣло: руки, ноги, все тѣло... Помните дѣло на перевалѣ?

Это „дѣло" заключалось въ слѣдующемъ. Вечеромъ часть отряда около тысячи человѣкъ остановилась на бивакъ на перевалѣ—на небольшой полянкѣ между двумя невысокими возвышеніями. Полянка была очень мала,—и казаки, и лошади размѣстились тѣсной, чуть не сплошной толпой... И въ то время, какъ люди благодушно распивали чаекъ, съ ближайшей возвышенности, почти въ упоръ въ густую толпу, загремѣли одинъ за другимъ залпы... Это было такъ неожиданно, такъ страшно, что всѣми овладѣлъ паническій, неописуемый ужасъ. Какъ во всѣ стороны летятъ брызги отъ упавшаго въ воду тяжелаго камня, такъ бросились во всѣ стороны находившіеся на полянкѣ. И въ нѣсколько секундъ она была пуста,—на ней остались только трупы людей и лошадей, брошенные костры, чайники, котелки...

— Тогда я, ужъ не помню теперь, какъ попалъ за кумирню,—продолжалъ Унтербергъ.— Пули кругомъ свистѣли очень часто,—почти каждое мгновеніе можно было слышать свистъ—то надъ кумирней, то сбоку. Но я тогда совсѣмъ не боялся, и у меня, какъ это ни странно, было даже какое-то смѣшливое настроеніе. Генералъ мнѣ приказалъ... не помню теперь, что... Нужно было, словомъ, выйти изъ безопаснаго угла въ это пространство, пронизываемое пулями. Я, понимаете ли, смѣло пошелъ, но когда дошелъ до конца стѣны, остановился... И не могъ, какъ ни хотѣлъ, какъ ни напрягалъ свою волю, сдѣлать ни шагу далѣе... Точно загораживала дорогу какая-то невидимая стѣна... Чортъ его знаетъ... А когда сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе и шагнулъ въ страшное пространство, я прыгнулъ назадъ—совершенно непроизвольно, совершенно неожиданно для себя. Точно кто взялъ меня за шиворотъ и толкнулъ обратно... А вотъ теперь... Когда мнѣ показалось, что стрѣляютъ по мнѣ, по одному, я потерялъ всякое соображеніе, и теперь мнѣ кажется, что тогда у меня въ головѣ не было ни одной мысли. Впрочемъ, я сегодня былъ взвинченъ больше обыкновеннаго... Но посмотрите,—я сломалъ свой хлыстъ. Онъ очень крѣпокъ и, чтобы сломать его, нужно бѣшено лупить по бокамъ лошади... А я совершенно не помню, что билъ лошадь... Ну-ка, медикъ, психопатологъ, объясни?!.

Онъ хлопнулъ меня по плечу и весело засмѣялся. Слышать его великолѣпный, звонкій, дѣтскій смѣхъ,—было для меня тогда самымъ лучшимъ, самымъ большимъ удовольствіемъ, и, даже въ минуты мрачнаго настроенія, я всегда невольно улыбался въ отвѣтъ.

— Гм...—улыбнулся я и теперь.—Можетъ быть, высшіе,

„психическіе“ центры, которые есть у человѣка, какъ и у всѣхъ высшихъ животныхъ, въ такіе моменты парализуются...

— И человѣкъ становится животнымъ низшимъ? — еще веселѣе захохоталъ Унтербергъ.

— Вотъ, вотъ...

— Философія философіей, а мнѣ надо ѣхать на свое мѣсто... Прощайте! Когда остановимся ночевать, я къ вамъ зайду.

Онъ ударилъ лошадь и ускакалъ впередъ.

XIX.

Было уже около пяти часовъ вечера. Становилось не такъ жарко, какъ прежде, и солдаты кругомъ имѣли какъ будто болѣе бодрый, менѣе утомленный видъ,—можетъ быть, потому, что острое ощущеніе усталости смѣнилось у нихъ тупымъ, хроническимъ и не бросалось теперь такъ рѣзко въ глаза постороннему наблюдателю... А можетъ быть, ихъ оживляла мысль о скорой остановкѣ на ночлегъ, о томъ, что всѣ опасности сегодняшняго дня уже прошли...

Увѣренность въ этомъ, Богъ знаетъ, откуда взявшаяся, овладѣла всѣми: и мной, и санитарами, и офицерами, и казаками, и солдатами...

Впереди остановились. Мы подъѣхали ближе къ батареѣ и тоже остановились. Дорога въ этомъ мѣстѣ лежала между высокой каменной стѣной, загораживавшей большую деревню, и другой стѣной, низенькой, около аршина высоты, полуразрушенной, неизвѣстно зачѣмъ проведенной вдоль дороги параллельно первой. Подъѣзжавшіе и подходившіе сзади казаки и солдаты тоже останавливались, образуя на равнинѣ, за этой маленькой стѣнкой, громадную, безпорядочную толпу, гдѣ смѣшались и люди, и лошади.

— Должно, въ этомъ станкѣ ночевать, — сказалъ Кутенковъ.—Станокъ ничего... Тутъ, чай, всего...

Я слѣзъ съ лошади и подошелъ къ двумъ пѣхотнымъ офицерамъ, усѣвшимся противъ насъ на камняхъ полуразрушенной стѣнки. Одинъ изъ нихъ былъ толстый, съ большимъ брюхомъ, пожилой, одѣтый въ темно-зеленую рубаху и такіе же штаны. Даже чехолъ на его фуражкѣ—и тотъ былъ зеленаго цвѣта. У него было широкое, немного монгольскаго типа лицо, съ чрезвычайно скудной, почти незамѣтной растительностью, приплюснутый носъ, большой ротъ, толстыя губы,—и все это вмѣстѣ съ его зеленымъ костюмомъ дѣлало его очень похожимъ на гигантскую лягушку. Другой былъ совсѣмъ юный, страшно загорѣлый—до того,

что бѣлки его глазъ и губы прежде всего привлекли мое вниманіе. Одѣтъ онъ былъ въ грязно-желтое. Зеленый вертѣлъ въ рукахъ жестянку консервовъ и, очевидно, не зналъ, какъ ее открыть.

— Надо шашкой,—сказалъ сиплымъ голосомъ молодой.

— Испортишь,—отвѣтилъ зеленый жиденькимъ сдавленнымъ теноромъ, удивительно не идущимъ къ его грубой фигурѣ.

Кутенковъ у насъ былъ мастеръ на всѣ руки, при чемъ это опредѣленіе обнимало и удивительное его умѣніе откупоривать жестяныя коробки шашкой безъ видимаго вреда для нея. Я предложилъ офицерамъ его услуги. Кутенковъ вытащилъ шашку, положилъ коробку на землю и артистически отрѣзалъ у ней крышку.

— Великолѣпно!..—пропищалъ зеленый.—Молодецъ, очень хорошо... Какъ тебя зовутъ?

— Семенъ, ваше благородіе.

— Артистически, братъ... Молодецъ!

— Радъ стараться, ваше благородіе.

Въ жестянкѣ оказались кильки. Зеленый взялъ прямо пальцами одну рыбку за хвостъ, потрясъ немного и, не очиствивъ, положилъ въ ротъ. Потомъ протянулъ жестянку молодому офицеру.

— Съ жажды потомъ сдохнешь,—сказалъ тотъ, однако такимъ же манеромъ взялъ рыбку.—Хлѣба вотъ нѣтъ—вотъ гдѣ бѣда.

— Жрешь, жрешь всякую дрянь, а катара нѣтъ,—заговорилъ зеленый, жуя.—Который мѣсяцъ жду катара, а его все нѣтъ и нѣтъ, чортъ бы его дралъ совсѣмъ... Съ голоду и не то жрать будешь... Вотъ мнѣ этотъ... какъ его?.. ну, словомъ, этотъ... разсказывалъ. Такъ до чего дошли? Хвосты, говоритъ...

„А-а-ахъ ахъ, ахъ!..“—вдругъ раздались гдѣ-то впереди и, какъ мнѣ показалось, съ разныхъ сторонъ зловѣщіе, глухіе, почти сливающіеся пушечные удары... И почти тотчасъ же я услыхалъ быстро усиливающійся свистъ—странный, почти гармоническій...

— Должно быть, разнаго калибра ядра...—машинально подумалъ я.

А свистъ быстро сталъ пронзительно-рѣзкимъ,—и вдругъ надъ нашими головами, одинъ за другимъ, раздались сильные, короткіе, рѣзкіе металлическіе удары, похожіе на удары театральнаго грома...

Это—японцы, это—шрапнель, это—стрѣляютъ въ насъ, по нашей густой, безпорядочной толпѣ!..

Все кругомъ затихло, замерло въ какомъ-то оцѣпенѣніи.

Зеленый офицеръ вскочилъ, выронилъ изъ рукъ жестянку и, продолжая торопливо жевать, выпучилъ на меня свои узкіе безцвѣтные глаза. Онъ рѣшительно не понималъ, въ чемъ дѣло... Я машинально бросился къ своей лошади, онъ, не спуская съ меня глазъ, за мной... Я не зналъ, что дѣлать,— сердце у меня билось такъ, что мнѣ было трудно дышать, и я вдругъ почувствовалъ крайнюю, невыносимую жажду...

И все это разрѣшилось рѣзкимъ, отчаяннымъ крикомъ, раздавшимся съ находившейся впереди насъ батареи:

— Налѣво кругомъ!.. Рысью!..

Вѣроятно, эта команда относилась только къ батареѣ, но въ голосѣ, прокричавшемъ ее, было столько ужаса, даже отчаянія, что всѣ кругомъ подхватили команду и закричали такими-же взволнованными, отчаянными голосами:

— Налѣво кругомъ!.. Рысью! Рысью!..

И все кругомъ моментально пришло въ поспѣшное движеніе, зашумѣло, закричало, побѣжало назадъ... И опять глухо и зловѣще ахнулъ вдали залпъ, опять раздался странный свистъ и потомъ — удары театральнаго грома надъ головой...

„Если бы мы были немного позади, попало бы въ насъ", опять машинально подумалъ я.

Мы тожѣ подвигались назадъ, но такъ какъ наши мулы могли идти только шагомъ, то за нами послышались раздраженные, злые, хриплые голоса:

— Дорогу дай! Дай дорогу!..

„Они насъ сомнутъ и разобьютъ нашъ отрядъ",—подумалъ я, и мнѣ вдругъ показалось ужасно непріятнымъ отбиться отъ „своей" кучки... Я сообразилъ, что стѣна, вдоль которой мы ѣхали, близко отсюда подъ прямымъ угломъ поворачивала въ другую сторону, и рѣшилъ, что намъ надо доѣхать до этого угла и свернуть. Тамъ за стѣнкой—все же нѣкоторая безопасность и можно будетъ сообразить, что дѣлать дальше.

— Господа, погоняй муловъ!—крикнулъ я.—Лупи ихъ, лупи... Вмѣстѣ держись!

Но мулы сами побѣжали рысью. Этого съ ними никогда не бывало,—должно быть, и они были напуганы выстрѣлами, и ими овладѣло всеобщее волненіе...

А сзади все стрѣляли и стрѣляли,—теперь уже не рѣдкими залпами, а частыми одиночными выстрѣлами. И снаряды почти каждый моментъ свистали гдѣ-то вверху и лопались...

Наконецъ, мы добрались до уступа стѣны.

— Направо!—крикнулъ я.

Вѣроятно, санитары еще раньше поняли мою мысль,—

такъ быстро они свернули съ дороги. Но... за уступомъ стѣны оказалась не то глубокая яма, полная густой грязи, не то болото,—и мы всѣ, на всемъ ходу вскочившіе туда, завязли въ вонючей грязи. Лошади забились, толстый Руденко въ своемъ красномъ казакинѣ упалъ съ коня и, уронивъ флагъ, закричалъ голосомъ, полнымъ отчаянія:

— Утонулъ!.. Выручай, братцы!

Никто и не шевельнулся „выручать". Только Семеновъ крикнулъ:

— Знамя-то!.. Знамя!

Кутенковъ подхватилъ флагъ. Усталыя лошади быстро успокоились и покорно стали на мѣстѣ, по брюхо въ грязи. Руденко копошился въ грязи, стараясь вытащить изъ нея завязшую ногу и снова влѣзть на лошадь. А снаряды все летѣли и летѣли, разрываясь надъ толпой бѣгущихъ совсѣмъ рядомъ съ нами. Одинъ лопнулъ впереди насъ, и нѣсколько пуль тяжело шлепнулось въ грязь, обдавъ насъ брызгами...

Мало по малу я пришелъ въ себя и былъ теперь болѣе спокоенъ, хотя ясно чувствовалъ, какъ сильно бьется у меня сердце... Я рѣшилъ выждать еще нѣкоторое время, пока не освободится совсѣмъ дорога, и тогда выѣхать куда-нибудь на совершенно открытую поляну, поднять повыше флагъ и начать свое дѣло. До этого момента у меня не было ни одной мысли о раненыхъ, о томъ, что всѣ бѣгутъ и никто ихъ не подбираетъ... И только теперь я сообразилъ, что ихъ должно быть очень много. Я видѣлъ, какъ люди на бѣгу падали лицомъ въ землю, точно невидимая рука толкала ихъ сзади, видѣлъ, какъ упавшіе, напрягая всѣ свои силы, медленно-медленно ползли впередъ...

Затрещала и ружейная стрѣльба. Проскакали по дорогѣ генеральскіе адъютанты, потомъ самъ генералъ, и послышались новые крики:

— Стой! Стой! Стой!..

Какъ я узналъ потомъ, генералъ и не подозрѣвалъ сначала о происшедшей за горной батареей паникѣ... Впрочемъ, порядокъ возстановили удивительно скоро: черезъ десять-пятнадцать минутъ мимо насъ прошла впередъ широкая цѣпь стрѣлковъ, затѣмъ другая, сотня казаковъ поскакала куда-то черезъ долину.

Японскій огонь сталъ тише, — выстрѣлы раздавались рѣже, и хотя мы и слышали свистъ гранатъ, но разрывались онѣ уже гдѣ-то впереди, все въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

XX.

Я не знаю, сколько времени продолжался весь этотъ ужасъ... Когда потомъ, уже въ мирной обстановкѣ, я вспоминалъ объ этомъ, то иногда мнѣ казалось, что мы ѣхали подъ шрапнелями и сидѣли въ болотѣ не менѣе часу, даже двухъ, иногда—все происшествіе казалось чрезвычайно коротким, тянувшимся не болѣе пятнадцати двадцати минутъ... И вообще—я очень смутно, словно сквозь какой-то густой туманъ, помню подробности этого часа или этихъ двадцати минутъ. Въ моей памяти уцѣлѣли только тѣ отрывочныя, мелочныя воспоминанія, о которыхъ я разсказалъ...

Приблизительно въ ста саженяхъ отъ дороги, по ту ея сторону, на открытомъ мѣстѣ росла кучка какихъ-то невысокихъ кустовъ. Я рѣшилъ, что намъ удобнѣе всего будетъ остановиться и водрузить свой флагъ именно тамъ, у этой зеленой кучки, и, съ трудомъ выбравшись изъ грязной ямы, направился къ ней. Санитары поѣхали за мной, хоть я и не могъ сказать имъ ни слова: меня еще болѣе мучила жажда, жестокая, невообразимая, какой я еще никогда не испытывалъ,—во рту было ощущеніе крайней сухости, и языкъ мнѣ казался распухшимъ. И я думалъ, что мнѣ теперь не проговорить ни одного слова.

— Видимость у насъ самая боевая,—вдругъ сказалъ сзади Лазаревъ и глупо расхохотался.—Какъ черти, всѣ въ грязи...

— Господа, погоняй,—просипѣлъ я.—Надо скорѣй начинать.

Возлѣ кустовъ, къ которымъ мы подъѣхали, была небольшая лужица, а изъ нея бѣжалъ небольшой ручеекъ, тутъ же, въ двухъ-трехъ саженяхъ пропадавшій. Я, увидѣвъ воду, спрыгнулъ, почти упалъ съ лошади, бросился на землю и припалъ къ лужѣ... И я чувствовалъ, какъ мало-по-малу ко мнѣ возвращались бодрость и сила...

Я сдѣлалъ передышку отъ быстрыхъ, непрерывныхъ глотковъ и поднялъ голову. Прямо передо мной, по ту сторону лужи, лежалъ на животѣ зеленый офицеръ и тоже пилъ. Его зеленая фуражка плавала въ лужѣ. Какъ онъ сюда попалъ?.. Когда я, напившись, всталъ, я увидѣлъ, что ноги зеленаго офицера и низъ его рубахи были въ грязи. Неужели онъ все время былъ съ нами—и бѣжалъ по дорогѣ, и сидѣлъ въ грязной ямѣ, и потомъ приплелся съ нами и сюда?... Напившись, онъ отодвинулся немного отъ

лужи, перевернулся на спину, но не всталъ, а продолжалъ лежать, закрывъ глаза. Когда черезъ четверть часа я случайно опять его увидѣлъ, онъ спалъ, раскинувъ руки, и храпѣлъ...

Мы поставили свой флагъ, быстро развязали вьюки съ перевязочными матеріалами.

— А доктора-то мы посѣяли,—вдругъ весело сказалъ Лазаревъ и засмѣялся.—И Ивана Петровича тоже посѣяли... Безъ нихъ веселѣе!

Я вспомнилъ, что, въ самомъ дѣлѣ, доктора Эрдмана съ нами нѣтъ и не было все время, съ самаго начала стрѣльбы, и я совершенно позабылъ о немъ. Ивана Петровича тоже не было съ нами, и я вспомнилъ, какъ онъ, нагнувшись, погоняя лошадь, проскакалъ мимо насъ съ батареей, когда мы сидѣли въ болотѣ.

— Надо будетъ пройти по этому полю,—тамъ, вѣроятно, лежатъ раненые,—сказалъ я.—Руденко и казаки останутся здѣсь, а всѣ остальные пойдутъ со мной.

— А если будутъ палить объ это мѣсто?—дрожащимъ голосомъ спросилъ Руденко. Онъ былъ блѣденъ, губы его тряслись, толстое лицо казалось осунувшимся, похудѣвшимъ.

Мы надѣли санитарныя сумки („ровно по міру собрались!"—не утерпѣлъ сострить Лазаревъ) и пошли. Впереди, одна за другой, черезъ ровные промежутки времени ухали японскія пушки. До насъ очень слабо доносился свистъ снарядовъ, и мы видѣли внезапно появлявшіеся на фонѣ горъ бѣлые съ мягкими очертаніями клубы дыма, а иногда передъ появленіемъ такого облачка еще и блескъ синеватаго огонька. Трещала и ружейная перестрѣлка, и иногда гдѣ-то сбоку, совсѣмъ близко отъ насъ, раздавались рѣзкіе и громкіе одиночные выстрѣлы. Русскихъ пушекъ не было слышно.

Мы шли по прошлогоднимъ бороздамъ не засѣяннаго поля наискосокъ, направляясь къ дорогѣ. Кое-гдѣ намъ попадались глубокія, аршина въ полтора глубиной, безобразныя ямы, вырытыя разорвавшимися здѣсь снарядами. Но ни раненыхъ, ни убитыхъ мы, къ моему удивленію, не нашли... Только возлѣ самой дороги набрели на одно человѣческое тѣло, согнувшееся, лежавшее лицомъ къ землѣ съ заброшенными впередъ руками. Это былъ уже трупъ... Курчавый затылокъ былъ весь въ крови, застывшая кровь была и на землѣ... Остальные убитые и раненые были уже подобраны казаками и солдатами.

По дорогѣ шелъ казакъ и велъ въ поводу лошадь, на сѣдлѣ которой было перекинуто человѣческое тѣло. Чтобы

оно не сползало, казакъ связалъ надъ нимъ ремешкомъ стремена. Руки убитаго волочились почти по землѣ, съ головы, чѣмъ-то завязанной, капала кровь. Я всмотрѣлся,—одежда на убитомъ была офицерская. „Унтербергъ!"—почему-то мелькнуло у меня въ головѣ.

— Кто это?—спросилъ я у казака.

— Не знаю,—отвѣтилъ тотъ.—Изъ штабныхъ...

И онъ зашагалъ дальше, дергая лошадь.

— Какъ тамъ дѣла?—крикнулъ ему вслѣдъ кто-то изъ санитаровъ.—Что батарея не жаритъ?

— Будешь жарить...—нехотя отвѣтилъ казакъ.—Всѣ номера въ батареѣ перебиты... Такъ пушки однѣ и стоятъ...

Потомъ намъ попались солдаты, несшіе раненаго на ружьяхъ и шинели. Онъ былъ еще не перевязанъ, а такъ какъ невдалекѣ двигалась другая такая же группа, я рѣшилъ идти къ мѣсту нашей остановки и тамъ уже заняться перевязками...

Оба раненыхъ оказались тяжелыми: когда ихъ съ носилками опустили на землю и расправили ихъ согнутыя, пробитыя пулями тѣла, они не застонали, ничѣмъ не выразили своей боли. Глаза одного были закрыты, а другой, не моргая, смотрѣлъ вверхъ и, казалось, или рѣшительно ни о чемъ не думалъ, ничего не сознавалъ,—или думалъ какую-то глубокую-глубокую, большую думу...

Мы сняли перваго съ носилокъ. Шинель подъ нимъ была вся въ крови.

— Всю шинельку изгадилъ,—сказалъ одинъ изъ носильщиковъ.—Моя шинелька-то...

Я снялъ съ раненаго рубаху,—она мѣстами была мокрой отъ крови, мѣстами—кровь уже засохла, и рубаха была жесткой, точно накрахмаленной. На груди и на рукѣ раненаго были три большихъ, грязныхъ, отвратительныхъ отверстія... Рана на рукѣ была сквозная, а тяжелыя пули, попавшія въ грудь, не пробили ея и засѣли гдѣ-то внутри.

Обмыли спиртомъ и сулемой раны, наложили компрессы, забинтовали. Для этого нужно было поднимать раненаго, ворочать, но онъ по прежнему ничѣмъ не выражалъ своего страданія,—его лицо было совершенно спокойно и походило на лицо спящаго человѣка. Потомъ осторожно положили его на носилки.

— Куда нести?—спросили носильщики.

— Туда, къ обозу, въ дивизіонный лазаретъ... Версты четыре...

— Не донести намъ... Чуть живы, сюда и то насилу донесли.

Всетаки они подняли носилки и зашагали, согнувшись.

Другой раненый былъ еще серьезнѣе... Въ него попало тоже три пули, но одна изъ нихъ засѣла въ животѣ, а другая перебила ключевую кость. Перевязка должна была причинять ему крайнія, невыносимыя мученія, а онъ смотрѣлъ неподвижными, не мигающими глазами въ небо и молчалъ... Только когда я сталъ накладывать твердую неподвижную повязку на сломанную руку и прилаживать наѣхавшіе одинъ на другой обломки кости, изъ неподвижныхъ глазъ покатились крупныя слезы, а его лобъ какъ-то сразу покрылся крупными каплями пота.

— Не трожь, не трожь...—прошепталъ онъ беззвучно.

Отправили и его. Скоро почти непрерывнымъ потокомъ къ намъ стали приносить другихъ раненыхъ; нѣкоторые приходили и подъѣзжали сами. Я, одинъ, не успѣвалъ перевязывать,—и вокругъ насъ образовалась толпа ждущихъ очереди. Въ этой толпѣ стонали, просили пить, ругались хриплыми и злыми голосами, кто-то говорилъ взволнованно и громко, повторяя одни и тѣ же слова:

— Это вѣдь бѣда... Просто—бѣда...

Но тяжело раненые всѣ страдали молча... Можетъ быть, они въ самомъ дѣлѣ ничего не чувствовали, ничего не думали?

Къ намъ подскакалъ адъютантъ.

— Перевязывайте скорѣе!—крикнулъ онъ.—И то только тѣхъ, кого необходимо... Генералъ приказалъ... Всѣхъ направлять въ тылъ... Говорятъ—обходъ.

Онъ ускакалъ. Раненые заволновались, заговорили. Нѣкоторые, пришедшіе и пріѣхавшіе сами, торопливо побрели дальше. Я имъ крикнулъ, чтобы не перевязанные остались, но они еще торопливѣе пошли впередъ. Тяжело раненый, котораго я перевязывалъ, тоже заволновался и зашепталъ:

— Поскорѣе, поскорѣе... А то совсѣмъ не надо...

Отъ усталости и волненія у меня дрожали руки, и мнѣ казалось, что я перевязываю очень скверно. Нѣкоторыя раны были до того ужасны, что я не зналъ, какъ къ нимъ приступиться... Я видѣлъ раненыхъ, пробитыхъ семью, восемью, даже десятью пулями,—и эти зіяющія, отвратительныя круглыя дыры заставляли меня еще болѣе волноваться, и мои руки тряслись сильнѣе... Я бранился въ душѣ, что исчезъ куда-то Эрдманъ, хоть и сознавалъ, что онъ, спеціалистъ-гинекологъ, не былъ бы тутъ полезнѣе меня...

А раненые молчали, вздыхали и плакали, если я причинялъ имъ особенно острую боль... Ахъ, о чемъ они думаютъ! Понимаютъ ли они, за что такъ страдаютъ?..

XXI.

Я никакъ не могъ остановить льющуюся струей кровь у тяжело раненаго солдата, какъ вдругъ Лазаревъ, державшій его руку, сказалъ:

— Раненый офицеръ...

Всѣ помогавшіе мнѣ санитары бросились помочь офицеру слѣзть съ лошади. Онъ былъ раненъ легко, въ руку.

— Я еще не перевязанъ,—сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ.— Извольте перевязать.

— Подождите немного,—сказалъ я. Кровь все лилась и лилась, и мнѣ съ большимъ трудомъ удалось кое-какъ ее остановить.

Наконецъ, раненый былъ забинтованъ и уложенъ на носилки. Офицеръ опять подошелъ ко мнѣ. Но, такъ какъ оставалось еще двое тяжелыхъ, я ему сказалъ:

— Подождите немного... Я перевяжу сначала тяжелыхъ... Вы—легкій...

. . . .

Вдругъ около насъ, точно изъ-подъ земли, появился докторъ Эрдманъ. Онъ былъ безъ шляпы, видъ у него былъ злой и раздраженный, на щекѣ глубокая царапина, вокругъ которой была размазана кровь.

— Какъ вы смѣли?—кинулся онъ на меня.

— Что? Что?

— Кто вамъ приказывалъ здѣсь встать?.. Вы—начальникъ отряда?..

Эрдманъ сталъ перевязывать офицера.

Я подошелъ къ слѣдующему тяжело раненому. Опять отвратительныя круглыя дыры. Когда я сталъ ватой, смоченной спиртомъ, вытирать его загрязнившіяся раны, онъ вдругъ заворочался и заговорилъ:

— Кулька бѣсъ!.. Не щиплись... Не щиплись, говорю, бѣсъ... Въ рыло заѣду... Кулька! Кулька! бѣсъ...

Когда мы съ Семеновымъ—онъ одинъ остался со мной, всѣ другіе суетились возлѣ доктора, перевязывавшаго офицера,—подняли его, чтобы наложить повязку, онъ открылъ глаза и, уставившись на насъ, сказалъ какимъ-то страннымъ сдавленнымъ голосомъ, въ которомъ было и удивленіе, и страданіе:

— Ба-атюшки... Вона какъ... Ба-атюшки...

Послѣдній тяжело раненый оказался мертвымъ,—одна пуля попала ему въ шею, и теперь и шея, и ротъ мертваго

были покрыты алой, почти розовой, пѣнистой, съ большими пузырями кровью...

Нужно было перейти къ легко раненымъ. Ихъ осталось всего человѣкъ пять, — всѣ остальные ушли. И тѣ, которыхъ я перевязывалъ, торопили меня, просили плаксивыми голосами отпустить ихъ скорѣе. Все это происходило потому, что стрѣльба впереди немного усилилась, и нѣсколько снарядовъ разорвалось надъ пустымъ полемъ, довольно близко отъ насъ. И раненымъ хотѣлось поскорѣе уйти въ тылъ, въ такое мѣсто, откуда бы не было слышно этого проклятаго свиста и куда бы не могли залетать снаряды.

Легко раненые были нетерпѣливы, кричали отъ боли, когда я вытиралъ ихъ раны спиртомъ, и не выказывали никакого мужества, такъ что Семеновъ счелъ себя въ правѣ стыдить ихъ:

— Ну, ровно баба... Маленько щиплетъ, а онъ кричитъ... Вѣдь не рѣжутъ, а добра желаютъ...

Отъ насъ ушелъ послѣдній раненый, а новыхъ не поступало. Можно было отдохнуть... И опять я почувствовалъ крайнее утомленіе и жажду. Но теперь я уже не легъ на землю къ лужѣ, чтобы напиться, а попросилъ у Семенова кружку. Зеленый офицеръ все еще лежалъ возлѣ лужи и спалъ.

Докторъ Эрдманъ сидѣлъ на вьюкѣ съ перевязочными матеріалами и угощалъ раненаго офицера коньякомъ...

Надъ нами просвисталъ снарядъ и разорвался гдѣ-то сзади.

— Надо ѣхать, — быстро вскочилъ офицеръ. — До свиданья, докторъ. Спасибо...

Санитары бросились помочь ему влѣзть на лошадь. Онъ ускакалъ, погоняя лошадь ударами каблуковъ.

Докторъ Эрдманъ тоже заволновался и велѣлъ санитарамъ снова навьючить снятые съ муловъ вьюки. Пролетѣлъ еще снарядъ...

— Руденко! — крикнулъ Эрдманъ. — Помахай флагомъ!.. Все время стой и махай...

Мимо насъ прошла впередъ широкая цѣпь стрѣлковъ. Очевидно, японцы стрѣляли по этой цѣпи. Солдаты подвигались впередъ медленно, еле шагая, то и дѣло перекладывая ружье съ одного плеча на другое.

— Братцы, нѣтъ ли испить? — спросилъ, не останавливаясь, ближайшій къ намъ. Семеновъ зачерпнулъ кружку воды, догналъ его и далъ. Нѣкоторые солдаты шатались отъ усталости, и было видно, что теперь ружье для нихъ—почти непосильная ноша. Когда они отошли отъ насъ шаговъ на сто, надъ ними опять лопнулъ снарядъ, но никого не задѣлъ.

Они не ускорили и не замедлили шага, и по прежнему тихо, перекладывая ружье съ одного плеча на другое, плелись впередъ.

Принесли еще одного раненаго. За носилками шагали два офицера, оба маленькіе, съежившіеся, печальные... Одинъ изъ нихъ былъ мокрый, съ ногъ до головы, и дрожалъ.

— Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь согрѣться? — спросилъ мокрый дрожащимъ, прерывающимся голосомъ. А другой, сухой, молча посмотрѣлъ на насъ и какъ-то ужъ очень жалобно улыбнулся...

Докторъ занялся своимъ дѣломъ,—сталъ угощать офицеровъ коньякомъ, а я подошелъ къ раненому. Уже по одному спокойному, безразличному выраженію его лица было видно, что онъ раненъ тяжело. Когда я снялъ съ него рубашку, совсѣмъ не выпачканную кровью, я увидалъ маленькую, едва замѣтную сухую ранку въ животѣ. Это была уже не шрапнель, а изящная, „гуманная“ ружейная пулька... На спинѣ я нашелъ другую такую же маленькую ранку, тоже сухую, едва замѣтную,—точно казака прокололи шиломъ...

Мокрый офицеръ дрожащимъ взволнованнымъ голосомъ разсказывалъ о томъ, какъ его окружили японцы, какъ онъ бросился въ рѣчку и чуть не утонулъ. А сухой слушалъ, молчалъ, смотрѣлъ виноватыми глазами и жалобно улыбался.

Докторъ Эрдманъ рѣшилъ отъѣхать подальше. Лошади у него не было, и онъ сѣлъ на лошадь Семенова, а тотъ пошелъ пѣшкомъ. Офицеры, мокрый и сухой, тоже поплелись за нами.

XXII.

Когда мы выѣхали на дорогу, насъ догналъ Унтербергъ. Видъ у него былъ усталый и хлопотливый, но довольный.

— А я къ вамъ съ приказаніемъ,—сказалъ онъ.—Отступить къ той горкѣ, гдѣ — помните? — стояли вначалѣ. Тамъ ждать общаго отступленія. Раненыхъ всѣхъ передать военному транспорту. Сейчасъ всѣ отступаемъ.

Сзади по прежнему неторопливо и дѣловито ѣхали пушки и безпокойно трещала перестрѣлка.

— Я поѣду съ вами, — продолжалъ Унтербергъ. — Надо отвезти приказаніе дивизіонному лазарету — сниматься съ мѣста и сейчасъ начать отправку раненыхъ въ С.

— Значитъ, „дѣло“ кончается?—спросилъ я.

— Значитъ... Поздравляю васъ! — вдругъ протянулъ онъ мнѣ руку.

— Съ чѣмъ?—удивился я.

— Съ тѣмъ, что благополучно вылѣзли изъ этой исторіи. Вѣдь вы въ общей толпѣ были?.. У насъ изъ штабныхъ одинъ раненъ, другой—убитъ...

— Кто?

Унтербергъ назвалъ фамилію. Это былъ офицеръ, котораго вчера я видѣлъ играющимъ въ шахматы, и который упрекалъ партнера, что тотъ играетъ по-брынски.

— Не было людей, чтобы отнести, такъ его перекинули черезъ сѣдло и привязали стременами. Совсѣмъ рядомъ со мной стоялъ, я слышалъ, какъ просвистѣла и оборвалась его пуля... У васъ есть спички, закурить?

По пыльной дорогѣ тащились то въ одиночку, то группами въ два-три человѣка усталые солдаты. Когда мы ихъ нагоняли, они не обращали вниманія на наши окрики, и мы должны были ихъ объѣзжать. Лица ихъ выражали крайнюю усталость, полнѣйшее равнодушіе ко всему окружающему. Иные въ изнеможеніи опускались на землю возлѣ дороги... Иные хриплыми, пересохшими голосами просили у насъ пить. У Семенова въ флягѣ была вода, и онъ давалъ просящимъ по нѣскольку глотковъ, пока она не истощилась. Тогда онъ на просьбы отвѣчалъ:

— Сейчасъ, братцы, рѣчка будетъ... Совсѣмъ близко...

— Собственно говоря, удивительное вышло „дѣло“,—сказалъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Унтербергъ и засмѣялся...

Я съ удивленіемъ слушалъ его смѣхъ, его громкій говоръ. Онъ казался совсѣмъ другимъ, совсѣмъ не тѣмъ, какимъ я зналъ его раньше. Обычной его грусти и задумчивости не было и слѣда.

. . . .

— Все таки что-жъ тутъ смѣшного?—спросилъ я. Меня начиналъ раздражать довольный тонъ его разсказа, громкій голосъ.

— Знаете, почему вы сейчасъ злы, какъ василискъ? Вы голодны, и вамъ нечего поѣсть... А вотъ я вамъ дамъ полкурицы — и вы повеселѣете. А я ужъ перекусилъ... Дать, что ли?

Я съѣлъ его курицу, потомъ выпилъ коньяку,—и мной овладѣло тупое чувство довольства, сознаніе, что весь ужасъ прошелъ...

XXIII.

Когда мы добрались до крутой горки, уже темнѣло, и на небѣ зажглось нѣсколько блѣдныхъ и робкихъ звѣздочекъ. Кое-гдѣ, пока еще тихо, звенѣли лягушки.

Подъ горкой было довольно многолюдно,—тутъ опять стояла горная батарея, какіе-то казаки и тутъ же былъ расположенъ дивизіонный лазаретъ. Раненые—ихъ оказалось свыше полутораста человѣкъ—лежали прямо на землѣ на своихъ импровизированныхъ носилкахъ. Среди нихъ было тихо,—не было слышно ни стоновъ, ни говору. Должно быть всѣ, кому не мѣшала боль, спали. Врачи собрались подъ самой горкой и сидѣли возлѣ маленькаго огонька. Проѣхать къ нимъ между ранеными было нельзя, и потому Унтербергъ издали крикнулъ:

— Господинъ дивизіонный врачъ! Петръ Михайловичъ...

— Ау!—неожиданно близко откликнулись ему, и изъ темныхъ, распростертыхъ на землѣ фигуръ совсѣмъ рядомъ съ нами поднялся и подошелъ къ намъ дивизіонный докторъ.

— Добрый вечеръ!—сказалъ ему Унтербергъ.—Генералъ приказалъ немедленно отправлять раненыхъ въ С.

Докторъ слушалъ, заложивъ руки за спину, потомъ неожиданно и быстро выбросилъ ихъ впередъ и заговорилъ крикливымъ и недовольнымъ тономъ:

— На комъ и на чемъ прикажете отправлять? На коврахъ-самолетахъ?.. Извините,—онъ опять выбросилъ впередъ руки,—извините, ихъ у меня нѣтъ.

Унтербергъ сначала не зналъ, что отвѣтить, но послѣ короткой паузы сказалъ:

— Я сейчасъ пришлю солдатъ или казаковъ. Сколько надо носильщиковъ?

— Чортъ знаетъ что,—отправить!—продолжалъ еще болѣе крикливо и зло докторъ.—Ни людей, ни носилокъ... Простите, у меня ковровъ-самолетовъ нѣтъ.

— Сколько надо прислать носильщиковъ?—переспросилъ Унтербергъ.

— Тяжелыхъ сорокъ семь,—отвѣтилъ, наконецъ, на вопросъ докторъ.—Если по двѣ смѣны, по восьми на каждаго... Четыреста человѣкъ... Да-съ, четыреста человѣкъ.

— Гм...—задумался Унтербергъ.—Двѣ роты, или рота и двѣ сотни... Гдѣ я ихъ теперь найду?..

— Гдѣ угодно-съ... У меня ковровъ-самолетовъ нѣтъ.

Кутенковъ, котораго мы командировали найти для насъ свободный уголокъ, скоро вернулся.

— Пожалуйте. Первѣйшее мѣсто.

Онъ провелъ насъ на то самое мѣсто, гдѣ мы стояли въ самомъ началѣ боя. Тамъ, подъ самой горкой, было еще темнѣе. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ возвышалась какая-то темная куча, которой раньше тутъ какъ будто не было. А за нею нѣсколько казаковъ, при свѣтѣ маленькаго слѣпого фонаря, короткими походными заступами рыли землю. Я подошелъ ближе. Темная куча оказалась кучею сложенныхъ одинъ на другой труповъ; было ихъ, вѣроятно, пятнадцать—двадцать.

Казаки работали молча, только изрѣдка кто-нибудь изъ нихъ произносилъ фразу въ родѣ:

— Ну и грунтъ,—копаемъ, копаемъ, все черная земля... Вотъ земля!

Или:

— Чай, ладно теперь... Глыбоко ужъ.

Когда рѣшили, что ладно, стали складывать трупы въ яму, опять одинъ на другой. Оказалось, что яма мала.

— Бугромъ будетъ,—сказалъ одинъ.—Не ладно.

— Ничего,—отвѣтилъ другой.

— Како ничего: дождь пойдетъ, все и размоетъ... Надо поглубже.

Поговорили, посовѣтовались и рѣшили сдѣлать яму поглубже. Вынули трупы и снова принялись за работу...

Теперь яма оказалась надлежащей глубины; казаки забросали ее землей, сравняли и старательно притоптали мѣсто. Потомъ собрались было уходить, но остановились въ какой-то нерѣшительности, точно сообразивъ, что не все еще сдѣлано, и стараясь вспомнить, что еще надо сдѣлать.

— Молитву бы хоть, что ли,—сказалъ, наконецъ, одинъ.— Корчагинъ, ты грамотный, валяй...

Корчагинъ прочиталъ „Отче нашъ". Потомъ вспомнили, что надо бы и крестъ поставить, — и только послѣ этого кто-то вздохнулъ и сказалъ:

— Эхъ!.. Вотъ она—жизнь-то наша... Ребята были хорошіе.

— Царство небесное, вѣчный покой!—тихо отвѣтили остальные.

...Я вернулся къ своимъ. Докторъ Эрдманъ укладывался спать.

— Надо вздремнуть,—сказалъ онъ мнѣ какимъ-то жалобнымъ, усталымъ голосомъ.—Чувствую большую усталость и сонъ.

Я отвязалъ отъ своего сѣдла бурку, разостлалъ ее и

улегся. Спать мнѣ не хотѣлось, и я напряженно, помимо воли, вслушивался въ окружавшіе меня звуки. И каждый трескъ вѣтки, сломанной лошадью, какой-нибудь стукъ,—все это заставляло вздрагивать, наводя мысль на выстрѣлы... Я зналъ, что такое состояніе, когда всякій звукъ, совершенно непохожій на выстрѣлъ, принимается взбудораженнымъ воображеніемъ за выстрѣлъ, бываетъ послѣ каждаго сраженія, въ которомъ пришлось принимать близкое участіе, но никакъ не могъ себя успокоить... Мысли бѣжали быстро-быстро, какими-то несвязными обрывками, безпокойныя, непріятныя, тяжелыя...

Я всталъ и пошелъ къ огоньку, возлѣ котораго сидѣли врачи. Они дремали и молчали. Только когда я подошелъ, кто-то изъ нихъ сказалъ мнѣ:

— Что, юноша, homo homini lupus, убѣдились въ этомъ?

— Ну, какой тамъ lupus,—проворчалъ Пархоменко. — Просто...

XXIV.

Пришли, наконецъ, измученные солдаты, и можно было начать отправку раненыхъ. Какъ разъ въ это же время прискакалъ адъютантъ отъ генерала и сообщилъ, что генералъ приказалъ немедленно отступать, ибо положеніе становится очень опаснымъ.

Было темно такъ, что фигуры идущихъ и ѣдущихъ впереди въ десяти шагахъ уже сливались съ темнотой. Шли и ѣхали молча, и былъ слышенъ только стукъ копытъ и ногъ по дорогѣ, да крики и стоны раненыхъ впереди. Было слышно, какъ они просили не мучить ихъ больше, оставить тутъ же, на дорогѣ... И стоны, то глухіе, то острые, пронзительные, и крики отчаянія, крики невыносимой боли, заглушали временами и шумъ отступавшихъ войскъ, и звонъ лягушекъ кругомъ, и всѣ звуки ночи...

И я ѣхалъ—и зналъ, что помочь раненымъ нельзя, что я ничего, рѣшительно ничего не могу сдѣлать. Ихъ нельзя было сейчасъ нести на ружьяхъ и шинеляхъ, ихъ нужно было положить и не трогать, но... генералъ приказалъ нести, ибо сзади „насѣдали“ японцы...

Двигались долго-долго—можетъ быть, три часа, четыре, можетъ быть—больше, кто знаетъ? Раненые все стонали и кричали... Но мы подвигались впередъ все такъ же тихо и въ то же время торопливо. И каждый трескъ, каждый ударъ прикладомъ ружья о камни, рѣзкій стукъ копытомъ,—все походило на выстрѣлы, все заставляло вздрагивать. Иногда впереди останавливались—должно быть, для смѣны носиль-

щиковъ у раненыхъ, и тогда сзади раздавались нетерпѣливые крики:

— Чего тамъ?.. Чего стали?..

Но чѣмъ дальше шли, тѣмъ больше давала знать о себѣ усталость. Стали попадаться сидѣвшіе и лежавшіе возлѣ самой дороги, окончательно изнемогшіе, солдаты. И остановки впереди для смѣны носильщиковъ происходили все чаще и чаще...

...Впереди, у батареи, послышались крики, разговоръ, возня. И чей-то голосъ крикнулъ оттуда въ пространство:

— Доктора!..

Я поѣхалъ впередъ, обгоняя своихъ и вьючный артиллерійскій обозъ. Возлѣ дороги стояла группа людей, въ серединѣ которой кто то чиркалъ спичкой, освѣщая небольшое пространство. Оказалось, что солдатъ упалъ отъ усталости на дорогѣ, и наѣхавшимъ орудіемъ раздробило ему ноги. Онъ лежалъ теперь на спинѣ и охалъ. Кое-какъ при освѣщеніи спичками я наложилъ неподвижныя повязки на обѣ ноги, но пока я бинтовалъ, всѣ ушли, и я остался одинъ. Мимо меня по дорогѣ непрерывнымъ темнымъ шумящимъ потокомъ шли и ѣхали солдаты и казаки.

— Э, не до васъ тутъ!—отвѣчали тѣ, къ кому я обращался за помощью.

На мое счастье, подъѣхалъ Зудилинъ.

Кое какъ устроили дѣло: Зудилинъ, офицеръ, могъ приказать солдатамъ. Соорудили изъ ружей и шинели носилки и положили больного. Но когда стали его поднимать, онъ закричалъ такъ отчаянно, что опять опустили его на землю: когда его поднимали, перебитыя ноги свѣшивались внизъ, и отъ этого ему было невыносимо больно... Но устроить его иначе было нельзя, и его понесли, не обращая вниманія на отчаянные крики.

Въ С. добрались только въ десять часовъ утра. И весь этотъ день до поздней ночи подходили отсталые солдаты, измученные и голодные...

Григорій **Бѣлорѣцкій**.

Что такое воля?

III. Поступокъ и вниманіе.

Среди волевыхъ процессовъ различаютъ поступки и акты вниманія. Чѣмъ обусловлено такое различеніе? Что такое поступокъ? Что такое актъ вниманія?

Термины поступокъ и вниманіе употребляются часто не въ одномъ и томъ же смыслѣ, неправильно, безпорядочно. При изученіи же волевыхъ процессовъ очень важно, чтобы значеніе этихъ терминовъ было вполнѣ выяснено. Для этой цѣли я считаю полезнымъ принять различіе этихъ терминовъ въ широкомъ и узкомъ смыслѣ; получатся названія: поступокъ въ широкомъ смыслѣ, поступокъ въ узкомъ смыслѣ, вниманіе въ широкомъ смыслѣ, вниманіе въ узкомъ смыслѣ. Давъ этимъ названіямъ вполнѣ опредѣленное значеніе, я образую этимъ четыре группы, въ которыя и могутъ быть относимы различные случаи, когда говорятъ о поступкахъ и вниманіи; такимъ образомъ мы избавимся путаницы, существующей нынѣ въ употребленіи словъ поступокъ и вниманіе.

Подъ поступкомъ въ широкомъ смыслѣ я понимаю всякое дѣйствіе, производимое мышцами для произвольныхъ сокращеній, имѣющее какую-нибудь цѣль, ясно или неясно сознаваемую. Поступокъ, совершаемый раньше съ яснымъ сознаніемъ цѣли, вслѣдствіе частаго своего повторенія можетъ совершаться потомъ вполнѣ автоматически, безъ сознанія цѣли. Всѣ круговыя реакціи на волевой стимулъ—поступки въ широкомъ смыслѣ; цѣлью является волевой стимулъ; достиженіемъ ея—результатъ круговой реакціи. Подъ поступкомъ въ узкомъ смыслѣ слова мы будемъ понимать только тѣ дѣйствія, которыя имѣютъ своей цѣлью и результатомъ какія-нибудь измѣненія въ окружающей человѣка обстановкѣ, болѣе или менѣе обширныя. Только тѣ круговыя реакціи на волевые стимулы, результатомъ мускульной дѣятельности которыхъ являются такія измѣненія окружающаго, должны считаться поступками въ узкомъ смыслѣ слова.

Подъ вниманіемъ въ широкомъ смыслѣ я понимаю наиболѣе ясное сознаніе какого-либо психическаго процесса, когда это ясное сознаніе есть результатъ собственной волевой дѣятельности человѣка. Врагъ причиняетъ человѣку какимъ-нибудь образомъ физическую боль. Эта боль будетъ ясно сознаваться страдальцемъ, но это ясное сознаніе не есть продуктъ его собственной волевой дѣятельности; напротивъ, его волевые акты будутъ направлены къ тому, чтобы какъ можно скорѣе избавиться отъ этого яснаго сознанія боли; поэтому не всякое ясное сознаніе—вниманіе. Если понимать вниманіе въ этомъ широкомъ смыслѣ слова, то оно, по развиваемой здѣсь теоріи, будетъ заключаться во всякой круговой реакціи на волевой стимулъ, потому что каждая круговая реакція—собственная волевая дѣятельность человѣка, но только въ круговой реакціи при опредѣленныхъ условіяхъ. Я уже много разъ говорилъ, что чѣмъ чаще повторяется круговая реакція, тѣмъ проходимѣе становятся ея нервные пути, тѣмъ легче, „подъ меньшимъ треніемъ" протекаютъ физіологическіе корреляты ея психофизіологическаго процесса; когда же одновременно выполняется нѣсколько круговыхъ реакцій, дезинтеграція центровъ которыхъ протекаютъ съ различною легкостью, яснѣе всего сознаются психическіе корреляты дезинтеграціи центровъ, протекающей съ наибольшимъ треніемъ. Все, сознаваемое нами въ какой-либо моментъ времени, сознается не одинаково ясно. Психологи часто сравниваютъ все сознаваемое въ одинъ моментъ съ полемъ зрѣнія: ясному видѣнію центральнаго зрѣнія соотвѣтствуютъ ясно сознаваемые психическіе процессы—центральная область сознанія, неясному видѣнію бокового зрѣнія соотвѣтствуютъ неясно сознаваемые психическіе процессы—периферическая область сознанія въ данный моментъ. Фактъ яснѣйшаго сознанія психическихъ процессовъ круговой реакціи, фактъ пребыванія ихъ въ центральной области сознанія и есть вниманіе въ широкомъ смыслѣ слова. При одновременномъ выполненіи нѣсколькихъ круговыхъ реакцій, вниманіе въ широкомъ смыслѣ сопряжено не съ каждой изъ нихъ, а только съ тѣми, процессы дезинтеграціи центровъ которыхъ протекаютъ съ наибольшимъ треніемъ. И при отдѣльной круговой реакціи обыкновенно не всѣ психическіе процессы ея сознаются одинаково ясно; отдаленные, косвенные эффекты—яснѣе; они одни и будутъ въ области вниманія въ широкомъ смыслѣ. Со вниманіемъ въ широкомъ смыслѣ тѣсно связанъ вопросъ объ объемѣ сознанія, которымъ много занимались психологи. Вопросъ этотъ обширный и тонкій; но намъ нѣтъ надобности углубляться въ него; онъ не имѣетъ прямого отношенія къ нашей задачѣ—объясненію всѣхъ явленій воли основнымъ фактомъ круговой реакціи на волевой стимулъ.

Что же такое вниманіе въ узкомъ смыслѣ слова? Выше я ска-

залъ, что дѣйствія, имѣющія своей цѣлью и результатомъ измѣненія въ окружающей человѣка обстановкѣ, называю поступками въ узкомъ смыслѣ. Кромѣ такихъ дѣйствій существуютъ другія, при которыхъ сокращеніями мышцъ не производится никакихъ перемѣнъ въ обстановкѣ, во внѣшнемъ мірѣ. Напримѣръ, когда я пристально присматриваюсь, усердно прислушиваюсь, я, помощью извѣстныхъ мышцъ, даю своимъ органамъ чувствъ наилучшія условія для полученія зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній, для того, чтобы мои воспріятія были самыя ясныя. Когда при воспоминаніи я сохраняю въ сознаніи какое-либо представленіе, напримѣръ, лица моего друга, я это дѣлаю тоже помощью сокращенія извѣстныхъ мышцъ, но при этихъ сокращеніяхъ я, дѣйствительно, не произвожу никакихъ перемѣнъ во внѣшнемъ мірѣ, во внѣшней обстановкѣ. Вотъ такіе-то акты, которыми достигается въ сознаніи опредѣленный психическій результатъ безъ совершенія измѣненій во внѣшней обстановкѣ, я и называю процессами вниманія въ узкомъ смыслѣ. Акты вниманія въ узкомъ смыслѣ—такія круговыя реакціи на волевой стимулъ, при которыхъ этотъ послѣдній самоусиливается или самосохраняется мышечными сокращеніями, не производящими измѣненій въ окружающемъ. Всѣ эти дѣйствія преимущественно выполняются мышцами не рукъ, ногъ, туловища, а головы; наоборотъ, при поступкахъ въ узкомъ смыслѣ, дѣйствія преимущественно совершаются мускулатурой рукъ, ногъ, туловища, но не головы. Процессы вниманія въ узкомъ смыслѣ имѣютъ болѣе близкое, болѣе непосредственное отношеніе къ пріобрѣтенію нами знаній.

Между поступками въ узкомъ смыслѣ слова и вниманіемъ въ таковомъ же нѣтъ принципіальной разницы; и тѣ, и другіе волевые акты—круговыя реакціи на волевой стимулъ, помощью которыхъ этотъ послѣдній самоусиливается или самосохраняется. Если же нѣтъ принципіальной разницы, то можно легко встрѣтить такіе волевые процессы, которые могутъ быть причисляемы и къ поступкамъ въ узкомъ смыслѣ, и къ актамъ вниманія въ таковомъ же. Когда я присматриваюсь, прислушиваюсь, когда удерживаю въ сознаніи представленія—все это акты вниманія въ узкомъ смыслѣ: мускульная дѣятельность круговыхъ реакцій не производитъ измѣненій въ окружающемъ мірѣ; работаютъ преимущественно мышцы головы; всѣ эти процессы самоусиленія или самосохраненія волевыхъ стимуловъ имѣютъ болѣе близкое, болѣе непосредственное отношеніе къ пріобрѣтенію нами знаній. Наоборотъ, когда я ударяю пальцемъ клавишъ, отталкиваю ногой стулъ,— я совершаю поступокъ въ узкомъ смыслѣ слова: мускульная дѣятельность круговыхъ реакцій производитъ измѣненія въ окружающемъ мірѣ; работаютъ преимущественно мышцы рукъ, ногъ, туловища; эти процессы самоусиленія или самосохраненія волевыхъ стимуловъ имѣютъ менѣе близкое, менѣе прямое отношеніе

къ пріобрѣтенію нами знаній. Но это—крайніе, типическіе примѣры поступковъ въ узкомъ смыслѣ и вниманія въ таковомъ же. А когда я толкаю рукой какой-либо тяжелый предметъ только для того, чтобы опредѣлить, насколько трудно его двигать,—поступокъ это въ узкомъ смыслѣ или вниманіе въ таковомъ же? Я работаю мышцами руки, перемѣщаю предметъ,—по всему этому совершаю поступокъ въ узкомъ смыслѣ. Но это мое дѣйствіе имѣетъ въ данномъ случаѣ близкое, непосредственное отношеніе къ пріобрѣтенію знаній,—поэтому я совершаю актъ вниманія въ узкомъ смыслѣ. Такіе примѣры можно по произволу относить въ ту или иную группу. Намъ теперь выясняется важный фактъ, что между поступками въ узкомъ смыслѣ и вниманіемъ въ таковомъ же нѣтъ принципіальной разницы.

Разсмотримъ теперь примѣры круговыхъ реакцій вниманія въ узкомъ смыслѣ слова.

Примѣръ I (Самоусиленіе волевого стимула). Я сижу передъ письменнымъ столомъ, отдыхаю, зажмуривъ глаза. Передо мной лежитъ книга; раскрыта страница съ рисункомъ. Въ моемъ умѣ протекаютъ различныя мысли; вдругъ я вспоминаю книгу, рисунокъ; это воспоминаніе вызываетъ въ моемъ сознаніи волевой стимулъ „посмотрѣть рисунокъ“ *). Этотъ волевой стимулъ можетъ сейчасъ же вызвать круговую реакцію самоусиленія: физіологическій коррелятъ его пошлетъ возбужденіе въ соотвѣтственные двигательные центры, отсюда къ мускуламъ — такимъ, которые своими сокращеніями раскрываютъ глаза и приспособляютъ ихъ къ наилучшему полученію свѣтовыхъ раздраженій отъ книги, отъ рисунка; раздражатся периферическія окончанія чувствительныхъ нервовъ мышцъ, окружающихъ частей, зрительныхъ нервовъ; всѣ эти раздраженія потекутъ въ мозгъ и достигнутъ соотвѣтственныхъ центровъ коры: представленіе акта „посмотрѣть рисунокъ“ замѣнится воспріятіемъ осуществленія его. Теперь вмѣсто болѣе или менѣе ясныхъ образовъ рисунка я имѣю ощущенія отъ него; также имѣю ощущенія мѣстныхъ измѣненій отъ сокращенія глазныхъ мускуловъ. Эти послѣднія ощущенія могутъ едва-едва сознаваться.

Примѣръ 2 (Самосохраненіе волевого стимула). Когда я гляжу на рисунокъ, воспріятіе его, если нѣтъ противоборствующихъ психо-физіологическихъ процессовъ, вызоветъ круговую реакцію самосохраненія: физіологическій коррелятъ зрительныхъ ощущеній пошлетъ возбужденіе къ соотвѣтствующимъ двигатель-

*) Безспорно, примѣръ страдаетъ искусственностью: книга раскрыта на страницѣ рисунка и лежитъ такъ, что субъекту стоитъ только открыть глаза и рисунокъ ему будетъ хорошо виденъ. Такой примѣръ я выбралъ для того, чтобы показать отдѣльную круговую реакцію вниманія, выдѣливъ ее изъ комплекса волевыхъ стимуловъ и круговыхъ реакцій. О таковыхъ еже комплексахъ рѣчь пойдетъ въ слѣдующей главѣ.

нымъ центрамъ; къ нимъ же пошлетъ возбужденіе и физіологическій коррелятъ ближайшихъ эффектовъ мышечныхъ сокращеній; отсюда процессъ двинется въ мышцы, къ периферическимъ окончаніямъ чувствительныхъ нервовъ мышцъ и окружающихъ частей; къ периферическимъ окончаніямъ зрительныхъ нервовъ потекутъ свѣтовыя вибраціи отъ рисунка; далѣе, процессъ пойдетъ по всѣмъ этимъ чувствительнымъ нервамъ въ мозгъ, достигнетъ тѣхъ центровъ коры, съ которыхъ начался, и поддержитъ ихъ дезинтеграцію.

Нужно имѣть въ виду слѣдующее. Мы часто не можемъ видѣть ясно весь рисунокъ заразъ: когда однѣ области его для насъ ясны, другія — въ туманѣ. Ясно видна та область рисунка, для раздраженій отъ которой наилучше установленъ зрительный аппаратъ. Въ такихъ случаяхъ мы разсматриваемъ части рисунка поочередно: сначала устанавливаемъ зрительный аппаратъ въ наилучшія условія для одной области рисунка, потомъ для другой. Не слѣдуетъ думать, что все время, пока мы такъ поочередно разсматриваемъ части рисунка, совершается одна круговая реакція самосохраненія воспріятія рисунка. Нѣтъ, здѣсь цѣлый комплексъ круговыхъ реакцій самоусиленія и самосохраненія. Когда я отъ одной части рисунка перевожу приспособленія моего зрительнаго аппарата на другую, я совершаю круговую реакцію самоусиленія волевого стимула „посмотрѣть эту часть“. Этотъ волевой стимулъ, едва едва сознаваемый, пролетаетъ съ чрезвычайной быстротой и можетъ быть уловленъ только утонченнымъ самонаблюденіемъ *). Когда же я смотрю на одну часть рисунка, не измѣняя положенія зрительнаго аппарата, — во все это время я совершаю круговую реакцію самосохраненія волевого стимула—воспріятія этой части рисунка. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ подъ круговой реакціей самосохраненія волевого стимула нужно понимать разсматриваніе всего рисунка только въ томъ случаѣ, если онъ такъ малъ, что всѣ его части видны ясно сразу. Если же онъ не таковъ, то подъ круговой реакціей самосохраненія нужно понимать только періодъ разсматриванія одной области рисунка.

Точно такъ же протекаютъ круговыя реакціи, когда мы прислушиваемся, вкушаемъ, обоняемъ. Ощущенія слуховыя, вкусовыя, обонятельныя являются отдаленными, косвенными эффектами; ощущенія мѣстныхъ измѣненій отъ мускульныхъ сокраще-

*) Я не утверждаю, что волевой стимулъ выразится именно этою мысленною фразой. Ею я только хочу указать, какого рода будетъ волевой стимулъ, въ какомъ направленіи онъ станетъ функціонировать. Волевой стимулъ, навѣрное, выразится не такой сложной фразой, а чѣмъ либо въ родѣ „теперь — сюда...“ (подразумѣвается: взглянуть) или „а здѣсь что?..“ Повторяю, что и такія сокращенныя выраженія едва едва сознаются и пролетаютъ чрезвычайно быстро.

ній являются ближайшими эффектами; во всѣхъ этихъ случаяхъ мышечная дѣятельность круговыхъ реакцій вызываетъ наилучшія условія для полученія косвенныхъ, отдаленныхъ эффектовъ.

Но кромѣ этихъ случаевъ вниманія въ узкомъ смыслѣ слова есть еще другіе — случаи, когда мы удерживаемъ въ сознаніи психическіе процессы — комплексы образовъ, какъ, напр., представленія, понятія, сужденія. Это самосохраненіе волевыхъ стимуловъ тоже достигается мышечною дѣятельностью, но какою?

Когда мы имѣемъ воспріятія при наилучшихъ условіяхъ для полученія ихъ, наши опредѣленныя мышцы опредѣленнымъ образомъ работаютъ. Ощущенія отъ мѣстныхъ измѣненій, вызванныхъ этими опредѣленными мускульными сокращеніями, постоянно сопровождаютъ зрительныя, слуховыя, обонятельныя, вкусовыя, осязательныя ощущенія воспріятій: между ними образуется крѣпкая ассоціаціонная связь. Но представленія—копіи воспріятій: въ нихъ на ряду съ образами зрительными, слуховыми, осязательными, вкусовыми, обонятельными возникаютъ и крѣпко ассоціированные образы отъ мѣстныхъ измѣненій, производимыхъ сокращеніями мышцъ. Эти образы мѣстныхъ измѣненій, производимыхъ мышечными сокращеніями, требующимися для полученія воспріятія при наилучшихъ условіяхъ, образы, имѣющіеся въ составѣ каждаго представленія, стремятся вызвать и, при отсутствіи задержекъ, вызываютъ соотвѣтственныя сокращенія. Мышечная работа совершается, периферическія окончанія чувствительныхъ нервовъ, какъ въ самихъ сокращающихся мышцахъ, такъ и въ окружающихъ частяхъ, раздражаются; эти раздраженія по чувствительнымъ нервамъ идутъ въ мозгъ, достигаютъ центровъ коры, дезинтеграцію центровъ образовъ мѣстныхъ измѣненій отъ мышечныхъ сокращеній со степени дезинтеграціи, соотносительной образамъ, переводятъ на степень дезинтеграціи, соотносительной ощущеніямъ; дойдя же до центровъ, въ которыхъ протекаетъ дезинтеграція, соотносительная другимъ образамъ представленія, напр., зрительнымъ, обонятельнымъ, слуховымъ,—дойдя до этихъ центровъ по ассоціаціоннымъ волокнамъ, раздраженія поддерживаютъ ихъ дезинтеграцію на степени, соотносительной образамъ. Итакъ, образы мѣстныхъ измѣненій, производимыхъ сокращеніями мышцъ, имѣющіеся въ каждомъ представленіи, путемъ круговой реакціи замѣнились соотвѣтствующими ощущеніями; другіе же образы представленія, какъ напр., зрительные, слуховые, обонятельные, этой круговой реакціей не замѣнились соотвѣтственными ощущеніями, а поддержались ею въ видѣ образовъ. Такой результатъ является потому, что круговая реакція совершается при условіяхъ, неблагопріятныхъ для раздраженія периферическихъ окончаній чувствительныхъ нервовъ, соотвѣтствующихъ образамъ зрительнымъ, слуховымъ, осязательнымъ, вкусовымъ и проч.: эти раздраженія не получаются при круговой реакціи, и поэтому

соотвѣтственные образы не замѣняются ощущеніями, а продолжаютъ сохраняться въ сознаніи въ видѣ образовъ. Напр., я смотрю на какой-либо предметъ. Круговая реакція самохраненія воспріятія этого предмета совершается; результатомъ мышечной ея работы являются ощущенія мѣстныхъ измѣненій отъ мускульныхъ сокращеній—ощущенія напряженія аккомодаціи и конвергенціи, отъ глазного яблока, глазницы (конечно, эти ощущенія сознаются весьма слабо, даже едва-едва); но таковымъ же результатомъ круговой реакціи являются и зрительныя ощущенія—получившіяся отъ раздраженія опредѣленными лучами сѣтчатки; эти же опредѣленные лучи могли упасть на сѣтчатку только въ присутствіи предмета. Но вотъ теперь предмета нѣтъ. Во мнѣ возникло представленіе его, стало волевымъ стимуломъ и самосохраняется путемъ круговой реакціи. Въ этомъ представленіи зрительные образы крѣпко ассоціированы съ образами мѣстныхъ измѣненій отъ сокращенія мышцъ, работавшихъ при фиксированіи предмета. Эти образы мѣстныхъ измѣненій и вызываютъ круговую реакцію: мускульная работа совершается и замѣняетъ эти образы соотвѣтственными ощущеніями. Но сѣтчатка, хотя и поставлена мускульной работой круговой реакціи въ наилучшія условія для полученія свѣтовыхъ опредѣленныхъ раздраженій, всетаки ихъ не можетъ получить: самаго предмета не имѣется въ наличности. Зрительные образы предмета не могутъ при данныхъ условіяхъ замѣниться соотвѣтственными ощущеніями. А такъ какъ между центрами этихъ образовъ и центрами образовъ мѣстныхъ измѣненій, въ которыхъ теперь протекаетъ дезинтеграція степени соотносительной ощущеніямъ, существуетъ крѣпкая ассоціаціонная связь, то возбужденіе отъ этихъ послѣднихъ центровъ направляется по ассоціаціоннымъ волокнамъ въ первые и поддерживаетъ ихъ дезинтеграцію на степени, соотносительной образамъ. Итакъ оказывается, что одна часть представленія—образы мѣстныхъ измѣненій—путемъ круговой реакціи самоусилилась, замѣнилась соотвѣтственными ощущеніями, а другая часть—зрительные образы—путемъ той же реакціи только самосохранилась. Какъ же считать волевой стимулъ, представленіе предмета, самоусилившимся путемъ круговой реакціи или самосохранившимся? Не всѣ части представленій, не всѣ образы, входящіе въ составъ ихъ, имѣютъ для насъ одинаковое значеніе. Образы мѣстныхъ измѣненій далеко не имѣютъ для насъ той важности, какъ образы зрительные, слуховые, обонятельные и проч. Вообще образы представленій, соотвѣтствующіе отдаленнымъ, косвеннымъ эффектамъ круговыхъ реакцій, для насъ гораздо важнѣе образовъ, соотвѣтствующихъ ближайшимъ эффектамъ. Никто не смотритъ на предметъ только для того, чтобы аккомодировать, конвергировать глаза, направлять зрительныя линіи, а для того, чтобы получать свѣтовыя ощущенія отъ него. Поэтому, когда въ представленіяхъ

путемъ круговой реакціи, образы, соотвѣтствующіе ближайшимъ мѣстнымъ эффектамъ, самоусиливаются, а соотвѣтственные отдаленнымъ, косвеннымъ, самосохраняются, мы имѣемъ полное право назвать представленіе-волевой стимулъ самосохраняющимся. Такъ бываетъ при самосохраненіи различныхъ представленій: въ каждомъ изъ нихъ, на ряду съ образами зрительными, слуховыми. обонятельными и проч., соотвѣтствующими отдаленнымъ эффектамъ круговыхъ реакцій, имѣются образы мѣстныхъ измѣненій; послѣдніе самоусиливаются круговой реакціей, а первые самосохраняются ею. При удерживаніи въ сознаніи слуховыхъ представленій мы производимъ сокращенія мышцъ, требующіяся для полученія звуковыхъ ощущеній при наилучшихъ условіяхъ. Подобнымъ образомъ мы сохраняемъ въ сознаніи представленія вкусовыя, обонятельныя и проч. Такое объясненіе самосохраненія представленій, путемъ подобнаго сорта круговыхъ реакцій, вполнѣ пригодно для тѣхъ многочисленныхъ лицъ, которыя заявляютъ, что при актахъ воспоминанія представленій ощущаютъ напряженія мышцъ, относящихся къ соотвѣтственнымъ органамъ чувствъ. Но есть лица, которыя говорятъ о другихъ ощущеніяхъ. Fechner заявляетъ, что онъ при воспоминаніи имѣетъ ощущенія напряженія и сокращенія въ кожѣ волосистой части головы. James о себѣ говоритъ, что онъ при воспоминаніи и размышленіи имѣетъ ощущенія вращенія глазныхъ яблокъ кнаружи и вверхъ, какъ при снѣ. Многіе имѣютъ ощущенія отъ сокращенія мышцъ, сморщивающихъ лобъ и сдвигающихъ брови. Очевидно, въ этомъ отношеніи существуютъ индивидуальныя различія. Здѣсь подымаются два вопроса: во-первыхъ, какъ возможно самосохраненіе представленій, понятій, сужденій путемъ такихъ мышечныхъ сокращеній? во-вторыхъ, какъ образовалась связь между представленіями, понятіями, сужденіями и такими мышечными сокращеніями?

Первый вопросъ разрѣшается легко, стоитъ только выяснить одно обстоятельство. Дѣло въ томъ, что мышечная дѣятельность круговой реакціи при самосохраненіи волевыхъ стимуловъ-комплексовъ образовъ, какъ, напр., представленій, понятій, сужденій. играетъ далеко не такую роль, какъ при самоусиленіи подобныхъ стимуловъ или при самосохраненіи волевыхъ стимуловъ-воспріятій. Когда путемъ круговой реакціи представленія, сужденія замѣняются воспріятіями, то есть самоусиливаются, или воспріятія самосохраняются, мышечная дѣятельность требуется точно опредѣленная, для каждаго случая особая. Не только одни мускулы не могутъ замѣнить другихъ, но даже степень, сила, послѣдовательность отдѣльныхъ сокращеній должны быть сохранены въ точно опредѣленныхъ размѣрахъ. Представленіе можетъ замѣниться соотвѣтственнымъ воспріятіемъ только тогда, когда въ опредѣленныхъ центрахъ возникаетъ дезинтеграція степени, соотносительной ощущеніямъ; это же является результатомъ раздра-

женій опредѣленныхъ периферическихъ окончаній чувствительныхъ нервовъ, что, въ свою очередь, можетъ получиться только при опредѣленныхъ мышечныхъ сокращеніяхъ. То же самое вѣрно и для самосохраненія воспріятій: если бы вмѣсто опредѣленныхъ мышечныхъ сокращеній, опредѣленной силы, опредѣленнаго порядка, появились другія, воспріятіе не самосохранялось бы, а замѣнилось другимъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ самосохраненіемъ представленій, понятій, сужденій. Немного выше, при объясненіи самосохраненія представленій путемъ мышечныхъ сокращеній, требующихся для полученія соотвѣтственныхъ ощущеній при наилучшихъ условіяхъ, я указалъ, что главная часть представленій, имѣющая для насъ наибольшую важность, соотвѣтствующая отдаленнымъ эффектамъ круговой реакціи, самосохраняется только потому, что въ ея центры притекаютъ возбужденія отъ дезинтеграціи центровъ неглавной части представленій, соотвѣтствующей ближайшимъ эффектамъ круговыхъ реакцій. Эта послѣдняя часть, образы мѣстныхъ измѣненій отъ мышечныхъ сокращеній, путемъ круговой реакціи самоусиливается; но хотя и самоусиленная, она далеко не имѣетъ для насъ того значенія, какъ часть главная, только самосохраненная; эта самоусиленная часть можетъ даже едва-едва сознаваться. Главная часть представленій самосохраняется только потому, что къ ней по ассоціаціоннымъ волокнамъ притекаютъ возбужденія отъ неглавной части; эти же возбужденія притекаютъ потому, что между обѣими частями существуетъ крѣпкая ассоціаціонная связь. Теперь легко понять, что если бы эта главная часть была ассоціирована крѣпко не съ опредѣленными центрами образовъ мѣстныхъ измѣненій отъ мышечныхъ сокращеній, то есть не съ неглавной частью, а совершенно съ другими центрами, она и при этихъ условіяхъ также самосохранялась бы. Какія бы мышечныя движенія ни совершались—безразлично: отъ ихъ центровъ въ мозговой корѣ возбужденія направились бы къ тѣсно ассоціированной главной части представленій, которая имѣетъ для насъ существенное значеніе, и поддержали бы ея пребываніе въ сознаніи. Понятно также и то, что для самосохраненія различныхъ представленій вовсе не требуются различныя, точно опредѣленныя мышечныя сокращенія: совершенно одинакія сокращенія однѣхъ и тѣхъ же мышцъ могли бы служить съ успѣхомъ для самосохраненія всѣхъ представленій Итакъ, всѣ представленія, понятія, сужденія могли бы самосохраняться путемъ какой-нибудь одной круговой реакціи: или вызывая сокращенія мышцъ волосистой части головы, или мышцъ, сморщивающихъ лобъ и сдвигающихъ брови, или мышцъ, вращающихъ глаза вверхъ и кнаружи. Раздраженія этими сокращеніями периферическихъ окончаній чувствительныхъ нервовъ притекли бы въ мозгъ и вызвали бы въ центрахъ коры дезинтеграцію, соотносительную ощущеніямъ; а отсюда возбужденія по

ассоціаціонным волокнамъ передались бы въ центры представленій, понятій, сужденій и поддержали бы ихъ дезинтеграцію.

Легко можетъ возникнуть такого сорта возраженіе: если бы всѣ представленія, понятія, сужденія были ассоціированы съ одной мышечной дѣятельностью, самосохранялись бы путемъ одной круговой реакціи, то это самосохраненіе было бы очень кратковременно. Если бы во время самосохраненія какого-либо представленія, всплыло въ сознаніи другое, то оно, будучи волевымъ стимуломъ той же круговой реакціи, легко замѣстило бы первое, такъ сказать вытолкнуло бы его и заняло бы его мѣсто; въ свою очередь легко уступило бы мѣсто третьему. Но какъ разъ мы это и видимъ на дѣлѣ: самосохраненіе представленій, понятій, сужденій всегда кратковременное, короче самосохраненія воспріятій. Вытянувъ руку, я могу держать ее въ этомъ положеніи очень долго. Представленія же, понятія, сужденія очень скоро уплываютъ и самосохраняются больше толчками, вновь появляясь въ сознаніи и вновь вызывая круговую реакцію. Когда же говорятъ, что долго думаютъ объ одномъ, то это значитъ, что только тема представленій, понятій, сужденій одна, сами же эти психическіе процессы въ каждый моментъ — иные. Я могу долго думать о пріятелѣ, но это будетъ происходить такъ, что въ одинъ моментъ я представляю его лицо, въ другой—имя, въ третій—вспоминаю его недавній поступокъ, въ четвертый недоумѣваю надъ какой-либо чертой его характера. Всѣ эти представленія, сужденія самосохраняются очень малое время; но такъ какъ между ними логическая связь, они составляютъ одну тему, то мы и говоримъ, что тема пребывала въ сознаніи долго.

Отъ этого возраженія насчетъ кратковременности самосохраненія представленій, понятій, сужденій вслѣдствіе замѣны однихъ волевыхъ стимуловъ круговой реакціи другими не свободно и вышеприведенное объясненіе самосохраненія представленій посредствомъ мышечныхъ сокращеній, требующихся для полученія соотвѣтственныхъ ощущеній при наилучшихъ условіяхъ. Дѣло въ томъ, что мышечныя сокращенія при зрительныхъ представленіяхъ очень разнообразны, различно комбинируются и хотя, можетъ быть, не являются совершенно особыми для каждаго случая, всетаки значительно приближаются къ этому идеалу. Не то при слуховыхъ, а тѣмъ болѣе при вкусовыхъ, обонятельныхъ представленіяхъ: здѣсь много представленій вызываетъ или одни и тѣ же мышечныя сокращенія, или весьма сходныя—одинаково раздуваются ноздри и втягивается воздухъ, какой бы запахъ ни вспоминали. Конечно, такое же однообразіе мышечныхъ сокращеній наблюдается и при самосохраненіи воспріятій слуховыхъ, вкусовыхъ, обонятельныхъ; но тамъ это обстоятельство не имѣетъ важнаго значенія потому, что ему противодѣйствуетъ другое—наличность источника раздраженій. Я одинаково расширяю ноздри

и втягиваю воздухъ, нюхаю ли розу или стклянку съ уксусомъ: но на этомъ основаніи запахъ розы не будетъ вытѣсненъ изъ моего сознанія запахомъ уксуса, если только подъ моимъ носомъ находится роза, а не уксусъ. Не то въ представленіи; ни розы, ни уксуса нѣтъ на лицо; я вспоминаю запахъ розы, онъ пребываетъ въ моемъ сознаніи, благодаря мышечнымъ сокращеніямъ круговой реакціи: расширенію ноздрей, втягиванію воздуха. Вдругъ всплываетъ въ сознаніи представленіе запаха уксуса, оно ассоціировано съ тѣми же мышечными движеніями и такъ же крѣпко; одно представленіе можетъ легко замѣнить другое.

Переходимъ теперь къ другому вопросу: какъ можетъ образоваться связь между представленіями, понятіями, сужденіями и такими мышечными сокращеніями, какъ сокращенія мышцъ волосистой части головы, лба, сдвигающихъ брови, вращающихъ глазные яблоки вверхъ и кнаружи? На этотъ вопросъ отвѣтить съ полной опредѣленностью мы не можемъ; мы можемъ только сдѣлать нѣсколько предположеній. Эти движенія могутъ быть чисто эмоціональными: мы знаемъ, что сдвиганіе бровей является часто эмоціональнымъ движеніемъ досады, затрудненія; закатываніе глазъ тоже въ не частыхъ случаяхъ является эмоціональнымъ. Далѣе, извѣстно, что теченіе мыслей вообще сопровождается эмоціональными движеніями, хотя часто весьма незначительными. Извѣстно также, что между людьми существуютъ большія индивидуальныя различія относительно эмоціональныхъ движеній. Поэтому не трудно допустить, что у нѣкоторыхъ эмоціональныя движенія мышцъ волосистой части головы, лба, бровей, глазъ могутъ быть чрезвычайно сильными и сопровождать теченіе мыслей, а движенія мышцъ, требующіяся для полученія ощущеній при наилучшихъ условіяхъ, по какимъ-нибудь индивидуальнымъ причинамъ могутъ быть очень слабыми, мало выраженными и съ теченіемъ времени совершенно отступить на задній планъ, давая мѣсто эмоціональнымъ.

Что касается самосохраненія представленій посредствомъ мышечныхъ сокращеній, требующихся для полученія соотвѣтственныхъ ощущеній при наилучшихъ условіяхъ, то слѣдуетъ имѣть въ виду еще слѣдующее. Не всѣ люди обладаютъ одинаково интенсивными образами ощущеній различныхъ сферъ: у многихъ лицъ одни образы, напр., зрительные, чрезвычайно интенсивны, тогда какъ другіе очень слабы. По силѣ образовъ люди раздѣляются на типы; различаютъ „зрительный“, „слуховой“, „осязательный“, „двигательный“, „индифферентный“ типы. Лица съ преобладающей силой какихъ-либо образовъ стремятся все, что знаютъ, вспоминать въ этихъ образахъ; такъ, лица „зрительнаго“ типа будутъ ярко помнить цвѣта предметовъ и совсѣмъ почти не будутъ помнить ихъ звуковъ; у людей „слухового“ типа, обратно, будутъ яркія воспоминанія звуковъ предметовъ и весьма

слабыя—цвѣтовъ ихъ. Теперь понятно, что при самосохраненіи представленій будутъ работать тѣ мышцы, сокращенія которыхъ требуются для полученія при наилучшихъ условіяхъ ощущеній, соотвѣтствующихъ преобладающимъ образамъ. Такъ, при самосохраненіи представленій съ преобладаніемъ зрительныхъ образовъ будутъ сокращаться мышцы, требующіяся для полученія при наилучшихъ условіяхъ зрительныхъ ощущеній.

Понятія являются въ сознаніи или какъ образы словъ, ихъ означающихъ, или какъ болѣе или менѣе опредѣленные образы предметовъ или перемѣнъ, въ этихъ предметахъ происходящихъ или ими производимыхъ; всѣ эти образы окружены полуясно или даже едва-едва сознаваемыми сужденіями объ общемъ классовомъ ихъ значеніи. Понятія-слова самосохраняются различными мышечными сокращеніями, смотря по тому, какіе образы преобладаютъ въ сознаніи словъ. Если лицо „слухового“ типа, оно будетъ сознавать слова какъ слуховые образы; соотвѣтственно этому при самосохраненіи понятій у такого лица будутъ сокращаться мышцы, работа которыхъ доставляетъ наилучшія условія для полученія слуховыхъ ощущеній; если лицо — „зрительнаго“ типа, сознаетъ слова какъ зрительные образы напечатанныхъ буквъ, сокращаться будутъ мышцы, дающія наилучшія условія для полученія зрительныхъ ощущеній. Понятія-образы предметовъ или перемѣнъ, этими предметами производимыхъ или въ нихъ происходящихъ, самосохраняются помощью мышечныхъ сокращеній, требующихся для полученія ощущеній, соотвѣтственныхъ этимъ образамъ, при наилучшихъ условіяхъ; будутъ эти образы зрительные, слуховые или другіе... — сокращаться будутъ соотвѣтствующія мышцы. Полуясно или едва сознаваемыя сужденія объ общемъ, классовомъ значеніи образовъ будутъ самосохраняться черезъ передачу возбужденій по ассоціаціоннымъ волокнамъ изъ центровъ этихъ образовъ.

Сужденія являются въ сознаніи въ видѣ болѣе или менѣе правильныхъ опредѣленныхъ предложеній, то есть опять-таки словъ и самосохраняются различными мышечными сокращеніями, смотря по тому, какіе образы преобладаютъ въ сознаніи словъ: всегда будутъ работать мышцы, дающія лучшія условія для полученія соотвѣтственныхъ образамъ ощущеній.

Какъ самосохраняются такія представленія, сужденія, въ которыхъ сознается какой-либо актъ, выполнявшійся уже много разъ? Появившись въ сознаніи, такое представленіе-волевой стимулъ должно вызвать круговую реакцію самоусиленія: актъ долженъ осуществиться. Это было бы поступкомъ въ узкомъ смыслѣ слова, а не вниманіемъ въ таковомъ же. Дѣйствительно, такъ и происходитъ, если только въ сознаніи нѣтъ въ этотъ моментъ какого-либо противодѣйствующаго волевого стимула. Противодѣйствующими я называю такіе волевые стимулы, круговыя реакціи кото-

рыхъ не могутъ быть одновременно выполняемы вслѣдствіе антагонизма мускуловъ; напримѣръ, я не могу въ одинъ и тотъ же моментъ поднять руку вверхъ и опустить ее внизъ. Если представленіе какого-либо акта, возникнувъ въ сознаніи, застаетъ выполненіе такихъ круговыхъ реакцій, въ которыхъ работаютъ мышцы-антагонисты, оно должно для своего осуществленія прервать ихъ. Иногда оно сразу ихъ прерываетъ и начинаетъ свою круговую реакцію. Но часто оно не можетъ этого сдѣлать, встрѣчаясь въ сознаніи съ могущественнымъ „нельзя“, „не слѣдуетъ“: человѣкъ сознаетъ, что въ данный моментъ онъ не долженъ осуществлять того акта, который онъ себѣ представляетъ. Подъ „нельзя“, „не слѣдуетъ“ сознается волевой стимулъ „продолжай дѣлать то, что дѣлаешь“, то есть выполнять уже текущія круговыя реакціи. Въ этомъ случаѣ въ сознаніи одновременно пребываютъ два волевыхъ стимула: одинъ совершаетъ свои круговыя реакціи, а другой, стараясь прервать ихъ, шлетъ импульсы въ двигательные центры соотвѣтственныхъ мышцъ; эти мускулы не совершаютъ полной круговой реакціи, но въ нихъ появляется напряженіе. Такое пребываніе въ сознаніи двухъ противодѣйствующихъ волевыхъ стимуловъ я называю борьбою ихъ и подробно буду говорить объ этомъ въ 5-ой главѣ. Эта борьба оканчивается выпаденіемъ изъ сознанія котораго либо изъ стимуловъ-соперниковъ. Оставшійся въ сознаніи волевой стимулъ начинаетъ свою круговую реакцію. Во время же борьбы, противодѣйствующіе волевые стимулы являются попеременно въ области яснаго сознанія. Каковы психическіе процессы тѣхъ моментовъ, когда въ ясномъ сознаніи пребываетъ представленіе какого-либо акта—волевой стимулъ, производящій не полную круговую реакцію, а только мышечное напряженіе? Они чрезвычайно сходны съ психическими процессами въ типическихъ случаяхъ вниманія къ представленіямъ, когда эти послѣднія самосохраняются круговыми реакціями: представленіе пребываетъ въ области яснаго сознанія; сознается также мышечное напряженіе. Такой періодъ самосохраненія представленія въ области яснаго сознанія, самосохраненія путемъ столкновенія съ противоборствующимъ стимуломъ, я не назову вниманіемъ въ узкомъ смыслѣ: круговая реакція не осуществилась. Это не вниманіе, а моментъ борьбы волевыхъ стимуловъ; если этотъ моментъ разсматривать отдѣльно,—онъ чрезвычайно похожъ съ психической стороны на вниманіе. Только такимъ образомъ мы и можемъ ясно представлять себѣ какой либо актъ и въ то же время не выполнять его.

Мы разсмотрѣли одну сторону процессовъ вниманія въ узкомъ смыслѣ слова — ту, что всѣ они круговыя реакціи на волевой стимулъ. Теперь я долженъ указать другую сторону ихъ—ту, что самоусиленный или самосохраняемый волевой стимулъ круговой

реакціи вниманія въ узкомъ смыслѣ всегда находится въ области яснаго сознанія, остальное же сознается неясно. Мы можемъ это выразить такъ: вниманіе въ широкомъ смыслѣ всегда сопровождаетъ вниманіе въ узкомъ смыслѣ. Это является такимъ необходимымъ условіемъ вниманія въ узкомъ смыслѣ, что безъ него мы соотвѣтственные процессы не назвали бы вниманіемъ. Иногда мы, фиксируя какую-либо область глазами, видимъ ее не ясно, будучи заняты посторонними мыслями. Подобную фиксацію мы не считаемъ вниманіемъ. Такъ какъ сопровождаемость процессовъ дезинтеграціи центровъ психическимъ коррелятомъ, болѣе или менѣе ясно сознаваемымъ, зависитъ не только отъ условій теченія самихъ этихъ процессовъ, но и отъ отношенія ихъ къ другимъ, одновременнымъ, то мы должны признать необходимымъ условіемъ вниманія въ узкомъ смыслѣ слова одновременность такихъ другихъ психофизіологическихъ процессовъ, которые позволили бы волевому стимулу круговой реакціи вниманія въ узкомъ смыслѣ сопутствоваться ясно сознаваемымъ психическимъ коррелятомъ.

Многіе психологи полагаютъ, что актъ вниманія можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда соотвѣтственные центры коры были предварительно возбуждены черезъ ассоціаціонныя волокна съ другихъ клѣтокъ ея; поэтому при вниманіи къ ощущеніямъ образы, соотносительные этимъ ощущеніямъ, какъ бы идутъ послѣднимъ навстрѣчу. Такое предварительное возбужденіе нервныхъ процессовъ, коррелятовъ образовъ, соотвѣтствующихъ имѣющимъ получиться ощущеніямъ, Lewes назвалъ „preperception“ (предвоспріятіе). Вопросъ о „preperception“ заключается, слѣдовательно, въ томъ, дѣйствительно ли такое предварительное возбужденіе корковыхъ центровъ всегда имѣетъ мѣсто и составляетъ необходимое условіе вниманія?

Когда вниманіе направлено на какой-либо комплексъ образовъ, напр., на представленіе, понятіе, сужденіе, то въ этихъ случаяхъ не можетъ быть сомнѣнія насчетъ вѣрности утвержденія о предварительныхъ нервныхъ процессахъ въ соотвѣтствующихъ центрахъ коры: этотъ комплексъ образовъ и есть возбудитель вниманія; понятно, что онъ долженъ необходимо предшествовать вызываемому имъ акту вниманія; извѣстно также, что физіологическіе корреляты комплексовъ образовъ всегда возбуждаются по ассоціаціоннымъ волокнамъ съ другихъ центровъ коры. Но психологи защитники „preperception“ утверждаютъ, что такое предварительное возбужденіе процессовъ образовъ является необходимымъ, постояннымъ условіемъ всѣхъ актовъ вниманія, то есть бываетъ и тогда, когда вниманіе направлено не на одни только образы, но и на ощущенія: образы какъ бы идутъ навстрѣчу притекающимъ съ периферіи ощущеніямъ и соединяются съ ними. Вѣрно ли это утвержденіе? James защищаетъ это утвержденіе,

ко защищаетъ очень странно *). Онъ признаетъ, что во время полнаго хода процесса вниманія къ ощущеніямъ нельзя опредѣлить, сколько въ воспріятіи получается съ периферіи, а сколько съ другихъ центровъ мозга, но полагаетъ, что необходимость „preperception“ для каждаго акта вниманія легко можетъ быть доказана инымъ путемъ: если будетъ показано, что *готовясь* внимательно воспринять что либо, мы создаемъ въ воображеніи соотвѣтствующій образъ, готовый встрѣтить внѣшнее впечатлѣніе, то этимъ будетъ доказано, что такъ бываетъ во всѣхъ случаяхъ. И далѣе онъ приводитъ примѣры, гдѣ субъектъ ожидаетъ и болѣе или менѣе знаетъ впередъ природу имѣющаго получиться впечатлѣнія: предварительные образы оказываются постоянно на лицо. Все это доказательство примѣрами, гдѣ воспріятіе ожидается и болѣе или менѣе извѣстно заранѣе,—чистѣйшее недоразумѣніе: какъ бы ни были сильны эти доказательства, они не могутъ доказать, что предварительные образы существуютъ и при актахъ вниманія къ впечатлѣніямъ, которыхъ не ожидали, о которыхъ заранѣе не знали. А между тѣмъ, кто можетъ отрицать, что такіе случаи существуютъ? Человѣкъ сидитъ въ кабинетѣ; работаетъ; за работой онъ не слыхалъ звонка въ квартиру; вдругъ дверь отворяется и къ нему въ кабинетъ входитъ его товарищъ дѣтства, котораго онъ не видалъ 20 лѣтъ. Моментально появится у нашего субъекта цѣлый рядъ процессовъ вниманія: лицо стараго товарища прикуетъ къ себѣ его взоры; также и рѣчи завладѣютъ его слухомъ. Мы будемъ здѣсь имѣть цѣлый рядъ круговыхъ реакцій вниманія: зрительныя воспріятія лица и фигуры товарища дѣтства будутъ самосохраняться мышечными сокращеніями, дающими наилучшія условія для полученія зрительныхъ ощущеній; слуховыя воспріятія дружескихъ словъ будутъ самосохраняться мышечными сокращеніями, доставляющими лучшія условія для полученія слуховыхъ ощущеній. А были ли у этихъ актовъ вниманія соотвѣтственные процессы „preperception“? Конечно, нѣтъ. Нашъ субъектъ совсѣмъ не думалъ о своемъ отсутствующемъ другѣ въ моментъ, предшествовавшій той минутѣ, когда онъ вдругъ увидѣлъ товарища: ни образовъ лица его, ни образовъ слуховыхъ голоса его онъ не имѣлъ въ сознаніи. Никто не можетъ отрицать существованія такихъ случаевъ, когда вниманіе сразу приковывается къ неожиданному впечатлѣнію. Понятно поэтому, что какіе бы результаты ни получились отъ анализа фактовъ вниманія къ ожидаемому и заранѣе извѣстному впечатлѣнію, они не могутъ быть перенесены прямо на случаи неожиданнаго вниманія. При вниманіи къ впечатлѣніямъ внезапнымъ, неожиданнымъ предварительнаго возбужденія соотвѣтственныхъ образовъ не имѣется и

*) W. James. The Principles of Psychology 1890. I, p. 439.

поэтому ясно, что таковое предварительное ихъ возбужденіе вовсе не составляетъ необходимаго условія всѣхъ актовъ вниманія.

Кромѣ того, если мы проанализируемъ теперь тѣ случаи вниманія къ впечатлѣніямъ ожидаемымъ и заранѣе болѣе или менѣе извѣстнымъ, гдѣ по мнѣнію James'a такъ ясно доказано присутствіе „preperception", то легко обнаружимъ здѣсь еще болѣе глубокое недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что „preperception" (предвоспріятіе) вовсе не часть вниманія къ имѣющему получиться воспріятію, а само составляетъ отдѣльный и вполнѣ самостоятельный актъ вниманія къ соотвѣтствующимъ воспріятію образамъ. Психологи защитники „preperception", какъ необходимаго условія вниманія къ воспріятіямъ, смѣшиваютъ два вполнѣ отдѣльныхъ самостоятельныхъ процесса вниманія въ одинъ. Разсмотримъ дѣло на примѣрѣ. Только примѣромъ не слѣдуетъ брать опыты съ возможно быстрой реакціей на какое-либо ощущеніе. Въ этихъ опытахъ субъекту говорятъ, что онъ получитъ такое-то ощущеніе, и просятъ приготовиться тотчасъ же по воспріятіи его извѣстнымъ образомъ реагировать. Вслѣдствіе этихъ словъ въ сознаніи субъекта всплываетъ образъ имѣющаго получиться ощущенія, но въ то же время сознается и волевой стимулъ „реагировать какъ можно скорѣе" при полученіи этого ощущенія; сознается также, что „теперь — еще не время". Какъ только ощущеніе получено, субъектъ немедленно реагируетъ. Въ сознаніи субъекта во время ожиданія ощущенія и въ моментъ его полученія находится нѣсколько психическихъ процессовъ въ сложныхъ другъ къ другу отношеніяхъ. Вотъ почему эти опыты вовсе не годятся для примѣра вниманія къ ожидаемымъ и заранѣе болѣе или менѣе извѣстнымъ впечатлѣніямъ. Возьмемъ примѣръ не при условіяхъ эксперимента, а при болѣе простыхъ. Человѣкъ пришелъ къ какому-нибудь лицу и ждетъ выхода его изъ другой комнаты. Онъ знаетъ наружность этого лица и ждетъ его съ нетерпѣніемъ. Въ этотъ моментъ у него происходитъ круговая реакція самосохраненія представленія ожидаемаго лица. Лицо выходитъ. Моментально у нашего субъекта предварительные образы замѣняются соотвѣтственными ощущеніями: периферическія окончанія нервовъ зрительныхъ, слуховыхъ раздражаются; раздраженія достигаютъ коры мозга, вызываютъ психофизіологическіе процессы воспріятій наружности, рѣчей даннаго лица; эти психофизіологическіе процессы самосохраняются круговыми реакціями при помощи соотвѣтственныхъ мышечныхъ сокращеній: субъектъ смотритъ на вышедшее къ нему лицо, слушаетъ его слова. Итакъ ясно, что ожиданіе и воспріятіе ожидаемаго — два самостоятельныхъ, отдѣльныхъ акта вниманія, по нашей же, излагаемой здѣсь, теоріи это—двѣ круговыя реакціи самосохраненія волевыхъ стимуловъ; волевой стимулъ предшествующей круговой реакціи — представленіе, волевой стимулъ послѣдующей—соотвѣтственное этому представленію воспріятіе. Психо-

физiологическiй процессъ второй круговой реакцiи дѣйствительно протекаетъ въ большей или меньшей части центровъ, функцiонировавшихъ въ психофизiологическомъ процессѣ первой; тѣмъ не менѣе эти двѣ круговыя реакцiи вполнѣ самостоятельные, отдѣльные акты вниманiя. Я сказалъ „въ большей или меньшей части центровъ“ потому, что часто предшествующiя представленiя далеко не вполнѣ соотвѣтствуютъ послѣдующимъ воспрiятiямъ. Напримѣръ, я встрѣчаю въ вокзалѣ прiѣзжающаго изъ другого города знакомаго, котораго я не видалъ полгода. Поѣздъ приближается. Въ моемъ сознанiи самосохраняется представленiе наружности знакомаго, цвѣтущаго, румянаго, упитаннаго, въ извѣстномъ костюмѣ, однимъ словомъ такого, какимъ я видѣлъ его последнiй разъ. Но вотъ онъ выходитъ изъ вагона: блѣдный, болѣзненный, совсѣмъ иначе одѣтый. Теперь въ моемъ сознанiи самосохраняется воспрiятiе наружности знакомаго, далеко не совпадающее съ предшествовавшимъ представленiемъ.

Итакъ, не существуетъ никакой „preperception“ въ видѣ особаго, необходимаго условiя или части акта вниманiя; существуютъ частые случаи вниманiя къ неожиданнымъ впечатлѣнiямъ, и при нихъ нѣтъ предварительнаго возбужденiя соотвѣтственныхъ образовъ. При вниманiи же къ воспрiятiямъ съ предварительнымъ ожиданiемъ ихъ имѣются два вполнѣ самостоятельныхъ, отдѣльныхъ акта вниманiя.

Мы разсмотрѣли поступки въ узкомъ смыслѣ слова и акты вниманiя въ таковомъ же и не нашли между этими процессами принципiальной разницы: и тѣ и другiе — круговыя реакцiи на волевой стимулъ. Когда говорятъ о какихъ-нибудь поступкахъ, что они совершаются со вниманiемъ, внимательно, то это можетъ означать два факта: или имѣются одновременныя круговыя реакцiи — поступка въ узкомъ смыслѣ и акта вниманiя въ таковомъ же, или имѣется только круговая реакцiя поступка въ узкомъ смыслѣ, а вниманiе слѣдуетъ понимать въ широкомъ смыслѣ. Разсмотримъ это на примѣрѣ, на томъ, который приведенъ во 2-ой главѣ при разборѣ процессовъ круговой реакцiи. Субъектъ держитъ правую руку поднятою до высоты плеча; его голова повернута вправо. Если зрительный аппаратъ не приспособленъ къ тому, чтобы зрительныя ощущенiя отъ поднятой правой руки получались при наилучшихъ условiяхъ, субъектъ будетъ видѣть руку неясно, боковымъ зрѣнiемъ. Если же зрительный аппаратъ приспособленъ для наилучшихъ условiй полученiя зрительныхъ ощущенiй отъ руки, субъектъ будетъ ее видѣть ясно. Но въ этомъ случаѣ все приспособленiе зрительнаго аппарата составитъ круговую реакцiю вниманiя въ узкомъ смыслѣ. Ею будетъ самосохраняться въ сознанiи воспрiятiе вида поднятой правой руки, то есть воспрiятiе эффекта круговой реакцiи поступка въ узкомъ смыслѣ. Теперь—другой примѣръ. Субъектъ держитъ правую руку

поднятою до высоты плеча; но голова его не повернута вправо. Держаніе руки въ опредѣленномъ положеніи—поступокъ въ узкомъ смыслѣ слова, хотя и не типическій: нѣтъ измѣненій въ обстановкѣ. Зрительнаго воспріятія вида поднятой правой руки субъектъ не имѣетъ: голова не повернута вправо; осязательныя же ощущенія отъ давленія рукава сознаются. Если теперь умъ субъекта не будетъ занятъ отвлекающими мыслями, то воспріятіе положенія поднятой руки — мѣстныя эффекты и давленіе рукава — будетъ сознаваться имъ съ наибольшею ясностью. Это воспріятіе—эффектъ круговой реакціи поступка въ узкомъ смыслѣ слова; это воспріятіе самосохраняется, пребывая въ сознаніи яснымъ, яркимъ; но это самосохраненіе воспріятія совершается не отдѣльной круговой реакціей вниманія, а той же поступка. О такихъ поступкахъ, эффекты которыхъ сознаются ярче всего въ данный моментъ, въ моментъ совершенія поступка, говорятъ, что они выполняются *со вниманіемъ, внимательно*. И про нашего субъекта можно сказать, что онъ держитъ руку поднятою внимательно, со вниманіемъ. Но здѣсь нѣтъ двухъ круговыхъ реакцій — поступка въ узкомъ смыслѣ и вниманія въ таковомъ же, здѣсь только одна круговая реакція поступка въ узкомъ смыслѣ. „Внимательно, со вниманіемъ" — эти слова означаютъ здѣсь только тотъ фактъ, что эффектъ круговой реакціи поступка сознается во время ея выполненія яснѣе, ярче всего. Слѣдовательно вниманіе здѣсь нужно понимать въ широкомъ смыслѣ.

Вниманію противополагаютъ разсѣянность. Что это за состояніе? и какъ оно можетъ быть объяснено помощью круговыхъ реакцій на волевой стимулъ? Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что это слово часто употребляется совершенно неправильно: имъ называютъ самые акты вниманія. Когда человѣкъ что-нибудь внимательно дѣлаетъ или обдумываетъ, онъ становится глухъ и слѣпъ ко всему окружающему. Вотъ это-то отношеніе къ неинтересующимъ въ данный моментъ предметамъ и называютъ разсѣянностью. Разсказываютъ анекдоты о великихъ ученыхъ, что они, углубляясь въ свои занятія, забывали обѣдать; разсказываютъ объ Архимедѣ, что онъ, занятый своими геометрическими изысканіями, не слыхалъ, какъ римскія войска ворвались въ городъ.

Когда же слово разсѣянность употребляютъ правильно, то имѣютъ въ виду два сорта психическихъ состояній. Иногда разсѣянностью называютъ большую неустойчивость вниманія; она обыкновенна у дѣтей. Вниманіе существуетъ къ какому-нибудь предмету; малѣйшее новое впечатлѣніе прерываетъ круговую реакцію, уже протекающую, и начинаетъ свою. Я уже выше говорилъ о томъ, что продолжительное вниманіе къ одному предмету не слѣдуетъ понимать, какъ продолжительное самосохраненіе одного волевого стимула одной круговой реакціей. Нѣтъ, это должно означать

только то, что волевые стимулы различныхъ круговыхъ реакцій находятся между собой въ логической связи. Я обдумываю какой-либо предметъ; волевые стимулы со своими круговыми реакціями замѣняютъ довольно скоро другъ друга; но всѣ эти волевые стимулы представляютъ различныя стороны предмета; поэтому я говорю, что долго думалъ объ одномъ предметѣ. Также и при воспріятіяхъ качествъ какого либо предмета: волевые стимулы со своими круговыми реакціями будутъ быстро смѣнять другъ друга, но всѣ эти волевые стимулы—воспріятія разныхъ свойствъ предмета; и я справедливо говорю, что долго внимательно наблюдалъ одинъ предметъ. Но для того, чтобы волевой стимулъ—воспріятіе или представленіе одной стороны предмета смѣнился волевымъ стимуломъ — воспріятіемъ или представленіемъ другой стороны, нужно, чтобы между этими волевыми стимулами была такая крѣпкая связь, которая воспрепятствовала бы замѣнѣ перваго какимъ-либо совершенно постороннимъ волевымъ стимуломъ, не имѣющимъ къ данному предмету отношенія. Такая крѣпкая ассоціаціонная связь между различными сторонами предметовъ вырабатывается опытомъ жизни. У дѣтей этотъ опытъ еще малъ, а поэтому ихъ вниманіе не останавливается долго на одномъ предметѣ. Разсѣянность въ этомъ смыслѣ означаетъ недостаточное развитіе ассоціаціонныхъ связей между волевыми стимулами круговыхъ реакцій вниманія; въ этихъ случаяхъ или одна, или весьма малое количество круговыхъ реакцій на волевые стимулы, связанныя ассоціаціонною связью, смѣняется круговой реакціей на волевой стимулъ, не имѣющій къ первому или первымъ отношенія, между тѣмъ какъ нормально такая смѣна совершается послѣ того, какъ имѣлъ мѣсто цѣлый рядъ круговыхъ реакцій вниманія на волевые стимулы, связанные ассоціаціей.

Иногда же подъ разсѣянностью понимаютъ нѣчто другое, то особое состояніе оцѣпенѣлости, которое, вѣроятно, извѣстно каждому. Человѣкъ какъ бы не можетъ двинуться съ мѣста, приняться за что-нибудь, хотя вовсе не забылъ, а хорошо помнитъ, что слѣдуетъ дѣлать; смотритъ неподвижно въ пространство, чувствуетъ давленія, прикосновенія ко всѣмъ точкамъ тѣла, все слышитъ, но слышимое и видимое имъ не пробуждаетъ въ немъ никакого интереса. Наконецъ, онъ выходитъ изъ этого состоянія пассивности и принимается за свое дѣло. Какъ объяснить такое состояніе? Уже я упомянулъ выше, что когда мы внимательно что-нибудь дѣлаемъ или обдумываемъ, то становимся какъ бы глухими и слѣпыми ко всему постороннему. Всегда волевой стимулъ вниманія сознается очень ясно, а остальное или совсѣмъ не сознается или весьма неясно. Здѣсь же въ этомъ особенномъ состояніи пассивности мы имѣемъ исключительное явленіе: массу одновременныхъ круговыхъ реакцій самосохраненія, волевые стимулы которыхъ сознаются всѣ приблизительно одинаково ясно.

Всѣ эти воспріятія, представленія, пребывающія въ сознаніи, самосохраняются одновременными круговыми реакціями, каждую изъ которыхъ мы могли бы назвать круговой реакціей вниманія, если бы ея волевой стимулъ сознавался яснѣе всего въ данный моментъ. Но здѣсь — много такихъ реакцій, и волевые стимулы ихъ сознаются всѣ съ приблизительно одинаковой ясностью. Условія теченія процессовъ дезинтеграціи центровъ волевыхъ стимуловъ приблизительно одинаковы,—вотъ почему всѣ волевые стимулы сознаются съ почти одинаковой ясностью. Приблизительно одинаковая энергія этихъ процессовъ и создаетъ такое состояніе довольно устойчиваго равновѣсія: человѣкъ знаетъ, что ему слѣдуетъ дѣлать, но не дѣлаетъ—волевой стимулъ задуманнаго дѣйствія не можетъ осуществить своей круговой реакціи, будучи вполнѣ уравновѣшенъ волевыми стимулами текущихъ уже круговыхъ реакцій. Равновѣсіе столь полное, что субъектъ даже не замѣчаетъ столкновенія, борьбы своихъ стремленій. Читатель видитъ, что и это состояніе пассивности легко объясняется круговыми реакціями на волевой стимулъ.

Между актами вниманія въ узкомъ смыслѣ слова и поступками въ таковомъ же нѣтъ принципіальной разницы: и тѣ, и другіе — круговыя реакціи самоусиленія или самосохраненія волевыхъ стимуловъ. Но слѣдуетъ замѣтить слѣдующее обстоятельство: при актахъ вниманія преобладающее значеніе принадлежитъ круговымъ реакціямъ самосохраненія волевыхъ стимуловъ; круговыя реакціи самоусиленія волевыхъ стимуловъ при актахъ вниманія встрѣчаются рѣже и, когда происходятъ, непремѣнно сопровождаются круговыми реакціями самосохраненія этого само усилившагося волевого стимула. При поступкахъ въ узкомъ смыслѣ слова не замѣчается преобладанія ни со стороны круговыхъ реакцій самосохраненія, ни со стороны круговыхъ реакцій самоусиленія.

Изъ всего предъидущаго читателю ясно, что нѣтъ вниманія, какъ особой, самостоятельной способности: существуютъ только отдѣльные акты вниманія; вниманіе же — терминъ для общаго обозначенія такихъ актовъ.

Итакъ, мой взглядъ на волевые процессы, какъ на круговыя реакціи, помогъ намъ выяснить отношенія вниманія къ другимъ волевымъ актамъ, а также и то, что между тѣми и другими процессами нѣтъ принципіальной разницы.

IV. Комплексы волевыхъ стимуловъ и круговыхъ реакцій.

Объяснивъ основные факты волевыхъ процессовъ, я перехожу теперь къ изученію болѣе сложныхъ явленій воли. Мы часто сознаемъ волевые стимулы, какъ желанія; имѣемъ сознаніе своей собственной дѣятельности, называемъ ее произвольной; исполненія своихъ желаній достигаемъ не отдѣльными, разрозненными круговыми реакціями, а комплексами ихъ. Во всемъ этомъ намъ предстоитъ теперь разобраться.

Я уже говорилъ выше, что не всякій волевой стимулъ можно назвать желаніемъ. Я хожу; каждый шагъ имѣетъ свой волевой стимулъ, но я не могу сказать, что желаю каждаго отдѣльнаго шага. Я читаю книгу, причемъ держу ее на вѣсу; я не могу сказать, что все время сознаю желаніе такъ держать ее, а между тѣмъ волевой стимулъ самосохраняется все это время. Однимъ словомъ, волевые стимулы часто, возникнувъ въ сознаніи, хотя и выполняютъ свои круговыя реакціи, сами сознаются неясно. Когда же волевой стимулъ сознается ясно и притомъ не одинъ а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ чѣмъ связанъ самою крѣпкою ассоціаціонною связью, мы тогда называемъ его желаніемъ. Итакъ, волевой стимулъ—общее названіе для всѣхъ психофизіологическихъ процессовъ, самоусиливающихся или самоохраняющихся помощью круговыхъ реакцій, а желаніе—общее названіе волевыхъ стимуловъ, сознаваемыхъ въ связи съ тѣмъ, съ чѣмъ они тѣснѣе всего ассоціированы.

Но съ чѣмъ тѣснѣе всего ассоціированъ волевой стимулъ? Для отвѣты на этотъ вопросъ мы должны проанализировать, что мы сознаемъ въ каждомъ желаніи. Желанія же наши бываютъ двухъ родовъ. Обыкновенно мы желаемъ того, чего у насъ еще нѣтъ, чѣмъ мы еще не владѣемъ. Волевой стимулъ въ этихъ желаніяхъ стремится путемъ круговой реакціи или комплекса ихъ самоусилиться. Но мы можемъ также желать и того, что у насъ уже есть, чѣмъ мы владѣемъ: это будетъ стремленіе къ продолженію тѣхъ состояній, положеній, которыя мы уже испытываемъ. Въ этихъ желаніяхъ волевой стимулъ путемъ круговой реакціи или комплекса ихъ самосохраняется. Проанализируемъ сначала сознаваемое нами въ желаніяхъ того, чѣмъ мы еще не владѣемъ. Въ каждомъ такомъ желаніи: 1) мы предвидимъ то, что должно получиться въ исполненіи, прямой или косвенный результатъ нашей дѣятельности; 2) сознаемъ настоящее положеніе, подлежащее удаленію; 3) сознаемъ свое *я*; 4) сознаемъ свое стремленіе къ осуществленію предвидимаго.

1) Что предвидѣніе заключено въ каждомъ желаніи — очевидно. Нельзя желать, чего не знаешь. Если я чего нибудь же

лаю, то, значитъ, какъ нибудь сознаю это желаемое. Я могу сознавать его въ видѣ болѣе или менѣе точной, близкой къ оригиналу копіи или въ видѣ знака. Напримѣръ, если я желаю ѣхать къ своему пріятелю, я могу сознавать образы моего пріятеля, моего къ нему пріѣзда — это будетъ копія; но я могу не сознавать этихъ образовъ, а только образы словъ „поѣду къ такому-то“; эти послѣдніе образы — не копія моего пріѣзда къ пріятелю, а только знакъ. Но и знакъ этотъ есть всетаки предвидѣніе дѣйствія и его результатовъ, потому что онъ тѣсно ассоціированъ съ образами копіи и можетъ каждую минуту ихъ вызвать. Образы копіи могутъ быть полными или столь неполными, неясными, что по значенію своему будутъ приближаться къ знакамъ. Читателю ясно изъ предыдущаго, что эта составная часть желанія, предвидѣніе, и есть основная: волевой стимулъ.

Можетъ возникнуть возраженіе: развѣ мы не можемъ желать того, чего не знаемъ, чего не испытали, невѣдомаго? Опытъ часто показываетъ, что мы желаемъ такихъ состояній, которыхъ еще не испытали. Влюбленный юноша желаетъ быть мужемъ своей возлюбленной, но вѣдь онъ этого не испыталъ. Бѣднякъ желаетъ быть богачемъ, но онъ таковымъ еще не былъ. Но дѣло въ томъ, что весьма мало такихъ неиспытанныхъ состояній, въ которыхъ не нашлось бы совсѣмъ элементовъ, имѣющихъ хотя бы весьма малое, отдаленное сходство съ пережитыми уже человѣкомъ фактами. На основаніи этого сходства люди и строятъ свои представленія о невѣдомомъ, вносятъ извѣстныя имъ черты, часто преувеличиваютъ ихъ. Поскольку желанными являются эти черты представляемаго неиспытаннаго состоянія, постольку оно вызываетъ наши стремленія къ осуществленію его, является волевымъ стимуломъ.

2) Сознавая то, что должно получиться въ результатѣ нашихъ дѣйствій, мы сознаемъ, что въ данный моментъ этого нѣтъ; мы сознаемъ наше настоящее положеніе, какъ противорѣчащее вполнѣ или частью представляемому. Возьмемъ вышеприведенный примѣръ: я хочу ѣхать къ пріятелю. Я сознаю образы моего пріятеля, моего къ нему пріѣзда, но въ то же время сознаю, что теперь я дома, въ извѣстной обстановкѣ. Образы пріѣзда подлежатъ самоусиленію, замѣнѣ соотвѣтственными воспріятіями; воспріятія же настоящаго положенія подлежатъ удаленію.

3) Въ каждомъ желаніи мы сознаемъ свое *я*; *я* сознается или болѣе полно, или весьма неясно, отрывочно. Не слѣдуетъ думать, что среди образовъ фразъ непремѣнно должны находиться образы словъ: я, меня, мнѣ и т. д. Въ мыслимой фразѣ можетъ и не быть личнаго мѣстоименія перваго лица, а въ соотвѣтственномъ сужденіи всетаки заключено сознаніе *я*. Человѣкъ говоритъ себѣ: „нужно идти“, здѣсь „*мнѣ*“ нѣтъ, но свое *я* сознается. Что *я* со-

знается въ каждомъ желаніи — фактъ, который всякій можетъ провѣрить самонаблюденіемъ; чѣмъ это обусловлено, я не могу здѣсь объяснить: для такого объясненія слѣдовало бы слишкомъ много говорить о самосознаніи, предметѣ для насъ въ настоящую минуту совсѣмъ постороннемъ. Здѣсь слѣдуетъ только указать, что и самосознаніе при психологическомъ анализѣ сводится на ощущенія, образы и ассоціаціонныя связи.

4) Мы сознаемъ свое стремленіе къ осуществленію предвидимаго, но только нѣсколько различно, смотря по тому, можетъ ли это осуществленіе быть достигнуто какимъ нибудь простымъ дѣйствіемъ, возможнымъ въ данный моментъ, или цѣлымъ рядомъ сложныхъ актовъ, въ настоящій моментъ невозможныхъ. Если желаніе можетъ быть выполнено какимъ либо простымъ дѣйствіемъ, которое сейчасъ было бы совершено, не будь противоборствующаго волевого стимула, мы сознаемъ свое стремленіе, какъ напряженіе мышцъ, работа которыхъ требуется для полнаго осуществленія акта. Мы уже говорили, что такія начальныя мышечныя сокращенія имѣютъ мѣсто, когда круговая реакція не можетъ быть совершена вполнѣ вслѣдствіе присутствія противоборствующаго стимула. Но желаніе въ полномъ своемъ выраженіи и является тогда, когда волевой стимулъ не можетъ сейчасъ же перейти въ полное осуществленіе круговой реакціи вслѣдствіе противодѣйствія со стороны другого психофизіологическаго процесса. Вѣроятно каждому много разъ приходилось слышать что либо, подобное слѣдующимъ выраженіямъ: „у меня едва не сорвалось съ языка то-то“, „я чуть-чуть не побѣжалъ за нимъ“. Такія выраженія свидѣтельствуютъ, какъ ярко иногда бываетъ сознаніе своего стремленія. Но почему ощущенія мышечнаго напряженія служатъ для сознанія нашихъ стремленій? Развѣ въ нихъ заключенъ какой либо элементъ, который указывалъ бы на эти стремленія?—Такого элемента нѣтъ, а ощущенія мышечнаго напряженія служатъ для сознанія нашихъ стремленій только потому, что мы умѣемъ ихъ объяснять: сознавая эти ощущенія, мы знаемъ, что это—задержанное дѣйствіе,—не будетъ препятствія, и оно выполнится. А это мы знаемъ потому, что такія дѣйствія не всегда въ нашемъ прошломъ опытѣ оставались задержанными—часто они совершались до конца. Если бы могъ существовать человѣкъ, у котораго мышечное напряженіе никогда не переходило бы въ полное дѣйствіе, онъ не сознавалъ бы въ этомъ напряженіи своего стремленія къ дѣйствію. Человѣкъ помощью выводовъ знаетъ, что ощущенія мышечнаго напряженія показываютъ его движеніе по пути къ исполненію акта.

Возьмемъ теперь примѣръ такого желанія, которое можетъ быть осуществлено только помощью многихъ сложныхъ дѣйствій. Человѣкъ хочетъ изучить иностранный языкъ. Для выполненія этого желанія потребуется громадное количество весьма различ-

ныхъ комбинацій мышечныхъ сокращеній. Изучать иностранный языкъ — это значитъ: читать грамматики, рыться въ словаряхъ, слушать преподавателя, писать упражненія, переводить книги, быть можетъ даже ѣздить за границу. Какое множество дѣйствій, круговыхъ реакцій! Дальше, въ этой же главѣ, я буду описывать, какъ осуществляются такія желанія, какъ выполняются такія сложныя дѣятельности. Такія желанія осуществляются комплексами волевыхъ стимуловъ и круговыхъ реакцій на нихъ, связанныхъ ассоціаціей. Соединенные ассоціаціей волевые стимулы образуютъ цѣпь такого сорта, что выполненіе круговой реакціи предыдущаго волевого стимула вызываетъ къ сознаніи волевой стимулъ послѣдующій. Такимъ образомъ, путемъ послѣдовательнаго осуществленія волевыхъ стимуловъ совершается вся дѣятельность, ведущая къ выполненію сложнаго желанія. Когда сужденіе „мнѣ слѣдуетъ изучить такой то языкъ" часто появляется въ сознаніи, легко удерживается въ немъ, самосохраняясь круговой реакціей вниманія, и вызываетъ черезъ ассоціацію представленія о средствахъ къ осуществленію этой мысли, всѣ эти явленія—ничто иное, какъ начало цѣпей волевыхъ стимуловъ и круговыхъ реакцій, ведущихъ къ выполненію желанія. И человѣкъ понимаетъ эти явленія, какъ свое стремленіе къ осуществленію желанія. Понимаетъ же онъ эти явленія именно такъ, тоже вслѣдствіе выводовъ изъ прошлаго своего опыта. Когда онъ осуществлялъ какія либо сложныя желанія, первымъ пунктомъ на пути къ выполненію служили подобныя явленія.

Даже, если человѣкъ имѣетъ желаніе, которое можетъ быть осуществлено только помощью многихъ сложныхъ дѣйствій, и не знаетъ, каковы именно должны быть эти опредѣленныя дѣйствія, то есть не знаетъ средствъ къ исполненію желанія, онъ всетаки можетъ сознавать свое стремленіе къ осуществленію его. Желаніе, присутствуя въ сознаніи, будетъ постоянно вызывать черезъ ассоціацію сужденіе о необходимости узнать эти средства. Если средства неизвѣстны, сужденіе о необходимости отыскать ихъ — первый шагъ къ осуществленію желанія. Это сужденіе—волевой стимулъ; самосохраняемое круговой реакціей вниманія въ узкомъ смыслѣ, оно вызоветъ черезъ ассоціацію соображенія о подходящихъ средствахъ или, по крайней мѣрѣ, о путяхъ, какъ найти ихъ. Дальше, въ этой главѣ, я буду говорить о значеніи круговыхъ реакцій для процессовъ мысли, и тогда выяснится, что задержанная круговой реакціей самосохраненія мысль съ какимъ нибудь вопросомъ можетъ привести черезъ ассоціаціонные процессы къ разрѣшенію этого вопроса. Такимъ образомъ даже и въ случаяхъ, гдѣ средства къ исполненію желанія неизвѣстны, человѣкъ можетъ сознавать свое стремленіе къ осуществленію и принципіально тѣмъ же путемъ, какъ и въ другихъ случаяхъ. Помощью выводовъ изъ прошлаго опыта онъ знаетъ, что возни-

кающая въ сознаніи мысль о необходимости найти средства къ осуществленію желанія—первый пунктъ пути къ выполненію его.

Таково сознаваемое въ желаніяхъ того, чѣмъ мы еще не владѣемъ. Желанія же продолженія уже испытываемаго состоянія отличаются отъ вышеописанныхъ слѣдующими особенностями. Предвидѣніе эффекта акта и сознаніе настоящаго положенія здѣсь сливаются. Дѣйствительно, въ этихъ случаяхъ настоящее положеніе подлежитъ не удаленію, а сохраненію; человѣкъ предвидитъ и въ будущемъ то же, что уже испытываетъ въ настоящемъ. *Я* сознается такъ же, какъ и въ желаніяхъ перваго рода. Стремленіе же въ этихъ желаніяхъ продленія настоящаго мы сознаемъ по силѣ противодѣйствія, которое мы оказываемъ тому, что побуждаетъ насъ прекратить выполняемый актъ.

Физіологическій коррелятъ желанія гораздо сложнѣе, чѣмъ таковой же простого волевого стимула. Въ его составъ, кромѣ дезинтеграціи центровъ волевого стимула, входятъ одновременные процессы дезинтеграціи другихъ чувствительныхъ центровъ, соотносительные всему тому психическому матеріалу, который мы сознаемъ въ связи съ волевымъ стимуломъ. Всѣ эти одновременные процессы дезинтеграціи соединены въ одинъ комплексъ молекулярными измѣненіями въ связующихъ центры ассоціаціонныхъ волокнахъ. Къ двигательнымъ же центрамъ импульсы идутъ только отъ центровъ волевого стимула.

Таковъ психофизіологическій процессъ желанія въ наиболѣе полномъ своемъ выраженіи. Но желанія не всегда являются въ сознаніи въ полномъ своемъ составѣ: часто они бываютъ весьма отрывочными. Въ этихъ случаяхъ то прибавочное, дополнительное содержаніе, которое присоединяется къ чистому волевому стимулу, сознается неясно, неполно, пролетаетъ едва замѣченнымъ.

Итакъ, волевой стимулъ является какъ желаніе тогда, когда сознается нами вполнѣ ясно; но одновременно съ желаніями мы имѣемъ и просто волевые стимулы, которые не только не сопровождаются остальнымъ психическимъ матеріаломъ, присущимъ желанію, а и сами сознаются весьма неясно; тѣмъ не менѣе они выполняютъ свои круговыя реакціи.

Тотъ фактъ, что мы сознаемъ волевые стимулы какъ желанія, имѣетъ громадное значеніе для нашего сознанія собственной дѣятельности. За нашими желаніями слѣдуютъ надлежащія дѣйствія— вотъ матеріалъ, изъ котораго мы вырабатываемъ сознаніе своей дѣятельности. Люди наблюдаютъ въ себѣ такую послѣдовательность процессовъ: возникаетъ въ сознаніи желаніе, психическій процессъ, въ которомъ предвидятся эффекты акта, сознаются *я*, стремленіе къ осуществленію дѣйствія, а затѣмъ слѣдуетъ сознаніе выполненія акта, воспріятіе результатовъ его. Болѣе тонкіе наблюдатели указываютъ, что передъ совершеніемъ дѣйствія замѣчаютъ въ себѣ состояніе полной готовности къ выполненію

акта; такое состояніе или сразу сопровождаетъ желаніе, сливается съ нимъ, или присоединяется къ нему только подъ конецъ, передъ самымъ совершеніемъ дѣйствія. Это состояніе полной готовности есть именно то, что психологи называютъ fiat. Fiat не заключаетъ въ себѣ никакого особаго специфическаго психическаго элемента: это—то же желаніе, только при отсутствіи всякаго противодѣйствующаго психофизіологическаго процессса. Противодѣйствующій желанію психическій процессъ иногда столь слабъ, что не замѣчается при неособенно тщательномъ самонаблюденіи; тѣмъ не менѣе онъ присутствуетъ въ сознаніи и препятствуетъ выполненію акта. Когда онъ такъ скрыто присутствуетъ, и получается такое положеніе, въ которомъ человѣкъ сознаетъ свое желаніе и въ то же время чувствуетъ себя не въ состояніи сейчасъ дѣйствовать. Исчезнетъ изъ сознанія противоборствующій процессъ, сейчасъ же къ желанію присоединится состояніе полной готовности дѣйствовать немедленно. Итакъ, желаніе, сопровождаемое или нѣтъ—смотря по тонкости самонаблюденія—сознаніемъ полной готовности дѣйствовать, а вслѣдъ за нимъ выполненіе акта—вотъ постоянная послѣдовательность, которую наблюдаютъ люди. Конечно, многія желанія остаются невыполненными, но потому, что замѣнились другими, которыя выполнены. Постоянную послѣдовательность люди обыкновенно понимаютъ какъ причину и слѣдствіе: постоянно предшествующее—причина, постоянно слѣдующее—слѣдствіе. Намъ важно теперь не то, вѣренъ ли такой выводъ, а то, что онъ—обыкновенный фактъ людского мышленія. Такимъ образомъ, наблюдая постоянную послѣдовательность желанія и дѣйствія, люди вырабатываютъ сужденіе: „желаніе есть причина дѣйствія“. Наши акты, являющіеся результатами нашихъ желаній, мы называемъ нашими произвольными поступками, нашими произвольными актами вниманія; непроизвольными же будутъ тѣ, которые мы не считаемъ результатами желаній.

Нѣкоторые психологи, напр., Münsterberg, считаютъ отличительной чертой произвольныхъ актовъ то, что мы ихъ предвидимъ. Но это несовсѣмъ вѣрно: не всякое предвидѣніе — желаніе. Я могу предвидѣть актъ, но не желать его. Я замѣчаю, что кто-нибудь хочетъ произвести около меня чрезвычайно сильный звукъ. Я предвижу, что вздрогну, услышавъ звукъ; но я вовсе не желаю вздрагивать: я не сознаю стремленія вздрагивать. Звукъ произведенъ. Я вздрогнулъ. Актъ совершился, какъ я предвидѣлъ, но никто не назоветъ его произвольнымъ. Не одно только предвидѣніе, а предвидѣніе вмѣстѣ съ сознаніемъ *я*, стремленія—полное желаніе должно предшествовать акту, чтобы онъ могъ считаться произвольнымъ.

Пока мы не научились хорошо и легко исполнять какое-либо дѣйствіе, соотвѣтствующій волевой стимулъ является всегда въ

видѣ желанія. По мѣрѣ того, какъ мы прогрессируемъ въ совершеніи этого акта, волевой стимулъ является въ видѣ болѣе и болѣе отрывочнаго, неполнаго желанія и, наконецъ, можетъ пролетать въ сознаніи, какъ просто волевой стимулъ, и вызывать соотвѣтственную круговую реакцію. Но и тогда мы будемъ считать этотъ актъ произвольнымъ результатомъ нашей собственной дѣятельности. И тѣ акты, которые мы совершаемъ полусознательно, не сознавая предшествующаго имъ желанія, мы всетаки признаемъ произвольными, потому что знаемъ: было время, когда имъ предшествовало ясно выраженное желаніе. Я иду, углубленный въ свои мысли, и вовсе не сознаю желанія выполнять свои шаги; тѣмъ не менѣе я свою ходьбу считаю произвольнымъ актомъ: я знаю, что было время, когда я ясно сознавалъ желаніе дѣлать шаги. Я знаю, что дѣлаю свои шаги полусознательно, какъ говорится, машинально; но также знаю, что имъ можетъ предшествовать ясно выраженное желаніе. Человѣкъ обыкновенно ходитъ полусознательно; но выздоравливающій, въ первый разъ послѣ продолжительной болѣзни встающій съ постели, желаетъ сдѣлать шагъ: здѣсь волевой стимулъ опять является въ видѣ желанія.

М. Колоколовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* * *

Разорваны звенья тяжелаго сна,
Шумитъ предразсвѣтный прибой...
Вздымается жизни могучей волна,
И близокъ ужъ день золотой!

Потоками хлынетъ сверкающій свѣтъ,
Умолкнутъ проклятья и стонъ...
И грянетъ, великимъ страданьямъ въ отвѣтъ,
Свободы торжественный звонъ!

Н. Шрейтеръ.

Шагинъ Хадля.

(Изъ жизни одного сирійскаго села).

I.

Почти къ самой вершинѣ стараго Гермона, къ его снѣжной шапкѣ, прижалось съ запада высокое предгорье. Отъ этого своего дѣтища Герминъ отдѣляется только маленькимъ ущельемъ. Предгорье и Гермонъ схожи другъ съ другомъ, какъ отецъ съ сыномъ: тѣ же безпорядочныя груды скалъ, покрытыхъ иногда рѣдкими корявыми дубками, тотъ же сѣрый цвѣтъ камней, тѣ же пропасти и ущелья—все имѣетъ одинъ обликъ семьи общаго праотца, дикаго Антиливана.

И люди здѣсь такъ же сѣры и дики, какъ окружающія ихъ скалы; такъ же сѣры ихъ однообразныя деревни, разбросанныя по скатамъ горъ и по краямъ ущелій; сѣрые ослики, сѣрыя козы, сѣрыя тучи... Сѣрыя скалы съ ненавистью давятъ здѣсь всякій живой цвѣтъ, всякую зелень. Онѣ нависаютъ грозною тяжестью надъ купами стройныхъ тополей, растущихъ въ глубинѣ долинъ у водъ потоковъ; онѣ готовы стряхнуть внизъ страшныя глыбы и задавить единственныя искры жизни матери природы. Здѣсь царство камней, царство мертваго сѣраго цвѣта, царство холоднаго дыханія старца Гермона, который большую часть года не снимаетъ своей бѣлой снѣжной шапки и угрюмо смотритъ во всѣ стороны міра.

Почти на вершинѣ этого предгорья по крутому скату прилѣпилось къ скаламъ небольшое мусульманское село Шиба. Всѣ дома здѣсь имѣютъ только одну полную—переднюю стѣну; остальныя три стѣны тонутъ въ крутомъ скатѣ горы. Плоскія крыши однимъ краемъ прислоняются къ землѣ—къ ногамъ домовъ, стоящихъ выше, поэтому все село имѣетъ видъ большой лѣстницы съ гладкими ступеньками изъ крышъ. По этимъ ступенькамъ зимой во время дождей прыгаютъ и пѣнятся горные потоки. А наверху, надъ селомъ, нависли

тѣ же страшныя сѣрыя глыбы. Онѣ, какъ будто, смѣются надъ людьми, держатъ ихъ постоянно въ страхѣ. „Вотъ, если мы захотимъ, то скатимся внизъ по вашимъ гнѣздамъ и все разрушимъ въ одну минуту!"—казалось, говорятъ онѣ и продолжаютъ висѣть надъ селомъ, какъ страшный, тяжелый сонъ.

Недавно, дѣйствительно, оторвался сверху одинъ камень, прокатился по селу, сдѣлалъ черезъ все село сплошную дорогу, подавилъ людей, скотъ и спокойно улегся въ глубинѣ ущелья, точно достигъ желаннаго счастья. Придавленные дома понемногу приподнялись — обстроились на томъ же мѣстѣ, слѣдъ камня-разрушителя понемногу затянулся, людей народилось вновь больше, чѣмъ умерло, —значитъ, рана горнаго села зажила, какъ заживаетъ, въ концѣ концовъ, всякая рана...

Начавшись почти на самой вершинѣ предгорья, дома Шиба скатывались на востокъ, къ Гермону. Но, докатившись до ущелья, они остановились и выстроились длиннымъ рядомъ надъ неглубокой пропастью. Тамъ, внизу, подъ селомъ, изъ пещеры Гермона вытекаетъ могучій холодный ключъ, сбѣгаетъ по камнямъ и разноситъ клочки зелени по извилистому дну ущелья. Вода прыгаетъ съ камня на камень, немолчно шумитъ, оглашая горы радостнымъ голосомъ жизни. Потокъ пѣнится по всей своей длинѣ, точно цѣлыя тысячи бѣлыхъ овецъ бѣгутъ длинною толпой къ своему ночлегу и прыгаютъ съ нетерпѣливымъ блеяньемъ. Потокъ этотъ поитъ село Шиба, ворочаетъ его незатѣйливыя мельницы и служитъ, кажется, единственной причиной, почему Шиба стоитъ на этой дикой, почти неприступной высотѣ.

А то, дѣйствительно, жить здѣсь людямъ совершенно незачѣмъ. Лѣтомъ сырыя скалы; зимой туманы тучъ или толстый слой снѣга. Видна только полоса неба, да спина Гермона. Гермонъ закрылъ отъ Шиба весь міръ. По Гермону бродятъ лисицы, шакалы и бурые медвѣди. Звѣри приходятъ ночью въ самое село, прогуливаются по крышамъ и заводятъ съ шибскими собаками драку. Людей они не трогаютъ. Но неизвѣстно, кто кого больше боится въ Шиба: люди звѣрей, или звѣри людей. Одно несомнѣнно, что люди здѣсь такъ же дики и суровы, какъ и звѣри. Говорятъ они отрывисто, громко, точно лаютъ; голоса у нихъ съ хрипотой, грубые; взоръ хмурый, недовѣрчивый. Живутъ они, почти никого и ничего, кромѣ односельчанъ и своего села, не видя, живутъ и славятъ Аллаха и его пророка Мухаммада, какъ и всѣ правовѣрные на свѣтѣ. Одно имъ было извѣстно несомнѣнно, что послѣ смерти будетъ гораздо лучше, чѣмъ на землѣ: они будутъ жить не на сѣрыхъ и вѣчно грозящихъ

опасностью камняхъ, а въ зеленыхъ долинахъ и орошенныхъ водою садахъ; у нихъ будутъ не такія, какъ теперь, грубыя и дикія жены, а мягкія. бѣлыя, прекрасныя гуріи, похожія на гіацинты и кораллы. Раздѣляли ли ихъ ожиданія медвѣди и шакалы снѣжнаго Гермона—неизвѣстно. Только когда въ торжественный часъ южной, горной полуночи муэддинъ выходилъ на бѣлый круглый минаретъ пѣть призывную молитву, шакалы садились на камни, поднимали кверху трубой свои хвосты и подтягивали пѣвцу тянущимъ за душу воемъ.

Жили въ Шиба не только мусульмане, но и православные христіане. Христіанъ было въ Шиба немного. Поселились они здѣсь не такъ давно, какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ назадъ. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія на Ливанѣ случилось возстаніе друзовъ *). Возстаніе это распространилось быстро по всей южной Сиріи, достигло и Хаурана. Друзы рѣзали христіанъ, не щадили и мусульманъ. Многія села и деревни опустѣли. Кому удалось бѣжать изъ-подъ ножа, тѣ убѣжали. Въ это время нѣсколько десятковъ христіанъ прибѣжало въ Шиба.

Правда, что Гермонъ закрылъ отъ Шиба весь міръ, но онъ же закрылъ и Шиба отъ всего міра. А это не одно и то же. Когда дикія шайки друзовъ бродили по дамасской долинѣ въ Хасбеѣ и Рашеѣ **), обагряя горы человѣческой кровью, жители Шиба спокойно сидѣли въ своихъ гнѣздахъ и держали только наготовѣ оружіе. Но кому могла придти охота взбираться на Гермонъ выше облаковъ и искать тамъ враговъ!... Мусульмане приняли христіанъ съ большими униженіями и притѣсненіями.

Чтобы не раздражать строптивыхъ почитателей пророка, христіане должны были оказывать имъ всякое уваженіе. Такъ, они праздновали не только свои праздники, но и праздники мусульманъ. Хотя христіане и построили себѣ небольшой домъ для церкви, однако колокола имъ вѣшать не дозволялось, ибо отъ колокольнаго звона у пророка Мухаммада на небѣ можетъ разболѣться голова. Христіане не имѣли права ѣздить верхомъ на хорошихъ лошадяхъ и въ лошадиныхъ сѣдлахъ, а только на ослахъ и мулахъ въ ослиныхъ сѣдлахъ. Христіане подвергались частымъ побоямъ и всякимъ оскорбленіямъ. Мусульмане дѣлали съ ними, что хотѣли. Они не давали проходу христіанскимъ женщинамъ и всячески ихъ унижали и насиловали, такъ что христіанки боялись часто выходить изъ дому. На мусульманъ трудно

*) Друзы—арабское племя; исповѣдуютъ особую религію друзскую.
**) Города вокругъ Гермона.

было найти управу. Да никто и не захотѣлъ бы искать ее: пожалуешься правительству на одного, а сотня его родственниковъ можетъ отомстить вдесятеро, даже убить... Такъ и жили христіане въ полномъ униженіи передъ мусульманами, но изъ Шиба не уходили. Куда же пойдешь съ насиженнаго клочка земли на голодъ и холодъ? Гдѣ найдешь себѣ домъ и кусокъ хлѣба?

Но особенно тяжело было христіанамъ въ 1877 году, когда шла русско-турецкая война, и когда съ поля битвы въ снѣга Гермона стали доходить разные ложные слухи о побѣдахъ и пораженіяхъ. Говорили, что турецкія войска перебили всѣхъ русскихъ, русскаго царя взяли въ плѣнъ и отрубили ему голову. Тогда мусульмане села Шиба стали радоваться, стрѣлять изъ ружей и кричать: „Смерть безбожникамъ!" Встрѣчаясь съ христіаниномъ на улицѣ, каждый мусульманинъ говорилъ:

— Безбожникъ, нагни свою голову!

Христіанинъ покорно нагибалъ голову. Мусульманинъ билъ его по шеѣ, сшибалъ на землю съ головы феску и шелъ дальше. Когда христіанинъ замѣчалъ, что сзади него идетъ мусульманинъ, онъ долженъ былъ остановиться, пропустить правовѣрнаго впередъ и слѣдовать за нимъ въ отдаленіи. Встрѣчаясь, онъ тоже останавливался, нагибалъ въ знакъ покорности свою голову и ожидалъ, пока мимо него пройдетъ почитатель пророка... Правда, когда мусульмане узнали, что побѣдили въ концѣ концовъ не мусульмане, что русскій царь живъ и совсѣмъ не плѣненъ, то немного поутихли въ своихъ безчинствахъ, но злобу все же противъ безбожниковъ держали. Такъ и жили въ Шиба мусульмане и христіане во враждѣ. А сѣрыя скалы по прежнему висѣли надъ селомъ и давили своею тяжестью и однообразіемъ цвѣта всякую жизнь: сами безплодныя, холодныя, голыя, онѣ подавляли собой не только живую зелень травъ и деревьевъ, но, кажется, и всякую живую человѣческую мысль, живое чувство любви и состраданія въ сердцахъ обывателей заброшеннаго глухого села Шиба.

II.

Такъ, вѣроятно, продолжалось бы въ Шиба и до настоящаго времени, если бы туда нѣсколько лѣтъ назадъ не переѣхалъ на жительство Шагинъ Хадля. Попалъ Шагинъ въ Шиба случайно — такъ сложились обстоятельства. Жилъ онъ раньше въ долинѣ озера Мерома, кочевалъ со стадами по лугамъ водъ Іордана, но не поладилъ съ нѣко-

торыми арабскими шейхами-бедуинами. Въ это время въ Шиба умеръ одинъ христіанинъ, его бездѣтный дядя, и оставилъ ему въ наслѣдство небольшой клочекъ земли, виноградникъ и домъ. Шагинъ былъ человѣкъ очень рѣшительный. Долго думать ни надъ чѣмъ не любилъ. Въ какой-нибудь мѣсяцъ онъ распродалъ всѣхъ своихъ овецъ, продалъ лошадей поплоше и оставилъ себѣ лишь нѣсколько лучшихъ кобылицъ. Послѣ этого забралъ свои пожитки, жену, дѣтей, вскочилъ на лучшую кобылицу и поѣхалъ изъ жаркой меромской долины въ холодные снѣга Гермона.

Уже одно появленіе Шагина Хадля въ Шиба должно было вызвать неудовольствіе мусульманъ. Шагинъ имѣлъ большой ростъ, богатырское сложеніе. Его бронзовое, блестѣвшее жиромъ лицо, темносѣрые глаза дышали отвагой и рѣшимостью. Ходилъ онъ смѣло, увѣренно, грудью впередъ, смотрѣлъ на всякаго встрѣчнаго надменно, точно хотѣлъ сказать: „Кто бы ты ни былъ, я тебя не боюсь; бойся ты меня"... За поясомъ подъ абаи *) у него всегда торчали кинжалъ и пистолетъ. Въ рукѣ онъ носилъ нагайку, которой могъ при случаѣ расправиться не хуже кинжала.

Христіане села Шиба знали нравъ Шагина. Одни радовались переселенію Шагина въ Шиба, надѣясь, что онъ не дастъ ихъ мусульманамъ въ обиду; другіе, напротивъ, боялись, думая, что Шагинъ очень озлобитъ мусульманъ.

Было начало зимы. Всѣ жители Шиба убрались на поляхъ и огородахъ и большую часть времени проводили дома. По вечерамъ, въ ожиданіи молитвы, мусульмане любили посидѣть надъ пропастью, гдѣ внизу шумѣлъ потокъ. Мимо этой пропасти по камнямъ пролегала узкая тропинка—единственно возможный доступъ къ селенію Шиба. По этой тропинкѣ и поднимался Шагинъ Хадля. Впереди ѣхалъ онъ самъ на чистокровной арабской кобылицѣ; за нимъ на другой кобылицѣ ѣхала его жена, за женой старшая дочь и два маленькихъ мальчика, а сзади тянулись лошади и мулы, нагруженные всякимъ домашнимъ скарбомъ. Гулко раздавались между горъ стукъ копытъ о камни, фырканье лошадей и муловъ. Въ долину уже спустился фіолетовый сумракъ южнаго вечера. Внизу, въ глубинѣ пропасти, метался по камнямъ потокъ и сверкалъ сквозь покровъ вечернихъ тѣней бѣлою пѣной. Во всѣ стороны высились нѣмыя, сѣрыя скалы, одѣтыя синеватой дымкой вечера. Въ горахъ было тихо и торжественно, точно въ храмѣ на вечерней молитвѣ, гдѣ носится синій дымокъ кадильницы. А надъ

*) Верхняя одежда безъ рукавовъ.

всѣми горами въ вышинѣ играли золотыя иглы солнечныхъ лучей. Вершина Гермона зардѣлась румянцемъ заката.

Шагинъ приближался къ Шиба. По дорогѣ онъ встрѣтилъ одного изъ христіанъ села, по имени Зыки.

— Добрый вечеръ, господинъ Шагинъ! — радостно воскликнулъ Зыки.

— Добрый вечеръ! — пробасилъ Шагинъ. — Какъ твои дѣла?

— Слава Богу! Какъ твое здоровье?

— Да спасетъ тебя Богъ, ничего. Какъ дѣла христіанъ Шиба?

— Слава Богу! Ждутъ тебя. Очень по тебѣ соскучились...

Долго они еще спрашивали другъ друга о здоровьѣ родныхъ, знакомыхъ, лошадей, козъ, верблюдовъ, даже ословъ и куръ, пока не перебрали всѣ обычныя арабскія любезности. Наконецъ, Зыки побѣжалъ передъ Шагиномъ въ село, изъ вѣжливости показывая дорогу.

Обогнувъ отвѣсную скалу, Шагинъ сразу въѣхалъ въ Шиба и почти наткнулся на мусульманъ, разсѣвшихся, по обыкновенію, на камняхъ у самой дорожки, свѣсивъ ноги внизъ въ пропасть. Они съ удивленіемъ посмотрѣли на вновь прибывшаго, на его красивую лошадь и оружіе.

— Пожалуйста, посторонитесь съ дороги! — крикнулъ Шагинъ. — Развѣ не видите, что лошади пройти здѣсь не могутъ?

Мусульмане медленно и важно приподнялись съ дороги и отошли къ селу на широкую площадку.

— Кто ты?—спросилъ его одинъ изъ мусульманъ.

— Я—Шагинъ Хадля! А ты не знаешь? Такъ съ этихъ поръ будемъ знать другъ друга!

— Шагинъ Хадля!—воскликнулъ мусульманинъ.—Безбожникъ!.. А кто далъ тебѣ позволеніе садиться на такую лошадь, въ такое хорошее сѣдло? Ты, собака-христіанинъ, не достоинъ этого! Слѣзай съ лошади!

Шагинъ потемнѣлъ отъ негодованія. Онъ дернулъ поводья такъ сильно, что кобылица поднялась на заднія ноги.

— Я сижу на своей лошади, — прохрипѣлъ онъ. — Ѣду я въ свой домъ. А кто изъ насъ собака, я тебѣ сейчасъ покажу!

Онъ ударилъ острыми стременами по бокамъ лошади. Добрая кобылица вытянулась и однимъ прыжкомъ очутилась около мусульманина. Мелькнула нагайка и обвилась черезъ голову и плечо правовѣрнаго. Тотъ застоналъ и повалился на камни. Всѣ точно онѣмѣли отъ неожиданности. Никто не сказалъ больше ни слова, и Шагинъ важно поѣхалъ по селу. Таковъ былъ въѣздъ Шагина въ Шиба.

Вѣсть о неслыханной дерзости быстро разнеслась по селу. Мусульмане заволновались. Какъ! Собака-христіанинъ смѣетъ бить мусульманина? О, Аллахъ! Ты не позволишь унизить своихъ вѣрныхъ сыновъ. Ты всегда помогалъ правовѣрнымъ въ побѣдѣ надъ сильнѣйшими врагами. Неужели должны твои вѣрные рабы терпѣть униженіе отъ христіанской собаки?!

Въ селѣ началось необычное движеніе. Мусульмане сходились на улицахъ, переходили изъ дома въ домъ, озлобленно махая. руками. Даже собаки проснулись и начали нервно огрызаться другъ на друга, будто у нихъ тоже были разныя религіозныя убѣжденія.

Но вотъ запѣлъ муэддинъ: „Великъ Богъ, великъ Богъ, великъ Богъ, и нѣтъ Божества, кромѣ единаго Бога!..“ Волненіе стихло. Правовѣрные въ молчаніи потянулись въ мечеть на молитву, бормоча въ бороду первую главу изъ Корана. Совершивъ омовеніе, почитатели пророка начали молиться. Предстоятель прочиталъ вечернія молитвы. Но послѣ молитвы мусульмане не вышли изъ мечети. Они еще долго о чемъ-то совѣщались между собой.

А Шагинъ Хадля вошелъ въ свой домъ и поставилъ въ конюшню лошадей. Его жена и дочь разбирали вещи, готовили ужинъ. Въ это время, по обычаю, къ Шагину начали собираться гости, чтобы привѣтствовать добромъ его пріѣздъ. Пришелъ священникъ Жорьесъ въ истрепанной рясѣ, подъ которой виднѣлось грязное коричневое тѣло. Въ свалявшейся бородѣ у него было много соломы, которую онъ не успѣлъ вытряхнуть на дворѣ, поэтому снялъ свою камилавку и началъ выбирать въ нее изъ бороды соръ. Жорьесъ сдѣлался попомъ случайно. Не соглашался никто быть въ Шиба попомъ. Его, какъ самаго лядащаго мужика, и заставили христіане принять священство. Онъ принялъ. Отслуживъ прихожанамъ въ своей избѣ съ грѣхомъ пополамъ первую обѣдню, онъ хотѣлъ сказать имъ поученіе, но расплакался и сказалъ: „Православные христіане! Вы знаете, что я родился изъ испражненій быковъ, говорить не обученъ. Да благословитъ васъ Богъ“. Такъ и сталъ съ тѣхъ поръ Жорьесъ попомъ въ Шиба. Пришелъ пастухъ Камиль, воспріемникъ и воспитатель всѣхъ козъ села Шиба. Онъ зналъ ихъ всѣхъ до единой, и для каждой у него было особое имя. Отъ постоянной жизни со стадомъ въ горахъ онъ сталъ такимъ же сѣрымъ, какъ козы и скалы: сѣрые усы, сѣрое лицо, глаза и вся одежда. Пришелъ красильщикъ Гантусъ съ синей бородой и синими руками. Пришелъ мукарій *) Саидъ, мясникъ

*) Погонщикъ, извозчикъ.

Фарахъ, лавочникъ Шакиръ. Пришли всѣ мужики изъ христіанъ Шиба. Входя въ комнату, они снимали башмаки у двери, привѣтствовали вечеръ хозяина добромъ и разсаживались вдоль стѣнъ на подстилки и подушки, которыя коекакъ уже успѣла набросать жена Шагина.

— Быть бѣдѣ, Шагинъ!—сказалъ священникъ.—Напрасно ты побилъ мусульманина.

— Богъ дастъ, ничего не будетъ,—отвѣчалъ Шагинъ.— Что же мнѣ было дѣлать? Да разрушитъ Богъ его домъ и сожжетъ его бороду! Вѣдь онъ сталъ бранить меня.

— Э, Шагинъ! То ли было съ нами, да мы терпѣли!— сказалъ пастухъ Камиль.—Что съ ними подѣлаешь! Помирись съ мусульманиномъ. А то ни тебѣ, ни намъ житья здѣсь не будетъ.

— Что же, я пойду къ нему въ домъ и буду у него прощенья просить? Нѣтъ, ужъ я лучше въ другое мѣсто переселюсь, а не покорюсь.

И начали христіане бранить Шагина. Бранить не бранятъ, а такъ всѣ ноютъ да ахаютъ, точно у нихъ зубы болятъ.

— Рабы вы,—разсердился Шагинъ.—Рабами родились, рабами и умрете!

Гости испугались, что Шагинъ разсердился, мукарій Саидъ примирительно сказалъ:

— Не сердись, Шагинъ. Мы изъ твоей воли не выйдемъ. Ты быкъ, а мы мухи подъ твоимъ хвостомъ. Дѣлай, какъ знаешь. Только опасно такъ съ мусульманами обращаться.

Напоилъ Шагинъ гостей кофе, простился съ ними и вышелъ на крышу. Село понемногу засыпало. Только изрѣдка слышались неясныя слова, точно Шиба бредило во снѣ пережитымъ дневнымъ волненіемъ, да раздавалось блеянье козы или долгій ревъ страдающаго безсонницей осла. Въ ущельѣ было совсѣмъ темно, но вверху искрились крупныя звѣзды, а окружающія горныя вершины свѣтились нѣжнымъ отблескомъ снѣговыхъ кудрей Гермона.

Шагинъ все ходилъ по крышѣ и дышалъ прохладнымъ горнымъ воздухомъ. Вдругъ изъ темноты протянулась какая-то рука и дернула Шагина за абаи.

Шагинъ оглянулся. Передъ нимъ, едва выдѣляясь изъ темноты, стоялъ человѣкъ. Шагинъ узналъ въ немъ христіанина Абдаллу.

Абдалла былъ весь какой-то тягучій. Его лицо то вытягивалось въ аршинъ длиною, то совершенно исчезало, собираясь въ сморщенный комочекъ. И самъ онъ то вдругъ съежится, сдѣлается почти незамѣтнымъ, то вытянется неслышно, точно спрутъ, и достанетъ, не двигаясь съ мѣста, за цѣлую сажень. Ходилъ Абдалла всегда тихо, извивался изъ

стороны въ сторону, ступалъ ногами осторожно, будто шелъ по острымъ гвоздямъ. Онъ боялся всякихъ открытыхъ и широкихъ помѣщеній. Какъ бы ни широка была улица или корридоръ, онъ всегда жался спиной къ стѣнѣ подъ крышей, подвигался впередъ бокомъ и съ такою осторожностью, точно пробирался по краю бездонной пропасти. Онъ былъ любопытенъ, какъ тысяча женщинъ. Будь Абдалла сыщикомъ,—онъ зналъ бы все, онъ вездѣ бы присутствовалъ неслышно, невидимо. Это былъ геній-шпіонъ, который останется міру неизвѣстнымъ только потому, что родился и умретъ въ Шиба...

— Что ты, Абдалла?—спросилъ Шагинъ.

Лицо Абдаллы изъ сморщеннаго яблока развернулось вдругъ, какъ полотно, глаза выкатились, какъ двѣ дамасскія груши. Онъ оглянулся во всѣ стороны, съежился снова и шепотомъ сказалъ:

— Шагинъ.... Тебя мусульмане хотятъ сегодня ночью убить. Пять человѣкъ... Я самъ слышалъ.

— О-го, го! — загоготалъ Шагинъ.—Ты или пьянъ, или врешь.

При первомъ же звукѣ громкаго Шагинова голоса Абдалла вдругъ исчезъ. Удивленный, Шагинъ оглянулся кругомъ—Абдаллы нигдѣ не было. Онъ сошелъ съ крыши, обошелъ кругомъ весь домъ и въ одномъ углу подъ плоскимъ навѣсомъ крыши, при блескѣ звѣздъ, съ трудомъ разглядѣлъ вырѣзанное изъ сѣроватой бумаги и накленное на стѣну подобіе человѣка. Вдругъ эта бумага зашевелилась и еще болѣе тихимъ шепотомъ проговорила:

— Правда, Шагинъ, клянусь Богомъ, это настоящая правда. Только смотри, Шагинъ, берегись, но не убивай никого изъ мусульманъ. Убьешь—житья намъ здѣсь не будетъ.

— Ну, если правда, такъ я ихъ!—зашумѣлъ Шагинъ.—Разскажи, кто это тамъ собирается...

Но Абдаллы опять уже не было, какъ ни искалъ его Шагинъ вокругъ дома: онъ исчезъ, точно духъ.

Шагинъ еще долго ходилъ по крышѣ. Его давила злоба, да и опасенія не давали покою. При каждомъ шорохѣ онъ пугливо оглядывался и хватался за оружіе. Эта робость раздражала его. Попробовали бы они напасть на него лицомъ къ лицу въ полѣ. А здѣсь—изъ-за угла, въ самомъ дѣлѣ, могутъ убить, какъ собаку... Онъ прижался спиной къ стѣнѣ верхней комнаты, построенной на крышѣ, и стоялъ, прислушиваясь къ малѣйшему шороху.

Жена приготовила ужинъ. Шагинъ поѣлъ, уложилъ жену, дочь и малыхъ дѣтей въ нижнюю темную комнату, а самъ

остался въ верхней. Тамъ онъ затушилъ свѣтильникъ, наложилъ на свою постель разной одежды и мякинныхъ подушекъ, закрылъ все это одѣяломъ, на мѣстѣ головы положилъ войлочную тюбетейку,—злобно усмѣхаясь, вышелъ изъ комнаты, захватилъ съ собой ружье, заряженное дробью и спрятался за стѣной дома, по близости.

Шагинъ стоялъ такъ долго, вглядываясь въ темноту. Его томили ожиданіе и злоба, злоба неотмщенной насмѣшки, несмытой обиды. Они хотятъ убить Шагина изъ-за угла, зарѣзать его, какъ барана. Подлые трусы! Да не совралъ ли Абдалла?

Но вотъ невдалекѣ послышался шорохъ камней и звукъ осторожныхъ шаговъ. Кто-то шелъ. Шагинъ встрепенулся и замеръ на мѣстѣ. Его руки превратились въ стальныя пружины и впились въ ложу ружья.

Одинъ за другимъ, какъ тѣни, влѣзли на крышу сначала двое, потомъ еще трое, присѣли на корточки и прислушались. Слышно было, какъ они дышали сдавленно, тяжело. Черезъ минуту они тихонько поползли къ двери въ верхнюю комнату, гдѣ была Шагинова постель. Около двери они снова остановились и прислушались.

Шагинъ легонько захрапѣлъ за стѣной. Это ободрило мусульманъ. Они пріотворили незапертую дверь, четверо изъ нихъ вошли въ комнату, а одинъ остался у двери снаружи.

Въ это мгновеніе у Шагина явилось желаніе вскочить, свернуть голову сторожу, затворить дверь и перерѣзать остальныхъ на порогѣ. Или насмѣяться, оставить ихъ до утра, созвать все селеніе Шиба и вывести разбойниковъ на позоръ, на посмѣшище?.. Голова его затуманилась, въ ушахъ зашумѣло, сердце застучало по ребрамъ, какъ лошадь бьетъ копытомъ по камнямъ... Но Шагинъ вспомнилъ слова Абдаллы. Да онъ и самъ хорошо зналъ, что не проливать крови—лучше всего, и... смирился.

Все это было дѣломъ одной минуты. Въ комнатѣ послышались какіе-то глухіе удары, легкій трескъ, задавленная брань. Наконецъ, всѣ начали выпрыгивать изъ двери одинъ за другимъ.

— Теперь не встанетъ—прошепталъ одинъ.

— Нѣтъ, я всталъ!—заревѣлъ за стѣной Шагинъ.—Я еще васъ проучу, собачьихъ дѣтей!..

Онъ поднялъ ружье и выпустилъ оба заряда вслѣдъ убѣгавшимъ.

— Шайтанъ, шайтанъ!—кричали тѣ.

Шагинъ вошелъ въ свою комнату, зажегъ свѣтильникъ и злобно усмѣхнулся, взглянувъ на постель. Все одѣяло было проколото и разорвано кинжалами. Распороты были и по-

душки; изъ нихъ высыпалась пшеничная шелуха. Шагинъ невольно пощупалъ свои бока, изъ которыхъ такъ же могъ высыпаться недавній ужинъ, и снова злобно пригрозилъ своимъ врагамъ кулакомъ.

На выстрѣлы прибѣжали его жена и старшая дочь и принялись было плакать. Но Шагинъ прикрикнулъ на нихъ и, отославъ обратно спать, самъ тоже повалился на разорванную постель.

III.

Давно уже приглашалъ меня Шагинъ къ себѣ въ гости. Онъ расхваливалъ воду села Шиба, воздухъ и предлагалъ поселиться у него на цѣлое лѣто.

— Посмотри, ты будешь такимъ здоровымъ и сильнымъ, въ Шиба, повѣрь мнѣ!—уговаривалъ меня Шагинъ.—Лѣтомъ у насъ такъ хорошо, прохладно! Пріѣзжай.

И вотъ однажды, по пути изъ Тиверіады въ Дамаскъ, заѣхалъ я къ Шагину. Весь день ѣхалъ я по южнымъ предгорьямъ и плоскогорьямъ Гермона. День выдался жаркій не въ мѣру. Было начало іюля. Точно застыло все на землѣ и на небѣ. Каменные великаны стоятъ тихо, какъ правовѣрные на молитвѣ, окутавъ голубой дымкой свои высокія вершины. Отъ раскаленныхъ камней пышетъ жаромъ. Сидишь на лошади и боишься измѣнить положеніе, чтобы не обжечь тѣла горячей одеждой. Горный ручей лѣниво скатывается по камнямъ, вьется изъ стороны въ сторону, точно выискиваетъ тѣнистое мѣсто. Муха жужжитъ, жужжитъ, тянетъ надъ ухомъ однообразную, какъ знойный полдень, пѣсню. Въ раскаленномъ небѣ не видно ни одной птицы: всѣ онѣ попрятались въ тѣни скалъ, въ пещерахъ. Только ящерицы, скорпіоны, да змѣи ползаютъ подъ солнцемъ, стараясь согрѣть свою холодную, ядовитую кровь.

А солнце стоитъ прямо надъ головой, пылаетъ въ синей безднѣ великою любовью къ землѣ. Ему давно пора бы уже на ночлегъ, на западъ, но оно все смотритъ и смотритъ съ вышины, а все живое мечется подъ его взглядомъ, отыскивая прохладное мѣсто. Даже безтѣлесныя тѣни трепетно скрылись подъ камни отъ горячихъ лучей и ждутъ вечерней прохлады, чтобы выбраться оттуда и лежать надъ горами.

И только когда я началъ подниматься вверхъ къ Шиба, то вздохнулъ свободнѣе. Пріѣхалъ я уже вечеромъ. Долго мой мукарій водилъ меня по узкимъ проходамъ села, набралъ себѣ въ провожатые цѣлую кучу ребятишекъ,—наконецъ, остановился передъ домомъ Шагина.

Шагинъ стоялъ на крышѣ и перебиралъ отъ бездѣлья

четки, прикрикивая на дѣтей и собакъ. Увидя неизвѣстнаго путника, онъ сдѣлалъ строгое лицо.

— Господинъ Шагинъ, къ тебѣ гость пріѣхалъ!—закричалъ ему снизу мукарій.

Шагинъ торопливо сбѣжалъ съ крыши и шепотомъ спросилъ у мукарія:

— Кто это?

— Развѣ ты не узналъ меня, Шагинъ?—сказалъ я, развязывая и снимая съ головы бѣлый платокъ и открывая такимъ образомъ лицо.

Шагинъ проявилъ искреннюю радость. Онъ замахнулся на собаку, закричалъ на своего мальчишку такъ, что тотъ отъ страху прыгнулъ на сажень въ сторону, подбѣжалъ ко мнѣ и мялъ мою руку своими двумя толстыми ладонями.

— Добро пожаловать, мой господинъ! Тысячу разъ добро пожаловать.

Лицо его лоснилось и было, дѣйствительно, ласково и привѣтливо. Я съ легкимъ сердцемъ спустился съ лошади и поднялся съ Шагинымъ на крышу его дома. Кругомъ надъ нашими головами высились горы. Потокъ внизу шумѣлъ неустанно, какъ большой сосновый лѣсъ. Виднѣлись снѣжныя полосы Гермона, озолоченныя закатомъ. Звуки летали по ущелью, со смѣхомъ бились о скалы и перекликались другъ съ другомъ. Кругомъ было радостно и мирно. И мнѣ пріятно было чувствовать подъ собой твердую крышу, а не зыбкую спину лошади; пріятно было вдыхать опаленной гортанью прохладный воздухъ; послѣ ослѣпительнаго свѣта дня было пріятно понѣжить глаза фіолетовыми тѣнями горнаго вечера. Около насъ по тропинкѣ проходили люди и съ любопытствомъ разглядывали новопріѣзжаго. Шагинъ бѣгалъ туда и сюда, варилъ кофе, шептался съ красавицей дочерью, сгонялъ съ крыши постоянно залѣзавшихъ ребятишекъ и подходилъ ко мнѣ.

— На долго въ Шиба?

— На одну ночь. Завтра уѣду.

На лицѣ Шагина изобразился плутовской ужасъ.

— На одну ночь!—воскликнулъ онъ.—Мы хотимъ, чтобы ты жилъ у насъ цѣлый мѣсяцъ.

— Хорошъ гость не надолго, Шагинъ.

Шагинъ хрипло засмѣялся.

— Вѣрно! Люблю съ европейцами разговаривать. Имъ можно правду говорить. А тебѣ я всетаки радъ, если ты останешься и надолго. Это намъ честь передъ мусульманами,—имѣть такого гостя.

— Ну, а какъ вы живете здѣсь съ мусульманами?

— Потише стали, но разныя пакости продолжаютъ намъ дѣлать. Не могутъ забыть, какъ я ихъ побилъ... А все же мусульмане меня боятся!.. Потомъ они пришли ко мнѣ, привѣтствовали меня съ пріѣздомъ. Пришли такіе важные, сердитые. Не говорятъ по-мусульмански—миръ вамъ, а по-нашему — счастливый день. Сѣли. Говорятъ: „Не хорошо ты, Шагинъ, дѣлаешь, только пріѣхалъ въ село и ссору заводишь". Говорю:—Простите, погорячился; ну, и ваши тоже пусть меня не трогаютъ, вотъ и будемъ жить въ мирѣ, и я—вашъ рабъ.— Имъ это понравилось,—пуще заважничали. Захотѣли меня пристыдить. Вошла въ комнату вотъ эта собаченка...

Шагинъ толкнулъ ногой маленькую шаршавую собаченку, которая вертѣлась у нашихъ ногъ.

— Вошла. Одинъ мусульманинъ и спрашиваетъ: „Эта собачка у тебя тоже христіанской вѣры?"—Да разрушитъ Богъ ея домъ,—говорю,—я и самъ думалъ, что она христіанка, а оказалось, и эта, какъ всѣ собаки, мусульманка!—Они поморщились, а всетаки спросили: „почему ты такъ думаешь?" Не я вѣдь разговоръ-то этотъ завелъ, потому должны они его продолжать.

Шагинъ захрипѣлъ удушливымъ смѣхомъ.

— А у меня какъ разъ тутъ былъ кусокъ мяса. Я и говорю мусульманамъ:—Смотрите, у насъ теперь постъ и христіане мяса не ѣдятъ. Если собачка съѣстъ это мясо, значитъ, она — мусульманка. — И бросилъ собачкѣ мясо. Та, конечно, чавкнула раза два, проглотила кусокъ да снова на меня смотритъ...

Шагинъ захрипѣлъ и затрясся надолго. Когда онъ пересталъ смѣяться, то сказалъ уже серьезно:

— Бранятъ они насъ безбожниками, бьютъ иногда, водой для орошенія огородовъ и полей пользоваться не даютъ, а если и даютъ, такъ не во время; при раскладкѣ налоговъ тоже несправедливости; споры какіе-нибудь у христіанина съ мусульманиномъ — христіанинъ виноватъ. Однимъ словомъ: они—господа, а мы—рабы... Меня, положимъ, они не трогаютъ, ну, а другихъ обижаютъ... Не могу я за всѣхъ заступаться.

— Только вотъ школу бы намъ нужно христіанскую, — подумавъ, сказалъ Шагинъ.—А то дѣти наши Коранъ учатъ. Мой сынъ читаетъ Коранъ, какъ мусульманинъ, и качается. Эй ты! – крикнулъ онъ сыну.—Поди сюда, почитай господину, чему тебя сегодня учили въ мактаде *).

Мальчикъ подошелъ, сѣлъ передъ нами на крышѣ, под-

*) Буквально—писальня; низшая школа.

жалъ ноги, закрылъ глаза и, растягивая долгія арабскія гласныя, началъ читать первую главу изъ Корана.

— Смотри, точно настоящій мусульманинъ! Ахъ ты, щенокъ проклятый! Уйди отсюда!..

И Шагинъ со злобой толкнулъ его ногой. Мальчикъ вскочилъ и поторопился спрятаться.

Стало совсѣмъ темно. Собрались, по обычаю, уже извѣстные намъ обитатели изъ христіанъ села Шиба, чтобы привѣтствовать новаго человѣка съ пріѣздомъ. Начались обычныя привѣтствія и разговоры о тягости жизни среди мусульманъ. Немного спустя, пришли съ привѣтомъ и мусульмане. Они предварительно послали впереди себя гонца сказать, что идутъ поздравить господина съ пріѣздомъ. За гонцомъ пришли скоро и сами. Христіане пугливо встали передъ мусульманами и дали имъ дорогу. Послѣ привѣтствій всѣ гости чинно усѣлись снова. Мусульмане сѣли впереди, а христіане помѣстились по обѣ стороны ниже. Только я остался сидѣть, какъ почетный гость, въ переднемъ углу. Шагинъ наложилъ въ кофейникъ новаго кофе и поставилъ его на угли. На время общій разговоръ пріостановился. Не смотря на вѣжливое отношеніе мусульманъ къ христіанамъ, чувствовалось. что мусульмане презираютъ и попа, и Шагина, и другихъ христіанъ. Они не смотрѣли во время разговора прямо, а все метали глазами изъ угла въ уголъ, съ лица на потолокъ, на свои руки и бороды. Они важничали, слова цѣдили сквозь зубы. Было видно, что они исполняютъ долгъ восточной вѣжливости, но не забываютъ, кто сидитъ рядомъ съ ними. Шагинъ сталъ любезенъ вдвое, однако добродушно шутливое, искренно довольное выраженіе лица исчезло; вмѣсто того появилась улыбающаяся холодная маска. Онъ весь натянулся, точно струна, когда колышекъ повернутъ раза два лишнихъ. Общее настроеніе стало напряженнымъ.

Наискось отъ меня слѣва сидѣлъ мусульманинъ съ блѣднымъ, худымъ, прозрачнымъ лицомъ. На мѣстѣ бороды у него, казалось, былъ привѣшенъ черный бархатный мѣшокъ, а на мѣстѣ глазъ были два чернильныхъ пятна. Казалось, его тонкая шея можетъ каждую минуту обломиться подъ тяжестью костлявой головы и толстой бѣлой чалмы. Онъ перебиралъ узловатыми пальцами четки или полы своего кафтана, говорилъ мало, совсѣмъ не улыбался и смотрѣлъ больше въ землю. Это былъ учитель въ Шиба. Справа отъ меня сидѣлъ какой-то князь съ большими бѣлыми лошадиными зубами, при оскалѣ которыхъ обнажались и синія десны. Было еще трое мусульманъ. Всѣ они сидѣли молча и ждали, когда съ ними заговорятъ. Только князь раза три оскали-

валъ зубы въ мою сторону, точно укусить собирался, и повторялъ все одинъ вопросъ:

— Какъ твое здоровье, мой господинъ?

На что я неизмѣнно отвѣчалъ:

— Да спасетъ тебя Богъ, господинъ мой. Въ твоемъ присутствіи я здоровъ совершенно.

— А вотъ господинъ разсказывалъ намъ, — заговорилъ Шагинъ,— что у нихъ въ Россіи очень много мусульманъ... И мечети строятъ, и Богу молятся безъ помѣхи.

Учитель вскинулъ на Шагина свои чернильныя пятна Всѣмъ стало неловко, точно Шагинъ сдѣлалъ что нибудь совершенно неприличное.

— Богъ у всѣхъ одинъ,—наставительно вздохнулъ пастухъ Камиль,—только вѣра разная...

— Правда это?—переспросилъ меня князь.

Заговорили о мусульманахъ, о переходѣ изъ одной вѣры въ другую, о спорахъ мусульманъ съ христіанами. Шагинъ все время врывался въ разговоръ рѣзко, часто невпопадъ, видимо, принимая разговоръ черезчуръ близко къ сердцу. Другіе христіане въ такихъ случаяхъ старались сглаживать слова Шагина, чѣмъ, повидимому, еще больше его раздражали.

— Мы не осуждаемъ и Евангелія, — сказалъ, глядя въ землю учитель. — Напротивъ. У насъ и въ Коранѣ сказано, что Евангеліе есть Божіе откровеніе.

— Нѣтъ, вы насъ осуждаете,—сказалъ Шагинъ,—и даже браните. А у васъ тоже много есть нехорошаго въ вѣрѣ. Вы, напримѣръ, учите, что въ раю каждому полагается четыре женщины и сорокъ гурій. А по нашему, это не хорошо.

Мусульмане встрепенулись. Христіане безпокойно завозились.

— Ты не знаешь вѣдь, Шагинъ, какъ же берешься разсуждать!—съ отчаяніемъ въ голосѣ, сказалъ красильщикъ Гантусъ. — А вы, наши владыки, — сказалъ онъ мусульманамъ,—не обращайте на эти слова вниманія.

Всѣмъ стало опять неловко.

— Отчего же не поговорить,—добродушно возразилъ Шагинъ.—Я самъ не знаю, это вѣрно; но случай такой былъ въ Дамаскѣ... Споръ нашего митрополита съ вали *)... Хотите, разскажу?

Лицо у Шагина стало такое добродушное и веселое, что мусульмане невольно смягчились и заинтересовались. Князь съ любопытствомъ спросилъ:

— Какой случай?

---

*) Губернаторъ.

Шагинъ сгребъ угли въ кучу, поставилъ поудобнѣе кофейникъ и началъ, обращаясь болѣе ко мнѣ:

— А вотъ какой случай. Поспорилъ нашъ митрополитъ съ дамасскимъ вали. Говоритъ митрополитъ: „Въ вашей вѣрѣ много нехорошаго“. Вали разсердился. „Если, говоритъ, ты мнѣ въ слѣдующую пятницу не докажешь этого въ мечети передъ всѣмъ народомъ, то берегись“... Пришла пятница. Пошелъ вали въ мечеть. Народу собралось въ мечети, какъ сѣмянъ въ огурцѣ. Всѣ ждутъ, какъ будетъ митрополитъ доказывать вали свою правоту. Митрополиту самому-то нельзя идти въ мечеть, и послалъ онъ одного христіанина...

Шагинъ свернулъ и закурилъ папиросу. Всѣ съ любопытствомъ ждали, чѣмъ разрѣшится этотъ споръ.

— Ну, кончилась въ мечети молитва,—продолжалъ Шагинъ, — вали и говоритъ: „Пойдемъ во дворъ, говори намъ, что тебѣ велѣлъ сказать твой митрополитъ.“ Посланецъ и говоритъ: „Зачѣмъ же идти во дворъ? Я хочу въ мечети говорить“. Подумалъ вали и согласился. Сказалъ ему: „Говори, если хочешь, въ мечети. Мы тебя слушаемъ.“ Посланецъ и говоритъ: „Давайте сядемъ вотъ около водоема... Здѣсь очень хорошо посидѣть“. Вали тоже согласился. Сѣлъ вали и шейхи около водоема, а народъ, какъ пчелы, вокругъ облѣпился. „Ну, говорятъ, разсказывай, собачій сынъ“...

Шагинъ все болѣе озлоблялся и въ лицахъ передавалъ весь разсказъ. Его „посланецъ“ говорилъ тихо и медленно, съ полузакрытыми глазами, а вали—гнѣвно, съ крикомъ и вытаращенными глазами.

— „Разсказывай же, собачій сынъ!“ А посланецъ и говоритъ: „Хорошо мы сидимъ здѣсь, только закусить бы немного.“ Вали разсердился. Началъ на него кричать: „Ты, собака, смѣешься надъ нами!“ А тотъ на своемъ стоитъ. Посовѣтывался вали съ шейхами, и согласились они дать ему закусить. Говорятъ промежъ себя: „Пусть пожретъ собака. Вѣдь не мы это дѣлаемъ. Намъ нѣтъ грѣха“. Принесли ему хлѣба, винограду, сыру. Сталъ онъ ѣсть и другихъ изъ вѣжливости угощать...

Шагинъ смѣялся долго, злорадно. Учитель уставился на него чернильными пятнами и неподвижно слушалъ.

— Такъ вотъ, мой господинъ,—придвинулся ко мнѣ Шагинъ,—угощаетъ онъ ихъ. Понятно, они отказываются. Поѣлъ онъ и говоритъ: „Ахъ, хорошо я поѣлъ, теперь бы водочки выпить!“

Шагинъ опять засмѣялся. Откашлявшись, онъ продолжалъ:

— Какъ закричатъ на него вали и шейхи. Хотѣли побить посланца. Уже ушли было изъ мечети, да снова усту-

пили. Очень имъ интересно было узнать, что скажетъ посланецъ. Сказалъ вали: „Принесите ему, собакѣ, водки, пусть лакаетъ, да скорѣе! Это мѣсто свято“! Принесли водки. Выпилъ посланецъ, опьянѣлъ будто, да и говоритъ: „Все бы хорошо, да немногаго не хватаетъ“...

— „Чего, говорятъ, еще тебѣ не хватаетъ, безбожнику? Нажрался, напился, теперь говори“.—„Нѣтъ, говоритъ посланецъ, не хватаетъ кой-чего... Хорошо бы, говоритъ, теперь съ бабой поиграть, поцѣловаться“... Какъ вскочатъ всѣ, какъ бросятся на посланца съ кулаками!.. О, мой милый! Шумъ поднялся. „Убить его, кричатъ, убить! Онъ осквернилъ мѣсто святое. Убить его“! Ну, и посланецъ разсердился. Кричитъ: „Погодите вы, погодите! Развѣ нельзя, по вашему, въ мечети съ бабой поцѣловаться“?

— „Понятно, кричатъ, нельзя. Собака ты, безбожникъ!“ А посланецъ имъ: „Какъ нельзя?! Я по всему думалъ, что можно! Въ мечети нельзя, а въ царствіи небесномъ можно? Вѣдь вы учите, что на небѣ каждому дадутъ четыре жены и сорокъ гурій... Въ мечети нельзя, а въ царствіи небесномъ можно?!“

Шагинъ вытаращилъ глаза, сжалъ кулакъ, поднесъ его къ безкровному лицу учителя и все повторялъ:

— А въ царствіи небесномъ можно?! Можно?!.

Потомъ засмѣялся добродушно.

Опять всѣмъ стало неловко. Разговоръ не вязался. Мусульмане были надуты и, видимо, озлоблены. Выпивъ кофе, они попрощались и ушли. Шагинъ ласково провожалъ ихъ за дверь до самой улицы, кланялся передъ ними, дотрогивался рукой до земли и цѣловалъ концы пальцевъ. Это означало, что онъ цѣлуетъ тотъ прахъ, по которому ступаютъ ноги гостей.

Я шепотомъ попросилъ Шагина уложить меня поскорѣе спать, ибо чувствовалъ большую усталость. Шагинъ и самъ былъ радъ избавиться отъ христіанъ и ихъ упрековъ. Онъ ничего мнѣ не сказалъ, только лукаво подмигнулъ. Скоро, сидя въ углу, онъ началъ во весь ротъ позѣвывать, отвѣчать невпопадъ, потомъ опустилъ голову на грудь и даже захрапѣлъ. Гости посидѣли, переглянулись, попрощались со мной и, одинъ за другимъ, вышли изъ комнаты. Когда скрылись за дверью пятки пастуха Камиля, Шагинъ встрепенулся, засмѣялся и весело проговорилъ:

— Теперь всѣ ушли, всѣхъ выжилъ. Господинъ можетъ ложиться спать.

Мы легли съ Шагиномъ въ одной комнатѣ. Я легъ въ переднемъ углу, онъ—около двери. Подъ голову онъ положилъ кривой турецкій кинжалъ, пистолетомъ опоясался; го-

ловой легъ внутрь комнаты, а ногами уперся въ досчатую дверь, крякнулъ и сказалъ:

— Теперь сюда самъ чортъ къ намъ не войдетъ.

На другой день Шагинъ уговорилъ меня остаться до вечера.

— Я тоже поѣду съ тобой черезъ Гермонъ, — говорилъ онъ.—Вѣдь ты еще ни разу не былъ на Гермонѣ?

— Нѣтъ.

— Значитъ, ты долженъ ѣхать туда ночью. Дорога, правда, плохая, за то утромъ, при восходѣ солнца, оттуда такой видъ, что лучшаго въ цѣломъ свѣтѣ не найдешь. Останься до вечера.

Я согласился.

День мы провели съ Шагиномъ безъ особыхъ приключеній. Ходили по селу, осматривали пещеру, изъ которой вытекаетъ ключъ. Тамъ, сидя надъ прозрачными кружащимися струями воды подъ каменнымъ, поросшимъ мохомъ потолкомъ пещеры, Шагинъ разсказывалъ мнѣ арабскія сказки. Ихъ грубая простота точно вторила окружающимъ горамъ, шуму воды, горному эху... Мы обѣдали, пили кофе и даже чай. По обыкновенію, снова собрались гости и слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ, точно я былъ бѣлый слонъ или выходецъ съ того свѣта.

Наконецъ, пожелтѣлъ ослѣпительно-бѣлый южный день. Съ неба на раскаленныя скалы упала прохлада. Въ ближайшихъ виноградникахъ завыли шакалы, собравшіеся покушать винограду.

— Теперь поѣдемъ. Слышишь, господа ужъ пѣсни на прогулкѣ запѣли,—сказалъ Шагинъ про шакаловъ и пошелъ сѣдлать свою лошадь.

Съ наступленіемъ сумерекъ лошади были готовы. Шагинъ сѣлъ на породистую кобылицу, взялъ съ собой одного работника, молчаливаго, кривого парня, по имени Илья, и мы тронулись въ путь. Впереди всѣхъ шелъ пѣшкомъ Илья, съ ружьемъ за плечами, за нимъ Шагинъ, за Шагиномъ—я, а за мной — мой проводникъ на ослѣ. Село осталось позади, и мы очутились въ безмолвіи горной сирійской пустыни. Въѣхали въ дикое ущелье съ постепеннымъ подъемомъ къ Гермону. Надъ горами свѣтила луна. Сѣрые камни, облитые луннымъ свѣтомъ, оттѣнялись рѣзко черными бархатными тѣнями. Южный вѣтеръ пугливо слеталъ съ сосѣднихъ вершинъ и обвѣвалъ насъ прохладой. А небо сіяло во всемъ своемъ нарядѣ. Звѣзды спорили въ блескѣ съ луной. Воздухъ, прозрачный на высотѣ, въ долинахъ былъ пропитанъ синеватыми испареніями, тонкими и неуловимыми, какъ дѣвическія грезы.

— —

Мы ѣхали гуськомъ. Лошади бодро ступали по камнямъ, фыркали, но тревожно сновали ушами, прислушиваясь къ звукамъ горной ночи. Шагинъ иногда съ гикомъ бросался на встрѣчную поляну, вертѣлся на ней, поднимая надъ головой пистолетъ, и пѣлъ пѣсни:

„Шейхъ-гора *), наша высокая гора!
„Кровь враговъ мы смѣшаемъ съ твоимъ прахомъ.
„Семь царей содрогнулись за тебя, наша гора,
„А султана мы не боимся."

Наконецъ, изъ-за поворота показался Гермонъ. Передъ нимъ разстилалась небольшая ровная площадь. Казалось, старѣйшина горъ давалъ намъ возможность немного отдохнуть и приготовиться къ подъему. Онъ закутался синеватыми туманами, принизился и казался совсѣмъ маленькимъ, даже по сравненію съ сосѣдними горами. Самое его подножье окутывали виноградники, огороженные другъ отъ друга рѣдкими дубками. Мы поѣхали по узкой дорожкѣ между каменными загородками виноградниковъ. Захотѣли винограду — Илья крикнулъ караульщика. Задрожалъ влажный воздухъ, откликнулись сосѣднія горы, и старый Гермонъ сквозь сонъ послѣднимъ прислалъ свой глухой отвѣтъ. Караульщикъ вынырнулъ вблизи изъ луннаго свѣта и принесъ намъ цѣлую груду холоднаго, покрытаго каплями ночной росы винограду.

Вотъ и подножье Гермона. Тропинка вьется къ верху между глыбами камней. Лошади осторожно ступаютъ ногами, выбирая удобное мѣсто, и изгибаются всѣмъ тѣломъ, точно рыбы, на частыхъ поворотахъ. Казалось, вершина близко. Прямо передъ нашими глазами кончались скалы и начиналось небо. Но, поднявшись на эту вершину, мы увидали новый каменный валъ, еще выше прежняго. Шагинъ сказалъ, что мы поднялись на колѣни къ дѣдушкѣ Гермону.

Лошади начинали уставать. Кривой Илья остановился и зажегъ сухую шапку колючаго растенія. Пламя жадно заметалось по его сухимъ стеблямъ. Мы слѣзли съ лошадей. Мой проводникъ оставилъ своего осла въ сторонкѣ, но онъ тамъ стоять не захотѣлъ, подошелъ къ костру и сталъ упрямо смотрѣть въ огонь, развѣсивъ надъ нимъ свои длинныя уши. Выраженіе морды у него было скорбное и глубокомысленное: онъ думалъ о своей горькой долѣ и несправедливости людей, поработившихъ ослиный родъ.

Отдохнувъ немного, мы стали снова подниматься. Скалы громоздились одна надъ другою все тяжелѣе и грознѣе. За

*) По-арабски Гермонъ—аль-жабалю-ш-шейхъ, т. е. гора шейхъ, гора-старѣйшина.

нашими спинами зіяла туманная бездна. Передъ нами — скалы, неподвижныя, острыя, нѣмыя. Всѣ молчали, вглядываясь въ изгибы тропинки. Нужно было слѣдить за каждымъ шагомъ лошади, чтобы неловкимъ движеніемъ не уронить лошадь и самому не свалиться въ пропасть. Лошади тяжело дышали. Илья прыгалъ съ камня на камень и несъ на своемъ ружьѣ длинную полосу луннаго свѣта. Мукарій шелъ вслѣдъ за осломъ и щекоталъ ему подъ хвостомъ острымъ деревяннымъ гвоздемъ, чтобы онъ не остановился. Подъѣхали къ пещерѣ, гдѣ ночуютъ иногда со стадами пастухи, и снова слѣзли отдохнуть. Шагинъ сказалъ, что мы забрались на плечи къ дѣдушкѣ Гермону. И дѣйствительно, сюда по глубокимъ долинамъ уже спускались сѣдины Гермона — бѣлыя полосы снѣга. Стало совсѣмъ холодно.

Дальше ѣхать было совсѣмъ трудно, а ночью очень опасно. Мы послѣзали съ лошадей и пошли пѣшкомъ. Кстати нужно было согрѣться. Шапки колючихъ растеній почти сплошь покрывали скалы. Колючки до крови кололи мнѣ ноги сквозь валеные сапоги. Шагинъ пошелъ впередъ; онъ расчищалъ кожаными сапогами дорогу и указывалъ мѣста, свободныя отъ колючекъ. Нѣсколько разъ мы въ сумракѣ ночи попадали на края отвѣсныхъ скалъ. Съ добродушной бранью Шагинъ шарахался въ сторону, хваталъ и меня съ собой за что попало. Наконецъ, усталые, мы поднялись на ровную полянку. Шагинъ снялъ съ головы платокъ и шерстяной окаль *), вытеръ со лба потъ и сказалъ:

— Теперь мы поднялись на самую голову дѣдушки Гермона.

Было близко къ полночи. Луна спряталась за какую-то безпредѣльную равнину. Кругомъ насъ была туманная, таинственная бездна, безъ конца и края внизъ и вверхъ, впередъ и назадъ. Точно мы стояли на скалѣ, а вокругъ насъ мягко и неслышно переливалось стеклянное бездонное море.

Воздухъ былъ свѣжій и пріятный, какъ чистая, холодная вода. Мы долго не могли надышаться. Прошло добрыхъ полчаса, пока сердце перестало биться, и кровь потекла ровными потоками по утомленному тѣлу.

Наши проводники привязали лошадей и осла за камни, дали имъ корму, разыскали пещеру, развели тамъ костеръ и принялись жарить на вертелѣ мясо, которое захватилъ съ собой догадливый Шагинъ.

Мы съ Шагиномъ посидѣли на камнѣ, отдохнули и пошли туда, гдѣ проводники развели огонь. Свѣтъ отъ костра

*) Двойной толстый шерстяной обручъ, которымъ придерживается на головѣ платокъ.

выходилъ изъ ямы; мракъ ночи сгущался надъ нимъ темнымъ кольцомъ, точно находилъ этотъ свѣтъ нарушеніемъ вѣкового порядка и старался закрыть его со всѣхъ сторонъ темными полами своей одежды. Мы спустились въ пещеру. Это была полуразрушенная комната, заваленная всякимъ мусоромъ и камнями. Можетъ быть, это было древнее водохранилище, устроенное въ незапамятныя времена служителями финикійскаго Ваала, храмъ котораго находился здѣсь, на вершинѣ Гермона; можетъ быть, она имѣла иное назначеніе—Богъ вѣсть. Стѣны ея были сыры, покрылись плѣсенью и поросли какимъ-то мохомъ. Огонекъ зажженной нами свѣчи бросилъ пугливые взгляды на темныя стѣны, неровный сводъ потолка и заваленный мусоромъ полъ. Ночныя тѣни, испуганныя нашимъ приходомъ и свѣтомъ, метались, трепетали въ дальнихъ углахъ пещеры, какъ испуганныя птицы. Онѣ сталкивались другъ съ другомъ, неслышно махали своими крылами, то держались въ вышинѣ, то метались на стѣны и полъ. Казалось, что мы не одни въ этой маленькой пещерѣ, что своимъ приходомъ мы спугнули цѣлый рой давнишнихъ, забытыхъ всѣми, а потому и пугливыхъ воздушныхъ обитателей; они испугались нашихъ грубыхъ голосовъ, маленькой свѣчки и безпокойно летаютъ изъ угла въ уголъ, стараясь спрятаться.

— Хорошъ брачный чертогъ!—воскликнулъ Шагинъ, садясь на камень.

— Почему же брачный?—спросилъ я.

— А какъ же,—захрипѣлъ Шагинъ,—сегодня сюда привезутъ мнѣ молодую жену.

Я посмотрѣлъ на Шагина, не сошелъ ли онъ съ ума. Но онъ сидѣлъ на камнѣ и хрипло смѣялся, какъ и всегда. Лицо его лоснилось добродушіемъ и довольствомъ.

— Откуда же, какую жену?

— Изъ Каффа, знаешь—село подъ Гермономъ. Тамъ у сына священника я присмотрѣлъ себѣ хорошую бабу. Мужъ ея глупъ. Зачѣмъ ему хорошую жену? Самъ онъ уѣхалъ въ Америку на заработки, а ее дома оставилъ. Сегодня ее привезутъ сюда ко мнѣ.

— Но вѣдь ты, Шагинъ, женатъ?.

— Такъ что же? Та жена старая. Я ей домъ купилъ въ Дамаскѣ. Она туда и уѣхала. А съ этой повѣнчаюсь.

— Кто же тебя повѣнчаетъ?—увидился я еще болѣе.

— Попъ нашъ повѣнчаетъ, — сказалъ Шагинъ, раздражаясь моей непонятливостью.

— Да какъ же онъ повѣнчаетъ тебя, если его могутъ разстричь за это?

— Кому нужно такого дурака разстригать!.. Да я отъ

митрополита разрѣшенье взялъ,— отвернулся отъ меня Шагинъ. Видимо, я совсѣмъ раздражилъ его...

Илья положилъ передъ нами хоржи *), на нихъ разостлалъ тонкую, какъ сукно, лепешку, а на лепешку высыпалъ цѣлую кучу шашлыку и выставилъ двѣ бутылки: одну съ виноградным виномъ для меня, другую съ аракомъ **) для Шагина; затѣмъ принесъ овечьяго сыру, винограду, разложилъ все это въ возможномъ порядкѣ, поставилъ рядомъ на каминѣ свѣчку, а самъ отошелъ къ костру. Тамъ, вмѣстѣ съ моимъ проводникомъ, они принялись за такой же, какъ и у насъ, ужинъ.

Мы ѣли съ Шагиномъ молча. Онъ бросалъ въ ротъ куски шашлыка, громко чавкалъ, пилъ аракъ, разбавляя его изъ кувшина водой, и сосредоточенно сопѣлъ. Ѣлъ онъ изъ того, другого и третьяго—что попадалось подъ руку. По временамъ онъ выпрямлялся, давалъ пищѣ улечься въ желудкѣ просторнѣе и снова принимался жевать. Наконецъ, онъ вытеръ руки объ штаны, вынулъ коробку съ табакомъ, свернулъ толстую, величиною съ хорошую морковь, папиросу, развалился, закурилъ и неожиданно заговорилъ.

— Очень давно это было, когда на землѣ только что начиналась жизнь...

Глаза его немного посоловѣли отъ водки и пищи, но лицо было веселое и спокойное.

— Это ты что же, сказку, что ли?—спросилъ я

— А вотъ увидишь. — Онъ пыхнулъ дымомъ и продолжалъ.

— Земля тогда была чистая, вся въ зелени. Небо тоже чистое, горы высокія снѣжными шапками на солнцѣ блестѣли. Тогда изъ безконечной высоты со звѣздъ спустилось на Землю Величіе. Увидѣло оно новый міръ и задумало присоединить его къ своимъ владѣніямъ, вотъ какъ и теперь цари себѣ добиваются новыхъ владѣній. Спустилось оно на Землю; на плечахъ у него громадные обои, въ родѣ какъ бы облака по небу летаютъ. Оперлось Величіе рукою на вершину высокой горы, посмотрѣло во всѣ стороны, поворочало туда и сюда своей гордой головой. Смотритъ Величіе внизъ и вдругъ видитъ подъ ногами какое-то маленькое существо. „Кто ты?“ гордо спросило Величіе.—„Я—Красота“, стыдливо отвѣчало маленькое существо. — „Зачѣмъ ты здѣсь?“ — „Я пришла на Землю въ утѣшеніе людямъ. Создатель послалъ меня на Землю и отдалъ мнѣ ее во владѣніе“.—„Тебѣ“... — И Величіе гордо взглянуло на Красоту. — „Ты хочешь пере-

---

*) Дорожные мѣшки, которые кладутся на спину лошади за сѣдломъ.
**) Виноградный спиртъ.

быть власть у меня?! Мнѣ это смѣшно. Чѣмъ же ты можешь властвовать, гдѣ твоя сила?“ — „Я буду властвовать надъ тѣми маленькими существами, которыя будутъ жить на Землѣ, надъ людьми“,—отвѣчала Красота.

— „Я правлю небомъ!—сказало Величіе,—и одного моего движенія достаточно, чтобы покорить себѣ всѣхъ людей. Я буду гремѣть въ небѣ, волновать моря, потрясать Землю. Часть своей силы я сообщу царямъ. Всѣ люди мнѣ поклонятся, а тебя, повѣрь мнѣ, и не замѣтятъ“... Величіе осталось въ облакахъ, а Красота пошла по Землѣ, любовно осмотрѣла каждый цвѣтокъ, каждую травку, каждую каплю воды. Наконецъ, она встрѣтила женщину и передала ей всю силу своей красоты. А Величіе дало силу царямъ и управляло громами въ облакахъ... И вотъ, съ тѣхъ поръ всѣ преклонились передъ женщиной: цари, воеводы, мудрецы, богачи и бѣдняки—всѣ стали ея рабами. Отказаться отъ женщины способны только слѣпые и больные. Красота черезъ женщину завоевала Землю, а Величіе и до сихъ поръ одиноко правитъ громами.

Шагинъ пыхнулъ папиросой и спросилъ:

— Хорошая сказка?

Откуда взялъ онъ, этотъ полудикарь, такую замысловатую сказку? Какими волнами исторіи занесло къ нему въ Шиба эту красивую фантазію?

— Такъ тебя, значитъ, Красота побѣдила, поэтому и рѣшилъ жениться на другой?—спросилъ я.

Шагинъ засмѣялся.

— Понятно, старая жена надоѣла, а новая... Вотъ ты увидишь, очень красива!

Шагинъ даже языкомъ прищелкнулъ.

— Зачѣмъ же ты сына ногой толкнулъ, когда онъ Коранъ читалъ? Вѣдь ты мусульманинъ гораздо больше, чѣмъ онъ!

Лицо Шагина сдѣлалось серьезнымъ.

— Правда твоя,—сказалъ онъ.—Какой я христіанинъ. Имя только одно. Это ты вѣрно говоришь. Такъ развѣ мусульманинъ мой врагъ изъ-за вѣры? Хе, хе, хе! Какое мнѣ дѣло до его вѣры! Я смотрю: вѣра его, пожалуй, тоже не дурная, какъ и наша. И милость они другъ другу творятъ, и правда у нихъ есть, а насчетъ бабъ у мусульманъ много лучше нашего, свободнѣе. Не знаю я, какая есть разница между нашей и мусульманской вѣрой, а только мусульманинъ потому мнѣ врагъ, что онъ меня притѣсняетъ вотъ уже тысячу съ лишнимъ лѣтъ!

Лицо Шагина сдѣлалось злымъ. Онъ швырнулъ окурокъ объ стѣну, гдѣ огонь разсыпался тысячами искръ, и при-

нялся вертѣть новую папиросу. У входа въ пещеру, свернувшись клубками, мирно похрапывали наши проводники. Видимый нами въ проходъ клочекъ неба замѣтно побѣлѣлъ. Близилось утро.

— Хорошо, Шагинъ. Ты говоришь, что ты плохой христіанинъ. Но вѣдь того, что ты дѣлаешь — воровать чужую жену — не долженъ ни христіанинъ, ни мусульманинъ, ни язычникъ. Сегодня украдешь ты, а завтра у тебя украдетъ другой. У тебя нѣтъ на это права. Кто тебѣ его далъ? Твоя сила?

— Права!—воскликнулъ Шагинъ.—Въ Турціи нѣтъ права Можетъ быть, у васъ въ Россіи есть правда, а у насъ нѣтъ. Вмѣсто десятой части у мужика берутъ чуть не половину урожая, это—правда? Мусульмане бьютъ насъ, оскорбляютъ нашихъ женъ, дочерей и смотрятъ на насъ, какъ на собакъ. это—правда? Камни скатываются съ горы и давятъ людей, это—правда? Турецкіе солдаты, вмѣсто защиты христіанъ, вырѣзываютъ цѣлыя христіанскія села, это — правда? У насъ нѣтъ суда, а вмѣсто него—грабежъ; нѣтъ правды. Я не видалъ ея въ своей жизни и не знаю, гдѣ она живетъ. Сила— вотъ это я знаю. Гдѣ могу—тамъ я беру, не могу — отдаю. Такъ всѣ дѣлаютъ у насъ...

Шагинъ засопѣлъ, точно возъ на гору вывезъ.

Мы долго молчали. Хотѣлось спать, но кругомъ было такъ сыро и неуютно, что и сонъ не манилъ къ себѣ. Чтобы скоротать остатокъ ночи, я спросилъ:

— Какъ же ты, Шагинъ, у митрополита разрѣшенье на женитьбу взялъ?

— Очень просто, — засмѣялся Шагинъ. — Былъ у меня митрополитъ въ домѣ. Пробылъ два дня. Потомъ собирается дальше. „Куда"? спрашиваю. Отвѣчаетъ: „Въ Маждаль".— „Ну, говорю, съ миромъ. А я въ Хасбею".—„Ты въ Хасбею, говоритъ, ну, съ миромъ". Разъѣхались. Я выѣхалъ изъ дому. да и заѣхалъ къ нему навстрѣчу. Гляжу—ѣдетъ по дорогѣ. Подъѣхалъ. Увидалъ меня и говоритъ: „Какъ же ты сказалъ, что ѣдешь въ Хасбею". — „Хотѣлъ, говорю, да раздумалъ. Подожди-ка немного. Дѣло у меня къ тебѣ есть". — „Что тебѣ нужно"? — „Нужно мнѣ отъ тебя бумагу, хочу второй разъ жениться".—„Вѣдь у тебя есть жена"?—„Еще хочу".— „Что ты, Шагинъ, опомнись, говоритъ, одурѣлъ". — „Опомнился, говорю, хочу жениться".—„Уйди отъ меня, дьяволъ, что ты хочешь дѣлать? Я тебя въ тюрьму посажу". Я взялся одной рукой за пистолетъ и спрашиваю: „Дашь бумагу, или нѣтъ?"—„Да у меня, говоритъ, и бумаги нѣтъ".—„Вотъ она, готова, только пиши". Онъ написалъ, а внизу сдѣлалъ для священника приписку, чтобы онъ по той бумагѣ не посту-

палъ. Я посмотрѣлъ на бумагу, положилъ въ карманъ и говорю: „Теперь нужна мнѣ еще бумага, настоящая, по которой меня священникъ обвѣнчаетъ“.—„Да я тебѣ далъ“—говоритъ.—„Эта не годится“... Написалъ онъ мнѣ вторую бумагу, я его и отпустилъ. Потомъ былъ у него, далъ ему нѣсколько золотыхъ, онъ и успокоился. Вотъ и разрѣшеніе имѣю.

— Посадятъ тебя въ тюрьму за эту женитьбу. Тотъ, у кого ты жену воруешь, развѣ не пожалуется на тебя?

Шагинъ презрительно пыхнулъ.

— Э, мой господинъ! Я въ тюрьмѣ восемнадцать разъ сидѣлъ. Посадятъ и выпустятъ. А дать нѣсколько золотыхъ, такъ и не посадятъ никогда. Этого я не боюсь... Но почему они долго не ѣдутъ? Пора бы имъ быть здѣсь?

Шагинъ всталъ, потянулся и крикнулъ проводникамъ:

— Эй вы, господа! Вставайте! Утро наступило,—обратился онъ ко мнѣ.—Сейчасъ солнце взойдетъ. Пойдемъ смотрѣть на Сирію. Видъ съ Гермона чуденый...

Мы нагнулись и вышли изъ пещеры.

Было, дѣйствительно, совсѣмъ свѣтло. Востокъ горѣлъ еще невиданными мной красками. На насъ смотрѣло чистое, не загрязненное людьми, лицо природы. Не успѣли мы взобраться на сосѣдній съ пещерой каменный холмикъ, какъ изъ-за Сирійской пустыни брызнули на насъ первые лучи восходящаго солнца.

Я оглянулся кругомъ и въ первое мгновеніе не повѣрилъ своимъ глазамъ. Я былъ пораженъ красотою и величіемъ разстилавшейся передъ нами картины. Далеко внизу, подъ нашими ногами, клубились и волновались бѣлыя облака, какъ снѣжныя поля моей обширной и холодной родины. Эта сплошная бѣлая пелена скрывала отъ насъ сосѣднюю долину. Но вотъ она всколыхнулась, какъ большой пологъ, кой-гдѣ образовались разрывы, сквозь которые зіяла темнофіолетовая подоблачная глубина. За этимъ бѣлымъ покровомъ на западѣ синѣло безъ конца, сливаясь съ небомъ, Средиземное море. Казалось, оно лежало подъ нашими ногами. На сѣверѣ толпились горы Ливана въ бѣлыхъ шапкахъ изъ облаковъ. Цѣлыя сотни селъ и городовъ едва замѣтными сѣрыми пятнами полегли по долинамъ. За ними, въ безмѣрной дали, высились не то горы, не то облака, не то громады-привидѣнія... На югѣ всѣ мелкія горы слились для взора въ одну равнину, на которой лежали зеркала Мерома, Тиверіады, Мертваго моря. Я смотрѣлъ, какъ далеко-далеко разбѣгались во всѣ стороны горы, какъ искрились и сверкали, точно алмазы, на солнцѣ рѣчки и ручьи, какъ расширилось небо надъ Сиріей и Палестиной, а вѣчное солнце привѣтливо

смотрѣло съ синяго неба, играя въ облакахъ разноцвѣтными радугами...

Какъ хорошо! Дышется вольно, чувствуется свободно! Точно родился вновь и для новой жизни, точно стараго ничего не было, а въ будущемъ все такъ же ясно, какъ въ этомъ надоблачномъ небѣ. Точно поднявшись надъ землею, оставилъ за собой все, что томило, давило, отравляло радость бытія—самую свѣтлую и безгрѣшную радость человѣческой жизни...

— Хорошо!—сказалъ Шагинъ.—Конечно, дьяволъ знаетъ, что ему нужно дѣлать.

— При чемъ тутъ дьяволъ?

— Какъ же? Вотъ сюда вознесъ онъ Христа и показалъ Ему всѣ царства міра. Вотъ они передъ нашими глазами...

Однако, на царства міра, которыя лежали передъ нами, Шагинъ смотрѣлъ невнимательно. Онъ больше вглядывался внизъ на тропинку, ведущую къ селу Каффъ. Вдругъ онъ шепотомъ, точно насъ могли услышать окружающія города и села, радостно воскликнулъ:

— Ѣдутъ, ѣдутъ!

На извилистой тропинкѣ, внизу, въ сумракѣ утра виднѣлись три темныя точки. Точки эти шевелились, ползли вверхъ, точно козявки, и постепенно увеличивались. Вскорѣ можно было различить лошадей и всадниковъ. Еще немного спустя, видно стало, что средній всадникъ—женщина. Шагинъ выстрѣлилъ, замахалъ головнымъ платкомъ. Насъ увидали и направились къ намъ, Шагинъ пошелъ встрѣчать новую жену. А я отошелъ немного къ югу и сѣлъ на развалинахъ стариннаго храма. При финикіянахъ здѣсь было капище Ваала, а при грекахъ—небольшой веселый храмъ въ честь Пана, бога стадъ, лѣсовъ, весны, пробужденія природы. Много такихъ маленькихъ храмовъ можно найти вокругъ Гермона по его сѣрымъ скалистымъ склонамъ. Трудно выбрать болѣе подходящее мѣсто для поклоненія этому жизнерадостному богу, богу-пастуху, богу весенняго веселья. Взглянешь съ этихъ нѣмыхъ утесовъ кругомъ на Божій міръ, разстилающійся подъ ногами, и по неволѣ воскликнешь:

— Живъ, живъ великій Панъ!..

Должно быть, при грекахъ лѣсистыя окрестныя горы и долины и самый Гермонъ были еще болѣе красивы. Вся прелесть пробуждающейся природы, красота весенняго воздуха и первой зелени лѣсовъ и травъ—все это чувствуется здѣсь сильнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ.

Утреннія облака понемногу растаяли, и во всѣ стороны раскрылась подъ ногами фіолетовая головокружительная

глубина. Три корявыхъ деревца стоятъ среди сѣрыхъ скалъ надъ пропастью. Точно въ страшномъ испугѣ метнулись они всѣми своими вѣтвями отъ бездны на камни, да такъ и застыли въ этомъ болѣзненномъ напряженіи. Спины ихъ, обращенныя къ пропасти, высохли отъ сильныхъ вѣтровъ и холодныхъ дождей съ градомъ, отъ зимнихъ мятелей и подернулись сѣрой мертвой корой.

Шагинъ скрылся со своей невѣстой и ея спутниками въ пещеру. Мнѣ пора было спускаться съ Гермона по той самой тропинкѣ, по которой только что пріѣхалъ свадебный поѣздъ. Я велѣлъ мукарію готовить лошадь.

Шагинъ вышелъ изъ пещеры, точно пьяный. Увидѣвъ меня, онъ замахалъ мнѣ рукой. Я подошелъ.

— Ты взгляни на мою новую жену. Я говорилъ тебѣ—красивая. Вотъ смотри.

Въ это время изъ пещеры высунула голову женщина. Она робко осмотрѣлась во всѣ стороны, какъ осматривается дикая утка,когда выплываетъ изъ камышей на открытое мѣсто.

— Поди сюда!—крикнулъ Шагинъ.

Она подошла несмѣло, стыдливо, наклонивъ голову и подергивая плечами, точно хотѣла нырнуть въ землю и скрыться отъ нашихъ взглядовъ и солнечнаго свѣта.

— Поздоровайся съ господиномъ, не бойся,—усмѣхнулся Шагинъ.—Это—мой другъ!

Она подала мнѣ корявую руку, на которой звякнули стеклянные браслеты, потомъ закрыла ею ротъ, кашлянула и опустила глаза въ землю.

Она не была красавицей; развѣ глаза хороши были въ веселую минуту. Теперь же и они были мутны отъ волненія и почти совсѣмъ закрыты вѣками. Но она была пухлая блондинка съ круглыми щеками, красными, румяными губами, полною грудью; вѣроятно, все это и плѣнило Шагина. Онъ стоялъ рядомъ и, не скрывая восхищенія, съ улыбкой переводилъ взоръ съ нея на меня и опять на нее.

Мукарій подвелъ осѣдланную лошадь.

Мы разъѣхались съ Шагиномъ въ разныя стороны.

Долго опускался я внизъ по извилистой тропинкѣ. Долго мой конь шелъ на хвостѣ, подгибая заднія ноги. Съ каждымъ шагомъ очертанія горъ мѣнялись: горы выростали, поднимались изъ глубины къ небу, а небо суживалось, опускалось, налегало на горы своими голубыми краями. Снизу изъ долинъ поднимался раскаленный о камни воздухъ и жегъ охлажденное на высотѣ лицо и руки. Послѣ безсонной ночи неудержимо хотѣлось спать. И я немедленно и крѣпко заснулъ въ сѣдлѣ, какъ только лошадь пошла по болѣе ровному мѣсту.

IV.

Дома Шагина ожидало несчастіе. Въ ту ночь, когда мы были на вершинѣ Гермона, за облаками, далеко отъ людей и ихъ религіозныхъ и иныхъ споровъ, внизу люди сдѣлали злое дѣло. Мусульмане Шиба украли у Шагина деньги и обезчестили красавицу-дочь.

Пріѣхавъ домой, Шагинъ засталъ дочь въ слезахъ и въ постели, а деньги его, около ста турецкихъ золотыхъ, пропали. Христіане заходили къ нему въ домъ съ участіемъ, крадучись, какъ воры. Мусульмане молчали. Шагинъ цѣлый день ругался, кричалъ на крышѣ, ходилъ къ старостѣ села—мусульманину, но сочувствія своему горю не нашелъ. Только къ вечеру онъ немного успокоился. Разспросивъ кое-какъ плачущую дочь о томъ, кого она запримѣтила ночью, онъ рѣшилъ ѣхать жаловаться на мусульманъ къ митрополиту и патріарху.

Долго тянулось дѣло. Мусульманскія власти, по представленію патріарха, взялись за дѣло, повидимому, горячо. Однако прошелъ мѣсяцъ, другой, третій — виновныхъ не только не нашли, во все дѣло такъ запуталось, что можно было подумать, будто Шагинъ самъ себя обворовалъ, а можетъ быть, самъ и дочь свою обезчестилъ. Стало извѣстно, что Шагинъ укралъ изъ Каффа чужую жену при живой старой... Поднялось было новое дѣло, но Шагинъ его какъ-то уладилъ миромъ, а жены всетаки не отдалъ... Услышавъ о несчастіи въ домѣ, изъ Дамаска пріѣхала его старая жена, и такимъ образомъ у Шагина жили теперь двѣ жены. А самъ онъ постоянно ѣздилъ изъ Шиба въ свой уѣздный городъ и въ Дамаскъ. Несчастіе давило его тѣмъ болѣе, что онъ не могъ найти виновника. Онъ осунулся, обросъ колючей бородой, посѣрѣлъ, какъ высохшій мохъ. Иногда онъ заходилъ въ Дамаскъ ко мнѣ, но сидѣлъ не подолгу, точно чего-то стыдился; былъ мало разговорчивъ и оживлялся только тогда, когда бранилъ мусульманъ.

Наконецъ, турецкія власти, запутавъ окончательно всѣ показанія и улики и выгородивъ мусульманъ, рѣшили дѣло прекратить, о чемъ губернаторъ и извѣстилъ патріарха. Шагинъ, какъ разъ въ это время, былъ въ Дамаскѣ. Онъ пошелъ въ патріархію.

Былъ праздникъ. Въ пріемной комнатѣ патріарха было много разнаго народу, все больше горожанъ въ европейскихъ одеждахъ. Сидѣло нѣсколько турецкихъ чиновниковъ-мусульманъ на первыхъ мѣстахъ. Шагинъ вошелъ въ своемъ

бедуинскомъ костюмѣ и робко сѣлъ при входѣ на мраморный полъ.

Послышался стукъ булавы каваса, показалась его золоченая одежда, а за нимъ и темныя рясы патріарха и трехъ митрополитовъ. Всѣ встали. Патріархъ сѣлъ на свое мѣсто. Всѣ стали подходить къ нему за благословеніемъ. Шагинъ подошелъ послѣднимъ.

— Ну, Шагинъ, поѣзжай въ Шиба и живи тамъ мирно,— сказалъ патріархъ.—Тогда никто тебя и обижать не будетъ.

— А какъ же, владыка, я буду жить?—спросилъ Шагинъ дрогнувшимъ голосомъ.—Куда я дѣну обезчещенную дочь? Съ кого возьму деньги? Если ты меня оставляешь, то кто же защититъ? У мусульманъ, видно, защиты искать...

— Что же я могу сдѣлать? Да и какъ мнѣ защищать тебя противъ мусульманъ, когда ты самъ придерживаешься мусульманскихъ законовъ: при живой женѣ взялъ себѣ другую, да еще укралъ!..

Должно быть, вся горечь сознанія безсилія и обиды хлынула въ сердце Шагина, затуманивъ ему разсудокъ. Онъ съ секунду постоялъ неподвижно, потомъ вдругъ закричалъ хриплымъ голосомъ, выкативъ глаза, какъ безумный:

— Да, я мусульманинъ! Нѣтъ Божества, кромѣ единаго Бога! Свидѣтельствую, что Мухаммадъ—посланникъ Бога!.. *).

— Нѣтъ божества, кромѣ единаго Бога и Мухаммадъ— посланникъ Бога,—набожно повторили присутствующіе мусульмане.

Христіане закричали:

— Что ты, Шагинъ, опомнись!..

— Онъ сошелъ съ ума!..

— Выведите его на дворъ!..

Шагинъ ничего не слушалъ, махалъ руками и все кричалъ, что Мухаммадъ—посланникъ Бога.

Все заволновалось и смѣшалось. Турецкіе чиновники крикнули солдатъ, и Шагина взяли въ сарайя **) къ кады ***), По улицамъ за ними пошла толпа народа. Говорили о Шагинѣ и сожалѣли шепотомъ, что христіанинъ перешелъ въ мусульманство.

Шагинъ шелъ по улицѣ, какъ ходятъ непривычные люди подъ взглядами большой толпы, напряженной и неровной походкой. Ему казалось, что не только люди, но и ослики, собаки, даже темные стѣны и своды базаровъ смотрятъ на

*) По мусульманскому закону тотъ уже мусульманинъ, кто произнесъ это исповѣданіе вѣры.

**) Сарайя—присутственное мѣсто.

***) Кады—судья духовный и свѣтскій.

него тысячеглазымъ укоромъ и кричатъ въ уши: измѣнникъ перемѣнилъ вѣру отцовъ, сталъ другомъ тѣхъ, кто мучилъ и мучитъ христіанъ! Этотъ голосъ звенѣлъ у него въ ушахъ, въ головѣ, сверлилъ мозгъ, а всевидящіе глаза, устремленные со всѣхъ сторонъ, пронизывали его насквозь. Шагинъ качался, ударяя плечами то одного, то другого солдата, мычалъ и сплевывалъ подъ ноги слюну. Его никто не подталкивалъ сзади, но казалось, онъ упирается и не хочетъ идти впередъ, мотая головой, какъ быкъ, котораго тянутъ на убой за рога веревкой. Казалось, и Шагина тянула впередъ веревка, только невидимая.

И какъ это раньше все было хорошо! Полчаса лишь назадъ онъ былъ христіаниномъ, честный человѣкъ, а теперь измѣнникъ. У него обезчестили дочь, украли деньги,—ну, и что же?! Какъ все это мелко и ничтожно въ сравненіи съ настоящей бѣдой! Развѣ онъ не могъ отомстить самъ и за честь дочери, и за свои деньги? Свернулъ бы двѣ-три безмозглыя башки—и конецъ, а самъ могъ бы бѣжать. И всетаки онъ остался бы человѣкомъ честнымъ. А теперь онъ—измѣнникъ. Какъ взглянуть въ глаза своимъ загнаннымъ одновѣрцамъ, односельчанамъ, дѣтямъ, женѣ, обезчещенной дочери? Они его осудятъ, отшатнутся отъ него!.. Ахъ, зачѣмъ онъ сказалъ эти слова, послѣ которыхъ уже нѣтъ возврата къ старому. Онъ—мусульманинъ! Онъ произнесъ священныя слова въ присутствіи мусульманъ-свидѣтелей. Мусульмане знаютъ, что онъ, Шагинъ, не дуракъ, не пьянъ, онъ произнесъ эти слова нѣсколько разъ, онъ кричалъ, что сталъ мусульманиномъ, и ему нѣтъ возврата къ старому. Да если бы Шагинъ и доказалъ судьѣ, что онъ произнесъ эти слова въ припадкѣ раздраженія, если бы даже судья и принялъ его отреченіе,—все равно, любой мусульманинъ подойдетъ, убьетъ его и скажетъ властямъ: „Я исполнилъ свой долгъ, я убилъ безбожника за то, что онъ всуе произнесъ священныя слова". Этого мусульманина будутъ судить меньше, чѣмъ если бы онъ убилъ не Шагина, а собаку.

Всѣ эти мысли давили Шагина. Минутами ему казалось, что онъ видитъ страшный сонъ. Но рядомъ съ нимъ идутъ солдаты. Его сопровождаетъ толпа народа, въ толпѣ снуютъ любопытныя женщины въ разноцвѣтныхъ покрывалахъ, визжатъ собаки... Нѣтъ, кругомъ страшная дѣйствительность; онъ на самомъ дѣлѣ идетъ по улицѣ Дамаска не то какъ побѣдитель, не то какъ преступникъ.

Какъ во снѣ, прошелъ для Шагина и весь остальной день. Онъ былъ у кады. Кады его спрашивалъ. Онъ ему отвѣчалъ и, наперекоръ собственному желанію, твердо и от-

четливо снова повторилъ страшныя слова исповѣданія ненавистной вѣры. Кады утвердилъ на основаніи священнаго закона, что христіанинъ Шагинъ Хадля исповѣдалъ священными словами вѣру въ единаго Бога и его пророка Мухаммада, исповѣдалъ сознательно и принятъ въ общество правовѣрныхъ. Онъ оставилъ свои заблужденія и пришелъ на дорогу спасенія.

Въ этотъ же день ночью Шагинъ уѣхалъ изъ Дамаска въ Шиба. Пріѣхалъ онъ въ свое родное село на высоты Гермона на другой день утромъ. Но молва предупредила его, точно птица. Тамъ уже знали объ отступничествѣ Шагина.

Первымъ попался ему на дорогѣ попъ Жорьесъ. Сидя бокомъ на ослѣ, онъ ѣхалъ въ горы, чтобы набрать тамъ вязанку древесныхъ корней на топливо. Увидѣвъ Шагина, онъ спрыгнулъ съ осла на землю и загородилъ ему дорогу.

— Мы слышали, Шагинъ, будто ты сталъ мусульманиномъ?—спросилъ попъ.

— Ну, что же? Чѣмъ плохо?—грубо сказалъ Шагинъ.

Попъ заморгалъ красными опухшими вѣками.

— Какъ же мы одни... безъ тебя? Теперь и ты противъ насъ?..

У попа затряслась козлиная бородка, и на сопливые усы скатились грязныя слезы.

— Уйди ты съ дороги!..—Шагинъ ударилъ лошадь, почти смялъ попа и поѣхалъ дальше. Попъ сѣлъ на осла и поѣхалъ обратно въ село за Шагиномъ.

Дома у Шагина поднялся плачъ. Плакали обѣ его жены—старая и новая; глядя на нихъ, плакали малолѣтнія дѣти. Старшая дочь ходила блѣдная, съ воспаленными глазами, и смотрѣла на отца съ ужасомъ, какъ на привидѣніе. Шагинъ нѣсколько разъ пробовалъ прикрикнуть на плачущихъ, но чувствовалъ, что теперь онъ безсиленъ заставить семью, какъ прежде, говорить или молчать, плакать или смѣяться: горе семьи было теперь сильнѣе его робкаго слова.

Онъ думалъ, что скоро придутъ христіане села Шиба и начнутъ его упрекать. И онъ заранѣе раздражался ихъ присутствіемъ и рѣчами. Но прошелъ весь день—никто не пришелъ. Это стало Шагина томить, давить. Онъ уже желалъ теперь, чтобы кто-нибудь изъ христіанъ пришелъ къ нему. Пусть пришелъ бы хоть попъ Жорьесъ, котораго онъ такъ грубо оттолкнулъ сегодня утромъ, хоть пастухъ Камиль—кто-нибудь, все равно. Онъ разсказалъ бы имъ свое горе, объяснилъ бы, что онъ не можетъ стать мусульманиномъ, какъ не можетъ вновь родиться.

Никто не идетъ. Шагину казалось, какъ это бываетъ во снѣ, что онъ очутился гдѣ-то въ невѣдомыхъ краяхъ, откуда нѣтъ возврата. Кругомъ все чужое: и люди, и дома, и природа. Тѣмъ милѣе становится все, что осталось на родинѣ. И чего бы онъ ни далъ, чтобы воротиться снова туда и взглянуть на всѣхъ по прежнему!.. Минутами Шагину становилось въ комнатѣ душно, какъ въ могилѣ.

Какъ тошно на душѣ. Дѣлать дома нечего, а выходить не хочется. Пойдешь по дому—встрѣтишься съ заплаканными лицами женъ и дѣтей; въ особенности страшно ему лицо старшей дочери. Передъ ней Шагинъ почему-то чувствуетъ себя виноватымъ болѣе, чѣмъ передъ всѣми другими. Пойдешь по селу—встрѣтишь христіанъ или мусульманъ. Шагинъ чувствовалъ, что онъ боится людей, чего раньше съ нимъ никогда не бывало.

Уже къ вечеру Шагинъ увидѣлъ, что къ нему идетъ толпа мусульманъ: учитель, князь, мулла и мужики, всѣхъ человѣкъ десять. Значитъ, узнали. Зачѣмъ же идутъ? Неужели снова мучить? Удивительно, какъ всѣ люди жестоки и злы.

Вошли. Лица у нихъ веселыя, праздничныя... Поздравляютъ Шагина съ тѣмъ, что онъ покинулъ заблужденіе и вступилъ на путь правый.

Лица мусульманъ рисуются Шагину въ туманѣ. Они говорятъ, и онъ что-то тоже говоритъ. Вѣроятно, говоритъ то, что нужно, потому что мусульмане не сердятся, а веселы и смѣются. Они ждутъ призывной молитвы и хотятъ взять Шагина съ собой въ мечеть.

— Пойдешь съ нами?

— Да, я готовъ...

Раздались звуки призыва. „Великъ Богъ, великъ Богъ, великъ Богъ. И нѣтъ божества, кромѣ единаго Бога“. Мусульмане зашептали молитвы въ бороды, встали и собрались въ мечеть.

Пошелъ съ ними и Шагинъ. При выходѣ изъ двери, его поджидала старшая дочь. Когда проходили въ дверь мусульмане, она закрыла лицо концомъ платка. Когда показался отецъ, она открыла лицо и грубо спросила:

— Ты куда?

Шагинъ молчалъ.

— Говори, куда ты идешь?

Шагинъ молча запиралъ дверь комнаты.

— Отчего ты не убилъ меня?—заплакала вдругъ она.— Отчего не убилъ... ты, проклятый?! Говори!.. Ты такъ отомстилъ... за позоръ?..

Мусульмане стояли въ сторонѣ и слушали. Шагинъ лѣ-

лалъ видъ, что согнулся надъ запоромъ, но все его большое тѣло изображало испугъ, съежилось, точно въ ожиданіи удара. Наконецъ, онъ выпрямился и попятился отъ дочери съ видимымъ страхомъ. Лицо у нея было вытянутое, блѣдное, даже синее; талія замѣтно округлилась: видимо, она скоро должна была сдѣлаться матерью поневолѣ... Она стояла босикомъ на мелкихъ острыхъ камняхъ, покрывавшихъ плоскую крышу; ноги у нея были бѣлыя, полныя; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на ступняхъ были ссадины, изъ которыхъ сочилась кровь. Подбѣжала ея мать и схватила ее за руки. Шагинъ повернулся, чтобы идти. Увидѣвъ это, дочь рванулась отъ матери и закричала:

— Идешь!.. Такъ ужъ не приходи. А придешь—я тебя убью!.. Слышишь ты?! Трусъ!..

Она почти совсѣмъ задыхалась.

Мусульмане смѣялись.

— Храбрая какая! Храбрѣе того, кто много разъ льва видалъ.

— Пойдемте. Видите: беременная женщина...

Какъ и въ первый пріѣздъ Шагина въ Шиба, былъ тихій и теплый вечеръ. Послѣдніе лучи солнца скользнули выше вершины Гермона въ голубую высь. Фіолетовый сумракъ залилъ долины. Ручей шумѣлъ и пѣнился въ глубинѣ. Сѣрыя скалы смотрѣли строго сквозь сумракъ вечернихъ тѣней, висѣли надъ селомъ грозно, увѣренныя въ своей правотѣ и силѣ. Страшно становилось, глядя на нихъ. Казалось, скалы — живыя существа; и вдругъ заснутъ онѣ въ эту ночь: цѣпкія руки, которыми онѣ держатся за горы, ослабѣютъ, страшные скелеты скатятся на несчастное село и задавятъ всѣхъ и все...

Мечеть была особенно полна народомъ. Всѣхъ разбирало любопытство посмотрѣть, какъ бывшій христіанинъ, самый сильный врагъ мусульманъ, самъ сталъ мусульманиномъ. Но, входя въ мечеть, всѣ старались казаться равнодушными, не оглядываясь по сторонамъ, опускались на циновки и шептали молитвы. Ибо, какъ сказалъ пророкъ: постилка, на которой молится вѣрующій, есть его крѣпость; въ этой крѣпости его не могутъ уязвить житейскія дѣла и заботы, ибо умъ и сердце его наполняются мыслями о Богѣ.

Шагинъ стоялъ въ углу мечети, склонивъ голову, какъ дѣлаютъ мусульмане, но не молился. Онъ часто вздыхалъ, точно ему было душно, переступалъ съ ноги на ногу, какъ опоенная лошадь, но, повидимому, былъ совсѣмъ спокоенъ. Онъ имѣлъ видъ человѣка больного, которому все окружающее безразлично, а важно лишь то, что болитъ и ноетъ у него внутри.

По окончаніи молитвы учитель захотѣлъ сказать проповѣдь. Онъ взошелъ на возвышеніе, обвелъ чернильными глазами присутствующихъ и остановился, сложивъ на животѣ бѣлыя костлявыя руки. Его бѣлое лицо и бѣлый кидаръ на головѣ выдѣлялись въ сумракѣ мечети рѣзче всѣхъ остальныхъ предметовъ, какъ два бѣлыхъ пятна. Стоялъ онъ такъ долго, не шевелясь, точно каменный. Наконецъ, бархатный мѣшокъ его затрясся на подбородкѣ, и онъ началъ говорить проповѣдь медленно, книжнымъ торжественнымъ арабскимъ языкомъ, растягивая долгія гласныя.

— Во имя Бога милостиваго, милосерднаго. Слава Господу, Творцу міровъ. Въ безконечномъ милосердіи своемъ къ людямъ, Онъ посылалъ на землю много пророковъ, чтобы они научили людей истинѣ Господней. Авраамъ, Іаковъ, Исаакъ, Моисей, Ааронъ, Измаилъ, Энохъ, Іисусъ сынъ Маріи — всѣ они получали откровеніе отъ всевышняго Бога, но не вполнѣ. Наконецъ, Господь послалъ къ людямъ величайшаго пророка, печать всѣхъ пророковъ, Мухаммада,—да будетъ Господь къ нему благосклоннымъ и да хранитъ его!— а съ нимъ и книгу божію, Коранъ, чтобы всѣ познали истину въ совершенствѣ и увидѣли путь правый. Наивѣрнѣйшее слово, это — Коранъ. Самый крѣпкій якорь нашего спасенія, это — нѣтъ божества, кромѣ единаго Бога, и Мухаммадъ — посланникъ Бога.

— О, послѣдователи Мухаммада! Исламъ есть чистѣйшая вѣра. Въ ней нѣтъ никакой лжи. Поэтому всякій, кто откроетъ свои глаза, уши и сердце, тотъ долженъ непремѣнно увѣровать въ единаго Бога, его послѣдняго пророка Мухаммада и святую книгу. Вотъ передъ нами примѣръ. Недавно онъ былъ назаритяниномъ, стоялъ на ложной дорогѣ, которая вела его въ адъ. А теперь всевышній Богъ ниспослалъ на него благодать, и онъ вступилъ на путь правый, ведущій въ рай.

Нѣсколько головъ невольно повернулось въ тотъ уголъ, гдѣ былъ Шагинъ Хадля. Но онъ стоялъ по прежнему, не шевелясь и склонивъ голову внизъ.

— Помните, что вѣрующіе въ единаго Бога и его пророка Мухаммада — да будетъ Господь къ нему благосклоннымъ и да хранитъ его! — и творящіе благо вступятъ по смерти въ сады райскіе. Вѣрнымъ Господь уготовалъ прекрасное мѣсто: два сада; въ каждомъ изъ нихъ по живому источнику. Тамъ растутъ плоды двухъ родовъ: одинъ родъ имѣетъ вкусъ плодовъ земныхъ, другой — вкусъ плодовъ небесныхъ, какихъ никогда не ѣдалъ человѣкъ на землѣ. Тамъ будутъ молодыя, скромныя дѣвы съ черными глазами, до которыхъ никогда не прикасался ни человѣкъ, ни ангелъ. Онѣ будутъ всегда

и днемъ, и ночью съ жителями рая, готовыя услаждать ихъ чувства... Райскіе жители не будутъ испытывать ни лѣтняго жара, ни зимняго леденящаго холода. Деревья покроютъ ихъ своею тѣнью, наклонятъ надъ ними свои вѣтви съ чудными плодами; эти плоды можно рвать и ѣсть, не вставая съ шелковыхъ ковровъ. Напитки имъ будутъ разносить вѣчно красивые мальчики, похожіе на разсыпанный жемчугъ... Такъ говоритъ Господь. А Онъ не говоритъ словъ напрасно.

— Помните также, что придетъ судный день. Пошлетъ Аллахъ на землю Іисуса, сына Маріи... Вотъ тогда всѣ узнаютъ разницу между вѣрой истинной—исламомъ и вѣрой неистинной. Безбожники скажутъ: „Ахъ, отчего мы были слѣпы, отчего мы были глухи къ словамъ Корана?!“ Но это будетъ вопль напрасный. Іисусъ, сынъ Маріи, сначала уничтожитъ на землѣ, поломаетъ всѣ кресты, которымъ поклоняются безбожники, потомъ истребитъ всѣхъ свиней на землѣ, какъ истребилъ онъ ихъ однажды во время своей земной жизни. Потомъ станетъ судить всѣхъ людей по Корану...

Вдругъ среди тишины раздался изъ угла хриплый голосъ Шагина:

— Ложь! Ты лжешь, собачій сынъ!

Учитель остановился съ открытымъ ртомъ. Рука его застыла на половинѣ движенія. Всѣ обернулись въ сторону Шагина. Его почти совсѣмъ не было видно въ темно-фіолетовомъ сумракѣ мечети.

Наступила секунда тяжелаго затишья. Казалось, всѣ,—и проповѣдникъ, и слушатели, и даже стѣны мечети,—старались вдуматься въ сказанныя грубыя слова. Потомъ всѣ сразу поняли, что это — обида. Люди заговорили, стѣны загудѣли, закричалъ опять и Шагинъ.

— Сами вы свиньи!.. Вашъ Мухаммадъ собака... верблюдъ... дуракъ...

Очевидно, онъ не зналъ, что говорилъ. Онъ имѣлъ лишь одно желаніе—оскорбить всѣхъ, кто его слышалъ, оскорбить какъ можно сильнѣе, а потому выкрикивалъ безъ разбора тѣ ругательныя слова, какія попадались ему на языкъ. За всѣ свои невзгоды онъ хотѣлъ теперь свести съ мусульманами счетъ. Онъ бросился въ дверь, выбѣжалъ на дворъ мечети и тамъ началъ кричать такія же безсмысленныя ругательныя слова. Безстрастное горное эхо летало и разносило повсюду эти крики человѣческаго страданія съ такимъ же безпечнымъ смѣхомъ, какъ и мирное блеянье козъ и ревъ скучающаго ослика.

Село тревожно зашевелилось. Со всѣхъ концовъ къ мечети стали сбѣгаться люди, прыгая по крышамъ и скаламъ. За угломъ мечети, весь съежившись, прижался Абдалла.

Онъ уже все видѣлъ и слышалъ, хотѣлъ было бѣжать къ христіанамъ и разсказать имъ про поступокъ Шагина, но любопытство оказалось въ немъ сильнѣе страха: онъ прижался къ стѣнѣ, какъ слизень, и жадно смотрѣлъ на толпу и Шагина. Шагинъ махалъ безтолково большими руками и кричалъ:

— Они повѣрили, безмозглые, что Шагинъ сталъ мусульманиномъ! Развѣ можетъ Гермонъ стать вершиной внизъ?! Я еще проучу васъ съ вашимъ Мухаммадомъ! Я вамъ покажу, какъ ломать кресты!.. Безчестить дѣвушекъ!.. Истреблять свиней!.. Красть деньги!..

Мусульмане озвѣрѣли. Они сомкнулись около Шагина кольцомъ. Сбѣжалось уже почти все село. Сосѣднія крыши домовъ были полны народомъ,—главнымъ образомъ, женщинами. Въ толпѣ, въ отдаленіи, виднѣлись и испуганныя лица христіанъ.

Шагинъ, казалось, не видѣлъ, не слышалъ и не понималъ надвигавшейся грозной опасности. Онъ съ видимой радостью выкрикивалъ свои ругательныя слова. Словами онъ хотѣлъ оскорбить своихъ враговъ и мучителей, а смотрѣлъ вверхъ, точно съ обидой своей обращался къ горамъ, къ небу, къ облакамъ, которыя длинной пушистой вереницей ползли по склону Гермона, выискивая мѣсто для ночлега.

— Я вамъ покажу! Я сожгу вашъ Коранъ! Я!..

Въ это время одинъ мусульманинъ бросился къ Шагину и схватилъ его за горло...

Какъ Самсонъ вмѣстѣ съ волосами потерялъ и свою силу, такъ и Шагинъ со времени своей измѣны потерялъ прежнюю отвагу и мощь. Онъ ясно видѣлъ, что мусульманинъ, схватившій его за горло, страшно оскалилъ зубы, какъ дикій звѣрь, что въ другой рукѣ у него кинжалъ, что многіе изъ окружающихъ его мусульманъ принесли съ собой также разное оружіе. У Шагина за поясомъ подъ абаи тоже былъ, по обыкновенію, пистолетъ и кинжалъ. Но онъ не схватился за нихъ. Онъ старался оторвать руку мусульманина отъ своего горла, чтобы еще прокричать нѣсколько ругательствъ. Онъ безъ особеннаго усилія отдернулъ въ сторону мусульманина и снова закричалъ:

— Я васъ проучу!..

Мусульманинъ оправился, подошелъ къ Шагину почти вплотную и со словами:

— Такъ я заткну тебѣ горло!..—ударилъ его кинжаломъ въ шею.

Толпа ухнула. Къ Шагину бросилось еще нѣсколько мусульманъ, тоже съ кинжалами. Всѣ свалились въ одну кучу, рыча и махая руками... Такъ сбѣгаются со всей улицы и

сваливаются надъ несчастною жертвой въ одну общую кучу собаки, кусая другъ друга и рыча отъ злобы къ тому, кто имѣлъ смѣлость зайти не въ свою улицу, но не имѣлъ силы убѣжать или защититься.

Шагина уже не было видно. Куча начала понемногу расползаться. Наконецъ, остался одинъ Шагинъ. Онъ лежалъ на землѣ безъ движенія. Кромѣ того, было ранено трое мусульманъ. Христіане изъ толпы исчезли. Почуявъ покойника, завыли собаки. Имъ отвѣтили неподалеку въ горной пустынѣ унылымъ воемъ шакалы. Раненые мусульмане перевязывали свои раны. Толпа гудѣла. Она еще не устрашилась своего дѣла.

— Разстрѣлять эту собаку!—крикнулъ кто-то въ толпѣ.

— Разстрѣлять безбожника!

— Разстрѣлять!

— Разстрѣлять, разстрѣлять!..—со смѣхомъ повторило по горамъ эхо.

Четверо мусульманъ схватили окровавленный, страшно большой трупъ Шагина и поволокли со двора мечети.

— Къ пропасти!.. Къ пропасти тащите!.. Принесите палки!.. Давайте ружья!..—кричали съ разныхъ сторонъ люди и эхо.

Толпа шумѣла и, наростая, двинулась, какъ потокъ, по улицамъ и крышамъ на площадку передъ пропастью, при въѣздѣ въ село. Женщины нервно визжали. Нѣкоторыя плакали. Матери отыскивали своихъ дѣтей. Слышались ругательства. Кто-то вскочилъ на крышу, поднялъ надъ головой ружье и выкрикивалъ стихи изъ Корана:

— Сражайтесь съ невѣрными до тѣхъ поръ, пока будетъ искушеніе отъ ихъ лживаго ученія, пока не останется на землѣ лишь одно поклоненіе, поклоненіе Богу единому... Развѣ не сказалъ тебѣ Богъ: убивайте невѣрныхъ повсюду, гдѣ они встрѣтятся вамъ... Невѣрные не будутъ побѣдителями, ибо имъ не ослабить могущества Божія...

Прокричавъ эти слова, онъ спрыгнулъ съ крыши и побѣжалъ туда, куда унесли тѣло Шагина.

Тамъ уже устроили изъ трехъ палокъ козлы, поставили ихъ на самомъ краю обрыва, а на нихъ положили трупъ Шагина. Трупъ изогнулся. Ноги его, въ башмакахъ съ подошвами къ селу, были растопырены, а голова свѣсилась совсѣмъ низко надъ пропастью, точно Шагинъ силился разглядѣть въ сумракѣ вечера, какъ бѣжитъ тамъ, внизу, потокъ.

Раздался одинокій выстрѣлъ. Вздрогнули задремавшія горы. Даже эхо, какъ бѣшеное, заметалось съ испугомъ между горами, точно искало, куда бы спрятать этотъ одинокій, страшный звукъ. Вслѣдъ за первымъ выстрѣломъ раздалось нѣсколько другихъ. Горы проснулись, загудѣли, затряслись.

Долины наполнились отзвуками. Казалось, была безконечная линія стрѣлковъ, и всѣ они ждали только перваго знака, чтобы тоже стрѣлять.

Бухъ—бухъ!

Бухъ—бухъ!—слышалось неподалеку.

Бахъ—бахъ!—раздавалось дальше.

Пахъ-ха-ха!—слышалось еще дальше.

Тукъ-тукъ!—стучало гдѣ-то за голубыми вершинами въ облакахъ.

Съ головы Шагина свалилась феска и платокъ. Бритая голова при нѣкоторыхъ выстрѣлахъ моталась на толстой шеѣ, точно утверждала:

— Такъ, такъ! Этотъ зарядъ попалъ удачно...

Полы его абаи, осыпаемыя дробью и пулями, тоже колыхались, будто отъ легкаго вѣтра.

Бухъ—бухъ!..

— Постойте, что вы дѣлаете! Не стрѣляйте! — закричалъ вдругъ отчаянный женскій голосъ.

Къ трупу бѣжала дочь Шагина, простоволосая и босая. Платокъ упалъ у нея съ головы во время бѣга, а деревянные башмаки она сама сбросила, чтобы легче бѣжать. Ни на кого не глядя, она съ плачемъ бросилась къ трупу отца, схватила лежавшую на палкѣ мертвую руку и стала ее цѣловать.

Въ это время раздался новый выстрѣлъ. Вслѣдъ за нимъ блеснуло и еще два огня. Дѣвушка хотѣла что-то закричать, но только вскинула вверхъ руками и грузно повалилась на треножникъ. Козлы покачнулись, и тѣло Шагина упало въ ущелье. Тѣло же дѣвушки осталось на краю пропасти.

Ночью христіане, крадучись, съ плачемъ похоронили оба тѣла.

Былъ судъ. Виновныхъ не нашли...

Христіане и теперь живутъ въ Шиба въ обидѣ и униженіи, Шагина нѣтъ—защищать некому. Но они выдумали себѣ новую надежду; они твердо вѣрятъ, что если не при нихъ, то при ихъ дѣтяхъ и внукахъ придутъ въ ихъ землю русскіе, и тогда кончатся ихъ мученія и обиды...

С. Кондурушкинъ.

„ЛАСКОВЫЙ“.

(Изъ воспоминаній врача о карійской каторгѣ).

Въ канцеляріи усть-карійскихъ цеховъ и богадѣльни необычная суета и движеніе; восемь писарей, общихъ для смотрителей двухъ тюремъ того же названія, съ озабоченными, встревоженными лицами, торопливо подбирали разбросанныя по столамъ бумаги, подшивали каждый свою кучку, складывая потомъ въ синяго цвѣта обложки съ крупными печатными надписями: „дѣло о раскомандированіи ссыльно-каторжныхъ“, „дѣло о довольствіи“, „о выработкѣ уроковъ по урочному положенію“, „о приведеніи въ исполненіе приговоровъ по судебному рѣшенію“ и т. д. Закончивши подборъ „дѣлъ“, писаря устанавливали ихъ въ два деревянные шкафа, приставленные къ южной стѣнѣ комнаты.

Тюремная канцелярія, продолговатая, сажени три съ половиной длины, двѣ ширины, комната съ облупившимися, давно небѣленными стѣнами, закоптѣлымъ потолкомъ, грязнымъ поломъ, съ потрескавшейся по всѣмъ швамъ печкой-голландкой, съ четырьмя окнами безъ рѣшетокъ, казалась нехозяйственной, похожей на склепъ. Кромѣ небольшой деревянной иконы въ переднемъ углу, „табелей, инструкцій, положеній о довольствіи, объ урокахъ, распредѣленіи по работамъ“ за подписями завѣдующаго каторгой, прибитыхъ гвоздиками по стѣнамъ,—другихъ украшеній не имѣлось.

Отдѣльной комнаты „для господъ смотрителей“ не было: длинный, деревянный столъ, покрытый сѣрымъ сукномъ, въ чернильныхъ пятнахъ, приставленный къ окну восточной стороны, былъ предназначенъ для смотрительской работы, которая по канцеляріи ограничивалась бѣглымъ просмотромъ бумагъ, вѣдомостей, ежедневныхъ табелей и подписаніемъ ихъ. По существовавшимъ „инструкціямъ“, главнѣйшее вниманіе гг. смотрителей каторжныхъ тюремъ обращалось на дѣйствительную работу каторжныхъ, согласно урочнымъ положеніямъ, на выполненіе назначенныхъ уроковъ, исполненіе тюремныхъ

правилъ, наблюденіе за чистотой тюремныхъ помѣщеній, доброкачественностью пищи и т. д.,—что давало полную возможность сваливать отчетную письменную работу, „отписки" по запросамъ управленія каторгой, на писарей изъ каторжныхъ, преимущественно изъ разряда „исправляющихся", имѣвшихъ право жительства внѣ тюрьмы. Въ очень нерѣдкихъ случаяхъ, писарями состояли и кандальные, съ бритыми головами, подъ присмотромъ конвойнаго съ ружьемъ, который назначался въ этихъ случаяхъ сверхъ положенія, „по знакомству и пріятельству съ сотеннымъ командиромъ".

Было часовъ 11 утра сентябрьскаго дня 1872 года; небо еще наканунѣ заволокло тучами, мелкій дождь, съ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, моросилъ непрерывно и, какъ туманомъ, закрывалъ тюремныя зданія, казарму, зданіе канцеляріи, стоявшіе внѣ тюремной ограды въ одной линіи съ казачьей казармой. Отпотѣвшія окна канцеляріи слезились потокомъ капель съ внутренней и наружной стороны; въ канцеляріи полумракъ и тяжелая, затхлая атмосфера. Суетившіеся за бумагами писаря, въ сѣрыхъ суконныхъ курткахъ и такихъ же шароварахъ, съ довольно длинными на головахъ волосами, при поверхностномъ взглядѣ, казались „построенными на одну колодку",—блѣдно-сѣрыя, сухощавыя, бородатыя и безбородыя лица съ отпечаткомъ „каторжнаго положенія", пришибленности, боязливости, затаенной ненависти и злобы... Во время усерднаго писанія „табелей", „положеній", „раскомандированіи", они всѣ пригибали головы къ лѣвому плечу и въ присутствіи начальства не громко сморкались въ полы и рукава куртокъ.

— Торопись, пріятели, торопись! Самъ явится скоро... Какъ бы кому не перепало на калачи!—проговорилъ писарь Кудлатовъ, пожилой, молчаливо серьезный человѣкъ, аккуратно складывая въ синія обложки подшитыя бумаги:—Что-то ужъ очень онъ ласковъ сегодня, не къ добру, пожалуй!—и онъ подозрительно взглянулъ на закрытыя входныя двери.

— Э-эхъ, братъ! И надоѣла же каторжная канцелярія хуже „баланды", прахъ побери ихъ съ бумагами... Пятый годъ гну шею безвыходно, глаза слѣпнуть,—а какой толкъ? Брань, побѣгушки; съ утра до вечера въ канцеляріи сиди, съ зуботычиной въ придачу... Одиннадцатый годъ на Карѣ, еще около двухъ до срока остается!.. Хотя бы манифестъ!..—тоскливо проговорилъ надтреснутымъ голосомъ чернявый, рябой писарь смотрителя богадѣльни, тщательно подшивая бумаги, перегрызая зубами нитку по окончаніи подшивки: Скука, братцы мои, эта каторга! Тоска невылазная...

— Не печалься, другъ, сегодня весело будетъ! Самъ знаешь, что Варькѣ Башмаковой назначено... Эхъ-ма! доплясалась ба-

— —

бенка... Не одинъ я разъ ей говаривалъ: „Смотри, Варвара! сдавай урки, исполняй, дѣвка, положеніе!“ По родству, по дружбѣ говорилъ... „Не серди тигру лютую, осердится Ласковый, тогда не прогнѣвайся“...

— Что-жъ она?

— Варька-то? „Мнѣ, говоритъ, наплевать: до смерти, чай, не забьетъ, а забьетъ—туда и дорога! Изъ тюрьмы по крайности освобожусь; опостылѣло, говоритъ, все, въ пору руки на себя накладывать“...

— Правду и говоритъ: каторжное бабье положеніе—радоваться нечему; насъ изводятъ, а ихъ въ три раза, съ издѣвкой, охальствомъ... Кто позоветъ, тотъ и довольствуется; угождай всякому. Третёводни слышалъ, что было? Евтюгинъ-сотникъ, смотритель складовъ, трехъ сразу вытребовалъ... Водкой поилъ, наливкой; компанія у него собралась: офицеры, чиновники... Всѣхъ трехъ бабъ до нага раздѣли, плясать заставили, сами съ ними плясали... Хохоту что было! Ванька Рыжой, что у Евтюгина живетъ, сказывалъ: „Я, говоритъ, сквозь щель, въ двери все видѣлъ... Одной на голову два стакана водки вылили: „не пьешь, сволочь, такъ на же — вымойся!“ Послѣ этого пить зачала, что ни поднесутъ... Нашъ Ласковый въ углу сидѣлъ возлѣ столика, глазъ, говоритъ, не спускалъ съ плясуновъ, только ухмылялся... Водки не пилъ вовсе, а всю ночь просидѣлъ: слюна, говорятъ, текла ручьемъ, что у верблюда при жвачкѣ.

— Н-н-да-а! весело было... Насъ не пригласили въ компанію...—И писаря засмѣялись...

Смѣясь и перебрасываясь пикантными разсказами, они неустанно работали руками, создавая груды подшитыхъ дѣлъ, номеръ къ номеру, дѣло къ дѣлу, соображаясь съ числомъ полученія бумаги, обозначеннымъ рукою смотрителя.

— Отворить форточку да покурить, что ли? Во рту пересохло отъ чернильныхъ пятенъ...

— Осторожнѣй, Ефимъ! Долженъ придти скоро, двѣнадцать подходитъ... Придетъ, закричитъ, какъ прошлый разъ:— „опять накурили; дохнуть нельзя... Мерза-а-а-вцы-ы! — протянулъ чернявый, подражая голосу смотрителя: — разсукины сы-н-ы-ы!“—Всѣ сдержанно засмѣялись, чутко прислушиваясь...

— Ну, и мастеръ! Искусникъ! Ей-Богу, не распознаешь: закрой глаза, страшно сдѣлается, будто самого слышишь...

— Ой, ребята, когда-нибудь попадетесь! Слушать у дверей онъ большой охотникъ, какъ кошка крадется: сапоги сниметъ, босикомъ подойдетъ...

— Придетъ время, свернутъ и ему голову: найдется

охотникъ... дайте срокъ!—проговорилъ полушепотомъ Кудлатовъ, и лицо его перекосилось.

Въ корридорѣ послышались торопливые шаги.

— Тс-съ! тс-съ!—пронесся шепотъ по канцеляріи, и всѣ восемь человѣкъ замерли на своихъ табуретахъ.

Входная дверь широко распахнулась. Писаря, какъ по командѣ, вскочили на ноги.

Вошелъ высокій, сухощавый, на длинныхъ ногахъ человѣкъ, въ черномъ форменномъ, съ желтыми пуговицами, сюртукѣ. Скуластое, безбородое и безусое лицо съ ввалившимися щеками, низкимъ лбомъ, довольно длинными, гладко причесанными, темно-русыми волосами, съ проборомъ у лѣваго уха, напоминало лицо скопца. Въ узкихъ щеляхъ вѣкъ неопредѣленнаго цвѣта глаза, съ желтоватыми бѣлками, бѣгали, какъ мыши; зорко, съ одного взгляда, отъ пола до потолка, осмотрѣли канцелярію, перебѣжали по стѣнамъ, шкафамъ, столамъ съ бумагами, по вытянувшимся въ струнку фигурамъ писарей. Тупыя, безъ мысли, лица стоявшихъ были схвачены взглядомъ каждое въ отдѣльности, вплоть до нервнаго подергиванія губъ у крайняго; замѣчено состояніе куртокъ, до застежекъ включительно... Присѣдающая походка, длинныя, сухощавыя руки и пальцы, болтавшіеся, какъ на манекенѣ, съ несоразмѣрнымъ туловищемъ, напоминали павіана, идущаго на заднихъ рукахъ. Онъ широко размахивалъ руками, проходя десять шаговъ отъ двери до стола, держа голову прямо, не поворачивая въ сторону на длинной тонкой шеѣ: бѣгали и замѣчали все до мелочей одни, казавшіеся подслѣповатыми, глаза... Тонкія, безкровныя губы были плотно сжаты; небольшой плоскій носъ, съ широкими ноздрями, съ перехватомъ на переносицѣ, выдавшіяся скулы, большія торчащія уши выдавали преобладаніе монгольско-бурятской крови.

Вошедшему было не болѣе тридцати пяти лѣтъ; это и былъ смотритель складовъ и богадѣльни, канцелярскій служитель Николай Александровичъ Шарабаринъ, переименованный въ это званіе десять лѣтъ назадъ изъ фельдшеровъ одного изъ каторжныхъ лазаретовъ, существовавшихъ на нерчинскихъ рудникахъ, въ которыхъ спеціально фельдшерской наукѣ обучались „на практикѣ“.

Шарабаринъ усѣлся на стулъ у смотрительскаго стола, мазнулъ пальцемъ правой руки по столу, оглядѣлъ внимательно палецъ, понюхалъ его, потеръ снова всей ладонью по столу, повернулъ немного въ сторону голову и долго, внимательно осматривалъ стоявшихъ писарей.

— Подать живѣе бумаги для подписи!—проговорилъ онъ негромкимъ, тенорово-гнусавымъ голосомъ: — тѣ, что прика-

залъ вчера приготовить... Поворачиваться живо! Позвать сейчасъ приставника,—понялъ?—съ хрипотой выкрикнулъ онъ.—А вы тамъ садитесь, чего дубинами вытянулись?

Семеро усѣлись, а чернявый быстро вышелъ изъ канцеляріи.

Передъ Шарабаринымъ на столѣ появилась кипа исписанной бумаги разныхъ форматовъ, отъ четверти листа до громадныхъ, длинныхъ склеенныхъ листовъ особой формы, разграфленныхъ въ клѣточки, для отмѣтки ежедневныхъ каторжныхъ уроковъ.—Смотритель взялъ перо въ руку, осмотрѣлъ его внимательно, обмакнулъ въ чернильницу, снова осмотрѣлъ и началъ торопливо подписывать бумаги, подаваемыя ему однимъ изъ писарей, стоявшимъ съ лѣвой стороны. Подписывая бумагу, Шарабаринъ слѣдилъ лишь за тѣмъ,—стоятъ-ли на листахъ подписи его помощника и тюремнаго приставника: при наличности этихъ подписей, онъ подписывалъ, не читая. Стоявшій писарь быстро отнималъ подписанную бумагу, сыпалъ изъ песочницы песокъ на подпись и откладывалъ въ сторону.

— „Объ успѣшности работъ карійскихъ цеховъ“, „О заготовленіи чирковъ, бродней, рубахъ, портокъ, юбокъ, женскихъ рубахъ, капоровъ“, „Объ успѣхахъ производства кожевеннаго завода“, „О присланныхъ изъ областного правленія подкандальникахъ, кандалахъ“,—читалъ не громко смотритель написанное съ боку бумаги краткое содержаніе, бормоталъ скороговоркой, подписывая и не оканчивая при этомъ своей фамиліи.

— Розги въ готовности?—бросилъ онъ мимоходомъ вопросъ, не обращаясь ни къ кому въ частности, не поднимая головы, не измѣняя позы.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе! — громко проговорилъ одинъ изъ писарей, быстро вскакивая съ табурета на ноги. При возгласѣ: „ваше высокоблагородіе“ Шарабаринъ приподнялъ голову, въ полуоборотъ повернулъ ее къ отвѣчавшему и сказалъ громо:—Садись! — Писарь сѣлъ, а Шарабаринъ съ минуту наблюдалъ его лицо, перебѣгая глазами по губамъ, глазамъ, по всей его скорчившейся фигуркѣ, и снова принялся подписывать бумаги.

Въ канцелярію торопливо вошелъ приземистый, лѣтъ шестидесяти-пяти, коренастый старикъ, съ бритымъ подбородкомъ и усами, морщинистымъ лицомъ и слезящимися глазами. Длинныя его бакенбарды торчали въ ровень съ ушами. Лысая голова была своеобразна: передняя часть, до темени, покрыта волосами, задняя до затылка голая, какъ ладонь... Каторга его называла „Затылочной плѣшью“, „Пургой“, а то и просто „Магарычемъ“. Магарычъ, добрый въ душѣ чело-

вѣкъ, самъ прошедшій разгильдѣевскую „науку въ примѣненіи къ себѣ и другимъ", былъ безтолково-исполнительный, суетливый крикунъ, сбивавшій съ толку себя и другихъ при исполненіи начальственныхъ предписаній и распоряженій. Владѣлецъ небольшого деревяннаго домика въ Усть-Карѣ, канцелярскій служитель по чинопроизводству, самъ другъ со старухой, онъ цѣпко держался тюремной должности приставника, дававшей ему пропитаніе на старости лѣтъ. Всякое распоряженіе „Управленія каторгой", тюремнаго смотрителя, своего непосредственнаго начальника, полиціймейстера старикъ принималъ къ исполненію, какъ святыню, но въ самыхъ исполненіяхъ кривилъ душою, и тѣлесное, напр., наказаніе старался ослабить до послѣдней возможности, замѣняя его бранью, крикомъ до хрипоты, угрожающими наскакиваніями и т. п.

— Говорилъ я тебѣ, анафемской породѣ, варничьи твои глаза съ перцомъ? Не слушалъ! Отдувайся шкурой, Магарычъ не при чемъ! Вотъ предписаніе, видишь?.. Двѣсти розогъ за вторичное уклоненіе отъ работъ... Мало тебѣ, подлецу! Я бы пятьсотъ назначилъ, тысячу! двѣ тысячи! узналъ бы ты Магарыча... узналъ бы, ра-ка-а-а-лія!—Потный отъ криковъ и напряженія голоса, Магарычъ плевалъ на полъ, растиралъ плевокъ ногою и... уходилъ съ мѣста предстоявшаго наказанія.

— Глаза бы мои тебя не видали, уши не слышали каторжной породы!—бормоталъ старикъ, уходя подальше: — Да и времени нѣтъ заниматься съ вами!

Каторга понимала Магарыча, любила по своему старика и оберегала.

— Пѣтухъ—не пѣтухъ, а на Магарыча смахиваетъ: до хрипоты надсаждается... Тоже, братъ, чиновникъ горегорькій: въ нашей шкурѣ бывывалъ... Не обиждай его ребята!

— Торопился, торопился, Николай Александровичъ, по вашему приказанію: одышка захватила! — скороговоркой, шамкая, заговорилъ Магарычъ, лишь только переступилъ порогъ канцеляріи, и, быстро семеня ногами, подошелъ къ смотрительскому столу:—Знаю, впередъ знаю, для чего приказали придти... Варьку Башмакову поучить за ослушаніе, за недоработку... Слѣдуетъ ума-разума прибавить, поучить строптивую... Прикажите—мигомъ исполню, у меня съ вечера все готово... Надо, необходимо надо, въ примѣръ другимъ... Избаловались бабы на даровыхъ хлѣбахъ, избаловались... Вся каторга избаловалась, Николай Александровичъ! Строгости не стало: богадѣльщики и тѣ изъ послушанія выходятъ! Прикажите наказать Башмакову - сейчасъ пойду, исполню... Вамъ и безпокоиться самимъ изъ-за дряни не стоитъ!—говорилъ

скороговоркой старикъ Магарычъ, какъ сорока, подпрыгивая, топчась на одномъ мѣстѣ, жестикулируя руками и вмѣстѣ зорко слѣдя за выраженіемъ лица Шарабарина, подписывавшаго одну бумагу за другою.

— Наказать Башмакову я рѣшилъ самъ, дѣдъ!—съ удареніемъ на каждомъ словѣ, не поднимаясь со стула и не поворачивая головы, сказалъ смотритель,—а ты иди, приготовь необходимое,—понялъ? Зайди къ командиру сотни, Ивану Михайловичу, отъ моего имени попроси четырехъ надежныхъ казаковъ въ нарядъ, на законномъ основаніи чтобы все было—понялъ? Хе, хе, хе!—захихикалъ онъ вдругъ, ладонью объ ладонь потирая свои руки.—Распорядись, старина, поживѣе; дѣла я свои покончилъ, время свободное, свидѣтелей особыхъ не нужно, дѣло, такъ сказать, семейное, по уставу и закону... Законовъ нарушать, дѣдъ, нельзя! Воспрещается, дѣдъ, воспрещается... Отошло время беззаконій, отошло, и слава Царю Небесному, дѣдушка Магарычъ, слава Создателю! Иди съ Богомъ, старина, исполняй приказаніе!—проговорилъ ласково Шарабаринъ, взглянувъ на образъ, висѣвшій въ переднемъ углу.

— Сейчасъ, сейчасъ однимъ духомъ будетъ готово, Николай Александровичъ, — поучить слѣдуетъ... Это вѣрно... правильно... Я исполнилъ бы, зачѣмъ утруждать? — упавшимъ голосомъ говорилъ Макарычъ, бокомъ, въ полуоборотъ, подвигаясь къ дверямъ, приседая на своихъ старческихъ ногахъ, а въ головѣ его мелькало: „доигралась, дѣвка! Пронеси тучу морокомъ!..“

Шарабаринъ молчалъ, перебирая лежавшія на столѣ бумаги. Писаря, какъ автоматы, работали перьями, наклонивъ головы надъ бумагой. Идіотски-тупо было выраженіе лицъ, каждый чувствовалъ грозу, могущую разразиться надъ головою „по спопутности“ съ Башмаковой.

Шарабаринъ сидѣлъ неподвижно и сосредоточенно упрямо смотрѣлъ на поверхность стола; въ его груди кипѣла злоба на бабу, посмѣвшую не исполнить его приказаній, отдававшихся троекратно, въ присутствіи сорока ея товарокъ-„каторжанокъ“, въ присутствіи конвейныхъ казаковъ, бывшихъ также свидѣтелями отдававшихся приказаній.

„Каторжная дрянь, потаскушка смѣетъ не исполнять моихъ приказаній, не слушаться меня, представителя власти, закона,—своихъ писарей стыдно!“—пронеслось у него въ головѣ, и онъ исподлобья оглядывалъ работавшихъ писарей, и кипѣвшая въ немъ злоба на бабу мгновенно перенеслась на нихъ.

— Чего голову гнешь къ плечу, какъ пристяжная?—

крикнулъ онъ:—Эй ты, тебѣ говорю, сволочь! Сиди прямо, не выгибайся, рядомъ съ Башмаковой полежать хочешь?..

Чернявый дрогнулъ, какъ человѣкъ, получившій ударъ по шеѣ, вытянулся въ струнку на табуретѣ, а рука его машинально продолжала водить перомъ по бумагѣ.

— Издѣваться, сволочи, вздумали, я вамъ покажу! Погодите, погодите, голубчики! Доберусь до васъ, скоренько доберусь, не безпокойтесь... Заставлю Богу молиться, Христу поклониться и всѣмъ Его угодникамъ... Бога забыли, властямъ установленнымъ не повинуетесь?..

Шарабаринъ, очевидно, раздражалъ себя, взвинчивалъ своими собственными словами... Кончившій фельдшерскую школу „съ протекціей отца", безсмѣнно тридцать лѣтъ служившаго конюхомъ у горныхъ начальниковъ, перемѣнившихся за это продолжительное время,—Шарабаринъ-сынъ скоро постигъ потребности времени и, какъ исполнительный, толковый, расторопный человѣкъ, попалъ въ надсмотрщики за каторжными разрѣзными работами, т. е. двадцати трехъ лѣтнимъ парнемъ уже командовалъ по усмотрѣнію нѣсколькими сотнями людей, законныя жалобы которыхъ оставлялись безъ вниманія, какія бы беззаконія, обиды, истязанія ни чинились надъ ними! Слабохарактерный, угодливый къ выше стоящимъ въ служебномъ рангѣ, тщеславно-самолюбивый, испытавшій униженіе въ фельдшерской учебѣ и попавшій за „услуги" въ служебный рангъ,—онъ, можетъ быть, и кончилъ бы свою карьеру, не отличаясь ничѣмъ особеннымъ отъ своихъ сослуживцевъ, если бы въ его присутствіи при земляныхъ работахъ не былъ убитъ ударомъ каторжнаго лома по головѣ, среди бѣлаго дня, смотритель тюрьмы Сосунцовъ. Убійство начальника, среди бѣлаго дня, въ кругу сотенъ людей, до того поразило Шарабарина, до того, какъ говорится, „вышибло изъ ума", что, не очень храбрый отъ рожденія человѣкъ, онъ сдѣлался съ тѣхъ поръ величайшимъ трусомъ... Каждый выходъ съ которгой на работы былъ для него настоящей пыткой; онъ никогда не былъ спокоенъ, онъ боялся за каждый часъ, за каждую минуту своей жизни... Самолюбивый, жадный до денегъ и женскихъ прелестей, онъ хотя иногда и „валандался" съ каторжанками, но время, проведенное съ ними наединѣ, ничего кромѣ злобы и ненависти въ душѣ его не оставляло.—„Убьетъ, отравитъ, соннаго задушитъ, проклятая!" Эта мысль объ опасности для жизни была съ нимъ неразлучна. Черезъ шесть лѣтъ службы надсмотрщикомъ, исполнительность, усугубленіе распоряженій, собственная изобрѣтательность въ усугубленіи, безъ нарушенія, впрочемъ, прямой буквы закона, были замѣчены: его назначили смотрителемъ тюрьмы, съ переименова-

ніемъ въ „канцелярскіе служители". Превратившись сразу въ безконтрольнаго распорядителя сотенъ безправныхъ людей, онъ въ глубинѣ души по-прежнему боялся ихъ и свою трусость вымещалъ на нихъ систематически тѣлесными наказаніями, вкладывая въ эти наказанія всю ту затаенную ненависть къ людямъ, которыхъ боялся.

Въ трусости своей, онъ искалъ поддержки у Бога, у святыхъ, но вѣра эта перемѣшивалась въ его душѣ съ вѣрой въ могущество нечистой силы и бурятскихъ шамановъ, о которыхъ онъ слышалъ въ дѣтствѣ, на берегахъ Аргуни, окруженный близкимъ сосѣдствомъ бурятъ, тунгусовъ и монголовъ. Обращаясь къ Богу за „спасеніемъ отъ напасти", „сохраненіемъ живота своего", онъ, на всякій случай, не забывалъ и бурятскихъ бурхановъ:—„ктознаетъ, который изъ нихъ главный..." Шарабаринъ былъ женатъ, но отношенія свои къ каторгѣ перенесъ и на собственную семью, т. е. и въ семьѣ являлся такимъ же подозрительнымъ палачемъ и мучителемъ окружающихъ. Случалось, онъ подавалъ милостыню голому калѣкѣ, богадѣльщику, подавалъ копѣйку, калачъ, кусокъ сахару, щепотку чая, но руководила имъ не жалость къ калѣкѣ, а та же трусость, гнѣздившаяся въ его душѣ: „другимъ передастъ, скажетъ, не звѣрь смотритель, Бога помнитъ, несчастныхъ жалѣетъ,—авось, и меня пожалѣютъ!"

При встрѣчахъ, объясненіяхъ съ выше себя стоящими въ служебномъ рангѣ, въ особенности съ тѣми, отъ которыхъ зависѣлъ непосредственно, Шарабаринъ сразу мѣнялся до неузнаваемости: становился весь—вниманіе, готовность, признательность. Его высокая, сухопарая скопческая фигура съеживалась, уменьшалась какъ бы въ ростѣ; ротъ закрывался плотно, глаза радостно и возбужденно впивались въ грудь начальника, руки безпомощно висѣли по швамъ, и вся фигура представляла умиленіе, готовность претерпѣть... Это былъ совсѣмъ другой человѣкъ,—умиленный, растроганный..

Всѣ чиновники-сослуживцы втихомолку дивились и завидовали дѣйствительно замѣчательной способности Шарабарина приспособляться и, служа безъ году недѣлю смотрителемъ, скопить добрый десятокъ тысячъ въ банкѣ. Чтобы понять этотъ секретъ, надо было посмотрѣть на Шарабарина и полковника Маркова, когда начиналась годовая кройка штановъ, рубахъ, шароваръ, юбокъ, бродней, чирковъ и прочей каторжной „лопоти". Десятки тысячъ рублей лежали тутъ подъ руками, и глаза такъ и горѣли, такъ и разбѣгались, въ страхѣ ошибиться въ разсчетахъ, забыть себя... Самъ завѣдующій каторгой наѣзжалъ. Запрутся въ комнатѣ смотрителя среди горъ сукна, холста, кожевеннаго товара; человѣкъ десятокъ портныхъ, сапожниковъ, бритоголовыхъ

кандальниковъ тутъ же стоятъ, ухмыляясь про себя... Закройщики подобраны народъ надежный: рожи серьезныя, съ перваго слова начальство понимаютъ... Самъ полковникъ, вмѣстѣ съ Шарабаринымъ, разстелютъ сукно или холстину по полу и ползаютъ, ломая голову, какъ бы выкроить, урѣзать, натянуть, клинышки гдѣ нужно вставить, вершкомъ или четвертью укоротить, обузить арестантскіе штаны, куртку, бабью юбку...

— Вотъ этотъ кусочекъ ластовкой можетъ быть, а изъ этого выйдетъ клинышекъ... Этотъ на воротникъ или гашникъ къ штанамъ пригодится...

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе,—годится! Все въ дѣло пойдетъ... Понимаемъ, ваше высокоблагородіе!

Накроятъ, нашьютъ такимъ „хозяйственнымъ“ способомъ, раздадутъ по тюрьмамъ, а черезъ мѣсяцъ вся каторга голая ходитъ: одежда полопалась, потрескалась, изорвалась, виситъ на всѣхъ клочьями... Розогъ сколько изведетъ смотритель десятаго по порядку порегъ, а то и всю тюрьму поголовно за небрежное обращеніе съ казеннымъ добромъ: горнаго березняка не жалѣютъ...

Топотъ ногъ въ сѣняхъ канцеляріи заставилъ Шарабарина поднять опущенную голову; онъ слегка повернулся къ дверямъ, выпрямился на стулѣ и нервно забарабанилъ пальцами по столу: писаря, за дѣлами, ниже нагнули свои головы. Дверь растворилась: вошли, другъ за другомъ, четыре казака, въ сѣрыхъ форменныхъ шинеляхъ, подпоясанныхъ форменными черными кожаными ремнями, всѣ четверо выравнялись влѣво отъ входной двери, и старшій проговорилъ безстрастнымъ голосомъ:

— По требованію вашего высокоблагородія, имѣемъ честь явиться: сотенный приказалъ!..

— Да, да, да... такъ, такъ... знаю, знаю...—забормоталъ скороговоркой Шарабаринъ.—Просилъ я вчера: нужны вы, ребята,—постарайтесь! Да что васъ много, братики, явилось?.. Я просилъ двухъ...

— Не могимъ знать, ваше благородіе! Приказано четверыхъ въ нарядѣ...

— Хорошо, хорошо... Спасибо сотенному... Лишніе люди не помѣшаютъ, пригодятся... Увижу сотеннаго, поблагодарю, самъ поблагодарю... Ты за старшаго, голубчикъ?

— Такъ точно, ваше благородіе!..

— Подождите минуточку, сейчасъ, сейчасъ...

—Рады стараться, ваше благородіе!—крикнули разомъ всѣ четверо представителей каторжной охраны, выстроившись вдоль стѣны, и замерли на мѣстѣ. Взгляды ихъ апатично, безучастно осматривали стѣны, висѣвшія въ рамкахъ „та-

бели", сидѣвшихъ за столами писарей, фигуру вытянувшагося на сидѣньи смотрителя.

Постоянныя, ежедневныя столкновенія съ каторгой, твердое памятованіе своего военнаго права „убить" каторжника при малѣйшей попыткѣ его къ побѣгу или сопротивленію, безконечно-монотонная, отвѣтственная служба въ конвоѣ почти безъ отдыха,— все это въ совокупности создавало въ нижнемъ чинѣ равнодушно-тупое отношеніе къ исполненію всякаго поручаемаго дѣла, до обязанности палача включительно. Палачъ въ каторгѣ былъ одинъ, и спеціальностью его было лишь наказаніе плетьми, до розогъ же ему не было дѣла; да онъ одинъ и не могъ бы выполнить всѣ тѣлесныя экзекуціи на тридцати-верстномъ расположеніи каторги: розги примѣнялись, по крайней мѣрѣ, въ сто разъ чаще, чѣмъ битье плетью. Поручать наказанія розгами каторжнымъ палачамъ администрація къ тому же не любила изъ опасенія „фальши" и „потачки": конвой казался ей надежнѣе, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ онъ былъ смертельнымъ врагомъ каторги, доставлявшей ему рядъ безпокойствъ и непріятностей, вплоть до суда и дисциплинарныхъ ротъ. И, дѣйствительно, въ разсчетахъ своихъ администрація не ошибалась. Сотенные командиры никогда не интересовались знать, для какой надобности требовался тюремнымъ начальствомъ „народъ": были бы только на лицо „форменныя записки" за подписью смотрителя тюрьмы, какъ оправдательный документъ дляототчетности „расхода людей" въ служебныя сутки. Случалось даже нерѣдко, что субалтернъ-офицеры сами являлись въ качествѣ „постороннихъ зрителей" при расправахъ ихъ „наряда" съ арестантами, въ особенности съ женскимъ поломъ, попадавшимъ подъ административную кару.

— Скука, хоть давись! Водки выпить не на что, а тамъ хоть развлечешься: любопытные случаются пассажи... Иная вьюномъ вьется, не смотря что за голову и за ноги казаки держатъ... Хоть фотографію снимай, ей-Богу, правда!—говаривали развлекавшіеся отъ „смертной скуки" офицеры каторжнаго конвоя...

— Өедоровъ, — громко сказалъ Шарабаринъ, повернувъ голову въ сторону писарей,—принеси пучковъ десятокъ розгачей для своей „любови," да смотри, — прибавилъ онъ, повышая голосъ, — выбирай покомлистѣй, чтобы въ рукахъ играли, чтобы не сконфузились служаки—хе, хе, хе!.. Не пеняй потомъ на меня, голубчикъ!—И онъ новымъ ехиднымъ смѣхомъ проводилъ выходившаго Өедорова.

Послышались за дверью торопливые шаги, и вошелъ Магарычъ, запыхавшійся, вспотѣвшій, ведя за руку молодую, лѣтъ тридцати, женщину, въ сѣрой поношенной арестантской

юбкѣ, въ неопредѣленнаго цвѣта накидкѣ на плечахъ, въ кожаныхъ желтыхъ чиркахъ на босыхъ ногахъ, съ краснымъ платочкомъ на головѣ, завязаннымъ узломъ подъ подбородкомъ. Она растерянно оглядывала комнату канцеляріи, немного упираясь ногами о деревянный полъ; руки были плотно сложены ладонями на животѣ. Смуглое, продолговатое, красивое лицо, съ румянцемъ на щекахъ, было неспокойно, тонкія губы плотно сжаты, глаза тревожно перебѣгали съ одного предмета на другой, и лицевыя мышцы подергивались изрѣдка судорожными сокращеніями. Космы черныхъ волосъ выбивались изъ-подъ краснаго платочка, покрывавшаго голову; глубоко ввалившіеся сѣрые глаза выражали не столько испугъ, сколько тупое, безнадежное состояніе умирающаго человѣка...

— Здравствуй! здравствуй, милая, здравствуй, красоточка!—ласково спокойнымъ голосомъ заговорилъ Шарабаринъ, не поднимаясь съ мѣста:—давно не видались... Привелъ Господь встрѣтиться, привелъ... Радъ, очень радъ... Помнишь, я обѣщалъ тебѣ, не одинъ разъ обѣщалъ... навѣрно, помнишь? Забыть нельзя, мамочка, навѣрное помнишь: третьяго дня обѣщалъ, когда не окончила заданнаго урока...

Арестантка стояла, блѣдная, съ опущенной на грудь головой; изъ глазъ ея текли слезы...

— Испугалась, милая? Не бойся, не бойся, голубушка: народъ здѣсь собрался добрый, хорошій народъ, исполнительный; зла тебѣ не сдѣлаютъ,—немного только уму-разуму поучатъ, на путь истинный наставятъ... Мы Бога помнимъ, Варварушка, какъ тебя по батюшкѣ-то величаютъ? Извини, голубушка, забылъ твое отчество, прости на этотъ разъ... Говорилъ я тебѣ, много разъ говаривалъ:—ай, Варвара, ай, дѣвонька, слушайся начальства, исполняй приказанія, работай исправно заданный урокъ... Не я, законъ, законъ требуетъ работы, мамочка, не я, смотритель и попечитель вашъ... Законъ черезъ меня дѣйствуетъ, силу свою проявляетъ, строптивыхъ наказуетъ отечески... Я что изъ себя изображаю, какъ ты думаешь, милая моя? Исполнителя, исполнителя святого закона и больше ничего... Власти у меня нѣтъ надъ вами, у меня нѣтъ ея помимо закона,—нѣтъ у меня власти, милочка моя, Варварушка!..

Шарабаринъ остановился на минуту, оглядѣлъ исподлобья, не поднимая головы, своихъ слушателей, потомъ взбросилъ глаза къ потолку, отвелъ въ лѣвую сторону, и въ полный оборотъ повернулъ голову къ стоявшей передъ нимъ въ двухъ шагахъ Варварѣ. Та стояла, придерживаемая за лѣвый рукавъ Магарычемъ и широкораскрытыми глазами смотрѣла на смотрителя; ей стало ясно, зачѣмъ ее вытре-

бовали въ канцелярію. Съ трудомъ переводя дыханіе, упавшимъ, слезливымъ голосомъ она заговорила:

— Ваше благородіе, простите! Я работала по силѣ... сколько могла, другіе не больше меня работали, всѣ одинаково работу отдаютъ... Ребята у меня на рукахъ, двое ребятишекъ со мною въ тюрьмѣ, за ними уходъ требуется... Простите, ваше благородіе, смилуйтесь ради ребятъ моихъ малыхъ!—слезы текли по ея щекамъ, голосъ срывался, и, въ волненіи, она упала на колѣни.

— Ты не плачь, Варвара, не плачь, зачѣмъ надрываться? Тебя не рѣзать привели, не душить: жизнь твоя при тебѣ останется; мнѣ твоей жизни не нужно, законъ ее охраняетъ, святой законъ охраняетъ жизнь человѣка... Жизнь отъ Бога, отъ Вседержителя-Творца дана намъ, она неприкосновенна... Законъ ее охраняетъ, милая моя, законъ, для всѣхъ равный: для каторги, для казаковъ и для насъ, вашихъ попечителей... Ребята, говоришь, у тебя, твои дѣтки малыя? Двое ихъ, говоришь? Ребятъ я тебѣ не дѣлалъ, милая, твой грѣхъ, ты и неси его безропотно, терпѣливо неси, милая; ребята твои, по твоей охотѣ нажиты, для своего удовольствія; мы ихъ отъ тебя не беремъ, не бойся, голубушка, законъ святой и дѣтокъ твоихъ охраняетъ, пусть подростаютъ на доброе здоровье, а я въ этомъ дѣлѣ не при чемъ, ты и сама знаешь про это... Находились бычки помимо меня: красавицей ты слывешь, красавицей... А я здѣсь не при чемъ... Законъ поставилъ меня наблюдать за вами и исполнять въ точности его велѣнія... Ложись-ка на полъ, ложись съ Богомъ! Не бойся, милая, не съѣдятъ тебя, и дѣтки твои живы будутъ,— ложись! Вотъ и розочки Өедоровъ принесъ, позаботился о тебѣ милъ твой человѣкъ... Знаю я, знаю: онъ на тебя глаза таращитъ; на тебя всѣ глаза таращатъ: пѣвунья ты, веселая, хорошо пѣсни поешь... Слыхалъ я, слыхалъ, хотя и не поблизости: голосъ звонкій, хорошій голосъ, сейчасъ мы послушаемъ поближе... Ложись, не стѣсняйся; народъ здѣсь свой, крещеный народъ, православный...

Өедорова, при упоминаніи его фамиліи, передернуло съ ногъ до головы,—точно кто неожиданно ударилъ его по шеѣ; онъ вытянулся въ струнку у табурета, такъ какъ, войдя съ розгами и бросивъ ихъ у двери, онъ не получилъ разрѣшенія „садись".—Четверо казаковъ стояли смирно, нога къ ногѣ, носокъ къ носку, и всѣ въ упоръ смотрѣли въ противоположную стѣну. Только старшій раза два пошевелилъ губами, закидывая ихъ одна на другую, но, какъ бы опомнившись, быстро привелъ ихъ въ спокойное состояніе; остальные трое неловко передернули плечами и упорно разсматривали намѣченную на стѣнѣ точку.

Шарабаринъ долго тянулъ свою ласково-успокоительную „канитель". Слова его жужжали въ ушахъ, притупляя сознаніе слушателей, наводя смертельную истому, а дождь хлесталъ со двора въ канцелярскія окна, усиливая полумракъ, стоявшій въ комнатѣ.

Съ сопротивлявшейся Варварой казаки справились скоро: одинъ держалъ ее за голову, другой за ноги; двое зажали въ руки по пучку розогъ и стали по обѣимъ сторонамъ растянутой на полу оголенной женщины.

— Ну-у-у! Ну-у-у!—затянулъ Шарабаринъ, вставая на ноги и подходя къ лежавшей, — улеглась, дѣвонька? Хорошо, очень хорошо... Давно бы такъ! Поразжирѣла, поразжирѣла на казенныхъ хлѣбахъ, ничего не дѣлаючи, попѣвая пѣсенки; дѣтки тебя дожидаются, Господь съ ними! Пусть подождутъ, не убьемъ тебя... Видишь, какая ты бѣлая да румяная; любо-дорого посмотрѣть... Замужъ можно выдать; любого мужа обласкаешь... Полежи, милая, полежи... Сейчасъ, живехонько окончимъ, и ступай себѣ со Христомъ, съ Господомъ Богомъ на свое мѣсто, къ дѣткамъ роднымъ... Я препятствовать не буду... Много васъ у меня въ тюрьмѣ сидитъ, не одна сотня мокроносыхъ, гдѣ со всѣми справиться?.. Я одинъ, а васъ много, живого въ могилу вгоните...

Мертвая тишина въ канцеляріи, неестественныя позы четырехъ казаковъ,—двухъ сидѣвшихъ и двухъ стоявшихъ съ розгами въ рукахъ,—вытянутыя, блѣдныя лица писарей, самъ Магарычъ, то и дѣло обтиравшій потное лицо вынутымъ изъ кармана платкомъ и упорно, не мигая, глядѣвшій на говорившаго начальника,—такая картина не забывается...

— Ра-а-а-зъ! Два-а-а-а!—громко, протяжно скомандовалъ смотритель.

Раздались два удара по тѣлу, дикій, рѣзкій завывающій крикъ... На тѣлѣ появились двѣ красныя полосы...

— Погодите, братики, погодите!..—крикнулъ торопливо смотритель. Казаки остановились и глупо-удивленными глазами смотрѣли на командовавшаго, близко подошедшаго Шарабарина.

— Вотъ видишь, мамочка: послушалась бы сразу, ждать не заставляла, по доброй волѣ своей легла бы на полъ, не ломалась бы, не плакала, Бога въ свидѣтели не призывала да дѣтокъ своихъ малыхъ,—я бы почаще приказалъ наказывать, скорехонько бы и покончили... Сама виновата, голубушка моя! Такъ всегда въ жизни бываетъ, ты это запомни, Варвара!.. Больно тебѣ сейчасъ?.. То-то же... Говорилъ я тебѣ, не одинъ разъ говаривалъ отечески: шей исправно, отдавай казенный урокъ! Не пля-я-ш-и-и, не пой пѣсенокъ, не нарушай порядковъ въ тюрьмѣ, другихъ не

отвлекай отъ работы, своихъ товарокъ не сбивай съ толку, на добрыхъ молодцовъ не заглядывайся, въ непотребство не впадай... А ты все хи, хи, хи! да хе, хе, хе! Вотъ и похихикай сейчасъ, здоровѣе будешь... Прибавьте, молодцы, да покрѣпче, покрѣпче, какъ женокъ своихъ обучаете, когда провинятся... Три-и-и! Четы-ы-ре-е-е!

— Погодите, братики, отдохните минутку, ни мнѣ, ни вамъ не къ спѣху. Всякое дѣло слѣдуетъ дѣлать, не торопясь: „поспѣшишь—людей насмѣшишь", торопливость пригодна бабамъ блохъ ловить,—наша блоха не ускачетъ, свое заслуженное получитъ... Дѣло требовалось, не мое личное, казенное дѣло, за которое я отвѣтствую передъ Богомъ и начальниками!.. Д-д-а-а, милая, шутокъ съ тобой не шутилось... Прибавьте, братики, добавьте—покрѣпче, покрѣпче, чтобы помнила Варенька наша!..

— Пя-я-ть! Ше-е-есть! Слушайте мою команду... съ растяжечкой, съ растяжечкой... во-о-о-тъ та-а-а къ! Во-о-о-тъ та-а-а-къ! Погодите, погодите; зачѣмъ спѣшить? У васъ свои начальники, у меня свои, всякій изъ насъ долженъ слушаться одинаково... Васъ прислали въ мое распоряженіе, подъ мою команду, вы меня и слушайтесь, какъ своего командира: дисциплина того требуетъ, законъ святой... Торопиться некуда; пожалуюсь командиру, васъ накажутъ, вамъ же худо будетъ... Мы по-любовному, по-любовному, безъ ссоры; не хочу я ссориться съ вами,—зачѣмъ жалобы? Такъ-то, братики мои! А ты, Варенька, кричи, громче кричи, крики при наказаніяхъ закономъ не возбраняются... Се-е-е-мь! во-о-о-с-е-е-мь! де-е-е-в-я я-ть! де-е-е-с-я-я-ть! Та-акъ, т-а-а-къ, добре, братики! въ перекрестъ ее, въ перекрестъ: розочку къ розочкѣ, вензелями... Отдохните минуточку, отдохните, ничего что заливается, захлебывается, ей же самой на доброе здоровье!..

Вся эта гнусная процедура „ласки" и скопческаго смиренія подгибала у присутствующихъ колѣни, наводила на всѣхъ тоску, ужасъ... Всѣ тяжело дышали, обливаясь холоднымъ потомъ, впадая въ какое-то идіотское состояніе...

Послѣ двадцатаго удара Варвара лежала, какъ мертвая: кровь ручьями текла на полъ изъ избитыхъ, точно прорѣзанныхъ бритвой наружныхъ покрововъ тѣла, пачкая полъ, разсыпаясь кругомъ мельчайшими брызгами съ поднимавшихся и опускавшихся внизъ розогъ, попадая на лица стоявшихъ, обрызгивая стѣны, казенныя бумаги на столахъ...

— Вылить холодной воды ведеръ пять, сейчасъ очнется... Пустяки! Холодная водичка поможетъ, медицина учитъ этому, наука...

Вылили одно ведро, два, три; полъ канцеляріи былъ залитъ

на палецъ толщиною... Варвара, дѣйствительно, очнулась, усѣлась на мокрый полъ и, какъ безумная, безсмысленно ворочала головой во всѣ стороны; мокрые волосы растрепались, висѣли клочьями по плечамъ; упираясь руками о мокрый полъ, она тщетно силилась подняться на ноги.

— Очнулась, мамочка? Вотъ и хорошо, отлично, превосходно... Теперь ужь недолго... Сейчасъ всю операцію покончимъ... Растяните-ка ее, братики!

Растянули снова на мокромъ полу, лицомъ въ воду, и безъ передышки дали недостававшіе до сотни восемьдесятъ ударовъ.

— Заковать на двѣ недѣли въ ручныя кандалы! Въ карцерѣ выдержать недѣлю на хлѣбѣ и водѣ!—закончилъ Шарабаринъ, обращаясь къ Магарычу.—А тамъ посмотримъ, что изъ сего выйдетъ...

В. К—въ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Жизнь моя мнѣ кажется порою
Книгой сказокъ скучныхъ и безцвѣтныхъ,
Отъ которыхъ вѣетъ не весною,
Не тепломъ и свѣтомъ грёзъ завѣтныхъ,
А сырой темницы полумглою...
Но порой мнѣ грезится, что въ скучной
Книгѣ есть свободная страница,—
Что тяжелыхъ сказокъ вереница
Стережетъ покой ея докучный,
А она печально ждетъ поэта,
Ждетъ поэмъ и сотканныхъ изъ свѣта,
Полныхъ солнца, ласки и привѣта
Пѣсенъ радужныхъ о знойныхъ чарахъ лѣта...

Пѣсенъ тѣхъ, что́ пѣла встарь Жаръ-Птица
О любви,—ждетъ чистая страница!

II.

Что ни ночь, мнѣ снится степь родная,
Гдѣ гуляетъ вѣтеръ на просторѣ,
Гдѣ поетъ онъ пѣсни, колыхая
Ковыля серебряное море.
Снится мнѣ и гордый тополь стройный,
Весь облитый знойными лучами,
И забытый темный и спокойный
Старый садъ съ узорными кустами.
Что ни ночь—мнѣ снится голубое
Дальней родины ликующее небо,
Снится въ небѣ солнце золотое
Надъ воллнами зрѣющаго хлѣба.
И надъ степью хищный ястребенокъ
Чуть паритъ, согрѣтый солнца лаской...
Что ни ночь—я плачу, какъ ребенокъ,
Какъ дитя, обманутое сказкой!

III.

Мы попутнаго вѣтра дождались!..
Вѣдь не даромъ вчера надъ водой
Такъ тревожно и низко слетались
Буревѣстники стаей сѣдой.
И не даромъ, ихъ говору вторя,
Вся мятежной отваги полна,
Безконечнаго гордаго моря
Говорила о чемъ-то волна...
А сегодня поутру смѣялись,
Загораясь огнемъ, небеса...
Мы попутнаго вѣтра дождались,—
Другъ! смѣлѣе крѣпи паруса!

IV.

Ахъ, не плачь, мой чуткій другъ, не сѣтуй
Объ орлахъ, погибшихъ на стремнинахъ,
О крылахъ изломанныхъ орлиныхъ,
О сердцахъ, разбитыхъ въ жаждѣ свѣта.

Взявъ отъ жизни счастье и сомнѣнья,
И тепло, и шумныхъ грозъ раскаты,
И борьбой, и радостью богаты,
Не боятся сильные забвенья!
И на трупахъ братьевъ, павшихъ въ битвѣ,
Возстаютъ такихъ же сильныхъ рати
И идутъ, съ отвагою во взглядѣ,
Позабывъ о пѣсняхъ и молитвѣ!
Да, не плачь, мой чуткій другъ, не сѣтуй
Объ орлахъ, погибшихъ на стремнинахъ!—

О не спѣтыхъ пѣсняхъ соловьиныхъ,
О цвѣтахъ, увядшихъ до расцвѣта,
О сердцахъ, не знавшихъ жажды свѣта,
Скучныхъ дняхъ безъ солнца и привѣта—
Пожалѣй, мой милый, и посѣтуй!

Ада Чумаченко.

ЛЮДОѢДЫ.

Разсказъ.

X.

Недѣли черезъ двѣ послѣ именинъ, когда m-me Тулупьева прилегла послѣ обѣда на кушеткѣ въ гостиной, къ ней съ мрачнымъ видомъ вошла Зинаида.

— Померла Настенька-то...—объявила она.

M-me Тулупьева тихонько вскрикнула и схватила со столика носовой платокъ.

— Такъ безъ памяти и померла...—продолжала Зинаида.— Докторъ говоритъ, воспаленіе мозговъ было. Страсть мучилась... все время безъ передыху кричала. Теперь въ мертвецкой лежитъ. Обрили ее... узнать нельзя! Синяя, да страшная...

— Ну, довольно, довольно!—перебила ее m-me Тулупьева съ болѣзненной гримасой...—Какая у тебя привычка всегда непріятности дѣлать...

— Да какія же непріятности?—угрюмо возразила Зинаида:— Я только доложить... Какія ваши распоряженія будутъ. Хоронить надо.

— Хорошо, хорошо... Ахъ, бѣдная, бѣдная!..—M-me Тулупьева приложила платокъ къ глазамъ, потомъ порылась въ плюшевой сумочкѣ и подала Зинаидѣ скомканную бумажку.—Вотъ возьми... Сдѣлайте все, что нужно... Какъ слѣдуетъ. И, пожалуйста, Тотошѣ ничего этого не разсказывай! Она нервная... заболѣтъ даже можетъ!

— Слушаю-съ!—сказала Зинаида и вышла, оставивъ m-me Тулупьеву, совершенно разстроенную и въ слезахъ.

Смерть сиротки произвела на всѣхъ въ домѣ сильное впечатлѣніе. Дѣвчонка Настя, которую при жизни каждый считалъ своимъ долгомъ угостить подзатыльникомъ, вдругъ пріобрѣла особую значительность и сдѣлалась предметомъ безконечныхъ разговоровъ въ кухнѣ. Вспоминали ея проказы и шалости; говорили о ея привычкахъ, какъ она говорила,

какъ ходила, что любила. Кучеръ Андрей, здоровенный мужикъ съ бородищей во всю грудь, объявилъ, что онъ до смерти боится спать въ кухнѣ, и перекочевалъ въ дворницкую сторожку, куда, по его мнѣнію, странствующая по мытарствамъ душа покойницы не могла придти. Поваръ въ день похоронъ устроилъ поминки, напекъ блиновъ, напился пьянъ, переколотилъ множество посуды и, въ заключеніе, произвелъ такой дебошъ, что его для вытрезвленія пришлось отправить въ участокъ. Но больше всѣхъ смерть Настеньки поразила Зинаиду. Она ничего не говорила и съ своимъ обычно-суровымъ видомъ дѣлала обычныя дѣла, но образъ маленькой, забитой дѣвчонки неотступно стоялъ въ ея душѣ, возбуждая тоскливо-ѣдкія угрызенія совѣсти. Какъ живая, представлялась ей Настенька съ своей стриженной, косматой головой, съ вѣчно испуганными глазами, въ плохенькомъ платьицѣ изъ дешеваго линючаго ситца, въ стоптанныхъ Тотошиныхъ башмакахъ, которые она всегда донашивала. Новыхъ ей никогда не покупали, находя, что „живетъ и такъ“, и Настя на это не жаловалась, хотя Зинаида и замѣчала, что ноги у нея часто стерты до крови неудобной обувью. Никто особенно ея не любилъ, всѣ ею помыкали, и въ припадкѣ жгучаго раскаянія Зинаидѣ казалось, что она сама, собственными руками, помогала столкнуть дѣвочку въ могилу. Зинаида вспоминала, какъ она упрекала Настю за то, что та много ѣстъ; вспоминала, какъ однажды дѣвочка утащила у нея палочку шоколаду, и за это она больно оттаскала ее за волосы; но самымъ мучительнымъ воспоминаніемъ было то, что въ день Настиной болѣзни Зинаида за какую-то неловкость ударила дѣвочку по лицу кулакомъ, и отъ этого у нея изъ носу и изъ десенъ пошла кровь. Тогда ей даже жалко стало Настеньку, и послѣ имениннаго обѣда она принесла ей кусокъ орѣховаго торта. Но, должно быть, у Насти уже начиналась болѣзнь, потому что она отнеслась къ торту равнодушно, и Зинаида нашла потомъ этотъ тортъ въ тряпьѣ, на которомъ спала Настя.

„Извели дѣвчонку“! думала Зинаида и днемъ, и ночью. „Несмыслёная была... ребенокъ... а спрашивали, какъ съ большой. Много ли ей нужно было?.. Кусочекъ сахарку, бывало, кинешь, а она и рада“...

И тоска грызла Зинаиду. Ей вдругъ опротивѣло все это барское добро, которое она стерегла, какъ цѣпной песъ, изъ-за котораго грызлась со всѣми, жадничала и не спала по ночамъ, отравляя жизнь себѣ и другимъ. Были минуты, когда ей хотѣлось пойти къ барынѣ, отдать ключи и просить, чтобы ее „уволили“. Но сила привычки—великая сила, и она продолжала машинально исполнять свои обязанности, хотя

и безъ прежняго собачьяго усердія. Повидимому, все въ домѣ шло по заведенному порядку, а между тѣмъ, чувствовалось, что какая-то пружина ослабѣла. Шкафы часто оставались незапертыми; лавочные счета не провѣрялись по цѣлымъ недѣлямъ, въ кухнѣ не слышно было обычныхъ пререканій съ поваромъ изъ-за припасовъ; всего отпускалось въ волю, а не въ обрѣзъ. Поваръ удивлялся и чаще прежняго позволялъ себѣ освѣжаться мерзавчикомъ.

— Что это, вѣдьма-то наша, должно быть, въ святыя захотѣла!—говорилъ онъ:—Мягкая стала, словно масломъ обмазана, хочешь ее на теркѣ три, хочешь—черезъ сито просѣвай. Удивительное дѣло!

— Смотри, не сглазь!—предостерегалъ кучеръ и троекратно сплевывалъ черезъ плечо, чтобы не подслушалъ врагъ рода человѣческаго.

На „сорочины"—въ сороковой день послѣ Настиной смерти, Зинаида обрядилась во все черное и отправилась на кладбище отслужить на могилкѣ панихиду. День былъ солнечный съ легкимъ морозцемъ, но природа была уже проникнута предчувствіемъ близкой весны. Синева небесъ была налита тепломъ и свѣтомъ; стволы и вѣтви деревьевъ казались сочными и упругими; отогрѣвшіеся воробьи чирикали и возились особенно жизнерадостно. На кладбищѣ было тихо, бѣло и чисто, и убранныя сверкающимъ, пухлымъ снѣгомъ могилки смотрѣли свѣжо и нарядно. Панихиду служили молодой кладбищенскій батюшка съ молодымъ же псаломщикомъ, и ихъ молодые голоса трогательно и красиво звучали среди кладбищенской тишины, обѣщая миръ и покой настрадавшейся душѣ маленькой Настеньки. Съ красными отъ слезъ глазами, но успокоенная и умиленная вернулась Зинаида домой. На душѣ у нея было свѣтло и мирно, какъ на кладбищѣ, и она думала, что Настя все ей простила теперь, что *тамъ* ей гораздо лучше. Послѣ солнечнаго блеска, послѣ нѣжной бѣлизны снѣга на тихихъ могилахъ, Тулупьевскій домъ показался ей тѣснымъ и мрачнымъ. Жизнь здѣсь текла обычнымъ порядкомъ и нисколько не соотвѣтствовала торжественному настроенію, которое принесла съ собою Зинаида. Въ кухнѣ поваръ рубилъ котлеты и чертыхался; въ столовой пахло жаренымъ кофе и подгорѣлыми сливками. Это напомнило Зинаидѣ, что пора готовить столъ къ завтраку, и она вышла въ буфетную. Здѣсь никого не было.

— Стеша! Стеша!—позвала Зинаида, заглядывая въ переднюю.

У Вадички въ комнатѣ что-то загремѣло, и оттуда съ разгорѣвшимися щеками выскочила Стеша, чуть не сбивъ съ ногъ Зинаиду.

— Ахъ, Зинаида Петровна!—воскликнула она, виляя глазами во всѣ стороны.—Что это вы такъ рано вернулись?

Зинаида подозрительно посмотрѣла на ея пылающія щеки.

— На столъ надо собирать, вотъ что!—сказала она угрюмо.— А здѣсь тебѣ дѣлать нечего... чего ты тутъ дѣлаешь?

— Чего я дѣлаю? Ничего не дѣлаю! Комнаты убирала...

— Смотри, дѣвка!

— Нечего смотрѣть-то!—дерзко отвѣчала Степа и, гремя юбками, убѣжала.

Зинаида покачала головой... Грызущій червякъ тоски снова заворочался въ ея сердцѣ. Вспомнилась ей чистенькая могилка Насти, укрытая бѣлымъ снѣгомъ... Синій кадильный дымокъ вьется надъ нею; тихо мерцаютъ свѣчи, обливаясь горячими восковыми слезами; грустно звучатъ слова милитвы: „Господи, прости ей прегрѣшенія, вольныя и невольныя!..“ И Зинаидѣ захотѣлось опять уйти туда... совсѣмъ.

Вечеромъ, раздѣвая барыню, она сказала:

— Стара я стала, сударыня, за всѣмъ не догляжу. Кабы у насъ въ домѣ бѣды не вышло.

— Ты вѣчно съ непріятностями!—простонала m-me Тулупьева.—Что такое? Какая бѣда?

— Да вы не извольте безпокоиться. Про Степаниду я говорю. Дѣвчонка она молодая, разумъ-то у ней совсѣмъ ребячій... А давеча, гляжу, она изъ Вадичкиной комнаты выскочила. Мнѣ за всѣмъ не углядѣть.

M-me Тулупьева смутилась, покраснѣла и разсердилась.

— Ахъ, Боже мой, что же, мнѣ прикажешь за ней глядѣть? Она не маленькая... Ты, Зинаида, совсѣмъ изъ ума выжила.

— Какъ вамъ будетъ угодно, сударыня,—вымолвила Зинаида и ушла. Но m-me Тулупьева была опять разстроена и долго не могла заснуть, томимая разными непріятными мыслями, отъ которыхъ у нея даже голова разболѣлась. Она не любила ничего рѣзкаго, грубаго, черезчуръ житейскаго и даже думать боялась о нѣкоторыхъ вопросахъ, стараясь обойти ихъ какъ-нибудь сторонкой, если жизнь ставила ихъ передъ нею черезчуръ прямо. Какъ заботливая мать, она все сдѣлала для Вадички, и вдругъ Зинаида, глупая старуха, является къ ней съ какими-то предостереженіями и заставляетъ ее думать Богъ знаетъ о какихъ вещахъ. „Сумасшедшая, совсѣмъ сумасшедшая!“ думала m-me Тулупьева, ворочаясь на постели: „Ну, что же я сдѣлаю, когда это неизбѣжно? Не бѣгать же мнѣ за всѣми дѣвчонками, которыя понравятся Вадичкѣ? Не одна, такъ другая... Рано или поздно это должно случиться, что же дѣлать бѣдной матери? Ахъ, какъ трудно

воспитывать дѣтей!..“ На этой послѣдней мысли она успокоилась и заснула съ сознаніемъ исполненнаго долга.

Однако, на другой день она съ особенно пристальнымъ вниманіемъ и съ оттѣнкомъ нѣкоторой брезгливости присмотрѣлась къ Стешѣ и Вадичкѣ и нашла въ нихъ какую-то перемѣну. Вадичка сталъ вести себя еще самоувѣреннѣе и поразилъ m-me Тулупьеву сходствомъ съ своимъ отцомъ въ манерѣ держать себя, говорить и даже ѣсть. Онъ такъ же, какъ покойный Тулупьевъ, нетерпѣливо стучалъ ножомъ по тарелкѣ, когда долго не подавали кушанья, такъ же авторитетно говорилъ, не выслушивая чужихъ возраженій, и такъ же пренебрежительно морщился, если ему что-нибудь не нравилось. Раньше m-me Тулупьева какъ-то не замѣчала этого сходства, и теперь даже немножко испугалась, вспомнивъ свою жизнь съ Тулупьевымъ. „Такой же будетъ... деспотъ и бинвиванъ!“ со вздохомъ подумала она, переводя глаза на Стешу. И въ Стешѣ тоже появилось что-то новое, чего не было прежде. Застѣнчивость и неловкость совершенно исчезли; она какъ-то противно вертѣла задомъ на ходу и вообще пріобрѣла жеманно-развязныя манеры. M-me Тулупьева съ отвращеніемъ глядѣла на ея круглое лицо, сдѣлавшееся вульгарнымъ отъ модной прически, и ей даже обидно стало за Вадичку. Это было ужасно: давно ли самъ Вадичка называлъ эту дѣвчонку „морденціей“, а теперь.. „Ахъ, дѣти, дѣти, какъ трудно васъ воспитывать!“ съ горечью думала опять m-me Тулупьева.

А Стеша ничего не думала и бѣгала къ Вадичкѣ по ночамъ, какъ кошка на крышу. Она была влюблена совершенно серьезно, и Вадичка сдѣлался для нея центромъ міра. Ей нравилась въ немъ даже его грубость, и когда онъ, пресыщенный ея рабской преданностью, говорилъ ей: „ну, пошла вонъ, убирайся!“—она съ счастливомъ лицомъ цѣловала ему руки и шептала: „миленькій, хорошенькій!“ Въ то время, какъ Вадичка стыдился своей связи со Стешей и скрывалъ ее даже отъ товарищей, Стеша гордилась тѣмъ, что барчукъ удостоилъ ее своей любви, и готова была кричать объ этомъ на весь свѣтъ. Иногда она позволяла себѣ такъ дерзко фамильярничать съ Вадичкой, что Вадичка конфузился, краснѣлъ и злился.

— Ты, пожалуйста, при другихъ ко мнѣ не лѣзь!—говорилъ онъ ей наединѣ.—Что еще за глупости... пристаетъ, когда ее не просятъ!

Стеша боялась, когда Вадичка сердился, и робѣла.

— Да вѣдь больно я васъ люблю!—оправдывалась она.

— Вотъ еще, нѣжности телячьи!—ворчалъ Вадичка.—Туда

же: „люблю“! Дурица! Очень мнѣ нужна твоя любовь, если ты при всѣхъ будешь ко мнѣ на шею вѣшаться!

Стеша плакала и обѣщала, что больше не будетъ „лѣзть“, но скоро забывала свои обѣщанія и опять дѣлала какой-нибудь промахъ. Однажды она до того забылась, что, снимая съ Вадички пальто въ передней, поцѣловала Вадичку, а въ столовой въ это время Зинаида накрывала на столъ. Вадичка разсвирѣпѣлъ и такъ толкнулъ отъ себя Стешу, что она ударилась щекой о косякъ двери и цѣлую недѣлю ходила съ синякомъ.

— Отчего это у тебя пятно на щекѣ?—допытывалась за обѣдомъ любопытная Тотоша.

Вадичка угрюмо покосился на Стешу и усиленно началъ хлебать супъ.

— А это я, барышня, съ лѣстницы нынче упала!—бойко отвѣчала Стеша.—Ступеньки больно скользкія... надо пескомъ посыпать!

Вадичка вздохнулъ съ облегченіемъ. Дура—дура, а сумѣла вывернуться... и, въ благодарность за находчивость, Вадичка подарилъ Стешѣ двугривенный. Былъ и еще случай, когда Стеша выручила Вадичку изъ затруднительнаго положенія. Дѣло происходило тоже за обѣдомъ. Стеша разносила кушанья. Когда она наклонилась къ Тотошѣ, дѣвочка потянула носикомъ воздухъ и спросила:

— Стеша, отчего это отъ тебя пахнетъ Вадичкиными духами?

Вадичка поперхнулся; m-me Тулупьева нахмурилась и покраснѣла, но Стеша опять нашлась.

— Вадимъ Григорьичъ нынче цѣлый пузырь пролили!— сказала она:—А я у нихъ въ комнатѣ полы затирала...

„Это невозможно!“ думала m-me Тулупьева. „Слава Богу еще, что Тотоша ребенокъ и ничего не понимаетъ! Надо ее поскорѣе отвезти въ институтъ. Какіе ужасные люди эти мальчики!“

Тотоша, дѣйствительно, становилась опасна своей наблюдательностью. Она давно уже замѣтила въ Стешѣ перемѣну, и это ей не нравилось. Не нравилось, что Стеша стала причесываться по модному и носить крахмальныя юбки, которыя шуршали на весь домъ; не нравилось, что она вмѣсто „что“ говорила теперь „чиво-съ?“—не нравилось даже Стешино лицо, странно измѣнившееся, постарѣвшее, какъ будто совсѣмъ незнакомое. Нахмуривъ брови, задумчиво оттопыривъ нижнюю губку, Тотоша часто всматривалась въ это лицо и не узнавала прежней добродушной Стеши съ ея громкимъ хохотомъ, съ неловкими движеніями и смѣшными гримасами. Что-то безпокойное, дерзко-вызывающее смѣнило прежнюю наивно-кукольную улыбку Стеши, и Тотоша, смутно чувствуя, что

съ Стешей произошло что-то нехорошее, стыдное, сердилась и рѣзко высказывала ей свое неудовольствіе.

— Ты гадкая стала, гадкая!—говорила она.—Я тебя теперь не люблю... Совсѣмъ не люблю... Слышишь?

— Чиво-съ?—равнодушно спрашивала Стеша.

Это противное слово окончательно выводило Тотошу изъ терпѣнія. Она раздражалась, топала ногами и кричала:

— Не смѣй говорить—„чиво-съ!“ Это гадко, я этого слышать не могу! Противная!.. И зачѣмъ ты себѣ напустила какія-то собачьи уши? Ты думаешь, это хорошо, а это вовсе нехорошо, и ты знаешь, на кого похожа? На дворняжку! Вотъ тебѣ!

Въ прежнія милыя времена Стеша очень огорчилась бы, даже всплакнула бы немножко, и потомъ все кончилось бы миромъ, но теперь было не то. Стеша, въ отвѣтъ на Тотошины слова, дерзко смѣялась и уходила, а Тотоша тихонько плакала, и ревнивая досада на то, что у Стеши завелись какія-то свои дѣла, что Стеша больше ея не любитъ, грызла самолюбивое сердце дѣвочки.

Онѣ совсѣмъ перестали играть въ жмурки и въ другія шумныя игры, а если иногда Стеша и соглашалась немножко побѣгать по залѣ, то дѣлала это безъ всякаго увлеченія, скоро уставала и торопилась уйти, отговариваясь все тѣми же таинственными „своими дѣлами“, которыхъ Тотоша не понимала, и оттого чувствовала къ нимъ отвращеніе.

— У тебя и прежде были дѣла, а ты всетаки играла со мной,—ворчала она на Стешу:—Отчего теперь не играешь? Отчего не смѣешься больше?

— Ахъ, барышня, не вѣкъ же смѣяться!—жеманничая, отвѣчала Стеша.—Я, небось, не маленькая! Это вамъ только и дѣловъ, что бѣгать да играть, а съ меня взыскиваютъ. Некогда мнѣ такими глупостями заниматься.

— Ну, и не надо, не надо...—шептала оскорбленная Тотоша и, едва сдерживая слезы, уходила отъ Стеши.

Наконецъ, она объявила однажды m-me Тулупьевой:

— Знаешь, мамочка, мнѣ Стеша разонравилась. Она противная.

— Почему?—спросила m-me Тулупьева съ тайнымъ безпокойствомъ.

— Да потому, что она такая же горничная, какъ и всѣ.

— Ахъ, Боже мой, конечно!—съ облегченіемъ воскликнула m-me Тулупьева:—Всѣ горничныя, мой другъ, одинаковыя, и я прошу тебя, Тото, будь отъ нихъ подальше. Онѣ такія грубыя, непріятныя...

Тотоша подумала немножко и прибавила:

— А вѣдь она прежде не такая была... Мамочка, отчего это?

Но мамочка не сочла нужнымъ отвѣчать на этотъ щекотливый вопросъ.

XI.

Скоро и сама Стеша начала замѣчать, что она уже „не такая", и что въ ней происходитъ что-то новое, странное и страшное...

Случилось это ночью, на первой недѣлѣ великаго поста. За нѣсколько дней передъ этимъ Стеша чувствовала недомоганіе, но приписывала это усталости и праздничной сутолокѣ. Всю масляницу у Тулупьевыхъ были гости, блины, чаи и кофеи, и Стешѣ пришлось много бѣгать и хлопотать по хозяйству, потому что Зинаида теперь почти ни во что не вмѣшивалась и ограничивалась только указаніями, сколько чего взять и какую посуду подать. И вотъ, въ самый разгаръ хозяйственныхъ хлопотъ у Стеши такъ закружилась голова, что она чуть было не уронила на полъ дорогой китайскій сервизъ, которымъ m-me Тулупьева очень гордилась. Стеша насилу удержалась на ногахъ и долго не могла придти въ себя. Сначала она подумала, что угорѣла въ кухнѣ, но дурнота, головокруженіе и какая-то отвратительная тоска въ сердцѣ стали повторяться все чаще и чаще. Стеша не могла ничего ѣсть, все ей опротивѣло, и съ самаго ранняго утра она нетерпѣливо ждала ночи, чтобы скорѣе раздѣться, лечь въ постель и спать, спать безъ конца. Во снѣ ей было хорошо.

Такъ спала она и въ эту ночь. И вдругъ какой-то ужасъ, огромный, темный, холодный ужасъ вошелъ ей въ грудь, сжалъ сердце острыми клещами и заставилъ проснуться. Ничего не понимая, въ безумномъ и безсмысленномъ страхѣ, Стеша вскочила и закричала. И ей почудилось, что и мракъ ночной закричалъ вмѣстѣ съ нею, навалился на нее со всѣхъ сторонъ и вырвалъ изъ нея душу.

Стешинъ крикъ разбудилъ Зинаиду. Бормоча спросонья молитвы, испуганная старуха надѣла туфли, зажгла ночникъ и вышла въ гардеробную, гдѣ за шкафомъ, на сундукѣ, спала Стеша.

— Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его... Съ нами сила крестная... Степанида, чего ты орешь, полоумная?

Стеша дико смотрѣла на тощую бѣлую фигуру, маячившую передъ нею въ красновато-тускломъ свѣтѣ ночника, и продолжала кричать тѣмъ страшнымъ крикомъ, какимъ кричатъ испуганныя животныя.

— Степанида, Степанида, да что это ты, матушка моя, а?

Аль что приснилось? На, водицы испей... Съ нами сила крестная! Постой, я тебя спрысну. Да перекрестись, перекрестись, дура!

Шлепая туфлями, Зинаида ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, поила Стешу водой, крестила ее, брызгала и въ перемежку съ молитвами ворчала и бранилась. Стеша уже не кричала, но вся тряслась и тихо, протяжно стонала, качаясь изъ стороны въ сторону, точно у нея болѣли зубы.

— Ну, что? Отошло?

— Ничего... отошло...—прошептала Стеша.

— Ну, вотъ. Какъ вѣдь кричала-то, чисто ее рѣжутъ. Я ужъ думала, весь домъ сбѣжится. Страшный сонъ, что ли, видѣла?

— Не знаю... страшно что-й-то, Зинаида Петровна. Ой, страшно!—вымолвила Стеша и заплакала.

— А ты молись. На ночь-то молишься? Небось, такъ, не молясь, и дрыхнешь, только бы до подушки дорваться. Читай за мной молитву: „ангеле Христовъ, хранителю мой святый.. елика согрѣшихъ во днешній день"...

Стеша, всхлипывая, повторяла за ней слова молитвы. Зинаида еще разъ перекрестила Стешу и сказала:

— Ну, ложись теперь, спи. Ничего не будетъ.

Она ушла, унося съ собою красный огонекъ, и мертвая, густая тьма снова окружила Стешу. Стеша натянула на себя одѣяло и зажмурила глаза, чтобы не видѣть этого мрака, но онъ и сквозь закрытыя вѣки глядѣлъ ей въ глаза, прыгалъ и кривлялся, распадаясь на тысячу безобразныхъ ртовъ, и беззвучно хохоталъ и шепталъ что-то у нея надъ ухомъ. И, словно отвѣчая на этотъ невнятный смѣхъ и шепотъ, то, что было въ Стешѣ, радостно взыграло и больно толкнуло ее въ сердце.

Вся въ холодномъ поту, съ онѣмѣвшими руками и ногами, Стеша поднялась на постели и... поняла, что это былъ не страшный сонъ, не навожденіе, отъ котораго можно спастись молитвой, что это было въ ней, и всегда будетъ въ ней, и никуда отъ этого нельзя уйти!

— Господи, что же мнѣ дѣлать? Пропала я, совсѣмъ пропала... Миленькіе мои, хорошенькіе, что же мнѣ теперь дѣлать?—безсмысленно шептала Стеша.

Въ ближней церкви ударили къ заутренѣ, и тишина робко повторила тягучій звукъ колокола. Казалось, кто-то важный и печальный тихо вошелъ въ комнату и сказалъ: „бдите, бдите, ибо не знаете ни дня, ни часа"... Дрожа и плача, Стеша машинально перекрестилась. Этотъ рыдающій въ темнотѣ великопостный звонъ колокола напомнилъ ей недавнюю жизнь въ пріютѣ, когда она была такою же, какъ

всѣ, веселой, беззаботной дѣвочкой, не знавшей ужаса грѣха и тайны. Ей вспомнилось, какъ онѣ любили вставать въ потемкахъ, чтобы не опоздать къ заутренѣ, и какъ имъ нравилось молиться въ холодной полуосвѣщенной церкви. Жидкіе голоса священника и дьячка звучали таинственно въ глубокихъ сводахъ купола, гдѣ, казалось, рѣяли какія-то строгія тѣни въ длинныхъ темныхъ одеждахъ, съ тусклымъ сіяніемъ вокругъ безстрастныхъ, неземныхъ лицъ. Было жутко и хорошо, и хотѣлось быть такою же строгой и безгрѣшной, какъ эти величавые призраки святыхъ, и казалось, что душа очищается отъ всѣхъ мелкихъ житейскихъ грѣховъ. А потомъ какъ весело было съ иззябшими руками и ногами возвращаться въ пріютскую столовую и торопливо пить остывшій чай съ кусками черстваго ржаного хлѣба! И въ такіе дни не было обычныхъ ссоръ и споровъ изъ-за пустяковъ; дѣвочки затихали и старались быть кроткими, услужливыми и послушными, и даже сердитыя надзирательницы ходили съ просвѣтлѣвшими лицами, говорили тихо, смотрѣли добродушно.

„Господи, Господи, прости меня!“ прошептала Стеша, торопливо и безпорядочно крестясь: „Что я надѣлала? Что я надѣлала? И какъ мнѣ теперь быть?..“

Потомъ она вспомнила почему-то вѣчно беременную пріютскую прачку: и какъ онѣ смѣялись надъ нею и надъ ея большимъ, безобразнымъ животомъ, на которомъ платье всегда лоснилось отъ грязи и сала. Этотъ животъ возбуждалъ въ дѣвочкахъ нехорошее любопытство, и часто онѣ между собою говорили о тайнахъ беременности и рожденія, и положеніе бѣдной прачки казалось имъ позорнымъ и стыднымъ. „А я-то? Я-то?“ подумала Стеша и опять заплакала. Ей чудилось, что весь свѣтъ уже знаетъ о ея грѣхѣ, и въ рѣдкихъ ударахъ колокола она слышала проклятіе и осужденіе. „Грѣшница, грѣшница!“ угрюмо кричалъ колоколъ. „Грѣшница!“ шепталъ холодный сумракъ, и, кривляясь, беззвучно хохотали безобразные призраки, прятавшіеся въ темныхъ углахъ.

Стало уже разсвѣтать, а Стеша все сидѣла, скорчившись, на постели и плакала. Въ комнатѣ похолодало, и руки и ноги у нея застыли. Въ домѣ была мертвая тишина; всѣ спали, и никто не зналъ, что въ гардеробной, за шкафомъ, всю эту тихую ночь лились слезы ужаса и отчаянія. „Небось, и онъ спитъ!“ подумала Стеша про Вадичку и вдругъ почувствовала въ себѣ страшную злость къ нему и ко всѣмъ, кто жилъ въ этомъ домѣ. Они спали, сытые, спокойные и равнодушные, а она, одна за всѣхъ, должна мучиться, плакать и скрывать свое несчастье. „Ему-то, небось, наплевать!“

продолжала думать Стеша. „Грѣшили вмѣстѣ, а раздѣлывайся за все я! Никто не пожалѣетъ; попробуй сказать кому нибудь,—скажутъ, убирайся, да вотъ и все“. Слезы высохли у нея на глазахъ отъ злости; она подобрала окоченѣвшія ноги, легла, закуталась въ одѣяло и стала холодно и спокойно обдумывать свое положеніе. Прежде всего, конечно, она никому ничего не скажетъ; будетъ все скрывать до тѣхъ поръ, пока скрывать уже станетъ нельзя. Барыню провести не трудно; она ни во что не входитъ и, пожалуй, ничего не замѣтитъ,—ей бы только было покойно, больше ничего не надо. Тотоша и Вадичка тоже не страшны. Вотъ Зинаида—это другое дѣло: глазъ у нея острый; бѣда, если замѣтитъ. Но и она теперь какая-то чудная стала: все больше молится да сидитъ, запершись, въ своей комнатѣ,—можно какъ-нибудь и отъ нея утаиться. А потомъ...

Стеша не додумала, что будетъ потомъ; отъ усталости и слезъ она вдругъ ослабѣла, и мертвый сонъ сковалъ ее по рукамъ и по ногамъ. Для Стеши начались тяжелые дни и мучительныя, страшныя ночи. Днемъ она старалась казаться такою же, какъ всегда, скрывала свое нездоровье, притворялась веселой и беззаботной, устраивала себѣ изъ волосъ модные коки, шуршала крахмальными юбками и жеманно говорила: „чиво-съ?“ А ночью тихонько плакала въ подушку, прислушивалась къ тому, что было у нея внутри, и то начинала молиться и просить у Бога прощенія, то грозила кому-то кулаками и кляла себя и всѣхъ. Къ будущему своему ребенку она чувствовала страшную ненависть и по утрамъ туго перетягивала себѣ животъ полотенцемъ въ надеждѣ, что онъ задохнется. Но онъ жилъ и росъ, и теплый, мягкій, часто напоминалъ ей о себѣ легкими, нѣжными толчками, которые заставляли ее блѣднѣть отъ ужаса. „У, проклятый!“ думала она и еще туже, сама чуть не задыхаясь отъ боли, стягивала животъ. Въ домѣ, повидимому, никто не замѣчалъ ея беременности, но Стеша постоянно была настороже, и каждый пристальный взглядъ бросалъ ее въ жаръ и ознобъ. Особенно ее смущалъ пьяница-поваръ. Когда она входила въ кухню, онъ такъ сощуривалъ на нее свои опухшіе отъ водки глаза, что вся кровь бросалась Стешѣ въ лицо. Съ дерзостью отчаянія Стеша попробовала его оборвать.

— Что вы на меня все щуритесь? Я вѣдь не солнышко, отъ меня не свѣтится!

Поваръ, вмѣсто отвѣта, еще больше щурилъ свои противные пьяные глаза и многозначительно свисталъ.

Идя по улицѣ и встрѣчая черезчуръ пристальные взгляды прохожихъ, Стеша ускоряла шаги и возвращалась домой

вся красная, злая, съ темными кругами въ глазахъ, съ колючимъ комкомъ въ горлѣ. „Проклятый, проклятый!“ шептала она, прислушиваясь къ толчкамъ внутри. „Хоть бы ты издохъ поскорѣе!“ А ночью плакала и кусала себѣ руки.

M-me Тулупьева послала ее какъ-то къ Цыкову переписать рецептъ. Докторъ, по обыкновенію, сидѣлъ за столомъ въ облакахъ табачнаго дыма и раскладывалъ пасьянсъ. Наскоро подписавъ сигнатурку, онъ взялся было за карты, но поглядѣлъ на Стешу, и беззубый ротъ его растянулся въ игривую усмѣшку.

— Хе-хе-хе, да мы никакъ съ чемоданчикомъ, а?—прохрипѣлъ онъ.

Стеша схватила сигнатурку и бросилась бѣжать, а докторъ хохоталъ ей вслѣдъ и декламировалъ:

„Вспомни, когда была ты невинна предъ богомъ“...

Вечеромъ Стеша пристально осмотрѣла себя въ зеркало и съ ужасомъ увидѣла, что животъ у нея сталъ, совсѣмъ какъ у пріютской прачки. На другой день она потихоньку сбѣгала въ лавки и купила корсетъ. Съ корсетомъ стало не такъ замѣтно, но за то она задыхалась въ немъ: кости, какъ ножи, впивались въ тѣло, отъ боли темнѣло въ глазахъ. Когда она раздѣлась на ночь, ей показалось, что кожа у нея сдѣлалась какъ деревянная, и внутри былъ холодъ и странное молчаніе. Съ дикою радостью она приложила руку къ животу.

— Умеръ?..

— Нѣтъ, нѣтъ, живъ!—отвѣтили ей тотчасъ же радостно и сильно. Это горячее біеніе жизни привело Стешу въ бѣшенство. Ей захотѣлось что-нибудь сдѣлать надъ собой,—выброситься изъ окна, выпить какого-нибудь яду, изрѣзать животъ, только бы уничтожить, вытравить, убить въ себѣ этотъ отвратительный живой комокъ, который пилъ ея кровь, мѣшалъ ей жить и каждую минуту напоминалъ ей о грѣхѣ и позорѣ...

Но она боялась, и на утро, затянутая въ корсетъ, улыбающаяся, съ красными пятнами на щекахъ, выходила изъ гардеробной, убирала комнаты, подавала на столъ, бѣгала въ кухню и отшучивалась, когда кучеръ или дворникъ дѣлали ей комплименты. Все, какъ будто, было по прежнему, и только одна ночь видѣла и знала настоящую Стешу.

Вадичка тоже ничего не подозрѣвалъ,—ему было не до Стеши. Онъ былъ озабоченъ: приближались экзамены, а латынь у него сильно хромала и за третью четверть онъ получилъ двойку. Предусмотрительный директоръ гимназіи, чрезвычайно заботливо относившійся къ успѣхамъ богатень-

кихъ учениковъ вѣжливо предупредилъ объ этомъ „многоуважаемую“ г-жу Тулупьеву и посовѣтывалъ пригласить репетитора. М-me Тулупьева встревожилась, поѣхала къ директору посовѣтоваться и возвратилась утѣшенная: г. директоръ былъ такъ добръ, что указалъ даже, какой репетиторъ можетъ уладить дѣло. Вадичка сначала было заартачился и объявилъ, что ему „начхать“ на латынь, да и на гимназію тоже, но потомъ смирился и со скрежетомъ зубовнымъ началъ каждый день ходить заниматься къ рекомендованному репетитору, который, по странной случайности, приходился роднымъ племянникомъ учителя латинскаго языка. Возвращался онъ оттуда очень поздно, усталый и раздраженный, запирался въ своей комнатѣ на ключъ и никого къ себѣ не пускалъ. Въ первое время Стеша даже рада была этому и сама избѣгала свиданій съ Вадичкой, но затѣмъ обидѣлась и, прокравшись однажды ночью къ Вадичкѣ, устроила ему дикую сцену со слезами, упреками и поцѣлуями. Вадичка былъ ошеломленъ; онъ никогда не думалъ, чтобы это было серьезно, и попробовалъ отдѣлаться отъ Стеши своей обычной грубостью.

— Ну, убирайся, пожалуйста! — сказалъ онъ, отталкивая отъ себя растерзанную, ревущую Стешу.—Терпѣть не могу бабьихъ драмъ; мнѣ некогда такими глупостями заниматься. Когда позову—приходи, а сама не смѣй ко мнѣ врываться. Мнѣ теперь не до нѣжностей; я занятъ.

Но въ Стешу точно бѣсъ вселился. Ея кукольное личико исказилось злобой; углы губъ опустились книзу, румяныя щеки потемнѣли,—она вдругъ постарѣла на десять лѣтъ и изъ веселой, робкой дѣвочки превратилась въ свирѣпую мегеру.

— А, вы вотъ какъ?—прошипѣла она, задыхаясь.—Побаловались, да и будетъ? Ну, ужъ это нѣтъ! Мнѣ на ваши занятія наплевать... Возьму вотъ, да мамашѣ все и разскажу... Такъ вотъ и закричу на весь домъ, — пускай придутъ, да посмотрятъ, а я все и разскажу, все и разскажу...

Вадичка испугался. Бабья драма оказывалась еще хуже латыни... Онъ схватилъ Стешу за руку и посадилъ ее къ себѣ на колѣни.

— Ну, и дура! Вотъ дура-то! - сказалъ онъ съ принужденнымъ смѣхомъ. — Ну, что такое случилось? Ничего не случилось, а она реветъ. Я, братъ, этого не люблю: хочешь меня любить, такъ люби просто, а слезы эти да истерики оставь. У меня и такъ отъ этой проклятой латыни голова трещитъ. Ну, будетъ, перестань, давай лучше цѣловаться.

Они начали цѣловаться, и Стеша ушла отъ Вадички, примиренная и растроганная. Всетаки это былъ единствен-

ный человѣкъ въ домѣ, съ которымъ ей не нужно было очень притворяться и разыгрывать изъ себя беззаботную дѣвочку—Стешу; общій грѣхъ связывалъ ихъ съ Вадичкой, и отъ мысли, что она не одна въ своемъ грѣхѣ и позорѣ, Стешѣ становилось легче.

Но Вадичка послѣ этой сцены призадумался. Связь съ горничной начинала тяготить его и раньше, а теперь Стеша и совсѣмъ уже ему опротивѣла. Онъ вдругъ замѣтилъ, что она и некрасива, и груба, и вульгарна; ему казалось, что отъ нея пахнетъ потомъ и мышами, и когда она приходила къ нему, онъ ежился отъ стыда и отвращенія. Но изъ боязни сценъ и скандаловъ, онъ старался скрывать свое отвращеніе къ ней и насильно принималъ ея наивныя ласки. А когда она уходила отъ него, онъ открывалъ форточку и, угрюмо шагая по комнатѣ, думалъ: „Ну, и влетѣлъ же я въ исторію!“

XII.

На улицахъ журчали ручейки; подъ крышей ворковали голуби; степенныя галки озабоченно долбили носами стѣну, приготовляя будущее гнѣздо. Потомъ горячее весеннее солнце выпило всѣ ручейки и высушило землю; между плитами тротуаровъ пробилась зеленая травка; на сиреняхъ распухли почки, а подъ заборами въ тѣни пробивались какіе-то жирные бѣлорозовые стебельки, торопливо развертывали мохнатыя лапки и черезъ день, черезъ два поваръ съ рѣшетомъ собиралъ уже здѣсь первую крапиву и варилъ зеленыя щи. Но Стеша ничего этого не замѣчала и совсѣмъ не видѣла весны. Весь міръ для нея сосредоточился въ темной гардеробной за шкафомъ, гдѣ она пряталась по ночамъ съ своими мыслями и своей тайной. Тамъ было единственное окно, которое никогда не отворялось, и шумъ весны едва-едва проникалъ въ эту сырую комнату, заваленную разнымъ домашнимъ хламомъ и насквозь пропитанную пылью и паутиной. И вся жизнь казалась Стешѣ похожей на гардеробную: ничего въ ней не было, кромѣ пыли и ненужнаго хлама, и такъ скучно, такъ страшно, такъ темно было жить...

На страстной недѣлѣ Зинаида спросила Стешу:

— Ты что же, умница, говѣть-то будешь?

Стеша смутилась, но скрыла свое смущеніе и развязно отвѣчала:

— Вотъ еще, когда тутъ говѣть, Зинаида Петровна? Кабы раньше сказали, а теперь столько дѣловъ будетъ, и не управиться!

———

Зинаида посмотрѣла на нее съ укоризной. Она сама только что отговѣла и, пріобщившись святыхъ таинъ, чувствовала въ себѣ такую близость къ Богу, что всѣ земныя дѣла представлялись ей пустыми и ничтожными.

— О дѣлахъ-то нечего думать,—сказала она строго.— Дѣла-то не уйдутъ. Дни теперь великіе, молиться надо.

— Ну, еще успѣю намолиться! — воскликнула Стеша и больше не возвращалась къ этому разговору.

Зинаида и сама скоро о немъ забыла. Нужно было готовиться къ празднику: выносили и выбивали мебель, чистили и мыли посуду, серебро, цвѣты, натирали полы, готовили куличи и пасхи, красили яйца. Поваръ, какъ всегда въ торжественныхъ случаяхъ, запилъ, и Зинаидѣ самой пришлось ставить опару и выбивать тѣсто для куличей. Вся святость съ нея соскочила, и съ растрепанными волосами, въ нижней юбкѣ безъ кофты, страшная, потная и злая, она владычествовала въ кухнѣ, какъ жрица какого-то свирѣпаго, обжорливаго божества. Огромная русская печь топилась день и ночь; пламя ревѣло, наполняя кухню удушливымъ жаромъ; на противняхъ жарились индюшки и поросята, запекались жирные окорока, дымился и шипѣлъ кровавый ростбифъ. Стеша дѣятельно помогала Зинаидѣ и, не чувствуя подъ собою ногъ, летала по всему дому, сверху внизъ и снизу вверхъ. Ни ѣсть, ни пить, какъ слѣдуетъ, имъ было некогда: онѣ вставали еще въ потемкахъ, кое-какъ находу пили вчерашній холодный чай съ кускомъ черствой булки, потомъ начиналась стряпня и бѣготня, ставились самовары, убирались комнаты, вынимались изъ печи горячіе куличи,—и только поздняя ночь сваливала ихъ, наконецъ, гдѣ попало, чтобы хоть на минутку дать передышку омертвѣлымъ отъ усталости членамъ.

Въ такомъ аду прошла вся Страстная; за то, когда полночные колокола загудѣли надъ городомъ, въ тулупьевскомъ домѣ все было готово, и свѣтлое праздничное настроеніе разливалось по чистымъ, красиво убраннымъ комнатамъ. Передъ образами тихо сіяли кроткія лампады, и нѣжный свѣтъ ихъ отражался точно въ водѣ въ блестящемъ паркетѣ половъ. Бѣлоснѣжные занавѣсы пышными складками ниспадали съ золоченыхъ багетъ, и только чуть-чуть замѣтный запахъ утюга и крахмала, сохранившійся въ этихъ складкахъ, напоминалъ о корытахъ съ мыльной водой, объ угарной прачешной, о чьихъ-то мозолистыхъ рукахъ, много поработавшихъ сегодня. Все блестѣло, сверкало, нигдѣ не было ни пылинки. Пасхальный столъ былъ накрытъ въ залѣ, и на немъ, среди вазъ и корзинъ съ цвѣтущими гіацинтами, желтофіолями, примулами, торжественно и важно стояли

приземистые куличи, возвышались стройныя, воздушныя бабы и красовалась на особомъ блюдѣ какая-то необыкновенная сливочная пасха, которая называлась „умопомрачительной“ и представляла гордость Зинаиды. Тонкій запахъ цвѣтовъ сливался съ запахомъ сдобнаго тѣста и за[illegible]сокъ и наполнялъ залу какимъ-то особеннымъ праздн[illegible]нымъ ароматомъ, который пріятно щекоталъ горло, возбуждалъ мозгъ и вызывалъ въ воображеніи цѣлую вереницу легкихъ, воздушныхъ картинъ пріятной праздности и веселья. И, глядя на этотъ красиво убранный столъ, покрытый блестящей скатертью съ изящно связанными внизу концами, вдыхая въ себя нѣжный ароматъ весеннихъ цвѣтовъ, какъ-то странно было думать о темномъ, сыромъ подвалѣ, о раскаленной печи, дышущей адскимъ жаромъ, о безсонныхъ ночахъ, грязной посудѣ, помойныхъ ведрахъ, объ измученныхъ людяхъ, растрепанныхъ, обозленныхъ, ругающихся изъ-за какой-нибудь коринки, которой не хватило, изъ-за тѣста, которое не взошло, изъ-за сливокъ, которыя не во время скислись... Казалось, что ничего этого нѣтъ и не можетъ быть, что этотъ красивый столъ самъ собою явился среди цвѣтовъ, точно въ сказкѣ... А тихій свѣтъ лампады, бѣлая пѣна кружевныхъ занавѣсовъ, чуткая тишина, пѣніе праздничныхъ колоколовъ навѣвали сладкіе сны и говорили о томъ, что человѣкъ созданъ для радости и счастья.

М-me Тулупьева въ свѣтломъ платьѣ, элегантно причесанная, вышла изъ своей комнаты, заглянула въ залу и осталась очень довольна. Все было такъ, какъ всегда, по тулупьевски,—изящно, красиво и обильно. „Зинаида положительно незамѣнима!“ подумала она. Какъ бы отвѣчая на эту мысль, вынырнула откуда-то Зинаида и остановилась передъ барыней. Она была одѣта въ синее шерстяное платье, обшитое кружевами, на головѣ кружевной чепчикъ съ голубыми бантами; въ лицѣ умиленная торжественность и кроткое спокойствіе.

— Сударыня, я въ церковь иду. Куличи и пасхи надо святить.

— Хорошо. Андрей заложилъ лошадь?

— Ужъ поданы. Давно дожидаются.

— Мы въ гимназическую церковь поѣдемъ. Скажи Вадичкѣ, чтобы одѣвался; я уже готова. Сейчасъ и Тотоша выйдетъ.

— Слушаю, сударыня. Разговляться одни будете?

— Не знаю, можетъ быть, тетя Лида заѣдетъ. А кто же у насъ дома останется?

— Степанида остается.

Выбѣжала Тотоша въ воздушномъ бѣломъ платьицѣ,

легонькая, кудрявая, веселая, точно весенняя бабочка. Она обѣжала кругомъ стола, понюхала цвѣты, увидѣла сливочную пасху и радостно всплеснула руками.

— Ахъ, умопомрачительная пасха! Мамочка, я больше всего на свѣтѣ ее люблю.

M-me Тулупьева и Зинаида снисходительно улыбались.

Вышли въ переднюю. Вадичка былъ уже тамъ и, брюзжа, натягивалъ бѣлыя перчатки, которыя ему были малы. M-me Тулупьева смотрѣла на него съ гордостью: онъ былъ очень строенъ въ новомъ мундирѣ на бѣлой шелковой подкладкѣ, и отросшіе усики, обильно смазанные таинственнымъ усатиномъ, очень къ нему шли. Совсѣмъ молодой человѣкъ... пріятно быть матерью такого красиваго сына.

— Степанида, что же ты одѣваться не подаешь?—заговорила Зинаида, появляясь въ передней съ огромными узлами въ обѣихъ рукахъ.—Стоитъ, какъ идолъ!.. Не видишь, я съ куличами...

Степанида бросилась къ вѣшалкѣ. Въ затрапезномъ платьѣ, не причесанная, съ красными и опухшими отъ безсонныхъ ночей глазами, она была грязнымъ пятномъ среди бѣлыхъ лентъ, бѣлыхъ кружевъ, бѣлыхъ перчатокъ, наполнявшихъ переднюю. Просовывая руки въ рукава пальто, Вадичка взглянулъ мелькомъ на ея постарѣвшее, поблекшее лицо и сейчасъ же потупился съ смутнымъ чувствомъ стыда и боязни, которое онъ всегда испытывалъ, встрѣчаясь съ Стешей въ присутствіи другихъ.

— Скорѣй, скорѣй, дѣти!—торопила m-me Тулупьева.—Опоздаемъ!

Всѣ заспѣшили выходить. Но, сбѣгая по лѣстницѣ, Вадичка не переставалъ думать о Стешѣ, которая оставалась въ домѣ одна въ эту свѣтлую, праздничную ночь, полную таинственной радости, и ему вдругъ стало ее жаль. Гулъ колоколовъ, отъ котораго, казалось, дрожало небо, свѣжій вѣтерокъ съ запахомъ весны и земли, крупныя, молчаливыя звѣзды, разсыпанныя въ бездонной синевѣ,—все это говорило о великой всепрощающей любви и согрѣло холодное Вадичкино сердце. Онъ вспомнилъ, что въ карманѣ у него лежитъ подарокъ для Стеши, и захотѣлъ ее утѣшить.

— Ахъ, платокъ забылъ!—воскликнулъ онъ, останавливаясь.—Садитесь пока, я сейчасъ...

Онъ побѣжалъ назадъ и отворилъ дверь въ переднюю. Стеша сидѣла у стола, опустивъ голову на руки, и плакала.

— Что ты?.. О чемъ?—спросилъ Вадичка растерянно.

— Такъ... — пробормотала Стеша, поспѣшно вытирая глаза.

Вадичка посмотрѣлъ на нее, и нѣжное чувство къ ней, навѣянное поэзіей пасхальной ночи, быстро потухло. Но онъ переломилъ себя и подошелъ къ ней.

— А я... вотъ видишь... похристосоваться.. Завтра, можетъ, нельзя будетъ... такъ вотъ... На, возьми!

Онъ неуклюже вынулъ изъ кармана дешевое фарфоровое яйцо и положилъ передъ Стешей. Она равнодушно взглянула на подарокъ и, громко всхлипнувъ, повисла у Вадички на шеѣ.

— Миленькій, хорошенькій...—бормотала она, прижимаясь къ его лицу мокрыми отъ слезъ щеками.—Не надо мнѣ, ничего не надо... Я и такъ васъ до смерти люблю... а ты... не любишь... никто меня не любитъ... бѣдная я... несчастная я...

— Ну, будетъ!—сказалъ Вадичка, брезгливо отъ нея отстраняясь.—Уйди... воротничекъ сомнешь. Отъ тебя мышами пахнетъ.

— Миленькій! хорошенькій!—взвыла Стеша и вцѣпилась ему въ пальто.

— Идіотка!—прошепталъ Вадичка и, оттолкнувъ ее отъ себя, побѣжалъ внизъ. Платокъ, пропитанный духами, оказался у него въ карманѣ, и всю дорогу до церкви Вадичка тщательно стиралъ имъ съ своего лица слѣды Стешиныхъ слезъ и поцѣлуевъ.

Стеша осталась одна. Тоска и обида раздирали ея сердце; ей казалось, что всѣ нарочно ее бросили, забыли, что никто ея не жалѣетъ и не любитъ. Гулъ колоколовъ, наполнявшій весь городъ, еще больше подчеркивалъ ея одиночество и пустую тишину дома. Стеша представляла себѣ оживленіе улицъ, ярко освѣщенныя церкви, нарядную, веселую толпу, радостное пѣніе, радостные голоса, и ей хотѣлось уйдти куда-нибудь, исчезнуть, умереть... Лучше всего умереть, потому что уйдти было некуда. Куда бы она ни пошла, ея позоръ, ея животъ пойдетъ вмѣстѣ съ нею, и вездѣ она встрѣтитъ такихъ же злыхъ, равнодушныхъ и подлыхъ людей. Никто ея не пожалѣетъ, и некому ей разсказать о своемъ несчастьи. А вѣдь еще недавно она была такая же, какъ и всѣ, и также ходила къ заутренѣ со всѣми и также радовалась, и ставила свѣчи передъ образами, и пѣла „Христосъ воскресе"... Стеша закрыла глаза, и ей, точно вчера это было, ярко вспомнилась прошлогодняя Пасха, пріютскій садъ, гдѣ онѣ катали яйца, крикъ грачей на сырыхъ дорожкахъ, голубые подснѣжники, пробивающіеся сквозь истлѣвшіе листья, беззаботный смѣхъ, беззаботная бѣготня и... Пашенька. Пашенька! Это имя заставило Стешу встрепенуться и высушило слезы на ея глазахъ. Пашенька...

вотъ кому можно все разсказать безъ страха и стыда! Она умная и добрая, хоть и сердитая; она смѣяться не будетъ и, навѣрное, что-нибудь посовѣтуетъ, а если и выругаетъ, то это не бѣда, такъ и надо...

„Дура я, дура!—думала Стеша.—И Пашенька всегда меня дурой называла. Какъ это я про нее забыла. Отпрошусь завтра и пойду въ пріютъ. Все разскажу до капельки, а Пашенька придумаетъ, какъ мнѣ быть. Милая моя Пашенька, добренькая злючка, выручи меня, дурочку, изъ бѣды!“

Колокола замолчали; тулупьевскій домъ цѣпенѣлъ въ объятьяхъ тишины. Только изрѣдка съ желѣзной дороги доносились короткіе, сиплые свистки паровоза и снова падали въ тишину, точно перехваченные чьею-то гигантскою рукой.

Стеша отворила окно, и чистое, холодное небо, окропленное частыми, холодными звѣздами, заглянуло въ душную переднюю, дохнуло свѣжестью въ заплаканное лицо Стеши, разсѣяло мрачный кошмаръ, который день и ночь давилъ ея испуганную душу. Робкая надежда затеплилась въ Стешиномъ сердцѣ. Она легла грудью на подоконникъ и, глядя на звѣзды, которыя казались ей очами всевидящаго Бога, стала молиться. „Господи, золотой мой, драгоцѣнный, прости меня, грѣшную!“ наивно шептала она. „Господи, иже еси на небеси, спаси меня, я больше никогда не буду... Помилуй меня и отпусти, какъ отпустилъ блудницу, и избави меня отъ лукаваго. Господи, Батюшка мой родненькій, пожалѣй меня, глупую, несчастную сиротку...“ И ей чудилось, что небо слышитъ эту молитву, и дѣтская душа ея вѣрила, что Богъ пожалѣетъ ее и проститъ...

Въ сосѣдней церкви затрезвонили весело и торопливо, точно спѣша прежде всѣхъ возвѣстить міру, что Христосъ не умеръ, а живъ, что Онъ во всей славѣ своей возсталъ изъ могильнаго тлѣнія и мрака. „Христосъ воскресе!“ прошептала Стеша и перекрестилась. „Обошли уже съ крестнымъ ходомъ... хорошо теперь въ церкви, свѣтло, всѣ христосуются Сейчасъ, пожалуй, и наши придутъ...“—Она затворила окно, и небо съ своими недремлющими Божьими очами ушло отъ нея далеко, и снова ея просвѣтлѣвшая душа, какъ птица въ клѣтку, вернулась въ эту душную тишину пустого тулупьевскаго дома. Такъ же ярко горѣла стѣнная лампа, и на столѣ лежало фарфоровое яйцо. Стеша взяла его и открыла бронзовую крышку; изъ яйца выскочилъ серебряный рубль и съ сухимъ звономъ покатился по полу. Что-то обидное, похожее на презрительный Вадичкинъ смѣхъ, было въ этомъ звонѣ, и Стешино сердце снова заки-

пѣло слезами негодованія. „Нашелъ чего подарить!“ подумала она, поднимая рубль. „Расщедрился тоже... Небось, барышнямъ своимъ эдакъ не дарятъ, а горничная—она таковская; сунулъ цѣлковый въ зубы и думаетъ—правъ. А я вотъ не возьму твоего цѣлковаго, на кой онъ мнѣ нуженъ?“

Стеша сердито сунула рубль обратно въ яйцо и положила подарокъ на Вадичкиномъ столѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ. А на улицѣ уже гремѣли пролетки, слышались оживленные голоса, народъ возвращался отъ заутрени и кто-то нетерпѣливо звонилъ у подъѣзда.

XIII.

На другой день послѣ обѣда Стеша отправилась въ пріютъ. Вчерашнія покаянныя мысли смѣнились суетнымъ желаніемъ показаться подругамъ въ полномъ блескѣ, и маленькая грѣшница разрядилась въ пухъ и прахъ. Она затянула въ корсетъ свою располнѣвшую талію, надѣла шелковую юбку, подаренную ей барыней, взбила кокъ на лбу, напудрила щеки и въ такомъ легкомысленномъ видѣ вошла въ пріютскій подъѣздъ. Отъ голыхъ стѣнъ корридора на нее повѣяло знакомымъ холодомъ, и когда дѣвочки въ бѣлыхъ праздничныхъ фартукахъ веселою, болтливою гурьбой окружили ее, Стеша немного смутилась и почувствовала себя чужой и страшно далекой отъ своей прежней жизни.

— Ну, что? Какъ ты? Хорошо живешь? Весело?—трещали дѣвочки, жадно разсматривая ея платье, прическу, перчатки на рукахъ, даже башмаки, которые были такъ непохожи на ихъ собственную неуклюжую обувь, извѣстную подъ названіемъ „шлепуновъ“.

Стеша конфузилась подъ ихъ любопытными взглядами, но въ душѣ была польщена такимъ вниманіемъ и охотно отвѣчала на вопросы.

— Живу ничего, слава Богу... Господа хорошіе, работа не трудная. Пища со стола... къ празднику подарки. Все, какъ слѣдуетъ...

— Счастливая! А у насъ-то тоска-тоскучая... Живемъ по командѣ, какъ въ арестантскихъ ротахъ. Ты ужъ, небось, все забыла, а мы день и ночь молимся,—скорѣй бы на волю!..

Стеша ничего имъ не возражала и, слушая оживленную болтовню, высматривала по сторонамъ Пашеньку. Но Пашеньки не было.

— А гдѣ же Пашенька?—спросила она, наконецъ.

Дѣвочки всѣ сразу замолчали и съ удивленіемъ посмотрѣли на Стешу.

— Пашенька? Ея нѣтъ. Да развѣ ты ничего не знаешь?

— Ничего не знаю. А что? Она на мѣсто поступила?

Дѣвочки пугливо переглянулись, потомъ еще тѣснѣе сдвинулись вокругъ Стеши и зашептали:

— Ахъ, нѣтъ, какое тамъ мѣсто! Ее выгнали...

У Стеши упало сердце, точно она въ пропасть провалилась.

— Какъ выгнали? За что?

— Тутъ цѣлый скандалъ вышелъ... Лизутка, поди, стань на караулѣ, смотри, какъ бы „стоглазая" не вышла.. Какъ покажется, такъ и бѣги...

Лизутка стала на часахъ у дверей Ольги Игнатьевны, а дѣвочки, перебивая другъ друга, начали разсказывать, какъ было дѣло.

— Ты знаешь, вѣдь Пашенька всегда отчаянная была. Со всѣми зубъ за зубъ, и все какія-то книжки читала. Сколько ей мѣстовъ выходило, она ни за что. Не хочу, говоритъ, чужіе горшки выносить,—всѣ люди одинаковые, а я пойду лучше въ село деревенскихъ ребятъ грамотѣ учить. Экзаменъ хотѣла держать и все по ночамъ учебники долбила. Вотъ „стоглазая" подсмотрѣла, да и нажаловалась на нее. Сдѣлали обыскъ, нашли книжки запрещенныя..

— И врешь, вовсе не запрещенныя!—перебилъ кто-то.— Естественная исторія была, да еще какая-то критика...

— Ну, все равно, намъ критику нельзя читать. Вотъ и собрались всѣ: попечитель нашъ пріѣхалъ, Мальская— чисто совѣтъ нечестивыхъ! Позвали Пашеньку на расправу. А она возьми, да при всемъ соборѣ Мальскую дурой и окрести. Такъ и сказала: „шпіонка вы, говоритъ, и дура!.." Ну, ее сейчасъ же и выставили. Собрала она свои книжки и ушла.

— Куда ушла?—спросила Стеша.

— Неизвѣстно. Намъ съ ней и проститься не позволили. Только и посейчасъ отъ „стоглазой" житья нѣтъ: вездѣ ищетъ, по карманамъ лазитъ, подъ тюфяками смотритъ, не завелась ли гдѣ критика. Вотъ намедни...—По корридору мчалась испуганная Лизутка, махая руками.

— Идетъ! Идетъ!

Дѣвочки разступились, принявъ невинный видъ. Къ нимъ подошла Ольга Игнатьевна, немножко заспанная, но все такая же прилизанная и засохшая, какъ мумія, тысячу лѣтъ пролежавшая въ гробу. Стеша почтительно съ ней похристосовалась, и Ольга Игнатьевна удостоила прикоснуться къ ея губамъ своими холодными, жесткими губами, отъ которыхъ пахло цикоріемъ и губной помадой.

— Какая толстая стала! — сказала она, подозрительно осматривая Стешу.—Хорошо живешь?

— Ничего, слава Богу,—отвѣчала Стеша, вся вспыхивая подъ пронзительнымъ взглядомъ „стоглазой“.

— Ну, вотъ видишь!—наставительно вымолвила надзирательница.—Наши пріютскія всегда мѣстами довольны. Будь сама хороша, и тебѣ будетъ хорошо, а возноситься нечего. Изъ грязи не выйдешь въ князи...

Она долго еще что-то говорила тягучимъ, тошнымъ голосомъ и разспрашивала Стешу о Тулупьевыхъ, о томъ, сколько комнатъ, какъ ѣдятъ у нихъ, кто бываетъ... Стеша была уже на улицѣ, а ей все казалось, что въ ушахъ у нея жужжитъ сухая, холодная, скучная рѣчь ея бывшей воспитательницы. Опомнилась она только передъ подъѣздомъ Тулупьевскаго дома. Здѣсь все было по прежнему, ничто не измѣнилось, и опять нужно идти въ свой уголъ за шкафомъ, гдѣ ждутъ ее тѣ же мучительныя ночи съ мучительными мыслями, съ мучительнымъ стыдомъ. Пашеньки нѣтъ, и некому помочь, не съ кѣмъ поговорить о своей бѣдѣ. „Шабашъ!“ думала Стеша, тяжело взбираясь по черной лѣстницѣ наверхъ. „Пропадать, такъ пропадать“...

У m-me Тулупьевой были гости: тетя Лида, m-me Мальская и мироточивый Іосафъ, который обыкновенно съ наступленіемъ праздниковъ переставалъ ѣсть на свой счетъ и кормился, переходя изъ дома въ домъ, у пасхальныхъ столовъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ. Когда Стеша возвратилась изъ пріюта, онъ уже былъ и сытъ, и пьянъ, и его жирный, хрюкающій голосъ наполнялъ весь домъ. Зинаида въ столовой возилась съ кофейнымъ приборомъ.

— Ну-ка, барыня, возьми подносъ, да кофей въ гостиную отнеси, — сказала она Стешѣ. — Устала я, какъ сучка, прости ты меня, Господи, а ты гуляешь. Пожалѣла бы мою старость.

Стеша, угрюмо насупившись, смотрѣла на густую коричневую струю, лившуюся изъ кофейника въ чашки, и острая ненависть къ этому дому, къ вѣчной ѣдѣ, ко всей этой сытой, праздной жизни зажглась въ ея сердцѣ.

— Мы-то жалѣемъ!—пробурчала она.—Вотъ насъ-то никто не жалѣетъ...

Зинаида съ удивленіемъ взглянула на потемнѣвшее лицо Стеши.

— Чего ты? Еще не нагулялась? Дуется, какъ мышь на крупу! Бери подносъ, тебѣ говорятъ!

— Еще успѣютъ нажраться-то!—еще угрюмѣе проговорила Стеша. Кофе былъ налитъ, и пряный ароматъ его щекоталъ ноздри. Стешу мутило, туго стянутый корсетъ давилъ ей

грудь и жегъ ее, точно раскаленными щипцами. Раздѣться бы теперь, лечь въ постель, отвернуться къ стѣнѣ и плакать, плакать, плакать... Но надо было нести кофе, и, отвернувъ голову, чтобы не вдыхать въ себя его противнаго запаха, Стеша съ злымъ лицомъ взяла подносъ и пошла въ гостиную.

Тамъ сидѣли тѣснымъ кружкомъ вокругъ m-me Мальской, которая разсказывала что-то интересное. Это было видно потому, что всѣ были взволнованы: m-me Тулупьева вздыхала и ахала, не выпуская изъ рукъ кружевного платочка; у тети Лиды такъ тряслась голова, что накладка сдвинулась въ сторону и обнаружила желтую плѣшь; Іосафъ, выпятивъ животъ, негодующе хрюкалъ и изрѣдка издавалъ свирѣпые возгласы: „Ха!.. Безобразіе!.. Розгачей бы!.. Распрротокан-нальи эдакія"!..

— Вы представить себѣ не можете, что я вынесла!—трагически говорила m-me Мальская, стараясь сдѣлать такое лицо, какое она видѣла у одной московской актрисы въ роли Жанны d'Аркъ.—Это былъ для меня такой ударъ, такой ударъ!.. Эти несчастныя дѣвочки... я ихъ люблю, какъ своихъ собственныхъ дочерей. Я свою жизнь имъ посвятила... я ночей не сплю... я совершенно отказалась отъ общества ради нихъ... И вотъ награда...

— Но какъ же она смѣла? Какъ она смѣла?—стонала m-me Тулупьева.

— Откуда это у нихъ? Гдѣ онѣ видятъ это? Гдѣ слышатъ?

— Но, ma chère, развѣ я вамъ не говорила? Вѣдь у нея подъ подушкой нашли .. Писарева!..

— Писарева?!—воскликнули всѣ въ одинъ голосъ и съ ужасомъ переглянулись, какъ будто въ гостиную вдругъ вползло отвратительное чудовище.

Стеша разносила кофе и жадно прислушивалась къ разговору. Она уже догадалась, что рѣчь идетъ о пріютскомъ скандалѣ; злая радость сверкала въ ея глазахъ, и въ то время, какъ она въ почтительной позѣ стояла съ подносомъ передъ m-me Мальской, ей хотѣлось засмѣяться прямо въ ея напудренное лицо. „Ишь, раскудахталась!" думала она: „Молодчина—Пашенька, ловкую пулю отлила, за всѣ наши сиротскія слезы отплатила. Что, съѣла дуру, фуфыря длиннохвостая? Небось, не нравится? То-то, попробуй сама... не все нашей сестрѣ отъ васъ всякій срамъ переносить"...

— Спасибо, милая, — небрежно сказала m-me Мальская, взявъ съ подноса чашку, и снова продолжала:—Когда я увидѣла эту ужасную книгу, я чуть не умерла... Это на меня

такъ подѣйствовало!.. Я потомъ нѣсколько дней рукъ не могла отмыть... Мнѣ все казалось, что я отравлена.

— Еще бы!—сочувственно проговорила тетя-Лида.—Писаревъ!.. Mon Dieu! Я шестьдесятъ лѣтъ живу на свѣтѣ и никогда въ руки не брала этихъ книгъ. Воображаю, что тамъ пишутъ!.. Страшно подумать. Cela me fait venir la peau de poule!

— Ахъ, онѣ ничего не боятся! Эта... госпожа имѣла дерзость сказать мнѣ на совѣтѣ возмутительную вещь... Для васъ, говоритъ, Писаревъ все равно, что для чорта ладонъ... Каково?

— Quelle pimbêche!—прошептала тетя Лида, и накладка у нея съѣхала на другой бокъ.

— Сами виноваты! — сказалъ Іосафъ, подливая себѣ въ кофе коньяку.—Возитесь съ этой дрянью, всячески ублажаете, вотъ и распустили, разбаловали и дожили до того, что всякая теперь кухарчонка въ студентессы лѣзетъ! Спрашивается, на кой чортъ ихъ учатъ? По моему такъ: кухарка—стряпай, прачка—стирай. Это законъ природы, а къ книжкамъ я бы ихъ на пушечный выстрѣлъ не подпускалъ. Не твое дѣло, матушка!

— Ахъ, правда!—хоромъ пропѣли дамы.

— А то пошли эти гимназіи разныя, стипендіи, акушерскіе курсы какіе-то!—продолжалъ Іосафъ.—Баловство все это, больше ничего! Никакого акушерства мужику не нужно. Я, когда гласнымъ былъ, ни одной стипендіи не пропустилъ. Бывало, читаютъ въ собраніи: „прачкина дочь такая-то, желая изучать медицину, проситъ дать ей стипендію“... Я всегда противъ. Помилуйте, говорю, господа, что же это будетъ, когда всѣ прачки медицину захотятъ изучать? Самимъ, что ли, бѣлье-то стирать? А? Да такую имъ картину нарисую, что твой послѣдній день Помпеи... Притихнутъ мои голубчики и единогласно: отказать!..

— Ахъ, все это было!—меланхолически вздохнула m-me Тулупьева.—Теперь уже не то...

— Теперь не то! — какъ эхо, повторила m-me Мальская. Теперь *они* вездѣ и занимаютъ первыя мѣста. Это ужасно!

— Ну, гдѣ же это?—проворчалъ Іосафъ и подлилъ себѣ коньяку уже безъ кофе.

— Ахъ, Боже мой, вездѣ! Кто пишетъ въ газетахъ, въ журналахъ? Они! Кто служитъ въ земствахъ? Они! Кто учится въ гимназіяхъ, въ университетахъ, въ академіяхъ? Все они, они и они... Это положительно какое-то Мамаево нашествіе... Страшно жить!

— C'est vrai, c'est vrai!—прокаркала тетя Лида.—Я вамъ говорю—cela touche... Rien n'y fait!

Стеша съ пустымъ подносомъ стояла за дверями и слу-

шала. Она понимала не все, но чутьемъ ловила смущеніе и растерянность въ голосахъ господъ, и это доставляло ей жгучее удовольствіе. Чьи-то шаги заставили ее быстро отпрянуть отъ двери.

Вошелъ Вадичка.

— А, Степанида-Соломонида!—иронически сказалъ онъ — Ну-ка, поди сюда.

Степанида смотрѣла въ землю и не двигалась. Въ эту минуту она не чувствовала къ Вадичкѣ никакой любви, и его насмѣшливое обращеніе къ ней возбудило въ ея душѣ глухую злобу.

Вадичка посмотрѣлъ на ея пылающія щеки и подошелъ къ ней самъ.

— Ты зачѣмъ же это яйцо ко мнѣ на столъ положила?— тихо спросилъ онъ.—Вѣдь я тебѣ его подарилъ?

— Не нуждаюсь!—угрюмо вымолвила Стеша.

— Вотъ тебѣ и разъ! Чего ты злишься? Ну, возьми, пожалуйста, что это за дурацкія выходки? Слышишь?

— Слышу!—отозвалась Стеша и, повернувшись къ нему спиной, вышла.

Вадичка покраснѣлъ и хотѣлъ было обозвать ее, по обыкновенію, дурой, но почему-то раздумалъ и, хмурый, удалился въ свою комнату. Дѣло начало принимать серьезный оборотъ.

XIV.

Послѣ Пасхи въ городѣ сразу наступила жара; горячая пыль носилась по улицамъ, раздражающе трещали по камнямъ пролетки, и m-me Тулупьева собралась въ деревню къ дядѣ своего покойнаго мужа. Прежде они уѣзжали всегда въ концѣ мая или въ началѣ іюня, когда у Вадички кончались занятія, но въ этомъ году m-me Тулупьева рѣшила ускорить свой отъѣздъ, чтобы доставить какъ можно больше удовольствія Тотошѣ, которая осенью должна была поступить въ институтъ. Дома оставались Вадичка, Зинаида, Стеша и дворникъ; повара, наконецъ, прогнали за пьянство, а кучеръ Андрей съ лошадьми отправился въ имѣніе до осени. Въ комнатахъ стало какъ-то пусто и неуютно; картины и зеркала были затянуты зеленой марлей отъ мухъ; лампы стояли въ чехлахъ; ковры вынесли въ кладовую, вездѣ пахло листовымъ табакомъ и нафталиномъ. Вадичка ходилъ злой и ко всѣмъ придирался, потому что ему не хотѣлось учиться и досадно было, что онъ не можетъ уѣхать въ деревню, но Стеша радовалась отъѣзду господъ и послѣдніе дни ожила и повеселѣла. Ее измучила необходимость вѣчно притво-

ряться и затягиваться въ корсетъ, и смутная надежда, что все какъ-нибудь уладится и кончится незамѣтно, зародилась въ ея душѣ.

Уѣзжали 29 апрѣля. Пара извозчичьихъ пролетокъ уже стояла у подъѣзда, и Стеша, обливаясь потомъ, таскала чемоданы и корзины. M-me Тулупьева и Тотоша, одѣтыя по дорожному, прощались съ Вадичкой, который дулся и брюзжалъ.

— Ну, мой дружочекъ, до свиданія!—говорила m-me Тулупьева, крестя Вадичку одной рукой, а другой смахивая съ глазъ набѣгавшія слезы.—Учись, голубчикъ... пожалуйста, не пропускай уроковъ!

— Да знаютъ ужъ!—ворчалъ Вадичка, равнодушно принимая материнскія ласки и благословенія.— Вамъ хорошо... а тутъ сиди въ этой духотищѣ и зубри... Очень пріятно!

— Что же дѣлать, Вадичка, вѣдь необходимо... Здоровье, здоровье береги, мой другъ,—ложись пораньше и, пожалуйста, не ходи по... садамъ, театрамъ разнымъ... Богъ съ ними! Ничего хорошаго тамъ нѣтъ. Зинаида, ты смотри хорошенько... я тебѣ поручаю!

— Слушаю-съ!!—отзывалась Зинаида, стоявшая поодаль въ кашемировой накидкѣ и кружевномъ платочкѣ. Она тоже ѣхала провожать Тулупьевыхъ на вокзалъ.

Прибѣжала запыхавшаяся Стеша и объявила, что все готово.

— Ну, пойдемте, мамаша!—нетерпѣливо сказалъ Вадичка.— Опоздаете на поѣздъ!

На одну пролетку сѣли Вадичка съ m-me Тулупьевой, на другую—Зинаида съ Тотошей. Стеша бѣгала отъ одной пролетки къ другой, подсаживала, перекладывала удобнѣе вещи, закутывала плэдами ноги m-me Тулупьевой.

— Прощайте, барышня!—шепнула она Тотошѣ и взяла ее за руку, чтобы поцѣловать.

Но Тотоша, сморщившись, выдернула руку и нетерпѣливо крикнула извозчику: „поѣзжай!“

„Ишь ты какая!“ съ обидой подумала Стеша. „Прежде ласковая была, а теперь... словно чуетъ!“

Пролетки, подпрыгивая и дребезжа, отъѣхали; Стеша проводила ихъ глазами и пошла въ домъ.

— Проводили господъ?—крикнулъ ей дворникъ, стоявшій у воротъ, и двусмысленно захохоталъ.—Скучать будете, приходите къ намъ въ гости!

Стеша не отвѣтила и захлопнула за собою дверь. Въ опустѣвшихъ комнатахъ ее охватило чувство свободы и покоя. Она прошлась по гостиной, заглянула въ спальню m-me Тулупьевой и отворила окно, выходившее въ садъ. Оттуда

пахнуло свѣжестью, ароматомъ распускающихся листьевъ, сырымъ запахомъ нагрѣтой земли.

Все жило, сверкало, радовалось, и Стешѣ хотѣлось жить и радоваться. Побѣгать бы теперь по дорожкамъ, попрыгать, какъ эти воробушки, поваляться на жидкой, но уже мягкой, нѣжной травкѣ... Стеша громко засмѣялась, но сейчасъ же вздрогнула и отпрянула отъ окна... Туго стянутое корсетомъ живое существо забилось въ ней, какъ будто напоминая о себѣ—капризно, настойчиво, властно: „я здѣсь! я здѣсь!"

— Нѣтъ, ужъ видно, не гулять мнѣ больше!—прошептала Стеша и, закрывъ окно, согнувшись, какъ старуха, тяжело шаркая ногами, побрела къ себѣ въ гардеробную полежать.

Послѣ отъѣзда m-me Тулупьевой въ домѣ потекли однообразные, тихіе, длинные дни. Вадичка, освободившись изъ подъ надзора матери, большую часть времени проводилъ внѣ дома,—утро въ гимназіи, вечеръ у товарищей, и возвращался къ себѣ часа въ два, въ три ночи. Стеши онъ избѣгалъ; у него завелись другія интрижки, болѣе интересныя, а когда горничная попадалась ему на глаза, онъ молча старался проскользнуть мимо. Стеша была рада этому; беременность и вѣчный страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ вытѣснили всѣ другія чувства, и любовь ея къ Вадичкѣ остыла. Она цѣлые дни просиживала въ гардеробной у окна, перешивая какія-то тряпки. Зинаида ея не тревожила: она тоже наслаждалась покоемъ и чаще обыкновеннаго чистила себѣ зубы табакомъ. Ухаживать было не за кѣмъ, бѣгать некуда, убирать нечего. Кушанья готовились только для Вадички, а сами онѣ питались разогрѣтыми остатками и пили чай. Разговаривать имъ было не о чемъ, и когда Вадичка уходилъ изъ дому, домъ погружался въ мертвое молчаніе.

— Чисто у васъ монастырь теперь!—говорилъ дворникъ, встрѣчая иногда Стешу на дворѣ или за воротами.—Скукота, я погляжу, хоть бы погулять вышли! Чай, не старушка!

Онъ пробовалъ было поухаживать за Стешей, подъѣзжалъ къ ней съ сѣмечками, съ орѣшками, съ гармоникой, но Стеша не поддавалась и даже не замѣчала его подходовъ. Животъ ея росъ, а вмѣстѣ съ нимъ росли и заботы о томъ, что будетъ. Не радовали ея ни зеленая весна, ни блескъ и трепетаніе молодой листвы, ни звонкіе голоса птицъ, и ликующій шумъ жизни не достигалъ до ея подавленнаго сознанія.

Она давно забыла, какъ смѣются, и, отупѣвшая, молчаливая, какъ больной звѣрь, пряталась въ своемъ углу, избѣгая людей, избѣгая улицъ. Здѣсь ей казалось безопаснѣе, и,

когда Зинаида посылала ее зачѣмъ-нибудь въ лавки, она неохотно шла и спѣшила вернуться домой.

Зинаидѣ сначала это нравилось, а потомъ она стала удивляться.

— И чего ты все сидишь?—говорила она.—Пошла бы, погуляла, за воротами бы посидѣла,—а то лѣто пройдетъ, не воротишь!

— Не хочется, Зинаида Петровна,—отвѣчала Стеша.

„Замоталась дѣвка за зиму, отдыхаетъ!" думала Зинаида: „Ну, пускай"...

И, начистивъ зубы табакомъ, ложилась на кровать и погружалась въ туманныя грезы о быломъ, когда и солнце было ярче, и жили веселѣе, и сама она была не сморщенною, высохшею старушонкой, „кіевской вѣдьмой", а статною, чернобровой красоткой...

А весна распускалась пышно и красиво, подъ окнами цвѣла бѣлая и лиловая сирень, въ акаціяхъ жужжали пчелы, и нѣжный, какъ дыханіе ребенка, вѣтерокъ о чемъ-то шептался съ старой яблонькой и цѣловалъ ея бѣло-розовые цвѣты. Галки подъ крышей уже вывели птенцовъ, и они съ утра до вечера жадно и нетерпѣливо пищали, а по ночамъ, когда затихала уличная ѣзда, въ кустахъ у воротъ пѣлъ соловей. Все жило, все радовалось...

В. І. Дмитріева.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

АББАТЪ ЖЮЛЬ.

Романъ *Октава Мирбо.*

Переводъ съ французскаго **С. Б.**

I.

Мои родители почти никогда не разговаривали между собою, кромѣ случаевъ, когда отецъ послѣ какой-нибудь тяжелой операціи или трудныхъ родовъ описывалъ за столомъ въ техническихъ, часто латинскихъ терминахъ тревожные моменты событія. И это не потому, чтобы они сердились другъ на друга; наоборотъ, они очень другъ друга любили, были дружны, вообще рѣдко можно было встрѣтить болѣе согласную семью. Но привычка жить одними и тѣми же мыслями и впечатлѣніями, при полномъ отсутствіи романтизма отъ природы, исключала надобность въ разговорахъ. И мнѣ они не находили, что сказать: по ихъ мнѣнію, я былъ слишкомъ великъ для дѣтскихъ сказокъ и слишкомъ малъ для серьезныхъ вопросовъ. Къ тому же они были убѣждены, что хорошо воспитанный ребенокъ долженъ открывать ротъ только въ трехъ случаяхъ: когда онъ ѣстъ, отвѣчаетъ урокъ и читаетъ молитву. Если мнѣ иногда случалось протестовать противъ этой семейно-педагогической системы, то отецъ сурово останавливалъ меня рѣшительнымъ аргументомъ:

— Это еще что!.. Вонъ траписты никогда не разговариваютъ между собой!

Впрочемъ, если они и не были такъ ласковы и нѣжны со мною, какъ я того желалъ, то все же любили меня по своему.

Надо было что-нибудь выходящее изъ рамокъ обыденной жизни и профессіональныхъ интересовъ отца, чтобы они заговорили,—напримѣръ, перемѣщеніе знакомаго чиновника, подстрѣленная коза въ заповѣдномъ лѣсу г. де-Бланде,

смерть сосѣда или вѣсть о неожиданной свадьбѣ. Возможная беременность богатыхъ паціентокъ также служила темой отрывистыхъ разговоровъ, приблизительно такого содержанія:

— Только бы мнѣ не ошибиться, — говорилъ отецъ, — только бы она дѣйствительно была беременна.

— Да, это будетъ хорошая практика, — подтверждала мать:—четыре такихъ въ мѣсяцъ, пожалуй, было бы и довольно... Мы могли-бы купить себѣ рояль.

Отецъ щелкалъ языкомъ.

— Четыре въ мѣсяцъ!.. Захотѣла!.. Экая лакомка!.. Но эта несносная женщина всегда меня безпокоитъ: у нея такой узкій тазъ.

Еще не зная опредѣленно, какая таинственная часть тѣла обозначается словомъ *тазъ*, я уже съ девяти лѣтъ точно зналъ размѣры тазовъ всѣхъ женщинъ Віантэ, обусловливающихъ благополучные роды. Но научныя свѣдѣнія о маткѣ, плацентѣ, пуповинѣ нисколько не мѣшали моему отцу увѣрять меня, что дѣти родятся подъ капустнымъ листомъ.

Мнѣ было извѣстно, что такое ракъ, опухоль, флегмона, мой слабый умъ мало по-малу обогащался ужасными представленіями о ранахъ, часто скрываемыхъ, какъ позоръ. Мнѣ слышались вопли больныхъ, и это съ ранняго дѣтства сгоняло довѣрчивую улыбку съ моихъ устъ. Каждый вечеръ я видѣлъ, какъ отецъ раскладываетъ на столѣ свой карманный наборъ острыхъ и страшныхъ инструментовъ изъ блестящей стали, продуваетъ зонды, протираетъ ножи и тонкіе ланцеты до зеркальнаго блеска, — и мои мечты и грезы о чудныхъ феяхъ переходили въ хирургическій кошмаръ, гдѣ сочился гной, грудами лежали отрѣзанныя конечности и валялись отвратительные окровавленные бинты и тряпки. Иногда отецъ цѣлый вечеръ занимался чисткой акушерскихъ щипцовъ, вынутыхъ изъ кузова кабріолета, гдѣ онъ часто забывалъ ихъ. Онъ вытиралъ заржавленныя ручки желтымъ порошкомъ, полировалъ ложки и смазывалъ масломъ мѣсто ихъ соединенія. И, когда инструментъ становился блестящимъ, онъ доставлялъ себѣ удовольствіе примѣрной его манипуляціей при возможныхъ родахъ. Затѣмъ, укладывая ихъ въ мѣшокъ изъ зеленой саржи, онъ говорилъ:

— Ну, да все равно; не люблю я пользоваться ими... всегда боюсь случайности. Эти проклятые органы такъ хрупки!

— Это вѣрно,—замѣчала мать,—но не забывай, что въ такихъ случаяхъ ты получаешь двойной гонораръ!

Если эти инструменты и разговоры и научали меня кое

чему, чего обыкновенно дѣти въ моемъ возрастѣ не знаютъ, то все же они нисколько не интересовали меня. Въ моемъ жалкомъ существованіи не было ничего ужаснѣе безконечныхъ часовъ семейныхъ трапезъ. Мнѣ хотѣлось бѣгать, прыгать гдѣ-нибудь на лѣстницѣ или въ корридорѣ, пойти въ кухню, къ старой Викторіи, которая, рискуя навлечь на себя выговоръ матери, позволяла мнѣ залѣзать въ котлы, играть кранами у бочки, поворачивать вертелъ, а иногда приводила меня въ восхищеніе своими необыкновенными исторіями о разбойникахъ. Но послушаніе принуждало меня застывать неподвижно на двухъ старыхъ разрозненныхъ томахъ „Житія Святыхъ", положенныхъ на сидѣнье моего низкаго стула, и я не смѣлъ встать изъ за стола раньше, чѣмъ мать ни подавала знака, что трапеза кончена. Лѣтомъ мою скуку разгоняли жужжаніе мухъ и осъ надъ тарелками съ фруктами, бабочки и мотыльки, привлекаемые запахомъ свѣжихъ цвѣтовъ и падавшіе на скатерть. Я любилъ смотрѣть въ открытое окно на возвышавшіеся вдали холмы Сенъ-Жака, подернутые голубоватой дымкой, гдѣ за вершинами каждый день прятался солнце. Увы! зимою не было ни мухъ, ни осъ, ни бабочекъ. Не видно было и неба... ничего, кромѣ угрюмой столовой и моихъ родителей, погруженныхъ въ свои невѣдомыя мнѣ думы, гдѣ, я чувствовалъ это, мнѣ не было мѣста.

Помню, цѣлый день лилъ дождь, и въ этотъ зимній вечеръ было особенно тоскливо: мать и отецъ за все время не проронили ни слова. Они казались мрачнѣе обыкновеннаго. Отецъ по привычкѣ сложилъ салфетку треугольникомъ, какъ дѣлалъ это каждый вечеръ по окончаніи ужина, и вдругъ задалъ себѣ вопросъ:

— Но что онъ могъ дѣлать въ Парижѣ? Это непостижимо!

Короткими щелчками онъ стряхнулъ съ жилета и панталонъ застрявшія въ складкахъ крошки и пододвинулъ свой стулъ къ угасавшему камину. Онъ облокотился на колѣни и грѣлъ у огня руки, слегка потирая ихъ и время отъ времени хрустя суставами пальцевъ. Вошла Викторія съ засученными рукавами и стала убирать со стола. Когда она вышла, отецъ снова повторилъ съ особымъ удареніемъ свой вопросъ:

— Но что же онъ, какъ патеръ, могъ дѣлать въ Парижѣ? Вѣдь шесть лѣтъ о немъ не было ни слуху, ни духу... Это очень любопытно... Мнѣ страшно хочется узнать, въ чемъ дѣло!..

Я понялъ, что рѣчь идетъ о моемъ дядѣ, аббатѣ Жюлѣ.

Утромъ отецъ получилъ отъ него письмо съ извѣстіемъ о скоромъ его возвращеніи. Письмо было кратко, безъ всякихъ объясненій. Въ немъ не было ни душевнаго волненія, ни нѣжности, ни извиненія въ долгомъ молчаніи. Онъ возвращался въ Віантэ и сообщалъ объ этомъ брату письмомъ, похожимъ на объявленія поставщиковъ своимъ заказчикамъ. Отецъ замѣтилъ, что почеркъ даже былъ рѣзче обыкновеннаго. И въ третій разъ онъ воскликнулъ:

— Но что онъ могъ дѣлать въ Парижѣ?!..

Мать, сидѣвшая за столомъ прямо, точно вытянувшись, со скрещенными руками и неопредѣленнымъ взглядомъ, покачала головой. Монастырски строгое выраженіе ея лица усугублялось еще гладкимъ чернымъ платьемъ, безъ всякихъ украшеній и признаковъ бѣлаго воротничка и манжетъ.

— Такой странный оригиналъ?..—я увѣрена, что ничего хорошаго!—замѣтила она. И, помолчавъ, сухимъ тономъ прибавила:—Могъ бы остаться и въ Парижѣ... Я не жду ничего путнаго отъ его возвращенія.

— Конечно, конечно,—согласился отецъ,—съ такимъ характеромъ, какъ у него, трудно прожить счастливо всю жизнь!.. Понятно, не проживешь... Тѣмъ не менѣе...

Онъ подумалъ нѣсколько минутъ и продолжалъ:

— Тѣмъ не менѣе, мой другъ, очень выгодно, что аббатъ будетъ жить съ нами... Чрезвычайно выгодно.

Мать пожала плечами и съ живостью отвѣтила:

— Выгодно?!.. Ты это думаешь!.. Вѣдь семья для него ничто, точно также какъ и церковная служба... Прислалъ ли онъ хоть разъ подарокъ мальчику къ новому году? А вѣдь онъ—его крестникъ... А когда ты ухаживалъ за нимъ во время его тяжкой болѣзни, забросилъ для него свои дѣла и проводилъ цѣлыя ночи у его постели, — поблагодарилъ онъ тебя хоть словомъ? Ты все говорилъ: онъ намъ сдѣлаетъ хорошій подарокъ. А гдѣ онъ, этотъ хорошій подарокъ?.. Зайцы, бекассы, жирныя форели,—чѣмъ мы его только ни пичкали! Мы должны были отказываться отъ всего вкуснаго ради него. Точно мы обязаны были все это дѣлать...

— Ну, конечно, — прервалъ отецъ. — Старались дѣлать какъ можно лучше.

— Мы просто были дураками. Онъ плохой родственникъ, плохой патеръ, прямо—грубое существо!.. Если онъ теперь возвращается въ Віантэ, значитъ, все растратилъ, проѣлъ, уперся лбомъ въ стѣну... И онъ сядетъ на нашу шею!.. Только этого не хватало!

— Ну, ну, мой другъ, ты очень преувеличиваешь! Если онъ ѣдетъ опять сюда, то только потому, что вообще никогда

не могъ усидѣть на одномъ мѣстѣ. Это сущій чортъ!.. Теперь онъ бросаетъ Парижъ, какъ кинулъ епархію, гдѣ могъ бы далеко пойти, какъ бросилъ свой приходъ въ Рандонэ, гдѣ ему было такъ спокойно и выгодно жить. Ему просто нужно вѣчно что-нибудь новое... Онъ нигдѣ не можетъ найти себѣ мѣста... Ну, а насчетъ его состоянія, я съ тобою несогласенъ. Онъ былъ порядочно скупъ. Припомни-ка, что это былъ за скряга!

— Скряжничество не мѣшаетъ, мой другъ, растрачивать деньги на глупыя прихоти. Развѣ можно знать, какія фантазіи могутъ явиться въ такомъ мозгу? И потомъ ты забываешь, что передъ отъѣздомъ въ Парижъ аббатъ продалъ ферму, луга и лѣсъ въ Фодьерѣ? Зачѣмъ? И гдѣ теперь всѣ эти деньги?

— Вотъ это вѣрно!—отвѣчалъ отецъ и сразу задумался.

— Не говорю ужъ о томъ, что общая антипатія къ нему можетъ отразиться на твоихъ выборахъ, а пожалуй, даже и на твоей практикѣ. Напримѣръ, Бернары удерживаются тобою съ такимъ трудомъ, и ничего удивительнаго не будетъ, если они тебя бросятъ... Конечно, это возможно!.. И поди-ка ищи другихъ, склонныхъ такъ же часто хворать и такъ хорошо платить!

Отецъ откинулся на спину стула, сдѣлалъ гримасу и почесалъ затылокъ.

— Да, да,—пробормоталъ онъ нѣсколько разъ,—ты права! Все это возможно...

Голосъ матери принялъ таинственный оттѣнокъ.

— Послушай,—сказала она,—я никогда не хотѣла говорить тебѣ, чтобы не встревожить... Но я вѣчно дрожу въ ожиданіи несчастья. Вспомни Верже, убійцу архіепископа: онъ тоже былъ священникъ, сумасшедшій, изступленный, какъ аббатъ Жюль!..

Отецъ порывисто обернулся. Въ глазахъ его отразился ужасъ. Казалось, онъ вдругъ увидѣлъ передъ собою бездну.

— Верже, кой чортъ Верже!—пробормоталъ онъ, дрожа,—что ты говоришь!

— Ну, да. Я часто думала объ этомъ... Рѣдко я развертывала твою газету безъ сердечнаго трепета!.. Всего можно ожидать!.. Въ твоей семьѣ всѣ такіе сумасброды.

Разговоръ прекратился, и снова наступила полнѣйшая тишина.

На дворѣ по прежнему вылъ вѣтеръ и гнулъ деревья, и дождь барабанилъ въ окно. Отецъ съ тревогой во взорѣ слѣдилъ за умиравшимъ пламенемъ; мать, задумчивая и поблѣднѣвшая отъ длиннаго разговора, сидѣла, устремивъ, какъ всегда, блуждающій взоръ въ пространство. А я въ

этой полутемной, пустой столовой, безъ мебели и съ голыми стѣнами, съ окнами, погруженными въ ночной мракъ, чувствовалъ себя грустнымъ, одинокимъ, заброшеннымъ. Съ потолка, со стѣнъ, даже изъ глазъ моихъ родителей исходилъ холодъ, окутывалъ меня, какъ ледяной плащъ, проникалъ мое тѣло и сжималъ сердце Мнѣ хотѣлось плакать. Я сравнивалъ нашу монастырскую, угрюмую жизнь съ жизнью Сервьеровъ, нашихъ друзей, гдѣ мы обѣдали каждую недѣлю по четвергамъ. Какъ я завидовалъ внутренней теплотѣ, царившей въ ихъ домѣ! Мягкіе ковры, стѣны съ веселыми картинами и фамильными портретами въ овальныхъ рамахъ, — эти воспоминанія о далекомъ прошломъ, охраняемомъ съ такимъ благоговѣніемъ; прелестныя бездѣлушки, каждая, какъ улыбка, радующая взоръ, и всѣ вмѣстѣ говорящія объ изысканности привычекъ. Почему моя мать не такая, какъ г-жа Сервьеръ? Почему она не такая же веселая, оживленная, любящая, не одѣвается въ такія же красивыя платья съ кружевами и съ цвѣтами у пояса, а волосы ея не закручены въ свѣтлый узелъ на головѣ и не пахнутъ такъ пріятно? Г-жа Сервьеръ была такъ очаровательна, приводила меня въ такое умиленіе, что я никогда не садился на ея стулъ иначе, какъ ни понюхавъ и ни поцѣловавъ мѣсто, гдѣ она сидѣла. Почему я не относился такъ же къ своей матери? Почему мнѣ не такъ хорошо, какъ моимъ ровесникамъ, Максиму и Жаннѣ? Они могутъ болтать, бѣгать, играть во всѣхъ углахъ, они счастливы, у нихъ большія книги съ золотымъ обрѣзомъ, ихъ отецъ *объясняетъ* имъ картинки, вызывая удивленіе и смѣхъ... Сдерживая зѣвоту, я вертѣлся на жесткомъ „Житіи Святыхъ“, служившемъ мнѣ сидѣньемъ, и не находилъ для себя удобнаго положенія. Чтобы развлечь слухъ и глаза, я прислушивался къ стуку деревянныхъ башмаковъ Викторіи по каменнымъ плитамъ кухни, къ звону посуды и слѣдилъ за трепетавшимъ свѣтлымъ кружкомъ отъ лампы на потолкѣ.

Въ этотъ вечеръ отецъ забылъ отмѣтить въ записной книжкѣ свои визиты къ больнымъ, а такъ же не просмотрѣлъ газеты: два дѣла, обыкновенно выполнявшіяся имъ съ неуклонной правильностью.

Чтобы разсѣяться немного, я сталъ думать о своемъ дядѣ аббатѣ, возвращеніе котораго вызвало, противъ обыкновенія, такой длинный и живой разговоръ между моими родителями. Я былъ очень малъ, когда онъ уѣхалъ; мнѣ едва минуло три года, но я все же удивился, когда въ моей памяти очень смутно воскресъ его образъ: вѣдь съ того времени не проходило дня, чтобы меня не пугали дядей, онъ рисовался какимъ-то чортомъ, страшнымъ людоѣдомъ, уносившихъ не-

послушныхъ дѣтей! Разсказывали мнѣ, что однажды, играя въ его саду въ Рандонэ, я упалъ въ корзинку съ тюльпанами. Разъяренный дядя жестоко отодралъ меня хлыстомъ, предназначеннымъ выколачивать рясы. Когда хотѣли ярко описать какое-нибудь нравственное или физическое уродство, мои родители никогда не упускали случая пользоваться сравненіемъ: „онъ уродливъ, какъ аббатъ Жюль... грязенъ, какъ аббатъ Жюль... обжора, какъ аббатъ Жюль... нагъ, какъ аббатъ Жюль... врегъ, какъ аббатъ Жюль". Если я плакалъ, мать, чтобы пристыдить меня, говорила: „О, какой онъ противный... онъ похожъ на аббата Жюля!" Если я проявлялъ непослушаніе: „продолжай, продолжай, мой мальчикъ, ты кончишь тѣмъ же, чѣмъ и аббатъ Жюль!." Аббатъ Жюль воплощалъ всѣ недостатки въ мірѣ, всѣ пороки, всѣ преступленія, всѣ низости, все таинственное. Очень часто насъ посѣщалъ кюре Сортэ и каждый разъ онъ спрашивалъ:

— Ну, какъ, все нѣтъ извѣстій отъ аббата Жюля?

— Увы! ничего нѣтъ, батюшка.

Кюре складывалъ короткія и жирныя руки на толстомъ животѣ и, склонивъ голову, говорилъ удрученнымъ тономъ:

— Все можетъ быть, все можетъ быть! Вчера я опять отслужилъ по немъ обѣдню.

— Не умеръ ли онъ, батюшка?

— О, сударыня, если бы умеръ, то было бы извѣстно.

— Можетъ быть, это было бы лучше.

— Можетъ быть! Милосердіе Божіе такъ безконечно!.. Кто знаетъ. Но для духовенства это ужасно грустно, ужасно грустно!

— И для семьи, батюшка.

— Для всего околодка. Для всѣхъ грустно!

И кюре проглатывалъ свою молитву, сильно сопя.

Вспоминаю также разсказы о юности аббата, когда отецъ бывалъ въ хорошемъ настроеніи. Полустыдясь, полудовольный, онъ начиналъ строгимъ тономъ, обѣщая вывести изъ фактовъ правоученіе, но мало по малу поддавался пагубной заразительности продѣлокъ дяди и кончалъ свой разсказъ взрывомъ неудержимаго смѣха и хлопаньемъ себя по бедрамъ. Одинъ разсказъ изъ многихъ произвелъ на меня особенное впечатлѣніе. Иногда, когда я замѣчалъ, что лицо отца немного разглаживается отъ морщинъ, я просилъ его:

— Папочка, разскажи про дядю Жюля и тетку Атали.

— Но хорошо ли ты велъ себя сегодня? Зналъ ли уроки?

— Да, да, папочка! Пожалуйста, разскажи!

И отецъ начиналъ:

— Твоя бѣдная тетка Атали... увы! мы ее уже потеряли!..

была въ дѣтствѣ очень обжорлива, до такой степени, что при ней нельзя было оставить ничего съѣстного,—она тотчасъ же все уничтожала. Изъ кладовой она воровала остатки рагу; въ шкафахъ залѣзала пальцами въ банки съ вареньемъ; въ саду грызла яблоки на самыхъ вѣткахъ, и садовникъ былъ въ отчаяніи, воображая, что плоды портятъ бѣлки или другія вредныя животныя. Онъ увеличилъ количество силковъ, сторожилъ по ночамъ, а тетка твоя смѣялась надъ нимъ. „Ну, какъ бѣлки, дядя Франсуа?"—„Ахъ, барышня, не говорите о нихъ. Какія-то вѣдьмы, право!.. Но я ихъ, все равно, подстерегу".—И онъ накрылъ твою тетку. Ее строго наказали, потому что обжорство и непослушаніе—самые гнусные пороки... Хотя Атали была большая проказница, но очень слабаго здоровья. Она сильно кашляла, и опасались за ея легкія. Для поправленія здоровья, твоя бабушка заставляла ее каждое утро выпивать ложку трескового жира... Тресковый жиръ очень невкусенъ, а какъ я уже сказалъ, тетка твоя была большая лакомка. Чтобы уговорить ее выпить, нужны были всевозможныя ухищренія. Между тѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ такого лѣченія поправили ее: на щекахъ появился румянецъ, кашель уменьшился... Это, однако, не помѣшало ей впослѣдствіи умереть отъ чахотки. У нея были каверны. А когда появляются каверны, ничего уже не подѣлаешь, приходится умирать не сегодня-завтра... У непослушныхъ дѣтей всегда бываютъ каверны...

Очевидно, чтобы произвести большее впечатлѣніе своими пророческими словами, отецъ всегда останавливался на минуту въ этомъ мѣстѣ разсказа. Онъ въ упоръ глядѣлъ на меня, долго сморкался и въ то время, какъ по мнѣ съ ногъ до головы пробѣгала дрожь при мысли, что со мной можетъ случиться то же, что съ теткой Атали, продолжалъ веселымъ тономъ:

— Однажды утромъ твой дядя Жюль,—ему было тогда десять лѣтъ,—вошелъ въ одной рубашкѣ въ комнату сестры. Въ одной рукѣ онъ держалъ бутылку трескового жира, а въ другой—мѣшокъ шоколадныхъ лепешекъ, какъ-то забытыхъ въ ящикѣ буфета. Бѣдная дѣвочка спала; онъ грубо разбудилъ ее. „Ну-ка, выпей свою ложку!" сказалъ онъ. Тетка твоя сначала отказалась. „Выпей ложку,—повторилъ Жюль,—и я дамъ тебѣ шоколадныхъ лепешекъ". Онъ открылъ мѣшокъ, тряхнулъ конфектами, захватилъ цѣлую горсть и, щелкнувъ языкомъ, показалъ ей: „Вкусныя, прибавилъ онъ, необыкновенно вкусныя!.. Есть съ кремомъ. Ну, выпей!" Атали выпила, скорчивъ ужасную гримасу. „Ну, теперь еще одну ложку, и я дамъ тебѣ двѣ лепешки; слышишь, двѣ вкусныя лепешки!" Она выпила еще ложку. „Теперь ещ-

одну, и я тебѣ дамъ три". Она выпила третью, потомъ четвертую, шестую, десятую, пятнадцатую, наконецъ, всю бутылку... Дядя твой былъ въ восторгѣ. Онъ принялся танцовать по комнатѣ, потрясая пустой бутылкой и крича: „Вотъ такъ ловко!.. Теперь ты заболѣешь и два дня тебя будетъ тошнить. Ахъ, какъ я доволенъ!" Атали плакала, ее страшно тошнило. Она, дѣйствительно, сильно заболѣла, едва не умерла. Цѣлую недѣлю у нея была лихорадка и рвота, и она пролежала въ постели двѣ недѣли. Жюля отхлестали и посадили въ темный карцеръ, но никакими силами нельзя было вырвать у него ни слова раскаянія. Наоборотъ, онъ все повторялъ: „ее тошнитъ, рветъ, ахъ, какъ я доволенъ!"

И отецъ, разражаясь хохотомъ, заключалъ:

— Этакій негодяй этотъ Жюль!

Всѣ эти подробности, часто повторяемыя, казалось, навсегда должны были запечатлѣть въ моемъ робкомъ дѣтскомъ умѣ черты дяди. Но, нѣтъ! У меня осталось о немъ смутное, измѣнчивое представленіе, и мое, возбужденное семейными разсказами, воображеніе придавало ему тысячу различныхъ и страшныхъ формъ. Мой дядя аббатъ! Повторяя про себя эти слова, я видѣлъ передъ собой призракъ, всклокоченный, съ изборожденнымъ гримасами лицомъ, смѣшной и страшный въ одно и то же время, и я не зналъ, бояться ли мнѣ его, или смѣяться надъ нимъ. Мой дядя аббатъ! Я силился припомнить его настоящую физіономію, возстановлялъ въ памяти всѣ тяжелыя обстоятельства своей жизни, гдѣ онъ являлся реальнымъ и живымъ. Напрасно... Отъ всей фигуры дяди, стершейся въ мозгу, какъ старая пастель, въ воспоминаніи сохранилось только длинное костлявое тѣло, тяжело опустившееся въ глубокомъ креслѣ, положенныя подъ сутаной одна на другую ноги, худыя и высохшія въ зеленыхъ носкахъ, съ торчащими лодыжками и съ точно обрубленными пальцами; кругомъ его—книги. На сѣрой стѣнѣ свѣтлой комнаты картина, изображающая какихъ-то людей съ рыжими бородами, склонившихся надъ покойникомъ. Слышу голосъ непріятнаго тембра, до сихъ поръ еще раздающійся въ моихъ ушахъ, какой-то свистящій, чахоточный, всегда ворчливый и упрекающій съ раздраженіемъ всѣхъ и вся: „Негодяй, негодяй!" И это все!

Я не испытывалъ особеннаго желанія видѣть его, инстинктивно понимая, что онъ не внесетъ въ мою жизнь ни новой привязанности, ни веселья. Я также былъ увѣренъ, что мнѣ нечего ждать отъ плохого крестнаго отца, который съ самаго моего рожденія не купилъ мнѣ ни одной конфектки, не сдѣлалъ ни одного подарка моей матери, а на новый годъ ни разу не прислалъ даже письма. Я слышалъ, что онъ меня

не любить, не любить никого вообще, не вѣрить въ Бога и всегда злится. У меня сжималось сердце при мысли, что онъ можетъ прибить меня, какъ когда-то, своимъ хлыстомъ. Тѣмъ не менѣе я не могъ не заразиться любопытствомъ, возбуждавшимся во мнѣ оживленными восклицаніями отца: „И что онъ могъ дѣлать въ Парижѣ цѣлыхъ шесть лѣтъ!" Этотъ вопросъ, какъ мнѣ казалось, заключалъ въ себѣ непроницаемую тайну. Мнѣ представлялся аббатъ Жюль въ смутной, волнующейся дали, окруженный туманными призраками, предающійся непозволительнымъ дѣламъ, отъ непониманія которыхъ я страдалъ... Въ сущности, почему онъ уѣхалъ отсюда? Почему ничего неизвѣстно о его жизни тамъ? Зачѣмъ онъ возвращается?.. Какое впечатлѣніе онъ произведетъ на меня? Его костлявое тѣло, высохшія ноги, зеленые носки, бутылка трескового жира, тюльпаны, хлыстъ,— все это плясало въ моей головѣ бѣшенную сарабанду. Наканунѣ пріѣзда безпокойнаго дяди я испытывалъ тотъ же притягательный страхъ, какой охватывалъ меня въ ярмарочныхъ звѣринцахъ и циркахъ. Вдругъ увижу передъ собой страшное, непонятное чудовище, дьявольской силы, страшнѣе того паяца въ рыжемъ парикѣ, который глотаетъ сабли и горящую паклю, или болѣе опасное, чѣмъ негръ, пожирающій дѣтей и съ дикимъ хохотомъ обнажающій свои ослѣпительные зубы!.. Все сверхъестественное, что могъ представить себѣ мой возбужденный умъ, — воплотилось въ лицѣ аббата Жюля. То карликъ, то гигантъ, онъ чудился мнѣ то подъ каждой травинкой, то вдругъ закрывалъ все небо, огромный, выше самой высокой горы. Я не хотѣлъ думать о возможныхъ послѣдствіяхъ пребыванія аббата Жюля въ Віантэ: мало по малу меня охватилъ ужасъ, и дядя представился мнѣ съ крючковатымъ носомъ, съ горящими, какъ угли, глазами и съ парой огромныхъ роговъ, прямо направленныхъ на меня...

Лампа коптила. Рѣзкій запахъ наполнялъ столовую. И странно, никто не обратилъ на это вниманія. Родители молчали по прежнему. Мать сидѣла неподвижно и продолжала грезить съ неопредѣленнымъ взоромъ; отецъ съ яростью мѣшалъ уголья въ каминѣ, дробилъ ихъ щипцами, при чемъ пепелъ сѣдыми клочьями разлетался въ разныя стороны. Вѣтеръ затихъ. Деревья тихо шелестѣли, дождь падалъ съ монотоннымъ шумомъ на землю. Вдругъ въ тишинѣ раздался звонъ колокольчика у входа.

— Это Робены,—сказала мать.—Пойдемъ въ гостиную.

Она встала, взяла лампу, убавила огонь, и мы пошли за ней: я довольный, что могу размять ноги, отецъ, все повторяя шепотомъ:

— Но что же онъ могъ дѣлать въ Парижѣ?!

II.

Дома въ Віантэ расположены на склонѣ небольшого холма, по обѣимъ сторонамъ Мортаньской дороги, которая, въ разстояніи одного километра отъ города, выходитъ изъ чащи лѣса прелестной просѣкой. Дома имѣютъ нарядный и веселый видъ, большинство изъ кирпича съ высокими крышами и окнами, привѣтливо украшенными лѣтомъ цвѣтами и вьющимися растеніями. Нѣкоторые домики окружены садами, съ разбитыми симметрично клумбами, и стѣнами, увитыми шпалерными деревьями и виноградомъ. Переулки неожиданно открываютъ видъ на обширныя поля и съ другой стороны выходятъ на единственную городскую улицу, пересѣкающую городъ пополамъ. Въ центрѣ города улица расширяется въ обширную площадь, съ фонтаномъ посрединѣ. Далѣе большая дорога спускается въ долину, перебѣгая черезъ рѣку по мосту изъ розоваго гранита, и спокойно вьется среди полей и рощъ. На возвышеніи стоитъ старая неуклюжая церковь, украшенная остроконечной колокольней, напоминающей бумажный колпакъ. Отъ церкви къ городу ведетъ аллея изъ вязовъ, любимое мѣсто для дѣтскихъ игръ. Направо—школы и наше жилище: налѣво—домъ священника, отдѣленный отъ кладбища полуразрушенной обвалившейся стѣной, за которой виднѣются покосившіеся кресты и покрытыя травою могилы. Посреди вязовой аллеи — распятіе, на которомъ изображеніе Христа изъ крашенаго дерева испортилось уже отъ сырости и сломано, что, однако, не мѣшаетъ вѣрующимъ склоняться у подножія креста и бормотать молитвы, перебирая четки.

Въ эту эпоху въ Віантэ насчитывалось двѣ тысячи пятьсотъ жителей. Между ними было около двадцати семей буржуа и чиновниковъ. Между собою они видѣлись очень рѣдко, даже родственники не бывали другъ у друга, находясь въ постоянныхъ нелѣпыхъ и мелочныхъ ссорахъ изъ-за тщеславія или наслѣдства. Наши знакомства ограничивались: Серверами, роскошь которыхъ стѣсняла моихъ родителей, возбуждая къ нимъ недовѣріе; кюре Сортэ, прекраснымъ старикомъ, добрымъ и покладистымъ, безконечно чистая душа котораго вѣчно вовлекала его въ самыя грубѣйшія ошибки; и, наконецъ, Робенами, ставшими скоро друзьями дома. Время отъ времени насъ навѣщалъ еще кузенъ Дебрэ, старый пѣхотный капитанъ въ отставкѣ, отчаянный оригиналъ, занимавшійся набивкой чучелъ сусликовъ и хорьковъ, которымъ онъ придавалъ всевозможныя комическія и претенціозныя по-

ложенія. Онъ тратилъ на это все свое время и жилъ пенсіей. Но его принимали очень холодно, потому что онъ не могъ произнести двухъ словъ безъ ругани, и мать увѣряла, что отъ него „несетъ покойникомъ". Робены, переѣхавшіе въ нашъ городъ четыре года тому назадъ, тотчасъ же близко сошлись съ нами. Съ перваго же свиданія мы почувствовали себя людьми одной и той же породы. Такъ какъ между Робенами и моей семьей не было соперничества ни въ денежныхъ интересахъ, ни въ самолюбіи, а инстинкты, вкусы и взгляды на жизнь вполнѣ сходились, то дружба между нами установилась прочная; не трудно, впрочемъ, было замѣтить, что дружба эта покоилась на откровенномъ эгоизмѣ и не устояла бы передъ необходимостью хотя бы ничтожной жертвы или выраженія преданности.

Г. Робенъ долго былъ стряпчимъ въ Байе. Послѣ того, какъ онъ продалъ свою фирму, его назначили мировымъ судьей въ Віантэ, благодаря протекціи одного сенатора, о которомъ онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, говорилъ съ большимъ энтузіазмомъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ около пятидесяти, неисправимо тщеславный, напыщенный и глупый. Лицомъ онъ былъ похожъ на обезьяну: торчавшая впередъ и плохо обритая верхняя губа дѣлала необыкновенно большимъ промежутокъ между плоскимъ носомъ и широкимъ до ушей ртомъ. Сверхъ всего, онъ былъ маленькаго роста, толстый, съ желтымъ лицомъ, обрамленнымъ сѣдоватой бородой, съ большимъ животомъ и волосатыми руками. По привычкѣ вѣчно таскаться по судамъ и канцеляріямъ съ дѣлами подъ мышкой, онъ не появлялся иначе, какъ въ высокой шляпѣ, въ черномъ кашемировомъ рединготѣ, въ бѣломъ галстухѣ и въ калошахъ, — единственная уступка, которую онъ сдѣлалъ мѣстнымъ обычаямъ. По совершенно неизвѣстнымъ причинамъ, его считали человѣкомъ суровой неподкупности, старымъ римляниномъ, а между тѣмъ наканунѣ суда можно было видѣть, какъ въ его квартиру входили крестьяне съ корзинами, наполненными всевозможной живностью, и уходили обратно уже безъ всякой ноши.

Даже его политическіе противники отдавали должное его независимости и достоинству, хотя онъ всегда умышленно приговаривалъ ихъ къ высшей мѣрѣ наказанія, когда имъ случалось попадать въ его камеру. Наконецъ, ни одинъ профессоръ права не былъ болѣе его вооруженъ знаніемъ гражданскихъ законовъ: онъ могъ цитировать ихъ наизусть цѣликомъ въ точномъ порядкѣ расположенія параграфовъ. По крайней мѣрѣ, онъ любилъ хвастаться этимъ фокусомъ своей памяти и скромно предлагалъ охотникамъ до нелѣпыхъ пари испробовать его. Никто до сихъ поръ не рѣшался

принять его предложеніе, и онъ стяжалъ себѣ славу наилучшаго юрисконсульта въ кантонѣ и за его предѣлами. Такъ же онъ зналъ всѣ рѣшенія кассаціоннаго суда; вобще онъ зналъ все. Но у него былъ странный недостатокъ въ произношеніи: *б* онъ произносилъ какъ *д*, а *п* какъ *т*. Часто поэтому получались слова необыкновеннаго комизма, возбуждавшія недоразумѣнія во время засѣданій. Это, однако, нисколько не умаляло его престижа серьезнаго судьи и уважаемаго человѣка.

Иногда Робенъ, собираясь гулять, заходилъ за мной, и мы бродили по дорогамъ. Внезапно онъ останавливался, нѣсколько минутъ пыхтѣлъ и, склонившись слегка впередъ, съ величественнымъ жестомъ, начиналъ импровизировать свои будущія рѣчи, произнося краснорѣчивыя фразы, съ свойственной ему замѣной буквъ.

— Господа!—гремѣлъ онъ,—что сказать объ этомъ молодомъ человѣкѣ, воспитанномъ въ благочестивой семьѣ и, благодаря своимъ низкимъ страстямъ, попавшемъ на эту позорную скамью?.. Да, господа...

Онъ воодушевлялся, взывалъ къ справедливости, заклиналъ закономъ, бралъ въ свидѣтели Бога. Руки безпорядочно и часто вздымались къ небу, какъ крылья вѣтряной мельницы.

— Да, господа, современное общество, основы котораго...

И по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, все повышая голосъ, испуганныя птицы разлетались съ тревожнымъ щебетаніемъ, сороки перескакивали съ земли на деревья; вдали лаяли собаки.

— Да плачь же, плачь, негодный! — кричалъ мнѣ Робенъ, едва дыша и въ безсиліи опускаясь на откосъ у дороги. Въ такомъ положеніи онъ оставался минутъ десять, вытирая мокрый отъ ораторскаго напряженія лобъ.

На обратномъ пути онъ давалъ мнѣ наставленія:

— Вотъ кончишь ты юристомъ или докторомъ, поѣдешь въ Парижъ,—помни, мой другъ, что нужно быть экономнымъ... Въ экономіи—все; она обусловливаетъ всѣ добродѣтели...

И въ сотый разъ онъ приводилъ мнѣ въ примѣръ одного молодого человѣка въ Байе. Богатый промышленникъ-отецъ посылалъ ему на жизнь въ Парижѣ по двѣ тысячи франковъ въ мѣсяцъ. Молодой человѣкъ лишалъ себя всего, питался и одѣвался, какъ бѣднякъ, никуда не выходилъ и тратилъ на жизнь едва сто франковъ въ мѣсяцъ. Свои сбереженія онъ пряталъ въ шерстяной чулокъ и на нихъ покупалъ желѣзнодорожныя акціи и государственную ренту.

— Это божественно! — восклицалъ Робенъ, трепля меня по щекѣ.—Такое поведеніе прямо божественно!.. Будь экономенъ, мой мальчикъ. При экономіи, одно су—не су, а цѣлыхъ

два, какъ говоритъ моя жена, которая все знаетъ... А потомъ...

И, задорно заложивъ на ухо шляпу и вертя въ воздухѣ свою тростью, точно онъ очерчивалъ себя магическимъ кругомъ, мировой судья весело заканчивалъ:

— Впрочемъ, экономія нисколько не мѣшаетъ удовольствіямъ, пострѣленокъ!.. Надо же пользоваться молодостью.

Свои совѣты онъ называлъ подготовленіемъ меня къ жизни и къ борьбѣ съ ней въ будущемъ.

Г-жа Эстоки Робенъ, которая „знала все", представляла собою длинную, сухую, угловатую фигуру, съ красвымъ шелушившимся мѣстами лицомъ. Короткій вздернутый носъ поражалъ широко разставленными ноздрями; свѣтлые волосы съ зеленоватымъ оттѣнкомъ жидкими начесами прилипали къ сдавленнымъ вискамъ. Невозможно было встрѣтить болѣе неуклюжую женщину. Ея естественное безобразіе увеличивалось еще смѣшными манерами, подчеркивать которыя, казалось, доставляло ей удовольствіе. Она шепелявила и, рѣзко выкрикивая слова, произносила ихъ какъ-то по складамъ, испуская вздохъ передъ каждымъ слогомъ. Это дѣйствовало на нервы, какъ треніе пальцемъ по мокрому стеклу. Мало того, всякое слово сопровождалось жеманными улыбками, киваніями, присѣданіемъ и цѣлой серіей нелѣпыхъ жестикуляцій и претенціозныхъ позъ, — что придавало ея фигурѣ видъ развинченнаго манекена. Одержимая желаніемъ быть всегда предметомъ неослабнаго вниманія, она вѣчно жаловалась на боли то въ головѣ, то въ животѣ, то въ груди; стонала и охала и въ концѣ концовъ просила разрѣшенія распустить корсетъ.

— Уфъ!—говорила она.—Это не потому, что онъ меня давитъ, наоборотъ; но каждый вечеръ въ этотъ часъ меня пучитъ, я разбухаю вдвое... Такъ непріятно!.. Что это такое, г. Дервель, какъ вы думаете?

— Маленькая диспепсія, должно быть,—отвѣчалъ отецъ.— А отправленія хороши?.. правильны?..

Г-жа Робенъ опускала глаза и жеманно отвѣчала:

— Да... приблизительно... то есть... ахъ, Боже мой!.. Какіе у этихъ докторовъ не поэтическіе вопросы, неправда ли, дорогая? Ни за что не хотѣла бы быть докторомъ... Чего у нихъ только ни насмотришься... И потомъ я страшно боюсь больныхъ.. Они производятъ на меня впечатлѣніе животныхъ!

Я ее ненавидѣлъ, часто испытывая на себѣ ея жестокость. У г-жи Робенъ было два сына. Одинъ, Робертъ, юноша двадцати трехъ лѣтъ, служилъ солдатомъ въ Африкѣ. О немъ избѣгали говорить, и онъ никогда не пріѣзжалъ въ

Віантэ. Другой, Жоржъ, моложе меня на два года—болѣзненное и уродливое существо. Мать рѣдко показывала его, стыдясь его морщинистаго лица, маленькихъ кривыхъ ногъ и тщедушнаго тѣла этого запоздалаго и нежеланнаго ребенка... Мое лицо, считавшееся красивымъ, и крѣпкое здоровье давали мнѣ превосходство надъ жалкимъ недоноскомъ, и я нѣжно любилъ его. Къ тому же онъ былъ такой кроткій, добрый и безропотный. Я хотѣлъ, чтобы онъ былъ постояннымъ товарищемъ моихъ игръ, и считалъ бы себя счастливымъ, если бы могъ оберегать его, помогать своей силой его слабости. Онъ тоже стремился ко мнѣ. Я угадывалъ это по его умоляющему взору, гдѣ свѣтилась вся его бѣдная, порабощенная душа, томившаяся, какъ въ тюрьмѣ, жаждавшая солнца и свободы. Изъ-за запертыхъ наглухо оконъ болѣзненный взоръ его безнадежно слѣдилъ за полетомъ птицъ, какъ бы умоляя ихъ унести его на своихъ крыльяхъ къ свѣту, въ безконечность... Но своею ревнивой и угрюмой завистью г-жа Робенъ постоянно воздвигала между нами непроницаемую каменную стѣну. Она всегда разлучала насъ, не допускала, чтобы насъ видѣли рядомъ, потому что безобразіе сына выступало тогда еще рѣзче. Оскорбленная одновременно въ своей материнской гордости и въ женскомъ самолюбіи, она ненавидѣла все молодое, красивое и живое. Меня она не терпѣла особенно за мои розовыя щеки, за здоровое тѣло и за чистую и горячую кровь въ моихъ жилахъ. Она, казалось, считала меня похитившимъ все это у ея сына, и на меня возлагала всю отвѣтственность за свои ошибки и страданія. Случалось, что она нарочно наступала мнѣ на ноги, и мнѣ было такъ больно, что я начиналъ плакать. Тогда она извинялась въ своей неловкости, сопровождая извиненіе тысячью лицемѣрныхъ нѣжностей. Наединѣ она меня толкала, била ногами и кулаками; часто предательски щипала мнѣ руки и, чтобы никто не замѣтилъ, прибавляла мяукающимъ голосомъ: „О, крошка! Какой ты очаровательный!“ при чемъ на ея тонкихъ и сухихъ отъ ненависти губахъ появлялась ужасная гримаса-улыбка. Однажды, когда мы гуляли по высокой насыпи, она легкимъ движеніемъ локтя столкнула меня съ откоса, и я полетѣлъ внизъ. Меня подняли съ исцарапанными руками и лицомъ, изодраннымъ терновникомъ. Все тѣло было покрыто ушибами. Я ничего не сказалъ своимъ родителямъ, боясь подвергнуться еще болѣе жестокимъ преслѣдованіямъ съ ея стороны. Къ тому же г-жа Робенъ съ родителями всегда говорила обо мнѣ не иначе, какъ въ самыхъ нѣжныхъ и умиленныхъ выраженіяхъ, и мать моя еще больше любила ее за такую привязанность ко мнѣ.

— Альбертъ, дитя мое, будь ласковъ съ г-жей Робенъ. Она такъ добра къ тебѣ,—при каждомъ удобномъ случаѣ говорила мать.

Эти увѣщанія выводили меня изъ себя и глубоко возмущали мое чувство справедливости. Но что я могъ сдѣлать? Мнѣ бы не повѣрили, а если бы заговорилъ, то, пожалуй, и наказали.

Каждый день, кромѣ четверга, Робены приходили къ намъ по вечерамъ. Моя мать и г-жа Робенъ усаживались за шитье и бесѣдовали о хозяйствѣ, жалуясь на возроставшую дороговизну мяса.

— На хлѣбъ уже нѣтъ больше таксы! Какая гнусность!.. Не удивительно, что на плечахъ булочницы Шомъ мы видимъ такія шали, которыя намъ и не по карману! Еще бы: на наши деньги!

Слово *деньги* не сходило съ ихъ устъ. Оно приводило меня въ ярость, смущало, точно въ немъ было что-то непристойное.

Г. Робенъ и отецъ усаживались за пикетъ и играли серьезно, вдумчиво, подготовляя въ непріязненномъ молчаніи другъ другу грозные *капоты* и страшные *девяносто*. Иногда они говорили о политикѣ, трепетали при воспоминаніи о кровавомъ 1848 годѣ, восхищались заслугами г. де-ла-Геронніера, сравнивали Жюля Фавра съ Маратомъ.

— Онъ разъ пріѣхалъ защищать дѣло въ Байе,—говорилъ своимъ своеобразнымъ выговоромъ г. Робенъ. — Я его видѣлъ. Ахъ, мой другъ, какая у него была страшная физіономія! Онъ положительно нагонялъ страхъ! Но, надо отдать ему справедливость, говоритъ онъ хорошо. Что бы ни говорилъ, знаете ли,—все вдохновенно!..

По воскресеньямъ затѣвали игру въ домино вмѣстѣ съ кюре Сортэ. И хотя ставкой служили обыкновенные скромные бобы, г-жа Робенъ при чужомъ выигрышѣ жестоко ссорилась, требуя въ каждомъ сомнительномъ случаѣ строгаго исполненія писаныхъ правилъ игры. Въ качествѣ человѣка, привычнаго къ выясненію темныхъ юридическихъ вопросовъ, г. Робенъ уполномочивался разъяснять, распутывать, оспаривать и судить.

— Правила игры, —говорилъ онъ, принимая важную позу предсѣдателя суда,—совсѣмъ не то, что законъ. Тѣмъ не менѣе, совершенно очевидно, что соотношенія, сближенія, скажу даже, аналогія...

Въ концѣ концовъ онъ всегда разрѣшалъ затрудненія въ пользу своей супруги.

Подъ тѣмъ предлогомъ, что они не нашли подходящей квартиры для устройства съ своею мебелью, оставленной въ

Байе на попеченіи тетки, Робены временно нанимали первый этажъ въ домѣ сестеръ Лежаръ, двухъ старыхъ дѣвъ, очень богатыхъ и набожныхъ, толстыхъ и круглыхъ. Онѣ одѣвались совершенно одинаково и обѣ украшены были чудовищными зобами, составлявшими одну изъ достопримѣчательностей Віантэ. Квартира была тѣсна и неуютна, обставлена только самымъ необходимымъ. Робены не держали прислуги и никого не принимали у себя.

— Мы не можемъ приглашать нашихъ друзей въ такую конуру,—извинялась г-жа Робенъ.—Вотъ когда у насъ будетъ свой домъ и наша обстановка, тогда!..

Это „тогда", вмѣстѣ со взглядомъ и киваніемъ головой, таило въ себѣ обѣщаніе неслыханныхъ празднествъ, необыкновенныхъ, невиданныхъ въ городѣ обѣдовъ. Въ словахъ „когда у насъ будетъ наша обстановка", произносимыхъ таинственнымъ, значительнымъ тономъ, сверкало цѣлое море разноцвѣтныхъ огней, ослѣпительное серебро, хрусталь, фарфоръ. Казалось, видишь красное пламя рѣдкихъ винъ, рядъ роскошныхъ комнатъ, цѣлыя сооруженія изъ душистыхъ бисквитовъ и конфектъ и гроздья золотистыхъ фруктовъ,—словомъ, все, что заставляло обывателей Віантэ говорить:

— О, Робены!... Кажется, никто не въ состояніи такъ принимать гостей, какъ они... Вы убѣдитесь въ этомъ, когда они получатъ свою обстановку.

У нихъ справлялись на счетъ этикета, о томъ, что „принято" и „не принято", о символическомъ размѣщеніи десерта,—о всѣхъ вопросахъ этой трудной и мудреной науки. Каждый разъ, когда они принимали наше приглашеніе къ обѣду, Робенъ неизмѣнно восклицалъ:

— О, сколько за нами уже вашихъ обѣдовъ!.. Болѣе ста! Просто стыдно!.. Но когда у насъ будетъ своя обстановка...

Начинался разговоръ объ этой обстановкѣ. Для нея въ Віантэ дома оказывались то слишкомъ велики или слишкомъ малы, то очень темны или очень свѣтлы, то сухи, то сыры. Г-жа Робенъ разсказывала о великолѣпіи своей спальни изъ голубого репса, о гостиной изъ желтаго дама. Она говорила, что столовое бѣлье ея вышито краснымъ шелкомъ; хрусталь съ золотыми полосками; кофейный сервизъ изъ китайскаго фарфора такъ хрупокъ, что никогда не употребляется, и лишь украшаетъ ея буфетъ-библіотеку изъ краснаго дерева. Г. Робенъ, съ своей стороны, распространялся о своемъ винномъ погребѣ, гдѣ было отдѣленіе и для сигаръ, и о своемъ письменномъ столѣ изъ рѣзнаго дуба, съ секретнымъ замкомъ.

— Впрочемъ, вы все это увидите, когда мы будемъ имѣть свою обстановку,—заключалъ онъ.

Въ дѣйствительности, Робены, разсчитывая на обѣщаніе сенатора, надѣялись на близкое повышеніе по службѣ и не хотѣли два раза тратиться на переѣздъ. Двѣнадцать лѣтъ уже ждали они этого повышенія и жили въ домѣ дѣвицы Лежаръ, и всѣ двѣнадцать лѣтъ не переставали извиняться при каждомъ новомъ приглашеніи:

— О, сколько за нами вашихъ обѣдовъ!... Просто стыдно! Но когда у насъ будетъ своя обстановка!..

Мать моя не ошиблась: позвонили. Дѣйствительно, Робены. Они вошли; онъ сопѣлъ, закутанный въ клѣтчатый шерстяной шарфъ; она, въ красномъ шерстяномъ капорѣ, съ черной бархатной лентой, что-то жеманно болтала.

— Что за погода, друзья мои, что за погода!—вскричалъ Робенъ, фыркая, какъ старая лошадь,—а барометръ все падаетъ.

— Мы съ мужемъ только что говорили за обѣдомъ: „какъ бы бѣдному г. Дервелю не пришлось идти въ такую погоду къ своимъ больнымъ!"—вытянувъ губы, сказала г-жа Робенъ дружескимъ и сочувственнымъ тономъ.—Бѣдный вы!.. Какое тяжелое ремесло... Ночью... Такая темень...

— Дѣйствительно,—отвѣчалъ отецъ,—такая погода не располагаетъ. Но что подѣлаешь?.. Надо—такъ надо! Всего грустнѣе, что не всегда увѣренъ, будешь ли вознагражденъ. И надо замѣтить: бѣдные—самые требовательные люди..

— Чортъ возьми!—вскричалъ Робенъ своимъ говоромъ,—они ни во что ставятъ чужіе труды... хе, хе, хе!

Мать помогала г-жѣ Робенъ снять капоръ и накидку.

— А вы опять не привели съ собой Жоржика?—замѣтила мать.

— Въ такую-то погоду, дорогая! Къ тому же онъ не совсѣмъ здоровъ, сильно кашляетъ. Представьте, я и работы съ собой не захватила... Эта несносная погода внушаетъ такую лѣнь... страшную лѣнь! Я чувствую себя разбитой всѣмъ тѣломъ: ноги, голова, руки...

Увидѣвъ меня, она протянула свои руки впередъ.

— Милое дитя, я тебя и не замѣтила!.. Всегда очарователенъ и уменъ! Поцѣлуй меня, крошка.

И она подставила мнѣ свои безкровныя блѣдныя губы, болѣе противныя, чѣмъ пасть дикаго звѣря.

Когда всѣ расположились вокругъ столика, возлѣ камина, отецъ многозначительно заявилъ:

— Друзья мои, долженъ сообщить вамъ большую новость.

Робены насторожились.

— Представьте, аббатъ Жюль возвращается въ Віантэ!

Мировой судья привскочилъ на мѣстѣ, широко раскрылъ ротъ и такъ и застылъ на нѣсколько секундъ, онѣмѣвъ отъ удивленія.

— Аббатъ Жюль!—наконецъ, вскричалъ онъ.—Что вы говорите!

— Да. Мы получили сегодня отъ него письмо,—продолжалъ отецъ,—и ждемъ его со дня на день. Каковы его намѣренія, онъ ничего не сообщаетъ: письмо всего изъ двухъ словъ

— Что же, онъ пріѣзжаетъ навсегда? Или совершаетъ маленькое путешествіе и мимоходомъ заѣдетъ съ вами повидаться?

— Навсегда!.. По крайней мѣрѣ, мы такъ поняли изъ его письма. Понятно, о томъ, что онъ дѣлалъ въ Парижѣ—ни слова... Священникъ ли онъ еще?

Казалось, отецъ искалъ въ глазахъ мирового судьи разъясненія и совѣта, потому что самъ терялся въ догадкахъ,—и я увѣренъ, что въ эту минуту ему представился аббатъ Жюль съ длинной свѣтской бородой и въ длинномъ редингогѣ разстриги.

— Такъ, такъ, такъ! — сказалъ Робенъ. — Наконецъ, мы познакомимся съ этимъ знаменитымъ аббатомъ.

— Значитъ, въ воскресенье у насъ будетъ одной обѣдней больше, — заявила г-жа Робенъ съ удовлетвореніемъ. — Это недурно! Съ тѣхъ поръ, какъ викарій Дерошъ назначенъ капеланомъ въ Бланде, надо признать, что служба у насъ довольно-таки плохая.—И, обращаясь къ моей матери, она спросила:—А кюре предупрежденъ? Что онъ говоритъ? Что думаетъ объ его возвращеніи?

— Ахъ,—вздохнула мать,—кюре въ восторгѣ... Но вѣдь, знаете, онъ отъ всего приходитъ въ восторгъ... Онъ ни въ чемъ не видитъ худого, а ему-то и придется узнать аббата. Не говоря уже о столкновеніяхъ, какія они будутъ имѣть другъ съ другомъ... Будетъ не мало курьезовъ!

— Но какую же роль возьметъ на себя здѣсь аббатъ?

— Не знаемъ, вѣроятно, будетъ обыкновеннымъ священникомъ. — И съ злобнымъ раздраженіемъ въ голосѣ мать продолжала: — Обыкновенный священникъ!.. Человѣкъ могъ бы сдѣлаться епископомъ, если бы захотѣлъ; могъ бы помогать своей семьѣ... Мы и Альберта пустили бы по духовной дорогѣ... А вмѣсто того, что обѣщаетъ его пріѣздъ!

Г-жа Робенъ вертѣлась на стулѣ, покачиваясь своимъ тощимъ тѣломъ. Кисловатая улыбка скривила ея губы.

— Что дѣлать, дорогая,—утѣшала она,—что сдѣлано, того уже не поправишь... Самое важное, что онъ возвращается. Вы должны радоваться этому.

Мать слегка пожала плечами.

— Отчасти да, отчасти нѣтъ... Вы его не знаете.

— Я знаю только одно, — серьезно замѣтила г-жя Робенъ,—что онъ священникъ, и что всегда лучше имѣть родственника возлѣ себя. За нимъ можно ухаживать, наблюдать, знать, что онъ дѣлаетъ... и во время принять мѣры, если понадобится...

— Я знаю, что это большое преимущество, — сказала мать.

— Тогда какъ на разстояніи, конечно, можно ожидать всего, и ничего не дождаться Въ наше время нѣтъ недостатка въ интриганахъ. Къ тому же не надо заглядывать впередъ. Можетъ быть, аббатъ перемѣнился, и вдругъ вернется къ вамъ съ состояніемъ?

Глаза матери сверкнули и быстро погасли. Грустно покачавъ головой, она вздохнула:

— Для него это было бы очень желательно!.. Но аббатъ Жюль не изъ такихъ людей. Если онъ измѣнился, то скорѣй къ худшему: я это предчувствую... Вдобавокъ, чего добраго, и кормить его придется... Парижъ такъ великъ и столько въ немъ соблазновъ! Тамъ такъ много страннаго и еще больше дурныхъ людей.

— Роскошь, роскошь! — воскликнулъ г. Робенъ. — Вотъ что губитъ всѣхъ въ Парижѣ. Не знаютъ, что и выдумать, чтобы заставить тратить деньги... Напримѣръ, у сенатора въ вестибюлѣ, представьте, стоятъ два бронзовыхъ негра, въ три раза больше меня, съ золочеными факелами въ рукахъ... Просто, невѣроятно! Вечеромъ эти факелы зажигаютъ. Я это самъ видѣлъ.

— Однажды вечеромъ въ театрѣ,—похвастался отецъ, — мнѣ указали Жоржъ-Зандъ. И, представьте, она была одѣта мужчиной!.. Предполагаю, что и Жюль одѣвался въ свѣтское платье, и его рясы не износились за время пребыванія въ Парижѣ... Но въ Жоржъ-Зандъ сейчасъ можно было узнать женщину... Это даже слишкомъ бросалось въ глаза.

— Безобразіе! — воскликнула съ отвращеніемъ г-жа Робенъ, отвернувъ голову и отмахиваясь рукой, точно отъ надоѣдливой мухи.

Отецъ вздумалъ было пуститься въ игривое описаніе подробностей; но мать остановила его, глазами показавъ на меня. Разъ дѣло шло не о медицинѣ, въ моемъ присутствіи очень строго относились къ выбору выраженій.

Разговоръ объ аббатѣ Жюлѣ вновь возобновился, и отецъ долженъ былъ разсказать всю его жизнь, съ дѣтства до отъѣзда въ Парижъ. Въ этотъ вечеръ мнѣ очень хотѣлось спать, не смотря на возбужденіе, вызванное всѣми важными собы-

тіями и невыносимымъ присутствіемъ г-жи Робенъ. Я не придавалъ большого значенія разсказу отца и почти ничего не запомнилъ, кромѣ негодующихъ возгласовъ нашихъ друзей, при описаніи нѣкоторыхъ необыкновенныхъ эпизодовъ: „Боже, возможно ли!.. И это патеръ!..“

Вспоминаю также, что говорилось о нѣкоей г-жѣ Бульмеръ, умершей нѣсколько дней назадъ отъ родовъ. И даже теперь слышу, какъ отецъ объясняетъ причину несчастья въ точныхъ медицинскихъ выраженіяхъ, не принятыхъ въ обществѣ...

Послѣ неудачныхъ родовъ опять вернулись къ аббату Жюлю. Въ половинѣ одиннадцатаго Робены удалились.

— Обсудите все хорошенько, дорогая моя, — говорила страшная г-жа Робенъ, надѣвая капоръ. — Не волнуйтесь... Никогда нельзя предвидѣть, что случится... А понадобится наша помощь — не стѣсняйтесь. Я такъ васъ люблю, такъ люблю вашего маленькаго Альберта.

Отецъ и Робенъ бесѣдовали отдѣльно.

— Можетъ быть—женщины?—предпологалъ судья.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ отецъ. — Должно быть, что-нибудь другое... Но что онъ могъ дѣлать въ Парижѣ?

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Жду весны въ этотъ годъ я безъ яркихъ цвѣтовъ,
Безъ довѣрчивыхъ пѣсенъ волны говорливой:
Будетъ май, какъ раздумье страны сиротливой
На могилѣ отважныхъ борцовъ...
Такъ тепла еще скорбь тѣхъ безжалостныхъ дней,
Такъ ярка еще память о пролитой крови,
Словно призракъ зловѣщій стоитъ наготовѣ,
Жадно рвется въ жилища людей...
Словно ходитъ онъ каждую ночь у дверей,
Смотритъ въ темныя окна со злобой упрямой,—
Неожиданно стукнетъ неплотною рамой,
Напугаетъ уснувшихъ дѣтей!..

В. Башкинъ.

Н. Г. Чернышевскій и Россія 60-хъ годовъ.

Меня всегда, приблизительно съ первой половины 70-хъ годовъ, крайне занимала личность Чернышевскаго. Не одни его взгляды, а именно вся его необыкновенно своеобразная фигура. Я уже не говорю о томъ любопытствѣ и той жаждѣ запретнаго, которую развивало среди насъ, мальчиковъ-подростковъ, сидѣвшихъ на гимназическихъ и кадетскихъ скамьяхъ и семинарскихъ партахъ, благожелательное начальство, способное, бывало, раскассировать цѣлый классъ за найденный, неизвѣстно кому принадлежащій экземпляръ „Что дѣлать", составившійся изъ вырванныхъ страницъ „Современника". Но, кромѣ этого почти инстинктивнаго любопытства, мою мысль тревожила задача понять духовную физіономію человѣка, котораго я всегда считалъ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ русскихъ умовъ и однимъ изъ самыхъ энергичныхъ и послѣдовательныхъ политическихъ дѣятелей. Эти два свойства,—самостоятельность мысли и постоянная энергія воли—принадлежатъ къ разряду тѣхъ достоинствъ, которыя рѣже всего характеризуютъ нашу талантливую и героическую „запоемъ", но въ общемъ черезчуръ рыхлую и подражательную натуру славянина. Какъ же было не заинтересоваться личностью Чернышевскаго?

Къ этому присоединялись нѣкоторыя другія обстоятельства, заставлявшія съ удвоеннымъ вниманіемъ задумываться надъ характеромъ и судьбой человѣка, который игралъ въ свое время такую исключительную роль. Прежде всего, эта трагическая катастрофа въ его жизни, вырвавшая у поэта скорбное восклицаніе, какъ въ снѣгахъ Сибири

. . . . заточенъ
Яркій свѣточъ науки опальной,—

катастрофа, которая являлась вмѣстѣ съ тѣмъ жесточайшею несправедливостью со стороны политическихъ враговъ Чернышевскаго. Ибо то, что теперь мало по малу начинаетъ выясняться

для большой публики изъ печатающихся воспоминаній, мемуаровъ, замѣтокъ о 60-хъ годахъ, было извѣстно давнымъ давно людямъ, принадлежавшимъ къ тому теченію, которое продолжало при измѣнившихся условіяхъ и съ измѣненной программой дѣятельность людей „Современника". Послѣ смерти Чернышевскаго, дѣйствительно, начали выкапываться изъ подъ-спуда мнѣнія и отзывы людей той эпохи, и замѣтьте, изъ лагеря противниковъ, о процессѣ и осужденіи Николая Гавриловича. И всѣ эти документы свидѣтельствовали, какъ въ свое время сенаторъ Любощинскій признался бывшему цензору Никитенко, – что „извѣстныхъ юридическихъ доказательствъ виновности не было", но что „моральное убѣжденіе сенаторовъ было прямо противъ Чернышевскаго" *). А въ концѣ прошлаго года, въ одной изъ статей, вызванныхъ пятнадцатилѣтіемъ смерти Николая Гавриловича (я говорю о воспоминаніяхъ г. Захарьина-Якунина), мы могли прочитать, что таково же было мнѣніе многихъ тогдашнихъ литераторовъ. Примѣръ тому Алексѣй Толстой, который въ виду вопіющаго нарушенія права, допущеннаго при осужденіи Чернышевскаго, сталъ было говорить въ его пользу Александру II, но получилъ отъ императора рѣзкій приказъ никогда впредь не касаться этого предмета...

Кромѣ этой трагической судьбы Чернышевскаго, насъ интересовало и то, что исключительная сила ума столь рано погибшаго для русской мысли писателя была печатно признана въ началѣ 70-хъ годовъ такимъ желчнымъ и порою строгимъ до несправедливости, но вмѣстѣ компетентнымъ судьею, какимъ былъ Марксъ. Не говорилъ ли тотъ самый неумолимо рѣзкій авторъ, который бросалъ по адресу Герцена эпитеты „полурусскаго и вполнѣ москвича", не говорилъ ли онъ въ предисловіи (январь, 1873 г.) ко второму изданію перваго тома „Капитала" о „банкротствѣ буржуазной экономіи, мастерски выясненномъ великимъ русскимъ ученымъ и критикомъ Н. Чернышевскимъ въ своемъ трудѣ „Очерки изъ политической экономіи по Миллю"? Значеніе (загубленнаго судьбой) русскаго экономиста признавалось такимъ образомъ не въ однихъ кругахъ нашей демократической молодежи, но и заграницей, и при томъ громаднымъ авторитетомъ, который былъ крайне скупъ на подобные лестные отзывы.

Если не прямо трагическою, то скорбною дымкою были въ нашихъ глазахъ подернуты и послѣдніе годы Чернышевскаго, когда уже возвращенный въ Россію великій мыслитель доживалъ свою безжалостно изломанную жизнь въ двойномъ карантинѣ, устроенномъ властями и окружающими его людьми. Онъ нарочито былъ укрываемъ отъ взоровъ, не говорю снобовъ и Тряпичкиныхъ-очевидцевъ,—этой противной разновидности умственныхъ парази-

*) См. дневникъ Никитенка въ „Русской Старинѣ" 1891, № 5.

товъ, кишащихъ возлѣ „знаменитостей",—но искренно любившихъ и глубоко преданныхъ ему людей, выросшихъ на его сочиненіяхъ. Мы живо помнили его первый разговоръ въ Астрахани съ корреспондендентомъ, если не ошибаюсь, изъ „Daily News", разговоръ или, вѣрнѣе, своеобразный діалогъ на бумагѣ, въ которомъ англичанинъ задавалъ ему письменно вопросы, а Чернышевскій письменно же отвѣчалъ на нихъ, такъ какъ зналъ языкъ Шекспира вполнѣ хорошо, но совершенно по книжному, словно греческій и латинскій. Въ этомъ своеобразномъ діалогѣ-перепискѣ съ глазу на глазъ Чернышевскій охарактеризовалъ себя какъ „военно плѣннаго русскаго движенія" (Николай Гавриловичъ употребилъ, собственно, другое болѣе рѣзкое выраженіе, которое я принужденъ оставить въ чернильницѣ, замѣняя этимъ слабымъ перифразомъ). Онъ поставилъ на видъ англичанину, что ему не совсѣмъ удобно отвѣчать на нѣкоторые вопросы такъ прямо, какъ онъ хотѣлъ бы, а потому онъ лучше умолчитъ. Увы! это было первое и, почитай, послѣднее ясное выраженіе мыслей возвратившагося Чернышевскаго о нѣкоторыхъ сторонахъ современной жизни. Рѣдки были идейные гости, успѣвавшіе видѣться съ нимъ и бывшіе въ состояніи понять и передать его взгляды. И надо считать за счастіе для большой публики, что В. Г. Короленко удалось познакомить ее (въ ноябрской книжкѣ „Русскаго Богатства" за прошлый годъ) съ своими интересными „Воспоминаніями о Чернышевскомъ". Чего стоитъ, напр., одна оцѣнка Чернышевскимъ литературы автора „непротивленія злу", Льва Толстого, передъ которымъ кувыркаются и пищатъ въ умиленіи всѣ снобы міра, какія бы несообразности въ сферѣ теоретическихъ и глубоко жизненныхъ вопросовъ ни угодно было изрекать яснополянскому оракулу. Помните:

...Чернышевскій вынулъ платокъ и высморкался.

— Что, хорошо? - спросилъ онъ къ великому нашему удивленію. — Хорошо я сморкаюсь? Такъ себѣ, не правда ли. Если бы у васъ кто спросилъ, хорошо ли Чернышевскій сморкается, вы бы отвѣтили: безъ всякихъ манеръ, да и гдѣ же какому-то бурсаку имѣть хорошія манеры. А что, если бы я вдругъ представилъ неопровержимыя доказательства, что я не бурсакъ, а герцогъ, и получилъ самое настоящее герцогское воспитаніе. Вотъ тогда бы вы тотчасъ же подумали: А-а, нѣтъ-съ, это онъ не плохо высморкался,—это и есть настоящая, самая рѣдкостная герцогская манера... Правда вѣдь? А?

— Пожалуй.

— Ну, вотъ то же и съ Толстымъ. Если бы другой написалъ сказку объ Иванѣ-дуракѣ,—ни въ одной редакціи, пожалуй, и не напечатали бы. А вотъ, подпишутъ графъ Толстой,- всѣ и ахаютъ. Ахъ, Толстой, великій романистъ! Не можетъ быть, чтобы была глупость. Это только необычно и геніально! По-графски сморкается *).

Но возвратимся къ Чернышевскому 60-хъ годовъ. Меня не удовлетворяло знакомство съ сочиненіями „великаго русскаго

*) Русское Богатство, 1904, № 11, стр. 65-66.

ученаго и критика". Мнѣ хотѣлось составить о немъ понятіе, какъ о человѣкѣ. И я съ жадностью разспрашивалъ о Чернышевскомъ людей, которые лично знали его. Уже во второй половинѣ 70-хъ годовъ нѣкоторыя интересныя стороны Чернышевскаго, какъ политическаго дѣятеля, выяснились для меня изъ разговоровъ съ П. Г. Зайчневскимъ (умеръ въ 1895 г.), который былъ однимъ изъ авторовъ „Молодой Россіи", сталкивался по поводу ея съ Николаемъ Гавриловичемъ, встрѣчался съ нимъ (если не ошибаюсь) и во время своей сибирской жизни. Много любопытнаго о Чернышевскомъ мнѣ пришлось узнать отъ семьи Шелгунова и въ особенности отъ самого Николая Васильевича, съ которымъ я былъ близко знакомъ въ теченіе 1879—1882 г. и который необыкновенно тепло отзывался о славномъ авторѣ статей по общинному владѣнію и комментаторѣ Милля. За границей, въ началѣ 80-хъ годовъ, кое-что было разсказано мнѣ о Чернышевскомъ Н. В. Соколовымъ, составившимъ по Жюлю Валлэсу („Les Refractaires") своихъ „Отщепенцевъ", но извѣстнымъ больше по своимъ комично свирѣпымъ статьямъ въ „Русскомъ Словѣ" противъ Милля. Эти статьи въ своемъ первоначальномъ видѣ были представлены Соколовымъ еще Чернышевскому, не были одобрены имъ, но послужили почвою для знакомства между полковникомъ генеральнаго штаба и руководителемъ „Современника".

Наконецъ, поставленный въ близкія отношенія къ П. Л. Лаврову, я не разъ наводилъ разговоръ на Чернышевскаго. Къ сожалѣнію, авторъ „Историческихъ писемъ" хорошо сошелся съ Николаемъ Гавриловичемъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста послѣдняго, когда покойный Энгельгардъ ввелъ Лаврова въ начавшее организоваться общество (старой) „Земли и Воли". Нѣкоторыя типичныя особенности Чернышевскаго, впрочемъ, ярко выступали въ характеристикѣ Лаврова, который въ непринужденной интимной бесѣдѣ выражался очень живо и гораздо менѣе абстрактно, чѣмъ то позволяла бы думать его отвлеченная манера печатнаго изложенія.

Что касается до Чернышевскаго 80-хъ годовъ, уже возвращеннаго изъ Сибири, я хорошо запомнилъ длинный и интересный разговоръ, который имѣлъ съ нимъ въ 1888 г. по поводу тогдашняго положенія дѣлъ г. Б.—типъ идейнаго и вдумчиваго собесѣдника.

Таковы тѣ элементы, которыми располагаю я для давно задуманной мною попытки охарактеризовать нѣкоторыя стороны личности Чернышевскаго, какъ дѣятеля, можетъ быть черезчуръ остававшіяся до сихъ поръ въ тѣни, и опредѣлить въ связи съ ними роль и судьбу этого необыкновенно крупнаго человѣка въ Россіи 60-хъ годовъ. Къ сожалѣнію, къ этимъ элементамъ, если можно такъ выразиться, устнаго преданія я могу присоединить лишь очень скудныя печатныя данныя. По тѣмъ или по другимъ причинамъ, за двумя-тремя исключеніями, и то немногое,

что писалось о Чернышевскомъ, исходило отъ людей, которые врядъ-ли отдавали себѣ отчетъ въ истинномъ значеніи изображавшагося ими лица. Таковы, напримѣръ, воспоминавія нѣкоторыхъ товарищей Николая Гавриловича по семинаріи. Скудость устнаго и печатнаго матеріала, касающагося Чернышевскаго, какъ человѣка, послужитъ мнѣ извиненіемъ въ возможной неудачѣ предлагаемой читателю попытки. Я вынужденъ буду прибѣгать порою къ нѣкоторымъ гипотетическимъ соображеніямъ, стараясь объяснять недостающія черты индивидуальности Чернышевскаго изъ его сочиненій и изъ условій тогдашней общественной жизни. Могу лишь сказать читателю, что приступаю къ своему плану съ самымъ горячимъ и искреннимъ желаніемъ дать большой публикѣ хоть приблизительное понятіе о томъ, какого не только теоретическаго мыслителя, но и общественнаго дѣятеля она безвременно потеряла 40 лѣтъ тому назадъ въ лицѣ Чернышевскаго.

Хотите знать, какой лейтмотивъ долженъ, по моему мнѣнію, положить всякій писатель въ основаніе этюда о „Чернышевскомъ и Россіи 60-хъ годовъ“? Мрачныя и загадочныя слова одной изъ самыхъ сильныхъ исповѣдей Лермонтова „1831 года, іюня 11“:

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И грусти ранняя на мнѣ печать;
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ.
Но равнодушный міръ не долженъ знать.
И не забытъ умру я. Смерть моя
Ужасна будетъ; чуждые края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ.

Изъ пѣсни, конечно, слова не выкинешь. Но если выбросить два-три слова изъ только что приведенной строфы, она цѣликомъ можетъ быть отнесена къ судьбѣ Чернышевскаго. И онъ „предузналъ свой жребій, свой конецъ“: онъ чувствовалъ; мало того, онъ ясно сознавалъ, что такой человѣкъ, какъ онъ, долженъ былъ фатально погибнуть въ такой странѣ, какою была Россія 60-хъ годовъ. И онъ могъ предвидѣть, что „смерть его ужасна будетъ“. Любители точности могутъ, конечно, замѣтить, что Чернышевскій не погибъ въ буквальномъ смыслѣ „ужасною смертью“. Но что̀ какъ не мучительное медленное умираніе представляла для этого гиганта мысли его жизнь въ далекой Сибири, порою сводившаяся къ одиночному заключенію и всегда отрѣзывшая его отъ общенія съ интересами идеи и общественной дѣятельности? Правда, что не „всѣ прокляли память о немъ“. Но какія безконечно печальныя оговорки приходится дѣлать и тутъ!

Чернышевскаго не проклялъ, конечно, трудовой, въ то время почти исключительно деревенскій, людъ, но не потому, что онъ

зналъ героическую борьбу „Современника“ за освобожденіе крестьянъ съ землей противъ степныхъ медвѣдей крѣпостничества, а потому, что онъ не имѣлъ ровно никакого понятія о Чернышевскомъ и его дѣятельности. Помните статью Чернышевскаго, озаглавленную „Письма безъ адреса“ — а на самомъ-то дѣлѣ по адресу одного чрезвычайно высокопоставленнаго въ тѣ времена лица? Народъ является подъ перомъ Чернышевскаго „судьей“, которому, собственно, и слѣдовало бы разрѣшить тяжбу, чья дѣятельность для него полезнѣе, дѣятельность ли Чернышевскихъ или дѣятельность чрезвычайно высокопоставленныхъ лицъ. Но увы! судья-народъ, — говоритъ Чернышевскій, обращаясь къ важной персонѣ, — „васъ знаетъ лишь по имени... а насъ не знаетъ даже и по имени“. И продолжаетъ такъ:

Апатиченъ остается народъ; какой же результатъ могли бы произвести ваши заботы или наши хлопоты о его пользахъ, хотя бы вы, или мы, и остались на полѣ дѣйствія одни? Вы говорите народу: ты долженъ идти вотъ какъ; мы говоримъ ему: ты долженъ идти вотъ такъ. Но въ народѣ почти всѣ дремлютъ; а тѣ немногіе, которые проснулись, отвѣчаютъ, давно уже раздаются призывы къ народу, чтобы онъ жилъ такъ или иначе, и много разъ пробовалъ онъ слушать призывы, но пользы отъ нихъ не было.

И такъ, со стороны тогдашняго народа не было проклятія, но не было и благословенія, потому что у него не было никакого понятія о роли Чернышевскаго и товарищей. Ну, а большинство нашего такъ называемаго „общества“? О, здѣсь преобладающею нотою въ хорѣ оцѣнокъ и сужденій, встрѣтившихъ арестъ Чернышевскаго, было, несомнѣнно, проклятіе или, по крайней мѣрѣ, строгое порицаніе. Та реакціонная вакханалія, которая овладѣла Петербургомъ, а вскорѣ и всей Россіей послѣ майскихъ пожаровъ 1862 г., не дожидалась польскаго возстанія, чтобы обнаружить всю дряблость, трусость, а вмѣстѣ и свирѣпость нашихъ недавнихъ прогрессистовъ въ силу моды и либераловъ съ дозволенія начальства. Тѣ самые люди, въ родѣ Каткова, которые еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ считали возможнымъ вести переговоры съ „краснымъ“ Чернышевскимъ и вступать съ нимъ въ соглашеніе на почвѣ общихъ либеральныхъ требованій, теперь прямо доносили на „Современникъ“, какъ на гнѣздо революціи. По ихъ глубокому „патріотическому“ убѣжденію и Щукинъ рынокъ-то былъ подожженъ,—какъ это утверждали на слѣдующій же день послѣ пожара „Московскія Вѣдомости“,—поляками и русскими революціонерами, находившимися подъ командой „коммуниста“ Чернышевскаго. Даже люди, вдохновлявшіеся еще недавно статьями славнаго защитника русской общины въ его замѣчательной кампаніи во имя освобожденія крестьянъ съ землей, демонстративно отрекались отъ него при первомъ крикѣ: распни

его! Вотъ любопытное свидѣтельство мыслящаго современника этой эпохи изъ высшей аристократической среды:

Нѣсколько дней спустя послѣ пожара я пошелъ въ воскресенье къ своему двоюродному брату, — флигель-адъютанту императора, — на квартирѣ котораго я часто слышалъ, какъ конногвардейскіе офицеры выражали сочувствіе Чернышевскому. Мой двоюродный братъ самъ до этого времени былъ ревностнымъ читателемъ „Современника", этого органа передовой партіи реформъ. Но теперь онъ принесъ нѣсколько книжекъ „Современника" и, положивъ ихъ на столъ, за которымъ я сидѣлъ, сказалъ мнѣ: „отнынѣ я не хочу больше держать у себя этой поджигательной литературы, довольно!" — и эти слова выражали мнѣніе „всего Петербурга".

Но то, скажете вы, были представители крайне высокихъ общественныхъ слоевъ, которые могли горѣть и пылать лишь соломеннымъ огнемъ энтузіазма къ реформамъ и лишь пока не выяснилось истинное значеніе преобразовательной горячки, охватившей было всю мало-мальски сознательную Россію. Такъ вотъ вамъ мнѣніе типичнаго человѣка тогдашней либеральной интеллигенціи, мнѣніе профессора, потерявшаго въ 1858 г. свое мѣсто придворнаго преподавателя права (цесаревичу Николаю) послѣ напечатанія въ „Современникѣ" записки о крѣпостномъ правѣ, автора горячаго протеста, помѣщеннаго въ „Колоколѣ" противъ Чичерина (который обвинялъ Герцена въ томъ, что онъ проповѣдуетъ, какъ средство для реформъ, „палку сверху и топоръ снизу", и. т. д.). Словомъ, я разумѣю К. Д. Кавелина, отъ котораго, не смотря на сумбурность его либерализма (онъ проповѣдывалъ, какъ извѣстно, „замѣну византійско-татарско-французско-помѣщичьяго идеала русскаго царя идеаломъ народнымъ, славянскимъ, посредствомъ самой широкой административной реформы", а на конституцію смотрѣлъ съ презрѣніемъ, какъ на „европейскія фіоритуры"), — отъ котораго, говорю я, нельзя было, казалось бы, ожидать катковскаго объясненія петербургскихъ пожаровъ. Однако въ письмѣ къ Герцену (отъ 6-го августа 1862 г.) упомянутый славянствующій либералъ не убоялся и не постыдился бросить на бумагу слѣдующія строки, заставляющія не вѣрить глазамъ, когда ихъ читаешь:

Извѣстія изъ Россіи, съ моей точки зрѣнія, не такъ плохи... Аресты меня не удивляютъ, и, признаюсь тебѣ, не кажутся возмутительными... Чернышевскаго я очень, очень люблю, но такого брульона, безтактнаго и самонадѣяннаго человѣка я никогда еще не видалъ. И было бы за что погибать! Что пожары въ связи съ прокламаціями — въ этомъ нѣтъ теперь ни малѣйшаго сомнѣнія.

И такъ вотъ: всѣ эти прекраснодушные, всѣ эти чувствительные люди „очень, очень любятъ" послѣдовательныхъ и смѣлыхъ дѣятелей, пока ихъ присутствіе въ первыхъ рядахъ, подъ непосредственнымъ огнемъ непріятеля, надо для упомянутыхъ чувствительныхъ и прекраснодушныхъ господъ, какъ прикрытіе, какъ

авангардъ болѣе многочисленной, но и куда какъ болѣе робкой арміи умѣренно либеральныхъ и умѣренно свободолюбивыхъ элементовъ. А прошли эти времена,—прошли потому ли, что могущественный врагъ былъ едва-едва выбитъ изъ первыхъ укрѣпленій, или потому, что умѣренные господа, трубившіе въ іерихонскія трубы, увидѣли, что этимъ „духовнымъ концертомъ" непріятеля не проберешь, а къ болѣе реальнымъ способамъ воздѣйствія прибѣгнуть не хотѣли и не могли по самому характеру своему,— и вотъ ваши союзники превращаются въ вашихъ враговъ и не усомнятся присоединиться къ хору вашихъ злѣйшихъ клеветниковъ. Въ самомъ дѣлѣ „пожары въ связи съ прокламаціями—въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія!" И это говорилось прекраснодушными людьми въ то самое время, какъ ни вступившее на путь реакціи правительство, ни охранительная пресса не могли, не смотря на всѣ усилія, установить никакой связи между дѣятельностью передовой демократической партіи 60-хъ годовъ и пожарами. Прекраснодушные господа забывали, — и забывали на половину умышленно,—что ужъ если кому были на руку пожары, такъ это реакціонной партіи, которая искала только случая придраться къ чему нибудь, чтобы „поставить точку къ реформамъ", выражаясь языкомъ формулы, пущенной нѣсколько лѣтъ спустя сіятельнымъ публицистомъ „Гражданина". Рыцари на часъ изъ либеральнаго лагеря не хотѣли знать, что единственный разъ, когда нашелся въ высшихъ сферахъ человѣкъ, серьезно отнесшійся къ опредѣленію причинъ тогдашнихъ пожаровъ, въ его рукахъ оказались самыя тяжелыя улики именно противъ реакціонеровъ и крѣпостниковъ. Я говорю о сенаторѣ Ждановѣ, посланномъ для изслѣдованія на мѣстѣ обстоятельствъ пожарнаго повѣтрія, которое начало спустя нѣкоторое время свирѣпствовать по Волгѣ,—въ Саратовѣ, въ Симбирскѣ и т. д. Смерть Жданова, загадочное исчезновеніе его чемодана, нежеланіе „сферъ" опубликовать результаты слѣдствія о пожарахъ,—все это ясно показывало, гдѣ надо было искать настоящихъ виновниковъ смуты. И тѣмъ не менѣе большинство тогдашняго лагеря прогрессистовъ стало на точкѣ зрѣнія Кавелина: Чернышевскій — „брульонъ", Чернышевскій—невѣроятно „самодѣянный, безтактный человѣкъ". Отчего же такому человѣку не вмѣнить, по крайней мѣрѣ, моральной отвѣтственности за краснаго пѣтуха, начавшаго, однако, ходить по Россіи какъ разъ тогда, когда временно было подавленные реформой 19-го февраля 1861 г. крѣпостные волки снова подняли свой жалобный и свирѣпый вмѣстѣ вой. Этимъ они надѣялись повліять въ достаточной степени на правительство, чтобы оно отложило на неопредѣленное время окончательное уничтоженіе рабства, пріуроченное къ 19-му февралю 1863 г.

Стоитъ ли, впрочемъ, особенно удивляться, особенно негодовать на психологію умѣренно-либеральныхъ и неумѣренно-тру-

сливыхъ господъ? Ахъ, эта психологія составляетъ,— мнѣ хотѣлось бы сказать „составляла“, да боюсь заглядывать въ будущее,—такую черту большинства русскаго общества, что является почти національной особенностью нашихъ культурныхъ слоевъ, лишенныхъ традицій политической борьбы. Механизмъ этого процесса „два шага впередъ, а одинъ назадъ“, порою и цѣлыхъ три назадъ, съ точностью почти соціолога изображенъ Некрасовымъ. И, надѣюсь, читатель не посѣтуетъ на длину нижеслѣдующей цитаты изъ „Медвѣжьей охоты“: такъ сильны и правдивы эти стихи:

Пожалуйста, не говори
Про русское общественное мнѣнье!
Его нельзя не презирать
Сильнѣй невѣжества, распутства, тунеядства:
На немъ предательства печать
И непонятнаго злорадства!
У русскаго особый взглядъ,
Преданьямъ рабства страшно вѣренъ:
Всегда побитый виноватъ,
А битымъ—счетъ потерянъ!
Какъ будто съ умысломъ силки
Мы разставляемъ мысли смѣлой:
Сперва—сторонниковъ полки,
Восторгъ почти Россіи цѣлой,
Потомъ—усталость; наконецъ,
Всѣ на-сторожѣ, всѣ въ тревогѣ,
И покидается боецъ
Почти одинъ на полдорогѣ...
Побѣда! мимо всѣхъ преградъ
Прошла и принялась идея:
Ура! кричимъ мы, не робѣя,
И тотъ, кто радъ, и кто не радъ...
За то съ какимъ зловѣщимъ тактомъ
Мы неудачу сторожимъ!
Замѣтивъ облачко надъ фактомъ,
Какъ стушеваться мы спѣшимъ!
Какъ мы вертимъ хвостомъ лукаво,
Какъ мы уходимъ величаво
Въ скорлупку пошлости своей!
Какъ негодуемъ, какъ клевещемъ,
Какъ ретроградамъ рукоплещемъ,
Какъ выдаемъ своихъ друзей!
Какіе слышатся аккорды
Въ постыдной аріи тогда!
Какія выдвинутся морды
На первый планъ! Гроза, бѣда!
Облава—въ полномъ смыслѣ слова!..
Свалились въ кучу—и готово
Холопской дури торжество.
Мычанье, хрюканье, блеянье —
И жеребячье гоготанье —
А-ту его! а-ту его!..

— — —

Вотъ вамъ полная и яркая картина исторіи 60-хъ годовъ, прилива и отлива общественнаго энтузіазма! Чернышевскій былъ именно тотъ боецъ, покинутый почти одинъ на полдорогѣ, о которомъ говоритъ поэтъ. И мы видѣли, что, дѣйствительно, его имя „проклиналось" теперь тѣми самыми людьми, которые тянулись, по крайней мѣрѣ въ теченіе 5 лѣтъ, приблизительно съ 1857 по 1861 г., за передовыми рядами демократической арміи, предводимой Чернышевскимъ. Память заживо похороненнаго дѣятеля самой плодотворной поры 60-хъ годовъ сохранялась съ чувствомъ глубочайшаго почтенія лишь среди той части русской интеллигенціи, къ которой принадлежали и самъ Чернышевскій и его идейные друзья. И лишь она до самаго послѣдняго времени выносила одна на своихъ плечахъ мучительный историческій процессъ медленной эволюціи той Бѣлой Арапіи, той „барыни-сударыни, матушки Федорушки", что возбуждала сатирическій гнѣвъ даже индифферентиста Алексѣя Толстого.

Въ какой степени Чернышевскій „предузналъ свой жребій, свой конецъ", — какъ было сказано выше, — видно изъ очень вѣскихъ свидѣтельствъ, потому что они исходятъ отъ самого главы крайней демократической партіи тогдашней Россіи. Еще въ началѣ 50-хъ годовъ, до своей женитьбы, Чернышевскій писалъ въ своемъ дневникѣ (найденномъ впослѣдствіи при арестѣ Николая Гавриловича 7-го іюля 1862 г.) слѣдующія строки, представляющія, повидимому, набросокъ одного изъ писемъ его къ дѣвушкѣ, ставшей впослѣдствіи его женой:

Меня каждый день могутъ взять, — какая тутъ будетъ моя роль? У меня ничего не найдутъ, но враги у меня сильные. Что могу я другое дѣлать? Сначала я буду молчать; наконецъ, когда ко мнѣ будутъ приставать долго — это мнѣ надоѣстъ, и я выскажу свое мнѣніе прямо и рѣзко, и тогда едва ли уже выйдемъ изъ крѣпости. Видите — я не могу жениться, не въ правѣ связать чьей бы то ни было судьбы съ моей.

Разумѣется, въ это личное и общественное profession de foi 24-лѣтняго Чернышевскаго (писано, повидимому, въ 1852—1853 г.) нечего еще вкладывать міровоззрѣніе зрѣлаго мыслителя и дѣятеля и приписывать ему какія-нибудь особенно рѣзкія и вполнѣ опредѣленныя идеи. Но Чернышевскій зналъ Николаевскую Россію и зналъ, какимъ преступленіемъ считалась въ ней простая независимость взглядовъ, особенно въ годы свирѣпой реакціи, вызванной событіями 1848 г. на Западѣ. Примѣръ Петрашевцевъ могъ ему показать, что въ эту пору за чтеніе Фурье людей приговаривали къ смерти и лишь у петли, лишь заставивъ преступнаго чтеца фаланстерій пройти чрезъ всю гамму предсмертныхъ ощущеній, милостиво замѣняли повѣшеніе безсрочной каторгой. Такимъ образомъ почти трагическія мысли Чернышевскаго въ

дневникѣ свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что онъ уже юношей былъ человѣкомъ, стремившимся къ выработкѣ независимыхъ взглядовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ, эти мысли, раскрываютъ многозначительную черту индивидуальности Чернышевскаго, обыкновенно оставляемую въ тѣни даже его поклонниками: это — его способность жертвовать всѣмъ ради вѣрности идеямъ, которыя ему представляются истинными.

Дѣйствительно, до сихъ поръ Чернышевскаго чаще всего рисуютъ какъ чисто кабинетнаго мыслителя, какъ холоднаго діалектика, преобладающей стороной котораго является разсудокъ. Но при этомъ упускаютъ изъ виду элементъ характера, элементъ энергіи, который дѣлалъ для Чернышевскаго невозможнымъ отреченіе на практикѣ отъ того взгляда, къ которому онъ приходилъ въ теоріи, — хотя бы сначала и чисто логическимъ, не окрашеннымъ страстью путемъ. Какую бы, дѣйствительно, важную роль ни играли въ душевномъ мірѣ Чернышевскаго чисто логическіе процессы, но жизненная обязательность окончательныхъ выводовъ, получаемыхъ въ ихъ результатѣ, была для него своего рода „категорическимъ императивомъ“. Объ этой чертѣ Николая Гавриловича мнѣ много пришлось слышать отъ Шелгунова, который, самъ будучи человѣкомъ сердца и убѣжденія, съ особымъ умиленіемъ говорилъ о рѣзкой, о непримиримой вѣрности Чернышевскаго своему міровоззрѣнію. И, посмотрите, развѣ недостаточно краснорѣчивы въ этомъ смыслѣ цитированныя выше строки юношескаго дневника: „сначала я буду молчать; наконецъ, когда ко мнѣ будутъ приставать долго — это мнѣ надоѣстъ, и я выскажу свое мнѣніе прямо и рѣзко, и тогда едва ли уже выйдемъ изъ крѣпости“. И, наконецъ, заключеніе, непосредственно слѣдующее за этими строками: „я не могу жениться, не въ правѣ связать чьей бы то ни было судьбы съ моей“. Замѣтьте, это писалось тѣмъ самымъ Чернышевскимъ, который любилъ свою невѣсту, а впослѣдствіи свою жену, такъ безконечно нѣжно и такъ высоко человѣчно, что я затрудняюсь найти въ исторіи примѣръ другой личности, способной на такую одухотворенную и самоотверженную любовь. Каково же было этому человѣку отказываться отъ величайшаго счастія, какое только ему представлялось въ жизни, — отказываться сознательно, во имя лишь *возможной* перспективы столкновенія между личнымъ интересомъ и вѣрностью убѣжденіямъ!... Я нахожу подтвержденіе этой черты Чернышевскаго, этого служенія идеалу, и въ томъ особенно цѣнномъ для моей цѣли мѣстѣ воспоминаній В. Г. Короленко, гдѣ авторъ говоритъ „о сравненіи Чернышевскимъ самого себя съ кроткимъ по природѣ бараномъ, которому вздумалось кричать по козлиному“, т. е. будучи „теоретикомъ и мыслителемъ“, „вообразить себя практическимъ дѣятелемъ“. Но тутъ же замѣчаетъ:

Правда, всѣ эти нападки на прошлое, иногда высказываемыя въ очень рѣзкой формѣ самообличенія, не отзывались ни унылымъ разочарованіемъ, ни слабодушнымъ покаяніемъ въ прошлыхъ „грѣхахъ". Наоборотъ, послѣ такихъ выходокъ, Чернышевскій встряхивалъ своими густыми волосами, глядѣлъ исподлобья улыбающимся взглядомъ и прибавлялъ:

— А вѣдь всетаки, сказать правду: не все же только худое было... Было кое-что и хорошее. Пожалуй, не мало было хорошаго, да, не мало.

...Онъ не смѣялся надъ прошлымъ и остался въ основныхъ своихъ взглядахъ тѣмъ же революціонеромъ въ области мысли, со всѣми прежними пріемами умственной борьбы. Онъ смѣялся только надъ своими попытками практической дѣятельности... (Р. Б., стр. 70—71, passim).

И это совершенно вѣрно: Чернышевскій могъ смѣяться надъ своими попытками практической дѣятельности (читатель увидитъ, впрочемъ, какія оговорки надо внести и сюда, по моему мнѣнію). Но онъ не могъ смѣяться надъ одной изъ основныхъ чертъ своей личности: сознаніемъ необходимости оставаться вѣрнымъ въ жизни выводамъ своей непреклонной мысли. Да и какъ, не будучи служителемъ убѣжденій, Чернышевскій могъ бы еще такъ рано, съ такою энергіей и жаромъ вступиться хотя бы за Бѣлинскаго противъ нападеній Шевырева, который преслѣдовалъ неистоваго Виссаріона какъ разъ за глубокую убѣжденность, проникавшую его статьи: „рыцарь безъ имени, на щитѣ котораго громадными кривыми буквами написано „*убѣжденіе*".

Но возвратимся къ вопросу, въ какой степени Чернышевскій, этотъ непреклонный борецъ за убѣжденія, былъ увѣренъ въ „своемъ жребіи, своемъ концѣ" сравнительно задолго до роковой развязки. Вотъ сцена изъ „Пролога пролога", неоконченнаго романа Чернышевскаго, въ которомъ Николай Гавриловичъ бросаетъ ретроспективный взглядъ на Россію 60-хъ годовъ и свою дѣятельность въ ней. Волгинъ (подъ такимъ псевдонимомъ Чернышевскій выводитъ самого себя въ романѣ) говоритъ своей женѣ:

— Милая моя голубочка, ты сядь подлѣ меня и не огорчись тѣмъ, что я скажу. Ты знаешь, у меня характеръ мнительный, робкій. Потому, не придавай важности моимъ словамъ: ты знаешь, у насъ все тихо, и я думаю о будущемъ только потому, что я трусъ. Воображаю то, чего, можетъ быть, и не будетъ. Ты знаешь, я держу себя осторожно. Если бы я не былъ трусъ, то и нечего было бы мнѣ думать ни о тебѣ, ни о Володѣ... Одно можетъ повредить тебѣ съ Володею: перемѣна обстоятельствъ. Дѣла русскаго народа плохи. Будь что-нибудь теперь, намъ съ тобою еще ничего. Обо мнѣ еще никто не позаботился бы. Но моя репутація увеличивается. Два, три года— и будутъ считать меня человѣкомъ со вліяніемъ. Пока все тихо, то ничего. Но, какъ я говорю, и сама ты знаешь, дѣла русскаго народа плохи. Передъ нашею свадьбою я говорилъ тебѣ и самъ думалъ, что говорю пустяки. Но чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ виднѣе, что надобно было тогда предупредить тебя. Я не жду пока ровно ничего непріятнаго тебѣ. Но не могу не видѣть, что черезъ нѣсколько времени..

— Такъ ты вотъ о чемъ! Она поблѣднѣла:—Молчи, не смѣй говорить!— Она вскочила и зажала ему ротъ:—Не смѣй!... Молчи! Я слышала разъ,—довольно. Не смѣй.—Она убѣжала.

Натурально. Тогда она еще могла слушать, потому что еще и не вообра-

жала, что будетъ такъ расположена къ нему. Натурально, теперь ей труднѣе слушать: прожили вмѣстѣ три года; и теперь она понимаетъ, что это можетъ случиться; а тогда не понимала. Конечно, теперь вовсе не слѣдовало говорить. Или слѣдовало?

Онъ пошелъ за нею.

Она прижимала сына къ груди и рыдала надъ нимъ; „Володя, мы съ тобою будемъ сиротами"!

Сцена эта относится, судя по нѣкоторымъ подробностямъ положенія (три года брачной жизни, недавнее знакомство съ Левицкимъ, т. е. Добролюбовымъ, и т. п.) къ 1856 г. Но вотъ дѣйствіе развертывается. Мы въ разгарѣ общественнаго возбужденія, поднятаго крымскимъ разгромомъ. Прежде всего стоитъ на очереди крестьянскій вопросъ. И Чернышевскій является сразу такимъ авторитетомъ въ статьяхъ, посвященныхъ рѣшенію этой тогдашней великой, общенаціональной задачи, что къ его голосу прислушивается не только вся мыслящая часть общества, но и само правительство. Вліяніе славнаго публициста возрастаетъ особенно послѣ его побѣдоноснаго спора съ Вернадскимъ объ общинѣ. И тѣ опасенія, которыя высказывались Чернышевскимъ объ угрожающей ему опасности въ тогдашней Россіи, начинаютъ уже принимать болѣе осязательную форму. Вотъ новая сцена, — разговоръ жены Чернышевскаго съ однимъ молодымъ человѣкомъ, — въ которой женщина, связавшая свою судьбу съ судьбой вождя демократической партіи, сама уже возвращается къ тревожившему ее вопросу. Я привожу эту сцену тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что въ ней Чернышевскій чуть ли не единственный разъ во всемъ „Прологѣ" оставляетъ ту характеристичную для насъ, великоруссовъ, черту ироніи по отношенію къ самому себѣ, которая заставляетъ „проницательныхъ читателей" считать Чернышевскаго на основаніи этого автобіографическаго романа вялымъ, скучнымъ и безхарактернымъ существомъ. Не пришлось ли мнѣ читать у одного обстоятельно-глупаго нѣмца (довольно-таки распространенная разновидность среди германскихъ буржуазныхъ гелертеровъ), что если Herr Tschernyschewsky рисуется такою жалкою посредственностью въ автобіографіи, гдѣ авторъ имѣлъ, конечно, возможность основательно, по словамъ нѣмца, прикрасить себя, то насколько же жалче онъ долженъ былъ быть въ дѣйствительности?

Но оставимъ ученаго нѣмца при его обстоятельной глупости и возвратимся къ обѣщанной нами сценѣ изъ „Пролога". Вотъ въ какихъ словахъ говоритъ жена Чернышевскаго о немъ своему собесѣднику:

— Вы не знаете, Нивельзинъ, какой это человѣкъ! — И никто еще не знаетъ! Только я одна знаю это. Я давно узнала это; хоть я и не ученая, и не видывала тогда ученыхъ людей. Я увидѣла это изъ первыхъ же нашихъ разговоровъ, хоть они были пустые, хоть, разумѣется, онъ не могъ говорить со мною ни о чемъ ученомъ... Но это было видно мнѣ. Я узнала, какой это

человѣкъ; тогда всѣ думали, что онъ пролежитъ весь свой вѣкъ на диванѣ съ книгою въ рукахъ, вялый, сонный. Но я поняла, какая у него голова, какой характеръ! — потому что безъ его характера, даже и при его умѣ, ему нельзя было бы такъ понимать всѣ эти ученыя вещи. Я, неученая, увидѣла это изъ первыхъ разговоровъ, пустыхъ, обо мнѣ, о пустякахъ, о моемъ счастьи,—я увидѣла, какая разница между нимъ и другими!—И ошиблась ли я?—Вы знаете, какъ теперь начинаютъ думать о немъ. Но его время еще не пришло, они еще не понимаютъ его мыслей;—придетъ его время, тогда заговорятъ о немъ!—И пусть будетъ съ нимъ и со мною, что будетъ! Я хочу, чтобъ о моемъ мужѣ говорили когда-нибудь, что онъ раньше всѣхъ понималъ, что нужно для пользы народа, и не жалѣлъ для пользы народа—не то, что себя—велика важность ему не жалѣть себя!—не жалѣлъ и меня!—и будутъ говорить это, я знаю!—и пусть мы съ Володею будемъ сиротами, если такъ нужно!

„Прологъ пролога" обрывается, какъ извѣстно, на самомъ интересномъ мѣстѣ, на годахъ, непосредственно предшествующихъ опубликованію манифеста 19-го февраля. Мы знаемъ, что проведеніе реформы въ крайне урѣзанномъ противъ первоначальнаго видѣ (послѣ замѣны умершаго Ростовцева крѣпостникомъ Панинымъ) вызвало первый очень рѣзкій расколъ между демократическимъ авангардомъ и разношерстной арміей „прогрессистовъ", хотя поводовъ къ столкновенію между головой и хвостомъ партіи реформъ было и раньше не мало. Во всякомъ случаѣ отнынѣ Чернышевскій и его друзья становятся сугубою мишенью для обличеній не однихъ крѣпостниковъ, но и тѣхъ ни теплыхъ, ни холодныхъ сторонниковъ еле бредущаго „прогресса", которые возбуждали сатирическое негодованіе Добролюбова:

Прогрессъ стопой своей неспѣшной
Шелъ тихо мирною тропой...

Въ этотъ моментъ Чернышевскій, по словамъ его пріятелей, уже начиналъ чувствовать близость надвигавшейся на него лично опасности. Но въ особенности отъ его проницательнаго ума не укрывалось фатальное крушеніе реформаціонныхъ надеждъ общества, если... если наиболѣе послѣдовательные и энергичные элементы не прибавятъ — думалось ему, — нѣсколько лишнихъ шансовъ на побѣду, активнымъ вмѣшательствомъ въ затягивавшійся ходъ развитія страны. Замѣтьте „нѣсколько лишнихъ шансовъ на побѣду", но не самое побѣду. Шелгуновъ мнѣ прямо говорилъ, что онъ самъ и М. Л. Михайловъ гораздо болѣе вѣрили въ возможность благопріятнаго исхода событій для демократической партіи, чѣмъ Чернышевскій, хотя и безъ колебаній шедшій къ цѣли, разъ поставленной имъ послѣ самаго холоднаго и проницательнаго анализа современныхъ ему условій. И въ этомъ трагическое величіе фигуры Чернышевскаго, который, къ сожалѣнію, далъ намъ на послѣднихъ страницахъ „Пролога" лишь нѣсколько намековъ на эту душевную коллизію, превышающую своимъ значеніемъ столь

многія и многія личныя коллизіи человѣка, изнемогающаго въ борьбѣ между долгомъ и страстью.

Если Герцена называли „Фаустомъ русскаго освободительнаго движенія", то Чернышевскаго я назвалъ бы, дѣйствительно, Прометеемъ его. Пусть только читатель отвлечется мыслью отъ титаническихъ внѣшнихъ проявленій той внутренней человѣческой мощи, которую Эсхилъ влагалъ въ своего Прометея, и онъ не найдетъ въ моемъ сравненіи ничего утрированнаго. Дѣло именно не въ жестахъ, не въ фигурѣ, не въ громовомъ раскатѣ голоса, не въ эффектной яркости борьбы съ Зевесомъ. Дѣло въ психологіи Титана, который знаетъ, какою властью располагаетъ богъ; знаетъ, что ему покорно повинуются его слуги, Сила (Κράτος) и Насиліе (Βία), приковывающіе Прометея „несокрушимыми узами стальныхъ оковъ" — *ἀδαμαντίνω δεσμῶν εν ἀρρήκτοις πέδαις*. И тѣмъ не менѣе идетъ на встрѣчу длинному ряду страданій, гордо принимая отвѣтственность за свое „преступленіе", за дарованіе людямъ того „огня" сознанія, который только и можетъ освѣщать, и согрѣвать, и безконечно совершенствовать человѣческую жизнь. Я прибавилъ бы даже еще одну общую черту. Прометей знаетъ, кромѣ того, что владычество старыхъ олимпійцевъ будетъ низвергнуто, знаетъ, какимъ образомъ произойдетъ этотъ переворотъ въ небѣ, но и цѣною немедленнаго освобожденія отнюдь не хочетъ продать Зевсу тайну ждущей его гибели, а вмѣстѣ своего собственнаго избавленія.

Знаетъ и Чернышевскій окончательное торжество того царства коллективнаго труда и коллективнаго наслажденія, которое онъ описалъ такими яркими красками въ четвертомъ снѣ Вѣры Павловны. Знаетъ, что если не лично онъ, то трудящееся человѣчество будетъ освобождено въ этомъ царствѣ отъ „стальныхъ оковъ" подневольной работы и жалкой нищеты. Но онъ знаетъ также, что лично передъ нимъ развертывается длинная перспектива той самой „безотрадной мглы изгнанья", среди которой и его другъ М. Л. Михайловъ обѣщалъ „твердо ждать свѣта". И онъ сознательно идетъ на встрѣчу этой перспективѣ. Въ частности для Чернышевскаго трагизмъ его судьбы неизмѣримо усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не былъ романтикомъ революціи; и мало того, что онъ, какъ уже было сказано выше, далеко не былъ вполнѣ увѣренъ въ ближайшемъ торжествѣ русской демократической партіи. На основаніи и намековъ, разсѣянныхъ въ его сочиненіяхъ, и слышанныхъ мною отъ друзей и знакомыхъ Чернышевскаго разсказовъ о послѣднихъ мѣсяцахъ его дѣятельности, отношеніе Николая Гавриловича къ сложившимся въ то время обстоятельствамъ можно характеризовать такъ. Онъ видѣлъ, что дѣло искреннихъ защитниковъ народа и

самого народа было почти проиграно. Но онъ хотѣлъ, пока представлялась хоть слабая возможность побѣды, попробовать во что бы то ни стало отстоять интересы дорогой ему трудовой Россіи и вообще безпрепятственнаго развитія великой страны. Каковы были въ самомъ дѣлѣ тогдашнія условія?

Прежде всего рѣшеніе крестьянскаго вопроса приняло въ 1860 г., т. е., значитъ, какъ разъ накануне освобожденія, плачевный видъ коверканья уже сдѣланнаго. Панинъ вмѣсто Ростовцева; Николай Милютинъ въ опалѣ, какъ „красный"; измѣненіе проекта освобожденія въ благопріятномъ для помѣщиковъ смыслѣ; усиленное давленіе цензуры на статьи по отмѣнѣ крѣпостного права, такъ что ихъ въ этотъ послѣдній, самый рѣшительный для реформы годъ появлялось очень мало,—все это могло внушать лишь самыя мрачныя мысли о будущемъ искреннимъ демократамъ. А съ 1861 г. рядомъ съ разочарованіемъ, постигшимъ эту передовую часть русскаго общества въ крестьянской реформѣ, идетъ разочарованіе этихъ элементовъ результатами дѣятельности въ другихъ сферахъ. Если крестьянскіе бунты, которые пророчились крѣпостниками для всей Россіи, носятъ лишь мѣстный характеръ, ограничиваясь Казанскою (Бездниинское дѣло), Пензенскою, Калужскою, Воронежскою губерніями, то повсюду реакція успѣваетъ своими дѣйствіями возбудить массу кровавыхъ столкновеній и печальныхъ недоразумѣній между различными слоями населенія и элементами общества.

Патріотическія демонстраціи въ Польшѣ, начавшіяся съ половины 1860 г., въ февралѣ 1861 г.,—совсѣмъ за нѣсколько дней до обнародованія манифеста,—подавляются оружіемъ; и панихиды по убитымъ вызываютъ въ Петербургѣ новыя демонстраціи, ведущія къ студенческимъ исторіямъ. А въ сентябрѣ арестуются литераторы—Михайловъ, Обручевъ и т. д. И вмѣстѣ съ тѣмъ, возбужденіе умовъ среди студенчества, раздраженнаго „новыми правилами" и реакціонными мѣрами мая и іюля мѣсяцевъ, еще усиливается непропорціонально строгими репрессаліями. Въ результатѣ закрывается петербургскій университетъ, а въ московскомъ и казанскомъ много студентовъ исключается и подвергается избіенію полиціей (сентябрь—октябрь). Охранительная политика беретъ рѣшительный верхъ надъ политикой реформъ. Расколъ въ прогрессивномъ лагерѣ усиливается. Передовые элементы подвергаются со стороны умѣренныхъ упрекамъ въ нетерпѣніи и чуть не измѣнѣ отечеству.

Въ эти-то моменты передъ Чернышевскимъ и его единомышленниками демократическаго лагеря стала дилемма. Или уступить безъ борьбы поле битвы реакціи, слившись съ многочисленной арміей умѣренныхъ, которые порядочно теперь охладѣли къ реформамъ и не шли дальше почтительнаго ропота на черезчуръ рѣзкія проявленія охранительной политики. Или попробо-

вать отстоять движеніе впередъ, группируясь на почвѣ прерванныхъ и исковерканныхъ реформистскихъ плановъ общества, смѣло доводя ихъ до конца, и прежде всего въ области крестьянскаго устройства.

Но какъ группироваться, на какіе элементы опираться? Чернышевскій въ общемъ очень скептически, какъ это мы увидимъ ниже, смотрѣлъ на современную ему Россію, которая поражала его отсутствіемъ убѣжденныхъ и смѣлыхъ людей, а главное. дѣтскою неразвитостью политическихъ партій, если только можно приложить такое громкое названіе къ нашимъ котеріямъ и группамъ 60-хъ годовъ. Очень рѣзко,—опять таки какъ мы увидимъ ниже,—онъ относился къ „прогрессистамъ“, упрекая ихъ въ неимѣньи ясной и опредѣленной программы, особенно же въ способности довольствоваться фразами вмѣсто дѣлъ. Но не менѣе рѣзко онъ относился и къ лагерю крѣпостниковъ,—и даже не за то, что они преслѣдовали сословные интересы, діаметрально противоположные интересамъ громаднаго большинства народа русскаго, но за то, что даже и эти-то интересы они защищали неумѣло, по-рабски, происками въ бюрократическихъ сферахъ и прячась подъ защиту громадной административной махины, хотя и обнаружившей свою внутреннюю несостоятельность въ дни Севастополя. Какъ же смотрѣлъ Чернышевскій самъ на этотъ административный механизмъ? Онъ и въ немъ видѣлъ чудовищную несогласованность частей и отсутствіе настоящей центральной пружины, что выражалось безпрестаннымъ треніемъ отдѣльныхъ колесъ, пускавшихся въ ходъличными интригами временщиковъ положенія и баловней судьбы. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ понималъ, что, не смотря на крайнюю архаичность и уродливость этой машины, она можетъ еще долго хлябать и вертѣть своими убійственными шестернями въ странѣ, гдѣ нѣтъ традицій политической борьбы и умѣлаго отстаиванія своихъ коллективныхъ интересовъ. За административнымъ механизмомъ было, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что онъ, во-первыхъ, двигался въ силу пріобрѣтенной имъ въ теченіе вѣковъ исторической инерціи; во-вторыхъ, что онъ представлялъ собою хоть нѣчто организованное въ обществѣ, именно и поражавшемъ скудостью организованныхъ формъ жизни и дѣятельности.

Такимъ образомъ поборникамъ интересовъ народа, — въ то время главнымъ образомъ крестьянства, — приходилось съ точки зрѣнія Чернышевскаго направить удары не только на классъ помѣщиковъ-крѣпостниковъ, но и на административный механизмъ, и даже прежде всего, и по преимуществу, на этотъ механизмъ. Ибо послѣдній, защищая себя изъ-за чувства самосохраненія. являлся вмѣстѣ съ тѣмъ защитникомъ и привилегированнаго сословія, располагавшаго даровымъ трудомъ крестьянъ. При этомъ. опять таки въ представленіи Чернышевскаго, на лагерь „прогрес-

систовъ“ была плохая надежда. Какіе же элементы могли въ такомъ случаѣ вести борьбу за народъ? Кто могъ быть выразителемъ интересовъ „простолюдиновъ“, какъ выражался нѣсколько старомодно самъ Чернышевскій? Конечно, прежде всего та часть образованнаго общества, которую Николай Гавриловичъ называлъ въ статьяхъ о „Борьбѣ партій во Франціи“ „радикалами“ и „демократами“, въ противоположность жестоко бичуемымъ и высмѣиваемымъ имъ „либераламъ“ и „прогрессистамъ“. Она состояла, конечно, изъ наиболѣе смѣлой и убѣжденной доли дворянской интеллигенціи, той самой интеллигенціи, которая со второй половины царствованія Екатерины II вписала столько доблестныхъ именъ въ мартирологъ русской общественности. Но ея ряды, начиная съ конца 50-хъ годовъ, пополнялись все болѣе и болѣе разночинной интеллигенціей, къ которой принадлежалъ отчасти и самъ Чернышевскій (родившійся въ средѣ „духовной аристократіи“), а еще болѣе Добролюбовъ и столько бѣдныхъ поповичей, сыновьевъ приказныхъ, мѣщанъ и т. п. людей „новыхъ слоевъ“, выдвинутыхъ дифференціаціей русскаго, начавшаго оттаивать послѣ николаевскихъ морозовъ общества.

Въ этой передовой интеллигенціи Чернышевскій и видѣлъ, какъ кажется, первоначальную точку опоры для рычага, которымъ можно было, по его мнѣнію, попробовать повернуть на настоящую дорогу Россію, пятившуюся назадъ подъ усиліями реакціонныхъ элементовъ въ администраціи и обществѣ. И, говоря такъ, я разумѣю не только взгляды Чернышевскаго, поскольку они могли, да и то косвенно, выражаться въ печати, напр., въ такихъ статьяхъ, какъ „Экономическая дѣятельность и законодательство“, но и его болѣе интимныя, высказывавшіяся лишь въ кругу единомышленниковъ мнѣнія. Взглядъ на Петра Великаго, какъ на революціоннаго диктатора, который силою вышибъ Московскую Русь изъ коснѣнія, былъ, по словамъ Шелгунова, врѣзавшимся мнѣ въ память, общимъ взглядомъ ближайшихъ друзей Чернышевскаго и самого Николая Гавриловича. Отчасти изъ-за этого взгляда они расходились и съ Щаповымъ, идеализировавшимъ прогрессивныя стремленія народа въ „земствѣ“ и „расколѣ“. И если въ данномъ частномъ случаѣ можно предполагать, что Шелгуновъ, для котораго царь Петръ былъ, такъ сказать, любимымъ героемъ историческаго романа, преувеличивалъ близость воззрѣній Чернышевскаго къ своимъ, то одно то ужъ во всякомъ случаѣ несомнѣнно: соціально-политическіе взляды Чернышевскаго были окрашены тенденціями, которыя лучше всего можно было бы охарактеризовать словомъ „бланкизмъ“. Всякій разъ, какъ ему приходилось класть на одну чашку вѣсовъ то, что онъ называлъ „свободнымъ дѣйствіемъ индивидуальныхъ лицъ“, а на другую то, чему онъ давалъ имя „силы распоряженій общественной власти“, въ глазахъ его анализирующаго ума пере-

тягивала вторая чашка. Онъ только не желалъ, чтобы такой взглядъ могъ вести къ серьезнымъ недоразумѣніямъ въ странѣ, подобной Россіи, гдѣ „сила распоряженій общественной власти" исключительно выражалась въ чудовищной опекѣ архаической администраціи. И онъ предлагалъ даже въ заключительныхъ главахъ своихъ „Примѣчаній" замѣнить какимъ-нибудь другимъ терминомъ слово „правительство", когда дѣло идетъ объ активномъ вмѣшательствѣ организованной соціальной силы въ ходъ коллективной жизни, т. е. о „формахъ общественной дѣятельности, существенно различныхъ отъ правительственной формы".

Какъ употребленіе слова „капиталъ", — замѣчаетъ Чернышевскій, — сбиваетъ съ толку своимъ привычнымъ меркантильнымъ смысломъ, такъ слово „правительство" вводитъ въ заблужденіе своимъ привычнымъ администраивнымъ оттѣнкомъ, такъ что считаются многими за регламентаторовъ мыслители, идеямъ которыхъ ничто такъ не противно, какъ регламентація.

Въ частности Чернышевскому представлялось, что врядъ ли гдѣ нибудь, кромѣ странъ, населенныхъ англо-саксонской расой,— да и то еще вопросъ—врядъ ли современное общество перейдетъ къ новому и лучшему строю помимо вмѣшательства организованной общественной силы. Что же онъ долженъ былъ думать въ примѣненіи къ Россіи, гдѣ столько отживающихъ учрежденій, словно гальванизированные, но уже разлагающіеся трупы, сжимали въ своихъ объятіяхъ живыя растущія силы и грозили заразить этимъ трупнымъ ядомъ всю великую страну? „Бланкизмъ" являлся въ глазахъ Чернышевскаго необходимымъ пріемомъ борьбы съ отживающимъ дореформеннымъ міромъ и его чудовищной административной покрышкой, а интеллигенція—гражданская и военная (обратите вниманіе на число выдающихся офицеровъ, увлеченныхъ въ началѣ 60-хъ годовъ демократическимъ движеніемъ) — исходнымъ пунктомъ упомянутаго активнаго вмѣшательства въ ходъ событій.

Но вѣдь самый послѣдовательный бланкизмъ предполагаетъ для надлежащей игры этого механизма вмѣшательства существованіе не только точки опоры рычага, но наличность самого этого рычага или, лучше сказать, цѣлой системы рычаговъ, приводящихъ въ движеніе общественный организмъ. Солисты и актеры, для произведенія надлежащаго впечатлѣнія въ великой исторической драмѣ, нуждаются въ поддерживающемъ ихъ оркестрѣ и могучемъ хорѣ „народа". Какъ долженъ былъ смотрѣть Чернышевскій на роль народа, роль трудящихся массъ, во имя которыхъ дѣйствовали демократы? Прежде всего этотъ народъ представлялся ему,—и не могъ по условіямъ времени представляться иначе,—въ видѣ крестьянства, того самого крестьянства, реформа быта котораго была въ 60-ые годы центральнымъ пунктомъ всѣхъ реформъ. Что касается до оцѣнки народа Чернышевскимъ, то тутъ приходится брать среднее изъ его нѣсколько варьирующихъ въ этомъ отно-

шеніи взглядовъ и, пожалуй, еще болѣе отклоняющихся одно отъ другого воспоминаній его друзей и знакомыхъ.

Полагаясь на болѣе уравновѣшенную оцѣнку Шелгунова, я склоняюсь къ тому взгляду, что Чернышевскій, начавъ строить программу активной дѣятельности въ виду „интересовъ" крестьянства, но не „мнѣній" его (какъ выражались позже въ 70-хъ годахъ), допустилъ потомъ въ нее, хотя лишь до нѣкоторой степени, и элементъ упомянутыхъ народныхъ мнѣній. Сопоставляя нѣкоторыя мѣста изъ сочиненій Чернышевскаго, писанныя въ промежуткѣ нѣсколькихъ лѣтъ, или же воспроизводящія различные эпизоды его дѣятельности (въ „Прологѣ"), приходимъ даже къ заключенію, что въ полтора послѣдніе года жизни Николая Гавриловича въ Петербургѣ его взглядъ на народъ, на крестьянство принимаетъ нѣсколько болѣе оптимистическій характеръ. И ниже я укажу читателю на кой-какія небезъинтересныя въ этомъ отношеніи мысли, встрѣчающіяся подъ перомъ Чернышевскаго.

Во всякомъ случаѣ и въ эти послѣдніе мѣсяцы Николай Гавриловичъ далеко не рисовался людямъ, которые умѣли наблюдать, тѣмъ „самонадѣяннымъ", тѣмъ „безтактнымъ" человѣкомъ, какого изображали намъ прекраснодушные господа, въ родѣ Кавелина. Эта „самонадѣянность", эта „безтактность", смущавшая нашихъ „либераловъ", обнаруживалась лишь въ области безпощаднаго отрицанія Чернышевскимъ тѣхъ дѣйствительно курьезныхъ путей политической борьбы, по части которыхъ были такъ сильны философы и поэты „настоящаго времени, когда". Здѣсь, въ сферѣ того, что не надо было дѣлать, Чернышевскій, конечно, былъ вполнѣ рѣзкимъ и опредѣленнымъ „брульономъ", который мѣшалъ чувствительнымъ душамъ удовлетворяться игрой въ умѣренно-либеральныя бирюльки и приходить въ умиленіе предъ величіемъ совершаемыхъ ими гражданскихъ подвиговъ. Въ сферѣ же положительной, въ сферѣ того, что должно было дѣлать, Чернышевскій и въ это послѣднее время отличается лишь мужественнымъ, героическимъ, но отнюдь не свободнымъ отъ скептицизма спокойствіемъ человѣка, исполняющаго свой долгъ, но не могущаго раздѣлять всѣ иллюзіи и надежды другихъ болѣе пылкихъ единомышленниковъ на скорую и окончательную побѣду.

Николай Гавриловичъ былъ слишкомъ проницательнымъ умомъ, чтобы не видѣть въ Россіи 60-хъ годовъ слабость и неподготовленность демократическихъ элементовъ для того рѣшительнаго столкновенія съ старымъ строемъ, въ результатѣ котораго великая страна могла бы стать на путь могучаго соціальнаго прогресса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ настолько человѣкомъ идеи, что, перебравъ возможности такого столкновенія и признавъ, что другого исхода изъ исторической коллизіи не было, а нѣкоторые шансы на торжество существовали, онъ безповоротно остановилъ свой выборъ на активномъ вмѣшательствѣ въ ходъ со-

бытій. Это рѣшеніе было имъ принято — говорилъ, напр., мнѣ Шелгуновъ — не безъ долгаго колебанія, не безъ самаго тщательнаго взвѣшиванія аргументовъ *за* и *противъ*. Но разъ ставъ на эту точку зрѣнія, онъ уже не сходилъ съ нея. И та фраза, которою онъ и охарактеризовалъ однажды свое отношеніе къ литературнымъ врагамъ: „я мертвъ для репутаціи, какую могу имѣть въ вашихъ глазахъ",—эта фраза вполнѣ можетъ характеризовать его отношеніе и къ врагамъ политическимъ. Удовлетворивъ своей теоретической добросовѣстности, удовлетворивъ потребности своего неумолимо анализирующаго ума, и придя къ извѣстному рѣшенію, онъ становился мертвъ къ тому, что могли сказать или сдѣлать его жизненные противники. Отнынѣ разсудокъ уступалъ мѣсто энергіи воли и лишь сохранялъ за собою право ясно замѣчать тѣ препятствія, какакія лежали на пути къ достиженію цѣли. И здѣсь величіе, здѣсь трагизмъ личности Чернышевскаго, который со второй половины 1861 г. не могъ не видѣть торжество крѣпчающей реакціи, равно какъ сильную вѣроятность пораженія демократической партіи и своей собственной гибели, но твердо шелъ въ разъ принятомъ направленіи. Отличаясь осторожностью, тамъ гдѣ осторожность могла быть полезна дѣлу, не любя бравировать понапрасну опасностью, чуждаясь фанфаронства, уменьшающаго шансы на успѣхъ, онъ, однако, безъ колебаній дѣлалъ тѣ шаги, которые вынуждались самымъ ходомъ великаго историческаго столкновенія между старой и молодой Россіей. Отсюда страшная непріязнь къ Чернышевскому, котораго одни считаютъ „брульономъ" (это прекраснодушные либералы), другіе — очень ловкимъ и тонкимъ злодѣемъ, подъ котораго и иглы не подточишь (это люди реакціи).

Управляющій III отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи — читаемъ мы въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Чернышевскаго,—получилъ безымянное письмо, въ коемъ предостерегаютъ правительство отъ Чернышевскаго, „этого коновода юношей, хитраго соціалиста"; онъ самъ сказалъ, что его никогда не уличатъ; его называютъ вреднымъ агитаторомъ и просятъ спасти отъ такого вреднаго человѣка; всѣ бывшіе пріятели Чернышевскаго, видя, что его тенденціи проводятся уже не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ, люди либеральные отдалились отъ него. „Если не удалите Чернышевскаго, пишетъ авторъ письма, быть бѣдѣ, будетъ кровь; эти шайки бѣшеныхъ демагоговъ — отчаянныя головы, эта „молодая Россія" высказала въ своемъ проектѣ всѣ звѣрскія наклонности; можетъ быть, перебьютъ ихъ, но сколько невинной крови прольется за нихъ. Въ Воронежѣ, Саратовѣ, Тамбовѣ вездѣ есть комитеты изъ подобныхъ соціалистовъ, вездѣ они разжигаютъ молодежь. Чернышевскаго отправьте, куда хотите, но поскорѣе отнимите у него возможность дѣйствовать. Избавьте насъ отъ Чернышевскаго ради общаго спокойствія".

Мы знаемъ, что такія просьбы не остались безъ послѣдствій...

Я теперь попробую на основаніи цитатъ изъ сочиненій Чернышевскаго подкрѣпить высказанный выше взглядъ на личность этого крупнѣйшаго человѣка 60-хъ годовъ. Ибо этотъ взглядъ можетъ показаться инымъ читателямъ черезчуръ гипотетическимъ, основаннымъ лишь на догадкахъ автора этой статьи и на разговорахъ его съ давно умершими по большей части лицами. Но если отъ читателя-друга можно ожидать довѣрія къ памяти и безпристрастію человѣка, передающаго такіе разговоры, то въ такомъ довѣріи нерѣдко откажетъ читатель-врагъ.

Прежде всего любопытенъ взглядъ Чернышевскаго на философію исторіи, если можно такъ выразиться, всякихъ крупныхъ переворотовъ вообще. Анализирующій, провицательный умъ Николая Гавриловича, собственно говоря, скептически относился къ попыткамъ силою передвинуть впередъ стрѣлку историческихъ часовъ. Будь Чернышевскій исключительно головнымъ человѣкомъ, дай онъ волю исключительно своему разсудку при оцѣнкѣ событій, онъ долженъ былъ бы осуждать всякое предпріятіе, которое не опиралось бы на импозантную организацію силъ. Вотъ какую импровизированную лекцію по исторіи читаетъ въ „Прологѣ" Волгинъ-Чернышевскій своей женѣ и еще одной знакомой по поводу упоминанія о возстаніи 12-го мая 1839 г. въ Парижѣ (инсуррекція секретнаго общества „Временъ года" подъ предводительствомъ Барбэса):

— ...Это не мелочь какая-нибудь: это было важное дѣло, великая ошибка, страшный урокъ, —и остался безполезнымъ, натурально.—Видишь, въ первые годы Людовика-Филиппа республиканцы подымали нѣсколько возстаній: неудачно;—разсудили: „подождемъ, пока будетъ сила"; ну, и держались нѣсколько лѣтъ смирно; и набирали силы; но опять не достало разсудка и терпѣнія; подняли возстаніе; —ну, и поплатились такъ, что долго не могли оправиться. А чего было и соваться? —если бы было довольно силы, чтобы выиграть, то и сражаться-то было бы нечего: преспокойно получали бы уступки одну за другою,—дошли бы и до власти, съ согласія самихъ противниковъ. Когда видятъ силу, то не будутъ вызывать на бой, — смирятся самымъ любезнымъ манеромъ. Охъ, нетерпѣніе! — Охъ, иллюзіи! — Охъ, экзальтація!— Волгинъ покачалъ головою.

Но качающій своей трезвой аналитической головою Волгинъ понимаетъ, что современное человѣчество не было бы современнымъ человѣчествомъ, если бы оно могло такъ спокойно, размѣренно, хладнокровно осуществлять только вполнѣ осуществимыя задачи,—задачи, которыя, такъ сказать, столь назрѣли, что падаютъ сами собой съ древа общественной жизни, словно спѣлый плодъ. Волгинъ понимаетъ, что роковыя обстоятельства, не зависящія отъ воли того или другого человѣка, той или другой партіи, зачастую толкаютъ людей на путь, гдѣ имъ грозитъ не только личное крушеніе, но крушеніе дорогого, кровно близкаго дѣла, крушеніе политическихъ идеаловъ и, во всякомъ случаѣ, долгое замираніе ихъ. И онъ констатируетъ эту неизбѣж-

ность. Но въ то же время его аналитическій умъ не въ такой степени исчерпываетъ его духовную натуру, чтобы въ немъ не говорилъ общественный аффектъ, не волновалось политическое чувство, которое заставляетъ его,—холоднаго и проницательнаго наблюдателя, — жестоко порицать фатальныя жертвы исторіи, почти негодовать на тѣхъ людей, которые въ силу положенія не могли не дѣлать того, что дѣлали. И почему негодовать? Потому что самъ Чернышевскій, какъ живой человѣкъ, а не только кабинетный мыслитель, чувствовалъ, что и онъ, дальше видящій и яснѣе понимающій, примкнулъ бы, однако, въ данный моментъ къ этимъ людямъ и долженъ былъ бы, оставаясь честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, примкнуть къ нимъ. Его негодованіе, это—въ значительной степени негодованіе на себя за ту коллизію, которая возникаетъ въ его душѣ между голосомъ разсудка и властнымъ велѣніемъ общественнаго чувства. Современное положеніе Россіи, которое казалось ему смутнымъ и мало обѣщавшимъ въ смыслѣ рѣшительнаго прогресса, въ особенности должно было обострять въ немъ эту коллизію и вызывать ту подчасъ свирѣпую иронію, которая едва ли не болѣе всего обращалась у Чернышевскаго на него же самого.

Вотъ что говоритъ Волгинъ молодому человѣку, съ которымъ разговаривала уже жена его:

— ...Нельзя и спорить, прекрасное правило: дѣлай все во-время. Однимъ оно дурно: обстоятельства не ждутъ, чтобы намъ пришла пора дѣлать что-нибудь, заставляютъ приниматься за дѣло раньше времени. Оттого-то всегда, у всѣхъ народовъ и выходитъ чепуха. Возьмите вы нашъ вчерашній разговоръ о 1848 годѣ. Какъ я бранилъ французскихъ демократовъ за то, что они сочинили февральскую революцію, когда общество еще не было подготовлено поддерживать ихъ идеи. Такъ то оно такъ; разумѣется, вышла мерзость. Но только не они сочинили февральскую революцію: обстоятельства такъ шли, что заставили ихъ, волею-неволею. участвовать въ сочиненіи глупости...- Волгинъ задумался.—Такъ вотъ оно и у насъ. Толкуютъ: „освободить крестьянъ". Гдѣ силы на такое дѣло?—Еще нѣтъ силъ. Нелѣпо приниматься за дѣло, когда нѣтъ силъ на него. А видите, къ чему идетъ: станутъ освобождать. Что выйдетъ?—Сами судите, что выходитъ, когда берешься за дѣло, котораго не сможешь сдѣлать. Натурально, что: испортишь дѣло, выйдетъ мерзость...—Волгинъ замолчалъ, нахмурилъ брови и сталъ качать головой.—Эхъ, наши господа эмансипаторы, всѣ эти ваши Рязанцевы съ компаніею!—вотъ хвастуны-то; вотъ болтуны-то; вотъ дурачье-то! — Онъ опять замоталъ головой.

Читателя, можетъ быть, нѣсколько удивитъ такой пессимистическій взглядъ на возможность надлежащаго осуществленія крестьянской реформы въ современной Чернышевскому Россіи. Но Николай Гавриловичъ, несомнѣнно, не питалъ тѣхъ радужныхъ надеждъ на окончательный результатъ отмѣны крѣпостного права, какія были въ модѣ среди прекраснодушныхъ людей умѣренно-либеральнаго лагеря. И, въ сущности, спросите себя, положа руку на сердце: развѣ не правъ былъ Чернышевскій, когда те-

перь даже глаза нашей слѣпорожденной бюрократіи стали замѣчать, до какой степени раззоренія дошло русское крестьянство послѣ болѣе, чѣмъ сорокалѣтняго пребыванія на „свободѣ" того типа, который только и могъ быть дарованъ мужикамъ по манифесту 19-го февраля 1861 г. Но объ этомъ послѣ.

Во всякомъ случаѣ бутада Чернышевскаго противъ „Рязанцевыхъ" (фигура профессора, очень напоминающая Кавелина) была не случайнымъ выраженіемъ дурного настроенія духа. Разсматривая соотношеніе общественныхъ силъ въ Россіи 60-хъ годовъ, Чернышевскій видѣлъ насквозь несостоятельность тогдашняго такъ называемаго „общества" въ области рѣшенія крайне сложныхъ и крайне серьезныхъ вопросовъ, которые исторія неумолимо ставила передъ страшно отсталой страной. И особенное раздраженіе вызывали въ немъ тѣ умѣренно-либеральные элементы, которые принимали въ серьезъ свои половинчатыя стремленія и восторгались многозначительностью своей исторической роли.

Возражая Нивельзину на замѣчаніе, что онъ, Волгинъ, золъ, проницательный и послѣдовательный человѣкъ отвѣчаетъ, качая головою:

— Я, золъ?—Я кажусь вамъ злымъ потому, что вы видите вокругъ себя все только невинныхъ младенцевъ; да и сами вы, извините, тоже невинный младенецъ. Умно то общество, въ которомъ я кажусь рѣзкимъ и ѣдкимъ! Я, цыпленокъ,—золъ!—Хороши птицы, среди которыхъ цыпленокъ—ястребъ! Невинные, невинные.

Въ другомъ разговорѣ съ Нивельзинымъ и Соколовскимъ (Сѣраковскимъ?), Волгинъ на восклицаніе Нивельзина „оба вы съ Соколовскимъ нѣсколько забавны" даетъ такую реплику:

— Противъ этого я не спорю... Не спорю, мы съ Болеславомъ Иванычемъ забавны; почему? потому что оба ждемъ бури въ болотѣ; болото всегда спокойно; буря можетъ быть повсюду кругомъ, оно всегда спокойно.

„Прогрессисты", „либералы" выходятъ подъ перомъ автора „Пролога" удивительно жалкими и мелкими людьми. Онъ въ комичномъ видѣ изображаетъ Рязанцева, этого „главнаго мѣстнаго авторитета прогрессистовъ въ Петербургѣ", и самихъ этихъ прогрессистовъ, которыхъ „было тогда безчисленное множество". И „всѣ, кто только могъ, лѣзли къ Рязанцеву. По вторникамъ, квартира Рязанцевыхъ была биткомъ набита прогрессистами. Переполнивши всѣ болѣе или менѣе открытыя для гостей комнаты, они вламывались даже въ дѣтскую". Когда дѣло освобожденія крестьянъ затормозилось было вслѣдствіе внезапной „измѣны" графа Чаплина *), настроеніе и характеръ либеральныхъ слоевъ

*) Подъ этимъ псевдонимомъ Чернышевскій изображаетъ тогдашняго (въ 1860 г.) министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева, пріобрѣтшаго такую извѣстность три года спустя въ Вильнѣ: кстати сказать, врядъ ли даже у нашихъ первоклассныхъ романистовъ найдется другой столь ярко очер-

внушаютъ автору „Пролога“ не то жалость, не то презрѣніе:

— Да, любопытная штука,—повторилъ Волгинъ, по своему обыкновенію помолчавши:—И если хотите, согласенъ, что въ ней нѣтъ ничего особенно хорошаго; можно даже сказать, что въ вашей новости есть одна черта очень мерзкая, или, если угодно, печальная: всѣ у Рязанцева повѣсили носы—вы говорите. То-то же и есть, видите, какой народъ эти ваши господа либералы: какъ щелкнули ихъ по носу, они и повѣсили его. Пріятная компанія. Но опять, и то сказать: это было давно извѣстно какой они народъ. Стало быть—нѣтъ ничего особеннаго. Я вамъ говорилъ: одинъ Соколовскій—какъ слѣдуетъ—человѣкъ: имѣетъ свои странности, можетъ ошибаться, но человѣкъ, а не чортъ знаетъ что.

Но вотъ по волѣ россійскаго Аллаха шансы на освобожденіе какъ будто поднялись, благодаря перемѣнѣ вѣтра въ „высшихъ“ слояхъ атмосферы, и „Прологъ“ въ pendant къ либеральнымъ горестямъ рисуетъ намъ либеральныя радости:

Дня три либеральные люди въ Петербургѣ ходили, повѣсивъ носы. На четвертый прочли въ газетахъ, что генералъ-адъютантъ графъ Чаплинъ увольняется въ отпускъ за границу. Не было даже прибавлено смягченія „по болѣзни“ или „для поправленія здоровья“. Опала была открытая, полная. Либеральные люди протирали глаза и перечитывали: такъ ли прочли. Такъ. Они задрали носы и пошли по Петербургу побѣдителями, завоевателями.

Замѣтьте, этотъ взглядъ на „либераловъ“ не былъ случайной бутадой автора „Пролога“. Наоборотъ, онъ выражалъ собою типичное отношеніе къ умѣреннымъ элементамъ всего „Современника“, душою котораго былъ Чернышевскій. На чемъ, какъ не на этомъ рѣзкомъ, безпощадномъ осужденіи политики прекраснодушныхъ господъ и держалась та „освистопляска“, которая приводила въ негодованіе большинство тогдашнихъ „прогрессистовъ“ и которая въ началѣ общественнаго возбужденія вызвала даже несправедливую оцѣнку со стороны Герцена, увлекавшагося всеобщимъ, какъ ему казалось тогда, національнымъ подъемомъ. Помните, что говорилъ авторъ статьи „Very dangerous“, обращаясь къ людямъ „Современника“ и „Свистка“:

Не лучше ли во сто разъ, господа, вмѣсто освистыванія неловкихъ опытовъ, вывести на торную дорогу самимъ на дѣлѣ помочь и показать, какъ надо пользоваться гласностью? Мало ли на что вамъ есть точить желчь отъ цензурной троицы до покровительства кабаковъ, отъ плантаторскихъ комитетовъ до полицейскихъ побоевъ. Истощая свой смѣхъ на обличительную литературу, милые паяцы наши забываютъ, что по этой скользкой дорогѣ можно *досвистаться* не только до Булгарина и Греча но (чего Боже сохрани) и до *Станислава* на шею!

ченный, живущій столь поразительною художественною жизнію типъ, какъ эта фигура, поставленная Чернышевскимъ во весь ростъ передъ глазами читателя и производящая потрясающее впечатлѣніе. Я жалѣю, что не могу выписать двухъ страницъ, вылившихся изъ подъ пера Чернышевскаго, очевидно безъ всякаго усилія, въ пылу творческаго энтузіазма. Facit indignation versum!—это еще говорилъ Ювеналъ.

И, однако, въ основаніи свистопляски Чернышевскаго и его друзей лежало болѣе вѣрное, болѣе трезвое пониманіе окружавшей ихъ русской дѣйствительности, чѣмъ какое обнаружилъ въ этомъ смыслѣ чуткій, но черезчуръ идеализировавшій изъ прекраснаго далека Россію 60-хъ годовъ Герценъ...

Рыцари свистопляски не такъ уже плохо понимали соотношеніе общественныхъ силъ въ тогдашней Россіи, когда зло смѣялись надъ побѣдными криками прогрессистовъ, провозглашавшими свое торжество, пока дѣло еще не дошло до настоящей битвы, и скептически встрѣчали надежды умѣренныхъ либераловъ восклицаніемъ: „впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ". Это было то самое восклицаніе, которое Добролюбовъ взялъ пророческимъ эпиграфомъ къ пророческой же статьѣ „Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами". Ибо та точка зрѣнія, на которую становился „Современникъ" при обсужденіи дѣятельности Пирогова, могла быть примѣнена ко всѣмъ тогдашнимъ россійскимъ великимъ и малымъ дѣятелямъ либеральнаго лагеря, равно какъ ко всѣмъ ихъ крупнымъ и мелкимъ дѣяніямъ.

Но упоминаніе объ отношеніи Чернышевскаго и его друзей къ Пирогову лишній разъ побуждаетъ меня, уже въ силу ассоціаціи идей, выяснить одно недоразумѣніе, касающееся взгляда „Современника" на политическія свободныя формы. Говорятъ, именно, что эти формы, усиленно пропагандировавшіяся либералами 60-хъ годовъ, презрительно отвергались Чернышевскимъ и его единомышленниками, какъ нѣчто несущественное и, мало того, какъ нѣчто отвлекающее энергію общества отъ коренныхъ вопросовъ соціальнаго переустройства, единственно, молъ, важнаго для народа. Не было ли сдѣлано въ разговорѣ со мной еще въ 1882 г. какъ разъ это замѣчаніе покойнымъ профессоромъ Драгомановымъ, который видѣлъ въ руководителяхъ „Современника" исключительно близорукихъ отрицателей свободныхъ учрежденій во имя утопическихъ идеаловъ будущаго? Кстати сказать, Драгомановъ былъ во время пироговской исторіи однимъ изъ благонамѣренныхъ студентовъ, ревностно поддерживавшихъ Пирогова противъ нападеній радикаловъ и получившихъ за то большой щелчокъ по носу отъ Добролюбова. Это могло отчасти объяснять тотъ зубъ, который Драгомановъ сохранилъ противъ Чернышевскаго и Добролюбова и который былъ сугубо отточенъ у него, когда украйнофильствующій соціалистъ „Громады" превратился въ редактора чисто либеральнаго „Вольнаго Слова".

Признаться, замѣчаніе Драгоманова застало меня врасплохъ, и я не могъ парировать его тогда ничѣмъ другимъ, какъ указаніемъ на историческія условія, которыя фатально создаютъ пробѣлы даже въ міровоззрѣніи самыхъ выдающихся людей эпохи. Защищать точку зрѣнія „Современника" я въ данный моментъ не могъ, потому что важность предварительныхъ политическихъ

условій для рѣшенія великаго соціальнаго вопроса была сознана русской передовой мыслею по крайней мѣрѣ съ 1879 г. Но позже, обдумывая заинтересовавшее меня возраженіе Драгоманова и перечитывая въ этихъ цѣляхъ сочиненія Чернышевскаго и Добролюбова, я пришелъ къ заключенію, что каково бы ни было отрицательное отношеніе Николая Гавриловича и его друзей къ чисто политическимъ либераламъ, его взглядъ на значеніе свободныхъ формъ для развитія общества не такъ простъ и прямолинеенъ, какъ то считалъ въ правѣ утверждать издатель „Вольнаго Слова".

Уже въ томъ самомъ этюдѣ о „Борьбѣ политическихъ партій во Франціи", на который порою ссылались у насъ, какъ на доказательство если не прямо враждебнаго, то равнодушнаго отношенія Чернышевскаго къ политическимъ свободамъ, можно найти очень многозначительныя соображенія. Они даютъ намъ право сдѣлать кой-какія существенныя поправки ко взглядамъ на Чернышевскаго, царящимъ въ либеральныхъ сферахъ. Вотъ эти соображенія:

...Либералы почти всегда враждебны демократамъ и почти никогда не бываютъ радикалами. Они хотятъ политической свободы, но такъ какъ политическая свобода почти всегда страждетъ при сильныхъ переворотахъ въ гражданскомъ обществѣ, то и самую свободу, высшую цѣль всѣхъ своихъ стремленій, они желаютъ вводить постепенно, расширять понемногу, безъ всякихъ, по возможности, сотрясеній. Необходимымъ условіемъ политической свободы кажется имъ свобода печатнаго слова и существованіе парламентскаго правленія; но такъ какъ свобода слова, при нынѣшнемъ состояніи западно-европейскихъ обществъ, становится обыкновенно средствомъ для демократической, страстной и радикальной пропаганды, то свободу слова они желаютъ держать въ довольно тѣсныхъ границахъ, чтобы она не обратилась противъ нихъ самихъ. Парламентскія пренія также должны принять повсюду радикально-демократическій характеръ, если парламентъ будетъ состоять изъ представителей націи, въ обширномъ смыслѣ слова; потому либералы принуждены такъ же ограничивать участіе въ парламентѣ тѣми классами народа, которымъ довольно хорошо, или даже очень хорошо, жить при нынѣшнемъ устройствѣ западно-европейскихъ обществъ.

Итакъ, какова же точка зрѣнія Чернышевскаго на политическія свободы въ только что цитированныхъ строкахъ? Является ли онъ близорукимъ отрицателемъ свободныхъ учрежденій во имя утопическихъ идеаловъ грядущаго строя? Напротивъ, онъ видимо желаетъ возможно широкой политической свободы, возможно полной свободы печати, возможно искренняго народнаго представительства. И онъ критикуетъ какъ разъ точку зрѣнія „либераловъ", стремящихся урѣзать и политическую свободу вообще, и свободу печати въ частности, и представительство „націи въ обширномъ смыслѣ слова", ради интересовъ „тѣхъ классовъ народа, которымъ довольно хорошо, или даже очень хорошо жить". Правда, Чернышевскій скептически смотритъ на политическую зрѣлость трудящихся классовъ, замѣчая въ томъ же этюдѣ:

Народъ невѣжественъ, и почти во всѣхъ странахъ большинство его безграмотно; не имѣвъ денегъ, чтобы получить образованіе, не имѣя денегъ, чтобы дать образованіе своимъ дѣтямъ, какимъ образомъ станетъ онъ дорожить правомъ свободной рѣчи? Нужда и невѣжество отнимаютъ у народа всякую возможность понимать государственныя дѣла и заниматься ими,— скажите, будетъ ли дорожить, можетъ ли онъ пользоваться правомъ парламентскихъ преній?

Но развѣ въ то время, когда писалъ это Чернышевскій, такой скептицизмъ не могъ быть допустимъ не только по отношенію къ Россіи, но и по отношенію къ „почти всѣмъ странамъ"? И развѣ не вѣрно слѣдующее за приведенной цитатой замѣчаніе Чернышевскаго: „Либерализмъ повсюду обреченъ на безсиліе: какъ ни разсуждать, а сильны только тѣ стремленія, прочны только тѣ учрежденія, которыя поддерживаются массою народа"? Не отрицаніе свободныхъ политическихъ учрежденій, но серьезное раздумье надъ тѣмъ, какъ заинтересовать народъ въ широкой политической свободѣ,—вотъ что составляетъ центръ тяжести мыслей Чернышевскаго относительно той перспективы, въ которой должны размѣщаться политическія и экономическія требованія „демократовъ" (синонимъ „соціалистовъ" у Чернышевскаго), желающихъ торжества трудового міровоззрѣнія. И если вы остановитесь въ одной изъ предыдущихъ цитатъ хотя бы на констатированіи Чернышевскимъ того факта, что „при нынѣшнемъ состояніи свобода слова становится средствомъ демократической страстной пропаганды", или того факта, что „парламентскія пренія также должны принять повсюду радикально-демократическій характеръ, если парламентъ будетъ состоять изъ представителей націй въ обширномъ смыслѣ слова", то вы поймете, что исходъ изъ современнаго положенія дѣлъ Чернышевскій видѣлъ всетаки въ возможномъ пріобщеніи массъ къ политическимъ правамъ и въ борьбѣ за ихъ расширеніе.

Не та же ли, кстати сказать, мысль прорывается у другого „отрицателя политики", Добролюбова, который въ той самой статьѣ („По поводу одной очень обыкновенной исторіи"), что содержитъ, между прочимъ, и критику результатовъ suffrage universel во Франціи, замѣчаетъ: „мы убѣждены, что люди, полагающіе, будто такими вещами, какъ всеобщая подача голосовъ, можно играть и злоупотреблять безнаказанно, жестоко ошибаются"? Не является ли эта мысль уже очень значительнымъ приближеніемъ къ эффектно и энергически выраженной мысли Лассаля: „всеобщая подача голосовъ есть копье Ахилла, которое исцѣляетъ тѣ самыя раны, какія нанесло"?

Изъ предыдущаго не слѣдуетъ, конечно, заключать, что Чернышевскій смотрѣлъ на вопросъ о свободныхъ политическихъ учрежденіяхъ точь въ точь, какъ смотрятъ на нихъ современные представители того направленія, которое Николай Гавриловичъ называлъ, по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, „демократиче-

скимъ“ и „радикальнымъ“. Съ тѣхъ поръ утекло слишкомъ много воды и пролилось слишкомъ много крови и слезъ, чтобы новаторы нашихъ дней не внесли необходимыхъ поправокъ во взглядъ на значеніе политическихъ учрежденій для рѣшенія соціальнаго вопроса. Оказалось именно, что какъ нѣтъ особаго „царскаго пути для математики“, такъ нѣтъ особаго пути и для нормальной общественной эволюціи. Внѣ участія самихъ трудящихся массъ въ выработкѣ города будущаго прочный соціальный прогрессъ немыслимъ. А въ силу современныхъ условій это участіе не можетъ выразиться иначе, какъ въ формѣ политической борьбы. Но это предполагаетъ существованіе возможно широкихъ демократическихъ учрежденій, включая сюда и всеобщую подачу голосовъ, хотя бы на первыхъ порахъ послѣдняя и могла приготовлять непріятные сюрпризы для самихъ неопытныхъ пока массъ и ихъ представителей.

Позволительно думать, что не чуждый бланкизма Чернышевскій придавалъ очень большое значеніе политическимъ свободамъ,—напр., свободѣ печати, слова и т. п. въ дѣлѣ скорѣйшаго пріобщенія „простолюдиновъ“ къ сознательной соціальной борьбѣ. Но собственно къ парламентаризму, даже и опирающемуся на право всеобщаго вотума, онъ могъ относиться какъ къ второстепенной подробности, а отнюдь не какъ къ могущественному орудію общественнаго прогресса...

Ни въ какомъ случаѣ, однако, нельзя видѣть въ Чернышевскомъ человѣка, который бы не понималъ значенія политическихъ формъ, дающихъ возможность широкаго общественнаго обсужденія и общественнаго же рѣшенія важныхъ вопросовъ. Надо читать его „Письма безъ адреса“, чтобы видѣть, какой сокрушающей критикѣ онъ подвергъ бюрократическій способъ проведенія общественныхъ реформъ, и съ какой неумолимой логикой онъ вскрылъ причины фатальнаго краха наилучшихъ намѣреній при условіяхъ окружавшей дѣйствительности.

Напримѣръ:

Вы можете видѣть изъ этого, м. г., что такое значитъ бюрократическій порядокъ. Старшій говоритъ: я полагаю, что надобно рѣшить дѣло вотъ такъ и вотъ такъ; согласны ли вы, господа? Я не навязываю вамъ своихъ мнѣній: возражайте противъ нихъ, если не согласны; можете совершенно отвергнуть ихъ, если они неправильны. На это всѣ младшіе сотоварищи единогласно отвѣчаютъ: ваши мнѣнія совершенно согласны съ нашимъ убѣжденіемъ, и мы вполнѣ принимаемъ ихъ.

Или:

Будемъ говорить серьезно. При бюрократическомъ порядкѣ совершенно безполезны умъ, знаніе, опытность людей, которымъ поручено дѣло. Люди эти дѣйствуютъ, какъ машины, у которыхъ нѣтъ своего мнѣнія; они ведутъ дѣло по случайнымъ намекамъ и догадкамъ о томъ, какъ думаетъ про это дѣло то, или другое, или третье лицо, совершенно не занимающееся этимъ дѣломъ.

Слишкомъ былъ уменъ Чернышевскій, чтобъ отрицать преимущество общественнаго рѣшенія вопросовъ надъ канцелярскимъ. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, то извѣстныя условія тогдашней эпохи не могли не возбуждать въ Николаѣ Гавриловичѣ ироническаго отношенія съ современному ему либерализму. На рубежѣ 50-хъ и 60-хъ годовъ даже Западъ, за рѣдкими исключеніями, не успѣлъ еще освободиться отъ реакціи, послѣдовавшей за взрывомъ 1848 г. Почти повсюду, кромѣ развѣ Англіи, конституціонное правленіе было жалкой каррикатурой на свободный режимъ. Въ Англіи, дѣйствительно, если страна и управлялась представителями исключительно имущихъ классовъ, то, по крайней мѣрѣ, парламентскій режимъ отличался извѣстною искренностью въ томъ смыслѣ, что власть находилась, дѣйствительно, въ рукахъ членовъ палатъ. Кромѣ того, неприкосновенность личности и жилища, отвѣтственность чиновниковъ, широкая свобода печати и митинговъ, судъ присяжныхъ, защищающій гражданина отъ произвола администраціи, — все это позволяло образоваться могучимъ теченіямъ на „улицѣ", внѣ парламента. А въ результатѣ этого—голосъ широкихъ общественныхъ слоевъ и трудящихся массъ могъ достигать въ случаѣ серьезной надобности съ такой силой и авторитетомъ до ушей правящихъ классовъ, что они вынуждены бывали уступать этому напору общественнаго мнѣнія, хотя и не представленнаго оффиціально въ парламентѣ.

Но, посмотрите, что дѣлалось на континентѣ. Французскій либерализмъ, обнаружившій столько свирѣпости въ соціальной борьбѣ 1848 г., былъ скомпрометтированъ до невозможности. Имперія декабрьской ночи, опираясь на ту пародію всеобщей подачи голосовъ, какую давалъ ей вымуштрованный начальствомъ народъ, составлявшій, если можно такъ выразиться, „плебисцитарное мясо", — эта имперія раздавила почти всѣ пріобрѣтенія политической свободы, которыя Франція добывала цѣною крови въ теченіе столькихъ десятилѣтій. И не говоря уже о соціалистахъ, послѣдовательные буржуазные республиканцы крайне мрачно смотрѣли на будущность впавшей въ оцѣпенѣніе націи.

Въ Германіи, послѣ неудачной траги-комедіи франкфуртскаго парламента, феодальная реакція справляла свои оргіи въ рамкахъ октроированныхъ конституцій. Нѣмецкій патріотъ-демократъ находился въ томъ плачевномъ положеніи, какое изображала насмѣшливая политическая пѣсня, обращенная по адресу одного изъ выдающихся членовъ крайней лѣвой въ упомянутомъ парламентѣ:

Er hängt an keinem Baume,
Er hängt an keinem Stick,
Er hängt nur an dem Traume
Der deutschen Republik!

Бисмаркъ цинично и зло вышучивалъ либеральную буржуазію, которая усердно культивировала не страшную для прусскихъ юнкеровъ „оппозицію шлафрока и туфель“ и думала сопротивляться безстыднымъ рейтерамъ планами отказа отъ уплаты налоговъ. А могучее рабочее движеніе еще въ то время не существовало.

Не лучше, если не хуже, чѣмъ въ Германіи, обстояли дѣла и въ Австріи, реакціонная политика которой была особенно ненавистна въ сферѣ внѣшней политики, гдѣ традиціи меттерниховской политики продолжали тяжелымъ гнетомъ давить на сѣверную Италію. А сама эта Италія, гдѣ либераламъ приходилось взирать съ вѣрою и надеждою на савойскую династію, гдѣ существовали такія ужасающія своимъ деспотизмомъ политическія формы государственной власти, какъ папскій Римъ и неаполитанское королевство? Что, наконецъ, сказать, о тогдашней Испаніи, павшей до уровня неисторическихъ національностей?

Этой печальной картинѣ политическаго положенія Западной Европы соотвѣтствовала еще болѣе печальная картина Россіи. Въ сущности, дореформенный строй рушился здѣсь не только въ общественномъ и экономическомъ отношеніяхъ, и лишь политическая отсталость русскаго общества позволила затянуть на десятки лѣтъ процессъ крушенія отжившаго строя. Увы! политическіе планы тогдашнихъ русскихъ либераловъ поражали въ громадномъ большинствѣ случаевъ своимъ доктринерствомъ, или же наивностью, а то и крѣпостнымъ привкусомъ. Катковъ проектировалъ англизировать Россію, передавъ центральную власть классу просвѣщенной и богатой аристократіи, которой у насъ, именно какъ класса, не было и въ поминѣ. Съ другой стороны, люди въ родѣ Кавелина съ превеликой важностью противоставляли „безплоднымъ мечтамъ о представительномъ правленіи“ планы „административной децентрализаціи“ (см. его записку „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“),—во вкусѣ теперешняго „Новаго Времени“. А когда наиболѣе просвѣщенная часть дворянства, какъ сословія, принялась за писаніе конституціонныхъ адресовъ, то между этими политическими памятниками дворянскаго либерализма оказалось мало такихъ, которые отличались бы ясностью и сравнительною широтою адреса тверского дворянства (1-го февраля 1862 г.), говорившаго о необходимости дополнить реформу 19-го февраля общенародньмъ политическимъ преобразованіемъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

...Сановники... нынѣ находятъ необходимымъ сохраненіе дворянскихъ привилегій, тогда какъ мы сами, болѣе другихъ заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, желаемъ ихъ отмѣнить. Этотъ общій разладъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что преобразованія, требуемыя нынѣ крайнею необходимостью, не могутъ быть совершены бюрократическимъ порядкомъ. Мы сами не беремся

говорить за весь народъ, не смотря на то, что стоимъ къ нему ближе, и твердо увѣрены, что недостаточно одной благонамѣренности не только для удовлетворенія,—но даже и для указанія народныхъ потребностей: мы увѣрены, что преобразованія остаются безуспѣшными потому, что предпринимаются безъ спроса и вѣдома народа. Собраніе выборныхъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ положеніемъ 19-го февраля.

Повторяю, такихъ сравнительно демократическихъ адресовъ было мало; а очень значительная часть принадлежала къ той категоріи, которую тремя годами позже (въ 1865 г.), по поводу адреса петербургскаго дворянства, подписаннаго „либералами" въ родѣ графа Орлова-Давыдова, М. Безобразова и т. п., Герценъ охарактеризовалъ такъ:

Лиха бѣда была отчалить. Какъ только правительство нанесло ударъ рабству, со дня на день можно было ждать рядъ конституціонныхъ попытокъ. Вмѣсто Земскаго Собора, Земской Думы, потребовали Думу боярскую, явилась попытка жмудскихъ нормановъ и татарскихъ бароновъ, сто лѣтъ тому назадъ избавленныхъ Петромъ Федоровичемъ отъ тѣлесныхъ наказаній и выросшихъ теперь до требованій временъ крестовыхъ походовъ,—ограничить бѣлой, дворянской костью... произволъ. Бѣды нѣтъ, успѣхъ невозможенъ, а за починъ имъ спасибо... Путь указанъ, слово произнесено, печать молчанія сломана—не въ главномъ заведеніи, въ которомъ все подпечатываютъ, а всенародно, въ дворянскомъ собраніи. Вотъ существенное, *субстанція*, какъ выражался въ Іеговѣ почившій Спиноза, остальное „атрибуты, акциденціи". Ну и надобно признаться, что касается до этихъ акциденцій и атрибутовъ... это своего рода capo d'opera... Тутъ комизмъ такъ перемѣшанъ съ отвратительнымъ, Офросимовъ съ Катковымъ, молодое желаніе свободы со старыми заступниками крѣпостного права, что человѣкъ равно чувствуетъ невозможность смѣха и плача, гуловаго осужденія и откровеннаго сочувствія.

Какъ же было Чернышевскому не относиться отрицательно къ большинству плановъ и pia desideria нашего доморощеннаго либерализма, не выходившаго изъ предѣловъ самыхъ блѣдныхъ или самыхъ устарѣлыхъ программъ переустройства и при томъ не умѣвшаго проявить достаточную зрѣлость и энергію для проведенія ихъ въ жизнь? Замѣтьте, говоря такъ, я не думаю утверждать, что Чернышевскій не понималъ, въ какой степени эти планы, не смотря на всѣ отрицательныя стороны ихъ формулировки, были выраженіемъ потребностей націи, пришедшей на извѣстную ступень развитія. Въ тѣхъ же „Письмахъ безъ адреса" Чернышевскій даже допускаетъ, что желаніе „общей реформы", высказываемое дворянствомъ, должно въ значительной мѣрѣ объясняться стремленіями, вытекающими не изъ крѣпостнической фронды, а изъ настроенія „всѣхъ другихъ сословій", „представителемъ" которыхъ „дворянство только является". Чернышевскій даже предполагаетъ, что такую роль представителя прочихъ общественныхъ сословій дворянство беретъ на себя не потому, что оно сильнѣе ихъ ощущало бы историческія потребности пере-

устройства, но лишь потому, что у него была „организація, дающая возможность выражать желанія“. И сейчасъ же вслѣдъ за этимъ у автора „Писемъ“ идутъ слѣдующія любопытныя строки, мѣстами даже, повидимому, противорѣчащія его отрицательному взгляду на политическую подготовленность тогдашняго общества и всей націи:

Если бы другія сословія имѣли законные органы для выраженія своихъ мыслей, они высказались бы по этимъ предметамъ въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ и дворянство, только съ большею рѣшительностью, потому что всякое другое сословіе еще болѣе дворянства чувствуетъ обременительность тѣхъ общихъ недостатковъ нынѣшняго устройства, объ устраненіи которыхъ говоритъ дворянство. Если вы, м. г., спросите купечество или духовенство, мѣщанъ или крестьянъ, или даже массу чиновниковъ (за исключеніемъ не многихъ чиновниковъ, которымъ нынѣшній порядокъ выгоденъ), вы услышите отъ каждаго изъ этихъ сословій тѣ же самыя мысли о законодательствѣ, администраціи и судѣ. Если бы вы пожелали убѣдиться въ этомъ, вы отстранили бы отъ себя всякую возможность другого важнаго заблужденія. Вы совершенно освободились бы отъ мысли, что можно принимать какія-нибудь мѣры противъ общаго стремленія, начинающаго обнаруживаться. Его проявленія еще кажутся слабыми, но вѣдь это только потому, что они еще первыя. Присмотрѣвшись къ дѣлу, вы замѣтите, что сила ихъ очень быстро растетъ; очень жаль, что, при отдаленности вашей отъ маленькихъ людей, вы лишены удобства лично дѣлать эти наблюденія. А мы,—наблюдающіе вблизи жизнь всѣхъ слоевъ общества, кромѣ вашего круга, — мы видимъ очень быстрое распространеніе мыслей, о которыхъ я имѣю честь бесѣдовать съ вами, и замѣчаемъ, что общество уже недалеко отъ рѣшительнаго или единодушнаго заявленія ихъ.

Я нарочно привелъ это довольно длинное мѣсто изъ Чернышевскаго, чтобы читатель могъ самъ принять участіе въ рѣшеніи вопроса, въ какой мѣрѣ Николай Гавриловичъ былъ огульнымъ отрицателемъ политическихъ стремленій во имя идеаловъ грядущаго строя. Въ только что приведенной цитатѣ Чернышевскій рисуется не только понимающимъ значеніе общенаціональныхъ пожеланій въ сферѣ „законодательства, администраціи и суда“. Онъ здѣсь является даже склоннымъ допустить возможность „рѣшительнаго и единодушнаго заявленія“ обществомъ такихъ требованій, которыя, насколько можно судить по нѣсколько общему и умышленно неясному характеру подцензурной статьи, — относятся къ „парламентскому правленію“ и прочимъ лозунгамъ столько разъ бичевавшихся „Современникомъ“ поборниковъ либерализма. Приходится даже какъ бы примирять высказанный здѣсь Чернышевскимъ взглядъ съ обычнымъ ходомъ его мыслей. Но это противорѣчіе устраняется, какъ мнѣ кажется, тѣмъ соображеніемъ, что въ тотъ критическій моментъ общественнаго движенія, какимъ являются 1861—1862 годы, никогда особенно не вѣрившій въ активную энергію рыцарей „настоящаго времени когда“ Чернышевскій начинаетъ считать полезнымъ именно въ интересахъ своего „бланкизма“ всякую либеральную агитацію. Общественное

возбужденіе, какъ бы ни были половинчаты въ глазахъ Чернышевскаго вызывавшія его либеральныя стремленія, могло, съ его точки зрѣнія, служить au pis aller благопріятной атмосферой, облегающей и питающей тѣ активные элементы, которые только и могли ставить и защищать программу народной и трудовой Россіи. Дѣло, видите ли, шло все о томъ же доставленіи имъ нѣсколькихъ лишнихъ шансовъ на побѣду, увѣренность въ которой далеко не являлась отличительной чертой Чернышевскаго въ ряду его близкихъ товарищей...

Какъ бы то ни было, преобладающей нотой въ отношеніи Чернышевскаго къ умѣреннымъ либераламъ было презрѣніе, презрѣніе и жалость. И почти это же чувство, развѣ съ прибавленіемъ негодованія, онъ питалъ къ крѣпостникамъ. Описывая въ своемъ „Прологѣ“ настроеніе, овладѣвшее имъ при видѣ нашихъ трусливыхъ, орудовавшихъ только интригами феодаловъ, онъ не можетъ подавить этого смѣшаннаго тяжелаго чувства. Видя ихъ жалкія фигуры на одномъ обѣдѣ, который либеральные сановники и либеральные приватные люди Петербурга дали степнымъ медвѣдямъ крѣпостничества, чтобы побѣдить послѣднія сопротивленія провинціальныхъ магнатовъ на предстоявшихъ губернскихъ собраніяхъ, Чернышевскій говоритъ о себѣ такъ:

Онъ не былъ мастеръ наблюдать, и былъ близорукъ. Но развѣ слѣпой не видѣлъ бы, что такое на душѣ у этихъ людей; не за два десятка шаговъ—за полверсты можно было разгадать это, хотя и не разбирая ихъ лицъ, по самымъ фигурамъ ихъ.

Безсмысліе, безсиліе, безпомощность.

Такъ должны глядѣть, стоять, двигаться приговоренные къ смерти... Онъ расчувствовался. Расчувствовался невесело: хоть и не любилъ ни вообще дворянъ, ни магнатовъ въ частности.

Жалкая нація, жалкая нація!—Нація рабовъ,—съ низу до верху, все сплошь рабы... думалъ онъ и хмурилъ брови.

Онъ не любилъ дворянства. Но бывали минуты, когда онъ не имѣлъ вражды къ нему. Можно ли ненавидѣть жалкихъ рабовъ.

— И теперь на него напало такое настроеніе.—Они не виноваты ни въ чемъ и ни чему не мѣшаютъ. Они ли могутъ мѣшать?—Они хотятъ только пить, мотать и бездѣльничать. Они ли виноваты?—Кому же не пріятно брать то, что ему даютъ?..

Но какъ вѣрный исторіографъ, Чернышевскій описываетъ удивительный пассажъ, приключившійся въ концѣ обѣда. Тотъ самый либеральный сановникъ, который долженъ былъ дать понять степнымъ медвѣдямъ, заранѣе шедшимъ на закланіе, что правительство твердо рѣшило дать настоящую волю крестьянамъ, вдругъ заговорилъ о желаніи высшихъ сферъ передать по возможности самимъ дворянамъ выработку подробностей реформы. Онъ даже сталъ съ удовольствіемъ распространяться о томъ, что администрація приняла всяческія мѣры для подавленія мужицкихъ безпорядковъ, буде таковые бы вспыхнули. И все больше и больше ве-

селѣли лица слушавшихъ помѣщиковъ, и въ заключеніе рѣчи одинъ изъ самыхъ заядлыхъ и мрачно настроенныхъ крѣпостниковъ съ удовольствіемъ подѣлился своимъ впечатлѣніемъ съ Чернышевскимъ: „мы ошибались, милостивый государь, вы сами видите, передъ нами виляютъ хвостомъ. Насъ боятся, милостивый государь,—понимаете, насъ боятся“.

Понятно, какъ необыкновенно умный и послѣдовательный человѣкъ, какимъ былъ Чернышевскій, могъ мало принимать въ серьозъ оппозиціонную энергію нашихъ умѣренно либеральныхъ элементовъ. И понятно, какимъ скептицизмомъ должно было быть проникнуто его отношеніе къ россійскимъ добывателямъ политическихъ свободъ. Какъ бы ни могли порою мѣняться въ немъ подъ вліяніемъ событій оттѣнки его взглядовъ на значеніе либеральнаго лагеря, основной тонъ этихъ взглядовъ не мѣнялся: наши любители представительнаго правленія въ 60-хъ годахъ не умѣли энергично и толково добиваться того самого, что было raison d'être'омъ ихъ существованія. Свистъ у Чернышевскаго могъ порою уступить мѣсто горькому раздумью надъ мягкотѣлостью тогдашнихъ партій, включая сюда и крѣпостническую. Но никогда не могъ Чернышевскій увлекаться той самоувѣренной и вмѣстѣ пустопорожней хлопотней, которая сходила за дѣятельность у русскихъ „либераловъ“ и русскихъ „прогрессистовъ“. неспособныхъ осуществить программу самой умѣренной политической свободы.

Въ заключеніе мнѣ остается подкрѣпить нѣсколькими цитатами тотъ взглядъ Чернышевскаго на народъ, который я пытался сформулировать въ срединѣ этой статьи на основаніи воспоминаній о Николаѣ Чавриловичѣ лицъ, знавшихъ его.

Я въ двухъ словахъ напомню этотъ взглядъ: въ теченіе довольно долгаго времени Гернышевскій возлагалъ мало надеждъ на пониманіе народомъ своихъ интересовъ и на активность его въ дѣлѣ защиты ихъ. Затѣмъ въ послѣднее время своей дѣятельности онъ сталъ, повидимому, нѣсколько больше надѣяться на то, что, по крайней мѣрѣ въ сферѣ экономической, народъ проявитъ извѣстную иниціативу, отстаивая выгодное для него рѣшеніе великаго вопроса о земельномъ устройствѣ. Скептицизмъ Николая Гавриловича во взглядахъ на русскій народъ, т. е. фактически-то на крестьянство, былъ, впрочемъ, лишь частнымъ случаемъ и примѣненіемъ къ Россіи его общей точки зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на трудящіяся массы, не исключая и болѣе развитыхъ странъ Западной Европы, а въ нихъ не исключая и пролетаріата. „Простолюдинъ“ бѣденъ, забитъ и невѣжественъ; онъ рвался порою улучшить свое положеніе въ современномъ обществѣ, но или бывалъ жестоко наказываемъ за то привилегированными классами,

или самъ измѣнялъ своимъ настоящимъ друзьямъ ради хитрыхъ враговъ своихъ. Такъ смотрѣлъ Чернышевскій и на пролетарія Западной Европы. И если мы припомнимъ, что то было время реакціи послѣ движенія 1848 г., то мы не удивимся, что Чернышевскій пессимистически былъ настроенъ въ вопросѣ о степени сознательности и активности рабочаго класса повсюду. Не забудемъ, что эта же самая реакціонная эпоха заставила Герцена чуть не окончательно махнуть рукой на тогдашнюю Европу и идеализировать въ пику ей славянскій и въ частности русскій Востокъ. Помните его варіаціи на тему: „Два событія. Паденіе Европы передъ соціальнымъ вопросомъ. Соціальный вопросъ, поставленный Александромъ II, какъ призывъ къ жизни"...

Но возвратимся къ Чернышевскому и его взглядамъ на народъ. Смотря такъ, какъ мы видѣли только что, на „простолюдина" вообще, онъ не иначе смотрѣлъ и на русскаго „простолюдина". Вотъ что онъ говоритъ отъ лица своего двойника—Волгина, продолжающаго размышлять все на томъ же политическомъ обѣдѣ, гдѣ либеральная Русь и Русь крѣпостническая вели одна противъ другой мины и контръ-мины за тарелкой стерляжьей ухи и бокаломъ шампанскаго:

„..Онъ не забывалъ, что исторія—борьба, что въ борьбѣ нѣжность не умѣстна. Правда, онъ не считалъ себя борцомъ за народъ: у русскаго народа не могло быть борцовъ, по мнѣнію Волгина, оттого, что русскій народъ не способенъ поддерживать вступающихся за него; какому же человѣку въ здравомъ смыслѣ бываетъ охота пропадать задаромъ? Такъ или нѣтъ, вообще, но о себѣ Волгинъ твердо зналъ, что не имѣетъ такого глупаго желанія, и никакъ не могъ считать себя защитникомъ народныхъ правъ. Но тѣмъ меньше и могъ онъ дѣлать уступки за народъ, тѣмъ меньше могъ—не выставлять правъ народа во всей ихъ полнотѣ, когда приходилось говорить о нихъ...

Пессимизмъ по отношенію къ русскому народу въ въ дальнѣйшихъ размышленіяхъ Волгина принимаетъ такіе размѣры, что этотъ народъ получаетъ на свою долю почти такую же пропорцію свирѣпой ироніи, какую отпускаетъ и самому себѣ авторъ „Пролога". Если съ свойственнымъ ему добродушнымъ издѣвательствомъ его анализирующаго ума надъ его общественнымъ чувствомъ онъ и заявляетъ, что „онъ не считаетъ себя борцомъ за народъ", то тутъ же онъ прибавляетъ и по адресу народа: „у русскаго народа не могло быть борцовъ оттого, что русскій народъ не способенъ поддерживать вступающихся за него". Или: „это должно быть рѣшено волею народа. Должно—и, разумѣется, не будетъ".

Послѣ манифеста 19-го февраля и послѣдовавшихъ за нимъ событій настроеніе Чернышевскаго въ данномъ вопросѣ нѣсколько мѣняется. Онъ не такъ безотрадно смотритъ на пониманіе народомъ своихъ интересовъ и на активность его въ за-

щитѣ ихъ. Въ „Письмахъ безъ адреса“ встрѣчаются слѣдующія строки:

...При началѣ крѣпостного вопроса масса другихъ сословій, до которыхъ не касался онъ прямо, оставалась равнодушна къ нему. Но нельзя ей было сохранить равнодушіе, когда она увидѣла развязку, приготовленную бюрократическимъ рѣшеніемъ дѣла. Крѣпостные крестьяне не повѣрили, чтобы обѣщанная имъ воля была ограничена тѣми формальными перемѣнами, какими ограничило ее бюрократическое рѣшеніе. Изъ этого повсюду произошли столкновенія между крѣпостными крестьянами и властью, старавшеюся провести свое рѣшеніе. Произошли сцены, которыхъ нельзя было видѣть хладнокровно. Массою другихъ сословій овладѣло сostраданіе къ крѣпостнымъ крестьянамъ. А между тѣмъ крѣпостные крестьяне, не смотря на всѣ внушенія и мѣры усмиренія, остались въ увѣренности, что надобно ждать имъ другой, настоящей воли. Отъ этого ихъ расположенія должны будутъ произойти новыя столкновенія, если надежда ихъ не исполнится. Такимъ образомъ страна подвергалась смутамъ и опасается новыхъ смутъ.

Въ другомъ мѣстѣ той же самой статьи, сказавъ, что народъ и „апатиченъ“, и „спитъ“, Чернышевскій тѣмъ не менѣе (иронизируя по обычаю,—я намѣренъ, молъ, „измѣнить народу“) такъ характеризуетъ настроеніе народа:

Истина одинакова горька для васъ и для насъ. Народъ не думаетъ, чтобы изъ чьихъ-нибудь заботъ о немъ выходило что-нибудь дѣйствительно полезное для него. Мы всѣ, отдѣляющіе себя отъ народа какими-нибудь именами,—именемъ ли власти, именемъ ли того или другого привилегированнаго сословія,—мы всѣ, предполагающіе у себя какіе-нибудь особенные интересы, различные отъ предметовъ народнаго желанія,—интересы ли дипломатическаго и военнаго могущества, или интересы распоряженія внутренними дѣлами, или интересы личнаго нашего богатства, или интересы просвѣщенія,—мы всѣ смутно чувствуемъ, какая развязка вытекаетъ изъ этого расположенія народныхъ мыслей. Когда люди дойдутъ до мысли: „ни отъ кого другого не могу я ждать пользы для своихъ дѣлъ“, они непремѣнно и скоро сдѣлаютъ выводъ, что имъ самимъ надобно взяться за веденіе своихъ дѣлъ. Всѣ лица и общественные слои, отдѣльные отъ народа, трепещутъ этой ожидаемой развязки. Не вы одни, а также и мы желали бы избѣжать ее; вѣдь между нами также распространена мысль, что и наши интересы пострадали бы отъ нея, даже тотъ изъ нашихъ интересовъ, который мы любимъ выставлять, какъ единственный предметъ нашихъ желаній, потому что онъ совершенно чистъ и безкорыстенъ, — интересъ просвѣщенія... Потому мы также противъ ожидаемой попытки народа сложить съ себя всякую опеку и самому приняться за устройство своихъ дѣлъ. Насъ такъ ослѣпляетъ страхъ за себя и за свои интересы, что мы не хотимъ даже разсуждать, какой ходъ событій былъ бы почетнѣе для самого народа, и мы готовы, для отвращенія ужасающей насъ развязки, забыть все—и нашу любовь къ свободѣ, и нашу любовь къ народу.

Подъ вліяніемъ этого чувства, обращаюсь къ вамъ, м. г., съ изложеніемъ моихъ мыслей о средствахъ, которыми можно отвратить развязку, одинаково опасную для васъ и для насъ.

Дѣлая это, я понимаю, что дѣлаю.

Я измѣняю народу.

Измѣняю потому, что руководясь личными опасеніями за вещь болѣе драгоцѣнную для меня, нежели для народа, за просвѣщеніе,—я уже не думаю о томъ, полезна ли для народа забота о разрѣшеніи запутанностей положенія русской націи вашими и нашими усиліями, а напротивъ, не вы-

игралъ ли бы народъ чрезъ независимое отъ насъ занятіе національными дѣлами больше, чѣмъ отъ продолженія нашихъ хлопотъ о немъ. Въ этомъ случаѣ для своей выгоды, я подавляю въ себѣ убѣжденіе, что ничьи посторонній заботы не приносятъ людямъ такой пользы, какъ самостоятельное дѣйствованіе по своимъ дѣламъ. Да, я измѣняю своему убѣжденію и своему народу.

Здѣсь, то прямо, то косвенно, то ссылаясь на „ожиданія“ и „опасенія“ просвѣщенныхъ слоевъ, то гипотетически представляя себѣ настроеніе массъ, Чернышевскій высказываетъ взгляды на народъ, которые нельзя назвать сплошь пессимистическими. Очевидно, въ это время Николая Гавриловича стала посѣщать все чаще и чаще надежда, что „простолюдинъ“, можетъ быть, и дѣйствительно захочетъ болѣе или менѣе активно заняться своими кровными дѣлами. Но какъ согласить такой взглядъ съ общимъ воззрѣніемъ Чернышевскаго на динамику общественнаго прогресса: народъ невѣжественъ, исполненъ предразсудковъ, не умѣетъ до сихъ поръ разобраться какъ слѣдуетъ въ своихъ интересахъ, не способенъ отличать своихъ искреннихъ друзей отъ своихъ злѣйшихъ враговъ. Для надлежащей активности народу слѣдовало бы пріобрѣсти прежде всего ясное пониманіе вещей, а для этого нужно просвѣщеніе, а для просвѣщенія досугъ, а для досуга то самое переустройство общества, которое, наоборотъ, предполагаетъ уже достаточно просвѣщеннаго и достаточно досужаго „простолюдина“.

Какъ же выйти изъ такого заколдованнаго круга, какъ выйти изъ него въ особенности мыслителю типа Чернышевскаго, котораго принято у насъ считать и называть „раціоналистомъ“, т. е. человѣкомъ, полагающимъ, что надлежащая эволюція общественныхъ формъ зависитъ отъ убѣдительности доводовъ мыслящихъ людей, приглашающихъ членовъ даннаго общежитія дѣйствовать разумно и цѣлесообразно? Я думаю, этотъ заколдованнный кругъ размыкается тѣмъ соображеніемъ, что во взглядѣ на Чернышевскаго, какъ на раціоналиста, замѣчается,—какъ то часто бываетъ съ распространенными вообще взглядами, — извѣстное преувеличеніе. Чернышевскій не былъ сплошнымъ раціоналистомъ уже потому, что приписывалъ большое значеніе въ исторіи „обстоятельствамъ“, которыя идутъ зачастую такъ, что опрокидываютъ разсчеты и планы мыслящихъ людей и заставляютъ ихъ дѣйствовать, какъ дѣйствуютъ и массы, т. е. какъ придется и какъ только возможно. Вспомните разсужденія Волгина о томъ, что французскимъ демократамъ приходилось „участвовать въ сочиненіи глупости“, именуемой февральской революціей; и участвовать не потому, чтобы они хотѣли этого, но потому, что „обстоятельства заставили ихъ волею-неволею“ совершать переворотъ, „когда общество еще не было подготовлено поддерживать ихъ идеи“.

Но, перебьетъ меня читатель, дѣло здѣсь идетъ какъ разъ о констатированіи Чернышевскимъ нераціональнаго хода исторіи. И, значитъ, требованіе раціональнаго воздѣйствія на массы остается цѣликомъ, и снова заколдованный кругъ охватываетъ насъ своимъ желѣзнымъ кольцомъ. Однако это было бы такъ, если бы у Чернышевскаго не было еще иного существеннаго дополненія къ раціоналистическому пониманію исторіи. И это дополненіе есть его взглядъ на великое значеніе соціальнаго положенія, занимаемаго человѣкомъ, для болѣе или менѣе легкаго усвоенія надлежащихъ идей; взглядъ, съ которымъ въ тѣсной связи находится мысль, что великія общественныя реформы должны въ современномъ строѣ добываться не мудреньемъ и черезчуръ глубокомысленнымъ изученіемъ вопроса, а возбужденіемъ общественныхъ же великихъ страстей.

Въ замѣчательно глубокихъ первыхъ страницахъ своего „Антропологическаго принципа въ философіи" Чернышевскій проводитъ очень любопытную параллель между Миллемъ и Прудономъ. Онъ желаетъ показать, какъ принадлежность перваго къ привилегированному сословію мѣшаетъ ему взглянуть надлежащимъ образомъ на будущее, грозящее современной буржуазной цивилизаціи; и какъ плебейское происхожденіе и черезчуръ тяжелая трудовая жизнь второго, не смотря на вытекающія изъ нихъ препятствія для развитія, облегчаютъ, съ другой стороны, силу и проницательность мысли человѣка, принадлежащаго къ великой арміи трудящихся.

Во всемъ этомъ мы видимъ,—говоритъ Чернышевскій по поводу Прудона, — общія черты того умственнаго положенія, въ которомъ находится теперь западно-европейскій простолюдинъ. Благодаря своей здоровой натурѣ, своей суровой житейской опытности, западно-европейскій простолюдинъ, въ сущности, понимаетъ вещи несравненно лучше, вѣрнѣе и глубже, чѣмъ люди болѣе счастливыхъ классовъ. Но до него не дошли еще тѣ научныя понятія, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ его положенію, наклонностямъ, потребностямъ и сообразны съ нынѣшнимъ положеніемъ знаній.

Отсюда можно вывести заключеніе, въ какой степени „простолюдинъ", или, выражаясь собирательно, „народъ" способенъ, по мнѣнію Чернышевскаго, при извѣстныхъ условіяхъ сократить путь раціональнаго изученія глубоко его касающихся соціальныхъ задачъ; и какъ, стало быть, заколдованный кругъ: невѣжество—нищета—невѣжество разбивается при мало-мальски разумномъ воздѣйствіи на народъ. Съ другой стороны, народъ самою непочатостью своей натуры и своимъ тяжелымъ соціальнымъ положеніемъ особенно подготовленъ къ произведенію тѣхъ великихъ общественныхъ реформъ, воплощеніе которыхъ въ жизнь требуетъ энергіи, страсти, коллективнаго энтузіазма. Не говоритъ ли опять таки въ томъ же „Антропологическомъ принципѣ" Чернышевскій:

Гдѣ замѣшана страсть, тамъ обдуманность и хладнокровіе невозможны—это истина, извѣстная по прописямъ. Каждый важный общественный вопросъ возбуждаетъ страсти, это дѣло также извѣстное. Если реформа касается только небольшой части общества или, затрогивая интересы всѣхъ, представляетъ для каждаго рискъ лишь незначительнаго убытка или выигрыша, словомъ сказать, если реформа не очень важна, она можетъ производиться хладнокровнымъ путемъ... Но такъ ли были отмѣнены хлѣбные законы, когда теряли привилегію люди сильные въ англійскомъ обществѣ? Читатель знаетъ, что людямъ, хотѣвшимъ этого полезнаго дѣла, только тогда удалось побороть могущественную оппозицію, когда разыгрались страсти въ большинствѣ общества, много выигрывавшаго отъ важной реформы; а когда общество взволновалось страстью, холодное веденіе дѣла невозможно. Развѣ у Роберта Пилля достало времени на многолѣтнія статистическія изысканія, когда подошла неизбѣжность перемѣны? Нѣтъ, какія свѣдѣнія были, тѣми и воспользовались, медлить было нельзя. А вѣдь это не совсѣмъ раціонально: почему знать, если бы глубже вникнуть въ дѣло, быть можетъ нѣкоторыя подробности закона обработались бы лучше?.. Конечно такъ, но очень важныя для общества дѣла никогда такъ не дѣлались. Посмотрите, какимъ путемъ уничтожался феодализмъ, или обращалась въ ничтожество инквизиція, или получались права среднимъ сословіемъ, вообще уничтожалось какое-нибудь важное зло или вводилось какое нибудь важное благо.

Сопоставляя эти цитаты, мы можемъ понять, какимъ образомъ у Чернышевскаго скептицизмъ по отношенію къ народу могъ отступать при извѣстныхъ исключительныхъ, или казавшихся исключительными, обстоятельствахъ передъ надеждой на активную роль народа. Его способность „въ сущности понимать несравненно лучше, вѣрнѣе и глубже, чѣмъ люди болѣе счастливыхъ классовъ"; его непосредственность, такъ требующаяся для произведенія крупныхъ общественныхъ реформъ съ надлежащей „страстью", вотъ стороны народной психологіи, которыя могли внушать Чернышевскому въ 1861—1862 г.г. мысль о возможности народной инипіативы. И „раціонализмъ" Чернышевскаго могъ бы въ такомъ случаѣ подсказывать ему лишь идею о внесеніи въ эту инипіативу наибольшей сознательности со стороны мыслящихъ друзей народа. Недаромъ въ своемъ Рахметовѣ,—въ томъ самомъ Рахметовѣ, о которомъ одинъ охранительствующій пошлякъ выразился, что онъ-де „чесался о гвозди для блага народа",—Чернышевскій какъ бы выразилъ символъ сочетанія физической и умственной мощи, союза интеллигенціи, если можно такъ выразиться, интеллигентной и интеллигенціи народной и трудовой. Въ 70-хъ годахъ мы видѣли не мало Рахметовыхъ изъ высшихъ слоевъ общества жившими жизнью бурлака Никитушки Ломова. Такъ, сквозь нѣкоторыя второстепенныя противорѣчія необыкновенно свѣтлой и трезвой всегда въ общемъ мысли Чернышевскаго, въ сознаніе „великаго русскаго ученаго и критика" проникало предчувствіе послѣдующаго періода русской интеллигенціи съ ея самоотверженнымъ хожденіемъ въ народъ.

Было бы крайне интересно знать, какъ относился къ этому

періоду, а также и къ слѣдовавшему за нимъ активно-политическому періоду уже возвратившійся Чернышевскій. И хотѣлось бы надѣяться, что смягченіе цензурнаго гнета позволитъ тѣмъ, кто сталкивался въ то время съ Николаемъ Гавриловичемъ, познакомить читающую публику съ воззрѣніями Чернышевскаго въ этой области. Мнѣ припоминается въ этомъ смыслѣ одно характерное мѣсто изъ разговора Чернышевскаго съ г. Б., о которомъ я упомянулъ въ началѣ статьи.

Рѣчь зашла именно о тогдашнемъ положеніи Россіи. А тогдашнее положеніе характеризовалось торжествомъ ненавистной реакціи, принявшей особенно тяжелыя формы во второй половинѣ 80-хъ годовъ. Замирали послѣднія волны славнаго движенія, потрясавшаго старую Россію на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ. А въ экономической жизни ярко обнаружилось предреченное Щедринымъ пришествіе „Чумазаго". Теперь этотъ Чумазый, за стѣной покровительственныхъ тарифовъ, жадно грызъ тѣло великаго народа и выражалъ устами разныхъ биржевыхъ комитетовъ благодарности Вышнеградскому за облегченіе возможности такого пира, равно какъ желаніе дальнѣйшихъ „воспособленій" по этой части.

Естественно, что мой знакомый полюбопытствовалъ узнать взглядъ Чернышевскаго на эпоху, про которую трижды воистину можно было сказать словами поэта:

Бывали хуже времена,
Но не было подлѣй!..

Николай Гавриловичъ добродушно-лукаво посмотрѣлъ на собесѣдника и сказалъ:

— Что-жъ, теперь время трезвое. Будемъ учиться и мы смотрѣть на дѣла глазами трезвыхъ людей. По ихнему, то и хорошо обществу, что имъ выгодно. Натурально. Будемъ же теперь глядѣть на купца. Когда купецъ не только тарифовъ, но и правъ потребуетъ, и не съ благодарностью за прошлое, а грозя будущимъ, тогда наступитъ конецъ старому міру... А пока будемъ учиться и смотрѣть.

Это мѣсто въ разговорѣ не было простой бутадой. Повидимому, трезвый аналитическій умъ Чернышевскаго искалъ точки опоры для идеаловъ и среди тогдашнихъ казавшихся невыносимыми условій...

Я былъ бы не искрененъ передъ читателемъ, если бы не сказалъ, что для меня самого нѣкоторыя стороны личности и даже теоретическихъ взглядовъ Чернышевскаго кажутся не совсѣмъ ясными, да порою и не вполнѣ согласованными между собою

(особенно, если сопоставлять мнѣнія о Николаѣ Гавриловичѣ его знакомыхъ). Но это и быть иначе не можетъ при той таинственности, которой окружалась у насъ личность Чернышевскаго, одно имя котораго повергло въ какой-то мистическій трепетъ оффиціальную Россію. Я сдѣлалъ, что было въ силахъ, за неимѣніемъ лучшихъ документовъ, и сочту себя вполнѣ удовлетвореннымъ, если успѣлъ этой статьей пробудить новый интересъ въ читателяхъ къ одному изъ самыхъ крупныхъ и оригинальныхъ умовъ XIX-го вѣка.

Н. Е. Кудринъ.

Донъ-Кихотъ.

От̃ъ будничной тоски, тревоги и заботъ
Я ухожу въ мой міръ фантазіи туманной.
Мнѣ обликъ видится тогда смѣшной и странный—
Въ нарядѣ рыцарскомъ безумный Донъ-Кихотъ.

Идетъ онъ на своихъ безчисленныхъ враговъ,
Желаньемъ подвига душа его объята:
Въ защиту бѣднаго обиженнаго брата,
Въ защиту слабаго онъ мечъ поднять готовъ!

А сытая толпа бѣжитъ, глумясь, за нимъ,
Какъ за шутомъ своимъ забавнымъ и безумнымъ,
И потѣшается, вѣнчая смѣхомъ шумнымъ
Все то, что онъ зоветъ великимъ и святымъ!

Пусть это только бредъ его души больной—
Онъ все же дорогъ мнѣ въ своей борьбѣ напрасной:
Кто можетъ такъ любить, такъ ненавидѣть страстно,
Тотъ не безумецъ, нѣтъ! Тотъ—рыцарь и герой!

Г. Галина.

Изъ южныхъ мелодій.

I

Точно кровь, заря пылаетъ...
Въ пѣнѣ вся, мрачна, грозна,
Глухо въ скалы ударяетъ
Раздраженная волна.
Старый лѣсъ, стряхнувшій чары,
Шумомъ листьевъ вторитъ ей...
Все сильнѣй волны удары,
Все угрюмѣй хоръ вѣтвей.
Въ бурномъ ревѣ непогоды
Погребальный слышенъ звонъ,
Крикъ тоски, проклятье, стонъ
И могучій гимнъ свободы!

II.

Въ лазурномъ зеркалѣ волны
Платаны, мирты, кипарисы,
Кусты азалій, лавры, тисы
И груды скалъ отражены.
Залитый солнцемъ рай земной
Глядитъ въ волну—не наглядится...
И сонъ ему блаженный снится—
Весна и полдень золотой!

Н. Шрейтеръ.

Норвежскіе жаворонки ждали дольше всѣхъ, но когда датскіе тронулись въ путь, они изъ чувства солидарности полетѣли вмѣстѣ съ ними. Тогда лихорадка переселенія охватила всѣхъ: даже ласточекъ и кукушекъ потянуло прочь; имъ хотѣлось поскорѣе перелетѣть чрезъ Средиземное море, а тамъ можно будетъ и поразмыслить.

Ибисъ опять вернулъ свое душевное равновѣсіе и торжественно зашагалъ, точно архіепископъ, по берегу; розовые фламинго почтительно сторонились передъ его святѣйшествомъ и съ задумчивымъ видомъ опускали внизъ длинные клювы своихъ глупыхъ головъ.

Вдоль Нила стало еще тише и жарче. Крокодиламъ предстояло довольствоваться мясомъ негровъ или, при случаѣ, зазѣвавшагося путешественника-англичанина.

День и ночь тянулись перелетныя птицы къ сѣверу. Когда онѣ достигали знакомаго мѣста, неизмѣнно какая-нибудь группа пернатыхъ опускалась на землю—провести, по привычкѣ прежнихъ лѣтъ, теплый сезонъ; остальная компанія летѣла дальше, пожелавъ товарищамъ всего хорошаго и распространяя оживленіе и жизнерадостность надъ дряхлой, замерзшей Европой, по лѣсамъ и полямъ, вокругъ людскихъ домовъ, въ тростникахъ и надъ большими, спокойными морями. Въ Италіи уже повсюду виднѣлись маленькіе, алые бутоны; въ южной Франціи яблони были совершенно усыпаны розовато-бѣлыми цвѣтами, а на бульварахъ Парижа листья каштановыхъ деревьевъ уже начинали пробиваться сквозь блестящую сухую оболочку.

Дрезденскіе жители стояли на Брюлевской террасѣ и слѣдили за льдинами, шедшими внизъ по рѣкѣ и громоздившимися передъ могучими сводами моста.

Но дальше къ сѣверу было еще холодно. На поляхъ лежалъ еще снѣгъ, рѣзкій вѣтеръ дулъ съ Сѣвернаго моря. Жаворонковъ оставалось въ компаніи все меньше и меньше по мѣрѣ того, какъ тепло уходило назадъ; множество весеннихъ пташекъ опустилось въ Лейпцигѣ, а затѣмъ на Люнебургской равнинѣ. Когда порѣдѣвшая стая очутилась надъ Шлезвигомъ, датскіе жаворонки предложили сѣвернымъ немного обождать здѣсь.

Въ Ютландіи снѣгъ толстымъ слоемъ лежалъ еще вдоль канавъ и изгородей; сѣверо-западный вѣтеръ шумѣлъ между старыми датскими буками, у которыхъ коричневыя почки предусмотрительно не раскрывали внутреннихъ листиковъ. Птицы притулились за камнями и въ степной травѣ; нѣкоторыя осмѣлились долетѣть до человѣческихъ жилищъ, гдѣ полноправными гражданами хозяйничали воробьи. Всѣ перелетные гости единодушно соглашались, что черезчуръ рано трону-

лись въ путь, и если-бъ они могли только поймать дурака, сманившаго ихъ отъ египетскихъ хлѣбныхъ мѣстъ, они бы навѣрно его заклевали. Наконецъ, подулъ и южный вѣтеръ: норвежскія птички поблагодарили судьбу и полетѣли черезъ море.

Тамъ, въ Норвегіи, сначала все имѣло печальный видъ. Въ долинахъ лежалъ густой снѣгъ, а въ лѣсахъ и подавно. Но южный вѣтеръ нагналъ дождь, и все кругомъ вдругъ перемѣнилось,—не мирно, не постепенно, а съ трескомъ и грохотомъ, со снѣжными лавинами, водопадами, наводненіями, обвалами. Страна стала похожа на проснувшагося великана, который умывается, а ледяная вода сбѣгаетъ внизъ.

Ажурные, свѣтло-зеленые уборы дымкой окутали березки на высокихъ мѣстахъ, надъ тихими бухтами фіорда, надъ западными равнинами у моря, надъ болотами и покатостями, далеко-далеко надъ горными трещинами и ущельями. Но на самыхъ вершинахъ остались снѣжныя площадки и глетчеры, какъ будто старыя горы не желали снять шапокъ передъ такой легкомысленной сумасбродкой, какъ весна.

Солнце сыпало теплые, радостные лучи; вѣтеръ несъ тепло съ юга; наконецъ, какъ капельмейстеръ, явилась кукушка, чтобы осмотрѣть, все ли готово. Полетала она туда, сюда, усѣлась на молодую березку, притаившуюся у пригрѣтой солнцемъ бухточки, и закуковала. Пришла весна! Проснулась старая Норвегія.

Раскинулась она, весело врѣзываясь въ голубое море, бѣдная и худощавая, но свѣжая, здоровая и смѣющаяся, какъ чистенько умытое дитя.

Въ гаваняхъ, вдоль побережья, закипѣла жизнь и движеніе; бѣлые паруса исчезали въ открытомъ морѣ. Лыжи подвѣшивались подъ балки; санныя полости, пересыпанныя камфорой, прятались. Подобно медвѣдямъ, вылѣзающимъ изъ берлоги и встряхивающимъ косматую шерсть, люди потягивались, расправляя отяжелѣвшіе члены, поплевывали на руки и готовились къ весеннимъ работамъ.

Внизъ по рѣкамъ начали сплавлять строевой лѣсъ; въ плодородныхъ долинахъ плугъ бороздилъ глубокія полосы. Сѣвернѣе люди заготовляли соленую рыбу, наваливая ее прямо на голыя скалы; къ западу, у моря, по равнинамъ, черезъ поля, возили морской тростникъ. На косогорѣ стоялъ хмурый человѣкъ и исподлобья искалъ глазами буланую кобылу.

Все здѣсь было свѣжо и бодро, между тѣмъ какъ въ Парижѣ, на улицахъ, люди уже изнывали отъ жары. На Брюлевской терассѣ въ Дрезденѣ обыватели распивали майское пиво и спорили о Вагнеровской музыкѣ, спорили го-

рячо, оживленно. Ни о чемъ другомъ не могли они спорить на вольномъ воздухѣ, а безъ спора обойтись, извѣстно, нельзя.

Тѣ, кому было подъ силу путешествіе, начинали изучать Бедекера. И вскорѣ произошло великое переселеніе народовъ; кривоногихъ нѣмцевъ и длиннозубыхъ англичанокъ потянуло въ горы, чтобы набраться свѣжаго воздуха и увезти съ собой частицу его, вмѣстѣ съ безобидными каррикатурами на старую Норвегію.

Но въ то время, какъ пестрая чужеземная толпа тѣснилась въ глубь страны, навстрѣчу ей стремился другой потокъ, направляясь къ берегу.

— Что это за люди?—спросилъ совѣтникъ Шульце изъ Берлина.

Образованный норвежецъ отвѣтилъ ему по-нѣмецки:

— Это эмигранты.

Мужчины и женщины, въ новыхъ шерстяныхъ платьяхъ, заботливо вели дѣтей за руки; меньшихъ несли на рукахъ, на спинѣ; здоровые, краснощекіе ребята съ изумленіемъ глазѣли по сторонамъ.

На всѣхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ, на пароходахъ внутреннихъ озеръ громоздились сундуки, съ отчетливо выведенными адресами и именами по-англійски и по-норвежски. Все носило отпечатокъ долго назрѣвавшаго, хорошо обдуманнаго рѣшенія: плотная, солидная упаковка; новыя, прочныя платья; отсутствіе ненужныхъ, пустяшныхъ вещей въ рукахъ, - несли только дѣтей, бережно, крѣпко; видно, что рѣшили въ цѣлости доставить ихъ въ Новый Свѣтъ.

Но никакой радости, ни даже тѣни надежды нельзя было подмѣтить на лицахъ эмигрантовъ,—только твердая, печальная рѣшимость ясно читалась въ ихъ глазахъ, вмѣстѣ съ тяжелой грустью. Не плакали тѣ, которые плакать не умѣютъ.

Совѣтникъ Шульце изъ Берлина очень удивлялся. Что люди выселялись изъ Германіи, было ему вполнѣ понятно: тамъ и воинская повинность, и милитаризмъ, и соціалисты, и Бисмаркъ, и всякія бѣды. Но здѣсь, въ этой прекрасной, мирной странѣ, съ ея извѣстнымъ свободнымъ государственнымъ строемъ,—чего имъ еще недостаетъ?

Да и сама страна какъ будто спрашивала: чего вамъ недостаетъ?

Солнце яркими лучами золотило зеленѣвшіе холмы; рѣка привѣтливо журчала межъ береговъ; изъ лѣса доносился чудный ароматъ молодыхъ еловыхъ иглъ.

А на платформѣ стояли родственники и знакомые отъѣзжающихъ; послѣдніе плакали, оттого что уѣзжали; а которые оставались, плакали, что нѣтъ денегъ, чтобъ уѣхать. Всѣ плакали.

Поѣздъ двинулся внизъ по долинѣ; путешественники высунулись изъ оконъ вагоновъ: имъ казалось, что лучшей страны не сыскать во всемъ мірѣ, что нигдѣ солнце такъ не свѣтитъ, воздухъ такъ не благоухаетъ, кукушка такъ не кукуетъ, какъ на родинѣ, которую они покидаютъ.

Въ вагонахъ раздавались всхлипыванья, рыданія. Въ этотъ мигъ забыто было, почему отъѣзжающіе очутились здѣсь. Во всѣхъ взорахъ читался растерянный вопросъ: чего имъ на родинѣ недоставало? Чего же, и на самомъ дѣлѣ, имъ недоставало?

Между тѣмъ весна шла своимъ чередомъ, съ пѣснями и звономъ, съ ликованьемъ и любовными интригами, начиная съ маленькихъ жучковъ, гонявшихся другъ за другомъ въ травѣ, и кончая медвѣдями въ лѣсу, устраивавшими формальныя драки и кровавыя расправы.

Сильный торжествовалъ, какъ и всегда; слабый оказызывался виновнымъ и побѣжденнымъ. О пищѣ мало заботились: влюбленнымъ есть о чемъ другомъ подумать. Борьба за существованіе принимаетъ совершенно иной видъ лѣтомъ и осенью, когда приходится снабжать пищею женъ и дѣтей.

Весна придавала оттѣнокъ рыцарства даже грубому, прожорливому звѣрью: мужчины старались любезничать, а прекрасный полъ спѣшилъ насладиться своимъ короткимъ торжествомъ и дорого продавалъ свои милости.

Вдоль берега море изгибалось между шхерами, ласкаясь, какъ кошечка.

Гдѣ въ зимнія бури брызгала и кипѣла грозная пѣна, тамъ теперь нѣжно скользили зеленыя волны; голубое, залитое солнцемъ море, такимъ нѣжнымъ тепломъ охватывало старую, суровую землю, какъ будто никогда не состояло съ нею въ непріязненныхъ отношеніяхъ.

На голыхъ отмеляхъ и камняхъ, вдоль и внутри фіордовъ, росъ морской тростникъ, красивый, золотистый и свѣтлозеленый, гладкій, какъ шелковый великолѣпный коверъ; а внизу ползали, извивались и кишѣли клешни, щупальцы, креветки, мягкіе плавники, ползучія, коварныя лапы, прочные домики и раковины на спинахъ хозяевъ,—цѣлый фантастическій міръ оружія и латъ.

На гладкой скалѣ, которая вкось спускалась на голубовато-бѣломъ фонѣ песка, среди многочисленныхъ кустовъ морского ситника и травы, сидѣли медузы, колючіе морскіе ежи и великолѣпныя розовыя морскія звѣзды.

Солнечные лучи освѣщали голубымъ и таинственнымъ свѣтомъ диковинную жизнь въ глубинѣ и свѣтлыя песчаныя отмели, которыя тянулись, пока не пропадали изъ глазъ.

—

вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ, въ глубокой, безпредѣльной синевѣ.

XIII.

1 іюля министерскій курьеръ, Андерсъ Мо, обвѣнчался въ церкви св. Троицы съ дѣвицей Христиной Фатнемо.

Кромѣ приглашенныхъ, въ церкви было еще много народу; самъ министръ Беннехенъ участвовалъ въ свадебномъ поѣздѣ; помимо всего этого, парочка была и въ самомъ дѣлѣ любопытная: старикъ и молодая дѣвушка.

Впрочемъ, говоря по правдѣ, неравенство это не слишкомъ бросалось въ глаза; за исключеніемъ сѣдыхъ волосъ, дядя Андерсъ могъ назваться виднымъ женихомъ, съ высокимъ, тугимъ галстухомъ, чернымъ сюртукомъ и золотой цѣпочкой — подаркомъ министра. А Христина была такъ крупна и неуклюжа, что ея молодость какъ бы скрадывалась; къ тому же она была серьезна и блѣдна.

Семейство министра Беннехена переѣхало на дачу, а его супруга простерла свою любезность до того, что предоставила столовую и прилегающую къ ней комнату для свадебнаго пира.

Когда свадебный поѣздъ вернулся изъ церкви, — внизу, въ швейцарской роспили по стаканчику вина,—при чемъ министръ, въ краткой рѣчи, пожелалъ молодымъ всякаго благополучія. Но затѣмъ онъ удалился къ себѣ, а остальное общество отправилось наверхъ, гдѣ былъ накрытъ парадный столъ.

Молодые усѣлись въ комнатѣ рядомъ со столовой, гдѣ и принимали поздравленія гостей, которые все прибывали и прибывали.

Редакторъ Мортенсенъ, который, по уходѣ министра, сдѣлался самымъ знатнымъ гостемъ, непринужденно расхаживалъ по гостиной, громко болталъ и острилъ. Остальные же, молча и торжественно, сидѣли вдоль стѣнъ, поджавъ ноги подъ стулья.

Христина смотрѣла и дивилась, сколько у ея мужа знакомыхъ; на нее производило впечатлѣніе такое сборище нарядныхъ, городскихъ гостей. Наконецъ, всѣ стулья были заняты разряженными дамами; двѣ молодыя дѣвушки усѣлись даже рядомъ на низенькій каминъ. Мужчины, отвѣсивъ новобрачнымъ торжественный поклонъ, столпились въ корридорѣ. Было тихо, какъ на похоронахъ и, кромѣ отдаленнаго шума на кухнѣ, да остротъ редактора, ничего не было слышно.

На свадьбѣ присутствовали: два министерскихъ курьера

съ своими женами и дочерьми; полицейскій сержантъ Андерсенъ и городовой Кнудсенъ; послѣдній, впрочемъ, былъ приглашенъ на пробу и состоялъ подъ надзоромъ Андерсена. Тутъ же находился фельдфебель Кноффъ, въ мундирѣ и перчаткахъ; трубочистъ Лунде съ женой (сестрой полицейскаго сержанта Андерсена), курьеръ высшей апелляціонной инстанціи Паальсенъ, извѣстный своими общественными талантами и фрау Грюнеръ, готовившая для короля, когда онъ бывалъ въ Христіаніи.

Въ числѣ гостей замѣчались также вахтеръ изъ гавани, два сержанта и желѣзнодорожные служащіе съ законными половинами.

Кухарка ежеминутно показывалась въ дверяхъ корридора и дѣлала жениху знаки; онъ же качалъ головой и посматривалъ на часы.

Но вотъ между мужчинами въ дверяхъ произошло движеніе, и вошли двѣ дамы. Одна была высокая, красивая дѣвушка съ бѣлокурыми волосами и большими, блестящими глазами. На ней было свѣтлое шелковое платье, филиграновыя серьги, а на шеѣ серебряная цѣпочка съ большимъ медальономъ. Другая была ужасно тучная дама, лѣтъ сорока, съ черными прямыми волосами и двумя брилліантиками въ ушахъ. Въ волосахъ ея красовалась съ одной стороны пунцовая роза, съ другой—колибри на клѣтчатой лентѣ. Полный бюстъ ея затянутъ былъ въ красный, бархатный корсажъ, съ вырѣзомъ на груди, скрѣпленнымъ золотой брошью-подковой; черная шелковая юбка съ затканными букетами розъ дополняла ея туалетъ.

Редакторъ Мортенсенъ испустилъ крикъ изумленія, когда онѣ проходили по комнатѣ, а старшая изъ дамъ махнула въ его сторону вѣеромъ.

— Милая Христина,—сказалъ женихъ, съ присущимъ ему достоинствомъ:—я долженъ познакомить тебя съ фрейлейнъ Эвелиной Нильсенъ, которая сдѣлала намъ честь...

— Ахъ, что вы, господинъ Мо! Честь и удовольствіе всѣ на моей сторонѣ!—возразила молодая дѣвушка и привѣтливо улыбнулась, обнаруживъ красивые, бѣлые зубы.

Христина сразу почувствовала къ ней симпатію, только пожалѣла, что она черезчуръ нарядна.

Затѣмъ женихъ представилъ:

— Моя давнишняя пріятельница, фрау Глунке.

Полная дама подошла къ Христинѣ и запечатлѣла мягкій, влажный поцѣлуй на ея губахъ, цѣлымъ потокомъ словъ удостовѣряя, что Христина самая миленькая изъ всѣхъ невѣстъ, которыхъ она когда-либо видѣла,—безъ преувеличенія самая миленькая!

Пришло время садиться за столъ.

Редакторъ Мортенсенъ подошелъ, со шляпой въ рукѣ, къ фрейленъ Нильсенъ.

— Нашъ хозяинъ предоставилъ мнѣ исключительную честь, сударыня, вести васъ къ столу...—и онъ изящно предложилъ ей руку и послѣдовалъ за новобрачными.

Затѣмъ шли фельдфебель Кноффъ съ фрау Глунке; потомъ трубочистъ Лунде съ фрау Паальсенъ, полицейскій сержантъ Андерсенъ съ фрау Грюнеръ; курьеръ высшей апелляціонной инстанціи Паальсенъ съ фрау Лунде; а тамъ и остальное общество попарно, согласно росписанію на карточкахъ, розданныхъ кучеромъ министра въ корридорахъ.

Свадебный столъ имѣлъ форму подковы. Въ серединѣ сидѣли новобрачные, налѣво Кноффъ съ фрау Глунке, направо редакторъ съ фрейлейнъ Эвелиной. Внутри подковы, на серединѣ сидѣли Лунде и Паальсенъ со своими дамами; остальные приглашенные помѣстились на крыльяхъ.

Полицейскій сержантъ Андерсенъ проявлялъ крайнюю дѣятельность и безъ устали мѣнялъ порядокъ сидѣвшихъ за столомъ, пока ему не удалось помѣстить противъ себя Кнудсена.

— Я долженъ вамъ сказать, фрау Грюнеръ, — шепнулъ онъ:—что его пригласили для пробы. Я долженъ не спускать съ него глазъ.

Но госпожа Грюнеръ не слушала его, она была недовольна какъ своимъ мѣстомъ, такъ и сосѣдомъ; она разсчитывала, что къ столу ее поведетъ фельдфебель, а посадятъ ее рядомъ съ новобрачными. Вотъ почему, отвѣдавъ супу, она отложила ложку и презрительно пробормотала: „сладкая бурда!“ Сначала всѣ ѣли въ молчаніи, тишина прерывалась звономъ ложекъ, которыми дѣйствовали на славу, да иногда сказаннымъ вполголоса словечкомъ редактора или его дамы.

— Я попросилъ бы васъ, господа, наполнить свои стаканы!—произнесъ новобрачный тономъ министра Беннехена:—моя жена и я привѣтствуемъ васъ, господа, за нашимъ столомъ!

Первый стаканъ краснаго вина былъ выпитъ съ большою торжественностью: всѣ подходили съ поздравленіями къ молодымъ.

Христина обвела глазами столъ и почувстоовала себя просто подавленной всѣмъ этимъ великолѣпіемъ Благодаря заботамъ Гильды Беннехенъ (безъ вѣдома матери), столъ былъ украшенъ цвѣтами, хрусталемъ и серебромъ, которые не увезены были на дачу.

По понятіямъ Христины, убранство было до невѣроятія

роскошно. Хорошо, если бы ея домашніе могли видѣть ее центромъ всего этого великолѣпія!..

Между тѣмъ, полицейскій сержантъ Андерсенъ не спускалъ глазъ съ Кнудсена, и, какъ только тотъ собирался прикоснуться къ бутылкѣ или стакану, онъ шепотомъ предостерегалъ его:

— Гм... Кнудсенъ!..

— Здѣсь, господинъ сержантъ! — отзывался Кнудсенъ и вытягивался по военному.

Фрау Кноффъ, полная дама съ желтой, грубой кожей на лицѣ, сидѣла рядомъ съ желѣзнодорожнымъ служащимъ такъ неудобно, что не могла наблюдать за своимъ мужемъ, фельдфебелемъ. Редакторъ Мортенсенъ, не стѣсняясь, подтрунивалъ надъ нею во всеуслышаніе:

— У фрау Кноффъ такой цвѣтъ лица, точно у нея воспаленіе селезенки!

За первымъ блюдомъ продолжало царить молчаніе; тогда Мортенсенъ за спиной Христины шепнулъ новобрачному:

— Теперь вы должны провозгласить первый тостъ, Мо!

— Мнѣ кажется, это не годится до жаркого...

— Что вы, теперь принято начинать тосты и спичи съ супа!

Редакторъ громко зазвонилъ въ свой стаканъ; новобрачный всталъ и заговорилъ:

— Господа! Въ этотъ многозначительный для меня часъ я ощущаю потребность высказать здѣсь, за столомъ, гдѣ собралось столько любимыхъ мною людей, что я скорблю объ отсутствіи того, кого я больше чѣмъ когда-либо желалъ бы видѣть у себя. Я подразумѣваю отца моей жены, мызника Нильса Фатнемо!

Христина вынула носовой платокъ.

— Тебѣ хорошо извѣстно, милая Христина, какъ искренно привязанъ я къ единственному брату и какъ высоко цѣню я сокровище, которое онъ мнѣ довѣрилъ!

Тутъ госпожу Глунке одолѣлъ отчаянный приступъ кашля. Ораторъ метнулъ на нее молніеносный взглядъ и продолжалъ:

— А потому, господа, выпьемъ за здоровье отца моей жены, хотя его и нѣтъ среди насъ, и пожелаемъ, чтобы Господь подкрѣпилъ его въ разлукѣ съ любимой дочерью! Христина, за здоровье твоего отца!

Садясь, молодой внушительно шепнулъ нѣсколько словъ госпожѣ Глунке.

— Видитъ Богъ, я не въ силахъ была удержаться!—также шепотомъ отвѣтила она:—ты былъ прямо-таки неподражаемъ!

Минуту спустя поднялся подрядчикъ-трубочистъ Лунде.

То былъ крупный, сухопарый мужчина, съ острымъ носомъ и сѣдыми волосами. Онъ давнымъ-давно предоставилъ заниматься ремесломъ своимъ наемникамъ, сохраняя званіе главнаго трубочиста въ аристократическихъ кварталахъ города. У него были деньги, и одна изъ его дочерей вышла замужъ за телеграфиста.

— Какъ старшина цеха,—началъ онъ:—я позволяю себѣ провозгласить здоровье новобрачныхъ. Мы еще со школьной скамьи усвоили себѣ изреченіе Спасителя: „не подобаетъ человѣку едину быти“.

Тишина за столомъ сдѣлалась угнетающей. Горничныя, собиравшіяся было разставить тарелки для жаркого, должны были остановиться и ждать, а ораторъ, не унывая, началъ распространяться о бракѣ, начиная съ Адама и Евы, Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки. Затѣмъ онъ чуть затронулъ исторію Іакова и его двухъ женъ, оставилъ въ покоѣ Давида и Соломона и отважно коснулся новыхъ временъ и современной жизни, заключивъ рѣчь мольбою къ небесамъ о ниспосланіи благословенія молодымъ.

Большинство дамъ прослезилось, въ особенности сама новобрачная. Фрейлейнъ Эвелина дружески кивнула ей головой. Торжественная рѣчь библейскаго тона, великолѣпный пиръ такъ подѣйствовали на нее, что она на мгновенье повѣрила, будто и ее ждетъ въ будущемъ счастье.

Однако это не помѣшало ей шепнуть Мортенсену:

— А всетаки гнусно поступили съ бѣдной дѣвушкой!

Послѣ рѣчи трубочиста Лунде наступила длинная пауза; горничныя разставляли тарелки.

Госпожа Кноффъ, увѣрявшая все время, что ея мужъ „ухаживаетъ за противной Маллой Бимбамъ“, имѣла несчастье уронить тарелку, когда смѣлымъ и внезапнымъ поворотомъ думала захватить фельдфебеля врасплохъ. Отъ возникшаго шума Кнудсенъ перепугался и вскочилъ, а полицейскій сержантъ съ порицаніемъ крикнулъ ему: „смирно“!

Но фрау Глунке расхохоталась вслухъ и толкнула своего сосѣда. Ея смѣхъ послужилъ сигналомъ веселью за столомъ. Мортенсенъ пустилъ въ ходъ графины съ дессертными винами, и всѣ усердно економ приналегли на нихъ.

Тогда всталъ и редакторъ.

— Господа! — сказалъ онъ, обводя собраніе взоромъ:—у меня невольно является мысль: что собственно служитъ приманкой и, такъ сказать, звеномъ нашего сборища?

Онъ говорилъ повышеннымъ, полнымъ превосходства тономъ, закругленными литературными фразами; закидалъ всѣхъ иностранными словами и латинскими изреченіями, разъясняя, что присутствующіе составляютъ часть громадной государ-

ственной машины, звенья въ цѣпи человѣчества, дѣятелей, на которыхъ нація смотритъ съ довѣріемъ и почтеніемъ. Подъ конецъ рѣчь его приняла высшій полетъ: онъ выяснилъ важное значеніе чиновничества для страны и, постепенно поднимаясь все выше и выше, добрался, наконецъ, до „вѣнца системы“, закончивъ торжественнымъ восклицаніемъ:

— Господа, за здоровье короля! Да здравствуетъ король!

Тостъ былъ принятъ восторженно.

Фрейлейнъ Эвелина искоса поглядыла на редактора, не понимая хорошенько, въ серьезъ ли онъ все это продѣлываетъ или балагуритъ.

Дошелъ черёдъ и до курьера высшей апелляціонной инстанціи, Паальсена, который предложилъ выпить за здоровье министра Беннехена.

Вслѣдъ затѣмъ новобрачный провозгласилъ тостъ за родину.

Одинъ изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ поднялъ бокалъ за братство, а вахтеръ изъ гавани—за дамъ.

Вдругъ фельдфебель крикнулъ своимъ командирскимъ голосомъ:

— Слушай команду! Никто не говоритъ связно и по порядку!.. Прежде надо съѣсть жаркое... Нѣтъ возможности съ толкомъ съѣсть кусочекъ, когда кругомъ болтаютъ!

Эти слова окончательно привели всѣхъ въ веселое настроеніе; отовсюду послышался оживленный смѣхъ. Христина тоже смѣялась, хотя не безъ тревоги косилась на фрау Глунке, которая, откинувшись назадъ, хохотала до того неумѣренно, что слезы катились по ея пухлому носу. Фрау Грюнеръ, до сихъ поръ только ковырявшая подаваемыя кушанья, теперь серьезно занялась кускомъ жаренаго, такъ какъ убѣдилась, что никто не обращаетъ вниманія на ея демонстраціи. Всетаки она продолжала дуться, а сосѣдъ ея всецѣло посвятилъ себя надзору за Кнудсеномъ.

— Берегись! — покрикивалъ онъ на него, постепенно повышая голосъ, по мѣрѣ того, какъ обѣдъ подвигался впередъ.

За дессертомъ царило всеобщее веселье, и шумъ возросталъ ежеминутно, выражая повышенную температуру желудковъ, вызванную ѣдой и питьемъ.

Курьеръ Паальсенъ, извѣстный шутникъ, уступая общему желанію, принялся выказывать свои общественные таланты: пѣлъ пѣтухомъ, хлопалъ себя по щекамъ, издавая бульканье, словно изъ бутылки шевелилъ ушами и потѣшалъ гостей многимъ въ томъ же родѣ. Христинѣ показалось, что это не совсѣмъ прилично. По ея понятіямъ, за свадебнымъ столомъ не должно быть такой распущенности.

Желая поблагодарить Паальсена, хозяинъ въ шутку назвалъ его „оберъ-прокуроромъ".

Редакторъ тотчасъ же подхватилъ остроту и громко воскликнулъ:

— Генералъ Кноффъ, разрѣшите мнѣ...

Общество сначала остолбенѣло, но затѣмъ всѣ смекнули и подхватили шутку: трубочистъ превратился въ оберъ-инспектора, хозяина произвели въ министры.

Христина рада была, что ее оставили въ покоѣ. Въ придачу, она рѣшительно но могла понять, почему общество чуть не лопнуло со смѣху, когда Паальсенъ обратился къ Эвелинѣ Нильсенъ со словами:

— Фрау министрша, могу я разсчитывать на честь выпить съ вами стаканъ вина?

— Благодарю васъ, господинъ прокуроръ!—отвѣчала, краснѣя, Эвелина, но тутъ же расхохоталась и шепнула что-то на ухо Мортенсену.

Оберъ-инспекторъ Лунде непремѣнно хотѣлъ подобрать титулъ для госпожи Глунке; но она закричала и заткнула себѣ уши.

Генералъ Кноффъ пожелалъ выпить съ оберъ-полиціймейстеромъ, Андерсеномъ, который добросовѣстно не спускалъ съ Кнудсена стеклянныхъ глазъ. Видя, что отъ начальника полиціи вниманія не добьешься, игривый генералъ схватилъ кусокъ апельсина и съ военной энергіей запустилъ его черезъ столъ. По несчастью, кусокъ попалъ щепетильной фрау Грюнеръ прямо въ лицо.

— Кислятина къ кислятинѣ!—сострилъ прокуроръ Паальсенъ.

Но фрау Грюнеръ не на шутку разобидѣлась и хотѣла уйти; она и ушла бы по всей вѣроятности, если-бъ оберъ-полиціймейстеръ и директоръ желѣзныхъ дорогъ не удержали ее

Однако непріятная сцена была вскорѣ позабыта; фрейлейнъ Эвелинѣ пришла въ голову удачная выдумка: она взяла кусочекъ красной бумажки отъ хлопушки съ конфектами и воткнула его редактору въ петлицу.

Теперь все, что было на столѣ свѣтлаго или пестраго, превратилось въ украшенія для кавалеровъ; все общество оказалось съ блестящими отличіями.

Мортенсенъ предложилъ закурить сигары за столомъ и продолжать пить,—„какъ дѣлается въ Парижѣ". Предложеніе было принято. Шумъ до того усилился, что каждый еле могъ разслышать самого себя. Громкіе титулы кружились въ дикомъ вихрѣ, перекрещиваясь черезъ столъ; безпрерывно слышалось: „Генералъ! Г. директоръ желѣзныхъ дорогъ! Г. смотритель гавани! Г. министръ! Г. оберъ-прокуроръ!" и т. д.

Въ промежуткахъ раздавался ревъ оберъ-полиціймейстера: „берегись, Кнудсенъ“.

Христина чувствовала себя ужасно неловко; ей было стыдно за гостей. Скатерть залита красными и коричневыми пятнами; на ней валяются цвѣты и огуречный салатъ, стебельки отъ изюма, сигарный пепелъ, смятыя салфетки, куски пирога; все это въ перемежку съ бутылками и стаканами; лица—красныя, какъ піоны; дамы хохочутъ во все горло; кавалеры, навалившись на столъ, окликаютъ другъ друга; дымъ сигаръ смѣшался съ тяжелымъ запахомъ ѣды, вина и кофе. Нѣсколько разъ Христина вопросительно поглядывала на мужа, но онъ посмѣивался и что то ей нашептывалъ, чего она не разбирала: онъ опять говорилъ такъ невнятно.

Когда, наконецъ, общество встало изъ-за стола, комната рядомъ оказалась черезчуръ тѣсной; тогда фрау Глунке безъ дальнѣйшихъ церемоній, прошла черезъ прихожую и кухню и открыла двери въ остальную квартиру.

Тамъ не было половины мебели; зеркала и канделябры закутаны были въ чехлы, а окна замазаны мѣломъ. Но прохладный полумракъ показался всѣмъ пріятнымъ и уютнымъ: общество разбрелось по комнатамъ. Рояль открыли; младшая дѣвица Лунде предложила спѣть: „Какъ вдоль берега я шла“.

Она училась по новѣйшей методѣ, по словамъ ея мамаши,—и тянула до безконечности слова пѣсни: „а о-о-онъ нари-и-со-о-валъ и бе-е-регъ и-и-ме-е-ня!“

У рояля тоже произошла сценка: фрау Глунке, во что бы то ни стало, хотѣла спѣть о дѣвушкахъ, сажавшихъ капусту, а фрейлейнъ Лунде съ негодованіемъ отказалась аккомпанировать *такимъ* пѣснямъ.

Къ счастью, все обошлось мирно, такъ какъ оберъ-прокуроръ Паальсенъ ухватилъ Маллу Бимбамъ за талію и пустился отплясывать польку.

Состоялся балъ, — разнузданный балъ, затянувшійся за полночь, въ большой полутемной комнатѣ.

У двери сидѣла фрау Грюнеръ и слушала фрау Кноффъ, которая плакалась на своего мужа. Обѣ были такого мнѣнія, что свадьба дрянная, и что Маллѣ Бимбамъ не слѣдовало бы показываться въ обществѣ.

Христина ходила по комнатамъ, чувствуя себя одинокой и покинутой. Когда же, въ концѣ вечера, она увидала въ темномъ уголкѣ, что фрау Глунке чуть не повисла на шеѣ Андерса Мо, — на душѣ у нея стало такъ тяжело, что она ушла внизъ и заперлась у себя въ комнатѣ.

Сѣрый дневной свѣтъ уже забѣлѣлъ сквозь замазанныя стекла, когда послѣдніе гости разъѣхались. Редакторъ Мортенсенъ, еще за два часа до того, проводилъ домой фрей-

лейнъ Нильсенъ. Оберъ-полицiймейстеръ Андерсенъ стоялъ, прислонясь къ periламъ лѣстницы, и безпомощно бормоталъ: „Кнудсенъ"! Онъ совсѣмъ раскисъ и не могъ идти одинъ.

Новобрачный шумно спустился къ себѣ и, найдя двери запертыми, принялся стучать и звать.

Христина потушила свѣчу и отперла ему.

XIV.

Министръ Беннехенъ провелъ лѣто въ швейцарскомъ домикѣ на островѣ Ладегаардѣ, совсѣмъ внизу, у берега. Домикъ стоялъ на землѣ Фалькъ-Ольсеновъ, громадная вилла которыхъ находилась только шаговъ на сто повыше, на вершинѣ холма.

При такомъ близкомъ сосѣдствѣ, обѣ семьи жили, можно сказать, однимъ домомъ, и такъ какъ помѣщенiе министра было очень тѣсно, оба семейства охотно собирались наверху, въ красивомъ, обширномъ зданiи. Фрау Беннехенъ, умѣвшая быть экономной, зорко слѣдила за выгодами, которыя могла извлечь при такомъ порядкѣ вещей. Фрау Фалькъ-Ольсенъ, со своей стороны, была очарована жизнью, которую вносила съ собой семья министра.

Такъ, изъ году въ годъ, жили обѣ семьи въ полномъ согласiи; но въ это лѣто дѣло у нихъ какъ-то не клеилось.

Все произошло изъ-за этого несноснаго банка.

Общее собранiе было назначено на 20 августа. Старый министръ Фальбе, дѣйствительно, отказался отъ баллотировки, а Фалькъ-Ольсенъ вообразилъ, что голосъ Беннехена будетъ на его сторонѣ. Беннехенъ же съ необычайнымъ упорствомъ настаивалъ, что только при извѣстныхъ условiяхъ онъ подастъ свой голосъ за Фалькъ-Ольсена.

Цѣлое лѣто это висѣло въ воздухѣ и отравляло всѣмъ удовольствiе.

Женскiй персоналъ обсуждалъ этотъ вопросъ отрывистыми, нервными фразами. Фрау Фалькъ-Ольсенъ находила, что министръ могъ бы уступить ея Оле-Iоганну; а фрау Беннехенъ полагала, что именно только при извѣстныхъ условiяхъ мужъ ея можетъ подать свой голосъ за Фалькъ-Ольсена, и что послѣднiй сдѣлаетъ очень умно, послѣдовавъ совѣту такого человѣка, какъ Данiель.

Въ день, когда должна была рѣшиться судьба новаго директора банка, послѣ завтрака, обѣ жены сидѣли по домамъ и поджидали прибытiя маленькаго парохода, на которомъ обыкновенно ихъ мужья прiѣзжали домой къ обѣду.

Фрау Беннехенъ была въ дурномъ расположеніи духа: все ея краснорѣчіе оказалось недѣйствительнымъ и не привело ни къ чему. Министръ отвѣчалъ самымъ изысканнымъ тономъ:

— Не могу, Аделаида! Не могу.

А ужъ когда онъ (что случалось рѣдко) говорилъ такимъ тономъ, она знала, что воля его непреклонна. И вотъ она сидѣла въ своемъ маленькомъ, неуютномъ помѣщеніи, гдѣ проводить цѣлые дни не представляло никакого удовольствія: изъ кухни доносился чадъ, а на дворѣ шелъ дождь.

А фрау Фалькъ-Ольсенъ, не смотря на дождь, спустилась на пристань навстрѣчу мужу. Оба пріятеля пріѣхали вмѣстѣ и вышли на берегъ, и здѣсь негоціантъ разразился. На пароходѣ нельзя было говорить при постороннихъ людяхъ.

— Никогда бы не повѣрилъ, ей-ей! — ѣдко воскликнулъ онъ:—пораженъ, изумленъ, въ себя придти не могу отъ вашей смѣлости, Беннехенъ!

— Очень сожалѣю, господинъ Фалькъ-Осенъ! Но я васъ предупреждалъ. Иначе поступить я не могъ... Высшія соображенія...

— Соображенія? Мнѣ думается, что главнымъ образомъ вы должны бы принимать меня въ соображеніе! Прежде всего меня...

— Потише, потише, Оле-Іоганнъ! Успокойся, не горячись!—говорила ему жена, уже встрѣтившаяся съ ними.

— Чего ты-то суешься не въ свое дѣло, старуха? Пойми, что онъ — оптовый торговецъ—окуркомъ сигары ткнулъ въ сторону министра: подалъ свой голосъ за консула Линда, хотя отлично знаетъ, что разъ я чего захочу, то... Ну, да все равно! Скоро придется ему горько раскаяться! За это я ручаюсь!

— Выслушайте меня, господинъ негоціантъ!.. Одну минутку, Фалькъ-Ольсенъ...—началъ было министръ (онъ сильно поблѣднѣлъ, и углы губъ его дрожали, хотя онъ и старался улыбаться).—Вамъ никогда не приходило въ голову, что вамъ слѣдовало-бы... что у васъ тутъ чего-то недостаетъ...—и министръ осторожно дотронулся до его лѣваго борта.

— Ахъ, перестаньте! Плевать я хочу на ваши остроумныя рѣчи: чего тамъ еще недостаетъ? Все у меня есть,—и сердце, и разсудокъ! Это вы скоро узнаете!—и съ этими словами Фалькъ-Ольсенъ почти бѣгомъ пустился къ своему дому.

Но фрау Фалькъ-Ольсенъ, все время наблюдавшая за мужчинами, обмѣнялась съ министромъ быстрымъ взглядомъ. Онъ кивнулъ головой.

— Можно на это разсчитывать?—спросила она.

— Разумѣется! Это дѣло рѣшенное!.. Немного погодя... и, конечно, если онъ будетъ разумно вести себя!..

Фрау Фалькъ-Ольсенъ въ свою очередь кивнула головой.

— Объ этомъ я ужъ позабочусь.

— Ахъ, прошу васъ, пожалуйста! Дорогая фрау Фалькъ-Ольсенъ!.. —горячо воскликнулъ министръ, порываясь схватить ее за руку; но она закутана была въ плащъ и только глазами отвѣтила на его просьбу.

Когда она вернулась домой, Фалькъ-Ольсенъ, не снявъ даже шляпы, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и писалъ. Перо такъ и скрипѣло по бумагѣ.

— Ты пишешь, Оле-Іоганнъ?—равнодушно спросила она.

— Да. Отдаю приказъ, чтобы въ моей конторѣ сегодня же, послѣ полудня, закрыли текущій счетъ министра. Сейчасъ же!.. Не теряя ни минуты!..

— Понимаю! Весьма естественно, что ты и не интересуешься его предложеніемъ!

— Предложеніемъ? Какимъ еще предложеніемъ?..

— Ты вѣдь всегда презиралъ эти ребяческія балаболки!— спокойно продолжала жена, методически снимая плащъ.

— Да что такое ты болтаешь? Объяснись толкомъ, наконецъ.

— Да ты и на самомъ дѣлѣ не понялъ? — изумленно спросила она.

— Чего не понялъ? Да перестань кудахтать, какъ курица! — вскричалъ Фалькъ-Ольсенъ и раздражительно отвернулся.

— Нѣтъ, ты скажи серьезно, Оле-Іоганнъ, неужели ты дѣйствительно не понялъ, на что намекалъ министръ? Или ты не обратилъ вниманія на то, что онъ дотронулся до твоего лѣваго борта?

— Что за чушь ты порешь! Онъ хотѣлъ сказать, что у меня не достаетъ... ну, разсудительности, что-ли! Что я обязанъ быть пробкой... затычкой... какъ онъ самъ, — и за все благодарить... Но я... — Фалькъ-Ольсенъ умолкъ и уставился глазами на жену; она же весело расхохоталась и воскликнула:

— Ахъ, ты—мудрецъ Оле-Іоганнъ! Пропалъ бы ты безъ меня! Гляди: что это такое? Петлица? Что носятъ въ петлицѣ выдающіеся люди? Чего у тебя здѣсь не достаетъ? Ну-ка!..

Фалькъ-Ольсенъ, шатаясь, отступилъ назадъ и, взглянувъ въ зеркало, поочередно переводилъ глаза съ петлицы на свое изображеніе.

— Серьезно, ты думаешь, что онъ намекалъ на это?

— Несомнѣнно! Но вѣдь для этого ты долженъ обра . -вать извѣстную партію, а ты не желаешь!..

— Не слишкомъ отвѣчай за мои желанія! — живо перебилъ ее мужъ и сдѣлалъ пируэтъ на каблукахъ:—услуга за услугу... Если онъ требуетъ только этого...

— Но, милый другъ, вѣдь ты могъ получить и мѣсто директора, если-бъ захотѣлъ тогда уступить...

— Ахъ, что такое дурацкое директорство! Ради него я бы ничѣмъ не поступился! Ровно ничѣмъ. Но *это*... *Это* совсѣмъ иное дѣло! Это нѣчто посолиднѣе! Но какимъ образомъ достичь этого?

— Вотъ третьяго дня ты подымалъ на смѣхъ „желтый корпусъ"... Я замѣтила, что министру это ужасно не понравилось...

— Браво, Лена! Попрошу его записать меня въ „желтый корпусъ"... Ахъ, Лена, правъ былъ Соломонъ, когда сказалъ: „Кто застанетъ хорошую жену"... или что-то въ этомъ родѣ..

— Ну, я не очень-то рада буду, если ты начнешь видѣть въ Соломонѣ образецъ супруга! — пошутила фрау Фалькъ-Ольсенъ, добродушно позволяя мужу обнять себя.

Когда Гильда Беннехенъ, пріѣхавшая съ тѣмъ же пароходомъ, вошла въ залъ, горничная уже накрывала на столъ: отдѣльной столовой на дачѣ не было.

— Ага, вотъ и ты! Разумѣется, промокла насквозь! Богу одному извѣстно, что тебѣ дѣлать въ городѣ, въ такую погоду! Но ужъ ты всегда отличаешься! — вздохнула фрау Беннехенъ.

— Но, мама, сегодня утромъ стояла такая ясная погода...

— Вздоръ! Просто ты неудачница, въ этомъ все твое несчастье. Всегда и во всемъ. Поэтому ты только и дѣлаешь, что глупости и несообразности. Альфредъ развѣ не съ тобой?

— Нѣтъ, онъ велѣлъ кланяться и сказать, что обѣдаетъ въ ресторанѣ, кажется, съ зятемъ Хіорта.

— Ахъ, этотъ ужасный Хіортъ! — снова вздохнула мать, посмотрѣвъ въ окно по направленію удалявшагося парохода.

Гильда привыкла къ подобнымъ сценамъ. Она повѣсила свой плащъ въ прихожей и, вернувшись въ залъ, сказала:

— Бѣдняжка Христина совсѣмъ расхворалась! Не пригласить ли къ ней доктора Роде?

Мать вспыхнула и вскочила со стула.

— Слушай, Гильда, ты мнѣ надоѣла съ этой бабой! Разъ навсегда запрещаю тебѣ произносить ея имя, поняла?

Мы больше, чѣмъ слѣдовало, сдѣлали для нея. Припомни, въ какой видъ приведена была наша квартира послѣ свадьбы. А теперь довольно. Не смѣй больше къ ней заглядывать. Куда ты ни сунешься, вездѣ выходятъ только непріятности и безпокойство.

Вошелъ министръ и, понявъ, что происходитъ, спасся въ спальню и умывался тамъ вплоть до обѣда.

Когда сѣли за столъ, онъ ласково обратился къ дочери (зналъ, что ей досталось на орѣхи).

— Долго гуляла ты съ камергеромъ, когда я тебя встрѣтилъ?

— Какъ? Съ камергеромъ? — подхватила фрау Беннехенъ:—все пристаешь къ нему? Право, ты смѣшна, гоняясь за нимъ, Гильда! А что еще хуже, ты дѣлаешь смѣшнымъ и его.

— Ну, что ты, Аделаида!..—осторожно ввернулъ министръ.

— Ты самъ долженъ понять, Даніель, что для красиваго, избалованнаго кавалера, какъ Дельфинъ, по меньшей мѣрѣ стѣснительно, чтобы его постоянно встрѣчали съ такой неизящной (выражаясь снисходительно) дамой, какъ наша Гильда. Это ясно, какъ день!

Гильда не выдержала, вскочила изъ-за стола, бросилась къ себѣ наверхъ и, уткнувшись въ подушку, дала волю слезамъ. Чего еще ждать? Значитъ, она такой уродъ, что человѣкъ дѣлается смѣшнымъ, показываясь съ нею. Неужели и Дельфинъ только смѣялся надъ ней? А она повѣрила ему!

Фрау Беннехенъ тоже заплакала.

— А все ты виноватъ, Даніель! Если бы ты не поссорилъ насъ съ Фалькъ-Ольсенами, все шло бы хорошо, а теперь...

— Успокойся! Ради Бога успокойся, милая Аделаида! Часъ примиренія близокъ...

— Ахъ, не надоѣдай мнѣ съ твоими вѣчными: „успокойся, Аделаида“! — капризно возразила она, снимая крышку съ миски, въ которой подано было рагу изъ телятины.

Но въ этотъ моментъ на балконѣ послышались шаги. Она поспѣшно прикрыла миску, какъ на порогѣ показался Фалькъ-Ольсенъ.

— Въ самый разъ!—вскричалъ онъ, весь сіяя: — господа не начали еще кушать! Я пришелъ, сударыня, пригласить васъ отъ имени моей жены! Непремѣнно пожалуйте отвѣдать молодыхъ цыплятъ, которыми она такъ гордится. А вы, господинъ министръ, выпьете со мной хорошаго, бѣлаго портвейну, — не такъ ли? — прибавилъ онъ, протягивая ему руку:—мы оба сегодня нуждаемся въ подкрѣпленіи, не въ примѣръ прочимъ днямъ.

Министръ взялъ его руку и съ чувствомъ пожалъ ее; но

фрау Беннехенъ отъ недоумѣнія лишилась движенія и языка, пока мужъ не шепнулъ ей:

— Развѣ я тебѣ не говорилъ, что часъ примиренія близокъ?

Она съ восхищеніемъ поглядѣла на него и охотно подала руку негоціанту, чтобы вмѣстѣ съ нимъ пуститься въ путь, а министръ крикнулъ наверхъ Гильдѣ, чтобы она слѣдовала за ними, какъ только будетъ въ состояніи.

Возстановленіе добрыхъ отношеній между обѣими семьями было отпраздновано цѣлымъ рядомъ торжествъ,—не только обычнымъ „кормленіемъ звѣрей",—какъ острилъ Дельфинъ,— но цѣлой серіей изысканныхъ, интимныхъ обѣдовъ, за которыми долго сидѣли и много говорили.

Дельфинъ вскорѣ почуялъ, откуда дуетъ вѣтеръ, и отъ души потѣшался.

Онъ изводилъ редактора Мортенсена, обратившагося въ домочадца Фалькъ-Ольсеновъ, преувеличенно изысканными любезностями, которыя того совершенно выводили изъ себя; или принимался онъ за „милѣйшую мадамъ Ольсенъ" и отравлялъ ей жизнь, увѣряя, что тотъ или другой изъ новыхъ гостей—ярый нигилистъ и носитъ всегда револьверъ въ боковомъ карманѣ.

Самъ же Фалькъ-Ольсенъ точно переродился: онъ удивительно перемѣнился въ обхожденіи, сдѣлался натянутымъ, чопорнымъ. Онъ ничего не предпринималъ, не посовѣтовавшись предварительно съ министромъ, и въ его домѣ больше не встрѣчалось ни одного человѣка, приглашеннаго безъ позволенія или указанія Беннехена.

Большія „танцовальныя развлеченія въ залѣ Ольсенъ", устраиваемыя каждую осень, въ этомъ году были замѣнены аристократическими—и негоціантъ намекнулъ дочери, чтобъ она поласковѣе была съ господиномъ секретаремъ Хіортомъ.

Но Софи это раздосадовало, въ особенности потому, что отецъ ничего подробно не зналъ. Вообще она была недовольна. Камергеръ не обращалъ на нее вниманія, а выборъ между Беннехеномъ и Хіортомъ казался ей жалкимъ торжествомъ.

Оба пріятеля провели лѣто утомительно: помимо службы, на нихъ легла обязанность занимать зятя Хіорта, торговца Гармана; они такъ добросовѣстно выполняли это, что у нихъ не оставалось времени на ихъ собственныя сердечныя дѣла.

Но за то, когда наступилъ зимній сезонъ, они рѣшили дѣятельно повести атаку. Альфредъ придерживался плана сразу взорвать всѣ мины и взять молодую женщину въ швейцарской смѣлымъ приступомъ; но однажды фрау Беннехенъ серьезно поговорила со своимъ Альфредомъ и кое что

сообщила ему съ глазу на глазъ,—послѣ чего онъ отказался отъ всякихъ притязаній на Христину и оставилъ ее въ покоѣ.

Да и, по правдѣ говоря, она изумительно быстро увядала.

Блестящіе рыжіе волосы сдѣлались сухими и тусклыми; всю зиму она хирѣла и часто болѣла горломъ и ломотой во всѣхъ членахъ.

Ея мужъ по прежнему скользилъ повсюду, загадочно улыбаясь и неожиданно появляясь, гдѣ его меньше всего ожидали. Христина, съ самаго дня свадьбы, чувствовала къ нему отвращеніе; но онъ обращался съ нею хорошо, и, въ общемъ, жизнь ея текла безмятежно и однообразно.

Съ лоцманскимъ старшиной Зеегусомъ Мо обмѣнялся многими письмами, а также неоднократно получалъ изъ Вестланда денежные пакеты. Разъ, около Рождества, получилъ онъ письмо слѣдующаго содержанія:

„Господинъ министерскій курьеръ Мо!

Такъ дальше дѣло идти не можетъ. У него не осталось ничего, кромѣ долговъ, почему я и пишу отъ своего собственнаго имени, и Ньэделю ничего объ этомъ неизвѣстно. Я не могу повѣрить, чтобы деньги (всего выслали уже 950 кронъ!) шли на ускореніе тяжбы. Это, должно быть, королевскіе чиновники слопали эти деньги; значитъ мы не лучше русскихъ въ Россіи и въ Петербургѣ, и я обо всемъ пропишу въ газетахъ. Вѣдь мужикъ-то разоренъ въ конецъ, обнищалъ, да и захворалъ въ придачу: болѣзнь у него въ крови, онъ все сердился изъ за берегового промысла, изъ-за тростника, а канаву почти всю опять затянуло. А видъ у него самый жалкій. По этой причинѣ я и пишу вамъ, какъ его брату, чтобы вы изъ состраданія довели его дѣло до конца. Оно уже скоро два года какъ отослано королю, а отвѣта все нѣтъ какъ нѣтъ. Однѣ издержки. Кромѣ того, онъ очень скучаетъ, не получая писемъ отъ своей дочери Христины, которая теперь ваша жена, и удивляется онъ, что теперь ей не о чемъ писать домой, а вы вѣдь намъ часто писали, что она только потому домогалась выйти за васъ замужъ (хоть и стыдно ей изъ-за возраста), что мы такъ ей совѣтовали по вашей просьбѣ и дѣйствовали на нее убѣжденіями; но въ настоящее время я ничему не вѣрю.

Съ почтеніемъ Лаурицъ Больдеманъ Зеегусъ“.

Дядя Андерсъ прочелъ это письмо въ прихожей, передъ кабинетомъ министра. Онъ смялъ письмо и сунулъ его въ печку, покачивая головой и посмѣиваясь себѣ подъ носъ.

Министръ открылъ дверь.

— Развѣ вы не слышите, Мо? Я два раза зову!

Андерсъ Мо вытянулся и посмотрѣлъ на министра, продолжая улыбаться.

— Что съ вами, Мо?—вскричалъ министръ.—Право, мнѣ кажется, что вы начинаете стариться!

XV.

Докторъ Іоганнъ Беннехенъ цѣлый годъ прожилъ въ Вѣнѣ. Единственное лицо, съ которымъ онъ переписывался, была Гильда. Черезъ нее узналъ онъ лѣтомъ, что Христина вышла замужъ за своего дядю. Послѣ этого онъ долго не писалъ никому и рѣшилъ было совсѣмъ остаться въ Вѣнѣ или уѣхать зимой въ Америку.

Однако въ мартѣ его неудержимо потянуло еще разъ повидать ее и, быть можетъ, получить объясненіе ея поступка,—и онъ пустился въ обратный путь.

Въ немъ боролись самыя разнообразныя мысли и сомнѣнія, по мѣрѣ приближенія къ родинѣ. Значитъ, не Альфреда она любила; но какъ и чѣмъ объяснить выборъ стараго мужа?

Гильда продолжала писать брату, хотя и не получала отъ него отвѣта; онъ зналъ, что Христина стала прихварывать зимой.

Когда Іоганнъ вошелъ въ дверь родительскаго дома, то прямо поднялся по лѣстницѣ вверхъ, не заглядывая въ окно подвальнаго этажа.

При видѣ сына, фрау Беннехенъ испустила крикъ изумленія: возвращеніе его было для нея чѣмъ-то въ родѣ сюрприза, такъ какъ о немъ въ семьѣ упоминалось лишь вскользь, что онъ, можетъ быть, вернется весной.

— Извини, мама, мнѣ бы слѣдовало телеграфировать,—проговорилъ онъ.

Фрау Беннехенъ смотрѣла на него съ напряженно удивленнымъ выраженіемъ; когда же онъ приблизился къ ней, со своимъ добрымъ, унылымъ лицомъ, она поцѣловала его и пробормотала:

— Перемѣнился же ты, Іоганнъ! Я бы тебя сразу не узнала.

Тутъ вошла Гильда и бросилась ему на шею.

— Какъ я рада, милый Іоганнъ! Какъ я рада! О, какъ ты перемѣнился!

— И ты тоже это находишь? — спросилъ Іоганнъ.

— Ты на десять лѣтъ постарѣлъ!.. Въ бородѣ твоей виднѣются сѣдые волосы и.. и голова начала лысѣть, Іоганнъ!

Братъ улыбнулся обычной, печальной улыбкой. Гильда продолжала разглядывать его; онъ ей казался совсѣмъ дру-

тимъ, особеннымъ; даже хромать сталъ гораздо сильнѣе, какъ ей казалось.

Придя домой, министръ имѣлъ продолжительный разговоръ съ женой, въ спальнѣ, и за столомъ они оба были такъ привѣтливы съ вернувшимся сыномъ, что Іоганнъ просто умилился сердцемъ; даже Альфредъ былъ любезенъ.

Послѣ обѣда, Іоганнъ намѣревался поговорить съ Гильдой, но мать дала ей какія-то порученія.

Въ сумеркахъ онъ потихоньку спустился внизъ по лѣстницѣ; но у самыхъ дверей Христины на него напала прежняя тоска, только еще гораздо мучительнѣе.

Наконецъ, онъ взялъ себя въ руки и постучался. Старая служанка, которой онъ не зналъ, открыла ему. И вотъ онъ очутился въ комнатѣ, которая снилась ему сотни разъ, въ которой онъ мысленно рисовалъ себѣ безчисленныя сцены и встрѣчи, находясь далеко на чужбинѣ; сначала мечты его были полны надеждъ, а затѣмъ, послѣ ея замужества, приняли печальный оттѣнокъ; все время ему казалось, что она обязана дать ему въ чемъ-то отчетъ. Знакомый запахъ въ комнатѣ вернулъ его къ дѣйствительности, и онъ, наконецъ, заговорилъ:

— Дома она?

Служанка поглядѣла на него.

— Мадамъ тамъ.

Онъ вздрогнулъ при словѣ „мадамъ“. Дверь въ прежнюю комнату Христины была открыта; свѣта не было, но газовый фонарь съ улицы бросалъ внутрь большіе желтые четырехугольники, такъ что докторъ могъ разсмотрѣть фигуру, лежавшую на кровати.

Докторъ вошелъ и сказалъ:

— Здравствуйте, Христина!

Больная приподнялась на постели и уставилась на него. Іоганнъ въ ужасѣ схватился за дверную притолоку. Неужели это Христина? Она же вскрикнула и въ отчаяніи замахала руками, запрещая ему приближаться.

Служанка захлопнула дверь и грубо сказала:

— А я думала, мадамъ знаетъ васъ.

— Что съ нею?

— Не знаю!—съ этими словами она открыла наружную дверь.

Докторъ медленно поднимался вверхъ. Итакъ, онъ ее видѣлъ. Разглядѣлъ ея лицо... О, если-бъ онъ прожилъ сто лѣтъ, то не забылъ бы этого лица! Неописуемый ужасъ охватилъ его. Нервно застегнувъ пальто, онъ повернулъ назадъ, рѣшивъ пройти къ доктору Роде.

Онъ засталъ стараго домашняго врача, въ креслѣ, за газетой.

— А! профессоръ вернулся! Добро пожаловать, дитя мое,—какъ поживаешь?—докторъ Роде до сихъ поръ говорилъ дѣтямъ министра ты и считалъ ихъ ребятами. Всѣ они выросли на его глазахъ. Но Іоганнъ ничего не отвѣтилъ на привѣтствіе, а, задыхаясь, отрывисто спросилъ:

— Что съ Христиной?

— А? Что? Съ Христиной? — Роде снялъ очки: — да! съ той, что въ швейцарской? Ты ее видѣлъ?

— Да.

— Ну, въ такомъ случаѣ, ты самъ знаешь, что съ ней!—серьезно сказалъ старый врачъ.—Это одинъ изъ самыхъ печальныхъ случаевъ въ моей практикѣ. Повидимому, ея здоровая кровь и роскошное тѣло послужили самой благопріятной почвой для заразы.

— Но... кто... кто заразилъ ее?—Іоганнъ Беннехенъ былъ блѣднѣе смерти, и потъ крупными каплями выступилъ у него на лбу.

— Какъ ты сильно принимаешь это къ сердцу, милый мальчикъ!—замѣтилъ Роде, начинавшій кое-что понимать.—Кто, спрашиваешь ты?—Конечно, мужъ! Онъ два раза лежалъ у меня въ заразномъ отдѣленіи. Развѣ ты этого не зналъ? Онъ, старая свинья, записанъ вотъ тутъ у меня, въ книгѣ такихъ больныхъ,—и докторъ хлопнулъ по толстой книгѣ, лежавшей на его письменномъ столѣ.

— И... вы это знали?.. И молчали? Не предупредили?.. Какая гадость, докторъ Роде! Какая подлость съ вашей стороны!—Іоганнъ гнѣвно сжалъ кулаки.

— Дитя мое, мнѣ жаль тебя!—сказалъ врачъ.—Будь ты здѣсь, я бы тебѣ все сказалъ, какъ коллегѣ. Но ты вѣдь самъ знаешь,—если все разсказывать, что намъ извѣстно по этой части, множество браковъ не было бы заключено! Не говоря уже о томъ, что это вообще немыслимо. Кромѣ того, мнѣ казалось, что твоему отцу болѣе приличествовало обратить вниманіе на такого рода дѣло...

— Вы хотите сказать, что отцу моему все было извѣстно? Старый вы циникъ, больше ничего! Такимъ всегда и были!

Добрые глаза Іоганна сверкали негодованіемъ, и онъ ушелъ не простясь.

— Бѣдный малый! —произнесъ докторъ Роде, снова взявшись за газету:—никогда ему не везло!

Знакомые Іоганна Беннехена нашли, что пребываніе заграницей сдѣлало изъ него совершеннѣйшаго чудака. Онъ никого не навѣстилъ, никогда не бывалъ дома и не возобновлялъ своей практики. Ночью или поздно вечеромъ его можно было встрѣтить преимущественно на улицахъ, при-

легающихъ къ дому министра. Изъ этого, впрочемъ, вывели заключеніе, что онъ большую часть времени проводитъ въ кругу своей семьи.

На самомъ же дѣлѣ онъ цѣлые дни бродилъ по болѣе отдаленнымъ частямъ города и только съ наступленіемъ вечера приближался къ мѣсту, около котораго вращались всѣ его мучительныя мысли.

Разъ онъ встрѣтилъ доктора Роде, какъ разъ направлявшагося къ Христинѣ.

— Пойдемъ со мной, ты будешь мнѣ полезенъ!—сказалъ старикъ, совершенно, повидимому, забывшій о послѣдней встрѣчѣ.

Іоганнъ послѣдовалъ за нимъ. Онъ положительно не имѣлъ силъ отказаться отъ свиданія съ нею.

Христина вздрогнула при входѣ его. Но докторъ Роде положилъ руку на ея плечо и ласково сказалъ:

— Выслушайте меня, дружокъ! Жребій брошенъ. Жизнь стала для васъ невыносимой, и вы должны радоваться, что лучъ свѣта проникаетъ къ вамъ. Пользуйтесь случаемъ: побудьте вмѣстѣ хоть тотъ короткій срокъ, который вамъ еще осталось жить. Онъ будетъ ухаживать за вами. Итакъ, дѣти, объясняйтесь теперь другъ съ другомъ.

Съ этими словами „старый циникъ“ ушелъ, а Іоганнъ еще долго стоялъ передъ кроватью на колѣняхъ, открывая Христинѣ всю свою душу.

Сначала она не понимала, но съ каждымъ его словомъ, невѣроятное становилось все болѣе и болѣе возможнымъ: дверка отворялась за дверкой въ ея воспоминаніи; все дѣлалось яснѣе и яснѣе; горючія слезы капали изъ ея глазъ на подушку; затаенная любовь ея стремительно рвалась изъ сердца и перенесла духъ ея изъ страдающаго, зараженнаго тѣла въ такое блаженство, о которомъ она и мечтать не смѣла.

Она позабыла говорить ему „вы“, и прочія свѣтскія слова, которымъ ее выучили, и снова вернулась къ образному мощному, крестьянскому нарѣчію; просто объяснила она ему, какъ все случилось, и просила простить ей, что она во время его не поняла.

Они поняли другъ друга, вычеркнули прошлое, чтобы въ обоюдной любви провести тотъ короткій срокъ, который ей оставалось еще жить.

Съ этого дня докторъ Беннехенъ взялъ на себя уходъ за Христиной. Его мать пытливо посмотрѣла на него, когда онъ ей сказалъ объ этомъ,—но съ участіемъ замѣтила:

— Бѣдняжка Христина! Я боюсь, не схватила ли она ревматизма въ подвальномъ помѣщеніи! Я недавно прочла, что это очень вредно...

Іоганнъ не разубѣждалъ ее, но почувствовалъ облегченіе.

Христина и Іоганнъ въ разговорѣ никогда не упоминали имени дяди Андерса, а тотъ, съ своей стороны, тщательно избѣгалъ попадаться на глаза доктору Беннехену.

Въ общей сложности они говорили мало. Но когда онъ перемѣнялъ примочки и оказывалъ ей возможное облегченіе, она любила, чтобы онъ, по окончаніи работы, садился поближе къ ея кровати.

Она лежала неподвижно и глядѣла на него, но запрещала ему смотрѣть на нее, хотя онъ горячо и неоднократно увѣрялъ, что въ его глазахъ она почти такая же, какъ была раньше.

Христина питала къ больницѣ тотъ ужасъ, который вкоренился (и весьма основательно) въ крестьянскомъ населеніи. Но, наконецъ, докторъ убѣдилъ ее позволить перевезти себя въ больницу.

День, назначенный для переѣзда, выдался солнечный, въ началѣ апрѣля. Съ почтой пришло письмо отъ Зеегуса, и больная съ трудомъ разбирала его по складамъ.

„Милая Христина!

Староста говорилъ, что я долженъ жалобу подать письменную; я это сдѣлалъ; а теперь жалоба вернулась ко мнѣ, и ты представить себѣ не можешь, какой у нея видъ, благодаря безчисленнымъ помѣткамъ: „переслать сборщику податей“, „вернуть окружному“, „передать инженеру путей сообщенія“. Вся эта братія на бумагѣ расписалась; наконецъ, на послѣдней страницѣ оставался крохотный кусочекъ въ самомъ низу, гдѣ я и написалъ: „такъ я и зналъ! Зеегусъ“. Но окружной на меня за это взъѣлся. Но это еще не самое худое. Хорошо еще, что тебѣ живется недурно, какъ ты, наконецъ, пишешь; а намъ изъ рукъ вонъ плохо, о чемъ я раньше не хотѣлъ тебѣ писать, не желая огорчить тебя. Теперь молчать ужъ невозможно. Твой отецъ совсѣмъ нищій; ничего не осталось, все ушло на тяжбу, которая у твоего мужа въ рукахъ. Кромѣ того, онъ теперь въ такомъ состояніи, что работать больше не можетъ; все сидитъ, уставясь въ стѣну. Я обязанъ тебѣ это сообщить, чтобы ты поспѣшила пріѣхать домой и помогла горю... Я совсѣмъ растерялся. Думается мнѣ, что онъ лишается разума и пониманія. Если же тебѣ пріѣхать нельзя, напиши ему что-нибудь утѣшительное, лучше всего насчетъ тяжбы. Твой старый другъ Лаурицъ Б. Зеегусъ“.

Христина откинулась назадъ на кровати и заплакала. Всю зиму принуждала она себя писать домой въ довольномъ тонѣ, и смотритель отвѣчалъ ей въ томъ же духѣ. Теперь она поняла, что они обманывали другъ друга, и ее страстно, томительно потянуло на родину, къ отцу, къ морю въ дальнемъ Вестландѣ.

Она присѣла на кровати, рѣшивъ снова написать отцу веселое письмо:

„Дорогой отецъ, когда я узнала, какъ тебѣ худо, въ моемъ сердцѣ проснулись тоска и стыдъ. Теперь мнѣ ясно, что я не должна была покидать тебя. Но ты все-таки меня прости и вѣрь, что я искренно, всей душой люблю тебя. Я не могу къ тебѣ пріѣхать, потому что мнѣ это время нездоровится. Но живу я хорошо...“

Христина остановилась. Каждое слово стоило ей неимовѣрныхъ усилій. Она надѣялась, что Богъ проститъ ей ложь, ради благой цѣли утѣшить отца, которому и безъ того тяжело.

Послышался стукъ колесъ, и карета въѣхала въ ворота; служанка вошла въ комнату и шепнула больной: „докторъ“. То была госпитальная карета, пріѣхавшая за Христиной.

Бѣдная женщина вся содрогнулась отъ ужаса, схватила опять перо и принялась писать уже совершенно въ иномъ духѣ. Больше лгать она уже была не въ состояніи.

„Нѣтъ, дорогой отецъ, все это неправда! Нехорошо мнѣ, совсѣмъ плохо! А сейчасъ за мной пріѣхали, я должна умереть, и больше никогда не увижу ни тебя, ни моря, ни домовъ на родинѣ... Кланяйся Зеегусу. Будь здоровъ! Прощай! Твоя Христина“.

Подойдя къ ея кровати, докторъ нашелъ больную въ такомъ состояніи, что пришлось подбодрить ее съ помощью лѣкарства. Самъ докторъ надписалъ адресъ на ея письмѣ, а затѣмъ помогъ вынести ее въ карету.

Хотя больную везли очень осторожно и предусмотрительно, тѣмъ не менѣе она очень утомилась и ослабѣла; наконецъ, ее внесли наверхъ въ госпиталь и уложили въ кровать.

Долго лежала она съ закрытыми глазами, но когда открыла ихъ, то улыбка скользнула по ея лицу. Она взглянула черезъ окно на ясное, весеннее небо; солнечные лучи ярко освѣщали чистую, уютную комнату, приготовленную для нея Іоганномъ.

Христина повернула къ нему голову и сказала:

— Спасибо тебѣ, Іоганнъ! Здѣсь хорошо будетъ помереть!

Она вытянулась въ гладкихъ, чистыхъ простыняхъ и снова закрыла глаза. Но улыбка не сходила съ обезображеннаго лица ея; и въ глазахъ Іоганна она оставалась такой же прекрасной, какъ въ былые дни.

XVI.

Большой почтовый пароходъ изъ Христіаніи, шедшій вверхъ до Тромзэ, вышелъ въ дождливую, бурную апрѣльскую ночь изъ Флеккефіорда. Почтмейстеръ побывалъ на палубѣ и сдалъ на пристани почту,—маленькій, скромный холщевый мѣшочекъ съ газетами и двумя-тремя письмами, которыя изъ Флеккефіорда шли по назначенію сухимъ путемъ.

— Выходимъ мы въ море, капитанъ?—крикнулъ почтмейстеръ вверхъ, гдѣ былъ мостикъ капитана.

— Выходимъ, почтмейстеръ, выходимъ!—отозвался капитанъ, перегибаясь внизъ:—не прозѣваю, небось, Эгерзунда!

— Спасибо!—буркнулъ почтмейстеръ, спускаясь въ теплую каютку, освѣщенную керосиновой лампой подъ абажуромъ.

Въ Христіанзандѣ пароходъ принялъ массу заграничной корреспонденціи; узенькая каютка переполнена была холщевыми мѣшками и посылками, съ изображеніемъ почтоваго рожка на штемпелѣ. На маленькомъ спальномъ диванѣ лежали груды пакетовъ, а столъ передъ полкой, съ многочисленными отдѣленіями, былъ заваленъ письмами и почтовыми принадлежностями.

Почтмейстеръ, полный молодой человѣкъ съ бѣлокурой бородой, сѣлъ на табуретъ, повѣсилъ въ сторонкѣ фуражку съ золотыми галунами, подулъ себѣ въ пальцы и затѣмъ началъ приводить вещи въ порядокъ, распихивать по отдѣленіямъ, упаковывать, заколачивать, кучками раскладывать по дивану. Онъ молча и усердно работалъ, пользуясь временемъ, пока они еще находились въ тихомъ фарватерѣ.

Въ общей каютѣ горѣли только двѣ лампы съ убавленнымъ огнемъ; нѣсколько мужчинъ, завернувшись въ пледы, спали по диванамъ. Въ дамской каютѣ тоже царила тишина; спали, какъ могли, и не безъ ужаса ждали момента, когда пароходъ выйдетъ за поясъ шхеръ. Машина работала тяжелыми, правильными ударами, отъ которыхъ корма равномѣрно вздрагивала. Стеклянный абажуръ одной лампы, съ раздражающей правильностью, маленькими быстрыми толчками ударялся о мѣдный ободокъ, а наверху, на палубѣ, раздавались шаги неутомимаго пассажира, ходившаго взадъ

и впередъ надъ головами людей, желавшихъ спать. Вѣтеръ съ шумомъ мчался внизъ съ горныхъ вершинъ и завывалъ въ такелажѣ, но море было совершенно покойно въ узкомъ фіордѣ. Рулевой крикнулъ въ люкъ, чтобы все прикрѣпили и приготовили въ пространствѣ между доками до выхода въ открытое море.

Въ теплой каютѣ почтмейстера всѣ письма перемѣшались между собою. Онъ отодвинулъ въ сторону дальнюю сѣверную корреспонденцію и привелъ въ порядокъ сумку для ближайшей остановки. То были всевозможныя письма съ разнообразнѣйшими надписями: и круглыя косыя буквы, и мелкіе, тонкіе дамскіе почерки, словно мушиныя лапки на гладкой веленевой бумагѣ; и большія грубыя рабочія надписи на конвертахъ изъ оберточной бумаги, запечатанныхъ какой-то замазкой и безъ марокъ; лотерейные билеты и любовныя записки, угрожающія и денежныя посланія... Маленькая каютка, гдѣ почтмейстеръ спокойно и трудолюбиво сортировалъ письма своими толстыми пальцами, служила таинственнымъ разсадникомъ сюрпризовъ, разочарованій, сплетенъ, страданій, разореній и неожиданныхъ удачъ.

Однако, пароходъ начало изрядно покачивать; почтмейстеръ понялъ, что вышли изъ фіорда. Онъ по возможности привелъ все въ порядокъ, и большую часть корреспонденціи положилъ на полъ, чтобъ ужъ падать было некуда. Благодаря этому, освободился диванъ, и онъ самъ усѣлся въ уголкѣ, съ парусиновой сумкой въ рукахъ, мечтая вздремнуть. Лампа равномѣрно качалась изъ стороны въ сторону.

Въ дамской комнатѣ начались страданія; каждый разъ, какъ дверь отворяла горничная, оттуда слышались стоны. До сихъ поръ шагавшій по палубѣ пассажиръ теперь сидѣлъ подавленный и уничтоженный; онъ переживалъ горькое разочарованіе, такъ какъ одинъ изъ пріятелей увѣрилъ его, будто морской болѣзни нечего опасаться, если будешь все время находиться на свѣжемъ воздухѣ и въ непрерывномъ движеніи.

Господа, спавшіе въ общей каютѣ, теперь вынуждены были цѣпляться за доску стола, чтобъ не свалиться въ плевальницы, а звенящій звукъ ламповаго абажура раздроблялся на множество мелкихъ невыносимыхъ звуковъ, когда пароходъ влеталъ на высокія волны; балки трещали и стонали, когда онъ накренивался на бокъ; чашки и блюдечки буфетчика, висѣвшія снаружи подъ навѣсомъ, стукались и звенѣли другъ объ друга.

Затѣмъ пароходъ снова выпрямлялся, накренивался въ другую сторону—и посуда опять звенѣла. Табуретъ и пара пле-

вальницъ зашевелились въ каютѣ, и скользили то туда, то сюда; распахнулась дверь, равномѣрно открываясь и захлопываясь. Машина тѣмъ временемъ усиленно работала, то глухо ворча, то громыхая съ отчаяннымъ шумомъ и вызывая сильнѣйшіе толчки, когда винтъ на мгновеніе показывался на поверхности воды.

Но въ каюткѣ почтмейстера письма мирно почивали въ конвертахъ; ихъ распорядитель тоже спалъ съ сумкой для Эгерзунда въ рукахъ. Да и всѣ, по всей странѣ и побережью, кому предназначались эти письма, лежали и спали, каждый на своемъ мѣстѣ, за исключеніемъ немногихъ, безпокойно ходившихъ взадъ и впередъ, въ ожиданіи важныхъ извѣстій; эти немногіе прислушивались къ завыванію бури и боялись, какъ бы почта не затонула.

— Почтмейстеръ!—крикнулъ въ дверь рулевой:—входимъ въ Эгерзундъ!

— Здѣсь!—вскричалъ почтмейстеръ, съ сумкой въ рукахъ.

— Ха, ха, ха, ловко вы выспались!—засмѣялся рулевой:—ставьте водки, я угощу пивомъ.

— Идеть!—согласился почтмейстеръ, еще не вполнѣ проснувшись.

Рулевой вскорѣ явился съ бутылками и стаканами. Мѣста хватило ровно настолько, чтобы закрыть за собою дверь.

— Собачья погода!—сказалъ онъ, встряхиваясь; морская вода сбѣгала на полъ съ его клеенчатаго плаща и свѣтлыми капельками блестѣла въ его кудрявой бородѣ, когда онъ пилъ.

Въ машинномъ отдѣленіи прозвучалъ рѣзкій колоколъ.

— Впередъ! Пріѣхали!—крикнулъ рулевой, отставилъ бутылку и побѣжалъ.

Почтмейстеръ всталъ, потянулся, насколько дозволяло пространство, взялъ фуражку съ золотымъ галуномъ и поднялся съ почтой наверхъ.

Холодный, дождливый день начиналъ свѣтать печальнымъ полумракомъ; въ густомъ, бурномъ воздухѣ, обнаженныя горы казались совершенно черными; шелъ холодный, частый дождь.

Съ Эгерзундомъ покончили проворно. Пароходъ пустился дальше въ свой длинный путь, а почтмейстеръ снова сѣлъ приводить въ порядокъ свои пакеты и сумки.

Днемъ же всѣ пакеты и сумки разошлись по мѣсту назначенія, заставивъ иныхъ адресатовъ плакать, иныхъ смѣяться надъ полученнымъ клочкомъ бумаги, а иныхъ оставляя равнодушными.

Словомъ, каждое письмо нашло своего хозяина; изъ каюты почтмейстера распространился по странѣ цѣлый рой сюрпри-

зовъ, разочарованій, сплетенъ, страданій, гибели, неожиданнаго счастья...

А пароходъ шелъ все дальше и дальше къ сѣверу, и заспанный почтмейстеръ на каждой остановкѣ поднимался наверхъ съ новою сумкою.

XVII.

Въ десять часовъ Ньэдель Фатнемо и не думалъ еще приниматься ни за какую работу. Въ комнатѣ его полъ былъ грязенъ, кровать засорена соломой и покрыта двумя тряпицами. Дверь соскочила съ петли и стояла полуоткрытой въ кухню, а въ очагѣ, на двухъ кускахъ тлѣвшаго торфа, сиротливо пріютился тусклый кофейникъ.

Ньэдель сидѣлъ и безсмысленно глазѣлъ на улицу сквозь маленькія окошечки. Весеннія работы его и наполовину еще не были кончены, а время подошло уже къ серединѣ апрѣля.

Отяжелѣвшіе члены крестьянина поникли; спутанная борода посѣдѣла; спина сгорбилась пуще прежняго; тупая безпомощность охватила исполинское тѣло. Согнувшись, сидѣлъ онъ въ низенькой комнатѣ, а на дворѣ лилъ дождь и вѣтеръ вылъ въ трубѣ.

Мысли его вращались въ заколдованномъ кругу, изъ котораго не выходили вотъ ужъ два года. Онъ думалъ о своемъ процессѣ.

Всѣ деньги, которыя онъ высылалъ, всѣ заманчивыя слова и обѣщанія брата, надежды и разочарованія, долгое время державшія его въ напряженіи, отняли у него послѣднія силы; онъ словно впотьмахъ боролся съ какимъ-то таинственнымъ врагомъ, издѣвавшимся надъ нимъ.

Въ горахъ ему приходилось бороться съ обвалами, но то была открытая, честная борьба: природа побѣждала, и дѣлу наступалъ конецъ. Здѣсь же его преслѣдовало нѣчто иное. Куда онъ ни оборачивался, всюду натыкался на что-то неуловимое, холодное, скользкое, которое нельзя было разбить, столкнуть. Онъ припоминалъ многочисленные случаи, когда люди разступались передъ нимъ въ церкви; вспомнилъ время передъ судомъ, когда ему на всѣ лады доказывали, что онъ безспорно очень виноватъ; когда онъ захотѣлъ возобновить работы по части канавы, произошло то же самое. Онъ сдѣлался какимъ-то отщепенцемъ, вѣчно виноватымъ! Пришлось ему поневолѣ заниматься хлѣвами и прочими женскими работами, чтобы содержать себя.

И такъ онъ сидѣлъ, глядя вдаль и съ трудомъ различая линію канавы. А между тѣмъ вначалѣ онъ возлагалъ столько

надеждъ на эту канаву! Она должна была служить оплотомъ отъ песка и ограждать мызу отъ заносовъ. Мечталъ онъ обсадить ее ивами и высокими кустами, какъ совѣтовали газеты. Теперь все это пріостановилось, канаву затягивало, а крестьяне изъ Беревича беззастѣнчиво таскали съ берега тростникъ, портя колесами его поле и занося его пескомъ.

Зеегусъ вошелъ черезъ кухню.

— Здравствуй, Ньэдель! Вотъ тебѣ письмо изъ Христіаніи

Ньэдель поднялъ голову и улыбнулся. Единственною его радостью оставались письма дочери.

— Кофейку не хочешь ли, Зеегусъ?

— Нѣтъ, спасибо,—отвѣчалъ послѣдній: кофе Ньэделя не внушалъ къ себѣ довѣрія.

Онъ вскрылъ письмо и удивился при видѣ странныхъ, кривыхъ строчекъ и нетвердаго почерка; кромѣ того, чернила расплылись, точно надъ письмомъ проливали слезы.

Прочитавъ письмо, онъ и вовсе остолбенѣлъ и снова перечелъ его. Оно было короткое, но съ какимъ важнымъ содержаніемъ!

Ньэдель все молчалъ, только измѣнился въ лицѣ и страшно поблѣднѣлъ. Когда смотритель положилъ письмо, отецъ взялъ его, сѣлъ и уставился на строки, хотя писанаго читать не умѣлъ.

Но у смотрителя давно ужъ накипѣло на сердцѣ: онъ порывисто вскочилъ и вскричалъ:

— Это сплошное мошенничество, Ньэдель! Пусть я не буду Лаурицъ Болдеманъ Зеегусъ, если это не продѣлки одного мерзавца! Брату твоему я не довѣряю, и ты самъ это знаешь. Сначала онъ говорилъ, что Христина рвется выйти за него замужъ, только боится твоего отказа. Этимъ онъ добился, что мы сдуру сами стали уговаривать ее. А затѣмъ онъ сталъ увѣрять насъ, что все идетъ хорошо и прекрасно. Но я давно чуялъ въ Христининыхъ...—тутъ онъ продолжать не могъ; голосъ его оборвался, онъ вышелъ на кухню и раза два высморкался, чтобы скрыть слезы.

— Да нѣтъ же, нѣтъ!—возразилъ Ньэдель и показалъ головой:—не надо такъ худо говорить объ Андерсѣ! Если-бъ ты его зналъ...

Кто-то тихонько открылъ наружную дверь, и Серенъ Беревигъ проскользнулъ въ кухню.

— Что тебѣ тутъ надо?—крикнулъ Ньэдель и поднялся съ мѣста.

Серенъ со всевозможными предосторожностями подошелъ и остановился около Зеегуса.

— Я хотѣлъ привѣтствовать тебя и передать добрую

вѣсть,—миролюбиво произнесъ онъ:—отъ знакомыхъ изъ Америки получилъ сегодня письмо.

Ньэдель торопливо спряталъ письмо Христины.

— Сперва я долженъ передать старшинѣ поклонъ отъ его сестры. Она вѣдь овдовѣла, ты это знаешь?—кротко продолжалъ Серенъ.

Нѣтъ, смотритель не зналъ этого.

Тогда Серенъ Беревигъ вынулъ письмо своего брата и началъ читать:

„Мистрисъ Джонсонъ, сестра лоцманскаго старшины изъ Кридсвига, проситъ меня поклониться ему и спросить, не желаетъ ли онъ переѣхать въ Америку и жить въ ея домѣ, или же купить участокъ земли по сосѣдству“.

— Объ этомъ я и самъ часто подумывалъ! — сознался смотритель.

— И про тебя тутъ будетъ, Ньэдель, — продолжалъ Серенъ, просматривая письмо.

— У меня нѣтъ знакомыхъ въ Америкѣ!—буркнулъ Ньэдель.

Но Серенъ только усмѣхнулся.

— То есть ты забылъ о нихъ. Слушай ка.

„У мистрисъ Джонсонъ есть служанка изъ Кридвигсгофа; зовутъ ее Ане, и она, вмѣстѣ съ поклономъ на родину, просила передать Ньэделю Фагнемо, что ей тутъ хорошо, а мальчишка ея здорово растетъ; у него рыжіе волосы, какъ у отца“.

— Да ну? Неужто и вправду, у него рыжіе волосы?—полюбопытствовалъ Ньэдель, послѣ минутнаго раздумья.

Серенъ посмотрѣлъ сначала на одного, потомъ на другого и счелъ моментъ благопріятнымъ.

— Ты, можетъ быть, еще не управился съ весенними работами, Ньэдель?—началъ онъ осторожно.

— А тебѣ какая забота? — огрызнулся Ньэдель и опять вскочилъ.

— Ты правъ, конечно. Но вѣдь дѣло сосѣдское... Знаешь, что и какъ... Ты заплатилъ за усадьбу около двухъ тысячъ талеровъ, не такъ ли?

Ньэдель что-то пробормоталъ.

— Третьяго дня я говорилъ съ адвокатомъ Тофте,—продолжалъ Серенъ, равнодушно посматривая изъ окна: — онъ находитъ, что изъ-за усадьбы ты влѣзаешь въ долги.

— Отстань отъ меня, Серенъ!—вскинулъ Ньэдель.

— Ну, ну,—вмѣшался Зеегусъ:—дай Серену высказаться! Видишь у него что-то на умѣ. Говори, Серенъ.

Серенъ не долюбливалъ ихъ обоихъ; они поступали не такъ, какъ бы ему хотѣлось, но надо было высказаться.

— Я и подумалъ, что если усадьба только въ убытокъ Ньэделю, то онъ, можетъ быть, не прочь продать ее.

— Сколько дашь?—спросилъ Ньэдель.

— Гм... Я вѣдь не сказалъ, что я самъ хочу купить...

— Сколько дашь?—повторилъ Ньэдель.

— Двѣ тысячи съ половиной.

— Ишь ловкій какой! — возмутился Зеегусъ. — У Ньэделя какъ разъ долговъ столько. Кромѣ того, обработанное поле увеличилось двое, съ тѣхъ поръ какъ онъ владѣетъ усадьбой. Нѣтъ, Сёренъ, надбавляй, братъ, надбавляй!

— Я согласенъ! — сказалъ вдругъ Ньэдель и протянулъ руку:—по рукамъ!

Зеегусъ хотѣлъ кое-что измѣнить, но Ньэдель стоялъ на своемъ.

Сёренъ Беревигъ казался смущеннымъ: все это произошло далеко не въ его вкусѣ. Тѣмъ не менѣе онъ вынулъ документъ, завернутый въ газету.

— Лучше было бы.. право, было бы лучше сдѣлать условіе письменно. Тутъ у меня... гм... нѣчто... что называется купчей крѣпостью...

— Предусмотрительный малый, что и говорить,—насмѣшливо сказалъ Ньэдель: — давай-ка сюда перо, Зеегусъ.

Слова пріятеля ничего не помогли. Фатнемо взялъ перо и намалевалъ двѣ толстыя черты, долженствовавшія означать: „Ньэдель". Больше мѣста не было, но подпись сочли удовлетворительной.

Затѣмъ онъ надѣлъ свою шерстяную куртку, нахлобучилъ шляпу и тяжелымъ шагомъ вышелъ вонъ изъ комнаты.

— Ты долженъ отказаться отъ усадьбы, если онъ захочетъ на попятный: у него въ головѣ неладно! — пояснилъ Зеегусъ прежде, чѣмъ послѣдовалъ за пріятелемъ.

Но Сёренъ Беревигъ бережно сложилъ документъ и спряталъ его; хорошо, что Зеегусъ не видалъ при этомъ выраженія его лица.

Ньэдель шагалъ по холму впереди, а Зеегусъ сзади него. Когда они поднялись наверхъ, послѣдній сказалъ:

— Тебѣ бы хорошо уѣхать со мной въ Америку.

— Съ пустыми руками?—уныло спросилъ Ньэдель.

— Съ такими кулаками, какъ у тебя, далеко можно уѣхать. У меня тоже больше охоты, чѣмъ денегъ. Деньги въ рукахъ у хорошаго человѣка, а домъ мой проданъ. Поѣдемъ, Ньэдель, что можетъ насъ удержать? Я буду платить за тебя, пока ты не начнешь самъ зарабатывать малую толику. А затѣмъ, у тебя тамъ есть малышъ и что-то въ родѣ жены, правда вѣдь! Поѣдемъ!

Ньэдель остановился и смотрѣлъ вдаль.

Отсюда все казалось такимъ ничтожнымъ! А сколько онъ труда положилъ за эти два года! Вотъ частоколъ, окаймляющій его поля: каждый камень ему знакомъ и принесенъ его руками. Вонъ и поле съ начатой канавой...

Горечь усилилась въ его душѣ; припомнились всѣ планы. Вспомнилась и Ане, и хорошія времена, когда Христина жила дома и все шло такъ гладко.

Взглядъ его скользнулъ и вдоль берега, окруженнаго сверкающимъ прибоемъ. Сѣрое, безнадежное море лежало передъ нимъ и словно густой завѣсой заслоняло его мысли отъ дальняго запада, куда онѣ стремились.

Буря улеглась, но дождь не унимался. И вдругъ ему противно стало настроеніе, побудившее его продать усадьбу и отъ всего отречься. Среди всѣхъ этихъ противорѣчій, заботъ и тревогъ о дочери, о самомъ себѣ, о своей неудачной жизни, не смотря на тяжесть удручавшихъ его невзгодъ, онъ почувствовалъ облегченіе отъ послѣднихъ словъ смотрителя. Какъ бы лучъ солнца прорѣзалъ сѣрую мглу, въ которой онъ утопалъ, — засіяла передъ его мыслью дѣтская головка съ тонкой бѣлой шейкой и кудрявыми рыжими волосами.

Онъ глубоко вздохнулъ и съ изумленіемъ оглядѣлся вокругъ. Какъ это онъ до сихъ поръ объ этомъ не думалъ? А тутъ кроется надежда!

— Хочешь ѣхать со мной?—повторилъ смотритель.

— Хочу! — отвѣчалъ Ньэдель и выпрямился во весь ростъ. — Но сначала поѣду въ столицу повидаться съ Христиной и справиться о тяжбѣ.

— Ахъ, да развѣ теперь ужъ не все равно?

— Я хочу, чтобъ мнѣ сказали, что я былъ правъ!—отвѣтилъ Ньэдель, и глаза его сверкнули.

— Ну, ладно, — уступилъ Зеегусъ: — оттуда тоже весной отходитъ переселенческій пароходъ.

Зеегусъ и самъ втихомолку радъ былъ съѣздить въ Христіанію; во-первыхъ, изъ-за Христины, а во-вторыхъ,—не посчастливится ли ему, наконецъ, повидать того, кто выше всѣхъ старостъ, сборщиковъ податей и капитановъ.—Занятно было бы узнать, подобаетъ ли въ норвежскомъ государствѣ, чтобы дороги оставались въ такомъ видѣ, какъ извѣстная ему тропа?..

XVIII.

Христина недолго пролежала въ больницѣ, — смерть не заставила долго ждать себя; болѣзнь, разрушившая въ такое короткое время ея могучій организмъ, бросилась на

мозгъ; пролежавъ сутки безъ сознанія, она въ одно воскресенье вечеромъ закрыла глаза навѣки.

Іоганнъ до конца оставался съ нею, а когда все было кончено, поднялъ воротникъ и пошелъ бродить по городу, по обыкновенію ни на что не обращая вниманія.

— Добраго вечера, докторъ Беннехенъ!—раздался голосъ камергера Дельфина, который только что собирался войти на свое крыльцо.—поднимитесь-ка ко мнѣ, выкуримъ по сигаркѣ, да выпьемъ...

„Ну и чудакъ, этотъ докторъ!" подумалъ камергеръ, когда тотъ, не проронивъ въ отвѣтъ ни слова, прошелъ мимо.

Дельфинъ, поднявшись къ себѣ, зажегъ лампу, сбросилъ фракъ (онъ вернулся съ вечера) и облекся въ халатъ. Затѣмъ онъ закурилъ сигару, выпилъ стаканъ вина и началъ ходить по своимъ комфортабельнымъ комнатамъ, припоминая событія дня.

Съ осенняго бала у Фалькъ-Ольсеновъ, у него съ Гильдой установились дружескія отношенія. Но за послѣднее время, въ теченіе всей зимы, она какъ будто старалась отдаляться отъ него. Иногда ему удавалось наладить ее на прежній тонъ, но она скоро, какъ бы спохватившись, снова отстраняла его.

Камергеръ стряхнулъ въ каминъ пепелъ съ сигары и задумался.

Сегодня она сказала ему безъ обиняковъ, что больше гулять съ нимъ не желаетъ, и предпочитаетъ не танцовать.

Онъ старался думать о другомъ, но отвязаться отъ мыслей о Гильдѣ не могъ, такъ что, наконецъ, остановился передъ зеркаломъ и, пристально глядя на себя, мысленно заговорилъ:

„Что съ тобой, Георгъ? Скажи, ради Бога"!

Потомъ онъ быстро взялъ изъ письменнаго стола бумагу и написалъ:

„Милый Георгъ! Мнѣ очень прискорбно, что ты не оправдалъ моего довѣрія. А я очень надѣялся на твою устойчивость! Вспомни:

Тотъ, кто любитъ въ первый разъ, —
Хоть несчастливо—все жъ Богъ!
Но кто любитъ во второй
Безнадежно, тотъ—дуракъ!

А фрау Бересенъ въ глаза сказала мнѣ: „ты влюбленъ"

Добро бы еще обыкновенное увлеченіе; а то влюбиться въ мартышку съ собачьми глазами и приплюснутымъ но-

сомъ,—это, воля твоя, мозговое извращеніе! Я горько сожалѣю о тебѣ.

Будь ты еще цѣльной натурой; но этого нѣтъ, ты самъ знаешь.

Безъ меня ты погибъ. Но, какъ другъ, скажу тебѣ: ты правъ! Ты избралъ лучшее цѣлебное средство, единственную возможность спасти жалкіе остатки своей разбитой жизни. Бери ее. Чѣмъ она некрасивѣе, тѣмъ лучше. Введи ее въ гостиныя и гордо объяви: милостивые государи и государыни, я горжусь тѣмъ, что она меня выбрала! Тогда ты можешь не считать себя жалкой тряпкой, какой ты всегда былъ".

Онъ бросилъ перо и осушилъ стаканъ, стоявшій передъ нимъ.

Тѣмъ временемъ Іоганнъ Беннехенъ шелъ черезъ Варгеландскую дорогу, такъ какъ сдѣлалъ большой крюкъ черезъ весь Гоммансби, возвращаясь изъ госпиталя. Теперь его, вѣроятно, въ силу привычки, потянуло въ родительскій домъ, въ подвальное помѣщеніе, гдѣ онъ такъ много любилъ и страдалъ.

Подойдя къ крыльцу, онъ увидѣлъ человѣка, возившагося у наружной двери.

Докторъ тотчасъ же узналъ Мо и хотѣлъ пройти мимо. Но невольно обративъ вниманіе на странные жесты и движенія курьера, который никакъ не могъ найти замочную скважину, Іоганнъ понялъ, что Мо пьянъ; не смотря на отвращеніе къ этому человѣку, онъ подошелъ и помогъ ему войти.

Андерсъ Мо не настолько былъ пьянъ, чтобы не узнать человѣка, оказавшаго ему помощь.

— Вы милый и добрый человѣкъ, господинъ докторъ!—сказалъ онъ своимъ вкрадчивымъ тономъ:—право, милѣйшій человѣкъ! Это и Христина говорила...

Но лишь только онъ произнесъ это имя, пытаясь скорчить печальную физіономію, какъ докторъ разсвирѣпѣлъ, схватилъ его за плечи и принялся трясти.

— Она умерла!—проскрежеталъ онъ,—и ты ея убійца.

Мо вошелъ и воткнулъ ключъ изнутри. Въ отвѣтъ на слова доктора, онъ закачалъ головой и пьянымъ голосомъ пробормоталъ:

— Ахъ, бѣдная Христина! Умерла? Можно ли было ожидать этого? Ни министръ, ни супруга его...

— Не упоминайте имени моего отца въ связи съ вашимъ злодѣяніемъ!—крикнулъ Іоганнъ и уперся ногой въ дверь.

Мо какъ будто слегка отрезвился, бережно придерживая дверь полуоткрытой; газовый фонарь у подъѣзда освѣщалъ

блѣдное, морщинистое лицо его, и вѣроломную улыбку на губахъ, и сѣдыя пряди волосъ за ушами. Вполголоса, но отчетливо, онъ произнесъ:

— Министръ и его жена знали все. Но они не хотѣли, чтобы она досталась тебѣ и рады были, что я взялъ ее! Вотъ тебѣ, понялъ?—и съ несказанной злобой онъ показалъ доктору языкъ, послѣ чего проворно захлопнулъ дверь и два раза повернулъ ключъ изнутри.

Іоганнъ Беннехенъ, шатаясь, отступилъ къ фонарному столбу и долгое время стоялъ безъ движенія.

Мальчишка съ лѣстницей подбѣжалъ къ нему по тротуару.

— Пожалуйста, господинъ, посторонитесь! Я потушу газъ, а вы пока прислонитесь къ стѣнѣ!

Докторъ бѣжалъ оттуда, точно земля жгла ему ноги.

На востокѣ свѣтлѣло; сначала фонъ неба былъ сѣрый, потомъ становился все розовѣе и розовѣе, пока не взошло солнышко, привѣтливое, сіяющее весеннее солнышко,—то было первое мая; оно вышло изъ-за крышъ домовъ и позолотило церковныя колокольни.

А онъ шелъ все дальше и дальше, забрался даже въ старый городъ; затѣмъ поворотилъ назадъ и зашагалъ обратно, упорно глядя въ землю; все тѣ же мысли, тѣ же мучительныя сомнѣнія повторялись въ его умѣ.

Что мать эго знала (хоть и грустно такъ дурно думать о своей матери) онъ еще допускалъ отчасти. Она вѣдь свыше всякой мѣры боялась перейти границу свѣтскихъ условностей, страшилась скандаловъ. Но отецъ,—великій, благородный человѣкъ,—невозможно! Этого онъ не могъ себѣ представить. Мо, въ пьяномъ видѣ, просто солгалъ; это вѣдь вообще дьяволъ въ человѣческомъ образѣ.

Однако все это не могло помочь дѣлу. Сомнѣніе, какъ тлѣющій уголь, все сильнѣе и сильнѣе разгоралось въ немъ. Наконецъ, онъ рѣшилъ во что бы то ни стало узнать правду. Какъ только онъ сказалъ себѣ, что прямо обратится за разъясненіями къ родителямъ, у него немного отлегло отъ сердца, и онъ почувствовалъ себя спокойнѣе. Но о свиданіи съ родителями, раньше какъ черезъ два часа, не могло быть и рѣчи; докторъ вернулся къ пароходной пристани, гдѣ работа уже кипѣла

Рабочіе и крючники спускались къ гавани; подмастерья, съ кофейниками и бутербродами въ бумажкахъ, бѣжали въ мастерскія; фабричныя работницы шли вмѣстѣ, болтая, смѣясь и разсказывая другъ другу приключенія минувшей ночи; заспанные полицейскіе бродили всюду, ожидая смѣны.

Обычное, однообразное населеніе шевелилось уже въ

это время, — все бѣдный, трудящійся людъ. Хорошо одѣтый, блѣдный господинъ, проведшій ночь внѣ дома, пробирался среди этой публики, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ.

Между тѣмъ наверху, въ городѣ, въ аристократическихъ кварталахъ, еще спали за спущенными гардинами и запертыми дверьми. Возвышенная, величественная дремота подкрѣпляла опекуновъ государства, города, народа и его сокровищъ. Но яркое утреннее солнышко не могло разъяснить тайну, почему спящіе призваны были опекать, а бодрствующіе—быть опекаемыми?..

Въ переулкахъ ближе къ гавани дѣятельность такъ и кипѣла.

Пароходики оживленно свистѣли и уходили изъ гавани. На якорѣ, поодаль, стоялъ одинъ изъ большихъ западныхъ пароходовъ и ждалъ, чтобы смотритель гавани отвелъ ему мѣсто поближе къ пристани. Причаливали рыбаки и перебранивались съ торговцами и толстыми торговками съ большими плоскими корзинами.

Іоганнъ Беннехенъ пошелъ дальше на крѣпостную пристань, около которой стоялъ большой англійскій пароходъ. Паровой кранъ работалъ; люди копошились, какъ муравьи. Бочки и боченки съ пивомъ стояли вдоль набережной; тутъ же, образуя родъ пирамидъ, громоздились ящики съ норвежскими именами и американскими адресами.

Отъ одной группы мужчинъ и женщинъ съ дѣтьми въ новыхъ шерстяныхъ одеждахъ отдѣлился высокій, сухопарый малый, въ пестрой рубашкѣ и лѣтнемъ пальто.

— Здравствуй, Іоганнъ! Что это ты такъ рано всталъ? Ты меня не узнаешь?

Іоганнъ тотчасъ же узналъ его: это былъ его старый школьный товарищъ, съ которымъ онъ не видался нѣсколько лѣтъ.

— Гдѣ ты пропадалъ такъ долго? — спросилъ онъ.

— Въ Америкѣ, дружище!—развязно отвѣчалъ тотъ: — я агентъ по переселенческой части. Великолѣпное дѣло, но чертовски много съ нимъ возни, хлопотъ и мученій. Вотъ и сейчасъ, видишь ли, у меня заминка. На билетахъ эмигрантовъ стоитъ: „на пароходѣ имѣется норвежскій докторъ“. А нанятый мною субъектъ началъ ломаться. А кстати, ты вѣдь докторъ, Іоганнъ: иди ко мнѣ! Условія прекрасныя! Ты только выслушай!..

И агентъ, со страстною стремительностью пустился выяснять ему всѣ подробности. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, его собственная идея показалась ему такой великолѣпной, что въ заключеніе онъ воскликнулъ:

— Итакъ, рѣшено! По рукамъ! Господа, позвольте вамъ представить вашего новаго доктора!

Іоганну надо бы посмѣяться надъ увлекшимся пріятелемъ; но онъ вначалѣ не сказалъ ни да, ни нѣтъ. Въ концѣ концовъ умнѣе онъ и самъ не могъ бы ничего придумать.

Было около семи часовъ. Онъ пообѣщался въ теченіе недѣли дать опредѣленный отвѣтъ, а теперь направился къ дому своего отца.

Мало по малу и аристократическіе кварталы начали являть признаки жизни. Лавки подметались, зеркальныя стекла протирались. Благодушные граждане въ улицѣ Карла Іоганна выставляли флаги изъ мансардныхъ окошекъ: ожидалось прибытіе короля.

— Кто тамъ?—окликнула фрау Беннехенъ, когда Іоганнъ постучался въ дверь спальни.

— Это я, Іоганнъ. Мнѣ необходимо поговорить съ отцомъ.

— Сейчасъ войти нельзя...

Но сынъ съ шумомъ распахнулъ дверь.

— Что ты, Іоганнъ!—вскричала шокированная фрау Беннехенъ, отступая за пологъ кровати. Она была въ дезабилье, а министръ не вставалъ еще съ постели.

— Извините, но я непремѣнно долженъ поговорить съ вами...—сердце его такъ стучало, что онъ съ трудомъ выговаривалъ слова:—я пришелъ спросить тебя, отецъ, зналъ ли ты или мать о болѣзни Мо, когда онъ женился на Христинѣ?

Послѣ непродолжительной паузы, министръ отвѣтилъ:

— Я нахожу твое возбужденіе крайне неприличнымъ.

— Отвѣчай мнѣ! Отвѣчай мнѣ!—крикнулъ Іоганнъ.

Министръ Беннехенъ присѣлъ на кровати и попробовалъ внушительно поглядѣть на сына. Но это не подѣйствовало. Правда, онъ сидѣлъ въ ночной рубашкѣ, съ сѣдыми растрепанными космами жидкихъ волосъ. Если-бъ онъ явился въ настоящую минуту сыну въ своемъ полномъ блескѣ, то ему еще, можетъ быть, удалось бы спасти положеніе дѣлъ; но при видѣ сидящаго въ кровати зауряднаго, небритаго старика, весь искусственный пьедесталъ уваженія къ нему Іоганна рушился, какъ карточный домикъ; съ холодностью, почти испугавшей его самого, онъ сказалъ:

— Отецъ, какъ я въ тебѣ ошибся!

Но тутъ къ матери вернулось присутствіе духа.

— Ты могъ бы повѣжливѣе относиться къ своему отцу, Іоганнъ! А теперь, прошу тебя, выслушай меня хладнокровно. Ты самъ прекрасно знаешь, что болѣзнь, на которую ты намекаешь, такого рода, что о ней порядочные люди не говорятъ.

— Да, именно такъ!—воскликнулъ съ горечью сынъ:—я не разъ объ этомъ думалъ. Напсквернѣйшая изъ всѣхъ бо-

лѣзней должна скрываться, распространяясь incognito, потому что неприлично произносить ея названіе! О, если бъ ты знала, что ты надѣлала мать!

— Что я надѣлала? Ты совсѣмъ съ ума спятилъ, малый!— вышла изъ себя фрау Беннехенъ. Она просто не могла опомниться, что дуракъ-Іоганнъ входитъ въ роль судьи.

— Аделаида!—съ безпокойствомъ произнесъ министръ съ кровати.

Но пылъ Іоганна угасъ, какъ только онъ узналъ истину.

— Вы хотѣли помѣшать мнѣ соединиться съ нею,—сказалъ онъ, упавшимъ голосомъ: — это я могу понять и, можетъ быть, покорился бы вамъ... Но, что вы допустили ее погибнуть такимъ образомъ!.. О, вы не знаете, чего она стоила и сколько выстрадала! Теперь она умерла, а я сегодня уѣзжаю. Прощайте.

— Куда?—спросила мать.

— Въ Америку!—отвѣчалъ докторъ, уже въ дверяхъ.

— Въ Америку? Это невозможно! Даніель!—воскликнула фрау Беннехенъ.

— Это вещь серьезная!—отозвался министръ:—дай намъ прежде всѣмъ успокоиться.

Гильда, полуодѣтая, вбѣжала за братомъ въ комнату; изъ своей спальни она слышала большую часть разговора.

— Іоганнъ, Іоганнъ! Что такое? Ты опять уѣзжаешь?

— Да, Гильда. Уѣзжаю, на этотъ разъ навсегда. Въ Америку. Тебѣ это тяжело, бѣдняжка!—онъ обнялъ ее.

— Ахъ, да, да!—заплакала дѣвушка:—не можешь ли ты меня взять съ собою?

Она сказала это, не подумавши, но Іоганнъ принялъ слова ея въ серьезъ; когда же Гильда возразила, что мать ни за что ея не пуститъ, онъ сурово отвѣтилъ:

— Ахъ, уѣдутъ вѣдь лишь два неудачника! Да кромѣ того, мы и позволенія спрашивать не станемъ. Поѣдемъ! Будешь моей помощницей, пока не найдешь чего-нибудь лучше.

— Іоганнъ, ты говоришь серьезно?

— Разумѣется. Что здѣсь въ домѣ ждетъ тебя? Замужъ ты не выйдешь, прости меня, милая! Для труда—ты слишкомъ аристократична. Для Америки же ты годишься.

Но тутъ изъ своей спальни вышла фрау Беннехенъ.

— Ахъ, ты еще здѣсь, Іоганнъ? Отлично! Мнѣ надо поговорить съ тобой.

— Гильда ѣдетъ со мной,—объявилъ Іоганнъ.

Фрау Беннехенъ попробовала разсмѣяться.

— Рада слышать это! Значитъ ты все шутилъ? Я такъ и думала.

— Нѣтъ, я не шутилъ, мать, — сухо сказалъ Іоганнъ,— Гильда, ступай, укладывайся. Вечеромъ мы садимся на пароходъ.

Гильда была смущена, но вмѣстѣ и поражена властнымъ тономъ прежде столь робкаго брата. Она покорно вышла.

— Слушай, Іоганнъ!—сказала фрау Беннехенъ и стала прямо передъ сыномъ: — ты съ ума сошелъ или только пьянъ? Неужели ты воообразилъ, что я и твой отецъ допустимъ такой скандалъ!

— Я увезу Гильду сегодня вечеромъ. А если она не будетъ готова, ты можешь разсчитывать на еще большій скандалъ.

Онъ пошелъ къ двери.

Фрау Беннехенъ вскрикнула и упала въ кресло.

— Іоганнъ! — послышалось восклицаніе, и въ комнату вошелъ министръ съ брюками въ рукахъ: — ты видишь, матери дурно, помоги же ей!

— Ей не дурно!—отвѣтилъ Іоганнъ и съ этими словами ушелъ.

XIX.

Агентъ по переселенческой части потиралъ руки, радуясь, что ему такъ посчастливилось съ докторомъ, а самъ стоялъ и наблюдалъ за приближавшимся изъ Вестланда пароходомъ; послѣдній причалилъ уже къ набережной и остановился передъ англійскимъ пароходомъ.

Его зоркіе глаза, всюду искавшіе переселенцевъ, тотчасъ же подмѣтили Ньэделя и лоцманскаго старшину; лишь только они ступили на землю, агентъ протѣснился къ нимъ.

— Эмигранты, не такъ ли?—сказалъ онъ, здороваясь съ ними.

Зеегусъ тоже поздоровался съ нимъ, но когда агентъ сдѣлалъ попытку взять изъ рукъ его мѣшокъ, то онъ воспротивился, прося его не утруждать себя его багажемъ. Между тѣмъ агентъ болталъ не умолкая, выводя ихъ вонъ изъ толпы, валившей съ парохода. Ньэдель шелъ позади, съ недовѣріемъ поглядывая вокругъ.

— Взгляните-ка, вотъ нашъ пароходъ, первоклассный во всѣхъ отношеніяхъ! Билеты у васъ есть?—спросилъ агентъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Зеегусъ.

— Very well. Билеты выдадутъ вамъ на пароходѣ. Пожалуйста, соблаговолите взойти.

— Когда отходитъ этотъ пароходъ? — освѣдомился Ньэдель.

— Завтра, рано утромъ! — быстро сообщилъ тотъ и зата-

раторилъ (у Ньэделя даже закружилась голова), объясняя всѣ подробности рейса. Какое счастье, что они встрѣтили именно его! И какое удобство сразу сѣсть на пароходъ, не тратясь на помѣщеніе въ городѣ! Послѣднее обстоятельство показалось простолюдинамъ очень вѣскимъ; они попались на удочку и взошли съ агентомъ на пароходъ; а онъ въ какіе-нибудь четверть часа раздобылъ имъ билеты, опредѣлилъ койки во второмъ классѣ, взялъ съ нихъ впередъ деньги, выдалъ квитанцію и захлопалъ въ ладоши.

— All right, first class, altogether!

Когда все это было устроено, они сошли на берегъ, но Ньэдель шепнулъ Зеегусу:

— Не надулъ бы насъ этотъ фертикъ! Что-то ужъ больно болтать здоровъ...

Но Зеегусъ разсмѣялся съ видомъ превосходства и пояснилъ, что у всѣхъ американцевъ такая манера. Теперь надлежало получить справки о процессѣ и разыскать Христину въ госпиталѣ. Ньэдель хотѣлъ тотчасъ же идти къ королю, но Зеегусъ опять поднялъ его на смѣхъ, а самъ началъ спрашивать каждаго встрѣчнаго, какъ попасть въ министерство.

Но ему не повезло: большинство только смѣялось или острило, другіе же останавливались и глазѣли на нихъ: видъ провинціаловъ былъ необычайный,—маленькій, краснощекій Зеегусъ, въ желтой курткѣ и мѣховомъ картузѣ, и долговязый, сгорбленый великанъ съ всклокоченной бородищей и удивительными, дѣтски-ясными глазами. Они и сами начали чувствовать неловкость, когда попали въ аристократическія улицы; Зеегусъ уже не такъ увѣренно обращался къ прохожимъ съ вопросомъ и, поровнявшись съ почтамтомъ, онъ уныло сказалъ:

— Теперь уже десять часовъ.

Они остановились посмотрѣть на колокольню церкви Спасителя, когда мужчина съ бумагами подъ мышкой обогнулъ уголъ.

Зеегусъ собрался съ духомъ и обратился къ нему:

— Извините! Не можете ли вы указать намъ, гдѣ министерство?

— Какое министерство?

— Развѣ ихъ нѣсколько?—робко освѣдомился Зеегусъ.

— Ахъ, почтеннѣйшій, — сказалъ изящный господинъ:— какъ могло бы одно министерство управлять всей старой Норвегіей? А чего вамъ надо въ министерствѣ?

— Справиться о процессѣ, - отвѣтилъ Ньэдель.

— Видите-ли,—пояснилъ Зеегусъ:—дѣло идетъ о берегѣ съ тростникомъ и объ одной большой канавѣ.

— А!.. Канавъ достаточно во всѣхъ министерствахъ,— добродушно пошутилъ господинъ:—но берегъ съ тростникомъ это ужъ нѣчто посложнѣе.

— Въ министерствѣ этомъ долженъ быть министръ...— замѣтилъ Зеегусъ.

— Ахъ, милый человѣкъ, гдѣ же нѣтъ министра? У насъ ихъ одиннадцать штукъ!

Тутъ Зеегусъ окончательно повѣсилъ носъ и безпомощно взглянулъ на Ньэделя.

— Тамъ у меня есть братъ,—сказалъ Ньэдель.

— Вотъ какъ! А какъ его зовутъ?

— Андерсъ. Андерсъ Мо.

— А, Мо? Его я знаю хорошо. Такъ это вашъ братъ? Пойдемте со мною, намъ по пути.

Съ этими словами изящный господинъ пошелъ впереди, а оба пріятеля на нѣсколько шаговъ сзади него.

— Это—настоящій баринъ! — шепнулъ Ньэдель: — ему совѣстно идти съ нами.

— Я ему еще не вполнѣ довѣряю! — осторожно откликнулся Зеегусъ.

Войдя вмѣстѣ съ крестьянами, Георгъ Дельфинъ сказалъ канцеляристу Мортенсену:

— Я привелъ вамъ два настоящихъ экземпляра нынѣ вымершей породы, именуемой народомъ! А вамъ, господа,— онъ обратился къ пришельцамъ:—имѣю удовольствіе представить настоящаго народника, Мортенсена.

Редакторъ всталъ и торжественно поклонился, хотя никогда навѣрное не зналъ, шутитъ начальникъ или нѣтъ. Въ короткихъ, высокопарныхъ словахъ, онъ выразилъ радость видѣть воочію настоящихъ крестьянъ, честныхъ, благородныхъ, трудолюбивыхъ норвежскихъ поселянъ; онъ въ восторгѣ видѣть ихъ, да,—и т. п.

Эта маленькая комедія привлекла изъ сосѣдней комнаты Эрсета и нѣкоторыхъ другихъ чиновниковъ. Зеегусъ не сводилъ глазъ съ желтой, жирной физіономіи Мортенсена; въ немъ давно уже что-то закипало, а теперь готово было прорваться наружу; однако до поры до времени онъ сдерживался, стараясь казаться спокойнымъ.

— Этихъ господъ,—продолжалъ начальникъ, намѣреваясь идти дальше:—я рекомендую вашему особенному вниманію, господинъ Мортенсенъ! Не сомнѣваюсь, что вы съ восторгомъ воспользуетесь случаемъ доказать, что вы „настоящій защитникъ народа“...

— Извините, господинъ начальникъ!—сердито отозвался Мортенсенъ:—кажется, шутить сегодня и некогда, и неумѣстно.

— Шутить? Мортенсенъ сказалъ шутить? Господа, кто.

нибудь изъ васъ слышалъ, что канцеляристъ Мортенсенъ произнесъ слово: шутить? Я не могу себѣ представить,— продолжалъ Дельфинъ, со свойственной ему изящной ядовитой улыбочкой, пугавшей его враговъ:—я прямо не допускаю, чтобы канцеляристъ Мортенсенъ одно изъ моихъ приказаній позволилъ себѣ принять за шутку! Эти двое господъ желаютъ получить справку касательно берега съ тростникомъ, при чемъ дѣло должно находиться у насъ. Не соблаговолитъ ли канцеляристъ Мортенсенъ немедленно приняться за дѣло, разыскать необходимые документы и дать этимъ господамъ требуемую справку.

Кровь бросилась въ голову редактору; когда остальные замѣтили, какое направленіе принимаетъ комедія, то потихоньку разбрелись по своимъ мѣстамъ и нагнули головы надъ кипами дѣловыхъ бумагъ.

Но тутъ заговорилъ лоцманскій старшина Зеегусъ:

— Извините, но мы предпочли бы поговорить съ самимъ министромъ. Съ этимъ же господиномъ я не хочу имѣть никакого дѣла.

— Въ этомъ я вамъ вполнѣ сочувствую! — согласился камергеръ Дельфинъ и повелъ обоихъ крестьянъ за собою черезъ всю комнату до самаго кабинета министра. Здѣсь онъ попросилъ ихъ обождать, такъ какъ министръ еще не прибылъ.

Они ждали его прибытія почти часъ, а прибылъ онъ въ отвратительномъ расположеніи духа. Но вѣдь министръ Беннехенъ умѣлъ тѣмъ болѣе сіять довольствомъ, чѣмъ хуже шли дѣла. Впрочемъ, сегодня надѣть маску было ему не такъ легко: непріятности начались чрезвычайно рано и длились весьма долго.

Прежде всего, послѣ злополучной сцены съ Іоганномъ, ему пришлось выдержать длинное и тягостное объясненіе съ Аделандой. Наконецъ, ему посчастливилось выяснить этой энергичной дамѣ, что насиліе и заточеніе едва ли дѣйствительныя средства противъ скандала, послѣ чего они рѣшили по наружности благодушно отнестись къ выходкѣ неудачника и обставить дѣло такъ, будто Іоганнъ ѣдетъ путешествовать въ Америку, а Гильда сопровождаетъ брата для своего удовольствія.

— Ахъ, Богъ мой! Но ни одна живая душа этому не повѣритъ!—стонала фрау Беннехенъ.

— Будетъ зависѣть отъ того, какъ мы это станемъ разсказывать! — успокаивалъ ее мужъ.

Но не успѣлъ онъ покончить съ этимъ, какъ явился съ разстроеннымъ лицомъ Альфредъ. Онъ... онъ былъ принужденъ выдать векселекъ, сегодня вексельку срокъ.. и... и...

Министръ разсвирѣпѣлъ и началъ было громовую рѣчь, но жена его вытолкала Альфреда въ прихожую и обѣщала помочь ему изъ хозяйственныхъ суммъ.

И нужно же было случиться всему этому какъ разъ въ тотъ день, когда послѣ долгаго отсутствія, ожидали пріѣзда его величества, въ такое время, когда подобало обставить въѣздъ короля по возможности парадно и торжественно.

А поэтому, когда министръ, черезъ свой особый ходъ, проникъ въ министерство, онъ еле удержался отъ проклятія, при видѣ поджидавшихъ его двухъ чудаковъ.

Зеегусъ тотчасъ же всталъ и началъ излагать дѣло, по заранѣе подготовленному плану, при чемъ, къ удивленію Ньэделя, величалъ министра „его высочествомъ".

Министръ съ минуту смотрѣлъ на него, открылъ дверь къ секретарю экспедиціи и спросилъ:

— Что это за люди сидятъ тутъ?

— Не могу знать, господинъ министръ! Увѣряю васъ, что я ровно ничего не знаю!—отвѣчалъ секретарь, маленькій, худой, сѣденькій старичекъ: — ихъ привелъ камергеръ Дельфинъ. Ей Богу, я ничего не знаю, ровно ничего!

— Это на васъ похоже:—проворчалъ министръ: — попросите сюда Дельфина.

— Сію минуту, господинъ министръ, сію минуту! Черезъ мгновеніе онъ будетъ здѣсь!—Старичекъ соскочилъ со стула, обѣжалъ два раза комнату, отыскивая шляпу, вспомнилъ, что на улицу выходить не придется, и кинулся къ противоположной двери, чтобы позвать Дельфина.

Министръ раза два прошелся молча по комнатѣ; Зеегусъ лишился языка; онъ начиналъ находить всю эту исторію удивительной.

Министръ Беннехенъ самъ отчасти способствовалъ быстрой карьерѣ, сдѣланной Дельфиномъ; впрочемъ, за послѣднее время у него сложилось о камергерѣ нѣсколько худшее мнѣніе; министръ подумывалъ даже перевести его на службу въ провинцію. Тѣмъ не менѣе, Георгъ Дельфинъ, со своимъ острымъ языкомъ и хорошими связями, былъ личностью, съ которой приходилось поневолѣ считаться, а въ особенности избѣгать скандала.

Поэтому, когда камергеръ вошелъ, министръ дружески сказалъ:

— Любезный господинъ каммергеръ, я попрошу васъ о большомъ одолженіи! Какъ извѣстно, въ четыре часа пріѣдетъ его величество и представители города соберутся у меня закусить à la fourchette, передъ торжественной встрѣчей... Понятно, и вы окажете мнѣ честь пожаловать, господинъ камергеръ.

— —

Дельфинъ поклонился.

— Но вотъ о чемъ я васъ хотѣлъ попросить, милый Дельфинъ... Не откажите сходить къ моей женѣ и помогите ей въ приготовленіяхъ... Пониманіе всѣхъ этихъ тонкостей — одинъ изъ вашихъ многихъ талантовъ. Кстати, скажу вамъ, что Аделаида нѣсколько взволнована... гм... по поводу разныхъ инцидентовъ... — министръ попытался слегка улыбнуться:—Вы, безъ сомнѣнія, слышали, что Іоганнъ давнымъ давно поговаривалъ о путешествіи въ Америку?

Дельфинъ, съ тактомъ свѣтскаго человѣка, отвѣчалъ утвердительно.

— Это одинъ изъ его капризовъ,—шутливо продолжалъ министръ:—а теперь какъ разъ представился рѣдкій случай... Онъ ѣдетъ въ качествѣ врача при эмигрантахъ, а Гильда сопровождаетъ его, ради собственнаго удовольствія!

— Фрейлейнъ Гильда? — вскричалъ Дельфинъ и совершенно позабылъ свою роль.

— Ну да!—разсмѣялся министръ. — Сумасбродная мысль, не правда ли? Аделаида долго не пускала ея; но я сказалъ: Богъ съ ней! пусть развлечется, попутешествуетъ! Въ наши дни поѣздка въ Америку — partie de plaisir, не болѣе! Кромѣ того, докторъ Роде нашелъ, что морской воздухъ, знаете ли, гм...

Дельфинъ, изъ вѣжливости, пробормоталъ нѣсколько словъ. Министръ остался очень доволенъ собою. Въ дверяхъ онъ фамильярно спросилъ:

— Это что за два субъекта буколическаго стиля, которыхъ вы мнѣ навязали на шею?

— Это крестьяне изъ Вестланда. Они справляются о тяжбѣ, направленной къ намъ. Я занялся ими, потому что Мортенсенъ не слишкомъ любезенъ. Я подумалъ, что не стоитъ заводить исторію...

— Совершенно правильно, милый Дельфинъ! Я самъ ими займусь. Между нами, Мортенсенъ дѣйствительно грубоватъ...

По уходѣ камергера, министръ обратился къ ожидающимъ и привѣтливо сказалъ:

— Ну-съ, друзья мои, теперь я весь къ вашимъ услугамъ. Дѣло идетъ значитъ о...

— О берегѣ съ тростникомъ!—пояснилъ Зеегусъ.

— О берегѣ съ тростникомъ, — повторилъ министръ: — Присядьте, прошу васъ. Мы живо все разузнаемъ.

Онъ позвонилъ.

— Дѣло недавно поступило къ намъ?

— Осенью будетъ два года,—сказалъ Ньэдель.

Министръ такъ и подскочилъ при звукѣ этого грубаго

голоса. Онъ поспѣшно открылъ одну изъ дверей своего кабинета и крикнулъ: Мо! Но Андерса Мо тамъ не оказалось; министръ пошелъ къ другой двери и перепугалъ до полусмерти робкаго секретаря экспедиціи, такъ какъ загремѣлъ ключами и спросилъ, гдѣ дѣло о морскомъ берегѣ съ тростникомъ. Секретарь ринулся къ своимъ протоколамъ, неистово рылся въ бумагахъ и перелистывалъ ихъ то впередъ, то назадъ, ища проклятую тяжбу, которую слѣдовало представить два года тому назадъ.

Затѣмъ министръ проникъ дальше, во внутреннія комнаты, и дошелъ до самого Мортенсена, куда, насколько извѣстно, ни разу до сихъ поръ не заглядывалъ, — при чемъ всюду вносилъ испугъ и ужасъ своими ключами и требованіемъ немедленно представить ему злополучное дѣло вестландскихъ мужичковъ, о которомъ никто изъ чиновниковъ не слыхалъ.

Мортенсенъ не безъ ехидства попробовалъ было сказать:

— Камергеръ Дельфинъ уже ушелъ. Быть можетъ, ему что-либо извѣстно...

— Камергеръ Дельфинъ ушелъ по дѣлу, а кромѣ того, тяжба навѣрно давнымъ давно прошла черезъ его руки!—строго отрѣзалъ министръ.—Потрудитесь немедленно навести справки и доложить мнѣ. Чтобы документы были найдены, понимаете, господа? Немедленно найдены!

Министръ вернулся въ свой кабинетъ, а все министерство вдругъ закопошилось и заволновалось.

Муравейникъ взбудоражился; двери открывались и захлопывались; озабоченныя физіономіи показывались и исчезали; полки опоражнивались, пакеты перерывались, а докладчики лазили вверхъ и внизъ по лѣстницамъ, чтобы потомъ въ нѣмомъ отчаяніи возиться по полу, роясь въ пыльныхъ бумагахъ.

Страхъ возрасталъ съ минуты на минуту; между тѣмъ министръ безпрестанно отворялъ свою дверь и спрашивалъ: „найдено? а?"—такъ что несчастный секретарь вертѣлся, какъ подстегиваемый кубарь.

Но все смятеніе сосредоточилось, наконецъ, на одномъ вопросѣ, такъ что по всему зданію начало носиться нѣчто въ родѣ подавленнаго стона или вздоха: „гдѣ Мо? Гдѣ же всезнающій Андерсъ?"

Наконецъ, онъ пришелъ. Блѣдный, спокойный, улыбающійся, проскользнулъ онъ въ кабинетъ министра, какъ разъ въ то время, когда тамъ столпилась кучка перепуганныхъ чиновниковъ, силившихся доказать, что тяжба о пресловутомъ „берегѣ" никоимъ образомъ никогда не могла находиться въ ихъ рукахъ.

Всѣ съ облегченіемъ вздохнули при появленіи Мо, а министръ поспѣшно спросилъ,—не знаетъ ли онъ чего о тяжбѣ.

— Да, — отвѣтилъ Мо, — она лежитъ въ „хаосѣ“.

— Гдѣ?—переспросилъ министръ.

— Въ „хаосѣ“ Мортенсена,—хихикнулъ Мо.

— Если вы знаете, гдѣ находятся документы, то принесите ихъ!—приказалъ министръ.

Андерсъ Мо вышелъ; разъяренные Мортенсенъ и прочіе чиновники послѣдовали за нимъ.

— Это былъ твой братъ? — спросилъ лоцманскій старшина.

— Кажется... По разговору надо быть онъ...—неувѣренно отвѣчалъ Ньэдель.—Только и постарѣлъ же онъ и какъ будто меньше сталъ!

Министръ подумалъ, что эта сцена произвела на двухъ крестьянъ неблагопріятное впечатлѣніе, и привѣтливо обратился къ Зеегусу:

— Какъ васъ зовутъ, другъ мой?

— Лауритцъ Больдеманъ Зеегусъ.

Министръ окаменѣлъ при этомъ звучномъ имени, а узнавъ, что Зеегусъ лоцманскій старшина, онъ взялъ стулъ и подсѣлъ къ нему вплотную, въ разговорѣ дружески похлопывая его по колѣну.

— Скажите, господинъ старшина, вѣдь тамъ, на берегу, жить бываетъ тяжело и опасно?

— Да, ваше высочество, бываетъ! Когда люди въ бурю и непогоду отваживаются идти въ открытое море, нелегко бываетъ!

— О да! да! — подхватилъ министръ, вытягивая впередъ руку. — Часто думаю я объ этихъ, прославленныхъ по всему свѣту, безстрашныхъ лоцманахъ, какихъ много у насъ! Съ гордостью думаю о нихъ! Отъ души радъ познакомиться съ однимъ изъ нихъ!..

— Какъ! — смутился Зеегусъ: — самъ то вѣдь я не лоцманъ... и Ньэдель тоже.

— Гм...—промычалъ министръ и заговорилъ о другомъ.

— Крупная тамъ у васъ ловля сельдей, въ Вестландѣ? Въ вашемъ округѣ этотъ промыселъ, вѣроятно, служитъ важнымъ источникомъ дохода?

— Да, для тѣхъ, кому удается что-нибудь поймать! — отвѣчалъ Зеегусъ, начинавшій полагать, что министръ большой шутникъ.

— Какая оживленная, пестрая жизнь должна кипѣть при крупныхъ уловахъ рыбы!—продолжалъ министръ:—наплывъ рыбаковъ изъ разныхъ частей государства, безъ сомнѣнія, имѣетъ вліяніе на развитіе народной культуры...

— Большею частью кончается дракой, ваше высочество!— отвѣчалъ Зеегусъ.

— Да, понятно, гм... Маленькія столкновенія... Но, скажите мнѣ...—министръ еще разъ перемѣнилъ тему: — когда стекается такое множество народа, гдѣ находите вы пріютъ... для ночлега?

— Да, съ ночлегомъ, ваше высочество, приходится крутенько! Большинство ложится на брюхо и прикрывается, насколько возможно, своимъ задомъ.

Министръ загремѣлъ ключами и началъ ходить по комнатѣ.

Зеегусъ, въ простотѣ душевной, даже не подозрѣвалъ, что отлилъ пулю, и, находя, что министръ чрезвычайно обходительный господинъ, толкнулъ Ньэделя: „Кстати, молъ, не спросить ли его про дорогу?..“

— Ньэдель утвердительно кивнулъ головой и Зеегусъ всталъ.

— Не хотѣлось бы васъ безпокоить, ваше высочество, а желательно бы кой о чемъ спросить...

— Я къ вашимъ услугамъ, господинъ лоцманскій старшина.

— Ваше высочество, скажите по правдѣ, вы вѣдь выше всякихъ старостъ, подрядчиковъ и инженеръ-капитановъ?

— О, да...—допустилъ министръ.

Глаза Зеегуса сверкнули торжествомъ. Наконецъ-то, онъ напалъ на настоящаго человѣка! Наконецъ-то, онъ выскажется насчетъ дороги, и его накоплявшаяся долгое время злость прорвалась такимъ потокомъ краснорѣчія, что министръ едва ли все понялъ...

— О какомъ участкѣ идетъ рѣчь? — спросилъ онъ, наконецъ, уловивъ жалобу на состояніе дороги и указывая на большую карту, висѣвшую на стѣнѣ.

Зеегусъ, привыкшій за время плаванія къ картамъ, вскорѣ нашелъ то, что ему требовалось. Министръ надѣлъ золотое pince-nez, взялъ со стола циркуль и съ большой точностью измѣрилъ указанный кусочекъ.

Затѣмъ методически и спокойно, какъ всегда, онъ сказалъ:

— Вотъ видите ли, господинъ Зеегусъ, на картѣ сѣть дорогъ. Вообразите себѣ, если всѣ эти красныя, желтыя и синія полосы вытянуть въ одну линію, вѣдь получится основательная длина, не правда ли?

— О, да!—согласился старшина, не зная къ чему все это клонится.

— А теперь, для сравненія, обратите вниманіе на разстояніе между двумя кончиками циркуля.—Министръ протянулъ

— — — —

Крестьянское управленіе.

I.

Трудный выборъ представлялся творцамъ крестьянской реформы, когда настала пора опредѣлить, кто долженъ на мѣстахъ провести въ жизнь начертанные ими новые законы о крестьянахъ. Въ области управленія существо преобразованія, обусловленнаго отмѣною крѣпостного права, заключалось въ томъ, что крестьяне, получивъ права свободныхъ сословій, соединялись, говоря словами редакціонныхъ коммиссій, въ „сельскія общества съ опредѣленнымъ кругомъ дѣйствія и власти и на возможно широкихъ началахъ самоуправленія“ *). Законодатель стремился въ то время „упрочить за крестьянскими обществами независимое распоряженіе внутренними дѣлами своими, сохранивъ за ними неприкосновеннымъ право имѣть начальниками людей, изъ среды своей избираемыхъ“ **). По свидѣтельству другой коммиссіи, участвовавшей въ выработкѣ проекта положенія о мировыхъ посредникахъ, „мысли о необходимости особаго спеціальнаго управленія или административнаго вѣдомства“ для крестьянъ тогда къ предположеніи не было ***). Но по упраздненіи крѣпостной зависимости, какъ и ожидали составители положеній о крестьянахъ, неизбѣжно должны были возникнуть между помѣщиками и ихъ бывшими крѣпостными „разные недоумѣнія и споры“, вытекающіе изъ новыхъ ихъ взаимныхъ отношеній и требующіе скораго разрѣшенія. „Поэтому — говорили редакціонныя коммиссіи — предстояла *крайняя* необходимость образовать новыя для этого мѣстныя *учрежденія*, какъ для разбора этихъ споровъ, такъ и для нѣкоторыхъ дѣлъ распорядительныхъ“ ****). Коммиссіи признавали, что всего желательнѣе было бы слить эти учрежденія съ проектировавшимися тогда „*общими мировыми учрежденіями* для всѣхъ сословій и вѣдомствъ“. Но можно ли было поставить въ зависимость отъ судебной реформы удовлетвореніе такой насущной потребности, которая должна была сказаться на другой день послѣ паденія крѣпостного права?

Судебная реформа, такъ же какъ и полное преобразованіе всего административнаго строя провинціи, были безспорно и не-

*) Скребицкій. Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II. Т. I. стр. 627. Боннъ на Рейнѣ. 1862.

**) Тамъ же, стр. 636.

***) Тамъ же, стр. 703.

****) Тамъ же, стр. 714.

отложно необходимы. Мало того: отсутствіе суда, достойнаго этого имени, и полновластіе чиновниковъ во всѣхъ отрасляхъ губернскаго и уѣзднаго управленія заставляли многихъ людей, искренно преданныхъ дѣлу освобожденія, опасаться за судьбы крестьянской реформы. Въ самомъ дѣлѣ, если, съ одной стороны, твердыня помѣщичьей власти не могла еще въ то время считаться окончательно сокрушенной, то, съ другой — твердыня чиновничьяго произвола высилась во всеоружіи. „Вся Россія — писалъ А. М. Унковскій въ своемъ отзывѣ на проекты редакціонныхъ коммиссій, — раздѣляется на вотчины частныя и вотчины государственныя, и повсюду господствуетъ произволъ... Не смотря на постоянное стремленіе верховной власти ограничить произволъ мѣстныхъ управленій и поставить ихъ въ законные предѣлы, эти благія намѣренія никогда на дѣлѣ не исполнялись. Само правительство противилось своимъ собственнымъ побужденіямъ и при составленіи законовъ старалось считать только совѣсть однимъ видимымъ приличіемъ, полагая въ самихъ законахъ незамѣтныя, но не менѣе того существенныя преграды къ ихъ исполненію. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить положеніе государственныхъ крестьянъ, имѣющихъ, повидимому, большія общественныя права, но лишенныхъ на дѣлѣ всякой возможности ими пользоваться. То же можно сказать о правахъ всѣхъ другихъ сословій. Если само правительство охраняло систему административнаго произвола, то о низшихъ должностныхъ лицахъ и говорить нечего. Принадлежа къ сословію, имѣвшему вотчинныя права на половину Россіи, и будучи лично заинтересованы въ системѣ произвольнаго крѣпостного управленія, они старались и стараются только объ огражденіи этого порядка отъ всякихъ золъ и напастей. Такимъ образомъ во всемъ нашемъ управленіи и даже въ судахъ господствуетъ одинъ произволъ. Законы лежатъ подъ спудомъ въ тяжелыхъ и толстыхъ книгахъ, не имѣя никакого отношенія къ народной жизни. До этихъ поръ народъ жилъ своею жизнью и молчалъ... Дворяне - владѣльцы, будучи въ нѣсколько враждебныхъ отношеніяхъ къ сельскому народонаселенію, уединенные отъ всѣхъ сословій, и при томъ нѣсколько огражденные выборными правами отъ притѣсненій мѣстнаго управленія, молча пользовались вотчинными правами; чиновники, имѣвшіе личныя выгоды въ произвольномъ и неотвѣтственномъ управленіи, заботились только о благоспѣшномъ продолженіи этой системы управленія и различными средствами (цензурою и т. п.) не допускали истины до престола: поэтому весь народъ молчалъ, и *сверху казалось* все хорошо и покойно“ *).

Съ отмѣной крѣпостнаго права ускользала почва изъ подъ

*) Тамъ же, стр. 785. См. также: А. А. Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ. Спб. 1872 г., стр. 141—176.

дореформеннаго общественнаго зданія Россіи. Паденіе его, послѣ крестьянской реформы, рано или поздно, было неминуемо. Но пока-что оно стояло, и ужъ, конечно, нельзя было ожидать, что бы въ цѣляхъ упраздненія стараго порядка стали сознательно работать тѣ элементы общества, которые были лично заинтересованы въ огражденіи его „отъ всѣхъ золъ и напастей“ и до послѣдняго часа его существованія „молча пользовались“ своими правами въ „вотчинахъ частныхъ и вотчинахъ государственныхъ“. Напротивъ, можно было думать, что они и въ этотъ послѣдній часъ напрягутъ всѣ силы къ тому, чтобы удержать за собою свои позиціи,—и они, дѣйствительно, сдѣлали это.

„До этихъ поръ,—писали, напр., дворянскіе депутаты, призванные для экспертизы проектовъ редакціонныхъ коммиссій,—внутренній порядокъ большей части Россіи обезпечивался властью помѣщика надъ поселенными на его землѣ людьми. Въ государственномъ отношеніи эта власть имѣла двоякое значеніе: она представляла, во-первыхъ, право помѣщика на личность и трудъ крѣпостнаго народонаселенія; во-вторыхъ—участіе помѣщика въ поддержаніи благочинія и порядка между людьми, водворенными на его крѣпостной землѣ. Первый изъ этихъ видовъ вотчинной власти совершенно устраняется въ настоящее время по общему рѣшенію всего помѣстнаго дворянства; но отъ второго дворянство никогда не отказывалось и положительно заявило о томъ въ проектахъ губернскихъ комитетовъ“ *). Въ самомъ дѣлѣ, большинство этихъ проектовъ требовало для помѣщиковъ *начальнической власти* надъ сельскими обществами. Предѣлы этой власти намѣчались такъ широко, что, осуществись эти предположенія,—въ отношеніяхъ двухъ сословій никакихъ перемѣнъ не произошло бы. Какъ откровенно замѣтилъ, напр., казанскій комитетъ, для дворянства было „ясно, что это вліяніе и власть (помѣщика надъ крестьянами) остаются почти тѣ же, какими были они и въ крѣпостномъ быту. Но—сказано далѣе—вся эта власть, эти права помѣщика заключаются теперь въ болѣе опредѣленныхъ предѣлахъ закона“ **). Соотвѣтствующая глава проекта большинства тульскаго комитета, по его собственному объясненію, „есть развитіе вотчинныхъ правъ помѣщика и сохраненіе за ними основныхъ преимуществъ, дарованныхъ дворянству августѣйшими монархами Россіи, по владѣнію населенными имѣніями“ ***). Но,—какъ язвительно замѣтили редакціонныя коммиссіи, отвѣчая на это домогательство,—„такъ какъ изъ этихъ-то именно преимуществъ и слагалось крѣпостное право, отмѣна котораго есть вопросъ, единогласно всѣмъ вообще дворянствомъ рѣшенный, то развитіе

*) Тамъ же, стр. 814.
**) Тамъ же, стр. 609.
***) Тамъ же, стр. 611.

будущихъ отношеній, въ смыслѣ сохраненія за помѣщикомъ подобнаго отмѣняемаго прошедшаго, было бы ничѣмъ другимъ, какъ повтореніемъ большей части явленій крѣпостнаго права" *).

Надо было, очевидно, заботиться не о сохраненіи начальнической власти помѣщика надъ сельскими обществами, а объ огражденіи послѣднихъ отъ возможныхъ посягательствъ на ихъ самостоятельность съ этой стороны. Такимъ образомъ новымъ мѣстнымъ учрежденіямъ предстояло играть роль заслона для сельскихъ обществъ по отношенію къ бывшимъ владѣльцамъ крѣпостныхъ крестьянъ. Но такой же заслонъ нуженъ былъ и съ другой стороны, ибо, какъ справедливо полагалъ Унковскій въ той же запискѣ,—при дореформенныхъ порядкахъ мѣстнаго управленія, „помѣщичьи крестьяне должны (были) неминуемо подпасть подъ необузданный произволъ чиновниковъ". А вѣдь все равно—говоритъ онъ—„быть ли крѣпостнымъ помощника, или крѣпостнымъ чиновника" **). Отсюда и вытекало требованіе, предъявленное либеральнымъ меньшинствомъ дворянства, чтобы, одновременно съ упраздненіемъ помѣщичьей власти, освобождаемые крестьяне въ административномъ отношеніи были слиты съ другими сословіями, и чтобы крестьянская реформа сопровождалась общимъ преобразованіемъ въ устройствѣ мѣстнаго управленія и суда.

Но возможно ли было выполненіе этого замысла въ 1861 году? Намъ кажется, что редакціонныя коммиссіи были правы, находя этотъ планъ неосуществимымъ въ то время. „Чрезвычайная обширность и многосложность требуемыхъ такою реформою законодательныхъ трудовъ", по справедливому сужденію коммиссій, грозила отдалить рѣшеніе крестьянскаго вопроса, а этого нельзя было допустить. Извѣстно, что сторонники освобожденія крестьянъ въ правительствѣ составляли меньшинство, и если ихъ энергическая защита интересовъ народа и неуклонное служеніе великой идеѣ аттестовались въ дворянскихъ кругахъ, какъ „неистовыя выходки поборниковъ извѣстной пропаганды, принявшихъ на себя личину любви къ Россіи и рѣзко напоминающихъ сословныя нападки 1789 года" ***) (отзывъ калужскаго большинства), то и въ правящихъ сферахъ имъ присвоивалась многозначительная кличка „красныхъ" ****). Такая репутація была совершенно незаслуженна, но уже одно то, что она составилась, показываетъ, какъ мало можно было медлить въ крестьянскомъ дѣлѣ съ рѣшительнымъ шагомъ, послѣ котораго невозможно было бы для правительства отступленіе.

*) Тамъ же, стр. 630.
**) Тамъ же, стр. 792.
***) Тамъ же, стр. 610.
****) Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Спб. 1893 т. 3.

Необходимо было, во что бы то ни стало, при данныхъ условіяхъ административнаго и судебнаго строя, создать на мѣстахъ органы для разбора „недоумѣній и споровъ“ между помѣщиками и крестьянами, для устройства поземельнаго быта послѣднихъ, для „руководства и охраны“, на первое время, народившагося сельскаго общественнаго управленія. Понятно, что при описанныхъ условіяхъ можно было создать лишь учрежденіе, поставленное въ исключительное положеніе и облеченное исключительными полномочіями. Нужна была своего рода диктатура, приноровленная къ обстоятельствамъ исключительнаго времени и требованіямъ исключительной задачи, значеніе которой тогда не безъ основанія опредѣлялось словами: „экономическій переворотъ“ *). Положеніе 19 февраля 1861 года о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ и создало такой органъ.

При учрежденіи должности мировыхъ посредниковъ много споровъ вызывалъ вопросъ, какъ замѣщать эти должности—путемъ выбора или по назначенію отъ правительства. О предоставленіи выбора мировыхъ посредниковъ дворянскимъ собраніямъ не могло быть и рѣчи, хотя представители дворянскихъ интересовъ настойчиво добивались именно такого рѣшенія вопроса **). „Избраніе посредниковъ одними дворянами-помѣщиками было бы несправедливо,—писала коммиссія, составлявшая первоначальный текстъ проекта,—потому что назначеніе мирового посредника — быть судьей интересовъ двухъ сословій, а не одного. Нельзя ожидать отъ одного сословія, при всемъ даже благонамѣренномъ стремленіи, полнаго отрѣшенія отъ своихъ сословныхъ интересовъ, а судьи, такимъ образомъ избранные, не могутъ внушить ни правительству, ни народу полнаго довѣрія къ своему безпристрастію“ ***). Вдобавокъ, мировыхъ посредниковъ, волей-неволей, приходилось брать изъ среды помѣстныхъ дворянъ, такъ какъ въ то время можно было безъ всякаго преувеличенія сказать, что „масса образованнаго класса въ Россіи почти исключительно принадлежитъ къ дворянскому сословію“. Много доводовъ приводилось въ пользу избранія мировыхъ посредниковъ крестьянами: такъ этотъ вопросъ рѣшался и главными основаніями проекта, высочайше утвержденными 25 марта 1859 года, и проектомъ, редактированнымъ редакціонными коммиссіями. „Помѣщикъ, избранный,—писали они,—на точномъ основаніи высочайше утвержденныхъ началъ, представителями нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ, долженъ пріобрѣсть особое значеніе и уваженіе, и отказаться

*) Скребицкій. Крестьянское дѣло. Т. 1, стр. 661.
**) Скребицкій. Кр. Д., т. 1, стр. 699.
***) Скребицкій. Кр. Д., т. 1, стр. 708.

отъ такого выбора гораздо труднѣе, нежели отъ приглашенія губернатора, а самый выборъ крестьянами лучше всего обезпечитъ спокойное веденіе новаго преобразованія и поэтому упрочитъ его успѣхъ" *). Но выполненіе и этого плана встрѣчало одно серьезное затрудненіе: избиратели еще не были освобождены отъ крѣпостной зависимости, вслѣдствіе чего невозможно было образовать правильныя крестьянскія избирательныя собранія для этой цѣли, а между тѣмъ присутствіе на мѣстахъ мировыхъ посредниковъ признавалось необходимымъ съ первыхъ же дней по обнародованіи манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Поэтому вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу назначенія, но такъ какъ и назначеніе возбуждало свои опасенія, и прежде всего опасеніе поставить мировыхъ посредниковъ въ зависимое положеніе отъ губернской администраціи, то были приняты мѣры именно къ устраненію этой зависимости. Губернаторамъ было предоставлено назначить только первыхъ мировыхъ посредниковъ, изъ кандидатовъ, внесенныхъ въ списки дворянскими собраніями; при этомъ было опредѣлено, что мировые посредники назначаются лишь на три года и подлежатъ утвержденію въ должности правительствующимъ сенатомъ. Сенату же, въ видахъ обезпеченія независимости мировыхъ посредниковъ, предоставлено было предавать ихъ суду и удалять отъ должности. При всемъ томъ замѣщеніе новыхъ должностей въ порядкѣ назначенія отъ правительства признавалось неудобнымъ и допускалось, лишь какъ крайняя мѣра на первое время. Предполагалось, что черезъ три года выборъ мировыхъ посредниковъ произойдетъ въ общественныхъ собраніяхъ изъ представителей всѣхъ сословій. Предполагалось также, что и органами правосудія (разборъ споровъ и тяжбъ по найму на сельскія работы, арендѣ земель, о порубкахъ, потравахъ и т. п.) мировые посредники останутся только до введенія „болѣе полнаго и совершеннаго учрежденія общихъ мировыхъ судей" **). Временность другой задачи посредническаго института,—разрѣшеніе разнообразныхъ дѣлъ, связанныхъ съ установленіемъ новыхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, опредѣленіемъ, отводомъ и выкупомъ надѣла и т. п.—не могла возбудить никакихъ сомнѣній. Съ окончаніемъ поземельнаго устройства крестьянъ прекращалась и надобность собственно въ *посредническомъ* институтѣ. Что же касается надзора за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ, то, поскольку дѣло идетъ о нормальныхъ границахъ этого надзора, о наблюденіи за законностью дѣйствій органовъ самоуправленія и объ установленіи дѣйствительной отвѣтственности ихъ въ случаѣ нарушенія закона, то, конечно, эта функція управленія имѣетъ характеръ постоян-

*) Тамъ же, стр. 716.
**) Тамъ же, стр. 715.

ной, но для отправленія ея нѣтъ надобности въ спеціальной крестьянской администраціи, тѣмъ болѣе въ такой, которая имѣетъ задачей не контроль въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а опеку надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ. Если при созданіи института мировыхъ посредниковъ на нихъ были возложены по отношенію къ сельскому и волостному управленію обязанности не только контролирующей власти, но и попечительной, то лишь временно на періодъ организаціи сельскаго самоуправленія, до развязки отношеній между крестьянами и помѣщиками и до образованія органовъ общаго мѣстнаго самоуправленія и реформы суда.

Сбылось изъ этихъ предположеній, какъ мы увидимъ, немногое; институтъ мировыхъ посредниковъ, также какъ ихъ уѣздные съѣзды подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства и губернскія при утствія, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, просуществовали долго, безъ существенныхъ перемѣнъ *).

При учрежденіи мировой посреднической институтъ обрекался на упраздненіе въ близкомъ будущемъ, но на другой день по освобожденія крестьянъ онъ долженъ былъ начать дѣятельность, отъ удачнаго исполненія которой зависѣлъ успѣхъ великаго дѣла. Требовались „люди неподкупные, независимые и сочувствующіе реформѣ“ **), какъ характеризовали будущихъ мировыхъ посредниковъ редакціонныя коммиссіи, ихъ нужно было найти немедленно, но—гдѣ? На какія силы въ русской провинціи того времени можно было опереться, осуществляя на практикѣ новые законы о поземельномъ устройствѣ крестьянъ и объ организаціи сельскаго самоуправленія? Мы видѣли, что ни одинъ изъ устоевъ дореформеннаго общественнаго строя для этой цѣли не годился,— и въ этомъ заключался трагизмъ положенія. „Гдѣ же среда— спрашивалъ одинъ изъ современниковъ крестьянской реформы, останавливаясь на этомъ вопросѣ,—гдѣ среда, изъ которой подобныя лица должны быть назначаемы? Доселѣ общество было безмолвно и лишено движенія; оно представляло безразличную массу. Въ этой безразличной массѣ, лишенной слова и движенія, ничего не найдетъ взоръ верховной власти, хотя бы одаренный сверхъестественною прозорливостью“ ***). Дѣло, однако, не оста-

*) Уѣздный съѣздъ вторая инстанція посредническихъ учрежденій— вѣдалъ жалобы на рѣшенія мировыхъ посредниковъ по дѣламъ, вытекавшимъ изъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній, разсматривалъ жалобы на волостные сходы и волостныхъ должностныхъ лицъ, отмѣнялъ въ кассаціонномъ порядкѣ рѣшенія и приговоры волостныхъ судовъ и разрѣшалъ нѣкоторыя изъ распорядительныхъ дѣлъ по поземельному устройству крестьянъ. Губернское присутствіе составляло кассаціонную инстанцію для разсмотрѣнія жалобъ на постановленія посредниковъ и ихъ съѣздовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно было руководить общимъ ходомъ крестьянскаго дѣла въ губерніи.

**) Скребицкій. Кр. Д. т. 1, стр. 836.

***) Скребицкій. Кр. Д. т. 1, стр. 667.

лось безъ дѣлателей: люди нашлись, и они выполнили свою задачу, при неизбѣжныхъ ошибкахъ и неудачахъ, однако, въ общемъ съ такимъ успѣхомъ, что много лѣтъ спустя онъ вызываетъ удивленіе, одинаково какъ друзей, такъ и недруговъ крестьянскаго освобожденія. „Временное порученіе, возложенное на мировыхъ посредниковъ (по поземельному устройству),—говорится, напр., въ одномъ отзывѣ о посреднической дѣятельности, появившемся въ печати въ годъ упраздненія этого института,—исполнено ими, и исполнено съ замѣчательнымъ успѣхомъ, не смотря на трудность этого дѣла въ его началѣ. Безъ споровъ и жалобъ, какъ при всякомъ распредѣленіи имущества, обойтись не могло; но бывшія и оставшіяся еще въ производствѣ жалобы имѣютъ характеръ частныхъ несогласій съ отдѣльнымъ дѣйствіемъ. Общихъ жалобъ на дѣйствія посредниковъ при опредѣленіи и разверстаніи надѣловъ не было ни отъ прямо заинтересованныхъ сторонъ, ни отъ администраціи" *).

Успѣхъ крестьянской реформы въ этомъ отношеніи былъ бы необъяснимъ, если бы не нѣкоторыя важныя обстоятельства, вообще благопріятствовавшія освобожденію крестьянъ. Въ воспоминаніяхъ одного изъ современниковъ крестьянской реформы сдѣлана интересная попытка охарактеризовать настроеніе русскаго общества того времени. „Банкротство государственнаго и общественнаго строя, державшагося на крѣпостномъ правѣ,—пишетъ Н. Ѳ. Анненскій **), — ярко выступило наружу среди бѣдствій крымской войны съ ея позорною „изнанкою". Совпавшій съ этимъ конецъ царствованія, 30 лѣтъ желѣзною рукою поддерживавшаго устои того порядка, который привелъ страну къ кризису, — послужилъ толчкомъ для обновительнаго движенія... Всѣмъ, казалось, было ясно, что нельзя идти далѣе тѣмъ путемъ, по которому шли до сихъ поръ". Броженіе захватило самыя разнообразныя сферы сверху до низу, и если „единственный организованный общественный элементъ" — дворянство—въ массѣ было противъ реформы, если она не находила, за рѣдкими исключеніями, сочувствія въ средѣ бюрократіи, то „положительную и важную службу дѣлу освобожденія сослужило участіе въ немъ „неорганизованнаго" общественнаго элемента — общественнаго мнѣнія и его представительницы — печати". Г. Анненскій справедливо приписываетъ вліянію печатнаго слова „созданіе той общей *нравственной атмосферы* и того идейнаго теченія въ обществѣ, которыя являлись могучею поддержкой освободительной работы и только при наличности которыхъ и возможно было осуществленіе реформы, въ размѣрахъ сколько-нибудь отвѣчаю-

*) *Вѣстникъ Европы*, 1874 годъ, октябрь, стр. 825.

**) На славномъ посту. Литературный сборникъ, посвященный Н. К. Михайловскому. Спб. 1900 г. Статья Н. Ѳ. Анненскаго: „Сорокъ лѣтъ назадъ", стр. 432.

щихъ потребностямъ времени" *). Но былъ и еще факторъ, вліяніе котораго сдѣлало дѣйствительную силу изъ горсточки образованнаго русскаго общества, захваченнаго идейнымъ движеніемъ и „нравственной атмосферой" освободительной эпохи. „Масса крестьянства, — читаемъ мы въ тѣхъ же воспоминаніяхъ — масса крестьянства, которой главнымъ образомъ касалась реформа, не имѣла никакихъ путей и формъ для опредѣленнаго выраженія своихъ желаній. Она не была, конечно, элементомъ пассивнымъ. Съ ней считались. Но ея настроеніе, желанія и вѣроятныя или возможныя дѣйствія предполагались и угадывались за нее другими, тѣми, кто ихъ ждалъ или боялся. Само крестьянство только глухимъ броженіемъ заявляло о своихъ ожиданіяхъ и своемъ нетерпѣніи" **). Вышло ли бы это скрытое народное волненіе наружу, если бы благопріятный для реформы моментъ былъ пропущенъ,—какъ знать. Но какъ бы то ни было, по обстоятельствамъ времени, оно сказалось иначе, ослабивъ, съ одной стороны, сопротивленіе реформѣ круговъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи крѣпостныхъ отношеній, и придавъ вѣсъ, съ другой стороны, освободительному теченію въ интеллигентномъ русскомъ обществѣ. Словомъ,—говоритъ тотъ же авторъ ***), —„дѣло освобожденія никакъ нельзя разсматривать какъ односторонній актъ государственной власти", хотя реформа „внѣшнимъ образомъ" и носила на себѣ этотъ обликъ. По той же причинѣ, когда понадобились люди для проведенія въ жизнь положеній 19 февраля, они нашлись и сдѣлали свое дѣло, — нашлись не потому, что общая постановка новаго института была правильна, а скорѣе—не смотря на существенные недостатки закона, опредѣлявшаго кругъ обязанностей мировыхъ посредниковъ и порядокъ ихъ назначенія и дѣятельности. „Нравственная атмосфера", созданная освободительнымъ движеніемъ въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ, оказала незамѣнимую услугу тамъ, гдѣ, дѣйствительно, не помогла бы и „сверхъестественная прозорливость" властей.

II.

Конечно, вліяніе такого рода не могло быть продолжительнымъ. Его хватило на то, чтобы привлечь живыя силы общества къ выполненію главной задачи мировыхъ посредниковъ—къ поземельному устройству крестьянъ. Но когда это важное дѣло было въ большей своей части завершено, т. е. черезъ 3—4 года послѣ 19 февраля 1861 г., и для общественной дѣятельности въ провинціи открылось новое поприще съ учрежденіемъ земства и

*) Тамъ же, стр. 440.
**) Тамъ же, стр. 438.
***) Тамъ же, стр. 438.

мировыхъ судовъ, многіе изъ мировыхъ посредниковъ покинули свои должности и перенесли свою дѣятельность въ новыя учрежденія. Ушли, какъ оказалось, „лучшіе изъ первоначальныхъ дѣятелей“ и замѣнены они были, по оффиціальному свидѣтельству, „большею частію лицами, сравнительно гораздо слабѣйшими. Вслѣдствіе этого, изъ всѣхъ имѣвшихся свѣдѣній начала обнаруживаться неудовлетворительность дѣятельности большинства мировыхъ посредниковъ *). Такимъ образомъ, кромѣ посредниковъ перваго призыва, исторія этого института знаетъ также посредниковъ позднѣйшаго періода, и если первые оставили добрую память о своей кипучей дѣятельности, то послѣдніе памятны только своею бездѣятельностью или, какъ говорится въ одномъ оффиціальномъ отзывѣ о нихъ **), „замѣтнымъ равнодушіемъ“ къ дѣлу. „Многіе изъ нихъ—по сообщеніямъ губернаторовъ, относящимся къ 1868 году—въ теченіе цѣлаго года не были ни разу въ нѣкоторыхъ волостяхъ своего участка, а другіе ни одного раза не посѣтили волостныхъ правленій государственныхъ крестьянъ съ самаго времени передачи сихъ послѣднихъ въ ихъ вѣдѣніе. Вмѣсто объѣзда и личныхъ распоряженій на мѣстахъ, посредники безвыѣздно живутъ въ своихъ помѣстьяхъ, ограничиваясь или перепискою съ волостями и сельскими начальниками, или вызовомъ ихъ къ себѣ“. Подобныя же заявленія повторялись губернаторами и въ послѣдующіе годы ***).

Такого взгляда на мировыхъ посредниковъ позднѣйшаго періода держались не одни начальники губерній: безпристрастіе ихъ отзывовъ могло бы быть заподозрѣно, такъ какъ въ лицѣ мировыхъ посредниковъ на мѣстахъ была власть, поставленная въ независимое положеніе относительно губернской администраціи. Но и земская оцѣнка дѣятельности мировыхъ посредниковъ позднѣйшаго періода подтверждаетъ мнѣніе губернаторовъ, что во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ „это, почтенное по своему прошлому, учрежденіе отжило свое время“. За семь лѣтъ, начиная съ 1867 года, правительству было представлено, по имѣющимся въ печати свѣдѣніямъ, не менѣе 80 земскихъ ходатайствъ, отъ всѣхъ почти губернскихъ земствъ и отъ многихъ уѣздныхъ, о преобразованіи института мировыхъ посредниковъ, объ упраздненіи этой должности, такъ же, какъ уѣзныхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, съ распредѣленіемъ остающихся дѣлъ между мировыми судами и

*) Правительственное объясненіе мотивовъ закона 27-го іюня 1874 г. (Прав. Вѣстн. 1874 г.).

**) Отчетъ по государственному совѣту за 1874 годъ. Спб. 1876, стр. 10.

***) Отчетъ по государственному совѣту за 1889 г. Спб. 1891, стр. 3.

****) Матеріалы по преобразованію мѣстнаго управленія въ губерніяхъ. Спб. 1884. Ходатайства объ измѣненіяхъ въ устройствѣ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, стр. 1—26.

земскими учрежденіями, о сокращеніи, по крайней мѣрѣ, числа мировыхъ посредниковъ. Въ мотивахъ земскихъ ходатайствъ постоянно отмѣчается, что „мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія отжили свое время и являются совершенно излишнимъ, тяжелымъ бременемъ, всею своею тяжестью надающимъ на крестьянское сословіе“ *), что они „совершенно безполезны“, какъ по незначительности остающихся дѣлъ по нормальному устройству крестьянъ, „такъ и по бездѣятельности посредниковъ по лежащей на нихъ обязанности наблюденія за общественнымъ крестьянскимъ управленіемъ“ **), что „мировые посредники, избираемые не земствомъ, освобождаясь отъ контроля земства, не обнаруживаютъ той дѣятельности, которой слѣдовало бы ожидать отъ нихъ“ ***). Оффиціальныя данныя, собранныя къ началу шести десятыхъ годовъ, указывали на непорядки и въ крестьянскомъ общественномъ управленіи того времени. „Жалобы на произволъ и неправильныя дѣйствія крестьянскихъ властей, особенно волостныхъ старшинъ и писарей, слышатся нерѣдко. Какъ характеристическій и наглядный фактъ, доказывающій не вполнѣ удовлетворительное положеніе этого управленія, слѣдуетъ привести— говорилось въ оффиціальномъ сообщеніи 1874 г. — довольно частые въ послѣднее время случаи растратъ должностными крестьянскими лицами собранныхъ съ крестьянъ за подати и повинности денегъ“.

Почему, однако, во второмъ періодѣ существованія института мировыхъ посредниковъ не удалось замѣстить прежнихъ достойныхъ дѣятелей другими не менѣе достойными? Нашлись же они, и помимо старыхъ мировыхъ посредниковъ, на другихъ поприщахъ мѣстной дѣятельности, въ томъ же земствѣ или въ мировыхъ судахъ. Но ихъ не нашлось для мировыхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ и не могло найтись въ это время, хотя законъ, опредѣлявшій условія дѣятельности мировыхъ посредниковъ и правила замѣщенія этой должности, въ существѣ своемъ не измѣнился, и даже, пожалуй, именно потому, что общая постановка посредническаго института осталась та же. Сократились лишь судебныя функціи мировыхъ посредниковъ, начиная съ 1866 года, въ силу закона 25 октября 1865 г. — но это было, конечно, улучшеніе, которое не могло само по себѣ сдѣлать должность менѣе привлекательной.

Много лѣтъ спустя послѣ того, какъ институтъ мировыхъ посредниковъ былъ упраздненъ, несостоятельность учрежденій, пришедшихъ ему на смѣну, побудила мѣстныхъ общественныхъ

*) Ходатайство харьковскаго губ. зем. собранія 1872 г.
**) Ход. олонецкаго губ. зем. собр. 1870 г.
***) Ход. влад. губ. зем. собр. 1873 г.
****) Прав. сообщ. 1874 (цит. по Вѣстн. Евр., № 9, стр. 826).

дѣятелей бросить ретроспективный взглядъ на судьбы этого института и снова войти въ расмотрѣніе причинъ его быстраго упадка. По одному мнѣнію, заключавшему въ себѣ долю истины, главная причина лежала въ „дѣйствіяхъ бюрократіи, которой всегда ненавистны находящіеся близъ нея и отъ нея независящія учрежденія, и которая успѣла уже къ этому времени, если не путемъ закона, то фактически, посредствомъ циркуляровъ, ослабить самостоятельность мирового института“ *).

По другому мнѣнію, впослѣдствіи весьма пагубно отразившемуся на нашемъ законодательствѣ о мѣстномъ самоуправленіи, „парализующее вліяніе на весь ходъ крестьянскаго дѣла“ оказали земскія учрежденія и мировые суды: „безпорядки въ крестьянскомъ управленіи, — говорили сторонники этого взгляда,— стали развиваться вмѣстѣ съ водвореніемъ системы многовластія и съ паденіемъ авторитета мировыхъ посредниковъ“, обратившихся въ эту эпоху „въ надзирателей за волостными правленіями и сельскими старостами“, тогда какъ раньше они были „единственнымъ мѣстнымъ учрежденіемъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалось крестьянское дѣло“ **).

Но наиболѣе распространеннымъ въ земской средѣ и наиболѣе близкимъ къ истинѣ былъ третій взглядъ на причины, по которымъ посреднический институтъ такъ быстро увялъ. „При введеніи крестьянской реформы, — писалъ одинъ изъ представителей этого мнѣнія, — имѣло смыслъ учрежденіе особаго института по крестьянскимъ дѣламъ. Новое положеніе, не совсѣмъ понятное не только для крестьянъ, но и для большинства помѣщиковъ, новыя отношенія между помѣщиками и крестьянами, поземельное устройство, новыя личныя и общественныя права крестьянъ— все это способно было возбуждать на первыхъ порахъ недоразумѣнія, споры, жалобы, требующія быстраго разрѣшенія на мѣстѣ. Всякая проволочка, всякое замедленіе, какая бы ни было канцелярщина вызывали бы замѣшательство, способное повести къ серьезнымъ послѣдствіямъ изъ за самой ничтожной причины. Требовалась мѣстная единоличная власть, заслуживающая общественнаго довѣрія и уполномоченная закономъ для немедленнаго разрѣшенія на мѣстѣ всѣхъ дѣлъ... И вотъ въ первое время институтъ (мировыхъ посредниковъ) привлекъ къ себѣ лучшія силы общества и дѣятельность этихъ силъ была умѣстна и популярна. Затѣмъ, помѣщики и крестьяне освоиваются съ новымъ положеніемъ, привыкаютъ къ новымъ взаимнымъ отношеніямъ, уставныя грамоты введены, надѣлы почти вездѣ указаны, обязанности мировыхъ посредниковъ не требуютъ болѣе живой и горячей дѣятельности...“ ***) На повѣрку вы-

*) Тамъ же, стр. 315.
**) Мат. по пр. м. упр. въ губ. Часть I, гл. V, прилож. стр. 394.
***) Тамъ же, стр. 502.

ходило, что всѣ дѣла административныхъ крестьянскихъ учрежденій уже можно передать въ вѣдѣніе земства и судебныхъ установленій, и что эта мѣра только упроститъ дѣло. „Для чего же, спрашивается, существуютъ особыя крестьянскія учрежденія"? *).

Дѣйствительно, обособленный институтъ крестьянскихъ начальниковъ, облеченныхъ дискреціонной властью надъ населеніемъ, со смѣшанными, частью судебными и частью административными, функціями, представлялъ при новыхъ условіяхъ анахронизмъ. На мѣстахъ были реформированные суды, было земское самоуправленіе. Поэтому возраженія противъ общей мѣстной административной реформы оказывались устарѣлыми. Время для особаго административнаго управленія крестьянами прошло, оно удерживалось, какъ удерживается и до настоящаго момента, можно сказать, только по инерціи, и если „нравственная атмосфера" освободительной эпохи благопріятствовала замѣщенію лучшими людьми должностей мировыхъ посредниковъ перваго призыва, то въ послѣдующій періодъ существованія посредническаго института содѣйствія съ этой стороны нельзя было ожидать. Оно не пришло бы на помощь отжившему институту, будь даже передовое идейное движеніе въ обществѣ того времени также сильна, какъ прежде, чего на самомъ дѣлѣ не было. Оставалось положиться исключительно на „прозорливость" губернскихъ властей. Надо ли удивляться, что она не оказалась „сверхъестественной", и что въ короткій промежутокъ времени „почтенный" въ прошломъ институтъ пришелъ въ полный упадокъ.

III.

Реформа была неизбѣжна; она совершилась лишь черезъ тринадцать лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ; какъ именно—мы сейчасъ увидимъ, но задолго до нея, еще 23 сентября 1868 года, министру внутреннихъ дѣлъ было высочайше разрѣшено: внести, въ установленномъ порядкѣ, представленіе относительно упраздненія должности мирового посредника, съ замѣною ея новымъ учрежденіемъ, болѣе соотвѣтствующимъ положенію крестьянскаго дѣла **). Мы видѣли, какое преобразованіе соотвѣтствовало бы этому положенію, по мнѣнію земства.

Едва ли можно сомнѣваться, что отмѣченныя земскія ходатайства въ этомъ случаѣ были отголосками довольно широкихъ круговъ общества, служили истиннымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія той эпохи. Но министерство внутреннихъ дѣлъ, возбуждая вопросъ объ упраздненіи должности мировыхъ посредни-

*) Тамъ же, стр. 502.

**) Отч. по гос. сов. за 1874 г., стр. 10.

ковъ, исходило изъ другихъ соображеній: главной цѣлью преобразованія было „поставленіе мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій въ надлежащія отношенія къ губернской и центральной администраціи“ *). При измѣнившемся общественномъ настроеніи, не отличавшемся стойкостью и опредѣленностью настроенія первой половины шестидесятыхъ годовъ, побѣда, конечно, должна была остаться за бюрократическими тенденціями министерскаго доклада.

Но отъ вліянія идей освободительной эпохи въ это время еще не вполнѣ успѣли освободиться и бюрократическія сферы. Коммиссія, учрежденная для выработки проекта, подъ предсѣдательствомъ кн. Дундукова-Корсакова, изъ представителей нѣсколькихъ вѣдомствъ, приняла за основное начало для своего труда, что „спеціальныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія суть только временныя, и что конечная цѣль крестьянской реформы состоитъ въ подчиненіи крестьянъ общимъ для всѣхъ гражданъ имперіи учрежденіямъ“ **). Чтобы приблизиться къ этой цѣли, по условіямъ времени, коммиссія находила, однако, необходимыми слѣдующія мѣры:

1) Передать судебно мировымъ учрежденіямъ судебныя и нотаріальныя дѣла мировыхъ посредниковъ, а нѣкоторыя дѣла, подлежащія вѣдѣнію земства и еще не переданныя ему,—земскимъ учрежденіямъ.

2) По административнымъ дѣламъ замѣнить посредниковъ особыми, въ каждомъ уѣздѣ, коллегіальными учрежденіями изъ представителей администраціи, дворянства и земства, *съ преобладаніемъ земскаго элемента*, но безъ присвоенной мировымъ посредникамъ надъ крестьянскимъ населеніемъ власти административныхъ взысканій. Эту власть, по мнѣнію коммиссіи, должны были унаслѣдовать мировые судьи.

3) Для дѣлъ по поземельному устройству крестьянъ, впредь до прекращенія обязательныхъ отношеній ихъ къ помѣщикамъ, оставить мировыхъ посредниковъ въ уменьшенномъ числѣ ***).

Эти предположенія коммиссіи кн. Дундукова-Корсакова были посланы на заключеніе отдѣльныхъ вѣдомствъ. „Всѣ вѣдомства,—говорится въ оффиціальной справкѣ, которою мы пользуемся,—согласились съ признаніемъ спеціальныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій только временными и съ необходимостью постепенно стремиться къ уничтоженію ихъ и къ подчиненію крестьянъ общимъ для всѣхъ гражданъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ. Равнымъ образомъ, всѣ вѣдомства признали своевременнымъ и полезнымъ изъять нѣкоторыя дѣла изъ вѣдомства

*) Мат. по пр. мѣст. упр. въ губ. Ход. объ измѣн. въ устр. мѣст. по кр. д. учр., стр. 27.

**) Тамъ же, стр. 28.

***) Тамъ же, стр. 29.

спеціальныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій и передать ихъ въ вѣдѣніе общихъ полицейскихъ, земскихъ и судебныхъ учрежденій. По вопросу же: кѣмъ замѣнить мировыхъ посредниковъ, обсуждавшія этотъ вопросъ вѣдомства пришли къ разнообразнымъ предположеніямъ" *). Въ этомъ отношеніи и министерство внутреннихъ дѣлъ не было удовлетворено проектомъ коммиссіи кн. Дундукова-Корсакова, вслѣдствіе чего вопросъ объ упраздненіи спеціальныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій былъ снятъ съ очереди, „впредь до новаго всесторонняго разсмотрѣнія". Главному комитету объ устройствѣ сельскаго состоянія было представлено о необходимости только нѣкоторыхъ переходныхъ мѣръ.

Министерство, предлагало передать нѣкоторыя дѣла мировыхъ посредниковъ другимъ установленіямъ, уменьшить число должностей мировыхъ посредниковъ и, главное, предоставить утвержденіе мировыхъ мировыхъ посредниковъ въ должностяхъ министру внутреннихъ дѣлъ, а наложеніе на нихъ дисциплинарныхъ взысканій — власти губернскихъ присутствій, съ разрѣшеніемъ удалять ихъ отъ должностей административнымъ порядкомъ, по постановленіямъ губернскаго присутствія, съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ **). Ясно, что, отказываясь отъ упраздненія института мировыхъ посредниковъ и ограничивая реформу превращеніемъ мирового посредника въ чиновника, совершенно зависимаго отъ министра и отъ губернатора, министерство внутреннихъ дѣлъ шло послѣдовательно къ цѣли, ради которой оно и возбудило вопросъ о преобразованіи мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій. Но на этотъ разъ желаніе его не получило полнаго удовлетворенія. Положеніемъ главнаго комитета 18 февраля 1870 года губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ было предоставлено: въ тѣхъ случаяхъ, когда они, представляя правительствующему сенату объ удаленіи мирового посредника отъ должности, признаютъ невозможнымъ, безъ вредныхъ для хода дѣла послѣдствій, оставлять такого посредника при исправленіи должности, немедленно устранять его и о причинахъ такой мѣры подробно объяснять въ представленіи сенату.

Допуская это частное изъятіе изъ положенія о мировыхъ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, главный комитетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предложилъ министру внутреннихъ дѣлъ ускорить составленіе проекта о постепенномъ упраздненіи должности мировыхъ посредниковъ и ихъ съѣздовъ.

Плодомъ трехлѣтней работы министерства по этому порученію явился весьма немногосложный проектъ, прямо и откровенно

*) Тамъ же, стр. 29.
**) Тамъ же, стр. 30.

шедшій къ намѣченной цѣли. Обязанности мировыхъ посредниковъ по поземельному устройству крестьянъ перелагались проектомъ на губернскія присутствія и временныхъ членовъ, состоящихъ при нихъ, обязанности по общественному крестьянскому управленію передавались губернатору, губернскому присутствію и уѣзднымъ исправникамъ. Губернаторъ утверждалъ бы и назначалъ волостныхъ старшинъ, губернское присутствіе пользовалось бы дисциплинарною властью надъ должностными лицами крестьянскаго управленія, а уѣздный исправникъ служилъ бы органомъ ближайшаго надзора надъ дѣйствіями этого управленія. Такой упрощенный способъ рѣшенія вопроса, сводившійся къ сдачѣ крестьянскаго дѣла на попеченіе уѣздной полиціи, не нашелъ сочувствія ни въ главномъ комитетѣ, ни въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. „Губернское присутствіе — находилъ главный комитетъ — стоитъ слишкомъ далеко отъ крестьянскаго управленія для того, чтобы надзоръ его могъ быть удовлетворителенъ, посредствующая же инстанція—временные члены—вѣдаютъ только дѣла поземельныя; затѣмъ ближайшее завѣдываніе крестьянскимъ управленіемъ перешло бы въ вѣдѣніе мѣстныхъ исправниковъ, что, при многосложности обязанностей, на нихъ лежащихъ, привело бы, по мнѣнію главнаго комитета, къ тому, что крестьянское управленіе или осталось бы безъ всякаго контроля, или же надзоръ за нимъ въ дѣйствительности перешелъ бы въ руки низшихъ полицейскихъ чиновъ“ *). Поэтому снова возвратились къ мысли объ уѣздной коллегіи по крестьянскимъ дѣламъ, но проектъ коммиссіи кн. Дундукова-Корсакова подвергся переработкѣ. Земство не получило, по закону 27 іюня 1874 года, преобладанія въ уѣздномъ присутствіи, которое составилось, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя, изъ 4 членовъ: особаго непремѣннаго члена,—къ нему перешли обязанности мировыхъ посредниковъ по поземельному устройству крестьянъ, — уѣзднаго исправника, которому предоставлено попеченіе объ исправномъ поступленіи крестьянскихъ податей и сборовъ и взысканіе недоимокъ, предсѣдателя уѣздной управы и одного изъ почетныхъ мировыхъ судей уѣзда, по назначенію министра юстиціи.

На должность непремѣннаго члена губернаторъ назначалъ, по закону 27 іюня, одного изъ двухъ кандидатовъ, избранныхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ по списку дворянъ-землевладѣльцевъ уѣзда. Это новое должностное лицо—рабочая сила уѣзднаго присутствія, какъ органа надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ. Рѣшеніе дѣлъ этого рода предоставлено было самому присутствію, а не членамъ его въ отдѣльности. Члены принимали жалобы и просьбы, собирали свѣдѣнія, производили, по порученію присут-

*) Отч. по гос. сов. за 1874 г., стр. 13.

ствія, мѣстныя изслѣдованія. Непремѣнный членъ дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всѣ остальные; но по дѣламъ поземельнаго устройства крестьянъ онъ, какъ уже отмѣчено, былъ вполнѣ независимъ отъ присутствія. Что же касается дисциплинарной власти мировыхъ посредниковъ надъ должностными лицами волости и сельскаго общества, то законъ 27 іюня 1874 года подѣлилъ ее между уѣзднымъ присутствіемъ и исправникомъ по предметамъ ихъ вѣдомства. Такимъ образомъ, въ существѣ дѣла, министерство внутреннихъ дѣлъ, хотя проектъ его и былъ отвергнутъ, все-таки достигло своей цѣли. Былъ сооруженъ довольно сложный механизмъ, составленный изъ весьма разнородныхъ частей, но дѣйствующей его частью оказывалась единственно уѣздная полиція.

IV.

Введеніе новаго закона началось въ концѣ того же 1874 года, въ которомъ онъ былъ изданъ. Но уже въ началѣ слѣдующаго года въ Петербургъ стали поступать земскія ходатайства, указывавшія на неудачу преобразованія. Любопытно, что опять въ теченіе какихъ-нибудь пяти—шести лѣтъ было возбуждено нѣсколько десятковъ ходатайствъ. Въ нихъ земскія собранія единодушно отмѣчали рядъ вопіющихъ недостатковъ новаго порядка. Своего прямого назначенія новыя коллегіи, какъ и слѣдовало ожидать, не могли выполнить, ибо „всѣ члены уѣздныхъ присутствій, кромѣ непремѣннаго члена, заняты по своимъ прямымъ служебнымъ обязанностямъ, не позволяющимъ имъ удѣлить достаточно времени для занятій дѣлами присутствій“ *); непремѣнный же членъ, обремененный дѣлопроизводствомъ, „лишенъ возможности имѣть надлежащій надзоръ за волостными правленіями“ **). А нѣсколько позже сообщается, что именно по этой причинѣ „на непремѣнныхъ членовъ начали раздаваться такія же жалобы за равнодушіе и бездѣятельность, какъ и на бывшихъ мировыхъ посредниковъ“ ***). Скоро и министерство внутреннихъ дѣлъ въ своемъ

*) Ходатайство тамбовск. и рязанск. губ. земск. собр. 1876 г. Стоитъ отмѣтить, что въ первыхъ земскихъ ходатайствахъ по этому предмету проводилась мысль о необходимости перенести выборы непремѣнныхъ членовъ изъ губернскихъ въ уѣздныя земскія собранія. По этому поводу, въ своемъ объясненіи, министерство внутреннихъ дѣлъ нашло полезнымъ указать, что избраніе кандидатовъ на должности непремѣнныхъ членовъ „предоставлено закономъ не уѣзднымъ, а губернскимъ земскимъ собраніямъ, потому что *составъ и дѣятельность* сихъ послѣднихъ оказывается *удовлетворительнѣе*, и отъ нихъ, вслѣдствіе сего, можно ожидать лучшихъ назначеній“ (Отзывъ на ход. владимірск, рязанск. и харьковск. земствъ 10 марта 1876 г.).

**) Ход. тамб. г. з. с. 1876.

***) Ход. самарск. г. з. с. 1879.

циркулярѣ повторило эти жалобы. „Дѣятельность непремѣнныхъ членовъ,—заявляло министерство въ 1880 году,—ограничивается тѣмъ, что они пріѣзжаютъ только на засѣданія уѣзднаго присутствія, а остальное время проводятъ у себя въ деревняхъ“ *). Словомъ, въ 1880 году циркуляръ министерства говорилъ объ учрежденіяхъ 1874 года буквально то же, что въ правительственномъ сообщеніи 1874 года говорилось о мировыхъ посредникахъ, когда вопросъ объ упраздненіи этого института былъ окончательно рѣшенъ.

Другого рода жалобы вызывала дѣятельность уѣздныхъ исправниковъ. Въ земскихъ ходатайствахъ конца семидесятыхъ годовъ мы читаемъ **): „Дѣятельность полиціи по взысканію податей и сборовъ ограничивается назначеніемъ весьма неудобныхъ сроковъ для взноса“ недоимокъ и „составленіемъ описей крестьянскаго имущества“, назначаемаго въ продажу за недоимки. „За три года практика уѣздныхъ присутствій,—говорилось въ одномъ земскомъ ходатайствѣ,—сіи послѣднія получили столько описей, что въ присутствіяхъ перебывало имущество крестьянъ всего уѣзда“. Кромѣ того, и право налагать дисциплинарныя взысканія примѣнялось уѣздной полиціей въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что вредное вліяніе его успѣло отразиться „не только на крестьянскомъ самоуправленіи, но и на земскихъ учрежденіяхъ“, такъ какъ взысканія налагались, между прочимъ, и „на земскихъ гласныхъ изъ волостныхъ старшинъ и писарей“ ***).

Надо замѣтить, что именно земскими ходатайствами вызванъ былъ вторичный законодательный пересмотръ вопроса о мѣстныхъ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ. По поводу одного изъ этихъ ходатайствъ въ главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія въ началѣ 1880 года было принято рѣшеніе подвергнуть вопросъ о новомъ преобразованіи предварительному обсужденію въ присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ и въ земскихъ собраніяхъ. А затѣмъ, въ отвѣтъ на одно изъ земскихъ ходатайствъ, пришедшихъ въ Петербургъ уже послѣ разсылки циркуляра 22 декабря 1880 г., было выражено, что отъ земскихъ собраній ожидаются „болѣе полныя соображенія“ по возбужденному ими вопросу. Можно сказать, что это ожиданіе вполнѣ оправдалось. „Всѣ управы, всѣ коммиссіи, всѣ уѣздныя земскія собранія—читаемъ мы въ одномъ земскомъ отзывѣ****)—съ рѣдкимъ единодушіемъ пришли къ одному заключенію—о полной несостоятельности существующихъ нынѣ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ и о необходимости упраздненія ихъ“. Если въ другихъ губерніяхъ нельзя было сказать *всѣ*, то большинство, *подавляющее боль-*

*) Мат. по преобр. мѣст. упр. ч. 1, стр. 502.
**) Ход. орловск. г. з. с. 1877 г.
***) Ход. самарск. г. з. с. 1879 г.
****) Мат. по преобр. мѣстн. упр. въ губ. ч. 1, прилож., стр. 393.

шинство—это не было бы преувеличеніемъ. „Мысль,—говорили мѣстные дѣятели,—составить учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ изъ представителей всѣхъ существующихъ въ уѣздѣ или губерніи правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, съ придачею къ нимъ, въ качествѣ главной рабочей силы, непремѣннаго члена, должна была казаться мыслью самой счастливой. Понадобится ли проведеніе какого-либо спѣшнаго распоряженія и наблюденіе за его исполненіемъ—представитель полиціи, исправникъ—въ числѣ членовъ присутствія. Понадобятся ли свѣдѣнія и указанія чисто хозяйственнаго свойства,—главный хозяинъ уѣзда, предсѣдатель земской управы—тоже въ числѣ членовъ присутствія. Встрѣтится ли надобность въ указаніяхъ юридическаго характера для разрѣшенія правовыхъ вопросовъ,—представитель юстиціи, въ лицѣ почетнаго мирового судьи,—тоже въ числѣ членовъ присутствія" *). Но на практикѣ... на практикѣ въ періодъ короткаго существованія этого учрежденія „въ немъ успѣли развиться всѣ недостатки отжившихъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ господствовалъ исключительно канцелярскій порядокъ дѣлопроизводства" **)—и это проистекало изъ самыхъ основаній, на которыхъ построено разсматриваемое учрежденіе. Для всѣхъ членовъ присутствія, кромѣ непремѣннаго члена, крестьянское дѣло является „трудомъ побочнымъ, придаточнымъ, которому и удѣляется время и вниманіе, ради исполненія требованій закона, настолько, чтобы отсидѣть въ срочныхъ засѣданіяхъ присутствія" ***). Непремѣнный членъ тоже имѣетъ свои спеціальныя обязанности по поземельному устройству крестьянъ; „въ разрѣшеніи же текущихъ дѣлъ и вообще въ наблюденіи за крестьянскимъ самоуправленіемъ, непремѣнный членъ участвуетъ только наравнѣ съ прочими членами". Фактическое первенствующее положеніе въ присутствіяхъ занялъ уѣздный исправникъ, „коему присвоена преимущественная противъ другихъ членовъ власть, почему онъ и является въ глазахъ подчиненныхъ болѣе значительнымъ начальствомъ, нежели вся коммиссія" ****). Это особенное положеніе уѣзднаго исправника повело къ тому, что „и становые пристава, и даже полицейскіе урядники становятся начальствомъ надъ старостами и старшинами. И есть уже не мало опытовъ, что лучшіе изъ крестьянъ, опасаясь частыхъ вызововъ въ городъ, распеканій и арестовъ, всячески уклоняются отъ выборной службы и даже предпочитаютъ добиться удаленія отъ должности, хотя бы и съ непріятностями для себя *****). Исправники, „вообразившіе, что съ переименованіемъ въ уѣздные начальники они стали маленькими губернаторами", „злоупотребляютъ своимъ пра-

*) Тамъ же, стр. 394.
**) Тамъ же, стр. 382.
***) Тамъ же, стр. 396
****) Тамъ же, стр. 382.
*****) Тамъ же, стр. 351.

вомъ безконтрольныхъ и секретныхъ доносовъ, вмѣшиваются въ крестьянскія дѣла, какъ-то: въ выборы, въ составленіе приговоровъ, въ волостные суды"... *). Если, съ одной стороны, „люди, знающіе себѣ цѣну, удалились, и только жалкая посредственность осталась на выборныхъ мѣстахъ", сельскихъ и волостныхъ, то, съ другой—„крестьяне, видя свое безвыходное положеніе, стали сокращать оклады и этимъ наносили еще большій ущербъ своему выборному началу" **). Передовѣріе дисциплинарной власти низшимъ полицейскимъ чинамъ повело къ тому, что не только крестьянскія должностныя лица, но и все крестьянское населеніе оказалось подъ постоянной угрозой произвольныхъ взысканій. „Урядники собственной властью сажаютъ крестьянъ въ темныя при правленіяхъ, не спрашивая ни старшинъ, ни старостъ, и выдерживаютъ ихъ тамъ, сколько пожелаютъ, хотя юридическаго права на это не имѣютъ. Они вмѣшиваются даже въ домашнія дѣла крестьянъ: судятъ, рядятъ, постановляютъ рѣшенія. Такимъ правомъ стали пользоваться послѣдніе люди общества, такъ какъ порядочные въ урядники не идутъ. Крестьяне ненавидятъ урядниковъ: они считаютъ ихъ опричниками царя Грознаго, карой Божіей за прежнія свои прегрѣшенія" ***). Значеніе, пріобрѣтенное съ 1874 года уѣздной полиціей, невыгодно отразилось не только на крестьянскомъ управленіи, но и на земскихъ собраніяхъ. „Бывали случаи, что чины полиціи, посредствомъ вліянія на гласныхъ отъ крестьянства, противодѣйствовали, иногда весьма успѣшно, избранію тѣхъ мировыхъ судей, которые почему-либо не успѣли снискать ихъ благорасположенія" ****). Губернская инстанція крестьянскаго административнаго управленія, по земскимъ отзывамъ, „страдаетъ тѣми же общими недостатками—малоуспѣшностью работъ и близкимъ участіемъ канцеляріи въ рѣшеніи дѣлъ". Составъ губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, — большинство его членовъ чиновники, при предсѣдателѣ-губернаторѣ,—таковъ, что порой трудно „опредѣлить, гдѣ кончается губернаторская канцелярія и начинается губернское присутствіе, такъ что послѣднее, по справедливости, слѣдуетъ считать непосредственнымъ продолженіемъ первой. Не рѣдки случаи, когда предсѣдатель присутствія, какъ начальникъ полиціи, поступающія на его имя жалобы,—на сельскіе сходы, на должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія,—передаетъ для дознанія уѣздному исправнику. Такимъ образомъ, вмѣсто установленныхъ закономъ органовъ, чины полиціи производятъ изслѣдованія, повѣряютъ документы волостнаго правленія и допрашиваютъ не только обвиняемыхъ—старшинъ или сельскихъ старостъ, но иногда и тѣхъ

*) Тамъ же, стр. 487.

**) Тамъ же, стр. 498.

***) Тамъ же, стр. 490.

****) Тамъ же, стр. 397.

членовъ уѣздныхъ присутствій, которые производили уже мѣстное, по этимъ жалобамъ, дознаніе по порученію присутствій. Этимъ путемъ административно-полицейская часть изъ своего преобладающаго, по закону, значенія постепенно, шагъ за шагомъ, перешла къ опекѣ, а затѣмъ и къ полному произволу въ дѣлѣ крестьянскаго самоуправленія" *).

Понятно, что многія земскія собранія, въ виду этихъ фактовъ, поставили „коренной" вопросъ: „необходимъ ли для крестьянъ исключительный спеціальный органъ власти?" и довольно единодушно утверждали: „всякій, знакомый съ фактами жизни послѣднихъ 20 лѣтъ, долженъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно" **). „Особая спеціальная опека надъ крестьянскимъ сословіемъ была вызвана нуждами переходной эпохи, и мировые посредники въ свое время сослужили службу. Въ настоящее же время, когда всѣ почти крестьяне... успѣли уже достаточно освоиться съ новыми своими правами и обязанностями, весьма позволительно усомниться въ необходимости продолженія особой надъ ними опека" ***). „Крестьянское самоуправленіе, потому и идетъ худо, что надъ нимъ много опекуновъ. Если сами крестьяне недовольны своими порядками, то это еще не значитъ, что они нуждаются въ надзорѣ, и дворянство недовольно своими, но полицейскаго надзора не желаетъ" ****). Съ упраздненіемъ спеціальныхъ административныхъ учрежденій для завѣдыванія крестьянскими дѣлами, эти дѣла, — говорили земскіе эксперты двадцать лѣтъ назадъ,—должны отойти къ другимъ существующимъ мѣстнымъ установленіямъ: „дѣла судебныя — суду, хозяйственныя— земству, административныя—полиціи, но все это постольку, поскольку крестьяне соприкасаются съ остальнымъ обществомъ; во внутреннія же дѣла ихъ никто не долженъ вмѣшиваться" *****). Земства полагали, далѣе, что нельзя проектировать преобразованіе въ области крестьянскаго управленія и не коснуться „необходимости преобразованія и въ другихъ органахъ общественнаго управленія". Поэтому въ земскихъ отзывахъ на запросъ правительства въ 1880 году весьма опредѣленно высказывается мысль, что для того, чтобы „вывести крестьянское самоуправленіе изъ ненормальнаго, задавленнаго административной опекой, состоянія, — слѣдуетъ самоуправленіе крестьянское связать съ самоуправленіемъ земскимъ, не въ смыслѣ, конечно, вторженія земства во внутреннюю, хозяйственную жизнь сельской общины,

*) Тамъ же, стр. 398.
**) Тамъ же, стр. 319.
***) Тамъ же, стр. 351.
****) Тамъ же, стр. 599.
*****) Тамъ же, стр. 600. См. также В. Ю. Скалонъ. Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія. Обзоръ земскихъ отзывовъ и проектовъ. М. 1884.

а лишь въ смыслѣ созданія такихъ общихъ исполнительныхъ и наблюдательныхъ органовъ, совокупная дѣятельность которыхъ содѣйствовала бы осуществленію ближайшей задачи самоуправленія—поступательному движенію населенія по пути нравственнаго, умственнаго и экономическаго развитія" *).

Среди разнообразныхъ проектовъ преобразованія мѣстнаго управленія, возникъ тогда и проектъ земскаго судьи—прототипъ земскаго начальника. Въ земской средѣ того времени этотъ проектъ не нашелъ большого сочувствія: „мысль о соединеніи въ лицѣ мирового судьи судебной и административной власти" признавалась, по общему правилу, не пріемлемой. „Совмѣщеніе въ низшихъ органахъ управленія судебной и исполнительной власти, вызываемое практическими соображеніями,—говорилось въ отзывахъ на это предположеніе,—оказывается возможнымъ въ странѣ, гдѣ политическія и соціальныя условія совершенно иныя, нежели тѣ, на коихъ зиждется наше государство. У насъ же такая мѣра, при условіи подчиненія мировыхъ судей и административному начальству, повела бы, съ одной стороны, къ подрыву въ нихъ необходимой для суда нравственности, съ другой—къ развитію служебнаго произвола" **). Не надо было большой прозорливости, чтобы усмотрѣть въ проектѣ земскаго судьи „намекъ на азіатскіе порядки" и сблизить поэтому „земскихъ судей съ хивинскими ханами ***), а не съ англійскими мировыми судьями. Не мудрено, что предложенія такого рода казались опасными, и авторамъ проекта приходилось защищать его передъ своими земскими коллегами аргументами особаго рода. „Что васъ такъ напугало гг.? — спрашивалъ одинъ изъ нихъ.—Для кого страшна власть мирового посредника? Не для васъ, господъ дворянъ, либераловъ. Земскій судья не будетъ страшнѣе мирового судьи, который и теперь можетъ васъ посадить подъ арестъ и взыскать неуплаченный вами долгъ. Такъ для кого же? Не вѣрю, что вы заботитесь о крестьянахъ, такъ какъ знаю, что они требуютъ (!) той власти, въ которой вы имъ отказываете" ****). Но эти доводы не разсѣяли опасеній, возбужденныхъ проектомъ. За принципъ разграниченія судебной и административной власти общественнымъ дѣятелямъ разсматриваемой эпохи говорилъ „слишкомъ долгій и тяжелый опытъ", тотъ опытъ, который, на глазахъ многихъ изъ нихъ, „привелъ законодательную власть къ признанію и установленію этого начала и къ отмѣнѣ прежняго смѣшенія властей: „допускать возможность,—читаемъ мы въ земскихъ запискахъ—не только отмѣны, но даже какого-либо видоизмѣненія главныхъ началъ, положенныхъ въ основаніе уставовъ 20 ноября,

*) Мат. по преобр. мѣст. упр. Ч. I, стр. 398.
**) Тамъ же, стр. 384.
***) Тамъ же, стр. 312.
****) Тамъ же, стр. 312.

каковы бы ни были частные или случайные недостатки новаго порядка, могутъ развѣ только тѣ, которые незнакомы съ порядками нашихъ старыхъ судовъ“ *).

V.

Опросъ мѣстныхъ учрежденій и почти совпавшая съ нимъ по времени сенаторская ревизія нѣсколькихъ губерній дали въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ обширный матеріалъ для законодательнаго труда по преобразованію не только крестьянскихъ учрежденій, но всего строя мѣстнаго управленія. Какъ извѣстно, этотъ трудъ начатъ былъ во второй половинѣ 1881 года коммиссіей подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, но остался не завершеннымъ **). 23 февраля 1886 года коммиссія была закрыта, принятый ею и въ значительной мѣрѣ разработанный планъ общей мѣстной реформы былъ отринутъ, и снова на первую очередь поставленъ въ отдѣльности вопросъ о переустройствѣ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. И на этотъ разъ, какъ и въ семидесятыхъ годахъ, обнаружилось коренное различіе во взглядахъ на задачи реформы между земскими проектами и министерскимъ. Но въ данный историческій моментъ силы двухъ общественныхъ теченій, представленныхъ этими проектами, были такъ неравны, что пожеланія, выраженныя въ большинствѣ земскихъ ходатайствъ и отвѣтовъ на правительственный запросъ, имѣли чисто-платоническій характеръ. Дворянско-бюрократическая реакція по отношенію къ идеямъ освободительной эпохи находилась тогда въ зенитѣ своего могущества.

Характерно, что при пересмотрѣ узаконеній о мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ въ 1889 году было признано за этими учрежденіями значеніе не временныхъ, а постоянныхъ ***). На эту точку зрѣнія наше законодательство стало тогда впервые. Необходимость постояннаго спеціальнаго вѣдомства для управленія крестьянами защитники и составители проекта новаго закона оправдывали тѣмъ, что и надзоръ за сельскимъ бщественнымъ управленіемъ составляетъ задачу постоянную. Но признаніе этой потребности, которая, кстати сказать, не отвергалась ни въ 1861, ни въ 1874 г., ни когда-либо въ другое время отнюдь не равносильно признанію необходимости въ спеціальныхъ административныхъ крестьянскихъ властяхъ и невозможности перехода крестьянскаго управленія „въ вѣдѣніе общихъ для всѣхъ сословій учрежденій.“ Въ 1874 г. особыя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ были удержаны законодателемъ только

*) Тамъ же, стр. 383.
**) Отч. по госуд. сов. за 1889 г., стр. 6.
***) Отч. по гос. сов. за 1889 г., стр. 23.

потому, что эти учрежденія не успѣли еще окончить свою работу надъ „упроченіемъ крестьянскаго управленія на началахъ положенія 19 февраля 1861 года *). Черезъ пятнадцать лѣтъ ссылались на „особыя условія крестьянскаго общественнаго строя", т. е. именно на эти самыя начала 19 февраля 1861 г., какъ на причину, по которой „крестьянское управленіе не можетъ быть оставлено безъ бдительнаго надзора правительственныхъ органовъ, спеціально къ тому призванныхъ и облеченныхъ надлежащими для сего полномочіями" **).

Другой вопросъ, о томъ, что разумѣть подъ „надлежащими" полномочіями органовъ, хотя бы и спеціальнаго надзора за крестьянскими общественными учрежденіями, тоже получилъ въ положеніи 1889 года, если не новое, то, можно сказать, радикальное рѣшеніе. Коммиссія, работавшая надъ мѣстной реформой въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, отводила въ своихъ предположеніяхъ не меньшее мѣсто надзору за мѣстнымъ управленіемъ, не исключая и сельскаго. Надзоръ считался необходимымъ и для „частныхъ обществъ и союзовъ, кои преслѣдуютъ какія-либо общественныя цѣли и въ дѣятельности которыхъ заинтересовано все мѣстное населеніе или значительная часть его". Но опредѣляя основанія устройства этого надзора и выбирая средства, съ помощью которыхъ онъ долженъ осуществляться, коммиссія обращала „особое вниманіе" на то, „чтобы въ правахъ надзора не было допущено смѣшенія съ правомъ вмѣшательства, могущимъ подорвать самодѣятельность установленій или частныхъ обществъ" ***). Законодательство конца восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ въ области мѣстнаго самоуправленія переходитъ у насъ, по общему правилу, эту границу. Но нигдѣ отступленія отъ изложеннаго требованія нормальнаго устройства органовъ надзора не были такъ значительны, какъ въ положеніи объ участковыхъ земскихъ начальникахъ. Новая администрація по крестьянскимъ дѣламъ призвана именно не столько къ контролю, сколько къ „завѣдыванію" крестьянскимъ дѣломъ. Хотя въ мотивахъ къ закону и говорится, что „предпринятое преобразованіе направлено, собственно, къ установленію, на прочныхъ основаніяхъ, правительственнаго надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ и не имѣетъ вовсе къ виду кореннаго измѣненія началъ, на которыхъ оно построено" ****), но на самомъ дѣлѣ воля земскаго начальника получила значеніе рѣшающаго фактора во всѣхъ отрасляхъ крестьянскаго общественнаго управленія. Въ вѣдѣніи земскихъ начальниковъ,—по безошибочному, если не съ формальной, то съ фактической стороны,

*) Отч. по гос. сов. за 1874 г., стр. 13.

**) Отч. по гос. сов. за 1889 г., стр. 23.

***) Мат. по преобр. мѣст. упр. въ Россіи. Часть 7, гл. VII. Порядокъ надзора и разсмотрѣнія пререканій, стр. 5.

****) Отч. по гос. сов. за 1889 г., стр, 87.

опредѣленію, данному въ министерскихъ объясненіяхъ къ законопроекту,—сосредоточились „всѣ предметы, затрогивающіе важнѣйшіе интересы сельскаго населенія“ *), при чемъ ихъ власти подчинены, наравнѣ съ крестьянами, также проживающіе въ предѣлахъ земскихъ участковъ мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые. Законъ, какъ извѣстно, не вполнѣ совпадаетъ съ проектомъ, но во всякомъ случаѣ измѣненія, внесенныя въ него при обсужденіи его въ законодательномъ порядкѣ, не мѣшаютъ приведенному опредѣленію существа реформы оставаться вѣрнымъ.

Измѣненіе одного изъ важнѣйшихъ „началъ“ положенія 19 февраля 1861 года нельзя не видѣть въ томъ, что закономъ 1889 года ограничена самостоятельность сельскихъ сходовъ даже въ рѣшеніи дѣлъ по завѣдыванію общественнымъ имуществомъ, не говоря уже о другихъ дѣлахъ. Раньше приговоры сельскихъ сходовъ не подлежали обжалованію по существу. Министерскій проектъ предоставлялъ земскому начальнику право отмѣны, по жалобамъ, незаконныхъ или неправильныхъ, на его взглядъ, приговоровъ сельскаго схода во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло рѣшается простымъ большинствомъ голосовъ. Отмѣна остальныхъ мірскихъ приговоровъ предоставлялась проектомъ уѣздному съѣзду. Мотивировалось это нововведеніе тѣмъ, что на практикѣ встрѣчаются случаи составленія приговоровъ, имѣющихъ невыгодныя послѣдствія для самихъ обществъ или для отдѣльныхъ ихъ членовъ.

Мысль ограничить самостоятельность сельскихъ обществъ въ рѣшеніи ихъ внутреннихъ дѣлъ встрѣтила сочувствіе при обсужденіи проекта, но было сдѣлано и возраженіе, приведшее къ нѣкоторымъ поправкамъ. Вспомнили, что „еще во времена крѣпостнаго права, когда помѣстные дворяне являлись полновластными распорядителями личности и всего имущества своихъ крѣпостныхъ людей, лучшіе помѣщики никогда не позволяли себѣ вмѣшиваться въ имущественныя дѣла подчиненнаго имъ сельскаго міра. Такія лица удерживались сознаніемъ, что послѣдній является въ семъ отношеніи единственно компетентнымъ судьей. Между тѣмъ, помѣщики того времени, несомнѣнно, могли ближе изучить и знать бытъ и потребности своихъ крестьянъ, нежели вновь создаваемые органы крестьянскаго управленія“ **). Въ виду этого рекомендована была осторожность, даже чрезвычайная осторожность въ рѣшеніи вопроса о вмѣшательствѣ земскаго начальника въ распоряженія сельскихъ сходовъ. Тѣмъ не менѣе, въ положеніе 12 іюня 1889 года вошла ст. 31, гласящая: если земскій начальникъ удостовѣрится, что приговоръ волостного или сельскаго схода поста-

---

*) Тамъ же, стр. 43.
**) Тамъ же, стр. 83.

новленъ несогласно съ законами, либо клонится къ явному ущербу сельскаго общества, либо нарушаетъ законныя права отдѣльныхъ его членовъ или приписанныхъ къ волости лицъ, то онъ, остановивъ исполненіе сего приговора, представляетъ его, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ, на разсмотрѣніе уѣзднаго съѣзда. А послѣдній, по ст. 89, получилъ право отмѣнять такіе приговоры волостныхъ и сельскихъ сходовъ. Слѣдовательно, главное отличіе закона отъ проекта сводится къ тому, что окончательное рѣшеніе такихъ дѣлъ (ст. 90) возложено на съѣзды. Земскіе начальники даютъ, однако, заключенія по дѣламъ этого рода, т. е. въ сущности даютъ матеріалъ, на которомъ почти всегда съѣздъ и долженъ обосновать свое рѣшеніе. Кромѣ того, самая иниціатива возбужденія вопросовъ объ отмѣнѣ предоставлена земскимъ начальникамъ: они не обязаны разрѣшать каждую поданную имъ жалобу на сельскій приговоръ, и самое право обжалованія такихъ приговоровъ оставлено безъ перемѣны; но земскому начальнику дано право самому разсматривать всѣ приговоры волостныхъ и сельскихъ обществъ (ст. 30), и онъ можетъ поэтому, когда захочетъ, дать ходъ любой жалобѣ. Такимъ образомъ, у земскаго начальника совершенно развязаны руки, какъ по отношенію къ лицамъ, недовольнымъ приговоромъ сельскаго схода, такъ и по отношенію къ самому сходу: и жалобы въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ подъ собою твердой почвы закона, такъ что судьба ихъ вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія ближайшаго начальства, и приговоръ крестьянъ оказывается въ полной зависимости отъ того же усмотрѣнія, ибо „явный ущербъ"—понятіе весьма растяжимое.

Кассировать одно рѣшеніе весьма нерѣдко значитъ настоять на другомъ. Но надо къ этому прибавить, что рядъ важныхъ приговоровъ сельскаго и волостного схода нуждается въ утвержденіи земскаго начальника или уѣзднаго съѣзда, и что тѣ же чиновники призваны закономъ къ попеченію о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ (ст. 40). Это постановленіе, конечно, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя обречены оставаться въ сферѣ „добрыхъ намѣреній". Но оно даетъ, когда земскій начальникъ того пожелаетъ, отличный поводъ къ вмѣшательству во внутреннія дѣла сельскихъ обществъ и къ воздѣйствію на рѣшенія сходовъ. По отношенію къ волостнымъ сходамъ земскому начальнику принадлежитъ даже право иниціативы (ст. 25). Исполнительные органы крестьянскаго самоуправленія вполнѣ зависимы отъ земскаго начальника; волостные старшины и даже волостные судьи утверждаются имъ въ должности, онъ пользуется правомъ налагать на всѣхъ должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленія дисциплинарныя взысканія (штрафъ до 5 руб. и арестъ на срокъ до 7 дней). За болѣе важныя нарушенія эти должностныя лица, не исключая и волостныхъ

судей, могутъ быть временно устранены отъ должности, а рѣшеніемъ съѣзда, по представленію земскаго начальника, и совсѣмъ удалены отъ службы (ст. 90). Надежный рычагъ для приведенія всего хода сельскаго общественнаго управленія въ полную зависимость отъ воли земскаго начальника представляетъ, наконецъ, ст. 57, по прежней нумераціи—ст. 61, открывающая возможность давленія не на сходъ въ цѣломъ, но лично на каждаго отдѣльнаго члена крестьянскаго общества и тѣмъ вѣрнѣе достигающая цѣли... На основаніи этой статьи, въ случаѣ неисполненія законныхъ распоряженій или требованій земскаго начальника лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію, онъ имѣетъ право подвергать виновнаго, безъ всякаго формальнаго производства, аресту на время не свыше трехъ дней или денежному взысканію не свыше шести рублей. Проектъ доводилъ высшій предѣлъ дисциплинарныхъ взысканій въ подобныхъ случаяхъ до 7 дней ареста и 15 рублей штрафа *). Уменьшеніе размѣровъ новыхъ административныхъ каръ и включеніе въ ст. 57 требованія, чтобы о каждомъ случаѣ взысканія оставался въ дѣлахъ земскаго начальника письменный слѣдъ, въ видѣ особаго протокола,—только эти двѣ поправки и были внесены въ проектъ этой совершенно исключительной мѣры при законодательномъ ея разсмотрѣніи. Если можно было при всемъ томъ говорить о неприкосновенности началъ положенія 19 февраля о крестьянскомъ самоуправленіи, то развѣ только, какъ писалъ въ старину, конечно, по другому поводу Аксаковъ,—о подобіи этихъ началъ, о тѣни самоуправленія.

Но характерныя особенности преобразованія 1889 года этимъ не исчерпываются. Законъ возложилъ на земскаго начальника обязанности не только администратора, но и судьи. Это важное приращеніе функцій новыхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, если и предусматривалось первоначальными предположеніями министерства внутреннихъ дѣлъ, то въ значительно меньшемъ объемѣ. По проекту, судебную компетенцію земскихъ начальниковъ предполагалось распространить лишь на дѣла по найму рабочихъ, отдачѣ въ наемъ земель, лѣснымъ порубкамъ и т. п., а также на нѣкоторые проступки, нарушающіе благочиніе и благоустройство въ сельскихъ мѣстностяхъ. Но во время обсужденія этого проекта, 28 января 1889 года, утверждены были новыя основанія реформы собственно судебной части: должность мировыхъ судей въ уѣздахъ рѣшено было упразднить и дѣла, подсудныя имъ, распредѣлить между земскими начальниками, волостными и окружными судами. На особомъ совѣщаніи, созванномъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта для выясненія подробностей этой мѣры, послѣдовали весьма интересныя

(* Тамъ же, стр. 111.

заявленія какъ со стороны министерства юстиціи, такъ и министерства внутреннихъ дѣлъ. „По засвидѣтельствованію министра юстиціи, проектъ о земскихъ начальникахъ передавалъ имъ менѣе одной четвертой части производящихся у мировыхъ судей дѣлъ; вслѣдствіе сего возникала необходимость опредѣлить: кто именно будетъ завѣдывать остальными тремя четвертями. Независимо отъ дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ, на мировыхъ судьяхъ лежатъ весьма важныя обязанности по охранительному производству, какъ-то: по дѣламъ о наслѣдствахъ, о вводахъ во владѣніе недвижимыми имуществами, на нихъ же предполагалось возложить части: нотаріальную, опекунскую, ипотечную, о неудовлетворительности коихъ сложилось и утвердилось убѣжденіе и въ народѣ, и въ правительствѣ. По заявленію, сдѣланному министромъ внутреннихъ дѣлъ въ совѣщаніи, земскіе начальники могли бы принять въ свое завѣдываніе лишь ограниченную часть дѣлъ, вѣдаемыхъ мировыми судьями, остальную часть надлежало распредѣлить между волостными и окружными судами; но едва ли волостные суды, неудовлетворительность коихъ сознается всѣми, едва ли суды эти, состоящіе изъ трехъ безграмотныхъ крестьянъ, даже и послѣ какого-либо, невыясненнаго, впрочемъ, усовершенствованія, были бы въ состояніи отправлять правосудіе, выходящее изъ предѣловъ тѣснаго круга мелкихъ сословно-крестьянскихъ дѣлъ. Передавать дѣла мировыхъ судей окружнымъ судамъ значило удалять судъ отъ населенія нерѣдко за нѣсколько сотъ верстъ, значило сдѣлать судъ очень дорого стоющимъ казначейству“ *)... Словомъ, на пути къ осуществленію этого замысла предвидѣлись большія препятствія, но они не задержали преобразованія. Компетенція волостного суда была значительно расширена: къ вѣдѣнію его, какъ говорится въ мотивахъ закона, отнесены съ 1889 года „почти всѣ судебныя дѣла, какъ гражданскія, такъ и уголовныя, между крестьянами“ **). Апелляціонною и кассаціонною инстанціею по дѣламъ, рѣшаемымъ волостнымъ судомъ, служитъ уѣздный съѣздъ. Такая постановка дѣла была признана при самомъ изданіи временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, сопряженной съ большими неудобствами. „Прежде всего,—говорилось въ мотивахъ къ закону,—возложеніе обязанностей апелляціонной инстанціи на учрежденіе, засѣдающее въ уѣздномъ городѣ, значительно отдѣляетъ отъ населенія единственно близкій къ нему крестьянскій судъ. Въ свою очередь, это обстоятельство будетъ имѣть слѣдствіемъ крайнее развитіе письменнаго производства въ самихъ волостныхъ судахъ. Такой результатъ совершенно естественъ. За очевидною затруднительностью вызова въ уѣздный городъ участвующихъ въ дѣлѣ

*) Тамъ же, стр. 37.
**) Тамъ же, стр. 46.

лицъ, съѣздъ земскихъ начальниковъ поставленъ будетъ въ необходимость основывать свои рѣшенія единственно на тѣхъ данныхъ, которыя изложены въ письменномъ производствѣ волостного суда. Дѣлопроизводство же послѣднихъ будетъ находиться въ рукахъ лицъ, мало развитыхъ и не всегда заслуживающихъ довѣрія. Не трудно поэтому предвидѣть, что, въ дѣйствительности, предположенный порядокъ пересмотра рѣшеній представитъ весьма слабое ручательство правильнаго и безпристрастнаго отправленія правосудія во второй инстанціи" *). Не смотря на эти вѣскія возраженія, проектъ былъ принятъ, въ надеждѣ, что „министерствомъ внутреннихъ дѣлъ будетъ обращено должное вниманіе на болѣе удовлетворительное разрѣшеніе вопроса объ организаціи высшей инстанціи крестьянскаго суда, когда къ такому усовершенствованію послѣдняго представится возможность" **). Въ теченіе перваго пятнадцатилѣтія послѣ преобразованія волостныхъ судовъ, по правиламъ 12 іюля 1889 года, этой надеждѣ не суждено было оправдаться.

Судебная власть земскихъ начальниковъ не распространяется лишь на важнѣйшія дѣла, подсудныя мировымъ судьямъ. Въ городскихъ поселеніяхъ учреждены должности городскихъ судей съ тою же компетенціей. Общую надъ тѣми и другими апелляціонную инстанцію составляетъ уѣздный съѣздъ, обязанности же кассаціонной инстанціи возложены на губернское присутствіе. Остается сказать, что важнѣйшія дѣла мировыхъ судей переданы уѣзднымъ членамъ окружнаго суда, а во второй инстанціи— окружному суду. Уѣздный членъ окружнаго суда вошелъ въ составъ судебнаго присутствія уѣзднаго съѣзда на правахъ члена и въ качествѣ замѣстителя предсѣдателя этого съѣзда; включены въ него также и городскіе судьи, и почетные мировые судьи, на одинаковыхъ основаніяхъ съ земскими начальниками. Административное отдѣленіе съѣзда составляютъ, кромѣ предводителя дворянства, предсѣдательствующаго въ немъ по должности, всѣ земскіе начальники, исправникъ, предсѣдатель уѣздной земской управы и податные инспектора.

Губернское присутствіе состоитъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, прокурора окружнаго суда и двухъ непремѣнныхъ членовъ. Къ разсмотрѣнію судебныхъ дѣлъ привлекается предсѣдатель или членъ окружнаго суда, но прокуроръ по такимъ дѣламъ даетъ лишь свои заключенія, не участвуя въ постановленіи рѣшенія. По административнымъ дѣламъ составъ присутствія пополняется управляющими казенной палатой и государственными имуществами и предсѣдателемъ губернской земской управы. Это адми-

*) Тамъ же, стр. 102.
**) Тамъ же, стр. 101.

нистративное учрежденіе, будучи кассаціонною инстанціею для судебныхъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію земскихъ начальниковъ, является также и органомъ надзора за дѣятельностью земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ. Оно имѣетъ право назначенія ревизій дѣлопроизводства этихъ учрежденій. Производить такія ревизіи, на общемъ основаніи, возлагается на обязанность и губернаторовъ. Вообще, при изданіи положенія о земскихъ начальникахъ, было признано, что эти „правительственные органы, какъ первый у насъ опытъ учрежденій такого типа, болѣе всѣхъ другихъ нуждаются въ бдительномъ надзорѣ со стороны губернской власти“ *). Мы увидимъ ниже, насколько дѣйствительность опровергла надежды, возлагавшіяся на эти постановленія закона 12 іюля. Но прежде надо отмѣтить, что другимъ средствомъ для достиженія той же цѣли считалось требованіе отъ кандидатовъ на должности земскихъ начальниковъ сравнительно высокаго образовательнаго и служебнаго ценза. Въ мотивахъ къ закону 12 іюля было высказано убѣжденіе, что „благопріятный ходъ предпринимаемаго преобразованія во многомъ будетъ зависѣть отъ замѣщенія новыхъ должностей преимущественно лицами, получившими солидное образованіе и обладающими, вмѣстѣ съ тѣмъ, служебною опытностью“ **).

Но еще до истеченія 1889 года министромъ внутреннихъ дѣлъ было возбуждено ходатайство „объ устраненіи средняго образованія изъ числа условій для занятія должностей земскихъ начальниковъ такими лицами, которыя будутъ опредѣляться по правиламъ устава о службѣ правительственной“ ***). Это ходатайство было удовлетворенно немедленно, хотя и въ видѣ временной мѣры, „впредь до болѣе полнаго выясненія опытомъ затрудненій“, препятствующихъ примѣненію цензовыхъ требованій закона (мн. гос. сов. 29 дек. 1889 г.) ****).

Теперь, по истеченіи пятнадцати лѣтъ, изданъ новый законъ, въ общемъ понизившій первоначальныя нормы образовательнаго и служебнаго ценза для земскихъ начальниковъ, хотя обязанности земскихъ начальниковъ за это время стали, если не сложнѣе, то обширнѣе. Достаточно напомнить, что уже послѣ введенія института земскихъ начальниковъ изданъ рядъ такихъ законовъ, какъ законъ 8 іюня 1893 г. о передѣлахъ мірской земли, переселенческія правила 15 апрѣля 1896 г., положеніе 23 іюня 1899 г. о взиманіи окладныхъ сборовъ съ крестьянъ, временныя продовольственныя правила 12 іюня 1900 г., законъ объ отмѣнѣ круговой поруки 12 марта 1903 г. Каждый изъ этихъ законовъ что-нибудь прибавилъ къ первоначальнымъ

*) Тамъ же, стр. 93.
**) Тамъ же, стр. 74.
***) Тамъ же, стр. 74.
****) Тамъ же, стр. 218.

полномочіямъ земскихъ начальниковъ. И хотя, казалось бы, попечительная власть успѣла взять въ свое завѣдываніе, согласно замыслу преобразованія 1889 года, „всѣ важнѣйшіе интересы сельскаго населенія", жажда новыхъ мѣропріятій въ томъ же направленіи все еще не утолена. Проекты, напр., редакціонной коммиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ по пересмотру законодательства о крестьянахъ намѣчаютъ рядъ именно такого рода перемѣнъ въ области крестьянскаго управленія.

Результаты преобразованія 1889 года были именно такіе, какими только они и могли быть, но уже одно обиліе дополнительныхъ мѣропріятій, частью осуществленныхъ, частью проектируемыхъ, показываетъ, что послѣдствія реформы не считаются удовлетворительными. Ими довольны были и въ оффиціальныхъ сферахъ, кажется, только въ первые года по введенію института земскихъ начальниковъ: тогда въ Петербургъ изъ провинціи посылались „благопріятные отзывы губернаторовъ о посильномъ исполненіи земскими начальниками правительственныхъ предначертаній и о полномъ довѣріи къ нимъ населенія" *), а изъ Петербурга въ провинцію шли министерскія разъясненія въ томъ смыслѣ, что положеніе 12 іюля, устанавливая, въ лицѣ земскихъ начальниковъ, „попечительство надъ сельскими обывателями", предоставило новымъ правительственнымъ органамъ „соотвѣтствующія означенной ихъ власти права", въ томъ числѣ и право подвергать крестьянъ аресту и денежному взысканію „безъ формальнаго производства,—слѣдовательно, безапелляціонно и немедленно" **). Но ясное небо надеждъ скоро стало заволакиваться тучками, а теперь даже защитники института земскихъ начальниковъ признаютъ, что онъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. „Предполагалось въ свое время,—пишетъ одинъ изъ представителей этого взгляда,—что земскій начальникъ замѣнитъ до нѣкоторой степени дореформеннаго помѣщика съ его патріархальнымъ отношеніемъ къ подвластнымъ ему крестьянамъ и, помогая имъ совѣтами и наставленіями, будетъ въ то же время строго взыскивать съ нихъ за всѣ самыя малѣйшія ихъ упущенія. Конечно, нечего и говорить, что всѣ подобныя предположенія такъ ими и остались" ***). Между прочимъ, суровая дѣйствительность, сметая эту слащавую идиллію и награждая въ лицѣ земскаго начальника не отцомъ-благодѣтелемъ, а обыкновеннымъ „чиновникомъ", но со всѣми атрибутами отеческой власти, заставила отказаться и отъ одной изъ козырныхъ статей положенія 12 іюля. По свидѣ-

---

*) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Т. 4, Спб. 1902, стр. 330.

**) Г. А. Евреиновъ. Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ. Спб. 1903, стр. 47.

***) Гр. Э. П. Беннигсенъ. Къ вопросу о пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ. Спб. 1902, стр. 84.

тельству того же автора, ознакомленнаго съ положеніемъ дѣла на практикѣ, „попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ“ не занимаетъ, вопреки предписанію закона, никакого мѣста въ дѣятельности земскихъ начальниковъ. Дѣйствительно,—по мнѣнію этого расположеннаго къ институту земскихъ начальниковъ свидѣтеля, даже трудно „понять, что именно должно дѣлать земскому начальнику въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ“. Статья, тѣмъ не менѣе, примѣняется земскими начальниками, „но можно усомниться въ томъ, чтобы хотя у одного изъ нихъ дѣятельность эта носила характеръ какой-нибудь системы. Въ то время, какъ одинъ, основываясь на 39 ст., требуетъ починки дорогъ, другой слѣдитъ за исправностью пожарныхъ инструментовъ въ деревняхъ, третій—за обсадкою деревьями крестьянскихъ дворовъ, четвертый—за очисткой полевыхъ канавъ и т. д., и т. д., при чемъ, однако, въ большинствѣ случаевъ, если только неисполненіе ихъ требованій не карается какими-нибудь особыми постановленіями, всѣ усилія земскихъ начальниковъ остаются тщетными...“ *) Старые проповѣдники „попечительнаго руководительства“ крестьянами, не задавшагося на практикѣ, пытаются теперь доказать, что причиной неуспѣха является не принципы преобразованія 1889 г., а форма, въ которую они облечены. „Четыре губернатора и четыре губернскихъ предводителя,—увѣряютъ теперь „сторонники объединенной власти“, какъ они себя называютъ,—вырабатывавшіе законопроектъ, совершенно исказили нашу мысль. Популярный въ населеніи, изъ населенія выходившій и населеніемъ же пополняемый, институтъ мировыхъ судей былъ замѣненъ чуждыми населенію земскими начальниками“ **). Это отреченіе можетъ показаться нѣсколько запоздалымъ, но симптоматическаго значенія оно не лишено. Слушая такія заявленія сторонниковъ, если не формы, то идеи института, вы можете судить о размѣрахъ разочарованія въ немъ и поистинѣ бѣдственныхъ послѣдствіяхъ этого политическаго опыта съ насажденіемъ учрежденій особеннаго типа.

И въ самомъ дѣлѣ, что пишутъ защитники института о его составѣ?

При введеніи положенія о земскихъ начальникахъ „предполагалось, что мѣста ихъ займутъ мѣстные дворяне-землевладѣльцы, которые будутъ заниматься хозяйствомъ въ своихъ имѣніяхъ и въ то же время нести тутъ же и службу свою. Предположенія эти, какъ всѣмъ извѣстно, не оправдались. Почти половина земскихъ начальниковъ хозяйства своего не ведетъ, а многіе такъ даже

---

*) Тамъ же, стр. 86.

**) С. С. Бехтѣевъ. Хозяйственные итоги истекшаго сорокапятилѣтія и мѣры къ хозяйственному подъему. Спб. 1902 г., стр. 281.

и не имѣютъ никакихъ имѣній" *). „Нынѣ, за небольшими исключеніями, мѣста земскихъ начальниковъ... будутъ занимать главнымъ образомъ люди, для которыхъ важно имѣть дополнительное къ сельскому хозяйству денежное полученіе"**). „Земскіе начальники въ значительной части своей превратились въ простыхъ чиновниковъ, часто съ мѣстомъ своей службы никакими личными интересами несвязанныхъ... Въ большинствѣ случаевъ въ настоящее время кандидаты на должность земскаго начальника — офицеры, окончившіе курсы военныхъ училищъ" ***), которые „оказываются совершенно неопытными и бродятъ, какъ въ лѣсу". Иначе говоря, большинство земскихъ начальниковъ, по свидѣтельству сторонниковъ института, удовлетворяетъ требованію образовательнаго ценза такъ же мало, какъ и требованіямъ служебнаго и имущественнаго ценза, и могло занять эти должности только на основаніи временнаго „изъятія" изъ правилъ о цензѣ.

Такимъ образомъ, одно изъ условій „благопріятнаго хода" дѣла на практикѣ не соблюдается. Что можно сказать о другомъ,— существуетъ ли „бдительный надзоръ губернской власти?" И на этотъ вопросъ получается отвѣтъ отрицательный. Земскій начальникъ,—пишетъ одинъ изъ сторонниковъ института,—„занимаетъ исключительно привилегированное положеніе среди всѣхъ другихъ должностей имперіи. За дѣятельностью его нѣтъ никакого надзора, онъ одинъ внѣ всякаго контроля" ****). „Ни сверху, ни снизу контроля надъ нами - пишетъ другой сторонникъ, самъ земскій начальникъ, — нѣтъ, у насъ нѣтъ даже правильной программы для составленія отчетовъ" *****). Въ отношеніи контроля за дѣятельностью земскихъ начальниковъ, — замѣчаетъ третій,— во многихъ губерніяхъ по сію пору ограничиваются тѣмъ, что губернаторъ вмѣстѣ съ однимъ изъ непремѣнныхъ членовъ ревизуетъ ежегодно одного или двухъ земскихъ начальниковъ и нѣсколько волостныхъ правленій.

Конечно, при подобныхъ ревизіяхъ, благодаря ихъ безсистемности, многое усмотрѣно быть не можетъ, и онѣ остаются обыкновенно безрезультатными ******).

Легко понять, какъ должны дѣйствовать, какъ только могутъ дѣйствовать эти администраторы-судьи, мало подготовленные къ своему дѣлу, безконтрольные и полновластные. Легко понять—даже больше, легко было предвидѣть, каковы должны быть результаты этого пятнадцатилѣтняго опыта. Характерно,

*) Гр. Бенигсенъ. Къ вопросу и т. д., стр. 71.
**) С. С. Бехтѣевъ. Хозяйственные итоги, стр. 283.
***) Гр. Бенигсенъ. Къ вопросу, стр. 73, 74.
****) Бехтѣевъ, стр. 282.
*****) В. Яновичъ. Итоги шестилѣтія. Замѣтки земскаго начальника. Пермь. 1902, стр. 86.
******) Гр. Бенигсенъ. Къ вопросу и пр. стр. 77.

что сторонники и защитники института земскихъ начальниковъ выступаютъ теперь съ предложеніями возвратиться къ выборному началу замѣщенія мѣстныхъ должностей *), лишить земскихъ начальниковъ судебной власти **) и т. п. Надо, однако, замѣтить по поводу этихъ проектовъ, что свѣдѣнія о фактическомъ положеніи крестьянскаго дѣла въ настоящее время, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они исходятъ отъ сторонниковъ института земскихъ начальниковъ, убѣждаютъ въ недостаточности частныхъ поправокъ въ зданіи судебно-административныхъ учрежденій 1889 года и приводятъ къ мысли о необходимости полной его сломки. Нельзя даже сказать, чтобы на практикѣ не была испытана важнѣйшая изъ предложенныхъ мѣръ: въ Сибири съ 1898 года дѣйствуютъ земскіе начальники безъ судебныхъ функцій. Крестьянскіе начальники, какъ ихъ тамъ называютъ, призваны разбирать, по правиламъ судебно-полицейскаго разбирательства мировыхъ посредниковъ, лишь нѣкоторые споры, вытекающіе среди подвѣдомственнаго имъ населенія изъ отношеній по найму на сельскія работы, по найму земли, по потравамъ и т. п. Въ остальномъ этотъ институтъ точная копія института земскихъ начальниковъ,— и достаточно было пяти — шестилѣтняго опыта для того, чтобы доказать, что попечительная дѣятельность крестьянскихъ начальниковъ въ Сибири развивается въ одномъ направленіи съ дѣятельностью ихъ европейскихъ коллегъ ***). Быть можетъ, скажутъ, что слѣдовало бы пойти еще дальше по пути приспособленія института земскихъ начальниковъ къ требованіямъ жизни. Даже въ средѣ его сторонниковъ раздаются голоса, что необходимо освободить земскаго начальника отъ попечительныхъ функцій: земскій начальникъ,—говорятъ они — „только чиновникъ" и онъ долженъ быть только чиновникомъ. Поэтому и „требованія къ нему можно предъявлять только такія же, какъ и ко всѣмъ чиновникамъ" ****). Впрочемъ, надо сказать, что, освобождая земскихъ начальниковъ отъ выполненія обязанностей, фактически не выполняемыхъ ими и невыполнимыхъ, авторы этихъ проектовъ не намѣрены лишать крестьянское начальство власти налагать на подвѣдомственное ему населеніе отеческія дисциплинарныя взысканія въ видѣ штрафа или ареста *****). И, пожалуй, они не такъ ужъ непослѣдовательны въ этомъ случаѣ, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Пока у земскихъ начальниковъ остается эта власть, да еще право на „вмѣшательство" въ крестьянскія общественныя дѣла,—полновластіе земскаго начальника и безправное

*) С. С. Бехтѣевъ. Хозяйственные итоги, стр.

**) Гр. Бенигсенъ. Къ вопросу и пр. В. Яновичъ. Итоги.

***) *Труды мѣстн. комит. о нуждахъ сельской промышл.*, т. LIII, стр. 51, 52, 60 и др.

****) Гр. Бенигсенъ. Къ вопросу, стр. 85, 87.

*****) Тамъ же, стр. 81. В. Яновичъ. Шестилѣтніе итоги, стр.

положеніе подчиненнаго ему населенія не измѣнятся ни на іоту. А если преобразованіе устранитъ именно эти особенности современной организаціи „надзора" за сельскимъ общественнымъ управленіемъ, то самое существованіе института земскихъ начальниковъ станетъ излишнимъ. Для надзора надъ учрежденіями крестьянскаго самоуправленія, надзора въ его естественныхъ границахъ, нѣтъ надобности ни въ этомъ, ни въ какомъ либо другомъ чиновникѣ. И самый вопросъ о такомъ надзорѣ удовлетворительно рѣшится только тогда, когда,—какъ это говорилось въ старыхъ земскихъ проектахъ сторонниками сохраненія крестьянскаго сословнаго управленія такъ же, какъ и сторонниками всесословной волости — когда будетъ установлена тѣсная связь между крестьянскимъ и земскимъ самоуправленіемъ *).

Два года назадъ, на основаніи многолѣтнихъ наблюденій и близкаго знакомства съ дѣйствительнымъ положеніемъ деревни, началу опеки надъ крестьянами и его полному олицетворенію — земскимъ начальникамъ, была дана снова достойная оцѣнка въ отзывахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Многочисленныя и единодушныя заявленія, сдѣланныя мѣстными людьми чрезъ посредство этихъ комитетовъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что въ настоящее время *повсемѣстно* одной изъ самыхъ насущныхъ и настоятельныхъ нуждъ деревни является освобожденіе крестьянъ отъ тяготѣющей надъ ними властной опеки, уравненіе ихъ въ правовомъ отношеніи съ другими сословіями и подчиненіе однородному административному режиму, при условіи широкаго развитія мѣстнаго самоуправленія **). Другого рѣшенія вопроса о крестьянскомъ управленіи, конечно, нѣтъ и не можетъ быть.

Владиміръ Розенбергъ.

*) В. Ю. Скалонъ. Земскіе взгляды, стр. 157.

**) Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Спб. 1904. Т. I, статьи В. М. Гессена, И. М. Страховскаго, В. А. Розенберга, стр. 41—177, и статьи К. К. Арсеньева, стр. 420—430 и Г. И. Шрейдера, стр. 287—357.

Новая книга о Россіи *).

(Письмо изъ Англіи).

I.

Въ каждой литературѣ можно найти много книгъ о чужихъ странахъ. Пишутъ изслѣдователи, внимательно изучившіе предметъ (такихъ очень мало). Пишутъ любознательные туристы, у которыхъ очень мало знаній и очень много смѣлости (такихъ книгъ очень много). Появляются книги, спеціальная цѣль которыхъ „обличать“ чужую національность. Бываютъ, наконецъ, труды, задачи которыхъ „прославлять“ или оправдывать въ глазахъ Европы чужой строй или дѣятелей, не пользующихся симпатіями культурнаго міра. Происхожденіе такихъ „трудовъ“ не трудно угадать съ первыхъ же страницъ. Характеристику такихъ авторовъ далъ намъ еще одинъ изъ энциклопедистовъ. „Если бы чума могла раздавать пенсіоны и ордена, то нашлись бы такіе низкіе теологи и такіе безсовѣстные юрисконсульты, которые восхваляли бы ея правленіе и доказывали, что ея права губить все живое—божественнаго происхожденія. Такіе люди писали бы книги, со спеціальной цѣлью выяснить, что борющіеся съ чумой — возстаютъ противъ Провидѣнія“ (Helvetius, „De l'Esprit“. Oeuvres complètes. Tome I, p. 518. Изданіе 1776 года). Въ англійской литературѣ не трудно указать на образцы каждой изъ намѣченныхъ категорій. Только что появившаяся книга полковника Уэлсли нѣсколько отличается отъ обычныхъ характеристикъ чужихъ странъ. Авторъ долго прожилъ въ Россіи, какъ британскій военный attaché. Какъ дипломатъ, онъ вращался въ извѣстной средѣ, именно, въ высшихъ военныхъ сферахъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, касаются, по преимуществу, этого міра. Военный attaché это—своего рода благородный, привилегированный „соглядатай“, съ которымъ нельзя расправиться такъ же безцеремонно, какъ съ простымъ „наблюдателемъ“, то есть, каторгой или петлей. Военный attaché имѣетъ миссіей слѣдить за вооруженіемъ чужой страны и узнавать секреты, которые отнюдь не должны выплывать. У военнаго attaché на службѣ цѣлые отряды тайныхъ „наблюдателей“, съ которыми не церемонятся, если поймаютъ. Понятія людей о томъ, что зазорно и что нѣтъ— крайне растяжимы. Военные, напр., сочли бы величайшимъ позоромъ для себя

*) With the Russians in Peace and War. Recollections of a Military Attaché. by colonel F. A. Wellesley. London. 1905. (т. е. „Съ русскими во время войны и мира“. Воспоминанія бывшаго военнаго attaché, полковника Ф. А. Уэлсли.

дружбу съ однимъ изъ тайныхъ „наблюдателей“, между тѣмъ въ честь того, кто нанимаетъ этихъ „наблюдателей“, кавалергарды дали банкетъ, съ которымъ связаны первыя впечатлѣнія полковника Уэлсли въ Россіи. Авторъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Черезъ нѣсколько дней, послѣ пріема у государя, онъ былъ уже на маневрахъ въ Красномъ Селѣ. „Кавалергарды устроили мнѣ большой обѣдъ,—разсказываетъ авторъ.—Сказать правду, то было страшное испытаніе, повторить которое я не желалъ бы“. Дѣло въ томъ, что автора доняли необходимостью пить много со всѣми сорока офицерами. Доканала его „ужасная смѣсь, which they called, *jonka*“ (т. е. жженка). Послѣ жженки начались поцѣлуи и качаніе на рукахъ. „Подбрасываніе означало любезность; но такъ какъ это гимнастическое упражненіе производилось послѣ сытнаго обѣда, шампанскаго и жженки, то я не могу назвать его очень пріятнымъ испытаніемъ“.

Полковникъ Уэлсли прожилъ въ Россіи шесть лѣтъ и сдѣлалъ потомъ почти всю русско-турецкую кампанію. За время своего пребыванія, онъ хорошо изучилъ русскій языкъ. Русскимъ народомъ, обществомъ, экономической и умственной жизнью Россіи авторъ, повидимому, совершенно не интересовался. Въ этомъ отношеніи мы находимъ въ толстой книгѣ только нѣсколько бѣглыхъ и крайне поверхностныхъ замѣчаній. Полковникъ Уэлсли, напр., съ удивленіемъ отмѣчаетъ грубость людей, занимающихъ крупное положеніе въ служебной іерархіи, съ подчиненными *). Какъ англичанинъ, Уэлсли привыкъ думать, что настоящій джентльменъ, прежде всего, долженъ быть вполнѣ корректенъ съ людьми, которые находятся въ зависимости отъ него. По англійскимъ понятіямъ, быть грубымъ съ людьми, которые не могутъ отвѣтить по служебному положенію своему, кричать на нихъ или браниться,—могутъ только „toady“, т. е. презрѣнныя, ничтожныя существа съ натурой, какъ у пресмыкающагося. Авторъ дальше отмѣчаетъ негигіеничность обстановки богатыхъ русскихъ, поразительную лѣнь, „minimum политической свободы при maximum'ѣ права безпутничать“. „Печать здѣсь всегда въ намордникѣ,—говоритъ Уэлсли,—рѣзкія статьи въ иностранныхъ газетахъ безжалостно замазываются типографской краской, политическія собранія строго воспрещены, гарантій личности не существуетъ, но за то кутилы могутъ пировать въ ресторанахъ всю ночь“ **). „Русская свобода безпутничать покажется недостижимымъ идеаломъ для англійскаго кутилы“. Авторъ находитъ, что въ Россіи безъ наглазниковъ ходятъ только лошади. Какъ опытный человѣкъ, полковникъ Уэлсли доказываетъ, что обычай не закрывать

*) См. p. 18.
**) Ib., p. 29.

глазъ лошадямъ—очень хорошъ. Животныя привыкаютъ къ широкому горизонту и не пугаются, поэтому, во время столкновенія такъ легко, какъ лошади, которыхъ постоянно водятъ въ шорахъ. „Русская лошадь видитъ все, что дѣлается кругомъ, поэтому она не обращаетъ вниманія на шумъ или на предметы, которые испугали бы животное въ наглазникахъ". Нужно думать, что принципъ о наглазникахъ одинаково справедливъ въ примѣненіи не только къ лошадямъ. Во всякомъ случаѣ, у насъ въ Россіи еще въ концѣ XVIII вѣка доказывалось, что „шоры на мысль" причиняютъ одинъ вредъ и что возможность „видѣть весь горизонтъ" можетъ принести обществу только громадную пользу.

Неуклюжій, шероховатый стиль XVIII вѣка устарѣлъ и кажется намъ архаичнымъ. Но можно ли то же самое сказать о мысляхъ, которыя выражены Радищевымъ?

„Цензура сдѣлана нянькою разсудка, остроумія, воображенія, всего великаго и изящнаго. Но гдѣ есть няньки, то слѣдуетъ, что есть ребята, которые ходятъ на помочахъ; отчего у нихъ бываютъ нерѣдко кривыя ноги. Гдѣ есть опекуны, слѣдуетъ, что есть малолѣтніе, незрѣлые разумы, которые собою править не могутъ. Если-жъ всегда пребудутъ няньки и опекуны, то ребенокъ долженъ ходить на помочахъ и совершенный на возрастѣ будетъ калѣка. Недоросль будетъ всегда Митрофанушка, безъ дядьки не ступаетъ и безъ опекуна не можетъ править своимъ наслѣдіемъ... Таковы бываютъ вездѣ слѣдствія обыкновенной цензуры, и чѣмъ она строже, тѣмъ слѣдствія ея пагубнѣе... Книга, проходящая десять цензуръ, прежде нежели явится въ свѣтъ, не есть книга, но подѣлка святой инквизиціи, часто изуродованная, сѣченная батожьемъ, съ кляпомъ во рту, узникъ и рабъ всегда. Въ области истины, въ царствѣ мысли и духа не можетъ никакая земная власть давать рѣшенія, и не должно; не можетъ того правительство, менѣе еще—его цензоръ, въ клобукѣ ли онъ, или съ темлякомъ... Чѣмъ основательнѣе государство въ своихъ правилахъ, тѣмъ стройнѣе и тверже оно само въ себѣ—тѣмъ менѣе можетъ оно поколебаться и трястись отъ дуновенія каждаго мнѣнія, отъ насмѣшки разъяреннаго писателя; тѣмъ болѣе благоволитъ оно свободѣ мыслей и свободѣ писанія, отъ которой подъ конецъ вѣрно будетъ прибыль истинѣ. Губители бываютъ подозрительны; тайные злодѣи робки. Мужъ явно творящій правду и твердый въ правилахъ своихъ допуститъ всякій глаголъ о себѣ. Онъ ходитъ во дни и строитъ себѣ на пользу клевету своихъ злодѣевъ. Отступы въ мысляхъ вредны. Правитель государства да будетъ безпристрастенъ во мнѣніяхъ, чтобы могъ объять мнѣнія всѣхъ и оныя въ государствѣ своемъ дозволять, просвѣщать и наклонять къ общему добру".

... „Если хочешь благорастворенняго воздуха, то удали отъ себя коптильню; если хочешь свѣта, удали затменіе.. Пускай

печатаютъ все, кому что на умъ ни взойдетъ. Кто найдетъ себя въ печати обиженнымъ, тому-де дается судъ по формѣ... Какой вредъ, если книги въ печати будутъ безъ клейма полицейскаго? Не токмо не можетъ быть вреда, но польза; польза отъ перваго до послѣдняго... Правители народовъ не дерзнутъ удалиться отъ стези правды и убоятся: ибо пути ихъ злости и ухищренія обнажатся. Востренещетъ судія, подписывая неправедный приговоръ, и раздеретъ его... Тайный грабежъ назовется грабежемъ; прикрытое убійство убійствомъ. Убоятся всѣ злые строгаго взора истины" *).

Наглазники у лошадей заставили, однако, меня нѣсколько уклониться въ сторону. Возвратимся къ книгѣ полковника Уэлсли. О русскихъ вообще онъ говоритъ очень мало. Авторъ отмѣчаетъ, что они—плохіе работники. „Въ Россіи въ конторахъ на заводахъ, въ канцеляріяхъ, всюду назначаютъ пять человѣкъ на такую работу съ которой въ Англіи справился бы одинъ"..„Русская полиція груба, ругается, дерется и, въ то же время, совершенно не въ состояніи поддержать порядокъ въ европейскомъ смыслѣ слова.. Какъ удивился бы, вѣроятно, русскій полицейскій чиновникъ, попавъ въ Лондонъ, при видѣ того, какъ одинъ полисмэнъ, безъ крика, безъ брани и зуботычинъ, простымъ движеніемъ руки, поддерживаетъ порядокъ въ такомъ водоворотѣ экипажей, омнибусовъ и пѣшеходовъ, какъ на Пиккадили Серкэсъ!" („With the Russians", etc., p. 52). Авторъ констатируетъ дальше, что русскіе „строятъ очень много церквей и очень мало школъ". Ему приходится также отмѣтить такой случай, на которомъ построенъ разсказъ Глѣба Успенскаго „Маленькіе недостатки механизма". Надобно было препроводить молодого человѣка Лаптева, а препроводили аптекаря Лаптева, снабжавшаго купца „пилюлями отъ живота". Поражаетъ также автора пристрастіе русскихъ къ картамъ. Какъ видите, наблюденія не особенно глубокія. Любопытна одна черта. Что касается общества, то англійскій наблюдатель конца XIX вѣка замѣтилъ врядъ ли больше, чѣмъ его предшественникъ конца XVI-го вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, въ своей извѣстной книгѣ „Of the Russe Common Wealth, etc", вышедшей въ 1591 г., Флетчеръ отмѣчаетъ: „Русскіе... большею частью вялы и недѣятельны, что, какъ можно полагать, происходитъ частью отъ климата и сонливости, возбуждаемой зимнимъ холодомъ, частью же отъ пищи, которая состоитъ преимущественно изъ кореньевъ, лука, чеснока, капусты и подобныхъ произрастаній, производящихъ дурные соки". Съ описаніями Уэлсли пира въ Красномъ Селѣ можно сопоставить слѣдующее мѣсто изъ книги Флетчера: „Столъ у нихъ (москови-

*) *А. Радищевъ*, „Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву", Торжокъ. Цитирую по полному трюбнеровскому изданію 1858 г.

товъ) болѣе, нежели страненъ. Приступая къ ѣдѣ, они обыкновенно выпиваютъ *чарку*, или небольшую чашку водки (называемой русскимъ виномъ), потомъ ничего не пьютъ до конца стола, но тутъ уже напиваются вдоволь и всѣ вмѣстѣ, цѣлуя другъ друга при каждомъ глоткѣ, такъ что послѣ обѣда съ ними нельзя ни о чемъ говорить, и всѣ отправляются, чтобы соснуть, имѣя обыкновеніе отдыхать послѣ обѣда, такъ точно и ночью". На негигіеничность русскихъ жилищъ одинаково жалуются и Уэлсли, и Флетчеръ. „Всю зиму и большую часть лѣта московиты.. такъ нагрѣваютъ домъ, что иностранцу навѣрное не понравится. Эти двѣ крайности... жаръ внутри домовъ и стужа на дворѣ, вмѣстѣ съ пищей, придаютъ имъ темный болѣзненный цвѣтъ лица". Присутствіе „наглазниковъ" и крайне низкую степень развитія населенія тоже одинаково констатируютъ два наблюдателя, раздѣленные промежуткомъ въ три вѣка. „Причина невѣжества,—говоритъ Флетчеръ—заключается въ томъ, что образъ воспитанія московитовъ признается ихъ властями самымъ лучшимъ для ихъ государства и наиболѣе согласнымъ съ ихъ образомъ правленія, которое народъ едва ли бы сталъ переносить, если бы получилъ какое-нибудь образованіе и лучшее понятіе о Богѣ, равно какъ и хорошее устройство". Крайняя грубость командующихъ классовъ съ массами также поразила Флетчера, какъ и Уэлсли. „Видя грубые и жестокіе поступки съ ними всѣхъ главныхъ должностныхъ лицъ и другихъ начальниковъ—говоритъ англійскій наблюдатель XVI-го вѣка,—московиты также безчеловѣчно поступаютъ... съ своими подчиненными и низшими. Самый низкій и убогій, унижающійся и ползающій предъ начальствомъ,—дѣлается несноснымъ тираномъ, какъ скоро получаетъ надъ чѣмъ-нибудь верхъ". *).

Итакъ, Уэлсли знаетъ очень мало русское общество и народъ. Хотя онъ изучилъ русскій языкъ, но не отмѣтилъ ничего другого, чего не записалъ бы Флетчеръ, не знавшій по-русски. Но за то Уэлсли, по роду своихъ обязанностей, вращался постоянно въ верхахъ военнаго міра. Эту область, повидимому, онъ изучилъ хорошо. Военный атташе не только наблюдаетъ самъ. Онъ имѣетъ на службѣ у себя „агентовъ", по просту, шпіоновъ, снабжающихъ его свѣдѣніями о всемъ, что творится въ извѣстной средѣ. Добытыя свѣдѣнія составляютъ матеріалъ для депешъ, отправляемыхъ атташе своему правительству. Такая книга, какъ „With the Russians in Peace and War" вводитъ насъ за кулисы, куда простымъ смертнымъ заглядывать не всегда полагается. Очень можетъ быть, что не всѣ замѣтки Уэлсли, написанныя на основаніи составленныхъ имъ депешъ, вполнѣ совпадаютъ съ

*) *Флетчеръ*, „О Государствѣ Русскомъ" и пр., глава XXVIII: „О домашней жизни и свойствахъ русскаго народа", стр. 108—113.

дѣйствительностью: но, во всякомъ случаѣ, авторъ болѣе освѣдомленъ, чѣмъ многіе наблюдатели, отмѣчавшіе, такъ сказать, представленіе, какъ оно поставлено на сценѣ, а не подготовленіе его за кулисами.

II.

Съ первыхъ же шаговъ въ Россіи, полковникъ Уэлсли отмѣчаетъ въ своихъ депешахъ продажность крупныхъ чиновниковъ, неумѣлость бюрократіи при страшной самоувѣренности ея въ то же время. Бюрократія заботится только о томъ, чтобы снаружи было все какъ слѣдуетъ, для чего нисколько не останавливается передъ грубымъ обманомъ. То же самое можно было бы сказать о тѣхъ трехъ китахъ, на которыхъ, по словамъ риторовъ, держалась и держится Русь. Возьмемъ, напр., одного изъ этихъ китовъ.

Древнее благочестіе, о которомъ такъ много говорятъ въ извѣстныхъ кругахъ, понятіе крайне условное. Во всякомъ случаѣ, если оно было „китомъ“ когда-нибудь, то очень много лѣтъ тому назадъ, раньше XVI-го вѣка. „Примѣры отдѣльнаго благочестія, подвиго-паломничества аскетовъ, множество монастырей, воздвигаемыхъ въ непроходимыхъ мѣстахъ, не могутъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ общаго народнаго благочестія, — говоритъ русскій историкъ. Во-первыхъ, кто безпристрастно и критически относился къ нашимъ житіямъ, тотъ не можетъ усомниться, что краснорѣчивыя похвалы въ этихъ біографіяхъ часто слѣдуетъ принимать менѣе за историческую правду, чѣмъ за избитую риторику, даже не самостоятельную по содержанію, а рутинно повторяющую давніе византійскіе пріемы; во-вторыхъ, эти же самыя повѣствованія, говоря о свѣтлой сторонѣ русскаго благочестія въ лицѣ святыхъ подвижниковъ, подчасъ проговариваются и о черныхъ сторонахъ, указывающихъ на нравы того общества, изъ котораго явились эти подвижники“ *). „Вообще, при чтеніи нашихъ умилительныхъ повѣствованій о разныхъ явленіяхъ подвиго-паломничества и благочестивой жизни,—продолжаетъ тотъ же авторъ, — не слѣдуетъ забывать русской пословицы: „не всякое лыко въ строку“. Въ Стоглавѣ, напр., намъ показывается обратная сторона явленій, описываемыхъ риторами въ свѣтлыхъ чертахъ: „Старецъ на лѣсу келію поставитъ, или церковь срубитъ, да пойдетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе, и земли, и руги проситъ, а что собравъ, то и пропьетъ“ **). „Въ тѣхъ же церквахъ, гдѣ совершалось богослуженіе, господствовало полное

*) *Н. И. Костомаровъ.* Исторія раскола у раскольниковъ. Собраніе сочиненій. Т. XII (изданіе 1905 г.), стр. 215.

**) Ib.

отсутствіе благочестія: „попы и церковные причетники,—говоритъ Стоглавъ,—въ церкви всегда пьяни и безъ страха стоятъ и бранятся, и всякія рѣчи неподобныя всегда исходятъ изъ устъ ихъ,—попы же въ церквахъ бьются и дерутся промежъ себя“... „Принимая во вниманіе множество монастырей, — продолжаетъ Н. И. Костомаровъ,—и довѣряя многимъ умильнымъ описаніямъ святой жизни ихъ обитателей, можно было бы надѣяться, что монастырское благочестіе выкупало безпорядокъ, происходившій въ приходскихъ церквахъ. Но Стоглавъ и въ этомъ отношеніи насъ разочаровываетъ. Изъ него видно, что во многихъ монастыряхъ архимандриты и игумены, покупая себѣ мѣста... жили себѣ въ свое удовольствіе на счетъ монастырскихъ имѣній, угощали пріятелей, держали своихъ родныхъ въ монастыряхъ, монахи подражали имъ и жили беззазорно; въ келіи къ нимъ ходили женщины и дѣвицы“.—Я не рѣшаюсь продолжать цитату. Тамъ есть отвратительная подробность, крайне характерная для монастырей, но вызывающая отвращеніе въ читателѣ. Читатели найдутъ ее на 216 стр. цитируемой книги, 15-я строка сверху. Въ Москвѣ—„люди, пришедшіе въ церковь во время богослуженія, громко разговаривали, смѣялись, иные бранились, а тутъ же юродивые ходили въ пустынническомъ образѣ, растрепавъ волосы, кричали, дурачились и смѣшили другихъ. Попы не только дозволяли такое безчиніе, но и сами пьяные безчинствовали въ церкви. Праздники торжествовались самымъ развратнымъ образомъ; постоянно слышалась самая неприличная брань. Въ 1646 г. окружной патріаршій наказъ указываетъ, что въ московскихъ церквахъ во время богослуженія бываетъ „драка до крови и лая смрадная“ (*Костомаровъ*, стр. 218). Такъ было въ XVI и въ XVII вв., которые приводятъ въ умиленіе нашихъ поклонниковъ старины. Впослѣдствіи были приняты строгія мѣры, чтобы *наружный* порядокъ возможно соблюдался. Но врядъ ли кто-либо, знакомый съ русской исторіей или съ русской дѣйствительностью станетъ отрицать слѣдующее. Духовные запросы сильно волновали и волнуютъ лучшую часть русскаго народа; но „старый китъ“, на которомъ, будто бы, держится Русь, не даетъ уже больше отвѣта на эти „тревоги души“, потому что пересталъ быть авторитетомъ, во всякомъ случаѣ, уже въ XVI вѣкѣ. „Китъ“ держится всѣмъ, но только не довѣріемъ къ нему. Точно такъ же другой „китъ“, на которомъ тоже, будто бы, держится Русь, давнымъ давно уже не даетъ отвѣта на гражданскіе запросы русскаго общества...

Я возвращаюсь къ запискамъ полковника Уэлсли.

„Въ то время (т. е. въ серединѣ семидесятыхъ годовъ) строился броненосецъ *Петръ Великій*,—разсказываетъ авторъ.—На него возлагались большія надежды, но постройка подвигалась крайне медленно. Разъ государь принималъ докладъ отъ исполняющаго должность морскаго министра. Прошло уже нѣсколько

лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ броненосецъ былъ заложенъ. Государь нѣсколько разъ слышалъ увѣренія, что корабль будетъ скоро готовъ. Исполняющій должность министра не привыкъ еще къ докладамъ. Когда государь категорически спросилъ: „скоро ли будетъ готовъ *Петръ Великій?*"—докладчикъ совершенно растерялся и отвѣтилъ: „черезъ три недѣли, ваше величество". Государь выразилъ свое удовольствіе и заявилъ, что вскорѣ осмотритъ самъ броненосецъ въ Кронштадтѣ. Между тѣмъ броненосецъ далеко еще не былъ конченъ. Онъ находился въ докахъ. Броня, заказанная въ Англіи, не была еще доставлена. Собственно говоря, одну партію плитъ повезли уже въ Петербургъ, но по дорогѣ, во время бури, сбросили весь грузъ въ море, чтобы облегчить судно. Въ виду посѣщенія государя, всѣ полезныя работы на броненосцѣ были пріостановлены. Сотни работниковъ днемъ и ночью отдѣлывали каюты. Бока корабля покрывались поддѣльной броней. Сооружались деревянныя, выкрашенныя подъ сталь, вращающіяся башни. Въ то утро, когда государь долженъ былъ посѣтить броненосецъ, капитанъ приказалъ одному изъ механиковъ запалить нѣсколько кулей соломы, чтобы изъ трубъ повалилъ дымъ. Это придало видъ, будто въ машинахъ разводятъ уже пары.

„Когда герцогъ Эдинбургскій прибылъ въ Россію, чтобы вступить въ бракъ съ великой княжной Маріей Александровной,—продолжаетъ полковникъ Уэтели,—я разсказалъ ему всю эту исторію. Герцогъ не повѣрилъ. Я сказалъ ему, что вскорѣ предстоитъ морской смотръ въ Кронштадтѣ, и тогда онъ самъ можетъ убѣдиться, какъ построенъ *Петръ Великій.* Герцогъ Эдинбургскій былъ морякъ. Я предсказывалъ поэтому, что его, вѣроятно, подъ какимъ-нибудь предлогомъ не пустятъ на броненосецъ. Наступилъ день смотра. Императорская яхта, на которой находились государь и герцогъ Эдинбургскій, прослѣдовала мимо военныхъ кораблей, выстроившихся на якоряхъ въ двѣ линіи. За императорской яхтой слѣдовалъ я на паровомъ катерѣ одного изъ моихъ друзей. Вскорѣ я замѣтилъ, что отъ яхты отвалилъ по направленію къ броненосцу *Петръ Великій* баркасъ съ герцогомъ Эдинбургскимъ. Я узналъ потомъ, что герцогъ выразилъ одному изъ морскихъ офицеровъ желаніе осмотрѣть броненосецъ, но его стали отговаривать. Государь, замѣтивъ это, спросилъ, въ чемъ дѣло. Когда онъ узналъ про желаніе герцога, то сейчасъ же приказалъ спустить баркасъ. Императоръ, конечно, не подозрѣвалъ, въ какомъ состояніи находится *Петръ Великій.*

„Послѣ смотра герцогъ Эдинбургскій сказалъ мнѣ, что я ошибся въ одномъ отношеніи: я сказалъ, что вращающіяся башни на броненосцѣ сдѣланы изъ дерева, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ихъ сдѣлали изъ выкрашеннаго полотна, натянутаго на рамы. Герцогъ Эдинбургскій въ этомъ самъ убѣдился, когда дотронулся рукой

до грозной башни. Морскіе офицеры, чтобы никто не подошелъ къ ней, окружили ее красиво сложенными кольцами морского каната, черезъ которыя герцогъ перелѣзъ.

„Моряки хвастались, что *Петръ Великій* будетъ самымъ грознымъ изъ всѣхъ существующихъ на свѣтѣ военныхъ кораблей. Въ дѣйствительности же, когда броненосецъ, наконецъ, закончили, онъ былъ такъ слабъ, что далъ сильную течь при пробѣ придать ему большую скорость, чѣмъ восемь узловъ въ часъ. Когда же стали палить большія пушки, то головки заклепокъ отлетѣли" *). Вообще, полковникъ Уэлсли знаетъ много „анекдотовъ" про флотъ и моряковъ. Лѣтомъ 1874 г. герцогъ Эдинбургскій съ супругой отплыли изъ Кронштадта въ Англію на императорской яхтѣ *Держава*, за которой слѣдовала другая яхта, меньшей величины, *Олафъ*. Курсъ былъ по направленію къ Дувру. На яхтѣ находилось нѣсколько адмираловъ, но путешественники, тѣмъ не менѣе, имѣли очень непріятный и опасный переѣздъ. Корабли попали на сѣверъ и едва не наскочили на мель (Winterton Sands) у береговъ Норфолька. *Держава*, вмѣсто Дувра, попала въ Грэйвзэндъ (т. е. въ устья Темзы). Что же касается *Олафа*, то онъ совсѣмъ заблудился, долго кружилъ у береговъ Англіи и попалъ, наконецъ, не въ Дувръ, а гораздо сѣвернѣе — въ Гулль **). Съ еще большей ироніей отзывается полковникъ Уэлсли о знаменитыхъ „поповкахъ".

„Лѣтомъ 1873 г., — пишетъ авторъ, — я получилъ отъ моего правительства инструкцію присутствовать при спускѣ въ Николаевѣ перваго круглаго броненосца *Новгородъ*. Военные корабли подобнаго типа получили названіе „поповокъ", по имени адмирала Попова, который первый, будто бы, предложилъ идею круглыхъ судовъ. Я говорю „будто бы", потому что видѣлъ брошюру, изданную много лѣтъ тому назадъ владѣльцемъ одной изъ большихъ англійскихъ верфей и излагавшую проектъ корабля, подобнаго плавающему стеклу отъ карманныхъ часовъ. Авторъ, перечисляя всѣ выгоды круглаго судна, добавляетъ, что онъ уже слишкомъ старъ для производства опытовъ. Судя, однако, по результатамъ, т. е. по „поповкамъ", на которыя русское правительство затратило такія большія деньги,—никто не станетъ теперь оспаривать у адмирала Попова чести первенства". Спускъ поповки *Новгородъ* былъ очень торжественный. „Адмиралъ Поповъ,— продолжаетъ полковникъ Уэлсли,—былъ героемъ дня. Судно спустили такъ, чтобы оно не могло повредить своихъ шести винтовъ. Когда поповка благополучно спустилась, всѣ пришли въ такой восторгъ, что стали цѣловаться, что заняло довольно много времени. На долю Попова досталось, конечно, больше всего поцѣ-

*) With the Russians etc., pp. 115—117.
**) With the Russians etc., pp. 141—142.

луевъ. Такъ какъ я принадлежу къ холодной націи, не проявляющей своего экстаза поцѣлуями, то я стоялъ въ сторонѣ. На слѣдующій день всѣ посѣтили поповку, которая плавала уже на рѣкѣ. Половинѣ машинъ на броненосцѣ дали ходъ впередъ, а половинѣ — ходъ назадъ. Поповка завертѣлась волчкомъ на собственной оси сперва въ одну сторону, потомъ въ другую. Хотя круженіе было и очень непріятно для всѣхъ, находившихся на кораблѣ, но они, тѣмъ не менѣе, пришли въ такой восторгъ, что опять стали цѣловать адмирала Попова. Въ то время онъ былъ кряжистый, крѣпко сколоченный мужчина среднихъ лѣтъ, съ круглымъ, цвѣтущимъ лицомъ. Попова считали великимъ свѣтиломъ русскаго флота. Адмиралъ мечталъ тогда о морскомъ разгромѣ англичанъ и о появленіи со своимъ побѣдоноснымъ флотомъ на Темзѣ. Вертящаяся волчкомъ поповка привела всѣхъ присутствующихъ въ такой восторгъ, что они считали появленіе побѣдоноснаго русскаго флота въ Лондонѣ дѣломъ не только возможнымъ, но и очень легкимъ" *).

Кромѣ неумѣлости при страшной самоувѣренности и хвастливости, авторъ отмѣчаетъ въ своихъ депешахъ случаи поразительнаго взяточничества, затѣмъ продажность въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ полковникъ Уэлсли вращался. „The honest man was the exception",—честный человѣкъ составлялъ исключеніе, — говоритъ авторъ **).

При наличности такихъ условій начата была русско-турецкая война.

III.

„Когда Россія объявила въ 1877 г. войну Турціи,—говоритъ полковникъ Уэлсли,—я находился въ Петербургѣ уже нѣсколько лѣтъ. Такъ какъ у меня была полная возможность изучить рус-

*) „With the Russians", etc., p. 150—151.

„Недостатки поповки,—говоритъ Р. М. Ловягинъ,—вытекавшіе прямо изъ ея круглой формы, оказались весьма существенными: 1) сопротивленіе воды поповкѣ *Новгородъ* при полномъ ходѣ въ пять разъ больше сопротивленія судна почти вчетверо большаго (напр., англійскаго броненосца *Devastation*, вод. 9330 тоннъ) при томъ же ходѣ, слѣдовательно для хода форма крайне не экономичная; 2) вертлявость и затрудненіе держать поповку на данномъ курсѣ, не смотря на его 12 килей; 3) большое количество винтовъ усиливаетъ предыдущій недостатокъ, такъ какъ невозможно точно регулировать ходъ машинъ обоихъ бортовъ; 4) неудобство дѣйствовать артиллеріей вслѣдствіе вертлявости и неправильности качки (происходящей по всѣмъ діаметрамъ). Изъ сопоставленія недостатковъ, происходящихъ отъ круглой формы, съ тѣми преимуществами, которыя она даетъ, приходится заключить, что опытъ съ поповкой не можетъ считаться удачнымъ (Брокгаузъ. „Энциклопедическій словарь", т. XXIV, стр. 553).

**) With the Russians, etc., p. 137.

скіе порядки,—то я не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые были безусловно увѣрены въ полномъ разгромѣ Турціи. Напротивъ, мнѣ казалось, что побѣда Россіи—сомнительна. И если бы Мехметъ Али проявилъ большую дѣятельность, а Сулейманъ паша не былъ бы такимъ продажнымъ, — кампанія, вѣроятно, кончилась бы иначе.

„Когда отданъ былъ приказъ мобилизировать армію, то обнаружилось, что Россія не воспользовалась урокомъ крымской войны. Конечно, она сдѣлала шагъ впередъ въ вооруженіи войска, но опыты послѣдняго времени показали, что хорошо вооруженная армія и современный флотъ, сами по себѣ, еще не обезпечиваютъ побѣды. Во время войны 1877 г. русскіе обнаружили такое же отсутствіе инниціативы, такую же неподготовленность и такой же хаосъ, какъ въ 1854 г. Событія послѣдняго времени показали также, что для русской бюрократіи безслѣдно прошелъ урокъ 1877 г. Въ 1904 г. Россія такъ же мало была приготовлена къ въ войнѣ съ Японіей, какъ въ 1877 г. къ вторженію въ Турцію“ *). Авторъ объясняетъ это дикое для европейца явленіе тѣмъ, что въ Россіи общество устранено отъ государственныхъ дѣлъ. Всѣмъ заправляетъ бюрократія, которая косна, бездарна, жестока, страшно самоувѣрена, хвастлива и, впридачу, — продажна. „Corruption, the curse of Russia, exists in all departments“, т. е. „продажность, являющаяся проклятіемъ Россіи, наблюдается всюду, во всѣхъ сферахъ“,—говоритъ на основаніи опыта полковникъ Уэлсли.

„Аналогія между событіями 1877 и 1904 гг., — продолжаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, — поразительна“,—и приводитъ, какъ спеціалистъ, техническія подробности относительно мобилизаціи. „Въ 1877 г. Россія мобилизировала въ четыре раза меньше войскъ, чѣмъ она заявила. Въ 1904 г. Куропаткинъ, по прибытіи въ Манчжурію, нашелъ тамъ гораздо меньшую армію, чѣмъ заявлялось заранѣе. Въ 1877 г. Россія, введенная въ заблужденіе своими экспертами, начала войну съ совершенно недостаточными силами. Она была увѣрена, что сразу раздавитъ Турцію. То же самое повторилось и въ 1904 г. Хотя всѣ знали, что послѣдствіемъ занятія Ляодунскаго полуострова и Манчжуріи должна быть война съ Японіей, тѣмъ не менѣе, у Россіи оказалось на Дальнемъ Востокѣ такъ мало войска, что она не могла перейти въ наступленіе съ надеждой на успѣхъ. Бюрократія проявила въ 1904 г. такую же хвастливость и такую же полную бездарность, какъ въ 1877 г. Есть еще и другое сходство въ двухъ кампаніяхъ. Во время русско-турецкой войны,—продолжаетъ полковникъ Уэлсли,— петербургской публикѣ подносили подробныя описанія сраженій, въ которыхъ турки падали тысячами, а русскіе имѣли только нѣсколько раненыхъ. Подобныя реляціи породили появленіе въ

*) With the Russians, etc., p. 110—111.

одномъ изъ парижскихъ юмористическихъ журналовъ такой телеграммы: „Состоялось большое сраженіе. Турки потеряли десять тысячъ человѣкъ. У насъ – родился маленькій казакъ". Подобныя же преувеличенія появлялись въ русскихъ газетахъ и въ 1904 г. Въ 1877 г. раздѣленіе власти и отвѣтственности на театрѣ военныхъ дѣйствій имѣло гибельныя послѣдствія. На Дальнемъ Востокѣ повторилось такое же раздѣленіе власти съ еще болѣе ужасными для Россіи послѣдствіями. Здѣсь аналогія кончается,— продолжаетъ полковникъ Уэлели. Въ 1876 г. Россія послала свой флотъ, крейсировавшій въ Средиземномъ морѣ,—въ Америку для предупрежденія столкновенія съ турецкими кораблями. Въ 1904 г. русскій флотъ остался въ Портъ-Артурѣ и во Владивостокѣ. Послѣдствія извѣстны.

Въ 1877 г. въ Россіи сильно негодовали по тому случаю, что флотъ, на который затратили такъ много денегъ, вмѣсто того, чтобы и. и къ берегамъ Турціи, поплылъ въ Америку. Адмиралъ Поповъ былъ прославленъ геніемъ за постройку броненосца *Петръ Великій* и двухъ поповокъ. Во время войны знаменитый *Петръ Великій* остался въ Кронштадтѣ, а поповки находились подъ защитой береговыхъ пушекъ въ Черномъ морѣ" *).

Война была объявлена въ 1877 г. Государь былъ глубоко увѣренъ, что Россія совершенно приготовлена. Между тѣмъ, на основаніи точныхъ свѣдѣній, которыя имѣлъ полковникъ Уэлели,— онъ доносилъ своему правительству слѣдующее. „Военныя депо всюду въ Россіи находятся въ самомъ жалкомъ состояніи. Когда офицерамъ, завѣдывающимъ складами, былъ отданъ приказъ дѣйствовать, — они совершенно потеряли голову. Войскамъ посылались патроны не подходящаго калибра. Громадные запасы патроновъ, давно хранившіеся въ складахъ, оказались никуда не годными. Въ газетахъ сообщается, что мобилизація свершилась необыкновенно успѣшно и въ замѣчательномъ порядкѣ. Между тѣмъ, - сообщалъ въ 1877 г. своему правительству полковникъ Уэлели,— въ первые дни всюду царилъ страшный безпорядокъ. Хотя перевозка частныхъ грузовъ была пріостановлена, когда объявили мобилизацію, а желѣзнодорожныя компаніи получили распоряженіе приготовить извѣстное число поѣздовъ въ день,—безпорядокъ и несклалица были такъ велики, что въ сутки отправляли только по два военныхъ поѣзда. На станціяхъ, гдѣ ждали поѣзда, иногда не оказывалось топлива. Бывали примѣры, что войска, съ запасами на три дня, ждали на сборныхъ пунктахъ по недѣлѣ и больше. Случалось, что военные поѣзда попадали совсѣмъ не туда, куда слѣдовало... Въ январѣ 1877 г. объявлено было, что для вторженія въ Турцію мобилизирована армія въ 400

*) „With the Russians in Peace and War", p. 163—164.

тысячъ человѣкъ. Въ дѣйствительности, собрано было только 180 тысячъ. Въ арміи былъ большой недочетъ въ офицерахъ. Комиссаріатъ же находился въ самомъ плачевномъ состояніи. Солдаты не имѣли ни зимняго платья, ни сапогъ, ни полушубковъ. Правительство вынуждено было не разъ дать солдатамъ на руки деньги для покупки сапогъ и полушубковъ Министерства путей сообщенія, внутреннихъ дѣлъ и военныхъ дѣлъ, а также общество Краснаго Креста — послали на разныя желѣзнодорожныя станціи своихъ чиновниковъ, каждый изъ которыхъ отдавалъ приказанія по собственному усмотрѣнію. Получалась невѣроятная путаница. Одинъ чиновникъ отмѣнялъ распоряженія другого. Всѣ желѣзныя дороги должны были доставить на линіи, по которымъ передвигались войска, извѣстное число паровозовъ; но такъ какъ сборные пункты не были точно опредѣлены заранѣе, то на станціяхъ, гдѣ нужно было десять локомотивовъ,—оказывалось ихъ сто и наоборотъ. То же самое повторилось и съ вагонами. По мѣрѣ того, какъ усиливалось передвиженіе войскъ,—увеличивалась и путаница. Распредѣленіемъ поѣздовъ завѣдывали не желѣзнодорожные инженеры, а офицеры. Они были командированы на станціи заранѣе, чтобы сдѣлать всѣ надлежащія распоряженія. Большинство этихъ офицеровъ оказалось совершенно не приготовленными. На станціяхъ скоплялась такая масса военныхъ поѣздовъ, паровозовъ и пустыхъ вагоновъ, что нельзя было тронуться ни вздадъ, ни впередъ. Въ концѣ концовъ, пришлось призвать на помощь желѣзнодорожныхъ инженеровъ, чтобы тѣ помогли офицерамъ выпутаться. На одной станціи подъ Одессой накопилось такъ много войска, у котораго было такъ мало запасовъ, что во избѣжаніи смерти отъ голода и холода,— шесть пѣхотныхъ полковъ продолжали путь пѣшкомъ. На другую станцію той же Юго-Западной желѣзной дороги пріѣхалъ адъютантъ великаго князя Николая Николаевича съ приказомъ для пѣхотнаго полка, который долженъ былъ прибыть туда. Прибылъ, однако, другой полкъ. Прошло много дней, прежде чѣмъ отъ ожидаемаго полка получились вѣсти. Въ общей путаницѣ и нескладицѣ, его по ошибкѣ угнали куда-то далеко, совсѣмъ въ другую сторону. То же самое повторилось съ обозомъ.

„Патроны, которые роздали пѣхотинцамъ, были очень плохи. Въ этомъ отношеніи оказались страшныя злоупотребленія. Говорили, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вмѣсто пороха, оказывались даже опилки. Въ оффиціальныхъ сферахъ говорили, что никто изъ полковыхъ командировъ не зналъ, что предстоитъ мобилизація до тѣхъ поръ, покуда не получился приказъ отъ государя. Тогда, по оффиціальному утвержденію, все свершилось въ необычайномъ порядкѣ, безъ всякаго замѣшательства. Въ дѣйстви-

тельности же мобилизація началась гораздо раньше, чѣмъ обнародованъ былъ приказъ" *).

Такъ доносилъ въ 1877 г. своему правительству полковникъ Уэлсли. Содержаніе его депеши стало извѣстно въ Петербургѣ, и военный attaché почувствовалъ немедленно крайнюю холодность и даже враждебность въ отношеніяхъ къ себѣ. Въ Плоэштахъ, куда полковникъ Уэлсли прибылъ, вмѣстѣ съ военными атташе другихъ государствъ,—его принялъ крайне сурово главнокомандующій.

— Капитанъ Скалонъ,—говоритъ Уэлсли, — знакомъ пригласилъ меня войти въ домъ, гдѣ жилъ главнокомандующій. По надменности и вызывающему виду у Скалона я почувствовалъ, что свиданіе съ великимъ княземъ не будетъ такъ пріятно, какъ я преполагалъ. И я не ошибся. Когда я вошелъ въ комнату, гдѣ ждалъ меня главнокомандующій, то онъ вмѣсто того, чтобы пожать мнѣ руку, какъ было раньше, рѣзко сказалъ мнѣ:

— Полковникъ Уэлсли, государь, мой братъ, приказалъ мнѣ принять васъ на моей главной квартирѣ. Каково бы ни было мое личное чувство, я обязанъ исполнить приказъ. Позвольте мнѣ, однако, замѣтить, что до моего свѣдѣнія дошло, что вы въ крайне невыгодныхъ краскахъ изобразили въ депешахъ къ вашему правительству, какъ состоялась мобилизація. Сами вы при мобилизаціи не были, поэтому вы ничего не знаете о всѣхъ подробностяхъ. Какъ я сказалъ уже, я обязанъ исполнить приказъ государя и принять васъ вмѣстѣ съ другими атташе. Предупреждаю васъ, однако, что за вами будутъ тщательно слѣдить. И если вы осмѣлитесь сказать, сдѣлать или написать, что я не одобряю, я васъ прогоню изъ моей арміи, je vous chasserai de mon armée.—При этомъ главнокомандующій щелкнулъ пальцами" **)

Полковникъ Уэлсли тотчасъ же уѣхалъ изъ Плоэшта въ Бухарестъ, откуда послалъ телеграмму лорду Дерби. „Я телеграфировалъ, что встрѣтилъ крайне рѣзкій пріемъ у главнокомандующаго, поэтому не могъ остаться при главной квартирѣ и жду дальнѣйшихъ инструкцій. Въ тотъ же вечеръ я послалъ почтой подробную депешу. Я зналъ, что она будетъ вскрыта и прочитана... Написалъ я также адъютанту главнокомандующаго—генералу Галю, котораго просилъ передать великому князю, что не могу остаться при главной квартирѣ, покуда не получу распоряженій отъ моего правительства. На слѣдующее утро ко мнѣ въ гостиницу явился офицеръ генеральнаго штаба, въ парадной формѣ, при всѣхъ орденахъ. Онъ передалъ, что графъ Адлербергъ просилъ меня опять обдумать мое рѣшеніе. Если я возвращусь въ Плоэшты,—передалъ офицеръ,—то встрѣчу у главно-

*) With the Russians, etc., p p. 165—169.
**) With the Russians, etc., p. 181.

командующаго пріемъ, который вполнѣ удовлетворитъ меня. Я поблагодарилъ офицера за посѣщеніе и сказалъ, что теперь дальнѣйшіе мои шаги зависятъ отъ распоряженій моего правительства.

Вскорѣ явился въ парадной формѣ генералъ Галь. Онъ просилъ меня забыть слова, которыя были сказаны въ состояніи крайняго раздраженія, и возвратиться въ Плоэшты. Я отвѣтилъ ген. Галю, что оскорбительныя слова, сказанныя главнокомандующимъ атташе другой страны, представлявшемуся формально,— не могутъ быть легко забыты". Полковникъ Уэлсли отказался возвратиться въ Плоэшты. Это было 15 іюня. Черезъ двѣнадцать дней Уэлсли получилъ приглашеніе отъ кн. Горчакова пріѣхать къ нему. Канцлеръ передалъ атташе приглашеніе государя и прибавилъ, что полковникъ встрѣтитъ радушный пріемъ. Инцидентъ былъ улаженъ. Черезъ нѣсколько дней главнокомандующій опять принялъ полковника Уэлсли, но на этотъ разъ очень любезно.

— Жалѣю о словахъ, которыя вырвались въ раздраженіи,— сказалъ главнокомандующій.—Дайте руку. Забудьте, пожалуйста, инцидентъ *).

IV.

Полковникъ Уэлсли находился при русской арміи до паденія Плевны. Не смотря на храбрость русскихъ солдатъ, — неподготовленность, неумѣлость и еще нѣчто похуже — были такъ велики, что кампанія совсѣмъ не была похожа на увеселительную прогулку, какъ предсказывали многіе.

„Въ концѣ іюля 1877 г.,—разсказываетъ полковникъ Уэлсли,— въ главной квартирѣ настроеніе было необыкновенно подавленное. Плевна задержала наступательное движеніе русскихъ. Со всѣхъ сторонъ прибывали извѣстія о неудачахъ. Даже стычки на аванпостахъ кончались большею частью неблагопріятно для русскихъ". И вотъ 29 іюля автору дали намекъ, что Россія приняла бы посредничество Великобританіи для заключенія мира съ Турціей. „Вечеромъ 29 іюля я гулялъ по лагерю вмѣстѣ съ военнымъ министромъ,—продолжаетъ авторъ.—Обыкновенно ген. Милютинъ отличался необыкновенной сдержанностью, такъ что никто изъ военныхъ атташе никогда не заговаривалъ съ нимъ про ходъ кампаніи. Поэтому я былъ сильно удивленъ, когда министръ самъ заговорилъ объ ужасахъ войны и про страданія населенія на театрѣ военныхъ дѣйствій. Мнѣ казалось, ген. Милютинъ намекаетъ, что былъ бы доволенъ, если бы кто-нибудь принялъ мѣры, которыя могли бы повести къ мирнымъ переговорамъ между воюющими сторонами.

*) With the Russians, p. 190

Министръ говорилъ крайне осторожно и неопредѣленно; но мнѣ казалось, что онъ щупаетъ почву и желаетъ вывѣдать, можно ли разсчитывать на мои услуги, чтобы заручиться посредничествомъ Великобританіи. Если бы мои предположенія были ошибочны, то Милютинъ, конечно, пришелъ бы въ крайнее негодованіе, что я могъ такъ понять его слова. Поэтому приходилось соблюдать крайнюю осторожность. Милютинъ, между тѣмъ, продолжалъ разговоръ на прежнюю тему. Я сдѣлалъ осторожное замѣчаніе. На это военный министръ отвѣтилъ тоже обиняками въ томъ смыслѣ, что Россія не приняла бы за оскорбленіе, если бы третья держава предложила посредничество. Я тогда почувствовалъ твердую почву подъ ногами и замѣтилъ, что, хотя не имѣю никакихъ полномочій, но думаю, правительство ея величества было бы счастливо, если бы могло содѣйствовать заключенію мира.

— Какъ можно удостовѣриться, что британское правительство желаетъ поступить, какъ вы говорите?—спросилъ Милютинъ. Я отвѣтилъ, что готовъ немедленно отправиться въ Англію и передать кабинету условія, которыя дастъ мнѣ государь.

— Вы говорите, что можете отправиться немедленно, на свой собственный страхъ, не спрашивая отпуска у британскаго правительства?—спросилъ Милютинъ.

Я отвѣтилъ утвердительно, и мы разстались.

Черезъ два часа полковникъ Уэлсли получилъ аудіенцію у государя.

„Императоръ, повидимому, детально обсудилъ уже вопросъ съ Милютинымъ и, вѣроятно, съ Игнатьевымъ, потому что, безъ малѣйшаго колебанія, началъ диктовать мнѣ: „Я могу заключить миръ на слѣдующихъ условіяхъ“. — Уэлсли записывалъ; затѣмъ далъ конспектъ на просмотръ государю, который нашелъ, что все вѣрно. Въ полночь полковнику Уэлсли дали карету и конвой, и онъ поѣхалъ, предупредивъ зараньѣе телеграммой свое правительство, что ѣдетъ съ спеціальными порученіями. „Я перебрался через Дунай по понтонному мосту, прибылъ въ Журжево, нашелъ здѣсь поѣздъ въ Бухарестъ, куда пріѣхалъ на другой день въ полдень. Здѣсь я узналъ, что наканунѣ произошелъ большой бой подъ Плевной. Девятый и одиннадцатый корпусы подъ командой ген. Криденера и князя Шаховского были разбиты Османомъ-пашей *). Изъ Бухареста я, не останавливаясь нигдѣ, поѣхалъ прямо въ Лондонъ, черезъ Вѣну. Прибылъ я вечеромъ, на восьмой день послѣ того, какъ оставилъ лагерь. Прямо со станціи въ Лондонѣ я отправился къ премьеру. Лордъ Биконсфильдъ сказалъ мнѣ, что Великобританія будетъ счастлива, если

*) Потери русскихъ превышали тогда 7300 человѣкъ. Эта вторичная неудача совпала съ неожиданнымъ появленіемъ у Казанлыка арміи Сулеймана-паши.

ей удастся содѣйствовать заключенію мира. Онъ выразилъ, однако, опасеніе, что теперь, послѣ побѣды подъ Плевной, турки не примутъ, пожалуй, предложенныхъ имъ условій. Такъ и случилось. Дальнѣйшія событія показали,—продолжаетъ авторъ,—что турки сдѣлали промахъ, не принявъ тогда условій мира, которыя были далеко не такъ тягостны, какъ пункты, выработанные берлинскимъ конгрессомъ" *).

Полковникъ Уэлсли затѣмъ возвратился на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ присутствовалъ при третьей Плевнѣ. Теперь Портъ-Артуръ, Ляоянъ и Шахэ пріучили насъ къ чудовищнымъ побоищамъ, предъ которыми блѣднѣетъ даже Армагеддонъ, упоминаемый въ Апокалипсѣ. Результатомъ дѣйствій подъ Плевной съ 26 по 31 августа была потеря около 16 тысячъ человѣкъ. Теперь насъ до такой степени пріучили къ горамъ кровавыхъ тѣлъ (увы! не только на Крайнемъ Востокѣ), что третья Плевна, которая привела когда-то въ ужасъ всю Россію,—прошла бы почти незамѣченной. Подъ вліяніемъ культуры человѣкъ повышаетъ цѣнность собственной жизни. Человѣкъ жаждетъ дышать во всю грудь. Онъ видитъ, какъ возможно счастье тамъ, гдѣ прежде видѣли только юдоль плача. Но, на ряду съ этимъ, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ начинаетъ выше цѣнить собственную жизнь, грубая, всесокрушающая сила—все меньше цѣнитъ жизнь чужую...

Полковникъ Уэлсли описываетъ ужасный по своимъ послѣдствіямъ штурмъ 30-го августа. „Высоко на холмѣ чернѣли грозные редуты,—пишетъ онъ,—воздвигнутые Османомъ-пашей съ такимъ трудомъ. Движеніе русскихъ началось, но редуты были безмолвны. Не видно было тамъ ни одной живой души. Казалось, Османъ-паша, предвидя штурмъ, успѣлъ незамѣтно уйти со всѣми войсками... Въ три часа русскія войска зашевелились. Тамъ и сямъ мчались на рысяхъ адъютанты, передавая порученія. Въ половинѣ четвертаго бригада пѣхоты заняла оврагъ у подошвы холма, на вершинѣ котораго стоялъ турецкій редутъ. Все больше и больше солдатъ спускалось въ оврагъ. Ровно въ четыре часа начался штурмъ. Цѣлью его, конечно, былъ редутъ, стоявшій на естественномъ гласисѣ. Турецкія укрѣпленія, по прежнему, были безмолвны. Вотъ изъ оврага выбѣжалъ одинъ офицеръ, потомъ другой, потомъ еще и бросились къ гласису, поросшему травой. За офицерами слѣдовали солдаты, не въ боевомъ порядкѣ, а какъ улей пчелъ. Вдругъ изъ прикрытыхъ траншей, которыми былъ изрытъ откосъ холма, на нападающихъ посыпался градъ пуль. Никто не замѣтилъ этихъ траншей, покуда изъ нихъ не начали стрѣлять. Подъ убійственнымъ огнемъ солдаты падали, какъ подкошенные. Тѣмъ не менѣе, остальные не останавливались, взяли три или четыре линіи траншей и подбѣжали на довольно близкое

*) With the Russians, ect., p p. 201—205.

разстояніе къ редуту. Тогда оттуда сразу посыпался градъ картечи. Турки за стѣнами берегли огонь до послѣдняго момента. Когда русскіе достигли до бруствера, шрапнель ударила въ живую стѣну. Со стороны мнѣ казалось, что весь редутъ охваченъ пламенемъ, до такой степени часты были пушечные и ружейные выстрѣлы. Пороховой дымъ поднялся, какъ густой туманъ. Вдругъ я замѣтилъ по дорогѣ изъ деревни Плевна къ редуту пѣхотинцевъ. Они шли въ такомъ порядкѣ, что стоявшій рядомъ со мной корреспондентъ *Daily News* Фарбесъ воскликнулъ: „Смотрите, Плевна взята! Русскіе обошли редутъ и теперь будутъ его атаковать съ тыла“.

„Но тутъ въ бинокль я усмотрѣлъ красныя фески. Не успѣлъ я сказать: „это—турки“, какъ колонна остановилась, повернулась къ намъ, дала залпъ по правому флангу русскихъ, затѣмъ спокойно, какъ на парадѣ, вошла въ редутъ. Огонь со стѣнъ его сталъ еще болѣе убійственнымъ. Вотъ одинъ изъ русскихъ солдатъ повернулся назадъ и побѣжалъ по гласису внизъ, въ оврагъ, за нимъ другой, а черезъ нѣсколько секундъ — всѣ атакующіе. Тутъ не могло быть и рѣчи о недостаткѣ мужества. То, что солдаты взяли штурмомъ три или четыре линіи турецкихъ траншей, доказываетъ въ достаточной степени храбрость нападавшихъ. Если фронтовая атака укрѣпленныхъ позицій не удается вслѣдствіе того, что одновременно не сдѣланы были обходныя движенія, — то вина тутъ не солдатъ, а командировъ. Солдатъ послали, какъ на бойню, неумѣлые, бездарные полководцы... Трудно дать представленіе о бойнѣ, которой сопровождался этотъ неудачный штурмъ. По откосу холма кучами валялись тѣла. И не хотѣлось вѣрить, что все это—убитые. Черезъ двадцать минутъ налѣво отъ насъ была другая атака, съ такимъ же результатомъ. Не смотря на это, солдатъ повели еще третій разъ на штурмъ, который тоже не удался.

„Все было кончено. Садясь на коня, я оглянулся на редутъ и увидалъ, какъ турки прыгаютъ внизъ черезъ брустверъ. Въ рукахъ у нихъ при солнечномъ закатѣ сверкали сабли. Турки, очевидно, желали прикончить раненыхъ у русскихъ. Не было никакой возможности помѣшать этому ужасному дѣлу. Одиннадцатаго декабря (н. с.), на другой день послѣ паденія Плевны, когда я въѣзжалъ въ деревню, чтобы присутствовать при торжественномъ молебнѣ,—я видѣлъ на откосѣ холма скелеты солдатъ, убитыхъ при третьемъ штурмѣ. На скелетахъ были лохмотья мундировъ, на нѣкоторыхъ кое-гдѣ блестѣла еще пуговица.

„На обратномъ пути въ главную квартиру я узналъ, что штурмъ вездѣ былъ отбитъ. Мнѣ сказали также, что русскіе и румыны пытались взять Гривицу, но тоже были отброшены съ большимъ урономъ. Это, однако, было не совсѣмъ справедливо. Два штурма Гривицы не удались, но при третьей атакѣ, поздно

вечеромъ, русскіе и румыны взяли укрѣпленія“ *). Почти тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ случилась эта бойня. Читая описаніе, сдѣланное полковникомъ Уэлсли, представляя себѣ эти валяющіеся скелеты въ лохмотьяхъ мундировъ (все это были здоровые молодые люди, почти мальчики, которые и теперь не были бы еще стариками), мучительно задаешься вопросомъ: „зачѣмъ?“ И онъ становится еще болѣе жгучимъ, когда вспомнишь о горахъ тѣлъ, оплакиваемыхъ теперь всей Россіей. Теперь эти брустверы изъ человѣческаго мяса еще выше, чѣмъ подъ Плевной. Десятки тысячъ матерей, вдовъ, оставшихся безъ всякихъ средствъ, сестеръ, невѣстъ, дочерей задаютъ себѣ на русскомъ, польскомъ, армянскомъ, финскомъ, еврейскомъ языкахъ вопросъ: „зачѣмъ?“ И на него такъ же нѣтъ отвѣта, какъ и тридцать лѣтъ тому назадъ. И, къ довершенію ужаса, ихъ утѣшаютъ надеждой реванша...

На другой день послѣ „третьей Плевны“ полковникъ Уэлсли поѣхалъ осматривать гривицскій редутъ. „То былъ первый турецкій фортъ подъ Плевной, взятый русскими“. На немъ теперь развѣвался румынскій флагъ. Турки съ сосѣднихъ фортовъ обстрѣливали Гривицу, такъ что добраться туда можно было только съ большимъ рискомъ. Послѣ немалыхъ приключеній, полковникъ Уэлсли добрался, наконецъ, до укрѣпленій. „Я попросилъ у румынскихъ офицеровъ разрѣшенія войти въ фортъ. Мнѣ дали позволеніе, но посовѣтовали держаться ближе къ траверсамъ, такъ какъ въ редутѣ есть „опасный уголъ“, гдѣ турецкія пули падаютъ особенно часто“. Вотъ какъ описываетъ авторъ внутренность редута, при чемъ Уэлсли, не отличающійся вообще слабонервностью, выражаетъ пожеланіе не видѣть больше подобнаго зрѣлища. „Я нашелъ одну громадную кучу убитыхъ и умирающихъ. Она наполняла весь редутъ. На раненыхъ, копошившихся въ общей кучѣ, обращали такъ же мало вниманія, какъ и на убитыхъ. Ужасно было видѣть раненыхъ, напрягавшихъ послѣднія усилія, чтобы выбраться изъ подъ мертвыхъ тѣлъ, придавившихъ ихъ. Тамъ и сямъ, изъ кучи, какъ клешня, высовывалась шевелящаяся рука или нога. Турецкія пули и картечь не давали врачамъ возможности войти въ редутъ. Здѣсь не было никого, кто далъ бы раненымъ хоть глотокъ воды. Такъ мучились герои, которые взяли штурмомъ, послѣ продолжительнаго боя, почти неприступный редутъ. Больно было видѣть теперь этихъ раненыхъ солдатъ, пытавшихся выбраться изъ подъ придавившихъ ихъ труповъ... Я могъ бы написать не мало страницъ о тѣхъ ужасахъ, которые видѣлъ въ тотъ день, но къ чему? Офицеръ объяснилъ мнѣ, что раненые должны дождаться очереди. Доктора были завалены работой и теперь помогали тѣмъ, которые были

*) „With the Russians“, etc., pp. 250—257.

ранены два дня тому назадъ. Не знаю, такъ ли это было. Фактомъ оставалось то, что хотя редутъ взяли еще наканунѣ,—раненые лежали безъ медицинской помощи, безъ пищи и воды. Раненыхъ не убрали даже такъ, чтобы образовать между ними проходъ. Они лежали сплошной грудой, заполнивъ все пространство въ редутѣ, отъ стѣны до стѣны. Чтобы не показаться надъ парапетомъ, я поползъ на четверенькахъ по грудѣ человѣческаго мяса, стараясь, по возможности, не ступать на раненыхъ. Вонь въ редутѣ стояла уже удушающая" *). Черезъ нѣсколько дней полковникъ Уэлсли возвратился на главную квартиру. По дорогѣ онъ встрѣтилъ, къ удивленію своему, толпу раненыхъ русскихъ солдатъ. Нѣкоторыхъ везли въ повозкахъ, другіе ковыляли пѣшкомъ. По обочинамъ дороги, въ канавахъ всюду сидѣли раненые, выбившіеся изъ силъ.

„Я спросилъ у одного солдата, куда онъ идетъ и чѣмъ объяснить этотъ исходъ раненыхъ. Солдатъ отвѣтилъ, что сегодня доктора сказали имъ, что полевые госпитали подъ Плевной переполнены. Всѣмъ раненымъ не хватало мѣста, поэтому врачи предложили желающимъ добраться, какъ сами знаютъ, до госпиталей при главной квартирѣ. Вызвались три тысячи раненыхъ". Среди добровольцевъ этихъ были тяжело раненые, скончавшіеся по дорогѣ.

Полковникъ Уэлсли разсказываетъ дальше про пріѣздъ Тотлебена, про правильную осаду Плевны и про отчаянную попытку Османа-паши прорваться (Турки успѣли овладѣть двумя линіями русскихъ окоповъ, но прибывшими подкрѣпленіями были, послѣ отчаяннаго боя, снова отброшены къ рѣкѣ, при чемъ Османъ-паша былъ раненъ). Черезъ два часа послѣ этого Плевна пала.

„Я не думаю,—продолжаетъ авторъ,—что когда-нибудь составятъ точный списокъ русскихъ и турецкихъ потерь на европейскомъ и азіатскомъ театрахъ военныхъ дѣйствій. Но какъ бы велики ни были эти потери, къ нимъ нужно прибавить смерть не менѣе милліона мирнаго населенія, погибшаго въ одной только Европейской Турціи". Паденіе Плевны рѣшило исходъ кампаніи, точно такъ, какъ неудачныя атаки чуть не повели къ большому отступленію. Послѣ третьяго штурма, по словамъ полковника Уэлсли, главнокомандующій совѣтовалъ отступить къ берегамъ Дуная, построить здѣсь tête-de-pont, оставаться, покуда не подоспѣетъ подкрѣпленіе изъ Россіи, и только тогда опять перейти въ наступленіе. За то, чтобы продолжать осаду Плевны, былъ военный министръ. Онъ указалъ, что Османъ-паша не можетъ перейти въ наступленіе, и настаивалъ на томъ, что подкрѣпленія слѣдуетъ дожидаться подъ Плевной. Государь присоединился къ мнѣнію Милютина.

*) pp. 262—263.

Полковникъ Уэлсли очень высокаго мнѣнія о талантахъ и о гражданскомъ мужествѣ бывшаго военнаго министра, за то онъ крайне рѣзко отзывается о цѣломъ рядѣ звѣздоносцевъ. Въ книгѣ мы находимъ крайне нелестные портреты графа Игнатьева, графа Шувалова, неудачно сдѣланнаго дипломатомъ изъ шефа жандармовъ, — цѣлаго ряда другихъ генераловъ и орловъ бюрократическаго міра. Предъ нами проходятъ блестящей вереницей, сверкая орденами, полководцы маневровъ и законодатели канцелярій. По собственному вдохновенію на бумагѣ составлялись хвастливые проекты разгромовъ государствъ да захватовъ „ключей" и „воротъ". Дѣйствительность приносила съ собою только затрату колоссальныхъ суммъ, выколоченныхъ у народа. Осуществленіе проектовъ всегда обнаруживало неподготовленность, невѣроятныя хищенія и поразительную бездарность. За все платились массы да тѣ, скелеты которыхъ валялись потомъ на естественномъ гласисѣ Плевны. Въ турецкую кампанію, по счастью, противникомъ было государство, вершители судебъ котораго могли затмить даже русскую бюрократію. У Россіи были тогда союзники. Условія не всегда такъ благопріятны, какъ доказали событія послѣдняго года...

„Sendo delle cose humane, e massime delle guerre signore la fortuna", говоритъ старинный итальянскій писатель *) (т.-е. „властелиномъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, а войны въ особенности, является счастье). Этимъ принципомъ, да еще невѣроятнымъ самомнѣніемъ руководствуются тѣ, которые съ легкимъ сердцемъ втягиваютъ народъ въ гибельную, раззорительную и совершенно безполезную для него войну.

По словамъ Уэлсли, въ томъ особомъ мірѣ, въ которомъ онъ вращался, часто составлялись проекты вторженія въ Индію. „Планъ этотъ,—говоритъ авторъ,—занималъ многихъ генераловъ и государственныхъ дѣятелей. Многіе генералы мечтали о томъ, какъ поведутъ побѣдоносную армію черезъ границу Индіи, точно такъ, какъ адмиралъ Поповъ лелѣялъ планъ разгрома британскаго флота и появленія русской эскадры на Темзѣ". Одинъ изъ этихъ проектовъ завоеванія Индіи, составленный лѣтъ 15 тому назадъ, приводитъ полковникъ Уэлсли. Составитель плана совѣтъ союзъ Россіи съ Японіей и Китаемъ. „Японія стремится стать сильной морской державой,—говорится въ проектѣ,—она желаетъ занять острова на Тихомъ океанѣ. У нея есть армія и флотъ. Что касается Китая, то безпрерывныя восстанія показываютъ, какую громадную армію можно составить тамъ при умѣніи и желаніи. При союзѣ съ Японіей и Китаемъ, — говоритъ составитель проекта,—Россія легко разгромитъ Англію на Востокѣ. Германія и Соединенные Штаты останутся нейтральными, потому

*) *Poggio*, Istoria Fiorentina. Lib. VI.

что разгромъ Англіи крайне выгоденъ для нихъ. Англію ненавидятъ на Востокѣ. Китай желаетъ свести съ ней старые счеты. Въ Индіи вассальныя государства, по словамъ составителя проекта, только ждутъ, когда придутъ русскіе, чтобы возстать противъ Англіи. Такимъ образомъ, изгнаніе англичанъ изъ Индіи не только возможное, но, сравнительно, даже нетрудное предпріятіе *).

Мнѣ припоминается одно мѣсто изъ геніальной русской „Иліады“. На званомъ обѣдѣ у графовъ Ростовыхъ полковникъ напыщенно говоритъ объ объявленіи войны Франція (въ 1805 г.)

— „И зачѣмъ насъ нелегкая несетъ воевать?—говоритъ желчный Шиншинъ.—Connaissez vous le proverbe: „Ерема, Ерема, сидѣлъ бы ты дома, точилъ бы свои веретена“.—Cela nous convient à merveille“.

И если хоть на половину правда то, что разсказываетъ Уэлли, то какъ жаль, что совѣтъ Шиншина пропадаетъ постоянно втунѣ.

Діонео.

По поводу разговоровъ о русской интеллигенціи.

Изъ вопросовъ, волнующихъ въ настоящее время русскую интеллигенцію, есть одинъ, самый удивительный, — вопросъ ея самоопредѣленія, вопросъ: что такое русская интеллигенція?..

Давно она существуетъ, давно она реальный фактъ русской жизни, имѣетъ опредѣленную исторію и оправдательные документы—и вотъ теперь, въ 1905-мъ году, русская жизнь ставитъ снова вопросъ: что такое русская интеллигенція? И совсѣмъ не праздный вопросъ,—даже больной вопросъ...

Долгимъ путемъ, закулиснымъ путемъ,—отчасти по неумности, отчасти по злостности, получился въ русской жизни такой отвѣтъ: русская интеллигенція есть либеральная буржуазія... И съ должной откровенностью и должнымъ мужествомъ слова поясняется: русская интеллигенція есть надстройка надъ привилегированными классами Россіи, выразительница—сознательная или безсознательная—ихъ классовыхъ интересовъ, исходящая изъ нихъ и проводящая въ жизнь идеи и учрежденія pro domo sua—мужество безграничное—въ которыхъ-де другіе, не привилегированные классы, не заинтересованы.

*) „With the Russians in Peace and War“, pp. 300—304.

Голосъ не громкій и не увѣренный, но завтра онъ можетъ зазвучать громче и увѣреннѣе, и, частью по неумности, частью по злостности, это новое опредѣленіе можетъ укрѣпиться, — не то что русской жизни, а въ извѣстныхъ слояхъ русской жизни. Это не очень страшно и не защищать русскую интеллигенцію собираюсь я: съ тѣмъ духовнымъ капиталомъ, который накопила русская интеллигенція за свое болѣе чѣмъ пятидесятилѣтнее существованіе, она не нуждается въ моей защитѣ. Я желалъ только помочь ея опредѣленію и самоопредѣленію и тѣмъ устранить изъ жизни то нелѣпое, никому не нужное и всѣмъ вредное недоразумѣніе, которое существуетъ и подъ разными формами снова и снова выплываетъ въ русской жизни.

Есть другое опредѣленіе не такое точное, но тоже очень яркое и мужественное. Русская интеллигенція, есть оторванные отъ жизни, отбившіеся отъ всякихъ классовъ теоретики, вращающіеся въ сферѣ безплодныхъ теоретическихъ началъ, отрицающіе истинно русскія начала и руководимые, по одной редакціи—Западомъ—отбросами запада, по другой редакціи—евреями-жидами. Раньше ихъ называли нигилистами, теперь интеллигенціей, третьимъ элементомъ, внутреннимъ врагомъ и проч. Буржуазію это опредѣленіе исключаетъ изъ понятія интеллигенціи,—и либеральную, и не либеральную, но ту часть русской интеллигенціи, которая смѣшиваетъ русскую интеллигенцію съ либеральной буржуазіей, включаетъ, включаетъ и лжелибераловъ во фракахъ, и людей, не имѣющихъ сюртука.

Ну, вотъ два опредѣленія мы знаемъ, одно менѣе умное и совсѣмъ невѣрное, другое болѣе умное и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе вѣрное, но оба одинаково злостныя: „либеральная буржуазія“ и оторванные отъ русской жизни и отрицающіе Россію, кѣмъ-то направляемые безпочвенные теоретики... Ну, а по-настоящему, по-умному и не по-злостному — что же такое представляетъ изъ себя интеллигенція вообще и русская интеллигенція въ частности? Есть средній отвѣтъ, совершенно опредѣленный и самый распространенный въ обществѣ и отчасти въ печати, — вѣрнѣе, двѣ разновидности этого отвѣта. Первая редакція гласитъ, что въ составъ интеллигенціи входитъ все то, что носитъ на себѣ печать знанія и образованія, что интеллигенція—та образованная часть общества, которая прошла высшія учебныя заведенія, т. е. доктора, инженеры, юристы, профессора, конечно, писатели и художники, но преимущественно люди, могущіе прицѣпить на правой сторонѣ своего сюртука значекъ высшаго учебнаго заведенія, — главнымъ образомъ, подразумѣваются такъ называемые люди либеральныхъ професcій.

Другая разновидность редакціи: интеллигенція есть все то, что разумѣется подъ словомъ культурные люди, т. е. культурные классы населенія, иначе люди, одѣтые въ сюртуки, хотя бы и безъ

академическихъ значковъ. Немножко уже, немножко шире, но оба эти опредѣленія, мнѣ думается, исчерпываютъ ходячія, самыя распространенныя въ жизни и въ печати мнѣнія и на этомъ, въ сущности одномъ и томъ же, опредѣленіи сходятся и люди, одобряющіе интеллигенцію, вродѣ Боборыкина, и люди, не одобряющіе ее, какъ М. Горькій.

Тѣмъ самымъ всякій докторъ, каждый адвокатъ, инженеръ, человѣкъ литературы есть интеллигенція а не интеллигенція — все то, что не имѣетъ академическихъ значковъ, не одѣто въ сюртуки и не занимается либеральными профессіями... Это совершенно точный и опредѣленный отвѣтъ, и единственный недостатокъ его, что онъ упраздняетъ и дѣлаетъ совершенно излишнимъ самый терминъ „интеллигенція". Образованная часть общества, культурные классы, люди либеральныхъ профессій...

А между тѣмъ ни одно изъ этихъ опредѣленій не устранило слова интеллигенція; слово интеллигенція продолжаетъ обращаться въ публикѣ и въ печати, и ни одинъ изъ тѣхъ терминовъ не возбуждаетъ такихъ толковъ, не окруженъ такой пламенной любовью или лютой ненавистью.

И потомъ, въ сущности, никто не удовлетворяется такимъ опредѣленіемъ, и люди, принимающіе эту формулу, въ глубинѣ души какъ-то инстинктивно выдѣляютъ интеллигенцію отъ образованной части общества, отъ культурныхъ классовъ, отъ либеральныхъ профессій. Какимъ-то негласнымъ уговоромъ, судомъ съ закрытыми дверями общество, въ широкомъ смыслѣ слова, разбирается, подразумѣваетъ, гдѣ и кто интеллигенція, и изъ двухъ людей одинаковыхъ значковъ, одинаковыхъ соціальныхъ положеній объ одномъ скажетъ: онъ просто докторъ, онъ просто профессоръ. Мало этого, когда человѣкъ самой либеральной профессіи — литературной, состарившійся въ литературѣ, начнетъ систематически отгораживать себя отъ интеллигенціи, читатели не возражаютъ и соглашаются, что онъ вышелъ изъ интеллигенціи или никогда не былъ въ ней, что онъ просто писатель, пищущій человѣкъ. Повторяю, въ той пестрой разнокалиберной толпѣ, изъ которой состоитъ русское общество, существуютъ какіе-то совсѣмъ особые отличительные, не сюртучные признаки, по которымъ примѣняется, съ любовью или ненавистью, это слово интеллигенція. И не формулированное, точно не опредѣленное понятіе „русская интеллигенція" понимается совершенно опредѣленно и точно. Трудность опредѣленія въ самомъ словѣ интеллигенція, въ его неточномъ филологическомъ значеніи и въ особенности въ томъ понятіи, которое получило это слово въ Россіи. Слова: „интеллигентный человѣкъ", „интеллигентное общество", „интеллигентное лицо", „интеллигентныя манеры" звучатъ неопредѣленно и объ нихъ можно спорить; но когда говорятъ „интеллигенція страны", „русская интеллигенція"—это звучитъ совер-

шенно опредѣленно и объ этомъ трудно спорить. И въ этой комбинаціи двухъ словъ „интеллигенція страны“, „русская интеллигенція“ заключается и отвѣтъ на поставленный выше вопросъ.

II.

Интеллигенція, это — общественно думающая и общественно чувствующая часть общества, та вооруженная знаніемъ, руководимая общественными импульсами часть общества, которая въ своихъ мысляхъ и чувствахъ, въ своемъ міропониманіи и въ своемъ общественномъ поведеніи отправляется не отъ узкихъ, личныхъ, групповыхъ, профессіональныхъ или классовыхъ интересовъ, а отъ интересовъ страны вообще, народа вообще, разумѣя подъ понятіемъ народа всю сумму трудящихся на всѣхъ разнообраз ныхъ путяхъ человѣческаго труда людей, какъ понималъ и формулировалъ это Михайловскій и какъ формулируетъ это общій смыслъ жизни, не понимающей и не допускающей ни единичнаго человѣка, ни общественной группы безъ элементовъ труда. Кардинальный признакъ въ понятіи интеллигенціи лежитъ въ ея общественномъ характерѣ, не въ одной суммѣ знанія, а—и въ большей степени— въ суммѣ сознанія, не въ какихъ либо формальныхъ, классовыхъ, сюртучныхъ и другихъ внѣшнихъ признакахъ, а въ ея духовной сущности. При томъ обѣ половины предлагаемаго опредѣленія неразрывны, нераздѣлимы и только въ своей совокупности и представляютъ вѣрный признакъ интеллигенціи. Тотъ врачъ, для котораго медицина ремесло, который является слесаремъ отъ медицины, не понимаетъ привходящаго въ нее элемента общественной миссіи, не является гражданиномъ въ большомъ смыслѣ этого слова, — не интеллигенція. И тотъ адвокатъ, для котораго чужды интересы, выходящіе изъ рамокъ его слесарски-адвокатскаго дѣла и для котораго „истина есть результатъ судоговоренія“,— не интеллигенція. И тотъ министръ, который руководствуется въ своемъ государственномъ жизнеопредѣленіи не интересами страны, государства, а интересами своей личности, группы, которая его выдвинула, общественнаго класса, изъ котораго онъ вышелъ, — не интеллигенція. И будетъ интеллигенція тотъ—слесарь, который успѣлъ внѣшкольнымъ путемъ добыть тотъ минимумъ знанія, безъ котораго невозможно теперь міропониманіе, и неустанно вырабатываетъ въ своемъ сознаніи желательныя нормы жизни трудящагося человѣка; будетъ интеллигенція — всякій, кто не успѣлъ заглянуть не только въ двери университета, но и какого бы то ни было учебнаго заведенія, и самъ доросъ до права считаться интеллигенціей страны. И при томъ интеллигенція по существу подвижна, въ ней нѣтъ права рожденія, въ ней нѣтъ права сослов ія, печати соціальнаго положенія. И нѣтъ давности

нѣтъ пенсіи за выслугу лѣтъ. Ученый, художникъ, отдавшій свою жизнь на дѣло науки и знанія, на воплощеніе въ мраморѣ, въ словѣ, въ краскахъ, въ музыкѣ своихъ думъ и чувствъ, тѣмъ самымъ, по самому чисто общественному характеру своей дѣятельности—конечно, интеллигенція; но ученый, продавшій свое научное первородство за сытную чечевичную похлебку, выходитъ изъ рядовъ интеллигенціи, и тотъ писатель, который проповѣдуетъ человѣконенавистничество и вноситъ раздоръ національностей въ странѣ, будетъ правъ, отгораживая себя отъ интеллигенціи, потому что онъ—не интеллигенція страны.

Сверху и снизу, внѣ сословій, внѣ классовъ, не дипломами и рожденіемъ, народъ страны выдѣляетъ изъ себя группу общественно думающихъ и общественно чувствующихъ людей,—людей, думающихъ думами, болящихъ болями своей страны — свою интеллигенцію. Она можетъ быть наверху общественной лѣстницы и быть фактическимъ вождемъ своей страны, она можетъ не имѣть опредѣленнаго мѣста на этой лѣстницѣ, можетъ при извѣстныхъ условіяхъ быть объявлена внутреннимъ врагомъ, но она всегда существуетъ и всегда является выразительницей общественной думы, общественнаго чувствованія. Такъ всегда было, такъ было во всѣ времена; даже тогда, когда не существовало слова интеллигенція, когда не было сюртуковъ, не было университетовъ и академическихъ значковъ, не было даже книгопечатанія и тогда были не кончившіе учебныя заведенія Сократы, Демосѳены и апостолы. И въ этомъ смыслѣ Сютаевъ и Бондаревъ, всю жизнь, въ глуши и одиночествѣ вырабатывавшіе свое міропониманіе, свои нормы будущей жизни человѣчества, думами и чувствами которыхъ были такъ глубоко заинтересованы великіе представители русской литературы, Толстой и Успенскій,—несомнѣнно по своему укладу, по своей интимной сущности, без конечно ближе и роднѣе интеллигенціи, чѣмъ люди, обладающіе послѣдними словами науки, вершинами формальнаго знанія.

Я знаю, такое опредѣленіе интеллигенціи очень растяжимо, очень подвижно, мало опредѣленно и трудно регистрируемо, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по моему мнѣнію, оно единственное, вѣрно и точно опредѣляющее понятіе интеллигенціи, — точно и опредѣленно, такъ какъ по самому существу интеллигенція не регистрируема, такъ какъ она опредѣляется не сюртукомъ и не академическимъ значкомъ, а ея не учитываемыми и не регистрируемыми свойствами общественной думы, общественнаго чувствованія.

Я знаю тѣ возраженія, которыя поставятъ мнѣ. Мнѣ скажутъ, что я суживаю понятіе интеллигенціи, что я опредѣляю ее направленіемъ, ярлыкомъ либерализма, радикализма, демократизма, что подъ интеллигенціей я подразумѣваю партію, людей опредѣленныхъ мнѣній, опредѣленныхъ цѣлей. Скажетъ тотъ, кто не хочетъ понять моей совершенно опредѣленной постановки во-

проса. И прошлое, и настоящее говорятъ о великомъ разнообразіи состава русской интеллигенціи, о неустанной, ни на минуту не затихающей борьбѣ, нерѣдко страстной, напряженной борьбѣ различныхъ мнѣній, различныхъ партій. Со временъ славянофиловъ и западниковъ, отъ 40-хъ годовъ и по сіе время шла непрерывная выработка идей, непрерывное столкновеніе міропониманій. И теоретическія построенія, и практическія программы будущаго, выработывавшіяся одной частью интеллигенціи, казались невѣрными и гибельными другой части интеллигенціи и разрывали ее на враждебные лагери. Мнѣ достаточно указать на старый вопросъ объ общинѣ, на недавній горячій и долгій споръ марксистовъ и народниковъ.

И все это была интеллигенція, настоящая русская интеллигенція съ тѣми типичными чертами, которыя я указалъ выше. Какъ нелѣпо, съ моей точки зрѣнія, приклеивать къ понятію интеллигенція ярлыкъ класса, сословія, диплома, такъ же несправедливо приклеивать къ ней вывѣску партіи, опредѣленнаго партійнаго направленія. Интеллигенція не состоитъ только изъ марксистовъ и народниковъ, въ нее, повторяю, входитъ все, что есть въ Россіи искренняго, общественно думающаго и общественно чувствующаго. Туда несомнѣнно входили бы и люди, враждебные демократизму и либерализму (я не могу назвать консерваторами людей, систематически разрушавшихъ тѣ устои, которые заложены были въ русской жизни еще 40 лѣтъ назадъ, и охранителями несомнѣнныхъ расхитителей), если бы у нихъ оказались и думы, и чувствованія, выходящія изъ интересовъ страны, а не группы и сословія. Но именно они, примыкающіе къ правящимъ слоямъ, крѣпостнически бюрократическіе люди — единственно, по моему, опредѣляющее названіе — тщательнѣе всѣхъ отгораживаютъ себя отъ интеллигенціи и настойчиво увѣряютъ, что тамъ нѣтъ интеллигенціи. Мы не имѣемъ основанія не вѣрить имъ и охотно соглашаемся, такъ какъ и многіе факты русской жизни за послѣднее тридцатипятилѣтіе подтверждаютъ намъ, что тамъ нѣтъ интеллигенціи и мало интеллигентности. Соглашаясь съ этимъ, мы не можемъ не замѣтить, что не всегда такъ было и что русская жизнь знаетъ времена, когда тамъ были Радищевы, Сперанскіе, Николаи Милютины и всѣ тѣ дѣятели реформъ 60-хъ годовъ. И во всякомъ случаѣ должны сказать, что это отсутствіе интеллигенціи и интеллигентности тамъ, гдѣ они непремѣнно должны быть, мы не можемъ считать ни нормальнымъ, ни желательнымъ явленіемъ русской жизни.

Я знаю, я услышу другое возраженіе, изъ совершенно другого лагеря, изъ рядовъ интеллигенціи, той части настоящей, чистокровной русской интеллигенціи, которая такъ боится, чтобы ее не причислили къ русской интеллигенціи,—что я совершенно произвольно исключаю изъ рядовъ интеллигенціи докторовъ и

адвокатовъ, ученыхъ и писателей и что я произвольно включаю слесаря, и съ непоколебимой увѣренностью правовѣрнаго мусульманина скажутъ: существуетъ только классовая интеллигенція и нѣтъ другихъ пророковъ у Аллаха, кромѣ Магомета. Они укажутъ мнѣ на Западную Европу, будутъ доказывать, что тамъ, за границей, точно регламентированная, математически зарегистрированная западно-европейская жизнь выноситъ на свою широкую улицу строго опредѣленное мнѣніе общественныхъ группъ, изъ которыхъ составлена страна; что тамъ интеллигенція только классовая, выросшая на почвѣ экономическихъ матеріальныхъ интересовъ и исторически сложившихся традицій этихъ общественныхъ группъ, и что такъ называемая умственная, духовная, невѣсомая жизнь страны является надстройкой надъ совершенно вѣсомыми матеріальными, реальными интересами и силоотношеніями.

Я не хочу вступать здѣсь въ споръ съ такъ называемымъ экономическимъ матеріализмомъ, вполнѣ признаю весь серьезный смыслъ и серьезную поправку, которую онъ внесъ въ исторію человѣчества, въ философію и въ „общественное поведеніе“, но полагаю, что, за подсчетомъ матеріальныхъ, реальныхъ, вѣсомыхъ интересовъ, остаются не вѣсомые, но такіе же реальные и въ той же мѣрѣ властные человѣческіе интересы, совершенно одинаково необходимые и слесарю, и интеллигентному человѣку, и образованнымъ, и необразованнымъ классамъ. Полагаю, что никакія міропониманія не устранятъ *человѣка* изъ человѣческой жизни, не устранятъ человѣка съ его волей, съ его воздѣйствіемъ на окружающую жизнь.

Только узкіе люди съ короткимъ взглядомъ могутъ не разглядѣть въ западно-европейской жизни присутствія этой внѣклассовой интеллигенціи, — интеллигенціи страны въ моемъ смыслѣ слова. Это только оптическій обманъ. Рядомъ съ буднями жизни, когда западно-европейская улица тиха и будничка и борются въ ней экономическіе интересы, случаются великіе праздники жизни, когда люди бросаютъ старый тѣсный домъ и справляютъ новоселье; бываетъ, надвигается на мирную, тихую жизнь темное облако, туча, угрожающая именно тѣмъ невѣсомымъ, не матеріанымъ и экономическимъ, а духовнымъ интересамъ человѣчества, — тогда строго разграниченная и опредѣленная западноевропейская улица сразу становится пестрой, тоны перепутываются и перегородки исчезаютъ между людьми. Смѣшиваются блузы и сюртуки, и вчерашніе экономическіе враги рука объ руку, грудь съ грудью бьются за то невѣсомое, что имъ всѣмъ одинаково дорого, противъ того, что имъ одинаково ненавистно.

Я не буду говорить о томъ знаменитомъ эпизодѣ западноевропейской улицы, когда рядомъ стояли и бились рука объ руку крестьянинъ и графъ, рабочій и буржуа, и аббатъ, и пра-

веду примѣры изъ новѣйшей исторіи: попытку подчинить клерикальному вліянію школы въ Германіи и знаменитое Дрейфусовское дѣло во Франціи, когда сюртуки и блузы одинаково испугались той внѣклассовой гражданской опасности, которая надвигалась на нихъ, и грудь съ грудью дали отпоръ тому враждебному антигражданскому, что надвигалось на страну.

Мы наблюдали даже совсѣмъ недавно въ странѣ наибольшихъ традицій, наиболѣе раздѣленной, дифференцированной жизни движеніе интеллигенціи, не только ставившее ту же цѣль — хожденіе въ народъ,—которое считалось исключительнымъ проявленіемъ дѣятельности русской интеллигенціи, но совершавшееся даже по тѣмъ же методамъ: я говорю о широкомъ просвѣтительномъ движеніи среди англійской интеллигенціи, выразившемся въ открытіи народныхъ домовъ въ бѣднѣйшихъ и наиболѣе невѣжественныхъ кварталахъ Лондона, когда англійскіе люди именно „уходили въ народъ", отказывались отъ удобствъ личной жизни, которою они всегда жили. Мало этого, въ пестрой широкой улицѣ Западной Европы существуетъ внѣклассовая группа людей въ сюртукахъ и блузахъ, которая пока такъ же чужда и мало понятна русской улицѣ, какъ вплоть до недавняго времени были чужды и непонятны заграничной улицѣ тѣ русскіе люди, которые на столбцахъ заграничныхъ газетъ назывались нигилистами,—та группа, которая имѣетъ свою идеологію и выработала общественное поведеніе; которую нельзя втиснуть ни въ какія рамки классовыхъ интересовъ, уже по тому одному, что она отрицаетъ всѣ классовые интересы, кладетъ человѣка, съ его невѣсомыми интересами, въ главу угла и устроеніе человѣка и общества полагаетъ въ дезорганизаціи государства, въ ломкѣ не только перегородокъ, но самого принципа государственности и которая приблизительно такъ же относится къ самой широкой классовой, рабочей интеллигенціи, какъ эта къ либерально-буржуазной интеллигенціи. Можно ея теоретическія посылки считать невѣрными и программу дѣйствій гибельной, но нельзя ни отрицать факта ея существованія, ни приткнуть эту несомнѣнную интеллигенцію къ какому-нибудь классу, къ какимъ-нибудь матеріальнымъ и реальнымъ самоотношеніямъ. И именно въ той строго регламентированной западно-европейской жизни она и развертывается шире и шире уже не первый годъ.

Мнѣ остается хотя бы вкратцѣ коснуться истиннаго характера этого такъ свободно расходуемаго слова „классовая интеллигенція". Отношеніе понятія „классовая интеллигенція" къ понятію „интеллигенція страны" въ моемъ смыслѣ слова совершенно такое же, какъ отношеніе такъ называемой профессіональной этики, морали отдѣльныхъ общественныхъ группъ къ морали вообще.

Мы знаемъ профессіональную этику военнаго сословія, раз-

рѣшающую французскимъ генераламъ дѣлать подлоги, давать на судѣ ложныя показанія, и русскому генералу Усаковскому выдавать лестныя аттестаціи генералу Ковалеву, нарушившему самымъ подлымъ образомъ элементарныя требованія человѣческой морали вообще. Мы знаемъ профессіональную этику врачей, такъ много разъ въ Германіи и, насколько мнѣ извѣстно, два раза въ Россіи исключавшихъ изъ своего общества товарищей, которые соглашались быть врачами въ рабочихъ организаціяхъ, т. е. „сбивали цѣну“: такъ диктовала сословная интеллигенція, исходившая изъ профессіональной этики и опять таки тѣмъ самымъ нарушавшая основныя требованія морали вообще, противорѣчащая даже основному принципу существованія самого врачебнаго сословія. Мнѣ нечего указывать на разбойничьи, воровскія, шпіонскія группы людей, имѣющихъ несомнѣнно свои групповые интересы и свою профессіональную этику, чтобы доказать тотъ частый въ жизни конфликтъ, въ который вступаютъ классовые интересы съ интересами страны, когда профессіональная этика является обыкновеннымъ мошенничествомъ, примитивной безнравственностью, подрывающей въ корнѣ тѣ невѣсомыя, всѣмъ общія нормы духовной жизни человѣчества. Тѣмъ самымъ я никоимъ образомъ не хочу смѣшивать въ одну кучу всѣ профессіональныя этики и классовыя интеллигенціи и рѣзко выдѣляю, не только количественно, но и качественно, тѣ широкія общественныя группы, которыя, по приведенному выше толкованію, объединяютъ въ себѣ всѣ производительныя силы страны и, въ этомъ смыслѣ, уже не умѣщаются въ понятіе класса, а приближаются къ понятію народа, страны, которыя вмѣстѣ съ своими вѣсомыми, матеріальными интересами несутъ съ собой наибольшую сумму невѣсомыхъ интересовъ страны и человѣчества, и классовая интеллигенція которыхъ тѣмъ самымъ наиболѣе близка къ понятію интеллигенціи страны въ моемъ смыслѣ слова.

Но и здѣсь, теоретически говоря, мы можемъ допустить возможность конфликта классовыхъ интересовъ и классовыхъ интеллигенцій отдѣльныхъ группъ трудящихся массъ, производительныхъ силъ страны, хотя бы, напр. земледѣльческихъ и фабрично-промышленныхъ,—конфликта не духовныхъ, а матеріальныхъ, скажемъ, реальныхъ интересовъ. И такой конфликтъ нужно учитывать, и онъ учитывается хотя бы въ современной русской жизни.

Повторяю, я не смѣшиваю того, что по существу рѣзко различается, и не только количественно, но и качественно, и только въ интересахъ разграниченія этихъ классовыхъ интеллигенцій я и желалъ бы болѣе осторожнаго и болѣе разборчиваго примѣненія слова „классовая интеллигенція“.

III.

О русской интеллигенціи и проще, и труднѣе говорить. Проще потому, что проста русская жизнь съ своей несложностью, отсутствіемъ рѣзко разграниченныхъ перегородокъ, скудостью традицій, неясностью и неразграниченностью общественныхъ группъ, и трудно именно по этой неопредѣленности и неразграниченности силоотношеній. Русская исторія не знаетъ той пестрой, расшитой узорами западно-европейской исторической ткани, гдѣ, кромѣ общей исторіи, исторіи государства, происходили отдѣльныя исторіи, писались классовыя главы, выработывалась классовая идеологія, глубоко наростали традиціи; гдѣ исторія государства была сводной главой этихъ отдѣльныхъ исторій. И крестьянство, и городъ, и дворянство, и королевская власть, помимо общей жизни, имѣли еще и отдѣльную, вели войны другъ съ другомъ, заключали союзы, писали договоры.

Прошлое Россіи знаетъ одну исторію, исторію государства россійскаго, и, по крайней мѣрѣ съ московскаго періода, русскіе классы дѣлали только одну исторію—собираніе и устроеніе государства россійскаго. И эта государственная исторія поглощала въ себя исторію отдѣльныхъ общественныхъ группъ. И не было ихъ, какъ самостоятельныхъ общественныхъ единицъ. Какъ были государственные крестьяне „государевы сироты", такъ были государственные дворяне „служилые люди", „государевы слуги". И духовенство, и торговый классъ дѣлали все то же служебное государственное дѣло. Когда патріаршество оказывалось мѣшавшимъ государственной машинѣ, оно выбрасывалось изъ поля зрѣнія; когда торговые люди не удовлетворяли государственныхъ нуждъ, приглашались „гости" изъ чужихъ земель. И образованіе въ Россіи не выросло какъ естественный продуктъ духовной жизни страны, а съ тѣми же служебными цѣлями было насаждено государствомъ: вмѣстѣ съ „пушкарными" людьми и „корабельными" мастерами насаждалась медицина и научная техника. И въ этомъ, въ огромности значенія государства въ Россіи, въ отсутствіи отдѣльныхъ классовыхъ исторій, въ привозномъ характерѣ русскаго образованія, въ особыхъ путяхъ накопленія знанія и сознанія лежитъ ключъ къ пониманію многихъ особенностей характера русской интеллигенціи.

Не въ томъ, что образованіе и идеи шли къ намъ изъ за границы. Народы всегда обмѣнивались не одними товарами, но и идеями, и если англійская конституція оказала вліяніе на государственное устройство Франціи, то въ свою очередь французскія идеи, за истекшее столѣтіе, облетѣли быстрѣе товаровъ западно-европейскія государства. Но тамъ это былъ обмѣнъ куль-

туръ и идей, чужеземная глава входила примѣчаніемъ и дополненіемъ къ собственнымъ главамъ и нисколько не мѣшала стройности той западно-европейской исторіи, гдѣ всему было длинное предисловіе и гдѣ дальнѣйшія главы развивались съ неумолимой логикой исторической послѣдовательности. Этой послѣдовательности не было въ культурномъ ростѣ Россіи, въ накопленіи въ ней знаній и сознанія, и, быть можетъ, нигдѣ, кромѣ Японіи, не встрѣчалось примѣра, когда иноземная жизнь такъ рѣзко и круто, безъ исторической постепенности, измѣняла духовный обликъ страны. Западно-европейскія главы врывались въ русскую жизнь, какъ французскій языкъ въ русскую рѣчь, и мы не воспринимали новыхъ идей въ ихъ логической постепенности и связности съ нашей исторіей; съ нашими главами и ту же главу о буржуазіи мы получили въ сознаніе съ послѣсловіемъ, а не предисловіемъ, безъ идеалистическихъ словъ ея историческаго введенія, а съ досказанными голыми, откровенными словами послѣсловія, и при томъ, когда у насъ еще и не начинала организовываться буржуазія. Мы воспринимали чуждую высокую культуру, имѣя только скифскій укладъ жизни, и многообразную западно европейскую исторію, не начиная во многихъ отношеніяхъ собственной исторіи. Въ началѣ прошлаго вѣка, когда стала формироваться русская интеллигенція, русскіе люди, надышавшіеся воздухомъ германскихъ умственныхъ центровъ, видѣвшіе воочію борьбу классовыхъ и не классовыхъ интересовъ во Франціи, вырабатывавшіе свое новое міропониманіе, возвращались въ Россію, гдѣ не было умственныхъ центровъ, не было ни классовыхъ, ни внѣклассовыхъ идей, а была только скифская культура, только одинъ огромный фактъ русской жизни, организованное государство, и одна форма дѣятельности — старое традиціонное дѣло государство-строительства. Такъ раньше и дѣлалось. Съ Петра Великаго молодыхъ людей посылали за границу за наукой. Они привозили науку и ихъ приставляли примѣнять науку къ государственной машинѣ: къ пушкѣ, на корабль, къ печатному дѣлу, въ канцелярію, въ сенатъ, въ академію наукъ, къ государственнымъ искусствамъ. Неудавшаяся попытка въ двадцатыхъ годахъ влить выработанное интеллигенціей новое государство-опредѣленіе въ старый традиціонный государственный строй имѣла въ своемъ результатѣ два огромныхъ факта русской жизни: начавшееся съ тѣхъ поръ постепенное духовное оскудѣніе стараго государственнаго міропониманія и постепенное формированіе новаго государственнаго міропониманія, постепенное все большее отдаленіе отъ стараго міропониманія, начало формированія русской интеллигенціи.

Съ тѣхъ поръ началась великая трагедія русскаго интеллигентнаго человѣка. У него не оказалось дѣла, ему не нашлось мѣста въ русской жизни. Съ страстной вѣрой юности и чисто

религіозной жаждой дѣятельности, съ высшими словами истины, накопленными всѣмъ міромъ, онъ очутился въ неподвижности скифскаго уклада жизни, между страшно организованнымъ государствомъ и не начавшимъ организоваться обществомъ, не имѣя никого и ничего за спиной, ни классовъ, ни традицій, опираясь только на *общечеловѣческія* идеи, очутился безпочвеннымъ одинокимъ человѣкомъ, какимъ, думаю, никогда не была интеллигенція ни въ какой странѣ. А въ то время великое французское движеніе XVIII вѣка досказывало свое историческое послѣсловіе, и, не имѣвшій дѣла, не нашедшій мѣста въ русской жизни, интеллигентный человѣкъ погружается въ философскія опредѣленія и самоопредѣленія внѣ дѣйствительности, съ отрицаніемъ дѣйствительности, а рядомъ развивается своеобразный ранній русскій скептицизмъ, съ одной стороны, и великая русская драма „хотѣть" и „мочь"—съ другой. Съ 30-хъ годовъ вплоть до 60-хъ предъ нами проходитъ длинный рядъ Чаадаевыхъ — Чацкихъ, Пушкиныхъ — Онѣгиныхъ, Лермонтовыхъ — Печориныхъ, цѣлое поколѣніе Рудиныхъ и Гамлетовъ Щигровскаго уѣзда. Тогда сложились въ литературѣ отрицательные типы, какъ главенствующія темы русской беллитристики, типы разочарованныхъ, типы скептиковъ, типы лишнихъ людей. Когда же русская жизнь потребовала положительныхъ типовъ, беллетристика выписала Инсарова изъ Болгаріи, за отсутствіемъ въ Россіи комбинаціи использованнаго жизнью съ его идеалами, вѣрой и страстью интеллигентнаго человѣка.

Тогда же обозначилась та исключительная роль русской литературы, которую суждено было ей играть въ русской жизни. Тамъ, на Западѣ, давно было много каѳедръ и платформъ для выраженія мнѣній общественно думающей и общественно чувствующей части общества. Съ тѣхъ поръ, какъ стало пробуждаться русское самосознаніе, и до очень недавняго времени оно не имѣло другой каѳедры, кромѣ университета и, главнымъ образомъ, литературы. Это вызвало, съ одной стороны, усиленное стремленіе всего напряженно думающаго и страстно чувствующаго въ странѣ въ литературу, и именно въ ней русская интеллигенція издавна нашла свое мѣсто и свое дѣло; съ другой стороны—въ этомъ сказалась особенность русской литературы, въ этомъ ея историческая миссія, совершенно особенное соціальное значеніе. Въ силу особыхъ условій русской жизни даже появленіе земскаго и городского самоуправленія не измѣнило этого положенія литературы, и при нихъ временами случалось, что новая книжка журнала являлась своего рода засѣданіемъ партейтага.

IV.

Вотъ почему, говоря о русской интеллигенціи, нельзя не говорить о русской литературѣ.

До 60-хъ годовъ литература была по своему составу чисто дворянской, и ни единичные примѣры „мужика", ни рѣдкія прослойки въ ней купца, мѣщанина и болѣе частыя поповича того общаго дворянскаго фона литературы не мѣняютъ. Но и тогда эта дворянская литература не занималась своими классовыми дворянскими интересами (въ этомъ отношеніи дворянство опоздало и упустило единственную свою эпоху) и дѣлала все то же дѣло выработки русскаго міропониманія и русскаго самоопредѣленія, въ смыслѣ соотношенія общечеловѣческихъ идей и идеаловъ съ старомъ укладомъ жизни. И славянофилы, и западники, и московскіе, и петербургскіе литературные круги, бившіеся такъ яростно, ломали мечи не за классовые интересы, а все за то же русское самоопредѣленіе. Мнѣ достаточно напомнить Герцена, Михаила Бакунина и перваго русскаго разночинца Виссаріона Бѣлинскаго, чтобы читатель вспомнилъ, за что они бились. И тогда уже народъ началъ вырисовываться, какъ главный факторъ государственнаго опредѣленія, и освобожденіе крестьянъ, и ломка старыхъ основъ русской государственности легли въ основу тенденціи, объединявшей литературные круги.

А потомъ наступили 60-е года...

Въ далекомъ будущемъ, когда установится историческая перспектива, установится и должный взглядъ на все величіе и исключительную историческую огромность такъ называемой эпохи 60-хъ годовъ. Она страшно велика даже въ томъ небольшомъ моемъ полѣ зрѣнія литературы и интеллигенціи. Въ то время вошелъ въ литературу русскій разночинецъ. Онъ ворвался шумной и дерзкой толпой въ широкую улицу литературы, сразу окрасилъ и расцвѣтилъ ее своими пестрыми красками и сразу раскололь литературу на отцовъ и дѣтей. Я потому выдѣляю особенно этотъ фактъ, что онъ имѣлъ совершенно исключительное, огромное значеніе въ русской жизни, такъ какъ именно тогда ярко и опредѣленно начала выкристаллизовываться изъ русской жизни та группа, которая называется теперь русской интеллигенціей. Я не знаю ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ западно-европейской жизни аналогичнаго явленія: русскій разночинецъ совсѣмъ не литературная богема западно-европейскихъ литературныхъ центровъ, и именно въ немъ, въ его исключительномъ значеніи для русской жизни ярко сказалось отсутствіе въ Россіи опредѣленно дифференцированныхъ классовъ, съ ихъ отдѣльной исторіей, сознанными традиціями и выраженными интересами. И въ из-

вѣстномъ смыслѣ—все тотъ же государственный характеръ, государственная служебная роль...

Разночинецъ, это—дворянинъ, ушедшій изъ своего дворянства; поповскій сынъ, не пожелавшій надѣть стихаря и рясы; купецъ, бросившій свой прилавокъ; „мужикъ", ушедшій отъ сохи и пріобщившійся къ образованію; генеральскій сынъ, чиновничій сынъ. Они уходили изъ своего мѣста на широкій просторъ жизни, не взявши „одежды многихъ". Дворянинъ отрицалъ дворянство въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ; семинаристъ былъ самымъ страшнымъ отрицателемъ своего прошлаго, настоящаго и будущаго, и мѣщанинъ, и купецъ были враги мѣщанства и буржуазности, и чиновничій сынъ, и генеральскій сынъ отрицали бюрократію и милитаризмъ. Тогда ихъ назвали нигилистами. Они были нигилистами, такъ какъ отрицали все узкое, классовое, все, что говорило о традиціяхъ, объ авторитетѣ, объ обязательныхъ вѣрованіяхъ и правахъ, на которыхъ покоился старый укладъ русской жизни. Но эти нигилисты несли съ собой глубокое знаніе своей среды, своего обывательскаго класса и страстную жажду новаго будущаго, которое установится на разрушенномъ старомъ укладѣ. Они уходили изъ стараго русскаго „темнаго царства" на просторъ будущей свѣтлой жизни во имя только общихъ идеаловъ, только во имя идей, безъ подкладки личныхъ, групповыхъ, классовыхъ интересовъ. Они оставляли за собой все прошлое; нерѣдко приходилось порывать самыя дорогія связи, покидать родныхъ, друзей и создавать новую жизнь, новую семью, друзей. И въ этомъ было нѣчто религіозное: настроеніе людей, увѣровавшихъ въ новую вѣру, и въ основѣ ихъ духа — глубокая вѣра и огромный скептицизмъ.

Шла все та же выработка міропониманія и опредѣленія русской жизни и, въ этомъ смыслѣ, все то же государственное служеніе... Быть можетъ, былъ единственный, короткій, историческій моментъ, не повторявшійся болѣе, когда эти два міропониманія—старое государственное и новое складывавшееся—пошли навстрѣчу другъ другу, и была временная диффузія этихъ двухъ соціальныхъ теченій, именно когда вырабатывались реформы 60-хъ годовъ. Было короткое время иллюзій, когда, казалось, находилось мѣсто для интеллигенціи въ русской жизни, когда даже промелькнулъ короткимъ зигзагомъ никому не „служащій" мыслящій реалистъ, и на короткое время появились положительные типы беллетристики: и Рахметовъ, и „Старая и Новая Россія" Гирса; даже такъ несклонный къ положительнымъ типамъ Глѣбъ Успенскій выпустилъ изъ своей Растеряевой улицы Михаила Ивановича на показавшуюся тогда широкой русскую улицу.

Та иллюзія недолго продолжалась, и къ концу шестидесятыхъ и началу семидесятыхъ годовъ совершенно явственно обозначился разрывъ двухъ государственныхъ міропониманій: новаго складывавша-

гося и стараго традиціоннаго московско-петровскаго,—разрывъ, ставовившійся съ тѣхъ поръ все глубже и глубже и сдѣлавшійся главнымъ фактомъ русской жизни за послѣднія 35 лѣтъ. Это было время, когда многіе потоки общественной мысли и чувства, разлившіеся такъ широко въ 60-хъ годахъ, стали сливаться въ одно общее русло; когда начинала вырисовываться главная, основная идея новаго русскаго міропониманія; когда выросло то огромное явленіе русской литературы, которое называется *народничествомъ*. Будущій историкъ выяснитъ все значеніе народничества въ русской жизни, и только въ будущемъ станетъ во весь ростъ его теоретикъ и вождь Н. К. Михайловскій. Я только отмѣчу здѣсь ту новую государственную точку зрѣнія, которая легла въ основу его. На мѣсто общей формулы, на мѣсто того, въ извѣстной мѣрѣ, внѣшняго признака положено было новое опредѣленіе: въ основу и во главу угла государственнаго зданія поставленъ былъ народъ, въ смыслѣ трудящихся классовъ страны, безъ различія національности, вѣроисповѣданія, формъ этого труда, безъ различія отдѣльныхъ классовъ трудящихся массъ народа, объединенный только однимъ общимъ признакомъ производительнаго труда. Въ ту новую формулу входила вся совокупность потребностей трудящихся массъ,—не только экономическихъ, но и правовыхъ, религіозныхъ, національныхъ, соотвѣтственно групповымъ индивидуальностямъ, входящимъ въ трудящуюся русскую массу.

Тогда къ тѣмъ дерзкимъ, разрушавшимъ авторитетъ прошлаго и пережитки скифскаго уклада голосамъ 60-хъ годовъ присоединилась новая нота — знаменитое „покаяніе“. Оно не было исключительно, и даже главнымъ образомъ, личнымъ покаяніемъ; оно было прежде всего покаяніемъ сыновъ за отцовъ, поколѣнія, входившаго въ жизнь, за старыя поколѣнія; оно было покаяніемъ новаго русскаго міропониманія за то старое міропониманіе, которое держалось на отвлеченномъ принципѣ, приносило все въ жертву слѣпому молоху государства, которое все брало отъ народа складывавшаго и державшаго на своихъ плечахъ это государство, и ничего не давало ему. Все десятилѣтіе 70-хъ годовъ истрачено литературой на формулировку этого новаго міропониманія, на опредѣленіе вытекающаго изъ него общественнаго поведенія. И Елисеевъ, и Михайловскій, и Некрасовъ, трагическій рыцарь на часъ, дворянинъ и мѣщанинъ, пѣвшій всю жизнь про народъ, рабствомъ скованный, тьмою окутанный; и Салтыковъ-Щедринъ, дворянинъ и крупный чиновникъ, такъ глубоко ненавидѣвшій все, что говорило о помѣщичьихъ привилегіяхъ, что примыкало къ бюрократизму; и этотъ антиподъ Щедрина, эта трепещущая, нѣжная и молитвенная душа—Глѣбъ Успенскій, метавшійся всю жизнь въ поискахъ правды, въ поискахъ гармоніи русской жизни; и этотъ благоуханный поэтическій цвѣтокъ русской беллетристики, Гаршинъ, съ чисто художественно

натурой, писавшій свой разсказъ „Два художника"; и всѣ тѣ, имена которыхъ забыты русской публикой,—всѣ эти русскіе разночинцы, представители русской литературы, говорили все объ одномъ, о народѣ, интересы котораго должны лежать во главѣ русской жизни, и ни одного слова не говорили о какихъ бы то ни было классовыхъ интересахъ, о какихъ-нибудь правахъ и преимуществахъ pro domo sua. Съ страстнымъ воодушевленіемъ новой истиной, съ религіознымъ проникновеніемъ новой вѣрой, они звали русскую интеллигенцію. всѣхъ общественно думающихъ и общественно чувствующихъ людей на великій путь служенія народу, на удовлетвореніе его многообразныхъ нуждъ. И новая тема явилась въ беллетристикѣ — народъ; не по-французски сентиментальный народъ Григоровича, ни эпическіе Хори и Калинычи Тургенева, а народъ во всей сложности его взволнованнаго освобожденіемъ духовнаго облика, во всей правдѣ жизни. И прежнія старыя темы беллетристики стали глубже и напряженнѣе, то же отрицаніе и обличеніе всего стараго, отжившаго, все тотъ же трагическій конфликъ высшихъ человѣческихъ идеаловъ съ скифскимъ укладомъ, та же драма страстныхъ порывовъ къ дѣятельности и невозможность дѣятельности, — русская драма „хотѣть" и „мочь".

Съ тѣхъ поръ окончательно сложилась русская литература, ея тенденція, ея служебная роль. И то шумное литературное движеніе, которое такъ ярко вспыхнуло 10—15 лѣтъ тому назадъ, которое хотѣло выдвинуть на передній фасъ русской жизни групповые классовые интересы и создать классовую интеллигенцію, не противорѣчитъ этому общему опредѣленію русской литературы. Оно было то же народничество, только ставившее часть, вмѣсто цѣлаго, въ немъ было даже то же покаяніе, покаяніе сыновъ за отцовъ-народниковъ, будто бы просмотрѣвшихъ интересы огромной группы этого народа, и въ качествѣ русскихъ сыновъ такъ яростно и мало продуманно отказывавшихся отъ наслѣдства отцовъ. Логика русской жизни и здравый смыслъ снова возстановили архитектурное цѣлое, и вожди новаго движенія ушли изъ него и вернулись къ той литературѣ, которая ставитъ во главу угла государственной жизни народъ въ цѣломъ, а не въ части, и то, такъ недавно шумное говорливое, движеніе выродилось — я говорю о литературѣ—въ одинокіе негромкіе голоса.

Ничто не возбуждало столько нареканій на русскую литературу, какъ именно эта ея служебная роль. Пятьдесятъ лѣтъ съ разныхъ сторонъ, изъ разныхъ мотивовъ, раздаются голоса противъ служебной роли литературы; пятьдесятъ лѣтъ все говорятъ объ искусствѣ для искусства, взываютъ къ вѣчной красотѣ, къ вѣчнымъ проблемамъ человѣческаго духа, освобожденнаго отъ мелочей жизни, и любители всего „высокаго и прекраснаго" обвиняютъ русскую литературу въ опорочені жизни, въ сгущені

темныхъ красокъ, въ ея служеніи злобѣ дня. Раздаются голоса искреннихъ любителей россійской словесности, говорящіе, что русскіе писатели ломаютъ свои огромные таланты, не развертываются во всю ширь и въ особенности во всю красоту своихъ талантовъ; указываютъ на Салтыкова, этого русскаго Свифта, на Глѣба Успенскаго, рожденнаго для широкихъ полотенъ и истратившаго себя на служебную роль, на постовую службу, на Гаршина и Чехова, не давшихъ десятой доли того, что они призваны были дать. Они говорятъ, что русская беллетристика остановилась на мертвой точкѣ, указываютъ на новыя слова въ западно-европейской беллетристикѣ, новые зигзаги д'Анунціо, Метерлинка, Пшибышевскаго; а неумолимая логика русской жизни требуетъ отъ литературы и искусства все служенія странѣ, и огромные умы, предуготованные къ рѣшенію величайшихъ проблемъ человѣческаго духа, не отрываясь, бьются за нужды сегодняшняго дня; огромные таланты, рожденные для звуковъ сладкихъ и молитвъ, отзываются не на красоту и радость, которыхъ мало въ русской жизни, а на горе, тоску, пошлость и скуку, которыми такъ полна она. И красивыми, но пустопорожними бликами мелькаютъ въ ней Метерлинкъ, д'Анунціо, Пшибышевскій, и литературныя предпріятія, возникающія съ самыми превосходными цѣлями, но внѣ служебной роли, кончаются неизмѣннымъ фіаско.

Да, русскіе таланты, несомнѣнно, не успѣваютъ развертываться въ полной мѣрѣ ихъ роста, но—удивительное дѣло!—именно за періодъ своего общественнаго служенія, русская литература сдѣлалась тѣмъ, что она есть въ настоящее время,—огромнымъ міровымъ явленіемъ, къ которому съ величайшимъ интересомъ относятся читающіе люди всѣхъ странъ,—полагаю, не ошибусь, — съ большимъ, чѣмъ къ д'Анунціо, Метерлинку, Пшибышевскому. И есть основаніе думать, что она заняла это мѣсто въ мірѣ именно въ силу широты, глубины и общности идей, на которыхъ она воспиталась; въ силу той свободы духа отъ всего узкаго, классоваго; въ силу того великаго драматизма, той вѣчной, величайшей проблемы конфликта личности и общества, проблемы хотѣть и мочь, тоски по высочайшему лучшему будущему, которыя проходятъ непрерывающейся струей за все время существованія настоящей русской литературы, т. е. въ силу именно этого ея служенія народу, т. е. въ значительной мѣрѣ міровымъ задачамъ человѣчества.

Несомнѣнно русская литература въ ближайшемъ будущемъ измѣнитъ свой характеръ; быть можетъ, завтрашній день найдетъ другіе выходы, найдетъ другія каѳедры русской общественной думѣ и общественному чувствованію; снимется съ нея исключительная всепоглощающая служебная роль, и таланты будутъ развертываться не только въ своей мощи, но и въ красотѣ, и другія темы, болѣе радостныя, будутъ использованы русской литературой со-

отвѣтственно другимъ, болѣе радостнымъ нормамъ жизни. Но можно думать, что основной тонъ ея, ея традиціи не измѣнятся,— уже по тому одному, что, внѣ всякаго сомнѣнія, по своему составу она будетъ демократизироваться все болѣе и болѣе. Во всякомъ случаѣ ея историческое послѣсловіе сказано. Оно ясно всѣмъ, и его не услышитъ только тотъ, кому по преимуществу оно сказано—Н. К. Михайловскому.

Насколько можно судить, насколько можно разбираться въ кипящемъ котлѣ современности, судить по голосамъ, которые несутся оттуда,—дѣйствующимъ лицомъ въ современной русской исторіи является не классовый человѣкъ, не профессіональный, не сословный, а (пусть будетъ понято это въ подлежащемъ смыслѣ) *читатель*, прежде всего читатель, тотъ таинственный незнакомецъ русской литературы, по которому она давно тосковала, который открылъ, наконецъ, свое инкогнито и говоритъ теперь свое читательное слово, — читатель именно народнической литературы, въ значительной мѣрѣ читатель Н. К. Михайловскаго, который два года назадъ посылалъ ему горячіе адресы, покрытые тысячами подписей. Если это такъ, если я правъ, то это фактъ огромной общественной важности, и его нужно твердо запомнить при всякихъ предположеніяхъ о будущихъ взаимоотношеніяхъ литературы, интеллигенціи и народа...

V.

Русская интеллигенція переросла литературу, вѣрнѣе, выросла изъ нея, вышла изъ тѣсныхъ рамокъ, въ которыхъ принуждена была вращаться литература. Интеллигенція нашла другія кафедры и платформы помимо литературы, она закончила теоретическую выработку своего міропониманія и давно и широко развернула свое общественное поведеніе. Жизнь страны не можетъ идти безъ духовныхъ силъ, и страна, давно ушедшая отъ формальнаго стараго государственнаго пониманія, утилизировала русскую интеллигенцію. Вопреки внѣшней логикѣ и въ силу внутренней логики жизни, въ области просвѣщенія, въ провинціальной литературѣ, въ области охраненія народнаго здравія, въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи интеллигенція нашла свое мѣсто и отыскала дѣло, котораго искала. Формировалась провинціальная интеллигенція, выросталъ новый огромный факторъ русской жизни. Духовныя волны въ центрахъ повышались, понижались; бывали періоды духовнаго оскудѣнія центровъ, а провинціальная жизнь, въ смыслѣ роста и все большаго значенія интеллигенціи въ ней, развивалась неуклонно безъ колебаній, и, въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, Парижъ ушелъ въ провинцію. Быть можетъ, мнѣ слѣдовало бы болѣе детально нарисовать

картину этого общественнаго поведенія провинціальной интеллигенціи, въ извѣстномъ смыслѣ ея хожденія въ народъ; какъ выразилась она хотя бы въ этомъ оригинальномъ, не имѣющемъ аналогіи въ Западной Европѣ, институтѣ земскихъ врачей, въ совершенно оригинальномъ, знаменитомъ третьемъ элементѣ; какъ окрасила она культурные классы и всю провинціальную жизнь; какъ вліяла она на укладъ земства, вопреки всѣмъ усиліямъ придать ему однотонную сословную окраску. Но картина провинціальной жизни и сказанное провинціей въ послѣдніе дни послѣсловіе достаточно извѣстны и опредѣленны. Я остановлюсь только на одномъ фактѣ русской жизни, — на томъ, какъ сложился въ Россіи типъ интеллигнетной русской женщины. Пусть читатель не удивляется. Кто понимаетъ великое соціальное значеніе, такъ называемаго, женскаго вопроса, роль жены и матери въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ человѣчества; кто знаетъ, какимъ тормазомъ въ дѣлѣ прогресса служитъ во Франціи женщина, глубоко классовая, получающая свои высшія велѣнія изъ узкаго окошечка исповѣдальни,—тотъ пойметъ, почему я считаю русское рѣшеніе женскаго вопроса оригинальнѣйшимъ и многоцѣннымъ фактомъ русской жизни. Не въ томъ одномъ дѣло, что русская женщина наполняетъ заграничные университеты въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ даютъ мѣстныя страны, а въ томъ, что за пятьдесятъ лѣтъ, при скифскомъ укладѣ жизни, рядомъ съ тьмой и невѣжествомъ, окутывающими Россію, сложился особый типъ русской интеллигентной женщины, выросла свободная отъ всякихъ узкихъ темныхъ окошекъ, во истину интеллигентная, жаждущая свѣта и знанія русская женщина, которая такъ рѣзко выдѣляется на фонѣ западно-европейской женщины, что ее, за отсутствіемъ на мѣстѣ, выписываютъ изъ Россіи, какъ мы когда то выписывали Инсарова изъ Болгаріи, этихъ Вѣрà Ольгà, западно-европейскіе драматурги и беллетристы.

.

Я вовсе не хочу говорить о томъ, кто выше, кто лучше—русская или западно-европейская интеллигенція. Я хочу только отмѣтить оригинальность состава ея, оригинальность духа ея. При огромныхъ плюсахъ рядомъ лежатъ и ея минусы. Она не опиралась и не опирается ни на какія классовые „реальные" интересы; она не чувствуетъ, по крайней мѣрѣ не чувствовала, за своей спиной организованныхъ общественныхъ группъ; она не имѣла традицій въ то время, какъ складывалась; не отправлялась въ своей идеологіи и въ своей практикѣ отъ реальныхъ фактовъ прошлаго, отъ преемственно развивавшихся историческихъ идей; въ отрастной борьбѣ на всѣ фронты вырабатывала она теоретическія основы своего міроопредѣленія,—отсюда ея кажущаяся оторванность отъ жизни, отсюда недостаточность преемственности идей

въ интеллигентныхъ теченіяхъ русской жизни, быстрая смѣна вѣроученій въ русской интеллигенціи, невѣдомые западно-европейской литературѣ и жизни „отцы и дѣти“, такъ быстро рождающіеся дѣти, такъ скоро умирающіе отцы. Но въ этомъ и плюсы ея.

Въ силу этого своего состава, особенности своего происхожденія и условій русской дѣйствительности, она сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ она есть въ настоящее время. Какъ бы ни расцѣнивать русскую интеллигенцію,—нужно признать одно, что за 40 лѣтъ, протекшихъ съ 60-хъ годовъ, она сыграла огромную роль въ исторіи страны, что у нея успѣли выработаться и теоретическое міропониманіе, и методы общественнаго поведенія, успѣли уже накопиться традиціи; что она, быть можетъ, наиболѣе „свободная“ интеллигенція,—употребляя выраженіе Герцена,—свободная отъ всякихъ переживаній, отъ всякихъ классовыхъ, унаслѣдованныхъ историческихъ наслоеній. Какъ бы ни расцѣнивать ее, нужно признать, что по сіе время она внѣсословная, внѣклассовая интеллигенція, и на ея знамени не написано никакихъ другихъ классовыхъ интересовъ, кромѣ интересовъ народа.

VI.

Я не хочу пророчествовать и рисовать схему будущаго Россіи при имѣющихъ установиться новыхъ бытовыхъ условіяхъ въ Россіи. Но въ рамкахъ своей темы не могу не коснуться, хотя бы вскользь, вопроса о русской буржуазіи, прошлаго, настоящаго и въ особенности будущаго третьяго сословія Россіи: пока гораздо легче всего выговаривается третій элементъ, чѣмъ третье сословіе.

Я упоминалъ уже, что русская буржуазія въ прошломъ, какъ и все въ Россіи, носила служебный государственный характеръ, признавалась постольку, поскольку удовлетворяла нуждамъ государства и, начиная съ Петра, несомнѣнно, и до сего времени „насаждалась“ въ Россіи вмѣстѣ съ науками и искусствами. И никакихъ западно-европейскихъ узоровъ, въ родѣ своей исторіи, борьбы съ кѣмъ бы то ни было, на ея физіономіи не выткано. Какъ все въ Россіи, ея составъ въ прошломъ и настоящемъ носитъ тотъ же подвижный, мѣняющійся, неустойчивый характеръ.

Вчерашній крестьянинъ дѣлается сегодня милліонеромъ, а сынъ его завтра погружается въ тьму разночинческой неизвѣстности. Фирмы возникаютъ, фирмы гибнутъ съ невѣдомой Западной Европѣ быстротой, и, насколько мнѣ извѣстно, и теперь представители фирмъ, просуществовавшихъ столѣтіе, получаютъ дворянское званіе, какъ награду за великую и рѣдкую заслугу передъ отечествомъ. И если образованіе и образованность были

вообще скудно распространены въ культурныхъ русскихъ классахъ, то наиболѣе скудно представлены были они въ торгово-промышленномъ русскомъ классѣ. Да, теперь буржуазія—несомнѣнный фактъ русской жизни и можно говорить о ней, какъ о наиболѣе серьезной наростающей силѣ будущаго.

Она родилась вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ и крещена была крещеніемъ 60-хъ годовъ. Это такъ, уже по тому одному, что капиталистическая промышленность невозможна была при натуральномъ хозяйствѣ дореформенной Россіи. Теперь прошло больше 40 лѣтъ, и ея количественный и качественный составъ рѣзко измѣнился. Дѣти ея уже получаютъ образованіе; много университетскихъ значковъ въ ея средѣ; ея сыновья успѣли сдѣлаться докторами, инженерами, адвокатами, архитекторами, ея дочери выходятъ замужъ за дворянъ и людей либеральныхъ профессій—докторовъ, инженеровъ, адвокатовъ, и успѣло образоваться плотное ядро одѣтыхъ въ сюртуки съ университетскими значками людей либеральныхъ профессій, которыхъ такъ согласно люди, ни въ чемъ другомъ не согласные, вводятъ въ общую скобку русской интеллигенціи. Прошло слишкомъ 40 лѣтъ, народились два поколѣнія одѣтыхъ въ сюртуки, культурныхъ, образованныхъ людей... Что же внесъ онъ, какія традиціи выработалъ этотъ новый классъ русской жизни? Росло ли въ немъ самоопредѣленіе, классовое самосознаніе, выдѣлилъ ли онъ изъ себя классовую интеллигенцію? Намъ давно говорятъ, что извѣстному экономическому фундаменту, извѣстной общественной группѣ нужна извѣстная форма государственныхъ условій, обязательныхъ для нея, необходимыхъ, какъ рыбѣ вода... Полстолѣтія молодой жизни буржуазіи, жизни, обыкновенно такой бурной, такой стремительной, прошли въ томъ, что систематически ломалось и разрушалось въ государственныхъ формахъ именно то, что ей необходимо, какъ рыбѣ вода; постепенно на ея глазахъ оскудѣвалъ пока единственный доступный ей внутренній рынокъ, необходимый ей вдвойнѣ, какъ рыбѣ вода, и она, русская буржуазія, можетъ только росписаться: „при семъ присутствовала"... И когда нижегородскій „Волгарь" во время выставки грозно-нахмуренно сказалъ: „мы все можемъ"...—вышло только смѣшно и совсѣмъ не страшно.

Она опоздала выйти на историческую сцену, русская буржуазія, опоздала даже въ сравненіи съ рабочимъ классомъ и „третьимъ элементомъ"; у нея нѣтъ идеологіи, нѣтъ традицій, нѣтъ кассоваго сознанія, нѣтъ классовой интеллигенціи. Она съ голыми руками стоитъ передъ настоящимъ, и плечи ея не обременены никакой исторической ношей. Я знаю, при дезорганизаціи и паденіи дворянскаго землевладѣнія, и дворянства, какъ сословія, она будетъ наиболѣе реальной силой будущаго, но, повторяю, въ настоящее время кошель ея пустъ, она

опоздала пополнить его идеологическимъ содержаніемъ и, вмѣсто идеалистическаго предисловія юныхъ дней, у ней только послѣсловіе мудрости исторіи.

По спопутности нужно коснуться и дворянства, какъ сословія, его классового самосознанія, его классовой интеллигенціи. Только по спопутности, такъ какъ о дворянствѣ, какъ о цѣломъ и о чемъ нибудь, выражающемъ интересы и мнѣнія его, какъ цѣлаго, серьезно говорить нельзя. Именно съ тѣхъ поръ, опять таки съ 60-хъ годовъ, оно раскололось на двѣ не то что разновидности, а на два исключающихъ другъ друга сословія. Существуетъ, конечно, помѣстное дворянство, но уже давно, въ силу того же оскудѣнія, однимъ концомъ ударившаго по барину, другимъ—по мужику, оно все больше и больше, какъ и крестьянство, уходитъ на отхожіе промыслы, на сторонніе заработки. Оно уходитъ на службу къ той же буржуазіи, и значительная часть должна уже считаться настоящей буржуазіей; оно уходитъ — главная масса его—въ столичные департаменты или въ провинціальныя „палаты“ или кормится на мѣстахъ старымъ русскимъ кормленіемъ, въ роли земскихъ начальниковъ. Интересы этихъ двухъ группъ — оставшагося помѣстнымъ и бюрократическаго дворянства, ихъ міропониманіе и классовое сознаніе—давно уже розошлись въ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ—да позволено мнѣ будетъ выразиться, въ пѣшемъ и конномъ направленіи.

Всякій знаетъ, что психологія и интересы идущаго и ѣдущаго человѣка всегда различны. Пѣшій человѣкъ медленно пробирается къ своему мѣсту, по своему дѣлу и всегда недоволенъ, что ѣдущіе люди забрызгиваютъ его грязью, норовятъ задѣть оглоблей, не даютъ пройти черезъ улицу въ свое мѣсто, а конный человѣкъ всегда сердится на пѣшихъ людей и находитъ, что они мѣшаютъ движенію.

Если помѣстное дворянство говоритъ, что ему важны интересы земледѣлія; что ему нужны такіе то тарифы, такіе-то международные договоры; что ему важно распространеніе образованія народнаго и сельско-хозяйственнаго, сельско-хозяйственное государственное строительство,—то ѣдущее въ государственной коляскѣ дворянство отвѣчаетъ тому помѣстному, что оно „мѣшаетъ движенію“, что государству нужно развитіе промышленности, а не земледѣлія, и „насаждаетъ“ эту промышленность, создаетъ потребные ей тарифы и договоры и строитъ политехникумы, вмѣсто сельско-хозяйственныхъ институтовъ. Дворянство на мѣстахъ, то пѣшее дворянство нуждается прежде всего въ устройствѣ своего мѣста, въ смыслѣ уюта его, въ смыслѣ возможности жить въ немъ: въ этотъ уютъ входитъ возможность свободнаго мѣстнаго строительства, мѣстная иниціатива; въ этотъ уютъ входитъ и грамотный работникъ, и граждански воспитанное крестьянство, которое бы, въ взаимныхъ съ нимъ столкновеніяхъ, не пользова-

лось патріархальными своими „средствіями“ типа пугачевщины, а культурными пріемами; входитъ несомнѣнно и статистика, и третій элементъ; поэтому оно дѣлаетъ въ земствѣ не дворянскія постановленія: о расширеніи земскаго представительства, объ освобожденіи крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія и объ уравненіи ихъ гражданскихъ правъ, и ходатайствуетъ объ освобожденіи отъ административной опеки, о расширеніи компетенціи земства, о возможности мѣстной инидіативы. А быстро несущееся по дорогѣ будущаго конное дворянство находитъ, что тѣ только мѣшаютъ движенію“, что идеалъ будущаго—именно сохраненіе трогательной патріархальности „святой скотины“, и на ходатайства мѣстныхъ людей отвѣчаетъ усиленіемъ губернаторской власти, установленіемъ процентнаго земскаго обложенія, изъятіемъ изъ компетенціи земства дѣла образованія, продовольственнаго дѣла, борьбы съ эпидеміями, цинично откровенными циркулярами московскаго инспектора народныхъ училищъ, чтобы не учить мужика считать дальше тысячи, не менѣе циничнымъ и столь же откровеннымъ знаменитымъ опредѣленіемъ мѣстныхъ потребностей, такой же увѣренностью, что это совсѣмъ не мѣстное дворянство ходатайствуетъ, а третій элементъ науськиваетъ... И когда мѣстные дворяне проявляютъ слишкомъ много инидіативы въ устройствѣ своего мѣста, тогда изъ столицы пріѣзжаютъ самые лихіе наѣздники и учиняютъ ревизію съ пристрастіемъ,—дознаются, не слишкомъ ли комфортабельно устроились мѣстные дворяне, не занимаются ли статистикой, не слишкомъ ли много третьяго элемента и не выучился ли мужикъ считать дальше тысячи?.. Отсюда выходитъ этотъ удивительный самобытный русскій винигретъ дворянскаго классоваго сознанія. Этимъ объясняется кажущійся многимъ необъяснимымъ винигретъ въ головѣ преимущественно коннаго, но временами и пѣшаго, центробѣжнаго и центростремительнаго дворянина. Отсюда выходитъ тотъ винигретъ послѣднихъ дворянскихъ собраній, когда встрѣтились конные и пѣшіе, но жаждующіе влѣзть на коня, дворяне съ настоящими помѣстными дворянами,—встрѣтились двѣ разныхъ категоріи интересовъ, два разныхъ міропониманія.

Если устранить изъ поля зрѣнія промышленныхъ рабочихъ, организующихся по западно-европейскому образцу, и земледѣльческую крестьянскую массу населенія, давно выработавшую свою идеологію и имѣющую совершенно опредѣленную, необыкновенно яркую, простую и вполнѣ русскую программу, и говорить только о культурныхъ классахъ Россіи, — то можно признать до сего времени лишь двѣ организованныя общественныя группы въ Россіи: русскую бюрократію и русскую интеллигенцію, представляющихъ старое и новое государственное опредѣленіе. Только у нихъ обѣихъ имѣется ясно опредѣленное міропониманіе, и борьба въ прошломъ, и идеологія, и точно формулированныя программы. Я не знаю, я не хочу

предсказывать будущаго Россіи; не знаю, превратится ли она, до сей поры несомнѣнно земледѣльческая Россія, въ капиталистическую промышленную страну, и чьи классовые интересы лягутъ во главу государственнаго угла, но для меня несомнѣнно одно, что дворянство и буржуазія опоздали выйти на историческую сцену, что ни дворянство не сдѣлается такой реальной силой будущаго, какъ въ Англіи, ни буржуазія не займетъ въ Россіи положенія французской буржуазіи. Бюрократическая эволюція—не мудреная; „приказчики", по превосходному мудрому выраженію С. Ю. Витте, при маленькой поправкѣ исторіи, откажутся отъ „превышенія власти" и встанутъ на свое, единственно приличествующее имъ, приказчичье мѣсто. Есть основаніе предусматривать и будущую эволюцію русской интеллигенціи. Несомнѣнно, она будетъ демократизироваться все болѣе и болѣе; болѣе и болѣе будутъ просачиваться въ нее общественно думающіе и общественно чувствующіе элементы снизу. Но можно думать, что ея традиціи, ея идеологія останутся тѣми, какими вошли въ сознаніе, въ плоть и кровь уже двухъ поколѣній, и прошлое останется ея постоянно наростающимъ капиталомъ.

VII.

Если русскіе культурные классы опоздали выйти на историческую русскую сцену, то сама Россія опоздала выйти на міровую сцену и кроетъ крышей свой домъ въ то время, какъ пыль временъ густыми слоями успѣла лечь на западно-европейскія крыши.

Такъ будетъ и впредь, и, несомнѣнно, западно-европейская жизнь будетъ ставить раньше насъ свои програмные вопросы, и, вѣроятно, мы будемъ ихъ получать оттуда съ историческимъ послѣсловіемъ.

Если мы оглянемся на истекшій девятнадцатый вѣкъ, мы должны будемъ отмѣтить одинъ характерный програмный фактъ западно европейской исторіи—группировку общественныхъ силъ, ихъ групповое самоопредѣленіе и проведеніе въ жизнь ихъ групповыхъ интересовъ. Эта группировка совершалась въ двухъ направленіяхъ: классовая группировка и національная группировка. Онѣ шли, не смѣшиваясь, привходя одна въ другую, но совершая отдѣльную эволюцію. Въ конечномъ результатѣ онѣ приведутъ къ одному и тому же, къ программному вопросу двадцатаго вѣка — всеевропейской группировкѣ классовыхъ людей и къ раскрытію національныхъ скобокъ, по крайней мѣрѣ Европы. Процессъ собиранія классовъ еще не законченъ, но мы наканунѣ его собиранія и, если національные синдикаты промышленности готовы раскрыть національныя скобки и объединить европейскую

промышленность, то и западно-европейскіе рабочіе—это уже фактъ настоящаго — объединятся въ европейскій союзъ. Другой процессъ группировки—собираніе національностей—уже почти законченъ въ смыслѣ объединенія Германіи, Италіи, и вполнѣ законченъ въ сознаніи народовъ. Превосходно выразилъ это Ибсенъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „сначала я былъ норвежецъ, потомъ скандинавецъ, теперь я нѣмецъ". И не только законченъ, но успѣлъ сказать свое австрійское послѣсловіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, программнымъ вопросомъ будущаго, будетъ собираніе Европы, раскрытіе національныхъ скобокъ. Это сдѣлаетъ не только логика классовыхъ интересовъ, но и работа межнаціональной, межнародной интеллигенціи,—не только товары, но и идеи.

Я знаю, меня обвинятъ въ утопіи и въ рискованныхъ гаданіяхъ будущаго; но намъ, современникамъ, всегда заслоняетъ глаза сегодняшній день, и короткій взглядъ сегодняшняго дня всегда переоцѣниваетъ факты настоящаго и мало расцѣниваетъ факты будущаго. Именно за истекшую четверть вѣка возникла и начала вырисовываться въ будущемъ эта межнародная, межнаціональная и неклассовая интеллигенція, выросшая изъ норвежца въ нѣмца. Я говорю не о Гаагской конференціи, я говорю о томъ невѣсомомъ и трудно региструемомъ движеніи въ умахъ и сердцахъ общественно думающихъ и общественно чувствующихъ силъ Западной Европы выражающемся въ постоянно наростающемъ сближеніи національныхъ интеллигенцій. За крѣпостями, окруженная границами, подъ громъ пушекъ, подъ шумъ дипломатическихъ союзовъ и контръ-союзовъ, она еще не реализировалась въ фактахъ, но она и теперь несомнѣнная реальная сила. Я не хочу сказать, что двадцатый вѣкъ кончитъ эту работу, но несомнѣнно объединеніе Европы будетъ программнымъ вопросомъ двадцатаго вѣка. И на рубежѣ будущаго вѣка будущій Ибсенъ скажетъ: „мы были нѣмцами, англичанами, французами, итальянцами, русскими,—теперь мы европейцы". Уже одно прекращеніе войнъ въ Европѣ и раскрытіе скобокъ границъ измѣнитъ въ корнѣ структуру государствъ, внесетъ большія поправки въ теоретическія построенія и въ корнѣ измѣнитъ „общественное поведеніе".

Отправляться въ теоретическихъ построеніяхъ и практическихъ предвидѣніяхъ отъ прошлаго къ будущему; неустанно, съ должной вдумчивой объективностью разбираться въ непрерывно наростающемъ и осложняющемся настоящемъ; безъ поклоненія какимъ бы то ни было молохамъ, съ полнымъ сознаніемъ всего человѣческаго разнообразія группировки общественныхъ силъ и силоотношеній точно діагносцировать историческій моментъ, когда необходимо временно отказаться отъ тактики отдѣльныхъ классовыхъ интересовъ и объединиться всѣмъ гражданамъ страны во имя такихъ же реальныхъ, общихъ, нравственно обязательныхъ всѣмъ гражданам интересовъ, и устанавливать „обществен-

ное поведеніе", въ строгомъ соотвѣтствіи съ „историческими моментами"—таковы задачи всякой „интеллигенціи страны".

С Елпатьевскій.

Новыя книги.

Альманахъ Грифъ. Москва. 1905.

Декаденты протестовали противъ школы во имя свободы творческой индивидуальности. Личность есть нѣчто неповторяющееся; цѣнно именно то, что отличаетъ ее отъ другихъ; выразить это отличіе—вотъ задача искусства, выразить себя—вотъ задача художника. Въ теоріи это было ясно и несомнѣнно, на практикѣ получилось нѣчто иное. Получилось вотъ что: пересмотришь такой сборникъ, вродѣ лежащаго передъ нами, перечитаешь съ сотню стихотвореній, познакомишься съ десяткомъ, а то и двумя новыхъ „творческихъ индивидуальностей", закроешь книжку—и всѣ они сольются въ одну массу, шумную, но однообразную. Не отличишь способныхъ отъ бездарныхъ, болѣе крупныхъ отъ ничтожныхъ: Андрея Бѣлаго отъ Миропольскаго, Александра Блока отъ Виктора Гофмана, А. Койранскаго отъ Бальмонта. Всѣ наловчились, всѣ усвоили манеру, всѣ пишутъ объ одномъ, по преимуществу о чертовщинѣ съ клубничкой и о смѣлости своихъ дерзновеній. Весьма употребительны также заглавныя буквы въ въ текстѣ, а равно необычайныя собственныя имена: Ликиска, Мелисанда, черный Мара, Өразиллидъ, Аруру, Хеабани, Ухату. И въ прочемъ все обстоитъ въ высшей степени благополучно. По прежнему поэты стараются „ошарашить буржуя", по прежнему въ мечтаніяхъ и настроеніяхъ играютъ роль ненасытныя наяды, дріады и даже „сатирессы". Г. Бальмонтъ на этотъ разъ въ семнадцати стихотвореніяхъ воспѣваетъ „цвѣта", и не только „хрустально-серебристый" и „нѣжно-лиловый", но даже „опалово-зимній", „горицвѣтный" и „предразсвѣтно-лиловый". Каждому посвящено по нѣсколько звучныхъ строфъ, смыслъ которыхъ, вѣроятно, ясенъ поэту. О красномъ цвѣтѣ онъ поетъ:

Когда, какъ безгласно-цвѣточные крики,
Увижу я вдругъ на іюльскихъ лугахъ
Капли крови въ гвоздикѣ,
Внутри, въ лепесткахъ,
Капли алыя крови живой,
Юной, страстной, желаніе ласкъ, и дѣленія чуждой на „мой"
или „твой",—

Мнѣ понятно, о чемъ такъ гвоздика мечтаетъ,
Почему лепестки опьяненному солнцу она подставляетъ:
Вижу, вижу, вливается золото въ алую кровь,
И теряется въ ней, возрождается вновь,
Взоръ глядитъ и не знаетъ, гдѣ именно солнце,
Гдѣ отливы и блескъ золотого червонца,
Гдѣ гвоздики дѣвически-нѣжной любовь.

Мы прервали бы эту цитату раньше, но пришлось довести ее до точки. Однако, и половины ея было бы достаточно, чтобы показать, какъ пуста эта риторика, какъ мало въ ней поэзіи; все больше выдумки, все меньше вдохновенія: таковъ путь, проходимый русской лирикой, если согласиться, что наше декадентское стихотворство есть въ самомъ дѣлѣ этапъ на этомъ пути.

Другой поэтъ съ именемъ, представленный въ „Альманахѣ"—Өедоръ Сологубъ по прежнему воспѣваетъ своихъ „инкубовъ" и „суккубовъ":

Но говоритъ мнѣ вѣдьма: „Снова
Вѣщаю тайну бытія.
И нѣтъ, и не было иного,
Но я твоя
. . . .
Упала бѣлая рубаха,
И предо мной, обнажена,
Дрожа отъ страсти и отъ страха
Стоитъ она.

Стихотвореніе удалось г. Сологубу, оно сильно и выразительно Остается пожелать, чтобы какой-нибудь талантливый иллюстраторъ изобразилъ эту великолѣпную сцену: голая вѣдьма, искушающая невинность г. Өедора Сологуба.

Говорить ли о прочихъ? У нѣкоторыхъ есть недурныя вещи, но онѣ не нужны; у нѣкоторыхъ—курьезы. Когда-то эти курьезы были смѣшны, теперь они скучны. Есть въ сборникѣ и теоретическія статьи. Въ нихъ, какъ и въ символистскихъ стихахъ, перелагаются въ неясныя формы мысли давно уясненныя, извѣстныя, выраженныя въ доброй, честной прозѣ. Эпиграфовъ—въ противность установившемуся декаденскому обычаю,—нѣтъ. А между тѣмъ, мы могли бы предложить одинъ, очень подходящій къ этимъ философскимъ разсужденіямъ:

Грядой клубится бѣлою
Надъ озеромъ туманъ...

„Въ поискахъ свѣта". Сборникъ подъ редакціей **П. А. Травина**. Москва. 1904.

Такъ какъ терминъ „писатели изъ народа", странно выдѣляющій по происхожденію какую-то особую группу среди литературныхъ работниковъ, пользуется тѣмъ не менѣе общимъ

признаніемъ, то намъ приходится опредѣлить литературный характеръ сборника „Въ поискахъ свѣта“, пользуясь именно этимъ терминомъ: въ сборникѣ участвуютъ почти исключительно (по-видимому) писатели изъ народа. И, къ сожалѣнію, мы должны сказать, что во всѣхъ напечатанныхъ вещахъ слишкомъ мало того, что нужно: слишкомъ мало таланта и слишкомъ мало содержанія. Въ многочисленныхъ стихотвореніяхъ почти *нѣтъ* художественной формы, какъ нѣтъ и идейнаго содержанія. Но унылаго горя и душевной неудовлетворенности и душевной боли въ этихъ грубо сдѣланныхъ стихотвореніяхъ очень много, и это мѣшаетъ читателю улыбаться даже, когда „редакція“ объясняетъ живую необходимость въ появленіи своего сборника тѣмъ, что писателямъ, которые не имѣютъ ни родства, ни знакомства въ литературныхъ кругахъ, очень трудно пробить себѣ дорогу, такъ какъ старые писатели „боятся появленія новыхъ писателей“. Это такъ же вѣрно, такъ же наивно, такъ же понятно и такъ же, конечно, искренно, какъ и слѣдующіе стихи г. Скоморохова:

Шумомъ множествомъ затѣй
Вся полна столица,
И мудреныхъ тамъ рѣчей
Много говорится.
Но въ защиту бѣдноты
Не слыхать и слова...

Что же читаютъ эти злополучные поэты, передающіе въ стихахъ жалобы о томъ, какъ въ дальней деревушкѣ...

Денегъ нѣтъ, навѣрно
Нѣту и муки...

если имъ, при благосклонномъ содѣйствіи министерскихъ каталоговъ для чтенія, кажется, что во всей русской литературѣ не слыхать ни слова въ защиту бѣдноты? И не было ли нравственной обязанностью „редактора“ сборника вмѣсто того, чтобы содѣйствовать печатанію стиховъ, не имѣющихъ литературной цѣнности, и раздувать въ авторахъ-самородкахъ ложное чувство обиды отъ „литературнаго кумовства“,—снять съ нихъ, своихъ товарищей по сборнику, тяжелое, явно неосновательное сознаніе заброшенности рабочей массы, поскольку рѣчь идетъ о русской интеллигенціи и русской литературѣ? Или и „редакторъ“ изъ народа—самъ такихъ же мнѣній держится?.. На невеселыя мысли наводитъ эта маленькая литературная подробность: если даже „писатели изъ народа“ не чувствуютъ своей связи съ русской литературой и русской интеллигенціей, то что же сказать о темной массѣ? И когда же это кончится? Замѣтимъ, что г. Скомороховъ не единственный: въ такомъ же точно тонѣ обличаетъ г. Аникановъ въ своихъ „Трудахъ крестьянина“:

...Напрасно *бѣлоручки*
Плохо цѣнятъ мужиковъ...

Вообще, весь сборникъ „Въ поискахъ свѣта" меньше всего свидѣтельствуетъ о томъ, что авторы близки къ тому, чтобы найти необходимую имъ дорогу. Чувствуется только смутная неудовлетворенность своимъ положеніемъ. Жить плохо—веселыхъ стихотвореній почти нѣтъ. Но отчего плохо—неизвѣстно. Ясно только одно: если кто запилъ, когда „нужда къ нему придетъ", тогда всему конецъ. Если бы нужно было назвать два слова, которыя чаще всего встрѣчаются въ сборникѣ, то это оказались бы: „водка" и „Богъ". Водку проклинаютъ, но и благословляютъ:

Лучше водки - въ жизни
Нѣту ничего.

За воздержаніе отъ водки хвалятъ:

По сосѣдству съ нами
Жилъ Степанъ-старикъ
. . . .
Набожный, смиренный,
Водки зря не пилъ...

но злоупотребленіе ею оправдываютъ:

И, какъ всѣ, частенько
Съ горя запивалъ.
Жизнь мастерового
Вся въ сплошномъ трудѣ,
Ни уму, ни сердцу
Доли нѣтъ нигдѣ...

Тотъ же самый г. Аникановъ, который хвалилъ старика, что „водки зря не пилъ", въ другомъ стихотвореніи („Въ трудную минуту") говоритъ:

Душа тоской полна
И вздулись жилы рукъ...
. . . .
Тружусь и день, и ночь,
Всю жизнь вина не пью,
Но стало мнѣ не въ мочь
Кормить свою семью.
. . . .
Нѣтъ силъ кормить дѣтей
Бездольнымъ въ городахъ.

Есть ли какой нибудь выходъ изъ этого? Авторамъ, повидимому, кажется, что нѣтъ, и потому вторая опредѣленная черта всего сборника, это—скорбная религіозность. Не та надуманная стильная религіозность, которая теперь такъ же въ модѣ, какъ извѣстный покрой платья, а настоящая мужицкая религіозность, какъ средство успокоиться и избыть душевную замученность человѣка, которому

Нѣтъ силъ кормить дѣтей...

Читатель самъ можетъ судить, какое грустное впечатлѣніе производятъ „поиски свѣта“ всѣхъ этихъ „задумчивыхъ людей“, у которыхъ „тяжесть ихъ думъ увеличена слѣпотою ихъ разума“, говоря словами М. Горькаго.

Мы внимательно прослѣдили всѣ стихотворенія въ сборникѣ, чтобы не пропустить въ немъ хотя бы отдѣльныя красивыя строки. Цѣльныхъ красивыхъ стихотвореній мы не нашли ни одного, но отдѣльныя красивыя мѣста оказались въ стихотвореніи г. Шкулева, которое приводимъ цѣликомъ.

Были думы, были пѣсни,
Былъ и жаръ въ моей крови,
Было къ лучшему стремленье,
Сердце билось для любви.
Были грезы, сновидѣнья,
Много было силъ въ груди,
Дивнымъ, свѣтлымъ ореоломъ (?)
Жизнь казалась впереди.
Но умчалось это время,
Годы лучшіе прошли,
На челѣ моемъ морщины,
Словно змѣи, пролегли.
И живу теперь я въ мірѣ
Какъ былинка, одинокъ...
Лишь не гаснетъ въ моемъ сердцѣ
Свѣтлой правды огонекъ.

Красивыя мѣста есть еще въ трехъ стихотвореніяхъ: гг. Плохова („На Волгѣ“), Гордѣева („Вечерняя молитва“) и Струве-Маровскаго. Стихотворенія мѣстами недурны и по настроенію, и по формѣ, но производятъ впечатлѣніе написанныхъ подъ сильнымъ вліяніемъ хорошихъ литературныхъ образцовъ.

Зеленый сборникъ стиховъ и прозы. Книгоиздательство „Щелканово“. Спб. 1905 г.

По свидѣтельству одного изъ поэтовъ „Зеленаго сборника“— г. Верховскаго, даже коростель и тотъ нынче живетъ

. . . . погруженный
Въ таинство ночи...

Что же мудренаго, что гг. Ю. Верховскій, Вл. Волькенштейнъ, К. Жаковъ, П. Конради, М. Кузминъ и В. Менжинскій составили и выпустили цѣлый сборникъ стиховъ и прозы и все о тайнахъ въ мірѣ и въ душѣ человѣка.—Г. Кузминъ сразу озадачиваетъ читателя сообщеніемъ, что его душа есть въ нѣкоторомъ родѣ царское письмо. По свѣдѣніямъ г. Кузмина цари переписываются письмами, которыя написаны симпатическими чернилами:

Бываетъ нужно правду съ ложью сплесть,
Простыя рѣчи съ истиной гласящей (?),

Чтобы не могъ слуга неподходящій
Тѣ думы царскія врагу донесть...

Получая такое письмо, цари подносятъ его къ свѣчкѣ, нагрѣваютъ письмо—буквы выступаютъ, и все письмо ясно. Такъ же точно г. Кузминъ умоляетъ свою возлюбленную поступать съ его душой поэта. Только, конечно, не прибѣгая къ нагрѣванію г. Кузмина на свѣчкѣ. Поэтъ полагаетъ, что это съ успѣхомъ можетъ замѣнить „пламя любви".

Вообще, г. Кузминъ очень впечатлительный человѣкъ въ вопросѣ любви, и когда „Она" однажды уѣзжала, скорбь поэта была „сверхъ силъ и сверхъ мѣры".

Страдали такъ лишь мученики вѣры
. . . .
Когда терзала ихъ желѣзная пила,
Жралъ рыжій левъ, иль пестрыя пантеры...

Увы! дамы нынче, хотя и „стройныя", но страшно безчувственныя! Даже и для человѣка, который изъ-за дамъ страдаетъ, какъ будто бы его „жралъ рыжій левъ", онѣ не дѣлаютъ исключенія:

Вы, дамы милыя, безъ сердца что ли?
Какъ вы гуляете спокойны и ясны,
Когда я плачу безъ ума, безъ воли,
Сквозь плачь гляжу на нѣжный блескъ весны?

Просто удивительно, до чего очерствѣли милыя дамы! Ума не приложишь, отчего бы это?

У г. Верховскаго такія же тяжелыя недоразумѣнія—съ Кассіопеей. По стихотворенію № 3 отношенія между ними какъ будто бы самыя пріятныя. Разыскавъ Кассіопею „за туманомъ дымныхъ облаковъ", поэтъ привѣтствуетъ ее словами: „Старый другъ, прекрасный и родной..." Но въ стихотвореніи № 4 онъ откровенно признается, что онъ не понимаетъ Кассіопеи:

Вотъ Кассіопея
Смотритъ вдохновенно
И шестью звѣздами
Въ бытіи единомъ,
Кажется, слита.
Тамъ (?) міры созвѣздій
Въ трепетѣ далекомъ
Говорятъ о тайнѣ
Сокровенной связи,
Вѣдомой землѣ.

То было не раннею весной, а въ холодную августовскую ночь, по указанію автора, его спутника отъ созерцанія „стараго друга, прекраснаго и родного" стала пробирать дрожь. Но г. Верховскому и это кажется тайной. Онъ утѣшаетъ спутника:

Ты дрожишь невольно...

Но смотри на звѣзды:
Тайна холодна.

Всѣ тайны могъ бы, конечно, разобрать мудрый коростель, погруженный въ таинство ночи, но онъ, вѣроятно, былъ къ тому времени кѣмъ-то подстрѣленъ и съѣденъ. Такъ или иначе, но, тайна не раскрыта.

Но она живетъ...

Не меньше чудесъ у г. Жакова. Онъ пораженъ, что люди такъ попросту говорятъ о природѣ, что она „вещественна", когда самое понятіе вещества, это—„чудо между тайнами", неразъяснимое даже и послѣ разъясненій г. Жакова въ „Пѣсняхъ Пама-Буръ-Морта":

Моя сущность и Твоя—одно;
Я—удивленіе Твое передъ Тобой,
Твои слова, Твое сердце...
Черезъ меня Ты взглянула на Себя.
Моя смерть—минутная дремота Твоя.
Ты Себѣ сама поешь пѣсни Свои...
Моя пѣсня—довлѣетъ себѣ. Эта пѣсня—Твоя.
Я—Ты, я слушаю пѣсни мои,
Я Себѣ молюсь и плачу передъ Собою...
Я плачу передъ Собою...
Пѣсня и слезы—сущность Моя.

Но всего не перескажешь, и мы должны отказать себѣ въ удовольствіи разсказать и о г. Волькенштейнѣ, который не можетъ видѣть, какъ

Заливъ оцѣпенѣлъ подъ бѣлыми снѣгами.
И бродитъ смерть по нимъ...

и „О сапожникѣ, котораго засталъ царскій писецъ молящимся въ церкви Святой Богородицы въ Халкопратіи" (такая въ „Сборникѣ" поэма есть), и о многомъ другомъ, неподдѣльно-веселомъ.

Мы разскажемъ еще только о „Свободѣ", какъ она представляется г. Менжинскому, автору „Романа Демидова". Герой этого романа имѣлъ 300 тысячъ, но служилъ кандидатомъ на судебныя должности (нѣкоторые называютъ это кандидатствомъ на съѣдобныя должности), дерзилъ предсѣдателю суда, и тотъ не подавалъ герою руки. Все это, однако, мелочи фабулы; суть же заключается въ томъ, что Демидовъ „хотѣлъ добиться полной внутренней свободы, чтобы не быть связаннымъ своими вчерашними поступками и сегодняшнимъ убѣжденіемъ". И онъ добился этого. Онъ—эстетъ, но вращается среди учителей и учительницъ воскресной школы, для которыхъ его сюртукъ, сшитый у Тедески, преступленіе противъ общественной нравственности. Мало того, онъ даже женился на завѣдующей этой школой. Но она до такой степени оказалась пропитанной убѣжденіями, такъ много

говорила честныхъ глупостей (несомнѣнныхъ глупостей) за короткое время счастливаго супружества, что герой въ концѣ концовъ разлюбилъ свою завѣдующую и влюбился въ ремингтонистку окружного суда. Здѣсь онъ и нашелъ настоящее счастье, свободу и гармонію... Насколько все въ законной женѣ отзывалось правилами, вплоть до педантической „чистоты и аккуратности“ — какъ у „классной дамы“, — настолько у незаконной все оказалось непосредственнымъ. Она ходила въ „грязныхъ юбкахъ“ съ „оборванными тесемками“ и съ „обтрепанными подолами“ (и на службу?), и это казалось эстету, облеченному въ сюртукъ отъ Тедески, чрезвычайно стильнымъ. Глядя на свою вторую властительницу думъ, онъ „находилъ прелесть“ въ ея грязной юбкѣ: „Она вся такая непосредственная, живетъ чувствомъ. *Ей бы не мило* заботиться, что ей идетъ, нѣтъ ли дыръ...“

Конечно, законная жена сперва страдала, какъ будто бы ее „жралъ рыжій левъ“, но потомъ утѣшилась и, слѣдуя цивическимъ принципамъ, пришла гостьей въ „свинарникъ“ (ея выраженіе) къ мужу и своей разлучницѣ. Пришла, увидѣла стильный „свинарникъ“ и стала негодующе... освобождать новый рояль отъ наваленнаго на него хлама, подъ шутки своего мужа, который „добродушно“ смѣялся, „любовался“ негодованіемъ Елены Игнатьевны — своей законной жены, говоря, что какъ только Анна Николаевна, его незаконная жена, разрѣшится отъ бремени, они „и грязныя пеленки“ будутъ валить на тотъ же рояль... Въ концѣ концовъ законная жена бѣжитъ въ кухню, схватываетъ пыльную тряпку и „принимается“ *весело*... вытирать рояль, буфетъ, подоконники, въ то время, какъ незаконная жена, обмѣнивается съ героемъ страстнымъ рукопожатіемъ при передачѣ кофты, поднятой на полу... Всѣ оказались довольны.

Что-жъ дѣлать! давно сказано: не любо, не слушай... Нѣтъ причинъ дѣлать исключеніе для веселыхъ авторовъ „Зеленаго сборника“.

Сельма Лагерлефъ. Въ Іерусалимѣ. Романъ. Пер. съ шведскаго М. И. Благовѣщенской. Библіотека „Другъ“ О. Н. Поповой. Спб.

На фонѣ своеобразнаго религіознаго движенія, охватившаго четверть вѣка назадъ нѣкоторыя группы шведскаго крестьянства, талантливая романистка сумѣла нарисовать нѣсколько образовъ выдающейся силы. Ея разсказъ изображаетъ тотъ моментъ, когда сѣверные крестьяне, не удовлетворяясь пассивнымъ благочестіемъ оффиціальнаго протестанства, стали искать безыскусственнаго религіознаго слова, живаго религіознаго дѣла. Многообразныя сплетенія, получающіяся всегда въ такомъ сложномъ общественно-психологическомъ явленіи, какъ исканіе новой вѣры, нашли въ [illegible] писательницѣ сильнаго изобразителя. Здѣсь и мистики, и раціоналисты, и вожаки, сумѣвшіе вызвать движеніе, но не

умѣющіе сладить съ нимъ, и люди толпы, покорные и безвольные, и самостоятельныя крѣпкія натуры, которыя идутъ своимъ путемъ даже тогда, когда идутъ съ другими. Внѣшняя рамка разсказа проста. Неудовлетворенная религіозная жизнь переходитъ въ небольшой шведской деревнѣ въ религіозное возбужденіе. Подъ вліяніемъ этого возбужденія крестьяне сперва съ мѣстнымъ учителемъ во главѣ создаютъ внѣцерковное религіозное общеніе, строютъ домъ для свѣтскихъ проповѣдей. Учитель, человѣкъ искренній, умный, однако самонадѣянный, расчитываетъ быть всегда безспорнымъ духовникомъ этой вольной общины; но раціоналистическая покладка мистическаго общенія даетъ себя знать тамъ, гдѣ онъ этого не ожидалъ: его паства оспариваетъ его исключительное право на поученіе, и самозванные проповѣдники смѣняютъ другъ друга на каѳедрѣ. Растутъ запросы, растетъ броженіе, охватившее людей мистическимъ огнемъ, ищущимъ исхода. Въ это время пріѣзжаетъ въ деревню ея бывшій обыватель, основавшій въ Америкѣ религіозное общежитіе, крѣпкое, сплоченное и нетерпимое. Догматическія основы его ученія неясны, но онъ заражаетъ односельчанъ своими порывами. Горній Іерусалимъ сливается въ ихъ неясномъ сознаніи съ Іерусалимомъ реальнымъ, и религіозные шведы рѣшаютъ переселиться въ Палестину. Сцена ихъ прощанія съ родной землей написана съ потрясающей силой. Вторая часть романа застаетъ ихъ въ Святой Землѣ. Здѣсь имъ приходится пережить много испытаній и уладить много внутреннихъ нестроеній. Источникомъ послѣднихъ является по преимуществу то, что экзальтированные искатели внутренняго Бога—какъ это часто бываетъ—освободили себя отъ активнаго отношенія къ жизни; они отказываются работать за деньги, но живутъ на счетъ богатой американской благотворительницы, устроившей общину. Какъ ни интересна судьба этого своеобразнаго религіознаго общежитія, не она привлекаетъ преимущественное вниманіе автора, а психика отдѣльныхъ лицъ, такъ или иначе втянутыхъ въ движеніе. Романъ, можно сказать, заполненъ яркими индивидуальностями, и большія трагедіи, исчерпывающія его содержаніе, разыгрываются между большими людьми. Все значительно и сильно въ средѣ этого могучаго мужицкаго племени; и его рѣшительность и мужество въ исканіи правды способны увлечь даже того, кому чужды избранные имъ пути. Чужды ли они также автору? Едва ли. Во всякомъ случаѣ въ этомъ романѣ ему чуждъ тотъ тепловатый піетизмъ интеллигентнаго протестантства, который такъ далекъ отъ непосредственныхъ религіозныхъ исканій народной души.

Орисонъ Светъ-Марденъ. Строители судьбы или путь къ успѣху и могуществу. Изд. О. Н. Поповой. Спб.

Съ Запада къ намъ перешелъ дурной обычай: издатели перепечатываютъ въ своихъ объявленіяхъ хвалебные отзывы газетъ и журналовъ объ ихъ изданіяхъ и ихъ дѣятельности. Когда-то это считалось дѣломъ неподходящимъ; теперь на обложкѣ изданій г-жи Поповой мы можемъ найти авторитетное сообщеніе уважаемаго „Южнаго Края", что г-жа Попова энергичная издательница и что для изданія она „выбираетъ всегда произведенія полезныя, литературныя и серьезныя" и даже „исключительно прогрессивныя". Послѣдній эпитетъ звучитъ особенно торжественно въ устахъ „Южнаго Края": читаешь и не знаешь, имѣешь ли дѣло съ панегирическимъ указаніемъ или съ „юридическимъ". Конечно, панегирикомъ „Южнаго Края" можно бы не хвалиться, но это дѣло взгляда. Въ общемъ противъ него возражать не приходится: г-жа Попова дѣйствительно издала много хорошихъ книгъ, и если мы на этотъ разъ должны отмѣтить исключеніе, то лишь для того, чтобы оттѣнить всю его странность. Съ годъ назадъ г-жа Попова издала другую книгу того же Орисонъ Светъ-Мардена, съ которымъ она настойчиво продолжаетъ знакомить русскихъ читателей. Это была книга потрясающей ненужности; однако, разъ можно было ошибиться. Но почтенная издательница представляетъ намъ новое произведеніе американскаго моралиста и заставляетъ еще разъ выразить мнѣніе о его творчествѣ.

На обложкѣ подъ заглавіемъ значится: „Книга, имѣющая цѣлью вдохновить молодежь къ выработкѣ характера, самостоятельности и благородной дѣятельности". Авторъ объясняетъ въ предисловіи, что „никакія дидактическія и догматическія поученія, какъ бы блестящи они ни были, не плѣнятъ современнаго юношу, душевный строй котораго доведенъ до высшаго напряженія подъ вліяніемъ интенсивной цивилизаціи"; поэтому онъ старался „посредствомъ строго подобранныхъ, существенныхъ и цѣлесообразныхъ примѣровъ дать болѣе наглядное, чѣмъ догматическое изложеніе предмета, заботясь скорѣе о его практичности, чѣмъ объ изяществѣ слога, и болѣе о пригодности, чѣмъ о новизнѣ".

Въ общемъ книга представляетъ собою кучу анекдотовъ, цитатъ, изреченій, притянутыхъ за волосы и насильственно распредѣленныхъ по случайнымъ категоріямъ. Для характеристики достаточно отмѣтить немногое изъ этихъ многочисленныхъ параболъ и поученій. Глава XV, трактующая о „Силѣ мелочей", открывается такимъ убѣдительнымъ фактомъ: „Хорошенькая ножка Арлетты, блеснувшая въ водѣ ручья, сдѣлала ее матерью Вильгельма Завоевателя—говорится въ „Исторіи Нормандіи и Англіи" Пальгрэва.—Если бы она не очаровала такъ нормандскаго герцога Роберта Щедраго, Гарольдъ не палъ бы при Хастингсѣ, не возникла бы англо-норманская династія, не было бы Британ-

ской имперіи". Далѣе, между прочимъ, говорится: „Лондонскій купецъ Вильямъ Кэкстонъ, ѣздившій въ Голландію за сукнами, купилъ нѣсколько книгъ и шрифта и открылъ типографію въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, гдѣ въ 1474 году онъ издалъ „Шахматную игру" — первую книгу, напечатанную въ Англіи. „Плачъ ребенка Моисея привлекъ вниманіе дочери Фараона и далъ евреямъ законодателя". Птица, сѣвшая на вѣтку передъ входомъ въ пещеру, гдѣ скрывался Магометъ, отвратила его преслѣдователей и дала пророка многимъ народамъ"... Великолѣпно въ своемъ родѣ изреченіе: „Первый желудь заключалъ въ себѣ всѣ будущіе дубовые лѣса на землѣ". Съ естественными науками американскій моралистъ вообще не въ ладу, такъ что даже переводчикъ счелъ нужнымъ поправить его тамъ, гдѣ онъ былъ слишкомъ нелѣпъ, какъ, напримѣръ, въ утвержденіи, что „постоянныя огорченія, долгая и ожесточенная зависть, безпрерывныя заботы и слѣдующая тоска иногда способствуютъ развитію рака". Эта юмористическая патологія, однако, блѣднѣетъ предъ этическими соображеніями такого рода: „Я часто съ удивленіемъ думаю, до такой степени эгоизма и жестокосердія дошелъ бы родъ человѣческій, если бы милостивое Провидѣніе не помѣщало среди насъ бѣдныхъ и несчастныхъ, чтобы видомъ ихъ бѣдствій побуждать насъ поддерживать искру любви и милосердія, заложенную въ человѣческую душу".

Кажется, довольно. Но для того, чтобы судить объ общей убѣдительности параболъ Светъ-Мардена, еще одинъ примѣръ. Глава XXI посвящена фактамъ, свидѣтельствующимъ о господствѣ духа надъ тѣломъ; среди нихъ находимъ такой: „одинъ несчастный пошелъ повѣситься, но, найдя случайно горшокъ съ деньгами, отбросилъ веревку и поспѣшилъ домой; тотъ же, кто спряталъ золото, не найдя его, повѣсился на той самой веревкѣ, которую оставилъ первый". Таковы „строго подобранные, существенные и цѣлесообразные примѣры", которые должны „вдохновить молодежь къ выработкѣ характера". Въ главѣ о книгахъ авторъ настоятельно совѣтуетъ сохранять въ вырѣзкахъ изъ прочтеннаго все, что можетъ намъ пригодиться въ будущемъ. „Много изъ того, что въ великихъ людяхъ мы зовемъ геніальностью, происходитъ изъ такихъ записныхъ книжекъ и собраній вырѣзокъ". Разныя, конечно, бываютъ собранія вырѣзокъ; можетъ быть, среди нихъ есть и геніальныя. Но есть и совсѣмъ другія: пошлыя и ненужныя. Къ нимъ принадлежатъ книги Орисонъ Светъ-Мардена.

На заглавномъ листѣ слѣдовало указать, что книга издана въ текущемъ году и что она переведена съ англійскаго языка.

В. И. К. Герои Максима Горькаго и судъ юридической науки. Казань. 1904.

Н. Я. Стечькинъ. Максимъ Горькій. Его творчество и его значеніе въ исторіи русской словесности и въ жизни русскаго общества. Спб. 1904.

Коротенькій этюдъ г. В. И. К. посвященъ критическому разбору лекціи проф. Шершеневича: „Герои Горькаго передъ лицомъ юриспруденціи". Возражая противъ распространительнаго истолкованія М. Горькаго, какъ „Гомера" профессіональныхъ „босяковъ", только потому, что *кромѣ* сапожниковъ, хлѣбопековъ, коробейниковъ, наборщиковъ М. Горькій въ своихъ разсказахъ затронулъ *еще и* міръ босяковъ,—г. В. И. К. горячо протестуетъ противъ самой попытки вдвинуть вопросъ о темной бѣднотѣ низовъ русской жизни въ рамки сужденій криминалиста. Каковъ бы ни былъ выводъ, къ которому пришелъ юристъ-изслѣдователь (проф. Шершеневичъ нашелъ, что вопросъ о „босякахъ", которые легко „ставятъ въ своей жизни на карту все, т. е. нуль" — слова Промптова — не можетъ быть разрѣшенъ путемъ какихъ бы то ни было репрессій: слѣдовательно, остается попытаться пріобщить ихъ къ благамъ культурной жизни, отъ которыхъ они такъ „свободны"),—самое право его разсматривать вопросъ объ ожесточившейся придавленной бѣднотѣ съ точки зрѣнія нормъ правовой репрессіи представляется г. В. И. К. сомнительнымъ и извращающимъ жизненный смыслъ и дѣйствительное значеніе „горьковцевъ", какъ общихъ показателей неустройства русской жизни. Они — просто люди, а не—просто преступники, вопросъ о нихъ—вопросъ соціальный, а не уголовно-психологическій; не они виноваты, а передъ ними виноваты, — вопреки самообвиненію Коновалова... При чемъ же тутъ, по справедливому замѣчанію г. В. И. К, тюрьмовѣдѣніе и уголовная репрессія?

И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его—намъ ваксу продаютъ...

Г. Стечькинъ (Н. Я.) написалъ не оду, а цѣлый трактатъ, подводящій итогъ значенію М. Горькаго въ исторіи русской словесности и въ жизни русскаго общества. Трактатъ занимаетъ 259 страницъ. Тѣмъ пріятнѣе, конечно, будетъ имѣть съ нимъ дѣло продавцамъ ваксы, о которыхъ говоритъ старый русскій поэтъ...

Ради полноты оговоримся, что г. Стечькинъ признаетъ у М. Горькаго „немалый талантъ"; подтверждаетъ, по личнымъ наблюденіямъ, что описаніямъ природы у М. Горькаго „можно вѣрить, какъ фотографіи", а любоваться ими, „какъ произведеніями искусства"; находитъ, что если бы М. Горькій написалъ

„хоть одну *цѣльную* *) повѣсть такой художественной формы", какъ „Васька Красный", то „онъ былъ бы великимъ писателемъ"; даже по вопросу, можно ли видѣть въ М. Горькомъ „посланца и уполномоченнаго франкмасонства и еврейства", цѣль которыхъ, какъ извѣстно, заключается „въ конечномъ разрушеніи христіанской культуры, христіанскихъ обществъ и христіанскихъ государствъ",—г. Стечькинъ высказывается отрицательно, хотя и находитъ, что „вся сумма его (М. Горькаго) литературныхъ поступковъ придаетъ этому неправдоподобію оттѣнокъ нѣкотораго вѣроятія".

На этомъ кончаются муки безпристрастія и объективности критика-изобличителя. Все остальное въ книгѣ г. Стечькина сплошное „неправдоподобіе", очень далекое отъ „оттѣнка нѣкотораго вѣроятія".—Г. Стечькинъ оскорбленъ и возмущенъ тѣмъ, что „сочиненій Горькаго разошлось за какія-нибудь пять лѣтъ, а то и менѣе,—416.000 томовъ", и по этой причинѣ взываетъ къ русскому обществу, чтобы оно опомнилось: что оно дѣлаетъ и съ какимъ огнемъ оно шутитъ! „Вѣдь не съ Шекспиромъ же, въ самомъ дѣлѣ, мы повстрѣчались на поприщѣ россійской словесности, чтобы писать о немъ главу за главой и подвергать разбору его творчество". И г. Стечькинъ поясняетъ, что его изслѣдованіе „не критическое, оно—обличительное". У него у самого надежда „только на Бога, да на выносливость молодежи": быть можетъ, ядъ не смертеленъ, и Россія останется жива, если приметъ противоядіе скавернаго вкуса и въ объемѣ 259 страницъ. Противоядіе написано очень стильно, какъ читатель можетъ убѣдиться изъ слѣдующихъ строкъ: „обвиняю Алексѣя Максимовича Пѣшкова, печатающаго свои сочиненія подъ именемъ „Максима Горькаго", въ томъ, что, злоупотребляя талантомъ писателя, ему отъ Бога даннымъ, онъ въ рядѣ сочиненій, по заранѣе обдуманному плану, лично, или (?) по порученію и подговору другихъ лицъ, послѣдовательно развращалъ читателей", а именно: „въ изящную россійскую словесность... внесъ невиданныя въ ней картины человѣческаго паденія и разврата", посредствомъ бытовыхъ очерковъ изъ жизни босяковъ способствовалъ „проведенію въ жизнь пошлѣйшихъ и гнуснѣйшихъ ученій тунеядства, презрѣнія къ чужой личности и къ чужой собственности" и проч., и проч. Заканчивается изобличительный этюдъ патетическими словами: „Мое дѣло сказать обществу: пора извергнуть эту грязь, именуемую сочиненіями Горькаго, изъ общественной потребы... Дѣло общества—согласиться или не согласиться со мною".

Мы думаемъ, что общество, раскупившее „416.000 томовъ", несомнѣнно „согласится" и окажетъ г. Стечькину серьезную мо-

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

ральную поддержку, какъ только его книга окажется на рукахъ у продавцовъ ваксы.

С. Р. Минцловъ. Рѣдчайшія книги, напечатанныя въ Россіи на русскомъ языкѣ. Спб. 1904.

Въ предисловіи авторъ указываетъ на отсутствіе въ нашей библіографической литературѣ систематическаго указателя изданій, уничтоженныхъ до выхода въ свѣтъ или же вскорѣ по выходѣ. Заполнить этотъ пробѣлъ онъ и пытается въ своей книжкѣ, изданной на правахъ рукописи, не для продажи и напечатанной въ количествѣ всего *ста* экземпляровъ.

„Зачѣмъ же такъ секретно?“ можно бы спросить словами Чацкаго: этотъ указатель могъ бы быть нуженъ вѣдь не однимъ библіографамъ, но и широкой публикѣ. Впрочемъ, онъ едва ли кому-нибудь нуженъ,—и по очень простой причинѣ: „систематическій сводъ“, объ отсутствіи котораго вздыхаетъ составитель, существуетъ, напечатанъ, общедоступенъ и даже нѣсколько полнѣе указателя г. Минцлова, который найдетъ составленный В. Я. Богучарскимъ списокъ русскихъ книгъ, уничтоженныхъ цензурой, въ 75 полутомѣ „Энциклопедическаго Словаря“ Брокгаузъ-Ефрона. Изъ этого труда видно, что г. Минцловъ пропустилъ въ своемъ указателѣ такія уничтоженныя цензурой произведенія, какъ предисловіе и примѣчанія Ткачева къ переводу книги Бехера „Рабочій вопросъ“, „Введеніе въ философію“ Паульсена, „Очерки соціальной юриспруденціи“ Офнера и Зингера, „Націонализація земли“,—сборникъ статей Спенсера, Милля, Уоллеса и др., „Нищета философіи“ Маркса и другія книги. Книжекъ журналовъ съ вырѣзными статьями также значительно больше, чѣмъ указываетъ г. Минцловъ. Укажемъ по памяти хотя бы „Восходъ“ 1903 г. кн. 6 (вырѣзаны открывающія книжку статья Осиповича „За что“, стихотворенія М. Ватсонъ и Г. Галиной). Совсѣмъ не увидѣли свѣта, пропущенные г. Минцловымъ и указанные г. Богучарскимъ, выпуски VII и IX московскаго журнала „Бесѣда“, сентябрьская книжка журнала „Слово“ за 1878 г. (статья „Вольтеръ“) и апрѣльская книжка журнала „Начало“ за 1899 годъ. Совершенно напрасно англійскій историкъ Лекки значится у г. Минцлова подъ именемъ Гартполь: это одно изъ его именъ, а не фамилія, подъ которой онъ извѣстенъ въ литературѣ.

Есть, однако, и въ трудѣ г. Минцлова указанія, опущенныя въ сводѣ г. Богучарскаго, который отмѣчалъ только книги, уничтоженныя послѣ 1865 года. Кромѣ того, г. Минцловъ указываетъ книги, уничтоженныя не только цензурой, но и пожарами, а равно подвергшіяся по требованію цензуры передѣлкѣ послѣ отпечатанія; кромѣ того, у него вездѣ отмѣчены годъ и мѣсто из-

данія, что можетъ быть важно для справокъ. Всего въ его указатель вошло 250 названій.

Смутное и тоскливое впечатлѣніе производитъ этотъ мартирологъ русской книги. Здѣсь и ничтожные, и великіе, смѣшные и печальные, художники и публицисты, политическіе дѣятели и графоманы, ученые и порнографы. Послѣднихъ меньше всего: къ нимъ не можетъ быть строго вѣдомство, во главѣ котораго стоялъ въ свое время М. Н. Лонгиновъ. На много мыслей наводитъ книжка г. Минцлова, много историческихъ ассоціацій вызываетъ она. Одно какое-нибудь заглавіе—вродѣ „Карманнаго словаря иностранныхъ словъ" Кириллова или „Отщепенцевъ" Соколова или нѣкогда популярнаго распоповскаго „Каталога систематическаге чтенія" (Одесса, 1883)—и предъ нами встаютъ цѣлыя картины нашего идейнаго прошлаго. Какъ много пережила бѣдная русская мысль и какъ напрасна была вѣковая борьба съ ея общественнымъ творчествомъ.

А. Тилло. Еврейскій вопросъ. Саратовъ. 1905.

Авторъ полагаетъ, что „уничтожить евреевъ невозможно; дать имъ всѣ права—не разрѣшаетъ вопроса. Настоящее положеніе невыносимо. Какъ быть? Какъ согласовать противоположные интересы? *А жить надо вмѣстѣ*, слѣдовательно, согласовать *необходимо*. Исполнима ли такая задача? Да".

Предъ нами, такимъ образомъ, обладатель своего рода философскаго камня, разрѣшающаго непримиримыя противорѣчія. Что намъ до его предварительныхъ разсужденій и доводовъ, когда въ концѣ его книжки на ея 31-й страницѣ разрѣшено роковое недоразумѣніе нашей общественной исторіи. Однако, какъ ни жадно ждетъ читатель этого разрѣшенія, мы вынуждены остановиться на нѣкоторыхъ изъ рѣшающихъ соображеній автора. Онъ не одобряетъ русскую политику, неустойчивую и несправедливую, не одобряетъ юдофиловъ, доводы которыхъ излагаетъ довольно полно, не одобряетъ юдофобовъ, которыхъ не сдѣлалъ нелѣпѣе, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ. Его теорія покоится на различеніи „землеробовъ"—людей, „добывающихъ всѣ основные и первичные продукты жилья, пищи и одежды", и „свободниковъ" — людей свободныхъ профессій. У однихъ народовъ больше первыхъ, у другихъ больше вторыхъ. У евреевъ отъ 97 до 100 процентовъ „свободниковъ". Откуда авторъ почерпнулъ эти цифры, неизвѣстно; почему онъ относитъ къ „свободникамъ" фабричныхъ рабочихъ и ремесленниковъ, также неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ „землеробъ кормитъ всѣхъ" и „землеробовъ можетъ быть столько, сколько терпитъ земля, а свободниковъ столько, сколько на нихъ спросъ". Спросъ этотъ распредѣляется по народамъ; на пользованіе трудами землеробовъ могутъ имѣть притязанія только

свободники того же народа, но никакъ не другіе. Такимъ образомъ, русскій свободникъ г. А. Тилло не сомнѣвается въ своемъ правѣ сидѣть на спинѣ русскаго мужика; онъ только отрицаетъ это право за евреями: положеніе, конечно, очень удобное. Но онъ, конечно, ошибается: если люди свободныхъ профессій дѣйствительно сидятъ на спинѣ трудящихся классовъ, то онъ сидитъ не только на русской спинѣ, по его убѣжденію отданной ему благимъ Провидѣніемъ въ рабство, но и на еврейской; въ экономическомъ строѣ мы давно уже группируемся не по національнымъ, а по совсѣмъ инымъ категоріямъ. Пора, однако, раскрыть секретъ автора и сообщить его всеисцѣляющій рецептъ. Итакъ, „по новому слѣдуетъ поступить такъ: 1) раздѣлить всю Россію на двѣ половины—западную и восточную; 2) за чертой осѣдлости на востокѣ дать всѣмъ евреямъ безъ всякихъ исключеній всѣ права; 3) переходъ черезъ черту съ запада на востокъ сдѣлать безусловно непереходимымъ ни подъ какимъ видомъ и безъ исключеній; 4) въ чертѣ осѣдлости, т. е. на западѣ отъ черты не принуждать, а поощрять земледѣлие евреевъ, энергично помогать эмиграціи евреевъ на западъ и, когда эмиграція доведетъ количество евреевъ до возможной терпимости съ нашей стороны—снять черту, и евреи по всей Россіи становятся равноправными съ нами". Среди благихъ послѣдствій этого акта истинной государственной мудрости будетъ и побочный результатъ: „если мы теперь же дадимъ евреямъ всѣ права за чертой осѣдлости на востокѣ, то этимъ мы заткнемъ ротъ нашимъ врагамъ и докажемъ всѣмъ и всему свѣту, что мы боремся только противъ количества, а не качества евреевъ, боремся съ націей, а не съ человѣкомъ".

Правду сказать, мы охотно обошли бы молчаніемъ этотъ курьезъ обывательскаго прожектерства, если бы не одна мимолетная фраза автора. „Въ прошломъ столѣтіи, управляя губерніей..." говоритъ о себѣ г. А. Тилло на стр. 3 своей брошюры. Вотъ оно что, вотъ почему къ его произведенію надлежало отнестись съ тѣмъ вниманіемъ, какого требуетъ его положеніе. Онъ одинъ изъ тѣхъ, кто рѣшалъ судьбу евреевъ. Онъ не только толковалъ и примѣнялъ на мѣстѣ безконечно разнообразные нормы еврейскаго безправія: отъ него требовали свѣдѣній и соображеній, съ его мнѣніемъ считались, его брали въ серьезъ. И становится не смѣшно, а страшно, когда вспомнишь, что онъ еще благожелателенъ, что онъ далеко не худшій изъ тѣхъ, отъ чьего усмотрѣнія и глубокомыслія зависѣли и зависятъ судьбы сотенъ тысячъ людей.

Генри Джорджъ. Избранныя рѣчи и статьи. Пер. С. Д. Николаева. Изданіе „Посредника". М. 1905.

Русская критика въ свое время довольно сурово встрѣтила ученіе Джорджа. Не только потому, что нѣкоторыя его положенія

какъ, напримѣръ, ученіе о происхожденія прибыли изъ такъ называемаго „естественнаго прироста“, кореннымъ образомъ шли въ разрѣзъ съ господствовавшими экономическими доктринами. Нѣтъ. Самая основа національзаціи земли въ той формѣ, въ какой ее проповѣдывалъ Джорджъ, именно въ формѣ конфискаціи ренты, не имѣла ничего общаго съ аграрными идеалами нашей интеллигенціи. Она одинаково не удовлетворяла ни „народниковъ“, ни „марксистовъ“.

Любопытно при этомъ, что самому Джорджу казалось, что его идеи какъ нельзя болѣе совпадаютъ съ идеалами русскихъ передовыхъ людей. Въ одномъ мѣстѣ своего „Progressand Poverty“ онъ съ паѳосомъ восклицаетъ: „Все, что нужно, заключается въ двухъ словахъ, стоящихъ на знамени тѣхъ благородныхъ русскихъ патріотовъ, которыхъ иногда называютъ нигилистами, это: Land and Liberty — Земля и Воля!“... Такъ или иначе, проповѣдь Джорджа не нашла у насъ въ свое время того отклика, какой она встрѣтила не только въ Америкѣ, но и во многихъ странахъ Европы. Единственнымъ, абсолютнымъ поклонникомъ его оказался у насъ, какъ это ни странно, графъ Л. Н. Толстой. Какимъ образомъ этотъ крайній антигосударственникъ могъ восторженно принять теорію, центръ тяжести которой въ фискальной реформѣ, возможной только въ государствѣ и съ помощью государства, это остается тайной его неизмѣнно-парадоксальнаго склада ума... Толстой остался одинокъ въ своей восторженности. Но всетаки въ концѣ концовъ работы Джорджа завоевали къ себѣ вниманіе и у насъ. Почти всѣ важнѣйшія его сочиненія уже давно переведены на русскій языкъ, а капитальный трудъ его „Прогрессъ и бѣдность“ появился даже сразу въ двухъ переводахъ, и что всего характернѣе, въ серединѣ 90-хъ годовъ, т. е. въ самый разгаръ нео-марксистской горячки. Не говоримъ уже о цѣломъ рядѣ популярныхъ изложеній его доктринъ и посвященныхъ имъ статей.

И успѣхъ этотъ вполнѣ понятенъ. Аграрный вопросъ у насъ былъ всегда однимъ изъ самыхъ жгучихъ. Соціализація земли была исконной мечтой русскаго народа. Джорджъ былъ пламеннымъ защитникомъ этой идеи. Съ силою горячаго убѣжденія, съ рѣдкимъ краснорѣчіемъ и огромнымъ популяризаторскимъ талантомъ онъ выступилъ противъ первороднаго грѣха нашей цивилизаціи — института частной собственности на землю. Мало кѣмъ превзойдена и краснорѣчивая критика его вообще отрицательныхъ сторонъ нашего соціальнаго строя. Въ частности по отношенію къ Россіи можно сказать, что его ученіе о спекулятивной рентѣ затронуло одну изъ самыхъ больныхъ сторонъ нашего крестьянскаго хозяйства: разорительный ростъ арендныхъ цѣнъ параллельно съ ростомъ культурности, то искусственное вздорожаніе цѣнъ на землю, которое гнало сотни тысячъ людей искать за де-

сять тысячъ верстъ „предѣла культуры, туда, гдѣ земля еще не захвачена монополизаторами"...

„Избранныя рѣчи и статьи", нынѣ изданныя „Посредникомъ", среди которыхъ, между прочимъ, знаменитое письмо Джорджа къ папѣ и замѣчательный импровизированный діалогъ его съ Фильдомъ, не прибавляютъ ничего новаго къ ученію Джорджа въ прежде переведенныхъ уже сочиненіяхъ его, особенно въ „Прогрессъ и Бѣдность", но въ нихъ все дышетъ обычными чертами Джорджа, огнемъ энтузіазма, ясностью, силой, убѣдительностью, вѣрой въ конечное торжество соціальной справедливости. Въ стилистическомъ отношеніи это—шедевры, въ родѣ памфлетовъ Ламеннэ и Мадзини.

Но не въ литературныхъ достоинствахъ значеніе сборника, и уже во всякомъ случаѣ не за ними гнался „Посредникъ". Каждая рѣчь, каждая статья — горячій призывъ къ соціальной справедливости, яркое обнаженіе великаго соціальнаго бѣдствія — монополизаціи земли. И очень жаль, что, благодаря нашимъ цензурнымъ условіямъ, пришлось соединить эти рѣчи и статьи въ одинъ дорого стоющій сборникъ (2 р. 50 к.), вмѣсто того, чтобы пустить ихъ въ обращеніе отдѣльными доступными по цѣнѣ брошюрами, которыя могли бы найти самое широкое распространеніе.

Къ сборнику приложены: превосходно исполненный портретъ Джорджа и подробная біографія, составленная переводчикомъ и представляющая совершенно самостоятельный интересъ. Джорджъ замѣчателенъ не только, какъ выдающійся экономистъ, писатель и соціальный агитаторъ, но и какъ яркая индивидуальность. Въ немъ счастливо соединились удивительный талантъ писателя съ могучимъ даромъ оратора, неутомимость соціальнаго борца и трогательная вѣра деиста, внутренняя цѣльность и внѣшняя обаятельность, привлекавшая къ нему людей даже несогласныхъ. А между тѣмъ это былъ въ полномъ смыслѣ слова — Sel-made man: этотъ человѣкъ, который во второй половинѣ своей жизни достигъ всемірной извѣстности и которому только ранняя смерть помѣшала стать во главѣ величайшей республики, въ молодости былъ матросомъ и наборщикомъ: первыя страницы его „Progress and Poverty", обезсмертившаго его имя, были набраны его собственной рукой: только свободная Америка въ сос стояніи создавать такіе счастливые типы.

Остается пожалѣть, что русскій біографъ ограничился только фактомъ личной карьеры знаменитаго писателя, не охарактеризовавъ хоть въ общихъ чертахъ хода крупнаго соціальнаго движенія, созданнаго пропагандой Джорджа въ Америкѣ и Европѣ.

За немногими незначительными промахами, переводъ, при всей близости къ подлиннику, достаточно передаетъ красоту оригинала.

А. Повалишинъ. Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Рязанской губ. въ XIX столѣтіи Изданіе рязанской архивной коммиссіи. Рязань 1903 г.

Исторія крѣпостного права въ XIX вѣкѣ разработана до сихъ поръ крайне мало. Она все еще находится въ періодѣ собиранія и накопленія матеріаловъ, безъ которыхъ можно дать лишь очерки, но не исторію крѣпостного состоянія. Разработка статистическихъ данныхъ, относящихся къ крѣпостному періоду, различныхъ матеріаловъ, разсѣянныхъ въ столичныхъ и провинціальныхъ архивахъ, воспоминаній, мемуаровъ, хозяйственныхъ записныхъ книгъ, приказовъ помѣщиковъ и т. п.—далеко еще не закончена. Между тѣмъ только послѣ такой предварительной, зачастую кропотливой и мелочной работы возможно разрѣшеніе главнѣйшихъ вопросовъ объ экономическомъ и правовомъ положеніи народа въ первой половинѣ XIX столѣтія.

А. Д. Повалишинъ принадлежитъ къ первоначальнымъ изслѣдователямъ исторіи крѣпостного права, подготовляющимъ матеріалъ для будущаго зданія этой исторіи. Онъ взялъ на себя скромную задачу выяснить положеніе помѣщиковъ и крѣпостныхъ крестьянъ Рязанской губ. въ XIX вѣкѣ, на основаніи имѣющихся въ его распоряженіи мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ (главнымъ образомъ архива рязанскаго губ. земства) и бумагъ частныхъ лицъ. Его статьи, посвященныя этому вопросу и изданныя въ настоящее время рязанской архивной коммиссіей отдѣльною книгою, представляютъ, конечно, далеко не полную картину жизни помѣщиковъ и крѣпостныхъ Рязанской губерніи въ XIX столѣтіи. Тѣмъ не менѣе историкъ крѣпостного права можетъ почерпнуть изъ этого сборника много цѣнныхъ штриховъ для общей картины крѣпостныхъ отношеній. Лица же, не изучающія спеціально крѣпостного права, могутъ безъ большой потери для себя отложить книгу г-на Повалишина въ сторону, какъ частное изслѣдованіе, не дающее и не уполномочивающее дѣлать общіе выводы, хотя и заключающее въ себѣ нѣкоторыя любопытныя картинки крѣпостной жизни.

Содержаніе статей, вошедшихъ въ эту книгу, довольно разнообразно. Исходя изъ статистическихъ данныхъ о ростѣ крѣпостного населенія Рязанской губ. въ XIX вѣкѣ, объ измѣненіи въ числѣ помѣщиковъ и величинѣ имѣній, г. Повалишинъ пытается выяснить нормальный типъ помѣщичьяго хозяйства этой поры и отмѣчаетъ новыя теченія въ крѣпостной жизни, имѣвшія цѣлью наибольшую эксплуатацію крѣпостного труда. Далѣе, онъ говоритъ о злоупотребленіяхъ помѣщичьею властью и о мѣрахъ борьбы съ ними, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны самого народа. Наконецъ, отдѣльныя статьи посвящены авторомъ выходу крестьянъ изъ крѣпостного ига, совершавшемуся путемъ полученія отпускныхъ и перехода въ свободные хлѣбопашцы, и уча-

стію рязанскаго дворянства въ крестьянской реформѣ, при чемъ послѣдняя статья далеко не исчерпываетъ намѣченнаго въ заглавіи вопроса и является скорѣе простою сводкою мнѣній членовъ рязанскаго губ. комитета 1858—59 г. и депутатовъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, безъ всякой оцѣнки ихъ со стороны автора. Вообще же наиболѣе обработанными въ книгѣ г. Повалишина являются двѣ статьи: „Цифровыя данныя" и „Условія нормальнаго помѣщичьяго хозяйства".

Не касаясь каждой статьи въ отдѣльности, мы позволимъ себѣ отмѣтить нѣкоторыя слабыя стороны разбираемой книги. Хотя г. Повалишинъ и выдвигаетъ вопросъ о нормальномъ строѣ крѣпостного хозяйства на первый планъ, въ его статьяхъ можно найти мало матеріала для разрѣшенія этого вопроса даже по отношенію къ Рязанской губерніи. Мало матеріала даетъ авторъ и для выясненія новыхъ теченій въ помѣщичьемъ хозяйствѣ и борьбы помѣщиковъ съ неудобными для ихъ хозяйствъ сторонами крѣпостного права. Вопросъ о выгодности крѣпостного права для помѣщиковъ, а, слѣдовательно, о заинтересованности ихъ въ отмѣнѣ крѣпостного права, также мало разъясняется работою А. Д. Повалишина. Выводъ же самого г. Повалишина, что „отмѣною крѣпостного права большинство дворянства лично совсѣмъ заинтересовано не было" (стр. 29), въ силу преобладанія въ Рязанской губ. мелкопомѣстнаго дворянства,—по крайней мѣрѣ, рискованъ и не подкрѣпленъ соотвѣтствующими доказательствами. Если съ такимъ мнѣніемъ можно еще отчасти согласиться относительно дворянъ, не имѣвшихъ крѣпостныхъ или имѣвшихъ менѣе 10 душъ, то нельзя забывать, что такихъ дворянъ было немного. По даннымъ самого г. Повалишина, такіе дворяне составляли около 20% всѣхъ помѣщиковъ Рязанской губ. въ 1857 г. Остальная же часть мелкихъ помѣщиковъ (имѣвшихъ отъ 10 до 100 душъ) могла быть особенно сильно заинтересована въ сохраненіи крѣпостного права, ибо на ихъ бюджетѣ долженъ былъ особенно рѣзко отразиться переходъ отъ хозяйства, основаннаго на крѣпостномъ трудѣ, къ денежному хозяйству съ вольнонаемнымъ трудомъ.

Не менѣе рискованнымъ является утвержденіе г. Повалишина, что въ области промышленности фабрики и заводы, пользовавшіеся крѣпостнымъ трудомъ, могли при извѣстной энергіи и предпріимчивости владѣльца и при затратѣ капитала, успѣшно конкуррировать съ кустарнымъ производствомъ крестьянъ-оброчниковъ, результатомъ чего было бы совершенное уничтоженіе кустарной промышленности съ замѣною ея фабричною и заводскою. „Весь ходъ развитія помѣщичьяго хозяйства, по его мнѣнію, указывалъ на то, что число фабрично-заводскихъ (крѣпостныхъ) людей должно было увеличиваться" (стр. 43). Не говоря о томъ, что мнѣніе г. Повалишина не подкрѣплено соотвѣт-

ствующими доказательствами, многіе факты изъ исторіи фабрики въ XIX вѣкѣ заставляютъ относиться съ большимъ сомнѣніемъ къ успѣшности примѣненія крѣпостного труда въ промышленности. Утвержденію г. Повалишина противорѣчитъ, какъ паденіе дворянской фабрики въ 40-хъ годахъ, соединенное съ быстрымъ развитіемъ кустарныхъ промысловъ, такъ и уменьшеніе цѣнности поссессіонныхъ фабрикъ въ XIX в. Въ полномъ противорѣчіи съ этимъ утвержденіемъ стоятъ и многочисленные случаи освобожденія поссессіонныхъ крестьянъ самими владѣльцами по собственной иниціативѣ по закону 1840 г.

Въ заключеніе нельзя не указать на довольно грубую ошибку г. Повалишина, зачислившаго поссессіонныхъ крестьянъ въ разрядъ крѣпостныхъ. Такое смѣшеніе заставляетъ съ осторожностью относиться къ статистическимъ даннымъ г. Повалишина о крѣпостномъ населеніи, ибо онъ, видимо, присоединялъ поссессіонныхъ крестьянъ къ крѣпостнымъ. По крайней мѣрѣ, на стр. 43, говоря о количествѣ фабричныхъ и заводскихъ людей среди крѣпостного населенія, онъ приводитъ цифру тѣхъ и другихъ по 10-й ревизіи (7049 д. м. п.), совпадающую съ цифрою г. Тройницкаго о крестьянахъ, приписанныхъ къ частнымъ фабрикамъ и заводамъ на владѣльческомъ и поссессіонномъ правѣ.

Н. Дубницкій. Чѣмъ всѣ предметы похожи другъ на друга. 1904 г.—**Н. Рихтеръ. Вулканы.** 1904 г.—**С. К. Начало раскола.** 1904 г.—Музей прикладныхъ знаній (политехническій). Учебный отдѣлъ. Коммиссія по составленію коллекцій тѣневыхъ картинъ.

Всякій разъ, когда намъ приходится подходить съ болѣе или менѣе строгой критикой къ такъ называемой народной и дѣтской литературѣ, мы невольно вспоминаемъ о томъ исключительно тяжеломъ положеніи, въ которое поставлена эта область литературныхъ произведеній въ нашихъ русскихъ условіяхъ. О цензурныхъ тяготахъ, выносимыхъ дѣтской и народной литературой, посторонній издательскому и писательскому дѣлу человѣкъ въ большинствѣ случаевъ мало знаетъ. „Народу и дѣтямъ", писалъ („Русск. Вѣд." № 54) совсѣмъ недавно извѣстной педагогъ и издатель журнала „Дѣтское чтеніе", Д. И. Тихомировъ: „съ точки зрѣнія „охраны" нужно сообщать образы и впечатлѣнія, понятія и знанія въ „опредѣленномъ направленіи",—исключительномъ и тенденціозномъ. Въ выборѣ матеріала для чтенія цензура не хочетъ признавать законности соображеній истинно-просвѣтительныхъ, строго-педагогическихъ и кастрируетъ научную истину, фальсифицируетъ правду, сознательно допускаетъ невѣжественность. А у многихъ ли изъ писателей найдется достаточно силъ и терпѣнія, чтобы честно, оставаясь вѣрнымъ правдѣ и истинѣ, вести неустанно постоянно бурьбу съ такими жестокими цензурными условіями?

Лучше отдать свои силы общей литературѣ, легче служить интеллигентному читателю,—здѣсь цензура всетаки не такъ сурова". При такихъ условіяхъ, конечно, приходится прямо удивляться тому, что русскому обществу удалось здѣсь сдѣлать, не смотря на всѣ препятствія. И тѣмъ не менѣе дѣтская и народная литература является слишкомъ важнымъ факторомъ современной жизни для того, чтобы педагогическая и общая литература могла хоть сколько-нибудь понизить свои требованія въ этой области.

А требованія эти, дѣйствительно, очень велики и сложны. Давно прошло то время, когда для дѣтскаго и народнаго писателя считали достаточнымъ одного добраго желанія побесѣдовать со своей аудиторіей, которой при этомъ вмѣнялось въ обязанность жадно глотать всяческія „поученія", состряпанныя часто даже несовсѣмъ чистыми руками. Въ скоромъ времени, однако, убѣдились, что одного добраго желанія здѣсь мало: нужны еще и знанія, и знанія солидныя. Въ качествѣ народныхъ и дѣтскихъ писателей стали все чаще выступать присяжные ученые... Но и тутъ вскорѣ наступило разочарованіе. Оказалось, что для хорошей популяризаціи добраго желанія и однихъ знаній мало... Нужно строго соблюдать то правило, которое, по словамъ г. Горнфельда („Наши Дни" № 31), упорно внушалъ Н. К. Михайловскій всякому новичку въ журнальной работѣ: ни на минуту не забывать своего читателя, въ каждомъ словѣ, въ каждой строчкѣ считаться съ кругозоромъ идей его; нужно, слѣдовательно, быть народнымъ публицистомъ, имѣть соотвѣтственный талантъ. Вотъ почему и въ области народной и дѣтской литературы такъ много званныхъ, такъ мало избранныхъ... Но и этого еще мало... Авторъ популярной брошюры невольно становится по отношенію къ своей аудиторіи въ положеніе учителя... Ему для успѣха необходимо обладать еще педагогическимъ тактомъ... Этотъ тактъ долженъ особенно чувствоваться на конструкціи статьи: выборъ фундамента, расположеніе пристроекъ, размѣры ихъ, украшенія,—все это дается только педагогическихъ чутьемъ автора.

Само собою разумѣется, что всѣмъ этимъ строгимъ требованіямъ удовлетворяютъ лишь немногія произведенія. Но тѣмъ не менѣе именно эти требованія должны давать тотъ масштабъ, съ которымъ слѣдуетъ подходить къ произведеніямъ „народной и дѣтской" литературы.

Попробуемъ же съ указанныхъ точекъ зрѣнія произвести расцѣнку названнымъ въ заголовкѣ произведеніямъ, тѣмъ болѣе, что изданіе ихъ принадлежитъ учрежденію, завоевавшему себѣ большую извѣстность въ области культурныхъ предпріятій.

Прежде всего приходится отмѣтить, что всѣ три автора не остаются полными хозяевами своей работы. Если г.г. С. К. и Н. Дубницкій оказались придавленными своимъ читателемъ, то г. Н. Рихтеръ остался слишкомъ во власти своего матеріала. Въ самомъ

дѣлѣ, возьмемъ брошюру г. Дубницкаго. Авторъ выбралъ очень трудную задачу: дать основныя представленія изъ области молекулярной физики самому неподготовленному читателю (предполагается, напр., что не всѣмъ читателямъ данной брошюры извѣстно даже устройство рельсоваго пути). Онъ осторожно подходитъ къ своей задачѣ и тщательно расчищаетъ путь своимъ разсужденіямъ, стараясь съ первой же страницы строго разграничить терминологію, обиходную отъ терминологіи научной („тѣло", „газъ"), но вмѣстѣ съ тѣмъ, спустя нѣсколько страницъ, впадаетъ въ тотъ же терминологическій грѣхъ, употребляя слово: „частица" то въ обиходномъ значеніи слова (результатъ физическаго дробленія, см. о запахахъ, стр. 10), то въ научномъ, химическомъ значеніи (стр. 11, объ измѣреніи частицъ). Этимъ вносится крайняя путаница представленій особенно въ неподготовленную аудиторію, и лекція совершенно обезцѣнивается.

Г-нъ С. К. даетъ намъ также образчикъ неумѣнья, какъ слѣдуетъ справляться со своей аудиторіей. Онъ взялъ также въ высшей степени интересную и жизненную тему: „начало раскола". Но, прилаживаясь къ упрощенному пониманію своихъ слушателей, онъ понижаетъ и научную цѣнность своего истолкованія даннаго историческаго явленія. Ну, въ самомъ дѣлѣ, развѣ соотвѣтствуетъ исторической истинѣ такого сорта тирада, положенная въ фундаментъ всей статьи: „вотъ въ какихъ случаяхъ какъ нельзя яснѣе сказывается, отчего произошелъ расколъ въ церкви. Прежде всего отъ темноты, отъ незнанія"... Какъ будто массовыя движенія, хотя бы и въ области религіозныхъ эмоцій, можно свести преимущественно къ одному какому-нибудь фактору. Причины, несомнѣнно, были сложны и разнообразны, и о нихъ поэтому слѣдуетъ или совсѣмъ не говорить въ данной маленькой работѣ, или же необходимо развернуть ихъ подробнѣе и полнѣе на счетъ другого матеріала.

Обѣ только что названныя книжечки написаны сухимъ языкомъ: много разсужденій, мало образовъ. Попадается цѣлый рядъ неосмотрительныхъ оборотовъ: напр., г. Дубницкій увѣряетъ читателя, что наука даетъ отвѣтъ на вопросъ, *для чего* совершаются явленія жизни, или пишетъ: „наука намъ показала, а ученые подтвердили (?)", или пишетъ, что превративъ ледъ въ воду, а воду въ паръ, „мы заставили частицы твердаго тѣла льда—распасться",—тогда какъ въ дѣйствительности молекула (молекулярная частица) тѣла при этомъ распаденію не подверглась, а лишь нарушалась связь между молекулами; то же кое-гдѣ и у г. С. К. (онъ говоритъ, напр., о „догматическихъ недоумѣніяхъ").

Болѣе выгодное впечатлѣніе въ данномъ отношеніи производитъ работа г. Рихтера: у него много образныхъ описаній, взятыхъ изъ первыхъ рукъ. Но описанія эти, къ сожалѣнію, онъ не перерабатываетъ съ точки зрѣнія интересовъ своихъ слушателей, а

беретъ ихъ, такъ сказать, механически,—дѣйствуетъ не перомъ, а ножницами. Отъ этого страдаетъ конструкція лекціи. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 25 страничекъ брошюры пять посвящено одному изверженію Везувія. Но и этого мало, г. Рихтеръ не вездѣ умѣло выбиралъ побочный матеріалъ для своего изложенія. Для насъ, по крайней мѣрѣ, представляются совершенно неожиданными тѣ двѣ странички (21 и 22), которыя почти цѣликомъ посвящены воздушнымъ волнамъ, вызываемымъ изверженіями, и методамъ изученія этихъ волнъ, въ то время какъ болѣе важныя побочныя явленія вулканическаго характера оставлены почти безъ описанія (землетрясенія, поднятіе и опусканіе участковъ земной коры, горячіе ключи и т. д.).

Мой микроскопъ. Простыя занятія съ самымъ дешевыми инструментами. Составилъ **Е. Чижовъ.** Изданіе Е. Чижова съ 55-ю рисунками. М. 1904 г.

Наша народная школа сильно нуждается въ углубленіи методовъ преподаванія, а между тѣмъ усиленіе ассигновокъ на каждую школу въ отдѣльности встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія въ виду того, что школъ у насъ еще слишкомъ мало, и всѣ свободныя средства идутъ на открытіе новыхъ школъ. Конечно, если бы обществу не мѣшали свободно работать въ области народнаго образованія, то оно давно сумѣло бы справиться со всѣми этими затрудненіями и найти средства сдѣлать современную народную школу болѣе продуктивной. Убѣдиться въ этомъ не трудно, хотя бы на примѣрѣ нашихъ подвижныхъ музеевъ, которые являются дѣтищемъ общественной иниціативы и, доставляя народной школѣ возможность примѣнять хотя бы въ скромномъ масштабѣ методы нагляднаго обученія, углубляютъ ея работу. За послѣднее десятилѣтіе такихъ музеевъ въ Россіи открыто около сотни; ихъ работой обслуживаются тысячи школъ и многія сотни отдѣльныхъ семействъ. Такимъ образомъ, передъ нами обрисовывается какъ бы новое общественное—музейное—движеніе. Выступаетъ оно съ очень маленькими средствами, и потому всякая разработка методовъ нагляднаго обученія, съ цѣлью использовать не дорогіе и самодѣльные инструменты, вноситъ въ это культурное дѣло посильную лепту и должно быть привѣтствуемо текущей литературой.

Къ такимъ работамъ относится названная книжечка г. Чижова. Онъ подробно разсказываетъ о томъ, какъ можно использовать въ цѣляхъ обученія, лупу и недорогой карманный микроскопъ Вехтера (въ 2 р. 50 к.). Въ книжечкѣ мы находимъ главы: что смотрѣть въ микроскопъ? Какъ надо смотрѣть? Какъ сохранять образчики? Два слова о другихъ микроскопахъ и др. Со-

вѣты г. Чижова могутъ оказаться очень полезными, какъ въ школѣ для учителя, такъ и въ семьѣ для подростковъ.

Персія и Персы Составила **Евг. Богрова.** Историческая коммиссія учебнаго отдѣла общ. распр. техническихъ знаній.

Брошюрка г-жѣ Богровой представляетъ изъ себя одинъ изъ удачныхъ популярныхъ очерковъ по географіи и исторіи мало извѣстнаго народа, съ которымъ на югѣ Россіи нашимъ соотечественникамъ приходится вступать въ частыя и тѣсныя отношенія. Въ своей работѣ г-жа Богрова знакомитъ читателя съ краткой исторіей Персіи, выдвигая особенно тѣ моменты, которые наложили болѣе прочный отпечатокъ на этнографическій составъ ея населенія. Вторая половина брошюры посвящена современной Персіи. Ярко очерченъ гнетъ мусульманскаго духовенства надъ суевѣрнымъ населеніемъ, произволъ чиновничества, беззащитность населенія, самодовольство и невѣжество правящихъ сферъ. Языкъ вездѣ простой, мѣстами красивый, часто образный. Книжка все время читается съ большимъ интересомъ, и симпатіи къ этому бѣдному, но честному и трудолюбивому народу наростаютъ у читателя, можно сказать, съ каждой страницей.

Замѣчанія можно сдѣлать развѣ противъ нѣкоторыхъ частностей. Можно, напр., пожалѣть о томъ, что картина бюрократическаго режима древней Персіи развернута не достаточно полно. Можно указать также на слишкомъ бѣглыя замѣтки объ отношеніяхъ Европы къ Персіи: ея рынки становятся все болѣе и болѣе лакомымъ кусочкомъ, который въ настоящее время Англія едва ли выпуститъ изъ своихъ рукъ. Но это все детали. Въ общемъ же, повторяемъ, работа г-жи Богровой—цѣнный вкладъ въ популярную литературу.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются.* Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Ольга Шапиръ. Не повѣрили. Повѣсть. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Ив. Наживинъ. Среди могилъ. Путевые наброски. Изд. О. Н. Рутенбергъ и А. И. Жуковой. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Андрей Нѣмоевскій. Листопадъ и др разск. Изд. В. Д. Кувшинскаго. Пермь. 1905.

Владиміръ Ж. Бѣдная Шарлотта. Спб. 1904. Ц. 5 к.

А. Т. Грабина. Пѣсни Беранже. Кіевъ. 1905. Ц. 25 к.

М. Дубинскій. Сумерки жизни. Стихотворенія. Спб. 1904.

Ярославъ Квапилъ. Сказка про принцессу Одуванчикъ. Пьеса въ 5 д. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Словинскіе поэты. Изданы подъ ред. ***И. Новича***. Спб. 1904. Ц. 45 к.

Сестра Бѣленькая и др. разсказы. Библіотека Горбунова-Посадова. М. 1905. Ц. 1 р.

И. Гильдебрандтъ. Өома Мюнцеръ. Драма въ 5 д. Книгоизд. „Новое Т-во". М. 1905. Ц. 20 к.

Жоржъ Сандъ. Бабушкины сказки. Изд. Н. Кранихфельдъ. Харьковъ. 1905. Ц. 60 к.

Лучъ. Литерат. сборникъ. Изд. „Товарищеская библіотека". М. 1905. Ц. 25 к.

Московскій Товарищескій кружокъ писателей изъ народа. I. Литерат. сборникъ. „Народные досуги". Ц. 1905. Ц. 60 к.

„На Сибирскія темы". Сборникъ подъ ред. ***М. Н. Соболева***. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Изданія Т-ва И. Д. Сытина. М. 1905 г.: Два героя: Геркулесъ и Тезей. Ц. 10 к. - Великіе законодатели: Ликургъ и Солонъ. Ц. 10 к. - Начало стараго Рима. Ц. 10 к. — Разрушеніе Трои. Ц. 10 к. Странствованія царя Одиссея. Ц. 10 к.—Крѣпостные и вольные города въ старой Франціи. ***Е. Ефимовой***. Ц. 25 к. Іезуиты и ихъ вліяніе на исторію человѣчества. ***А. Ильина***. Ц. 30 к. Владиміръ Мономахъ и его время. ***М. И. Молчанова***.

Долой оружіе! Романъ ***Берты Зуттнеръ***. Изд. журн. „Юный Читатель". Спб. 1905. Ц. 5 к.

Изданія редакцій журналовъ „Дѣтское Чтеніе" и „Педагогическій Листокъ". М. 1905 г.: ***Эльвза Ожешкова***. Юльянка. Городская картинка. Перев. съ польск. В. М. Лаврова. Ц. 15 к.—***Г. Т. Сѣверцовъ-Полиловъ***. Княжій отрокъ. Историч. повѣсть изъ преданій XIII вѣка. Ц. 50 к.—***А. Алтаевъ***. Маленькимъ дѣтямъ. Разсказы о животныхъ. Ц. 30 к. — ***Д. Н. Маминъ-Сибирякъ***. Сударь Пантелей-Свѣтъ Ивановичъ. Новгородское преданіе. Ц. 7 к.—***Д. Н. Маминъ-Сибирякъ***. Былинки. Разсказы для маленькихъ дѣтей. Ц. 40 к. ***В. М. Лавровъ***. Что краситъ жизнь. Разсказы. Ц. 30 к.—***Его же***. Дѣти артисты и друг. разсказы. Пер. съ польскаго. Ц. 20 к. ***П. А. Россіевъ***. Гнѣздо орловъ. Путевыя впечатлѣнія въ Черногоріи. Ц. 25 к.

Изданія „Посредника": Утренннички и др. разсказы. ***О. Руновой***. Ц. 1 р. 50 к.—Назарены въ Венгріи и Сербіи. ***В. Ольховскаго***. Ц. 30 к.—Христіанство и международный миръ. Баронъ ***М. А. Таубе***. Ц. 25 к. — Князь Г. А. Дадіани. По личнымъ воспоминаніямъ. ***В. Р-ва***. Ц. 10 к. М. 1905.

Видавныцтво „Викъ". У Кіеви. 1904: ***Т. Рыльській***. Про херсонски заробиткы. - ***Н. Кобрынська***. Выборець. Оповидання. - У наймы. Оповидання. ***Дмитра Марковыча***. Безъ праци. ***Иванъ Франко***. Казка. - Байкы ***Леонида Глибива***. - Творы. ***Его же***.

Інна Саксаганская. Разсказы. Спб. 1905. Ц. 1 р.

В. И. Крыжановская (Рочестеръ). Свѣточи Чехіи. Историч. романъ изъ эпохи пробужденія чешскаго національнаго самосознанія. Спб. 1904. Ц. 1 р. 80 к.

Альманахъ „***Грифъ***". М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.

Александръ Лавинъ. До жизни. Разсказы. М. 1905. Ц. 35 к.

Изданія В. Н. Ганнъ и В. Н. Потапова. Харьковъ. 1905 г.: Марфутка. Разсказъ ***В. І. Дмитріевой***. Ц. 10 к. Ванька. Очеркъ. ***Ея же***. Ц. 7 к. Бурмистерша. Драма въ 4-хъ д. ***Ея же***. Ц. 20 к. Ребенокъ. ***Октава Мирбо***. Пер. Л. Гендриковой. Ц. 2 к.

Изданія Товарищества „Знаніе". Спб. 1905: ***Сборникъ*** за 1904 г. Книга III. Ц. 1 р. ***Сборникъ*** за 1904 г. Книга IV. Ц. 1 р. - ***Сборникъ*** за 1904 г. Книга V. Ц. 1 р.—***Имре Мадачъ***. Человѣческая трагедія. Драматич. поэма. Перев. съ венгерскаго З. Крашенинниковой. Ц. 50 к. ***А. Серафимовичъ***. Разсказы. Томъ I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. — ***Семенъ Юшкевичъ***. Разсказы. Томъ II. Ц. 1 р. ***Н. Телешовъ***. Разсказы. Томъ I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. - ***Нижегородскій сборникъ***. Ц. 1 р. ***Э. Золя***. Углекопы. Пер. А. Л. Коморской. Изд. 3-е. Ц. 1 р. ***Аф. Петрищевъ***. Замѣтки учителя. Ц. 1 р. ***Андреевичъ***. Опытъ философіи русской литературы. Ц. 1 р. 20 к.

Л. Ф. Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Е. В. Бѣлявскій. Педагогическія воспоминанія 1861—1902 г.г. Изд. ред. журн. „Вѣстникъ Воспитанія". М. 1905. Ц. 1 р.

А. А. Кауфманъ. По новымъ мѣстамъ. Изд. „Общественной Пользы". Ц. 1 р.

Кольбъ. Какъ я былъ рабочимъ въ Америкѣ. Перев. съ 3-го нѣм. изд.

Вс. Кожевникова и С. Кержнера. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Николай Николаевичъ Ге, его жизнь, произведенія и переписка. Сост. *В. В. Стасовъ*. Изд. „Посредника". М. 1904. Ц. 2 р.

Анри Лиштанберже. Рихардъ Вагнеръ, какъ поэтъ и мыслитель. Перев. съ 2-го франц. изд. *С. Соловьева*. М. 1905. Ц. 2 р.

Л. Сулержицкій. Въ Америку съ духоборами (Изъ записной книжки). Изд. „Посредника". М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.

Герро. Марія Башкирцева. Критико-библіографическій очеркъ. М. 1905. Ц. 25 к.

Викторъ Гофманъ. Книга вступленій. Лирика 1902 — 1904 г. Изд. журн. „Искусство". М. 1904. Ц. 1 р.

Избранныя рѣчи и статьи *Генри Джорджа*. Перев. съ англійскаго С. Д. Николаева. 2-е изд. „Посредника". М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Людвигъ Вольтманъ. Политическая антропологія. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

А. С. Гольденвейзеръ. Гербертъ Спенсеръ. Идеи свободы и права въ его философской системѣ. Спб. 1904.

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Т. VII. Шеллингъ, его жизнь, сочиненія и ученіе. Пер. со 2-го дополненнаго нѣм. изд. пр.-доц. Н. О. Лосскаго. Спб. 1905. Ц. 5 р.

Освальдъ Кульпе. Очерки современной германской философіи. Перев. съ нѣм. С. Чулока. Спб. Ц. 65 к.

Гербертъ Спенсеръ. Автобіографія. Сокращенное изложеніе А. Д. Коротнева. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Ф. Ферстеръ. Свобода воли и нравственная отвѣтственность. Пер. съ нѣм. подъ ред. Ю. И. Айхенвальда. М. 1905. Ц. 25 к.

К. Жаковъ. Теорія перемѣннаго и предѣла въ гносеологіи и въ исторіи познанія. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. 1 р.

И. И. Ѳоминъ. Введеніе въ исторію философіи. Популярно-философскіе очерки. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Т. Липпсъ. Проф. Мюнхенскаго университета. Основные вопросы этики. Пер. съ нѣм. М. А. Лихарева подъ ред. П. Струве и Н. О. Лосскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 1 р.

О сновидѣніяхъ. Д-ра *С. Фрейдъ*. Вопросы психо-нервологіи въ общедоступныхъ очеркахъ. Пер. съ нѣм. А. Л. Спб. 1904.

Детерминизмъ и вмѣняемость. А. Амона. Пер. Б. А. К — ва подъ ред. проф. А. А. Жижиленко. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Прекрасное, какъ предметъ подражанія и двигатель культуры. Новое объясненіе вопросовъ эстетики. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Карлъ Марксъ. Рѣчь о свободѣ торговли. Перев. съ франц. С. А. Алексѣева. Изд. Е. М. Алексѣевой. Одесса. 1905. Ц. 15 к.

Чудеса общежитія. Жизнь первобытнаго человѣка и современныхъ дикарей. *В. Лункевича*. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1905. Ц. 35 к.

Промыслы и торговля въ древней Руси. Сост. *Влад. Лабунскій*. М. 1905. Ц. 15 к.

Т. Ф. Саноцкій. Кирпичное производство на р. Невѣ и ея притокахъ. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Международное фабричное законодательство. Очеркъ. *Н. Райхенберга*. Изд. В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Харьковъ. 1905. Ц. 25 к.

Ал. Колычевъ. Приказчики и ихъ нужды. Книгоизд. „Сѣверное Эхо". Ярославль. 1905. Ц. 20 к.

Ф. Ю. Левинсонъ-Лессингъ. О занятіяхъ женскаго населенія С.-Петербурга. Спб. 1905.

Мнѣніе *М. А. Прокофьева* о крестьянскомъ общественномъ управленіи. Новгородъ. 1904.

Григорій Вольтке. Основныя черты желательной организаціи уѣзднаго управленія въ связи съ устройствомъ мелкой земской единицы. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Н. П. Дружининъ. Волостной сходъ. М. 1905. Ц. 25 к.

Е. П. Арбатская. Дачи и дачники. М. 1905. Ц. 20 к.

Памяти проф. Ив. Ник. Смирнова. Подъ ред. проф. *А. С. Архангельскаго*. Казань. 1904.

Н. П. Загоскинъ. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Казанскаго университета. 1804—1904. Части I и II.

Н. П. Загоскинъ. Исторія Императорскаго Казанскаго университета за первыя 100 лѣтъ его существованія: 1804—1904. Тома I, II и III.

Неоффиціальныя изданія товарищества «Знаніе». Ред. *Г. Фальборка* и *В. Чарнолускаго*. Спб. 1905: Внѣшкольное образованіе. Ц. 2 р. — Настольная книга по народному образованію. Томъ III. Ц. 4 р.— Библіотеки и книжная торговля. Ц. 50 к. — Программы начальныхъ училищъ. Ц. 30 к. — Публичныя лекціи и народныя чтенія. Ц. 25 к. —Инструк-

ція директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ. Ц. 40 к.

Справочный календарь. Городское и земское общественное хозяйство. Изд. А. С. Харитонова. Спб. 1904. Ц. 3 р.

Правящая Россія. Отъ государственнаго Совѣта до сельскаго старосты. Части I, II, III и приложеніе. Изд. Н. И. Игнатова. Спб. Ц. по подпискѣ 5 р.

А. П. Нечаевъ. Картины родины. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Общедоступные разсказы изъ русской исторіи. 2-е изд. книжн. склада „Школьное и Библіотечное Дѣло". Спб. 1905. Ц. 30 к.

Изъ исторіи Геродота. Чтеніе для юношества и для самообразованія. Сост. ***Д. П. Первовъ.*** М. 1905. Ц. 60 к.

Политическія и экономическія задачи Японіи. Изд. Н. Кранихфельдъ. Харьковъ. 1905. Ц. 45 к.

Д-ръ О. Франке. Умственныя теченія въ современномъ Китаѣ. Пер. съ нѣм. Н. Кранихфельдъ. Харьковъ. 1904.

А. С. Пругавинъ. Расколъ и сектантство въ русской народной жизни. Съ критическими замѣчаніями духовнаго цензора. М. 1905. Ц. 30 к.

Современное воспитаніе и новые пути. По Эльсландеру сост. ***М. Клечковскій.*** Изд. «Библіотеки Новаго воспитанія». М. 1905. Ц. 40 к.

Е. Н. Аркадьевъ. Всеобщее обязательное обученіе въ Россіи и за границей. Сл. Покровская. 1905. Безцѣнно.

С. Николаевъ. Современная бурса. Изд. В. В. Кирьякова. М. 1905. Ц. 30 к.

К. А. Литвиненко. Сборникъ систематическихъ диктантовъ. Изд. К. Тихомирова. М. 1904. Ц. 80 к.

Зернышко. Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ сост. ***Т. Лубенецъ*** и ***П. Кошлаковъ.*** Годы 3-й и 4-й. Изд. Луковникова. Спб. 1905. Ц. 70 к.

В. Чернышевъ. Упрощеніе русскаго правописанія. Спб. 1905. Ц. 40 к.

С. П. Прядкинъ. Изъ методики русской грамматики. Воронежъ. 1905. Ц. 1 р.

Дѣтскій мірокъ. Книга для чтенія послѣ азбуки. Составила ***П. Авилова.*** Спб. 1904. Ц. 20 к.

Почва и ея исторія. Географическій этюдъ. ***А. П. Нечаева.*** Спб. 1905. Ц. 60 к.

П. П. Яковлевъ. Горообразованіе, вулканы, землетрясенія. Спб. 1905. Ц. 80 к.

Изданія А. Ф. Девріена. Спб. 1905: Жуки Россіи и Западной Европы. ***Г. Г. Якобсона.*** Вып. I. Ц. 2 р. Царство минераловъ. Д-ра Браунса. Вып. 5-й. Ц. 2 р. 75. — Жизнь моря. Проф. ***К. Келлера.*** Изд. 2-е. Выпускъ 4 и 5-й. Ц. по 1 р. 60.

I. Долгихъ. Мнимый единорогъ. Изд. Ф. И. Трескиной. Рига. 1905. Ц. 2 р.

А. А. Арутиновъ. Удины. Матеріалы для антропологіи Кавказа. М. 1905. Ц. отд. кн. 1 р. 50.

А. В. Дайси. Основы государственнаго права Англіи. Перев. О. В. Полторацкой подъ ред. проф. П. Г. Виноградова. М. 1906. Ц. 2 р.

А. Клоссовскій. Кафедра географіи и ея представители въ русскихъ университетахъ. Одесса. 1905.

Евгеній Елачичъ. На чемъ основано раздѣленіе животнаго міра на отдѣлы. Спб. 1905. Ц. 15 к.

А. Бремъ. Тундра, ея растительный и животный міръ. Перев. съ нѣм. Е. Елачича. Спб. 1905. Ц. 15 к.

О состояніи народнаго здравія въ Россіи и о мѣрахъ къ поднятію его. Докладъ медицинскаго о-ва при Новороссійскомъ университетѣ. Одесса 1905.

Мѣщанство.

(*Письмо изъ Германіи*).

I.

Не разъ мнѣ приходилось проѣзжать по Германіи изъ конца въ конецъ въ вагонѣ скораго поѣзда; и я никогда не могъ освободиться отъ одного страннаго ощущенія, въ особенности, если эта поѣздка происходила въ одинъ изъ тѣхъ сѣренькихъ и мокрыхъ дней, которыми такъ обильно нѣмецкое лѣто... Мнѣ казалось, словно я проѣзжаю по одному изъ отдѣленій какого-то безконечнаго механическаго аппарата, въ которомъ все вымѣрено, выдѣлано и вылѣплено по какимъ-то удивительно точнымъ и практичнымъ образцамъ, при помощи какой-то замѣчательно точной и аккуратной машины.

Мимо оконъ вагона бѣжали безконечной лентой поле, дороги и деревни — и всѣ они были такъ одинаково распланированы, такъ систематично расположены, такъ послѣдовательно и чисто пригнаны и прилажены, что представлялись въ сѣромъ освѣщеніи туманнаго дня утомительнымъ стереоскопомъ вѣчно повторяющейся, скучной, хоть и законченной картинки; всѣ-то лѣса здѣсь очищены и обмѣрены, всюду прямыя просѣки и аккуратныя дорожки, на всѣхъ углахъ и тропинкахъ надписи „входъ воспрещается", а на опушкахъ, то и гляди, ѣдетъ лѣсничій съ ружьемъ на велосипедѣ. Ничего-то у нѣмцевъ даромъ не пропадаетъ. И если рядомъ съ полотномъ дороги блеснетъ отраженіе рѣчки — такъ и знайте, пойдутъ на ней разныя плотины и шлюзы, потянутся отъ нея безконечныя канавы на зеленые луга, раскинутся кругомъ осушенные торфяники и болота, а на ней самой при первой возможности водворится длинный рядъ плотовъ, барокъ, пристаней и пароходовъ. Удивительная страна благоустройства и системы. Царство неустаннаго труда, вѣковой выдержки и работы... То же зрѣлище преслѣдуетъ васъ все время за окномъ вашего вагона. Взгляните на эти бѣлыя и твердыя дороги, обсаженныя деревьями, съ канавками по бокамъ, посмотрите, какъ сухи онѣ, не смотря на дождь и слякоть, какъ легко катятся по нимъ эти большіе красивые воза невиданной у насъ формы. И такая дорожка непремѣнно шоссирована, по краямъ лежатъ кучки щебня, безъ перерыва вьется она черезъ поля и лѣса, то взлетаетъ на каменные мосты, то ныряетъ подъ желѣзную дорогу, то перебрасывается черезъ нее по желѣзнымъ или каменнымъ віадукамъ... Я знаю нѣ

мецкую деревню, знаю нѣмецкія поля, лѣса и дороги. Сотни километровъ дѣлалъ я въ разныя стороны на своемъ велосипедѣ, проѣзжалъ и твердыни прусскихъ Rittergutsbesitzer'овъ и швабскія деревни, былъ на берегу Балтійскаго моря и Рейна, и смѣю завѣрить читателя—вездѣ онъ найдетъ тотъ же порядокъ и культуру, вездѣ царствуетъ мирный и систематичный трудъ, вездѣ — безъ перерыва и остатка, вездѣ — съ точностью нарѣзовъ подъ ударами удивительной громадной машины.

Но больше всего, признаюсь, на меня утомительно дѣйствовали нѣмецкіе города и вокзалы. Не смотря на всю свою красивость и историческіе оттѣнки, нѣмецкіе города меня убивали своимъ однообразіемъ, и сразу можно было здѣсь видѣть истинную причину ихъ скучной и прилизанной формы. Отдѣльныя башенки и шпицы положительно тонули среди многоэтажныхъ громадъ, выстроенныхъ вдоль прямыхъ и чистыхъ улицъ, жилая казарма давила здѣсь, словно гигантскій полипъ, всѣ старые домики и виллы, высилась каменной горой въ серединѣ города и на окраинѣ, высылала въ поле свои авангарды въ видѣ пятиэтажныхъ домовъ, красующихся одиноко среди зеленыхъ пригородныхъ полей. Окна и блестящія отъ дождя крыши, мокрыя мостовыя, отражающія по вечерамъ свѣтъ газа или электричества, громадныя сѣрыя стѣны, расписанныя нахальной рекламой и опять окна, и опять крыши и стѣны, улицы, фонари и магазины... И такъ много этихъ городовъ по дорогѣ, и такъ мало деревни отличаются отъ этихъ городовъ: только дома пониже да улицы уже, порой вмѣсто газа горитъ керосинъ... Проѣхали вы одинъ городъ, миновали стѣны и мокрыя крыши, а черезъ пять минутъ ужъ новая деревня, а за ней мѣстечко, а черезъ четверть часа ужъ навѣрно васъ встрѣтятъ опять городъ и фабричныя трубы и затерянный готическій шпицъ, и окна, окна безъ конца... Каменная красивость, механическое великолѣпіе, торжество желѣзнаго порядка, вдавленнаго въ природу рукой безпощаднаго капитализма.

И заключительный аккордъ желѣзнодорожныхъ впечатлѣній не ослабляетъ, а усиливаетъ ихъ. Эти длинныя стальныя змѣи рельсовъ, переплетающіяся на каждой станціи въ непостижимый лабиринтъ, этотъ грохотъ и сила несущихся по всѣмъ направленіямъ локомотивовъ и поѣздовъ, это непрестанное мелканіе телеграфныхъ столбовъ, фонарей, будокъ, семафоровъ, платформъ и складовъ — все это живетъ такой интенсивной, но вмѣстѣ такой спокойной, размѣренной, я сказалъ бы мертвой, жизнью, что невольно вы ожесточаетесь на монотонность формъ и движеній, невольно ищете глазами чего-нибудь въ родѣ русскихъ станцій съ ихъ живописной безпорядочностью, съ шумомъ и гвалтомъ разношерстной и нелѣпой толпы. Здѣсь станціи—какъ сѣрыя каменныя тюрьмы съ рѣшетками и цѣпями, съ сторожами на всѣхъ концахъ, съ подземными ходами и лихорадочной жизнью по ко-

мандѣ, по часамъ и минутамъ. Вы видите все время передъ собой разрозненную толпу подъ предводительствомъ сторожей и служащихъ, которая каждыя двѣ минуты мѣняетъ свой составъ, характеръ, исчезаетъ въ тысячахъ выходовъ и входовъ и нарождается вновь, словно изъ-подъ земли, съ той же лихорадочной дѣловитой поспѣшностью; все размѣрено, все распредѣлено; никто не опаздываетъ, никто не ждетъ; всѣ одинаково одѣты, всѣ дрессированы. Люди превратились въ манекеновъ подстать къ этимъ рельсамъ и паровозамъ, станціоннымъ зданіямъ и рѣшеткамъ. Вы летите часы, и мимо васъ одна за другой безъ конца мелькаютъ сѣрыя станціи, сѣрые люди, сѣрые клубы дыма и разграфленныя поля.

И эти впечатлѣнія не обманчивы. На мокрыхъ поляхъ и дорогахъ, на лѣсахъ и рѣчкахъ, на станціяхъ и городахъ, на всемъ лежитъ печать грандіозной организаціи капиталистическаго хозяйства, вездѣ передъ вами рабочіе батальоны, сжатые желѣзной дисциплиной труда, стиснутые въ рамки изъ камня и желѣза. Равномѣрнымъ, размѣреннымъ ходомъ идетъ и движется колоссальная машина производства, и также размѣрены и однообразны движенія къ нимъ прикованнаго человѣка... Красиво, велико, но мертвенно и страшно. Мертвенно потому, что за машиной не видно человѣка, за чистотой прямыхъ высокихъ стѣнъ стучатъ соціальныя цѣпи, бьетъ каторжный молотъ, замираютъ въ грохотѣ машинъ человѣческая радость и страданія, свободное творчество, алканіе высшей человѣческой правды. Эта организація уже закончена. Въ мельчайшей подробности выработала она свои винтики и гайки, въ удивительномъ совершенствѣ и цѣльности царитъ она въ своей движущейся каменной громадѣ...

И не то тяжко и противно, что такъ стройны ея прямыя и грубыя линіи; не то такъ раздражаетъ и оскорбляетъ чувство, что въ дрессурѣ и однообразіи здѣсь скованы и человѣкъ, и природа. Ужасно то, что торжествующей недвижностью самодовольства запечатлѣно тутъ царство машины надъ человѣкомъ, что средство здѣсь сдѣлалось цѣлью, что въ жертву мертвому всемогуществу механизма принесены здѣсь человѣческіе умъ и сердце, а теплой кровью рабочихъ массъ питается весь этотъ безконечно громадный, такъ методически работающій, такъ неудержимо все подчиняющій себѣ промышленный Левіафанъ—этотъ искусственный звѣрь съ стальными мускулами и электрической душой. За человѣка страшно при взглядѣ на эту такъ точно выведенную каменную тюрьму капиталистическаго хозяйства и „свободной конкурренціи". И нигдѣ не видно выхода изъ застывшей массы кристаллизованнаго капитала. Глухою стѣной отгорожено небо отъ земли, не видно за ними ни звѣздъ, ни солнца... Невольно тянетъ на просторъ къ вольнымъ людямъ, назадъ въ нашу

дикую, но такую живую и пеструю, такую страждущую, но тѣмъ не менѣе на волю рвущуюся родину!

При ближайшемъ знакомствѣ съ нѣмецкими людьми и нѣмецкимъ обществомъ, вы скоро начинаете понимать тѣ тяжелыя ощущенія, которыя такъ неудержимо охватываютъ васъ въ Германіи среди всѣхъ ея культурныхъ приспособленій и техническихъ совершенствъ. Вы начинаете постигать, что съ нѣмцами произошло нѣчто неладное со времени великихъ побѣдъ Вильгельма I, этого „старца-героя", съ эпохи пресловутаго объединенія подъ прусской государственной командой. Подъ стать новымъ небесамъ и новой землѣ, изготовленнымъ по рецептамъ Бисмарка и барона Штумма, здѣсь и впрямь народились новые люди, перелившіе старое филистерство въ новые капиталистически-патріотическіе мѣхи. И если горизонтъ закрытъ здѣсь плотно каменной стѣной, то такую же непроходимую стѣнку найдемъ мы въ громадной части нѣмецкаго общества, уютно расположившейся въ тѣни фабричныхъ трубъ, подъ кровомъ грандіозныхъ зданій, за безчисленными сказами мелькающихъ мимо вашего поѣзда домовъ. По чистенькимъ и до пошлости прямымъ улицамъ ходятъ здѣсь много такихъ же, прямо и просто сколоченныхъ, людей. Самодовольству блестящихъ витринъ вполнѣ отвѣчаетъ у нихъ мелкое тщеславіе узенькой механической жизни. Надъ технически обработанными полями, надъ безукоризненно гладкими дорогами и мостами, надъ всѣмъ этимъ моремъ подстриженныхъ лѣсовъ и по-солдатски выравненныхъ зданій царитъ здѣсь столь же многочисленное и организованное, умытое и причесанное мѣщанство.

Мѣщанство — вотъ слово, отъ котораго врядъ ли когда освободится Германія, которое спеціально у нѣмцевъ и въ особенности теперь имѣетъ такое колоссальное значеніе, налагаетъ свою антихристову печать на такую массу и глупыхъ, и умныхъ головъ. Остановимся нѣсколько на этомъ словѣ, попробуемъ обрисовать хоть краткими чертами среду для его возникновенія, апостоловъ для его пропаганды.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во всякомъ народѣ имѣются опредѣленные задатки мѣщанства, которые прирождены опредѣленнымъ индивидамъ, присущи нѣкоторымъ классамъ общества и расцвѣтаютъ пышнымъ цвѣтомъ въ тѣ эпохи народной жизни, когда верхъ получаетъ мѣщанство par excellence или буржуазія. Но нѣмцамъ нужно отдать во всѣхъ отношеніяхъ пальму первенства. Нѣтъ нигдѣ болѣе „мѣщанскаго" мѣщанства, какъ у нихъ.

И прежде всего нѣмецкая семья. Есть ли гдѣ-либо въ мірѣ болѣе удивительное приспособленіе, гдѣ бы съ большимъ успѣхомъ уродовалась человѣческая личность и чувство, гдѣ бы болѣе старательно обрѣзывались крылья всякой индивидуальности во имя примитивныхъ интересовъ фамильнаго гешефта, а также ближайшей хозяй-

ственной и соціальной среды. Для лица, желающаго постичь всю психологію нѣмецкой семьи и брака, стоитъ только взять въ руки брачную газету „Heiratszeitung“ или прямо объявленія въ одной изъ большихъ берлинскихъ газетъ, чтобы сразу понять тѣ удивительныя рамки, среди которыхъ развивается и блаженствуетъ мѣщанскій духъ нѣмецкаго народа. Обратимся къ послѣднему номеру „Berliner Tageblatt“ и прочтемъ наиболѣе интересныя предложенія вступить въ законный бракъ подъ кровомъ Гименея. Вотъ передъ нами почтенный купецъ 36 лѣтъ, „свободомыслящій еврей“, образованный, обладающій доходомъ въ 6000 марокъ и живущій въ одной изъ столицъ средней Германіи, ищетъ себѣ супругу отъ 25 до 30 лѣтъ, при чемъ обращаетъ главное вниманіе „не столько на внѣшнія преимущества, сколько на добродушный характеръ“. Вотъ другой купецъ, христіанинъ, 32 лѣтъ, изъ лучшей фамиліи желаетъ „вжениться“ въ приносящую хорошій доходъ фабрику или оптовое предпріятіе. Вотъ, далѣе, нѣжный братъ ищетъ для 32-лѣтняго господина „образованную, интеллигентную молодую даму съ веселымъ темпераментомъ“, при чемъ тутъ же прибавляется весьма скромно: „для счастливаго брака требуется отъ 50—60 тысячъ марокъ“. И отъ кавалеровъ не отстаютъ дамы. Для „хорошенькой 19-лѣтней барышни съ приданымъ въ 150 тысячъ марокъ“ требуется супругъ „изъ хорошей семьи и съ хорошимъ характеромъ“. Вдовушки, не уступаютъ дѣвицамъ: „Съ прелестной фигурой, образованная, бездѣтная, любезная и веселая вдова съ состояніемъ, чрезвычайно дѣловитая и хозяйственная, обладающая музыкальнымъ талантомъ, ищетъ для себя пожилого, но состоятельнаго супруга“. Дамъ „съ полненькой фигурой“ смѣняютъ здѣсь „миленькія дамы“ съ „тонкимъ станомъ“. За купцами слѣдуютъ помѣщики, приданое въ 100 тысячъ марокъ смѣняется скромнымъ прилагательнымъ въ 15 тысячъ. Одни желаютъ „блондинокъ“, другіе жаждутъ „представительныхъ брюнетокъ“. Одни расхваливаютъ свои „милыя“, но тѣмъ не менѣе „скромныя манеры“, другіе привлекаютъ къ себѣ какимъ-то удивительно „прекраснымъ характеромъ“, требующимъ себѣ „соотвѣтственнаго вознагражденія“. Наиболѣе характернымъ, впрочемъ, надо считать объявленіе одного господина, обладающаго „честнымъ характеромъ“. Вотъ какъ онъ рекомендуетъ самъ себя. „Въ какомъ производствѣ не хватаетъ солиднаго, проницательнаго мужа—въ дровяномъ, въ строительномъ, въ складѣ матеріаловъ?—Туда готовъ „вжениться“ представительный и образованный холостякъ, 43 лѣтъ, съ лучшими аттестатами и небольшимъ имуществомъ. Однако онъ готовъ отвѣчать только здоровымъ высокопочтеннымъ дамамъ“...

Таковы иллюстраціи современнаго мѣщанскаго брака. И если мы перейдемъ къ самой характеристикѣ нѣмецкой семьи, мы найдемъ настоящую питательную среду мелкихъ страстей и узкихъ

интересовъ, пошлыхъ вкусовъ и дешевыхъ удовольствій. Отецъ съ самаго утра отправляется въ заведеніе или на службу, мать занимается хозяйствомъ, обряжаетъ малыхъ дѣтей, варитъ и стряпаетъ на кухнѣ. При малѣйшей возможности вступаетъ въ различные разговоры съ сосѣдками, ругается съ поставщиками, бѣгаетъ въ лавку за покупками и выторговываетъ тамъ каждый грошъ, каждую копѣйку. Если у „барыни" есть прислуга, то всѣ дѣла справляются вдвоемъ, идетъ опять-таки безконечная болтовня, перемежаемая мытьемъ посуды и вытираніемъ пыли, стиркой мелкихъ вещей и штопаньемъ чулокъ. Если „барыня" состоятельнѣе и можетъ что-нибудь себѣ позволить, она имѣетъ уже двѣ прислуги, и сама не вытираетъ пыли и не готовитъ, но распоряжается тѣмъ не менѣе неустанно всѣми этими дѣлами, а все свободное время наполняетъ рысканьемъ по магазинамъ. Отецъ или приходитъ домой къ обѣду и тогда обязательно брюзжитъ и ворчитъ, пока не приляжетъ отдохнуть или не исчезнетъ въ кафе или пивную. Съ женой онъ почти не разговариваетъ, съ дѣтьми—еще меньше. Онъ пользуется своимъ положеніемъ въ качествѣ главы семьи и присвоеннымъ ему по рангу культомъ. Онъ беретъ себѣ лучшіе куски жаркого, для него готовятся любимыя кушанья, для него вообще существуетъ семья. Его покой и благоденствіе есть величайшая задача жены и дѣтей; въ награду за это онъ иногда беретъ съ собою ихъ всѣхъ въ ресторанъ и всемилостивѣйше жалуетъ имъ или по кружкѣ пива, или по куску пирожнаго...

Дѣти въ семьѣ лично не играютъ никакой роли. Любовь къ нимъ съ успѣхомъ замѣняютъ дешевой сентиментальностью и каторжнымъ накопленіемъ для дѣвочекъ приданаго, для мальчиковъ—оборотнаго капитала. Воспитаніемъ дѣтей никто не занимается, ихъ воспитываетъ среда и школа. Въ этой послѣдней опять-таки высокой педагогіей не задаются, оглушаютъ зубрежкой, практикуютъ весьма грубыя мѣры для увеличенія успѣшности. Дѣвочкамъ даютъ полуобразованіе, мальчиковъ муштруютъ съ чисто практической цѣлью; примѣняются не столько къ индивидуальности учащагося, сколько къ среднему, довольно-таки низкому шаблону. Въ народныхъ школахъ колотушекъ не жалѣютъ, работаютъ при помощи крика и внушеній. Въ мужскихъ гимназіяхъ бьютъ линейкой и воспитываютъ патріотизмъ. Впрочемъ, виноватъ. Религію и патріотизмъ вдалбливаютъ вездѣ. И если дѣвочекъ больше питаютъ патріотическимъ пѣніемъ, то мальчиковъ просвѣщаютъ побѣдами и славою Гогенцолерновъ. Мѣщанская школа дополняетъ мѣщанскую семью. Среда завершаетъ и ту, и другую.

II.

Врядъ ли есть на свѣтѣ общество скучнѣе нѣмецкаго. И притомъ одинаково, какъ среди молодежи, такъ и среди болѣе взрослыхъ элементовъ. Въ собраніяхъ студентовъ пьютъ пиво и поютъ пѣсни, въ обществѣ взрослыхъ гражданъ опять-таки пьютъ пиво и сплетничаютъ. Женщины оживленнѣйшимъ образомъ сообщаютъ другъ другу о цѣнахъ на яйца и на мыло, ругаютъ свою прислугу и восхищаются шляпками и юбками, водворенными на знакомыхъ. Благодаря полному отсутствію какихъ-нибудь высшихъ интересовъ у бюргерской дамы, женщина во всѣхъ своихъ разговорахъ цѣпляется за семейные горшки и кастрюли, „растекается мыслью“ по магазинамъ и дѣтской. Въ лучшемъ случаѣ дѣло идетъ о театрѣ или концертѣ, при чемъ повторяются столь же нелѣпыя, сколь однообразныя восклицанія на тему: „ахъ, это было мило, это было прелестно“. На танцовальныхъ вечерахъ молодежь скачетъ и потѣетъ безъ граціи и безъ искусства; носятся по залѣ, словно табуны юныхъ четвероногихъ, отдающихъ дешевую дань элементарной потребности движенія. Если вы подойдете послушать, что говорятъ старики, то услышите все одно и то же: повтореніе послѣднихъ газетныхъ статей, вычитанныхъ изъ безпартійнаго Local Anzeiger'а, пережевываніе политическихъ шаблоновъ, вялое разсужденіе на тему о разныхъ событіяхъ изъ ближайшаго муравейника.

Сидишь въ такомъ обществѣ и чувствуешь, какъ постепенно заволакивается все какой-то безконечной зеленой слизью, а окружающіе люди превращаются мало по малу въ уродливыхъ моллюсковъ человѣческой породы, которые посажены въ банку съ питательной средой и неустанно роются въ своемъ болотѣ, въ неустанномъ стремленіи размножаться самимъ, создавать изъ окружающей среды мягкій и теплый комокъ навоза, въ которомъ процвѣтаютъ сами, и въ которомъ должны ползать, жить и шевелиться и ихъ внуки, и правнуки. Все направлено здѣсь на чисто-зоологическія потребности и на созданіе для нихъ хозяйственной норки. Мелкіе и трусливые, но завистливые и злые, они безжалостно рѣжутъ другъ друга за мѣстечко пожирнѣе и съ особеннымъ удовольствіемъ усаживаются на трупъ побѣжденнаго соперника и впиваются въ его еще теплое тѣло. Мелкій животный эгоизмъ здѣсь ограничивается такимъ же мелкимъ, стихійнымъ тщеславіемъ. Каждый хочетъ превзойти другого и поразить его, но такъ какъ этимъ занимаются всѣ, то получается стая обезьянъ, изъ которыхъ каждая видитъ только самое себя. Рабы самой жалкой рутины, прикованные своимъ убожествомъ къ тачкѣ грошеваго разсчета, они находятъ наслажденіе въ томъ

чтобы при помощи дешеваго цинизма забрызгать грязною слюною все сколько-нибудь оригинальное и выдающееся. Они хлопаютъ лбами передъ признанными идолами и авторитетомъ и унижаются безъ нужды тамъ, гдѣ прикрѣпленъ какой-нибудь яркій замѣтный ярлыкъ. Только въ своей средѣ, въ средѣ двуногихъ пресмыкающихся человѣческой породы не выносятъ они уклоненій отъ „какъ у всѣхъ“ и загрызаютъ безжалостно всякаго, кто только не успѣетъ отъ нихъ уйти.

Кромѣ пива и общества, эти люди отдаютъ много времени, такъ называемой, „любви“ и эта послѣдняя принимаетъ здѣсь въ высшей степени своеобразныя формы. Она практикуется здѣсь въ видѣ „обрученія“, въ видѣ „содержанства“ и „адюльтера“. Всѣ эти три формы въ средѣ нѣмецкаго мѣщанства получили національную отдѣлку и законченность. Первый институтъ въ особенности поражаетъ всякаго иностранца. Онъ состоитъ въ томъ, что лица, имѣющія намѣреніе жениться вслѣдствіе дѣловыхъ соображеній, готовятъ другъ друга къ браку. Иногда такой же подготовкой занимаются также лица, отнюдь не желающія жениться—ради пріятности. Самая подготовка состоитъ въ слѣдующемъ. Молодые люди начинаютъ сближаться... Но чтобы понять это сближеніе, и въ чемъ оно состоитъ, надо прежде всего отмѣтить, что мѣщанство блудливо до крайности, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ чрезвычайнымъ лицемѣріемъ. Въ силу требованій добродѣтели мужчины и женщины воспитываются въ полномъ раздѣленіи, а дѣвицы, кромѣ того, въ плѣнительномъ и заманчивомъ невѣдѣніи. Молодые люди не смѣютъ подойти къ дѣвицамъ, дѣвицы не смѣютъ взглянуть на мужчинъ и разыгрываютъ дѣтскую наивность. По твердому убѣжденію старшихъ, мужчина не можетъ подойти къ женщинѣ безъ пакостныхъ намѣреній, а женщины, ставшись съ мужчиной вдвоемъ, непремѣнно „падаютъ“. Такова несложная психологія этой „добродѣтели“, этой невинности, „падающей“ въ каждомъ темномъ углу.

Платоническій женихъ получаетъ доступъ къ невинной невѣстѣ. Оба обрученные исполнены полового интереса, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайнаго благоразумія. Невѣста, предвкушая будущую роль, не только подаетъ жениху пальто и калоши, но и совершаетъ съ нимъ пріятныя прогулки и по возможности уединяется. Совершенно не интересуясь психикой другъ друга, эти два пола начинаютъ чисто физическое сближеніе. Они говорятъ другъ съ другомъ мало. Они предпочитаютъ цѣлыми часами молчать, но за то они сидятъ, непремѣнно прижавшись: онъ держитъ ее непремѣнно за руку или за обѣ; онъ буквально прилипаетъ къ ней, а она къ нему, и они такъ ходятъ, сидятъ и гуляютъ, при чемъ это молчаливое сліяніе тѣлъ длится мѣсяцы и годы. И такое времяпровожденіе считается не только позволительнымъ, но и нравственнымъ. Обрученные не прекращаютъ своихъ ма-

невровъ даже на публикѣ. Нечего и говорить, что мѣщанскій разсчетъ всегда скрывается за угломъ этой платонической любви и старательно предусматриваетъ возможность нежелательныхъ послѣдствій. Милыя шалости и ласки здѣсь отнюдь не переходятъ границъ благоразумія и взаимнаго интереса. Въ институтѣ „обрученія" любовь и страсть поддѣлываются длительнымъ и разсчитаннымъ предвкушеніемъ. Это ли не верхъ мѣщанской гадости и добродѣтельнаго порока? Это ли не образецъ наслажденій строго размѣренныхъ по бухгалтерской книгѣ?

Содержанство въ современномъ капиталистическомъ обществѣ также получило надлежащую организацію въ духѣ мѣщанскихъ приличій. Оно получило здѣсь благоустроенную форму въ институтѣ, такъ называемыхъ, экономокъ и хозяекъ у одинокихъ молодыхъ и старыхъ господъ. Это дѣло поставлено на коммерческую ногу и въ одинаковой степени распространено во всѣхъ странахъ современной культуры. Много разсказывать объ этомъ нечего. Точно такъ же не зачѣмъ упоминать, что въ области проституціи и публичнаго разврата Германія стоитъ на ряду со всѣми цивилизованными государствами. Я хочу отмѣтить здѣсь только одну черту нѣмецкаго разврата, которая придаетъ ему на рѣдкость мѣщанскій и грубый характеръ. Я говорю о крайней простотѣ его пріемовъ, о чисто животномъ, зоологическомъ его обликѣ, о крайне дѣловомъ складѣ самаго „гешефта". Пойдите вечеромъ на Friedrichstrasse и прилегающія къ ней улицы, заверните хоть на часъ въ одно изъ обильныхъ тутъ варіетэ, выпейте кружку пива въ ресторанѣ съ женской прислугой или въ одномъ изъ ночныхъ кафэ — и вездѣ поразитъ васъ тотъ примитивный, людоѣдскій характеръ мѣщанскаго разврата, который можно найти въ одной только Германіи. Среди женщинъ, продающихъ себя, вы не найдете тутъ въ громадномъ большинствѣ даже кокотокъ. Это просто толстыя коровы, ожидающія съ тупымъ равнодушіемъ своей судьбы, желающія заработать на себя и на свою хозяйку соотвѣтственный гонораръ. Даже въ варіетэ дѣло поставлено такъ же просто, не смотря на блескъ рампы и примѣсь иностраннаго „товара".

Эти варіетэ безусловно заслуживаютъ болѣе серьезнаго изученія, какъ великолѣпные показатели господства пошлости и дикарства въ современной культурѣ. Я коснусь этихъ учрежденій только слегка, для характеристики мѣщанскаго парнаса. Характерно для этихъ заведеній уже то, что публика въ нихъ сидитъ до крайности спокойно, тянетъ пиво и къ самому посѣщенію „театра" относится, какъ къ нѣкоему дѣлу. Люди пришли сюда за тѣмъ, чтобы отдохнуть и набраться впечатлѣній. На обязанности артистовъ дать эти впечатлѣнія и тѣмъ подвинтить холодную и вялую машину. Наполняющая залъ толпа со слизкими душами поддается впечатлѣніямъ туго. Чтобы расшевелить ее

нужны величайшія усилія. И это совершается. Путемъ головокружительныхъ штукъ съ опасностью для жизни, молодыя акробатки пробираютъ дрожью жирную грудь налитаго пивомъ буржуа. Онъ начинаетъ дѣлать имъ расцѣнку статей, какъ лошадямъ. Какой-то дикій полувенгерскій, полуфранцузскій канканъ цѣлаго выводка южныхъ дѣвицъ, съ визгомъ и гвалтомъ задираетъ ноги, и господинъ Мюллеръ или Шульцъ ощущаетъ трепетаніе подъ ложечкой. Выступаютъ, наконецъ, на сцену толстыя бабы въ одномъ трико и начинаютъ атлетическую борьбу. Красныя и потныя, въ синякахъ, съ лохмами прилипшихъ волосъ на головѣ, онѣ довершаютъ ударъ въ мѣщанскій сердечный департаментъ. Мюллеръ готовъ. Если онъ богатъ, онъ приглашаетъ ужинать одну изъ атлетокъ, если бѣденъ — нанимаетъ корову на Friedrichstrasse.. Жертва музамъ принесена, а ублаготворенный буржуй возвращается въ лоно семьи и къ своему прилавку.

Нѣмецкая Hausfrau имѣетъ такъ же свои удовольствія. Загнанная въ темный уголъ своей кухни, она представляетъ собою только часть мебели въ домашней обстановкѣ, только необходимую живую принадлежность фамильнаго инвентаря. Отсутствіе сколько-нибудь серьезнаго образованія и дрессировка въ домѣ родителей заблаговременно подготовляютъ ее на роль домашняго животнаго у семейнаго очага, гдѣ главной ея обязанностью является скаредничество и бережливость. Нѣмецкая женщина работаетъ, какъ батракъ, но при томъ исключительно въ мелкой области домашняго скопидомства. Въ одномъ мѣстѣ она урѣжетъ, въ другомъ— выторгуетъ, въ третьемъ—сбережетъ, въ четвертомъ—заштопаетъ. Это ея главное призваніе. На ней лежитъ весь домъ, но она въ немъ не столько хозяйка, сколько приказчикъ. Къ ней всѣ обращаются, отъ нея всего требуютъ. Она мечется, какъ сумасшедшая, отъ одной мелочи къ другой, изъ одной крохотной заботы въ другую, вертится, словно бѣлка въ колесѣ, среди жалкой сѣрой повседневности. И только удивительное здоровье германской расы спасаетъ ее отъ окончательнаго сумасшествія въ этомъ болотѣ мѣщанскихъ хлопотъ и нищенскихъ терзаній, только привитая съ дѣтства ограниченность даетъ ей силу не замѣчать этого ада между периной и картофельнымъ супомъ. И замѣчательное дѣло. Къ нѣмецкой женщинѣ съ особымъ упорствомъ прививаютъ и въ ней культивируютъ какую-то искусственную дѣтскость, жеманную наивность самаго дурного вкуса. И въ обществѣ, и по отношенію къ мужу она вѣчно играетъ роль наивнаго глупаго ребенка, не смотря на 30 или 40 лѣтъ за плечами. Получается видъ, словно нѣмецкая женщина нарочно притворяется дурочкой или идіоткой. Она прямо кокетничаетъ своей искусственной глупостью и, желая быть игривой и интересной, принимаетъ тонъ 6-ти лѣтняго младенца. Мужъ, конечно, при этомъ снисходитъ. Отецъ и командиръ, онъ властвуетъ надъ низшей

породой. За нимъ однимъ остается привилегія ума и зрѣлости. Трогательное зрѣлище представляетъ этотъ патентованный авторитетъ и владыка рядомъ съ женщиной, которая, по всѣмъ правиламъ рекрутской школы, прыгаетъ передъ нимъ на манеръ собаченки и дѣланной нѣжностью покупаетъ его благоволеніе. Да, мало удовольствія получаетъ бюргерская Hausfrau у семейнаго очага, и нѣтъ у нея ни времени, ни способности найти что нибудь въ жизни помимо узаконенныхъ предѣловъ. Въ дѣла мужа она не смѣетъ носа совать, интересоваться искусствомъ, наукой, политикой, не смѣетъ въ силу присвоенной ей глупости. музыка допускается только для гостей и пѣніе тоже. Остается одно: вздыхать втихомолку, глядя на проходящихъ гусаровъ, питать мечтою о великолѣпномъ Раулѣ свое ограбленное женское сердце. И на помощь приходитъ чисто нѣмецкій мѣщанскій адюльтеръ. Стиснутая въ своемъ подпольѣ, женщина пользуется буквально каждой щелью, чтобъ хоть на минутку уйти отъ законныхъ ласкъ повелителя. Благодаря сентиментальности и дешевому романтизму, она надѣляетъ перваго попавшагося лейтенанта ореоломъ „милорда аглицкаго" и бросается ему на шею. Естественно, что при интригахъ между варкой кофе и приготовленіемъ бифштекса нельзя быть особенно разборчивой или долго тянуть платоническую канитель. Герой мѣщанскаго романа изъ того же тѣста, какъ и супругъ, и тоже времени даромъ не тратитъ. Ему не нужна любовь, а требуется скорѣйшее достиженіе цѣли. Ему нуженъ не человѣкъ, не женщина, а тѣло. Романъ идетъ весьма реальнымъ путемъ. Случай уноситъ одного героя и замѣняетъ его другимъ, а самый адюльтеръ принимаетъ характеръ привычной порціи рома, которымъ сдабриваетъ по рукамъ и ногамъ скованное существо свой скверный и жидкій семейный бульонъ...

И жалко, и противно, и тяжело. Но черты нѣмецкаго мѣщанства мной не преувеличены. Это цѣлый потокъ мутной среды, который выбился изъ расщелинъ капиталистическаго хозяйства и обмываетъ липкими тяжелыми волнами всѣ устои свободной конкурренціи и частнаго капитала. Именно эта жижа реакціоннаго, индифферентнаго мѣщанства заплываетъ во всѣ втулки и оси общественной машины и придаетъ ей такой спокойный и гладкій ходъ. Отстаиваясь грандіозными пятнами на поверхности жизни, эта маслянистая масса входитъ незамѣтной тягучей струей въ трудовые рабочіе низы и развращаетъ ихъ, подымается по трубамъ соціальнаго строя, утучняетъ почву для „избранныхъ", взращаетъ всяческіе плоды для капиталистически-феодальнаго „благородства". Мѣщанство, это — истинная основа для золотой середины, среда „умѣренности и аккуратности". Мѣщанство, это—милліонная масса людей-гусеницъ, людей-инфузорій, надъ которыми царитъ мѣдный грошъ и сладкая добродѣтель. И въ покойныя, мирныя времена общественной жизни, при внѣшней

законченности соціальнаго строя, при видимой удовлетворенности всѣхъ благонамѣренныхъ элементовъ, растетъ мѣщанство вдоль и въ ширь, сгущается въ компактные темные центры, покрывается корой приличія и благонамѣренной, твердой морали. И какъ цвѣты на глубокомъ зеленомъ болотѣ, появляются на его поверхности то незабудки ревизіонизма, то гіацинты національ-либерализма, то лиліи политики „примѣнительно къ подлости“.

III.

Въ основѣ всякой мѣщанской политики лежитъ несомнѣнно оппортунизмъ. Главной чертой всякаго оппортунизма является безспорно его полное равнодушіе къ разнымъ принципамъ и программамъ: лишь бы въ карманѣ было полно и дома было уютно. Въ виду этого оппортунизмъ по существу не чуждается ни одной изъ партій, начиная съ крайне-правыхъ и кончая крайне-лѣвыми: вѣдь каждая изъ нихъ можетъ послужить въ извѣстный моментъ къ выгодѣ избравшихъ ее приверженцевъ на пользу ихъ карману и карьерѣ. Въ послѣднее время, при чрезвычайномъ ростѣ соціалъ-демократической партіи Германіи, именно ее осчастливили своимъ выборомъ многіе карьеристы и пробуютъ за счетъ рабочихъ массъ создать себѣ безъ особаго труда и почетъ, и положеніе, и доходное мѣсточко. Вторженіе мѣщанскихъ оппортунистическихъ элементовъ въ нѣмецкую рабочую партію есть фактъ величайшей важности, и при томъ фактъ, въ высшей степени бросающійся въ глаза. Такъ ярка здѣсь противоположность между идеализмомъ рабочихъ массъ и махинаціями пѣнкоснимателей, такъ рѣзко выдѣляются здѣсь эти игриво-легкомысленныя, сверкающія сусальнымъ золотомъ фразы вождей изъ числа, такъ называемыхъ, „академиковъ“.

За крайнимъ недостаткомъ редакторовъ и сотрудниковъ для партійныхъ журналовъ, составителей летучихъ листковъ, ораторовъ на собраніяхъ, довѣренныхъ партій и даже депутатовъ въ различныхъ представительныхъ учрежденіяхъ, такіе приходящіе къ партіи „академики“ слишкомъ скоро занимаютъ въ партіи выдающіяся мѣста, получаютъ даже депутатскіе мандаты и, такимъ образомъ, начинаютъ играть роль духовныхъ вождей и опекуновъ партіи, что имъ порой совсѣмъ не пристало. Такъ появляются среди рабочихъ люди, которые, по удачному выраженію Бебеля, „слишкомъ скоро забываютъ то, чему они выучились въ качествѣ соціалъ-демократовъ“, начинаютъ „болѣе или менѣе вѣрить, что они именно прирожденные вожди пролетаріата“, что, наконецъ, „пролетаріи должны гордиться той честью, которую они имъ оказываютъ, если принимаютъ отъ нихъ мандатъ“.

Мѣщанская мораль этихъ карьеристовъ нашла великолѣпное

выраженіе въ пресловутой статьѣ о партійной морали, помѣщенной въ свое время въ журналѣ оракула бюргерства Максимиліана Гардена. Никакой мыслящій человѣкъ не продается партіи „съ кожей и костями“, говорится тамъ. „Онъ знаетъ, что приверженцы партіи только еще недавно выдѣлились изъ массы и несутъ еще на себѣ слѣды своего происхожденія; съ полнымъ сознаніемъ, поэтому, направляетъ онъ сообразно съ этимъ свою рѣчь и молчаніе. Вѣдь и незрѣлымъ дѣтямъ умалчиваютъ родители и учителя кое о чемъ, рисуютъ кое-что, хотя бы съ цѣлью упрощенія, нѣсколько иначе, чѣмъ они видятъ въ дѣйствительности— и никто не называетъ ихъ за это лгунами. Политическій педагогъ долженъ считаться съ тѣмъ, что большинство его партійнаго стада живетъ, въ созданныхъ массовымъ воспріятіемъ представленіяхъ, въ состояніи дѣтства, и что безъ этой массы нельзя обойтись въ борьбѣ. Движущіе факторы исторіи, это—силы, независимыя отъ человѣческой воли, и ихъ орудіемъ являются массы. Темныя влеченія принуждаютъ ихъ дѣлать то, что болѣе сознательному разуму предуказываетъ линія развитія. Въ эти волнующіяся массы падаютъ сѣмена идейнаго посѣва, бросаемыя отдѣльными индивидами. И только когда почва уже подготовлена и позволяетъ достигнутая ступень развитія, посѣвъ всходитъ, и масса принимаетъ отдѣльныхъ лицъ, какъ руководителей своей судьбы. Если эти условія не существуютъ, масса поглощаетъ индивида, котораго она еще не можетъ понять“. Такъ рисуетъ журналъ отношенія массы къ партіи и къ вождямъ, и вполнѣ естественно, что изъ такого пониманія этихъ отношеній необходимо выростаетъ для вождей обязательность іезуитской морали. Итакъ: „Цѣль освящаетъ средства. Я знаю, эту іезуитскую мораль отбрасываетъ отъ себя всякій человѣкъ, который хочетъ сохранить свою добрую репутацію. И, однако, это слово имѣетъ свое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣческій міръ; и только съ этимъ міромъ оно погибнетъ. Гартъ порицаетъ, что вожди партій даютъ въ частномъ кругу объективныя рѣшенія относительно событій дня и мѣропріятій въ собственной партіи, а затѣмъ публично говорятъ совершенно иначе. Этотъ фактъ безусловно справедливъ. Но Гартъ заблуждается, когда онъ думаетъ, что это происходитъ ради массы: это происходитъ ради цѣли“ . . . „Отдѣльныя положенія программы каждый считаетъ второстепенными, можетъ быть, даже ложными. Однако выше, чѣмъ слово, для него стоитъ духъ. И развѣ уже ложь подобное reservatio mentalis? Я думаю—нѣтъ. Я вижу, что друзья стоятъ въ битвѣ. Я вижу, также, они сдѣлали ошибку, и я порицаю ее. Но неужели я долженъ въ силу этого вносить смятеніе въ ихъ ряды, отнимать у нихъ радостную увѣренность? Одно мгновеніе я колеблюсь. Но я понимаю, что тогда ворвется врагъ, и я еще дальше, чѣмъ прежде, буду отъ намѣченной цѣли: и такъ какъ я

стремлюсь къ цѣли, то я долженъ идти впередъ, я не могу не отстать, ни ослабить своихъ товарищей"... Итакъ, цѣль оправдываетъ средства и при помощи двойной игры вождей создается изъ „темной массы", обуреваемой „тупыми" инстинктами, партія. Но даже и послѣ того, какъ она создалась, вожди не должны нарушать мирныхъ ея заблужденій и благонамѣренныхъ самообольщеній. Разъ партія „создалась, то каждый принадлежащій къ ней индивидъ получилъ, благодаря этому, болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о своей жизненной задачѣ и цѣли: неужели же вожди должны разрушить это чувство счастья придирками и сомнѣніями и толкнуть обратно въ душное существованіе массъ тѣхъ людей, жизнь которыхъ только что начала получать содержаніе,—и все это только потому, что вожди не могутъ перенести чувства тяжести, ощущаемаго ихъ культурной душой, если они не всегда могутъ говорить полную правду и кое о чемъ должны умолчать? Вѣдь не только единицы пострадали бы отъ такихъ дѣйствій; нѣтъ, здѣсь была бы убита самая идея, которая, при помощи массы, могла бы стать живой дѣйствительностью".— Такъ одинъ изъ „товарищей" соціалъ-демократіи „защищалъ" ея мораль отъ нападеній противниковъ въ одномъ изъ наиболѣе враждебныхъ партіи журналовъ бюргерской лѣвой, и вполнѣ понятно, что подобная защита вызвала бурю негодованія и цѣлый рядъ горькихъ и справедливыхъ упрековъ со стороны партіи по адресу тѣхъ „академиковъ", которые идутъ къ ней ради положенія и карьеры и очень скоро забываютъ не только объ „отдѣльныхъ пунктахъ" программы, но и о простой партійной порядочности.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что соціалъ-демократія преслѣдуетъ серьезныя воспитательныя цѣли. „Я первый готовъ признать — говорилъ еще Лассаль, — что никакое соціальное улучшеніе не стоило бы потраченнаго на него труда, если бы послѣ него—что къ счастью совершенно невозможно—рабочіе остались бы такими же, какими въ большинствѣ они являются въ настоящее время". Такое же просвѣтительное дѣйствіе соціалъ-демократіи признавалъ въ свое время и покойный Либкнехтъ, когда онъ не только провозгласилъ въ 1890 г. на партейтагѣ партію рабочихъ—„партіей научнаго соціализма", стоящей „на почвѣ науки", но и выставлялъ „первой" ея „обязанностью", „несеніе знаній въ народъ". „Въ знаніи сила", говорилъ этотъ замѣчательный „академикъ" партіи: „и если бы нѣмецкіе рабочіе не получили при помощи соціалъ-демократіи великаго количества знаній и свѣдѣній", то они „не могли бы выдержать борьбы противъ закона о соціалистахъ и духовно превозмочь своихъ враговъ". Самая программа партіи въ силу этого должна была „стоять на высотѣ науки", должна была быть проникнута „духомъ партіи, которая знаетъ, что она не по произволу и не благодаря случаю сдѣлалась тѣмъ, что она есть". И не только на „исторической необходимости"

обосновывалъ старый Либкнехтъ свою партію. „Развѣ мы не обладаемъ тѣмъ, что составляетъ силу всякой религіи, т. е. вѣрой въ высочайшіе идеалы?—говорилъ онъ.—Развѣ въ соціализмѣ нѣтъ высшей нравственности: безкорыстія, самоотверженія, любви къ ближнему? Когда мы при господствѣ закона о соціалистахъ приносили съ радостью величайшія жертвы, отдавали на раззореніе свои семьи и теряли средства существованія, годами разлучались съ женами и дѣтьми для того, чтобы служить дѣлу, развѣ это не было тоже религіей... религіей человѣчества? Это была вѣра въ побѣду добра и идеи; непоколебимое убѣжденіе, твердая, какъ скала, вѣра въ то, что право побѣдитъ, а неправо обречено на погибель. И эта религія насъ никогда не покинетъ, такъ какъ она составляетъ съ соціализмомъ единое цѣлое". Когда однажды, во время обсужденія закона о соціалистахъ, депутатъ Бамбергеръ замѣтилъ въ рейхстагѣ, что „у соціалъ-демократовъ есть еще вѣра", то тотъ же Либкнехтъ отвѣтилъ ему полнымъ согласіемъ: „Да, у насъ есть еще вѣра — мы знаемъ, что мы покоримъ міръ!"

Таковы духовныя основы соціализма, и понятно послѣ этого, что во время борьбы въ рейхстагѣ противъ закона Гейнце, грозившаго во имя полиціи нравственности убить всякую науку, литературу и художество, именно соціалисты шли во главѣ оппозиціи и всѣми силами отстаивали эти высшія блага современной культуры отъ лицемѣрной опеки полицейской морали. Какъ тогда же писалъ проф. Дельбрюкъ: „блестящій походъ вела теперь соціалъ-демократія противъ lex Heinze... Искусство, наука, образованіе въ Германіи должны были бѣжать подъ крыло соціалъ-демократія... Мы дошли уже до того, что безъ этой партіи мы не можемъ болѣе обойтись". Только необходимымъ выводомъ изъ духовныхъ основъ соціализма становится то стремленіе современной общественной науки и молодой философіи, которое самый соціалистическій строй будущаго дѣлаетъ средствомъ для воплощенія высшихъ нравственныхъ цѣлей человѣчества. Такъ, Антонъ Менгеръ въ своемъ „новомъ государственномъ ученіи" не что иное считаетъ „идеаломъ" будущаго „народнаго государства рабочихъ", какъ „совершенство мышленія, дѣйствія и воспріятія широкихъ народныхъ массъ, ихъ интеллектуальное, нравственное и эстетическое воспитаніе". Такъ, молодой философъ Койгенъ въ выпущенной имъ книгѣ съ предисловіемъ Эд. Бернштейна только отъ соціализма ожидаетъ новаго возрожденія культуры, новой религіи „идеализма дѣйствительности" и созданія новой истинно свободной личности „человѣка ренессанса".

Высокія нравственныя задачи ставитъ себѣ соціалъ-демократія, великимъ идеализмомъ проникнуто ея поступательное движеніе; чрезвычайнаго напряженія силъ требуетъ она для воплощенія своего далекаго идеала. Но это—не извнѣ навязанныя ей цѣли

и задачи; ея путь—не путь школьной учебы и мѣщанской дрессуры; ея силы не въ особыхъ свойствахъ поставленныхъ надъ нею „идоловъ“, не въ мудрости „академиковъ“, не въ руководствѣ „сверхъ-человѣковъ“. Нѣтъ,—сила соціалъ-демократіи не въ этомъ. И, воистину, нельзя было менѣе понять ея правственную сущность, нельзя было болѣе наивно и пошло дискредитировать ея строй и принципы, какъ это сдѣлалъ Бернгардъ со своей чисто бюргерской „партійной“ моралью. Глубоко правъ былъ вѣчно юный Бебель, когда онъ заклеймилъ въ дрезденскомъ Тріанонѣ всю низменность подобныхъ разсужденій и, слѣдующимъ образомъ, резюмировалъ ихъ сущность: „этимъ вѣдь ясно сказано: масса, это—жалкая чернь,—misera plebs римскихъ патриціевъ, это та масса, надъ которою при встрѣчѣ авгуры смѣются. Да, она достаточно хороша для работы, для агитаціи, для платежа пошлинъ, для голосованія, но въ остальномъ—она партійное стадо, она—дитя, которому нельзя всего сказать, что думаешь. А вожди партіи, это - ницшеанскіе сверхъ-человѣки, мужи силы, которые все знаютъ, все видятъ и все проницаютъ, они земное провидѣніе товарищей по партіи, имъ принадлежитъ предводительство, такъ какъ масса не въ состояніи руководить сама собою“. Такое представленіе о соціалъ-демократіи, это—прямо „издѣвательство“ надъ нею. „Кто у насъ хочетъ быть вождемъ“, говорилъ тотъ же Бебель: „тотъ долженъ дѣйствовать не такъ, какъ онъ хочетъ, а какъ хочетъ партія. Онъ долженъ то выполнить, къ чему стремится масса, что она чувствуетъ и думаетъ. Вожди—орудія партіи, а не генералы и командиры, которые говорятъ: „мы идемъ впередъ, а вамъ остается только насъ слушаться“. Эту же точку зрѣнія проводилъ маститый вождь народной партіи и въ другихъ своихъ рѣчахъ на партейтагѣ, когда онъ упрекалъ своихъ сотоварищей въ томъ, что они „потеряли соприкосновеніе съ душой партіи“. Именно тѣмъ, что самъ онъ до сихъ поръ „стоитъ въ полномъ согласіи съ массами, изъ которыхъ онъ вышелъ“,—объяснялъ Бебель свое положеніе въ партіи и не безъ справедливой гордости привелъ отзывы враговъ, которые говорятъ: „Да, вотъ старый Бебель, съ которымъ ничего не подѣлаешь,—за нимъ стоятъ массы“!

Но поскольку мѣщане въ соціалъ-демократіи проповѣдуютъ необходимость надлежащаго командованія надъ „темными массами“, постольку же, съ другой стороны, они готовы подъ видомъ ревизіонизма отказаться отъ всякой принципіальной политики и тактики пролетаріата. Облегчивъ „партійное стадо“ отъ всякихъ непосредственныхъ заботъ о высшихъ матеріяхъ, наши оппортунисты въ свою очередь не желаютъ особенно безпокоиться или страдать подъ вліяніемъ неумѣренности пролетарскихъ требованій, революціоннаго характера ихъ программы. Занявъ среди партіи хорошіе посты и успокоившись сами, они

вполнѣ естественно желаютъ, чтобы массы тоже особенно не безпокоились, а изучили бы получше великую добродѣтель терпѣнія и скромности. На мѣсто политики у нихъ наступаетъ дипломатія, на мѣсто мужественной борьбы — торгашество и гешефтмахерство. Какъ прекрасно замѣтилъ Бебель въ свое время, „ревизіонизмъ отличается прежде всего своей великой скромностью. Это даже его основной признакъ. Ничтожной малостью онъ уже доволенъ, только бы не надоѣдать, только бы не возбуждать, только бы не поднять за собою массы...“ „Только тихо, тихо. Только, пожалуйста, безъ шума; а если пошумѣть, то за закрытыми дверями. Мы уже будемъ знать, какъ повернуть дѣльце, какъ не потревожить массъ, чтобы не разстроить наши выкладки... Чѣмъ скромнѣе мы будемъ, тѣмъ легче мы побѣдимъ... Ахъ, не такъ скоро. Не надо надоѣдать. И если ревизіонисты не говорятъ, то, по крайней мѣрѣ, думаютъ: массы еще не созрѣли“. „О, - восклицаетъ—Бебель, это мелочная точка зрѣнія, это узость, это трезвенность, это вѣчное успокаиваніе, отлыниваніе, политиканство, улаживаніе!“ „Естественно, что на сторонѣ нашихъ ревизіонистовъ весь государственный геній“ и „дипломатическая ловкость“; а тутъ къ нимъ присоединяются еще „хитрецы“, которые сначала все прислушиваются: „какъ-то обстоятъ дѣла тамъ, какъ дѣла тутъ?“ „Они всегда разнюхиваютъ, гдѣ большинство, и тащутся съ нимъ. Этого сорта люди имѣются и въ нашей партіи...“ Этихъ товарищей должно изобличать...

Слабость, вотъ слово, которое воистину должно быть огненными буквами отмѣчено въ словарѣ человѣчества! Слабость, — она все объясняетъ, все оправдываетъ, все извиняетъ. Злыхъ и, при томъ, послѣдовательно, принципіально злыхъ очень мало. Такая злость имѣетъ свою логику. Она ненавидитъ человѣчество и презираетъ его. Она мститъ ему за его ничтожество и знаетъ, чего хочетъ. Она пользуется каждымъ случаемъ, чтобы прибавить еще каплю страданія къ тому океану человѣческаго горя, которое и такъ со всѣхъ сторонъ заливаетъ его. Но человѣконенавистничество есть своего рода сила. Оно знаетъ своихъ враговъ и борется съ ними. Оно примѣняетъ грубое насиліе тамъ, гдѣ увѣрено въ успѣхѣ; оно прибѣгаетъ къ клеветѣ и хитрости, гдѣ надо убить моральный авторитетъ или ореолъ идеи. Унизить, развратить, лишить воли и чести, обратить людей въ дикое и безсмысленное стадо, наложить на него клеймо своей корыстной воли и запречь его въ колесницу пошлыхъ инстинктовъ и неустаннаго труда — таковы цѣли и стремленія истинной злобы принципіальнаго человѣконенавистничества!— Но не такова слабость. Она подкрадывается, какъ воръ, и нападаетъ съ тылу. Она предаетъ со слезами и съ сожалѣніемъ о своей жертвѣ. Она вся во власти обстоятельствъ и носитъ обликъ тихаго, ласковаго и даже добраго существа. Но она никогда не

знаетъ, что она сдѣлаетъ съ тѣмъ, кого заключаетъ въ свои объятія—зарѣжетъ ли она своего возлюбленнаго брата и друга,—ибо для нея всѣ друзья и нѣтъ различія между людьми, такъ какъ нѣтъ принципа и критерія для суда — или обольетъ его своей безконечной любовью. Одного только слабость не любитъ,—это гласности и шуму. Она скрывается въ тинѣ общественной жизни и не любитъ, чтобы ее безпокоили, она не любитъ и безпокойныхъ: „Тишь да гладь, да Божья благодать“ — чего лучше. Въ тишинѣ ей спокойнѣе. Тамъ не замѣтны позорныя пятна подъ складками ея одѣянія; она можетъ даже прослыть за совсѣмъ приличное существо. Въ тишинѣ она покойно ткетъ свою паутину и потихоньку опошляетъ, укорачиваетъ и подрѣзаетъ все, къ чему прикасается.

Но наступаетъ моментъ разсчета. Спрятанная подъ тиной стоячаго болота, слабость вдругъ ощущаетъ приближеніе грозы. Подъ ударомъ соціальной непогоды рвутся болотныя травы, исчезаетъ тина и выносятъ на берегъ всю скрытую грязь непокорныя волны. Вожди и герои, политики и ревизіонисты оказываются просто на просто ничтожными людьми, жалкимъ порожденіемъ мѣщанской слабости и пошлаго разсчета. Отъ ихъ политики не остается ни слѣда, рушится безъ остатка хитросплетенное зданіе интригъ и одолженій, компромиссовъ и всяческихъ уступокъ. Наступаетъ моментъ, когда не на словахъ и не въ уютномъ кругу пріятелей и друзей, не на спокойной каѳедрѣ призваннаго учителя партійнаго „стада“, а на дѣлѣ, цѣной своего благополучія и покоя, цѣной своей жизни и будущности приходится доказать свою вѣрность партіи и ея программѣ, свое право на занятое среди партіи мѣсто. И тутъ-то происходитъ великое чудо. Тотъ, кто еще вчера такъ красно говорилъ объ интересахъ цѣлаго, о благѣ общемъ, сегодня прячется за ширму личной морали и требуетъ для себя „свободы“ отъ партійнаго долга и партійной морали. Внезапно исчезаютъ куда-то великіе пріемы государственной политики, высыхаетъ дипломатическій жаръ, пропадаютъ въ неизвѣстность великая мудрость и велѣніе „цѣлесообразности“. Оказывается, что „все это было хорошо для украшенія „ревизіонизма“, но совсѣмъ не годится для того, чтобы избавить героя отъ необходимости „показать свой цвѣтъ“ (die Farbe zu bekennen), отъ перспективы жертвъ, непріятности и страданій. И тогда нашъ политикъ изъ руководителя темнаго „стада“, изъ мудраго апостола дипломатическихъ компромиссовъ превращается сразу въ то, съ чего бы надо было начать, въ такъ называемаго „идеалистическаго индивидуалиста“.

Припертый къ стѣнѣ, дѣлецъ мѣщанскаго пошиба прячется отъ политики за личную мораль, разъ только политика становится непріятной, и провозглашаетъ столь возлюбленный въ буржуазномъ обществѣ принципъ „нравственной автономіи лич-

наго поведенія". Это то извращеніе ничшеанства, которое вырождается въ полную свободу отъ какой-либо нравственности, въ совершенную анархію воли и распущенность. Несправедливо, конечно, приписывать Ничше отвѣтственность за подобное ничшеанство. Въ этомъ замѣшано слишкомъ много глубокихъ и серьезныхъ соціальныхъ причинъ, на которыхъ мы въ настоящее время не считаемъ возможнымъ останавливаться. Но фактъ остается фактомъ. Столь прекрасно звучащая полная нравственная автономія личности приводитъ здѣсь только къ оправданію всякаго этическаго содержанія во имя формальной автономіи воли. И на этомъ-то принципѣ построена та удивительная система нравственной безотвѣтственности и „терпимости", которая господствуетъ въ бюргерскомъ обществѣ и даетъ ему возможность быть открыто безнравственнымъ, сохраняя въ то же время всѣ услады жизни, присвоенныя каждому моральному и порядочному буржуа. Формула этого широкаго всепрощенія весьма характерна. Она родилась еще въ XVII вѣкѣ вмѣстѣ съ рожденіемъ политически мощной буржуазіи и съ тѣхъ поръ благосклонно прикрываетъ собою всѣ грѣхи и грѣшки властвующаго класса. Формула эта гласитъ: „Tout comprendre tout pardonner!" (все понять—все простить). Это основа типичной буржуазной морали, разсуждающей не о дѣлахъ, а только о мотивахъ. „Все понять" — это значитъ убѣдиться въ томъ, что данное лицо поступило согласно мотивамъ, которые въ данной моментъ оно само считало нравственными... Совершенно естественно вмѣстѣ съ тѣмъ, что каждый, желающій оправдать свое дѣяніе, найдетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всегда соотвѣтственные мотивы, которые съ его точки зрѣнія совершенно прикроютъ принципомъ „автономной" морали всякую гадость, какую бы данное лицо ни учинило. „Все простить"—это значитъ: послѣ совершившагося такимъ путемъ оправданія даннаго лица войти опять съ нимъ въ сношенія, какъ съ безупречнымъ и нравственнымъ членомъ общества.—Полное отсутствіе общественной отвѣтственности въ области моральнаго дѣланія— таково неизбѣжное дополненіе quasi-ничшеанской буржуазной морали, и вполнѣ естественно, что съ провозглашеніемъ индивидуальной автономіи всякій членъ рабочей партіи совершенно освобождаетъ себя отъ всѣхъ нравственныхъ обязательствъ по отношенію къ партійной программѣ, снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность передъ тѣми людьми, довѣріемъ которыхъ онъ купилъ себѣ и положеніе, и мѣсто, обогнавъ своихъ бюргерскихъ конкуррентовъ.

Такъ все это просто и легко. И если къ такой морали рискуютъ прибѣгать люди, принадлежащіе къ соціалъ-демократической партіи, гдѣ такъ сильна нравственная связь ея членовъ и господствуетъ такая строгая дисциплина, гдѣ, наконецъ, такъ развито классовое сознаніе, то можно себѣ представить, что дѣлается

среди бюргерскихъ партій, гдѣ политика мѣщанства не встрѣчаетъ никакихъ серьезныхъ преградъ и препятствій!..

IV.

Нѣмецкій либерализмъ послѣдняго времени стяжалъ себѣ въ этомъ отношеніи незавидную славу. Отбросивъ принципы и партійный ригоризмъ, мѣщанскіе либералы поставили на ихъ мѣсто пресловутую цѣлесообразность, а такъ какъ „цѣли" этой послѣдней весьма туманны и ограничиваются, съ одной стороны, страхомъ за свой покой и благополучіе, а съ другой—рабскимъ преклоненіемъ передъ всяческимъ начальствомъ, то и получается та печальная картина постоянныхъ колебаній и компромиссовъ, которые еще такъ недавно дали блестящій образецъ плачевнаго самоуниженія. Мы говоримъ здѣсь о поведеніи свободомыслящихъ по вопросу о торговыхъ договорахъ, недавно принятыхъ германскимъ рейхстагомъ.

Депутатъ рейхстага Готгейнъ слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ въ своей резолюціи, предложенной общему собранію либераловъ избирательнаго округа, эти договоры о „хлѣбномъ ростовщичествѣ". „Теперешняя торговая политика, принятая въ нарушеніе права на основаніи тарифа 1902 года, въ настоящее время привела къ выработкѣ торговыхъ договоровъ, предложенныхъ рейхстагу. Благодаря этой торговой политикѣ, дорожаетъ хлѣбъ у широкихъ народныхъ массъ, прежде всего рабочихъ, и это совершается въ интересѣ немногихъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Возрастаніе ренты крупнаго землевладѣнія содѣйствуетъ въ свою очередь расширенію крупнаго сельскаго хозяйства за счетъ крестьянскаго земледѣлія. Въ области промышленнаго производства эта политика ведетъ къ условіямъ, которыя тяжело угрожаютъ общему благу. Пошлины на сырые продукты и полуфабрикаты способствуютъ дѣятельности такихъ картелей, благодаря коимъ у обрабатывающей промышленности возрастаютъ издержки производства. Въ то же время наша вывозная промышленность подвергается опасности со стороны боевого тарифа за границей, направленнаго противъ нашихъ аграрныхъ пошлинъ. Цѣлыя отрасли промышленности идутъ на встрѣчу полному уничтоженію; у средняго класса вздорожаютъ его условія существованія, а его условія заработка будутъ сильно повреждены нездоровымъ движеніемъ концентраціи. При этой политикѣ рабочій, при уменьшившейся заработной платѣ, долженъ будетъ оплатить возросшія цѣны на продукты питанія; промышленность перенесетъ свои центры за границу; капиталъ и трудъ уйдутъ изъ страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ погребено благосостояніе Германіи". Какъ уже знаютъ читатели „Русскаго Богатства" въ этомъ

проектѣ резолюціи свободомыслящаго депутата нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія и, казалось бы, не должно было возникнуть никакихъ сомнѣній относительно того, принять ли или отклонить торговые договоры, по крайней мѣрѣ насколько дѣло шло о голосахъ крайней бюргерской лѣвой.

Но мѣщанство побѣдило. Не смотря на то, что, помимо свободомыслящихъ голосовъ, у правительства было вполнѣ обезпечено большинство изъ консерваторовъ, центра и націоналъ-либераловъ, а слѣдовательно, хлѣбныя пошлины были бы приняты все равно и безъ голосовъ крайней лѣвой; не взирая на то, далѣе, что, въ случаѣ провала договоровъ, правительство никогда не рѣшилось бы прибѣгнуть къ такому автономному тарифу на свой страхъ и рискъ— значительная часть „Freisinnig'овъ" испугалась. Они испугались по знаменитой формулѣ всякой мѣщанской политики: „а, вдругъ!.." И хотя на упомянутомъ уже собраніи либераловъ была принята громаднымъ большинствомъ резолюція противъ хлѣбныхъ пошлинъ и торговыхъ договоровъ, тѣмъ не менѣе уже тамъ почувствовалось знаменитое „а, вдругъ!"—А вдругъ реакціонное большинство окажется слишкомъ малымъ, и консерваторы съ центромъ не сумѣютъ провести ростовщическаго закона. А вдругъ тогда правительство разсердится на парламентъ и устроитъ еще что-нибудь хуже. А вдругъ на почвѣ автономнаго тарифа начнется таможенная война, и капиталъ потерпитъ большіе убытки, чѣмъ теперь при хлѣбныхъ пошлинахъ. А вдругъ... Боже мой, да всего и не перечислишь, что показалось представителямъ бюргерской лѣвой, этимъ носителямъ буржуазнаго демократизма. Свободомыслящіе отличились; изъ страха, что провалятся эти аграрные враждебные народу, договоры, они, за немногими исключеніями, пустились бѣжать скорѣй на помощь туда, гдѣ случайно могла оказаться недохватка консервативныхъ или клерикальныхъ голосовъ. Скорѣе—въ лакейскую къ правительству и аграріямъ! Скорѣе обезпечить реакцію отъ отдаленной возможности неуспѣха. Что до того, что на дорогѣ стоятъ собственные, столь торжественно провозглашенные когда-то принципы. Къ чему вѣрность убѣжденіямъ и идеаламъ? Чего думать о народномъ благѣ, когда на стѣнѣ размалеваны такія страшныя чудовища автономнаго тарифа и таможенной войны? Какое дѣло до голодающихъ бѣдняковъ, до ихъ страданій и грозящей нужды?—Только бы господа капиталисты не пострадали слишкомъ сильно, только бы имъ хоть сколько-нибудь сухими выйти изъ воды!

И меньше всего такимъ демократамъ и радикаламъ могла помѣшать въ ихъ пошломъ мѣщанскомъ страхѣ ихъ отвѣтственность передъ избирателями. Въ засѣданіи 22 февраля настоящаго года, они въ этомъ отношеніи устроили Kunststück, который чрезвычайно рѣдокъ въ исторіи парламентаризма. Выступая открыто противъ тарифа, они вмѣстѣ съ тѣмъ голосовали за него. Отвѣт-

ственность съ себя они при этомъ сбросили, подобно Пилату, и предали народныя массы на голодъ и скорбь, умывая въ чистой водицѣ свои бѣлыя ручки. Уже членъ народной партіи Кэмпфъ далъ ясно понять, что демократы вотируютъ за тарифъ „съ тяжелымъ сердцемъ", только для того, чтобы аграріи не навязали правительству иначе еще худшихъ пошлинъ. И для полной красоты своихъ выводовъ Кэмпфъ прибавилъ: „мы никогда не перестанемъ вести борьбу противъ той торговой политики, которая наградила насъ этимъ договоромъ. Противъ нея мы будемъ бороться изо всѣхъ силъ". И въ томъ же измѣнническомъ духѣ заявилъ 22 февраля и г. Момзенъ младшій. „Я, съ частью моихъ друзей, будемъ, не смотря на весьма тяжкое внутреннее противорѣчіе, голосовать за эти договоры, такъ какъ мы не можемъ принять на себя отвѣтственность за ту неопредѣленность, которая водворилась въ послѣдніе годы... Мы не можемъ долѣе выносить ее... Кто отвергаетъ договоры, тотъ принимаетъ на себя отвѣтственность — если даже большинство голосуетъ за договоры—за то, что могло бы послѣдовать въ случаѣ, если бы ихъ отклоненіе повело за собой введеніе нѣмецкаго таможеннаго тарифа". Такъ говорилъ Момзенъ младшій и, увы! этотъ малый сынъ великаго отца далеко не измѣнилъ тактикѣ и „пріемамъ своего родителя". Это было въ 1884 году, разсказываетъ Бернштейнъ, „когда старый Момзенъ на собраніи въ Кобургѣ выразился очень рѣзко противъ продолженія закона о соціалистахъ". Однако, этотъ демократъ, заплатившій въ 1848 году своей карьерой за свободу Германіи, прибавилъ немедленно: „но такъ какъ правительство объявляетъ этотъ законъ необходимымъ, то посему буду и я голосовать за продленіе закона о соціалистахъ, но отвѣтственность за это я складываю съ себя на правительство"...

Какъ мы видимъ, мѣщанская мораль съ успѣхомъ приходитъ на помощь мѣщанской политикѣ. Языкомъ своихъ трибуновъ говоритъ сама мѣщанская Германія, та многоголовая масса успокоившейся буржуазіи, которая такъ плотно усѣлась на подкожномъ жирѣ новой имперіи. Каждая эпоха, со своей законченной соціальной и экономической системой, стремится къ самоутвержденію. Этотъ процессъ въ мѣщанской Германіи превратился въ процессъ самоожирѣнія и грозитъ размягчить мускулы національной мощи, проклеить сосуды, наполненные пролетарской кровью, пластами мягкой разслабляющей пошлости. Подъ охраной капиталистическаго „порядка", подъ командой высоко добродѣтельныхъ „стражей отечества", этотъ процессъ мѣщанскаго ожирѣнія, несомнѣнно, долженъ развиваться все болѣе и болѣе: въ Германіи такъ стало уютно и мирно въ послѣднее время. Африканская война не производитъ на организмъ имперіи никакого ощутительнаго дѣйствія. Соціальную борьбу удалось ввести въ упорядо-

ченныя рамки, и даже среди самой соціалъ-демократіи кое-гдѣ появился жирокъ мѣщанскаго оппортунизма, то подъ флагомъ ревизіонистовъ, то экономическихъ задачъ нѣмецкихъ тредъ-юніоновъ. Все стало такъ хорошо въ этомъ „лучшемъ изъ міровъ", а перуны бюргерскаго гнѣва и общественнаго негодованія не только оказались сданными на храненіе въ берлинскій цейхгаузъ, но и перестали за негодностью примѣняться даже въ тѣхъ случаяхъ, которые мы уже привели выше. Тишь да гладь, да Божья благодать. Чего же лучше.

Но тутъ-то и произошелъ неожиданный подвохъ съ русской стороны, разбившій сразу мѣщанскій парадизъ. На Востокѣ родилось что-то странное. Въ странѣ, которую считали схороненной навѣки подъ тяжелымъ льдомъ реакціонной бюрократіи, началась новая, въ началѣ загадочная и непонятная жизнь. Подъ ударами военной непогоды растрескалась кора патріархально-полицейскаго уклада, вскрылись новые источники народныхъ стремленій и мощи. Всѣ тѣ цѣли, которыя приковывали русскую государственность къ закостнѣлой китайщинѣ, распались, а всѣ тѣ магическія слова, которыми была заколдована многомилліонная нація, оказались безсильными погрузить ее снова въ тысячелѣтній сонъ. Тотъ „гигантъ на глиняныхъ ногахъ", который игралъ роль неизмѣннаго защитника зажирѣвшаго нѣмецкаго царства, проявилъ не только самобытную жизнеспособность, но и оказался стоящимъ не на глиняныхъ, а на самыхъ настоящихъ ногахъ. Мало того. Колоссъ сталъ расправлять постепенно свои члены, сталъ глубже и сильнѣе дышать, поднялся и приготовился идти... Боже мой! Куда, зачѣмъ? Что съ нимъ стало? Зачѣмъ нарушаетъ онъ тишину европейскаго сна? Куда заведетъ его стремленіе впередъ при пробудившихся энергіи и силѣ? И развѣ онъ не видитъ, что отъ этого происходитъ безпокойство, и даже въ самой Германіи повѣяло новымъ, непривычнымъ духомъ? Съ восточной границы проникаютъ лучи давно загашеннаго свѣта. Потянуло озономъ электрической бури, донесся шумъ освѣжающей, здоровой грозы. Что это? Зачѣмъ?

Жмурясь отъ непривычнаго солнца, мѣщанское стадо, оглушенное новымъ шумомъ и вѣтромъ, поворачиваетъ въ страхѣ головы на Востокъ и чуетъ, что приходитъ конецъ мѣщанскому тихому счастью. Шевелится въ народной глубинѣ непокорный пролетарій, а по гладкому нѣмецкому морю уже забѣгали зайчики и буруны заснувшаго бога свободы. И новый страхъ объемлетъ человѣка-инфузорію: „а, вдругъ!"... А вдругъ перекинутся и сюда эти русскія бури, воскреснетъ снова грозная царевна, такъ аккуратно уложенная въ хрустальный гробъ съ надписью „классовая конституція", и потребуетъ для народа того, что такъ мило распредѣлили между собой заботливые карлики, облѣпившіе пролетарскую массу. А тутъ еще традиціи 1848 года, тѣни бюргерскихъ

революціонеровъ, призраки „краснаго“ студенчества, соціалистической науки, атеистической философіи, либеральнаго христіанства. А, вдругъ!.. Вѣдь ужъ появляются признаки бюргерскаго обновленія подъ вліяніемъ восточной грозы, нарождается ядро настоящаго либерализма, который не только протягиваетъ руку соціалъ демократамъ, но и открыто признаетъ истиной значительную часть эрфуртской программы. Развѣ это не русскій вѣтеръ наполнилъ собой страницы спокойной бюргерской прессы, развѣ не родился въ послѣднее время новый журналъ „Europa“, гдѣ профессора проповѣдуютъ соціализмъ, а соціалъ-демократы изрекаютъ свой судъ надъ свободомыслящей лѣвой? Покраснѣли, страшно покраснѣли подъ вліяніемъ русскаго зарева бюргерскіе либералы; нечего говорить, что съ соціалъ-демократами дѣло еще хуже. Куда дѣвался ихъ печальный пришибленный видъ? Какимъ голосомъ теперь заговорли „соци“ и въ парламентѣ, и въ прессѣ, и на публичныхъ трибунахъ. Съ какимъ торжествомъ смотритъ теперь пролетарій на присмирѣвшаго буржуа; какъ ярко свѣтится въ его глазахъ увѣренность въ недалекой побѣдѣ. Съ какимъ самосознаніемъ онъ говоритъ теперь: „Скоро, скоро очередь за нѣмецкой бюрократіей и нѣмецкимъ мѣщанствомъ. Скоро снимемъ мы съ себя плѣсень буржуазной реакціи, устроимъ маленькій Kladeradatsch для очищенія отъ грязи нашего дома. Приближается конецъ мѣщанскому царству. Не напрасно объединились три милліона возлѣ нашего знамени; не ради шутки сохранили мы старый девизъ равенства и свободы“... И трясется въ страхѣ мѣщанская душа и рисуются ей всякія чудища „переворота“, и мечется она въ поискахъ за новой норкой, за новымъ покоемъ. Главное тутъ найтись, выждать и успокоиться. Только бы не проворонить, только бы не просчитаться... И спѣшатъ уже на помощь перетрусившему мѣщанству его старые друзья и союзники, его лучшіе помощники въ дѣлѣ водворенія всеобщаго свинскаго рая. Имя этихъ союзниковъ общеизвѣстно. Это— клевета, нахальство, инсинуація...

V.

Имя Максимиліана Гардена будетъ, несомнѣнно, отмѣчено исторіей нѣмецкой публицистики. Въ настоящія „тяжелыя“ времена онъ служитъ вѣрой и правдой интересамъ нѣмецкаго мѣщанства и всю силу своего недюжиннаго таланта отдаетъ дѣлу клеветы на Россію и русское движеніе. Его задача—отравить въ самомъ корнѣ тотъ широкій освободительный потокъ, первыя струйки котораго уже напоили здѣсь высохшую землю, омыли корни заглохшей политической жизни. И Гарденъ превосходно дѣлаетъ свое дѣло. Онъ ловитъ лучи русской свободы въ свои

искривленныя зеркала и отражаетъ ихъ на китайскія стѣнки реакціи въ видѣ грязныхъ отвратительныхъ пятенъ. Онъ искажаетъ образы русскаго пробужденія, придаетъ имъ характеръ своекорыстныхъ и мерзкихъ чудовищъ. Онъ пропускаетъ чрезъ свою плотину чистую струю русскаго идеализма и получаетъ изъ него дикую утопію полупомѣшаннаго, бредъ національной вражды, изувѣрство кровожаднаго звѣря. Онъ не останавливается передъ извращеніемъ общеизвѣстнѣйшихъ фактовъ, онъ отрицаетъ явную, непосредственную дѣйствительность, онъ лжетъ съ непостижимой виртуозностью, создаетъ изъ данныхъ энциклопедическаго словаря фантастическую мѣшанину, называетъ ее русской наукой, русской исторіей. Оклеветать всю нарождающуюся эпоху, загрязнить вначалѣ весь новый соціальный подъемъ—такова цѣль, которую преслѣдуетъ Гарденъ въ своемъ пресловутомъ „Zukunft", для утѣхи умиротворенія взбаломученной мѣщанской души. Инфузоріи капиталистической тины могутъ спокойно продолжать свою мирную и тихую работу. Россія помѣшать въ этомъ не можетъ.

А впрочемъ, судите сами. Вотъ какъ рисуетъ Гарденъ Россію и русскихъ. Начнемъ съ экскурсіи въ область русской исторіи. Какъ оказывается, въ основѣ русскаго царства лежатъ не только византійскія, монгольскія, но и „шаманскія" вліянія. Иванъ Грозный былъ самодержецъ „новаго стиля". Эта власть послѣ смутнаго времени, гдѣ восторжествовалъ „національно-религіозный" подъемъ, перешла неприкосновенной къ Борису Годунову, Василію Шуйскому и Михаилу Романову. Такимъ образомъ, послѣдній, занявши тронъ норманскихъ варяговъ, наслѣдовалъ „неприкосновенное достоинство Палеологовъ и Великаго Хана". „Противъ воли царя были всѣ сословія безсильны". Черезъ 40 лѣтъ началось царствованіе Петра—въ то время, какъ „русское средневѣковье только что начиналось". И вотъ Петръ Великій, „этотъ пылкій реформаторъ... рѣшился сдѣлать дерзкій прыжокъ черезъ столѣтіе". „Онъ желалъ свой народъ вывести изъ варварства варварскими средствами". Такъ Петръ, который „не имѣлъ никакого пониманія жизненныхъ условій своей страны и воображалъ, что онъ будетъ царствовать надъ европейской имперіей, если перемѣнитъ платье и обрѣжетъ бороды", внесъ „сѣмя опаснаго дуализма въ славянскую душу, погруженную въ мечты и лишенную желаній". Этотъ дуализмъ состоитъ въ томъ, что Россія есть азіатское царство и должно оставаться въ Азіи. Между тѣмъ, начиная съ Петра, въ Россіи создалось вредное стремленіе къ европейской цивилизаціи и культурѣ, которое было источникомъ всѣхъ величайшихъ русскихъ золъ. И все русское освободительное движеніе проникнуто этимъ вреднымъ духомъ и направленіемъ. Только тотъ былъ въ состояніи освободить славянскую душу отъ мучительныхъ сомнѣній дуализма, „кто чувствовалъ себя азіатомъ, чувствовалъ, думалъ и

говорилъ только по-русски и открылъ свой ограниченный мозгъ для познанія, что Россія это—исламъ, который можетъ держаться только единствомъ вѣры и подъ угрозою смерти не можетъ позволить себѣ роскоши религіозной терпимости... Царь долженъ быть нетерпимымъ, долженъ, если только онъ вѣрно понимаетъ свое національное призваніе, безжалостно подавить всѣ элементы, которые желаютъ себя поставить выше правовѣрующихъ московитовъ". Итакъ, „русскій царь" долженъ всегда смотрѣть „въ Азію, а не въ Европу". Онъ не смѣетъ „ослаблять возжи" надъ славянской душой, не можетъ „обезпечить незрѣлому русскому народу когда бы то ни было политической свободы",—только тогда „прекратились бы опасныя для европейской тишины стремленія Россіи..." Выводъ отсюда ясенъ. Азіатовъ нужно держать въ черномъ тѣлѣ. Славянскую душу нужно лишить всякихъ видовъ на культурную жизнь и политическую свободу; надо возвратить Россію въ до-петровскія времена, къ началу средневѣковья... Эту высокую миссію должны взять на себя никто иной, какъ цари „московитовъ", и въ награду за это благодарная Европа совершенно успокоится и предоставитъ Россіи полную возможность устремлять свои взоры, безъ дуализма, въ Азію...

Совершенно понятно послѣ этого, что Гарденъ не находитъ словъ, чтобы достаточно изругать всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ исцѣлить „покрытое язвами тѣло русскаго царства" при помощи „знахарскихъ мазей Западной Европы". Европейскій строй могутъ рекомендовать Россіи только люди, „которые ничего не знаютъ о русской сущности, объ исторіи Россіи, ея хозяйственныхъ формахъ и соціальномъ наслоеніи, ничего не могутъ сообщить положительнаго даже о событіяхъ и лицахъ, о которыхъ болтаютъ каждый день". И въ поученіе такимъ невѣждамъ Гарденъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ русскіе недовольные элементы: „Въ послѣдніе два мѣсяца", по его мнѣнію, разносился по Россіи „только дикій гулъ распущенныхъ славянскихъ душъ, настроеніе которыхъ, подобно климату страны, не знаетъ никакихъ переходовъ и въ одну ночь желаетъ превратить зимнюю закостенѣлость въ цвѣтущую роскошь весны. На югѣ рѣжутъ другъ друга армяне и татары безъ какого-нибудь внезапно ощутительнаго повода, только потому, что къ нимъ по подпольнымъ рельсамъ пришло надлежащее посланіе, а также потому, что въ русскомъ царствѣ теперь все стало иначе и твердый кулакъ господина не мѣшаетъ больше утоленію дикой жажды мести. На сѣверѣ рабочіе, которые еще вчера были совсѣмъ довольны своей судьбой и по своимъ привычкамъ могли быть довольны, выставляютъ сегодня требованія, исполненіе которыхъ должно устранить въ странѣ сотни праздниковъ, всякую возможность плодотворной и даже сколько-нибудь серьезной конкуренціи въ области промышленной работы. Требованія, въ исполнимость

которыхъ они сами не вѣрятъ, такъ какъ имъ не предшествовало никакое обсужденіе и они порождены только слѣпымъ стремленіемъ разнузданныхъ рабовъ. Студенты, ученики, которые еще ничего не знаютъ о мірѣ, о тысячѣ житейскихъ нуждъ, такъ же какъ объ истинныхъ потребностяхъ имъ чуждаго и далекаго народа, удираютъ слишкомъ рано отъ ученія, упорно навязываютъ всѣмъ рецептъ всеобщаго спасенія и грозятъ бомбами и уличнымъ возмущеніемъ, если придворная аптека не приказываетъ немедленно осуществить его. Развѣ зрѣлый народъ потерпѣлъ бы когда-нибудь такую студенческую политику, которая, будь она самой благородной, тѣмъ не менѣе всегда является самой неумной... И тамъ (въ Россіи), какъ и вездѣ, упивается часть профессоровъ тщеславными потугами на манеръ государственныхъ людей, которыя надѣляютъ ихъ славой. Все, что могло бы быть причислено къ интеллигентамъ, съ деклассированнымъ мелкимъ дворянствомъ впереди, все это объединяется вокругъ этой громкой кучки. Конституція? Почему же нѣтъ. Наконецъ-то, хоть разъ что-нибудь новенькое. Небольшое развлеченіе отъ скуки русской зимы. При конституціи можно говорить рѣчи, облегчать свое сердце за счетъ жалкаго хозяйства чиновниковъ, избирать, а въ концѣ концовъ даже быть избраннымъ и разыгрывать важнаго господина, расточающаго благоволеніе". И къ этой милой характеристикѣ русскаго общества присоединяетъ Гарденъ въ другомъ мѣстѣ еще пару словъ насчетъ русскихъ пролетаріевъ и крестьянъ. Первыхъ, по его словамъ, при начальномъ выступленіи въ политическую жизнь „охватило опьяненіе безпорядка, а на ихъ подошвахъ еще держится до сихъ поръ страсть къ разбою"; вторые же „не умѣютъ ни читать, ни писать и способны только къ мирной барщинѣ и безропотной смерти". „И изъ этихъ элементовъ,—восклицаетъ Гарденъ,—высокая мудрость Европы хочетъ создать народное представительство странѣ ста народовъ!"

Какъ очевидно, мѣщанскій публицистъ не стѣсняется высказать свое полное презрѣніе къ русскимъ освободительнымъ силамъ: „только дѣти и либеральные болтуны могутъ, по его словамъ, возомнить, что конституція и парламентъ осчастливятъ Россію". Это утверждать „можетъ только тотъ, кто ничего не знаетъ ни о русской исторіи, ни о русской народности". Но г. Гарденъ знаетъ русскую исторію лучше, чѣмъ всѣ русскіе ученые, взятые вмѣстѣ, и въ цѣломъ рядѣ статей, наполненныхъ русскими именами и названіями, набитыми сверху до низу нелѣпымъ фразерствомъ, яко бы на русскій образецъ, обливаетъ онъ грязью все, что только стремится на Руси къ свѣту и свободѣ, клевещетъ на русскихъ людей, позоритъ ихъ историческую честь и національное достоинство. Кнутомъ и цѣпями хочетъ онъ сдавить „славянскую душу". Въ азіатскую ссылку хочетъ онъ отправить

насъ, чтобъ усмирить тамъ навѣки „раба-крестьянина“, „разбойника-фабричнаго“, „бунтовщика-студента“ и „деклассированныхъ дворянъ“. И зачисливъ, такимъ образомъ, всю Русь въ арестантское отдѣленіе, переходитъ послѣ этого Гарденъ къ издѣвательству надъ будущимъ русскимъ „рейхстагомъ“.

Русскій парламентъ создаетъ Гарденъ изъ самыхъ невозможныхъ элементовъ. „Славянской душѣ“ онъ отводитъ въ немъ самое ничтожное мѣсто; вмѣсто ея онъ объединяетъ въ одной кучѣ „дюжину индогерманскихъ племенъ, вторую дюжину монгольскихъ народовъ (финновъ и татаръ), мужей изъ Архангельска и Бессарабіи, отъ Карскаго и Каспійскаго морей, христіанъ всѣхъ исповѣданій, магометанъ, евреевъ, буддистовъ“. Къ нимъ присоединяетъ онъ „поляковъ и малороссовъ, балтовъ и литовцевъ, шведовъ и армянъ, черемисовъ, мингрельцевъ, эстовъ, корелъ, башкировъ, киргизовъ, лапландцевъ, калмыковъ и бурятъ“. Въ непобѣдимомъ легкомысліи галопируетъ Гарденъ по страницамъ своего журнала, перечисляетъ всякихъ народовъ и народцевъ и прячетъ себѣ въ карманъ тотъ до крайности простой и убѣдительный фактъ, что на Россію приходится не менѣе 65% славянскихъ племенъ, и что большинство перечисленныхъ имъ дикарей менѣе всего могутъ быть представителями осѣдлаго населенія Россіи. Въ разсчетѣ на невѣжество мѣщанской публики, благоразумно умолчавъ о единствѣ политическихъ и хозяйственныхъ стремленій всей массы русскихъ подданныхъ, онъ дѣлаетъ изъ русскаго парламента экзотическій музей или звѣринецъ, куда и засаживаетъ какихъ-то двуногихъ звѣрей съ мудреными именами. На нѣмца это производитъ ошеломляющее впечатлѣніе, и Гарденъ неоднократно прибѣгаетъ къ самому различному перечисленію россійскихъ народовъ: „германцы, литовцы, иранцы, семиты, туранцы, монголы, тунгусы, гиперборейцы, угро-финны, евангелическіе, православные, римско-католическіе христіане, раскольники, магометане, евреи, буддисты“. Въ такомъ видѣ не разъ выводитъ онъ передъ пораженнымъ бюргеромъ процессію русскаго маскарада и невольно возбуждаетъ въ немъ мысль о столпотвореніи вавилонскомъ. И когда затѣмъ онъ утверждаетъ, что европеецъ не имѣетъ никакого представленія о томъ, какъ мала въ Россіи центростремительная сила, и въ подтвержденіе этого приводитъ старую пѣснь о полку Игоревѣ, то невольно успокаивается нѣмецкій филистеръ во всѣхъ своихъ страхахъ и мыслитъ: „Въ Россіи конституція невозможна“; это торжественно подтверждаетъ самъ великій Гарденъ во всеоружіи вотяковъ и бурятовъ, башкиръ, калмыковъ и „гиперборейцевъ“. „Теперь говоритъ Гарденъ,—національнаяб олѣзнь Россіи, по крайней мѣрѣ, скрыта отъ взоровъ, но всякій парламентъ, всякій режимъ, который открываетъ свободный доступъ общественному мнѣнію, сразу же откроетъ свѣту все ея несчастье... Публично-засѣдающее

народное представительство быстро уничтожитъ всякій признакъ единства имперіи. Всякая народная группа, всякое религіозное общество оторвутъ, отрѣжутъ отъ имперіи особыя права и привилегіи... Невозможнымъ будетъ также отъ такой корпораціи получить на долгое время средства, которыя такъ нужны для имперіи. Неизбѣжнымъ результатомъ этого была бы всеобщая зараза и быстрый параличъ всего организма". И на этой почвѣ прозрѣваетъ Гарденъ настоящую свистопляску. Онъ видитъ уже „пошлѣйшую демагогію и массовую покупку голосовъ". Онъ видитъ охваченныхъ страстями „маленькихъ салонныхъ Мирабо". Ему мерещатся оргіи „воспитанныхъ марксистскими профессорами студентовъ", а „натравленныя соціалистами и террористами, рабочія арміи требуютъ массового избирательнаго права" (!) И послѣ этого Гарденъ успокаивается. Онъ доказалъ все, что нужно. Культура и политическая свобода въ Россіи невозможны. Русская конституція есть безсмыслица и сумасшедшій бредъ. Правительство ея не дастъ, и всѣ мѣщанскіе страхи напрасны. Гнусная зараза не перейдетъ черезъ восточную границу, ничто не потревожитъ нѣмцевъ изъ породы инфузорій!

Пусть не удивляется русскій читатель, что въ культурной странѣ независимый и талантливый публицистъ провозглашаетъ такія дикія теоріи, проявляетъ столько же невѣжества, сколько таланта. Въ его словахъ гимнъ торжествующей пошлости и мѣщанства; въ нихъ слышится вопль отчаянія предъ новой освѣжающей грозой. Пусть прячется человѣкъ-молюскъ за гардeновскіе журнальные листы, пусть ищетъ онъ утѣшенія въ русскомъ безсиліи и русской дикости. Блаженству жирнаго покоя наступаетъ предѣлъ. Въ могучемъ стремленіи къ праву и свободѣ сливается русское море съ глубокимъ теченіемъ великаго европейскаго океана.

Съ Востока свѣтъ! **Реусъ.**

Политика.

Мукденская катастрофа. —Отношеніе прессы и общества.—Толки о мирѣ.— Другія русскія дѣла всемірно-историческаго значенія.—Крестьянскій вопросъ. — Національные вопросы.—Венгерскій кризисъ. — Отдѣленіе церкви отъ государства во Франціи.

I.

Страшный пятнадцатидневный бой у Мукдена былъ тѣмъ событіемъ, которое сразу измѣнило политическое положеніе. Пока обѣ арміи стояли во всеоружіи другъ противъ друга, а оба флота (Того и Рождественскаго) были отдѣлены другъ отъ друга двумя

океанами, русскія неудачи въ прошломъ не нарушили равновѣсія силъ спорящихъ сторонъ въ такой мѣрѣ, чтобы перевѣсъ японцевъ былъ обезпеченнымъ, а конечный успѣхъ и торжество вѣроятнымъ. Мукденская катастрофа радикально перемѣнила все дѣло. Успѣхъ и торжество японцевъ стали совершившимся фактомъ. Кампанія русскими проиграна Въ этомъ надо сознаться и печальный фактъ признать со всѣми его послѣдствіями и логическими выводами. На что можно теперь надѣяться для исправленія испорченнаго и возвращенія утраченнаго?

На новыхъ полмилліона солдатъ изъ Россіи? Это возможно только черезъ полгода... А эти новые полмилліона встрѣтятъ тѣже 600—700 тыс. японцевъ, которые нанесли пораженіе арміямъ смѣщеннаго русскаго главнокомандующаго.

На эскадру вице-адмирала Рождественскаго? Но уже многими и много разъ выяснено, что она слабѣе флота адмирала Того... Это скоро окончательно выяснится, потому что прибытіе въ Коломбо (на Цейлонѣ) японскаго миноносца означаетъ, что флотъ адмирала Того уже достигъ долготы Цейлона, т. е. уже прошелъ половину Индійскаго океана. Десять или девять дней экономическаго пути (девять узловъ) отдѣляетъ его отъ береговъ Африки, у которыхъ онъ встрѣтитъ эскадру вице-адмирала Рождественскаго. Столько же приблизительно понадобится и отряду контръ-адмирала Небогатова, чтобы присоединиться къ вице-адмиралу Рождественскому, если послѣдній, какъ это сообщали агентскія телеграммы, двигается отъ Мадагаскара, по направленію къ сѣверу. Если наши адмиралы сумѣютъ соединиться, то можетъ произойти генеральное морское сраженіе... Что то насъ ожидаетъ черезъ эти десять-двѣнадцать дней? Столько надеждъ уже обмануто, столько иллюзій разбито...

Да, теперь вопросъ уже ставится не о томъ, надо ли продолжать войну, а о томъ, можно ли ее продолжать?? Цитируемъ изъ „Новостей" (3 марта 1905, № 54) мнѣніе объ этомъ одного русскаго сановника, имъ высказанное въ бесѣдѣ съ Гастономъ Дрю, петербургскимъ корреспондентомъ парижской газеты „*Echo de Paris*". Имя сановника не названо. На вопросъ Гастона Дрю, „возможно ли продолжать войну", его высокопоставленный собесѣдникъ отвѣчалъ (по словамъ Дрю):

„Очевидно, мы должны продолжать войну, но спрашивается, можемъ ли мы. Годъ конфликта стоилъ намъ при 400,000 человѣкъ, посланныхъ на Дальній Востокъ, 700 милліоновъ рублей. Мы не можемъ надѣяться побѣдить японцевъ, если не выставимъ, по меньшей мѣрѣ, 800,000 человѣкъ, что намъ будетъ стоить 1,600 милліоновъ въ годъ. Будемъ ли мы въ состояніи вынести это финансовое напряженіе? Армія будетъ сосредоточена на Дальнемъ Востокѣ не ранѣе, чѣмъ черезъ годъ. Еще годъ потребуется на окончаніе военныхъ операцій, т. е. мы должны

израсходовать 3.200,000 рублей безъ увѣренности въ результатѣ, такъ какъ и японцы будутъ увеличивать свою армію. Съ другой стороны, не будетъ ли неблагоразумно призвать на службу 500,000 человѣкъ въ странѣ, уже волнуемой стачками и безпорядками? Я не смѣю высказываться, такъ какъ если миръ, заключенный на тягостныхъ условіяхъ, нанесъ бы тяжелый ударъ престижу режима, то продолженіе войны вызоветъ необычайное недовольство и серьезное раздраженіе. Положеніе крайне серьезно, и я не вижу исхода, развѣ только будутъ созваны, какъ обѣщано рескриптомъ, народные представители и вопросъ, какъ поступить, будетъ предоставленъ на ихъ обсужденіе".

Я не комментирую этого мнѣнія нашего сановника. Факты кричатъ сами за себя. Приведу еще нѣсколько мнѣній по тому же вопросу, рисующихъ и положеніе вещей, и настроеніе общества и прессы.

Кн. Мещерскій въ „Гражданинѣ" (отъ 3 марта) высказывается о современномъ положеніи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Небывалый погромъ для нашей доблестной арміи привелъ насъ къ минутѣ, когда Россіи надо выбирать: или продолжать войну безъ надежды на успѣхъ и съ увѣренностью въ ея погибели внутренней, отъ которой не спасетъ даже побѣда, или кончить войну и въ тяжеломъ мирѣ найти энергію къ спасенію отечества путемъ возрожденія.

Я понялъ, что, преклоняясь передъ этимъ рокомъ, мы должны въ гордой любви къ своему отечеству, почерпнуть геройскую силу, громко и передъ цѣлымъ міромъ исповѣдывать свое пораженіе, свое безсиліе этой исторической минуты, и съ большимъ подъемомъ духа, чѣмъ послѣ побѣды, принять отъ Бога долгъ подчиненія тяжелымъ условіямъ мира.

Когда я говорилъ о мирѣ, пока Портъ-Артуръ былъ нашъ, условія мира, какъ я сказалъ, могли быть легки. Теперь, пока Владивостокъ нашъ и ни одной пяди русской земли не отошло къ врагу, тяжелыя условія мира не могутъ не быть легче тѣхъ, которыя насъ будутъ ожидать послѣ взятія Владивостока и Сахалина, хотя бы послѣ нашей побѣды.

И вотъ почему я безстрашно говорю, что сознать долгъ кончить войну и заключить теперь миръ требуетъ болѣе героизма, болѣе любви къ отечеству, чѣмъ заключать его послѣ побѣды. А чтобы проникнуться этимъ сознаніемъ, надо понять причины, почему не только миръ намъ нуженъ, но миръ нужнѣе побѣды, какъ разгадка злой тайны, заключающейся въ ударахъ, наносимыхъ рокомъ нашимъ героямъ-войскамъ на войнѣ".

Далѣе кн. Мещерскій указываетъ на бюрократическіе непорядки и на хищенія, какъ на главные причины пораженія, и горячо взываетъ къ миру.

„Сѣверъ-Западное Слово" приводитъ бесѣду своего сотрудника

съ предсѣдателемъ комитета министровъ С. Ю. Витте о внутреннихъ нашихъ дѣлахъ. Въ заключеніе рѣчь зашла о войнѣ:

„О, эта злосчастная война—воскликнулъ г. Витте.—Будущіе историки придутъ въ ужасъ, когда узнаютъ всѣ тяжелыя обстоятельства, сопровождавшія ее".

„Новостямъ" телефонируютъ изъ Москвы отъ 11 марта (№ 63, 12 марта:

„Въ зданіи биржи состоялось сегодня частное совѣщаніе представителей нефтяной и горной промышленности. По иниціативѣ и предложенію извѣстнаго керосино-заводчика Нобеля, обсуждался вопросъ о возбужденіи ходатайства о скорѣйшемъ прекращеніи войны, хотя бы съ потерей Сахалина и Владивостока".

Другіе предпочитаютъ заплатить контрибуцію, чѣмъ согласиться на территоріальныя уступки. Думаемъ, что эти вопросы преждевременны, такъ какъ условія мира, желаемыя японцами, неизвѣстны. Несомнѣнно одно: въ Россіи война нежелательна, хотятъ мира... И немедленное перемиріе и переговоры о мирѣ еще могли бы сохранить не утраченную часть флота вмѣстѣ съ сотнями тысячъ жизни и милліардомъ рублей... Не пора ли остановиться?

Пятнадцать дней мы бились подъ Мукденомъ, истребивъ ужасающее число молодыхъ жизней, посѣявъ несмѣтное количество страданія, утративъ милліоны имущества.

До этого десять дней сражались вокругъ Ляояна. Восемь дней сражались на р. Шахе между Ляояномъ и Мукденомъ. Пять дней бились у Сандепу. Прибавьте потери въ битвахъ на Ялу, у Цзинь-Чжоу, Вафангоу, Сюньечена, Гайпина, Дашичао, на перевалахъ: Далинскомъ, Модулинскомъ и Фыйшулинскомъ, вокругъ Портъ-Артура, въ безчисленныхъ развѣдкахъ, въ кровопролитныхъ морскихъ бояхъ, на потопленныхъ судахъ... Прибавьте эти цифры и увидите, что, *не считая выбывшихъ по болѣзни*, убито и изувѣчено до ужаса огромное число народа. „Не считая выбывшихъ по болѣзни", а какъ ихъ не считать? До сихъ поръ, во всѣ прежнія войны, во всѣ времена и на всякихъ территоріяхъ число выбывшихъ по болѣзни превышало и даже значительно превышало число выбывшихъ на поляхъ сраженій... Допуская даже, что на этотъ разъ дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ (хотя для такого допущенія нѣтъ серьезныхъ основаній), всетаки не рѣшаемся подвести итоги подъ этими чудовищными цифрами, суммирующими гибель безъ конца, ужасъ безъ примѣра, неисчерпаемое море крови, слезъ, горя, страданія...

Въ самомъ дѣлѣ, не пора-ли остановиться?

Изъ-за чего въ самомъ дѣлѣ мы сражаемся? Изъ-за Кореи? Но мы ее соглашались отдать Японіи въ моментъ разрыва... Изъ за Манчжуріи? Но мы обѣщали Китаю ее очистить, и очищеніе это было вопросомъ времени, не болѣе... Изъ за чего же, однако? Изъ-за чего эти уже принесенныя сотни тысячъ жертвъ,

сотни тысячъ обездоленныхъ семействъ, утраченныя сотни милліоновъ рублей? Чего мы достигли, наконецъ? Потеряли весь тихо-океанскій флотъ и вытѣснены изъ южной Манчжуріи, которую хотѣли и безъ того очистить, но зачѣмъ-то промедлили. Неужели весь смыслъ безпримѣрно бѣдственной борьбы въ этомъ промедленіи? И для того, чтобы имѣть возможность и впредь замедлить обѣщанное очищеніе, мы должны будемъ принести еще сотни тысячъ человѣческихъ жизней и еще сотни милліоновъ рублей? А что, добиваясь во что бы то ни стало одолѣнія Японіи, надо будетъ принести еще больше, значительно больше жертвъ, нежели уже принесено, въ этомъ, кажется, уже никто не сомнѣвается. Это очевидно, но далеко не очевидно, однако, что такого одолѣнія можно будетъ непремѣнно добиться даже цѣною самыхъ ужасающихъ жертвъ.

Будемъ, однако, оптимистами и допустимъ, что и на сушѣ, и на морѣ Россія въ концѣ въ концовъ одолѣетъ Японію, пожертвовавъ милліономъ жизней и милліардами рублей. Что мы пріобрѣтаемъ цѣною этихъ невозградимыхъ потерь, явно непосильныхъ мало культурной, мало населенной и бѣдной странѣ? Продлимъ оккупацію Манчжуріи и займемъ Корею? Но и разбитая, Японія не перестанетъ существовать и съ своимъ пятидесятимилліоннымъ населеніемъ будетъ опять готовиться къ войнѣ, а мы принуждены будемъ содержать милліонную армію спеціально для Дальняго Востока и для него же создать флотъ, много превышающій соединенныя силы всего русскаго флота въ настоящее время. А еще Китай? Манчжурія страна китайская и безсрочное промедленіе въ ея очищеніи можетъ китайцевъ подвинуть и къ союзу съ японцами, и къ милитаризму... Хватитъ ли у насъ средствъ и силъ для того, чтобы стоять наготовѣ противъ этого угрожающаго положенія? Раззорить себя и потерять всякое значеніе въ Европѣ—вотъ что было бы послѣдствіемъ нашей побѣды надъ Японіей, если бы мы захотѣли утвердиться въ Манчжуріи и Кореѣ. А если мы не желаемъ тамъ утвердиться, то зачѣмъ добиваться побѣды, зачѣмъ истреблять милліоны жизней и за это платить милліарды рублей?

Но быть можетъ теперь, послѣ своихъ успѣховъ, японцы не удовольствуются Кореею, имъ уже предоставленной въ прошломъ январѣ, и очищеніемъ Манчжуріи, уже обѣщаннымъ Китаю? Вѣроятно, не удовольствуются. Быть можетъ, они потребуютъ огромную контрибуцію и серьезныя территоріальныя уступки? Однако дозволительно ли свои разсчеты строить на одномъ, „быть можетъ"? И какіе разсчеты! А между тѣмъ узнать дѣйствительныя намѣренія японскаго правительства было бы не трудно черезъ ту или другую нейтральную державу. До сихъ поръ эти намѣренія совершенно неизвѣстны. Ходятъ противурѣчивые

слухи, по поводу которыхъ виконтъ Гаяши, японскій посолъ въ Лондонѣ, сказалъ сотруднику „Matin“:

„*Я васъ уполномочиваю заявить, что Японія никогда, ни оффиціально, ни оффиціозно, ни въ бесѣдахъ съ третьими лицами, никакимъ способомъ и никому не сообщала, на какихъ условіяхъ она согласилась бы заключить миръ.*

Всѣ телеграфныя извѣщенія объ этомъ чистѣйшая ложь.

— Какія же условія поставитъ Японія? Будетъ она требовать контрибуціи?

— Не знаю, да если бы и зналъ, не сказалъ бы, такъ какъ не уполномоченъ моимъ правительствомъ разговаривать объ условіяхъ мира.

— Значитъ, война будетъ продолжаться?

— Пока ее будетъ продолжать Россія“.

Жертвы русскихъ ужасны, затраты огромны, но и жертвы японцевъ ужасны, затраты огромны. И японцамъ есть надъ чѣмъ призадуматься, есть изъ-за чего поставить себѣ вопросъ, не пора ли остановиться? Въ виду этого, трудно ожидать отъ японцевъ чрезмѣрныхъ требованій. Но вѣроятно, что выяснивъ японскую программу, найдемъ почву для мира...

Здѣсь не мѣсто, да и не время обсуждать условія мира, но нельзя не указать на основные принципы, руководствуясь которыми, можно достигнуть хорошихъ плодовъ. Прежде всего, слѣдуетъ признать, что не надо было и теперь не надо брать чужое, а затѣмъ не ставить такихъ условій, которыя для кого бы то ни было оказались бы настолько невыгодными (не *временно*, но постоянно невыгодны), что заставляли бы искать ихъ отмѣны, т. е. угрожать новой войной. Если бы выработаннымъ на этихъ основахъ условіямъ мира въ ихъ существенной части удалось придать международную гарантію, то можно бы было считать миръ на Дальнемъ Востокѣ обезпеченнымъ. Для насъ прочность мира есть единственный огромный интересъ въ вопросахъ предстоящаго замиренія. И для этой прочности можно многимъ пожертвовать и, прежде всего, своимъ военнымъ самолюбіемъ.

Когда итальянцы дали себя увлечь разнымъ авантюристамъ на почву агрессивной политики и захотѣли распорядиться Абиссиніей, абиссинцы дали энергическій отпоръ и нанесли итальянцамъ пораженіе, сочли ли тогда итальянцы необходимымъ смыть это яко бы пятно и добивались ли разгрома Абиссиніи? Совершенно наоборотъ: они сознали свою ошибку, прогнали своихъ авантюристовъ и протянули руку храбрымъ абиссинцамъ.

Когда англичане дали себя увлечь разнымъ авантюристамъ во враждебное столкновеніе съ бурами, преслѣдуя такую же, какъ итальянцы въ Абиссиніи, агрессивную политику, буры дали энергическій отпоръ и нанесли англичанамъ пораженіе, англичане поступили иначе, чѣмъ итальянцы. Англичане два съ половиною

года воевали, истребили многое множество людей, непроизводительно истратили огромныя средства и раздавили геройскій народъ, защищавшій свою свободу, получивъ разоренную и обезлюженную страну.

Думаемъ, что всякій безпристрастный человѣкъ скажетъ, что итальянцы поступили лучше и благороднѣе англичанъ. Думаемъ, что ни честь, ни достоинство Италіи не пострадали, а интересы только выиграли. Если достоинство Италіи и было задѣто, то никакъ не миромъ безъ реванша за пораженіе, а гораздо раньше, именно самою неправою войною, самымъ покушеніемъ на территорію и независимость абиссинскаго народа. И эти неправые замыслы были исправлены справедливымъ миромъ, а нарушенное неправыми замыслами достоинство Италіи было возстановлено именно этимъ миромъ безъ реванша за пораженіе.

То же и въ нашемъ дѣлѣ. Политика наша на Дальнемъ Востокѣ была измѣнчива, колебалась въ разныя стороны, но въ общемъ преобладало наступленіе: пріобрѣтеніе Квантунской области, оккупація Манчжуріи, соперничество за вліяніе въ Кореѣ и въ Китаѣ. Эта наступательная политика Россіи, правда, непослѣдовательная и колеблющаяся, встрѣтилась съ наступательною политикою Японіи, только послѣдовательною и безъ всякихъ колебаній. При такихъ условіяхъ, конфликтъ былъ неизбѣженъ. Японцы это предвидѣли и систематически готовились. Съ нашей же стороны ничего не предвидѣли и ни къ чему не готовились. Наши дипломаты въ Токіо, Сеулѣ, Пекинѣ говорили отъ имени великой военной державы, но забывали, что великая держава находится за десять тысячъ верстъ и передвинуть ее на это разстояніе цѣликомъ невозможно... Исторія разскажетъ, кто несетъ тяжелую отвѣтственность и за наступательную политику, намъ отнюдь ненужную и невыгодную, и за несоотвѣтствіе приготовленныхъ (или вѣрнѣе не приготовленныхъ) средствъ съ поставленными опасными и грозными проблемами,[1] и за совершенное незнакомство съ положеніемъ дѣлъ, и за невѣжественное самомнѣніе, приведшее къ этому ужасающему народному бѣдствію. Исторія разскажетъ о виновныхъ, а теперь надо поправлять сдѣланныя ошибки, отрезвиться отъ самомнѣнія, уяснить положеніе дѣла и приступить къ выполненію задачи не побѣдить японцевъ, а прекратить народное бѣдствіе. *Обезпеченный миръ* долженъ быть главною цѣлью нашей политики, а добиваться побѣды цѣною милліона жизней и милліардовъ рублей значило бы добиваться разоренія Россіи, значило бы ея интересы, ея жизнеспособность, ея будущность приносить въ жертву военному самолюбію. Бѣдствіе приняло прямо ужасающіе размѣры. Пора остановиться.

Въ заключеніе этихъ бѣглыхъ замѣтокъ о бѣдствіяхъ, постигшихъ наше отечество, приведу замѣтку нашего поэта Н. М.

Минскаго о причинахъ нашихъ пораженій. Она указываетъ сторону, о которой многіе думали, но не высказывали. Вотъ эта замѣтка, въ немногихъ словахъ выразившая многое давно наболѣвшее, давно гнетущее ростъ и развитіе великаго народа:

„Съ далекаго юга, съ полей Манчжуріи, по которымъ отступаетъ наша пораженная армія, съ тихоокеанскихъ водъ, подъ которыми лежитъ погребеннымъ нашъ уничтоженный флотъ, черезъ всю необъятную Сибирь несется къ намъ мучительный, недоумѣнный вопросъ:

— Куда дѣвался русскій геній? Гдѣ Суворовы и Нахимовы былыхъ временъ? Что сталось съ даровитостью, съ беззавѣтной отвагой русскаго духа? Гдѣ наши таланты? Гдѣ наши герои?

Поистинѣ, безпредѣльна поучительность переживаемой нами войны. Освѣщенное ея багровымъ отблескомъ, наше прошлое пріобрѣтаетъ зловѣщій смыслъ, изъ хаоса спутанныхъ событій превращается въ завязку стройной трагедіи. Нѣтъ случайностей, нѣтъ совпаденій, — все необходимо, все неизбѣжно. И полнымъ вѣщаго значенія, почти провиденціальнымъ кажется то обстоятельство, что расплату за наши историческіе грѣхи судьба производитъ съ нами въ Азіи, на границѣ Сибири, недалеко отъ Сахалина, этого богатѣйшаго острова, превращеннаго въ тюрьму, на который японцы заглядываются, какъ на расплату за военные расходы.

Есть нѣчто провиденціальное въ томъ, что горечь военныхъ неудачъ, обусловленныхъ ущербомъ русской даровитости и отваги, мы вкушаемъ на Дальнемъ Востокѣ, вблизи тѣхъ самыхъ „наиболѣе отдаленныхъ мѣстъ“, гдѣ въ теченіе пятидесяти лѣтъ бюрократія такъ легкомысленно и безразсудно губила и хоронила русскій талантъ и русскую отвагу. Въ то время казалось, что власть ведетъ борьбу со своими врагами. Аресты, административныя судьбища, исключенія изъ учебныхъ заведеній, ссылки, заточенія,—все это если не оправдывалось, то объяснялось во имя охраненія существующаго порядка и возмездія за колебаніе основъ. Но вотъ отрезвленные горькимъ опытомъ войны, мы видимъ, что не было порядка и не могло быть колебанія. Молодые люди мыслили и говорили такъ, какъ теперь мыслитъ и говоритъ вся грамотная Россія. Не только печать, за исключеніемъ двухъ—трехъ оглохшихъ и ослѣпшихъ органовъ, но само правительство въ своихъ актахъ, совѣщаніяхъ и коммиссіяхъ высказываетъ тѣ самыя мысли о народномъ представительствѣ, о свободѣ академической и политической, за которыя въ прежнее время юноши и дѣвушки насильно отрывались отъ семьи и общества и выбрасывались на безлюдный сѣверъ. То, что мы теперь повторяемъ безнаказанно и вынужденно, они говорили свободно и рискуя собою, потому что они были наиболѣе талантливые и отважные.

Удалялись лучшіе, честнѣйшіе, правдивѣйшіе, цвѣтъ многихъ поколѣній. Производился искусственный подборъ худшихъ и робкихъ. Что же удивительнаго въ томъ, что въ роковую минуту, когда намъ понадобилась отвага и геній, ихъ не оказалось. Развѣ офицеры арміи и флота не вербуются изъ кадровъ интеллигенціи? Развѣ убыль духа въ интеллигенціи не должна была повліять на убыль духа въ войскѣ? Можетъ быть, не такъ бы повернулась эта война, можетъ быть, твердыни Ляояна находились-бы въ нашихъ рукахъ, а передъ Портъ-Артуромъ гордо стояли бы наши суда, если бы лучшіе и храбрѣйшіе остались среди насъ...

Нѣтъ зрѣлища печальнѣе и поучительнѣе, чѣмъ трагедія этой войны. Но въ этой трагедіи мы не только зрители, а также дѣйствующія лица. Раньше, чѣмъ будетъ заключенъ миръ съ Японіей, власть должна отыскать путь, который привелъ бы ее къ примиренію съ обществомъ. Казалось бы, первымъ шагомъ на этомъ пути должно быть возвращеніе свободы всѣмъ невинно осужденнымъ за свое свободолюбіе и уже оправданнымъ неумолимою логикою событій".

Это продолжительное почти полувѣковое устраненіе самаго даровитаго, самаго дѣятельнаго и самаго патріотическаго (въ лучшемъ значеніи этого слова) элемента изъ состава нѣсколькихъ послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга поколѣній сыграло, конечно, свою огромную роль и во всѣхъ нашихъ неудачахъ, внѣшнихъ и внутреннихъ. Конечно, были и другія причины... Напр., г. П. Красновъ, военный корреспондентъ „Русскаго Инвалида" такъ оцѣниваетъ одну изъ причинъ военныхъ неудачъ:

„Россія настойчиво требуетъ побѣды. Она не хочетъ справляться съ планами, съ обстоятельствами, не ей мерзнуть и умирать этими холодными ночами. Россія не желаетъ жертвъ. Россія презрительно фыркаетъ на Японію, Японія нарушаетъ нейтралитетъ и посылаетъ своихъ драгунъ и хунгузовъ въ тылъ арміи. Нужна охрана 2.000 верстъ пути. Каждый солдатъ дорогъ, каждаго съ трудомъ добываютъ въ армію. *Войска не обучены.* Они идутъ толпами на штурмъ вмѣсто того, чтобы ползти и красться; кавалерія ходитъ со скоростью пѣхоты; начальники конныхъ отрядовъ ссорятся изъ-за того, кому взорвать Хайченскій мостъ, и мостъ остается невзорваннымъ... А Россія требуетъ побѣдъ и побѣдъ... *Надо обучить, надо устроить, надо изгнать плевелы* и тогда—впередъ".

Постоянный сотрудникъ оффиціальнаго органа военнаго вѣдомства въ этомъ самомъ органѣ утверждаетъ, что „войска не обучены" и что „надо обучать, надо устроить (значитъ, и не устроены), надо изгнать плевелы" (значитъ, ихъ не мало, этихъ плевеловъ?..). И здѣсь требуется коренная реформа, а удобно ли

реформировать армію во время войны? Миръ является настоятельною потребностью и съ этой точки зрѣнія такъ же, какъ и во всякой другой, кромѣ выше цитированной точки зрѣнія русскаго сановника, бесѣдовавшаго о нашихъ злобахъ дня съ Гастономъ Дрю.

Необходимость мира выясняется все съ большею и большею силою, а возможность его находится въ зависимости отъ требованій, которыя предъявитъ Японія. Вполнѣ своевременно узнать эти требованія. Конечно, ни одна нейтральная держава не откажетъ въ своихъ „добрыхъ услугахъ", какъ дипломаты называютъ этого рода посредничество (т. е. чистое посредничество безъ вмѣшательства).

Въ заключеніе этихъ поневолѣ бѣглыхъ, поневолѣ отрывочныхъ замѣтокъ о возможности, желательности и необходимости прекратить войну и возстановить миръ, цитируемъ изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей" (11 марта, № 8714, вечернее изданіе) слѣдующую телеграмму изъ Берлина:

„Опровергая сообщеніе парижской газеты „Matin", навязавшей одному высокопоставленному русскому сановнику попытку войти въ переговоры о мирѣ съ барономъ Гаяши, петербургскій корреспондентъ „Politische Zeitung" передаетъ слѣдующій, по его словамъ, вполнѣ достовѣрный разсказъ:

„Лѣтомъ 1904 года, во время пребыванія С. Ю. Витте въ Берлинѣ, съ японской стороны была сдѣлана попытка заручиться его содѣйствіемъ въ дѣлѣ заключенія мира между Россіей и Японіей на справедливыхъ условіяхъ. С. Ю. Витте сочуственно отнесся къ этой попыткѣ, но не встрѣтилъ поддержки въ Петербургѣ. Мѣсяца два тому назадъ Японія, задыхающаяся подъ тяжкимъ бременемъ, которое взвалено на нее войною, снова пыталась начать мирные переговоры черезъ посредство того же русскаго сановника. Положеніе въ Манчжуріи было тогда еще очень благопріятное для Россіи; армія Куропаткина была цѣла и въ Японіи далеко не были увѣрены, что удастся нанести ей сокрушительный ударъ. Россія не имѣла никакой надобности просить о мирѣ, Японія сама шла навстрѣчу тѣмъ, кто въ Россіи желаетъ мира. Теперь обстоятельства измѣнились и нѣтъ надежды на то, что Японія первая выступитъ съ новымъ предложеніемъ о мирѣ".

По обнародованіи этого сообщенія, посыпались опроверженія и поправки, но весь споръ сводился къ тому, иниціатива переговоровъ принадлежала ли г. Витте, или г. Гаяши? Готовность же японскаго дипломата начать переговоры не отрицается. Несогласіе пришло отъ петербургской дипломатіи.

II.

Внутреннія русскія дѣла продолжаютъ развиваться въ направленіи, дающемъ имъ всемірно-историческое значеніе. И рабочій вопросъ, и многочисленныя совѣщанія о реформахъ, и предстоящее созваніе народныхъ представителей, и общественное движеніе, и бюрократическая репрессія, все сливается въ одинъ процессъ, очень болѣзненный, но, кажется, хотя и съ препятствіями и старою приказною волокитою, ведущій къ выздоровленію. За послѣднее время общее и безъ того сложное положеніе осложнилось еще аграрнымъ движеніемъ, охватившимъ широкіе раіоны. Крайними пунктами, въ которыхъ проявилось аграрное движеніе, были на сѣверѣ Новгородская губернія, на югѣ Гурія въ Кутаисской губерніи, на западѣ Черниговская и Витебская и на востокѣ Саратовская и Самарская губерніи, при чемъ съ особенною силою и энергіей движеніе сказалось въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ (Воронежской, Курской, Орловской и др.), а своеобразное теченіе оно приняло въ Кутаисской губерніи.

Не здѣсь мѣсто излагать ходъ этого крестьянскаго движенія. Здѣсь мы остановимся лишь на историческомъ смыслѣ движенія и его возможномъ значеніи.

Среди общественныхъ движеній, изъ борьбы и столкновенія которыхъ слагается внутренняя исторія народовъ, совершенно особое и самобытное мѣсто занимаютъ крестьянскія движенія, мужицкія смятенія и возстанія. Мы знаемъ мотивы и силы, движущіе массы и волнующіе общества въ тѣхъ случаяхъ, когда движеніе охватываетъ всѣ слои народа, а такъ же и въ тѣхъ, когда оно распространяется только на городское населеніе, или только на культурные классы, или на привилегированныя и военныя сословія, или, наконецъ, на всѣ эти или нѣсколько этихъ слоевъ общественныхъ. Въ этихъ случаяхъ интересы и идеи управляютъ движеніемъ, и внимательный наблюдатель можетъ предвидѣть и наступленіе, и силу, и направленіе движенія. Извѣстное равновѣсіе силъ, представляющихъ собою болѣе или менѣе значительные интересы различныхъ группъ населенія и выраженныхъ въ системѣ господствующаго права (пріобрѣтенныхъ или историческихъ правъ), это равновѣсіе съ теченіемъ времени постепенно подрывается ростомъ однихъ интересовъ, ослабленіе другихъ и расшатывается критикою съ точки зрѣнія вновь вырабатываемыхъ идей и новыхъ идеаловъ. Какъ ростъ и ослабленіе общественныхъ силъ, поддерживающихъ тѣ или иные интересы, такъ и развитіе новыхъ идей и нарожденіе новыхъ идеаловъ, ихъ распространеніе и вліяніе — безъ особаго труда под-

даются наблюденію мыслящаго человѣка. Непредвидимыми и неподлежащими предварительному учету остаются сроки, степень энергіи, формы, которыя приметъ назрѣвающее движеніе, его теченіе, т. е. весьма существенное, отчего зависитъ и будущность движенія, и его успѣхъ, и его прямые и косвенные плоды, но само движеніе всегда можетъ быть предвидѣно, потому что при современномъ пониманіи законовъ, управляющихъ обществами, и при громадномъ ежедневномъ запасѣ текущихъ свѣдѣній обо всемъ, что совершается въ мірѣ, корни и источники всякаго такого движенія обнажены и доступны интересующемуся и желающему видѣть и знать. Совершенно въ другомъ положеніи находятся всѣ чисто крестьянскія движенія. Они рождаются какъ-бы изъ ничего, внезапно разростаются въ грозное явленіе и угасаютъ, не оставляя повидимому слѣда.

Видимая безпричинность чисто крестьянскихъ движеній происходитъ отъ того, что крестьянская масса до сихъ поръ въ значительной части Европы еще не пріобщилась къ исторической жизни тѣхъ націй, къ которымъ по крови, культурѣ и государственному подданству принадлежитъ. Городское, привилегированное и культурное человѣчество боролось за свои интересы, устанавливало компромиссы между ними, создавало изъ этихъ компромиссовъ систему историческаго права, выработывало идеи и, колебля прежнія правовыя отношенія, замѣняло ихъ новыми,—словомъ, творило исторію, а крестьянинъ ничего этого не зналъ и ничѣмъ этимъ не интересовался. Въ эпоху, когда впервые сложился бытъ земледѣльческій, крестьянинъ подъ повелительнымъ давленіемъ условій земледѣльческой жизни, трудовой, суровой и вмѣстѣ съ тѣмъ творческой, независимой и спокойной, выработалъ извѣстный строй понятій о добрѣ и злѣ, правдѣ и кривдѣ, въ основу которыхъ не могли не лечь условія и требованія земледѣльческой жизни, земледѣльческаго труда. Трудъ своими руками на себя, трудъ, требующій столько вниманія и творчества; замкнутая жизнь, удовлетворяющая сама своимъ потребностямъ; слабость единичныхъ усилій въ борьбѣ съ природою; природа — губительница и природа—кормилица, смотря по тому, какъ подойдемъ къ ней; гармонія разныхъ сторонъ труда земледѣльческаго, необходимая для его успѣха; гармонія разнообразныхъ силъ природы, не менѣе необходимая для успѣха земледѣлія, отсутствіе досуга, захолустность мѣстожительства, всѣ эти и многія другія условія соединились, чтобы и выработать прочную единообразную мужицкую мораль, и пронести ее неиспорченною и не искаженною черезъ многія тысячелѣтія страдной крестьянской жизни. А жизнь была дѣйствительно страдная: и рабство, и деспотизмъ, и эксплуатація, и религіозное изувѣрство, все внесло свою лепту въ многотомную книгу страданій земледѣльца, кормильца и строителя государствъ и народовъ.

Всякая профессія, получившая преобладаніе въ національной жизни, стремится особеннымъ образомъ окрасить и мораль. Спартанская военная община создаетъ кодексъ морали, конечно, совершенно иной, нежели коммерческая Финикія. Феодальная аристократія среднихъ вѣковъ Западной Европы въ кодексѣ чести завѣщала намъ систему морали, выработанную для привилегированнаго военнаго сословія. Точно такъ же должна была выработаться и своя особая мужицкая мораль, вытекающая изъ условій трудовой земледѣльческой жизни, какъ рыцарская честь или спартанская доблесть выросли въ видѣ системъ морали, соотвѣтствующихъ аристократическому и военному быту. Мораль мужицкая очень проста и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для современнаго культурнаго человѣка съ его „правами“, довольно таки мудреная. Она именно и прежде всего не знаетъ этихъ „правъ“; она знаетъ только справедливость, вытекающую изъ труда. *Трудовое начало* проникаетъ насквозь эту архаическую мораль; отрицаніе или, вѣрнѣе, совершенное игнорированіе историческихъ правъ представляетъ ея особенность, ставящую ее въ такое противорѣчіе со всѣмъ строемъ современной жизни, возсѣдающемъ на цѣлой сложной системѣ правъ. Ярче всего выражается это въ отношеніяхъ этой мужицкой морали къ землѣ, завладѣніе которой лицомъ, не воздѣлывающимъ ее, она отказывается понять и признать. Сколько аграрныхъ мятежей знаетъ исторія исключительно вслѣдствіе этого непониманія, созданнаго исторіей поземельнаго права. Исторіи, какъ мы уже замѣтили, крестьянинъ знать не хочетъ, какъ, впрочемъ, и исторія знать его не хотѣла. Другимъ примѣромъ отрицательнаго отношенія мужицкой морали къ пріобрѣтенному праву можетъ служить ея отношеніе къ нѣкоторымъ обязательствамъ. Одни она признаетъ, и всякій честный мужикъ сочтетъ себя обязаннымъ ихъ выполнить; другія совершенно игнорируетъ, и совершенно честный крестьянинъ сочтетъ для себя дозволеннымъ и порубку въ чужомъ лѣсу, и неуплату долга, выросшаго изъ неустоекъ, или процента, или даже аренднаго договора. Вглядываясь въ эти обязательства, что нравственно-обязательны для честнаго крестьянина, и такія, что исполняются лишь по принужденію или по разсчету, мы легко замѣтимъ, что вторыя вытекаютъ изъ игры историческихъ правъ, а первыя изъ простого обмѣна трудомъ или услугами. Такимъ образомъ, въ то время, какъ верхніе слои, правящіе классы создаютъ цѣлую систему правъ, соотвѣтствующую соотношенію силъ, представительствующихъ различныя группы интересовъ, внизу, почти во всѣхъ европейскихъ обществахъ, живутъ милліоны крестьянской массы, морально не признающіе этой системы и лишь подчиняющіеся ей такъ же, такъ прежде подчинялись рабству или крѣпостному состоянію. Для этой массы строй современный столь же мало кажется справедливымъ, какъ и былой крѣпостной строй. Сила

гнула мужика въ ярмо раба; сила же вынуждаетъ его признавать историческія права, созданныя нашею цивилизаціею. Мужицкая мораль не входила въ компромиссы съ чуждыми интересами, а только подчинялась. Поэтому-то, въ случаѣ ея проявленія, она и является нынѣ въ томъ же видѣ, въ какомъ ее видѣли и классическая древность, и средніе вѣка. Понятно, съ другой стороны, что такъ какъ это мужицкое чувство обыкновенно хранится подъ спудомъ, какъ хранилось многія тысячелѣтія, то весьма трудно предвидѣть его взрывъ.

Крестьянинъ тамъ, гдѣ онъ сохранилъ свой типическій обликъ, чувствуетъ себя постоянно обиженнымъ и постоянно надѣется на наступленіе золотого вѣка, когда восторжествуетъ понимаемая имъ „правда". Эта вѣра въ наступленіе правды присуща всякому крестьянину, не пріобщившемуся цивилизаціи. И онъ ждетъ этого часа. Онъ жадно ловитъ всякій слухъ, всякое извѣстіе, какъ бы подтверждающее его ожиданіе. Крестьянинъ обладаетъ эпическою фантазіею, создающею ему цѣлую призрачную дѣйствительность изъ малѣйшаго слуха, ласкающаго его надежды, подкрѣпляющаго его вѣру. Онъ такъ же легковѣренъ и въ противоположную сторону, потому что онъ убѣжденъ, что лишь злые люди мѣшаютъ осуществленію на землѣ его земледѣльческаго рая. И онъ столь-же жадно ловитъ слухи объ этихъ помѣхахъ и козняхъ. Освобожденіе (отъ крѣп. состоянія) было прежде во всей Европѣ основною темою этихъ оптимистическихъ и пессимистическихъ слуховъ. Затѣмъ и донынѣ такою темою является *земля*, а порою страхъ возвращенія крѣпостнаго состоянія.

Такое настроеніе, исполненное надежды на золотой вѣкъ и подозрительности къ правящимъ классамъ, какъ къ главной помѣхѣ, существуетъ въ крестьянской массѣ всегда, а потому и всегда готова почва для движенія и движеніе обыкновенно является неожиданностью. Однако, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, это скрытое настроеніе обостряется и крестьянская масса становится особенно воспріимчива къ движенію. Такими обстоятельствами могутъ быть глубокіе политическіе перевороты, порождающіе обыкновенно массу слуховъ, но чаще всего лучшею почвою служитъ обѣдненіе крестьянской массы, угнетенія, которыя она испытываетъ, эксплуатація ея невѣжества и экономической слабости и пр. Видя, вмѣсто ожидаемаго золотого вѣка, раззореніе, крестьяне становятся очень воспріимчивы ко всякимъ слухамъ, оптимистическимъ и пессимистическимъ, и тутъ самое непредвидѣнное, самое пустое обстоятельство можетъ послужить поводомъ къ взрыву.

Отсюда и внезапность этихъ движеній; отсюда и быстрота ихъ роста, такъ какъ все крестьянство настроено одинаково; отсюда же и безплодность этихъ взрывовъ, такъ какъ мужицкая мораль во всей полнотѣ противорѣчитъ всѣмъ интересамъ всѣхъ правя-

щихъ классовъ, и, возставая не во имя интересовъ, которые могутъ войти въ компромиссъ, а во имя своей *правды, всей* правды, крестьянинъ, конечно, не можетъ разсчитывать на успѣхъ, да и программы *обыкновенно* эти жакеріи не имѣютъ. Стихійно возникшія, стихійно разросшіяся въ грозное и разрушительное явленіе, онѣ такъ-же стихійно угасаютъ, ничего не достигнувъ, но и ничего и не потерявъ, такъ какъ, кромѣ вѣры въ наступленіе золотого вѣка, ничего за ними и не было, а эту вѣру крестьянинъ хранитъ вѣчно, какъ самое драгоцѣнное и единственное свое достояніе. Подробное изслѣдованіе этихъ любопытныхъ стихійно-общественныхъ явленій было бы очень интересною страницею обществознанія, но, конечно, теперь это не входитъ въ нашу задачу. Я желалъ только лучше освѣтить современныя событія, взволновавшія общественное мнѣніе, и безъ того глубоко взволнованное.

Мужицкіе мятежи въ большей или меньшей степени свойственны всѣмъ странамъ Европы. За послѣднія два десятилѣтія мы ихъ наблюдали въ Германіи (въ Гессенѣ въ 1885), Италіи (Калабрія въ 1876, Ломбардія въ 1889, Сицилія нѣсколько лѣтъ тому назадъ), Австріи (Галиція въ 1886), даже Англіи (на о-вѣ Тайри въ 1886) и проч. У насъ съ особою силою проявились эти мятежи въ 1901 году въ губерніяхъ Харьковской, Полтавской и Херсонской. Сурово подавленное, это движеніе нынѣ, черезъ четыре года, вспыхнуло съ новою силою и *большею частью* въ тѣхъ же формахъ. Подробныхъ свѣдѣній о крестьянскихъ безпорядкахъ 1905 года, конечно, еще нѣтъ, но по ихъ поводу г. Пушкинъ, стоявшій близко къ производству слѣдствія о безпорядкахъ 1901 года, сообщаетъ въ „Нов. Вр.“ характеристику этого движенія, въ значительной своей части годную и для современныхъ безпорядковъ.

„На небольшомъ пространствѣ пограничныхъ между собой уѣздовъ Валкскаго Харьковской губ. и Константиноградскаго Полтавской, въ теченіе времени съ 31 марта по 2 апрѣля, были опустошены до семидесяти отдѣльныхъ помѣщичьихъ, купеческихъ и крестьянскихъ экономій и хуторовъ, при чемъ въ этомъ „разобраніи“, — какъ называли крестьяне свои дѣйствія, — приняли участіе поголовно нѣсколько десятковъ тысячъ взрослыхъ мужиковъ, бабъ и дѣтей. Это движеніе представляло собой нѣчто стихійное по неожиданности, съ которой оно появилось, и по стремительности, съ которой оно было произведено сплоченною массою всего крестьянскаго населенія означенной мѣстности. Самый же способъ, какимъ были „разобраны“ всѣ экономіи, находившіяся на пути этого урагана, въ большинствѣ случаевъ носилъ вполнѣ мирный характеръ. Толпы крестьянъ, иногда въ нѣсколько тысячъ, съ подводами и лошадьми, являлись въ помѣщичью усадьбу, вызывали владѣльца или управляющаго и спо-

койно объявляли, что они получили разрѣшеніе отобрать отъ помѣщиковъ весь хлѣбъ изъ амбаровъ и весь скотъ.

Никакія возраженія и увѣщанія не принимались во вниманіе; наоборотъ, крестьяне, въ свою очередь, упрашивали помѣщика не сопротивляться „приказанію" свыше, затѣмъ получали отъ него ключи отъ помѣщеній, гдѣ хранилось имущество, выносили хлѣбъ, выводили скотъ и, тутъ же на мѣстѣ подѣливъ его „по душамъ", забирали полученное и помѣщали его въ своихъ усадьбахъ, въ большинствѣ случаевъ не принимая даже мѣръ къ сокрытію его.

Никакого насилія противъ владѣльцевъ учинено не было".

Далѣе г. Пушкинъ удостовѣряетъ, что самое тщательное разслѣдованіе не обнаружило подстрекателей, и что движеніе вспыхнуло вслѣдствіе внезапно откуда-то появившагося и быстро распространившагося слуха, что такое *разобраніе* разрѣшено высшимъ начальствомъ. Почему крестьяне повѣрили этому слуху? Авторъ видитъ тому двѣ причины: невѣжество и обѣднѣніе. О послѣднемъ г. Пушкинъ выражается такъ:

„Другое основаніе состояло въ непреодолимомъ желаніи вѣрить всякимъ такимъ слухамъ, которые сулятъ освобожденіе ихъ изъ того невыносимаго экономическаго положенія, въ которомъ они находятся, и которое можетъ быть опредѣлено двумя словами: „хроническое недоѣданіе" по причинѣ малоземельности и увеличенія народонаселенія. Наконецъ, третья причина, по собственному объясненію обвиняемыхъ, заключается въ слѣдующемъ. Въ 1861 г., по понятіямъ обвиняемыхъ, у помѣщиковъ была отобрана земля и отдана крестьянамъ даромъ; значеніе выкупныхъ платежей, какъ разсрочки уплаты за эту землю, никогда не было ясно въ представленіи крестьянъ, и они были всегда склонны смотрѣть на эти платежи, какъ на поземельный налогъ; въ настоящее время, спустя сорокъ лѣтъ, они такъ размножились, что подаренной имъ земли сдѣлалось уже недостаточно для ихъ прокормленія, а поэтому они должны будто бы получить новый надѣлъ, на что, однако, помѣщики не соглашаются и бунтуютъ противъ царя, которому имъ, крестьянамъ, слѣдуетъ придти на помощь и насильно отобрать отъ господъ землю, которую они не хотятъ отдать добровольно; въ данную же минуту слѣдуетъ взять у нихъ покамѣстъ полученные ими отъ этой земли доходы, въ видѣ хлѣба и скота. Это убѣжденіе до такой степени проникло въ сознаніе крестьянъ, что многіе изъ нихъ и на судѣ упорно старались доказывать его справедливость".

Эта третья причина и сводится въ сущности къ тѣмъ архаическимъ мужицкимъ идеаламъ, о которыхъ я говорилъ выше. Эта легенда о грядущей „правдѣ" представляетъ одну изъ самыхъ живучихъ и любопытнѣйшихъ чертъ общекрестьянскаго міровоззрѣнія, этого архаическаго, но и полнаго будущности обществен-

наго типа, въ которомъ наивная инертность, не обѣщающая, повидимому, никакого историческаго значенія, чудесно сочетается съ такою чистотою и глубиною вѣры въ правду, которая одна, эта вѣра, обезпечиваетъ историческую будущность. Это чаяніе правды, это коллективное чувство уживается въ крестьянствѣ съ индивидуальною грубостью, жестокостью, вопіющею неправдою, но эта индивидуальная сторона покрывается коллективною и, по моему глубокому убѣжденію, мужицкая идея еще скажетъ и свое вѣское слово во всемірной исторіи. Въ настоящее время человѣчество занимается, интересуется и волнуется интересами, дѣлами и вопросами, преимущественно, городскими, общенаціональными, общекультурными, международными... Здѣсь все понятно и все извѣстно. Здѣсь всякій знаетъ, чему симпатизировать, чего опасаться, на что надѣяться. Къ тому же здѣсь все является въ картинной и драматической обстановкѣ: гремятъ выстрѣлы, льется кровь, раздаются краснорѣчивыя воззванія, увлекательныя рѣчи... Здѣсь мысль и жизнь, движеніе и прогрессъ.

Ничего подобнаго не говоритъ ни сердцу, ни уму современнаго западнаго европейца движеніе крестьянское. Тамъ нѣтъ краснорѣчивыхъ ораторовъ, которые завоевали бы мужику симпатіи общества. Тамъ нѣтъ глубокихъ мыслителей, которые обосновали бы мужицкіе идеалы. Тамъ нѣтъ образованныхъ руководителей, которые удержали бы движеніе въ цѣлесообразныхъ предѣлахъ и направили бы его къ согласованію съ эволюціей другихъ наслоеній общественныхъ... Правда, порою и тамъ бываетъ и кровь, и трупы, и пожары, и всяческія репрессіи, но эти взрывы крестьянскаго движенія, внезапные и неожиданные, кажутся обществу какими-то изверженіями доисторическаго звѣрства. Его стараются усмирить, если нужно загасить кровью, чтобы затѣмъ поскорѣе снова заняться своими городскими дѣлами, дѣлами буржуазіи, аристократіи, церкви, пролетаріата и т. д. Такъ шла исторія Западной Европы полтора тысячелѣтія. Такъ идетъ она и нынѣ. Отчасти и Восточная Европа вступила на тотъ же путь, но только отчасти, потому что русская умственная жизнь создала могучее и широкое теченіе, сочувственное мужику и его трудовому началу въ правѣ. Когда мужицкая „правда" будетъ просвѣтлена и цѣлесообразно направлена этимъ уже готовымъ, но еще не дошедшимъ до мужика истолкованіемъ его идеаловъ, тогда наступитъ время выхода на историческую арену и мужицкой идеи. Я убѣжденъ, что это время не за горами. Я убѣжденъ, что обновленіе Россіи должно неминуемо повлечь за собою и это появленіе мужика, какъ дѣятеля всемірной исторіи. Есть и нѣкоторые тому признаки.

III.

Особенный характеръ и своеобразное теченіе получило крестьянское движеніе въ Гуріи, захватившее затѣмъ Имеретію, часть Карталиніи и часть Аджаріи. Ему придавали и политическое, и національное значеніе. Это обстоятельство, какъ и упомянутая только что его своеобразность, побуждаютъ меня остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Объ этомъ движеніи напечатано обстоятельное сообщеніе въ „Новостяхъ" г. Старцевымъ, который передаетъ свою бесѣду съ „виднымъ общественнымъ дѣятелемъ Кавказа и хорошимъ знатокомъ" (какъ отзывается г. Старцевъ о своемъ собесѣдникѣ). Бесѣда дѣйствительно очень интересная, и здѣсь я приведу ее въ существенныхъ частяхъ.

„Вы, конечно, знаете, что крестьянское движеніе началось въ Гуріи (такъ началъ собесѣдникъ г-на Старцева). Такъ называлось прежде одно изъ грузинскихъ княжествъ. Въ данное время вся Гурія умѣщается въ Озургетскомъ уѣздѣ, Кутаисской губерніи. Населеніе ея, сплошь грузинское, не превышаетъ 150 тыс. Малоземелье, тяжкія арендныя условія и другія экономическія причины издавна побуждали гурійцевъ къ отхожимъ промысламъ. Этому не мало способствовала близость моря. Гурійцевъ можно видѣть во всѣхъ портахъ Чернаго моря, много работаетъ ихъ въ Одессѣ и въ Севастополѣ... Благодаря этому, бывалый и много видавшій на своемъ вѣку гуріецъ рѣзко отличается своимъ умственнымъ развитіемъ отъ остальныхъ грузинскихъ крестьянъ,—въ общемъ, крайне неразвитыхъ и забитыхъ нуждой людей... Гурія—одинъ изъ самыхъ культурнѣйшихъ уголковъ на всемъ Кавказѣ, да и во всей Россіи едва-ли много можно встрѣтить такихъ уголковъ. Въ каждой деревушкѣ, самой глухой и бѣдной, затерявшейся среди непроходимыхъ болотъ, лѣсовъ и скалъ, имѣются обязательно школа и библіотека. Впрочемъ, въ послѣднее время всѣ эти школы и библіотеки закрыты администраціей...

Насколько населеніе Гуріи культурно и отзывчиво къ міровымъ событіямъ, можетъ до извѣстной степени служить доказательствомъ необычайная распространенность газетъ среди народа. Нужно замѣтить при этомъ, что грузинскія газеты—вполнѣ приличные, въ настоящемъ смыслѣ, литературные и прогрессивные органы. Вліяніемъ онѣ пользуются огромнымъ. Еще болѣе, конечно, способствовала распространенію газетъ — японская война. Народъ съ жадностью ловитъ каждое извѣстіе о ней и прекрасно освѣдомленъ о положеніи дѣлъ. Крестьяне-гурійцы знаютъ по именамъ всѣхъ военачальниковъ, великолѣпно разбираются въ

телеграфныхъ сообщеніяхъ при помощи имѣющихся картъ. Насколько живо они интересуются войной, могу привести слѣдующій фактъ, свидѣтелемъ котораго я самъ былъ. Въ село Чахатуари, въ 25 верстахъ отъ линіи желѣзной дороги, почта приходитъ два раза въ недѣлю. И вотъ, крестьяне, чтобы имѣть возможность каждый день получать газеты, на собственный счетъ обзавелись верховымъ, который и доставляетъ имъ ежедневно газеты. Собираются затѣмъ сходы, газеты читаются вслухъ, и всѣ событія горячо обсуждаются народомъ. Какъ видите, гурійцы далеко не тѣ дикари, какими вы, петербужцы, привыкли считать всѣхъ кавказцевъ.

Я сказалъ уже, что малоземелье одно изъ самыхъ мрачныхъ пятенъ въ жизни гурійскаго крестьянина. Надѣлы его такъ ничтожны, что кормиться ими нѣтъ никакой возможности.

Сильно развита, поэтому, аренда земель у мѣстныхъ помѣщиковъ. Надо замѣтить при этомъ, что число дворянъ въ Гуріи, какъ нигдѣ, велико. Чуть ли не 10 проц. всего населенія. Гурійскіе дворяне, какъ и вообще всѣ грузинскіе ихъ собратья, презираютъ какой бы то ни было трудъ, считая его удѣломъ низшихъ слоевъ Никто изъ помѣщиковъ самъ не хозяйничаетъ, и всѣ предпочитали отдавать земли въ аренду крестьянамъ. Условія аренды— прямо-таки невозможны. Съемщикъ-крестьянинъ бралъ голую землю, вкладывалъ въ нее весь свой трудъ, обработывалъ ее своими орудіями, сѣялъ свои сѣмена и долженъ былъ уплачивать помѣщику отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ всего урожая! Помимо этого, помѣщики всячески утѣсняли крестьянъ... Рѣдкій крестьянинъ могъ избѣгнуть штрафа за потраву помѣщичьихъ посѣвовъ. Все это, конечно, не могло создать любовныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Вражда между ними разросталась все сильнѣе, случаи аграрныхъ преступленій умножались. Крестьянское населеніе, грамотное, развитое, поняло, что такимъ путемъ многаго не достигнешь и что борьба съ помѣщиками возможна только при условіи единодушія. И вотъ, крестьяне, собравшись на сходы, постановили не брать у помѣщиковъ земли въ аренду. Помѣщиковъ стали бойкотировать. Всякія сношенія съ ними были прерваны. Для надзора же надъ приведеніемъ въ исполненіе этого постановленія были избраны крестьянами особые комитеты, значеніе и роль которыхъ впослѣдствіи стали прямо-таки огромными...

Отказъ отъ аренды повлекъ голодовки, нищету, но крестьне стойко переносили всѣ бѣды и несчастья.

Тяжко пришлось и помѣщикамъ. Они должны были обработывать свои земли наемными рабочими. Такъ и сдѣлали. Тогда комитеты издали распоряженіе, воспрещавшее кому-либо изъ гурійцевъ или пришлыхъ со стороны рабочихъ работать на помѣщичьихъ земляхъ. Послѣ одного, двухъ убійствъ пришлыхъ

рабочихъ, помѣщики очутились въ безвыходномъ положеніи. Что имъ было дѣлать?

Наиболѣе разумные изъ нихъ организовали трудовыя артели и сами стали обработывать свои земли (дворяне въ Гуріи—мелкопомѣстные).

Крестьяне очень сочувственно отнеслись къ этой попыткѣ дворянъ.

— Что-жъ? Работайте! Мы очень рады!..

И дворяне-земледѣльцы примкнули къ крестьянамъ.

Остальные дворяне, считавшіе ниже своего достоинства заниматься трудомъ, предпочли засыпать жалобами начальство, стали кричать о бунтѣ крестьянъ, о необходимости скорѣйшей присылки войскъ. Вопли дворянъ-помѣщиковъ достигли цѣли. Въ Гурію были посланы войска. Но такъ какъ бунта, собственно говоря, не было, то и войскамъ нечего было дѣлать. Однако, ихъ оставили кое-гдѣ по деревнямъ и устроили такъ называемыя экзекуціи: крестьяне должны были содержать войска. Назначены были, вмѣсто выборныхъ, правительственные старшины. Пошли мѣры строгости, пресѣченія и обузданія, на которыя была такъ щедра кавказская администрація. Штрафы, тюремное заключеніе, высылки, постой солдатъ, поборы полицейскихъ и старшинъ—все это озлобляло населеніе, и возникшее года три назадъ чисто аграрное движеніе среди гурійскихъ крестьянъ стало получать иную окраску.. Къ этому времени часть дворянъ пошла на уступки, понизивъ аренду до 1/10 урожая; остальные же дворяне побросали свои угодья и выѣхали изъ Гуріи. Къ чести крестьянъ нужно замѣтить, однако, что они не воспользовались оставленнымъ добромъ, не тронули покинутыхъ усадебъ и не воспользовались землями, оставленными на произволъ судьбы. Администрація продолжала придерживаться своей старой системы обузданія, недовольство росло, населеніе сопротивлялось и, въ концѣ концовъ, забывъ помѣщиковъ, всю ненависть свою перенесло на администрацію.

Крестьянскіе комитеты пріобрѣли необычайную власть и популярность. Возникли особые крестьянскіе суды, и рѣшенія ихъ безусловно признавались всѣмъ населеніемъ. Камеры мировыхъ судей и помѣщенія полицейскихъ управленій остались не при чемъ.

Къ нимъ никто не обращался. Народъ отвергъ эти учрежденія. Никакихъ насилій онъ не чинилъ, а просто рѣшилъ молчаливо, что ни къ чему для него эти мировые судьи и полицейскіе пристава.

— Мы и сами разберемся въ своихъ дѣлахъ!..

Крестьянскіе комитеты вынесли, между прочимъ, такія крайне любопытныя постановленія:

1) Воспретить крестьянамъ винокуреніе, за которое они уплачивали высокій акцизъ, и запретить употребленіе водки.

2) Въ виду того, что нѣкоторые обряды, свадьбы и похороны обставляются крайне обременительно для крестьянъ, комитеты рѣшили прежде всего установить таксу за духовныя требы. Затѣмъ, такъ какъ на похоронахъ и свадьбахъ присутствовала обыкновенно масса гостей, и хозяева обязаны были, въ силу установившихся обычаевъ, угощать, поить и кормить ихъ чуть ли не по недѣлямъ, комитеты объявили, что гости, являющіеся на свадьбу, не имѣютъ права садиться и, выпивъ одинъ стаканъ вина, должны удаляться во-свояси; а при проводахъ покойниковъ на кладбище ни въ какомъ случаѣ не участвовать на поминкахъ...

3) Комитеты постановили, чтобы никакихъ грабежей и разбоевъ больше не было. Такъ и объявили. И такова сила комитетовъ, что въ теченіе послѣднихъ шести—восьми мѣсяцевъ было только нѣсколько случаевъ воровства, и виновные понесли наказаніе. А наказанія комитетами были назначены нешуточныя: въ первый разъ нарушитель постановленія комитета подвергался бойкоту, во второй—изгнанію изъ предѣловъ Гуріи и въ третій—смертной казни...

4) Общее постановленіе комитетовъ гласило: народъ долженъ прекратить всякія сношенія съ администраціей, и никто изъ гурійцевъ, подъ страхомъ смерти, не долженъ занимать административныя мѣста...

Нужно ли говорить, что всѣ постановленія крестьянскихъ комитетовъ приводились въ исполненіе съ желѣзной настойчивостью?

Вотъ, собственно, въ общихъ чертахъ, то „возстаніе", которое вызвало отправку войскъ въ Гурію подъ командой генерала Алиханова...

Грузинская интеллигенція, конечно, всполошилась за участь этого культурнаго уголка и обратилась, въ лицѣ особо избранной депутаціи, къ высшимъ властямъ въ краѣ, съ разъясненіемъ истиннаго характера „возстанія" гурійцевъ... Депутація убѣдила власти повременить съ отправкой войскъ, и послѣднія были задержаны. Въ Гурію командированъ членъ совѣта главноначальствующаго т. с. Султанъ-Крымъ-Гирей для выслушанія жалобъ и требованій гурійцевъ... Всѣмъ населеніемъ пока ему предъявлены такія требованія:

1) націонализація земли;

2) устраненіе всѣхъ правительственныхъ старшинъ и предоставленіе широкаго самоуправленія населенію;

3) участіе народа, въ лицѣ представителей его, въ общемъ законодательствѣ страны.

При этомъ долженъ вамъ замѣтить, что всѣ гурійцы особенно и самымъ старательнымъ образомъ подчеркиваютъ полное отсут-

ствіе въ нихъ какихъ бы то ни было сепаратистскихъ стремленій...

Вы спрашиваете: ограничилось ли движеніе одной только Гуріей? Отвѣчу вамъ: нѣтъ, къ Гуріи пристали еще восемь уѣздовъ Тифлисской и Кутаисской губерній... Возникла и въ этихъ мѣстахъ все та же организація. Дѣйствуютъ и правятъ народомъ фактически такіе же крестьянскія комитеты, какъ и въ Гуріи... Требованія народомъ выставляются тѣ же".

Цитата наша нѣсколько длинна, но она освѣщаетъ совершенно новое явленіе въ исторіи: крестьянское движеніе, направленное къ прежнимъ общемужицкимъ идеаламъ, но старающееся его такъ или иначе согласовать съ современностью и прибѣгающее къ новымъ средствамъ и методамъ. Сообщеніе о программѣ гурійскихъ крестьянъ отчасти подтверждается и „Новымъ Обозрѣніемъ", которое сообщаетъ, что командированный въ Гурію тайный совѣтникъ Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей „былъ въ сел. Хидиставн, а 25-го въ Аскане. Теперь, послѣ четырехъ сходовъ, желанія крестьянъ опредѣлялись съ достаточной полнотой. Главнѣйшія изъ нихъ: освобожденіе временно-обязанныхъ крестьянъ съ безвозмезднымъ закрѣпленіемъ за ними надѣловъ; общедоступность высшаго и средняго образованія и обязательное безплатное низшее образованіе; свобода слова, печати и собраній, общее мѣстное самоуправленіе; нормировка поземельной ренты; уничтоженіе косвеннаго и введеніе подоходнаго налога; передача церковныхъ земель въ собственность крестьянъ, выборные судьи; участіе въ законодательствѣ народныхъ представителей. Въ уѣздѣ все спокойно. Абсолютное отсутствіе сепаратныхъ стремленій".

Сообщеніе же о распространеніи движенія на сосѣднія области подтверждаетъ телеграмма Петерб. Агентства изъ Тифлиса:

„Тифлисъ, 15-го марта. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ „Кавказѣ", крестьяне Шаропанскаго уѣзда, прервавъ всякое сношеніе съ мѣстными должностными лицами, обращаются по своимъ дѣламъ къ тайно избраннымъ ими представителямъ. Они отказались составлять раскладки на общественныя потребности и рѣшили не обработывать помѣщичьихъ земель. Временно обязанные, кромѣ того, отказались уплачивать помѣщикамъ повинности на помѣщичьи земли, признавая послѣднія своими.

Въ Бѣлогорахъ 6-го марта арестованный приставомъ за покушеніе на поджогъ селенія насильно освобожденъ толпой около 500 человѣкъ".

Подтверждаетъ это распространеніе движенія и нижеслѣдующее:

Приказъ по управленію главноначальствующаго 11-го марта: „Высочайше утвержденнымъ 9-го марта положеніемъ комитета министровъ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 21-го февраля

положенія того же комитета объ объявленіи на военномъ положеніи нѣкоторыхъ частей Кутаисской губерніи и Батумской области распространено на всю кутаисскую губернію и города Кутаисъ, Поти и Батумъ. Въ виду означеннаго Высочайшаго повелѣнія, сообщеннаго мнѣ для приведенія въ исполненіе Намѣстникомъ Его Величества на Кавказѣ, предлагаю генералъ-лейтенанту князю Джамбакуріанъ-Орбеліани теперь же вступить во временное исполненіе обязанностей генералъ-губернатора не только въ отношеніи Озургетскаго, Сенакскаго и Кутаисскаго уѣздовъ Кутаисской губерніи и Кинтришскаго участка Батумской области, какъ предложено въ приказѣ 7-го марта, но и въ отношеніи всего остального пространства Кутаисской губерніи и городовъ: Кутаиса, Батума и Поти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ распоряженіе генералъ-лейтенанта князя Джамбакуріанъ-Орбеліани на одинаковыхъ основаніяхъ съ перечисленными въ томъ приказѣ войсковыми частями, поступаютъ всѣ войсковыя части, находящіяся нынѣ въ Батумѣ. Подписалъ исп. обязан. главноначальствующаго генералъ-лейтенантъ Малама".

Чѣмъ кончится это крестьянское движеніе, предсказать нельзя, при той огромно сложности, которая характеризуетъ настоящій историческій моментъ. Важно, однако, отмѣтить, что въ этомъ движеніи крестьянство выходитъ на новый путь... Нѣчто новое чувствуется и въ отношеніи помѣщиковъ.

„Тифлисскій Листокъ" сообщаетъ, что „подъ предсѣдательствомъ и. д. тифл. губернскаго предводителя дворянства 6 и 7 марта состоялось частное совѣщаніе дворянъ Тифлисской губерніи по вопросу о примиреніи крестьянскаго населенія Карталиніи съ помѣщиками. Нѣкоторые изъ ораторовъ указывали на то обстоятельство, что броженіе среди мѣстнаго населенія происходитъ отъ экономическаго неустройства крестьянъ, что дворянство обязано принять всѣ мѣры къ устраненію этихъ неустройствъ, для чего необходимо командировать уполномоченныхъ, пользующихся довѣріемъ крестьянъ, которые выяснили бы настоящую причину недовольства; было указано также на необходимость исходатайствовать разрѣшеніе объ устройствѣ въ Карталиніи общихъ всесословныхъ собраній для обсужденія и выясненія требованій населенія и выработки мѣръ для урегулированія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Послѣ продолжительныхъ дебатовъ совѣщаніе избрало изъ 7 лицъ особую коммиссію и постановило ходатайствовать предъ и. д. главноначальствующаго о разрѣшеніи коммиссіи объѣзжать Горійскій уѣздъ съ цѣлью выясненія требованій крестьянства и умиротворенія ихъ".

Не новый ли путь знаменуетъ и слѣдующая телеграмма Россійскаго телеграфнаго агентства:

„Новоузенскъ, 12-го марта. Экономическій совѣтъ при земской управѣ, съ участіемъ представителей крестьянскихъ обществъ,

постановилъ просить земство возбудить ходатайства: 1) о передачѣ начальнаго обученія всецѣло въ вѣдѣніе земства; 2) о прирѣзкѣ казенной земли мѣстнымъ малоземельнымъ обществамъ, съ воспрещеніемъ переселенія въ Новоузенскій уѣздъ крестьянамъ другихъ губерній; 3) объ урегулированіи арендныхъ цѣнъ на казенную землю, и 4) о скорѣйшемъ освобожденіи крестьянскаго населенія отъ существующей административной опеки, препятствующей развитію самодѣятельности населенія".

Крестьянскій „міръ" стучится уже въ запертыя для него ворота исторической жизни и историческаго самосознанія. Я думаю, недалеко время, когда придется отворить ему ворота и его интересы и міровоззрѣніе признать наравнѣ съ интересами и міросозерцаніемъ городскихъ классовъ. Я думаю такъ же, что произойдетъ это признаніе впервые именно въ нашемъ отечествѣ и что въ разрѣшеніи мужицкой проблемы кроется главное содержаніе русской исторической жизни.

Скромный герой поэзіи Некрасова, тотъ, кого такъ прочувствовалъ и насъ всѣхъ заставилъ прочувствовать Глѣбъ Успенскій, кого продумалъ и насъ всѣхъ заставилъ продумать Михайловскій, предметъ вниманія всего этого глубокаго и многосторонняго умственнаго движенія, нынѣ нѣкоторою частью городской интеллигенціи столь презираемый, русскій мужикъ сыграетъ, по моему мнѣнію, крупную роль въ недалекомъ будущемъ. Отъ степени его самосознанія будетъ зависѣть, по моему мнѣнію, и ходъ и исходъ всего нашего историческаго движенія, а безъ него оно мнѣ представляется какимъ-то самоотреченіемъ общественнымъ. „Вниманіе къ деревнѣ" такъ я формулировалъ бы одну изъ задачъ современности.

Въ мукахъ рождаетъ Россія свой новый укладъ, и вниманіе ко всѣмъ сторонамъ общественной и государственной жизни является настоятельною потребностью.

IV.

Въ свѣтѣ зловѣщаго зарева тяжкой и неуспѣшной войны, Россія проходитъ второй годъ свой историческій путь. Съ каждымъ днемъ усложняется это прохожденіе. Мы уже пересмотрѣли въ этой и предшествующихъ хроникахъ огромное количество огромныхъ вопросовъ, предъявленныхъ къ намъ исторіей. Миръ и обновленіе, это общая формула, по какой миръ и въ чемъ обновленіе? Реформа государственная, цѣлый рядъ другихъ назрѣвшихъ реформъ, широкое общественное движеніе, жестокія конвульсіи академической жизни, рабочій вопросъ, аграрные безпорядки, созваніе народныхъ представителей, вопросъ сложнѣе вопроса, проблема труднѣе проблемы и, однако, и этимъ переч-

немъ еще не исчерпывается списокъ поставленныхъ исторіей вопросовъ и проблемъ. Вопросы національные тоже поставлены исторіей передъ нашей совѣстью и передъ нашимъ сознаніемъ во весь свой ростъ. Своевременно и на нихъ остановить вниманіе. Своевременно сдѣлать учетъ и ихъ значенію и роли въ современномъ сложномъ и все осложняющемся процессѣ, переживаемомъ нашимъ отечествомъ.

Вопросы національные, конечно, тоже подвергаются горячему обсужденію въ печати и въ обществѣ, но кромѣ элементарнаго вопроса о равноправности всѣхъ національностей и вѣроисповѣданій общественное вниманіе мало останавливалось на другихъ очень сложныхъ и очень разнообразныхъ сторонахъ, присущихъ каждому національному вопросу въ отдѣльности, финскому, польскому, армянскому и т. д. и т. д. На совѣщаніи столичныхъ и провинціальныхъ журналистовъ, въ томъ числѣ и не русскихъ національностей, была сдѣлана попытка дать общую формулу отвѣта для всѣхъ національныхъ вопросовъ. Приводимъ изъ „Новостей" (№ 65, отъ 14 марта 1905, напечатана и въ другихъ газетахъ) шестой пунктъ, относящійся къ національнымъ вопросамъ:

„Собравшіеся представители печати считаютъ необходимымъ проводить въ сознаніе всего населенія принципъ полнаго гражданскаго равенства всѣхъ народностей и признать за каждой изъ нихъ права на культурное и политическое самоопредѣленіе".

Признаніе за національностями права культурнаго и политическаго самоопредѣленія и есть эта формула, предложенная упомянутымъ совѣщаніемъ журналистовъ русскихъ, польскихъ и другихъ народностей. Намъ кажется, что эта формулировка дѣйствительно охватываетъ всѣ возможныя рѣшенія, основанныя на справедливости, если, конечно, не отрицать того же права и у русской національности. Какъ ни хороша общая формула, но она сама по себѣ не рѣшаетъ ни одного изъ наболѣвшихъ національныхъ вопросовъ и предлагаетъ даже не планъ, а только точку зрѣнія.

Что касается возможнаго плана рѣшенія, то здѣсь всѣ наши національные вопросы распадаются на двѣ группы, смотря по тому, живутъ ли національности смѣшанно съ русскими, или на своихъ территоріяхъ сплошнымъ или во всякомъ случаѣ преобладающимъ населеніемъ.

Къ первымъ относятся главнымъ образомъ евреи и татары, затѣмъ мелкія народности, какъ караимы, мордва, черемисы, калмыки, башкиры и т. п. Здѣсь національный вопросъ весь исчерпывается равноправностью и этою равноправностью, обезпеченной культурнымъ самоопредѣленіемъ. Конечно, напр., такой сложный вопросъ, какъ еврейскій, не состоитъ единственно въ

неравноправности, но захватываетъ и экономическую сторону жизни евреевъ. Эта сторона, однако, не связана съ національнымъ вопросомъ; сама по себѣ она заслуживаетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія. Только не въ ряду національныхъ вопросовъ, насъ интересующихъ въ этой бесѣдѣ.

Національные вопросы по отношенію къ народностямъ, живущимъ смѣшанно съ русскими, не сложны. И совершенно естественно, что при созывѣ народныхъ представителей всѣ національности должны пользоваться одинаковыми избирательными правами. Совсѣмъ иначе стоитъ вопросъ, когда рѣчь идетъ о національностяхъ, занимающихъ особыя національныя территоріи. Здѣсь далеко не ясно, слѣдуетъ ли ихъ представителей включать въ русскій сеймъ, или предпочтительнѣе одновременно съ созваніемъ русскаго сейма созвать сеймы польскій, грузинскій, армянскій и т. д. Мнѣ кажется, что второй методъ, не затрудняя рѣшенія собственныхъ русскихъ проблемъ, лучше и справедливѣе обосновалъ бы и рѣшеніе проблемъ нашихъ соотечественниковъ другихъ національностей. Затѣмъ оставалось бы согласовать выработанныя программы либо переговорами, либо на общемъ сеймѣ всѣхъ автономныхъ областей.

Тяжелый кризисъ переживаетъ Венгрія, острый конфликтъ короны съ парламентомъ. Императоръ Францъ-Іосифъ не желаетъ допустить ни особой венгерской арміи, ни экономическаго разъединенія Австріи и Венгріи. Парламентъ настаиваетъ на томъ и на другомъ, угрожая отказать въ бюджетѣ. Императоръ не уступаетъ. Говорятъ объ его отреченіи, говорятъ объ его намѣреніи управлять Венгріей безъ парламента, многое говорятъ, но достовѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ и вѣроятнаго исхода не видно.

Во Франціи утвержденъ, наконецъ, законъ о двухлѣтнемъ срокѣ военной службы. Началось обсужденіе и закона объ отдѣленіи церкви отъ государства, что явится очень крупнымъ событіемъ, которое можетъ отразиться далеко за предѣлами Франціи.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

Небольшое предисловіе.—I. Канунъ рожденія русской демократіи.—II. Шагъ на мѣстѣ.—III. Хромота на оба колѣна и лѣкарство С. Ю. Витте. IV. Бакинская трагедія и борьба съ „крамолой“.

Внутреннее обозрѣніе—одинъ изъ самыхъ трудныхъ для писателя отдѣловъ въ журналѣ. Сотрудникъ, отдавшій ему свои силы, не властенъ въ выборѣ темъ, — онѣ ставятся не имъ, а жизнью; ему некогда вынашивать свою мысль и обдумывать свое слово,—жизнь не ждетъ и требуетъ возможно скораго, часто немедленнаго отклика; свободное творчество, къ которому призванъ писатель, для внутренняго обозрѣвателя нерѣдко обращается, благодаря этому, въ тяжелую повинность. Не въ этомъ заключаются, однако, главныя трудности. Въ хроникѣ приходится отзываться на самые больные вопросы народной жизни, и, какъ бы осторожно къ нимъ ни подходилъ обозрѣватель, онъ никогда не можетъ быть увѣренъ, что рѣчь его не будетъ прервана. Въ дѣйствительности его прерываютъ даже чаще, гораздо чаще, чѣмъ если бы то же самое онъ сказалъ въ статьѣ подъ особымъ заголовкомъ. Самый отдѣлъ считается опаснымъ и эта презумпція, несомнѣнно, оказываетъ свое вліяніе на цензора. Приступая къ чтенію хроники, онъ невольно, быть можетъ, пододвигаетъ ближе къ себѣ склянку съ красными чернилами.

Въ качествѣ журнальнаго обозрѣвателя внутренней жизни мнѣ приходится выступать не въ первый разъ. Въ 1899 году я уже велъ хронику въ „Русскомъ Богатствѣ“ и на опытѣ узналъ, какое это трудное дѣло. Я еле дотянулъ тогда до конца года. В. А. Мякотинъ имѣлъ мужество пять лѣтъ оставаться на этомъ трудномъ журнальномъ посту, но и онъ потребовалъ себѣ смѣны. И ему стало, наконецъ, невмоготу эта атмосфера недосказанныхъ мыслей, оборванныхъ фразъ и заживо погребенныхъ статей, въ какой приходится все время жить и работать внутреннему обозрѣвателю въ русскомъ подцензурномъ журналѣ.

Смѣнить товарища, пожелавшаго перейти на другую позицію, выпало на мою долю. Надѣюсь, что съ внѣшней стороны эта новая моя попытка окажется удачнѣе. Я уже пріобрѣлъ нѣкоторую опытность въ писательскомъ дѣлѣ, научился обходить острые углы и закруглять трудные періоды, привыкъ ставить въ опасныхъ мѣстахъ знаки препинанія. Да и рамки писательской работы подъ напоромъ требованій жизни за послѣднее время нѣсколько расширились: по крайней мѣрѣ, число совсѣмъ запретныхъ темъ для писателя уменьшилось. Я имѣю право по этому разсчи-

тывать, что оборванныхъ чужою рукою фразъ въ моихъ хроникахъ окажется теперь несравненно меньше. Но и за всѣмъ тѣмъ съ большимъ смущеніемъ начинаю я свои, отнынѣ обязательныя для меня, бесѣды на очередныя темы.

Въ качествѣ внутренняго обозрѣвателя мнѣ приходится выступать въ одну изъ самыхъ трудныхъ и отвѣтственныхъ минутъ для русской публицистики. Страна переживаетъ критическую эпоху. Безъ числа умножившіяся и до нельзя обострившіяся народныя нужды уже слились въ одинъ потокъ неудержимой силы. Одинъ за другимъ возникавшіе, быстро назрѣвавшіе и безконечно долго откладывавшіеся государственные вопросы уже сплелись въ одинъ огромный неразрывный узелъ. Мысль, что такъ дольше жить нельзя, успѣла сдѣлаться достояніемъ широкихъ массъ и уже сказалась въ нихъ активнымъ чувствомъ. Общественныя силы уже пришли въ движеніе. Отвѣчать въ такія минуты на запросы жизни отрывочными репликами нельзя. Мало говорить правду, хотя бы и *одну* правду: нужно говорить *всю* правду. Необходимо распутать весь узелъ, нужно дать полный отвѣтъ.

Полный... Но сумѣю и смогу ли я это сдѣлать? Для этого вѣдь нужно освѣтить и осмотрѣть все поле жизни, нужно учесть всѣ имѣющіяся и могущія появиться на немъ силы, нужно предусмотрѣть всѣ возможныя сочетанія ихъ и коллизіи. Сумѣю ли я найти прямой путь въ томъ „направленіи", горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ котораго являюсь? Сумѣю ли я великіе принципы этого „направленія" перелить въ пріемлемыя жизнью и способныя объединить его сторонниковъ практическія формулы? Да и можно ли это сдѣлать при данныхъ условіяхъ журнальной работы? Конфликтъ съ ними не окажется ли въ концѣ концовъ неизбѣжнымъ?

Я надѣюсь, однако, на друга-читателя, который, конечно, сумѣетъ додумать то, что въ моихъ статьяхъ останется недосказаннымъ, и исправить то, что въ моихъ построеніяхъ окажется ошибочнымъ. Одни и тѣ же великіе зодчіе обосновали наше міросозерцаніе, одни и тѣ же высокіе идеалы они передъ нами поставили. Надъ осуществленіемъ даннаго ими плана мы вмѣстѣ будемъ думать въ журналѣ и сообща работать въ жизни. Я на это надѣюсь, я въ этомъ увѣренъ...

I.

„Основой дѣйствительной силы всякаго государства, какова бы ни была его форма,—писалъ въ 1899 году министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ, — есть развитая и окрѣпшая къ самостоятельности личность; выработать въ народѣ способность къ самоустройству и самоопредѣленію можетъ только привычка къ

самоуправленію, развитіе же бюрократіи и правительственной опеки создаетъ лишь обезличенныя и безсвязныя толпы населенія, людскую пыль". „Я искренно и глубоко вѣрю,—писалъ тогда же С. Ю. Витте,—что основой дѣйствительной силы всякаго государства, какова бы ни было его форма, есть развитая и окрѣпшая къ самодѣятельности личность". „И для меня безспорной,—продолжалъ онъ далѣе,—представляется та истина, что степень развитія личной и общественной самодѣятельности народа опредѣляетъ степень могущества государства и его положеніе среди сосѣдей. Чѣмъ болѣе развита личность, чѣмъ прочнѣе укоренилась въ ней самодѣятельность, способность безъ сторонней помощи устраивать свое благосостояніе, тѣмъ болѣе устойчивости имѣетъ весь общественный, а за нимъ и государственный, строй".

Сама по себѣ эта мысль давно уже сдѣлалась трюизмомъ. Въ правящихъ сферахъ она, однако, циркулировала лишь въ качествѣ одного изъ тѣхъ соображеній, къ какимъ любятъ иногда прибѣгать канцеляріи въ междувѣдомственной полемикѣ. Въ дѣйствительности же инстинктъ самосохраненія, какой свойственъ бюрократіи, неизмѣнно оказывался сильнѣе самыхъ безспорныхъ истинъ и самыхъ примитивныхъ заботъ о дѣйствительной силѣ государства. Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія наблюдался, въ сущности, одинъ и тотъ же непрерывный и неуклонный процессъ. Все глубже и глубже проникали развѣтвленія бюрократіи, все больше и больше нарушали они общественную связность, все плотнѣе и плотнѣе охватывали своими щупальцами личность. Въ частности, политика И. Л. Горемыкина, какъ извѣстно, рѣзко расходилась съ провозглашеннымъ имъ самимъ принципомъ. Политика его преемниковъ была сплошнымъ и безусловнымъ его отрицаніемъ. Охваченный, очевидно, тѣмъ же инстинктомъ самосохраненія, С. Ю. Витте изъ своей „искренней и глубокой вѣры" дѣлалъ тотъ выводъ, что „земство—непригодное средство управленія" и, ссылаясь на „Московскій Сборникъ", доказывалъ, что „конституція вообще великая ложь нашего времени и что, въ частности, къ Россіи, при ея разноязычности и разноплеменности, эта форма правленія неприменима безъ разложенія государственнаго режима".

Царившая такъ долго и такъ безраздѣльно система, конечно, дала свойственные ей результаты. Въ Финляндіи, какъ извѣстно, деревья, проникая своими корнями въ гранитныя скалы, раздробляютъ ихъ на мелкія части. Русскій народъ далеко еще не пріобрѣлъ гранитной связности, и намъ нечего удивляться, что разросшемуся на немъ бюрократическому дереву удалось дѣйствительно обратить его въ концѣ концовъ въ „людскую пыль".

„Безсвязныя толпы населенія" представляютъ изъ себя, конечно, удобный матеріалъ для бюрократическихъ экспериментовъ. По желанію, ихъ такъ же легко перебросить въ несчетномъ числѣ

въ Манчжурію, какъ и инсценировать ими въ нужную минуту городскую улицу. „Безсвязнымъ толпамъ", казалось бы, нужна лишь указка, дабы онѣ не ошиблись, кто внутренній врагъ и гдѣ внѣшній. Такъ, вѣроятно, разсуждалъ покойный В. К. Плеве, — этотъ наиболѣе яркій представитель бюрократическаго режима, — считавшій тѣмъ не менѣе необходимымъ появленіе въ нѣкоторые моменты „народа" на политической сценѣ. Едва ли, однако, нужно говорить, какъ эфемерны и опасны даже съ точки зрѣнія полицейскаго государства эти бюрократическіе разсчеты.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно вѣдь предвидѣть, въ чьихъ рукахъ въ концѣ концовъ можетъ оказаться указка. Полиціймейстеры, пристава и даже урядники уже стали по собственному почину выпускать „народъ" на улицу. Между тѣмъ обстоятельства могутъ сложиться и хуже. „Безсвязныя толпы" могутъ вовсе выйти изъ повиновенія и тогда едва ли для какого бы то ни было общественнаго, а за нимъ и государственнаго строя они могутъ служить опорой. Стоитъ только представить себѣ, какія при этомъ могутъ разыграться сцены, — а прологъ къ нимъ мы уже видѣли на улицахъ Кишинева и Баку, — чтобы понять, какая громадная угроза для общественной безопасности таится въ этихъ „обезличенныхъ и безсвязныхъ толпахъ".

Не менѣе важнымъ представляется въ данномъ случаѣ и другое, вполнѣ уже выяснившееся, обстоятельство. Обращенный въ „людскую пыль", народъ при встрѣчѣ съ хорошо сорганизованнымъ противникомъ оказался лишеннымъ своей „дѣйствительной силы". „Нововременцы" это давно уже поняли и чуть ли не съ самаго начала войны взываютъ къ объединенію. Всѣ усилія ихъ вдохнуть душу живу въ „людскую пыль" оказываются, однако, безрезультатными. И это не потому только, что проповѣдь ихъ безъидейна и самое дыханіе ихъ тлетворно. Если бы они нашли идею, то и въ такомъ случаѣ ихъ усилія разбудить и объединить страну, вѣроятно, оказались бы безрезультатными. Можно даже опасаться, что если отъ исхода войны будутъ въ концѣ концовъ зависѣть самые кровные интересы народа, то и въ такомъ случаѣ онъ останется безучастнымъ. Какъ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, намъ, можетъ быть, вновь придется убѣдиться, что

Краснорѣчивымъ воззваньемъ
Не разогрѣешь рабовъ,
Не озаришь пониманьемъ
Темныхъ и грубыхъ умовъ.
Поздно! народъ угнетенный
Глухъ передъ общей бѣдой.
Горе странѣ разоренной!
Горе странѣ отсталой!...

Положеніе народа, лишеннаго своей „дѣйствительной силы", было бы, можетъ быть, безнадежно, если бы бюрократія дѣйстви-

тельно успѣла сдѣлаться всесильной и созданная ею опека могла быть,—а къ этому она неуклонно стремилась,—всепроникающей. Къ счастью этого не случилось и не могло случиться. Въ своей разрушительной работѣ бюрократія встрѣтила непреодолимое препятствіе въ упругости человѣческой личности и непреоборимой силѣ заложеннаго въ ней чувства общественности.

Какъ ни тѣсны были уголки жизни, остававшіеся внѣ бюрократическаго воздѣйствія, человѣческая личность не только сохранялась, но и росла, развивалась въ нихъ. Какъ ни многочисленны были заставы и шлагбаумы, общественная мысль ухитрялась обходить ихъ. Какъ ни мелочны были предоставленные обществу дѣла и интересы, оно продолжало собираться около нихъ. Періодъ пышнаго расцвѣта бюрократіи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ періодомъ хотя медленнаго, но столь же неуклоннаго наростанія русской общественности. Въ жизни, въ сущности, все время происходила упорная, хотя подчасъ и мелочная, борьба двухъ радикально противоположныхъ началъ—властнаго усмотрѣнія и свободнаго самоопредѣленія. И что удивительнѣе всего, побѣда въ концѣ концовъ останется—и въ этомъ никто уже не сомнѣвается—на сторонѣ не стараго авторитета, а молодой общественности.

Мнѣ невольно вспоминается с.-петербургскій домъ предварительнаго заключенія. Два-три десятка лѣтъ тому назадъ эта тюрьма считалась верхомъ пенитенціарнаго искусства. Назначенная для подслѣдственныхъ арестантовъ, она гордилась тѣмъ, что достигла полной ихъ изолированности. И дѣйствительно: какъ тщательно были обдуманы всѣ мелочи, какъ строго была выдержана вся система! Взять хотя бы окна съ ихъ замысловатымъ устройствомъ: ничего другого, кромѣ маленькаго клочка закопченаго петербургскаго неба, арестантъ, казалось бы, увидѣть не можетъ. Или эта клѣтка, въ которую ежедневно на 20 минутъ сажаютъ арестантовъ, чтобы они могли глотнуть наполненнаго дымомъ и міазмами воздуха, какой скопляется на тѣсномъ, окруженномъ пятиэтажными стѣнами, петербургскомъ дворѣ; кругъ, не болѣе какъ въ 20—30 кв. саж., высокими, поставленными по радіусамъ, перегородками раздѣленъ на 12 отдѣленій, въ которыя и разсаживаютъ выведенныхъ на прогулку арестантовъ; въ въ центрѣ вышка, на которой все время ходятъ два вооруженныхъ надзирателя; третій—остается внизу и такъ же зорко слѣдитъ за заключенными; и все это затѣмъ только, чтобы сгруппированные даже на этомъ тѣсномъ пространствѣ арестанты не могли вступить въ какія-либо сношенія между собою. Или эта, наконецъ, удивительная система внутренняго передвиженія въ тюрьмѣ, наполненной нѣсколькими сотнями заключенныхъ: высокіе, во всю вышину зданія корридоры и открытыя по длинѣ каждаго этажа галлереи устроены такъ, что находящійся въ одномъ изъ среднихъ этажей старшій надзиратель одно-

временно видитъ двѣ стороны тюрьмы и двери болѣе, чѣмъ 300 камеръ; по корридорамъ и галлереямъ во всѣхъ направленіяхъ весь день движутся сопровождаемые надзирателями арестанты: приводятъ новыхъ заключенныхъ, выводятъ уже сидящихъ на допросъ, на свиданья, на прогулку; всѣ движенія, однако, такъ разсчитаны, что заключенные даже издали не могутъ увидѣть другъ друга: въ то время, какъ за однимъ захлопывается дверь камеры, другой показывается въ это время только изъ-за поворота, третій — еще поднимается по лѣстницѣ; если произойдетъ какая-либо заминка, то старшій надзиратель дѣлаетъ знакъ, и всѣ останавливаются, какъ вкопанные... Эту тюрьму показывали въ свое время членамъ международнаго конгресса— и тѣ пришли въ восторгъ отъ русскихъ успѣховъ въ тюремномъ искусствѣ. Въ эту тюрьму и до сихъ поръ ѣздятъ профессора со своими слушателями и даютъ въ ней наглядные уроки тюрьмовѣдѣнія. Что же въ настоящее время представляетъ эта тюрьма? Дѣйствительно ли заключенные въ ней вполнѣ изолированы? Ничего подобнаго. Когда людей лишаютъ возможности разговаривать другъ съ другомъ, они начинаютъ перестукиваться. Чтобы облегчить этотъ трудъ, тюрьма уже давно изобрѣла свою азбуку. И въ домѣ предварительнаго заключенія неумолчный стукъ идетъ во всѣхъ направленіяхъ: перестукиваются съ сидящими рядомъ, съ сидящими вверху и внизу; перестукиваются черезъ камеру и черезъ этажъ; перестукиваются сквозь стѣны и по водопроводнымъ трубамъ. Сидящіе продолжительное время успѣваютъ настолько хорошо изучить законы распространенія звука, что нѣкоторые научаются, въ концѣ концовъ, при помощи тѣхъ же трубъ, разговаривать другъ съ другомъ даже голосомъ. Совершенно изолированные, по видимости, арестанты находятся все время въ самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ. Всякій фактъ тюремной жизни быстро дѣлается достояніемъ всѣхъ заключенныхъ. Не менѣе оживленныя сношенія,—при помощи, конечно, совершенно иныхъ средствъ, — происходятъ и съ внѣшнимъ міромъ. Тюрьма нерѣдко узнаетъ новости даже раньше, чѣмъ онѣ сдѣлаются извѣстными большой публикѣ.

Тюремная администрація, конечно, все время вела и ведетъ упорную борьбу съ этимъ подрываніемъ основъ тюремнаго строя. Тюремный механизмъ не разъ уже подвергался новымъ и новымъ усовершенствованіямъ. Во главѣ тюремнаго начальства не разъ уже ставились люди, которые брались подтянуть „развращенную" тюрьму и репрессіями сломить упорство заключенныхъ. Всѣ усилія оказывались, однако, тщетными. На всякое усовершенствованіе заключенные отвѣчали новою и новою выдумкою, на репрессіи—новымъ и новымъ протестомъ.

Домъ предварительнаго заключенія въ этомъ отношеніи не представляетъ, конечно, никакого исключенія. То же самое явле-

ніе наблюдается, вѣроятно, въ тюрьмахъ всего свѣта. Въ данномъ случаѣ интересно то, что здѣсь лицомъ къ лицу встрѣтились доведенная до совершенства бюрократическая изобрѣтательность съ богатымъ запасомъ наиболѣе живой мысли. Результаты этого состязанія бюрократическихъ,—хотя и совершенствуемыхъ, но немедленно застывающихъ,—формъ съ неустаннымъ творчествомъ человѣческой личности оказались въ высшей степени любопытны: въ зданіи, раздѣленномъ капитальными стѣнами на нѣсколько сотъ почти герметически закупоренныхъ ящичковъ, сложилась всетаки общественная жизнь, функціонируетъ общественное мнѣніе, имѣетъ силу общественная солидарность.

Въ силу такихъ же „имманентныхъ",—какъ еще недавно любили выражаться у насъ,—законовъ личнаго и общественнаго развитія, наростала и русская общественность. Наростала, однако, она медленно и, главное, неравномѣрно. Въ лучшихъ условіяхъ находились верхніе этажи соціальнаго зданія. Здѣсь больше было свѣта и меньше давленія; здѣсь тоньше были стѣны и лучше резонировали звуки; здѣсь давно уже установились и никогда не прерывались сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Заносимыя сюда и самопроизвольно зарождавшіяся здѣсь идеи продолжали жить; циркулируя въ разныхъ направленіяхъ, онѣ будили наиболѣе чуткихъ и объединяли наиболѣе отзывчивыхъ. Въ средѣ русской интеллигенціи, выроставшей до сихъ поръ, главнымъ образомъ, въ этихъ верхнихъ этажахъ, никогда не угасала идейная жизнь и не разъ уже вспыхивала она яркимъ пламенемъ...

Внизу же, въ мрачныхъ, душныхъ и тѣсныхъ каморкахъ царилъ все время каторжный режимъ: здѣсь жизнь была полна труда и лишеній, здѣсь некогда было думать о сосѣдяхъ; съ неимовѣрными лишь усиліями здѣсь люди отстаивали свое право на существованіе. Съ верхними этажами сношенія были рѣдки, и сюда глухо лишь доносились звуки тамошней жизни. Немногіе рѣшались спускаться въ это „подполье" и рѣдкимъ удавалось пронести въ него свѣточъ научнаго знанія. Еще рѣже вспыхивалъ здѣсь факелъ сознательнаго протеста. Однако и здѣсь росла личность, и здѣсь формировалась интеллигенція. Главное же, здѣсь никогда не замирало чувство стихійнаго недовольства, безсильнаго въ единицахъ и страшнаго въ массахъ. Этого непосредственнаго чувства мало въ верхнихъ этажахъ, гдѣ люди сжились съ доставшимся на ихъ долю комфортомъ, хотя и жалкимъ комфортомъ несвободной жизни. Внизу же оно залегло мощными пластами. Правда, здѣсь плохо видно, и обреченные жить въ подвалахъ люди не знаютъ, какъ ихъ много, какая въ нихъ сила. Критическая мысль функціонируетъ здѣсь слабо и массамъ трудно понять истинную причину придавившей ихъ тяжести. Но за то идея очень быстро можетъ охватить тѣхъ, кто уже объединенъ чувствомъ. И мы знаемъ, какъ плодотворны

оказались даже тѣ мерцающіе лучи свѣта, какіе проникали въ подполье...

Медленно и неровно наростала русская общественность. Бывали тяжелыя времена, когда казалось, что личность безсильна будетъ порвать сковавшія ее цѣпи и что передъ проголодавшимся народомъ нѣтъ другого пути, кромѣ вымиранія или пугачевщины. Сжималось сердце отъ боли и ужаса. Но эти унылые дни миновали. Общественныя силы выросли, и никакая бюрократія не удержитъ теперь ихъ въ понастроенныхъ ею каморкахъ. Рабочія массы всколыхнулись и подъ ихъ напоромъ должны будутъ податься самые прочные своды. Пришла пора перестраивать зданіе.

Народъ понялъ свои бѣды и сознанъ свои силы — въ этомъ главный смыслъ развертывающихся передъ нами событій. Отнынѣ онъ самъ будетъ ковать свое счастье.

Да! Въ великіе дни мы живемъ. Съ какимъ тщаніемъ будущіе историки станутъ изучать переживаемую нами эпоху! Вѣдь это канунъ рожденія русской демократіи. Роды въ сущности уже начались и какіе трудные роды! Исторія на этотъ разъ оказывается особенно безжалостнымъ хирургомъ. Какія тяжкія боли переживаетъ страна! Какіе потоки крови льются на Дальнемъ Востокѣ! Какая масса внутреннихъ кровоизліяній! Вѣдь эти муки были бы нетерпимы, если бы не ожидающій насъ радостный день творчества новыхъ формъ, и эти раны могли бы быть смертельны, если бы не новая свободная жизнь, какую дадутъ онѣ родинѣ.

Радостный день, свободная жизнь... Но это не значитъ, что насъ ждетъ сплошной праздникъ. Бюрократическій строй не Юпитеръ и демократія—не Минерва. Не готовою она появится передъ нами. Уже теперь, не переживъ еще всѣхъ болей, въ какихъ рождается „усовершенствованный государственный порядокъ", мы полны мучительной тревоги, какъ бы онъ не оказался жалкимъ уродцемъ. И послѣ того, какъ рѣшительный моментъ будетъ пережитъ, борьба не прекратится, заботы и тревоги насъ не оставятъ. Политическая свобода еще не синонимъ демократическаго режима. Легко сказать: народъ самъ будетъ ковать свое счастье. Но вѣдь этотъ народъ въ массѣ своей—„людская пыль", „безсвязныя толпы". Онъ долженъ еще съорганизоваться. Предстоитъ упорная борьба за внѣшвія формы государственной организаціи, предстоитъ громадная работа надъ сплоченіемъ „безсвязныхъ толпъ" въ политическія партіи.

Домъ предварительнаго заключенія, конечно, не сразу удастся превратить въ величественный храмъ народнаго счастія. Но и для того, чтобы сломать перегородки и пробить своды, нужны организованныя массы. Иначе народъ по прежнему останется въ подвалахъ... Борьба со старымъ уже переплелась съ борьбою за новое.

Нѣтъ, не праздникъ насъ ждетъ. Настало время нежданнаго труда и напряженной борьбы. Но это жизнь... Да, „жизнь—это дѣятельность и борьба, а не праздныя грезы".

II.

Говорятъ, что „радостный день" мы уже пережили. Указываютъ и точную дату—18 февраля, день опубликованія высочайшаго рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ. Большинство газетъ привѣтствовало этотъ актъ, какъ „поворотный пунктъ въ нашей исторіи" („Право"), какъ „начало новой эры въ нашей государственной жизни" („Русскія Вѣдомости"), какъ „радостную зарю политическаго обновленія страны" („Слово"), какъ „дуновеніе новой жизни" („С.-Петербургскія Вѣдомости"). „Рубиконъ перейденъ — писала одна изъ газетъ — и нѣтъ возврата къ мрачному прошлому". Особенно же экспансивную восторженность проявило въ этомъ „Новое Время". „Сегодня — писалъ г. Суворинъ—счастливѣйшій день въ моей жизни... Сегодня цѣловались русскіе люди, какъ въ свѣтлый день Воскресенія Христова. Цѣловались искреннимъ, братскимъ поцѣлуемъ, поздравляя другъ друга съ воскресеніемъ Россіи"... И только на самомъ правомъ флангѣ газетнаго лагеря замѣтно было нѣкоторое смущеніе и даже проглянуло явное недовольство.

„Не запомню—писалъ кн. Мещерскій—на своемъ вѣку такого дня, какъ сегодня, по множеству сильныхъ серьезныхъ политическихъ впечатлѣній... Утромъ, совсѣмъ неожиданно, на первой страницѣ „Правительственнаго Вѣстника" появился Государевъ манифестъ, коего смыслъ есть утвержденіе Самодержавія... Сердцу легче стало... Вечеромъ, въ восьмомъ часу новое впечатлѣніе. Входитъ ко мнѣ одинъ пріятель съ прибавленіемъ „Правительственнаго Вѣстника" въ рукахъ и говоритъ: „поздравляю, первый шагъ къ конституціи сдѣланъ". И затѣмъ мы читаемъ рескриптъ Государя на имя министра внутреннихъ дѣлъ"...

„Московскія Вѣдомости" посвятили рескрипту такую статью:

Первый шагъ.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ отъ 18 февраля сего года, Государю Императору благоугодно было возвѣстить о Своемъ намѣреніи отнынѣ привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній.
Боже, Царя храни!

Привыкшая по каждому поводу объявлять „слово и дѣло", газета проявила въ этомъ щекотливомъ для нея случаѣ рѣдкостную находчивость. Она воспользовалась гимномъ, чтобы провозгласить свое: caveant consules!..

Насколько точно и полно газетные отзывы отразили впечат-

лѣніе, произведенное рескриптомъ въ обществѣ, судить, конечно, трудно. Несомнѣнно одно лишь, что оно не было столь общимъ и захватывающимъ, какимъ изобразило его „Новое Время". Правда, мы видѣли, какъ г. Суворинъ облобызался съ г. Нотовичемъ: „Новое Время" процитировало статью „Новостей" о рескриптѣ безъ обычной для него въ такомъ случаѣ реплики по адресу „еврейской" газеты. Но этимъ „искреннимъ, братскимъ поцѣлуемъ" дѣло, повидимому, и ограничилось. По крайней мѣрѣ, „С.-Петербургскія Вѣдомости" утверждаютъ, что „на улицахъ не цѣловались, не поздравляли другъ друга. Въ собраніяхъ, аудиторіяхъ и въ частныхъ кружкахъ не видно и не слышно того радостнаго оживленія, сопровождаемаго вздохомъ облегченія, которое мы предсказывали и въ правѣ были ожидать. А крайніе элементы, не говоря уже объ агитаторахъ, высказываютъ явное неудовольствіе. Къ такимъ крайнимъ элементамъ теперь присоединилась и партія охранителей". По словамъ „Гражданина", хотя „по случившемуся событію были съ чего при обыкновенныхъ условіяхъ людской жизни раздаваться трезвону, цѣловаться на улицахъ, но на самомъ дѣлѣ въ петербургской атмосферѣ произошло что-то неожиданное"... Либералы „прочитали, издали какой-то гм... гм..., и затѣмъ на лицѣ ни одной просвѣтлѣвшей точки, точно прочитали какой-нибудь приказъ о назначеніи новаго министра". Такимъ образомъ въ публикѣ неудовлетворенные оказались не только справа, но и слѣва.

Г. Суворинъ, очевидно, торопится жить. Осеннюю слякоть, какъ извѣстно, онъ принялъ за весну. Вотъ и теперь, не переживъ поста, онъ отпраздновалъ уже Пасху. Впрочемъ, въ „партіи прогрессивнаго центра", организовать которую задумало „Новое Время", восторгъ, можетъ быть, и достигалъ описаннаго этою газетою размѣра. „Нововременцы" вѣдь привыкли сидѣть на двухъ стульяхъ...

День же 18 февраля, дѣйствительно, какъ выразился „Гражданинъ", далъ два впечатлѣнія. И если либеральныя газеты могли безъоговорочно объявить этотъ день началомъ новой эры, то только потому, что онѣ сосредоточили все вниманіе своихъ читателей на рескриптѣ. „Съ неимовѣрною дерзостью,—спустя нѣкоторое время донесли объ этомъ „Московскія Вѣдомости"—либералы поставили крестъ надъ Высочайшимъ Манифестомъ 18 февраля, признавъ его какою-то quantité négligeable, чѣмъ-то nul et non avenu, и предавъ его абсолютному игнорированію и полному забвенію" *).

Нѣкоторый поводъ къ этому, несомнѣнно, дали обстоятельства опубликованія того и другого акта и появившіеся въ связи съ этимъ слухи объ ихъ происхожденіи. Манифестъ, какъ извѣстно,

*) „Московскія Вѣдомости" 3 марта.

появился въ утреннемъ выпускѣ „Правительственнаго Вѣстника“ и при томъ, какъ выразился кн. Мещерскій, „совершенно неожиданно“; рескриптъ былъ опубликованъ на 12 часовъ позднѣе въ экстренномъ прибавленіи, при чемъ возвѣщенная въ немъ реформа, какъ заявило „Слово“, покоится „на единогласномъ убѣжденіи всѣхъ окружающихъ тронъ сановниковъ, сознавшихъ безусловную необходимость сдѣлать призывъ къ общественнымъ силамъ, чтобы помочь правительству выйти изъ нашей теперешней внѣшней и внутренней бѣды и повести страну дальше, по пути политическаго и матеріальнаго преуспѣянія“ *). Самое опубликованіе высочайшаго манифеста, какъ выяснилось потомъ, было произведено съ нарушеніемъ узаконенныхъ формъ, помимо правительствующаго сената, за что главному редактору „Правительственнаго Вѣстника“ и сдѣлано уже „замѣчаніе“ **). Вполнѣ понятно потому, что въ публикѣ немедленно „начался разговоръ на тему противорѣчія будто бы между манифестомъ и рескриптомъ“ ***).

Но если бы это было и такъ, то едва ли это обстоятельство даетъ право говорить о „началѣ новой эры въ нашей государственной жизни“. Если въ одинъ день возможны два „историческихъ поворота“, то изъ этого само собою слѣдуетъ, что говорить объ эрахъ пока преждевременно. Предать манифестъ полному, какъ выразились „Московскія Вѣдомости“, забвенію нельзя, конечно, и въ томъ случаѣ, если указаннаго противорѣчія нѣтъ. Чтобы оцѣнить значеніе 18 февраля въ русской жизни, необходимо оба акта,—и тотъ, который спѣшно набирался ночью, и тотъ, который въ экстренномъ прибавленіи появился въ сумерки,—разсматривать вмѣстѣ. Только такимъ путемъ опредѣлимъ ихъ мѣсто въ русской исторіи и уяснимъ себѣ ихъ роль въ текущей жизни. Прежде всего мы должны вернуться, конечно, къ вопросу о противорѣчіи. Кн. Мещерскій разрѣшилъ для себя этотъ вопросъ вполнѣ удовлетворительно. „Всякій—пишетъ онъ—кто внимательно прочитаетъ оба Государевыхъ акта, придетъ къ заключенію, къ которому и я пришелъ, что они вовсе не заключаютъ въ себѣ противорѣчія, а, наоборосъ, безусловно согласованы одинъ съ другимъ“. Еще рѣшительнѣе высказался на тотъ счетъ „Свѣтъ“. По его словамъ ****), дѣло обстояло такъ:

Въ манифестѣ 26 февраля 1903 г. Государь Императоръ заявилъ о священномъ обѣтѣ Своемъ „свято блюсти вѣковые устои Державы Россійской“. Онъ говорилъ, что обрѣлъ „пути къ осуществленію народнаго блага въ разумѣ приснопамятныхъ дѣлъ Державныхъ своихъ предшественниковъ и прежде всего незабвеннаго Своего Родителя“. Въ Именномъ указѣ 12 декабря 1904 г.

*) „Слово“, 20 февраля.
**) „Правительственный Вѣстникъ“, 5 марта
***) „Гражданинъ“, 20 февраля.
****) „Свѣтъ“ 22 февраля.

говорится о предначертаніяхъ реформъ „при непремѣнномъ сохраненіи и незыблемости Основныхъ Законовъ Имперіи", объ охраненіи полной силы закона, „важнѣйшей въ Самодержавномъ Государствѣ опоры Престола". Въ манифестѣ отъ 18 февраля 1905 года говорится о „вящшемъ укрѣпленіи истиннаго Самодержавія на благо всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ". Въ рескриптѣ отъ 18 февраля 1905 года на имя министра внутреннихъ дѣлъ повторяется, что избраніе людей отъ Земли должно совершиться „при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ Законовъ Имперіи"...

Если сосредоточить все вниманіе на цитируемыхъ „Свѣтомъ" мѣстахъ, то, конечно, не только никакого противорѣчія въ актахъ, но и никакой разницы во внутренней политикѣ за послѣдніе два года, не смотря на смѣну за это время такихъ министровъ, какъ В. К. Плеве, кн. Святополкъ-Мирскій и А. Г. Булыгинъ, совсѣмъ не окажется. Любопытны, между прочимъ, слѣдующія разъясненія „Свѣта":

Нѣкоторые истолковываютъ уже великія дѣянія этого дня,—читаемъ мы въ той же статьѣ, какъ побѣду общественнаго настроенія надъ желаніями правительства, какъ уступку, на которую пошла Власть. Другіе открыто въ печати утверждаютъ, что первый шагъ совершенъ, что остальное совершится само собою, какъ и на Западѣ. „Это-де общій порядокъ во всѣхъ конституціонныхъ странахъ". Общій порядокъ, т. е. сначала уступки власти передъ революціоннымъ натискомъ народа, предоставленіе нѣкоторыхъ правъ народу, а затѣмъ самовольный захватъ представителями народности правъ все большихъ...

Было бы, пожалуй, такъ, какъ того хочется нашимъ западникамъ, если бы Власть шла на уступки. Но этого нѣтъ... Все, что теперь совершается, было предначертано давно, опредѣленно же высказано въ манифестѣ 26 февраля 1903 года и нынѣ приводится въ исполненіе. Было бы оно приведено въ исполненіе и раньше, если бы враги Россіи не мѣшали всячески и не вставляли палокъ въ колеса державной русской колесницы...

Писать такъ можно, конечно, только для той публики, для которой все, что „напечатано,—стало быть, вѣрно", и вліять на которую можно даже прописными буквами, преподносимыми ей въ сверхкомплектномъ количествѣ. „Московскія Вѣдомости", разсчитывающія на иной составъ читателей, посмотрѣли на вопросъ совершенно иначе. Онѣ квалифицировали рескриптъ именно какъ „первый шагъ", какъ уступку „смутѣ". Поэтому онѣ рѣзко противополагаютъ его манифесту. Настаивая на строгомъ выполненіи послѣдняго, на безусловной необходимости во что бы то ни стало „искоренить крамолу", они взяли рескриптъ подъ сомнѣніе и послѣ перваго, приведеннаго нами „божественнаго" комментарія, пишутъ о немъ теперь въ условной формѣ:

„Если только будутъ осуществлены въ той или другой формѣ *выборы*"... „Если Правительство не приметъ *съ первыхъ же шаговъ* необходимыхъ мѣръ къ строгому ограниченію своеволія и къ удержанію преобразовательнаго движенія...

Едва ли нужно говорить, за каждымъ такимъ „если" слѣдуетъ самое мрачное съ точки зрѣнія этой газеты пророчество. „Мы

исполнили свой долгъ,—заканчиваютъ „Московскія Вѣдомости" одну изъ такихъ статей,—и указали на грозящую опасность, дабы никто не могъ отговариться ея „внезапностью" и „непредвидѣнностью" въ томъ случаѣ, если, не дай Богъ, она теперь же не будетъ предотвращена и разразится со всею силой надъ несчастною Россіей"...

Заграничная печать тоже обнаружила склонность противополагать рескриптъ манифесту. „За исключеніемъ газеты „Fremdenblatt",—читаемъ мы въ телеграммѣ петербургскаго телеграфнаго агенства изъ Вѣны отъ 19 февраля,—вся либеральная печать, съ трудомъ примиряя манифестъ съ послѣдовавшимъ рескриптомъ, видитъ въ рескриптѣ полумѣру. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, ссылаясь на исторію европейскаго конституціонализма, естественно и непреодолимо выросшаго изъ такихъ же полумѣръ, печать привѣтствуетъ рескриптъ, какъ залогъ теперь уже неотвратимаго лучшаго будущаго. Печать жалѣетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что предпринимаемая полумѣра затягиваетъ борьбу и невзгоды, переживаемыя Россіей. „Wiener Tageblatt" предвидитъ, что совѣщательный парламентъ такъ громко потребуетъ законодательныхъ правъ, что изъ царскаго парламента неминуемо образуется парламентъ народный".

Какъ видно изъ приведенныхъ отзывовъ, поставленный мною вопросъ сводится въ сущности къ вопросу о томъ, представляетъ ли рескриптъ „первый шагъ", или не представляетъ. Поводомъ для надеждъ въ этомъ направленіи однихъ и для опасеній другихъ, несомнѣнно, послужили слова рескрипта о „достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людяхъ". Если бы было сказано коротко: „выборные отъ народа", то вопросъ былъ бы проще. Въ данномъ же случаѣ употребленъ цѣлый рядъ эпитетовъ, и это обстоятельство въ связи со всѣмъ контекстомъ рескрипта можетъ дать основаніе къ самымъ разнообразнымъ интерпретаціямъ. Достаточно сказать, что слова: „довѣріемъ народа облеченныхъ" заимствованы изъ рескрипта 26 февраля 1903 года, появившагося въ министерство В. К. Плеве, который, несомнѣнно, придавалъ имъ свой специфическій смыслъ. Въ связи съ этимъ уже возникало такое толкованіе: земскіе и городскіе гласные, предводители дворянства, волостные старшины и т. д. *уже избраны* отъ населенія и, стало быть, нужно *только пригласить* извѣстное число ихъ „къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній". А такъ какъ, по заявленію „Московскихъ Вѣдомостей", „въ думахъ и въ земствахъ умудренные жизнію люди почему-то всегда бываютъ въ меньшинствѣ" *), то нѣтъ ничего удивительнаго, что представители этого меньшинства и явятся въ концѣ концовъ въ ка-

*) „Московскія Вѣдомости", 5 марта.

чествѣ „зрѣлыхъ силъ общественныхъ“ для „совмѣстной работы съ правительствомъ“.

Я не думаю, чтобы такое толкованіе уже при данномъ соотношеніи борющихся силъ могло имѣть какіе либо шансы на успѣхъ. Приводя его, я хочу лишь указать, насколько еще туманной представляется возвѣщенная 18 февраля реформа и какъ много нужно предвидѣть всякихъ возможностей, прежде чѣмъ она отольется въ тѣ или иныя конкретныя формы. Сознавая это, земскія собранія и городскія думы уже спѣшатъ оказать хотя бы нѣкоторое вліяніе на общее направленіе предположенныхъ преобразованій. Съ одной стороны, въ благодарственныхъ адресахъ они стараются оформить въ желательномъ смыслѣ и такимъ путемъ до нѣкоторой степени консолидировать не вполнѣ ясныя выраженія рескрипта. Съ этою цѣлью они говорятъ не иначе, какъ о *свободно* избранныхъ представителяхъ, при чемъ нѣкоторыя прибавляютъ: отъ *всего* населенія и, кромѣ того, *нарочито* для сего выбранныхъ. Съ другой стороны, тѣ же учрежденія настойчиво добиваются включенія избранныхъ ими лицъ въ составъ особаго совѣщанія, образованнаго подъ предсѣдательствомъ А. Г. Булыгина „для обсужденія путей осуществленія“ предположенной реформы. Было бы наивно, однако, думать, что такими средствами можно обезпечить удовлетворительное разрѣшеніе основныхъ вопросовъ новаго государственнаго устройства. Политика подсказыванія практиковалась уже много разъ и ни разу не дала сколько-нибудь замѣтныхъ результатовъ. И думать, что историческій вопросъ, съ которымъ переплелось такъ много интересовъ и около котораго уже пролито много слезъ и крови, можно разрѣшить подобными школьническими средствами,—это значитъ ясно не представлять себѣ всей важности задачи. Что касается смѣшанной коммиссіи, если бы такая была образована изъ назначенныхъ чиновниковъ и выборныхъ земцевъ, то въ ней, несомнѣнно почти, произошелъ бы кофликтъ или въ результатѣ получился бы такой компромиссъ, который не могъ бы удовлетворить ни той, ни другой изъ борющихся сторонъ. Единственный вполнѣ надежный выходъ въ данномъ случаѣ—это представить свободно избраннымъ отъ всего народа представителямъ самимъ установить формы народнаго участія въ законодательной работѣ. И не только возможно, но и вполнѣ вѣроятно, что еще придется обратиться къ этому средству. Только люди, вродѣ В. Д. Кузьмина-Караваева, неожиданно увѣровавшіе въ октроированную бюрократіей реформу, могутъ полагать, что вопросъ объ учредительномъ собраніи или о „земскомъ соборѣ“ нынѣ отпалъ и что „первая половина задачи рѣшена“ *).

Пока же „пути осуществленія“, а стало быть, и судьба всей

*) „Русь“, 8 марта.

реформы находится въ рукахъ бюрократіи. Въ какомъ же видѣ она можетъ быть ею октроирована? Крайне поучительной въ этомъ случаѣ представляется уже начавшая опредѣляться судьба третьяго изъ высочайшихъ актовъ, опубликованныхъ 18 февраля, а именно указа правительствующему сенату, возложившаго на совѣтъ министровъ „разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія". Когда петербургскіе литераторы, желая воспользоваться предоставленнымъ такимъ путемъ частнымъ лицамъ правомъ входить въ обсужденіе общегосударственныхъ вопросовъ, задумали собраться, чтобы сообща обсудить нужды печати, то это имъ было запрещено полиціей. Когда же они обратились за разъясненіями по поводу образа дѣйствій участковой полиціи и сослались при этомъ на указъ 18 февраля, то „въ отвѣтъ на это с.-петербургскій градоначальникъ заявилъ, что указъ разрѣшаетъ подавать заявленія частнымъ лицамъ *въ одиночку*, но отнюдь не создаетъ права собраній и коллективнаго обсужденія" *). Въ одиночку! Стоитъ только представить себѣ, какъ разсаженные по одиночнымъ камерамъ обыватели составляютъ проекты государственнаго благоустройства! Но это нужно было предвидѣть: хартія вольностей враздробь не дается.

Не менѣе затруднительно будетъ, повидимому, воспользоваться своимъ правомъ и учрежденіямъ, въ особенности городскимъ и земскимъ, которымъ такъ трудно было добиться этого права „ходатайства". Само собой понятно, что послѣднія, особенно при данныхъ условіяхъ, не могутъ имѣть непосредственнаго значенія. Но они могли бы сыграть нѣкоторую роль въ дѣлѣ выясненія и формированія общественнаго мнѣнія по основнымъ вопросамъ государственной жизни. Нѣкоторые земства и города уже образовали особыя коммиссіи, поручивъ имъ выработать для внесенія потомъ въ совѣтъ министровъ проекты необходимыхъ государственныхъ преобразованій. Можно было поэтому ожидать что въ ближайшее же время послѣднія сдѣлаются предметомъ дѣятельнаго обсужденія въ думахъ и земскихъ собраніяхъ. Въ настоящее время выяснилось, однако, что этимъ предположеніямъ трудно будетъ осуществиться. Корреспондентъ „Daile Chronicle" постарался выяснись взгляды министра внутреннихъ дѣлъ на нѣкоторые вопросы текущей жизни, равно какъ и вообще его политическую программу. И вотъ, между прочимъ, на свой вопросъ „предполагается ли разрѣшить будущимъ земскимъ собраніямъ заниматься на ряду съ вопросами, имѣющими чисто мѣстный интересъ, и обсужденіемъ вопросовъ высшей политики", онъ полу-

*) „Русь", 6 марта.

чилъ такой отвѣтъ: „ничего подобнаго не будетъ допущено“ *). Вообще, какъ видно изъ свѣдѣній, полученныхъ тѣмъ же корреспондентомъ, А. Г. Булыгинъ находитъ, что „со стороны правительства было большой ошибкой сразу замѣнить крутой режимъ Плеве слишкомъ умѣреннымъ режимомъ князя Мирскаго“.

При наличности указанныхъ ограничительныхъ тенденцій и при склонности къ нѣкоторымъ лишь полумѣрамъ, трудно, конечно, разсчитывать, чтобы вопросъ о народномъ представительствѣ получилъ широкую и свободную постановку.

Допустимъ, однако, что къ „предварительной разработкѣ и обсужденію законодательныхъ предположеній“ будутъ призваны свободно выбранные отъ всего народа представители. И въ этомъ случаѣ день 18-го февраля едва ли можно считать началомъ новой эры. Газеты, сдѣлавшія такую квалификацію, очевидно, были увлечены тѣмъ, что представители будутъ „избранные“. Необходимо, однако, имѣть въ виду, что это уже не первый случай допущенія избранныхъ представителей къ предварительной разработкѣ законодательныхъ предположеній. Достаточно напомнить коммиссію сенатора Шидловскаго. Правда, ея полномочія были нѣсколько неясны, но несомнѣнно, что тѣ или иныя „законодательныя предположенія“ не только могли въ ней разрабатываться и обсуждаться, но и непремѣнно должны были возникнуть. Такимъ образомъ полной новизны въ разсматриваемомъ нами актѣ нѣтъ. Подобныхъ „поворотныхъ пунктовъ“ за послѣдній годъ было много, да и будетъ еще не мало. Рѣчи кн. Святополкъ-Мирскаго въ свое время были вѣдь не менѣе знаменательны. Высочайшій указъ 12-го декабря 1904 года поставилъ на очередь вопросы чрезвычайной важности. Коммиссія сенатора Шидловскаго—тоже крупный фактъ. Но это не значитъ, что въ каждомъ такомъ случаѣ можно начинать новый періодъ русской исторіи.

На коммиссіи Шидловскаго намъ слѣдуетъ остановиться, такъ какъ исторія по вопросу о представительствѣ является въ высшей степени поучительной. Выборы рабочихъ въ нее, какъ извѣстно, были допущены свободные,—болѣе свободные, чѣмъ этого можно было даже ожидать. Въ выборахъ могли участвовать, если не всѣ рабочіе, то во всякомъ случаѣ настолько значительная часть ихъ, что голосованіе можно было считать „всеобщимъ“. Выборщикамъ и депутатамъ была обѣщана личная неприкосновенность.. И всетаки коммиссія не состоялась. Про-

*) „Русскія Вѣдомости“, 5 марта; „Новое Время“, 6 марта. Какъ видно изъ разъясненія управляющаго канцеляріей министра, напечатаннаго въ „Новомъ Времени“ отъ 9-го марта, отвѣты были даны не самимъ А. Г. Булыгинымъ, а получены были, повидимому, при посредствѣ его канцеляріи. По заявленію корреспондента отвѣты эти онъ получилъ въ письменной формѣ.

изошелъ извѣстный конфликтъ, закончившійся упраздненіемъ коммиссіи...

Правда, въ этомъ случаѣ замѣшалась „крамола". Въ собраніе выборщиковъ проникъ, между прочимъ, „помощникъ присяжнаго повѣреннаго", на котораго „Новое Время" и „Московскія Вѣдомости" свалили чуть ли не всю вину въ происшедшемъ конфликтѣ.

Понятіе о „крамолѣ", однако, очень неопредѣленное. „Московскія Вѣдомости", напримѣръ, считаютъ крамольниками чуть ли не всѣхъ земцевъ. О либералахъ же и говорить нечего—ихъ-то они и желаютъ искоренить въ силу высочайшаго манифеста. Кто же поручится, что при выборахъ, которые должны произойти въ силу рескрипта, не произойдетъ какого-либо недоразумѣнія? При тѣхъ интерпретаціяхъ, какія могутъ быть даны тому и другому акту, противорѣчіе между ними, дѣйствительно, легко можетъ обнаружиться. Все дѣло такимъ образомъ въ самомъ началѣ можетъ рухнуть.

Продолженіе его тоже не обезпечено. Не трудно провидѣть неизбѣжность борьбы двухъ началъ и послѣ того, какъ законосовѣщательное собраніе приступитъ къ своимъ занятіямъ.

„Въ законодательномъ сотрудничествѣ съ верховною властью,—говорятъ по этому поводу „Новости", — неизбѣжно должно взять верхъ одно изъ двухъ началъ: или преобладаніе бюрократіи, или преобладаніе голоса народа, въ лицѣ его представителей. Если бы сохранилось первое изъ этихъ началъ, то не стоило бы и собирать на совѣтъ людей, облеченныхъ народнымъ довѣріемъ. А если они будутъ собраны, то передъ ихъ голосомъ должна будетъ отступить на задній планъ бюрократія, которая народнымъ довѣріемъ не только не облечена на выборахъ, но и нравственно имъ рѣшительно не пользуется... Таковъ естественный, неизбѣжный результатъ призыва къ законодательному содѣйствію выборныхъ отъ народа. Невозможно сохраненіе, на ряду съ нимъ, преобладанія, и хотя бы только равноправности бюрократическаго усмотрѣнія, потому что это вело бы только къ умноженію поводовъ къ столкновеніямъ"...

„Новости" такимъ образомъ возлагаютъ надежды на тотъ „общій порядокъ", о которомъ упоминаетъ въ цитированной выше статьѣ „Свѣтъ". Результатъ, предусматриваемый газетою, дѣйствительно, неизбѣженъ, но онъ не таковъ, чтобы дался безъ борьбы и столкновеній. И въ этомъ пунктѣ опять таки необходимо предвидѣть всякія возможности. Поэтому нѣсколько преждевременно говорить о томъ, что уже настало время „для созидательной, творческой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе спокойной работы"... Такое время наступитъ только тогда, когда новое начало возьметъ рѣшительный перевѣсъ надъ старымъ. Это и будетъ „радостный день", съ этого дня и начнется новый періодъ русской исторіи.

18-е же февраля само по себѣ русской исторіи не двинуло. Если въ этотъ день и сдѣланъ шагъ, то, выражаясь военнымъ терминомъ, только „шагъ на мѣстѣ", лишь „обозначеніе" шага.

Въ такихъ случаяхъ правая и лѣвая нога поднимаются одна за другою, но человѣкъ остается на мѣстѣ. Куда будетъ сдѣланъ слѣдующій шагъ—впередъ или назадъ — это зависитъ отъ тѣхъ силъ, которыя будутъ дальше командовать.

III.

Насъ не должно смущать, что такіе крупные акты, какіе были обнародованы 18-го февраля, еще не опредѣлили собою ближайшаго направленія русской государственной жизни. Не должны мы удивляться и той комбинаціи, въ какой они были опубликованы. Страна переживаетъ критическую эпоху. Правительство же до извѣстной степени представляетъ равнодѣйствующую борющихся силъ. Правительственная власть находится поэтому въ неустойчивомъ равновѣсіи. Правая рука какъ будто не знаетъ, что дѣлаетъ лѣвая. „За что вчера россійскій вольтерьянецъ, если бы онъ вздумалъ высказываться, подвергся бы преслѣдованію, сегодня появляется на страницахъ газетъ въ качествѣ сужденій высшихъ сановниковъ Россіи. Осуждается режимъ, на поддержаніе котораго затрачены неимовѣрныя силы. Порываются пути прошлаго и расчищается дорога новому будущему" *). Это не значитъ, однако, что сегодня вольтерьянецъ можетъ считать себя свободнымъ отъ преслѣдованія даже за тѣ самыя сужденія, какія публикуются отъ имени высшихъ сановниковъ. Это не значитъ, что осужденный режимъ отжилъ и что на поддержаніе его не тратятся новыя и новыя силы.

Въ самомъ дѣлѣ, какой безпощадной критикѣ подверглось положеніе объ усиленной охранѣ въ комитетѣ министровъ,—но оно не только продолжаетъ сохранять свою силу, но и распространено недавно вновь на цѣлый рядъ губерній. Особое совѣщаніе изыскиваетъ мѣры, чтобы оградить печать отъ административныхъ воздѣйствій,—и въ это же время на печать сыплются административныя кары. Высочайшій указъ повелѣваетъ совѣту министровъ обсуждать поступающія отъ частныхъ лицъ и учрежденій предположенія по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго порядка, — и одновременно съ этимъ министры объявляютъ выговоры тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя подобныя предположенія высказываютъ. Повелѣно „принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона", надъ тѣмъ и работаетъ особое совѣщаніе; а жизнь въ это время полна такихъ явленій, какъ будто даже послѣдніе слѣды законности въ ней исчезли. Такихъ противорѣчій въ современной жизни можно было бы указать сколько угодно. И они

*) „Слово" 22 февраля.

вполнѣ понятны въ эту критическую эпоху, понятны не только съ формальной стороны,—старые порядки и законы вѣдь еще дѣйствуютъ, новые законы еще не написаны, — но и по существу.

„Московскія Вѣдомости“ со свойственною имъ въ подобныхъ вещахъ грубостью даютъ такую характеристику этого неустойчиваго состоянія государственной власти:

„Съ одной стороны, на растерявшееся правительство нажимаетъ смута съ ея требованіями всяческихъ уступокъ, передъ которой правительство словно принизилось, струсило, ослабѣло; а съ другой — еще не угасшее вполнѣ сознаніе долга призываетъ правительство на борьбу съ темною силой, разливающей смертоносную отраву въ нашемъ отечествѣ“... *).

Если бы въ наши дни жилъ пророкъ Исаія, то онъ, вѣроятно, назвалъ бы это явленіе „хромотою на оба колѣна“. Явленіе это, повторяю, вполнѣ естественное и пережить эту полосу въ государственной жизни необходимо. Правительство находится подъ перекрещивающимся вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ силъ и вопросъ можетъ быть только въ томъ, когда и какія изъ нихъ возьмутъ рѣшительный перевѣсъ.

Въ самихъ правящихъ сферахъ, несомнѣнно, имѣются въ настоящее время разныя теченія. Кое что о нихъ мы узнаемъ изъ оглашенныхъ въ послѣднее время въ газетахъ бесѣдъ съ государственными сановниками. Имена послѣднихъ остались неизвѣстными, но это въ данномъ случаѣ и не важно, такъ какъ о первоначальномъ источникѣ проникшихъ, такимъ образомъ, въ печать слуховъ догадаться, какъ увидитъ читатель, не трудно. Трудно лишь передать эти, очень умно инспирированныя „бесѣды“.

Первая изъ нихъ появвлась 2-го марта въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ подъ заглавіемъ: „Совѣтъ или комитетъ министровъ“, вторая 6 марта въ „Новомъ Времени“ подъ заголовкомъ: „Комитетъ или совѣтъ министровъ“. Въ заголовкахъ переставлены лишь два слова, но въ самомъ содержаніи имѣются нѣкоторыя существенныя варьяціи. Только вмѣстѣ эти двѣ замѣтки и могли дать нужную симфонію своевременно появляющихся слуховъ.

Прелюдія такова. Распространился будто бы „взволновавшій весь Петербургъ“ слухъ объ отставкѣ С. Ю. Витте. Нѣкоторые изъ „принципіальныхъ противниковъ бюрократическихъ учрежденій“—по словамъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“—„даже обрадовались“: „лишившись такой мощной поддержки,—надѣялись они,— комитетъ министровъ будетъ обреченъ на бездѣйствіе и не будетъ отвлекать вниманія кажущимися реформами“. Такъ разсуждали, очевидно, „крайніе“, по мнѣнію которыхъ, какъ извѣстно,

*) „Московскія Вѣдомости“, 5 марта.

„чѣмъ хуже, тѣмъ лучше". Умѣренные элементы общества, конечно, сожалѣли, ибо „видѣли въ уходѣ такого крупнаго дѣятеля съ несомнѣнно прогрессивными стремленіями побѣду отсталыхъ элементовъ бюрократіи". Слухъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался ложнымъ.

„Одинъ изъ высшихъ сановниковъ" сообщилъ „Биржевымъ Вѣдомостямъ", что „всеподданнѣйшаго прошенія объ отставкѣ С. Ю. Витте не подавалъ; но онъ выработалъ записку объ упраздненіи комитета министровъ съ передачей всѣхъ дѣлъ комитета совѣту министровъ". По изложенію въ „Новомъ Времени" въ запискѣ идетъ рѣчь не о полномъ упраздненіи комитета, а лишь о передачѣ нѣкоторыхъ дѣлъ изъ него. „Совѣтъ министровъ будетъ рѣшать дѣла особенной важности, а комитетъ министровъ будетъ продолжать ту же дѣятельность, какая ему была присуща до обнародованія высочайшаго указа 12 декабря".

„Комитетъ министровъ, какъ разъяснилъ при этомъ государственный дѣятель сотруднику „Новаго Времени",—до осени текущаго года большею частью только занимался вопросомъ объ утвержденіи уставовъ промышленныхъ предпріятій. Преній при этомъ почти никакихъ не возникало. Изрѣдка одинъ изъ членовъ комитета возбуждалъ вопросъ, есть ли въ уставѣ параграфъ, запрещающій евреямъ быть директорами. Министръ финансовъ возражалъ, тѣмъ дѣло и ограничивалось"...

„Совѣтъ же министровъ, въ томъ его видѣ, какъ предполагается по слухамъ, будетъ имѣть много общаго съ кабинетомъ министровъ, какъ на Западѣ. Его предсѣдатель явится премьеръ-министромъ, но разница только та, что на Западѣ кабинетъ министровъ является отвѣтственнымъ передъ палатой, выражающей свое довѣріе. Премьеръ-министръ приглашаетъ въ товарищи единомышленниковъ, у насъ же ничего подобнаго нѣтъ".

Предсѣдательствовать въ преобразованномъ такимъ образомъ совѣтѣ, въ случаѣ отсутствія государя, по дѣйствующимъ нынѣ правиламъ, долженъ статсъ-секретарь графъ Сольскій, такъ какъ по знакамъ отличія онъ является старѣйшимъ изъ наличныхъ членовъ. С. Ю. Витте останется предсѣдателемъ комитета и устранитъ, такимъ образомъ, себя отъ дѣлъ особенной государственной важности.

Общество, конечно, сильно пожалѣетъ объ этомъ, особенно въ виду тѣхъ причинъ, которыя побуждаютъ крупнаго дѣятеля уклониться отъ участія въ обсужденіи поставленныхъ на очередь реформъ. Причины же эти „Биржевыя Вѣдомости" излагаютъ такъ:

„Упраздненіемъ комитета нѣкоторые главные руководители комитета желали бы вовсе устранить себя отъ работы въ немъ. Они считаютъ, что ихъ нынѣшняя работа, встрѣчая слишкомъ много противодѣйствія со стороны консервативной партіи, не можетъ считаться той настоящей работою, которой вправѣ требовать отъ нихъ родина въ нынѣшній историческій моментъ, рѣшающій будущія судьбы страны. И потому лучше уйти. Но въ виду нѣкоторыхъ обстоятельствъ, уйти можно, только упразднивъ комитетъ".

По словамъ „Новаго Времени“:

„Большое разногласіе въ мнѣніяхъ сказывается между большинствомъ и меньшинствомъ членовъ комитета. Мнѣніе самого С. Ю. Витте на сторонѣ меньшинства, которое сознаетъ недостаточность тѣхъ полумѣръ, какія вылились въ рѣшеніяхъ комитета за послѣднее время послѣ 12 декабря. Нужны мѣры, а не полумѣры, нужны коренныя реформы,—такъ думаетъ меньшинство. Оно видитъ, что при дальнѣйшемъ теченіи работъ въ комитетѣ министровъ, при его современномъ составѣ, при большинствѣ, такъ расходящемся съ меньшинствомъ и вліяющемъ на самыя реформы, нельзя принести родинѣ той пользы, которая такъ нужна, нужна немедленно“...

Можно, однако, надѣяться, что участіе крупнаго дѣятеля въ государственной жизни не ограничится ролью руководителя несложныхъ преній объ уставахъ промышленныхъ предпріятій. Нѣкоторые члены комитета министровъ уже составили соотвѣтствующую „записку“ и настойчиво убѣждаютъ С. Ю. Витте не уходить съ его поста теперь, въ такой моментъ, когда „борются два теченія“... Можно поэтому думать, что дѣло съ „предсѣдательствованіемъ“ въ совѣтѣ и комитетѣ такъ или иначе уладится.

Мы не знаемъ, какія именно „коренныя“ реформы считаетъ необходимымъ меньшинство комитета. Терминъ этотъ не совсѣмъ опредѣленный и масштабы тутъ могутъ быть разные. Несомнѣнно, однако, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ масштабомъ „высшаго сановника“, а не газетнаго репортера. Бесѣды съ государственными дѣятелями, какъ извѣстно, не печатаются безъ ихъ согласія, а иногда и безъ предварительнаго просмотра ими самими надлежащихъ корректуръ. Какъ бы то ни было, изъ изложеннаго явствуетъ, что внутри самого правительства существуютъ разногласія, и при томъ настолько значительныя, что необходимы экстраординарныя мѣры, дабы ослабить ихъ вліяніе на государственный механизмъ. „Всѣ члены комитета, какъ и его предсѣдатель, всѣ одинаково воодушевлены любовью къ родинѣ и желаніемъ вывести ее изъ того невозможнаго положенія, въ которомъ мы находимся, но пути къ достиженію блага не всѣми считаются одинаковыми“ *). Въ то время, какъ одни изъ нихъ, скрѣпя, быть можетъ, сердце, соглашаются лишь на нѣкоторые компромиссы, другіе считаютъ необходимыми „коренныя“ реформы. Это различіе сказывается, конечно, и внѣ реформаторской дѣятельности: въ то время, какъ одни обнаруживаютъ склонность къ послабленіямъ, другіе пускаютъ въ ходъ героическія мѣры, чтобы поддержать существующій режимъ. Какъ бы ни было, эти разногласія дѣлаютъ положеніе правительственнаго механизма еще болѣе неустойчивымъ, шатаніе въ современной жизни еще болѣе замѣтнымъ.

Интересно, однако, и то средство, которымъ въ правящихъ сферахъ надѣются уврачевать эту, какъ мы выразились, „хре-

---

*) „Новое Время“, 6 марта.

моту". По проекту С. Ю. Витте для этого достаточно измѣнить „предѣлы вѣдомства" двухъ уже существующихъ учрежденій и поставить извѣстное лицо во главѣ одного изъ нихъ. Бюрократія въ данномъ случаѣ вѣрна себѣ: другихъ средствъ въ ея распоряженіи не имѣется. На самые неотложные вопросы жизни она можетъ отвѣчать только реорганизаціей департаментовъ. Вѣдь еще недавно нѣкоторымъ казалось, что стоитъ фабричную инспекцію передать въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ, и рабочій вопросъ исчезнетъ. Да и въ настоящее время многія и многія предположенія комитета министровъ по части реформъ сводятся въ сущности къ измѣненіямъ „предѣловъ вѣдомства". Вполнѣ понятно, что С. Ю. Витте, находящемуся въ центрѣ бюрократическаго механизма и вполнѣ сродившемуся съ нимъ, представляется, что стоитъ лишь дѣла государственной важности перенести изъ комитета въ совѣтъ, и досадныя шероховатости тотчасъ исчезнутъ. Онъ надѣется, конечно, что такимъ путемъ „меньшинство" обратится въ руководимое имъ большинство, и реформы получатъ необходимый для страны коренной, какъ онъ это понимаетъ, характеръ. Но для насъ, смотрящихъ со стороны, не менѣе ясно и то, что такимъ путемъ нельзя измѣнить соотношенія силъ не только въ странѣ, но и въ правительствѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, „большинство" и „меньшинство" не случайно вѣдь образовались въ комитетѣ и разногласія не самопроизвольно въ немъ зародились. Они представляютъ несомнѣнный результатъ той борьбы, какая происходитъ въ странѣ, отражаютъ въ себѣ данное соотношеніе силъ въ ней. Не только численный составъ и степень вліянія „большинства" и „меньшинства", но и самыя понятія послѣдняго о „коренныхъ" реформахъ, несомнѣнно, измѣняются подъ вліяніемъ происходящихъ событій. На этотъ счетъ мы имѣемъ интересное признаніе члена государственнаго совѣта С. Ф. Платонова, который въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Новаго Времени" сказалъ, что по вопросу объ избирательной системѣ ему „теперь неловко было бы высказывать свое мнѣніе, которое впослѣдствіи можетъ измѣниться". „Мы живемъ—пояснилъ онъ—въ такое время, когда мысль, сейчасъ совсѣмъ правильная, черезъ нѣсколько дней является неприложимой вслѣдствіе быстро измѣняющихся обстоятельствъ". Въ неустойчивомъ равновѣсіи находится, такимъ образомъ, не только самый механизмъ, но и всѣ члены его, сроднившіеся уже съ тѣмъ, что „правильная мысль" въ зависимости отъ обстоятельствъ можетъ дѣлаться „неприложимой". Яркій и наглядный образчикъ мы имѣемъ въ самомъ С. Ю. Витте. Мы уже видѣли, что 5—6 лѣтъ тому назадъ онъ считалъ „земство—непригоднымъ средствомъ управленія"; теперь же онъ руководитъ работами, которыя должны „предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства".

Онъ убѣжденъ теперь въ необходимости коренныхъ реформъ въ этомъ смыслѣ и въ сферѣ государственнаго управленія. Очевидно, что онъ измѣнилъ представлявшіяся ему вполнѣ правильными мысли, когда нашелъ, что онѣ не приложимы „вслѣдствіе быстро смѣняющихся обстоятельствъ".

Пока же не вскроются новыя обстоятельства и не измѣнятся еще разъ мнѣнія, „меньшинство" ни въ коемъ случаѣ не сдѣлается „большинствомъ". Если бы путемъ измѣненія предѣловъ вѣдомства того или иного учрежденія нѣкоторыя вліятельныя теперь лица и были устранены отъ участія въ обсужденіи предстоящихъ преобразованій, то они сумѣли бы, конечно, проявить свою силу инымъ путемъ. Но и судьба этой бюрократической реформы зависитъ въ сущности отъ того соотношенія силъ, какое окажется черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда она будетъ обсуждаться въ государственномъ совѣтѣ. Вѣдь мысль о кабинетѣ и премьерствѣ у С. Ю. Витте далеко не новая,—и это опять таки не случайность, что только теперь она отлилась въ форму проекта.

Для того, чтобы вывести правительственный механизмъ изъ того неустойчиваго равновѣсія, въ которомъ онъ сейчасъ находится, одной реорганизаціи департаментовъ и той или иной перестановки правящихъ фигуръ не достаточно. Да и необходимое для этого „волеизъявленіе" само по себѣ зародиться не можетъ. Для того, чтобы государственную жизнь двинуть въ опредѣленномъ направленіи, нужны новыя общественныя усилія, неизбѣжны новыя событія. Развитіе послѣднихъ опредѣлитъ и то, кто будетъ рѣшать вопросы особенной государственной важности: совѣтъ ли министровъ, комитетъ или какое иное учрежденіе, а также и то, будемъ ли мы въ концѣ концовъ имѣть неотвѣтственный кабинетъ или отвѣтственный...

Новыя событія уже надвинулись, новыя силы уже появились... Рѣчь о нихъ я долженъ, однако, отложить до слѣдующей книги. Сейчасъ же на очереди у насъ другая тема.

IV.

„Безсвязныя толпы" появились на улицѣ... Произошло это сразу во многихъ мѣстахъ и страхъ передъ этой темной силой обвѣялъ всю Россію. Бакинская трагедія съ ея кровавыми отголосками въ другихъ мѣстахъ Кавказскаго края, по своимъ леденящимъ сердце ужасамъ, представляетъ въ данномъ случаѣ нѣчто исключительное. Но она бросила свой отблескъ и на тѣ „избіенія младенцовъ", которыя одновременно или вслѣдъ за тѣмъ произошли въ Курскѣ, Псковѣ и другихъ не только градахъ, но и весяхъ Россіи. На общественную психику было произведено

сильное давленіе, съ послѣдствіями котораго, независимо даже отъ возможности повторенія возмущающихъ душу событій, несомнѣнно, придется еще считаться. Необходимо поэтому теперь же уяснить себѣ и истинные размѣры, и сокровенныя пружины этой опасности.

При первыхъ извѣстіяхъ о бакинскихъ звѣрствахъ могло казаться, что все дѣло въ племенной и религіозной враждѣ между двумя народностями. По крайней мѣрѣ, въ этомъ смыслѣ въ началѣ объясняли происшедшія событія наши,—какъ извѣстно, почти оффиціальныя—телеграфныя агентства и первыя оффиціальныя сообщенія, появившіяся на этотъ счетъ въ газетахъ. Такое объясненіе встрѣтило, однако, рѣзкій и единодушный протестъ со стороны мѣстнаго бакинскаго общества. Уже 16 февраля „Россійское Агентство" вынуждено было напечатать протестующую противъ его сообщеній телеграмму двухъ мѣстныхъ газетъ, которыя указывали на отсутствіе національной вражды и настаивали на томъ, что избіенія были „организованы шайкой подонковъ". Телеграмма эта, хотя и отправленная не изъ самаго Баку, а изъ Чернаго города, была, очевидно, всетаки гдѣ-то задержана и появилась съ опозданіемъ. Телеграфныя сношенія по этому вопросу вообще давались съ затрудненіями. Вскорѣ сдѣлалось также извѣстнымъ, что для мѣстной печати по отношенію къ огласкѣ фактовъ, касающихся погрома, установлена тройная цензура: общая, губернаторская и военная. Къ услугамъ столичной печати оставалась только почта, которая и не замедлила, дѣйствительно, доставить цѣлый рядъ крайне важныхъ извѣстій и документовъ. Я сдѣлаю изъ послѣднихъ лишь нѣсколько выдержекъ, необходимыхъ въ цѣляхъ дальнѣйшаго изложенія.

Съѣздъ нефтепромышленниковъ въ телеграммѣ отъ 13 февраля на имя министра земледѣлія указываетъ, что „массовыя убійства беззащитныхъ жителей на улицахъ и въ домахъ города, сопровождавшіяся грабежами и поджогами", были „допущены администраціей" и что „войска и полиція относились къ убійцамъ, грабителямъ и поджигателямъ совершенно безучастно" *). Не менѣе рѣшительно высказываются на этотъ счетъ управляющіе и инженеры Биби-эйбатскихъ промысловъ и заводовъ въ письмѣ, напечатанномъ въ „Руси" 22 февраля:

„Четырехдневное побоище на бакинскихъ улицахъ, возникшее по случайному поводу, разрослось—говорятъ они—до размѣровъ ужасающей катастрофы, несомнѣнно, благодаря внѣшнему вліянію. Отвѣтственность за массовыя убійства не только взрослаго мужскаго населенія, но и женщинъ и дѣтей обѣихъ націй падаетъ исключительно на бездѣйствіе властей, которыя не приняли рѣшительно никакихъ мѣръ къ тому, чтобы прекратить побоище... Непонятное бездѣйствіе властей естественно поддерживало въ умахъ населе-

*) „Новости", 21 февраля.

нія все болѣе крѣпнувшее убѣжденіе, что власти умышленно предоставляютъ враждующимъ сторонамъ вырѣзывать другъ друга" *).

Бакинская адвокатура, собравшись 14 февраля для совмѣстнаго обсужденія ужасныхъ событій, единогласно пришла къ заключенію,

„что кровавая бойня возникла не на почвѣ національной и религіозной розни между армянами и татарами и не на почвѣ экономическаго антагонизма, но она явилась единственнымъ послѣдствіемъ явнаго бездѣйствія гражданскихъ и военныхъ властей, на глазахъ которыхъ въ теченіе четырехъ дней безпрепятственно совершались убійства, грабежи, поджоги и сожженія цѣлыхъ семействъ" **).

Наконецъ, собраніе „болѣе 2000 лицъ разныхъ національностей, сословій и общественнаго положенія", ссылаясь на „факты, которые могутъ быть засвидѣтельствованы показаніями многихъ очевидцевъ и подлинность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію", установило, „что полиція не только не принимала мѣръ къ подавленію безпорядковъ, не только не оказывала препятствія громиламъ и убійцамъ, но или бездѣйствовала, или, въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей, подстрекала и поощряла ихъ и даже сама принимала участіе въ грабежахъ и убійствахъ". Что касается причины разыгравшейся трагедіи, то

„собраніемъ было констатировано, что мѣстная администрація натравляла мѣстное мусульманское населеніе на армянъ, называя послѣднихъ врагами царя, приписывая имъ желаніе отдѣлиться отъ Россіи, имѣть „своего царя" и вырѣзать мусульманъ. Эта пропаганда травли имѣла мѣсто за долго до рѣзни, но особенно усилилась въ послѣднее передъ нею время, что, по всѣмъ признакамъ, находится въ связи со слухами о возможномъ откликѣ бакинскаго населенія на кровавыя событія, бывшія въ Петербургѣ 9 января" ***)

Сказавшееся въ этихъ постановленіяхъ общественное возбужденіе противъ мѣстной администраціи было настолько сильно и единодушно, что произвело впечатлѣніе и въ правящихъ сферахъ. По высочайшему повелѣнію уже назначена сенаторская ревизія, которой и предстоитъ, между прочимъ, разобраться, какую роль въ бакинскихъ кровавыхъ событіяхъ сыграла національная вражда и не послужила ли она лишь средствомъ для достиженія какихъ-либо иныхъ цѣлей.

Въ настоящее же время необходимо отмѣтить, что какъ только столичная печать начала оглашать факты, относящіеся къ бакинскому погрому, агентскія сообщенія о немъ измѣнили свой характеръ. Ссылки на національную рознь отошли въ нихъ на задній планъ и въ объясненія происшедшихъ событій стали выдвигаться нѣсколько иныя причины.

*) „Право", № 8.
**) „Право", № 8.
***) „Право", № 8.

„По свѣдѣніямъ „Кавказа“,—читаемъ мы въ телеграммѣ Петербургскаго агентства изъ Тифлиса отъ 23 февраля,—на совѣщаніи бакинскаго генералъ-губернатора съ участіемъ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ и населенія констатировано, что недавнее столкновеніе армянъ и мусульманъ вызвано преступною дѣятельностью армянскаго революціоннаго комитета... Послѣ объявленія Баку на военномъ положеніи, арестовано нѣсколько важныхъ преступниковъ, въ томъ числѣ членъ международнаго революціоннаго комитета и двѣ женщины, у которыхъ найдена кипа прокламацій... Массы русскихъ рабочихъ бѣгутъ съ бакинскихъ промысловъ, едва ли не подъ вліяніемъ армянскихъ террористовъ, которые хотятъ замѣнить русскихъ армянами бѣженцами изъ Турціи“.

Выходило такъ, что какъ будто армяне устроили бойню, чтобы терроризировать русскихъ рабочихъ. Но съ такимъ объясненіемъ слишкомъ ужъ дисгармонировали оффиціальныя данныя, согласно которымъ въ числѣ убитыхъ оказалось: армянъ (не считая сожженныхъ, число которыхъ не выяснено)—77%, мусульманъ—12%, русскихъ 3%, другихъ и невыясненныхъ національностей—8%. Изъ послѣдовавшаго затѣмъ опроверженія выяснилось, что отчетъ газеты „Кавказъ“ *) о генералъ-губернаторскомъ совѣщаніи „не соотвѣтствуетъ тому, что въ дѣйствительности на немъ высказано, возстановить же эту дѣйствительность не позволяютъ мѣстныя цензурныя условія“. Но и этотъ несоотвѣтствовавшій дѣйствительности отчетъ былъ еще искаженъ въ передачѣ Агентства. Что касается ссылки послѣдняго на „бѣженцевъ“, въ интересахъ которыхъ будто бы была устроена рѣзня, то ихъ оказалось въ Баку не болѣе 2—3 десятковъ.

Заимствованное изъ неизвѣстнаго источника, это объясненіе—читаемъ мы въ томъ же опроверженіи—„можетъ вызвать у всякаго живущаго въ Баку, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ, лишь крайнее изумленіе предъ тѣмъ неуваженіемъ, которое корреспондентъ Агенства питаетъ къ истинѣ и печатному слову“ **).

Не смотря, однако, на это, спустя нѣсколько дней „Новое Время“, въ телеграммѣ уже собственнаго корреспондента изъ Баку, дало то же освѣщеніе происшедшимъ событіямъ:

„Прискорбныя событія съ 6 по 9 февраля,—читаемъ мы въ этой газетѣ,—несомнѣнно вызваны убійствами, начавшимися благодаря подстрегательству агентовъ армянскаго революціоннаго комитета. Взяты подъ стражу 39 анархистовъ, среди нихъ Вольскій, прибывшій изъ Женевы, Прокофьева, невѣста Сезонова, убійцы В. К. Плеве, и другіе; въ статистическомъ бюро бакинской городской управы задержана библіотека мѣстнаго революціоннаго комитета и десять человѣкъ, прибывшихъ на сходку. Въ дни погрома революціонной комитетъ засѣдалъ въ залѣ общественнаго собранія“ ***).

---

*) Представители другихъ кавказскихъ газетъ, за исключеніемъ оффиціальнаго „Кавказа“, не сочли возможнымъ принять участіе въ устроенномъ генералъ-губернаторомъ совѣщаніи.

**) См. телеграмму пяти членовъ генералъ-губернаторскаго совѣщанія отъ 2-го марта въ газеты „Новое Время“ и „Русскія Вѣдомости“.

***) [illegible] ремя“, 6 марта.

Разобраться въ этомъ сообщеніи, въ которомъ перемѣшаны армянскіе и русскіе революціонеры и международные анархисты, конечно, невозможно. Изъ сопоставленныхъ нами показаній той и другой стороны выясняется, однако, тотъ несомнѣнный фактъ, что, если не сама „крамола", то борьба съ нею сыграла видную роль въ бакинской трагедіи. Вниманіе мѣстной администраціи настолько сильно было фиксировано на этомъ предметѣ, что даже послѣ учрежденія генералъ-губернаторства главныя усилія оказались направленными на розыскъ русскихъ и армянскихъ революціонеровъ...

Обстоятельство это представляется въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе характернымъ, что „избіенія" или угрозы ими въ другихъ мѣстахъ носили явный характеръ борьбы съ „крамолою". Этимъ, конечно, объясняется и та роль, какую играла въ этихъ избіеніяхъ полиція или, по крайней мѣрѣ, какую приписывало и приписываетъ ей общественное мнѣніе. Избіенія получили „патріотическую" окраску, и полиція оказалась въ двусмысленномъ положеніи. Защищать избиваемыхъ — не значитъ ли это помогать „крамолѣ"? Вызвать „патріотическое" воодушевленіе—не значитъ ли это, наоборотъ, проявить усердное и похвальное рвеніе въ борьбѣ съ „внутреннимъ врагомъ"? Въ результатѣ—повсемѣстное почти, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, „бездѣйствіе власти", а во многихъ мѣстахъ и несомнѣнное сотрудничество низшихъ чиновъ полиціи съ „толкучкой", „мясниками", „краснорядцами" и даже просто съ „хорошо извѣстными полиціи темными личностями" и „подонками". Кое гдѣ дѣло доходило даже до переряживанія пожарныхъ и городовыхъ въ „народъ", до найма на такой случай поденщиковъ. „Обѣщали по рублю, а дали только по 40 коп".—жаловались въ Псковѣ. На низшихъ же ступеняхъ администраціи—и маскарада не было. Въ селахъ открыто формировались „дружины для борьбы съ крамолою".

Ничего удивительнаго и неожиданнаго во всемъ этомъ, конечно, нѣтъ. Кулачная расправа, какъ извѣстно, до сихъ поръ представляетъ ultima ratio нашего полицейскаго участка, къ ней прибѣгаютъ для того, чтобы водворить тишину на улицѣ, ею же пользуются и для того, что добиться „сознанія" въ застѣнкѣ. Кулакомъ вытрезвляютъ пьяныхъ, кулакомъ же „учатъ" непокорныхъ и „отбиваютъ охоту" у строптивыхъ. Воспитать въ себѣ уваженіе къ человѣческой личности и подняться до сознанія, что ея дѣло охранять обывателя, а не ломать ему ребра— нашей полиціи было негдѣ. Такой полицейской „школы" Россія еще не видѣла. Втянутая въ политическую борьбу въ качествѣ одной изъ дѣйствующихъ сторонъ, полиція и въ этой деликатной сферѣ пользуется тѣмъ же единственно доступнымъ ей средствомъ. Между жандармской и наружной полиціей наблюдается въ этомъ случаѣ, какъ извѣстно, громадная разница. Пер-

вая—это воплощенная, можно сказать, предупредительность и деликатность, вторая—знаетъ только стремительность и натискъ. До сихъ поръ со свойствами полицейскаго участка были знакомы лишь тѣ обыватели, которые имѣли касательство къ нему по пьяному или воровскому дѣлу. Недоимщики и раскольники также хорошо знали становую квартиру. Что касается чистой публики, то полиція ее только поздравляла съ праздниками. Политическая жизнь страны протекала въ колбахъ и ретортахъ, для наблюденія за которыми имѣлись спеціальные, въ высшей степени деликатные надзиратели, нерѣдко избѣгавшіе даже носить какую-либо форму. Въ послѣдніе годы эта жизнь забила кипучимъ ключемъ и вырвалась на улицу. Тутъ мы воочію увидѣли, что такое представляютъ изъ себя городовые и дворники. Движеніе росло, въ городовыхъ и дворникахъ уже почувствовался недостатокъ. Подъ рукой имѣются „безсвязныя толпы". Охотники поразмять кости всегда найдутся, лишь была бы гарантирована безнаказанность.

Но „безсвязнымъ толпамъ" нужна указка... Въ самомъ дѣлѣ: что такое крамола? Про „сицилистовъ", конечно, многіе слышали. Но какъ узнаешь? Читатели, можетъ быть, помнятъ помѣщенный у насъ въ январьской книгѣ очеркъ А. Б. Петрищева: „Брандмейстеръ Осиповъ". Въ немъ приводится интересный на этотъ счетъ фактъ. Отставной подполковникъ Абрамовичъ, не шутя, сталъ подозрѣвать, что брандмейстеръ и полиціймейстеръ съ окружающими ихъ сыщиками и, въ то же время поджигателями— „не что иное, какъ шайка соціалистовъ".

— „Отправляю заказнымъ,—между прочимъ, писалъ Абрамовичъ своей незаконной женѣ Еленѣ Трояновской,—а то перехватятъ письмо, если они дѣйствительно соціалисты".

Если отставному подполковнику русской службы такъ трудно разобраться въ этомъ вопросѣ, то краснорядцу — и подавно. Впрочемъ, не только краснорядцу... Газеты недавно сообщили фактъ, какъ урядникъ, призванный въ качествѣ эксперта, принялъ вышедшихъ на прогулку учениковъ городского училища за вооруженныхъ крамольниковъ. На усмиреніе была даже двинута цѣлая рота...

У „искорененія крамолы" имѣются, однако, свои теоретики и свои популяризаторы. Они-то могли, казалось бы, и точные признаки установить, и въ массахъ ихъ популяризировать. Но и здѣсь мы не сразу найдемъ нужные признаки. На первый разъ можетъ показаться, что на этотъ счетъ царитъ полная смута. Взять хотя бы г. Суворина-старшаго. Ужъ на что, казалось бы, въ такихъ вещахъ опытный человѣкъ, но и онъ, по первому взгляду, разсуждаетъ не лучше отставного подполковника Абрамовича.

„Я имѣю возможность читать—похвалялся недавно г. Суворинъ—заграничныя русскія изданія, читаю прокламаціи... Я читаю

усердно. Я искренно желаю знать, что думаетъ то поколѣніе, среди котораго я живу. Едва ли есть такая книга, изданная за границей по-русски, которую я бы не прочиталъ или не пересмотрѣлъ" *). Многіе читатели, можетъ быть, позавидовали этой столь нужной въ наше время освѣдомленности. Въ еще большемъ числѣ „нововременскіе" почитатели восчувствовали, конечно, безграничное довѣріе къ своему вдохновенному руководителю. „О, онъ знаетъ"... конечно, говорили они. Да, онъ знаетъ... Недаромъ вѣдь тотъ же самый г. Суворинъ „главнаго воеводу" Лжедимитрія объявилъ „соціалъ-демократомъ" **). Недаромъ то же самое „Новое Время" заявило, что

„дурацкія прокламаціи „Бей студентовъ!" не мужицкія произведенія, а все той же соціалъ-демократической революціонной партіи, которая мѣшками разсылаетъ по Россіи прокламаціи, съ цѣлью смутъ во что бы то ни стало, хотя бы путемъ новой пугачевщины" ***).

Все равно, какъ въ армянскомъ погромѣ... „Скубенты" сами устроили избіенія для того, очевидно, чтобы терроризировать „нововременцевъ". Не думайте, однако, что это подполковницкая наивность. Нѣтъ! по части инсинуацій „Новое Время", можно сказать, собаку съѣло. Оно знаетъ, что его читателей двинуть на гимназистовъ затруднительно. Ихъ можно, однако, припугнуть самозванцами и пугачевщиной.

Понятіе „крамолы" въ последнее время все болѣе и болѣе стало, однако, опредѣляться. Не только про себя, но и вслухъ цѣлый рядъ газетъ, ничуть не смущаясь, возглашаетъ, что крамола, это—русская интеллигенція. „Гражданинъ" съ восторгомъ передаетъ такой яко бы фактъ:

Крестьяне одного села пришли сходомъ къ священнику и попросили его написать для нихъ адресъ къ Царю. На вопросъ священника, о чемъ писать адресъ, крестьяне пояснили, что они желаютъ сказать Царю, что, услыхавъ, что господа, по названію *теллигенты*, хотятъ ограничить Его власть и забрать ее себѣ, заявляютъ Ему, что они Его въ обиду не дадутъ никому и готовы идти на Москву и въ Петербургъ, чтобы сокрушить его враговъ.

По словамъ того же „Гражданина", въ другомъ селѣ крестьяне „для ассоціаціи интеллигентовъ" уже „постановили нѣчто страшное".

Другого опредѣленія для крамолы въ наше время, конечно, не отыщешь. Для того, чтобы „искоренить крамолу", нужно уничтожить всю соль земли, всю творческую мысль страны, всѣхъ лучшихъ сыновъ родины. Не только охранители, но и „прогрессивный центръ", усиленный въ послѣднее время новой газетой „Слово", передъ этимъ, конечно, не задумались бы. Задача предстоитъ, однако, трудная и едва ли выполнимая.

*) „Новое Время", 24 февраля.
**) „Новое Время", 19 февраля.
***) „Новое Время", 21 февраля.

Для „безсвязныхъ толпъ“ нужны внѣшніе признаки, хотя бы то были еврейскіе пейсы или гимназическія курточки. Но у той интеллигенціи, до которой добираются „Московскія Вѣдомости“, нѣтъ мундировъ и внѣшними признаками ее не укажешь. Даже мѣломъ тѣ дома, въ которыхъ она обитаетъ, не отмѣтишь. Пришлось бы вѣдь указывать и рабочія казармы, и крестьянскія хаты.

Въ будущемъ, конечно, возможны еще погромы и избіенія. Возможны новыя леденящія сердце трагедіи, возможны новые, хотя и возмутительные, но ничтожные съ государственной точки зрѣнія фарсы. Вызвать движеніе крестьянъ противъ „теллигентовъ“, конечно, не трудно. Но кто же поручится, что въ поискахъ ихъ они пойдутъ „на Москву и въ Петербургъ“, а не направятся въ ближайшую усадьбу?

Искоренить интеллигенцію невозможно.

А. Пѣшехоновъ.

Случайныя замѣтки.

Нѣкоторыя проявленія полицейскаго всемогущества. — 2 февраля, — писали въ „Руси“, на Варваринской улицѣ (на Выборгской сторонѣ) разыгралась возмутительная исторія. Въ домѣ № 8. Б, въ одной изъ отдаваемыхъ въ наймы комнатъ живетъ семейство крестьянина Петра Карелло, состоящее изъ отца и четырехъ сыновей; двое изъ нихъ, Викторъ и Адамъ, возвращались навеселѣ съ прогулки и около своего дома встрѣтили совершенно пьянаго городового (1 участка Выборгской части). Послѣднему не понравилось поведеніе Карелло, и онъ сталъ ихъ ругать площадными словами. Тѣ отвѣтили, произошла перебранка, при чемъ городовой выхватилъ шашку и полоснулъ ею Адама по головѣ такъ, что тотъ свалился безъ чувствъ. Раненаго внесли въ домъ и уложили въ комнатѣ сестры, Юзефы Кизеръ, а Викторъ удалился въ свою комнату. Спустя нѣсколько минутъ, тотъ же городовой, захвативъ себѣ въ помощь дворника, Никона Буракова, очевидно, въ качествѣ проводника, направился съ окровавленною уже обнаженной шашкой прямо въ комнату Карелло и... сталъ рубить его, при дѣятельной помощи подручнаго дворника. На крики Виктора прибѣжали сосѣди, братъ Станиславъ и старшій дворникъ. Общими усиліями имъ удалось выпроводить буяновъ изъ комнаты, но при этомъ получили новыя раны: Викторъ (на ладони правой руки), Станиславъ — глубокія раны тоже на внутренней части ладони, и старшій двор-

никъ въ палецъ. Едва жильцы квартиры успѣли придти въ себя, какъ послышались испуганные крики: оказалось, что городовой идетъ опять съ обнаженной шашкой, съ какимъ-то еще субъектомъ-добровольцемъ, Александромъ Быковымъ. При этомъ городовой сталъ съ бѣшенствомъ кидаться уже на кого попало, такъ что всѣ разбѣжались и всѣ двери въ корридоръ оказались запертыми. При этой второй атакѣ полицейскій воинъ нанесъ легкое пораненіе ладони правой руки вахтеру Ботаническаго сада Михаилу Кацкину и нѣсколько ударовъ, плашмя по головѣ, Юзефѣ Карелло, которая при этомъ выронила грудного ребенка. Сидя за запертыми дверями, жильцы слышали, какъ компаніонъ упрекалъ городового въ томъ, что тотъ забылъ дома револьверъ... Мысль понравилась городовому, и онъ пошелъ домой за револьверомъ. А на лѣстницѣ (это особенно достойно примѣчанія) оставилъ „нѣсколько хулигановъ, которые никого не выпускали". Плѣнъ жильцовъ продолжался до 5 час. 30 минутъ вечера, и, наконецъ, въ 8 час. прибылъ околоточный надзиратель Бауманъ и началъ слѣдствіе *).

Въ этомъ замѣчательномъ эпизодѣ есть нѣсколько черточекъ, стоящихъ, такъ сказать, на второмъ планѣ, но достойныхъ быть выдвинутыми на первый. Это —прежде всего помощь, которую „подручный дворникъ" считаетъ себя обязаннымъ подать пьяному разбойнику только потому, что на немъ полицейская форма. И если принять въ соображеніе, что для дворника городовой есть „начальство", — то легко понять, почему это случилось. И едва ли за это можно строго судить именно дворника. Такимъ образомъ выходитъ, что домовладѣлецъ платитъ дворнику деньги, но, если пьяный и изступленный полицейскій прикажетъ ему помогать, когда онъ будетъ рубить шашкой его нанимателя или жильцовъ, то... дворникъ поможетъ разбойнику, и любой судъ едва ли не оправдаетъ его при данныхъ условіяхъ... Таково „положеніе вещей"... Правда, думы уже подняли кое-гдѣ вопросъ объ измѣненіи этого замѣчательнаго „порядка", но... данный случай произошелъ два мѣсяца спустя послѣ начала этихъ разговоровъ и при томъ—въ столицѣ..

Затѣмъ очень интересна также фигура другого союзника, таинственнаго Быкова, который сдѣлалъ столь дружеское напоминаніе о забытомъ револьверѣ. Что это за прекрасный незнакомецъ и по какимъ основаніямъ онъ считалъ себя обязаннымъ помогать полицейскому при нападеніи на мирныхъ обывателей? Откуда, затѣмъ, съ такой быстротой, явились и тѣ невѣдомые „хулиганы", которые по командѣ полицейскаго заняли выходы изъ дома, чтобы кто-нибудь изъ жильцовъ не попытался избѣгнуть „праведнаго гнѣва" разбойничавшаго городового?..

*) „Русь". Цитирую изъ „Нижег. Листка", № 40.

Исторія завязалась въ началѣ 5-го часа, и до половины шестого (1 1/2 часа!) жильцы большого дома (въ столицѣ!) выдерживали въ смертельномъ страхѣ правильную осаду вооруженнаго разбойника. Теперь стоитъ вспомнить, что „полиція всегда находится при исполненіи обязанностей" и что обыватель былъ много разъ предостерегаемъ отъ „*всякаго вмѣшательства* въ дѣйствія и распоряженія полиціи", — чтобы стать въ тупикъ передъ изумительной парадоксальностью нашей жизни...

Читатель помнитъ, вѣроятно, Михаила Ивановича, героя извѣстной повѣсти Успенскаго „Разоренье", и его восторгъ при первой встрѣчѣ съ столичными полицейскими. „Уже въ Москвѣ будочникъ съ револьверомъ и огромными усами, смутившими было Михаила Ивановича, сказалъ ему весьма любезно: — „Вы чего нуждаетесь? Вы насъ не опасайтесь... Подойдите! Мы бросаемъ по нонѣшнему времени эту моду, чтобы каждаго человѣка облапить, напримѣръ, съ затылка и въ часть"... А въ Петербургѣ Михаилъ Ивановичъ нашелъ въ первомъ же полицейскомъ истиннаго друга..

Герой Успенскаго объяснялъ это „новыми временами", которыя пришли и разорили „всякую подлость", а въ томъ числѣ и слишкомъ упрощенные пріемы обращенія съ обывателемъ... Были эти „новыя времена"... лѣтъ уже 40 назадъ. Но съ этихъ поръ пришли времена „новѣйшія", и если бы Михаилъ Ивановичъ захотѣлъ теперь повторить свои наблюденія, то навѣрное попалъ бы въ кутузку, откуда едва ли бы вышелъ (при строптивости своего нрава и при склонности къ „политическимъ разговорамъ") безъ серьезнаго увѣчья. Теперь скромному обывателю уже не говорятъ: „Мы въ нашей сторонѣ дозволяемъ человѣку... съ чего же?" Все это уже утонуло въ дали временъ, какъ что-то въ родѣ быстро промелькнувшаго золотого вѣка полицейской добродѣтели, а нынѣ наступилъ вѣкъ... Богъ его знаетъ какой. . Новѣйшія времена въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершили рѣшительный поворотъ къ старѣйшимъ, и „полицейская репрессія" приняла дореформенные пріемы: при малѣйшей попыткѣ обывателя „разговаривать"—его „сцапаютъ съ затылка да въ участокъ"... А ужъ тамъ...

Да, прогрессъ — понятіе сложное и разностороннее. Несомнѣнно, что нашъ „пореформенный" полицейскій прогрессъ очень быстро сталъ направляться въ сторону всемогущества полиціи надъ обывателемъ, что, разумѣется, знаменовало для послѣдняго процессъ совершенно обратный и привело къ полной фактической безотвѣтственности однихъ и столь же полному безправію другихъ. Въ гниломъ Западѣ „разнузданность" дошла до строгой отвѣтственности министровъ. У насъ „порядокъ" дошелъ до безотвѣтственности околоточнаго надзирателя. Что же касается до г-на пристава или еще, — въ добрый часъ молвить, въ худой

промолчать,—г-на полиціймейстера,—то это уже нѣчто въ родѣ олимпійцевъ, головы которыхъ утопаютъ въ недосягаемыхъ высотахъ, окруженныя нимбомъ „служебной гарантіи"... Хочетъ караетъ, хочетъ милуетъ.

Вотъ на какой почвѣ оказались возможными явленія, въ родѣ описаннаго выше... Мы взяли данный случай потому, что онъ разыгрался въ столицѣ, но мы могли бы привести десятки такихъ случаевъ изъ жизни провинціи... У пьянаго только ярче проявляется то, что на умѣ у трезвыхъ. Эти люди пьянѣютъ уже отъ сознанія своего всемогущества, своей безответственности, своей власти надъ обывателемъ и, наконецъ, въ послѣднее время, еще отъ возможности командовать Быковыми и отрядами невѣдомыхъ добровольцевъ.

Интересно, будетъ ли гласно разбираться это дѣло, или надъ нимъ уже распростерлась благодѣтельная „служебная гарантія"?

В. К.

„Прелестный уголокъ". „Прелестный уголокъ"—такъ выразился о Закаспійскомъ краѣ начальникъ этой области, генералъ Уссаковскій, возражая въ „Новомъ Времени" на статьи по дѣлу доктора Забусова, который о „прелестяхъ уголка" былъ совсѣмъ иного мнѣнія. Въ этомъ же возраженіи генералъ Уссаковскій авторитетно и категорически заявилъ, что, по его мнѣнію, газеты „Закаспійское Обозрѣніе" и „Асхабадъ" вполнѣ „достаточно отражаютъ мѣстную жизнь".

Послѣднее увѣреніе не осталось безъ протеста. Докторъ Забусовъ напомнилъ, что въ обѣихъ этихъ газетахъ не появилось ни слова о возмутительномъ дѣяніи Ковалева, а столичные публицисты указали еще, что „достаточно отражающія мѣстную жизнь газеты" молчали и о полковникѣ Сташевскомъ, убившемъ редактора Сморгунера. Припомнился и октябрьскій приказъ генерала Уссаковскаго, въ которомъ онъ обозвалъ редактора „Асхабада" „невмѣняемымъ" и объявилъ, что участіе въ „такой газетѣ" „отнюдь не можетъ служить признакомъ особаго умственнаго развитія"..

Этихъ штриховъ, кажется, достаточно, чтобы оцѣнить „прелестное" положеніе прессы въ „прелестномъ уголкѣ"... Но вѣсти, приходящія изъ за Каспія, даютъ все новые и новые факты. Въ № 56-мъ „Руси" мы находимъ описаніе дѣятельности нѣкоего полицейскаго пристава Рыбинскаго, который, по справедливости, можетъ конкуррировать съ извѣстнымъ Ковалевымъ. И опять-таки бѣдные „Асхабадъ" и „Закаспійское Обозрѣніе" ни слова о Рыбинскомъ не проронили...

Рыбинскій представляетъ изъ себя тоже въ нѣкоторомъ смыслѣ „знаменитость" „прелестнаго уголка". Въ недавномъ прошломъ онъ служилъ приставомъ въ Мервѣ, гдѣ о немъ „сложились

цѣлыя легенды" самаго „некрасиваго свойства". Такъ рекомендуетъ „героя въ мирное время" видимо освѣдомленный корреспондентъ „Руси". Однако, какъ и въ жизни брандмейстера Осипова, ореолъ самаго „некрасиваго свойства" ни мало не мѣшалъ служебнымъ успѣхамъ Рыбинскаго. Генералъ Ковалевъ перевелъ его тоже приставомъ въ Байрамъ-Али, гдѣ можно было дѣлать все, что угодно.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ байрамъ-алійскую тюрьму были посажены два текинца за кражу. Съ цѣлью бѣжать они стали выламывать оконную рѣшетку, но были замѣчены. Для „внушенія" явился приставъ Рыбинскій и потребовалъ, чтобы текинцы вышли изъ камеры. Но текинцы отказались выходить и, кромѣ того, не захотѣли добровольно отдать и куска выломанной ими оконной рѣшотки. Вполнѣ очевидно, что текинцы такъ поступили вслѣдствіе короткаго знакомства съ приставомъ Рыбинскимъ и съ тѣмъ, что онъ понимаетъ подъ словомъ „внушеніе"... Не только въ „прелестныхъ уголкахъ" нашихъ далекихъ окраинъ, но и въ участкахъ центральной Россіи полицейскія „внушенія" сплошь и рядомъ представляютъ изъ себя не что иное, какъ истязанія часто со смертельнымъ исходомъ.. Газеты пестрятъ такого рода фактами, а текинцы байрамъ-алійскаго округа о „рѣшительности" Рыбинскаго, конечно, знали довольно и безъ газетъ, особенно такихъ, которыя „достаточно отражаютъ мѣстную жизнь".

И вотъ оба текинца упрямо засѣли въ углу своей камеры, не выказывая ни малѣйшаго желанія получить „внушеніе", обѣщанное имъ приставомъ. Но, какъ говоритъ пословица, отъ судьбы не уйдешь: Рыбинскій и на этотъ разъ поддержалъ свою репутацію, породившую въ Мервѣ „легенды самаго некрасиваго свойства". Онъ приказалъ принести тряпокъ, пакли и сѣна, все это облилъ керосиномъ, зажегъ и бросилъ чрезъ окно въ камеру, гдѣ въ углу прижались желавшіе избѣжать „внушенія" текинцы.. Огонь и дымъ быстро наполнили маленькую камеру; полъ, потолокъ и нары загорѣлись. Рыбинскій рѣшилъ, что упорствующіе усмирены, и приказалъ ихъ вытащить. Приказъ былъ исполненъ, но картина получилась нѣсколько неожиданная: оба текинца оказались въ обморокѣ, обгорѣвшими... Одинъ кое-какъ пришелъ въ себя, а другой *вскорѣ умеръ*. „Самъ Рыбинскій,—замѣчаетъ корреспондентъ „Руси,"—не видитъ въ этомъ никакой уголовщины". Да оно и понятно: правда, съ текинцами вышло не совсѣмъ ладно, онъ немножко пересолилъ, но, поджигая камеру, онъ вѣдь поступалъ ловко и только случайно заживо сжегъ одного человѣка... несчастный случай—не больше.

Дѣло всетаки перешло къ прокурорской власти, а генералъ Уссаковскій пока ограничился приказомъ № 372, въ которомъ и объявилъ, что „надворнаго совѣтника Рыбинскаго слѣдуетъ

читать устраненнымъ отъ исполненія обязанностей байрамъ алійскаго пристава, съ прикомандированіемъ къ канцеляріи начальника Закаспійской области и съ производствомъ содержанія"...

Человѣкъ, заживо сжегшій другого человѣка, впредь до суда будетъ находится „при канцеляріи" да еще „съ содержаніемъ"... Такова дѣйствительно снисходительная мѣра пресѣченія, „прелестно" характеризующая права „прелестнаго уголка".

Со времени всей этой тяжелой трагедіи прошло уже „нѣсколько мѣсяцевъ". Мѣстныя газеты, „достаточно отражающія мѣстную жизнь", не проронили о дѣяніяхъ Рыбинскаго и его покровителей ни единаго слова, и если бы не столичная, все же болѣе независимая печать, мы и теперь не знали бы, что дѣлается за Каспіемъ и какъ насаждаютъ тамъ прогрессъ наши культуртрегеры. И жили бы мы въ блаженномъ невѣдѣніи, думая, что „все обстоитъ благополучно", пока рѣзня въ родѣ андижанской или бакинской не указала бы намъ, что дѣло неладно. Но и тутъ можно было бы найти утѣшеніе, сваливъ вину Рыбинскихъ, Ковалевыхъ и К° на головы какого нибудь армянскаго комитета, японскихъ эмиссаровъ или интригующихъ англичанъ.

С. Протопоповъ.

Бушмэнская логика. Увѣряютъ, что бушмэны разсуждаютъ такъ: „Хорошо, если я укралъ чужую жену, но не хорошо, если украли мою жену". Не знаю, не поклепъ ли это на бушмэновъ, но за то, ни мало не прегрѣшая противъ истины, можно утверждать, что такъ именно разсуждаютъ „Московскія Вѣдомости".

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ этой газеты *) напечатана набатная статья по поводу съѣзда городскихъ и земскихъ дѣятелей въ Москвѣ. Газета г. Грингмута призываетъ своихъ вѣрныхъ, но, увы! малочисленныхъ сторонниковъ „къ организаціи монархической партіи" и пишетъ:

„Мы полагаемъ, что императорское правительство едва ли встрѣтитъ затрудненіе разрѣшить законный съѣздъ монархической партіи, коль скоро революціонныя партіи невозбранно устраиваютъ незаконные съѣзды, явно враждебные не только правительству, но и верховной власти".

Какая, подумаешь, угнетенная невинность: „революціонерамъ", видите ли, позволяютъ собираться „невозбранно", а имъ—грингмутистамъ, это неизвѣстно, еще удастся ли.

Однако, факты, оглашенные въ газетахъ, доказываютъ полную неосновательность жалобъ „Московскихъ Вѣдомостей". Крестьяне Подголовковской слободы, меленковскіе дворяне, 420 обывателей города Харькова, члены „Русскаго Собранія", 94 обывателя города Тулы и другіе представители „монархической партіи" со-

*) Цитирую по № 57 „Руси".

вершенно „невозбранно“ сходились, обсуждали общегосударственныя русскія дѣла и свои выводы изложили въ адресахъ, которые вполнѣ „невозбранно“, и даже весьма предупредительно, изъ разныхъ концовъ Россіи были препровождены въ Петербургъ и здѣсь нашли себѣ самый привѣтливый пріемъ. Чего же еще хотятъ „Московскія Вѣдомости“? Всѣ приведенные факты заимствованы изъ „Правительственнаго Вѣстника“ и никакому сомнѣнію не подлежатъ. И столь же несомнѣнно, конечно, что если г. Грингмутъ соберетъ своихъ вѣрныхъ сторонниковъ и будетъ читать имъ статьи изъ своей газеты, то и это пройдетъ не только вполнѣ „невозбранно“, но и съ поощреніемъ.

Такъ же мало сообразно съ дѣйствительностью и второе утвержденіе „Моск. Вѣд.“—будто „революціонерамъ“ позволяютъ безпрепятственно собираться сколько имъ угодно. Мы беремъ слово „революціонеры“ въ кавычки, ибо, какъ извѣстно, г. Грингмутъ и К° подъ этимъ терминомъ разумѣютъ и самыхъ мирныхъ обывателей, лишь бы они только „несогласно мыслили“ съ „Московскими Вѣдомостями“. Въ „революціонеры“ ими включены и земцы, и городскіе гласные, и писатели, и учителя, и доктора, и адвокаты, и, однимъ словомъ, всѣ думающіе русскіе, которые находятъ, что „такъ, какъ мы жили, дольше жить нельзя“.

Г. Грингмутъ увѣряетъ, что „революціонерамъ“ позволяютъ собираться сколько угодно. Однако, изъ газетъ извѣстно, что казанскимъ юристамъ не разрѣшили сойтись для составленія петиціи въ силу указа 18-го февраля. Петербургскимъ литераторамъ не позволили собраться 6-го марта въ Тенишевскомъ училищѣ тоже для составленія петиціи о возобновленіи „союза писателей“. И подобныхъ фактовъ очень много. Газеты ихъ сообщаютъ чуть не ежедневно.

Почему же „Московскія Вѣдомости“ не сопоставляютъ „невозбранныя“ собранія подголовковскихъ крестьянъ, меленковскихъ дворянъ, обывателей городовъ Тулы и Харькова и т. д. съ неразрѣшенными собраніями казанскихъ юристовъ, петербургскихъ литераторовъ и т. д.? Это сопоставленіе оглашенныхъ, всѣмъ извѣстныхъ фактовъ помѣшало бы газетѣ г. Грингмута утверждать, будто собранія „революціонеровъ“ разрѣшаются, а собранія консерваторовъ тормазятся. Этого не было и нѣтъ, а дѣлается какъ разъ наоборотъ. „По какому же случаю шумъ“ на Страстномъ бульварѣ?

Понять причину шума, поднятаго г. Грингмутомъ, вовсе не трудно и все объясняется очень просто его вѣковѣчнымъ пристрастіемъ къ „бушмэнской логикѣ“. Г. Грингмутъ недоволенъ, что хоть и не „невозбранно“, а всетаки кое-гдѣ и кое-какъ „революціонеры“ собираются и высказываютъ свои скромнѣйшія пожеланія реформъ. Г. Грингмутъ давно желаетъ, чтобы и этихъ скромныхъ проявленій русской либеральной мысли не было, чтобы

въ Россіи появился „диктаторъ“ въ родѣ герцога Альбы, который бы искоренилъ всѣхъ „несогласно мыслящихъ“ съ „Московскими Вѣдомостями“. Г. Грингмутъ прекрасно знаетъ и о подголовковскихъ крестьянахъ, и о меленковскихъ дворянахъ, и объ обывателяхъ гг. Харькова и Тулы, и о петербургскихъ литераторахъ, и о казанскихъ юристахъ и т. д., и т. д. Все это ему отлично извѣстно, но ему хочется, чтобы раздавались голоса только его сторонниковъ и чтобы всѣ голоса „несогласно мыслящихъ“ были задушены.

— Хорошо, если мнѣ даютъ говорить и не хорошо, если даютъ говорить другимъ.

Съ цѣлью добиться торжества для этого бушменскаго афоризма, г. Грингмутъ пускается на передержки. Онъ завѣдомо лживо кричитъ, будто русскія власти покровительствуютъ „революціонерамъ“ и угнетаютъ консерваторовъ. Для большаго эффекта „революціонерами“ называются самые мирные и скромные граждане, и все это съ цѣлью добиться репрессій и того, чтобы въ итогѣ раздавался въ Россіи одинъ лишь голосъ грингмутистовъ. Тогда можно будетъ сказать:

— Прислушайтесь, что говоритъ Россія! Это—голосъ народа и ему надо внимать.

С. Протопоповъ.

Еще о Черепъ-Спиридовичѣ, спасителѣ отечества.—Въ газетахъ появилось коротенькое, но выразительное извѣстіе, касающееся еще разъ нѣкоторыхъ дѣяній Черепъ-Спиридовича, автора лживой телеграммы о подкупѣ русскихъ рабочихъ. Извѣстіе озаглавлено „Черепъ Спиридовичъ подъ судомъ“ и заимствовано изъ сербской газеты „Штампа“ (отъ 5 февраля). „Небезъизвѣстный публицистъ“ Н. Дурново сообщаетъ въ этой газетѣ, что „у судебнаго слѣдователя гор. Москвы находится жалоба, въ которой Черепъ-Спиридовичъ, московскій сербскій генеральный консулъ, обвиняется въ продажѣ сербскихъ и болгарскихъ орденовъ и въ томъ, что онъ утаилъ деньги, полученныя имъ за эти ордена (?), о которыхъ не далъ никакихъ свѣдѣній въ отчетѣ московскаго славянскаго общества за 1902 годъ“ *). Далѣе подробно излагается эта „темная исторія“, и въ заключеніе авторъ корреспонденціи обращается съ просьбой къ тѣмъ сербамъ, отъ которыхъ зависѣла выдача этихъ орденовъ, указать—какіе мотивы и заслуги выставлены г. Черепъ-Спиридовичемъ, чтобы совершенно неизвѣстныя въ Сербіи лица могли получить высшіе сербскіе знаки отличія **)...

*) Заимствуемъ изъ „Южн. Обозрѣнія“, 16 февр. 1905.

**) Рѣчь идетъ, повидимому, о гг. Спасокукоцкомъ, Баевѣ, Голофтѣевѣ и другихъ прекрасныхъ незнакомцахъ, которыхъ Черепъ-Спиридовичъ наградилъ сербскими и болгарскими орденами... Какія въ самомъ дѣлѣ они ока-

Судя по хронологіи (корреспонденція 5 февраля уже напечатана въ „Штампѣ"), дѣло это началось у слѣдователя еще до 12 января, т. е. до того дня, когда обращеніе г-на Черепъ-Спиридовича къ русскому народу украсило стѣны и кіоски бѣлокаменной, а также красовалось въ Либавѣ, Севастополѣ, Рыбинскѣ, Ярославлѣ и другихъ городахъ... А судя по имени автора корреспонденціи, „небезъизвѣстнаго" г-на Н. Дурново, бывшаго сотрудника „Московскихъ Вѣдомостей" и члена московскаго славянскаго общества, можно предположить, что пикантное разоблаченіе является отголоскомъ той „междоусобной брани", которая раздирала нѣдра этого общества и о которой уже говорилось (въ февральской книжкѣ „Русскаго Богатства"). Во всякомъ случаѣ— извѣстіе является небезъинтересной дополнительной черточкой къ физіономіи „спасителя отечества!" Оно въ значительной степени характеризуетъ также и нынѣшнее „славянское общество", въ которомъ этотъ Расплюевъ могъ съ такимъ „громкимъ успѣхомъ" занимать предсѣдательское мѣсто, и тѣ „элементы" нашей жизни, которые еще продолжаютъ пѣть съ голоса отставного подполковника Артура Ивановича Черепъ-Спиридовича.

Мы не совсѣмъ поняли только,—что значитъ обвиненіе г. Черепъ-Спиридовича *въ утайкѣ* денегъ, полученныхъ за ордена, о которыхъ онъ не далъ свѣдѣній въ отчетѣ славянскому обществу за 1902 годъ? Что это за деньги и почему онѣ должны быть представлены обществу? Развѣ московское славянское общество торгуетъ орденами балканскихъ княжествъ оптомъ и въ розницу, и если бы г. Черепъ-Спиридовичъ представилъ стоимость орденовъ въ кассу, то все было бы въ порядкѣ?

Выходитъ какъ будто такъ. **О. Б. А.**

Дворянинъ Оотяжновъ и крестьянинъ Шеламаевъ. Дворянинъ и земскій начальникъ В. Д. Оотяжновъ — лицо, въ россійской ежедневной печати нѣсколько извѣстное, главнымъ образомъ, со стороны анекдотической. Если считать, что князь Мещерскій со своимъ „Гражданиномъ" есть поставщикъ ретроградныхъ курьезовъ для всей Россіи, такъ сказать, фабричнымъ способомъ, то въ разныхъ углахъ нашего отечества есть не мало кустарныхъ производителей этого же продукта. Таковы, напримѣръ, гг. Лиліенфельдъ и Юрловъ въ Саранскѣ, гг. Д. В. Хотяинцовъ и Касселль въ Арзамасскомъ уѣздѣ, гг. Философовъ и Приклонскій въ Лукояновскомъ, П. Г. Бобоѣдовъ въ Сергачскомъ, гр. Уваровъ, П. А. Кривскій, Исѣевъ въ Саратовской губ., дворянинъ Ботезатъ (авторъ знаменитаго проекта о введеніи рабства),—въ Курской, и т. д., и т. д. Этотъ списокъ можно бы продолжить на цѣлыя стра-

зали заслуги передъ Сербіей и Болгаріей? О г-нѣ Грингмутѣ мы не говоримъ. Это, безъ сомнѣнія, человѣкъ знаменитый... О. Б. А.

вицы. Г. Обтяжновъ является однимъ изъ яркихъ представителей этого типа. Это—маленькій, но энергично дѣйствующій вулканчикъ ретроградныхъ курьезовъ, кустарнымъ способомъ производимыхъ въ Нижегородской губерніи, въ раіонахъ извѣстныхъ кустарныхъ селъ Павлова и Богородскаго.

Что касается крестьянина Шеламаева,—то это человѣкъ, добившійся личными усиліями самообразованія, владѣющій до извѣстной степени литературнымъ языкомъ и помѣщающій свои статьи въ „Земледѣльческой Газетѣ" и „Крестьянскомъ Хозяйствѣ". Въ сентябрѣ прошлаго года онъ представилъ горбатовскому земскому собранію докладъ объ агрономической дѣятельности земства. Ни содержаніе, ни достоинства или недостатки этого доклада намъ не извѣстны, да они насъ въ данномъ случаѣ и не особенно интересуютъ. Гораздо любопытнѣе маленькій инцидентъ, сопровождавшій чтеніе доклада въ горбатовскомъ собраніи. „Послѣ прочтенія, — говоритъ г. Шеламаевъ въ своемъ письмѣ въ редакцію „Нижегор. Листка" *), — гласный дворянинъ Обтяжновъ поднялся и сдѣлалъ позорящее меня заявленіе: „Я прежде всего *подозрѣваю автора въ подлогѣ* (!): очевидно, писалъ записку не крестьянинъ, а другое лицо. Встрѣчаются такія слова, которыхъ крестьяне не знаютъ: a priori, de facto и другія"... Это стремительное заявленіе дворянина г. Обтяжнова попало въ печать: оно было помѣщено въ отчетѣ о горбатовскомъ собраніи въ № 268 „Нижег. Листка" (прошлаго года), и г. Обтяжновъ противъ изложенія его рѣчи въ этомъ видѣ не возражалъ.

Читатель благоволитъ вспомнить нашу замѣтку о „новыхъ возражателяхъ" (Р. Бог. 1904, № 6). Русская жизнь идетъ теперь ускореннымъ темпомъ, и событія послѣдняго времени дали такія доказательства со стороны „новыхъ возражателей", что просто изумляешься, встрѣчая заявленія, подобныя приведенному выше заявленію дворянскаго троглодита изъ Горбатовскаго уѣзда. Мы, впрочемъ, узнаемъ и безпечную неоглядность, и самоувѣренную авторитетность г. Обтяжнова, непосредственно отъ употребленія иностранныхъ словъ крестьяниномъ перепархивающаго къ публичному обвиненію автора въ *подлогѣ*!.. Въ Петербургѣ мнѣ пришлось слышать разсказъ о томъ, будто нѣкоторыя лица изъ бюрократическаго міра, которыхъ событія послѣднихъ мѣсяцевъ свели на дѣловой почвѣ съ представителями петербургскихъ рабочихъ, тоже сначала заподозрили было,—не *подлогъ*, конечно,— а *подмѣнъ* этихъ представителей переодѣтыми студентами: до такой степени эти лица были поражены ихъ рѣчами и ихъ познаніями въ области рабочаго вопроса у насъ и за границей. Не знаю, было ли что-нибудь подобное въ самомъ дѣлѣ, но это характерно. Подобныя недоразумѣнія объясняются, конечно, лишь

---

*) „Ниж. Лист.", 11 февр. № 41.

отрѣшенностью отъ жизни и давно устарѣвшимъ представленіемъ о рабочемъ человѣкѣ, какъ о смиренной, нѣсколько растрепанной фигурѣ, просящей „на чаекъ". Между тѣмъ, въ наше время этотъ классъ выдвигаетъ уже представителей, проникнутыхъ сознаніемъ и классоваго, и человѣческаго достоинства.

Гг. Обтяжновы, стоящіе якобы „близко къ жизни", въ сущности точно проспали цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, и появленіе крестьянина, пишущаго доклады, вызываетъ въ нихъ самое комическое недоумѣніе. Они оглядываются по сторонамъ, протираютъ глаза и затѣмъ начинаютъ болѣе или менѣе безобразно ругаться, что ставитъ ихъ въ положеніе уже прямо смѣшное, такъ какъ и сладостное право безнаказанныхъ ругательствъ тоже осталось на много лѣтъ позади. Такъ именно случилось и на этотъ разъ: г. Обтяжновъ разсердился на то, что крестьянинъ осмѣлился написать докладъ, да еще съ употребленіемъ иностранныхъ словъ,— и дождался, что тотъ же крестьянинъ печатно учитъ г. земскаго начальника нѣкоторымъ совершенно азбучнымъ истинамъ.

„Не только *дворянину* Обтяжнову,—пишетъ г. Шеламаевъ въ „Нижегородскомъ Листкѣ",— но и многимъ *крестьянамъ* извѣстно, что природа не считается съ табелью о рангахъ и, производя на свѣтъ Божій лицъ крестьянскаго сословія, многимъ не отказываетъ въ способности къ извѣстному развитію. Но дворянинъ Обтяжновъ въ каждомъ видитъ прежде всего не человѣка, а лицо извѣстнаго сословія и уже на основаніи этого относится къ нему такъ или иначе... А вѣдь гг. Обтяжновы,—заключаетъ авторъ— не только здѣсь, у насъ; типъ этотъ распространенъ, хотя и обреченъ на вымираніе"...

Г. Обтяжнову, понятно, письмо г. Шеламаева понравилось еще менѣе, чѣмъ его докладъ, и въ № 51 „Нижегор. Листка" онъ помѣщаетъ „возраженіе", которое начинаетъ словами: „Въ виду... письма Василія Павлова Шеламаева"... и дальше уже пишетъ всюду одну только фамилію безъ обычныхъ прибавокъ въ видѣ буквы „г." или инціаловъ имени отчества. Ну, что жъ! Нужно принять въ соображеніе, что въ старину именоваться *вичами* имѣли привилегію только бояре, и потому болярину Обтяжнову приличествуетъ наблюдать сіе правило по отношенію къ *крестьянину* Шеламаеву... Отрицая, затѣмъ, что онъ обвинялъ г. Шеламаева въ подлогѣ, г. Обтяжновъ допускалъ бы возможнымъ обвиненіе развѣ „въ плагіатѣ" (!). Логики въ этомъ письмѣ вообще какъ разъ столько, сколько по законамъ психологіи полагается для человѣка, разсердившагося неизвѣстно на что: „въ подлинности авторства Шеламаева, — пишетъ г. Обтяжновъ, — я усомнился даже не потому, что онъ крестьянинъ (въ отчетѣ говорится, что именно потому); вѣроятно, я высказалъ бы то же сомнѣніе, если бы записка появилась и за подписью дворянина, но о которомъ я бы зналъ, что онъ не получилъ спеціальнаго

образованія — *настолько записка была претенціозна*" (курсивъ нашъ). Итакъ, претенціозность есть несомнѣнный признакъ спеціальнаго образованія! Насъ, однако, наиболѣе заинтересовало утвержденіе г. Обтяжнова, будто „въ продолженіе 33 лѣтъ онъ доказывалъ неоднократно..., что въ земствѣ не должно быть сословности"... Для насъ это, признаемся, пріятное открытіе. Въ печати оглашались многократно заявленія г. Обтяжнова совсѣмъ въ другомъ родѣ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ таковыхъ, по поводу выборовъ въ земствѣ почетныхъ мировыхъ судей:

„Оцѣняя достоинство тѣхъ или другихъ лицъ, мы не должны упустить изъ вида, что, при введеніи законоположенія о земскихъ начальникахъ, Монархомъ указано, что успѣхъ и правильность всякаго дѣла могутъ быть исключительно при соблюденіи того, чтобы земледѣльцы пахали, купецъ торговалъ, а интеллигентъ (!?) судилъ, дабы не отрывать первыя двѣ группы отъ ихъ прямой полезной домашней дѣятельности, желательно выбирать почетныхъ мировыхъ судей преимущественно принадлежащихъ къ послѣдней группѣ, т. е. изъ интеллигентовъ"...

Эта тирада, собственноручно внесенная г. Обтяжновымъ въ журналъ и которую мы заимствуемъ изъ хроники „Русской Мысли" *) съ сохраненіемъ своеобразнаго словосочетанія и знаковъ препинанія (вотъ ужъ кого трудно заподозрить въ плагіатѣ!), показываетъ ясно, какъ г. Обтяжновъ смотрѣлъ на сословность въ земствѣ не 33 года, а всего 11 лѣтъ назадъ... Чтобы устранить опасность выбора въ почетные мировые судьи кандидата изъ крестьянъ, онъ готовъ былъ тогда не только на вольную передачу „словъ Монарха", но даже на изобрѣтеніе, вдобавокъ къ существующимъ, еще новаго сословія „интеллигентовъ", которыхъ надѣлялъ исключительнымъ правомъ суда...

Теперь г. Обтяжновъ думаетъ иначе?.. Пора. Времена, дѣйствительно, подошли такія, что рабочіе начинаютъ разсуждать лучше иныхъ чиновниковъ „мануфактуръ-коллегіи", а крестьяне поучаютъ (печатно!) азбучнымъ истинамъ своихъ земскихъ начальниковъ.

О. Б. А.

Поэзія и проза въ коммиссіи Д. Ѳ. Кобеко. Получивъ приглашеніе въ эту коммиссію, извѣстный поэтъ гр. Арсеній Аркадьевичъ Голенищевъ-Кутузовъ напечаталъ въ газетахъ письмо, въ которомъ выразилъ свое крайнее удовольствіе по этому поводу. Дѣло въ томъ, что „свобода слова" была давней мечтой гр. Голенищева-Кутузова. Онъ мечталъ о ней еще въ юности, и мечты эти излилъ въ извѣстномъ красивомъ стихотвореніи, которое напечаталъ въ органѣ Аксакова. Изъ этого стихотворенія

*) „Р. М.", янв. 1893.

являетъ, что мысль и слово суть „крѣпкій стягъ и мечъ святой“ и что они „пріемлются изъ божіей длани“, а потому:

Господень судъ не упреждая,
Да не коснется власть земная
Того, въ чемъ властенъ Богъ одинъ!
Да, наложить на разумъ цѣпи
И слово можетъ умертвить
Лишь Тотъ, Кто властенъ вихрю въ степи
И грому въ небѣ запретить!..

Въ небольшомъ комментаріи къ этому вдохновенному заявленію авторъ его говоритъ о чувствѣ радостнаго удовлетворенія, которое охватываетъ его душу при мысли, что, хоть подъ старость, ему суждено, наконецъ, дѣломъ послужить освобожденію роднаго слова...

Съ такимъ девизомъ паладинъ святого меча свободы отправился въ засѣданія коммиссіи... И вотъ въ газетныхъ отчетахъ сухихъ и прозаическихъ, мы читаемъ слѣдующее:

„Во второмъ засѣданіи особаго совѣщанія о нуждахъ печати дебатировался вопросъ, какой порядокъ желательно установить для издателей періодическихъ органовъ: *концессіонный* (предварительное разрѣшеніе по усмотрѣнію начальства), какъ это практикуется нынѣ, или *явочный*, при которомъ всякій полноправный обыватель имѣетъ возможность приступить къ изданію, только *заявивъ* объ этомъ въ соотвѣтствующее учрежденіе. Въ другомъ засѣданіи тотъ же вопросъ обсуждался по отношенію къ изданію отдѣльныхъ сочиненій.. Мнѣнія раздѣлились, причемъ на одной сторонѣ совершенно опредѣленно стали князья Мещерскій и Цертелевъ“. Мы, конечно, знали, что князья Мещерскій и Цертелевъ будутъ противъ всякихъ облегченій печати, но мы ждали, что гр. Голенищевъ-Кутузовъ немедленно подниметъ противъ нихъ „свой мощный стягъ, свой мечъ святой“, и процитируетъ поэтическій лозунгъ, заранѣе объявленный имъ въ газетахъ („Да не коснется власть земная!..“). Къ нашему удивленію, этого не случилось: графъ примкнулъ къ двумъ князьямъ и подавалъ голосъ за порядокъ разрѣшительный, а не явочный.

Въ старыхъ учебникахъ словесности нерѣдко и обстоятельно трактовался вопросъ о различіи поэтической и прозаической формъ изложенія. Очень вѣроятно, что онъ трактуется и нынѣ, и намъ кажется, что этотъ маленькій эпизодъ изъ біографіи нашего поэта даетъ образцовую иллюстрацію этой разницы, при чемъ переводъ съ языка боговъ на низменный языкъ прозы на сей разъ сдѣланъ, вдобавокъ, самимъ авторомъ.

Да, наложить на разумъ цѣпи
И слово можетъ умертвить
Лишь Тотъ, Кто властенъ вихрю въ степи
И грому въ небѣ запретить!..

Это поэзія, это вдохновеніе, это полетъ, это вихрь и небесные громы... Итакъ, „да не коснется власть земная“...

Но... понеже и поелику мысли бываютъ всякія, а въ томъ числѣ и превратныя, то право начальства воспрещать изданіе газетъ, журналовъ и книгъ лицамъ, свободная мысль коихъ не приведена въ надлежащее соотвѣтствіе съ свободной мыслью начальствующихъ, — надлежитъ оставить въ силѣ... Итакъ: да прикасается власть земная невозбранно! — Это увы! суровая проза!

Когда-то необузданный поэтъ Генрихъ Гейне горько жаловался на то, что нѣмецкія правительства его времени запретили печатать его стихи... А стихомъ онъ владѣлъ такъ хорошо!.. Когда же онъ, понуждаемый необходимостью, овладѣлъ и прозаическимъ стилемъ, то... германскія правительства запретили и его прозу, находя, вѣроятно, что онъ недостаточно соблюдаетъ разность этихъ двухъ формъ изложенія... Нашъ русскій поэтъ гораздо счастливѣе. Онъ, очевидно, одинаково „свободно“ владѣетъ стихомъ и прозой, а разность формъ изложенія довелъ до такой высокой степени, что вольность его перевода достигаетъ уже предѣловъ злѣйшей пародіи на его собственные стихи.

Кто же виноватъ въ этомъ неожиданномъ и, надо сказать правду, довольно смѣшномъ превращеніи, подающемъ поводъ къ вопросамъ: зачѣмъ было огородъ городить, зачѣмъ было въ рога трубить, для чего было напоминать о своемъ стихотвореніи въ органѣ Аксакова? На это, кажется намъ, есть нѣсколько причинъ и прежде всего ненадлежащая постановка предсѣдателемъ самыхъ вопросовъ въ коммиссіи. Гр. Голенищевъ-Кутузовъ, издавая передъ отправленіемъ въ коммиссію трубные гласы, разсчитывалъ, конечно, что дѣло будетъ поставлено болѣе или менѣе поэтически. Такъ напримѣръ:

Вопросъ первый: есть ли слово крѣпкій стягъ гр. Голенищева-Кутузова?

Вопросъ второй: есть ли оно его святой мечъ?

Вопросъ третій: кто можетъ наложить цѣпи на разумъ графа-поэта?

Вопросъ четвертый: кто его слово можетъ умертвить?

Вопросъ пятый: надлежитъ ли земной власти приступать къ безнадежнымъ операціямъ, изложеннымъ въ пунктахъ третьемъ и четвертомъ?

Если бы, говоримъ мы, вопросы были поставлены именно такимъ, единственно правильнымъ образомъ и если бы при этомъ князья Мещерскій и Цертелевъ въ доступной имъ поэтической формѣ стали противорѣчить, выражая непремѣнное намѣреніе повелѣвать громами небесными и умерщвлять слова... о, тогда сіятельный поэтъ, безъ всякаго сомнѣнія, остался бы на должной высотѣ и отвѣтилъ бы неуклонно на всѣ вопросы.

На первый: Да, слово есть *мой* крѣпкій стягъ, о чемъ я безстрашно заявилъ еще въ газетѣ Аксакова (и что, въ свое время, цензурой не опротестовано). *На второй*: по той же причинѣ оно есть *мой* мечъ святой. *На третій* и *на четвертый*: „Лишь Тотъ, Кто властенъ вихрю въ степи“ и т. д.

Но когда, вмѣсто этого, заговорили (Богъ вѣсть зачѣмъ!) о явочномъ порядкѣ, о концессіяхъ и тому подобныхъ прозаическихъ и къ дѣлу не идущихъ предметахъ, то князья Церетелевъ и Мещерскій легко разъяснили нашему поэту, что дѣло принимаетъ оборотъ совсѣмъ ненадлежащій: придетъ, представьте себѣ, какой-нибудь тамъ титулярный совѣтникъ, или неслужащій дворянинъ Маркъ Волоховъ, или, наконецъ, человѣкъ безъ всякаго сколько-нибудь замѣтнаго званія („паипаче еще еврей“ — ехидно прибавляетъ г-нъ Суворинъ) и просто-на-просто объявитъ, что слово есть и *его* крѣпкій стягъ, и *его* святой мечъ, почему съ такого-то числа и года вознамѣрился и *онъ* выпускать въ такомъ-то городѣ журналъ или газету, коихъ „да не коснется власть земная“ (кромѣ, впрочемъ, судебной, передъ которой онъ изъявляетъ радостную готовность отвѣтствовать во всякое время). Что же? Такъ и признать за нимъ это право? Fichtre!.. А что тогда станется съ „добрыми нравами“ литературы?—спрашиваетъ со вздохомъ сосѣдъ гр. Голенищева-Кутузова по коммиссіи, князь Мещерскій, который, какъ извѣстно, такъ торопился на защиту добрыхъ нравовъ, что оставилъ безъ всякаго возраженія и отвѣта прозрачное, рѣзкое, категорическое и тяжкое обвиненіе въ продажности, брошенное ему въ лицо въ газетѣ г-на Суворина наканунѣ открытія коммиссіи *)... Мудрено ли, что гр. Голенищевъ-Кутузовъ не нашелъ никакихъ аргументовъ, что его пегасъ опустилъ хвостъ и крылья и скромно, отчасти даже стыдливо, поплелся въ арьергардѣ у князей Церетелева и Мещерскаго. Такова уже судьба поэзіи въ ея столкновеніяхъ съ суровою, холодною и сухою прозой.

И гр. Голенищевъ-Кутузовъ такъ и остался въ арьергардѣ реакціоннаго отряда, неизмѣнно голосуя противъ важнѣйшихъ „освободительныхъ“ предложеній другихъ членовъ коммиссіи. И даже, когда дѣло дошло до пресловутой 140 статьи устава цензурнаго, которая предоставляетъ „земной власти“ министра предписывать изъятіе тѣхъ или другихъ предметовъ отъ гласнаго обсужденія печати, — графъ выразилъ горькое сожалѣніе, что въ коммиссіи мало представителей разныхъ министерствъ, которые могли бы противостоять опасному либерализму большинства...

Вышло, такимъ образомъ, что, трубя передъ вратами совѣщанія въ свой звонкій поэтическій рогъ, — нашъ поэтъ вызывалъ

*) См. „Случайныя Замѣтки“, „Р. Бог.“, февраль.

на бой однихъ, а сразиться ему пришлось совсѣмъ съ другими. Будемъ ждать, что графъ, по окончаніи великихъ трудовъ на пользу свободы слова, напишетъ новое стихотвореніе, которое учителямъ словесности будетъ интересно сравнить съ первымъ по отношенію къ формѣ и содержанію... А пока приходится отмѣтить иронію судьбы: въ числѣ противниковъ поэта оказалось даже духовное лицо, преосвященный Антонинъ, епископъ нарвскій, ставшій на защиту слова противъ... его защитника.

Газеты особенно охотно отмѣчали возраженія епископа и противъ концессій, и противъ 140 статьи устава цензурнаго. И это совершенно понятно: мы всѣ хорошо знали, что могутъ сказать въ коммиссіи А. Ѳ. Кони, К. К. Арсеньевъ, М. М. Стасюлевичъ, но намъ всѣмъ интересно, что тѣ же мысли излагалъ епископъ, бывшій духовный цензоръ. „Его мнѣніе о цензурѣ—по сообщенію газетъ,—состоитъ въ томъ, что совсѣмъ не должно быть цензуры" *). Но еще интереснѣе мнѣніе, которое, *возражая гр. Голенищеву-Кутузову*, высказалъ самъ председатель коммиссіи: „Предыдущій ораторъ, — сказалъ Д. Ѳ. Кобеко,—напрасно заботится объ интересахъ нѣкоторыхъ министерствъ (т. е., если не ошибаемся «земной власти?»). Вѣдь сами министры будутъ имѣть возможность отстаивать свои интересы въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, на разсмотрѣніе котораго поступятъ наши заключенія. Графъ Голенищевъ-Кутузовъ не долженъ забывать, что особому совѣщанію не предоставлено права окончательно рѣшать тотъ или иной вопросъ: оно является лишь особой подготовительной коммиссіей государственнаго совѣта" **)...

Смыслъ этихъ словъ, сказанныхъ, къ сожалѣнію, нѣсколько поздно, лишь передъ голосованіемъ вопроса о привилегіяхъ министровъ по статьѣ 140-й, — совершенно ясенъ и необыкновенно убѣдителенъ. По отношенію къ занимающему насъ вопросу о «поэзіи и прозѣ» гр. Голенищева-Кутузова заявленіе председателя имѣетъ значеніе благодушнаго указанія на то, что, въ сущности, никакого вреда «для министерствъ» не было бы, если бы эта проза не такъ ужъ далеко отошла отъ поэзіи... Вѣдь вопросъ все равно будетъ рѣшаться окончательно не „особымъ совѣщаніемъ", которое большинствомъ 11-ти противъ 9-ти голосовъ высказалось за отмѣну привилегіи министровъ, а въ государственномъ совѣтѣ...

Между прочимъ,—черточка, не лишенная своеобразнаго интереса... Одиннадцать противъ девяти. Итакъ—чей-то *одинъ* голосъ далъ перевѣсъ либеральному заключенію. А. С. Суворинъ, отвѣчая на обвиненія, будто онъ, старый журналистъ, стоялъ противъ освобожденія журналистики отъ административныхъ усмо-

*) См. „Нижегор. Листокъ", 5 марта, № 60.
**) „Русь". Цитирую по „Нижегор. Листку", № 60.

треній, заявилъ въ газетахъ, что онъ голосовалъ всетаки за явочный порядокъ и противъ 140 ст. А между тѣмъ, при обсужденіи вопроса онъ, вмѣстѣ съ кн. Мещерскимъ и Цертелевымъ, указывалъ на предстоящую порчу нравовъ (наипаче „отъ наплыва евреевъ"). Очевидно, хитроумный Улиссъ русской печати проникся вѣскимъ указаніемъ предсѣдателя и сразу отдалъ дань обоимъ противоположнымъ мнѣніямъ: одному онъ принесъ въ даръ свою аргументацію, другому — свое (платоническое) голосованіе...

Какъ жаль, что гр. Голенищевъ-Кутузовъ не проникся этимъ же соображеніемъ съ самаго начала засѣданій... Тогда его прозаическое упражненіе въ россійской словесности могло бы (и притомъ безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій на практикѣ) и не отходить на столь далекое разстояніе отъ его же вдохновенныхъ стиховъ... И если бы даже, въ качествѣ знатока поэзіи, онъ дерзнулъ привлечь на помощь своимъ стихамъ еще не менѣе извѣстные стихи К. Аксакова:

Ограды властямъ никогда
Не ищи на рабствѣ народа.
Гдѣ рабство, тамъ бунтъ и бѣда.
Защита отъ бунта — свобода!..
...Лишь духу власть духа дана,
Въ животной же силѣ нѣтъ прока:
Для истины гибель она
Спасенье для лжи и порока.

—то и въ этомъ случаѣ на графа могъ бы развѣ обидѣться его сосѣдъ по совѣщанію, князь Мещерскій (который могъ бы принять послѣднія строчки за личный намекъ: дескать, пользуетесь двумя концессіями, а не спѣшите выяснить истину по поводу весьма недвусмысленныхъ обвиненій въ литературной порочности). Что же касается до «интересовъ разныхъ министерствъ», то они, какъ это и объяснилъ Д. Ѳ. Кобеко, нимало бы отъ этого не пострадали... **Вл. Кор.**

Телеграфное «недоразумѣніе». Одинъ изъ подписчиковъ „Русскаго Богатства", г. Павловскій, живущій въ Новой Ушицѣ, пишетъ мнѣ о слѣдующемъ маленькомъ происшествіи:

„28 января с. г. мною была подана на имя редакціи „Русскаго Богатства" такая телеграмма: „Въ годовщину смерти незабвеннаго Николая Константиновича Михайловскаго отъ души желаю „Русскому Богатству" многіе годы быть проводникомъ въ жизнь завѣщанныхъ покойнымъ писателемъ идеаловъ правды и свободы. Павловскій". Утромъ слѣдующаго дня г. Павловскій получилъ отъ петербургскаго почтамта краткое извѣщеніе: „№ 223. Петербургъ, Новой Ушицы, редакція „Русскаго Богатства", цензурой не разрѣшенъ".

Г. Павловскій прибавляетъ, что эта лаконическая справка вызвала въ немъ недоумѣніе и даже тревогу за судьбу журнала. Не допуская возможности запрещенія его добрыхъ пожеланій по существу, онъ полагалъ естественно, что „запрещеннымъ" является развѣ адресатъ, т. е. журналъ. Но—такъ какъ мы всетаки существуемъ, то, очевидно, приходится остановиться на самомъ содержаніи телеграммы.

Итакъ, почему же петербургскій телеграфъ счелъ возможнымъ лишить насъ направленной къ намъ на законномъ основаніи телеграммы? Что предосудительнаго строгій телеграфный цензоръ нашелъ въ томъ, что одинъ изъ почитателей Н. К. Михайловскаго желаетъ „Русскому Богатству" „многіе годы быть проводникомъ въ жизнь завѣщанныхъ покойнымъ писателемъ идеаловъ?". . Журналъ существуетъ на законномъ основаніи, на его страницахъ (притомъ, увы!—все еще съ разрѣшенія цензуры предварительной) открыто проводятся эти идеалы, и въ Новую Ушицу ежемѣсячно почтово-телеграфнымъ вѣдомствомъ книжки журнала доставляются на началахъ обычной взаимности: почтово-телеграфное вѣдомство доставляетъ намъ удобства сношеній съ подписчиками, а мы вознаграждаемъ эти услуги установленной платой... Почему же телеграфная цензура считаетъ нужнымъ воспрепятствовать именно *телеграфнымъ* сношеніямъ нашимъ съ подписчиками?

Подозрѣваю, что г-ну цензору не понравились послѣднія слова телеграммы: идеаламъ правды и свободы. Особенно, вѣроятно, послѣднее Въ этомъ отношеніи, очевидно, цензоръ впалъ въ ту-же ошибку, которая уже занесена на скрижали исторіи относительно пресловутаго „вольнаго духа". Нужно ли объяснять, что самое слово „свобода" ни въ коемъ случаѣ не является терминомъ предосудительнымъ? Еще на дняхъ я прочелъ въ газетахъ цитату изъ статьи дворянина Павлова, который утверждаетъ (въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ"), что наше государство „свободнѣйшее на свѣтѣ". И, однако, „Московскія Вѣдомости" не задерживались на почтѣ за это обвиненіе нашего государства въ свободѣ. Конечно, мы бы сильно разошлись съ „Московскими Вѣдомостями" въ опредѣленіи самаго содержанія этого слова, но, во 1-хъ, въ телеграммѣ объ этомъ содержаніи ничего не говорилось, а во 2-хъ, едвали въ кругъ обязанностей петербургскаго телеграфа входитъ подобное „раскрытіе" значенія общеупотребительныхъ терминовъ и тѣмъ болѣе — изъятіе самаго слова „свобода" изъ телеграфнаго лексикона.

Вл. Короленко.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На сооруженіе памятника на могилѣ **Николая Константиновича Михайловскаго** поступило:

От И. С. Абрамова, С.-Петербургъ . 3 р.

Итого . . . 3 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 2.671 р. 94 к.

На стипендію имени **Николая Константиновича Михайловскаго**:

Отъ М. Бровко . . . . 50 р. — к.

Итого . . . 50 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 935 р. 65 к.

Въ капиталъ имени **Николая Константиновича Михайловскаго** при „Литературномъ Фондѣ":

Отъ М. Бровко . . . . 50 р. — к.

Итого . . . 50 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 215 р. 48 к.

На устройство народной школы имени **Николая Константиновича Михайловскаго**:

Отъ М. Бровко . . . . 50 р. — к.

Итого . . . 50 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 322 р. — к.

На библіотеку имени **Николая Константиновича Михайловскаго**:

Отъ М. Бровко . . . . 50 р. — к.

Итого . . . 50 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 111 р. 50 к.

На сооруженіе памятника на могилѣ **Гл. И. Успенскаго**:

Отъ А. Барцевой . . . . 2 р. 50 к.

Итого . . . 2 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими 17 р. 50 к.

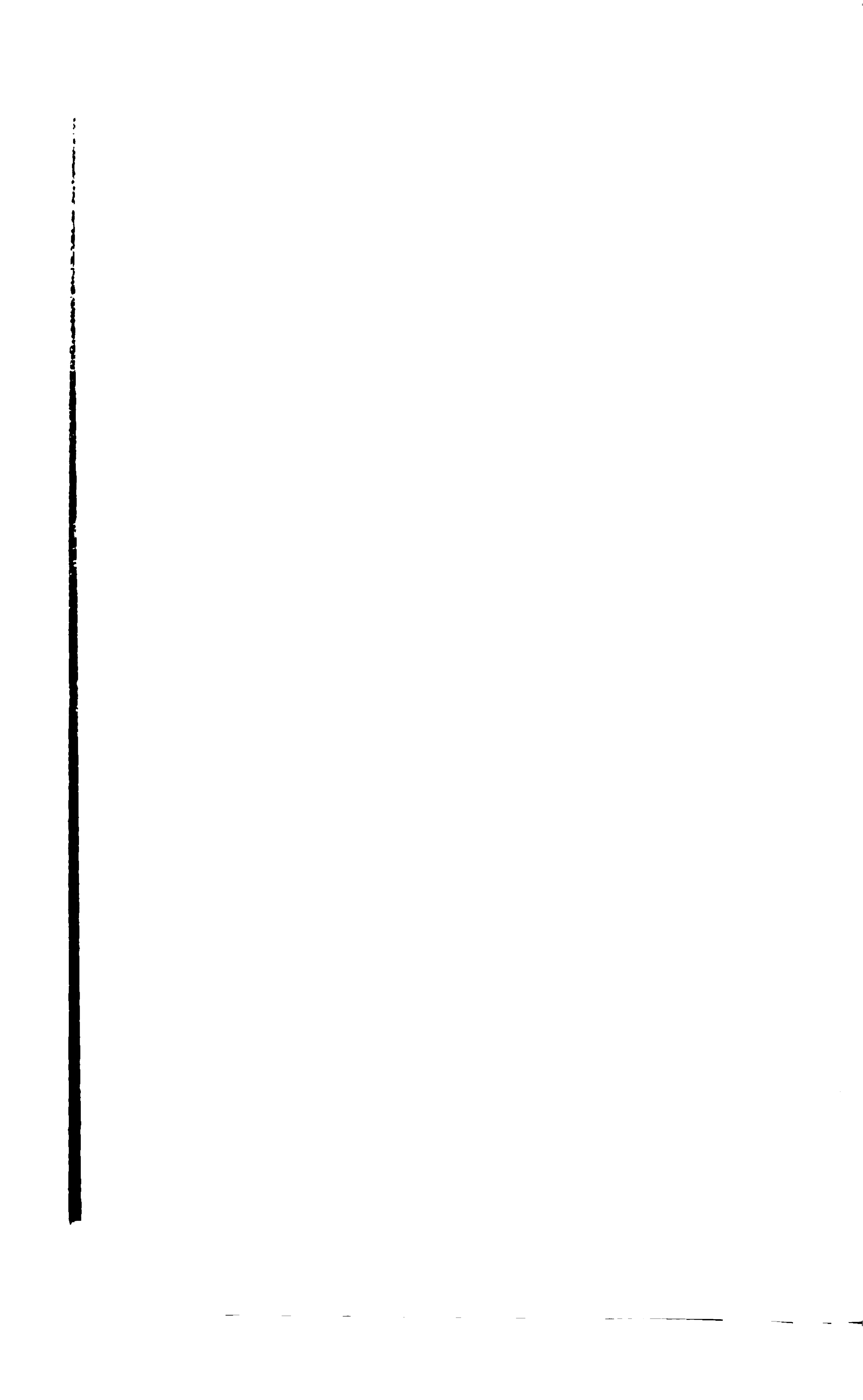
Въ пользу семей рабочихъ, убитыхъ и раненыхъ въ Петербургѣ 9 января:

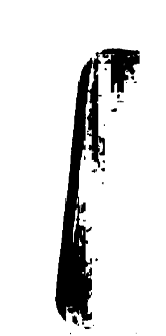
Отъ г-жи Великановой—2 р.; черезъ прис. повѣр. Аншельсона, изъ Курска — 300 р.; консультаціи присяжн. повѣр., черезъ В. Вознесенскаго, изъ Иркутска — 478 р.; торговцевъ г. Керчи — 35 р.; разныхъ лицъ, черезъ М. М. Т—ра—20 р. Черезъ Московское отдѣленіе конторы отъ неизвѣстнаго изъ Симбирска—200 р.

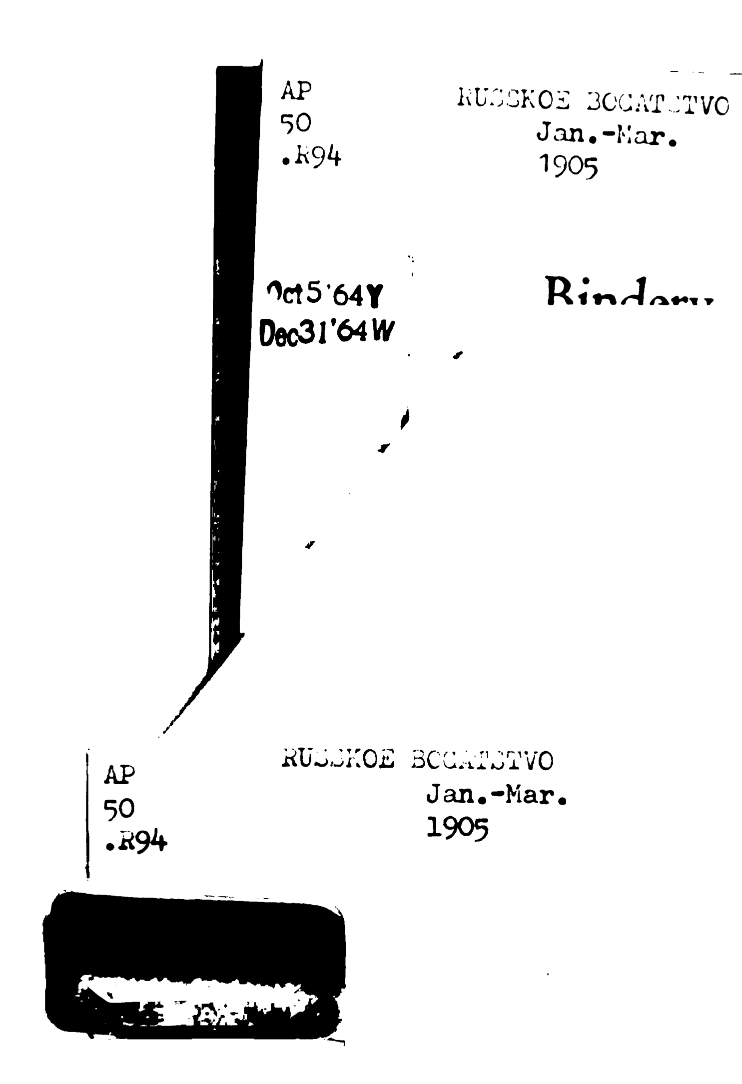
Итого . . 1035 р. — к.
А всего съ прежде поступившими 1904 р. 78 к.

Редакторъ-Издатель: *Вл. Г. Короленко.*

Дозв. ценз. Спб., 26 марта 1905 г. Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская, 34.

AP
50
.R94
RUSSKOE BOGATSTVO
Jan.-Mar.
1905
Oct 5 '64 Y
Dec 31 '64 W
AP
50
.R94
RUSSKOE BOGATSTVO
Jan.-Mar.
1905

UNIVERSITY OF CHICAGO
78 798 062

UNIVERSITY OF CHICAGO
78 798 062

